

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

1904.

Январь.

IX.

Книга 1-я.

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ДУХОВНЫЙ

ПОЛЕМИКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Бережливость», Невскій, № 139.

1904.

CP 375.20

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
JUL 1 1922

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 17-го декабря 1903 г.
Цензоръ, Архимандритъ *Мсөөдіи*.

Духовное наслѣдіе наступающаго новаго года въ настроеніяхъ нашей современности.

Вступая въ новое лѣто благодати Божіей, весьма умѣстно осмотрѣться вокругъ,—оцѣнить то духовное наслѣдіе, какое канувшее въ лету ближайшее прошлое оставило грядущему времени въ той сферѣ общественной жизни, гдѣ людямъ церкви и поборникамъ „исконныхъ началъ“ предстоитъ трудъ и борьба.

Общепризнанный и неоспоримый фактъ, что наша общественная жизнь въ послѣднее время подверглась чрезвычайнымъ осложненіямъ и измѣненіямъ: выдвинулись на сцену новыя явленія, новыя запросы и новыя требованія; бытовыя и общественныя жизненныя условія во многомъ видоизмѣнились въ сравненіи съ условіями добраго стараго времени. Патріархальныя нравы, обычаи и взаимныя отношенія—семейныя и общественныя—отошли въ область преданій. Выдвинутый силою обстоятельствъ цѣлый рядъ новыхъ явленій сообщилъ жизни особый въ сравненіи съ прежнимъ колоритъ. Не станемъ перечислять всѣхъ этихъ явленій позднѣйшаго времени, но позволимъ себѣ остановить наше вниманіе на нѣкоторыхъ изъ нихъ, преимущественно на явленіяхъ культурнаго характера, внесшихъ въ нашу жизнь новую струю, направившихъ ея теченіе по новому руслу и сообщившихъ ей новый укладъ, новый характеръ.

Знанія, составлявшія въ недавнее сравнительно время принадлежность немногихъ избранниковъ, благодаря широкой популяризаціи сдѣлались доступными для всѣхъ; школа и печатный станокъ значительно подвинули впередъ дѣло народнаго образованія и поставленный на очередь вопросъ объ общеобязательности обученія, можно падѣяться, скоро станетъ фактомъ; науки и искусства, какъ два могучихъ фактора, внесли чрезвычайное оживленіе въ нашу жизнь и весьма содѣйствовали матеріальному, умственному и соціальному прогрессу нашего общества. Чрезвычайное развитіе техническихъ и прикладныхъ знаній отразилось самымъ благоприятнымъ образомъ на многихъ сторонахъ нашей общественной жизни. Паръ и электричество, какъ

самые яркіе выразители успѣховъ и примѣненія на практикѣ точныхъ естественно-научныхъ знаній, проникли во всѣ почти уголки Россіи; рельсовый путь, соединившій Петербургъ съ Владивостокомъ, Архангельскъ съ Севастополемъ, сдѣлалъ цѣлый переворотъ въ торговлѣ, промышленности и социальнo-бытовыхъ условіяхъ жизни; техническія знанія доставили массу удобствъ и комфорта въ житейскомъ быту. Развѣтіе и популяризація искусствъ—живописи и скульптуры, музыки и поэзіи—внесли также не мало измѣненій въ умственный и нравственный строй жизни нашего общества. Наибольшая роль въ этомъ отношеніи, безспорно, принадлежала и принадлежитъ литературѣ—вообще и изящной—въ частности, какъ могучему проводнику въ жизнь всевозможнаго рода идей и вопросовъ теоретическаго и практическаго характера, волнующихъ и двигающихъ человѣчество.

Благодаря такому положенію вещей, въ области социальнo-общественной и политико-экономической выдвинулись совершенно новыя, невѣдомыя нашему старому времени явленія, въ числѣ которыхъ немаловажную роль играетъ рабочій и аграрный вопросы. Рабочій вопросъ, о которомъ земледѣльческая Россія въ недавнее время и понятія не имѣла, вполне созрѣлъ, вступилъ въ свои права и громко вездѣ и всюду—заявляетъ о себѣ въ видѣ рабочихъ беспорядковъ и забастовокъ и становится предметомъ особыхъ заботъ и попеченій правительства. Аграрный вопросъ—вопросъ несегодняшній; въ послѣдніе годы онъ все болѣе и болѣе заявляетъ о себѣ и даетъ себя чувствовать въ нашемъ обезземеленномъ крестьянствѣ. Крестьянскіе беспорядки, имѣвшіе мѣсто въ началѣ 1902 г. въ Полтавской и Харьковской губ., наглядно иллюстрируютъ нашу мысль. На почвѣ безземелья создалось у насъ цѣлое переселенческое движеніе и доставляетъ немало заботъ для правительства, идущаго на встрѣчу земельной крестьянской нуждѣ. Кому приходилось бывать на фабрикахъ и заводахъ, сталкиваться съ рабочимъ классомъ и слышать всѣ его притязанія на увеличеніе задѣльной платы и сокращеніе рабочаго дня; кто знакомъ съ крестьянами, живущими исключительно землепашествомъ и терпящими крайнюю нужду въ земельныхъ надѣлахъ, потому жаждущихъ раздобыть себѣ землицы, путемъ-ли покупки или переселенія въ Сибирь или на Амуръ,—тотъ ясно видитъ, что стародавнія времена, характеризуемая словами: „тишь и гладь, да Божья благодать“, стали „преданьемъ старины глубокой“, и что повсюду теперь на Руси замѣчается усиленная борьба за насущный кусокъ хлѣба, борьба за существованіе. Нашъ сѣрый мужикъ, побывавъ на

фабрикахъ, на заводахъ и отхожихъ промыслахъ, потолкавшись на желѣзныхъ дорогахъ, въ городахъ и портахъ, вкусилъ сладостей фабрично-заводской жизни, познакомился со всѣми прелестями городской и портовой цивилизаціи, пересталъ быть сѣрымъ мужикомъ, оцивилизовался и сталъ неузнаваемъ во всѣхъ отношеніяхъ въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ раньше.— Наслушавшись всякихъ толковъ среди разнаго рода людей и „нахватавшись“ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, вкусивши городской и фабрично-заводской цивилизаціи, нашъ простой мужикъ впалъ въ самообольщеніе и самомиѣніе: у него явилось желаніе,—дерзкое и въ то же время—дѣтски-наивное, разрѣшить своими слабыми силами, своимъ некультурнымъ умомъ проблемы, стоящія на жизненномъ пути. Разрѣшеніе этихъ жизненныхъ вопросовъ, какъ и слѣдовало ожидать, пошло ненормальнымъ, скользкимъ путемъ: авторитетъ церкви, необинуясь скажемъ—и закона безсознательно, чисто стихійно, можно сказать, ниспровергнуть и вездѣ поставленъ на мѣсто вѣры скепсисъ, на мѣсто авторитета—жалкій, некультурный разумъ и эгоистическое „я“. Здѣсь, въ этомъ именно пунктѣ, и кроется начало своеобразной умственной работы простолудина въ разрѣшеніи важныхъ, жизненныхъ проблемъ, обойти которыхъ никомъ образомъ нельзя было нашему сѣрому мужику. Присматриваясь ближе къ этой работѣ, мы видимъ, что она развѣтвляется на два главныхъ теченія.

У однихъ—запросы религіознаго духа играютъ доминирующую роль въ жизни и религіозный элементъ налагаетъ отпечатокъ на всю ихъ дѣятельность; но удовлетвореніе этихъ запросовъ совершается внѣ церкви и помимо церкви. Лицами, принадлежащими къ этой категоріи, авторитетъ церкви ниспровергнуть, въ рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ разумъ вышелъ изъ послушанія вѣрѣ; связь съ церковью, съ ея вѣрованіями и установленіями и со всѣмъ вообще церковнымъ укладомъ жизни порвана безповоротно и дерзко и явилось самодовлѣющее и самообольщенное сектантство—мистическое и раціоналистическое,—смотря потому, какой элементъ положенъ въ его основу. Таково теченіе религіозной жизни у той части нашего простого народа, у которой не погасло религіозное чувство и сознаніе необходимости религіознаго союза съ Верховнымъ Властителемъ неба и земли.

У другихъ религіозныя потребности сведены почти къ нулю и заглушены или исключительно тяжелыми заботами о хлѣбѣ насущномъ, или страстью къ наживѣ, къ обогащенію какими-бы то ни было путями. Предавшіеся страсти къ наживѣ составляютъ

самый несимпатичный типъ кулаковъ въ нашемъ простомъ рабочемъ классѣ—крестьянствѣ. Жизнь этихъ дѣльцовъ-кулаковъ, возвысившихся надъ общимъ крестьянскимъ уровнемъ только благодаря деньгамъ, обычно, бѣдна внутренними запросами и характеризуется по преимуществу или крайнимъ религіознымъ индифферентизмомъ или практическимъ невѣріемъ, проникшимъ въ эту среду изъ интеллигентныхъ классовъ. И это обстоятельство вполне естественно: народъ во всемъ тянется за интеллигенціей. Индифферентизмъ и невѣріе среди простого народа прикрываются иногда ханжествомъ, лицемеріемъ и наружнымъ пустосвятствомъ, а иногда—не прикрываются никакъ и ничѣмъ. Люди этой категоріи, со своимъ чрезвычайно скуднымъ умственнымъ багажемъ, само собою разумѣется, никакихъ жизненныхъ проблемъ не разрѣшаютъ, да и не берутся за ихъ разрѣшеніе и идутъ обычнымъ торнымъ жизненнымъ путемъ, преслѣдуя исключительно свои эгоистическія цѣли и, весьма нерѣдко, ниспровергая на пути все, что препятствуетъ достиженію намѣченныхъ ими цѣлей. Этой тропой шествуютъ обычно люди энергичные, съ сильными и устойчивыми характерами, съ развитымъ самолюбіемъ, выработавшіе въ себѣ чувство долга къ семьѣ, по своему понимаемаго, и руководящіеся принципами эгоизма и честолюбія. Вредъ, причиняемый ихъ кулачковой дѣятельностью, хотя замѣтенъ и чувствителенъ въ народной средѣ, но сравнительно не въ столь большихъ дозахъ. Ихъ религіозный индифферентизмъ и практическое невѣріе являются злокачественными язвами на нашемъ народномъ организмѣ, но въ общемъ не столь заразительными и не столь зловонными, какъ другія язвы на томъ же организмѣ.

Утверждая послѣднее положеніе, мы разумѣемъ ту категорію нашего простого народа, которая, въ большинствѣ случаевъ, не имѣетъ прочныхъ нравственныхъ устоевъ, крѣпкой воли, энергіи и настойчивости въ борьбѣ за насущный кусокъ хлѣба и нерѣдко не видитъ впереди никакихъ свѣтлыхъ надеждъ на лучшее будущее. Вполнѣ понятно, что на почвѣ этого народного слабости и отсутствія прочныхъ нравственныхъ устоевъ и, подчасъ даже, свѣтлыхъ надеждъ—прививаются, растутъ и созрѣваютъ, какъ грибы въ лѣсу, всякія тлетворныя язвы, подтачивающія и физически и нравственно нашъ народный организмъ. Фабрично-заводская и городская цивилизація съ ея заманчивыми идеями свободы совѣсти и личности, съ ея стремленіями къ легкой наживѣ и сомнительнаго качества удовольствіямъ, преломившись сквозь призму некультурнаго ума и заглохшей совѣсти нашего простолюдина, сдѣлала свое дѣло. Поэтому, читатель нисколько не дол-

женъ удивляться, если предъ его взоромъ, какъ въ калейдоскопѣ, промелькнеть цѣлый рядъ явленій нравственнаго порядка въ народной жизни, героями которыхъ являются „рыцари безъ страха и упрека“ изъ альбома г. Максима Горькаго. Безпробудное пьянство, подтачивающее нашъ народный организмъ, способствующее—ужасаюсь сказать—вырожденію націи и доводящее нашъ народъ до нищеты и полнѣйшаго разоренія,—не есть ли это бичъ Божій и для семьи, и общества, и для государства? Кто такіе босяки—какъ не горчайшіе пьяницы, не признающіе никакихъ законовъ, ни Божескихъ, ни человѣческихъ, поклоняющіеся приволью, свободѣ и кулаку, какъ олицетворенію физической силы, слѣдующіе принципамъ свободной любви и обожающіе при этомъ женскую красоту, воплощенную Горькимъ въ образѣ пахнущей моремъ красавицы—Мальвы? Кто такіе хулиганы, какъ не пожевники, подкальватели, шатающіеся по улицамъ и закоулкамъ въ ночное время городскіе фабричныя рабочіе, предающіеся весьма перѣдко безнаказанно дебошамъ, грабежамъ, кражамъ и даже убійствамъ? Что за отвратительное въ городахъ явленіе—суетенерство, коты и кошки, о подвигахъ которыхъ повседневная пресса—отъ времени до времени—сообщаетъ возмутительнѣйшіе факты ограбленій? Не забывайте, читатель, что весь босяцкій міръ, благодаря художественному перу своего бытописателя, *Гомера дна*, г. Максима Горькаго, теперь въ почетѣ у насъ, бравируетъ своимъ положеніемъ и претендуетъ на признаніе его особымъ классомъ. Всѣ эти печальныя явленія нравственнаго порядка, какъ злокачественныя наросты на организмѣ нашего народа, имѣютъ мѣсто по преимуществу въ городахъ, фабричныхъ центрахъ, заводахъ, отхожихъ промыслахъ, портахъ, на рыбныхъ ловляхъ,—и, къ сожалѣнію нужно сказать, начинаютъ просачиваться въ деревни и охватывать наше сельское крестьянствующее населеніе. Такова въ общемъ картина нравственнаго уровня весьма значительной части простого народа!

Что же изъ себя изображаетъ въ нравственномъ отношеніи наша большая публика, величающая себя интеллигенціей и взявшая на себя добровольно заботы о просвѣщеніи нашего сѣраго мужика, руководство и управленіе нашимъ государственнымъ кораблемъ? Спектральный анализъ нравственнаго и умственнаго уровня нашей большой публики покажетъ, что наша интеллигенція стоитъ въ нравственномъ отношеніи не только не выше народа, но въ нѣкоторомъ смыслѣ даже гораздо ниже его. Религіозныя запросы у большинства интеллигенціи понижены до минимума и религіозное міросозерцаніе у многихъ въ большинствѣ

случаевъ смѣнилось или научнымъ, или—житейско-практическимъ. Не рѣдкость теперь встрѣтить и въ обществѣ и литературѣ—такія заправскія сужденія: „да кто теперь изъ интеллигенціи вѣритъ въ Бога, признаетъ безсмертіе души, загробную жизнь и мздовоздаяніе?“ Возьмемъ мы какихъ угодно дѣятелей и какой угодно профессіи изъ городской и сельской интеллигенціи, посвящающей свои силы народу вообще—будутъ-ли то интеллигенты-народники, ратующіе за деревню и крестьянскій трудъ, или неомарксисты, защищающіе исключительно фабрично-рабочій классъ и предсказывающіе ему только одному, какъ стоящему у плодотворной индустріи, широкую будущность,—или дѣятелей, примостившихся къ общественному и казенному пирогу,—какого они придерживаются міровоззрѣнія и какимъ слѣдуютъ нравственнымъ устоямъ и принципамъ въ своей жизни? Окажется, что большинство изъ нихъ отвергло и покончило всякіе счеты съ православнымъ вѣроученіемъ, какъ грубымъ суевѣріемъ, отжившимъ свой вѣкъ, и выработало свое *credo*, свое міровоззрѣніе. Одни изъ нихъ, являясь атеистами чистѣйшей воды, слѣдуютъ матеріалистической или механической теоріи происхожденія міра; другіе, признавая божество безличнымъ существомъ, разлитымъ во всемірѣ, раздѣляютъ пантеистическія воззрѣнія; третьи, не отрицая личнаго бытія Божія, примыкаютъ къ категоріи деистовъ, признающихъ божество стоящимъ внѣ міровой жизни и представившимъ міру развиваться и жить по разъ навсегда установленнымъ законамъ; четвертые, наконецъ, слѣдуютъ практическому невѣрію, считая излишнимъ разбираться въ какихъ бы то ни было теоріяхъ. Такимъ образомъ, у большинства нашей интеллигенціи божественный авторитетъ замѣненъ человѣческимъ, и разуму, вышедшему изъ послушанія вѣрѣ, предоставлено исключительное и верховное руководство жизнью и дѣятельностью человѣческой. Отвергнувъ бытіе личнаго Бога, та же публика отвергла, какъ ненужный хламъ, и вѣру въ Бога. Вслѣдъ за утратой вѣры въ Бога, поколебались нравственные устои и нравственность по наклонной плоскости съ неудержимой силой покатились внизъ. Отсюда, какъ естественный результатъ невѣрія, у насъ, на Руси, появилось немало уродливыхъ въ нравственномъ отношеніи ученій, изъ которыхъ отмѣтимъ только, какъ новѣйшія, доморощенное *толстовство* и *ницшеанство*, съ шумомъ ворвавшееся къ намъ съ запада. Ницшеанство, ставшее почти всеобщимъ достояніемъ нашей интеллигенціи (вѣдь теперь почти каждый интеллигентъ въ большей или меньшей степени ницшеанецъ), съ его проповѣдью о сверхчеловѣкѣ и восхвате-

ніемъ одной только силы—и то преимущественно физической—для торжества надъ всѣмъ человѣчествомъ того же кумира—сверхчеловѣка,—и толстовство съ его паптенстическимъ ученіемъ, съ его проповѣдью о непротивленіи злу, съ его отрицаніемъ началъ государственности и съ его опрощеніемъ—вызвали цѣлый рядъ новыхъ явленій далеко не „нравственного“ порядка и произвели цѣлую революцію какъ въ общественной жизни, такъ и въ искусствѣ, являющемся отраженіемъ этой самой жизни. Изъ таковыхъ явленій, обращающихъ на себя особенное вниманіе, отмѣтимъ *босячество* и *декадентство*.

Босячество, вопреки установившемуся взгляду, присуще не только пролетаріямъ, опустившимся *на дно*, подонкамъ общества, воспѣтымъ съ неподражаемымъ искусствомъ г. Максимомъ Горькимъ, но и многимъ нашимъ современнымъ интеллигентамъ, отрицающимъ всякіе умственные и нравственные устои, вращающимся въ области жалкаго шатанія мыслей и признающимъ одно своеволие. Босячество съ проповѣдью абсолютной свободы и отъ труда и всякихъ обязательствъ, возлагаемыхъ на насъ религіей, обществомъ и государствомъ,—съ восхваленіемъ физической силы и всякихъ безнравственныхъ подвиговъ и похожденій своихъ героевъ,—съ отрицаніемъ и презрѣніемъ всякихъ нравственныхъ принциповъ, запросовъ и потребностей человѣческаго духа,—и съ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ страданіямъ человѣческимъ—не есть-ли гармоническій аккордъ и пышный плодъ взаимодействия толстовскихъ и ницшеанскихъ идей, усвоенныхъ нашей интеллигенціей и прививаемыхъ ею нашему простому народу? Всѣ данные, взятые нами въ совокупности, говорятъ за то, что отвѣтъ на поставленный нами вопросъ долженъ быть не иной, какъ—да. Въ силу этого обстоятельства босячество, какъ общественно-соціальное явленіе, должно быть разсматриваемо не иначе, какъ злокачественный наростъ на общественномъ и народномъ организмѣ, и признаваемо весьма и весьма вреднымъ явленіемъ.

И на декадентство, цѣнящееся теперь по высокой маркѣ на базарѣ житейской суеты, должно смотрѣть не иначе, какъ на яркое отраженіе шатанія мыслей и какъ на извращеніе идей въ области искусства и въ религіозно-философской сферѣ. Декадентство,—широкой волной охватившее всѣ роды искусства—архитектуру и скульптуру, живопись и поэзію, а также область религіозно-философской мысли,—съ его одурманивающимъ символизмомъ, съ его стремленіемъ произвести переворотъ въ художественной, чувственно-познавательной и мыслительной сферахъ и съ его сладострастно-упонительнымъ богонскательствомъ, подъ ка-

кимъ бы мы угломъ зрѣнія ни разсматривали его, по требованію здоровой логики, должно быть признано уродливымъ явленіемъ, заключающимъ въ себѣ слишкомъ мало смысла и жизненной правды, въ нравственномъ отношеніи невысокопробнымъ и потому далеко небезразличнымъ. Теперь вѣкъ декадентства: вездѣ и всюду—и въ литературѣ, и въ искусствѣ и въ предметахъ домашнего обихода—вамъ попадаетъ декадентскій стиль: даже глазъ устаетъ отъ утомительнаго декадентскаго однообразія. Декадентство изъ области изящной литературы, благодаря всеобщему шатанію умовъ, съ логической необходимостью проникло и въ религіозно-философскую область. Насколько декадентство своими туманными перспективами заразительно дѣйствуетъ на умы не только юнаго нашего поколѣнія, но и на умы взрослыхъ, вполне сложившихся интеллигентовъ, можно судить уже по тому факту, что въ декадентскихъ рядахъ можно видѣть свѣтскихъ и духовныхъ, ученыхъ и недоученыхъ лицъ, повергающихся въ благоговѣніе и прахъ предъ вождями декадентства и обольщающихся мистически-туманными его иллюзіями! На этомъ-то обстоятельстве, имѣющемъ немаловажное значеніе вообще, прекрасно отъносящемъ умственный и нравственный обликъ адептовъ декадентства и представляющемъ немало интереса для нашего миссіонерскаго журнала, позволимъ себѣ нѣсколько подольше остановитъ благосклонное вниманіе нашихъ читателей.

Яркими выразителями декадентства, проникшаго изъ области искусства въ область религіозно-философской мысли, въ послѣдніе два года служили недавно прекратившія свое существованіе религіозно-философскія собранія и новорожденный органъ этихъ собраній „Новый Путь“. Религіозно-философскій кружокъ смѣшаннаго облика, съ весьма видными во главѣ дѣятелями изъ литературно-публицистическаго и духовнаго міра, задался цѣлью сблизить интеллигенцію съ церковью и пробить средостѣніе, отдѣляющее отъ церкви нашу интеллигенцію, живущую своею особою жизнью, своими особыми идеалами, отличными отъ идеаловъ церкви. Путемъ для сближенія должны были служить обсуждения въ собраніяхъ различныхъ религіозно-философскихъ вопросовъ, волнующихъ нашу интеллигенцію. Задача этого кружка, которому въ послѣднее время усвоено названіе „новопутейцевъ“, безспорно весьма почтенная и симпатичная; но средства къ осуществленію намѣченныхъ имъ цѣлей оказались далеко небезупречными во многихъ отношеніяхъ. Вождями религіозно-философскихъ собраній явились представители свѣтскаго общества съ декадентскимъ преимущественно міровоззрѣніемъ и они вздумали бого-

словеско-философскіе вопросы освѣщать и разрѣшать подѣ излюбленнымъ декадентскимъ угломъ зрѣнія. И въ результатѣ всѣхъ этихъ богословско-философскихъ собесѣдованій получился чистѣйшій образецъ чистѣйшей декадентской красоты; получилось только смѣшеніе и затемнѣніе традиціонныхъ понятій и сужденій и вмѣсто примиренія, образовалась еще большая пропасть между церковью и интеллигенціей. По нашему крайнему разумѣнію, иного исхода и быть не могло. Съ одной стороны, декаденты, не признающіе никакого авторитета въ разрѣшеніи вопросовъ вѣры и этики и опирающіеся въ данномъ случаѣ исключительно на свой воспитанный въ декадентствѣ „мистическій разумъ“, а съ другой—ортодоксалы, руководящіеся въ рѣшеніи затрагиваемыхъ богословскихъ-философскихъ вопросовъ авторитетомъ св. Писанія, церковными традиціями и разумомъ, не только не противоборствующимъ, но находящимся въ послушаніи вѣрѣ. Изъ представителей религіозно-философскаго кружка, составляющихъ ядро *новопутейства*, назовемъ только трехъ лицъ—Мережковскаго, Розанова и Минскаго и сдѣлаемъ краткую характеристику ихъ міровоззрѣнія: пусть читатель самолично убѣдится, какая пропасть раздѣляетъ „богословствующихъ новопутейцевъ“ отъ представителей православнаго ученія и что примиреніе съ церковью, повидимому, не составляло и не составляетъ конечной цѣли новопутейства.

Мережковскій и Розановъ, какъ два Аякса, весьма близки въ своихъ міровоззрѣніяхъ. Они и въ своихъ работахъ часто соприкасаются между собою и въ сущности преслѣдуютъ одну и ту же цѣль, но идутъ нѣсколько иными путями. Мережковскій, переводя Софокла и Еврипида, невольно увлекся красотой античнаго міра и языческаго культа и натолкнулся на мысль сблизить язычество съ христіанствомъ. По нему—язычество и христіанство, разсматриваемыя, какъ проявленія человѣческаго духа, не только не противоположны по своему характеру, но находятся въ генетической между собою связи и взаимно восполняютъ другъ друга. Отсюда у Мережковскаго языческое трактуется съ филологическою развязностью не какъ скверное, поганое, а какъ общечеловѣческое, потому присущее и христіанству. Отсюда у него и взглядъ на христіанство, какъ на культъ Діониса, отсюда—восторженное восхваленіе имъ „святого сладострастія и плоти“, отсюда, какъ логическій выводъ, и мораль Мережковскаго, что христіанамъ должно учиться нравственности у языческихъ писателей, между прочимъ—почерпать наставленія изъ „Ипполита“ Еврипида. Съ этимъ взглядомъ Мережковскаго на христіанство

въ тѣсной связи находится, по мнѣнію Розанова, злободневный вопросъ о бракѣ. Розановъ, соглашаясь вполне съ Мережковскимъ, что языческое равносильно общечеловѣческому, эту мѣрку приложилъ къ брачному вопросу и выступилъ съ цѣлымъ рядомъ статей, какъ бы на подмогу своему пріятелю, по тому же модному брачному вопросу, вполне вѣрно рассчитавъ, что его издѣлія пера и чернилъ останутся не незамѣченными въ нашей большой публикѣ. Дѣйствительно, онъ оригинальностью своихъ взглядовъ заставилъ обратить на себя почти всеобщее вниманіе. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не оригинально, что бракъ святъ самъ въ себѣ и не нуждается, не будучи скверной, въ освященіи его церковью, да и освящается онъ церковью потому, что святъ самъ въ себѣ и чистъ. Бракъ самъ въ себѣ, по Розанову, есть великое священное таинство; актъ супружескаго общенія есть священнодѣйствіе, есть жертвоприношеніе Элогиму; брачное ложе—алтарь, мужъ и жена—жрецы-тайнотворцы; самый же актъ супружескаго общенія, по нему, долженъ сопровождаться предварительной и заключительной молитвами. Договориться до подобнаго абсурда можетъ только декадентствующій рыцарь. Въ этомъ случаѣ Розановъ превзошелъ самого себя, такъ какъ дальше идти уже некуда.

Минскій философствуетъ нѣсколько иначе, чѣмъ Мережковский и Розановъ; въ своихъ воззрѣніяхъ онъ слѣдуетъ общепротестантскому взгляду на христіанство. Въ одномъ изъ своихъ докладовъ, сдѣланномъ въ религіозно-философскихъ собраніяхъ, и напечатанномъ въ 1-й книжкѣ „Новаго Пути“, онъ проводитъ общепротестантскій взглядъ на свободу изслѣдованія Св. Писанія и, приравнивая его къ человѣческимъ писаніямъ, отвергаетъ его боговдохновенность; но, желая хотя чѣмъ-нибудь пооригинальничать, онъ въ другомъ своемъ докладѣ отыскиваетъ и усматриваетъ во всемъ новозавѣтномъ ученіи *принципъ нравственнаго двуединства*. Приписывая себѣ честь открытія въ новозавѣтномъ ученіи „тайны нравственнаго двуединства“, онъ говоритъ, что церковь обладала, но не пользовалась этой тайной, храня ее, какъ золотой слитокъ, драгоценный и бесполезный (Новый Путь, кн. IV стр. 95). „Эта двойственность, по Минскому, простирается до такихъ глубинъ, куда взору страшно проникнуть. Подражая Отцу, мы не можемъ исполнить того, что заповѣдано Сыномъ“ (ibid стр. 74). Усматривая двойственность новозавѣтной морали, Минскій также напелъ двойственность между ученіемъ новозавѣтнымъ и ветхозавѣтнымъ. Само собою разумѣется, что если бы онъ поискалъ въ православной церкви разъясненіе этой „тайны“, то, съ увѣ-

ренностью можно сказать, не нашеть бы двойственности ни въ самомъ евангеліи, ни между евангеліемъ и ветхозавѣтнымъ откровеннымъ ученіемъ. На свои богословско-философскія изысканія Минскій смотритъ, какъ на *мистическое озареніе и религіозную мечтательность*, стремящуюся превратить каторгу жизни въ *божественную мистерію*, легкую, грустную, и главное, *свободную* (ibid. 95 стр.). Это развязное богословствованіе г. Минскаго, не имѣющаго основательныхъ познаній ни въ одной изъ богословскихъ наукъ и въ сужденіяхъ своихъ опирающагося не на законы общечеловѣческаго мышленія, а на задорное—декадентское—я *такъ хочу*, покойный Щедринъ назвалъ бы *благоглупостью*. Удивляясь богословскимъ потугамъ мысли Минскаго, мы только можемъ сказать, что евангельскій идеаль не по плечу нашему самородку-богослову и что его исканія направлены не на уясненіе истины, а на внесеніе смуты въ умы легковѣрныхъ его почитателей.

Изъ приведенныхъ нами религіозныхъ воззрѣній главарей „новопутейства“ ясно видно, что дѣйствіями ихъ руководитъ не благая цѣль сближенія интеллигенціи съ церковью, а болѣе горделивые замыслы—быть реформаторами въ религіозной области, „новопутейцами“ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Новопутейцы, въ началѣ своей дѣятельности поставивъ девизомъ сближеніе интеллигенціи съ церковью путемъ выясненія недоумѣнныхъ богословско-философскихъ вопросовъ на собраніяхъ, въ послѣднее время совершенно перемѣнили фронтъ: они превратились въ сторону, нападающую на православіе и привлекающую къ своему суду представителей церкви, взявъ на себя задачу реформировать, по ихъ словамъ, „затхлое“ и „окаменѣлое“ православіе. Для этого нѣкоторые изъ нихъ, придерживаясь чисто протестантскихъ воззрѣній на религіозные вопросы, съ декадентскимъ глубокомысліемъ проповѣдывали адогматизированіе христіанской этики, высказывая самыя путанныя понятія объ этомъ вопросѣ;—и, не разсуждая о томъ, нужно-ли и возможно-ли это адогматизированіе, открыли цѣлый походъ противъ православныхъ догматовъ. „Реформаторы“, не ограничиваясь этими „мечтаніями“, пошли дальше: они оспаривали законность власти нашего духовенства и необходимость въ церкви таинствъ (а за ними и всей обрядовой стороны). Именно—съ этой-то цѣлью и начались жаркіе споры и доказательства со стороны „новопутейцевъ“, что нѣкоторые человѣческія дѣйствія, получающія освященіе въ таинствахъ (бракъ), святы по самому своему существу и собственно не нуждаются въ освященіи; отсюда одинъ только шагъ къ

отрицанію таинствъ съ ихъ освящающею благодатью. Что не сближеніе съ православною церковью преслѣдовали „новопутейцы“, а ея посрамленіе и униженіе,—это было видно изъ того, въ какое положеніе были поставлены на религіозно-философскихъ собраніяхъ представители церкви—духовные и недуховные. Большинство „новопутейцевъ“, не признавая и не придавая никакого значенія авторитету церкви и ея уставамъ, открывали „настоящую“ церковь съ ея іерархическимъ устройствомъ. Тѣ же новопутейцы, проповѣдующіе свободу мнѣній и убѣжденій, въ собраніяхъ, при обсужденіи тѣхъ или другихъ вопросовъ, оказались стоящими далеко не на высотѣ либерализма и терпимости къ мнѣніямъ своихъ противниковъ—ортодоксаловъ. Новопутейцы, погрузившись въ свое декадентское самомнѣніе, забыли то основное положеніе, что истина—многогранна, и что это положеніе прекрасно характеризуется классическими выраженіемъ: *ex contrariis veritas cognoscitur*. Едва-ли такими путями можно построить мостъ для соединенія интеллигенціи съ церковью.

Самыя религіозно-философскія собранія были открыты не съ инною цѣлью, какъ для сближенія съ церковью нашей интеллигенціи—путемъ собесѣдованій и обсужденій животрепещущихъ вопросовъ религіозно-философской мысли,—при этомъ учредители собраній приняли на себя обязательство предъ духовною властью въ томъ, что пренія ихъ не будутъ выходить за предѣлы кружка этого общества и предаваться гласности путемъ печатнаго станка. Но въ такомъ положеніи дѣло оставалось однако недолго. Кружокъ „новопутейцевъ“ исхлопоталъ себѣ право на изданіе ежемѣсячнаго толстаго журнала „Новый Путь“, который какимъ-то образомъ сдѣлался и органомъ религіозно-философскихъ собраній и обѣщался идти въ разрѣшеніи вопросовъ, волнующихъ общественное религіозное сознаніе, путемъ старыхъ учителей—Гоголя и Достоевскаго. Но, начиная съ первой книжки, „Новый Путь“ оказался волкомъ въ шкурѣ ягненка и всю свою дѣятельность направилъ къ беспощадной критикѣ всѣхъ завѣтовъ и устоевъ православія. Конечная цѣль новаго органа показать торжество „мистическаго“ разума надъ вѣрой, переоцѣнить основы православія и проложить новые пути въ области религіи, такъ какъ путь Христовъ, по взгляду Мережковскаго, Розанова и К^о, устарѣлъ, отжилъ свое время и нуждается въ обновленіи. И цѣль „новопутейцевъ“ достигнута въ одномъ,—что имя ихъ пронеслось отъ края до края Русской земли и, какъ „ласковое чудовище“, заползло даже въ Сибирь,—какъ російскихъ реформаторовъ въ религіозной области. Теперь едва-ли можетъ подле-

жать сомнѣнію, что завѣтная мечта новопутейцевъ—не примиреніе съ православіемъ интеллигенціи, а насажденіе *ново-христіанства* по умствованіямъ Мережковского, Розанова и К^о, ничего общаго не имѣющимъ съ нашимъ, такъ называемымъ, историческимъ христіанствомъ. Заманчивыя мечты „новопутейцевъ“ привлекаютъ къ себѣ преимущественно нашу молодежь и имѣютъ широкое распространеніе въ читающихъ кругахъ полуобразованной публики, падкой на всякія новинки и не особенно разборчивой въ книжномъ матеріалѣ. Книжки „Новаго-Пути“, какъ и творенья нашего Гомера *дна*, г. Максима Горькаго, служатъ новымъ откровеніемъ для молодого поколѣнія: на декадентствѣ оно воспитываетъ свои вкусы, вырабатываетъ свое міровоззрѣніе, религіозно-нравственные принципы и руководственные начала для будущей дѣятельности на аренѣ жизни. Грустно и больно не столько за „Ново-Путейскую“ клику, сколько за молодое поколѣніе, жизнь и дѣятельность котораго еще впереди. Если таковы учителя,—то каковы будутъ ученики?...

Таково въ общихъ чертахъ духовное настроеніе огромной части нашего современнаго общества, считающей себя передовыми людьми и даже двигателями культуры и прогресса,—общества, находящагося въ лонѣ православной церкви, но не въ союзѣ съ нею, живущаго не по законамъ и уставамъ церкви, а исключительно по законамъ и требованіямъ природы и разума человеческого. Храни насъ, Богъ,—распространять это обобщеніе на всю православную Русь! Мы твердо убѣждены и вѣримъ, что болѣе, чѣмъ добрая половина русскаго народа и общества не вышла изъ послушанія церкви и живетъ по заповѣдямъ и уставамъ Господнимъ и православнымъ обычаямъ. Мы также убѣждены, что весьма многіе изъ интеллигенціи носятъ въ своемъ сердцѣ Бога и что они не метрическіе, а дѣйствительные и послушные сыны православной церкви. Мы вѣримъ и видимъ, что милость Господня, воочію всѣхъ не отошла еще отъ насъ. Саровскія торжества, сопровождавшіяся необычайнымъ стеченіемъ русскаго глубоко-вѣрующаго народа, съ православнымъ своимъ Царемъ и Царицами во главѣ, необычайнымъ высоко-приподнятымъ настроеніемъ народа во время этихъ торжествъ и цѣлымъ рядомъ чудесныхъ исцѣленій у цѣльбоноснаго Серафимова источника и у самой раки преподобнаго боговидца Серафима,—ясное и неопровержимое доказательство неоскудѣвающей милости Божіей къ русскому народу, доказательство, что еще близъ насъ Господь! Но явленіе къ намъ этихъ чрезвычайныхъ милостей Божіихъ не должно усыплять насъ и повергать въ лѣ-

пость, безпечность и самомнѣіе. Мы твердо должны помнить, что врагъ рода человѣческаго не дремлетъ никогда, и что онъ подкрадывается къ намъ неслышно, какъ ползущая змѣя, то въ видѣ религіознаго индифферентизма и практическаго невѣрія, то въ видѣ раціонализма и скептицизма, разрушающихъ вѣру и нравственность, то въ видѣ всевозможнаго рода ученыхъ теорій, удаляющихъ изъ міра Верховное Существо и отдающихъ міръ въ полное распоряженіе кичливаго человѣческаго разума. Также мы должны не забывать и того обстоятельства, что борьба съ врагомъ Христова Царства должна продолжаться до конца дней; потому наша миссія должна неослабно дѣйствовать противъ козней вражыхъ и твердо вѣрить, что посѣянные ею сѣмена добра и истины напоить и возраститъ Богъ и что эти сѣмена принесутъ въ свое время добрые плоды—каждое по роду своему.

Въ брежжущее утро новолѣтія намъ невольно приходятъ на память слова одной поэтической пѣсни: „Не стыдно-ль спать,—пора вставать, малиновки звенять...“ Эти слова отчасти приложимы и ко всѣмъ намъ, стоящимъ на стражѣ православія, такъ или иначе соприкасающимся къ дѣлу миссіи, но бездѣйствующимъ или слабо, безъ должной энергіи ратоборствующимъ съ невѣріемъ, индифферентизмомъ и всякими тлетворными ученіями. Поэтъ въ приведенныхъ нами словахъ рисуетъ лучшее время дня—бодрящее утро съ рѣзвымъ щебетаньемъ птицъ и призываетъ къ бодрствованію. О, если бы всѣ защитники вѣры и церкви были воодушевлены, какъ этотъ поэтъ, лучшими чувствами,—свѣтлыми надеждами и бодрой энергіей, сознаніемъ важности и великости св. дѣла миссіи,—тогда и дѣятельность ихъ была бы въ стократъ плодотворнѣй и всякія злоухищренія и козни князя вѣка сего и сыновъ его, воздвигаемыхъ на церковь Христову, были бы безсильны, были бы безплодны. Тогда, мы вѣримъ, былъ бы близокъ въ жизни нашей церкви тотъ знаменательный моментъ, о которомъ нашъ Пастыреначальникъ, Господь и Христосъ, возвѣстилъ, что всѣ Его послѣдователи составятъ одно стадо и будутъ имѣть одного Пастыря (Іоан. X гл. 16 ст.).

И. Козицкій.

Основные причины и сущность нашего сектантства.

(Опыт философско-психологическаго освѣщенія сектантства).

Вопросъ объ основныхъ причинахъ явленія есть вмѣстѣ и вопросъ о его сущности. Генетическое опредѣленіе явленія, т. е. опредѣленіе по производящей причинѣ есть вмѣстѣ и опредѣленіе по существу, т. е. наиболѣе разъясняетъ суть явленія. Когда соединяются два противоположныхъ электричества, происходитъ молнія: опредѣленіе генетическое, но вмѣстѣ и существенное. Это логическое правило особенно приложимо къ явленіямъ, гдѣ участвуетъ сознательный дѣятель и гдѣ причина совпадаетъ съ цѣлью и побужденіемъ. Посему разъяснить коренныя причины сектантства, его цѣли, стремленія,—это и значить понять его. А всякое пониманіе важно не только въ чисто теоретическомъ, научномъ смыслѣ, но столько-же, если не болѣе, и для практической дѣятельности. Элементарное правило: ни за что не берись, не понимая. Машину не починишь, не понимая ея устройства и назначенія въ ней каждаго колеса, каждаго винта. Впрочемъ, правило это—идеальное, не безусловное. Для совершенства практической дѣятельности несомнѣнно нужно полное пониманіе дѣла; но жизнь выпуждаетъ браться и за малопонятное. Не можетъ-же медикъ ждать, пока онъ и его наука поймутъ въ совершенствѣ всѣ отправления человѣческаго организма и суть всѣхъ болѣзней: предъ нимъ мучается живой человѣкъ и онъ обязанъ при свѣтѣ своихъ догадокъ и полужнаний попытаться какъ-нибудь помочь больному. Этимъ путемъ накапливается опытъ, пересматривая который, мысль потомъ приходитъ и къ пониманію явленія въ его причинахъ и законахъ: жизнь учитъ, но общее правило остается въ силѣ: прежде чѣмъ дѣйствовать—пойми, иначе будешь ходить ощупью, рискуешь ошибаться, можешь попасть въ положеніе Крыловской мартышки съ чурбаномъ и, что еще хуже, убить по медвѣжьей пустынника, желая лишь избавить его отъ назойливой мухи. Ясно, что это правило тѣмъ обязательнѣе, чѣмъ серьезнѣе и отвѣтственнѣе дѣло, глубже и сложнѣе его сфера. А что сложнѣе изъ

гибовъ души человѣческой, глубже тайниковъ совѣсти, важнѣ спасенія?..

Итакъ, практическій дѣятель, призываемый Церковью на борьбу съ язвой сектантства, чтобы имѣть какіе-нибудь шансы на успѣхъ въ этомъ труднѣйшемъ дѣлѣ, обязанъ прежде всего постараться по мѣрѣ силъ *понять сектантство*; ибо если кому,—то именно ему менѣ всего позволительно блуждать ощупью и шутить дѣломъ спасенія.

А между тѣмъ, *сектантство есть явленіе столь сложное, сбивчивое*, сотканное изъ противорѣчивыхъ элементовъ; а сектъ такъ много!.. Какъ разобраться? Гдѣ тутъ руководящая нить? Въ чемъ специфически сектантскій элементъ, и гдѣ сближающія его съ православіемъ уступки жизни? Что общаго, существеннаго въ разныхъ сектахъ? Какія изъ нихъ послѣдовательнѣе, жизнєннѣе, чище выражаютъ сектантскій принципъ? Какимъ принадлежитъ будущее?.. А рѣшить все это нужно, чтобы понять, какія секты и черты въ нихъ болѣе опасны для Церкви? Гдѣ сердце сектантства, въ которое надо направлять свои удары, гдѣ его ахиллесова пята, и съ какой стороны незамѣтнѣе, безобиднѣе для самолюбія сектанта можно ближе пройти къ его сердцу съ православной истиной? Какіе вопросы противосектантской полемики надо поставить во главу угла? Противосектантская методика у насъ почти отсутствуетъ и не потому, чтобы былъ малъ нашъ полемическій опытъ (онъ есть!), но именно потому, что мы мало работали надъ принципиальнымъ разъясненіемъ сектантства, общимъ пониманіемъ его. Общій взглядъ на него, общее отношеніе къ нему у насъ столь различны. Пересмотрите органы либеральной прессы, прислушайтесь къ толкамъ свѣтской интеллигенціи: оказывается, можно даже смотрѣть на сектантство, какъ на заслуживающее полного сочувствія прогрессивное явленіе, симпатичный порывъ къ свѣту разумной и свободной добродѣтели и устроенію по началамъ послѣдней личной и общественной жизни. Но тогда зачѣмъ всѣ эти, примѣняемыя къ нему ограниченія и репрессіи? И, конечно, самая миссія тогда совершенно излишняя, чтобы не сказать болѣе. А сквозь строки такихъ сужденій явственно чувствуется приговоръ православію, какъ явленію отсталому, полному суевѣрій, магін, идолопоклонства, насилія,—исповѣданію, могущему, пожалуй, удовлетворять религіознымъ запросамъ полуязычниковъ обрядовѣровъ, невѣждъ, рабовъ, рутинеровъ и лѣнтыевъ, но отнюдь не смѣлыхъ, мыслящихъ искателей правды жизни.

Итакъ, рѣчь у насъ идетъ объ основныхъ причинахъ сектантства. Есть причины второстепенныя, мелкія, случайныя, объясня-

ющія мелкія черты и частныя особенности той или другой секты. Напр., то случайное обстоятельство, что Уклеинъ въ моментъ формулировки своего ученія возиhsя съ обращеннымъ имъ жиdовствующимъ Далматовымъ, объясняетъ намъ присутствіе въ молоканствѣ, даже наиболѣе „духовнаго“ (Тамбовскаго) толка, жиdовскихъ обрядовыхъ установленій (пеяденіе свинины и рыбы безъ чешуи). Но устоимъ отъ соблазна гоняться за мелочами, чтобы не потерять лѣса за деревьями и не проглядѣть слона за букашками, мушками, таракашками.

Итакъ, вопросъ о происхожденіи сектантства въ его основныхъ чертахъ.

Въ какую-же область обратиться за его рѣшеніемъ?

Вѣра челоvѣка (правая или неправая—все равно) есть прежде всего фактъ внутренній, психологическій, а затѣмъ уже бытовой, историческій. *Глубочайшіе корни сектантства надо искать, поэтому, не въ условіяхъ быта и обстоятельствахъ исторіи, а въ области религіозно-нравственной психологіи.* Исторія могла-бы (при этомъ) быть рассмотрѣна, лишь какъ условіе развитія или форма обнаруженія этой психологіи, этого духа.

Указанная точка зрѣнія на сектантство глубже существующихъ его дѣленій на интеллигентное и народное, раціоналистическое и мистическое, евангелическое и духовное ¹⁾, почему намъ и не придется говорить о каждомъ изъ этихъ родовъ отдѣльно. Психологія сектантства интеллигентнаго и народнаго, увидимъ, одна и таже; поэтому и исторически-мужичья хлыстовщина и скопчество имѣли своими послѣдователями членовъ лучшихъ московскихъ и петербургскихъ фамилій, а интеллигентная пашковщина и толстовщина на нашихъ глазахъ, еще при жизни ересіарховъ, прососались въ сердце народное. Въ глубинѣ сектъ раціоналистическихъ и мистическихъ, евангелическихъ и духовныхъ тоже лежатъ одни и тѣже начала, лишь болѣе или менѣе проведенныя, съ преобладаніемъ разсудка или чувства, съ признаніемъ авторитета Евангелія или безъ него, чѣмъ и объясняется то, на первыи взглядъ, странное явленіе, что духовная секта (духоборство) рождаетъ евангелическую (молоканство), и почти всѣ раціоналистическія секты по временамъ испытываютъ сильныя мистическія движенія (лжехристы среди молоканъ 30 годовъ, мистическіе эпизоды Кавказо-Американской духоборческой эпопеи, адвентизмъ и малеванщина въ штундѣ, Павловская вспышка въ толстовщинѣ).

¹⁾ Всѣ эти дѣленія, особенно два послѣднія, крайне сбивчивы. Лучшее, по нашему, — послѣднее, если принять его такъ: евангелики (или библеисты)—признающіе авторитетъ Св. Писанія, духовные—остальные.

Нужно замѣтить также, что въ основѣ сектантства не столько логики, сколько именно психологіи. Всячески обѣлая его, наша сектофильская пресса готова смотрѣть на его ложь, какъ на естественныя заблужденія ума, разсуждающаго о высокомъ и трудномъ, и—совершенно извинительныя ошибки въ толкованіи текстовъ Библии—книги, не всегда посильной и крѣпкой головѣ. Но это далеко отъ истины. И вотъ почему. Мысль въ душѣ чело-вѣка есть явленіе болѣе поверхностное, чѣмъ стремленія воли, или во всякомъ случаѣ первая съ ея логикой не есть властный господинъ и управитель послѣднихъ; въ значительной мѣрѣ, наоборотъ,—стремленія воли опредѣляютъ направленіе дѣятельности ума. Поэтому и ошибки ума, особенно-же въ вопросахъ близкихъ къ жизни, не столько происходятъ просто отъ слабости логики или случайной односторонности даннаго въ опытѣ матеріала, сколько имѣютъ своей подкладкой увлеченія воли, привычки, страсти, препятствующія уму непредубѣжденно смотрѣть на вещи. Извѣстно, какъ непримиримо могутъ спорить люди одного образованія, приблизительно даже одного опыта жизни, когда въ дѣло привходитъ самолюбіе или когда приходится отстаивать свой нравъ или свой поступокъ. Личность по природѣ ищетъ гармоніи цѣлости, покоя самотожества; всякій внутренній разладъ причиняетъ ей безпокойство, томленіе, страданіе, и она стремится къ согласію убѣжденій и характера, мысли и жизни. И вотъ умъ ведетъ за собою настроеніе и поведеніе чело-вѣка, но еще болѣе направленіе стремленій требуетъ себѣ отъ мысли оправданія. И при нѣкоторомъ малодушіи, слабости характера или силѣ страстей мысль работаетъ имъ въ угоду, сама того не замѣчая, идетъ на привязи, вполне увѣренная, что везетъ: трудно гордому понять высоту смищенія и самовольному—силу послушанія; такъ наз. трезвый, практическій, погруженный въ житейское умъ обзываетъ молитву пустымъ мечтаніемъ; чревоугоднику трудно доказать важность поста. Не даромъ говорятъ: „каждый избираетъ себѣ философію по своей склонности“, и даже на созданіе логичнѣйшихъ системъ имѣетъ вліяніе характеръ ихъ создателей. Но если такъ въ философіи, гдѣ все-же больше чистаго разума, больше далекихъ отъ жизни отвлеченностей, то тѣмъ болѣе такъ въ религіи, гдѣ больше вѣры, больше участія сердца, гдѣ все такъ тѣсно связано съ идеаломъ, долгомъ, жизнью. Вопреки раціоналистическимъ теоріямъ, на происхожденіе язычества и естественную исторію религій Библия смотритъ не какъ на прогрессивное восхожденіе отъ низшаго, матеріальнаго, сложнаго къ духовному, высшему, единому, а наоборотъ,—какъ на регрессивный процессъ

растлѣнія первоначальной чистоты жизни, а вмѣстѣ и религіозной мысли, осушившейся (т. е. страстно раскидавшейся по многимъ ложнымъ цѣлямъ) и потому измѣнившей славу нетлѣннаго, святого Бога во образъ тлѣннаго, страднаго челоуѣка. Но что такое еретичество, какъ не шагъ къ тому-же язычеству? Спасительная истина одна: кто мечтаетъ стать выше ея, тотъ падаетъ ниже ея, становится на тотъ самый наклонный путь, по которому прошли и еще идутъ потерявшіе райскую истину язычники. Часто у еретиковъ отъ христіанства остаются одни жалкіе разбитые обломки и, наконецъ, просто одни слова богословскаго лексикона съ совершенно языческими понятіями подъ ними. II, подобно язычеству, *сектантство носитъ въ себѣ стѣмена нравственнаго растлѣнія*, и не въ томъ лишь смыслѣ, что оно это растлѣніе порождаетъ, но еще больше въ томъ, что само отъ него происходить.

Напрасно поэтому говорятъ: „Библія плодитъ секты“; но правда, что сколько въ ней текстовъ, столько можетъ быть и сектъ. Если бы Библія толковалась искренно, не предубѣжденно, а главное смиренно, при свѣтѣ христіанскаго преданія, то, несмотря на множество дѣйствительно трудныхъ и мнимо-противорѣчивыхъ мѣстъ, а равно—и высоту ея вопросовъ, она все же привела бы всѣхъ въ единство содержащейся въ ней Христовой вѣры. Но бѣда въ томъ, что она стала въ рукахъ людей игрушкой ихъ страстей, а ея тексты—лоскутами, въ которые рядятъ идоловъ челоуѣческихъ. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, хлыстовщина добросовѣстно вѣритъ Библіи? Но тогда ея основатель, „богъ-саваоѣтъ“, Данила Филипповичъ не бросилъ бы всѣ священныя книги въ Волгу и не объявилъ бы единственнымъ источникомъ истины, выражаясь его торжественнымъ слогомъ, „книгу животную, голубиную, самого сударя Духа Свята“, или въ переводѣ на болѣе „подлый“ стиль—собственныя его—мужика Данилы—бредни. И хотъ потомъ хлысты измыслили легенду, какъ Тамбовскій „христось“ Аввакумъ Копыловъ досталъ изъ Волги брошенныя въ нее Костромскимъ „саваоѣомъ“ книги, по все же „сударь Духъ Святой“ остался у нихъ навсегда не только путеводителемъ по Библии, но и помимо (и вопреки) нея глаголетъ въ пророкахъ, христахъ, богородицахъ. Сказанное о хлыстахъ относится и къ скопцамъ. Не 19 гл. Ев. Матѣя виновата тутъ своей (дѣйствительной или мнимой) неясностью ученія о троякомъ скопчествѣ; ибо не отсѣкаютъ же себѣ скопцы рукъ и не выкалываютъ глазъ, когда чрезъ нихъ соблазняются, тогда какъ по буквѣ это предписано въ 5 и 18 главахъ того же Ев. Мѣ., и

при томъ въ гораздо болѣе ясной, императивной формѣ, чѣмъ въ гл. 19-й. Или нужна для чего-нибудь Библія духоборамъ, когда ихъ „сынъ Божій“, Тамбовскій Горѣльскій торговецъ—Побирохинъ прямо обзывалъ ее „хлопотницей“ (тряпкой изъ хлопка) и, подобно хлыстовскому „саваоу“, также бредилъ о „животной книгѣ“, разумѣя, впрочемъ, подъ нею не столько непосредственное озареніе Духомъ, сколько свое, яко бы отъ Христа идущее, устное преданіе, виѣшне выраженное въ духоборческихъ псалмахъ. „Въ Писаніи иное тому, иное—другому пригодно, а мы принимаемъ, что намъ слѣдуетъ“,—говорили духоборы арх. Евгенію. Скажутъ, я подбираю однѣ духовныя секты? Нѣтъ, почти тоже приходится сказать и о евангеликахъ (библейстахъ): молоканахъ, штундистахъ, пашковцахъ. Не довѣряя живому, богодуховенному, церковному сознанію, они обоготворили мертвую букву Библии, въ погонѣ за духомъ умудрились превратить книгу жизни въ бездушнаго идола, который покорно санкціонируетъ имъ все, что ни вздумается имъ отъ него потребовать. А какъ только евангеликъ освобождается отъ этого языческаго библіопоклонства, вѣрнѣе—когда ему надоѣсть и эта фиктивная зависимость отъ Библии, тогда онъ начинаетъ обращаться со своимъ идоломъ безцеремоннѣе всякаго фетиша, бьющаго своего болвана, и кроитъ Библію свободнѣе всякаго тубингенца. Современная штунда заявляетъ, что она вѣрнѣе Библии „не по словамъ и стихамъ“, а „по духовному озаренію“ (Испов. Чаплин. штундистовъ); а въ самое послѣднее время, вѣроятно, подъ толстовскимъ вліяніемъ, штундисты начинаютъ крайне либеральничать на счетъ цѣлыхъ отдѣловъ и книгъ Библии. Не говоримъ уже о самой толстовщинѣ, грубѣйшимъ образомъ выкидывающей изъ Библии все, что ей не нравится, играющей стихами и париміями, главами и книгами, переводящей, перефразирующей и толкующей остальное со свободой, приводящей въ ужасъ сколько-нибудь добросовѣстнаго экзегета и приближающейся въ распоряженіи Библіей къ уральскому психопату-іеговисту капитану Ильину. Да что и говорить, коли самъ родоначальникъ новаго сектантства Лютеръ, повидимому такъ превознесшій Библію предъ устнымъ преданіемъ, однако же позволялъ себѣ находить въ ней много „мякины“ и очень ужъ упрощеннымъ способомъ отдѣлывался отъ противныхъ его взглядамъ и не поддававшихся перетолкованію свящ. книгъ: прямо объявлялъ ихъ небогодуховенными, неканоническими. Поэтому, если всѣ секты, не исключая духоборовъ и хлыстовъ, говорятъ библейскимъ языкомъ, ссылаются на тексты Писаній, если даже хлысту Копылову вздума-

лось пойти противъ своего „саваоа“ и съ самаго дна глубокой Волги достать священныя книги, то здѣсь мы имѣемъ дѣло отчасти съ прямой недобросовѣстностью (желаніемъ подѣ маской евангелія, въ образѣ ангела свѣта, прельстить слабыхъ и неутвержденныхъ), а больше—съ искреннимъ самообманомъ немощныхъ, не имѣющихъ мужества всецѣло отбросить прежнюю святыню, хотя отъ нея осталась одна лишь форма, буква безъ прежняго смысла и духа жизни: все же они отъ насъ изыдоша, хоть и не быша наши. Поэтому то такъ ужасно толкуется у сектантовъ Библія; поэтому то такъ трудно убѣдить сектанта въ неправильномъ пониманіи имъ текста, оправдывающаго, по его мнѣнію, его лжеученіе; поэтому то, иногда неумѣлая, хоть и основательная по существу, полемика можетъ быть, дѣйствительно, одной текстомахіей, какъ иногда несправедливо обзываютъ огульно все наше противосектантское дѣло.

Да, не Библія, не ошибки ума, не промахи невѣжественныхъ толковниковъ повинны въ образованіи сектантства; виноваты предрасудки, страсти человѣческія, коварно—малодушно ищущіе себѣ оправданія въ святыхъ книгахъ, „чтобы, если можно, прельстить и избранныхъ“.

Итакъ, психологія (а не логика) сектантства есть психологія нравственнаго развращенія, психологія грѣха; секты—это не случайныя заблужденія ума, не яростныя ошибки еле бредущихъ по Библіи, а *глубокія грѣховныя патологическія теченія нравственно-религіозной жизни*, широкой волной грѣха и отступленія заливающія міръ,—проявленія той тайны беззаконія, которая уже въ дѣйствиіи, обнаруженіе того духа антихриста, о которомъ мы слышали, что онъ придетъ, и теперь вотъ уже есть въ мірѣ.

Присмотримся къ этому нѣсколько ближе.

О началѣ грѣха мы знаемъ, что Денница не соблюлъ своего начальства, но оставилъ свое жилище, и не устоялъ въ истинѣ по гордости: высоко возмнивъ о себѣ, онъ пожелалъ освободиться отъ подначалія и послушанія Богу, хотѣлъ быть независимымъ устроителемъ своей жизни и абсолютно-свободнымъ дѣятелемъ въ мірѣ, а быть можетъ, и владыкой міра, т. е. вытѣснить Бога изъ міра и самому стать богомъ міру. Склонивъ на сей путь гордости, лжесвободы и призрачной власти многіхъ изъ низшихъ безплотныхъ, онъ потомъ толкнулъ на него и первыхъ людей, которые тоже захотѣли быть „какъ боги“, помимо Бога, и стали распоряжаться собою и природой противъ воли Бога (вкусеніе запрещеннаго плода). Съ тѣхъ поръ и понынѣ *существо грѣха есть та же исконная гордыня, та же выше Бога*

дмѣющаяся свобода, стремленіе ограниченнаго, тварнаго существа самостоятельно виѣ Божьяго (и своего нравственнаго) закона устроить свою жизнь, обладать міромъ и, если можно, властвовать надъ другими. Чрезъ исторію прогресса человѣческаго красной нитью проходитъ горделивое направленіе, стремленіе человѣческой личности къ самовозвышенію. Этотъ прогрессъ есть прогрессъ правъ личности,—эта точка зрѣнія считается, по крайней мѣрѣ, самой высокой при изученіи исторіи человѣчества. Но что такое право личности? Отвѣчаетъ исторія, поскольку она есть неустанная борьба личности за свое право: раба противъ господина, чернаго противъ бѣлаго, смерда и холопа противъ благороднаго и пана, сословія обойденныхъ противъ привилегированныхъ, мечта бѣднаго о насильственномъ отобраніи и равномъ раздѣлѣ земли и вообще имущества богатыхъ. На красномъ знамени революціи права эти формулированы такъ: „равенство, братство, свобода“. Братство принципъ чисто нравственный, не связанный необходимо съ юридическимъ равенствомъ и свободой, и, конечно, выставленъ тутъ въ минуты увлеченія; равенство же есть нисшая степень, такъ сказать, преддверіе свободы. Итакъ, свобода—вотъ заветное слово прогресса, богъ исторіи, предъ которымъ преклоняется человѣчество; къ нему (всецѣло) сводится гуманность и либеральные „измы“; свобода—вотъ искомое исторіей право личности! Но гдѣ же граница этихъ правъ и этой свободы? Сначала борьба за свободу отъ политическаго и личнаго рабства, затѣмъ—противъ сословнаго неравенства предъ закономъ, противъ рабства и неравенства экономическаго, далѣе—противъ деспотизма самодержавія и монархіи и т. д., и т. д. А вмѣстѣ слышится проповѣдь свободы мнѣнія и вѣрованія, слова и пропаганды, наконецъ—полной свободы дѣйствія съ упраздненіемъ всякаго насилія, мечта, принудительныхъ закона и власти, государственнаго порядка. Все это единый процессъ развитія правъ челоѣка, свободы личности, путь торжества гуманности. И можно ли гдѣ-нибудь указать существенную границу между этими послѣдовательными ступенями развитія одного и того же принципа? Сейчасъ мечтаютъ добиться свободы совѣсти и слова и близоручко думаютъ на этомъ остановиться, но можно ли свободу совѣсти и слова существенно разграничить отъ свободы дѣйствія? Пущенная гулять по свѣту дурная мысль можетъ быть по своимъ послѣдствіямъ вреднѣе дурнаго дѣла; клевета можетъ причинить оклеветанному экономическое разореніе; обида словомъ бываетъ чувствительнѣе оскорбленія дѣйствіемъ, даже можетъ свести въ могилу; подстрекательство на преступленіе есть

уже преступное дѣяніе. Религіозное, пусть, даже самое искреннее ученіе можетъ содержать въ себѣ несомнѣнныя сѣмена нравственныхъ безобразій, противосеестественныхъ и противозаконныхъ преступленій, даже—прямо выраженное анархическое направленіе. Первое мы видимъ въ нашихъ хлыстовщинѣхъ и скопчествахъ, второе—отчасти въ духоборствѣхъ и штундѣхъ, а особенно въ толстовствѣ. Какъ отличить тутъ свободу религіозной проповѣди, совращенія въ сектантство отъ свободы подстрекательства, подговора на все дурное, а если пропаганда ведется нечистыми путями, то—и отъ свободы застраиванія, подкупа и т. д.?—Но какой же выводъ изъ сказаннаго?—одобрить ли безобразія рабства или предпочесть имъ ужасы революціи и анархіи? Если поправленіе человѣческой личности послѣдовательно ведетъ къ рабству, а свобода—къ анархіи, то гдѣ же выходъ изъ этой дилеммы? Гдѣ остановиться, но не на полѣ-дороги? Куда идти, но съ яснымъ сознаніемъ конца пути? Единственно правильный путь жизни—какъ для человѣка, такъ и для человѣчества—это путь согласія съ Абсолютнымъ, послушанія Богу, путь нравственнаго развитія—любви, уступчивости, терпѣнія, смиренія. Въ одной любви разрѣшается та безысходная для эгоизма антиномія единицы и цѣлаго, личности и общества, въ которой на протяжении всей своей исторіи мучительно бьется горделивое человечество. Общество даетъ личности силу, право, но оно же и властно налагаетъ на нее обязанности: возвышая и освобождая ее одной рукой, оно гнететъ и закрѣпощаетъ ее другой. И на началахъ эгоизма, когда личность принимаетъ узы общественности въ расчетѣ получить выгоды въ смыслѣ свободы развитія и проявленія,—выхода изъ этой петли нѣтъ: личныя права покупаются общественными обязанностями, личная свобода—рабствомъ закону. Эгоизмъ, гордыня,—въ какія бы общественныя формы они ни завивались, всегда суть начала уродливо индивидуалистическія и, какъ такія, ведутъ къ обратному результату—попранію личности. Иное дѣло любовь. Это начало организующее, ведущее къ высшей личной свободѣ чрезъ подвигъ самоотреченія. Не ища себѣ свободы, права, выгоды, она по добровольному нѣжному влеченію отдаетъ личность въ послушаніе другимъ, и, какъ свободное подчиненіе, находящее себѣ въ этомъ самомъ удовлетвореніи, она распутываетъ гордіевъ узелъ свободы и закона, права и обязанности, личности и общества: ища всецѣло закона и обязанности, она приобретаетъ свободу и право, отдавая личность обществу, она приобретаетъ ее отъ него. Любящій рабъ не станетъ добиваться свободы, но любящій господишь

самъ дать ее ему. Въ идеальномъ союзѣ любви мыслится полнѣйшая свобода отъ какого бы то ни было общественнаго принужденія или ограниченія (потому то свобода такъ возжелѣнна и свята и для христіанина, какъ спутникъ любви), но лишь потому, что любящая личность носить въ себѣ всю нужную полноту нравственнаго самоограниченія, охотнаго самопожертвованія. Полная свобода допустима лишь при полной святости (любви). Въ Богѣ и мыслится абсолютная свобода, какъ нравственная необходимость, какъ святость, какъ любовь и самоотреченіе. Свобода—послѣдствіе, спутникъ святости любви; къ ней можно идти, стремясь къ святости. Власть можетъ дать обществу столько свободы, сколько въ немъ нравственнаго развитія. Но грѣхъ производитъ коварную подтасовку въ стремленіяхъ человѣка: отодвигая на задній планъ добро, затѣняя святость, заглушая любовь, онъ выдвигаетъ свободу, какъ самостоятельную и высшую цѣль, обольщаетъ ею, какъ высшимъ благомъ. И человѣкъ, не замѣчая, что его идеаль урѣзанъ, обокраденъ, подмѣненъ, продолжаетъ считать его святыней и добивается всѣми силами свободы, какъ безусловнаго права, внѣ стремленія къ совершенству любви, а не добившись ея, считаетъ себя ободеннымъ и обиженнымъ; ему хочется стать свободнымъ „какъ богъ“, но вовсе не въ зависимости отъ того, чтобы воспріять въ себя Бога—любви. Личность, говорятъ, есть высшее въ мірѣ, сама по себѣ безусловная цѣнность, а потому ея права должны быть постоянной высшей цѣлью человѣка. Болѣе экзальтированное и парадоксальное мышленіе договаривается до сверхчеловѣка, стоящаго выше, по ту сторону добра и зла (типъ антихриста). Беллетристика этого направленія воспѣваетъ героевъ демоническаго характера, свободолюбивыхъ борцовъ или босяковъ, полныхъ клокочущихъ страстей, рѣзкихъ проявленій, высокоумѣрнаго осужденія и презрѣнія, и издѣвается надъ смиренными, кроткими, уступчивыми, какъ надъ слабыми, чахлыми, блѣдными, безжизненными. — Такое извращеніе Творцомъ положенныхъ основъ жизни, вся эта лживая иллюзія, погоня за призракомъ, естественно, даетъ обратный результатъ: деспотизмъ закона мѣняется на тягчайшій деспотизмъ беззаконія, ибо безудержная свобода гордеца и самолюбца есть сѣмя всевозможныхъ насилій; единица возвышается на счетъ цѣлаго, но за то разстраиается организмъ, дававшій жизнь каждому отдѣльному члену. И исторія этой гордыни есть картина Сизифовой работы, титаническихъ успѣховъ, но и колоссальнѣйшихъ неудачъ; порывъ къ величію, но путь безславія и позора. Паденіе личнаго рабства быстро смѣ-

нилось рабствомъ экономическимъ. Во имя равенства избивались привилегированные, во имя свободы—правители. Кружки самыхъ крайнихъ борцовъ за свободу противъ всякаго гнета и насилія дышать самымъ нетерпимымъ фанатизмомъ, ужаснѣйшей тиранніей и, держась внутри самымъ грубымъ деспотизмомъ, во внѣ дѣйствуютъ кинжаломъ, динамитомъ, револьверомъ. Французская революція смѣнилась эпохой террора; равенство, братство, свобода—поддерживались гильотиной; знамя свободы—всегда кроваваго цвѣта: характерно въ высшей степени! И наша свѣжая Павловская исторія мужиковъ-толстовцевъ, ради скорѣйшаго торжества непротивленія разгромившихъ церкви и колыями избившихъ властей и православныхъ,—эта не какая-нибудь бессмысленная случайность, а типичнѣйшій фактъ, полный принципиальнаго смысла ¹⁾. На ложномъ пути суждены лишь благіе порывы, свершить-же ничего не дано; каждый шагъ впередъ есть вмѣстѣ и шагъ назадъ, сдѣланное правой рукой тутъ-же разрушается лѣвой. Человѣчество, сбившееся съ Божьяго пути,—это ворона на болотѣ: вытянувъ изъ грязи носъ, она погрязаетъ хвостомъ, и, чтобы извлечь хвостъ, она принуждена снова упереться въ грязь носомъ. А почему? Потому, что потеряна твердая точка опоры и условное поставлено на мѣсто безусловнаго. Единственная твердая точка опоры, тяга земли—добро, а безусловное—законъ Бога; въ святинѣ любви разрѣшеніе всеѣхъ путаницы и всеѣхъ проблемъ, а лже-свобода подбита на изнанкѣ враждой, насиліемъ, страстями. Вопреки философамъ, личность человѣческая не есть что-либо само по себѣ цѣнное; она цѣнна

¹⁾ Не станемъ говорить о свободѣ человѣка въ обращеніи съ природой, благами міра и ея послѣдствіяхъ. Оставивъ нравственный законъ и самоувѣренно стараясь свою собственную мысль и волю положить въ законъ внѣшнихъ явленій и своихъ отношеній къ природѣ и своему тѣлу, человѣкъ видимо добился многого; но въ сущности загадилъ и изсушилъ здоровый, производительный, прекрасный Божій міръ и сдѣлался разбитыхъ работъ ему чрезъ цѣлый рядъ безобразнѣйшихъ плотскихъ похотей и страстей—чревоугодія, разврата, корыстолюбія, роскоши и т. д. Возможно, что культурный прогрессъ отъ этого пошелъ и быстрее, по крайней мѣрѣ въ началѣ, на первыхъ порахъ (такъ онанизмъ даетъ ребенку преждевременную и кратковременную половую зрѣлость, изсушая организмъ); но за то онъ всегда производитъ и свою обратную сторону: и кто рѣшитъ, что перетягиваетъ на вѣсахъ счастья—блага-ли культуры или ея уродливыя послѣдствія? Замѣчательно, что и по Библіи первыя изобрѣтенія, первые культурные шаги—дѣло Каинитовъ, а не Сиенитовъ, а затѣмъ Хамитовъ, а не Семитовъ и Іафетитовъ. Сюда, конечно, относятся и выраженія ап. Павла о суетѣ, которой подверглась тварь чрезъ наши грѣхи и о ея совездыханіи и соболѣзнованіи нашему несчастному состоянію.

лишь поскольку отрекается отъ себя въ пользу Бога, послушна Ему, добра, и имѣть отрицательную цѣнность, поскольку она зла, т. е. утверждаетъ себя внѣ и противъ Бога, уклоняясь отъ законовъ бытія и истинной жизни. Право бытія имѣетъ одно добро; въ комъ окончательно окрѣпло зло и угасла искра добра въ его совѣсти, кто уже вовсе и навсегда пересталъ внутренне мучиться зломъ (бѣсовское состояніе), тотъ не можетъ, не долженъ вызывать состраданія, заслуживать снисхожденія. Личность, какъ-бы сильна она ни была, не должна стоять по ту сторону добра и зла. Преклоненіе предъ силой личности, интенсивностью жизни, независимо отъ ея нравственнаго качества, направленія,— есть язычество, идолопоклонство, изгнаніе изъ жизни добра, Бога, и вознесеніе на Его святой престолъ самого человѣка со всѣмъ человѣческимъ — грязными страстями и похотями. Свобода—это нѣчто святое, идеальное, завѣтное, Божественное, но (при ложной постановкѣ стремленій)—это и горделивый идолъ на глиняныхъ ногахъ, золотой снаружи, а внутри полный костей человѣческихъ, съ алмазными очами и руками, обогранными кровью жертвъ человѣческихъ. Такимъ образомъ, принципиально разсуждая, личности должна быть предоставлена свобода соразмѣрно ея добродѣтели, и законное насиліе должно быть пропорціонально существующему злу. Терпимость, попусценіе можетъ быть лишь временнымъ, условнымъ, выходить изъ воспитательныхъ цѣлей, т. е. цѣлей добра же, подобно дисциплинѣ естественныхъ послѣдствій въ педагогії. Святые выше закона, но для грѣшныхъ и злодѣевъ власть мечъ носить, хотя и не безъ ума, т. е. не безъ нѣкоторой педагогической разсудительности (этимъ мы избѣгаемъ аутодафе и инквизиціи ¹⁾). Доби-

¹⁾ Въ защиту безусловной терпимости противъ насилія власти указываютъ на то, что Самъ Богъ терпитъ свободу зла: вся-де міровая исторія, начиная со свободнаго и безпрепятственнаго соврашенія змѣи Евы и Евой Адама,—есть сплошная Божественная терпимость. То правда, что Богъ не уничтожаетъ свободу или, что тоже, личность тотчасъ, какъ только она станетъ на путь зла; Онъ „пускаетъ“ зло, но попусценіе Божіе условно, и Онъ не оставляетъ зла безъ ограниченія. Въ мірѣ Имъ положенъ законъ: добро есть источникъ жизни и блаженства, а грѣхъ—корень мученія и смерти. Этотъ роженъ, на который можетъ, если захочетъ, прать человѣкъ, но на свою погибель, это—камень, лежащій во главѣ угла міробытія, но, падая, разбивающій въ прахъ сыновъ противленія. Доколѣ въ человѣкѣ есть еще добро, этотъ законъ имѣетъ смыслъ педагогическій, горечью наказанія свидѣтельствуя человѣку, что онъ свернулъ съ истиннаго пути, и побуждая его вернуться съ пути погибели. Со времени-же полного сознательнаго опредѣленія личности ко злу онъ превращается въ грозный законъ кары, ввергая грѣшника въ муки погибели. Можно провести указанный законъ до

ваются разнузданной свободы—эгоисты, гордецы. Съ другой стороны, уступают симъ притязаніямъ лишь тѣ изъ имѣющихъ въ рукахъ законный мечъ власти, у кого потеряно ясное различіе добра и зла и твердая воля въ то, что онъ на пути истины, у кого сбивчиво нравственное сужденіе, т. е. помрачена совѣсть, кто не чувствуетъ почвы истины подъ ногами. Пресловутая терпимость, если только она не есть разумный педагогическій расчетъ и цѣлесообразное поущеніе, есть несомнѣнно порожденіе индифферентизма и скептицизма. Если быть къ добру и злу постыдно равнодушнымъ, то тогда, конечно, зачѣмъ подымать борьбу и изъ-за чего насиловать человѣка? Какъ посягнуть на свободу другого безъ совершенной увѣренности въ истинѣ того, во имя чего посягаешь? вѣдь, онъ такой же человѣкъ, какъ и я: ну, что коли правъ то онъ, а ошибаюсь я?—вотъ пути для всякаго вмѣшательства въ дѣла другого; дерзновеніе-же власти пропорціонально ея убѣжденности ¹⁾. Христіанство, по существу своему, есть претензія на обладаніе извѣстной долей абсолютной

конца міровой исторіи. Исполнится время, и всѣ люди окончательно опредѣлятся своей свободой: одни станутъ неисправимо злы, другіе—неискусимо добры; между адомъ и раемъ, т. об., утвердится великая пропасть, и сатана будетъ связанъ. Оставивъ въ покоѣ неуязвимыхъ, могучихъ силою Божіею, праведниковъ, демоны и демоноподобные люди, дотолѣ сплоченные въ единое царство міра сего и преисподней общей борьбой противъ добра, теперь обратятъ всю свою злобу другъ на друга. Въ этой нескончаемой адской борьбѣ и злобѣ они будутъ болѣе и болѣе истощать свои силы, мучиться, идя ко „второй смерти“ (Апок. 20,14; 21,8). Какъ праведники будутъ вѣчно возрастать, умножать въ добрѣ и блаженствѣ, въ общеніи съ Богомъ свои силы, пока не достигнутъ недвижимой (антиномія) полноты бытія въ единствѣ Богу, такъ и грѣшники будутъ вѣчно умирать въ мукахъ, погашать во злѣ свои силы жизни, чтобы путемъ этого ослабленія интенсивности жизни (Кантъ) дойти до недостижимаго (таже антиномія) уничтоженія, небытія. Такъ мирится монизмъ добра съ ведущей якобы къ дуализму идеею вѣчныхъ мученій. Грѣшники дойдутъ до небытія въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ праведники станутъ Богами (въ образѣ Троицы—Іоан. 17 гл.). Тутъ безконечная величина цѣли покрывается безконечною длительностью процесса ея достиженія: имѣя въ виду первое—можно говорить о моментѣ, когда „будетъ Богъ всяческая во всѣхъ“, а имѣя въ виду второе—можно утверждать вѣчность мученій, какъ и вѣчность неравенства Богу святыхъ. Идея безконечности есть антиномія для нашего разума. Допустить-же безусловную свободу зла—это значитъ не понять міровую исторію, какъ наказаніе и кару грѣшниковъ, и допустить полный дуализмъ добра и зла.

¹⁾ Само собою разумѣется, что прежде, чѣмъ употребить власть, надо потратить много словъ и прежде наказанія надо постараться разоблачить заблужденіе и смягчить сердце участіемъ и любовью. Наказаніе должно быть актомъ любви къ наказуемому, а кара надъ нимъ—имѣть въ виду спасеніе другихъ отъ его зла.

истины и на участіе въ абсолютной жизни: оно исключаетъ индифферентизмъ и скептицизмъ, а потому и безусловную дряблую терпимость.

Гордость, какъ стремленіе человѣка стать Богомъ помимо и, слѣд., вмѣсто Бога, въ жизни сказывающаяся стремленіемъ человѣческой личности стать выше какого-бы то ни было стѣсненія и ограниченія,—абсолютно-свободнымъ дѣятелемъ въ мірѣ, въ области умозрѣнія *приводитъ къ теоретическому устраненію Бога* и поставленію на Его мѣсто человѣка, т.-е.—къ антропотенизму. Эта тенденція мысли, проходя различныя стадіи своего логическаго и психологическаго развитія и борясь съ изначальной идеей единого премірнаго истиннаго Бога, разрѣшилась, наконецъ, въ концѣ до-христіанскаго міра антропоморфизмомъ Греко-Римской религіи, которая (по крайней мѣрѣ въ этомъ смыслѣ) составляетъ послѣднее слово древняго язычества. Но это было далеко не самое крайнее, не самое послѣдовательное осуществленіе вышеуказанной горделивой тенденціи мысли. Греко-Римскіе боги, правда, мыслились въ образѣ людей, съ человѣческими способностями и страстями; но все-же это не были въ собственномъ смыслѣ люди, а лишь воображаемыя человѣкообразныя существа высшаго порядка, надѣленные человѣческими свойствами, но въ высшей степени, т. е. премудрые, могучіе, бессмертные. Это былъ только антропоморфизмъ, а не полный антропотенизмъ, хотя, можетъ быть, въ немъ и пробивались черты послѣдняго въ почитаніи предковъ и особенно въ Греческомъ обоготвореніи героевъ и Римскомъ—царей.—Языческій фантастическій политеизмъ древности, особенно въ образованной Греціи, ко времени возникновенія христіанства уже падалъ подъ ударами логической философской идеи монизма; ту же идею проповѣдало и христіанство. Съ тѣхъ поръ для образованнаго міра немислимо стало язычество, какъ политеизмъ. Но основное направленіе грѣшной, гордой, естественной религіозно-философской мысли осталось и въ новомъ мірѣ то же, что и въ древнемъ, и процессъ разрушенія первоначальной чистой вѣры язычествомъ въ собственномъ повторился и повторяется въ разрушеніи той же гордой мыслью и чистой истины христіанской. Вмѣсто наивнаго языческаго политеизма и антропоморфизма выросъ въ новой философій намѣченный еще древнею—*пантеизмъ, сокровенно содержащій въ себѣ антропотенизмъ*: это несомнѣнный шагъ впередъ, но по тому же пути гордаго самообожанія язычества. Пантеизмъ отрицаетъ трансцендентнаго міру личнаго Бога. Принимая направленіе идеалистическое, онъ объявляетъ всѣ вещи и явленія

міра феноменами, призрачними модусами единственно истинно Сущаго, или моментами развитія этого Абсолютнаго отъ безсознательнаго къ самосознанію и отъ слѣпнаго стремленія къ разумной волѣ. Становясь же на путь реалистическій и матеріалистическій, онъ трактуеть Бога, какъ душу міра, единую его сущность, основу, силу. Но на томъ и другомъ пути онъ сходится въ признаніи человѣка за высшаго личнаго дѣятеля въ мірѣ (ибо онъ есть высшее, реальное или призрачное—все равно, проявленіе міровой сущности), т.-е. всякій пантеизмъ косвенно возводитъ человека въ Бога. Что касается дальнѣйшихъ выводовъ изъ этой ложной концепціи, то несомнѣнно, что съ точки зрѣнія пантеизма должно быть признано за человѣкомъ право абсолютной свободы дѣйствія въ отношеніи къ вещамъ и людямъ (я не говорю о свободѣ воли—это иное): онъ—богъ, онъ—высшая въ мірѣ личность. Если, повидимому, онъ дѣлаеть дурно, то это онъ лишь ошибается, то—не грѣхъ въ смыслѣ сознательнаго паденія,—такого грѣха для человѣка-бога нѣтъ, абсолютное падать не можетъ,—то просто ошибки недалководности, незнанія того, что въ концѣ концовъ для него полезно, непониманіе законовъ бытія и жизни, недоразвитость абсолютнаго сознанія въ человѣкѣ. Процессъ добра въ людяхъ долженъ быть и есть вполне соотвѣтственъ процессу умственнаго развитія: зло—въ невѣжествѣ, непониманіи своего счастья; а потому и спасеніе—въ просвѣщеніи, познаніи бытія и жизни, природы и человѣка. Наибольшаго почтенія въ мірѣ заслуживають наиболѣе умный, сильный, свободный человѣкъ (источникъ антихристіанскаго типа сверхчеловѣка). Когда Абсолютное достигнетъ въ людяхъ полнаго своего самосознанія или когда, проще говоря, человѣчество приблизится постепеннымъ естественнымъ путемъ культуры и просвѣщенія къ полному знанію своихъ силъ, тайнъ природы, господству надъ нею и къ полному пониманію своего счастья, своихъ выгодъ, тогда, въ концѣ прогресса и исторіи, настанетъ золотой вѣкъ; и (хотя личное воскресеніе преждеотшедшихъ немислимо, но) нѣтъ ничего невозможнаго, что наука дастъ земное безсмертіе тѣмъ, кто будетъ жить въ то блаженное время. А пока еще среди людей царить мракъ и заблужденіе, можно и должно другъ другу разъяснять пути жизни, но, конечно, никто не въ правѣ насиловать другого во имя своихъ убѣжденій: въ немъ, какъ и въ тебѣ, абсолютное, Богъ, душа міра, и кто поручится, что правъ въ своей увѣренности ты, а не онъ? Пантеизмъ со всѣми указанными изъ него выводами есть преобладающее и въ настоящее время естественное религіозно-философское міровоззрѣніе, являющееся не только

достояніемъ мыслителей, какъ философская доктрина, но и окрашивающее всю вообще научную и публицистическую мысль, въ смутныхъ отрывкахъ и выводахъ усвояемое съ вѣтру и недочками.

Мы намѣренно остановились на раскрытіи горделиваго направленія мірской мысли и жизни, чтобы затѣмъ яснѣе указать, что *и наше сектантство есть исчадіе этого-же духа міра сего, одно изъ проявленій той-же гордыни челоѣка и его самообожанія.*

И прежде всего—въ своей умозрительной части оно носитъ *черты пантеизма.* Правда, оно есть преимущественно отрицательный въ отношеніи къ православію процессъ, и въ немъ больше критики православія, чѣмъ своего положительнаго вѣроученія; при томъ же, какъ достояніе по преимуществу народной невѣжественной массы, оно главнымъ образомъ вертится около вопросовъ болѣе практическихъ—о спасеніи, Церкви, таинствахъ, особенно-же обрядахъ, оставляя въ тѣни всѣ болѣе отвлеченныя догмы. Но если, однако, разобраться въ догматическихъ обрывкахъ, туманностяхъ и противорѣчіяхъ сектантства, то въ немъ приходится констатировать пантеистическое направленіе религіозной мысли, приводящее къ челоѣкообожанію. Трудно навязывать пантеизмъ евангеликамъ, хотя, можетъ быть, онъ смутно пробивается, если не въ пашковщинѣ, гдѣ простая увѣренность въ спасеніи уже равносильна самому спасенію, то хоть въ отрицаніи чудеснаго воскресенія тѣла въ духовномъ молоканствѣ, ожиданіи чувственнаго царства Мессіи, царства разума, правды, свободы въ молоканствѣ жидовствующемъ, и отчасти въ штундизмѣ, а равно въ признаніи нѣкоторыми изъ штундистовъ Христа простымъ облагодатствованнымъ челоѣкомъ, научившимъ міръ разуму. Но въ сектахъ, дальше ушедшихъ отъ православія и христіанства, пантеистическое міровоззрѣніе уже совершенно ясно. Такъ, несомнѣнно пантеистическую подкладку имѣютъ хлыстовщина и скопчество. Хотя они и не раскрываютъ подробно своего ученія о Богѣ и Его отношеніи къ міру, но самый основной ихъ догматъ о перевоплощеніяхъ Христа въ людяхъ ¹⁾ имѣетъ себѣ аналогію въ несомнѣнно пантеистическомъ Буддизмѣ и можетъ быть объясненъ лишь изъ началъ пантеизма: если Богъ есть не больше, какъ міровая сила, особенно проявляющаяся въ людяхъ, то понятно, что воплощенія Христа въ православномъ смыслѣ быть не можетъ; Христосъ

¹⁾ Ученіе о „перевоплощеніи“, всеобщее въ хлыстовщинѣ, не всеобщее въ скопчествѣ. *Прим. ред.*

Сынъ Божій въ смыслѣ особеннаго присутствія въ немъ Божественнаго начала, которое, конечно, въ такой же, если не большей степени, можетъ быть присуще и другимъ людямъ, которые и могутъ быть пророками, христами, саваоами. Могло-бы быть еще, пожалуй, какое-нибудь сомнѣніе на счетъ пантеизма хлыстовъ, если-бы они учили лишь о послѣдовательномъ переселеніи души историческаго Христа изъ одного человѣка въ другого и о возможности, слѣдовательно, въ каждый данный моментъ быть на землѣ лишь одному Христу. Но хлысты именно допускаютъ одновременное существованіе многихъ Христовъ, при чемъ возможно даже такое явленіе, что эти послѣдніе будутъ разногласить, повздорятъ между собою и станутъ доказывать другъ другу:—„я богъ великъ!“—„а я больше тебя!“ „Онъ (Христосъ), поется въ хлыстовскихъ распѣвцахъ, пречистой своей плотію подвигъ земной кончилъ, а въ другихъ плотяхъ избранныхъ Онъ еще кончаетъ, а въ иныхъ плотяхъ избранныхъ Онъ еще начинается“. Это уже необъяснимо изъ простой идеи душепреселенія, хотя и самая идея-то эта удобнѣе всего вырастаетъ на почвѣ пантеистической. Не говоримъ уже, что дуалистическій взглядъ хлыстовъ и скопцовъ на плотъ, какъ безусловно грѣшное начало, ихъ уродливый аскетизмъ, отрицаніе брака, ихъ ученіе о таинственной смерти въ человѣкѣ его личности, послѣ чего онъ начинаетъ-де чувствовать въ себѣ иную чужую силу и волю,—все это черты пантеизма, сродныя индійскому Буддизму.—Яснѣе, прямѣе пантеистическое понятіе о Богѣ и Его отношеніи къ міру и человѣку раскрыто у духоборовъ, у которыхъ можно констатировать пантеизмъ, не прибѣгая ни къ какимъ окольнымъ путямъ и наведеніямъ. Богъ, по духоборамъ, не имѣетъ отдѣльнаго отъ міра бытія; Онъ пребываетъ въ людяхъ вообще и избранныхъ—духоборахъ—особенно, какъ сила и память (Богъ Отецъ), разумъ и слово (Богъ Сынъ) и воля (Богъ Духъ). Троичность есть вовсе не ипостасная самостоятельность, а лишь различіе въ проявленіяхъ этого безличнаго мірового божества. Небеса, гдѣ обитаетъ Богъ и будутъ обитать духоборы,—это добродѣтели; рай—это они, духоборы; адъ, гдѣ обитаютъ злые демоны,—это души грѣшниковъ. Міръ никогда не кончится, а останется въ томъ-же видѣ, какъ и теперь, только современнымъ настанетъ царство однихъ праведныхъ, т. е. духоборовъ; воскресенія тѣлъ не будетъ, и люди будутъ и тогда такъ же, какъ и теперь, рождаться и умирать и такимъ образомъ вѣчно мѣнять тѣла, переселяясь душой изъ одного—износившагося въ другое—иное. Подобное же ученіе, но безъ вѣры въ душепреселеніе, съ

нѣсколько пессимистическимъ оттѣнкомъ и нѣкоторымъ подобіемъ буддійской нирваны, содержитъ и догматика Л. Толстого. Богъ—это высшее, Божественное свойство міра—Разумъ. Если надо говорить о Троицѣ, то Отецъ—это будетъ жизнь, Сынъ—разумъ, Духъ Св.—разумъ жизни, разумѣніе ея. Люди—это наиболѣе ясныя проявленія этого мірового начала; любовь ихъ между собою—это чувство своего тождества въ основѣ міра и стремленіе къ послѣдней; умирая, человѣкъ возвращается этой, обитавшей въ немъ, частицей разума къ общему, безличному и блаженному, міровому Разуму. Дробленіе единого Разума на обособленныя человѣческія личности есть временный и даже нежелательный эгоистическій процессъ; бракъ и чадородіе грѣховны, міръ естественно уничтожится отъ безплодія и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.—Остается еще развѣ упомянуть о Сіонской вѣсти капитана Ильина, гдѣ пантеизмъ новой мысли невѣжественно повернулъ на 2000 лѣтъ назадъ—къ антропоморфизму древности, приближаясь вмѣстѣ къ грубому матеріализму. Боги, по Ильину,—это люди, лишь премудрые, бессмертные, обладающіе тайнами природы маги; Егова—тоже человѣкъ, ибо Онъ ѣлъ, пилъ и боролся съ Іаковомъ. Когда придетъ на землю Мессія, то водворить на ней тысячелѣтнее царство всеобщаго довольства, богатства, нѣги и роскоши.

Итакъ, наше сектанство, по крайней мѣрѣ въ сектахъ болѣе удалившихся отъ православія и сколько-нибудь пускающихся въ общія богословскія умствованія, несомнѣнно отражаетъ на себѣ пантеистическое вліяніе язычествующей въ христіанствѣ мысли, ведущей человѣка къ самообольщенію въ своей божественности.

Языческое же гордое стремленіе человѣка къ превозношенію своей личности, воли, свободы, указанное нами въ человѣческой исторіи, сказалось и въ другихъ пунктахъ сектантскаго отступленія ¹⁾.

¹⁾ Пусть будетъ позволено здѣсь сдѣлать маленькую историческую справку. Исторія новыхъ ересей начинается съ реформаци. Реформаціонныя же протестантскія движенія Западнаго Германскаго міра совпали съ вѣкомъ гуманизма, подъема самосознанія личности. И здѣсь, очевидно, не одно *post hoc* но и *propter hoc*. Реформація была ни чѣмъ инымъ, какъ протестомъ сознавшей себѣ цѣну и свои силы личности противъ гнета авторитета и организациі Римской церкви, доведенныхъ, дѣйствительно, до крайности. Это было рѣшительно то же явленіе въ жизни церковно-религіозной, какое нѣсколько позже имѣло мѣсто и въ жизни соціально-политической, когда личность выступила за свои права противъ государства, оправляясь, какъ и реформація, отъ злоупотребленій власти и недостатковъ организациі и затѣмъ уже не останавливаясь на одномъ возстановленіи прежде счи-

Такъ, оно видно въ искаженіи нашими сектами основнаго христіанскаго догмата искупительнаго Боговоплощенія, при чемъ здѣсь вліяли отчасти горделивыя, самоувѣренныя человѣческія стремленія вообще, отчасти-же прямо имъ поддакивающее пантеистическое міросозерцаніе.

Догматъ искупленія имѣетъ глубокія нравственныя основанія. Вѣра въ спасеніе насъ Богочеловѣкомъ предполагаетъ смиренное сознаніе всей глубины нашего паденія, всего нравственнаго ничтожества какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего человѣчества, совершенной невозможности людямъ спастись самимъ, т. е. исправиться собственными естественными усиліями и взаимопомощью: иначе, вѣдь для чего и искупленіе? Грѣховность наша, по православному ученію, не просто въ одномъ нашемъ невѣжествѣ по вопросамъ спасенія, нашей неразвитости въ различеніи добра и зла, неясности нашей совѣсти, а кромѣ того еще въ глубокомъ, отчасти наслѣдственномъ, отчасти самопріобрѣтаемомъ растлѣніи, ослабленіи нравственной воли -- до безсилія осуществить даже ясно сознаваемый долгъ. Поэтому и Христово дѣло отнюдь не сводится къ одной проповѣди, хотя бы и подкрѣпленной личнымъ примѣромъ, одному возвѣщенію истины любви чрезъ ученіе и жизнь, — истины, запечатлѣнной въ своей жизненности и искренности страданіемъ и смертью; но оно еще состоитъ въ благодатномъ таинственномъ возрожденіи нашего сердца, нашей воли, чтобы они сильны были любить и осуществлять желаемое добро. Поэтому-то и Искупителемъ, возсоздающимъ падшую природу человѣка, можетъ быть лишь Тотъ, Кто и творилъ еѣ, т. е. Лицо Божеское, а учителемъ чистой нравственности можетъ быть и какой-нибудь великій человѣкъ-пророкъ или философъ. Вотъ это-то ученіе о Богѣ во плоти пришедшемъ и святомъ крестѣ Богочеловѣка, смиряющее ветхаго человѣка съ его естественными надорванными силами, и *полно безумія и ненависти въ очахъ гордыхъ*. И покорный слуга уязвленной гордости — разумъ, быть можетъ самъ того

тавшагося нормальнымъ порядка вещей, на одномъ искорененіи злоупотребленій, но требуя существенной коренной реформы всего строя жизни, — явленіе, наиболѣе яркимъ моментомъ котораго была революція. Церковная протестантская реформа — это не что иное, какъ церковная революція, и въ своей исторіи она стоила Западному міру крови ничуть не меньше, чѣмъ всѣ революціи и политическіе перевороты. Равенство, братство, свобода — знамя революціи; то же равенство, братство, свобода, — лишь въ религіозной области, — девизъ реформаціи: здѣсь ея историческая сила и обаятельность. Личность заявила себя совершеннолѣтней, полноправной, сильной и силою вырвалась изъ подъ общественной опеки — сначала Церкви, а потомъ и государства.

не замѣчая, перевираетъ догматъ такъ, чтобы сохранить личности ея самообольщенное достоинство. Большую службу служить тутъ въ его рукахъ и пантеизмъ, какъ онтологическая подкладка челоѣкообожанія. Соблюсти же челоѣку собственное достоинство въ ученіи о спасеніи можно лишь въ ущербъ величію и цѣнности Божественнаго дѣла искупленія. И вотъ во всѣхъ, или почти во всѣхъ, нашихъ сектахъ, такъ или иначе, прямо или косвенно проводится мысль, что грѣхъ челоѣка не такъ ужъ глубокъ, а естественныя силы наши не такъ ужъ слабы; что челоѣчество само своими силами можетъ выйти изъ настоящаго тягостнаго состоянія: стоитъ ему только познать истину, а это не такъ ужъ трудно, и къ этому идетъ исторія; что Спасителю вовсе не надо быть Богомъ, а достаточно быть нашимъ же братомъ челоѣкомъ, лишь мудрѣйшимъ и искреннѣйшимъ. Наиближе къ православію въ разсматриваемомъ отношеніи стоятъ тѣ секты, которыя содержатъ чисто лютеранское ученіе о внѣшнемъ оправданіи челоѣка единственно по вѣрѣ въ искупительныя заслуги Богочелоѣка и о непосредственномъ благодѣтельствovanіи каждаго въ молитвѣ и чтеніи слова Божія, т. е. пашковцы и часть штунды. Молокане хоть и признаютъ Христа Сыномъ Божиимъ, но Сына Божія считаютъ неравнымъ Отцу по Божескому достоинству, а плоть Христову,—а слѣд., и смерть считаютъ призрачной или, во всякомъ случаѣ, не обычной челоѣческой, а такой, какая была у сопутствовавшаго Товіи архангела Рафаила: здѣсь уже умалется величіе искупленія и тѣмъ незамѣтно дѣлается перевѣсъ въ сторону естественныхъ силъ челоѣка. Нѣкоторая часть штундистовъ считаетъ Христа простымъ благодѣствованнымъ, подобно пророкамъ, челоѣкомъ и потому не признаетъ никакой таинственной благодати въ спасеніи. Имѣя хотя смутное, но несомнѣнно пантеистическое представленіе о Тріединомъ Богѣ и Его отношеніи къ челоѣку, хлысты мыслятъ о Христѣ, какъ о челоѣкѣ, въ душу котораго, по его святости, нравственно вселился Сынъ Божій и который былъ учителемъ и носителемъ духа для своего времени. Но совершенно также можетъ снизойти Сынъ Божій и Духъ Его и въ каждаго хлыста, который и станетъ Христомъ, а родившая его (тѣлесно или по духу) будетъ богородицей. Почти тоже ученіе мы находимъ и у скопцовъ, съ тою лишь разницей, что, по нимъ, воплощеніе Христово бываетъ вызвано не нравственнымъ достоинствомъ извѣстнаго челоѣка, а потребностями историческаго момента; историческій Христосъ училъ оскотленію,—въ этомъ и все спасеніе. Болѣе развитымъ въ своихъ пантеистическихъ основа-

нѣхъ то же ученіе мы находимъ и у духовоборъ. Мы видѣли, что, по нимъ, Божественная Троица не есть Троица ипостасей, имѣющихъ отдѣльное бытіе, а Троица Божественныхъ свойствъ, разлитыхъ въ міръ и особо пребывающихъ въ ихъ избранномъ родѣ,—свойствъ—памяти, разума, воли. Историческій Христосъ есть сынъ Божій лишь въ смыслѣ особаго явленія въ Немъ этого Божественнаго свойства разума, въ смыслѣ преимущественной мудрости. Но Христосъ—не единственный Сынъ Божій. Горѣльскій Побирохинъ, напр.,—сынъ Божій совершенно въ томъ-же смыслѣ, что и Назаретскій Христосъ. Да и всякій озаренный духомъ премудрости и разума духовоборъ ниже Христа и Побирохина лишь въ степени, а не по существу: въ сердцѣ каждаго духовобора живетъ Христосъ, т. е. Разумъ, и страдаетъ за истину. Души пали въ домірномъ существованіи и никакого наслѣдственнаго прародительскаго грѣха нѣтъ; посылаемые на землю въ тѣла, переходя изъ одного въ другое, онѣ и научаются Божественному разуму, навикаютъ слѣдовать ему въ жизни и, подражая Христу-Назарянину, страдать за него и тѣмъ спасаются въ родѣ избранныхъ. Иногда духовоборы договариваются до того, что ихніе-де „старики знаютъ болѣе, нежели Христосъ“ (Новицкій, 230 стр.). Тутъ уже, значитъ, не только неспровергается особенное значеніе Христа, какъ возстановителя падшей природы нашей, но Ему отказываютъ даже въ значеніи особеннаго, исключительнаго предвѣстника истины. Дальше духовоборъ не ушелъ Толстой со своими единомышленниками. И у него Сынъ Божій—это пребывающее въ людяхъ и лично несуществующее разумѣніе жизни. Съ особенной силой оно явилось въ сынѣ Назаретскаго плотника Исусѣ, мудромъ учителѣ, непонятномъ евреями, даже ближайшими Его учениками, и пострадавшемъ за свои идеи. Грѣхъ людей—это ихъ невѣжество, отсутствіе разумѣнія жизни, и спасаетъ насъ ученіе и примѣръ жизни Христа, давая пониманіе правилъ жизни и смысла ея. Думается, толстовство очень и очень недалеко отъ того, чтобы вымолвить, что въ графѣ изъ Ясной Поляны обитаетъ разумѣніе жизни ничуть не меньше, чѣмъ въ сынѣ плотника изъ Назарета, и что Толстой—сынъ Божій и Искупитель въ родѣ духовоборческаго Побирохина, скопческаго Селиванова, хлыстовскихъ—Данилы Филиппыча и Суслова. Единственно кто, можетъ быть, зашелъ дальше Толстого, по крайней мѣрѣ говорилъ грубѣе и прямѣе, если и не такъ развито и художественно, это капитанъ Ильинъ—основатель „Десного братства“. Боги—суть люди, хотя, впрочемъ, особо умные и безсмертные; Христосъ—простой еврей, а спасеніе въ томъ, что придетъ

Мессія (человѣкъ) и чувственно воцарится на землѣ; а придетъ Онъ тогда, когда окончится незамѣтно совершающееся нынѣ раздѣленіе всѣхъ людей на десныхъ и ошуйныхъ, т. е. принимающихъ и непринимających ученіе Ильина. Тутъ уже пантеизмъ перешелъ въ грубый матеріализмъ и антропоморфизмъ; историческій Христосъ объявленъ безъ обиняковъ обыкновеннѣйшимъ человѣкомъ; а въ ученіи о спасеніи совершенно незамѣтно элемента нравственнаго исправленія и даже наученія разуму жизни: придетъ Мессія—человѣкъ, воцарится надъ „десными“, какъ они есть, и будетъ вѣчно царствовать, изгнавъ суды, власти, подати и даже школы и науки, обезпечивъ всѣмъ богатство и комфортъ. Много здѣсь невѣжества, явно видно вліяніе жидовства, но за всѣмъ тѣмъ—это несомнѣнно логическій конецъ нашего сектантства: когда разумнѣе жизни станетъ всеобщимъ или, по крайней мѣрѣ, преобладающимъ, тогда, безо всякаго особаго нравственнаго перерожденія, безо всякаго чудеснаго втораго пришествія Сына Божія (а пожалуй, и тѣлеснаго таинственнаго воскресенія) настанетъ золотой вѣкъ конца социальнаго-экономическаго и культурнаго прогресса съ отсутствіемъ всякаго меча и насилія, неравенства и нужды. Точь въ точь то самое, о чемъ мечтаетъ наша язычествующая наука и интеллигенція; безъ мечтателя Христа, безъ утопій нравственнаго перерожденія—путемъ науки, культуры, социальныхъ реформъ и переворотовъ исторія дойдетъ до золотого вѣка... Жалкія сектантскія мечты, коварный духъ антихриста!..

Нечего и говорить, къ чему ведетъ указанное горделивое и самообольщенное извращеніе сектами христіанскихъ понятій о естественныхъ силахъ человѣка и смыслѣ искупленія въ отношеніи *ученія о благодати и таинствахъ*: оно ведетъ къ полному отрицанію того и другого. Если Христосъ—лишь обожествленный человѣкъ, не многимъ выше или даже и нисколько не выше того, чѣмъ можетъ быть и каждый изъ насъ, а нѣкоторые и дѣйствительно суть, то можетъ-ли Онъ дать намъ какую-то особую Божественную, таинственно перерождающую насъ силу? и если намъ для правильности жизни и устроенія всеобщаго благоденствія достаточно лишь уразумѣть смыслъ жизни, познать изъ ученія Христова истину о жизни и вдохновиться Его примѣромъ, то и какая еще намъ нужна благодать, кромѣ этой благодати ученія и примѣра? и какія еще такія могутъ быть таинства—„магически“ низводяція благодать священнодѣйствія?... Правда, почти всѣ сектанты твердятъ о благодати и о дарахъ духа, и даже о таинствахъ, но надо осторожно относиться ко всѣмъ этимъ христіанскимъ словамъ, ибо подъ ними часто и очень часто

содержится далеко неправославный и даже нехристианскій смыслъ.—Посмотримъ для примѣра, что такое у сектантовъ крещеніе, о которомъ всѣ они учатъ. По духоборамъ, оно есть изученіе „животной книги“ и страданіе за истину по примѣру Христа. Молокане-Уклеинцы говорятъ, что оно должно совершиться въ духовной водѣ чрезъ изученіе слова Божія. У штундо-баптистовъ возрожденіе человѣка происходитъ отъ вѣры въ Евангельскую проповѣдь, а водное крещеніе—есть лишь видимый обрядъ присоединенія къ вѣрнымъ, общанія быть вѣрнымъ, символъ очищенія отъ грѣховъ. Въ пашковщинѣ оно признается, лишь какъ исповѣданіе желанія вступить въ стадо Христово. Всѣ таинства православной Церкви, по хлыстамъ, суть простые, не перерождающіе человѣка, обряды и если имѣютъ значеніе, то развѣ лишь какъ прообразъ ихъ радѣній (у скопцовъ—оскопленія); если-же иногда у нихъ и совершается крещеніе, то лишь какъ обрядъ принятія въ секту.—Возьмемъ еще примѣръ—таинство св. причащенія. Духоборы учатъ, что чрезъ слово, вѣру, сердечное желаніе Христосъ (помни—Разумъ) духовно вселяется въ людей: это и есть причащеніе; не люди должны вкушать плоти и крови Христа, а въ нашей плоти и крови рождается духовный Христосъ. Молокане-Уклеинцы причащеніемъ Христу называютъ принятіе Его ученія и исполненіе Его заповѣдей. Совершаемое у штундистовъ преломленіе хлѣба и вечера любви—имѣютъ лишь смыслъ воспоминанія страданій и смерти Христа и выраженія общенія вѣрныхъ, при чемъ хлѣбъ и вино не перестаютъ быть хлѣбомъ и виномъ и суть лишь знаки воспоминаемыхъ тѣла и крови Голгоѣскаго Страдалца. Напоминаніемъ (и больше ничѣмъ) о совершенномъ на крестѣ искупленіи является евхаристія и для пашковца. Толстовцы если и упоминаютъ о причащеніи (Харьковскіе), то разумѣютъ подъ нимъ духовное пріятіе въ себя Христа (разумѣніе жизни), словомъ—вѣрою. Наконецъ, скопцы и хлысты, если и имѣютъ обрядъ причащенія изюмомъ, хлѣбомъ, квасомъ, въ формѣ цѣлованія голаго колѣна „богородицы“ и въ другихъ ужаснѣйшихъ и безнравственнѣйшихъ видахъ, о нихъ же срамно и глаголати, то это лишь кощунственные обряды. Одни Донскіе молокане, вообще представляющіе собою очень близкую къ православію фракцію протеста противъ крайностей духовнаго Тамбовскаго толка,—признаютъ таинство евхаристіи почти по православному ¹⁾.—Вообще надо сказать, что

¹⁾ Такъ было ранѣе, но въ настоящее время молокане Донского толка, по крайней мѣрѣ въ Тамб. губ., измѣнили свое первоначальное ученіе въ смыслѣ приближенія къ штундо-бапт. ученію. *Примеч. ред.*

съ пантеистической точки зрѣнія не можетъ быть не только воплощенія личнаго Бога или благодати и таинства, но и вообще ничего въ собственномъ смыслѣ чудеснаго, сверхнатуральнаго. Если Божество не выше міра, а лишь имманентная ему основная сила и сущность, то все въ мірѣ естественно, или, если ужъ хотите, все сверхъестественно; но разницы между тѣмъ и другимъ не можетъ быть никакой. Поэтому сектантство имѣетъ тенденцію отрицать истинное христіанское Боговоплощеніе и таинства; поэтому оно такъ склонно вѣрить въ чувственное тысячелѣтнее царство, естественный блаженный конецъ исторіи и вообще отрицать чудеса Евангелія, хотя само иногда (напр., хлысты), повидимому, исповѣдуетъ сплошное чудо.

Н. Базаряниновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Положеніе иновѣрія въ Россіи.

Историческое обозрѣніе ¹⁾).

Православіе въ русской исторической жизни.—Высочайшій манифестъ отъ 26 февраля 1903 года о вѣротерпимости и основная его мысль.—Вѣроисповѣдное положеніе католиковъ и протестантовъ въ петербургскій и московскій періодъ, свобода вѣроисповѣданія католиковъ въ древней Руси.—Сопоставленіе свободы иновѣрія въ Россіи и вѣротерпимости на Западѣ.—Выводы.

Свѣтъ Креста, водруженнаго въ русской землѣ великимъ княземъ Владиміромъ Святѣмъ, съ того времени свѣтитъ въ ней непрерывно. Постепенно сливаясь съ существомъ русскихъ людей и постоянно озаряя ихъ высшими, одухотворяющими идеалами, православіе является важнѣйшею творческою силою ихъ быта, ихъ государственности; выдѣливъ изъ міра языческаго, оно сроднило ихъ съ людьми міра христіанскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и охраняетъ ихъ въ независимости отъ иновѣрцевъ и, охраняя, научаетъ къ снисходительному отношенію къ людямъ иныхъ вѣръ, иныхъ исповѣданій.

Верховный Блжститель православно-русскихъ идеаловъ еще въ настоящемъ году съ высоты Своего престола объявилъ: „Мы, съ непреклонною рѣшимостью незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ, признали за благо: укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимся, завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской, которые, благоговѣнно почитая православную церковь первенствующею и господствующею, предоставляютъ всѣмъ подданнымъ нашимъ инославныхъ

¹⁾ Любезно предложенный достопочтеннымъ авторомъ для напечатанія на страницахъ „Мисс. Обзоръ.“ этотъ очеркъ представляетъ собою рѣчь, произнесенную 2 ноября 1903 года на торжественномъ открытіи варшавскаго общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія.

и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженій по обрядамъ оной“.

Многимъ, особенно на Западѣ, это Царское слово о вѣротерпимости показалось новымъ по своимъ принципамъ, какъ бы порицаніемъ и отрицаніемъ прежняго; иные увидѣли было въ немъ даже ступень къ уравнию иновѣрія съ православіемъ, поворотъ къ „свободѣ“ отклонять и отклоняться въ чуждыя вѣрованія. Даже въ русской печати приходилось читать, что у насъ долженъ быть теперь „выходъ только одинъ. Для укрѣпленія правды въ русской землѣ надо, прежде всего, очистить отъ посторонней примѣси въ самыхъ основныхъ законахъ чистые завѣты вѣротерпимости, начертанные въ нихъ. Желательно было бы замѣнить въ статьѣ 45 выраженіе „по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ“ словами „по вѣрѣ и исповѣданію совѣсти своей“, или другими, имъ равнозначущими. Всѣ остальные перемѣны, законодательныя и административныя, тогда послѣдуютъ сами“.

Однако въ русской же печати разъяснялось, что манифестъ 26 февраля настоящаго года напоминаетъ намъ, что вовсе не въ этомъ заключается истинная вѣротерпимость, завѣты которой „начертаны въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской“: эти законы предоставляютъ всѣмъ подданнымъ Русскаго Царя инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженій по обрядамъ оной, но тѣ же законы „благоговѣнно почитаютъ православную церковь первенствующею и господствующею“, а слѣдовательно и имѣющею присвоенныя ей одной права и преимущества предъ другими исповѣданіями.

Свобода каждаго иного исповѣданія подѣ условіемъ ненарушенія правъ господствующаго православія—вотъ, дѣйствительно, основная идея послѣдняго манифеста, и эта мысль у насъ постоянная, а по отношенію къ западному иновѣрію она съ опредѣленностью, не допускающею перетолкованій, выражена и установлена въ первые же годы появленія у насъ католиковъ и протестантовъ. Что бы ни говорили по адресу Россіи, какъ бы ни кичился Западъ своею культурой и религіозною свободой, но именно Россіи первой принадлежитъ честь наиболѣе удовлетворительнаго рѣшенія вопроса и установки дѣла объ иновѣріи.

Приведемъ же рядъ соотвѣтственныхъ установленій, свидѣтельствъ и фактовъ, постепенно идя въ глубь вѣковъ.

Основные государственныя у насъ законы о вѣрѣ, на которые указываетъ Государь въ Своемъ манифестѣ, гласятъ:

„Первенствующая и господствующая въ Россійской Имперіи вѣра есть христіанская православная католическая восточнаго исповѣданія (40 статья). Всѣ непринадлежащіе къ господствующей церкви подданные Россійскаго государства, природные и въ подданство принятые, также иностранцы, состоящіе въ російской службѣ, или временно въ Россіи пребывающіе, пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной (44 ст.). Свобода вѣры присволяется не токмо христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ: да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языками по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствование Россійскихъ Монарховъ и моля Творца вселенной о умноженіи благоденствія и укрѣпленія силы Имперіи“ (45 ст.).

Хорошо извѣстно, какія широкія права католичеству и лютеранству предоставлялъ императоръ Александръ I въ присоединенныхъ при немъ царствѣ польскомъ и великомъ княжествѣ финляндскомъ. Извѣстно также, какъ энергично выражалась Екатерина II о свободѣ всѣхъ вѣръ и исповѣданій въ ея царствѣ, между ея подданными, и одинъ изъ писателей ея времени свидѣтельствовалъ: „Благодушіе императрицы къ католикамъ превзошло все, что можно ожидать отъ государыни, не принадлежащей къ римско-католической вѣрѣ... Если же Римъ этого не чувствуетъ, то онъ предъ цѣлымъ свѣтомъ доказываетъ свою неблагодарность: римско-католики въ Бѣлоруссіи столь же свободны въ дѣлахъ вѣры, какъ католики въ Албанумѣ и Фраскати“. Между тѣмъ въ той же Бѣлоруссіи притѣсненія православныхъ католиками не прекращались даже и послѣ раздѣла Польши. „Нынѣ увѣдомляемся,—говорится въ указѣ конца XVIII в.,—что въ нѣкоторыхъ присоединенныхъ отъ Польши къ державѣ нашей губерніяхъ духовенство и помѣшники римско-католическаго исповѣданія, обращая во зло данную отъ насъ свободу исповѣданія вѣры, явнымъ образомъ притѣсняютъ священнослужителей православныхъ греко-россійскія церкви, и не токмо тайно внушеніями, но даже и насильственно отторгаютъ отъ церкви сей людей, добровольно къ ней прилѣпившихся, обращая ихъ къ униатству“.

Великій Петръ въ своемъ Ништадтскомъ трактатѣ обѣщалъ, что „жителямъ уступленныхъ Россіи провинцій не будетъ никакого принужденія въ совѣсти; евангелическая вѣра, церкви и школы будутъ содержаны, какъ прежде были подъ шведскимъ владычествомъ“, однако подъ условіемъ, что и „греческая вѣра впредь свободно и безъ помѣшанія въ оныхъ такожде отпра-

влена быть можетъ“. Призывая западно-европейцевъ на службу въ Россію, онъ объявлялъ въ своемъ указѣ 16 апрѣля 1702 г., отправленномъ за границу: „Понеже здѣсь въ столицѣ нашей (Москвѣ) уже введено свободное отправленіе богослуженія всѣхъ другихъ, хотя съ нашею церковью несогласныхъ сектъ; того ради и оное симъ подтверждается, такимъ образомъ, что мы, по дарованной намъ отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пешихъ о блаженствѣ души своей“.

И со времени Петра, за весь петербургскій періодъ, свобода инославныхъ исповѣданій даже какъ-то особо подчеркивается у насъ. Наболѣе наглядной иллюстраціей сего служить то, что въ новой русской столицѣ, на главной ея улицѣ, Невскомъ проспектѣ, парадно стоятъ церкви англиканская, лютеранская и католическая, и на томъ же проспектѣ, на всемъ протяженіи его чуть ли не въ цѣлыхъ четыре версты, стоитъ всего одна домовая православная церковь, вишнею архитектурою напоминающая римскій соборъ Петра, массивный Казанскій соборъ.

Но и Петръ не вводилъ тутъ чего-либо совершенно новаго. Въ своей реформаторской дѣятельности онъ не измѣнялъ основъ русской жизни, его реформа въ существенныхъ свойствахъ предрѣшалась вѣковою практикою Московскаго государства, которая предрѣшала и предоставленіе религіозной свободы западноевропейцамъ. Не даромъ же свои слова манифеста о свободѣ вѣры Петръ начинаетъ указаніемъ на существовавшее уже въ Москвѣ.

Олеарій, современникъ Алексѣя Михайловича и Михаила Федоровича, записалъ: „Москвитяне терпятъ всякаго рода исповѣданія и охотно ведутъ дѣла съ разными народностями... Русскіе охотно терпятъ въ своей странѣ лютеранъ и кальвинистовъ, равно какъ и отправленіе ихъ богослуженія. Католики же или паписты до сихъ поръ еще мало пользуются ихъ расположеніемъ... Вообще же не слышно, чтобы русскіе насильственно кого обращали въ свою вѣру и, напротивъ, каждому они предоставляютъ свободу совѣсти, хотя бы это были ихъ подданные или рабы... Всякаго же, добровольно обращающагося въ ихъ вѣру, они охотно принимаютъ“.

Въ Андрусовскомъ договорѣ (1666 г.) Алексѣя Михайловича съ польскимъ королемъ установлялось, что жители уступленныхъ отъ Польши городовъ „свободно могутъ имѣть употребленіе вѣры католической безъ всякаго въ отправленіи богомолія своего въ домахъ своихъ затрудненія“. По Веліесаріевскому до-

говору (25 дек. 1658 г.) жителямъ шведскихъ областей, оставшихся подъ русскимъ владычествомъ, государь обѣщаль „ихъ богомолья не отнимать, но чтобъ имъ имѣть свои попы и церковную службу, по ихъ вѣрѣ и безъ помѣшки“.

Та же безпрепятственность вѣроисповѣданія была и въ XVI вѣкѣ.

Когда посолъ королевы Елизаветы къ царю Ѳеодору Ивановичу ходатайствовалъ (1587 г.) о повольности англійскимъ торговымъ людямъ жить въ Россіи „по своей вѣрѣ и въ своемъ законѣ“, то ему было сказано: „государю нашему до ихъ вѣры и дѣла нѣтъ: многихъ вѣрѣ люди живутъ въ государя нашего государствѣ... и тѣ всѣ живутъ въ своихъ вѣрахъ, и отъ вѣры ихъ не отводятъ, кто какъ хочеть, тотъ такъ и живетъ по своей вѣрѣ“.

При опредѣленіи правъ жителей завоевываемыхъ сѣверо-западныхъ областей, царь Иванъ Васильевичъ Грозный объявлялъ (1558 г.) сдавшимся жителямъ Дерпта: „граждане дерптскіе остаются при своей религіи аугсбургскаго исповѣданія безъ всякихъ перемѣнъ и не будутъ принуждаемы отступить отъ нея; церкви ихъ со всѣми принадлежностями остаются, какъ были, равно какъ и школы ихъ“. Въ условіяхъ (1570 г.) съ ливонскимъ королемъ Магнусомъ, женатымъ на двоюродной племянницѣ Грознаго, сохраненіе аугсбургскаго вѣроисповѣданія обѣщано для всей Ливоніи.

На свои просьбы о томъ, чтобы наше правительство замѣнило въ Москвѣ „маистровъ люторскихъ нѣмецкихъ“ священниками вѣры римской, которые будутъ нѣмецкіе же (какъ будто это одно и то же!), и допускало иноземныхъ купцовъ пріѣзжать съ своимъ духовенствомъ „вѣры католической“, папскій посолъ Антоній Поссевинъ получилъ отъ Грознаго отвѣтъ: „римлянамъ, венеціанцамъ и цесаревой области торговымъ людямъ въ московское государство пріѣзжать и торговать повольно и попамъ съ ними ихъ вѣры вѣдѣть воля безъ всякаго возбраненія, только имъ ученія своего не плодѣть и костеловъ имъ въ государствѣ не ставить, каждый въ своей вѣрѣ да пребываетъ... а что Антоній говоритъ о люторахъ, то въ Россійскомъ государствѣ всякихъ вѣрѣ люди многіе живутъ, и своимъ обыкновеніемъ, и къ русскимъ людямъ не пристають, а хотя бы кто и похотѣлъ пристати, и того тому чинить не попускають“.

Этотъ отвѣтъ и политика Грознаго послужили, въ отношеніяхъ къ западному иновѣрію, прототипомъ политики всѣхъ послѣдующихъ московскихъ государей, а въ своемъ принципѣ пре-

доставленія вѣроисповѣдныхъ преимуществъ протестантамъ предъ католиками служили прототипомъ и политики русскаго правительства и за петербургскій періодъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ реформація подѣлила западныхъ людей на два враждебные между собою лагеря и въ московскомъ государствѣ подмѣтили вѣроисповѣдную и національную рознь между западными пришельцами, практическій расчетъ побудилъ у насъ отдать предпочтеніе людямъ германскаго племени, принадлежавшимъ къ протестантскому вѣроисповѣданію. Католичество было ближе къ православію, это сознавали въ Москвѣ, и въ догматическомъ отношеніи ставили его выше протестантизма; но зато религіозная даль сокращалась иными условіями. Подъ возбуждающимъ дѣйствіемъ реформаціи протестанты оказывались предприимчивѣе, въ Москву являлись въ большемъ числѣ и умѣли лучше приурочиваться къ мѣстнымъ условіямъ и требованіямъ. Собираясь изъ разныхъ мѣстъ, главнымъ образомъ сѣверо-западной Европы, и не имѣя такого руководителя, какъ католики папу и іезуитовъ, они менѣе католиковъ вторгались въ мѣстную религіозную и политическую жизнь, менѣе ревновали о вѣроисповѣдной пропагандѣ, и, стоя въ сторонѣ отъ литовско-польскаго дѣла, многіе изъ нихъ искрениѣе служили въ борьбѣ съ католической Польшей, тогда еще слишкомъ тяжелой для Россіи. И потому въ московскомъ государствѣ „нѣмцы“-протестанты вскорѣ весьма превзошли своихъ соперниковъ и количественно, и въ гражданскихъ, и въ вѣроисповѣдныхъ льготахъ.

Неприкосновенностію *личнаго* вѣроисповѣданія пользовались въ московскомъ государствѣ одинаково всѣ западные пришлые люди, какъ католики, такъ и протестанты: тутъ каждый пребывалъ въ своей вѣрѣ безъ всякаго возбраненія, безъ стѣсненій; въ степени же свободы и удобствъ отправленія богослуженія льготы и благопріятныя условія были на сторонѣ протестантовъ. За исключеніемъ эпохи самозванцевъ, когда вторгшіеся католики почти хозяйничали въ русской землѣ и на мгновеніе пооттерли было протестантовъ, наше правительство, не стѣсняя католиковъ въ вѣрѣ, не позволяло имѣть имъ ни костела, ни іезуитовъ, а послѣ междуцарствія нѣкоторое время, главнымъ образомъ, изъ-за борьбы съ Польшей, не находили возможнымъ допускать сначала и вообще всѣхъ лицъ этой вѣры. Католическая община въ Москвѣ снова стала замѣтно заявлять о себѣ лишь послѣ присоединенія Малороссіи, и о дѣйствительной постройкѣ перваго костела въ подмосковной Нѣмецкой слободѣ могла быть рѣчь лишь къ

концу XVII вѣка, въ 1694—1695 годахъ. Въ противоположность этому, пасторовъ и кирки, хотя и испытывшихъ на себѣ превратность судьбы, за все разсматриваемое время дозволялось въ московскомъ государствѣ имѣть протестантамъ почти непрерывно, при чемъ первая московская лютеранская церковь получила свое начало при томъ же Грозномъ, который такъ рѣшительно отказалъ въ томъ католикамъ. Первая кирка была выстроена въ 1576 году, въ подмосковномъ иноземномъ предмѣстьѣ, Нѣмецкой слободѣ. Смутная эпоха смела и Нѣмецкую слободу, и кирку; поселеніе иноземцевъ, послѣ этой эпохи, въ предѣлахъ Москвы повело къ построенію въ ней нѣсколькихъ кирокъ. Съ основаніемъ Ново-иноземской или Ново-нѣмецкой слободы, въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича, и выселеніемъ въ нее всѣхъ московскихъ иноземцевъ, одна за другою переносятся туда прежнія кирки или строятся новыя, на участкахъ земли, отмежеванныхъ правительствомъ для пасторовъ. Получаютъ устойчивость двѣ лютеранскія церкви и одна реформатская, съ группирующимися около нихъ особыми общинами, приходами, и всѣ эти три церкви къ концу XVII вѣка одна за другой перестраиваются въ каменные, чему тогда придавали особую важность. Кромѣ Москвы, протестантскія церкви были еще въ Нижнемъ-Новгородѣ, Архангельскѣ и на желѣзныхъ заводахъ близъ Тулы. Нижегородская лютеранская церковь получила свое начало въ концѣ царствованія Грознаго; остальные—во второй половинѣ XVII вѣка. Пасторы при войскахъ получали казенное жалованье; отправлявшіеся по дѣламъ церковнымъ къ служилымъ иноземцамъ возни-
ли иногда на казенныхъ подводахъ.

Всѣ эти и подобные факты вѣротерпимости въ московскій періодъ въ Россіи, отъ Грознаго до единодержавія Петра, приобрѣтаютъ особую историческую цѣнность, если ихъ сопоставить съ тѣмъ, какъ въ ту пору была обезпечена религіозная жизнь на Западѣ. На начало даннаго періода падаютъ тамъ такія событія: въ Германіи нѣмецко-протестантскіе князья ведутъ войны противъ императоровъ за полученіе и удержаніе религіозныхъ и гражданскихъ правъ, въ Великобританіи Генрихъ VIII воюетъ за епископальный протестантизмъ съ подданными католиками; одна его дочь, Марія, казнить протестантовъ, другая дочь, Елизавета, воздвигаетъ гоненіе противъ католиковъ и всѣхъ протестантскихъ диссидентовъ, въ Швеціи—стокгольмская кровавая баня, во Франціи виднѣется кровавое зарево Варволомеевской ночи и т. д., и т. д.: на средину періода падаетъ Тридцатилѣтняя война съ тѣмъ же, какъ и прежде, огульными сожженіями протестантскихъ или

католическихъ книгъ и церквей; наконецъ, изгнаніе гугенотовъ, которыхъ не защитилъ отъ сего и нантскій эдиктъ и которые вскорѣ затѣмъ получили (1689 г.) приглашеніе прибыть въ московское государство. При наличности этихъ событій, изъ которыхъ многія были извѣстны въ Москвѣ, положеніе иновѣрія въ московскомъ государствѣ тѣмъ еще болѣе важно, что наши государи, позволявшіе свободу иновѣрію и выдававшіе религіозныя привиллегіи, имѣли много основаній быть недовольными отношеніями къ русскимъ церквамъ со стороны особенно нашихъ западныхъ сосѣдей. За весь этотъ періодъ нельзя было, какъ справедливо жаловался патріархъ Іоакимъ, соорудить на Западѣ ни одной православной церкви. Царь Грозный указывалъ датскому королю, что „люди ливонской земли... въ Ригѣ церковь нашу во имя Николы Чудотворца, гридню и палаты отдали литовскимъ попамъ и купцамъ, въ Юрьевѣ (Дерптѣ) церковь Николы Чудотворца разорили, конюшню въ томъ мѣстѣ поставили юрьевцы, а улицами русскими, палатами и погребями юрьевцы сами завладѣли“. Миханлу Федоровичу и его сыну причиняли слишкомъ много заботъ притѣсненія въ вѣрѣ, испытываемыя русскими людьми въ Ливоніи и въ новгородскихъ областяхъ, отошедшихъ къ Швеціи по Столбовскому договору; напрасно старались за послѣднихъ и новгородскіе владыки: все православное изводилось, уничтожалось лютеранскими властями и правительствомъ систематически. Наканунѣ своей смерти Алексѣй Михайловичъ снаряжалъ къ шведскому королю посольство, между прочимъ, съ жалобой на коронныхъ и городскихъ властей г. Ревеля, которыя церковь Николая Чудотворца, издавна утвержденную мирными договорами за государевыми подданными, держать въ „неволѣ“ и не пускаютъ въ нее на молитву.

А что дѣлалось пришлымъ католичествомъ по отношенію къ православію въ Литвѣ, западной и югозападной Руси, входившихъ въ составъ Рѣчи Посполитой, это уже весьма разъяснено въ наукѣ, и для иллюстраціи положенія православнаго населенія, прежде всего, припомнимъ рѣчь, произнесенную на варшавскомъ сеймѣ 1620 года западнорусскимъ депутатомъ Лаврентіемъ Древинскимъ (чашникомъ волынской земли и членомъ виленскаго братства).

„О, Боже, кому не извѣстно, коль великія притѣсненія терпитъ народъ русскій въ отношеніи своего благочестія. Начну съ короны (т. е. югозападной Руси, присоединенной къ польской коронѣ). Уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ, вмѣсто монаховъ, со-

держать скотъ. Перейдемъ къ великому княжеству литовскому: тамъ то же самое дѣлается въ городахъ, пограничныхъ съ московскимъ государствомъ. Въ Могилевѣ и Оршѣ церкви также запечатаны, священники разогнаны, въ Пинскѣ тоже; Лещинскій монастырь обращенъ въ питейный домъ. Вслѣдствіе сего дѣти умираютъ безъ крещенія; тѣла покойниковъ вывозятся изъ городовъ, какъ падалъ, безъ церковнаго обряда; не имѣя брачнаго благословенія, народъ живетъ въ непотребствѣ; люди умираютъ безъ исповѣди и приобщенія св. Таинъ“. „А что дѣлается во Львовѣ? Кто греческаго закона и не склоняется къ униі, того тѣснятъ изъ города, не принимаютъ ни въ купечество, ни въ ремесленные цехи. Въ Вильнѣ для православнаго покойника запираютъ городскія ворота (въ которыхъ невозбранено ѣздить жидамъ и татарамъ), и его должны выносить въ такое отверстіе, чрезъ которое вывозятъ только нечистоты. Православныхъ монаховъ хватаютъ, бьютъ и заключаютъ въ оковы. На гражданскіе уряды не допускаютъ людей достойныхъ и ученыхъ, а наполняютъ ихъ (католиками и униатами), хотя бы глупцами и невѣждами“. „Уже двадцать лѣтъ на каждомъ сеймикѣ и на каждомъ сеймѣ мы умоляемъ съ горькими слезами, но не можешь добиться, чтобы намъ сохранили наши права и вольности“. „Если же и на этомъ сеймѣ не послѣдуетъ исправленія столь тяжкихъ золъ, то принуждены будемъ возопить съ пророкомъ: *суди ми, Боже, и разсуди прю мою*“.

Но подобныя протесты обыкновенно были голосами, вопіющими въ пустынь: тяжкіе удары, притѣсненія все увеличивались, а православная часть населенія уже и къ этому времени очень ослабѣла въ своемъ государственномъ и общественномъ положеніи. Еще нѣсколько ранѣе, извѣстный Мелетій Смотрицкій въ своемъ „Ѳриносѣ“, изданномъ въ 1610 году на польскомъ языкѣ въ Вильно, указывалъ, отъ лица православной церкви, какія уже и тогда потери она понесла въ лицѣ видныхъ ея членовъ, ушедшихъ въ католичество: „Гдѣ тотъ безцѣнный камень, который я между иными перлами, какъ солнце между звѣздами, носила въ коронѣ на главѣ моей? Гдѣ домъ князей Острожскихъ, сіявшій болѣе всѣхъ другихъ блескомъ своей старожитной вѣры? Гдѣ и другіе драгоценныя камни той же короны: князья Слуцкіе, Заславскіе, Вишневецкіе, Збаражскіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Красинскіе, Масальскіе, Хорскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыны и прочіе, которыхъ перечислять было бы слишкомъ долго? Гдѣ и иныя мои драгоценности—гдѣ древніе, знатные, мощные, въ цѣломъ свѣтѣ славные своимъ мужествомъ и доблестію: Ходкевичи,

Глѣбовичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Войны, Воловичи, Зѣновичи, Пацы, Халецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хрептовичи, Тризны, Горностаи, Мышки, Гойскіе, Сѣмашки, Гулевичи, Яромлинскіе, Калиновскіе, Кирдеи, Загоровскіе, Мелешки, Боговитины, Павловичи, Сосновскіе, Скумины, Поцѣи?“

На глазахъ современниковъ краснорѣчиваго „Плача“ Смотрицкаго происходили такія потери. Еще у большинства этихъ фамилій современники знали отцовъ и дѣдовъ, которые служили славными представителями и борцами православія, а внуки и дѣти ихъ были уже чужды ему или даже нерѣдко и врагами его. Знатные и дворянскіе роды, подъ вліяніемъ нудящихъ условій жизни и школьнаго іезуитскаго воспитанія и обученія, чаще переходили прямо въ католичество, примыкая къ польскимъ магнатамъ и шляхтѣ, горожане же во многихъ мѣстахъ чаще дѣлались уніатами. А съ этимъ вмѣстѣ все сильнѣе и сильнѣе текли ограниченія, стѣсненія и лишенія православныхъ въ государственныхъ и общественныхъ правахъ и все болѣе и болѣе сгущалось бѣдственное матеріальное и нравственное состояніе, до котораго былъ доведенъ народъ, обращаемый, часто полунасильственно и прямо насильственно, въ католицизмъ или унію, или покидаемый въ пренебреженіи. Свою вѣру, свои народныя особенности Западная Русь могла сохранять только путемъ борьбы, пассивной и активной, и эта борьба, по справедливому сужденію историка С. М. Соловьева, самая видная сторона въ ея отношеніяхъ къ польско-литовскому королевству.

Въ своемъ поступательномъ движеніи къ Востоку католичество, со времени реформаціи усиливъ свои пропагандическія попытки, учинило чрезъ Польшу прямо насильственный натискъ на московское государство, въ эпоху возникшихъ въ немъ смуть.

Надо, непосредственно вчитавшись въ наши лѣтописи и записи, хотя на мгновенье перенестись мыслью и чувствомъ въ ту пору и посмотрѣть глазами москвитянъ-современниковъ на то, какъ отряды самозванцевъ и Сигизмунда, приходившіе изъ-за польско-литовскаго рубежа и несшіе за собою католичество, частію совмѣстно съ казацкою вольницей уничтожали русское имуществъ и губили людей, какъ издѣвались надъ попадавшимися имъ русскими священниками, монахами и монахинями и, по издѣвательствѣ, многихъ и убивали, какъ кощунствовали надъ церковными облаченіями, сосудами, надъ иконами, особенно большими, мѣстными, почитаемыми, какъ „всякое скаредіе творяху“ въ храмахъ, въ томъ числѣ и въ московскихъ кремлевскихъ со-

борахъ¹⁾, посмотрѣть на то, что огромное большинство въ этихъ отрядахъ состояло не изъ поляковъ, а изъ западноруссовъ, которые настолько уже поддались полонизаціи, что, по почину и подъ руководствомъ поляковъ-католиковъ, производили братоубійственное разрушеніе московскаго государственнаго и церковнаго строя, посмотрѣть, наконецъ, на то, что великіе московскіе послы, просившіе Владислава на престолъ подъ условіемъ принятія и сохраненія православія, были, съ нарушеніемъ всякаго международнаго и людскаго права, взяты въ плѣнъ Сигизмундомъ, хотѣвшимъ сѣсть на московскомъ тронѣ и поведшимъ бы за собою католичество съ іезуитами, надо—говорю—посмотрѣть на все это глазами москвитянъ-современниковъ, и тогда мы хотя отчасти поймемъ тотъ ужасъ, который охватилъ лучшихъ московскихъ людей при представленіи, что будетъ съ ними и со всѣми русскими, съ Русью, что станетъ съ православіемъ, если окончательно восторжествуетъ католическая Польша и польскій римскій католицизмъ!.. Много условій и причинъ, что московское государство устояло тогда,—причинъ бытовыхъ, экономическихъ, со-

¹⁾ Группируя извѣстія первоисточниковъ, Костомаровъ такъ описываетъ обращеніе казацкой вольницы и особенно польско-литовскихъ отрядовъ не только съ простыми людьми и ихъ имуществомъ, но и съ святынями церквей и съ монашествующими: „Нападутъ на монастырь, вымогутъ у монаховъ деньги, пытаются огнемъ, заставляютъ самихъ рубить дрова, мыть бѣлье, варить пиво, возить тяжести, чистить лошадей; подгоняютъ ихъ палками и толчками; разгулявшись вдоволь, для посмѣянія паны заставляли монаховъ и монахинь пѣть срамныя пѣсни и плясать, а кто станетъ упрямиться, того нипочемъ было и убить. Къ соблазну благочестивыхъ, обдирали оклады съ иконъ въ церквахъ, брали чаши и утварь, клали на диски мясо, загоняли скотъ въ церкви, кормили собакъ въ алтаряхъ, изъ царскихъ дверей устраивали себѣ кровати, изъ священническихъ облаченій шили себѣ исподнія платья, и тѣми тканями, которыя были на плечахъ іереевъ Божіихъ, покрывали, говорить современникъ, себѣ заднія части тѣла; играли на образахъ въ карты или въ шашки, покрывали воздухами и пеленами лошадей, на большихъ мѣстныхъ иконахъ творили блудное дѣло съ женщинами (*Костомаровъ*, „Смутное время московскаго государства въ началѣ XVII столѣтія“, т. II, стр. 197—198, въ „Историч. монограф.“ Спб., 1868 г., т. V). По рукописи Филарета (М. 1837, 48), въ Московскомъ Кремлѣ „на царскомъ дворѣ, во святыхъ Божіихъ церквахъ, и въ палатѣхъ, и по погребомъ все стояху Литва и вѣицы и все свое скаредіе творяху“, такъ что отъ прежняго великолѣпія и убранства остались почти однѣ стѣны и новому царю Михаилу Ѳедоровичу сначала негдѣ было поселиться. Безсмысленно-жестокими неистовствами въ смутную эпоху прославился особенно съ своимъ отрядомъ полковникъ Лисовскій, а варшавскій сеймъ, подвергшій униженію плѣннаго царя Василія Шуйскаго, снялъ съ этого Лисовскаго, за его услуги въ московскомъ походѣ, его преждее безславіе (Проф. П. Н. Жуковичъ. „Сеймовая борьба“. Спб., 1903, 70—73).

ціальныхъ и т. п.; много было причинъ, что московская государственность выдержала тяжкія ей испытанія въ смутную эпоху; но главное, что, при видѣ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей, подняло русскія силы, объединило и воодушевило ихъ, сообщивъ имъ непобѣдимость и творчество,—это *свѣтъ Креста*, водруженнаго въ русской землѣ великимъ русскимъ княземъ Владиміромъ Святѣмъ. Грековосточное православное вѣроисповѣданіе и самостоятельная русская Церковь, сдѣлавшіяся уже вполне національными, оказали здѣсь государственности незамѣнимую услугу. Народъ возсталъ не столько на защиту національности, сколько за свою вѣру, за православіе, которое тѣмъ самымъ помогаетъ русскимъ спасти и свою народность, и государственность.

Въ польско-литовскомъ государствѣ русскіе православные люди, вынуждаемые гнетущими обстоятельствами, для противодѣйствія налегавшему католицизму вступали въ союзы съ мѣстными кальвинистами и лютеранами, объединяли свои интересы съ этими диссидентами; что же удивительнаго, что московскіе люди послѣ смуты, при всемъ возбужденіи противъ всѣхъ западныхъ ино-вѣрцевъ, рѣшительно отдали на нѣкоторое время полное преимущество предъ католиками и предоставили протестантству наибольшую сравнительно свободу?! Отношенія къ католицизму смягчались и положеніе его поуравливалось съ протестантствомъ по мѣрѣ того, какъ западный соперникъ дѣлался менѣе опаснымъ, какъ ослаблялась сила пропагандическихъ домогательствъ Рима и какъ все съ меньшими и меньшими затрудненіями и препятствіями шло объединеніе, возвращеніе всего наслѣдія Владиміра Святого.

Однако и московское правительство, уставивъ для протестантовъ большую свободу вѣроисповѣданія сравнительно съ католиками, въ предоставленіи таковой религіозной свободы не было, какъ потомъ и Петръ I, совершеннымъ здѣсь новаторомъ. Протестанты получили съ избыткомъ почти лишь то, что предъ тѣмъ имѣли въ Москвѣ католики и что московское правительство нашло въ присоединенномъ Новгородѣ.

Пока Польша не сдѣлалась непосредственнымъ и усерднымъ исполнительнымъ орудіемъ къ религіозно-политическому подчиненію московскаго государства и вообще русской народности, московское правительство не имѣло причинъ къ особенно строгому отношенію къ католицизму, и даже Грозный обѣщалъ еще Посевину, чтобы западные купцы пріѣзжали въ Москву съ своими священниками вѣры римской. А въ Новгородѣ, когда онъ служилъ важнѣйшимъ пунктомъ сѣверо-восточной торговли ганзейскихъ городовъ, стояла, до половины XVI вѣка, на торговомъ Нѣ-

мецкомъ дворѣ католическая церковь св. Петра, которая, помимо религіозныхъ цѣлей, служила главнымъ складомъ товаровъ. Въ силу значенія церкви для торговли, она составляла предметъ особой заботливости иноземныхъ купцовъ, которые сами не только не давали въ нее доступа русскимъ, но и подвергали штрафу, кто по неосторожности показалъ бы имъ ключъ отъ нея.

Новгородъ подъ конецъ вошелъ въ составъ московскаго государства, а въ раннюю пору онъ единилъ съ Кіевомъ. Руси же кіевской, домонгольской, князья стояли въ весьма живомъ, тѣсномъ общеніи съ Западомъ, почти въ такомъ, какое установилось у насъ со времени Петра Великаго. Иные изъ князей владѣли нѣсколькими иностранными языками, три дочери Ярослава вышли замужъ, одна за короля шведскаго, другая за французскаго, третья за венгерскаго. Въ Кіевѣ и другихъ большихъ городахъ жило немалое количество людей латинской вѣры: воины, торговцы, ремесленники и т. п., изъ пріѣзжихъ иностранцевъ или осѣдавшихъ, принимавшихъ подданство. Лица эти пользовались свободой своей вѣры и богослуженія. Подъ Кіевомъ нѣкоторое время стоялъ доминиканскій монастырь, закрытый лишь, когда его братія начала было порицать православіе.

Принятіе христіанства Владиміромъ Святымъ совершилось еще до раздѣленія церквей. Но и въ ту пору папа, представляя на Западѣ уже большую политическую силу и выдвигавшійся въ число свѣтскихъ владыкъ, не считался въ Византіи доброкачественнымъ православнымъ. Онъ нѣсколько разъ присылалъ ко Владиміру своихъ пословъ, и весь Западъ былъ заинтересованъ въ подчиненіи Россіи латинству. Однако Владиміръ, какъ независимый князь восточной страны, съ замѣчательнѣйшею государственною чуткостью и проницательностью, принялъ крещеніе не отъ папы, а отъ грековъ; христіанство греко-восточное онъ сдѣлалъ вѣрою и своего народа, для крещенія и наученія котораго онъ призвалъ іерархію греческую. Послѣ окончательнаго отдѣленія церквей, происшедшаго въ 1054 г., папа сталъ для грековъ отщепенцемъ, схизматикомъ, отлученнымъ отъ Вселенской церкви; такимъ онъ сдѣлался и для насъ, какъ оставшихся на сторонѣ грековъ и вмѣстѣ съ ними. Понятны желанія и стремленія папъ привлечь къ себѣ русскихъ князей, русскую церковь. Отсюда начинается у насъ особенная потребность обереганія себя отъ папства, отъ католичества. Создается у насъ соотвѣтственная литература грековъ и самихъ русскихъ. Въ поученіи, приписываемомъ преподобному Ѳеодосію Печерскому, дается наставленіе какъ должно блюстися чужой вѣры, и въ обращеніи въ немъ къ кіевскому князю говорится:

„Ты, чадо, непрестанно хвали свою вѣру и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ, но и къ чужимъ. Когда ты встрѣтишь, что иновѣрные состязаются съ вѣрными и хотятъ лестію увлечь ихъ отъ правой вѣры: помоги своими познаніями правовѣрнымъ противъ кривовѣрныхъ, и ты избавишь овча отъ устъ львовыхъ“.

Замѣчательно, какъ въ этомъ обращеніи инока къ князю настойчиво внушается снисхожденіе къ иновѣрію и прямымъ орудіемъ борьбы противъ кривовѣрія выступаютъ познанія. Сама восточная церковь установила и не перестаетъ въ своихъ храмахъ молиться о соединеніи церквей.

Между тѣмъ, въ западной церкви, послѣ отпаденія папы отъ православнаго востока, все сильнѣе и сильнѣе шло омѣрщеніе, матеріализація католичества и совершенная узурпація власти папой, ведшія къ губительнымъ альбигойскимъ войнамъ, къ мрачной инквизиціи, къ ауто-да-фе, къ ужаснымъ казнямъ въ Прагѣ, къ тому, что всѣ греки, духовные и мірскіе, искавшіе на Западѣ спасенія отъ бѣдствій на родинѣ и бѣжавшіе туда, вынуждались тамъ принимать католичество, подчиняться папѣ: въ тотъ періодъ начались и стали развиваться притѣсненія православію и искорененія его въ западно-русскихъ областяхъ, по мѣрѣ подчиненія ихъ польскому вліянію и господству; на тотъ періодъ падаетъ уже политика папъ, что, убѣждаясь въ безуспѣшности склонить русскихъ князей къ латинству ласками и переговорами, они стали запрещать католическимъ государямъ всякіе союзы съ русскими князьями и возбуждать западныхъ государей на крестовые походы противъ русскихъ.

Да, Россіи первой принадлежитъ честь наиболѣе удовлетворительнаго рѣшенія вопроса о положеніи иновѣрія, о правахъ иноземцевъ. Когда на Западѣ иноземецъ считался врагомъ, или, по крайней мѣрѣ, когда его личность и имущество составляли еще собственность новаго государства, и онъ не имѣлъ права завѣщанія, былъ лишенъ свободы не только общественнаго, но и личнаго вѣроисповѣданія, и т. п.,—древняя Русь не знала ничего подобнаго; въ этомъ отношеніи не произошло коренныхъ видоизмѣненій и въ московскую пору, а въ нѣкоторыхъ частяхъ дѣло развилось и значительно далѣе. Неприкосновенность личнаго вѣроисповѣданія католиковъ и протестантовъ, подъ условіемъ ненарушенія правъ православія, всегда стояла у насъ прочно, чужія религіозныя формы оставались въ покоѣ, не допускалось насилія въ дѣлахъ вѣры. Отдавая преимущества протестантамъ предъ католиками, москвитяне свою вѣротерпимость къ

служилымъ и жившимъ у насъ иноземцамъ простерли до того, что ихъ пасторы, если ими правилась прямая или косвенная служба государству, удостоивались иногда казенныхъ наградъ и содержанія. Такая вѣротерпимость выходила, разумѣется, не столько изъ теоретическихъ началъ, или изъ юридическихъ основаній свободы личности въ дѣлахъ вѣры: она обуславливалась свойственнымъ намъ гостепріимствомъ, снисходительностію къ инновѣрію православія и, ближе всего, политико-экономическими и культурными потребностями государства, удовлетворявшимися при содѣйствіи полезныхъ иноземцевъ. Въ предоставленіи той или иной льготы на общественное богослуженіе, въ разрѣшеніяхъ постройки той или иной кирки и т. п., большею частію все шло отъ фактовъ, отдѣльныхъ случаевъ, ни мало не обязательныхъ для правительства на другихъ мѣстахъ и при другихъ условіяхъ: правительство постоянно сохраняло за собою полную свободу дѣйствій. Допускаемое на практикѣ и отчасти, въ видахъ политико-экономическихъ, покровительствуемое, инновѣріе въ смыслѣ государственно-юридическомъ было въ сущности только дозволено. Съ Петра Великаго свобода личнаго вѣроисповѣданія и общественнаго богослуженія инновѣрцевъ, одинаково на пространствѣ всего государства, съ ненарушимостію основной системы допущенія инновѣрія въ предѣлахъ его безвредности для православія, утверждается царскимъ словомъ, произнесеннымъ во всеуслышаніе, и укрѣпляется съ теченіемъ времени гласными, основными государственными законами.

Много и другихъ вопросовъ, связанныхъ съ положеніемъ и жизнью западнаго инновѣрія, возникаютъ и просятся на научное раскрытіе, выясненіе; но задача настоящей рѣчи — обосновать мысль, что свобода инновѣрія всегда была въ Россіи и что наиболѣе удовлетворительно она уставлена у насъ много ранѣе, чѣмъ въ мірѣ католическомъ или протестантскомъ.

И, оставляя другіе вопросы до дальнѣйшихъ бесѣдъ, я ничѣмъ не могу лучше заключить теперь свою рѣчь, какъ напомнить о словахъ послѣдняго манифеста, отъ 26 февраля сего года, напомнить о словахъ Грознаго Поссевины и привести завѣтъ изъ далекой кievской Руси, Θεодосія къ кievскому князю: „Ты, чадо, непрестанно хвали *свою* вѣру и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ, но и къ чужимъ... Когда ты встрѣтишь, что инновѣрные состояются съ вѣрнымъ и хотятъ лестію увлечь ихъ отъ правой вѣры: помоги своими познаніями правовѣрнымъ противъ кривовѣрныхъ“.

Профессоръ Унверситета *Дм. Цытмаевъ*.

Расколъ и сектантство по послѣднему всеподданнѣйшему отчету г. Оберъ- Прокурора Св. Синода за 1900 годъ.

Расколъ старообрядчества.

Въ религіозно-правственной жизни русскаго раскола старообрядчества въ продолженіи 1900 г. не произошло существенныхъ измѣненій. Раскольническая масса вмѣстѣ съ своими руководителями, по характеру своихъ религіозныхъ представленій и сужденій, заявляетъ себя по-прежнему во многихъ мѣстахъ фанатизмомъ и нетерпимостью къ православной Церкви.

I.

Причины устойчивости раскола.

Первою и главною причиною устойчивости раскола, несомнѣнно, служить невѣжество народа. Въ подтвержденіе этого достаточно указать на тотъ постоянно наблюдаемый фактъ, что всюду, гдѣ правильное просвѣщеніе коснулось раскольнической массы, расколъ теряетъ свой острый характеръ. Кромѣ того, устойчивости раскола содѣйствуютъ также нѣкоторыя внѣшнія и внутреннія условія жизни раскольниковъ. Къ числу первыхъ должны быть отнесены: 1) значительная удаленность многихъ деревень съ раскольническимъ населеніемъ отъ приходскихъ церквей и простирающаяся отсюда невозможность пастырскаго на него вліянія, 2) многочисленность въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приверженцевъ раскола, дающая имъ полную возможность не вступать въ общеніе съ православными и воспитывать въ своей средѣ фанатическую ненависть къ православной Церкви и 3) внушенія расколоучителей и вожаковъ раскола, толкующихъ нѣкоторыя дарованныя раскольникахъ льготы въ смыслѣ покровительства имъ со стороны правительственной власти и признанія послѣднюю истинности ихъ „старой“ вѣры и правильности ихъ обрядовъ. Изъ внутреннихъ условій жизни раскола, содѣйствующихъ его живучести и устойчивости, главнѣйшими являются

матеріальная состоятельность раскольниковъ, раскольниковская литература и раскольниковскія моленныя.

Обладаніе значительными матеріальными средствами даетъ раскольниковъ возможность выбирать на общественныя должности своихъ же раскольниковъ и при содѣйствіи власти держать раскольниковскую массу въ полномъ повиновеніи и не допускать до перехода въ православіе лицъ, даже не сочувствующихъ расколу. Богатства раскольниковскія являются также причиною сильно развитой у раскольниковъ взаимопомощи, прельщающихъ и православныхъ. „Поневолю идешь въ расколъ“, говорилъ одинъ старикъ архангельскому миссіонеру, „когда въ домѣ нѣтъ ни копѣйки, въ расколѣ же, по крайней мѣрѣ, будешь получать подаваніе“. Строгія старообрядческія предписанія ограждаютъ имѣнія раскольниковъ отъ перехода въ собственность лицъ, не принадлежащихъ къ расколу. Вслѣдствіе этого, раскольниковскія имѣнія растутъ и множатся—то какъ частныя, то какъ принадлежащія цѣлымъ обществамъ.

Получившая въ послѣдніе годы сильное развитіе *раскольниковская литература* въ значительной также степени содѣйствуетъ укрѣпленію раскола. Встрѣчающіяся нынѣ почти въ каждомъ раскольниковскомъ домѣ раскольниковскія сочиненія, исполненныя ненависти и клеветы на православную Церковь и подвергающія рѣзкой брани и осужденію всѣ ея постановленія и отношенія ея къ раскольниковамъ, воспитываютъ въ раскольниковчѣй средѣ фанатизмъ и нетерпимость къ православной Церкви и чрезъ то все болѣе и болѣе удаляютъ раскольниковъ отъ истины, усиливая ихъ заблужденія.

Во многихъ мѣстахъ у раскольниковъ имѣются *моленныя*; большинство ихъ отличается благоустройствомъ и убранствомъ. При нѣкоторыхъ моленныхъ устроены даже пѣвческіе хоры. Въ иныхъ мѣстахъ при моленныхъ учреждены пріюты для бѣдныхъ раскольниковъ (въ Вологодской губ.) и школы для обученія раскольниковчѣхъ дѣтей. Замѣчено, что раскольниковки, довольствующіяся домашнею молитвою, менѣе фанатичны, податливѣе на убѣжденія и скорѣе присоединяются къ православной Церкви. Наоборотъ, въ мѣстахъ, гдѣ раскольниковки имѣютъ моленныя, расколъ отличается особою дерзостью и упорствомъ. Сознывая большое значеніе моленныхъ, какъ средства для укрѣпленія раскола, раскольниковки не щадятъ средствъ на открытіе ихъ. Число мѣстъ совершенія раскольниковчѣхъ богослуженій особенно увеличилось со времени послѣдовавшаго въ 1879 г. рѣшенія Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената по дѣлу

Сорокина о томъ, что на устройство общественнаго богомоленія въ частномъ домѣ разрѣшенія не требуется. Насколько повліяло это, сдѣлавшееся извѣстнымъ раскольникамъ, рѣшеніе Правительствующаго Сената на увеличеніе числа моленныхъ, можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ цифровыхъ данныхъ, имѣющихся въ отчетахъ преосвященныхъ. Въ Вятской епархіи разрѣшенныхъ моленныхъ имѣется только 5, а неразрѣшенныхъ до 60. Въ Нижегородской епархіи моленныхъ болѣе 212, изъ нихъ разрѣшенныхъ только 12. Въ Херсонской епархіи изъ 30 моленныхъ только 10 устроены съ разрѣшенія начальства. Въ Вологодской епархіи моленныхъ насчитывается до 86, изъ нихъ 11 помѣщается въ отдѣльныхъ домахъ, а 75 въ жилыхъ избахъ. Въ Донской епархіи только 20 моленныхъ существуетъ съ разрѣшенія гражданской власти, но въ дѣйствительности ихъ, по заявленію Донскаго преосвященнаго, гораздо болѣе. Кромѣ того, въ той же епархіи имѣются два женскихъ раскольниковыхъ монастыря и одинъ мужской скитъ. Въ Екатеринбургской епархіи раскольниковыхъ молель и частныхъ домовъ, въ которыхъ раскольники собираются на молитву, насчитывается до 73. Въ Ярославской епархіи моленныхъ 65. Въ отчетахъ Ярославскаго и Вологодскаго епархіальныхъ преосвященныхъ не сказано, сколько изъ числа указанныхъ моленныхъ, находящихся въ предѣлахъ ихъ епархій, существуетъ съ разрѣшенія Правительства, но, принимая во вниманіе незначительное (сравнительно) количество раскольниковъ въ этихъ епархіяхъ (въ Ярославской—9.052 и Вологодской 7.831), можно,—по сравненію съ числомъ разрѣшенныхъ моленныхъ въ Донской, Вятской и Нижегородской епархіяхъ (въ первой 20, во второй 5 и въ третьей—12), въ которыхъ раскольниковъ проживаетъ болѣе, чѣмъ въ 10 разъ, нежели въ Ярославской и Вологодской епархіяхъ,—заключить, что въ обѣихъ этихъ епархіяхъ разрѣшенныхъ моленныхъ не выше 10.

II.

Три главныя раскольниковыя секты.

Расколъ старообрядчества раздѣляется на три слѣдующія главнѣйшія группы: поповцевъ, бѣглопоповцевъ и безпоповцевъ.

Самою многочисленною изъ этихъ сектъ и притомъ наиболѣе вредною и опасною для православной Церкви—является *австрійская* секта. Послѣдователи послѣдней объединяются своею лжеіерархіею, по вѣншему виду такую же, какъ и іерархія православной Церкви. Во многихъ губерніяхъ они имѣютъ лжеэпи-

скоповъ, которые съ находящимися у нихъ въ подчиненіи многочисленными лжепопами и лжедіаконами всемѣрно стараются поставить въ глазахъ народа австрійскую секту на одинаковую степень съ православною церковью и этимъ внѣшнимъ сходствомъ привлечь къ себѣ какъ православныхъ, такъ и послѣдователей другихъ раскольническихъ толковъ. Въ этихъ видахъ они заботятся объ увеличеніи числа раскольническихъ приходовъ и моленныхъ, часто совершаютъ поѣздки по своимъ епархіямъ и отправляютъ въ селахъ торжественныя служенія, привлекающія множество окрестныхъ жителей, въ числѣ ихъ и православныхъ. Послѣдніе, видя, что моленные раскольниковъ австрійскаго согласія по внутреннему своему устройству не отличаются отъ православныхъ храмовъ, что въ нихъ устроены алтари, престолы, жертвенники съ сосудами для совершенія богослуженія, что лжепопы раскольнические, въ полномъ священническомъ облаченіи, совершаютъ въ нихъ всѣ богослуженія, не исключая литургій, нерѣдко ходятъ даже въ процессіяхъ по улицамъ въ облаченіяхъ и съ пѣніемъ,—весьма соблазняются и, по малоразвитости своей будучи не въ состояніи за этимъ внѣшнимъ сходствомъ съ истинною Церковію усмотрѣть внутреннюю несостоятельность австрійщины, иногда уклоняются въ эту секту. Большимъ соблазномъ для православныхъ служить и та свобода, съ которою раскольнические попы вѣнчаютъ свадьбы. У нихъ не соблюдается никакихъ предбрачныхъ предосторожностей: сегодня вечеромъ сватовство, а завтра утромъ вѣнчаніе въ моленной. Совсѣмъ не то у православныхъ. Сколько священнику приходится выслушивать укоровъ изъ-за предбрачныхъ предосторожностей и отзывовъ о покладливости раскольническихъ поповъ. „Не станешь вѣнчать“, говорилъ одинъ изъ православныхъ своему приходскому священнику, „пойду къ Арсену,—тотъ живо окрутить“. Ни на узаконенный возрастъ лѣтъ жениха и невѣсты, ни на родство—у раскольническихъ поповъ также вниманія не обращается.

Въ послѣдніе годы среди раскольниковъ, пріемлющихъ австрійское священство, происходитъ сильное внутреннее движеніе. Исходнымъ началомъ этого движенія служить недовольство петербургскихъ и провинціальныхъ раскольниковъ австрійскаго толка московскими раскольниками того же толка, особенно попечителями или выборными изъ богатаго московскаго купечества, прежде дававшими тонъ всему поповщинскому расколу. Это недовольство фактически выразилось въ упраздненіи московскаго „духовнаго совѣта“ и въ стремленіи противопоставить силѣ московскихъ заправить раскола авторитетъ „всероссійскихъ со-

боровъ“ и „сѣздовъ“. Ежегодные *соборы и сѣзды* послѣдняго времени, не смотря на существующее ихъ запрещеніе, внесли необычайное оживленіе въ жизнь послѣдователей австрійскаго священства и выработали цѣлый рядъ мѣръ, клонящихся къ тому, чтобы дать обществу пріемлющихъ это священство старообрядцевъ превосходство надъ всѣми другими раскольническими толками (бѣглопоповщинскими и безпоповщинскими) и сдѣлать его еще болѣе сильнымъ противникомъ православной Церкви. Съ этою цѣлю, на бывшихъ въ Н. Новгородѣ всероссійскихъ старообрядческихъ сѣздахъ, обсуждались вопросы о томъ, чтобы чрезъ особо уполномоченныхъ лицъ ходатайствовать предъ правительствомъ объ открытіи старообрядческихъ школъ, въ частности школъ церковнаго крюкового пѣнія, о признаніи старообрядческихъ обществъ (братствъ, приходоу, богадѣленъ), о предоставленіи права старообрядческимъ священникамъ вести метрическія записи, о разрѣшеніи основать благотворительный (центральный) комитетъ и объ оказаніи изъ средствъ этого комитета помощи бѣднѣйшимъ епископамъ, а также начетчикамъ и защитникамъ ихъ лжеученія; чтобы просить раскольническихъ епископовъ внушить подвѣдомымъ имъ священникамъ заботу объ обращеніи инославныхъ (православныхъ и раскольниковъ другихъ толковъ) въ австрійскую секту; чтобы избрать и готовить людей, могущихъ вести бесѣды съ никоніанами и безпоповцами и обезпечить ихъ хорошимъ содержаніемъ, которое давало бы имъ возможность ѣздить по всей Россіи и распространять „древнее“ благочестіе. Словомъ, всѣ постановленія соборовъ и сѣздовъ раскольниковъ австрійскаго толка направлены къ укрѣпленію этого толка и къ изысканію способовъ пропаганды австрійской секты.

Раскольническіе соборы происходятъ большею частію въ Н. Новгородѣ. Этотъ городъ, благодаря ежегодной Макарьевской ярмаркѣ, является въ настоящее время однимъ изъ самыхъ главныхъ и опасныхъ очаговъ раскольнической пропаганды. На всероссійское торжище въ Нижнемъ искони собираются раскольники со всѣхъ концовъ Россіи. Здѣсь широко и свободно производятся обмѣнъ и торговля всевозможными подпольными произведеніями печатной и письменной раскольнической литературы, устраиваются пренія между защитниками разныхъ упованій раскола и православными, и происходятъ „соборы“ и „сѣзды“ представителей разныхъ толковъ раскола. Макарьевская ярмарка всему этому весьма благопріятствуетъ: въ массѣ пріѣзжающей публики и подъ прикрытіемъ коммерческихъ цѣлей здѣсь удобно можно

совершать, кому нужно, и не коммерческія дѣла. Вотъ почему раскольники австрійскаго толка мѣстомъ для съѣздовъ и соборовъ избираютъ именно Нижній-Новгородъ: это самый удобный для сего пунктъ. Исключительнымъ положеніемъ названнаго города, благодаря его ярмаркѣ, объясняется и то обстоятельство, что главный руководитель австрійцевъ лжеепископъ Арсеній Швецовъ, хотя и состоитъ лжеепископомъ Уральскимъ, но имѣетъ мѣстопробываніе въ Нижнемъ или по близости къ нему въ дер. Елесинѣ. Сюда же пріѣзжаютъ часто и остаются надолго и главные пропагандисты раскола, которые свободно разъѣзжаютъ съ преступною цѣлю пропаганды по всей Нижегородской епархіи.

На указанныя дѣйствія руководителей раскольнической австрійской секты, свидѣтельствующія о стремленіи ихъ къ созданію и упроченію особой, независимой отъ правительственной власти раскольнической церкви, со своею самочинною іерархіею, производящія соблазнъ и смущеніе среди православныхъ и нарушающія законныя права и интересы господствующей Церкви, обратило вниманіе и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, особымъ циркуляромъ на имя губернаторовъ, отъ 30 апрѣля 1900 г., предписавшее губернскимъ начальствамъ принять мѣры къ тому, чтобы раскольники и ихъ духовные руководители отнюдь не присвоивали себѣ не предоставленныхъ имъ по закону правъ и не позволяли себѣ дѣйствій, направленныхъ къ нарушенію правилъ закона 3 мая 1883 года.

Бѣглопоповицкая секта, поставленная въ зависимость отъ случаевъ перехода или бѣгства священниковъ православной Церкви, испытываетъ много затрудненій въ пріисканіи бѣглыхъ поповъ. Часто встрѣчаясь съ невозможностью достать бѣглыхъ священниковъ, означенная секта, въ лицѣ своихъ послѣдователей, представляетъ удобную почву для пропаганды австрійщины, имѣющей среди нихъ настолько большой успѣхъ, что нѣкоторые преосвященные выражаютъ даже опасеніе, что вымирающая секта бѣглопоповцевъ можетъ быть окончательно поглощена сильною австрійщиной.

Въ жизни раскольниковъ бѣглопоповцевъ Воронежской губерніи произошло въ 1900 году заслуживающее вниманія событіе—исканіе ими „древлеправославнаго архіерея“. Потерявъ вѣру въ законность и благодатность бѣглыхъ поповъ, раскольники этого толка отправили депутацію въ Оренбургскую епархію, съ цѣлю отыскать нѣкоего японскаго архіерея, пріѣхавшаго на Русь чрезъ китайскія земли послѣ усмиренія китайцевъ европейскими войсками. Человѣка этого, выдающаго-себя древлеправославнымъ ар-

хіереемъ, бѣглопоповцы нашли, но, добывъ его ставленную грамоту, не признали ея подлинности и вернулись со стыдомъ и еще большимъ разочарованіемъ въ возможности добыть гдѣ-либо законное священство помимо православной Церкви.

Характеристическою чертою *безпоповщинской* секты служить дробленіе ея на множество разнаго рода толковъ или согласій, изъ числа которыхъ болѣе извѣстны слѣдующіе: поморскій, еѣдосѣвскій, филипповскій и толкъ странниковъ.

Вѣроученіе безпоповцевъ очень несложно: нужно непременно креститься истиннымъ крестомъ, то есть, двуперстнымъ сложениемъ, чаще читать молитву Иисусову, въ моленной пѣть и читать по стариннымъ книгамъ, съ лѣстовкой въ рукахъ. Вотъ и все ихъ положительное ученіе. Отрицательное—сложнѣе. Истинныхъ церквей теперь, по ученію безпоповцевъ, нѣтъ, потому что „на мѣстѣ святѣ“ стоитъ мерзость запустѣнія; истиннаго Причастія не можетъ быть, такъ какъ царствуетъ вездѣ антихристъ, а „церковное“ (т. е. въ православной Церкви) Причастіе—это мерзость запустѣнія. Лжеученіе о воцареніи, въ лицѣ духовной и гражданской власти, антихриста—общее всѣмъ безпоповщинскимъ толкамъ.

У безпоповцевъ много наставниковъ или „отцовъ“, какъ они называются у нихъ. „Ихъ можно“, по словамъ отчета Вологодскаго преосвященнаго, „встрѣтить вездѣ, гдѣ живетъ порядочное число раскольниковъ“. Но не всѣ безпоповщинскіе „отче“ имѣютъ равную честь, между ними есть отцы отцовъ, въ распоряженіи которыхъ находятся всѣ существующіе въ данной мѣстности раскольники и которые посвящаютъ новыхъ „отцовъ“. Нѣкоторые наставники играютъ въ своей средѣ роль благочинныхъ, наблюдающихъ за жизнію и исполненіемъ обязанностей другихъ отцовъ. Безпоповщинскіе наставники заправляютъ службами въ моленныхъ, крестятъ, принимаютъ на исповѣдь, совершаютъ погребеніе и въ то же время усердно занимаются пропагандой раскола. Примѣру ихъ подражаютъ и рядовые грамотные раскольники, называемые у нихъ начетчиками. Пропагандистская дѣятельность расколоучителей обычно сосредоточивается въ деревнѣ или приходѣ, гдѣ они живутъ, но нерѣдко бываетъ, что они появляются и въ чужихъ приходахъ, бродятъ по цѣлой округѣ, разнося всюду ложное ученіе. Боясь противодѣйствія своей пропагандѣ и наказанія, начетчики изобрѣтаютъ разные предлоги для безопасности. „Тамъ“, сообщается въ отчетѣ Вологодскаго преосвященнаго, „расколоучитель явится, какъ гость, въ другомъ мѣстѣ подъ видомъ покупателя или продавца, иногда назовется путникомъ, а иногда разыграетъ и роль юродиваго“.

Изъ всѣхъ безпоповщинскихъ толковъ раскола самымъ вреднымъ для Церкви и государства является толкъ *странниковъ или бѣгуновъ*, отрицающій государственный порядокъ. Послѣдователи этой секты имѣются во многихъ губерніяхъ: Костромской, Пермской, Вятской, Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Ярославской, Томской и другихъ. Въ 1900 году особую жизнедѣятельность проявили бѣгуны Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. Полицейскія власти обнаружили въ этомъ году въ селѣ и приходѣ Іюльскомъ, Сарапульскаго уѣзда, и въ слободѣ на Старцевой горѣ г. Сарапула притоны бѣгуновъ. Въ Сарапульской слободѣ открыты были въ трехъ домахъ бѣгунскіе скиты, находящіеся вблизи лѣса и устроенные съ секретными дверями и запорами, съ постелями для нѣсколькихъ человѣкъ и съ подвальными тайниками. Въ одномъ изъ скитовъ, въ домѣ крестьянина Красильникова, въ стѣнѣ, обращенной къ лѣсу, сдѣлано небольшое отверстіе, прикрытое висячими обоями, наклеенными на холстъ. Подвальные тайники устроены или подъ печами или подъ темными комнатами, съ приспособленіями для сидѣнья и молитвъ. Обитатели открытых бѣгунскихъ скитовъ были крестьяне изъ разныхъ мѣстностей не только Вятской, но и другихъ губерній. Изъ данныхъ полицейскаго дознанія и предварительнаго судебнаго слѣдствія, а также найденныхъ рукописныхъ сочиненій вполнѣ выясняется крайне вредное противокерковное и противогосударственное ученіе бѣгуновъ. „Въ настоящее время“, по этому ученію, „идетъ восьмая тысяча, а по писанію назначено только семь тысячъ лѣтъ. Восьмая тысяча ничего хорошаго не принесетъ, такъ какъ со времени Петра Великаго на землѣ воцарился антихристъ. Съ того времени и всѣ власти происходятъ отъ антихриста, такъ что цари суть лжехристы, священники—лжепророки, а потому надо отречься отъ міра и странствовать, иначе спастись нельзя, или же принимать странниковъ, которые молятся о нашихъ грѣхахъ“. Бѣгство оправдывается примѣромъ Христа и многихъ святыхъ. Крещеніе, по ученію странниковъ, слѣдуетъ повторять, такъ какъ первое крещеніе, при жизни въ мірѣ, теряетъ силу и значеніе отъ грѣховъ. Полученіе паспортовъ равносильно подчиненію антихристу, а жизнь въ обществѣ—жизни во власти антихриста. Женитьба и выдача въ замужество считается грѣхомъ. *Красная смерть* признается хорошею смертію. Что это за смерть, въ рукописяхъ не выяснено, но между мѣстными жителями распространенъ слухъ, что бѣгуны душатъ своихъ послѣдователей во время болѣзни красною подушкой. Справедливость такого слуха подтверждается случаемъ изъ жизни

бѣгуновъ Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губ., на кладбищѣ у которыхъ, находящемся на гумнахъ крестьянъ, открыто въ 1899 г. властями, вырыты были 20 человѣческихъ труповъ, имѣвшихъ слѣды насильственной смерти.

Кромѣ вятскихъ бѣгуновъ, въ 1900 г. проявили также свою вредную дѣятельность бѣгуны Вологодской и Ярославской губерній. Въ первой много зла причинила православной церкви скрытая пропагандистская дѣятельность странниковъ среди жителей Удорскаго края. Странники пропагандисты, во главѣ съ нѣкимъ Прохоромъ, появились здѣсь осенью 1899 года изъ Каргополя (Олонецкой губ.), спасаясь отъ преслѣдованій полиціи, обнаружившей около Каргополя упомянутый притонъ страннической секты. Въ Ярославской губ., въ г. Даниловѣ, на тайномъ собраніи странниковъ-статейниковъ (такъ называются странники, принявшіе статьи одного изъ распространителей странничества— Никиты Семенова, которыми установлено въ сектѣ нѣчто въ родѣ іерархіи) состоялось избраніе новаго „старѣйшины всей російской страны“ на мѣсто умершаго организатора этой секты— Семенова. Выборъ палъ на старца Ивана Матвѣева, бывшаго „старѣйшиной предѣла“, т. е. завѣдывавшаго дѣлами секты въ Ярославской и Вологодской губерніяхъ.

IV.

Рационализмъ въ нѣкоторой части раскола.

Въ послѣдніе годы въ русскомъ расколѣ старообрядчества (правда, еще въ весьма незначительной его части) происходятъ небывалыя явленія. Нѣкоторые раскольники, убѣдившись, что въ старопечатныхъ книгахъ нѣтъ основаній для оправданія ихъ упованія, а всюду только обличенія ихъ заблужденій, мало стали обращаться къ этимъ книгамъ; они начали прибѣгать къ инымъ способамъ защиты, выдвигая изъ своихъ рядовъ апологетовъ новой формации, которые и въ своихъ писаніяхъ и въ бесѣдахъ съ православными миссіонерами высказываютъ сужденія, разрушающія самыя основныя истины христіанскаго вѣроученія и, такимъ образомъ, подрывающія послѣднія связи нашего старообрядчества съ вселенскою Церковію. Преосвященный Вятскій указываетъ въ своемъ отчетѣ на одного изъ выдающихся начетчиковъ, который отвергаетъ Божественную природу въ Иисусѣ Христѣ и и загробный міръ. „Какъ же Богъ невидимъ“, лжеумствуетъ этотъ начетчикъ, „Христосъ принялъ нашу плоть. Неужели она невидима? Христосъ былъ не Богъ, а только хитрый человѣкъ,

подобный Брюссу. Говорятъ, что есть еще и небесное царство и преисподняя. Астрономы же, смотря въ телескопы, видятъ на нѣсколько милліоновъ вверхъ, но рая не видали“. Другой молодой раскольникъ, той же епархіи, въ бесѣдѣ съ миссіонеромъ высказалъ, что онъ „вмѣстѣ съ графомъ Л. Толстымъ признаетъ Христа за геніальнаго учителя“, а также, что ему нравится молоканство за его отрицательное отношеніе къ церковнымъ обрядамъ. Опаснымъ и разрушительнымъ раціонализмомъ по преимуществу заражаются раскольники безпоповщинскихъ толковъ. Здѣсь раціонализмъ произрастаетъ на почвѣ постоянного внутренняго дробленія безпоповщины, естественно вызывающаго во многихъ безпоповцахъ сомнѣніе въ истинѣ исповѣдуемой безпоповцами „древле-православной вѣры“. Такъ, изъ безпоповщинской даниловщины, Орловскаго уѣзда, Вятской епархіи, выродились немоляки, не употребляющіе внѣшнихъ молитвенныхъ знаковъ и отвергающіе необходимость таинствъ; нѣкоторые изъ нихъ сливаютъ лица Св. Троицы въ одно лицо Іисуса Христа и отвергаютъ воплощеніе Сына Божія. Среди безпоповцевъ Самарской епархіи, по сообщенію преосвященнаго Самарскаго, появились такіе, которые стали отвергать иконопочитаніе, слово Божіе толкуютъ духовно, въ духовномъ же смыслѣ объясняютъ и чудеса Христовы. Подобные же раціоналисты (не имѣющіе святыхъ иконъ и не носящіе на шеѣ крестовъ) появились, подъ названіемъ „пустынниковъ“, въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, Вологодской епархіи. О начинающемся въ старообрядческомъ расколѣ указанномъ повомъ движеніи свидѣлствуютъ также прежде небывалые, а нынѣ нерѣдкіе, случаи уклоненія раскольниковъ въ раціоналистическія секты. Такъ, напримѣръ, большимъ успѣхомъ пользуется среди раскола Донской епархіи штунда. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ этой епархіи (хуторъ Пирожковскій, стан. Камышовская, хуторъ Плетнево-Ширяйскій) бывшіе раскольники сдѣлались нынѣ первыми и фанатичными пропагандистами штундизма; въ той же епархіи есть цѣлая громадная штундистская община, большинство членовъ которой—бывшіе послѣдователи раскола.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Слѣдуетъ ли крестить штундистскихъ дѣтей?

(Изъ миссіонерскихъ запросовъ).

„Не препятствуйте имъ приходить ко
Мнѣ“ (Мѡ. 19, 14).

Общая ненависть штундистовъ въ отношеніи къ православной церкви и ея пастырямъ не мѣшаетъ имъ отступать отъ обычнаго взгляда на нее, какъ на «блудный Вавилонъ», и обращаться къ ней за удовлетвореніемъ духовныхъ нуждъ. Почти всегда сектанты, по крайней мѣрѣ въ нашей епархіи, обращаются къ приходскимъ священникамъ за совершеніемъ погребенія умершихъ, многіе изъ нихъ любятъ, чтобы, при хожденіи съ молитвой по приходу, священникъ заходилъ и въ ихъ дома; къ приходскимъ же священникамъ часто обращаются они и за совершеніемъ крещенія своихъ младенцевъ.

Подобныя отступленія отъ принципа, являясь доказательствомъ непоследовательности сектантовъ, все же служатъ нѣкоторою связью ихъ съ церковью, всегда напоминающею «блуднымъ сынамъ» о прежней ихъ жизни въ домѣ отчѣмъ.

Къ сожалѣнію, нѣкоторые случаи обращеній сектантовъ къ приходскимъ священникамъ за совершеніемъ духовныхъ требъ не предусмотрѣны дѣйствующими церковными постановленіями, и иногда ставятъ пастыря въ затрудненіе. Въ данномъ случаѣ предлагается вопросъ: *«Слѣдуетъ ли крестить приносимыхъ православными воспріемниками дѣтей штундистовъ въ томъ случаѣ, если родители-сектанты отказываются дать установленную подписку съ обязательствомъ воспитывать крещаемого въ православной вѣрѣ?»*

Со стороны формальной, сектанты, отпадшіе отъ единства церкви, преслушавшіе ея догматы и установленія, дѣлаются ей какъ бы чужими, какъ иновѣрцы, по слову евангелія: «если церкви не

послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь». Потому то церковная практика въ отношеніи къ сектантамъ во многихъ случаяхъ допускаетъ то же, что и въ отношеніи къ иновѣрцамъ: такъ, непокаянно умершихъ сектантовъ принято погребать, какъ иновѣрцевъ, на особо отведенныхъ кладбищахъ, или же гдѣ либо въ углу—на границѣ православнаго кладбища; надъ ними не совершаютъ чина отпѣванія, не вносятъ ихъ въ храмъ, не служатъ по нимъ литургій и панихидъ. При строго формальномъ взглядѣ на сектантовъ, какъ иновѣрцевъ, и разсматриваемый нами вопросъ можно бы рѣшить такъ же, какъ по смыслу ст. 28 «устава духовныхъ консисторій» онъ предрѣшается въ отношеніи крещенія дѣтей лицъ иновѣрныхъ. А именно: такъ какъ на основаніи 28 ст. Уст. Дух. Конс. священники могутъ крестить дѣтей лицъ иновѣрныхъ лишь со взятіемъ подписки отъ родителей, что сія дѣти будутъ воспитываться въ православной вѣрѣ, то предполагая, что сектанты суть тѣ же иновѣрцы, священникъ, понятно, не долженъ крестить припосимыхъ православными воспріемниками дѣтей штундистовъ, если родители не дадутъ установленную подписку.

Вполнѣ вѣрное со стороны формальной, такое рѣшеніе разсматриваемаго вопроса, однако, не согласуется, по нашему мнѣнію, съ пастырско-миссіонерскимъ взглядомъ на дѣло. Съ точки зрѣнія пастырско-миссіонерской, такое рѣшеніе разсматриваемаго вопроса было бы слишкомъ суровымъ, не согласующимся ни съ общеустановившимся взглядомъ на сектантовъ, какъ на заблудшихъ чадъ церкви, ни съ пастырскимъ сознаніемъ священной необходимости и спасительности для всѣхъ таинства крещенія,—не оправдывается при этомъ оно и соображеніями практическими.

По общеустановившемуся пастырскому взгляду, сектанты далеко не то же, что иновѣрцы. Тѣ не наши; мы ихъ, такъ сказать, не знали, а они давно намъ чужіе. Сектанты же—и особенно отпадшіе недавно—намъ близки; они намъ родные; «они вышли отъ насъ», были чадами одной матери-церкви—«плоть отъ плоти» и «кость отъ костей нашихъ». Для многихъ изъ нихъ отчужденіе есть дѣло только временнаго настроенія. Ясно, что хотя по свойству своихъ лжеученій сектанты и могутъ быть приров-

ниваемы къ иновѣрцамъ, но по степени духовнаго съ нами родства, они къ намъ несравненно ближе, и формальное отношеніе къ нимъ, какъ къ иновѣрцамъ, не должно имѣть мѣсто во всѣхъ случаяхъ, особенно тамъ, гдѣ дѣло касается спасенія ихъ неповинныхъ младенцевъ.

«Блудный сынъ», отступникъ отъ церкви, приносить ко крещенію рожденнаго младенца въ свой прежній отчій домъ! Да вѣдь это картина евангельская! Явленіе это—все же весьма отрадное, заслуживающее самаго вѣжнаго, любовнаго отношенія пастыря. Крещеніе есть дверь въ церковь и приведеніе ко Христу. Если для пастыря это не слова, а предметъ живого вѣрующаго сознанія, то какой же подвергаетъ онъ себя отвѣтственности, если откажется привести ко Христу новорожденное чадо заблудшаго? Когда приносили ко Христу іудейскихъ младенцевъ, чтобы онъ прикоснулся къ нимъ, а ученики возбражали, то Іисусъ, видѣвъ это, «вознегодовалъ» и сказалъ: «пустите дѣтей и не препятствуйте имъ приходить ко Мнѣ, ибо таковыхъ есть Царствіе Божіе» (Мрк. 10, 14; Мѡ. 19, 14). Не нарушить ли поэтому заповѣдь Христову священникъ, если откажетъ заблудившимся сектантамъ-родителямъ въ крещеніи ихъ младенца за недачею ими подписки? Къ нему приносятъ младенца получить благодатное освященіе, омыться, освятиться, оправдаться, а пастырь требуетъ подписку, и за непредставленіемъ таковой рѣшается оставить младенца некрещеннымъ, невозрожденнымъ отъ воды и Духа, непривитымъ ко Христу, внѣ Царства Божія, въ царствѣ сатаны. За что же такое наказаніе младенцамъ и гдѣ останутся тогда слова Христовы: «не препятствуйте имъ приходить ко Мнѣ?» Будетъ ли такой образъ дѣйствій пастыря соответствовать идеалу любовныхъ отношеній къ заблудшимъ, завѣщанному намъ отъ Христа и апостоловъ?

Намъ скажутъ, что рѣшительныя мѣры иногда бываютъ полезны въ борьбѣ съ распространяющимся сектантскимъ движеніемъ. Вполнѣ справедливо, но только тогда, когда дѣло касается общежитскихъ, гражданскихъ отношеній, или такихъ случаевъ церковныхъ отношеній, коими не затрагиваются первѣйшія потребности духовной жизни. Но у насъ рѣчь о святомъ крещеніи, о первѣйшемъ христіанскомъ таинствѣ, обращать которое въ средство

борьбы для служителя церкви едва ли не преступно. Недостойно поступить пастырь, когда въ пылу борьбы съ сектантами поддастся чувству раздраженія и, забывая, что онъ призванъ только врачевать, ухватится за мѣры полицейскаго воздѣйствія...

«Любите дѣтей, іереи Божіи, и не препятствуйте имъ приходять ко Христу»—слышится намъ вразумляющій голосъ. Дѣти не повинны въ ожесточеніи отцовъ. Они рождены для обѣтованій Божіихъ; ихъ есть Царствіе Божіе (Дѣян. 2, 39; Мѡ. 19, 14); въ вѣнцѣ творенія—они, какъ живыя жемчужины, блистаютъ чистотою невинности. Къ нимъ должно относиться бережно и нѣжно. И кто не знаетъ, что дѣти для отступниковъ-родителей бываютъ часто лучшими миссіонерами, что мать-сектантка, любящій отецъ-отступникъ, по любви къ крещеному малюткѣ, нерѣдко оставляютъ свои заблужденія?

Къ сказанному присоединимъ и нѣсколько практическихъ соображеній. Отказъ священника родителямъ-штундистамъ въ крещеніи ихъ младенца, по несогласію ихъ дать установленную подписку, поведетъ только ко вреду и къ большимъ неустройствамъ приходской жизни. Онъ только обостритъ враждебное настроеніе сектантовъ, вызоветъ съ ихъ стороны еще большее озлобленіе и ожесточеніе и дастъ имъ только лишній поводъ къ глумленію надъ таинствомъ. Нужно взять во вниманіе характеръ и тактику вождей штундистовъ. Если священникъ, отказавшись совершить крещеніе за непредставленіемъ подписки, дѣлаетъ тѣмъ подписку какъ бы обязательнымъ условіемъ для таинства, то вожаки сектантовъ не замедлятъ воспользоваться этимъ, чтобы породить новыя смуты среди православныхъ и требованіе подписки истолковать въ томъ смыслѣ, что-де и сама церковь православная смотритъ на крещеніе, какъ только на житейскій актъ, гдѣ первое значеніе отдается бумагѣ. Тогда откроется поле для разныхъ кощунственныхъ вопросовъ сектантовъ къ православнымъ о крещеніи съ подпиской. Хитрые вопрошатели «отъ писанія» навѣрное будутъ тогда спрашивать—а гдѣ написано, чтобъ при крещеніи требовалась подписка? Христосъ и апостолы крестили безъ подписокъ; священники поступаютъ не по-апостольски и т. д. Извѣстенъ совѣтъ премудраго—не отвѣчать безумному по безумію его. Но все же подоб-

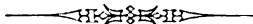
ныя безумства могутъ сбить съ толку неутвержденную душу. Между тѣмъ, пастырь все долженъ дѣлать только къ миру и назиданію (Рим. 14, 19).

Настойчивое требованіе подписки отъ родителей-сектантовъ, при крещеніи ихъ дѣтей, еще имѣло бы смыслъ въ томъ случаѣ, если бы подписка достигала своихъ цѣлей—ограждала бы крещаемыхъ дѣтей отъ воспитанія по духу секты со стороны фанатиковъ-родителей. Но нѣтъ и этого. Воспитаніе—дѣло частное, домашнее, и никакая подписка не можетъ быть ручательствомъ за дѣйствительное выполненіе сектантами-родителями своего обязательства. Сектантъ и съ подпиской сумѣетъ воспитать дитя по-сектантски, если не будетъ добраго сторонняго вліянія. А подвергнуть его за невыполненіе обязательства отвѣтственности—по неопредѣленности статей закона, едвали будетъ возможно. Отсюда, и самое требованіе подписки отъ родителей сектантовъ, что они воспитаютъ крещаемого въ православной вѣрѣ, является въ сущности дѣломъ малополезнымъ—не охраняющимъ существенно неприкосновенность крещаемого отъ фанатиковъ-родителей. Не отъ подписки зависитъ все будущее младенца, а отъ надежнаго поручительства за его воспитаніе православныхъ воспріемниковъ, принешихъ его ко крещенію, и, главное, отъ добраго участія къ его судьбѣ самого пастыря.

Исходя изъ указанныхъ соображеній, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключительнымъ положеніямъ по разсматриваемому вопросу о крещеніи дѣтей штундистовъ: 1) Такъ какъ требованіе подписки отъ родителей-сектантовъ въ томъ, что крещаемого младенца они воспитаютъ въ православной вѣрѣ, является только виѣшней предупредительной мѣрой, установленной больше обычаемъ и практикой, чѣмъ прямымъ смысломъ законовъ и правилъ о крещеніи, и такъ какъ отказъ въ крещеніи дѣтей сектантовъ, за несогласіемъ родителей дать установленную подписку, нигдѣ прямо не указывается законами, то, въ виду спасительной для всѣхъ важности таинства крещенія, беда почему либо сектантами-родителями установленной подписки не должна служить препятствіемъ къ совершенію крещенія. 2) Въ этомъ случаѣ нравственная отвѣтственность за воспитаніе крещаемыхъ дѣтей должна па-

дать на православныхъ воспріемниковъ, приносящихъ ихъ ко крещенію, коимъ поэтому пастырь и долженъ разъяснить всю важность принятаго на себя долга, а потомъ—и главное—и на самого пастыря. 3) Слѣдовательно, самый фактъ совершенія крещенія, при отказѣ родителей-сектантовъ дать установленную подписку, не свидѣтельствуєтъ о слабости и небрежности отношеній пастыря къ отступникамъ, а наоборотъ, свидѣтельствуєтъ, буде онъ дѣлаєтъ то осмысленно, о глубокомъ сознаніи имъ пастырскаго долга въ отношеніи въ заблудшимъ и спасительнаго значенія для всѣхъ, не исключая и дѣтей сектантскихъ, таинства крещенія. 4) Пастырская спусходительность въ этомъ случаѣ не можетъ быть соблазномъ для ревнителей православія изъ прихожанъ, а служить имъ только доказательствомъ мудрой осторожности пастыря въ дѣлѣ борьбы съ отступниками и его заботливости о томъ, чтобы въ увлеченіи борьбы не погубить неповинныхъ младенцевъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, думается намъ. Желалось бы, чтобы по этому вопросу откликнулись и другіе миссіонеры.

Курскій епарх. миссіонеръ священникъ *В. Шевалеевскій*.

Изъ записокъ и дневниковъ.

Объ одной изъ главныхъ причинъ невѣрія.

Видѣвый, Мене, видѣ Отца (Іоан. XIV, 8, 9).
Глагола ему (Θомѣ) Іисусъ: яко видѣвъ Мя,
вѣровалъ еси: блажени не видѣвшіи, и вѣро-
вавшіе (Іоан. XX, 29).

Вл. Соловьевъ раздѣляетъ невѣріе на недобросовѣстное и добросовѣстное. Подъ первымъ онъ разумѣетъ невѣріе тѣхъ лицъ, рабовъ страстей и плоти (обжоръ, блудниковъ, властолюбцевъ), которые не хотятъ собственно вѣрить, такъ какъ эта вѣра налагаетъ на нихъ извѣстную узду, которую они налагать на себя не желаютъ; и вотъ вмѣсто того, чтобы сознаться въ своихъ дурныхъ поступкахъ, они начинаютъ критиковать Евангеліе, дѣлаются послѣдователями Нитше, и т. п. Это потомки того Евангельскаго богача изъ притчи о Богатомъ и Лазарѣ и его братьевъ, про которыхъ Авраамъ сказалъ, что если-бы кто изъ мертвыхъ пришелъ къ нимъ возвѣстить, что ихъ за это ожидаетъ, они и тогда не повѣрили-бы, какъ не повѣрили Моисею и другимъ пророкамъ. Это недобросовѣстное невѣріе. Но есть другое, добросовѣстное невѣріе, — невѣріе Θомы, когда человѣкъ жаждетъ вѣры, но не можетъ вѣровать по невозможности собственно представить предметъ вѣры и по невозможности познать истину инымъ путемъ, не путемъ *представленія*, но путемъ *пониманія*. Причины этого второго невѣрія различны; часто въ основѣ его лежитъ недостаточное знаніе предмета вѣры, полное незнакомство съ Священнымъ Писаніемъ, съ Богословіемъ и т. п., но часто, — и это самое главное — извѣстный складъ ума, желаніе во чтобы то ни стало представить данную истину, и неспособность постичь ее другимъ путемъ, — не путемъ

представленія, но путемъ пониманія или, говоря иначе, недостаточное развитіе умозрѣнія, т. е. способности открывать въ своей головѣ и сердцѣ общія положенія—аксіомы разума и изъ нихъ дѣлать логически *болѣе частныя* выводы и заключенія. Невѣріе было во всѣ времена, такъ какъ причина его лежитъ въ самой природѣ человѣка, въ его немощности и окаянствѣ. Съ невѣріемъ боролся апостоль Павелъ, и вотъ онъ-то ясно указалъ на эту послѣднюю—главную причину невѣрія. Въ первомъ посланіи къ Коринѣянамъ онъ, критикуя тогдашнюю науку, — какъ «мудрость вѣка сего», доказывая, что ей не суждено открыть истины въ ея сущности, тайнъ бытія,—говоритъ и о причинахъ невѣрія: «Душевный человѣкъ, говоритъ онъ, не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно» (1 Кор. II, 14). Вотъ въ этихъ-то словахъ и указывается главная причина второго—добросовѣстнаго невѣрія. Есть два метода мышленія, два пути познанія истины: дедуктивный или умозрительный и индуктивный или эмпирическій; первый путь исходитъ изъ общихъ положеній—изъ аксіомъ разума; примѣромъ такихъ аксіомъ могутъ служить аксіомы математическія, существующія, помимо математики, и во всѣхъ другихъ областяхъ знанія. Изъ этихъ аксіомъ путемъ силлогизма выводятся болѣе частныя заключенія, — въ результатѣ получается цѣлая сложная наука, какъ, напр., науки математическія. Другой индуктивный путь мышленія идетъ отъ частнаго къ общему. Онъ изучаетъ фактъ, наблюдаетъ, собираетъ ихъ и путемъ обобщенія дѣлаетъ болѣе общее заключеніе. Такимъ методомъ мышленія строятся науки біологическія, естественнѣдѣніе, медицина и т. п. Въ вопросахъ богословія «надобно судить духовно», — говорятъ апостоль Павелъ, т. е. надобно идти первымъ путемъ — путемъ дедуктивнымъ. Богословская наука основана на дедуктивномъ методѣ. Такъ какъ богословіе составляло главную основу образованія прежняго времени, то естественно, что у тогдашняго человѣка самой школой и самой жизнью вырабатывалась эта способность, съ одной стороны, правильно находить въ головѣ и сердцѣ аксіомы разума, а съ другой—логически дѣлать изъ нихъ заключенія, или, говоря иначе, развивалось умозрѣніе, способность

къ абстрактному, отвлеченному мышленію, и то, что трудно подавалось *представленію*, ясно и прекрасно *понималось*.

Конечно, и въ этомъ методѣ, вслѣдствіе немощности и окаянства природы человѣческой, возможны были ошибки, — или за аксіому принималось въ сущности невѣрное положеніе, или дѣлалось не логичное заключеніе. Ошибку однако тутъ открыть легко и не трудно возстановить истину. Этимъ способомъ познается сущность предмета или явленія, а механизмъ явленія при немъ остается часто неразгаданнымъ. Такъ, напримѣръ, возьмемъ явленія грозы. Изучая его дедуктивнымъ методомъ, путемъ умозрѣнія, легко было понять сущность явленія—то, что это есть одно изъ небесныхъ явленій, которымъ пользуется премудрость Божія для различныхъ цѣлей: иногда съ цѣлью создать извѣстныя благопріятныя метеорологическія условія (образованіе азотистыхъ соединений, столь необходимыхъ для произрастанія растений), иногда съ цѣлью устраненія или наказанія человѣка. Это—сущность явленія,—смыслъ явленія, по механизмъ явленія остается неразгаданнымъ. Для его разрѣшенія необходимо изученіе самаго факта и другихъ болѣе простыхъ фактовъ, каковы элементарныя явленія и опыты съ электричествомъ, которые чрезъ обобщеніе частныхъ въ концѣ концовъ выясняютъ намъ и механизмъ такого сложнаго явленія, какъ гроза; *но только механизмъ*. Если вы спросите физика,—въ чемъ сущность электричества, что это такое, откуда оно взялось, то на эти вопросы физикъ вамъ не дастъ отвѣта; онъ беретъ явленіе готовымъ, какъ фактъ, и изучаетъ только его механизмъ, законы распространенія этого электричества и т. п. Но, не будучи въ состояніи открыть сущности явленій, даже до его ближайшихъ степеней, индуктивная наука, изучающая механизмъ явленій, можетъ зато удивить васъ своими открытіями, можемъ заставить простую проволоку испускать необыкновенный свѣтъ, можетъ воспроизвести, хотя въ слабой формѣ, явленіе грозы, можетъ создать въ комнатѣ маленькую радугу, можетъ показать вамъ при помощи X—лучей, что дѣлается въ вашей запертой шкатulkѣ или комнатѣ, словомъ—поразить васъ пѣлымъ родомъ необычайныхъ на первый взглядъ явленій. Немощный человѣческій умъ легко ослѣпляется всѣмъ этимъ блескомъ, характеризующимъ нашъ прогрессъ, начинаетъ

поклоняться этой индуктивной наукѣ, — думаетъ, что въ ней заключается абсолютная истина, что ей суждено открыть всѣ тайны міро-зданія и создать царство Божіе на землѣ.

Такъ и случилось. Съ успѣхами индуктивной науки, которая ни на іоту не освѣтила намъ сущности явленій и предметовъ, а только постигла ихъ механизмъ, ополчились противъ перваго — дедуктивнаго метода мышленія: «предоставимъ его метафизикамъ», — стали разсуждать, — а будемъ изучать факты и, переходя постепенно отъ фактовъ болѣе простыхъ къ болѣе сложнымъ, постигнемъ, наконецъ, путемъ представленія, т. е. — *не только поймемъ, но и представимъ*, — быть можетъ, сдѣлаемъ доступнымъ нашимъ вѣдѣніемъ чувствъ, воспроизведемъ путемъ опыта самыя сложныя явленія, самую сущность явленій до тайны мірозданія, творенія человѣка, сущности человѣческаго разума, смысла человѣческой жизни и т. п. включительно. И вотъ измѣняется ослѣпленнымъ человѣчествомъ все направленіе и образованія, и преподаванія; богословіе, философія, психологія отводятся на задній планъ, а на первый планъ выводятся науки индуктивныя: физика, естествовѣдѣніе и т. п. Юноши бросаются на естественный, медицинскій и т. п. факультеты; изучаютъ факты, смотрятъ въ микроскопъ, рѣжутъ, препарируютъ, дѣлаютъ опыты. Словомъ, все направленіе мѣняется. Но какъ дедуктивный методъ въ рукахъ немощнаго человѣка оказывался иногда источникомъ ошибокъ, легко, впрочемъ, исправляемыхъ, такъ и индуктивный методъ, на первый взглядъ кажущійся точнымъ, оказывается еще болѣе опаснымъ въ смыслѣ возможности заблужденія. Самый фактъ констатировать не совсѣмъ то легко; вслѣдствіе несовершенства нашихъ чувствъ, два предмета, на первый взглядъ, кажущіеся совершенно одинаковыми, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются совершенно различными (недостатокъ наблюденія), не говоря уже о томъ, что чувства даютъ намъ только субъективное представленіе о предметѣ и о мірѣ, а не абсолютное; предметъ представляется такимъ только по отношенію къ моимъ человѣческимъ чувствамъ, а въ дѣйствительности, или въ представленіи другого какого либо существа, онъ является инымъ. Даже среди людей встрѣчаются субъекты съ такими чувствами, что почитаемое всѣми невозможнымъ для нихъ оказывается

возможнымъ; такъ называемые ясновидящіе, напримѣръ, чувствуютъ приближеніе человѣка за нѣсколько сотъ сажень и т. п. Профессоръ судебной медицины Харьковскаго Университета Беллинъ описалъ во «Врачѣ» одинъ подобный случай «ясновидѣнія». Больная опредѣляла присутствіе амилънитрита, небольшое количество котораго, какъ потомъ оказалось, въ плотно закупоренномъ пузырькѣ находилось въ одномъ изъ шкафовъ больницы, и, что всего замѣчательнѣе, всегда вѣрно опредѣляла присутствіе пользовавшаго ее врача въ предѣлахъ больничнаго двора.

Другой подобный субъектъ въ Америкѣ зарабатывалъ хорошія деньги тѣмъ, что при помощи своего обонянія открывалъ присутствіе нефтяныхъ источниковъ въ нѣдрахъ земли. Даже и такому человѣку весь міръ долженъ представляться въ иномъ видѣ, чѣмъ обыкновенному смертному. Тамъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ ничего не видитъ, не слышитъ и не ощущаетъ, подобный субъектъ только съ обостренными внѣшними чувствами можетъ многое видѣть, слышать чарующіе звуки, ощущать чудные ароматы и т. п. Какъ же послѣ этого полагаться на наши несовершенныя чувства и надѣяться при помощи ихъ однихъ познать истину! Но не въ этомъ главный источникъ ошибки. Главная ошибка въ обобщеніи. Здѣсь со всей силой, какъ показываетъ исторія и наблюденіе, выступаетъ немощность природы человѣка; обобщающая способность человѣка является равнодѣйствующей множества силъ, ничего общаго съ абсолютной истиной неимѣющихъ; господствующія въ данное время воззрѣнія—философскія, жизненныя и т. п., воспитаніе, характеръ образованія, собственный складъ характера—все это вліяетъ на обобщеніе и ведетъ къ тому, что факты сплошь и рядомъ обобщаются поспѣшно, неправильно, съ предвзятой идеей, словомъ—создается невѣрное обобщеніе, и изученіе фактовъ въ концѣ концовъ приводитъ не къ истинѣ, а къ заблужденію. Притомъ,—заблужденіе это не такъ легко обнаружить,—тутъ уже надо пересмотрѣть всѣ предшествовавшія обобщенію наблюденія, которыя часто составляютъ занятіе всей жизни даннаго человѣка; и вотъ заблужденіе, подъ видомъ истины, царитъ цѣлые года, иногда столѣтія и, ложась въ основу новыхъ заключеній и выводовъ, еще болѣе запутываетъ дѣло, создаетъ цѣлую систему заблужденій, не-

правды вмѣсто истины. Подобными примѣрами переполнена исторія индуктивныхъ, опытныхъ наукъ, какъ то: естествознаніе и медицина. Насколько твердо стоять до сего времени положенія Пифагора, представителя дедуктивной науки, настолько же далекими отъ истины представляются намъ теперь обобщенія Аристотеля, человѣка великаго ума, но шедшаго сравнительно съ Пифагоромъ инымъ путемъ, индуктивнымъ; да и не только Аристотеля, а даже обобщенія натуралистовъ прошлаго вѣка. Такимъ путемъ, съ одной стороны, атрофируется, не развивается въ подростающемъ поколѣніи умозрѣніе, способность къ отвлеченному мышленію, вниманіе пригвождается къ чувственному факту, что дѣлаетъ человѣка узкимъ матеріалистомъ, неспособнымъ потомъ уже ничего воспринимать духовнаго, неспособнымъ «судить духовно», а съ другой стороны—создается цѣлая атмосфера лжи, признаваемая истиной, совершенно ослѣпляющая и безъ того немощнаго человѣка.

Человѣкъ перестаетъ понимать разницу между сущностью и механизмомъ явленій; становится близорукимъ, неспособнымъ взглянуть на явленіе глубже и въ концѣ концовъ совершенно немощнымъ въ разумѣніи такихъ вопросовъ, каковы вопросы богословскіе, о которыхъ надобно судить духовно. Замѣчательно, что та же точная—индуктивная наука, отрицающая все сверхчувственное, признающая физическіе законы неизмѣнными, должна отступить отъ этого принципа, лишь только она вздумаетъ перейти отъ изученія механизма къ изученію сущности явленій. Такъ, физика, самая точная изъ опытныхъ наукъ, пока изучаетъ механизмъ свѣта, законы его распространенія и пр., остается вполне позитивной, но лишь только она задается вопросомъ о томъ, въ чемъ же заключается сущность свѣта, такъ тотчасъ же приходитъ, во-первыхъ, къ убѣжденію, что опытный методъ является здѣсь уже непримѣнимымъ, что надо обратиться къ методу дедуктивному, и, во-вторыхъ, обратившись къ этому методу, т. е. къ теоретической физикѣ, основанной на дедуктивной математикѣ, приходитъ къ тому допущенію, что все міровое пространство наполнено особой матеріей (свѣтовымъ эфиромъ), невѣсомой, т. е. не подчиняющейся такому общему закону, какъ законъ всемірнаго тяготѣнія, всепроникающей, недоступной ни одному изъ нашихъ методовъ физическаго или химическаго изслѣдованія,—которую мы

можемъ постичь только путемъ отвлеченнаго мышленія, путемъ абстракціи, т. е.—другими словами—приходить къ тому заключенію, что въ природѣ существуетъ не только то, что мы можемъ воспринять нашими чувствами, или открыть точными химическими и физическими методами, а еще и иныя тѣла, такъ сказать, «вещества не вещественныя», которыхъ мы не можемъ представить, но познаемъ «духовно», путемъ нашего умозрѣнія. Если сущность такихъ сравнительно простыхъ явленій, какъ свѣтъ, современная наука не можетъ объяснить безъ допущенія «вещества не вещественнаго», то что говорить о сущности такихъ сложныхъ явленій, какъ явленія біологическія и т. п.!

Вотъ въ этомъ то складѣ ума, въ этой неспособности судить духовно, другими словами,—въ недостаточномъ развитіи умозрѣнія и заключается одна изъ главныхъ причинъ невѣрія. Напрасно будете говорить такому духовному слѣпцу «о подлинности Евангелій, о Божественномъ достоинствѣ Иисуса Христа» и т. п.,—онъ васъ не пойметъ, потому что онъ не можетъ представить себѣ ничего чудеснаго, ничего выходящаго изъ того узкаго круга, который онъ видитъ своими человѣческими очами, въ чемъ убѣждается своими тѣлесными, немощными чувствами, что онъ можетъ представить своимъ немощнымъ разумѣніемъ. Тутъ необходимо спуститься глубже, необходимо доказать, что самый методъ мышленія такого человѣка слишкомъ односторонень, узокъ и ненадеженъ, что кромѣ внѣшнихъ чувствъ и представленія человѣческаго, есть иныя силы души: абстракція, чувство, самоанализъ, интуиція и т. п., которыми открывается истина, что многое, что имъ считается чудеснымъ, только представляется таковымъ, понимается же какъ вполне логичное, часто даже прямо необходимое явленіе. Вотъ тогда можно надѣяться, что подымется немного завѣса съ душевныхъ очей, и бывшій духовный слѣпецъ начнетъ различать истинные предметы, подобно Евангельскому слѣпцу, сначала какъ бы въ туманѣ, а потомъ и совсѣмъ прозрѣть, увидить все воочию и—прежде всего—свое великое прежнее заблужденіе. Вспомнимъ, какъ отнеслись Аоніяне къ проповѣди ап. Павла. Сначала они очень охотно слушали его, но когда онъ сталъ говорить о воскресеніи изъ мертвыхъ Иисуса Христа, то перестали его слушать. «Услышавъ о

воскресеніи изъ мертвыхъ, одни насмѣхались, а другіе говорили: объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время. И такъ Павелъ вышелъ изъ среды ихъ» (Дѣян. Ап. XVII, 32—33). Однако потомъ слово Божіе оказалось сильнѣе всякаго человѣческаго заблужденія,—Аѳиняне не только стали слушать, но увѣровали и сдѣлались истинными христіанами. Не будемъ же отчаиваться и мы, ибо слишкомъ сильное оружіе имѣемъ въ рукахъ:—слово Божіе, которое воистину есть мечъ духовный, непобѣдимый и всеоключающій. «Слово Божіе живо и дѣйственно, и острѣе всякаго меча обоюдоостраго: оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, и судить помысленія и намѣренія сердечныя»—вотъ какъ характеризуетъ силу его ап. Павелъ въ посланіи къ Евреямъ (гл. IV, 12—13). Сила его состоитъ въ томъ, что оно заключаетъ въ себѣ абсолютную истину, которая написана въ сердцѣ каждаго человѣка—христіанина или язычника, праведника или грѣшника, но только не въ одинаковой степени всѣмъ сознается, такъ какъ неодинаково затемнена закопомъ грѣховнымъ, дѣйствующимъ въ тѣлѣ нашемъ. Ей тяжело быть подъ гнетомъ этого злого начала, и она всегда стремится выйти наружу и возсіяетъ яркимъ свѣтомъ. Дикій лопарь или якутъ, кровожадный горецъ, философъ и простякъ, честный и развращенный человѣкъ—все способны въ извѣстное время почувствовать всю правду слова Божія, найти въ глубинѣ своей души откликъ ему и увѣровать въ абсолютную истинность ученія Христова. Будемъ же надѣяться, что не устоитъ передъ нимъ и современное интеллигентное невѣріе, только для вѣрнѣйшаго успѣха среди него надо изучить точнѣе основныя причины и слабыя мѣста его, его, такъ сказать, «Ахиллесову пятю» и на нее то главнымъ образомъ направить ваше оружіе.

Врачъ С. Анраксинъ.

Полковникъ Пашковъ.

Въ январѣ 1902 года скончался въ Парижѣ полковникъ Пашковъ. Это русскій Редстокъ. Нашумѣвшій въ 70-хъ годахъ XIX вѣка своимъ сектантскимъ ученіемъ въ Петербургѣ, онъ сталъ извѣстенъ на весь міръ. Какъ личность въ нѣкоторомъ отношеніи достойная печальной исторіи миноваго вѣка, она заслуживаетъ того, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ.

Увлеченный общимъ потокомъ любопытства и моды, устремившимся со всѣхъ концовъ Россіи на Гагаринскую набережную въ Петербургѣ, гдѣ находился роскошный по своей внутренней обстановкѣ домъ полковника Пашкова, и гдѣ произносились почти ежедневно религіозныя проповѣди русскимъ Редстокомъ, я также поплылъ сюда.

Это было еще въ 1878 году, глубокой осенью, когда слава о Пашковѣ только что начинала разгораться на весь русскій болящій пустотой и скукою столичный большой свѣтъ, и когда сектантское ученіе его принимало самый острый характеръ. Наслышавшись о немъ всякихъ розказней въ Петербургскихъ гостиныхъ, гдѣ прежде всего этотъ вопросъ будировался на всѣхъ ступеняхъ общественной сутолоки, и гдѣ ему отводилось большое мѣсто среди всѣхъ живыхъ новостей того времени, я пошелъ на «Пашковскія бесѣды».

Этимъ словомъ тогда назывались проповѣди русскаго Редстока, читанныя имъ публично у себя дома. Въ обширномъ залѣ, въ который я вошелъ, было много публики. Среди незнакомой мнѣ толпы, я замѣтилъ смѣсь племенъ, нарѣчій и состояній. Тутъ были и блестящіе гвардейскіе мундиры, и грязныя засаленныя чуйки, и роскошныя дамскіе туалеты и бѣдныя скромныя платья. И все это стояло въ смѣси, въ общей группѣ, и ожидало какого-то «пришествія»,—чего я не видѣлъ никогда.

Эта смѣсь племень, нарѣчій, здѣсь въ роскошномъ паллацо, убраннымъ гобеленами и художественными произведеніями дорогихъ мастеровъ, произвели на меня такое впечатлѣніе, какое, вѣроятно, не произвелъ бы Ноевъ ковчегъ, въ которомъ было «всякой твари по парѣ.»

Но домъ Пашкова былъ открытъ для всѣхъ «вѣрующихъ», сподобленныхъ духа его проповѣди, и рослый швейцаръ, какъ гетманъ Мазепа съ булавою въ рукахъ, живой статуей помѣщался у дверей богатаго вестибюля дома проповѣдника и молча пропускалъ идущихъ «на верхъ».

— Это убѣжище «святыхъ», сказалъ мнѣ какой-то мундиръ, подошедшій ко мнѣ «на верху»,—и я его посѣщаю каждую пятницу, когда здѣсь собирается наилучшее общество столицы...

— Какое «наилучшее?»—спросилъ я словоохотливаго собесѣдника, не перестававшаго стоять со мною рядомъ и забѣгавшаго ко мнѣ въ глаза своимъ испытующимъ взоромъ, вѣроятно, для того, чтобы убѣдиться въ томъ, насколько я «вѣрующій» и съ истиннымъ ли чувствомъ призванія влеку сюда свою особу, чтобы вкусить здѣсь «благодати Духа Святаго», какъ говорилъ онъ мнѣ, и «увѣрывать въ истиннаго Бога»...

— То «лучшее», продолжалъ мой случайный собесѣдникъ, какихъ здѣсь было не мало въ силу «ассоціаціи духовной идеи», какъ говорили всѣ,—которое отдаетъ себя «въ руки Божіи», не спрашивая себя о томъ, что съ нимъ будетъ завтра...

— Да развѣ это можно?..

— Должно!.. Почти грозно произнесъ мой собесѣдникъ и только такіе люди внидутъ въ домъ сей съ вѣрою и поклонятся Духу его Святому...

Ну, подумалъ я, послѣ этихъ грозныхъ словъ неизвѣстнаго мнѣ собесѣдника,—какъ бы не было мнѣ плохо...

— Только вѣрующіе внидутъ «въ домъ сей», продолжалъ мой незнакомецъ,—и если вы не вѣруете въ Духа Святаго, то вамъ здѣсь дѣлать нечего...

— Я православный... какъ то по дѣтски пролепеталъ я, и восторженно посмотрѣлъ на моего незнакомца.

Тотъ почти злобно принявъ взглядъ мой и продолжалъ:

— Если вы изъ любопытства, то вамъ не будетъ удачи въ жизни сей...

Вотъ те на! подумалъ я,—на пророка попалъ.

Но тотъ продолжалъ:

— Я здѣсь вѣрующій человѣкъ и потому счастливъ въ мірѣ...

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю, отвѣтилъ я.

— И я вамъ того-же желаю... Но только это придетъ къ вамъ не иначе, какъ послѣ снисшествія Святаго Духа на васъ...

— Да развѣ Его нѣтъ теперь при мнѣ?—невольно вырвалось у меня.

— Нѣтъ... Вы недостойны этого...

Вотъ-те штука! подумалъ я,—какой-же я грѣшникъ...

— Да, вы недостойны! продолжалъ онъ,—потому что безъ вѣры вошли въ домъ сей. А кто внидетъ въ жилище сіе безъ вѣры, тотъ недостойнъ снисшествія на него Духа Святаго...

— Да съ чего вы взяли, наконецъ, что я безъ вѣры вошелъ сюда?—почти рѣзко спросилъ я.

— Съ того, что вы являетесь сюда въ первый разъ.

— Откуда же вы это знаете?

— Оттуда, что я всѣхъ здѣсь бывающихъ знаю въ лицо, потому что каждую «бесѣду» здѣсь посѣщаю. А васъ я вижу въ первый разъ. И всѣ тѣ, которые входятъ сюда впервые, непременно должны быть невѣрующими, потому что еще не вкусили здѣсь Духа Святаго...

— Какъ это «не вкусили»?..

— Да такъ... Только черезъ здѣшнюю проповѣдь вы можете вкусить вѣры истинной...

— Постараюсь это сдѣлать...

— Нѣтъ поусердствуйте это сдѣлать, а не «постараюсь», внушительно папугствовалъ меня незнакомецъ.

Если бы этотъ діалогъ передавалъ мнѣ кто другой, то я не повѣрилъ бы въ его содержаніе; но такъ какъ это было со мной непосредственно, то волей-неволей приходится въ него повѣрить.

Настолько этотъ человѣкъ,—случайный мой собесѣдникъ,—показался мнѣ страннымъ, что я подумалъ: да не въ сумасшедшій ли домъ я попалъ? Но, оказалось, потомъ, тутъ всѣ «вѣрующіе» были

таковы... Но во что они, однако, вѣрили, я никакъ не могъ дать себѣ отчета, потому что если уже они всѣ православные, то какого еще Духа Святаго они искали въ семь «домѣ святомъ», какъ они называли палаты полковника Пашкова на Гагаринской набережной...

Въ залѣ я сталъ невольно прислушиваться къ разговору всѣхъ «гостей» Пашкова, разбросавшихся по группамъ, кто къ кому ближе былъ своимъ происхожденіемъ, — такъ какъ здѣсь всѣ говорили громко, во всеуслышаніе, чтобы «передъ Богомъ» не скрывать своихъ мыслей, какъ отвѣчали они другъ другу, и посему уже дѣлали достояніемъ общества всѣ свои сокровенныя тайны...

— Тутъ всѣ равны, говоритъ одинъ молодой человекъ, блестящій своимъ богатымъ костюмомъ, только что очевидно сшитымъ у моднаго столичнаго портного по парижскому «фасону», — однако, не роскошно одѣтой молодой дѣвушкѣ, но примѣрной красавицѣ съ тонкой стройной фигурой, на которую собесѣдникъ ея нерѣдко пскося поглядывалъ. — И вы напрасно стѣсняетесь насъ, продолжалъ онъ улыбаясь. — Мы здѣсь всѣ во имя Духа Святаго собираемся и потому должны быть близки другъ другу...

— Я ничуть не стѣсняюсь, князь, отвѣчала молодая дѣвушка, какъ бы кофузаясь слегка, — и это вамъ такъ кажется...

— Ну всетаки... замѣтно... что вы держите себя особо... Вы напрасно чуждаетесь насъ... мы далеко вамъ не посторонніе... Если вы здѣсь вѣрующая, то и мы тоже... А этого уже вполне достаточно для того, чтобы довѣряться нашему братскому чувству...

— Вамъ бы, родная моя, къ нему самому, другу нашему, обратиться, говорила въ другой группѣ какая-то потертая кофта себѣ равной, такой же плебейкѣ, — онъ никому въ этомъ не отказываетъ, только вѣруй въ него...

— Я бы, родная, всей душой... да какъ вотъ... ну, вдругъ, онъ обидится...

— Не такой онъ есть... мать моя, это самъ святой... А ты — «обидится»... Да нечто ему пристало обижаться на насъ вѣрующихъ. Онъ радъ всѣмъ помочь во имя Духа Святаго. Ты только такъ скажи ему...

Это все происходило вокругъ меня на очень близкомъ разстояніи и я могъ разслышать и запечатлѣть каждое слово говорившаго ясно и точно.

Такимъ образомъ, подумаль я, здѣсь двѣ группы людей, собравшихся сюда во имя одного Святаго Духа, имѣють уже двѣ различныя цѣли: первая, очевидно, сводить знакомство, а вторая — ищеть подачки. — Съ какой-же цѣлію пришелъ я сюда, все еще думалось мнѣ. — Ни съ вѣрой, ни безъ вѣры, ни для знакомства, ни для подачки. Такъ для чего-же?

Но на этотъ вопросъ отвѣтилъ мнѣ тотъ-же мой собесѣдникъ, съ которымъ я уже имѣлъ честь обмѣняться здѣсь своими мыслями.

— Вы пришли сюда за спасеніемъ, сказалъ онъ мнѣ, — затѣмъ именно, зачѣмъ всѣ приходятъ сюда. Иного значенія въ нашемъ приходѣ въ сей домъ нѣтъ и быть не должно. Мы такъ много нагрѣшили въ дѣяніи нашихъ отцовъ за минувшіе вѣка, что намъ нужно стало «очиститься отъ всякія скверны»... И вы это здѣсь получите, если увѣруете. А вѣра тутъ все. Безъ вѣры-же вы не спасетесь. И только вѣра одна очистить васъ отъ всѣхъ прегрѣшеній... Вѣдь мы всѣ грѣшники; вѣдь наши души горятъ вѣрою въ Бога, а мы гонимъ ихъ въ тьму кромешную своими грѣховными дѣяніями... Грѣховными говорю потому, что мы вѣруемъ не тому, чему насъ поучаетъ ученіе Божіе, а тому, что намъ истолковано «собрніѣ»... Не въ словѣ спасеніе души нашей должно обрѣтаться, а въ дѣлѣ, которое мы обязаны совершить на землѣ... Вокругъ насъ такъ много страждущихъ и угнетенныхъ... И вотъ мы должны имъ помочь и словомъ, и дѣломъ; словомъ для того, чтобы уразумѣть дѣло, а дѣломъ для болѣе осязательныхъ доказательствъ того, къ чему мы призваны на землѣ... къ братству и единству... А у насъ что? разчлененіе... Общество дѣлится на классы, точно учебное заведеніе. Будто бы люди не всѣ равны, точно въ нихъ не одинаковая кровь кипитъ, будто они уже ни отъ одной матери природы, созданной Богомъ, точно всѣ мы не равныя дѣти Творца Небеснаго...

Вотъ зачѣмъ вы пришли сюда; вотъ что должны вы уразумѣть здѣсь; вотъ какой вѣрой вамъ слѣдуетъ проникнуться тутъ; вотъ почему мы и призываемъ нисшествіе Духа Святаго на насъ, чтобы

сподобиться Его небесной силы и уйти съ нимъ въ вѣчность добродѣтели...

— Сказано недурно, подумаль я,—что-то будетъ дальше.

— Вы знакомы съ этимъ господиномъ?—спросилъ меня кто-то изъ-за моего плеча, сзади, въ то время, когда мой собесѣдникъ отошелъ отъ меня прочь.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я, повернувшись къ заговорившему со мною новому незнакомцу, человѣку среднихъ лѣтъ, одѣтому по штатски и съ форменною фуражкой въ рукахъ.

— А что? спросилъ я его въ свою очередь, смотря ему прямо въ лицо и удивляясь тому, что я пришелъ не на маскарадъ, а между тѣмъ ко мнѣ всѣ незамаскированные внѣшне люди подходятъ съ вопросами также свободно, какъ и въ маскарадѣ замаскированные субъекты. Можетъ быть и здѣсь всѣ съ маскою на душѣ ходятъ, подумаль я, и еще разъ въ упоръ посмотрѣлъ на новаго незнакомца.

— Да вы говорили съ нимъ очень свободно, отвѣтилъ тотъ на мой вопросъ...

— И чтожь такое?—улыбаясь спросилъ я.

— Да вѣдь это нашъ первый проповѣдникъ послѣ полковника...

— Вашъ?.. А вы кто такой?..

— Я здѣшній прихожанинъ...

— Какъ «прихожанинъ»?.. развѣ здѣсь храмъ?..

— А какъ же... Мы здѣсь молимся, слушаемъ проповѣди, словесимъ Бога, поучаемся истинѣ, сподобляемся вѣры чистой, непорочной, проникнутой Духомъ Святымъ, списшедшимъ на насъ съ небесъ...

Ну, подумаль я, опять на пророка попалъ... Что за счастье такое... Но это счастье то, какъ я узналъ потомъ, постигало здѣсь всѣхъ впервые вошедшихъ въ этотъ домъ для того, чтобы приготовить ихъ къ «вѣрѣ истинной» и заставить ихъ увѣровать въ «справедливую проповѣдь» того, кто здѣсь главенствуетъ, т. е. полковника Пашкова, который обыкновенно появлялся въ залѣ среди своихъ гостей только тогда, когда уже всѣ невѣрующіе или вновь появившіеся здѣсь будутъ подготовлены къ воспріятію

Духа Святаго. И этотъ человекъ, изъ-за плеча заговорившій со мной послѣ ухода отъ меня перваго собесѣдника, какъ одинъ изъ многочисленныхъ воиновъ здѣшней арміи, во имя спасенія души своей тутъ оперировавшій, атаковалъ меня не безъ умысла съ той же предвзятой цѣлью, что и первый, — чтобы влить въ душу мою «ключъ чистой вѣры»... Но я пока еще не видѣлъ источника, откуда былъ этотъ «ключъ»... И вотъ мой новый собесѣдникъ вливаетъ въ меня «струю святой вѣры» такими словами: «вы здѣсь сподобитесь многому хорошему, чего еще вамъ, вѣроятно, не приходилось слышать въ мірѣ»...

— Въ какомъ «мірѣ»?.. спросилъ я.

— Въ томъ, гдѣ живете...

— А здѣшній міръ, развѣ, внѣ того состоитъ?

— Да, здѣсь міръ новый, призванный царить надъ духомъ человѣческимъ.

— А развѣ это можно?

— Что?

— Да царить надъ тѣмъ, что еще въ достаточности не выяснено никѣмъ...

— Что «не выяснено»?.. строго спросилъ меня собесѣдникъ.

— Да духъ то человѣческій...

— Такъ вы не вѣрите въ духа своего?.. А припли сюда зачѣмъ-же это?..

— Затѣмъ, что бы узнать, что тутъ можно вкусить хорошаго...

— Для васъ тутъ, какъ невѣрующаго, ничего хорошаго не можетъ быть...

— Во что невѣрующаго?..

— Въ призваніе Божіе...

— Да я еще не вижу его...

— И не увидите... Здѣсь только видятъ тѣ, кто вѣруетъ...

— Да можетъ быть и я увѣрую... когда увижу...

— Пѣтъ... уже будетъ поздно... Нужно увѣровать, входя въ домъ сей...

— Я не могу слѣпо вѣровать тому, чего не знаю...

— Здѣсь всѣ такъ вѣруютъ.

— Очень жаль.

— Жалѣйте себя вы за то, что такъ грѣховны...

Фу, ты, напасть какая! подумалъ я.—Ужъ и не въ самомъ ли дѣлѣ я такъ грѣшенъ, что второй человѣкъ мнѣ говоритъ объ этомъ. Вѣдь можетъ же быть такое заблужденіе, что самъ не видишь собственныхъ грѣховъ, а со стороны ихъ замѣчаютъ... Дѣйствительно, со слабой волей здѣсь можно было увѣрять во все, чего и никогда тутъ не было, думалъ я далѣе. И что-жъ въ томъ удивительнаго, что многія лица вокругъ меня стоявшія, дышали благоговѣніемъ передъ мѣстомъ симъ... Но меня все еще точилъ червь сомнѣнія.—Что, думалось мнѣ, если здѣсь кощунствуютъ, говорятъ не то, что думаютъ и дѣлаютъ все затѣмъ, чтобъ породить ересь... Но затѣмъ намъ она? Зачѣмъ эта ересь, когда уже и такъ духъ человѣческій пренесполненъ всякихъ сомнѣній... Зачѣмъ еще повое? Къ чему оно?—Какъ не странно мнѣ было думать такъ «о домѣ семъ» въ присутствіи «вѣрующаго человѣка», говорившаго со мною, но я все-таки-же думалъ и на лицѣ моемъ неволью скользила легкая улыбка, какъ отраженіе внутренняго настроенія моего...

— Какой вы достойный человѣкъ, должно быть, обратилась ко мнѣ изящная особа женскаго пола съ румянымъ и сытымъ лицомъ,—въ то время, когда я опять остался одинъ,—если съ вами вели бесѣду столь почтенныя въ нашемъ приходѣ лица...

— Какъ хотите, такъ и судите, сударыня, отвѣтилъ я учтиво, какъ требовала отъ меня свѣтская условность въ обращеніи съ дамами и тѣмъ болѣе такого «полета», какъ эта была...

— Мнѣ было бы очень пріятно видѣть васъ здѣсь постоянно, какъ нашего прихожанина, какими мы очень дорожимъ...

— Для чего это, сударыня?..

— Для истинной вѣры...

Ну и эта «объ истинной вѣрѣ», подумалось мнѣ. — Точно я совсѣмъ невѣрующій человѣкъ... Долго ли при такомъ напряженіи моихъ чувствъ было поколебаться въ своемъ скептицизмѣ...

— А вы къ намъ издалека? продолжала осаждать меня изящная дама.

— То есть, какъ это?

— Вы провинціалъ?

— Нѣтъ...

— Такъ петербуржецъ? Отчего же васъ такъ долго не было у насъ?

— То есть, какъ это «долго»?

— Да почему вы раньше не пожаловали сюда? Ахъ, какъ это пріятно видѣть васъ здѣсь.

— Сударыня, я не имѣю чести...

— Это все равно... У насъ не принято представлять другъ другу. Здѣсь всѣ равны во имя Святаго Духа.

Ну и эта о Святомъ Духѣ заговорила, подумалъ я и посмотрѣлъ на нее вопросительно.

— Да вы не стѣсняйтесь... Я вамъ не чужая... Если вы вѣрующій, то...

Дама почему то не докончила своей рѣчи и глубокомысленно обвела меня лорнеткой.

Я полусконфуженно молчалъ и смотрѣлъ на нее вопросительнымъ взглядомъ.

Она еще разъ обвела меня лорнеткой и пріятливо улыбнулась...

Я молчалъ и ждалъ дальнѣйшихъ эволюцій...

— Но вы какъ сюда... по собственной инициативѣ, или по приглашенію быть здѣсь?—спросила меня изящная дама, все еще продолжая обозрѣвать мою особу съ головы до ногъ.

— А развѣ сюда приглашаютъ?

— Какъ же... Бываетъ, что иные не знаютъ, что здѣсь происходятъ духовныя бесѣды, такъ...

Дама опять не окончила своей мысли и вновь меня пролорнетировала.

Что это за странная особа, подумалъ я. Да и дожидаться ли мнѣ здѣсь чего лучшаго, кромѣ этихъ праздныхъ разговоровъ. И зачѣмъ только люди всѣ липнуть ко мнѣ? Что имъ нужно отъ меня? Какъ субъектъ, я для нихъ вовсе не интересенъ. Во первыхъ, я невѣрующій въ ихъ странныя затѣи человѣкъ, во вторыхъ, я плохой для нихъ собесѣдникъ, потому что не люблю болтать обо всякихъ пустякахъ, до «любезности дома сего» включительно, и въ третьихъ—мнѣ страшно хотѣлось бы уйти отсюда, потому что всѣ эти прелюдіи,

въ видѣ трехъ незнакомыхъ мнѣ субъектовъ, чудовищно были мнѣ приторны, не по душѣ и мало внушительны своимъ словомъ убѣжденія въ «святости дома сего»...

— Однако вы должно быть очень недоступный господинъ, продолжала еще осаждать меня изящная дама ненужными и всѣмъ даже праздными вопросамъ,—если такъ...

— Что «если такъ»?—переспросилъ я даму, видя, что она все что то не договариваетъ своей мысли.

— Если такъ «сторонитесь отъ насъ, наконецъ», сказала она.

— Съ чего же это вы заключаете?

— Да какъ же... не подойдете ни къ одной изъ нашихъ группъ и все держитесь въ сторонѣ отъ всѣхъ... Не хотите ли я васъ познакомлю съ постоянными нашими друзьями...

— Охотно... невольно сказалъ я, чувствуя, что невѣжливо отказываться отъ любезнаго предложенія дамъ...

И она меня представила... Но какъ? Словами—«это нашъ общій братъ»—сказала всѣмъ, къ которымъ подвела меня. И никто тутъ не любопытствовалъ узнать ни моего имени, ни тѣмъ болѣе называть свое, когда молча раскланивались со мною... Пожатія рукъ тутъ также не полагалось. Такъ что если бы потомъ меня кто-нибудь спросилъ изъ любопытства, съ кѣмъ я тутъ разговаривалъ, то я не могъ бы удовлетворить его любознательности. Словомъ, это былъ какой то новый міръ, отрѣшившійся отъ всѣхъ прежнихъ традицій, ему присущихъ, и не выработавшій никакихъ новыхъ для себя положеній, чтобы посторонніе люди, здѣсь впервые появляющіеся, не чувствовали себя болѣе, чѣмъ неловко...

Но я однако былъ введенъ въ знакомство... Но съ кѣмъ?.. И какая цѣль этого знакомства?.. Что она могла дать мнѣ въ будущемъ?.. Путнаго вообще я въ этомъ ничего не видѣлъ...

— Вы какъ будто тяготитесь нашимъ обществомъ?—спросила меня изящная дама, очевидно желавшая вывести меня изъ неловкаго положенія, въ которомъ я находился по случаю долгаго молчанія и нежеланія вступать въ чуждый мнѣ разговоръ въ обществѣ, къ которому она меня подвела и которое вело рѣчь о какихъ-то задачахъ ихъ «кружка» въ будущемъ, въ которыхъ я не слышалъ ни одного яснаго намека на живое дѣло и видѣлъ только сверкаю-

щія мимо моего носа «летучія слова», смысла которыхъ нужно было доискиваться въ будущихъ, еще пока не изданныхъ на этотъ разъ, лексиконахъ, но никакъ не въ ихъ, хотя живой, но мертвой для меня рѣчи...

— Ничуть... смѣло отвѣтилъ я... Напротивъ, я съ удовольствіемъ прислушиваюсь къ тому, что говорятъ здѣсь почтенныя для меня лица... Это все такъ ново, такъ занимательно для меня, что я не могу даже оторваться своимъ слухомъ отъ этихъ пріятныхъ для меня рѣчей...

— Но мнѣ кажется, что вы вовсе не слушаете того, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь, а гдѣ то витаете далеко вашими мыслями. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ это кажется потому, что вы ищете вашимъ взоромъ чего то занятнаго на стѣнахъ, чтобы успокоить свою мысль...

— Здѣсь все такъ ново для меня, потому я и озираюсь часто вокругъ себя... Вотъ и причина, почему я блуждаю взоромъ по сторонамъ. Но если же вамъ угодно будетъ заключить что-нибудь другое изъ моего простого любопытства, то я, конечно, препятствовать тому не буду...

— Не хотите, вѣрнѣе сказать?

— Не могу, потому что это было бы не въ законѣ вещей...

— То есть, не въ вашемъ обычаѣ?

— Нѣтъ, именно въ томъ, что я сказалъ, но не въ чемъ другомъ?

— О, какой вы строгій!

Зачѣмъ этотъ пустой разговоръ, подумалъ я.—Къ чему такая праздность мысли въ домѣ, гдѣ люди собираются лишь для того, чтобы «послушать слово Божіе»... И вдругъ такая праздность...

— Это мнѣ очень нравится, продолжала осаждать меня изящная дама, очевидно взявшаяся за меня для того, чтобы довести меня, что называется, до зеленого змѣя нетерпѣнія...

— Очень радъ, что могъ вамъ пографить, спохватилъ я.

— Что такое?

— Я говорю, что очень радъ, что могъ вамъ понравиться, какъ вы говорите.

— Ха, ха, ха... разсмѣялась та и отвернула отъ меня лицо...

Ну это уже совсѣмъ не «по дому сему», мелькнуло у меня въ

головѣ... Это что-то другое... не приходское... что даже и охарактеризовать словомъ нельзя.

— Вотъ это я понимаю, продолжала дама.— Это мнѣ нравится, еще разъ повторила она сказанное ею раньше слово — «нравится»...

— И мнѣ тоже...

— Что вамъ «тоже»?.. Какъ будто бы строго переспросила она меня.

— Нравится ваша простота отношеній...

— А-а!.. Но я думала что-то другое...

— Ну что же можетъ быть другое?..

— Да всяко бываетъ... кому нравится простота, кому строгость...

Тутъ я замѣтилъ, что она что-то схитрила и не то сказала, что хотѣла.

— Но я, говоря вамъ откровенно, не люблю никакой строгости...

— Это я вижу, подлилъ я масла въ огонь...

— Здѣшняя простота для меня очаровательна... Я, признаться, тутъ больше потому и бываю, что здѣсь такъ просто...

— А не съ религіознымъ убѣжденіемъ?—поспѣшилъ я спросить разыгравшуюся въ своихъ чувствахъ даму.

— О, это само собой... Конечно, проповѣди я слушаю охотно... Безъ вниманія къ здѣшней общей идѣ намъ оставаться нельзя... Я была бы тогда... неисправимая грушница. Но я далеко не такая... Я глубоко вѣрую въ здѣшнюю идею... Она вдохновляетъ меня къ новому созерцанію жизни... Къ тому, что поставлено намъ въ удѣлъ самой природой...

— А что именно?—подстрекнулъ я даму.

— Да, конечно, продолженіе рода... Эта идея самого Божества... Иначе бы человѣчество вымерло, если бы этой идеи не было положено въ основы нашей природы...

— Вы, кажется, говорите о любви?

— Ну... это... такъ понятно...

Тутъ меня чуть ли не въ жаръ бросило, когда она произнесла эти отрывочныя слова. Вотъ, подумалось мнѣ, куда я попалъ. Вотъ здѣсь чѣмъ занимаются... Ну, впрочемъ, увидимъ, что тутъ такое есть, сказалъ я себѣ черезъ минуту и въ упоръ посмотрѣлъ на

изящную даму, все еще продолжавшую смаковать на своихъ устахъ тѣ слова, которыя она только что сказала.

Произнести что-нибудь другое на эту же тему, она, очевидно, не хотѣла или не могла, а можетъ быть и просто такъ умышленно воздержалась. Но я, признаться, и не интересовался ея пустословіемъ, а потому и молчалъ, чтобы не наводить ее на новыя мысли. Однако же мое присутствіе въ «семъ домѣ», какъ новаго лица, ее очевидно занимало и она не оставляла меня ни на минуту своимъ страннымъ вниманіемъ... Это показалось мнѣ немного шокирующимъ для «дома сего», какъ они его называютъ, гдѣ люди собираются для «божественной идеи»... Впрочемъ, женщина вездѣ такова... Она всюду вноситъ свой собственный элементъ въ духъ и направленіе всякаго общества, гдѣ появляется, или принимаетъ свое активное или иное какое участіе... Всматриваясь въ жизнь такъ, какъ она есть, всякій изъ людей найдетъ въ ней тѣ особенности, о которыхъ я говорю здѣсь, если только въ обществѣ присутствуетъ женщина, какъ активно-участвующее въ немъ звено... Но мои мысли далеко были не тѣмъ заняты... Мнѣ чрезвычайно хотѣлось поскорѣе увидѣть то главное колесо, вокругъ котораго вращаются здѣсь всѣ эти элементы, меня окружающіе. — Что это за универсальная величина сего міра, думалъ я, служащая притяженіемъ всѣхъ планетъ, плавающихъ въ здѣшнемъ пространствѣ... Но универсалъ этотъ все еще не показывался на нашемъ небосводѣ. И за какими горизонтами онъ скрывался здѣсь, я знать того не могъ, потому-что былъ тутъ странствующей планетой, совершенно случайно появившейся въ семъ мірѣ... Этимъ продолжительнымъ отсутствіемъ среди насъ, гостей «дома сего», главы «божественной идеи», какъ дама назвала мнѣ «занятія здѣшняго кружка», въ томъ числѣ и ея, тяготился не я одинъ. Какъ замѣтно было, объ этомъ поговаривали и въ группѣ блузъ и чуекъ, очевидно пришедшихъ сюда не за тѣмъ однимъ, чтобы «продолжать родъ людской», какъ говорила мнѣ дама, но и за тѣмъ другимъ, что еще поддерживаетъ духъ человѣческій бодрымъ въ сей земной юдоли... И говоря проще, этимъ людямъ желательно было бы получить какую либо подачку отъ «главы дома сего» за ихъ усердіе къ общей здѣсь «божественной идее» и потомъ уже

удалиться куда нибудь во свояси, гдѣ, вѣроятно, для нихъ было и теплѣе и свѣтлѣе, и уютнѣе, и свободнѣе, и милѣе, и пригляднѣе, чѣмъ въ этихъ роскошныхъ палатахъ, пропитанныхъ холодной мертвечиной, напичканныхъ какимъ то страннымъ режимомъ и насыщенныхъ совѣмъ чуждымъ для нихъ духомъ... И это чувствовалось и мною, какъ человѣкомъ также не отъ «міра сего» и пришедшимъ сюда лишь для того, чтобы узнать какой это «невинной», но въ то же время вредной въ религіозномъ отношеніи «идеи» здѣсь занимаются праздные и сытые своимъ достаткомъ люди...

II.

Но вотъ и «онъ»... Появленіе «его» произвело своего рода сенсацию... Очевидно, здѣсь все на это было рассчитано... И долгое ожиданіе «вѣрующихъ», тутъ присутствовавшихъ, какъ утомленное воображеніе человѣка, представлявшаго себѣ мрачное видѣніе среди темной почы чѣмъ-то сіяющимъ, вдругъ оживилось, когда «оно» появилось среди этой людской тьмы... Всѣ привстали съ своихъ мѣстъ, кто сидѣлъ, и сосредоточенно остановили свой взоръ на вошедшемъ человѣкѣ... Появившійся оказался полковникъ Пашковъ. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, видный собою и внушающій довѣріе. Лицо его дышало неяснымъ вдохновеніемъ, манера была спокойная, а глаза—пронизывали cadaго, кто подходить къ нему подъ «благословеніе»... Да, онъ почти что благословлялъ cadaго, кто къ нему подходилъ. Благословлялъ не обычнымъ крестомъ владыки, какъ это мы привыкли видѣть пастьерское благословеніе, а словами напутствія на добрыя дѣла... Слова эти были: «благослови васъ Господь на добрыя дѣла»... И вмѣстѣ съ тѣмъ руки его поднимались такъ высоко, какъ бы онъ и дѣйствительно намѣревался благословить васъ крестомъ. Но это только такъ казалось. На самомъ же дѣлѣ онъ никого не благословлялъ.

При появленіи своемъ въ залъ, среди гостей его, или вѣрующихъ въ его «святую идею» людей, онъ нѣкоторымъ подалъ руку, съ иными «такъ раскланялся», а нѣкоторыхъ даже удостоилъ своего «святаго слова». Это послѣднее больше всего касалось тѣхъ немногихъ, которые пришли сюда не столько за тѣмъ, чтобы увѣро-

вать въ «пдею дома сего», сколько для того, чтобы получить воздаяніе за свое, какъ бы причастіе «вѣрѣ полковника»... И эти «воздаянія» онъ оказывалъ не стѣсняясь никого... Все происходило въ присутствіи всѣхъ. Всѣ видѣли его щедрую руку. Всякій зналъ, что онъ совершаетъ «добрыя дѣла». Никто не скажетъ, что это былъ человѣкъ, не дѣлившійся своимъ достаткомъ съ другимъ...

Время семидесятыхъ годовъ XIX вѣка было пуританское. Однимъ изъ представителей этого пуританизма, несомнѣнно, былъ полковникъ Пашковъ. Не щадя своего состоянія, онъ разсѣивалъ его повсюду, гдѣ только повстрѣчалась для него подходящая почва. Пользовались его добротою не только люди нуждавшіеся въ копѣйкѣ на кусокъ насущнаго хлѣба, но и лица, привыкшія каждодневно и фриштикать и обѣдать у Дюсо или у Бореля... Эти послѣднія больше всего злоупотребляли довѣріемъ полковника. На нихъ онъ издерживалъ чудовищныя суммы денегъ. По этому поводу въ то время даже говорили, что Пашкова нарочно навели на эту стезю добродѣтели, чтобы раздробить его капиталы... И вотъ у него появились «бесѣды», а вмѣстѣ съ тѣмъ и разсѣиваніе его капиталовъ...

Но было вѣдь въ одно время даже и такое мнѣніе, что Пашковъ просто былъ жертва своеобразнаго шаптажа. Какого тонкаго чутья требовалось для того, чтобы подразумѣть подъ «божественной идеей», на устояхъ которой все это «дѣло» было основано, я опредѣлить не рѣшаюсь. Однако-же фактъ тотъ, что не мало людей являлось къ нему исключительно для того, чтобы хорошо «позакусить» и потомъ «одолжиться» четвертной бумажкой «на дневныя нужды», подобно обѣдамъ и ужинамъ въ «хорошихъ ресторанахъ» столицы, уже достаточно вѣрно характеризуетъ точное отношеніе «ихъ къ сему дому»...

Вообще же чисто религіознаго стремленія въ людяхъ, поспѣвавшихъ «бесѣды» Пашкова, я замѣтилъ очень мало, такъ какъ увлекаться тутъ «божественными идеями» могли только люди совсѣмъ темные и еще развѣ тѣ, которые не имѣли для себя никакого берега на рѣкѣ жизни, къ которому бы они могли когда-нибудь и какъ-нибудь пристать... Но сюда стремились многіе, и стремились, говорю я, исключительно для того, чтобы «пожить»,

какъ нѣкоторые изъ нихъ говорили, но никакъ не для того, чтобы во что то еще вѣровать и чему-то поклоняться. И особенно здѣсь вѣровать было не во что уже для тѣхъ, кто и безъ того считался православнымъ человѣкомъ и вѣровалъ въ Бога и пр.

Но они шли сюда. И больше всего это дѣлалось ими изъ любопытства. Съ тѣмъ-же самымъ намѣреніемъ и я пришелъ въ домъ Пашкова. Но слушать «бесѣды» полковника, конечно, никто изъ насъ явно не отказывался. Напротивъ, уже всякій только затѣмъ и приходилъ сюда, чтобы послушать, что онъ будетъ говорить и о чемъ именно говорить. Въ этомъ и былъ весь интересъ «бесѣдъ», или всѣхъ, собравшихся сюда... Въ этихъ «бесѣдахъ», такъ сказать, и была вся «божественная идея», которой, такъ или иначе, люди искали здѣсь...

Но вотъ, наконецъ, полковникъ Пашковъ началъ свою «бесѣду», или «проповѣдь», какъ ее называли иные для того, чтобы придать ей «божественный смыслъ» и сдѣлать ее болѣе или менѣе популярной, такъ какъ слово «бесѣда» — мало было убѣдительно для нѣкоторыхъ, а слово — «проповѣдь», однако, не укладывалось въ представленіи «официальныхъ сферъ», допускавшихъ эти «бесѣды», ибо проповѣдывать могъ только человѣкъ облеченный въ «духовный санъ», но никакъ не простой смертный, какимъ былъ Пашковъ. Но всѣ здѣшніе «прихожане», однако, называли эти «официальныя бесѣды» полковника «проповѣдями», какъ наиболѣе для нихъ понятными въ своемъ назначеніи, чѣмъ какія-то «бесѣды»... И вотъ взоры и вниманіе всѣхъ, здѣсь присутствовавшихъ, обратились на заговорившаго съ своей импровизованной кафедрой, находящейся въ одномъ концѣ залы, Пашкова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Раскольничья секта «средниковъ» Донской епархіи.

Въ хуторахъ Кобылянской и Есауловской станицъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ явилась *секта средниковъ*, а по народному названію *сапетниковъ*, о которой кратко говорилъ еще приснопамятный миссіонеръ—архимандритъ Павелъ Прусскій въ своемъ отчетѣ о поѣздкѣ по Донской епархіи и писалъ на страницахъ «Донскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» донской епархіальный миссіонеръ—прот. Н. П. Кутеповъ. Секта эта принадлежитъ къ числу тайныхъ и вѣроученіе ея мало изслѣдовано (говоримъ это по отношенію къ донскимъ средникамъ-сапетникамъ).

Секта «средниковъ», какъ извѣстно, получила свое названіе отъ того, что послѣдователи ея празднуютъ воскресный день въ среду, начиная съ среды страстной седмицы. Основаніемъ для такого ученія средниковъ служатъ выраженія нѣкоторыхъ старопечатныхъ книгъ (святцы съ житіями, потребн. съ номокан., Кирилл. кн. и др.), что Христосъ Спаситель родился въ 5500 лѣто отъ сотворенія міра. Основываясь на этихъ выраженіяхъ, средники учатъ, что православная церковь (неизвѣстно когда) прибавила 8 лѣтъ лишнихъ отъ сотворенія міра, и празднуетъ всѣ праздники на 8 лѣтъ впередъ. Напримѣръ, наступаюій 1904 годъ отъ Р. Хр. они считаютъ также 1904, но отъ сотворенія міра этотъ годъ по ихъ ученію будетъ не 7412, какъ считаемъ мы, а 7401, а если взять празднованіе переходящихъ праздниковъ за этотъ годъ, то въ настоящемъ году пасха придется въ среду. Составленіе пасхалій, разсужденія о 532-лѣтнемъ кругѣ, ключевыхъ и вруцѣлѣтнихъ буквахъ составляютъ любимое занятіе средниковъ.

Сапетниками же средниковъ называетъ простой народъ отъ слова «сапетка» (плетеная корзина), которая въ жизни средника играетъ очень важную роль: безъ сапетки они не могутъ получить вѣчнаго спасенія. Видя *на всемъ* печать послѣдняго антихриста, сапетники

стараятся избѣгать употребленія какихъ бы то ни было, даже самыхъ необходимыхъ въ сельско-хозяйственномъ инвентарѣ инструментовъ, такъ какъ печать эта красуется на всѣхъ фабричныхъ и заводскихъ производствахъ: взялъ ли ты въ руки топоръ, пилу, ножъ, лопату и проч.—ты уже прикоснулся къ печати антихриста, осквернился; прикоснулся ли ты къ рѣчной или озерной водѣ—опять осквернился: по большимъ рѣкамъ бѣгаютъ антихристовы кареты, въ рѣчкахъ и озерахъ купаются антихристовы слуги; отсюда берутъ они воду заклеяменными печатію антихриста сосудами; даже колодцы и тѣ причастны антихристовой сквернѣ и печати, такъ какъ копаются «запечатлѣнными» лопатами... Въ силу такого ученія сапетники своими руками нанашиваютъ мелкихъ прутьевъ, плетутъ изъ нихъ разной величины корзины, обмазываютъ ихъ глиной и сушатъ. Затѣмъ набираютъ въ эти корзины исключительно «небесной» (снѣговой или дождевой) воды и въ этой только водѣ крестятъ своихъ неофитовъ; эту же воду они употребляютъ въ пищу. Умершихъ собратій своихъ хоронятъ тоже въ корзинахъ.

Жизнь ведутъ средники очень скромную, постническую, не допуская никакихъ даже самыхъ невинныхъ развлеченій, чѣмъ и успѣваютъ располагать народъ въ свою пользу. Признавая въ православной Церкви со временъ книжнаго исправленія царствованіе послѣдняго антихриста, они проповѣдуютъ, что теперь въ Церкви Христовой не должно быть священно-іерархическихъ лицъ и полноты церковныхъ таинствъ; замѣчено также, что они отвергаютъ браки и совмѣстную супружескую жизнь; никто изъ жителей не видитъ, чтобы они совершали, по примѣру другихъ безпоповцевъ, какое-либо богослуженіе; вмѣсто богослуженія они только *читаютъ* по цѣлымъ ночамъ богослужебныя и учительныя старопечатныя книги. У одного сектанта умерли двѣ дочери, но никто не видѣлъ, когда и какъ ихъ похоронили; похоронены онѣ на скотномъ дворѣ; только видѣли, что средники послѣ похоронъ, собравшись въ домъ родителей умершихъ, стояли и, перебирая въ рукахъ лѣстовки, молились, кланялись, приговаривая: «упокой, Господи, души усопшихъ рабъ своихъ» (и имена вслухъ не произносили). У другого средника заболѣла жена Наталія. Старуха сосѣдка пришла навѣстить больную. Но оказалось, что Наталія

померла и уже похоронена. Пораженная такимъ извѣстіемъ, старуха перекрестилась и сказала: «дай, Господи, царство небесное рабѣ твоей Наталіи!» Но ей замѣтили, что покойная уже не Наталія, а Марія. Слѣдовательно, сектанты совершаютъ крещеніе только надъ больными и перемѣняютъ имъ имена. Естественно также допустить, что они ускоряютъ смерть больныхъ.

Однажды о. Л. Колышкинъ пригласилъ на публичную бесѣду самыхъ главныхъ лжеучителей этой секты, но всѣ они отъ бесѣды уклонились, поэтому онъ самъ пошелъ въ домъ къ Іосифу Степневу, котораго засталъ пишущимъ пасхалію отъ сотворенія міра до настоящаго года.

О. Леонтій спросилъ Степнева: какая нужда заставила васъ трудиться надъ этимъ? Развѣ вы не вѣрите старопечатнымъ книгамъ, въ которыхъ эта пасхалія напечатана?

Степневъ. Старопечатнымъ книгамъ мы вѣримъ, но писать пасхалію у насъ есть особая причина...

— Какая же?—спросилъ о. миссіонеръ.

— Какая?—переспросилъ Степневъ. А вотъ какая... Вы въ какое отъ Адама лѣто проповѣдуете быти Рождество Христово: въ 5508 или въ 5500?

О. Леонтій. Христіанамъ нѣтъ никакой надобности заводить споръ о годѣ подлѣтнаго Рожденія Христа Спасителя. Духъ Святый не благоволилъ чрезъ св. апостоловъ указать этотъ годъ во Священномъ Писаніи, и св. отцы не записали его въ символѣ вѣры. Намъ должно знать для полученія спасенія не годъ, въ который родился Спаситель, а Его божественное ученіе, исполнять Его св. заповѣди; лѣтосчисленіе нужно не для спасенія, а для государства. Государство же взяло лѣтосчисленіе отъ частныхъ лицъ—лѣтописцевъ. Но если мы сравнимъ хотя только однихъ нашихъ московскихъ лѣтописцевъ, то увидимъ, что они окажутся несогласными между собою: у однихъ Рождество Христово указывается въ 5509, у другихъ 5508, у третьихъ въ 5506, у нѣкоторыхъ въ 5500 и т. д.

Степневъ. Нѣтъ, христіанамъ необходимо знать точно годъ рожденія Спасителя, истиннаго Бога, дабы не подпасть подъ клятву. Въ потребникѣ патр. Іосифа напечатано: «проклиная ложное ихъ

ученіе и исповѣданіе, и прелестное отъ лѣтописцевъ указаніе, яко Господь нашъ Іисусъ Христосъ воплотися не въ лѣто 5500, а вы учите, что Господь родился не въ этомъ году, значить, вы находитесь подъ проклятіемъ!

О. Леонтій. Вы не сказали, на кого въ потребникѣ положена клятва, а въ этой недоговоркѣ и кроется ваше заблужденіе. Въ книгѣ сказано: «не въ лѣто 5500, а въ лѣто 3970». Такое лѣтосчисленіе, дѣйствительно, ложное и если считается необходимымъ для спасенія, то подлежитъ осужденію. Но такъ какъ слова эти напечатаны въ чинѣ пріятія отъ латинъ, то къ нимъ и относятся. Къ намъ же относиться они не могутъ: мы въ обязательный догматъ годъ рожденія Спасителя не ставимъ и ни съ кѣмъ изъ-за этого года не споримъ: ты думаешь, что Спаситель, пострадавшій за родъ человѣческій, родился въ 5500 году—и пусть будетъ по твоему, только будь въ единеніи со св. Церковію и тебѣ это не повредить въ дѣлѣ спасенія; мы учимъ, что Онъ родился въ 5508 году—не укоряй и насъ: годъ разный, но Спаситель Единъ. Изъ-за этого никто, кромѣ васъ,—не спорить. А если вы будете подводить подъ клятву патр. Іосифа всѣхъ, учащихся, что Христосъ Спаситель родился не въ 5500 году, то придется признать проклятымъ, во первыхъ, Георгія Кедрина, жившаго въ XI вѣкѣ, который въ началѣ своей церковной исторіи говорить, что по точнѣйшимъ изслѣдованіямъ лѣто, въ которое родился Христосъ Спаситель, должно считать отъ сотворенія міра 5506. «Полагающіе же, говорить онъ, Рождество Христово въ 5500 году, а страданіе Христово въ 5533, погрѣшаютъ, не зная точности лѣтъ». Во-вторыхъ, этому проклятію подверглись бы и самые любимые у старообрядцевъ патріархи: александрійскій Мелетій и московскій Іосифъ—первый за то, что въ своихъ посланіяхъ указывалъ годъ рожденія Спасителя не 5500, а второй—Іосифъ—за то, что благословилъ эти посланія напечатать въ книгѣ Кирилловой, не исправивъ лѣтъ Рождества Христова. Неужели же, по вашему, патр. Іосифъ проклиналъ и Мелетія, и самого себя?

Стетневъ не нашелся, что отвѣтить на это и только повторялъ: «надо, надо хорошо знать, когда истинный Богъ родился», и, наконецъ, заявилъ, что бесѣдовать больше не желаетъ.

На столѣ, за которымъ мы сидѣли, лежала книга: псалтирь со возслѣдованіемъ. Я взялъ эту книгу, посмотрѣлъ выходной листъ, и оказалось, что она напечатана отъ сотворенія міра въ лѣто 7313, а отъ Р. Хр. 1705. Священникъ о. Аѳанасій взялъ счеты, положилъ 7313, убавилъ 1705 и на косточкахъ осталось 5508. Степневъ совершенно растерялся, а слушатели, которыхъ было около 20 человѣкъ, говорили ему: «твоя же книга да и обличаетъ тебя». На этомъ бесѣда и кончилась.

Разсматривая далѣе лежавшія на столѣ книги и рукописныя брошюрки, я нашелъ одну тетрадку, въ которой безграмотно было написано: «О антихристы. Ратори—пророки и апостолы и святыя отцы, а ратныя дрова—святыя книги, а протопленье—другъ друга начтенье, а семь лѣтъ семь тысячъ. Глаголетъ Іоаннъ богословъ. Зберуть хлѣба въ магазей по пяти четвертей и на каждую душу приставники будутъ съ печатію чувственною и аще кто пріиметь хлѣба и наложуть на него ту печать съ подписаніемъ аду сынъ сатанинъ. Толкованіе. Магазией церкофъ никанова. А пять чивтертей—то пять просфиръ. Да написано о нихъ, свидѣтельствуютъ, въ чемъ опѣ замѣшаны смертоноснымъ ядомъ. Приставники попы, а печать щепоть». Далѣе помѣщено и такое «сказаніе»: «Егда восхотѣ бѣсъ женица и взять себѣ жену неправду. И роди съ нею семь дочерей: сребролюбіе, зависть, ненависть, гордость, лихоимство, пїянство и блуть. И стали они думать съ своею женою за кого бы имъ дочерей своихъ отдать замужъ. И отдали ихъ: сребролюбіе за инока, зависть за купца, ненависть за нищаго, гордость за князя, лихоимство за судію, пїянство за святителя, а блуть не захотѣла за мужъ идти, и такъ по сіе время скитається по всему свѣту».

Вотъ такими-то «толкованіями» и «сказаніями» и назидается нашъ темный, малограмотный расколъ. Какъ же ему, считающему всякую нелѣпую выдумку за Писаніе, познать свое заблужденіе и узрѣть свѣтъ Христовой истины?

Свящ. миссіонеръ *Сергій Шалкинскій*.

ИЗЪ МИССИОНЕРСКОЙ ПОЛЕМИКИ.

Бесѣда съ молоканами о водномъ крещеніи.

I.

Молоканскій пресвитеръ, Захарій Климентовичъ, уклонился отъ бесѣды со мной. Онъ былъ мужикъ благочестивый и серьезный. Онъ зналъ, что ему „не оправдать“ отъ слова Божія молоканскихъ возраженій противъ православной Церкви. И онъ исчезъ въ городъ подъ предлогомъ болѣзни.

Молокане уполномочили бесѣдовать со мною Савелія Лукича. Это былъ сравнительно молодой и хорошо грамотный начетчикъ. Онъ мало вѣрилъ въ Библію; но молокане готовы были „кого угодно“ выставить на защиту своей секты.

И вотъ мы открыли бесѣду въ храмѣ. Народъ собрался послушать насъ во множествѣ. Я поставилъ вопросъ о *водномъ крещеніи*.

Я сказалъ:—воля Господа для насъ христіанъ должна служить священнымъ закономъ (Мѡ. 6, 10; Еф. 5, 17). А Господь заповѣдалъ Апостоламъ: *«идите по всему міру и проповѣдуйте Евангеліе всей твари. Кто будетъ вѣровать и креститься, спасенъ будетъ; а кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ»* (Мр. 16, 15, 16; Мѡ. 28, 19).

Итакъ, друзья, называющіе себя „духовными христіанами“, скажите намъ: исполняете-ли вы *эту* волю Божию?

Савелій Лукичъ безъ промедленія отвѣтилъ:

„исполняемъ въ точности“.

Я спросилъ: „совершаете-ли вы крещеніе во имя Господне?”

Нѣсколько голосовъ закричали: „совершаемъ! совершаемъ!“

Я опять спросилъ:

„Что же вы разумѣете подъ Христовымъ крещеніемъ?”

Савелій Лукичъ, утираясь платкомъ, обдумывалъ свое положеніе. Мнѣ сталъ отвѣчать какой-то дѣдъ. Онъ сказалъ: „крещеніемъ въ Евангеліи называется *ученіе* Христово“.

Я возразилъ:

„это *выдумка* ваша „отъ своей головы“. Ев. Матѳеѣмъ отъ имени Господа говоритъ: „*идите, научите всѣ народы, крестя ихъ...*“ (Мѡ. 28, 19).

Видимъ отсюда, что крещеніе отличается отъ наученія.—

Старикъ сказалъ: „какъ-же въ посланіи къ Евреямъ написано:...,*не станемъ снова полагать основаніе... ученію о крещеніяхъ*“... (Евр. 6, 1—2). Стало быть, эти два слова на одну точку приходятся.

Я отвѣтилъ:

„неправда твоя, дѣдъ. Ап. Павелъ ясно различаетъ ученіе и крещеніе. Онъ не хочетъ лишь преподавать *ученіе о крещеніяхъ*, но не сливается въ одно этихъ двухъ словъ.—И мы уже видѣли изъ Евангелія, что крещеніе и наученіе—не одно и тоже (Мѡ. 28, 19).

Припомни также, что сказано въ кн. Дѣяній: вотъ діаконъ Филиппъ *научилъ* евнуха. Но этимъ не все было сдѣлано для его спасенія. Надо было *крестить* евнуха (Дѣян. 8, 35—38 ст.). Значить, несомнѣнно, въ словѣ Божіемъ ученіе и крещеніе различаются.

Дѣдъ не унимался. Онъ сказалъ: „Ну, такъ подь крещеніемъ *вѣру* надо разумѣть“...

Я отвѣтилъ: „и такъ *нельзя* понимать дѣла. Ап. Павелъ написалъ: „*Одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе*“ (Евр. 4, 5). Опять положена грань между крещеніемъ и вѣрой.

На подмогу дѣду выступилъ „діаконъ“ молоканскій. Онъ замѣтилъ: „крещеніемъ Христовымъ въ словѣ Божіемъ называются наши *страданія*, какъ написано: „*можете-ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещеніемъ, которымъ Я крещусь?*“ (Мѡ. 20, 22).

Я сказалъ: „правда, Свои страданія Христосъ назвалъ крещеніемъ. Такимъ *духовнымъ* крещеніемъ былъ окрещенъ разбойникъ благоразумный на крестѣ (Лк. 23, 42—43 ст.). Это, такъ называемое, „*огненное крещеніе*“ (1 Петр. 4, 12).—Но развѣ этого крещенія Господь требовалъ отъ всѣхъ насъ (Мр. 16, 15, 16)? Вѣдь Онъ только спрашивалъ: „можете-ли креститься страданіями. Апостолы отвѣтили: „*можемъ*“. И они, дѣйствительно, *почти* всѣ были замучены за имя Христово. Однако въ сонмѣ *праведныхъ* учениковъ Христовыхъ было много людей, которые *крестились* и не были замучены. Таковы: евнухъ (Дѣян. 8 гл.), Корнилій (—10 гл.), христіане изъ Самаріи (Дѣян. 8 гл.). Значить: *страданія и обязательное для насъ крещеніе Христово—не одно и тоже*. А если разсуждать по вашему,—мы всѣ бы должны быть замученными. Но этого даже молокане не дѣлаютъ. Такимъ образомъ, они жизнью свидѣлствуютъ противъ себя.—Какимъ-же родомъ молокане исполняютъ заповѣдь Христову о крещеніи?...

Савелій Лукичъ очнулся отъ оцѣпенѣнія. Онъ видѣлъ, что начало бесѣды сложилось дурно для сектантовъ. И онъ заговорилъ, повторяя по частямъ уже сказанное его братьями:

„Мы вѣруемъ, что насъ спасаетъ крещеніе *страданіями* за Сына Божія (Мѡ. 20, 21). Плотское-же водное крещеніе насъ не пользуетъ (1 Петр. 3, 21). Потому оно намъ не нужно (1 Кор. 1, 14). Оно было лишь „до времени исправленія“ (Евр. 9, 10), какъ ветхозавѣтный образъ. И какъ жертвы козловъ Господь отмѣнилъ (Евр. 10, 8—9),—такъ же должно быть уничтожено нынѣ водное крещеніе...“

Я возразилъ:

„Все, что сказали вы, Савелій Лукичъ, *голословно* и не основано на Библии. Правда, въ Евангеліи говорится о крещеніи *страданіями* (Мѡ. 20, 21). Но этого крещенія всѣмъ намъ Христосъ *не отмѣнялъ* въ обязанность. Были даже Апостолы, которые умерли не мученическою смертію. Зачѣмъ-же мы *всѣ* будемъ искать страдальческой кончины?

Съ другой стороны, ложно замѣчаніе, будто видимое крещеніе было ветхозавѣтнымъ обрядомъ,—древнимъ прообразомъ. *Нигдѣ* объ этомъ не написано. Напротивъ,—для христіанскаго крещенія Апостолы указываютъ *древніе прообразы*, какъ переходъ Евреевъ черезъ Черное море (1 Кор. 10, 2. 6). Вѣтхіе прообразы прошли, а образъ остался. Этотъ образъ—крещеніе—нельзя *отождествлять* съ древнимъ обрѣзаніемъ или жертвами. То все было до своего времени и нынѣ отмѣнено (Евр. 10, 9); а о Христовомъ крещеніи сказано, что безъ него спастись нельзя (Мр. 16, 16). И мы знаемъ, что безъ крещенія Апостолы никого въ Церковь не принимали (ср. Дѣян. 2, 41 ст.)...

Что же касается попытки сектантовъ оправдаться отъ посланій Апостоловъ Петра и Павла, то эта попытка неудачна. Петръ Апостоль не учитъ, что видимое крещеніе *излишне*. Онъ только утверждаетъ, что мы не спасемся однимъ погруженіемъ въ водѣ безъ общанія Богу доброй совѣсти... Но и мы—православные—такъ вѣруемъ. И кромѣ того, Апостоль Петръ *самъ* приказалъ многотысячной толпѣ вѣрующихъ креститься въ день первой христіанской Пятидесятницы (Дѣян. 2, 38. 41 ст.). Ясно, что этотъ Апостоль не утверждаетъ, а *разрушаетъ* молоканскія вѣрованія.

Тѣмъ менѣе можно указывать на Ап. Павла, при отверженіи воднаго крещенія. Если Павелъ не крестилъ христіанъ *лично*, какъ говоритъ онъ въ посланіи къ Коринѣянамъ (1 Кор. 1, 14), то не потому, что онъ считалъ крещеніе излишнимъ, а потому, что не имѣлъ времени для крещенія многочисленныхъ своихъ учениковъ. Дѣло св. Павла состояло въ проповѣди Евангелія. Крестили же просвѣщенныхъ его сотрудники (ср. Еф. 4, 5).

Итакъ, слова Савелія Лукича не выясняютъ дѣла, а лишь затемняютъ его. Пусть же снова покажутъ намъ сектанты, *гдѣ написано*, что крещеніе видимое будетъ существовать *временно* и что *нынѣ* оно отмѣнено?

Савелій Лукичъ уклончиво улыбался. Народу не нравилось его поведеніе. Я спросилъ, выясняя свою мысль: „съ какого времени, думаете вы, *видимое* крещеніе уничтожено?

Савелій Лукичъ сказалъ: со „времени исправленія“ (Евр. 9, 10).

— „То-есть... съ какого-же?“

— „Со дня сошествія Св. Духа на Апостоловъ.“

Тогда мы открыли книгу Дѣяній. Я прочелъ громко слова Ап. Петра, объявленные имъ народу *послѣ* сошествія Св. Духа: „покайтесь и да

крестится каждый изъ васъ во имя Іисуса Христа для прощенія грѣховъ... Охотно принявшіе слово Его крестились"... (Дѣян. 2, 38. 41 ст.).

Убѣждаемся отсюда, что послѣ сошествія Св. Духа Апостолы *видимо* крестили своихъ учениковъ.—Почему-же молокане отвергаютъ спасительное христіанское крещеніе?

Савелій Лукичъ молчалъ. Православные грамотеи требовали, чтобы сектанты *точно* указали, когда и гдѣ видимое крещеніе было уничтожено?...

Тогда изъ толпы выдвинулся „діаконъ“ молоканскій... Запальчиво принялся онъ доказывать, что для спасенія „видимость“ ничего не значить. „Такъ,—шумѣлъ онъ,—и Ап. Петръ пишетъ: *„насъ нынѣ... Крещеніе, не плотской нечистоты омытіе, но обѣщаніе Богу доброй совѣсти спасаетъ“*... (1 Петр. 3, 21).

Я сказалъ: „изъ словъ Ап. Петра видно, что въ крещеніи насъ спасаетъ Духъ Св. чрезъ обѣщаніе съ нашей стороны Богу доброй совѣсти. Но если-бы въ крещеніи не было „видимости“, воды, откуда взялось-бы „плотское омытіе“, о которомъ пишетъ Апостолъ? Вѣдь не говоритъ онъ при этомъ о явленіи хлѣба, о ходѣбѣ ногами, что не нужно, а объ „омытіи“ плоти упоминаетъ. Явно, въ крещеніи *всегда* была вода...

II.

Савелій Лукичъ разгорячился. Съ силою онъ готовъ былъ нападать на меня. Чтобы придать бесѣдѣ спокойный характеръ и умирить сектантовъ, я объявилъ перерывъ. Люди заплѣли Божественныя пѣснопѣнія, а мы отдыхали. Потомъ Савелій Лукичъ сказалъ: „до сихъ поръ мы высказывали вамъ свои понятія о крещеніи. Мы утверждали, что разумѣемъ подъ нимъ или проповѣданіе слова Божія, или вѣру, или страданія за Христа. Вы нашихъ словъ не вмѣщаете...

„И не могу вмѣстить, замѣтилъ я. По ученію Ап. Павла, *„одно крещеніе“*, а у васъ выходитъ ихъ нѣсколько. Это—не порядокъ...

„Какъ не порядокъ?—отвѣтилъ Савелій Лукичъ. Апостолъ написалъ: *не станемъ полагать основаніе... ученію о крещеніяхъ“*... (Евр. 6, 1 2 ст.). Стало-быть, крещеній много...

Я возразилъ: „вы оспариваете, Савелій Лукичъ, не меня, а Павла Апостола. Онъ учитъ: *„одна вѣра..., одно крещеніе“* (Еф. 4, 5). Можно-ли допустить, чтобы въ посл. къ Евреямъ св. Павелъ противорѣчилъ себѣ? Нѣтъ. Это немыслимо (2 Кор. 1, 18). Слѣдовательно, вѣрно, что крещеніе одно, какъ написано въ посланіи къ Ефесянамъ. Если же въ посл. къ Евреямъ упомянуто о „крещеніяхъ“, такъ это потому, что надъ *многими* людьми *много* разъ повторяется одно крещеніе. И выходитъ, что будто бы крещеній много... Все равно, какъ у насъ: форма паспорта—*одна*, а выдается ихъ множество. Поняли?

Савелій Лукичъ возбужденно произнесъ: „никакого *видимаго* крещенія, да еще съ водою, Господь не требоваль отъ насъ. Православные придерживаются древняго обычая омовенія младенцевъ.

Я сказалъ: „жестокія слова произносите вы. Вы возстаєте на Самого Христа. Въ Ев. Іоанна Онъ объявилъ Никодиму: „если кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ Царствіе Божіе“ (Іоан. 3, 5).

Такъ вотъ какимъ образомъ училъ Господь: людямъ всѣмъ безъ изъятія нужно родиться отъ воды и Духа, чтобы войти въ Царство Божіе; а другими словами это и значить: надо всѣмъ людямъ креститься...

Савелій Лукичъ спокойно возразилъ мнѣ:

„Ну, насчетъ рожденія отъ воды и Духа не торопитесь высказываться. Объ этомъ надо много говорить. Воду мы понимаемъ *духовно*. Вода—ученіе Христово. Чтобы стать христіаниномъ, надо увѣровать въ Слово Божіе и принять Духа Святого. Это и значить „родиться отъ воды и Духа“...

Я отвѣтилъ: „откуда же видно, что въ 3 главѣ 5 ст. Ев. Іоанна надо разумѣть подъ водою ученіе Христово?

Савелій Лукичъ сказалъ: „въ 17 гл. Исхода описано, какъ Моисей жезломъ извелъ воду изъ камня. Припоминая это событіе, Ап. Павелъ учитъ: „и естъ пили одно и то же *духовное* питье: ибо пили изъ *духовнаго послѣдующаго* камня; камень-же былъ Христосъ“ (1 Кор. 10, 4).

Вотъ ясно: люди, по Апостолу, пили „духовное питье“; значить,—и, вода была духовная—ученіе Христово...

Я заявилъ: „мнѣ, другъ, въ вашихъ словахъ ничего не ясно. Я вижу только одно стараніе ваше изъять изъ св. крещенія воду. Но это стараніе противно слову Божію. Посудите сами, какое толкованіе „водѣ духовной“ даетъ Ев. Іоаннъ. Въ 7 гл. своего Евангелія онъ написалъ: „въ послѣдній великій день праздника стоялъ Иисусъ, и возгласилъ, говоря: кто жаждетъ, иди ко Мнѣ, и пей. Кто вѣруетъ въ Меня, у того, какъ сказано въ Писаніи, изъ чрева потекутъ рѣки воды живою (Ис. 12, 3; Іоиль 3, 18). Сіе сказалъ Онъ о Духѣ, Котораго имѣли принять вѣрующіе въ Него“... (Іоан. 7, 37—39 ст.).

Приведенныя слова Апостола наилучшимъ образомъ разрѣшаютъ наши сомнѣнія. Изъ этихъ словъ мы видимъ, что въ духовномъ смыслѣ понимаемую воду Евангелисты называютъ „водою живою“, а не просто водою, какъ у Іоан. 3, 5 ст. Кромѣ того, подъ водою въ *духовномъ* смыслѣ Ап. Іоаннъ разумѣетъ *дары Духа Божія*, а не ученіе Христово,—какъ хотѣлось бы сектантамъ вопреки новозавѣтному Откровенію.

Если же въ 3 гл. 5 ст. Евангелія Іоанна подставить духовное значеніе воды въ апостольскомъ смыслѣ,—въ словахъ Христовыхъ произойдетъ *ненужное* повтореніе. Рѣчь Господа тогда надобно изложить такъ: „кто не родится отъ Духа и Духа“... Это—искаженіе Евангелія, а не правильное толкованіе его.

Савелій Лукичъ возмущился:

— „Зачѣмъ же вы два раза подставляете одно слово въ 3 гл. Ев. Іоанна, ст. 5?...“

Я сказалъ:— „то дѣлаю не я, а вы своимъ ошибочнымъ разумѣніемъ смысла Свящ. Писанія. Вѣдь Іоаннъ *духовно* подъ „водою живою“ разумѣетъ дары Духа Св. По вашему указанію мы и придаемъ *духовный* смыслъ словамъ Христовымъ въ бесѣдѣ съ Никодимомъ. Получается *ненужное повтореніе*. Вы виноваты въ немъ, а не я...“

Да и то надобно сказать: почему ваше пониманіе „воды“ нельзя приложить къ ст. 23, 3 гл. Іоанна? Тамъ написано: *„Іоаннъ крестилъ въ Енонѣ близъ Салима, потому что тамъ было много воды; и приходили туда и крестились“*.

Я васъ спрошу: въ *чувственной* водѣ крестилъ Іоаннъ Предтеча учениковъ своихъ?

— Въ чувственной.

— „Но значить и Христосъ въ 3 гл. 5 ст. Ев. Іоанна говорилъ о *чувственной* водѣ. Иначе бы св. Апостолъ, въ одной и той-же главѣ, употребляя два раза слово „вода“, различилъ ихъ, если бы то нужно было. А какъ этого различія онъ не дѣлаетъ и въ 23 ст. вы *сами* разумѣете *настоящую* воду,—значить нѣтъ основаній для васъ подставлять *духовное* значеніе воды въ 5 стихѣ...“

Савелій Лукичъ сказалъ: „пророки иногда подъ водою разумѣютъ *ученіе*. Напр., Исаія взываетъ: *„Жажущіе! идите всѣ къ водимъ“*... (—55, ст. 1).

Я отвѣтилъ:

„не вижу данныхъ, почему и у пр. Исаіи подъ „водами“ нельзя разумѣть даровъ Духа Святаго. Мои слова тѣмъ основательнѣй, что они подтверждаются благовѣстіемъ Ев. Іоанна (Іо. 7, 37—39). Слѣдовательно, указаніемъ на 55 гл. ст. 1 пр. Исаіи, вы не устраняете *чувственной* воды изъ св. крещенія...“

Савелій Лукичъ просто закричалъ: „откуда вы взяли „пригонять“ крещеніе въ 3 главу ст. 5 Ев. Іоанна? Тамъ рѣчь о „рожденіи свыше“. А „рожденіе свыше“ и крещеніе—не одно и то же“.

Я спокойно спросилъ: „какое же различіе между ними?“

Савелій Лукичъ затруднился указать различіе.

Тогда я сказалъ:

„родиться „свыше“, значитъ родиться отъ Духа Святаго,—*обновиться* отъ грѣшной природы (Іо. 3, 6). Обновленіе же наше Духомъ Святымъ совершается—во святомъ крещеніи. Такъ пишетъ Ап. Павелъ: *„мы умерли для грѣха... Мы погреблись со Христомъ крещеніемъ въ смерть“* (Рим. 6, 2, 4). И еще прибавлю: *духовное возрожденіе* христіанъ никогда не происходило безъ крещенія...“

Савелій Лукичъ замѣтилъ: „а вотъ люди въ домѣ Корнилія родились свыше безъ крещенія“.

Я сказалъ: „въ 10 гл. Дѣяній не говорится, что язычники въ домѣ Корнилія „возродились“ безъ крещенія.

О нихъ написано: „когда *Петръ продолжалъ рѣчь, Духъ Св. сошелъ на всѣхъ, слушающихъ слово*“ (Дѣян. 10, 44).

Итакъ, Святой Духъ „сошелъ“ на людей въ домѣ Корнилія, а не „возродилъ“ ихъ къ новой жизни. Мы знаемъ, что въ древности Духъ Св. сходилъ на царей и пророковъ еврейскихъ (1 Цар. 16, 6. 10; Іер. 1, 5; Іез. 2, 2). Также Св. Духъ „сошелъ“ на слушающихъ слово Ап. Петра въ домѣ Корнилія. А значить-ли, что *тѣмъ самымъ* они уже были *возрождены* къ новой благодатной жизни? Конечно, не значить. Въ противномъ случаѣ не для чего было этихъ людей *крестить* (Дѣян. 10, 48). Если же они были крещены,—ясно, что черезъ одно полученіе Духа Св. они не были возрождены.

Какъ это возможно?

Обстоятельство это разъясняетъ намъ Ап. Павелъ. Онъ говоритъ, что дары Духа Св. различны (1 Кор. 12, 4). Даръ „сказанія языками“ (сн. Дѣян. 10, 46 и 1 Кор. 12, 10) сообщался людямъ и до крещенія. Этотъ даръ посылалъ Богъ даже животнымъ, какъ ослицѣ Валаамовой (Числ. 22, 28. 30). Но при чемъ тутъ, особенно въ послѣднемъ случаѣ, рѣчь о возрожденіи?..

Пусть же сектанты укажутъ намъ, что христіане *омывались* отъ грѣховъ и *прилагались* къ Церкви, въ званіи *освященныхъ* людей, безъ крещенія?..

Никто изъ сектантовъ показать намъ этого не могъ. Слушатели видѣли, что я говорилъ правду апостольскую (Ср. Рим. 6, 4).—Тогда я продолжалъ свою рѣчь: „что крещеніе *водное* сопровождается *непретѣнно* рожденіемъ свыше крещаемыхъ,—а потому эти благодатныя дѣйствія *сопадаютъ* между собой,—объ этомъ учить Ап. Павелъ. Онъ пишетъ: Христосъ „спасъ насъ... по Своей милости, банею возрожденія и обновленія *Святыхъ Духомъ*“ (Тит. 3, 5).

Соображайте сами, дорогіе мои слушатели! Евангелистъ Іоаннъ говорить о „рожденіи свыше“ (Іо. 3, 3); а Павелъ Ап. это рожденіе называетъ „банею возрожденія“. Баня безъ воды чувственной никогда не обходилась. Слѣдовательно, если Апостоль сравниваетъ „возрожденіе“ съ „баней“,—несомнѣнно, и тамъ и здѣсь онъ предполагаетъ воду стихійную. А слѣдовательно, подъ духовнымъ возрожденіемъ необходимо разумѣть именно *христіанское водное крещеніе*...

III.

Савелій Лукичъ не хотѣлъ „вмѣстить“ моихъ доказательствъ. Онъ утверждалъ, что духовное возрожденіе Господь совершаетъ безъ воды.

Вотъ у Іакова Ап. сказано: „*восхотѣвъ, родилъ Онъ насъ словомъ истины, чтобы намъ быть нѣкоторымъ начаткомъ Его созданий*“ (Іак. 1, 18).

— Замѣтьте, люди! воскликнулъ Савелій Лукичъ. Господь рождаетъ насъ духовно „словомъ истины“, а не водой...

Я возразилъ: „это такъ, правду вы сказали, Савелій Лукичъ. Господь возрождаетъ насъ „словомъ истины“. Но слово-то истинное строго требуетъ отъ насъ воднаго крещенія. У Евангелистовъ объявлено Господомъ, что кто не будетъ креститься,—погибнетъ (Мѡ. 28, 19; Мр. 16, 16 ср. Дѣян. 8, 12). И потому христіане начало своей „спасенной“ во Христѣ жизни открывали *всегда* святымъ крещеніемъ (Дѣян. 2, 41 ст. и парал). Потому же и для насъ *водное* крещеніе обязательно“...

— Ниоткуда это не видно! завопилъ не своимъ голосомъ Савелій Лукичъ. Другіе молокане его шумно поддержали.

Я отвѣтилъ: „вамъ уже показана *прямая* заповѣдь Господня о крещеніи (Мр. 16, 16; Мѡ. 28, 19). Было также говорено мной, что безъ духовнаго возрожденія христіанамъ спастись нельзя; а я сейчасъ *доказалъ*, что это возрожденіе и крещеніе—одно и тоже“...

— Не ясно, не ясно!—шумѣли молокане.

— Такъ я поясню вамъ слова свои еще. Слушайте.—Изъ 4 гл. Ев. Іоанна мы знаемъ, что Апостолы крестили *въ водѣ* еще при жизни Господа (Іо. 4, 2 ср. 3, 23). Это же крещеніе совершали Апостолы надъ христіанами, послѣ сошествія Св. Духа.—Вотъ доказательства. Прочитайте 8 гл. Дѣяній. Тамъ рассказывается объ обращеніи ко Христу евнуха. Евнухъ, послушавъ проповѣдь діакона Филиппа, увѣровалъ во Христа. И когда они, „*продолжая путь, принѣхали къ водѣ, евнухъ сказалъ: „вотъ вода; что препятствуетъ мнѣ креститься?“ Филиппъ... приказалъ остановить колесницу и сошли оба въ воду, Филиппъ и евнухъ; и крестилъ его*“ (Дѣян. 8, 36—38 ст.).

Я не знаю во всемъ Свящ. Писаніи болѣе разительнаго доказательства за водное крещеніе. Только духовное ослѣпленіе и упорство могутъ возставать противъ этого доказательства!—произнесъ я съ воодушевленіемъ.

Мнѣ отвѣтилъ діаконъ молоканскій. Онъ сказалъ:

„Нѣтъ, не упорство удерживаетъ насъ идти за евнухомъ въ воду. Мы соображаемъ вотъ что: Филиппъ евнуха „подбиваетъ“ креститься въ водѣ, или—наоборотъ? Такъ: *евнухъ* хотѣлъ погрузиться въ водѣ; для него—это былъ привычный древній обрядъ омовенія. Потому онъ и хлопоталъ о немъ“...

Я возразилъ:

„Мнѣ не нужно большихъ усилій, чтобы опровергнуть ваши соображенія. Евнухъ требовалъ крещенія не потому, что хотѣлъ лишній разъ „омыться“ въ водѣ для чистоты плотской. Какое „омыванье“ среди дороги,—когда приходится еще продолжать путь“ (Дѣян. 8, 39)? Нѣтъ.

Евнухъ скорѣе, *сейчасъ* же креститься хотѣлъ потому, очевидно, что отъ Филиппа узналъ о невозможности стать христіаниномъ безъ крещенія...

Кромѣ того, напрасно вы утверждаете, что сила моихъ разсужденій о водномъ крещеніи ослабляется черезъ то, что евнухъ *самъ* запросилъ крещенія. Евнухъ не заговорилъ о тѣлѣ плотской, объ одеждѣ тѣлесной. А о крещеніи *водномъ* просилъ Филиппа. Ясно, что о пищѣ и одеждѣ для тѣла у нихъ рѣчи не было; о крещеніи же евнуху благовѣстилъ діаконовъ Филиппъ“.

И потому ваше послѣднее замѣчаніе, Савелій Лукичъ, мы должны вмѣнить, „какъ небывшее“...

Онъ молчалъ.—Я продолжилъ свою рѣчь:

„Еще могу привести вамъ изъ кн. Дѣяній свидѣтельство о водномъ крещеніи не менѣе *убѣдительное*.—Вотъ, посланный Богомъ, Ап. Петръ приходитъ въ домъ Корнилія язычника (—10, 20). Здѣсь людямъ *благочестивымъ* (—ст. 2), но духовно темнымъ онъ благовѣствуетъ о Христѣ. Слушатели отъ этой проповѣди „умилились сердцемъ“ и на нихъ сошелъ Духъ Св. (—ст. 44). Тогда Ап. Петръ велитъ „креститься водою *тѣмъ, которые получили Святаго Духа*“ (—ст. 47).

Изъ этого священнаго сказанія ясно, что всѣхъ приходящихъ въ Христову Церковь *Апостолы крестили въ водѣ* и крещеніе совершалось надъ людьми не потому, что оно было древнимъ обычаемъ.

Савелій Лукичъ возразилъ:

„Но въ 11 гл. Дѣяній уже не говорится, что Петръ крестилъ Корнилія водою. Значитъ, чувственной воды при его крещеніи не было“...

Я отвѣтилъ:

„Совсѣмъ не значить. Въ 11 гл. Дѣяній Ап. Петръ *кратко* разсказываетъ о событіи въ домѣ Корнилія. И потому тамъ не упомянуто о водѣ. Но о водѣ при крещеніи *ясно* написано въ 10 гл. Дѣяній. Зачѣмъ же постоянно, въ каждомъ случаѣ, повторять, что Корнилій былъ крещенъ водою? Это *само собою* очевидно, какъ то, что Петръ Ап. пришелъ къ Корнилію *ногами*, хотя объ этомъ не упомянуто въ кн. Дѣяній“.

Признаютъ сектанты богодухновенность 10 гл. Дѣяній?..

— Признаемъ! признаемъ!—послышалось изъ толпы.

— Если такъ, заключалъ я, принимайте и то, что люди въ домѣ Корнилія были крещены Ап. Петромъ видимо, *водою*, а не по молокански—*духовно*...

Мое заключеніе подтверждается словами Ап. Павла. Онъ пишетъ къ Ефесянамъ: „Христосъ возлюбилъ Церковь и предалъ Себя за нее, чтобы освятить её, *очистивъ банею водною, посредствомъ слова*“... (Еф. 5, 25). Выраженіе—„*банею водною*“—наводитъ на мысль, что при Апостолахъ духовное „очищеніе“ христіанъ сопровождалось погруженіемъ ихъ въ воду или крещеніемъ воднымъ.

— Да, замѣтилъ Савелій Лукичъ, но вы хитро обошли выраженіе „посредствомъ слова“. А оно показываетъ, что „баню водную“ надо понимать, какъ *ученіе*...

Я возразилъ: „неправду вы говорите, мой другъ. Выраженіемъ „посредствомъ слова“ Апостолъ не устраняетъ изъ крещенія воды. Онъ лишь учитъ, что съ крещеніемъ слово нераздѣльно. Это такъ и есть: проповѣдь Евангельская, *слово* Божіе приводитъ людей къ крещенію; самое же крещеніе совершается опять съ произношеніемъ *словъ*: „*во имя Отца и Сына и Св. Духа*“ (Мѡ. 28, 19). Такимъ образомъ, православные въ своихъ вѣрованіяхъ идутъ царскимъ путемъ: они не выбрасываютъ воду изъ крещенія, но и сопровождаютъ его произношеніемъ *словъ*, по заповѣди Господа.—Признайте, Савелій Лукичъ, православные порядки *апостольскими* и примите ихъ для спасительнаго руководства въ жизни...

Въ отвѣтъ на мою рѣчь Савелій Лукичъ длинно заговорилъ о духовномъ служеніи Богу (Іо. 4 гл.). Онъ утверждалъ, что Богу-Духу не нужна наша вода. Потому молокане ея „не придерживаются“...

Я сказалъ:

„Конечно, Богъ-Духъ (Іо. 4, 24). И Ему не нужна чувственная вода. Но вѣдь мы о водѣ при крещеніи говоримъ, имѣя въ виду людей. А развѣ и людямъ вода не нужна? Нѣтъ. Наши души тѣлами обложены. Водю мы жажду въ тѣлѣ утоляемъ; вода приноситъ освѣженіе природѣ нашей. Такимъ образомъ, *намъ вода нужна*...

Какое же значеніе имѣетъ она при крещеніи?

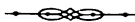
Въ крещеніи мы умираемъ для грѣховной жизни,—совлекаемъ съ себя всѣ пороки свои (Рим. 6, 4). Въ ознаменованіе этого, мы тѣла свои погружаемъ въ освященную воду,—и тѣмъ какъ бы очищаемъ его отъ всякой житейской грязи (ср. Числ. 31, 23 ст.).

Итакъ: подобно тому, какъ природа наша состоитъ изъ души и тѣла,—и крещеніе—истинное, христіанское, по заповѣди Господа—*двухчастное*: въ крещеніи мы тѣлами погружаемся въ воду *чувственную*, а душами своими воспринимаетъ Духа Божія,—Духа, Освятителя и Очистителя насъ „отъ всякой скверны“.

Сектантамъ необходимо познать эту истину. Её возвѣщаетъ намъ, какъ мы видѣли, слово Божіе. Зачѣмъ же идти противъ Господа,—зачѣмъ въ ослѣпленіи прать противъ рожна?..

Покайтесь же, друзья мои, въ своемъ упорствѣ! Съ жаждой духовной придите къ Источнику воды живой (Иса. 55, 1) во св. православную Церковь. Тогда откроются ваши очи и вы съ благоговѣніемъ погрузитесь въ воду крещенія, благодаря Бога за свое исцѣленіе во Христвѣ...

С.-Петербургскій епархіальный миссіонеръ
Димитрій Боголюбовъ.

Лѣтопись періодической и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Наши „буревѣстники“ и глашатаи новыхъ идей.

Въ послѣднее время появился родъ писателей, которые, при-
смотрѣвшись къ бульварной публикѣ, уразумѣвъ, что ей нравится,
чего ей хочется, къ чему она стремится,—взялись стряпать под-
ходящія „произведенія печати“. А бульварная публика, какъ из-
вѣстно, падка на всякаго рода „забористыя новинки“, на все то,
что носитъ слѣды сильныхъ ощущеній, скандальности, треску-
чести, грубаго ухарства и всякаго бьющаго по нервамъ безчин-
ства. Такимъ образомъ и получила право почетнаго граждан-
ства въ наши туманные дни, такъ называемая „протокольная ли-
тература“, т. е., такая литература, которую, какъ только прочелъ,
такъ и бѣги за городовымъ.

Легко можно себѣ представить, какое воспитательное воз-
дѣйствіе и какія послѣдствія можетъ имѣть эта „литература“ въ
средѣ нашего нервнаго и безпокойнаго юношества и въ средѣ
темныхъ, но ищущихъ выхода изъ своего теперешняго положенія
классовъ населенія!

Во главѣ этихъ „писателей“ сталъ пресловутый Максимъ Горь-
кій (онъ же Пѣшковъ), человѣкъ отъ природы талантливый, но
скрутившій свою жизнь безшабашными, разнузданными порывами
и метаніями во всѣ стороны, получившій воспитаніе подъ роко-
вымъ давленіемъ исключительныхъ социальныхъ условій быта,
подъ живымъ и одностороннимъ впечатлѣніемъ всевозможныхъ
паденій и безобразій въ средѣ жалкихъ и безвозвратно погиб-
шихъ отбросовъ общества. Этотъ человѣкъ съ темнымъ прош-
лымъ, отчаявшійся въ настоящемъ и съ ужасомъ смотрящій въ
будущее, на подобіе промотавшагося пропойцы на похмельѣ,
охарактеризовать себя такими словами: Я—*буревѣстникъ*. Я го-
нецъ наступающихъ событій, предвѣстникъ надвигающейся бури,
которая готова въ дикомъ бушеваньи пронестись по русской
землѣ... И мнѣ любя данная борьба, бурное разрушеніе, вави-
лонское столпотвореніе!.. (См. его стихотвореніе въ прозѣ „Буре-
вѣстникъ“). Конечно, такая буря—больная фантазія Горькаго, и
наше православное отечество подъ сѣнію церкви Божіей будетъ
спокойно дѣлать свое дѣло, вѣрно подвигаясь къ историческому

идеалу, постепенно совершенствуясь и врачуясь отъ разъядающихъ его ранъ безбожія, язычества и сектантсва. Какъ бы то ни было, но буревѣстничество весьма характерно для нашего времени, интереснаго времени!

Съ краснымъ знаменемъ въ рукѣ, съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ, со всклокоченной головой и налившимися кровью глазами, въ разорванномъ безобразномъ костюмѣ вырвался „Буревѣстникъ“ изъ зловонной трущобы на свѣтъ Божій, въ честной народъ, мирно занимающійся своимъ дѣломъ, и бѣжитъ дерзко расталкивая встрѣчныхъ, сопровождаемый десяткомъ жалкихъ людишекъ, корчащихся изъ себя „босяковъ“ и „золоторотцевъ“; бѣжитъ эта сумасбродная ватага и вопить благимъ матомъ о какой-то надвигающейся на православную Россію невообразимо страшной бури... Прохожіе останавливаются, съ изумленіемъ смотрятъ на бѣгущихъ безобразныхъ людей, даютъ имъ дорогу и рѣшаютъ, что это—одержимые бѣлой горячкой случайно вырвались изъ лечебницы. Но есть въ толпѣ люди, которые, услышавъ дикіе крики, вдругъ и сами исполняются необъяснимой ярости и устремляются во слѣдъ буревѣстниковъ, выкрикивая имъ похвалы и привѣтствія...

Такъ представляемъ мы себѣ этихъ новыхъ глашатаевъ „новой правды“, новыхъ дѣлателей русской исторіи.

Не лучше представляетъ ихъ себѣ и самъ родоначальникъ ихъ графъ Левъ Толстой. Онъ въ предисловіи къ недавно вышедшему въ Россіи переводному роману нѣмецкаго писателя фонъ-Поленца: „Крестьянинъ“ пишетъ слѣдующее: „Въ наше время невѣжество образованной толпы дошло уже до того, что всѣ настоящіе великіе мыслители, поэты, прозаики, какъ древности, такъ и XIX вѣка, считаются отсталыми, неудовлетворяющими уже высокимъ и утонченнымъ требованіямъ новыхъ людей; на все это смотрятъ или съ презрѣніемъ, или съ снисходительной улыбкой. Послѣднимъ словомъ философіи въ наше время признается безнравственная, грубая, напыщенная болтовня Ницше; бессмысленный, искусственный наборъ словъ, соединенный размѣромъ и римою разныхъ декадентскихъ стихотвореній считается поэзіей высшаго разбора; на всѣхъ театрахъ даются пьесы, смыслъ которыхъ никому, не исключая и автора, не извѣстенъ (напр. „на днѣ“), и въ миллионныхъ экземплярахъ печатаются и распространяются, подъ видомъ художественныхъ произведеній, романы, не имѣющіе въ себѣ ни содержанія, ни художественности“.—„Кромѣ того, благодаря случайности или мастерству рекламы нѣкоторыя плохія произведенія, подобно *Оболю* или *Peas soap*, получаютъ неоправ-

дываемую своими достоинствами большую извѣстность. Эта же большая извѣстность заставляетъ все большее и большее количество людей читать такія книги, и слава ничтожной, часто вредной книги, какъ снѣжный комъ, все вырастаетъ и вырастаетъ, и въ головахъ огромнаго большинства людей, тоже какъ снѣжный комъ, образуется все большая и большая путаница понятій и совершенная неспособность пониманія достоинствъ литературныхъ произведеній“. (См. стр. IX—XI). Прекрасныя слова, и мы ихъ съ удовольствіемъ приводимъ. Они едвали доставятъ пріятность нашимъ „буревѣстникамъ“. Съ другой стороны, эти слова показываютъ, какъ у болѣзненного уже старика, бывшего великаго русскаго писателя, еще и теперь, не смотря на его искусственно напущенный на себя сектантскій чадъ, ярко вспыхиваетъ огонь великой русскаго мысли, горѣвшій нѣкогда въ великой русско-й душѣ.

И странное дѣло: это говоритъ такъ безпощадно, такъ безнадежно о буревѣстнической современной литературѣ... и кто-же?... самъ родоначальникъ буревѣстничества! Вѣдь, кто, какъ не графъ Левъ Толстой, вотъ уже пятнадцать слишкомъ лѣтъ своими разрушительными писаніями подтачиваетъ, подкапываетъ великое зданіе православной Россіи? Кто, какъ не графъ Левъ Толстой, неустанно призываетъ громы, молніи и ураганы на святую Русь, на святую церковь православную? Кто, какъ не этотъ „новый пятый евангелистъ“ (какъ пятое колесо въ телѣгѣ) вовлекъ цѣлое поколѣніе молодежи своими пагубными рѣчами въ стремленіе къ какому-то всеразрушенію, всепрощенію, всеравенству и провозглашенію „новаго царства“, „новыхъ принциповъ“, „новаго христіанства“?... Левъ Толстой очутился теперь въ положеніи той легендарной насѣдки, которая вылупила уродовъ-дѣтенышей, и сама удивляется ихъ бозобразію и уродству. Левъ Николаевичъ! Да, вѣдь, это же ваши дѣти, ваши питомцы! Вѣдь это же плоть отъ плоти вашей, кость отъ костей вашихъ!.. Горькій, Чеховъ, Меньшиковъ, Розановъ и другіе—вѣдь это же ваши дѣтки!.. Они васъ зовутъ папашей, они на васъ молятся!.. „Своя своихъ не познаша“!.. Вдумайтесь хорошенько, посравните ваши послѣднія антихристіанскія писанія съ писаніями вашихъ птенцовъ, и вы увидите, что это одинъ и тотъ же „комъ снѣга“, съ другою лишь подмочкой. Послушайте-ка, какъ вѣжливо объясняется Горькій по адресу современнаго общества: „ахъ, вы, гады, гады, зачѣмъ живете, какъ живете? Жулье вы лицемѣрное, и больше ничего!“— Ну развѣ это не ваши слова? не ваши мысли? Или выберите всѣ пасквили на государственныя учрежденія изъ вашего, хотя про-

цензурованнаго (а ужъ о безцензурномъ и говорить нечего) „Воскресенія“, да прибавьте сюда вашъ „отвѣтъ“ Святѣйшему Сѣноду, и эту богохульную, противоправительственную и противогосударственную смѣсь, сравните потомъ... ну хотя вотъ съ этими перлами горьковского пророчества: „Это тяжелое грязное зданіе все пропитано кровью людей, которыхъ раздавило; оно сотрясается отъ дряхлости, охвачено предчувствіемъ близкаго разрушенія и въ страхѣ ждетъ только, чтобы съ шумомъ развалиться... Слыхали-ли вы что-нибудь объ истинѣ, справедливости, о желаніи видѣть всѣхъ людей земли гордыми, свободными, красивыми? Если-бы у васъ было здоровое, цѣльное чувство любви къ жизни! Въдѣ вы не любите жизни, вы боитесь ея, вы тихонько, какъ воръ, отрываете отъ нея кусочки, кроткіе люди, бѣдные нищіе!.. Бѣдна страна моя людьми сильными, а ужъ вновь наступило время, когда ей нуженъ герой... Чертъ-бы васъ всѣхъ побралъ! Если-бы вы знали, какъ вы жалки, какъ вы противны, какъ ужасно тяжело жить среди васъ... Пошли, Господи, побольше бѣдъ на ваши головы“!.. Это такая у Горькаго любовь къ родинѣ, любовь къ ближнимъ!.. Не все тутъ нищенство, тутъ добрая половина и толстовства. Здѣсь слова принадлежатъ Нище, а мысли Льву Николаевичу! И видите, Левъ Николаевичъ, какой неблагодарный этотъ вашъ птенецъ-буревѣстникъ г. Горькій: онъ даже васъ не хочетъ признать „героемъ“, а чаеъ какого-то иного!..

Непочтителенъ къ сѣдинамъ Льва Николаевича и другой его выкормокъ—г. Меньшиковъ. Онъ въ № 9337 „Новаго Времени“, 3-го марта, въ день попытокъ молодежи устроить въ столицѣ уличные безпорядки, выпустилъ свой фельетонъ: „Изъ писемъ къ ближнимъ“, и почти весь посвятилъ его хлесткой проборкѣ старости и возвеличенію молодости. Извѣстный поступокъ престарѣлаго литератора Пастухова, нечаянно ранившаго изъ револьвера крестьянскаго мальчика, даетъ этому фельетонисту „Новаго Времени“ поводъ осудить окончательно преклонный возрастъ человѣка. „Старость, пишетъ г. Меньшиковъ, сложившаяся такимъ образомъ, чтобы быть въ состояніи завершиться подобнымъ ужаснымъ происшествіемъ, вовсе не „милость Божія“, какъ увѣрялъ защитникъ г. Пастухова, г. Карабчевскій, а скорѣе Его немилость“. Г. Пастуховъ нечаянно ранилъ мальчика, и получилъ проклятiе въ своей старости отъ г. Меньшикова. Левъ же Николаевичъ Толстой на старости лѣтъ написалъ и обнародовалъ богохульное и кощунственное до невѣроятности письмо Святѣйшему Сѣноду—какого же проклятiя достойна эта старость?!

Впрочемъ, г. Меньшиковъ вообще противъ всякой старости и преклонныхъ лѣтъ. Онъ дальше говоритъ: „Когда я попадаю въ стариковскую обстановку, въ общество пожилыхъ и умныхъ людей, мнѣ хочется воспѣть старость съ ея заслугами, тотъ возрастъ, котораго поэма уже закончена и перешла въ легенду... *Напротивъ*, когда я попадаю въ обстановку зарождающейся жизни, въ общество дѣтей или *не слишкомъ испорченныхъ* юношей, я всѣмъ сердцемъ стою за молодость“ (Курсивъ нашъ). Для большей-же силы своихъ словъ г. М. сослался еще и на слова Гоголя, вырвавшіяся у послѣдняго изъ устъ въ такое время, когда онъ еще не проникъ въ глубину христіанскаго ученія. „Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости... Грозна, страшна, грядущая впереди старость и ничего не отдастъ назадъ обратно! Могила милосердїе ея, на могилѣ напишется: „здѣсь погребенъ человѣкъ“, но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости“. Отъ этихъ мрачныхъ антихристіанскихъ словъ Гоголь потомъ отрекся. Поэтому они принадлежать г. Меньшикову, у котораго такой взглядъ на преклонный возрастъ къ лицу и понятенъ. Ибо защитнику и провозвѣстнику языческаго *культа плоти* какъ же иначе смотрѣть на старость, когда на тѣлѣ появляются морщины, мускулы слабѣютъ, члены теряютъ всю грацію очертаній и движенія и проч.? А что тамъ гдѣ-то въ Евангеліи Господа Иисуса Христа говорится какъ разъ наоборотъ, о *бодрости духа* при *немощи тѣлесной* и что Церковь православная внушаетъ намъ своимъ непогрѣшимымъ ученіемъ *обратное* понятіе о старости и о молодости,—до этого какое дѣло г. Меньшикову? Вѣдь онъ птенецъ той насѣдки, для которой все это—одно невѣжество, суевѣріе, шарлатанство? Однако-же, читатель можетъ спросить насъ: зачѣмъ же тогда г. Меньшиковъ заканчиваетъ это свое письмо о старости и молодости цитатой изъ Евангелія: „Если не будете какъ дѣти, не войдете въ Царство Небесное“?—Да Богъ же его знаетъ. Можетъ быть, это затѣмъ, чтобы дать понять своимъ „ближнимъ“: не доискивайтесь, молъ, послѣдовательности и смысла въ моихъ письмахъ, какъ взрослые, а будьте какъ дѣти и слѣдуйте за мною, и увидите „Царство Небесное на землѣ“.

Въ № 9350 „Нов. Вр.“ другой глашатай новаго христіанства, В. Розановъ, напечаталъ „Практическое указаніе съ цѣлію успокоить своихъ читателей на счетъ того, что онъ, Розановъ, нисколько не „заразился“ католичествомъ, хотя онъ и увлекался созерцаніемъ „звѣздочекъ на потолкѣ“, проведенной на полу

римскаго костела линіи римскаго меридіана, изображеніями „Стрѣльца“, „Водолея“ и проч. зодіанальныхъ фигуръ, а также больше всѣхъ римскихъ догматовъ понравившагося ему „догмата“ (!) стрижки папою бѣлаго ягненка на престолѣ. Кромѣ сего, г. Розановъ „преспокойно поклонялся мошамъ апостоловъ Петра, Матвѣя (?), Павла, и ничего ни къ кому враждебнаго не чувствовалъ“. Такъ что будьте, молъ, покойны: я какъ былъ, такъ и остался „свободный христіанинъ, и мнѣ вездѣ просторно“, причемъ, „думаю, что это вполне отвѣчаетъ идеѣ „древней церкви“.

Намъ, конечно, нѣтъ до того никакого дѣла, что за г. Розановымъ кто-то съ большой тревогой и досадой слѣдитъ, какъ-бы не заразился католичествомъ и не пересталъ быть „свободнымъ христіаниномъ“; для насъ рѣшительно все равно—съ заразой г. Розановъ возвратился изъ-за Альпъ въ ущербъ „свободному христіанству“ или безъ заразы. Мы вотъ только обезпокоены на счетъ христіанской свободы г. Розанова, да на счетъ его новыхъ религіозныхъ идей, которыя онъ съ такой энергіей взялся насаждать въ Русской землѣ.

„Свободу“ г. Розанова мы знаемъ,—съ ней, конечно, не будетъ нигдѣ тѣсно проповѣднику религіи половыхъ ощущеній. Эта свобода означаетъ: совершенная эмансипація отъ всякихъ догматовъ церковныхъ, отъ повиновенія церковнымъ каноническимъ правиламъ и церковнымъ пастырямъ, отъ исполненія всѣхъ обрядностей и постановленій Церкви, отъ признанія необходимости для спасенія таинствъ Церкви и проч. Это все г. Розановъ уже давно высказалъ въ своихъ „религіозныхъ“ фельетонахъ. Но и въ „Практическомъ указаніи“ онъ относительно догматовъ пишетъ: „мнѣ кажется, эпоха догматическаго существованія вообще прошла и выступаетъ эпоха скорѣ художественныхъ воплощеній отношенія къ Богу, эпоха скорѣ пѣвческая, нежели умственно-конструктивная (догматы)“. Новая идея!.. Православіе и католичество со своими догматами отжили свой вѣкъ. Г. Розановъ на столбцахъ „Новаго Времени“ открылъ зарю новыхъ дней, новаго христіанства—„*тѣческаго*!“ На счетъ же отношеній своихъ къ іерархамъ церкви сей провозвѣстникъ заявляетъ въ „Практическомъ указаніи“, что ему ни до какого раздѣленія церковей нѣтъ дѣла и онъ не хочетъ быть „въ кулачкѣ“ у іерарховъ, ни нынѣшнихъ, ни минувшихъ“.

Свое „Практическое указаніе“ онъ заканчиваетъ такъ: „вообще нужно пожелать, чтобы повседневная печать, очень теперь распространенная, разрѣдила эти ряды „старообрядцевъ“, „старопечатниковъ“ (рѣчь идетъ объ обыкновенныхъ не эмансипиро-

ванныхъ православныхъ христіанахъ) господствующаго исповѣданія, показала бы и убѣдила ихъ (нечего тамъ слушать проповѣдей церковныхъ, разъ есть ежедневныя газеты въ родѣ, напр., „Новаго Времени“), что собственная притча Спасителя повелѣваетъ намъ растить „древо“ изъ горчичнаго зерна Евангелія (!), что сущность христіанства и христіанина есть чистое сердце передъ Богомъ и правое дѣло—въ рукахъ, а „печатью старой и новой“ Спаситель не занимался и ею заниматься намъ не завѣщать. Вообще, проницаніе критическихъ лучей вотъ въ это полу-образованное общество настоятельно нужно. Тогда они перестанутъ держать за концы платій людей гораздо болѣе изъ высокихъ по положенію и просвѣщенныхъ. И желаемыя перемѣны могутъ настать скорѣе, чѣмъ мы помирились думать“.

Вотъ видите, какой богословъ г. Розановъ и какъ онъ глубоко знаетъ „собственныя“ притчи Спасителя и сущность христіанства, а также, какъ высоко пишетъ! Господь Іисусъ Христосъ говоритъ намъ: „Если не будете ѣсть плоти Сына Человѣческаго и пить крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни“ (Іоан. 17, 53), и іерархамъ церковнымъ и священникамъ говорить: „Истинно говорю вамъ: что вы свяжете на земли, то будетъ связано на небеси“ (Мтѣ. XVIII, 18). А г. Розановъ учитъ все это бросить, какъ отжившее вѣкъ, и „растить древо“ изъ горчичнаго зерна Евангелія, имѣя въ рукахъ „правое“ дѣло—это, вѣроятно, сотрудничество въ „Новомъ Времени“—и не обращая вниманія на прочія „собственныя“ же притчи и ученія Спасителя. Господь говоритъ: „Блаженны чистые сердцемъ“ въ томъ, конечно, смыслѣ, что наши сердца должны быть свободны отъ всякихъ грѣховныхъ мыслей и желаній. А г. Розановъ понимаетъ эту чистоту въ смыслѣ отсутствія сердечныхъ влеченій и привязанности къ церковно-обрядовой, ритуальной сторонѣ вѣры. Хороши же будутъ тѣ „критическіе лучи“, которые станутъ испускать въ „полу-образованное общество“ критики-богословы, какъ г. Розановъ и ему подобные!

Впрочемъ, что намъ беспокоиться особенно за истину? Истина останется истиной, а наши „буревѣстники“ да „провозвѣстники“ пусть поговорятъ... отъ этого и ежедневной печати—матеріаль, и бумажнымъ фабрикамъ—работа. Мы увѣрены, что въ концѣ концовъ всѣ они перепутаются, переругаются между собою и отойдутъ „къ прежнимъ своимъ занятіямъ“. Благо, каждый изъ нихъ несетъ вздоръ по своему. Царство ихъ раздѣлилось на ся и не устоитъ долго...

Служитель Церкви.

Свящ. П. С. Тидебеля. Какъ я нашелъ истинную церковь. Изданіе 2-е дополненное и исправл. Спб. 1903.

Истина свѣтлѣе солнца... Господь Нашъ Иисусъ Христосъ, возвѣстивъ людямъ небесную истину и проникая Своимъ Божественнымъ всевѣдѣніемъ въ даль грядущихъ временъ антихриста, сказалъ: „Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ“ (Матѣ. X, 34).

И Самъ подвигоположникъ христіанства запечатлѣлъ Свое великое служеніе истинѣ распятіемъ и крестною смертью. Усиленную борьбу съ врагами истины пришлось вести и ближайшимъ продолжателямъ дѣла Христова—св. апостоламъ и ихъ преемникамъ—пастырямъ церкви.

Великая миссія охранять Христову истину и, съ другой стороны, распространять ее среди невѣдущихъ свѣта Христова возложена и на родное намъ православіе. Православная церковь отъ лѣтъ древнихъ и даже до днесь, ревностно и неизмѣнно хранитъ святоотеческія преданія вселенской церкви.

Въ церкви православной нѣтъ мѣста человѣческимъ измышленіямъ, здѣсь полное послушаніе Спасителю, апостоламъ и святоотеческому преданію. Будучи всецѣло проникнута пламенною заботою о чистомъ сохраненіи Христовой истины отъ разныхъ пристраженій лжи, православіе вслѣдствіе этого ведетъ ревностную борьбу со своими явными врагами и, вообще, съ лицами, „скрывающими истину въ неправдѣ“.

Въ нашемъ руссiйскомъ государствѣ проповѣдникамъ православія постоянно приходится вести духовную войну съ многочисленными врагами православія. Въ Сибири ламаизмъ и магометанство, на сѣверѣ и въ центрѣ Руси—расколъ, на югѣ—сектантство, въ Прибалтійскомъ краѣ—лютеранство, на Юго-западѣ—еврейство и католичество, и проч., все это для православной миссіи—„твердыни“, съ которыми она борется не плотскими оружіями, не искусственными человѣческими средствами, но оружіями духовными, благодатными, *сильными Богомъ* (2 Кор. X 4).

Проповѣдники и апологеты православія ведутъ свою борьбу съ инославіемъ только духовными оружіями, памятуя слова Премудраго: *Подвизайся за истину до смерти—и Господь Богъ поборетъ за тебя* (Сирах. IV, 32). Слова эти—вѣковой историческій завѣтъ православной проповѣди, засвидѣтельствованный великими подвигами и святостью жизни многихъ знаменитыхъ православныхъ пастырей и учителей и, съ другой стороны, многочисленными небесными знаменіями и чудесами, пріосвѣняющими исторію православной церкви на всемъ ея тысячелѣтнемъ протяженіи.

Вѣра въ благодатное содѣйствіе Божіе—это путеводная звѣзда для православныхъ миссіонеровъ въ ихъ борьбѣ съ инославіемъ и иновѣріемъ и десница Господня творитъ силу, ибо Самъ Господь поборникъ за нихъ (Исх. XIV, 14).

Въ чудесныхъ знаменіяхъ, являемыхъ Самимъ Богомъ для свидѣтельства объ истинности православія, могутъ находить великое ободреніе миссіонеры и пастыри православной церкви, утверждаясь въ надеждѣ, что они подвизаются не яко воздухъ біій,—что Самъ Господь, творящій чудеса въ исторіи православной церкви, какъ бы небеснымъ громовымъ гласомъ призываетъ всѣ племена земныя къ общенію съ православною церковью... Прославленіе св. Ѳеодосія Черниговскаго, преподобнаго Серафима Саровскаго, дивный Кронштадтскій пастырь, и т. д., всѣ эти небесныя знаменія ясно показываютъ, что въ православной церкви содержатся Божественныя силы „яже къ животу и благодѣи“, что Самъ Богъ тѣми или иными знаменіями призываетъ людей въ лоно православія.

Многообразно въ данномъ случаѣ промышленіе Божіе. Въ настоящей замѣткѣ мы считаемъ необходимымъ внимательно остановиться на психологическомъ процессѣ, пережитомъ бывшимъ лютераниномъ г. Тидебель ¹⁾, при обращеніи его къ православной церкви. Въ этомъ процессѣ явственно видны дѣйствія благодати Божіей, направлявшей Тидебеля къ истинно-спасительной вѣрѣ.

Вотъ какими стезями благодать Божія привела о. Тидебеля отъ протестантизма къ православію.

Съ дѣтства, рассказываетъ о себѣ о. Тидебель, я былъ воспитанъ исключительно въ лютеранско-протестантскомъ духѣ. Мои родители и прародители были лютеране, да и всѣ мои близкіе родственники въ Лифляндіи того-же вѣроисповѣданія.

Во время моего ученія въ Юрьевской (Дерптской) гимназій, жилъ я въ пансіонѣ подъ-рядъ въ 3-хъ семействахъ лютеранскихъ пасторовъ. Въ гимназій были моими учителями пасторъ профессоръ X., и пасторъ Y. Въ Петербургѣ я учился у пастора Z., у котораго и былъ на конфирмаціи (причащенъ въ 1-й разъ).

Это я привожу для того, чтобы показать, что для меня лично не было недостатка въ хорошихъ лютеранскихъ законоучителяхъ. Напротивъ того, я учился у весьма многихъ и притомъ у такихъ, которые считались въ лютеранскомъ мірѣ самыми лучшими. И большинство изъ нихъ я очень любилъ и сохранилъ о нихъ самыя лучшія воспоминанія“ (3 стр.).

Отсюда легко видѣть, что наличныя условія и порядокъ вещей скорѣе должны были бы сдѣлать изъ г. Тидебеля ревностнаго лютеранина, а не православнаго. Всѣмъ извѣстно, какъ глубоко и

¹⁾ Нынѣ православный священникъ П. С. Тидебель.

сильно дѣйствуютъ на сердце человѣка первоначальное воспитаніе и впечатлѣнія дѣтства. Эти могучіе факторы въ большинствѣ случаевъ уже напередъ предвѣщаютъ послѣдующую жизнь и судьбу человѣка. Къ счастью, г. Тидебель не былъ настолько поработенъ лютеранскими предразсудками, чтобы остаться глухимъ къ тому небесному голосу, къ тому невидимому благодатному свѣту, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. Его сердце, озаренное лучемъ благодати, на первыхъ порахъ стало смутно ощущать заблужденія и лютеранства.

Несмотря на то, что мои родители и всѣ родственники, пишетъ о. Тидебель, были очень вѣрующими христіанами, у меня все-таки года два послѣ окончанія курса гимназій, стали появляться сомнѣнія; но сомнѣнія не такого рода, какія я встрѣчалъ у другихъ лютеранъ, которые сомнѣвались, потому что вообще не вѣрили и ко всему, что касалось вѣры, относились индифферентно и скептически; нѣтъ, сомнѣнія другого рода. Мнѣ казалось, что лютеранская вѣроисповѣдная система содержитъ *слишкомъ много противорѣчій и непоследовательностей*.

Первыя сомнѣнія такого рода появились у меня, когда я случайно услышалъ, что въ римско-католической церкви до Лютера и по сіе время семь таинствъ, а со времени Лютера у его послѣдователей только два.

Если истина—въ двухъ таинствахъ, то какимъ образомъ до Лютера въ теченіе пятнадцати вѣковъ ихъ было семь? думалъ я. Значитъ до Лютера никто не открылъ истину въ этомъ отношеніи?.. Это мнѣ показалось по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ, и я сталъ читать Св. Писаніе въ надеждѣ найти тамъ указанія относительно числа и свойствъ таинствъ“ (4 стр.)

Изъ церковной исторіи мы знаемъ, что протестантизмъ явился только какъ реакція противъ крайностей папства. Протестантская теологія пропитывается озлобленіемъ къ католицизму человѣческаго разума, и ео ipso возникаетъ безъ систематичности, связности, логичности и послѣдовательности. У католиковъ было не одно дурное. Между тѣмъ, протестантство, подъ давленіемъ страстнаго негодованія на папство, не всегда могло безпристрастно обсудить ложность или истинность того или иного пункта католическаго вѣроученія. Многое хорошее въ католициствѣ оно иногда зачеркивало потому только, что это католическое... Чтобы оправдать и аккредитовать законность такого зачеркиванія, оно прибѣгало къ схоластическимъ-же приемамъ (каковыя царятъ въ католицизмѣ), пользуясь оными, съ одной стороны, за отсутствіемъ пригодныхъ логическихъ доказательствъ, съ другой—потому, что западные богословы и вообще то склонны разсуждать болѣе на схоластическій манеръ.

II протестантскія догматическія формулы представляютъ собой не что иное, какъ сводъ богословскихъ положеній, наудачу взятыхъ изъ вселенскаго церковнаго вѣроученія; взятыхъ съ зна-

чительными сокращениями и передѣлками, лишенныхъ живой внутренней связи и объединенныхъ чисто внѣшними схоластическими и непрочными нитями.

Отсюда, протестантское вѣроученіе предъ совѣстію искренняго христіанина должно казаться искусственнымъ и непрочнымъ сводомъ разныхъ теологическихъ положеній, подчасъ противорѣчащихъ одно другому.

О. Тидебель былъ гораздо свободнѣе отъ лютеранскихъ предразсудковъ, нежели его родственники. Идеаль истиннаго вселенскаго вѣроученія, „здравыхъ словесъ“, не похожихъ на сухую искусственную протестантскую доктрину, уже на первыхъ порахъ, хотя и смутно, но все же предносился предъ его умственнымъ взоромъ. Протестантское вѣроученіе стало казаться ему малосо держательнымъ, непослѣдовательнымъ, самопротиворѣчивымъ...

„У меня явилось, пишетъ онъ, сомнѣніе въ истинности лютеранскаго вѣроисповѣданія, и я рѣшилъ искать эту истину въ католицизмѣ, который представлялся мнѣ очень загадочнымъ и интереснымъ, и я составилъ планъ ближе его изслѣдовать. Однако обстоятельства жизни на нѣкоторое время помѣшали осуществить это желаніе. Находясь затѣмъ на военной службѣ сперва въ нижнемъ званіи, потомъ въ Петербургѣ, и на каждомъ шагѣ встрѣчая православныхъ и католиковъ, я оставался *подъ глубокимъ впечатлѣніемъ*, когда видѣлъ, какъ они знаменуютъ самихъ себя и другихъ св. крестомъ, имѣютъ у себя въ квартирахъ священные иконы или распятія, передъ которыми колѣнопреклоненно молятся, какъ соблюдаютъ посты, возжигаютъ свѣтильники передъ св. иконами, носятъ на груди кресты, какъ поютъ чудесные гимны, напр., *Христосъ Воскресе...*

Особенно же не удовлетворяло меня лютеранство во дни Великаго поста, когда я видѣлъ, какъ православные и католики, говѣя и постясь, ежедневно по два раза посѣщали церковь и тѣмъ приготавливались къ достойной встрѣчѣ величайшаго изъ праздниковъ Св. Пасхи. Посѣщать церковь въ теченіе недѣли ежедневно, да еще два раза въ день, дѣло неслыханное для протестантовъ. Мнѣ казалось, что какъ въ православной, такъ и въ католической церквяхъ много таинственной обрядности, которой въ лютеранствѣ нѣтъ, и я невольно почувствовалъ *необходимость этой обрядности*, почувствовалъ, что *богослуженіе безъ внѣшнихъ обрядовъ не можетъ вполне удовлетворять человека*, и что протестантизмъ во всякомъ случаѣ слишкомъ малое значеніе придаетъ внѣшности... Постоянно видя въ комнатахъ сослуживцевъ иконы, я также, будучи еще лютераниномъ, купилъ себѣ образокъ Спасителя, который повѣсилъ надъ кроватью и одѣлъ на грудь крестъ. *Я уже не сомнѣвался въ ихъ необходимости*. А когда мнѣ приходилось бывать въ Прибалтійскомъ краѣ, то, не видя ни на улицахъ, ни въ домахъ иконъ, я чувствовалъ себя какъ-то не хорошо. Мнѣ казалось, что всѣ тамошніе жители и я самъ менѣе находимся подъ покровительство Господа Бога и небесныхъ силъ. Я чувствовалъ, какую большую пользу приносятъ иконы, напоминая, во-первыхъ, о Богѣ, о вѣрѣ въ Него, о необходимости молиться, и, во-вторыхъ, давая возможность вѣрующему исповѣдывать открыто и внѣшнимъ образомъ передъ народомъ свою Христову вѣру и этимъ по словамъ

Спасителя: „*Всякъ убо иже исповѣсть мя предъ чловѣки, исповѣтъ его. Азъ предъ Отцемъ моимъ, иже на небесѣхъ* (Матѣ. 10 гл. 32 ст.). *Всякъ иже исповѣсть мя предъ чловѣки, и сынъ чловѣчскій исповѣтъ его предъ Ангелы Божіими*“ (Лук. XII, 8), содѣйствовать своему спасенію. Напротивъ, пріѣзжая обратно въ Петербургъ, при видѣ иконы Вознесенія Господня на Балтійскомъ вокзалѣ, я успокоивался; мнѣ казалось, что Богъ мой, изображеніе Котораго теперь передъ мной, не покидаетъ меня. Онъ со мной, и я, невольно, по примѣру православныхъ покупалъ свѣчу и ставилъ передъ иконою (5—7 стр.).

Замѣчательная повѣсть о необходимости внѣшняго богопочитанія...

Необходимость религиозныхъ обрядовъ и символовъ вызывается характеромъ нашей психо-физической природы; мы не можемъ мыслить и чувствовать что-либо безъ помощи тѣхъ или иныхъ конкретныхъ символовъ. Слѣдовательно, лютеранство, отрицающее иконы, вообще, обрядность въ богослуженіи, eo ipso становится въ непримиримое противорѣчіе не только съ вселенской церковной исторіей и догматикой, *но и съ общечеловѣческой психикой*.

Эту, если можно такъ выразиться, противоестественность отрицательнаго отношенія къ церковной обрядности въ лютеранствѣ и нашемъ рacionalesтическомъ сектанствѣ, живо могутъ чувствовать люди, не ослѣпленные ложными мнѣніями...

О. Тидебелъ, въ бытность его лютераниномъ взиравшій съ глубокимъ чувствомъ на крестное знаменіе, совершаемое православными христіанами, на посѣщеніе православными храма Божія въ дни св. четыредесятницы, помѣщавшій икону Спасителя надъ своею кроватью, скорбѣвшій объ отсутствіи иконъ въ нѣмецкихъ домахъ и ставившій свѣчу предъ иконою Вознесенія Господня на Балтійскомъ вокзалѣ въ Петербургѣ, краснорѣчиво подтверждаетъ сказанное.

Кромѣ того, есть другая, болѣе глубокая причина, въ силу которой культъ православной церкви производитъ ошутительное вліяніе на всѣхъ людей (даже не православныхъ),—это благодатные сверхъестественные элементы, участвовавшіе въ образованіи и выработкѣ нашего церковно-богослужебнаго строя. Православная обрядность, молитвы, пѣснопѣнія, иконографія и т. д.,—все это созидалось не простыми людьми, но облагодатствованными пастырями и учителями церкви, подвижниками и святыми мужами.

„Есть сила благодатная въ созвучьи словъ живыхъ и дышетъ непонятная святая прелесть въ нихъ“. Эта благодатная сила, эта небесная красота, заключенныя въ нашихъ обрядахъ и церковныхъ символахъ, и производятъ свое дѣйствіе даже на инновѣрца, если только его душа не затемнилась окончательно страстями и заблужденіемъ.

Вспомнимъ глубоко восторженное состояніе нашихъ предковъ язычниковъ (пословъ св. князя Владиміра) въ Константинопольскомъ храмѣ во время литургіи.

Католическое богослуженіе, въ которомъ есть много нечистыхъ примѣсей, мірскаго, суетнаго, далеко уступаетъ православному по силѣ воздѣйствія на духъ молящагося или даже посторонняго наблюдателя.

Справедливость сказаннаго прекрасно иллюстрируется сопоставленіемъ впечатлѣній, вынесенныхъ о. Тидебелемъ отъ католическаго и православнаго богослуженія.

„Познакомившись, пишеть о. Тидебель, съ православной богословской литературой, я рѣшилъ ознакомиться и съ православнымъ богослуженіемъ, для чего въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ посѣщалъ православныя церкви. Перебывалъ въ большинствѣ церквей Петербурга и окрестностей. За это время я убѣдился, насколько православное богослуженіе своей простотой и въ то же время торжественностью и полнотою содержанія превосходитъ католическія службы. Не говорю уже о протестантскихъ. Съ перваго же посѣщенія православнаго богослуженія оно произвело на меня неизгладимое впечатлѣніе. Священнослужители совершали службу не на чуждомъ классическомъ народу языкѣ, а на близкомъ и понятномъ всякому простолюдину церковно-славянскомъ. Молящіеся стояли безъ молитвенниковъ, но въ нихъ и нужды не было. Всѣ и безъ того понимали, что возглашается изъ алтаря и что поется и читается на клиросѣ. Здѣсь ясно бросалась въ глаза та связь между совершителемъ богослуженія и молящимися, которой, къ сожалѣнію, не достаётъ въ католической службѣ. Услышанное мною хоровое пѣніе отличалось въ одно время простотою и торжественностью и отсутствіемъ свѣтскаго элемента, характеръ пѣнія былъ всегда чисто духовный; въ немъ не было той искусственности, если не сказать, театральности, которая наблюдается иногда въ католической церкви, гдѣ въ большіе праздники на хорахъ вмѣстѣ дѣйствуютъ органъ, скрипка, пѣніе хора и соло красивыхъ оперныхъ актрисъ, не было и той сентиментальности, которою страдаютъ лютеранскіе хоралы“ (91 и 92 стр.).

— „Гдѣ литургія совершается такъ правильно, какъ въ православной церкви? Въ протестантскихъ вѣроисповѣданіяхъ литургіи (обѣдни) нѣтъ совсѣмъ. Въ римской же месса совершается далеко не такъ правильно. И я долженъ сказать, что если инѣ и нравилась нѣкогда месса, когда я приходилъ къ ней отъ лютеранства, то теперь месса кажется мнѣ положительно жидкою сравнительно съ красотою и богатствомъ православнаго служенія, совокупность молитвъ и дѣйствій котораго во время проскомидіи и литургіи составляютъ гораздо болѣе полное глубокотрогательное и высокопоэтическое воспоминаніе сперва пророчествъ про Спасителя, потомъ всей жизни, страданій, смерти и воскресенія Его“ (стр. 104—105).

„Только православная церковь въ иконописи сохранила древній Византійскій стиль, въ которомъ всегда „духъ“ преобладаетъ надъ „тѣломъ“. Не то мы видимъ въ римской церкви, гдѣ за послѣднее время иконописцы главнымъ образомъ обращаютъ вниманіе на внѣшность изображаемаго святого, стараясь придать его изображенію болѣе современный видъ. Мадонну, напримѣръ, они большею частію изображаютъ въ видѣ современной жен-

щины необычайной красоты. До чего доходитъ стараніе католическихъ иконописцевъ поддѣлываться подъ вкусъ разныхъ національностей, можно видѣть изъ такого факта. Въ Китаѣ на католическихъ иконахъ не только святые, но даже Спаситель и Богоматерь изображаются въ Китайскихъ одеждахъ и съ косами. Объ этомъ я слышалъ отъ одного русскаго іеромонаха, состоявшаго священникомъ на суднѣ Тихоокеанской эскадры и прожившаго въ Китаѣ нѣсколько лѣтъ“ (112—113 стр.). „А какія чудныя, полныя глубокаго смысла и дышашія сильною вѣрою молитвы въ православной церкви! Въ противоположность католическимъ молитвамъ, которыя большею частію носятъ характеръ напыщенности, и тѣмъ болѣе лютеранскимъ сентиментальнымъ хораламъ, молитвы православной церкви отличаются сколько глубиною догматическаго содержанія, столько высотой нравственнаго ученія, равно и образностью поэтическаго изложенія. Составлены эти молитвы не лютеранскими реформаторами и мирянами XVI и XVII в.в. и не католическими монахами, упражнявшимися въ религіозномъ стихотворствѣ на латинскомъ языкѣ, а великими отцами и вселенскими учителями церкви, высокообразованными, по своему времени, людьми съ поэтическимъ даромъ и владѣвшими всѣми богатствами высокоодаренной греческой природы. Многіе, прославившіеся глубиною пониманія Богооткровенной истины и святостью жизни въ древней православной церкви, оставили послѣ себя вкладъ въ священно-богослужебныя книги. Не говорю уже о великихъ столпахъ древневселенской, нераздѣльной православной церкви—Василіи Великомъ, Іоаннѣ Златоустѣ и Григоріи Двоесловѣ, имена которыхъ присвоены составленнымъ ими литургіямъ, въ богослужебныхъ книгахъ православной церкви мы находимъ неизсякаемый источникъ и догматическаго ученія и нравственнаго назиданія, которыя по возвышенности своей и удобопонятности могутъ быть приложены ко всѣмъ случаямъ человѣческой жизни, могутъ подавать и утѣшеніе въ скорбяхъ, могутъ поддерживать свѣтлую радость, а по художественности своего изложенія могутъ давать дѣйствительно эстетическое наслажденіе“ (119—120 стр.).

О. Тидебель сожалѣетъ, что долгое время не былъ знакомъ съ православнымъ богослуженіемъ.

„Я, пишетъ онъ, совершенно не могъ простить себѣ, что я давно не приходилъ къ мысли изучить православную церковь. Но такъ часто съ нами случается. Мы ищемъ добра вдали и не видимъ, что оно такъ близко. Я жилъ много лѣтъ напротивъ русской православной церкви, и стоило мнѣ только перейти черезъ улицу, чтобы побесѣдовать съ православными пастырями и имѣть возможность научиться православному исповѣданію“ (93 стр.).

Лютеранство не удовлетворяло о. Тидебеля. Онъ сталъ изучать католицизмъ. Мы уже знаемъ изъ предшествующаго, что католическая обрядность много потеряла въ его глазахъ при сопоставленіи ея съ обрядностью православной церкви. Не лучше обстояло дѣло и съ католической. Предоставимъ слово самому о. Тидебелю.

„Я почувствовалъ (въ лютеранствѣ) сильную склонность перейти въ католичество. Но, къ сожалѣнію, при изученіи исторіи церкви, соборовъ отцовъ, я нашелъ, что въ римско-католической церкви все-таки тоже есть значительныя отступленія отъ совершенно правильнаго ученія древней не-

раздѣльной церкви первыхъ 10-ти вѣковъ. Ложные догматы объ исхожденіи Св. Духа, о непогрѣшимости папы, о непорочномъ зачатіи св. Дѣвы Маріи, о сокровищницѣ заслугъ святыхъ и сверхдолжныхъ дѣлахъ, невѣрное учение о чистилищѣ, причащеніи мірянъ подъ однимъ видомъ, о всевластіи римскихъ папъ, которое основывается на Лже-Исидоровскихъ декреталяхъ, признанныхъ даже многими папистами подложными“.

„Въ особенности догматъ о непогрѣшимости римскаго первосвященника казался мнѣ непреодолимымъ препятствіемъ къ переходу въ римскій католицизмъ, такъ какъ онъ противорѣчитъ ученію древней церкви, которая всегда смотрѣла на вселенскій соборъ, какъ на высшую непогрѣшимую инстанцію въ дѣлахъ вѣры. Къ тому же догматъ этотъ введенъ сравнительно недавно (при предшественникѣ умершаго папы Льва XIII Піѣ IX). Мнѣ казалось большимъ заблужденіемъ приписывать отдѣльной личности божественныя качества...“

„Я пришелъ къ выводу, что католическая церковь была-бы правильною безъ этихъ специально-римскихъ отступленій и лжеученій, но гдѣ найти такую церковь?—думалъ я. Я сталъ бороться самъ съ собою. То являлось у меня желаніе перейти въ католицизмъ, то думалъ я,—нѣтъ, изъ-за этихъ лжеученій я, какъ *человѣкъ искренній, всетаки не могу этого сдѣлать*. Какъ досадно, думалъ я тогда, что ни римскіе, ни лютеранскіе духовники не чувствуютъ, что истина въ золотой срединѣ между ихъ крайностями, но всетаки значительно ближе должна подходить къ римскому католицизму, чѣмъ къ лютеранству“. „Такимъ образомъ, я очутился въ пренепріятномъ положеніи: съ одной стороны, я порвалъ связь съ лютеранствомъ, хотя еще и неофициально, но въ своемъ сердцѣ, а съ другой—не могъ рѣшиться перейти въ римскій католицизмъ“ (13—15 стр.).

Разочарованный въ католичество, о. Тидебель обратилъ свои взоры къ англиканской церкви.

„Противорѣчій и непоследовательностей, говоритъ онъ, я нашелъ въ англиканствѣ не меньше, чѣмъ въ лютеранствѣ... Я рассказываю это въ надеждѣ, что и другіе протестанты, при чтеніи этихъ строкъ, познаютъ, что они не принадлежатъ къ истинной церкви, и что они такъ же, какъ и я, узнаютъ истинную церковь и перейдутъ въ нее.“

„По официальной символической книгѣ этой церкви „Prayer Book“ утвержденной правительствомъ, англиканская церковь признаетъ 2 таинства (крещеніе и причащеніе). Но въ дѣйствительности практикуются еще 4 изъ другихъ таинствъ. Они только утратили характеръ таинствъ и низведены на степень простыхъ обрядовъ. И великая непоследовательность выражается въ этомъ. Таинствами эти обряды не признаются, а всетаки практикуются.“

„Такъ, напримѣръ, таинства священства, по Prayer Book'у, у англиканъ не имѣется, но англиканскіе епископы, пресвитеры и діаконы ординируются чрезъ рукоположеніе и считаютъ это рукоположеніе необходимымъ условіемъ для полученія духовнаго званія.“

При англиканской конфирмаціи епископъ полагаетъ руки на головы молодыхъ людей. Бракъ заключается также священникомъ въ церкви. Исповѣдь и разрѣшеніе отъ грѣховъ священникомъ также сохранились у англиканъ. Такъ видно, что слѣды этихъ 4 таинствъ до нѣкоторой степени сохранились у англиканъ; только таинство елеосвященія исчезло безслѣдно.

„Многихъ сбиваетъ то, что въ англиканской церкви (опять-таки не во всѣхъ направленіяхъ) есть іерархія изъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ; и есть месса, изъ чего многіе заключаютъ, что это древняя каѳолическая церковь. Но ихъ іерархія—не истинная іерархія. У англиканскихъ епископовъ нѣтъ преемства и священства, они только по имени епископы, пресвитеры и діаконы. У нихъ преемство прервано, когда по настоянію Генриха VIII англиканская церковь отдѣлилась отъ римской. Что въ англиканской церкви нѣтъ истинной іерархіи, можно заключить и изъ того, что епископы англиканскіе многократно дѣлали попытки получить отъ папъ римскихъ признаніе дѣйствительности ихъ посвященій, но каждый разъ безуспѣшно. Еще недавно нынѣшній ¹⁾ папа Левъ XIII отвергъ ихъ просьбу. Но еслибъ папа Левъ XIII могъ найти хотя нѣкоторое основаніе признать дѣйствительность ихъ посвященій, онъ, надо полагать, согласился бы признать дѣйствительность англиканскихъ посвященій, такъ какъ этимъ онъ бы подчинилъ Риму всю церковь Англіи. Англиканскіе епископы, въ случаѣ признанія ихъ посвященій, готовы были признать первенство римскаго епископа. Однако римская курія не исполнила ихъ просьбы“ (72, 73 стр.).

Англиканское вѣроисповѣданіе своею неустойчивостью, непоследовательностью и другими недостатками плохо удовлетворяетъ и самихъ англиканъ. Это доказывается броженіемъ, отъ лѣтъ древнихъ и до дне сего наблюдаемомъ въ англиканствѣ. Въ англиканской церкви существуетъ масса разныхъ направленій: „Гайтъ-черчъ“ (высокая церковь), „Брейдъ-черчъ“ (широкая церковь), „Лоу-черчъ“ (низкая церковь), Пресвитеріане, Методисты, Шотландская церковь и др. Всѣ эти направленія въ нѣкоторыхъ вопросахъ не согласны между собою, но тѣмъ не менѣе всѣ вмѣстѣ составляютъ англиканскую церковь...

Это не соотвѣтствуетъ взгляду и практикѣ древней нераздѣльной церкви, въ которой всегда всѣ, не желавшіе принять ученіе истинной церкви въ ея полномъ объемѣ, отлучались вселенскими и помѣстными соборами отъ общенія съ истинною церковью и существовали отдѣльно, и отцы церкви не допускали сектантовъ къ таинствамъ истинной церкви (срвн. *ibid* 71 и 72 стр.). Понятно и англиканство не могло удовлетворить о. Тидебеля...

„Просматривая однажды, пишетъ онъ, каталогъ книжнаго магазина съ цѣлью найти католическія книги, которыя я хотѣлъ себѣ выписать, я замѣтилъ въ этомъ каталогѣ рядомъ съ словомъ „Римскій Католицизмъ“ слово „Старокатолицизмъ“. Что это можетъ быть?—подумалъ я. То ли, что и римскій католицизмъ, или другой католицизмъ? Можетъ быть это какъ разъ то, что я ищу?—подумалъ я, и приобрѣлъ себѣ подъ-рядъ порядочное количество книгъ по старокатоличеству. Прочиталъ сочиненія Бейшлага, Михелиса, Рейнкенса, Ваттериха, Лангена, Мишо и др.

„Я убѣдился (при чтеніи вышеупомянутыхъ сочиненій), что старокатолики мыслятъ не вполнѣ по православно-каѳолически“, что ихъ католичество слишкомъ свободомыслящее, либеральное и недостаточно строго различаетъ въ нѣ-

¹⁾ Теперь уже покойникъ.

которыхъ вопросахъ. Съ одной стороны, они хотятъ быть католиками, а не протестантами, а, съ другой стороны, они обыкновенно стоятъ заодно съ протестантами—противъ римскихъ католиковъ. Такіе случаи, изъ которыхъ можно заключить, что старокатолики вообще мыслятъ болѣе по протестантски, чѣмъ по католически, при чтеніи *Deutscher Merkur* („Нѣмецкій Меркурій“ главный органъ старокатоликовъ Германіи), попадаются довольно часто. Этотъ журналъ постоянно помѣщаетъ статьи протестантскихъ авторовъ, какъ, напр., Гофмана, Бейшлага, Крюгера, Ниппольда и др., въ которыхъ дѣлается попытка достигнуть сближенія между протестантизмомъ и католичествомъ, что уже есть потерянный трудъ“.

Далѣе о. Тидебель дѣлаетъ выписку изъ сочиненія старокатолическаго богослова Фишера, который утверждаетъ, что старокатолическая церковь очень близка къ протестантской и что она „не есть исключительно единственная спасающая и старокатолики не гордятся обладать истиною въ полной мѣрѣ“ (стр. 75—88).

По поводу этихъ словъ о. Тидебель пишетъ.

„Какую печальную аттестацію даетъ Фишеръ своей (старокатолической) церкви: *Что она не обладаетъ въ полной мѣрѣ истиною!*“

„Истинная церковь непремѣнно должна обладать истиною въ полной мѣрѣ. Если старокатоличество ея не содержитъ въ полной мѣрѣ, то это доказываетъ, что старокатоличество не есть истинная церковь...“

„Такимъ образомъ, я успѣлъ сравнить всѣ западно-европейскія вѣроисповѣданія и все-таки не нашелъ того, чего искалъ. Я могу сказать—всѣ вѣроисповѣданія Европы, такъ какъ кромѣ изслѣдованія упомянутыхъ исповѣданій, попутно читалъ и про реформатовъ, герингутеровъ, армію спасенія, анабаптистовъ и даже мормоновъ, но, конечно, всегда чувствовалъ, что все это печальнѣйшія заблужденія. Теперь мнѣ стало яснымъ, что одна изъ восточныхъ церквей навѣрно будетъ тѣмъ, что я хотѣлъ найти. При чтеніи старокатолическихъ сочиненій, я усмотрѣлъ изъ нихъ, что старокатолики дѣлали попытку возсоединиться съ православной восточно-каѳолической русской церковью. Это меня чрезвычайно заинтересовало, и я пріобрѣлъ большинство, относящихся къ этому вопросу, сочиненій старокатолическихъ и православныхъ авторовъ.“

Когда я прочиталъ брошюры протопресвитера І. Л. Янышева, протоіерея А. А. Мальцева, проф. Вл. Керенскаго, протоіерея Е. К. Смирнова, проф. А. Гусева, въ которыхъ эти русскіе богословы высказываются о старокатоличествѣ, то на меня сошелъ какъ бы свѣтъ, и я началъ ясно сознавать, что православно-каѳолическая восточная церковь учитъ правильнѣе всѣхъ другихъ церквей. Какъ радостно былъ я пораженъ яснымъ, истиннымъ, строго православно-каѳолическимъ пониманіемъ, которое развиваютъ эти русскіе писатели! Какъ я обрадовался, увидѣвъ, что всѣ они держатся той точки зрѣнія, которую я уже раньше призналъ за истинную—при сравненіи западно-европейскихъ вѣроисповѣданій, не подозревая, что какъ разъ такъ учитъ православная церковь“ (88—91 стр.).

О. Тидебель для ознакомленія съ православнымъ вѣроученіемъ сталъ читать символическія книги православной церкви, и въ немъ окончательно созрѣла рѣшимость сдѣлаться православнымъ христіаниномъ. Вотъ что пишетъ онъ объ этомъ:

„Я созналъ, что православная церковь—единственная въ наше время изъ всѣхъ существующихъ церквей, которая сохранила до самыхъ нашихъ дней въ полномъ объемѣ правильное ученіе старой нераздѣльной католической и апостольской церкви первыхъ XI вѣковъ; что эта церковь всегда учила одинаково и всегда имѣла тотъ же священный обрядъ. Ея обрядъ неизмѣненъ отъ глубочайшей древности, отъ временъ первыхъ христіанъ. Эта церковь въ буквальномъ смыслѣ слова—православная. Эта церковь, дѣйствительно, *„стоитъ и утверждение истинъ“*, какъ называетъ св. апостоль Павелъ христіанскую церковь. Это она доказала тѣмъ, что въ теченіе двухъ тысячелѣтій сохранилась неизмѣнною. Эта церковь сегодня учить такъ, какъ она учила въ моментъ отдѣленія отъ нея изъ за *filioque* римской церкви и какъ всегда учила предъ этимъ и будетъ такъ учить до скончанія вѣка. И это, конечно, одинъ изъ сильнѣйшихъ аргументовъ въ пользу того, что это—истинная церковь. Вѣдь, истинная церковь не могла учить въ одно время такъ, въ другое иначе, но всегда должна была имѣть неизмѣнное истинное ученіе въ полномъ объемѣ. Вѣдь, Спаситель изрекъ, что Его церковь всегда будетъ *„до скончанія вѣка“*, такъ что даже *„врата ада не одолѣютъ ея“* и что она всегда будетъ пользоваться Его и Св. Духа помощію“—срвн. Матѣ. 20, 28 и Іоан. 14, 16—17, 26. Кто въ наше время желаетъ имѣть древневселенскую, нераздѣльную церковь, тому ничего другого не остается, какъ сдѣлаться православнымъ, потому что всѣ другія вѣроисповѣданія содержатъ какое-либо отступленіе отъ ученія и устройства древне-вселенской нераздѣльной церкви“ (Ibid. VII гл.).

Теперь о. Тидебель уже православный священникъ!

Разсматриваемая книга его весьма важна своимъ миссіонерско-апологетическимъ содержаніемъ. Въ психологическомъ процессѣ, пережитомъ о. Тидебелемъ, благодать Божія какъ-бы въ фокусѣ сконцентрировала яркіе лучи небеснаго свѣта, озаряющіе отношеніе разныхъ инославныхъ исповѣданій къ православію и освѣщающіе предъ западомъ и всѣмъ челоуѣчествомъ непреложное—*ex oriente lux*.

Повидимому, всѣ западные христіане должны бы устремиться къ единенію съ православіемъ. На дѣлѣ же мы видимъ иное... Даже изъ среды русской интеллигенціи находятся суемудрствующія лица, симпатизирующія то католичеству, то лютеранству и т. д. Гдѣ причина сего? Прекрасный отвѣтъ дается о. Тидебелемъ. „Православную церковь можно назвать образцовой церковью, отъ которой должны учиться всѣ“.

„Какъ Спаситель когда-то не былъ признанъ мудрыми и учеными книжниками, такъ и въ наши дни Его истинная церковь не признается учеными и умными западно-европейскими богословами и высоко-талантливыми писателями (графъ Толстой и друг.).

„Всѣ эти господа примѣшиваютъ къ вопросамъ вѣры свои субъективныя мнѣнія и взгляды. Всѣ они не постигаютъ того, что въ дѣлахъ вѣры нельзя ничего взять умомъ или ученостью, а только вѣроу, смиреніемъ и покорностью истинной церкви, голосу которой каждый христіанинъ обязанъ внимать, согласно словамъ самого Спасителя *„аще же и церковь преслѣ-*

маетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь". Въдѣ сказано въ св. Писаніи многократно: „Полюблю мудрость мудрецовъ и разумъ разумныхъ отвергну“ (Исаія 29, 14)... Такъ и въ наши дни св. догматы истинной церкви кажутся „юродствомъ проповѣди“ такимъ лицамъ, какъ гр. Толстой и др., а всѣмъ познавшимъ православную истину, они великая сила и Божія премудрость“ (100 стр.).

Книжку о. Тидебеля весьма полезно будетъ прочитать многимъ русскимъ интеллигентамъ, блуждающимъ своими мыслями сѣмъ и овамо...

Особенно же пригоденъ будетъ почтенный трудъ о. Тидебеля для нашихъ миссіонеровъ и вообще ревнителей православія. Несомнѣнно, эта книга можетъ имѣть самыя разнообразныя примѣненія при использованіи ея въ миссіонерской практикѣ.

Наконецъ, всякому православному читателю разсмотрѣнная нами книга доставитъ не только великое духовное наслажденіе, но и утѣшеніе, убѣдительно доказывая истину, что православіе есть дѣло Божіе, находящееся подъ покровомъ благодати Божіей и что *Самъ Господь побораетъ за насъ* (Срвн. Исх. XIV, 14).

Отъ души желаемъ труду о. Тидебеля широкаго распространенія.

Иеромонахъ Александръ.

Проф. прот. С. А. Соллертинскій. Проповѣди на нѣкоторые праздничные и воскресные дни. Спб. 1903 г., 143 стр. Цѣна 1 рубль.

Въ авторѣ настоящей книжки счастливо объединяются, другъ другу помогая, другъ друга восполняя, — воодушевленный ораторъ, высокообразованный профессоръ и опытный ревнующій о дѣлѣ Божіемъ пастырь.

Опытный „пастырь душъ“, конечно, обладаетъ основательнымъ знаніемъ души человѣческой, какъ въ ея нормальномъ состояніи, такъ—особенно—въ состояніи паденія, грѣха; но для этого онъ долженъ вполнѣ владѣть дающимъ такое познаніе методомъ, именно—способностью къ тонкому самонаблюденію, къ глубокому психологическому анализу. Затѣмъ,—истинный пастырь не можетъ быть отшельникомъ, занятымъ лишь своимъ духовнымъ міромъ и совершенно безучастно относящимся къ окружающей дѣйствительности: онъ долженъ быть отзывчивымъ на событія современности, долженъ освѣщать ихъ свѣтомъ христіанственности. Наконецъ, у опытнаго пастыря есть и правильный, единственно прочный и плодотворный методъ для борьбы съ „дурной“ современностью, именно—разъяснивъ пасомымъ, въ

чемъ зло, такъ воздѣйствовать, чрезъ разумъ, на ихъ волю, чтобы имъ самимъ захотѣлось выступить на подвигъ христіанскаго самосовершенствованія. Всѣ эти черты мы и наблюдаемъ въ проповѣдяхъ проф. прот. Соллертинскаго, разсматривая автора ихъ, какъ пастыря; укажемъ для примѣра на слѣдующія мѣста: глубина психологическаго анализа, тонкое знаніе сердца человѣческаго—стр. 28, 29, 81 и др., особенно слова на 12-ю, 19-ю, 21-ю, 27-ю и 32-ю недѣли по Пятидесятницѣ; отзывчивость на современность, ср. стр. 5—о бурской войнѣ, о современной гордости и двойственности, стр. 25, 40, 86, 119—120 и др. ср. стр. 6, 46, 50 и др. жизненность, практичность—ср. стр. 17, 18, 39, 40, 86, 89 и др.

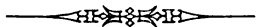
Какъ мы сказали выше, — профессоръ въ авторѣ помогаетъ пастырю-проповѣднику: основательное, академическое изученіе текста Св. Писанія, продолжительныя занятія науками, помогающими самоуглубленію и самопознанію (пастырское богословіе, педагогика, психологія),—дали автору настоящихъ проповѣдей возможность глубоко проникать въ смыслъ евангельскихъ повѣствованій и событій (ср. напр., слово въ день торжественнаго входа Господня, стр. 31), умѣнье подойти къ самой сущности вопроса, поставить ту тему, которая ближе всего вытекаетъ изъ евангельскаго чтенія, изъ смысла воспоминаемаго событія (ср., напр., слова на день Благовѣщенія—о смиреніи и на 12-ю недѣлю). Кромѣ тонкой культуры ума, широко-развитой наблюдательности, умѣнья пользоваться дѣйствительно-научнымъ критическимъ методомъ, — кромѣ всѣхъ этихъ преимуществъ, профессорство усваиваетъ нашему автору-проповѣднику еще одну важную и въ высшей степени цѣнную черту—широту взгляда, что съ особенной яркостью выразилось въ его сочувственномъ отношеніи къ высшему женскому образованію, разъ оно серьезно и дѣльно поставлено—ср. стр. 65.

Наконецъ, авторъ настоящаго сборника—не безцвѣтный, шаблонный проповѣдникъ, говорящій лишь по обязанности, а ораторъ, всецѣло отданный дѣлу церковной проповѣди, сердечно относящійся къ тому, о чемъ проповѣдуетъ; а потому въ проповѣдяхъ его вполне естественно искреннее одушевленіе: напр., съ какой теплотой чувства говоритъ почтенный проповѣдникъ о дѣтяхъ, стр. 6—8; о русской женщинѣ и о высшемъ женскомъ образованіи, стр. 56 и сл.; съ какой проникновенностью характеризуетъ онъ личность и настроеніе преп. Сергія (два слова, стр. 37—47); какъ, прямо вдохновенно, витійствуетъ онъ о высотѣ христіанскаго смиренія, стр. 20 и сл., объ истинно-христіанской семейственности, стр. 48 и сл.

Въ заключеніе укажемъ на то значеніе, которое, по нашему мнѣнію, проповѣди прот. Соллертинскаго могутъ имѣть для православнаго миссіонера въ его борьбѣ съ современнымъ сектантствомъ, особенно рacionalesического направленія: вѣдь современные сектанты часто обвиняютъ православныхъ въ холодности и равнодушіи къ проведенію христіанственности въ жизнь, обвиняютъ въ заблужденіяхъ и прямо „суевѣріяхъ“; въ своихъ возраженіяхъ и обвиненіяхъ сектанты кажутся сильными потому, что опираются на авторитетъ св. Писанія;—но при этомъ, взятыя изъ св. Писанія тексты они толкуютъ совершенно произвольно, не умѣя проникнуть въ дѣйствительную сущность даннаго мѣста, понять его въ связи со всѣмъ строемъ евангельскаго міровоззрѣнія. Если образованному сектанту дать прочесть книжку проф. Соллертинскаго, то онъ, думается намъ—въ виду указанныхъ выше достоинствъ проповѣдей почтеннаго автора,—принужденъ будетъ по крайней мѣрѣ поколебаться въ своихъ неправильныхъ взглядахъ на православныхъ и въ своихъ пріемахъ толкованія священнаго текста.

Позволимъ себѣ окончить свою замѣтку выраженіемъ искренняго желанія видѣть въ возможно скоромъ времени полный годово́й кругъ поученій высокочтимаго проповѣдника; про данную же книжку скажемъ безъ лести, что она можетъ служить истиннымъ украшеніемъ бібліотеки не только каждаго серьезнаго и отданнаго своему дѣлу пастыря-проповѣдника, но и каждаго мірянина, искренно интересующагося успѣхами православнаго церковнаго краснорѣчія.

II. А.

Хроника.

Изъ міра инославія и изъ жизни заграничнаго сектантства.

Мнѣнія западной печати по вопросу о томъ: можно-ли считать Англиканскую церковь протестантской?—Пропаганда индуистскихъ религій среди христіанъ.—Дѣвушка и ея младенецъ—сибирскіе идолы.—Армія спасенія въ новомъ году.

Нынѣшней осенью во многихъ французскихъ и нѣкоторыхъ англійскихъ газетахъ былъ поднятъ вопросъ о томъ: можно ли считать англиканскую церковь протестантской? Авторы различныхъ статей, отвѣчая на этотъ вопросъ, рѣзко расходятся во мнѣніяхъ. Одинъ изъ нихъ категорически заявляетъ, что англианизмъ ничего общаго съ протестантизмомъ не имѣетъ и что члены протестантскихъ церквей: Посредствующей и Нижней равно не могутъ быть причислены, какъ къ католической, такъ и къ англиканской церкви.

Другой авторъ, подписывающійся: „Протестантъ“, не менѣе категорически опровергаетъ это мнѣніе и утверждаетъ, что англиканская церковь зиждется на строго протестантскихъ началахъ такъ же, какъ и церкви Посредствующая, Нижняя и шотландскихъ Пресвитеріанъ и не допускаетъ, наравнѣ съ этими церквями, никакого другого основанія кромѣ Евангелія и Апостольскихъ посланій.

— Если и существуютъ англикане, допускающіе, напр., догматъ пресуществленія—прибавляетъ Г. Протестантъ—то ясно, что ихъ англианизмъ не имѣетъ ничего общаго съ истиннымъ, который исповѣдуемъ мы, утверждающіеся на посланіи ап. Павла къ Галатамъ гл. I, ст. 8.—Но хотя бы мы, или Ангелъ съ неба благовѣствовалъ вамъ не то Евангеліе, что мы благовѣствуемъ—да будетъ анаѣма.

Защищая такъ рѣшительно протестантизмъ англиканской церкви, г. Протестантъ является однако выразителемъ далеко не всеобщаго мнѣнія. Французская газета *Vérité Française* сообщаетъ, что въ Америкѣ англиканская церковь выдѣлила изъ себя вѣтвь, почти открыто проповѣдующую примиреніе и покорность Риму. Одинъ изъ пастырей этой группы, достопочтенный Ллойдъ уже посылаетъ свою ленту Св. Петру, а другой—пасторъ Джонсъ, печатно говоритъ слѣдующее:

— Протестанты, хвалящіеся своими сектантскими разногласіями, скажу болѣе, англикане, гордящіеся отпаденіемъ отъ св. апостольскаго престола—хвалятся и гордятся тѣмъ, чего бы имъ слѣдовало стыдиться...—и приходится къ заключенію, что англиканская церковь должна возсоединиться съ матерью всѣхъ церквей.

— Римской церковью, въ которой и найдеть снова единство, непреложный авторитетъ и престолъ апостола Петра, которому самъ Господь

сказалъ: Ты Петръ и на камнѣ семь Я оснужу Церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ ее.

— Ясно, что такіе протестанты уже не далеки отъ церкви—замѣчаетъ французская газета—пути ими уже пройдено.

Если возможны такіе различные взгляды на англиканскую церковь, то церковь посредствующая является уже несомнѣнно смѣшеніемъ лютеранства съ кальвинизмомъ лишь со слабыми остатками католичества. Самое названіе ея показываетъ, что она занимаетъ середину между такъ называемой Высокой, т. е., англиканской церковью и Нижнею, къ которой принадлежатъ пресвитеріане и пуритане. Въ свою очередь эти двѣ секты выдѣлились изъ себя безчисленное множество другихъ сектъ: Квакеровъ, Герингуттеровъ, Анабаптистовъ, Социніанъ и т. д.

И такъ христіанство раздѣлилось въ Англіи на двѣ части: на *Епископаловъ*, обыкновенно называемыхъ Англиканской церковью и на Сепаратистовъ или Нонконформистовъ.

„*New-York Herald*“ посвящаетъ цѣлый фельетонъ описанію успѣховъ пропаганды индусскихъ религій среди христіанскаго населенія Нью-Йорка.

„Пропаганда индусскихъ религій въ Нью-Йоркѣ усиливается. Два индусскихъ проповѣдника приобрѣтаютъ послѣдователей,—они основали общество „Веданта“ и выработали систематическій планъ дѣйствій, съ цѣлью убѣдить американцевъ въ превосходствѣ древней индусской религіи надъ Евангеліемъ Христа. Они пытаются объяснить духовное начало жизни помощью разума и логики и стараются доказать, что истинная вѣра согласна не только съ философіей и наукой, но и со всѣмъ, что есть лучшаго въ христіанскомъ ученіи.

Общество Веданта и представитель его, Свами Абхедананта, прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы доказать, что древняя религія съ береговъ Ганга, еще такъ недавно внушавшая отвращеніе христіанскимъ церквамъ, не только не содержитъ ничего дурнаго, но служить, напротивъ, основаніемъ для самаго христіанства.

Систематическое преподаваніе ведется въ теченіе недѣли, а по воскресеніямъ говорятся проповѣди. Молодой священникъ Свами Абхедананта читалъ уже раньше лекціи въ Англіи и въ Америкѣ. Это молодой человѣкъ поразительной красоты, онъ держится съ большимъ достоинствомъ и полнымъ самообладаніемъ; когда онъ говоритъ въ лицѣ Карнеджи, невольно приходится въ голову, что ожила статуя какого нибудь древняго индусскаго бога и сошла съ пьедестала, чтобы говорить съ народомъ.

Авторъ фельетона присутствовалъ на одной изъ лекцій Свами и такъ описываетъ видѣнное и слышанное:

„Абхедананта предсталъ передъ слушателями въ длинной одеждѣ, ниспадавшей красивыми складками; нѣсколько минутъ онъ молчалъ, какъ бы погруженный въ экстазъ, потомъ прочиталъ молитву по индусски, перевелъ ее и приступилъ къ лекціи. Онъ началъ съ того положенія, что вѣра есть краеугольный камень всѣхъ религій, основаніе всѣхъ вѣроученій. Вѣра—жизнь, сомнѣніе—смерть.

На вѣрѣ зиждется ученіе Христа, Который сказалъ, что она можетъ двигать горами. Онъ продолжалъ говорить, подтверждая сказанное множествомъ цитатъ. Видно было, что онъ основательно знакомъ съ послѣдними выводами науки и съ одинаковой свободой основывалъ свои дока-

зательства на химіи, астрономіи или исторіи; онъ легко и точно приводилъ выдержки изъ Спенсера, Макса Мюллера, Эмерсона, Платона и т. д. Притязанія теозофовъ школы Блавоцкой творить чудеса въ родѣ мгновенной передачи мыслей и писемъ изъ Тибета въ Америку—онъ называлъ шарлатанствомъ. Онъ смѣялся надъ происшествіемъ съ Китомъ въ исторіи пророка Іоны. затѣмъ обратился къ Индіи и, выяснивъ свой взглядъ на то, что онъ называется слѣпой вѣрой—вѣрой вопреки разуму и здравому смыслу.—описалъ состояніе индусскихъ сектъ, погруженныхъ во мракъ невѣжества и суевѣрія, вѣрившихъ нелѣпымъ баснямъ жрецовъ, пока не пришелъ Будда, чтобы освободить людей отъ заблужденія и научить ихъ божественной истинѣ.

Послѣ этого интереснаго вступленія, лекція превратилась мало-по-малу въ скучный наборъ общихъ мѣстъ и перестала занимать слушателей; нѣкоторые изъ нихъ даже заснули.

Подъ конецъ Свами предложилъ присутствующимъ возражать ему и вызвался отвѣчать на вопросы. Многіе писали вопросы на кусочкахъ бумаги и подавали лектору, а онъ отвѣчалъ на нихъ быстро и очень остроумно. Это было интереснѣе всего остального.

При входѣ въ залъ лэди и джентльмены раздавали брошюры, объясняющія философію Веданты. Поразительно, что американцы такъ заинтересовались этой отъѣной всего современнаго хода цивилизаціи, тѣмъ болѣе поразительно, что изъ двадцати человѣкъ врядъ ли одинъ понималъ, какъ слѣдуетъ, то, о чемъ говорилъ молодой красавецъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ лицея Карнеджи, гдѣ проповѣдуетъ Свами, другой индусъ, Баба Барати, просвѣщаетъ своихъ учениковъ. Баба Барати очень ученый и начитанный человѣкъ. До начала миссіонерской дѣятельности съ цѣлью обращенія американцевъ въ индуизмъ, онъ провелъ двѣнадцать лѣтъ среди святыхъ въ лѣсахъ Индіи.

Авторъ статьи Нью-Йоркской газеты нашелъ его сидящимъ за столомъ въ длинной одеждѣ, черные волосы падали ему на плечи. Онъ былъ окруженъ учениками или, вѣрнѣе, ученицами, такъ какъ женщинъ было больше, чѣмъ мужчинъ. Его бесѣда была чрезвычайно интересна. Спрошенный о древнемъ индійскомъ обычаѣ сожженія вдовъ, Баба Барати объяснилъ его значеніе. Онъ сказалъ, что индусскія дѣвушки приучались съ самаго ранняго дѣтства смотрѣть на замужество, какъ на состояніе святости. Мать внушала дочери, что замужество возвыситъ и вознесетъ ее, что она должна быть чиста и непорочна, должна всѣ помыслы обратить къ Богу, чтобы быть въ состояніи служить мужу въ высшемъ духовномъ смыслѣ; должна заботиться о его нуждахъ, о спасеніи его души и ежечасно готовить его къ небесной жизни, въ которую онъ вступитъ по смерти. Воспитанная въ такихъ понятіяхъ, индусская дѣвушка сама смотрѣла на себя какъ на живую, чистую жертву Богу и твердо вѣрила въ то, что замужество есть ступень, ведущая къ возможному на землѣ совершенству. Въ 12 лѣтъ дѣвушку выдавали замужъ, но года два или три она оставалась еще въ домѣ родителей, гдѣ вела подъ руководствомъ матери жизнь непорочной весталки, посвящая дни и ночи молитвѣ, въ ожиданіи того дня, когда ей будетъ разрѣшено сдѣлаться подругой, опорой и утѣшеніемъ своего супруга и повелителя. По вѣрованіямъ индусовъ величайшая заслуга вдовы состоитъ въ томъ, чтобы по смерти супруга всецѣло посвятить себя Богу; но если женщина не обладала достаточной силой духа для того, чтобы

отречься отъ родныхъ и друзей, отъ міра и всѣхъ его радостей, она могла избрать другой путь: присоединиться къ мужу на его погребальномъ кострѣ и добровольно предать себя на сожженіе.

Баба Барати утверждалъ, что никто ни въ какомъ случаѣ не принуждалъ вдову къ этой ужасной жертвѣ. Напротивъ, друзья и родные старались удержать ее отъ рокового шага, но если, повинуясь внушенію свыше, она настаивала на своемъ намѣреніи вмѣстѣ съ супругомъ покинуть этотъ міръ, то конечно радовались тому, что она являлась вмѣстилищемъ божественнаго духа. Вдова должна была доказать, что она въ состояніи вынести испытаніе, а потому ей предлагалось, въ присутствіи всѣхъ родныхъ, протянуть лѣвую руку и держать мизинецъ надъ пламенемъ лампы. Если она была въ состояніи улыбаться и весело разговаривать съ присутствующими въ то время, какъ живое тѣло ея корчилось и трескалось на огнѣ, ее признавали достойной взойти на костеръ и съ него, вмѣстѣ съ мужемъ, подняться на небо. Баба Барати говорилъ, что индусскія вдовы съ радостью всходили на костеръ потому, что пылавшій въ ихъ душахъ божественный пламень дѣлалъ ихъ нечувствительными къ страданіямъ, прінятымъ вещественнымъ огнемъ.

Англійскими законами сожженіе вдовъ безусловно запрещено.

„The World“ помѣстила въ № отъ 14-го февраля (нов. стиля) корреспонденцію изъ Петербурга. Въ замѣткѣ говорится, что въ селѣ „Семёновка“, въ Восточной Сибири, на границѣ Монголіи возникла, года три тому назадъ, безобидная, но въ высшей степени странная и интересная секта, тысячами привлекающая послѣдователей.

Еще недавно на мѣстѣ Семеновки была пустыня, по которой лишь время отъ времени бродили кочевые буддисты. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ тамъ поселились въ небольшомъ числѣ русскіе ссыльные, отбывшіе срокъ наказанія; позднѣе къ нимъ присоединились немногія семейства татаръ и киргизовъ.

Весь этотъ пришлый народъ зажилъ вмѣстѣ: образовался поселокъ.

Русскіе пахали землю, строили избы, рыли колодцы и ткали одежду. Народъ все прибывалъ.

Появился буддистъ-священникъ и началъ проповѣдывать о томъ, что душа возвращается на землю и снова воплощается въ тѣлахъ младенцевъ. У русскихъ нашелся Новый Заветъ и они принялись читать о Рождествѣ въ Вифлеемѣ; русскіе и буддисты стали собираться по вечерамъ и совмѣстно разсуждали на эти темы.

Однажды ночью, въ декабрѣ 1901 г. молодая красивая дѣвушка родила мальчика. Тотчасъ же распространился слухъ, что снова родился Христосъ. Вѣсть эта разнеслась съ быстротой молніи по всему округу. Русскіе говорили, что родившійся младенецъ Христосъ, буддисты увѣряли, что—Будда. Дѣвушка не могла дать никакихъ объясненій.

Цѣлыми толпами стали стекаться паломники. Дѣвушку одѣли въ дорогую китайскую парчу и, съ младенцемъ на рукахъ, посадили на тронъ. Русскіе и буддисты преклонялись передъ ней. Мать и ребенокъ сіяли.

Поселокъ процвѣталъ; о болѣзняхъ и слуху не было, скотъ размножался, урожай были прекрасные. Новая вѣра быстро распространялась. Со всѣхъ сторонъ стекались паломники и приношенія; каждый день мать и дитя

сидѣли на тронѣ въ сверкающей парчѣ, съ коронами на головахъ; передъ ними горѣли свѣчи, стѣны святилища блестѣли золотомъ и серебромъ.

Прошелъ годъ, извѣстіе о странномъ явленіи дошло до Петербурга. Такая секта не могла быть терпима. Явилась полиція изъ ближайшихъ городовъ и дѣвушкѣ приказано было удалиться съ ребенкомъ изъ Семеновки.

Заграничныя газеты сообщаютъ о томъ, что Армія Спасенія собирается созвать въ новомъ году будущимъ лѣтомъ въ Лондонѣ всемірный конгрессъ, на которомъ будутъ произведены „большіе маневры“. Конгрессъ продолжится четыре недѣли, съ половины іюня до половины іюля. Въ дополненіе къ главной цѣли конгресса—засѣданіямъ офицеровъ и членовъ арміи подъ предсѣдательствомъ генерала Бута—будутъ устраиваться по крайней мѣрѣ 4 раза въ недѣлю также и публичныя собранія для обращенія невѣрныхъ. Подъ „большими маневрами“ подразумѣваются именно эти собранія, которые будутъ происходить въ заранѣ нанятыхъ, огромныхъ помѣщеніяхъ въ центрѣ города, а также и въ пригородныхъ театрахъ.

На конгрессъ съѣдутся со всѣхъ концовъ свѣта 6000 офицеровъ и 100 тысячъ солдатъ Арміи Спасенія. Для однихъ только американскихъ гостей будетъ зафрахтованъ особый большой пароходъ.

Пятаго іюля Армія Спасенія полагаетъ устроить праздникъ въ хрустальномъ дворцѣ; рассчитываютъ, что на этотъ праздникъ соберется не мене 100 тысячъ народа.

Работая съ изумительной энергіей въ теченіе 37-ми лѣтъ, генералъ Бутъ создалъ изъ Арміи Спасенія могучую организацію, имѣющую въ настоящее время большое вліяніе во всѣхъ частяхъ свѣта. Лѣтомъ генералу исполнится 75 лѣтъ; въ виду преклоннаго возраста своего главы, члены арміи пожелали еще при жизни его оградить свое дѣло отъ всякихъ случайностей и поставить его разъ навсегда на неизбѣжное основаніе. Вотъ цѣль созванія конгресса.

Заботясь о будущемъ, Армія Спасенія не перестаетъ работать не покладая рукъ и въ настоящемъ и продолжаетъ раскидывать свои сѣти по всему свѣту. 12 лѣтъ тому назадъ это общество основало въ Индіи въ Мадрасѣ убожище для падшихъ женщинъ. Девизъ этого дома: „Прости и забудь“. Двери убожища широко открыты для всѣхъ, желающихъ вернуться на путь добра, при чемъ не обращается ни малѣйшаго вниманія на племенное происхожденіе, общественное положеніе или религію кающихся. Всѣхъ принимаютъ съ одинаковой любовью, всѣмъ оказываютъ поддержку. Газета Madras Weechly Mail находитъ, что за 12 лѣтъ своего существованія убожище сдѣлало неисчислимо много добра, спасая женщинъ отъ униженія и позора и дѣлая изъ нихъ полезныхъ членовъ общества. Въ настоящее время Армія Спасенія занята смѣлымъ планомъ расширить поле дѣйствія своихъ агентовъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Между жителями гористыхъ штатовъ Кентукки и Тенесси происходитъ постоянныя стычки. Съ цѣлью помирить этихъ враждующихъ людей, армія посылаетъ въ оба штата сильные отряды подъ предводительствомъ опытныхъ офицеровъ. Полковникъ Ламбъ работаетъ въ Канадѣ, подготавливая почву; весной предполагается выслать туда изъ Англіи большое число воиновъ.

Самъ генералъ отправился въ началѣ октября въ походъ въ Германію, гдѣ собирався пробыть 2 недѣли.

С. Вердеревская.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Миссіонерство въ епархіяхъ въ истекшемъ году

(по епарх. органамъ печати).

Епархіальные органы печати составляютъ цѣнный матеріалъ для исторіи церковной жизни той или другой епархіи и въ частности для исторіи миссіонерскаго дѣла. Обозрѣвая миссіонерство истекшаго года по этому первоисточнику, нельзя не видѣть, что миссіонерская дѣятельность, не смотря на множество неблагопріятныхъ условій, не ослабѣвала въ 1903 г. въ своемъ поступательномъ движеніи впередъ.

Почти во всѣхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ можно встрѣтить полныя глубокаго интереса свѣдѣнія о публичныхъ бесѣдахъ съ заблудшими, и описаніе внутренняго состоянія расколосектантскихъ общинъ и отношенія отпадшихъ къ православной церкви и ея чадамъ; нерѣдко помѣщались свѣдѣнія объ ученіи расколосектантовъ, проповѣди миссіонерскаго характера и статьи руководящаго содержанія. Встрѣчается немало отрадныхъ сообщеній о присоединеніяхъ къ православію, о миссіонерскихъ экскурсіяхъ и т. д. Такое вниманіе, оказываемое епархіальными органами расколо-сектантству говорить, конечно, не только о положительной сторонѣ дѣла, т. е., о ревности миссіонеровъ, но и объ отрицательной, т. е., что расколо-сектантство все еще сохраняетъ пропагандистскій характеръ, направленный къ совращенію членовъ церкви православной; и однимъ епархіальнымъ миссіонерамъ, разбѣзжающимъ по мѣстамъ, зараженнымъ расколомъ и сектами, трудно справиться со зломъ безъ дѣйтельной помощи мѣстнаго духовенства и ревнителей православія изъ приходской среды. Поэтому особенный интересъ представляютъ въ епархіальныхъ органахъ статьи, въ которыхъ ставится вопросъ объ участіи приходскаго духовенства въ миссіонерствѣ и выясняется, насколько это участіе является совмѣстимымъ съ приходскою дѣятельностью священника.

Такой вопросъ затронуть въ статьѣ („Вятск. еп. вѣд.“ № 13), принадлежащей Вятскому миссіонеру, который въ то же время состоитъ и приходскимъ священникомъ. Въ своей личной дѣятельности почтенный авторъ выводитъ заключеніе о несовмѣстимости разнѣднаго миссіонерствованія съ приходскою дѣятельностью пастыря. Дѣйствительно, такое совмѣстительство часто причиняетъ много неудобствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ приходскому священнику возможности должнымъ образомъ исполнять свои прямыя обязанности, очень осложнившіяся въ послѣднее время

школьнымъ дѣломъ, попечительствами, внѣбогослужебными бесѣдами и чтеніями, нерѣдко статистикой и т. п. дѣлами, требующими вмѣстѣ съ тѣмъ и бумажной отчетности въ консисторіи и др. учрежденія. Нужно священнику время и для самообразованія, чтобы всегда стоять на стражѣ дома Божія въ наше тревожное и полное всякими новыми ученіями время. „Скрѣпя сердце, говоритъ нашъ авторъ, миссіонеръ-священникъ долженъ раздѣлить свои дѣла на болѣе важныя и на менѣе важныя“. Въ массѣ дѣла для приходскаго священника, разъѣздное миссіонерство должно сдѣлаться для пастыря-миссіонера дѣломъ побочнымъ; еще прежде, дѣлаетъ историческую справку авторъ, когда не было обязательной отчетности по миссіонерству, когда и самое расколо-сектантство не представляло такой дѣятельной силы, какъ въ настоящее время, совмѣстительство миссіонерства и приходской дѣятельности было болѣе возможнымъ, но въ настоящее время оно должно составить специальное занятіе особо приставленныхъ къ этому дѣлу лицъ. Не мало происходитъ неудобствъ при удовлетвореніи религиозныхъ потребностей прихожанъ, живущихъ въ приходѣ разъѣзднаго миссіонера-священника. Въ его отсутствіе товарищи-сосѣди, по большей части, отказываютъ чужимъ прихожанамъ въ совершеніи требъ, считая поѣздки своего сосѣда миссіонера корыстными. „Ты ѣдишь, говорятъ они, и жалованье за это получаешь, а мы здѣсь за тебя служи“. Понятно, что обвиненіе въ корыстолюбіи голословно, но боль обиды отъ этого не меньше и она вліяетъ на ревность миссіонеровъ къ дѣлу Божью. Получаетъ же въ дѣйствительности такой миссіонеръ-священникъ 30—40 р. въ годъ разъѣздныхъ, терпя въ то-же время несприятности отъ своихъ сотоварищей, отъ раскольниковъ и сектантовъ, иногда отъ прихожанъ, благочиннаго, въ случаѣ жалобъ неудовлетворенныхъ прихожанъ и т. п., не говоря уже о томъ, что такой миссіонеръ долженъ опускать часто и свои домашнія хозяйственныя дѣла. И при всемъ томъ, какъ свидѣлствуетъ авторъ, такой священникъ-миссіонеръ можетъ удѣлить въ годъ на собесѣдованія съ расколосектантами отъ 40—60 сутокъ, а зараженныхъ сектантствомъ пунктовъ бываетъ иной разъ отъ 100—200. Понятно, что дѣятельность приходскаго разъѣзднаго миссіонера-священника не можетъ быть вполне плодотворной ни со стороны пастырской, ни миссіонерской.

Соглашаясь съ этимъ выводомъ, однако нельзя не поставить вопроса, неужели миссіонерствованіе не совмѣстимо съ приходской дѣятельностью. Намъ кажется, оно будетъ вполне совмѣстимо, *если каждый пастырь своего прихода, зараженного расколомъ, или сектами, будетъ въ немъ и миссіонеромъ*. Апостолъ говорилъ, что „подобаетъ быть среди васъ ересямъ и расколамъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ училъ Тимофея и Тита вразумлять и обличать заблуждающихся въ ихъ паствѣ. Если каждый священникъ будетъ миссіонеромъ своего прихода, путемъ-ли внѣ богослужебныхъ чтеній, проповѣди церковнаго пѣнія, истоваго отпращиванія богослуженія, задушев-

наго отеческаго слова вразумленія заблудшихъ и т. п., то всѣ выше изложенныя сѣтованія миссіонера, приходскаго священника, устранятся сами собою. А что такое миссіонерство плодотворно, это не нуждается и въ доказательствахъ.

Радѣющій о своей паствѣ пастырь непременно будетъ первымъ и самымъ важнымъ миссіонеромъ въ своемъ приходѣ и что миссіонерство ничуть не будетъ препятствовать пастырю въ исполненіи имъ его многосложныхъ обязанностей. Наоборотъ, оно будетъ однимъ изъ средствъ добросовѣстнаго отношенія къ своему пастырскому дѣлу. Въ одномъ случаѣ оказалось священникомъ лицо, любящее и знающее пѣніе и употребившее въ дѣло на пользу миссіи свой талантъ. Въ другомъ на тоже дѣло пастырь могъ-бы употребить вѣбогослужебныя собесѣдованія, чтеніе для народа съ свѣтовыми картинами, частыя бесѣды съ заблудшими, посѣщеніе ихъ съ этою цѣлью въ духѣ любви и мира. Такіе способы воздѣйствія на заблудшихъ завѣщаны пастырю отъ апостоловъ и свв. отецъ и они всегда явятся самыми вѣрными, самыми сильными рычагами для обращенія заблудшихъ.

Приходскій священникъ-миссіонеръ подготовить почву для разбѣдныхъ епархіальныхъ миссіонеровъ, назначаемыхъ изъ лицъ опытныхъ и специально преданныхъ дѣлу миссіи. Итакъ, еще разъ нужно сказать, что совмѣщеніе миссіонерства съ приходскою дѣятельностью желательно видѣть у каждаго пастыря, у котораго въ приходѣ найдутся заблудшія овцы.

Да и какъ можно быть пастыремъ равнодушнымъ, когда онъ видитъ расхищеніе овецъ своего стада! Таже епархіальная печать даетъ намъ по поводу этого картинки далеко не веселаго характера. Вотъ что пишетъ свящ. К. въ № 13 „Ворон. еп. вѣд.“.

«Однажды приходитъ ко мнѣ молодая, бойкая женщина. «Батюшка», говоритъ, «дай записку становому, чтобы онъ паспортъ велѣлъ мнѣ выдать: не хочу, не могу съ своими жить. Я въ городъ отъ нихъ ушла, два мѣсяца прожила тамъ, устроилась хорошо. Пришелъ туда за мной мужъ, назадъ привелъ меня. А я жить все равно не буду; не могу, удушусь лучше». Безобразная отвратительная картина открылась предо мной, пишетъ о. К. Глава семьи—крестьянинъ хлысть, мужикъ лѣтъ 45, здоровый, пьяный¹⁾, сладострастный; забитая имъ его законная жена—изможденная старуха, въ свое время нѣсколько разъ убѣгавшая отъ развратника мужа; старшая невестка—молодая солдатка, въ отсутствіе мужа вступившая въ преступную связь съ своимъ свекоромъ. Неудовлетворенный одной молодой жертвой, хищный свекоръ пускаетъ въ ходъ всевозможныя мѣры, чтобы затянуть въ развратныя сіти другую жертву—младшую невестку, совсѣмъ еще дѣвочку. Онъ и ласкаетъ ее, и угрозами страшаетъ, твердитъ ей постоянно, что она ему чужая, что между нимъ и ней никакого родства нѣтъ; наконецъ даже сынъ, желая заручиться отцовскимъ расположеніемъ ругаетъ и бьетъ свою жену за то, что она не ласкова съ свекоромъ. Жертва выскользаетъ изъ развратныхъ рукъ, ее ловятъ и силою приводятъ домой. Помню, пишетъ о. К., цѣлый день уговаривалъ я бѣглинку успокоиться, остаться жить съ своими (они дали мнѣ слово не трогать ея), терпѣть, бороться. Помню, какъ ра-

¹⁾ Пьяный хлысть—для насъ новость! Ред.

достно, любовно смотрѣла она на своего мужа, когда я свелъ ихъ у себя. Вотъ я, повидимому, убѣдилъ ее, она готова покориться, согласна идти къ мужу, но вдругъ... припомнить она что-то, остановится взоръ ея предъ какой-то, ей одной извѣстной, картиной, и она снова твердитъ: «не хочу, не могу, не пойду»!. Согласилась, наконецъ; дома живетъ теперь, но не покойно на душѣ у меня, пишетъ о. К. Спасъ, или погубилъ я женщину, не знаю. Хорошо, если бѣглянка отстояла свои права, но если жертва, выбившись изъ силъ, сдѣлалась добычей хищника... Боже избавь! водка и женщины—вотъ его богъ», говорила она мнѣ про своего свекра; «затрясется, какъ женщину красивую увидитъ».

Всужѣ и то больно читать эти строки, что же сказать про пастыря своего стада, можетъ ли онъ быть равнодушнымъ къ такимъ явленіямъ. А ихъ въ наблюденіи о. К. было не мало. Другая женщина рассказывала ему, съ какою чисто бѣсовскою обольстительной силой одинъ хлыстъ соблазнялъ ее на преступную съ нимъ связь, какъ онъ причаровалъ ее, такъ что она даже стала сохнуть и чахнуть при разлукѣ съ нимъ, когда она твердо рѣшила не согрѣшить, и... выдержала себя. Эти безнравственные явленія дѣлають нестерпимой совмѣстною съ хлыстами жизнь и для православныхъ односельчанъ. „Батюшка“, говорили тому-же о. К. жители одной деревни его прихода, „надоѣли намъ хлысты, не въ моготу становиться отъ нихъ, хоть бы судомъ вывести ихъ изъ нашего села“—и уныло прибавляли: „Врядъ судъ-то ихъ возьметъ, хлысты говорятъ, что тамъ, на судѣ изъ ихняго брата есть“.

А какую, помимо безнравственности, вносятъ хлысты путаницу въ религіозныя понятія простыхъ вѣрующихъ односельчанъ, особенно подростковъ. „Гдѣ нашъ Богъ?“, спросила однажды о. К. жившая у него прислугой дѣвочка лѣтъ 13; „хлыстовка А. говорила мнѣ, что Богъ на землѣ съ хлыстами живетъ, съ ними ѣстъ и пьетъ, что на небѣ нѣтъ Бога: тамъ Ему не за что держаться, оттуда Онъ кверху ногами упадетъ“. Какое дикое, грубое представленіе о Богѣ выработали хлысты. благодаря идее самообожествленія, широко распространенной среди нихъ. Каждый хлыстъ считаетъ себя Человѣкобогомъ и удивительно, какъ съ ними въ унисонъ поютъ наши заблуждающіеся интеллигенты, научно и философски старающіеся оправдать тожество идей Богочеловѣка и Человѣкобога. Заблужденіе, очевидно, имѣетъ свою неумолимую, прямолинейную логику, которая заставляетъ приходить къ однимъ выводамъ какъ образованныхъ, такъ и необразованныхъ сектантовъ. Идея Человѣкобога дѣластъ хлыстовъ грубыми и гордыми, презрительно смотрящими на не хлыстовъ (какъ противоположна ей мысль о Богочеловѣкѣ!). „Батюшка, хлыстъ Г. говоритъ, что всѣ мы православные, какъ собаки, подохнемъ, а онъ Г. и самъ святъ, и хоть кого, хоть собаку святой сдѣластъ“. Горделивое сознаніе своей святости, а также и чувство безнаказанности, ибо хлысты отлично знаютъ, что въ направленіи мыслей интеллигентнаго общества царствуютъ Ставочки и компанія интеллигентовъ, большинство изъ которыхъ является

на судѣ защитниками хлыстовъ, всѣ эти обстоятельства даютъ возможность хлыстамъ открыто пропагандировать свое ученіе, нагло издѣваться надъ православною церковью и ея чадами. Интересная статья о. К. будетъ еще продолжена и откроетъ, несомнѣнно, еще больше то нравственное зло, которое причиняютъ православной церкви хлысты.

Расколъ тоже, какъ видно, проявляетъ себя въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества довольно ощутительно. Отрадно всетаки отмѣтить, что кромѣ, такъ сказать, присяжныхъ миссіонеровъ, начинаютъ принимать участіе въ борьбѣ съ расколомъ *приходскіе священники* зараженныхъ приходовъ, а также и *святскія лица* подъ руководствомъ пастырей, образующіе миссіонерскіе кружки. Такъ въ Смоленской епархіи, гдѣ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ есть раскольники (около 21,261 чел. обоюго пола), дѣло противораскольничьей миссіи представляетъ такую именно картину. „Кромѣ уѣздныхъ миссіонеровъ, говоритъ официальный отчетъ за 1902 г. (см. „Смол. еп. вѣд.“ № 10), въ борьбѣ съ расколомъ принимали участіе и тѣ приходскіе священники, въ приходахъ которыхъ имѣлись зараженные расколомъ старообрядства. И наконецъ, въ цѣляхъ болѣе успѣшной борьбы съ расколомъ въ Сычевскомъ уз. учрежденъ противораскольнической миссіонерскій кружокъ лицъ, поставившихъ себѣ прямою цѣлю всѣми мѣрами содѣйствовать ослабленію раскола. Кружокъ этотъ существуетъ съ 1884 г. и насчитываетъ въ своемъ составѣ 63 членовъ“. Въ указанной епархіи расколъ нѣсколько возросъ (на 134 чел. болѣе прошлаго 1901 года) путемъ естественнаго рожденія, вслѣдствіе брачныхъ узъ православныхъ съ раскольниками и благодаря совращенію. Постѣднихъ случаевъ, впрочемъ, очень мало. Всего зарегистрировано 5; чаще бываютъ случаи совращенія, какъ извѣстно, при смѣшанныхъ бракахъ. Большинство раскольниковъ въ Смоленской еп. изъ пріемлющихъ австрійскую іерархію (13,606 ч.), затѣмъ бѣглопоповцевъ (6,207 ч.) и безпоповцевъ (1,448 ч.). У австрійскихъ есть свой лжеепископъ Іона, рукоположившій до 12 лжепоповъ; есть скиты и небольшія монашескую общины. Одинъ изъ лжепоповъ Димитрій Смирновъ славится, какъ начетчикъ и раскольничій апологетъ, не только въ Смоленской, но и въ сосѣднихъ епархіяхъ, куда его приглашаютъ на собесѣдованія съ православными миссіонерами. Очень характерны нѣкоторые поступки раскольничьяго лжеархіерея Іоны, сообщаемые отчетомъ. „Для пополненія своей архіерейской казны онъ не отказывается служить и заупокойныя будничныя обѣды, за которыя беретъ съ крестьянъ по 8 и болѣе рублей, а самую обѣду наименовалъ „большой обѣдой“. Ввелъ онъ также „архіерейскую исповѣдь“, таксированную золотымъ,— и обѣды мужички-раскольники несутъ къ Іонѣ „золотые“, вѣруя также въ болѣе легкую и удобную дорожку къ пресвѣтлому раю, какъ и католики въ спасительность индульгенцій“. Дѣйствительно, какъ это недалеко и отъ заблужденій католичества и отъ „двигаловской“ вѣры Коновалова!

„Главною заботою лжеепископа Іоны, сообщаетъ отчетъ, нужно считать стремленіе объединить раскольниковъ другихъ сектъ съ своею австрійскою“. При объединеніи расколъ выѣшнимъ образомъ усилится. Но будетъ ли эта сила нравственною, царствомъ Христовымъ, когда во главѣ ея стоятъ противоканоническіе пастыри и въ большинствѣ случаевъ такіа лица, какъ Іона!

Расколъ поддерживается и литературой, развивающейся среди него годъ отъ году, хотя нѣкоторые секты, какъ, напр., безпоповцы пробавляются еще „Цвѣтниками“ XVIII в. и въ нихъ находятъ оправданіе своего положенія. Въ этихъ цвѣтникахъ православная церковь обвиняется безпоповцами (см. Сарат. еп. вѣд. № 13) въ сліяніи лицъ Св. Троицы (въ пѣсни „Свѣте тихій“ поютъ: „Поемъ Отца, Сына“, а „ниже“ между ними не ставятъ), въ принятіи обливательнаго крещенія, а также отвергается священство православной церкви, какъ еретическое, и ожиданіе второго пришествія Христова во плоти. Уличивъ въ мнимыхъ отступленіяхъ православную церковь, „цвѣтники“ проклинаютъ ее, а раскольниковъ увѣщаютъ не имѣть съ нею общенія.

Миссіонеры церкви православной стараются изобличить нелѣпныя бредни раскольниковъ и сектантовъ и ихъ вожаковъ, а также разбираютъ раскольничьи апологетическія сочиненія на публичныхъ бесѣдахъ. Намъ приходилось уже высказывать свое частное мнѣніе объ этихъ бесѣдахъ („О сердечности въ миссіонерствѣ“). Несомнѣнно, что дѣло миссіонерское трудное и что одному епархіальному миссіонеру не подѣ силу одолѣть тѣмъ раскола и сектъ, когда въ теченіе года онъ обязанъ побывать въ сотняхъ пунктовъ епархіи, дать обо всемъ письменный отчетъ начальству и вести, кромѣ того, не мало разной переписки, не имѣя ни минуты отдыха и возможности заняться своими личными дѣлами, особенно если онъ семейный. Миссіонеръ это—апостоль. Но апостолы всегда имѣли сотрудниковъ на мѣстахъ своей проповѣди или изъ обращенныхъ, или въ средѣ пастырей. Эти лица ближе знали свои общины, входили съ нею въ непосредственное общеніе и такъ какъ они были, по большей части, людьми достойными, то много помогали распространенію апостольской проповѣди авторитетомъ своей личности, непосредственною сердечностью обращенія и т. п. средствами. Апостолы, какъ видно изъ ихъ посланій (см., напр., Коринѣ: „а крестилъ ли изъ васъ еще кого, не знаю...“), далеко не всѣхъ членовъ той или другой церкви знали непосредственно. Ихъ дѣло довершали мѣстные дѣятели, входившіе въ непосредственное, сердечное отношеніе со всѣми членами общины. Понятно, что и разъѣздные епархіальные миссіонеры тоже не могутъ при существующихъ условіяхъ выполнять дѣло иначе, чѣмъ они его выполняютъ. Они ведутъ дѣло Апостоловъ, но имъ нужны въ помощь Силуаны, Тимофеи, Онисимы и пр. Эти послѣдніе могутъ стать въ близкія, сердечныя отношенія съ членами всей мѣстной общины право-

славной и неправославной. Конечно, первое мѣсто здѣсь должно бы принадлежать пастырямъ приходскимъ. Миссіонеры же, какъ болѣе искусные въ борьбѣ, помогаютъ имъ, показывая образцы веденія собесѣдованій, преній о вѣрѣ и т. п. Наша епархіальная печать, дѣйствительно, даетъ немало образцовъ веденія бесѣдъ и преній о вѣрѣ съ раскольничьими и сектантскими вожаками. Нельзя не отмѣтить нѣсколько такихъ собесѣдованій.

Въ г. Тифлисѣ о. Д. велъ бесѣды съ молоканами о необходимости христіанскихъ храмовъ и иконъ. Самый способъ веденія бесѣды, приемы молканскаго возражателя не представляютъ какого-либо оригинальнаго явленія, еще не отмѣчавшагося въ печати.

Но поведеніе возражателей, а также отношеніе къ собесѣдованію православныхъ, бывшихъ здѣсь, интересно отмѣтить. Когда православный миссіонеръ отвѣтилъ на всѣ запросы молканскаго начетчика и объяснилъ неправильность толкованія молоканами нѣкоторыхъ мѣстъ Евангелія и апостольскихъ посланій, то обратился къ присутствующимъ православнымъ съ слѣдующими словами: „Православные! вы слышали и видѣли, что я въ теченіе, кажется, часовъ двухъ времени отвѣчалъ на многіе возраженія и запросы Жабина (молканинъ), отвѣтилъ ему и на запросъ о поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ, хотя этотъ вопросъ и не имѣетъ прямого отношенія къ предмету настоящей бесѣды, прошу васъ, скажите по совѣсти, послѣ этого могу ли я съ своей стороны и имѣю ли право предложить своему собесѣднику вопросъ, имѣющій самое ближайшее и существенное отношеніе къ предмету бесѣды, и попросить его прочитатъ и объяснить одинъ маленькій стишокъ изъ 23 гл. Ев. Матѣя, изъ той самой главы, всѣ обличенія которой молканѣ направляютъ по адресу православной церкви и церковной іерархіи?“ Православные отвѣчали въ нѣсколько голосовъ: „можете! имѣете право! полное право имѣете! Жабинъ! читай и объясняй! ты обязанъ отвѣтить!“ Жабинъ, озадаченный такимъ приемомъ своего собесѣдника и никакъ не ожидавшій, что дѣло приметъ такой печальный для него оборотъ, сильно смутился и палъ духомъ; онъ чувствовалъ и сознавалъ, что голосъ народа въ данномъ случаѣ для него законъ и что онъ обязанъ отвѣчать, а отвѣтить никакъ нельзя, ибо православный собесѣдникъ тотчасъ же коротко и ясно для всѣхъ, при многочисленной публикѣ докажетъ, что общество молканъ не есть истинная, спасающая церковь Христова. Силы измѣнили Жабину и вотъ онъ собралъ свои послѣднія усилія и еще разъ заявилъ, что не будетъ читать и объяснять, такъ какъ ему не отвѣтили на его запросъ о поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ. Но голосъ видимо измѣнялъ Жабину, тонъ его обличалъ въ немъ челоуѣка, потерявшаго подъ собою твердую почву. Тогда о. Д. еще разъ сказалъ: „православные! прошу васъ, поддержите мой запросъ, дѣло очень важное, въ двѣ минуты докажу, что общество молканъ не есть истинная,

спасающая церковь Христова...“ Православные и до того бывшіе въ на-
пряженномъ состояніи, теперь еще дружиѣ стали поддерживать запросъ
о. Д., но Жабинъ упорствовалъ и отказывался отвѣчать. Всѣмъ было ясно,
что запросъ о. Д. въ корнѣ подскѣ Жабина. Въ виду отказа Жабина
отвѣчать, собесѣдованіе было закончено торжественнымъ пѣніемъ право-
славными „Достойно есть“, а Жабинъ и его сотоварищи еще до этого уда-
лились изъ храма, гдѣ происходило собесѣдованіе. Жабинъ послѣ этого
уѣхалъ даже изъ Тифлиса и на слѣдующую бесѣду не явился. А передъ
отъѣздомъ въ бесѣдѣ съ хорошо знакомымъ ему о. мисс. А. Левитскимъ
признавался, что никогда еще ему не чувствовалось на собесѣдованіи тя-
жело, какъ этотъ разъ. А одинъ даже изъ наставниковъ молоканскихъ
послѣ 5-й бесѣды замѣтилъ о. Д.: „да, правда, въ вѣроученіи молоканъ
есть нѣкоторые недостатки“. Это было сказано при постороннихъ свидѣ-
теляхъ ¹⁾. Такое сознаніе, конечно, знаменательно.

Подобнаго рода бесѣды ведутся православными и въ другихъ мѣстахъ
нашего отечества, зараженныхъ расколомъ и сектами. Такъ въ Екате-
рининской епархіи ведена была бесѣда съ сектантами д. Софійевки, Але-
ксандровскаго у., на очень современную тему—о почитаніи св. мощей. Пре-
ніемъ предшествовала рѣчь миссіонера, на основаніи слова Божія, пока-
завшаго необходимость и важность почитанія останковъ угодниковъ Бо-
жіихъ ²⁾. Въ с. Петропавловскомъ, Оренбургской еп., мѣстный миссіонеръ
о. С. велъ бесѣду съ извѣстнымъ въ раскольникѣхъ мірѣ апологетомъ
лжеепископомъ Онисимомъ Швецовымъ. Бесѣда касалась вопроса о томъ,
можетъ ли церковь быть, хотя бы временно, безъ трехчинной іерархіи
(Еп. вѣд. № 11). Въ г. Сызрани, Симбирской епархіи, Я. З. велъ бесѣду по
поводу полемическихъ сочиненій православныхъ противъ раскольниковъ.
Здѣсь миссіонеръ и возражатели коснулись нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Пра-
вицы, жезла правленія, свѣта духовнаго, скрижалей и др., а также Дѣя-
нія соб. 1667 г., гдѣ, какъ говорятъ раскольники, наложены клятвы на
старые обряды и книги (См. № 13 еп. вѣд.). Въ Томской епархіи, какъ
видно изъ отчета, помѣщеннаго въ еп. вѣд. (см. № 10), миссіонеромъ К.
за второе полугодіе 1902 г. было произведено 9 публичныхъ бесѣдъ и
19 частныхъ. Характеренъ отвѣтъ, данный на собесѣдованіи однимъ ав-
стрійскимъ малограмотнымъ лжепопомъ Коуракскаго прихода, на всѣ за-
просы миссіонера: „я рукоположенъ Нижегородскимъ епископомъ Іосифомъ
не для того, чтобы съ вами бесѣдовать, а для совершенія службы и таинствъ
для своихъ пасомыхъ“. Онъ оказался даже незнающимъ, когда и откуда
пошла австрійская іерархія.

Между прочимъ, въ „Полоцкихъ еп. вѣд.“ затронутъ въ мисс. отдѣлѣ
очень важный и интересный вопросъ, явившійся у автора статьи подѣ

¹⁾ См. № 10 «Вѣстн. Груз. экз.».

²⁾ См. № 19 «Екат. еп. вѣд.».

впечатлѣніями бесѣды съ раскольниками въ городской тюрьмѣ, это вопросъ о „бракахъ“ Ѳедосѣевскихъ (см. № 11). Дѣло въ томъ, что въ тюрьмахъ часто бываютъ присоединенія къ православной церкви арестантовъ, осужденныхъ въ ссылку, если они желаютъ, чтобы за ними могли на казенный счетъ слѣдовать ихъ жены и дѣти. Такъ какъ браки раскольниковъ-Ѳедосѣевцевъ у насъ и гражданскими властями не признаются дѣйствительными, то этому желанію раскольникъ-арестантъ можетъ удовлетворить единственно путемъ присоединенія къ православной церкви. Понятно, что такія присоединенія бываютъ не по убѣжденію въ истинѣ православія, а потому совершенно неискренни и новые прозелиты представляютъ, по этому, мало цѣны для православной церкви. Авторъ живо описываетъ такую драму одной раскольникѣй четы, съ которою онъ познакомился здѣсь въ тюрьмѣ. Послѣ предварительнаго оглашенія и бесѣды объ истинности православной церкви, миссіонеръ сталъ разспрашивать раскольниковъ, желавшихъ воссоединенія.

«Ну, дядюшка, скажи-ка намъ, почему ты вздумалъ присоединиться къ церкви нашей?»

— «Изъ-за дѣтей... Если я одинъ пойду, то и она и дѣти здѣсь погибнутъ, а если со мной пойдутъ, то будемъ жить».

— «Ну, а если бы ты былъ свободенъ?»

— «Когда бы я былъ на волѣ, то не то что тысячи, давай милліоны, я и то не пошелъ бы въ вашу церковь», сказалъ онъ съ особеннымъ жаромъ.

— «Знаешь, дядюшка, тебя, вѣдь, батюшка не можетъ присоединить къ церкви нашей... Вѣдь, для этого требуется, чтобы ты искренно созналъ свою неправоту и пожелалъ войти въ церковь... Вотъ мы тебѣ прочитаемъ вопросы, съ которыми къ тебѣ обратится батюшка, прежде чѣмъ тебя миропомазать».. Прочитали мы эти вопросы изъ чина и снова замѣтили, что присоединить къ Церкви возможно только вѣрующего.

Сжутился арестантъ.

— «Я готовъ присоединиться, сказалъ онъ, я желаю... Нашъ батюшка говоритъ, что наша вѣра правая, а теперь вотъ вы доказываете, что ваша правая... Вы лучше насъ знаете... Я желаю»...

Жена, все время убаюкивавшая своего ребенка, также иногда вставляла въ нашъ разговоръ свои замѣчанія, изъ которыхъ легко можно было убѣдиться, что она гораздо фанатичнѣе своего мужа. Между прочимъ, она замѣтила, что каждый свою вѣру хвалитъ, что вѣръ 70—и каждая—истинная, что безъ своего батюшки она не можетъ защитить своей вѣры, а батюшка ихъ это можетъ и пр.

— «Ну, а какъ же жена твоя?»—спросили мы арестанта.

— «А это ея дѣло... Я говорю, что если не хочетъ погибнуть, то должна перейти въ нашу вѣру и со мной идти»...

— «Что же, я согласна», отвѣчала бѣдная и страшно измученная женщина...

— «Ну, а дѣти?»—спросили мы снова...

— «А дѣтей, сказала рѣзкимъ тономъ мать, я не дамъ мазать. Ну, мы беремъ на свою душу грѣхъ, что измѣняемъ вѣрѣ, а дѣти-то невинныя не должны страдать»...

— «Какъ же это, тетюшка, замѣтили мы, вы съ мужемъ будете въ церкви, а дѣти-то вѣ въ церкви... Васъ помажутъ св. миромъ, а дѣти будутъ безъ таинства... Какъ же ты будешь ихъ воспитывать, въ какой вѣрѣ»...

— «Въ какой вѣрѣ я буду, въ такой и дѣти... а миропомазывать ихъ не дамъ»...

Невыносимо тяжело было слышать, замѣчаетъ авторъ статьи, эти изливавшіеся изъ страдавшей, несчастной души вопли. Ясно видно было, что оба раскольника, хотя и изъявляютъ желаніе присоединиться къ церкви, но это желаніе ихъ совершенно неискренне; они готовы покориться ужасной необходимости, хотя убѣждены, что, переходя въ церковь, или точнѣе, дозволя совершить надъ собою миропомазаніе, они измѣняютъ вѣрѣ отцовъ и впадаютъ въ тяжкій грѣхъ... Когда рѣчь заходила о присоединеніи дѣтей, нельзя было спокойно смотрѣть на лицо несчастной матери, которая никакъ не хотѣла допустить дѣтей своихъ «до грѣха» и готова была защищать ихъ до послѣдней крайности... Лицо каторжника въ эти моменты также выражало одинъ ужасъ и вмѣстѣ готовность покориться несчастнымъ обстоятельствамъ, лишь бы не разстаться съ своими милыми и дорогими сердцу дѣтишками... А когда этотъ несчастный отецъ хваталъ маленькую ручку своего плачущаго ребенка и нѣжно со слезами на глазахъ цѣловалъ ее, тогда положительно было невозможно удержаться отъ слезъ»...

Положеніе, дѣйствительно, крайне ненормальное, но помочь ему можетъ, главнымъ образомъ, гражданская власть и законъ, который въ данномъ случаѣ, т. е., при слѣдованіи раскольниковыхъ едосѣвскихъ семей на каторгу, долженъ признать ихъ такими же, какъ и другихъ раскольниковыхъ толковъ, небракоборныхъ. Наша церковь, не дѣлая для себя цѣнныхъ приобрѣтеній, всетаки творить милость, ибо, разсуждая сухо, юридически, она должна бы отказывать въ приѣмѣ такимъ несчастнымъ и тѣмъ разрывать ихъ семьи. А кто знаетъ? Пути Божіи неисповѣдимы. Можетъ быть, и сами такіе родители и дѣти ихъ будутъ прекрасными членами церкви православной...

Свящ. М. Лисицынъ.

Корреспонденція «Миссіонерскаго Обозрѣнія», извѣстія и замѣтки.

Изъ Благовѣщенска.

(Процвѣтаніе сектантства).

Въ послѣдніе годы борьба съ сектантствомъ у насъ принимаетъ слишкомъ широкіе размѣры. Сектанты, особенно штундисты, поражаемые въ городѣ, торопятся дѣлать завоеванія въ поселкахъ епархіи. Епархіи же нашей трудно выдерживать сектантскій натискъ вслѣдствіе своей неблагоустроенности: приходы большіе, духовенства даже и съ неполнымъ образованіемъ не достаетъ.

Кромѣ того, сектантство годъ отъ году увеличивается не только отъ естественнаго прироста, но еще и оттого, что каждый годъ идутъ къ намъ изъ Россіи все новыя сектанты—переселенцы; и будто бы предположено поселить въ нашемъ краѣ еще одинъ миллионъ переселенцевъ,—сколько, должно быть, прибудетъ въ ихъ числѣ сектантовъ?

У насъ множатся сектанты путемъ приписки переселенцевъ въ городскіе мѣщане и притомъ въ ту секту, въ какую имъ желательно перейти, для чего они берутъ изъ Россіи документы безъ означенія вѣроисповѣданія. А между тѣмъ у насъ сектантовъ и такъ слишкомъ много, а именно: около 15 тысячъ въ городѣ и около 10 тысячъ внѣ города.

Въ минувшемъ году умеръ редакторъ «Амурской газеты», В. А. Кирхверъ. Онъ старался быть честнымъ сообразно съ своими понятіями о честности. Мнѣ приходилось говаривать съ нимъ, между прочимъ, и о сектантахъ, и онъ высказался: «не думайте, что я симпатизирую молоканамъ, но, съ другой стороны, я не могу слишкомъ идти противъ нихъ. Они здѣсь сила, а я живу подписчиками». И дѣйствительно онъ балансировалъ между православными и сектантами съ большимъ однако же наклономъ въ нашу пользу. Кромѣ Амурской газеты у насъ издается еще «Амурскій Край» редактируемый г. Клитчоглу, кто онъ— трудно сказать, никто не вѣдаетъ: еврей ли, или грекъ, или-же армянинъ. Кто-бы онъ ни былъ, но его газета можетъ считаться по симпатіямъ и «молоканской». По смерти Кирхнера «Амурская Газета» при новомъ и. д. редакторѣ Михайловѣ, въ свою очередь, слишкомъ стала походить на «Амурскій Край».

Литературная борьба съ сектантствомъ у насъ является настоятельною, необходимою, но для этого у насъ слабы и силы, и средства.

М. Т.

Изъ Костромской губерніи.

(Раскольниковъ архіерей «на обозрѣніи» своей епархіи).

Не такъ давно пришлось намъ наблюдать поѣздку раскольниковскаго епископа Ивана Усова „по обзору епархіи“, т. е. своихъ моленъ въ Нижегородской и Костромской губерніяхъ.

Въ раскольниковѣй деревнѣ Кошелевѣ прошелъ слухъ, что скоро придетъ къ нимъ «новый епископъ». И вотъ слухъ оправдался, въ назначенное время пара почтовыхъ лошадей примчали лжеархіерея Усова въ Кошелево. На облучкѣ рядомъ съ кучеромъ возсѣдалъ «владыкинъ» лакей, рядомъ—протодіаконъ, а позади—ящичи съ ризницами и неизбѣжный тюкъ подпольныхъ изданій, такъ обильно распространяемыхъ Швецовско-Усовской издательской К^о.

Облачившись въ домѣ лжепопа въ монашеское одѣяніе, мантию и камлавку, Усовъ направился въ моленную, гдѣ служилъ всенощную, а на другой день обѣдню въ сослуженіи двухъ лжепоповъ.

Облаченіе Усова происходило среди моленной и за немѣннымъ амвономъ на ящикѣ ¹⁾. Въ концѣ обѣдни Усовъ произнесъ проповѣдь, гдѣ рекомендовался „истиннымъ пастыремъ“, котораго-де должны слушать, какъ Христа, и разъяснялъ, что ихъ австрійское общество—есть „истинное и законное“ нынѣ христіанское общество. Послѣ-же своей рѣчи лжевладыка раздавалъ подпольные свои изданія и листки, изданные В. Максимовымъ—„Старецъ Серафимъ Саровскій и старообрядцы“, съ назиданіемъ: „смотрите-де какъ православная церковь понимаетъ о двуперстіи; всѣ крестящіеся имъ связаны и на томъ свѣтѣ и двуперстіе православной церкви противно“. Въ теченіе всего дня Усовъ въ монашескомъ одѣяннѣ расхаживалъ по домамъ раскольниковъ и увѣщевалъ ихъ строго стоять въ своемъ упованіи.

Затѣмъ опять на почтовыхъ, „съ свитой“ отбылъ въ другую раскольниковую деревню, Кондрашьеву.

Все это пустяки, пусть-бы гг. Швецовы, Усовы тѣшили сами и утѣшали своихъ единовѣрцевъ игрою въ „архіерея“, но вотъ что скверно: гдѣ побудутъ они, мусору много оставляютъ въ формѣ своихъ подпольныхъ изданій, чѣмъ простосердечныхъ людей весьма соблазняютъ. Мѣстные ревнители православія говорятъ: вотъ вѣдь — существуютъ законы и всевозможные циркуляры разсылались, а раскольничьи верховоды ихъ и знать не хотятъ. Статьи и стараго, и новаго уголовного уложенія запрещаютъ распространять подпольныя изданія, а Усовъ все-таки распространяетъ свои сочиненія, и, вопреки закона 1883 года, публично расхаживаетъ въ монашескомъ одѣяннѣ. И ничего,—раскольниковъ нынѣ все сходить, на все имъ стала свобода.

Интересно, какъ лжепопы отзываются о своихъ „владыкахъ“. Въ Кошелевѣ Усовъ вздумалъ разносить своихъ поповъ за бездѣльность и личныя ссоры и вотъ послѣ его отъѣзда лжепопы говорятъ: „тоже вздумалъ укорять насъ, смотри молъ и знай, что я архіерей,—ишь какая невидаль,—давно-ли въ пиджакѣ ходилъ, да въ венгерской шляпѣ съ перомъ, а теперь поди, какая гроза,—сверчокъ, а не архіерей.

Священникъ *І. Чередниковъ*.

Распоряженіе Святѣйшаго Синода.

О непринятіи къ крещенію евреевъ внѣ черты ихъ осѣдлости безъ свидѣтельствъ на право жительства внѣ этой черты.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, обративъ вниманіе на то, что нерѣдко евреи приобѣгаютъ къ подачѣ заявленій о желаніи обратиться въ

¹⁾ Безпоповцы мѣстные въ насмѣшку увѣряютъ, что ящикъ былъ изъ подъ табаку!

христіанство, только какъ къ средству для пріобрѣтенія льготъ, не предоставленныхъ закономъ лицамъ іудейскаго вѣроисповѣданія, безъ дѣйствительнаго намѣренія принять крещеніе, въ видахъ прегражденія для такихъ евреевъ возможности обхода означеннымъ способомъ дѣйствующихъ о евреяхъ узаконеній, сдѣлало по вѣдомствамъ римско-католическому, лютеранскому и евангелическо-реформатскому циркулярное распоряженіе, дабы подлежащія духовныя начальства требовали отъ каждаго еврея, проживающаго внѣ черты еврейской осѣлости и желающаго креститься по одному изъ указанныхъ обрядовъ, свидѣтельство мѣстной полиціи о правѣ его проживать въ данной мѣстности, при чемъ евреямъ, не представившимъ означенныхъ свидѣтельствъ, должно быть объявлено, чтобы они испрашивали дозволеніе на принятіе крещенія въ мѣстахъ своей приписки. Сообщая о семъ, министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора увѣдомить, не признано ли будетъ возможнымъ сдѣлать такое же распоряженіе и въ отношеніи евреевъ, заявляющихъ желаніе принять православіе. Обсудивъ изложенное и не встрѣчая препятствій къ распространенію порядка, установленнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по вѣдомству иностранныхъ исповѣданій, и на евреевъ, желающихъ принять православіе, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: подписать синодальнымъ конторамъ, епархіальнымъ прееосвященнымъ, духовнику Ихъ Императорскихъ Величествъ и протопресвитеру военнаго и морского духовенства циркулярными указами сдѣлать распоряженіе по подвѣдомственному имъ духовенству, чтобы внѣ черты еврейской осѣлости евреи не были принимаемы ко св. крещенію безъ предварительнаго представленія свидѣтельства мѣстной полиціи о правѣ ищущаго крещенія жить внѣ сей черты, при чемъ евреямъ, не представившимъ означенныхъ свидѣтельствъ, должно быть объявляемо, чтобы они испрашивали дозволеніе на принятіе крещенія въ мѣстахъ своей приписки. Апрѣля 2 дня 1903 г.

Христіанское содружество учащейся молодежи.

Въ минувшемъ 1903 году Обществомъ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви учреждено христіанское содружество учащейся молодежи.

Открывая содружество, Общество имѣло въ виду пойти на встрѣчу уже ясно опредѣлившемуся религіозному теченію въ русской учащейся молодежи.

Воспитываемые въ интеллигентныхъ семьяхъ иногда въ совершенномъ равнодушіи къ вѣрѣ и православной церкви, многіе современные молодые люди однако-же тяготеютъ къ этому вѣчно-живому источнику истины, ищутъ удовлетворенія своихъ религіозно-нравственныхъ запросовъ, дружескаго общенія съ единомышленниками, но не имѣютъ благопріятныхъ къ тому условій ни въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, ни въ общественной жизни, ни даже въ семьѣ. Склонные при этомъ къ самостоятельности и, какъ свѣтскіе и развитые люди, отличающіеся своеобразіемъ и нѣко-

торую возвышенностію своихъ духовныхъ запросовъ, они не удовлетворяются вполне ни проповѣдью, которая не допускаетъ собесѣдованія, ни какими нибудь существующими организаціями, которыя кстати имъ и не доступны, напр. «Маякъ» (на Литейной ул. д. 30). Поэтому настояла потребность открыть въ Петербургѣ такое учрежденіе для учащейся молодежи, которое соответствовало-бы ея запросамъ.

Ближайшій поводъ къ этому поданъ былъ самою учащеюся молодежью. Именно, въ 1897 году нѣсколькими молодыми людьми было уже организовано маленькое частное братство съ указанными цѣлями. Мысль одного студента университета и воспитанника С.-Петербургской семинаріи нашла себѣ поддержку сначала среди товарищей и друзей, а затѣмъ у трехъ пастырей церкви, изъ которыхъ одинъ былъ непосредственнымъ наставникомъ семинаристовъ, другой же—законоучителемъ и духовникомъ нѣкоторыхъ гимназистовъ и студентовъ. Въ братствѣ, которое называлось «Братствомъ ревнителей христіанскаго самоусовершенствованія», было до 12 членовъ, они періодически сходились на собранія другъ у друга для слушанія рефератовъ преимущественно по этическимъ вопросамъ. Но, просуществовавъ до осени 1900 года, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ Братство должно было закрыться съ тѣмъ, чтобы когда либо возродиться вновь, но уже въ качествѣ легально основаннаго, всѣмъ доступнаго учрежденія. Последнее могло состояться только въ томъ случаѣ, если-бы какое либо изъ существующихъ просвѣтительныхъ обществъ или учреждений приняло студенческій кружокъ подъ свое покровительство. Такъ и поступило общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія. Подобный исходъ былъ тѣмъ болѣе естественъ, что одинъ изъ священниковъ, духовникъ и наставникъ нѣкоторыхъ членовъ Братства, въ которомъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе, состоялъ въ то же время (и теперь состоитъ) членомъ совѣта общества и настоятелемъ одного изъ его храмовъ, а почти всѣ молодые участники Братства были постоянными его посѣтителями.

Такимъ образомъ по ходатайству этого священника-члена совѣта образована была особая комиссія въ составѣ: членовъ совѣта, нѣкоторыхъ специально приглашенныхъ пастырей церкви, профессоровъ С.-Петербургской духовной академіи, а также бывшихъ и настоящихъ студентовъ университета, участвовавшихъ прежде въ Братствѣ, которая выработала правила новаго учрежденія. При этомъ выяснилось, что въ составъ членовъ необходимо допускать не только учащихся, но и прошедшихъ уже курсъ высшихъ учебныхъ заведеній. Этого требуетъ справедливость по отношенію къ тѣмъ, которые кончатъ курсъ только что сдѣлавшись членами содружества, и къ тѣмъ, которые недавно кончили. Въ особенности-же признано весьма желательнымъ участіе въ совмѣстныхъ съ молодежью занятіяхъ пастырей церкви, профессоровъ и другихъ лицъ, которыя сво-

ими свѣдѣніями и жизненнымъ опытомъ могли-бы помочь молодежи разобратся въ сложныхъ вопросахъ религіозно-нравственного міровоззрѣнія. Однако, самодѣтельности молодежи предположено отвести самое широкое мѣсто, какъ лучшему средству для усвоенія выработанныхъ общими силами убѣжденій. Самодѣтельность должна была выразиться на первый разъ въ участіи въ періодическихъ собраніяхъ, на которыхъ они сами или особо приглашенныя лица будутъ предлагать рефераты на свободно выбранныя темы богословско-философскаго характера.

Ближайшее завѣдываніе дѣлами содружества рѣшено было поручить особому распорядителю изъ числа членовъ совѣта общества и комитету изъ семи лицъ подъ предѣлательствомъ распорядителя, при чемъ четыре члена должны быть изъ учащихся молодыхъ людей. Комитету предоставлено право принимать изъявившихъ ему письменнo о своемъ желаніи быть членами христіанскаго содружества, назначать собранія какъ закрытыя, такъ и публичныя, на которыхъ могутъ присутствовать и постороннія лица, желающія познакомиться съ дѣятельностью этого учрежденія.

25 февраля были окончательно утверждены совѣтомъ общества составленныя правила, а 11 апрѣля, въ пятницу Свѣтлой седмицы, Христіанское Содружество учащейся молодежи торжественно открыто въ публичномъ собраніи послѣ соборнаго молебна въ храмѣ св. Троицы¹⁾.

Однако, вслѣдствіе экзаменной страды, Содружество не могло начать своихъ занятій тотчасъ по открытіи и только осенью, послѣ вторичнаго молебна 1-го октября, начались періодическія собранія Содружества.

Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ (октябрь—декабрь) состоялось шесть собраній, на которыхъ были прочитаны и обсуждены четыре реферата²⁾.

Первыя два собранія, 7 и 14 октября, подъ предѣлательствомъ проф. прот. С. А. Соллертинскаго были посвящены вопросу «о вѣрѣ, какъ основѣ жизни и званія». Референтомъ выступилъ оставленный при университетѣ по кафедрѣ философіи, нынѣ студ. Спб. духовной академіи П. П. Авикиевъ.

На третьемъ собраніи, 4 ноября, подъ предѣлательствомъ также проф. прот. С. А. Соллертинскаго слушали рефератъ студ. юридическаго факультета Спб. университета М. И. Несмѣлова на тему: «религіозное міровоззрѣніе первыхъ славянофиловъ».

Четвертое собраніе, 18 ноября, подъ предѣлательствомъ прив.-доц. Спб. университета Б. В. Никольскаго было посвящено реферату кандидата богословія И. К. Латынина на тему: «существенныя черты нравственного міровоззрѣнія св. Іоанна Златоуста».

¹⁾ Объ открытіи см. брошюру «Открытіе Христіанскаго Содружества учащейся молодежи. Спб. 1903», продается въ складѣ Общества, Стремнинная ул. 20.

²⁾ Подробный отчетъ см. въ Православно-русскомъ Словѣ 1903, № 20.

Наконецъ, на послѣднихъ двухъ собраніяхъ, 2 и 16 декабря, подъ предсѣдательствомъ проф. международнаго права въ Спб. университетѣ барона М. А. Таубе, обсуждался рефератъ студента Спб. духовной академіи П. Н. Ивановскаго о «войнѣ съ христіанской точки зрѣнія».

Въ заключеніе дадимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о составѣ Содружества.

Въ настоящее время *письменно* заявили о своемъ желаніи въ немъ участвовать 45 человекъ, изъ нихъ: духовныхъ—6 (въ томъ числѣ 2 профессора Спб. духовной академіи); свѣтскихъ: профессоровъ университета—2, кандидатовъ богословія—2, художникъ—1; студентовъ университета: юристовъ—13, математиковъ—2, филологовъ—5, фак. восточн. языковъ—1; Горнаго Института—1; Военно-Медицинской Академіи—5; Спб. духовной академіи—7 (въ томъ числѣ 5 окончившихъ университетъ по филол., естеств. и юридич. факультетамъ).

Кромѣ того на собраніяхъ Содружества постоянно присутствуютъ въ качествѣ гостей нѣкоторые духовныя и свѣтскія лица, профессора университета и студенты, но непремѣнно по рекомендаціи кого-нибудь изъ членовъ и съ вѣдома или по приглашенію Комитета Содружества. Такъ 16-го декабря были преосв. Антоній, еп. Волынской, и преосв. Никаноръ, еп. Якутскій, а также архим. Кирилль, начальникъ Урмійской миссіи и архим. Никонъ, ред.-изд. «Божіей Нивы» и «Троицкихъ Листковъ», редакторъ «Мисс. Обозрѣнія» и нѣкоторые другіе.

П. Верховской.

Посланіе Святѣйшаго патріарха Антіохійскаго и всего Востока Мелетія о. протоіерею Іоанну Ильичу Сергіеву.

Ваше высокопреподобіе, возлюбленный о Господѣ сынъ, досточтимый о. протоіерей, миръ вамъ отъ Господа и Спасителя нашего!

Примите, дорогой о. Іоаннъ, наше апостольское благословеніе и наши горячія добропожеланія. Извѣщенные духовнымъ сыномъ нашимъ, настоятелемъ антіохійскаго патріархаго въ Москвѣ подворья, о. іеромонахомъ Игнатіемъ, о торжественномъ богослуженіи, совершенномъ вашимъ высокопреподобіемъ 23 сентябрю 1903 года въ подворскомъ храмѣ, мы были въ высокой степени обрадованы этимъ знаменательнымъ для насъ событіемъ, ибо оно явилось неопровержимымъ доказательствомъ наличности тѣхъ братскихъ священныхъ узъ и той, завѣщанной Самимъ Искупителемъ нашимъ, истинной любви, которая существуетъ между двумя сестрами церквами, русской и антіохійской.

Досточтимый о. протоіерей! Мы глубоко радуемся тому, что единовѣрная намъ Россія имѣетъ такого великаго пастыря, какъ ваше высокопреподобіе; своей жизнью и дѣятельностью вы повторяете собою знаменитыхъ пастырей первохристіанской церкви. Недаромъ весь православный міръ и русскій народъ въ особенности гордится вашимъ высокопреподобіемъ, достойно цѣнить ваши высокія духовныя качества и благоговѣть предъ вашимъ высокопарящимъ духомъ. Сердечно поздравляемъ васъ, до-

рогою о. Іоаннъ, съ великой благодатью Божіей, вселившейся въ васъ; сердечно поздравляемъ и Россію съ такимъ рѣдкимъ, истинно самоотверженнымъ пастыремъ; поздравляемъ и себя съ тѣмъ, что въ нашей православной церкви имѣются столь достойные ходатаи предъ Богомъ за православный міръ, за наше недостоинство и за нашу многострадальную паству.

Слава о вашихъ лучезарныхъ добродѣтеляхъ давно проникла въ нашъ антиохійскій патріархатъ, и всякій изъ нашихъ пасомыхъ чтить и благоговѣлъ предъ вами, но теперь, послѣ того, какъ вы соблаговолили почитать насъ служеніемъ въ нашемъ патріаршемъ подворьѣ, память о васъ еще сильнѣй и прочнѣй укоренится въ сердцахъ всѣхъ нашихъ чадъ. Совершеніемъ богослуженія въ подворскомъ храмѣ, на коемъ вы помянули наше недостоинство, и посѣщеніемъ квартиры нашего намѣстника въ Россіи, вы соединились съ нами духовно и мы съ вами, и теперь мы родственно вѣдаемъ того, кого раньше невѣдомо глубоко и сердечно почитали и любили: наша связь съ вами, бывшая дотолѣ инстинктивнымъ благоговѣніемъ, сдѣлалась сознательной и болѣе родственной.

Примите, глубокочтимый пастырь, слава и столикъ православной церкви, искреннѣйшія выраженія сердечной и глубокой признательности нашей и всѣхъ нашихъ чадъ, вмѣстѣ съ покорнѣйшей просьбой помянуть ихъ и нашу старость въ вашихъ святыхъ молитвахъ.

Съ своей стороны и мы молимъ всемогущаго Бога, да утвердитъ Онъ св. православную церковь на достигнутой ею высотѣ, да укрѣпитъ любовь, связующую русскую и антиохійскую церкви и ихъ пастырей; да сохранитъ на многія лѣта священную Особу Государя Императора, Августѣйшаго Покровителя православія и православныхъ, да сохранитъ Онъ святѣйшій правительствующій синодъ и весь Богоспасаемый русскій народъ. Его же мы молимъ сохранить Вашу драгоцѣнную жизнь еще на многія лѣта въ полномъ здравіи, на благо святой православной церкви и на благословеніе антиохійскому подворью и его молодому настоятелю. Благодать Божія да окрыляетъ Васъ! Мелетій, патріархъ Антиохійскій и всего Востока.

Дамаскъ, 31 октября 1903 г.

Собесѣдованія со старообрядцами.

Учебный Комитетъ при св. Синодѣ въ своемъ годовомъ отчетѣ отмѣчаетъ, что пріученіе воспитанниковъ семинарій къ миссіонерскимъ бесѣдамъ съ раскольниками постепенно вводится въ практику; воспитанники послѣднихъ двухъ классовъ присутствуютъ на собесѣдованіяхъ съ раскольниками миссіонеровъ и семинарскихъ наставниковъ, нерѣдко и сами принимаютъ то или другое участіе въ преніяхъ. Въ отчетѣ приводятся по этому предмету слѣдующія данныя. Въ Симбирскѣ на первой недѣлѣ Великаго поста въ одной изъ приходскихъ церквей епархіальнымъ миссіонеромъ съ участіемъ преподавателя семинаріи и окружающихъ миссіонеровъ были устроены 4 бесѣды со старообрядцами. На этихъ бесѣдахъ присутствовали ученики двухъ старшихъ классовъ семинаріи, съ величайшимъ интересомъ прислушиваясь и присматриваясь ко всему, что здѣсь говорилось и что происходило.

Въ Самарской семинаріи, съ цѣлью практическаго ознакомленія воспитанниковъ съ противораскольническою и противосектантскою полемикою, въ теченіе учебнаго года велись сначала чтенія, а потомъ и бесѣды съ раскольниками и сектантами въ зданіи образцовой школы при семинаріи. Чтенія и бесѣды посѣщались посторонними посѣтителями; участіе въ нихъ принимали и сами воспитанники. Бесѣдамъ была придана диалогическая форма,—такъ что послѣ изложенія положительнаго ученія церкви по избранному вопросу одинъ изъ воспитанниковъ ставилъ обычныя у раскольниковъ и сектантовъ возраженія, а другой разбиралъ ихъ. Это дѣлалось въ тѣхъ случаяхъ, когда не являлось возражателей. Съ совопросниками изъ раскольниковъ и сектантовъ велъ бесѣду преподаватель, при чемъ воспитанники принимали участіе въ подыскиваніи подходящихъ мѣстъ изъ старопечатныхъ книгъ и Библии и записывали ходъ бесѣды. Всѣхъ чтеній и собесѣдованій въ отчетномъ году было 14.

Въ Калужской семинаріи преподавателемъ, по воскреснымъ днямъ, велся въ семинарскомъ залѣ, при участіи воспитанниковъ двухъ старшихъ классовъ,—публичныя собесѣдованія со старообрядцами.

Въ Нижегородской семинаріи воспитанники старшихъ классовъ присутствовали на собесѣдованіяхъ со старообрядцами, которые ведутся по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ семинарской церкви въ осеннее и зимнее время.

Въ Московской семинаріи, при участіи учениковъ старшихъ классовъ, велись общедоступныя публичныя бесѣды со старообрядцами. Бесѣды эти производились по воскреснымъ днямъ съ 25 ноября по 31 марта включительно, отъ 4 час. до 7 час. вечера. Всѣхъ бесѣдъ было въ отчетномъ году 12. О предметѣ каждой бесѣды православные и старообрядцы извѣщались заранее, посредствомъ объявленія въ мѣстныхъ газетахъ. Народъ, преимущественно простой, посѣщалъ бесѣды охотно, собранія большею частію были многочисленныя (отъ 500 до 1500 чел.).

Ученики VI класса Костромской семинаріи вели въ семинарскомъ храмѣ, подъ наблюденіемъ ректора и руководствомъ преподавателя, бесѣды со старообрядцами. Такихъ бесѣдъ въ отчетномъ году было шесть. Воспитанники же V класса присутствовали на этихъ бесѣдахъ въ цѣляхъ опытнаго усвоенія приемовъ полемики.

Воспитанники старшихъ классовъ Казанской семинаріи присутствовали на частныхъ бесѣдахъ преподавателя со старообрядцами въ его квартирѣ. 2 декабря 1901 года открыты были и въ самой семинаріи публичныя противораскольническія бесѣды, въ которыхъ принимали участіе и воспитанники, подъ руководствомъ и при помощи преподавателя.

Производимы были собесѣдованія съ старообрядцами оеодосѣвскаго толка въ г. Ригѣ. Такъ какъ при семинаріи не имѣется помѣстительнаго зала, то собесѣдованія происходили въ Рижской единовѣрческой церкви. На собесѣдованіяхъ присутствовали ученики V и VI классовъ Рижской семинаріи, при чемъ ученики VI класса принимали дѣятельное участіе въ веденіи бесѣдъ и произносили ими составленныя и преподавателемъ разсмотрѣнныя бесѣды. Собесѣдованія привлекали весьма много слушателей, по преимуществу православныхъ, но не мало было и старообрядцевъ.

Воспитанники V и VI классовъ Тульской семинаріи присутствовали на бесѣдахъ, которыя велъ преподаватель по расколу со старообрядцами и сектантами въ одной изъ церквей г. Тулы.

Въ г. Екатеринославѣ было устроено (въ мартѣ мѣсяцѣ) собесѣдованіе съ раскольниками. Бесѣду велъ преподаватель Екатеринославской духовной семинаріи по предмету исторіи и обличенія раскола, при участіи воспитанниковъ семинаріи VI класса.

Открытія въ г. Орлѣ въ 1897 году собесѣдованія со старообрядцами— велась и въ отчетномъ году. Всѣхъ такихъ собесѣдованій за истекшій учебный годъ было 13. На каждомъ изъ нихъ, съ разрѣшенія начальства семинаріи, по назначенію преподавателя и подъ его личнымъ наблюденіемъ, присутствовало не менѣе 15 воспитанниковъ VI класса. Активное участіе ихъ въ собесѣдованіяхъ выражалось въ томъ, что одни изъ нихъ вели записи главныхъ возраженій и ихъ опроверженій, а другіе прискивали и прочитывали вслухъ нужныя мѣста изъ старопечатныхъ книгъ; наконецъ, одинъ или два изъ нихъ, въ началѣ каждого собесѣдованія, произносили заранѣе составленные ими подъ руководствомъ преподавателя рѣчи на темы, служившія предметомъ собесѣдованій.

Въ Пензенской семинаріи, согласно предложенію и настоянію епархіальнаго преосвященнаго, воспитанники VI класса вели примѣрные практическія бесѣды противъ раскола въ воскресные и праздничные дни послѣ литургіи, по заранѣе составленной программѣ на цѣлый годъ. Такихъ бесѣдъ было 17. На каждую бесѣду назначалось по 2 воспитанника съ православной стороны и по 2 съ раскольнической. Предметы бесѣдъ объявлялись заранѣе всѣмъ воспитанникамъ VI класса. Воспитанники съ большимъ интересомъ готовились къ бесѣдамъ и съ большимъ оживленіемъ вели ихъ.

Присоединеніе къ православію и исповѣдь австрійскаго лжеіерея.

Собесѣдованія миссіонеровъ Пермской епархіи лѣтомъ 1903 г. въ заводѣ Лысьвенскомъ, Пермскаго уѣзда, съ извѣстнымъ защитникомъ австрійскаго раскола, проживающимъ въ С.-Петербургѣ, Ѳеодоромъ Ефимовымъ Мельниковымъ, не остались для православной церкви безслѣдны, а при помощи Божіей принесли желанную пользу. Результатомъ этихъ собесѣдованій было присоединеніе къ православію проживающаго въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ австрійскаго лжеіерея Даниіла Семенова Колегова.

Даниілъ Колеговъ, управляя обществомъ австрійскихъ старообрядцевъ въ Тагильскомъ заводѣ, часто ѣздилъ въ Лысьвенскій заводъ и сѣялъ здѣсь плевелы австрійскаго раскола. Присутствуя на указанныхъ лысьвенскихъ миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ, лжеіерей Колеговъ зорко слѣдилъ за ходомъ бесѣды и чутко прислушивался ко всему, что говорилось на нихъ какъ со стороны православныхъ миссіонеровъ, такъ и со стороны расколоучителя Ѳедора Мельникова. Софистическія лжетолкованія текстовъ Священнаго Писанія и твореній богоносныхъ отцевъ, къ которымъ прибѣгалъ Ѳеодоръ Мельниковъ, защищая нововозникшую австрійскую лжеіерархію, совершенно убѣдили Даниіла Колегова въ неправотѣ раскола; онъ рѣшился оставить послѣдній и совсѣмъ своимъ семействомъ присоединился къ православію чрезъ таинство муропомазанія, какъ увидитъ читатель изъ помѣщеннаго здѣсь письма, которое писалъ Даниілъ Колеговъ православному священнику Лысьвенскаго завода, о. Михаилу Добротворскому. Вотъ копія этого письма:

Достоуважаемый о. Михаилъ.

Желаю извѣстить васъ, что по милости Божіей я нахожусь теперь при Церкви Христовой. О прошедшемъ прошу у васъ прощенія, что я ѣздилъ въ ваши предѣлы и наѣзжалъ плевелы, т. е. австрійское священство, какъ говорится во св. Евангеліи: «спящимъ челоувкомъ, прииде врагъ и всѣя плевелы посреѣ пшеницы и отыде» (Матѣ. 13, 26). Это же дѣлають Мельниковъ и Зеленковъ и подобные имъ. Но я мучился совѣстію года три и все не могъ рѣшиться перейти въ православіе: страшало меня то, что я имѣю большое семейство (6 челоувкъ дѣтей), какъ буду его содержать. Находясь въ австрійскомъ обществѣ, я получалъ 1200 руб. въ годъ и жить бездѣдно. Но нынѣ 8 іюня, отслуживъ послѣднюю службу въ моленной, я всталъ на амвонъ, попросилъ прихожанъ остановиться еще на нѣсколько минутъ въ моленной и сказалъ имъ: Не могу болѣе съ измученною совѣстію продолжать служить въ вашемъ обществѣ, потому что оно не церковь Христова, такъ-какъ въ немъ не было 180 лѣтъ епископа, а «безъ епископа церковь слѣпа» (книга о вѣрѣ листъ 213). Игнатій Богоносець говоритъ: «Елицы Христовы суть, сіи со епископомъ суть. Которые не съ епископомъ, тѣи сѣмя вражіе» (3 посл. къ филад.). «Епископъ въ церкви и церковь—въ епископѣ, и кто не съ епископомъ, тотъ и не въ церкви» (Кипр. ч. 1-я, стр. 307). «Церковь Христова безъ епископа быти не можетъ, и никогда не была» (Захар. Копист. Част. 2, разд. 8, артик. 3). „Не можетъ церковь безъ епископа быти“ (Марг. въ жит. св. Іоанна Злат.). А вотъ наше то общество 180 лѣтъ и было не въ церкви; значитъ, оно не Христово земледѣіе было, а сѣмя вражіе. Христосъ основалъ церковь крѣпче неба (Марг. лист. 193, 519). Врата адавы не одолѣють церковь (Матѣ. зач. 67). Я по всему усмотрѣлъ, что въ насъ одно только упрямство и самолюбіе, вѣра у насъ купеческая; все основано на деньгахъ какъ бы не осудиться намъ съ Симономъ волхвомъ и не угодобиться лѣнивому рабу. Слѣдуя совѣсти моей, съ сегодняшняго дня я болѣе вамъ не пастырь и вы мнѣ не овцы: 5 лѣтъ я грѣшилъ съ вами, въ томъ простите, буду каяться той церкви, которая имѣетъ непрерывную власть отъ Христа Спасителя и вамъ совѣтую прійти въ такое же чувство и раскаяться въ своемъ заблужденіи; отвалите камень жестокосердія и тогда Господь Богъ поможетъ вамъ и увѣруете во свѣтъ и сынове свѣта будете. Послѣ этой рѣчи попросилъ прихожанъ принять отъ меня всѣ книги, церковныя вещи и сосуды и распростился съ ними, а на второй день совѣмъ переѣхалъ къ Св.-Троицкой едино-вѣрческой церкви. 21 іюня присоединился къ православной церкви чрезъ св. миропомазаніе: самъ, жена моя и 6 дѣтей. Теперь многіе приходятъ ко мнѣ за совѣтомъ, что дѣлать. Я всѣмъ прежнимъ моимъ бывшимъ прихожанамъ, а наипаче увлеченнымъ мною, совѣтую обратиться къ св. церкви, въ ней же нѣсть никакого порока, по апостолу: «да представить ю себѣ славну церковь, не имущу скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ». Что же касается до измѣненія обрядовъ въ русской церкви, то обрядовыя измѣненія были и въ древней церкви, какъ объ этомъ говорится въ 11 прав. Лаодикійскаго собора. «Бяху въ древнихъ нѣцы и обычанъ въ церквахъ обываемин, отъ нихъ же убо временемъ они забвени быша, нѣни же отнюдь престаахъ: другія же правила отсѣкоша.

Даніиль Семеновъ Колесовъ.»

Какъ иногда совершается въ австрійщинѣ хиротонія.

23-го апрѣля минувшаго года почти въ полночь отъ воротъ Прочноокопской (ст. Кавказ.) общественной квартиры поспѣшно удалялась крытая и почти герметически закупоренная кибитка, увозившая съ собою дорогого для старообрядцевъ гостя, лжеепископа Силуана. Поспѣшный отъѣздъ Силуана былъ вызванъ двумя причинами. Во-первыхъ, Силуану грозила опасность со стороны мѣстной полиціи, а во-вторыхъ, — и самое главное (такъ какъ полиція то въ Прочноокопѣ состоитъ изъ старообрядцевъ, и, конечно, родному человѣчку всегда poradetъ), Силуану были нужны деньги, которые ему не удалось получить въ Прочноокопѣ. Дѣло въ слѣдующемъ. Избранный Силуаномъ въ Прочноокопскаго діакона кандидатъ — вѣкто Яковъ Вихлянцевъ былъ неугоденъ обществу. Силуанъ былъ въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны, не хотѣлось идти наперекоръ Прочноокопскому обществу, а съ другой — жаль было разстаться съ мыслію получить изрядный кушъ за рукоположеніе. Неизвѣстно, какъ долго колебался Силуанъ, — но совершившійся фактъ свидѣтельствуетъ, что восторжествовалъ именно кушъ. Призвавъ кандидата во діакона, Силуанъ велѣлъ ему отправляться въ ближайшій хуторъ Царицынскій, гдѣ и должно было совершиться рукоположеніе. Тамъ оно дѣйствительно и совершилось, но при довольно соблазнительной обстановкѣ. Царицынскій попъ оказался въ нетрезвомъ, доходившемъ до полной нравственной и физической невмѣняемости, состояніи, а посему и службу пришлось править одному Силуану, если, конечно, не считать его келейника знаменитаго Назарки, по прозванію Горбатаго. Служба шла поспѣшно, такъ какъ Силуанъ боялся, что въ Прочноокопѣ враги ставленника могутъ узнать о происходящемъ въ Царицынскомъ и помѣшать поставленію; и чинъ рукоположенія, вслѣдствіе отсутствія необходимыхъ при этомъ священно-служителей и церковно-служителей (некому было даже пѣть и читать), былъ совершенъ неправильно. Къ рукоположенію ставленникъ приготовиться не успѣлъ, молитву при рукоположеніи читалъ надъ нимъ не Силуанъ, а его келейникъ, такъ какъ у Силуана не оказалось очковъ, безъ коихъ онъ читать не можетъ, а память, видимо, измѣнила старику. Прочноокопскіе старообрядцы, конечно, прекрасно объ этомъ знаютъ, но смиренно примирились съ совершившимся фактомъ, и неправильно рукоположенный дьяконъ, самъ ходившій вокругъ престола и пѣвшій себѣ „аксіось“ (т. е. достойный) дьяконствуетъ и по сіе время. Вотъ сущая правда о поставленіи Прочноокопскаго старообрядческаго дьякона.

Крестянинъ-миссіонеръ. 22 числа октября, въ день праздника Казанской иконы Богоматери, по окончаніи литургіи, когда я уже намѣревался идти изъ храма, какъ сообщаетъ свящ. П. Амфитеатровъ въ „Курск. Еп. Вѣд.“, ко мнѣ приблизился неизвѣстный крестянинъ и выразилъ желаніе побесѣдовать со мною.

— О чемъ же ты желаешь поговорить со мною?—спросилъ я его.

— Хочу, батюшка,—отвѣчалъ онъ,—подѣлиться съ вами своей радостью: Господь помогъ мнѣ обратить въ православіе двухъ штундистовъ.

При этихъ словахъ онъ указалъ мнѣ на двухъ своихъ односельчанъ, которые стояли рядомъ съ нимъ и тотчасъ же подтвердили истину словъ говорившаго объ ихъ обращеніи на путь спасенія.

Изъ дальнѣйшей бесѣды я узналъ, что крестьянинъ-миссіонеръ и обращенные имъ сектанты—мужъ и жена—проживаютъ невдалекѣ отъ моего прихода, въ слободѣ Красной, Бѣлгородскаго уѣзда, гдѣ, по словамъ моихъ собесѣдниковъ, скрывается значительное число *тайныхъ* штундистовъ.

— Какъ же Господь помогъ тебѣ обратить на путь истины своихъ собратьевъ?—спросилъ я Георгія Матузенко (такъ зовутъ крестьянина-миссіонера).

— Этимъ, батюшка,—отвѣчалъ онъ,—я обязанъ не столько своему знанію священнаго Писанія, сколько своему усердію. Цѣлыя ночи иногда спорилъ я съ штундистами, и Господь, видя мое искреннее желаніе спасти заблудшихъ, обрадовалъ меня желаннымъ успѣхомъ.

— О чемъ же споръ былъ у тебя съ штундистами?—продолжалъ я спрашивать его.

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Матузенко подробно разсказалъ мнѣ, какъ онъ доказывалъ штундистамъ значеніе иконопочитанія, важность хожденія въ храмъ для молитвы, необходимость соблюденія постовъ и спасительность таинствъ. Доказательства, приводившіяся имъ въ защиту указанныхъ истинъ, хотя и не отличались полнотой и точностью, однако имѣли несомнѣнную убѣдительность и очевидныя превосходства въ сопоставленіи съ доводами невѣжественныхъ сектантовъ.

Высокую духовную радость испытывалъ я, слушая простую, но глубоко убѣжденную рѣчь этого крестьянина. Дай Господи, чтобы изъ среды нашего народа побольше являлось такихъ апологетовъ и миссіонеровъ!

Вѣримъ, что желаніе наше осуществится, когда мы—пастыри—ревностно станемъ исполнять наши законоучительскія обязанности и дадимъ питомцамъ церковныхъ школъ твердыя, полныя и основательныя знанія слова Божія.

Яркій примѣръ фанатизма и жестокости раскольниковъ. Апрѣля 7 числа сего года въ с. Елатмонкѣ, Бугурусланскаго уѣзда, Самар. г., въ бѣглопоповской моленнѣ, нѣкій бѣглый попъ по имени Иванъ, выходецъ изъ рязанской епархіи, совершалъ отпѣваніе покойника. Въ это время пожелалъ войти въ моленную мѣстный единовѣрческій священникъ-миссіонеръ о. Іоаннъ Бочуровъ, имѣя намѣреніе воспользоваться случаемъ пребыванія бѣглаго попа для миссіонерскихъ цѣлей. Для безопасности онъ взялъ съ собою старшину. Раскольники, какъ сообщаютъ „Самарскія Епарх. Вѣд.“, сначала не соглашались впускать священника въ моленную, но потомъ, убѣжденные его словами, впустили, и онъ стоялъ тамъ совершенно спокойно до окончанія отпѣванія. А когда по окончаніи богослуженія онъ пожелалъ видѣть бѣглаго попа, чтобы побесѣдовать съ нимъ, то раскольники подняли угрожающій крикъ. Испуганный Бочуровъ хотя и успѣлъ выбѣжать изъ моленной невредимымъ, но въ оградѣ разъяренная толпа схватила его и жестоко избила. Съ трудомъ вырвавшись изъ ограды, Бочуровъ скрылся у единовѣрца, а разбушевавшаяся толпа избила старшину, церковнаго старосту и, разлившись потокомъ по улицѣ, была встрѣчавшихся православныхъ и даже тѣхъ изъ своихъ раскольниковъ, кои имѣли мужество заступаться за избиваемыхъ. Семилѣтняго сына Бочурова, случайно оказавшагося на улицѣ, хотѣли бросить въ рѣку, но ребенокъ заплакалъ и возбудилъ къ себѣ сожалѣніе окружающихъ, почему онъ и былъ спасенъ.

МИССИОНЕРСКІЯ ОТМѢТКИ ПРИ ЧТЕНІИ СВѢТСКОЙ ПЕЧАТИ.

О надзорѣ за поведеніемъ учащейся молодежи. Свыше наказанное распутство и пастырскія проповѣди. Какъ могъ интеллигентъ—монастырскій послушникъ Кривуша сдѣлаться разбойникомъ и человѣкоубійцей?

Очень пріятно отмѣтить на этихъ страницахъ, что замѣчанія печати—въ томъ числѣ и „Миссіонерскаго Обозрѣнія“—попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа приняты къ свѣдѣнію и сдѣлано распоряженіе, чтобы охраненіе учащейся молодежи отъ развращающихъ вліяній и гипноза кафешантанныхъ зрѣлищъ не на бумагѣ одной осталось, но было проведено со всею тщательностью въ жизнь и дѣло. Газеты сообщаютъ слѣдующее:

„По распоряженію начальника С.-Петербургскаго учебнаго округа установленъ надзоръ за поведеніемъ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ гор. Петербурга на улицахъ, въ театрахъ, скверахъ и вообще во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ. Для надзора этого городъ раздѣленъ на нѣсколько раіоновъ, каждымъ изъ которыхъ завѣдуетъ одинъ изъ директоровъ гимназій съ нѣсколькими подручными-воспитателями, которые о всякомъ замѣченномъ ими поступкѣ ученика, нарушающемъ правила приличія или дисциплины, немедленно доводятъ до свѣдѣнія начальника того учебнаго заведенія, въ которомъ обучается ученикъ“.

Если будутъ серьезно и чувствительно наказаны въ каждой гимназій нѣсколько учениковъ, вносящихъ въ среду товарищей духъ нравственной тли съ улицъ и изъ театровъ, тогда только сами родители усилятъ свое воздѣйствіе на учащихся своихъ дѣтей, съ самаго ихъ малолѣтства, зная по примѣру строго наказанныхъ весельчаковъ, что окончить курса непослушный и своевольный не будетъ въ состояніи. Только *справедливая* безпристрастная *строгость* можетъ исправить уже вѣѣвшееся въ нашу среднюю и высшую школу зло. Страхъ Божій, конечно, самый сильный мотивъ, и его должны учащимся прививать законоучители, уча болѣе примѣромъ, чѣмъ словомъ. „Страхомъ Господнимъ всякій уклоняется отъ зла“. Но, кромѣ внушеній и словъ, страхъ Божій воспитывается также и страхомъ человѣческимъ, страхъ предъ Богомъ зачинается со страха предъ человѣкомъ. Если не любимъ человѣка, котораго видимъ, то какъ можемъ любить Бога, Котораго не видимъ и видѣть не можемъ? Какъ же можетъ человѣкъ,—особенно пылкій молодой—убояться страхомъ Бога, Котораго онъ не видитъ, а лишь слышалъ, что Онъ живетъ на небѣ, когда не боится своихъ начальниковъ, которыхъ видитъ? Давно необходимо сознать, что *строгость, если только она справедлива, не есть жестокость*

но есть плодъ любви и заботы о благѣ того, кого страхомъ наказанія мы отвращаемъ отъ безчисленныхъ бѣдствій. Нѣтъ ничего хуже отсутствія строгости, руководимой духомъ правды и справедливости—вредъ отъ этого отсутствія не меньше вреда, „происходящаго отъ жестокости, то есть строгости несправедливой, злобной, вовсе не согласованной съ волею Господа Бога. Оттого-то въ примѣръ всѣмъ будущимъ родамъ Господь такъ люто и ужасно наказалъ первосвященника Ілію ветхозавѣтнаго за то, что онъ безъ строгости воспиталъ своихъ, данныхъ ему Богомъ, дѣтей. Вотъ почему и въ наше время слышимъ о наказаніяхъ Божіихъ и несчастіяхъ, какими Богъ караетъ слабохарактерныхъ и излишне мягкихъ и небрежныхъ воспитателей и начальниковъ.

Будемъ надѣяться, что хотя въ сферѣ воспитанія будущей интеллигенціи будетъ примѣнена система справедливой строгости, согласованной съ волею и хотѣніями Господа Вседержителя нашего Творца и Спасителя.

Въ одной изъ прошлогоднихъ нашихъ отмѣтокъ мы говорили о необходимости охранять молодежь отъ разврата и вообще бороться съ блудомъ, какъ грѣхомъ смертнымъ и противообщественнымъ. Въ настоящій разъ отмѣтимъ описанный въ одной газетѣ случай, изъ коего видно, что когда людьми оставляется распутство безъ наказанія, то наказываетъ за него Самъ Богъ. А наказанія Божіи всегда много страшнѣе, чѣмъ человѣческія, ибо и милость Его—божественна, велика и богата, и кары Его—величественно ужасны.

„Въ дер. Слобода (Могилевской губ.) на-дняхъ произошелъ ужасный случай: крестьянская дѣвушка Р. сблизилась съ однимъ изъ парней, и, какъ водится, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ несчастная почувствовала себя беременной. Когда же пришелъ роковой день родовъ, бѣдная дѣвушка прокралась въ дальній закоулокъ отцовскаго двора и тамъ родила здороваго ребенка. Но, на бѣду ея, тамъ, гдѣ она лежала, проходила огромная свинья. Обнюхивая все попадавшееся ей на пути, свинья наткнулась на младенца, и, ощутивъ мягкое и теплое его тѣльце, вонзила въ него свои зубы. Раздался душу матери разрывающій пискъ. Дѣвушка съ ужасомъ увидѣла свое дѣтище подъ клыками свиньи, но обезсиленная страданіями и кровотеченіемъ она нервно затрепетала, вскрикнула и упала безъ сознанія. Тѣмъ временемъ свинья почти совершенно съѣла ребенка“.

Не видно ли изъ этого случая, какъ „страшно впасти въ руки Бога жива“, по выраженію апостола. Мы знаемъ изъ святаго Евангелія, что злая сила демоновъ-человѣкоубійцъ не можетъ вселиться даже въ свиней безъ позволенія и дозволенія Божія. Безъ сомнѣнія, по пословицѣ—„Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ“. Стало быть, въ данномъ случаѣ Богъ

выдать, попустилъ, и свинья съѣла несчастнаго младенца, погибшаго не повинно безъ крещенія, за грѣхи родителей своихъ. Хочется вѣровать, что душа младенца окрестилась въ собственной крови, какъ многіе мученики, и страданіемъ своимъ младенецъ вошелъ въ свѣтъ Царствія Небеснаго. Но каково было матери пережить эту полную ужаса минуту! Желательно, чтобы священники Могилевской епархіи, особенно же іерей „Слободы“, той самой деревни, гдѣ случилось рассказанное несчастье, использовали въ своихъ проповѣдяхъ назиданіе, вытекающее изъ правильного разумнія смысла подобнаго несчастья. Къ сожалѣнію, у насъ такіе случаи не служатъ темами или хотя бы иллюстраціями въ церковныхъ проповѣдяхъ. Распутство дѣйствуетъ во многихъ деревняхъ и селахъ, а уроки самой жизни бываютъ краснорѣчивѣе проповѣдей, но въ проповѣдяхъ надо непремѣнно толковать эти уроки и дѣлать соотвѣтственные выводы, благоприятные для укрѣпленія страха Божія, благочестія и вѣры. Только тогда и самое чтеніе газетъ будетъ сугубо полезнымъ для священниковъ, которые, къ слову сказать, увлекаясь чтеніемъ свѣтскихъ газетъ, утрачиваютъ вкусъ и навыкъ къ чтенію слова Божія, которое святыми отцами изучалось день и ночь по глаголу псалма перваго—„и въ законъ Его поучихся день и ночь“. Святые Отцы умѣли даже изъ языческихъ сочиненій извлекать словесное оружіе противъ самого язычества и аргументы въ пользу православія. Слѣдуетъ и современнымъ іереямъ пользоваться такъ именно свѣтской печатью, имѣющейся теперь въ домѣ cadaго сельскаго пастыря.

Другой случай возмездія Божія за блудодѣяніе едва не совершился въ Самарѣ. Когда оскорбляется святость брака, при совершеніи котораго въ умиленныхъ молитвахъ призывается страшное имя Божіе, тогда Богъ обличаетъ блудника и въ самомъ храмѣ, какъ это видимъ изъ слѣдующаго сообщенія:

„Въ г. Самарѣ, въ одной изъ церквей, разыгралась ужасная драма. Въ то время, когда въ ней происходило вѣнчаніе нѣкаго Огурцова съ дворянкой Стакановой, въ церковь прокралась съ ножомъ въ рукахъ, брошенная Огурцовымъ, юная дѣвушка Колдунова и стала позади жениха. Когда женихъ на вопросъ священника, не общался ли жениться на другой, далъ отрицательный отвѣтъ, она бросилась на него и пыталась перерѣзать ему горло. Однако, рука скользнула не по шеѣ, а по щекѣ. Вѣнчаніе священникомъ было тотчасъ же пріостановлено.

Молодые люди, не считающіе за грѣхъ обмануть дѣвушку, укравшіе святыню дѣвственности, пусть помнятъ, что могутъ поплатиться жизнью за такое отношеніе къ дѣвичьей чести. „Путь грѣшныхъ погубить“—говорится не тщетно въ словѣ Божіемъ.

Любопытныя для миссіонера и пастыря свѣдѣнія сообщаютъ газеты о прошломъ пойманнаго злодѣя-разбойника Кривуши Николая. Вотъ что сообщаетъ „Свѣтъ“:

„Кривуша,—этотъ психопатъ-злодѣй, о которомъ мы уже сообщали, занимаетъ своею странною личностію и публику и печать. „Кіевл.“ сообщаетъ небезынтересныя черты изъ прошлаго этого нравственнаго урода. Вотъ онъ: по словамъ его матери Н. Я. Кривуши. сынъ ея Николай, съ самаго ранняго дѣтства, обнаруживалъ признаки ненормальности умственныхъ способностей; ребенокъ отличался удивительнымъ жестоко-сердіемъ и съ удовольствіемъ мучилъ животныхъ и очень обижалъ своего маленькаго брата. Но затѣмъ, вдругъ онъ какъ то сразу перемѣнился, сдѣлался очень кроткимъ и по цѣлымъ ночамъ молился Богу. Поступивъ въ третью кіевскую гимназію, мальчикъ учился неохотно, и 14-ти лѣтъ неожиданно куда то скрылся, появившись снова въ Кіевѣ черезъ полтора года въ одеждѣ монастырскаго послушника, имѣвшей видъ рубища. Послѣ того онъ поступилъ въ духовную семинарію, а черезъ годъ бросилъ ее и опредѣлился послушникомъ въ Кіево-Печерскую лавру. Затѣмъ наступилъ рядъ безцѣльныхъ странствованій его по городамъ Россіи.

Одинъ изъ товарищей Кривуши по духовной семинаріи дополняетъ эту характеристику слѣдующими данными: Кривуша, перешедшій въ семинарію изъ гимназіи, сразу выдѣлился своей мистической религіозностію. Его комната была похожа на келію отшельника: кровать безъ матрацовъ и подушекъ (Кривуша спалъ на голыхъ доскахъ), аналой въ углу передъ массою иконъ, на аналоѣ человѣческій черепъ и молитвенникъ. Кривуша часто цѣлыми часами простаивалъ на молитвѣ. Иногда лицо его какъ-то замирало, и взоръ останавливался на иконахъ. Съ четками онъ не разставался. Товарищи Кривуши слегка подсмѣивались надъ нимъ и звали „ходячимъ часословомъ“.

Послушникъ сталъ не только ослушникомъ, но цѣлымъ разбойникомъ и человѣкоубійцею... Для многихъ это покажется невѣроятнымъ, но мы не удивляемся, зная свойства падшей природы человѣческой претерпѣвать метаморфозы, доходящія до того, что апостоль, творившій чудеса, становится предателемъ Своего Господа изъ побужденій самаго низменнаго свойства, изъ-за гнуснаго сребролюбія. То, что случилось постепенно съ Іудой Искаріотомъ, совершилось и съ Кривушей, котораго самая фамилія намекаетъ на нѣкоторую кривду и зло. Кривуша изъ сосуда честнаго сталъ сосудомъ не въ честь, изъ сосуда благодатнаго сталъ сосудомъ для духовъ нечистыхъ, творившихъ черезъ него свою проклятую волю. Но замѣчательно, что Кривуша уже въ дѣтствѣ проявлялъ признаки и симптомы будущаго разбойничества—онъ мучилъ животныхъ и даже съ дьявольскимъ удовольствіемъ, а родного брата жестоко обижалъ. Корень зла уже давалъ отпрыски въ самомъ дѣтствѣ будущаго

разбойника, и послѣдующее благочестіе не искоренило этого корня, которому расти помогала, конечно, и неприглядная дѣйствительность (нѣкоторыхъ) монастырей. Кривуша скитался по монастырямъ, но въ монастыряхъ не ужился. Очевидно, Кривуша поддавался своеволію, а отсѣкать своей воли, по заповѣди святыхъ отецъ, не хотѣлъ, упорствуя въ своей волѣ и въ своихъ хотѣніяхъ, а волю и хотѣнія (заповѣди) Господа отменяя вспять, по выраженію псалмопѣвца. Невѣрный въ маломъ сталъ невѣрнымъ во многомъ и важномъ. Послушникъ сначала сталъ ослушникомъ, а затѣмъ постепенно разбойникомъ. Мы же, упуская изъ вниманія постепенность паденія, дивимся тому, какъ богомольный юноша сталъ, придя въ зрѣлый возрастъ, человѣкоубійцею, а нѣкоторые найдутъ въ томъ поводъ обвинять всякое благочестіе, монастырскую жизнь, самую церковь. Бываютъ недостатки—и крупные—въ обиходѣ жизни современныхъ монастырей, но это не значить, что монастыри не нужны и лишни. Нѣтъ, монастыри необходимы, но нужны строгія и справедливыя мѣры къ исправленію монастырской жизни, особенно къ искорененію бродяжничества послушниковъ и пѣвчихъ. Стоитъ объ этомъ крѣпко подумать, чтобы авторитетъ монаховъ поднялся и возросъ. Но надо и всѣмъ намъ, мірянамъ, научиться изъ примѣра Кривуши, какъ можно, становясь невѣрнымъ въ маломъ, лучше сказать, въ томъ, что мы называемъ малымъ, стать невѣрнымъ въ великомъ. Надо, слѣдовательно, остерегаться, какъ бы, начавъ съ малой выпивки, не стать пьяницей, а затѣмъ воромъ или убійцей, начавъ съ раздражительности и самолюбія, не дойти до драки или дуэли.

„Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo“, гласитъ латинская пословица. Капля нечестія долбитъ камень вѣры не силою, а частымъ паденіемъ. Часто повторяемые вспышки гнѣва приучаютъ къ гнѣвливости, портя насквозь характеръ. Частое упражненіе мысли въ сферахъ сладострастія и въ пареніи похотномъ воспитываетъ изъ человѣка похотника и сладострастника, могущаго стать уголовнымъ преступникомъ, содомляниномъ. Наоборотъ, и капля благочестія и словеснаго чистаго молока долбитъ окаменѣлое сердце грѣшника не силою, но частымъ паденіемъ на сердце чрезъ слухъ, ибо вѣра—отъ слуха, по выраженію величайшаго изъ миссіонеровъ. На значеніе малыхъ нравственно-духовныхъ величинъ мало было доселѣ обращено вниманія миссіи и пастырей. Борьба съ „малымъ“ зломъ должна идти рука объ руку съ насажденіемъ „малаго“ добра, на основаніи словъ Господа о малѣйшемъ горчичномъ сѣмени.

Враги церкви и ея святыхъ обрядовъ могутъ изъ примѣра Кривуши заводить о бесполезности обрядовъ, о томъ, что ими прикрывается злое сердце. Такъ, Кривуша жилъ въ келіи отшельническаго вида, спалъ на голыхъ доскахъ, имѣлъ въ келіи черепъ для напоминанія о смерти, по долгу маливался. И вотъ все это не помогло и Кривуша сталъ разбой-

никомъ и душегубомъ. Но мы не будемъ легкомысленны и не осудимъ того, что вовсе неповинно въ метаморфозѣ, превратившей богомольца въ чистѣйшаго діавола, ибо діаволь есть челоуѣкоубійца по преимуществу.

Спать на голыхъ доскахъ, имѣть въ келіи черепъ для напоминанія о томъ, что и наши черепа превратятся со временемъ въ такія же костяныя коробки, долго молиться и ютиться въ келіи, украшенной множествомъ святыхъ иконъ очень полезно для воспитанія въ себѣ духа благочестія, но полезно во всей силѣ лишь именно тогда, когда мы „увѣряемъ“ духъ нашъ (по выраженію Псалмопѣвца) съ Богомъ, то есть съ волею Божіей, о коей извѣстно, что „жертва Богу духъ сокрушенъ“. Вотъ сокрушенія-то сердечнаго, чувства нищеты духовной, смиренія искренняго Кривуша въ себѣ и не воспитывалъ, почему мало-по-малу благочестивая обстановка являлась все большимъ и большимъ лицемеріемъ *въ отношеніи къ нему*, Кривушѣ (но не сама по себѣ), и наконецъ была отброшена. Маска была снята и изъ подъ нея показалось грубое свирѣпое лицо разбойника. Овечья шкура сброшена, и изъ подъ нея выскочилъ волкъ. Однако виновата ли шкура овечья, когда она покрываетъ истинную овцу. не будучи напалена, но связана кровію и плотію съ самымъ тѣломъ овцы.

Кривуша молился, но мало заботился о состояніи и благонастроеніи своего духа и сердца. Весьма и весьма слѣдуетъ обратить многимъ вниманіе на примѣръ Кривуши, чтобы его примѣръ научилъ не поглощать верблюда, оцѣживая комара. Справедливо сказано св. Апостоломъ, что благочестіе на все полезно, а „тѣлесное упражненіе“, которымъ занимался Кривуша, спя на голыхъ доскахъ, такое упражненіе *хотя и полезно*, но „мало есть полезно“. Любить ближняго какъ самого себя, а Бога больше всего на свѣтѣ—вотъ двѣ заповѣди, безъ точнаго и усерднаго исполненія коихъ спастись никому не удастся. Всѣ подвиги тѣлесные должны быть совершаемы на фонѣ смиренія, долготерпѣнія, неосужденія, безгнѣсавія и безгнѣвія. А это все осуществимо только при условіи непрестанной Иисусовой молитвы и милосердія ко всѣмъ, даже ко врагамъ.

Антоній Строій.

ОТКЛИКИ.

Изъ дневника о. Іоанна Бронштадтскаго—въ обличеніе душепагубнаго еретичества Льва Толстого.

Вмѣсто предисловія (изъ письма въ Редакцію).

На-дняхъ я получилъ анонимное письмо отъ одного толстовца, въ коемъ онъ бранить меня за то, что я написалъ слабое опроверженіе толстовскихъ бредней, что я—пигмей, выступаю противъ колосса—Толстого и, имѣя только одинъ талантъ, хочу бороться на бумагѣ съ имѣющимъ десять талантовъ (Толстымъ)... Чтобы не оставаться предъ Толстымъ и его поклонникомъ въ долгу и отвѣтить обоимъ «сильнѣе», я рѣшилъ и еще кое-что напечатать,—вѣдь правда сильна и—защитить ее легко противъ борющихся съ нею, хотя бы и «колоссовъ»—толстовцы вѣдь воображаютъ себя колоссами, впрочемъ, не въ обиду будь имъ сказано,—на глиняныхъ ногахъ... И то правда, что Толстой—колоссъ, но въ своей сферѣ, въ области литературы романической и драматической,—а въ области религіозной онъ—настоящій пигмей, ничего не смыслящій. И если я и еще скажу въ обличеніе Толстого и его товарищей, прошу ихъ не прогнѣваться за голую и рѣзкую правду. Я не хотѣлъ болѣе отвѣчать на безумные глаголы Толстого, но если меня рѣзко вызываютъ на это, то, по долгу предъ Истиной и Церковью, отвѣчаю, отдавая въ печать выдержки изъ моего дневника, заключающія мои мысли и чувства по поводу душегубнаго *Толстовскаго* еретичества.

I.

Нынѣшнее время есть время борьбы съ грѣхомъ, съ плотію страстною, міромъ, во злѣ лежащимъ, и діаволомъ, виновникомъ грѣха, время обученія всякой добродѣтели: вниманію себѣ, трезвенію, самоотверженію, болрствованію, воздержанію, кротости, смиренію, незлобію, послушанію, цѣломудрію, снисхожденію къ ближнимъ, милосердію;—теперь не время покониться и предаваться удовольствіямъ, ибо лукавые, злѣйшіе и хитрые враги наши—не усыпаютъ ни на минуту, и супостатъ нашъ—діаволь, какъ рыкающій левъ, ищетъ кого поглотить. Эту истину надо внушать всѣмъ христіанамъ всякаго званія, чина, пола и возраста, особенно учаще-

муся юношеству въ разныхъ заведеніяхъ. «Бдите и молитесь да не внидите въ напасть», говоритъ Господь Своимъ ученикамъ и намъ тоже Онъ говоритъ. А мы что дѣлаемъ? Дремлемъ и спимъ. «Спящимъ человѣкомъ прииде врагъ его и всѣя плевелы посреди пшеницы и отъиде». Вотъ и Толстой усердно сѣетъ на нивѣ христіанскихъ сердець свое плевельное ученіе.

* * *

Завѣтъ Божій отвергли о себѣ толстовцы, а также и другіе еретики, раскольники, сектанты, всѣ нечестиво живущіе христіане. Какой завѣтъ Божій? Завѣтъ о спасеніи человѣческаго рода воплощеніемъ, крестомъ и смертію Сына Божія, завѣтъ о крещеніи всякаго человѣка для спасенія; завѣтъ о нуждѣ покаянія, причащенія Св. Таинъ, принадлежности къ единой Св. Соборной и Апостольской Церкви, завѣтъ о совершителяхъ Таинствъ христіанскихъ—пастыряхъ.—Всѣ пьяницы, прелюбодѣи, сребролюбцы, нераскаянные отвергаютъ завѣтъ Божій о себѣ и погибаютъ. Слезы у меня исторгли эти мысли!...

* * *

Писатели міра сего, несвѣдующіе нимало въ вещахъ Божественныхъ,—приидите съ довѣріемъ и научитесь у насъ, духовныхъ учителей: и мы научимъ васъ. Но вы не пойдете, вы съ презрѣніемъ оттолкнете насъ, вы не можете быть намъ преданы, ибо мы преподаемъ ученіе «не отъ міра сего», не отъ вашей мудрости.

* * *

«Къ кому идемъ?» спрашиваетъ себя Петръ съ прочими Апостолами. «Ты имѣешь глаголы жизни вѣчной. Се мы оставихомъ вся и въ слѣдъ Тебѣ идехомъ — чтоже будетъ намъ?» — Господь обѣщалъ имъ паки-бытіе и вѣчную славу и власть судить всѣ племена Израилевы. Толстовцы! куда же вы идете съ графомъ Толстымъ, своимъ учителемъ? Есть ли у него слова жизни? Не слова-ли безумія, невѣрія, хуленія, проклятія и смерти? Что же вамъ будетъ въ концѣ концовъ? Вѣчное проклятіе и гибель! Толстой въ своихъ дерзкихъ писаніяхъ мечтаетъ поразить христіанство и христіанъ, свести къ ничтожеству своимъ дерзкимъ отрицаніемъ и насмѣшками—содержимое вотъ уже почти XX вѣковъ св. вселенскою церковью христіанство, которое прославлено отъ Бога вѣчною неуваждею сла-

вою, которое проявило величайшую жизненность, силу, благотворность. Но онъ самъ себя бьетъ смертельно и своихъ послѣдователей, ибо лишилъ себя и ихъ свѣта и благодати Божіей, примиренія съ Богомъ и благоволенія Его и подвергаетъ проклятію Божию и себя и ихъ; ибо, по отверженіи Спасителя, еретикамъ этимъ не остается болѣе жертвы за грѣхъ, но нѣкое страшное чаяніе суда и ревность огня, хотящаго поглотить противниковъ. Думаютъ ли объ этомъ разгорѣвшіеся толстовцы?—«Мнѣ отмщеніе»,—говоритъ Господь, «Я воздамъ».

О, Христе Боже, доколѣ Левъ Толстой будетъ ругаться надъ Тобою и Церковью Твоею? Доколѣ будетъ соблазнять Россію и Европу? Опять онъ пишетъ хулы на Церковь и служителей ея, опять клеветаетъ на насъ всему міру!—Покажи, наконецъ, Владыко, всему міру адскую злобу его! Буди! Имъ увлечено въ прелесть и пагубу полъ-свѣта.—О, предтеча антихриста!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мысли христіанина на „Новый годъ“, посвящаемыя „ищущей и томящейся духомъ“ интеллигенціи.

Всякій разъ, когда бьетъ полночь 31 декабря, тысячи сердець переполняются радостнымъ ощущеніемъ чего то свѣтлаго и добраго; съ поднятыми бокалами и чарками въ рукахъ многое множество людей привѣтствуетъ другъ друга одушевленнымъ возгласомъ:

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!..

На пространствѣ всей Россіи слышится этотъ радостный возгласъ. Онъ служитъ началомъ тѣхъ мечтаній о «новомъ счастьѣ», которыя высказываются непосредственно послѣ него за обильно сервированнымъ столомъ. Говорятъ всѣ; каждый надѣется, что его не минуетъ счастье новаго года... А утромъ, послѣ короткаго и тяжелаго сна, словно по чьему то мановенію—люди начинаютъ отдавать дань обычаю новогоднихъ визитовъ, и такъ же, какъ въ полночь, поздравляютъ другъ друга «съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ».

Я имѣю въ виду массу интеллигенціи, которая встрѣчаетъ и проводитъ новый годъ подъ давленіемъ всевозможныхъ свѣтскихъ предразсудковъ, въ сторонѣ отъ вліянія церкви. Во многихъ случаяхъ личной, семейной и общественной жизни нашего образованнаго общества установились свои особые приемы, взгляды и обычаи, общая сумма которыхъ представляетъ много грустныхъ укло-

неній отъ православно-христіанскаго міровоззрѣнія. Однимъ изъ яркихъ примѣровъ такого уклоненія и служить своеобразное празднованіе въ нашемъ обществѣ новаго года. Вдумайтесь, что значатъ тѣ слова, которыя вы теперь всюду слышите? Есть ли въ нихъ что нибудь серьезное. Ничего подобнаго! Въмѣсто того, чтобы говорить: «съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ», можно было бы произнести что-либо совершенно праздное и нелѣпое при совершенно одинаковомъ настроеніи и невѣріи въ дѣйствительность произнесеннаго. Въ самомъ дѣлѣ, когда люди поздравляютъ другъ друга съ новымъ годомъ, сами не зная, что онъ имъ дастъ, то не являетсяъ ли это поздравленіе пустымъ звукомъ, какимъ то попугайски заученнымъ словомъ, которое повторяютъ только по традиціонному року. Еще менѣе имѣетъ смысла поздравленіе съ «новымъ счастьемъ».

Сама визитирующая «интеллигенція» хорошо видитъ, что часто новый годъ приноситъ больше ей горя и страданій, чѣмъ истекшій, но въ то же время безсознательно надѣется, что въ новомъ году жизнь ея сложится какъ-нибудь иначе, пойдетъ по иному руслу и поможетъ ей легче разобраться въ жизненныхъ явленіяхъ и задачахъ. Это инстинктивное стремленіе къ истинѣ, добру и счастью—при постоянной лжи, злѣ и страданіяхъ—составляетъ, какъ кажется, главный двигательный нервъ возбужденнаго настроенія нашего общества при встрѣчѣ новаго года. Эти то проблески идеальнаго сознанія, темнаго и неяснаго, думается, и заставляютъ людей образованнаго общества привѣтствовать другъ друга съ новымъ годомъ и «новымъ» счастьемъ. Жаль только, что это выраженіе душевныхъ чаяній каждаго человѣка у «интеллигенціи» и непродолжительно и принимаетъ неподобающій обликъ; нѣсколько дней новаго года, вмѣстѣ съ предшествующими рождественскими праздниками, интеллигенція проводитъ обыкновенно среди суетныхъ и сомнительныхъ развлеченій. На Рождество и новый годъ устраиваются учащенные представленія въ театрахъ, многочисленные концерты, маскарады и танцевальныя вечера. Въ это время зрѣлища усиленно посѣщаются не только взрослыми, но и дѣтьми: уже съ ранняго возраста у дѣтей и подростковъ праздникъ начинается отожествляться съ ничемъ недѣляніемъ, празднословіемъ и весельемъ. Страсть къ удовольствіямъ и развлеченіямъ охватываетъ чуть не всѣхъ; и вотъ невольно припоминаются слова архіепископа Никанора (Херсонскаго): «Можно ли вообразить, что Пречистая Дѣва Богоматерь увеселяла себя чѣмъ-либо мірскимъ? Даже на бракѣ въ Канѣ галилейской, и тамъ Она погружена въ материнское попеченіе о другихъ. О Христѣ Спасителѣ осталось преданіе, частію за-

писанное и въ Евангеліяхъ, что часто видѣли Его плачущимъ, смѣющимся—никогда. Можно ли вообразить рѣзко смѣющимися преподобныхъ Ѳеодосія Печерскаго, Сергія Радонежскаго или Петра митрополита московскаго?

Загляните же теперь въ театры и другія мѣста развлеченія. Какая здѣсь масса бодрыхъ, веселыхъ и, повидимому, счастливыхъ лицъ. Здѣсь всѣ чувствуютъ себя какъ бы въ своей стихіи. И уже никто не думаетъ о томъ, что дастъ ему новый годъ, а тѣмъ менѣе заботится о томъ, чтобы собственными усиліями проложить себѣ дорогу къ счастью новаго года. Тутъ область веселья и очень часто «флирта». Необходимымъ средствомъ для успѣха послѣдняго служатъ—изящный костюмъ, красивая прическа и т. д. Здѣсь можно съ горькой скорбью сказать съ апостоломъ: «желаю... чтобы жены въ *приличномъ* одѣяніи, со *стыдливостію* и *цѣломудріемъ*, украшали себя *не плетеніемъ* волосъ, *ни золотомъ, ни жемчугомъ, ни многоцѣнною одеждою*, но добрыми дѣлами...» (1 Тим., II, 8—9).

Вопросъ, въ чемъ счастье, вообще, не достаточно ясенъ для ликующей въ новый годъ интеллигенціи. Большинство ея даже и не задумывается надъ нимъ. Девизъ ея: «живи—и жить давай другимъ!» Такое чисто растительное существованіе неизбежно приводитъ человѣка къ ложному сознанію, что самое главное—въ удовлетвореніи чувственныхъ пожеланій, а все остальное—«пустяки», удѣлъ философовъ, «которымъ нечего дѣлать» и разныхъ лицемѣровъ. Полагаютъ, что «напрасно человѣкъ по предразсудочному понятію о своей свободѣ вздумалъ бы остановиться, размыслить о томъ, куда онъ идетъ и что дѣлаетъ, и принять другое направленіе, если чувствуетъ себя несчастнымъ. Онъ долженъ жить со всѣми, а особенно *съ передовыми людьми*, общюю жизнью по принятымъ правиламъ и порядкамъ; иначе, какъ *отсталый*, онъ будетъ раздавленъ слѣдующею за нимъ толпою, или выброшенъ изъ ряда людей, идущихъ по данному жизнію направленію» (Архіеп. Амвросій). Повседневное будничное малоосмысленное существованіе привело людей, между прочимъ, къ поклоненію «культурѣ» и «цивилизациі», создавшимъ внѣшнія удобства жизни. Но все это «созданное» не счастье, а лишь его призракъ, мишура жизни.

* * *

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что культурѣ мы обязаны очень многимъ; это настолько очевидно, что распространяться по этому поводу было бы излишне. Каждый день приноситъ намъ новыя побѣды цивилизациі, при помощи которыхъ легко и удобно совершается преодоленіе того, что раньше вызывало тщетныя усилія людей. Однако, обратите вниманіе на самый *характеръ* нашей ци-

визаціи: она дала намъ много; послѣдній вѣкъ получилъ названіе вѣка «пара и электричества», о которыхъ наши предки вѣроятно и не помышляли. Но неужели эти плоды цивилизаціи такъ ужъ важны и существенны для насъ? Если въ практическомъ отношеніи—да, то въ нравственномъ чрезвычайно часто—нѣтъ. Развѣ они помогли братскому единенію народовъ, искореняли темныя стороны жизни, способствовали проведенію въ людскую среду высокихъ христіанскихъ началъ? Почти нѣтъ. Быстрое передвиженіе, правда, помогало людямъ въ пространственномъ отношеніи сближаться, но часто лишь для того, чтобы при встрѣчѣ вступить другъ съ другомъ въ кровопролитное столкновеніе, совершить жестокую месть и т. п. Люди попрежнему злы и мстительны и всевозможными усовершенствованіями пользуются для своихъ личныхъ, не всегда нравственныхъ цѣлей. Нечего уже говорить о томъ, сколько человѣческихъ жертвъ принесено нами прогрессу. Вспомните о безчисленныхъ опытахъ надъ живыми людьми, совершающихся въ нашихъ клиникахъ; многіе изъ этихъ опытовъ—прямо преступны. В. В. Вересаевъ (д-ръ В. В. Смидовичъ) въ своихъ «Запискахъ врача» отмѣчаетъ, что во врачебной средѣ самые звѣрскіе эксперименты надъ людьми обыкновенно встрѣчаютъ полное равнодушіе. «Гордо поднявъ голову,—говоритъ авторъ,—шествуютъ эти своеобразные служители науки, не встрѣчая сколько-нибудь дѣятельнаго отпора ни со стороны товарищей-врачей, ни со стороны врачебной печати» (стр. 149—150). Такова наша культура! Сдѣлавшись образованными европейцами, мы стали какъ будто подражать тому генералу изъ разсказа И. О. Горбунова, который, достигнувъ высокаго положенія, рѣшилъ, что голова ему теперь не нужна. Облекшись въ тогу культурныхъ людей, мы стали думать, что состраданіе и любовь къ ближнимъ для насъ уже излишни.

Новѣйшая русская беллетристика, а равнымъ образомъ близкія наблюденія надъ жизнью—наглядно показываютъ, что интеллигенція въ массѣ своей живетъ повседневными, будничными заботами; когда же встрѣчается съ неизбежными фактами, недоступными ограниченному сознанію человѣка, принимаетъ ихъ какъ что то грозное и страшное, а главное—ненужное и нелѣпое. Въ этомъ отношеніи ярко отражаетъ жизнь въ своихъ произведеніяхъ молодой, но уже извѣстный беллетристъ Леонидъ Ник. Андреевъ. Въ разсказѣ «Большой племъ» «четверо партнеровъ—трое мужчинъ и одна дама—до самозабвенія предаются карточной игрѣ. Они играютъ «осень, зиму, весну и лѣто». Но вотъ съ ними происходитъ несчастье. Одинъ изъ играющихъ, постоянно стремившійся сыграть «большой племъ», но не достигавшій этого, неожиданно полу-

чаетъ на руки всѣ необходимыя для того карты: стоитъ только взять въ прикупъ пиковый тузъ и цѣль будетъ достигнута. Въ то время какъ онъ протягиваетъ руку, чтобы взять прикупъ, силы его покидаютъ и онъ падаетъ мертвымъ. Всѣ, конечно, поражены и опечалены. Но одинъ изъ партнеровъ, аккуратный старичокъ Яковъ Ивановичъ, замѣчаетъ, что въ прикупъ дѣйствительно былъ пиковый тузъ, котораго не доставало умершему, и сознаніе, что послѣдній никогда не узнаетъ объ этомъ, наполнило душу Якова Ивановича недоумѣніемъ и страхомъ. Ему показалось, что онъ до сихъ поръ не понималъ, что такое смерть. Но теперь онъ понялъ, и то, что онъ ясно увидѣлъ, было до такой степени бессмысленно, ужасно и непоправимо. Никогда не узнаетъ! Если Яковъ Ивановичъ станетъ кричать объ этомъ надъ самымъ ухомъ, будетъ плакать и показывать карты, онъ не услышитъ и никогда не узнаетъ, потому что его нѣтъ на свѣтѣ. Еще одно бы только движеніе, одна секунда чего то, что есть жизнь—и онъ увидѣлъ бы туза и узналъ, что у него есть большой шлемъ, а теперь все кончилось, и онъ не знаетъ и никогда не узнаетъ.

Нежеланіе слѣдовать ученію Божественнаго Откровенія и въ то же время безсиліе собственными средствами рѣшить сложныя проблемы жизни повергаютъ интеллигента въ страхъ, въ недоумѣніе, вселяютъ въ него болѣзненное недовѣріе къ себѣ. Докторъ Керженцевъ въ разсказѣ того же Л. Н. Андреева «Мысль», убившій съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ жениха отвергнувшей его любимой дѣвушки и притворившійся невмѣняемымъ, вслѣдствіе чего попалъ въ домъ душевно-больныхъ, говоритъ: «—А что, если я дѣйствительно сумасшедшій? Быть можетъ я не притворяюсь, а на самомъ дѣлѣ убилъ потому, что я дѣйствительно сумасшедшій». Тотъ же докторъ сознается: «самое страшное, что я испыталъ—это было сознаніе, что я не знаю себя и никогда не зналъ».

Въ лучшихъ случаяхъ, когда человѣкъ съ добрымъ сердцемъ не находитъ цѣли и смысла въ этой жизни, онъ обращается къ туманной, мистической вѣрѣ. Соня, въ пьесѣ Ант. П. Чехова «Дядя Ваня», на жалобу Войницкаго, что ему тяжело, отвѣчаетъ: «что же дѣлать, надо жить!.. Мы, дядя Ваня, будемъ жить. Проживемъ длинный-длинный рядъ дней, долгихъ вечеровъ; будемъ терпѣливо сносить испытанія, какія пошлетъ намъ судьба, будемъ трудиться для другихъ и теперь, и въ старости, не зная покоя, а когда наступитъ нашъ часъ, мы покорно умремъ и тамъ за гробомъ мы скажемъ, что мы страдали, что мы плакали, что намъ было горько, и Богъ сжалятся надъ нами, и мы съ тобой, дядя, милый дядя, увидимъ жизнь свѣтлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и

на теперешнія наши несчастія оглянемся съ умиленіемъ, съ улыбкой—и отдохнемъ... Мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ, мы увидимъ, какъ все зло земное, всѣ наши страданія потонуть въ милосердіи, которое наполнить собою весь міръ, и наша жизнь станетъ тихою, нѣжною, сладкою, какъ ласка...»

* * *

Да, новый годъ наводитъ на грустныя думы по вопросу о задачахъ миссіи среди интеллигенціи. Если-бы наше образованное общество пожелало ближе ознакомиться съ ученіями церкви, съ твореніями святыхъ отцовъ и христіанскихъ писателей, оно узнало бы изъ этой сокровищницы религіозной мысли и опыта какъ истинный смыслъ нашей жизни, такъ и смыслъ новогодняго дня. Оно узнало-бы, что новый годъ дѣйствительно нужно праздновать, но совершенно иначе.

Чтобы рѣшить вопросъ, какъ относиться къ дню новаго года, не нужно забывать, что истинное счастье не заключается въ чемъ-либо вещественномъ, матеріальномъ. Оно—въ Богѣ. «Единственное жизненное и неотѣненное сокровище сердца нашего есть Богъ,—говоритъ о. Іоаннъ Кронштадтскій; оно дается только тѣмъ въ неотъемлемую собственность, кто отрекся міра и всего, что въ мірѣ, и отъ многострастной плоти своей. Примѣняться же къ міру и его преходящимъ, минутнымъ благамъ безразсудно и гибельно; ибо они жизни не даютъ и пристрастіе къ нимъ—дѣло діавола».—Быть-можетъ, свѣтскому человѣку слова высокочтимаго пастыря покажутся строгими и невыполнимыми для большинства. Но это было-бы его ошибкой. Когда намъ приходится отказываться отъ какого-нибудь дурного навыка, чтобы замѣнить его доброй привычкой, мы тоже склонны обѣлять себя и выставлять трудность предстоящей задачи. Странно слышать даже, что жизнь въ Богѣ можетъ показаться кому-нибудь тяжелой. Неужели жизнь «по стихіямъ міра» представляетъ путь, усыпанный розами, и не заставляетъ человѣка часто страдать, терпѣть горе и даже тяготиться ею? Боязнь и нежеланіе отдаться Богу происходятъ, всего чаще, отъ неправильнаго или поверхностнаго представленія всего, что относится къ религіозной области. «Цвѣтъ митры считаютъ принадлежностью извѣстнаго сана,—говоритъ новопоставленный русскій архипастырь.—Не могутъ отличить священническихъ крестовъ отъ всякихъ другихъ. Духовнымъ лицамъ пишутъ по такимъ адресамъ: «его высокоблагородію преосвященному архимандриту господину такому-то»... Если изъ Евангелія многіе не знаютъ десятка текстовъ, то о службахъ нашихъ уже лучше ничего

не говорить. Не понимая смысла того или другого богослуженія, его страшно критикуютъ и перестаютъ даже ходить въ церковь... Жизни духовенства не знаютъ. Многіе даже нашихъ школъ совершенно не знаютъ. Нѣкоторые не имѣютъ никакого представленія не только о нашихъ семинаріяхъ, но даже и объ академіяхъ. Разспрашивая о школахъ, задаютъ такіе вопросы: «употребляютъ-ли теперь въ семинаріяхъ розги?» Хороши представленія о нашей школѣ... Спрашиваютъ еще: «всѣхъ-ли семинаристовъ и академиковъ постригаютъ въ монахи?» О другихъ легендахъ, распространяемыхъ свѣтскими людьми о нашихъ школахъ, нѣтъ нужды и говорить» ¹⁾.

* * *

Все лучшее, все высокое, что заложено въ душѣ человѣка—чувство истины, добра, красоты—все это въ Богѣ, какъ высшей истинѣ, вышемъ добрѣ, высшей красотѣ.

Вся настоящая наша жизнь является для насъ временемъ подвига для приготовленія себя къ вѣчности. Пусть на пути осуществленія нами христіанскаго идеала встрѣчаются препятствія,—они только помогутъ человѣку глубже заглянуть въ себя, сознать свое безсиліе и искать помощи въ божественной благодати, и «сила Божія въ немощѣхъ совершится». Не видимъ-ли мы, что люди изъ нашей-же среды, обладающіе твердой волей и рѣшимостью жить для Христа, достигаютъ чудныхъ высотъ христіанской жизни? Для нихъ жизнь—Христосъ и смерть—приобрѣтеніе»...

Итакъ, если съ этой именно точки зрѣнія мы станемъ рѣшать вопросъ, какъ относиться къ новогоднему дню, получить отвѣтъ будетъ не трудно. Новый годъ напоминаетъ намъ, что земная жизнь наша движется впередъ и, слѣдовательно, становится ближе ея окончаніе. Надо вникнуть въ себя, почувствовать свою грѣховность и въ новомъ году постараться, при помощи Божіей, загладить ее дѣлами христіанской жизни. Чудныя строки по этому поводу находимъ мы у Блаженнаго Августина: «Человѣкъ недостаточно цѣнить время—это драгоценное сокровище, дарованное ему свыше для того, чтобы оно ему послужило для достиженія вѣчнаго блаженства. Разъ потерявъ время, мы его навсегда утратили, такъ какъ вернуть его уже невозможно!.. Всѣ мы знаемъ это,—и, по большей части, все-таки злоупотребляемъ имъ, не извлекаемъ изъ него себѣ пользы;—но расходуетъ его напрасно на удовлетвореніе нашихъ пагубныхъ страстей... Какъ невозможно купаться дважды въ одной же водѣ потока, такъ не дано и намъ проснуться дважды въ тѣ

¹⁾ *Архимандритъ (нынѣ Епископъ) Евдокимъ.*—«Обзоръ журналовъ». Богосл. Вѣстн., Окт. 1903 г., стр. 349—350.

же самыя мгновенія жизни: протекають воды рѣки, улетаютъ часы жизни и незамѣтно для насъ замѣняютъ другъ друга... Ничего нѣтъ постоянного на землѣ: все то, что солнце озаряетъ—не постоянно, какъ и оно само; все сокрушается подъ тяжестью лѣтъ... Господь одинъ Всемогущъ и неизмѣняемъ! Быстрѣ молніи мчится время и все болѣе и болѣе приближается къ вѣчности. Но быстрота его не поражаетъ благочестиваго христіанина, потому что онъ спокойно смотритъ на время, на жизнь и на смерть; безъ грусти въ душѣ слѣдитъ онъ за совершающимися въ природѣ явленіями, отъ глубины душевной прославляетъ неисповѣдимыя судьбы Божіи и пользуется каждымъ мгновеніемъ жизни, чтобы стяжать себѣ право войти въ царствіе Божіе». (Изъ слова о времени и вѣчности).

Замѣняя на новый годъ зрѣлища (особенно подозрительной полезности), безплодныя мечты и т. п. «оброцы» новогодняго времяпровожденія молитвой, дѣлами милосердія и тихими семейными радостями, мы будемъ относиться ко дню новаго года по христіански. То, что говорилъ нѣкогда Златоустъ своимъ слушателямъ, можно повторить и теперь: «Счастливъ для тебя будетъ годъ во всемъ не тогда, когда ты будешь пьянствовать въ первый день, но если и въ первый и въ каждый день будешь дѣлать угодное Богу... Радость бываетъ не отъ пьянства, но отъ духовной молитвы, не отъ вина, но отъ пазидательнаго слова. Ничто обыкновенно такъ не ведетъ къ спокойствію и радости, какъ правила любомудрія—презирать настоящее, стремиться къ будущему, не считать ничего человѣческаго постояннымъ—ни богатства, ни власти, ни почестей, ни покровительства. Если ты научился такъ мужествовать, то не будетъ терзать тебя зависть, когда увидишь богатаго, и когда попадаешь въ бѣдность, не унизишься отъ бѣдности; и такимъ образомъ будешь въ состояніи постоянно праздновать. Христіанину свойственно праздновать не въ извѣстные мѣсяцы, не въ первый день мѣсяца, не въ воскресные дни, но всю жизнь проводить въ приличномъ ему празднованіи. Какое-же прилично ему празднованіе? Объ этомъ послушаемъ ап. Павла, который говоритъ: *тъмже да празднуемъ, не въ квась ветсь, ни въ квась злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины* (1 Кор. V, 8). Итакъ, если у тебя чиста совѣсть, то ты имѣешь постоянный праздникъ, питаешься добрыми надеждами и утѣшаешься упованіемъ будущихъ благъ; если же ты не спокоенъ въ душѣ и виновенъ во многихъ грѣхахъ, то и при тысячахъ праздниковъ и торжествъ ты будешь чувствовать себя не лучше плачущихъ. Какая мнѣ польза отъ свѣтлаго дня, когда душа моя помрачена укоризнами совѣсти? Такимъ образомъ, если ты хочешь получить пользу и отъ начала новыхъ мѣсяцевъ, то посту-

пай такъ: по окончаніи года возблагодари Владыку, что Онъ сохранилъ тебя до этого предѣла годовъ; сокрушись своимъ сердцемъ, исчисли время твоей жизни и скажи самъ себѣ: дни бѣгутъ и проходятъ; годы оканчиваются; много пути нашего мы уже совершили, а что сдѣлали добраго? Неужели пойдемъ отсюда безъ всего, безъ всякой добродѣтели?.. Такъ любомудрствуй при началѣ новыхъ мѣсяцевъ; это приводи на память при годовыхъ кругообращеніяхъ; станемъ помышлять о будущемъ днѣ, чтобы не сказалъ кто-нибудь о насъ того-же, что сказалъ пророкъ объ іудеяхъ: *исчезоша въ суетъ дніе ихъ* (Псал. LXXVII, 33)».

Борисъ Свѣтскій.

Новогодняя памятка православнаго.

Наступилъ новый годъ, четвертый въ новомъ столѣтіи, которое, чувствуется, чревато событіями важными и знаменательными. «Времена люта», о которыхъ пророчествовалъ святой апостоль Павелъ, давно себя дали знать, и весь истекшій 19-й вѣкъ, канувшій въ море вѣчности, представляетъ уже собою періодъ «лютыхъ временъ».

Предстоящій новый 1904 годъ полезно намъ, православнымъ, представлять въ своей душѣ какъ новую ступень той лѣстницы, которою мы всѣ нисходимъ къ узкому ущелью смерти, которымъ мы всѣ безъ единого снидемъ въ область «сѣни смертной»... Доживемъ ли мы съ тобою, братъ-читатель, до будущаго 1905 года, не говоря уже о 1906, 1907 и дальнѣйшихъ?

Не долгъ ли нашъ будить въ себѣ и своихъ братіяхъ сознаніе и чувство приближающейся къ намъ, какъ тать, смерти? Господь, правда, поправилъ смерть Своею смертию и воскресеніемъ, но Онъ же открылъ намъ вмѣстѣ съ симъ и о второй болѣе страшной, вѣчной смерти, которой можемъ мы подвергнуться, если будемъ упрямо и ожесточенно оскверняться похотями и страстями. Намъ, православнымъ, не страшна смерть первая, ибо мы совершенно увѣрены въ истинѣ воскресенія, въ томъ, что мы воскресемъ. Но мы всею душою и сердцемъ должны бояться смерти второй, которую вѣчно будутъ испытывать тѣ, которые услышатъ ужасный приговоръ Праведнѣйшаго Судіи: «идите отъ Меня, проклятій, во огонь вѣчный».

Можно ли молчать объ этой опасности, которая для вѣрующаго реальна болѣе, чѣмъ видимый міръ. Вѣдь видимый міръ, при смерти, которой я могу подвергнуться уже сегодня, а не только завтра,

исчезаетъ для меня, какъ «соніе возстающаго» отъ сна. Но смерть вѣчная или жизнь вѣчная, мука вѣчная или блаженство вѣчное—могутъ уже предназначаться для меня и тебя, дорогой братъ-читатель, съ момента смерти нашей. Не ясно ли, что новый годъ нужно бы всегда начинать со тщательнаго сосредоточеннаго размышленія о приблизившейся къ намъ всѣмъ еще на одинъ годъ минутъ развязки, когда тѣло разлучено будетъ горькимъ и недоумѣннымъ разлученіемъ отъ души, и когда уже не будетъ мѣста покаянію, и лишь единственная надежда останется на молитвы церкви, да и то только для тѣхъ православныхъ, которые, живя въ страстяхъ, не чужды были добрыхъ дѣлъ и сумѣли оставить по себѣ добрую память въ людяхъ, способныхъ о нихъ помолиться и подвизаться подвигомъ любви.

Только при памятованіи смертнаго часа, подкрадывающагося къ намъ подобно татю, всѣ вещи и событія міра сего представляются въ должномъ правильномъ свѣтѣ, а безъ такой памяти каждая мелочь представляется чѣмъ то грандіознымъ. Если мы будемъ всегда готовы къ смерти, мы не предадимся отчаянію, при событіяхъ даже міровой катастрофы. А надо быть совершенно чуждымъ Духа Божія (Коего мы обязаны быть причастниками), чтобы не чувствовать, что наступившее новолѣтіе чревато событіями самыхъ поразительныхъ. Теперь то и необходимъ весь запасъ мужества, теперь то и нужна вѣра горячая, упованіе, о которомъ сказано: «праведникъ уповаетъ, яко левъ», теперь то нужно имѣть сердце чистое, недоступное для отчаянія. Когда умножился грѣхъ, надо запасаться великою благодатью, которую всегда готовъ излить на насъ и въ сердца наши Спаситель и Богъ нашъ, обѣщавшій быть съ нами не только въ XX вѣкѣ, но даже и до скончанія вѣка. Аминь.

Серафимъ Изгоевъ.

МИССИОНЕРСКІЯ ПРОПОВѢДИ.

I. Слово на Рождество Христово 25 декабря 1903 г.

О. Иоанна Кронштадтскаго.

Такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. (Іоан. 3, 16).

Бездна бездну призываетъ. (Псал. 41, 8).

Сегодня церковь наша и многія церкви христіанскія въ мірѣ, исповѣдающія православную вѣру, празднуютъ величайшее въ мірѣ событіе, отъ котораго ведется христіанское лѣтосчисленіе, именно—Рождество по плоти безначальнаго Сына Божія, Творца вѣковъ и всего міра видимаго и невидимаго.

Оно было предопредѣлено въ предвѣчномъ Совѣтѣ Божіемъ и предсказано многими пророками. Рождество Христово есть дѣло безконечной благодати и милости, правды и премудрости Божіей, которымъ спасается весь міръ, погибающій грѣхами и неисчетными бѣдами—спасается черезъ искреннюю вѣру во Христа, какъ Сына Божія и Искупителя человѣковъ чрезъ крещеніе и нелицемѣрное покаяніе. *Иже въру иметъ и крестится спасенъ будетъ; а иже не иметъ въры осужденъ будетъ.* (Марк. 16, 16) *Покайтесь,—ибо приблизилось царство небесное.* (Мѡ. 4, 17).

Явленіе въ мірѣ Бога во плоти и вся чудная, всеправедная, спасительная жизнь Его на землѣ съ Его ученіемъ, безчисленными, благотворными чудесами, съ Его страданіями и смертію всеискупительными были вызваны и пред-

назначены безмѣрною благостію, жалостію и снисхожденіемъ Трисолнечнаго Божества къ падшему человѣку чрезъ лествицу человѣкоубійцы и, иначе какимъ-нибудь образомъ—человѣческой родъ, падшій добровольно въ глубину грѣховнаго растлѣнія, спасень бытъ не могъ—какъ только всепримирительною и всеискупительною добровольною жертвой Сына Божія, воплотившагося и вочеловѣчившагося, страдавшаго, умершаго по плоти, воскресшаго изъ мертвыхъ, восшедшаго на небеса и возсѣдшаго одесную *Отца, имѣющаго* всякую власть на небѣ и на землѣ. (Дѣян. 1, 7).

Внимайте благоговѣйно, братія и сестры, слову о неотложной потребности воплощенія Сына Божія для спасенія рода человѣческаго. Я уже упомянулъ о томъ отчасти въ началѣ слова. Теперь скажу подробнѣе. Слушайте. Бездна грѣховъ человѣчества вызывала бездну искупленія; ибо люди чрезъ грѣхъ продали сами себя діаволу и не могли возвратиться къ правдѣ, которую попрали; бездна неправдъ человѣческихъ вызывала бездну оправданія чрезъ добровольное исполненіе правды Божіей Сыномъ человѣческимъ; бездна нечистоты грѣха требовала бездны очищенія; бездна гордости человѣческой—бездны смиренія Богочеловѣка до смерти и смерти крестной; бездна зла—бездны благости и милосердія; бездна безумія—бездны разума Божія; бездна тьмы грѣха—бездны свѣта Божія, какъ сказано: *спящихъ во тьмѣ и снѣхъ смертныи увидѣли свѣтъ великій* (Исаіи 9, 2); бездна заблужденія вызывала бездну покаянія и исправленія; бездна тлѣнія—бездну нетлѣнія; бездна смерти,—въ которую винулось человѣчество чрезъ грѣхъ,—вызывала явленіе безконечной жизни, которая есть Сынъ Божій; *возвѣщаемъ вамъ вѣчную жизнь*, говоритъ апостолъ Іоаннъ, *которая была у Отца и явилась намъ* (1 Іоан. 1, 2). Бездна нарушенія правды Божіей требовала бездны удовлетворенія ей: *такъ надобно исполнить намъ всякую правду* (Мѡ. 3, 15), говорилъ Господь Предтечъ, и до іоты исполнилъ весь законъ Божій за насъ; безмѣрность проклятія праведнаго за безчисленные грѣхи—требовала бездны милости и благо-

словенія; безконечность мученій адовых—вызвала искупленіе отъ безмѣрныхъ мукъ и дарованіе туне, за вѣру, вѣчнаго блаженства; вѣчность казни—вѣчность помилованія; бездна разстоянія, которую породилъ грѣхъ между Богомъ и человѣкомъ — вызывала бездну снисхожденія Божія къ вѣрующему и кающемуся человѣку, приближенія Бога къ человѣку, исчезавшему въ страшномъ удаленіи своемъ отъ Него, соединенія съ Богомъ во Христѣ и всецѣлаго присвоенія Богу, чрезъ покаяніе и добродѣтель; бездна грѣховнаго суетумудрія и безумія вызывала бездну просвѣщенія свѣтомъ Божиимъ, бездна лукавства человѣческаго—бездну святой простоты Божіей, въ каковой явился Богъ въ лицѣ Ісуса Христа, и въ подобіи которой явились Его апостолы, простецы міра сего, умудренные Духомъ Святымъ, покорившіе простотою своею проповѣди мудрыхъ и великихъ людей міра сего, философовъ, риторовъ, царей и царства.

Итакъ человѣчество имѣло крайнюю нужду въ воплощеніи вѣстаснаго зиждительнаго Слова Божія, Плотноносца Бога, пожившаго Богомужно, въ двухъ естествахъ—Боже-скомъ и человѣческомъ неслиянно, нераздѣльно и неразлучно; имѣло нужду въ житіи Его на землѣ между людьми, какъ образъ жизни нашей. *Я далъ вамъ примѣръ*, говорилъ Онъ ученикамъ Своимъ, по умовеніи ихъ ногъ, *чтобы и вы поступали такъ, какъ Я*. (Іоан. 13, 15). Человѣчество имѣло нужду въ Его крещеніи, коимъ Онъ показалъ, узаконилъ и освятилъ наше крещеніе или таинственное возрожденіе наше въ купели крещенія; человѣчество имѣло крайнюю нужду въ Его просвѣтительномъ, зиждительномъ, всеисцѣляющемъ, вседержавномъ, всепокоряющемъ словѣ, коимъ исцѣлялись всякія болѣзни, убѣгала смерть, коему повиновались всѣ стихіи; нуждалось въ Его крестѣ, въ Его всеискупительныхъ страданіяхъ и смерти, въ тайнѣ причащенія Тѣла и Крови Его;—въ побѣдѣ надъ смертію и адомъ и въ воскресеніи Его изъ мертвыхъ, коимъ поражена въ самую главу и сердце наша всеродная смерть, и которое стало начаткомъ воскресенія всѣхъ умер-

шихъ,—въ Его вознесеніи на небо, чрезъ которое Онъ восшелъ предтечею о насъ къ Отцу, чтобы ходатайствовать за насъ и въ ниспосланіи на землю на церковь земную Духа Святаго, Господа Животворящаго, Содѣтеля совершеннаго Сыномъ Божіимъ спасенія. Вотъ сколь дивное, благое, премудрое и праведное смотрѣніе Божіе явилось въ Рождествѣ по плоти Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа,—какое славное и страшное промышленіе Божіе о спасеніи рода человѣческаго!—Вотъ какой предвѣчный Совѣтъ Божій исполнилъ Сынъ Божій, Иисусъ Христосъ, безсѣменно зачатый и родившійся въ Вифлеемѣ, по предреченію пророковъ отъ безневѣстной и пречистой Дѣвы Маріи и отъ Духа Святаго. И этотъ то Совѣтъ Божій, это явленіе Бога во плоти нынѣшніе еретики, во главѣ съ безбожнѣйшимъ въ мірѣ еретикомъ Львомъ Толстымъ, вмѣстѣ съ древними Аріями и Македоніями—отвергають къ своей собственной и многихъ, многихъ совращенныхъ ими единомышленниковъ—погибели. Господь *Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи челоувѣчествъ бывъ, и образомъ обрѣтеся якоже челоувѣкъ: смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя.* (Филип. 2, 7—8); а гордые еретики возносятъ мѣднѣе чело свое до небесъ и изрыгаютъ хулу на Создателя и Спасителя своего и *языкъ ихъ проходитъ по земль* (Псал. 72, 9), соблазняя и совращая въ погибель подобныхъ имъ.

А мы, братья и сестры, прославимъ величіе, всемогущество, благодать и премудрость Родившагося отъ Пречистой Дѣвы въ Вифлеемѣ, въ обличеніе нашимъ еретикамъ,—прославимъ словами церковной молитвы (Требникъ-водосвят. молитва): «Безмѣрно величіе Твое, Господи, и никакой языкъ ни челоувѣческій, ни ангельскій не можетъ изъяснить и прославить чудесъ Твоихъ. Ибо Ты однимъ только хотѣніемъ Своимъ все привелъ изъ небытія въ бытіе. Твоею державой Ты содержишь всю тварь—и Твоимъ промысломъ благоустраиваешь міръ и носишь его всесильнымъ словомъ въ совершенномъ и неизмѣнномъ чинѣ. Ты составивъ всю тварь

изъ четырехъ стихій, увѣнчалъ годовой кругъ четырьмя
преемственными временами (весною, лѣтомъ, осенью и зи-
мой); Тебя прославляютъ солнце и луна; Тебѣ присутству-
ють звѣзды; Тебя слушаетъ свѣтъ; Тебя трепещутъ бездны;
Тебѣ работаютъ источники; Ты простеръ небо какъ ша-
теръ; Ты утвердилъ землю ни на чемъ однимъ Своимъ по-
велѣніемъ; Ты оградилъ море пескомъ; Ты для дыханія
тварей одушевленныхъ и органическихъ разлилъ воздухъ
животворный; Ангельскія безчисленные молніезрачныя во-
инства Тебѣ служатъ; Архангельскіе лики Тебѣ кланяются;
многоочитые херувимы и страшные Серафимы, предстоящіе
Тебѣ, облетая престолъ Твой пламенѣющій — покрываютъ
лица свои отъ неприступной славы Твоей. И Ты-то, Богъ
непостижимый, безначальный, неизглаголаный благоволилъ
прийти на землю, принявъ образъ раба, бывъ въ подобіи
человѣческомъ. Ибо не потерпѣлъ Ты видѣть мучимымъ
Твое возлюбленное созданіе отъ всезлогобнаго діавола, но
Самъ пришелъ на землю, побѣдилъ его, разрушилъ адъ
всепагубный и спасъ увѣровавшее въ Тебя человѣчество.
Исповѣдуемъ благодать, проповѣдуемъ громко милость Твою,
не таямъ благодѣянія. Ибо Ты, будучи Богомъ, явился на
землѣ и пожилъ съ человѣками. Ты освятилъ Іорданскія
струи и сокрушилъ гнѣздящихся въ немъ главы змій».

Видите величіе Рожденнаго въ Вифлеемѣ Богомладенца
Исуса Христа; слышите, какъ прославляетъ Его церковь
Духомъ Святымъ.

Будемъ же *служить* Ему всѣ *со страхомъ*, вѣруя въ Него
искренно и исполняя святые заповѣди Его—и *радоваться*
Ему съ трепетомъ (Псал. 2, 11).

Отъ души привѣтствую васъ съ пресвѣтлымъ праздни-
комъ Рождества Христова. Аминь.

III. Слово о старомъ и новомъ пути спасенія.

О. Иоанна Кронштадтскаго.

Азъ есмь путь и истина и животъ и никто же придетъ ко Отцу, токмо Мною (Иоан. XIV, 6).

Такъ говоритъ Господь: «Я путь, истина и жизнь, и если кто хочетъ идти къ Богу, долженъ пройти черезъ Меня». Такое глубокое, важное, восхитительное слово, полное Божественнаго величія, возвѣстилъ Спаситель нашъ міру. Люди до Христа блуждали по путямъ, ведущимъ къ заблужденію, къ смерти, къ проклятію, всѣ сходили во адъ и никто не могъ идти на небо. Небо было заключено для людей, и только Господь крестомъ Своимъ отверзъ людямъ входъ на небо. Люди до Христа жили въ идолопоклонствѣ, въ мерзостяхъ грѣховныхъ. Жалкое состояніе было рода человѣческаго до Христа! И вотъ, Собезначальный Творецъ неба и земли и самаго рода человѣческаго, по предвѣчному Совѣту, благоволилъ придти на землю и для того, чтобы люди не забывали Своего Сладчайшаго Спасителя, слѣдовали по стопамъ Его, благоволилъ на землѣ основать церковь Свою: Единую, Святую, Соборную, Апостольскую церковь и въ ней положилъ всю благодать, всѣ благодатныя средства, черезъ которыя мы можемъ спастись, обрѣтать истину, животъ, примиряться съ Богомъ черезъ вѣру, покаяніе, причащеніе Безсмертныхъ и Животворящихъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Церковь и только церковь, какъ истинная, Богомъ данная Учительница, учитъ насъ правому пути. Азъ есмь путь! Одинъ только Господь показалъ намъ истинный путь. Какой это путь? Это—вѣра твердая въ Господа нашего Іисуса Христа и купно во Св. Троицу, тайну воскресенія мертвыхъ и будущаго вѣка. Это—путь Евангелія, распинанія нашей многострастной плоти съ ея страстями и похотями, молитва, постъ, чистота, святость, кротость, смиреніе, милосердіе. Этимъ путемъ прошелъ Самъ Начальникъ и Совершитель нашей вѣры (Евр. XII. 2)—Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Такъ, напр., 40 дней постился Онъ, не вкушая никакой пищи, не пія ни единой

капли воды. Я почему говорю объ этомъ пути? А потому, что въ нынѣшнее время появились неучи, недоученные люди, знающіе лишь свѣтскую науку, которые проповѣдуютъ другой путь. Можно ли найти другой путь? 6000 лѣтъ люди блуждали во мракѣ и не находили истины, пока Самъ Единородный Сынъ Божій не пришелъ въ міръ засвидѣтельствовать истину. Онъ былъ свидѣтелемъ, живымъ Словомъ Отца и никто, кромѣ Его, не могъ примирить чловѣка грѣшника съ Богомъ Святымъ: люди не знали мира, не знали того, какъ придти къ Богу.

«Только Господь открылъ людямъ: Кѣмъ и для кого все было сотворено, въ Комъ нужно почерпать каждый день свою силу и свою жизнь. Умники неумные, вродѣ Толстого и его послѣдователей, хотятъ найти другой путь и, сбившись съ истиннаго пути, находятъ путь заблужденія, отверженія Христа; не хотятъ вѣровать въ то, что вѣками установлено, Самимъ Богомъ открыто возвѣщено; отвергаютъ церковь, таинства, руководство священнослужителей и даже выдумали журналъ *«Новый путь»*. Этотъ журналъ задался цѣлью искать Бога, какъ будто Господь не явился людямъ и не повѣдалъ намъ истиннаго пути. Не найдутъ они больше никакого пути, какъ только во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ. Этимъ путемъ прошли милліоны людей, чудно спаслись и получили вѣчную радость на небѣ. Къ чему же приводятъ мои слова? Къ тому, чтобы держаться того пути, который есть Христосъ и Его истинная церковь, держаться спасительныхъ таинствъ. Другіе пути всѣ ведутъ въ гибель. Это сатана открываетъ эти новые пути, и люди безсмысленные, буи, не понимающіе, что говорятъ, губятъ и себя, и народъ, такъ какъ свои сатанинскіе мысли распространяютъ среди него. Крѣпко, остро уши держите, знайте единый путь, черезъ который спаслись милліоны людей. Никакіе Толстые и ихъ послѣдователи никакого не найдутъ и не покажутъ намъ другого такого, какъ нашъ, вѣрнаго пути, а сами лишь постыдятся и какъ дымъ исчезнутъ.

III. Поученіе о крестномъ знаменіи

(въ обличеніе сектантовъ).

Свящ. Тимоѣя Лещенецкаго.

*„И положу на нихъ“, т. е. вѣрующихъ
во Христа, „знаменіе“, говоритъ Господь
(Исаіи 66 гл. 19 ст.).*

Еще за 700 лѣтъ до Рождества Христова ветхозавѣтный евангелистъ, пророкъ Исаія, предсказалъ, что Господь положитъ на вѣрующихъ во Христа (Мессію), знаменіе. И, дѣйствительно, всѣ христіане, за исключеніемъ сектантовъ, знаменаютъ себя крестнымъ знаменіемъ. Поелику и у насъ въ приходѣ есть такіе люди, которые отвергають крестное знаменіе, называя его вторичнымъ распятіемъ Христа, то въ настоящій день побесѣдуемъ, братіе, о значеніи крестнаго знаменія, объ основаніяхъ для него въ Словѣ Божьемъ и о той опасности, какой подвергаютъ себя отвергающіе крестное знаменіе.

Въ крестномъ знаменіи кратко выражается сущность христіанской вѣры, надежды и любви. Мы изображаемъ на себѣ крестное знаменіе въ знакъ того, что вѣруемъ въ Господа Іисуса Христа, распятаго ради нашего спасенія на крестѣ. Три первые пальца ровно складываемъ при крестномъ знаменіи для того, что вѣруемъ въ Троичность Божественныхъ Лицъ, равныхъ между Собою по существу; два послѣднихъ перста пригибаемъ къ ладони, ибо вѣруемъ въ два неслитныхъ естества въ Іисусѣ Христѣ, Божеское и человѣческое, т. е. вѣруемъ въ тайну воплощенія Христова. Потому-то по крестному знаменію истинно-вѣрующіе во Христа отличаются, во первыхъ, отъ нехристіанъ: язычниковъ, магометанъ и свреевъ и, во вторыхъ, отъ разныхъ сектантовъ.

Кромѣ вѣры, мы выражаемъ крестнымъ знаменіемъ и надежду нашу на крестныя заслуги Христовы. Одна молитва наша безъ крестнаго знаменія, по причинѣ нашего недовѣрія, можетъ быть не услышана Богомъ. Молитва же, сопровождаемая крестнымъ знаменіемъ, скорѣе можетъ подвинуть Бога Отца на милосердіе къ намъ. Такая молитва, по истинѣ, будетъ молитвой къ Отцу во Имя Сына, а Господь сказалъ: *«о чемъ ни попросите Отца во имя Мое, дастъ вамъ»* (Іоан. 16 гл. 23 ст.).

Наконецъ, въ крестномъ знаменіи выражается и любовь христіанская. Когда мы кладемъ 3 пальца на чело или лобъ, то мы посвящаемъ Богу свой умъ, свои мысли; когда кладемъ ихъ на грудь, — то посвящаемъ Богу сердце и волю, т. е. чувствованія и желанія, когда кладемъ на плечи, то посвящаемъ Богу свои силы и дѣйствія, ибо въ плечахъ человѣческихъ заключается сила, — руками человѣкъ дѣйствуетъ. Такимъ образомъ въ крестномъ знаменіи мы выражаемъ наше намѣреніе и готовность: *«возлюбить Господа Бога своего всѣмъ сердцемъ своимъ . . . всѣмъ разумніемъ своимъ и всею крѣпостію своею»* . . . (Марк. 12, 30).

Изъ церковной исторіи и житій святыхъ мы научаемся, что истинное употребленіе крестнаго знаменія сопровождалось чудесами. Евангелистъ Іоаннъ Богословъ исцѣлилъ крестнымъ знаменіемъ больного. Еванг. Матеей исцѣлилъ имъ-же отъ слѣпоты одного князя. Ап. Филиппъ—разслабленнаго Аристарха. Первомуч. Оекла, осѣнивъ крестнымъ знаменіемъ горячіе подъ нею хворостъ и дрова, пребывала невредима въ огнѣ. Св. епископъ Юліанъ выпилъ осѣненный крестнымъ знаменіемъ ядъ и остался невредимъ.

Но, спросятъ нѣкоторые: есть-ли основанія въ словѣ Божьемъ для крестнаго знаменія? Есть и очень достаточныя. Въ 66 гл. кн. пророка Исаіи говорится, что когда къ церкви Христовой обратятся язычники, то *«Господь положитъ на нихъ знаменіе»* (Ис. 66 гл. 19 ст.), т. е. то знаменіе, о которомъ говоритъ евангелистъ Матеей въ 24 главѣ: *«тогда явится знаменіе Сына Человѣческаго на небѣ, и тогда вос-*

плачутся всѣ племена земная и увидятъ Сына Человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великой».... (Матѣ. 24, 30).

По толкованію отцовъ и учителей церкви, подъ симъ знаменіемъ разумѣется Крестъ Христовъ. Ап. Павелъ въ посланіи къ евреямъ говоритъ: *«Иисусъ ... пострадалъ вниравъ. Итакъ выйдемъ къ Нему за станъ, нося Его поруганіе;»* ... Значить, апостолъ заповѣдуетъ намъ носить на себѣ поруганіе Христово, т. е. крестъ. Мы это и дѣлаемъ, изображая на себѣ поруганіе Христово въ видѣ крестнаго знаменія и нося на себѣ вещественные кресты, напоминающіе намъ о Крестѣ Христовомъ.

Сектанты говорятъ, что не употребляютъ крестнаго знаменія потому, что не желаютъ *«снова распинать въ себѣ Сына Божія и ругаться Ему»*... (Евр. 6, 6). Но по слову апостола снова распинаютъ въ себѣ Сына Божія тѣ, которые отпадаютъ отъ вѣры, и тѣ вообще, которые, считаясь христіанами, блуждаютъ во тьмѣ грѣховъ и тѣмъ для своего спасенія какъ бы вызываютъ Сына Божія на вторичное распятіе.

Не послѣдовавъ мудрымъ словамъ ап. Іакова: *«не многіе дѣлайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большому осужденію, ибо всѣ мы много согрѣшаемъ»* (Іак. 3, 1—2), отвергающіе употребленіе крестнаго знаменія поступаютъ какъ враги Креста Христова»... (Филип. 3, 18), о которыхъ ап. Павелъ говоритъ со слезами. Мало того, они добровольно принимаютъ на себя одинъ изъ признаковъ послѣдователей антихриста. Противникъ Христа, по примѣру истинныхъ послѣдователей Христовыхъ, употребляющихъ крестное знаменіе, и на своихъ послѣдователей положить знаменіе или печать на правую руку ихъ и на чело. Эта печать будетъ обозначать или имя антихриста (звѣря), или число имени его 666. Св. Отцы церкви говорятъ, что принявшіе печать антихриста не будутъ имѣть возможности изображать на себѣ крестное знаменіе, но связана будетъ ихъ правая рука.

Остерегайтесь же, братіе, отвергающихъ крестное знаменіе и не слушайте ихъ, а употребляйте крестное знаменіе, какъ истинную печать Христову, со всякимъ благоговѣніемъ. Твердо помните, что употребленіе крестнаго знаменія заповѣдано Словомъ Божьимъ и ведетъ свое начало отъ апостоловъ. Помните, что въ крестномъ знаменіи выражается наша вѣра въ Распятаго на Крестѣ ради нашего спасенія, наша надежда на Его крестныя заслуги и любовь къ пострадавшему за насъ на Крестѣ. Знайте также, что крестное знаменіе есть дѣйствительнѣйшее средство противъ злыхъ духовъ и для низведенія на насъ благодати Божіей: *«о чемъ ни попросите Отца во имя Мое, дастъ вамъ»* (Іоан. 16, 23 ст.), сказалъ Спаситель.

IV. Бесѣда о молитвѣ

(въ обличеніе хлыстовъ).

Свящ. А. Савѣтова.

*«Сие убо молитесь вы: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ! да святится имя Твое!».. (Мѣ. 6, 9—10). «Пришедъ же на мѣсто, (Христосъ) сказалъ имъ (Апостоламъ): молитесь, *чтобы не впасть въ искушеніе*. И Самъ отошелъ отъ нихъ на верженіе камня и, *преклонивъ колѣна, молился*». (Лк. 22, 40—4).*

Мы излагали, братіе, предъ вами правила *впери* православно-христіанской о Господѣ Іисусѣ Христѣ, Пресвятой Богородицѣ и св. церкви, теперь будемъ излагать правила *жизни* христіанской. Первымъ такимъ правиломъ будетъ правило о молитвѣ.

Что такое молитва и какъ мы, христіане, должны молиться Богу?—Вѣроятно каждому изъ васъ приходилось, дорогіе братіе, когда нибудь со всѣмъ усердіемъ молиться Богу въ церкви или дома, — напр., когда вамъ хотѣлось чего либо полезнаго испросить у Бога, или когда вы ждали себѣ какой либо бѣды, желали отвратить ее и прибѣгали къ Богу за помощью и утѣшеніемъ. Если приходилось, то

вы сами знаете, какъ сладка, утѣшительна, успокоительна бываетъ такая молитва для человѣка! А почему такъ? Потому, что при безпомощности или въ горѣ и несчастіи сердце человѣка смущается, страшится, смиряется,—оно видитъ, что люди не могутъ утѣшить и помочь ему, оттого и прибѣгаетъ къ Богу. Когда такой скорбящій, грѣшный человѣкъ молится Богу, то онъ не стыдится открывать Ему все свое сердце, всю свою душу,—подобно тому, какъ какой нибудь несчастный сынъ или дочь иногда жалуются родному отцу или матери на свои жизненные несчастія и неудачи и просятъ у нихъ совѣта и утѣшенія. Молитва тоже вѣдь есть (пс. 103, 34) бесѣда человѣка съ Богомъ, только бесѣда сердечная, задушевная, исполненная благоговѣнія и при томъ о такихъ вещахъ и дѣлахъ, о которыхъ можно говорить съ Богомъ, ибо Богъ всегда желаетъ только спасенія души человѣческой и подаетъ нужное земное только «ищущему прежде всего царствія Божія и правды Его». (Мѡ. 6, 33). Поэтому, если бы кто неразумно сталъ просить у Бога богатства земнаго, или славы людской, или чтобы Богъ помогалъ ему въ какомъ либо худомъ дѣлѣ и проч., то такой неразумный молитвенникъ не только не будетъ услышанъ Богомъ, но и навлечетъ снова на себя праведный гнѣвъ Божій. Молитва это есть бесѣда человѣка умомъ и сердцемъ своимъ съ Богомъ, имѣющая цѣлю или прославить Бога, или возблагодарить Его за что либо, или испросить у Него чего либо полезнаго для души.

Какъ же великъ въ мірѣ духовномъ человѣкъ, что можетъ бесѣдовать съ Самимъ Богомъ въ молитвѣ и какъ эта молитва должна быть! «чиста и права передъ Богомъ, угодна, пріятна Ему. (Пс. 140, 2)?.. «Да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою, Господи»—поетъ св. церковь словами св. псалмопѣвца. О томъ же должны непрестанно молить Бога и мы, грѣшные, и намъ въ особенности нужна молитва правая, богоугодная.

Въ чемъ же состоитъ «правота» молитвы къ Богу, и когда она бываетъ угодна Ему?

«Богъ есть Духъ: и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ» (Ин. 4, 24, русс. пс.). Эти слова Спаситель сказалъ женѣ Самарянкѣ, вопросившей Его: гдѣ нужно поклоняться Богу и какъ поклоняться? По отношенію къ молитвѣ эти слова Спасителя значатъ вотъ что: Богъ есть духъ, т. е. Онъ не человѣкъ — смертный и грѣшный, какъ всѣ мы, а вѣчный, всеблагій, всевѣдущій, всеправедный, всемогущій, вездѣсущій, неизмѣняемый, вседовольный и всеблаженный Духъ. Поэтому, кланаясь Богу, всегда помни, что Онъ вѣченъ, а ты, человѣкъ, сталъ жить на свѣтѣ только съ извѣстнаго времени, значитъ — смирайся на молитвѣ предъ Богомъ, какъ Его твореніе, и молитвою своею готовь себя къ вѣчной жизни въ Богѣ. Богъ всеблагъ, всеправеденъ, неизмѣняемъ, вседоволенъ и всеблаженъ, а мы, какъ люди, часто бываемъ злы, лукавы, немощны душою и тѣломъ, безсильны и непостоянны въ совершеніи добрыхъ дѣлъ. Поэтому, смиренно проси у Бога на молитвѣ благъ земныхъ и небесныхъ, утѣшенія въ скорбяхъ и печаляхъ, а въ особенности — проси благодати Божіей, прощенія грѣховъ и духовной радости или спокойствія сердца. Богъ всевѣдущъ и всемогущъ, — Онъ знаетъ наше настоящее, прошедшее и будущее — лучше, чѣмъ знаемъ это мы сами; въ Его всесильной власти наша жизнь и смерть, наше здоровье и болѣзнь, наше богатство и бѣдность, наше счастье и несчастье; посему на молитвѣ всего себя со всѣми своими дѣлами и помышленіями научись предавать въ волю Божію, благую, угодную и совершенную. (Рим. 12, 2). Богъ вездѣсущъ, посему на всякомъ мѣстѣ — и въ полѣ, и дома, и въ храмѣ, и среди людей, и одинъ на одинъ непрестанно возноси хвалы, благодаренія и прошенія Ему, благому Творцу нашему, Промыслителю и Спасителю и вездѣ равно будешь услышанъ и помилованъ. Нужно при молитвѣ утѣшать сердце свое тою мыслью, что мы люди — образъ Божій по душѣ своей — разумной и свободной, а Богъ — нашъ первообразъ; поэтому Богъ не можетъ не любить насъ, если мы любимъ Его, и не можетъ не услышать насъ, если мы всею душею обра-

щаемся къ Нему. Въ Новомъ Завѣтѣ насъ христіанъ Господь особенно возлюбилъ, ибо мы чрезъ Госп. І. Христа стали дѣтьми Его, наслѣдниками Его царства, причастниками Духа Св. Что мы стали чрезъ Іис. Христа дѣти Божіи,—объ этомъ свидѣтельствуется молитва Господня, данная намъ Самимъ Спасителемъ, начинающаяся словами: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ!»

Молитва Господня, какъ изшедшая изъ устъ Начальника нашей вѣры и Совершителя Іисуса, есть первая новозавѣтная молитва, какъ бы мать всѣхъ послѣдующихъ христіанскихъ молитвословій. Ее то, братіе, въ особенности нужно знать намъ всѣмъ, чаще прочитывать ее дома и въ церкви, вдумываться въ глубокій смыслъ ея и другихъ научать ей. Воспроизведемъ и сей часъ смыслъ молитвы Господней для своей душевной пользы: «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ!»—Такъ начинается молитва Господня, данная новозавѣтному человѣку, христіанину. Онъ чрезъ Христа Спасителя получилъ право называть Бога Отцомъ своимъ (Римл. 8, 15; Гал. 4, 6), но въ молитвѣ онъ называетъ Бога Отцомъ не своимъ, а *нашимъ*, давая тѣмъ понять, что молится не за себя одного только, а за всѣхъ христіанъ, какъ братьевъ своихъ во Христѣ; называя Бога еще *Отцемъ небеснымъ*, онъ тѣмъ исповѣдуетъ свое памятованіе, что отечество наше настоящее — небо, гдѣ Отецъ нашъ — Богъ.

«Да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси, и на земли». О, какъ драгоценны въ очахъ Божіихъ эти слова, когда человѣкъ любящимъ сердцемъ произноситъ ихъ въ молитвѣ къ Нему. Блаженно, счастливо бы было то время, когда бы люди всѣмъ сердцемъ познали, какъ святъ Господь Богъ нашъ, какъ свято имя Его — великое и чудное, какъ свято существо Божіе, въ которомъ нѣтъ и тѣни порока, которое гнушается даже всякимъ помысломъ неправеднымъ, какъ мерзостью (ст. 1, 5); тогда навѣрно христіане стали бы угождать Богу всѣмъ существомъ, «правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ»

водворились бы въ сердцахъ людей, Самъ Богъ поселился бы въ нихъ духовно и настало бы царство Божіе; тогда воля Господня о спасеніи грѣшныхъ — благая, угодная и совершенная исполнилась бы въ Господѣ Иисусѣ Христѣ на землѣ такъ же, какъ на небѣ Господь Богъ зрѣтъ ее совершившеюся во святыхъ своихъ.

«Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь, и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ, и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго». Если въ первой части молитвы Господней мы являемся ревнителями о славѣ Господней, о царствѣ Его и о волѣ Его, то во второй слышится голосъ людей немощныхъ духомъ и тѣломъ, безсильныхъ достигнуть спасенія безъ благодати Божіей. «Отецъ нашъ небесный! подавай намъ во время этой земной жизни хлѣба тѣлеснаго, т. е. пищи, одежды и жилища, а въ особенности — не лиши насъ духовнаго твоего хлѣба, который есть Слово Твое животворящее, не лиши насъ спасительной благодати Св. Духа, въ таинствахъ изливаемой на души наши, въ особенности — не лиши насъ хлѣба — Плоти Твоей пречистой и питія — Крови Твоей во св. причащеніи. «И остави намъ долги наши», т. е. прости намъ неправды наши предъ Тобою по той мѣрѣ любви, какъ и мы прощаемъ нашимъ ближнимъ обиды ихъ; не попусти намъ, Господи, впасть въ хитро разставленныя сѣти искушеній отъ плоти нашей, отъ злыхъ людей и отъ діавола, но избавь насъ, въ особенности, отъ сего послѣдняго.

«Яко Твое есть царство и сила, и слава во вѣки. Аминь. Въ этомъ славословіи напоминаетъ христіанамъ о безначальности Божія существа, Его всемогущей силѣ и полнотѣ духовныхъ совершенствъ въ Богѣ или славѣ Божіей. Аминь, т. е. мы вѣруемъ, что всѣ слова молитвы Господней есть непреложная истина, какъ Самъ Богъ. Вотъ молитва духа и истины, которой нѣтъ и не можетъ быть подобной у отступниковъ отъ св. церкви, напр., у сектантовъ хлыстовъ. «Какая молитва можетъ быть болѣе духовна», гово-

рить священномученикъ Кипріанъ каре. «какъ не та, которая передана намъ Христомъ, ниспославшимъ намъ и Духа Святаго? Какое моленіе можетъ быть болѣе истиннымъ у Отца, какъ не моленіе, изшедшее изъ устъ Сына, Который есть Истина. Слѣдовательно, молиться не такъ, какъ научилъ Онъ, есть не невѣдѣніе только, но и преступленіе». (О молитвѣ Господней слово. Творенія).

Отъ молитвы Господней, какъ отрасли отъ благодатнаго корня произрасли и другія церковныя молитвы, и всѣ онѣ носятъ въ себѣ одинъ благодатный, святой духъ и есть, по словамъ о. Іоанна Кронштадтскаго, «дыханіе Духа Святаго, какъ бы духовный воздухъ и вмѣстѣ свѣтъ, духовный огонь, духовная пища, и духовное одѣяніе». (Дневникъ т. V-й). Вотъ благодатныя, святыя слова о молитвѣ церковной усерднаго молитвенника земли Русской и добраго пастыря Церкви Христовой, котораго самъ Богъ слышитъ въ его молитвахъ и свидѣтельствуешь, что онѣ правы предъ Нимъ и что мы должны учиться молитвенному подвигу у таковыхъ людей.

Тотъ же пастырь поясняетъ еще, что молитва тогда бываетъ поклоненіемъ «въ истинѣ», т. е. угодно Богу, когда мы, молясь, представляемъ Бога жива предъ собою и въ себѣ самихъ, просимъ просто, съ глубокою вѣрою, ничтоже сумняся», просимъ не для себя однихъ, но и для всѣхъ вѣрныхъ, для всего тѣла церкви благъ духовныхъ и вещественныхъ; когда при этомъ воспоминаемъ о безчисленныхъ опытахъ благодати и милости Божіей—какъ на другихъ людяхъ (въ Св. Писаніи и житіяхъ святыхъ), такъ и на насъ, и имѣемъ крѣпкое упованіе на помощь Божію; когда сердце наше горитъ во время молитвы желаніемъ благъ духовныхъ, любовію къ Богу, когда мы бесѣдуемъ съ Богомъ всѣмъ сердцемъ и никакими посторонними мыслями не отвлекаемся, имѣя глубокое вниманіе къ словамъ произносимыхъ молитвъ, произнося каждое слово сердцемъ съ тою силою, какая содержится въ каждомъ изъ нихъ. «Тогда то», (дневникъ) по словамъ того же о. Іоанна Кронштадтскаго, слова твои на усердной молитвѣ не возвратятся къ тебѣ, тогда безъ силы

**Расколъ и сектантство по послѣднему всеподданнѣйшему отчету г.-Оберъ-
Прокурора Св. Синода за 1900 годъ ¹⁾.**

Мѣры борьбы съ расколомъ.

Таковъ русскій расколъ старообрядчества. Много требуется вниманія и трудовъ отъ православно-церковныхъ дѣятелей, чтобы пробудить его отъ религіознаго сна и привлечь къ церкви православной. Наиболѣе дѣйствительными средствами для достиженія этой цѣли являются слѣдующія:

1) публичныя и частныя миссіонерскія собесѣдованія съ раскольниками. Опираясь на уважаемыя раскольниками старопечатныя книги, бесѣды эти ясно обнаруживаютъ заблужденія послѣдователей „старой“ вѣры и такимъ образомъ колеблютъ вѣковые устои раскола и ослабляютъ его темную силу. Кромѣ достиженія прямой своей цѣли—убѣжденія раскольниковъ въ неправотѣ ихъ вѣрованій, миссіонерскія собесѣдованія оказываютъ великую услугу дѣлу миссіи и въ томъ еще отношеніи, что утверждаютъ православныхъ слушателей въ знаніи истинъ православной вѣры, предохраняютъ ихъ отъ уклоненія въ расколъ и дѣлаютъ ихъ самихъ способными давать отпоръ раскольническимъ извѣтамъ и увѣщаніямъ. Мало того, публичныя бесѣды, развивая въ православныхъ слушателяхъ любовь къ изученію религіозныхъ вопросовъ и къ чтенію богословскихъ книгъ, готовятъ чрезъ то изъ среды крестьянъ опытныхъ сотрудниковъ миссіонеровъ, которые и сами весьма успѣшно ведутъ собесѣдованія съ раскольниками.

2) Еще болѣе дѣйствительнымъ средствомъ для ослабленія раскола служитъ открытіе посреди раскольническаго населенія единовѣрческихъ приходовъ. Въ 1900 году всюду торжественно было отпраздновано столѣтіе со дня учрежденія единовѣрія. Успѣхи его въ началѣ были слабы. Этому способствовало главнымъ образомъ невѣрное понятіе объ единовѣріи, какъ объ удобномъ лишь „мостѣ для перехода“ или „ступени“ отъ раскола къ

¹⁾ «Мисс. Обзоръ» кн. 1-я, стр. 56.

православію,—понятіе, раздѣлявшееся и церковными дѣятелями. Но затѣмъ, когда въ 1881 г. Святѣйшимъ Синодомъ, а въ 1885 г. соборомъ архипастырей въ Казани было разъяснено, что едино-вѣріе не представляетъ собою какого-либо особаго, отличнаго отъ православія, исповѣданія, а составляетъ *единую съ нимъ истинную Христову церковь*, отличаясь отъ него только внѣшними особенностями обряда въ богослуженіи, дѣло единовѣрія оживилось, переходы изъ раскола въ православіе на правахъ едино-вѣрія, часто не только единичные, а даже массовые, усилились и во многихъ мѣстахъ, даже такихъ, какъ области: Уральская, Терская и Кубанская, въ недавнее еще время вовсе бывшія недоступными для миссіонерскаго воздѣйствія, учреждены, по желанію самого населенія, единовѣрческіе приходы, и открыты церковныя при нихъ школы.

3) Но самымъ могущественнымъ, вѣрнымъ и надежнымъ средствомъ для проведенія въ раскольническую массу православно-христіанскаго просвѣщенія является воздѣйствіе путемъ *церковной школы* на молодое раскольническое поколѣніе, на тѣхъ, кому принадлежитъ будущность, и которые станутъ со временемъ отцами и матерями новыхъ поколѣній. Миссіонерское значеніе церковныхъ школъ въ селеніяхъ, зараженныхъ расколомъ, не подлежитъ нынѣ никакому сомнѣнію. Трехлѣтнее пребываніе въ школѣ, обученіе здѣсь грамотѣ въ духѣ церковности, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ приходскихъ священниковъ, частое посѣщеніе храма Божія и дѣятельное участіе въ церковномъ чтеніи и пѣніи—все это незамѣтно подрываетъ въ раскольническихъ дѣтяхъ то средостѣніе, которымъ раскольники думаютъ оградить себя отъ вліянія православной церкви. Освобожденные съ малыхъ лѣтъ отъ вліянія раскольническихъ лжеучителей, привыкнувшія въ школѣ къ дружелюбному отношенію къ православнымъ, дѣти-раскольники и въ зрѣломъ возрастѣ становятся чуждыми того фанатизма, которымъ нынѣ родители такъ усердно стараются вооружить своихъ дѣтей противъ православія. Такое же доброе настроеніе бывшіе ученики церковныхъ школъ передадутъ и своимъ дѣтямъ,—а это вѣрный путь къ соединенію съ православіемъ. Для наилучшаго достиженія церковными школами, находящимися въ районахъ раскольническаго населенія, миссіонерскихъ задачъ, при нихъ заводятся праздничныя чтенія и бесѣды, имѣющія цѣлю утвержденіе народа въ основныхъ истинахъ вѣры, охраненіе отъ заблужденій того или другого существующаго въ данной мѣстности раскольническаго толка и ознакомленіе съ истинами православія расколь-

никовъ, и учреждаются библіотеки, снабженныя потребными для задачъ миссіи книгами апологетическаго и миссіонерскаго характера. Въ 1900 г., по распоряженію высокопреосвященнаго митрополита С.-Петербургскаго, такими библіотеками снабжены всѣ церковныя школы С.-Петербургской епархіи въ мѣстностяхъ съ раскольническимъ населеніемъ, — на средства, выданныя отъ Александрo-Невской лавры.

Въ епархіальныхъ отчетахъ содержится много фактовъ, свидѣтельствующихъ о благотворномъ вліяніи церковныхъ школъ на дѣтей раскольническихъ, а чрезъ нихъ и на отцовъ ихъ. Такъ, въ одну изъ церковныхъ школъ, существующихъ въ раскольническихъ селеніяхъ въ Нижегородской епархіи, въ 1899 — 1900 учебномъ году впервые поступило 9 дѣвочекъ, тогда какъ раньше дѣвочки здѣсь или вовсе не учились, или же ходили къ раскольническимъ начѣтчицамъ. О другой школѣ, находящейся въ той же епархіи, въ приходѣ съ раскольническимъ населеніемъ (Береговыхъ Новинкахъ), сообщается въ отчетѣ, что раскольники въ первое время послѣ ея открытія, — 10 лѣтъ тому назадъ, — относились къ ней очень враждебно, дѣтей своихъ въ нее не пускали, а отдавали учиться старой дѣвѣ. Но потомъ, слыша про школу только хорошее, и видя, какое доброе вліяніе она оказываетъ на дѣтей, стали мало-по-малу мѣнять о ней свое мнѣніе и отдавать въ нее своихъ дѣтей. Нынѣ же всѣ дѣти раскольниковъ школьнаго возраста посѣщаютъ означенную школу. При учрежденіи школы, раскольники сильно тормозили ея открытіе, теперь же сами, безъ всякой просьбы со стороны завѣдующихъ школою лицъ, возбуждаютъ вопросъ объ устройствѣ для школы поваго болѣе просторнаго зданія. Въ отчетѣ преосвященнаго Полоцкаго заявляется, что нынѣ даже въ центрахъ раскола есть школы, гдѣ число учениковъ-раскольниковъ составляетъ половину общаго числа учащихся. Преосвященный Калужскій также свидѣлствуетъ, что теперь всѣ существующія въ раскольническихъ селахъ церковно-приходскія школы посѣщаются и дѣтьми раскольниковъ, тогда какъ прежде раскольники считали за величайшій грѣхъ обучать своихъ дѣтей въ православныхъ школахъ.

Кромѣ приведенныхъ фактовъ, о вліяніи церковныхъ школъ на ослабленіе раскола и о довѣрїи къ нимъ раскольниковъ весьма ясно говорятъ и статистическія данныя о числѣ обучающихся въ этихъ школахъ раскольническихъ дѣтей. Болѣе всего дѣтей раскольниковъ обучалось въ 1899—1900 г. въ школахъ Московской епархіи, гдѣ ихъ числилось 1.130; затѣмъ идутъ школы

епархій: Саратовской (974 учащихся раскольниковскихъ дѣтей), Полоцкой (947), Литовской (741), Донской (733), Калужской (662), Пермской (626), Черниговской (586), Самарской (565), Нижегородской (562), Вятской (446), Новгородской (396) и Владимірской (360).

Въ виду высокаго незамѣнимаго значенія церковныхъ школъ въ дѣлѣ борьбы съ лжеученіемъ раскола, епархіальныя начальства всемѣрно заботятся объ открытіи ихъ въ мѣстахъ распространенія раскола и возможно лучшей постановкѣ въ нихъ дѣла воспитанія и обученія.

Рационалистическое сектантство.

Никогда наша русская православная церковь не имѣла такого опаснаго врага, какого она имѣетъ теперь въ лицѣ новѣйшаго рационалистическаго сектантства, въ особенности штунды и толстовства. Въ этомъ сектантствѣ есть все, что только можетъ придумать своевольная мысль и гордое самомнѣніе,—все, что можетъ породить и воспитать необузданное чувство.

I.

Штунда и современный характеръ ея ученія.

Штундистское броженіе быстро усиливается и растетъ на счетъ какъ православія, такъ и разнаго рода сектъ, проникая изъ мѣстъ прежняго своего развитія въ новыя мѣста. Въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ еще не такъ давно замѣчались только единичные случаи появленія штунды, въ настоящее время образовались уже большія и прочно организованныя штундистскія общины. Такія общины возникли въ недавнее время въ Черниговской, Орловской, Владимірской и Нижегородской епархіяхъ.

Наиболѣе вреднымъ и опаснымъ пунктомъ штунды въ *Черниговской* епархіи является г. Конотопъ. Штундисты этого города, находящіеся въ тѣсной связи съ сектантами другихъ мѣстностей Россіи, дѣятельно ведутъ пропаганду своего лжеученія не только въ самомъ городѣ, но и въ сосѣднихъ съ городомъ селеніяхъ. Единичные случаи появленія штунды замѣчаются уже и въ другихъ уѣздахъ епархіи, напримѣръ, въ селѣ Куликовѣ, Черниговскаго уѣзда, и въ селѣ Рожновкѣ, Борзенскаго уѣзда; въ послѣднемъ открыта сектантами „чайная“, съ цѣлю имѣть удобное мѣсто для сектантскихъ собраній.

Въ *Орловской* епархіи большая штундистская община существуетъ въ деревнѣ Глыбочкѣ, Трубчевскаго уѣзда. Относясь къ

православной церкви съ фанатическою ненавистью, проявляемую часто въ явномъ неуваженіи къ православнымъ святынямъ, святотатствѣ и богохульствѣ, мѣстные штундисты дѣятельно распространяютъ свое лжеученіе среди мѣстнаго населенія, при чемъ главнымъ средствомъ для этого служатъ ихъ молитвенныя собранія. На требованіе полиціи прекратить эти собранія, сектанты, не считающіе обязательными для себя человѣческіе законы, отвѣчаютъ отказомъ, а въ случаѣ принужденія, угрожаютъ кровопролитіемъ. Въ 1900 году явились и новые пункты штундизма въ епархіи—деревня Щепетлево, Сѣвскаго уѣзда, деревня Георгіевская, Малоархангельскаго уѣзда, и на двухъ большихъ заводахъ, Кромскаго и Брянскаго уѣздовъ.

Въ *Нижегородской* епархіи штунда свила себѣ прочное гнѣздо въ деревнѣ Горкахъ, Васильскаго уѣзда, и отсюда энергично сѣетъ свои заблужденія въ средѣ окрестныхъ православныхъ жителей. Въ пропагаторской своей дѣятельности здѣшніе штундисты пользуются матеріальною поддержкою пашковцевъ, съ которыми они имѣютъ тѣсное общеніе.

Во *Владимірской* епархіи штундизмъ возникъ путемъ сношеній сектантовъ Меленковскаго уѣзда съ штундистами Таврической губерніи. Въ Меленковскій уѣздъ неоднократно являлись изъ Тавріи проповѣдники штунды и сѣяли здѣсь сѣмена своего лжеученія. Вслѣдствіе ихъ пропаганды, штундизмъ быстро распространился среди молоканскихъ общинъ Владимірской епархіи. Изъ общаго числа сектантовъ Владимірской епархіи въ 1900 году—1.617 человѣкъ—на долю штундистовъ приходилась большая половина—895 человѣкъ. Однимъ изъ главныхъ пропагандистовъ штунды въ послѣднее время сдѣлался сектантскій „пресвитеръ“—крестьянинъ деревни „Большаго Приклона“, Меленковскаго уѣзда, Горинъ, въ короткое время успѣвшій посредствомъ пропаганды насадить штундовое лжеученіе въ селѣ Дмитріевыхъ Горахъ (Меленковскаго уѣзда), гдѣ прежде совсѣмъ не было штундистовъ, а оттуда въ концѣ 1900 года перенесшій свою дѣятельность въ сосѣднюю деревню Толстиково. Здѣсь жертвами его пропаганды явились хлысты, издавна существовавшіе въ этой деревнѣ и устраивавшіе хлыстовскія „артели“ или собранія. Проповѣдь Горина среди хлыстовъ имѣла такой успѣхъ, что даже многіе изъ усердныхъ посѣтителей хлыстовскихъ собраній открыто перешли въ штундизмъ и стали устраивать въ своихъ домахъ штундовыя собранія. Не довольствуясь успѣхомъ, достигнутымъ въ Толстиковѣ, Горинъ сталъ распространять сектантство по другимъ селеніямъ; пропаганда его успѣла возбудить религіозное броженіе

даже между православными, которое, однако, благодаря своевременно принятымъ епархіальнымъ начальствомъ мѣрамъ, прекратилось.

Не мало также штунда имѣетъ своихъ послѣдователей въ С.-Петербургской губерніи (штундо-пашковщина), Московской, Рязанской, Тамбовской, Смоленской, Донской, Оренбургской, Астраханской, Самарской, Омской, Владивостокской и Благовѣщенской епархіяхъ. Особенно же широкое распространеніе она получила въ епархіяхъ: Екатеринославской, Харьковской, Кіевской, Херсонской и Таврической.

Въ *Екатеринославской* епархіи штундисты имѣются въ 17 пунктахъ разныхъ уѣздовъ ¹⁾.

Въ *Харьковской* епархіи штундистовъ насчитывается 1.750 человекъ. Центромъ штунды здѣсь является городъ Харьковъ, въ которомъ имѣютъ пребываніе главные вожаки штунды, и гдѣ существуетъ особенный правильно организованный сектантскій совѣтъ, члены коего (7) ежегодно собираются для обсуждения своихъ дѣлъ; совѣтъ этотъ вѣдаетъ дѣла секты во всей епархіи. Больше всего штундистовъ въ Харьковѣ находится на окраинахъ города, гдѣ расположены заводы и фабрики. Въ Харьковѣ и инныя мѣстности Харьковской губерніи пріѣзжаютъ изъ другихъ городовъ Россіи и даже изъ за-границы извѣстные пропагандисты, „для утвержденія братіи“. Одинъ изъ такихъ сектантовъ, пріѣзжавшій изъ Москвы, увѣрялъ Харьковскихъ штундистовъ, что въ Москвѣ сектантовъ будто бы больше, чѣмъ православныхъ, что они тамъ свободно устраиваютъ собранія. Другой также пріѣзжій „панъ“ на штундистскихъ собраніяхъ строго обличалъ „поповъ и пановъ“,—первыхъ въ томъ, что они „ничего не дѣлаютъ, а только обижаютъ несчастный народъ“, а вторыхъ, что они „высасываютъ соки изъ мужиковъ, ни во что ставя ихъ труды“. Одинъ изъ пропагандистовъ штунды, проживающій въ Купянскомъ уѣздѣ, съ цѣлю укрѣпленія сектантства, устраиваетъ „библейскіе вечера“, на которыхъ сектанты научаются полемикѣ съ православными, для чего указываются и сводятся под-

¹⁾ Екатеринославскаго, Верхнеднѣпровскаго, Павлоградскаго, Александровскаго, Маріупольскаго, Бахмутскаго и Новомосковскаго. Наибольшаго развитія штунда достигла въ селахъ: Васильковкѣ, Александровкѣ (Павлоградскаго уѣзда) и Дебальцево съ хуторомъ Волчанскимъ (Александровскаго уѣзда). Въ селахъ штундисты представляютъ изъ себя тѣсно сплоченную религіозную общину, мало поддающуюся вліянію дѣятелей миссій. Это явленіе объясняется тѣмъ, что во главѣ сектантскихъ общинъ стоятъ здѣсь лица, фанатически преданные своимъ религіознымъ заблужденіямъ.

ходящіе тексты Писанія; здѣсь же устрояются и спѣвки, на которыхъ разучиваются сектантскія пѣсни.

Въ *Кіевской* епархіи въ 1900 году, по официальнымъ даннымъ, всѣхъ сектантовъ числилось 4.388 душъ, изъ нихъ штундистовъ около $\frac{2}{3}$ общаго ихъ числа и штундо-малеванцевъ около $\frac{1}{3}$. Самымъ боевымъ пунктомъ Кіевскихъ штундистовъ попрежнему остается городъ Кіевъ, въ которомъ ихъ насчитывается до 300 душъ, и гдѣ смѣло и открыто совершаются ихъ собранія. Пропаганда штундизма идетъ въ Кіевѣ усиленно и успѣшно. Былъ случай, что подъ вліяніемъ одного изъ интеллигентныхъ вожаковъ Кіевскихъ штундистовъ, служившаго корректоромъ въ типографіи, совращены были всѣ наборщики этой типографіи. Пропаганда штундизма въ Кіевѣ силится теперь выйти изъ прежней своей среды — простого народа, и охватить полуинтеллигентный классъ — приказчиковъ, наборщиковъ, писарей и т. п. ¹⁾.

Особенно настойчивою пропагандою отличается штундизмъ въ Германовкѣ. Дерзость Германовскихъ сектантовъ дошла до того, что, когда сельскія власти препятствуютъ ихъ ночнымъ собраніямъ, они открыто нападаютъ на полицію съ кольями и угрожаютъ пожарами. Въ нѣкоторой части штундистовъ Кіевской губерніи замѣчалось въ 1900 году мистическое направленіе, благодаря воздѣйствію на штунду малеванщины. Даже въ самомъ центрѣ штундистовъ названной губерніи — городѣ Кіевѣ — одинъ изъ малеванскихъ проповѣдниковъ имѣлъ большой успѣхъ. Послушать его собиралось множество штундистовъ, значительную часть коихъ проповѣдникъ соблазнилъ своими аллегорическими бреднями. Самое же большое волненіе хлыстовскія идеи малеванцевъ произвели въ Каневскомъ уѣздѣ, гдѣ прежде совсѣмъ не было малеванцевъ. Нынѣ же на молитвенныхъ собраніяхъ штундистовъ происходятъ здѣсь часто хлыстовскія „раднія“ съ истерикой, скачками и гнусными дѣяніями, до свальнаго грѣха включительно.

Въ *Херсонской* епархіи въ 1900 году штундистовъ было до 5.000 человекъ. Здѣсь они раздѣляются на три группы: на староштундистовъ, новоштундистовъ и штундистовъ-субботниковъ. Наибольшее число староштундистовъ отличается отъ новоштундистовъ однимъ лишь допущеніемъ въ своей общинѣ крещенія дѣтей, каковое совершаютъ ихъ „пресвитеры“; новоштундисты же,

¹⁾ Кроме Кіева, мѣстами большого оживленія штундизма являются слѣдующія мѣстности: Бородянка и Германовка — Кіевского уѣзда, Ольшаница — Васильковского уѣзда, Виноградъ — Звенигородскаго, Богуславъ — Каневского, Керданы — Таращанскаго, Топиловка и Ребедайловка — Чигиринскаго уѣзда.

представляющіе огромное большинство, крещеніе дѣтей совершенно отвергають. Небольшое пока число штундистовъ-субботниковъ отвергають празднованіе воскреснаго дня и почитають субботу. Въ этомъ и вся разница въ названныхъ толкахъ мѣстнаго штундизма. Пропаганда штундизма въ Херсонской епархіи въ 1900 году велась такъ усиленно, какъ этого не замѣчалось уже много лѣтъ. Еще въ началѣ года обнаружилась энергичная пропаганда мѣстныхъ вожаковъ штунды, ѣдившихъ по селамъ и хуторамъ, съ цѣлію совращенія, и устраивавшихъ во многихъ мѣстахъ открытыя собранія, на которыхъ произносились самыя возмутительныя рѣчи противъ православія. Земскіе начальники неоднократно высказывали Херсонскому епархіальному миссіонеру свое удивленіе той дерзости и нахальству, съ какими держатъ себя на судѣ сектанты, привлекаемые къ отвѣтственности за пропаганду. Пріѣзжали въ Херсонскую епархію, съ цѣлію пропаганды, вожаки штунды и другихъ губерній. Такъ, напри-мѣръ, посѣтилъ съ этою цѣлію мѣста, гдѣ проживають штундисты-субботники, „пресвитеръ“ ихъ, живущій въ Евпаторіи; отсюда же шли большія и частыя пожертвованія штундистамъ. Словомъ, въ 1900 году со всѣхъ сторонъ была направлена самая усиленная пропаганда штундизма среди православнаго населенія и, къ несчастію, результаты ея велики: въ этомъ году совратилось въ штунду по Херсонской епархіи 117 человекъ православныхъ.

Въ *Таврической* епархіи штундизмъ съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ все большее и большее число послѣдователей. Въ цѣляхъ пропаганды, здѣшніе штундисты имѣють своихъ состоящихъ на жаловань отъ общества проповѣдниковъ, которые свободно разъѣзжаютъ по епархіи. Въ цѣляхъ также пропаганды, штундисты открываютъ въ населенныхъ мѣстахъ лавочки и снимають въ аренду мельницы: тѣ и другія являются особенно удобными мѣстами для сектантской пропаганды. Не малымъ соблазномъ для немощныхъ въ вѣрѣ православныхъ Таврической епархіи (какъ и въ другихъ епархіяхъ) служить и матеріальная помощь, которую оказываютъ штундисты переходящимъ въ ихъ секту; извѣстно, напри-мѣръ, что въ одной колоніи выдавалось по семи рублей въ мѣсяцъ вступившимъ въ штунду. Вслѣдствіе фанатической пропаганды, штунда появилась въ 1900 году въ нѣкоторыхъ новыхъ мѣстахъ Таврической епархіи. Съ особенною силою штундовое движеніе обнаружилось въ деревнѣ Ново-Скелеватовой и въ городѣ Севастополь. Севастополь, по особому его положенію, какъ портовый городъ, избранъ, повидимому, особымъ мѣстомъ сектантской пропаганды. Уклонившіеся здѣсь въ штунду — ма-

трось, солдатъ или портовой рабочій—несутъ штундовую заразу и въ свои родныя деревни. Сектанты города Севастополя находятся въ самомъ живомъ и дѣятельномъ общеніи съ столичными сектантами. Сектантская пропаганда ведется здѣсь дѣятельно и настойчиво, пріобрѣтая себѣ все новыхъ адептовъ. Законъ 4 іюля 1894 года о запрещеніи молитвенныхъ собраній штундистовъ для сектантовъ города Севастополя остается мертвой буквой. Собранія ихъ пользуются въ городѣ Севастополѣ полною свободою. Пѣніе сектантовъ разносится по всей южной его слободкѣ, смущая православныхъ.

Особенно успѣшно распространяется штунда въ Таврической епархіи среди мѣстныхъ молоканъ. Усиленная пропаганда ея среди молоканъ началась еще съ 1880 года. Слѣдствіемъ этой пропаганды было массовое совращеніе молоканъ въ штундизмъ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ молоканъ образовался даже штундо-баптистскій толкъ. Движеніе молоканъ въ штунду продолжается и до настоящаго времени. Въ 1900 г. одинъ изъ „пресвитеровъ“ и пропагандистовъ штундобаптизма совершилъ крещеніе надъ 70—80 молоканами. За 15—20 лѣтъ изъ молоканства въ штундизмъ соврастилось болѣе 3.000 человекъ. Успѣхъ штундистской пропаганды среди молоканъ объясняется слѣдующими причинами: сходствомъ молоканства со штундою въ вѣроученіи, молитвенными собраніями штундистовъ съ ихъ экзальтированными проповѣдями и молитвами, при участіи нерѣдко прекрасныхъ хоровъ пѣвчихъ изъ смѣшанныхъ мужскихъ и женскихъ голосовъ, и фанатизмомъ вожаковъ штундизма въ дѣлѣ пропаганды. Одинъ изъ такихъ пропагандистовъ говорилъ: „свою вѣру мы считаемъ истинною, поэтому въ совѣсти нашей лежитъ сказать о ней, проповѣдывать ее, поэтому я иногда приходилъ въ молитвенныя собранія молоканъ проповѣдывать свою вѣру“. Вообще, страстный, поразительный прозелитизмъ—это отличительная особенность штундистовъ, входящая, какъ одна изъ заповѣдей, въ кодексъ ихъ религіозной жизни. Въ замѣчательной энергіи въ проповѣдываніи штунды заключается сила и успѣхъ послѣдней.

Соединенные въ одно цѣлое фанатическою ненавистью къ православной церкви, штундисты не имѣютъ строго и точно выработанной положительной системы своего вѣроученія. Произволь, лежащій въ основѣ религіозныхъ вѣрованій штундистовъ, даетъ полный просторъ разногласіямъ и религіознымъ спорамъ и приводитъ ихъ къ дробленію на новыя секты. Въ послѣднее время между послѣдователями штунды замѣчается не только отрицаніе

виѣшней стороны православія, но грубо отрицательное отношеніе и вообще къ христіанству, а также все чаще и чаще обнаруживаются случаи проявленія чисто атеистическихъ идей. Такъ, въ бесѣдѣ съ миссіонеромъ одинъ штундистъ Херсонской епархіи сказалъ, что „Бога нѣтъ“, что „Богъ—это вся природа. Сынъ Божій былъ—простой человѣкъ; пожалуй мудрый пророкъ“. Другой штундистъ на вопросъ миссіонера, почему онъ оставилъ православіе, отвѣтилъ: „потому, что никакого Бога нѣтъ. Всѣ ученые говорятъ, что Бога нѣтъ, да и я такъ думаю, ибо—кто Его видѣлъ“. Къ сожалѣнію, такими атеистическими идеями заражается и молодежь штундистская, съ увлеченіемъ читающая все, что подпольнымъ путемъ печатается и распространяется врагами христіанства вообще и православія въ частности.

Описанное религіозное состояніе нѣкоторой части современнаго штундизма является не только результатомъ отрицательнаго отношенія штундистовъ къ авторитету Божественнаго Откровенія,—оно въ значительной степени есть и прямое слѣдствіе грубаго матеріалистическаго направленія въ жизни сектантовъ. „Въ Евангеліи“, сообщается въ отчетѣ о состояніи сектантства въ Екатеринославской епархіи, „современный штундистъ ищетъ не правилъ нравственной жизни, не глаголовъ жизни вѣчной, но оправданія своихъ соціальныхъ и общественно-экономическихъ чаяній; онъ смотритъ на Евангеліе, какъ на кодексъ правилъ соціальной и общественно-экономической жизни, и потому не духъ свой устрояетъ по Евангелію, а приспособляетъ евангельскіе тексты къ своимъ воззрѣніямъ, созданнымъ подъ вліяніемъ условій матеріальной жизни“. Вслѣдствіе того же матеріалистическаго направленія штундистовъ, самые излюбленные у нихъ вопросы—вопросы соціальныя. „Не охотно вступающіе въ бесѣды по вопросамъ вѣры“, сообщается о современныхъ штундистахъ въ отчетѣ преосвященнаго Херсонскаго, „штундисты готовы съ удовольствіемъ, сколько угодно, говорить по вопросамъ о неравенствѣ богатствъ и состояній, о равномъ раздѣлѣ имуществъ, передѣлкѣ земли и пр.“. „Что“, говорили изъ нихъ нѣкоторые миссіонеру, „вы про законъ намъ толкуете, вы денегъ дайте, а законъ мы и сами найдемъ“. „Что это за церковь“, сказалъ одинъ изъ штундистовъ миссіонеру, „православная церковь; вотъ въ первыя времена была церковь, такъ церковь: тамъ все было общее. А у васъ что? Одинъ имѣетъ тысячи десятинъ, а другой ничего“.

Но недовольство матеріальнымъ положеніемъ у штундистовъ идетъ дальше и ведетъ къ вопросамъ, касающимся русскаго

государственного строя. По сообщенію отчета о состояніи сектантства въ Екатеринославской епархіи, о государственномъ порядкѣ штундисты разсуждаютъ такъ: „мы обязаны повиноваться власти, гдѣ это не противорѣчитъ заповѣдямъ „Царя царей“, но такъ какъ заповѣди Царя царей штундисты толкуютъ по своему произволу, то и повиновеніе властямъ у нихъ становится также произвольнымъ, доказательствомъ чего можетъ служить тотъ фактъ, что въ послѣдній наборъ многіе штундисты отказались дать присягу на вѣрность службы. Направляютъ свою пропаганду штундисты также и противъ военной службы. Не ограничиваясь одною устною проповѣдью о незаконности этой службы, вожаки штундистовъ пишутъ въ этомъ смыслѣ цѣлыя посланія къ „братьямъ“, находящимся въ полкахъ. Въ одномъ такомъ посланіи, писанномъ вожакомъ штундистовъ хутора Козинки, Донской епархіи, попавшемъ въ руки полиціи, даются слѣдующія наставленія солдатамъ-штундистамъ: „не убивай на войнѣ,—это запрещено словомъ Божиимъ: не убей, любите враговъ вашихъ“. „Не нужно повиноваться власти, повелѣвающей убивать,—такая власть не отъ Бога, а отъ діавола, который есть челоуѣкоубійца“.

Вообще же, современный штундизмъ, въ виду рѣзко выражающихся въ немъ соціальныхъ и противогосударственныхъ тенденцій, представляетъ собою крайне опасное не только въ религіозномъ, но и въ политическомъ отношеніи явленіе, служащее новымъ доказательствомъ того, что разрывъ съ православіемъ на почвѣ раціоналистическаго сектантства является разрывомъ и съ русской народностью, и съ русскимъ государственнымъ устроивомъ.

II.

Толстовство.

Атенстическія и противогосударственныя идеи, наблюдаемыя въ современномъ штундизмѣ, проникли въ эту секту не безъ вліянія весьма опаснаго религіозно-соціального лжеученія графа Толстого, практически примѣннаго къ понятіямъ и жизни простого народа. Къ глубокому прискорбію, это лжеученіе начинаетъ уже становиться достояніемъ народной массы. Толстовство, какъ секта, наблюдается въ Харьковской, Воронежской, Курской, Полтавской, Кіевской, Екатеринославской губерніяхъ и на Кавказѣ. Какъ болѣе свѣжее и богатое умственными силами ученіе, толстовство начинаетъ подчинять себѣ всѣ другія сектантскія лжеученія, мало-по-малу теряющія подъ вліяніемъ его свою само-

стоятельность и оригинальность. Не ограничиваясь сектантскою средою, толстовство пролагаетъ себѣ путь (и не безъ успѣха) и къ здоровой части русскаго народа—въ среду православнаго населенія.

Проникновеніе въ народную среду толстовскихъ воззрѣній сопровождается самыми печальными послѣдствіями. Метафизическую сторону новаго лжеученія крестьяне оставили въ покоѣ, какъ непонятную и потому неинтересную для нихъ. Они усвоили только показавшуюся имъ привлекательною практическую сторону толстовства,—соціально-коммунистическія чаянія его. Извѣстныя преступныя дѣянія закавказскихъ духовоборовъ-постниковъ, выразившіяся въ противодѣйствіи ихъ правительственнымъ требованіямъ,—явились прямымъ результатомъ усвоенія духовоборами упомянутой практической стороны толстовства, дѣятельно распространявшагося среди нихъ агитаторами-толстовцами, прибывшими въ край и входившими въ непосредственныя сношенія съ сектантами. Религіозная же сторона въ народномъ толстовствѣ почти отсутствуетъ. Въ подтвержденіе сего достаточно указать, напримѣръ, на штундо-толстовцевъ Уманскаго уѣзда, Кіевской епархіи. На бесѣдахъ въ селѣ Кишинцахъ, веденныхъ епархіальнымъ миссіонеромъ въ 1900 году, сектанты свободно и откровенно заявляли объ „естественномъ“ рожденіи Господа Иисуса Христа, о „недостовѣрности“ многихъ мѣстъ Евангелія и всего Апостола, и о Львѣ Николаевичѣ Толстомъ, какъ „старшемъ братѣ и учителѣ жизни“.

Такимъ образомъ, религіи въ толстовствѣ, какъ сектѣ, мало; здѣсь главное—протестъ противъ религіи, и не во имя какой-либо другой религіозной истины, а по соображеніямъ соціально-политическимъ. Производя истребленіе въ умахъ и сердцахъ простаго народа самыхъ священныхъ и дорогихъ чувствъ вѣры христіанской, лжеученіе толстовства грозитъ православной церкви и государству нарожденіемъ въ православной Россіи атеизма и нигилизма, т. е. страшнаго типа людей, безъ вѣры въ Бога и безъ любви къ своему отечеству.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Клятва у народовъ разныхъ эпохъ.

Уничтоженіе клятвы не сдѣластъ отъявленнаго негодяя ангеломъ, а тѣмъ только будетъ отнять у человѣка, охваченнаго чадомъ жизни, лишній способъ отрезвленія. (Изъ „Психики вѣрующаго“).

Всѣ народы, достигшіе извѣстной степени цивилизаціи, имѣютъ болѣе или менѣе однѣ и тѣ же идеи и религіозное чувство. Какъ у эскимоса, живущаго на далекомъ сѣверѣ, такъ и тропическаго негра тѣ же народныя повѣрія и суевѣрія, тѣ же духи, то же колдовство; все это не выдумки отдѣльнаго человѣка, а вредная потребность народной психики — потребность мировоззрѣнія.

Всѣ эти этнологическія параллели приводятъ насъ къ тому заключенію, что все человѣчество по первоисточнику своего происхожденія представляетъ изъ себя не пестрый конгломератъ изъ разныхъ народностей, отличныхъ другъ отъ друга, а одинъ цѣльный организмъ, по жиламъ котораго течетъ одна и та же кровь; и развитіе отдѣльныхъ частей его совершается своевременно и одинаково по однимъ и тѣмъ же непреложнымъ законамъ.

То же самое можемъ сказать и относительно клятвы. Въ какой бы стадіи развитія ни находилось общество, всегда и вездѣ мы замѣчаемъ въ немъ духовную потребность человѣка имѣть передъ собой нѣчто такое, что могло бы со стороны слѣдить за его совѣстью. Видя всюду вокругъ себя ложь, притворство, не довѣряя людямъ, а иногда чувствуя и за собой (при болѣе высшемъ нравственномъ развитіи) распущенность, слабость духа, преобладаніе надъ нимъ житейскихъ благъ, способныхъ заставить даже покривить душой, человѣкъ, „естествомъ законное творя“, естественно стремится имѣть нравственно сдерживающія средства, способныя обуздать его слабости, и вотъ является у всѣхъ народовъ клятва, особый торжественный способъ подтвержденія какого-нибудь факта или даннаго обѣщанія, способъ, который могъ бы придать слову человѣка значеніе твердости, святости и дѣлалъ бы это слово столь же ненарушимымъ, какъ непа-

рушимо все остальное, что люди считаютъ святымъ. Форма же для клятвы вылилась у разныхъ народовъ весьма послѣдовательно изъ ихъ религіознаго міровоззрѣнія, а не выдумана для спеціальныхъ цѣлей людьми лукавыми, какъ это многіе стараются доказать. Одни вѣрятъ въ цѣлый сонмъ боговъ, другіе въ единого Бога, для третьихъ высшая идея заключается въ справедливости и т. д., у всѣхъ разные объекты вѣры, но потребность души, ея стремленіе къ единенію со своимъ объектомъ, у всѣхъ одна и та же. И клятву можно считать однимъ изъ такихъ моментовъ единенія человѣка съ объектомъ своей вѣры, моментомъ всецѣло принадлежащимъ къ числу религіозныхъ актовъ, ибо человѣкъ призываетъ въ *свидѣтели* правдивости своихъ словъ высшее существо и высказываетъ, одинаково во всѣхъ религіяхъ, готовность потерпѣть за ложь наказаніе, одинъ—на томъ свѣтѣ, другой—на этомъ, третій (напр., клянусь честью)—потерять имя честнаго человѣка и т. д.

Нашъ подходъ къ этому вопросу будетъ чисто психологическій и только на этой почвѣ можно будетъ философски обобщить идею клятвы съ другими моментами религіознаго культа и указать ея значеніе, какъ средства, культивирующаго человѣка въ смыслѣ нравственнаго отрезвленія, въ смыслѣ напоминовенія того, что уже разъ было заложено въ немъ добраго, но что временно подавлено въ немъ животною жизнью. Легкое отношеніе къ такому могучему, нравственно отрезвляющему средству, какъ клятва, преступно. Клятва, конечно, не сдѣлаетъ изъ негодя ангела, это вовсе не ея назначеніе, но она можетъ разбудить спящую совѣсть, укрѣпить слабую волю, отрезвить поколебавшагося, а этого уже достаточно, чтобъ признать за ней положительное значеніе въ жизни народовъ и не относиться легко къ вопросу объ ея уничтоженіи, какъ это дѣлаютъ и нынѣ не одни только наши сектанты, но и многіе.

Въ нашемъ очеркѣ мы сначала разберемъ клятву исторически, т. е. укажемъ, въ какой формѣ она проявлялась въ разные эпохи у разныхъ народовъ.

О клятвѣ высказался еще Пинагоръ (6 стол. до Р. Х.); онъ говоритъ, что вселенная создана Богомъ въ силу клятвы, данной Имъ самому себѣ оживить *ничто*. Въ Ветхомъ Завѣтѣ (книга Бытія 22, 16) упоминается о клятвѣ, данной Іеговой Аврааму. Какъ въ политической, такъ и въ обыденной и религіозной жизни далекой старины всюду встрѣчаемъ клятву, которая служила какъ бы цементомъ, сдерживавшимъ людей въ ихъ отношеніяхъ къ Богу и между собой. Въ тѣ времена клятва не сходила съ

устъ у людей, всѣ клялись и весь день клялись Богомъ, котораго призывали въ свидѣтели.

По своему происхожденію, по своему характеру, клятва принадлежала къ религіозному культу (призывъ Бога), но потому мѣсту, которое она занимала въ общественной и обыденной жизни народовъ, она пріобрѣла значеніе гражданское и такимъ образомъ входила въ узаконенія страны, какъ необходимое условіе при заключеніи договоровъ, при осужденіи, при оправданіи и т. д.

Дикарь, имѣющій слабое понятіе о божествѣ, приводитъ въ свидѣтели то, что ему наиболѣе дорого: могилу предковъ, голову своего ребенка, море, горы, солнце и т. д. Человѣкъ болѣе цивилизованный идетъ уже далѣе, и находитъ себѣ свидѣтеля уже въ самомъ создателѣ всѣхъ этихъ силъ природы, данное слово становится уже болѣе твердымъ, болѣе надежнымъ. Клятва безъ участія въ ней божества не имѣла никакого значенія, ибо, кромѣ призыванія въ свидѣтели, клятва преслѣдовала еще другую мысль наиболѣе импонировавшую на народъ, а именно: за нарушеніе клятвы клятвопреступникъ высказывалъ готовность подвергнуть себя гнѣву Божію и перенести самое ужасное Его наказаніе; именно эта то послѣдняя мысль и высказывалась въ древнихъ формахъ клятвы и высказывалась весьма подробно—въ клятвахъ перечислялись всѣ кары божества ¹⁾. И вотъ, евреи клялись именемъ Іеговы, римляне Юпитеромъ, Марсомъ и друг., цѣнность клятвы опредѣлялась тѣмъ божествомъ, именемъ котораго клялись. Значеніе клятвы въ общественной жизни росло по мѣрѣ того, какъ росло и сознаніе наказуемости свыше за ложь.

По самымъ древнимъ индусскимъ преданіямъ, клятва дана откровеніемъ божества; она идетъ прямо отъ него, Богъ ее изобрѣлъ, чтобъ помочь людямъ въ ихъ сомнѣніяхъ. Кто ложно клянется, того душа должна затеряться на томъ свѣтѣ.

Въ гомерическихъ поэмахъ говорится, что боги клялись рѣкою Стиксъ, которой они боялись за ея глубину и скрытый въ ней міръ. По мифологіи, богъ, не сдержавшій клятвы, наказывался тѣмъ, что оставался безъ дыханія годъ нѣмымъ, безъ пищи, отрѣшеннымъ отъ общества боговъ на девять лѣтъ. Агамемнонъ клялся Зевсу въ своей дружбѣ къ Бризеису, онъ призывалъ Зевса въ свидѣтели. Такихъ формъ клятвы въ Иліадѣ масса, вездѣ приываютъ Зевса въ свидѣтели, вездѣ накликаютъ на себя, на случай лжи, всякія несчастія и невзгоды. Философъ Платонъ

¹⁾ Еще весьма недавно клятвенное обѣщаніе произносилось въ судахъ полностью, т. е. перечислялись всѣ кары Божіи; теперь эта форма сокращена; вторая часть клятвы только подразумѣвается.

тоже допускать призываніе во свидѣтели боговъ, онъ былъ только противъ общепринятаго въ тѣ времена способа—кончать ради скорости тяжбу не постороннимъ судомъ, а самими тяжущимися, которымъ разрѣшали для того клясться. Мало того, Платонъ даже требовалъ отъ судьи клятвы передъ объявленіемъ рѣшенія. Демосѣенъ въ одной своей рѣчи говорилъ, что если найдется въ его жалобѣ хоть одно слово невѣрное, тогда—да пропадетъ все его потомство—(эта была одна изъ формъ клятвы, наиболѣе импонирующей на судѣ). Изъ другихъ источниковъ того времени видно, что всѣ свои обязанности, какъ гражданина и патріота, грекъ подтверждалъ клятвой, даже свой возрастъ (вѣроятно за неимѣніемъ въ то время метрическихъ записей). Въ странѣ Ликурга (9 в. до Р. Х.) спартанцы прибѣгали на каждомъ шагу къ клятвѣ, а въ случаяхъ уголовныхъ подымали руку надъ дымомъ отъ горящей жертвы. Въ случаѣ обѣщанія держать слово, грекъ бросалъ въ море кусокъ желѣза, онъ хотѣлъ этимъ сказать, что покуда не всплыветъ желѣзо, до тѣхъ поръ онъ будетъ держать слово; подобныхъ символическихъ пріемовъ было въ Греціи масса; всѣ они характерны и образны. Аѳинянинъ, достигшій двадцатилѣтняго возраста, долженъ былъ клясться отечеству примѣрно въ такихъ выраженіяхъ: „я не обезчещу оружіе, не побѣгу постыдно, останусь въ религіи моихъ предковъ“. Ученики клялись именемъ своихъ учителей. Сократъ клялся дружбой. Вездѣ мы видимъ одну и ту же идею, вездѣ одно и то же стремленіе духа, несмотря на разнообразіе формъ, а именно: приводъ въ свидѣтели того, что человѣкъ считаетъ наиболѣе дорогимъ и затѣмъ готовность пострадать за ложь.

У римлянъ мы находимъ цѣлый культъ клятвы, они придавали ей громадное значеніе, у нихъ клялись и Геркулесомъ (мужчины), Юпоной (женщины), Марсомъ (военные), Діаной (дѣвушки). Римскіе консулы клялись въ храмѣ Юпитера и высказывали готовность пожертвовать всѣмъ своимъ семействомъ въ случаѣ неисполненія клятвы. Когда же стали обожествлять императоровъ, то религіозное значеніе клятвы пало, и римляне стали клясться императорами; военный клялся своимъ начальникомъ, которому предоставлялъ себя въ случаѣ нарушенія дисциплины. Съ перемѣной начальника, приходилось снова присягать другому. Клялись и гладіаторы своимъ учителямъ, въ гладіаторскихъ школахъ, въ томъ, что не покинутъ арену до самой своей смерти. Во время клятвы, римлянинъ бралъ камень и бросалъ его отъ себя, символизируя тѣмъ избіеніе камнями, которое можетъ совершить надъ нимъ Юпитеръ.

Злѣйшіе враги Рима—галлы клялись единымъ Богомъ, котораго сравнивали съ кругомъ безъ начала и конца; не допуская вообще символическаго изображенія Бога, ихъ воины клялись на мечѣ; тотъ же обычай былъ и у варваровъ, завладѣвшихъ римской территоріей. Въ одномъ старо-ирландскомъ документѣ говорится о клятвѣ воина,—онъ клянется отбить у непріятеля своихъ женъ и скотину, иначе „да задавить его небо, да разверзнется земля, да зальетъ его океанъ“.

Въ эпоху послѣ паденія римской имперіи, всюду въ германскихъ законахъ проглядываетъ требованіе клятвы. Въ одномъ древнѣйшемъ французскомъ документѣ упомянута произнесенная Людовикомъ-Германикомъ клятва въ вѣрности своему брату Карлу Лысому (842 г.).

Нельзя не упомянуть также о формѣ клятвы, въ древнія времена весьма часто употреблявшейся: когда на человѣка нападали въ домѣ и онъ убивалъ злодѣя безъ свидѣтелей, тогда убійца бралъ три какихъ-нибудь предмета изъ дома (какъ бы свидѣтелей): кошку, собаку, свинью, быка, или же три соломинки и клялся ими, въ вѣрности своего разсказа, какъ созданіями божества. Въ XV вѣкѣ эти три соломинки символизировали идею Троицы.

У евреевъ клятва была въ частомъ употребленіи: и въ частной, и въ общественной жизни и въ судилищѣ они клялись Іеговой; при патриархахъ обыкновенно поднимали къ небу руку, а вѣрность слова подтверждалась тѣмъ, что все потомство предоставлялось гнѣву Іеговы, если слово было ложно. „Исходъ“ говоритъ о клятвѣ въ такой формѣ: „не произноси имени Господа Бога Твоего напрасно, ибо Господь не оставитъ безъ наказанія того, кто произносить имя Его напрасно“. Значитъ, тогда клялись именемъ Бога.

Въ средніе вѣка зачастую церковъ вмѣшивалась въ гражданскія дѣла, ей вовсе не подвластныя; въ то время нотаріусы были большею частью изъ служителей церкви; къ самому обыкновенному условію, думая придать ему большую цѣнность, они придумали дѣлать приписку такого рода: таково было желаніе, подтвержденное клятвой; а разъ упомянуть въ условіи церковный актъ, актъ совѣсти, то спорныя дѣла поступали уже на судъ церкви, тѣмъ болѣе, что клятва произносилась или передъ алтаремъ, или накакомъ-нибудь священномъ предметѣ, торжественно, натошакъ и даже въ опредѣленный часъ, именно въ полдень. Въ XVI вѣкѣ клялись крестомъ, евангеліемъ, мощами святыхъ. Не было недостатка, конечно, и въ лжесвидѣтеляхъ, ухитрявшихся клясться передъ пустою ракови, изъ которой были предва-

рительно удалены мощи. Людей злонамѣренныхъ, преступниковъ, но не пойманныхъ на дѣлѣ, заставляли клясться въ ихъ невинности; злоупотребленіе клятвой сдѣлали изъ нея въ тѣ времена актъ оскверняющій религію; Людовикъ XII много способствовалъ этому своими приказами въ родѣ того, что даже не-причастныхъ къ дѣлу заставляли клясться въ незнаніи ими дѣла. Не было такого суда, который обходился бы безъ клятвы съ обѣихъ сторонъ.

Наибольшее значеніе приписывалъ судъ клятвъ въ дѣлахъ вассаловъ съ феодалами, тоже и въ случаяхъ нарушенія военной дисциплины. Вассалъ во время клятвы снималъ все съ себя и клалъ свою руку въ руку феодала. Клялся тоже и феодалъ въ своемъ хорошемъ къ нему отношеніи и цѣловалъ его въ губы. Клятва, принесенная рабомъ господину, считалась необыкновенно сильной, она сковывала человѣка по рукамъ и ногамъ, такъ какъ рабы клялись и отдавались хозяевамъ навсегда съ потомствомъ. Король и королева были устранены отъ присяги; члены же ихъ семейства клялись имъ въ вѣрности.

Можно ли сказать, что всѣ эти установленія, имѣвшія такую страшную силу, поддерживались исключительно только церковью? Напротивъ, церковь весьма часто скрывала въ своихъ стѣнахъ невинно обвиненныхъ (въ церковь въ старое время гражданскія власти не имѣли права врываться). Если священники и выдавали укрывшихся въ церкви, то не иначе, какъ подъ условіемъ клятвы, чтобъ имъ сохранили жизнь и не вредили ихъ членамъ въ инквизиціонномъ судѣ. Подъ судъ инквизиціи попадали только люди подневольные, рабы, которымъ не разрѣшалось клясться; инквизиція и началась съ того, что думали извлекать изъ рабовъ правду способомъ устрашающимъ.

Во времена средневѣковыхъ турнировъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ Бога (таковъ былъ взглядъ того времени), рыцарь, прежде чѣмъ выступить на арену, долженъ былъ клясться, поднявъ правую руку къ небу, въ томъ, что онъ не будетъ употреблять недопущенные закономъ приемы поединка. Входящій въ рыцарскій орденъ клялся, между прочимъ, въ своей готовности проливать свою кровь въ защиту христіанства.

Характера весьма возвышеннаго была клятва присягающаго городского головы. До французской революціи, онъ клялся проклятіемъ своей души; перечисляя въ своей клятвѣ свои обязанности, онъ рисовалъ типъ городского головы, близко

подходящій къ идеальному типу своеговременнаго хозяина города. Клятва произносилась у алтаря торжественно; окруженный гласными отъ города, голова полагалъ руку на евангеліе; клятва произносилась имъ внятно.

Въ судебныхъ учрежденіяхъ существовала не менѣ величественная клятва; изъ словъ ея мы можемъ видѣть, что именно было въ то время самой слабой стороной судей: въ клятвѣ особенно упиралось на взятки.

Клялись въ тѣ времена и повара и пирожники; въ ихъ присягѣ упоминается о королѣ, объ обязанностяхъ гражданина, и, между прочимъ, о томъ, чтобъ они не употребляли въ дѣло такую говядину, которая была бы имъ самимъ противна. Такіе клятвopреступники должны были лишиться своего мѣста въ раю. Аптекаря клялись въ вѣрности королю, въ любви къ родителямъ, и, между прочимъ, не давать яду и слабительнаго безъ приказанія врача и не держать гнилыхъ лѣкарствъ. Книгопродавцы клялись каждыя два года, обѣщаясь добropорядочно вести торговлю.

Начиная съ французской революціи, клятва еще болѣе теряетъ свою основную религіозную силу; содержаніе ея уже совсѣмъ мѣняется и она принимаетъ вовсе нехорошую форму. Она становится учрежденіемъ политическимъ, — власть ею пользуется, дабы укрѣпить въ подданныхъ большее къ себѣ послушаніе. Національное собраніе 1790 года избрѣло форму присяги, по которой и священство должно было присягать и королю и націи; было не мало столкновений съ церковью; ея служители возбудили противъ этого протестъ, а папа Пій VI (1799 г.) прямо отказался отъ подобной присяги. Такимъ образомъ образовался расколъ, власть ссылала нежелавшихъ присягать священниковъ въ Гвіану. Республиканская власть придумала клятву, въ которой высказывалась даже ненависть къ королевскому режиму и обѣщаніе противиться его возрожденію. Клятва упала еще ниже.

По конституціи 1848 года клялись главѣ государства, при Наполеонѣ (въ 1850 г.) замѣнили слово *глава* — *императоромъ*; теперь же во французскихъ судахъ говорятъ только *клянусь*, при чемъ поднимаютъ къ небу правую руку. Этотъ жестъ имѣетъ свою исторію. Въ реформацію протестанты во время клятвы, вмѣсто того, чтобы класть руку на католическія реликвіи, установили актъ поднятія вверхъ правой руки. Нантскій эдиктъ (Генрихъ IV въ пользу протестантовъ—XVI в.) это за ними укрѣпилъ. Въ судѣ оказалось неудобство, вслѣдствіе разнообразія религій, — одни поднимали руку, другіе клали руку на сердце, третьи на

мощи и проч. Во время революціи 1789 года это неудобство сгладилось, всѣ стали подымать руку. Замѣчательно, что вмѣстѣ съ паденіемъ торжественности клятвы, сталъ падать вмѣстѣ съ тѣмъ и престижъ ея. Теперь во Франціи, съ паденіемъ религіи, пошатнулось и клятвенное учрежденіе. Хотя во французскомъ судѣ присяжныхъ предсѣдатель и напоминаетъ присяжнымъ объ ихъ обязанностяхъ предъ Богомъ и людьми, но въ ихъ односложномъ отвѣтѣ *клянусь* проглядываетъ уже стремленіе перенести центръ тяжести клятвы съ торжественнаго призванія Бога въ свидѣтели на себя лично, на свою добросовѣстность, какъ гражданина; мы не сомнѣваемся въ добросовѣстности людей, желающихъ подтвердить свои показанія, одинъ честью, другой совѣстью, но этихъ разнохарактерныхъ присягъ допустить, думается, нельзя,—должна быть обязательно одна общая форма *религіознаго* характера. Призывать же въ свидѣтели своихъ словъ себя самого есть уже, по своему существу, нонсенсъ, ибо выходитъ: я утверждаю то, что я утверждаю.

Извѣстна клятва евреевъ въ 17 стол.: они въ синагогѣ клялись, положя руку на пятикнижіе, именно на то мѣсто, гдѣ было написано, что не должно напрасно клясться; въ клятвѣ, имѣвшей совсѣмъ характеръ молитвы, еврей просилъ у Бога помощи въ его показаніяхъ, просилъ отворотить его отъ лжи, предоставляя себя въ противномъ случаѣ проклятію и огню, которымъ были сожжены Содомъ и Гоморра.

Въ настоящее время вездѣ въ европейскихъ государствахъ совершается клятва болѣе или менѣе одинаково, вездѣ упоминается о Богѣ, о святости присяги, вездѣ одинаковое поднятіе или положеніе руки, вездѣ упоминается о возмездіи за ложь, даже о наградѣ за правду (Испанія).

Упомянемъ объ одной изъ новѣйшихъ формъ присяги, которую произнесъ президентъ Клевелэнды; въ ней тоже проглядываютъ тѣ же двѣ идеи, которыя мы встрѣчаемъ рѣшительно во всѣхъ клятвахъ — воззваніе къ высшей силѣ и возмездіе за несдержаніе клятвы. „Я принимаю передъ Богомъ приглашеніе націи и я себя посвящаю благу родины, всецѣло и съ самопожертвованіемъ: я вѣрю въ Высшее Существо, которое руководитъ дѣйствіемъ человѣка и чья милость и доброта никогда не оставляли народъ американскій. Я убѣжденъ, что Богъ отъ насъ не отвернется и теперь, если мы будемъ набожно уповать на Его всемогущую помощь“. Тѣ же обѣ идеи входятъ въ клятвенное обѣщаніе современнаго Швейцарскаго Суда: выслушавъ клятву, президентъ суда самъ напоминаетъ клянущемуся о второй части

клятвы и говорить: „помните, что Богъ васъ не помилуетъ въ случаѣ нарушенія вами клятвы“.

Несмотря на то, что Европа какъ будто сжилась съ этимъ установленіемъ, всетаки часто всплываетъ наружу мнѣніе о томъ, чтобъ исключить изъ клятвы свидѣтельство Божіе и сдѣлать изъ религіознаго гражданскій актъ. Къ счастью, большинство не раздѣляетъ это мнѣніе; оно видитъ, что клятва обратится тогда въ пустую формальность, если только у ней будетъ отнять нравственно-религіозный характеръ. Мы упираемъ на слово *религіозный*, ибо человѣкъ хорошій, но пошатнувшійся, можетъ почувствовать въ этотъ моментъ присутствіе Бога и выйти на дорогу добра и справедливости, которую иначе нельзя назвать, какъ религіозной, потому что, гдѣ добро и справедливость, тамъ и Богъ. Какая бы клятва ни была—грубая или мягкая (клятва Клевелэнда), ее нельзя иначе назвать, какъ актомъ религіознаго общенія между человѣкомъ и Богомъ; это-то и даетъ ей значеніе.

Какіе же основательные доводы для уничтоженія клятвы приводятъ люди, весьма часто, даже большого ума? Что худого, развращающаго находятъ они въ этомъ древнемъ религіозномъ учрежденіи?

Они говорятъ, что клятва есть только лишній соблазнъ къ профанации религіи, есть оскорбленіе Бога въ томъ отношеніи, что люди во имя его лгутъ, дѣлаются изворотливыми, придумывая разные приемы ухищренія для того, чтобъ отвести клятву, сдѣлать ее недѣйствительной и не отвѣчать передъ Богомъ за ложь. Далѣе они говорятъ, что клятва запрещена Самимъ Спасителемъ въ его нагорной проповѣди; затѣмъ они говорятъ, что клятва, совершающаяся на Евангеліи, гдѣ какъ будто запрещено клясться, есть явленіе даже преступное. Опровергать со спеціально богословской стороны все это не будемъ; посмотримъ на это съ другой стороны.

Относительно профанации религіи въ клятвѣ мы можемъ сказать, что ложь люди часто проявляютъ и въ молитвѣ, въ исповѣди и въ церкви, молятся притворно, ходятъ въ церковь только для вида; однако-жъ никто не сомнѣвается въ глубокомъ значеніи молитвы, исповѣди и церкви. Если допускается молитва къ Богу, то нельзя не допустить и клятву, т. е. просьбу къ Нему быть свидѣтелемъ правдивости словъ. Тутъ видно не оскорбленіе Бога, а, напротивъ, чувство уваженія къ Нему, сознаніе человѣческой грѣховности, лживости, которыхъ Богъ не терпитъ, сознаніе, которое надо отнести къ числу нравственныхъ проявленій духа.

Для высоко развитой души этотъ моментъ, легко возможно, и не столь нуженъ, какъ человѣку способному зашататься; развитая душа каждый моментъ чувствуетъ это единеніе съ Богомъ; всякій ея шагъ напоминаетъ ей Бога; ей и законы не нужны, ибо она сама поступаетъ по закону. Негодяю всего этого тоже не нужно, для него церковь, молитва, исповѣдь чужды, онъ не боится ни закона, ни клятвеннаго обѣщанія, онъ совретъ на клятвѣ точно такъ же, какъ и безъ нея. Клятва создана не для того, чтобъ сдѣлать изъ негодяя ангела; она важна для тѣхъ, у кого колебалась совѣсть, кто еще боится отвѣта (передъ Богомъ или совѣстью), въ комъ еще не заглохло хорошее чувство. Понятно, что разныя суевѣрныя ухищренія, ради того, чтобъ сдѣлать клятву недѣйствительной (напримѣръ, правую руку поднимають вверхъ, а лѣвую, условно сложенную, держать въ карманѣ), не могутъ не возмущать, но все же человѣкъ, еще не совсѣмъ пропавшій, все-таки во время клятвы чувствуетъ нѣ-которымъ образомъ торжественный моментъ, онъ еще не совсѣмъ погрязъ въ грѣхѣ, какъ тотъ, кто въ это время вретъ и не краснѣетъ; онъ можетъ почувствовать, что совершаетъ грѣхъ, онъ еще можетъ почувствовать серьезность своего положенія, еще можетъ почувствовать, что Богъ желаетъ, чтобъ люди говорили правду, почувствовать, что клятва есть напоминовеніе этой обязанности человѣка, напоминовеніе, которому психологъ не можетъ не придать значеніе серьезнаго момента; выходить вѣдь нѣчто подобное тому, какъ кто-то выразился о водкѣ: водка не хороша, ибо рюмки малы. Подобный подходъ долженъ быть чуждъ психологу, онъ долженъ разбирать психологическую подкладку учрежденія, а не злоупотребленіе учрежденіемъ; если злоупотребленіе и возмущаетъ, то изъ этого никоимъ образомъ нельзя вывести, что само учрежденіе никуда не годится.

Второе основаніе къ нападкамъ на клятвенное учрежденіе многіе видятъ въ словахъ нагорной проповѣди. Спорить на богословской почвѣ о правильности перевода греческаго слова, дающаго словамъ Спасителя смыслъ запрещенія клясться, мы не беремся. Судя по приемамъ своей проповѣди, Христосъ не уничтожалъ существующіе обычаи, но только указывалъ лучшія для нихъ формы. Въ Его же время клялись всѣ и весь день, истинное значеніе клятвы (призывать Бога въ свидѣтели правдивости словъ) было затемнено: клялись небомъ, Іерусалимомъ, землей, разными тварными предметами и проч., все это не имѣло ровно никакого клятвеннаго смысла, какъ и въ настоящее время не имѣетъ смысла клятва ребенкомъ, женой и проч.; подобныя

клятвы — низкой пробы и вовсе нежелательны. Все равно, какъ Спаситель указывалъ лучшую идеальную желательную форму сожитія людей, совѣтуя забыть злобу и даже подставить обидчику другую щеку, точно также Онъ указалъ и идеальную форму абсолютной правдивости человѣка, совѣтуя ему отвѣчать только „да“ и „нѣтъ“; если же человѣкъ прибѣгаетъ къ клятвѣ, то тутъ же, такъ сказать, пропадаетъ чистота среди людей и выходитъ наружу лукавое. Въ Ветхомъ Завѣтѣ истинность рѣчи подтверждалась именемъ Бога; Спаситель же учить большему — обходиться безъ этого свидѣтельства; Онъ начертывалъ идеальный порядокъ жизни людей, но тѣмъ не отрицалъ обычай, самъ по себѣ и религиозный и нравственный. Вѣдь Онъ Самъ не однажды ссылался на Отца, какъ на свидѣтеля истинности Его проповѣди.

У евреевъ былъ такой обычай — судья произносилъ клятвенное обѣщаніе, а подсудимый отвѣчалъ: *ты сказалъ* — это была форма, замѣняющая клятву. Точно также на вопросъ первосвященника: Ты ли Христосъ Сынъ Божій? Христосъ отвѣчалъ: *Ты сказалъ*, на что первосвященникъ отвѣчалъ, предварительно разорвавъ на себѣ платья (обычай выражать ужасъ): „Вотъ вы слышали богохульство“ (т. е. слышали ложную клятву).

Духъ всего ученія Христа не дозволяетъ допускать, чтобы Онъ проповѣдывалъ уничтоженіе судовъ за обиду, уничтоженіе клятвы; Онъ этихъ учреждений не касался; Онъ отдавалъ Кесарю кесарево, но въ то же время проповѣдывалъ духовное обновленіе людей. Думается, что и намъ не слѣдуетъ ихъ касаться, такъ какъ совершенствованіе человѣка идетъ, при помощи благодати Божіей, изъ его нутра, а не извнѣ; если перемѣнится къ лучшему нутро, то измѣнится къ лучшему и внѣшность, но обратное бываетъ рѣдко. Нравственное возрастаніе людей идетъ впередъ не путемъ насильственного уничтоженія учреждений, а путемъ подготовки почвы для воспріятія лучшихъ формъ, путемъ созрѣванія въ обществѣ болѣе возвышенныхъ идей, и не иначе, какъ на почвѣ образованія и надлежащаго воспитанія. Поэтому, мы и будемъ стремиться къ чистосердечному *да и нѣтъ*, но въ то же время не будемъ уничтожать клятву; во-первыхъ, въ пей нѣтъ ничего пехорошаго, когда человѣкъ общается Богу сдержать свое слово, а во-вторыхъ, уничтоженіемъ клятвы ничего не достигнешь касательно возрастанія нравственной идеи. Со времени Спасителя прошло XIX вѣковъ, а много ли найдется душъ, способныхъ чистосердечно исполнить Его завѣтъ — говорить всегда правду? Вотъ какъ трудно достигается совершенство! А тутъ думаютъ, что съ уничтоженіемъ клятвы, т. е. съ уничто-

женіемъ одного изъ способовъ напоминовенія правды, всѣ люди вдругъ сдѣлаются правдивыми; скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается.

Трудно понять ходъ мыслей у людей, желающихъ уничтоженія клятвеннаго учрежденія; неужели, если люди станутъ произносить вмѣсто слова *клянусь* — *да и нѣтъ* или, какъ это мы видимъ въ кантонѣ Базель, свидѣтель вмѣсто клятвы будетъ пожимать руку предсѣдателя суда, неужели вдругъ можетъ измѣниться людская нравственность? Развѣ слова *да и нѣтъ* не составляютъ такой же клятвы, въ которой свидѣтель — совѣсть, а возмездіе за ложь — угрызенія совѣсти? Измѣняется только форма, но не идея, психика же осталась та же; не форма обуславливаетъ успѣхъ, а внутреннее благочестивое настроеніе.

Истинный подвигъ культурнаго человѣка — не выставить свои высокія нравственныя качества, а стараться выикнуть въ простого человѣка и помочь ему справиться съ самимъ собой въ тѣ моменты, когда его смущаетъ лукавыи; истинный подвигъ заключается въ сохраненіи для него, еще нравственно недозрѣвшаго, такого сильнаго средства для отрезвленія, какимъ можетъ оказаться клятва, идея которой такъ тѣсно связана съ идеей загробной жизни, имѣющей въ свою очередь неоспоримо благое вліяніе на ходъ развитія этики. Истинный философъ никогда не откажется отъ клятвы, не будетъ спорить о формѣ, ибо философія съ вѣрой всегда сходятся; поднимаютъ всѣ эти вопросы полубразованіе и односторонность взгляда на медаль, забывая, что есть у ней въ то же время и другая сторона; а главное, подымаетъ эти вопросы гордыня, мнящая въ себѣ силу и мощь никогда не врать, никогда не кривить душой!

Окончимъ нашъ очеркъ словами Гюго, тонко понимавшаго высшіе вопросы духа; онъ такъ выразился о клятвѣ: „тотъ, кто клянется чистосердечно, тотъ уподобляется алтарю, на который нисходитъ Богъ“.

А. Бергъ.

Изъ записокъ и дневниковъ.

Полковникъ Пашковъ ¹⁾).

Говорилъ полковникъ Пашковъ о поклоненіи «святымъ угодникамъ Божиимъ»... Въ его непоследовательной и мало красноречивой, а потому, конечно, не совсѣмъ убѣдительной—по крайней мѣрѣ для людей просвѣщенныхъ, какимъ я смѣлъ считать самого себя,—рѣчи такъ и проскальзывалъ намекъ на то, что «угодниками Божиими» могутъ считаться лишь по своему исключительному положенію въ жизни именно тѣ люди,—какъ онъ наприимѣръ,—которые, не пощадивъ своего высокаго положенія и ниспедъ съ него внизъ, какъ богиня Олимпа къ троглодитамъ въ пещеру, протянули свои руки помощи къ падшимъ на землѣ и тѣмъ своимъ благодѣяніемъ дали имъ случай подняться изъ ничтожества... То есть, «святые отцы наши» не потому святы, что они «канонизованы во святыхъ сихъ», а потому, что они вели святую жизнь своими дѣяніями на землѣ и потому уже удостоены были «святой памяти»... Но это, однако, не давало намъ права приравнивать ихъ Божеству, и поклоняться ихъ образамъ наравнѣ съ ликомъ Творца міра...

Такова, въ общихъ чертахъ, была эта «бесѣда» Пашкова... Нельзя было сказать, чтобы она представляла совершенную безсмыслицу, какъ я ожидалъ отъ «духовной проповѣди» свѣтскаго человѣка, но и нельзя было также думать, чтобы она исходила изъ души, глубоко прочувствовавшей свою идею, доведенную до вниманія другихъ, тутъ присутствовавшихъ. И поэтому проникнуться этой «проповѣдью» Пашкова я не могъ и не допускалъ того-же въ другихъ,

¹⁾ «Мисс. Обзор.» кн. 1-я, стр. 80.

моего мнѣнія спрашивавшихъ объ этомъ. Не допускалъ я потому, что это было вѣдь сказано слишкомъ вольно и неопредѣленно, и слишкомъ туманно и необобщенно... Да и вообще видно было, что полковникъ Пашковъ не могъ подкрѣплять свои мысли чѣмъ-либо болѣе основательнымъ, убѣдительнымъ для слушателей. И такія «бесѣды», какъ то мнѣ казалось, для темнаго люда были совсѣмъ мало понятны, потому что онѣ были въ высшей степени туманны даже и для просвѣщеннаго человѣка, а въ тоже время и слишкомъ проблематичны.

Но мысль, тѣмъ не менѣе, какъ-бы казалась новою и на нее слѣдовало бы обратить относительное вниманіе... И что такая идея не могла истечь изъ головы съ малыми мозгами, тоже надо было сознаться. Некому только было подтвердить въ данномъ случаѣ ту мысль, что исходила ли эта идея прямо изъ головы Пашкова, и не была ли она достояніемъ кого-либо другого, такъ лишь случайно здѣсь отразившейся, или намѣренно попавшая на языкъ этого, въ то время популярнаго на Гагаринской набережной, лица. Отвѣтить на всѣ эти вопросы своевременно, конечно, мнѣ никто не могъ, и едвали бы еще нашелся такой смѣльчакъ, который бы сталъ вдаваться въ такое опредѣленіе вещей, въ которомъ могло существовать лишь одно понятіе или представленіе о нихъ, по никакъ уже не ясное болѣе или менѣе истолкованіе ихъ въ общедоступныхъ словахъ, какими должны были быть слова комментатора...

Но Пашкова, надо замѣтить, понимали именно такъ, какъ онъ говорилъ, т. е. туманно и неясно. И въ этомъ то туманѣ потомъ людямъ приходилось блуждать въ своей жизни очень долго, если уже не навсегда оставаясь «неясными» въ своемъ представленіи себѣ «идей пророка» съ Гагаринской набережной и неосвѣщенными съ точки зрѣнія логики мыслями чистой истины... Вотъ это и казалось многимъ людямъ здравой мысли нѣсколько страннымъ... Допуская такія проповѣди въ частномъ домѣ, говорили они,—какими же соображеніями руководствовалась подлежащая власть?... Доискивались также этой мысли и многіе другіе... Но не находя ея вокругъ себя ни въ комъ изъ людей, они успокаивались на томъ, что «пусть что будетъ, то и будетъ»... и что, молъ, «наша

хата съ краю и я ничего не знаю»... Вотъ какъ думали многіе изъ людей мыслящей среды объ этомъ «дѣлѣ»,—если только «бесѣды» полковника Пашкова можно было назвать этимъ словомъ;—вотъ почему эти «проповѣди» и имѣли своего рода значительный успѣхъ среди толпы, — если только всѣхъ, здѣсь собиравшихся, можно было подвести подъ эту рубрику. Но чтобы отводить «бесѣдамъ» на Гагаринской набережной какое-либо серьезное религиозное значеніе, изъ людей положительной мысли никто того не допускалъ. Но зачѣмъ-же онѣ были допущены къ «дѣлу», всякій спрашивалъ кого угодно... На что, однако, отвѣта не послѣдовало никакого. И это, надо было думать, потому, что тутъ, какъ видите, были замѣшаны такія лица, эксъ-территориальность которыхъ ограждена гражданскимъ закономъ...

Но вотъ, наконецъ, «бесѣда» кончилась, и полковникъ Пашковъ, обтирая лицо свое батистовымъ платкомъ, ярко сверкавшимъ его бѣлизной передъ блескомъ освѣщеннаго зала, сошелъ со своей импровизованной каеэды и смѣшался съ толпой, его окружавшей какъ бы опять-таки для того, чтобы подойти подъ его благословеніе... Но на этотъ разъ онъ уже удовлетворялъ любознательность тѣхъ, которые предъявляли къ нему свои вопросы на предметъ поясненія имъ нѣкоторыхъ положеній проповѣди, которыхъ они не поняли... Подошелъ и я къ этой толпѣ. Тутъ дама, меня передъ тѣмъ осаждавшая, представила полковнику, какъ новаго ихъ «прихожанина»... Пашковъ, вопреки общему обычаю, тутъ существовавшему, машинально протянулъ мнѣ руку, и я пожалъ ее. Чтобы поддержать мнѣ съ нимъ какой-либо разговоръ, какъ новому лицу въ ихъ обществѣ, которому все-таки же требовалось обстоятельно ознакомиться съ правилами «прихода», въ который онъ попалъ, я спросилъ его о цѣли, преслѣдуемой имъ въ своихъ задачахъ...

— Только религиозная, и больше никакая,—отвѣтилъ онъ мнѣ мягко, вѣжливо и учтиво, такъ, какъ бы желая этимъ сказать: да развѣ вы не слышали, что я говорилъ?

— Нѣтъ... Я не объ этомъ васъ спрашиваю,—повторилъ я свой вопросъ,—а о томъ, что вы въ конечномъ выводѣ думаете получить отъ вашихъ проповѣдей?

— Только одно укрѣпленіе въ вѣрѣ истинной и въ Бога живого вездѣсущаго,—опять тѣмъ же ровнымъ и мягкимъ тономъ отвѣтилъ мнѣ полковникъ.

— Но развѣ у насъ замѣчается какая-либо шаткость «въ вѣрѣ истинной?»

— А какъ же?.. Развѣ вы не видите, что дѣлается вокругъ насъ?.. Всюду крамола, вездѣ безвѣріе, отовсюду несутся вѣсти о сектахъ и т. д.

— Такъ вы думаете, что своимъ ученіемъ о «вѣрѣ истинной» отвлечете людей отъ ихъ заблужденій?..

— Непремѣнно... То слово истины, которое я поселяю въ слушателяхъ моихъ, должно уже глубоко запастъ въ ихъ душу неотразимой вѣрой въ Бога сущаго...

— Ну это очень, однако, богословскій вопросъ, и я въ немъ окажусь, пожалуй, не компетентнымъ,—отвѣтилъ я...

— И я также думаю...

— То есть?..

— Что вы не компетентны...

— А вы?..

— Я изучилъ его основательно... Съ той цѣлью, чтобы заняться своими проповѣдями, я подготовилъ себя достаточно для этого предмета. И чтобъ выйти изъ него побѣдителемъ, мнѣ пришлось брать уроки у лучшихъ профессоровъ богословія, которые потомъ и направили меня на это святое дѣло любви къ ближнему своему. А такъ какъ дѣло безъ вѣры обыкновенно мертво есть, то я и приобщилъ къ нему свою благотворительность, которую и веду теперь неустанною рукою ко благу моихъ прихожанъ. И если вы не побрезгаете моимъ хлѣбомъ-солью, то прошу васъ посѣтить мои столовые на Выборгской сторонѣ, въ которыхъ я кормлю ежедневно тысячи людей лучшимъ продуктомъ, какой только можетъ намъ дать сѣверная столица...

Я поблагодарилъ полковника за его любезное предложеніе, но оставлять его въ покоѣ на этотъ разъ, какъ онъ, вѣроятно, думалъ, еще не желалъ, потому что у меня оставалось тогда не мало вопросовъ, на которые я хотѣлъ получить отъ него тѣ или другіе отвѣты. И вотъ я вновь задалъ Пашкову такой вопросъ:

— А извѣстно ли вамъ, что у насъ на Руси храмовъ, сооруженныхъ въ честь угодниковъ Божіихъ, какъ, напримѣръ, Николая Чудотворца, значительно болѣе, чѣмъ во имя Спасителя?

— Такъ что же такое?

— Да то, что вѣдь ваша идея, сейчасъ проводимая въ проповѣди, какъ бы разрушаетъ всѣ эти храмы тѣмъ, что она видитъ въ угодникахъ Божіихъ только одни «святые дѣла», но не видитъ въ нихъ той святости, которой мы поклоняемся здѣсь?

— Ну я этимъ вопросомъ такъ строго не задавался...

— Такъ какъ же иначе?.. Вѣдь, если брать человѣка, положимъ, какъ онъ есть, для того, чтобы разсматривать его субъективное бытіе, такъ необходимо брать въ этомъ случаѣ и общую психо-физическую единицу жизни его, а никакъ не одну изъ сихъ двухъ сторонъ существа...

— Совершенно вѣрно... Но я не включалъ въ свою программу дѣятельности предмета, требующаго обстоятельнаго разсмотрѣнія его въ другой формѣ. Въ какой изъ двухъ сторонъ жизни человѣка находится больше добрыхъ дѣлъ—въ святыхъ ли его поступкахъ или въ освященныхъ дѣлахъ его—я судить не могу,—не потому, конечно, чтобы я не былъ въ силахъ показать свое *alibi*, а потому, что я не хочу вдаваться въ вопросы чисто каноническаго характера, что, конечно, вовсе не относится до моихъ скромныхъ задачъ... И я уже далеко не такъ честолюбивъ, какъ думаютъ нѣкоторые, чтобы, не понимая строго своихъ задачъ, отвѣденныхъ мнѣ правомъ на мои духовныя бесѣды, вдаваться со своимъ авторитетомъ, можетъ быть, даже очень скуднымъ для кого-нибудь, во владѣнія, чисто относящіеся до высшей духовной власти...

— Но вы такъ поставили свой вопросъ въ проповѣди, что я ничего другого въ немъ не могъ увидѣть, какъ только прямое отрицаніе святости тѣхъ, добрыхъ дѣла которыхъ были канонизованы вѣками и властью... и святость которыхъ установлена вѣрою и поклоуеніемъ здѣсь...

— Ну это вы напрасно... Я ничего не отрицаю, а только укрѣпляю...

— Но зачѣмъ это?.. Развѣ зданіе вѣры требуетъ ремонта?

— А развѣ нѣтъ? Развѣ вы не знаете, что мы на краю разрушенія...

— Какого это?..

— Ну, конечно, сектантство подкапываетъ основы нашего зданія... Конечно, мы должны укрѣплять его, чтобы оно не рухнуло, намъ нужно теперь большія усилія для того употребить...

Это мнѣніе почтеннаго русскаго Редстока показалось мнѣ большою натяжкой и я понялъ, что онъ ничего другого, кромѣ сектантства, въ свое оправданіе представить не можетъ и не въ силахъ, потому что онъ или не въ эрудиціи «своего вопроса», хотя онъ, какъ говорилъ, и слушалъ лекціи богословія,—правда у себя дома, но не въ академіи,—или-же ему не удобно было по нѣкоторымъ, можетъ быть, и заслуживающимъ особеннаго вниманія кого-нибудь, обстоятельствамъ говорить объ этомъ, или просто-таки ему было воспрещено, кѣмъ слѣдуетъ, возбуждать эти вопросы въ той формѣ, въ какой я возбудилъ ихъ.... Но мнѣ непремѣнно хотѣлось узнать отъ него точнаго мнѣнія о томъ, что онъ говорилъ на «бесѣдѣ», т. е. въ своей проповѣди...

— Какъ «новый прихожанинъ»,—началь я опять свою рѣчь уже ихъ излюбленными словами,—я хотѣлъ бы услышать отъ васъ, какъ отъ лица, посвященнаго въ свое «доброе дѣло», вполне основательнаго, болѣе яснаго для меня отвѣта, чѣмъ тотъ, который вы мнѣ дали...

— Вы хотите знать, какъ я смотрю на святость признанныхъ церковью святыхъ угодниковъ Божіихъ?

— Да.

— Такъ-же, какъ и сказать.

— То есть?

— Ну, что ихъ святость постольку достойна поклоненія имъ, поскольку ихъ добрыя дѣла заслуживаютъ того...

-- Но это всетаки неясно для меня... И я хочу знать то именно, достойна ли ихъ добродѣтель такой памяти, какъ сооруженіе въ честь ихъ храмовъ?...

— Этого вопроса я не касаюсь...

— Ну тогда мнѣ придется остаться въ невѣдѣніи своемъ...

Это мое замѣчаніе Пашковъ оставилъ безъ отвѣта, и, вѣроятно, потому, что онъ, дѣйствительно, не могъ себѣ дать яснаго отчета въ томъ, что говорилъ въ проповѣди, или-же онъ остерегался со-всѣмъ отрицать догмъ вѣры въ святыхъ угодниковъ, видя меня предъ собою еще въ первый разъ и не зная того, съ какимъ на-мѣреніемъ я его объ этомъ допрашивалъ, такъ какъ въ то смутное въ нѣкоторомъ отношеніи время 70-хъ годовъ, когда юный либе-рализмъ выходилъ на площадь Казанскаго собора съ красными флагами на шестахъ, всякій общественный дѣятель, подобно пол-ковнику Пашкову, былъ обставленъ отъ III-го отдѣленія, тогда еще функціонировавшаго, чуть ли не цѣлой арміей сыщиковъ... Вотъ почему полковникъ и не хотѣлъ говорить мнѣ всего того, что онъ думалъ на предметъ своихъ задачъ вообще и о святости святыхъ—въ особенности... Понявъ это, я, конечно, больше уже его не беспокоилъ своимъ любопытствомъ... Но, продолжая оставаться подлѣ него, я слышалъ, между прочимъ, его мнѣніе на предметъ моего разговора съ нимъ, въ его бесѣдѣ съ другими, тутъ присут-ствовавшими лицами. И мнѣніе это онъ выразилъ такъ: «Сегодняшняя моя бесѣда, кажется, не такъ удобопонятна была для васъ»?..

— Напротивъ, мы истинно признательны вамъ за нее,—сказалъ «князь»... И я, съ своей стороны, никогда такъ ясно не смотрѣлъ на этотъ предметъ... какъ теперь...

— Но, однако, она иныхъ не прояснила своимъ свѣтомъ исти-ны,—какъ бы обиженнымъ тономъ сказалъ полковникъ...

— Такъ что жъ дѣлать?! если тьма вѣковъ, поселенная между нами, не можетъ быть сразу разсѣяна однимъ лучемъ Божествен-наго свѣта... На это, какъ и на всякое сложное дѣло, требуется не мало времени и человѣческихъ усилій...

Я не считалъ нужнымъ принимать словъ «князя», сказанныхъ о «тьмѣ», на себя и потому оставался равнодушнымъ слушателемъ бесѣды Пашкова съ его ближайшими друзьями-прихожанами...

Но вся эта «блестящая компанія», съ которой русскій Ред-стокъ велъ свою бесѣду, вскорѣ удалилась въ «отдѣльный покой сего дома», гдѣ, какъ я узналъ потомъ, для нея уже была готова «вечерняя закуска», какъ постоянный «послѣ-бесѣденный затра-пезный столъ»... Самъ-же Пашковъ на время еще остался въ

томъ залѣ, гдѣ читалась имъ проповѣдь, и занялся «напутствіемъ» тѣхъ своихъ прихожанъ, которые поджидали его здѣсь для какой то «частной аудіенціи».

Побывъ съ минутою еще въ залѣ, я, по примѣру другихъ, здѣсь бывшихъ «на бесѣдѣ», какъ новичковъ, такъ же, какъ и я, не знавшихъ всѣхъ «мѣстныхъ обычаевъ дома сего», требовавшихъ «закуски», сталъ направляться къ выходу. Но изящная дама, весь вечеръ чичеронствовавшая мнѣ, окликнула меня тихимъ словомъ — «куда-же вы» — и заставила остановиться. Намѣреваясь съ ней проститься и поблагодарить ее за любезность, оказанную мнѣ своимъ вниманіемъ во время вечера въ чужомъ домѣ, гдѣ я безъ нея многого кое-чего и не достигъ бы, я направился къ ней навстрѣчу.

— Куда-же вы? — повторила она свой вопросъ, дѣлая на немъ усиленное удареніе въ знакъ того, что она удивлена моимъ поступкомъ.

— Да къ выходу, — равнодушно отвѣтилъ я.

— А закусить?

— То-есть, какъ это закусить? Вы хотите знать, гдѣ я буду ужинать?

— Да нѣтъ-же! Здѣсь закуска приготовлена для всѣхъ насъ.

— Для васъ — можетъ быть, но только не для меня; я здѣсь чловѣкъ чужой.

— Экій онъ своенравный! Ему говорятъ, что для всѣхъ, а онъ — «чужой». — Идемте-же!

И она, взявъ меня подъ руку, повела въ другія комнаты дома, гдѣ была сервирована «закуска», и гдѣ всѣ прочіе гости уже давно заняли свои мѣста, бѣроятно, ими раньше обсиженные и, конечно, достаточно облюбованныя.

— Гдѣ тамъ еще вы будете закусывать, — сказала мнѣ моя чичероне, идя со мной подъ ручку, — когда здѣсь все готово. Должны же вы рано или поздно познакомиться со всѣми нашими обычаями, если хотите оставаться нашимъ прихожаниномъ. А то уходить! Развѣ это можно?

— Отчего-же нѣтъ?

— Потому что у насъ неприято. Всякій, кто бываетъ «на бесѣдахъ», если онъ интеллигентный чловѣкъ, обязанъ здѣсь вку-

сить хлѣба—соли. А для тѣхъ, кто не можетъ быть приглашенъ къ здѣшнему столу, отводится другое помѣщеніе... На это есть столовая. Онѣ открыты постоянно. Ихъ двери всегда гостепріимно встрѣчаютъ всѣхъ, здѣсь бывающихъ, которые нуждаются въ подкрѣпленіи своихъ силъ...

— Такъ тутъ степени и градаціи тоже имѣются въ виду?

— Ну, конечно! Нельзя-же посадить рядомъ со мной дегтярные сапоги. Я сбѣгу отъ запаха. Вѣдь это было бы наказаніемъ для меня сидѣть рядомъ съ дегтярнымъ заводомъ во время ужина. Если нѣкоторые любятъ послѣ ужина горчицу ѣсть, такъ это еще не доказательство того, что оно обязательно для всѣхъ насъ.

— Вы, однако, юмористка,—замѣтилъ я своей дамѣ, такъ же свободно, какъ и она со мной вела рѣчь свою.

— Ну не все-же конфетничать. Надо когда нибудь и пословословить. И тѣмъ болѣе теперь, когда мы, выслушавъ «бесѣду» нашего главы дома сего, уже отпущены отъ всѣхъ грѣховъ.

— Это какъ-же?

— Да такъ. «Бесѣда» очищаетъ насъ отъ грѣховъ, содѣянныхъ нами въ теченіе минувшихъ дней. Теперь мы, что называется, налегкѣ.

— Это для меня новость.

— Почаще станете посѣщать этотъ домъ, такъ еще не то узнаете.

— А именно?

— Ну что жъ мнѣ забѣгать впередъ. Говорю — узнаете, коли будете посѣщать «бесѣды».

— А теперь этого нельзя?

— Нельзя. Весь интересъ пропадетъ. Будущій день только тѣмъ и хорошъ, когда онъ даритъ насъ загадкой.

— О, да вы философъ!

— А что вы думаете? Я не умѣю мыслить что ли?

— Не могу упрекнуть васъ въ этомъ.

— И не старайтесь. Все будетъ напрасно. Я безупречна.

— То есть, какъ это?

— Да такъ. Меня не касается никакой упрекъ, потому что я его не принимаю ни отъ кого. И все, что касается этого, далеко обходить меня стороною.

— Не понимаю.

— И понимать нечего. Все, что есть упречнаго въ мірѣ, безусловно для меня, потому что я выше всѣхъ этихъ упрековъ и посему ихъ никогда не принимаю на свой счетъ. Вотъ почему я и говорю, что будетъ излишнимъ упрекать меня въ чемъ нибудь.

Съ послѣдними словами моя чичероне подвела меня къ столу и посадила рядомъ съ собой. Разговоръ перешелъ на кулинарное искусство. Религія, поэтому, на время была забыта; оставлены также были и разсужденія на предметъ только что законченной полковникомъ Пашковымъ проповѣди. Но вскорѣ этотъ разговоръ вновь возвратился къ услугамъ общества, какъ только среди него появился русскій Редстоукъ.

С. Гльбовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Миссіонерскіе очерки.

XVII.

Борисъ безногій.

Заночевали мы однажды съ учителемъ церковно-приходской школы въ его квартирѣ, въ штундистскомъ селѣ. Проснулись утромъ, — холодъ въ комнатѣ нестерпимый. Не хотѣлось выглядывать изъ подъ одѣяла. Кое-какъ поднялись. Просимъ сторожа Мартына самоваръ намъ поставить. Мартынъ храбро взялся за дѣло. Наложилъ въ самоваръ углей по самую трубу. Самоваръ замеръ...

Долго и бесплодно возился онъ съ нимъ; дулъ ему во всѣ дыры, — насилу самоваръ жалобно запищалъ. Чай пить мы сѣли около полдня. Едва успѣли мы выпить по стакану, — послышался шорохъ за дверью: стукъ! стукъ! стукъ!

Входитъ къ намъ на деревянной ногѣ человѣкъ. Мужики зовутъ его Борисомъ «безногимъ».

— Здорово! говоритъ онъ.

— Здравствуй!

— Я вамъ не помѣшаю? робко заявляетъ Борисъ.

— Нѣтъ.

— Вотъ спросить кой о чемъ надо. Живу въ кругу штундистовъ...

— Пожалуйста.

Борись, должно быть, понялъ, что мы «никакъ не согрѣмся». Деликатно онъ помолчалъ малость, потомъ завелъ свою рѣчь:

— На счетъ мощей хочу я перво-на-перво потолковать. Больно сектанты насъ этимъ дѣломъ «доходятъ»...

Борись помолчалъ и прибавилъ:

— Намедни молоканинъ Филатей говоритъ мнѣ: «какія у васъ мощи есть, — я не видѣлъ. Видѣлъ я, какъ Османа-пашу по городамъ возили. Лежитъ онъ восковой, а смотреть, дышетъ»...

— Вы чуете, спросилъ Борись, куда Филатей мѣтилъ? Онъ православныя мощи приравнялъ къ восковымъ фигурамъ. — Я ему и отвѣчаю:

— Дурь ты такая! Мощи открываются митрополитами по царскому указу. Неужто, думаешь ты, такіе люди станутъ насъ обманывать?

Борись возбужденно посмотрѣлъ на меня.

Я ему подтвердилъ, что мощи святыхъ открываются послѣ длинныхъ справокъ, — послѣ явленія отъ нихъ многихъ чудесъ, когда власти увѣряютъ, что ошибки тутъ быть не можетъ...

Борись спросилъ:

— А что есть о мощахъ тексты въ Новомъ Завѣтѣ?

И, помолчавъ, онъ же сказалъ:

— Я привожу — не помню, какое мѣсто, — гдѣ написано: *«духа не угашайте»*... Тамъ дальше есть словечко...

— Я прочиталъ изъ Библии: *«Самъ Богъ мира да освятитъ васъ во всей полнотѣ, и вашъ духъ и душа и тѣло во всей плоти да сохранятся безъ порока въ пришествіе Господа Нашего Иисуса Христа»* (1 Осс. 5, 23).

Борись радостно подхватилъ:

— Во-вотъ! Апостолъ жагаетъ, чтобы у христіанъ *во всей цѣлости* сохранились тѣла до пришествія Христова. Стало быть, тѣло, *по милости Божіей*, можетъ сохраниться отъ разложенія...

Я похвалилъ проникательность Бориса. Ободренный, онъ продолжалъ:

— А изъ 1 Кор. гл. 7, ст. 14 подойдеть?

Мы прочитали: *«невѣрующій мужъ освящается женою вѣрующею... Иначе дѣти ваши были бы нечисты, а теперь святы»*.

— Видите, сказалъ Борисъ, христіане именуются святыми. Стало быть, тѣла ихъ могутъ не истлѣвать...

Я замѣтилъ, что *стороной*, пожалуй, можно и такъ разсуждать. Вообще же лучше держаться болѣе подходящихъ къ дѣлу доказательствъ...

Борисъ поругалъ штундистовъ, подивился ихъ тупости, а потомъ цѣломудренно произнесъ:

— Есть у меня одно сомнѣніе. Насчетъ звѣря и образа его по 13 гл. Откровенія. Что это тамъ виднѣется? Штундисты выставляютъ это мѣсто противъ иконъ. Они сказываютъ:—Апостолъ пишетъ Солунянамъ: *«тайна беззаконія уже въ дѣйствіи»*. Какая тайна? По ихъ понятіямъ выходить—*иконы*. Пока, дескать, Апостолъ, удерживавшій эту тайну, жилъ, иконъ не было; а какъ умеръ Апостолъ,—въ церкви завелось «беззаконіе»—образа...

— Разведите мнѣ это мѣсто пожалуйста. Я сомнѣваюсь...

Успокоительно я сказалъ Борису:

— Напрасно, братъ, ты волнуешься. Икона звѣря не разрушаетъ святыхъ иконъ, а утверждаетъ ихъ. Замѣть прежде всего: въ 2 Сол. гл. 2, ст. 5 говорится объ антихристѣ, — о томъ зломъ мучителѣ, который придетъ къ концу вѣка и станетъ мучить христіанъ. Этотъ безбожный мучитель еще не пришелъ. Признаковъ его *видимаго* явленія еще нѣтъ. По откровенію Іоанна Богослова выходить, что антихристъ, когда *чувственно* придетъ, *«онъ сдѣлаетъ то, что вѣзмъ малымъ и великимъ, богатымъ и нищимъ, свободнымъ и рабамъ, положено будетъ начертаніе на правую руку ихъ или на чело ихъ, и что никому нельзя будетъ ни покупать, ни продавать безъ этого знака (Откр. 13, 16, 17)*. А развѣ теперь на землѣ мы видимъ гдѣ нибудь такіе порядки? Развѣ у васъ смотрятъ на руки или на чело, когда вы покупаете что нибудь и продаете?..

Борисъ съ улыбкой сказалъ:

— Штундисты говорятъ, что православные и продаютъ, и покупаютъ съ печатью на правой рукѣ, то есть, при торговлѣ они крестятся...

Я отвѣтилъ:

— Пусть такъ; но вѣдь изъ Откровенія слѣдуетъ, что антихристъ *всѣмъ* людямъ положить печать свою на правую руку; а вотъ теперь сектанты занимаются торговлей и *не крестятся*. Ясно, что антихристъ еще не пришелъ.

Съ другой стороны, можно-ли въ крестномъ знаменіи видѣть печать антихриста?

Крестнымъ знаменіемъ мы изображаемъ свою вѣру въ Распятаго Христа. Крестнымъ знаменіемъ съ молитвой вѣрующіе отгоняютъ отъ себя діавола. — Какимъ же родомъ это противное себѣ знаменіе антихристъ приметъ за печать свою? Это бессмысленно и кощунственно...

Не бойся же, Борисъ, «глупыхъ басней» сектантскихъ и крестия благоговѣнно.

Борисъ перекрестился истово, а я продолжалъ:

— По Апостолу слѣдуетъ, что «тайна беззаконія» уже въ дѣйствіи. Духъ антихриста уже проявляется на землѣ. Какимъ образомъ?

Антихристъ обнаруживаетъ свою силу *противодѣйствіемъ* Христу. Господь училъ насъ жить свято, а мы безчинствуемъ на радость демонамъ. Для нашего спасенія Господь основалъ Церковь Святую на землѣ, а многіе люди раззоряютъ ее, — это царство Божіе.

Кто же разрушаетъ Церковь Христову? Всѣ еретики и сектанты вообще. Они подкапываются подъ основаніе Церкви — святѣйшую вѣру нашу; они раззоряютъ святопреданные порядки церковные; злословятъ высшія власти. И потому, Борисъ, отъ сектантовъ бери доказательство, что «тайна беззаконія *въ дѣйствіи*». Сектантовъ справедливо можно считать сынами этого беззаконія...

Борисъ задумчиво слушалъ; потомъ, очнувшись, спросилъ:

— Что же сказать про икону звѣря?

Я отвѣтилъ:

— Объ этой иконѣ разсуждай безъ страха такъ: антихристъ будетъ вѣрующимъ выдавать себя за бога. Онъ и подражать во всемъ будетъ Богу. Онъ «чудесами» станетъ обольщать людей. Икону свою тоже онъ поставитъ съ хитрымъ умысломъ: Самъ Богъ приказалъ нѣкогда людямъ сдѣлать рукотворенную святыню. Эта

святыня будетъ у христіанъ, по приказу Господа. Иначе съ какой стати антихристъ, *изъ подражанія Богу*, сталъ бы вводить среди людей *свою* икону?..

И вотъ тебѣ мой сказъ, Борисъ: своимъ кощунствомъ надъ православными иконами сектанты лучше всего *утверждаютъ* ихъ. Если даже антихристу, для обольщенія людей, понадобится *своя* икона, тѣмъ болѣе, значить, у христіанъ *должны* быть *святыя* иконы. Черезъ нихъ они легче и лучше, тверже будутъ вспоминать о Богѣ; черезъ святыя иконы они *до подробности* будутъ представлять, какъ Господь совершилъ наше спасеніе на землѣ, и путь Господень будутъ безъ ошибокъ отличать отъ козней антихриста.

Помни это, Борисъ. Стой и укрѣпляйся въ евангельскомъ ученіи, какъ его передаетъ тебѣ св. православная Церковь. Веди добрую христіанскую жизнь, оберегай себя отъ лукавыхъ сѣтей обольстителей и подъ покровомъ Церкви православной спасайся...

Борисъ прослезился. Мы братски съ нимъ простились.

Д. Боголюбовъ.

Два дня миссіонера среди зырянъ раскольниковъ.

Быль февраль мѣсяцъ. Я ѣхалъ по рѣкѣ Печорѣ (лѣтній и зимній путь—лѣтомъ въ лодкѣ, зимой по льду). Была страшная вьюга. Дороги не было видно и кони постоянно сбивались. Ямщикъ ворчалъ, зачѣмъ я выѣхалъ на ночь. Съ берега разносился непріятный шумъ лѣса. Сѣверный холодъ, вмѣстѣ съ пронзительнымъ вѣтромъ, давно уже проникъ подъ мою теплую шубу, и я къ концу дороги сильно озябъ. Сорокъ пять верстъ мы ѣхали двѣнадцать часовъ. Къ кому остановиться?—обратился ко мнѣ ямщикъ, когда мы подъѣхали къ деревнѣ П...—«Поѣзжай къ Филиппу», отвѣтилъ я. Я ѣхалъ въ эту деревню въ первый разъ, и она мнѣ была незнакома. У Филиппа мнѣ посовѣтовалъ остановиться приходскій священникъ. Филиппъ человѣкъ зажиточный, и изба у него большая, сообщить мнѣ батюшка.

Подъѣхали къ дому Филиппа. Послалъ ямщика въ избу спросить хозяевъ, можно ли у нихъ остановиться. «Заходи, можно,—

закричалъ ямщикъ, подходя къ санямъ. Обрадовавшись, я быстро выскочилъ изъ кибитки и побѣжалъ въ избу.—«Не ходи, пожалуйста, у насъ дѣти больны»,—неожиданно услышалъ я въ темныхъ сѣняхъ голосъ какой-то женщины.—Гдѣ же мнѣ, тетушка, остановиться? Укажи! Въ отвѣтъ на мой вопросъ женщина хлопнула дверью.—Зачѣмъ же ты сказалъ «можно»?—замѣтилъ я ямщику.—«Съ самимъ хозяиномъ я разговаривалъ, защищался ямщикъ,—и онъ ясно сказалъ: пусть заходитъ. Должно быть бабы зашумѣли»,—предположилъ онъ.

Поѣхали по деревнѣ. Погода не унималась. Вѣтеръ билъ прямо въ лицо. Женщина, поившая лошадь, указала намъ домъ сотскаго. Вошли въ небольшую крестьянскую избу. Хозяина, къ сожалѣнію, не было дома. Было раннее утро. Испугавшаяся хозяйка выбѣжала на улицу, вѣроятно, спросить ямщика о моей личности. Минуты черезъ три она вернулась и заявила, что у нихъ изба очень мала и тѣсно. Дѣйствительно, чего-чего въ этой избѣ и не было... Я съ трудомъ нашелъ себѣ мѣсто присѣсть. «Вотъ у Семена изба просторная и самоваръ есть», предложила хозяйка. Дарья!—обратилась она къ снохѣ, «сбѣгай къ нему»,—поспѣшила отдѣлаться старушка отъ нежданнаго гостя. Въ ожиданіи лучшаго я сидѣлъ въ верхней одеждѣ.—«Семень самъ согласенъ пустить, да жена не соглашается»,—закричала въ дверяхъ возвратившаяся Дарья.—Какъ не соглашается?—возмутилась старуха.—Анна! сходи ты,—обратилась она къ своей дочери. Побѣжала эта. Ждалъ минутъ десять.—Зовутъ, поѣзжайте!

Ну, слава Богу! обрадовался я. Заѣхали къ Семену. И здѣсь радушія не было видно. Въ избѣ темно. Семень лежалъ на лавкѣ; кто-то кашлялъ на печкѣ. На мое привѣтствіе Семень отвѣтилъ: «и у насъ вѣдь не просторно, изба небольшая,—напрасно жена сотскаго указала на нашъ домъ; вотъ доведу я васъ лучше до Василиска, тамъ вамъ будетъ хорошо». Съ этими словами Семень всталъ, зажегъ лучину и вышелъ изъ избы. Я за нимъ.—Куда?—удивился ямщикъ мой.—Да вотъ къ какому-то Василиску повелъ,—придется тебѣ опять сани ворочать. Подѣхали къ дому Василиска. Ямщикъ зашелъ вмѣстѣ съ Семеномъ. Я остался на улицѣ и подерживалъ коней. Минутъ десять шли совѣщанія въ домѣ Васи-

лиса. «Не пускаютъ и здѣсь», съ выраженіемъ сильной досады въ голосѣ доложилъ ямщикъ о результатѣ совѣщанія. — Ну, ѣдемъ снова къ сотскому!..

Приѣхали къ сотскому и съ горемъ пополамъ примѣстились у него.

Отдохнувъ два съ половиною часа, я послалъ десятскаго оповѣстить народъ, что приѣхалъ миссіонеръ, привезъ съ собой много старыхъ книгъ и приглашаетъ желающихъ поговорить о вѣрѣ. Слушателей пришлось ждать часа полтора. Возвращается десятскій и сообщаетъ, что большинство мужиковъ въ лѣсу. — «Никто больше не придетъ», — сказала жена сотскаго, видимо, тяготясь моимъ присутствіемъ. Въ дверяхъ показался мужикъ. — А вотъ еще какого-то «дядю» Богъ несетъ, — обрадовался я.

— «Ну этотъ дядя столько же знаетъ изъ Писанія, сколько и мы», — засмѣялись мужички. — Къ чему намъ знать Писаніе? — говорить вошедшій, — и безъ Писанія видно, что послѣднее время настало. Вѣрѣ начали чрезъ десятскихъ учить. Гоненіе какое-то началось. Неграмотенъ я, но знаю хорошо, что Апостолы не такъ прежде учили. Не хотѣлъ идти, «да думаю, послушаешься оштрафуютъ. Нынѣ время такое, всего бойся». — Это вѣрно, — поддержали его мужички, — со всѣхъ сторонъ начинаютъ тѣснить.

«Братья! — началъ я бесѣду, — напрасно вы испугались, что приѣхалъ къ вамъ человѣкъ съ проповѣдью о вѣрѣ. Вамъ непріятно, что я позвалъ васъ сюда чрезъ десятскихъ. Но какъ же мнѣ быть-то? Св. Апостолы ходили съ проповѣдью безъ этихъ толстыхъ книгъ (указываю на привезенныя мной книги), въ наше же время для бесѣды съ вами «старовѣрами» эти книги необходимы, на слово вы не повѣрите. Подумайте теперь, какъ-же со всѣми этими книгами я пойду по домамъ». — «Это вѣрно», сказалъ кто-то. — А что десятскихъ-то я послалъ, то и этого вамъ бояться не слѣдуетъ. Я былъ бы очень радъ, еслибъ кто и другой, не изъ десятскихъ, оповѣстилъ народъ. Мнѣ все равно. Будемъ бесѣдовать съ миромъ, съ любовію. Какое же, братцы, это гоненіе? Мужички молчали. «Ничего для васъ худого не будетъ, продолжалъ я свою рѣчь, будьте со мной откровенны, говорите смѣло все, что вамъ не нравится въ нашей церкви, на все это я постараюсь, съ Божіей помощью, найти отвѣтъ вотъ въ этихъ книгахъ.

— «Да что намъ книги,—началь одинъ мужичокъ,—мы люди темные... Богъ знаетъ, какія это книги... Нашихъ книгъ вы не привезете». Долго мнѣ пришлось толковать по поводу этого недо-вѣрія къ привезеннымъ мною книгамъ. Напрасно я указывалъ на время изданія этихъ книгъ, даже на внѣшность ихъ, на бумагу.—мужички твердили одно: «годъ-то вѣдь можно поставить, это для васъ не трудно, въ типографіяхъ вашихъ напечатаютъ». На во-просъ мой, нѣтъ ли у кого въ деревнѣ старыхъ книгъ, съ кото-рыми бы они могли сличить привезенныя мною книги, съ цѣлью удостовѣриться въ полномъ ихъ сходствѣ, мужички отвѣчали: «ка-кія у насъ книги? Народъ у насъ бѣдный, хлѣба купить не можемъ, да и некому читать то у насъ: народъ все неграмотный». Чтобы хотя нѣсколько расположить слушателей въ пользу книгъ, приго-товленныхъ для бесѣды, я показалъ въ нихъ нѣсколько такихъ свидѣтельствъ, которыми пользуются раскольники (двуперстіе, хо-жденіе посолонь и друг.). И затѣмъ кратко излагаю на понятномъ для слушателей зырянскомъ языкѣ исторію домостроительства на-шего спасенія и перехожу къ полемическимъ вопросамъ о Церкви Христовой и таинствахъ. Дѣлаю ссылки на старопечатныя книги. Но мало внимали моей первой проповѣди. Мой пріѣздъ, эта бесѣда, эти книги толстыя—все это нарушало обычное теченіе жизни этой глухой деревни и народъ никакъ не могъ понять, что все сіе значить.

Раскольники слушали меня разсѣяннo и присутствовали на бесѣдѣ, какъ бы отбывая какую-то повинность. Сидѣвшіе ближе ко мнѣ прерывали мою рѣчь самыми разнообразными вопросами, часто не имѣвшими никакого отношенія къ предмету моей бесѣды. «Становой не ѣдетъ въ нашу волость»?—спрашивали меня въ та-кія минуты, когда предметъ моей рѣчи требовалъ особенно напря-женнаго вниманія со стороны моихъ слушателей. «А чѣмъ это попь-то правъ?» возмущается одинъ мужичокъ по поводу употреб-леннаго мною выраженія «смертію смерть поправъ» (раскольники читаютъ: «смертію на смерть наступи»). Обвиняли мои слушатели православную Церковь за троеперстіе, за хожденіе противъ солнца, за измѣненіе словъ въ молитвахъ, за куреніе православными и особенно духовенствомъ табаку, за звуковой методъ преподаванія

въ школахъ, за медицину съ оспопрививаніемъ, за нарушеніе православными постовъ, за пароходы, за пороховыя спички, керосинъ, картофель — за все, чего въ старину жители Печоры не знали. Хотя всѣ эти обвиненія высказывались не своевременно (слушатели постоянно прерывали мою рѣчь), но я не оставлялъ ихъ безъ вниманія и дѣлалъ по поводу ихъ краткія объясненія. Тяжело начинать проповѣдь среди этихъ людей. Но никто какъ Богъ, съ Его спасающей благодатью! Можетъ быть, тотъ самый мужичокъ, который сегодня съ улыбкой на устахъ слушалъ мою проповѣдь, въ слѣдующій мой пріѣздъ будетъ слушать съ сердечнымъ умиленіемъ. Утомленный нравственно и физически, я окончилъ бесѣду.

На предложеніе мое побесѣдовать еще, на другой день, мужички отвѣчали: «мало пользы съ нами бесѣдовать, мы люди неграмотные, ничего не понимаемъ,—въ одно ухо заходитъ, въ другое выходитъ. Какъ жили отцы да дѣды, такъ и мы будемъ жить, напрасно беспокоитесь; да и некогда намъ,—работать надо, жалованье мы не получаемъ». Съ невеселыми думами оставилъ я эту деревню.

«На станціи огонь, должно быть, кто-то пріѣхалъ»,—сообщилъ мнѣ возница, когда подъѣхали мы къ земской станціи. Дѣйствительно, на станціи за кипящимъ самоваромъ сидѣлъ одинъ изъ уѣздныхъ чиновниковъ.

«Отдохну душою въ бесѣдѣ съ интеллигентомъ»,—обрадовался я встрѣчѣ въ этой темной глуши (отъ уѣзднаго города 700 верстъ). «Со мной стаканчикъ чаю», предложилъ мнѣ интеллигентъ. «Благодарю васъ, очень пріятно».

«Бросьте вы эту работу»,—началъ «интеллигентъ», когда я припился за чай,—«конфузите вы только себя этимъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, тратите свои силы на какія-то разсужденія о перстахъ, какъ будто не все равно, кто какъ вѣруетъ. Помните «Суратскую кофейню» Толстого? Напрасно вы стѣсняете раскольниковъ, они живутъ лучше вашихъ православныхъ,—ни убійствъ, ни воровства, ни дракъ въ этомъ краѣ не слышно,—очевидно раскольники скромный и честный народъ, а вы хотите, что-бъ они жили какъ православные».

Долго еще иролизировалъ интеллигентъ по поводу миссіонерской дѣятельности среди раскольниковъ. Не имѣя намѣренія разсуждать по поводу религиозныхъ воззрѣній моего собесѣдника, я перевелъ разговоръ на практическую «земную» почву и съ этой стороны попытался' выяснитъ пользу миссіонерской дѣятельности.

«Вы желаете просвѣщенія этого края?—обратился я къ собесѣднику.—Школы, школы разумно поставленныя—вотъ единственный рычагъ просвѣщенія, а вы съ попами вашими ужъ ничего не подѣлаете», съ апломбомъ проговорилъ собесѣдникъ.—И мы не отрицаемъ значенія школы, замѣтилъ я, но дѣло въ томъ, что школы-то здѣсь пустыютъ. Въ деревнѣ около ста домовъ, а въ школѣ учится только два-три мальчика, да и тѣхъ съ трудомъ завербовали. А почему? Потому что расколъ не любитъ просвѣщенія, тьма боится свѣта. Школъ прежде не было, да не хуже жили, школы ваши только «мірщитъ» научать,—толкуютъ мужички. Живой примѣръ для нихъ мѣстный волостной писарь, обучавшійся въ городѣ и измѣнившій вѣрѣ своей матери раскольницы. Если вы дѣйствительно хотите распространить здѣсь грамотность черезъ школу, то нужно прежде расположить населеніе въ пользу нея, необходимо смягчить фанатизмъ раскольниковъ, къ чему по возможности и стремятся миссіонеры. Не думайте, что о перстахъ только и толкуемъ мы съ мужичками. Приходится намъ объяснять и то, что не «бѣсъ» сидитъ въ парходахъ и телеграфныхъ проволокахъ, что грѣхъ пользоваться керосиномъ, что оспопрививаніе не антихристова печать, что не грѣхъ лѣчиться и т. д. Надѣюсь, что вы не будете отрицать значенія, по крайней мѣрѣ, этихъ бесѣдъ. Лѣчиться, по мнѣнію раскольниковъ, страшный грѣхъ,—идти противъ Бога. Сколько зла бываетъ отъ такого отношенія населенія къ медицинской помощи. Вотъ недавно были здѣсь три эпидемическія болѣзни. Сколько жертвъ они унесли, сколько народа переболѣло. Никакихъ санитарныхъ мѣръ не признаютъ, оспопрививанія боятся, какъ страшной печати антихриста. «Задущу на вашихъ глазахъ своего ребенка, если вы подойдете ко мнѣ», кричалъ раскольникъ входившимъ въ его избу уряднику и оспопрививателю. Здѣсь даже намѣренно заражаютъ своихъ дѣтей оспою, признавая эту болѣзнь за выраженіе особенной милости Божіей и т. п.

Послышался колокольчикъ.

«Кто-то, кажется, пріѣхалъ», — прервалъ мою рѣчь собесѣдникъ. Входитъ новый пассажиръ. Разговоръ нашъ съ интеллигентомъ кончился, и я велѣлъ закладывать лошадей.

Путь мой лежалъ въ другую раскольничью деревню Р... Прибывъ въ нее въ 10 ч. утра слѣдующаго дня, я попросилъ, кого слѣдуетъ, оповѣстить населеніе о миссіонерской бесѣдѣ.

Десятскій еще не успѣлъ обойти всей деревни, какъ народъ уже собрался. Весело поздоровались. «Ну и книгъ у тебя; столько, кажется, ты еще не привозилъ», — удивились мужички. Бесѣда продолжалась четыре часа. Слушали меня очень внимательно. Мужички помнятъ многое изъ прежнихъ моихъ бесѣдъ. Радостно было слышать признаніе нѣкоторыми изъ моихъ слушателей-безпоповцевъ той истины, что таинства причастія и священства для спасенія необходимы. Раньше, — не такъ давно, они этого не признавали. «Если-бъ священникъ молился по нашему (двуперстно) и ходилъ бы посолонь во время крещенія, то я, пожалуй, сталъ бы въ церковь ходить» — заявилъ одинъ мужичокъ. Жди! будутъ они по нашему молиться! заворчала какая то женщина по поводу этого заявленія. «Безъ причащенія-то ужъ намъ не спастись», продолжалъ мужичокъ, объ этомъ во всѣхъ книгахъ написано, у насъ вѣдь такія же книги. Какая у насъ жизнь? Вотъ я за четыре десятка прожилъ, а никому еще не исповѣдывался; такъ съ грѣхами и придется умирать».

Такая рѣчь безпоповца, — это-ли не радость для бесѣдовавшаго съ нимъ миссіонера?

Дай только, Господи, миссіонерамъ силъ и терпѣнія!

С. К.

ИЗЪ МИССИОНЕРСКОЙ ПОЛЕМИКИ.

Миссіонерское увѣщаніе еврейки, пытливо ищущей входа въ церковь Христову.

Дорогая о Господѣ, Творцѣ и Промыслителѣ, Ш. Я!

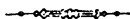
Въ виду того, что вскорѣ имѣеть совершиться важная перемѣна въ вашей жизни (выходъ замужъ), что мнѣ случайно стало извѣстнымъ, я, какъ свидѣтель завѣта Господа Спасителя моего Іисуса Христа и свв. Его апостоловъ, въ силу моего добраго знакомства съ вашимъ отцомъ, а отчасти и съ вами, позволяю себѣ письменно обратиться къ вамъ со своимъ искреннимъ словомъ. Надѣюсь, что оно не смутитъ васъ. Вотъ это слово. Вамъ, какъ развитой дѣвицѣ, получившей хорошее образованіе, безъ сдѣлки съ совѣстію, едвали возможно оставаться еврейкой по религіи, такъ какъ религія эта отжила свой вѣкъ и не представляетъ теперь никакого значенія. Задача іудейскаго вѣроисповѣданія окончена. Главная и исключительная цѣль, составлявшая важность іудейства, исполнилась въ лицѣ явившагося Мессіи, въ чемъ въ точности удостовѣряетъ всякаго разумно интересующагося св. истинною священное писаніе ветхаго завѣта. Въ подтвержденіе своихъ словъ, привожу нижеслѣдующія пророчества о Мессіи, изъ священ. книгъ пророка Моисея, именно: «не отымется скипетръ отъ Іуды, пока не придетъ Примиритель» (тоже самое, но по другой редакціи, для большей ясности, — не перестанутъ быть цари и правители надъ іудеями, пока не придетъ Примиритель (Мессія) (Бытія 49, 10). Слова эти пророчественно произнесъ патріархъ Іаковъ (родоначальникъ 12-ти колѣвъ израильскихъ), благословляя предъ смертію первенствующимъ благословеніемъ своего сына Іуду, родоначальника народа іудейскаго. Сейчасъ вы хорошо знаете, что царства іудейскаго (еврейскаго), во главѣ со своимъ правителемъ-царемъ, нѣтъ, и нѣтъ весьма давно, вотъ уже болѣе 2.000 лѣтъ (1903 г. отъ Р. Хр.). Значитъ, Мессія пришелъ, и въ Него счастливо вѣруютъ христіане. Затѣмъ другое мѣсто изъ библіи, изъ книги Второзаконія, пророкомъ Моисеемъ же, по вдохновенію Божію, написанной (18 ст. 18), говоритъ намъ слѣдующее: «Я воздвигну имъ (евреямъ) пророка изъ среды братьевъ ихъ, какъ тебя (Моисея), и вложу слова Мои въ уста Его

(Мессіи), и Онъ будетъ говорить все, что Я повелю Ему; а кто не будетъ слушать словъ Его (Мессіи), съ того Я взыщу». Великое пророчество это исполнилось: Богъ воздвигъ вамъ давно сего Божественнаго Пророка—Исуса Христа, но отцы ваши (т. е. предки ваши) отвергли Его, и за это Богъ съ васъ взыскиваетъ... А вотъ что еще вѣщаетъ другой пророкъ—Давидъ въ своихъ псалмахъ,—что Иисусъ Христосъ есть Сынъ Божій (2, 7; 109, 3), что по челоуѣчеству Онъ произойдетъ изъ рода Давидова (88, 36—38), что Онъ будетъ проповѣдывать въ притчахъ (77, 2), что будетъ проданъ однимъ изъ близкихъ къ Нему лицъ (40, 10), умереть мученическою смертію (Пс. 21), сойдемъ во адъ (15, 10), что Онъ воскреснетъ изъ мертвыхъ (70, 20), вознесется на небо (69, 19) и сядетъ одесную Бога Отца (109, 1). Потомъ обратите вниманіе на пророчество Исаи, котораго, кстати сказать, хрістіане за ясность пророчествъ о Христѣ почитаютъ какъ евангелиста. Онъ, между многими, предсказалъ, что Мессія будетъ Богочеловѣкъ (гл. 7, ст. 14, 9, 6—8—9), что на Немъ почиетъ Духъ Божій и Онъ произойдетъ отъ корене Іессеева, отъ рода Давида (11, 1—3), что Онъ родится отъ Дѣвы (7—14), что будетъ Предтеча предшествовать Ему (40, 3), что Онъ будетъ проповѣдывать въ предѣлахъ Завулона и Неѡалима (9, 1 и 2), что и чудеса будетъ Онъ совершать (35, 4—7; 26, 19) и; въ заключеніе, пострадаетъ за грѣхи людей (гл. 53-я, въ которой весьма наглядно изображены страданія, смерть и погребеніе Мессіи). Далѣе, пророкъ Даниилъ, жившій въ плѣну Вавилонскомъ, предсказалъ о 4-хъ всемірныхъ царствахъ и о вѣчномъ Царствіи Мессіи, и въ пророчествѣ о 70-ти седминахъ точно и ясно указалъ и самое время явленія Христа (именно, спустя 490 лѣтъ послѣ возвращенія іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго, при царѣ персидскомъ Кирѣ); кромѣ того, пророкъ Даниилъ предсказалъ, что съ пришествіемъ (гл. 9, 24, 25, 26 и 27) Мессіи положится «конецъ»,—не будетъ у израильянъ ни пророковъ, ни видѣній, изъ коихъ можно было-бы узнать о Христѣ-Мессіи и о томъ, что совершить Онъ въ мірѣ, такъ какъ все, что надлежало совершить Христу, окончилось съ пришествіемъ Его: упразднился ветхій завѣтъ, разрушился Іерусалимскій храмъ, прекратились жертвоприношенія, составлявшія главную суть культа іудейской религіи, и народъ еврейскій разсѣянъ, какъ и предсказалъ пророкъ Даниилъ (9, 24—27). А вотъ, наконецъ, предсказанія о Мессіи пророковъ малыхъ, изъ коихъ одни жили до плѣненія вавилонскаго, а другіе послѣ него, именно: пророкъ Михей предрекъ, что Христосъ родится въ Виледемѣ (гл. 5, ст. 2), что буквально и исполнилось; пророкъ Іоиль предсказалъ обильнѣйшее изліяніе Духа Господня на вѣрующихъ въ Мессію, по пришествіи Его на землю (2 ст. 28, 29). Пророкъ Захарія предсказалъ, что Онъ (Мессія), какъ царь праведный и спасающій, войдетъ въ Іерусалимъ въ кротости и скромности (9, 9); что Его оцѣнятъ въ 30 сребренниковъ (11; 12 и 13),

что за пораженіемъ Пастыря разыдутся (разсѣются) овцы (13, 7) и что іудеи воззрѣть на Того, Его же прободали (12, 10). Все это въ точности и исполнилось... Евреи же, извините за откровенное слово, обратились въ нравственныхъ слѣпцовъ, которые, по пророку, „очи имуть и не видятъ, уши имуть и не слышатъ“—смотрятъ они въ свящ. книги (библіи), да надлежащаго смысла, какой содержится въ таковыхъ, не проразумѣваютъ... А все это происходитъ, думаемъ, отъ того, что бѣдные евреи, взамѣнъ настоящей библии, руководятся нелѣпыми талмудами. И пока талмудическія бредни не бросятъ они въ огонь и всецѣло не займутся чистымъ ветхозавѣтнымъ свящ. писаніемъ (библіею), до тѣхъ поръ нечего и говорить о познаніи истинной цѣли, къ какой народъ іудейскій долженъ, какъ къ одной изъ главныхъ своихъ задачъ, стремиться, чтобы въ противномъ случаѣ не погибнуть на вѣки.

Если вы съ талмудомъ незнакомы, то я`посоветывалъ-бы вамъ почитать его и вы убѣдились-бы воочію въ тѣхъ несообразностяхъ, какими наполненъ талмудъ: напр., «ученіе талмуда о Богѣ и Его занятіяхъ. о сотвореніи міра, о раѣ, о кабалѣ, о легендарномъ ученіи—Мидрашѣ, что евреи весьма любятъ и зачитываются таковымъ, объ Авраамѣ, Моисеѣ, Синайскомъ законодательствѣ, о смерти Моисея и сраженіи его съ діаволомъ, объ отношеніяхъ къ христіанамъ, и проч. и проч.». Не тутъ-ли причина, что евреи, такъ называемые, интеллигентные, совершенно оказываются, по отношенію къ своему вѣроученію, индифферентными, и весь интересъ и сказъ ихъ жизни выражается лишь въ грубой чувственности, матеріальности, которая, безъ сомнѣнія, уничтожаетъ истинную цѣль земной жизни..., и сводится къ образу жизни безцѣльныхъ животныхъ. Оправдываютъ же они себя коснѣніемъ въ еврействѣ (іезъ религін) тѣмъ, что «разъ они стоятъ въ положеніи всѣми и отовсюду гонимыхъ», то и неудобно имъ переходить въ христіанство, чтобы не показаться мѣняющимися вѣру изъ-за выгоды. Печальное оправданіе! Можно-ли съ этимъ мириться маломальски здравому смыслу и сколько нибудь не чуждому идеализма человеку?! Необходимо проникаться *цѣлью* земной, временной, жизни и думать о будущей вѣчной, загробной, жизни, которая въ сущности и есть истинная задача нашего человѣческаго назначенія... А мы о послѣдней крайне мало думаемъ, къ сожалѣнію и къ стыду нашему... Въ заключеніе—хотѣлъ-бы сказать, что я былъ-бы весьма радъ, если-бы вы поняли мое искреннее желаніе быть вамъ полезнымъ въ разрѣшеніи столь серьезнаго вопроса... Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, что вы не останетесь въ долгу предъ мною, относительно отвѣта мнѣ на настоящее къ вамъ обращеніе.

Протоіерей М. Буткевичъ.

Лѣтопись періодической и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

„Не старообрядецъ“ и не „старовѣръ“, а „раскольникъ“.

(По поводу замѣтки «Нов. Вр.»—«Раскольникъ или старообрядецъ?»).

„Новое Время“, желая быть „всѣмъ вся“, не забываетъ отъ времени до времени своими жертвами и куреніями и алтарь совершенно „невѣдомаго“ ему. Чѣмъ-нибудь другимъ объяснить появленіе въ такой солидной газетѣ замѣтки нѣкоего „Н. О—ва“: „Раскольникъ или старообрядецъ“ (№ 9985—20 дек.) прямо не подѣ силу рядовому читателю петербургскаго „Figaro“. Долгомъ считаемъ присовокупить къ сему, что мы слишкомъ далеки отъ того предположенія, чтобы столпы идейнаго, и всегда себѣ равнаго „Нов. Вр.“, помазывая „медомъ по сердцу“ раскольниковъ, преслѣдовали тутъ какую-нибудь заднюю мысль. Хотя, признаться сказать, лукавый и наводитъ на такой грѣхъ, когда читаешь конецъ названной замѣтки: „всякая статья о старообрядцествѣ въ газетахъ, всякое мнѣніе объ измѣненіи ихъ положенія, всякій слухъ, простая корреспонденція изъ провинціи, сообщающая какой-нибудь фактъ о старообрядцествѣ, не только читаются, тщательно обсуждаются старообрядцами, но газеты, вырѣзки изъ нихъ переходятъ изъ рукъ въ руки, а потомъ складываются на храненіе въ сундуки или на полки съ книгами. Нумера газетъ, трактующіе о старообрядцествѣ, я видѣлъ въ Петербургѣ не только у старообрядцевъ интеллигентныхъ, но у дворниковъ, церковныхъ (!) сторожей, тряпичниковъ“. Но оставимъ козни лукаваго и займемся содержаніемъ замѣтки.

„Раскольникъ или старообрядецъ, пишетъ Н. О—въ,—вотъ что нужно бы непременно выяснить всѣмъ сочувственно пишущимъ за послѣднее время въ газетахъ о нашемъ старообрядцествѣ, одинъ изъ этихъ терминовъ принять и строго его держаться, такъ какъ это далеко не безразлично“. Тутъ что то не совсѣмъ удобовразумительно: „всѣ сочувственно пишущіе за послѣднее время въ газетахъ о старообрядцествѣ“ должны это

„выяснить“, или же *для нихъ* кѣмъ-нибудь это должно быть выяснено? Авторъ, видимо, имѣлъ въ виду первое, и потому, какъ „сочувственно пишущій въ газетахъ о старообрядчествѣ“, выясняетъ это и негодуетъ на имя „раскольникъ“, а чтобы явить читающей публикѣ до „дворниковъ и тряпичниковъ“ включительно, что онъ де по затронутому вопросу... не совсѣмъ профанъ приводитъ тому основанія. Вотъ они.

„Знакомый *нѣсколько* со старообрядцами сѣвера Россіи по береговой его полосѣ отъ Печоры до Норвегіи (каково пространство-то?), а также съ ихъ представителями въ Петербургѣ, могу удостовѣрить всѣхъ пишущихъ, что слово раскольникъ для всякаго старообрядца—ругательное, для слуха очень обидное“. „Удостовереніе *нѣсколько* знакомаго со старообрядцами“ навело насъ на одно воспоминаніе: одинъ ученый мужъ, знакомый хорошо и со старообрядцами, и всѣми исповѣданіями, и всякими народами, удостовѣрялъ насъ, что, когда невѣгласу, толкующему о томъ, чего онъ не понимаетъ, говорятъ „невѣжда“ или что-нибудь подобное, такъ онъ, представьте себѣ, считаетъ это слово за ругательное и даже обижается... „Удостоверенію“ тому мы повѣрили. Вѣримъ и удостовѣренію „Н. О—ва“, но въ свою очередь можемъ удостовѣрить его, что глаголемые старообрядцы достойно и праведно названы и должны называться *раскольниками*, какъ на то указаны основанія и въ Дѣяніяхъ Собора 1666—1667 гг. („Предѣлъ“). Еслибы Н. О—въ былъ сколько-нибудь прикосновененъ къ знанію того, о чемъ онъ писалъ съ такой авторитетностью, онъ могъ бы воздержаться отъ утвержденія, что названіе раскольникъ по отношенію къ „старообрядцу“ „по существу несправедливое“. Н. О—въ пишетъ, „что въ московской дониконовской Руси еретиками, *раскольниками* (курс. авт.) называли католиковъ, въ догматахъ расходящихся съ православными москвичами, лютеранъ... и пр. неправославныхъ“. Интересно бы видѣть цитаты по данному предмету. Быть можетъ, у автора имѣются какія-либо любопытныя на этотъ счетъ свѣдѣнія. А то намъ все думается, что и въ дониконовской Руси люди, знакомые *нѣсколько* съ „писаніемъ“ и канонами, называли католиковъ и лютеранъ, въ догматахъ расходящихся съ православною церковью, еретиками, а не раскольниками. И печатныя книги дониконовскихъ временъ (напр. „Уложеніе соборное“ патр. Филарета, „Книга о вѣрѣ“ и „Кириллова книга“ при патр. Іосифѣ и др.) „удостоверяютъ“, что католичество и лютеранство, расходящаяся съ православіемъ въ самой вѣрѣ, назывались тогда „еретичествомъ“, а не расколомъ. Духовные писатели донико-

новскаго времени, какъ они ни были невѣжественны, но по данному вопросу все же больше знали писателей „Нов. Времени“. Имъ извѣстно было, что, по 1 пр. Василия Великаго, „древніе нарекли иное ересію, иное расколомъ... *еретиками* назвали они совершенно отторгшихся, и *въ самой вѣрѣ* отчуждившихся; *раскольниками*—раздѣлившихся въ *мнѣніяхъ и нѣкоторыхъ предметахъ церковныхъ*, и о вопросахъ, допускающихъ уврачеваніе“. По смыслу сего каноническаго правила, „старообрядцы“, отдѣлившіеся отъ церкви, со всякими на нее похуленіями, изъ-за *обрядовъ*, во истину—*раскольники*. Далѣе въ замѣткѣ пишется:

„Послѣ знаменитаго московскаго собора 1666—1667 гг. ярлыкъ—раскольникъ насильственно (?) приклеенъ былъ къ побѣжденной половинѣ (?) Руси, противникъ „никоновскихъ новшествъ“, приклеенъ былъ крайне несправедливо, ибо нашихъ старообрядцевъ отнюдь (!) нельзя назвать раскольниками, такъ какъ разница между обѣими право-вѣрующими половинами Руси была отнюдь не въ догматахъ, а только въ обрядахъ“. Все это разсужденіе не имѣло бы мѣста въ печати, если бы или авторъ замѣтки, или помѣщавшіе ее на столбцахъ „Нов. Вр.“ имѣли правильное представленіе о сути дѣла, хоть когда-нибудь видѣли „Дѣянія собора 1666—1667 гг.“ и были знакомы съ библейскими и каноническими справками, а также и исторіей по русскому расколу. Что отдѣлившіеся отъ церковнаго единенія „старообрядцы“, „непокорники“ и „хулители“ церкви названы раскольниками справедливо, видно уже изъ вышеприведенныхъ словъ Василия Великаго (ср. и Ев. Мѣ. 18, 17),—расходись же они съ церковью „въ догматахъ“, они должны бы быть названы *еретиками*. Другія справки считаемъ пока излишними. Не желаемъ въ данномъ случаѣ бороться и съ новымъ свѣдѣніемъ по исторіи раскола, что якобы въ старообрядчествѣ была и есть „побѣжденная *половина* Руси“, чтобы не доказывать, на смѣхъ братіи, что 2 не есть *половина* 100. Обращаемъ свое и другихъ вниманіе на суть дѣла. Вѣрно ли, что „старообрядцы“—*правовѣрующіе* и что разница ихъ отъ православныхъ только въ *обрядахъ*? „Отнюдь“ нѣтъ. Василій Великій пишетъ въ томъ же 1 пр.: „хотя начало отступленія произошло чрезъ *расколъ*, но *отступившіе отъ церкви уже не имѣли на себѣ благодати Святаго Духа*; ибо оскудѣло преподаваніе благодати, потому что престѣлось законное преемство... отторженные (изъ хиротонисанныхъ), содѣлавшіеся мірянами, не имѣли власти ни крестити, ни рукополагати, и не могли подати другимъ благодать Святаго Духа, отъ которой сами *отпали*“. Такъ нужно смотрѣть и на нашихъ

раскольниковъ. Правда, дѣло раскола началось съ обряда: съ извѣстною „памятью“ Никона 1653 г., о троеперстіи и поклонахъ, ревнители установившагося, благодаря книжникамъ іосифовскаго времени, церковнаго обряда, почуяли „яко зима хошетъ быти,—сердце озябло и ноги задрожали...“ Но уже первые расколоучители въ каждомъ изъ церковно-обрядовыхъ исправлений—„никоновскихъ новшествъ“ видѣли „еретичество“ или его „тонкій духъ“ (см. „Челобитная“ раскольникъ—попа Никиты и др., писанія Аввакума и др. столповъ „древляго *благочестія*“). Похуляя православную церковь въ ересяхъ мнимыхъ и проповѣдая въ то же время ереси дѣйствительныя, напр. о *трехъ* равныхъ естествахъ въ Троицѣ—(„сѣки несокому не бойся“—Аввакумъ), о сѣдѣніи Христа по вознесеніи на особомъ престолѣ, *отдѣльно* отъ Пресвятыя Троицы и т. п., церковные отщепенцы учили о возможности спасенія *въ церкви* со всѣми ея Божественными установленіями—церковной іерархіей и церковными таинствами. И нынѣшніе расколовожди, похуляя православную церковь „никоніанской“, еретической, учатъ тому же самому; принадлежатъ ли они къ безпоповскому, бѣглопоповскому или австрійскому согласію, суть дѣла таже, поелику, съ канонической стороны, бѣглому попу и „австрійскому“ такая же цѣна по отношенію къ совершенію таинствъ, какъ и безпоповскому старику. Такъ въ однихъ ли, теперь спрашивается, обрядахъ разница между православными и раскольниками? Если—да, то тогда между монархистомъ и анархистомъ разница только въ костюмѣ. И Н. О—ву, утверждающему по существу такую же несуразность, видимо, роковымъ образомъ закрыть доступъ къ здоровому, евангельскому и каноническому разумѣнію дѣла церковнаго. Для Н. О—ва, судя по его замѣткѣ, безразлично—принять ли таинства отъ лицъ, имѣющихъ на совершеніе ихъ преемственно отъ св. апостоловъ власть и благодать, или же—отъ безпоповскаго наставника, бѣглаго попа и австрійскаго самозваннаго „священника“,—все равно, разница, молъ, только въ обрядахъ. Смѣемъ „удостовѣрить“ нововременскаго богослова, что надъ его замѣткой, хотя и „сочувственной къ старообрядчеству“, горько посмѣются и сами старообрядцы. Имъ извѣстно, что безъ Христопреданнаго священства нѣтъ истиннаго христіанства (Б. Кат. лл. 2 об., 119—122, 358, 360, 395 об.; Кн. о вѣрѣ лл. 15 об., 51, 59; Бесѣды ап. 1552 стр., Сим. Сол. гл. 77 и мн. др.), нѣтъ и спасительныхъ таинствъ. Въ свое оправданіе они, хотя и безуспѣшно, подыскиваютъ разныя „угрызенныя“ мѣста твореній св. отецъ, „святopodobія“ и всевозможныя теоріи; но никогда не согласятся съ тѣмъ, что разница

между ними и православною церковью „только въ обрядахъ“; въ томъ, что мы считаемъ обрядомъ—троеперстіе, четвероконечный крестъ, тройное аллилуія и пр. под., они и до сихъ поръ видятъ „еретичества“. Кромѣ того,—пусть разница между православною церковью и расколомъ только въ обрядахъ и тогда, по церковной идеѣ, *непокоряющіеся* церкви (хотя бы и изъ-за обрядовъ) анаематствуются. Четырнадцатники, продолжавшіе праздновать пасху, по преданію—отъ ап. Іоанна Богослова и др., вмѣстѣ съ евреями, послѣ того, какъ 1 вс. соборъ установилъ для того другое время, „отлучаются отъ церкви, аще продолжать *любопрительно* возставати противу добраго установленія... Аще же кто изъ предстоятелей церкви... послѣ сего опредѣленія дерзнетъ къ развращенію людей, и къ возмущенію церквей, особитися, и со іудеями совершати пасху: такового святыи соборъ отнынѣ осуждаетъ, быти чуждымъ церкви, яко содѣлавшагося не токмо виною грѣха для самого себя, но и виною разстройства и развращенія многихъ“ (1 пр. Ант. собора). Съ этой точки зрѣнія очевидно, что разница православныхъ и единовѣрцевъ отъ раскольниковъ—далеко теперь уже не въ обрядахъ. Расколъ тамъ, гдѣ есть *отдѣленіе отъ церкви и „непокореніе“ ей изъ-за обрядовъ*; и его нѣтъ тамъ, гдѣ и при „старыхъ“ обрядахъ есть повиновеніе церкви и страхъ отдѣленности отъ нея. Самъ патріархъ Никонъ, въ разгаръ своей обрядо-реформаціонной работы, позволилъ протопопу Казанскаго собора Ивану Неронову—„сугубить аллилуіа...“ и соборъ 1666—1667 гг. не возбранялъ „непрекословящимъ“ творить молитву Іисусову въ „старой“ редакціи... Гдѣ—единеніе съ церковью въ вѣрѣ (единовѣрцы), хотя бы и при разнообразіи, тутъ нѣтъ никакого сходства съ расколомъ: и въ древней „единой соборной и апостольской церкви“ обряды были и теперь продолжаютъ быть далеко не одинаковыми. Важна „едина вѣра и единъ духъ“. Съ этой стороны „слово раскольникъ въ устахъ „единовѣрца“ по отношенію къ старообрядцу безпоповскаго толка“ вполне понятно и справедливо. И если Н. О.—въ находитъ, что „этого то уже никакъ не можетъ быть“, то находитъ это исключительно по невѣдѣнію „писаній“. Тѣмъ же только можно объяснять и такое безграмотное мѣсто замѣтки: „До введенія у насъ единовѣрія съ кличкой *раскольникъ* еще можно было мириться коекакъ (?), но послѣ 1801 года, когда *старые* (увѣренно ли сказали это авторъ?) обряды, составляющіе суть разногласій между нами и старообрядцами, были освящены отъ временнаго *поруганія* (кѣмъ, когда и какъ, интересно бы узнать, поругаемы были

„старые“ *обряды*—въ ихъ отношенія къ раздорничеству — *расколъ*?) — и поставлены на подобающую степень уваженія“. Въ приведенныхъ словахъ не кончено предложеніе, начавшееся съ „но *послѣ*“. Нужно догадываться, что по мысли автора, послѣ 1801 г. съ кличкой „раскольникъ“—нельзя мириться. Но уже изъ вышеприведенныхъ справокъ видно, насколько таковое сужденіе справедливо. Суть не въ *обрядѣ*—какъ таковомъ, а въ *идеѣ* церковнаго единства. Словомъ, по каждому выраженію замѣтки виденъ богословъ, едва ли превышающій уровень познаній въ расколѣ „дворниковъ и тряпичниковъ“. Н. О.—въ, наконецъ, пишетъ, что „несправедливый и обидный ярлыкъ (т. е. слово „раскольникъ“) удержался и съ тѣхъ поръ (1667 г.) гуляетъ по русской землѣ и на страницахъ царскихъ законовъ...“ Автору неизвѣстно, видимо, что „въ царскихъ законахъ“ отъ 1783 г. (Екатерины II) до особаго указа имп. Николая I слово „раскольникъ“ было изъято изъ всѣхъ официальныхъ документовъ... Но мы на этомъ останавливаться не будемъ. Намъ хотѣлось бы, въ заключеніе, отмѣтить, что недосказанныя вождельнія автора замѣтки именовать раскольниковъ такъ, какъ они себя зовутъ—„христіанами“, „людьми старой вѣры, старовѣрами, старообрядцами“ противны церковно-историческому пониманію дѣла. Прежде всего „христіанами“ только старообрядцы себя никогда и нигдѣ не зовутъ, такъ какъ они знаютъ, что этимъ именемъ прикрываются и католики и протестанты, и штундисты, и молокане, и хлысты, и скопцы и пр. еретическія „упованія“. Далѣе, „старовѣрами“ раскольники не могутъ именоваться, поелику „старой“ вѣры у нихъ нѣтъ: *старая*, апостольская вѣра тамъ, гдѣ, при правой вѣрѣ, сохранено церковное устройство—хриstopреданная іерархія, канонически-законное папство и священнодѣйствіе; таковая вѣра была и до патріарха Никона и въ православной церкви пребываетъ до днесь. Въ расколѣ такой *старой* вѣры нѣтъ, а есть *новая* вѣра: что можно обойтись и безъ церкви, и безъ Христова преемственно-апостольскаго трехчиннаго священства, и таинствъ, совершаемыхъ этимъ священствомъ. Нельзя раскольниковъ по справедливости исторической именовать и „старообрядцами“, такъ какъ „обрядъ“ ихъ не *старые* обряда, содержимаго православною церковью; раскольники считаютъ *старымъ* только обрядъ времени—отъ Стоглава (1551 г.) до Іосифа патріарха включительно; раннѣйшій же обрядъ, воспринятый потомъ и въ практику православной церкви, почитаютъ новымъ. Но это случилось потому лишь, что они, какъ и, видимо, Н. О.—въ, не считаются съ исторіей и археологіей православно-литургическаго культа.

Во всякомъ случаѣ „Новому Времени“ повторятъ невѣжество *старыхъ* временъ совсѣмъ не къ лицу. По Божьему и каноническому закону церковь назвала глаголемыхъ старообрядцевъ „раскольниками“ и „быть по сему“. Раскольники они, „дондеже вразумятся и придутъ въ правду покаяніемъ“, т. е. съ *покорностью* и раскаяніемъ *возсоединятся* со св. церковью, хотя бы и съ удержаніемъ „старого“ обряда. И до тѣхъ поръ они не могутъ получить отъ церкви другого названія, „какое хочешь имя дай“ имъ „Новое Время“.

Н. Гринякинъ.

Свящ. І. Саввинскій. Историческая записка объ Астраханской епархіи за 300 лѣтъ ея существованія. Астрахань 1903 г., стр. 390.

Большія рѣки составляютъ изъ притоковъ и ручейковъ, такъ и историческія рѣки составляютъ изъ отдѣльныхъ мѣстныхъ историческихъ изслѣдованій. Невозможно писать общую исторію, не имѣя подъ руками такихъ частнаго характера трудовъ. Поэтому, настоящая историческая записка найдетъ себѣ мѣсто среди историческихъ трудовъ общаго характера. Это ея первое значеніе. Второе—заключается, думается намъ, въ специальномъ ея содержаніи. Астраханская епархія и до сихъ поръ еще инородческая и расколо-сектантская, и до сихъ поръ въ ней—широкое поле для миссіонерства. Вотъ почему, для всякаго занимающагося этимъ дѣломъ историческая записка о. Саввинскаго должна быть интересна. Третье значеніе ея будетъ узко-спеціальнымъ—это именно то, что интересно, конечно, для уроженцевъ Астраханской епархії.

Во вступленіи авторъ углубляетъ христіанскую исторію Астраханскаго края къ первымъ вѣкамъ нашей эры. Затѣмъ онъ излагаетъ здѣсь исторію завоеванія Астрахани, миссіонерство Кирилла и его преемниковъ, заботы правительства о колонизаціи края и кончаетъ открытіемъ въ Астрахани въ 1602 г. самостоятельной епархії. Далѣе въ отдѣльныхъ главахъ авторъ описываетъ перемѣны, бывшія въ Астраханской епархії, являвшейся въ исторіи то съ прибавленіемъ Терской области, то ограничиваясь Ставропольской, и наконецъ обозрѣваетъ исторію епархії въ настоящемъ ея видѣ. Въ заключеніе авторъ дѣлаетъ философскій взглядъ на исторію епархії, указываетъ на ея значеніе въ исторіи русской церкви и государства. Почтенный періодъ времени, обнимаемый исторіей Астраханской епархії, важная

событія, захватывавшія теченіе ея жизни, все это вмѣстѣ съ добросовѣстнымъ выполненіемъ труда и хорошимъ изложеніемъ сообщаетъ книгѣ о. Саввинскаго интересъ и крупное значеніе въ ряду подобныхъ трудовъ. Для миссіонеровъ она также даетъ много историческихъ освѣщеній. Историческія же очерки всегда бываютъ полезны и во всякомъ дѣлѣ, въ области же вѣрованій и обычаевъ въ особенности.

С. Л—нѣ.

Иванъ Лѣтницкій. Миссіонерская духовно-просвѣтительная дѣятельность Астраханскаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства въ Астраханской епархіи съ 1873 — 1903 г. Астрахань 1903 г., стр. 182.

По отношенію къ предыдущей книгѣ, обнимающей періодъ за 300 лѣтъ, настоящая брошюра, рассматривающая періодъ въ 30 лѣтъ, является ручейкомъ притока большой исторической рѣки. Здѣсь естественно встрѣтить больше мелкихъ подробностей и разнаго несущественнаго въ общей исторической наукѣ матеріала. Но за то содержаніемъ своимъ такія книги ближе къ нашему времени и даютъ больше живого и поучительнаго опыта. Брошюра И. Лѣтницкаго дѣлится на 6 главъ. Въ 1-й изъ нихъ излагается краткая исторія образованія Астраханскаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства; во 2-й о церковно-школьной дѣятельности братства; въ 3-й о миссіонерской противъ раскольниковъ и сектантовъ дѣятельности братства; въ 4-й о дѣятельности миссіонеровъ, приходскихъ священниковъ и частныхъ лицъ по дѣлу миссіи. Въ особую главу (5-ю) выдѣлена дѣятельность Кирилло-Меѳодіевскаго общества и братства съ 1891 г. Въ главѣ 6-й излагаются свѣдѣнія объ епархіальной библіотекѣ, внѣбогослужебныхъ чтеніяхъ въ ней, о книжномъ складѣ, редакціи епархіальныхъ вѣдомостей и изданіяхъ братства. Изложена брошюра яснымъ и живымъ языкомъ.

С. Л—нѣ.

Хроника.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Состояніе расколо-сектантства въ истекшемъ году.

Гнусный притонъ хлыстовства и религіознаго шарлатанства въ Кронштадтѣ. Новая страничка для исторіи хлыстовской секты. „Пророчества и хожденіе по духу“. Игра въ символизмъ. „Давидово скаканіе“ и лже-пророческія внушенія женщинамъ. Хлыстовскій содомизмъ. Трапеза и ночлегъ въ свалку. Раскаяніе.

Расколъ и сектантство высоко еще держать свою голову тамъ, гдѣ царитъ невѣжество, которое ловко эксплуатируется вожаками отступничества. Въ концѣ истекшаго года всплыла наружу со всѣми подробностями дѣла громкая исторія сектанта-пропагандиста Прохора Скоробогатченкова, посаженнаго уже въ тюрьму. Исторія, впрочемъ, не представляетъ чего-либо новаго. Скоробогатченковъ—это знакомый уже миссіи типъ проходимца сектанта, эксплуатирующаго довѣрчившихся ему темныхъ людей. Единственно, что можно находить оригинальнаго въ этой исторіи такъ это эксплуатацію имени о. Іоанна Кронштадтскаго, которымъ вожаки сектантства до сихъ поръ, кажется, еще не пользовались; за исключеніемъ развѣ случая бывшаго въ 1902 г. Вкратцѣ исторія Скоробогатченкова состояла въ слѣдующемъ.

Въ сл. Карповкѣ (обл. Войска Донскаго) въ концѣ XIX в. былъ хлыстъ Фоцевъ, совратившій, между прочимъ, и Пр. Скоробогатченкова, который, по смерти учителя, скрылся, оставивъ жену и ребенка и пропалъ 4 года. Наконецъ, онъ вернулся на родину, но не домой; узнавъ объ этомъ, жена съ ребенкомъ на рукахъ поспѣшила повидаться съ нимъ. Но... съ леденящимъ, горделивымъ видомъ Скоробогатченковъ объявляетъ женѣ, что онъ святой человѣкъ и приближенный о. Іоанна Кронштадтскаго. Жена должна была удалиться. Узнавъ о высокомъ положеніи Скоробогатченкова, жители слоб. Карповки и сосѣднихъ двинулись къ нему на поклонъ. Ск—въ, боясь мѣстнаго священника, принималъ посѣтителей осторожно, ночью; принималъ подаванія, служилъ молебны даже въ домахъ жителей слободы, раздавалъ грошевые портреты о. Іоанна, бралъ за это обильную мзду, которую требовалъ на имя о. Іоанна, а имена жертвователей записывалъ въ книгу, чѣмъ еще больше возбуждалъ къ себѣ довѣріе. Собравъ значительную сумму подаваній, Ск—въ рѣшилъ

уѣхать въ Кронштадтъ и соблазнилъ поѣхать съ собою мѣщ. Ив. Землянского и кр. дѣвицу Домну Близгареву, сказавъ имъ, „что о. Іоаннъ зоветъ ихъ къ себѣ“. Мѣстный священникъ, узнавъ о продѣлкахъ Ск—ва, обличилъ его поступки, но Ск—въ благополучно уже уѣхалъ. Все, по видимому, успокоилось. Но въ августѣ 1902 года Ск—въ снова явился въ Карповкѣ и уже въ сопровожденіи не только названныхъ лицъ, но и кр. дѣвицы Новг. г. Екат. Трушнина, которая, какъ выяснило слѣдствіе, слыла у хлыстовъ въ Кронштадтѣ „скорбящею богородицею“. Началась пропаганда чрезъ Д. Близгареву, которая говорила своимъ подругамъ въ слободѣ: „теперь я только узнала, что я грѣшница; въ Кронштадтѣ мы живемъ у „отца“, отецъ насъ и кормить, и поить, мы ничего не знаемъ, только Богу молимся“. Ск—въ внушалъ въ слободѣ, что одинъ только есть пастырь о. Іоаннъ, а остальные и ихъ сельскій—разбойники и таинства, ими совершаемая, безблагодатны, ибо о. Іоаннъ „душу свою полагаетъ за овцы своя, т. е., поясняя онъ, раздаетъ всѣмъ деньги, а всѣ другіе не радятъ объ овцахъ, а только съ нихъ все берутъ“. А. Землянскій кощунственно называлъ причастіе отъ священника-грѣшника „половомъ“. Началось броженіе, и 17 чел. рѣшили ѣхать въ Кронштадтъ спасаться. Узнала о продѣлкахъ Ск—ва гражданская власть, и всѣ его послѣдователи были въ Кронштадтѣ арестованы, но самъ Ск—въ и Екат. Трушнина избѣжали ареста, уѣхавъ изъ Кронштадта.

Интересенъ рассказъ бывшихъ послѣдователей С—ва объ ихъ житѣ-бытѣ въ Кронштадтѣ. Всѣ они, конечно, особенно дѣвушки, рассказали въ своихъ заблужденіяхъ. „Когда насъ привезли въ Кронштадтъ, рассказывала одна изъ совращенныхъ, Анна Лисицкая дѣвушка 17 л., поселили насъ сначала въ катухъ на дровахъ, во дворѣ д. Максимова (Медвѣж. ул. уг.), Екатеринина же и Домна поѣхали въ Новг. г. къ старцу Назарію. Живя въ сараѣ, ѣли мы свои харчи, привезенныя изъ дома. Такъ прожили дней семь. По возвращеніи Екат. и Д., насъ водворили въ д. Максимова. По временамъ къ намъ пріѣзжалъ Ск—въ и училъ о божествѣ о. Іоанна Кронштадтскаго и заводилъ такія рѣчи: „не обращайтесь къ священнику и никогда не ходите къ нему, а то пропадетъ ваша душа... У вашихъ родителей роги на головѣ, они черные, только вы это не видите, ибо вы еще грѣшныя, а когда получите благодать, то сами увидите. Ихъ (т. е. родителей) слушать не нужно, и никогда ничего не говорить имъ, ни священнику, словомъ никому, а то поселится въ васъ сатанище. Если же кто будетъ спрашивать васъ о томъ, какъ вы живете въ К., говорите, что живемъ хорошо, кормятъ, поятъ, ничего мы не дѣлаемъ, только Богу молимся“. Ск—въ ночевалъ у насъ, но спалъ съ Екат. въ отдѣльной комнатѣ. Сначала это смущало насъ, но потомъ мы рѣшили, что такъ нужно для спасенія. Екат. Т., по приказанію Ск—ва, заставляла насъ всѣхъ красть свѣчи въ Кр. соборѣ, ходить по городу побираться. Все собран-

ное отдавалось Екатеринѣ; кто мало приносилъ, получалъ отъ нея выговоръ. „Кто побирается, учила Екат., тому Богъ награду дастъ на небѣ“. По временамъ прѣзжала къ намъ „старшая“ богородица Параскева (немолодая уже). Она присутствовала при чтеніи акаѣста и, когда пѣли припѣвъ—„радуйся Невѣсто ненеѣстная“, Параскева поднимала руки и махала, и когда пѣли „Исусе Сыне Божій“, поднимала руки вверхъ. По окончаніи молитвы, всѣ кланялись Параскевѣ въ ноги и цѣловали ея ботинки“. Ск—въ наѣзжалъ и въ сл. Карповку, привозилъ письма родителямъ дѣвицъ, написанныя, по ихъ безграмотству, Екатериной, бралъ деньги и вещи для спасаемыхъ имъ, но ни Анна, ни другія дѣвушки ничего не получали. А денегъ было передано для Анны рублей 90 за 4 мѣсяца.

Состояніе возвращенныхъ изъ Кроншт. было угнетенное. Когда мѣстный священникъ слободы пришелъ въ домъ Анны, она, блѣдная, подходитъ подъ благословеніе. Съ трудомъ удалось убѣдить рассказать Анну то, что было сейчасъ изложено. Она боялась нарушить клятву молчанія, данную Ск—ву. Но священникъ выяснилъ ей, что грѣха ей въ томъ не будетъ; тогда Анна разрыдалась, упала въ ноги священнику, повторяя: „батюшка, прости меня“. Священникъ успокоилъ Анну и послѣ недѣльнаго говѣнія причастилъ ее св. Тайнъ, и Анна въ церкви предъ всѣми покалась и рассказала все описанное выше. Картина была трогательная, многіе прослезились.

Еще труднѣе было заставить рассказать о сектѣ Пел. Скларову, другую совращенную, которой тоже было переслано чрезъ Ск—ва около 130 р., но понятно ею не полученныхъ. Всѣ увѣщанія были сначала напрасны, но потомъ ночью мать Пелагій позвала священника, отслужили молебенъ, при чемъ священникъ сказалъ всѣмъ—„молитесь усерднѣй, со слезами за страждущую Пелагію“. Евангеліе на молебнѣ священникъ держалъ на главѣ Пелагій. Послѣ молебна Пелагія рассказала все и сообщила, что когда читали евангеліе, ей стало легче, а когда ей дали крестъ и окропили св. водою, то и совсѣмъ успокоилась. „Я, говорила она, еще днемъ хотѣла открыться, но что-то непонятное держало мой языкъ“. Покалась также и Домна, сообщившая свѣдѣнія и объ Екатеринѣ. Она, оказывается, раньше жила въ Сиб. прислужой, познакомилась съ Ск—вымъ и уже не разстается съ нимъ. Привезеннымъ дѣвушкамъ она внушала, что теперь „нашли мы бога въ лицѣ о. Іоанна Кр., нужно только искать богородицу, безъ нея мы будемъ сиротами: отецъ есть, а матери нѣтъ“. Ск—въ добавлялъ къ этому: „молитесь, скоро откроется вамъ богородица въ Екатеринѣ“. Ск—въ совершалъ причащеніе, и поднося просфоры съ виномъ къ портр. о. Іоанна, говорилъ: „ты, Господи, въ о. Іоаннѣ, ты все знаешь и видишь, претвори просфору въ тѣло Христово, а вино въ кровь Христову“. Послѣ исповѣдывался самъ, исповѣдывалъ и дѣвицъ, причащался

и давалъ ложечкой причастіе и всѣмъ остальнымъ. Была Домна и у Назарія, кр. Новг. г., жившаго зимою въ Кронштадтѣ безъ опредѣленныхъ занятій. Сектанты считаютъ его за святого, называютъ „старичкомъ“, „отцомъ“, или Іоанномъ Богословомъ. Ск—ва же называютъ его ученикомъ. На пути въ Новг. г. Ск—въ останавливался въ деревняхъ, служилъ молебны, акаѣисты, раздавалъ воду, вино и просфоры, освященныя будто бы о. Іоанномъ Кр., на самомъ же дѣлѣ только что купленныя Домной. Ск—ва угощали, но онъ иной разъ говорилъ: „нельзя мнѣ ѣсть вашу хлѣбъ-соль; отецъ духомъ запрещаетъ у васъ ѣсть“—и выходилъ вонъ изъ избы. Тогда Ек. Т. уговаривала дать Ск—ву выкупъ за ихъ грѣхи, т. е. пожертвовать якобы на обѣдню о. Іоанну. Выкупъ давался и Ск—въ объявлялъ, что „отецъ духомъ велѣлъ ему ѣсть“. Ек. Т. была предана Ск—ву, хотя онъ билъ ее иной разъ толстой палкой, а она кричала, „хоть до смерти убей, только не брось меня... помолись за меня“. Въ свою очередь Ек. Т. была дѣвицъ, убѣждая, что и онѣ и онъ будутъ чрезъ это святыми. Ів. Землянскій не обратился изъ своего заблужденія; хотя Домна убѣждала его покаяться, но онъ чуть не побилъ ее. Зем—скій продалъ все свое имущество и деньги отдалъ Ск—ву. Такъ онъ убѣждаетъ въ его святости. Кромѣ Зем—скаго, тоже сдѣлали крестьяне Евсѣвій Коржевъ и Ст. Лихолѣтовъ, который имѣетъ старуху-мать 70 л. и пятерыхъ дѣтей. Всѣ они остались безпріютными нищими. Ск—въ во время ареста названныхъ лицъ въ Кронштадтѣ былъ въ Карповкѣ и совращалъ другихъ. Съ богатаго кр. Полякова онъ просилъ 300 р. за спасеніе, но не успѣлъ въ этомъ, а бѣдную кр—ку Дарью уговорилъ все-таки дать для о. Іоанна Кр. 10 р., которые та и дала, занявъ ихъ у разныхъ лицъ, а затѣмъ тайно уѣхала со С—вымъ въ Кронштадтъ, гдѣ, по жалобѣ самихъ крестьянъ с. Карповки, поданной окружному атаману, Ск—въ вмѣстѣ съ Даріей были арестованы и препровождены въ Царичинъ, въ январѣ 1903 г., до судебного разбирательства дѣла.

Сколько въ этой исторіи проглядываетъ съ одной стороны наивной дѣтской вѣры, и сколько наглости и обмана со стороны совратителей! Какъ же, спрашивается, не оберегать „дѣтей“ по своему развитію и вѣрѣ отъ волковъ хищныхъ въ родѣ Ск—ва? Какъ не миссіонерствовать?! А наппи „интеллигенты“ требуютъ для этихъ лжеучителей „свободы совѣсти“ въ смыслѣ даже свободы пропаганды. Что же, для того только, чтобы больше было „волковъ“ и несчастныхъ „овецъ“, ими растерзанных?! Но согласно ли это будетъ съ духомъ евангельской любви, за которую, какъ за ширмы, такъ охотно прячутся всѣ защитники „свободы совѣсти“, которая будетъ не свободой, а произволомъ сектантовъ и ихъ вожаковъ и полезна будетъ (конечно, въ этой жизни) только для этихъ послѣднихъ.

Если совратители сектанты не имѣютъ цѣлью эксплуатацію своихъ жертвъ, на почвѣ денежной, то посягаютъ на ихъ честь, и семейное

счастье и даже разсудокъ... случаи такіе имѣли мѣсто напр., въ исторіи Херсонской малеванщины. (См. „Мисс. Обозр.“ № 18 пр. г. ст. „Секта малеванцевъ въ Херсонской губ.; ея вѣроученіе и культъ“).

Какое ужасное, безпросвѣтное невѣжество гнететъ несчастныхъ сектантовъ, доводя ихъ не только до разврата, но до сумашествія и полного рабства сатанѣ! Замѣчательна эта неумолимая послѣдовательность, которая, какъ непреложный законъ, дѣйствуетъ во всѣхъ сектантскихъ обществахъ,—и конецъ ихъ одинъ и тотъ же—поглощеніе несчастныхъ „бездною“ плоти, которую такъ тщетно стремятся наши „интеллигенты“ соединить съ „глубинами“ духа и въ этомъ соединеніи обрѣсти новое откровеніе и новые догматы. Замѣчательно также, при нѣкоторомъ различіи деталей въ ученіи разныхъ сектантскихъ обществъ, общее сходство сущности ихъ религіознаго мышленія и крайнихъ его результатовъ. Одинъ недавно обратившійся изъ хлыстовства, В—ко, подробно разсказываетъ о хлыстовскихъ обществахъ и ихъ радѣніяхъ, завѣряя честнымъ словомъ солдата вѣрность своего сообщенія. Интересно въ особенности описаніе пророчествованій и „вечерей любви“.

„Послѣ изъявленія преданности Богу происходитъ „пророчествованіе“. Наставникъ обращается къ ближайшему своему помощнику—пророку съ такими словами: „собери свои мысли, братецъ, и стань посреди „церкви“, отрѣшися отъ своихъ желаній и помысленій, а исполняй то, что скажетъ тебѣ „духъ“. (Какъ нужно бы помнить сектантамъ слова апостола: „не всякому *духу* вѣрйте, но искушайте духи, аще отъ Бога сугъ“. А дѣйствуетъ то, какъ видно ниже, среди сектантовъ „духъ лукавый“). „Пророкъ“ начинаетъ тогда ходить по „церкви“ и что на умъ ему взбредетъ, то и дѣлаетъ, а наставникъ объясняетъ его дѣйствія. Это называется „*хожденіемъ по духу*“. Подойдетъ, напр., „пророкъ“ къ входнымъ дверямъ, покрутитъ передъ ними пальцемъ въ воздухъ, или выводитъ на нихъ какіе-нибудь знаки, снова ходитъ, или подойдетъ къ какой-нибудь женщинѣ (непремѣнно молодой) завяжетъ ей платкомъ глаза, поцѣлуетъ, подведетъ къ раствореннымъ дверямъ и толкнетъ ее вонъ изъ комнаты. Далѣе, подходитъ къ какому-нибудь мужчинѣ, снимаетъ съ него сапогъ, даетъ ему въ руки пустой подсвѣчникъ и тоже выталкиваетъ за дверь, которая послѣ этого затворяется. За дверью начинается раздаваться тихій плачь, который становится все громче и громче. Пѣніе, совершающееся сектантами во время „хожденія по духу“, постепенно смолкаетъ. Наконецъ, за дверью раздается душу раздражающій вопль: „о горе, о горе намъ!“ (Дѣйствительно, могутъ сказать сыны церкви православной, горе вамъ, сектанты!). Собраніе издаетъ какой-то болѣзненный стонъ. Въ это время наставникъ, поднимаясь съ своего мѣста и принимая величественно-грозный видъ, восклицаетъ: „горе тѣмъ, которыхъ Богъ отвергнетъ отъ Себя и изгонитъ изъ Своего возлюбленнаго стада По слѣпотѣ своей

(символизируется завязываніемъ глазъ платкомъ) міръ не познаетъ грѣховъ своихъ и продолжаетъ ходить въ потемкахъ, хромать туда и сюда (мужчина безъ сапога) и идти за жрецами левитовой породы (православнымъ духовенствомъ), которые, больше служа мамонѣ, удерживаютъ міръ во тьмѣ, скрываютъ отъ него истинный путь спасенія, не даютъ ему *прозрѣть* духовно, какъ не даетъ свѣта пустой подсвѣчникъ. Но если міръ обратится къ познанію истины, постигнетъ вѣру въ „духъ“ и „любви“, то и для него откроются двери рая“. При послѣднихъ словахъ растворяются двери комнаты и на порогъ появляются изгнанные мужчина и женщина, изображающіе грѣшный міръ, и земно кланяются собранію. При этомъ наставникъ срываетъ повязку съ глазъ женщины, надѣваетъ сапогъ мужчинѣ и вставляетъ въ подсвѣчникъ зажженную свѣчу, говоря: „свѣтъ Христовъ между нами“.

Собраніе выражаетъ по этому поводу духовную радость: бьютъ въ ладоши, сладко улыбаются и поздравляютъ другъ друга съ „побѣдой“. Всѣ приходятъ въ какое-то радостно-возбужденное состояніе. Въ это время наставникъ восклицаетъ: „братіе и сестры! всѣ мы имѣемъ св. Духа, а посему каждый воленъ поступать такъ, какъ ему внушаетъ „духъ“. Въ писаніи сказано: „духа не угашайте, пророчества не унижайте“ (1 Сол. V, 19—20). Вслѣдъ за этимъ начинается „сатанинское неистовство“. Вотъ нѣсколько женщинъ, сорвавшись съ своихъ мѣстъ, кружатся по комнатамъ въ разныя стороны до полного изнеможенія и потери сознанія и, падая провозносятъ безсмысленныя слова и восклицанія. Нѣкоторые изъ сектантовъ отъ избытка духовнаго восторга заливаются при этомъ гомерическимъ хохотомъ. А вотъ рослый дѣтина, „ученикъ пророческій“, сорвавшись съ мѣста и подхвативъ съ собою двухъ, трехъ молодухъ, отхватываетъ „священный танецъ“, просто русскій трепакъ, приговаривая: „Царь Давидъ *съ ковчегомъ* (sic) скакаше играя, *свистяще пояху*“ (sic). И это продолжается до полного истощенія силъ. Но вотъ по знаку наставника, въ комнатахъ воцаряется тишина и слышится его рѣчь: „братія и сестры! Всегда радуйтесь („о Господь“ пропускаетъ), всегда веселитесь и будьте преисполнены духовной любви между собою. Въ писаніи сказано: „Если мы живемъ духомъ, по духу и поступать должны“. Мы дѣти Божіи, а Богъ есть духъ любви; значить мы должны быть исполнены духовной любви; по писанію, никому не возбраняется имѣть спутницей сестру. Потомъ наставникъ внушаетъ, что сестры, или „духовницы“ должны служить опорой и „утѣхой“ своимъ духовнымъ братьямъ и подчиняться имъ безъ ропота, какъ и писаніе, молъ, повелѣваетъ, говоря: „жены ваши въ церквахъ да молчатъ, ибо не позволено имъ говорить, а быть въ подчиненіи (Гал. V, 25 и 1 Кор. 14, 34). Слышите? Быть въ *подчиненіи*. Духовницы, продолжаетъ наставникъ, должны сопутствовать своимъ духовнымъ братьямъ въ этой юдоли плача, раздѣлять съ ними

радости и горе; а если и случится „грѣхъ“ по волѣ плоти, то это ничего не значить, потому что „плотскій грѣхъ“ происходитъ отъ плоти, которая обратится въ прахъ. Нужно только стараться дѣлать такъ, чтобы не было послѣдствій грѣха (т. е. рожденія дѣтей), какъ это случилось съ Адамомъ и Евою по изгнаніи изъ рая. Строго на строго нужно беречься только „духовнаго грѣха“ (т. е. измѣны хлыстовству), чтобы не умереть духовно для вѣчнаго блаженства. Итакъ, братцы и сестрицы, заключаетъ наставникъ, писаніе повелѣваетъ намъ всегда радоваться. Воскликнемъ же Богу гласомъ радованія“.

Вслѣдъ за этимъ поднимается ревъ невообразимый.. Лица горятъ, глаза блестятъ, въ каждомъ видно сильнѣйшее возбужденіе и всѣ приходятъ въ какое то опьяненное дикое состояніе. Выражая радость другъ передъ другомъ, мужчины смѣшиваются съ женщинами и, нѣжно улыбаясь, продѣлываютъ съ ними „безгрѣшные“ приемы, т. е. ведутъ себя такъ, о чемъ, по апостолу, „не лѣтъ есть и глаголати“, завершая свое „вольное“ обращеніе съ ними пламенными поцѣлуями. Въ то же время и поютъ веселые стихи. Но вотъ женщины отдѣляются отъ мужчинъ и поютъ отдѣльнымъ хоромъ:

Летѣлъ голубъ въ небесахъ,
На воздушныхъ парусахъ.
За нимъ слѣдомъ голубица,
Какъ за братомъ духовница.
Она плачетъ и рыдаетъ,
Все за дружкой поспѣшаетъ.
Ты постой—пожди, дружочекъ,
Бѣлоснѣжный голубочекъ!
Своихъ крылъ не напрягай,
Меня въ пути не оставляй.

Ты указывай мнѣ путь;
Гдѣ-бъ намъ вмѣстѣ отдыхнуть...
Какъ достигнемъ въ свѣтлый рай,
Мнѣ дверей не затворяй.
Я служить тебѣ готова,
Не лишай меня лишь крова
Ты небеснаго Отца.
И чертоговъ тѣхъ чудесныхъ,
Тѣхъ обителей небесныхъ,
Куда рвутся всѣхъ сердца.

Въ это время и мужчины подхватываютъ:

Мы попросимъ голубицу,
Матерь Божию Царицу
Растворить намъ тѣ чертоги,

Гдѣ мы будемъ жить, *«какъ боги»*:
Въ вѣчной славы, царствѣ, власти,
Безъ печали, безъ напасти.

Вслѣдъ за этимъ всѣ подходятъ къ той женщинѣ, которая изображаетъ у нихъ богородицу и, повергаясь передъ нею, цѣлуютъ ея правую руку и лѣвое колено.

Насытившись духовно, сектанты начинаютъ насыщаться и тѣлесно. На столъ ставятся яства (преимущественно сладкія) и начинается трапеза, во время которой царитъ неподдѣльное веселье и сердечное умиленіе. Время близится къ полночи. По окончаніи трапезы, наставникъ возглашаетъ: „ну, братцы и сестрицы, настаетъ время дать покой и тѣлесамъ; но можно хвалить Бога и лежа“. Преподавъ благословеніе, онъ удаляется въ верхній этажъ дома вмѣстѣ съ духовницей-богородицей. Остальные братцы и сестрицы проводятъ ночь здѣсь. Еще нѣкоторое

время, по уходѣ наставника, замѣчается движеніе по комнатамъ, но все постепенно затихаетъ и чрезъ нѣсколько минутъ весь вертепъ погружается во мракъ...

Въ такой моментъ, говоритъ В—ко, потемняется разсудокъ; теряется чувство стыда. Зловѣщая тѣма, разливающаяся по всему вертепу, заволакиваетъ черной пеленой тѣлесныя и духовныя очи. Дьявольски распаляющаяся страсть пожираетъ все существо человѣка,—вслѣдствіе чего въ „духовныя жены“ попадаютъ въ такой моментъ и самыя близкія родственницы. Даю честное и благородное слово русскаго воина, и убѣленнаго сѣдинами старика, стоящаго на краю могилы, что бывали случаи, когда *отцы являлись растлителями своихъ дочерей*“. Такъ заключаетъ свою исповѣдь бывшій хлыстовецъ В—ко. И не смотря на всю бездну разврата, всѣ сектанты убѣждены, что они „родъ избранный“, „сосуды Духа Божія“ и что въ райскихъ обителяхъ имъ будутъ представлены первыя мѣста. И среди хлыстовъ, какъ и среди малеванцевъ, происходятъ ссоры, сцены ревности, драки и побоища изъ-за духовныхъ женъ, И эти обстоятельства заставляютъ членовъ хлыстовской секты призадумываться надъ своею мнимой святостью и обращаться въ лоно православной церкви. Такъ обратился и В—ко. Во время случившейся драки между главарями секты Скрябинымъ и Рыбкинымъ изъ-за Лукеры (богородицы) и полицейскаго допроса, къ сектантамъ пришелъ одинъ священникъ старичекъ. „Его простыя, душевныя слова, растворенныя непритворной любовью и искреннимъ сожалѣніемъ о сектантскомъ заблужденіи, не остались безъ надлежащаго дѣйствія. И вотъ, гуляя въ праздничный день по базару, В—ко рѣшилъ зайти въ храмъ Божій, въ которомъ не былъ около 10 лѣтъ. Шла служба. „Не доходя еще до храма, говоритъ онъ, я почувствовалъ какую то сладостную теплоту, разлившуюся въ моей груди; а какой то невидимый голосъ, будто внутри меня, шепчетъ: спѣши скорѣе“. Былъ моментъ херувимской. Взору В—ко представилась умилительная картина. Священникъ съ воздѣтыми руками молится у престола Божія за грѣшный міръ; молящіеся, преклонивъ колѣна, въ благоговѣніи тихо повторяютъ слова молитвы; подъ сводами храма чуть-чуть дрожатъ звуки священной пѣсни, тихо и постепенно замирая... Тишина... Безмолвіе... „И вдругъ, говоритъ В—ко, помимо моей воли, представилось мнѣ наше *блудилище* со всѣми его богопротивными и богохульными дѣйствіями. Мнѣ стало и стыдно, и страшно, и больно, и вмѣстѣ съ тѣмъ радостно за настоящую минуту,—и я, невольно опустившись на колѣна и упавъ ницъ, зарыдалъ, какъ ребенокъ“. На слѣдующій же день В—ко обратился къ священнику съ просьбою о присоединеніи къ св. церкви, что и было совершено, а остатокъ дней В—ко проводить въ служеніи при храмѣ.

Святи. М. Лиситинъ.

Корреспонденція «Миссіонерскаго Обозрѣнія», извѣстія и замѣтки.

Разъясненіе Св. Синода по вопросу о присоединеніи къ православной церкви учащихся дѣтей евреевъ.

Преосвященный Николай, епископъ Таврическій, рапортомъ отъ 13-го мая сего года за № 262, обращался въ св. Синодъ съ ходатайствомъ о преподаніи указаній относительно присоединенія къ православію ищущихъ пріема въ учебныя заведенія еврейскихъ дѣтей, родители коихъ остаются въ іудействѣ, каковыя случаи присоединенія къ православію еврейскихъ дѣтей въ то время, какъ родители ихъ остаются по прежнему въ іудействѣ, стали особенно часто повторяться съ изданіемъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ 1887 году циркуляра о пріемѣ въ среднія учебныя заведенія дѣтей евреевъ лишь въ количествѣ 10% всего числа учениковъ, подлежащихъ пріему въ началѣ учебнаго года. Обсудивъ сіе ходатайство и принимая во вниманіе, что законъ (уст. дух. конс. ст. 81 п. 1) разрѣшаетъ крещеніе малолѣтнихъ евреевъ по обрядамъ православной вѣры, если со стороны ихъ родителей послѣдуетъ согласіе на это, изъявленное письменно, Святѣйшій Синодъ въ томъ обстоятельствѣ, что родители евреи, письменно изъявившіе согласіе на крещеніе ихъ дѣтей, остаются въ іудействѣ, не усматриваетъ основаній къ отказу такимъ дѣтямъ въ присоединеніи ихъ къ православію, при чемъ со стороны законоучителей должны быть принимаемы мѣры къ утвержденію означенныхъ дѣтей въ знаніи истинъ христіанской вѣры и къ огражденію ихъ отъ отпаденія въ іудейскую вѣру.

Христославленіе и рѣчь высокопреосвященнаго Антонія, митрополита с.-петербургскаго, произнесенная 29-го декабря 1903 г. на славленіи Христа у Ихъ Величествъ, въ Александровскомъ дворцѣ Царскаго Села.

29 декабря, по всегдашнему обычаю, высокопреосвященный митрополитъ Антоній, со старшею братіей Александро-Невской лавры изволилъ Христа-славить у Ихъ Величествъ. Въ концѣ христославленія, Владыка произнесъ слѣдующую рѣчь:

Ваше Императорское Величество.

Настоящіе праздничные дни и наступающій Новый годъ мы встречаемъ при особенныхъ обстоятельствахъ. Съ одной стороны, мы слышимъ славословіе ангельской пѣсни: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человецѣхъ благоволеніе!“ Съ другой стороны, въ текущей жизни—и

въ печати, и въ обществѣ—идутъ толки о возможныхъ международныхъ столкновеніяхъ. Предносится страшный призракъ войны и какъ бы слышится отзвукъ, приготовляемаго къ битвѣ оружія. У всѣхъ тяжесть на сердцахъ. Многіе выпадаютъ въ пессимистическій тонъ и тревожно спрашиваютъ: гдѣ же этотъ миръ, о которомъ ангелы пѣли и о которомъ такъ давно мечтаетъ человѣчество? А между тѣмъ, если мы вдумаемся въ смыслъ исторической жизни человѣчества, то увидимъ, что, въ сущности, предъ нами происходитъ почти то же, что было при самомъ рожденіи Христа. Волхвы тогда приносили Ему дары, пастыри поклонялись, ангелы воспѣвали миръ, а Иродъ въ то же время былъ въ смятеніи и замышлялъ злодѣйское избиеніе младенцевъ, и Рахиль готова была плакать о погибшихъ дѣтяхъ своихъ. Злодѣйство потомъ совершилось, но Христосъ, источникъ мира, остался Божиимъ промысломъ цѣль и невредимъ, укрывшись въ Египтѣ. И теперь язычники мнутъ и готовы напасть на достоинство Божіе, на Русь Святую, на православный русскій народъ. Но все мнутъ.

Какъ въ тѣ отдаленныя времена, несмотря на замыслы вражіи, Христосъ-Отрокъ возрасталъ и укрѣплялся духомъ и преуслаждалъ въ любви у Бога и людей, такъ и послѣ, и донинѣ миръ, ангелами воспѣтый, постепенно растетъ и укрѣпляется въ сознаніи человѣчества, пріобрѣтаетъ все большее и большее число приверженцевъ и поборниковъ его.

Во главѣ сихъ охранителей мира стойшь Ты, нашъ православный русскій Царь, помазанникъ Божій, миролюбіе Котораго прославляется цѣлымъ свѣтомъ. И потому подъ Твоей державной рукой вся Русь Святая спокойно, радостно и свѣтло воспѣваетъ ангельскую пѣснь о мирѣ, несмотря на неистовые воинскіе клики язычниковъ.

Проникнутые таковымъ упованіемъ мира и увѣренностью въ Божіемъ благоволеніи, привѣтствуемъ Ваше Величество съ праздникомъ Рождества Христова, праздникомъ мира и радости, свѣта и Божьяго благоволенія, и молитвенно желаемъ, да хранитъ Господь Васъ въ здравіи и благоденствіи на многая лѣта.

По совершеніи обряда, по традиціонному обычаю, изволили подносить Его Величество вино, а Великая Княжна Татіана Николаевна закуску Высокопреосвященному Архипастырю.

Руководственные резолюціи преосвящен. Николая, епископа Таврическаго.

На одномъ изъ рапортовъ о. ректора семинаріи: «Усерднѣйше прошу васъ, о. ректоръ, обратить вниманіе на развитіе церковныхъ навыковъ у воспитанниковъ семинаріи,—на пріученіе ихъ къ толковому чтенію и пѣнію въ церкви, къ практическому обра-

щенію съ уставомъ церковнымъ и богослужебными книгами. Въ семь случаѣ требуйте отъ духовника и преподавателя литургики самаго дѣятельнаго себѣ сотрудничества, а воспитанниковъ посылайте для чтенія и пѣнія, а также исправленія требъ церковныхъ по приходскимъ храмамъ въ дни воскресные и праздничные, требуя отъ настоятелей ежемѣсячныхъ рапортовъ о томъ, какъ исполняли свои дѣла посылаемые къ сему воспитанники».

На протоколѣ консисторіи о пополненіи книгами одной изъ библіотекъ: «Предписать благочиннымъ, чтобы внимательнѣе осматривали церковныя библіотеки и доносили бы мнѣ, имѣются ли въ нихъ потребныя для причта книги по пастырскому служенію, а если нѣтъ, то почему доселѣ не пріобрѣтены».

На рапортѣ законоучителя Симферопольскаго городского училища по вопросу о существующемъ въ городскомъ училищѣ порядкѣ говѣнія учениковъ: «Въ духовную консисторію. Сдѣлать предложеніе отъ моего имени г. инспектору городского училища, чтобы воспитанники говѣли подь надзоромъ своего законоучителя и у него исповѣдывались; а тѣ, кому нельзя этого сдѣлать, приносили бы законоучителю свидѣтельства отъ приходскихъ священниковъ; равнымъ образомъ то же самое предложить сдѣлать и наставникамъ православнаго исповѣданія, законоучителю же вмѣнить въ обязанность рапортовать мнѣ ежегодно, какъ, кѣмъ и гдѣ исполненъ сей долгъ».

На прошеніи Алуштинскаго кружка любителей сценическаго искусства о разрѣшеніи имъ воспользоваться помѣщеніемъ Алуштинской церковно-приходской школы для постановки двухъ спектаклей: «Я не раздѣляю взгляда, къ сожалѣнію теперь весьма распространеннаго, на народный театръ, какъ на средство для отрезвленія народа, а также и на то, что отрезвителями народа должна быть нынѣшняя интеллигенція. Чтобы отрезвить народъ, который часто пьетъ съ горя, надобно не театръ выдвинуть на первый планъ, а школу, и притомъ церковную. Надобно поднять экономическое положеніе народа,—надобно дать ему больницы, хорошія библіотеки, читальни, да и въ церкви осмысленное чтеніе и пѣніе: тогда дѣло отрезвленія будетъ строиться на прочномъ фундаментѣ» («Таврич. Еп. Вѣд.»).

Крещеніе китайцевъ.

Корреспондентъ „Моск. Вѣд.“ сообщаетъ, что въ концѣ октября въ Фунинѣ, недалеко отъ Чаньлисына, были крещены архимандритомъ Аврааміемъ еще четыре китайца. Но общее число желающихъ принять кре-

шеніе превосходитъ тысячу, и среди нихъ были избраны лишь наиболѣе надежные люди, а къ остальнымъ приставлены для подготовки опытные катихизаторы.

Столь тщательно относясь ко крещаемымъ, православные миссіонеры возвышаютъ въ глазахъ китайскаго народа значеніе своей церкви, которая не только никому не навязываетъ своей вѣры, но принимаетъ только истинно-увѣровавшихъ. Сравнивая подобное отношеніе православныхъ съ дѣятельностью другихъ миссіонеровъ, охотившихся на языческія души, китайцы все больше и больше отдають предпочтеніе православію. Они замѣчаютъ, что оно никогда не забрасывало грязью миссіонеровъ другихъ вѣроисповѣданій, послѣдніе же, соперничая другъ съ другомъ, выставяя достоинство своей вѣры, и увѣряя, что проповѣдуемая другими истина—сомнительнаго качества, обратились въ глазахъ китайцевъ въ коммивояжеровъ религіи.

Должно, однако, замѣтить, что русскимъ никакъ нельзя относиться безразлично къ миссіонерской дѣятельности, такъ какъ православные китайцы являются убѣжденными сторонниками Россіи и болѣе способствуютъ распространенію нашего вліянія, чѣмъ разные ученики русско-китайскихъ школъ, которые, выучившись читать и вращаясь далеко не въ лучшемъ обществѣ, видятъ и воспринимаютъ многія отрицательныя стороны современной цивилизаціи.

Между тѣмъ какъ принимающіе православіе китайцы становятся друзьями русскихъ на мѣстѣ и увеличиваютъ наше вліяніе и уваженіе къ намъ, китайцы—народъ, но не чиновники,—отличаются большею вѣро-терпимостью. Всѣ три государственныя религіи Китая, не монализировавъ права преподавать истину, слились, путемъ обмѣна предметовъ поклоненія, въ одинъ культъ. Но теперь внутренній смыслъ его утратился, остались одни обряды, которые, по небрежности жрецовъ, потеряли всякое благо-лѣніе; между тѣмъ, у китайцевъ есть стремленіе къ общенію съ духовнымъ міромъ, и, даже въ глазахъ невѣрующихъ, православное богослуженіе лучше всего удовлетворяетъ китайскія религіозныя стремленія. Даже обрядовая внѣшность имъ чрезвычайно нравится.

Язычники, видѣвшіе русскую обѣдню, наивно говорятъ: „развѣ можетъ Божество отказать, когда его столько народа совмѣстно просятъ съ таинными церемоніями: взойдетъ, поклонится, скажетъ нѣсколько словъ, опять поклонится и начинаетъ жечь благоухающія волшебныя травы, въ это время всѣ поютъ неземныя напѣвы, во время которыхъ и совершается общеніе съ Божествомъ“.

Сознаніе, что русскіе имѣютъ поддержку съ Неба, столь сильно въ китайскомъ народѣ, что, несмотря на докладныя записки цензоровъ и вице-королей, несмотря на статьи Шао-Чжи-Бао, Тавень-Бао и различныхъ англійскихъ и японскихъ газетъ, написанныя по китайски, ни

Ма-Ю-Кунъ, ни Юнъ-Ши-Кай, ни даже Дунъ-Фу-Сянь не рѣшились идти отбирать у русскихъ Мукденъ, гарнизоны Тунъ-Чжоу и Хубейку остались на мѣстѣ, и на занятіе Манчжуріи китайцы смотрятъ, какъ на фактъ совершившійся по волѣ свыше. Провидѣніе даетъ силу своимъ избранникамъ и боротся противъ него, по мнѣнію китайцевъ—безразсудство

О смерти старообрядца Ситнова.

М. Г. г. Редакторъ!

Считаю необходимымъ сообщить Вамъ, что распространенный газетами и нѣкоторыми даже духовными журналами слухъ о бывшемъ, будто бы, въ деревнѣ Степуринѣ, Богородскаго уѣзда, случаѣ съ крестьяниномъ старообрядцемъ Ситновымъ, который, вслѣдствіе упорства своего противъ постановленія крестьянскимъ сходомъ, въ день прославленія преп. Серафима Саровскаго—19 іюля не выходитъ на работы, тутъ же на сходѣ упалъ и умеръ и даже тѣло его спустя часъ разложилось, не вѣрнѣ.

27 октября с. г., по порученію Московскаго градскаго и Гуслицкаго миссіонера священника о. Христофора Максимова я ѣздилъ въ названную д. Степурино съ цѣлію провѣрить распространенный слухъ о старообрядцѣ Ситновѣ, и вотъ что узналъ отъ старосты оной деревни Ивана Козмына Орѣшкина и другихъ крестьянъ.

19 іюля с. г., въ день открытія мощей преп. Серафима Саровскаго въ деревнѣ Степуринѣ православные крестьяне дѣйствительно не работали; въ этотъ же день былъ тамъ и крестьянскій сходъ, на которомъ православные обсуждали о дѣлахъ, касающихся обычнаго общественнаго молебствія,—совершающагося у нихъ ежегодно,—и пошенія по домамъ православныхъ чудотворной иконы Божіей Матери. Но на этомъ сходѣ старообрядцевъ никого не было. Въ этотъ же день, 19 іюля въ Степуринѣ умеръ одинъ крестьянинъ старообрядецъ, но не Ситновъ, а Кириллъ Наумовъ Шашинъ, и притомъ, умеръ не на сходѣ, а за нѣсколько часовъ до схода. Въ Степуринѣ есть одинъ богатый человекъ по фамиліи Ситновъ, вслѣдствіе чего здѣсь и другихъ старообрядцевъ, принадлежащихъ къ одной съ нимъ сектѣ, зовутъ обыкновенно „Ситновой вѣры“. Такъ какъ умершій старообрядецъ Шашинъ принадлежалъ такъ же къ „Ситновой вѣрѣ“, то его и звали обыкновенно Ситновъ. Вотъ почему въ газетахъ умершаго старообрядца Шашина и назвали Ситновымъ. Шашинъ дѣйствительно былъ великій худитель преп. Серафима, а посему замѣчательно, что и умеръ въ день его прославленія.

Всѣ эти показанія староста Иванъ Козминъ Орѣшкинъ засвидѣтельствовалъ подписью, съ приложеніемъ своей печати.

Окружный миссіонеръ Николкотловскаго благочинническаго
округа, Московскаго уѣзда А. Зотровъ.

Новая секта.

„Витебскія Губернскія Вѣдомости“ сообщаютъ о появленіи новой секты, называющей себя „живущимъ надеждой и вѣрою во св. евангеліе“. У задержанныхъ сектантовъ найдены чаши, блюдечки, покрывало, вино и пр., при чемъ они объяснили, что, по ихъ вѣрованію, эти предметы долженъ имѣть каждый послѣдователь ихъ ученія (предметы эти употребляются при причащеніи), что таинства долженъ совершать каждый вѣрующій въ ихъ ученіе, и что они, кромѣ евангелія, ничего не признаютъ. Послѣдователи новаго ученія рассказывали, что ихъ братья и сестры „по духу и вѣрѣ“, кромѣ Витебска, находятся еще въ Витебскомъ и Городокскомъ уѣздахъ и въ Оршанскомъ уѣздѣ, Могилевской губ.

Миссіонерскія новости.

— Екатеринославскій епархіальный миссіонеръ Иванъ Георгіевичъ Айвазовъ перемѣщенъ высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, архіепископомъ Харьковскимъ, на вакансію Харьковскаго епархіальнаго миссіонера.

Окончивъ курсъ Казанской академіи, И. Г. Айвазовъ, отлично рекомендованный со стороны миссіонерскихъ своихъ способностей и любви къ этому св. дѣлу бывшимъ ректоромъ епископомъ Антоніемъ и проф. Н. И. Ивановскимъ, былъ опредѣленъ на должность миссіонера въ Тамбовскую епархію, а оттуда въ Екатеринославскую епархію. Въ теченіе 6 лѣтъ миссіонерства новоназначенный Харьковскій миссіонеръ успѣлъ заявить себя выдающимся дѣятелемъ миссіи и миссіонерской литературы.

Должность Екатеринославскаго миссіонера нынѣ вакантна, лица, желающія занять эту должность (только съ академическимъ образованіемъ), обращаются съ прошеніями къ мѣстному епископу. Жалованіе съ разѣздаемыми Екатеринославскій миссіонеръ получаетъ до 2.200 руб.

— Съ новаго 1904 г. въ Москвѣ открыта должность противораскольничьяго миссіонера съ окладомъ содержанія изъ мѣстныхъ суммъ до 3.000 руб. По представленію высокопреосвященнаго митрополита Московскаго Владимира, Св. Синодъ назначилъ на означенную вакансію преподавателя Московской семинаріи, извѣстнаго противораскольничьяго миссіонера свящ. о. Іоанна Полянскаго.

Къ свѣдѣнію миссіонеровъ.

Часто теперь раскольники смущаютъ старообрядцевъ, принадлежащихъ къ православной грекорусской Церкви и молящихся двуперстно. Они покрываютъ житіе о. Серафима Саровскаго, гдѣ находятъ такую мысль,

будто о. Серафимъ проклиналъ двоеперстіе и молящихся имъ почиталъ связанными въ загробной жизни.

Одинъ изъ опытныхъ миссіонеровъ говорилъ пишущему эти строки, что когда раскольники ссылаются на это мѣсто изъ житія о. Серафима, то я, говорить, отвѣчаю такъ. Въ житіи пишется, что слова о. Серафима переданы одной простой женщиной и тамъ не сказано, что они провѣрены кѣмъ либо. Вѣроятно, о. Серафимъ порицалъ молившихся двоеперстіемъ не за самое сложеніе перстовъ, а за то, что эти лица, измѣнивъ троеперстіе на двоеперстіе, въ то же время и отъ церкви отстали, впали въ расколъ, похулили св. церковь. Простая женщина, какъ могла понять, такъ и передала разговоръ о. Серафима. И конечно въ простотѣ своей она больше всего всѣмъ толковала о двуперстіи: вотъ де за что батюшка-то бранить! Такое разсужденіе миссіонера вполне подтверждается самимъ дѣломъ. Въ Дивѣвскомъ монастырѣ сохраняется келья о. Серафима со всей принадлежавшей ему обстановкой. Келья эта обращена въ алтарь. Въ ней въ переднемъ правомъ углу висятъ образа о. Серафима: Спаситель, Божія Матерь и Іоаннъ Креститель. Въ бытность свою въ половинѣ декабря 1903 года въ этой кельѣ, я самъ разсматривалъ эти иконы и видѣлъ самое правильнѣйшее двоеперстіе: указательный и средній пальцы простерты, великій со двѣма послѣдними соединенъ самыми кончиками, а не такъ, какъ, напр., на иконѣ Тихвинской Б. М., великій положенъ на уставъ безымяннаго.

Слѣдовательно, о. Серафимъ не могъ порицать двоеперстія, тѣмъ паче не могъ считать двоеперстниковъ за одно двоеперстіе связанными въ загробной жизни. Онъ самъ молился на двоеперстіе, т. е. на иконы съ двоеперстіями, и потому эти иконы передалъ въ благословеніе своему духовному дѣтищу—Дивѣвскому монастырю.

Благочинный единовѣрческихъ церквей Нижегородской епархіи
Священникъ *Владиміръ Сербровскій*.

Болгарскій „Православный Миссіонеръ“.

Съ новаго 1904 г. въ Болгаріи въ г. Сливнѣ будетъ издаваться духовный журналъ подъ названіемъ „Православный Миссіонеръ“, понимающій внутреннюю миссію церкви въ томъ же широкомъ церковно-общественномъ значеніи того слова, какъ нашъ органъ. Отъ души привѣтствуемъ новаго литературнаго собрата славянина.

Цѣна изданія заграницу 4 лева.

Редакторъ-издатель іеромонахъ *Иларіонъ Арабаджіевъ*.

ОТКЛИКИ.

О призраках и спиритизмѣ по ученію церкви.

Редакція прислала мнѣ два письма,—на которыя просить отвѣтить.

Первое приводимъ почти цѣликомъ. Вотъ оно.

„Въ послѣдней книжкѣ перваго полугодія за текущій 1903 годъ встрѣтились мнѣ два діаметрально противоположныхъ взгляда на явленія призраковъ.

Въ отдѣлѣ „Печать и книги“ на стр. 1469 въ библиографической статьѣ Леоновича, штудирующаго сочиненіе доктора Шилтова „Мысли о Богочеловѣкѣ“ есть такое мѣсто: „Опровергая визионерную теорію, Шилтовъ *справедливо* замѣчаетъ, что эта теорія допускаетъ не только кажущіяся явленія, но и кажущіяся бесѣды. Послѣднее обстоятельство, т. е. призраки могутъ не только являться и серьезно бесѣдовать, но еще и принимать пищу, по нашему мнѣнію, пишетъ онъ,—*„граничитъ съ безуміемъ“*.

Видимо, авторъ Леоновичъ соглашается съ г. Шилтовымъ, что дѣйствительно безуміемъ надо считать возможность явленія призраковъ, ихъ бесѣдъ и пр., потому что добавляетъ отъ себя: „Шилтовъ *справедливо* замѣчаетъ и т. д.“.

Далѣе на стр. 1492-й той же книжки въ отдѣлѣ „Хроника“ приводится удостовѣренный фактъ явленія призрака матери одного офицера къ священнику, умершей лѣтъ 20 тому назадъ, и бесѣдовавшей съ священникомъ, послѣ чего она *просила* послѣдняго отправиться съ ней въ приготовленной каретѣ для напутствія сына, и скрывшейся, исчезнувшей уже на лѣстницѣ въ домѣ, гдѣ квартировалъ, дѣйствительно, ея сынъ. Перепечатывая этотъ случай, редакція добавляетъ: „Приводимъ слѣдующій *знаменательный* случай со словъ газеты „Свѣтъ“. Этотъ, *поистиннѣ знаменательный* и, въ особенности, *разительный* въ наше время маловѣрія и безбожія, случай имѣлъ мѣсто въ Парижѣ. *Правдивость его удостовѣрена многими...*“

Вѣрю и надѣюсь, что вы, г. Редакторъ, помѣстивши въ одной книгѣ вашего журнала эти двѣ вещи, по моему мнѣнію, крайне противоположныхъ взглядовъ на явленія призраковъ, надѣюсь не оставите безъ вниманія это мое письмо, не бросите въ редакторскую корзину, а разрѣшите мое сомнѣніе и дадите вѣрный, просвѣтительный отвѣтъ, какъ редакторъ миссіонерскаго журнала, на мой вопросъ въ одной изъ ближайшихъ кни-

жекъ вашего журнала: какъ же должно и какъ собственно смотреть сама редакція на этотъ предметъ—явленіе призраковъ: согласно ли съ бібліографомъ Леоновичемъ и, стало быть, съ докт. Шилтовымъ, или принимаетъ за истину и дѣйствительность приводимый фактъ явленія призраковъ, ихъ бесѣдъ и пр.? Другими словами—граничить ли съ безуміемъ вѣра въ явленія призраковъ, ихъ бесѣдъ, или они бываютъ дѣйствительно знаменательны, разительны?“

Мы полагаемъ, что здѣсь противорѣчіе не такъ велико, какъ кажется авторамъ писемъ.

По Шилтову граничить съ безуміемъ не вѣра въ явленія призраковъ, а мысль, будто призраки могутъ вкушать пищу.

Мысль, полагаю, понятная и подтверждаемая евангеліемъ. Вкушая пищу Господь Иисусъ Христосъ именно и хотѣлъ показать, что онъ имѣетъ плоть и кровь—что онъ не призракъ.

Поэтому, рассказъ о призракѣ, явившемся священнику, не противорѣчитъ мысли Шилтова о томъ, что призракъ не можетъ ѣсть и пить. Мысли Шилтова—будто невозможны и бесѣды призраковъ, конечно, не примиримы съ рассказомъ газеты „Свѣтъ“, а на чьей сторонѣ правда, вопрошающіе, можетъ быть, увидятъ изъ нижеслѣдующаго отвѣта на второе письмо.

Здѣсь вопрошающій тоже священникъ проситъ высказаться о спиритизмѣ.

Возможно ли сношеніе съ духами и какъ смотрѣть на «бесѣды» съ ними спиритовъ съ христіанской точки зрѣнія.

Предупреждаемъ, что нижеслѣдующій отвѣтъ—не принадлежитъ о. Михаилу, который не хочетъ высказываться по предмету ему мало знакомому и есть почти вездѣ сокращеніе нѣсколькихъ брошюръ и книгъ о спиритизмѣ, особенно книгъ Вержболовича („Спиритизмъ предъ судомъ науки и христіанства“. Изд. 2-е. Спб. 1903, ц. 40 к. и „Міръ таинственныхъ явленій“. М. 1902 г. ц. 75 к.). Возможны ли сношенія съ умершими душами, можно ли такъ или иначе „прикасаться“ къ міру умершихъ?

Да, конечно, возможно, по ученію церкви. Души умершихъ живы — и взаимоотношеніе душъ постоянно есть и должно быть. Во всѣ времена была присуща человѣчеству не только глубокая, непоколебимая увѣренность въ бытіи сверхчувственного и потому таинственнаго міра, но также сознаніе, или чувство непосредственной связи съ этимъ міромъ и его постоянного вліянія на человѣческую жизнь. Эта увѣренность прежде всего переходила изъ рода въ родъ по преданію о первобытномъ состояніи человѣчества, а потомъ подтверждалась и различными другими соображеніями. Начиная еще съ глубокой древности, многія загадочныя и необычайныя явленія духовной жизни, какъ напримѣръ: необыкновенные сны, состоянія ясновидѣнія и предвѣдѣнія, духовидѣнія и явленія умершихъ

призраковъ, двойниковъ, внушали людямъ увѣренность въ реальности, связи и взаимообщенія двухъ міровъ. Въ качествѣ ясновидящихъ выступаютъ даже такія историческія личности, какъ Сократъ, Платонъ, Эсхилъ, Гораций, Фукидидъ, Сенека, Флавій и др. Классическая древность завѣщала также новому міру вполне разработанное ученіе, какъ о мистическихъ способностяхъ души посредствующихъ взаимообщенію съ духовнымъ міромъ,—такъ и объ условіяхъ этого послѣдняго.

Шопенгауэръ и Гартманъ опредѣленно и рѣшительно высказываются въ пользу возможности духоявленій. Но не только философы, это утверждаютъ и многіе ученые: Иоллесъ—другъ и сотрудникъ Дарвина; І. Круксъ—знаменитый англійскій химикъ; Варлей, англійскій физикъ; Морганъ—англійскій математикъ; Барренъ—профессоръ физики при Дублинскомъ университетѣ; Гера—извѣстный американскій физикъ; Фламмаріонъ—французскій астрономъ, а изъ нашихъ профессоровъ—зоологъ Вагнеръ; химикъ Бутлеровъ; математикъ Остроградскій; философъ Юркевичъ, писатель и естествовѣдъ Даль и др. Существуетъ масса фактовъ вполне достовѣрныхъ, положительно доказывающихъ таинственную связь міровъ земного и загробнаго. У нашего глубокоуважаемаго архипастыря пр. Никанора находимъ слѣдующій рассказъ:

Вотъ фактъ, говоритъ онъ, изъ записокъ одного сановника, помѣщенныхъ въ одномъ изъ самыхъ распространенныхъ свѣтскихъ журналовъ, наиболѣе положительнаго научнаго оттѣнка. Автобіографъ рассказываетъ о своемъ отцѣ или дѣдѣ. Послѣдній былъ назначенъ на службу въ отдаленную Сибирь. Ъхалъ онъ съ женою и со многими дѣтьми, но, не доѣхавши до мѣста службы, заболѣлъ и умеръ. Скорбь безпомощной семьи была такъ поразительна, что удрученная горемъ жена слегла въ постель, а дамы города взяли на себя трудъ быть сидѣлками при ней день и ночь. Въ одну ночь слышатъ, что передняя дверь съ крыльца отворяется. Входитъ умершій въ костюмѣ, въ которомъ былъ въ болѣзни, проходитъ мимо служанки, которая не спитъ и смотритъ на него, отворяетъ дверь въ слѣдующую комнату и проходитъ мимо дежурившей дамы, которая приподнимается и всматривается въ него. Умершій, съ глубоко тоскливымъ и убитымъ видомъ, садится на стулъ у постели, у ногъ неспавшей жены. Та приподнимается и протягиваетъ къ нему руки со словами: что ты, мой другъ? Умершій говоритъ нѣсколько скорбныхъ словъ и выходитъ такъ же, какъ вошелъ, черезъ открытыя двери, которыя были замкнуты на ночь. Поднялись посмотреть, и оказалось, что всѣ двери дѣйствительно раскрыты. Такихъ фактовъ, добавляетъ пр. Никаноръ, можно бы насчитать не мало отъ лицъ достопочтенныхъ и заслуживающихъ довѣрія. Факты эти, по убѣжденію архипастыря, достовѣрны, дѣйствительны, возможны. Вообще, говоритъ онъ, умирающіе являются часто въ минуту или скоро послѣ смерти, но рѣдко спустя долго по смерти.

Можно было-бы привести массу примѣровъ явленій изъ міра таинственнаго.

Недавно русскою періодическою печатью сообщенъ такой случай.

Учительница одной народной школы Астраханскаго уѣзда, дѣвушка развитая и нестрадающая нервными болѣзнями, какъ-то разъ вечеромъ (въ мартѣ 1901 года) сидѣла въ своей комнатѣ и читала книгу. Вдругъ она почувствовала, что она не одна и, поднявъ глаза, увидѣла предъ собою стараго священника, что ему нужно, и какъ онъ вошелъ въ комнату, когда дверь заперта, но таинственный посѣтитель поднялся съ мѣста, и, приблизившись къ стѣнѣ, неожиданно исчезъ. Впослѣдствіи, когда дѣвушкѣ были доставлены карточки священниковъ, служившихъ въ томъ-же мѣстѣ, она узнала, что ея гость—священникъ, умершій нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Астрахани, но служившій болѣе 20 лѣтъ законоучителемъ въ той-же школѣ, гдѣ состоитъ учительницей дѣвушка. Очевидно, интересы школы были слишкомъ дороги достойному пастырю, не мало потрудившемуся на пользу юнаго поколѣнія, если духъ его устремился еще разъ взглянуть на оставленную имъ дорогую школу ¹⁾).

Существованіе таинственнаго міра доказываютъ и разнообразныя такъ наз. спиритическія явленія. Правда, среди нихъ есть не мало ложныхъ, но, съ другой стороны, нельзя, не насилуя фактовъ, всѣ ихъ считать обманомъ. Извѣстны, напримѣръ, спиритическіе сеансы американскаго медіума Г. Слэди, данные въ С-Петербургѣ въ 1878 г.

Знаменитый философъ и психофизиологъ Фехнеръ по поводу ихъ говорить: ²⁾ «при самомъ напряженномъ вниманіи я не могъ открыть никакого обмана. Это вынудило у меня убѣжденіе такой-же силы, съ какою я желалъ-бы освободиться отъ него. Мое признаніе реальности фактовъ произошло не изъ симпатіи къ спиритизму, а есть должное воздаяніе дѣлу и лицамъ».

Какъ мы должны относиться къ такимъ явленіямъ? Что думать о нихъ? Должны-ли мы послѣдовать совѣту спиритовъ: завести сношенія съ духами, вызывать умершихъ, слѣдовать указаніямъ и предзнаменованіямъ и проч.?—Нѣтъ, хотя и существуютъ такія явленія, но въ то же время должно сказать, что нигдѣ въ словѣ Божіемъ нѣтъ указаній на то, чтобы души умершихъ людей, по своему-ли произволу, или по простому желанію живыхъ людей, могли являться къ послѣднимъ и сообщать тѣ, или другія свѣдѣнія. *Сверхъ всего того* между нами и вами, говорилъ Авраамъ богачу, утверждена великая пропасть, такъ что хотяпце перейти отсюда къ вамъ не могутъ, также и отсюда къ намъ не переходятъ». Лк. 16, 26.

Потому-то явленія ангеловъ и діаволовъ всюду утверждаются въ словѣ Божіемъ, какъ особыя дѣйствія Божіи, обусловленные высокими нравствен-

¹⁾ Р. Лист. за 1901 г., № 94.

²⁾ Beweis des Glaubens, 1879 г. 288.

ными цѣлями. Что-же касается душъ умершихъ, то, по ученію слова Божія, онѣ находятся въ назначенномъ имъ мѣстѣ и не могутъ ни переходить произвольно въ загробномъ мірѣ, ни являться въ здѣшній міръ.

Въ житіяхъ святыхъ видѣнія умершихъ представляются какъ случаи исключительные, происходящіе по особому усмотрѣнію Божію въ отношеніи его избранниковъ, и ничего не говорятъ о естественной возможности такихъ явленій ¹⁾. Ученіе отцевъ церкви вполнѣ подтверждаетъ мысль о невозможности произвольныхъ и естественныхъ явленій душъ умершихъ живымъ людямъ. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: «Невозможно блуждать здѣсь душѣ, уже отдѣлившейся отъ тѣла». Богъ заперъ для душъ умершихъ двери вѣчности и никому изъ нихъ не дозволилъ являться живымъ, чтобы діаволъ не воспользовался позволеніемъ къ вреду и обману людей. По ученію бл. Августина, не свойственно природѣ душъ, отрѣшенныхъ отъ тѣла, сообщаться съ живущими.

Подобныя-же сужденія высказываетъ и св. Іоаннъ Дамаскинъ. Спириты утверждаютъ, что они создаютъ своего рода экспериментальную науку, имѣющую благія цѣли: борьбу съ матеріализмомъ и доказательство безсмертія души, разрѣшеніе самыхъ важныхъ вопросовъ философіи и религіи, также вопросовъ всѣхъ отраслей общественнаго порядка; спириты говорятъ, что они расширяютъ сокровищницу человѣческаго знанія и мудрости, указывая новое положительное откровеніе.

Необходимо, однако, замѣтить, что религіозная доктрина спиритизма, въ сопоставленіи съ христіанскою религіей, представляетъ самое тяжкое и опасное заблужденіе, болѣе ужасное, чѣмъ совершенное невѣріе! Основные принципы ея рѣшительно отвергаются христіанствомъ. Предлагаемая ею новыя откровенія, послѣ уже даннаго Богомъ, совершенно не нужны, даже богопротивны, и находятъ себѣ должную оцѣнку въ словахъ св. апостола Павла: „аще мы или Ангелъ съ небеси благовѣстятъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѣма да будетъ“. Современные спириты только воскресили забытые на многіе вѣка древніе способы вызыванія мертвыхъ и сообщили новый характеръ свей доктринѣ, преобразовавши ее примѣнительно къ христіанскимъ воззрѣніямъ. Однако нѣтъ ничего общаго между этой поддѣлкой и послѣдними. Откровеніе евангелія и „новое“ откровеніе—свѣтъ и тѣма, жизнь и смерть, новые пути нравственной жизни и старыя избитыя колеи, починенныя и прикрашенныя. Прежде всего, даже столь далекій отъ истинно-христіанскихъ воззрѣній мыслитель, какъ Фехнеръ, удивляется самой возможности сопоставленія явленій воскресшаго Господа съ явленіемъ духовъ, въ виду полной противоположности тѣхъ и другихъ, а отмѣчая непослѣдовательности спиритской догматики, во мно-

¹⁾ Пр. Никаноръ, повидимому, допускалъ возможность такихъ явленій въ самое первое время по смерти,—еще до опредѣленія Божественнаго предназначенія души умершаго.

гихъ пунктахъ ея ученія доказываетъ неизмѣримыя преимущества вѣрованія въ ясное и возвышенное ученіе священнаго писанія и вознѣщенные тамъ чудеса предъ вѣрою въ шифрованное письмо спиритовъ и сообщаемыя духами откровенія.

Вѣрующему христіанину, при пользованіи яснымъ свѣтомъ христіанскаго ученія, не представляется ни малѣйшей надобности въ тускломъ свѣтѣ оккультизма. Все необходимое для блага человѣка и его спасенія уже открыто въ словѣ Божіемъ. Всякая же самовольная попытка расширить предѣлы знанія о мірѣ загробномъ является преступнымъ и дерзкимъ стремленіемъ проникнуть въ области, не безъ намѣренія промысла сокрытыя отъ насъ. Поэтому, спириты поступаютъ далеко не безукоризненно, когда, соблазняясь пустымъ любопытствомъ, обращаются за откровеніями къ духамъ. Они, по слову митр. Филарета, уподобляются татамъ, пытающимся открыть запоры вѣчности поддѣльными ключами. Самое занятіе спиритизмомъ при наличности Божественнаго откровенія, есть какъ бы недовѣріе къ этому высшему источнику знанія, есть вѣроятное нарушеніе обѣта вѣрности религіи и церкви, даваемого при вступленіи въ общеніе съ церковью,—есть отрасль волхвованія, а вмѣстѣ и нарушеніе первыхъ заповѣдей закона Божія, запрещающихъ служеніе инымъ богамъ. Мало того, общеніе съ падшими духами—въ спиритическихъ сеансахъ, по слову Игнатія Кавказскаго, есть прямое отступленіе отъ Бога. Вызываніе духовъ христіанскихъ святыхъ есть грубое и дерзкое кощунство надъ христіанствомъ.

Но по плодамъ узнаете ихъ! Занятія спиритизмомъ, разстраивая нервную систему участниковъ сеанса, изнуряютъ здоровье, ведутъ къ помѣшательству и самоубійствамъ. Еще въ 1852 году американскіе граждане въ особой петиціи, поданной правительству, жаловались на то, что занятія спиритизмомъ разстраиваютъ физическое состояніе и оказываютъ вредное вліяніе на нравственный характеръ большей части американскаго народа. Съ тѣхъ поръ хроника спиритизма насчитываетъ много трагическихъ случаевъ, обусловленныхъ психическимъ разстройствомъ его адептовъ. Въ наши дни также нерѣдко приходится слышать о гибельныхъ послѣдствіяхъ безразсуднаго увлеченія спиритизмомъ. Такъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ С.-Петербургѣ одна интеллигентная дѣвушка, убѣжденная спиритка,—по внушенію духовъ, отрѣзала себѣ языкъ и умерла въ страшныхъ мученіяхъ, но съ успокоительнымъ сознаніемъ, что она исполнила волю духовъ. Этимъ и многими другими фактами самая практика спиритизма громко говоритъ намъ, что поднять таинственную завѣсу грозитъ умопомраченіе, болѣзни. смерть.

Общеніе съ вѣчностью.

Въ концѣ года, канувшаго въ вѣчность, и въ началѣ новаго лѣта благодати Божіей естественно мысль вѣрующаго останавливается на вопросѣ о вѣчности. Этой темы касается достойное вниманія отвѣтное письмо кандидатамъ Казан. дух. академіи, по поводу присылки курсового альбома, преосвященнаго Антонія Волынскаго. Вспоминая о пережитомъ въ дни своего ректорства, владыка пишетъ: «Мы отмѣчаемъ содержаніе нашей протекшей жизни не по распредѣленію ея внѣшнихъ условій, а по тѣмъ свѣтлымъ точкамъ вышшихъ настроеній, когда мы чрезъ искреннюю духовную бесѣду и чрезъ молитву или чрезъ участіе въ дѣлахъ безкорыстной любви какъ бы соприкасаемся съ вѣчностью, съ обнаженною истиною бытія, съ жизнью Божіей, которою осязали руками своими святыя Апостолы (1 Іоан. 1). И вотъ, вспоминая такія минуты и часы, и людей имъ причастныхъ и даже самую ихъ обстановку, мы ни за что не соглашаемся приравнять ихъ ко всѣмъ прочимъ обстоятельствамъ нашей жизни, канувшимъ въ вѣчность, но всѣмъ сердцемъ привязываемся и къ тѣмъ людямъ и къ той обстановкѣ, какъ бы запечатлѣвъ, закристаллизировавъ въ нихъ свои вышія взаимныя пережитыя настроенія, и сохраняя неясную, но твердую увѣренность въ томъ, что пережитое не должно, не можетъ исчезнуть, а должно гдѣ то снова потвориться, и притомъ не на минуту, а навсегда, потому что въ томъ была истина, а истина престать не можетъ.

Подобное соприкосновеніе съ вѣчностью особенно отчетливо переживается нами при смертяхъ и погребеніяхъ дорогихъ друзей. И вотъ почему я люблю смотрѣть на изображеніе умершихъ и думать о нихъ. Для меня они живы и даже болѣе живы, чѣмъ многіе живые, но осуевившіеся въ своихъ помышленіяхъ. При подобныхъ же чувствахъ для меня постепенно уничтожается скорбное ощущеніе разлуки съ моими дорогими учениками, и мое общеніе съ ними не представляется дѣломъ прошедшимъ, но продолжающимся.

Итакъ, говоря о разлукѣ, напоминая о смерти вамъ, молодымъ и здоровымъ, весело вступающимъ въ жизнь, не хочу васъ печал-

лить, но обрадовать удостовѣреніемъ, что для нашей духовной дружбы смерти нѣтъ, и мертвыхъ нѣтъ, и разлуки нѣтъ. Хочу увѣрить васъ въ томъ, что, вѣруя во Христа, любя людей и пребывая въ церкви, мы обладаемъ тайной вѣчности, мы обладаемъ тайной глубокаго взаимообщенія душъ, чего не знаютъ люди невѣрующіе, которые томятся своимъ нравственнымъ одиночествомъ, тщетно протягиваютъ другъ другу руки общенія, но никогда не могутъ установить его между собою. Недавно выпли двѣ книжки, описывающія бытъ студентовъ обоихъ столичныхъ университетовъ. Тоска нравственнаго одиночества является у нихъ всеобщимъ, всеподавляющимъ настроеніемъ, съ конимъ они тщетно борются общеніемъ въ кутежахъ и въ бессмысленныхъ и имъ самимъ непонятныхъ демонстраціяхъ. Напротивъ, мы, если только сохраняемъ Бога въ сердцахъ своихъ, можемъ не тѣсно вмѣщать въ нихъ и ближнихъ нашихъ и, такимъ образомъ, испытывая высшую и достойнѣйшую человѣка радость бытія, смѣло смотрѣть въ глаза нашему земному исходу. Эта истина и вамъ знакома, друзья мои, судя по вашему письму. Храните же ее, какъ высшій залогъ разумной дѣятельности, и въ этомъ примите мое прощальное увѣщаніе».

За традиціонный способъ обезпеченія духовенства.

Audiat at altera pars.

Много говорилось и писалось въ прошломъ году на страницахъ вашего уважаемаго журнала и въ другихъ органахъ печати о назначеніи жалованья духовенству отъ казны, при чемъ всегда порицался прежній способъ обезпеченія его самими прихожанами. За прежній способъ содержанія духовенства посредствомъ существующихъ сборовъ хлѣба и платы за требоисправленія почти никто ни словомъ не обмолвился. Позвольте въ новомъ году побесѣдовать о старомъ способѣ.

Почему Иисусъ Христосъ, посылая учениковъ Своихъ на проповѣдь, не велѣлъ имъ брать съ собою ничего, но добавилъ, что вы будете сѣять духовное и пожнете вещественное, ибо слушатели обязаны будутъ дать вамъ необходимое къ жизни... Пасущему стало овчье не возбраняется пользоваться отъ него млекою и руномъ... Нельзя не

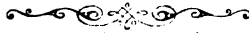
обратить также вниманія и на то, что великій Русскій святитель Филаретъ Московскій всегда высказывался противъ назначенія духовенству жалованія, отстаивая прежній способъ безпеченія его.

Дѣло въ томъ, что отношенія духовенства къ народу совершенно иныя, чѣмъ отношенія чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ къ нему; чиновники служатъ правительству, а духовенство народу, и занимаетъ оно въ отношеніи къ нему положеніе отца и учителей, почему «дѣти» и должны были заботиться объ обезпеченіи своихъ отцовъ духовныхъ и вѣроучителей; они и обезпечивали ихъ, возлагая сами на себя налоги за совершеніе таинствъ и обрядовъ, а тамъ еще добровольно удѣляя имъ долю изъ своего вещественнаго богатства: хлѣба, овощей, дровъ, сѣна, соломы и проч., — чѣмъ и не тяготились и духовенство было сыто... И какія взаимныя прекрасныя отношенія духовенства и прихожанъ поддерживались этимъ способомъ обезпеченія... Идутъ члены причта къ прихожанамъ «посбирать ржи, яровинки, шерсти и проч.; входятъ въ домъ, привѣтствуя каждаго и каждую до младенцевъ по имени, и бесѣдуютъ съ ними «чисто по отечески». А въ тоже время, замѣчая въ домѣ какіе либо непорядки житейскіе и религіозные, дѣлаютъ внушенія и разъясненія... И были близость и общеніе духовныя съ прихожанами самыя теснѣйшія...

Теперь же начинается уже не то: отношенія духовенства къ прихожанамъ станозятся холодными и чисто чиновничьими... Нынѣ члены причта, иногда проживая въ приходѣ 10—20 лѣтъ, не знаютъ по имени не только малолѣтнихъ дѣтей, но и взрослыхъ... Нѣкоторые даже въ домъ прихожанина бѣдняка входятъ съ брезгливостію, и, совершивши требу въ домѣ, спѣшатъ бѣжать домой безъ оглядокъ... Дѣло въ томъ, что духовенство нынѣ стало «интеллигентнѣе» (но не образованнѣе) и отъ мужика ставитъ себя далеко, потому и жалованья просятъ больше, чтобы не было зависимости отъ прихожанъ мужиковъ. А о томъ, что съ этою зависимоію или подъ нею скрывается духовный союзъ духовенства съ прихожанами, и подумать не хотятъ. Между тѣмъ, не отъ того ли нашъ русскій народъ религіозенъ, не понимая сущности христіанскаго вѣроученія, что онъ всегда жилъ жизнію духовенства, былъ близокъ къ нему, благодаря общности житейскихъ интересовъ?

Такого союза между прихожанами и духовенствомъ при обезпеченіи послѣдняго жалованьемъ, намъ думается, никогда не будетъ: между ними будутъ лишь холодныя отношенія, чисто формальныя.

Протоіерей *Тропольскій*.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:

МИССИОНЕРСКІЙ СПУТНИКЪ,

Настольная справочная книжка по расколовѣдѣнію и миссіонерству, необходимая каждому пастырю и ревнителю православія въ дѣлѣ *огражденія* вѣрныхъ чадъ церкви отъ лжеученій раскола и ересей и для *вразумлѣнія* заблудшихъ.

Изданіе 2-е вновь значительно *дополненное* включеніемъ:

1) Новаго уголовного уложенія; 2) положенія о приходскихъ попечительствахъ, братствахъ и обществахъ трезвости; 3) распоряженіи о торговлѣ спиртными напитками; 4) правила объ учрежденіи управленія епархіальными миссіями и примѣрныхъ уставовъ миссіонерскихъ комитетовъ, братствъ, кружковъ миссіонерскихъ, курсовъ для священниковъ и мірянъ; 5) узаконенія и распоряженія о принятія въ православную церковь: а) *иновѣрцевъ*—евреевъ, магометанъ, язычниковъ, инославныхъ христіанъ и б) раскольниковъ и сектантовъ и друг.

Цѣна новому изданію 1 руб. 50 коп.

ПО ПОВОДУ ОТПАДЕНІЯ ОТЪ ЦЕРКВИ

г р а ф а Л. Н. Т о л с т о г о .

Сборникъ статей «Миссіонерскаго обозрѣнія».

Изданіе 2-е въ 2 раза увеличенное въ объемъ противъ 1-го изд., составлявшаго бесплатное приложеніе къ журналу «Миссіонерское Обозрѣніе» 1903 г.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

(какъ шелуха безъ зерна), но непременно принесутъ тебѣ тѣ самые плоды, какіе заключаются въ словѣ, какъ плодъ въ оболочкѣ; каждое слово, какъ зернышко, принесетъ тебѣ плодъ духовный, какъ зрѣлый колосъ» (ibid). Мало того, тотъ же пастырь своимъ долготѣннымъ святымъ опытомъ свидѣтельствуешь о плодахъ молитвы въ утѣшеніе и одобреніе всѣхъ, что «она упокоеваетъ душу и тѣло, и не только душу самого молящагося («Азъ упокою вы!»), но часто души преставльшихся праотецъ и отецъ и братій нашихъ. Видите», восклицаетъ онъ, «какъ важна молитва!» (ibid) Тому же самому учить и православная церковь. «Молитва укрѣпляетъ вѣру и надежду, учить терпѣнію, соблюденію заповѣдей и особенному испрошенію благъ духовныхъ, она произраждаетъ многіе плоды, исчисленіе коихъ излишне». (Послан. восточ. патр.).

Видите, братіе, какъ важенъ подвигъ молитвы въ жизни христіанина! Безъ него христіанинъ не можетъ приблизиться къ Богу, не можетъ достигнуть царства небснаго. Но этотъ подвигъ есть и одинъ изъ труднѣйшихъ. Какъ во всякомъ житейскомъ дѣлѣ или занятіи (напр., въ ремеслѣ, искусствѣ) для успѣшнаго исполненія нужно долгое упражненіе въ немъ, такъ и для совершенія угодной Богу молитвы потребно нѣкоторое духовное искусство — побѣждать лукавую плоть свою и тонкія ухищренія діавола, старающагося разрушить истинную молитву. Св. подвижники и молитвенники нашей православной церкви такими словами засвидѣтельствовали эту трудность молитвеннаго подвига: «дреманіемъ лѣнностнымъ одержимъ есмь, сонъ грѣховный тяготитъ сердце мое...» (изъ канона Предт. Госп.) А о. Іоаннъ Кронштадтскій такъ предостерегаетъ всѣхъ отъ ложной, лицемѣрной молитвы и невнимательной. «Неопытному молитвеннику», говоритъ онъ, «легко вдаться въ ложную, лицемѣрную молитву, которая можетъ быть и продолжительна, но безплодна и въ осужденіе молящемуся». «Приближаются ко Мнѣ люди сіи усты своими, и устами чтутъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене, всуе же чтутъ Мя» (Мѣ. 15, 8).

Такъ обличалъ Господь Иисусъ Христосъ лицемѣрныхъ фарисеевъ «на долзѣ» молящихся. Опытные же молитвенники старались «лучше творить молитвы краткія, но съ горячею душею». «При молитвѣ держись того правила», говоритъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, «что лучше сказать пять словъ отъ сердца, нежели тмы словъ языкомъ». Но это правило не поощряетъ насъ лѣниться на молитвы и избѣгать долгаго молитвеннаго правила. Тотъ же о. Іоаннъ Кронштадтскій пишетъ въ своемъ дневникѣ: «Очень хорошо, разумѣется, было бы, если бы могли съ должнымъ чувствіемъ сказать на молитвѣ и тмы словесъ. Господь не оставляетъ трудящихся для Него и долго предстоящихъ Ему,—въ нюже мѣру они мѣрятъ, возмѣриваетъ «Онъ, и соотвѣтственно обилія истинныхъ словъ ихъ молитвы посылаетъ въ душу ихъ обиліе духовнаго свѣта, теплоты духовной, мира и радости». Съ цѣлью научиться молиться Богу горящимъ духомъ, подвижники позволяли себѣ и другихъ учили составлять свои собственные краткія молитвы къ Богу, согласныя съ духомъ и смысломъ церковныхъ молитвъ. «Навыкайте молиться своею молитвою», писалъ затворникъ епископъ Теофанъ, «свои кровныя нужды, паче душевныя, а то и внѣшнія мысли изрекать предъ Богомъ, не прибѣгая къ молитвеннику» (Духовная жизнь», епископа Теофана, стр. 123). А о. Іоаннъ Кронштадтскій о томъ же предметѣ такъ рассуждаетъ: «не все чужими словами бесѣдовать съ Богомъ, не все быть дѣтьми въ вѣрѣ и надеждѣ, а надо показать и свой умъ, отрыгнуть отъ сердца и свое слово благо, притомъ же къ чужимъ словамъ мы какъ то привыкаемъ и хладѣемъ. И какъ пріятель Господу бываетъ этотъ нашъ собственный лепетъ, исходящій прямо отъ вѣрующаго, любящаго и благодатнаго сердца — пересказать нельзя; надобно только то сказать, что душа при своихъ словахъ къ Богу трепещетъ радостію, вся разгорячается, оживляется, блаженствуетъ» (Дневникъ). Вообще же правило такое для укрѣпленія себя въ молитвенномъ подвигѣ: «въ молитвѣ, какъ и во всякомъ дѣлѣ, необходимо упраж-

неніе, иначе сердце изсохнет для молитвы и постепенно теряемый духъ молитвы совсѣмъ покинетъ душу» (Ibid).

Мѣстомъ для молитвы должны служить, какъ дома наши, гдѣ мы можемъ молиться одни, «затворивъ двери» (Мѡ. 6, 6), такъ, въ особенности, такимъ мѣстомъ долженъ служить храмъ Божій, какъ домъ молитвы (Мѡ. 21, 13), гдѣ мы, христіане, собираемся во имя Божіе, по св. слову Спасителя: «идѣже бо еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ» (Мѡ. 18, 20). Храмы Божіи посему есть лучшее мѣсто для молитвы, гдѣ скорѣе слышитъ насъ Богъ и подаетъ намъ обильныя блага. И подвижники церкви православной любили по преимуществу возносить свои молитвы въ храмѣ вмѣстѣ со всѣми молящимся. «Люблю я молиться въ храмѣ Божіемъ», пишетъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, — «особенно во св. алтарѣ, у престола или у жертвенника Божія, ибо чудно я измѣняюсь въ храмѣ благодатіею Божіею; въ молитвѣ покаянія и умиленія спадаютъ съ души моей тернія, узы страстей и мнѣ становится такъ легко!.. Церковь—истинно земной рай!..» (Дневникъ).

Молясь Господу Богу, въ Троицѣ славимому, нужно, по ученію православной церкви, прибѣгать съ молитвою по Бозѣ и къ святымъ Его, въ особенности — къ Пречистой Дѣвѣ Маріи Богородицѣ. «Молись несомнѣнно Святымъ Божіимъ человѣкамъ», наставляетъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, «прося ихъ ходатайства за себя предъ Богомъ. Въ Духѣ Святомъ они слышатъ тебя, только ты молись Духомъ Св. и отъ души, ибо Духъ Св. въ насъ и во святыхъ людяхъ одинъ и тотъ же. Святые святы отъ Духа Св., ихъ освятившаго и въ нихъ вѣчно живущаго». «Святые молятся за насъ», пишетъ далѣе онъ же, «когда мы съ посильною вѣрою, упованіемъ и любовью призываемъ ихъ, ибо они скорые помощники и молитвенники о душахъ нашихъ, какъ увѣряетъ насъ Богопросвѣщенная мать наша — св. церковь» (Дневникъ). Въ особенности намъ, христіанамъ, нужно прибѣгать съ усердною молитвою къ Царицѣ Небесной, «какъ родшей Благосердаго и Спаса

всѣхъ» (тропарь)—Господа Иисуса Христа. «Она», по ученію Св. Церкви, «есть бездна благостыни и щедротъ» (троп. кан. Одигит.) и посему, приступая молиться «Ей, прежде молитвы будь увѣренъ», наставляеть о. Іоаннъ Кронштадтскій, «что ты не уйдешь отъ Нея, не получивши милости; приступать къ Ней безъ такой увѣренности было бы неразумно и дерзко» (Дневникъ).

Мы, христіане, обязаны возносить молитвы не каждый только за себя и о своихъ нуждахъ, но и о нуждахъ другихъ и о всей Церкви, ибо мы составляемъ единое духовное тѣло, единъ духъ въ Господѣ (Еф. 4, 4). «А въ одномъ тѣлѣ», по слову Апостола, «страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены» (I Кр. 12, 23). «Не пропускай случаевъ молиться за какого либо человѣка», пишетъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, «по его ли прошенію или по прошенію объ немъ его родственниковъ, друзей, почитателей или знакомыхъ. Господь съ благоволеніемъ призываетъ на молитву любви нашей и на дерзновеніе наше предъ нимъ... Когда видишь въ ближнемъ недостатки и страсти, молись объ немъ, молись о каждомъ, даже о врагѣ своемъ». При молитвѣ нужно помнить всегда одно, что «если молишься съ вѣрою, искренно, всѣмъ сердцемъ, нелицемѣрно, подастся тебѣ отъ Господа даръ. И наоборотъ, чѣмъ хладнѣе твое сердце, чѣмъ мало вѣрнѣе, лицемѣрнѣе, тѣмъ бесполезнѣе твоя молитва, мало того,—тѣмъ она болѣе прогнѣвляеть Господа, который есть Духъ и ищетъ Себѣ поклоняющихся духомъ и истиною. Поэтому, призываетъ ли Господа, Божію Матерь, Ангеловъ или Святыхъ, призывай всѣмъ сердцемъ; молишься ли о комъ изъ живыхъ и умершихъ,—молись о нихъ всѣмъ сердцемъ, выговаривая имена ихъ съ теплотою сердечною; молишься ли о дарованіи себѣ или другому какого либо блага духовнаго, молись объ этомъ отъ всего сердца, желая всѣмъ сердцемъ себѣ или другому просить блага, имѣя твердое намѣреніе отстать, или желая другимъ освободиться отъ грѣховъ, страстей и грѣховныхъ привычекъ,

и дастся тебѣ отъ Господа даръ по сердцу твоему» (Дневникъ).

Теперь нужно сказать о молитвѣ священниковъ, какъ нарочитыхъ, избранныхъ молитвенниковъ предъ Богомъ за вѣрующихъ. Молитва ихъ особенно сильна и плодотворна, ибо въ нихъ и чрезъ нихъ Самъ Духъ Св. благоволяетъ ходатайствовать за искупленныхъ кровію Христовою, да и сами они пастырствомъ своимъ носятъ санъ Христовъ. «Чья молитва особенно сильна?»—спрашиваетъ о. Іоаннъ Кронштадтскій въ своихъ благочестивыхъ размышленіяхъ. И отвѣчаетъ: «на землѣ—молитва священниковъ, какъ Самимъ Богомъ поставленныхъ у самаго Его престола для молитвы о себѣ и о людяхъ,—о нашихъ грѣсѣхъ и о людскихъ невѣжествіихъ. «Вѣрь», убѣждаетъ тотъ же пастырь, «что молитва и одного друга Божія, особенно свято живущаго священника Божія, можетъ творить чудеса въ значительной части природы, какъ молитвы пророковъ Моисея, Іліи и др. «Священники, молящіеся на землѣ о людяхъ (Дневникъ, т. V), — знаменіе и показаніе Небесной Церкви, молящейся о насъ на небѣ, и Самого ходатая Христа Бога». Какъ драгоценны, какъ вождѣльны эти слова вѣрующему сердцу пастырей и христіанъ. Итакъ, чаще нужно прибѣгать къ пособію молитвы священнической, прося ихъ молиться за себя не только въ храмѣ, но и дома.

Молясь Богу, мы, христіане, свою внутреннюю духовную молитву выражаемъ не только словами, но и благоговѣйными тѣлодвиженіями, выражающими наше внутреннее настроеніе,—по слову св. Апостола: «прославите Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, яже суть Божія» (I Кр. 6, 20). Такъ, мы употребляемъ при молитвѣ поклоны поясные и земные, крестное знаменіе, воздѣяніе рукъ, возведеніе очей на небо, біеніе въ перси. Колѣнопреклоненія ведутъ свое начало отъ ветхаго завѣта. Праведные Авраамъ, Лотъ, Моисей, Ааронъ, Іисусъ Навинъ и весь богоизбранный народъ еврейскій поклонялся Богу, па-

дая на лице свое (Быт. 18, 2; 19, 1. Исх. 34, 8. Нав. 5, 14. 18, 7, 39 и др.). Въ новомъ заветѣ Самъ Господь Иисусъ Христосъ Своимъ примѣромъ освятилъ земные поклоны, когда молился въ саду Геосиманскомъ предъ Своими страданіями (Мѣ. 26, 30 и др.). Его примѣру слѣдовали и св. Апостолы (Дѣян. 20, 36, 24, 11) и учили христіанъ— «прославлять Бога въ телесѣхъ своихъ» и «представлять тѣлеса своему Богу въ жертву живую, святую, богоугодную, для разумнаго служенія» (Рим. 12, 1). Поклоны наши имѣютъ тотъ смыслъ—по уставу Св. Церкви, что мы—прахи предъ Богомъ и глубоко благоговѣемъ предъ Его величіемъ. Посему то и въ небесномъ Іерусалимѣ святые выражаютъ свое благоговѣніе предъ Богомъ также поклоненіемъ на лице свое (Ап. 4, 10, 5, 8, 14, 7, 11). Крестное знаменіе, которымъ мы осѣняемся во время молитвы, должно «своею непобѣдимою, непостижимою и божественною силою» укрѣплять насъ въ молитвенномъ подвигѣ, возбуждая въ насъ вѣру въ крестныя заслуги Икупителя и любовь къ Нему, ибо, ограждаясь крестнымъ знаменіемъ, мы молимся «во имя» Спасителя Иисуса Христа—по Его заповѣди (Ін. 14, 13, 14; 15, 16).

Итакъ, какъ хорошо, какъ душеспасительно молиться Богу часто, непрерывно! Это значило бы непрерывно бесѣдовать съ Богомъ, непрерывно дышать Духомъ Св., непрерывно учиться вѣрѣ въ Бога, надеждѣ на Него и любви къ Нему, и постоянно готовиться къ переселенію въ вѣчность, безъ смущенія и боязни. «Непрестанно молитесь», писалъ св. Апостолъ христіанамъ солунскимъ (1 Сол. 5, 17). «Всякою молитвою и прошеніемъ молитесь на всякое время духомъ», писалъ онъ же ефесск. христіанамъ (6, 18), т. е. при всякомъ житейскомъ занятіи помните о Богѣ, представляйте Его въ своемъ умѣ близко около себя (Пс. 15, 18), какъ бы ходите предъ Нимъ (Быт. 5, 22; 6, 9), и тогда вы не допустите въ свое сердце грѣшныхъ мыслей и желаній. Молясь такъ—безъ словъ, безъ поклоновъ, тайно, только въ сердцѣ слагая свои прошенія, мы можемъ быть

такъ же скоро услышаны Богомъ, какъ, напр., рабъ Авраамовъ, который, стоя у колодца, просилъ Бога въ сердцѣ своемъ указать ему невѣсту господину его Исааку, и Господь услышалъ его молитву: «и еще не пересталъ онъ говорить въ умѣ своемъ, и вотъ вышла къ колодцу Ревекка (Быт. 24, 15; 42—45). Или, когда св. пророкъ Моисей велъ евреевъ къ Черному морю и предвидѣлъ погоню отъ Фараона, царя Египтянъ, трепеталъ и тайно молился въ сердцѣ своемъ избавить народъ отъ бѣды, то Господь отвѣчалъ ему на его тайную молитву: «что ты вопіешь ко Мнѣ? скажи сынамъ Израилевымъ, чтобы они шли» (Исх. 14. 15). Праведная Анна, мать пророка Самуила, молилась въ скорби души своей въ скиніи о дарованіи ей чада, молилась тайно, безъ словъ, такъ что «уста ея двигались и не было слышно голоса ея» (1 Цар. 1, 13). Изъ новозавѣтныхъ святыхъ такою «умною» или сердечною молитвою молилась, напр., преподобная Марія египетская. Когда преподобный Зосима пресвитеръ просилъ угодницу Божію помолиться за него и за весь міръ, то «она обратилась на востокъ и, возведши очи горѣ и воздѣвши руки, начала молиться тихо, такъ что словъ не было слышно и Зосима ничего не понялъ,—стоялъ трепетенъ, смотря въ землю и не говоря ни слова» (Тамб. еп. в. 1877, № 7. Житіе Пр.). Преподобный Виссаріонъ (6 Ін.) пробылъ 40 дней и ночей въ мысленной молитвѣ. Цѣль молитвеннаго подвига нашего въ томъ и состоитъ, по ученію св. подвижниковъ (напр., св. Василия Вел., Нила Сорск.), чтобы «достигнуть наконецъ непрестанной молитвы или непрестаннаго умомъ въ сердцѣ Богу предстоянія, непрестаннаго теплаго о Немъ памятованія или пребыванія въ Немъ вниманіемъ и чувствомъ» (Святоот. настав. о трезв. и молитв. еп. Теофана). Итакъ, молитва есть важнѣйшее дѣло въ жизни человѣка-христіанина. Безъ нея христіанинъ не можетъ совершенствоваться по заповѣдямъ Божіимъ, не можетъ приближаться къ святости, потому что когда онъ рѣдко прибѣгаетъ къ молитвѣ, то впадаетъ въ маловѣріе,

дѣлаетъ много злыхъ дѣлъ, нерадитъ о своемъ спасеніи и можетъ впасть въ глубину золъ. Что бываетъ съ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ, то можетъ быть и съ цѣлымъ обществомъ христіанъ въ извѣстномъ мѣстѣ. Горе намъ, христіанамъ, которые, заражаясь другъ отъ друга, потеряли духъ молитвы, питающій вѣру, потому что они легко могутъ потерять и самую вѣру. «Люди впали въ безвѣріе оттого», говоритъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, «что потеряли совершенно духъ молитвы или вовсе не имѣли и не имѣютъ его, короче—оттого, что не молятся. Князю вѣка сего просторъ для дѣйствія въ сердцахъ такихъ людей,—онъ господинъ въ нихъ» (Дневникъ).

Если такъ несчастны христіане, нерадящіе о молитвахъ Богу, то что сказать о сектантахъ и под. имъ еретикахъ, которые никогда не испытали духовной сладости истинной молитвы и потому далеко отстоятъ отъ царства небснаго?! Эти жалкіе духовные слѣпцы, не видя духовнаго свѣта въ Церкви Христовой, сіяющаго во всемъ богослужебномъ чинѣ ея,—въ молитвахъ, прошеніяхъ, благодареніяхъ, составленныхъ богоугодными людьми по духу и смыслу слова Божія,—измыслили для себя распѣвцы или стишки, которые у нихъ замѣняютъ церковныя молитвы. Говорятъ, впрочемъ, что хлысты на своихъ собраніяхъ употребляютъ и церковныя пѣснопѣнія, напр., «Воскресеніе Христово видѣвши», «видѣхомъ свѣтъ истинный» и др., но къ несчастію своему они и съ этими пѣснопѣніями соединяютъ свой сектантскій смыслъ. Такъ, въ пѣснопѣніи—«Воскресеніе Христово» они прославляютъ, конечно, не нашего Спасителя, а своихъ лжехристовъ, а подъ «свѣтомъ истиннымъ» разумѣютъ, конечно, свою хлыстовскую вѣру. Въ этомъ случаѣ хлысты оказываются церковными татями, крадущими у насъ духовное богатство, нажитое и переданное намъ изъ древнихъ временъ, и во зло употребляющими его; въ этомъ отношеніи они уподобляются тѣмъ ложнымъ пророкамъ времени св. Іереміи, на которыхъ Господь изрекаетъ Свой грозный судъ, относящійся, поэтому, во всей силѣ и къ

нашимъ сектантамъ-христіанамъ: «се Азъ ко пророкомъ, иже крадутъ словеса моя кійждо отъ искренняго своего» (Іер. 23, 30).

Но хлысты, какъ мы сказали употребляютъ на своихъ моленіяхъ, кромѣ церковныхъ пѣснопѣній, множество своихъ распѣвцевъ, составленныхъ, вѣроятно, ихъ лжехристами и лжепророками. Эти послѣдніе усиливались писать распѣвцы «складно», т. е. стихами, вѣроятно—для того, чтобы подѣлать ихъ удобнѣе было кружиться и вертѣться на собраніяхъ, а можетъ быть и потому, что по стихотворной формѣ своей они кажутся для простыхъ людей плодомъ вдохновеннаго ума. Въ сущности же хлыстовскіе распѣвцы не представляютъ по словесному построенію своему правильно сложенной стихотворной рѣчи и весьма часто отличаются отсутствіемъ яснаго смысла, даже полнымъ безсмысліемъ. Главное же, чѣмъ распѣвцы не похожи на церковныя молитвы,—это то, что въ нихъ не упоминается или рѣдко упоминается о Богѣ, рѣдко выражается прошеніе, славословіе или благодареніе Ему, не испрашивается ими прощенія грѣховъ человѣку. Все это, вѣроятно, потому, что хлысты не считаютъ себя грѣшными людьми, а святыми, и не имѣютъ нужды призывать Бога на молитвѣ, ибо ихъ лжехристы, живые боги, находятся налицо на ихъ собраніяхъ. Поэтому то, какъ небо отъ земли, какъ грязная сажка отъ чистѣйшаго снѣга, далеко отстоятъ хлыстовскіе распѣвцы отъ нашихъ величественныхъ церковныхъ пѣснопѣній. Не говоря уже о молитвѣ Господней, которая, какъ плодъ Божественнаго духа Спасителя, корень и основа всѣхъ церковныхъ молитвъ, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ произведеніями человѣческаго ума, всѣ церковныя молитвы запечатлѣны особеннымъ, благодатнымъ духомъ святости духовной красоты и величія. Всѣ они написаны людьми святой, богоугодной жизни, иногда прямо подвижниками, причисленными къ лику святыхъ. Такъ, литургійныя молитвы (исключая немногихъ) написаны св. Василиемъ Великимъ, І. Златоустомъ, Григоріемъ Двоесловомъ.

Богослужебные каноны составлены по преимуществу преп. оо. Іосифомъ пѣснопѣвцемъ, Романомъ сладкоп., Козьмою маіум. и др. Херувимская пѣснь на литургіи составлена благочестив. греческимъ царемъ Юстиніаномъ, «Свѣте тихій»—св. патр. Софроніемъ Іерусал., гимнъ «Тебе Бога хвалимъ»—св. еп. Амвросіемъ медіол.; современные акаѳисты и службы новоявленнымъ чудотворцамъ (напр., Тихону Задон., Ѳеодосію Черниг.) составляютъсь подъ руководствомъ и съ благословенія Св. Синода. Поэтому то священныя пѣснопѣнія православной Церкви представляютъ плодъ богопросвѣщеннаго ума, запечатлѣны духомъ крѣпкой вѣры и любви къ Богу, чувствомъ смиренія грѣшнаго человѣка предъ величіемъ Божиимъ, надеждою на милосердіе Божіе и полнѣйшей преданностью волѣ Божіей.

Вспомнимъ ли мы церковныя ектеніи—эти краткія, но разнообразныя, умиловительныя прошенія о нуждахъ каждаго человѣка и всего міра, или богослужебные каноны, съ ихъ многочисленными тропарями, въ которыхъ раскрывается смыслъ праздника или живописуются подвиги угодниковъ Божіихъ, вспомнимъ ли стихиры, акаѳисты, нарочитыя молитвословія «на всякую потребу», всѣ они запечатлѣны духомъ вѣры въ Господа Іисуса Христа, духомъ смиренія христіанина предъ величествомъ Божиимъ. Вспомнимъ ли послѣдованіе богослужебныхъ молитвословій во время великаго поста и особенно въ страстную седмицу,—все оно направлено къ тому, чтобы возбудить въ человѣкѣ глубокое сознаніе грѣховности своей, искреннюю жажду исправленія по примѣру и ученію свв. подвижниковъ Церкви: оно указываетъ на тяжелыя послѣдствія грѣха въ страданіяхъ и смерти за насъ Искупителя, оно возбуждаетъ полное обращеніе ко грѣху и улаживаетъ сознаніе живымъ представленіемъ блаженной жизни въ Богѣ. Богослуженіе же пасхальной недѣли и всей св. Пятидесятницы имѣетъ цѣлью возбудить въ насъ духовную радость о воскресшемъ Спасителѣ нашемъ, указать плоды воскресенія Его для насъ въ настоящей и будущей жизни, возбудить благодарныя чувства

къ Нему и искреннее стремленіе къ воспріятію Св. Духа— Утѣшителя въ день св. Цятідесятниці. Изъ повседневныхъ службъ вечерня и утрєня своими молитвословіями возбуждаютъ то покаянныя, то хвалебныя, то благодарныя чувства ко Господу. Литургія же, какъ средоточіе, завершеніе и вѣнецъ церковныхъ службъ, своимъ обрядовымъ чиномъ и молитвословіями представляетъ живое, наглядное и таинственное воспроизведеніе въ сознаніи нашемъ всего дѣла искупленія въ Госп. І. Христѣ, а своею таинственною жертвою (тѣла и крови Хр.) является какъ умиловителная, благодарная и по преимуществу освящающая насъ служба.

Ничего подобнаго нашимъ церковнымъ службамъ и молитвословіямъ нѣтъ и не можетъ быть у хлыстовъ, какъ лишенныхъ благодати Божіей, какъ отступниковъ отъ прав. Церкви. Они, какъ евангельскій блудный сынъ, удалившись самовольно изъ отчѣго дома, изъ св. Церкви, гдѣ всѣ питаются изобильно духовнымъ хлѣбомъ и питаніемъ, въ странѣ духовнаго глада лишенные благодати Божіей, рады свой томящійся духъ напитать рожцами свиней, т. е. тѣми бессмысленными духовными распѣвцами, которые даютъ имъ ихъ лжехристы и лжепророки, въ родѣ слѣд.

«Миръ вамъ, братія и сестры!
Вы зачѣмъ сюда пришли? (2 раза)
Вы каки(е) труды несли?
Мы трудимся о томъ,
Сознавать Духа Отцомъ.
Сознавать Его въ лице
И слать ему письмоце.
Письмоце ему вы шлите,

Того времячка вы ждите,
Ждите времячка-часочекъ,
Растворятся небеса (2 раза),
Спустятъ огненны вѣса (2),
Поплѣнятся тѣлеса,
Міръ-народъ тому дивится,
Правда Божья воцарится!
А мы будемъ веселиться!»
(Тамб. сп. вѣд. 1883 г. № 23).

Эта хлыстовская пѣсня, напечатанная со словъ бывшаго сектанта, еще одна изъ лучшихъ пѣсень ихъ, потому что имѣетъ нѣкоторый смыслъ, именно въ ней говорится, повидимому, о кончинѣ міра. Но сравните ее съ соотвѣтствующею ей по смыслу церковною пѣснью и вы увидите все ничтожество хитроумія человѣческаго и несравненное духовное величіе пѣсни, внушенной Духомъ Св. «Егда пріидеши,

Боже, на землю со славою, и трепещутъ всяческая, рѣка не огненная предъ судищемъ влечеть, книги разгибаются и тайная являются: тогда избави мя отъ огня неугасимаго и сподоби мя одесную Тебе стати, Судіе праведнѣйшій» (Конд. служб. по вся дни). Здѣсь, въ церковной пѣснѣ, выражается глубокое смиреніе человѣка грѣшника, трепещущаго будущаго суда Божія и моленіе его о помилованіи, ибо Господь есть Судія правосуднѣйшій. Ничего подобнаго, какъ вы слышали, нѣтъ въ хлыстовскомъ распѣвѣ.

Братіе! пожалѣемъ искренно сектантовъ, какъ погибающихъ и подадимъ имъ руку помощи, раскрывая при всякомъ удобномъ случаѣ всю бѣдность и лживость духовныхъ распѣвцевъ и выставляя на видъ величіе и красоту церковныхъ молитвословій и всего церковно-богослужебнаго чина. А для своей духовной пользы будемъ помнить, что «болѣ всего должно намъ прилежать къ молитвѣ, ибо она есть какъ бы нѣкій предводитель добродѣтелей и посредствомъ таинственной святости и духовнаго дѣйствія и неизреченнаго расположенія вводитъ прилежнаго въ молитвѣ въ единеніе съ Богомъ», какъ говоритъ св. Григорій Нисскій (Слово о цѣли жизни въ Богѣ, Тв. ч. 7-я). А преп. Нилъ Синайскій говоритъ: «счастливъ тотъ человѣкъ, кто умѣетъ отрѣшиться отъ земнаго и переноситься къ созерцанію небеснаго», т. е. молиться. И дѣйствительно, святые такъ любили молитву и такъ прилежали ей при жизни, что умирали стоя на молитвѣ, напр., св. Димитрій ростов., блаж. старецъ о. Серафимъ саров. Такъ молитва была для нихъ мостомъ къ блаженной вѣчности.

«И сподоби насъ, грѣшныхъ, Владыко, со дерзновеніемъ неосужденно смѣти празывать Тебе, небеснаго Бога Отца».

У. Слово на новыѣ 1904 годѣ.

О. Іоанна Кронштадтскаго.

Мы, по обѣтованію Божію, ожидаемъ новаго неба и новой земли, на которыхъ обитаетъ правда (2 Петр. 3, 13).

Празднующихъ новыѣ гражданскій годѣ переносу мысленно къ новому небу и новой землѣ, на которыхъ обитаетъ правда. Да, по неложному обѣщанію Божію, настанетъ скоро полное обновленіе неба и земли для обновленнаго Искупителемъ нашимъ человѣческаго рода, — *нынѣшняя земля сгоритъ, а небеса, какъ риза, обветшаютъ и, какъ одежда, со-вѣются, и измѣнятся*, по слову пророка... (Исаи 65,17;— 66,22; 13,13; Мѣ. 24,29,35). И подай Господи. Ибо кому не намозолила глаза повсюдная неправда на землѣ, неправда и заблужденіе въ вѣрѣ, неправда въ государствахъ, въ обществахъ, въ сословіяхъ, въ разныхъ учрежденіяхъ, въ городахъ, селеніяхъ, семействахъ, въ школахъ, и даже—въ обителяхъ святыхъ. Давно, много тысячелѣтій—царствуетъ на землѣ всякая неправда, въ коей обличали людей древніе пророки,—и мы молимъ Отца нашего небеснаго словами возлюбленнаго единороднаго Сына Его, пришедшаго очистить неправды наши: *да святится имя Твое, да придетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли* (Мѣ. 6, 9, 10).

Но невѣрующіе при этомъ возражаютъ мнѣ: о какомъ новомъ небѣ ты говоришь и о какой новой землѣ? Все будетъ старое, во вѣки не будетъ новаго неба и новой земли,—небо и земля вѣчны, они еще въ состояніи образованія,—прошло много тысячелѣтій этого самообразованія,—и еще пройдутъ многія тысячи и люди въ безконечность будутъ рождаться; одинъ родъ переходитъ—другой приходитъ, а земля будетъ во вѣки стоять.—Нѣтъ, лживые мудрецы, говорящіе отъ своего чрева, проповѣдующіе свои мечты: слово Божіе вѣрно и непреложно, и что оно изрекло, то непременно сбудется,—и сбудется съ быстротою неожиданною.

Земля со всѣми стихіями сгоритъ, какъ сгораетъ домъ, и небо совьется въ одно мгновеніе, какъ одежда. Доказательство тому у насъ предъ глазами на всѣхъ живыхъ организмахъ растительныхъ и животныхъ. Теперь зима. Вся весенняя и лѣтняя красота растеній исчезла—нѣтъ ея, вся истлѣла; и наши тѣла со смертію истлѣютъ въ гробахъ—такъ подвергнется тлѣнію и разрушенію и весь видимый міръ. Творцу также легко обратить его въ ничтожество, какъ Онъ и привелъ его легко однимъ повелѣніемъ изъ небытія въ бытіе, и *солнце померкнетъ и луна не дастъ свѣта* своего, и звѣзды спадутъ съ неба,—не бойся, впрочемъ, что упадутъ на землю, нѣтъ,—только спадутъ по слову Господа; и исчезнутъ, какъ ничто; ибо всѣ міры предъ Богомъ какъ ничто, по слову Писанія.—А какое, спросишь, будетъ новое небо и какая новая земля для новыхъ людей? Не таково, конечно, какъ настоящее, и не такова земля, какъ нынѣшняя, потому что люди новые будутъ имѣть новую, нетлѣнную, духовную, вѣчную, безсмертную природу; безсмертную, чистую, безгрѣшную, святую, какъ святъ Господь Богъ; очевидно, поэтому, что и новое небо и новая земля будутъ духовны, нетлѣнны, вѣчны и несравнимо прекрасны; *есть тѣло душевное*, говоритъ Апостоль, *и есть тѣло духовное* (1 Кор. 15, 44), значить, небо и земля будутъ духовны, нетлѣнны, неподвержены измѣненію или разрушенію въ безконечные вѣки.—Вѣришь ли ты этому, земной мудрецъ Левъ Толстой, вѣрятъ ли единомышленники твои? Вѣрите или нѣтъ,—но что Творцомъ безначальнымъ, вѣрнымъ во всѣхъ словахъ Своихъ, предопредѣлено,—то сбудется, а ваши мечты мечтами и останутся, а невѣріе и непокорность ваша обратится вамъ самимъ въ наказаніе. Заклучу мое слово словами боговдохновеннаго Апостола Петра. Помните, братія, слова «прежде реченныя святыми пророками и заповѣдь Господа и Спасителя, преданную Апостолами вашими. Прежде всего знайте, что въ послѣдніе дни явятся наглые ругатели, поступающіе по собственнымъ своимъ похотямъ и говорящіе: гдѣ обѣтованіе пришествія Его? Ибо съ тѣхъ

поръ, какъ стали умирать отцы, отъ начала творенія все остается такъ же. Думаютъ такъ не знаютъ, что въ началѣ Словомъ Божиимъ небеса и земля составлены изъ воды и водою. Потому тогдашній міръ погибъ, былъ потопленъ водою; а нынѣшнія небеса и земля, содержимыя тѣмъ же Словомъ, сберегаются огню на день суда и гибели нечестивыхъ человѣковъ. Одно то не должно быть сокрыто отъ васъ, возлюбленные, что у Господа *одинъ день, какъ тысячи лѣтъ и тысячи лѣтъ, какъ одинъ день* (Псал. 89, 5), (ибо Онъ выше времени, какъ Творецъ времени).

Не медлитъ Господь исполненіемъ обѣтованія, какъ нѣкоторые почитаютъ то медленіемъ; но долго терпитъ насъ, не желая, чтобы кто погибъ, но чтобы всѣ пришли къ покаянію. Придетъ же день Господень, какъ тать ночью, и тогда небеса съ шумомъ прейдутъ, стихіи же, разгорѣвшись, разрушатся, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ. Если такъ все это разрушится, то какими должно быть въ святой жизни и благочестіи вамъ, ожидающимъ и желающимъ пришествія дня Божія, въ который воспламененныя небеса разрушатся и разгорѣвшіяся стихіи растають? Впрочемъ, мы, по обѣтованію Его, ожидаемъ новаго неба и новой земли, на которыхъ обитаетъ правда. Итакъ, возлюбленные, ожидая сего, потщитесь явиться предъ нимъ неоскверненными (а нынѣ хрістіане беззастѣночно скверняютъ себя блудомъ—холостые и женатые) и непорочными въ мирѣ; и долготерпѣніе Господа нашего почитайте спасеніемъ, какъ и возлюбленный братъ нашъ Павелъ, по данной ему премудрости написалъ вамъ, какъ онъ говоритъ объ этомъ во всѣхъ посланіяхъ...

Итакъ, вы, возлюбленные, будучи предварены о семъ, берегитесь, чтобы вамъ не увлечся заблужденіемъ беззаконниковъ и не отпасть отъ своего утвержденія. Но возрастайте въ благодати и познаніи Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа. Ему слава и нынѣ и въ день вѣчный» (2 Петр. 3, 1—18). Аминь.

VI. Слово на день Крещенія и Богоявленія Господня 6 января 1904 г.

О. Иоанна Кронштадтскаго.

Елицы во Христа креститесь во Христа
облекостесь (Галат. 3, 27).

Философія Крещенія.

Церковь совершаетъ нынѣ воспоминаніе величайшаго, спасительнаго дѣла въ земной жизни Божественнаго нашего Икупителя, Господа Іисуса Христа, именно: крещенія Его отъ Іоанна Предтечи въ рѣкѣ Іорданѣ, въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ. Естественно приходитъ въ голову вопросъ: если Христосъ есть безгрѣшный и святѣйшій человѣкъ и все-совершенный Богъ въ неслитномъ, нераздѣльномъ и неразлучномъ соединеніи естествъ Божескаго и человѣческаго въ единомъ Лицѣ, то для чего нужно было Ему крещеніе въ быстрынахъ Іордана, и нѣтъ-ли въ этомъ дѣйстви Божественнаго Икупителя внутренняго противорѣчія. Отъ чего очищаться безгрѣшному. Отъ чего омываться пречистому?— Но у Бога премудраго и праведнаго противорѣчія Себѣ Самому быть не можетъ; только человѣкъ, существо падшее,—непрестанно противорѣчитъ себѣ, допуская часто безмысленныя помышленія, слова и дѣла. Призовемъ на помощь въ этомъ,—повидимому странномъ дѣйстви Богочеловѣка,—христіанское любомудріе. Для чего Христосъ Богъ пришелъ на землю во плоти, принявъ все существо человѣческое съ его немощами, кромѣ грѣха?—Человѣкъ есть существо падшее, валяющееся въ сквернѣ грѣха, все проникнутое этою скверною, до костей и мозговъ, до сокровенныхъ помышлений и чувствъ, и непримѣтныхъ движеній воли: въ немъ и мысль, и желаніе, и воображеніе, и всѣ чувства, и стремленія направлены ко грѣху и проникнуты грѣхомъ, хотя бы-

Сенатское рѣшеніе о старообрядческихъ бракахъ и порождаемая имъ юридическія и практическія недоумѣнія.

До послѣдняго времени лишь тѣ старообрядческіе браки признавались законными, которые были записаны, на основаніи закона 19 апр. 1874 г., въ полицейскія метрическія книги, специально на этотъ предметъ установленныя и имѣющіяся во всѣхъ полицейскихъ учрежденіяхъ. При этомъ самое совершеніе брака, по тому или иному старообрядческому обряду, закономъ игнорировалось и при томъ не только по формѣ, но и по существу: для закона было безразлично, по какому обряду бракъ совершенъ, или онъ былъ заключенъ безъ всякой религіозной формы. Такого мнѣнія, относительно даннаго закона, держались и сами старообрядцы. Такой-же смыслъ предполагается и самою формою совершенія полицейской метрической записи: при записи обращается вниманіе исключительно на то, принадлежать-ли оба вступающіе въ бракъ отъ рожденія къ старообрядчеству, добровольно-ли желаютъ вступить въ бракъ и не состоятъ-ли они въ родствѣ, при которомъ совершеніе брака, по нашимъ общимъ узаконеніямъ, воспрещается; это съ одной стороны, — съ другой — для записи брака рѣшительно не требуется какого-либо предварительнаго дѣйствія, — въ видѣ-ли вѣчанія по старому, или иному какому-либо обряду, или въ видѣ простого сожитія. При записи не возбуждается вопроса о существующихъ личныхъ отношеніяхъ между записывающимися мужемъ и женою, а лишь объ ихъ взаимномъ и добровольномъ желаніи вступить въ бракъ. Такое же, именно, пониманіе явствуетъ и изъ общаго правительственнаго взгляда на метрическую запись старообрядскаго брака: *существованіе брака раскольниковъ считается доказаннымъ со дня записи въ метрической книгѣ, или со времени первоначальнаго о немъ заявленія (сводъ закон. гражд. т. X, ч. 1, ст. 78, по изд. 1887 г.)*. Законъ 19 апр. 1874 г. не задается вопросомъ о моментѣ совершенія самаго брака, — для него безразлично, былъ-ли этотъ бракъ въ дѣйствительности совершенъ ранѣе

полицейской метрической записи, или совпадаетъ съ нею, или же послѣдуетъ ей. Законъ имѣлъ въ виду исключительно практическіе вопросы: правительству было извѣстно, что старообрядцы, несмотря ни на какія препятствія, заключаютъ между собою браки и устраиваются семьями, хотя съ этими семьями законъ вовсе не считался,—что родятся дѣти, признаваемія самими старообрядцами законными, но никакихъ гражданскихъ правъ неимѣющія. Въ устраненіи этихъ неурядицъ и былъ изданъ законъ о записи раскольничьихъ браковъ. Черезъ это старообрядческая семья и дѣти получали вполнѣ законное существованіе. Ни дальше, ни глубже этого законъ 19 апр. 1874 г. не шелъ и ни въ какіе вопросы о самомъ существѣ старообрядческаго брака не вдавался. Законъ имѣлъ въ виду оказать старообрядческой семьѣ и рожденнымъ въ ней дѣтямъ милость, не вдаваясь ни въ какія аргументаціи этой милости.

Въ настоящее время возникаетъ иное отношеніе къ старообрядческому браку. Правительствующій Сенатъ годъ слишкомъ тому назадъ, осенью 1902 г., вынесъ весьма замѣчательное рѣшеніе, свидѣтельствующее о желаніи правительства поставить вопросъ о самомъ существѣ старообрядческаго брака. *„Сенатъ, находя, что, по точному смыслу закона 19 апр. 1874 г., записи браковъ въ метрическія книги не могутъ знаменовать собою самаго совершенія брака, такъ какъ старообрядчество, приѣмлющее священство, безспорно принадлежитъ къ числу христіанскихъ вѣроисповѣданій и признаетъ бракъ церковнымъ таинствомъ, иначе оказалось бы, что у старообрядцевъ установленъ гражданскій бракъ,—опредѣлилъ по дѣлу Снѣтковой, что бракъ, совершенный по старообрядческому вѣроисповѣданію и незаписанный въ метрическія книги, не можетъ быть расторгнутъ самолично однимъ изъ повѣнчанныхъ, если противная сторона можетъ доказать установленнымъ порядкомъ фактъ совершенія брака“.*

Приведенная сенатская резолюція устанавливаетъ четыре положенія:

1) Полицейская метрическая запись старообрядческаго брака имѣетъ только тотъ смыслъ, что она свидѣтельствуетъ о бракѣ, совершенномъ гдѣ-то въ старообрядческой моленной старообрядческимъ попомъ или наставникомъ.

2) Принадлежность къ христіанскому вѣроисповѣданію и признаніе брака (независимо отъ формы его совершенія) таинствомъ служитъ основаніемъ для признанія брака законнымъ, хотя бы онъ и былъ заключенъ внѣ церкви, внутри старообрядческаго согласія и не былъ записанъ въ метрическую книгу.

3) Гражданскій бракъ для старообрядцевъ не установленъ.

4) Бракъ, совершенный по старообрядческому обряду и незаписанный въ метрическую книгу, законенъ и не подлежитъ самовольному расторженію.

Исходнымъ пунктомъ этихъ положеній служить та мысль, что полицейская метрическая запись имѣетъ не первенствующее значеніе въ совершеніи брака, а лишь служебное: она свидѣтельствуешь о бракѣ, уже совершившемся и узаконяетъ его съ чисто формальной гражданской стороны. По этому воззрѣнію полицейская метрическая книга приравнивается къ церковной записи, а совершеніе браковъ въ старообрядческой моленной—попомъ или наставникомъ,—къ церковному вѣнчанію.

Новизна этого воззрѣнія заключается въ томъ, что, какъ уже было сказано, по первоначальному пониманію закона 19 апр. 1874 г. признавалось безразличнымъ самое совершеніе брака,—юридическую силу имѣла лишь одна полицейская запись. Законодатель, устанавливая полицейскую запись, только предполагалъ, что старообрядческій бракъ совершается, но самое совершеніе, какъ форма его, такъ и отсутствіе всякой формы, для него не имѣли значенія. Для новаго же толкованія даннаго закона самое совершеніе брака уже является фактомъ, съ которымъ такъ или иначе приходится считаться. Для него не только самое совершеніе брака не является безразличнымъ, но и форма этого совершенія пріобрѣтаетъ значеніе. Приведенная сенатская резолюція имѣетъ дѣло съ бракомъ, вѣнчаннымъ какимъ-то NN., именуемымъ старообрядческимъ священникомъ. Сенатъ нашелъ нужнымъ обратить вниманіе на то, въ какомъ чинѣ ставитъ себя лицо, вѣнчавшее данный бракъ: онъ вѣнчанъ старообрядческимъ священникомъ,—слѣдовательно, съ соблюденіемъ какого-то религіознаго обряда. Этому послѣднему, религіозному обряду, Сенатъ придаетъ особое значеніе: важно не то, кѣмъ бракъ былъ вѣнчанъ, а то, что *было* вѣнчаніе, обрядъ. Такъ какъ австрійская іерархія и бѣглые попы не имѣютъ никакихъ законныхъ правъ, то и самое это „вѣнчаніе“ не можетъ быть признано законнымъ и „бракъ“—бракомъ. И Сенатъ, считаясь съ такимъ бракомъ, обращаетъ главное вниманіе не на то, *къмъ* и *какъ* именно вѣнчанъ бракъ, а на то, что и вѣнчавшій и вѣнчавшіеся признаютъ бракъ церковнымъ таинствомъ. Въ приведенной сенатской резолюціи этому, именно, признанію удѣлено особое вниманіе; Сенатъ нашелъ въ немъ опорный пунктъ для окончательнаго рѣшенія дѣла. Черезъ это самое, можно думать, для признанія старообрядческаго брака законнымъ устанавливается одно общее требованіе, *чтобы* этотъ

бракъ самими брачущимися признавался церковнымъ таинствомъ: отъ старообрядца, слѣдовательно, зависитъ, быть-ли его браку законнымъ, или незаконнымъ; если онъ свой бракъ признаетъ церковнымъ таинствомъ, этотъ бракъ вполнѣ законенъ, если же, неизбѣжно предполагается, такого признанія нѣтъ, то и бракъ не имѣетъ законной силы.

Указанное сейчасъ требованіе вытекаетъ изъ желанія устранить ту мысль, что для старообрядцевъ установленъ гражданскій бракъ. Это желаніе суживаетъ мысль закона 19 апр. 1874 г. Для этого закона были безразличны и сущность старообрядческаго брака и форма его совершенія; онъ вовсе не имѣлъ въ виду, какъ признавать старообрядческій бракъ—церковнымъ, или гражданскимъ, самая эта мысль для него была чужда; этого вопроса законъ рѣшительно не касался и отдавалъ въ полную волю старообрядцевъ, какъ имъ относиться къ браку. И въ этомъ обнаруживается особая мудрость законодателя. Въ устроеніи семьи и въ признаніи законными дѣтей нуждаются всѣ старообрядцы, но далеко не всѣ они, по своимъ основнымъ ученіямъ, признаютъ бракъ церковнымъ таинствомъ. Для поповца и безпоповца, пріемлющаго браки,—безпоповца-брачника, бракъ есть церковное таинство, а для безпоповца, отвергающаго бракъ, безпоповца-безбрачника, бракъ является только грѣхомъ, онъ—только сожитіе съ одною или съ однимъ, продолжающееся болѣе или менѣе продолжительное время, сожитіе, наказуемое отлученіемъ отъ церковной (старообрядческой) общины. Законъ 19 апр. 1874 г. одинаково милостиво относился ко всѣмъ старообрядцамъ безъ всякихъ исключеній; онъ узаконялъ всѣ семьи и поповщинскія, и безпоповщинскія и пріемлющихъ бракъ, и отвергающихъ оный. Новое же сенатское рѣшеніе отдаетъ преимущество однимъ предъ другими и поставляетъ подъ сомнѣніе значительное большинство безпоповскихъ браковъ; онъ выдвигаетъ вопросъ, можно-ли считать законными (а слѣдовательно и вносить въ полицейскую метрическую книгу) браки, заключаемые тѣми старообрядцами, которые не признаютъ бракъ церковнымъ таинствомъ, а женятся, потому что этого требуетъ самая жизнь, и записываются въ полицейскую метрическую книгу, потому что необходимо обезпечить дѣтей, сдѣлать ихъ своими законными наслѣдниками. Вмѣстѣ съ этимъ указанное сенатское рѣшеніе предполагаетъ, очевидно, расширить опросные пункты, установленные при записяхъ старообрядческихъ браковъ: помимо родственныхъ отношеній и желанія вступить въ бракъ, не нужно-ли еще освѣдомляться, а какъ желающіе записаться мужемъ и женою признаютъ заключаемый между ними бракъ—цер-

ковнымъ таинствомъ, или грѣхомъ, вѣнчались-ли они у старообрядческаго попа или наставника, или сошлись безъ всякаго религіознаго обряда.

Положеніе, что законность старообрядческаго брака зависитъ отъ признанія его самими старообрядцами таинствомъ, сокращаетъ область дѣйственности закона 19 апр. 1874 г. При этомъ положеніи, означенный законъ оказывается непримѣнимымъ къ безпоповцамъ-безбрачникамъ. Это уже можно видѣть изъ дѣла, по которому послѣдовала выше приведенная резолюція Сената. Въ данномъ дѣлѣ фигурируютъ лица, пріемлюція священство (австрійское, или бѣглое; это изъ резолюціи не видно, но это и неважно) и, слѣдовательно, можно предполагать, что означенные въ резолюціи Снѣтковы были вѣнчаны старообрядческимъ „священникомъ“. Благодаря именно этому послѣднему обстоятельству, Сенатъ и призналъ бракъ Снѣтковыхъ нерасторжимымъ, хотя онъ и не былъ записанъ въ полицейскую метрическую книгу. Какъ поступить-бы Сенатъ, если бы Снѣтковы принадлежали къ безпоповцамъ? или: а) къ безпоповцамъ-брачникамъ или б) къ безпоповцамъ-безбрачникамъ.

Въ первомъ случаѣ Сенату пришлось-бы изслѣдовать сущность ученія о бракѣ безпоповцевъ-брачниковъ и форму совершенія безпоповскаго брака. Результатомъ этого изслѣдованія оказалось бы, что безпоповцы-брачники признаютъ бракъ таинствомъ, которое можетъ совершать не только священникъ, но и мірянинъ.

Далѣе раскрылось бы, что безпоповцами-брачниками бракъ совершается, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: женихъ и невѣста становятся въ моленной предъ иконами, наставникъ допрашиваетъ ихъ, желаютъ-ли они вступить въ бракъ, не обѣщались-ли другимъ, имѣютъ-ли родительское благословеніе; родители жениха и невѣсты, находящіеся тутъ же, благословляютъ „брачующихся“ словами: Богъ благословитъ тебя взять такую-то,—тебя выйти за такого-то; наставникъ говоритъ: Богъ васъ благословитъ класть началъ на супружескую жизнь; молодые кладутъ семипоклонный началъ, послѣ котораго, кланяясь въ ноги наставнику, говорятъ: благослови, отче, насъ на чистое супружеское житіе; наставникъ благословляетъ: Богъ васъ благословитъ на чистое супружеское житіе; молодые и всѣ присутствующіе снова кладутъ семипоклонный началъ, затѣмъ поютъ молебенъ Спасителю, или Божіей Матери, или какому-либо святому, смотря по мѣстнымъ обычаямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поется особый молебенъ, нарочно для такой цѣли составленный извѣстнымъ Павломъ Любопытнымъ (умеръ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія); во время

этого молебна наставникъ обводитъ молодыхъ вокругъ аналоя. Данный молебенъ „брачующіеся“ относятъ къ самому совершенію брака, поющіе же обычный молебенъ не считаютъ его частью брачнаго обряда, а только благодарностію за совершившійся уже бракъ.—Констатируя подобный бракъ, Сенатъ по необходимости окажется вынужденнымъ входить въ общую оцѣнку указанной брачной формы. Но можно-ли установить для этого одинъ общій несомнѣнный критерій? Съ протестантской точки зрѣнія указанная форма имѣетъ религіозный церковный характеръ; съ точки же зрѣнія православной церкви она—кошунство; сами старообрядцы (имѣемъ въ виду только безпоповцевъ-брачниковъ) въ ея оцѣнкѣ не могутъ придти къ соглашенію: для однихъ она церковный, вполне законный, обрядъ, для другихъ только семейный обычай; для послѣднихъ сущность брака заключается исключительно во взаимномъ согласіи самихъ „брачующихся“ жить вмѣстѣ, согласіи, не требующемъ никакихъ стороннихъ утвержденій. Этотъ бракъ, съ точки зрѣнія самихъ старообрядцевъ, полу-церковный, полу-гражданскій, полу-таинство, полу-грѣхъ.

Во второмъ случаѣ,—при разсмотрѣніи брака безпоповцевъ-безбрачниковъ, необходимо разслѣдовать сущность бракоборнаго ученія. При этомъ выяснится, что безпоповцы-безбрачники вовсе не признаютъ брака, что по ихъ основнымъ ученіямъ въ настоящее, якобы антихристово, время, брака, какъ таинства, рѣшительно быть не можетъ. Безпоповцы-безбрачники учатъ: всѣмъ нужно бы проводить чистое дѣвственное житіе, но страсти препятствуютъ этому; можно тайно грѣшнить и грѣхъ тѣмъ будетъ легче, простибельнѣе, чѣмъ чаще будутъ смѣняться связи, потому что многочисленность связей вызываетъ покаяніе и свидѣлствуетъ о несклонности къ браку; бракъ же есть явный грѣхъ, позоръ предъ обществомъ и отъ тайнаго грѣха онъ отличается продолжительностію связи, ея внутреннею крѣпостію и открытостію. Однако, и при такихъ воззрѣніяхъ, „безбрачные“ женятся и записываются мужемъ и женою и, мало этого, начинаютъ свое сожитіе семипоклоннымъ началомъ, родительскимъ благословеніемъ и полнымъ свадебнымъ пиромъ; хотя за это сожитіе супруги отлучаются отъ „церковной“ общины на всю жизнь, родители, давшіе благословеніе, наказываются епитиміею—строгимъ шестинедѣльнымъ постомъ. Какъ примѣнить указанное выше положеніе къ такимъ бракамъ? Что они, какъ не гражданскій бракъ, въ полномъ смыслѣ этого слова?

Не ясно-ли, что указанное выше основаніе, для признанія старообрядческихъ браковъ законными, по необходимости должно

повести за собой сокращеніе въ примѣненіи закона 19 апр. 1874 г. къ жизни, что, въ такомъ случаѣ, оказываются внѣ закона всѣ семьи и дѣти старообрядцевъ—безбрачниковъ, и подъ сомнѣніемъ остаются всѣ семьи безпоповцевъ—брачниковъ. Это съ одной стороны; съ другой—это основаніе, собственно объясненіе закона 19 апр., имѣеть и другое весьма важное значеніе; оно неизбежно приводитъ къ признанію административнаго значенія старообрядческихъ поповъ и наставниковъ, является первымъ и весьма серьезнымъ шагомъ къ дарованію нѣкоторымъ старообрядческимъ согласіямъ полныхъ правъ въ государствѣ, наравнѣ съ православною Церковью.

Если *самое* совершеніе старообрядческаго брака, обрядъ, само по себѣ, помимо полицейской метрической записи, имѣеть юридическую силу, то *къмъ* и *чѣмъ* являются старообрядческіе попы и наставники — брачники! Не органы-ли они исполнительной власти, закономъ признанной? Вѣдь нельзя же измыслить такого компромисса, по которому оказалось бы, что дѣйствіе имѣеть юридическую силу, а дѣйствующее лицо—ничто. Въ приведенной резолюціи Сенатъ опредѣлилъ, чтобы былъ доказанъ „установленнымъ порядкомъ фактъ совершенія брака“. Бракъ этотъ вѣнчанъ старообрядческимъ „попомъ съ причтомъ“,—слѣдовательно, главнѣйшимъ свидѣтелемъ въ данномъ дѣлѣ является этотъ самый старообрядческій „попъ съ причтомъ“. Въ другомъ случаѣ такое же значеніе будетъ имѣть безпоповскій „наставникъ съ причтомъ“. Будетъ, такимъ образомъ, установлено, что такіе-то повѣнчаны „такимъ-то съ причтомъ“ и составлена соотвѣтствующая метрическая запись. По какому праву эта запись будетъ болѣе полной, чѣмъ обычная запись въ полицейской метрической книгѣ, въ которой (записи) о фактѣ совершенія старообрядческаго брака, его вѣнчаніи, вовсе не отмѣчается? Отсюда только одинъ шагъ, чтобы и во всѣхъ записяхъ старообрядческихъ браковъ отмѣчалось: вѣнчанъ тогда-то, такимъ-то старообрядческимъ „попомъ съ причтомъ“, или „наставникомъ съ причтомъ“,—иначе, чтобы эти самыя записи составлялись на основаніи свидѣтельствъ о повѣнчаніи, выдаваемыхъ старообрядческими „попами и наставниками“.

Административное значеніе старообрядческаго „духовенства“ уже опредѣленно предполагается въ приведенной сенатской резолюціи признаніемъ нерасторжимости брака, вѣнчаннаго старообрядческимъ „попомъ“ и незаписаннаго. Но старообрядческій „священникъ“, допустимъ, повѣнчалъ и бракъ нерасторжимъ, а старообрядческій „архіерей“ развелъ, тутъ какъ быть? Не согла-

ситься-ли и съ этимъ, послѣ предварительной повѣрки, справедливо-ли рѣшено дѣло, безъ всякаго отношенія къ лицу и учрежденію, его совершившему? Или еще: бракъ такихъ-то старообрядцевъ расторгнуть окружнымъ судомъ, соотвѣтствующія отмѣтки сдѣланы, виновная сторона подпала подъ запрещеніе вступить въ новый бракъ. Старообрядческіе „попы“ и наставники все это знать не обязаны, а, къ тому же, старообрядческій „архіерей“ это же самое дѣло рѣшить обратно—по иному,—съ отнесеніемъ вины къ правому по нашему суду и съ оправданіемъ виновнаго. Старообрядческій „попъ“ повѣнчаетъ виновнаго (по рѣшенію суда),—какъ считается съ этимъ фактомъ? Въ предупрежденіе подобныхъ случаевъ не извѣщаютъ-ли старообрядческую „духовную власть“,—„архіереевъ“, или совѣтъ безпоповскихъ наставниковъ,—о расторженіи старообрядческихъ браковъ, а еще проще и лучше,—не рѣшаютъ-ли подобныя дѣла сообща съ ними; въ томъ порядкѣ, какой въ настоящее время проектируется для православныхъ? Въ приведенной резолюціи бракъ Снѣтковой, фактически расторгнутый, Сенатъ призналъ юридически существующимъ, а вдругъ окажется, что этотъ самый бракъ уже расторгнуть старообрядческимъ „архіереемъ“? и старообрядческій „попъ“ покажетъ: вѣнчалъ Снѣтковыхъ, но бракъ расторгнуть архіереемъ?

Какъ видно, означенная сенатская резолюція возбуждаетъ много весьма важныхъ практическихъ вопросовъ и ставитъ острымъ ребромъ вопросъ о признаніи за старообрядческими „архіереями, попами, наставниками“ и разными существующими у нихъ „духовными совѣтами“ полныхъ правъ духовной власти.

Мы понимаемъ, что данная сенатская резолюція вынуждена серьезными обстоятельствами, но вѣдь всѣ эти обстоятельства могутъ быть устранены однимъ небольшимъ дополненіемъ къ закону 19 апр. 1874 г., дополненіемъ параграфа, по которому, въ случаѣ, почему-либо, не внесенія старообрядческаго брака въ полицейскую метрическую книгу, мужъ и жена, каждый отдѣльно, могли бы ходатайствовать о записи брака на основаніи свидѣтельскихъ показаній о его дѣйствительномъ существованіи и даже послѣ смерти одного изъ супруговъ; чтобы подобныя ходатайства могли возбуждать и дѣти послѣ смерти своихъ родителей. Отсутствіе въ законѣ 19 апр. 1874 г. такой статьи дѣйствительно сказывается въ старообрядческой жизни.

Иногда старообрядческіе браки записываются чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ или даже лѣтъ послѣ начала супружеской жизни. За это время тароватый супругъ до нитки обираетъ простоватаго,

безъ церемоніи выгоняетъ обобраннаго и свободно вступаетъ въ новый бракъ; возможна и смерть одного изъ такихъ супруговъ (тароватаго), при чемъ живой можетъ остаться между небомъ и землею... Нѣчто подобное, безъ сомнѣнія, произошло и съ Снѣтковой, по дѣлу которой дано сенатское рѣшеніе. Въ устраненіе этихъ неустройствъ предполагаемое дополненіе было бы весьма желательнымъ. Къ тому же оно устранило бы необходимость въ коренномъ измѣненіи основнаго смысла закона 19 апр. 1874 г. и сдѣлаетъ невозможными и ненужными тѣ конфликты, на чисто юридической почвѣ, нашего правительства съ „старообрядческими духовными властями“, которые являются рѣшительно неизбежными, при новомъ объясненіи закона 19 апр. 1874 г., и которые ускореннымъ шагомъ приведутъ насъ къ страшному столкновенію съ этими самыми „старообрядческими духовными властями“ и внесутъ большую дозу анархіи въ самую жизнь. Уже по одному только брачному вопросу явится масса властей и поповскихъ и безпоповскихъ, съ различными, нерѣдко крайне противоположными, кодексами и жизненными условіями; все это составить такой сумбуръ, съ которымъ никакая централизація справиться не будетъ въ силахъ.

В. Сенатовъ.

Расколъ и сектантство по послѣднему всеподданнѣйшему отчету г.-Оберъ-
Прокурора Св. Синода за 1900 годъ ¹⁾.

Мистическое сектантство.

I.

Хлыстовство.

Хлыстовство продолжаетъ расти и умножаться; его руководители всевозможными способами, тайно и явно, пропагандируютъ свое лжеученіе среди православныхъ. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно, повидимому, ослабѣваетъ, но за то въ другихъ—проявляетъ такую энергію въ пропагандѣ своего лжеученія, что является болѣе опаснымъ для православія, чѣмъ другія секты. Такимъ великимъ зломъ является хлыстовство, напримѣръ, въ Воронежской епархіи, гдѣ послѣдователи его носятъ различныя наименованія: „хлыстовъ“, „богомиловъ“, „стригуновъ“, „шалопутовъ“ и пр., и гдѣ оно въ 1900 году съ особенною силою распространялось хлыстомъ Θεодоромъ Луценковымъ,—пропагандистомъ возмутительнаго еретическаго лжеученія, соединеннаго съ противонравственными и гнусными дѣяніями. Къ православной церкви и къ учрежденіямъ ея (таинствамъ, іерархіи и богослуженію) хлысты относятся не только отрицательно, но и крайне враждебно, хотя по практическимъ побужденіямъ и посѣщаютъ храмы Божіи часто. Православную церковь они называютъ не иначе, какъ „Вавилономъ“. Источники христіанскаго ученія хлысты отвергаютъ. Такъ, напримѣръ, одинъ хлыстъ въ бесѣдѣ съ миссіонеромъ Херсонской епархіи заявилъ, что Библіи ему не нужно: „вона мини надоила“, сказалъ онъ, а другой называлъ слово Божіе „тьмой, буквой мертвящей“. Вся догматика хлыстовъ основана на ученіи о перевоплощеніи Христа. Видимымъ выраженіемъ этого ученія служатъ у хлыстовъ ихъ лжехристы и лжебогородицы. Екатеринбургскіе хлысты (или „шалопуты“, какъ они здѣсь называются) на вопросъ миссіонеровъ, что побудило ихъ оставить православную церковь, обыкновенно отвѣчаютъ: „было время, когда мы поклонялись деревяннымъ богамъ (разумѣются св. иконы), теперь наступило другое время: мы познали истину и должны поклоняться „живому богу, сыну

¹⁾ «Мисс. Обзор.» кн. 2-я, стр. 188.

божію“, т. е. хлыстовскому лжехристу. Желая совратить православнаго человѣка въ свою секту, они говорятъ: „не должны вы, братіе, ходить въ церковь, а должна въ васъ церковь войти. Не должны зажигать лампы предъ иконами, а должны зажигать ихъ въ сердцѣ своемъ. То не церковь, что построена изъ камней, а языческое капище, а каждый изъ насъ составляетъ церковь, а всѣ вмѣстѣ церковь апостольскую“.

Большинство хлыстовъ Херсонской епархіи, по сообщенію преосвященнаго Херсонскаго, имѣютъ слѣдующія религіозныя понятія, являющіяся, какъ результатъ отрицательнаго отношенія ихъ къ источникамъ христіанскаго вѣроученія. „Бога нѣтъ вовсе, какъ нѣтъ добрыхъ и злыхъ духовъ, вѣѣ тѣла человѣческаго, ибо ихъ никто не видѣлъ. Человѣкъ можетъ быть и богомъ, и ангеломъ, и діаволомъ, смотря по степени своего нравственнаго совершенства“. Интересно ученіе одного хлыста той же Херсонской епархіи о происхожденіи человѣка. По этому ученію, „до Адама и Евы Богъ сотворилъ червяковъ, которые превратились въ людей и жили 120 вѣковъ (12.000 лѣтъ); когда они вымерли, тогда Богъ создалъ Адама и Еву“. На вопросъ миссіонера, откуда взято это ученіе, хлыстъ отвѣтилъ: „вы это не поймете это дѣло наше, намъ только открыто“.

Въ нравственномъ отношеніи хлысты стоятъ ниже другихъ сектантовъ: скрытность, лукавство, лицемеріе и развратъ характеризуютъ хлыстовъ всѣхъ мѣстностей.

Успѣхъ пропаганды дикаго и сумасброднаго ученія хлыстовской секты объясняется главнымъ образомъ мнимою набожностью и благочестіемъ хлыстовъ. Въ Таврической, напримѣръ, епархіи свою пропаганду хлысты начинаютъ обычно призывомъ къ трезвости, воздержанію отъ мясной пищи, и этимъ привлекаютъ многихъ, даже людей благочестивыхъ, но мистически настроенныхъ. А одна изъ пропагандистокъ хлыстовства въ Орловской епархіи, обладающая довольно значительными средствами, для большаго успѣха пропаганды, прибѣгла даже къ слѣдующему средству. На своемъ участкѣ земли, находящемся въ 4-хъ верстахъ отъ приходскаго храма, она построила на свои средства церковь; прикрываясь благочестивымъ намѣреніемъ открыть при ней монашескую общину, она набрала къ себѣ дѣтей и дѣвушекъ-сиротъ и дѣятельно повела пропаганду хлыстовства. Только случайно были открыты ея преступныя цѣли и во-время была остановлена ея пропагаторская дѣятельность.

Скопчество—вторая мистическая секта—наиболѣе распространено въ Орловской епархіи, гдѣ оно первоначально и появилось.

Число зараженныхъ скопчествомъ приходовъ доходить здѣсь до 49; въ нихъ насчитывается скопцовъ до 216 душъ мужскаго пола и до 600—женскаго. Впрочемъ, физическихъ скопцовъ въ Орловской епархіи мало; всего лишь 45 душъ мужскаго пола и 40 душъ женскаго пола, да и тѣ подверглись оскотченію много лѣтъ тому назадъ; въ свое время они были судимы, но оправданы. Всѣ остальные лица, подозрѣваемые въ принадлежности къ сектѣ скопцовъ, суть только духовные скопцы и скопчихи, послѣднія изъ дѣвицъ и вдовицъ, по бѣдности, физическимъ недостаткамъ и другимъ причинамъ потерявшія надежду на выходъ замужъ. Въ 1900 году скопчество заявило о своемъ существованіи въ нѣкоторыхъ другихъ епархіяхъ, главнымъ образомъ въ С.-Петербургской и Самарской. О скопцахъ С.-Петербургской губерніи, проживающихъ въ Петергофскомъ и Царскосельскомъ уѣздахъ, были судебные процессы, послѣ которыхъ скопческа я пропаганда прекратилась. Въ Самарскомъ окружномъ судѣ также производилось въ 1900 году дѣло о скопцѣ Картавцевѣ. Изъ этого дѣла выяснилось, что въ Самарѣ существуетъ прочно организованная скопческая секта, и что въ послѣднее время вѣтряныя мельницы, вблизи Самары, сдѣлались настоящимъ для этихъ изуверовъ, гдѣ въ большинствѣ случаевъ происходитъ и самое оскотченіе прозелитовъ скопческаго лжеученія. Отличительную черту всѣхъ скопцовъ составляетъ страшная ихъ скрытность, лишаящая пастырей церкви возможности слѣдить за ними и оказывать на нихъ должное воздѣйствіе. Даже на исповѣди они съ клятвами увѣряютъ священниковъ въ непричастности къ скопчеству. „Радѣнія“ скопческія обыкновенно происходятъ по ночамъ и оберегаются такъ ревностно, что нѣкоторые скопцы, боясь быть застигнутыми посторонними лицами, лѣтомъ собираются иногда на „радѣнія“ свои въ полѣ.

II.

Секта „іеговистовъ“.

Совершенно особымъ характеромъ въ ряду сектъ новѣйшаго происхожденія заявляетъ себя секта „іеговистовъ“, называемая также сектою „Деснаго братства“ и „Сіонскою вѣстью“ и основанная штабъ-капитаномъ Ильинымъ. По ученію этой секты, основываемому на произвольномъ толкованіи Апокалипсиса, во всемъ мірѣ происходитъ борьба Іеговы съ сатаною. На сторонѣ послѣдняго стоитъ, по мнѣнію сектантовъ, православная церковь съ ея таинствами и догматическо-обрядовымъ ученіемъ, а также и вся правительственная власть; самихъ же себя сектанты именуютъ

„іеговистами“, призванными бороться съ „ошуйными“ православными. Борьба эта закончится, по ожиданіямъ іеговистовъ, полною побѣдою ихъ надъ всѣми, не принадлежащими къ ихъ сектѣ, и наступленіемъ для нихъ здѣсь же на землѣ, въ Іерусалимѣ, перестроенномъ небесными людьми, тысячелѣтняго царства со всѣми чувственными благами, всеобщимъ равенствомъ и свободой. Къ участию въ этомъ царствѣ іеговисты приготавливаются, слѣдуя двумъ заповѣдямъ основателя секты — о безграничной взаимопомощи и о распространеніи всѣми мѣрами его лжеученія. Исполненіе сектантами этихъ заповѣдей, безусловно обязательное для всѣхъ ихъ, происходитъ подъ руководствомъ выборнаго „блюстителя“, въ распоряженіи котораго находится „братская касса“, образуемая изъ обязательныхъ взносовъ отъ каждаго вступающаго въ секту и изъ добровольныхъ пожертвованій и расходуемая на дѣла взаимопомощи и распространенія секты. Пропаганда лжеученія іеговистовъ ведется весьма ревностно—и чрезъ устную бесѣду, и путемъ писанныхъ брошюръ. Дерзость и кощунственное отношеніе іеговистовъ ко всему православному не останавливаются ни предъ чѣмъ: свои сектантскіе рисунки съ богохульнымъ текстомъ, преимущественно изображающіе „блудницу“, подъ которою ими разумѣется православная церковь, они выставляютъ на видныхъ мѣстахъ, даже и на стѣнахъ храмовъ и часовенъ, изболѣченные же въ этомъ, они ни мало не смущаются и, не отрицая своей виновности, заявляютъ, что намѣрены то же дѣлать и впредь. Въ виду вышеизложеннаго, Святѣйшій Синодъ, по опредѣленію отъ 19-го іюля—9-го августа 1900 года, призналъ секту іеговистовъ, стремящуюся къ ниспроверженію существующаго церковнаго и государственнаго строя и усиленно распространяющую свое лжеученіе въ народѣ, особенно вредною въ церковномъ и государственномъ отношеніи. Вскорѣ послѣ того, какъ состоялось это синодальное опредѣленіе, были получены сначала отъ епархіальнаго начальства, а засимъ и изъ Министертва Юстиціи свѣдѣнія о покушеніи іеговистовъ Баранчинскаго завода Пермской губерніи, при помощи разрывныхъ снарядовъ, на мѣстнаго священника и другихъ ревнителей православія. Дѣло это, ставъ предметомъ судебного разбирательства, закончилось ссылкой многихъ сектантовъ, по приговору суда, на поселеніе. Съ воззрѣніемъ Святѣйшаго Синода на секту іеговистовъ, какъ на вредную въ церковномъ и въ государственномъ отношеніяхъ, согласилось какъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, предложившее съ своей стороны Пермскому губернатору сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы мѣстная полиція имѣла самый бдительный надзоръ за послѣдо-

вателями этой секты и оказывала, въ случаѣ совершенія ими противозаконныхъ дѣяній, необходимое содѣйствіе духовенству, такъ и Министерство Юстиціи, предписавшее прокурору Казанской судебной палаты принять зависящія мѣры къ незамедлительному и тщательному производству могущихъ возникнуть въ округѣ означенной палаты дѣлъ объ іеговистахъ.

III.

Мѣры борьбы съ сектантствомъ.

Разливающаяся широкой волной въ Россіи всевозможныя лжеученія, стремящіяся въ корнѣ подорвать основы православной церкви и русскаго государства, требуютъ отъ пастырей церкви, чтобы они стояли на стражѣ блага народнаго, были сильны и способны наставлять въ здоровомъ ученіи и противящихся обличать. И пастыри церкви всемѣрно стараются объ охраненіи своей паствы отъ сектантской пропаганды и объ обращеніи въ православіе заблуждающихся. Въ отчетахъ епархіальныхъ преосвященныхъ содержится много извѣстій о трудахъ православнаго духовенства по религіозно-нравственному просвѣщенію паствы и по вразумленію сектантствующихъ. Изъ мѣропріятій, способствующихъ пастырямъ церкви въ борьбѣ съ сектантствомъ, слѣдуетъ особенно отмѣтить слѣдующія: усиленіе церковной проповѣди, заведеніе виѣбогослужебныхъ чтеній и собесѣдованій, введеніе всеобщаго богослужебнаго пѣнія, учрежденіе церковно-приходскихъ братствъ, школъ, бібліотекъ миссіонерскихъ кружковъ и комитетовъ. Виѣбогослужебныя бесѣды, будучи вообще весьма полезны для народа, являются, въ частности, прекраснымъ средствомъ противодѣйствія вліянію на населеніе молитвенныхъ собраній сектантовъ.

Слѣдуетъ, далѣе, отмѣтить весьма отраднѣй фактъ, что многіе приходскіе священники являются нынѣ весьма дѣятельными помощниками епархіальнымъ и уѣзднымъ миссіонерамъ и лично съ большимъ успѣхомъ ведутъ публичныя бесѣды съ сектантами, приходя къ сознанію не только важности миссіонерскаго служенія, но и необходимости его, какъ прямого пастырскаго долга. Приходское духовенство, сознавая, что духовные запросы ввѣренныхъ ихъ попеченію духовныхъ чадъ нынѣ сильно измѣнились, что младенчествующая вѣра отцовъ смѣнилась испытующею вѣрою дѣтей, пробудившаяся религіозная мысль которыхъ ищетъ удовлетворенія, и что такимъ настроеніемъ въ народѣ пользуется сектантство,—проникается убѣжденіемъ, что единичные труды въ религіозно-просвѣтительномъ и миссіонерскомъ дѣлѣ недоста-

точны, и что лучшее средство въ борьбѣ съ отрицательными явленіями жизни—это единодушіе среди пастырей, готовность поддерживать другъ друга, общій совѣтъ между священниками о способахъ воздѣйствія на православный народъ и сектантскую среду. Этой цѣли вполне отвѣчаютъ устраиваемые въ послѣднее время въ епархіяхъ періодическіе сѣзды духовенства для обсужденія миссіонерскихъ вопросовъ. Такіе сѣзды устраивались въ 1900 году въ епархіяхъ: С.-Петербургской, Харьковской, Рязанской, Самарской, Пермской и другихъ. Кромѣ того, въ епархіяхъ: Астраханской, Нижегородской, Олонецкой и Вятской состоялись епархіальныя сѣзды духовенства, а въ Таврической епархіи обсужденіемъ миссіонерскихъ вопросовъ, по предложенію преосвященнаго, занимался очередной епархіальный сѣздъ депутатовъ духовенства. Ближайшія задачи всѣхъ этихъ сѣздовъ заключались во всестороннемъ обслѣдованіи состоянія сектантства и раскола въ приходахъ и выработкѣ мѣръ успѣшной борьбы съ ними. Всѣми сѣздами признано было необходимымъ поднятіе въ приходскомъ духовенствѣ знаній по сектовѣдѣнію и полемикѣ, и сдѣланы постановленія объ учрежденіи епархіальныхъ и окружныхъ миссіонерскихъ библиотекъ и снабженіи приходскихъ церковныхъ библиотекъ необходимыми полемическими изданіями и пособиями. Астраханскій сѣздъ, въ видахъ подготовленія будущихъ пастырей къ миссіонерской дѣятельности, призналъ желательнымъ привлеченіе воспитанниковъ 5 и 6 классовъ семинаріи къ участию въ публичныхъ собесѣдованіяхъ съ сектантами. Ту же цѣль имѣло и распоряженіе Вятскаго преосвященнаго о допущеніи на нѣкоторыя засѣданія сѣздовъ учениковъ 6-го класса Вятской семинаріи, чтобы познакомить ихъ съ условіями приходской миссіонерской дѣятельности, съ которыми имъ, по выходѣ изъ школы, придется считаться въ качествѣ активныхъ дѣятелей.

Кромѣ сѣздовъ, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ для успѣшной борьбы съ сектантствомъ учреждены миссіонерскіе комитеты изъ наиболѣе опытныхъ и выдающихся представителей духовенства тѣхъ мѣстностей, гдѣ имѣются сектантскіе пункты. Таковы комитеты Таврической, Екатеринославской и Томской епархій. Въ *Таврической* епархіи миссіонерскіе комитеты учреждены во всѣхъ благочинническихъ округахъ, подъ предсѣдательствомъ благочинныхъ. Они должны слѣдить за состояніемъ сектантства въ округѣ, вести собесѣдованія съ сектантами и т. п. Отчетъ о своей дѣятельности окружные комитеты представляютъ епархіальному миссіонерскому комитету, находящемуся въ Симферополѣ. При Симферопольскомъ комитетѣ открыты: епархіальная миссіонер-

ская библіотека и книжный складъ, изъ котораго приобрѣтаются книги для миссіонерскихъ библіотекъ при окружныхъ комитетахъ. Для огражденія православія отъ сектантской пропаганды (а равно и для оказанія матеріальной помощи бѣднякамъ), въ приходахъ Таврической епархіи устраиваются также братства по уставу, выработанному епархіальнымъ миссіонерскимъ комитетомъ и утвержденному епархіальнымъ начальствомъ. Такія братства открыты въ 1900 году въ Симферополѣ, Евпаторіи и селѣ Тимошевкѣ. Въ *Екатеринославской* епархіи имѣются 32 миссіонерскихъ приходскихъ комитета, находящихся въ распоряженіи епархіальнаго миссіонерскаго комитета. Епархіальный и приходскіе комитеты заботятся объ устройствѣ собесѣдованій съ сектантами, о распространеніи противосектантскихъ сочиненій, о постройкѣ въ потребныхъ случаяхъ церквей и т. п. Комитеты *Томской* епархіи, не смотря на недавнее свое возникновеніе, успѣли заявить о себѣ возрастающею дѣятельностью. Они организуютъ публичныя бесѣды, заблаговременно опредѣляя ихъ мѣсто и время и назначая участниковъ ихъ изъ состава своихъ членовъ; въ видахъ поднятія уровня миссіонерскихъ познаній приходскаго духовенства, учреждаютъ миссіонерскія благочинническія и приходскія библіотеки, заботятся объ изданіи духовно-правственныхъ брошюръ и листовъ и распространеніи ихъ въ народѣ. Въ цѣляхъ предупрежденія совращеній православныхъ въ сектантство изъ-за матеріальной помощи, получаемой отъ сектантовъ, комитеты основываютъ миссіонерскіе вспомогательные капиталы; такъ, напримѣръ,—одинъ изъ комитетовъ постановилъ для образованія такого капитала отчислять ежегодно $\frac{1}{2}\%$ изъ братскихъ доходовъ каждаго причта и, по мѣрѣ увеличенія капитала, 50 рублей выдѣлять ежегодно въ запасной капиталъ, а остальные употреблять на текущіе расходы. Говоря о дѣятельности приходскихъ комитетовъ и значеніи ихъ, преосвященный Томскій совершенно справедливо заявляетъ, что разрозненные, стоящіе до времени учрежденія комитетовъ одиноко въ своей дѣятельности, труженики-миссіонеры—нынѣ въ единеніи съ своими собратьями почерпаютъ энергію, назидаются опытомъ и знаніями другихъ и дѣйствуютъ съ большею увѣренностью и постоянствомъ, чѣмъ прежде: самая же главная заслуга комитетовъ, по свидѣтельству епископа Макарія, состоитъ въ томъ, что они содѣйствовали укрѣпленію въ духовенствѣ любви къ дѣлу миссіонерства и сознанія высоты и важности этого служенія, возбудили въ немъ желаніе взять въ свои руки дѣло борьбы съ религіозными заблужденіями. Въ той же Томской

епархіи весьма успѣшно трудится въ дѣлѣ борьбы съ сектантствомъ мѣстное братство во имя св. Димитрія, митрополита Ростовскаго. Въ дѣятельности его заслуживаетъ особаго упоминанія слѣдующее мѣропріятіе. Въ видахъ точнаго ознакомленія съ количественнымъ составомъ сектантства въ епархіи, для сужденія объ его увеличеніи или ослабленіи и о причинахъ, отъ которыхъ то и другое происходитъ,—совѣтъ братства обращаетъ особенное вниманіе на статистику сектантства. Съ этою цѣлью совѣтомъ составлены личные посемейные списки сектантовъ, по особо выработанной формѣ. На статистику сектантства обращено также большое вниманіе и въ Вятской епархіи. Въ 1900 г. здѣсь разосланы были чрезъ благочинныхъ въ приходы, зараженные расколомъ и сектантствомъ, заготовленные бывшимъ въ 1899 г. въ Вяткѣ миссіонерскимъ съѣздомъ географическія сѣтки, съ предписаніемъ составить по нимъ карты приходовъ, съ показаніемъ свѣдѣній: 1) сколько въ приходѣ православныхъ и сектантовъ (съ обозначеніемъ толковъ послѣднихъ), и сколько лицъ, уклонившихся въ сектантство изъ православія; 2) сколько въ приходѣ школъ и какого типа (церковно-приходскія, земскія, министерскія); 3) сколько въ приходѣ православныхъ церквей и часовенъ и раскольническихъ моленныхъ,—разрѣшенныхъ правительствомъ и не разрѣшенныхъ. Статистика сектантства, доселѣ составлявшая самую слабую сторону въ его изученіи, является необходимымъ условіемъ успѣха миссіонерской дѣятельности, знакомя миссіонеровъ съ количествомъ и силами противниковъ церкви, и потому нельзя не пожелать, чтобы примѣру Томской и Вятской послѣдовали и другія епархіи.

Весьма важными въ интересахъ миссіонерскаго дѣла въ епархіяхъ являются мѣропріятія Святѣйшаго Синода въ отношеніи обезпеченія матеріальнаго быта причтовъ въ приходахъ, зараженныхъ сектантствомъ. Матеріальное положеніе приходскаго духовенства въ такихъ приходахъ, поистинѣ, тяжкое,—и потому жалованье изъ суммъ государственнаго казначейства предпочтительно назначается причтамъ такихъ приходовъ. Кромѣ того, изыскиваемыя епархіальными начальствами мѣстныя средства для улучшенія матеріальнаго быта духовенства направляются также большею частью въ приходы, зараженные сектантствомъ. Такихъ мѣстныхъ средствъ на воспособленіе духовенству зараженныхъ лжеученіями приходовъ въ одной, напримѣръ, Екатеринбургской губерніи расходуется болѣе 2.000 р. Болѣе широкое распространеніе этой мѣры въ будущемъ, безъ сомнѣнія, значительно возвыситъ успѣхъ приходской миссіи въ ея борьбѣ съ сектантствомъ.

Основные причины и сущность нашего сектантства ¹⁾.

(Опытъ философско-психологическаго освѣщенія сектантства).

То-же человѣческое самомнѣніе, мечта достигнуть спасенія единичными свободными усиліями еще яснѣе и со столь же пагубными послѣдствіями—сказались въ отношеніи сектантовъ къ православнымъ догматамъ о Церкви и ея преданіи, уставѣ, іерархii; ибо въ глубинѣ православнаго ученія по симъ вопросамъ лежитъ та-же смиряющая идея личнаго нравственнаго ничтожества, безсилія отдѣльнаго человѣка.

Придя на землю спасти погибающихъ, Христосъ не ограничился тѣмъ, что проповѣдалъ каждому имѣвшему уши слышать истину, призывалъ каждаго къ исправленію и обѣщалъ Свою помощь всякому, кто станетъ ее искать и прибѣгать къ Нему. Нѣтъ. Онъ еще сплотилъ вокругъ Себя изъ вѣрующихъ въ Него общину спасаемыхъ—*Церковь*. Въ ней Онъ обѣщалъ невидимо пребывать, какъ глава въ тѣлѣ, поддерживать истинное боговѣдѣніе и добрую жизнь, такъ что и врата адава ея не одолѣютъ; ей Онъ ниспослалъ Духа благодати въ избранныхъ, чтобы они потомъ изливали Его на другихъ вѣрующихъ и устроили церковную жизнь, т. е. руководили общимъ спасеніемъ. Очевидно, спастись можно не единолично, разрозненно, а лишь церковно, общественно. Водвореніе въ людяхъ на мѣсто разъединяющаго ихъ грѣхознаго самолюбія соединяющей взаимолюбви и притомъ силою любви къ одной центральной личности Богочеловѣка и вѣры въ Него—имѣетъ необходимымъ послѣдствіемъ нравственный споръ взаимолубящихъ, взаимоподдерживающихъ, взаиморуководящихъ,—союзъ потомъ стремящійся перейти въ общинную организацію со всѣми ея атрибутами—руководительной властью, закономъ—уставомъ, общественнымъ мнѣніемъ; иначе говоря, дѣйствительно, а не мнимо совершающійся среди людей процессъ спасенія необходимо долженъ оформиться, воплотиться въ цер-

¹⁾ «Мисс. Обзор.» кн. 1-я, стр. 17.

ковъ и притомъ единую, какъ едина истина, едино добро, единъ Христосъ—единственное историческое, моральное и мистическое основаніе спасенія. Личный грѣхъ—выраженіе болѣе правильное, ибо грѣхъ есть начало, раздробляющее единое по природѣ чело-вѣчество на обособленныя, самодовлѣющія, самозамкнутыя, взаимовраждебныя личности; но единоличное спасеніе—это несообразность, противорѣчіе, ибо спасеніе—въ любви, а любовь соединяетъ, организуетъ воедино. Даже наука, искусство не могутъ быть чисто индивидуальны: въ нихъ есть авторитеты, методы, кругъ добытыхъ знаній, историческая традиція, и обыкновенно они стремятся оформиться въ общество, школу. И если бы кто вздумалъ въ этой области, игнорируя всѣхъ и все, самъ единолично сызнова создавать методы, открывать давно открытыя америки, то онъ, конечно, далеко бы не ушелъ, а имя ему было бы—безумецъ. Но наука не обладаетъ безусловной и полной истиной, и ничто не гарантируетъ ей безошибочность, ея истина есть лишь искомый X; и съ этой, и только съ этой, точки зрѣнія законно ея дробленіе на равноправныя, хотя и несогласныя, даже взаимовраждебныя направленія, общества, школы, даже единицы. Но спасеніе возможно лишь на почвѣ единой вѣчной истины, единой святой любви, и непогрѣшимость первой, и неизсякаемость второй обѣщаны Церкви ея Главою, т. е. составляя цѣль и искомое для каждаго члена церкви, для ней всей суть вовсе не искомое, а доразу данное; поэтому, процессу спасенія нѣтъ законныхъ причинъ дробиться на существенно несогласныя между собою теченія, общины, единицы, если же это видимо случается, то эти отпавшія отъ историческаго преемственнаго единства вѣры и любви общины или единицы, очевидно, суть уже внѣ единаго истиннаго процесса спасенія, внѣ единой спасающей истинной церкви, какъ нарушившія единую вѣру, единую любовь, общую жизнь.

Таково общее понятіе о церкви. *Частные—о преданіи, уставѣ, іерархіи.* Хотя Христосъ Самъ невидимо пребываетъ въ Церкви, какъ ея Глава, и ниспослать въ нее Св. Духа, наставляющаго ее на всяку истину и благодатствующаго всякаго вѣрнаго, но это не значитъ, чтобы каждый вѣрующій или и вся церковь могли открывать новыя истины. Весь объемъ, вся полнота истины нужной для спасенія принесены на землю Христомъ въ Его ученіи и жизни; прибавлять къ ней нечего. Догматическое развитіе церкви допустимо съ православной точки зрѣнія не въ католическомъ смыслѣ изобрѣтенія новыхъ догматовъ, а лишь въ смыслѣ углубленія богословскаго разумѣнія разъ непреложно

данныхъ догматовъ въ соотношеніи со всѣмъ запасомъ паучныхъ и философскихъ знаній даннаго времени. Если апостолы и говорятъ сравнительно со Христомъ Евангелій нѣчто новое, то это лишь значить, что въ Евангеліи записано о Христѣ далеко не все. Духъ истины, почившій на апостолахъ, лишь помогъ имъ вспомнать и понять все сказанное и сдѣланное Христомъ. Такъ и понинѣ Духъ Св. дѣйствуетъ въ церкви (въ отношеніи суммы ея вѣроученія) не творчески, а охранительно, не новое что и большее сообщая или прежнее измѣняя чрезъ озареніе избранныхъ, а лишь сохраняя отъ свойственнаго людямъ забвенія и искаженія чистоту вѣры Христовой, преемственно передающейся въ святынѣ, любви церкви. Это и есть *церковное преданіе* въ широкомъ смыслѣ слова, какъ единственный источникъ христіанскаго боговѣдѣнія. Многое изъ Христова устнаго ученія и дѣлъ было скоро же послѣ Него записано Его служителями, очевидцами и свидѣтелями или со словъ ихъ; затѣмъ, устроая церковь, эти ближайшіе ко Христу дѣятели въ посланіяхъ (письмахъ) по разнымъ поводамъ подтверждали и разъясняли Христову вѣру, дѣйствуя въ любви, согласіи и совѣтѣ между собою. Эти посланія, какъ выражавшія сознаніе всеѣ Церкви, признаны ею за истинное (хотя и не безусловно полное) выраженіе преданнаго ей Христомъ ученія и составили Священное Писаніе, охраняемое отъ порчи и перетолкованія церковію же и ея Духомъ и являющееся, такимъ образомъ, въ церкви однимъ изъ источниковъ ея вѣроученія, какъ часть, одна изъ формъ живого, водимаго Духомъ преданія. Но на ряду съ этимъ канонизованнымъ церковію кодексомъ преданія или лучше вмѣстѣ съ нимъ, не прерываясь, не оскудѣвая, хранится Христова и апостольская истина въ преемственномъ живомъ церковномъ сознаніи, выражаясь въ церковныхъ вѣроопредѣленіяхъ, обрядахъ, чинахъ, молитвословіяхъ, всемъ церковномъ строѣ; ибо Духъ Истины, присущій церкви апостоловъ, не прекратился съ ихъ успеніемъ, но продолжаетъ пребывать и въ церкви всѣхъ временъ до скончанія вѣка. Это и есть Священное преданіе въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, т. е. въ отличіе отъ Свящ. Писанія; и сила, центръ тяжести тутъ не въ Писаніи, ни въ Преданіи самихъ по себѣ, а въ этомъ Духѣ, дѣлающемъ общецерковное сознаніе нерушимымъ столпомъ и утвержденіемъ истины.

Уставъ. Связанная воедино общею вѣрою и взаимной любовью, церковь создала нѣкоторыя формы общественной жизни въ вѣрѣ и любви, пути общественнаго спасенія. Въ наиболѣе существенныхъ, коренныхъ, элементарныхъ чертахъ они устано-

влены еще съ первыхъ шаговъ церковной жизни, если не Самимъ Христомъ, то во всякомъ случаѣ апостолами; въ остальномъ же суть плодъ постепеннаго вызываемаго нуждами времени свободнаго творчества церкви, т. е. созданіе лучшихъ ея членовъ, принятое и одобренное затѣмъ всею церковію. Это — богослужебный культъ, церковный ритуаль, куда входятъ — богослуженіе, обряды, праздники, посты. Все это въ своей психологической основѣ есть свободное выраженіе религіозной жизни лучшихъ сыновъ церкви, но установленное ею, какъ для всѣхъ обязательное, становится въ ея рукахъ педагогическимъ средствомъ, а для каждаго ея сына и питомца школой благочестія и испытаннымъ путемъ къ совершенству, такъ сказать, методомъ спасенія.

Иерархія. Во всякомъ обществѣ должны быть руководители дѣла — люди наиболѣе постигшіе (теоретически и практически) общее дѣло; тѣмъ болѣе — въ церкви, въ важнѣйшемъ и труднѣйшемъ дѣлѣ спасенія. Разница лишь въ томъ, что здѣсь они не простые выборные и уполномоченные отъ общества и не наслѣдственный по плоти классъ, фамилія правителей, а духовные наслѣдники Христа и апостоловъ, носители ихъ духа, преемники въ рядѣ рукоположеній благодати, вдохнутой Христомъ въ апостоловъ, споспѣшествующей имъ въ трудномъ дѣлѣ руководства человѣческими совѣстями и общимъ спасеніемъ.

Такъ понимаемая *церковь есть для отдельной личности великая сплошная школа смиренія*, признанія человѣкомъ своей личной слабости и нравственной безпомощности, а путь спасенія въ церкви есть путь самоотреченія. Да иначе и быть не можетъ: если суть грѣха въ гордынѣ, самомиѣніи, лжесвободѣ (а поражать его надо въ самое сердце), то и спасеніе должно (и единственно можетъ) быть содѣваемо не иначе, какъ въ атмосферѣ послушанія, условіяхъ, ведущихъ къ смиренію. Даже совершенно искренно ища спасенія, самъ собою безъ церкви съ ея уставомъ, преданіемъ, руководственной властью человѣкъ обреченъ на блужданія, непоправимыя ошибки, безысходныя паденія. Хочешь имѣть истину о спасеніи, — такова мысль православія, — бойся полагаться на одинъ свой разумъ и свое сердце и тѣмъ паче — искушать Господа Бога, требуя повторенія въ тебѣ разъ въ исторіи даннаго во Христѣ великаго чуда Богооткровенія, или даннаго разъ навсегда единой церкви чудеснаго озаренія непогрѣшимымъ Духомъ Истины: быть Богочеловѣкомъ ты, грѣшный и растлѣнный, недостойный — это было бы величайшимъ кощунствомъ и насиліемъ надъ тобою; твой осуетившійся разумъ, какъ и твое страстное сердце обмануть тебя; личная непогрѣшимость есть

одна иллюзія, а признаніе за собою особаго озаренія ведетъ къ самообману. Но дѣло спасенія—не въ одной вѣрѣ; тебѣ предстоитъ еще переродить по ней свою волю. И тутъ одинъ, самъ собою, ты ничего не сдѣлаешь: нужны надежные руководители и помощники, методы и средства исцѣленія, ибо ты вѣдь—ничтожество, и пути твои будутъ не выше твоего нравственнаго состоянія. Нѣтъ, если хочешь дѣйствительно, а не мнимо и мечтательно идти ко спасенію, оставь гордое суетное и вѣруй во Христа, исповѣдуемаго въ церковномъ преданіи; старайся, конечно, всѣми силами ума и сердца понять Его въ Его жизни и ученіи, читай и изучай Писанія, но имѣй всегда предъ глазами вѣру церкви и съ нею смиренно свѣдай свое разумѣніе; оставь самоувѣренность и самомнѣніе и ищи себѣ нравственной поддержки и благодатной помощи у священства, на то поставленнаго; брось свободолюбіе и самочиніе и учись добродѣтели путемъ того подвига, какой указанъ совершеннѣйшими и оправданъ святостью сонма на немъ спасшихся. Иначе—твое спасеніе будетъ призрачно: ты можешь найти Христа, только не Того, Который содѣваетъ въ церкви спасеніе смиренныхъ; ты, можешь быть, научишься владѣть собой, воспитаешь силу воли, положимъ, освободишься отъ видимыхъ грубыхъ пороковъ, пожалуй, дѣйствительно избѣжишь грязныхъ страстей, но это далеко, далеко еще не все, и смотри, ты непремѣнно, незамѣтно для самого себя, впадешь въ самообольщеніе гордости, которая есть самое сердце грѣха и сѣмя гибели. Чтобы приобрѣсть себя во Христѣ, отрекись отъ себя во имя церкви, иди въ нее и ей вмѣняй все достигнутое тобою.

Вотъ это то и больно для самолюбиваго человѣка, и онъ нейдетъ въ церковь, а если былъ въ ней—спѣшитъ изъ нея, лжеумствуя о ея ненужности, возможности спастись и безъ ея преданія, устава, священства. На каждомъ шагу жизни среди людей, отбившихся отъ общей церковной жизни, хотя формально еще и принадлежащихъ къ ней, мы слышимъ отрицательныя сужденія объ іерархіи, обрядахъ, постахъ, праздникахъ, авторитетѣ св. отцовъ церкви, соборныхъ каноновъ и вѣроопредѣленій. Спасеніе, говорятъ, есть личное интимное дѣло каждаго; оно—дѣло свободы, и никому и ничему нѣтъ нужды вмѣшиваться въ это святое-святыхъ личнаго духа: „Ты—царь: живи одинъ“. Эти софизмы диктуетъ уму гордость.

Въ томъ же горделивомъ и самонадѣянномъ духѣ умствуетъ и наше сектантство. Спасеніе содѣвается не общественно, а единолично; церковь—это два и три, собравшіеся во имя Хри-

ство, а то и каждый спасающійся вѣрный, какъ храмъ живущаго въ немъ Духа Божія, общникъ спасающему его Христу. Ни въ какую общественную сокровищницу религіозной мысли и вѣроученія за истиной идти не надо; добивайся ея своей головою, ищи въ своемъ сердцѣ и вѣрь, что Христосъ и Духъ Истины не оставятъ тебя въ твоихъ усиліяхъ. Къ святости иди своимъ свободнымъ путемъ, не вѣряясь стороннему водительство и чужимъ уставамъ, а надѣясь на одного Спасителя: ты самъ себѣ священникъ, царь, пророкъ. Долой священство—этихъ книжниковъ и фарисеевъ, возсѣвшихъ на Моисеевомъ сѣдалищѣ, чтобы и самимъ не входить въ царствіе Божіе, и другимъ затворять свободный входъ въ него грудой бремени неудобноносимыхъ и преданій человѣческихъ; долой обряды, чины, праздники, посты—всѣ эти уставы, безъ нужды затрудняющіе и загромождающіе свободный путь къ духовному совершенству; долой преданіе, подъ эгидой непогрѣшимости выдающее за непреложную истину старинные вымыслы человѣческіе; долой церковь, порабощающую духъ нашъ, подрѣзывающую его свободныя воспаренія къ небу! Вотъ наиболѣе чистый и послѣдовательный (съ разсматриваемой стороны) типъ сектантства, какъ плода самоишніа и свободолюбіа личности. Къ этому, такъ сказать, идеальному типу горделиваго и потому крайне индивидуалистическаго сектантства болѣе или менѣе приближаются всѣ наши современные секты, и поскольку онѣ ниже этого идеала, поскольку онѣ недоразвиты, непослѣдовательны, противорѣчивы, полны компромиссовъ своего мечтательнаго крайняго неосуществимаго принципа съ требованіями отрезвляющей жизни и вмѣстѣ—ближе къ православію.

Было бы однако утомительно излагать здѣсь ученіе каждой секты по всѣмъ указаннымъ вопросамъ и слѣдить въ нихъ (сектахъ) степень развитія индивидуалистическаго принципа и его, т. сказ., изгибы.

Возьмемъ, для примѣра, вопросъ объ источникахъ вѣроученія. Сектантскій принципъ личнаго озаренія и разумнія, проведенный до крайности, ведетъ къ совершенному отрицанію не только историческаго церковнаго Преданія, но и Св. Писанія, вообще вѣры чьему бы то ни было авторитету, кромѣ своего разума и сердца. Но практически это едвали осуществимо, ибо должно разбить людей на самостоятельныя и несогласныя другъ съ другомъ единицы, и особенно не подъ силу все же привыкшему къ вѣрѣ и послушанію русскому человѣку вообще и крестьянину—въ частности. Поэтому всѣ секты стоятъ въ этомъ отношеніи лишь

на поль-дорогѣ. Относительно послѣдовательнѣе духовные христіане, особенно хлысты, которые отвергаютъ наше Преданіе, но и Св. Писанію почти не вѣрятъ, среди которыхъ каждый можетъ быть пророкомъ, а то и Христомъ, т. е. носить въ себѣ самостоятельный и даже непогрѣшимый источникъ истины. Но рядовой хлыстъ, лишь мечтающій сдѣлаться пророкомъ и христомъ, доколѣ онъ ими не сдѣлался, все же слушается авторитета признанныхъ христовъ, а христы въ общемъ придерживаются другъ друга и традиціоннаго хлыстовскаго ученія до 1-го христа Суслова и самого саваооа Данилы включительно. Такимъ образомъ даже у хлыстовъ все же есть нѣкоторый вѣроучительный авторитетъ, нѣчто въ родѣ своего преданія (выражающагося въ ихнихъ распѣвцахъ); хотя ни одинъ христосъ или пророкъ собственно не связанъ имъ въ безусловное послушаніе, а говоритъ согласно традиціонному ученію секты (ибо-де въ немъ вѣщаетъ тотъ же духъ) лишь до тѣхъ поръ, пока его демонъ не вздумается внушить ему чего-либо отличнаго отъ традиціи,—тогда хлыстъ долженъ пойти уже не за послѣднею, а за первымъ. Лжехристосъ Радаевъ необинаясь вѣрилъ послѣднему, когда духъ требовалъ отъ него даже прямо несогласнаго не только съ Писаніемъ, но и нравственностью.—Подобно хлыстамъ, духоборы (каждый въ отдѣльности) также мнятъ себя особо просвѣщенными и озаренными и отвергаютъ наше преданіе и Св. Писаніе, иногда договариваясь до того, что ихніе старики больше самого Христа знаютъ ¹⁾. Но однако же при этомъ они учатъ о своемъ преданіи, идущемъ преемственно въ родѣ избранныхъ отъ историческаго Христа, составляющемъ (преданіи) такъ называемую „живую книгу“, т. е. множество псалмовъ, и притомъ не вмѣщающуюся (книгу) въ памяти каждаго духобора, а содержащую во всей цѣлости и полнотѣ лишь во всемъ духоборческомъ родѣ. Тутъ уже не только есть свое преданіе, но даже и нѣчто напоминающее православное ученіе о непогрѣшимомъ преданіи лишь всей церкви; хотя все это стоитъ въ грубомъ противорѣчій съ другими высказываемыми болѣе крайними положеніями секты.—Переходную ступень (съ данной точки зрѣнія) между духовными христіанами и библистами займетъ юродивый капитанъ Ильинъ и ря-

¹⁾ Здѣсь допущена авторомъ нѣкоторая неточность. Духоборы не отвергаютъ вполнѣ св. Писанія, а только не считаютъ его, въ цѣломъ и общепринятомъ его составѣ, безусловно обязательнымъ и непогрѣшимымъ. Здѣсь, такимъ образомъ, таже выборка и тоже перетолкованіе существующаго текста св. Библии, что и у гр. Л. Н. Толстого,—свое „новое Евангеліе“. Прим. Ред.

домъ съ нимъ мнящійся быти мудрымъ Толстой. Оба они, совершенно отвергая Преданіе, сверхъ того и Писаніемъ распоряжаются крайне свободно: первый облюбовалъ себѣ одинъ таинственный Апокалипсисъ, а второй создалъ свое Евангеліе изъ кое-какихъ обрѣзковъ Новаго Завѣта.—Еще менѣе выдержанъ сектантскій принципъ у евангеликовъ (библейстовъ)—штундистовъ, молоканъ, пашковцевъ. Тутъ безусловно отвергается Преданіе, но признается (хоть и не безъ нѣкоторыхъ вольностей, напр., у штундистовъ) вѣроучительный авторитетъ Писанія, но предоставляется каждому личная свобода при его толкованіи въ надеждѣ на помощь Божію и благодать Св. Духа. Въ Пашковскомъ „Руководствѣ къ чтенію Новаго Завѣта“, распространенномъ и у штундистовъ, и молоканъ, какъ единственное вспомогательное средство къ уразумѣнію Писанія, рекомендуется—молитва. „Читай, не торопясь, говорится тамъ (23 стр.), стараясь понять каждое слово. Если какого слова не поймешь—подумай, что-бы оно значило, и внутренно помолись, чтобы Господь вразумилъ тебя. Если все-таки не поймешь, оставь и читай далѣе: значитъ, не пришло еще время понять это слово, послѣ поймешь“.

Путемъ подобныхъ недоразвитостей и недомолвокъ, цѣной такихъ уступокъ и противорѣчій секты составили изъ себя общины съ главарями, иногда носящими даже іерархическія имена—епископовъ, пресвитеровъ и дьяконовъ, выработали нѣкоторый несложный общественный культъ—богослуженіе, обряды, праздники, псалмопѣніе и пѣніе духовныхъ стиховъ. Но подъ этимъ зыбкимъ, поверхностнымъ слоемъ житейскихъ отложеній у нихъ всюду чувствуется отсутствіе твердой и глубокой почвы и проглядываетъ бездна личнаго произвола. Поэтому такъ легко человѣку переходить изъ секты въ секту; поэтому же секты подвержены вѣчнымъ пререканіямъ и дробленіямъ. И жизнь зачастую жестоко мститъ этимъ несчастнымъ, сбившимся съ пути истины: думая освободиться изъ опеки православной церковности, они подпадаютъ подъ горшіи гнетъ произвола невѣжественныхъ вожаковъ; мня себя священниками и царями—являются положительно рабами всякихъ психопатовъ и развратниковъ, иногда воздавая имъ Божескія почести и поклоненіе; носители, храмы наставляющаго на всяку истину, непогрѣшимаго Духа истины—они часто не смѣютъ сказать на бесѣдѣ миссіонеру и единого свободного слова безъ того, чтобы не получить жестокаго укора и угрозы вожака!

Въ этой сектантской свободѣ отъ смиряющихъ узъ церкви, горделивомъ стремленіи личности къ самоволію въ вѣрѣ и самоchinію въ подвигѣ спасенія кроется *разгадка нѣкоторыхъ урод-*

ливыхъ, доходящихъ до психопатизма чертъ нашего сектантства.

Человѣку, воспитанному въ православной церковной атмосферѣ сознанія личнаго ничтожества на всемъ пути спасенія, начиная съ познанія вѣры и кончая совершенствомъ добродѣтелей, въ высшей степени дико бываетъ слышать увѣренія сектантовъ: „я—святой, пророкъ, евангелистъ, апостолъ; я—жена мирносица, богородица, я—Христосъ, Сынъ Божій, саваоѣ!“ слышать изступленныя безсмысленныя ихъ пророчества, рассказы о своихъ видѣніяхъ и обѣщанія судить вселенную, узнавать о попыткахъ сектантовъ воскрешать мертвыхъ и даже самимъ возноситься на небо. Разумѣемъ, конечно, не тѣхъ шарлатановъ, которые часто обманываютъ довѣрчиво и экзальтированно настроенную сектантскую массу, чтобы пользоваться честью, властью и солидными даровыми доходами, а тѣхъ, несомнѣнно, искреннихъ людей, которые иногда платятся за эти бредни и потерей имущества и свободы и даже потерей довѣрія, и местию со стороны своей же сектантской братіи. Съ выше указанной нравственно-психологической точки зрѣнія на сектантство—все это совершенно допустимо, понятно: это—не что иное, какъ хорошо извѣстное въ аскетикѣ *состояніе гордаго самообольщенія, духовной прелести, какъ слѣдствіе самоволія въ спасеніи.*

Подвигъ спасенія, говоритъ аскетика, надо совершать непременно при руководствѣ со внѣ: посторонній можетъ безпристрастнѣе, объективнѣе ставить діагнозъ нашему нравственному состоянію и назначать лѣкарственные средства. Если мы станемъ дѣлать это сами (подобно какъ тяжело больной сталъ-бы самъ лѣчить себя), то наша самооцѣнка рискуетъ быть слишкомъ субъективной, а при опредѣленіи средствъ, путей исправленія страсти, вооружаясь на добрую мысль и добрую волю, собьютъ ихъ съ истиннаго пути, заставятъ сдѣлать себѣ уступки, бурей внутренней борьбы лишатъ человѣка необходимаго такта и равновѣсія. Не говоря о мелкихъ и частныхъ неудачахъ, путь самочиннаго подвига почти неизбѣжно ведетъ настойчиво и серьезно взявшагося за спасеніе или къ отчаянію въ случаѣ болѣе слабой воли при силѣ и непреклонности страстей, или-же—къ гордости и самообольщенію въ случаѣ видимаго успѣха подвижничества; т. е., либо человѣкъ преждевременно опуститъ руки и, подписавъ себѣ приговоръ гибели, отдастъ себя во власть грѣха, либо, производя себѣ преувеличенную самооцѣнку и вмѣняя своей личности всякій дѣйствительный и воображаемый успѣхъ, онъ преждевременно самообольщенно возмнитъ себя совершеннымъ и при-

томъ обязаннымъ въ этомъ единственно своей силѣ. Люди, искусившіеся въ подвигѣ, о начинающихъ подвижникахъ говорятъ: „если онъ слишкомъ лѣзетъ на небо, тащи его на землю“, т. е. умѣряй его нетерпѣніе, не позволяй идти на высшую ступень, не закрѣпивъ за собою твердо низшей, не давай ему возмнить о своихъ силахъ и достоинствахъ. Вотъ почему новопостриженника отдаютъ непремѣнно подъ руководство опытнаго старца. Исторія аскетизма знаетъ много несчастныхъ примѣровъ, когда подвижники, особенно одиночки—отшельники, воображали себя святыми, провидцами и чудотворцами, видѣли лже-видѣнія, всякія огненныя колесницы, готовыя взять ихъ живыми на небо, пытались изгонять духовъ или бросались со скалъ, думая чудесно остаться невредимыми, и были жестоко посрамляемы и даже погибали. Не дальше, какъ года три-четыре тому назадъ, въ одной изъ Духовныхъ Академій случился фактъ, проскользнувшій и на страницы печати. Великимъ постомъ, предавшись усиленнымъ подвигамъ поста и бдѣнія, одинъ молодой новопостриженный монахъ—студентъ слышалъ съ неба голосъ: „если хочешь служить мнѣ, отдай мнѣ свои глаза“; и онъ взялъ лампадку и прижегъ ихъ, отчего чуть не ослѣпъ¹⁾. Всѣмъ извѣстенъ выведенный (въ „Братяхъ Карамазовыхъ“) безсмертнымъ нравственнымъ психологомъ Достоевскимъ, въ параллель смиренному прозорливцу Зосимѣ, старецъ Ѳерапонтъ, великій аскетъ, но полный гордыни и зависти, мнившій себя чудотворцемъ и всюду видѣвшій и гонявшій бѣсовъ.

Психологически путь прелести приблизительно таковъ. Человѣку страстно хочется святости, спасенія; къ этому сводятся всѣ его помыслы, на это затрачиваются всѣ его усилія, вся жизнь. И онъ трудится, молится, постится, бдитъ. Но путь труденъ и длиненъ; а ему хочется достигнуть вождельннаго состоянія поскорѣе: имъ овладѣваетъ нетерпѣніе, онъ засматриваетъ въ блаженное будущее, минуя скорбное настоящее, и мечтательно цѣдитъ себя въ сонмъ святыхъ, въ раю, на небѣ, въ обществѣ

¹⁾ Вѣроятно, сознавая за собою силу постничества и молитвы, онъ уже воображалъ себя высокимъ подвижникомъ и, не удовлетворяясь обычными подвигами, мечталъ о какихъ-нибудь особенныхъ, изъ ряду вонъ выходящихъ. Почему у него явилась идея именно прижечь глаза, это можно объяснить тѣмъ, что онъ могъ соблазниться чрезъ зрѣніе, каковымъ путемъ вторгается и въ окно тихой келліи вся суета мірская; а можетъ быть 23-хлѣтній молодой человѣкъ находилъ свои глаза красивыми и могущими быть для него источникомъ соблазна со стороны женщинъ, причиною нравиться и привлекать ихъ страстное вниманіе.

ангеловъ, или прозорливцемъ и чудотворцемъ на землѣ; и, при недостаткѣ въ немъ дѣйствительной святости и нравственной высоты, его, можетъ быть, плѣняетъ въ мечтахъ не столько это воображаемое совершенство, сколько то, что бываетъ его послѣдствіемъ—даръ прозорливости и чудесъ и, можетъ быть, даже слава святого. Тоже мечтательное нетерпѣніе побуждаетъ его непрестанно копошиться въ душѣ, глядѣться въ зеркало совѣсти, ежеминутно подводить себѣ итоги съ цѣлью порадоваться новому и новому приросту совершенства. И вотъ онъ, дѣйствительно, видитъ въ себѣ много хорошаго, явные успѣхи подвижничества не яко же прочіи человѣцы,—онъ мало спитъ, много постится, много молится, чуждъ привязанности къ суетѣ земной, свободенъ отъ сребролюбія, явной вражды на людей и т. д. Не мудрено, если подвижникъ начинаетъ, незамѣтно для себя, подвизаться больше и больше уже не ради совершенства, какъ такового, не ради Бога, а ради себя, т.-е. ради удовольствія сознать себя совершеннымъ, любоваться на себя въ зеркалѣ своей совѣсти. При этомъ, вмѣняя не кому, какъ одному себѣ, свои успѣхи, онъ естественно ихъ преувеличиваетъ и свои, такъ сказать, отрицательныя добродѣтели принимаетъ уже за высшія степени положительнаго духовнаго совершенства. И онъ самочинно налагаетъ на себя одинъ подвигъ за другимъ и, минуя низшіе, взваливаетъ на свои мнимо сильныя плечи самыя большіе и тяжелые (подвиги), а исполнивъ ихъ, впадаетъ въ тѣмъ большее и большее самообольщеніе. И вотъ, наконецъ, ему кажется, онъ достигъ уже достаточной высоты, о которой мечталъ, на каковой высотѣ уже должно бы ощущаться вѣяніе Духа Божія и общеніе съ горнимъ міромъ: и онъ начинаетъ трепетно вслушиваться въ себя, ловить свои эмоціи, такъ сказать, щупать ежеминутно свой духовный пульсъ. И очень понятно, если при такомъ настроеніи, онъ чисто тѣлесныя нервныя ощущенія и возбужденія приметъ за это Божественное наитіе, обычные сны—за вѣщія; а навывнувъ произвольно вызывать указанныя эмоціи, онъ уже воображаетъ, что Духъ овладѣлъ имъ, и его воля слилась съ небесной. Трудно мыслю спуститься глубже въ эту бездну самообольщенія: мы подошли уже къ моменту психопатіи. Несомнѣнно, что при этомъ болѣзненномъ нетерпѣніи и мечтательности, при этомъ чудовищномъ самомнѣніи, при этомъ ипохондрическомъ самовыслушиваніи, при страшномъ напряженіи въ одномъ направленіи всѣхъ духовныхъ силъ и непомѣрномъ ослабленіи неосторожнымъ физическимъ подвигомъ силъ тѣлесныхъ, уже возможно выступить съ пророчествами, пытаться творить чудеса, видѣть

видѣнія и т. д. Тутъ уже какое-нибудь случайное обстоятельство и совпаденіе, уродливо перетолкованное, можетъ дать человѣку, какъ *idée fixe*, увѣренность въ его апостольскомъ или пророческомъ достоинствѣ или христіанской искупительной миссіи и Божественномъ происхожденіи; а это самовнушеніе, въ свою очередь, заставляетъ копировать судьбу своихъ оригиналовъ. Тутъ уже можно идти судить вселенную, возноситься на небо, распинаться на стѣнѣ и т. д., и т. д. Тутъ уже темная область такъ называемой въ психіатріи *paranoïa religiosa*, аналогичная тому состоянію, когда человѣкъ возмнитъ себя испанскимъ королемъ или китайскимъ императоромъ ¹⁾.

Подобное состояніе прелести и надо констатировать въ увѣренности штундиста въ своей безгрѣшности и сектанта—ми-

¹⁾ Нужно имѣть смѣлость сказать, что эти психопатическія состоянія, кромѣ естественной стороны, могутъ имѣть и сверхъестественную, и эти видѣнія могутъ быть не просто субъективными галлюцинаціями, а могутъ имѣть и объективное основаніе въ дѣйствіи демонической силы, какъ то представляется въ житіяхъ святыхъ. Современная наука не такъ ужъ смѣло отказывается въ признаніи дѣйствительности всего того, чего она не объяснила, что таинственно. Съ богословской же точки зрѣнія надо разсуждать такъ: если Христосъ и Духъ Св. вселяются въ смиреннаго и совершеннаго, то почему не допустить, что сатана вселяется въ демонически гордаго и отецъ лжи маскируется въ человѣка, какъ Духъ истины? Между св. апостоломъ Павломъ и безиравственнѣйшимъ христомъ хлыстовъ можно провести нѣкоторую параллель въ діаметрально противоположномъ, конечно, смыслѣ. „Съ того времени, какъ послѣдовало со мною умозступленіе, рассказываетъ о себѣ Радаевъ, духъ гоняетъ меня и водить, такъ что иногда, когда ѣмъ—вдругъ руку у меня остановить, и во всякихъ вещахъ своей воли больше уже не имѣю... Сила, во мнѣ дѣйствующая, не даетъ покоя ни днемъ, ни ночью, водить меня туда и сюда; никогда мнѣ не даетъ эта сила ни ѣсть, ни пить, ни идти куда мнѣ хочется; иногда... поставить на мѣсто, и не могу сойти... Вы думаете, что я ослѣпъ, считаете меня погибшимъ? Но свидѣтельство Божіе, которое во мнѣ, вѣрнѣе вашего. Могъ ли бы я не смутиться когда всякаго званія люди общаются мнѣ адъ и погибель? Почему-же я стою непоколебимо? Потому что во мнѣ—ясное и явное дѣйствіе Божіе... Мы и сами знаемъ, что иные поступки наши несходны съ писаннымъ закономъ; и намъ тяжело и скорбно такъ поступать. Что-же намъ дѣлать? своей воли не имѣемъ... Сойди всѣ ангелы съ небесъ и скажи: ты не такъ живешь, и то не послушаю“. Какъ похоже это на тѣ мѣста Писаній, гдѣ апостолъ говоритъ, что уже не онъ живетъ, а въ немъ—Христосъ, что если и ангелъ съ неба благовѣститъ не то, что онъ,—да будетъ анаема, что онъ имѣетъ въ себѣ свидѣтельство Иисусово, могущее устоять противъ всѣхъ силъ міра, или—какъ водилъ его во время проповѣди Духъ Св.? Если въ ап. Павлѣ дѣйствительно Духъ истины, то въ Радаевѣ, конечно, демонъ лжи, маскировавшійся въ ангела свѣта.

стика—въ своемъ пророческомъ и даже Божественномъ достоинствѣ. Было бы, конечно, нелѣпо утверждать, что въ каждомъ данномъ случаѣ въ душѣ каждаго сектанта имѣетъ мѣсто во всей своей крайности и цѣлости вышенамѣченный аскетическій процессъ прелести. Можетъ быть тутъ штундисту помогаетъ его протестантское понятіе о спасеніи, а хлысту—его пантеистическое мышленіе; но какъ бы то ни было, несомнѣнно, что тутъ есть элементъ самообольщенія человѣка, мнящаго своею силою безъ посторонняго руководства содѣлать свое спасеніе. И при этомъ,—кто страстнѣе мечтаетъ о совершенствѣ, выше восходитъ въ наружномъ подвигѣ, тотъ естественно глубже падаетъ, уродливѣе самообольщается. Штундистъ—не ахти какой подвижникъ, и онъ доходитъ лишь до мысли о своей святости: не пью, не курю, не сквернословлю, не ворую, какъ то дѣлаютъ православные (а положительный нравственный идеалъ у него неразвитъ),—вотъ я и святой. Хлыстъ—аскетъ; онъ изнуряетъ тѣло постами, безсонницами, радѣніями, самоистязаніями, отказывается отъ брака и даже развратъ иногда мыслить николаитски, какъ умерщвленіе плоти или убіеніе въ себѣ наличностью грѣха духа гордости,—и онъ доходитъ до крайнихъ проявленій прелести. Къ хлысту приложимо почти все вышесказанное о прелести; физиологическая экзальтація радѣній принимается за дары Духа, а потребность нервно-возбужденной натуры за его (Духа) волю: вотъ вамъ и хлыстовская „христова любовь“ и „свальный грѣхъ“. Чтобы покончить съ разсматриваемымъ явленіемъ, надо добавить, что самообольщенный въ высшей степени силенъ обольщать другихъ, самоувѣренный—возбуждать въ себя вѣру, внушившій себѣ—внушать другимъ; этого рода сумасшествіе заразительно, и *idée fixe* одного человѣка гипнотически передается другимъ. Это общее правило особенно вдвойнѣ приложимо къ сектантамъ, гдѣ всѣ обольщаются на одной и тойже почвѣ и подкладкѣ, и гдѣ каждый есть въ потенціи христосъ или богородица. Поэтому то становится нѣсколько понятнымъ, какъ въ психопата-мужика, самозваннаго судію живыхъ и мертвыхъ, сидящаго въ сумасшедшемъ домѣ, несмотря ни на какія увѣщанія и обстоятельства, могутъ вѣрить сотни и тысячи людей, готовыхъ ради него покинуть имущество, претерпѣть голодъ, тюрьмы, самую смерть;—какъ на судѣ бросаются на колѣни предъ разоблаченнымъ и обвиненнымъ лже-христомъ и молятъ его: „Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ“,—или какъ можетъ цѣлая масса экзальтированныхъ фанатиковъ одновременно, какъ одинъ человѣкъ, видѣть своего далеко сосланнаго Петрушу—Искупителя въ

облакахъ на бѣломъ конѣ и падать предъ этимъ видѣніемъ на колѣни ¹⁾).

Итакъ, самообольщеніе сектъ извратило догматъ объ искупленіи и благодати и отвергло церковь, преданіе (отчасти и Писаніе), церковную іерархію, церковные уставы, доходя иногда до признанія штундистовъ святыми и хлыстовъ богочеловѣками (вѣрнѣе человѣкобогами).

Съ религіозной областью тѣсно связана область *политическая*, по крайней мѣрѣ, въ своихъ кардинальных вопросахъ о власти и отношеніи къ ней: вопросъ о нравственномъ правѣ власти и меча, обуздывающаго злодѣевъ, есть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, вопросъ религіозный, вопросъ, такъ сказать, прикладной религіи. И не трудно угадать, что, покончивъ съ церковью, ея мнѣніемъ, ея властью, ея закономъ во имя принципа личной свободы и личной святости, сектанты тѣмъ болѣе должны покончить во имя того же принципа и съ государствомъ, его закономъ и властію, какъ стѣснительной для личной произвольной свободы организаціей, имѣющей практическое основаніе своей необходимости въ грѣховности человѣческой личности, ея эгоизмѣ, гордынѣ. Мы видѣли, что этими горделивыми, свободолюбивыми тенденціями дышетъ исторія и движется ея прогрессъ; абсолютной свободѣ личности поклоняется человѣчество, не всегда, впрочемъ, ясно понимая послѣдніе выводы изъ этого принципа.

Сектантство есть отродье того же духа произвола и разнузданности: въ его основаніи лежитъ тотъ же крайне индиви-

¹⁾ Опять, въ этихъ психопатическихъ чертахъ, въ этихъ чудовищныхъ галлюцинаціяхъ чувствуется проявленіе иного—демоническаго начала. На судѣ одна изъ бывшихъ въ связи съ лже-христомъ женщина говорила: „Онъ какимъ то духомъ опаивалъ меня, и вскорѣ послѣ его бесѣдокъ я начала тосковать, дожидалась бесѣдокъ, какъ манны небесной. Въ присутствіи Семена (лже-христосъ) дѣлалась сама не своя, будто кто связывалъ меня... когда онъ дохнетъ на меня, я чувствовала, какъ въ голову мнѣ ударяло что-то какъ бы сверху, и въ тоже время сознаю, что я ничего не могу сказать, ни шевельнуться. Собиралась было я въ Кіевъ грѣхи замаливать, но съ дороги вернулась. Въ концѣ концовъ сдѣлалась совсѣмъ больна, стала кричать по ночамъ, а иногда и днемъ. Какъ мнѣ Богъ помогъ отдѣлаться отъ Семена, я и сама не знаю“... „Да и послѣ того, какъ отдѣлалась“ продолжаетъ проф. Ивановскій, у котораго мы беремъ этотъ рассказъ („Секта хлыстовъ“. Кіевъ, 1898 г.), „свидѣтельница на судѣ въ присутствіи обвиняемыхъ лжепророковъ не произнесла ни слова, находясь точно подъ вліяніемъ гипноза. Въ тоже время другая свидѣтельница (продолжаемъ по Ивановскому) рассказывала: „чувствовала я себя, какъ околдованная, три года промучилась, не зная покоя; а онъ (Ушицкій) только посмѣивался и говорилъ: я тебя духомъ своимъ приручилъ, не вырвешься изъ моихъ рукъ“. Поистинѣ демоническая, насильственная сила обаянія!...

дуалистическій принципъ полной свободы, не стѣсняемой никѣмъ и ничѣмъ самостоятельности, жизни по ту сторону добра и зла. Практически неосуществимый во всей своей крайности, вслѣдствіе психологическаго закона симпатіи и инстинкта общности (натуральнаго добра) въ человѣкѣ, этотъ принципъ есть больше принципъ отрицанія и разрушенія, чѣмъ утвержденія и созиданія: шагъ за шагомъ его кліенты подтачиваютъ существующую организацію, никакимъ успѣхомъ не удовлетворяясь, нигдѣ не останавливаясь. Но если приходится, на мѣсто разрушеннаго и подточеннаго они создаютъ себѣ совершенное подобіе ниспровергнутаго. Свободолюбія не удовлетворить ни конституція, ни парламентъ, ни выборы, ни республика, ни равенство сословія, ни коммуна, ни какой-угодно социализмъ, ни свобода слова и совѣсти: единственный конецъ—это полная анархія, но и она не можетъ дать удовлетворенія, ибо есть тоже, лишь дезорганизованное, взаимостѣсненіе, взаимонасиліе. Всѣ секты болѣе или менѣе клоняты въ сторону этого принципа, всѣ онѣ стоятъ на пути къ анархіи, но не всѣ одинаково сознательно и далеко зашли; и въ этомъ ихъ разниа. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что у хлыстовъ мы не находимъ политическаго ученія: вѣроятно, это надо объяснить такъ, что, при ихъ мистической духовной настроенности, имъ некогда думать о земномъ; но, думается, если бы они стали думать и о законахъ общежитія, то непременно договорились бы до того, что власть есть зло и дѣйствіе антихриста; и это имъ тѣмъ легче, что у нихъ отвергнута и разрушена самая основная элементарная клѣточка общественнаго организма и первый источникъ власти—семья. Болѣе положительные скопцы уже мечтаютъ о своемъ скопческомъ земномъ царствѣ во главѣ съ императоромъ скопцомъ Петромъ III Федоровичемъ (Селивановъ-тожъ); но они не раскрываютъ подробно, въ какихъ именно общественныхъ чертахъ и формахъ они мыслятъ это царство. Капитанъ Ильинъ, не чуждый мистцизма или по крайней мѣрѣ сумасшедшей экзальтаціи, но все же человѣкъ земли, низведшій и боговъ до человѣческаго образа, учитъ по еврейски о земномъ 1000 л. царствѣ Миссіи—еговиста и надѣляется уже это царство чертами равенства, отсутствія властей, судовъ и т. д. Въ этомъ же родѣ мечтаютъ и жидовствующие. Яснѣе раскрывается сектантскій принципъ свободы въ политической области у рационалистовъ, думающихъ о небесномъ, но не забывающихъ и о земномъ и часто готовыхъ предпочесть земное небесному. Духоборы, молокане, штундисты представляютъ собою въ этомъ отношеніи стадію, наиболѣе типич-

ную и господствующую для настоящаго времени. Они думаютъ, что власть отъ Бога и должна сдерживать существующее зло силою. Но совершенные, святые—выше закона, они сами себѣ не позволяютъ зла; а они—сектанты—и суть именно совершенные: поэтому власть, пожалуй, и нужна въ мірѣ, но для нихъ, которые не отъ міра, она вовсе бесполезна, а, поскольку она въ рукахъ не сектантовъ, т. е. несовершенныхъ—и прямо таки вредна. Когда придетъ время и совершится судъ надъ грѣшниками, въ земномъ царствѣ святыхъ будутъ всѣ равны, не будетъ суда, властей и податей, а земля будетъ раздѣлена поровну. Впрочемъ, войну и клятву эти сектанты, повидимому, отрицаютъ безусловно, т. е. и для царства отъ міра сего. Наболѣе крайне и такъ, что ужъ дальше, повидимому, и идти некуда, развитіе политическій сектантскій принципъ у Л. Толстого. Тутъ уже не только отрицается война и клятва, законъ и власть для святыхъ, а ниспровергается цѣликомъ и безусловно и для настоящаго времени и состоянія всякій государственный строй, всякая принудительная власть по общему принципу—„не противься злу силою“—и даже существованіе въ мірѣ власти признается прямой причиною, а не слѣдствіемъ только всѣхъ социальныхъ и нравственныхъ золъ. И надо добавить, что толстовщина въ этомъ отношеніи противитъ глаза другимъ болѣе умѣреннымъ сектамъ и, какъ направленіе болѣе послѣдовательное, оказываетъ на нихъ сильное вліяніе, однимъ изъ рѣдкихъ проявленій котораго надо считать недавнее анархическое движеніе среди Закавказскихъ, потомъ Американскихъ духоборовъ. Нѣтъ нужды говорить о степени прямоты и мужества въ проведеніи сектами въ жизнь социальныхъ убѣжденій. Большею частію они признаютъ практическое примѣненіе ихъ несвоевременнымъ, невозможнымъ при незначительной численности своихъ единомышленниковъ и при силѣ существующей власти и государства, и обыкновенно даже прямо совѣтуютъ подчиняться власти, давать присягу и отбывать воинскую повинность, оправдывая такое лицемѣріе и трусость исповѣданія своихъ убѣжденій всевозможными софизмами. Но сектантство—это тлѣющая подъ пепломъ искра сопротивленія власти и анархизма: и она вспыхиваетъ при каждомъ подъемѣ ея духа, при каждомъ усиленіи ея пульса, какъ то видимъ и на духоборахъ, и на Павловскихъ толстовцахъ, и на штундистахъ. Что же касается осуществленія своихъ взглядовъ въ границахъ дозволеннаго узаконеннымъ общественнымъ строемъ, то въ этомъ отношеніи сектантами сдѣлано очень мало. Была попытка въ Кавказскомъ молоканствѣ (въ половинѣ настоящаго столѣтія) по-

строить коммунистическую общину (секта общихъ); но развившееся въ ней тунеядство и паразитизмъ заставили ее уступить дѣйствительности и на $\frac{9}{10}$ ограничить коммунальныя требованія, т. е. въ сущности почти отказаться отъ нихъ. Есть въ Россіи и за-границей нѣсколько чахлахъ и бѣдныхъ, разѣдаемыхъ тѣмъ же паразитизмомъ, интеллигентныхъ колоній толстовщины. Извѣстны единичные случаи, когда богачи—пропагаторы толстовщины жертвовали крестьянамъ нѣкоторую часть своей земли, какъ то сдѣлалъ кн. Хилковъ въ Павловкахъ, но нравственное, принципиальное достоинство этихъ поступковъ подрывается тѣмъ, что они сдѣланы съ явной цѣлью пропаганды. Извѣстны духовоборческія социалистическія коммуны на Молочныхъ водахъ, достигшія было даже нѣкотораго экономическаго благосостоянія, но потомъ пережившія страшный произволъ и тиранію своей династіи Капустиныхъ-Калмыковыхъ. Нѣкоторыя поползновенія на коммунизмъ были вначалѣ и у штундистовъ, когда еще ихъ общины были малочисленны и горѣли свойственнымъ всякому начинающему, а особенно религіозному, обществу одушевленіемъ; но нынѣ эти проповѣдники насильственного отобранія земель и имуществъ богатыхъ предпочитаютъ сами богатѣть и пріобрѣтать земли, кто сколько можетъ, а братьямъ давать лишь гроши въ общественную кружку, да нести денежную повинность на плату своимъ пресвитерамъ, помощь пропагандистамъ и вновь совращеннымъ. Все это и подобное доказываетъ вышесказанное, что сектантскій принципъ больше лишь отрицательнаго и разрушительнаго, чѣмъ зиждительнаго свойства, а ихъ (сектантовъ) мечты о коммунальной блаженной безгосударственной жизни—одна утопія, разлетающаяся въ прахъ предъ наличностью въ людяхъ самолюбія, страстей, пороковъ. Мечтая о журавлѣ въ небѣ, сектанты не въ силахъ удержать и синицы въ рукахъ: самообольщенные святыя, мнящіе себя выше всякаго принужденія и кары, они часто доходятъ даже до необходимости прибѣгать противъ своихъ же сочленовъ подъ защиту ими отрицаемой власти; въ лицѣ ихъ наиболѣе крайняго учителя—Толстого мы видѣли эту, т. ск., практическую сектантскую софистику, сдѣлавшій бы честь любому жиду обходъ собственнаго ученія, когда онъ одѣлся въ поддевку и смазные сапоги, сталъ чинить печи и пасти коровъ, но все свое громадное состояніе отнюдь не раздѣлилъ между мужиками, а лишь перевелъ на имя вѣрной доброй жены.

Да, надо прежде всего и больше всего стремиться къ святости, только, конечно, путемъ смиренія и послушанія, не впадая въ прелесть, а по мѣрѣ достиженія ея будетъ падать и вся-

кое социальное и экономическое неравенство и всякія стѣсненія власти и закона, и будетъ безъ самопротиворѣчія, безъ насилія и крови мирно исподволь воцаряться, вслѣдъ за искреннимъ братствомъ, дѣйствительное равенство и истинная свобода! Но полноты всего этого чаемъ, по непреложному обѣтованію истиннаго Христа, лишь на новомъ небѣ и новой землѣ, въ нихъ же живетъ одна святая правда.

Итакъ, *наше сектантство есть явленіе, дѣйствительно, либеральное и прогрессивное, но только отнюдь не въ хорошемъ смыслѣ слова.* Въ корнѣ его лежитъ изначала свойственное грѣшному міру гордое стремленіе страстнаго человѣка къ абсолютной свободѣ, безусловной автономіи, самообожанію помимо Бога и противъ Его законовъ, и въ этомъ отношеніи оно, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуетъ мірскому направленію мысли и жизни, за вѣтными чаяніямъ сыновъ міра сего. Отсюда—пантеистическіе взгляды по вопросамъ общаго богословія, искаженіе дѣла Христа до отрицанія Бога во плоти пришедша, отрицаніе благодати таинствъ, разрушеніе догмата о церкви, отреченіе отъ церковнаго преданія, а отчасти и св. Писанія, ниспроверженіе церковнаго обряда, устава, іерархіи, а равно—и гражданскаго порядка; отсюда—самонадѣянная свобода въ толкованіи Писанія, вѣра въ непосредственное озареніе свыше, претензія на святость и непогрѣшимость, доходящая до совершенной прелести и сумасшедшаго возведенія себя въ Божеское достоинство, чаяніе земного золотого вѣка довольства, равенства, свободы.

Не трудно теперь видѣть, что за всѣми этими дутыми сектантскими фразами и высокими словами о служеніи Богу въ свободѣ, духѣ и истинѣ, скрывается въ сущности *полуязыческое міросозерцаніе, приниженіе религіозно-нравственныхъ понятій.* Вздываясь гордынею до высоты небесъ и самовольно воздвигая себѣ фиктивное подобіе Божественнаго престола, самонадѣянно требуя своей грѣшной волѣ и слабому уму совершенной свободы, сыны міра сего, отъ нихъ же первые суть сектанты, стоятъ, какъ и язычники, на пути погашенія и приниженія воли и страстихъ и своего религіознаго вѣдѣнія, и своего нравственнаго идеала; смѣшивая себя съ Богомъ, они не могутъ удержаться, чтобы не обоготворить и своихъ страстей; мнящиеся быти мудры, они объюродѣша и измѣнили или готовы измѣнить славу нетлѣннаго Бога во образъ тлѣннаго человѣка; воображая сдѣлать шагъ вверхъ, они отступили внизъ, ниспали съ неба на землю и, о если бы только не низринутись въ преисподнюю! Личнаго Бога они стремятся обезличить и Сущаго въ премірныхъ владычественныхъ

сферахъ низвести въ утробу земли, матеріальныя нѣдра натуры; Его премудрую всеильную свободу имъ хотѣлось бы связать необходимостью естества и отождествить со своею грѣшною и развращенною волей; а Его вѣчное царство мнится имъ водворить на этой же изнуренной грѣхомъ землѣ, среди этого же рода—суетнаго и развращеннаго. Грѣхъ—это тьма; спасеніе—это просто просвѣщеніе. Богу тутъ мѣшаться собственно не къ чему: нужны лишь просвѣщенные учителя, пророки, какими и были Христосъ, а за Нимъ—всѣ эти Колесниковы, Побирохины, Сусловы, Селивановы, Толстые и пр. и пр. А что касается нравственной жизни, то въ самомъ дѣлѣ много ли человѣку нужно? Вѣрую во Христа, т. е. признаю Его своимъ Спасителемъ, говорить папковецъ, а отчасти и штундистъ, иногда 'почитаю Библію' и порадуюсь о своемъ совершившемся спасеніи,—и будетъ съ меня, и за то я признанъ отъ милостиваго Бога оправданнымъ и святымъ. А добродѣтели?—они сами должны родиться во мнѣ; да до нихъ собственно никому и, прежде всего, мнѣ самому нѣтъ никакого дѣла, и нечего мнѣ беспокоиться и заботиться: тамъ, въ нѣдрахъ моего сердца незримо, таинственно безраздѣльно дѣйствуетъ Христосъ. Вотъ только бы какъ-нибудь не потерять выдержки, да не допустить какого-нибудь явнаго безобразія; а то тогда, пожалуй, братья, хоть и не лучше меня, но сохранившіе наружную чистоту и благоповеденіе, признаютъ, что я не вѣрую во Христа и ужъ тутъ мнѣ никакимъ исповѣданіемъ не разубѣдить ихъ; ну, а впрочемъ мнѣ что? вѣдь я же вѣрую, значить и спасенъ, а они пусть судятъ и отлучаютъ, какъ хотятъ.—Оскопись, учить скопецъ, употреби разъ навсегда надъ собой усиліе, убей доразу змѣю однимъ ударомъ, и тогда почивай въ блаженномъ состояніи райской невинности: женская лѣпость уже не будетъ привлекать тебя, а вѣдь въ ней или отъ нея весь грѣхъ. Ну, а я, думаетъ оскопленный съ дѣтства, слава Богу, не имѣю сѣмени грѣха отъ дней юности моей, на жену я никогда не смотрѣлъ съ вожделѣніемъ: что еще сотворю, да животь вѣчный наследую? Весь грѣхъ, это—наша плоть, разсуждаетъ хлысть, но не трудно умертвить ее и сманить въ себя духа; на это есть испытанное средство: радѣй до упаду, до изступленія, да при этомъ постись и не женись. Если же и при этомъ хочется любить женщину, то и люби, лишь бы не въ бракѣ,—это уже Христова любовь, тутъ лишь кажущееся потворство плоти, а въ сущности самое радикальное ея изнуреніе. Люби себя самого въ ближнемъ твоёмъ, т. е. люби въ немъ частицу вѣчнаго разума, такую же, какую носишь ты; не женись

и не блуди, не воруй и не убивай, не клянись и не судись, не воуй, ну еще, конечно, не роскошествуй, не курь, не пей, не пренебрегай черной работой—вотъ и весь—поистинѣ—жалкій кодексъ морали Толстого: любовь здѣсь эгонистична, а другія частныя заповѣди лишь отрицательны, запрещаютъ лишь самыя грубые пороки и преступленія и направлены не столько внутрь настроенія человѣка, сколько на устроеніе внѣшняго счастливаго бытія ¹⁾).

Гдѣ же во всей этой сектантской морали служеніе Богу въ свободѣ, духѣ, истинѣ? Оно нужно лишь для того, чтобы освободить человѣка отъ труднаго смиренно-послушливаго церковнаго подвига спасенія, начинающагося съ обряда, внѣшности и восходящаго до высокихъ степеней истинно свободнаго и духовнаго нравственнаго совершенства.

Итакъ, ясно, сектантство носить въ себѣ черты приниженія, омѣршенія религіозно-нравственныхъ понятій христіанства, возвышая человѣка на счетъ Бога и нашу грѣшную страстную свободу на счетъ послушанія волѣ Божіей и руководству церкви, чрезмѣрно упрощая, лѣниво облегчая путь спасенія, по возможности подчищая, обкрадывая въ догматикѣ и нравоученіи все сверхъестественное, небесное и подставляя на его мѣсто обыденное, натуральное, земное, въ видѣ чаянія земнаго царства Христа, ученія по социальнымъ-политическимъ вопросамъ и т. д. Поэтому оно—свое міру, и міръ любитъ его и стоитъ за его свободу и достоинство. И въ этомъ настоящая *сила сектантства*.

Поэтому же оно, *имѣетъ будущее* и есть самый опасный врагъ церкви. Если сравнивать въ этомъ отношеніи сектантство со старообрядствомъ, то должна получиться картина значительной противоположности. Старообрядство, появившееся, какъ протестъ старыхъ обрядовѣровъ противъ новыхъ, есть начало ретроградное, явленіе отсталое и вымирающее. Обрядовѣріе можетъ держаться лишь невѣжествомъ, и за днемъ рожденія народнаго просвѣщенія на Руси, скоро послѣдуетъ день смерти старообрядства. Оно должно уничтожаться двумя путями: путемъ перехода въ православіе, хотя бы сначала и въ формѣ единовѣрія, тѣхъ его элементовъ, кои ближе подходятъ подъ церковно-каноническое

¹⁾ Повидимому, я каррикатю мораль сектантства. Но нѣтъ, я лишь смѣшиваю (и въ извѣстной мѣрѣ это законно) то, что они дѣйствительно проповѣдуютъ, съ тѣмъ, что они могутъ и должны бы говорить и часто, дѣйствительно, думаютъ, стоя на точкѣ зрѣнія своихъ основныхъ положеній.

понятіе раскола (поповщинскіе толки), и чрезъ сліяніе съ сектантствомъ элементовъ, уклонившихся до еретичества (толки безпоповщины). Если и можетъ имѣть нѣкоторую относительную будущность, то лишь Австрійщина, которая при благопріятныхъ обстоятельствахъ (государственная свобода) можетъ вырасти въ параллельную православной, но расколонную отъ нея церковь; но и эти параллельныя могутъ потомъ сойтись на пути историко-каноническихъ работъ и соотвѣтственныхъ мѣропріятій ¹⁾. Иное дѣло сектантство. Оно, мы видѣли, существенно связано съ самымъ либеральнымъ и прогрессивнымъ (хотя и ложнымъ) теченіемъ жизни: оно бьется за ложно понятую свободу личности, права сердца и разума и порывается покончить съ традиціей, сбросить опеку съ личности и на свой страхъ, своею волею и головою пробивать свои пути спасенія, гордо взирая въ будущее ²⁾. И поэтому ему принадлежитъ будущее. Всѣ тѣ, кто теперь формально принадлежитъ къ церкви, а въ сущности стоитъ совершенно на сектантскихъ принципахъ (значительная часть интеллигенціи); должны явно отступить по мѣрѣ водворенія въ государствѣ духа терпимости, т. е. религіознаго индифференцизма. Нельзя предрекать вѣчности какой-нибудь изъ существующихъ сектъ; но дѣло не въ частностяхъ и названіяхъ, вышеуказанный-же духъ сектантства, еретичества, отступленія будетъ расти въ человѣчествѣ вмѣстѣ съ прогрессомъ свободы, просвѣщенія, культуры. Это не то, чтобы эти послѣднія были причиной сектантства: причина—грѣхъ, гордыня, безбожіе, развращеніе; но свобода, наука, культура, вообще развитіе человѣка и человѣчества есть условіе, дѣлающее доброе и злое направленіе болѣе развитыми, крайними, сознательными, устойчивыми, непримиримыми и неисправимыми. Человѣчество растетъ и зрѣетъ подобно отдѣльному человѣку. И вотъ въ послѣдній моментъ земной исторіи и совершеннѣйшаго человѣчества, когда принудительная общественная власть будетъ сведена до минимума (будетъ устранено „задерживающее“), когда наука сдѣлаетъ величайшія открытія и культура—поразительнѣйшія завоеванія, произойдетъ полное отступленіе, явно, свободно, сознательно станетъ во всей силѣ то беззаконіе, которое теперь тайно, незамѣтно ра-

¹⁾ Чтобы быть вѣрнымъ себѣ, авторъ и на расколъ старообрядчества долженъ былъ бы посмотрѣть съ той же точки зрѣнія, съ какой смотритъ онъ на сектантство. *Прим. Ред.*

²⁾ Не мало такихъ, которые точно также смотрятъ и на расколъ старообрядчества (Щаповъ, Андреевъ, Юзовъ, Пругавинъ, Костомаровъ и др.). *Прим. Ред.*

стеть, какъ духъ міра сего и духъ еретичества. По причинѣ беззаконія во многихъ охладѣть любовь. Люди будутъ самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злорѣчивы, родителямъ непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящіе добра, предатели, наглы, напыщены, болѣе сластолюбивы, нежели боголюбивы, имѣющіе видъ благочестія, силы-же его отрекшіеся, наглые ругатели, поступающіе по своимъ нечестивымъ похотямъ, душевные, не имѣющіе духа. Хотя Евангеліе царствія будетъ проповѣдано по всей вселенной, но лишь во свидѣтельство народомъ (т. е., чтобы быть имъ безотвѣтнымъ); многіе соблазнятся и отдѣлятся отъ единства вѣры; изъ-за религіозныхъ разногласій будутъ предавать другъ друга, и вѣра едва-едва останется на землѣ; а истинно вѣрующіе будутъ ненавидимы за имя Христова всѣми. Какъ во дни предъ потопомъ фли, пили, женились и выходили замужъ до того дня, какъ вошелъ Ной въ ковчегъ, и не думали, пока не пришелъ потопъ и не истребилъ всѣхъ, такъ будетъ и въ послѣдніе дни: люди будутъ нагло ругаться: „гдѣ-же обѣтованіе пришествія Его? съ тѣхъ поръ какъ стали умирать отцы, отъ начала творенія все остается такъ-же!“ Тогда возстанутъ многіе лжепророки и лжехристы и дадутъ великія знаменія и чудеса въ пустыняхъ и потаенныхъ комнатахъ. И наконецъ, откроется человѣкъ грѣха, сынъ погибели, противящійся и превозносящійся выше всего называемаго Богомъ или святынею и въ храмѣ Божіемъ сядетъ, какъ богъ, выдавая себя за бога. Онъ будетъ обладать сатанинской силой знаменій и чудесъ ложныхъ: будетъ низводить съ неба на землю огонь и устроить такъ, что портретъ (образъ звѣря) будетъ говорить и дѣйствовать такъ, чтобы былъ убиваемъ всякій, кто ему не поклонится. И многіе увѣруютъ въ него, какъ бога, а невѣрующихъ въ него стѣснять такъ, что имъ нигдѣ ничего нельзя будетъ ни купить, ни продать (экономическій бойкотъ). Изъ этихъ пророческихъ вѣщаній Новаго Завѣта (Мѡ. 24—25 гл.; 2 Петр. 2—3 гл.; Посл. Іуды, 2 Сол. 2 гл., Апок. 13 гл. и др.) ясно, что искаженіе православія и отпаденіе отъ него съ теченіемъ времени возрастеть до громаднхъ размѣровъ, такъ что православно вѣрующихъ останется меньшинство, и они окажутся стороною вообще гонимой и бойкотиремой въ обыденной экономической жизни. Отпавшее-же отъ Христа и церкви человѣчество будетъ занято исключительно земнымъ, будетъ вѣрить лишь въ человѣка и естественный порядокъ вещей. Очень вѣроятно, что истинно-вѣрующіе будутъ разсматриваемы, не только какъ ретрограды, но и вредные мечтатели,

своими утопіями о внутреннемъ совершенствѣ, личномъ Богѣ и будущей жизни тормозящіе устроеніе на началахъ исключительно науки и культуры земного человѣческаго соціально-экономическаго благоденствія. Но „образъ благочестія“ еще останется, Евангеліе будетъ на языкѣ, и многіе свои матеріалистическія и антропотейстическія ученія будутъ прикрывать евангельскими словами; будутъ являться именующіе себя пророками и христами, пока, наконецъ, одинъ изъ лжехристовъ, лжебоговъ, обладающій тайнами природы въ наивысшей степени, сверхчеловѣкъ, воплощеніе культурнаго идеала вѣка сего, не будетъ признанъ и чтимъ многими, какъ земной Богъ, и объявленъ владыкой земли и спасителемъ человѣчества.

На второмъ миссіонерскомъ съѣздѣ (въ Москвѣ 1891 г.) предполагали, что со временемъ господствующей формой русскаго сектантства будетъ штундо-баптизмъ. Милюковъ (134 стр. 2 т. очерковъ) склоненъ отдать будущее не народной, а интеллигентной религіозно-раціоналистической доктринѣ, которая, разрѣшая вопросъ вѣры, въ тоже время не оставляла бы безъ отвѣта и соціальныхъ интересовъ общественной и государственной жизни. Съ точки зрѣнія всего сказаннаго думается, что ни одна изъ существующихъ сектъ, какъ не доведшая до конца своихъ горделивыхъ, безбожныхъ, мірскихъ принциповъ, не можетъ считаться типомъ сектантства будущаго. Будущее принадлежитъ наиболѣе матеріалистически — пантеистической и социалистической доктринѣ, которая уже не будетъ имѣть въ себѣ почти ничего собственно религіознаго и чисто моральнаго, кромѣ словъ, а будетъ вѣрить лишь въ человѣка и его будущее соціально-экономическое счастье. Боюсь выговорить, но можетъ быть пока наиблизе къ этому „идеалу“ толстовщина.

В. Базаряниновъ.

Изъ записокъ и дневниковъ.

Новогоднія пожеланія и соображенія миссіонера по вопросу о пастырскомъ учительствѣ.

Духовно-пастырское учительство... какой скажутъ старый, избитый, неподходящій для новогодней статьи вопросъ! Сколько о немъ было говорено, писано и переписано въ нашей духовной литературѣ! Вѣдь всякому теперь извѣстно и понятно, что первая, главнѣйшая и священная обязанность каждаго пастыря — учить паству словесамъ благодѣянія. Зачѣмъ вновь поднимать давно рѣшенный вопросъ?

Соглашаемся, что о духовно-пастырскомъ учительствѣ наговорено много. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ вопросъ въ послѣднее время сталъ запутываться и своеобразно рѣшаться настолько, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ признается возможнымъ зачеркнуть живое слово съ церковной каюды. Это — съ одной стороны. Съ другой, по данному предмету высказывается много теоретическихъ соображеній и мало удѣляется мѣста указаніямъ практическаго характера и въ частности совсѣмъ упускается миссіонерская точка зрѣнія, вслѣдствіе чего (отчасти) такъ туго и подвигается впередъ дѣло церковнаго вообще, миссіонерско-апологетическаго проповѣданія въ частности. При этомъ существуетъ вредная тенденція, усыпляющая пастыре-учительскую бдительность, что будтобы школа-панacea отъ всѣхъ народныхъ церковно-просвѣтительныхъ дефектовъ и золъ. Остановимся сначала на этомъ мнѣніи.

Вслушиваясь въ современные толки о религіозно-просвѣтительной миссіи нашей церковно-приходской школы, невольно представляешь себѣ такую, напр., картину. Увлеченный своей работой уче-

ный,—положимъ, филологъ, — сидя въ своемъ кабинетѣ, рѣшаетъ вопросъ объ «изначальной исторіи» облеченнаго ударенія въ греческомъ языкѣ. Попробуйте заговорить съ нимъ по поводу его работы: онъ вамъ отвѣтитъ, что если онъ не рѣшитъ вопроса, то вся греческая филологія затрепцѣтъ по швамъ и потеряетъ не только свою полноту, но чуть-ли даже и не свое имя. Такъ односторонняя бываетъ кабинетная мысль даже въ вопросахъ теоретическихъ. Но тѣмъ большая односторонность отличаетъ эту мысль тамъ, гдѣ послѣдняя начинаетъ рѣшать вопросы характера жизненнаго, практическаго. Вотъ это-то кабинетное мышленіе и создало неправильную оцѣнку значенія церковно-приходской школы для церковнаго просвѣщенія нашихъ народныхъ массъ.

Одни говорятъ: школьное образованіе—явленіе громадной важности для простаго народа. Оно дастъ крестьянину все, что только нужно для русской души, для русскаго богоноснаго сердца. Близокъ уже тотъ часъ, когда деревенская Русь будетъ вполнѣ сознательно исповѣдывать Христово имя и гарантируется отъ вліянія чуждыхъ сектантскихъ внушеній и сектантской пропаганды. Другіе идутъ еще дальше и разсуждаютъ: на батюшекъ нападали за ихъ неучительность; нападки были часто справедливы. Но теперь, слава Богу, укоры должны прекратиться: духовенство такъ или иначе, хотя иногда и *volens-nolens*, принуждено осуществлять свою пастырскую учительную задачу, воспитывая въ школѣ подъ сѣнью Церкви подростающее поколѣніе; священникъ чрезъ школу сдѣлался «настоящимъ» церковнымъ учителемъ, а школа, благодаря присутствію въ ней священника,—теперь прекрасная и вполнѣ осуществляющая свое назначеніе церковно-учительная и миссіонерская каюедра.

Такъ говорятъ и пишутъ наши кабинетные мыслители и публицисты. Но справедливо ли? Для рѣшенія этого вопроса прошу читателя заглянуть въ исторію русской школы и въ деревенскую крестьянскую избу.

Когда говорятъ, что школа можетъ перевернуть, преобразовать религіозно-моральную жизнь нашего народа, то забываютъ, что давно, очень давно основаны наши средне-учебныя свѣтскія заведенія, что не менѣе давно устроены въ нихъ каюедры закона Бо-

жія, а между тѣмъ интеллигенція доселѣ или не знаетъ часто основныхъ элементовъ православно-христіанскаго ученія, или если и знаетъ, то понимаетъ по-своему. Исторія русскаго общества и лѣтописи нашей средней школы показали и вполне подтвердили тотъ фактъ, что школа дѣлаетъ одно дѣло, а семья—другое, иногда разбивая и уничтожая то, что создаетъ школа. Эту же точку зрѣнія (конечно, съ нѣкоторымъ ограниченіемъ) нужно приложить и къ школѣ церковно-приходской. Противъ несомнѣнно благотворнаго значенія послѣдней для религіозной мысли и жизни темнаго народа никто не станетъ спорить, если только имѣть хотя бы и самую микроскопическую способность наблюденія. Нельзя, напр., не порадоваться на такое явленіе. Мальчикъ окончилъ курсъ школы. Но этимъ не удовлетворился. Въ свободные часы, даже въ лѣтнюю страдную пору, онъ является къ батюшкѣ, учителю, а то и къ интеллигенту-попечителю школы и проситъ у нихъ книжку о Божьемъ законѣ, чтобы почитать на досугѣ. Однако, при всемъ томъ, не всегда есть возможность наблюдать идиллическую и глубокосимпатичную картину крестьянской семьи, чинно усѣвшейся за столъ и слушающей чтеніе школьника—меньшаго члена семьи. На полотно художника и подъ перо публициста напрашивается часто далеко не идиллія... Опять таки тоже наблюденіе живой дѣйствительности говоритъ намъ, что темная крестьянская среда способна заглушать и дѣйствительно порой заглушаетъ (большею частью пассивно, одной своей атмосферой невѣжества и нужды), заглушаетъ содержаніе, данное школой своему питомцу. Въ данномъ случаѣ особенно важно то, что народный мракъ еще настолько силенъ, что бороться съ нимъ одной церковно-приходской школѣ пока далеко не подъ силу. Здѣсь нужно нѣчто другое, удовлетворяющее наличную просвѣтителную нужду гораздо больше и болѣе широко, чѣмъ школьные уроки по закону Божию и церковному пѣнію. Но здѣсь мы уже подошли къ церковному пастырскому учительству.

Въ «Мисс. Обозр.» по поводу разсужденій въ чрезвычайномъ собраніи о значеніи школы и миссіи была высказана глубоко содержательная мысль о томъ, что въ религіозномъ просвѣщеніи нуждаются не одни деревенскіе школьники, и что священникъ не

долженъ думать, будто его обязанность учить ограничивается только уроками закона Божія въ школѣ. Мысль безспорно вѣрная. На каждомъ шагѣ приходится встрѣчаться съ батюшками, которые или жалуются на бремя, взваленное на нихъ школой, или, въ лучшемъ случаѣ, указываютъ на то, что они «теперь» много трудятся, преподавая законъ Божій и руководя школой, и въ силу этого не только отказываются отъ бесѣдъ съ расколо-сектантами, но не ведутъ даже внѣбогослужебныхъ религіозно-нравственныхъ чтеній ¹⁾). И вотъ почему естественно новогоднія думы и пожеланія миссіонера останавливаются на томъ «единомъ на потребу», что пора же, наконецъ, нашему приходскому духовенству сознать, что первый его долгъ—учить, учить и учить паству не въ школѣ только, но и въ храмѣ, и внѣ храма; что падо ему сознать и необходимость самаго основательнаго ознакомленія съ словомъ Божиимъ, и самую настоятельную нужду въ передачѣ народу истинно-церковнаго пониманія и толкованія Библіи. Народъ нашъ страшно теменъ. Объ этомъ много и говорить не стоитъ. И неужели при такой крестьянской темнотѣ намъ уповать всецѣло на школу и ждать, когда она сдѣлаетъ свое дѣло?

Пусть такъ; все это вѣрно, отвѣтятъ намъ; но вѣдь нельзя же отрицать того, что у приходскаго батюшки вообще много работы: однѣя требы чего стоятъ? а школа? а сельское хозяйство, безъ котораго при современныхъ способахъ обезпеченія духовенства невозможно священнику сносно жить? Однимъ словомъ, намъ могутъ предъявить требованіе—показать, какъ приходскій пастырь можетъ наиболѣе легкимъ способомъ осуществить свое призваніе, свою обязанность учить народъ словесамъ благочестія.

Мы готовы дать на это посильный отвѣтъ, на основаніи наблюденій и опытовъ «искуснѣйшихъ».

Недавно мнѣ пришлось затронуть вопросъ о пастырскомъ учительствѣ предъ высокопреосвященнымъ Алексіемъ, экзархомъ Грузіи. Въ бесѣдѣ мы подошли и къ вопросу о наиболѣе легкомъ и доступномъ методѣ, пользуясь которымъ священникъ можетъ въ

¹⁾ Такое, между прочимъ, мнѣніе было высказано и подтверждено фактически въ Новочеркасскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ мѣстнымъ миссіонеромъ, извѣстнымъ прот. Н. П. Кутеповымъ. *Ред.*

очень небольшой промежутокъ времени обучить весь приходъ краткому катихизису и молитвамъ. Владыка при этомъ обратилъ вниманіе на книжку, изданную по благословенію Св. Синода Московской Синодальной типографіей въ 1887 г. и носящую заглавіе: «Начальное ученіе человѣкомъ, хотящимъ учиться книгъ Божественнаго Писанія». Книжка эта хороша въ томъ отношеніи, что на 40 страницахъ заключаетъ въ себѣ весь матеріалъ, необходимый для «начальнаго ученія», а именно: утреннія и вечернія молитвы; молитвы предъ трапезой и послѣ нея; символъ вѣры; двѣ главныя христіанскія заповѣди: десять синайскихъ заповѣдей; исчисленіе главныхъ христіанскихъ добродѣтелей, таинствъ, даровъ Св. Духа, плодовъ Св. Духа, блаженствъ евангельскихъ, «дѣлъ милости внѣшнихъ», «дѣлъ милости духовныхъ», смертныхъ грѣховъ и «имъ противостоящихъ» добродѣтелей; сокращенный катихизисъ; разныя изреченія Св. Писанія и краткое нравоученіе. Какъ видитъ читатель, здѣсь въ немногѣмъ заключается очень многое и многополезное. Вотъ это то «начальное ученіе», притомъ изложенное въ своей катихизической части простымъ и удобопонятнымъ русскимъ языкомъ, священникъ и можетъ съ полнымъ удобствомъ передать своимъ пасомымъ такъ, что послѣдніе наизусть будутъ знать «ученіе» вѣры и благочестія. При этомъ архипастырь рекомендовалъ поставить такъ обученіе прихожанъ, въ интересахъ его скорости и наибольшей цѣлесообразности. Священникъ совершилъ въ церкви богослуженіе и выходитъ на амвонъ, предварительно заявивъ прихожанамъ, что онъ желаетъ въ № день послѣ службы побесѣдовать съ ними во храмѣ. Около себя онъ ставитъ мальчика-школьника, который уже знаетъ молитвы, заповѣди, символъ вѣры, сокращенный катихизисъ. Обращаясь къ народу, священникъ говорить:

— Кто знаетъ, почему мы называемся христіанами?

Большинство молчитъ. Кое-кто даетъ неясныя, неопредѣленныя отвѣты. Священникъ обращается къ мальчику, около него стоящему, и задаетъ ему вопросъ словами катихизиса:

— Почему ты называешься христіаниномъ?

Мальчикъ словами того же катихизиса отвѣчаетъ:

— Я называюсь христіаниномъ потому, что я вѣрую въ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и содержи Его святой законъ.

Священникъ проситъ мальчика сказать еще разъ это опредѣленіе яснѣе и болѣе громко. Мальчикъ повторяетъ, а вслѣдъ за нимъ и батюшка повторяетъ слова мальчика въ такой приблизительно формѣ.

— Такъ вотъ, добрый слушатель, запомни: если тебя спросить кто-либо, почему ты называешься христіаниномъ, то ты долженъ отвѣчать: «потому» и т. д.

Затѣмъ священникъ спрашиваетъ, кто можетъ дать отвѣтъ на вопросъ: «почему»... и т. д. Слушатели, хотя и не всѣ, запомнили формулу. Одинъ, а потомъ другой, по приглашенію священника, даютъ отвѣтъ. Достаточно, если дано 5—10 отвѣтовъ, хотя и съ поправками со стороны священника. Слушатели настолько заинтересуются обученіемъ, что, выйдя изъ храма, будутъ уже сами спрашивать другъ друга и поправлять неточные отвѣты.

Въ одинъ приемъ можно разучить два, три, четыре вопроса, одну, двѣ, три, но не болѣе, молитвы, смотря по ихъ объему и трудности выраженія и изложенія.

Указываемъ только общія черты метода, могущаго принести дѣйствительную пользу и необременительнаго для священника. Разработку деталей, какъ, напр., порядокъ изученія отдѣльных частей, раздѣленіе на части «начальнаго ученія» предоставляемъ самимъ батюшкамъ, ихъ доброму желанію и умѣнью.

Изложенный методъ чисто-школьный, катихизическій. Какъ показалъ опытъ, онъ весьма практиченъ, такъ какъ даетъ возможность въ теченіе одного года сдѣлать обученіе всему приходу и приучаетъ прихожанъ къ болѣе исправному и частому посѣщенію церковнаго богослуженія. Наконецъ, методъ вполне обезпечиваетъ священнику надежду на то, что его проповѣди будутъ вполне понятны и весьма дѣйственны для народа, такъ какъ онѣ всегда найдутъ прицѣпку и почву въ точныхъ понятіяхъ слушателей. Хорошо было бы, еслибы послѣ обученія священникъ пристуилъ къ поученіямъ по житіямъ и прологамъ святыхъ, приурочивая ихъ къ изложеннымъ при обученіи понятіямъ.

Въ заключеніе позволимъ остановить вниманіе пастырей-читателей еще на одномъ соображеніи и пожеланіи, осуществленіе котораго весьма способно, по нашему мнѣнію, содѣйствовать успѣху цер-

ковнаго учительства и миссиі. Всякая дѣятельность, чтобы быть плодотворной, предполагаетъ не одно только увлеченіе. Последнее, какъ эстетическая эмоція, не обезпечиваетъ еще систематичности работы и прочныхъ результатовъ дѣятельности. Для пользы дѣла порой надо закалять себя, а порой и просто, какъ говорятъ, взять себя въ ежевыя рукавицы, подгонять свою волю сознаніемъ долга, укрѣплять себя самоограниченіемъ. Тоже самое нужно сказать и о пастырской просвѣтительной дѣятельности. Когда впервые появилась въ Миссіонерскомъ Обзорѣніи «миссіонерская памятка», а потомъ въ Миссіонерскомъ Календарѣ примѣрные уставы кружковъ ревнителей православія, то мнѣ пришло въ голову слѣдующее. Хорошо было бы завести по всѣмъ приходамъ такіе кружки и дать священникамъ, какъ ихъ естественнымъ руководителямъ, такія правила. Выгода отъ подобнаго положенія дѣла такова. Являясь руководителемъ кружка, священникъ долженъ поддерживать и развивать свои знанія, свою начитанность, однимъ словомъ, пополнять и освѣжать свое богословское образованіе, которое, кстати сказать, иногда бываетъ очень скуднымъ и малосодержательнымъ. Вопросы, которые будутъ ему ставить участники кружковъ, заставляютъ батюшку и больше размышлять, и побольше читать. Вмѣстѣ съ тѣмъ священнику представляется удобный случай и прекрасный внѣшній импульсъ посильнѣе задуматься и надъ своимъ внутреннимъ міромъ и надъ своимъ житіемъ: онъ, вѣдь, руководитель кружка, имѣющаго своей задачей поддерживать вѣру и благочестіе. Уже это одно заставитъ его воздержаться отъ несвойственныхъ его сану и положенію желаній, увлеченій, поступковъ. Опытъ учрежденія такихъ кружковъ въ достаточной мѣрѣ уже и теперь говоритъ за ихъ многопользность какъ для пастырей, такъ и для пасомыхъ, вообще для развитія церковно-приходской жизни. И пока у насъ будетъ возстановленъ древне-русскій приходъ со всѣми ожидаемыми отъ него благотворными послѣдствіями, кружки ревнителей православія будутъ приносить свою посильную пользу церковному дѣлу, являясь въ тоже время переходной ступенью къ новому приходу на ряду съ церковно-приходскими попечительствами.

Помогутъ кружки приходскому священнику и въ дѣлѣ борьбы съ расколосектантами. Замѣчено, что тамъ, гдѣ учреждаются «пра-

вославные кружки», падаетъ расколо-сектантство и прекращается сама собою пропаганда. Фактъ вполне естественный и понятный. Избитая истина, что съ врагами нужно бороться ихъ же оружіемъ. Вспомните, какъ св. Ефремъ Сиринъ боролся съ еретикомъ Армоніемъ и чѣмъ св. Іоаннъ Златоустъ удерживалъ паству отъ увлеченія аріанствомъ. И если въ настоящее время непризванные руководители и просвѣтителі общественной совѣсти пользуются въ широкой степени религіозными собраніями для того, чтобы совращать слабыхъ въ вѣрѣ, при чемъ остаются почти всегда безнаказанными, то и пастырю православной церкви нужно поскорѣе браться за устройство вѣтбогослужебныхъ собраній для молитвы и богомыслія. Нѣтъ основаній пастырю и бояться этихъ собраній, какъ такого дѣла, которое потребуетъ отъ него энергіи, превышающей его силы. Напротивъ,—что намъ и хочется подчеркнуть въ данномъ случаѣ,—его трудъ будутъ раздѣлять другіе кружковые члены, которые подъ наблюденіемъ батѣшки будутъ читать слово Божіе, душеполезныя книги, сумѣютъ организовать хоръ, общенародное пѣніе и привлекать на собранія нуждающихся въ церковно-религіозномъ просвѣщеніи.

Намъ думается, между прочимъ, что одна изъ главнѣйшихъ задачъ современныхъ миссіонеровъ заключается въ томъ, чтобы привлекать батюшекъ къ миссіонерскому дѣлу и помогать имъ въ устройствѣ кружковъ ревнителей православія. Задача и благодарная, и многополезная.

Грузинскій епархіальный миссіонеръ *Александръ Платоновъ*.

Полковникъ Пашковъ ¹⁾.

Покончивъ свои частныя бесѣды съ нѣкоторыми прихожанами въ «проповѣдномъ залѣ», Пашковъ подошелъ къ намъ и благословилъ общую трапезу. Утомленность вообще не давала Пашкову пока начать свою рѣчь о чемъ-либо другомъ, кромѣ вновь доставленнаго «страсбургскаго пирога». Это смакованіе пло до тѣхъ поръ, пока «двигалась холодная закуска». Но вотъ начали подавать горячія «блюда». Потомъ «стало разливаться и шампанское». Разгоряченное воображеніе присутствовавшихъ живо развязаловсѣязыки ихъ. Началась опять бесѣда «о задачахъ святогодѣла». Самъ «апостоль» на первое время еще молчать; говорили другіе, его гости.

—Я полагаю, что нашей идеѣ предстоитъ огромное бу-

дущее, заявилъ «князь». — Думаю я такъ объ этомъ потому, что среди нашихъ прихожанъ все болѣе и болѣе появляется интеллигентныхъ

¹⁾ «Мисс. Обзор.» кн. 2-я, стр. 210.

людей. А это признакъ симпатіи общества къ нашему святому дѣлу; признакъ того, что люди стали интересоваться новой мыслию, вносямою въ духовную среду общества нашимъ починомъ въ добромъ дѣлѣ. Я, съ своей стороны, глубоко вѣрую въ проникновеніе нашей идеи во всѣ слои человѣческаго общества. Не только русскій народъ, наиболѣе другихъ теперь нуждающійся въ духовномъ обновленіи своемъ, какъ прокаженный въ исцѣленіи его отъ заразы, но и все человѣчество, говорю я, проникнется этой мыслию и станетъ на сторожѣ очищенія себя нашей идеей. Отъ грѣховъ своихъ люди не найдутъ другого избавленія, кромѣ нашей святой проповѣди. Она очищаетъ человѣка настолько, что я постоянно чувствую себя совсѣмъ обновленнымъ, когда сподобляюсь вкусить здѣсь слова отъ Духа Святаго. Лучше этого обновленія для меня ничего быть не можетъ. Всякій, кто хочетъ испытать тоже самое, что испытываю я здѣсь, долженъ стремиться сюда всей душой своей, чтобы сподобиться тутъ вѣры чистой, непорочной. Какъ Христосъ Богъ нашъ черезъ купель іорданскую хотѣлъ смыть міръ грѣховный въ тѣлѣ человѣческомъ, такъ и мы здѣсь очищаемся духовно, когда пріобщаемся духа святаго. Только эта вѣра можетъ быть очистительна для насъ, она ведетъ людей къ міру «блаженныхъ духовъ». И я стремлюсь туда всѣмъ помысломъ души моей. Пусть послѣдуютъ за мной и всѣ здѣсь присутствующіе. Ихъ, какъ и меня, ничто кромѣ благодати Господней не ожидаетъ тамъ. А развѣ отъ этого мы можемъ отказываться? Развѣ путь къ истинѣ не для всѣхъ насъ пріятенъ? Отраднѣе этого пути въ жизни я ничего не нахожу для себя въ здѣшнемъ мірѣ. Только этотъ путь къ вѣчному блаженству манитъ меня къ себѣ, какъ путеводная звѣзда въ небѣ. Только въ этомъ стремленіи впередъ я и снискиваю для себя покой въ душѣ и отраду на землѣ. Другого-же я ничего не ищу отъ здѣшней жизни. Все, что занимало меня прежде, какъ увлеченіе не земной оболочкой, теперь совсѣмъ покинуло меня и, надо думать, болѣе не вернется ко мнѣ. Я такъ полагаю, что и другихъ моихъ единомышленниковъ постигнетъ то же чувство. Сознаніе быть выше земной юдоли—это ли еще не полное блаженство для человѣка. Я теперь нахожусь именно въ этомъ лучшемъ для меня положеніи. Лучшемъ, говорю, потому, что оно обѣщаетъ мнѣ вѣч-

ность вмѣсто случайной жизни на землѣ. Случайной эту жизнь я называю потому, что ее даже Самъ Богъ не предусмотрѣлъ для насъ. Если бы это было не такъ, то мы знали бы свой предѣлъ на землѣ... Но мы его не знаемъ. И не знаемъ именно потому, что Господь Богъ не предусмотрѣлъ его для насъ...

— А если бы это было предусмотрено, то не хуже ли было бы оно для насъ, философски замѣтилъ полковникъ Пашковъ.— Не сошли ли бы мы съ ума сегодня, если бы знали, что завтра нашъ предѣлъ на землѣ кончается...? Не есть ли это предусмотрѣніе Божіе, что намъ не дано знать своего предѣла?..

— Какая мудрость, какая мудрость!.. шептала мнѣ моя сосѣдка, виновница этой моей минуты жизни среди людей, міръ которыхъ дотолѣ мнѣ вообще мало былъ знакомъ по его особенной абстракціи и реальности... Какой великій человѣкъ онъ, продолжала сообщать мнѣ изящная дама.—Я отъ него въ восторгѣ. Что ни слово у него—то мудрость. Я многому кое-чему научилась отъ него. Вотъ что и влекло меня сюда постоянно. Я обновилась здѣсь вполнѣ: и душой, и тѣломъ...

— И тѣломъ даже?—спросилъ я.

— Да, и тѣломъ! язвительно отвѣтила она; замѣтивъ мое пронизываніе надъ предметомъ бесѣды.—Вы, очевидно, способны только язвить, а не разсуждать здраво, еще строже замѣтила она и такъ усердно хлебнула шампанскаго, что даже поперхнулась.—Ну, стало быть, дома помипають меня, добавила она,—надо домой ѣхать. Я уже, кажется, достаточно набесѣдовалась...

И у нея, дѣйствительно, загоралъ усиленный румянецъ въ лицѣ, должно быть отъ искрящагося напитка.

— Да, я увѣренъ, продолжалъ Пашковъ,—что Господь Богъ мудростію Своею предусмотрѣлъ наше общее сумасшествіе отъ знанія своего предѣла и потому Онъ не допустилъ его до насъ. Съ этимъ всеобщимъ нашимъ сумасшествіемъ умерла бы и идея человѣческаго творчества на землѣ. А это, очевидно, нужно было еще для Господа и Онъ вложилъ въ человѣка душу мудрую, созидательную и общительную. Вотъ основаніе, которое заставляетъ меня думать, что ваше мнѣніе, князь, не имѣетъ подъ собою достаточно твердой почвы...

— Вполнѣ преклоняюсь передъ вашей мудростію, другъ мой, заявилъ князь,—и еще разъ сознаюсь въ слабости своего надѣла, дарованнаго мнѣ Богомъ...

— Ни то это сама мудрость говоритъ устами полковника, ни то въ немъ на самомъ дѣлѣ господствуетъ Духъ Святой, еще разъ заявила мнѣ изящная дама.

— Судить не рѣшаюсь для васъ, заявилъ я ей на это.

— «Для васъ»!.. А точно ваше сужденіе для себя принесетъ какую-либо пользу для другихъ... Именно только то и полезно, что становится общимъ достояніемъ...

— Но я не могу вамъ сказать своего мнѣнія...

— Это почему-же?

— Потому что оно очень строго для здѣшняго общества.

— А именно?

— Да я не могу, говорю-же вамъ.

— Ну полноте. Вы видите, насъ никто не слушаетъ.

— Это все равно.

— Такъ вы не довѣряете мнѣ?

— Напротивъ.

— Ну такъ отчего-же не хотите сказать?

— Оттого, что не желаю разочаровывать...

— Въ чемъ?

— Въ немъ... Вы знаете, какъ непріятно быть разочарованнымъ?

— Да, это правда... Но я всетаки хотѣла бы знать... Невѣдѣніе тоже страшно томительно.

— Но не такъ, какъ разочарованіе.

— Не знаю... Не испытала... Потому и сравненія дѣлать не могу... Такъ вы не скажете?..

— Нѣтъ.

— Почему?

— Жалѣя васъ...

— Ну, какъ знаете...

— Да я знаю, что я больше принесу вамъ пользы своимъ молчаніемъ.

— Но всетаки хотѣлось бы...

— Лучше не просите...

— Ну вотъ вы какой... немилостивый.

— Несговорчивый, хотѣли вы сказать?

— Нѣтъ... Я сказала то, что думала.

— Едва-ли.

— Сомнѣваетесь?

— Да.

— Тѣмъ лучше для меня. Я по крайней мѣрѣ буду знать, что отплатила вамъ чѣмъ-нибудь за ваше недовѣріе ко мнѣ...

— Значить, расчеты покончены?

— Пусть будетъ такъ.

А между тѣмъ я имѣлъ сказать своей сосѣдкѣ то, что все то, что говорилъ полковникъ Пашковъ уже давно было сказано Ренаномъ въ его «Исторіи Христа»...

— Итакъ, вы думаете, что полковникъ не правъ въ томъ, что сказалъ?—продолжала дама меня допрашивать.

— Я уже пересталъ объ этомъ думать, заявилъ я.

— Ну, какъ хотите... И настойчивый же вы человѣкъ.

— Вы думаете?

— Даже увѣрена.

— Ну и прекрасно. По крайней мѣрѣ, въ васъ одной вѣрой будетъ больше.

— Этого вы и хотѣли?

— Отчего же нѣтъ? Всякая вѣра есть новый укладъ души...

— Ну не такой, какого я ищу.

— А вы развѣ ищете чего?

— Это такъ понятно... Вся жизнь наша есть одни поиски чего-то... Но чего именно, я и сама не знаю...

— Вотъ это то и есть жизнь. Стало быть, я, покладая въ васъ вѣру, даю вамъ жизнь...

— Но не ту, которой я ищу.

— А какой же вы ищете?

— Еще неизвѣданной мною.

— Да, вѣроятно, ея и нѣтъ. Вѣдь все, что мы переживаемъ— есть именно та жизнь, которой мы ищемъ. А другой никакой нѣтъ.

— Ну этимъ я недовольна. Я жажду жизни новой.

— Напрасно вы будете искать ее. Не найдете.

— Вы думаете?

— Увѣренъ.

— Такъ, вы, какъ новое лицо, не вносите въ меня новый элементъ жизни?

— Нѣтъ. Это все повтореніе старой.

— Ну вотъ это то повтореніе въ другомъ лицѣ я и считаю новой жизнью.

— Немногаго же вы хотите.

— Дайте мнѣ еще что другое и я буду вамъ признательна.

— Я не творецъ и создать новаго, кромѣ того, что создано уже до меня, ничего не могу.

— А подумайте.

— И думать не буду, потому что все обдуманно до меня.

— А я разсчитывала на васъ...

— Напрасно. Вашъ кумиръ—полковникъ.

— Только въ другомъ родѣ.

— Въ какомъ-же это?

— Въ духовномъ.

— А вы ищите?..

— Того, чего не испытала..

— Ну это сказка про Бѣлаго Бычка...

— Вся жизнь такова... Вы сами-же говорите, что она повторяется... Ну и я хочу повторенія въ другомъ лицѣ...

— Уважаемый полковникъ вполне отвѣчаетъ вашему идеалу...

— Не совсѣмъ.

— Ну ищите другого.

— Я такъ и дѣлаю.

— И странное-же существо эта женщина!

— А что?

— Да она вѣчно находится въ поискахъ своего идеала и никогда не находитъ его.

— Ну этого не скажите. Я знаю женщину, которая нашла свое искомое.

— Вы думаете?

— Увѣрена. Примѣры налицо. Ихъ не мало у меня. Только вотъ мнѣ не удается.

— Ну ищите. Желаю вамъ успѣха.

— Я такъ и дѣлаю, да все не нахожу. Вы-же не хотите мнѣ сказать того, что думаете даже о полковникѣ.

— Но вѣдь это не цѣль вашей жизни?

— По крайней мѣрѣ удовлетвореніе своихъ желаній.

— Но вѣдь это ничтожное удовлетвореніе въ сравненіи съ жизнью, которой вы ищете...

— Однако-же... Вsectаки есть нѣчто... Есть успокоеніе своихъ чувствъ. А теперь и этого нѣтъ. Теперь и того вы меня лишаете.

— Вотъ те на! Такъ я всему причиной?

— Такъ какъ же? Вы не хотите сказать мнѣ того, что думаете о полковникѣ.

— О вашемъ кумирѣ?

— Хотя бы и такъ.

— Ну зачѣмъ-же я буду разбивать вашихъ кумировъ. Вѣдь это варварство. Я просилъ бы васъ уволить меня отъ этого ужаснаго злодѣянія.

— Вы уже на половину его сдѣлали.

— Чѣмъ это?

— Поселеніемъ во мнѣ сомнѣнія.

— Ну простите меня за это.

— Никогда.

— Хотя бы во имя Святаго Духа?

— Ни за что.

— Вы жестокая.

— Это вы заставили меня быть такой. Своимъ упрямствомъ вы порождаете во мнѣ духъ сомнѣнія...

— Отриньте его отъ себя и тогда будетъ вамъ благо на землѣ.

— А какъ я могу это сдѣлать, когда во мнѣ нѣтъ такой воли.

— О, слабая женщина! И вы еще ищете новой жизни на землѣ. Когда не умѣете отбрасывать отъ себя духъ сомнѣнія, такъ какъ же вы обрѣтете что-нибудь новое для себя. Это все не укладывается въ одномъ мѣшкѣ...

— «Мѣшкѣ»... Фу, какое сравненіе! Точно я мѣшокъ.

— Простите за выраженіе, но я никакъ не думалъ сравнивать васъ... Это случайно сказалось... Для образности... И только для того...

— Хороша «образность»... Нечего сказать. Такъ еще, пожалуй, вы меня сравниваете вотъ съ этой бутылкой...

— Съ пустою? Никогда. Вы еще такъ полны жизнью, чтобы отнимать у васъ содержимое...

— Вы ловко можете выходить изъ своихъ затрудненій,—это я вижу,—но только неловко впадаете въ «мѣшокъ», въ которомъ сами являетесь содержимымъ...

— Какъ, однако, далеко мы зашли въ этомъ разговорѣ, что даже отстранились отъ общей бесѣды, а между тѣмъ тамъ идетъ рѣчь о томъ, что намъ избрать для жизни какъ лучшее нѣчто... замѣтилъ я.

— Ну вы не отлынивайте отъ своей мысли, поставила мнѣ на видъ дама,—я вижу, что вы уже хотите уйти отъ своей ошибки съ «мѣшкомъ». А я, напротивъ, хочу васъ засадить въ этотъ мѣшокъ, чтобы вы впредь не ошибались. А то что это такое «мѣшокъ»...

— Но не бутылка же по крайней мѣрѣ?

— Бутылка-то, оказывается, содержательная. Это вы сами подтвердили мнѣ. А вотъ «мѣшокъ-то что такое»?..

— Да... мѣшокъ и больше ничего.

— Но вѣдь это мужской родъ.

— Да, я не въ женщину и произвожу его.

— Такъ зачѣмъ-же вы въ разговорѣ со мной допустили его?

— По ошибкѣ. Вѣдь я сказалъ вамъ, что ошибся и извинился за это.

— Нѣтъ, этого мнѣ мало.

— Такъ чего же вы хотите?

— Я хочу поясненій. Зачѣмъ вы допустили «мѣшокъ»... За что вы обошли бутылку?... Какъ содержимая, она важнѣе, а мѣшокъ пустой...

— Ну это вѣдь безконечное...

— Что «безконечное»? Упрекъ мой вамъ? Да онъ будетъ безконеченъ. Пока вы со мной, я не прощу вамъ этого...

— Такъ я могу уѣхать...

— Ну не говорите вздора... Вечеръ еще далеко не конченъ... Мы успѣемъ развѣхаться... А пока поболтаемъ... Вѣдь въ этомъ и

вся жизнь, что мы себя взвинчиваемъ... подшпориваемъ... Если бы не было зацѣпъ въ нашей рѣчи, тогда бы и не было повода о чемъ говорить... Неужели вы думаете, что все, что я съ вами болтала, такъ серьезно, что на немъ нужно останавливаться? Вовсе нѣтъ. Я говорила только потому, чтобы не сидѣть молча и не портить себѣ аппетитъ суровостію. А когда говоришь, тогда и кровь циркулируетъ сильнѣе и жизнь идетъ легче, бьетъ ключемъ... Что вы занятный малый, это я скажу вамъ прямо. Но что вы отчасти упрямый, это тоже вѣрно.

— Но что лучше изъ двухъ?

— Для меня и то и другое цѣнно.

— То-есть?

— Съ занятнымъ можно поболтать и съ упрямымъ тоже. Спорить можно и съ тѣмъ, и съ другимъ.

— Но съ какимъ интереснѣе?

— Сравненій не дѣлаю. Но скажу, что занятный интереснѣе, а упрямый—загадочнѣе.

— Такъ что и въ томъ, и въ другомъ есть интересъ?

— Да.

— О, какой-же я интересный двойникъ!..

Дама размѣялась, но такъ тихо, что общество наше не замѣтило этого...

Набросанная здѣсь мною картинка — есть одна изъ многихъ такихъ, которыя прокурсировали черезъ домъ полковника Пашкова на Гагаринской набережной въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока здѣсь были допущены официально «духовныя бесѣды»...

Я не стану больше вдаваться въ частности этого дѣла, а скажу лишь, что вечеръ, который я провелъ въ домѣ русскаго Редстока, закончился очень поздно и «князь» послѣ этого вечера взялся провожать ту красавицу-дѣвушку, которую онъ въ началѣ «бесѣды», какъ я говорилъ выше, убѣждалъ своей ласковой рѣчью быть въ ихъ обществѣ «своей», потому что здѣсь нѣтъ никакихъ степеней и градацій, а существуетъ лишь абсолютное равенство и братство. Я же былъ вынужденъ обстоятельствами,—сложившимися на этотъ разъ такъ, что мнѣ нельзя было избѣжать ихъ, чтобы не быть игрушкою судьбы,—проводить свою даму до подъѣзда дома, гдѣ ее

встрѣтилъ ливрейный лакей со жгутами черезъ плечо и, подавъ ей салопъ изъ чернобурой лисицы, усадилъ ее въ богатую карету съ золотыми гербами, заложенную тысячными караковыми рысакими въ англійской упряжкѣ и съ гайдукомъ на козлахъ, державшимъ въ правой рукѣ длинный бичъ, не столько для того, чтобы ими повукать лошадей, — такъ какъ онѣ и безъ того шли безудержа, не смотря на то, что были на мундштукахъ, — а лишь для того, чтобы это было картинно, модно и по аристократически...

— Такъ смотрите-же, будьте здѣсь на слѣдующей «бесѣдѣ», повелительно сказала мнѣ дама изъ дверцы кареты, когда ее закрывалъ «ливрейный»...

Я только было хотѣлъ отвѣтить ей «постараюсь», но не успѣлъ и рта открыть, какъ уже лошади понесли карету вдоль Гагаринской набережной, по направленію къ Троицкому мосту, и скрылись отъ меня въ темнотѣ ночной... Я на минуту задумался было надъ вопросомъ о томъ, что это за мистификація здѣсь такая, что люди, ведя между собою разговоръ цѣлыми вечерами, не знаютъ даже фамиліи своихъ собесѣдниковъ... Но потомъ, вернувшись въ швейцарскую дома Пашкова, я спросилъ:—«кто эта дама»?... Княгиня N, отвѣтилъ мнѣ Мазепа съ Гагаринской набережной... Ну эта птица не нашего полета, подумалъ я и рѣшилъ, что мнѣ на здѣшнихъ бесѣдахъ больше дѣлать нечего и я, конечно, не пошелъ сюда. Но на слѣдующей недѣлѣ, послѣ этого дня, я получилъ отъ княгини N письмо, полное упрека въ томъ, что я не сдержалъ своего слова—хотя, въ сущности, и не давалъ его—и не явился на «бесѣду»... Меня въ этомъ случаѣ поражало больше всего, какъ она узнала мой адресъ... И оказалось, что я оставилъ въ швейцарской дома Пашкова свою визитную карточку, когда входилъ въ него на «бесѣду»... Самое-же письмо княгини N очень любопытно по своему содержанію и я приведу его здѣсь цѣликомъ.

«Вотъ ужъ поистинѣ можно сказать, что повѣрить мужчинѣ на слово, это значитъ за благовременно обмануть себя, писала мнѣ княгиня N.—А я вамъ повѣрила и потому наказала себя. Ну да я съ вами рассчитаюсь потомъ, когда-нибудь, а теперь я прошу васъ не оставлять нашихъ бесѣдъ и посѣщать ихъ такъ же акуратно, какъ и я ихъ посѣщаю. Это для насъ поучительно. Тутъ мы по-

черпаемъ новую жизнь. Это источникъ нашихъ благъ. Другихъ теченій жизни я пока не ищу для себя. Это было бы равносильно тому, что называется бѣжать отъ добра и искать зла. Но я не изъ такихъ, чтобы такъ дурно думать о благахъ міра сего. Для меня здѣсь все такъ симпатично, все благочинно, все построено на велемудріи человѣческой мысли, на благочестіи слова, связаннаго съ дѣломъ, что измѣнять ему, это значить не блюсти истиннаго смысла жизни, не радѣть для блага своего прямого назначенія въ бытіи. И я вамъ предложила бы слѣдовать моему примѣру. Не для того, конечно, я вамъ это предлагаю, чтобы господствовать надъ мыслию другого человѣка, какъ вы можете подумать на первый разъ, но для того, чтобы уразумѣть истинный путь жизни. Назначеніе наше въ сей юдоли только въ томъ и состоитъ, чтобы во имя Духа Святаго группировать мысли людей вокругъ одной божественной идеи и давать имъ купное направленіе въ строѣ общественнаго бытія. Вотъ мое главное мнѣніе о нашихъ бесѣдахъ, къ которымъ я васъ приглашаю. Не для того, конечно, я это дѣлаю, чтобы однимъ атомомъ укомплектовать наше духовное цѣлое, а для того, чтобы дать этому атому надлежащее мѣсто въ нашемъ духовномъ мірѣ. Вотъ какова моя задача въ этомъ случаѣ. Вотъ почему мнѣ васъ желательно видѣть среди нашего духовнаго цѣлага. Другого значенія я въ этомъ не вижу. Да и было бы странно его усматривать, если его здѣсь не существуетъ. Не думаю, чтобы и вы подразумѣвали въ этомъ что-либо другое. Если же это въ васъ таится, то вы совершаете неискупимый грѣхъ. Здѣсь всѣ люди честныхъ направленій. Они сошлись между собою во имя Божественной идеи. И отводить имъ другое мѣсто на землѣ, это значить не знать ихъ основныхъ задачъ.

«Такъ подумайте же обо всемъ, что я вамъ сказала и увѣруйте въ мои слова, и потомъ, конечно, и приобщитесь нашего духа святого. Я непремѣнно желала бы васъ видѣть здѣсь, среди нашего общества такъ же ревностнымъ сподвижникомъ его идеи, какъ и многіе другіе мои коллеги по дому сему»...

Но я, конечно, не внялъ этому голосу, призывающему меня туда, гдѣ творилось что то противное духу моему, и потому я уже воздержался отъ сего соблазна... Отстать отъ тѣхъ страстей или

привычекъ, которыя входятъ въ обыденную жизнь человѣка чѣмъ-то такимъ, что является для него естественной потребностію, если еще не того хуже, говорилъ мнѣ голосъ разума, бываетъ не такъ-то легко, какъ просто привыкнуть къ нимъ. Вотъ почему я и не хотѣлъ привыкать къ тому, что смущало духъ мой, гдѣ есть много такого соблазна, который не гармонируетъ съ порядкомъ моей мысли... И если что занимало меня въ этомъ случаѣ, такъ это развѣ еще одно желаніе постичь большій смыслъ пустоты въ этой идеѣ... Для такихъ же ничтожныхъ вещей я думалъ не слѣдуетъ и отводить уже много мѣста въ жизни своей... И я не отводилъ его. Это было бы противно духу моему...

Что думала потомъ обо мнѣ изящная дама, я объ этомъ мало заботился. Но на приглашеніе ея къ «духу святому» я отнесся очень равнодушно... Какъ Моисей стеръ въ порошокъ золотого идола израиля, въ Аравійской пустынѣ слитаго, и развѣялъ его по вѣтру «въ прахъ земномъ», такъ и я разметалъ въ душѣ моей въ прахъ то, что было создано какъ культъ какой-то новой вѣры на Гагаринской набережной...

Но книгиня N, какъ я узналъ потомъ, и впредь продолжала служить идеѣ полковника Пашкова, когда его уже не было въ Петербургѣ и когда «духъ святой» съ Гагаринской набережной навсегда переселился въ Парижъ...

Миръ добрый ей въ этомъ стремленіи къ обобщенію всѣхъ, жаждущихъ вкусить ея «новой жизни» въ одномъ «духѣ святомъ»...

III.

Но я этимъ еще не закончилъ циклъ обзорѣній дѣятельности полковника Пашкова въ Петербургѣ и внѣ его. Напротивъ, эта дѣятельность была въ то время, когда я ознакомлялся съ нею, настолько обширна по своему «пропагандному замыслу» «о духѣ святомъ», что ее объять въ нѣсколькихъ страницахъ написаннаго мною повѣствованія было бы совершенно невозможно. Тѣмъ болѣе это уже должно быть такъ и потому еще, что личность Пашкова, помимо столичнаго общества, къ нему тяготѣвшаго своимъ вниманіемъ, стала интересною и для русской печати, и та начала отводить его «дѣламъ» очень много мѣста на своихъ столбцахъ.

Писалось даже и о томъ, какъ онъ, Пашковъ, «началъ дѣлать» какія то «нововведенія» у себя въ имѣніяхъ, привлекать къ нимъ мѣстныхъ крестьянъ и давать имъ «особый родъ духовной окраски въ жизни». Строилъ онъ также въ деревняхъ сельскія школы, открывалъ для бѣдныхъ столовыя, устраивалъ разные пріюты для дѣтей и стариковъ и содержалъ все это на свой счетъ. Духовенство того времени смотрѣло на это «дѣло» неизвѣстно чьими глазами и, конечно, ничего не видѣло или не хотѣло видѣть, что тутъ творилось, для чего это творилось и почему такъ дѣлалось. Единичные голоса духовенства, возстававшіе противъ «идей» Пашкова, какъ не соотвѣтствующихъ своимъ направленіемъ въ духовномъ воспитаніи народа духу православной церкви, хотя и были, но они скоро заглушались голосами того хора, который пѣлъ гдѣ то въ унисонъ съ русскимъ Редстокомъ, и такъ все замирало въ пустынь невниманія къ искрѣ зла въ нашемъ обществѣ, разгоравшейся все болѣе и болѣе въ пламенный огромныхъ размѣровъ костеръ. И все это, надо замѣтить, при полной свободѣ дѣйствій этой стихіи, разгоравшейся на нашей степи духовной жизни безъ всякихъ преградъ къ ея движенію со стороны, безъ того, что называется въ этомъ случаѣ, «пожарнаго обоза», который бы долженъ былъ локализовать этотъ пожаръ. Конечно, при такомъ наступательномъ движеніи пашковской стихіи впередъ въ ней не мало погибло невинныхъ жертвъ, потому что онѣ рѣшительно были невмѣняемы въ этомъ случаѣ и положительно не знали, за что ихъ сжигаетъ эта огненная геенна. А геенна эта была очень страшная для тѣхъ, кто ее не зналъ, не понималъ и никакъ сознавать не могъ, потому что она являлась передъ людьми въ образѣ чистаго духа, которому уже нужно было поклониться, передъ которымъ требовалось благоговѣть, но не сомнѣваться въ немъ, не бѣжать отъ него, какъ отъ мрачнаго зла, непотребнаго нѣчто.. Вотъ чѣмъ она была опасна. Вотъ почему здѣсь погибло не мало невинныхъ жертвъ. И что больше всего обиднѣе, въ этомъ случаѣ, такъ это то, что жертвы эти были юны по возрасту своему и потому легли сюда, какъ мотыльки на огонь. Старые-же ханжи, принимаемые здѣсь какъ члены «своей духовной семьи», имѣлись лишь въ виду какъ неизбѣжное зло, безъ котораго, какъ и безъ

ширма въ уборной артиста, нельзя было обойтись. Въ отвлеченіе этого вниманія общества съ Гагаринской набережной, этимъ ханжамъ давались денежныя подачки, какъ милостыня, будто бы, исходившая «отъ духа святаго». И всего этого здѣсь понять не могъ лишь тотъ, кто былъ юнъ возрастомъ, неопытенъ въ жизни и наивенъ въ довѣріи къ людямъ тамъ, гдѣ онъ не знаетъ цѣли ихъ бытія и пр. Вотъ что погубило здѣсь молодыхъ сердца, искалѣчило ихъ духовно на всю жизнь и отнимало у нихъ, такимъ образомъ, все святое, ихъ собственное, врожденное, имъ однимъ Богомъ дарованное, навсегда, на вѣчныя времена. Отнимите-же вы своевременно отъ Пашкова «духа святаго», на идеѣ котораго онъ мучилъ общественное море человѣческой жизни, и у него не осталось бы никакого престижа, никакой притягательной силы, чтобы создать себѣ «большое имя», стать «міровой личностію» и быть съ этой стороны извѣстнымъ на весь свѣтъ.

Да, онъ, именно, былъ такимъ. Его идеаль только къ тому и стремился, чтобы стать «міровой знаменитостію». Для этой цѣли онъ не жалѣлъ никакихъ своихъ денежныхъ средствъ, которыхъ, кстати сказать, у него былъ огромный избытокъ, переливавшійся черезъ край его жизни... И этотъ-то «черезъ край» и потребовалъ отъ него «новой жизни», которой онъ еще не испыталъ, и влекло его чувство честолюбія, страннаго замысла и необъяснимой до сихъ поръ преданности тому, что вовсе не нужно было современному обществу, въ чемъ никто изъ насъ не нуждался и нуждаться никогда не могъ, потому что здѣсь не было ни одной здоровой мысли... И это-то безсмысліе, при какой-то апатіи столичной власти, тогда бывшей у кормила, допускалось къ «популярному изданію» и распространялось въ массѣ самымъ усерднымъ образомъ. Изданій-же этихъ, подъ видомъ «проповѣдей Пашкова», вышло въ свѣтъ свыше двухъ сотъ и при количествѣ нѣсколькихъ-же милліоновъ экземпляровъ. И все это въ теченіе періода—отъ 1877 по 1884 годъ, когда, главнымъ образомъ, укоренялась «пашковская дѣятельность» въ русскихъ темныхъ массахъ... Къ этимъ-же темнымъ массамъ еще не мало примкнуло и лицъ большого свѣта и всѣ «они упивались» странной философіей «пашковской литературы»... Такъ тогда и называлась эта литература «пашков-

ской» и ее можно было встрѣтить вездѣ, гдѣ только было извѣстно имя этого русскаго Редстока, то есть, и въ роскошныхъ палатахъ, и въ убогой хижинѣ, до деревенской избы включительно. Словомъ, «пашковская литература», какъ и у всякаго православнаго человѣка евангеліе, была «настойной книгой»... Раздавалась эта «литература» вездѣ бесплатно и въ какомъ угодно количествѣ экземпляровъ. По преимуществу-же ея распространеніемъ занимались «пашковскія столовые», куда масса народа стремилась и днемъ, и ночью на даровые обѣды. А столовые эти помѣщались тогда на Выборгской сторонѣ, въ районѣ рабочаго населенія, гдѣ, главнымъ образомъ, «пашковская проповѣдь» имѣла «разъѣдающее значеніе» и поселяла среди людей религіозную смуту, въ которой, вѣроятно по своей безпечности, однако всѣ наши отцы духовные не видѣли тогда никакого порока и потому, какъ будто бы, ее еще и поощряли на это пагубное дѣло...

Посѣтивъ въ 1878 году «Пашковскія столовые» на Выборгской сторонѣ, я замѣтилъ здѣсь страшное движеніе толпы къ какому то обособленію отъ церкви. И все это двигалось не самостоятельно, не подъ наитіемъ «внутренняго міра» человѣка, а подъ тѣмъ давленіемъ на него со стороны, которое производилось здѣсь на толпу наемными пашковскими проповѣдниками, съ каеодры разсуждавшими о какихъ то заблужденіяхъ человѣчества, изъ которыхъ, однако, эти проповѣди никого не выводили, а лишь только еще болѣе углубляли въ дебри этихъ заблужденій...

Читались проповѣди въ столовыхъ Пашкова какими то мальчишками, студентами, нерѣдко людьми совсѣмъ темными во всѣхъ отношеніяхъ, безызвѣстными и потому мало располагавшими къ себѣ довѣріемъ. Но ихъ, однако, слушали. И слушали не потому, что они были дѣльные проповѣдники, а потому что они говорили русскимъ, простымъ языкомъ, безъ славянскихъ, церковныхъ текстовъ, а такъ, какъ кто говорить могъ, на какомъ языкѣ онъ изъяснялся вообще. Словомъ, это былъ своеобразный народный университетъ, съ каеодръ котораго говорили не профессора, знающіе свой предметъ, а люди, умѣющіе говорить всякій вздоръ...

И этотъ то вздоръ былъ включенъ въ догму вѣры, религіи и на немъ то построено было цѣлое ученіе, напечатана цѣлая библио-

тека разныхъ изданій и пр. Но больше всего здѣсь обращала на себя вниманіе свобода слова. Рѣчь каждого проповѣдника тутъ нѣкъмъ заблаговременно не одобрялась... А такъ вотъ человѣкъ «пришелъ съ вѣтру», да и началъ говорить всякій вздоръ. Но этотъ вздоръ, говорю я, былъ облеченъ въ религіозную форму и его приходили слушать со всѣхъ концовъ Петербурга. Также нерѣдкость бывало встрѣтить здѣсь, какъ и у самаго дома Пашкова, на Гагаринской набережной, кареты съ гербами, и лица, прибывшія въ нихъ, имѣли своей цѣлю тутъ «духовныя бесѣды»... Я бы называлъ, съ своей стороны, эти «бесѣды» вреднымъ препровожденіемъ времени, чѣмъ полезнымъ духовнымъ назиданіемъ, какъ онѣ вообще назывались. Подстрекать же тогда на эти бесѣды всѣхъ и вся считалось какимъ то обязательствомъ для каждого... Что это было: турниръ ли особаго рода, или манія на всякую новизну, сказать трудно. Но шли сюда «на бесѣды» всѣ, кто не лѣнивъ былъ на передвиженіе свое и еще имѣлъ время на то. Популярность Пашкова, такимъ образомъ, была всеобщая. О немъ говорили вездѣ: и въ палатахъ, и въ хижинѣ. И все это съ почетомъ, достойнымъ его личности. Одинъ, напримѣръ, поминалъ его добрымъ словомъ за то, что онъ снабдилъ его деньгами на домашнія нужды, другой благодарилъ за хорошіе и вкусные даровые обѣды на Выборгской сторонѣ въ его столовыхъ, третій припоминалъ его хлѣбъ-соль у него на дому послѣ «пятничныхъ бесѣдъ», когда избранные «прихожане» шли за общую трапезу «благочестиваго человѣка», во имя «духа святого» расточавшаго свое огромное состояніе и т. д.

Творческой мысли въ проповѣдяхъ, читаемыхъ въ столовыхъ Пашкова, никто изъ смыслящихъ людей не находилъ никакой, но шли сюда лишь для того, чтобы ознакомиться съ тѣмъ, что тутъ вообще говорилось, такъ какъ объ этихъ «бесѣдахъ» чуть ли не каждый день писалось во всѣхъ столичныхъ газетахъ, какъ о чемъ то выдающемся, новомъ и замысловатомъ. На основаніи же этой замысловатости, прочитанной въ газетѣ, каждый провинціалъ, временно посѣтившій Петербургъ, считалъ своимъ долгомъ побывать въ столовыхъ Пашкова и послушать тамъ духовныя бесѣды.

Но каждый изъ этихъ слушателей выносилъ отсюда одно сомнѣніе на предметъ неясности смысла этихъ бесѣдъ, то-есть, какое

значеніе онѣ имѣли и для чего, собственно, были допущены здѣсь.

— Если предположимъ, что эта столовая должна отвѣчать назначенію монастырской трапезы, въ которой, во время обѣда монаховъ, постоянно читается житіе святыхъ отцевъ, говорилъ мнѣ одинъ провинціалъ,—то неужели же Пашковъ всѣхъ насъ хочетъ обратить въ монаховъ? И если не эта, то какая же другая цѣль здѣсь имѣется въ виду? Но я, говоря вамъ откровенно, добавилъ онъ,—не вижу въ этомъ никакой другой цѣли, кромѣ какой то странной моды на что то миссіонерское, на что то чуждое нашему духу... И нѣтъ сомнѣнія, что эта мысль, или сознаніе мое, скоро проникнетъ въ понятіе общества и оно уразумѣетъ то, что съ этой комедіей такъ или иначе надо будетъ покончить...

И съ ней, дѣйствительно, покончили въ 1884 году, при чемъ всѣ столовыя Пашкова, какъ притоны вредныхъ разсужденій людей всѣхъ категорій, собиравшихся здѣсь не извѣстно для какихъ цѣлей, были закрыты, «бесѣды» его воспрещены, а самому ему было предложено выѣхать навсегда за границу.

Отъѣздъ этотъ вызвалъ въ обществѣ страшную сенсацію. Всѣ тѣ, которые преклонялись передъ «новымъ пророкомъ» изъ-за денегъ, даваемыхъ имъ «на житіе» людямъ, были возмущены какимъ-то насиліемъ, совершеннымъ надъ русскимъ Редстокомъ... Но изъ этого, однако, ничего не вышло... Все потомъ успокоилось, хотя и не скоро; всѣ смирились съ фактомъ пріостановки «дѣятельности Пашкова», правда, не надолго... И вѣдь «ржа ѣстъ желѣзо», какъ говорить русская пословица,—такъ и эта окисъ нашей общественной жизни положила шрамы—и довольно таки глубокіе, надо замѣтить—на стѣнкахъ русскаго народнаго корабля, залѣчить которые едвали скоро придется нашимъ духовнымъ врачамъ, потому что они инфекціонны и слишкомъ заразительны... А профилактики на этотъ счетъ своевременно людямъ не было предложено никакой... Вотъ почему эти пашковскія язвы теперь и стали очень опасны для нашего общества вообще, а для народа въ особенности, чтобы не сказать уже, что онѣ совсѣмъ неизлѣчимы...

С. Глѣбовъ.

Миссіонерскіе очерки.

XVIII.

Что-же дальше?

Въ моей жизни совершилось важное событіе: я готовился къ женитьбѣ. Родные мои и друзья съ любопытствомъ спрашивали меня: что же будетъ со мною дальше?

На этотъ вопросъ большею частью я отдѣлывался общими, неопредѣленными отвѣтами. Но одинъ разъ мнѣ пришлось выдержать цѣлую бесѣду о своемъ положеніи и своихъ видахъ на будущее.

Это было въ кругу ближайшихъ родственниковъ. Они заботливо давали мнѣ совѣты, какъ устроиться по семейному. Слушая насъ, мой пріятель спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, служба миссіонерская коронная?

— Нѣтъ, отвѣтилъ я.

— Все же служба обезпечить васъ пенсіей?

— Ничего не извѣстно, сказалъ я. Мы живемъ надеждами на будущее.

— Ну, другъ мой, замѣтилъ судеецъ, вы донкихотствуете. У васъ нѣтъ правъ государственной службы, нѣтъ даже *частной* пенсіи,—на что же вы надѣетесь? Вамъ хорошо было бы «упражняться» въ идеализмъ одному, а теперь вы женитесь. Извольте бросить свою службу и искать теплаго угла...

Всѣ молчали. Мнѣ было жутко. Я какъ то растерянно посматривалъ кругомъ. Просто не хотѣлось вередить своихъ ранъ. Судеецъ спросилъ:

— Такъ какъ же, другъ?

Я, наконецъ, сказалъ:

— Такъ: будемъ жить, надѣясь на милость Божию. Дѣло наше новое. Оно только организуется. Между тѣмъ его связь съ общегосударственными учрежденіями не подлежитъ сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ: наши отечественные законы созидаютъ строй Россіи на твер-

домъ основаніи православной церкви. Миссіонеры оберегаютъ эту твердыню своими бесѣдами. Они, слѣдовательно, служатъ своей родниѣ не меньше государственныхъ чиновниковъ. И потому будущность миссіонеровъ, мнѣ кажется, обезпечена самой сущностью вещей. Вѣрю, что Богъ сжалится надъ нами и покроетъ насъ своимъ попеченіемъ...

Судеецъ меланхолически замѣтилъ:

— На Бога надѣйтесь, а сами не плошайте...

Я сказалъ:

— Такъ. Но что значить «плошать» и «не плошать» въ жизни? Не плошаетъ или плошаетъ тотъ, кто всѣ силы души своей полагаетъ на приобрѣтеніе матеріальныхъ удобствъ жизни? Кто всякіе подвиги оцѣниваетъ рублемъ и всѣ чаянія свои сводитъ къ обогащенію, хотя бы и въ ущербъ ближнимъ?..

Извините, господа, но такая *свокорыстная* философія кажется мнѣ низменной и недостойной человѣка. Мы призваны въ міръ для дѣланія добра, — для усовершенствованія совѣсти и воли своей въ подвигахъ любви Христовой. — Такъ изъясняютъ цѣль человѣческой жизни даже философы, кромѣ грубыхъ эгоистовъ и утилитаристовъ, хотя и подъ другими выраженіями.

И вотъ общечеловѣческая совѣсть настойчиво твердитъ всѣмъ людямъ, что только въ благополучіи своихъ ближнихъ мы найдемъ *личное* счастье, собственное душевное удовлетвореніе. Поэтому кто руководится *такой* философіей, — *плошаетъ* тотъ, по вашему выраженію, или не плошаетъ?...

Судеецъ былъ человѣкъ положительный. Онъ не любилъ «мистики». Махнувъ рукою, онъ сказалъ:

— Вы забрались въ философію. Вы разсуждаете такъ, какъ велитъ Евангеліе. Помилуйте, — кто же теперь послѣдовательно живетъ по Евангелію? Лично для меня евангельскіе идеалы, — что недоступныя вершины Монблана...

Я отвѣтилъ:

— Слова ваши *горько* слушать. Всѣ мы, точно, мало исполняемъ въ жизни евангельскія заповѣди. Но слѣдуетъ ли отсюда, что и миссіонеры — проповѣдники Христовой истины — должны малодушествовать и даже не помышлять о Евангельскихъ идеалахъ?

Я вѣрую, что Евангеліе для насъ—не то же, что вершины Мон-блана. Оно есть самое дорогое достояніе для насъ въ жизни...

Судеецъ завозился на стулѣ. Успокоивая его, я сказалъ:

— Да, да. Вы не трудитесь мнѣ рассказывать объ автономныхъ мораляхъ. Какъ бы красивы и содержательны онѣ ни были,— у нихъ конца нѣтъ. Ни одинъ философъ, помимо религіи, не указалъ еще разумнаго смысла жизни вообще. Положимъ, мнѣ назовутъ совѣсть, какъ такое явленіе въ нашей душѣ, которое властно заставляетъ меня жить свято.

Но что такое—самая совѣсть моя? Почему ея голосъ долженъ быть моимъ руководящимъ закономъ?

Безъ вѣры въ Бога—Творца совѣсти—нѣтъ опоры для нея. Въ Богѣ же совѣсть людская находитъ для себя основаніе и смыслъ. Потому, какъ христіанинъ, я признаю Евангеліе, высшее откровеніе любви Божіей, самымъ дорогимъ достояніемъ человечества...

Мои родичи—духовные—сочувственно слѣдили за словами моими. Я же съ волненіемъ въ голосъ продолжалъ:

— О, конечно, я исповѣдую, что мы слабы, склонны ко всякимъ паденіямъ. Мы боимся идеализма и цѣпко держимся земли. Но для своего же благополучія мы обязаны оберегать въ себѣ вѣру Божію. А по этой вѣрѣ не должно *поработаться «немыми и бѣдными стихіямъ міра»* (Кол. 2, 20—23 ст.). Нужно бодро служить истинѣ,—и она освободитъ насъ отъ рабства грубой матеріи (Іоан. 8, 32)...

— Такъ-то такъ, милый вы человѣкъ, да право—жаль васъ. Что вы будете дѣлать съ семьей?—грустно произнесъ судеецъ.

Я отвѣтилъ:

— Дѣло наше молодое. Мы надѣемся трудами своими, своимъ мужествомъ обратить на себя вниманіе начальства и добиться служебныхъ правъ.

Одинъ изъ моихъ родичей сочувственно спросилъ:

— Какихъ же правъ вы ждете?

Я сказалъ:

— Тѣхъ, которыя *естественно* вытекаютъ изъ служебнаго пашего положенія. Мы не мечтаемъ о чинахъ и классахъ по службѣ.

Но, принимая во вниманіе трудности нашей службы,—постоянное наше нервное напряженіе и скорую, такъ сказать, *сгораемость* миссіонеровъ,—мы мечтаемъ о пенсіи за 20 лѣтъ безпорочной службы въ тысячу рублей. Это—верхъ нашихъ желаній...

Что же касается орденовъ,—довольно для насъ и одного—Анны 3-й ст. по существующему статуту...

— Ордена, конечно, дѣло стороннее, сказалъ родичъ. Но что то не слышно, мой милый, объ улучшеніи вашей участи.

Я отвѣтилъ:

— Это правда. Но вслѣдствіе того надежда наша не оскудѣваетъ. Духовенству вотъ сколько столѣтій не давали пенсіи. А дали же. Дадутъ, Богъ дастъ, и намъ.

— Когда бы то далъ Богъ!—произнесъ старшій изъ нашихъ родичей и перекрестился.

— Вѣрую, что Богъ дастъ,—твердо сказалъ я. Намъ надобно лишь не унывать, «дѣлая добро» (2 Тес. 3, 13). Мы обязаны напряженно работать, прокладывая себѣ и другимъ жизненные пути. Мы должны по христіански увѣщать заблудшихъ,—помогать пастырямъ церкви въ борьбѣ съ современными церковными недугами и писать, писать (Еф. 5, 11. 13)...

— О чемъ же писать?—спросили меня хоромъ.

— Прежде всего о расколо-сектантствѣ. Сущности его въ нашемъ обществѣ многіе не представляютъ. Не всѣ догадываются о той *разлагающей* силѣ, которая таится въ нѣдрахъ его...

Особенно это надобно сказать о сектантствѣ. Сектантство—крайне сложное явленіе. Оно обнаруживается въ жизни часто не такимъ, каково есть по существу. Надобно разогнать туманъ, окутывающій его,—показать людямъ сектантство такимъ, каково оно есть по своей природѣ. А это можно сдѣлать только литературнымъ путемъ.

Далѣе. Мы и свой міръ православный знаемъ поверхностно. Не можемъ опредѣлить хорошенько тѣхъ жизненныхъ условій, при которыхъ доводится работать миссіонерамъ. И въ этой области полезно писать, освѣщая все правдивымъ словомъ...

Все общество наше сосредоточенно молчало. По лицамъ было видно, что родные не радостно думали о моей будущности.

Замолчалъ и я. Потомъ, очнувшись, сказалъ:

— Такъ вотъ, господа, отвѣтъ на вашъ вопросъ: что я намѣренъ дѣлать дальше?... Я буду терпѣливо ждать лучшихъ для себя дней. Примѣръ товарищей, бѣгущихъ съ миссіонерской службы, меня не пугаетъ. Я лишь жалѣю ихъ и думаю, что они *по особой* нуждѣ это дѣлаютъ. Я твержу себѣ слова Господа, сказанныя пророку: *«а ты, сынъ человѣческій, говори и не умолкай...»*

Д. Боголюбовъ.

Изъ жизни австрійскаго раскола.

(Безчинства въ раскольничьихъ скитахъ и ихъ обличитель.—Неправедный сынъ и правдолюбивый отецъ).

Одинъ изъ нынѣшнихъ заправилъ австрійскаго раскола въ Сызрани, С. М—ковъ, унаслѣдовалъ отъ своего отца, послѣ пѣкагого его «банкротства» отчее достояніе, съ условіемъ воздать половину онаго своему меньшему брату, по достиженіи послѣднимъ совершеннолѣтія.

Самъ глава семейства И. М—овъ послѣ удачнаго устроенія дѣтей вздумалъ покончить съ міромъ, и уходитъ въ раскольническіе скиты. Поживши послушникомъ одного Черемшанскаго скита и почувствовавъ себя вполне приготовленнымъ къ монашеской жизни, онъ даетъ обѣтъ быть монахомъ уже въ другомъ монастырѣ Нижегородской губ. села Безводнаго. Проживши въ монашеской жизни малое время и увидѣвъ безобразіе монастыря, новый монахъ по ревности своей творить горячія обличенія своимъ собратіямъ, не исключая и своихъ лжевладыкъ. Видитъ М—ковъ, что обличительныя мѣры не укрощаютъ братіи, и прибѣгаетъ къ болѣе радикальнымъ мѣрамъ. Онъ проситъ своего лжевладыку сдѣлать собраніе братіи, чтобы на немъ открыть свое видѣніе. Просьба М—кова исполняется: собираются въ одну просторную келію вся братія монастыря, начинается М—ковъ повѣствовать имъ о своемъ видѣніи, видѣнномъ имъ на томъ свѣтѣ и затѣмъ приходитъ въ какое-то неистовое состояніе: онъ нападаетъ съ кулаками на своего лжевладыку, говоря: «мнѣ приказано тебя удушить и представить на мѣсто, гдѣ жительствоуютъ древніе еретики». Колотитъ М—ковъ своего

«владыку», гдѣ и какъ попало. Происходитъ общая свалка отрѣкшихся грѣшнаго міра. И дѣло поступаетъ въ мѣстную полицію.

М—ковъ видитъ, что и послѣдняя его мѣра грѣха не уничтожаетъ въ «святыхъ отцахъ». «Емлется онъ пути» и прибываетъ на мѣсто первыхъ подвиговъ своего послушанія, въ Черемшанскіе скиты, Саратов. губ., Хвалынскаго уѣзда; водворяется тутъ, какъ монахъ, и начинаетъ тоже—искать правду и благочестіе! Но, къ его сожалѣнію, здѣсь онъ видитъ ее меньше и рѣшилъ здѣсь постоять за правое дѣло. Онъ подбираетъ себѣ партію ревнителей старины, выступаетъ на обличеніе нетерпимыхъ золь, творящихся въ скиту. Но что же? обличеніе его мало успѣваетъ, грѣхи еще болѣе умножаются. Онъ вздумалъ съ своею партіею, подѣйствовать на вольность монаховъ, чрезъ верховныхъ вождей раскола. Призываются лжевладыки со своими извѣстными апологетами—Мельниковыми, Сюткиными, Усовыми и Перетрухиными, дѣлаютъ «соборы», на которыхъ стараются «примирить» враждующія между собою партіи, и въ результатѣ все же: брань, ругань и драка. И послѣ «примиренія» образовались двѣ партіи, отнюдь не примиримыя. Каждая выбрала себѣ своего игумена; и стали жить между собой съ страшнымъ отвращеніемъ одна къ другой. Пошли безчинства и драки между монашествующими. И въ дѣло скита поневолѣ вмѣшалась хвалынская полиція, которой пришлось съ немалымъ трудомъ водворить порядокъ, тишину и спокойствіе въ обители древняго благочестія. Нѣкоторыхъ арестовали и заключили въ Хвалынскую тюрьму. Въ послѣдней просидѣлъ нѣсколько дней и нашъ герой «древняго благочестія» И. М—ковъ.

Послѣ погрома Черемшанскаго скита и отбытія тюремнаго заключенія добровольный страдалецъ М—ковъ не находитъ себѣ спасенія нигдѣ, ни въ монастыряхъ, ни въ скитахъ, ни въ лжевладыкахъ австрійскихъ и бѣжить паки къ своему старшему сыну, у котораго просить спасенія не души, а своего грѣшнаго тѣла. Сынъ даетъ ему убогую келію на дворѣ, въ которой и проживалъ бы по настоящее время подвижникъ «древняго благочестія». Но тутъ случилось неожиданное для обоихъ—отца и сына—обстоятельство. Отецъ М—ковъ пришелъ къ мысли, что старшій сынъ его С—нъ несправедливо поступилъ по отношенію къ младшему, которому онъ

долженъ былъ отдать половину унаслѣдованнаго отъ отца имѣнія, разъ этотъ достигъ совершеннолѣтія.

И вотъ отецъ М—ковъ рѣшилъ, во что-бы то ни стало, и тутъ постоять по правдѣ. Онъ пишетъ письмо своему младшему сыну въ г. Вольскъ, чтобы тотъ ѣхалъ въ г. Сызрань за своимъ достояніемъ, унаслѣдованнымъ отъ отца. Сынъ радъ былъ несказанно тому, что онъ избавляется отъ рабства и служенія у разныхъ купцовъ. Приѣзжаетъ въ г. Сызрань къ отцу и брату, начинаютъ толковать о несчастномъ наслѣдствѣ, и до того дотолковались, что пустили въ ходъ брань и ругань, не обошлись при этомъ и безъ драки. Какъ ни бились и ни ругались, все-таки 100 р. выбилось для младшаго брата. Онъ радъ былъ и этому, думая, что авось со временемъ папа выбьетъ и послѣднія деньги; съ тѣмъ и отправился онъ во свояси, оставивъ отца своего обличителемъ старшаго брата.

Не много времени пришлось жить И. М—кову у сына. Послѣднему тяжело было постоянное напоминаніе о несправедливости. Сынъ рѣшилъ поучить отца грѣховодника; онъ начинаетъ уменьшать ему порцію хлѣба, а также и другихъ предметовъ первой необходимости, и даже дрова. Старикъ не могъ вынести подобное испытаніе отъ сына, и вздумалъ отправиться на постоянное жителство къ своему лже-владыкѣ Швецову (въ Уральскѣ), но бѣда была въ томъ: чтобы добраться до желаемаго мѣста, нужны были на дорогу деньги, а ихъ-то у старика, какъ отрекшагося отъ всего, и не оказалось; кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, собравъ на проѣздъ до Самары, М—ковъ, рассчитывая на поддержку самарскаго лже-архіерея, приѣхалъ въ Самару, является къ своему лже-владыкѣ Порфирію, проситъ у него денегъ на дорогу къ Швецову; лже-владыка былъ предупрежденъ и отказываетъ ему въ просьбѣ, М—ковъ проситъ настоятельно и опять получаетъ отказъ; тогда раздосадованный старецъ является уже въ третій разъ къ лже-владыкѣ въ рабочій его кабинетъ (лже-архіерей занимается въ досужее время иконописаніемъ), хватаетъ что попало въ руки, а главное, собираетъ разведенныя въ ложечкахъ и яичныхъ скорлупахъ краски, кладетъ ихъ себѣ въ полу, а остатки размазываетъ по столу и стѣнамъ кабинета, приговаривая: «это дѣло не архіерея, а обык-

новеннаго маляра». — уходить съ набраннымъ въ руку и бросаетъ все это съ припѣвомъ: «Щи къ со-о-о-го-о-о-нѣ на а-а-а-а, вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ архіереемъ». Послѣ этого М—ковъ рѣшилъ вернуться обратно въ гор. Сызрань: досталъ гдѣ-то на билетъ себѣ денегъ и пошелъ заблаговременно на вокзалъ.

Сидитъ онъ спокойно въ вокзалѣ. Вдругъ является приставъ со станціонными жандармами и съ цирюльникомъ. Позвольте, говорятъ, старикъ ваши волосы остричь! Старикъ, несколько не сопротивляясь, даетъ себя подстричь. Подстригли чуть не наголо. Послѣ такой операціи, берутъ его въ часть, а изъ нея водворяютъ въ домъ умалишенныхъ и старикъ остается въ немъ на невѣдомый для него срокъ.

Итакъ, сынъ М—ковъ достигъ своей цѣли. — надоѣдливаго обвинителя онъ сумѣлъ усмирить и посадить въ спокойное мѣсто. И это сынъ творилъ съ вѣдома своихъ духовныхъ властей и благословенія лже-владыки. Отецъ сидѣлъ въ домѣ умалишенныхъ, а сынъ въ это самое время въ Самарѣ приносилъ, вмѣстѣ съ благочыннымъ лже-попомъ Макаромъ, поспѣльную свою благодарность... за содѣйствіе къ усмирению своего отца обвинителя.

Но вотъ нагрянула для сына неожиданная бѣда. Явился благодѣтель для его отца сызранецъ-же: ѣдетъ онъ въ концѣ ноября 1903 года въ Самару, въ домъ умалишенныхъ, и проситъ у директора дома разрѣшеніе взять къ себѣ на поруки старика М—кова. Просьба сего благодѣтеля удовлетворяется. Привозитъ благодѣтель старика М—кова въ свой домъ и старикъ отъ радости берется за прежнее свое грозное обвиненіе, письменно и устно, при встрѣчахъ въ молебнѣ, обвиняетъ онъ своего сына, какъ преступника Божіихъ заповѣдей и, наконецъ, предаетъ его проклятію и анаемѣ.

И думаетъ сынъ М—ковъ, что дѣлать теперь съ такимъ грознымъ судьей, который живетъ не у него... Что будетъ дальше, проживемъ — увидимъ.

Любопытный.

ИЗЪ МИССИОНЕРСКОЙ ПОЛЕМИКИ.

Бесѣда со штундобаптистами о почитаніи св. иконъ.

Съ цѣлью миссіи я посѣтилъ слободу ***, гдѣ, какъ я былъ освѣдомленъ, проживало нѣсколько человѣкъ сектантовъ; ранѣе они всѣ были молоканами; въ послѣднее же время большая часть ихъ перешла въ штундобаптизмъ.

Въ первый пріѣздъ—я рѣшилъ ограничиться частной, домашней бесѣдой съ ними, и, можетъ быть, поэтому бесѣда на этотъ разъ вышла сравнительно спокойной.

По соглашенію съ сектантами, бесѣду назначили въ 6 часовъ вечера. Около условленнаго времени я, въ сопровожденіи мѣстнаго священника, о. діакона и нѣсколькихъ человѣкъ православныхъ, пожелавшихъ послушать бесѣду, отправился къ сектантамъ. Въ чисто убранной комнатѣ собрались, ожидая насъ, наши собесѣдники. Собесѣдовать со мной взялся штундобаптистъ, довольно начитанный, съ виду мягкій и вмѣстѣ достаточно бойкій, типичный въ своемъ родѣ сектантъ.

Предъ началомъ бесѣды батюшка прочелъ „Царю Небесный“.

Открывъ Библію, я прочелъ Іоанна 15, 1—7; Римл. 11, 16; Ефес. 2, 19—22 и установилъ ту истину, что для спасенія во Христѣ нужно быть вѣтвью истинной виноградной лозы—Христа, т. е. принадлежать къ Его Церкви: кто отсѣкся отъ лозы, то, хотя бы онъ и имѣлъ въ рукахъ Библію, не войдетъ въ царство Христово (Матѣ. 15, 13)!

— Чтобы войти въ царство Христово, нужно родиться свыше (Іоанна 3, 3—5),—замѣтилъ мой собесѣдникъ штундобаптистъ ¹⁾.

Обратились къ св. Писанію: оказалось, что „родиться свыше“ можно только послѣ принятія проповѣди отъ члена истинной Церкви, посланнаго ею (Римл. 10, 13—15), послѣ вѣры, покаянія, крещенія (Дѣяній 8, 12—17. 38—39), совершеннаго уже въ церкви, въ видимой оградѣ ея.

— Но церквей много, возразилъ мой собесѣдникъ,—вы разъясните намъ: какая истинная?

¹⁾ По штундобаптистскому убѣжденію, замѣченному мною на многихъ бесѣдахъ,—путь въ общину истинно-вѣрующихъ долженъ совершаться такъ: человѣкъ сначала читаетъ или слушаетъ слово Божіе, чрезъ что, будто бы, возрождается (внѣ общины), вѣруетъ и потомъ уже вступаетъ въ общину, принимая «завѣтный знакъ союза»—крещеніе.

„Въ отвѣтъ собесѣднику я указалъ, на основаніи слова Божія, главные признаки истинной церкви, т. е. что она есть единая—вѣчная (Мѡ. 16, 18), союзъ любви (святая) (Іоан. 13, 35), вѣрная апостольскому ученію (Гал. 1, 8.)

О первыхъ двухъ признакахъ сектанты бесѣдовать не пожелали, а остановили свое вниманіе на третьемъ признакѣ Церкви.

По ихъ словамъ, православная Церковь измѣнила апостольскому ученію чрезъ введеніе у себя иконопочитанія.

— Вотъ, сказали они, у пророка сказано: „не дамъ славы Моей иному и хвалы Моей истуканамъ“ (Ис. 42, 8).

Въ виду поставленнаго вопроса приходилось начинать бесѣду о почитаніи св. иконъ, къ чему я и приступилъ съ согласія присутствовавшихъ православныхъ и сектантовъ.

— Въ книгѣ Исходъ сказано: „не дѣлай себѣ кумира и никакого изображенія того, что на небѣ вверху и что на землѣ внизу, и что въ водѣ ниже земли; не поклоняйся имъ и не служи имъ“ (20, 4—5)... Сюда же относятся и многія другія мѣста Писанія: Псал. 113, 11—16. Исаи 44, 9—20. Посланіе Іереміи и др. Прочитавъ указанныя цитаты, я спросилъ сектантовъ:

— Ваши собратья часто ссылаются на эти мѣста;—вы признаете ли ихъ?

— Признаемъ, признаемъ,—сказали сектанты.

— Хорошо дѣлаете; заповѣдь о недѣланіи идоловъ и непоклоненіи имъ, прежде всего, нужно признавать: кланяться истуканамъ вмѣсто единого Бога великій и страшный грѣхъ! Когда при св. Владимірѣ была отъ грековъ принята въ Россіи вѣра Христова съ тѣми порядками, какіе существуютъ въ церковной жизни и нынѣ, то идолы, изваянія, кумиры повсюду были уничтожены.

— Однако нужно, вѣдь, признавать *все* Писаніе. Вы вѣруете этому?

— Вѣруемъ,—все Писаніе признаемъ!

— Въ св. Писаніи есть заповѣдь о непоклоненіи идоламъ. А есть ли въ томъ же Писаніи заповѣдь другая о томъ, чтобы сдѣланы были св. изображенія? и благочестиво ли поклоняться Богу предъ ними? Заповѣдь о св. иконахъ дана въ Писаніи ясно и опредѣленно: „и сдѣлай изъ золота двухъ херувимовъ: чеканной работы сдѣлай ихъ на обоихъ концахъ крышки“... тамъ Я буду открываться тебѣ и говорить съ тобою надъ крышкою, посреди двухъ херувимовъ, которые надъ ковчегомъ откровения“ (Исх. 25, 18, 22). Иисусъ Навинъ и старѣйшины Израилеви кланялись Богу предъ ковчегомъ Господнимъ (І. Нав. 7, 6).

Дана заповѣдь о недѣланіи идоловъ и непоклоненіи имъ, и эту заповѣдь нужно исполнять. Тотъ же Богъ чрезъ того же Моисея далъ заповѣдь и о томъ, чтобы сдѣланы были св. изображенія.—должно неуклонно

принимать и это: все Писаніе свято... Однако, вы одну заповѣдь, видимо, принимаете, а другую—отвергаете. Выходить, что ваши слова, будто вы принимаете все Писаніе, ложны и вы въ сущности убавляете Писаніе (Второз. 12, 32) и учите иному, чѣмъ Писаніе. Ваша община, поэтому, никакъ не можетъ быть названа истинной Церковію! Мы православные вѣруемъ, что слово Божіе свято и дано намъ для спасенія нашего: что оно заповѣдуетъ не дѣлать, того не дѣлаемъ, что заповѣдуетъ сдѣлать, то принимаемъ. Вы почему же такъ убавили заповѣдь Божию о святыхъ изображеніяхъ?

Я сѣлъ, ожидая отвѣта.

Штундобалтистъ всталъ, поднялъ руку и сказалъ:

„Дорогіе братья! Миссіонеръ указываетъ на херувимовъ. Но постановленія Ветхаго Завѣта отмѣнены. Сказано: „отмѣняетъ первое, чтобы постановить второе“ (Евр. 10, 9). Когда пришелъ Христосъ, никакой святыни не осталось въ ветхозавѣтномъ храмѣ! Мы не евреи, а евангеліе принимаемъ. Вы въ Новомъ Завѣтѣ укажите повелѣніе отъ Христа или отъ Апостоловъ относительно иконъ! Пусть миссіонеръ найдетъ въ Новомъ Завѣтѣ заповѣдь почитать „иконы!“

— Сначала мы побесѣдуемъ о Ветхомъ Завѣтѣ, а потомъ перейдемъ и къ Новому!..

Вотъ на что прошу обратить вниманіе, слушатели:—странное дѣло!—когда рѣчь идетъ о языческихъ идолахъ сектанты признаютъ Ветхій Завѣтъ и обычно ссылаются на мѣста ветхозавѣтныхъ писаній. Естественно, поэтому, и повелѣнія на св. изображенія искать именно тамъ, гдѣ дано запрещеніе дѣлать изображенія ложныхъ боговъ; а между тѣмъ, когда бесѣда касается св. изображеній, сектанты говорятъ: „Ветхій Завѣтъ отмѣненъ“. Если для васъ онъ не нуженъ, то не зачѣмъ вамъ вычитывать оттуда одни мѣста, скрадывая другія!

Не хорошо такъ поступать съ Писаніемъ. Діаволь, искушая Христа, ссылаясь на Писаніе и привелъ его по буквѣ вѣрно; Господь что ему сказалъ? „написано также: не искушай Господа Бога твоего“ (Матѣ. 4, 6—7). Повторю: мы, православные, признаемъ то, что написано объ языческихъ идолахъ и признаемъ, что „написано также“ о херувимскихъ изображеніяхъ. „Все Писаніе богодухновенно“ (2 Тим. 3, 16), „все, что писано было прежде, написано намъ въ наставленіе“ (Римл. 15, 4). Истинно-вѣрующій долженъ благоговѣнно принимать все, что заповѣдуетъ св. Писаніе“...

— И обрѣзаніе?

— И обрѣзаніе: крещеніе для насъ обрѣзаніе Христово“ (Колосс. 2, 11).

— Вы, г. миссіонеръ, не оттягивайте: покажите намъ прямо заповѣдь объ иконахъ въ Новомъ Завѣтѣ.

— Потерпите. Кончимъ впередъ о Ветхомъ Завѣтѣ. Нужно довести рѣчь по порядку, а то вы же мнѣ можете сказать: „вотъ миссіонеръ говорилъ, говорилъ, а до конца вопроса порядкомъ не довелъ“.

Вы признаете, что идолы и херувимскія изображенія не одно и то же? что между ними такая же разница, какъ между тьмою и свѣтомъ?

„Признаемъ! Въ Ветхомъ Завѣтѣ было повелѣніе, Самъ Богъ повелѣлъ сдѣлать херувимовъ...“

„Вы все-таки плохо понимаете эту разницу. Вѣдь, вы начали бесѣду указаніемъ на то, что Богъ „не дастъ славы Своей иному и хвалы Своей истуканамъ“, какъ сказалъ пророкъ Исаія. Это мѣсто относится, дѣйствительно, къ идоламъ. То, что должно относить къ языческимъ изображеніямъ, нельзя относить къ изображеніямъ и предметамъ истиннымъ, святымъ. Тотъ же, кто относитъ сказанное въ Писаніи объ идольскихъ изображеніяхъ (1 Кор. 8, 4. 10, 19—21. Откр. 9, 20) къ изображеніямъ, заповѣданнымъ Самимъ Богомъ, произноситъ невѣжественную, великую хулу на Бога. Богъ не можетъ повелѣвать дѣлать то, что запретилъ.“

Обратите вниманіе на то, что написано въ словѣ Божіемъ: идолъ филистимскій Дагонъ не могъ стоять предъ ковчегомъ Господнимъ (1 Царствъ 5, 3—4); когда Соломонъ построилъ храмъ съ изображеніями херувимовъ (3 Царствъ 6—27), Господь освятилъ сдѣланное (3 Царствъ 9, 3), когда же онъ сдѣлалъ капища идоламъ, Господь наказалъ его (11, 7, 11). Взирающіе съ правою вѣрою на мѣднаго змѣя исцѣлялись отъ тѣлесныхъ язвъ (Числь 21, 9. ср. Іоанна 3, 14. Прем. Сол. 16, 7), а когда евреи стали чтить мѣднаго змѣя, какъ идола, царь Езекія истребилъ его (4 Царствъ 18, 4).

Въ полномъ и точномъ согласіи съ словомъ Божіимъ учить и св. церковь. 7-й Вселенскій соборъ утвердилъ первохристіанскій обычай употребленія св. иконъ, какъ наглядныхъ напоминаній о Богѣ, предметовъ святыхъ орудій милости Божіей; боготворить же св. иконы соборъ строго запретилъ. И хотя у насъ нынѣ часто мѣсто, гдѣ стоятъ иконы, называется „божницей“ и икона иногда именуется именемъ лица, изображеннаго на ней (Числь 10, 35—36), но вы сами это знаете—никто изъ православныхъ не считаетъ св. иконы за боговъ. Библія—предметъ святой, ибо она напоминаетъ намъ о Богѣ, также и иконы.

И такъ, у васъ противъ Ветхаго Завѣта два отступленія; во 1-хъ, вы убавили заповѣдь Божию о св. изображеніяхъ, во 2-хъ, вы мѣшаете въ одно то, что св. Писаніе различаетъ: мѣста объ идолахъ вы ложно подводите подъ изображенія повелѣнныя Богомъ.

Перейдемъ теперь къ Новому Завѣту.

Но здѣсь священникъ прочелъ молитву: „Спаси, Господи, люди Твоя“ и мы устроили перерывъ бесѣды.

Въ комнатѣ стало жарко, кое кто вышелъ въ сѣни.

Я подѣлъ поближе къ моему собесѣднику-сектанту.

— „Не по-христіански, выходить, голубчикъ, вы поступаете“, сказалъ я ему. „Въ сущности вы превращаете Писаніе (2 Петра 3, 16). На вопросъ: „откуда произошла ваша вѣра?“ Собратья ваши обыкновенно говорятъ: „отъ Писанія“. Вотъ ужъ этого признать никакъ нельзя. Если бы вы слушали голоса Писанія, то не отвергали бы того, что тамъ написано. А если отвергаете Писаніе, то ясно, какъ оно и есть, ваша вѣра отъ людей“.

— Намъ, г. миссіонеръ, не жалко денегъ на икону и лампадку,— боимся, какъ бы лишняго не допустить, въ осужденіе себя!.. Скажите: безъ иконъ, вѣдь, можно спастись?“

— Святые подвижники въ пустыняхъ молились иногда и не имѣя иконъ. И среди насъ это бываетъ: мы, вотъ, у васъ молились безъ иконъ. Пророкъ Даниїль, когда былъ въ плѣну вавилонскомъ, молился Богу, смотря въ открытое окно на сторону противъ Іерусалима (Дан. 6, 10).

Отчасти объ этомъ вопросѣ слѣдуетъ разсуждать такъ же, какъ и о старообрядческомъ перстосложеніи. Вы знаете старообрядцевъ?

— Видали.

— Ну вотъ: они не могутъ спастись не потому собственно, что крестятся двумя перстами (Церковь разрѣшаетъ имъ это), а потому, что они изъ-за обряда отдѣлились отъ Церкви, не слушаютъ ея голоса. Безъ иконъ нельзя спастись человѣку не потому собственно, что онъ не будетъ видѣть иконы предъ глазами (Церковь повелѣваетъ молиться Богу вездѣ и всегда, и предъ иконами и безъ иконъ), но потому, что, отвергая иконы, онъ тѣмъ самымъ отвергаетъ св. Писаніе и противится Церкви. Господь въ лицѣ Апостоловъ сказалъ предстоятелямъ Церкви: „слушающій васъ—Меня слушаетъ, а отвергающійся васъ Меня отвергается; а отвергающійся Меня отвергается Пославшаго Меня“ (Луки 10, 16). Отвергая иконы, вы нарушили повелѣніе Писанія и отдѣлились отъ Церкви и по этому самому для васъ спастись нельзя.

— Найдите въ Новомъ Завѣтѣ повелѣніе на иконы...

Священникъ прочелъ „Отче нашъ“; слушатели усѣлись и бесѣда началась снова.

— Позвольте мнѣ прочитатъ?—спросилъ мой собесѣдникъ.

— Можете.

Сектантъ прочелъ 9 и 10 (ст. 1—9) главы посл. ап. Павла къ евреямъ.

— Видите, дорогіе старики, что тутъ сказано: „не открытъ путь во святилище, доколѣ стоитъ прежняя скинія“ (9, 8) и „отмѣняетъ первое, чтобы постановить второе“ (10, 9). Христосъ сказалъ: „никто къ ветхой одеждѣ не приставляетъ заплатъ изъ небѣленной ткани; ибо вновь пришитое отдеретъ отъ стараго, и дыра будетъ еще хуже. Не вливаютъ также

вина молодого въ мѣхи ветхіе; а иначе прорываются мѣхи, и вино вытекаетъ, и мѣхи пропадаютъ; но вино молодое вливаютъ въ новые мѣхи, сберегается то и другое“ (Матѣ. 9, 16—17). Нѣкоторые, отодравши клочки отъ ветхой одежды, думаютъ заплатами закрыть свою ветхость. И вино новое нельзя вливать въ старые мѣхи, тогда пропадетъ то и другое.

Сектантъ сѣлъ.

— Вы кончили?

— Кончилъ.

— Вы крещены?

— Крещенъ.

Значитъ отъ себя, по вашему, и отвѣтъ давать должны!...

У человѣка бываетъ такъ: что онъ сказалъ сегодня, то завтра отмѣняетъ. У Бога, „Отца свѣтовъ, нѣтъ измѣненія и тѣни переменъ“ (Іак. 1, 17). Что Онъ заповѣдалъ однажды, то свято на вѣчныя времена. Вы, повидимому, считаете себя постигшими Писаніе,—скажите тогда: почему въ Новомъ Завѣтѣ Богъ отмѣнилъ данное въ Ветхомъ и что именно Имъ отмѣнено?

— Вы пріѣхали, чтобъ толковать! вы задали вопросъ, вы и толкуйте!

— Тогда прошу слушать. Слово „завѣтъ“ означаетъ союзъ Бога съ человѣкомъ. „Законъ“ Ветхаго Завѣта самъ въ себѣ святъ и духовенъ (Римл. 3, 2. 7, 12). Отмѣнено теперь человѣческое оправданіе по ветхозавѣтному закону и прообразы, т. е. дѣйствія и предметы, имѣвшіе прообразовательное значеніе.

Оправданіе человѣка предъ Богомъ въ Ветхомъ Завѣтѣ состояло въ томъ, что Богъ далъ человѣку заповѣди, а человѣкъ долженъ былъ въ точности исполнить ихъ; за нарушеніе хотя одной изъ нихъ человѣкъ, какъ нарушитель закона (Іак. 2, 10), подвергался проклятію (Гал. 3, 10). Послѣ грѣхопаденія Адама, человѣкъ по природѣ былъ грѣховенъ, и потому онъ не могъ исполнить закона, былъ безсильнъ для этого: „дѣлами закона не оправдается предъ Богомъ никакая плоть“ (Римл. 3, 20). И, если бы человѣкъ могъ оправдаться предъ Богомъ дѣлами закона, ему не было бы нужды во Христѣ: „если закономъ оправданіе, то Христосъ напрасно умеръ“ (Гал. 2, 21). Зачѣмъ же Богъ далъ законъ? Во 1-хъ, чтобы обуздать грѣхъ (Гал. 3, 19) и, во 2-хъ, чтобы воспитать въ людяхъ смиреніе, сознаніе нужды въ Икупителѣ. Избавителъ отъ грѣха: „законъ былъ дѣководителемъ ко Христу“ (Гал. 3, 24).

Обряды Ветхаго Завѣта были тѣнью будущихъ благъ (Евр. 10, 1): жертвы, скинія, обрѣзаніе были прообразами Новаго Завѣта.

Законъ Ветхаго Завѣта, какъ дѣководитель ко Христу, а обряды, какъ тѣнь будущихъ благъ, имѣли временное значеніе. Но говоря объ отмѣнѣ Ветхаго Завѣта, св. ап. Павелъ вмѣстѣ съ тѣмъ пишетъ: „итакъ, мы уничтожаемъ законъ вѣрой? Никакъ; но законъ утверждаемъ“ (Римл. 3, 31).

Точно также нужно судить и объ обрядахъ Ветхаго Заѣта: „тѣнь закона прошла, когда пришла благодать“, но, считая святымъ предметъ, никакъ нельзя отвергать святость тѣни. „И потомъ обращусь“. сказано, „и возсоздамъ скинію Давидову падшую, и то, что въ ней разрушено, возсоздамъ и исправлю ее“ (Дѣяній 15, 16).

Въ посланіи къ Евреямъ св. апостолъ Павелъ говоритъ, что Ветхій Заѣтъ отмѣненъ. Такъ оно и есть. Кровавыхъ жертвъ нѣтъ теперь?“—обратился я къ близъ сидящему сектанту.

— Нѣтъ.

— Скиніи, ковчега, ветхозаѣтнаго обрѣзанія тоже нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Итакъ, нынѣ мѣхи новые. Между предметомъ и его тѣнью должно быть сходство. Такъ и есть въ дѣйствительности, обряды и установленія Новаго Заѣта имѣютъ сходство съ ветхозаѣтными: тамъ мѣдный змѣй на знамени, здѣсь крестъ Христовъ; тамъ скинія, храмъ, здѣсь дома молитвы, храмы; тамъ ковчегъ, здѣсь престолъ; тамъ скрижали Моисея, манна, здѣсь св. евангеліе, св. Дары; тамъ изображенія херувимовъ, здѣсь св. иконы и т. д.

Въ Новомъ Заѣтѣ для васъ одинаковую силу имѣетъ повелѣніе и примѣръ?—спросилъ я своего собесѣдника.

— Одинаковую.

— Господь Иисусъ Христосъ исполнялъ ли то, чему учить?

— Исполнялъ.

— Онъ, вѣдь, не приставлялъ къ Своему ученію грубыхъ заплатъ? Не вливалъ вина новаго въ мѣхи ветхіе, и послѣ Своего крещенія былъ учителемъ Новаго Заѣта? А между тѣмъ, святость ветхозаѣтнаго храма и его порядка Онъ утвердилъ для насъ, сказавъ: „домъ Мой домомъ молитвы наречется для всѣхъ народовъ“ (Марка 11, 17). Св. ап. Павелъ, принявъ крещеніе, также молился въ храмъ и видѣлъ тамъ Господа (Дѣяній 22, 17—18). Если вы не считаете для себя святыней то, что утверждено Господомъ Иисусомъ Христомъ и Апостоломъ, то ясно—вы противники Христова и апостольскаго ученія!

— Прочтите 17 главу Дѣяній,—сказалъ сектантъ.

— Закончимъ то, къ чему пришли. Вы просили показать повелѣніе въ Новомъ Заѣтѣ: Господь утвердилъ ветхозаѣтныи храмъ и то, что въ немъ, какъ святыню, для всѣхъ народовъ; св. апостолъ Павелъ молился въ немъ и далъ такое повелѣніе, внушенное ему Духомъ Святымъ: „подражайте мнѣ, какъ я Христу“ (1 Кор. 4, 16).

Слѣдуя апостольскому повелѣнію, мы считаемъ святыней для себя и заповѣди Моисея (десятисловіе), и храмъ съ его устроеніемъ. Мы въ этомъ случаѣ подражаемъ Апостолу, какъ Онъ—Христу. Отвергающій за-

повѣди Моисея, отвергаетъ и заповѣди евангелія, отвергающій святыни Ветхого Завѣта—противникъ Христу.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ дана 4-я заповѣдь о почитаніи субботняго дня; исполняя ее, мы чтимъ новозавѣтные праздники. Въ Ветхомъ Завѣтѣ дана заповѣдь о херувимскихъ изображеніяхъ; исполняя ее, мы имѣемъ св. иконы.

Правда то, что „оправданіе закономъ“ по ветхому завѣту отмѣнено и доколѣ человѣкъ хочетъ оправдаться имъ, ему не открытъ путь во святилище, къ оправданію во Христѣ. Но Христосъ пришелъ не нарушить законъ, а исполнить (Матѣ. 5, 17) и праведность христіанина должна превзойти праведность ветхозавѣтную (20 ст.), а не отвергать ее.

Вы упомянули 17 гл. Дѣяній, разумѣя, конечно, 29 ст. ея, тамъ сказано: „отъ искусства и вымысла человѣческаго...“ Но развѣ Богъ, Богоматерь, святые, изображаемые на иконахъ, вымыселъ?“

— Бога же вы не видѣли?!...

— Намъ изображаетъ его св. Писаніе“ (Ис. 6, 1. Дан. 7, 9).

— Нужно кланяться Богу въ духѣ и истинѣ“.

— Въ духѣ,—понятно! А что такое—въ истинѣ? Господь о іудейскомъ богочитаніи сказалъ: „мы знаемъ чему кланяемся, спасеніе отъ іудеевъ.“ (Іоанна, 4, 22). Когда Іоаннъ Креститель по смиренію хотѣлъ отказаться крестить Господа, то Онъ сказалъ ему: „оставь,—нужно исполнить всякую правду“ (истину—Матѣ. 3, 15). Если Самъ Господь и Его Апостолъ уже по крещеніи и выступленіи на новозавѣтную проповѣдь считали святыней ветхозавѣтный храмъ, слѣдовательно, и священныя изображенія, бывшія въ немъ, то идти противъ церковнаго установленія относительно св. иконъ значить, по смыслу Писанія, идти противъ Евангелія, противъ Христа.

Есть въ Писаніи мѣста (напр. 2 Тессалон. 2, 4), изъ которыхъ видно, что храмы Божіи будутъ въ Церкви до конца вѣка.

Въ заключеніе я повторилъ ходъ бесѣды и батюшка прочелъ: „Достоинъ есть“.

Было уже за полночь, когда мы вышли съ бесѣды.

Д. Граціанскій.

Лѣтопись періодической и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Изъ духовной журналистики минувшаго года.

Идея Царствія Божія въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія.— Помѣстный соборъ, какъ одно изъ средствъ усиленія власти нашего высшаго церковнаго управленія.— Ученое разоблаченіе историческихъ и литургическихъ подтасовокъ гр. Толстого.— Личность, общество и церковь.— Обь отношеніи христіанъ I и II вѣка къ искусству.— Значеніе для миссіи предмета и внѣшней стороны проповѣди и живаго слова.— Какъ свѣтили міру подвижники древней Руси и въ чемъ истинное монашество.

Духовные журналы за 1903 г. изобилуютъ новыми статьями по вопросамъ вѣры и жизни церковной. Всѣ они вызваны голосомъ современности, а потому представляютъ много поучительнаго интереса. Среди нихъ первое мѣсто нужно отдать органу Московской Академіи („Богосл. Вѣст.“), наиболѣе живому и отзывчивому по нуждамъ церкви, но не менѣе содержательны по этимъ вопросамъ и др. журналы: „Труды Кіевск. Дух. Акад.“, „Прав. Собес.“, и др.

Статьи, помѣщенныя въ указанныхъ журналахъ, можно раздѣлить на два отдѣла. Къ *первому* относятся статьи критическаго характера. Онѣ преслѣдуютъ, главнымъ образомъ, цѣли апологетическія. Этотъ отдѣлъ можетъ быть подраздѣленъ на три группы, которыя заключаютъ въ себѣ статьи на слѣдующія темы: а) жизнь церкви православной и отношеніе къ ней неправомыслящихъ; б) гомилетика, какъ способъ оживленія жизни церковной и в) значеніе истиннаго аскетизма въ жизни церкви и понятіе о немъ. Ко *второму* отдѣлу нужно отнести статьи положительнаго характера, преимущественно богословско-философскаго. Этотъ отдѣлъ можетъ быть подраздѣленъ по своимъ предметамъ на четыре группы: а) на статьи о предметахъ экзегетики; б)—исторіи церковной; в)—на статьи, касающіяся жизни внѣ церкви и г)—на статьи, касающіяся философіи и психологіи въ отношеніи предметовъ вѣры.

Займемся пока разсмотрѣніемъ перваго отдѣла.

Первою тутъ нужно поставить статью проф. богословія въ Кіевскомъ университетѣ прот. П. Я. Свѣтлова.—„Идея царства Божія въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія“. Авторъ начинается характерными эпиграфами изъ Ев. Луки IX, 60, далѣе извѣстными стихами Надсона—„Христось!.. Гдѣ ты, Христось, сіяющій лучами безсмертной истины свободы и любви“?.. и противоположными имъ стихами В. С. Соловьева—„Онъ *здѣсь, теперь*,—среди суеты случайной“... Начавъ съ такихъ противоположныхъ положеній пр. Свѣтловъ обращаетъ взоръ читателя на жалкое положеніе европейскаго человѣчества. Оно извѣрилось въ разумъ и культуру, и вотъ возникаютъ среди него проекты устройства лучшаго будущаго. Но потеряна уже вѣра и въ эти проекты, и старый вопросъ, гдѣ спасеніе міру отъ зла, встаетъ предъ человекомъ. Авторъ обращается къ исторіи и видитъ, что человечество было уже въ подобномъ затруднительномъ положеніи, и спасеніе міру явилось въ лицѣ Христа Спасителя. Для спасенія нужно было лишь „покаяться, отречься отъ вѣры въ себя, отъ своихъ безсильныхъ кумировъ, и *увѣровать* въ обновляющую силу Божью, пришедшую въ міръ“. Способъ, которымъ христіанство разрѣшило мучительные вопросы человѣчества, заключался не въ регламентаціи жизни, ибо Іисусъ Христось не былъ реформаторомъ въ обычномъ смыслѣ слова. Онъ не давалъ правилъ, какъ дѣлать имущество, уничтожить рабство, или оставить его, Онъ далъ высшій принципъ: „ищите прежде царствія Божія и правды его, и все это приложится вамъ“. Этотъ принципъ оказался обновителемъ тогдашняго человѣчества. Прежніе убійцы, ища царствія Божія, дѣлались кроткими агнцами. Началось возрожденіе человѣчества съ семьи, которой христіанство дало высокій смыслъ. Евангеліе предоставило права женщинамъ и дѣтямъ, бывшимъ безправными существами; дало свободу рабамъ, сначала внутреннюю, а потомъ и внѣшнюю, ибо господа-христіане относились къ рабамъ, какъ къ родственникамъ и отпускали ихъ на свободу.

Благодаря христіанству, произведенъ былъ рядъ улучшеній въ законодательствѣ съ объявленіемъ христіанства государственной религіей; культура христіанская стала расти медленнѣе и съ большимъ трудомъ. Но не смотря и на это, христіанство незамѣтно дѣлаетъ то, что приписываетъ себѣ „прогрессъ“. Но, говоритъ авторъ, „творчески-созидательной дѣятельности христіанства въ исторіи положено только начало, хотя и хорошее. Не все просолено солью христіанскою, не все заквашено имъ въ жизни человѣчества“.

Наиболѣе очевидно, конечно, дѣйствіе христіанства въ морали, Оно возвѣстило неизвѣстное древнему міру смиреніе, любовь ко врагамъ; создало для нихъ даже особые термины въ греч. языкѣ. Но начало смиренія касалось только внутренняго міра души, и этотъ-то міръ и былъ признанъ „единственной сферой дѣятельности христіанства“.

„Христіанство, говоритъ авторъ, объявляютъ религіей исключительно личнаго спасенія и отрицаютъ за него значеніе общественной силы, ставящей себѣ цѣлью преобразование не только внутренняго, но и внѣшняго міра человѣка, или общественной среды, отъ которой зависятъ судьбы личности. Забыто евангельское обѣтованіе царства Божія не только внутри душъ пребывающаго, но и внѣ ихъ создаемаго—во внѣшней средѣ, или внѣшнемъ мірѣ, гдѣ живетъ человѣкъ! Забыто Господне обѣтованіе намъ и требованіе отъ насъ побѣды надъ міромъ!... Хотятъ, чтобы царство Божіе было тайно растущимъ, или въ землѣ скрытымъ сѣменемъ безъ стебля, цвѣтовъ и плодовъ“! Христіанство пересоздаетъ отдѣльныя личности, „но общественная среда остается слегка только затронутою; нѣтъ еще вполне пригодныхъ для христіанской личности общественныхъ формъ жизни, общественной среды; вино новое оказывается въ мѣхахъ ветхихъ; христіанству предстоитъ великая задача довершить преобразование обществъ, народовъ, человѣчества, создать истинно-христіанскую цивилизацію, перевести принесенное имъ царство Божіе изъ внутренняго міра лицъ во внѣшній міръ и преобразованиемъ общества и цивилизаціи въ духѣ евангельскихъ началъ создать царство Божіе на землѣ. Въ этомъ смыслѣ царства Божія еще нѣтъ на землѣ; оно идеаль, задача будущаго“.

Авторъ справедливо указываетъ на факты, что „европейская жизнь построена на систематическомъ отрицаніи христіанства на дѣлѣ, официально исповѣдуемаго на словахъ. Расширеніе территоріальныхъ границъ, увеличеніе народнаго богатства и рынковъ сбыта есть высшій идеаль народовъ; сытость есть идеаль социализма; деньги—вотъ движущій нервъ современной жизни“.

Сами культурныя улучшенія современной жизни способствуютъ только капитализму, и машины, сокращая время труда, не даютъ всетаки возможности человѣку удѣлять времени на жизнь духа. Это породило „антагонизмъ капитала и труда, озлобленіе нищеты противъ богатства“. Но причина этого кроется еще въ одностороннемъ пониманіи нами христіанства. Невѣрующій капитализмъ, порождающій бѣдность и ее поощряющій, соглашается съ богословами. Крайности сходятся. Богословы объясняютъ бѣдность Промысломъ Божиимъ... Матеріальное первенство считается добромъ. Говорятъ, что первенство разнообразить жизнь, бѣдные есть живая проповѣдь о тлѣнности земнаго и что только „раздѣленіемъ общества на богатыхъ и бѣдныхъ обусловлена возможность труда“. Авторъ не соглашается съ этимъ. „Конечно, Богъ и зло направляетъ къ добру, но Онъ не творитъ самаго зла“. Нѣтъ основаній для оправданія бѣдности и въ Еван-

геліи. „Евангеліе не называетъ чернаго бѣлымъ, а бѣлаго—чернымъ“. Іисусъ Христосъ посвятилъ всю жизнь Свою на служеніе бѣднымъ, голоднымъ и больнымъ.

Яркимъ доказательствомъ того, что царства Божія еще нѣтъ въ общественной жизни, авторъ видитъ въ отношеніяхъ „между государствомъ и церковью, или что тоже христіанскою религіею“.

Существуетъ до 5 типовъ такихъ отношеній, большею частью смѣшанныхъ: протестантскій, въ которомъ государство поглотило церковь, латинскій, въ которомъ совершилось нѣчто обратное первому, третій господствующій типъ—это византійскій, типъ союза церкви и государства съ сохраненіемъ самостоятельности каждой стороны нарождается четвертый типъ (во Франціи)—типъ отдѣленія церкви отъ государства, существовавшій собственно въ первыя вѣка христіанства нѣсколько въ иномъ видѣ, и, наконецъ, пятый типъ—это типъ идеальнаго христіанскаго государства, въ которомъ церковь и государство органически связаны, другъ другу не противорѣча и находясь въ полномъ сліяніи. Послѣдній типъ есть еще идеаль, къ которому должно стремиться. Для нашихъ читателей, конечно, интереснѣе всего остановиться на византійскомъ типѣ, который унаслѣдованъ отъ Греціи нами и сохраняется по сіе время. Этотъ типъ, начавшійся въ восточной церкви съ Константина Великаго и узаконенный Юстиніаномъ, „вытекаетъ изъ понятія о верховной власти и ея широкихъ Божественныхъ полномочіяхъ“. Но „общественнаго значенія“ религія въ этомъ типѣ не имѣетъ. Ея дѣятельность „ограничивается сферою совѣсти“. Идея союза церкви съ государствомъ на практикѣ оказалась неосуществимою въ византійскомъ типѣ, ибо „церковь не избѣгала искушенія достигать своихъ духовныхъ цѣлей мірскими средствами, а государство своихъ цѣлей—средствами духовными. Религія нерѣдко приносилась въ жертву политики и политика пріобрѣтала рѣшающее вліяніе на дѣла церковныя, даже на вѣроученіе (вспомнимъ хоть Льва Исавра). Вообще церкви приходилось дорого платиться за выгоды своей связи съ государствомъ въ византійской системѣ“, замѣчаетъ авторъ.

Типу отдѣленія церкви отъ государства авторъ не сочувствуетъ, ибо, согласно съ В. С. Соловьевымъ, онъ вѣритъ, что „полное отдѣленіе церкви отъ государства принуждаетъ церковь къ одному изъ двухъ: или отказаться отъ всякой дѣятельной роли и предаться квіэтизму и равнодушію, что противно духу Христову, или, имѣя ревность къ дѣятельному приготовленію царства Божія, церковь въ лицѣ своихъ властныхъ представи-

телей сама хватается за реальныя орудія мірскаго дѣйствія, вмѣшивается во всѣ земныя дѣла“ и т. д. Съ другой стороны, для государства теряется цѣнность духовныхъ интересовъ, въ стремленіи же за ними государство должно взять на себя духовный авторитетъ, а это будетъ уже напоминать „человѣка беззаконія“ послѣднихъ дней. Авторъ отдаетъ предпочтеніе пятому типу, типу *органическаго взаимодействия* государства и церкви, *свободной теократіи*, или *христіанскому государству*. Его цѣли и задачи авторъ рисуетъ такимъ образомъ: а) служенія царству Божію подъ руководствомъ церкви, при чемъ „церкви принадлежитъ безусловный принципиальный авторитетъ, опредѣляющій направленіе воли человѣчества и окончательную цѣль историческаго дѣйствія, а государству принадлежитъ полнота власти для согласенія законныхъ мірскихъ интересовъ съ этой высшей волей и для приспособленія мірскихъ отношеній и дѣлъ, какъ средствъ, или орудій этой окончательной цѣли“ (В. Соловьевъ). Вторая задача христіанскаго государства — „согласованіе всей государственной общественной жизни съ требованіемъ наивозможно большаго вліянія церкви на жизнь, или организація всей государственной общественной жизни на началахъ Евангелія“. Третья задача христіанскаго государства — „согласованіе въ особенности правовыхъ отношеній съ духомъ христіанства и съ христіанскимъ характеромъ народа“.

Затѣмъ авторъ обращается къ литературѣ и въ лицѣ нашихъ писателей, трактовавшихъ о церкви Гоголя, Достоевскаго и Толстого, разсматриваетъ идею царства Божія. Гоголь былъ консервативенъ, и въ душѣ его идея царства Божія „не нашла полнаго себѣ выраженія“, хотя онъ и желалъ „царства Божія на землѣ“. Гоголь ставилъ его въ зависимость „исключительно отъ моральнаго состоянія отдѣльныхъ лицъ“. Но имъ была высказана важная мысль „о необходимости согласованія всего строя нашей жизни съ требованіемъ Евангелія“ и эта мысль „явилась добрымъ сѣменемъ“, которое развилъ Достоевскій и др.“ Общее представленіе Достоевскаго о царствѣ Божіемъ хорошо обрисовывается словами Алеши Карамазова: „будетъ правда на землѣ и будутъ всѣ святы, и будутъ любить другъ друга, и не будетъ богатыхъ и бѣдныхъ, возвышающихся и униженныхъ и будутъ всѣ, какъ дѣти Божіи, и наступитъ царство Христово“... „Общественное значеніе церкви, говоритъ прот. Свѣтловъ, понято Достоевскимъ шире и глубже Гоголя. Сфера дѣйствія церкви указывается Достоевскимъ не во внутреннемъ только духовномъ мірѣ человѣка, но и во внѣшней общественной средѣ, неизбежно

видоизмѣняющейся въ зависимости отъ нравовъ людей и признанной неизмѣнной Гоголемъ“. Осуществленіе этой задачи Достоевскій, какъ извѣстно, приписывалъ Россіи и русскому народу—„богоносцу“, „всечеловѣку“. Но Достоевскій не затронулъ общечеловѣческихъ и національных основъ жизни, а также цивилизации. Этого коснулся Толстой и пришелъ къ отрицанію всѣхъ основъ жизни и культуры. „Достоевскій подвергался упреку въ рационализмъ, или отождествленіи христіанской религіи съ моралью, Толстой открыто отрицаетъ всю догматическую, или мистическую сторону христіанства и является типичнымъ представителемъ у насъ бездогматическаго христіанства“. Мы не будемъ подробно останавливаться на взглядахъ Толстого, ибо нашъ журналъ отводитъ ему много мѣста. Достаточно указать только вмѣстѣ съ авторомъ трактата, что Толстой видитъ корень зла „въ недостаточномъ воздѣйствіи на жизнь христіанства“. А это происходитъ—де оттого, что послѣднее искажено и подмѣнено другимъ ученіемъ, церковнымъ. Чистое христіанство отрицаетъ весь укладъ современной жизни (суды, войны и т. д.). „Спасеніе общества заключается, поэтому, въ жизни отдѣльныхъ лицъ, въ осуществленіи царства Божія *внутри* насъ. Это, по Толстому, легко достигнуть, если исполнять только 5 заповѣдей: „не блуди, не сердись, не присягай, не противься злему и не воюй“. „И безъ любви въ сердцѣ, однимъ послѣдовательнымъ примѣненіемъ въ жизни этихъ пяти правилъ мы легко водворимъ въ себѣ и внѣ себя царство Божіе. Гдѣ исполняютъ 5 заповѣдей, тамъ тотчасъ же прекращается военная служба, исчезаетъ войско, а съ нимъ и государственная власть“ и т. д. Авторъ видитъ слабость взгляда Толстого въ томъ, что онъ хочетъ устроить царство Божіе путемъ чисто внѣшнимъ, „безъ предшествующаго духовнаго обновленія, при помощи нѣсколькихъ правилъ, касающихся не внутренней жизни человѣка, а лишь внѣшняго его поведенія. Требовать упраздненія судовъ и законодательствъ раньше, чѣмъ исчезла въ насъ самихъ злая воля, значитъ требовать уничтоженія аптекъ и лѣкарствъ въ самый разгаръ эпидеміи“. Ошибка Толстого заключалась въ томъ, что онъ приложилъ къ церкви абсолютную мѣрку и, видя, что первая подъ вторую не подходитъ, отвергъ церковь. На тѣхъ же основаніяхъ онъ отвергъ науку и всю культуру. Но это, конечно, не логично. Толстой забылъ, что и церковь имѣетъ у себя безконечный идеалъ: „Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный“. Заслугу Толстого, какъ Гоголя и Достоевскаго авторъ видитъ „въ проповѣди личной морали, какъ пути общественнаго спасенія“. Историческимъ об-

зоромъ, отъ языческихъ философовъ, тоже работавшихъ для церкви Божіей, до Бухарева и Аскоченскаго, авторъ заканчиваетъ свой трактатъ. И въ концѣ его все-таки ставитъ вопросъ,— „Такъ, что же дѣлать?“

* * *

Отвѣтъ на сей вопросъ дать, намъ думается, другая статья въ томъ же „Б. В.“ проф. Заозерскаго—„О средствахъ усиленія власти нашего высшаго церковнаго управленія“. Статья эта написана какъ бы въ отвѣтъ на статью Л. Тихомірова—„Запросы жизни и наше церковное управленіе“. Намъ кажется, что ее можно поставить въ органическую связь съ трактатомъ прот. Свѣтлова, ибо то средство оживленія церковной жизни, которое предлагается, или возстановляется проф. Заозерскимъ есть первое условіе и при томъ наилучшее, завѣщанное намъ отъ временъ Апостольскихъ, къ установленію царства Божія. Средство это—помѣстный соборъ. Нужда въ помѣстномъ соборѣ, по мнѣнію проф. Заозерскаго, является потому, что „*формально* власть Св. Синода и власть епархіальнаго начальства у насъ поставлены очень *сильно*, но они не въ должной степени сильны *нравственнымъ* своимъ *вліяніемъ* на жизнь“. Заозерскій пишетъ, что соборъ вселенскій и помѣстный не есть только собраніе пастырей и учителей со всей церкви или помѣстной, а что это есть „собраніе всѣхъ *лучшихъ* силъ церкви, т. е. кромѣ епископовъ,—собраніе клира, мірянъ, въ послѣдствіи—монаховъ и представителей государственной власти. Соборъ есть *не коллегія епископовъ, а всецерковное собраніе*. На первомъ вселенскомъ соборѣ присутствовали даже не принадлежавшіе къ церкви „язычники-философы, вступавшіе въ философско-богословскіе дебаты съ отцами собора“. Проф.-авторъ рисуетъ на основаніи подлинныхъ документовъ и изслѣдованій историка проф. Лебедева картины вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ съ этой именно стороны,—со стороны состава ихъ. На Эльвирскомъ соб. 309 г. было 19 епископовъ, 26 пресвитеровъ, діаконовъ и великое множество народа. На 4-мъ всел. соб., кромѣ императора и императрицы, присутствовалъ весь цвѣтъ тогдашней аристократіи, всѣ сановники двора. Желавшихъ быть на соборѣ было такъ много, что было сдѣлано распоряженіе начальнику области „изгонять изъ г. Никеи (гдѣ первоначально предполагался IV всел. соборъ) и изъ самыхъ этихъ областей, какъ клириковъ, проживающихъ тамъ безъ (надлежащаго) приглашенія, или безъ дозволенія своихъ епископовъ, такъ и монаховъ, и мірскихъ, которыхъ никакая причина не призываетъ на соборъ“. О самыхъ же соборахъ, замѣчаетъ авторъ,

„можно сказать, что они были моментами, когда все византийское государство втицалось въ церкви“. Авторъ указываетъ, что и во вѣхъ славянскихъ земляхъ, даже тамъ, гдѣ правительство неправославное, этотъ древній типъ соборовъ помѣстныхъ сохраняется. Въ Греціи, въ Константинополѣ, кромѣ патріарха и его Синода, церковныя дѣла вѣдаетъ еще Смѣшанный Совѣтъ, состоящій изъ 12 членовъ (4 архіереевъ и 8 почтенныхъ мірянъ), при чемъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ происходитъ постоянный обмѣнъ членовъ чрезъ извѣстный періодъ времени. Въ примѣненіи къ жизни русской церкви авторъ проектируетъ, чтобы „богословы, ученые, литераторы, публицисты, художники, люди житейской и юридической практики, какъ и лица высокой духовной опытности изъ бѣлаго духовенства и монашескаго старчества“ получили бы „почетное мѣсто на соборѣ, какъ желательные *совѣтники*. Ихъ мнѣніе, свободно высказанное, должно быть внимательно выслушано и обсуждено, какъ бы ни казалось оно необычнымъ, страннымъ съ принятой, ортодоксальной точки зрѣнія, какъ бы ни рѣзала слухъ его необычная „нецерковная“ формулировка. Отцамъ собора нужно совершенно отрѣшиться отъ идеи предосужденія присутствующихъ, какъ „благодѣтельныхъ“ и „неблагодѣтельныхъ“ людей „церковныхъ“ и „либераловъ“. Въ рѣшеніи своихъ задачъ (удовлетворить запросамъ жизни) собору, по мысли автора, „можетъ оказать незамѣнимую услугу присутствіе представителей ортодоксальной науки. Съ этою силою іерархіи, говоритъ онъ, не страшно будетъ выслушать какой угодно „либеральный докладъ“, какое угодно „интеллигентное“ заявленіе. Затѣмъ, авторъ излагаетъ предметы дѣятельности собора, а также на отрицательныя стороны современнаго консисторскаго и церк.-приходскаго управленія. Въ заключеніи статьи авторъ пишетъ: „Пора же намъ сознать и самымъ дѣломъ выражать, что мы чада единой церкви и братья не только въ тѣ краткіе моменты, когда стоимъ въ храмѣ и молимся, когда дѣйствительно составляемъ единообразно настроенное общество, но и по выходѣ изъ храма, когда разсыпаемся по своимъ домамъ, или по засѣданіямъ въ разныхъ нами сочиненныхъ обществахъ, совершенно забывая о своемъ болѣе высшемъ сочленствѣ и братствѣ, связующими силами котораго служить единство вѣры, единство духовнаго рожденія, единство таинственнаго питанія Тѣломъ и Кровью Христа: приходъ, епархія, вся русская церковь—вотъ общества, по которымъ въ качествѣ непремѣнныхъ и дѣятельныхъ членовъ должны распредѣляться *прежде всего* всѣ православно-русскіе христіане“. Тогда, указываетъ онъ,

„обновленіе“ и „полнота“ церковнаго организма явились бы сами собою“.

* * *

При отсутствіи послѣднихъ въ настоящее время, а также при неавторитетности въ глазахъ многихъ церковной власти, и возможно распространеніе такихъ брошюръ какъ Л. Толстого „Разрушеніе ада и его возстановленіе“ (см. „Мисс. Об.“ 1903* г. № 19) среди нѣкоторыхъ членовъ церкви, буквально смакующихъ ея ядъ и совершенно не читающихъ опроверженіе ея. Въ виду такого печальнаго явленія заслуживаетъ вниманія лекція проф. церк. исторіи Московскаго университета А. Лебедева, посвященная разбору этой брошюры съ точки зрѣнія церковно-исторической. Слово авторитетнаго профессора, да еще съ каведры, въ аудиторіи—явленіе знаменательное въ наши дни. Содержаніе брошюры Толстаго уже извѣстно нашимъ читателямъ. Проф. А. Лебедевъ основательно указываетъ ошибку Толстого, что паденіе церковной жизни началось будто бы съ Апостольскаго собора, или съ „изобрѣтенія церкви“, по выраженію одного изъ бѣсовъ у Толстого. Авторъ-проф. показываетъ, что разнь между христіанами была и до собора, и что далеко не все такъ было хорошо, какъ рисуетъ Л. Толстой въ своей брошюрѣ. Такихъ фактовъ разсыпано и въ кн. Дѣяній и посланійхъ Апостольскихъ очень много. Указавъ на нихъ, авторъ заключаетъ:

„Такимъ образомъ, мы показали, что жизнь первенствующихъ христіанъ вязкую во всей ея совокупности, Толстой рисуетъ въ исключительно свѣтлыхъ чертахъ; и это было бы дѣломъ похвальнымъ, если бы онъ имѣлъ въ виду отмѣтить поучительныя стороны первохристіанской эпохи и чужды были тенденцій. Но мы уже говорили и опять повторимъ, что все это сдѣлано Толстымъ лишь затѣмъ, чтобы повѣдать и убѣдить читателя, какъ далеко послѣдующая церковь будто бы удалилась отъ этихъ идеаловъ, обративъ царство благодати въ царство сатаны. Вслѣдствіе этого, похвалы разбираемаго писателя нужно признать дутыми“.

Другой профессоръ А. Дмитріевскій въ публичномъ чтеніи, обращенномъ къ многочисленной аудиторіи, разбираетъ взглядъ Толстого на кн. Служебникъ и церковные обряды, которые онъ въ своемъ отвѣтѣ Св. Синоду назвалъ „колдовствомъ“. Авторъ съ научно-исторической точки зрѣнія освѣщаетъ литургійный чинъ и въ этомъ отношеніи его статья далеко оставляетъ за собою статью Голубцова („Бог. В.“) „Объ особенностяхъ архіерейскаго служенія литургіи“, въ которой видно больше гаданій, чѣмъ фактическаго матеріала, и даетъ объясненіе очень многимъ сторонамъ нашего богослуженія, литургіи въ особенности, забытымъ, или малопонятнымъ. По отношенію къ вопросу о Тол-

стомъ статья Дмитріевскаго имѣтъ то значеніе, что, какъ и статья проф. Лебедева, она обнаруживаетъ у гр. Л. Н. преднамѣренную ложь и тенденціозное искаженіе фактовъ. Такъ, напр. въ романѣ „Воскресеніе“, по поводу котораго и былъ читанъ проф. Дмитріевскимъ настоящий рефератъ, почтенный авторъ указываетъ на слѣдующія намѣренныя погрѣшности у Толстого.

„На литургіи, по описанію романиста, говоритъ онъ, священникъ читалъ „внятно мѣсто изъ евангелія Марка“, составляющее 70 зачало, при чемъ съ излишнею обстоятельностью, не вызываемою самою сущностью дѣла, передается и все содержаніе этого зачала. По справкѣ въ „сказаніи главамъ евангельскимъ утреннимъ, апостоламъ и евангеліямъ извѣстно седмицамъ всего лѣта“ и въ обычномъ напрестольномъ евангеліи, обнаруживается, что въ теченіе цѣлаго церковнаго года *данное зачало* ни одного раза не положено для чтенія на литургіи: зачало 70 указано въ качествѣ 3 воскреснаго утренняго евангелія и также утренняго евангелія въ праздникъ Воскресенія. Эту ошибку, однакоже, никакъ не слѣдуетъ относить на долю весьма плохого знакомства нашего писателя съ православнымъ богослуженіемъ (что и будетъ мною показано ниже), но она допущена имъ сознательно и съ преднамѣренною цѣлью, чтобы имѣть лишній поводъ поиздѣваться надъ Евангеліемъ и надъ ученіемъ православной церкви о таинствахъ. Л. Н. Толстой, написавшій свое евангеліе и выбросившій изъ него совершенно главы, относящіяся къ жизни Господа нашего по воскресеніи, остановился на 70 зачатѣ изъ ев. Марка потому, что здѣсь говорится объ установленіи въ церкви Христовой таинства крещенія, необходимаго для спасенія и полученія царства небеснаго вѣрующими, о вознесеніи Господнемъ на небо, о явленіи Христа Маріи Магдалинѣ, изъ которой онъ изгналъ семь бѣсовъ, и о власти надъ бѣсами, данной Христомъ, при посланничествѣ апостоловъ на проповѣдь, т. е. о томъ во что нашъ писатель не вѣритъ, и что онъ недавно въ своей новой исповѣди, или въ отвѣтѣ своемъ на постановленіе Св. Синода отъ 20—22 февраля 1901 г. публично призналъ „низменнымъ, грубымъ, несоотвѣтствующимъ понятію о Богѣ и христіанскому ученію „колдовствомъ“. Описаніе проскомидіи у Толстого отличается такою же тенденціозною ложью. „Священникъ, говоритъ онъ, одѣвшись въ особенную странную и очень неудобную парчевую одежду, вырѣзывалъ и раскладывалъ кусочки хлѣба на блюдецъ и потомъ клалъ ихъ въ чашу съ виномъ, произнося при этомъ различныя молитвы“. Правда, замѣчаетъ авторъ, что на проскомидіи вынимаются изъ просфоры частицы и полагаются близъ Агнца на дискосъ, но въ чашу эти частицы опускаются не на проскомидіи, а уже въ концѣ литургіи, по приобщеніи св. Таинъ священнослужителей и мірянъ“.

Въ литургіи оглашенныхъ авторъ указываетъ у Толстого подобныя же ошибки. Толстой описываетъ:

„Дьячекъ, не переставая, сначала читалъ (часы), а потомъ пѣлъ по перемѣнно съ хоромъ изъ арестантовъ (антифоны) разныя славянскія, сами по себѣ мало понятныя, а еще менѣе отъ быстрого чтенія и пѣнія понятныя молитвы. Содержаніе молитвъ заключалось преимущественно въ желаніи благоденствія Государю Императору и его семейству. Объ этомъ произносились молитвы *мною* разъ вмѣстѣ съ другими молитвами и отдѣльно на колѣняхъ“.

Авторъ-проф. справедливо критикуетъ Толстого, ибо непонятныхъ молитвъ въ ектеніяхъ и др. пѣснопѣніяхъ литургіи оглашенныхъ нѣтъ, а моленіе о Царѣ возсылается два раза на ектеніяхъ, а третій разъ послѣ сугубой ектеніи въ молитвѣ, читаемой вовсе не на колѣняхъ, какъ описываетъ Толстой.

Но лживая тенденціозность Л. Толстого особенно видна изъ слѣдующаго.

„*Сущность богослуженія*, писалъ онъ въ романѣ, состояла въ томъ, что предполагалась, что вырѣзанные священникомъ кусочки и положенные въ вино, при извѣстныхъ *манипуляціяхъ* и молитвахъ, превращаются въ Тѣло и Кровь Бога. Манипуляціи эти состояли въ томъ, что священникъ равномѣрно, не смотря на то, что ему мѣшалъ надѣтый на него парчевый мѣшокъ, поднималъ обѣ руки кверху и держалъ ихъ такъ, потомъ опускался на колѣни и цѣловалъ столъ и то, что было на немъ. *Самое же главное дѣйствіе* было то, что, когда священникъ, взявъ обѣими руками салфетку, равномѣрно и плавно махалъ ею надъ блюдцемъ и золотой чашей. *Предполагалось, что въ это самое время изъ хлѣба и вина дѣлается Тѣло и Кровь, и потому это мѣсто богослуженія было обставлено особенной торжественностью*“.

Авторъ статьи справедливо разоблачаетъ дальше, что вовсе не эти моменты, соотвѣтствующие Херувимской и Символу вѣры считаются самыми главными въ Церкви за литургіей. Дальнѣйшая цитата изъ Толстого тоже характерна.

„Послѣ этого, писалъ онъ, т. е. послѣ „Достойно есть“, считалось, что превращеніе совершилось и священникъ, снявъ салфетку съ блюда, *разрѣзалъ сѣрединный кусочекъ на четверо и положилъ его сначала въ вино, а потомъ въ ротъ. Предполагалось, что онъ съѣлъ кусочекъ Тѣла Бога и выпилъ глотокъ Его крови*“. Авторъ статьи по этому поводу замѣчаетъ. „Удивительная путаница фактовъ! Передъ моментомъ причащенія въ дѣйствительности никакого разрѣзыванія *сѣрединнаго кусочка* на четверо не полагается, а въ это время св. Агнецъ раздробляется на четыре части и часть отъ него съ надписью: „Исусъ“, полагается во св. чашу и этою частью не приобщаются ни священникъ, ни вѣрующіе. Священникъ же приобщается *другою* частицею съ надписью „Христосъ“ и отдѣльно Тѣла Христова и отдѣльно Крови Его“.

Справедливо отмѣчая затѣмъ, что, при такой лживости и тенденціозности, романъ возбуждаетъ интересъ къ себѣ „тяготѣніемъ къ запретному плоду, безъ котораго намъ „и рай не въ рай“, авторъ справедливо отмѣчаетъ еще въ Толстомъ намѣренную терминологію, по которой иконостасъ у него называется „перегородкою“; завѣса — „занавѣскою“; царскія двери — „средними дверями“; фелонь — „парчевымъ мѣшкомъ“; потиръ — „золоченою чашкою“; дискось — „блюдцемъ“; большой покровъ — „салфеткою“; причастный стихъ — „веселю пѣсню“; священнодѣйствія — „манипуляціями“, а также что юморъ романа сводится къ „веселому расположенію духа, которое приобрѣлъ священникъ, когда онъ допилъ всю находящуюся въ чашкѣ Кровь и съѣлъ

всѣ кусочки Тѣла Бога, старательно обсосавъ усы“, и къ „по-скрипыванію тонкими подошвами опойковыхъ сапогъ“. Авторъ обличаетъ эту тенденціозность, указывая, что въ XV гл. того же романа Толстой „обнаруживаетъ знакомство съ настоящей литургической терминологіей; здѣсь у него и „золотой иконостасъ“, и „паникадило“, и клиросы, и священники въ свѣтлыхъ серебряныхъ съ золотыми крестами ризахъ, и дьяконъ, и дьячки въ праздничныхъ серебряныхъ и золотыхъ стихаряхъ“ и т. д. Возмущаетъ по справедливости автора, да и не одного его, конечно, что это издѣвательство исходитъ отъ того писателя, „который всегда рядился въ тогу защитника невинныхъ и оскорбленныхъ, проповѣдая полную свободу совѣсти и горячо принимая подъ свою защиту даже религіозный бредъ кавказскихъ и американскихъ духовоборовъ. Самая задушевная христіанскія убѣжденія, основанныя на ученіи Христа и раздѣляемая милліонами кровныхъ соотечественниковъ и христіанъ на всемъ земномъ шарѣ, въ глазахъ нашего маститаго писателя не имѣютъ ровно никакой цѣны, и ихъ онъ позволяетъ себѣ самымъ безжалостнымъ образомъ топтать въ грязь“. Поразительный фактъ указывается проф. Дмитріевскимъ, что, не смотря на желаніе Толстого поглотиться надъ святѣйшимъ таинствомъ Евхаристіи, „святое святыхъ“ литургіи, или канонъ литургическій (во время пѣнія „Милость мира“ до „Тебѣ поемъ“ включительно), охранявшійся церковью неизмѣнно на продолженіи вѣковъ, остался и у Толстого нетронутымъ (ибо онъ, какъ мы видѣли, останавливается на Символѣ вѣры). „Провидѣніе, говоритъ онъ, непостижимымъ для насъ образомъ содѣйствуетъ св. церкви въ выполненіи указанной цѣли. Разительный примѣръ чудеснаго охраненія этой святости Провидѣніемъ отъ легкомысленной профанаціи передалъ намъ писатель VI в. Іоаннъ Мосхъ (литургія, совершенная дѣтми). Не менѣе поразительный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко поучительный примѣръ, по нашему крайнему разумѣнію, передастъ отдаленному потомству нашъ современный лѣтописецъ, когда поведетъ рѣчь о романѣ „Воскресеніе“ Л. Н. Толстого“.

* * *

Наши писатели въ духовныхъ журналахъ, какъ выразился одинъ изъ сотрудниковъ „Новаго Пути“ (см. янв. 1904 г. „Р.-ф-ская хроника“) „откликаются“. Намъ кажется, что религіозные запросы всегда находили себѣ откликъ въ духовныхъ журналахъ, только рѣшеніе ихъ было не всегда такимъ, какого желалось бы „новопутьцамъ“. Но прогрессъ есть и въ богословскомъ мыш-

леніи, и журнальныя статьи за 1903 г., особенно академическихъ профессоровъ, служатъ нагляднымъ этому доказательствомъ. Во вступительной лекціи проф. философіи Моск. д. ак. А. Введенскаго отмѣчаются „Запросы времени“, а также дѣлается приглашеніе слушателямъ идти на встрѣчу этимъ запросамъ, но идти во всеоружіи богословско-философской науки. Проф. Введенскій отмѣчаетъ тотъ фактъ, что даже люди причастные къ богословскому знанію иной разъ заявляютъ, что будто у богослововъ они тщетно искали разъясненія того или другого вопроса и обрѣли ихъ... у Розанова и Мережковского.

„Есть, говоритъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ для богословской науки нѣчто въ высшей степени симптоматичное и даже какъ бы трагичное. Съ хранителями, казалось бы, безспорныхъ „истинъ“ традиціонной богословской науки на нашихъ глазахъ иногда совершается тоже, что, говорятъ, особенно въ старинныя времена, нерѣдко случалось съ иными, слишкомъ бережными, хранителями бумажныхъ денежныхъ знаковъ: приносить такой хранитель для размѣна на звонкую монету ассигнацію, но размѣнять не можетъ, такъ какъ—увь!—появились уже ассигнаціи новаго образца, а для старыхъ прошелъ даже и послѣдній срокъ давности... Отсюда выводъ: необходимо православному богослову, если онъ хочетъ быть активнымъ и разумнымъ участникомъ въ общемъ движеніи современной мысли, чутко вслушиваться въ запросы времени, особенно какъ они отражаются въ литературѣ и глубоко, напряженно-пристально вдумываться въ особенности духовныхъ интересовъ, которыми живетъ современное общество и которымъ оно хочетъ идти навстрѣчу“.

*
* * *

Въ высшей степени цѣнною является статья Л. Тихомирова, помѣщенная въ „Бог. Вѣстн.“ „Личность, общество и церковь“. Статья эта служитъ какъ бы продолженіемъ первой его статьи, а отчасти ея поясненіемъ, это именно статьи „Запросы жизни и наше церковное управленіе“, на которую отвѣчалъ своею статьею, выше уже нами переданною, проф. Заозерскій. Тутъ онъ отчасти сходитъ съ послѣднимъ на мысли, что необходимо возстановленіе правильныхъ функцій церковной жизни. „Всѣ мы, говоритъ онъ, съ дѣтства заучили догматическія положенія о единоспасающей церкви, но есть разница между догматикой и популярными вѣрованіями“. Въ отвѣтъ на свою первую статью авторъ получилъ разнообразныя возраженія.

„Одни, говоритъ онъ, мнѣ возражали, что наши религіозныя разстройства зависятъ не отъ неправильнаго строя церкви, а отъ общей малонравственности; другіе обвиняютъ въ религіозной расшатанности само духовенство; третьи указывали всю бѣду въ томъ, что мы Русскіе отличаемся плохо развитымъ пониманіемъ догматовъ... При всемъ различіи этихъ замѣчаній, говоритъ авторъ, они имѣютъ характеристическую общую черту: вся бѣда

сводится къ недостаткамъ личности мірянина, или клирика. Съ православной точки зрѣнія, заключаетъ авторъ, разсужденіе должно бы идти совершенно обратнымъ путемъ: чѣмъ ниже мы пали, чѣмъ мы стали развращеннѣе и невѣжественнѣе, тѣмъ съ большей энергіей должны бы мы стараться возстановить правильное дѣйствіе церкви, т. е. нашей совмѣстной религіозной жизни, какъ единственный способъ поднять и повысить столь низко павшихъ людей“.

Авторъ далѣе иллюстрируетъ эту свою основную мысль данными изъ Ап. посланій и книгъ Ерма, „ученія 12 апостоловъ“, Варнавы, Климента римскаго и др. и спрашиваетъ: „Что такое религіозная жизнь? Обыкновенно отвѣчаютъ: „общеніе съ Богомъ“. Но что такое это общеніе? Каково его содержаніе? Древній христіанинъ все это прекрасно понималъ, нынѣшній въ большинствѣ случаевъ не понимаетъ. Однако чѣмъ сложнѣе положеніе, тѣмъ нужнѣе знать, какъ среди него устроить свою душу, т. е. знать истинное содержаніе религіозной жизни, которое христіанствомъ ставится въ такую тѣсную связь съ общественностью. Что значитъ жить для общества—всякому кажется понятнымъ. Но что значитъ жить для церкви? Значитъ ли это сдѣлаться по малой мѣрѣ псаломщикомъ, или чиновникомъ духовнаго вѣдомства? Жизнь церковная начинаетъ казаться какимъ-то спеціальнымъ уголкомъ человѣческой жизни, средой „удовлетворенія религіозныхъ потребностей“, подобно тому какъ есть учрежденія для удовлетворенія эстетическихъ потребностей и т. д. Это затираніе церковной идеи общественною, справедливо заключаетъ авторъ, составляетъ тончайшій обманъ современности, такъ что, безъ возстановленія правды, безъ выясненія *дѣйствительныхъ* соотношеній общественности и церковности въ міровой жизни, нынѣшнему человѣку почти уже нельзя понять, чѣмъ можетъ и должна быть церковь въ его религіозной жизни“. Авторъ ссылается на покойнаго В. С. Соловьева, который стремился раскрывать вопросы церковности въ связи съ общественными. Ту же попытку беретъ на себя и авторъ и онъ хочетъ уяснить „дѣйствительное мѣсто *религіозной общественности*“. Авторъ уясняетъ различіе между понятіями общество и церковь. „Общество не есть, говоритъ онъ, ни организмъ, ни церковь, а явленіе особаго порядка“. Сходство между организмомъ и обществомъ соціологи подмѣчали въ законахъ *кооперации*, но въ обществѣ есть еще и подьорганическіе законы, ибо въ организмахъ „происходитъ кооперация живаго *вещества*, а въ соціологін (въ обществахъ)—кооперация *личностей*“.

Отличіе общества отъ организма заключается, по словамъ автора, и въ томъ, что „соціальныи порядокъ не производитъ коллективной особи... Въ

самыхъ рабскихъ обществахъ есть гордые аристократическіе слои, которыхъ идеалы личности становятся рано или поздно образчикомъ для остальной массы народа... Церковь, поэтому, не сливается съ социальнымъ строемъ и является общественностью *надъ социальной*. Различіе между социальнo-политической средой и церковной весьма существенно. Организационное начало въ обществѣ есть человѣческая личность, элементъ психологическій. Организационнымъ элементомъ церкви является Богъ, личность Божественная, элементъ духовный. Отсюда прежде всего разница въ *цѣляхъ* строенія“.

Цѣль церкви *міровая*, а у обществъ частнѣе. Въ церкви всѣ другъ въ другѣ нуждаются. „Пока человѣкъ остается и утверждается въ своей ограниченности и отдѣльности въ немъ *нѣтъ Бога*“ (Соловьевъ). Церковь, такимъ образомъ, даетъ то, чего не могутъ дать никакіе социальные законы жизни.

Авторъ вноситъ нѣкоторыя дополненія и поправки къ мыслямъ проф. Заозерскаго о соборномъ началѣ въ церкви. Признавая справедливость ихъ, авторъ однако дѣлаетъ оговорку, что „христіанство не въ формѣ, а въ духѣ. *Собраніе даже небольшого числа лицъ можетъ выразить чувство, мысль и желаніе всѣхъ*, если только выразить волю Христа, пребывающаго въ церкви и вся совокупность членовъ, не бывши физически на соборѣ, признаетъ рѣшеніе какъ бы свое собственное“. Авторъ выясняетъ и поставленный раньше вопросъ, что значить жить въ церкви. „Жизнь церковная, говоритъ онъ, есть высшая коллективная, истинно человѣческая гармонизируемая и направляемая Самимъ Богомъ“. У насъ больше распространено мнѣніе, что религіозная жизнь есть отдѣльная отъ міра и людей съ однимъ Богомъ. Авторъ указываетъ на ошибочность такого взгляда, ибо пустыnnики жили не внѣ церкви, а уходили только отъ социальной среды, какъ таковой. Они даже расширяли психологію этого общенія и были духомъ со всѣмъ міромъ, живя внѣ міра, часто входя въ таинственное общеніе съ людьми, жившими отъ нихъ вдали и съ незнакомыми были знакомы. Для людей обыкновенныхъ это—непонятное чудо. Однимъ словомъ, авторъ и исторически, и психологически, и на основаніи откровенія, и писаній святоотеческихъ показалъ, что суть церковной жизни—это „*вмѣстѣ спастись*“ и статья его заслуживаетъ глубокаго вниманія.

Упреки, ставящіеся теперь церкви, что будто бы жизнь религіозная отрѣшена отъ общественности, что церковь отрицаетъ искусство и культуру, это можно было видѣть изъ обзора предшествовавшихъ статей, а послѣдней—Тихомірова въ особенности, часто имѣютъ для себя какъ будто бы основанія въ жизни древней церкви, которая отрицала искусство во II и III вѣкахъ, а потому, напр., отрицала театръ и зрѣлища и т. д. Эти упреки

[illegible]

ставляющую отвѣтъ сотруднику „Православно-русского слова“ прот. О-ву. Прот. Свѣтловъ вполне справедливо замѣчаетъ О-ву, что онъ говоритъ о театрѣ, а не о его искаженіяхъ и что онъ вовсе не считаетъ современнаго театра *вполнѣ* удовлетворяющимъ „высшему религіозному назначенію“. „Но, если мы доживемъ, говоритъ авторъ, пр. Свѣтловъ, до „идеальнаго“ театра, о которомъ будто бы только и говорилъ Гоголь, то тогда и театръ вполнѣ будетъ отвѣчать своей цѣли... При всемъ томъ я недоумѣваю, спрашиваетъ пр. Свѣтловъ, неужели кто-либо даже изъ солидарныхъ съ о. О-вымъ искренно можетъ считать неудовлетворяющими вполнѣ назначенію театра „Жизнь за Царя“, „Фаустъ“, „Гугеноты“, „Маккавеи“, трилогію Толстого А., „Гамлета“, „Короля Лира“ и др. произведенія Шекспира, драмы и комедіи Ф. Визина, Грибоѣдова, Гоголя, Островскаго и мн. др.?! Должны же быть какіе-либо предѣлы пуританской требовательности, иначе значило-бы остаться вообще совсѣмъ безъ театра и успокоиться на „пешныхъ дѣйствіяхъ“... Но и пешныя дѣйствія совершались даже въ храмѣ, а изъ нихъ и возникъ театръ XVII в.; нынѣ же многіе пастыри сомнѣваются, можно ли освѣщать зданіе театра. Намъ думается, что если бы теперь былъ собранъ вселенскій соборъ, то онъ отмѣнилъ бы правила 5—6-го собора, ибо оно казалось театровъ совсѣмъ другого рода.

*
* * *

Нѣсколько особнякомъ въ этомъ первомъ подѣлѣ стоятъ двѣ статьи, но и онѣ имѣютъ связь съ нѣкоторыми современными запросами—это статьи изъ „Прав. Соб.“—„Ученіе св. Кирилла, архіеп. Александр. объ Евхаристіи“ П. Пономарева и „Символъ Апостольскій“ А. Преображенскаго. Вопросъ объ Евхаристіи возбужденъ Толстымъ и не далѣе какъ въ послѣднемъ его романѣ „Воскресеніе“, а вопросъ объ апостольскомъ Символѣ примыкаетъ нѣсколько къ вопросу о догматахъ и догматичности христіанства, поднятому представителями свѣтской мысли.

*
* * *

Гомилетика въ наше время оживленія всѣхъ сторонъ жизни тоже выходитъ изъ своего традиціоннаго состоянія и получаетъ болѣе живую разработку. Излишне говорить, насколько важна гомилетика въ миссіонерскомъ дѣлѣ. Но нужно сознаться вмѣстѣ съ авторомъ статей „Предметъ христіанской проповѣди“, „Внѣшняя сторона проповѣди“, „По живому вопросу о живомъ

словѣ“, проф. Тарѣвымъ (см. „Б. В.“), что проповѣдь въ нашихъ храмахъ въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ, способна чаще отвращать отъ нея пасомыхъ, нежели привлекать. Находятся все еще пастыри, въ родѣ о. Бабуры, которые противъ живого слова и стоятъ за чтеніе проповѣдей по сборникамъ и др. печатнымъ руководствамъ. Но есть и такіе, какъ о. Панормовъ, который въ письмахъ къ проф. Тарѣву пишетъ любопытныя строки. „У насъ, пишетъ онъ, проповѣдями считаются теперь *литературные* образцы церковнаго слова... Литературная красота слова искусственнаго (т. е. записаннаго) это своего рода обольщенія для современныхъ проповѣдниковъ... тетрадь стала средостѣніемъ между проповѣдникомъ и массой.“ Почтенный протоіерей, говоритъ Тарѣвъ, мучающійся надъ вопросомъ о проповѣди, какъ живомъ словѣ, уже не первый десятокъ лѣтъ своей пастырской жизни и дѣятельности, *распространеніе штунды* объясняетъ отсутствіемъ у насъ живого проповѣдническаго слова. „Почивающіе на тетрадяхъ, пишетъ о. Панормовъ, и сборникахъ не имѣютъ побужденія умножать свое духовное богатство: эти проповѣдники св. Писанія не читаютъ, жизни не изучаютъ, у нихъ нѣтъ мудрости пастырской: нѣтъ въ нихъ, ибо она осталась въ книгахъ... *Баттисты* прямо въ лицо бросаютъ обвиненіе нашему духовенству въ томъ, что оно 1) не знаетъ св. Писанія, 2) не убѣждено въ правотѣ своей вѣры: зачѣмъ читать по тетрадкамъ о томъ, въ правотѣ чего ты убѣжденъ?—говорятъ они. Недавно, добавляетъ онъ, одинъ губернской статистъ, объѣхавшій нашъ край, сообщилъ мнѣ отзывъ о проповѣдникахъ—чтецахъ готовыхъ книгъ: „хлобыщеть батюшка“. Да, слово найдено: проповѣдь по книгѣ не есть проповѣдь, а „хлобыстика“. Да, добавимъ отъ себя, надо подумать объ этомъ нашимъ пастырямъ. Полезно поэтому обращаться къ дѣятельности такихъ проповѣдниковъ, какъ, напр., Евгеній Берсье, которому посвящена А. Преображенскимъ статья въ „Прав. Соб.“, ибо это было дѣйствительно церковное эхо, откликавшееся на всѣ вопросы жизни.

*
* * *

Жизнь выдвинула и вопросъ объ аскетизмѣ, а также указала на несоотвѣтствіе, съ одной стороны, жизни современнаго монашества его древнимъ образцамъ, а также на односторонность современнаго пониманія монашества—вообще. Первому вопросу посвящены двѣ статьи: 1) С. Смирновымъ—„Какъ-служили міру подвижники древней Руси“ и 2) Н. Каптеревымъ—„Въ чемъ истинное монашество по воззрѣніямъ преп. Максима Грека?“

стыри тѣмъ болѣе подлежатъ этому упреку. Въ типиконѣ греч. Пандократорскаго монастыря (X в.), открытаго проф. Дмитріевскимъ, подробнѣйшимъ образомъ описана благотворительная дѣятельность этого монастыря, больница его со всѣми лѣчебными приспособленіями и пр. Эту дѣятельность можно читать теперь и представлять нашимъ монастырямъ, какъ идеаль.

Свящ. М. Лисининъ.

Дѣло объяснилось.

(Къ замѣткѣ «Новаго Вр.»—«Еще по поводу термина «раскольникъ»).

Читателямъ нашего журнала, можетъ быть, попадалась на глаза моя замѣтка въ 2 № с. г.—„не старообрядецъ и не старо-вѣръ, а именно „раскольникъ“. Въ замѣткѣ я имѣлъ въ виду показать Н. О—ву, автору „нѣсколькихъ строкъ“ въ „Нов. Вр.“—„Раскольникъ или старообрядецъ“, что онъ смотритъ на дѣло *по существу* неправильно, что съ богословской и каноническо-исторической точки зрѣнія глаголемые старообрядцы должны представляться и называться не иначе какъ „раскольниками“. Что же касается *другихъ* точекъ зрѣнія—гуманности, „грозныхъ тучъ на политическомъ горизонтѣ“ и имъ подобныхъ, то ихъ я не касался и необинуясь заявляю,—что тутъ „какое хочешь имя дай“ раскольникамъ. Я разсуждалъ по существу. Въ 10015 № „Нов. Вр.“, 21 янв., г. Н. О—въ написалъ „Еще по поводу термина „раскольникъ“ и объяснился на чистоту по затронутому имъ вопросу. Новая замѣтка Н. О—ва („нѣкоего“ не пишу, а то г. Н. О—въ обижается) меня нѣсколько удивила. Угрызнувъ меня за „всю несдержанность“, г. Н. О—въ пишетъ, что я „обрушился на него со всѣмъ своимъ ученымъ арсеналомъ за его замѣтку въ нѣсколько строкъ... съ усердіемъ (на семи страницахъ!), какого его крохотная замѣтка совсѣмъ и не заслуживаетъ... Междустрочіе понятно. „Сдержанность“ и „несдержанность“—понятія слишкомъ субъективныя, чтобы о нихъ разсуждать. А вотъ что касается „крохотной замѣтки въ нѣсколько строкъ и „семи страницъ“, то тутъ не бесполезно для существа дѣла сказать два-три слова. Мнѣ думается, что въ нѣсколькихъ строкахъ можно, голословно конечно, сказать такую неправду, что на основательное пораженіе ея изъ „ученаго арсенала“ прямо необходимо вывозить хоть „длинный томъ“. И это понятно. Короткая неправда, особенно „Нов. Вр.“, можетъ прирастись ко многимъ „малымъ“. А это не хорошо,—„несдержанно“. Поэтому

и ставить восклицательные знаки при „семи страницахъ“, показывающихъ, на авторитетныхъ данныхъ, неправду „нѣсколькихъ строкъ“, „едва-ли умѣстно“. Моихъ „семи страницъ“ не было бы на бѣломъ свѣтѣ, если бы г. Н. О—въ въ своихъ „нѣсколькихъ строкахъ“ сказалъ откровенно, что онъ въ своей замѣткѣ—„раскольникъ или старообрядецъ“ разсуждаетъ съ точки зрѣнія гуманности и „политическаго горизонта“: тогда его „крохотная замѣтка“ дѣйствительно „совѣмъ бы не заслуживала“ моего „усердія“. Но вѣдь г. Н. О—въ писалъ: что „названіе раскольникъ по отношенію къ старообрядцамъ несправедливо по *существу*“..., что „въ мѣсковской дониконовской Руси еретиками *раскольниками* называли католиковъ, въ *догматахъ* расходящихся съ православными москвичами... лютеранъ и пр. *неправославныхъ*“..., что „нашихъ старообрядцевъ *отнюдь* (!) нельзя назвать раскольниками, такъ какъ разница между обѣими *правовѣрующими половинами* Руси—была отнюдь (!) не въ догматахъ, а только въ *обрядахъ*“ и что надо бы именовать раскольниковъ такъ, какъ они сами себя именуютъ—„людьми старой вѣры, старовѣрами, старообрядцами“. Въ этихъ словахъ проглядываетъ уже не одна гуманность и политика, а и „ученая“ справка. Отсюда и мои „семь страницъ“. Теперь г. О—въ пишетъ: „пусть я не правъ... со строго-богословской точки зрѣнія (т. е. по *существу* значить?), но развѣ то, что я хотѣлъ сказать своей замѣткой, отъ этого измѣняется?“ Очень: вы, г. О—въ, хотѣли сказать (=доказать), что „названіе „раскольникъ“ по отношенію ко всѣмъ старообрядцамъ по *существу* не справедливое... и нашихъ старообрядцевъ *отнюдь* нельзя назвать раскольниками“, а теперь допускаете, что по существу-то (съ строго-богословской точки зрѣнія; мы полагаемъ, что тутъ-то и есть существо, а не въ политикѣ) вы и не правы.

„Пусть ученые богословы, пишетъ г. Н. О—въ, правы юридически, называя нашихъ старовѣровъ раскольниками, но развѣ самый терминъ отъ этого становится для нихъ, старовѣровъ, менѣе обиднымъ?“ Да,—надо бы полагать, что „менѣе“: ибо „старообряды“ изъ уважаемыхъ и ими „писаній“ могутъ убѣдиться, что они праведно называются раскольниками, а не по клеветѣ и злобѣ. „Правильный съ богословской стороны терминъ „раскольникъ“, освѣдомляетъ насъ г. О—въ, старообрядцевъ несомнѣнно обижаетъ, не нужно (?) озлобляетъ, какъ, положимъ, обидятъ всякаго вѣрующаго христіанина кличка „гяуръ“—„христіанская собака“ въ устахъ турка, хотя вѣдь и турокъ со своей магометанской точки зрѣнія будетъ тоже правъ“. Воля ваша, г. О—въ,

а это вы сказали не къ дѣлу. Вамъ хорошо извѣстно, что разнища между православными и „старообрядцами“ далеко не такова, какъ между христіанами и магометанами; „старообрядцы“ называются раскольниками на основаніи „писаній“, признаваемыхъ и ими за авторитетъ; а „гяуръ“ для христіанина только кличка и дѣйствительно *обидная*, — такъ какъ несправедливая; а если бы эта кличка и оправдывалась кораномъ, въ чемъ однако мы сомнѣваемся, то вѣдь коранъ для насъ—сами знаете—какая книга. Въ понятіи *обиды* и *обижать*, думаемъ, непременно мыслится злобная несправедливость; въ противномъ случаѣ—Христосъ былъ бы *обидчикомъ*, называя книжниковъ и фарисеевъ—лицемерами, и порожденіями ехидны (23 гл. Мѳ.),—ап. Павелъ *обижалъ* бы первосвященника Ананію, называя его „стѣной подбѣленной“ (Дѣян. 23, 3), и всѣ наши суды, объявляющіе *воровъ* и *мошенниковъ*, были бы учрежденіями *обидными*.

Сравненіе „раскольника“ съ „незаконнорожденнымъ“ (какъ обидныхъ терминовъ) на *паспортахъ* мы приедемъ. Тутъ фигурируетъ уже *лицо*; и будетъ разсужденіе о „раскольникѣ“ не по *существу*, какъ о религіозномъ явленіи и его наименованіи, а о томъ, справедливо-ли заносить на паспортъ неповиннаго потомка грѣхи его предковъ и дѣлать тѣмъ на всю жизнь безвиннаго виноватымъ и заставлятъ его носить на своемъ лицѣ чужой позоръ? Да,—это совершенно *несправедливо*, и, если хотите, *обидно*. И мы тутъ стояли бы за всю снисходительность. Придумывать паспортное названіе для раскольниковъ не будемъ. Да, правду сказать, и сомнѣваемся, — едва-ли можно придумать тутъ такое наименованіе, которое не „обижало бы“ „старообрядцевъ“. Взгляните на дѣло съ чисто-психологической стороны. Какъ вы ни назовете раскольниковъ—ну хоть „старообрядцами“, „старовѣрами“ и т. п., все же и въ этихъ, снисходительныхъ терминахъ будетъ мыслиться понятіе церковнаго *отщепенства* и въ ушахъ большинства, т. е. православныхъ, да и самого раскольника они все же будутъ звучать чѣмъ-то нехорошимъ, и облаканный въ *наименованіи* раскольникъ все же будетъ, по существу своего положенія, утѣсняться, такъ сказать, и „обижаться“ самою мыслью объ отщепенствѣ. Это и понятно: важно не наименованіе, а мысль, которая съ нимъ соединяется: нельзя думать, чтобы, напр., воръ чувствовалъ себя лучше, когда его назовутъ не воромъ, а хоть бы, къ примѣру, „философомъ, тайно посягающимъ на чужую собственность“. Вотъ и для „незаконнорожденныхъ“ придумали отмѣтку „внѣбрачный“, но развѣ „внѣбрачнымъ“—то легче отъ того, что ихъ перерядили изъ куля въ рогожу? Вѣдь

относиться со всею снисходительностью и кротостью, — „не дастъ ли имъ Богъ покаянія къ познанію истины“ (2 Тим. 2, 25).

Н. Гринякинъ.

Проф. А. Л. Катанскій: „Ученіе о благодати Божіей въ твореніяхъ древнихъ св. отцовъ и учителей церкви до бл. Августина. Историко-догматическое изслѣдованіе“. Спб. 1902 г. Стр. II+330. Цѣна 2 р.

Профессоръ А. Л. Катанскій—извѣстный догматистъ и патрологъ. Его докторское изслѣдованіе: *„Догматическое ученіе о семи церковныхъ таинствахъ въ твореніяхъ древнѣйшихъ отцовъ и писателей церкви до Оригена включительно“* („историко-догматическое изслѣдованіе.“) (Спб. 1877 г.) сразу обратило на себя вниманіе ученыхъ богослововъ и сдѣлало имя автора широко извѣстнымъ. Въ послѣднее время почтенный профессоръ издалъ другой капитальный-же трудъ, въ общемъ отличающійся тѣми-же особенностями, какими отмѣченъ и докторскій,—именно трудъ, заглавіе котораго нами помѣщено въ надписаніи настоящей нашей статьи. Предметъ новаго изслѣдованія А. Л. Катанскаго и чрезвычайно труденъ, и не менѣе того важенъ. Въ западной литературѣ мы находимъ нѣкоторыя попытки подробнаго его выясненія, но онѣ, по понятнымъ причинамъ, не могутъ быть прямо перенесены на православную почву, какъ именно таковую. Въ русской-же литературѣ трудъ А. Л. К.—го, можно сказать, пока единственный, такъ какъ нельзя-же принимать въ серьезный счетъ тѣхъ немногихъ отрывочныхъ данныхъ, какія по этому вопросу встрѣчаются въ различнаго рода учебникахъ.

Почтенный авторъ „сначала предполагалъ“ разсматриваемому нами „сочиненію—придать характеръ теоретическо-систематическаго изложенія ученія о благодати Божіей, сообразно съ чѣмъ „имъ“ и предпослано введеніе, излагающее: *Общее ученіе о Богѣ Освятителѣ*. Предполагалось, „говорить А. Л.—чѣ“, изложить въ систематическомъ порядкѣ весь кругъ истинъ, входящихъ въ догматическое ученіе о благодати Божіей. Но предварительно необходимо было выяснитъ понятіе о благодати, указать различныя смыслы, которые соединились съ этимъ понятіемъ въ различныя времена, и для этого представить *краткій* очеркъ раскрытія этого понятія въ древнеотеческій періодъ, а затѣмъ въ средніе вѣки у западныхъ схоластиковъ и въ послѣдующія времена. Однако, по мѣрѣ углубленія въ изученіе твореній древнихъ отцовъ оказалось такое обиліе матеріала и возбужденъ былъ добытыми дан-

ными такой интересъ къ предмету, что мы принуждены были совершенно измѣнить первоначальное свое намѣреніе и придать своему труду характеръ историческо-догматическаго изслѣдованія, ограничивъ его, притомъ, періодомъ первыхъ четырехъ вѣковъ до бл. Августина“.

Въ частности, „во введеніи“ къ настоящему изслѣдованію раскрывается „общее ученіе о Богѣ-Освятителѣ“, затѣмъ „догматическое ученіе о благодати Божіей“ и, наконецъ, „ученіе св. Писанія о благодати Божіей“. Введеніе это само по себѣ представляетъ цѣнное изслѣдованіе. Интересно познакомиться съ предлагаемою здѣсь „общеою характеристикою раскрытія ученія о благодати Божіей въ твореніяхъ древнѣйшихъ отцовъ и учителей церкви до бл. Августина въ сравненіи съ послѣдующимъ раскрытіемъ на западѣ послѣ бл. Августина“. Не менѣе (а то и болѣе) поучительны и довольно подробныя авторскія разсужденія, уясняющія библейскій взглядъ на вопросъ... и проч.

Далѣе слѣдуютъ тринадцать главъ или параграфовъ книги, излагающихъ ученіе по данному вопросу въ твореніяхъ: „мужей апостольскихъ (1), древнихъ христіанскихъ апологетовъ (2), св. Иринея Ліонскаго (3), Тертулліана (4), св. Кипріяна Карфагенскаго (5), Климента Александрійскаго (6), Оригена (7), св. Кирилла Іерусалимскаго (8), св. Василия Великаго (9), св. Григорія Богослова (10), св. Григорія Нисскаго (11), пр. Макарія Египетскаго (12), наконецъ, св. Іоанна Златоуста (13)“. Раскрытіе ведется строго симметрично. Избѣгая излишнихъ подробностей, авторъ въ тоже время не оставляетъ безъ вниманія ни одной сколько-нибудь существенной черты, характерной или для самаго понятія, имъ уясняемаго въ этой книгѣ, или для того представителя христіанской церкви, съ которымъ авторъ имѣетъ дѣло въ томъ или иномъ параграфѣ своего труда. Особенно подробно раскрыто ученіе, напр., Оригена, св. Василия Великаго, а тѣмъ болѣе—преп. Макарія Египетскаго и св. Іоанна Златоуста. Это послѣднее обстоятельство краснорѣчиво говоритъ о томъ высокомъ чисто научномъ вкусѣ, какой несомнѣнно присущъ автору... Наши русскіе изслѣдователи, раскрывая тѣ или иныя воззрѣнія свв. отцовъ, чаще всего пользуются святоотеческими твореніями по русскимъ переводамъ. Правда, русскихъ переводовъ уже не мало, и среди нихъ очень много высокихъ по своимъ научнымъ качествамъ, но для чисто-ученаго изслѣдованія ограничиваться ими ни въ какомъ случаѣ нельзя: всегда необходимо справляться съ оригинальнымъ текстомъ, такъ какъ всякій переводъ—въ сущности комментарій, непремѣнно окрашенный субъективными

особенностями переводчиковъ, и никогда математически точно не отвѣчаетъ подлиннику, духу его. Вотъ здѣсь, между прочимъ, сказывается весьма осязательно необходимость для богослова знанія классическихъ языковъ, къ сожалѣнію, падающаго все болѣе и болѣе, чѣмъ и объясняется игнорированіе нѣкоторыми изслѣдователями изученія твореній, пока еще не переведенныхъ на русскій языкъ. Нашъ авторъ поступаетъ вполне научно, „прилежно изучая *подлинные* тексты отеческихъ твореній“, но не игнорируя и „русскихъ переводовъ“, какъ своего рода комментаріевъ-пособій, однако, лишь второстепенныхъ по своему для него значенію. Это — одно изъ очень важныхъ достоинствъ автора, благотворно отразившееся на его прекрасной книгѣ.

Въ „заключеніи“ къ послѣдней дается „сводъ данныхъ для ученія о благодати Божіей въ разсмотрѣнныхъ“ авторомъ святоотеческихъ „творенійхъ“. Самъ авторъ „рекомендуетъ читателямъ начать чтеніе“ его „книги именно съ“ этого „Свода и выработанной древнеотеческой формулы ученія о благодати Божіей. Вниманіе читателя будетъ тогда надлежащимъ образомъ возбуждено и привлечено къ многочисленнымъ частностямъ изслѣдованія; впечатлѣніе эпизодичности изложенія (по отдѣльнымъ отцамъ) будетъ значительно ослаблено: отдѣльные отцы явятся тогда какъ бы стадіями постепеннаго раскрытія предмета; чтеніе книги явится провѣркою окончательныхъ выводовъ автора—въ заключеніи“.

Знакомясь съ авторскими особенностями, читатель, изслѣдовавшій вопросъ и самостоятельно, видитъ, что одною изъ нихъ весьма характерною и поучительною является самостоятельность автора въ отношеніи къ „иностраннымъ пособиямъ, отъ пользованія“ которыми онъ, по его словамъ, „намѣренно устранился“, опасаясь вреднаго вліянія ихъ на православнаго богослова „особенно въ этомъ отдѣлѣ догматическаго богословія“.

Приступая къ раскрытію ученія извѣстнаго христіанскаго писателя, авторъ не входитъ въ разсмотрѣніе вопроса о подлинности его твореній и проч. и прекрасно дѣлаетъ. То разсмотрѣніе требуетъ внимательнаго и *спеціальнаго* изученія дѣла. Поэтому онъ могъ-бы совсѣмъ устранить изъ своей книги примѣч. на 208 страницѣ, какъ случайное, не стоящее въ связи съ принятымъ у него методомъ построенія всего дѣла. Вопросъ, какого авторъ мимоходомъ касается (не задѣвая ничьихъ выводовъ), былъ въ свое время спеціально мною изслѣдованъ. Тѣ выводы, къ какимъ я тогда пришелъ, считаю отвѣчающими существу дѣла; позднѣйшія мои разысканія, не прекращавшіяся и доселѣ, только лишній разъ убѣдили меня въ правильности моей точки

Отличающееся серьезными научными достоинствами изложение проф. А. Л. Катанского, изложенное ясно и доступно; заслуживает безспорной похвалы. Надеемся, что высокоученный автор подарит русской богословской науке еще не мало новых трудовъ. Ожидая ихъ, ждемъ и наслощенной книси А. Л. и чарѣшились-бы высказать предложение относительно появленія въ печати и *всего* вообще курса *Догматическаго Богословія*, которое авторъ съ большимъ успѣхомъ читалъ въ Сибирѣ, Духовн. Академіи

Съ большими интересомъ и истиннымъ духовнымъ насла-
ждениемъ прочитали мы небольшую книжку (въ 48 стр.) съ выше-
названнымъ заглавіемъ. Книжка эта заключается въ себя, сего-
уденій, произнесенныхъ шпротъ, Оркаскимъ въ Саровѣ въ 1880
г. въ слѣдующихъ торжествахъ. Вотъ дѣти этихъ поуденій:
I. Святый Серафимъ—идеалъ, образецъ, вѣръ Христу. II. О приращеніи со-
нны для козедетивъ вѣръ Христу ко святымъ Серафимамъ. III. О любви
Матери—Церкви; народомъ; любимое слово св. Серафима. IV. О
множеніи и рожденіи. V. О имреніи. VI. О блаженной жизни св.
Серафима. VII. О значеніи грама, въ Русіи, для он, аромъ.

[illegible]

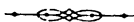
скаго, высказанныхъ имъ въ 3-мъ его поученіи: „Трудныя времена мы переживаемъ: многіе оторвались отъ церкви и хулятъ ее, еще больше холодныхъ вѣрующихъ, которые забыли свою мать и только числятся сынами ея (стр. 23).

Замѣчательно соотношеніе въ судьбахъ идей православія и нашей національности. Разливается и укрѣпляется одна, растетъ, пышно расцвѣтаетъ и другая, и, наоборотъ, въ пренебреженіи та, и эта раздѣляетъ одинаковую участь. Почтенный свѣтскій писатель и публицистъ г. Энгельгардтъ, горячо ратующій за русскую національную идею, не особенно давно высказался такъ: „Въ области божественныхъ симпатій національное русское дѣло явно проиграно и защищается лишь казеннымъ, офиціальнымъ порядкомъ по обязанностямъ службы“ (Н. Вр. № 4982).

По нашему глубокому убѣжденію, поученіямъ о. Орнатскаго нельзя не придавать особой и высокой цѣны за ихъ истинно церковный характеръ, за ту горячую любовь къ церкви, которою проникнуто каждое изъ нихъ, за ту ясность, силу и убѣдительность, съ которыми выясняется въ нихъ значеніе церкви для духовной жизни русскаго народа и для внѣшнихъ судебъ его. Какимъ-бы неоцѣненнымъ благомъ для нашего народа и въ гражданскомъ, политическомъ отношеніи, было, если бы пастыри-проповѣдники сами почаще вспоминали и пасомымъ своимъ уясняли непреложную, подтверждаемую всей исторіей нашей, истину слѣдующихъ словъ преподобн. Серафима: У насъ вѣра православная-церковь, не имѣющая никакихъ пороковъ. Сихъ ради добродѣтелей Россія будетъ славна и врагамъ страшна и непреоборима, имущая вѣру и благочестіе въ щитъ и въ броню правду. Сихъ врата ада не одолѣютъ“.

Саровскія торжества закончились (21-го іюля) освященіемъ храма во имя преподобнаго Серафима. „Но этотъ конецъ торжествъ въ Саровѣ, какъ сказалъ о. Орнатскій, есть начало ихъ по всей Руси“. На другой день (22 ч.) предстояло освященіе храма имени Серафима въ Дивѣевѣ. „Мы вѣруемъ, говорилъ проповѣдникъ, что эти храмы на мѣстахъ бывшей славы преподобнаго суть только предтечи многаго множества храмовъ въ честь его на всемъ пространствѣ св. Руси, славной лучшимъ украшеніемъ ея—святыми храмами“ (стр. 42). А сколько, добавимъ мы, сооружено будетъ иконъ препод. Серафима, кіотъ и лампадъ къ нимъ... Во всѣхъ этихъ случаяхъ пастырское поученіе должно считаться не только приличнымъ, но необходимымъ. На подобные случаи лучшаго образца поученій, какъ „Саровскія поученія“ прот. Орнатскаго, мы указать не можемъ.

И. Преображенскій.

Х р о н и н а.

Изъ міра инославія и изъ жизни заграничнаго сектантства.

Папа и македонскіе болгары.—Толстой—буддистъ.—Странная секта „естественныхъ людей“.—Эфіопизмъ среди методистовъ.—Угроза Африкѣ.—Мусульманская секта Сенуссievъ.

Парижская газета „La Croix“ приводитъ статью изъ болгарской газеты: „Вечерняя Почта“, какъ бы указывающую на то, что Ватиканъ не чуждъ тому, что происходитъ въ Македоніи.

Болгарская газета говоритъ о томъ, что множество православныхъ болгаръ, въ особенности изъ Адрианопольскаго вилаета, обращаются къ папѣ съ прошеніями вступить за нихъ противъ турокъ. По словамъ газеты, прошенія эти вызваны Ватиканомъ, который будто бы „самъ внушилъ болгарамъ такой образъ дѣйствій черезъ своихъ явныхъ и тайныхъ агентовъ“.

Разныя личности не щадили усилій, чтобы побудить православныхъ македонскихъ болгаръ обратиться къ авторитету папы, т. к. онъ на самомъ дѣлѣ можетъ оградить ихъ отъ турецкихъ звѣрствъ, болгарскій же экзархъ безсиленъ имъ помочь.

„Вечерняя Почта“ говоритъ, что эти слухи настойчиво распространялись среди македонскихъ болгаръ и прибавляетъ: „воображеніе народа, болѣзненно настроенное ежедневными пытками, ухватилось за приманку, какъ за единственный якорь спасенія“.

Болгарская газета не сочувствуетъ католической пропагандѣ; она относится враждебно къ обращенію македонскихъ болгаръ въ католицизмъ и въ то же время опасается, что Ватиканская пропаганда будетъ имѣть успѣхъ среди людей, потерявшихъ голову отъ страха,—тѣмъ болѣе—прибавляетъ она,—что болгары всегда были склонны оцѣнивать религію съ практической точки зрѣнія.

Кстати не мѣшаетъ вспомнить по этому поводу о враждѣ, существующей между православными болгарами и православными греками; эта вражда еще недавно выражалась съ той и съ другой стороны убійствами, которымъ духовенство обоихъ исповѣданій не оставалось чуждымъ.

Экзархъ и болгарскіе священники не въ силахъ добиться для своей паствы заступничества католическихъ державъ, а потому ничего не будетъ удивительнаго въ томъ, что болгарскіе христіане, преслѣдуемые съ

Что же до главы римской церкви, то не подлежит сомнѣнію, что онъ готовъ не только принять обращеніе болгарскихъ и иныхъ схизматиковъ, но и всячески ему содѣйствовать.

Любезничая съ Петербургомъ, Ватиканъ старается убѣдить восточныхъ христіанъ въ томъ, что папѣ легче будетъ выхлопотать для нихъ покровительство русскаго Царя, чѣмъ ихъ схизматическимъ іерархамъ.

«Американская газета „Evening Bulletin“ тоже удивляется, напоминая гражданам страны терпение Толстого: Толстой оскорбляет власти, оскорбляет Си-Синдзи, оскорбляет великого князя и, кроме того, он даже не посылает жеман и воспитывает покорных подданных в южной Африке. Вынашивает он сына

Поэтому не трудно уверить своих соплеменников — в том, что разум не лучший руководитель, чѣм инстинкт. Генералы придумывали планы сражений, народный инстинкт изобрѣлъ лустыню; если бы, послѣдовалъ совѣтъ разума, Наполеонъ побѣдилъ бы. Кондери не могъ быть

Digitized by Google

Буддизмъ спустился съ Гималайскихъ горъ еще до расцвѣта греческаго генія. Онъ покорилъ Тибетъ, Бирму, Непаль, Сіамъ, Камбоджу, Анамъ, Китай и Японію, не проливъ ни единой капли крови; онъ имѣетъ въ Азіи 400,000.000 приверженцевъ.

Въ Европѣ онъ сдѣлалъ за послѣдніе 60 лѣтъ поразительные успѣхи. Будучи еще малонизвѣстнымъ, онъ внушилъ выдающимся германскимъ философамъ ученіе, вліянія котораго никто не оспариваетъ. Шопенгауерская теорія воли основана на буддистской философіи. Теозофы распространяютъ во Франціи, Англіи и Америкѣ буддистскія воззрѣнія.

Сумангалла, старый жрецъ на Цейлонѣ, привѣтствовалъ, драпируясь въ свою желтую одежду, творенія Спенсера, Дарвина и Пастера, какъ творенія буддистскія потому, что и они учатъ мужеству, доброй волѣ, презрѣнію къ земнымъ благамъ, милосердію. Толстой же является высоко талантливымъ проповѣдникомъ этого ученія для всѣхъ народовъ молодыхъ, энергичныхъ и властолюбивыхъ.

Но многіе изъ учениковъ не особенно надѣются на то, что въ концѣ концовъ справедливость воцарится на землѣ. Это было бы несправедливостью относительно поколѣній, которымъ пришлось страдать. Они смущены больше, чѣмъ когда либо; эволюція, которая можетъ быть и освободить когда нибудь ихъ пра-правнуковъ, разбииваетъ ихъ собственную жизнь до того, что возвращеніе въ „ничто“ ихъ ужъ больше не пугаетъ.

Всѣ перемѣны въ мірѣ происходятъ отъ столкновенія личностей. Толстой ненавидитъ личность, требуетъ самоотреченія и проповѣдуетъ неподвижность. Если, на основаніи этого ученія, духоборы отказываются служить въ царскомъ войскѣ и идутъ въ изгнаніе,—то вѣдь ихъ немного, всѣ же остальные русскіе безропотно повинуются Царю.

Въ Бельгійской газетѣ „Etoile Belge“ напечатана статья, озаглавленная „Странная секта“, авторъ которой говоритъ, что эту новую секту нельзя назвать ни религіозной, ни философской; политикой или соціалогіей она тоже не занимается. Члены секты называютъ себя „естественными людьми“ и утверждаютъ, что, живя согласно со своими убѣжденіями, они открыли наконецъ истинный философскій камень земнаго существованія. Авторъ статьи находитъ, что вѣрнѣе всего назвать секту: *миѣнической*. Послѣдователи этого ученія избрали мѣстомъ жительства южный склонъ Сен-Готарда, пользующійся прекраснымъ климатомъ Италіи и назвали свое селеніе „Горой истины“.

Основатель секты богатый голландецъ, родившійся въ 1853 г., бывшій консулъ и участникъ многихъ крупныхъ торговыхъ предпріятій. Онъ называетъ себя: „Іосифъ Саломузонъ—естественный человѣкъ“. Этотъ новый реформаторъ рода человѣческаго усталъ отъ утонченной нищѣ и всяческой роскоши; онъ испилъ до дна, до горькаго осадка, чашу насла-

жденій міра сего и не нашель удовлетворенія. Онъ не сталъ искать его въ какомъ либо религіозномъ ученіи, а обратился къ природѣ и наконецъ нашель искомое въ простомъ образѣ жизни, простомъ въ отношеніи не только пищи, но и одежды. Около него собралось около 40 послѣдователей. Всѣ они утверждаютъ, что человѣкъ долженъ питаться растительной пищей, а не мясомъ животныхъ.—Если мы воспитаемъ нашихъ дѣтей на такой пищѣ—говорятъ они,—то добьемся въ скоромъ времени поколѣнія великановъ. Стыдъ заставляетъ насъ носить одежду; какъ только мы избавимся отъ него, нагота перестанетъ насъ смущать.—Вотъ въ общихъ чертахъ положенія секты.

Маленькая колонія построила на „Горѣ истины“ хижины только на случай дурной погоды. Колонисты не признають ни обуви, ни шляпъ и носятъ—какъ мужчины, такъ и женщины—только рубашку. Лѣтомъ спятъ подъ открытымъ небомъ, а зимой почуютъ въ хижинахъ. Естественные люди чувствуютъ крайнее отвращеніе отъ мяса, которое считаютъ вреднымъ и довольствуются, даже не вполне сваренными, овощами. Хлѣбъ и соль употребляютъ въ очень ограниченномъ количествѣ; то и другое возбуждаетъ жажду—источникъ лишнихъ потребностей; всякое растеніе заключаетъ въ себѣ необходимыя соки. Спиртъ не допускается вовсе—это великій, всемірный врагъ. Глава общины строго слѣдитъ за исполненіемъ установленныхъ правилъ, изъ которыхъ многія несомнѣнно достойны подражанія.

Не безъ страха смотрѣли мѣстные жители на этихъ вегетаріанцевъ новой породы и были особенно недовольны ихъ манерой одѣваться. Многіе намекали даже на то, что подъ этимъ культомъ природы скрываются оскорбительныя для нравственности отношенія между полями. Можетъ быть это клевета, тѣмъ не менѣе окрестные жители относятся къ этимъ людямъ съ презрѣніемъ. Какъ бы то ни было, власти кантона не имѣли до сихъ поръ повода вмѣшаться въ дѣла секты и, пока не будетъ доказано противное, слѣдуетъ допустить, что на „Горѣ истины“ не происходитъ ничего противнаго законамъ и нравственности.

Калькутская газета „The Englishman“ сообщаетъ. Въ южной Африкѣ распространяется, благодаря стараніямъ *С.-Американскихъ методистовъ*, ложно-религіозное движеніе, которое грозитъ опасностью странѣ. Движеніе это, не имѣющее ничего общаго съ древней эіопской церковью, именуетъ себя *эіопизмомъ*. Ученіе это проповѣдуетъ Христа въ искаженномъ видѣ, а заповѣди въ сокращенномъ; первыя шесть предлагаются къ исполненію со многими ограниченіями, остальные же признаются хотя и прекрасными, но неисполнимыми. Эіопизмъ покровительствуетъ многоженству и многимъ другимъ нежелательнымъ обычаямъ туземцевъ. Всѣмъ движеніемъ руководятъ богатые негры. Въ священнослужители посвя-

щаются исключительно чернокожіе, такъ какъ „въ очахъ Всевышняго господствующая раса не достойна вести ко спасенію высшія души черныхъ народовъ; духовныя лица изъ бѣлыхъ годятся только для бѣлыхъ же“. Такое воззрѣніе составляетъ серьезное препятствіе для распространенія среди негровъ истинно христіанскихъ понятій и кромѣ того въ нихъ заключаются и политическія угрозы.

Французскій журналъ „Revue pittoresque“ сообщаетъ. Мусульманство раздѣлилось, подобно всякой другой религіи, на множество различныхъ вѣтвей. Жители Алжира, и въ особенности южнаго Орана, дѣлятся на послѣдователей различныхъ сектъ, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ секта Сенуссіевъ.

Не смотря на то, что ученіе это возникло позднѣе другихъ (въ 1835 г.) и является въ хронологическомъ порядкѣ послѣднимъ—оно успѣло уже пріобрѣсти большое вліяніе въ мусульманскомъ мірѣ и, повидимому, значеніе его будетъ все возрастать.

Основатель секты Шейхъ Сенусси получилъ духовное образованіе въ Фецѣ, въ Марокко. Въ 1829 г. онъ отправился въ свое первое путешествіе въ Мекку. По пути онъ принялъ посвященіе въ различные монашескіе ордена потому, что въ головѣ его уже созрѣвалъ планъ объединенія всѣхъ ихъ въ одинъ духовный орденъ. Онъ мечталъ объ очищеніи ученія Магомета отъ искаженій, допущенныхъ различными истолкователями Корана. Въ сущности это была идея теократическаго панисламизма, вознесеннаго надъ всякимъ временнымъ владычествомъ.

Остановившись въ Каирѣ, Сенусси занялся было прозелитизмомъ, но тамошнее духовенство отнеслось къ нему съ такой ненавистью, что онъ чуть было не попалъ въ тюрьму и послѣдно отправился въ дальнѣйшій путь. Въ Меккѣ онъ сталъ уже проповѣдывать открыто. Но и тамъ онъ возстановилъ противъ себя власть имущихъ, интересы которыхъ неизбѣжно пострадали бы, если бы осуществилась его мечта объ объединеніи всѣхъ мусульманскихъ толковъ, такъ какъ это единеніе поглотило бы отдѣльныя религіозныя корпораціи. Но ему удалось привлечь къ себѣ мистиковъ и недовольныхъ политическимъ строемъ; множество ихъ пожелало сдѣлаться его учениками, и ему удалось создать въ самой Меккѣ свою первую общину.

Онъ уѣхалъ, сопровождаемый усѣхомъ и добрался до Триполи, гдѣ основалъ многія другія общины. Ученіе его проникало все дальше на югъ; но въ то же время вражда, возбужденная имъ противъ себя въ Египтѣ, въ Меккѣ и въ Турціи слѣдовала за нимъ по пятамъ и тоже проникла въ Триполи. Сенусси пришлось отступать въ глубь страны и онъ удалился въ оазисъ Джербуѣ, на границахъ Ливійской пустыни, гдѣ и основалъ свою главнѣйшую твердыню, такъ сказать „общину—мать“ Сенуссизма. Тамъ онъ и скончался спустя 4 года, въ 1859 г.

Въ настоящее время Сенуссизмъ имѣетъ болѣе ста правильно организованныхъ общинъ и безчисленное множество приверженцевъ во всѣхъ мусульманскихъ странахъ.

Сынъ Сенусси Шейхъ-эль-Махди долго жилъ въ Джерудѣ, гдѣ по словамъ очевидца, онъ воздвигъ надъ прахомъ отца великолѣпную гробницу. Джерудъ лежитъ почти въ центрѣ его владѣній. Одинъ путешественникъ описываетъ слѣдующимъ образомъ столицу Махди:

Это городокъ, имѣющій отъ шести до семи тыс. жителей. Онъ обнесенъ высокой стѣной съ четырьмя воротами. Въ центрѣ города возвышается „зауіа“, большое, по словамъ туземцевъ, великолѣпное зданіе, украшенное разноцвѣтнымъ мраморомъ, фарфоровыми изразцами, живописью, деревянной и металлической рѣзбой и цвѣтными стеклами. Около 400 приближенныхъ, родомъ изъ различныхъ странъ, живутъ въ „заунѣ“ или прилегающихъ къ ней зданіяхъ. Изъ нихъ всего человѣкъ 15 семейныхъ, остальные ведутъ строго аскетическій образъ жизни. Всѣ работы исполняются сотней черныхъ невольниковъ. Все это вооружено съ головы до ногъ. Кромѣ того въ 20-ти комнатахъ, стѣны которыхъ увѣшаны полнымъ вооруженіемъ для 3.000 человѣкъ, хранятся пули и порохъ. Говорятъ, что тамъ спрятаны и нѣсколько штукъ пушекъ, приобретенныхъ въ Египтѣ. Въ городѣ живутъ оружейники, снабженные всѣми нужными инструментами для починки и изготовленія оружія. Кромѣ того въ одномъ только округѣ Бенъ—Гози въ Триполи 25.000 всадниковъ и 1.500 пѣшихъ солдатъ ждутъ въ полной боевой готовности приказаній главы секты. По всѣмъ дорогамъ, ведущимъ въ Джерудъ, устѣпаннымъ колодцами и крѣпостцами, организована цѣлая система передачи приказаній посредствомъ особыхъ курьеровъ. Наконецъ въ нѣкоторыхъ крѣпостцахъ содержатся всегда на готовѣ по 600 верблюдовъ, на тотъ случай, если бы Махди, узнавъ о приближеніи христіанъ, пожелалъ бы удалиться въ Суданъ.—

До сихъ поръ Сенусси держались, повидимому, вдали отъ политическихъ событій. Стремясь къ осуществленію своихъ надеждъ, они не прибѣгаютъ ни къ насилию, ни къ революціонной пропагандѣ. Они идутъ къ цѣли спокойно, сдержанно; это клинъ, медленно вбиваемый въ гнилое зданіе Оттоманской Имперіи; это валъ, которымъ обновленный Исламъ желать бы оградиться во имя Аллаха отъ вредныхъ нововведеній европейской цивилизаціи.

С. Вердеревская

Миссіонерство, секты и расколъ.

Изъ прошлогднихъ наблюденій надъ жизнію расколосектантства.

Книгоноши-совратители и пропаганда сектантства на жел. дорогахъ.— Главныя усилія главарей расколосектантства и фанатизмъ массы.— Религіозно-нравственныя собесѣдованія, какъ одинъ изъ вѣрныхъ способовъ миссіонерской приспособляемости.— Епископскія и миссіонерскія посѣщенія очаговъ раскола.— Знаменательные случаи присоединенія.— Вліяніе на расколъ Саровскихъ торжествъ.— Къ характеристикѣ внутренней стороны раскола.— Отношеніе интеллигенціи къ миссіи и сектантству.

Давно установлено, что въ роли совратителей являются очень часто книгоноши Лондонскаго библейскаго общества. Такихъ случаевъ зарегистрировано въ епархіальныхъ лѣтописяхъ истекшаго года нѣсколько. Вотъ два изъ нихъ очень типичныхъ. Вагонъ на Николаевской жел. дор. переполненный деревенскимъ людомъ. Раздается на ходу поѣзда громкій возгласъ: „священныя книги, Евангеліе, Библію не угодно ли кому приобрѣсть?—Что-жъ, господа, не хотите?“—продолжаетъ послѣ нѣкоторой паузы тотъ же голосъ, вотъ на „монополь“ такъ вы готовы послѣднія копѣйки постратить, а слова Божія вамъ, какъ видно, и даромъ не нужно!“—„Милый человѣкъ, мы слово Божіе всегда и въ церкви слышимъ“—вырывается голосъ изъ группы крестьянъ.—„Что, въ церкви?! Вотъ такъ-такъ, нашелъ гдѣ слово Божіе...—въ церкви, у поповъ значить? Да развѣ тамъ читаютъ слово Божіе? Тамъ только разныя выдумки поповскія тарабарять, а слова Божія—Евангелія только чуточку, кусочекъ для виду, значить, прочитаютъ, да и то на славянскомъ непонятномъ языкѣ, чтобы вы ничего не понимали; потому что, ежели бы вы слово Божіе знали, то не платили бы попомъ четвертныхъ за вѣнчанія, вы бы имъ рукъ не лизали, да отцами не называли, потому что все это въ Евангеліи Самимъ Иисусомъ Христомъ запрещено. А что это вѣрно, такъ слушайте, господа, я вамъ сейчасъ прочту, что сказано объ этомъ въ Евангеліи: „А вы не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ Учитель—Христосъ, всѣ же вы братья; и отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо одинъ у васъ Отецъ, Который на небесахъ“ (Мѡ. 23, 8—9). Видите, господа, Самъ Господь сказалъ, что всѣ мы братья, а вы какихъ то поповъ понаходили, да слушаете ихъ, а они васъ, простаковъ, обираютъ; а ежели бы слово Божіе знали, то этого бы не было. А вотъ еще слушайте, что сказано въ Евангеліи: „Всѣ же дѣла свои дѣлаютъ съ тѣмъ, чтобы видѣли ихъ люди; расширяютъ хранилища свои и увеличиваютъ воскрилія одеждъ своихъ (—5). Вотъ, видите, и насчетъ рясы даже поповскихъ сказано... Крестьяне, видимо, поражены и озадачены, а

„проповѣдникъ“ продолжаетъ и дальше вести рѣчь въ томъ же духѣ, пока, наконецъ, не былъ остановленъ вопросомъ одного изъ пассажировъ, отъ какого онъ общества продастъ книги и какого самъ вѣроисповѣданія. Оказалось, что—британскаго, вѣроисповѣданія же никакого, „просто евангелистъ“, замѣчаетъ книгоноша. Но когда тотъ же пассажиръ предложилъ „евангелисту“ на основаніи Евангелія же показать, что Христосъ Самъ учредилъ опорочиваемое имъ священство, которое, по словамъ самозваннаго „евангелиста“, будто бы совсѣмъ запрещено, то онъ предпочелъ за лучшее поскорѣе удалиться изъ вагона, замѣчая, что „онъ съ удовольствіемъ бы побесѣдовалъ, но, къ сожалѣнію, ему некогда, онъ *долженъ торговать, а не бесѣдовать*. Хорошо было бы, если бы этотъ „евангелистъ“ придерживался, конечно, на дѣлѣ высказаннаго имъ правила о торговлѣ. А то сколько онъ посѣтитъ жи въ сердцѣ добраго, но простого и темнаго русскаго мужичка. Тутъ есть о чемъ подумать! Нужно бы поискать средствъ радикальныхъ противъ такой пропаганды. Надобно, или давать должности книгоношей въ Россіи только православнымъ, или же принять какія-либо другія предупредительныя мѣры противъ сектантской пропаганды на желѣзныхъ дорогахъ. Третьеклассники-мужички сами были, видимо, довольны бѣгствомъ сектанта. „Что же ты, молодчикъ, удираешь? Не хочешь поговорить съ бариномъ то? Насъ темныхъ людей морочишь, а какъ съ ученымъ человѣкомъ, такъ и ходу...“ вотъ съ какими замѣчаніями провожали крестьяне книгоношу. У насъ въ вагонахъ и на вокзалахъ расклеиваются тысячи объявленій, предупреждающихъ пассажировъ отъ всякихъ случайностей въ дорогѣ, но всѣ они касаются вѣшнихъ, тѣлесныхъ удобствъ. Какъ не позаботиться и о душахъ ихъ и религиозной совѣсти, разъ вагоны и вокзалы дѣлаются центромъ пропаганды!

Важно также и распространеніе противосектантскихъ и противораскольническихъ брошюръ въ тѣхъ же вагонахъ, вокзалахъ и т. п. чрезъ православныхъ книгоношъ. Нужда этого сознается самими православными книгоношами, которые своими глазами видятъ, какъ создается книгоношами-сектантами хитрая и тонкая пропаганда. Одинъ изъ православныхъ книгоношъ пишетъ слѣдующее въ своихъ письмахъ. „Много приходится мнѣ встрѣчаться съ разными сектантами, особенно штундистами. Невольно входишь съ ними въ разговоръ о религіи. О, какіе они опасные враги нашей церкви и какъ умѣютъ они завлекать въ свои сѣти!... О, какъ нужно больше книгоношъ, чтобы распространять побольше книжекъ для борьбы съ сектантами, тутъ, въ южныхъ нашихъ краяхъ. И какъ жаль, что ихъ мало! Удивляюсь я тому, что, несмотря на борьбу миссіонеровъ со штундой и другими сектантами и трату денегъ на это, зло не уменьшается, а все растетъ и растетъ. И, между тѣмъ, этого какъ будто бы не видятъ тѣ, кому слѣдуетъ видѣть. Скажу слѣдующее: *если кто много распространяетъ зловредныхъ сектъ, такъ это — книгоноши*

Лондонскаго библейскаго общества. О, какъ хитро, ловко и почти незаметно умѣютъ они сбивать съ истиннаго пути особенно простодушныхъ изъ нашихъ православныхъ россіянь. Они сейчасъ видятъ, съ кѣмъ имъ можно говорить прямо, открыто. Книгоношамъ очень довѣряетъ народъ, представляя ихъ людьми всезнающими“. А указанный выше случай на Николаевской желѣзной дорогѣ, какъ нельзя лучше подтверждаетъ это. Отсюда распространеніе апологетическихъ миссіонерскихъ брошюръ является прямо дѣломъ *первой* необходимости, какъ при тушеніи пожара нужна поливка водой.

Пропагандѣ сектантства служить и культура. Сектанты печатаютъ на „Ремингтонѣ“ и „Гектографѣ“ письма и цѣлыя брошюры, направленные противъ церкви православной и рассылаютъ ихъ далеко въ разные стороны нашего отечества. Такъ, недавно въ Ростовѣ и Нахичевани (Обл. В. Донск.) появились брошюры — „Поклоненіе иконамъ“ и „Есть-ли у Бога мать“, присланныя, кажется, изъ сѣверныхъ центровъ; по крайней мѣрѣ, почтовое клеймо свидѣтельствовало о трехдневномъ путешествіи этихъ брошюръ.

* * *

Главные усилія вожаковъ расколо-сектантства направлены къ тому, чтобы создать враждебныя отношенія къ церкви православной, къ ея пастырямъ и даже простымъ мірянамъ. Это всего больше удастся, конечно, тамъ, гдѣ царитъ мракъ невѣжества, напр., на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ враждебное отношеніе отступниковъ къ миссіонерамъ, пастырямъ и т. п. составляетъ уже какъ бы установившуюся традицію; или тамъ, гдѣ расколъ свилъ себѣ прочное гнѣздо, напр., въ Саратов. еп., гдѣ у раскольниковъ подмѣчено какое то органическое отвращеніе къ св. церкви, объяснимое лишь воспитаніемъ и наслѣдственностью. — Не позвать ли, матушка, священника? — предлагаетъ испускающей духъ старухѣ-раскольникѣ ея православная невѣстка. — Лучше живой лечь въ гробъ, быть заваленной въ навозныхъ кучахъ, чѣмъ осквернить себя общеніемъ съ вашимъ попомъ, отвѣчаетъ та. Конечно, такой фанатизмъ проявляется не всѣми и въ средѣ раскольниковъ. „Табашники ваши попы!“ — кричалъ одинъ раскольниковый наставникъ, но другой возражалъ: „не всѣ, дядя... А твой братъ Макарь не табашникъ?“ — „Онъ не попъ“, возразилъ наставникъ. „Пьяницы“, закричалъ Макарь. „А твой братъ Михей?“ (наставникъ), спросилъ возражатель Макара. — „Онъ не попъ“ — возразилъ Макарь. — „Наставникъ. На той же точкѣ стоитъ“. — „Щепотники!“ — кричалъ третій, и т. д. Особенно грубое и враждебное отношеніе приходится встрѣчать миссіонерамъ и духовенству въ глухихъ уголкахъ Архангельской, Вятской и др. епархіяхъ. На предложеніе миссіонеровъ побесѣдовать о вѣрѣ раскольники деревни Г. (Вятской еп.) отвѣчали: „Нѣтъ, нѣтъ, не надо! Убирай его! Нечего бесѣдовать съ еретиками! Законъ не

вести бесѣдовать“... Но когда миссіонеръ сталъ имъ на это возражать ссылкой на правило соборное, раскольники еще больше закричали: „Нечего намъ бесѣдовать! Мы сами знаемъ. Вотьяковъ-то лучше учите, а насъ учить нечего“!... Въ Архангельской епархіи миссіонеры встрѣчаютъ еще больше враждебности къ себѣ. Когда лѣтомъ о. П-скій прибылъ въ Печезерье, то представитель здѣшняго раскола—богатый мужикъ М-въ встрѣтилъ его крайне недружелюбно. А когда о. П. сталъ говорить о гибельности пребыванія въ расколѣ, онъ закричалъ: „Ты меня не учи, я самъ тебя поучу. Я старше тебя и слушать тебя не стану. Ты меня послушай“. Когда же вступила въ бесѣду и старуха М-ва, то началась уже прямо брань. „Пошелъ вонъ, слуга антихристовъ! Тебѣ нечему насъ учить“ — кричала та. „Намъ твое не нужно; поди, поди отъ насъ. Какъ жили, такъ и будемъ жить. Тебѣ насъ не переучить, учи своихъ. Поди въ вашу церковь, тамъ только табакъ да щепоть... попы табатерки на престолѣ держатъ, сама видала“... и т. д. Тяжелъ крестъ миссіонерства въ такихъ мѣстахъ!

* * *

Къ счастью, не вездѣ миссіонеры встрѣчаютъ такой ожесточенный фанатизмъ. Подростки, вообще молодежь относится къ миссіонерамъ мягче и охотнѣе вступаетъ въ разговоръ. Допускаютъ грубость преимущественно старухи-раскольницы. Кажется, что въ дѣлѣ миссіи не надо бы забывать уроковъ прошлаго. Миссіонерская дѣятельность свв. Леонтія Ростовскаго, Стефана Пермскаго была успѣшна между прочимъ потому, что они удѣляли больше вниманія молодому, подростающему поколѣнію, нежели законченѣлому, старому. Прекрасной иллюстраціей къ этому можетъ служить опытъ одного Витебскаго еп. миссіонера. Онъ пріѣхалъ въ мѣст. Шмано, гдѣ живутъ самые рьяные раскольники, называемые „гнусинцами“, или „крѣпкими христіанами“, чуждающіеся не только православныхъ, но и своихъ другого толка. „Подѣзжая къ моленной и дому наставника, пишетъ миссіонеръ, я думалъ, какъ и съ кѣмъ изъ сельчанъ деревни начать разговоръ. Къ счастью, пришлось увидѣть челоуѣка, рубящаго дрова. „Помогай Богъ!“ милый хозяинъ! „А нельзя ли видѣть вашего наставника?“—обратился я къ нему.—„А на что онъ тебѣ?“—„Да такъ, хочу съ нимъ быть знакомымъ и разузнать про житье-бытье ваше... Какъ хозяйство, посѣвы у васъ?—да нельзя ли водицы испить хоть съ колодезнаго ведерка?“ Слово за слово бесѣда стала развиваться, заинтересовала слушателя, который вызвался отыскать наставника и любезно поддерживалъ разговоръ, такъ что слушать насъ къ телѣгѣ собралось уже нѣсколько женщинъ, подростковъ-ребятишекъ и взрослыхъ. Не вѣрилось въ любезность разговаривавшихъ, открывавшихъ свои обычаи семейной жизни и раскольничьей общины. Явись начетчикъ или наставникъ, можно было бы начать и разговоръ о вѣрѣ и церкви, но „никого не оказалось

дома“. Молодежь сообщала миссіонеру, что отцы ихъ ведутъ „иноческій“ образъ жизни и раздѣляются на „мірскихъ“, пріемлющихъ „безсвятенно-словный бракъ“ и дѣвственниковъ, что у нихъ есть отдѣльно отъ наставника или начетчика клирошане, или хоръ пѣвцовъ изъ подростковъ юношей и дѣвушекъ, что развлеченій у нихъ общественныхъ никакихъ не полагается и т. д., и т. д. Интересный разговоръ былъ прерванъ старухой-раскольницей, пославшей своего сына убрать лошадь, которой, конечно, дома не оказалось. Пришлось миссіонеру уѣхать дальше, но уже съ новымъ выводомъ о филипповцахъ, что они въ лицѣ молодого поколѣнія не такъ ужъ фанатичны. При умѣнїи вести дѣло, многое, конечно, можно сдѣлать среди этихъ заблудшихъ овецъ стада Христова. Бѣда только, что у насъ не миссіонерствуютъ приходскіе священники, а они могли бы войти даже въ еще болѣе близкое общеніе съ раскольниками, чѣмъ мимо-летно заѣхавшій миссіонеръ. А если и бываютъ миссіонеры изъ „приходскихъ“, то частенько они бываютъ только „бумажными“, ограничиваясь аккуратными ежемѣсячными „донесеніями“. При добромъ желаніи и любовномъ отношеніи къ заблудшимъ, фанатизмъ раскольниковъ растопляется, какъ медь отъ тепла. Другой миссіонеръ той же епархіи, напр., сталъ вести въ деревняхъ религіозно-нравственныя чтенія, чуждыя остро-полемическаго характера. И что же? Они сдѣлали большой успѣхъ въ дѣлѣ сближенія раскольниковъ съ православнымъ духовенствомъ и уничтоженія фанатизма. Вся деревня всполошилась, когда пріѣхалъ сюда этотъ миссіонеръ-священникъ. Раскольники, давно не видавшіе православнаго священника высыпали на улицу отъ малаго до стараго. Изба, въ которую вошелъ о. миссіонеръ, мигомъ наполнилась. Началось чтеніе о крестномъ знаменіи. Оно понравилось, такъ что одинъ старикъ послѣ чтенія сказалъ, обращаясь къ женщинамъ: „смотрите, бабы, все начинайте и дѣлайте крестомъ“. Раскольники благодарили миссіонера и просили еще пріѣзжать, говоря, что они никогда не слыхали такихъ книгъ и чтеній, а женщины, при отѣздѣ о. миссіонера, совали ему въ руки ягоды, яйца, усиленно прося принять и не обидѣть ихъ отказомъ. Бесѣды безъ полемики весьма полезны для сближенія раскольниковъ съ миссіонерами. А потомъ на почвѣ установившихся связей гораздо легче уже будетъ начинать вразумленіе и обличеніе ихъ заблужденій. Какъ бы хорошо еще при этихъ чтеніяхъ было раздавать народу миссіонерскіе листки и брошюры! Насколько опасно начинать среди фанатично настроенныхъ раскольниковъ собесѣдованія прямо съ полемики и обличенія, можно видѣть изъ того, что въ той же епархіи въ дер. Жарцахъ женщины-раскольницы избили нѣкоего единовѣрца Г-кова, помогавшаго о. миссіонеру въ бесѣдѣ.

* * *

Если большое впечатлѣніе производитъ на раскольниковъ посѣщеніе ихъ православными священниками, то еще болѣе силы и значенія имѣеть

посѣщеніе ихъ православными епископами. Въ послѣднее время наши епископы стали чаще и чаще посѣщать глухіе уголки своихъ епархій, населенныхъ, большею частью, заблуждающимися. Насколько имѣютъ важность эти поѣздки епископовъ, видно уже изъ того, что, гдѣ бывають православные епископы, туда стараются, если возможно, прибыть и раскольничьи лжеархіереи, чтобы своимъ присутствіемъ ослабить впечатлѣніе, производимое на раскольниковъ архипастырями православной церкви. За нынѣшнее лѣто мы имѣемъ блестящее доказательство справедливости этого положенія. Преосвященный В-скій посѣтилъ Г-скій у., въ которомъ изъ 70 т. населенія 20 т. раскольниковъ, т. е., одна треть. Во многихъ селахъ совершены были архіерейскія служенія, привлекавшія и православныхъ, и старообрядцевъ. Большое впечатлѣніе производили и произнесенныя епископомъ проповѣди, ко времени богослуженія толпы народа запруживали села: то тамъ, то тутъ слышался разговоръ о вѣрѣ. Православные торжествовали. Епархіальные миссіонеры вели съ народомъ, ожидавшимъ богослуженія, бесѣды. Были обращенія раскольниковъ въ православіе и т. д. Но интереснѣе всего, чѣмъ закончилось это движеніе. Совершалась въ одной деревнѣ закладка единовѣрскаго храма и вотъ, на приглашеніе миссіонера помочь единодѣрцамъ въ пѣніи при закладкѣ и раскольники откликнулись, пѣли всенощную, которая была совершена строго по уставу, со всякою точностью. Сильное впечатлѣніе производило и то, что епископъ полагалъ на себѣ двуперстное крестное знаменіе, творилъ предъ освященіемъ мѣста для престола семипоклонный началъ и т. п. Все это воочію говорило старообрядцамъ, что тутъ во главѣ съ епископомъ стоитъ часть истинной церкви Божіей, готовой принять всѣхъ ищущихъ единенія съ нею, церкви, не спорящей о незначительныхъ обрядахъ, а заботящейся о спасеніи христіанскихъ душъ.

* * *

Таковыя обнаруженія истинно Христова духа православной церкви и приводятъ въ концѣ концовъ менѣе упорныхъ изъ раскольниковъ и сектантовъ къ познанію истины церковной. Прошедшій годъ ознаменовался многими случаями присоединеній, изъ которыхъ нѣкоторые очень характерны, а присоединеніе раскольницы Дары Ермиловой прямо знаменательно. Присоединеніе кр. Дары Ермиловой (Самар. еп.), 60-ти лѣтъ, случилось нынче въ Саровѣ при благодатной помощи преп. Серафима Саровскаго. Дарья прибыла въ Саровъ еще въ началѣ іюля мѣсяца и постоянно ходила къ источнику преп. Серафима. При видѣ исплѣній, совершавшихся надъ больными, она поняла всю ложность ученія раскольниковъ, стала горько плакать и въ концѣ концовъ рѣшилась присоединиться къ православной церкви. Прот. г. Москвы о. І. Звѣздинскій, обратившій изъ раскола до 2.000 чел. и бывший тогда въ Саровѣ, сталъ духовнымъ руководителемъ кр. Дары, и, по истеченіи нѣсколькихъ дней,

убѣдившись въ искренности ея намѣреній и вѣрованій, присоединилъ 14-го іюля къ православной церкви. Обращеніе Дарьи было пораженіемъ для раскола, ибо она слыла среди раскольниковъ за опытную начетчицу. Подобныя же присоединенія къ св. церкви начетчиковъ имѣли мѣсто еще въ Полоцкой епархіи, гдѣ обратился кр. Конст. Вишняковъ, который до того времени пользовался среди раскольниковъ большою извѣстностью, какъ человѣкъ начитанный, доброй жизни, хорошій чтецъ и пѣвецъ, а главное какъ „ревностный старообрядецъ и защитникъ вѣры своихъ предковъ“. Не менѣе характерно и знаменательно также присоединеніе въ Астраханской еп. кр. Николая Гущина, вождя еноховцевъ, котораго послѣдователи его считали за „истиннаго священника истинно-соборной, апостольской церкви“, а его слова „за слова Божія посланника“, котораго Самъ Богъ поставилъ на дѣло служенія истинной церкви. Съ нимъ присоединились и нѣкоторые изъ его послѣдователей.

* * *

Передадимъ здѣсь одинъ очень характерный случай совращенія Ижевскими старообрядцами православнаго крестьянина С. Чубарова, который былъ ревностнымъ сыномъ церкви и съ которымъ приходскій священникъ даже близко былъ знакомъ, бывалъ у него въ домѣ, бесѣдовалъ съ нимъ на религіозныя темы. Но вотъ Чубаровъ познакомился съ кр. сосѣдней деревни В—вымъ, безпоповцемъ, и дѣло измѣнилось. Довольно развитой и начитанный В—въ успѣлъ убѣдить Чубарова и тотъ пересталъ ходить въ храмъ, исповѣдываться и причащаться, а при встрѣчѣ съ священникомъ сталъ вести бесѣды въ безпоповщинскомъ духѣ. (Кажется, на совращеніе Чуб—ва вліяли и деньги, занятые имъ у богатаго В—на). Но бесѣда съ кр.-миссіонеромъ С. Филатовымъ вразумила С. Чуб—ва. Особенно заинтересовалъ его первый разговоръ, что онъ самъ видѣлъ мощи Спиридона Просфорника и его руку, сложенную троеперстно. Вотъ Чуб—въ рѣшилъ ѣхать въ Кіевъ и Черниговъ. Но и тутъ не обошлось безъ искушенія. Одинъ изъ раскольниковъ, узнавъ на пути о поѣздкѣ Чуб—ва, сталъ его отговаривать. „Какія тамъ мощи“, говорилъ онъ. „Все это поповскія выдумки“. Но, по счастью, какой то военный, сидѣвшій съ Чуб—вымъ попросилъ того замолчать. Чуб—въ пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ ему и была показана рука преп. Спиридона. „Слезы радости появились у меня“, говорилъ потомъ Чуб—въ и уже остальную часть пути въ Черниговъ и Троице-Сергіеву лавру онъ совершилъ убѣжденнымъ православнымъ и, возвратившись домой, минувшимъ великимъ постомъ, присоединился къ церкви православной, рассказавъ и своему совратителю о всемъ видѣнномъ.

* * *

Изъ присоединенія раскольницы Дарьи Ермиловой уже можно видѣть, что открытіе мощей св. Серафима Саровскаго не прошло безслѣдно для

раскола. О томъ же свидѣлствуютъ толки, поднявшіеся среди старообрядцевъ по поводу прославленія преп. Серафима. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Московской еп., происходили по этому поводу совѣщанія старообрядческихъ начетчиковъ, принимающихъ австрійскую іерархію. Значеніе послѣдней теперь какъ-то сразу рухнуло среди старообрядцевъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (дер. Берендиной и Гридина Моск. еп.). „Братцы, говорилъ одинъ знаменитый начетчикъ изъ д. Мисцовой, нѣкто, такъ называемый, „дядя Харламъ“, вѣдь мы погибаемъ съ этими самозванными пастырями. И ему вторили остальные начетки. И вотъ, обуреваемые сомнѣніями, многіе старообрядцы здѣшняго края отправились въ Саровъ: одни въ качествѣ „соглядатаевъ“, другіе—чтобы присоединиться хоть къ общему торжеству русскаго народа, собравшагося въ Саровъ. При такихъ свѣтлыхъ моментахъ церковной жизни, раскольники невольно чувствуютъ свое сиротство, „будни“ у себя дома и ихъ тянетъ хоть посмотрѣть на праздникъ „церковниковъ“. Тутъ, вѣроятно, инстинктивно сказывается влеченіе заблудившихся дѣтей къ своей родной матери-церкви. Тоже происходило и при торжествѣ 900-лѣтія крещенія Руси, когда старообрядцы говорили: „Всѣ собрались въ Кіевѣ, даже изъ славянскихъ земель. Только насъ теперь нѣтъ на берегахъ Днѣпра. Австрійскіе лжеархіереи и лже-священники, конечно, оказываются безсильными утолить это „томленіе“ своихъ чадъ и грозятъ только „анаѣмами“. Такъ, лжеепископъ Даниилъ грозилъ отлученіемъ тѣмъ, которые отправятся въ Саровъ, но, несмотря на это, его духовныя чада все же говорили: „а все-таки надо съѣздить полюбопытствовать“.

Подобныя явленія лучше всего свидѣлствуютъ о внутреннемъ состояніи раскола и его разложеніи. Тоже замѣчается, собственно, и въ сектанствѣ. Не говоря уже о томъ, что „представители разныхъ толковъ (и сектъ) относятся другъ къ другу непріязненно“, таже взаимная рознь замѣчается и среди членовъ одного толка. При этомъ, что очень существенно, такъ это потеря довѣрія къ своимъ вожакамъ. Въ Норовѣ (Полоцк. еп., Невел. у.) одинъ изъ раскольниковъ даже въ присутствіи православнаго миссіонера началъ поносить своего „духовника“, при чемъ его поддерживали и другіе, говоря, что наставникъ „заѣлся“,—меньше 10 руб. не дѣлаетъ проводовъ, а если хочешь похоронить покойника „съ выносомъ“ (т. е. съ проводами отъ дома до могилы), то держи въ карманѣ четвертную (25 р.). Помимо сребролюбія наставниковъ расколъ попрежнему одержитъ тьма и безнравственность. Одинъ изъ обратившихся—Д. Колеговъ вспоминаетъ въ „Екатеринбургск. еп. вѣд.“, какъ онъ вмѣстѣ съ другими безобразничали съ наставниками и „сбрачили замужнюю женщину за другого мужа“. Онъ же передаетъ, какъ неграмотный у нихъ староста распорядился, чтобы на Благовѣщеніе всѣ мѣстныя свѣчи были выставлены празднику, а на Пасху, сказалъ онъ, помолимся и съ огар-

ками. „Благовѣщеніе, доказывалъ онъ, больше Пасхи. Однажды Благовѣщеніе было въ Пасху, продолжалъ онъ доказывать; старики молились Пасхѣ; служба уже кончилась, а все не свѣтаетъ. Но какъ стали молиться Благовѣщенью, то разсвѣло и сдѣлалось дальше полдней“. Понятно, что это невѣжество и заставляетъ такихъ смыслящихъ лицъ, какъ Колеговъ, уходить изъ раскола. Праздникъ Рождества Пр. Богородицы раскольники той мѣстности совсѣмъ не праздновали и лишь не особенно давно завели празднованіе этого дня. На пароходы раскольники смотрятъ какъ на бѣсовскую силу и, несмотря на это, богатые старообрядцы екатеринбургскіе имѣютъ свои пароходы, но считаютъ необходимымъ для очищенія послѣ проѣзда на нихъ читать 5-й псаломъ. Таинство крещенія совершается наставниками не только небрежно, но и канонически неправильно. Нѣкій наставникъ Самойло Булагинъ крестилъ безъ отрицанія отъ сатаны и безъ воспріемниковъ. Молитвы младенцамъ не давалъ, а если придутъ подъ окно и скажутъ ему, что родился-де младенецъ и надо молитву дать, онъ открывалъ святцы и, нашедши число, говорилъ: „назовите Анной“;—вотъ и вся молитва. Про другого наставника тотъ же Д. К. рассказывалъ, что онъ погружалъ при крещеніи съ такими словами: „крещаю тебя не я, а Самъ Исусъ Христосъ“,—„погружаю тебя не я, а Сама Пресв. Богородица“, при третьемъ—„воспринимаю тебя не я, а Іоаннъ Креститель“. А другіе дѣлаютъ на каждомъ погруженіи такой вопросъ: „крещаю тебя не въ новую, а въ самую старую вѣру *доіосифовскую*“. Поддерживается тѣмъ раскола и литературно, тетрадками начетчиковъ. Недавно появилось, по сообщ. мисс. о. Троицкаго, „Слово отъ старчества“, въ которомъ есть глава „Газеты изъ ада“. Написано это слово стихами вродѣ раешниковъ. Вотъ, напр., изъ гл. „Газеты изъ ада“. „Привели священника озорника-болтушку, плута и мотушку; сатана головою потрясъ, испустилъ громкій гласъ: при церквахъ всѣ пребывали, а волю мою совершали, табачищемъ носы набивали; вино и пиво пили, ровно воду въ ротъ свой лили“ и т. д. Въ гл. „Путевой маршрутъ на Бѣловодье“ рассказывается, гдѣ найти теперь, въ вѣкъ антихриста, истинную церковь. Оказывается, нужно ѣхать на Екатеринбургъ, Томскъ, Барнауль, Красный Яръ, д. Ака, черезъ горы Алата (Алтайскія), д. Дамаскую, черезъ 40 дней пути Киженскую землю; а потомъ черезъ 4 дня въ Татарью, „тамъ Восетинское государство; живутъ въ чудѣ окіяна моря, мѣсто называемое Бѣловодье и озеромъ Ловъ, а на немъ 100 острововъ, а на нихъ горы, а въ горахъ живутъ о Христѣ подражатели Христовой церкви, православные христіане... А тамъ неможетъ быть антихристъ и не будетъ“.

Благодаря дѣятельности миссіонеровъ, бесѣдамъ ихъ съ заблудившимися, миссіонерскимъ курсамъ (достойны вниманія миссіонерскіе курсы въ Палеостровскомъ монастырѣ, бывшіе прошлымъ лѣтомъ), миссіонерскимъ школамъ (миссіонерская школа устроена въ минувшемъ году и въ Сѣв.

Америкѣ)—дѣло возсоединенія заблудившихся подвигается впередъ быстрѣ и быстрѣ. Къ сожалѣнію, тутъ часто являются тормазы со стороны своихъ же православныхъ „интеллигентовъ“, которые косвенно поддерживаютъ религіозныя заблужденія въ нашей церкви, снисходительно относясь къ пропагандѣ вредныхъ сектъ и охотно защищая ихъ на судѣ, при чемъ не принимается часто въ расчетъ и свидѣтельство экспертовъ-миссіонеровъ. Зачастую штундисты называютъ себя на судѣ „евангеликами“ и получаютъ оправданіе. Въ „Вол. Еп. Вѣд.“ разсказывается вопіющій случай. Нѣкій Ѳ. проживалъ въ приходѣ долгое время и былъ заподозрѣнъ въ скопчество. Затѣмъ онъ пропалъ и оказался въ Черниговѣ, гдѣ былъ преданъ суду за оскорбленіе двухъ сотоварищей. Судъ оправдалъ его и пустилъ на свободу. Теперь онъ возвратился въ Волинь и усиленно пропагандируетъ скопчество, приводя въ ужасъ односельчанъ и причиняя великую скорбь пастырю своего села. Одинъ почтенный пастырь, тамъ же на Волини, прослужившій 50 лѣтъ церкви Божіей, недвѣхъ получилъ отъ совращенныхъ прихожанъ своихъ мѣшокъ съ иконами и при этомъ такой привѣтъ: „на тоби твоихъ боговъ, а у насъ теперь есть други Толстой, та Хилковъ“. „Кто тутъ виновать?“—справедливо спрашиваетъ авторъ указываемой статьи епархіальнаго органа, „пастырь ли, неуспѣшно работавшій для просвѣта паствы своей, или тѣ же радѣтели блага народнаго, подкупившіе (какъ было въ с. Павловѣ Харьковской губ.) мужика назваться Моисеемъ и объявить имъ исходъ изъ Египта, предварительно все разгромивъ? А перенесемъ мысль въ непривѣтливую Канаду, гдѣ подобно мухамъ гибнетъ русскій народъ, отторгнутый отъ церкви и пастырей тѣми же радѣтелями!... Гдѣ дѣвались попечители и руководители этихъ несчастныхъ, обѣщавшіе имъ устроить рай земной? Они, совершивъ пріятное путешествіе по океану и высадивъ на берегъ жертвы тьмы, сочли за благо для себя возвратиться въ свои хоромы и, быть можетъ, забывъ о поддевкахъ и плугахъ, проводятъ жизнь въ графскомъ и княжескомъ довольствѣ“.

Да, надо бы это глубоко и сердечно прочувствовать и продумать нашимъ интеллигентамъ и не ратовать противъ церкви, а, соединившись съ нею, составить дѣйствительно твердую и благую моральную и интеллектуальную силу.

Связи. М. Лисичкинъ.

Корреспонденція «Миссіонерскаго Обозрѣнія», извѣстія и замѣтки.

Гор. Тюмень.

(раскольничія беззаконія и ложь).

И по божескимъ, и по человѣческимъ законамъ гражданская власть въ христіанскомъ государствѣ является и должна являться естественной защитницей и покровительницей Христовой церкви. Но въ наше время господствованія разныхъ вольностей приходится наблюдать иногда такіе факты, надъ которыми невольно приходится задуматься... Идемъ о „свободѣ совѣсти“, возвышенныя среди Тобольскаго раскола апологетами раскольничьими—Усовымъ, Коноваловымъ и друг., приняты нашими раскольниками съ великою радостію и надеждою, что и для нихъ грядутъ новыя времена, когда они будутъ имѣть возможность ненавистныхъ православныхъ поповъ, говоря ихъ словами, „въ щель загнать“. Дѣйствительность какъ бы подтверждаетъ, что эти лучшія времена для нихъ уже наступили. Безъ опаски раскольники творятъ публичное оказательство раскола на соблазнъ православныхъ.

Въ минувшемъ году въ нашей Тобольской епархіи имѣли мѣсто два случая, достойные въ этомъ отношеніи вниманія. Первый—имѣлъ мѣсто въ с. Ермутканскомъ, Якуторовскаго уѣзда. Село это полно раскольниковъ: австрійцевъ, часовенныхъ и поморцевъ. Минувшей Пасхой мѣстный священникъ ѣздилъ по селу со св. крестомъ. По другой сторонѣ улицы, „ничтоже сумняся“, ѣздилъ австрійскій „попъ“ съ дьячкомъ также *совершенно открыто* съ крестомъ по „своимъ прихожанамъ“. На это обращено было вниманіе власти. Мѣстный становой приставъ во исполненіе закона 3 мая 1883 г., воспретившаго публичное оказательство раскола, отобралъ у „попа“ предметы, относившіеся къ сему *явному* (на улицѣ) оказательству отступничества,—крестъ, эпитрахиль, церковную утварь и книги. Отъ попа онъ потребовалъ кромѣ того ставленную грамоту за подписомъ „смиреннаго Антонія, епископа Тобольскаго“ (крестьянина Аѳанасія Пахомова). Дѣло было оформлено и представлено въ Тобольское Губернское Управление для зависящихъ распоряженій. Попъ и дьячекъ, нану-ганные такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, подстригли свои длинные волосы и переодѣли костюмы духовенства на пиджаки. Мѣсяца три, четыре спустя, изъ губерніи послѣдовало рѣшеніе: „становому приставу за неправильныя (?) дѣйствія строгій выговоръ безъ внесенія въ формулярный списокъ, принимая во вниманіе, что это первая его ошибка, отобранныя вещи, книги и документы всѣ приказано возвратить владѣльцамъ“. Ликованіямъ австрійцевъ нѣсть конца. „Попъ“, при полученіи вещей и документовъ, на радости расписался: „ставленный іерей Тапор-

ковъ получить“. Между раскольниками распространились ложные толки, что австрійская вѣра признана Высочайшей властію правой вѣрой наравнѣ съ православіемъ и скрывать имъ ее нѣтъ нужды. И надо сказать, блюститель порядка, мѣстный становой приставъ намъ лично говорилъ, что онъ въ этомъ именно смыслѣ и понимаетъ рѣшеніе Тобольскаго Губернскаго Управленія. „Сдѣлай австрійцы крестный ходъ или публичные похороны съ выносомъ, я не буду, да и не имѣю права теперь ввязываться въ это дѣло“, увѣрялъ онъ насъ не шутя. Объ одномъ только скорбятъ австрійскіе попъ и дьячекъ, что поторопились волосы обрѣзать...

Другой случай касается практики извѣстнаго раскольниковскаго начетчика „двигаловской“ вѣры, слѣпца А. А. Коновалова, съ которымъ мы имѣли случай вести не одну бесѣду. Дѣло было на бесѣдахъ въ дер. Зырянской (Тюменскаго уѣзда) и с. Ермутлинскомъ. Въ дер. Зырянской 28 мая м. Коноваловъ въ заключеніе бесѣды высказался о своей дѣятельности въ томъ смыслѣ, что ее одобряетъ самъ Государь Императоръ. „Я имѣю“, сказалъ онъ во всеуслышаніе при сотняхъ слушателей, „отъ Самого Государя Императора благодарственные письма, въ которыхъ онъ выказываетъ мнѣ предпочтеніе предъ всѣми попами господствующей православной церкви“. На это нами было отвѣчено ему, что слова его являются ложью и клеветой на Государя. Представитель гражданской власти, бывшій на бесѣдѣ, заявленіе Коновалова пропустилъ мимо ушей. Чтобы сдержать подобныя безчинства и наглость Коновалова нами на бесѣдахъ въ с. Ермутлинскомъ, по предложенію нашего преосвященнѣйшаго Владыки, были поставлены Коновалову съ подпиской слѣдующія условія: не хулить бранными словами православную церковь, не касаться Священной Особы Государя Императора и не называть миссіонера позорными прозвищами. Возражая противъ этихъ условій, Коноваловъ снова повторилъ въ с. Ермутлинскомъ при сотнѣ слушателей прежнюю ложь, что имѣетъ отъ Государя благодарственные письма и утверждалъ будто бы не одинъ Государь хвалитъ его за дѣятельность, „но и Синодальный миссіонеръ о. Крючковъ публично въ газетахъ называетъ его „столпомъ и оплотомъ Россіи, каковыхъ если бы было болѣе, то Государь могъ бы быть покойнымъ за будущность Россіи“. На нашу просьбу подтвердить свои утвержденія документами Коноваловъ отказалъ: „имѣю документы, но вамъ не покажу, такъ какъ не желаю“. Коноваловъ свое взялъ, вбилъ въ темныя головы нашихъ раскольниковъ сумбуръ. Съ одной стороны имъ и хочется вѣрить Коновалову, съ другой и не вѣрится. Одни раскольники утверждаютъ, что Коновалова Государь Батюшка посылаетъ отстаивать ихъ старую вѣру, которой онъ сочувствуетъ, другіе, не потерявшіе еще послѣдняго смысла, возражаютъ первымъ, что Коноваловъ „не того,—говорить это не дѣло“...

М. С. Г.

Руководственная резолюція Ириней, еп. Орловскаго о проповѣдничествѣ.

Въ данномъ Орловской духовной консисторіи предложеніи, его преосвященство *призываетъ* приходскихъ священниковъ Орловской епархіи *усилить* въ новомъ году свои проповѣдническіе труды какъ при богослуженіи, такъ и во внѣбогослужебное время. Въ частности, въ виду особъхъ нуждъ и потребностей времени, приходскіе священники приглашаются на первой недѣлѣ великаго поста—въ *Недѣлю Православія*—въ своихъ приходскихъ церквахъ произнести проповѣдь „о томъ, что только въ нашей святой православной Церкви хранится истинное ученіе Христова и что упорно не покаяющіеся ученію, заповѣдямъ и уставамъ ея сами себя лишаютъ вѣчнаго спасенія“. Содержаніемъ же поученій въ остальные пять недѣль великаго поста (2—6) должно быть всестороннее, подробное объясненіе *пятой заповѣди* Закона Божія. Особенное вниманіе при этомъ проповѣдники обратятъ на выясненіе ученія христіанскаго и требованій Закона Христова, касающихся благоустроенія семейной и общественной жизни прихожанъ. Обстоятельства настоящаго времени требуютъ отъ приходскаго священника поученій, уясняющихъ обязанности мужей къ своимъ женамъ и женъ къ мужьямъ, родителей къ дѣтямъ какъ малолѣтнимъ, такъ и возрастнымъ, не исключая и семейныхъ, а равно и обязанности дѣтей школьнаго возраста и совершеннолѣтнихъ къ родителямъ. Съ особою обстоятельностью и тщаніемъ священники должны изложить православное христіанское ученіе о верховной самодержавной власти, о любви къ Государю и Отечеству, начальствующимъ въ разныхъ отношеніяхъ, пастырямъ и учителямъ духовнымъ, начальствующимъ въ училищахъ и наставникамъ, благотѣлямъ и старшимъ возрастомъ. Знаніе пастырями своихъ прихожанъ и наблюденіе надъ многочисленными и многообразными нарушеніями въ приходѣ пятой заповѣди подскажетъ имъ, на что преимущественно необходимо обратить вниманіе въ уясненіе обязанностей, налагаемыхъ сею заповѣдью.

Празднованіе юбилея Синодальнаго миссіонера протоіерея К. Н. Крюкова.

Какъ уже сообщалось на страницахъ „Мисс. Обзор.“, 29 декабря минувшаго года исполнилось 25-лѣтіе служенія въ священномъ санѣ и должности Синодальнаго миссіонера протоіерея Ксенофонта Никифоровича Крюкова, вышедшаго, какъ извѣстно, изъ раскола и всѣ силы посвятившаго на борьбу съ нимъ. Этотъ день протоіерей Крюковъ проводилъ въ излюбленномъ селѣ Поимѣ, Пензенской губ. Чембарскаго уѣзда, на мѣстѣ своей родины, гдѣ онъ оставилъ расколъ и присоединился къ православной церкви и гдѣ онъ началъ впервые свою пастырскую и миссіонерскую противораскольническую дѣятельность. Сельское уединеніе, зимняя пора и

трудности пути не послужили однако препятствіемъ для нѣкоторыхъ почитателей совершить далекій путь, чтобы лично поздравить юбиляра съ знаменательнымъ для него днемъ; привѣтствовать его въ село Поимъ прибыли: миссіонеръ Уральской области Мина Корневъ, изъ Костромской епархіи священникъ І. Чередниковъ, представитель отъ Астраханскихъ единовѣрцевъ и нѣкоторые православные и единовѣрческіе священники Пензенской епархіи.

Какъ и слѣдовало ожидать, все празднованіе заключалось въ чрезвычайно торжественномъ и продолжительномъ богослуженіи, совершенномъ юбиляромъ вмѣстѣ съ прибывшими священниками. Сельскіе жители едва ли когда видѣли у себя столь многочисленное духовенство, которое въ богатыхъ ризахъ служило всенощную и литургію. Великолѣбно украшенный храмъ, созданный трудами о. Ксенофонта, множество богомольцевъ и стройное единовѣрческое пѣніе составляли трогательную картину торжества православія надъ расколомъ. Прибывшаго со стороны зрителя поражало въ особенности весьма хорошее пѣніе многочисленнаго для сельской церкви хора единовѣрцевъ, которымъ нѣкоторыя пѣснопѣнія были исполнены можно сказать образцово; явленіе это тѣмъ примѣчательнѣе, что пѣніе въ единовѣрческихъ церквахъ даже большихъ городовъ не отличается большимъ благозвучіемъ, такъ какъ исполняется въ унисонъ, безъ участія дѣтскихъ голосовъ и безъ надлежащаго руководства. За литургіей во время запричастнаго стиха священникъ І. Чередниковъ сказалъ рѣчь, въ которой, охарактеризовавъ личность о. Ксенофонта, указалъ на его заслуги и труды по раскольнической миссіи съ момента присоединенія изъ раскола и до настоящаго времени; свою рѣчь проповѣдникъ закончилъ словами Премудраго Соломона „похваляемому праведнику возвеселятся люди“. Послѣ литургіи былъ отслуженъ молебенъ, во время котораго священникъ В. Лебедевъ прочиталъ хвалебное слово о. протоіерею Крючкову, составленное въ весьма прочувствованныхъ выраженіяхъ. Вслѣдъ за симъ по окончаніи молебна о. І. Чередниковымъ были прочитаны полученныя о. Ксенофонтомъ письменныя привѣтствія отъ г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора К. П. Побѣдоносцева и товарища его, тайнаго совѣтника, В. К. Саблера. Чтеніе этихъ писемъ возбудило всеобщее вниманіе, чрезвычайно взволновало самого юбиляра, а нѣкоторые изъ прихожанъ даже плакали. Послѣ этого былъ прочитанъ привѣтственный адресъ отъ духовенства и прихожанъ священникомъ Поимской единовѣрческой церкви В. Мокѣвымъ и было поднесено евангеліе въ драгоценномъ окладѣ, тотчасъ же былъ прочитанъ и адресъ отъ Поимскихъ единовѣрцевъ. На всѣхъ лицахъ отражалось особое воодушевленіе, замѣтно было, что все читалось и говорилось отъ искренняго сердца и съ увлеченіемъ. О. протоіерей на обращенныя къ нему привѣтствія отвѣтилъ краткою рѣчью, въ которой отъ души благодарилъ присутствующихъ за вознесенныя вмѣстѣ

съ нимъ молитвы ко Господу Богу, за выраженныя чувства, за драгоценное подношеніе, которое онъ тутъ же пожертвовалъ въ Поимскую церковь, сказавъ въ то же время, что если ему удалось сдѣлать что-либо полезное для блага церкви, то этимъ онъ обязанъ всецѣло помощи Бога и содѣйствію другихъ лицъ.

Когда о. протоіерей закончилъ свою рѣчь, выступилъ миссіонеръ Уральской области священникъ Мина Кориневъ и прочиталъ привѣтственный адресъ отъ редакціи журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“, послѣ него сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ свящ. Чередниковъ и поднесъ икону съ изображеніями Препод. Ксенофонта и Макарія Унжимскаго, а посреди нихъ—Божіей Матери. Затѣмъ прочиталъ адресъ представитель отъ Астраханскихъ единоувѣрцевъ и поднесъ икону Спасителя. На всѣ эти привѣтствія и поздравленія о. Ксенофонтъ отвѣчалъ искренней благодарностью и просилъ прибывшихъ въ с. Поимъ, по возвращеніи на родину, передать почтившимъ его своими воспоминаніями сердечную благодарность. Этимъ закончилось церковное торжество, продолжавшееся вмѣстѣ съ богослуженіемъ болѣе 5 часовъ. На дому о. протоіереемъ получено весьма много поздравительныхъ писемъ, адресовъ съ иконами и телеграммъ. Всѣ почти поздравленія присланы изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ за 25-лѣтнюю службу побывалъ о. протоіерей, гдѣ потрудились на нивѣ Божіей и гдѣ брошенное сѣмя принесло плодъ свой. Собравшееся единоувѣрческое духовенство не мало толковало о раскольниковскихъ заблужденіяхъ, о мѣрахъ борьбы съ ними, о состояніи раскола въ разныхъ мѣстностяхъ и о дѣлахъ, касающихся единоувѣрія.

ПРИВѢТСТВІЯ ЮБИЛЯРУ ОТЪ Г. ОБЕРЪ-ПРОКУРОРА СВ. СИНОДА.

Досточтимый о. протоіерей Ксенофонтъ!

Истекаетъ, милостію Божіей, двадцатипятилѣтіе служенія вашего Св. Церкви въ должности синодальнаго миссіонера. Зная оное близко съ первыхъ дней его, ощущаю потребность высказать Вамъ признательность трудовъ и заслуги Вашей въ порученномъ Вамъ великомъ дѣлѣ. Знаю, какъ Вы сами вышли изъ той тьмы, въ которую судьбами Божиими предоставлено Вамъ вносить свѣтъ правды и мира: въ томъ и была надежда наша, что, въ томъ же искушенъ бывъ, возможете Вы и искушаемымъ братіямъ помощи; и не была сія надежда посрамлена. Въ теченіе всего служенія Вашего проходили Вы съ великимъ трудомъ, безбоязненно, лѣса и болота, я рѣки по путямъ, едва проходимыя, въ гладѣ и въ хладѣ, неся слова истины отъ Священныхъ Писаній и отъ ученія Св. Отецъ людемъ, во тьмѣ сѣдящимъ. Вы являлись къ нимъ не съ палицею прещеній отъ гражданскихъ властей, но съ мечемъ духовнымъ, и потому Богъ бла-

гословлялъ многократно слово Ваше и Вашу ревность. Вашими трудами насаждено во многихъ мѣстахъ единовѣріе, и многія созданы единовѣрческія церкви и водворенъ миръ тамъ, гдѣ поселяла прежде злобу невѣжественная, и не слышавшая благовѣстія, ревность о неправой вѣрѣ.

Нынѣ же, свидѣтельствуя о семъ, отъ всего сердца желаю, да укрѣпить Господь силы Ваши на новые подвиги Вашего служенія.

Искренно преданный *К. Побѣдоносцевъ.*

ОТЪ Г. ТОВАРИЩА ОБЕРЪ-ПРОКУРОРА СВ. СІНОДА.

Высокопочитаемый о. протоіерей Ксенофонтъ Никифоровичъ!

Въ день двадцатипятилѣтняго чествованія Вашихъ миссіонерскихъ трудовъ, посвященныхъ Святой Церкви, естественно прежде всего возблагодарить Господа Бога за великую милость, Вамъ явленную призваніемъ Васъ къ благовѣстію слова истины уклонившимся отъ единенія церковнаго братьямъ нашимъ. По благодати Божіей Вы, подъ руководствомъ приснопамятнаго учителя Вашего, Архимандрита Павла, познали неправоту раскола и посвятили себя всецѣло миссіонерскимъ трудамъ. Не щадя своихъ силъ, Вы, послушный гласу, зовущему Васъ, посѣщали иногда весьма отдаленныя области отечества нашего. Слѣдуя совѣтамъ любимаго наставника своего, о. Павла, Вы въ бесѣдахъ съ глаголемыми старообрядцами раскрывали подробно ученіе Православной Церкви. Во всеоружіи знанія Священнаго Писанія, Твореній Святыхъ Отецъ и книгъ полемическихъ, Вы мощнымъ словомъ обличали неправоту раскола. Господь видимо благословлялъ Ваши труды: многія сотни людей введены Вами въ общеніе съ Святою Церковью. Злые враги Ея претворились въ друзей, сыны противленія—въ сыновъ свѣта и наслѣдниковъ вѣчныхъ благъ. Благодаря Вашей неустанной ревности сколько сооружено святыхъ храмовъ въ ближнихъ и дальнихъ областяхъ. Въ храмахъ этихъ нынѣ приносится безкровная жертва, и сотни людей бываютъ участниками трапезы Господней. Какъ же Вамъ не благодарить Господа за всѣ Его милости, явленные людямъ, сидящимъ во тьмѣ и сѣни смертной.

Желая спасать погнѣшихъ, Вы постоянно забывали думать о себѣ. Проводя большую часть года въ утомительныхъ разъѣздахъ, Вы терпѣли и холодъ, и голодъ, и всякія невзгоды, страдали на тряскихъ телѣгахъ, томились, плавая на плохихъ баркахъ, часами мокли подъ дождемъ, въ мятель изнемогали въ пустынныхъ стѣняхъ, подъ сугробами снѣга. Черствый хлѣбъ былъ часто Вашею единственною пищею. А сколько понесли Вы труда, бесѣдуя нерѣдко по десяти и болѣе часовъ, безъ отдыха, въ душныхъ помѣщеніяхъ, передъ тысячнымъ собраніемъ людей, съ противниками, всегда готовыми хитрымъ оборотомъ мысли смутить собесѣдника.

Вы твердо вѣрили въ Христа и въ правоту Его Святой Церкви и многихъ научили вѣровать во Христа и вѣрить Ему.

Какъ самовидѣцъ многихъ Вашихъ трудовъ, съ искреннею любовью привѣтствую Васъ въ знаменательный для Васъ день и мысленно переношусь въ родной Вамъ благословенный Поимъ. Мнѣ живо представляется Вашъ, благоукрашенный Вами храмъ, и какъ отрадно Вамъ возносить въ немъ благодареніе Господу съ Вашими присными и со многими Васъ окружающими духовными дѣтьми, усердно молящимися Вседержителю о здравіи и спасеніи Вашемъ. Къ нимъ мысленно присоединяю и я мое искреннее пожеланіе Вамъ долготѣннаго здравія и многоплодныхъ трудовъ во славу Божию.

Прошу Вашихъ молитвъ.

Вашъ искренній *Владиміръ Саблеръ*.

Привѣтствіе отъ редакціи журн. „Мисс. Обзоръ“.

Редакція «Миссіонерскаго Обзорѣнія» Синодальному миссіонеру, протоіерею Ксенофону Никифоровичу Крючкову—радоваться!

Высокочтимый о. Протоіерей Ксенофонтъ Никифоровичъ. 29-го дек. с. г. исполняется 25-лѣтіе Вашего миссіонерскаго служенія Св. Православной Церкви. И нашъ миссіонерскій органъ считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ привѣтствовать Васъ съ этимъ знаменательнымъ въ вашей жизни событіемъ. Вниманіе всей нашей миссіонерствующей братіи теперь, по поводу Вашего юбилея, невольно останавливается на Васъ и Вашемъ дѣлѣ. Бывъ вызваны Благодатію Божіею на подвигъ благовѣстія спасительной истины, изъ поморской юдоли лжи, „подвигомъ добрымъ“ подвизались Вы четверть вѣка на поприщѣ святого дѣла вразумленія и спасенія заблудшихъ братій. И подвигъ Вашъ не остался „тощъ“. Тысячи обращенныхъ Вами на спасительный церковный путь изъ погибельныхъ дебрей отступничества и отечески-заботливо потомъ охраняемыхъ Вами отъ новыхъ заблужденій и духовной нужды, болѣе сотни воздвигнутыхъ Вашимъ миссіонерскимъ радѣніемъ единовѣрческихъ церквей съ ихъ миссіонерствующими причтами и церковными школами, и цѣлыя дружины вашихъ учениковъ-миссіонеровъ, клириковъ и простецовъ—вотъ памятникъ Вашего 25-лѣтняго благовѣстническаго подвига.

Въ исторіи нашей внутренней миссіи Ваша миссіонерская дѣятельность займетъ не одну страницу. Тамъ же въ подробностяхъ будутъ отмѣчены и заслуги Вашего труда. Теперь же, пока Ваша благовѣстническая проповѣдь продолжается, пока Вы еще не „скончали“ своего „теченія“ и не сказали послѣдняго „аминь“ къ своей проповѣди, мы не дерзаемъ вникать въ отдѣльные ея составы, оцѣнивать ее въ частяхъ и подводить ей итоги въ цѣломъ.

Въ настоящій разъ, чтобы отгнѣить подвижническій характеръ Вашего 25-лѣтняго миссіонерскаго труда, мы хотѣли-бы остановить свое и другихъ вниманіе на томъ, при какихъ условіяхъ приходится работать нашему миссіонеру. Миссіонеръ—это доброволецъ въ великомъ дѣлѣ насажденія свято-церковной истины среди стихійнаго невѣжества, заслоняемаго ископаемыми богословами раскола, среди терній всевозможныхъ заблужденій, больныхъ для Церкви и вредныхъ для государства. „Обувши ноги въ готовность благовѣствовать миръ“, взявши „щитъ вѣры, шлемъ спасенія и мечъ духовный, который есть слово Божіе“ (Еф. 6, 15—17), онъ идетъ и посылается въ непріятельскій лагерь „благовременно и безвременно“. „Вмѣняя вся уметы быти“, да пріобрѣщаетъ заблудшихъ, онъ идетъ къ послѣднимъ всегда и при всякихъ неблагопріятныхъ для путешествія обстоятельствахъ. Для его благовѣстнической проповѣди нѣтъ срока и быть не можетъ: упуститъ миссіонеръ благопріятный моментъ для вразумленія колеблющагося въ вѣрѣ или отпадшаго, не отгони онъ вовремя отступническаго волка отъ церковнаго стада, для Церкви и Царства Божія пропала душа. которой „не стоитъ цѣлый міръ“. И вотъ сегодня миссіонеръ прибылъ изъ одной своей поѣздки, завтра „нудится“ ѣхать въ другую. Неудобства пути и атмосферическихъ перемѣнъ онъ не имѣетъ права признать: „буранъ“, холодъ, дождь, слякоть, пр. под.—ему не должны быть извѣстны. И онъ тащится на деревенской клячѣ съ своими мѣшками и сундуками, набитыми старопечатными книгами, изъ деревни въ деревню, изъ хутора въ хуторъ, по рвамъ и буеракамъ, со словомъ любви, мира и вразумленія. Въ страшную пургу и холодъ доводится ему отыскивать и дороги въ чистомъ полѣ, посреди ночной тьмы, и ночлега въ убогихъ лачугахъ, „вертепахъ и пропастяхъ земныхъ“; доводится удовлетворяться и ночлегомъ рядомъ съ четвероногими...

А обстановка бесѣды?.. Хата биткомъ набита народомъ. Овчина и деготь „затыкаютъ душу“. Миссіонеръ, обливаясь потомъ, ворочаетъ книги и вычитываетъ изъ нихъ слово вразумленія заблудшихъ. Выступаетъ полуграмотный и фанатичный наставникъ. Онъ выкрикиваетъ разныя „еретичества никоніанства“ и всяческою бранью поноситъ миссіонера. Миссіонеръ, которому оскорбляться изъ-за человѣческаго самолюбія тоже не подобаетъ, хочетъ мирнымъ словомъ направить своего собесѣдника съ разнопредметной брани на опредѣленное собесѣдованіе, полезное и удобопонятное для слушателей.—„Да ты, нѣтъ, не вертись улищать-то насъ, ты покажи-ка намъ, о чемъ тебѣ говорятъ, кричитъ наставникъ, ты за это деньги получаешь, покажи!“ И вотъ со скрежетомъ зубовымъ вопить онъ: „проклять ты отъ св. отецъ, и слушать-то тебя, проклятаго, не слѣдъ“. Ему вторятъ десятки фанатичныхъ голосовъ. И никто вѣдь не слышитъ этихъ словесныхъ ударовъ въ самое сердце миссіонера, мало кому вѣдомы эти муки миссіонера! И такое „преніе“ съ невѣжествомъ

длится часовъ 10—12. Весь въ поту, измученный, съ головной болью миссіонеръ идетъ на свою квартиру, часто холодную, сырую, затхлую, гдѣ ждетъ его черствый кусокъ хлѣба и рѣдко чай изъ недуженаго самовара, и надо опять готовиться къ такому-же „пренію“ или на этомъ-же хуторѣ, или ѣхать со своими мѣшками на другой.

На „преніяхъ“ съ „выписанными“ начетчиками нравственныхъ терзаній для миссіонера еще больше.—Въ своей продажной болтливости, лукавствѣ, нагломъ обманѣ, въ „угрызаніи писаній“ и подтасовкѣ понятій подобные начетчики (въ родѣ Швецова, Усова, Мельниковыхъ, Перетрухина, Худошина, Черчимцева, Пичугина и др.) рассчитываютъ на впечатлѣніе только. До истины имъ нѣтъ дѣла: деньги берутъ они только за внѣшній шумливый успѣхъ. Внимательный миссіонеръ обличаетъ наглый подлогъ начетчика; въ своей же отвѣтной рѣчи начетчикъ съ вопіющимъ безстыдствомъ учиняетъ другой подлогъ и т. д. Миссіонеръ терзается завѣдомою лживостью собесѣдника, боится за слушателей, а собесѣдникъ, самъ, несомнѣнно, сознавая всю свою ложь, красноглаголетъ къ „почтеннымъ слушателямъ, смиренно вопіеть къ ихъ суду“, бранно язвить миссіонера и съ адвокатскою развязностью ратуетъ за то, во что и самъ не вѣритъ. И такія пренія тянутся иногда по недѣлямъ.

Да, избранные только могутъ выносить эту подвижническую работу, сознавая при этомъ, что служба ихъ „не отъ міра сего“. Воистину „слава и честь тѣмъ, кто на семъ поприщѣ работаетъ, воюетъ съ мрачнымъ невѣжествомъ и, скажемъ словами поэта, „не падалъ духомъ, рабски унывая, не бросалъ щита передъ лицомъ враговъ“!

А Вы, Ксенофонтъ Никифоровичъ, такъ именно и работали, и работали съ знаніемъ своего дѣла и способовъ для наилучшаго его воздѣйствія на отступниковъ, а главное, и знаніемъ народнаго духа—„среды“, въ которой Вы родились и выросли, съ самоотверженною энергіей. Вы вышли изъ народныхъ нѣдръ и потому знаете духъ, характеръ и нравъ народа. Вы рождены въ безпоповщинѣ и возрасли, воспитаны въ поморскомъ упованіи, и Вамъ извѣстна подноготная безпоповскаго житія и ученія; посему то Ваша бесѣда всегда народно-простая, безхитростная, безораторственная, выражающаяся „не въ препретенныхъ человѣческихъ премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы“, и приноситъ плоды обращеній. Отступническія массы понимаютъ Васъ, какъ знаете и Вы ихъ. Вы говорите съ народомъ языкомъ его понятій и Ваша проповѣдь проникаетъ въ душу простонародья: и отступники обращаются ко Св. Церкви, а православный народъ укрѣпляется въ своей вѣрѣ. Вы съ цѣльнымъ „неподступнымъ“ характеромъ миссіонеръ-самородокъ изъ народа и для народа, Васъ ни оцѣнить, ни понять премудрымъ вѣка сего—интеллигентамъ. Хотя... по силѣ того же обстоятельства—оставленія Вами раскола и выступленія на обличеніе его—сколько Вамъ пришлось пере-

нести „бѣдъ отъ сродникъ“? Сихъ „бѣдъ“ становилось тѣмъ больше, чѣмъ болѣе извѣстною становилась Ваша противоотступническая проповѣдь и расширялся районъ Вашего миссіонерствованія. Съ 1889 г. райономъ Вашего миссіонерскаго вниманія и служенія дѣлается пространство всей русской Церкви. Какъ Синодальный миссіонеръ, Вы изъѣздили со словомъ миссіонерскаго благовѣстія великую Русь во всѣхъ направленіяхъ: отъ востока до запада, отъ сѣвера даже до юга. Знакомы Вамъ и дебри сибирскаго раскола и западныхъ краевъ; извѣстенъ Вамъ расколъ и сѣверной столицы, и побережья Чернаго моря и горъ Кавказа! О внутреннихъ губерніяхъ уже не говоримъ. Вы—живая исторія нашей противораскольниковъ миссіи за послѣднія десятилѣтія, хотя, правду сказать, исторія не всѣмъ извѣстная, поелику она не печаталась. Не можемъ при этомъ не упомянуть и того, что Вы выступили на поле противораскольниковъ брани въ то время, когда наша противоотступническая миссія была еще въ младенческомъ возрастѣ: и Вамъ многое приходилось создавать и оправдывать самостоятельно. Уповаемъ, Ксенофонтъ Никифоровичъ, что Ваше имя будетъ занесено на скрижаляхъ исторіи нашей противораскольниковъ миссіи въ число первыхъ, послѣ приснопамятнаго о. Павла Прусскаго, апостоловъ нашего противоотступническаго благовѣстія. Еще разъ привѣтствуемъ Васъ съ юбилеемъ! Въ день Вашего—знаменательнаго для миссіи юбилея, Редакція вкупѣ со своими сотрудниками и читателями молитъ Творца вѣковъ и время даровать вамъ здоровья и многихъ лѣтъ! Да споспѣшествуетъ Вамъ Господь Иисусъ Христосъ, „не хотѣй смерти грѣшнику, но еже обратится и живу быти“, своими великими и богатыми милостями въ Нашемъ дальнѣйшемъ миссіонерскомъ служеніи и благодной отечески-участливой попечительности о своихъ сотруженикахъ-миссіонерахъ.

Редакторъ *В. Скворцовъ*. Помощники редактора *Н. Гримякинъ*,
Н. Чукчинъ. Секретарь *Діаконъ Смолинъ*.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Нижегородскія религіозно-нравственныя бѣды.

Нынѣшнею зимою въ Нижнемъ-Новгородѣ есть новость, которая радуетъ жителей и даетъ возможность массѣ населенія удовлетворять своимъ духовнымъ потребностямъ. Мы говоримъ о духовно-нравственныхъ бѣдахъ, ведущихся теперь въ домѣ, возникшемъ на архіерейской землѣ.

Въ 1901 году епископъ Назарій былъ назначенъ епископомъ нижегородскимъ и арзамасскимъ, а въ январѣ 1902 года состоялась закладка громаднаго трехъэтажнаго зданія съ часовнею, съ цѣлью—религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа въ г. Нижнемъ-Новгородѣ. Первоначаль-

нымъ денежнымъ фондомъ для этой постройки послужили 13,000 руб., оставленные по духовному завѣщанію бывшимъ нижегородскимъ епископомъ Владиміромъ. По составленной смѣтѣ строительнымъ комитетомъ, по прекрасному проекту архитектора гражданскихъ инженеровъ А. К. Никитина, зданіе это должно было обойтись гораздо болѣе 50,000 руб. На пополненіе столь значительной суммы, 10,000 руб. пожертвованы потомственной почетной гражданкой М. І. Бочкаревой; нѣсколько тысячъ отпущено попечительствомъ о народной трезвости, Оранскимъ монастыремъ и другими жертвователями и благотворителями. Съ разрѣшенія преосвященнаго Назарія для постройки этого дома уступлена часть мѣстности на архіерейской усадьбѣ, на Малой Печерской улицѣ. Въ нынѣшнемъ 1903 г. 23 ноября уже состоялось освященіе этого прекраснаго зданія. Торжество было полное. При этомъ религіозномъ праздникѣ присутствовала многочисленная толпа народа. Вечеромъ этого же 23 ноября состоялись чтенія: первое было посвящено памяти святителя Митрофанія по случаю 200 л. дня его кончины; а второе памяти св. бл. в. к. Александра Невского.

Составленная преосв. Назаріемъ комиссія ведетъ ревностно собранія по устройству чтеній въ этомъ новомъ зданіи. Находятся и свѣтскіе люди съ образованіемъ и талантомъ, готовые послужить дѣлу просвѣщенія и благочестія. Домъ этотъ отданъ въ завѣдываніе братству св. благ. кн. Георгія и будетъ носить его имя.

Народу на чтенія притекаетъ множество. Большой залъ всегда полонъ, въ талантливыхъ чтецахъ нѣтъ недостатка.

Епископъ Назарій, будучи епископомъ въ Петрозаводскѣ, и тамъ создалъ такой же домъ съ читальней и библіотекой. Честь и слава просвѣщенному попечительному о духовныхъ нуждахъ паствы архипастырю.

2 февраля исполняется 30-ти лѣтіе миссіонерской дѣятельности Минскаго Епархіальнаго миссіонера, извѣстнаго противораскольничьяго писателя священника *Константина Попова*.

О п р о в е р ж е н і е.

Милостивый Государь, г. Редакторъ!

Не откажите, Милостивый Государь, напечатать въ „Миссіонерскомъ Обзорѣ“ нижеслѣдующія строки по поводу тяжкихъ обвиненій г. Стаховичемъ сельскаго священника.

Въ № 347 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ помѣщена статья А. Стаховича (Елецкаго уѣзнаго предводителя дворянства?) „Невѣроятный слу-

чай насилія въ деревнѣ“, въ которой онъ сообщаетъ невѣрныя и тенденціозно изложенныя свѣдѣнія объ истязаніи 16-ти-лѣтней служанки священника Михѣева, заподозрѣнной въ кражѣ у него 15 рублей, и указываетъ на самого Михѣева, какъ на „вдохновителя“ крестьянъ, истязавшихъ заподозрѣнную въ воровствѣ дѣвушку. Обстоятельства этого дѣла, оглашенныя въ печати г. Стаховичемъ и перепечатанныя многими либеральными газетами, подали поводъ къ усиленнымъ нареканіямъ на духовенство. А между тѣмъ по имѣющимся въ Орловскомъ епархіальномъ управленіи официальнымъ свѣдѣніямъ дѣло это изложено г. Стаховичемъ не въ томъ видѣ, какъ оно было въ дѣйствительности: 1) прикосновенность священника Михѣева къ дѣлу объ истязаніи отрицается самими обвиняемыми по дѣлу крестьянами, а также и родственниками потерпѣвшей—отцомъ и бабкою; 2) священникъ Михѣевъ къ производившемуся въ уголовномъ судѣ слѣдствію не былъ привлеченъ и не привлекается, а сообщенное въ газетѣ „Русь“ (№ 27) тѣмъ же Стаховичемъ якобы „по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ“ извѣстіе, что священникъ Михѣевъ по распоряженію изъ Петербурга арестованъ, прямо вымыслено, какъ вымыслено и сообщеніе, что пропавшіе у священника 15 рублей, будто бы, были найдены въ кроваткѣ ребенка Михѣева; 3) преступныя дѣйствія крестьянъ, истязавшихъ заподозрѣнную въ воровствѣ дѣвушку,—преувеличены.

Священнику Михѣеву предоставляется право самому возбудить дѣло о А. Стаховичѣ за клевету въ печати.

Орловской духовной консисторіи секретарь *Александръ Пятницкій*.

Р. С. Долгомъ считаемъ обратить особое вниманіе нашихъ читателей на общепользное распоряженіе маститаго Орловскаго архипастыря, епископа Ириней, касательно темъ и характера проповѣдей подвѣдомаго ему духовенства въ теченіи предстоящей св. четырехдесятницы.

Являясь среди современныхъ архипастырей нашей Церкви, послѣ приснопамятнаго архіепископа Амвросія, самымъ опытнымъ и мощнымъ, по силѣ истовоцерковнаго и догматическаго слова поученія, проповѣдникомъ, епископъ Ириней дѣлаетъ достойный всякаго вниманія починъ руководительства пастырей въ *жизненномъ* проповѣдываніи, а вмѣстѣ и опытъ въ *упорядоченіи* относительно темъ и характера сельской церковной проповѣди, которая, обычно, несется по волнующемуся житейскому морю, какъ утлая ладья, безъ руля и вѣтриль.

Давно пора! Помоги Богъ! Миссія скажетъ великое спасибо за этотъ благой починъ просвѣщеннѣйшему, неутомимому въ заботахъ о духовныхъ нуждахъ преемственно ввѣряемыхъ ему паствѣ, Орловскому архипастырю.

Еще считаемъ также не лишнимъ обратить вниманіе читателей на Орловское же *опроверженіе* печатныхъ напраслинь, если не сказать *хуже*,

напрасливъ, взведенныхъ г. Елецкимъ предводителемъ дворянства А. Стаховичемъ на свящ. Михѣва по дѣлу истязанія дѣвушки-прислуги о. Михѣва, заподозрѣнной въ воровствѣ денегъ у жены этого священника.

Г. уѣздный предводитель дворянства въ своей «инкриминируемой» газетной статьѣ, подхваченной всею печатью, наводилъ въ этой скверной исторіи, продѣланной сельскими башибузуками, сильныя тѣни на священника.

Когда читаешь эту статью г. А. Стаховича, то такъ и слышишь, „опуканье“ не предводителя благороднаго дворянства, а опытнаго охотника печатной травли: „а-цу его,—іерея Петра Михѣва, „совершавшаго литургію, когда мучили дѣвочку“, это онъ—закулисный вдохновитель... Забрать его перваго подъ арестъ... Таково получалось впечатлѣніе. И намъ тогда думалось: либо о. Михѣвъ дѣйствительно, *невозможный* пастырь и съ этой стороны хорошо извѣстный г. Стаховичу, котораго надо и убрать, и пробрать, разъ г. предводитель дворянства рѣшился и даже болѣе—*потщился* такъ *освистать*, печатно *распятъ* о. Михѣва въ глазахъ всей читающей Россіи.

Либо г. Елецкій предводитель дворянства *большой ненавистникъ* духовенства *вообще* и радъ былъ выпавшему случаю *подчеркнуть*, каковы-де, у насъ въ селахъ пастыри-то, полюбуйтеся,—на что они способны, разъ вдохновляютъ темную сельскую власть, подобно о. Петру Михѣву, на издѣвательство и варварство... Если предположить, что сердце гуманнаго орловскаго предводителя г. А. Стаховича (того самого г. Стаховича, который—кажется въ Харьковѣ, на сельскохозяйственной выставкѣ въ интересахъ поднятія прибылей отъ животноводства предлагалъ отмѣнить посты!) такъ болѣзненно поражаютъ темныя стороны мѣстной церковно-общественной жизни, то, спросимъ мы г. Стаховича, почему онъ также печатно невосплакать и еще объ одной скверной исторіи, совершившейся въ Орловской же округѣ: мы имѣемъ въ виду, не мало надѣлавшую шуму, исторію съ *расчепленіемъ* школьной иконы учителемъ N—мъ земской школы? А вѣдь объ ней тоже всякія дознанія и слѣдствія были, и она не менѣе намъ показалась *позорной* исторіей, чѣмъ истязаніе дѣвочки. Конечно, возмутительно истязать не только заподозрѣннаго, но и дѣйствительнаго вора, но возмутительно также и такое грубое кощунство со стороны воспитателя дѣтей народа.

Интересно бы прочитать подробности и этого достойнаго всякаго сожалѣнія Орловскаго приключенія. Воля ваша, а учитель, сельскій иконоборецъ, топоромъ уничтожающій школьную икону—явленіе достойное вниманія даже и предводителя дворянства.

В. Скворцовъ.

О Т К Л И К И.

Изъ дневника о. Іоанна Кронштадтскаго въ обличеніе лжеученія гр: Льва Толстого.

Желаєте ли, православные, знать, что я думаю о Львѣ Толстомъ? А я вотъ что думаю и говорю: онъ объявилъ войну церкви православной и всему христіанству. И какъ денница и сатана отторгнулъ своимъ хребтомъ третью часть звѣздъ небесныхъ, т. е. ангеловъ и сдѣлалъ ихъ единомышленниками съ собою, такъ нашъ Левъ, сынъ противленія, носящій въ себѣ духъ его, своимъ «рыканіемъ и хвостомъ» своимъ отторгъ тоже едва ли не третью часть русской интеллигенціи, особенно изъ юношества, въ слѣдъ себя, въ слѣдъ своего безбожнаго ученія, своего безвѣрія. — Его безбожныя печатныя сочиненія свидѣлствуютъ о томъ.

Развѣ собираютъ съ терновника виноградъ и съ тернія смоквы. По плодамъ ихъ познаете ихъ, говоритъ Господь. Терновникъ Россіи и всего христіанскаго міра есть русскій графъ Толстой, бывшій романистъ, а потомъ самозванецъ богословъ, ни мало не смыслящій въ богословіи, нарядившійся въ одежду мужика, чтобы вдоволь насмѣяться надъ нимъ и Россіей и удобнѣе привлечь его и всякаго русскаго или иностранца недалководиднаго на свою сторону, къ образу своихъ мыслей и удобнѣе излить свой еретическій ядъ въ души ихъ.

Есть-ли какой отецъ, говоритъ Господь, въ примѣръ, который, когда сынъ его попроситъ рыбы, подалъ бы ему скорпію. — Толстой именно это и дѣлаетъ. Онъ подноситъ змѣю вмѣсто рыбы и своему семейству, и всей Россіи, и христіанамъ всѣхъ странъ и языковъ. Онъ хочетъ вырвать у всѣхъ вѣру въ Спасителя, вѣру въ Троицу, въ церковь и во всѣ спасительныя истины, въ которыя вѣровать научила насъ св. церковь, и безъ которыхъ невозможно жить ни одному здравомыслящему человѣку.

Такъ, по выпущенной Львомъ Толстымъ (въ Лондонѣ) въ началѣ ноября 1902 г. безбожной статьѣ, озаглавленной: «Обращеніе къ духовенству», виденъ истый русскій романистъ, способный писать только романы съ мѣткимъ анализомъ обыденной людской жизни и страстей человѣческихъ; но въ тоже время до мозга костей пропитанный самомнѣніемъ и гордостію, барской спѣсью и ненавистію ко всему, что носить печать вѣры во Христа и въ церковь, съ діавольскою злобою къ духовенству. Все сочиненіе состоитъ изъ предвзятыхъ ложныхъ мнѣній о духовенствѣ и его дѣятельности. Толстой хочетъ разрушить вѣру во все святое, жизненное, въ то, чѣмъ человѣкъ живетъ, спасается, утѣшается, укрѣпляется духомъ и тѣломъ; все, что носить печать истины непреложной:—вѣру въ Бога Троичнаго, въ сотвореніе міра, въ искупленіе человѣчества Сыномъ Божиимъ, все это отвергаетъ, какъ сказку, подвергаетъ осмѣянію и хочетъ всѣ христіанскіе догматы переиначить по своему, вѣрить только въ свой умъ, себѣ одному приписываетъ истину и себя только признаетъ истиннымъ учителемъ. Всѣ положенія у него ложны, а потому ложны и всѣ заключенія.

* * *

Толстой думаетъ, говорить и пишетъ на почвѣ безбожія и полного отрицанія всего святого, всего, что носить въ себѣ печать истины, думаетъ и пишетъ преднамѣренную и злонамѣренную ложь, гордость, самомнѣніе, самообожаніе, презрѣніе къ Самому Богу и церкви,—вотъ его первооснова; другого основанія у него нѣтъ. Предъ нами—софистъ, и несвѣдующихъ въ истинахъ вѣры, не испытавшихъ въ себѣ спасительности [вѣры Христовой легко можетъ онъ отвлечь отъ вѣры и ввести въ невѣріе.

Въ оклеветаніи церкви Толстой хочетъ найти себѣ самооправданіе, похвалу, какъ истаго героя правды,—и хочетъ всѣхъ отвлечь отъ церкви, какъ сатана отторгъ отъ Бога треть ангеловъ. Прежде чѣмъ писать опроверженіе на это сочиненіе Толстого, нужно знать (проанализировать) то состояніе души Толстого, въ которомъ онъ пишетъ свою завѣдную ложь, которой онъ усиливается придать видъ истины.

Подъ живымъ впечатлѣніемъ отлученія отъ церкви онъ рѣшился забросать ее, сколько можно, грязью, и все священное писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта, все богослуженіе, всѣ таинства и особенно духовенство всѣхъ церквей. Толстой, сказавъ смыслъ Евангелія, сказали смыслъ Ветхаго Завѣта и искаженные событія передаетъ въ насмѣшливомъ тонѣ, подрывая въ читающихъ всякое уваженіе къ святому писанію; надъ всѣмъ, что дорого для христіанина, на что онъ привыкъ смотрѣть съ дѣтства съ глубокимъ благоговѣніемъ и любовію, какъ на Слово Божіе, онъ дерзко насмѣхается.

Толстой переноситъ свои поруганія на духовенство, на церковь, на св. писаніе В. и Н. завѣта и на Самого Господа, и говорятъ: была-ли такая вредная книга въ мірѣ, надѣлавшая столько зла, какъ книга В. и Н. завѣтовъ... Это прямо относится къ толстовскимъ сочиненіямъ, не было вреднѣе ихъ; Ренаны, Бюхнеры, Шопенгауеры, Вольтеры,—ничто въ сравненіи съ безбожнымъ Толстымъ. Написанное Толстымъ въ «Обращеніи»—съ точки зрѣнія христіанской—одно безуміе.

* * *

Можно-ли говорить съ человѣкомъ умопомѣшаннымъ, потерявшимъ здравый смыслъ, здравую вѣру, отрицающимъ общепризнанную живую и животворную истину, отрицающимъ, что А есть А, или—дважды два четыре, не признающимъ Альфы и Омеги,—съ человѣкомъ, признающимъ разумъ человѣческій, отуманенный и извращенный грѣхомъ, за исходную точку вѣры и познанія? Невозможно. Таковъ именно и есть графъ Левъ Толстой, отвергающій откровенное Слово Божіе—Библию и Евангеліе и свой близорукій извращенный разумъ ставящій исходною точкою всѣхъ знаній, выпшимъ Библии и Евангелія, Библию и Евангеліе считающій за сказку, какъ и житія святыхъ.

Толстой въ области религіи показывалъ всю свою умственную тупость, все свое пресмыкательство по землѣ, всю умственную мелочность, немогущую подняться ни мало на высоту религіознаго созерцанія. «Аще не увѣруете, ниже имате разумѣти», говоритъ Господь. Толстой, отвергнувшій вѣру въ откровеніе, въ Бога, дѣй-

ствительно лишился возможности разумѣть дѣла Божіей премудрости.

Какъ могъ Левъ Толстой написать свое послѣднее грязное сочиненіе противъ истинной, святой, апостольской, спасительной, богославленной неисчетными знаменіями и чудесами, и доселѣ прославленной отъ Него церкви? Да,—могъ, но только при совершенной потери христіанской совѣсти.

Въ сочиненіи Толстого «Обращеніе къ духовенству» — все ложь и клевета беззавѣтная, беззастѣнчивая, наглая, и изъ основныхъ ложныхъ положеній выводятся ложныя заключенія; словомъ, въ сочиненіи Толстого истина извращена, высочайшіе догматы, непрекаемые, спасительные, представлены въ тонѣ насмѣшливомъ, проницескомъ; Толстой не вѣритъ въ истины, открытыя Самимъ Богомъ и необходимыя для спасенія всякаго человѣка, а вѣритъ только въ человѣческій разумъ и въ совершенствованіе человѣка собственными силами, безъ благодати Божіей.

* * *

Надобно, чтобы всякій, даже не вѣрующій во Христа и Св. Троицу и въ таинства христіанской вѣры, обращался съ лицами и предметами вѣры честно, потому что вѣра есть сердечное, драгоценное сокровище безчисленнаго множества людей всякаго языка, націй, всякаго званія и состоянія, а не по свински, какъ Левъ Толстой, и кто изъ христіанъ равнодушно относится къ тому, кто хулитъ Христа, или Св. Троицу, искренно почитаемую избранными людьми всѣхъ вѣковъ, всякихъ націй, званія и состоянія,—тотъ недостойнъ званія человѣка, а таковъ именно Толстой и толстовцы, обращающіеся съ неопѣненнымъ, дражайшимъ Именемъ Господа Иисуса Христа, Св. Троицы, Богородицы, и съ досточтимыми ихъ изображеніями и всѣхъ Святыхъ. Скажетъ кто-нибудь, что печатно ругать человѣка, которому дана свобода слова и печати и который пишетъ и печатаетъ, что придется ему на умъ, неприлично и не слѣдуетъ. А я скажу и Толстому и его клеветамъ: поносить высочайшія Имена Троицы, Христа, Богородицы и Святыхъ, Св. Чудотворныя иконы и мощи и соблазнять народъ православный и не православный,—по вашему можно. Да,—какому бы наказанію по

закону долженъ подлежать и богохульный языкъ Толстого и его рука, пишущая богохульные словеса? По писанію: кто чѣмъ согрѣшаетъ, тотъ тѣмъ и мучится, Толстой же безнаказно богохульствуетъ, да еще и чтится, какъ старецъ знаменитый, какъ писатель, какъ родовитый графъ, и Львомъ Николаевичемъ зовется; какой онъ Левъ Николаевичъ? Онъ имени христіанскаго не стоитъ. Потерпѣлъ-ли бы еврей, искренно вѣрующій въ Іегову, того, кто сталъ бы въ слухъ его относиться недостойно къ этому Св. Имени; или магометанинъ—того, кто въ слухъ его сталъ бы поносить Магомета, хотя Магометъ и не то, чѣмъ и кѣмъ его почитаютъ? А Толстой невозбранно поносить христіанскую вѣру и ея истинное святое и спасительное ученіе и ея святыхъ и животворящихъ таинствъ;—о, злодѣйство, достойное казни! Іудейскіе и римскіе законы казнили богохульниковъ и евреи кричали Пилату: «по закону нашему Христосъ долженъ умереть. Онъ Себе Сына Божія сотвори» (хотя онъ и дѣйствительно Сынъ Божій), а Толстой предъ всѣмъ русскимъ народомъ и предъ всей христіанской Европой хулить Христа, Который открылся Сыномъ Божиимъ въ силѣ, по духу Святыни, отъ воскресенія изъ мертвыхъ; вѣровался въ мірѣ, оправдался въ духѣ, проповѣдался въ мірѣ, вознесся во славу (Римл. I).

«Устами твоими буду судить тебя, лукавый рабъ», говорить Господь въ Евангеліи, и я скажу: отрицаніями твоими отрину тебя, Левъ Толстой, и хулы твои обращаю на тебя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О хлыстовствѣ.

На стр. 1464-й № 20 Миссіон. Об. за 1903 годъ, помѣщено письмо священника Самарской губ. Θ. О., который проситъ разъяснить вопросъ «о хлыстовскихъ скаканіяхъ». «Культь плясокъ сектанты стараются основывать на текстѣ св. Писанія и практикѣ

церкви православной, ея пѣснопѣніяхъ. Прежде всего указываютъ на примѣръ царя Давида, плясавшаго предъ ковчегомъ (2 Цар. VI, 14 — 33). Мелхола, осудившая его за это, терпитъ наказаніе. Церковь въ пасхальныхъ пѣснопѣніяхъ похваляетъ Давида за это и приглашаетъ «веселыми ногами» идти и хвалить Пасху вѣчную. Указывается обычно еще на примѣръ хромого, по исцѣленіи скачущаго и хвалящаго Бога» (Дѣян. III, 8).

Думаю, что слѣдующее мѣсто изъ Влад. Соловьева можетъ вести къ разъясненію недоумѣннаго вопроса.

Приведя 2 Цар. VI, 1—3, 13—23, Владиміръ Сергѣевичъ, замѣчаетъ: «Не для одной дочери Сауловой, но также и для современной библейской критики Давидъ, изо всей силы скачущій и пляшущій предъ лицомъ Ягвэ (Иеговы), представляетъ соблазнительное зрѣлище. Эта поверхностная критика, останавливаясь на одной видимости, готова вполне отождествить скаканіе Давидово съ изступленными и безстыдными плясками языческихъ корибантовъ. Это значить за сходствомъ во внѣшнихъ чертахъ, за общностью видимыхъ формъ забывать о специфическомъ различіи въ самомъ религіозномъ содержаніи того и другого культа. Такая критика, которая во всемъ отыскиваетъ и видитъ *одно и тоже*, одну и ту же матеріальную подкладку,—по необходимости *остается безплодной*». И у Миколи (Мелхолы) дочери Сауловой—не было у нея дѣтей до дня смерти ея».

Мы знаемъ, что на первичныхъ степеняхъ развитія всѣ органическія формы очень похожи другъ на друга, а для поверхностнаго взгляда и-вовсе не различимы. И если, однако, изъ одного зародыша выходитъ крокъ, а изъ другого — конь, то мы имѣемъ полное основаніе заключать о важномъ и коренномъ различіи происхожденія и специфическаго характера этихъ двухъ зародышей, несмотря на все ихъ кажущееся сходство. Пускай древняя религія евреевъ представляетъ намъ разительныя черты сходства съ тѣми или другими натуралистическими культами. Но такъ какъ мы достоверно знаемъ, что не изъ сихъ послѣднихъ, а именно только изъ одного еврейскаго богочитанія произошла путемъ непрерывнаго развитія всемірноисторическая религія человѣчества, то мы въ правѣ заключить, что и на низшихъ стадіяхъ своего возрастанія

религія эта уже отличалась специфически отъ сходныхъ съ нею языческихъ культовъ. Скакаль и прыгаль Давидъ предъ лицомъ Ягвэ, скакали и прыгали также какіе нибудь жрецы Аписа или Адониса; Давидъ выражалъ всецѣлую преданность своему Боже-ству, то же самое выражали и они. Но такъ какъ ихъ божество было слѣпою природною силою, то, *отдавая* себя ему, они *теряли* свою личность и свободу; Давидъ же черезъ полную преданность своему духовному (хотя и облеченному въ природныя формы) Богу *приобрѣталъ* полноту свободы и нравственнаго самоопредѣленія. «И сказалъ Натанъ царю: *все, что въ сероцѣ твоемъ, иди дѣлай; ибо Ягвэ съ тобою* (2 Цар. VII, 3). Не пропало человѣческое начало, отдавшись истинному Богу, не исчезло изъ Немъ, а осталось *съ Нимъ; отдавались истинъ, оно получило свободу*. Не внѣшнюю, не чужую волю исполняетъ служитель истиннаго Бога: по скольку его сердце предано Богу, онъ можетъ свободно и самостоятельно дѣйствовать по желаніямъ своего собственнаго сердца, человѣческое начало въ немъ освобождается и уполномочивается въ силу богочеловѣческаго сочетанія. «Грядущій съ тобою (*Ягвэ иммак*)—это слово, сказанное ветхозавѣтному помазаннику Божию, уже содержитъ въ себѣ новозавѣтное имя Христово: «Съ нами Богъ» (Имману-эл). И тутъ, и тамъ единая истина Богочеловѣчества, только на разныхъ степеняхъ своего осуществленія. Религія Давида отличается отъ христіанства не сущностью, а только формою, съ языческими же религіями, напротивъ, при одинаковости формъ, она представляетъ внутреннюю, существенную противоположность.

Языческіе жрецы, въ изступленномъ оргазмѣ предаваясь своему Божеству, спускались *ниже* человѣческаго сознанія, возвращались *назадъ* въ область стихійной до-человѣческой жизни природы. Служитель еврейскаго Бога, отдаваясь въ своемъ вдохновенномъ изступленіи Ему, этому *Грядущему* Богу, поднимался *надъ* обычнымъ человѣческимъ сознаніемъ, переступалъ его *впередъ*, предвѣрялъ грядущія судьбы человѣчества».

Полагаю, что изъ этого отрывка не трудно сдѣлать надлежащій выводъ, т. е., такой, который отвѣчалъ бы на поставленный Самарскимъ батюшкой вопросъ. Вотъ этотъ выводъ:

Пляска хлыстовъ и скаканье Давида—двѣ вещи разныя. Отожествлять ихъ это значить: «за сходствомъ во внѣшнихъ чертахъ, за общностью видимыхъ формъ забывать о специфическомъ различіи въ самомъ религіозномъ содержаніи того и другого культа». Не требуется большой вдумчивости, чтобы замѣтить существенную разницу въ душевныхъ переживаніяхъ Царя-Пророка и хлыстовъ, переживаніяхъ, внѣшнимъ выраженіямъ которыхъ является скаканье. Для этого достаточно, думаю, сравнить псалмы Давида съ пѣснопѣіями хлыстовъ. Тому, кто непосредственно знакомъ съ этимъ секретомъ, тѣмъ легче почувствовать и понять указанную разницу. Съ нѣкоторыми ограниченіями и поясненіями къ хлыстамъ можно отнести все то, что Влад. Соловьевъ говоритъ о языческихъ корибантахъ, о жрецахъ Адониса. Какъ тутъ, такъ и тамъ потеря личности и свободы, какъ тутъ, такъ и тамъ изступленіе приводитъ къ тому, что люди спускаются «ниже человѣческаго сознанія, возвращаются *назадъ* въ область стихійной жизни природы».—Этимъ я и ограничиваюсь въ своемъ откликѣ на запросъ достопочтимаго іерея. Я хотѣлъ только указать исходный и опорный пунктъ, котораго, кажется мнѣ, слѣдуетъ держаться при рѣшеніи даннаго вопроса, т. е., при оцѣнкѣ явленій въ хлыстовствѣ сходныхъ съ тѣми, которыя наблюдаются въ области религіи Богооткровенной.

Детальное развитіе этой мысли и практическое приложеніе ея—дѣло миссіонеровъ-практиковъ.

Геоудуль.

СО СКРИЖАЛЕЙ СЕРДЦА.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ О ВОЙНѢ СЪ ЯПОНІЕЮ.

БОЖІЕЮ ПОСПѢШЕСТВУЮЩЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій; Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Царь Грузинскій, Государь Псковскій, и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волинскій, Подольскій, и Финляндскій; Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новагорода низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полотскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій, и всея Сѣверныя страны Повелитель; и Государь Иверскій, Карталинскія и Кабардинскія земли и области Арменскія; Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдный Государь и Обладатель; Государь Туркестанскій; Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Stormарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Въ заботахъ о сохраненіи дорогого сердцу Нашему мира, Намъ были приложены всѣ усилія для упроченія спокойствія на Дальнемъ Востокѣ. Въ сихъ миролюбивыхъ цѣляхъ Мы изъявили согласіе на предложенный Японскимъ Правительствомъ пересмотръ существовавшихъ между обѣими Имперіями соглашеній по Корейскимъ дѣламъ. Возбужденные по сему предмету переговоры не были однако приведены къ окончанію, и Японія, не выждавъ даже полученія послѣднихъ отвѣтныхъ предложеній Правительства Нашего, извѣстила о прекращеніи переговоровъ и разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Россіею.

Не предувѣдомивъ о томъ, что перерывъ таковыхъ сношеній знаменуетъ собою открытіе военныхъ дѣйствій, Японское Правительство отдало приказъ своимъ мпноносцамъ внезапно атаковать Нашу эскадру, стоявшую на внѣшнемъ рейдѣ крѣпости Портъ Артура.

По полученіи о семъ донесеніи Намѣстника Нашего на Дальнемъ Востокѣ, Мы тотчасъ же повелѣли вооруженною силою отвѣтить на вызовъ Японіи.

Объявляя о таковомъ рѣшеніи Нашемъ, Мы съ непоколебимою вѣрою въ помощь Всевышняго и въ твердомъ упованіи на единодушную готовность всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ встать вмѣстѣ съ Нами на защиту Отечества, призываемъ благословеніе Божіе на доблестныя Наши войска арміи и флота.

Данъ въ Санктъ Петербургѣ въ двадцать седьмой день Января, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четвертое, Царствованія же Нашего въ десятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

По поводу войны съ японцами.

Психологія и философія войны.—Отклики печати.

Мы въ долгу у васъ, дорогіе читатели. Издательскія заботы доселѣ лишали насъ досуга взяться за новогоднія наши «Скрижали сердца», которыми мы обычно начинали новогодній нашъ обзоръ состоянія миссіонерскаго дѣла въ истекшемъ году и характеризовали извѣстныя намъ новогоднія настроенія и чаянія нашихъ соработниковъ на миссіонерской нивѣ.

Въ настоящей бесѣдѣ мы рѣшили было подѣлиться съ вами мыслями о томъ, съ какими чувствами и чаяніями наша внутренняя миссія вступила въ новое лѣто своего служенія Церкви и Отечеству.

И вотъ въ моментъ работы по данному вопросу, наше сердце, какъ и всякаго вѣрнаго сына своей дорогой отчизны, поражено, умъ подавленъ разразившимся, изъ давно нависшихъ свинцовыхъ тучъ съ дальняго востока, страшнымъ ударомъ неслыханнаго вѣроломства и политическаго оскорбленія Россіи со стороны мнимо цивилизованныхъ азіатовъ-японцевъ! Вчера сообщено о разрывѣ дипломатическихъ отношеній, а сегодня—о внезапной атакѣ нашихъ лучшихъ броненосцевъ съ причиненіемъ имъ поврежденій! Безъ объявленія войны начали кровавое и страшное дѣло

хищные азіаты язычники, у которыхъ своя варварская этика, своя разбойничья политика. Можно-ли въ такой историческій моментъ думать, говорить, читать, заботиться о чемъ-либо другомъ, кромѣ переживаемыхъ отечествомъ военныхъ событій? Война великое народное бѣдствіе, попущенное Провидѣніемъ. Неисповѣдимы пути Промысла Божія! Куда ведетъ онъ насъ, что несетъ онъ Руси святой? Не есть-ли эта война съ жестокими язычниками—мѣра Божьяго смотрѣнія, воспламеняющая нашъ, многими забытый подъ тлетворнымъ вліяніемъ Толстовскихъ мудрованій, патріотизмъ? Ну-ка, Яснополянскій проповѣдникъ антимилитаризма, касмополитизма и эгоистическаго непротивленія злу, что вы чувствуете сейчасъ со своею философіей, когда благородное миролюбіе нашего гуманѣйшаго изъ монарховъ Царя-Батюшки такъ попрано и оскорблено? По вашей теоріи, что надлежитъ дѣлать, когда предательски, вѣроломно минируютъ наши броненосцы? Какъ, по вашей антимилитарной теоріи, безъ оружія выдти изъ нынѣшняго положенія? Хорошо, тепло и уютно вамъ празднословить въ Ясной Полянѣ,—подите ка въ Портъ-Артуръ и тамъ на мѣстѣ,—*de facto*—на собственной шкурѣ испытайте плоды вашей теоріи...

Тяжелый томительный день 27 января, когда всѣ русскіе люди находились подъ давленіемъ печальныхъ извѣстій съ дальняго востока, когда площадь у Зимняго дворца переполнена была народомъ, пламенѣвшимъ самоотверженнымъ желаніемъ все принести на алтарь оскорбленнаго отечества, до жизни своей включительно,—мы закончили посѣщеніемъ прекрасной миссіонерской бесѣды Д. И. Боголюбова въ залѣ религіозно-просвѣтительнаго общества—и вотъ тамъ одинъ простецъ изъ послѣдователей Толстого, очевидно мучимый въ своей душѣ, спрашивалъ какъ быть ему,—началась война, онъ присягалъ на вѣрность Царю и Отечеству, теперь уразумѣлъ, по Слову Божію, что воевать нельзя, какъ теперь быть ему?.. И нашель-же минуточку для раздумья! А вѣдь многіе такъ теперь мучатся душою! Вотъ они плоды Толстовства!

Много подобныхъ вопрошеній встрѣтятъ и пастыри, и миссіонеры, и отъ простецевъ, и отъ премудрыхъ вѣка сего, и надо будетъ давать отвѣтъ, который бы былъ согласенъ съ Словомъ Божіимъ, съ философіей и психологіею войны.

На страницахъ «Мисс. Обзор.» не разъ трактовалась война съ точки зрѣнія богословской, будутъ объ этомъ отклики и впредь, а въ настоящій разъ мы считаемъ полезнымъ познакомить нашихъ читателей съ этой второй стороною жгучаго для настоящаго момента вопроса о войнѣ. Пользуемся для этого какъ всегда глубоко интересной и вдумчивой статьей М. О. Меньшикова, напечатанной въ № «Новаго Времени» отъ 25 января. Достоинно вниманія, г. Меньшиковъ самъ былъ нѣкогда непротивленцемъ.

*
* * *

Тяжелые, мучительные дни. Будетъ война или не будетъ, пишетъ г. Меньшиковъ.

Неужели всѣ побѣды наши только въ прошломъ? Неужели эпоха подвиговъ похоронена. Но чувствую, что великія испытанія уже не медлятъ, «сроки близятся». Гдѣ-то въ складкахъ времени и пространства, можетъ быть въ мистическихъ многомѣрныхъ «измѣреніяхъ», внѣ нашего сознанія опредѣляется жребій событій. Земной шаръ окутанъ электрическими токами, которые такъ сродни нервнымъ. Можетъ быть назрѣваютъ надъ нами и въ насъ самихъ напряженія, которыхъ встрѣча готова разрѣшиться всплескомъ энергии, и онъ неожиданно рѣшить, что дѣлать. Ни война, ни миръ, если вдуматься въ нихъ *post factum*, не похожи на результатъ обдуманнаго размышленія. Все складывается какъ-то само-собою, подъ давленіемъ непредвидѣннаго, неподотвратимаго...

Мнѣ кажется, въ эпохи, когда долгій миръ ломается войной, народъ вдругъ какъ бы просыпается отъ какого-то сна, отъ самозабвенія и начинаетъ чувствовать себя какъ нѣкое многовѣковое историческое существо, какъ націю, отдѣльную отъ другихъ. Миръ есть состояніе благословенное для тѣла народнаго, но для духа націй, для высшей индивидуальности массъ миръ гибеленъ. Во время мира народы обмѣщаниваются, духовно мельчаютъ; они растворяются въ подражаніи одинъ другому. Англичане заимствуютъ у французовъ, тѣ у англичанъ и т. д. Устанавливается однообразное, космополитическое общество, гдѣ моды, вкусы, законы, нравы, идеи—все общее. Продержись миръ триста лѣтъ—границы между государствами пожалуй стерлись бы. Въ эпоху вѣчнаго мира—эти гра-

ницы были-бы совсѣмъ нелѣпостью. Только война поддерживаетъ раздѣльность странъ. Но это было-бы прелестно,—воскликнетъ читатель,—если бы совсѣмъ никакихъ границъ! Наступило бы царство Божіе—одна семья. Чего же лучше, если бы всѣ люди сдѣлались похожими другъ на друга? Если бы одинъ былъ какъ всѣ, всѣ какъ одинъ?

Я не знаю, хорошо ли это было бы. Иной разъ мнѣ кажется, это было бы чудесно, иной разъ страхъ беретъ отъ такого идеала. Если всѣ какъ одинъ, какой смыслъ существовать всѣмъ, кромѣ одного? Теперь, когда каждый народъ отличается хоть какой нибудь чертой, единственно ему присущей, есть оправданіе каждому; я прибавляю въ міръ нѣчто, чего никто дать не можетъ. Если же всѣ будутъ какъ всѣ, міръ страшно обѣднѣетъ; изъ безконечно-богатаго, разнообразнаго музея онъ превратится въ гигантскій складъ все одной и той же вещи. Не будетъ человѣчества, останется въ сущности одинъ человѣкъ. Въдь сколько бы ни отливали копій Геркулеса Фарнезскаго, остается въ сущности одна статуя.

Что такое Царство Божіе—вопросъ очень спорный. Можетъ быть это Царство не въ будущемъ, а въ настоящемъ, можетъ быть оно есть міръ, существующій какъ онъ есть, со всѣми красками и тѣнями, съ борьбой и покоемъ, съ вѣчной любовью и вѣчнымъ гнѣвомъ. Можетъ быть сущность христіанства—въ признаніи высшей воли, какъ она есть: «Да будетъ воля Твоя». Не мнѣ входитъ въ замыслы природы, но разъ есть начало, поддерживающее вражду, я хотѣлъ бы понять, для чего оно? Для какой цѣли Небо терпитъ жгучую злобу, кровь и раздоръ? Я думаю, что борьба не существовала бы, если бы была только гибельна. Она давно въ этомъ случаѣ испепелила бы міръ. Слѣдуетъ допустить, что страшныя жертвы войны выкупаются какой-то огромной пользой, хотя бы для насъ неясной. Въ старину эта польза почти сознавалась. Въ старину думали, что война—прекрасное дѣло, что умереть за отечество—высшій смыслъ жизни. Умереть на своей постели считалось позорнымъ, одинаково и у грековъ, и у варяговъ. Отечество, государство (у римлянъ)—вотъ нѣкое высшее существо, питавшееся войной. Войну вели только благородные богатые классы; бѣдняки не принимались въ армію. Войною отстаивали нѣчто священное, что дороже жизни. Что же именно?

*
* * *

Мнѣ кажется, то, для чего существуетъ международная злоба, раздоръ, война есть расовая *индивидуальность*, стремленіе жизни отстоять богатство формъ, всю роскошь творческаго замысла. Миръ путемъ всеобщаго подражанія, проникающаго всю природу,—сглаживаетъ всѣ индивидуальности, всѣ отличія, миръ всѣ формы претворяетъ въ одну. Война разбиваетъ сходства, разъединяетъ, позволяетъ творческому процессу искать новыхъ возможностей и работать по тысячѣ направленій. Поэтому войны, ведущіяся съ незапамятной древности, не вносятъ ли онѣ въ міръ то начало, которымъ поддерживается его разнообразіе и богатство? Мечъ, какъ рѣзецъ скульптора, не отчеканивается ли изъ глыбы человѣчества характерныя черты націй? Такъ какъ подражаніе предписывается и государственнымъ закономъ, и обычаями каждой страны, то въ ней устанавливается рано или поздно общій человѣческій типъ вродѣ фіалки или ландыша, совсѣмъ особый. Войной онъ защищается отъ искажающихъ его условій и пріобрѣтаетъ болѣе прочную обезпеченность. Если данный типъ одряхлѣлъ—онъ теряетъ способность сопротивленія, онъ вытѣсняется иными, болѣе энергическими. Война въ этомъ смыслѣ есть великій экзаменъ расы, проверка ея документовъ на право существованія. Побѣдителямъ война даетъ первенство въ мірѣ, побѣжденныхъ обрекаетъ на гибель. Но если они дѣйствительно дряхлые, гнилые, то гибель ихъ не есть ли благо въ общей экономіи природы? Не есть ли ихъ гибель—благодѣяніе для нихъ самихъ? Бываютъ націи, которымъ не хочется защищать свою ослабленную индивидуальность, какъ неизлечимо-больнымъ—свою испорченную жизнь. Такіе народы, будучи побѣжденными, быстро асимилируются. Подобно рептиліямъ они линяютъ, сбрасываютъ кожу и въ національности завоевателей обновляютъ и тѣло, и духъ свой. Такъ онѣмеченные славяне сдѣлались бравыми пруссаками, болѣе нѣмцами, чѣмъ сами тевтоны. Наоборотъ, многіе нѣмцы въ Россіи болѣе патріоты, чѣмъ сами русскіе. Война вноситъ въ человѣчество раздоръ, нищету, злобу,—но можетъ быть эти жесткіе элементы духа необходимы — подобно жесткой клѣтчаткѣ—для разграниченія національныхъ клѣтокъ, въ которыхъ только и возможна жизнь. Нѣкоторые древніе народы Богомъ считали свое національное «Я»: Ассуръ было

имя бога и имя народа. Основная заповѣдь: «Я есмь Господь Богъ твой» евреями на практикѣ понята такъ: «Господь Богъ твой есть Я,—да не будутъ тебѣ иные Боги, кромѣ твоего Я». Отсюда тотъ ужасающій народный эгоизмъ, который проявилъ древній Израиль. Евреи всѣ народы отгородили «чертой осѣдлости», они обрекли ихъ на лютое истребленіе, которое было не выполнено только за недостаткомъ силъ. Свое избранничество евреи понимали какъ нѣчто купленное человѣческой кровью. Мессія, котораго они до сихъ поръ ждутъ, долженъ покорить имъ всѣ народы. Теперь мечта эта—чистое сумасшествіе: евреи уже не любятъ войны, но въ свое время это помѣшательство на своемъ «Я» позволило евреямъ—однимъ изъ всѣхъ античныхъ сверстниковъ—отстоять на протяженіи двухъ тысячъ лѣтъ свою расу. Чтобы довести національную идею до маніи, потребовались пятисотлѣтнія войны отъ Моисея до Давида включительно. Воинственные народы—какъ правило—долговѣчнѣе мирныхъ, такъ какъ раса ихъ путемъ непрерывнаго сосредоточенія на своей личности слагается породистѣе и крѣпче.

Всѣ эти разсужденія прошу принять лишь какъ догадки, не болѣе. Я не проповѣдую войны, какъ и ея уничтоженія. Война до такой степени явленіе древнее, что похожа на естественный фактъ органической жизни. Война похожа на пищевареніе, на обмѣнъ соковъ внутри тканей человѣчества. Если это фізіологическое отправленіе, то какъ вы его станете отвергать? Я не считаю себя разумнѣе природы. Уклоняясь отъ войны, какъ отъ холеры или чумы, я не смѣю назвать даже холеру и чуму бессмысленными и совсѣмъ—таки ненужными въ общемъ хозяйствѣ природы. Кто знаетъ, можетъ быть какъ молнія, зажигающая дѣйственные, полумертвые лѣса, освѣжаетъ ихъ, сжигая сухостой и гниль,—такъ и великія бѣдствія человѣческія: они играютъ роль очищающихъ перуновъ. Бѣдствія нужны, чтобы здоровое отдѣлится отъ больного, слабое отъ сильнаго, чтобы высвободить живыя клѣтки отъ облекающей ихъ слизи мертвыхъ. Въ бѣдствіяхъ отковывается совершенство:

... тяжкій млатъ,

Дробя стекло, куетъ булатъ.

Нѣтъ холеры, нѣтъ чумы—общества дряхлыя избобрѣтаютъ сами несчастія, не менѣе страшныя: напримѣръ пьян-

ство, опій, развратъ. Любопытно, что послѣ эпохъ ужасающаго пьянства въ Англіи, Германіи, Швеціи слѣдовалъ не упадокъ, а подъемъ ихъ энергіи. Цивилизаціи зацвѣтали всюду послѣ великихъ войнъ. Ангелъ смерти разнообразными стрѣлами поражаетъ то, что недостойно жизни, и только это поддерживаетъ вѣчную ея свѣжесть.

Войны были; вѣроятно же всего, онѣ будутъ. Но когда окончательно установятся человѣческія породы, можетъ быть война будетъ не нужна, и какъ все ненужное исчезнетъ. Когда типы людей будутъ такъ же опредѣленны, какъ тополь, пальма, роза, незабудка, установится въ человѣческомъ обществѣ то же нѣмое прозябаніе, полусознательное, неподвижное, какъ въ лѣсу. Творческій, взволнованный, полный мечты и страсти процессъ будетъ законченъ: измѣнявшіеся и оживавшіе подъ рѣзцомъ Художника модели человѣческаго типа будутъ Имъ наконецъ оставлены, какъ готовыя. Созданіе перейдетъ въ вѣчное повтореніе, и это будетъ вѣчный миръ.

Вы спросите—неужели ошибаются проповѣдники мира? Вовсе нѣтъ. Проповѣдники мира уже принадлежатъ къ законченнымъ человѣческимъ породамъ. Какъ отдѣльныя вѣтки дерева, они выдвинулись и созрѣли раньше другихъ. Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстенъ ни одинъ искренній проповѣдникъ мира: всѣ они воюють, хотя бы на словахъ. Миръ дѣйствительный — полное молчаніе, какъ въ лѣсу, — ибо когда мы достигнемъ полного согласія, къ чему будетъ служить обмѣнъ мысли и сама мысль? Есть движущіяся растенія,—возможно, что всѣ они нѣкогда были животными, т.-е. двигались и говорили, и лишь послѣ безконечной борьбы отстоялись въ окончательныя формы, которымъ пришлось смолкнуть. Истинные друзья мира—отшельники—усваиваютъ себѣ этотъ идеалъ. Древніе, законченные народы неподвижны и молчаливы: таковы народы Востока, за исключеніемъ впрочемъ евреевъ. Но не примѣсь ли европейской крови дѣлаетъ послѣднихъ болтливыми и полными суеты? Китайцы, арабы, турки, египтяне степенны, они сидятъ дома. Ихъ мысль перешла если не въ молчаніе, то въ стереотипъ. Воинственность мелкихъ племенъ — курдовъ, бедуиновъ и т. п., какъ и воинственность англо-саксовъ поддерживается пестротой крови, непрерывнымъ смѣшеніемъ породъ между собою, порчей типа. Примѣсь чужой крови вызываетъ броженіе, которое отдѣльныхъ людей ведетъ къ гениальности, отдѣльные народы къ побѣдамъ и культурному расцвѣту.

Возстановленіе расы, какъ цѣль достигнутая, возвращаетъ ее къ покою. Такъ какъ все въ природѣ естественно, то и война естественна; на нее смотрѣть слѣдуетъ какъ на морфологическій процессъ, разрушительный для слабыхъ и созидательный для сильныхъ.

* * *

Я прочелъ въ одной русской заграничной газетѣ, что «отечество» есть «ненавистное суевѣріе», которое «оскотиниваетъ» людей и порабощаетъ слабыхъ сильнымъ. «Всякая низость, жестокость, всякія нечистыя дѣла, всякія живыя обѣщанія прикрываются этимъ словомъ, какъ девизомъ». И вообще, говоритъ газета, «пора покончить съ этой зловѣщей комедіей!» Легко сказать! Мнѣ кажется, покончить съ тѣмъ, что создалъ Богъ, не такъ-то просто. Космополитизмъ возможенъ въ мечтѣ, въ идеѣ. Я допускаю, что есть искренніе космополиты, но они люди 50-го вѣка; породы, завершившія свою эволюцію. Для нихъ отечество можетъ быть и комедія но огромному большинству людей отечество еще дорого, и даже дороже своей личности. Мы породы молодая, формирующіяся, намъ страшно дорогъ органический идеалъ нашъ потому, что онъ не достигнутъ. За свое *я*, за независимость народнаго духа, за державную власть въ чертѣ страны намъ еще хочется воевать, хочется жертвовать жизнью. Отечество едва ли «комедія» — скорѣе оно трагедія, — такъ много ужаса, крови благородства и героизма вплетается въ его узоръ. Говорятъ: война не согласна ни съ разумомъ, ни съ совѣстью. Я спрошу: съ чѣмъ разумомъ? Съ чьею совѣстью? Такъ какъ всѣ народы воюютъ съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, то очевидно война согласна и съ совѣстью, и съ разумомъ человѣческаго рода. Война не отвѣчаетъ разуму нѣкоторыхъ великихъ людей. Это правда. Геродотъ, Плутархъ, Платонъ, Цицеронъ, Сенека, Ювеналъ еще до христіанства осуждали войну. Въ новѣйшее время Эразмъ, Монтанъ, Монтескье, Вольтеръ, Руссо, Гете, Ренанъ, Милль, Толстой высказываютъ презрѣніе къ войнѣ. Она — *съ ихъ точки зрѣнія* — заслуживаетъ презрѣнія. Странно было бы представить между людьми такой породы, каковы Сенека и Левъ Толстой, физическую борьбу, умерщвленіе другъ друга. Если бы человѣческій родъ состоялъ изъ законченныхъ психологическихъ типовъ, каковы вотъ эти великіе

люди,—то стоялъ бы вѣчный миръ. О войнѣ, можетъ быть, не было бы понятія, какъ въ народѣ исчезло понятіе о людоедствѣ. Но человѣчество состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ душъ, въ огромномъ большинствѣ совсѣмъ не похожихъ на Монтэня или Толстого. Даже изъ великихъ людей подавляющее большинство было за войну. Отъ Гомера до Баяна Вѣщаго, отъ того же Плутарха до того же Льва Толстого всѣ поэты воспѣваютъ то благородство, какое война обнаруживаетъ въ людяхъ вмѣстѣ съ низостью. Бэконъ, Гоббсъ, Гегель, Гумбольдтъ, Прудонъ, Достоевскій и пр. защищаютъ войну; Кантъ считаетъ ее неизбѣжной, Нитше возводитъ въ высшую добродѣтель. Пушкинъ и Байронъ хотѣли лично участвовать въ войнѣ. Привожу первыя попавшіяся имена, чтобы показать, что даже среди завѣдомо великихъ людей война не противорѣчитъ совѣсти и разуму очень многихъ. Человѣкъ столь сильнаго ума, какъ гр. де-Местръ, договаривался даже до мысли, что «назначеніе человѣка заключается въ уничтоженіи себѣ подобныхъ». По его словамъ «война есть исполненіе Высшей Воли. Она божественна по существу, такъ какъ она міровой законъ». Де-Местръ думалъ, что послѣдствія войны недоступны человѣческому уму, но таинственный ореолъ войны, обаяніе славы и необъяснимое влеченіе къ ней доказываютъ ея божественность. Вся цивилизація, по мнѣнію де-Местра, есть плодъ пролитія крови. Не менѣе восторженно относится къ войнѣ Прудонъ: «Война, говоритъ онъ,—божественное явленіе, справедливое, добродѣтельное, нравственное, святое, особый видъ религіознаго откровенія». Этого восторга передъ войной я лично совершенно не понимаю, но, какъ видите, даже великіе люди не столковались объ этомъ явленіи, столь загадочномъ и грозномъ. На-дняхъ я читалъ въ «Новомъ Краѣ» сцену, какъ русскій отрядъ ловилъ хунхузовъ. Едва хунхузъ открылъ ротъ, офицеръ всадилъ ему въ ротъ кинжалъ... Прочелъ я это и содрогнулся. Какой—хуже всякаго кошмара—ужасъ: нѣсколько дней этотъ кинжалъ не выходилъ у меня изъ головы: вотъ она, война... Но съ другой стороны, когда тутъ же рядомъ читаешь о томъ, что никакія истязанія, ни пытки, ни смерть не могли вынудить у сотника Петропавловскаго и его казаковъ нѣсколькихъ словъ измѣны,—опять говоришь себѣ: вотъ она, война. Возможенъ ли въ мирное время подобный подвигъ? Нѣтъ. Война—смѣсь

яркаго свѣта и черной тьмы. Война-возвращаетъ твореніе къ хаосу, она дѣлаетъ маленькія вибраціи нашей жизни огромными. Война роняетъ духъ человѣческій до самыхъ темныхъ безднъ преступленія и поднимаетъ его до совершеннаго отреченія отъ своей личности. Въ то время, какъ миръ держитъ гражданина все на одной и той же моральной нотѣ, захватывая лишь ближайшія,—война истощиваетъ всѣ октавы, всѣ регистры—и въ этомъ, можетъ быть, обаяніе войны. Война есть сгущенная жизнь, это озонъ, которымъ дышать такъ пріятно и вмѣстѣ смертельно. За десятки лѣтъ обезпеченной, благополучной жизни во время мира вы не переживете тѣхъ біеній сердца, какъ въ одинъ часъ боя. Часто слышишь фразу: «Хочется сильныхъ ощущеній»—это не капризъ. Какъ ребенку хочется двигаться,—хотя бы скакать на одной ногѣ,—очень многимъ людямъ—даже великимъ, и цѣлымъ націямъ хочется острыхъ и страстныхъ чувствъ. Японія не воевала, на примѣръ, сотни лѣтъ—и вотъ ей хочется пережить смертельную опасность, не какой-нибудь, а сатаническій гнѣвъ, не обычную вялую, а лихорадочную надежду. Хочется волненій кипучихъ, доведенныхъ до предѣла. Кто знаетъ, можетъ-быть эта всенародная встряска столь же необходима для роста души, какъ движеніе для роста тѣла. «Есть упоеніе въ бою и мрачной бездны на краю»... Война есть способъ привести всѣ силы человѣка въ наивысшее напряженіе. Это напряженіе, становясь привычнымъ, закрѣпляется какъ ростъ души. Война до такой степени была потребностью свѣжихъ расъ, что когда не съ кѣмъ было воевать—ходили на охоту, вступали въ единоборство со львами и медвѣдями. И до сихъ поръ охота—этотъ сурогатъ войны считается благороднымъ развлеченіемъ. Война возбуждаетъ національный эгоизмъ, разрушая личные. Ощущеніе этого массоваго стихійнаго чувства почти недоступно въ мирное время. Ощупью, безотчетно, народы доискиваются условій, чтобы послѣ долгаго мира имѣть роскошь повоевать. Не матеріальный выигрышъ—онъ бываетъ ничтоженъ, а вотъ эти нѣмыя и темныя потребности строящейся души, въ нихъ вся суть.

Отѣлики печати.

Итакъ свершилось! Рука предателя нанесла ударъ чести и достоинству Россіи, и грознаго возмездія оскорбленнаго народа ничто уже не въ силахъ остановить!

Пусть будетъ тяжела борьба. Намъ она не страшна. Русскій солдатъ умѣетъ умирать. Гдѣ не развѣвались побѣдоносно знамена русской арміи? И какихъ бы страшныхъ жертвъ ни стоила Россіи не ею начатая борьба, но не кончится эта борьба, пока русское оружіе не увѣнчаютъ новые лавры.

Божіею поспѣшествующею милостію, Русскій Царь уповасть на единодушную готовность всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ встать вмѣстѣ съ нимъ на защиту отечества.

Горячій отзывъ найдетъ это упованіе въ сердцахъ русскаго народа. Съ безпредѣльной готовностью всякій изъ сыновъ Россіи отдастъ свою жизнь и свое достояніе за честь и славу родины.

Грядущее отъ насъ сокрыто. Но, призвавъ вмѣстѣ съ Царемъ благословеніе Божіе на доблестные войска арміи и флота, русскій народъ съ твердою вѣрою будетъ ждать славнаго конца возгорѣвшейся борьбы. (Русь).

Глубокимъ спокойствіемъ духа, вѣрою въ Бога, покорностью вѣлѣніямъ Его неисповѣлимаго Промысла, увѣренностью въ любви народа и тѣсной съ нимъ связи преисполненъ Высочайшій манифестъ.

Мирюлюбивый христіанскій Монархъ, Государь нашъ, приложилъ всѣ усилія въ предотвращеніи военной борьбы съ Японіей. Но борьбы этой искала сама Японія. Пусть же и пожнетъ она плоды начатаго ею столь коварно дѣла.

Объявленіе Высочайшаго манифеста точно гору сняло съ груди cadaго. Вчера еще всѣ знали, что манифестъ подписанъ, что Царь во храмѣ своихъ чертоговъ колѣнопреклоненно молить Господа Силь о дарованіи воинству Россійскому одолѣнія надъ врагомъ. Но манифеста еще не читали, Царскаго гласа еще не слыхали. Нынѣ раздался гласъ этотъ, прочитаны всѣми столь ясныя и простыя слова, обращенныя Царемъ къ народу и душевное равновѣсіе возстановлено.

Слово «война» не сказано въ манифестѣ. Повелѣно «вооруженною силою отвѣтить на вызовъ Японіи». Россія войны не искала, но отвѣтить насильнику она умѣла всегда.

Задорная Японія даже не предполагаетъ, какую пропасть она изрыла себѣ своимъ разбойническимъ нападеніемъ. Русскіе никогда не были коварны. Въ нихъ всегда жилъ богатырскій завѣтъ Святослава, — говоритъ врагу «иду на васъ» предъ нападеніемъ.

Тѣмъ больнѣе отзывается въ сердцахъ русскихъ коварство и лукавство противника. Во врагѣ, какъ и въ другѣ, мы привыкли чтить храбрость, искренность, устойчивость и привыкли презирать обманъ, дѣйствія исподтишка, разбойничество.

Царь, знающій сердце своего народа, не сомнѣвается въ его единодушіи. Чувства эти уже проявляются въ выраженіяхъ вѣрнопопданническихъ чувствъ въ готовности теперь же нести матеріальныя жертвы.

Чутко будутъ прислушиваться русскіе люди къ вѣстямъ съ Дальняго Востока, но ни смущенія, ни трепета они не проявятъ, какъ бы ни складывались судьбы войны.

Нынѣ жребій брошенъ и будетъ такъ, какъ Богу угодно. Вѣра поведетъ насъ къ побѣдамъ, вѣра же спасетъ насъ отъ унынія при неизбѣжныхъ временныхъ испытаніяхъ и неудачахъ.

Бодрость духа и крѣпость любви къ отечеству были всегда природными русскими свойствами. (Свѣтъ).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

Миссіонерскій Щитъ вѣры

ВЪ ОГРАЖДЕНІЕ ОТЪ СЕКТАНТСКИХЪ ЗАБЛУЖДЕНІЙ.

Книга эта по цѣли и содержанію представляетъ какъ-бы продолженіе «Миссіонерскаго Спутника». Въ «Мисс. Щитѣ вѣры» вошли 53 отдѣла, заключающихъ въ себѣ апологію и полемику, касающуюся всѣхъ основныхъ догматовъ вѣры и пререкаемыхъ сектантами вопросовъ, причемъ въ большинство отдѣловъ входятъ по 4 главы: I. Изложеніе православнаго ученія. II. Основанія изъ Свящ. Писанія для православнаго ученія о данной истинѣ. III. Возраженія сектантовъ и отвѣты православнаго. IV. Миссіонерская полемика, заключающая въ себѣ: а) Сводъ текстовъ Свящ. Писанія, полностью приведенныхъ (въ первомъ столбцѣ), которыми сектанты оправдываютъ свое мудрованіе, б) истинный смыслъ (толкованіе) сихъ текстовъ (второй столбецъ) и в) сводъ текстовъ Свящ. Писанія, коими опровергается сектантское мудрованіе (третій столбецъ). Въ концѣ книги находится миссіонерская краткая энциклопедія, а въ началѣ алфавитный указатель.

«Щитъ» напечатанъ in folio большого формата, заключаетъ въ себѣ 55 отд. и 336+XVI стр. убористаго шрифта. Ц. 1 р. 50 к. При выискѣ значительнаго количества экз. будетъ сдѣлана большая скидка.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

С.-Петербургъ, 31 января 1903 г. Цензоръ Архимандритъ Мессодій.

Типографія «Бережливость». Невскій пр., № 139.

вають и помышленія чистыя, чувства и стремленія и дѣла добрыя, не безъ примѣси грѣха; весь человѣкъ внѣ Бога— мерзокъ, противенъ Ему, какъ проникнутый злымъ ядомъ и тлею грѣха, и безъ очищенія отъ этой мерзости грѣха онъ не можетъ соединиться съ Богомъ, отъ Котораго онъ получилъ жизнь по образу и подобию Божіей простоты, Божіей святости и благодати, и которую утратилъ. Чтобы очистить человѣка, и, такъ сказать, переплавить его, и совершенно омыть отъ грѣха, Господь, какъ мудрый Создатель и Врачъ, очищаетъ его водою и Духомъ Святымъ таинственнымъ образомъ, Ему одному, какъ премудрому Врачу, свойственнымъ. Для этого, Онъ Самъ, святѣйшій и безгрѣшный, крестится въ водѣ Іордана, освящаетъ Собою воды для всѣхъ вѣковъ и родовъ человѣческихъ, для омовенія тѣла отъ скверны грѣха, освящая воды, а душамъ крещаемыхъ сообщая благодать Духа Святаго очищающую, освящающую и возрождающую; для согрѣшающихъ же послѣ крещенія сообщая благодать прощенія грѣховъ въ покаяніи и благодать освященія и богообщенія въ причащеніи Пречистаго Тѣла и Крови Его. Такимъ образомъ, безъ огня и горниль Господь, какъ искусный Ваятель и Художникъ,—какъ бы переплавляетъ и очищаетъ свое премудрое созданіе отъ крайней нечистоты и скверны грѣха и возводитъ его къ первобытному совершенству и святости подъ условіемъ повиновенія человѣку новымъ заповѣдямъ Его, какъ сказано: заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ (Іоан. 13,34). И это премудрое промышленіе Божіе о возрожденіи падшаго и умерщвленнаго грѣхомъ человѣка—оправдано всѣми чадами Божіими (Мѣ. 11, 19), послѣдовавшими въ простотѣ и усердіи сердца Божіимъ повелѣніямъ, ибо безчисленное множество святыхъ, чуднымъ образомъ возродилось въ новую жизнь и наслѣдовало царствіе Божіе. Плотскій, мірскій, недуховный человѣкъ не можетъ понять этого премудраго промысла Божія и духовно востязуется и по своему высокоумію отвергаетъ благодать крещенія, какъ нашъ русскій ересіархъ—Левъ Толстой, и,

такимъ образомъ, какъ древніе фарисеи и книжники, онъ и его послѣдователи отвергають мудрый Совѣтъ Божій о спасеніи человѣка, и въ своей гордости, невѣріи, лукавствѣ погибають, ибо безъ крещенія и покаянія никто не можетъ видѣть Царствія Божія.

Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь, говоритъ Апостоль. Что значать эти слова? Онѣ означаютъ, что человѣкъ, по вѣрѣ своей или воспріемниковъ крещенный во Христа и во имя Св. Троицы, облекается духовно во Христа, т. е., въ Его святость и правду, въ Его кротость, смиреніе, самоотверженіе, воздержаніе, терпѣніе, послушаніе, въ Его любовь и милосердіе,—вопреки ветхому, некрещенному, невозрожденному отъ Бога человѣку, который внутренно, тайно весь облеченъ въ діавола, въ его гордость, лукавство, злобу, самолюбіе, самоугодіе, любостязаніе, зависть, въ блудъ и всякую нечистоту, противленіе и неповиновеніе закону Божію, въ невѣріе, своенравіе, лѣность къ благочестію, и въ стремленіе ко всякому нечестію и нечистотѣ. Вотъ что значать слова: елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь; т. е., всѣ крещенные во Христа, облеклись, одѣлись Христомъ,—т. е., всякою добродѣтелью, между тѣмъ, какъ некрещенные одѣваются невидимо, какъ одеждою,—всякимъ грѣхомъ, и живутъ однимъ духомъ съ діаволомъ. А отсюда вытекаетъ непремѣнная обязанность для всякаго христіанина понуждать себя стремиться усердно ко всякой добродѣтели, и бороться усердно и самоотверженно со всякимъ грѣхомъ, со всякой грѣховной страстью, грѣховными навыками, похотями, по слову Божію: *ты, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями* (Галат. 5, 24).

Нынѣшній праздникъ называется еще Богоявленіемъ Господнимъ, потому что при Крещеніи Господа Іисуса Христа въ Іорданѣ явилось людямъ безначальное Троицостасное и Трисіятельное Божество — Отецъ безначальный, возгласившій съ небесъ и наименовавшій Крещаемаго Сыномъ возлюбленнымъ; Сынъ собезначальный и Творецъ всѣхъ, крестившійся по человѣчеству въ Іорданѣ и себе-

значальный Духъ Святый, Коимъ всяка душа живится, очищается и освящается, и утверждается. Такимъ образомъ, въ крещеніи Іисуса Христа во Іорданѣ открылось великое таинство христіанскаго богословія, чрезъ которое мы всѣ научились вѣровать въ Троицу безначальную, единосущную, Отца и Сына и Св. Духа—во единомъ Божествѣ. Это—самое главное, и спасительное ученіе нашей вѣры, и безъ вѣры во Св. Троицу никто спастись не можетъ. *Шедше научите вся языки, заповѣдалъ Христосъ Своимъ ученикамъ, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа* (Мат. 28, 19). *Иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ.*—Левъ Яснополянскій со своими послѣдователями не вѣруютъ въ Св. Троицу по своему високоумію, противятся слову Божію и не признають его за таковое,—хотятъ найти въ своихъ потемкахъ какого то другого, безличнаго бога, какое-то другое начало всѣхъ началъ и нашли его въ виновникѣ всѣхъ міровыхъ золъ—въ духѣ злобы, дѣйствующемъ въ сынахъ противленія, и впади въ лапы перваго богоборца и отметника отъ Бога—дѣвола. Но Богъ поругаемъ не бываетъ. (Галат. 6, 7), Аминь.

Протоіерей, *Іоаннъ Сергіевъ.*

ВП. Слово преосвященнаго Стефана, епископа Сумскаго, на „Новый годъ“ ¹⁾.

Благослови, Господи, вѣнецъ лѣта благодсти Твоея.

Съ новымъ годомъ привѣтствую васъ, возлюбленные братья и сестры о Господѣ! По церковному положенію уже съ вечерняго часа мы вступили въ предѣлы новаго лѣта благодсти Божіей, и сей вѣнецъ лѣта св. матеръ наша Церковь уже освятила тѣми вечерними и утренними молитвами

¹⁾ Сказанное въ харьковскомъ Успенскомъ кафедральномъ соборѣ предъ совершеніемъ молебствія въ полночный часъ Новаго года. «Юж. Кр., 1904 г., № 7958.

своими, которыя мы съ вами только что вознесли Господу Богу. Но, идя на встрѣчу желанію чадъ своихъ освятить для нихъ молитвами и гражданское новолѣтіе, наступающее съ сего полночнаго часа, св. Церковь въ лицѣ насъ, служителей своихъ, спѣшитъ вознести вмѣстѣ съ вами молитвы свои къ Творцу временъ и вѣковъ (Евр. 1, 2; 11, 3). О чемъ же мы съ вами будемъ возносить моленія въ сей часъ вступленія своего въ двери новаго, неизвѣстнаго намъ лѣта? Если бы взоры наши проникали во всю таинственную глубину наступившаго лѣта, если бы они видѣли все ожидающее насъ отъ сдѣланнаго входа въ него до будущаго выхода, если бы мы видѣли и грядущее къ намъ благополучіе и наступающія на насъ бѣдствія, болѣзни, а можетъ быть и самую смерть, то мы видѣли бы, конечно, о чемъ намъ слѣдуетъ молиться; но теперь мы, для которыхъ грядущіе дни и часы покрыты завѣсою глубокаго мрака, не знали бы, *о чемъ молиться, какъ должно*, если бы *Самъ Духъ* не ходатайствовалъ *за насъ воздыханіями неизреченными* (Рим. 8, 26). И это ходатайство за насъ Св. Духа вы услышите сейчасъ въ молитвахъ матери нашей Церкви.

Приникнемъ же вниманіемъ своимъ къ этимъ молитвамъ.

Св. Церковь прежде всего по заповѣди апостольской возноситъ общія моленія свои *за вся чловѣки: за царя и за вся, иже во власти суть*, за градъ нашъ, за всякій градъ и страну и вѣрою живущихъ въ нихъ. Св. Церковь дѣлаетъ такъ, *ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу* (1 Тим. 2, 2—3).—Затѣмъ св. Церковь первымъ долгомъ благодарить Господа за тѣ благодѣянія, явленные и неявленные, которыя всѣ мы *изобильно* получали отъ щедрой руки Его въ прошедшемъ лѣтѣ и просить Его Отца небеснаго, благодаренія эти *въ пренебесный свой жертвенникъ пріяти и благоугодно помиловати насъ*. И какъ не благодарить намъ Отца нашего, какъ не припадать къ Нему съ гласомъ хвалы и славословія за жизнь, которою мы пользовались въ *мимошедшемъ* лѣтѣ, за благодать Его, которую неоскудно получали къ своему вѣчному спасенію въ Его таинствахъ, за небесную пищу

Тѣла и Крови Спасителя нашего, которую принимали во исцѣленіе души и тѣла, за хлѣбъ насущный, который получали отъ щедрой руки Создателя, за здравіе и благополучіе, которыми пользовались, за самыя болѣзни и бѣдствія, которыми вразумлялись, очищались отъ грѣховъ и избавлялись отъ наказанія вѣчнаго. Неблагодарность Богу за благодѣянія свойственна лишь людямъ крайне нечестивымъ, и св. апостолъ появленіе неблагодарныхъ людей относитъ къ числу признаковъ тяжелыхъ временъ послѣднихъ дней (2 Тим. 3, 1—5), къ числу признаковъ того, что *тайна беззаконія уже въ дѣйствіи* (2 Тесс. 2, 7). Да не будетъ же, чтобы мы увеличили собою число беззаконныхъ людей и содѣйствовали тайнѣ беззаконія: возблагодаримъ гласомъ веліимъ Творца своего и Благодѣтеля!—Затѣмъ св. Церковь проситъ *простити намъ и всѣмъ людямъ своимъ вся согрѣшенія вольная и невольная, въ мимошедшемъ лѣтъ злѣ нами содѣянная; не помянути безчисленныя беззаконія и лукавая наши дѣланія въ мимошедшемъ лѣтъ бывшая и не воздати намъ по долгомъ нашимъ, но въ милости и щедротахъ помянути насъ.* И опять, какъ ни просить у Господа прощенія согрѣшеній нашихъ: не каяться въ грѣхахъ, не сокрушаться о нихъ, не молить Господа объ изглаженіи ихъ есть опять таки дѣло людей, совершенно отрехшихся благочестія, утопающихъ, по выраженію писанія, во грѣхахъ, безъ всякаго желанія освободиться *отъ стги діавола, который уловилъ ихъ въ свою волю* (2 Тимов. 2, 26). Не допустимъ, братья и сестры, такого окамененія и ожесточенія сердець своихъ, припадемъ къ престолу милосердія Божія со слезами сокрушенія, да отвратитъ *отъ насъ весь гнѣвъ Свой на ны грѣхъ ради нашихъ движимый.*—Выѣстѣ съ тѣмъ св. Церковь молится Господу *отнати отъ насъ все душегубительныя страсти и растлѣнные обычаи; подати же миръ, твердую и не лицемерную любовь и добродѣтельное житіе; сотворити насъ спешныхъ къ дѣланію добрыхъ дѣлъ и исполненію всѣхъ заповѣдей.* Помышленіе сердца человѣческаго, по слову Божію, зло его отъ юности (Быт. 8, 21), и изъ него, по слову Спасителя, *исхо-*

даютъ злыя помыслы, убійства, прелюбодѣнія, любодѣнія, кражи, лжесвидѣтельства, хуленія (Мѣ. 15, 19). Сами по себѣ мы и помыслить не можемъ что-либо добраго, но способность наша на это отъ Бога (2 Кор. 3, 5). Какъ же намъ, удобопреклоннымъ ко злу и коснымъ на все доброе, не молить Господа силъ, да вспомооществуетъ намъ Своею всесильною благодатію къ очищенію нашего сердца отъ душегубительныхъ страстей, къ провозженію новаго лѣта благодати Божіей въ добродѣтельномъ житіи, въ исполненіи заповѣдей Божіихъ.

Молится затѣмъ св. Церковь о томъ, чтобы *укрѣпить насъ въ православной вѣрѣ*. Св. православная вѣра наша, которая служитъ предметомъ не только благоговѣйнаго почитанія многихъ милліоновъ людей, ее исповѣдующихъ, но и тщательнаго изученія добросовѣстныхъ ученыхъ Запада, предметомъ усерднаго стремленія къ ней многихъ тысячъ, такъ называемыхъ, старокатоликовъ, англиканъ и американцевъ, въ послѣднее время подвергается наглому глумленію и ожесточеннымъ нападеніямъ не только всегдашнихъ враговъ своихъ, которые съ изуверствомъ и всякою злобою встрѣтили самое появленіе ея въ мірѣ, но и многихъ братій или, правильнѣе сказать, лжебратій, антихристовъ, какъ называетъ ихъ, апостолъ Іоаннъ, *которые*,—говоритъ онъ, *вышли отъ насъ, но были наши* (1 Іоан. 2, 19). Эти антихристы, какъ *лютые волки* (Дѣян. 20, 29—30), стараются растерзать православную вѣру, разрушить самый оплотъ, ковчегъ, вѣры православной—Церковь Господа и Бога, которую Онъ пріобрѣлъ себѣ Кровію Своею (Дѣян. 20, 28). Среди нихъ есть и ученые, и писатели, и художники. Возглавляемые такимъ злобнымъ и сатанински ожесточеннымъ врагомъ Христа Бога, пришедшаго во плоти, и Церкви Его святой, какъ извѣстный всему міру графъ Левъ Толстой, они напрягаютъ адскія усилія, чтобы низложить Христа, низвести его въ рядъ простыхъ людей, чтобы «въ ключья изорвать» основанную Имъ Церковь. Они со всею свирѣпостію дракона, древняго змія, называемаго діаволомъ

и сатаню (Апок. 12, 9), дѣйствуютъ противъ тѣхъ, которые *отъ стѣны св. Церкви, которые сохраняютъ заповѣди Божіи и имѣютъ свидѣтельство Іисуса Христа* (Апок. гл. 12). Но вѣрно слово Спасителя нашего: *создамъ Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ея* (Мѡ. 16, 18). Тѣмъ не менѣе вознесемъ горячія молитвы свои къ Спасителю нашему о *о еже помянути Церковь святую свою и укрѣпити, утвердити же, расширити и умирити, и невредимую адовыми вратами, и всеми наветы видимыхъ и невидимыхъ враговъ непребориму во вѣки соблюсти*. Не для Церкви это нужно, неодолимой и несокрушимой, по обѣтованію Спасителя, а для того, чтобы съ помощью Божіею устоять въ оградѣ ея, не быть оболыщенными хитростью и кознями злыхъ враговъ ея, показать предъ самымъ лицомъ ихъ свою беззавѣтную преданность и любовь къ своей матери Церкви. Ей, вседержавный Владыко, молимся, услыши и помилуй!—Вмѣстѣ съ молитвою о благосостояніи св. Церкви и укрѣпленіи вѣры православной, мы молимся Господу *о еже низложить вся ереси и отступства и насадити всюду православіе и благочестіе, и обратити всехъ отступившихъ отъ правыхъ вѣры къ познанію Своея истины и соединити ихъ святымъ своей православной Церкви*. Съ самаго основанія Церкви Христовой въ ней появлялись лжеучители, сѣявшіе пагубныя ереси и вводившіе раздѣленія и расколы (Гал. 1, 7; 3, 1; 4, 17). И сколько было разныхъ ересіарховъ и ересей, расколотчиковъ и раздѣленій: не достало бы намъ времени повѣствовать о нихъ. Но всѣ они навлекли на себя *скорую погибель* (2 Петр. 2, 1), а Церковь стоитъ непреложно! И въ наши времена возстали лжеучители, которые вводятъ и поддерживаютъ не только расколъ, но и штундизмъ, баптизмъ, молоканство, духоборство, толстовство, хлыстовство, скопчество и другія пагубныя, душетлѣнныя, скверныя ереси и лжеученія. Не удивляйтесь сему, вѣрные братья и сестры, ибо еще апостолъ Павелъ предсказалъ, что *будетъ время, когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ будутъ избирать себѣ учителей, ко-*

которые мстили бы слуху, и отъ истины оторатятъ слухъ и обратятся къ баснямъ (2 Тим. 4, 3—4). Судъ и современнымъ намъ лжеучителямъ *готовъ и погибель ихъ не дремлетъ* (2 Петр. 2, 3). Но, по чувству братской любви, помолимся и за этихъ отпадшихъ братій нашихъ, *не дастъ ли имъ Богъ покаянія къ познанію истины* (2 Тим. 2, 25); а если не такъ, то, по крайней мѣрѣ, да сокрушитъ ихъ смертоносное жало, направленное къ уязвленію неопытныхъ и колеблющихся чадъ Церкви, дабы ни единого не отторгнули лестію своею отъ союза вѣры, отъ полноты Церкви.— Изъ всѣхъ лжеученій особенный вредъ принесло Церкви *агарянское нечестіе*, т. е. мусульманство, подъ рабствомъ котораго и доселѣ стонетъ множество православныхъ христіанъ. въ поруганіи у котораго находится св. Софія и колыбель христіанства—святый Іерусалимъ. Въ великой жалости къ этимъ священнымъ мѣстамъ и къ братіямъ, поработеннымъ исламомъ, св. Церковь возноситъ особое моленіе *о еже искоренити и угасити все агарянское нечестіе и царство ихъ скоро разрушити и правопырымъ предати*. Ей, милостивый Господи, услыши и помилуй! Далѣе св. Церковь молится о избавленіи насъ въ грядущее лѣто отъ огня, меча и *нашествія иноплемениковъ*. Въ настоящее новолѣтіе, когда языческая Японія собираетъ всѣ враждебныя намъ силы, дабы ополчиться на насъ, особенно благовременно съ усердіемъ помолиться, да избавитъ насъ всемогущій Господь отъ ужасовъ войны и отъ пролитія крови. Но если бы эти ужасы оказались неизбежны, если бы кровь христіанская оказалась необходимою для политія языческой нивы, да взойдетъ на ней сѣмя ученія Христова, то да вѣнчаетъ Господь благочестивѣйшаго Государя нашего *оружіемъ благоволенія, да оспняетъ надъ главою Его въ день брани, да возвыситъ Его десницу, да покоритъ Ему вся варварскіе языки, брани хотящіе*, и да даруетъ Ему вмѣстѣ съ побѣдою *глубокій и неотъемлемый миръ*.

Еще молится св. Церковь да избавитъ насъ милосердный Господь *отъ всякія вражды, нестроенія и междуусобной брани*.

и да дастъ намъ внутренній *миръ и безмятежіе*. Въ настоящее время, когда столь многіе возстали на Господа и на церковь Его святую, столь же многіе возстають и на Помазанника Его (Пс. 2, 2) и вообще на всѣ богоустановленныя власти. И какъ ожидать отъ тѣхъ, которые стараются свергнуть съ себя власть Царя небеснаго, чтобы они остались покорными намѣстнику Его—царю земному? Вотъ почему, чѣмъ болѣе умножается число предсказанныхъ апостолами наглыхъ ругателей, поступающихъ по своимъ похотямъ, ропотниковъ, ничѣмъ недовольныхъ, которые отвергають начальства и злословятъ высокія власти (2 Петр. 3,8; Іуд. 8), которые съ адскою настойчивостью стремятся къ ниспроверженію существующихъ властей и порядка и даже самого трона.

Здѣсь опять, какъ и противъ религіи, соединились многіе ученые и мнимо-ученые и даже учащіеся люди, безбожные писатели, подпольная и продажная печать, отступники отъ христіанства и природные исконные враги его, аспиды и василиски. Они всѣми средствами, самыми безчестными и самыми преступными, стараются мятежный духъ крамолы влить въ темныя массы рабочихъ и простого народа. Много они внесли ядовитой заразы въ наше отечество, не мало взволновали мятежныхъ страстей. *Но живущій на небесахъ посмѣется, Господь поругается имъ* (Пс. 24). Мы же, смиренные рабы Господни и вѣрные слуги Царевы, если не ежедневно, то въ наступающій день новолѣтія съ особеннымъ усердіемъ помолимся, да сохранить Господь *подъ кровомъ Своея благодати отъ всякаго злаго обстоянія благочестивѣйшаго Государя нашего Императора Николая Александровича, да оградитъ его на всѣхъ путяхъ Его святыми Своими ангелы, да ничто же успѣетъ врагъ на Него и сынъ беззаконія не приложитъ озлобити Его*. Да исполнить Его Господь *долгою дней и крѣпостію силъ*, дабы помазанникъ нашъ, не смущаясь злобою мятежныхъ сыновъ погибели, *вся совершалъ во славу Божию и во благо народа Своего*. Помолимся, да дастъ Ему Господь наступить на аспидовъ и

василиска, попереть льва и дракона (Пс. 91, 13) и поразить жезломъ желѣзнымъ всѣхъ возмутителей общественнаго порядка и сокрушить ихъ, какъ сосуды горшечника (Пс. 2, 9). Да сохранить благочестивѣйшую Супругу Его Государыню Императрицу Александру Ѳеодоровну, Матерь Его Благочестивѣйшую Государыню Императрицу Марію Ѳеодоровну, Наслѣдника Его Благовѣрнаго Великаго Князя Михаила Александровича, Его Державное Семейство и весь Царствующій Домъ; да умножить дни живота *Ихъ въ непоколебимомъ здравіи и во всѣхъ добродѣтеляхъ преуспѣяніе Имъ* да даруетъ, да въ тишинѣ Ихъ и мы тихое и безмятежное житіе проживемъ.

Наконецъ, св. Церковь испрашиваетъ всѣмъ и каждому изъ насъ и личныхъ благъ—здравія, долгоденствія, избавленія отъ всякія скорби, бѣды, гнѣва и нужды, и наипаче спасенія и во всемъ благопоспѣшенія.

Такъ св. любвеобильная мать наша Церковь, вдохновляемая Духомъ Святымъ, объемлетъ всѣ наши нужды и о всѣхъ нихъ ходатайствуетъ предъ престоломъ Божіимъ воздыханіями неизреченными. Присоединимся же, братья и сестры, къ этимъ воздыханіямъ нашей св. матери и освятимъ полночный часъ сей хвалою Богу и, вмѣсто растлѣннаго обычая встрѣчать его объяденіемъ, пьянствомъ и пляскою, встрѣтимъ его св. молитвами къ Богу Спасителю нашему, да благословитъ Онъ *внѣць лѣта благости Своея*. Услыши насъ, Боже, Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концовъ земли и сущихъ въ мори далече и милостивъ, милостивъ буди, Владыко, о грѣсѣхъ нашихъ и помилуй насъ!

IX. Слово въ недѣлю православія.

(О пожертвованіяхъ на дѣло миссіи).

Священникъ Дмитрій Троицкій.

«Нѣсть Еллинъ, ни Іудей, ни рабъ, ни свободъ,
нѣсть мужескій полъ, ни женскій,—всѣ бо едино о
Христѣ Іисусѣ. Гал. 3, 28.

Когда Ілія пророкъ, кончая поприще своей земной жизни, возносился на небо, то ученикъ его Елисей въ горести могъ только восклицать: «Отче, Отче! Колесница Израилева и конница его!» Этимъ восклицаніемъ пророкъ выражалъ ту мысль, что Ілья былъ лучшей охраной Израильскаго народа,—замѣнялъ для него цѣлое войско, былъ его колесницей и конницей.

Почему же такъ высоко цѣнили Елисей Ілію? Потому, что Ілія поддерживалъ чувства благочестія въ Израильскомъ народѣ, охранялъ его единство вѣры, единство мысли и духа, единство цѣлей и стремленій въ жизни; былъ строгимъ блюстителемъ тѣхъ нравственныхъ устоевъ жизни, которые составляютъ главную силу каждаго народа. Послѣ Іліи иностранныя вліянія рѣкой хлынули во внутреннюю жизнь народа, — расшатали всѣ ея основы, и Царство Израильское пало и больше никогда уже не возстановлялось.

Какой урокъ здѣсь всѣмъ народамъ земли и, въ частности, намъ—русскимъ. Вотъ отечество наше раскинулось на необъятное пространство по земному шару; всѣ сосѣдніе народы съ недоумѣніемъ слѣдятъ за его необычайнымъ ростомъ и въ то время, какъ одни взираютъ на этотъ ростъ съ упованіемъ и отрадой,—въ другихъ онъ возбуждаетъ страхъ и злобу; послѣдніе заранѣе заключаютъ между собою союзы, чтобы общими усиліями остановить наше раз-

витіе и сломить нашу силу. Но попытки эти приводят обыкновенно только къ тому, что послѣ нихъ, Россія каждый разъ дѣлается обладательницей новыхъ странъ и новыхъ народовъ. И все это совершается, какъ бы, помимо ея воли и желанія; мы какъ будто влечемся какой-то невидимой силой къ особымъ, невѣдомымъ еще намъ цѣлямъ жизни и не знаемъ, какой будетъ конецъ всего этого. А между тѣмъ, если внимательно присмотрѣться ко всѣмъ событіямъ нашей исторіи, то тайна развитія могущества нашего государства объяснится довольно просто. По всему длинному пути жизни русскаго народа проходитъ одно и то же неизмѣнное явленіе вездѣ, куда бы ни ступила нога русскаго человѣка,—онъ строитъ свой православный храмъ, въ коемъ славословитъ Пресвятую Троицу, съ вѣрою и надеждою проситъ въ немъ Господа о всѣхъ своихъ нуждахъ, изливаетъ скорби и со смиреніемъ исповѣдуетъ предъ Господомъ свои грѣхи. *Русскій человекъ* всегда и вездѣ *помнитъ Бога*, ходитъ предъ Господомъ и творитъ дѣло Божіе. Въ разбойничьи страны, гдѣ царили только произволь и насиліе,—онъ вводитъ Божію правду, водворяетъ законность, порядокъ и миръ,—и тамъ, гдѣ до тѣхъ поръ рыскали только шакалы да тигры, начинаютъ спокойно пастись стада домашнихъ животныхъ; гдѣ топтала бесплодный песокъ только нога степныхъ кочевниковъ, тамъ пошелъ плугъ землевладѣльца,—и «безводная прежде пустыня превращается, по слову Пророка, въ источники водъ,—расцвѣтаетъ какъ нарциссъ, радуется и торжествуетъ» (Ис. 35). Гдѣ водворяется русское владычество, тамъ буквально исполняется слово Пророка о мирномъ и кроткомъ царствѣ Христа: «и раскуются, говорилъ онъ, мечи на рала и копія на серпы». Тѣ народы, которые были побѣждены мечемъ,—въ концѣ концовъ побѣждаются Крестомъ и Евангеліемъ,—становятся съ нами единъ духъ, сливаются во едино тѣло о Христѣ,—и тутъ уже пропадаетъ всякое различіе между сллиномъ и іудеемъ,—между русскимъ и башкирцемъ, японцемъ и бурятомъ. Вглядитесь въ русскую исторію, и вы

увидите, что гдѣ были чудь, мордва, чуваша, — гдѣ наводили ужасъ на мирное населеніе разные дикіе половцы и печенѣги, — тамъ вездѣ нынѣ, за немногими лишь исключеніями, живутъ одни только русскіе православные люди. Откуда же ихъ взялось такое множество, когда 1000 лѣтъ тому назадъ всю Русь составляла сравнительно небольшая горсточка людей, жившихъ по берегамъ большихъ юго-западныхъ рѣкъ и озеръ, да въ центрѣ Россіи? Ихъ родила общая наша мать св. православная Церковь! Всякій инородецъ, принявшій крещеніе, становится въ то же время и по душѣ русскимъ человѣкомъ. Многіе изъ современныхъ русскихъ именитыхъ княжескихъ родовъ имѣютъ предками своими выходцевъ изъ татарской орды.

Замѣчаете-ли теперь, какое громадное значеніе во внѣшнемъ и внутреннемъ развитіи нашего отечества имѣетъ св. православная Церковь. Эта истинная мать нашей земли, ея стѣна, столпъ и утвержденіе! Говорить-ли теперь о томъ, какъ мы должны дорожить этой своей народной святыней, этимъ небеснымъ покровомъ и огражденіемъ?! Если мы силой оружія покорили Хиву, Коканъ, Ташкентъ и прочія страны Средней Азіи съ дикимъ разбойничьимъ населеніемъ, не дававшимъ покоя нашимъ границамъ, то, чтобы обуздать мѣстное населеніе и сдѣлать его мирнымъ, — мы должны строить тамъ уже не крѣпости и цитадели, не войска содержать и артиллерію, — а прежде всего воздвигать храмы Божіи и высылать туда цѣлыя арміи православныхъ вѣропроповѣдниковъ, и дикія орды азіатовъ сдѣлаются нашей плотію и кровію, составятъ едино тѣло во Христѣ, будутъ нашимъ оплотомъ и огражденіемъ.

Эти задачи и преслѣдуютъ разныя миссіонерскія общества. Они проповѣдуютъ всюду то Имя, кромѣ Котораго нѣтъ иного Имене подъ небесемъ, о Немъ же подобаетъ спасаться, Имя Іисуса Христа-Спасителя Нашего. Сами борясь съ разнаго рода иновѣріемъ и язычествомъ, они приглашаютъ и насъ всѣхъ принять участіе въ этой борьбѣ, особенно — съ современными врагами Церкви и Христа — исла-

момъ, буддизмомъ и язычествомъ. Въ этой борьбѣ заключается весь смыслъ нашей исторіи, въ этомъ—задача всей нашей государственной жизни; ради этой цѣли—просвѣщенія сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертной,—Промыслъ Божій хранить и крѣпитъ наше царство. Русскій народъ служитъ именно въ рукахъ Провидѣнія орудіемъ распространенія Царства Христова на землѣ. И до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ неуклонно идти по этому пути,—будетъ исполнять это свое міровое назначеніе, стоять самъ твердо въ вѣрѣ православной и другихъ ревностно приводить ко Христу,—до тѣхъ поръ ему нечего бояться. Всѣ его враги, яко дымъ, исчезнутъ и растаютъ, яко воскъ отъ лица огня,—ибо съ нами и въ насъ будетъ Богъ!..

Братіе! среди насъ, православныхъ людей, есть добрый обычай—не отказывать никому, особенно бѣднымъ людямъ, когда приглашаютъ кого-нибудь въ кумовья и кумушки. А эта обязанность, какъ извѣстно, сопряжена всегда бываетъ съ извѣстнаго рода расходомъ. Самому бѣдному куму и кумѣ онъ обходится въ нѣсколько десятковъ копѣекъ,—богачу стоитъ рублей. Представьте же теперь, что васъ всѣхъ пригласили въ кумовья и кумушки къ тѣмъ новокрещеннымъ язычникамъ и магометанамъ, которыхъ ежегодно сотнями и тысячами приводятъ ко Христу наши православные вѣропроповѣдники. Вѣдь вы не отказались бы купить имъ по крестикъ, сшить по рубашкѣ, заплатить за свѣчи при св. купели. Вы не отказались бы дать имъ свою лепту и на построеніе храма Божія, какъ даете ее каждому сборщику на строеніе церковное. Сдѣлайте же это теперь,—положите каждый по своему усердію на блюдо, которое обойдетъ теперь васъ всѣхъ въ пользу распространенія и утвержденія православія между язычниками имперіи,—положите, кто что можетъ, по любви и усердію къ Іисусу Христу и меньшей своей братіи! Помните, что такъ нѣкогда трудились и жертвовали и для насъ другіе православные люди; и мы съ вами, или по крайней мѣрѣ отцы и дѣды наши,—были также язычниками, невѣдущими истиннаго Бога,—но Про-

мыслью Божию и любовью добрыхъ христіанъ мы приведены во свѣтъ Христовой истины и изъ сыновъ тмы и гнѣва сдѣлались чадами свѣта и наслѣдниками Царствія Божія. Нашъ долгъ платить теперь и другимъ тѣмъ же. Но это и не долгъ только, а прямая наша польза. Каждый новый крещенный человѣкъ—это лишній нашъ другъ,—это все увеличеніе нашей силы и безопасности. А поэтому, если хотимъ наслаждаться благами земли,—если желаемъ видѣть добро и расположеніе къ себѣ отъ разныхъ новопокоренныхъ иновѣрныхъ народовъ, то сами должны принести имъ напередъ благо духовное,—дать имъ залогъ чистой, святой и мирной жизни—вѣру Христову. «Вся, елика хотите, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде», сказалъ Господь Іисусъ Христосъ. Аминь.

Х. С л о в о .

(О пособіи миссіонерскому обществу).

Священникъ Дмитрій Троицкій.

„Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится Имя Твое“. (Мѣ. 6, 10).

Вотъ о чемъ прежде всего Іисусъ Христосъ заповѣдалъ намъ молиться Отцу Небесному! «Да святится Имя Твое», т. е. да будетъ вѣдомо, извѣстно Имя Твое, Отецъ Небесный, всѣмъ людямъ, да будетъ оно у всѣхъ народовъ предметомъ почитанія, благоговѣнія и прославленія. Пусть и христіане Тебя всегда помнятъ и твердо вѣруютъ въ Тебя; пусть и язычники познають, что Ты—Богъ единый, вездѣсущій, всемогущій, всеправедный, всеблагій, премудрый. Да будетъ Имя Твое у всѣхъ свято и прославлено.

Почему же этого такъ надобно желать и просить? Потому,—что отъ этого зависитъ наша вѣчная жизнь. «Се же есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единого, истиннаго Бога, и Его же послалъ еси Іисусъ Христа». (Іоан. 17, 3).

Въ познаніи Бога заключается миръ, тишина и спокойствіе всего міра, благоденствіе всѣхъ народовъ, счастье и радость всякаго человѣка.

Тамъ, гдѣ нѣтъ Бога, т. е. гдѣ люди не знаютъ, забываютъ, не помнятъ Его,—тамъ мракъ, ложь, тамъ гордость, злоба, зависть, коварство, всякаго рода нестроенія, междоусобія и непримиримая ненависть,—а конецъ всего—гибель—духовная и тѣлесная. Такъ именно погибъ допотопный міръ. Такъ погибли Содомъ и Гоморра. Такъ исчезло съ лица земли много сильныхъ и славныхъ народовъ древности.

Откуда же можно познать Бога?

Міръ Божій—вотъ та великая книга, изъ которой прежде всего можно почерпать познаніе о Богѣ. «Небеса повѣдаютъ славу Божію, и о дѣлахъ рукъ Его возвѣщаетъ твердь, День дню передаетъ рѣчь, и ночь ночи открываетъ знаніе. Нѣтъ языка, и нѣтъ нарѣчія, которымъ былъ бы непонятенъ голосъ ихъ. По всей землѣ проходитъ звукъ ихъ, и до предѣловъ вселенной слова ихъ». (Пс. 18, 2—5). Разсматривая твореніе Божіе, вездѣ можно увидѣть премудрость, всемогущество и благость Божію (Римл.). Правда же Его, милость и истина открываются опять въ Его промышленіи о мірѣ, въ судахъ надъ народами, въ управленіи жизнію царствъ и cadaго изъ насъ. Но этотъ способъ Богопознанія, какъ показали опыты вѣковъ, для многихъ оказался недостаточнымъ.

Люди, осуетившись помыслами, «славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ, подобный тлѣнному человѣку, и птицамъ, и четвероногимъ, и пресмыкающимся. Они замѣнили истину ложью, и поклонялись, и служили твари вмѣсто Творца (Римл. 1, 23—25). Не могъ сообщить людямъ истиннаго боговѣдѣнія и положительный законъ, данный Богомъ на Синаѣ, потому—что грѣховный человѣкъ не могъ вмѣстити полноты откровенія воли Божіей, да и самъ законъ хранился въ тѣсной семьѣ еврейскаго народа, который въ добавокъ, окруженный отовсюду язычниками, и самъ часто

**Всеподданнѣйшій адресъ, представленный Государю Императору
Святѣйшимъ Синодомъ, и всеподданнѣйшее письмо Высокопре-
освященнаго Митрополита Антонія по случаю войны съ Японіею.**

1) Снова ополчились враги на землю Русскую и на Россійское Царство, и настаетъ, по волѣ Божіей, година испытанія для народа Твоего и державы Твоей, Всемилостивѣйшій Государь. Памятуя мимошедшія времена и крѣпкія брани, въ коихъ спасала насъ милость Господня изъ утѣсеній вражьихъ, Россійская церковь вѣруетъ, великимъ упованіемъ, что и нынѣ не оставитъ насъ Господь и укрѣпитъ мышцу державы Твоей, и даруетъ намъ побѣду и избавленіе. И да укрѣпляется духъ Твой, Всемилостивѣйшій Государь, вѣрою въ Господа мира и браней и вѣрностію всѣхъ сыновъ Россіи, съ благоговѣніемъ преклоняющихся предъ неисповѣдимыми судьбами Божиими о Россіи и готовыхъ положить души свои за Вѣру, Царя и Отечество. Мы же непрестанно всю церковію молимся Царю Царствующихъ, да явитъ Онъ милость Свою Русской землѣ, да даруетъ побѣду надъ врагомъ, да ускоритъ конецъ брани и да благословитъ нашу землю вождѣльнымъ миромъ, столь дорогимъ Тебѣ, Государю нашему, стяжавшему крѣпкую любовь за попеченіе о мирѣ всего міра.

Твои, Всемилостивѣйшій Государь, всеподданнѣйшіе усердные бого-
мольцы:

Антоній, митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій.

Владиміръ, митрополитъ Московскій и Коломенскій.

Флавіанъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

Николай, архіепископъ Финляндскій и Выборгскій.

Димитрій, архіепископъ Казанскій и Свіяжскій.

Питиримъ, епископъ Тульскій и Бѣлевскій.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ о семъ Синодальнаго Оберъ-Прокурора Государь Императоръ, въ 29-й день минувшаго января, Высочайше соизволилъ Собственноручно начертать: „Благодарю Святѣйшій Синодъ за молитвы его“.

2) На всеподданнѣйшемъ письмѣ высокопреосвященнаго Антонія, митрополита с.-петербургскаго, отъ 28 сего января, съ выраженіемъ молитвенныхъ благожеланій по случаю открытія военныхъ дѣйствій на Даль-

Вѣстѣ Востокѣ, Его Императорское Величество Государь Императоръ благоволилъ начертать слѣдующее:

„Искренно благодарю васъ, владыко, и разрѣшаю напечатать копію письма вашего. Особенно тронуть иконою“.

Письмо его высокопреосвященства Государю Императору было слѣдующаго содержания:

„Всемилоствѣйшій Государь. Въ свѣтлые дни Рождества Христова я привѣтствовалъ Ваше Величество съ праздникомъ мира, и Божьяго къ людямъ благоволенія, выражая увѣренность въ сохраненіи мира.

„Христіанскому сердцу свойственно желаніе мира, нечестивый же язычникъ не знаетъ такого чувства. И вотъ вѣроломный японецъ дерзнулъ поднять знамя брани противъ русскаго народа. Дрогнула негодованіемъ Русь Святая. Какъ волны моря, пронеслась по ней вѣсть боевая. Умѣетъ Русь миръ хранить, но умѣетъ и врага отразить. Грудью крѣпко станеть она вся, какъ одинъ человѣкъ, за Царя своего, за Церковь свою святую и за Отчизну дорогую. Видѣла она времена самозванщины и лихолѣтя, пережила напоръ шведовъ и натискъ наполеоновскихъ войскъ. Но Господь былъ ея споборникомъ и крѣпкимъ защитникомъ. Враги разсыпались, какъ дымъ. А Русь святая изъ браней вышла въ блескъ величія, возросла, расширилась по лицу земли и стала крѣпкая, сильная, могучая, непобѣдимая. Съ нами Богъ, разумѣйте, языцы, и покоряйтесь, яко съ нами Богъ.

„Дерзай, Государь. Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ. Молитва наша за Тебя усердная, преданность наша Тебѣ крѣпкая. Будемъ молиться неустанно, но сумѣемъ—какъ нужно будетъ—и умереть за вѣру, за Тебя и Отечество. Располагай нами и имуществомъ нашимъ. Нужно будетъ—церкви и монастыри вынесутъ драгоценныя украшенія святынь своихъ на алтарь Отечества. Поборника имѣемъ Христа Господа и молитвенно воспѣваемъ: дерзайте убо, дерзайте, людие Божіи: ибо Той побѣдитъ враги, яко всесилецъ. Аминь.

„Тебѣ, Государь, какъ державному Вождю всероссійскаго христіанскаго побѣдоноснаго воинства, отъ Александро-Невскія лавры препровождаю въ благословеніе икону святаго витязя Русской Земли, благовѣрнаго князя Александра Невскаго, да спобораетъ онъ Тебѣ въ брани съ нечестивымъ врагомъ и всему россійскому воинству. Икона освящена на ракъ мощей святаго. Благослови Тебя Господь. Храни Тебя Господь. Дорогого намъ Царя нашего“.

Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйшій слуга и богомолецъ *Антоній*, митрополитъ с.-петербургскій.

Въ чемъ заключалось искупленіе человѣческаго рода, совершенное Господомъ Іисусомъ Христомъ ¹⁾).

Первый человѣкъ былъ сотворенъ Господомъ Богомъ съ тѣмъ, чтобы онъ познавалъ своего Творца, любилъ и прославлялъ Его, и чрезъ то *вѣчно блаженствовалъ* ²⁾.

Беззаботною и радостною могла протекать жизнь первыхъ человѣковъ въ Едемскомъ саду въ пространствѣ времени, до безконечности. Но человѣкъ согрѣшилъ и сдѣлался уже неспособнымъ пользоваться тихими радостями блаженства райскаго; а радость, которую онъ всякій разъ ощущалъ при приближеніи Бога, замѣнилась трепетомъ и чувствомъ вины; и потому—дальѣйшее пребываніе его въ раю сдѣлалось для него самого невозможнымъ... И въ наказаніе согрѣшившій человѣкъ изгнанъ былъ изъ рая. Но, опредѣляя наказанія виновнымъ, Господь Богъ въ тоже время даетъ великое обѣтованіе ниспослать на землю отъ сѣмени жены Искупителя, Который поразитъ главу змѣя...

¹⁾ Мысли свѣтскаго человѣка, высказанныя по поводу доклада на означенную тему на одной изъ религіозныхъ бесѣдъ въ С.-Петербургѣ. Объ этихъ бесѣдахъ наши читатели будутъ освѣдомлены въ слѣдующихъ книжкахъ журнала.

²⁾ Нѣкоторые, не твердые въ вѣрѣ, замѣчаютъ, что такая цѣль непонятна, ибо трудно себя представить, что для того только, чтобы любить и прославлять Бога, Котораго мы никогда не видѣли (см. 1 Посл. апост. Петра I, 7 и 8), мы появились на свѣтъ,—тѣмъ не менѣе для утвержденія и объясненія себя положенія, устанавливаемаго катихизисомъ, можетъ быть найдено—думается—не мало указаній и изъ примѣровъ человѣческой жизни, которые въ смыслѣ параллели могутъ сослужить добрую службу въ этомъ вопросѣ: развѣ не приходится видѣть по временамъ, что богатый и полный земного счастья человѣкъ, не имѣя собственныхъ дѣтей, усыновляетъ постороннихъ для того, чтобы сдѣлать ихъ причастными его достатку и счастью?.. Усыновляется бѣдное, нищее дитя и сколько зачастую любви и вниманія проливается на него усыновителемъ, которымъ при этомъ не корысть, не эгоизмъ руководить, а только любовь и потребность сердца любить и дѣлиться своими радостями съ тѣми, кого любить, кто сталъ близокъ его сердцу черезъ усыновленіе. Тоже чувство было положено Всеблагимъ и Вселюбящимъ Творцомъ въ основаніе воли Его о сотвореніи человѣка, который по сотвореніи являлся, конечно, не чуждымъ Творцу (не усыновленіе здѣсь могло имѣть мѣсто), а законнымъ его чадомъ.

Послѣ перваго грѣхопаденія наступаетъ длинный періодъ дальнѣйшаго нравственнаго паденія человѣчества, но въ тоже время возвѣщаются пророчества не только о пришествіи Мессіи, но и многія точныя предсказанія о разныхъ обстоятельствахъ Его рожденія, земной жизни и страданій (Исаія VII, 14; ЛIII; Малахія III, I, IV, 5; Захарія IX, 9; Даніилъ IX; царь Давидъ—XXI и мног. друг.), крѣпнеть и неуклонно назрѣваетъ всеобщее ожиданіе Икупителя, Который имѣетъ уничтожить власть діавола на землѣ (см. ев. Луки IV, 6; ев. Іоанна XIV, 30), научить людей правдѣ Божіей, спасти ихъ отъ вѣчной смерти и возвратить имъ утраченное блаженство силою Своего искупительнаго подвига.

Когда „пришла кончина вѣка“ (—періода подготовленія людей къ принятію Икупителя), для осуществленія искупленія воплощается Сынъ Божій, „съ человѣки поживе“ и свершаетъ свое Божественное дѣло. Въ жизни Спасителя главнѣйшими событіями въ дѣлѣ искупленія являются: 1) нравственное ученіе Христа, т. е. проповѣдь Евангелія Царствія Божія (ев. Марка I, 14 и 15), 2) проповѣдь объ Его посланничествѣ отъ Отца и Богосыновенствѣ, 3) страданіе и смерть на крестѣ и 4) воскресеніе. Всѣ эти элементы служенія Христа имѣютъ непосредственное значеніе въ дѣлѣ нашего спасенія: отбросьте изъ нихъ что-либо одно и искупленіе не совершилось бы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ было бы искупить грѣшныхъ, повинныхъ рабствомъ грѣху людей, прежде преподанія имъ ученія объ истинѣ (освятить ихъ истиною Твоею, слово Твое есть истина; ев. Іоанна XVIII, 17), вѣчной, неизмѣнной, выражающей собою волю Божію, отъ Него происходящей, и одинаково обязательной для ангеловъ и человѣковъ, или—какъ было бы совершиться искупленію прежде, чѣмъ люди узнали, что „Христосъ Икупитель“ есть путь и истина и жизнь, и „что никто не приходитъ ко Отцу, какъ только черезъ Него“ (ев. Іоанна XIV, 6), прежде чѣмъ люди научились бы вѣровать въ Него и вѣдать, что вѣрующій въ Него имѣетъ жизнь вѣчную (ев. Іоанна VI, 47), и что Онъ есть ходатай предъ Отцемъ за грѣхи людей (Посл. Евреямъ IX, 15; XII, 24), и если сказано: „кто призоветъ имя Господне, спасется“ (пророч. Іонія II, 32), „то какъ было бы призывать Того, въ Кого не увѣровали, какъ вѣровать въ Того, о комъ не слыхали, какъ слышать безъ проповѣдующаго“ (Римл. X, 14)?.. Итакъ, если въ этихъ четырехъ событіяхъ земной жизни Іисуса Христа заключается наше искупленіе, то очевидно надлежитъ прежде всего изслѣдовать, какое именно значеніе имѣетъ каждое изъ нихъ въ дѣлѣ искупленія, и, можетъ быть, послѣ того выяснится для насъ нашъ основной вопросъ.

Проповѣдь и ученіе Иисуса Христа.

Большая часть человѣчества, передъ пришествіемъ на землю Сына Божія, въ высокой степени запуталась и погрязла въ разныхъ бѣсовскихъ сѣтяхъ. Кто не изучалъ Священную Исторію Ветхаго Завѣта и кто не знаетъ, какъ быстро послѣ грѣхопаденія первыхъ человѣковъ двигалось и преуспѣвало нравственное паденіе: уже во второмъ поколѣніи людей совершился грѣхъ братоубійства (Каинъ и Авель), а чрезъ нѣсколько вѣковъ послѣ того (приблизительно черезъ восемь поколѣній) родъ человѣческій оказался до того развращеннымъ, что правосудный Богъ истребилъ все человѣчество, за исключеніемъ восьми душъ, составляющихъ семью Ноя, потопомъ. Не лучшимъ сдѣлалось человѣчество и послѣ потопа: весь періодъ исторіи, до самаго воплощенія Христа Спасителя на землѣ и, конечно, даже послѣ того, до дней, когда торжество проповѣди евангелія Царствія Божія выразилось въ широкомъ распространеніи христіанской религіи, наполненъ ужасными сказаніями: о кровавомъ почитаніи идоловъ, кровопролитныхъ и истребительныхъ войнахъ, о гнусномъ развратѣ, о проявленіяхъ страшныхъ по своимъ размѣрамъ ненависти и мщенія, картинахъ звѣрской жестокости и проч. Ко времени исполненія пророчествъ о пришествіи Мессіи люди, за исключеніемъ одного только еврейскаго народа и ничтожныхъ по количеству отдѣльныхъ единицъ изъ прочихъ народовъ, потеряли всякое представленіе о Богѣ единомъ, Творцѣ неба и земли, всякое понятіе о божественной правдѣ, всякій путь, выражаясь образно, къ тому святилищу, гдѣ хранилась истина. Мало кто изъ язычниковъ въ тѣ времена могъ бы похвалиться не только вѣдѣніемъ о болѣе или менѣе высокихъ нравственныхъ добродѣтеляхъ (какъ, напр., что надлежитъ быть милосердными, смиренными; любить ближняго и проч.), но и о простѣйшихъ немногіе слышали... Человѣчество гадко и разнообразно предавалось грѣху и, за очень незначительными единичными исключеніями, стремилось жить только для земныхъ утѣхъ и наслажденій плоти; тѣ же, кому таковыя были недоступны, переживали въ себѣ крайнія степени озлобленія, таковы, напр., были рабы, которыхъ насчитывались милліоны. Массы рабовъ крупныхъ землевладѣльцевъ издавна были бичемъ Римской республики и неоднократно противъ нихъ приходилось посылать войска¹⁾. Но и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, по свидѣтельству

¹⁾ „Римъ“ Вильг. Вагнера, т. II, стр. 73.

римскихъ историковъ, жилось людямъ не лучше и краше; характеризую эту эпоху, современный намъ писатель Фарраръ говоритъ: „надъ языческимъ міромъ тяготѣло какое то непостижимое и страшное бремя; глубокое утомленіе и пресыщенная похоть дѣлали человѣческую жизнь адомъ“.

Если истина была потеряна, то, съ другой стороны, въ это то время, передъ пришествіемъ на землю Сына Божія, ее наиболѣе жаждали лучшіе умы того времени; толпа же искала новаго божества, извѣрившись въ своихъ бездушныхъ истуканахъ. Тотъ же Фарраръ ¹⁾ говоритъ: „древній міръ, очевидно, извѣрился въ своихъ, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій почитавшихся боговъ, и разочаровывался въ нихъ все болѣе и болѣе. Время увѣренности разума миновало; наступило время исканія и сомнѣнія. Люди искали и требовали новыхъ боговъ,—боговъ, которые бы могли дѣлать то, чего напрасно ожидали отъ старыхъ. Чѣмъ изъ болѣе отдаленной страны привозился извѣстный богъ, чѣмъ старше, чѣмъ таинственнѣе и чудовищнѣе былъ его культъ, тѣмъ лучше, тѣмъ больше было надежды, что авось онъ окажется истиннымъ. При этомъ нужно замѣтить, что болѣе всего приверженцевъ находили восточные боги... Но это теченіе (съ востока) вмѣстѣ съ тѣмъ было и подготовленіемъ къ христіанству. Міру, желавшему болѣе могущественныхъ и надежныхъ боговъ, скоро предстояло услышать проповѣдь объ истинномъ Богѣ. Съ востока ожидали новаго Бога, съ востока и должна была придти міру благая вѣсть о единомъ Богѣ, Отцѣ Господа нашего Иисуса Христа, Который до сихъ поръ попускалъ народы ходить путями своими, хотя и не переставалъ свидѣтельствовать о Себѣ благодѣянiami, подавая съ неба дожди и времена плодоносныя (Дѣянiя св. Ап. XIV, 16 и 17).

Но воссоединеніе людей съ Богомъ своимъ неминуемо должно было произойти, ибо они были Его люди, Его творенiя; все было предвидѣно Имъ отъ начала міра („вѣдомы Богу отъ вѣчности всѣ дѣла Его“; Дѣян. XV, 18, см. 1 посл. ап. Петра I, 18—20) и предопредѣлено совершиться этому *воссоединенію* черезъ Сына Его (1 посл. Іоан. IV, 9), восхотѣвшаго придти въ этотъ міръ во плоти для совершенiя спасенiя людей („жертвы и приношенiя Ты не восхотѣлъ; Ты открылъ мнѣ уши (уготовалъ мнѣ тѣло); всесоженiя и жертвы за грѣхи Ты не потребовалъ. Тогда я сказалъ: вотъ иду, въ свиткѣ книжномъ написано о Мнѣ; я желаю исполнить волю Твою, Боже мой, и законъ Твой у меня въ

¹⁾ „Первые дни христіанства“, стр. 22.

сердцѣ“; Псал. XXXIX, 7—9; Посл. Евр. X, 5—9). Что же предстояло Мессіи совершить на землѣ для спасенія людей изъ той нравственной пропасти, въ которую они упали въ предшествовавшіе вѣка? при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ Онъ ихъ засталъ, въ чемъ должно было заключаться существо Его спасительнаго подвига съ практической, житейской—такъ сказать—стороны?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ самъ собою изъ изложеннаго выше: надо было 1) проповѣдать среди людей имя Божіе и что Проповѣдникъ посланъ на землю отъ живаго Бога и есть Сынъ Божій; 2) научить людей—въ чемъ заключается воля Божія относительно всего того, что именно должно выполнять и чего не дѣлать, чтобы Ему благоугодить, т. е., преподавать нравственный законъ (сюда относятся поученія, о которыхъ повѣствуется въ г. V—VII ев. Матѣ. въ гл. X, 25—37, гл. VII, 36—50 ев. Луки, въ гл. VIII, 34—38 ев. Марка и мног. друг.), 3) научить людей быть покорными волѣ Отца Небеснаго, какъ высшей добродѣтели передъ Нимъ (вспомните молитву Господню), въ противоположность Адаму, обнаружившему въ раю непокорство волѣ Божіей (нарушеніе заповѣди), 4) подтвердить истину Своего ученія примѣромъ собственной безгрѣшной жизни („грѣшнику же говоритъ Богъ: что ты проповѣдуешь уставы Мои и берешь завѣтъ Мой въ уста твои, а самъ ненавидишь наставленіе Мое и слова Мои бросаешь за себя... Изобличу тебя и представлю передъ глаза твои грѣхи твои“ и искренность, и исполненность его запечатлѣть Своею мученическою смертію. Онъ самъ сказалъ: „пришелъ часъ прославиться Сыну Человѣческому. Истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно, а если умретъ, то принесетъ много плода... Душа Моя теперь возмутилась, и что Мнѣ сказать? Отче, избавь Меня отъ часа сего! но на сей часъ Я и пришелъ. Отче, прославь имя Твое!“ Тогда пришелъ съ неба гласъ: „и прославилъ и еще прославлю“ (Ев. Іоанна, гл. XII, 23—28).

И вотъ, слѣдуя волѣ Отца Своего Небеснаго, воплотился на землѣ Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ. И какое теченіе этой земной жизни Онъ совершилъ!.. Родился въ вертепѣ, спеленатый положенъ былъ въ ясляхъ, до начала проповѣди Своей работалъ, вѣроятно, съ нареченнымъ отцемъ Своимъ Іосифомъ, плотничая (ев. Марка VI, 3; Матѣ. XIII, 54 и 55), въ періодъ проповѣдничества—не имѣлъ, „гдѣ главы приклонить“ (ев. Луки IX, 58), и наконецъ... оклеветанный, среди всяческихъ униженій, оскорбленій и мученій, былъ распятъ и умеръ на крестѣ,

осужденный невинно. Кажется, вообще понятно для нашего человѣческаго ума, что если бы великое ученіе и проповѣдь Іисуса Христа не подтвердились бы примѣрами собственной Его безгрѣшной жизни и если бы всепрощающая любовь Его къ чловѣкамъ не была бы засвидѣтельствована и проявлена съ высоты креста, то многое, многое въ Его ученіи осталось бы безжизненнымъ и не привилось бы къ людямъ; а если бы и привилось, то люди были бы, можетъ быть, въ правѣ исповѣдывать великія заповѣди о покорности волѣ Божіей, любви и всепрощеніи (а эти заповѣди основа христіанскаго закона) только до тѣхъ поръ, пока не постигли бы исповѣдниковъ слишкомъ тяжкія испытанія и гоненія, напр., мученіе и смерть... Итакъ, для торжества ученія Христова, для обязательности его во всемъ, такъ сказать, пространствѣ, нуженъ былъ во всемъ же примѣръ Самого Господа и возникала—страшно сказать—прямая необходимость въ Его страданіяхъ и смерти...

Какой же плодъ, умѣстно здѣсь спросить, принесла на землѣ Христова проповѣдь и нравственное ученіе? Проповѣдь Христова образовала церковь вѣрующихъ, которые, познавъ Бога, единого православнаго Владыку неба и земли, Сына Божія и Святого Духа, познали вмѣстѣ съ тѣмъ—что нужно для благоугожденія Богу и для спасенія души. Такимъ образомъ, если прежде совсѣмъ позабыли и не знали Бога истиннаго, то теперь сдѣлалось извѣстнымъ, что для чловѣка мало Ему поклоняться и Его чтить, но должно непременно и дѣятельно искать Его святую волю, т. е. стремиться открыть—въ чемъ есть воля Божія для всякой минуты, всякаго случая нашей жизни, и тѣмъ болѣе—во всякихъ затрудненіяхъ, горестяхъ и бѣдахъ, постигающихъ насъ въ земной жизни („и не сообразуйтесь съ вѣкомъ симъ, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, чтобы вамъ познавать, что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная“; Римлян. XII, 2); новозавѣтному чловѣчеству стало извѣстно, что воля Божія заключается въ томъ, чтобы чловѣкъ „прежде всего искалъ Царствія Божія и правды Его“ (ев. Матѣ. VI, 33), а по отношенію ко всему остальному быть бы не только беззаботнымъ, но и совершенно къ нимъ равнодушнымъ (ев. Луки XI, 3; XII, 13—20, 22—31; посл. къ Филипп. IV, 6), при чемъ отдался бы во всемъ покорно и безропотно на волю Божію (ев. Луки XI, 2; XVIII, 1—7; XXI, 35); если прежде чловѣчество разнообразно и гадко грѣшило, то теперь не только повѣдано міру—что есть грѣхъ передъ Богомъ живымъ, кромѣ грубаго нарушенія Его десяти заповѣдей, грѣхъ внутренній, сокровенный, исходящій отъ сердца, но и пре-

поданы законы для устроения самыхъ мыслей христіанина, которыя должно по апостолу наполнять только тѣмъ, „что истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достойно, что только добродѣтель и похвала“ (посл. къ Филип. IV, 8).

Если же къ этому прибавить еще, что, несмотря на недостаточность многихъ насъ, изъ числа послѣдователей Христова ученія, изъ христіанъ выдѣлились и выдѣляются до сихъ поръ и многіе св. мученики, которые съ такою радостью готовы были слѣдовать за примѣромъ Христовымъ — покорные волѣ Отца Небеснаго до самыхъ страданій и смерти, праведники (св. Серафимъ Саровскій, святитель Тихонъ Задон., и множество другихъ, имъ же нѣтъ числа), которые находили особое наслажденіе, иногда самыми исключительными и тяжкими способами, стараться приблизить себя къ христіанской добродѣтели и самоотреченію, приблизиться къ примѣру своего Спасителя, и все во славу Божию, за имя Христово и въ прославленіе Его крестныхъ страданій, то—думается—нельзя иначе опредѣлить существо и успѣхъ ученія Сына Божія и всего, что совершено Имъ здѣсь на землѣ, какъ только *спасеніемъ людей отъ грѣха*, ибо тотъ, кто указываетъ намъ вѣрный и истинный путь къ водному источнику въ пустынѣ, тотъ конечно *спасаетъ* насъ отъ гибели. А что за проповѣдью и ученіемъ Христовыми, дѣйствительно, должно быть признаваемо то значеніе въ дѣлѣ нашего спасенія, которое показано выше въ нашихъ тезисахъ объ элементахъ, изъ которыхъ слагается искупительный подвигъ Христовъ, доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что Господь, пришедшій на землю, „чтобы разрушить дѣла діавола“ (1 посл. Іоанна III, 8), Самъ возвѣстилъ: „Азъ побѣдихъ міръ“ (ев. Іоанна XV, 33), еще *раньше*, чѣмъ вознесено было Тѣло Его на крестъ и Онъ благоволилъ воспринять смерть и воскреснуть. Само собою разумѣется, что, рѣшая вопросъ о спасеніи челоуѣчества съ изложенной точки зрѣнія, мы не допускаемъ мѣста воззрѣніямъ протестантовъ и сектантовъ (въ родѣ пашковцевъ) объ оправданіи только вѣрою, ибо недаромъ Спаситель нисходилъ на землю, недаромъ показалъ *примѣръ безгрѣшной жизни*, недаромъ научалъ *искать постоянно волю Божию*, недаромъ запечатлѣлъ Свое ученіе и „истину“ *страданіями Своими и смертію*; а потому и жизнь христіанина должна быть дѣятельною и стойкою въ постоянной борьбѣ со грѣхомъ (см. 1 посл. ап. Петра II, 20—24; ев. Луки XIX, 12—22; VI, 46—49), о чемъ по другому поводу будетъ сказано ниже.

Страданія и смерть Иисуса Христа.

Въ своемъ мѣстѣ мы отмѣтили, что изъ хода событій и собственныхъ словъ Спасителя (ев. Іоанна XII, 23—28) вытекала, какъ то ни страшно повторить, необходимость—въ Его страданіяхъ и смерти, той ужасной смерти, на которую Онъ благоволилъ Себя обречь („Сего ради—говорилъ Онъ—меня Отецъ любить, что Я отдаю жизнь Мою... никто не отнимаетъ ея отъ Меня; но Я Самъ отдаю ее. Имѣю власть отдать ее, и власть имѣю опять принять ее. Сію заповѣдь получилъ Я отъ Отца Моего“. Ев. Іоанна X, 17—18). При этомъ должно замѣтить, что съ практической, житейской точки зрѣнія страданія и смерть Его являются какъ бы вполне естественнымъ послѣдствіемъ Его ученія и проповѣди, что усматривается изъ слѣдующихъ соображеній: при томъ положеніи вещей, которое Спаситель засталъ здѣсь на землѣ (какъ о томъ упомянуто было выше), большинство людей, къ которымъ Онъ обращался со Своею Святою, величественною и чистою проповѣдью, не захотѣли принять таковую и воздвигли на Него гоненіе; вслѣдствіе того, что все подчиняется здѣсь на землѣ естественному ходу вещей, Христу, кроткому и любвеобильному, не желавшему имѣть въ рукахъ другого оружія, кромѣ истины, кротости и смиренія, очевидно надлежало за Свою проповѣдь, обличенія, и осужденіе зла, понести временное пораженіе въ Своей борьбѣ съ темными силами міра сего („Первосвященникамъ же и начальникамъ храма и старѣйшинамъ, собравшимся противъ Него, сказалъ Иисусъ... теперь ваше время и власть тьмы“ Ев. Луки XXII, 52 и 53), понести тѣмъ большія страданія, чѣмъ выше и чище было Его ученіе. Такъ и случилось на самомъ дѣлѣ...

Служеніе и крестный подвигъ Сына Божія, Господа нашего Иисуса Христа, совершили наше спасеніе отъ грѣха, освободили насъ отъ проклятія („Христосъ искупилъ насъ отъ клятвы закона, сдѣлавшись за насъ клятвою; ибо написано: „проклятъ всякъ, висящій на деревѣ“.—Втор. XXI, 23; посл. къ Галат. III, 13) и смерти, какъ послѣдствія грѣха. Правда, въ виду грѣховности и беззаконій, каковыми наполнена наша жизнь, не лучшею какъ будто бы оказывается наша участь и въ настоящее время, послѣ искупительной жертвы Спасителя, но мы имѣемъ теперь въ вѣрѣ и въ таинствахъ покаянія, причащенія и прочихъ, великое средство очищенія отъ грѣха, данное намъ по силѣ крестныхъ заслугъ Сына Божія. Но пользуются имъ тѣ изъ насъ, которые съ своей стороны добровольно пріемлютъ участіе въ страданіяхъ

Его, *сообразуясь смерти Его* (Филип. III, 10). Какъ можемъ мы участвовать въ страданіяхъ и смерти Іисуса Христа? вопрошаетъ катихизисъ Филарета; отвѣтъ: „мы участвуемъ въ страданіяхъ и смерти Іисуса Христа посредствомъ живой сердечной *вѣры*, посредствомъ *таинствъ*, въ которыхъ сокрыта и запечатлѣна сила спасительныхъ страданій и смерти Іисуса Христа, и, наконецъ, посредствомъ *распинанія плоти своей съ ея страстями и похотями*“.—„Закономъ я умеръ для закона,—говорить апостолъ,—чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу. И уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ. А что нынѣ живу въ плоти, то живу вѣрую въ Сына Божія, возлюбившаго меня и предавшаго Себя за меня“ (Посл. Галат. II, 19 и 20), и далѣе—„тѣ, которые Христовы, распяли плоть (свою) со страстями и похотями. Если (же) мы живемъ духомъ, то по духу и поступать должны“ (тамъ же V, 24 и 25).

Распинаніе плоти своей со страстями и похотями—въ сущности есть выполненіе заповѣди Спасителя о самоотверженіи и несеніи креста, по слову Его—„кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною“ (ев. Марка VIII, 34). Съ практической, житейской стороны (съ которою непременно приходится считаться, говоря объ искупительномъ Христовомъ подвигѣ) „*несеніе креста*“ преподано, можетъ быть, въ предвидѣніи, что совершенная, взаимная любовь, которая одна только могла бы устранить огорченія и несчастія въ жизни людей, не только никогда не поселится среди нихъ, но, напротивъ, передъ кончиною міра во многихъ и очень многихъ совсѣмъ охладѣетъ (ев. Матѣ. XXIV, 12), и, слѣдовательно, примиреніе людей съ мыслию, что надо быть „нищимъ духомъ“, надо въ плачѣ надѣяться на совершенное утѣшеніе только въ будущей жизни, надо быть гонимымъ за благочестіе („да и всѣ, желающіе жить благочестиво во Христѣ Іисусѣ, будутъ гонимы“. 2 посл. къ Тимоѣ. III, 12), надо здѣсь страдать, является условіемъ необходимымъ, чтобы вселить мужество въ сердцахъ вѣрующихъ при борьбѣ съ симъ міромъ, покорность волѣ Божіей, готовность подвергнуться испытаніямъ и наказаніямъ, отъ Него ниспосланнымъ, ибо каждый, неся такой крестъ, знаетъ теперь, что такъ пужно, такъ заповѣдано тѣмъ Божественнымъ Учителемъ, Который Самъ понесъ тягчайшій крестъ, и который можетъ за несеніе креста дать вѣтлѣнную награду. Кромѣ того, несеніе креста въ этой жизни земной, думается, *удовлетворяетъ правдѣ Божіей* (не самостоятельно, какъ въ католической satisfactio, но) въ томъ отношеніи, что если возлюбленный Сынъ Божій

пришелъ на землю, чтобы нести тяжелый крестъ чрезъ всю Свою жизнь и въ концѣ ея тяжело пострадать за грѣхи Адама и его потомства, то неужели же мы, не только причастные ко грѣху, но и ближайшіе виновники искупительныхъ страданій, имѣемъ право, по какой бы то ни было самой снисходительной справедливости, не причаститься страданіямъ для усвоенія страданій Искупителя и наполнять жизнь свою утѣхами и наслажденіями или проводить ее въ пиршествахъ и ликованіяхъ! Это было бы то же, какъ если бы кто либо, движимый состраданіемъ къ преступникамъ, подлежащимъ тяжкой уголовной карѣ, принялъ бы на себя ихъ вину и за нее пострадалъ, бывъ преданъ казни, *подъ условіемъ* исправленія виновныхъ отъ дурной жизни; а они, освобожденные отъ суда и наказанія, продолжали бы проводить жизнь полную порока и преступленій, плодами каковыхъ пользовались бы наиболѣе разгульнымъ и широкимъ образомъ, забывъ и думать о своемъ искупителѣ и его условіи.... Развѣ не возмутилось бы нравственное чувство каждаго, кто узналъ бы—въ чемъ заключалось условіе искупленія и какъ дурно имъ воспользовались истинные виновники преступленія, и наоборотъ—развѣ не прошло бы черезъ сердце наблюдателя примиряющее до нѣкоторой степени и болѣе или менѣе мягкое чувство, если бы оказалось, что истинно виновные въ совершеніи преступленія, за которое пострадалъ и умеръ ихъ искупитель, исправились и ведутъ жизнь нравственную, скромную, полную самоотверженія и добрыхъ дѣлъ.... Ибо то угодно Богу, говорить апост. Петръ въ 1-мъ Соборн. посланіи своемъ, „если кто, помышляя о Богѣ, переноситъ скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда васъ бьютъ за проступки? Но если дѣлая добро и страдая терпите, это угодно Богу. *Ибо вы къ тому призваны:* потому что и Христосъ пострадалъ за насъ, оставивъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его. Онъ не сдѣлалъ никакого грѣха, и не было лести въ устахъ Его (Исаія 53, 9). Будучи злословимъ, Онъ не злословилъ взаимно, страдая, не угрожалъ; но предавалъ то Судіи праведному. Онъ грѣхи наши Самъ вознесъ тѣломъ Своимъ на древо, дабы мы избавились отъ грѣховъ, жили для правды: ранами Его мы исцѣлились“ (гл. II, 19—24).

Но есть и другая сторона въ вопросѣ о существѣ жертвы Христовой, таинственная (сакраментальная), заключающаяся, во 1-хъ, въ той связи спасительнаго подвига Сына Божія съ возрожденіемъ вѣрующихъ въ Него—свыше, отъ воды и Духа, о которой немало сохранилось въ Евангеліи Его собственныхъ

указаній, и, во 2-хъ, въ томъ внутреннемъ значеніи, которое имѣеть Голгофская жертва въ отношеніи къ удовлетворенію правосудія Божія.... Для выясненія перваго положенія полезно вспомнить здѣсь евангельское повѣствованіе о бесѣдѣ Іисуса Христа съ Никодимомъ (ев. Іоанна III, 3—8). Онъ сказалъ ему: истинно, истинно говорю тебѣ: если кто не родится свыше, не можетъ увидѣть Царствія Божія. Никодимъ говоритъ Ему: какъ можетъ человѣкъ родиться, будучи старъ? неужели можетъ онъ въ другой разъ войти въ утробу матери своей и родиться? Іисусъ отвѣчалъ: истинно, истинно говорю тебѣ: если кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ Царствіе Божіе. Рожденное отъ плоти есть плоть, рожденное отъ Духа—есть духъ“ и проч., а затѣмъ необходимо вспомнить и о торжественной проповѣди Христа въ храмъ Іерусалимскомъ въ послѣдній великій день праздника кушей: „кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей. Кто вѣруетъ въ Меня, у того, какъ сказано въ Писаніи, изъ чрева потекуть рѣки воды живой“ (Исаія III, 18)... „Сіе сказалъ Онъ (прибавляетъ евангелистъ) о Духѣ, Котораго имѣли принять вѣрующіе въ Него, ибо еще не было на нихъ Духа Святаго, потому что Іисусъ еще не былъ прославленъ“ (ев. Іоанна VII, 37—39). Оба приведенныхъ мѣста св. Евангелія прекрасно истолкованы преосвящ. архіеп. Черниговскимъ Филаретомъ Гумилевскимъ въ его сочиненіи: „Ученіе Евангелиста Іоанна о Словѣ“ (стр. 58 и 59): 1, „Никодимъ, сказавъ свое исповѣданіе, не договорилъ заключительной мысли своей. По отвѣту Спасителя, она была такова: прошу Небеснаго Учителя сказать, что нужно для того, чтобы участвовать въ Царствіи Божіемъ, о которомъ проповѣдуетъ посланникъ Божій. *Глаголю тебѣ*, говоритъ Спаситель,—это уже знакъ любви къ Никодиму; это знакъ того, что Никодимъ признается способнымъ и достойнымъ принять тайну. „Если кто не родится снова, то не можетъ увидѣть Царствія Божія“. Приговоръ рѣшительный: *„безъ перерожденія нельзя участвовать въ благахъ Царствія Божія“*.... Затѣмъ, „Спаситель повторяетъ Никодиму, что безъ возрожденія нельзя войти въ Царствіе небесное и указываетъ на способъ, *какъ* можетъ совершиться это возрожденіе. Если кто не родится отъ воды и Духа, то не можетъ войти въ Царствіе Божіе. Вода возрождающая—вода крещенія, какъ проникаемая силою Божіею; Духъ возрождающій есть Духъ благодати, сила Божія, нисходящая съ неба на воду и перерождающая природу человѣка. „По Своей милости спасе насъ банею бытія и обновленія Духа Святаго“ (Тит. III, 5), учитъ апостоль. Вотъ способъ, коимъ совер-

шается спасительное возрожденіе. *Рожденное отъ плоти плоть есть, и рожденное отъ Духа духъ есть.* Спаситель объясняетъ необходимость того перерожденія, о которомъ говоритъ Онъ. То, что рождено природою, останется природою; родившійся отъ человѣка является такимъ же человѣкомъ, каковъ родитель. А какова природа человѣческая, ближе всего показываетъ смерть—тлѣніе, гніеніе, смрадъ, прахъ. Такой процессъ съ тѣломъ указываетъ человѣку, что и душа его носитъ въ себѣ порчу, расстройства, гнилость, которыя могутъ оканчиваться погибелью души. Только Духъ Божій можетъ сообщить человѣку высшую жизнь; духовная, истинно живая нетлѣющая жизнь зависитъ отъ неба, отъ духа благодати“.

2) „Объ обиліи благодати, долженствовавшей открыться во время Мессіи, предсказывали пророки: Іоиль (III, 23), Захарія (XIV 18), Исаія (XII, 3 XLVII, 1—12, XLIII, 20; XLIV, 3). Спаситель не говоритъ точными словами того или другого пророка; Онъ только указываетъ на мысль пророковъ. *Сіе же рече о дусѣ, его же хотяху приимати,* замѣчаетъ евангелистъ. Замѣчаніе весьма нужное. Обѣтованіе Спасителя выражено языкомъ образнымъ, надобно было передать мысль точнымъ словомъ. Въ обѣтованіи не опредѣлено ни время открытія водъ, ни процессъ истеченія водъ. Евангелистъ указываетъ на это время и рѣшаетъ вопросъ о связи того чуднаго явленія съ исторіею Иисуса. *Не у бо бѣ Духъ святой, яко Иисусъ не у бѣ прославленъ.* Въ древнемъ славянскомъ переводѣ читали: *не у бо бѣ Духъ святой данъ*; слово *данъ* прибавлено было по толкованію Златоуста. Духъ Святой еще не являлся въ томъ обиліи даровъ, въ какомъ явился Онъ въ день пятидесятницы. Почему? потому что Иисусъ еще не совершилъ страданіями Своими примиренія правды Божіей съ виновнымъ человѣчествомъ и еще не былъ прославленъ на небѣ, чтобы принять дары для оправданнаго рода человѣческаго“ (стр. 149).

А. Пахарнаевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Разборъ хлыстовскаго ученія о пророкахъ и пророчицахъ.

Ученіе мистической тайной секты хлыстовъ во многомъ напоминаетъ древнее религіозно-философское ученіе, извѣстное подъ названіемъ дуализма. По ученію хлыстовъ, тѣло есть злое начало въ человѣкѣ, узы, темница для души. Грѣхъ прародителей состоялъ въ удовлетвореніи плотской страсти путемъ супружескихъ сношеній; онъ не произвелъ никакой существенной перемѣны и поврежденія въ духовной природѣ человѣка. Весь вредъ прародительскаго грѣха для человѣка состоитъ въ томъ, что этимъ грѣхомъ данъ людямъ дурной, соблазнительный, грѣховный примѣръ. Насколько слабо для человѣка вліяніе прародительскаго грѣха, настолько же легко человѣку и освободиться отъ него и стать въ тѣ отношенія къ Богу, въ какихъ человѣкъ стоялъ въ первое время своего появленія на свѣтъ. Поэтому, если человѣкъ удаляется отъ брака, мясной пищи и хмельнаго питія, часто повторяетъ молитву Іисусову, постоянно держитъ трезвенное вниманіе, отвлекаетъ свои мысли отъ всего чувственнаго, часто упражняется въ молитвенныхъ радѣніяхъ, состоящихъ въ разнаго рода круговыхъ хожденіяхъ, верченіяхъ и скачкахъ, стремится къ умерщвленію своей плоти, то онъ можетъ достигнуть „таинственной смерти и таинственнаго воскресенія“, или высшей степени нравственнаго совершенства, состоящаго въ безстрастіи, удаленіи своихъ мыслей отъ всего чувственнаго и углубленіи въ самого себя; въ святости и внутреннемъ единеніи съ Богомъ, Который послѣ этого вселяется въ человѣка (Лев. 26, 12, 2 Кор. 6, 16), чрезъ что послѣдній таинственно воскресаетъ. Первая степень воплощенія Божественнаго Духа въ человѣкѣ называется даромъ вѣдѣнія, или пророчества, и человѣкъ этотъ становится *пророкомъ* или *пророчицей*, которыхъ въ каждомъ отдѣльномъ хлыстовскомъ кораблѣ, или общинѣ, можетъ быть одинъ, два и даже три. Вторая степень воплощенія Божества въ человѣкѣ обнаруживается высшимъ, сравнительно съ пророчествомъ, даромъ вѣдѣнія и даромъ чудотворенія, и человѣкъ этотъ становится воплотившимся Сыномъ Божиимъ, Христомъ; онъ можетъ

быть только одинъ въ хлыстовскомъ кораблѣ, или одинъ даже на нѣсколько общинъ. Наконецъ, третья, самая высшая степень воплощенія Божества въ человѣкѣ, обнаруживается всѣми Божескими совершенствами; всемогуществомъ, всевѣдѣніемъ, вседѣ-присутствіемъ и проч., и человѣкъ этотъ называется Богомъ са-ваоомъ; онъ можетъ быть только одинъ на всю хлыстовскую секту, на всѣ хлыстовскіе корабли. Своему ученію о пророкахъ и пророчицахъ хлысты указываютъ основаніе въ слѣдующихъ мѣстахъ св. писанія. *У пророковъ написано: и будутъ всѣ научены Богомъ* (Іоан. 6, 45; Іосіи 54, 13; Іерем. 31, 33—34). *И будутъ послѣ того, излію отъ Духа Моего на всякую плоть, и будутъ пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старшимъ вашимъ будутъ сниться сны, и юноши ваши будутъ видѣть видѣнія. И также на рабовъ и на рабынь въ тѣ дни излію отъ Духа Моего* (Іосіи 2, 28—29; Дѣян. 2, 17—19). *Когда вы сходитесь, и у каждаго изъ васъ есть псаломъ, есть поученіе, есть языкъ, есть откровеніе, есть истолкованіе: все сіе да будетъ къ назиданію...* (1 Кор. 14, 26—31). Въ этихъ мѣстахъ св. писанія хлысты видятъ божественное обѣтованіе о непосредственномъ наученіи людей отъ Бога и о продолженіи пророческаго дара въ Церкви Христовой отъ апостоловъ во всѣ времена ея существованія на землѣ. Носителями этого пророческаго дара они считаютъ своихъ пророковъ и пророчицъ.

Чтобы видѣть, можно ли считать хлыстовскихъ пророковъ и пророчицъ за истинныхъ носителей пророческаго дара Духа Святаго, за истинныхъ пророковъ и пророчицъ, во-первыхъ, сравнимъ нравственныя и умственныя качества несомнѣнно боговдохновенныхъ библейскихъ пророковъ съ нравственнымъ поведеніемъ хлыстовскихъ пророковъ и пророчицъ; во-вторыхъ, сравнимъ общія свойства библейскихъ пророчествъ съ хлыстовскими пророчествами и покажемъ, согласно ли содержаніе хлыстовскихъ пророчествъ съ духомъ и ученіемъ св. писанія и, наконецъ, въ третьихъ, разсмотримъ библейскія основанія хлыстовскаго ученія о продолженіи дара пророческаго въ церкви Христовой отъ апостоловъ и во всѣ времена ея существованія на землѣ.

1) Истинные, посылаемые Самимъ Богомъ, провозвѣстники воли Божіей, истинные пророки всегда отличались высоконравственною, святою жизнію. Богъ, какъ носитель всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ совершенствъ въ безграничной степени, естественно, и провозвѣстниками своихъ откровеній, пророками, избираетъ людей, отличающихся святостію. Святой Василій Великій говоритъ, чтобы „вмѣстить въ себѣ Божественное вдохно-

веніе и пророчествовать о Божіихъ тайнахъ, требуется душа тщательно очищенная... Посему въ душѣ, которая имѣетъ пророчествовать, свободнымъ ея устремленіямъ должна быть напередъ вложена способность къ тому, чтобы всѣянное во всѣхъ слово, избирающее себѣ души болѣе гармоническія, въ которыхъ, по мѣрѣ ихъ благонастроенности, ни малѣйшее страстное движеніе не разногласитъ съ словомъ, низвело на нее дѣйствіе Божія Духа... Для приготовленія къ принятію Духа необходимы не только обузданіе страстей, но также и своя мѣра расположенія къ вѣрѣ... Пророчествовали чистыя и просвѣтленныя души. Сдѣлавшись какъ бы зеркаломъ Божія дѣйствованія, онѣ показывали въ себѣ ясное, не слитное, не потемненное плотскими страстями изображеніе. Духъ Святыи пребываетъ во всѣхъ, но собственно силу Свою обнаруживаетъ въ тѣхъ, которые чисты отъ страстей, и не въ тѣхъ, у кого душа омрачена грѣховными нечистотами. Кромѣ же чистоты надлежитъ имъ показывать въ себѣ равенство благоустроеннаго состоянія. Ибо чистъ не тотъ, кто неравно ведетъ себя въ отношеніи къ цѣломудрію, но тотъ, кто мудрованіе плоти подчиняетъ Духу... Посему, когда душа, посвятивъ себя всякому подвигу добродѣтели, сильною любовію къ Богу постоянно сохраняетъ въ себѣ напечатлѣнное въ ней памятованіе о Богѣ, и такимъ образомъ содѣлываетъ Бога какъ бы живущимъ въ себѣ, тогда отъ сильнаго стремленія и неизреченной любви къ Богу, ставъ боговдохновенною, содѣлается она достойною пророческаго дара“ (Творенія Василія Великаго, часть вторая, стр. 6—8. Москва. 1891 г.). Истинные пророки, не смотря на свою святость, всегда отличались глубокимъ смиреніемъ и сознаніемъ своего недостойнства. Величайшій изъ пророковъ Моисей отказывался быть провозвѣстникомъ воли Божіей Фараону по причинѣ своего косноязычія (Исх. 4, 10). Исаія отказывался отъ пророческаго служенія своею грѣховностію (Исаіа 6, 6). Іеремія отказывался отъ пророческаго служенія своею молодостію (Іерем. 1, 6). Нерѣдко нѣсколько ветхозавѣтныхъ пророковъ одновременно проходили свое пророческое служеніе, напримѣръ, Софонія, Авдій, Іеремія и Аввакумъ, будучи современниками, пророчествовали объ однихъ и тѣхъ же, имѣющихъ произойти, событіяхъ: объ опустошеніи вавилонянами Іудеи и ея окрестностей (Соф. 1, 1—18; Авд. 20 ст.; Іерем. 25, 1—12; 26, 1—19; 36, 5—30; 27, 28; 52; Аввак. 1, 1—3; 9—17; 2, 2—4), и это не мѣшало имъ, какъ служителямъ одного и того же истиннаго Бога, Бога мира и любви, быть въ полномъ согласіи и мирѣ между собою; они были чужды всякой мысли о соперничествѣ

между собою, не гордились своими личными достоинствами. Всѣ они со смиреніемъ исполняли свое призваніе и считали себя только служителями Божіими и исполнителями воли Божіей. Исполняя то служеніе, къ которому они были призваны Богомъ, истинные пророки всегда шли прямымъ путемъ, говорили всегда правду, проповѣдывали съ дерзновеніемъ, а когда нужно было, свидѣтельствовали о своемъ посольствѣ отъ Бога знаменіями и чудесами, какъ, напримѣръ, пророкъ Ілія предъ царемъ Ахавомъ (3 Цар. 18, 1—10). Какъ посланники Божіи, истинные пророки безбоязненно обличали нечестіе, не страшась прещенія и гнѣва сильныхъ мира (Іерем. 26, 1—15) и даже смерти, какъ, напримѣръ, пророкъ Іоаннъ Предтеча обличалъ царя Ірѣда (Мар. 6, 17—28). Истинными пророками высказывались пророчества при полномъ и ясномъ ихъ личномъ сознаніи, какъ свидѣтельствуешь объ этомъ ап. Павелъ, говоря: *духи пророческіе послушны пророкамъ; потому что Богъ не есть Богъ неустойчива, но мира* (1 Кор. 14, 32), и какъ это ясно видно изъ примѣра пророка Іоны, который, не желая пророчествовать ниневитянамъ о томъ, что-бы они раскаялись во своихъ грѣхахъ, и, зная, что Богъ, по милосердію Своему, помилуетъ покаявшихся ниневитянъ, вздумалъ даже отъ исполненія этого повелѣнія Божія бѣжать въ Ѳарсисъ (Іон. 1, 3). Пророкъ Ісаія сознавалъ свое недостойнство (Ісаія 6, 5). Іеремія отказывался отъ пророческаго служенія своею молодостію (Іерем. 1, 6). Іезекіиль отказывался отъ пищи, которую повелѣлъ ему вкусить Богъ (Іезек. 4, 12—14). Исполняя то служеніе, къ которому истинные пророки посылались Богомъ, они никогда не присвоили тѣхъ правъ, кои не были даны имъ отъ Бога, напримѣръ, пророки изъ мірянъ не совершали тѣхъ священнодѣйствій, для коихъ поставлялись первосвященники, священники и левиты.

Относительно того состоянія духа, въ которомъ бывали истинные пророки при полученіи ими откровеній отъ Бога, св. Василій Великій пишетъ: нѣкоторые говорятъ, что „они (пророки) пророчествовали въ изступленіи ума, такъ что человѣческій умъ затмеваемъ былъ Духомъ. Но противно обѣтованію Божію наитія боговдохновеннаго дѣлать изумленнымъ, такъ чтобы онъ, когда исполнится божественныхъ наставленій, выходилъ изъ собственнаго ему разума, и, когда приноситъ пользу другимъ, самъ не получалъ никакой пользы отъ собственныхъ своихъ словъ. И вообще, сообразно ли сколько нибудь съ разумомъ, чтобы Духъ премудрости дѣлалъ человѣка подобнымъ лишенному ума, и Духъ вѣдѣнія уничтожалъ въ немъ разумность? Но свѣтъ не

производитъ слѣпоты, а, напротивъ того, возбуждаетъ данную отъ природы силу зрѣнія. И Духъ не производитъ въ душахъ омраченія, а, напротивъ того, возбуждаетъ умъ, очищенный отъ грѣховныхъ сквернъ, къ созерцанію мысленнаго. Посему нѣтъ невѣроятнаго, что лукавая сила, злоумышляющаго противъ чело-вѣческой природы, приводитъ разумъ въ слитность; но нечестиво говорить, что тоже самое дѣйствіе производитъ присутствіе Духа Божія.—При томъ, если святые мудры, то какъ имъ было не постигнуть того, о чемъ пророчествовали? Ибо сказано: *сердце мудраго дѣлаетъ языкъ его мудрымъ, и умножаетъ знаніе въ устахъ его* (Притч. 16, 23). Если же на томъ основаніи, что *не узналъ Исаакъ*, когда пришелъ сынъ его (Быт. 27, 23), и что Давидъ сказалъ—*въ опрометчивости моей* (Псал. 115, 2), вымышляютъ во святыхъ затменіе ума, то пусть знаютъ, что изступленіемъ называется и удивленіе; какъ, напримѣръ: *подивитесь сему небеса, и содрогнитесь, и ужаснитесь* (Іерем. 2, 12)* (Творенія св. Василія Велик., часть вторая, стр. 10. Издан. третье. Москва, 1891 г.). Говоря объ изступленіи, бывшемъ у истинныхъ пророковъ, св. Епифаній кипрскій пишетъ: бывали пророки въ изступленіи. „Изступленіе не означаетъ какого либо чело-вѣка, находящагося внѣ ума и изступленнаго,—отнюдь нѣтъ,—а, напротивъ того, чрезмѣрно удивляющагося, и размышляющаго свыше обычнаго размышленія о томъ, что бываетъ видимо и дѣлаемо въ обычной мѣрѣ... Бывали и пророки въ изступленіи, но не въ изступленіи разсудка. Ибо и Петръ былъ въ изступленіи не въ томъ смыслѣ, что не сохранилъ послѣдовательности разсужденія, но въ томъ, что, вмѣсто ежедневнаго порядка, видѣлъ иное сравнительно съ тѣмъ, что видятъ люди: онъ увидѣлъ спускаемую *пращаницу, по четыремъ краямъ* привязанную, и въ ней *вся четвероногая и гады и птицы небесныя*. Смотри же: святой Петръ сохранилъ послѣдовательность мыслей и не былъ въ изступленіи ума; ибо когда услышалъ: *вставъ, заколи и яждь*, то не послушался, какъ сдѣлалъ бы нездравый умомъ, но сказалъ Господу: *никако же Господи* (Дѣян. 10, 10—14): *ибо николиже скверно и нечисто вниде во уста моя* (Дѣян. 11, 8). Истинный Святой Духъ глаголатъ въ пророкахъ и открывалъ имъ глубины точнаго боговѣдѣнія... въ изступленіи, но не въ изступленіи ума... Пророками истинно все изречено въ здоровомъ умѣ и съ здоровымъ мысленнымъ разсужденіемъ, а не въ помѣшательствѣ“ (Творенія св. Епифанія Кипрскаго, часть 2, стр. 313—314. Москва 1864 г.). У истинныхъ пророковъ для каждой пророческой рѣчи было особое воздѣйствіе Божественной силы, на что и указываютъ пророки, го-

воря: *было ко мнѣ слово Господне; была на мнѣ рука Господа* (Іезек. 33, 22; 40, 1); *вошелъ въ меня духъ* (Іезек. 2, 2).

Всѣ хлыстовскіе пророки отличаются необыкновенною гордостію, грубымъ сознаніемъ своихъ мнимыхъ преимуществъ предъ рядовыми хлыстами, требуя себѣ почета отъ нихъ въ формѣ поклоновъ, цѣлованія руки или колѣна, ноги и проч. Всѣ хлыстовскіе пророки соперничаютъ, спорятъ между собою изъ-за того, въ комъ больше обитаетъ Духъ Святый (мнимый), кто изъ нихъ долженъ считаться старшимъ и большимъ пророкомъ. Эти споры нерѣдко доходятъ до драки, во избѣжаніе чего болѣе слабый по физическимъ силамъ пророкъ уходитъ съ того радѣнія, гдѣ находится пророкъ сильнѣе его физически. Всѣ хлыстовскіе пророки участвуютъ во всѣхъ тѣхъ грѣховныхъ дѣлахъ, какія творятся у хлыстовъ при ихъ радѣніяхъ, то есть, различныхъ видахъ прелюбодѣянія и блуда, какъ это видно изъ показаній о себѣ хлыстовскаго пророка Радаева (Люди Божіи—Добротворскаго). А такіе люди, какъ тяжкіе грѣшники, царствія Божія не наслѣдуютъ (1 Кор. 6, 9—10).

Хлыстовскіе пророки и пророчицы высказываютъ свои пророчества по большей части въ безсознательномъ состояніи, къ чему они приходятъ чрезъ различныя тѣлодвиженія на своихъ радѣніяхъ. Мужчины и женщины на этихъ радѣніяхъ нерѣдко бьютъ только въ однѣхъ рубахахъ, слѣдовательно при обстановкѣ, вполне возбуждающей животныя страсти и помрачающей разсудокъ, а если иногда и не при радѣніяхъ высказываются у хлыстовъ пророчества, то все же сознаніе и личная воля хлыстовскаго пророка при этомъ бездѣйствуютъ, какъ это видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ словъ хлыстовскаго пророка Радаева: „сила, дѣйствующая во мнѣ, водить меня туда и сюда, не даетъ ни ѣсть, ни пить“ (Люди Божіи—Добротворскаго, стр. 78). Въ подобномъ же положеніи бывали и древніе лжепророки. Извѣстная въ древности Писея, по свидѣтельству Оригена, когда изрекала предсказанія, лишалась чувствъ и сознанія (Contr. cels. lib. 1, cap. 3—4). Когда на радѣніе, гдѣ присутствуетъ пророкъ или пророчица, является полиція или вообще такіе люди, которыхъ хлысты боятся, то пророки и пророчицы хлыстовскіе или прячутся, или начинаютъ лицемѣрить, лгать, отказываться отъ своего пророческаго званія, отъ содержимаго ими ученія. Да и рядовымъ хлыстамъ ихъ пророки и пророчицы внушаютъ лицемѣрное отношеніе и ко всѣмъ православнымъ, а особенно къ православному духовенству. Благодаря такому лицемѣрію и лживости, хлысты, скрывая отъ православныхъ содержимую ими

ересь, весьма часто успѣвають обманывать относительно своихъ религіозныхъ убѣжденій даже и православное духовенство, которое этихъ злыхъ враговъ православной церкви считаетъ за послушныхъ и усердныхъ чадъ св. церкви. За такую лживость хлысты, по словамъ Иисуса Христа, должны быть названы дѣтьми діавола (Іоан. 8, 44). Еще праведный Товитъ сказалъ: *тайну цареву прилично хранить, а о дѣлахъ Божіихъ объявлять похвально* (Тов. 12, 11). И Христосъ, посылая апостоловъ, повелѣлъ имъ проповѣдывать Евангеліе всѣмъ народамъ, открыто (Мат. 24, 14; 28, 19—20), безбоязненно (Лук. 12, 11—12). Если же хлыстовскіе пророки скрываютъ свое ученіе отъ лицъ, не принадлежащихъ къ ихъ сектѣ, то этимъ самымъ, по словамъ Иисуса Христа, они свидѣлствуютъ, что ученіе, содержащее и проповѣдуемое ими, злое, душепагубное. *Всякій, дѣлающій злое, ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличить дѣла его. А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его* (Іоан. 3, 20—21). На радѣніяхъ пророки и даже пророчицы хлыстовскіе являются главными заправилами и совершителями хлыстовскихъ молитвенныхъ обрядовъ, хотя право на совершеніе общественнаго богослуженія Богъ предоставилъ въ своей церкви только извѣстнымъ лицамъ, теперь получающимъ это священное право по непрерывному преемству отъ апостоловъ чрезъ благодатное руковозложеніе (1 Тим. 4, 14; 2 Тим. 1, 6; 1 Тим. 3, 14—15; Тит. 1, 5). А женщинамъ ап. Павелъ разъ навсегда воспретилъ присваивать себѣ право учить въ молитвенныхъ собраніяхъ и священнодѣйствовать, сказавши: *жены ваши въ церквахъ да молчатъ, ибо не позволено имъ говорить, а быть въ подчиненіи, какъ и законъ говоритъ* (Быт. 3, 16). *Если же онѣ хотятъ чему научиться, пусть спрашиваютъ о томъ дома у мужей своихъ; ибо неприлично женѣ говорить въ церкви* (1 Кор. 14, 34—35). *Учить женѣ не позволяю* (1 Тим. 2, 12). Правъ на проповѣдь евангельскаго ученія и совершеніе таинствъ, предоставленныхъ отъ Христа только апостоламъ и продолжателямъ ихъ служенія: епископамъ и пресвитерамъ, не дерзали присвоить себѣ даже и ангелы Божіи (Дѣян. 10 г.), которые по своимъ духовнонравственнымъ совершенствамъ несравненно выше людей. А помѣстный Гангрскій соборъ, безъ благословенія епископа, воспретилъ христіанамъ и устроить молитвенныя собранія (правила 5 и 6).

Хлысты, желая оправдать допущеніе ими на радѣніяхъ, или молитвенныхъ собраніяхъ, до учительства и совершенія обрядовъ женщинъ, ссылаются на слѣдующія слова ап. Павла: *Всѣ вы, во Христа крестившіеся, во Христа облеклись. Нѣтъ уже*

Иудея, ни язычника; нѣтъ раба, ни свободнаго; нѣтъ мужескаго пола, ни женскаго: ибо всѣ одно во Христѣ Иисусѣ (Галат. 3, 27—28). По поводу этихъ словъ апостола нужно замѣтить, что въ этомъ посланіи онъ между прочимъ раскрываетъ мысль, что человѣкъ спасается не исполненіемъ предписаній закона (Моисеева), такъ какъ ни одинъ изъ людей не въ состояніи былъ исполнить всѣхъ предписаній закона (Евр. 10, 1—5), а главнымъ образомъ вѣрою въ искупительныя, крестныя заслуги Иисуса Христа (Ефес. 2, 8). Евреи думали, что имъ, какъ народу, по плоти происшедшему отъ Авраама, отца вѣрующихъ (Гал. 3, 7), народу, которому чрезъ Моисея былъ данъ законъ, принадлежить преимущественно право на вступленіе въ царство Христово, а язычники, какъ происшедшіе по плоти не отъ Авраама и не исполнявшіе закона Моисея, не имѣютъ права на вступленіе въ царство Христово. Вопреки такой мысли апостоль говоритъ, что независимо ни отъ происхожденія отъ извѣстнаго племени, или извѣстнаго положенія въ обществѣ, или даже различія людей по поламъ, всѣ одно во Христѣ Иисусѣ, всѣ спасаются только вѣрою въ крестныя, искупительныя заслуги Христа. Но дѣлать изъ словъ апостола тотъ выводъ, что въ церкви Христовой на землѣ могутъ присвоить себѣ право всенародной проповѣди, учительства и совершенія въ молитвенныхъ собраніяхъ общихъ религіозныхъ обрядовъ безразлично не только мужчины, но и женщины, нѣтъ никакого основанія. Такое мнѣніе прямо противорѣчитъ заповѣди Иисуса Христа о проповѣди и совершеніи крещенія, а равно и другихъ таинствъ, данной только апостоламъ-мужчинамъ (Мат. 28, 19—20; Мар. 16, 15; Лук. 24, 47; 22, 19—20; Иоан. 20, 22—23), и заповѣди апостольской (Рим. 10, 15; 1 Кор. 4, 1; Евр. 5, 4; 1 Кор. 14, 34—35; 1 Тим. 2, 13).

2) Истинныя пророчества всегда отличались возвышенною цѣлю, которая вполне прилична Богу, Существу высочайшему, открывающему свою волю людямъ для того, чтобы привести ихъ къ спасенію. Таковы, напримѣръ, всѣ ветхозавѣтныя пророчества объ Иисусѣ Христѣ. Истинныя пророчества весьма часто относились къ предметамъ весьма отдаленнаго будущаго, къ предметамъ, которые не могли быть постигнуты на основаніи обыкновенныхъ, естественныхъ соображеній, напримѣръ, пророчества объ Иисусѣ Христѣ, обстоятельствахъ Его жизни на землѣ, крестной смерти, воскресеніи, вознесеніи на небеса, будущаго втораго пришествія на землю—и по своему изложенію отличаются ясностью. Пророчества истинныхъ пророковъ, по своему содержанію, отнюдь не могутъ противорѣчить св. Писанію, такъ какъ то и

другое суть откровенія одного и того же Божественнаго Духа. Христосъ сказалъ, что Духъ Святый будетъ возвѣщать людямъ не новое ученіе, отличное отъ Христова, а тоже Христово, уясняя и раскрывая ученіе Христа. *Онъ Меня прославитъ, потому что отъ Моего возьметъ и, что услышитъ, возвѣститъ вамъ* (Іоан. 15, 26; 16, 13—14). Въ хлыстовскихъ же пророчествахъ по большей части раскрывается ученіе, противное св. Писанію и ученію Іисуса Христа, напримѣръ, возможность многократныхъ воплощеній Іисуса Христа на землѣ, или перевоплощеніе въ людей Христа евангельскаго, отрицаніе исторической дѣйствительности я видимаго чувственными очами совершенія Іисусомъ Христомъ чудесъ, описанныхъ въ Евангеліи ¹⁾, порицаніе церковнаго брака и законности дѣтей, рожденныхъ отъ него, вмѣсто коего хлыстовскіе пророки и пророчицы восхваляютъ бракъ мнимодуховный, заключаемый на хлыстовскихъ радѣніяхъ, то есть, по суду св. писанія, собственно блудъ и прелюбодѣяніе. Хлыстовскіе пророки и пророчицы отрицаютъ почитаніе плотскихъ родителей; воспрещаютъ употреблять въ пищу мясо и вино; отрицаютъ воскресеніе мертвыхъ и всеобщій страшный судъ надъ людьми; вводятъ и совершаютъ на радѣніяхъ религіозные обряды, *не согласные* съ духомъ св. Писанія.

Порицая церковный бракъ, называя его діавольскими узами, хлыстовскіе пророки и пророчицы говорятъ, что наши прародители Адамъ и Ева были изгнаны Богомъ изъ рая за плотскую супружескую связь. Дѣтей, рожденныхъ отъ церковнаго брака, хлысты, по наученію ихъ пророковъ и пророчицъ, называютъ щенятами, котятами, гиѣзниками. Вмѣсто церковнаго брака хлыстовскіе пророки и пророчицы проповѣдуютъ о бракѣ духовномъ, который заключается у нихъ на радѣніяхъ, когда члену ихъ секты пророкомъ или пророчицей дается духовная жена, или духовница. И если между этими духовникомъ и духовницей завязываются плотскія сношенія, то это, по ученію хлыстовскихъ пророковъ и пророчицъ, уже не есть плотской грѣхъ, скверна, но любовь по духу, Христова любовь. Всѣ люди, состоящіе въ церковномъ бракѣ, не могутъ дѣлать ничего богоугоднаго и душеспасительнаго. Поэтому и всѣ священнодѣйствія, совершаемыя православнымъ духовенствомъ, отнюдь не спасительны для лицъ, приѣмлющихъ эти священнодѣйствія, такъ какъ православное духовенство живетъ въ бракѣ. Но такое ученіе хлыстов-

¹⁾ Разборъ хлыстовскаго ученія о перевоплощеніи Іисуса Христа сдѣланъ былъ раньше.

скихъ пророковъ и пророчицъ прямо противно св. Писанію. Бракъ, заключенный съ благословенія Божія, то есть, въ православной церкви не препятствуетъ извѣстнымъ, достойнымъ по вѣрѣ и правственной жизни, лицамъ быть совершителями таинствъ. Подтверженіе этой мысли мы можемъ видѣть на апостолахъ, избранныхъ Самимъ Иисусомъ Христомъ для своего высокаго служенія. Первоверховный апостолъ Петръ состоялъ въ бракѣ, и Иисусъ Христосъ однажды, пришедши въ его домъ, исцѣлилъ его тещу отъ горячки (Мат. 8, 14). По свидѣтельству церковнаго историка Евсевія, у ап. Петра были дѣти. У одного изъ семи діаконовъ—Филиппа было четыре дочери, которыхъ онъ выдалъ замужъ. По свидѣтельству св. Климента александрійскаго, даже ап. Павелъ имѣлъ жену, которую, для большаго удобства прохожденія своего апостольскаго служенія, не водилъ за собою (Церковная исторія Евсевія, кн. 3, гл. 30, стр. 149, изд. 1858 г. ¹⁾).

Отрицаніе хлыстовскими пророками и пророчицами почитанія дѣтьми своихъ плотскихъ родителей, какъ рождающихъ дѣтей отъ грѣха (Псал. 50, 7), тоже противно и духу и буквѣ св. Писанія. Такое ученіе объ отношеніи къ плотскимъ родителямъ напоминаетъ поступокъ Хама къ отцу своему Ною (Быт. 9, 20—27), за что праведный Ной изрекъ проклятiе потомству Хама. Это ученіе хлыстовъ противно пятой заповѣди, данной Богомъ чрезъ пророка Моисея всѣмъ людямъ (Исх. 20, 12). А пророкъ Исаія отъ лица Божія такъ обличаетъ грѣхъ непочитанія дѣтьми своихъ родителей: *горе тому, кто говоритъ отцу: зачѣмъ ты произвелъ меня на свѣтъ, а матери, зачѣмъ ты родила меня? Такъ говоритъ Господь, Святый Израиля, Создатель его* (Исаія 45, 10—11).

Хлыстовскіе пророки и пророчицы свое отрицаніе употребленія въ пищу мяса и вина стараются оправдать ссылкой на пророка Даніила и трехъ отроковъ, которые въ плѣну вавилонскомъ питались только растительною пищею, отказавшись отъ употребленія въ пищу мяса и вина съ царскаго стола и потомъ по тѣлу оказались здоровѣй и въ умственномъ отношеніи выше своихъ сверстниковъ-вавилонянъ, питавшихся со стола царскаго мясомъ и винами (Дан. 1 гл.),—указаніями на благочестиваго іудея Елеазара (2 Мак. 6, 18—21),—семь братьевъ Маккавейскихъ и ихъ мать Соломонію, принявшихъ мученическій вѣнецъ за отказъ вкусить свиного мяса (2 Мак. 7, 20—41). Наконецъ, хлысты въ

¹⁾ Подробный разборъ хлыстовскаго ученія о бракѣ предполагается предметомъ особой, отдѣльной статьи, а здѣсь сдѣлано только общее замѣчаніе.

свое оправданіе о неяденіи мяса ссылаются на примѣръ монаховъ, воздерживающихся отъ употребленія въ пищу мяса. Но пророкъ Даніилъ и три отрока въ Вавилонѣ отказались принять пищу съ царскаго стола не потому собственно, что боялись вкусить мясной пищи, а потому, что вавилоняне, какъ идолопоклонники, не знавшіе закона Моисея, употребляли въ пищу мясо такихъ животныхъ, которыхъ, по закону Моисея, нельзя было ѣсть (Лев. 11 гл.). Точно также и благочестивый іудей Елеазаръ и семь братьевъ Маккавейскихъ съ ихъ матерію отказались вкусить свиного мяса, какъ запрещеннаго закономъ Моисея. Но въ томъ же Богомъ данномъ законѣ евреямъ чрезъ Моисея мясо многихъ живыхъ существъ дозволено было употреблять въ пищу (Лев. 11 гл.). Изъ Библии мы знаемъ, что отецъ вѣрующихъ, патріархъ Авраамъ явившихся къ нему трехъ странниковъ угощалъ мясной пищей—телятиной (Быт. 18, 8). Запрещенной Богомъ пищи патріархъ не предложилъ бы странникамъ, и они не вкусили бы ея, такъ какъ въ образѣ этихъ странниковъ были Самъ Богъ и съ Нимъ два ангела. Въ пустынѣ Богъ посылалъ евреямъ перепеловъ, мясо коихъ они употребляли въ пищу (Числ. 11 гл.). Когда пророкъ Ілія былъ у потока Хорава, то, по повелѣнію Божію, вороны приносили ему въ пищу хлѣбъ и мясо (3 Цар. 17, 6). Очевидно, что евреямъ въ пустынѣ и пророку Ілію Богъ посылалъ такую пищу, которая Имъ не была запрещена. Употребленіе мясной пищи, какъ дозволенной Богомъ, мы видимъ и въ притчѣ Іисуса Христа о блудномъ сынѣ (Лук. 15, 11—32) и при совершеніи ветхозавѣтной пасхи (Исх. 12, 1—11), которую вкушалъ и Іисусъ Христосъ съ апостолами (Мат. 26, 17—21; Мар. 14, 12—18; Лук. 22, 7—18). Въ новомъ завѣтѣ мы тоже не находимъ никакихъ запрещеній относительно употребленія въ пищу мяса. На апостольскомъ соборѣ относительно пищи было постановлено: *воздерживаться отъ идоложертвеннаго и крови, и удавленины* (Дѣян. 15, 29). А апостолъ Павелъ относительно употребленія пищи представляетъ христіанамъ еще большую свободу, говоря: *все, что продается на торгу, ѣшьте безъ всякаго изслѣдованія, для спокойствія совѣсти; ибо Господня земля и что наполняетъ ее* (Псал. 23, 1). *Если кто изъ невѣрныхъ позоветъ васъ, и вы захотите пойти: то все, предлагаемое вамъ, ѣшьте безъ всякаго изслѣдованія, для спокойствія совѣсти* (1 Кор. 10, 25—27). Монашескій уставъ воспрещаетъ монахамъ употреблять въ пищу мясо и удаляться брака не потому, чтобы въ немъ то и другое считалось скверною, лишающею человѣка душевнаго спасенія, а дабы, при большей свободѣ отъ

тѣлесныхъ страстей и заботъ о семейной жизни, человѣку имѣть возможность всего себя посвящать на служеніе Богу. Появленіе нечестиваго хлыстовскаго ученія о бракѣ и мясной пищѣ пророческимъ духомъ предвидѣлъ ап. Павелъ и предупреждать относительно этого ученія христіанъ въ посланіи къ своему ученику Тимофею такими словами: *Духъ ясно говоритъ, что въ послѣднія времена отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, внимая духамъ обольстителямъ и ученіямъ бѣсовскимъ, чрезъ лицемеріе лжесловесниковъ, сожженныхъ въ совѣсти своей, запрещающихъ вступать въ бракъ и употреблять въ пищу то, что Богъ сотворилъ, дабы вѣрные и познавшіе истину вкушали съ благодареніемъ. Ибо всякое твореніе Божіе хорошо, и ничто непредосудительно, если принимается съ благодареніемъ, потомучто освящается словомъ Божіимъ и молитвою* (1 Тим. 4, 1—5). И хлыстовскіе пророки и пророчицы, если хулятъ церковный бракъ и мясную пищу, которые въ свое время церковь Христова освящаетъ своимъ чадамъ чтеніемъ слова Божія и молитвою, то они являются въ этомъ случаѣ, по ап. Павлу, отступниками отъ вѣры и орудіями духовъ лестъчихъ, лицемерами, лжесловесниками и людьми сожженными совѣстью. Конечно, все вышеизложенное изъ ученія ап. Павла о пищѣ отнюдь не говоритъ противъ постовъ, содержимыхъ православною церковью, такъ какъ ап. Павелъ и самъ содержалъ посты (Дѣян. 9, 9; 2 Кор. 6, 4—5), и христіанамъ вмѣняетъ въ обязанность содержать посты (1 Кор. 7, 5). Точно также и умѣренное употребленіе вина не воспрещено св. Писаніемъ. Премудрый Іисусъ сынъ Сераховъ пишетъ: *вино полезно для жизни человека, если будемъ пить его умѣренно* (31, 31—33). Пророкъ Исаія предсказывалъ, что Господь Саваоѣ устроитъ для всѣхъ народовъ трапезу изъ тучныхъ яствъ и самыхъ чистыхъ винъ (таинство причащенія) (25, 6). Чрезъ пророка Іоіля раскаявшемуся народу Богъ обѣщаетъ послать для насыщенія хлѣбъ, вино и елей (2, 19). Іисусъ Христосъ Самъ былъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской, гдѣ пили вино, и чудеснымъ образомъ претворилъ воду въ вино, дабы въ немъ не было недостатка при бракѣ (Іоан. 2, 1—11). Ап. Павелъ совѣтовалъ своему ученику Тимофею умѣренное употребленіе вина (1 Тим. 4, 1—5).

Прот. Н. Кутеновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ записокъ и дневниковъ.

„Дунькино собраніе“.

(Страничка изъ современной лѣтописи закавказскаго сектантства).

— Ты—русскій?—спрашиваю какъ то разъ одного возницу, проѣзжая по Майдану, этой типичнѣйшей азіатской части г. Тифлиса съ ея вполне азіатской жизнью и преобладающимъ азіатскимъ населеніемъ.

— Русскій, изъ Тамбовской губ.

— А изъ какихъ будешь: изъ православныхъ или молоканъ? ¹⁾

— Изъ молоканъ я,—отвѣтилъ извозчикъ,—изъ уклеинскихъ.

— Ну, а скажи, пожалуйста, какъ ты думаешь на счетъ Дунькина упованія и бываешь ли ты на знаменитомъ «Дунькиномъ собраніи»?

— Знаменитое!.. вѣдь, придумали-жъ вы: «знаменитое»... Это Дунька то знаменитости набралась!..

Извозчикъ повернулъ ко мнѣ лицо, пронически хихикнулъ и потомъ снова заговорилъ съ жаромъ и нескрываемой досадой въ голосъ:

— Откуда-жъ это вы взяли, чтобы я пошелъ на Дунькино собраніе?... съ Дунькой то вмѣстѣ Богу молиться?! да будь и та Дунька, да и все ея собраніе трижды проклято, чтобъ я сталъ душу свою поганить... Оно, конечно, у всякаго своя охота и своя добрая воля... Ну, а у меня этой охоты нѣтъ и не будетъ. Вотъ что я вамъ скажу: Христось говорилъ, что среди христіанъ будетъ раздѣленіе и что бываютъ люди, которые входятъ въ стада

¹⁾ Среди легковыхъ извозчиковъ г. Тифлиса очень много молоканъ различныхъ толковъ.

на манеръ волковъ въ овечьей шкурѣ... Я такъ думаю, что эта самая Дунька и есть тотъ лютой волкъ, который овцой прикидывается. И то сказать: сейчасъ вотъ зачали баптисты насъ мутить; но только баптисты то не наши. А Дунька изъ нашихъ вышла и нашихъ же мутить: ну, какъ же, значить, она не самый лютой волкъ? Ехидна она! аспидъ! вотъ ей, что... Спаси насъ, Іисусе! А бабѣ этой... сто разъ анаома! не благовѣсти, чего не слѣдуетъ, не сбивай съ толку юныхъ, не заводи раздоры... Вишь, ты, спасительница!.. А вы говорите: знаменитая. Дьяволъ, коли такъ, еще знаменитѣе.

Я нарочито заговорилъ съ извозчикомъ-молоканиномъ на счетъ уже успѣвшаго прославиться въ закавказскомъ сектантскомъ мірѣ «Дунькина собранія», хотя и насчитывающаго за собой какихъ-нибудь полтора года существованія. «Постоянные» молокане съ кѣмъ бы вы изъ нихъ ни заговорили, и слышать о немъ не хотятъ. Неоднократно мнѣ приходилось убѣждаться въ томъ, что достаточно только сдѣлать намекъ на это «собраніе» въ присутствіи укленица, чтобы услышать изъ устъ послѣдняго самую рѣзкую, насмѣшливую рѣчь по адресу Дуньки и ея почитателей. И это тѣмъ болѣе, что «обходительная» и «льстивая» Дунька съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все большую и большую популярность среди молоканской молодежи, собирающейся подъ знамя Дунькина протеста противъ «засорнаго» и «грѣховнаго» старомолюканства. — Вообще «Дунькино собраніе» имѣетъ уже свою «славу», свою, — хотя и небольшую, — исторію, свой, довольно опредѣлившійся, религіозно-моральный и бытовой типъ, представляетъ собой новое и характерное по нѣкоторымъ своимъ чертамъ явленіе въ жизни закавказскаго сектантства. Объ этомъ явленіи мы и поведемъ свою рѣчь.

I.

Г. Тифлисъ служить однимъ изъ значительнѣйшихъ центровъ закавказскаго раціоналистическаго сектантства. И это — не только въ смыслѣ количественномъ. «Столица» Кавказа, гдѣ сходятся всѣ пути церковнаго и государственнаго управленія кавказскимъ краемъ, является въ то же время и столицей кавказскаго молоканства и особенно шундо-баптизма, направляющей и вдохновляющей жизнь кавказ-

скихъ сектантовъ указанныхъ группъ. Наиболѣе богатые штундобаптисты, самые видные и извѣстные молоканскіе вожаки, а также штундовые «миссіонеры» во главѣ съ В. Павловымъ избрали своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ или главной резиденціей не какой-либо захолустный городокъ Кавказа, а именно Тифлисъ. Въ Тифлисъ сектантская жизнь, такъ сказать, бьетъ ключомъ. Здѣсь то, на берегахъ бурно-стремительной Куры, въ настоящее время шумятъ сектантскіе витіи, своими рѣчами и проповѣдями призывающіе «братъевъ» къ «ловлѣ въ евангельскія сѣти» отступниковъ отъ Христа—послѣдователей господствующей церкви; здѣсь создаются всевозможные проекты «братъевъ-миссіонеровъ» о способахъ этой «ловли» православныхъ и «прочихъ» сектантовъ, отсюда во всѣ концы Закавказья отъ Батума до Баку идетъ «вѣщаніе» сектантскихъ «пастырей»; здѣсь же имѣютъ мѣсто и получаютъ начало наиболѣе видныя событія въ жизни закавказскихъ сектантовъ, какъ, напр., борьба молоканскихъ партій, которая идетъ уже нѣсколько лѣтъ съ маленькими перерывами и доходить... до «бурныхъ» сценъ, иногда оканчивающихся кулачной расправой и «тѣлеснымъ озлобленіемъ». Здѣсь же естественнѣе всего было зародиться и пресловутому «Дунькину собранію», этому довольно крупному явленію въ сектантскомъ мірѣ, представляющему собой квинт-эссенцію сектантскаго шатанія отъ «правды» къ «правдѣ».

Дунькино собраніе выродилось изъ нѣдръ молоканства и организовалось во второй половинѣ 1902 года въ Песковской части г. Тифлиса. Название свое оно получило по имени своей основательницы и покровительницы, жены Тифлискаго легковаго извозчика, Евдокіи Парѣеновой. Такое наименованіе, обычно всѣми употребляемое, какъ вполне установленное и для всѣхъ понятное, дано новому молоканскому теченію стариками молоканами, которые не иначе, какъ съ презрѣніемъ, отзываются о Парѣеновой и ея послѣдователяхъ. Сами же себя дунькины называютъ «свободными», потому что на ихъ общія молитвенныя собранія могутъ не только приходить, но и совершенно свободно, безпрепятственно здѣсь проповѣдывать, давая самый широкій просторъ личному произволу въ пониманіи и толкованіи слова Божія, представители всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и національностей,—а особенно потому,

что сами Дунькины чувствуютъ себя независимыми отъ своихъ стариковъ и ихъ авторитета въ пониманіи Свящ. Писанія. Именуя они себя и «чистыми» въ противоположность старомолагамъ, которые, по заявленію дунькиныхъ, допускаютъ въ своей жизни вообще и въ молитвенныхъ собраніяхъ въ частности большую слабость въ своемъ отношеніи къ грѣху, особенно къ грѣху противъ седьмой заповѣди...—Всѣ перечисленныя названія находятся въ самой тѣсной связи съ происхожденіемъ и дальнѣйшей исторіей «Дунькина собранія».

Возникло это собраніе такимъ образомъ:

Еще въ 1900 г. въ Тифлисскомъ молоканскомъ мірѣ начались споры по поводу «взаимнаго лобзанія» и «исповѣди къ человѣку». Старики отстаивали традиціонную молоканскую практику, молодежь высказывалась противъ нея. Молодой протестантской партіи не нравилось, что старики, въ интересахъ своей «слабости», широко эксплуатировали «святое» лобзаніе, почему эта партія и рѣшила, во избѣжаніе всегда могущихъ происходить соблазновъ, разъ навсегда покончить съ лобзаніемъ, выбросить его изъ состава молоканскаго богослужебнаго культа. Возстала молодежь и противъ «стѣснительной» исповѣди, «несовмѣстимой съ христіанской свободой» и совершаемой «слабыми и грѣшными» стариками. Рѣшено было поэтому покончить и съ исповѣдью, которая и была объявлена во всеуслышаніе, предъ всѣмъ молоканскимъ міромъ, явленіемъ, совершенно неумѣстнымъ въ свободномъ христіанствѣ. Къ 1902 г. споры эти, однако, стали затихать. Но, какъ оказалось въ дѣйствительности, искра вражды совсѣмъ не погасла, недовольство стариками не заглохло, затишье явилось предвѣстникомъ бури. Молодежь продолжала смотрѣть на своихъ вожаковъ подозрительно. Нужно было только явиться какой-нибудь смѣлой и энергичной личности, и искра могла образовать цѣлый пожаръ. Такой личностью и явилась Дунька. Недовольная съ своей стороны поведеніемъ молоканскихъ заправиль, энергичная и хитрая, она рѣшила воспользоваться настроеніемъ молодежи: стала зазывать въ свою квартиру недовольныхъ, угощать ихъ чаемъ, траکتовать имъ о христіанской чистотѣ, внушать еще большую вражду къ старикамъ, ведущимъ соблазнительную, пьяную и развратную жизнь, принес-

шимъ грѣховныя соблазны даже на общія молитвенныя собранія, и въ то же время требующимъ, чтобы всѣ ихъ уважали, всѣ имъ повиновались, всѣ понимали Писаніе такъ, какъ они указываютъ. Слова Дуньки въ концѣ-концовъ глубоко запали въ горячія головы воспріимчивой молодежи, въ результатѣ чего послѣдняя рѣшила окончательно и безповоротно порвать религіозную и богослужебную связь съ старомолоканами. На помощь Дунькѣ пришелъ ея единомышленникъ П. Лѣзинъ, который, по ея желанію, открылъ для отдѣлившихся особыя общія молитвенныя собранія сначала въ Дунькиной «храминѣ», а потомъ въ специально для этой цѣли приспособленномъ помѣщеніи на тѣхъ же Пескахъ. Число «дунькинскихъ» на первыхъ порахъ было немногочисленно, но затѣмъ стало постепенно увеличиваться ¹⁾, къ великой досадѣ стариковъ, готовыхъ видѣть въ Дунькѣ апокалипсическую блудницу, и часто бесполезно тратящихъ много словъ и времени на увѣщаніе молодежи не ходить на «еретическія» сборища. Растутъ и Дунькины молитвенныя собранія, за послѣднее время принимающія необычайно пестрый видъ по своему составу. Здѣсь теперь молятся и проповѣдуютъ не одни дунькины, а вмѣстѣ съ ними и прыгуны, и штундо-баптисты сектанты и русскіе, и армянскіе ²⁾. Присутствіе на Дунькиныхъ моленіяхъ штундо-баптистовъ обращаетъ на себя особенное вниманіе. На этомъ фактѣ мы и остановимся на нѣкоторое время.

Штундо-баптисты являются въ Дунькино собраніе далеко не съ той цѣлью, чтобы поучиться отъ молоканъ «правому» упованію и благочестію; скорѣе, наоборотъ, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться молоканскимъ раздѣленіемъ въ интересахъ своей пропаганды среди отдѣлившихся. Вѣдь почва такъ благопріятна для посѣва... Въ самомъ дѣлѣ дунькины объявили, что толковать Писаніе на ихъ собраніяхъ можетъ всякій, къ какому бы христіанскому исповѣданію онъ ни принадлежалъ, толковать совершенно свободно, такъ какъ

¹⁾ Иначе и не могло быть: развѣ не соблазнительно и не привлекательно имѣть право проповѣдывать, да еще такъ, какъ каждому хочется! Здѣсь мы видимъ только повтореніе факта, служащаго одной изъ причинъ распространенія и дробленія нашего сектантства на отдѣльные толки.

²⁾ Насколько намъ извѣстно, штундо-баптизмъ въ г.г. Тифлисъ и Баку имѣетъ своихъ послѣдователей и среди армянъ.

де «каждому» христіанину «дается проявленіе Духа на пользу (1 Кор. XII, 7). Но такой принципъ не могъ не привлечь къ себѣ вниманія нашихъ русскихъ протестантовъ, которые поняли, что «духъ» отдѣлившись и «духъ» штундовыхъ братьевъ—одинъ и тотъ же, почему и рѣшили, что тотъ «духъ» имъ, штундистамъ, пойдетъ на пользу. Они стали аккуратно являться на богослуженіе дунькиныхъ и здѣсь выступать съ своей проповѣдью. Важно и замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что Дунькино собраніе рядовыми штундо-баптистами не посѣщается: они прекрасно знаютъ, что имъ тутъ дѣлать нечего. Являются же сюда вожаки штундо-баптизма и притомъ наиболѣе выдающіеся, какъ воспитанникъ Гамбургской миссіонерской семинаріи, знающій «одинадцать языковъ» миссіонеръ В. Павловъ, братья И. и Н. Воронины, одинъ мѣстный агентъ и книгоноша Британскаго Библейскаго Общества, по исповѣданію реформатъ, но неизмѣнный другъ и «просвѣтитель» тифлисскихъ штундистовъ. Насколько успѣшна дѣятельность штундовыхъ братьевъ и каковы ея плоды среди дунькиныхъ, объ этомъ рѣчь впереди.

II.

Мнѣ пришлось побывать на «Дунькиномъ собраніи» въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1903 г. два раза. И вотъ мои наблюденія и впечатлѣнія, вынесенныя оттуда и занесенныя мной на страницы моего дневника.

Отправляясь къ «дунькинымъ» въ первый разъ, я зашелъ къ моему помощнику Т. С. Харитонову (обращенному изъ молоканъ), чтобы онъ показалъ мнѣ мѣсто собранія сектантовъ и познакомилъ меня съ главными руководителями собранія.

Стояла темная ноябрьская ночь. Чѣмъ дальше ѣдемъ по Пескамъ, тѣмъ улицы становятся все пустыньѣе и темнѣе. Скоро уже и цѣль нашей поѣздки. Вылѣзли мы изъ вагона конки и пошли куда то внизъ, по глухому переулку, по направленію къ Курѣ. Кругомъ тишина и темь непроглядная. И только тамъ, гдѣ то вдали, еще ниже насъ, мелькаютъ въ какомъ то помѣщеніи тусклые огоньки. Подходимъ къ дому, изъ оконъ котораго выходятъ лучи блѣднаго свѣта.

— Вотъ посмотритесь то, А. И.! обратился ко мнѣ мой спутникъ, — чего только вы не увидите на этомъ собраніи?

Въ это время изъ воротъ двора, гдѣ находилось собраніе, вынырнула тощая, изогнутая фигура въ пиджакъ и съ книгами въ рукахъ.

— Это ты, Сергѣй? — окликнулъ фигуру Т. С.; ты опять книгами торгуешь. Вѣдь у тебя нѣтъ разрѣшенія, а ты все за свое... А. И., это — агентъ библейскаго общества. Торгуешь безъ разрѣшенія. Смотри ты, Сергѣй, — заговорилъ уже съ досадой въ голосъ мой помощникъ, — наживешь ты себѣ бѣду... Ты домой уже идешь? Пойдемъ-ка на бесѣду; миссіонеръ вотъ, А. И., будемъ съ вашими сейчасъ на счетъ вѣры толковать.

Агентъ молчалъ почти все время, — только въ началѣ что то буркнувъ въ свое оправданіе, — и отправился въ слѣдъ за нами на собраніе, изъ котораго онъ только-что вышелъ.

По темному двору, заставленному экипажами молоканъ-извозчиковъ, ушедшихъ на собраніе, и затѣмъ по темной лѣстницѣ мы наконецъ добрались до сектантскаго сборища. Входимъ въ большую комнату, освѣщенную большой лампой и наполненную молящимися, сидѣнья которыхъ расположены вдоль трехъ стѣнъ. У четвертой передней стѣны стоитъ столъ, на которомъ лежитъ Новый Заветъ и въ роскошномъ переплетѣ Библія на русскомъ языкѣ. За столомъ стоитъ проповѣдникъ Б. и объясняетъ I Иоанн. I, 4 — 10. Въ комнатѣ душно; тяжело дышать: такъ много слушателей, да изъ подполья несетя, далеко не изъ пріятныхъ, запахъ птичьяго навоза...

Усѣлись. Вглядываюсь въ толпу. Налѣво отъ меня — цвѣтуція лица молоканокъ, направо — испитыя и больныя фізіономіи молоканъ, штундо-баптистовъ, прыгуновъ. Одни съ любопытствомъ разсматриваютъ насъ, вошедшихъ; другіе переговариваютъ между собой, кивая въ нашу сторону головами; третьи, мелькомъ взглянувъ на насъ, снова погрузились въ слушаніе проповѣдника...

А проповѣдникъ восклицалъ:

— Братъ, братъ! иди къ свѣту, скорѣе иди! Христосъ уже здѣсь, уже въ твоёмъ сердцѣ, въ тебѣ самомъ. Онъ пришелъ за тобой! Иди же, братъ, къ свѣту, иди, не медля иди...

Послышались вздохи. Сидѣвшая въ углу одна молоканка заохала и начала всхлипывать. Толпа начинала приходить въ возбужденіе. Наконецъ проповѣдникъ окончилъ рѣчь и воскликнулъ:

— Преклонимъ же, братья, колѣна и помолимся.

Но штундо-баптистъ Воронинъ въ свою очередь замѣтилъ:

— Нѣтъ, подождите. Сначала пропоемъ, а потомъ и станемъ на колѣна.

Толпа повиновалась Воронину. Началось пѣніе стиховъ изъ «Голоса вѣры», собранія духовныхъ пѣсней, изданнаго въ Тифлисѣ Н. Воронинымъ въ 1882 г. и въ свое время одобреннаго цензурой. Однообразное, унылое пѣніе, не позволявшее разбирать часто не только словъ, но и слоговъ, колѣнопреклоненія, импровизированныя молитвы, пѣніе псалмовъ и цѣлыхъ главъ изъ апостольскихъ посланій—все это, что я увидѣлъ и услышалъ дальше, не представляетъ собой ничего особеннаго. Совершалось обычное штундовое богослуженіе.

Но вотъ моленіе окончилось. Я всталъ съ своей скамьи, подошелъ къ столу и поздоровался съ проповѣдниками, затѣмъ пожелалъ мира всему собранію и началъ, обратившись ко всѣмъ, свою рѣчь приблизительно такъ:

— Вотъ вашъ проповѣдникъ объясняетъ вамъ, что Богъ свѣтъ есть, и что христіане должны ходить во свѣтѣ. Но ходите ли вы, здѣсь собравшіеся, въ свѣтѣ и истинѣ? По Апостолу, Богъ и любовь есть, и христіане должны въ любви пребывать, а вы вотъ раздѣляетесь между собой и отъ св. церкви отдѣлились. Можно ли послѣ этого сказать, что вы въ любви пребываете? Вы думаете, что среди васъ Христосъ живетъ. Но правда ли, что это такъ?

Затѣмъ я сталъ просить присутствующихъ лучше задуматься надъ этими вопросами и перешелъ, наконецъ, къ вопросу о томъ, отчего у сектантовъ идутъ безконечныя раздѣленія между собой и почему они отдѣляются отъ православной церкви. Я указывалъ и на человѣческій грѣхъ самолюбія и самоишія, и на діавола, ищущаго человѣческой гибели, чрезъ раздѣленіе людей, говорилъ и о томъ произволѣ въ пониманіи писанія, который удаляетъ человѣка отъ церкви—этого столпа истины, и ведетъ къ ложному пониманію истины Христовой.

— Вотъ объ этомъ то пониманіи слова Божія, о томъ, кому дано право толковать его, и поговоримъ теперь, сказалъ я; поговоримъ по-христіански, безъ зависти и любопренія, съ любовью и желаніемъ придти къ свѣту истины Христовой.

— Да вы развѣ съ любовью и по любви къ намъ пришли?— замѣтилъ одинъ изъ штундистовъ, сидѣвшій противъ меня и хитро во время моей рѣчи улыбавшійся.

— Не будемъ объ этомъ говорить, замѣтилъ я. Послушайте, что говоритъ св. Апостолъ: «кто изъ человѣковъ знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ»? (I Кор. II, 11), и еще: самъ Апостолъ замѣчаетъ о себѣ, а затѣмъ и вообще высказываетъ: «для меня очень мало значить, какъ судите обо мнѣ вы, или какъ судятъ другіе люди; я и самъ не сужу о себѣ. Ибо хотя я ничего не знаю за собою, но тѣмъ не оправдываюсь; сѣдѣя же мнѣ Господь. Посему не судите никакъ прежде времени, пока не придетъ Господь, Который и освѣтитъ скрытое во мракѣ и обнаружить сердечныя намѣренія» (гл. IV, 3—5).

Штундистъ не возразилъ ничего, а одинъ молоканинъ замѣтилъ:

— Зачѣмъ вы (обращаясь къ штундисту) перебиваете ихъ; они хотятъ по любви толковать съ нами, а вы сейчасъ задѣвать чело-вѣка. Это—неловко.

Бесѣда затѣмъ продолжалась обычнымъ порядкомъ, при чемъ штундисты хотѣли во что бы то ни стало отстоять свои положенія, что 1) всякій имѣетъ даръ толкованія, и 2) разница въ пониманіи слова Божія не ведетъ къ вѣчной гибели, потому что христіане, какъ бы ни исповѣдовали вѣру Христову, все же вѣруютъ въ одного и того же Христа. Во время бесѣды молокане иногда начинали перебивать рѣчь штундо-баптистовъ, и наоборотъ; но толпа въ такихъ случаяхъ эмергично требовала, чтобы говорили только миссіонеръ да Воронинъ. Собесѣдованіе окончилось тихо и мирно около полуночи, при чемъ сектанты выразили желаніе бывать у меня въ квартирѣ, спросили мой адресъ и просили еще бывать у нихъ на собраніи. Я съ своей стороны просилъ сектантовъ, не стѣсняясь, заходить ко мнѣ и общалъ бывать у нихъ.

Собраніе носило въ остальномъ прежній характеръ, кромѣ того только, что колѣнопреклоненій теперь не было. Проповѣдники тол-

ковали I Тимоѳ. II гл., затѣмъ Лук. III и XIX гл. Проповѣдниковъ было на этотъ разъ три. Объясненіе писанія отличалось довольно произвольнымъ характеромъ. На каждомъ шагу слышалось у всѣхъ: «вѣроятно», «быть можетъ» ¹⁾. Эти выраженія и послужили для меня исходнымъ пунктомъ для моей новой бесѣды, въ существѣ же дѣла представлявшей продолженіе предыдущей. Бесѣдовали со мной штундо-баптисты и только изрѣдка вставляли свои замѣчанія молокане. Агентъ библейскаго общества, возражавшій мнѣ на предыдущей бесѣдѣ, теперь молчалъ, потому что еще тогда отъ одного молоканина получилъ замѣчаніе:

— Ты не дѣло говоришь. Лучше замолчи.

Любопытно, что штундисты на этотъ разъ выступили съ научнымъ аппаратомъ, говорили объ Оригенѣ, блаж. Августинѣ, о вселенскихъ соборахъ, о соборѣ Сардикійскомъ, упрекая и тѣхъ и другіе въ неправославіи; заявили, что они знать не хотятъ Толстого, который «много ересей наговорилъ»; толковали о свободѣ совѣсти, усиливаясь говорить ученымъ слогомъ, при чемъ высказали ту мысль, что если бы имъ позволили, то они такой бы храмъ выстроили, что православные только позавидовали бы.

— Бѣда наша только въ томъ,—между прочимъ сказали штундисты,—что правительство признаетъ православіе господствующей религіей, поддерживаетъ древній византійскій порядокъ...

Бесѣда окончилась мирно около 11 ч. ночи, если не считать просьбы сектантовъ, чтобы я не позволялъ православнымъ... смѣяться на ихъ собраніи, и нѣсколькихъ недоброжелательныхъ возгласовъ сектантовъ, по адресу выходившихъ изъ собранія православныхъ. Дѣло въ томъ, что во время бесѣды мы остановились на рѣчи Апостола о дарахъ духовныхъ. Я, между прочимъ, сказалъ:

— По совѣсти отвѣтите мнѣ: есть ли у васъ чудотворцы—цѣлители и пророки?

На это одинъ изъ сектантовъ замѣтилъ, поднявшись со скамьи и гордо закинувъ назадъ голову:

¹⁾ Первый проповѣдникъ заговорилъ, когда я только вошелъ. Не замѣтивъ меня, онъ опустилъ слова Апостола о молитвѣ за царей (I Тим. II, 2); и только увидѣвъ меня по окончаніи главы, заговорилъ по поводу 2 ст.

— Я вотъ пророкъ.

— А что значить это слово?—спросилъ я его.

— Что? Пророкъ тотъ, кто предсказываетъ.

— Не вполне точно, замѣтилъ я, но пока пусть будетъ такъ. Скажите мнѣ, что произойдетъ завтра въ Тифлисѣ? Какими событіями ознаменуется день?

Молоканинъ храбро и съ самодовольствомъ отвѣтилъ:

— Завтра будетъ день.

Толпа засмѣялась. Послышались возгласы:

— Вотъ такъ пророкъ!

— Ловко, братцы, предсказываетъ.

Посильное изученіе «Дунькина собранія» привело меня къ слѣдующимъ выводамъ.

1) «Дунькино собраніе» является своего рода протестантствомъ въ молоканствѣ. Это не что иное, какъ протестъ противъ выдыхающей и теряющей свою силу традиціи старомолеканства и свившихъ въ молоканствѣ крѣпкое гнѣздо всевозможныхъ пороковъ. Съ этой стороны «Дунькино собраніе»—одинъ изъ ярко выраженныхъ симптомовъ разложенія и вымиранія молоканства въ закавказскомъ краѣ, вымиранія, весьма замѣтнаго не въ одномъ Тифлисѣ. Мнѣ лично извѣстно, напр., что въ Бакинской губ., вслѣдствіе бесѣдъ книгоноши-миссіонера Буланова съ молоканами о необходимости воднаго крещенія, молокане переходили въ штундо-баптизмъ; а когда Булановъ сталъ молоканамъ доказывать, что крещеніе необходимо не только для взрослыхъ, но и для дѣтей, то одни изъ перешедшихъ въ штунду снова возвращались въ молоканство, другіе же останавливались на распутіи...

2) Но этотъ симптомъ таковъ, что вскрываетъ явный наклонъ молоканства въ сторону штундо-баптизма. Если еще въ 1902 г. нельзя было установить этого факта съ надлежащей опредѣленностью, то теперь есть полная къ тому возможность и основаніе. Принципъ свободы—произвола въ толкованіи писанія въ собраніи прочно обосновался. Не менѣе прочно закли здѣсь и штундистскіе проповѣдники. Право каждаго выступать съ проповѣдью на практикѣ здѣсь въ послѣднее время почти не осуществляется. Проповѣдуютъ часто подъ-рядъ нѣсколько собраній одни штундисты. По-

слѣдніе занимають здѣсь самыя почетныя мѣста около стола, на которомъ лежатъ священныя книги, приносимыя штундистами. Поются на собраніяхъ штундовыя пѣснопѣнія. Штундисты—и только они—произносятъ молитвы-импровизаціи, руководятъ ходомъ богослуженія, объявляютъ о днѣ и часѣ слѣдующаго собранія ¹⁾, вообще имѣютъ явно выраженное желаніе главенствовать въ собраніяхъ. Для сильнѣйшаго же привлеченія къ себѣ молоканъ и для устраненія подозрѣній, хорошо готовятся къ проповѣдямъ, говорятъ очень складно и свободно, видимо рассчитывая на успѣхъ и, правду сказать, достигая его.

3) «Дунькино собраніе» живетъ теперь не одной только пылкостью буйной молодежи, взбунтовавшейся противъ стариковъ. Среди «Дунькиныхъ» немало членовъ 30—40 лѣтъ. И растетъ «Дунькино собраніе» не по днямъ, а по часамъ. Усиливающаяся злоба «стариковъ» только вновь подтверждаетъ, какіе большіе лавры пожинаетъ «Дунька», а лучше теперь сказать: штундо-баптизмъ.

4) Молва о «Дунькинномъ собраніи» уже выпла за предѣлы Тифлиса и заставила о немъ говорить молоканскую провинцію.

Въ силу всего этого, «Дунькину собранію», думается намъ, суждено сыграть не незначительную роль въ исторіи закавказскаго молоканства и штундо-баптизма. Но мнится вмѣстѣ съ тѣмъ, что и для закавказской миссіи, въ виду разложенія закавказскаго молоканства, настаетъ важный и благодарный моментъ. Тяжело и подумывать о томъ, что молоканскія симпатіи все болѣе и болѣе склоняются въ сторону штундо-баптизма, этой доктрины, которая теряетъ, какъ, напр., въ г. Баку, свои религіозные элементы и становится ученіемъ сколько соціально-политическимъ, столько и безрелигіознымъ, безбожнымъ...

Грузинскій епархіальный миссіонеръ *А. Платоновъ*.

¹⁾ Собранія происходятъ болѣе или менѣе регулярно по четвергамъ и субботамъ, начинаются въ 7-мъ ч. вечера.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

„По предметамъ вѣры и жизни пастырскія бесѣды и чтенія“. На память о пастырскомъ служеніи въ г. Самарѣ. Протоіерея Николая Боголюбскаго. Москва. 1904. Съ портретомъ автора. IV+611 стр. Ц. 1 руб. 50 коп. съ пересылкой.

Книга съ приведеннымъ заглавіемъ есть произведеніе „любимца Самары“, и появленіе ее въ свѣтъ вызвано, какъ это видно изъ предисловія, „настойчивымъ желаніемъ тѣхъ достопочтеннѣйшихъ обывателей г. Самары, которые были непосредственными слушателями“ наставленій автора и которые, нужно дополнить къ этому, по собственному почину, при разлукѣ съ дорогимъ своимъ пастыремъ, предложили матеріальную помощь при изданіи ихъ.

Весь матеріалъ распредѣленъ по отдѣламъ. Отд. 1-й. Слова, поученія и рѣчи, произнесенныя въ Казанско-Богородицкомъ соборѣ г. Самары (ихъ 81). Отд. 2-й. Поученія, произнесенныя по назначенію епархіальнаго начальства, при архіерейскихъ служеніяхъ (ихъ 19). Отд. 3-й. Поученія, произнесенныя въ церкви Самарской духовной Семинаріи (ихъ 15). Отд. 4-й. Слова, произнесенныя во дни храмовыхъ праздниковъ въ Самарской тюрьмѣ (ихъ 8). Отд. 5-й. Поученія и рѣчи, произнесенныя по разнымъ случаямъ и въ разныхъ мѣстахъ (ихъ 17). Отд. 6-й. Надгробныя и поминовенныя поученія (ихъ 11). Отд. 7-й. Внѣбогослужебныя бесѣды и публичныя чтенія (ихъ 12).

Обстоятельства, вызвавшія появленіе въ свѣтъ вышеозначенныхъ бесѣдъ и чтеній, уже показываютъ на ихъ животворность и дѣятельность. При цѣнности всего проповѣдническаго матеріала въ отношеніи жизненности, особенно цѣннымъ является 5-й отдѣлъ, цѣннымъ потому, что проповѣдь „публицистическаго“ направленія далеко не всякому проповѣднику по силамъ, для нея требуется проповѣднику широкое образованіе, знаніе современной жизни, ясный умъ и твердое церковное и государственное міровоззрѣніе, чтобы вѣрно критиковать и безбоязненно предлагать свое міровоззрѣніе съ церковной кафедры, какъ непрерываемое и руководственное. У автора разбираемой книги, умудреннаго опытомъ, нѣтъ недостатка въ дерзновеніи идти впередъ и указывать дорогу. Вотъ, наприм., что говоритъ авторъ-проповѣдникъ по случаю 50-ти

лѣтняго юбилея Н. В. Гоголя, характеризуя его, какъ художника-писателя и вмѣстѣ какъ человѣка-христіанина. „Тонкій наблюдатель-психологъ, Гоголь съ удивительною прозорливостію умѣлъ подмѣчать среди обычнаго, всѣмъ слишкомъ знакомаго, быта неуловимыя для всѣхъ, но зато и понятныя каждому явленія жизни съ ихъ мельчайшими оттѣнками и такъ искусно распознавалъ язвы грѣховнаго, „ветхаго“ человѣка въ людяхъ, насъ окружающихъ, въ насъ самихъ, во всѣхъ и каждомъ изъ насъ, такъ глубоко проникалъ въ самые тончайшіе изгибы человѣческой души, и вотъ почему въ его безсмертныхъ художественныхъ типахъ, какъ въ зеркалѣ, можно каждому находить себя, тѣ или другіе свои недостатки, смѣшныя и уродливыя стороны своего внутренняго состоянія и внѣшняго поведенія; вотъ почему сколько ни читай Гоголя, онъ всегда интересенъ, всегда вновь хочется читать и перечитывать его. Какъ истинный, вдохновенный художникъ-человѣкъ, съ глубокимъ отвращеніемъ ко злу и искреннѣйшею любовью къ людямъ—братьямъ, съ желаніемъ для жизни обновленія и улучшенія, „горькимъ словомъ своимъ смѣется“ Гоголь надъ проявленіями умственнаго, нравственнаго и эстетическаго убожества человѣка, надъ той мелкой суею и ничтожными интересами, въ которыхъ погрязъ—высшее изъ земныхъ созданій Божіихъ—человѣкъ. Но въ смѣхѣ его нѣтъ злорадства, а слышится скорбь о томъ, что человѣкъ помрачаетъ въ себѣ идеальную, божественную красоту и самъ не замѣчаетъ этого и потому является такимъ жалкимъ, слабымъ, совсѣмъ безсильнымъ спасти себя своими силами“.

Или въ рѣчи предъ открытіемъ XI выставки картинъ въ Самарѣ авторъ говоритъ.—„Всѣ мы обязаны содѣйствовать великому дѣлу просвѣщенія,—кто чѣмъ—кто официальной службой, кто живымъ словомъ, кто примѣромъ своей доброй жизни, кто научнымъ или промышленнымъ трудомъ, кто служеніемъ искусству,—лишь бы лицо, совершающее служеніе, дѣйствовало по совѣсти, просвѣщенной божественнымъ свѣтомъ, и стремилось къ прославленію Творца, отъ Котораго все происходитъ и Которымъ все зиждется и наполняется. Живопись, какъ и всякое другое искусство, какъ и вообще трудъ человѣческій, и по существу своему и по формѣ, можетъ быть очень различенъ. Жизнь человѣческая состоитъ изъ уклоненій, и трудъ cadaго человѣка не самъ по себѣ только имѣетъ цѣнность, а насколько онъ такъ или иначе, въ большей или меньшей степени состоитъ въ гармоніи съ общею идеею жизни во Христѣ, ибо Христосъ и есть Истинный свѣтъ, Онъ и есть Путь и Истина, и Животь, и ни-

кто не можетъ помимо Его придти къ Богу, къ Тому, Кто есть Альфа и Омега всего бытія, Кто есть единственный Первообразъ—живой Идеаль всѣхъ человѣческихъ идеаловъ. Въ наше время надобно быть осторожнымъ, чтобы не принять фальшивый, искусственный свѣтъ за истинный и самому не впасть и другихъ не ввести въ гибельное заблужденіе“.

Нельзя не пожелать возможно широкаго распространенія книгъ живой и интересной, какъ по затрогиваемымъ вопросамъ, такъ и по освѣщенію ихъ съ церковной точки зрѣнія при изложеніи ясномъ и живомъ, нерѣдко образномъ и властномъ. Цѣна книги, принимая во вниманіе ея объемъ и тщательность изданія съ отсутствіемъ даже корректурныхъ ошибокъ, весьма низкая и доступная.

Сит.

Архимандритъ Сергій. Письма изъ Сарова. Спб. Ц. 30 к. 1903 г., стр. 64.

По поводу открытія мощей преп. Серафима Саровскаго появилась, можно сказать, цѣлая литература апологетическаго, историческаго, гомилетическаго и эпистолярнаго характера. Предлагаемая вниманію читателя книжка носитъ послѣдній. При такой формѣ произведенія легко поэтому ожидать обильнаго выраженія мыслей, чувствъ, мистическаго проникновенія въ сущность событія. Но въ письмахъ архим. Сергій занимается больше повѣствованіемъ, личныя чувства проскальзываютъ, но какъ-то опредѣленно не высказываясь, не облекаясь въ выпуклыя формы. Вотъ какую, по большей части, они носятъ форму выраженія. „Чѣмъ ближе къ Сарову, тѣмъ сильнѣе билось сердце. Затрудняюсь себѣ дать отчетъ, почему, но я сильно въ это время волновался“ (стр. 9). Среди множества книжекъ и описаній Саровскихъ событій книжка Поселянина несомнѣнно написана проникновеннѣе другихъ. А думается, что если бы въ числѣ паломниковъ были такіе таланты литературнаго слова, какъ Меньшиковъ, Розановъ, Мережковскій и если бы они, конечно, были искренно увѣровавшими въ святость земли Пр. Серафима, открылись бы тогда Саровскія глубины! Но, къ сожалѣнію, закрыты еще очи ихъ. Все-таки нужно сказать спасибо и о. архим. Сергію за его трудъ, который изъ ряда другихъ выдѣляется теплотою своего религіознаго чувства и не ограничивается однимъ протокольнымъ описаніемъ (къ стр. 17, 25, 41) и др. Издана книжка очень чистенько.

С —кз.

ХРОНИКА, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Празднованіе юбилея синодальнаго миссіонера протоіерея К. Н. Крюкова ¹⁾).

Адреса, поздравительныя письма и телеграммы, которыми откликнулись на юбилей протоіерея о. Крюкова разныя лица и общества, сочувствующія святому дѣлу нашей противораскольничьей миссіи, въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ о плодотворной миссіонерской дѣятельности юбиляра въ разныхъ епархіяхъ нашей православной церкви. При всемъ сходствѣ этихъ привѣтствій юбиляру, въполнѣ естественномъ и понятномъ по самому существу миссіонерскаго дѣла о. Крюкова, въ каждомъ изъ нихъ отгѣняется та или другая особенность служенія и самого миссіонерскаго облика почтеннаго о. протоіерея. Характерны съ этой послѣдней стороны привѣтствія эти и по отношенію къ самимъ привѣтствовавшимъ о. юбиляра. Вотъ эти письменныя и телеграфныя привѣтствія (нѣкоторыя въ полности и нѣкоторыя въ выдержкахъ).

Ваше Высокопреподобіе, Возлюбленный о Христѣ Братъ о. Протоіерей.

28-го числа минувшаго декабрія исполнилось двадцатипятилѣтіе Вашей миссіонерской дѣятельности на пользу Православной церкви. Слѣшу, хотя и съ нѣкоторымъ опозданіемъ, правда, невольнымъ, выразить Вамъ привѣтствія отъ себя и отъ Нижегородской миссіи. За двадцатипятилѣтній періодъ Вашего плодотворнаго, широкаго и славнаго служенія св. дѣлу противораскольнической миссіи, Вы не обходили своимъ вниманіемъ Нижегородской епархіи. Успѣхамъ Нижегородской миссіи Вы всегда оказывали содѣйствіе братскимъ общеніемъ съ Нижегородскими миссіонерами, приходя имъ на помощь добрыми совѣтами испытаннаго борца за правду Божію. Ваши многократныя бесѣды съ защитниками раскола, особенно на Нижегородской ярмаркѣ, были для многихъ мѣстныхъ миссіонеровъ живою школой. Сильное впечатлѣніе отъ Вашихъ бесѣдъ неизгладимо останется въ умахъ и сердцахъ многочисленныхъ слушателей, и доброе сѣмя, посѣянное ими, приноситъ добрые плоды.

¹⁾ «Мисс. Обзор.» кн. 3-я, стр. 385.

Призываю Вамъ Божіе благословеніе и молитвенно желаю Вамъ, возлюбленный о Господѣ братъ, съ прежней нехладной ревностью и плодотворностію преуслѣвать и на будущее время многія лѣта на трудномъ и широкомъ миссіонерскомъ поприщѣ во славу Божію и на благо Святой Православной Матери нашей церкви.

Съ любовію и преданностію честь имѣю быть Вашего Высокопреподобія покорнѣйшій слуга

Назарій, епископъ Нижегородскій и Арзамасскій.

Ваше Высокоблагословеніе, Достопочтенный о. Протоіерей!

Почитаю долгомъ поздравить съ наступающимъ свѣтлымъ юбилеемъ 25-лѣтняго доблестнаго служенія вашего въ священномъ санѣ. Божія церковныя исторія будутъ всегда помнить ваше побѣдоносное ратоборство со тьмою упорнаго невѣжества злополучнаго раскола. Вашими просвѣщенными благочестивыми бесѣдами замирена наша Уральская область, враги и хулители Божіей церкви оттуда временно удалились. Вашими хлопотами о пожертвованіяхъ не мало создано храмовъ Божіихъ въ Уральской области и Оренбургскомъ уѣздѣ. Желалъ бы присутствовать самъ и помолиться съ другими на вашемъ свѣтломъ торжествѣ, но за невозможностію сего вслѣдствіе отъѣзда въ Екатеринбургъ посылаю замѣстителемъ свое подобіе и прошу имѣть его на молитвенную память, ибо и я состою въ числѣ искреннихъ почитателей апостольскихъ вашихъ трудовъ. Призывая Божіе благословеніе, навсегда пребуду глубокочущимъ и преданнымъ вашего высокоблагословенія смиреннымъ слугою и богомольцемъ

Владиміръ, Епископъ Екатеринбургскій и Ирбитскій.

Привѣтъ Юбиляру, знаменитому раскола искоренителю и ересей обличителю. Здравствуйте многія лѣта!

Исидоръ, Епископъ Балахнинскій. Бывшій единовѣрческій благочинный, смотритель Заиконоспасскаго училища, *Иеромонахъ Тарасій.*

Ваше Высокопреподобіе, Высокоуважаемый о. протоіерей!

Узнавъ изъ письма о. Іоанна Чередникова подробности юбилейнаго торжества Вашего, сердечно пожелалъ къ моей телеграммѣ, посланной Вамъ въ свое время, присовокупить еще нѣсколько самыхъ пренскренныхъ пожеланій. Да продлитъ Господь Вашу жизнь еще на многія и многія лѣта и да умудритъ и укрѣпитъ Васъ во сто кратъ на пользу Святой Церкви Христовой. Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ

крайней необходимости умножать церкви и школы единовѣрческія и убѣждаю тѣхъ, съ которыми Господь приводитъ служить. Это самое могущественное и сильное средство борьбы съ расколомъ. Великое благодареніе Вамъ, что Вы авторитетно руководите этимъ дѣломъ и защищаете его отъ враговъ... Прочно вписывается имя Ваше въ Исторію Русской Церкви.

Искренно преданный Вамъ о Христѣ братъ *Епископъ Исидоръ*.

Привѣтствую Ваше Высокоблагословеніе съ знаменательнымъ юбилеемъ Вашей плодотворной миссіонерской дѣятельности; искренно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ на многіе годы. Губернаторъ *Хвостовъ*.

„Привѣтствую Ваше Высокопреподобіе юбилейнымъ праздникомъ доблестнаго Вашего служенія миссіи святой церкви. Востокъ, западъ, сѣверъ и югъ великой Россіи знаютъ Васъ, побѣдоноснаго борца православія, и Кавказъ, Ставропольская епархія видѣли Васъ на Божественной стражѣ вѣры, слышали Ваше мощное слово; сотни раскольниковъ приведены здѣсь Вами въ церковь и многіе храмы воздвигнуты Вашимъ попеченіемъ. Молюсь, да хранитъ Васъ Господь на Славу Свою, на благо церкви, на утѣшеніе миссіи-многая лѣта“. Вашъ искренній почитатель, „рядовой“ христілюбиваго воинства церкви, іерей Симонъ Никольскій, Ставропольскій епархіальный миссіонеръ.

„Господь, давшій Вамъ уста и премудрость четверть вѣка утверждать братію, да сохранитъ Васъ на многія лѣта“. Священникъ Е. Зубаревъ.

Сердечно поздравляемъ Васъ, многоуважаемый и дорогой нашъ пастырь, съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ Вашей службы на пользу св. православной церкви. Вспоминая Ваши сердечныя отношенія къ Ранневской Св. Троицкой церкви, выразившіяся въ Вашихъ трудахъ при устройствѣ ея, Ваше попеченіе о благолѣціи ея, а также и тѣ бесѣды, которыя Вамъ пришлось имѣть съ грубымъ расколомъ, мы, прихожане этой церкви, глубоко цѣня и уважая Ваше знаніе, трудъ, умѣніе, благодаря которымъ расколъ видимо уже начинаетъ терять свое существованіе, считаемъ нравственнымъ своимъ долгомъ сердечно привѣтствовать Васъ, дорогой пастырь, въ этотъ знаменательный для Васъ день съ пожеланіемъ Вамъ всего наилучшаго въ жизни. Да сохранитъ Васъ Богъ на многія лѣта, для пользы Святой Церкви и на страхъ врагамъ Ея!

Отъ священника *Фадея, старосты и прихожанъ*. Ранневскій поселокъ, Уральской области.

Священнослужители, съѣхавшіеся привѣтствовать юбиляра съ разныхъ концовъ русской земли, поднося ему св. Евангеліе, говорили между прочимъ: „За всѣ Ваши труды и подвиги во славу св. церкви, сердечно привѣтствуемъ Васъ, высокочтимый о. протоіерей Ксенофонтъ Никифоровичъ, съ настоящимъ знаменательнымъ днемъ исполнившагося 25-лѣтія Вашего служенія. На память о семъ днѣ, въ знакъ истинной любви и признательности, отъ имени духовенства и многочисленныхъ почитателей Вашихъ, ближнихъ и дальнихъ сторонъ Россіи и прихожанъ единоувѣрческой церкви села Поима, просимъ принять сіе св. Евангеліе, изъ котораго Вы неизмѣнно всегда проповѣдывали, и ради котораго Вы такъ много подвизались“.

Отъ прихожанъ о. протоіерея, поимскихъ единоувѣрцевъ, и хора пѣвчихъ поимской единоувѣрческой церкви сказаны теплыя привѣтствія, въ которыхъ со всею искренностію, простотою и любовью поимцы благодарять своего „дорогого и незабвеннаго батюшку“, за его пастырскія благопопеченія о нихъ и ихъ святомъ храмѣ, его благоуукрашеніи и благолѣпномъ богослуженіи.

Благодаря вашей Евангельской проповѣди, говорилось въ привѣтствіи отъ прихожанъ о. Крюкова, милостивѣйшій о. протоіерей, мы, нѣкогда блуждавшіе въ душепагубномъ расколѣ, познали истинную вѣру, содѣлались сынами православной Христовой церкви, и такимъ образомъ изъятые изъ среды погибели и поставлены вами на путь, ведущій къ нескончаемому блаженству. Наше когда-то малое стадо, порожденное вами, теперь, благодаря неутомимымъ и многотруднымъ вашимъ заботамъ, сдѣлалось многочисленнымъ и сильнымъ.

Могли ли мы, четверть вѣка тому назадъ, въ лицѣ нашихъ немногихъ предшественниковъ, всего въ числѣ пятидесяти человекъ, рѣшившихся стать по благу вашему примѣру на путь борьбы съ многотысячной раскольнической неправдой, могли ли помыслить о толикихъ благахъ, что видимъ у себя теперь. По вашимъ неусыпнымъ трудамъ и заботамъ мы теперь уже не малое стадо, а общество болѣе тысячи душъ, общество, обладающее силой и чувствующее уже перевѣсъ надъ той неправдой, которая когда то казалась намъ страшилищемъ, и мы уже не чувствуемъ той прежней духовной бѣдности. Сей храмъ нашъ, блистая своимъ благоуукрашеніемъ, созданный вашимъ промышленіемъ, ясно даетъ знать всѣмъ о томъ благомъ положеніи, какое пріобрѣтено для насъ вами. Дорогой нашъ батюшка!—Стройное и умиленное пѣніе, благолѣпное служеніе при богатой церковной утвари и могущественный церковный благовѣстъ приводятъ душу богомольцевъ въ восхищенное настроеніе. Церковно-приходская школа, Вами основанная, просвѣщаетъ въ родномъ намъ духѣ нашихъ дѣтей.

Чѣмъ мы можемъ отплатить вамъ за то доброе, что для нашей духовной жизни вами доставлено; тѣмъ развѣ, что выскажемъ передъ вами наши душевные чувства радости за достиженіе вами двадцатипятилѣтняго дня вашего служенія и глубочайшую нашу благодарность. А въ память сего вашего юбилея, въ знакъ вещественнаго доказательства своей благодарности, мы съ особенной сердечной радостью принимаемъ участіе въ семъ подношеніи вамъ сего св. Евангелія своей посильной лептой, и вмѣстѣ съ симъ каждый изъ насъ отъ всей души и искренняго сердца возносить и будетъ возносить Милосердому Господу свою горячую молитву о вашемъ здравіи, да благословитъ и да хранитъ Онъ васъ, и своею всесильною благодатью да подкрѣпитъ ваши силы духовныя и тѣлесныя еще на многіе и многіе годы во славу св. церкви.“

„Мы чувствуемъ насущную потребность, говорилось между прочимъ въ привѣтствіи отъ хора, высказать хотя малую частицу тѣхъ радостныхъ впечатлѣній, которыми наполнены теперь наши сердца. Конечно, мы слишкомъ невелики для того, чтобы простираť свои слова предъ вами, на семъ мѣстѣ, въ такія торжественныя минуты, но, поставляя себѣ въ примѣръ евангельскую вдовицу, принесшую свою посильную чистую лепту и заслужившую чрезъ то похвалу Спасителя, мы рѣшились также принести то лишь, что имѣемъ. Ваши непрестанныя заботы о насъ организовали и настоящій нашъ хоръ, а доброе и отеческое ваше къ намъ отношеніе развило въ насъ любовь къ св. храму и прилежность къ тѣмъ обязанностямъ, какія отъ насъ требуются“.

Въ адресѣ отъ единовѣрцевъ г. Астрахани, поднесшихъ о. миссіонеру пскову Спасителя въ благодарность за его заботы по устроенію тамъ единовѣрія, между прочимъ, читаемъ:

„Вы, о. протоіерей, со свойственною вамъ любовью къ просвѣщенію заблудшихъ, обратили на насъ свое вниманіе, прибыли въ городъ Астрахань, прожили въ немъ цѣлую зиму, ознакомились съ состояніемъ здѣсь раскола и, чтобы сблизиться съ заблуждающимися, вы, по Апостолу, „были немощнымъ, яко немощенъ,“—въ домѣ одного раскольника устроили вы въ родѣ молитвеннаго дома, совершали Богослуженіе по праздникамъ и тѣмъ „немощныя пріобрѣтали“, и, такимъ образомъ, наглядно доказали необходимость для Астрахани единовѣрческаго храма. Благодаря вашимъ трудамъ у насъ открытъ единовѣрческій приходъ и опредѣлены штаты священнослужителей.“

Въ настоящее время Господь помогъ намъ построить великолѣпный каменный храмъ, и мы имѣемъ утѣшеніе возносить въ ономъ наши молитвы Господу Богу и нерѣдко бываемъ свидѣтелями присоединенія раскольниковъ къ святой церкви“.

Благочинный единовѣрческихъ церквей Кишиневской епархіи, Кишиневскій епархіальный миссіонеръ, говоря о дѣятельности о. протоіерея Крючкова, между прочимъ пишетъ:

Не стану, да и не могу, на сей малой хартіи исчислять твои благовѣстныя труды, извѣстныя всей Россіи, но наипаче вѣдомые Единому Богу. Скажу только, что во всю русскую землю изыде вѣщаніе твое о душепагубности раскола, и въ концахъ обширной нашей Имперіи раздавалось твое громоносно-поразительное для раскольниковъ слово. Многие даже изъ среды архипастырей нашей отечественной церкви соблазнялись твоими строго обличительными рѣчами противъ раскола, считая ихъ грубыми, несовременными, а потому и неумѣстными. Но ты, дѣйствуя согласно священному и святыхъ отецъ писанію, духомъ коего вполне проникся, и зная прекрасно среду, въ которой вращался и вращаешься, всегда поступалъ и поступаешь, какъ благоразумный врачъ, давая иногда больному и горькія, но полезныя для него лѣкарства. Одно твое своевременное и умѣло сказанное обличительное слово заграждало уста велерѣчивыхъ и злорѣчивыхъ раскольниковъ. Благодарный тебѣ—твой ученикъ Кишиневскій епархіальный противораскольническій миссіонеръ, священникъ *Геодесій Воловой* (и др. подписи).

Получены были о. прот. Крючковымъ привѣтственные письма и отъ другихъ лицъ: настоятеля Московскаго единовѣрскаго монастыря игумена Сергія, миссіонеровъ Костромской епархіи, іерея Іосифа Егорова, бывшаго послушника архим. о. Павла Прускаго, вспомнившего, между прочимъ, о томъ, какъ о. Крючковъ 1889 г. подъ руководствомъ о. Павла обучался (3 мѣсяца) въ Никольскомъ единовѣрскомъ монастырѣ, въ Москвѣ, богословію, для подготовленія къ всероссійскому противораскольниковъ миссіонерствованію, и друг.

Заканчивая описаніе юбилейнаго празднованія о. синодальнаго миссіонера, отъ души пожелаемъ юбиляру многихъ лѣтъ дальнѣйшаго противораскольниковъ благовѣствованія, ближайшаго общенія со своими собратьями-миссіонерами, и мощнаго воздѣйствія къ упроченію, оживленію и государственному положенію нашего миссіонерскаго института въ грядущія лѣта.

Освобожденіе отъ пріемныхъ экзаменовъ въ семинарію.

Св. Синодъ опредѣлилъ: освободить воспитанниковъ Вологодскаго духовнаго училища, наравнѣ съ воспитанниками прочихъ духовныхъ училищъ Вологодской епархіи, отъ повѣрочныхъ испытаній при поступленіи въ I классъ Вологодской духовной семинаріи, предоставивъ правленію Вологодскаго училища право, при участіи депутата отъ семинарскаго правленія, удостоивать успѣшно окончившихъ полный училищный курсъ воспитанниковъ перевода въ I классъ названной семинаріи.

Миссіонерскія поѣздки екатеринославскихъ семинаристовъ.

Мы уже отмѣтили на страницахъ „Миссіонер. Обозрѣнія“ *организацію* поѣздокъ екатеринославскихъ семинаристовъ съ миссіонерскими цѣлями въ зараженные сектантствомъ и расколомъ пункты Екатеринославской епархіи. Въ настоящее время эти поѣздки, возникшія по мысли бывшаго епархіальнаго миссіонера И. Г. Айвазова и преподавателя семинаріи М. С. Брунбендера, стали уже совершившимся фактомъ.

Такъ, 21-го ноября состоялась *первая* миссіонерская поѣздка двѣнадцати воспитанниковъ VI-го класса, преподавателя семинаріи М. С. Брунбендера и противораскольническаго миссіонера свящ. о. Шалкинскаго въ раскольничье село Каменское, Екатеринослав. у. Тамъ, въ заводскомъ храмѣ, въ присутствіи многочисленныхъ слушателей православныхъ, а также и старообрядцевъ, и была проведена съ 5½ час. до 9¼ час. вечера бесѣда о перстосложеніи для крестнаго знаменія. Со стороны раскольниковъ собесѣдникомъ выступалъ настоятель Каменской старообрядческой моленной „священно-протоіерей“ Іоанникій Аятоновъ. Закончилась бесѣда молитвою объ обращеніи заблудшихъ.

На второй день Рождества Христова изъ г. Екатеринослава выѣхали въ поселокъ при Горловскихъ рудникахъ и заводъ для бесѣды съ „духовными“ штундистами: шесть воспитанниковъ шестого класса, преподаватель семинаріи М. С. Брунбендеръ и епархіальный миссіонеръ И. Г. Айвазовъ. Въ Горловскомъ храмѣ 27 декабря, въ присутствіи многочисленныхъ слушателей и состоялась продолжительная бесѣда съ мѣстными штундистами. Бесѣду велъ епархіальный миссіонеръ, при участіи преподавателя семинаріи. Вступительную и заключительную рѣчь сказали мѣстный священникъ о. А. Преображенскій. Со стороны штундистовъ возражали три ихъ представителя. Въ цѣляхъ возможно лучшаго и наибольшаго ознакомленія воспитанниковъ съ методомъ бесѣды и съ приемами сектантской защиты были исчерпаны въ бесѣдѣ вопросы: о необходимости *воднаго* крещенія, о вкушеніи Тѣла и Крови Христовыхъ подъ видомъ „плотскихъ“ хлѣба и вина и о молитвѣ въ *видимомъ* храмѣ. Закончилась бесѣда молитвой объ обращеніи заблудшихъ въ лоно св. православной Церкви.

Вышеописанныя бесѣды имѣли свою главную цѣлью ввести въ курсъ миссіонерскаго дѣла воспитанниковъ семинаріи, и цѣли этой онѣ *сполнѣ достигаютъ*, какъ въ томъ мы убѣдились изъ своихъ бесѣдъ съ семинаристами. Сверхъ того, подобныя экскурсіи не въ одномъ семинарствѣ зажгутъ миссіонерскій огонекъ, сроднятъ семинаристовъ съ миссіонерскимъ дѣломъ и въ самомъ духовенствѣ создадутъ постепенно наилучшую для успѣха миссіи атмосферу.

М.

Двадцатипятилѣтіе литературно-издательской дѣятельности о. архимандрита Никона.

2 февраля въ обители преподобнаго Сергія былъ торжественно отпразднованъ двадцатипятилѣтній юбилей духовно-просвѣтительной литературной дѣятельности о. архимандрита Никона.

Послѣ торжественнаго богослуженія всѣ почитатели о. Никона собрались въ его келіяхъ для привѣтствія. Секретаремъ Лавры была прочитана слѣдующая телеграмма отъ митрополита Владиміра: „Сердечно поздравляю съ двадцатипятилѣтіемъ вашей духовно-просвѣтительной дѣятельности. Радуюсь, что и Святѣйшій Синодъ высоко цѣнитъ ее и шлетъ свое благословеніе на продолженіе ея. Подвизайтесь съ Божіею помощью и впредь, какъ подвизались доселѣ“. Телеграмма отъ митрополита Антонія привѣтствовала юбиляра слѣдующими словами: „Привѣтствую васъ съ 25-лѣтіемъ вашей благоплодной религіозно-просвѣтительной дѣятельности по изданію *Троицкихъ Листковъ*. Благослови и храни васъ Господь“.

При чтеніи адресовъ, въ великолѣпныхъ папкахъ были поднесены иконы о. намѣстникомъ Лавры архимандритомъ Павломъ, редакціей, иконописнымъ училищемъ, Лаврскою типографіей и депутатами Петербургскаго Александро-Невскаго духовно-просвѣтительнаго Общества. Кромѣ того, одинъ цѣнный подарокъ—серебряный глобусъ, съ видами Сергіевой обители и Троицкими изданіями въ миниатюрѣ, а также портретомъ юбиляра (до 20 ф. вѣсомъ)—былъ поднесенъ редакціей, сотрудниками и почитателями о. Никона.

Ректоръ Академіи, епископъ Евдокимъ, сказалъ юбиляру теплую рѣчь.

Послѣ привѣтствій, въ келіяхъ о. казначея была предложена трапеза, во время которой были читаемы привѣтственные телеграммы отъ нѣкоторыхъ русскихъ святителей, цѣнящихъ дѣятельность юбиляра; между ними особою сердечностію отличалась телеграмма архіепископа Казанскаго Дмитрія. Были также телеграммы отъ редактора и сотрудниковъ *Московскихъ Вѣдомостей*, отъ предсѣдателя Учебнаго Комитета прот. П. Смирнова, отъ высшаго столичнаго Петербургскаго и Московскаго духовенства. Были телеграммы и отъ извѣстныхъ свѣтскихъ дѣятелей.

Наша редакція отъ души привѣтствуетъ досточтимаго юбиляра и желаетъ ему многихъ лѣтъ труда на пользу св. дѣла книжнаго народнаго просвѣщенія.

Миссіонерскія новости.

На должность Омскаго епархіальнаго противосектантскаго миссіонера, вмѣсто оставившаго миссіонерскую службу свящ. Михаила Орлова, назначенъ кандидатъ богословія Казанской Духовной Академіи Иванъ Ливановъ съ содержаніемъ 1,800 руб. въ годъ и отдѣльно разѣздные.

ОТКЛИКИ.

„Сія есть побѣда наша“.

(Миссіонерскій откликъ на войну съ Японіей).

„Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ. (Іоан. 15, 13).

„Если кто о своихъ и особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго“. (1 Тим. 5, 8).

„Страха не страшусь, смерти не боюсь, лягу за Царя, за Русь“.

(„Жизнь за Царя“).

«Два Рима падоша, третій стоитъ, четвертому не быть», писали наши старинные богословы, вдумываясь въ судьбы православнаго Московскаго царства. Римъ первый-историческій—палъ отступленіемъ вѣры. Царь-градъ—второй Римъ—въ агарянскомъ плѣненіи. Святая вѣра православная нашла свою ограду въ «Бѣлокаменной». Идея вѣчнаго Рима, какъ оплота православія, перенесена на Москву—третій Римъ. Русскій Царь и его люди хранятъ вѣру апостольскую, вѣру отеческую, и церковь православная не переживетъ ихъ на землѣ: четвертому Риму не быть! Тутъ наша твердыня и наша вѣчная сила! Не одолѣютъ насъ «врата адовы», яко съ нами—неодолѣнная церковь Христова, «яко съ нами Богъ!»

О Русскую твердыню, на вѣрѣ православной утвержденную и святымъ Крестомъ осѣненную, сокрушились: и темныя орды Чингисхана и дикія полчища Батыя, и грозныя тучи междуцарствія, и двенадцать языкъ Наполеона и коалиція враговъ Севастополя... И не побѣдитъ насъ сила вражія: съ нами и въ насъ Крестъ святой, побѣдившій адъ. «Симъ побѣдимъ» и языки! Вѣченъ нашъ Римъ, и сокрушатся объ его стѣны языцы, «яко съ нами Богъ»! Большее, чѣмъ языческая Японія, видѣла наша св. Русь; предъ большею силой она отстояла своею крѣпкою грудью христіанскую Европу, задавивъ дикую силу языческой Азіи, и теперь ей невѣдомъ страхъ предъ языками! Забывъ «ты» и «вы», забывъ вся-

кіе ярлыки отличій, вмѣнивъ въ ничто свои семейныя недоразумѣнія, въ чемъ бы они ни состояли, свои «животы» и достоянія, дѣти великой Руси слетятся, какъ пчелы кругомъ своей матки—сольются со своимъ обожаемымъ Царемъ въ одинъ колоссъ; и одно его движеніе и—сокрушится въ прахъ дутый идолъ Японіи, какъ стекло подъ тяжкимъ млатомъ, «яко съ нами Богъ!»

«Кто изъ васъ, говоритъ Спаситель, желая построить башню, не сядетъ прежде и не вычислитъ издержекъ, имѣеть-ли онъ что пужно для совершенія ея, дабы, когда положить основаніе, и не возможно совершить, всѣ видящіе не стали смѣяться надъ нимъ, говоря: этотъ человѣкъ началъ строить и не могъ окончить? Или какой царь, идя на войну противъ другого царя, не сядетъ и не посовѣтуется прежде, силенъ-ли онъ съ десятью тысячами противустать идущему на него съ двадцатью тысячами? Иначе, пока тотъ еще далеко, онъ пошлетъ къ нему посольство просить о мирѣ» (Лк. 14, 28—32).

Языческой Японіи не вѣдомы эти слова Христа-Бога. Голова ея вскружена похвалами льстецовъ, и здравый смыслъ затемненъ шептаніями ея иноземныхъ совѣтниковъ, враговъ Россіи, и въ лукавой дружбѣ и въ открытой ненависти мнящихъ лишь о «своемъ чревѣ»... Но «разрушитъ Господь совѣтъ» англо-американскаго «Ахитофела»,—и не останутся безнаказанными японскіе острова, покрывшіе себя позоромъ разбойничества! Искушена святая Русь «и очищена седмерицею». «Паки возстанете на нее, языцы, и паки побѣждены будете, яко съ нами Богъ»!

«И сказалъ Господь Моисею: враждуйте съ Мадіанитянами и поражайте ихъ, ибо они *враждебно* поступили съ вами въ *коварствѣ* своемъ... отмсти Мадіанитянамъ... И сказалъ Моисей народу: вооружите изъ себя людей на войну, чтобы они пошли противъ Мадіанитянъ совершить *мщеніе* Господне»... (Числ. 25, 16—18, 31, 1—3). Предъ нами новые Мадіанитяне, враждебные и коварные, и наше доблестное христолюбивое воинство, которому не вѣдомъ страхъ, должно совершить и совершить «мщеніе Господне». Отозвавши безъ достаточныхъ основаній своего посланника изъ Петербурга, не пожелавъ даже выслушать мирнаго отвѣта нашего Царя-Батюшки, Царя любви и спокойствія въ народахъ, и не ска-

завъ своего послѣдняго слова, Японія, подъ прикрытіемъ ночи, съ разбойничьимъ лукавствомъ и предательскимъ сигналомъ огней, начинается кровавое дѣло... И души нашихъ убіенныхъ воиновъ, бывшихъ покорными мирной волѣ Царя своего и застигнутымъ въ ночи, вопіють теперь предъ праведнымъ Судіею объ отмщеніи. И совершится «мщеніе Господне» надъ враждебными и коварными «Мадіанитянами» японскихъ острововъ, — вѣримъ въ торжество правды, намъ отмщеніе и посрамлены не будемъ, «яко съ нами Богъ»!

«Господь сказалъ Иисусу (Навину): не бойся и не ужасайся; возьми съ собою весь народъ, способный къ войнѣ, и вставъ, поиди къ Гаю... Иисусъ и весь народъ способный къ войнѣ всталъ, чтобы пойти къ Гаю... Царь Гайскій, вставъ рано, выступилъ противъ Израиля на сраженіе, онъ и весь народъ его... Иисусъ и весь Израиль будто пораженные ими, побѣжали въ пустыню... Иисусъ простеръ копье... Сидѣвшіе въ засадѣ тотчасъ встали съ мѣста своего... Жители Гая, оглянувшись назадъ, увидѣли, что дымъ отъ города восходитъ къ небу. И не было для нихъ мѣста, куда бы бѣжать—ни туда—ни сюда... Израильтяне поражали ихъ... И сожегъ Иисусъ Гай и обратилъ его въ вѣчныя развалины...» (Иисуса Навина 8). Такова была воля Божія на языческій народъ, поднявшій свое оружіе на избранныхъ людей. Польщенный отступленіемъ противника, онъ ринулся въ погоню за нимъ. Но не зналъ онъ о великой засадѣ вождя израилева; и эта засада свершила его судьбу, обративъ Гай въ пустыню.

Желтолицый азіатъ разбойнически началъ брань съ великимъ русскимъ народомъ, Богоизбраннымъ хранителемъ святыхъ завѣтовъ православія и носителемъ идеаловъ христіанской культуры, чающей мира всему міру и раскованія мечей на орала. Разбойничье начало войны растравило азіатскій языческій инстинктъ, и врагъ продолжаетъ подступать къ Россійскому знамени. Но не вѣдома ему великая засада нашего державнаго Вождя, нашего Иисуса Навина! Засада эта—крестъ святой, наша святая вѣра, наши вѣковыя святыни; за нихъ «станемъ добръ». Засада наша—безграничная любовь къ своему Царю и Отечеству. Царь—Богопомазанный защитникъ и покровитель святой вѣры нашей и нашъ Верховный вождь; въ немъ

наша душа; въ немъ живой символъ нашей мощи, величія и гордости; мы вращены въ него; мы въ немъ и онъ въ насъ. Святая Русь—мать наша, мы живемъ и растемъ только на ея персяхъ; и истинные ея сыны не переживутъ поношенія и потускнѣнія ея блистающей короны; въ оскорбленномъ и униженномъ отечествѣ не въ силахъ жить русскій человѣкъ. И вотъ эта троица силъ: Святая вѣра, Царь и Отечество составляли и составляютъ на лицѣ Русской земли ту стихійную твердыню, которая не знаетъ на землѣ равнодѣйствующей противной силы. «Простреть Іисусъ копье свое», дать знакъ нашъ Верховный Вождь, и встанетъ наша «засада», и погранъ будетъ врагъ, «яко съ нами Богъ!»

Война зло; никакая философія и психологія войны, какъ будто даже необходимой ¹⁾ для сохраненія и развитія генія лучшей націи, для очищенія міровой нивы отъ культурныхъ плевелъ, для стряски, освѣженія и подъема духа и т. п., какъ пустое слово, не успокоитъ христіанскаго сердца. Не говоримъ уже объ экономической катастрофѣ воюющей страны,—какой философіей утѣшите вы отца и мать, любимаго сына которыхъ сразила на смерть вражья пуля? жену, любящему и любимому мужу которой снесла голову неприятельская сабля? дѣтей, нѣжный отецъ и кормилецъ которыхъ пошелъ ко дну морскому вмѣстѣ съ останками военнаго корабля? Ихъ рыданія, стоны и горести не заглушатъ деревянныя разсужденія философа о міровомъ смыслѣ войны. Ихъ душа страждетъ, пытается и неизвѣстно какую судьбу наслѣдуетъ, а душа дороже сокровищъ цѣлаго міра! Нѣтъ и не можетъ быть въ философіи успокаивающаго насъ оправданія этому злу. Миротворцы не даромъ наречены «сынами Божиими». Въ Царствѣ Божіемъ на землѣ національный геній можетъ развиваться и въ мирномъ добрососѣдствѣ съ другими однородными геніями, если не знать генія одного завоевательства, разбоя, кровопролитія и челоуѣкоубійства, а усматривать и исторгать до послѣдней жатвы міровые плевелы намъ не дано: «рабы сказали Ему (домовладыкѣ): хочешь-ли, мы пойдемъ, выберемъ ихъ (плевелы)? Но онъ сказалъ: нѣтъ чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вмѣстѣ съ ними пшеницы; оставьте расти *вмѣстѣ* то и другое до жатвы» (Мѡ. 13, 24—30). Въ семьѣ

¹⁾ По мысли г-на Меньшикова. (См. «Мисс. Обзор.» № 3).

Христовыхъ апостоловъ развивались *разные* характеры: и Іоанна, Петра и Ѳомы; и церковь Христова не знаетъ «Эллина и Іудея», и въ мирѣ всего міра каждая нація можетъ, по идеѣ царства Божія, *единого* стада Христова, сохранять и развивать свой индивидуальный геній, не проливая «кровь человѣчу». Плевелы націи могутъ засохнуть и при мирномъ ростѣ нивы Божіей, какъ естественно исчезаетъ слабое предъ сильнымъ. Война-же дѣло «человѣкоубійцы искони». Но *поднявшій* брань на Господа былъ низвергнутъ съ неба. И теперь, если онъ *воздвизаетъ* брань на святую державу Россійскую, мы должны помнить, что и теперь «силенъ Господь во брани» (пс. 23, 8): если *начало* войны есть дѣло «врага», идущаго «посѣять плевелы посреди пшеницы», мы не должны «спать» (Мѡ. 13, 25); «*прогони* кощунника,—и удалится раздоръ, и прекратится ссора и брань», говоритъ Премудрый (Притч. 22, 10). «Прогнать кощунника», защититъ святую вѣру, дорогое отечество и «други своя», хотя бы для этого пришлось положить душу свою (Іоан. 15, 13; 1 Тим. 5, 8): тутъ только оправданіе и благословеніе нашего браннаго оружія; отсюда вѣнецъ павшимъ на полѣ брани и здѣсь только утѣшеніе рыдающимъ о нихъ. И мы отразимъ зло, *грядущее* на ниву Домовладыки, «не безъ ума бо мечъ носимъ» (Рим. 13, 4) и отмстимъ «дѣлающему злое» возстаніемъ на насъ, «яко съ нами Богъ!»

«Надменный разжигаетъ ссору, а надбьющійся на Господа будетъ благоденствовать» (Притч. 28, 25). «Иные колесницами, иные конями, а мы именемъ Господа Бога нашего хвалимся: они поколебались и пали, а мы встали и стоимъ прямо. Господи, спаси Царя и услышь насъ, когда будемъ взывать къ Тебѣ» (Пс. 19, 8—10). Надменныхъ сопустатовъ, возстававшихъ на насъ, мы привыкли встрѣчать... «Ложенъ былъ конь» и колесница языковъ «во спасеніе». Они поколебались и пали. «Мы хвалились именемъ Господа Бога нашего». И Онъ «расширялъ шагъ нашъ, и не колебались ноги наши... Онъ обращалъ къ намъ тылъ враговъ нашихъ, и мы преслѣдовали и настигали ихъ и истребляли ненавидящихъ насъ» (Пс. 17, 37—41). Имя Господа, которымъ мы хвалимся въ брани—дивно въ нашей святой церкви, нашихъ святыхъ и святыняхъ. Наше оружіе на языки благословлено преподобнымъ Сергіемъ Радонеж-

скимъ, бодрость воиновъ нашихъ подкрѣпитъ великій витязь земли русской, св. Александръ Невскій, и князья мученики, предпочтившіе смерть въ азіатской ордѣ измѣнѣ святой вѣрѣ. Минута родитъ изъ нѣдръ св. Руси и Мининыхъ, и Пожарскихъ, явятся и Гермогены, Діонисіи и Аврааміи. «Сотники благочестивые и боящіеся Бога» на св. Руси не перевелись. Подъ сѣнію креста и съ надеждой на Господа двинется за ними русская рать, и посрамленъ будетъ дерзостный врагъ, «яко съ нами Богъ!»

«Живъ Господь, и благословенъ защитникъ нашъ! Богъ мстящій за насъ и покоряющій намъ народы! (Пс. 17, 47, 49). Боже, Царя храни, церковь Свою защити и намъ помощи!—«на Тебя надѣмся и Тобою хвалимся». «Господи силъ, съ нами буди!»

Н. Гринякинъ.

Спаси, Господи, люди Твоя...

Въ эти сокровенныя минуты, когда рѣшается вопросъ жизни и судьба нѣсколькихъ сотъ тысячъ дѣтей Русскаго народа, нѣсколькихъ сотъ тысячъ нашихъ защитниковъ, призванныхъ отстаивать величіе и мощь Россіи, одна только мысль напрашивается на уста, и не мысль даже, а молитва, та молитва, которую Русскій народъ въ дни великихъ историческихъ событій, въ години тяжкихъ испытаній произноситъ какъ одинъ человекъ, съ глубокой вѣрой въ Бога, по волѣ Котораго росла и крѣпла Россія въ теченіе тысячи лѣтъ.

„Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое“...

Эта молитва вчера точно носилась въ воздухѣ, этой молитвой, пробуждающей всегда воспоминанья о всѣхъ великихъ историческихъ моментахъ, пережитыхъ Русскимъ народомъ, пережитыхъ нашими отцами и дѣдами въ прошломъ вѣкѣ,—были вчера полны сердца всѣхъ русскихъ людей.

И, какъ всегда, къ полному трогательной кротости и всенароднаго смиренія предъ высшимъ долгомъ и подвигомъ моленью, которое звучитъ въ ея мотивѣ, примѣшивались невольныя слезы...

Въ нихъ была и покорность волѣ Провидѣнья, и та особенная сосредоточенность или самоуглубленіе, которыя свойственны русскому человеку, которыя всегда овладѣваютъ имъ наканунѣ рѣшительнаго шага и самоотреченія во имя подвига и Родины.

Русскій народъ не боится войны. Не съ такими врагами, какъ японцы или китайцы, и не при томъ могуществѣ, какого достигла современная Россія,—боролся онъ и одолевалъ ихъ. Русскій народъ побѣдилъ даже непобѣдимаго Наполеона... Была, значить, въ немъ и тогда какая то особен-

ная мощь и сила души, сила народа-героя, народа-воина, который изъ поколѣнья въ поколѣнья привыкъ бороться за свою независимость и могущество, привыкъ проливать свою кровь и умирать за Вѣру, Царя и Отечество такъ единодушно, такъ самоотверженно, какъ ни одинъ народъ въ мірѣ...

Ему ли страшиться войны съ какими то японцами или китайцами, да и не съ ними только, а и вообще съ кѣмъ бы то ни было?..

Нѣтъ, его надежда, что Господь Милосердный еще смилуется надъ нимъ и предотвратитъ эту чашу испытаній, вырастаетъ изъ другихъ мотивовъ, высокихъ и благородныхъ, изъ тѣхъ чувствъ, которыя волнуютъ каждого сильнаго человѣка, когда его пытается довести до грѣха какой-нибудь случайный, ничтожный, но задорный человѣкъ, ставшій ему поперекъ дороги и обреченный, благодаря своему задору, на гибель и смерть...

Предъ этой трагедіей, предъ потоками крови, которые придется пролить неизбежно, приходитъ въ смущенье душа Русскаго народа, всѣмъ своимъ существомъ чувствующаго и понимающаго, что эта война не нужна ни ему, ни тѣмъ, кого онъ вынужденъ будетъ уничтожить.

Вотъ откуда эта надежда, что войны еще можно избѣжать, что Господь устранилъ еще необходимость проливать кровь враговъ...

Вотъ почему вчера, въ эти сокровенныя минуты, всѣхъ русскихъ людей волновала до слезъ молитва, историческая молитва великихъ моментовъ въ жизни Русскаго народа, которую мы повторяемъ теперь съ нимъ:

„Спаси, Господи, люди Твоя“...

Знамя.

ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

(Моск. Вѣд. № 40).

Ударилъ колоколъ, зовущій въ Божій храмъ
Зовущій выплакать земное горе тамъ,
Гдѣ свѣтитсѣ алтарь несчетными огнями,
И пѣсню клиръ поетъ, и чистый ѳиміамъ
Возноситъ сердца скорбь душистыми струями
Къ Державнымъ Небесамъ!

Созиждь и ты въ душѣ свой храмъ нерукотворный,
Затеpli въ немъ добра священные огни,
А *духъ унынія, духъ праздности* тлетворный,
Какъ торгашей Христосъ, изъ храма изгони!
И воцарится миръ, и въ сердцахъ сокрушенномъ
Прольется тихій свѣтъ прощенья и любви,
И выйдешь ты тогда изъ храма примиреннымъ
И съ Небомъ, и съ людьми!..

Сергій Плассинъ.

СО СКРИЖАЛЕЙ СЕРДЦА.

Православная Россія переживаетъ во время настоящей войны съ языческой Японіей моментъ великой исторической важности. Патріотическая волна всколыхнула сердца всѣхъ, приподняла силу этого священнаго чувства на такую высоту, до которой оно доходило, сколько можно судить по лѣтописямъ того времени, развѣ лишь въ 1812 году, при нашествіи «галловъ и съ ними же двадцать языкъ».

Деревня, народъ, и съ ними же нераздѣльное приходское духовенство захвачены этою волною едва ли не болѣе городскихъ сословій,—ибо тяжесть войны тамъ,—въ деревнѣ, чувствуется со всею своею гнетущею силою,—радости и скорби военнаго времени запечатлѣются тамъ глубже.

Къ сожалѣнію, освѣдомленность деревни о событіяхъ войны слишкомъ неполна и несвоевременна.

Намъ пришлось въ первыхъ числахъ февраля посѣтить родныя палестины центральной (Рязанской) губерніи,—и что же? Ни въ селахъ, ни въ городахъ уѣздныхъ не было еще молебствій о дарованіи побѣды христіанскому нашему воинству, а это было 7—9 февраля. Только «темные» слухи начинали долетать, печатное же слово еще не достигло деревенскихъ палестинъ.

И это въ центрѣ Россіи, недалеко отъ Москвы... Чтоже сказать о далекихъ окраинахъ, о «саратовской глуши»?

Тамъ же, въ деревнѣ, ясно видя духовную нужду и жажду сельскаго нашего читателя, мы поняли необходимость открыть страницы «Мисс. Обзор.» на все время войны для — «вѣстей о главнѣйшихъ событіяхъ изъ начавшейся русско-японской войны». Многіе, если только не большинство, изъ сельскихъ подписчиковъ изъ среды духовенства и народа, съ великимъ трудомъ приобрѣтають какой-

либо *одинъ* только печатный органъ, иногда даже въ разсрочку подписной платы,—далеко не всѣ имѣютъ одновременно свѣтскую газету и духовный журналъ.

А потому ясно, что долгъ редакцій каждаго печатнаго органа, въ такіе историческіе моменты жизни Отечества, давать необходимыя свѣдѣнія о переживаемыхъ Царемъ и царствомъ событіяхъ, хотя бы то и не относилось къ задачамъ спеціального изданія. Да для пастырской миссіи приходскаго духовенства важно имѣть свѣдѣнія точныя и вѣрныя, правильно освѣщаемыя о событіяхъ военнаго времени, дабы дѣлиться ими съ населеніемъ, жаждущимъ вѣстей съ театра войны и изъ правительственнаго центра. Свѣдѣнія эти должны быть предметомъ пастырскаго праздничнаго (послѣ церковнаго богослуженія) слова. Тогда не будетъ мѣста темнымъ и нелѣпымъ слухамъ и бабьимъ баснямъ, часто смущающимъ душу народа. И въ моментъ радости и скорби пастырское слово о событіяхъ военнаго времени вызоветъ молитвенный откликъ въ сердцахъ нашего вѣрующаго народа, «а много бо можетъ молитва, любовью споспѣшествуема».

Военныя сообщенія «Мисс. Обзорнія» будутъ, по возможности, составляться изъ свѣдѣній наиболѣе важныхъ для сельскаго населенія и такъ, чтобы приходское духовенство могло почерпнуть изъ нихъ содержаніе и для проповѣдническаго слова, бодрящаго народный духъ и питающаго вѣру въ несокрушимую мощь Руси святой и въ ея великую историческую миссію на языческомъ азіатскомъ Востокѣ. Итакъ, съ *Божьей помощью*, начнемъ съ этой книжки сообщеніе о главнѣйшихъ текущихъ событіяхъ русско-японской войны и объ относящихся къ ней дѣйствіяхъ Высшей власти.

Въ деревнѣ, въ народѣ господствуетъ удивительно свѣтлое, спокойное, высоко-христіанское міровоззрѣніе на подвигъ самоотверженія на войнѣ.

— Говорятъ, В. М., война съ азіатомъ началась, спрашивалъ меня въ родной деревнѣ мужичекъ-землякъ, — вамъ въ столицѣ-то, чай, все извѣстно?

— Да, братъ, къ *несчастью* началась.

— Зачѣмъ къ несчастію? Богъ дастъ къ счастью.

— А ты, землякъ, пошелъ бы на войну, спрашиваю я?

— Отчего же не пойти? Да, я и запасной... Съ *великимъ* нашимъ удовольствіемъ пойду. Пусть только Батюшка-Царь кликнетъ, да велитъ взять.

— А *смерти* развѣ не боишься?

— Чего же смерти-то бояться? Не все-ли равно умирать-то! Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать... Можетъ быть, я завтра, либо чрезъ мѣсяцъ, или чрезъ годъ—другой и *тутъ*, такъ дуракомъ, умру, а тамъ на войнѣ,—я, по крайней мѣрѣ, хоть какую ни на есть службу сослужу Батюшкѣ-Царю и Матушкѣ-Россіи... Убьютъ, не бѣда, за то будутъ во всѣхъ православныхъ церквахъ молиться о грѣшной душѣ меня, на брани убіеннаго раба Божія... Чего бояться смерти, а война дѣло Божіе, святыя—и тѣ воевали...

— Ну, а жену, дѣтей не жаль будетъ оставить, продолжалъ я искушать простака-философа, изъ нашей народной стоической школы.

— Небось, на войну-то теперь идутъ такіе знатные господа,—какимъ не житье, а одно *блаженство*, а вотъ вѣдь и они бросаютъ-же все—и хоромы, и жену, и дѣтей. А намъ-то, мужикамъ, и нечего жалѣть-то. Убьютъ—добрые люди скорѣе семью-то призрять. А теперь какое наше житье,—все равно досыта-то я не прокормлю дѣтей-то... Война намъ, мужикамъ, не страшна, а смерти чего бояться... В. М.! воля Божья, значить, во всемъ, и если Богъ не попуститъ, такъ и пуля не возьметъ.

Вотъ гдѣ родникъ богатырскаго духа у нашего русскаго солдата, подумалъ я и, по возможности, познакомилъ земляка съ воюющей нынѣ съ нами Японіей и японцами.

— Да, вѣдь, это выходитъ, В. М., не люди, а какія-то обезьяны лѣсные. Чего жъ войны съ ними бояться...

Какъ же не дать этому нашему богатырю-народу скорыя и вѣрныя свѣдѣнія о военныхъ событіяхъ, да мужикъ ихъ своею мудрою философіей отлично объемлетъ, да и насъ, безвольныхъ сантаменталистовъ, поучить, ободрить...

А вотъ другая картинка съ натуры изъ той же области сужденій о войнѣ, но уже въ средѣ интеллигентной, въ атмосферѣ столичной.

— Японцы—явно больные люди, ихъ охватила «военная ма- нія» (есть, оказывается, и такого рода инфлюенція). Японцевъ надо не избивать, а пожалѣть по чувству человеколюбія.

Такъ рассуждалъ «непротивлонецъ-интеллигентъ», показавшійся намъ не то чудакомъ, не то болѣе тяжко заболѣвшимъ, чѣмъ сами японцы...

— Какъ же, по вашей теоріи надо бы Россіи нынѣ посту- пать съ этими хищниками вѣроломными, которые разбойнически нападаютъ и на наши броненосцы, и на Портъ-Артуръ?—спраши- ваютъ интеллигента.

— Очень просто,—*не сопротивляться*; пусть берутъ крѣпость, разъ она имъ пужна, — а если хотятъ занять Манчжурію, пусть идутъ и туда. Зачѣмъ проливать кровь изъ за того, что Божье и принадлежитъ всѣмъ и никому. Уступая, скажите: «японцы, мы васъ считаемъ лучше, чѣмъ вы думаете о насъ. А вотъ вамъ и доказательство нашего миролюбія и человеколюбія, — мы не про- тивимся и не истребляемъ васъ». Повѣрьте, что тогда скорѣе японцы поймутъ и убѣдятся, что мы, русскіе, одни только на свѣтѣ хорошіе люди и сдѣлаются нашими друзьями и полюбовно раздѣлять съ нами то, что мы отстаиваемъ теперь кровью.

— Шальной же ты, баринъ! сказалъ бы мой рязанскій землякъ- мужичекъ. А вѣдь не мало найдется такихъ шальныхъ мыслителей.

Ниже печатаемъ мы письмо, призывающее къ жертвамъ на войну, по на предметъ *особенный*,—*не вещественный*: на снабже- ніе дѣйствующей арміи священными предметами, назидательными книгами и достаточнымъ числомъ *священнослужителей*, которые бы могли возможно чаще приобщать Св. Тайнами воиновъ предъ сра- женіями, а умирающихъ раненыхъ и больныхъ своевременно напут- ствовать на полѣ брани, въ госпиталяхъ же и лазаретахъ духовно утѣшали бы и подкрѣпляли болящихъ и вообще удовлетворяли бы насущныя духовныя нужды дѣйствующей арміи.

Мысль автора—плодъ глубокой вѣры и достойна вниманія. Какъ извѣстно, исторія военная знаетъ много случаевъ, когда священники во время штурмовъ съ крестомъ въ рукѣ поднимали ослабѣвавшее

мужество сражающихся русских витязей, которые творили чудеса храбрости.

Разсказываютъ старожилы, какое огромное впечатлѣніе производило появленіе на Севастопольскихъ бастіонахъ архіепископа Иннокентія верхомъ на лошади, въ мантии и съ чашею Св. Даровъ, въ сопровожденіи протодіакона.—Епископъ совершалъ здѣсь одну лишь литургію вѣрныхъ предъ рядами войскъ, подъ свистъ непріятельскихъ пуль, и затѣмъ самъ же пріобщалъ и военнопленныхъ, и воиновъ.

И, конечно, этотъ христіанскій подвигъ любви къ воинству и вѣры въ Бога всемогущаго особо вдохновлялъ воюющихъ и давалъ ту нравственную мощь, которую не могли сломить непріятельскія полчища въ теченіи 11 мѣсяцевъ.

Несомнѣнно, много найдется мужественныхъ, горящихъ ревностью о славу нашего оружія, среди пастырей церкви, готовыхъ пойти на Дальній Востокъ. Уже и теперь благой починъ дѣлаетъ въ этомъ отношеніи столичная духовная академія. По словамъ «Нов. Вр.» высшее духовное начальство отнеслось вполне сочувственно къ выраженному нѣсколькими студентами С.-Петербургской духовной академіи желанію отправиться въ качествѣ добровольцевъ въ дѣйствующую на Дальнемъ Востокѣ армію.

Кромѣ того, въ Моск. Вѣд., сообщается, что вмѣстѣ съ Иверскою Общиной отправлена на войну походная, разборная церковь, сооруженная по инициативѣ Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини Елисаветы Феодоровны.

Кто знаетъ громадныя пространства Сибири, ничтожное количество церквей, кое-гдѣ разбросанныхъ по ней, а также ту привязанность и любовь къ церкви, которую всегда и всюду проявляетъ русскій народъ,— тотъ охотно согласится со мною, что вѣсть о посылаемой церкви не можетъ быть названою иначе, какъ именно—дорогою!

Этотъ новый, только-что оснащенный Христовъ корабль, несомнѣнно, пойдетъ всюду за нашею арміею. Въ этой церковкѣ всякій русскій воинъ всегда будетъ имѣть возможность найти и утѣшеніе въ минуту горести, и радость при всякомъ успѣхѣ.

Тамъ, на Далекѣмъ Востокѣ, среди поля, можетъ быть, въ горахъ или тѣсу, — гдѣ бы временно ни соорудили эту церковь, всюду будетъ она окружена тѣсною толпою русскихъ людей, которымъ она будетъ нескла-

занно драгоцѣннѣ самыхъ великолѣпныхъ, но находящихся вдали отъ нихъ, храмовъ.

Борьба, и борьба великая на этотъ разъ, между христіанами и коварнымъ язычникомъ только-что началась! Не подлежитъ сомнѣнію, что борьба, эта будетъ продолжительною, а слѣдовательно, и великій праздникъ Воскресенія, къ которому мы теперь готовимся, навѣрно застанетъ нашихъ братьевъ еще тамъ, далеко на полѣ битвы. Пусть же и радостную вѣсть о Воскресеніи нашей надежды и спасенія Христа услышать они изъ того самаго храма, который идетъ теперь къ нимъ.

Въ 34 № газ. «Свѣтъ» напечатано:

«Мы получили отъ г. Михаила Аркадьева (Сопочко) письмо со вложеніемъ 1 рубля, на дѣло снабженія на Дальнемъ Востокѣ арміи и флота священными предметами и посылку въ достаточномъ числѣ священнослужителей.

Письмо это и деньги мы переслали въ редакцію «Миссіонерскаго Обозрѣнія», которое имѣетъ возможность болѣе насъ и лучше насъ заняться такимъ истинно-христіанскимъ дѣломъ».

А вотъ и письмо г. Сопочко:

«Посылаю рубль отъ своей скудости на дѣло снабженія дѣйствующей на Дальнемъ Востокѣ арміи и флота священными предметами и святынею животворящихъ Христовыхъ Тайнъ, дабы раненные и умирающіе воины, равно и идущіе въ бой подъ пули и ядра пиратовъ-японцевъ, были пріобщены своевременно. Не откажите въ помѣщеніи этого письма, ибо я увѣренъ, что многіе православные, знающіе силу и многоцѣлебность Святыхъ Тайнъ, переходящую въ чудодѣйственность при наличности достаточной и необходимой Вѣры, отзовутся на мой призывъ пожертвованіями на дѣло снаряженія достаточнаго для войска комплекта священниковъ и іеромонаховъ, на что, конечно, необходимы средства.

Когда все войско будетъ спокойно въ совѣсти послѣ исповѣди и Пріобщенія, тогда мужество и самоотверженіе возрастутъ до предѣловъ жажды смерти, по слову апостола, говорившаго, что для него смерть «пріобрѣтеніе», и что для него гораздо лучше разрѣшиться отъ тѣла и быть со Христомъ Богомъ, Коему слава, честь и поклоненіе во вѣки».

Редакція «Мисс. Обозрѣнія», присоединивъ свою лепту, направила 1 руб. г. Сопочко въ Хозяйств. Управл. при Св. Синодѣ. Сверхъ того, жертвуетъ для войсковыхъ частей дѣйствующей арміи и госпиталей 1000 экз. своихъ изданій.

В. Скворцовъ.

I.

ВѢСТИ О РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНѢ.

Слова Его Величества Государя Императора, произнесенныя и начертанныя по разнымъ случаямъ, касающимся русско-японской войны.
(Изъ „Прав. Вѣстн.“).

I.

При посѣщеніи 28-го января морского кадетскаго корпуса, Его Величество Государь Императоръ изволилъ обратиться къ гардемаринамъ со слѣдующими словами:

„Вамъ извѣстно, господа, что третьяго дня Намъ объявлена война. Дерзкій врагъ въ темную ночь осмѣлился напасть на Нашу твердыню—Нашъ флотъ, безъ всякаго вызова съ Нашей стороны.

Въ настоящее время Отечество нуждается въ своихъ военныхъ силахъ, какъ флота, такъ и арміи, и Я Самъ пріѣхалъ сюда къ вамъ нарочно, чтобы видѣть васъ и сказать вамъ, что Я произвожу васъ сегодня въ мичманы.

Производя васъ теперь на три съ половиною мѣсяца ранѣе срока и безъ экзамена, Я увѣренъ, что вы приложите всю свою ревность и усердіе для пополненія вашихъ знаній и будете служить, какъ служили ваши прадѣды, дѣды и отцы, въ лицѣ адмираловъ: Чичагова, Лазарева, Нахимова, Корнилова и Истомина, на пользу и славу Нашего дорогаго Отечества. Я увѣренъ, что вы посвятите всѣ ваши силы Нашему флоту, осѣненному флагомъ съ Андреевскимъ крестомъ. Ура!“

II.

30-го января, Государь Императоръ, соизволивъ принять всеподданнѣйшій адресъ Государственнаго Совѣта, обратился къ подносившимъ его со слѣдующими Высокомилостивыми словами:

„Въ лицѣ вашемъ, господа, Я сердечно благодарю Государственный Совѣтъ за выраженные имъ чувства.

„Также какъ и вы, Я твердо уповаю на то, что Господь поможетъ намъ въ наступившихъ тяжелыхъ условіяхъ.

„Какъ всегда, Я разсчитываю на вашу испытанную ревностную службу Мнѣ и дорогому Отечеству.

„Я надѣюсь, что Россія и на этотъ разъ, какъ было и прежде, выйдетъ съ честію и достоинствомъ изъ ниспосланнаго ей серьезнаго и тяжелаго испытанія и возвратится окрѣпшею внутренно и внѣшне къ дѣламъ мира, столь дорогого Мнѣ и столь необходимаго нашей Родинѣ“.

III.

4-го февраля Его Величество Государь Императоръ изволилъ произвести смотръ 3-му батальону 1-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго Его Величества полка, отправляемому на Дальній Востокъ. По окончаніи обхода, Его Императорское Величество, обратившись къ батальону, осчастливилъ его слѣдующими словами:

„Я радъ, братцы, что Мнѣ удалось видѣть всѣхъ васъ передъ отправленіемъ въ походъ и напутствовать васъ.

„Я увѣренъ, что вы съ честью поддержите боевую славу вашихъ старыхъ полковъ и постоите грудью за вашу Родину.

„Помните, что врагъ вашъ храбръ, смѣлъ и хитеръ.

„Желаю вамъ отъ души благополучія, удачи и побѣды надъ врагомъ.

„Я хочу благословить васъ, братцы, и въ вашемъ лицѣ весь Мой славный 1-й восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ иконою святаго преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца, да будетъ онъ молитвенникомъ за васъ и сопутствуетъ вамъ“.

Передавая икону командиру батальона, Государь Императоръ благословилъ его подполковника Будаговскаго, преклонившаго передъ Его Величествомъ колѣни. Затѣмъ Его Императорское Величество, обращаясь къ батальону, произнесъ:

„Господа офицеры, сердечно благодарю васъ за добровольный вашъ вызовъ.

„Еще разъ отъ всей души благодарю васъ, братцы; да благословить васъ Господь“.

IV.

Государь Императоръ, выслушавъ 10-го февраля вѣрноподданническій адресъ, обратился къ присутствовавшимъ со слѣдующими Высокомилостивыми словами:

„Я очень благодаренъ с.-петербургскому губернскому земству за выраженные чувства.

Меня очень утѣшаютъ въ переживаемое нами трудное время единодушныя выраженія патріотизма, доходящія до Меня изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Россіи.

Уповаю на помощь Божію и глубоко вѣрю въ наше правое дѣло, Я твердо убѣжденъ, что войска и флотъ сдѣлаютъ все, что подобаетъ доблестному русскому воинству, для поддержанія чести и славы Россіи“.

V.

Его Императорское Высочество Московскій Генераль-Губернаторъ Великій Князь СЕРГІЙ Александровичъ 29-го января имѣлъ счастье получить отъ Его Величества Государя Императора слѣдующую телеграмму:

„Сердечно благодарю первопрестольную за ея молитвы и выраженные чувства въ постигшемъ Отечество Наше тяжеломъ испытаніи. Да ниспошлетъ Всевышній всѣмъ доблестнымъ Нашимъ воинамъ Свое благословеніе и да подастъ Онъ Намъ силу и крѣпость на одолѣніе враговъ дорогой Намъ Россіи“.

„НИКОЛАЙ“.

Означенная Высочайшая телеграмма послѣдовала въ отвѣтъ на посланную Его Императорскимъ Высочествомъ Государю Императору, 28-го января, слѣдующую депешу:

„Богу угодно было посѣтить миролюбивое сердце Вашего Императорскаго Величества скорбью военной тревоги. Полудикое государство, еще не усвоившее себѣ даже основныхъ приемовъ цивилизованныхъ народностей, безъ объявленія войны, разбойнически напало на далекую окраину Вашей великой Имперіи. Грозное чувство русскаго негодованія отвѣтитъ на возмутительный и позорный поступокъ Японіи. Потрясенная до глубины души Москва, собранная вѣщимъ голосомъ кремлевскаго колокола для принесенія молитвъ о благословеніи Всевышнимъ доблестнаго русскаго воинства, повергаетъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества чувства безпредѣльной любви и готовности на всѣ жертвы, которыми предки настоящаго поколѣнія сковали Вашъ могучій Престолъ, на благоденствіе Богомъ ввѣренныхъ Вамъ народовъ и на страхъ нарушителямъ вселенской любви и правды“.

Генераль-Адъютантъ „СЕРГІЙ“.

II.

Высочайшія повелѣнія и правительственныя распоряженія,

Назначенія вице-адмирала Макарова и генераль-адъютанта Куропаткина.

Высочайшимъ отъ 9-го февр. приказомъ по флоту главный командиръ кронштадтскаго порта, вице-адмиралъ Степанъ Осип. Макаровъ назначенъ командующимъ флотомъ въ Тихомъ океанѣ.

Вспоминая всѣ прежнія боевыя отличія и постоянную неутомимую дѣятельность вице-адмирала Макарова, Генераль-Адмиралъ В. К. „Алексѣй“ въ приказѣ выражаетъ ему отъ Себя и отъ чиновъ морского вѣдомства пожеланія успѣшно исполнить возложенныя на него Державнымъ нашимъ Вождемъ высокія задачи къ чести флота и на славу дорогого Отечества.

Сохраняя за своимъ Намѣстникомъ на Дальнемъ Востокѣ вице-адмираломъ Е. И. Алексѣевымъ званіе и права главнокомандующаго морскими и сухопутными силами, двинутыми для борьбы съ Японіей, Государь Императоръ въ то же время призналъ за благо возложить командованіе войсками, предназначенными для операцій на сушѣ, на генераль-адъютанта Куропаткина, съ отчисленіемъ его отъ должности Военнаго Министра и съ присвоеніемъ ему правъ и званія командующаго арміей.

Въ высочайшемъ рескриптѣ на имя генераль-адъютанта Куропаткина говорится: «Зная ваши блестящія военныя дарованія, стратегическую подготовку и выдающуюся боевую опытность, Я призналъ за благо ввѣрить вамъ отвѣтственное командованіе Моею арміею, дѣйствующею въ Маньчжуріи противъ японцевъ, освободивъ васъ для сего отъ обязанностей Военнаго Министра.

Да поможетъ вамъ Богъ успѣшно совершить возлагаемый Мною на васъ тяжелый, съ самоотверженіемъ принятый вами, подвигъ».

Новому командующему пожалованы брилліантовые знаки ордена святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго.

Сподвижникъ „Бѣлаго Генерала“, блестящій участникъ Среднеазиатскихъ походовъ и послѣдней Русско-Турецкой войны, энергичный администраторъ, талантливый военный писатель, человекъ, хладнокровію и мужеству котораго изумлялся и завидовалъ самъ Скобелевъ, генералъ Куропаткинъ пользуется широкою извѣстностью въ Россіи.

Не салюты орудій, говорятъ „Моск. Вѣд“, будутъ провожать генерала Куропаткина при его отъѣздѣ на Дальній Востокъ; не триумфальные огни будутъ горѣть на всемъ пути его слѣдованія...

Провожать его будутъ благословенія Русскаго народа, горѣть ему будутъ Русскія сердца, полныя вѣры въ его опытъ, въ его хладнокровіе и мужество.

Комитетъ Государя Наслѣдника.

Государь Императоръ, во всегдашнемъ Своемъ желаніи идти на встрѣчу патріотическимъ и всякимъ благимъ стремленіямъ Русскаго народа, 6-го февраля Высочайше соизволилъ повелѣть учредить особый Комитетъ для приѣма и направленія суммъ, жертвуемыхъ на усиленіе русскаго военнаго флота.

Во главѣ, какъ Почетный Предсѣдатель, поставленъ Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ, Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Предсѣдателемъ и ближайшимъ руководителемъ Комитета назначенъ Великій Князь Александръ Михайловичъ. Основною же задачей комитета, какъ объявляетъ Великій Князь Александръ Михайловичъ, является постройка и покупка въ возможно краткій срокъ подводныхъ лодокъ и другихъ судовъ, которыя окажутся потребны для Военнаго Флота.

Всѣ, желающіе способствовать быстрѣйшему усиленію нашего доблестнаго Военнаго Флота, могутъ отнынѣ обращаться со своими заявленіями и пожертвованіями:

- 1) *Въ Петербургѣ, въ Управление дѣлъ Государя Наслѣдника, или —*
- 2) *Въ Петербургѣ, въ контору Двора Великаго Князя Александра Михайловича, Офицерская, 35.*

Царская милость.

Снисходя на просьбу одного изъ воспитанниковъ военнаго учебнаго заведенія, содержавшагося въ тюрьмѣ за распространеніе противоправительственныхъ изданій, Государь Императоръ позволилъ искупить ему свою вину службою въ дѣйствующей арміи.

Но чуткое сердце Царя, болящее за отщепенцевъ Русскаго народа, глубоко поняло, что это не единичное явленіе, что то же должны чувствовать и другіе люди, отбывающіе наказанія за политическія преступленія. И вотъ въ безпредѣльномъ милосердіи своемъ Царь открываетъ и этимъ людямъ путь къ искупленію ихъ вины. Онъ Всемиловитѣйше позволяетъ имъ, съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ или же по согла-

шенію его съ министромъ юстиціи, поступать рядовыми въ дѣйствующую армію. Съ момента этого поступленія въ армію всѣ послѣдствія назначенной кары прекращаются, и имѣвшій несчастье совершить политическое преступленіе перестаетъ быть отщепенцемъ, дѣлается полноправнымъ гражданиномъ, которому открыты всѣ пути къ лучшему будущему.

Мы глубоко вѣримъ, говорятъ «Моск. Вѣд.», что много политическихъ ссыльныхъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ откликнутся на Царскую милость, что въ ней они найдутъ свое духовное возрожденіе. Хорошая это будетъ минута!

Наша жизнь сложилась такъ ненормально, такъ уродливо, что въ средѣ политическихъ ссыльныхъ мы видимъ не только мужчинъ, но и женщинъ. Можно только отъ души пожелать, чтобы Царская безпредѣльная милость коснулась и ихъ, чтобъ и имъ было позволено, хотя въ скромныхъ должностяхъ сидѣлокъ госпиталей, искупить свои вины передъ Престоломъ и Отечествомъ. Патріотизмъ охватилъ теперь всю Россію и среди провинившихся въ политическомъ отношеніи женщинъ найдутся, конечно, такія, которыя захотятъ посильно послужить ей.

О приѣмъ добровольцевъ.

5-го сего февраля, послѣдовало Высочайшее соизволеніе, чтобы приѣмъ на службу добровольцами производился на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Приѣму подлежатъ тѣ изъ заявившихъ желаніе, которые имѣютъ не болѣе 40 лѣтъ отъ роду и притомъ получили какую-нибудь военную подготовку, состоя на дѣйствительной военной службѣ или во время учебныхъ сборовъ ратниковъ; 2) изъ принятыхъ добровольцевъ будутъ формироваться команды распоряженіемъ штабовъ военныхъ округовъ: петербургскаго, виленскаго, варшавскаго, кіевскаго, одесскаго, московскаго, казанскаго и казакскаго—при управленіяхъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ въ мѣстахъ нахожденія штабовъ округовъ, и 3) по мѣрѣ приѣма добровольцевъ они будутъ отправляться на Дальній Востокъ.

О пожертвованіяхъ.

Отъ открытаго по волѣ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Оеодоровны склада вещей въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ на Дальнемъ Востокѣ симъ доводится до свѣдѣнія жертвователей, что *весьма нужны: полушубки, фуфайки, теплыя шапки, башлыки, валенки, шоколадъ, сахаръ, табакъ и мыло*, а также весьма желательны: палатки и складныя кровати для лазаретовъ.

Складъ открытъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, съ 1 до 5 часовъ, и помѣщается въ Зимнемъ Дворцѣ.

Объ установленіи особаго сбора пожертвованій по вѣсѣмъ церквамъ Россійской Имперіи въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ на Дальнемъ Востокѣ.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 8-го сего февраля, за № 18, постановлено: разрѣшить членамъ Россійскаго общества Краснаго Креста или уполномоченнымъ отъ него лицамъ производить за воскресными Богослу

женіями каждую недѣлю, на все время войны Россіи съ Японією, особый сборъ пожертвованій по всѣмъ церквамъ Россійской Имперіи въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ; тамъ же, гдѣ учрежденій общества нѣтъ и назначеніе особыхъ уполномоченныхъ встрѣтило бы затрудненіе, сборъ этотъ производитъ старостамъ церквей, и собранныя деньги представлять чрезъ мѣстныхъ духовныхъ консисторій въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ.

О почтовыхъ отправленіяхъ въ дѣйствующую армію.

Въ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ Имперіи, для отсылки въ армію принимаются: а) газеты, пересылаемыя по таксъ для повременныхъ изданій и б) частныя посылки безъ цѣны исключительно для чиновъ арміи и состоящихъ при ней учрежденій, вѣсомъ не болѣе шести фунтовъ. Въ полевыхъ же почтовыхъ конторахъ для пересылки изъ арміи принимаются посылки только съ вещами, оставшимися послѣ умершихъ чиновъ арміи—вѣсомъ не болѣе одного пуда.

Простыя закрытыя письма, вѣсомъ до двухъ лотовъ, а равно открытыя письма на почтовыхъ бланкахъ, безъ штемпеля, *пересылаются бесплатно*: изъ почтово-телеграфныхъ учрежденій Имперіи, если адресованы на имя чиновъ арміи и состоящихъ при ней учрежденій.

Частныя посылки, отправляемыя въ армію, принимаются открытыми, для осмотра вложенія, и въ нихъ дозволяется пересылать слѣдующіе предметы: чай, табачныя издѣлія, медикаменты въ сухомъ видѣ, оптическіе, математическіе и хирургическіе инструменты, чертежныя и письменныя принадлежности, бѣлье и всѣ предметы одежды, обуви, снаряженія и вооруженія. Посылки съ предметами вооруженія, съ мушкетерскою и сюртучною парой, съ верхнею одеждою, не исключая мѣховыхъ и непромыкаемыхъ вещей, принимаются вѣсомъ и свыше шести фунтовъ, но при условіи, чтобы въ каждой посылкѣ заключалось не болѣе одного изъ числа поименованныхъ предметовъ.

III.

Изъ всеподданнѣйшихъ телеграммъ намѣстника ген.-адъют. Алексѣева на имя Его Императорскаго Величества.

„Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что около полуночи съ 26-го на 27-е января японскіе миноносцы произвели внезапную минную атаку на эскадру, стоявшую на вѣншемъ рейдѣ крѣпости Портъ-Артуръ; при чемъ броненосцы „Ретвизанъ“, „Цесаревичъ“ и крейсеръ „Паллада“ получили пробоины.

28 января. Всѣ три поврежденныя судна держатся на водѣ. Котлы и машины исправны. „Цесаревичъ“ получилъ пробоину въ рулевомъ отдѣленіи. Руль поврежденъ. На „Ретвизанѣ“—пробоина въ отдѣленіи подводныхъ носовыхъ аппаратовъ. На „Палладѣ“—пробоина въ среднѣмъ борту, близъ машины. Послѣ взрыва къ броненосцамъ немедленно подошли дежурные крейсеры для оказанія помощи и, не взирая на темную ночь, приняты были мѣры ввести потерпѣвшія суда на внутренній рейдъ

„Потери въ офицерахъ нѣтъ. Нижнихъ чиновъ убито 2, потонуло 5, ранено 8. Непріятельскіе миноносцы своевременно были встрѣчены сильнымъ огнемъ судовъ. По окончаніи атаки были найдены 2 неразорвавшіяся мины.

„Сего числа японская эскадра въ составѣ 15 броненосцевъ и крейсеровъ начала бомбардировать Портъ-Артуръ. Крѣпость отвѣчаетъ. Эскадра снялась съ якоря для принятія участія въ бою.

„Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что послѣ бомбардировки, продолжавшейся около часу, японская эскадра прекратила огонь и отошла къ югу. Наши потери: во флотѣ офицеровъ ранено—2, нижнихъ чиновъ убито—9, ранено—51. На береговыхъ батареяхъ нижнихъ чиновъ убито—1, ранено—3.

„Въ происшедшемъ бою броненосецъ „Полтава“ и крейсера „Діана“, „Аскольд“ и „Новикъ“ получили по одной пробойнѣ по ватеръ-линіи. Поврежденія, причиненныя крѣпости, незначительны.

„Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству нижеслѣдующую телеграмму начальника отряда крейсеровъ, (Владивостокской эскадры) капитана 1-го ранга Рейценштейна:

„29 утромъ уничтожилъ пароходъ „Nagouri Mari“, снявъ 41 человѣка. Въ это время подошелъ маленький пароходъ каботажный. За свѣжестью шквала съ пургой, 11 балловъ, людей снять не могъ, потому этотъ пароходъ не потопилъ. Погода не позволила идти вдоль берега, почему взялъ курсъ на Шестаковъ, чтобы выдержать штормъ въ морѣ и подойти къ Корейскому берегу. Вслѣдствіе бурнаго состоянія моря, могъ держаться противъ зыби только пятью узлами, при чемъ сильно заливало и при 9^м мороза крейсеръ обмерзъ, пушки покрылись слесемъ льда. Выдержалъ два жестокіе шторма въ продолженіе трехъ сутокъ“.

11 февраля, съ 2 часовъ 45 минутъ ночи до разсвѣта неприятели сдѣлали попытку атаковать „Ретвизанъ“ многими миноносцами и затопить въ проходѣ большіе пароходы съ горючими матеріалами. Обнаруживъ сперва миноносцы и открывъ по нимъ сильный огонь, „Ретвизанъ“, поддерживаемый батареями, уничтожилъ близъ входа шедшіе прямо на него два парохода, изъ которыхъ первый выскочилъ на камни подъ маякомъ Тигроваго полуострова, другой затонулъ подъ Золотой горой. Стрѣльба по миноносцамъ продолжалась до разсвѣта, когда на рейдѣ обнаружены всего четыре погнѣнные парохода и восемь медленно удалявшихся миноносцевъ, которые направлялись къ ожидавшимъ ихъ въ морѣ кораблямъ. Спасшіяся на шлюпкахъ команды пароходовъ, частью утонули и, можетъ быть, подобраны неприяТЕЛЬскими миноносцами. Производится обыскъ береговъ; проходъ въ портъ чистъ. Полное разстройство плана неприятели отношу къ молодецкому отпору и убойственному огню „Ретвизана“. Пароходъ горитъ еще теперь. На рейдѣ усмотрѣны плавающія мины. На горизонтѣ

двумя отрядами держится непріятель. Возвращаю посланные въ погоню 3 крейсера, дабы предварительно очистить рейдъ отъ плавающихъ минъ.

12 февраля. Съ часу до трехъ съ половиною часовъ по полуночи, непріятель снова атаковалъ, но повсюду отбить.

13 февраля. Днемъ 11 февраля подъ Портъ-Артуромъ держались 17 непріятельскихъ боевыхъ кораблей, 12 миноносцевъ и пароходы, не подходя, однако, подъ выстрѣлы. Въ этотъ день выходили въ море крейсера „Баянъ“, „Аскольдъ“, „Новикъ“. Съ послѣднимъ вернулись въ Артуръ наши миноносцы изъ Голубиной бухты, при чемъ на „Новикъ“ повернули два японскихъ крейсера, но остались далеко позади. Вечеромъ крейсера вошли въ гавань; ночью, 12 февраля, вышли въ море наши миноносцы. Ночью, на рейдѣ, снова появились японскіе миноносцы, по которымъ стрѣляли „Ретвизанъ“ и батареи.

Батарея № 18 доноситъ, что потопили одинъ непріятельскій миноносецъ. Въ 9 часовъ утра на горизонтѣ виднѣлась японская эскадра въ числѣ 14 судовъ. На потопленныхъ, послѣ ночной атаки 11 февраля, непріятельскихъ пароходахъ найдены карты Портъ-Артура, порта Адамса и Желтаго моря. На одномъ же изъ пароходовъ, который горѣлъ, обнаружены проводники и батареи. Проводники обрѣзаны портовымъ минеромъ, пожаръ потушенъ.

Эскадра противника изъ 16 судовъ подошла по направленію отъ Дальняго къ крѣпости Портъ-Артуръ около одиннадцати часовъ утра, 12 февраля, и открыла бомбардировку по находящимся на наружномъ рейдѣ: „Асколду“, „Баяну“ и „Новику“ и по крѣпости. Огонь продолжался полчаса, и тогда наши крейсера ушли въ гавань. Противникъ, пострѣлявъ нѣсколько минутъ по одной изъ батарей, сталъ удаляться, но оставаясь въ виду крѣпости внѣ выстрѣла.

Въ это время четыре непріятельскихъ крейсера отдѣлились и пошли въ Голубиную бухту, гдѣ вскорѣ и открыли огонь по укрывавшемуся въ этой бухтѣ нашему миноносцу и сильно обстрѣливали берегъ; послѣ чего комендантъ направилъ туда войска. Стрѣльба по Голубиной бухтѣ продолжалась 20 минутъ. Высадки не было. Непріятельскіе крейсера ушли. Для противоѣдствія возможнымъ морскимъ вылазкамъ непріятеля, приняты соотвѣтствующія мѣры. Потеря наша за этотъ день—одинъ раненый на батареѣ.

Совѣтъ Общества распространенія рел.-нрав. просвѣщенія постановилъ пожертвовать на усиленіе русскаго флота и нужды Краснаго Креста: 3,000 руб. изъ средствъ Общества, 2,000 руб. изъ средствъ Александро-Невскаго общества трезвости, 50 библиотекъ изъ книгъ духовнаго и общеназидательнаго характера, по 25 руб. каждая, для походныхъ лазаретовъ или войсковыхъ частей на театръ военныхъ дѣйствій, устроить три ду-

ховныхъ концерта силами церковно-народныхъ хоровъ Общества и три платныхъ чтенія, съ обращеніемъ сборовъ съ концертовъ и чтеній на военныя надобности, и предложить оо. наблюдателямъ во время духовныхъ бесѣдъ (болѣе 60) производить сборы въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ и на построеніе новыхъ судовъ.

Патріотическая манифестація учащейся молодежи въ С.-Петербургѣ.

(Письмо въ редакцію).

Всколыхнулась Русь святая, и какъ волна подъ напоромъ бури, поднялось патріотическое чувство русскихъ людей. Чистой, святой волной патріотизма мигомъ смыло ту душевную пыль, грязь, плѣсень и всякую другую нечистоту, которая успѣла прирастись къ уму и сердцу молодежи. Просвѣтленнымъ умомъ, очищеннымъ сердцемъ русская молодежь сразу поняла, почуяла, что составляетъ твердыню русскаго государства, въ чемъ несокрушимый оплотъ ея политическаго существованія и общественнаго благополучія. Почувявъ, понявъ это, она не могла не оцѣнить и тѣхъ, кто всегда были выдающимися представителями и мощными охранителями вѣками испытанныхъ устоевъ русскаго государства, каковыми устоями, какъ мы знаемъ, были, есть, будутъ и пребудутъ: *православіе, самодержавіе и народность*. Положительно, можно удивляться неожиданности того, что произошло. Но, расскажемъ все по порядку.

Пятница—30-е число минувшаго января—была днѣмъ патріотическихъ манифестацій студентовъ С.-Петербургскаго университета. Къ университетской молодежи примкнуло немало воспитанниковъ другихъ учебныхъ заведеній. Образовалась толпа манифестантовъ не въ одну тысячу человекъ. Въ газетахъ подробно было описано, какой порывъ патріотическихъ чувствъ проявила она предъ Зимнимъ и Аничковскимъ дворцами, какъ громко заявила она о своей преданности Престолу и Отечеству. Отъ Аничковскаго дворца манифестанты прошли по Невскому проспекту, къ Литейной и свернули по послѣдней. Тутъ, вблизи отъ Невскаго, домъ, въ которомъ живетъ К. П. Побѣдоносцевъ. Всѣ знаютъ, что преступная рука крамольника изъ молодыхъ полуинтеллигентовъ года два назадъ посягала на жизнь Константина Петровича въ самомъ жилищѣ его: злодѣй стрѣлялъ въ окна его квартиры... Но, вотъ, въ „годину испытанія“ для Отечества къ квартирѣ Константина Петровича приближается огромная масса учащейся молодежи. Она останавливается предъ окнами его квартиры и одушевленными кликами „ура“ свидѣтельствуетъ испытанному государственному мужу чувства своего почтенія и признательности. Фактъ многознаменательный, и значеніе его очевидно до осязательности... *Иа. Пр.*

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

С.-Петербургъ, 16 февраля 1903 г. Цензоръ Архимандритъ Меодій.

Типографія «Бережливость». Невскій пр., № 139.

Возможно-ли и какою панихидою молить Бога о спасеніи усопшихъ христіанъ не православной церкви?

Иисусъ сказалъ: „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга; какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга. По тому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“... Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“... (Еванг. Іоан. гл. 13, ст. 34—35. Матѣ. гл. 5, ст. 44).

„Умоляю васъ поступать достойно званія, въ которое вы призваны, со всякимъ смиренномудріемъ и кротостію, и долготерпѣніемъ, снисходя другъ ко другу любовію, стараясь сохранять единство духа въ союзѣ мира“... „Все у васъ да будетъ съ любовію“... „И такъ прежде всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за *всѣхъ* человѣковъ... ибо Богъ хочетъ, чтобы *всѣ* люди спаслись“... (Послан. Ефесян. гл. 4, ст. 1—3. Коринѣ. гл. 16, ст. 14. I-е Тимое. гл. 2, ст. 1—4).

I.

Въ свѣтской печати истекшаго года возбуждался вопросъ: „Возможна-ли молитва объ упокоеніи усопшихъ другого вѣроисповѣданія“? Вопросъ этотъ страстно дебатировался послѣ смерти генерала Гурчина въ свѣтской и духовной періодической литературѣ, однако до сихъ поръ онъ недостаточно и неудовлетворительно выясненъ въ печати. А, между тѣмъ, вопросъ этотъ является *постоянно больнымъ* мѣстомъ въ русской церковно-общественной жизни, гдѣ находятся узаконенными массы православныхъ семействъ отъ „смѣшанныхъ“ браковъ, то есть, отъ супружества православныхъ съ иновѣрцами. Грустные же инциденты, подобные официальному недозволенію со стороны Виленскаго епархіальнаго начальства для корпораціи православныхъ военныхъ г. Вильны совершить церковную молитву въ православномъ соборѣ объ усопшемъ христіанинѣ Римской церкви, генералѣ Гурчинѣ, командовавшемъ войсками округа,—придаютъ упомянутому вопросу значеніе и официально-общественное, „и смущаютъ и *тяжко огорчаютъ*“ весьма многихъ.

А вотъ возгорѣлась война отъ коварныхъ язычниковъ противъ христіанъ... Война, *нисколько не ожидая*, вызываетъ жертвы жизни, жертвы не только „на брани *убіенныхъ*“, а также еще не меньшее количество *умершихъ* отъ многихъ болѣзней и прочихъ обстоятельствъ войны. Въ числѣ такихъ умершихъ будетъ много христіанъ неправославной церкви, а боевые товарищи православныя семейства этихъ умершихъ будутъ желать и просить, чтобы православные пастыри совершали панихидныя моленія за ихъ отцевъ, сыновъ и братьевъ... Святой апостолъ Христовъ Павелъ поучаетъ, что „*по нуждѣ* и закону премѣненіе бываетъ,... ибо законъ (формальный для людей) ничего не довелъ до совершенства“ (Послан. Евр. гл. 7, ст. 12 и 19).

Посему въ настоящее особенное время „нужды“ въ молитвахъ не только за убіенныхъ на брани, а и за умершихъ по всякимъ обстоятельствамъ войны, особенно благовременно обсудить этотъ вопросъ и выяснить основанія заключающіяся въ свящ. писаніи и канонахъ церкви, дабы не только архипастыри, но и пастыри церкви православной имѣли нравственную возможность удовлетворять духовныя нужды православныхъ родственниковъ умершихъ неправославныхъ христіанъ въ совершеніи о нихъ искреннихъ моленій къ Господу Богу, чтобы „*всѣ спаслись*“.

По существу ученія православной христіанской католической Восточной церкви *сомнѣнія* въ возможности молитвы объ усопшемъ другого христіанскаго исповѣданія—*не существуетъ*. Но для большинства общества недостаточно, неотчетливо знающаго православное христіанское вѣроученіе и богослуженіе, настоящій вопросъ служить соблазномъ и преткновеніемъ. По всему этому желательно, хотя кратко и общедоступно, напомнить основы ученія и практику церкви православной объ этомъ важномъ предметѣ, чтобы дѣйствія лицъ не навлекали нареканій на саму святую церковь.

Въ первоисточникѣ ученія православной христіанской вѣры, въ Новомъ Завѣтѣ Господа нашего Іисуса Христа, рѣшительно заповѣдано молить Бога *за всѣхъ* человѣковъ, кто бы они ни были. „*Молитесь* за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“ ¹⁾, заповѣдалъ Самъ Господь своимъ ученикамъ; а обижали и гнали ихъ именно *невѣрующіе* въ Іисуса Христа. И апостолъ Христовъ Павелъ пишетъ объ этомъ также: „Прежде всего прошу совершать *молитвы*, прошенія, *моленія*, благодаренія *за всѣхъ* человѣковъ, за царей и за всѣхъ начальствующихъ, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочетъ, чтобы *всѣ люди* спас-

¹⁾ Еванг. Мате. гл. 5, ст. 44.

лись и достигли познанія истины“ ¹⁾. И потому въ православной христіанской вселенской церкви никакіе соборы, ни святые отцы и учителя церкви, ни архипастыри, ни пастыри никогда не запрещали „*молитвы о спасеніи лицъ другого (неправославнаго) христіанскаго вѣроисповѣданія*“. И не только не запрещали, а со временъ апостольскихъ ²⁾ *всѣ* архипастыри и пастыри церкви православно-христіанской *сами ежедневно и повсемѣстно* при совершеніи литургіи, въ самыя возвышенныя, святѣйшія ея минуты, послѣ призванія въ храмъ Духа Святаго и преосуществленія Святыхъ Даровъ, *молятъ Бога*: „И помяни, Боже, *всѣхъ усопшихъ* въ надеждѣ воскресенія живота вѣчнаго и *упокой ихъ*, идѣже присѣщаетъ свѣтъ лица Твоего... Еще приносимъ Ти словесную сію службу *о вселеннѣй*“... ³⁾. Помяни, Господи, *всякое* (то есть, безъ различія вѣроисповѣданія) начальство и власть... и *всѣхъ*, требующихъ великаго Твоего благоутробія, и *вся люди* Твоя помяни, Господи Боже нашъ, и *на вся* излей богатую Твою милость; *всѣмъ* подая, яже ко спасенію“ ⁴⁾.

Таковы постоянныя моленія архипастырей и пастырей православныхъ за всѣхъ, въ томъ числѣ и за иновѣрцевъ; за православныхъ христіанъ тутъ же возносятся ими особыя моленія. А еще въ первоосновѣ православной литургіи, въ литургіи временъ апостоловъ, называемой литургіею апостола Іакова, брата Господня, также многократно возносятся моленія *за всѣхъ усопшихъ, начиная отъ праведнаго Авеля, сына Адама*, до нынѣшняго дня; Самъ, Господи, упокой ихъ тамъ въ странѣ живыхъ, въ наслажденіи райскомъ, въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Іакова“... ⁵⁾.

Такимъ образомъ боговдохновенное Священное Писаніе заповѣдуетъ, а архипастыри и пастыри церкви православной посто-

¹⁾ I-е посл. Тимоѣ. гл. 2, ст. 1—4.

²⁾ Въ древнѣйшей литургіи Апостольскихъ постановленій сказано: „Архіерей пусть говоритъ: Святъ... Еще приносимъ Тебѣ *за всѣхъ отъ вѣка* благоугодившихъ Тебѣ святыхъ... мірянъ и *всѣхъ*, чьи имена Самъ Ты знаешь... Еще молимся Тебѣ и о ненавидящихъ насъ и гонящихъ насъ за имя Твое, *за вѣнншихъ* и заблудшихъ... и о всемъ мірѣ... (См. собраніе древнихъ литургій въ русск. перев. Издан. 1874 г. стр. 122, 127, 128, 129 и проч.).

³⁾ Чинъ священ. и божествен. литургіи св. Іоанна Златоустаго. Молитва священника.

⁴⁾ Чинъ божествен. литургіи св. Василия Великаго. Молитва Іерея.

⁵⁾ Собраніе древнихъ литургій въ русск. перев. Издан. 1874 г. Спб. стр. 182 и проч. Во всей полнотѣ и неизмѣнности апостольскаго преданія сохраняется *доминъ* литургія св. апостола Іакова, брата Господня по роду земному, перваго епископа Іерусалимскаго, которая и нынѣ совершается на востокѣ. (См. Литургия или наука о богослуженіи. Пр. Смолодовича, изд. 1868 г. стран. 85 и 310. Церковныя Вѣд. 1901 г. № 26).

янно совершаютъ въ храмахъ молитвы о всей вселенной, о всѣхъ человѣкахъ, какъ живыхъ, такъ и умершихъ, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали. Міряне же церкви православной въ такихъ обстоятельствахъ обязаны послѣдовать примѣру своихъ пастырей и архипастырей, слѣдовательно не только возможно, а и *должно православнымъ христіанамъ молить Бога о спасеніи живыхъ и умершихъ иновѣрныхъ христіанъ*. И хотя по вѣроученію православной церкви міряне наставляются удаляться отъ житейскаго общенія съ живущими невѣрующими, заблуждающимися и еретиками ¹⁾, чтобы общеніе съ ними не повредило вѣры православныхъ христіанъ, чтобы сами православные не были увлечены въ невѣріе, въ заблужденіе, въ ересь, но вмѣстѣ съ тѣмъ усердная *молитва* предъ Богомъ объ еретикахъ, заблуждающихся и невѣрующихъ *остается тѣмъ болѣе настойчивою обязанностію православныхъ христіанъ*. Если кто изъ православныхъ не находитъ въ себѣ силъ и средствъ для увѣренія невѣрующихъ, для обращенія къ истинной вѣрѣ заблуждающихся и еретиковъ, то *тѣмъ болѣе онъ обязанъ молить Бога* объ иномыслящихъ и заблуждающихся, чтобы Господь Самъ благоволилъ вразумить, просвѣтитъ и спасти ихъ въ настоящей жизни или же въ загробной. „Живемъ ли или умираемъ, мы всегда Господни, и умершіе, какъ и живущіе, равно для Бога всѣ живы“ ²⁾.

Истинное православное христіанство есть вѣра полнѣйшей, всеобъемлющей, безсмертной любви. Молитва же о благѣ живыхъ и умершихъ людей, не только любящихъ насъ и единомысленныхъ намъ, а и ненавидящихъ насъ, обижающихъ, гонящихъ насъ и иномысленныхъ намъ, есть одно изъ проявленій христіанской любви нашей. Такое проявленіе любви должно быть не только въ единоличной частной молитвѣ, а и въ молитвахъ общественныхъ. И дѣйствительно, въ церкви православной установлены въ извѣстные дни общественныя панихидныя моленія во всѣхъ храмахъ „за всѣхъ умершихъ „отъ Адама даже до днесь““ ³⁾, дабы купно съ нами (христіанами) и они *всѣ* стали одесную Бога“... И моленія такія не новшества, а, по словамъ церковнаго „Синаксарія“: „узакониша Божественнѣйшіи отцы отъ священныхъ апостолъ пріемше“... Это, такъ называемая, *вселенскія* панихиды, или всенощныя, совершаемая въ субботу мясопустную предъ воспоминаніемъ о страшномъ Судѣ Божіемъ, на который предста-

¹⁾ Послан. Римлян. гл. 16, ст. 17—18. 1-е Тимое. гл. 6, ст. 3—5. Тит. гл. 3, ст. 10—11.

²⁾ Посл. Римл. гл. 14, ст. 8. Ев. Луки гл. 20, ст. 38.

³⁾ Тріодіонъ, изд. Кіевопеч. лав. 1813 г. Субб. Мясопустная.

нуть *всѣ* люди; затѣмъ, въ субботу предъ праздникомъ Пятидесятницы, потому что Пятидесятница служитъ напоминаніемъ о *всеобщемъ* воскресеніи мертвыхъ; еще во вторникъ или понедѣльникъ Троицкой недѣли, въ напоминаніе, что Воскресшій Христосъ нисходилъ въ адъ умершимъ и воскреситъ *всѣхъ* умершихъ людей ¹⁾).

Таковы вкратцѣ *основанія и практика* молитвъ православной христіанской католической Восточной церкви о *всѣхъ* усопшихъ людяхъ и другого христіанскаго исповѣданія.

II.

Православная церковь поетъ: „Христосъ воскресе, разрѣшивъ узы Адама первозданнаго, и адову разрушивъ крѣпость, *держайте вси мертвыи*: умертвися смерть, плѣненъ бысть и адъ съ нею, и Христосъ воцарися: той намъ дарова нетлѣніе плоти, той воздвигаетъ насъ и даруетъ воскресеніе намъ и *славы* оныя съ веселіемъ *вся* сподобляется...“ Изъ мертвыхъ возстаніемъ Твоимъ Христѣ, не кому смерть облагаетъ умершими благочестно, тѣмже молимся прилежно: *рабы Твоя упокой во дворѣхъ Твоихъ и въ нѣдрѣхъ Авраама отъ Адама даже до днесь*, послужившія тебѣ чисто, отцы и братію нашу, други вкупѣ и сродники, *всякаго человека*, въ житіи послужившаго вѣрно и къ Тебѣ представившагося, Боже, и сподоби я небеснаго царствія Твоего“ ²⁾).

Въ отвѣтъ на вторую часть разсматриваемаго вопроса: *какою панихидою* возможно молить Бога о спасеніи усопшихъ христіанъ не Восточной церкви?—прежде всего слѣдуетъ уяснить: что именно называется *панихидою*?

Панихида—слово греческое (происходитъ отъ трехъ греческихъ словъ: *πᾶς*—весь, *νύξ*—ночь и *ἄδω*—пою) и означаетъ такія христіанскія моленія, которыя въ древности воспѣвались въ теченіе всей ночи. Еще въ первыя времена христіанства, когда свирѣпствовали гоненія на христіанъ отъ іудеевъ и язычниковъ, вошло въ обычай молиться ночью надъ усопшими и за усоп-

¹⁾ И кромѣ означенныхъ дней совершаются въ храмахъ православныхъ *всеобщія* поминovenія усопшихъ еще въ субботы второй, третьей и четвертой седмицъ великаго поста. Въ эти дни церковь также руководствуетъ къ прилежнѣйшему молитвенному предствательству предъ Богомъ объ оставленіи прегрѣшеній представившимся человѣкамъ и о вѣчномъ ихъ упокоеніи со святыми угодниками Божиими... (Смол. церковн. служ. въ II, III и IV субботы четьиредесятницы).

²⁾ Церковныя молитвы изъ „Вселенской“ панихиды, совершаемой въ субботу мясопустную въ память *всѣхъ отъ вѣка* усопшихъ человѣковъ. Смолри „Тріодіонъ“, изд. Кіевопечерской лавры 1813 года.

шихъ. Въ тѣ страшныя времена христіане только ночью могли убирать и хоронить тѣла святыхъ мучениковъ, часто истерзанныя, обезображенныя, разбросанныя по частямъ,—ночью же только и могли они молиться надъ гробами умершихъ. Гдѣ-нибудь въ дальней пещерѣ, въ подземномъ кладбищѣ катакомбъ, или въ самомъ уединенномъ и отдаленномъ домѣ въ городѣ, вѣрующіе зажигали свѣчи около умершихъ святыхъ мучениковъ и сами, горя вѣрою и любовію къ Богу, совершали погребальное или *поминальное пѣніе въ продолженіе всей ночи*. Отъ этого молитвы и псалмопѣнія надъ усопшими христіанами, или въ память ихъ, стали называть въ христіанской церкви „*панихидами*“. И по установленному теперь составу своему панихида подобна части *всенощной*, именно утрени ¹⁾.

Затѣмъ, слѣдуетъ еще замѣтить, что Богослуженіе православной христіанской церкви имѣетъ двѣ главныя составныя части: 1) молитвы и 2) таинства. Молитвою выражается стремленіе человѣка къ Богу. А въ таинствахъ совершается священнотайнѣ нисхожденіе Бога къ человѣку... потому что таинства суть богоучрежденные священнодѣйствія, при совершеніи которыхъ таинственнымъ образомъ низводится благодать, или невидимая спасительная сила Святаго Духа, на человѣка, пріемлющаго таинство, для освященія и врачеванія душевныхъ и тѣлесныхъ силъ его“ ²⁾. Поэтому къ таинствамъ пріобщаются лишь члены церкви православной ³⁾ и составъ священнодѣйствія таинствъ неизмѣненъ.

Содержаніемъ же не таинственного богослуженія, а просто молитвеннаго, служатъ или славословія, или прошенія, или бла-

¹⁾ Заупокойное Богослуженіе. *С. Г. Орловъ*. Изд. 1900 г., стр. 12. Пособіе къ изученію Устава Богослуженія православной церкви *К. Никольскаго*. Изд. 1874 года, стр. 732. На панихидѣ вмѣсто шестопсалмія читается псаломъ 90. Затѣмъ бываетъ, какъ на утрени, Великая ектенія,—Аллилуія, какъ на утрени въ постѣ, и Благословенъ еси Господи; псаломъ 50,—Канонъ съ малыми ектеніями; Трисвятое,—Отче нашъ, тропарь;—ектенія и отпустъ“.

²⁾ Литургика или наука о Богослуженіи правосл. восточной церкви. Пр. *Смолодовича*. Изд. 1868 г., стр. 7 и 246.

³⁾ Однако, по существующимъ законамъ церковнымъ и гражданскимъ, православный священникъ можетъ совершить *таинство* брака надъ обоими лицами *неправославнаго* вѣроисповѣданія, когда въ томъ и сосѣднемъ мѣстѣ, гдѣ совершается бракъ, нѣтъ священника или пастора того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежать женихъ и невѣста. (См. Руководство для священнослужителей, изд. П. Нечаева. Изд. 1895 г., стр. 242.—Практич. излож. церковно-гражданскихъ постановленій въ руководство священнику. Пр. А. Парв. Изд. 1866 года, стр. 116.—Свод. Зак. Гражд., т. X, ч. I, стр. 65, изд. 1900 года.

годаренія Богу. И такія молитвы и пѣснопѣнія *приспособляются* ко времени и предмету совершаемаго богослуженія, слѣдовательно *видоизмѣняемы* ¹⁾).

Изъ объясненнаго понятія о „панихидѣ“ и состава ея очевидно, что *панихида принадлежитъ* ко второму виду церковныхъ службъ, къ *богослуженію видоизмѣняемому* приспособительно къ лицу, о коемъ совершается панихидное моленіе. И дѣйствительно, въ православномъ богослуженіи панихиды составлено нѣсколько ея видовъ, въ коихъ содержаніе молитвъ видоизмѣняется примѣнительно къ житейскому положенію лица поминаемаго. Такъ, молитвы въ вышеупомянутой панихидѣ „Все-ленской“ видоизмѣнены сравнительно съ молитвами обыкновенной Великой панихиды (Парастаса) только за православныхъ усопшихъ христіанъ. Есть еще особый чинъ панихиды „о православныхъ воинахъ и о *всѣхъ* за вѣру и за отечество убіенныхъ, пострадавшихъ и мужественно *подвизавшихся*“. Есть панихида такъ называемая „Царская“, которая совершается по особо изданному генеральному реестру, о лицахъ царскаго рода ²⁾, и еще есть особенно торжественная панихида „Пасхальная“ ³⁾.

„Вопросъ о молитвѣ за умершихъ иноувѣрцевъ (то есть, собственно о *панихидныхъ* служеніяхъ) разрѣшается въ *практикѣ русской* церкви *неодинаково*“—засвидѣтельствовано въ *руководствѣ* для священнослужителей.—„Одни, не находя въ положительныхъ церковныхъ правилахъ и въ древней церковной практикѣ основанія для церковнаго поминаенія умершихъ иноувѣрцевъ (будто?—а Евхаристійныя молитвы священника при совершеніи литургіи св. Іоанна Златоуста, Василія Великаго и Апостола Іакова?)—*отказываются* совершать панихиды по католикамъ, армянамъ и протестантамъ ⁴⁾. *Другіе же* находятъ *возмож-*

¹⁾ Литургика изд. Смолодовича, 1868 г., стр. 7, 306—310.

²⁾ Литургика, изд. пр. Смолодовича, 1868 г., стр. 308—309.

³⁾ Пособіе изуч. Богослуженія пр. Никольскаго, изд. 1874 г., стр. 733.

⁴⁾ Да; отказываются частнымъ лицамъ совершать панихидныя моленія о близкихъ семейныхъ иноувѣрцахъ, но въ дни *оффиціальныхъ* поминаеній и юбилейныхъ торжествъ въ разныхъ учрежденіяхъ они безпрепятственно совершаютъ панихиды и по иноувѣрцамъ, не различая ихъ отъ православныхъ. А если по существу вѣры православной было бы противозаконно совершать панихидныя моленія по иноувѣрнымъ христіанамъ, то какимъ грубымъ произвольнымъ нарушеніемъ правилъ вѣры являлись бы такія панихиды, наприимѣръ, въ дни полковыхъ праздниковъ о *всѣхъ* умершихъ служившихъ въ полкахъ и иноувѣрцахъ,—или же, наприимѣръ, предъ дворянскими выборами о *всѣхъ* дворянахъ губерніи, въ истекшее трехлѣтіе умершихъ, между коими находятся и иноувѣрцы...—„Виленскій преосвященный запретилъ наши церковныя панихиды по католикѣ ген. Гурчинѣ, а на Кавказѣ

нимъ молиться за иноисповѣдныхъ христіанъ, съ одной стороны: а) принимая во вниманіе то, что древнія правила относительно даннаго вопроса (апост. прав. 10, 45, 65; лаод. 6, 37; Тим. алекс. 9) постановлены были (даже не объ этомъ вопросѣ: смотр. Спб., 1903 г., № 198) при исключительныхъ условіяхъ, въ которыхъ тогда находилась христіанская церковь,—когда многія стороны ея жизни еще не выяснились и не опредѣлились съ надлежащею полнотою, и что б) теперь церковноисторическія обстоятельства значительно измѣнились; съ другой стороны, в) руководясь тою широтою христіанской любви и вѣротерпимости, которая всегда свойственна была православной церкви, и наконецъ, г) пастыреки входя въ нравственное чувство тѣхъ *православныхъ* христіанъ, которые, состоя при жизни умершихъ иновѣрцевъ въ самыхъ тѣсныхъ родственныхъ связяхъ или въ близкихъ служебныхъ и нравственныхъ отношеніяхъ съ ними, просить своего духовнаго отца не отказать имъ въ христіанскомъ утѣшеніи—помолиться вмѣстѣ съ ними объ упокоеніи души усопшаго иновѣрца—*христіанина* ¹⁾... И эта современная у насъ практика также свидѣтельствуетъ, что священнослужителей, находящихся возможнымъ совершать панихидныя моленія въ храмахъ объ иновѣрныхъ христіанахъ, весьма ограниченное меньшинство, а поэтому почти всегда практикуемый отказъ въ молитвахъ объ иновѣрныхъ христіанахъ тяжело возмущаетъ общественный религіозный миръ весьма большого числа православныхъ христіанъ, находящихся въ близкихъ родственныхъ и нравственныхъ отношеніяхъ съ умершими иновѣрными христіанами...

Выходъ необходимый, въ особенности въ настоящее смутное время, изъ такого тяжкаго практическаго положенія, нежелательнаго для всѣхъ истинныхъ членовъ церкви православной, представляется такой:

Чтобы не смущать православныхъ ревнителей строгости церковныхъ обрядовыхъ обычаевъ, по коимъ эти ревнители полагаютъ, что церковь должна не дозволить моленій объ усопшихъ иновѣрныхъ христіанахъ *въ одинаково высокомъ и дерзновенномъ духѣ и формѣ*, съ которыми она совершаетъ молитвы объ упокоеніи христіанъ православныхъ,—съ другой стороны, чтобы удо-

церковная власть разрѣшила ихъ служить по тому же ген. Гурчину. А молитва за инославныхъ уже давно стала жгучимъ запросомъ жизни, мы, православные, перероднились съ инославными, имѣемъ друзей между ними... (См. „Моск. Вѣд.“, 1902 г. декабрь, № 344, стр. 2: „Запросы жизни“).

¹⁾ Практическое руководство для священнослужителей, изд. П. Нечаева. Изд. 6-е, 1895 г., стр. 288.

влетворить православныхъ, ревнующихъ о всеобъемлемости христіанской любви и вѣротерпимости *ко всѣмъ* людямъ, свойственной существу православнаго вѣроученія, а также входя въ высоко-нравственныя чувства дѣтей православнаго исповѣданія къ ихъ отцу, или матери, неправославнаго вѣроученія,—слѣдуетъ, *вмѣсто существующей раздвоенной, противорѣчивой практики*, просить правительственноруководящихъ архипастырей церкви православнорусской разрѣшить совершеніе панихидныхъ моленій по умершимъ христіанамъ неправославной церкви, напримѣръ, такимъ образомъ:

1) Или въ *сокращенномъ* видѣ обыкновенной общей панихиды съ непермѣннымъ *пропускомъ всего, спеціально* относящагося именно къ православному *правовѣрію* усопшаго; возможно замѣнить такія пѣснопѣнія нѣкоторыми моленіями вообще объ умершихъ „отъ Адама даже до днесь“ изъ Вселенскаго панихиднаго церковнослуженія мясопустной и Троицкой субботы. Такое сокращеніе пространныхъ пѣснопѣній общей Великой панихиды православныхъ было бы для панихиды объ иновѣрцахъ *удовлетворительно*, потому что: „Отче нашъ“, „псалмы Давида“, „Славословія“, „Аллилуія“, краткія заупокойныя ектенны, многія панихидныя наши моленія о прощеніи грѣховъ умершимъ и прочія неспеціальныя пѣснопѣнія ¹⁾ православной панихиды не содержатъ ничего несвойственнаго, неприложимаго къ христіанамъ и иновѣрнымъ. Каждый же православный христіанинъ долженъ споспѣшествовать благу, особенно духовному, иновѣрцевъ,—поучаетъ православный архипастырь ²⁾—*ибо всякій христіанинъ, какого бы ни былъ исповѣданія*, покланяется Одному и Тому же Богу Отцу, Которому и мы кланяемся, одному Искупителю, въ

¹⁾ Такъ, напримѣръ: „Глубиною мудрости человѣколюбно *вся* строяи и полезное *всѣмъ* подаваяи, едине Содѣтелю, упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего, на Тя бо упованіе возложи—Творца и Зиждителя и Бога нашего“.— „Во истину все суета, жизнь наша—тѣнь и сновидѣніе: напрасно же мятется всякій земнородный, какъ говоритъ писаніе: если и міръ весь приобретаемъ, и тогда все же во гробъ вселимся, гдѣ не различимъ царя отъ нищаго. И такъ упокой, Христе Боже, преставльшагося, ибо Ты Человѣколюбецъ“.— „Всесвятая Богородице, во время живота моего не остави меня, человѣческому предстательству не вѣри мя, но Сама заступи и помилуй мя“.— „Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная...—Ты Самъ, Господи, одинъ только безсмертенъ, сотворившій и создавшій человѣка, а мы—земные, изъ земли созданы и въ землю ту же опять пойдѣмъ, всѣ человѣки въ нее пойдѣмъ, надгробнымъ рыданіемъ творя пѣснь: аллилуія“...

²⁾ Православное нравственное Богословіе, сост. Платономъ, епископомъ Костромскимъ. Спб., 1867 г., стр. 223.

Котораго и мы вѣруемъ, и Котораго имя онъ на себѣ носить, Одному Духу Святому, Котораго и мы исповѣдуемъ; онъ пріемлетъ и чтитъ таинства, исповѣдуетъ вѣчную жизнь, которой онъ ищетъ въ живой вѣрѣ въ Господа Иисуса и Его Евангеліе“.— Также и Всероссійскій Правительствующій Святѣйшій Синодъ выразилъ такую же увѣренность относительно „двухъ великихъ развѣтвленій христіанства — латинянъ и протестантовъ, — въ искренности вѣры ихъ во Пресвятую и Живоначальную Троицу и часть таинствъ“ ¹⁾.

2) Или же лучше, руководясь наставленіемъ св. апостола Павла, чтобы въ церкви совершалось „все по чину“ ²⁾—можно просить, чтобы установленъ былъ *особый* „чинъ“ или составъ панихиды для повсемѣстнаго однообразнаго совершенія панихидныхъ моленій объ умершихъ *христіанахъ* неправославнаго исповѣданія. „Единъ Богъ, единъ и ходатай между Богомъ и *(всѣми)* человѣками, Иисусъ Христосъ“ ³⁾, Который принесъ совершенное удовлетвореніе *за всѣхъ грѣшниковъ*. И церковь,—поучаетъ еще другой нашъ архипастырь догматистъ,—предстательствуетъ предъ Богомъ за умершихъ, какъ и за живыхъ, не собственнымъ именемъ, а именемъ Господа Иисуса и силою Его безкровной жертвы, которую не перестаетъ приносить о спасеніи *всѣхъ* живущихъ и умершихъ ⁴⁾. Слѣдовательно, вполне законно и возможно къ имѣющимъся многимъ вышеупомянутымъ видамъ панихиды составить „чинъ“ панихидныхъ моленій объ умершихъ христіанахъ неправославнаго исповѣданія.

Настоятельная необходимость *положительнаго* разрѣшенія разсматриваемаго вопроса вызывается въ особенности массою православныхъ семействъ, имѣющихъ отца, или мать, неправославнаго христіанскаго вѣроисповѣданія. Молитвы, оставшихся въ живыхъ близкихъ людей объ умершемъ, считаются весьма важными у христіанъ и теперешней Римской церкви, и лучшіе изъ нихъ заповѣдуютъ своимъ дѣтямъ совершать о спасеніи ихъ заупокойныя молитвы;—жестoko и противно истинно христіанскому вѣроученію лишать православныхъ дѣтей возможности исполнять столь высоконравственную ихъ обязанность предъ родителями ихъ! Извѣстно также, что христіанское разновѣріе въ

¹⁾ Посланіе Свят. Прав. Синода ко вселенской Патріархіи. Церков. Вѣд. 1903 г., № 24, стр. 252 и проч.

²⁾ 1-е Коринѣ., гл. 14, стр. 40.

³⁾ 1-е Тим., гл. 2, стр. 5.

⁴⁾ Православное Догматическое Богословіе. Д. А. Митрополита Макарія. Изд. 1857 г., томъ II, стр. 459.

православномъ русскомъ государствѣ нисколько не препятствуетъ обильному занятію даже самыхъ высшихъ государственныхъ должностей всѣхъ вѣдомствъ, а также быть „попечителями“ православныхъ учебныхъ заведеній и благотворительныхъ учреждений. Послѣ смерти такихъ лицъ, противно чувству гражданскаго и духовнаго долга не совершать заупокойныхъ моленій православнымъ лицамъ, на пользу коимъ такіе иновѣрцы отдали свою жизнь. Теперь же, пока церковною властью не разрѣшенъ *однообразно и положительно* разсматриваемый вопросъ,—обыкновенный отказъ большинства православныхъ священнослужителей совершать заупокойныя и панихидныя моленія о прощеніи грѣховъ и спасеніи умершихъ иновѣрныхъ отца, или матери, массы семействъ и благотворителей многихъ тысячъ православныхъ христіанъ,—смущаетъ душу и разрушаетъ семейныя и нравственныя отношенія множества членовъ православной церкви. Но, вѣдь, это, по всѣмъ даже кратко вышепредставленнымъ основаніямъ и разъясненіямъ, является уже, какъ намъ кажется, нарушеніемъ отдѣльными лицами основной заповѣди Самого Господа нашего Іисуса Христа о любви другъ друга учениковъ Его, христіанъ, и о молитвѣ ихъ *за всѣхъ*. *Жизненную потребность православныхъ христіанъ совершать церковныя заупокойныя молитвы объ иновѣрныхъ родителяхъ и благодѣтеляхъ необходимо удовлетворять безпрепятственно, чтобы отказомъ въ этомъ не возбуждать нареканій на саму святую церковь православную.* Церкви православной неизмѣнно попеченіе о *спасеніи всѣхъ*. „Сердце наше,—пишетъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ,—расширено“ (2 Посл. Коринѣ. гл. VI, ст. 11) и *все возможное* готовы мы сдѣлать, чтобы способствовать утвержденію на землѣ вождѣннаго единства“ ¹⁾.—Да даруетъ же Господь Богъ православнымъ русскимъ христіанамъ, въ особенности сиротамъ отъ „смѣшанныхъ“ браковъ, безпрепятственную возможность, „со всякимъ смиренномудріемъ и кротостію *снисходя другъ ко другу любовію*, сохранять единство духа въ союзѣ мира и совершать (въ православныхъ храмахъ) *молитвы, прошенія, моленія (за родителей ихъ) за всѣхъ чело-вѣковъ, за царей и за всѣхъ начальствующихъ, чтобы всѣ люди спаслись*“ ²⁾.

Е. Воронцовъ.

¹⁾ Посланіе Свят. Правит. Синода. Церковн. Вѣд. 1903 г., № 24 стр. 252.

²⁾ Посланіе Ефес., гл. 4, ст. 1—4.—Посл. Тим., гл. 2, ст. 1—4.

Основные черты миссіонерской методики.

„Законъ положенъ не для праведника“ (I Тим. 1, 9), говоритъ св. апостоль Павелъ.

Праведные мужи, которые вѣрою ходятъ въ своей жизни (Евр. 11, 2, 6), безъ напоминанія закона исполняютъ заповѣди Божіи. Они не крадутъ, не убиваютъ, не прелюбодѣйствуютъ и даже словомъ не обижаютъ ближнихъ своихъ.

Другое дѣло—люди слабые, немощные, подверженные грѣху. Они легко забываются. Безпечно идутъ противъ требованій воли Божіей. Такимъ *немощнымъ* людямъ крайне нужны *оберегающія* ихъ заповѣди законныя,—какъ для мореплавателей необходимы въ опасныхъ мѣстахъ особые знаки и для путниковъ зимой—вѣхи вдоль дороги...

Подобное же слѣдуетъ сказать о миссіонерахъ. Опытные изъ нихъ, прослужившіе своему дѣлу много лѣтъ, не нуждаются въ миссіонерскихъ методикахъ. Они хорошо сами знаютъ: съ чего и какъ начать бесѣду съ расколо-сектантами; какимъ порядкомъ вести ее; какъ обходить всевозможныя трудности при раскрытіи въ бесѣдѣ того или другого предмета.

Нельзя сказать того же о *большинствѣ* миссіонерствующей братіи,—простыхъ приходскихъ священникахъ. Весьма многіе изъ нихъ нуждаются въ методическихъ указаніяхъ для веденія бесѣдъ съ церковными отщепенцами. Эта нужда особенно ярко проявляется на миссіонерскихъ сѣздахъ. Здѣсь, обыкновенно, происходятъ длинные разговоры миссіонерски-методическаго свойства. Въ результатъ получается впечатлѣніе, что *основныя*, исходныя положенія миссіонерской методики не всея еще братіи извѣстны вполне, какъ своего рода *азбука*.

Причина такого обстоятельства кроется въ самомъ свойствѣ миссіонерскаго служенія—особенно среди сектантовъ,—въ его неразработанности и новизнѣ. Науки *противосектантской* методики у насъ нѣтъ. Есть лишь отрывочные совѣты въ этой области. На обязанности самихъ миссіонеровъ лежитъ поэтому забота выработать правила, которыя бы годились для всякихъ бесѣдъ съ отступниками отъ православной церкви.

Авторъ, какъ сравнительно много уже лѣтъ служащій дѣлу отечественной миссіи, отчетливо сознаетъ свой долгъ предъ *начинающими* собратьями. Имъ онъ и осмѣливается предложить нѣсколько методическихъ совѣтовъ, подсказанныхъ ему жизнью. Этихъ совѣтовъ, разумѣется, можно надавать гораздо больше.—Но въ настоящемъ случаѣ, не задаваясь широкими задачами, авторъ излагаетъ лишь „*основныя черты миссіонерской методики*“.

Если раскрытіе этихъ „чертъ“ окажется кому либо полезнымъ,—авторъ почтетъ себя совершенно удовлетвореннымъ.

§ 1. Съ какого предмета начинать противосектантскія бесѣды?

Этотъ предметъ на собраніяхъ миссіонеровъ нерѣдко полагается во главу разсужденій. Многие думаютъ, что успѣхъ миссіонерской проповѣди зависитъ *отъ вопроса*,—съ котораго начинать бесѣды миссіонеры.

Между тѣмъ, здѣсь кроется довольно значительное недоразумѣніе. Дѣло миссіи неуловимо, какъ сама жизнь. Это дѣло нельзя вогнать въ опредѣленныя рамки. Потому миссіонеръ впалъ бы въ непростительную крайность, если бы сталъ утверждать, что бесѣды съ сектантами *всегда* слѣдуетъ начинать съ опредѣленнаго вопроса. Такому миссіонеру скоро же пришлось бы испытать на дѣлѣ глубокое разочарованіе.

Пояснимъ сказанное примѣромъ. Представьте себѣ такой случай. Миссіонеръ, *по книжкамъ* изучившій противосектантскую полемику, началъ свою проповѣдь съ вопроса о Свящ. Преданіи. Рѣчь его *по необходимости* обща, лишена „конкретности“. Она не попадаетъ въ цѣль. Сектанты сводятъ собесѣдника на вопросъ объ иконахъ. Миссіонеръ настаиваетъ на своемъ. Раздосадованные сектанты уходятъ съ бесѣды. *Они ничему на бесѣдѣ не научились...*

Спрашивается: разумно ли поступилъ миссіонеръ?

Ни въ какомъ случаѣ. Онъ *озлобилъ* сектантовъ, а не приблизилъ ихъ къ дверямъ церковнымъ. Поэтому въ *живой миссіонерской дѣятельности* серьезной рѣчи не можетъ быть о томъ, съ чего *всегда* начинать противосектантскія бесѣды? На этотъ вопросъ лучший отвѣтъ даетъ сама разнообразная и безграничная жизнь... И не для чего особенно упорствовать, передъ лицомъ жизни, на рутинныхъ соображеніяхъ. Помните: „*всѣ дороги ведутъ въ Римъ*“. Хорошій миссіонеръ, отправляясь *со всякаго* пункта, придетъ къ выводу, что Православная Церковь—мать наша—*„святая и непорочна“* (Еф. 5, 27)...

Однако, *если обстоятельства позволяют*, миссіонеръ въ своей первой публичной бесѣдѣ обязательно долженъ поговорить съ народомъ о томъ, что *преимущественно* волнуетъ людей въ данной мѣстности. Потомъ уже идти дальше,—*по системѣ*...

Такой миссіонерскій пріемъ будетъ отличаться жизненностью. Бѣды и доктора, при лѣченіи язвъ, стараются врачевать прежде всего эти язвы. Потомъ уже приступаютъ къ „общему лѣченію“...

Итакъ, вотъ первое правило для всякаго миссіонера: онъ долженъ быть *живымъ*, отзывчивымъ на нужды человѣкомъ. Онъ обязанъ съ самаго же начала бесѣдовать о *дѣйствительно нужномъ* для извѣстныхъ людей, а потомъ уже соображаться съ своими теоріями и умозрѣніями.

Что же говорить „теоріи“ касательно распорядка или внѣшняго плана миссіонерскихъ противосектантскихъ бесѣдъ?

Эти теоріи насъ удостовѣряютъ, что никакого такого *одного* плана нѣтъ. Въ дѣйствительности плановъ противосектантскихъ бесѣдъ столько же, сколько самихъ миссіонеровъ. И каждый планъ въ устахъ его автора имѣетъ свои преимущества, свои достоинства.

Поэтому мы здѣсь высказываемся о томъ, что лично намъ, на основаніи нашего десятилѣтняго опыта, *кажется* наилучшимъ.

Съ чего же, по нашему мнѣнію, цѣлесообразнѣе всего начинать бесѣды съ сектантами, *если обстоятельства благоприятствуютъ миссіонеру?*

Мы думаемъ, что такія бесѣды лучше всего начинать съ рѣчи о *священномъ преданіи*. И это не потому только, что указанный вопросъ въ христіанской догматикѣ—*изначальный*: то само собой. Противосектантскій миссіонеръ обязанъ помнить, что,—какъ бы искусенъ онъ ни былъ,—ему не подтвердить *буквой* Писанія многихъ православно-церковныхъ обрядовъ. Обязательно, со временемъ, онъ долженъ будетъ ссылаться на церковное преданіе, при обоснованіи своихъ мыслей. Напримѣръ: миссіонеръ искусно докажетъ, изъ какихъ библейскихъ данныхъ сложилось православное ученіе о крестномъ знаменіи. Но сектанты непремѣнно будутъ просить показать имъ одну заповѣдь для этого обряда. Тогда миссіонеръ волей-неволей обратится къ церковному преданію.

Если же такъ,—о церковномъ преданіи надобно бесѣдовать прежде всего.

Впрочемъ, мы предвидимъ возраженіе. Намъ скажутъ: „все равно, сектанты доказательствамъ отъ Преданія не повѣрятъ. Такъ не зачѣмъ вопроса о Преданіи раскрывать прежде всего“...

На это возраженіе мы отвѣтимъ.

Пусть сектанты повторяютъ свои излюбленныя слова о Преданіи. Однако хорошей бесѣдой можно достигнуть одного *отрицательнаго*, но крайне нужнаго намъ вывода. Миссіонеръ докажетъ, что въ *писанномъ* словѣ Божіемъ не все изложено *ясно, подробно и понятно* для христіанъ. Слѣдовательно, для устройства ихъ быта *въ согласіи съ Евангеліемъ* потребно преданіе Вселенской церкви...

И когда послѣ поднимутъ сектанты, къ *примѣру*, вопросъ, почему объ иконахъ въ Новомъ Завѣтѣ не сказано подробно? Миссіонеръ твердо уже, опираясь на *изначальную* свою бесѣду, скажетъ:

— А вы забыли, что въ Новомъ Завѣтѣ вообще объ устройствѣ христіанской жизни написано кратко? Вы забыли, что въ Евангеліяхъ и о формѣ воднаго крещенія сказано прикровенно, а о праздникахъ, нашихъ богослуженіяхъ, христіанскихъ пѣсняхъ просто *ничего* не написано? Такъ, по вашему, намъ не нужны праздники, богослуженія, пѣснопѣнія? А если нужны,—значить, нужно церковное преданіе...

Вотъ почему,—еще повторимъ,—систематическія бесѣды съ сектантами (да и раскольниками тоже) лучше всего, какъ намъ кажется, начинать съ рѣчи *объ источникахъ христіанскаго вѣроученія*.

§ 2. Дальнѣйшій ходъ миссіонерскихъ противосектантскихъ собесѣдованій.

Наблюденія надъ ученіемъ и жизнью сектантовъ показываютъ, что, въ сущности, они *извратили* всю христіанскую догматику. Вотъ *основныя* пререкаемые догматы христіанской вѣры и надобно подвергать на бесѣдахъ съ сектантами гласному обсужденію.

Эти *пререкаемые* догматы христіанской вѣры можно, напри- мѣръ, расположить въ такомъ порядкѣ. Установивъ правильный взглядъ на источники христіанскаго вѣроученія, естественно поставитъ вопросъ: къ чему же клонится все это вѣроученіе?

Отвѣтъ слѣдуетъ самъ собой: къ наставленію насъ тому, какъ найти людямъ оправданіе и спасеніе во Христѣ (Іо. 20, 31; Рим. 15, 4. 23. 24). Оправданіе же усвоится нами *во Св. Церкви* черезъ особыя благодатныя дѣйствія или таинства (Гал.

3, 27). Тутъ то нужно много бесѣдъ посвятить раскрытію здраваго понятія о составѣ церкви,—ея свойствахъ: единствѣ, святости, вѣчности и о судѣ церкви надъ грѣшниками. А далѣе также много слѣдуетъ бесѣдовать о таинствахъ, доказывая, что въ совершеніи ихъ св. церковь не поступаетъ противъ Евангельскихъ заповѣдей... „При чемъ, въ рѣчи о таинствахъ необходимо крѣпко установить въ головахъ народа убѣжденіе, что наружная сторона совершенія таинствъ въ евангеліяхъ не описана. Это доказывается самими сектантами. Крещеніе, наприм., они совершаютъ согласно съ своими *разсужденіями*, а не библейскими указаніями.

Если миссіонеру удастся благополучно побесѣдовать о церкви и таинствахъ,—главное дѣло его совершено. Тогда всѣмъ будетъ очевидно, что *духъ* въ тѣлѣ православной церкви *живъ*. А могутъ ли церковь оттолкнуть отъ Господа ея обряды, направленные къ прославленію имени Божія?..

Въ такомъ *апологетическомъ* смыслѣ слѣдуетъ вести миссіонерскія бесѣды о рукотворенной православной святынѣ и о различныхъ обрядахъ церковныхъ ¹⁾...

Но, если бы сектанты того упорно требовали, можно *безъ боязни за успѣхъ дѣла* начать бесѣды съ ними со второй части,—прямо объ обрядахъ. Только необходимо помнить, что часть эта вся *апологетическая*. Не нужно, вдаваясь въ крайность, стараться доказывать, что тѣ хрістіане, у которыхъ нѣтъ иконъ и храмовъ,—слуги антихриста. Лучше черезъ всѣ такія бесѣды провести мысль, что православная церковь,—имѣя храмы, украшенные иконами и крестами,—черезъ то самое *никакъ* не искажила духа евангельскаго...

Д. Боголюбовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Мы считаемъ себя въ правѣ не изображать конспективно этихъ бесѣдъ, такъ какъ это дѣло и въ широкомъ и въ сокращенномъ объемѣ нами уже сдѣлано. Желаящіе провѣрить слова наши пусть возьмутъ трудъ перечитать составленные нами „Миссіонерскія бесѣды съ штундо-баптистами“ и „Православный противосектантскій катихизисъ“ изд. второе.

Въ чемъ заключалось искупленіе человѣческаго рода, совершенное Господомъ Іисусомъ Христомъ ¹⁾).

Изъ свѣтскихъ писателей талантливѣмъ истолкователемъ вопроса о возрожденіи вѣрующихъ въ духовную жизнь, выступилъ, между прочимъ, извѣстный физикъ Генри Друммондъ въ своемъ сочиненіи: „Естественный законъ въ духовномъ мірѣ“, и я не могу отказать себѣ въ удовольствіи ознакомить нѣсколько читателя съ тѣмъ оригинальнымъ взглядомъ названнаго автора, благодаря которому этотъ важнѣйшій и трудный богословскій вопросъ дѣлается болѣе удобнымъ къ усвоенію. Друммондъ говоритъ, что такъ же, какъ теорія *біогинезиса*, т. е. теорія о возникновеніи жизни только отъ жизни уже существующей, одержала въ наши дни полную побѣду въ наукѣ и вслѣдствіе сего сдѣлалось ясно, что неорганическій міръ отдѣленъ отъ живаго міра (растительнаго и животнаго) такими преградами, которыя онъ никогда еще не переступалъ и переступить не можетъ, точно также переходъ отъ животнаго къ духовному міру герметически замкнутъ для міра животнаго, и никакія органическія измѣненія, никакія перемѣны окружающей среды, никакая умственная работа, никакія нравственныя усилія, никакое развитіе характера, никакое пріуспѣяніе образованности не въ силахъ ни единую человѣческую душу одарить свойствами духовной жизни,—т. е., духовный міръ отдѣленъ и огражденъ отъ міра, ниже его стоящаго, тоже законами біогинезиса. Но что же или кто, по Друммонду, можетъ одарить человѣческую природу свойствами духовной жизни? *Единый Христосъ, какъ источникъ духовной жизни*; самопроизвольнаго же зарожденія послѣдней въ человѣкѣ такъ же невозможно допустить, какъ нелѣпо себѣ представить, что кристалъ какой нибудь минеральной соли можетъ превратиться въ растение....

Въ Св. Писаніи такому объясненію Друммонда можно найти подтвержденіе въ собственныхъ словахъ Спасителя: „*Рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ Духа есть духъ*“ (Ев. Іоанна III, 6 и проч.). Но рядомъ съ духовнымъ возрожденіемъ стоитъ и духовное вырожденіе. Послѣднее совершенно анологично

¹⁾ «Мисс. Обзоръ» кн. 4-я, стр. 419.

гично законамъ вырожденія въ мірѣ растеній и животныхъ (въ томъ числѣ и тѣла человѣка); и тѣ и другія имѣютъ наклонность всякій разъ, какъ только отсутствуетъ уходъ за ними, возвращаться по виду и существу къ своимъ первоначальнымъ типамъ, которые были свойственны ихъ прародителямъ въ дикомъ состояніи: запущенный садъ зарастаетъ и даетъ черезъ короткое время вмѣсто розъ—шиповникъ и вмѣсто клубники—мелкую, дикую лѣсную ягоду; тѣло же человѣка, лишенное ухода, вырождается въ грубаго дикаря, подобнаго тѣмъ полуживотнымъ, полулюдямъ, которые иногда встрѣчаются на пустынныхъ островахъ; точно также, если человѣкъ будетъ пренебрегать развитіемъ своего ума, то превратится въ идіота или сумасшедшаго, примѣромъ чему могутъ служить одиночныя заключенія, производящія такое вліяніе на мозгъ людей, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлающихъ изъ заключенныхъ идіотовъ. Словомъ, во всемъ и всегда наблюдается—что разъ живой организмъ (растеніе или умственное) или отдѣльные органы послѣдняго лишаются особаго ухода, въ силу котораго они достигли извѣстной степени совершенства, они немедленно возвращаются къ первоначальному образу, т. е., неизмѣнно къ худшему виду.

Тоже наблюдается и въ духовномъ мірѣ человѣка: если мы будемъ пренебрегать нашею совѣстью, то станемъ людьми съ очень ослабленною совѣстью и порочными, „и если человѣкъ не будетъ развивать свою душу, то она неизбѣжно замираетъ (атрофируется), мельчаетъ и гибнетъ“. Каждый, кто привыкъ сознательно къ себѣ относиться, знаетъ, что такая тайная и безмолвная сила, непреодолимо влекущая человѣка духовно не впередъ, а назадъ, дѣйствительно существуетъ; мало того—ощущается, что это влеченіе сильно и глубоко коренится въ чело-вѣческой природѣ; въ наукѣ вѣры такое явленіе объясняется—какъ влеченіе, какъ наклонность ко грѣху, да и съ точки зрѣнія св. писанія человѣкъ зачинается въ беззаконіи и рождается во грѣхѣхъ (Псал. 50, 7; см. также посл. къ Римлян. VII, 14—24).

Опытъ жизни подтверждаетъ, что если не бороться съ влеченіемъ ко грѣху и отдаться потоку жизни, не направляя его, то человѣкъ будетъ все больше и больше погружаться въ беззаконіе и грѣхъ и притомъ совершенно безсознательно, самымъ естественнымъ образомъ. Въ силу этого св. писаніе говоритъ, что злые погибнутъ, точно такъ же, какъ, видя человѣка падающаго съ высоты пятаго яруса, мы съ увѣренностью говоримъ, что онъ погибнетъ, еще раньше, чѣмъ онъ дѣйствительно упалъ на землю.

Кто то опредѣлилъ значеніе физической жизни въ смыслѣ общаго итога отправления, противодѣйствующихъ законамъ уничтоженія организма, т. е., смерти, точно также и духовная жизнь можетъ быть опредѣлена, какъ общій итогъ отправления противодѣйствующихъ грѣху. А такъ какъ атмосферою души являются испытанія, соблазны и искушенія міра, то и подобно тому, какъ жизнь даетъ растенію власть пользоваться различными стихіями, которыя безъ того сами подчинили бы его своей власти (свѣтъ, воздухъ, тепло), также точно духовная жизнь только можетъ подать душѣ силу воспользоваться испытаніями и искушеніями для своего назиданія, для укрѣпленія въ вѣрѣ и проч. духовныхъ процессовъ, которые безъ существующей въ человѣкѣ духовной жизни во Христѣ могли бы погубить душу. Такой взглядъ Друммонда находитъ себѣ полное подтвержденіе въ словахъ Самого Спасителя: *„духъ животворитъ; плоть не пользуется ни мало“* (ев. Іоанна VI, 63), и въ другомъ случаѣ— *„духъ бодръ, плоть же немощна“* (ев. Марка XIV, 38). Отсюда слѣдуетъ, что мы всячески должны упражнять способности своей души и быть дѣятельными въ духовной жизни, т. е., не только бороться со грѣхомъ, но и дѣлать доброе, по словамъ Господа Бога, обращеннымъ къ Каину (до совершенія имъ преступленія)—*„если не дѣлаешь добраго, то у дверей грѣхъ лежитъ, онъ влечетъ тебя къ себѣ, но ты господствуй надъ нимъ“* (Кн. Бытія IV, 7).

Но если Христосъ есть источникъ духовной жизни, которую христіанинъ можетъ принять только отъ Него, то естественно *„спасеніе“* черезъ Него отъ грѣха и смерти должно быть понимаемо, должно заключаться не только въ прощеніи грѣховъ, но и въ болѣе широкомъ смыслѣ, разумѣя подъ словомъ *„спасеніе“* *если не полное освобожденіе души отъ наклонности ко грѣху, то во всякомъ случаѣ—оказаніе могущественной Божественной помощи въ этомъ направленіи всякому, кто призоветъ имя Господне* (Іоіля II, 32). Провѣрить это положеніе черезъ Писаніе вполне возможно: Посл. къ Римл. VI—*„грѣхъ не долженъ надъ вами господствовать, ибо вы не подъ закономъ, но подъ благодатью“* (14; см. тамъ же, гл. VII, 12).

„Всякій, дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха, говорилъ Спаситель; но рабъ не пребываетъ въ домѣ вѣчно; сынъ пребываетъ вѣчно. И такъ если Сынъ освободитъ васъ, то истинно свободны будете“ (ев. Іоанна VIII, 34—36).

„Вотъ наступаютъ дни, когда Я заключу съ домомъ Израіля и съ домомъ Іуды Новый Завѣтъ, не такой завѣтъ, какой Я за-

ключилъ съ отцами ихъ въ тотъ день, когда взялъ ихъ за руку, чтобы вывести ихъ изъ земли Египетской; тотъ завѣтъ Мой они нарушили, хотя Я оставался въ союзѣ съ ними, говорить Господь. Но вотъ завѣтъ, который Я заключу съ домою Израилевымъ послѣ тѣхъ дней, говоритъ Господь: *вложу законъ Мой во внутренность ихъ и на сердцахъ ихъ напишу его, и буду имъ Богомъ, а они будутъ Моимъ народомъ* (прор. Іеремій XXXI, 31—33; Посл. Евр. X, 16 и 17).

„Ибо если кровь тельцовъ и козловъ и пепель телицы чрезъ окропленіе освящаетъ оскверненныхъ, дабы чисто было тѣло, то кольми паче кровь Христа, Который Духомъ Святымъ принесъ Себя, непорочнаго, Богу, *очиститъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ, для служенія Богу живому и истинному*“ (Посл. Евр. IX, 13 и 14).

Но какъ же, въ силу какого именно процесса получаемъ мы духовную жизнь отъ Христа? Въ этомъ отношеніи наблюдается полная аналогія съ закономъ преемственности органической жизни отъ уже существующей таковой же: первоначально Святыи Духъ сошелъ въ день Пятидесятницы на апостоловъ, и съ этого момента началась ихъ духовная жизнедѣятельность во Христѣ; отъ нихъ же эта жизнедѣятельность, чрезъ рукоположенія, была передана пресвитерамъ и епископамъ, а отъ этихъ послѣднихъ передается преемственно таковыми же служителями церкви до сего дня. А такъ какъ черезъ пресвитеровъ мы получаемъ при святомъ крещеніи, причащеніи и прочихъ таинствахъ дары Духа Святаго, то и имѣемъ совершенное основаніе вѣровать и надѣяться, что всѣ мы, христіане, обладаемъ драгоцѣннымъ благомъ, обѣщаннымъ Спасителемъ, озаряющимъ нашу плотскую жизнь (какъ солнце озаряетъ вселенную, хотя вселенная имѣетъ способность къ физическому существованію и безъ солнца)—духовную жизнь, жизнь во Христѣ Іисусѣ, Спасителѣ нашемъ...

Передъ самымъ Своимъ страданіемъ и смертію Онъ сказалъ: кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ слово Мое: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и *Мы придемъ къ нему и обитель у него сотворимъ*“ (ев. Іоанна XIV, 23), и далѣе—„не о нихъ же (объ ученикахъ) только молю, но и о вѣрующихъ въ Меня по слову ихъ, *да будутъ всѣ едино*: какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ они да будутъ въ Насъ едино, да увѣруетъ міръ, что Ты послалъ Меня. И славу, которую Ты далъ Мнѣ, Я далъ имъ, да будутъ едино, какъ Мы едино: *Я въ нихъ, и Ты во Мнѣ*“ (тамъ же XVII, 20—23), „Я есмь лоза, а вы вѣтви: *кто пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ*, тотъ приноситъ много плода; ибо безъ Меня

не можете дѣлать ничего“ (тамъ же XV, 5)... Неужели же невозможно Св. Духа, „Иже вездѣ сый и вся исполняй“, въ особенности вѣять Своею благодатью тамъ, гдѣ Онъ хочетъ, будетъ ли то собраніе вѣрующихъ, церковь Божія, храмъ, гдѣ находится престолъ Божій и совершается таинство пресуществленія хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Христовы, или отдѣльный человѣкъ, за котораго Іисусъ Христосъ предаль Себя на страданіе и смерть? „Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ“, сказалъ Спаситель, бесѣдуя съ Никодимомъ, что въ приложеніи къ истинѣ о рожденіи вѣрующаго человѣка отъ воды и Духа и пребыванія въ немъ Духа во всю послѣдующую жизнь выражается въ уподобленіи тому, какъ, не зная откуда приходитъ и куда уходитъ Духъ, мы не можемъ отвергать, что голосъ Его слышимъ въ себѣ по временамъ...

Если преемственно къ намъ переходитъ и намъ подается духовная жизнь, преподанная когда то апостоламъ Іисуса Христа Духомъ Святымъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ мы получаемъ внутрь насъ и Сына Божія и Бога Отца; недаромъ св. крещеніе, чрезъ которое мы соединяемся съ Богомъ, совершается, по указанію Самого Спасителя (ев. Матѣ. XXVIII, 19), во имя всѣхъ трехъ лицъ Св. Троицы, и отъ Его дуновенія апостолы получили Духа Святаго (ев. Іоанна XX, 22), недаромъ также Онъ сказалъ—ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь во мнѣ пребываетъ и *Я въ немъ* (тамъ же гл. VI, 56).

Что касается сакраментальной стороны истины о принесеніи Христомъ искупительной жертвы, въ цѣляхъ удовлетворенія правосудію Божію, то въ этомъ отношеніи возьмемъ объясненіе, предлагаемое въ „Руководствѣ къ изученію Христ. Прав. Догм. Богословія“ Митроп. Макарія: „вся тайна нашего искупленія смертію Іисуса Христа состоитъ въ томъ, что Онъ взамѣнъ насъ уплатилъ Своею Кровію долгъ правдѣ Божіей за наши грѣхи. Этотъ долгъ нашъ предъ Богомъ состоялъ въ томъ, что мы не исполнили волю Его, которую должны были исполнить, и непослушаніемъ своимъ (и подказавшею его гордостью—прибавимъ; см. выше) безконечно оскорбили своего Создателя и вслѣдъ за тѣмъ осуждены были Имъ на страданіе и смерть... Но Господь Іисусъ всецѣло и совершенно исполнилъ за насъ волю Божію въ продолженіе всей Своей земной жизни и особенно въ крестныхъ страданіяхъ и смерти, когда Его самоотверженіе, смиреніе, послушаніе волѣ Отца достигли самой высшей степени (Фил. 2, 8); всецѣло и совершенно потерпѣлъ за насъ и всѣ тѣ страданія и смерть, какія мы заслуживали за всѣ наши грѣхи. Богъ не могъ

остаться неудовлетвореннымъ такою жертвою за наши грѣхи; потому что и удовлетворявшій былъ Богъ“ (Посл. ап. Павла Евр. V, 8—10; IX, 27, 28; X, 12 и 14); и если за непослушаніе воли Божіей земля и живущіе на ней подверглись проклятію (Римл. V, 18 и 19), то за совершеннѣйшее послушаніе, проявленное Сыномъ Божіимъ,—съ людей снято было это проклятіе“.

Воскресеніе Христово.

Достойно глубокаго вниманія, что Господь, всячески умалявшій во время земной жизни Своей славу чудесъ и исцѣленій, которыя въ обилии совершалъ на землѣ (вспомните воскресеніе дочери Іаира; ев. Марка V, 39; ев. Луки VIII, 52 и 53), запрещавшій въ большей части случаевъ ученикамъ разглашать о нихъ (ев. Марка, V, 43 и Луки VIII, 56), какъ равно и объ особо выдающихся событіяхъ Своего прославленія отъ Отца (ев. Марка, IX, 9; ев. Луки IX, 36), находилъ необходимымъ предпринять цѣлый рядъ дѣйствій, которыя, каждое въ отдѣльности и всѣ въ совокупности, должны были засвидѣтельствовать міру неопровержимымъ образомъ о томъ, что Онъ дѣйствительно плотію воскресъ изъ мертвыхъ... Сюда относятся: и неоднократное появленіе Христа послѣ воскресенія посреди Своихъ апостоловъ и учениковъ (1 посл. Корин. XV, 3—7; ев. Луки XXIV, 13—31, 33—36; ев. Іоанна XXI, 1—14 и мн. др.), и приниманіе Имъ пищи съ цѣлью увѣрить пораженныхъ трепетомъ учениковъ, что Онъ дѣйствительно является во плоти, и показываніе Имъ рукъ, ногъ и ребръ Своихъ (ев. Іоанна XX, 20), и предложеніе апостолу Ѳомѣ, не вѣрившему въ Его воскресеніе, увидѣть и осязать руки Его (носившія очевидно слѣды отъ гвоздяныхъ ранъ) и раны на ребрахъ Его. Всѣ эти дѣйствія до очевидности исходили изъ одного побужденія—вселить въ людяхъ совершенную, непоколебимую вѣру, что Его воскресеніе изъ мертвыхъ дѣйствительно совершилось послѣ краткаго трехдневнаго пребыванія въ мертвыхъ. Такое громадное, исключительное значеніе придаетъ Самъ Господь Преславному воскресенію Своему изъ гроба.

По воскресеніи Своемъ, Христосъ желалъ самаго широкаго распространенія извѣстія объ этомъ событіи потому, что, во-первыхъ, всегда искалъ славы пославшаго Его Отца (ев. Іоанна VII, 18; XVII, 1, 4, XII, 28), а воскресеніе до очевидности совершилось по воли Того, Кому была принесена искупительная жертва Христомъ, и, во-вторыхъ, потому что если люди были искуплены драгоцѣнною кровію Христа, какъ непорочнаго и чистаго Агнца,

то увѣровавшіе черезъ него въ Бога должны знать, что Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ и далъ Ему славу, дабы люди имѣли совершенную вѣру и совершенное упованіе на Истиннаго и Всемогущаго своего Бога (1 посл. Петра I, 19 и 21). Въ этомъ, думается, заключалась первая изъ первыхъ цѣль воскресенія.

А за симъ слѣдуетъ—прощеніе грѣховъ во имя пострадавшаго и воскресшаго Христа тѣмъ, кто приноситъ покаяніе въ своихъ грѣхахъ. Самъ Іисусъ Христосъ благоволилъ торжественно возгласить: „такъ написано и такъ надлежало пострадать Христу и воскреснуть изъ мертвыхъ въ третій день. И проповѣдану быть во имя Его покаянію и прощенію грѣховъ во всѣхъ народахъ, начиная съ Іерусалима (ев. Луки XXIV, 46 и 47). Въ чемъ же заключались ближайшіе результаты воскресенія Христова? Они заключаются прежде всего въ томъ, что Сынъ Божій, какъ имѣющій источникъ жизни въ Самомъ Себѣ, воскреситъ и всѣхъ мертвыхъ для суда и возмездія по дѣламъ, которыя были совершены ими, когда они находились въ живыхъ, что прямо вытекаетъ тоже изъ собственныхъ словъ Спасителя: „ибо какъ Отецъ имѣетъ жизнь въ Самомъ Себѣ, такъ и Сынъ далъ имѣть жизнь въ Самомъ Себѣ (т. е. источникъ жизни)..., ибо наступаетъ время, въ которое всѣ, находящіеся въ гробахъ, услышатъ гласъ Сына Божія; и изыдутъ творившіе добро въ воскресеніе жизни, а дѣлавшіе зло въ воскресеніе осужденія“ (ев. Іоанна V, 26—29). Въ остальномъ да позволено будетъ сослаться на прекрасное, въ высокой степени достойное своего автора, поученіе св. Іоанна Златоуста. „Трапеза исполнена,—говоритъ Златоустъ,—насладитесь вси, телець упитанный, никто же да изыдетъ алчай; вси насладитесь пира вѣры, вси воспріимите богатство благодати. Никто же да рыдаетъ убожества, явися бо общее царство, никто же да плачетъ прегрѣшеній, прощеніе бо отъ гроба возсія, никто же да убоится смерти, свободы бо насъ Спасова смерть“... и далѣе—„Воскресе Христосъ, и падоша демоны. Воскресе Христосъ, и радуются ангелы. Воскресе Христосъ, и жизнь жительствоуетъ. Воскресе Христосъ, и мертвый не единъ во гробѣ. Христосъ бо воста отъ мертвыхъ, начатокъ усопшихъ бысть. Тому слава и держава во вѣки вѣковъ“. Аминь.

А. Пахарнаевъ.

Изъ исторіи борьбы и полемики по вопросу объ иконопочитаніи въ древнее и настоящее время ¹⁾.

(По поводу отрицательнаго отношенія къ иконамъ со стороны современныхъ сектантовъ).

Основныя положенія христіанской вѣры, или догматическія непререкаемыя истины, въ свое время возбуждавшія недоумѣнія и споры со стороны неправомыслящихъ и еретиковъ, продолжаютъ и въ настоящее время смущать и сбивать съ толку многихъ изъ легковѣрныхъ и неопытныхъ христіанъ. Древнѣйшія еретическія мнѣнія, отрицавшія въ Иисусѣ Христѣ то божество, то человѣчество, то неправо представлявшія образъ сочетанія въ Немъ двухъ естествъ, почти не прекращались во все продолженіе исторіи христіанской церкви, возобновились въ послѣднее время подъ разными названіями, пропагандируются съ особенною настойчивостью и большими успѣхами ко вреду и соблазну вѣрующихъ. Центральнымъ пунктомъ нападенія новѣйшихъ еретиковъ и сектантовъ служитъ *Божество* Спасителя нашего Иисуса Христа. Его считаютъ простымъ человѣкомъ—то историческимъ и великимъ, то легендарнымъ. Новѣйшее еретичество, вооруженное всѣми научными средствами нападенія на христіанство, важно не въ одномъ теоретическомъ или принципиальномъ отношеніи, но и въ практическомъ. Дѣло въ томъ, что современные невѣры и явные враги христіанства, отрицая Божественное достоинство Основателя христіанской религіи, стремятся къ разрушенію созданной Имъ церкви, какъ учрежденія, во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительнаго, отжившаго будто-бы свое время и пре-

¹⁾ При составленіи своего очерка, авторъ пользовался главнымъ образомъ слѣдующими источниками и пособіями: 1) „Дѣянія всел. соборовъ“, изд. Каз. акад., т. VII; 2) св. I. Дамаскина. „Три защит. рѣчи противъ пориц. св. иконъ“ въ перевод. съ греч. А. Бронзова; 3) „Libri Carolini“, tom. 98 Patr. curs. comp. Migne; 4) Histor. Ketzer. Walys, tom. 10—11; 5) Geschiede d. christ. Keres. A. Gijgour 3 Iband.; 6) „Истор. христ. Робертсона и Герцога“ въ перев. А. Лопухина, I—II т.; 7) Остроумовъ Гр. „Догмат. значеніе 7-го всел. собора“; 8) „Просвѣтитель“ преп. Іосифа Волоколамскаго; 9) м. Стефана Яворскаго. „Камень вѣры“, ч. I, изд. 1843 г.; 10) А. Доброклонскаго „Руковод. по истор. р. церкви“, вып. IV, изд. 1893 г.; 11) „Описаніе докум. и дѣлъ арх. Св. Синода“. т. II; 12) „Отчетъ г. Оберъ-Прокурора Свят. Синода“ за послѣдн. годы. Указывается на все это съ тою цѣлью, чтобы не повторять одного и того же нѣсколько разъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

пятствующаго образованію духовной общины на новыхъ—разумныхъ началахъ. Встрѣчая отпоръ со стороны защитниковъ христіанства на почвѣ научной постановки дѣла, противники церкви стараются нападать на слабыя, по ихъ мнѣнію, ея мѣста. Наиболѣе уязвимую сторону церкви представляетъ, повидимому, ея сложная обрядность, противорѣчащая, будто-бы, понятію духовности христіанской религіи. Здѣсь особенно возбуждаются и изощряются пристрастныя нападки и глумленія со стороны враговъ существующаго церковнаго устройства; вмѣсто того, чтобы глубже вникнуть и надлежащимъ образомъ понять смыслъ историческаго происхожденія и значенія богослужебной христіанской обрядности, они рѣшительно отвергаютъ ее, какъ что-то устарѣлое, излишнее и бесполезное. Иконы и священные изображенія, употребляющіяся въ православныхъ церквахъ, подвергаются сильнымъ упрекамъ и обвиненіямъ со стороны современныхъ сектантовъ, напоминающихъ собою древнихъ еретиковъ разныхъ видовъ и направленій.

Въ исторіи борьбы и полемики противъ иконопочитація необходимо отмѣтить нѣсколько частныхъ моментовъ, различающихся между собою по времени, мѣсту, лицамъ и побужденіямъ къ борьбѣ. Такихъ моментовъ усматривается три: первый относится къ древнѣйшему періоду исторіи церкви,—къ тому времени, когда въ борьбѣ съ разнаго рода еретиками раскрывалась и завершалась система христіанскаго вѣроисповѣданія, равно какъ опредѣлялись основныя начала каноническаго устройства церкви; это—такъ называемый періодъ иконоборства, продолжавшійся около 130-ти лѣтъ (711—842); къ этому-же періоду слѣдуетъ отнести иконоборство короля Карла Великаго (793—827); второй моментъ относится ко времени реформациі М. Лютера, Цвингли и др. (1523—1546); сюда же нужно присоединить ересь русскихъ жидовствующихъ, также отвергавшихъ, какъ извѣстно, почитаніе иконъ (1450—1504 г.); третій моментъ относится къ новѣйшему времени; начало этого періода указать трудно; для Россіи оно должно быть приурочено къ царствованію императора Петра Великаго, когда появился еретикъ Дмитрій Тверитиновъ, возстававшій противъ почитанія и употребленія иконъ (1713—1723 г.).

Наша задача состоитъ не въ фактическомъ изложеніи обстоятельствъ, сопровождавшихъ означенные моменты, а въ указаніи характерныхъ особенностей лицъ, побужденій и приемовъ полемики.

I.

Хотя для употребленія при богослуженіи и почитанія иконъ и священныхъ изображеній нѣтъ въ книгахъ ветхаго и новаго

завѣта прямыхъ повелѣній, однако обычай иконопочитанія, введенный на VII-мъ вселенскомъ соборѣ въ степень догмата, древній и священный; основывается онъ главнымъ образомъ на свящ. преданіи, которое наравнѣ съ свящ. писаніемъ признается въ православной церкви источникомъ божественнаго откровенія; съ другой стороны,—ученіе объ иконопочитаніи можетъ быть выводимо логическимъ путемъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ свящ. Библии; но главнымъ принципиальнымъ основаніемъ для иконопочитанія служить догматъ о воплощеніи Іисуса Христа и воочеловѣченіи Его. Если Спаситель нашъ—Богочеловѣкъ, то изображеніе Его, какъ человѣка, посредствомъ живописи или скульптуры въ разныхъ моментахъ земной жизни, отъ младенчества до возмужалаго возраста, отъ рожденія до смерти, воскресенія и вознесенія, соотвѣтственно дѣйствительнымъ событіямъ Еванг. исторіи, составляетъ такое простое и естественное установленіе въ церкви, которое, въ качествѣ дополненія и символическаго изображенія духовной сущности христіанства, не должно бы возбуждать никакихъ недоумѣній и нападеній со стороны христіанъ. Правда, иконопочитаніе въ христіанскомъ смыслѣ не было въ ветхозавѣтной іудейской церкви, согласно второй заповѣди синайскаго законодательства, но тогда не было воплощенія Мессіи; были только единичныя, временныя Богоявленія, рѣдкія и кратковременныя—подъ видами и образами ангеловъ, людей, грозныхъ или тихихъ явленій природы, тогда какъ въ Новомъ Завѣтѣ „Богъ явился во плоти и съ человѣки поживе“, въ качествѣ человѣка, во всемъ намъ подобнаго, кромѣ грѣха. Такимъ образомъ иконопочитаніе въ христіанствѣ тѣсно связывается съ догматомъ воплощенія Бога-Слова; въ вопросѣ объ иконопочитаніи это важная, существенная сторона дѣла, которой не придавали надлежащаго значенія ни противники иконъ, ни защитники ихъ, позднѣйшіе апологеты, въ ущербъ разумной постановкѣ вопроса и въ противорѣчіе правильнымъ взглядамъ Отцевъ VII-го Вселенскаго Собора на значеніе иконопочитанія въ системѣ вѣроученія ¹⁾).

По опредѣленію православной церкви, подъ иконами разумѣются свящ. изображенія Бога, явившагося во плоти, Господа нашего Іисуса Христа, Пречистыя Его Матери и святыхъ Его. Св. церковь предписываетъ не боготворить иконы, какъ ошибочно

¹⁾ Упрекъ не исполнѣ справедливый. Еп. Сергій, напр., ученіе о Боговоплощеніи полагаетъ въ основу „свидѣтельствъ св. Пис. Нов. Завѣта“ объ иконопочитаніи. См. „Правосл. ученіе о почитаніи св. иконъ“ стр. 18 и д.

Прим. ред.

многіе думаютъ, а благоговѣйно почитать ихъ и молиться предъ ними; какъ изображенія священныя, онѣ служатъ для напоминанія дѣлъ Божіихъ и святыхъ Его; въ этомъ отношеніи иконы суть тѣ же книги, написанныя, вмѣсто буквъ, въ лицахъ и обстоятельствахъ. Такой взглядъ на иконы и ихъ значеніе проводится въ актахъ и постановленіяхъ Св. Отцевъ VII Вселенскаго Собора, согласно съ древнимъ преданіемъ первенствующей нераздѣльной церкви. Для болѣе точнаго и обстоятельнаго ознакомленія съ доводами и соображеніями святоотческими, вызванными и направленными противъ древнихъ иконоборцевъ, считаемъ нужнымъ привести для примѣра нѣкоторыя наиболѣе убѣдительныя мѣста изъ подлинныхъ дѣлъ и разсужденій VII собора въ г. Никее.

На основаніи свидѣтельствъ Тертулліана, св. отца Іоанна Дамаскина, церковной исторіи Евсевія и общаго мнѣнія членовъ VII вселенскаго собора, должно заключить, что употребленіе св. иконъ извѣстно было въ христіанской церкви съ глубокой древности; о томъ же говоритъ и множество вещественныхъ памятниковъ, давно извѣстныхъ и вновь открываемыхъ. Такъ, въ катакомбахъ, пещерахъ и въ развалинахъ древнихъ храмовъ находятъ символическія изображенія: голубя, рыбы, пастыря, агнца. Символы эти были въ употребленіи у первенствующихъ христіанъ, совершавшихъ свои молитвенныя собранія въ потаенныхъ мѣстахъ, по причинѣ преслѣдованій со стороны евреевъ и язычниковъ. Символы эти, понятныя для однихъ христіанъ, служили вмѣсто иконъ; но одновременно съ ними употреблялись и иконы;—до царя Константина Великаго (312 г.) въ маломъ числѣ и съ большею осторожностію, а послѣ, когда христіанство признано было религіей дозволенною и господствующею,—въ большемъ количествѣ и разнообразіи,—такъ что ко времени царя Льва Исаврянина, иконопочитаніе получило характеръ прочно установившагося обычая какъ въ западной церкви, такъ и въ восточной. Въ 724 г. императоръ Левъ III сдѣлалъ первую попытку къ ослабленію и ограниченію общецерковнаго обычая. Въ 730 году послѣдовалъ болѣе строгій указъ—объ совершенномъ изыятіи иконъ изъ употребленія церковнаго; распоряженіе это сопровождалось смутами въ народѣ, доходившими по мѣстамъ до открытаго возмущенія; раздраженный Левъ прибѣгъ къ преслѣдованію и наказаніямъ ослушниковъ. Что побудило царя возстать противъ иконопочитанія,—до сихъ поръ не выяснено надлежащимъ образомъ. Одни изъ ученыхъ ставятъ иконоборство Льва III, какъ и его преемниковъ, въ связь съ общереформатскою дѣятельностью византійскихъ императоровъ въ государственныхъ

учрежденіяхъ и управленіяхъ, не исключая и церковной сферы, какъ неразрывно связанной съ жизнію общественною; другіе усматриваютъ въ иконоборческой дѣятельности императоровъ средство привлечь въ христіанство арабовъ-магометанъ, которые соблазнялись иконопочитаніемъ у христіанъ, приравнивая его къ идолопоклонству; по расчетамъ Льва, съ устраненіемъ иконопочитанія, арабы, угрожавшіе тогда Греціи, могли скорѣе сблизиться съ христіанами и даже принять ихъ ученіе; наконецъ, нѣкоторые изъ ученыхъ, въ объясненіе причинъ иконоборческаго движенія, указываютъ на крайне одностороннее, обрядовое направленіе благочестія христіанъ того времени, особенно низшей массы населенія, наглядно выражавшееся въ отношеніи къ иконамъ. По разсказамъ современниковъ, почитаніе иконъ заходило иногда далеко за предѣлы дозволеннаго... Такъ, многіе иконамъ воздавали большую честь, нежели священному изображенію креста, какъ орудію страданій Иисуса Христа; иконы допускались при крещеніи дѣтей вмѣсто воспріемниковъ; нѣкоторые священники и клирики соскабливали краску съ образовъ, смѣшивали ее съ просфорами и виномъ и раздавали вмѣсто причастія; иные священники предлагали евхаристію иконописнымъ изображеніямъ святыхъ, какъ бы живымъ причастникамъ ¹⁾. Всѣ эти различныя предположенія, указывающія на внутреннія причины и побужденія въ дѣлѣ преслѣдованія иконъ и ихъ почитателей, могутъ быть принимаемы во вниманіе, но они никакъ не могутъ оправдывать образа дѣйствій греческихъ царей, потому что послѣдніе вмѣшивались въ данномъ случаѣ въ чуждую имъ сферу управленія и дѣятельности; вмѣсто того, чтобы быть покровителями церкви, они являлись врагами ея, притѣсняя и преслѣдуя ни въ чемъ неповинныхъ гражданъ-христіанъ; правда, Левъ Исаврянинъ съ единомысленными ему императорами могли думать объ иконахъ, что угодно, могли считать ихъ идолами, могли принимать строгія мѣры противъ суевѣрныхъ, вредныхъ нововведеній, могли побуждать духовенство глубже вникать въ Библію, дабы возвышаться къ болѣе чистымъ религіознымъ понятіямъ, но уже не въ правѣ были они являться судьями совѣсти своихъ подданныхъ и издѣваться надъ святынею, предъ которою преклонялись искренно и истинно-вѣрующіе. Обманываясь относительно предѣловъ своего могущества, думая, что у всѣхъ людей такіа

¹⁾ Подозрѣваютъ и еще одну причину, — это желаніе Льва воспользо-
ваться церковными сокровищами отъ уничтоженія иконъ, какъ императоръ
дѣлалъ это въ другихъ случаяхъ, заимствуя на свои нужды деньги изъ
церковныхъ сбереженій подъ предлогомъ податей, налоговъ и т. п.

же продажныя души, какъ у придворныхъ, мечтая, будто бы царскія приказанія, угрозы и наказанія могутъ создать духъ времени, цари-иконоборцы осмѣлились предписывать подданнымъ то, какъ они должны вѣровать...

Замѣчательно и достойно сожалѣнія то, что царямъ-иконоборцамъ удалось склонить на свою сторону противъ иконопочитанія множество духовенства. Такъ, Константинопольскій патріархъ Анастасій, смѣнившій твердаго въ православіи и не уступавшаго предъ угрозами царя п. Германа, объявилъ себя, если не по убѣжденію, то по расчету на милости царскія, противъ иконопочитанія къ большому соблазну и смущенію паствы и христіанской церкви. Этого мало, были и другіе вольнодумные епископы, не только сочувствовавшіе царямъ-иконоборцамъ, но и истребившіе иконы въ своихъ округахъ. Сыну и преемнику Льва III, импер. Константину, удалось составить цѣлый соборъ епископовъ въ числѣ 338 членовъ, осудившій иконопочитаніе, какъ недостойный христіанъ, грѣховный обычай, запретившій его подъ угрозой тяжкихъ наказаній тѣмъ, кто, въ качествѣ ремесленника, будетъ готовить иконы и кто будетъ поклоняться имъ. Чтобы придать болѣе значенія своимъ опредѣленіямъ, иконоборный соборъ 754 г. присвоилъ себѣ названіе вселенскаго.

Но не молчали, а противодействовали всѣми возможными мѣрами иконоборческому движенію и истинные почитатели св. иконъ, на сторонѣ которыхъ было большинство христіанъ—какъ мѣстной (Констант.), такъ и другихъ церквей. Протестъ слышался со стороны простого народа и монашества, со стороны ученыхъ защитниковъ, со стороны представителей западной церкви—римскихъ папъ и, наконецъ, со стороны трона въ лицѣ царицы Ирины, которая дала окончательное торжество православію чрезъ созваніе вселенскаго собора. „Ты думаешь созвать вселенскій соборъ по вопросу объ иконопочитаніи“, писалъ папа Григорій около 726 г. императору Льву, намъ это представляется бесполезнымъ. Ты преслѣдуешь иконы, ругаешься надъ ними и истребляешь ихъ; оставь это дѣло и замолчи; тогда міръ успокоится и соблазны прекратятся. Если созвать соборъ, то гдѣ христіолюбивый и благочестивый императоръ, долженствующій, по обыкновенію, засѣдать въ совѣтѣ и чествовать тѣхъ, которые говорятъ хорошо, а тѣхъ, которые уклоняются отъ истины, преслѣдовать,—когда ты самъ, царь, являешься человѣкомъ непостояннымъ и варваромъ? Въ лицѣ Ирины церковь нашла то, что, по словамъ папы Григорія, необходимо было для вселенскаго собора.

(Продолженіе слѣдуетъ). Свящ. А. Синайскій.

Отвѣтъ раскольникамъ о соборныхъ правилахъ, опредѣлившихъ возрастъ для посвященія пресвитеровъ и діаконовъ.

На бесѣдахъ съ раскольниками, преимущественно безпоповцами, постоянно приходится слышать, что многіе священники нашей православной церкви должны быть извергнуты изъ сана, какъ незаконно поставленные, вопреки 14 правилу 6-го Вселенскаго собора.

„Правило святыхъ и Богоносныхъ отецъ нашихъ, ссылаются наши обвинители, да соблюдается и въ семъ: дабы во пресвитера прежде тридесати лѣтъ не рукополагати, аще бы и вельми достоинъ былъ, но отлагати до уреченныхъ лѣтъ. Ибо Господь Иисусъ Христосъ въ тридесатое лѣто крестился и началъ учить“ (14 пр.). „Аще кто въ какую бы то ни было степень поставленъ будетъ прежде опредѣленныхъ лѣтъ: да будетъ изверженъ“ (15 пр.).

Для уясненія даннаго вопроса необходимо разсмотрѣть касающіяся его постановленія церкви и тѣ обстоятельства, кои вызвали эти постановленія.

Вопросъ о лѣтахъ для поставленія священныхъ лицъ въ церкви поднимался неоднократно.

Первымъ по сему предмету высказался св. Игнатій Богоносецъ. Въ посланіи къ Магнізіанамъ онъ пишетъ: „не подобаетъ вамъ презирати *возрастъ епископскій*, но по волѣ Бога Отца всякое почтеніе воздавати ему: зане вѣмъ, яко и святые пресвитеры не взирають на юность видимую, но на благоразуміе въ Богѣ. Ибо не *многолѣтны* суть *мудри*, ни *старцы вѣдять разумъ*: но *духъ*, *иже есть въ чловѣцѣхъ*. Даніилъ бо оный мудрый, аще и дванадесати лѣтъ сый, но одержимый духомъ Божиимъ, всеу сѣдину носящихъ старцовъ, клеветниковъ же и желателей чуждыя доброты посрами (Дан. 13, 46). Самуилъ же отроча малое, девяностолѣтнаго Ілія обличи, предпочетшаго дѣти своя паче Бога (1 Цар. 3, 18). Такжеже и Іеремія слышитъ отъ Бога: не глаголи, яко отрочъ азъ есмь (Іер. 1, 7). Соломонъ же и Іосія, овъ убо дванадесатолѣтенъ (3 Цар. 3, 25) царствовавъ, страшный оный и неудоборѣшительный судъ женамъ о лѣтахъ сотвори: овъ же осмолѣтенъ начальство восприявъ, ка-

пища и храмы разруши, и дубравы пожже, бѣсомъ бо бяху, а не Богу возложена (4 Цар. 25, 4—7). Тѣмъ же *не юность удобо-презрительна есть, егда Богу возложена*: но произволеніе злое, *аще и престарѣлъ кто будетъ во днѣхъ злыхъ*. Юнѣ бѣ Христоносный Тимофей, но слышите, что пишетъ къ нему учитель: никтоже о юности твоей да не радить, но образъ буди вѣрнымъ словомъ и житіемъ (Тим. 4, 12)¹⁾.

Изъ этихъ словъ св. Игнатія Богоносца ясно видно, что юный возрастъ не служилъ препятствіемъ для полученія даже высшаго епископскаго чина. Отъ поставляемаго лишь требовалось христіанское учительство и возгрѣваніе духа Божія, получаемаго при посвященіи; духъ Божій умудрялъ и совѣмъ юныхъ и, наоборотъ, отсутствіе его и злое произволеніе не дѣлали достойными даже и старыхъ по возрасту. Такой взглядъ на лѣта посвящаемыхъ держался до Неокесарійскаго собора. Въ промежутокъ этого времени апостольскимъ правиломъ было указано только ²⁾, что обратившагося отъ язычества не должно скоро поставлять на священную степень „ибо несправедливо еще неиспытанному быти учителемъ другихъ“ ³⁾. Толкуя это правило, Зонара пишетъ: „только что пришедшій къ вѣрѣ и удостоенный божественнаго крещенія, не тотчасъ долженъ быть хиротонисанъ во епископа. Ибо прежде должно дать о себѣ доказательство, что и вѣру имѣеть здравую и по образу жизни безукоризненъ; а это требуетъ времени, ибо въ короткое время невозможно этого узнать. *Поставлять же учителемъ того, кто самъ еще не былъ испытанъ,—несправедливо и ненадежно*“.

Хотя это правило и не даетъ прямого указанія на лѣта поставляемыхъ, однако и не требуетъ для поставленія какого-либо опредѣленнаго возраста, предписывая лишь испытывать поставляемаго, въ продолженіе нѣкотораго времени, въ христіанскомъ учительствѣ, необходимомъ для руководства другихъ. Допустимъ, что присоединившійся изъ язычниковъ имѣлъ 20 лѣтъ отъ роду. Въ пять лѣтъ онъ могъ показать и вѣру здравую, и безукоризненный образъ жизни, „пробывъ въ каждой степени, т. е. въ степени чтеца, иподіакона и такъ далѣе, хотя въ продолженіе одного года и такимъ образомъ быть достойнымъ самой высшей чести“ ⁴⁾.

¹⁾ Посланія св. священном. Игнатія Богоносца. Кіевъ. 1888.

²⁾ Св. Игнатій Богоносецъ жилъ въ концѣ I вѣка; апостольскія правила собраны въ концѣ II или началѣ III вѣка.

³⁾ Правило св. апостолъ 80-е.

⁴⁾ 2-е прав. 1-го Всел. собора; толкованіе Аристіна.

Впрочемъ, были отступленія и отъ этого правила. „Такъ, говоритъ Вальсамонъ, великій свѣтильникъ Нектарій едва былъ отдѣленъ отъ стада оглашенныхъ и омылъ божественною банею скверну житія, чистый уже облачается чистѣйшимъ саномъ архіерейства и въ то же время дѣлается епископомъ царствующаго града и экзархомъ святаго и вселенскаго второго собора“¹⁾.

Точное указаніе на лѣта посвящаемыхъ находится въ 11 прав. Неокесарійскаго собора²⁾. „Во пресвитера, говоритъ оно, прежде тридцати лѣтъ, аще и по всему достойный человѣкъ, да не поставляется, но да оставится въ ожиданіи. Ибо Господь Іисусъ Христосъ въ тридцатое лѣто крестился и началъ учить“. Побудительнымъ обстоятельствомъ для изданія этого правила было то, что нѣкоторые, обращавшіеся изъ язычества, признавая истинность христіанскаго ученія и вѣруя въ Господа Іисуса Христа, отлагали на неопредѣленное время святое крещеніе. Во времена гоненій, такіе люди иногда отрекались отъ принадлежности къ христіанству, приносили жертвы идоламъ, и потомъ принимали крещеніе, омывая, такимъ образомъ, въ крещальной купели грѣхъ, сдѣланный ими до крещенія. Несомнѣнно, что такіе люди,—убоявшіеся во время гоненій мучительства, не могли быть вполне достойными пастырями, не могли дать пасомымъ должнаго примѣра, не могли сказать имъ, чтобы они помышляли о небесныхъ благахъ, презирая всѣ страданія и мученія, не могли, въ общемъ, быть наставниками истинно христіанскаго ученія, требующаго отъ послѣдователя полного самоотверженія ради Христа.

Въ виду указаннаго грѣха малодушія, обнаруживавшагося въ отлагательствѣ крещенія, свв. Василій Великій и Григорій Богословъ писали особые слова, побуждающія вѣрующихъ, ко святому крещенію³⁾. Какое дѣйствіе производили эти слова,—неизвѣстно. Но церковь нашла нужнымъ быть болѣе строгою въ избраніи клира и, зная, что молодой человѣкъ болѣе немошенъ, чѣмъ уже пришедшій въ возрастъ, болѣе подверженъ слабостямъ и увлеченіямъ, 11 прав. Неокес. собора постановляетъ, чтобы пресвитеръ не поставлялся ранѣе 30 лѣтъ. Что дѣйствительно церковь, устанавливая возрастъ для посвященія пресвитеровъ, имѣла въ виду людей, указанныхъ выше,—это подтвер-

1) Трехтолк. Кормчая. Лаодик. соб., пр. 3.

2) Соборъ, состоявшійся въ Неокесаріи, есть второй послѣ Анкирскаго, но древнѣе прочихъ и самаго перваго вселенскаго собора, бывшаго въ Никее (Трехтолк. кормч. Зонара. Вальсамонъ).

3) Трехтолк. Кормчая. Пр. 12-е Анкирск. соб. Зонара.

ждается и слѣдующимъ 12 правиломъ Неокесарійскаго собора: „Аще кто въ болѣзни просвѣщенъ крещеніемъ, говоритъ соборъ, то не можетъ произведенъ быти во пресвитера, ибо вѣра его не отъ произволенія, но отъ нужды“. Зонара толкуетъ это правило такъ: кто въ здоровомъ состояніи *откладывалъ крещеніе*, а подвергшись болѣзни и имѣя въ виду опасность для своей жизни, крестился, тотъ не долженъ быть произведенъ во священство, ибо можно думать, что онъ отлагалъ просвѣщеніе *по любви къ удовольствіямъ и изъ плотугодія и потому, что хотѣлъ жить въ небреженіи и не подчиняться игу Евангелія*, и вѣра его является происшедшею отъ необходимости, а не отъ произволенія“.

Въ періодъ времени отъ Неокесарійскаго собора до шестого Вселенскаго—церковь обуреваема была различными ересями. Въ это время имѣли мѣсто ереси: аріанство, македоніанство, монофизитство и монофелитство. Особенно сильны были первая и послѣдняя. Почти цѣлые патріархаты были заражены ими. Необходимо было имѣть особую осмотрительность въ выборѣ лицъ для клира, необходимо было тщательно узнавать—истинно ли принадлежитъ человѣкъ къ православію. И вотъ церковь, въ лицѣ соборовъ, издастъ вновь правила, предписывающія особенную внимательность къ избираемымъ въ священную степень. Такъ первый Вселенскій соборъ подтверждаетъ опять, чтобы новокрещеннаго не тотчасъ же возводить въ епископское или пресвитерское достоинство, но сначала получить доказательство, *каковъ онъ по вѣрѣ и каковъ по жизни* ²⁾, а шестой Вселенскій соборъ повторяетъ цѣликомъ постановленіе Неокесарійскаго собора о лѣтахъ пресвитеровъ и діаконовъ. Всѣ эти дѣйствія церкви клонились, не сомнѣнно, къ тому, чтобы избранный въ клиръ, быть дѣйствительно, не по имени только, но и по дѣлу, наставникомъ и учителемъ своей паствы. Устанавливая опредѣленный возрастъ для поступленія въ клиръ, соборъ имѣлъ въ виду и то, что человѣкъ, достигшій тридцати лѣтъ, обладаетъ уже совершенно сложившимся характеромъ и волей, болѣе устойчивъ въ своихъ мнѣніяхъ и въ своихъ взглядахъ. А это было въ высшей степени важно въ то время, когда шла усиленная борьба православія съ различными ересями; когда ересями заражены были нерѣдко и греческіе императоры и сами представители церквей—патріархи. Вліяніе такихъ высокихъ лицъ было почти неотразимо. Его могла побѣдить только твердо установившаяся воля.

²⁾ 1-го Всел. соб. Пр. 2-е. Зонара.

Милостію Божіей пронеслась гроза ересей. Кончилась и горчайшая изъ нихъ—иконоборческая. И вотъ, на седьмомъ Всел. соборѣ, между прочимъ, указано съ особою ясностію и то, что требуется отъ желающихъ вступить въ клиръ. „Поелику мы, говоря отцы собора, въ псалмопѣніи общаемъ Богу: во оправданіихъ Твоихъ поучуся, не забуду словесъ Твоихъ (Пс. 118, ст. 6): то и всѣмъ христіанамъ сіе сохранять есть спасительно, наипаче же приѣмлющимъ священническое достоинство. Сего ради и опредѣляемъ: всякому, имѣющему возведену быти на Епископскую степень, непременно знати псалтирь, да тако и весь свой клиръ вразумляетъ поучатися изъ оныя. Такожде тщательно испытывати его митрополиту, имѣетъ ли усердіе съ размышленіемъ, а не мимоходомъ, читати священныя правила и святое Евангеліе, и книгу Божественнаго Апостола, и все Божественное писаніе, и поступати по заповѣдямъ Божиимъ и учити порученный ему народъ. *Ибо сущность іерархіи нашея составляютъ Богопреданныя словеса, то есть, истинное вѣдѣніе Божественныхъ писаній*, якоже изрекъ великій Діонисій. Аще же колеблется и не усердствуетъ тако творити и учити: да не рукополагается. Ибо пророчественно рекъ Богъ: ты умѣніе ототвергъ еси, отвергу и Азъ тебе, да не жречествуеши мнѣ“ (Осіи. 4, 6¹).

Въ толкованіи на это правило Зонара говоритъ: „всѣ вѣрные должны поучаться въ оправданіяхъ Бога и не забывать словесъ Его, а наипаче тѣ, которые приѣмлютъ священническое достоинство, т. е. тѣ, которые облечены имъ, имѣютъ его на себѣ... Ибо сущность нашей іерархіи составляютъ богопреданныя слова. А сущностію іерархіи божественное писаніе названо потому, что оно есть ея“.

Вальсамонъ то же правило толкуетъ такъ: „Святые отцы, зная, что по причинѣ ереси иконоборцевъ, очень многіе вѣрующіе огрубѣли, потому что бѣгали и не имѣли возможности даже являться на глаза людямъ, сказали, что и всѣ христіане обязываются читать божественное писаніе со испытаніемъ, но гораздо болѣе архіереи, которые поставлены затѣмъ, чтобы учить порученный имъ народъ, почему и опредѣлили не иначе рукополагать кого-либо, какъ если знаетъ псалтирь и, по испытаніи тѣмъ, кто будетъ совершать хиротонію его,—какое онъ имѣетъ расположеніе къ изученію божественнаго писанія, что онъ чтеніемъ священныхъ и божественныхъ правилъ и прочаго занимался прилежно, то есть съ испытаніемъ, а не бѣгло; сверхъ

¹) Седьмого Всел. соб. пр. 2-е.

сего, что и живетъ согласно божественнымъ заповѣдямъ и учить народъ Господень и просто готовъ къ тому, чтобы *учить и отъчать*, что должно о *богопреданныхъ словесахъ, которыя составляютъ сущность, то есть основаніе священства*“.

Смысль правила и толкованій очень ясенъ. Сущностію и основаніемъ іерархіи поставляются не лѣта поставляемаго, а знаніе имъ божественнаго писанія для руководства и наученія другихъ.

Сопоставивши это правило съ правилами, бывшими прежде, относительно членовъ клира, мы увидимъ, что постановленія прежнихъ соборовъ о лѣтахъ поставляемыхъ клонились лишь къ тому, чтобы въ число клира не поступили лица не подготовленные къ христіанскому учительству или же такіа, относительно которыхъ могло быть сомнѣніе въ чистотѣ ихъ вѣры и принадлежности къ христіанству.

Имѣя въ виду указанное основаніе, церковь не отказывала въ посвященіи въ клиръ и лицамъ моложе 25 и 30 лѣтъ, зная, что и „юность не удобопрезрительна есть, егда Богу возложена будетъ“. Свидѣтельство тому мы часто можемъ встрѣтить въ лѣтописяхъ Баронія и исторіи Георгія Кедрина ¹⁾.

1. „Будущій французскій апостолъ Религій, на епископство Ременское по Геннадіи восхищенъ бысть отъ народа невольно, егда ни моленіемъ, *ниже оскудѣніемъ лѣтъ отрещися*, ниже избѣжати возможе (*не имѣяше бо токмо двадцать два лѣта*)“ ²⁾.

2. „Василій (императоръ), пресѣкая навѣты, увѣнчиваетъ Константина и Льва, сыновъ своихъ: а въ третіе лѣто своея державы провозглашаетъ и Александра, своего сына,—юнѣйшаго же всѣхъ, Стефана ³⁾ причисляетъ къ церкви Божіей“ ⁴⁾.

„Василій съ императоромъ Михаиломъ державствовалъ едино лѣто, а единъ девятнадцать лѣтъ. Преемствуетъ ему Левъ, изъ оставшихся сыновъ его старѣйшій. Левъ, содѣлавшійся обладателемъ всего... опредѣлилъ первѣе свергнуть Фотія съ престола. На мѣсто же его опредѣляетъ императоръ (Левъ) патріархомъ Стефана Синкелла (въ 886 г.), своего брата, рукоположеннаго отъ первопрестольнаго Теофана“ ⁵⁾.

Этотъ патріархъ Стефанъ причисленъ церковію къ лику святыхъ. Въ прологѣ на 17 мая пишется: Иже во святыхъ отца на-

¹⁾ На Баронія и Г. Кедрина неоднократно ссылается уважаемая старообрядцами книга „О Вѣрѣ“, напечатанная при патр. Іосифѣ.

²⁾ Бароній. Лѣто 471; число 6-е л. 535 об.

³⁾ Стефанъ, рожд. въ 870 г.

⁴⁾ Георгій Кедринъ, ч. 2-я, стр. 55. Москва, изд. 2-е.

⁵⁾ Тамъ же, 68 стр. и об.

шего Стефана, Архіепископа Константина града... „Стефанъ, Архіепископъ Константина града,—сынъ греческаго царя Василия Македонянина и юнъ сый поставленъ бысть патріархомъ Царя града“.

3. Св. Кириллъ—просвѣтителъ славянъ—поставленъ во пресвитера ранѣе узаконенныхъ лѣтъ. „Константинъ, пишется въ его житіи, съ 14 лѣтъ (родился въ 827 г.) воспитывался въ Константинополѣ съ сыномъ императора Теофила—Михаиломъ. По окончаніи своего воспитанія, Константинъ тайно удалился и принялъ иноческое постриженіе. Возвращенный изъ пустыни, онъ убѣжденъ былъ принять рукоположеніе во пресвитера. (Около 850 года. Лѣтопись Еписк. Арсенія, лѣто 846-е). Послѣ сего онъ посланъ былъ императоромъ въ Багдадъ, гдѣ провелъ много дней въ спорѣ съ мудрецами сарацинскими. Отпущенный Эмиромъ съ честію, св. Кириллъ, по возвращеніи въ Царь-градъ, удалился на гору Олимпійскую къ брату Меодію и съ нимъ продолжалъ подвизаться въ постѣ и молитвѣ. Въ 857 году пришли къ царю Михаилу послы отъ Хозаръ и просили себѣ наставниковъ. Царь и патріархъ Игнатій послали Константина и Меодія“ ¹⁾.

4. „Въ мѣсяцѣ Декемврїи приводятъ Трифона монаха и рукополагаютъ въ патріарха на нѣкое время, доколѣ Теофилактъ, сынъ императора Романа, не достигнетъ *законнаго возраста*“... ²⁾ Трифонъ изводится изъ церкви... По прошествіи же единого года и пяти мѣсяцевъ (ибо не доставало еще толикаго времени Теофилактѣ *къ совершенству и къ рукоположенію во Архїереа*) рукополагается Теофилактъ, сынъ императоровъ, въ патріарха, въ мѣсяцѣ Февруарїи второго индиктіона“ ³⁾. „Во второенадесять лѣто самодержавія Константинова, а отъ сотворенія міра въ 6464, мѣсяца Февруарїа 27 дня, 14 индиктіона скончалъ житіе патріархъ Теофилактъ, патріаршествовалъ двадесать три лѣта и двадесать пять дней. На престолъ патріаршества возшелъ онъ противъ правилъ церковныхъ, имѣвши отъ рожденія своего шестнадцать лѣтъ и подъ нѣстунами бывшій патріархомъ нѣсколько времени“ ⁴⁾. Въ патріаршество Теофилакта получила св. крещеніе благовѣрная княгиня Ольга. „Жена ополчившагося нѣкогда морскою силою на Римлянъ Россійскаго князя Игоря, именемъ Ольга, по смерти мужа своего, пришла въ Константинополь, гдѣ крестившися и явивши усердіе къ истинной вѣрѣ,

¹⁾ Дебольскій. Дни Богослуженій прав. церкви, стр. 493. .

²⁾ Георгій Кедринъ, ч. II, стр. 88.

³⁾ Тамъ же, стр. 89.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 95.

въ домъ свой возвратилася“ ¹⁾. Крестилась Ольга въ 6463 г. отъ сотв. міра, и отъ Р. Хр. въ 955 году. (Въ прологѣ говорится, что Ольга крестилась отъ патр. Фотія, но это неправильно. Фотій патріаршествовалъ по 886 г. и послѣ него были патріархами Стефанъ, Антоній, Николай, Евѣимій, Стефанъ, Трифонъ-намѣстникъ и, затѣмъ, Теофилактъ съ 932 по 956 г.).

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что церковь не всегда руководствовалась правилами о лѣтахъ поставленія членовъ клира и за это отступленіе отъ соборныхъ правилъ никто не отдѣлялся ни отъ лицъ, поставленныхъ вопреки канонамъ, ни отъ церкви, какъ то дѣлаютъ наши старообрядцы.

Въ десятомъ вѣкѣ свѣтъ Христова Евангелія проникъ и въ Русскую землю. вмѣстѣ съ вѣрой отъ Грековъ приняты были, конечно, и каноны церковные. Какова была практика Русской церкви относительно лѣтъ посвящаемыхъ, съ точностію неизвѣстно, но надо думать, что такъ же, какъ и въ Греческой церкви обращали вниманіе не на лѣта поставляемаго, а на его способности къ учительству. Вскорѣ послѣ принятія христіанства на Руси, были устроены школы для подготовленія въ нихъ кандидатовъ священства изъ русскихъ людей. Съ теченіемъ времени школы эти мало-по-малу прекратили свое существованіе (Стогл. 25 гл.) и въ XV вѣкѣ въ клиръ приходилось ставить, какъ свидѣтельствуєтъ архіепископъ новгородскій Геннадій, людей совершенно неученыхъ.

Въ 1551 году царемъ Иваномъ Васильевичемъ (Грознымъ) собранъ соборъ „еже поутвердити древняго преданія истинныя нашея христіанскія вѣры, дабы утверждена была и непоколебима въ роды и роды и на вѣки невреждена отъ душегубительныхъ волкъ“ ²⁾.

На этомъ соборѣ было постановлено: „иже есть дѣяки, которіи хотящїи діаконства и священничества, а *грамотъ мало умѣютъ и святителемъ ихъ поставити, ино сопротивно священнымъ правиламъ*, а не поставити и святыя церкви безъ пѣнія будутъ и православныя христіаны безъ покаянія учнутъ умирати и безъ причастія; и святителемъ избирати по священнымъ правиломъ, въ попы бы ставити 30 лѣтъ, и во дѣяконы 25 лѣтъ *и грамотъ бы умѣли, чтобы могли церковь Божию держати и дѣтей своихъ духовныхъ управити могли по священнымъ правиломъ*. Да и о томъ ихъ святители истязаютъ съ великимъ запрещеніемъ, почему мало умѣютъ грамотѣ, и они от-

¹⁾ Тамъ же, стр. 93 об.

²⁾ Стоглавъ, гл. 2-я, изд. Кожанчикова.

вѣты чинять: мы де учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а индѣ де намъ учиться негдѣ. Колько отцы [наши и мастера умѣютъ, потому и насъ учать. А отцы ихъ и мастера сами потому же мало умѣютъ *и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ*, да учиться имъ негдѣ“ ¹⁾.

Постановленіе это было [вызвано печальнымъ состояніемъ тогдашняго духовенства. Во священники и діаконы, по нуждѣ, посвящались люди совершенно необразованные, кое-какъ заучившіе наизусть отправление службъ церковныхъ, часто неграмотные, не умѣвшіе читать и писать. Учительства отъ такихъ пастырей ожидать было нельзя. „Попы, говоритъ царь, по своимъ церквамъ поютъ безчинно въ двое, въ трое, а міряне въ тѣ же поры промежь себя глумленіе творять и всякія рѣчи говорятъ праздные, ино обое погибельно и пастыри и овцы вкупѣ заблудиша и погибоша, а попы и церковные причетники въ церкви всегда пьяни и безъ страха стоятъ и бранятся и всякія рѣчи неподобныя всегда исходятъ изъ устъ ихъ, и міряне, зря на ихъ безчиніе, гибнуть. Тако же творять попы же въ церквахъ бьются и дерутся промежь себя, а въ монастырехъ тако же творять, да попы же мірскіе заутреню и вечерню въ церкви безъ ризъ, во единой патрахили, поютъ и у престола дѣйствуютъ и въ царскія двери всегда ходятъ“ ²⁾. „Архимандритъ и игумены нѣцки и священники и діаконы въ своихъ обителяхъ, во святыхъ церквахъ Божественныя литургии не служатъ ни за упокой, ни за здравіе недѣль 5 и шесть, а индѣ и въ полгода, и во святыхъ правилахъ священническому чину только до осми дней не служить, кромѣ великія нужи“ ³⁾. „Нѣцы невеликіи попы въ великій четвергъ соль подъ престолъ кладутъ и до седьмого четвертка по велицѣмъ днѣмъ тако держатъ и ту соль даютъ на врачеваніе людямъ и скотомъ“ ⁴⁾.

Соборъ, въ числѣ другихъ мѣръ къ искорененію непорядковъ церковныхъ, указываетъ и на соблюденіе правилъ о лѣтахъ для посвященія священниковъ и діаконовъ. Но, несомнѣнно, одно соблюденіе этихъ правилъ не могло уничтожить всѣхъ нестроений русской церкви, такъ какъ главной причиной нарушенія церковнаго благочинія была необразованность тогдашнихъ пастырей, которые не только не могли внушить паствѣ правильныхъ понятій о вѣрѣ, но сами часто были заражены недостат-

¹⁾ Тамъ же, гл. 25-я.

²⁾ Тамъ же, гл. 5-я, вопр. 23.

³⁾ Тамъ же, гл. 41-я, вопр. 30.

⁴⁾ Тамъ же, вопр. 26.

ками своей паствы. Такого нестроенія ранѣе сего не было въ русской церкви потому, „что училища бывали въ российскомъ царствѣ на Москвѣ и въ великомъ Новѣгородѣ и по инымъ градомъ многіе грамотѣ писати и чести и пѣти учили, и тогда грамотѣ гораздыхъ было много, но писцы, и пѣвцы и четцы славны были по всей земли“ ¹⁾.

И вотъ соборъ, вслѣдъ за опредѣленіемъ о лѣтахъ, тотчасъ же указываетъ на главное средство для возстановленія церковнаго благочинія: „въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градомъ избрати добрыхъ духовныхъ священниковъ и діаконѣвъ, имущихъ въ сердцахъ страхъ Божій, *могущихъ и иныхъ пользоваться и грамотѣ чести и пѣти и писати горазды* и у тѣхъ священниковъ и діаконѣвъ *учинити въ домѣхъ училища*, чтобы священники и діаконы и всѣ православные христіане въ коемъ-же градѣ давали своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ, книжнаго письма и церковнаго пѣнія и чтенія наложнаго и тѣ бы священники, и діаконы, и дьячки избранные учили своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ, и писати, и пѣти, и чести со всякимъ духовнымъ наказаніемъ, но и паче же всего учениковъ бы своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ, чтобы имъ пришедъ въ возрастъ достойнымъ быти священническому чину, *да учениковъ бы есте своихъ и во святыхъ Божіихъ церквахъ наказывали и поучали страху Божію и всякому благочинію, псалмопѣнію и чтенію и конарханію по церковному чину, и учили бы учениковъ грамотѣ довольно и силы бы имъ писанія сказывали,...* чтобы ученицы ваши всѣ книги учили“ ²⁾.

Такимъ образомъ, Стоглавый соборъ стремился исключительно къ тому, чтобы раннимъ поставленіемъ не принять въ клиръ лицъ необразованныхъ и неучительныхъ, такъ какъ и лицъ съ опредѣленными лѣтами (если допустить, что русская церковь строго держалась правила VI Всел. собора), какъ видно было, не могли воздѣйствовать на пороки паствы, вслѣдствіе своей неспособности къ учительству и руководству другихъ по своему незнакомству ни съ писаніемъ, ни съ соборными и святоотеческими правилами. Съ теченіемъ времени, благодаря принятымъ соборомъ мѣрамъ, благодаря, сравнительно, большей образованности духовенства, господствовавшіе въ обществѣ пороки и недостатки церковнаго благочинія стали мало-по-малу уничтожаться. Отъ восточныхъ патріарховъ и отъ иноземцевъ, посѣщавшихъ Россію, слышатся похвалы благочестію и твердому

¹⁾ Стоглавъ, гл. 25.

²⁾ Стоглавъ, гл. 27.

исполненію русскими церковныхъ законоположеній. Пастыри церкви стали болѣе учительны, нѣкоторые обладаютъ начитанностію и знаніемъ необходимыхъ, по тогдашнему времени, языковъ латинскаго и греческаго,—и церковь начинаетъ вручать управленіе паствою людямъ, недостигшимъ узаконеннаго времени. Примѣровъ этого имѣется нѣсколько.

Такъ Никонъ (впослѣдствіи патріархъ) посвященъ былъ во священника при патр. Филаретѣ ¹⁾ на 20 году; „Въ страшный 1605 годъ, когда въ Московскомъ государствѣ началась смута, въ Маѣ мѣсяцѣ, въ селѣ Вельдемановкѣ, Княгининскаго уѣзда, у крестьянина Мины, родился сынъ, нареченный Никита (стр. 3). Сыскавъ въ одномъ приходѣ причетническое мѣсто, Никита опредѣлился къ оному и вскорѣ къ тому же приходу посвященъ во іерея на 20 году отъ рожденія“ ²⁾ (въ 1625 г.). Извѣстный расколуучитель Аввакумъ поставленъ былъ также ранѣе узаконенныхъ лѣтъ. „Рукоположенъ, пишетъ о себѣ Аввакумъ, во діаконъ двадцати лѣтъ съ годомъ и по двулѣтѣхъ въ попы поставленъ, живой въ попѣхъ восемь лѣтъ, а потомъ совершенъ въ протопоны православными епископы“ ³⁾.

Въ 1666 году подана челобитная соловецкихъ иноковъ царю Алексѣю Михайловичу на Архимандрита Варѣоломея. Въ ней говорится, между прочимъ слѣдующее: „и сія глаголемъ, великій Государь, паче же молимъ Богомъ снабдимую и благочестивую державу твою, не понося ему,—не буди то; но соболѣзнуемъ и сострадаемъ ему, паче же о святѣй обители, яко присныя тоя чады. Виновное же сице рчемъ: ученикъ ево, архимандритовъ, *діаконъ Макарій, юноша сый, еще не влѣвши пятнадцати лѣтъ*, въ кельѣ у нево, архимандрита, оба пьяни суть и за кую вину мы убо не можемъ, паче же не хотимъ рещи, вмаѣлѣ ножемъ дерзости не сотворилъ, аще не бы Божія всесильная десница покрыла, сторожъ, имянемъ Давидъ, его, архимандрита, защитилъ“ ⁴⁾.

Итакъ, хотя правила нѣкоторыхъ соборовъ и точно опредѣлили лѣта членовъ клира, однако церковь не всегда руководствовалась ими. Цѣль же изданія этихъ правилъ, смотря по времени, была различная. Въ первыя времена христіанства (до

¹⁾ Филаретъ патріаршествовалъ съ 1619 по 1633 г. („Лѣтопись“, Еписк. Арсенія).

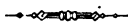
²⁾ Житіе патр. Никона, издан. подъ редакціей В. И. Шемякина. Москва. 1896 г.

³⁾ Матеріалы для исторіи русскаго раскола, т. V, стр. 10.

⁴⁾ Матеріалы для исторіи русскаго раскола, т. III, стр. 51.

300 г.), когда крещеніе совершалось, преимущественно, надъ взрослыми людьми, была опасность принять въ клиръ челоуѣка не укрѣпившагося еще въ христіанствѣ; во времена вселенскихъ соборовъ, когда церковь обуреваема была ересями, необходимо было наблюдать за тѣмъ, чтобы посвящаемый всецѣло и твердо былъ преданъ православію. Въ русской церкви и первая, и вторая причины отсутствовали, но, взаиѣнъ ихъ, появилась новая—неграмотность и невѣжество низшаго духовенства, породившія всевозможныя неблагочинія въ церкви и пороки въ паствѣ. Въ настоящее время ничего подобнаго уже не существуетъ. Крещеніе совершается теперь тотчасъ же по рожденіи и крещаемый съ младенчества воспитывается и возрастаетъ въ православіи, а лица, готовящіеся къ поступленію въ клиръ, съ молодыхъ лѣтъ обучаются, кромѣ другихъ наукъ, закону Божію, толкованію священнаго писанія, святоотеческихъ твореній, соборныхъ правилъ и вообще тѣмъ предметамъ, которые необходимы пастырю для правильнаго руководства его паствы, а кромѣ того обращается строгое вниманіе и на жизнь посвящаемаго. „Сего мужа (готовящагося къ священству) всякимъ первѣе опаснымъ истязаніемъ испытавше и достовѣрными свидѣтельствами, наипаче духовнаго его отца о немъ увѣрившеса, посвятили мы во іерея“, говорится въ Ставленной граматѣ.

Такимъ образомъ, тѣ причины, по коимъ въ прежнее время посвященіе въ клиръ откладывалось до опредѣленныхъ лѣтъ, теперь не существуютъ и священники, поставленные въ молодыхъ лѣтахъ, поставлены правильно и законно, согласно соборнымъ постановленіямъ, требовавшимъ отъ пастырей *въ сущности лишь христіанскаго учительства и правильнаго руководства другихъ*. Такъ поступала древняя церковь, такъ поступаетъ она и въ настоящее время; нужно замѣтить при семъ и то, что не все, что было прежде, можетъ быть приложимо и теперь, ибо „и у древнихъ были нѣкоторые обычаи, исполняемые въ церквахъ, изъ которыхъ одни съ теченіемъ времени измѣнились, а другіе и совершенно прекратились, а нѣкоторые запрещены и правилами“¹⁾; „и многое (по обрядово-канонической, конечно, части) по нуждѣ или по другимъ побужденіямъ происходило (и происходитъ не по правилу церковному“²⁾. N N.

¹⁾ Трехтолк. Кормчая. Лаодик. соб., пр. 11-е, толкованіе.

²⁾ Тамъ же, 2-го Всел. соб., пр. 2-е.

Изъ записокъ и дневниковъ.

О переселеніи сектантовъ жидовствующихъ въ Палестину.

Въ № 309 газеты «Свѣтъ» за 1903 годъ напечатано: «въ Одессѣ находится нѣсколько партій переселенцевъ-крестьянъ изъ секты «іудействующихъ» (Тамбовской и смежныхъ съ нею губерній). Крестьяне-іуден эмигрируютъ въ Палестину, гдѣ они основываютъ собственныя земельныя хозяйства или занимаются въ батраки къ колонистамъ-евреямъ. Но, въ послѣднее время, наплывъ туда работниковъ сильно сократилъ спросъ на трудъ, и нѣкоторые изъ крестьянъ возвращаются теперь обратно изъ колоній на родину. Въ канцелярію одесскаго городского раввина явилось двое такихъ крестьянъ — Моисей Вабобулинъ и Исай Жетеневъ съ просьбой объ оказаніи имъ помощи для поѣздки на родину. Въ Палестину они выѣхали, не желая работать на фабрикахъ и заводахъ по субботнимъ днямъ. Они долгое время проживали въ Іерихонѣ, перебивали почти во всѣхъ колоніяхъ и теперь, за отсутствіемъ работы, вынуждены были вернуться въ Россію».

По поводу этой корреспонденціи и для освѣщенія отмѣченнаго въ пей явленія, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о современныхъ жидовствующихъ въ Россіи и ихъ чаяніи. Жидовствующихъ, т. е. русскихъ по крови и языку крестьянъ, принявшихъ іудейскую или жидовскую вѣру, не мало въ настоящее время въ Астраханской, Саратовской, Тамбовской и Оренбургской губерніяхъ, на всемъ Кавказѣ и за Кавказомъ, въ землѣ войска Донскаго, въ Закаспійской и Акмолинской областяхъ, найдутся они и въ средней Сибири. Гор. Царицынъ съ посадомъ Дубовкой и гор. Балапеевъ съ селами Дурникинымъ или Кислымъ, Свинухой и Большой Грязнухой, являются центрами этой секты въ Саратовской губерніи, гор. Царевъ съ селами Пришибомъ и Заплавнымъ — въ

Царевскомъ уѣздѣ и села Солодники, Свѣтлый Ярѣ и Большіе Чапурники—въ Черноярскомъ уѣздѣ Астраханской губерніи. Отказавшись отъ христіанства, эти сектанты отказались отъ своей русской національности, русскихъ обычаевъ, стараются отдѣлаться и отъ русскаго языка. Они приняли вѣру современныхъ евреевъ во всей ея полнотѣ и вмѣстѣ съ евреями раздѣляются на талмудистовъ, принимающихъ талмудъ, и караимовъ, отвергающихъ его. Стыдясь своего русскаго происхожденія, они называютъ себя пришельцами къ евреямъ, за одинъ народъ съ послѣдними, обрѣзываются и обрѣзываютъ дѣтей, празднуютъ еврейскіе праздники, носятъ тифилимъ и цицицъ¹⁾, стараются копировать евреевъ и говорятъ, если не на еврейскомъ жаргонѣ, то русскій языкъ коверкаютъ на жидовскій ладъ. Вмѣстѣ съ евреями они ненавидятъ Христа, христіанство и все христіанское. Въ Россіи они считаютъ себя плѣнниками, Россію называютъ Ассуромъ (слово «Ассуръ» читаютъ обратно), Вавилономъ и Гогомъ, и все, что пророки изрекли объ этихъ странахъ и народахъ, прилагаютъ къ Россіи. Сказанное о Гогѣ читаютъ по вѣвскому и русско-еврейскому изданію библіи: Гогъ, въ землѣ Магогъ, князь Роса, Мосохо и Тоболо. Это, по мнѣнію сектантовъ, значить: князь Россіи, Москвы и Тобольска. Мечта ихъ—дождаться еврейскаго Мессіи, царя-завоевателя, покорить и разграбить языческія, т. е. христіанскія царства и переселиться въ Палестину. Ошибется тотъ, кто вздумаетъ положиться на вѣрность жидовствующихъ русской державѣ и русскому знамени!

Стремятся жидовствующие въ Палестину не потому, что ихъ принуждаютъ работать на заводахъ и фабрикахъ по субботамъ, а потому, что они — жидовствующие. Большинство ихъ, какъ и изъ сообщенія «Свѣта» видно, народъ состоятельный, они покупаютъ земли и заводятъ собственныя хозяйства въ Палестинѣ. Недостаточные изъ нихъ идутъ въ батраки къ палестинскимъ евреямъ, но на фабрики и заводы къ христіанамъ не идутъ. И столько жидовствующихъ переселяется въ Палестину, что въ Одессѣ скапливаются

¹⁾ Кожанные мѣшечки на лбу и лѣвой рукѣ съ зашитыми въ нихъ словами Закона Моисея и бѣлыя шерстяныя кисти на полахъ лапсердака. По закону Моисея кисти должны быть изъ разноцвѣтныхъ шерстяныхъ нитокъ, но теперь носятъ бѣлыя, въ знакъ траура по Іерусалиму. Авторъ.

цѣлыя партіи такихъ переселенцевъ; а въ Палестинѣ предложеніе перевысило спросъ на рабочія руки въ еврейскихъ колоніяхъ, и нѣкоторые изъ сектантовъ, не найдя тамъ достаточнаго заработка, «вынуждены» возвращаться въ Россію. Таковы упомянутые въ «Свѣтѣ» Вабобулинъ и Жетеневъ. Эти «пришельцы», возвращаясь въ «гоймскую» Россію, въ Одессѣ ищутъ пособія, для чего идутъ въ канцелярію... городского раввина! Они, видите-ли, уже не русскіе, а жидаы, и для нихъ одесскій городской раввинъ важнѣе и градоначальника и генераль-губернатора. И евреи такихъ природныхъ русскихъ охотно принимаютъ не только въ свою вѣру, но и въ кагалъ. Въ Царицынѣ, въ мѣстной синагогѣ, такой сектантъ служилъ канторомъ. Въ с. Солодникахъ, Черноярскаго уѣзда, Астраханской губерніи, проживаютъ мѣстные крестьяне, природные русскіе, главные начетчики у жидовствующихъ, братья Симеонъ и Димитрій Димитріевы Грачевы, по уличному Лашкины. Они приняты въ жидовство астраханскимъ духовнымъ ¹⁾ раввиномъ, причемъ Симеонъ получилъ имя Шмуля, а Димитрій — Аврума. Тотъ же раввинъ и вѣнчалъ ихъ по еврейскому обряду. Того же уѣзда, села Киселевки крестьянинъ, родомъ малороссъ, по фамиліи Ратіевъ, повѣнчанъ по еврейскому обряду духовнымъ раввиномъ мѣстечка «Нальчикъ» Терской области, въ чемъ этотъ раввинъ и выдалъ Ратіеву удостовѣреніе на еврейскомъ языкѣ ²⁾.

И такъ, что же это за переселеніе сектантовъ въ Палестину, о которомъ говорить «Свѣтъ»?

Оно—слѣдствіе тяготѣнія сектантовъ къ Палестинѣ и ожиданія скорого пришествія еврейскаго Мессіи-завоевателя. Все, что случается въ мірѣ, по мнѣнію сектантовъ, указываетъ на близость этого пришествія и такъ или иначе подготавливаетъ для него почву. Жидовствующие въ этомъ непоколебимо увѣрены. Прорытъ Суэцкій каналъ, теперь роютъ каналъ Панамскій и это для того, чтобы удобнѣе и безъ лишней потери времени, евреи могли собраться къ своему Мессіи въ Палестину. Проведены желѣзныя дороги сквозъ

¹⁾ Въ отличіе отъ раввина казеннаго.

²⁾ Копію этого удостовѣренія можно найти въ Астраханской Духовной Консistorіи, при дознаніи, произведенномъ по этому поводу священникомъ Евгеніемъ Незнаевымъ. Можетъ быть, это дознаніе осталось въ архивѣ Астрахан. Братства.

Авторъ.

Альпы, чрезъ Балканы до Солуня и Константинополя, чрезъ среднюю Азію и Сибирь, по Азіи, Африкѣ и Австраліи. Это все у сектантовъ имѣетъ одно значеніе: срывають горы, засыпають долины, прямятъ и ровняють дорогу для собранія евреевъ въ Палестину. Усиленіе мореходства, усовершенствованіе типа морскихъ пассажирскихъ судовъ и вагоновъ желѣзныхъ дорогъ имѣють въ концѣ концовъ все ту же цѣль. Всѣ старанія техники направлены на то, чтобы евреямъ съ большимъ комфортомъ и меньшею потерей времени собраться въ Палестину, гдѣ въ Иосафатовой долинѣ будетъ Мессія судить всѣ народы. Войны между государствами—на руку евреямъ. Этими войнами «гоимскія» царства ослабляютъ другъ друга, чтобы евреямъ при Мессіи легче было покорить ихъ. Всѣ народы, мечтають жидовствующие, должны будутъ покориться евреямъ и быть рабами у нихъ; а евреи будутъ владѣть домами, которыхъ сами не строили, виноградниками, которыхъ сами не сажали, будутъ сосать груди царскихъ дочерей, и знаменитѣйшіе изъ гоевъ рады бы были дать имъ дочерей своихъ въ наложницы. Непокорные изъ народовъ «на ногахъ своихъ истаятъ», т. е. будутъ перебиты. Жидовствующие — пришельцы къ евреямъ; пришлецъ — то же, что и туземецъ (Лев. 19,34), пользуется одними съ нимъ правами (Числ. 15,16), однимъ закономъ (Исход. 12,49), причисляется къ тому колѣну, къ которому присоединился, такъ что и земельный надѣлъ получаетъ въ этомъ колѣнѣ (Іез. 48,22—23). Жидовствующие неудовлетворяются этимъ и говорятъ, что природные евреи виновны въ идолопоклонствѣ и убійствѣ пророковъ; а они, сектанты, чисты отъ этихъ грѣховъ и кромѣ того, добровольно приняли завѣтъ, слѣдовательно, вправѣ рассчитывать на лучшее мѣсто въ Палестинѣ (Исаи 56,1—7) ¹⁾. Какъ же имъ не стремиться въ Палестину, чтобы заблаговременно выбрать лучшее мѣсто?

¹⁾ Пользуемся случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о бесѣдахъ съ этими сектантами. Сектанты любятъ зачитать миссіонера пророческими книгами. Разъ покойному о. В. Шапошникову прочитали цѣлую книгу и больше не захотѣли бесѣдовать. Намъ однажды заявили они намѣреніе прочесть все Второзаконіе. Чѣмъ менѣе, т. е. короче чтеніе, тѣмъ лучше. Слѣдуетъ прочитанное ими при помощи наводящихъ вопросовъ разобрать, уяснить смыслъ не только для слушателей, но и для собесѣдниковъ. Надо помнить, что сектанты ссылаются и на неканоническія книги, напр. Варуха и 3 книгу Ездры, и признають то и въ томъ видѣ, что и въ какомъ видѣ входитъ въ русско-еврейскую біблію вѣнскаго изданія. Слѣдуетъ мис-

Въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго вѣка астраханскіе жидовствующие, особенно жители Царева, Пришиба и Заплавнаго, со дня на день ждали Мессію; они на базарахъ обсуждали это, столпившись кучами, и прямо на землѣ чертили «плантъ» Палестины и дѣлили ее, посылали въ Палестину ходаковъ высмотрѣть лучшія мѣста. Намъ самимъ приходилось наблюдать, какъ женщины сектантскія готовились въ дорогу, напекали сдобныхъ пышекъ или, по мѣстному, кокурокъ, сушили сухари, чтобы быть наготовѣ, когда придетъ фарсійскій корабль отвезти ихъ въ Палестину. Въ началѣ девятидесятихъ годовъ солодниковскій крестьянинъ, вышепомянутый Димитрій, Аврумъ тожъ, Димитріевъ-Грачевъ, служилъ въ военной службѣ писаремъ гдѣ-то въ Закавказьѣ. Тамъ онъ составилъ посланіе и торжественную пѣснь, тайно оттиснулъ ихъ, снабдилъ виньетками и разсылалъ своимъ единовѣрцамъ. Села Свѣтлаго Яра крестьянинъ Иванъ Тимофеевъ Ходыревъ получилъ отъ своего, служившаго въ г. Баку въ военной службѣ, сына Филиппа письмо и въ немъ это воззваніе и пѣснь. Пѣснь написана двухстишіями и представляетъ акростихъ, первая буква cadaго перваго стиха заглавная, а второй стихъ начинается строчною буквой. Изъ заглавныхъ буквъ выходитъ «Аврумъ Грачевъ». На это указываютъ перстами снизу и сверху нарисованныя кисти рукъ. Виньетка представляетъ голубя, несущаго масличную вѣтвь, колодезь со срубомъ и журавнемъ, какъ это бываетъ въ астраханскихъ степяхъ.

Воззваніе.

Благословенъ Богъ, собирающій народъ свой Израіля¹⁾.

Многоуважаемые братья-единовѣрцы! Просимъ, нѣтъ-ли чего новаго—Исаи 43,19; Іер. 31,30 — 32? Сообщите, по поводу этого не получалось-ли въ

сionеру хорошо ознакомиться со Сборникомъ молитвъ для караимовъ и съ Сидеръ или молитвенникомъ для талмудистовъ. Первая изъ этихъ книгъ издана на русскомъ, а послѣдняя—на русскомъ и еврейскомъ языкахъ для этихъ сектантовъ. Надо знать и талмуд Переферковича. Предметами для бесѣдъ съ сектантами могутъ быть преимущественно такіе пункты: 1) Невозможность спасенія въ настоящее время по закону Моисея и по примѣру Товита, трехъ отроковъ въ Вавилонѣ и Данила; 2) Пришельцы; 3) Разсѣяніе евреевъ; 4) Собраніе евреевъ; 5) Перемѣна праздниковъ; 6) Перемѣна закона; 7) Перемѣна народа; 8) О Мессіи (время Его пришествія, благословеніе Іаковомъ Іуды, видѣніе истукана, седмины Данила, въ какой храмъ долженъ придти Мессія, рожденіе отъ Дѣвы, жизнь и страданія Его). *Авторъ.*

¹⁾ Слово «Израіля» въ подлинникѣ написано еврейскими буквами. *Авторъ.*

пользу нашего народа? ¹⁾ Ну, мы вамъ сообщаемъ, что у насъ слышно слѣдующее: Въ Палестинѣ уже много появилось колоній и преимущественно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ когда-то въ древлѣ стояли города и селенія нашихъ предковъ (Амос. 9,14—15; Исаи 44,26). И дѣло идетъ очень успѣшно, и если со вниманіемъ вникать въ наблюденіе движущихся по поводу этого дѣла, то можно почти безошибочно сказать, что все это дѣлается согласно изреченнаго глагола Вѣчносуществующаго. Въ Палестинѣ занимаются земледѣліемъ, со скорбію очищаютъ поляну отъ кустарниковъ и распахиваютъ новину (Іер. 4,3). Дожди выпадаютъ своевременно и въ достаточномъ количествѣ (Іез. 34,26; Осіи 2,23; Зах. 8,12). Опытный инженеръ устроилъ конно-железную дорогу до первой колоніи отъ этого, при морѣ стоящаго, г. Яффы и наводятъ мнѣніе, чтобы всюду устроить путесообщеніе (Исаи 58,12; 49,11; 35,8). Дѣтей въ школахъ обучаютъ на древній еврейскій языкъ. Это для той цѣли, чтобы по успѣшнѣе офундаментировать образъ будущей жизни и говорить чистымъ языкомъ (Соф. 3,9). Есть уже и привителіи въ средѣ нашего народа (Іер. 30,21) баронъ Гершонъ, который неумоимо, при помощи Господа, старается обезпечить жизнь своего народа и установилъ для нихъ общій торжественный праздникъ въ память сооруженія колоній, который совпадаетъ въ 10-е число котораго только мѣсяца, этого ужъ я не знаю; но навѣрное и это, по слову Господа, если, только, я не ошибаюсь (Зах. 8,10). Въ концѣ всего, посылаемъ всѣмъ вамъ наше почтеніе и желаемъ вамъ—Исаи 12,3. Будьте только тверды и не бойтесь (Исаи 43,1—5), и имѣйте въ виду этотъ фактъ ²⁾, который насъ увѣряетъ для того, чтобы намъ имѣть полную надежду на нашего Творца (Зах. 8,6). Ну, я надѣюсь и надѣюсь на Господа, Который даетъ мнѣ твердость и научить языкъ мой, чтобы дать отвѣтъ ³⁾. На оборотѣ сего прилагаю вамъ Пѣснь моему народу.

Грачевъ.

Пѣснь на свободу нашему народу (акростихъ).

Ахъ, какъ пріятно поетъ гортань моя, точно лира!
 желаю вамъ благъ будущаго міра! Исаи 12,3
 Въ головѣ моей звучитъ словно струна цимбала.
 ну, жалѣю, что плодовъ собралъ я очень мало! Исаи 3,10.
 Рѣчь веду я съ вами, а о чемъ, вы знаете и сами:
 что получается съ израильскими сынами. Втор. 32,30—30.
 Утѣшайте, утѣшайте, говоритъ Господь, народъ Мой. Исаи 40,1
 вотъ, онъ идетъ въ покой свой. Іер. 31,1.
 Много лѣтъ его притѣсняють;
 но что для самихъ будетъ, они не знаютъ. Іоил. 4 глава.

¹⁾ По выходѣ изъ военной службы Грачевъ жилъ въ с. Солодникахъ и намъ сталъ лично извѣстенъ. Онъ — природный русскій, безъ всякой примѣси, исконный солодниковскій крестьянинъ. *Авторъ.*

²⁾ Въ то время епархіальнымъ миссіонеромъ въ районѣ, въ который входилъ Солодники и Свѣтлый Яръ—былъ я, а мѣстнымъ окружными миссіонеромъ—о. Михаилъ Орловъ. Бесѣды, какъ публичныя, такъ и домашнія, были часты и не остались безъ вліянія. Сектанты заволновались, не мало было присоединеній къ православію. Вотъ Грачевъ и спѣшилъ укрѣпить единоувѣрцевъ сообщеніемъ о палестинскихъ еврейскихъ колоніяхъ. *Авторъ.*

³⁾ Въ Закавказьѣ въ то время миссіонеровъ не было, бесѣды не велись. Грачевъ въ виду близости выхода въ запасъ, изъявляетъ готовность выступить противъ миссіонеровъ на родинѣ. И выступалъ, хотя не удачею своего старшаго брата, Семѣя.

Авторъ.

Голосъ ужаса слышенъ и голосъ смятенья,
 но въ немъ будетъ для него спасенье. Іер. 30,⁵⁻⁷
 Радость воспойте нашему народу, Исаи 54,¹
 потому, что вижу плѣнникамъ свободу. Исаи 61,¹
 Аставляя Онъ ихъ, но только до время; Мих. 5,²
 а теперь привлекаетъ къ Себѣ и любимое племя. Іер. 31,²
 Что за грѣхи свои получилъ онъ вдвое; Исаи 40,²
 не было у насъ вождя и не было героя. ¹⁾
 Есть теперь же у насъ предварительная награда;
 такъ что въ Палестинѣ есть сады изъ винограда. Осіи 2,¹⁶
 Вполнѣ можно рѣшить, что дождались надежды
 остатки завязанные въ полѣ одежды. Іез. 5,^{3 2)}

Воззваніе это не осталось безъ дѣйствія. Долго совѣщались и думали сектанты. Тѣмъ временемъ Димитрій, онъ же Аврумъ Димитріевъ Грачевъ, онъ же Лашкинъ, вернулся въ с. Солоднишки и принялъ непосредственное участіе въ дѣлахъ. Его родной братъ Симеонъ, онъ же Шмуль Димитріевъ Грачевъ, главный «равви» мѣстныхъ жидовствующихъ, отъ имени своихъ единовѣрцевъ пишетъ въ Парижъ устроителю еврейскихъ колоній въ Палестинѣ барону Ротшильду письмо, гдѣ излагаетъ, что ихъ, жидовствующихъ, при-

¹⁾ Если Димитрій Грачевъ сознаетъ, что у евреевъ не было и нѣтъ «вождя и героя», то, значить жезлъ или скипетръ отъ Иуды отошелъ, и Мессія-Примиритель уже пришелъ. Поздо ждать Его (Быт. 49,¹⁰). Къ чему, въ такомъ случаѣ, и воззваніе и Пѣснь? *Авторъ.*

²⁾ Въ воззваніи и Пѣснѣ вся сила въ выставленныхъ Грачевымъ цитатахъ. Желаящіе видѣть полный разборъ ихъ, могутъ читать въ № 21 Астрахан. Епарх. Вѣдомостей за 1892 годъ нашу статью «Современное Движеніе между субботниками». Статья тогда же вышла и отдѣльною брошюрой подъ тѣмъ же заглавіемъ. Для характеристики обращенія сектантовъ съ пророчествами укажемъ на цитаты относительно конно-железной дороги отъ Яффы до первой еврейской колоніи.

Исаи 35,⁸. *И будетъ тамъ большая дорога, и путь по ней назовется путемъ святымъ; нечистый не будетъ ходить по нему; но онъ будетъ для нихъ однимъ; идущіе этимъ путемъ, даже и неопытные, не заблудятся.* Если здѣсь рѣчь про конно-железную дорогу, то 1) развѣ одни жида и по-жидовски обрѣзанные ѣздятъ по ней, а необрѣзанные не могутъ ѣздить? 2) почему на ней люди ѣздятъ, а не ходятъ, когда пророчество говоритъ: будетъ ходить, идущіе?

Исаи 49,¹¹. *И всѣ горы Мои сдѣлаю путемъ, и дороги мои будутъ подняты.* Развѣ всздѣ, на всѣхъ горахъ Палестины проведены или проводятся конно-железные дороги? Развѣ для этихъ дорогъ всюду поднимаютъ путь, дѣлаютъ насыпи даже на горахъ, а не срывають горы?

Исаи 58,¹². *И застроятся потомками твоими пустыни въковыя; ты возстановиши основанія многихъ поколѣній, и будутъ называть тебя возстановителемъ развалинъ, возобновителемъ путей для населенія.* Возстановляютъ старое, прежде бывшее, а развѣ конно-железная дорога была и раньше, до плѣна вавилонскаго или римскаго? *Авторъ.*

нявшихъ еврейскую вѣру, столько-то семей, занятіе ихъ: земледѣльцы, пастухи, сапожники, портные, плотники, столяры и проч. Всѣ они желаютъ и просятъ Ротшильда поселить ихъ въ Палестинѣ. На это письмо Семень Грачевъ получилъ изъ Парижа отвѣтъ такого содержанія:

Парижъ. 10 іюня 1892.

Милостивый Государь!

Согласно вашего письма къ барону Ротшильду, спѣшу сообщить вамъ отъ имени г. Ротшильда, что въ настоящее время онъ не думаетъ и не можетъ поселить колонистовъ въ Палестинѣ. Если же вы въ состояніи купить земли въ Палестинѣ на свои деньги, постараюсь для васъ, чтобы вы имѣли поддержку со стороны Парижа. Пожалуйста не пишите ваши письма по-русски, а лучше по древне-еврейски или на жаргонѣ; также не обращайтесь письмомъ къ бар. Ротшильду, а прямо ко мнѣ по нижеслѣдующему адресу.

Вашъ доброжелатель *І. Любецкий*, раввинъ.

Адресъ: M-r I. Lubetzki Rabbin, 8 rue des Nonnains d'hyeris.
Paris.

И вотъ, чрезъ довѣреннаго барона Ротшильда, раввина І. Любецкаго, получая «поддержку со стороны Парижа», конечно, отъ Всеобщаго Израильскаго Союза и франкмасонства столь могущественнаго и въ правящихъ сферахъ Франціи, наши жидовствующие цѣлыми партіями и переселяются въ Палестину, гдѣ покупаютъ земельные участки и заводятъ собственные хозяйства, бѣдняки же нанимаются въ батраки къ евреямъ или же, не находя заработка, возвращаются въ Россію.

Священникъ *Михаилъ Тифловъ*.

Правда о графѣ Толстомъ.

(Черты къ его характеристикѣ).

Пушкинъ въ своемъ «Моцартъ и Сальери» выражалъ сомнѣніе—совмѣстимы ли «геній и злодѣйство»?... Онъ вспоминалъ при этомъ Буонаротти,—и опять брало его раздумье, и онъ прибавлялъ:

«Иль это сказка тупой, безмысленной толпы,
«И не былъ убійцею строитель Ватикана»?..

Будучи самъ величайшимъ геніемъ, добросердечный поэтъ нашъ не допускалъ, даже и въ мысляхъ своихъ, такого ужаснаго совмѣстительства. Между тѣмъ, стоило бы только поэту перенестись мыслью на одинъ изъ скалистыхъ острововъ Атлантическаго океана,—и онъ бы убѣдился, что «геній и злодѣйство»—вещи совмѣстимыя: тамъ лежалъ (въ то время), «зарытый врагами въ сыпучій песокъ», прахъ одного изъ несомнѣнныхъ геніевъ и, въ то же время, одного изъ несомнѣнныхъ «злодѣевъ» конца XVIII и начала XIX вѣка—императора Наполеона, который, будучи въ Египтѣ, учинялъ безчисленные и совершенно ненужныя злодѣйства надъ безоружными арабами; который разстрѣлялъ, потомъ, ни въ чемъ неповиннаго герцога Энгиенскаго и разстрѣливалъ массами русскихъ крестьянъ, принимая ихъ за «враговъ» и поджигателей...

Въ настоящее время, почти цѣлое столѣтіе отдѣляетъ насъ отъ кровавой дѣятельности этого величайшаго генія и «злодѣя»... Но въ то же время, мы присутствуемъ при иномъ, столь же необычайномъ психологическомъ зрѣлищѣ,—когда являются вполнѣ «совмѣстимыми» *геній и лицемеріе*... Одинъ изъ величайшихъ писателей нашего времени, признанный за такового всѣми цивилизованными народами стараго и новаго свѣта, является въ то же время,—какъ ни прискорбно это!—и величайшимъ лицефромъ. Рѣчь идетъ о графѣ Л. Н. Толстомъ, давшемъ столько доказательствъ этого непохвальнаго чувства, что едвали слѣдуетъ за-

малчивать его поступки, недостойные его генія и его славы. Мы позволимъ себѣ указать на нѣсколько случаевъ, особенно характерныхъ.

Обратите вниманіе на «пріемы» у графа—въ Ясной Полянѣ и въ Москвѣ. Если къ нему является какой нибудь «знатный иностранецъ»,—будь это даже простой пасторъ, или репортеръ какой нибудь *распространенной* американской или англійской газеты, будь это даже мормонъ,—двери для него открыты, и его встрѣчаетъ «самый радушный пріемъ»... Но—увы!—далеко не всегда такой же пріемъ выпадаетъ на долю соотечественниковъ графа... Стоитъ вспомнить хоть бы тотъ странный «пріемъ», который, напр., встрѣтилъ когда-то въ Ясной Полянѣ несчастный Гаршинъ: покойный, мучимый уже психическимъ недугомъ, долго потомъ блуждалъ *около* графской усадьбы, пока добрался наконецъ до станціи Ясенки и до вокзала желѣзной дороги...

Или, напр., такой фактъ—даже нѣсколько курьезный и смѣшной, слышанный нами очень недавно отъ одной изъ живыхъ свидѣтельницъ событія.

— Взяли мы экипажъ въ Ясенкахъ и подъѣзжаемъ къ Ясной Полянѣ. Кончился лѣсокъ и начались, справа и слѣва, поля... Вдругъ ямщикъ оборачивается съ козелъ къ намъ и спрашиваетъ:—«А вы, господа, давали графу телеграмму, ай нѣтъ, что вы выѣзжаете?»

Мы отвѣчаемъ, что нѣтъ, не телеграфировали, находя это совсѣмъ лишнимъ.

— Жаль, право жаль,—проговорилъ ямщикъ.

— Почему же это «жаль»?—полюбопытствовала я.

— Да вѣдь тогда бы васъ графъ-то *съ сохой встрѣтилъ*.

— Какъ такъ, съ сохой?—спросили мы, не понимая, въ чемъ дѣло.

— А такъ вотъ, очинно просто: онъ, значить, впредъ бы лошадей въ соху, выѣхалъ бы на поле,—и сталъ бы вотъ тутъ гдѣ нибудь, по близости отъ дороги, борозду вести—пахать, значить... Онъ часто такъ господъ встрѣчаетъ...

А вотъ еще рассказъ, относящійся къ разряду Яснополянскихъ курьезовъ.

Послѣ занятій сапожнымъ ремесломъ, кладкой печей и пахоты, пришла въ голову графу новая блажь—сдѣлаться пастухомъ. Это случилось лѣтъ семь-восемь тому назадъ. Приходятъ къ нему весною, «передъ Егоріемъ» ¹⁾, старики изъ Ясной Поляны—условиться на счетъ предстоящей пастьбы скота,—а онъ ихъ и спрашиваетъ:

— А что, мужички, вы уже наняли пастуха, или нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, отвѣчаютъ ему,—еще не наняли.

— Такъ знаете ли что, говоритъ: не нанимайте его;—я самъ хочу послужить вамъ: буду пасти,—и ничего съ васъ за это не возьму.

Мужики переглянулись между собою, думаютъ:—Что жъ, коли пришла ему такая блажь, пускай пасетъ; по крайней мѣрѣ, не надо платить ничего; а даровому коню въ зубы не глядятъ.

— Очинно благодарны, ваше сіятельство,—отвѣчаютъ:—паси съ Богомъ!....

«Хорошо. На другой же день, рано утромъ, и началъ нашъ графъ свою новую службу... Вечеромъ, въ свое время, пригналъ коровъ... Ничего... На другой день, на третій—тоже: встанетъ чуть свѣтъ, идетъ по деревнѣ, въ рожокъ играетъ, приговариваетъ:

«Выгоняйте вы скотину
«Во широкую долину»...

Только, однако, ненадолго хватило охоты у нашего графа-пастуха коровъ пасти; сталъ выгонять стадо поздно, пригонять рано... Бабы воемъ воютъ: молока, говорятъ, на половину убавилось, потому,—скотина не наѣдается дѣла-сыта: солнце-то давно взойдетъ, а коровы въ хлѣвахъ стоятъ, ревуть, голодныя... Опять тоже и вечеромъ: солнышко еще не закатилось, а ужъ онъ гонитъ ихъ домой, въ деревню...

Мужики собрались на сходку, потолковали между собою, да и рѣшили, —идти къ графу, просить его: или пасти какъ слѣдуетъ, или совсѣмъ бросить это неподходящее ему дѣло.

¹⁾ Въ первый разъ стада крестьянскихъ коровъ и лошадей выгоняютъ въ поле обыкновенно 23-го апрѣля, въ день св. Георгія Побѣдоносца.

И вотъ, на другой день, какъ только взошло солнышко, старики отправились къ графу. Пришли на барскій дворъ, подошли къ крыльцу, а имъ навстрѣчу лакей.

— Что, говоритъ, вамъ, старички, нужно?

— Такъ-и-такъ, говорятъ: очинно желаемъ самого Льва Миколаича повидать.

— Никакъ, говоритъ, сейчасъ невозможно: онъ кофей кушаетъ... Я, впрочемъ, ему доложу.

Пошелъ—доложилъ. Графъ не заставилъ мужиковъ ждать,—вышелъ въ скорости.

— Что, спрашиваетъ, вамъ нужно, старички?

— Да такъ-и-такъ, ваше сіятельство: на-счетъ стада пришли... Очинно ужъ намъ обидно... Потому—бабы насъ совсѣмъ загрызли, велятъ пастуха нанимать—*настоящаго*... Говорятъ: коровы молоко истеряли—не наѣдаются до-сыта... Больно поздно выгоняете ихъ, ваше сіятельство, а рано пригоняете...

Но тутъ произошло нѣчто необыкновенное: графъ снялъ съ головы шляпу, поклонился старикамъ въ землю и проговорилъ:

— Простите меня, старички, Христа ради! виновать я передъ вами: тяжело мнѣ и не подь силу это дѣло... Наймите себѣ кого другого въ пастухи.

— Ничего, Богъ проститъ, Левъ Миколаичъ!—отвѣчали мужики,—и въ тотъ же день пригласили прежняго пастуха, отставного солдата...

Насколько вышеприведенный рассказъ вѣренъ, мы не знаемъ и не ручаемся. Но намъ довелось слышать его не разъ: слышали мы эту курьезную исторію и въ Тульской губерніи, почти на мѣстѣ, такъ-сказать, самого событія, слышали его и здѣсь, въ Петербургѣ, отъ лица интеллигентнаго и заслуживающаго полного довѣрія.

А вотъ, напр., еще одинъ рассказъ—изъ сферы той же неискренности и лицемерія. Но только это не «рассказъ», а общезвѣстный фактъ, слышанный нами въ то время, когда онъ произошелъ, и очень недавно еще разъ повторенный намъ во всѣхъ своихъ прискорбныхъ подробностяхъ,—покойнымъ В. Л. Величко.

Исторія эта произошла, такъ-сказать, на глазахъ петербургской пишущей интеллигенціи и заключается въ слѣдующемъ.

Написалъ графъ Л. Н. «сочиненіе» самаго занозистаго свойства и сталъ его, по своему обыкновенію, кой-кому почитывать. Всѣ, конечно, хвалили и приходили въ восторгъ и умиленіе... Прочелъ свое «сочиненіе» Л. Н. и г-ну Диллону, извѣстному знатоку Россіи, англичанину, переводчику на англійскій языкъ многихъ замѣчательныхъ произведеній русскихъ авторовъ. Понравилось «сочиненіе» и г. Диллону, который и попросилъ разрѣшенія перевести его на англійскій языкъ. Разрѣшеніе было дано. Сдѣлавъ переводъ, Диллонъ вновь посѣтилъ графа Толстого и прочиталъ ему весь англійскій текстъ. Графъ одобрилъ переводъ, находя, что онъ вполне передаетъ смыслъ подлинника и далъ свое согласіе на напечатаніе перевода въ Англіи, въ томъ именно журналѣ, гдѣ Диллонъ состоялъ постояннымъ сотрудникомъ. И вотъ, появляется «сочиненіе» графа Толстого въ Англіи—и производитъ сенсацію... Попадаетъ оно, затѣмъ, на томъ же англійскомъ языкѣ, и въ Россію... ¹⁾ Въ извѣстныхъ официальныхъ сферахъ Петербурга «сочиненіе» гр. Толстого произвело не только сенсацію, но и въ вѣкоторомъ родѣ тревогу... Явилось совершенно основательное опасеніе, что это «сочиненіе», будучи еще разъ переведено—и уже съ англійскаго на русскій языкъ,—можетъ смутить слабые умы многихъ шаткихъ людей... Выражалось даже сомнѣніе—имѣются ли въ русскомъ подлинникѣ тѣ рѣзкія хулы и порицанія самыхъ священныхъ понятій для русскаго человѣка, которыя имѣлись въ англійскомъ текстѣ?.. Положеніе являлось столь серьезнымъ, что для графа Толстого становилось необходимымъ дать прямой и честный отвѣтъ—дѣйствительно ли имѣются въ его «сочиненіи» тѣ рѣзкія выходки, которыя вошли въ англійскій текстъ, или же это не болѣе какъ nepозволительная «игра ума» самаго переводчика?.. И вдругъ, въ томъ англійскомъ журналѣ, гдѣ было напечатано «сочиненіе» графа, появилось, на англійскомъ же, конечно, языкѣ, «письмо» одного изъ близкихъ къ нему лицъ, гдѣ утверждалось самымъ положительнымъ образомъ, что всѣ рѣзкія выходки и возмутительныя фразы, имѣющіяся въ англійскомъ текстѣ, присочинены самимъ переводчикомъ, г. Диллономъ...

¹⁾ На рускомъ языкѣ авторъ благоразумно не рискнулъ распространять у насъ свое «сочиненіе».

Для честнаго и даровитаго литературнаго труженика, какимъ былъ г. Диллонъ, это обвиненіе являлось громовымъ ударомъ, раздавшимся съ яснаго и безоблачнаго неба,—ударомъ, вдобавокъ, убивавшимъ его нравственно и даже матеріально... Его немедленно пригласили въ редакцію для объясненій (онъ былъ въ это время въ Лондонѣ) и потребовали, чтобы онъ оправдался... Диллонъ обѣщалъ взять отъ графа Толстого удостовѣреніе, что его переводъ *тождественъ* съ подлинникомъ,—и напечатать это удостовѣреніе въ журналѣ, и тотчасъ же телеграфировалъ, а затѣмъ и написалъ графу въ Москву, гдѣ онъ въ то время проживалъ, прося выслать поскорѣе желаемое письмо. Отвѣта, однако, не послѣдовало—ни на телеграмму, ни на письмо... Диллонъ послалъ телеграмму еще разъ, съ оплаченнымъ уже отвѣтомъ, но результатъ былъ тотъ же: гробовое молчаніе... Тогда Диллонъ, спасая свое доброе имя и литературную репутацію, ѣдетъ изъ Лондона въ Россію, телеграфируетъ изъ Петербурга въ Москву, что онъ ѣдетъ нарочно къ графу и убѣдительно просить его принять; пріѣзжаетъ, наконецъ, въ Москву, спѣшитъ въ Долго-Хамовническій переулокъ, пріѣзжаетъ, посылаетъ свою карточку,—но... лакей графа объясняетъ гостю, что *«графъ принять его не можетъ»*... Почему,—лакей не объяснилъ: очень ли занятъ былъ его баринъ, или нездоровилось ему,—неизвѣстно...

Благородный Диллонъ, сильно смущенный и озадаченный, уѣхалъ, и потомъ пріѣзжалъ въ домъ графини Толстой (домъ на имя супруги графа) еще два раза,—и каждый разъ получалъ тотъ же лаконическій отвѣтъ: «графъ принять васъ не можетъ»... Послѣ третьяго отказа, Диллонъ пріѣхалъ прямо въ квартиру одного извѣстнаго литератора, въ Москвѣ же, вошелъ въ его кабинетъ, упалъ на диванъ и горько и неудержимо зарыдалъ, проговоривъ сквозь слезы:

— Боже мой! что онъ со мной надѣлалъ!.. я опозоренъ теперь—я явлюсь лгуномъ въ глазахъ редакціи и всего свѣта!...

Вышерассказанный случай произошелъ, какъ извѣстно, въ царствованіе «тишайшаго царя» Александра Александровича. Въ то же царствованіе, но только немного раньше, произошелъ и еще одинъ случай... Когда графъ сочинилъ свою «Крейцерову сонату»,

а цензура печатать ее не дозволила, и она начала ходить въ публикѣ въ литографированныхъ оттискахъ, которые, конечно, никакого барыша и дохода автору не приносили, то его практическая супруга, графиня С. А., будучи въ то время въ Петербургѣ, удостоилась, чрезъ свою родственницу, гр. А. А. Т., личнаго пріема у Государя, который изволилъ ее не только принять, но и благо-склонно бесѣдовать съ нею, разспрашивая о самомъ графѣ и его литературныхъ трудахъ. Графиня выразила сѣтованіе, что «цензура въ Москвѣ очень строга»,—что, напр., «Крейцера соната» не допущена даже въ полное собраніе сочиненій Л. Н... Государь, благодушно выслушавъ графиню, изволилъ дать ей свое личное дозволеніе на напечатаніе и этой «сонаты». Но какъ же воспользовалась графиня этою высокою милостію, которая, понятно, стала тотчасъ извѣстна не только въ Петербургѣ, но и въ Москвѣ, и именно тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ зависѣло снять наложенное на «Крейцерову сонату» veto?.. А вотъ какъ. Нѣсколько недѣль спустя, вышло въ свѣтъ полное собраніе сочиненій графа Толстого со включеніемъ и «сонаты»; но—въ то же самое время, эта соната была отпечатана и выпущена на книжный рынокъ въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ экземпляровъ,—на что дозволеніе даваемо не было.....

Противники всяческаго житейскаго притворства и лицемѣрія, читая огнеустные памфлеты графа о раздачѣ имуществъ нищимъ, громящіе роскошь богатыхъ и ихъ равнодушное отношеніе къ бѣднякамъ, всегда немножко недоумѣвали,—почему же врачъ не исцѣлится самъ; почему графъ не раздастъ свое миллионное состояніе, нажитое его предками ¹⁾, нищимъ,—оставивъ себѣ и своей семьѣ, «на пропитаніе», хотя бы одинъ лишь тотъ, весьма, впрочемъ, значительный, доходъ, который онъ получаетъ отъ изданія своихъ сочиненій и гонорара за театральныя пьесы?..

Но и тутъ явилось на помощь лицемѣріе... Поклонники и поклонницы графа сообщали въ газетахъ, что Толстой давно уже

¹⁾ Основаніе этому состоянію было положено, какъ извѣстно, въ царствованіе Петра I, въ видѣ пожалованныхъ имѣній одному изъ предковъ графа, за вѣроломное предательство несчастнаго Царевича Алексѣя, котораго Толстой доставилъ изъ-за границы въ Россію, увѣривъ его въ полномъ прощеніи отца. Н.

роздалъ бы *все* бѣднымъ (какъ онъ и раздавалъ раньше, при по-сѣщеніи почлежныхъ домовъ въ Москвѣ, на Хитровкѣ, всю *мелочь*, случавшуюся у него въ кошелькѣ), но что этому мѣшаетъ семья, забравшая все въ руки и ограничившая расточительство своего главы... Какія, подумаешь, противорѣчія, невыносимыя для сердца, и какая путаница понятій, невыносимая для ума!.. Признается несо-мнѣнный *геній* человѣка—и, въ то же время, объявляется его *непра-воспособность* распорядиться своимъ имуществомъ, словно онъ душевно больной, не находящійся въ здоровомъ умѣ и твердой памяти!..

А жалкая исторія, продѣланная съ кавказскими духоборами, переселившимися въ Америку!.. Они, какъ извѣстно, обратились къ графу за матеріальною помощью... Кажется, чего бы проще: приказать своей «конторѣ» выдать просителямъ пять, или десять тысячъ (для крупнаго состоянія графа,—это безразлично), или, на-конецъ, предложить любому книжнику новое изданіе своихъ сочи-неній, и деньги тотчасъ были бы готовы... Но—увы!—происхо-дитъ нѣчто довольно странное: Марксъ въ «Нивѣ» печатаетъ ро-манъ «Воскресеніе» (съ пропускомъ, конечно, нѣкоторыхъ бого-хульственныхъ главъ, гдѣ авторъ кощунствуетъ надъ таинствомъ евхаристіи и другими обрядами православной церкви), уплачиваетъ автору нѣсколько тысячъ, деньги поступаютъ въ пользу духобо-ровъ; но тутъ, вдругъ, случается совсѣмъ неожиданный инцидентъ: романъ появляется, одновременно, и въ нѣсколькихъ другихъ из-даніяхъ... Марксъ протестуетъ: «Я, говорить, уплатилъ графу де-сять тысячъ, рассчитывая, что его романъ подниметъ подписку «Нивы» и я ворочу затраченную сумму десятирицею; и вдругъ, романъ по-является и въ *другихъ* еженедѣльныхъ изданіяхъ». А хозяева этихъ изданій отвѣчаютъ: «Мы перепечатаваемъ романъ въ силу сдѣлан-наго графомъ Л. Н. Толстымъ въ Россіи и заграницей объявленія, предоставляющаго полное право, всѣмъ и каждому, перепечатывать и издавать, *gratis*, все, что выходитъ изъ-подъ его пера»... Не по-дѣйствовало, при этомъ, и увѣщаніе самого автора романа, при-глашавшаго издателей воздержаться отъ перепечатанія романа; — ему отвѣтили:

— Извините! что дарятъ—то назадъ не отбираютъ...

Все, что выше написано, сдѣлано не съ цѣлію умалять несомнѣнный даръ Божій—великій даръ!—ниспосланный на графа Л. Толстого; и было бы, просто, грубо и нелѣпо отрицать его геній... Нѣтъ! мы только протестуемъ противу «лицемѣрія», идущаго, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, рука объ руку съ геніемъ. Какъ могутъ эти вещи совмѣщаться между собою,—это, конечно, иной вопросъ, не разрѣшенный Пушкинымъ и едвали разрѣшимый нашими отечественными психологами и философами позднѣйшей формаціи... Настоящую статью мы рѣшили написать вотъ по какому поводу, глубоко возмущившему насъ и давшему намъ, такъ сказать, толчекъ къ этой статьѣ.

На-дняхъ, намъ довелось прочесть въ газетахъ о слѣдующемъ событіи. Уральскіе казаки, отецъ и сынъ Л—ины, прочли въ газетѣ «Уралецъ» извѣстіе о перепискѣ графа Л. Толстого съ однимъ индусомъ, который, между прочимъ, писалъ графу: «По нашему мнѣнію, истинное ученіе Христа не расходится съ нашей вѣрой и нашей философіей. Истинный христіанинъ есть индусъ во многихъ отношеніяхъ, а настоящій индусъ—христіанинъ по существу».

Слова въ письмѣ индуса: «истинное ученіе Христа» и «истинный христіанинъ» были настоящимъ откровеніемъ для Л—ыхъ: они поняли, что «истинное христіанство» находится въ Индіи, что тамъ-то именно и обрѣтается то самое христіанство, которое давно уже отыскивается старообрядцами, именуемое ими «сокровеннымъ Бѣловодскимъ царствомъ»... И вотъ, Л—ины отправляются сами въ Ясную Поляну, чтобы взять «маршрутъ» у Л. Н., и въ концѣ февраля минувшаго года прибыли къ цѣли своего путешествія. Графъ былъ въ это время сильно боленъ и къ нему никого не допускали... Далѣе, находимъ болѣе интереснымъ привести здѣсь буквальный разсказъ Л—ыхъ, довольно безхитростный и правдивый и, вдобавокъ, полный здраваго смысла и яснаго взгляда на вещи и пониманія.

— «Нельзя ли, говоримъ, будетъ доложить графу: уральскіе, дескать, казаки пріѣхали издалека—по важнѣющему дѣлу...

Графъ тотчасъ же насъ принялъ, и такъ душевно, съ такой радостью, ровно близкихъ родныхъ послѣ долгой разлуки... Какъ здоровый, поднялся съ постели, схватилъ меня (говоритъ старикъ—

отецъ) за руку и усадилъ съ собой на кровать, сталъ разспрашивать, а у самого на глазахъ слезы (?)...». Личность гр. Толстого произвела на казаковъ сильное впечатлѣніе.

«Такихъ людей мы съ роду не видали,—объясняли они;—больно душевный человѣкъ!.. Жалко, что намъ мало пришлось съ нимъ говорить: супруга графа нѣсколько разъ намъ говорила: «Вы, казачки, его не утруждайте: ему вредно много говорить—очень слабъ».

Затѣмъ, старшій Л—инъ сталъ объяснять цѣль своего посѣщенія: онъ говорилъ о религіозныхъ нуждахъ старообрядцевъ, о немѣннѣ истиннаго священства, о епископѣ Аркадіи, о Бѣловодскомъ царствѣ, о бесплодныхъ поискахъ этого царства и, наконецъ, о перепискѣ графа съ индусомъ, которая дала имъ, Л—ымъ, мысль отправиться къ графу. Во время этихъ объясненій, Л. Н. обратилъ вниманіе на длинные волосы старшаго Л—ина (отца) и спросилъ его:

— А ты, должно быть, тамъ у себя попомъ?

Тотъ подтвердилъ догадку графа.

— «И что же вы думаете, онъ мнѣ на это сказалъ?—изумлялся и даже приходилъ въ ужасъ старикъ Л—инъ, рассказывая сотруднику «Уральца» о своемъ разговорѣ съ Толстымъ:—Это, говоритъ, *теперь лишнее*; этого, говоритъ, *теперь совсѣмъ не надо*... Это—священниковъ-то не надо!.. «Вѣдь этакого большого ума человѣкъ, а какую несуразную вещь сказалъ»!.. ¹⁾).

Вотъ какъ относятся простые, темные люди къ «несуразнымъ» сентенціямъ яснополянскаго философа!.. Прирожденный русскому человѣку *здравый смыслъ* спасаетъ его отъ воспринятія «несуразныхъ» плевелъ, разсѣваемыхъ гр. Л. Толстымъ. Они разсуждаютъ—и совершенно здраво—такимъ образомъ: «Великій онъ и «большого ума человѣкъ», а все-таки вѣрить ему во многомъ не приходится»!.. Да, простому русскому человѣку не такъ-то легко напустить туману, какъ въ аристократическихъ гостиныхъ... гдѣ «извѣстность и мода нужна», по словамъ поэта.

А вотъ, напр., еще одна черточка—изъ тѣхъ же мнѣній о графѣ Толстомъ простыхъ, темныхъ людей.

¹⁾ Газета «Ураль», а затѣмъ въ «Бирж. Вѣд.» № 1, отъ 1-го января сего года

Сотрудникъ «Нижегор. Листка» бесѣдовалъ недавно о графѣ съ стариками безпоповщинской секты.

— «Читали ли вы Толстого?»—спросилъ онъ у хозяина дома.

— Какъ же! у насъ книжки есть... Умный старикъ!..

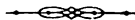
— И согласны вы съ нимъ?

Лица сѣдобородыхъ стариковъ сдѣлались серьезны, разговоръ смолкъ. Всѣ ждали, что скажетъ хозяинъ.

— Толстой великій умъ,—внушительно заговорилъ хозяинъ: только неправъ онъ въ одномъ... Писанія великихъ, древнихъ отцовъ отвергаетъ... Да! *помыслить страшно...* Онъ отвергаетъ,—и *это намъ претитъ...* И видимъ мы заблужденіе его и гибель. и жалѣемъ—зачѣмъ онъ не съ нами?!»¹⁾

Достаточно, полагаемъ, и этихъ двухъ примѣровъ, взятыхъ изъ первыхъ прочитанныхъ нами, за послѣднія двѣ недѣли, газетъ. чтобы утвердительно сказать, что въ нашъ простой народъ *никогда* не проникнуть «несуразности» и «заблужденія» графа Толстого: а если и проникнуть, то всегда будутъ отринуты—съ изумленіемъ и негодованіемъ. «Здравый смыслъ» русскаго народа—это самая величайшая его сила. Сорокъ три года тому назадъ, когда совершалось освобожденіе нѣсколькихъ милліоновъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и враги Россіи—внѣшніе и внутренніе—мнили воспользоваться этимъ историческимъ событіемъ, чтобы произвести у насъ смуту и бунты,—имъ это, однако, не удалось, и всѣ, кто зналъ Россію и любилъ ее, были увѣрены заранѣе, что это и не удастся: «Полагаемся на здравый смыслъ русскаго народа», говорилось въ знаменитомъ манифестѣ 19-го февраля 1861 года... Графъ Л. Толстой, при всемъ своемъ обширномъ умѣ, отказывается, повидимому, постигнуть смыслъ этихъ великихъ словъ...

И. Н.

¹⁾ Газета «Русь», № 34, отъ 15-го января сего года.

Изъ воспоминаній миссіонера.

(По поводу пятнадцатилѣтія по кончинѣ о. протоіерея С. Н. Кашменскаго).

28 января 1904 года исполнилось 15 лѣтъ со дня кончины приснопамятнаго о. Стефана Никифоровича Кашменскаго, вятскаго кафедральнаго протоіерея и миссіонера. Давно-ли, кажется, мы, ученики его, рыли для него могилу, оплакивали его утрату, и вотъ, прошло уже 15 лѣтъ послѣ того! Послѣ смерти о. Стефана, мы разсѣялись по лицу земли русской. Большія съ нами произошли перемѣны; но благодарная память къ учителю у всѣхъ насъ общая, неизмѣнная. Каждый изъ насъ живо помнитъ свое училище благочестія, его основателя и своего учителя. Кашменское начетчество прежде всего отличается благочестіемъ. Всѣ старые ученики о. Кашменскаго отличаются убѣжденностію въ дѣлѣ миссіи и простотою образа жизни и потому имѣютъ неотразимое вліяніе на простой народъ. Начетчики школы о. Кашменскаго сравнительно не скудны и общими познаніями. Въ школѣ, кромѣ начетчества, нами приобрѣтались кое-какія и общеобразовательныя знанія; всѣ мы знаемъ отъ русскаго правописанія до чтенія по-гречески, хотя и не всѣ въ равныхъ степеняхъ. А при начетствѣ по стариннымъ книгамъ, мы знакомились прежде всего со священнымъ писаніемъ, изучали законъ Божій, катихизисъ, литургику и проч.

Я слишкомъ рано услышалъ въ своей средѣ (раскольничьей, — дер. Костины, Вят. у.) имя отца протоіерея Стефана Кашменскаго. Въ половинѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія умы вятскихъ безпоповцевъ сильно были взволнованы апостольскою проповѣдью о. протоіерея.

Я тогда только сталъ размышлять о вѣрѣ. Одинъ изъ 4-хъ братьевъ Пѣтуховыхъ «законниковъ», Василій Ѳелоровъ, способнѣе и добросовѣстнѣе другихъ и болѣе начитанный, въ концѣ 1884 или началѣ 1885 года присоединился къ св. церкви. А какую силу имѣли на «собраніяхъ» эти законники! Никто безъ нихъ не рѣшалъ никакихъ вопросовъ о вѣрѣ и старообрядческой жизни. И внезапно

«законникъ» сдѣлался «мірскимъ»! Алексѣй Ѳедоровъ Пѣтуховъ (братъ присоединившагося), самый рьяный раскольникъ (перешедшій потомъ въ австрійскую секту), — былъ на мельницѣ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Иваномъ. Вдругъ прибѣгаетъ къ нему его жена съ крикомъ и воплемъ: «ой, бѣда случилась! Василій-то перешелъ въ мірскую вѣру!» — Вотъ бѣда какая, — возразилъ сынъ Иванъ, — я думалъ — пожаръ или что такое; я самъ перейду въ православную вѣру». Алексѣй Ѳедоровъ стоялъ въ это время у ларя и щупалъ тремя пальцами лѣвой руки ¹⁾ горячую муку, сыплющуюся изъ — подъ жернововъ. Какъ выхватить онъ правой рукой изъ станка «подлегчину» ²⁾, да и ну крестить ею сына, приговаривая: «вотъ тебѣ, некошной ³⁾, православная вѣра»! Долго ходила по Ивану подлегчина, пока онъ, наконецъ, не успѣлъ выскочить изъ мельницы. Зато Иванъ, окрещенный «подлегчиной», и громилъ потомъ расколъ нѣсколько лѣтъ. Онъ съ семействомъ своимъ присоединился къ православію въ 1899 году, вмѣстѣ съ другими безпоповцами. Младшій сынъ Алексѣя Ѳедорова, Василій Алексѣевъ, тоже присоединился къ православію. Иванъ Алексѣевъ, а особенно его дядя, Василій Ѳедоровъ — первые двигатели вятскихъ безпоповцевъ въ православіе.

Въ началѣ 1885 года о. протоіерей Кашменскій распорядился устроить бесѣду въ дер. Костины со старообрядцами, пославъ туда своихъ лучшихъ учениковъ. «Законники» — крестьяне этой деревни. Бесѣда продолжалась подъ-рядъ нѣсколько дней; на ней были лучшіе представители старообрядчества. При входѣ Василя Ѳедорова, старообрядцы перешептывались: «оборотень идетъ»! Но лишь только кто-нибудь изъ грамотеевъ вставить свое слово или извержетъ укоризну на св. церковь, Василій Ѳедоровъ сейчасъ же его обрѣжетъ, необинуясь: «полно тебѣ, я побольше твоего-то знаю»! — «Кому вы вѣрите и на кого вы уповаете? — говорилъ онъ старо-

¹⁾ Указательный и средній пальцы правой руки онъ въ молодости подрѣзалъ, чтобы избѣжать солдатчины, и они у него пригнуты къ ладони. Крестное знаменіе онъ изображаетъ тремя перстами: большимъ и двумя малыми, имѣя два перста, во Большому Катихизису, «наклонены, а не простерты». На послѣднее обстоятельство я не разъ обращалъ вниманіе старообрядцевъ.

²⁾ Кленовая палка $\frac{3}{4}$ арш. длины и вершка $1\frac{1}{2}$ толщины (въ разрѣзѣ), въ станкѣ для установленія размолу муки.

³⁾ Дьяволь.

обрядамъ. — Я вѣрю не людямъ, а Христу Спасу. Вотъ его непреложныя слова», — и читаетъ, какъ всегда, на память. Впечатлѣніе получалось поразительное. Никогда я этого не забуду! Онъ на бесѣдѣ несравненно больше имѣлъ вліянія на старообрядцевъ, чѣмъ ученики о. протоіерея; но и онъ былъ давно уже его тайнымъ ученикомъ. Съ этихъ поръ старообрядцы стали усиленно дѣлать «собранія» специально для рѣшенія вопросовъ о вѣрѣ (ибо иногда дѣлали собранія для рѣшенія вопросовъ о родственныхъ степеняхъ при заключеніи браковъ, о перебоѣ невѣсты однимъ женихомъ у другого и т. п.).

Теперь Василій Ѳедоровъ уже покойный. Царство небесное славному борцу за вѣру православную. Онъ первый вождь вятскихъ безпоповцевъ отъ тьмы къ свѣту. Онъ не разъ мнѣ говаривалъ о школѣ «въ соборныхъ домахъ», т. е. о школѣ о. протоіерея, и я познакомился затѣмъ съ о. протоіереемъ и духовно переродился. Это памятно для меня на всю жизнь.

Не могу теперь не вспомнить о нашей школѣ. Къ 1 октября 1887 г. мы — всѣ ученики — были въ сборѣ; дня черезъ два — три вошли въ свою жизнь. Нѣкоторымъ, желающимъ поступить въ школу, было отказано, по ихъ малоспособности и по недостатку мѣстъ и средствъ для обученія. Принято было всего 20 человекъ¹⁾. Одинъ (Кириловъ) допущенъ былъ въ школу на свое иждивеніе. Я былъ принятъ въ видѣ исключенія и нѣкоторое время тоже жилъ на свои средства, хотя мнѣ значительно помогалъ самъ о. протоіерей.

Штатные ученики получали по 6 руб. въ мѣсяцъ и еще прогоны впередъ и обратно по 3 коп. за версту отъ Вятки до своего приходскаго храма. Средства изысканы были самимъ о. протоіереемъ²⁾. О. протоіерей ежедневно являлся къ намъ въ школу на уроки. Ему помогалъ по преподаванію русскаго языка, ариѳметики и пѣнія сынъ его Михаилъ Степановичъ Кашменскій; онъ зани-

¹⁾ 1) А. Кириловъ, 2) Н. Чарушниковъ, 3) Е. Зубаревъ, 4) Г. Баранцевъ, 5) К. Еласуковъ, 6) Х. Молчановъ, 7) А. Павловъ, 8) К. Власовъ, 9) С. Кудрявцевъ, 10) Е. Опалевъ, 11) Р. Кормищниковъ, 12) М. Кашменскій, 13) Прот. С. Н. Кашменскій, 14) Н. Чарушниковъ, 15) Т. Широкихъ, 16) З. Шубинъ, 17) П. Созонтовъ, 18) С. Ложкинъ, 19) М. Гоголевъ, 20) М. Ветлужскихъ, 21) И. Бухаринъ, 22) И. Шутовъ.

²⁾ Имъ же основано и братство святителя и чудотворца Николая.

мался съ нами по вечерамъ, а иногда и послѣ обѣда. Обличеніе раскола преподавалось по «Руководству» о. протоіерея; но преподаваніе однимъ «Руководствомъ» не ограничивалось: самъ о. протоіерей былъ для насъ живымъ руководствомъ. Подъ его руководствомъ мы вели примѣрные бесѣды между собой: одинъ за раскольника, другой за православнаго; подъ руками у насъ были всѣ необходимыя для этого старопечатныя книги. О. протоіерей посылалъ насъ на бесѣды со старообрядцами; при чемъ требовалъ записки этихъ бесѣдъ и дѣлалъ на нихъ свои замѣчанія, указывая недостатки. Жилось намъ и училось хорошо въ школѣ о. протоіерея. Зданіе школы деревянное, двухъэтажное; стоитъ оно на крутомъ берегу р. Вятки, въ церковной оградѣ каедральнаго собора; пожертвовано для школы покойнымъ преосв. Аполлосомъ. Мы помещались въ нижнемъ этажѣ школы.

Изъ верхняго этажа, класса, открывается живописный видъ черезъ р. Вятку на луга и лѣса. Любуюсь этимъ видомъ, о. протоіерей не разъ говаривалъ слова пророка Давида: *вся премудростію сотворилъ еси!* Утромъ, по первому удару колокола въ соборѣ, въ 5 часовъ, мы вставали и шли въ соборъ къ утренѣ, а затѣмъ, въ 6 часовъ, спускались впизъ — въ печерскую церковь, устроенную о. протоіереемъ, — къ ранней литургіи, къ которой почти ежедневно являлся самъ о. протоіерей. Здѣсь мы читали и пѣли. Въ 8 часовъ пили чай съ вятскимъ «ярушникомъ» (булкой изъ овсяной муки), который составлялъ почти всю нашу пищу, и отправлялись въ классъ — наверхъ, ожидая о. протоіерея. По прибытіи его, пѣли «Царю небесный», подходили подъ благословеніе и садились по мѣстамъ. Начиналось занятіе. Дѣло не ограничивалось отвѣтами однихъ уроковъ, а шла живая бесѣда. Случалось, что о. протоіерей всѣхъ переспроситъ, пока получить надлежащій отвѣтъ. Но мы никогда не видѣли о. протоіерея раздраженнымъ, вышедшимъ изъ себя и не въ духѣ, и никогда не слышали отъ него оскорбительныхъ словъ. Ни о какомъ дисциплинарномъ взысканіи не могло быть и рѣчи, почему и вели себя всѣ съ подобающимъ приличіемъ. Всѣ мы были единомысленны и связаны общою любовію къ «о. протоіерею» и, по возможности, между собою. Между нами не было ни пьющихъ водку, ни курящихъ табакъ. Бесѣды о. прото-

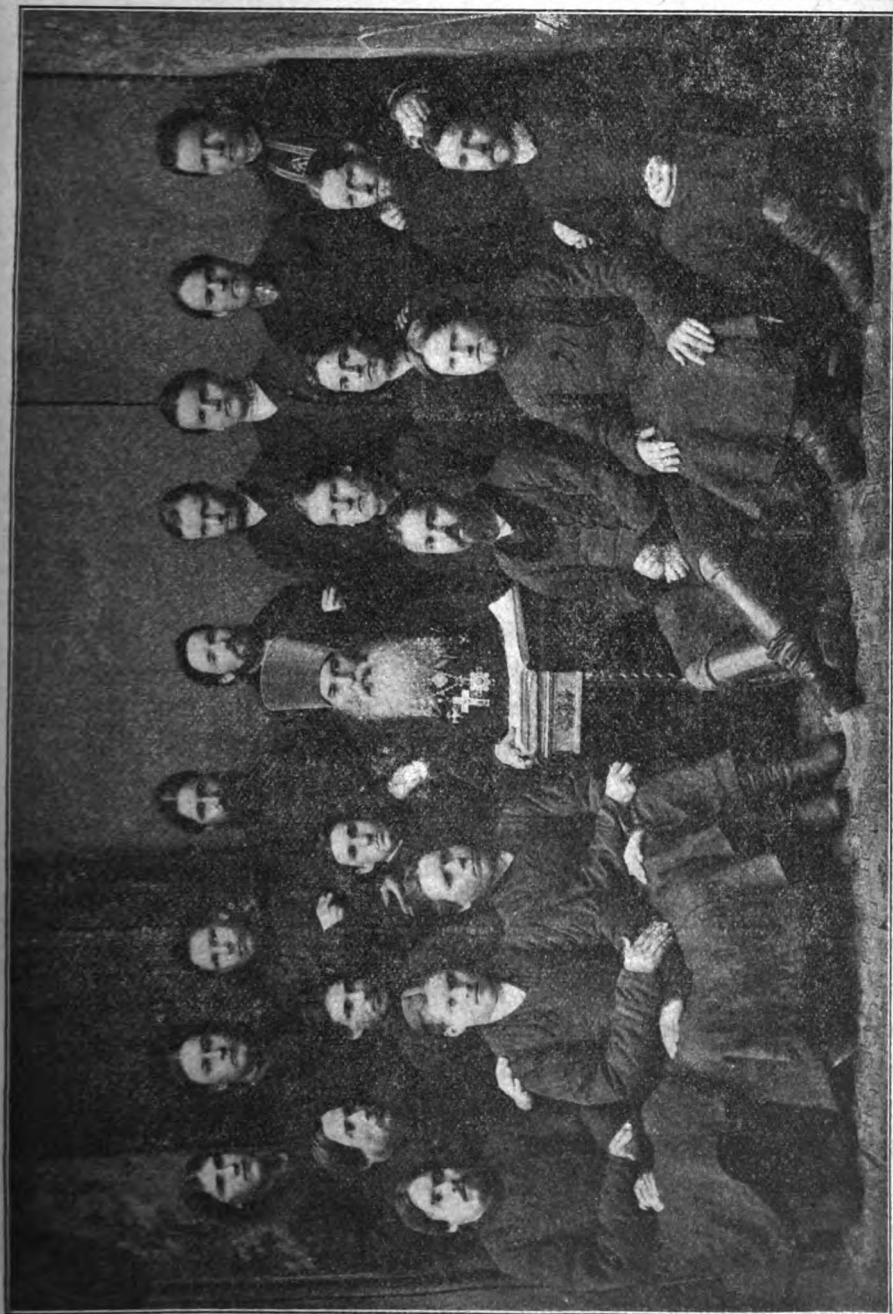
іерея съ нами продолжались не всегда одинаковое время. Въ бѣдахъ онъ училъ насъ не отчаиваться; среди злонамѣренныхъ крикуновъ-раскольниковъ во время бесѣды не унывать, а уповать на Господа, что слова Его, провозвѣщенные врагамъ Его, сдѣлають свое дѣло. То и другое онъ подтверждалъ многочисленными примѣрами изъ своей жизни и дѣятельности. Послѣ ученія мы пѣли: «Достойно есть» и «Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго» съ присовокупленіемъ: «и Благовѣрнаго Государя, Великаго Князя Сергія Александровича», покровителя нашей школы; подходили подѣ благословеніе къ о. протоіерею и къ часу, къ двумъ, а иногда и къ тремъ, сходили внизъ, въ свое помѣщеніе и принимались за чай съ «ярушниками». Нѣкоторые, болѣе хозяйственные, варили себѣ щи, похлебку или супъ. Въ 4 часа пополудни шли въ соборъ къ вечернѣ, по усердію. Вечеромъ, въ 9 часовъ, обязательно всѣ собирались въ помѣщеніе и читали вечернія молитвы, послѣ которыхъ желающіе занимались въ классѣ, кому сколько угодно. На каждый день у насъ былъ назначаемо дежурный ученикъ, который убиралъ помѣщеніе и классъ, топилъ печь, ставилъ самоваръ и т. п.; при чемъ нанять за себя дежурнаго стоило 3 коп. и были охотники дежурить за это вознагражденіе! Почти у всѣхъ оставалось сбереженіе отъ ежемѣсячнаго шестирублеваго жалованья. Нерѣдко посѣщали насъ старообрядцы, а также посѣщали и мы ихъ. Но частными бесѣдами наша миссія противъ раскола не ограничивалась. По осени о. протоіерей послалъ меня и Романа Кормщикова на бесѣды со старообрядцами, моими родственниками, въ Быстрицкій и Бахтинскій приходы. Въ Быстрицкомъ приходѣ мы бесѣдовали въ приходскомъ храмѣ и въ нѣкоторыхъ деревняхъ. Мѣстный причтъ былъ очень доволенъ нашими бесѣдами и даже удивлялся скорости воспринятыхъ нами свѣдѣній и ихъ практическому примѣненію къ дѣлу. Въ Бахтинскомъ приходѣ мы вели бесѣду въ Троицкомъ волостномъ правленіи, при дер. Костины. Здѣсь противъ меня выступилъ, послѣдній разъ въ своей жизни, дялюшка «постникъ» Леонтій Евстафьевичъ Пѣтуховъ (покойный въ началѣ 1889 г.). Всѣ его возраженія сводились къ самооправданію, что неужели, молъ, Господь за соблюденіе Его заповѣдей, подѣ которыми онъ разумѣлъ свои пощенія и многочисленные

«каноны», пошлетъ его въ геенну. При чемъ у меня врѣзалось въ память его характерное возраженіе по поводу недоумѣнныхъ для него вопросовъ: «мы не учились въ *консисторіи* по десяти лѣтъ!» Противъ необходимости священства и таинствъ, онъ не только не возражалъ, но и болѣзненно вздыхалъ о нихъ предъ всѣми. Но говорилъ: «гдѣ ихъ взять?» Но вотъ, подъ вечеръ, явился на бесѣду съ своей мельницы «законникъ» Алексѣй Ѳеодоровъ Пѣтуховъ и старался испортить дѣло своимъ крикомъ и лукавствомъ. Но явился нѣсколько позднѣе и его братъ, приснопамятный Василій Ѳеодоровъ Пѣтуховъ, и помогъ намъ изобличить лукавство его брата.

На Рождественскія святки осталось насъ въ школѣ не болѣе 4—5 человѣкъ, а прочіе всѣ отправились домой. О. протоіерей и на святкахъ не разъ посѣщалъ наше помѣщеніе, справлялся о нашемъ здоровьѣ, не скучаемъ ли мы и проч. Въ это время я писалъ посланія своимъ роднымъ и знакомымъ. Свои сочиненія я представлялъ на благоусмотрѣніе о. протоіерея, и онъ дѣлалъ въ нихъ свои поправки ¹⁾).

Будучи всецѣло преданы своему дѣлу, мы не замѣтили, какъ прошла зима и наступилъ экзаменъ. Накапунѣ экзамена, вечеромъ, о. протоіерей долго съ нами занимался. На экзаменѣ, кромѣ отвѣтовъ по билетамъ, нами были произведены примѣрные собесѣдованія православнаго съ раскольниковъ на разные темы. При чемъ возраженіе со стороны раскольника дѣлалъ и преподаватель духовной семинаріи (впослѣдствіи, послѣ смерти о. протоіерея, нашъ уважаемый учитель) Александръ Ивановичъ Одоевъ. «По окончаніи испытаній (какъ говорится въ отчетѣ), о. председатель Совѣта Братства, кафедральный протоіерей Стефанъ Н. Кашменскій объявилъ, что изъ процентовъ съ особаго неприкосновеннаго капитала, назначаемыхъ ежегодно въ награду лучшему ученику Вятской Братской школы, денежная награда въ настоящемъ году: *четыре-нацать рублей двадцать четыре коп.*, назначается Ефиму Зубареву». Другимъ лучшимъ ученикамъ послѣ экзамена преосвящен-

¹⁾ Въ это время умеръ мой отецъ. Онъ былъ совращенъ въ расколъ, но не былъ фанатикомъ раскольниковъ. Я надѣялся обратить его къ православію; но, увы, меня не извѣстили даже объ его смерти и погребеніи; хотя мои братья—родной и двоюродные со своими семействами теперь и сами присоединились къ православной церкви.

нымъ Сергіемъ отъ Совѣта Братства были собственноручно выданы въ награду: Кириллова книга, два экземпляра Большого Катихизиса, Собраніе сочиненій о. архим. Павла въ двухъ частяхъ (изд. 1883 г.). А всѣмъ вообще о. ректоръ Вятской духовной семинаріи, прот. Н. А. Поповъ, подарилъ по экземпляру своей «Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта».

Послѣ экзамена я отправился въ Москву и Кіевъ. Цѣль путешествія была не только паломническая, но и ученически-миссіонерская. Я познакомился съ приснопамятнымъ о. арх. Павломъ, долго гостилъ у него и послѣ смерти о. протоіерея совсѣмъ переѣхалъ въ Москву. О. Протоіерей Стефанъ Никифоровичъ Капменскій и матушка Екатерина Петровна (супруга о. протоіерея) снабдили меня нужнѣйшими на дорогу средствами, словно любящіе родители позаботились о своемъ сынѣ. «Путешествіе въ Кіевъ и путевыя замѣтки противъ, такъ называемыхъ, старообрядцевъ» — моя первая статья, исправленная самимъ приснопамятнымъ учителемъ о. протоіереемъ, напечатана была въ «Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1888 (№№ 19 и 20) и 1889 г.г. (№№ 1 и 2).

Послѣ моего путешествія въ слѣдующій учебный годъ о. протоіерей былъ въ школѣ, кажется, всего одинъ разъ. Онъ занемогъ съ 1 октября; хотя 2 октября онъ самъ еще присоединилъ къ св. церкви моего брата Іакова, а 7 октября, въ день ангела преосв. Сергія, участвовалъ въ богослуженіи въ Крестовой церкви. Онъ еще не лежалъ въ постели; онъ приготовлялъ къ печати свое «Подробное руководство». Гдѣ этотъ его трудъ и что съ нимъ стало, — ничего неизвѣстно. 7 ноября о. протоіерей командировалъ меня съ однимъ изъ сотоварищей моихъ Н. Чарушниковымъ — на бесѣду съ раскольниками въ Быстрицкій приходъ, а 13 ноября послалъ меня съ этою цѣлью съ его сыномъ и П. Созонтовымъ въ деревню Костины.

Болѣзнь о. протоіерея шла къ исходу души. Не разъ приходилъ исповѣдывать его и приобщать св. Таинъ его ученикъ, іеромонахъ Успенскаго монастыря, о. Трифонъ. Съ учениками школы занимался Михаилъ Степановичъ Капменскій, а иногда и я.

28 января я отправился съ однимъ сотоварищемъ въ больницу посѣтить своего больного друга (ученика же школы). Черезъ

часть послѣ этого, когда мы возвращались, встрѣтилъ насъ нашъ соученикъ Чарушниковъ, весь въ слезахъ, съ извѣстіемъ, что о. протоіерей скончался. Въ оградѣ церковной встрѣтилъ насъ старый соборный пономарь съ воплемъ: «отецъ протопопъ-то умеръ!» Духовенство и мы, ученики, немедленно собрались въ домъ покойнаго. Началась панихида. Всѣ присутствовавшіе на ней плакали. Послѣ панихиды началось чтеніе Евангелія. Я не выходилъ изъ квартиры усопшаго всю ночь и читалъ Евангеліе въ промежутки между чтеніями духовенства и только на второй день извѣстилъ письмомъ о. архим. Павла прусскаго о кончинѣ о. протоіерея. Кто позволялъ намъ, мірянамъ, читать Евангеліе по усопшемъ о. протоіерей, не знаю; но по выносу тѣла усопшаго въ соборъ, мы, ученики, всю ночь одни читали св. Евангеліе, подъ 31 число января. Могилу для усопшаго вырыли мы - ученики о. протоіерея, мы же его и зарыли. Велика была наша скорбь! Но мы уповали оживить въ самихъ себѣ дѣло покойнаго, потому что были увѣрены, что онъ дѣло Господне дѣлалъ. Въ этотъ же день, день скорби и сѣтованія, я встрѣтилъ свою двоюродную сестру и привелъ ее въ св. церковь. Послѣ нея и братья ея и сестры присоединились къ св. церкви. Раньше этого присоединились ко св. церкви и мои братья: родной и двоюродные, со всѣми ихъ семействами. Послѣ ихъ присоединенія, другіе мои родственники и знакомые отреклись отъ раскола (въ 1899 году) и образовали цѣлый единовѣрческій приходъ, хотя и до сихъ поръ еще неустроенный...

Въ день погребенія о. протоіерея, вечеромъ, послѣ властей, Михаилъ Степановичъ Кашменскій пригласилъ насъ въ домъ помянуть усопшаго; и мы процѣли о. протоіерею вѣчную память...

Теперь уже минуло пятнадцать лѣтъ, какъ скончался ревнитель противораскольнической миссіи. Братья миссіонеры! помолимся о священно-протоіерей Стефанѣ. Мы знаемъ, что *плоды разума его вѣчны* (Сир. 37, 26) и *имя его живо будетъ во вѣкъ* (—29).

Священникъ Е. Зубаревъ.

О сектантской музыкѣ.

Сектантство русское довольно уже изучено. Штунда и молоканство, духоборчество, даже скопчество и хлыстовщина достаточно извѣстны, какъ со стороны своего вѣроученія и обличенія его, такъ и со стороны своего культа и быта. Но есть одна сторона дѣла, совершенно заброшенная и игнорируемая—это сектантская религиозная музыка. Можетъ быть среди дѣятелей миссіи и вообще лицъ, близко соприкасающихся съ сектами, мало людей, музыкально грамотныхъ; а можетъ быть,—и это скорѣе всего,—на эту сторону дѣла не обращаютъ вниманія, считая ее совершенно несущественной и для миссіи непужной. Но музыка выражаетъ душу, глубины сердца. Каждое христіанское исповѣданіе имѣетъ свою музыку, со свойственнымъ ей специфическимъ характеромъ. Православные мотивы и ихъ гармонія—это нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ мотивы и гармонія католическихъ пѣснь и протестантскихъ хораловъ. Музыка каждаго исповѣданія отражаетъ въ себѣ глубины его духа и настроеній. Изученіе вѣроученія и обряда секты даетъ уму понятіе о ней. Но проникнуть въ глубины настроенія секты, прикоснуться сердцемъ къ тому, чѣмъ жива она, почуять источники ея силы и помощи можно, лишь освоившись съ ея богослужебнымъ пѣніемъ. Но, кромѣ того, даже и для ума, для изученія секты, запись и сравненіе ея мотивовъ дало бы весьма много. Это помогло бы распутаться въ трудномъ вопросѣ, насколько, напр., штунда или хлыстовщина—явленіе природно-русское, народное и сколько въ ней иностраннаго вліянія. Если штундистское пѣніе—нѣмецкое,—это солидное данное въ одну сторону; если оно русское—это данное въ другую. Или: предположимъ, что запись мелодій Тамбовскихъ хлыстовъ и Ставропольскихъ шалопутовъ дала полное ихъ согласіе и однообразіе: значитъ, это одна и та же секта, одного происхожденія, поддерживающая связь, общеніе и единство на разстояніи тысячи верстъ. И наоборотъ, если мотивы плясуновъ Тамбовскихъ и Ставропольскихъ будутъ разные, это повлечетъ къ предположенію, что рассматриваемыя секты—суть явленіе спорадическое, разъединенное, безъ прочной связи и единообразія.

Весьма поэтому желательно, чтобы миссіонеры, священники, дьяконы, псаломщики, учителя, регенты при всякой возможности записывали сектантскіе мотивы и путемъ печати дѣлали ихъ извѣстными миссіонерствующей братіи, хотя бы, напр., чрезъ «Миссіонерское Обозрѣніе».

Нижепомѣщенные штундо-баптистскіе мотивы записаны мною (при содѣйствіи дьякона с. Печинъ Виноградова) въ Ново и Старо-Томниковѣ, Шацкаго у., Тамбовской губерніи, гдѣ штундо-баптизмъ имѣеть сплоченныя общины, имѣвшія поддержку отъ покойнаго Пашкова, а нынѣ находящіяся въ связи съ Таврическими главарями и богачами Мазаевыми. Слова взяты изъ «Сборника духовныхъ стихотвореній для христіанъ Ев. лютеранскаго исповѣданія. 1892 г. Севастополь», по которому выставлены и номера каждой пьесы, кромѣ Псалма 149, котораго въ «Сборникѣ» нѣтъ.

Какъ скучно на сердце.

5 i 3 5 4 2 5 1. i 7 6 6. i 6 5 5. 65 45 6.
Какъ скуч—но на серд—цѣ по—рой, ког—да я, ког—да я, ког—да я,
76 54 5. i 2 i 7 i.
ког—да я не—ви жу Хри—ста.

Г о р а С і о н ъ.

5 5 5 5 3 4 5 6.. 5 5 5 4 7.. 6.. 5..
Го — ра Си — онъ, го — ра свя — та — я пре — столъ гдѣ Го — спо — да
456 5.
сто — итъ.

П р и з о в и Х р и с т а.

⁶ ⁶ ⁶ ⁷⁶ ⁵⁴ ³⁴ ⁵⁴ ^{3.} ⁶ ⁶ ⁶ ⁷⁶ ⁵⁴ ³⁴ ⁵⁺³
 При-зо-ви Хри-ста на по-мощь бѣд-ный грѣ-шный че-ло-вѣкъ
⁶ ⁶ ⁶ ⁷ ⁶ ⁵ ⁴ ⁵ ⁶ ⁴ ⁶ ⁵ ^{5..}
 І-и-сусъ нашъ у-дѣль; здѣсь на-деж-да, ра-дость тамъ.

П о й т е Г о с п о д у .

6. 5. 5. 4. 1... 7. 6. 5. 4. 1. і 5 6 7. 6. 5. 4. 3.
Пой-те Го-с-по-ду пѣснь но-ву-ю хва-ла Е-му въ со-бра-ні-и
2. 1... 5. 5 5 1. 7 7 6. 6. 6. 6. 2. 1. 7. 6. 7...
свя-тыхъ. Да ве-се-лит-ся Из-ра-иль о Соз-да-те-лѣ сво-емъ;
6. 6 7 6... 1. 6. 5... 6. 5. 4... 4. 6. 7. 5. 4...
сы-ны Си-о-на да ра-ду-ют-ся о ца-рѣ сво-емъ.

Лейтесь слезы сокрушенія.

5 5 5 4 5 4 4 1.2 3 4 6 6 5 4 5
 Лей-гесь сле-зы со-кру-шень-я серд-це плачь въ то-скѣ сво-ей.
 5 5 5 4 5 4 4 1.2 3 4 6 6 5 4 5
 За ка-кі-я пре-сту-плень-я Богъ стра-да-етъ какъ зло-дѣй.

Х в а л и т е Г о с п о д а.

5 5 4 7.. 6 6 6 7 6 5 4 5.
Хва — ли — те Го — спо — да и пой — — — те.

Миссіонеръ Базаряниковъ.

ИЗЪ МИССИОНЕРСКОЙ ПОЛЕМИКИ.

Случайная бесѣда православнаго съ раскольниковъ о мощахъ святыхъ.

При входѣ въ вагонъ 3-го класса, на половину занятый пассажирами, отъ шубы на лисьемъ мѣху, до простой поддевки включительно, я услышалъ разговоръ. Мужчина лѣтъ 50-ти, съ длинной, узкой, русой съ просѣдью бородой, говорилъ:

— Во время благочестія, спасались угодники Господни и являлись ихъ нетлѣнные мощи, сколько ихъ въ святцахъ! какъ звѣздъ на небѣ. А послѣ паденія благочестія все прекратилось. Церковные объявили нѣсколько мощей, но для насъ они сомнительны, теперь же сами говорятъ, что отъ старца Саровскаго Серафима остались только кости да волосы, а признають за святого.

Пассажиръ среднихъ лѣтъ, съ легко остриженной свѣтлорусой бородкой, возразилъ: подъ словомъ „мощи“ нужно разумѣть останки святого человѣка, въ какомъ бы видѣ они ни находились! Слѣдовательно, и кости преподобнаго Серафима суть мощи.

— Нѣтъ, господинъ честной,—святость то еще надо доказать нетлѣніемъ тѣла; а вы забѣгаете впередъ,—считаете доказаннымъ то, что еще требуется доказать.

— А вы читали, что на этотъ счетъ писано и напечатано?

— Читалъ или нѣтъ, это неважно: нынѣшнее писаніе намъ не законъ.

— Я спросилъ старика: какое писаніе онъ считаетъ для себя закономъ?

— Древнія книги, печатанныя до патріарха Никона. Подайте ихъ сюда!

— Хорошо, говорю: книгу, именуемую Кирилловой, пріемлете ли?

— Какъ же! тамъ напечатано слово о крестномъ знаменіи.

— Вы доселѣ говорили о мощахъ, продолжимъ же этотъ разговоръ. На оборотѣ 505 листа уважаемой вами Кирилловой книги вотъ что написано по нашему предмету: „по совлеченіи ветхаго человѣка и по смерти тѣло нетлѣнно богоугодниковъ пребываетъ... и чудотворять *кости мертвыя* съ вѣрою приходящимъ и во имя святаго милости отъ Бога... ищущимъ“. Въ лицѣ преподобнаго Серафима имѣется три признака, по коимъ виденъ въ немъ святой человѣкъ: онъ приходилъ въ *богovidѣніе*, т. е., имѣлъ даръ прозорливости, исцѣлялъ молитвою болящихъ еще при жизни своей и чудотворять кости его по смерти. Васъ смущаетъ то, что тѣло преподобнаго не сохранилось нетлѣннымъ въ цѣломъ видѣ?

— А это самое важное, и въ прочитанномъ вами мѣстѣ нетлѣніе тѣла стоитъ во первыхъ.

— Изслѣдуемъ, препятствуетъ ли отсутствіе сего признака признанію во святыхъ старца Серафима? Вы, конечно, согласитесь, что сохраненіе тѣла неврежденнымъ во огнѣ не меньшее чудо, чѣмъ сохраненіе его нетлѣннымъ по смерти. Церковь и донынѣ прославляетъ пѣсногѣвіями *чудо превеліе*,—сохраненіе тріехъ отроковъ неврежденными въ пещи Вавилонской.

— Да, да, это чудо!

— Можно также считать за признакъ святости Даніила пророка то, что голодные львы не растерзали Его, когда онъ былъ брошенъ къ нимъ въ ровъ; и христіанской дѣвицы Бланины не вредили звѣри, выпущенные на нее въ Ліонскомъ циркѣ идолослужителями.

— Да мало-ли было чудесъ въ первые вѣка христіанства. Пока стояло благочестіе, Богъ посылалъ ихъ.

— Но вотъ ученики апостоловъ,—Игнатій Богоносецъ, епископъ Антиохійскій, и Поликарпъ, епископъ Смирнскій. Первый приводится въ Римскій коллизей и пожирается львами, а второй приводится на костеръ въ Смирнѣ и пожирается пламенемъ. Гдѣ бы, кажется, потребнѣе Господу Богу явить Свое всемогущество и святость Своихъ исповѣдниковъ, какъ не предъ лицомъ неистовствующей стотысячной толпы язычниковъ? Но Онъ оставилъ исповѣдниковъ подчиниться законамъ природы. По вашей логикѣ, Игнатій и Поликарпъ не святые мужи, а самые обыкновенные люди. Такъ ли?

— Но вѣдь Игнатій и Поликарпъ пострадали за Христа. Этого достаточно для ихъ святости.

— Значитъ, кто живетъ и умираетъ для славы Божіей, для признанія того святымъ неразрушимость его тѣла отъ огня, зубовъ звѣрей и

тлѣнія не необходима; онъ святъ по дѣламъ своимъ. Такъ что ли? говорите!

— Пожалуй, и такъ.

Христосъ сказалъ: „такъ да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ добрая дѣла ваша и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ“. Поэтому подвиги, совершенные для славы Божіей, служатъ доказательствомъ святости подвижниковъ, а таковымъ былъ прославляемый Богомъ и Его св. церковію преподобный Серафимъ Саровскій.

По вашимъ словамъ о стояніи и паденіи благочестія, я заключаю, что вы принадлежите къ одному изъ многихъ старообрядческихъ толковъ и считаю нужнымъ сказать вамъ, что слова ваши, будто благочестіе *никогда* стояло и *когда то* пало,—невѣрны; благочестіе никогда не падетъ, иначе не сбылось бы обѣтованіе Спасителя: „созижду церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ ей“. Теперь выводъ. Если вы увѣрены, что держитесь благочестія, то у васъ должно бы продолжаться явленіе милости Божіей въ чудесахъ, и знаменіяхъ, и нетлѣнии тѣлъ святыхъ, и святцы должны бы пополняться именами изъ синодика поминальнаго. Но такъ какъ ни въ одномъ старообрядческомъ обществѣ сего не наблюдается, что бывало, есть и будетъ въ единой святой соборной и апостольской церкви, т. е., прославленія святыхъ и занесенія именъ ихъ въ мѣсяцесловъ, то это самое лишеніе ваше и нужно считать нагляднымъ доказательствомъ, что надъ вами сбываются грозныя слова Спасителя: „се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ“.

Миссіонеръ *Калиникъ Картушинъ*.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Изъ духовной журналистики.

Экзегетическія статьи: Истолкованіе слова „Сынъ Человѣческой“, Іоан. X, гл. 12—13; Іерем. XXXI, 22.—Превосходство ученія о новозавѣтной любви, сравнительно съ вѣтхозавѣтнымъ и языческимъ.—Историческія статьи.—Неповрежденность свидѣтельства Іосифа Флавія объ Іисусѣ Христѣ.—Къ сказанію о сношеніяхъ Эдесскаго князя Авгаря съ Іисусомъ Христомъ.—Къ вопросу о единеніи церквей: Отвѣтъ старокаатоликамъ.—Очерки религіозной жизни въ Германіи.—Школа Ричманскаго богословія въ Лютеранствѣ.—Исламъ и братство св. Гурія.

I.

Въ ряду статей положительнаго содержанія въ истекшемъ году есть не мало такихъ, которыя важны для миссіонера по своему экзегетическому характеру, или по содержанію историческому, философскому или, наконецъ, такихъ, которыя знакомятъ насъ съ состояніемъ западныхъ вѣроисповѣданій, съ состояніемъ ихъ богословскихъ наукъ и т. п., что представляетъ для миссіонера не малый интересъ въ виду связи нашего сектантства съ западными лжеученіями.

* * *

По истолкованію св. Писанія особенно важна статья епископа Антонія (Храповицкаго) о „Сынѣ Человѣческомъ“ („Бог. В.“). Преосв. Антоній выясняетъ, что выраженіе „сынъ Человѣческой“ заимствовано изъ книги прор. Даніила, гдѣ встрѣчается оно въ описаніи видѣнія пророкомъ „Ветхаго денми“, т. е. Бога Отца и около Него „Сына Человѣческаго“ ¹⁾. Іудеи понимали, Кто такой „Сынъ Человѣческой“, они знали, что это все равно, что Мессія, а поэтому и спрашивали Іисуса Христа: „Мы слышали отъ закона, что Христосъ пребываетъ во вѣкъ, какъ же Ты говоришь, что должно вознесену быть Сыну Человѣческому“. Тогда становятся понятными и слова Іисуса Христа: „Якоже Отецъ имать жизнь въ Себѣ; тако дастъ и Сынови жизнь имѣти въ Себѣ и

¹⁾ „Какъ бы Сына Человѣческаго“ (Дан. 7, 13). Ред.

власть дать Ему и судъ творити, яко Сынъ чловѣчь есть“. Безъ правильнаго пониманія термина „Сынъ чловѣчь“ рѣчь Иисуса Христа казалась бы необоснованной, почему даетъ Ему Отецъ власть производить судъ, а основаніе „яко Сынъ чловѣчь есть“ представлялось бы малолубѣдительнымъ. А когда мы знаемъ цѣну и значеніе этого термина, то совершенно преобразается для слушателя и сила даннаго мѣста. Особенный смыслъ получаетъ тогда и отвѣтъ Иисуса Христа Каиафѣ—*„и вы узрите Сына чловѣческаго, сидящаго одесную силы и грядущаго на облакахъ небесныхъ“*. Вообще, выясненіе даннаго термина, обыкновенное по источнику, изъ котораго онъ заимствованъ, проливаетъ много свѣта на изреченія Иисуса Христа, въ которыхъ встрѣчается разбираемый терминъ.

Большой интересъ представляетъ также (въ „Б. В.“) истолкованіе М. Тарѣвымъ мѣста изъ Евангелія Іоанна X, 12—13. Тарѣвъ касается русскаго перевода выраженія—*„и волкъ расхищаетъ овецъ и разгоняетъ ихъ“*. Что волкъ расхищаетъ овецъ (т. е. духовныхъ овецъ, пасомыхъ), переманиваетъ ихъ къ себѣ, это понятно, но слѣдующее выраженіе („разгоняетъ“) уже исключало бы первое. Оказывается, по объясненію М. Тарѣва, это второе сказуемое нужно отнести къ подлежащему—*„пастырь“* (а не къ „волку“). Тогда будетъ понятно и противоположеніе въ слѣдующемъ выраженіи, высказанное союзомъ „а“—*„а наемникъ“*. И это понятно; ибо наемника можно противопоставлять истинному пастырю, а вовсе не волку. Въ силу сказаннаго и справокъ М. Тарѣва съ греческимъ подлинникомъ—смыслъ получается такой: „Наемникъ, не пастырь, которому овцы не свои, видитъ приходящаго волка и оставляетъ овецъ, и волкъ расхищаетъ ихъ, и онъ, т. е. пастырь, растериваетъ овецъ, потому что онъ наемникъ и не радить объ овцахъ“. Славянскій текстъ лучше передаетъ подлинникъ, только при сказуемомъ *распудитъ* нужно подразумѣвать подлежащее пастырь, а не волкъ.

Проф. В. Рыбинскій („Тр. К. Д. Ак.“) занимается изъясненіемъ одного изъ труднѣйшихъ мѣстъ св. Писанія, такъ называемыхъ *crucis interpretum*, т. е., креста для толкователей, это именно изъ прор. Іереміи XXXI, 22. Въ русскомъ переводѣ это мѣсто читается такъ: „Долго ли тебѣ скитаться, отпадшая дочь? Ибо Господь сотворитъ на землѣ нѣчто новое: жена спасетъ мужа“. Въ славянскомъ—то же мѣсто читается совершенно иначе:—*„яко созда Господь спасеніе въ насажденіе ново, въ немже спасеніи обидутъ чловѣцы“*. Разница, какъ видно, большая, и сами 70

толковниковъ данное мѣсто не столько переводили, сколько стремились уяснить его смыслъ. По русскому переводу выходитъ, какъ будто, что здѣсь говорится о томъ же, о чемъ и въ словахъ „сѣмя жены сотретъ главу змѣя“, или „се дѣва во чревѣ приметъ и родить Сына“, но такое толкованіе раздѣляетъ только одинъ блаж. Іеронимъ, такъ что объясненіе этого мѣста не имѣло бы значенія преданія; далѣе въ еврейскомъ текстѣ слово „жена“ обозначено не одинаковымъ терминомъ со словомъ „дѣва“ (у пр. Исаи), а это должно было бы быть, если бы рѣчь шла о воплощеніи и вообще миссіанское мѣсто не могло бы быть выражено, по мнѣнію автора, такъ неопредѣленно и неясно. Поэтому авторъ склоненъ видѣть въ данномъ мѣстѣ просто народную поговорку, въ которой мужской силѣ противопоставляется женская слабость. По отношенію же къ данному мѣсту (XXXI гл.) смыслъ изреченія, по объясненію В. Рыбинскаго, будетъ такой. „Пророкъ, увѣщая народъ возвратиться, даетъ обѣтованіе, что Господь сотворитъ нѣчто новое,—такое, что при настоящихъ условіяхъ не можетъ быть предполагаемо. Для болѣе рельефнаго указанія на новизну и необычайность имѣющаго совершиться дѣла, пророкъ пользуется ходячимъ изреченіемъ, какимъ обыкновенно выражали мысль о необычности чего-либо, „жена спасетъ мужа“, т. е., слабое существо будетъ защитой сильнаго. А новое дѣло, которое сотворитъ Господь, будетъ состоять въ томъ, что отверженный нынѣ и терпящій наказаніе, Израиль возвратитъ опять благоволеніе Божіе“. Принимая во вниманіе, однако, латинскій текстъ, гдѣ слово „спасетъ“ передано словомъ *circumdabit*, т. е. „жена окружитъ мужа“, а также то, что въ Библии отношенія между Богомъ и человѣкомъ выражаются образно въ видѣ брака, намъ кажется, что и не исключается и другое пониманіе даннаго мѣста, а именно, что, послѣ плѣна, Израиль будетъ вѣренъ Господу, окружитъ его, какъ дѣти окружаютъ любимаго отца, любящая жена любимаго мужа.

Проф. М. Муретову пришла („Б. В.“) мысль прослѣдить въ генетической связи, какъ выражается ученіе о любви въ „Пирѣ“ Платона, кн. „Пѣснь Пѣсней“ и у Ап. Павла. Статья „*Новозавѣтная тѣнь любви сравнительно съ „Пиромъ“ Платона и „Пѣснь Пѣсней“*“ и пытается показать превосходство откровеннаго ученія о любви надъ поэтическимъ полетомъ философа Платона, и въ свою очередь, превосходство ученія о любви новозавѣтнаго предъ ветхозавѣтнымъ. Идея ко времени. Часто приходится христіанамъ теперь слышать приглашеніе пойти и поучиться любви у язычниковъ,

или указывается на то, что Новый Заветъ какъ будто бы ничего не далъ новаго человѣчеству и что въ нѣкоторыхъ пунктахъ Ветхій Заветъ даже превосходитъ Новый (Мережковскій, Розановъ). Предварительно авторъ указываетъ на широту христіанскихъ принциповъ въ сравненіи съ мыслями Платона и Екклесіаста. Живой примѣръ этого авторъ видитъ въ отношеніи Ап. Павла въ спорахъ Коринѳянь, увлекавшихся то „величественнымъ образомъ Кифы“, то „даромъ слова и глубиною теософическихъ созерцаній ученаго александрійскаго іудея Аполлоса“ и т. д. „Апостоль, носившій въ себѣ умъ Христовъ, чувства Христовы и любовь Христову,—считаетъ естественными и законными всѣ эти разнообразныя проявленія религіозности человѣческаго духа, но подъ условіемъ единенія во Христъ“, говоритъ авторъ. „Споры объ учителяхъ и дарованіяхъ, примѣнительно къ нашему времени,—о *школахъ и направленіяхъ—въ наукѣ, искусствѣ* и пр. не должны служить къ церковнымъ раздѣленіямъ, партійности, схизмѣ, раскольниковству, сектантству, вѣроисповѣдности. *Напротивъ, этого требуетъ универсальность Духа Христова*, полетъ жизни церкви и стройность ея домостроенія. Богъ не есть Богъ нестроенія, но мира и „любви“. Также широко и глубоко рѣшаетъ Ап. Павелъ и вопросъ о человѣческой плоти и духѣ. Онъ „приходитъ къ ученію о духовномъ и душевномъ тѣлѣ, какъ созданіи духа“, приходитъ къ выводу о необходимости „нравственнаго самоусовершенствованія человѣка по духу и тѣлу—во время земной жизни“. Необходимость эта обуславливается тѣмъ обстоятельствомъ, что „обезсиленный грѣхомъ и оплотнявшійся душевнымъ тѣломъ духъ, равно и разслабленное порокомъ и плотяною душевностью тѣло не имѣютъ силъ животворить духовныя тѣла совершеннаго вида, какъ на плохой почвѣ и изъ плохого зерна взойдетъ и плохое растеніе, а доброе сѣмя и на доброй почвѣ произраститъ и добрый плодъ“. Такъ излагаетъ авторъ теософскія истины Ап. Павла. Охарактеризовавъ затѣмъ авторовъ пѣсней о любви—Платона, какъ творца идеалистической философіи, наилучшей изъ философій, обаятельной и въ наши дни,—Соломона, возлюбленнаго Давидомъ наслѣдника его, богатѣйшаго и мудрѣйшаго изъ всѣхъ, и Ап. Павла, бѣднаго еврея изъ іудейскаго квартала Тарса, бѣднаго и физической организаціей, но сильнаго благодатію Божіей, авторъ переходитъ къ изложенію содержаній „Пира“, „Пѣсни Пѣсней“ и ученія Ап. Павла о любви. Для обрисовки авторомъ личности Ап. Павла, какъ новозавѣтнаго пѣвца любви, считаемъ нелишнимъ привести слѣдующую выдержку. „Предъ нами, гово-

рить авторъ, постоянная и напряженная работа духа и тѣла, обращающая всю жизнь Апостола народовъ въ непрерывный и тяжелый подвигъ его самоотверженной любви ко Христу и человечеству... Да, это—не изнѣженный и обезпеченный аѳинскій аристократъ, одѣтый въ хитонъ изящнаго реализма чувственныхъ наслажденій души и тѣла подъ тонкопрозрачнымъ плащомъ розоваго идеализма. Это—и не всевластный повелитель безчисленныхъ рабовъ, разочарованный въ испытанныхъ уже наслажденіяхъ плоти и почившій въ мирѣ. Это—Павель, рабъ, трудникъ и мученикъ Христовъ, восторженно взывающій: „кто насъ отдѣлитъ отъ любви Божіей?“ Скорбь, или притѣсненіе, или гоненіе, или голодъ, или нагота, или опасность, или мечъ? Да, я убѣжденъ, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начальство, ни настоящее, ни силы, ни высота, ни глубина, ни какая тварь другая не сможетъ насъ отдѣлитъ отъ любви Божіей въ Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ“. Такая любовь наполнила Пѣвца Новозавѣтной любви“, замѣчаетъ М. Муретовъ. Изъ характеристики пѣвцовъ любви можно уже видѣть, какова будетъ самая пѣснь любви, а также и то, насколько выше пѣснь новозавѣтнаго пѣвца пѣсенъ прежнихъ пѣвцовъ. Объ этомъ авторъ обѣщаетъ еще рассказать, и что онъ расскажетъ, сообщимъ въ свое время нашимъ читателямъ.

*
* * *

Изъ статей чисто-историческаго характера интересна новая попытка М. Муретова доказать неповрежденность *„свидѣтельства Іосифа Флавія объ Иисусѣ Христѣ“*. Это свидѣтельство находится въ соч. Флавія „О древностяхъ іудейскихъ“. Отрицательная критика всегда недовѣрчиво относилась къ этому свидѣтельству и считала его интерполяціей, или вставкой. Критическихъ статей и книгъ по поводу этого мѣста написано множество. Въ виду того, что сочиненіе І. Флавія и въ подлинникѣ, и въ переводѣ представляетъ библиографическую рѣдкость, и что не всѣ наши пастыри и читатели знакомы, можетъ быть, съ даннымъ мѣстомъ, считаемъ интереснымъ привести его.

„Въ это время (управленія Пилата Іудеею) является Иисусъ, мудрый человекъ, если только Его должно называть человекомъ; ибо Онъ былъ совершеннымъ удивительныхъ дѣлъ и учителемъ людей, съ удовольствіемъ принимающихъ истину. Много какъ іудеевъ, такъ и эллиновъ привлекъ Онъ. Христосъ (т. е. Мессія) это былъ. И хотя Пилать, по жалобѣ знатныхъ мужей нашихъ, осудилъ Его на распятіе, однако-жъ не прекратились прежде (того) полюбившіе Его (ученики), ибо Онъ явился имъ на третій день снова живымъ, какъ божественные пророки это и тысячи чудесъ изречли о Немъ. Еще и теперь не исчезло поколѣніе христіанъ, называемыхъ по Его имени“.

Относительно этого, оспариваемаго въ цѣломъ видѣ отрицательной критикою, мѣста авторъ склоненъ утверждать, что оно подлинное и даетъ новыя къ этому данныя. Въ концѣ своихъ „Древностей“ І. Флавій говоритъ, что его книга заключаетъ въ себѣ 20 книгъ и 60,000 стиховъ. Авторъ статьи пересчитываетъ стихи въ нынѣшнихъ изданіяхъ и привелъ этотъ счетъ въ видѣ таблицы. Счетъ сходится съ Флавіевскимъ и что еще очень важно, такъ это то, что каждая книга имѣетъ приблизительно одинаковое количество стиховъ. А этого нельзя было предполагать, если имѣть въ виду разнаго рода интерполяціи. Авторъ дѣлалъ простой ариѳметическій подсчетъ, и увѣренъ, что если бы сдѣлать таковой при помощи основательнаго изслѣдованія папирологіи и еврейской и греческой стихометріи того времени, то результаты могли бы получиться даже еще болѣе удовлетворительные. Что же касается умолчанія Іосифа о христіанахъ, то авторъ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ же, чѣмъ объясняется умолчаніе раввинской литературы того времени объ ессеяхъ.

„По ученію, жизни и вліянію ессей описываются у Іосифа и Филона весьма сходными съ христіанствомъ чертами и потому весьма раннее соединеніе ихъ съ христіанами является дѣломъ совершенно естественнымъ. Такимъ образомъ для новозавѣтныхъ писателей они были уже христіанами и іудейско-раввинская литература не отличаетъ ихъ отъ назареевъ и минимовъ. Напротивъ, І. Флавій, среди постояннаго политиканства и интригъ, какъ видно, мало слѣдившій за движеніемъ новой вѣры, легко могъ смѣшивать христіанъ съ ессеями и считать ихъ одною сектою. Такъ объясняется молчаніе Новаго Завѣта и іудейско-раввинской литературы объ ессеяхъ и І. Флавія, знающаго ессеевъ,—о христіанахъ“.

Не менѣе заслуживаетъ вниманія въ ряду подобныхъ статей статья г. Родникова: „Къ сказанію о сношеніяхъ Эдесскаго князя Авгаря со Христомъ Спасителемъ“ (Тр. К. Д. Ак.). Авторъ старается приурочить это сказаніе на основаніи преданія къ опредѣленному моменту въ Евангеліи. Такимъ моментомъ, по его мнѣнію, удобнѣе всего считать—свиданіе съ Іисусомъ Христомъ Эялиновъ послѣ торжественнаго входа въ Іерусалимъ. Это предположеніе находитъ для себя много основаній. Но прежде всего авторъ доказываетъ самое существованіе Авгаря, имя котораго было весьма употребительнымъ на протяженіи 3½ вѣковъ, а также возможность знанія имъ чего-либо объ Іисусѣ Христѣ. Послѣднее подтверждается косвенно словами Ев. Матѳея, который говоритъ: „И прошелъ о Немъ слухъ по всей Сиріи; и приносили къ Нему всѣхъ немощныхъ“. Приурочивая сношеніе Авгаря съ Іисусомъ Христомъ къ указанному моменту, авторъ объясняетъ прерывистость рѣчи Іисуса Христа въ Ев. Іоанна XII, 28—36 и непонят-

ность нѣкоторыхъ выраженій въ этой рѣчи. Напр., Иисусъ Христосъ говорить: „Отче, избавь меня отъ часа сего“. Желаніе эллиновъ видѣть Его еще не даетъ повода говорить это, или слѣдующее: „душа Моя *смутилась*“. Если же, дѣйствительно, обратить вниманіе на содержаніе письма Авгаря, приводимаго Евсевіемъ, то эти выраженія и психологическое состояніе Иисуса Христа будутъ понятны. Авгарь, зная злобу іудеевъ на Христа, предлагалъ Ему пріютъ у себя. И съ этою цѣлью послалъ къ Нему пословъ (эллины). И вотъ, говоритъ авторъ, „предъ духовнымъ взоромъ Спасителя должна была открываться слѣдующая перспектива. Съ одной стороны, Ему открывается возможность уйти къ своему владѣтельному почитателю и въ полной безопасности проповѣдывать свое ученіе любви людямъ, которые съ любовію будутъ Ему внимать. Тамъ, въ Эдессѣ, ожидаютъ Его съ нетерпѣніемъ и встрѣтятъ съ любовію; тамъ Его будутъ окружать всеобщее вниманіе и уваженіе, тамъ слова Его будутъ падать на добрую почву... А съ другой стороны, оставаясь въ Палестинѣ, Онъ долженъ будетъ испытать всю ненависть ото-всюду. окружавшихъ Его враговъ. Здѣсь Его ожидали униженія и страшныя муки крестныя. Эти муки уже предносились духовному взору Спасителя и вызвали у Него слова: „*Отче, спаси Меня отъ часа сего*“!.. Но Божественная любовь одержала верхъ надъ немощью человѣческой природы. „*Прииде часъ*, говоритъ теперь Спаситель, *да прославится Сынъ Человѣческій... аще зерно пшенично падъ на земли не умретъ, то едино пребываетъ; аще же умретъ, много плодъ со-творитъ: любяй душу свою погубитъ ю... и аще Азъ вознесенъ буду отъ земли вся привлеку къ Себѣ* (Іоан. XII, 23—25. 32) Такимъ образомъ прибытіе эллиновъ, пословъ Авгаря, побудило Спасителя произнести ту рѣчь, которую мы читаемъ въ XII гл. еванг. Іоанна. Изъ этой рѣчи послы Авгаря узнали, что Спаситель не можетъ пойти съ ними къ ихъ господину, потому что „*пришелъ часъ прославиться Сыну Человѣческому*“ и исполнить дѣло, на какое Онъ пришелъ и только тогда, когда это дѣло будетъ совершено, когда Онъ будетъ „вознесенъ отъ земли“, тогда Онъ „всѣхъ привлечетъ къ Себѣ“, всѣхъ—и далекаго Осроэнскаго властителя (Авгаря), такъ желавшаго видѣть Христа“. Послы, конечно, выслушавъ отвѣтъ Господа на письмо Авгаря, возвратились въ Эдессу и передали его Авгарю. И, дѣйствительно, отвѣтное письмо Иисуса Христа, излагаемое Евсевіемъ, весьма близко подходитъ къ евангельской рѣчи Спасителя.

*
*
*

Журналы минувшаго года много посвящали мѣста инославнымъ церквамъ по вопросу единенія съ ними, а также удѣляли мѣсто и не христіанскимъ обществамъ. Такъ, въ „Прав. Соб.“ проф. Гусевъ даетъ отвѣтъ старокатоликамъ на ихъ отвѣтъ ему по поводу его полемическихъ статей въ 1902 г. Мы не станемъ вдаваться въ подробности специальной полемики почтеннаго профессора, написавшаго по этому поводу большую статью подъ заглавіемъ: „*Старокатолическій отвѣтъ на наши тезисы по вопросу о Filioque и пресуществленіи*“. Приведемъ только глубоко справедливыя съ богословско-канонической стороны слова проф. Гусева по поводу термина „раздѣленія“ церквей.

„По ученію древней церкви, говоритъ Гусевъ, раздѣленія въ ней нѣтъ, не было и быть не можетъ. И въ періодъ „нераздѣленной“ церкви ереси всегда выдѣлялись въ особыя религіозныя общества, напр., аріанъ, македоніанъ, евноміанъ и т. п.; отпадали отъ церкви многочисленныя „сонмища еретиковъ“, но отпаденіе ихъ нисколько не мѣшало церкви Христовой оставаться единою и нераздѣленною вселенскою церковью. Въ этихъ случаяхъ происходило не раздѣленіе церкви, а *выдѣленіе* изъ нея чуждыхъ ея организму элементовъ, подобно тому, которое совершается постоянно въ нашемъ тѣлѣ“. Выдѣленіемъ изъ тѣла церковнаго считаетъ проф. Гусевъ и католичество.

Протестантскому міру посвящаетъ свою статью „*Очерки религіозной жизни въ Германіи*“ о. Сахаровъ („Б. В.“). Авторъ описываетъ то впечатлѣніе, которое было произведено на протестантскій міръ лекціями Гарнака о „Сущности христіанства“, а также Делича „О новѣйшихъ результатахъ ассиро-вавилонскихъ раскопокъ въ связи съ данными Библіи“. Въ частности послѣдній своею лекціей, говоритъ авторъ, „пробудилъ въ нѣмецкомъ обществѣ такой живой интересъ къ означенному вопросу, какого не замѣчалось въ Германіи за весь шестидесятилѣтній періодъ ассиро-вавилонскихъ раскопокъ. Повсюду, не только въ богословскихъ, но и въ свѣтскихъ интеллигентныхъ кругахъ говорили о религіи и культурѣ Вавилона, о различныхъ Гаммураби, Сеннахиримахъ, Навуходоносорахъ и объ отношеніи ихъ къ Аврааму, Моисею и ветхозавѣтнымъ пророкамъ“. Вся критика, которая поднялась на Делича, свелась къ тому, что онъ не далъ новаго факта, а существующимъ далъ тенденціозное освѣщеніе. Но авторъ указываетъ и на положительныя стороны соч. Делича. Изъ него можно почерпнуть нѣкоторые факты, ко-

торые прошли бы незамѣченными, а теперь сдѣлались извѣстными, напр., подтвержденіе нѣкоторыхъ библейскихъ данныхъ. У прор. Исаи и въ кн. Царствъ упоминается о царѣ ассирійскомъ Саргонѣ; теперь найденъ и дворецъ этого царя и даже объ этомъ успѣли забыть (дѣло было въ 1843 г.), но Деличъ воскресилъ этотъ фактъ. „Къ сожалѣнію, говоритъ авторъ, Деличъ не остановился на изложеніи фактической стороны вопроса. Увлечшись сходными чертами въ Библии и въ литературѣ Вавилона, онъ впалъ въ крайность, выставивъ слишкомъ смѣлую гипотезу, что не только культура, но и религія Израиля заимствованы изъ Вавилона и лишь получили въ Палестинѣ своеобразный колоритъ“. Какъ Гарнакъ, такъ и Деличъ по своей генеалогіи, указываетъ авторъ, принадлежать къ школѣ Вельгаузена, который доказываетъ, что „вѣра въ единого Іегову образовалась у многобожниковъ-евреевъ только подъ влияніемъ пророковъ и который вообще учитъ о постепенномъ развитіи религій. Авторъ приводитъ цѣликомъ извѣстное письмо имп. Вильгельма, опубликованное по поводу лекціи Делича „Вавилонъ и Библия“, а также знакомитъ насъ съ тою шумихою, которая поднялась противъ обоихъ названныхъ ученыхъ. Поучительны здѣсь для насъ приемы апологетики протестантскихъ богослововъ. Напримѣръ, Kirchliche Wochenschrift (1903. 10) нападаетъ на Гарнака за его деистическія воззрѣнія и въ отрицаніи имъ Божества Христа видитъ его непомѣрную ученую гордость. „Я такъ думаю“, „мои историческія изслѣдованія привели меня къ этому заключенію“,—вотъ основаніе его воззрѣній, а то, что миллионы людей вѣрятъ въ Божество Спасителя и живутъ этою вѣрою,—это для него не имѣетъ ни малѣйшаго интереса“. Шумъ, надѣланный Деличемъ, затронулъ даже Прусскую палату господъ, въ которой по поводу разсмотрѣнія университетскаго бюджета одинъ членъ палаты обратился къ министру народнаго просвѣщенія и культа съ запросомъ, не будетъ ли признано полезнымъ,—прежде чѣмъ результаты раскопокъ становятся извѣстны широкой публикѣ, передавать эти результаты извѣстнымъ ассиріологамъ и богословамъ для точнаго установленія и разъясненія. Но министръ отвѣчалъ, что „правительство не находитъ нужнымъ вмѣшиваться въ борьбу богословскихъ направлений“.

Съ современнымъ состояніемъ протестантскаго богословствованія по основнымъ догматическимъ вопросамъ знакомитъ насъ В. Керенскій въ своемъ трактатѣ: „*Школа ричлианскаго богословія въ лютеранствѣ*“. Мы отмѣтимъ здѣсь одну важную особенность

богословія этой школы—то, что ричліанцы относятся отрицательно къ жертвенно-удовлетворяющему значенію смерти Іисуса Христа, несмотря на то, что самъ Ричль видитъ основаніе для этой мысли въ посланіи Ап. Павла къ Евр. 9, 15—21, „гдѣ, какъ говоритъ авторъ, смерть Іисуса Христа представляется средствомъ приведенія идеальной общины къ союзу съ Богомъ“. Авторъ трактата подробно разбираетъ указываемое мѣсто, а также и другія, ему параллельныя (Рим. 3, 25—26), съ точки зрѣнія экзегетической и филологической и, конечно, приходитъ къ иному выводу, чѣмъ Ричль и его послѣдователи.

Съ нехристіанскими обществами знакомимся мы изъ реферата С. Глаголева („Б. В.“)—„Исламъ“ и рѣчи проф. Ивановскаго—„Братство святителя Гурія и характеръ его дѣятельности“. Первая статья говоритъ намъ объ исламѣ вообще, вторая—освѣщаетъ положеніе нашего русскаго инородчества, преимущественно мусульманскаго. С. Глаголевъ даетъ общую характеристику ислама, какъ религіи, принизившей идеалы до наличной дѣйствительности. Излагая исторію ислама, авторъ касается религіознаго состоянія арабскаго племени до Магомета и стремится проникнуть, такъ сказать, въ психологію религіознаго сознанія арабовъ. Характерны нѣкоторыя, подмѣчаемыя имъ, черты.

„Кто видѣлъ и знаетъ арабовъ-атеистовъ?—спрашиваетъ авторъ. Ихъ философія въ значительной части была мистическою и ихъ рационализмъ никогда не поднимался до отрицанія божества. Весьма поучительно, что съ слабо развитымъ политеизмомъ, съ неразвитымъ идолопоклонствомъ (эстетическую природу араба отталкивало безобразіе идола) у арабовъ былъ широко развитъ фетишизмъ: они почитали камень каабы, источники, священные мѣста. На что указываетъ это? На то, что арабъ вездѣ чувствовалъ божественное. По своему развитію арабъ первыхъ вѣковъ христіанской эры стоялъ много выше грубаго африканскаго фетишиста. Но его чуткая нервная натура воспринимала воздѣйствіе окружающей природы, какъ воздѣйствіе божества. Пустыня была для араба храмомъ, и въ ея безмолвіи онъ постоянно слышалъ голосъ Бога. Ко времени Магомета во многихъ уже утвердилась истина, что этотъ Богъ—единъ Аллахъ“.

Такимъ образомъ, почва для дѣятельности Магомета была уже подготовлена. Этимъ объясняется отчасти и успѣхъ ея. Что касается отношенія ея къ христіанству, то, какъ замѣчаетъ авторъ, „Магометъ своимъ ученіемъ не удалилъ, а, наоборотъ, приблизилъ арабовъ къ христіанству“. Авторъ, затѣмъ, подробно излагаетъ исторію Магомета и его дѣятельности.

Проф. Ивановскій въ своей рѣчи бросаетъ историческій взглядъ на появленіе братствъ на Руси и задачи ихъ дѣятель-

ности. Вспоминаетъ возникновеніе въ 1867 г. Братства св. Гурія и первыхъ дѣятелей братства—Н. И. Ильминскаго, крещенаго татарина Василя Тимоѣева (впослѣдствіи священника), ближайшаго его помощника, указываетъ первоначальныя задачи братства—это сдѣлать русскими татаръ и по вѣрѣ, и по языку. Кромѣ обращенія инородцевъ, братство, по замѣчанію почтеннаго профессора, имѣло цѣлью и инородческое образованіе, а также поддержаніе обращенныхъ въ вѣрѣ. Цѣль эта достигалась путемъ устройства школъ. Вообще рѣчь Николая Ивановича представляетъ любопытный документъ очевидца, видѣвшаго начало братства, его ростъ и всю его исторію до настоящаго времени.

Свящ. *М. Лисицынъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Основныя начала христіанскаго воспитанія съ изложеніемъ способовъ обученія Закону Божію. Составилъ В. Д. Харьковъ in 8-ю. 218 стр., ц. 90 к., съ пересылкою 1 р.

Вопросъ о правильной постановкѣ религіозно-нравственнаго воспитанія въ семьѣ и школѣ въ наше время, когда религіозныя начала въ жизни и дѣятельности современнаго общества отодвигаются на задній планъ, является однимъ изъ животрепещущихъ вопросовъ. И это вполне понятно. Воспитаніе, безспорно, кладетъ отпечатокъ на всю жизнь человѣка, и отъ того или другаго характера воспитанія складывается нравственный обликъ цѣлаго общества и даже государства. Обще-міровое и общечеловѣческое значеніе въ дѣлѣ воспитанія должно быть отведено религіозно-нравственнымъ христіанскимъ началамъ. Центральное положеніе въ религіозно-нравственномъ воспитаніи занимаетъ обученіе Закону Божію. Въ настоящее время педагогическая наука занимается разработкой вопросовъ объ основныхъ началахъ христіанскаго воспитанія и способахъ обученія Закону Божію. Въ печати отъ времени до времени появляются довольно цѣнныя труды въ этой области, заслуживающіе нашего къ себѣ вниманія. Къ числу таковыхъ трудовъ относится и трудъ съ вышеуказаннымъ заглавіемъ анонимнаго автора, скрывшагося подъ инициалами В. Д.

Разсматриваемый нами трудъ анонимнаго автора состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ (1—38 стр.) авторъ, устанавливая понятія о методикѣ Закона Божія, указываетъ связь этой методики съ сродными ей науками, дѣлаетъ краткій обзоръ

литературы предмета, уясняетъ сущность и главную цѣль истиннаго образованія, при этомъ знакомить съ взглядами новѣйшихъ ученыхъ педагоговъ на этотъ предметъ. По автору, истинною цѣлью образованія человѣка, вытекающею изъ самаго его предназначенія, является возстановленіе помраченнаго образа Божія. Уясняя значеніе Божественнаго Откровенія въ жизни человѣка, авторъ довольно подробно трактуетъ о свободѣ совѣсти и свободѣ воли; указываетъ отношеніе сердца человѣка къ истинѣ и лжи, къ добру и красотѣ и касается религіозныхъ чувствованій въ дѣлѣ воспитанія человѣка. Второй отдѣлъ (39—106 стр.) посвященъ историческому очерку христіанскаго воспитанія и обученія,—раскрытію и росту идеи христіанскаго воспитанія и обученія въ послѣдовательномъ порядкѣ на протяженіи всей исторіи христіанства—отъ временъ Христа до нашихъ дней. Раскрывая значеніе христіанства въ исторіи воспитанія, авторъ указываетъ важнѣйшія эпохи въ исторіи педагогіки. Въ возглавіе христіанской педагогіки онъ ставитъ основныя начала, преподанныя Иисусомъ Христомъ, какъ идеальнымъ Учителемъ и Воспитателемъ человѣчества. Продолжателями дѣла Христова являются апостолы, потому авторъ останавливаетъ вниманіе на апостольской педагогикѣ и ея значеніи въ первенствующей христіанской общинѣ, затѣмъ онъ касается значенія огласительныхъ училищъ, александрійской и антioxійской школъ съ ихъ представителями,—педагогическихъ воззрѣній восточныхъ и западныхъ отцовъ и учителей церкви въ связи съ монашествомъ. Возрожденіе классицизма—онъ отмѣчаетъ, какъ переходную ступень въ исторіи воспитанія. Указавъ вліяніе реформации на ходъ воспитанія, авторъ излагаетъ взгляды ученыхъ педагоговъ на религіозно-нравственное воспитаніе, начиная отъ Амоса Коменскаго и оканчивая Дистервегомъ. Въ заключеніе дѣлаетъ характеристику этого воспитанія во всѣ эпохи на Руси, начиная съ просвѣщенія въ древней Россіи и оканчивая послѣдними успѣхами начальнаго народнаго образованія.

Третій отдѣлъ (107—171 стр.) обнимаетъ общую методикѣ Закона Божія; онъ въ свою очередь распадается на два подотдѣла. Въ первомъ подотдѣлѣ авторъ разсматриваетъ средства религіозно-нравственнаго воспитанія и обученія дѣтей внѣ школы. Къ числу этихъ средствъ относятся вліянія семьи, кружка товарищей, общества, церкви, міра и природы. Второй подотдѣлъ, касающійся средствъ религіозно-нравственнаго воспитанія и обученія дѣтей въ школѣ, трактуетъ о взаимныхъ отношеніяхъ дѣтей—школьниковъ, школьной дисциплины и воспитанія харак-

тера въ школѣ, о личности преподавателя Закона Божія, о жизни и примѣрѣ начальствующихъ и воспитывающихъ. Этотъ же отдѣлъ посвященъ разсмотрѣнію системъ христіанскаго обученія.

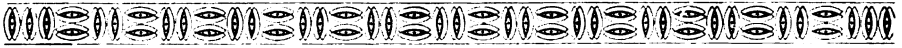
Четвертый отдѣлъ (172—216 стр.) трактуетъ о частной методикѣ Закона Божія, начиная отъ способовъ обученія дѣтей молитвамъ и оканчивая способами объясненія дѣтямъ ученія о Богослуженіи.

Какъ видитъ читатель, анонимный авторъ даетъ чрезвычайно широкую постановку разсматриваемому имъ вопросу „объ основныхъ началахъ христіанскаго воспитанія и обученія Закону Божію“. Правда, онъ признается, что программу для своего руководства заимствовалъ у опытнаго въ педагогическомъ дѣлѣ протоіерея Т. И. Буткевича, но это обстоятельство нисколько не умаляетъ значенія разсматриваемаго нами труда. Цѣль автора—изложить, на основаніи извѣстныхъ и болѣе авторитетныхъ педагогическихъ и методическихъ сочиненій, твердо установившіеся въ литературѣ взгляды и сужденія по вопросамъ христіанскаго воспитанія и обученія, и свести ихъ въ систему съ возможною полнотою—вполнѣ достигнута. Заключая въ себѣ необходимыя свѣдѣнія—педагогическія, историческія, дидактическія и методическія—по вопросу о правильной постановкѣ религіозно-нравственнаго воспитанія въ семьѣ и школѣ, разсматриваемая нами книга можетъ послужить „не лишнимъ пособіемъ“,—такъ скромно выражается авторъ,—для преподающихъ Законъ Божій въ начальной школѣ и занимающихся воспитаніемъ дѣтей въ семьѣ. Кромѣ того, составитель, желая придать своему труду характеръ учебнаго руководства (для воспитанницъ VIII класса гимназій), книгу свою напечаталъ двумя шрифтами—крупнымъ и мелкимъ—для отдѣленія болѣе существеннаго и важнаго отъ менѣе существеннаго и необходимаго.

Книжка эта написана языкомъ простымъ и удобопонятнымъ; нѣкоторые ея отдѣлы (особенно историческій очеркъ) могутъ быть прочитаны съ удовольствіемъ и не специалистами—педагогами и служить общеобразовательнымъ цѣлямъ. Польза изданія этой книжки, недорогой и опрятной—внѣ всякаго сомнѣнія; распространеніе ея между публикой можетъ быть только приветствуемо нами.

И. Козинскій.

Хроника.

Изъ міра инославія и изъ жизни заграничнаго сектантства.

О церковной реформѣ въ Черногоріи.—Дѣятельность „Новаго юдаизма“.—Крайняя партія духоборъ.—„Франмасонство—еврейская секта“.—Японцы—народъ, у котораго нѣтъ Бога.

Газета „Parlamentair“ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о Черногоріи. Князь Николай вводитъ одну реформу за другой по всѣмъ отраслямъ управленія княжествомъ. Въ ряду этихъ реформъ выдающееся мѣсто принадлежитъ новому закону о Духовномъ совѣтѣ и объ организаціи консисторіи. Вновь утвержденные законы были опубликованы въ газетѣ „Гласъ Черногорца“ 1 января текущаго года. Въ силу 10-го параграфа этого закона въ члены Духовнаго совѣта избраны: предсѣдательствующій—митрополитъ; члены: 2 архимандрита, 1 игуменъ, 2 протодіакона и 2 протопресвитера. Одновременно вошелъ въ силу и законъ о консисторіи, членами которой назначены: предсѣдательствующій—митрополитъ; непремѣнные члены: 3 священника, кромѣ того двое духовныхъ, какъ почетные члены и 1 дьяконъ-секретарь. По предложенію митрополита одинъ изъ непремѣнныхъ членовъ, священникъ Илья Іовачевичъ, былъ назначенъ придворнымъ священникомъ. Новый законъ, поднимающій значеніе духовенства и служащій къ прославленію св. православной церкви, привѣтствуется во всемъ княжествѣ съ особенной радостью. Митрополитъ Митрофаній Банъ обладаетъ всѣми нужными качествами, чтобы провести благотворную реформу въ ея полномъ объемѣ. Хорошіе законы только тогда достигаютъ цѣли, когда приводятся въ дѣйствіе достойными исполнителями, что въ данномъ случаѣ и имѣетъ мѣсто.

Оба закона: о Духовномъ совѣтѣ и о консисторіи, дѣло рукъ знаменитаго знатока каноническаго права. Тотъ же „Гласъ Черногорца“ сообщаетъ: „Эти законы были составлены, по желанію нашего митрополита, преосвященнымъ докторомъ теологіи, Никодимомъ Милашемъ, православнымъ епископомъ Далматскимъ“.

Въ лицѣ ученаго епископа митрополитъ нашелъ наилучшаго сотрудника. Мѣры, клонящіяся къ наилучшему управленію дѣлами Черногорской православной церкви, вызовутъ несомнѣнно сердечную радость во всѣхъ славянскихъ народахъ, принимающихъ живое участіе въ судьбахъ героискаго княжества, особенно же въ дружественной Россіи.

Въ англійской газетѣ „Daily News“ помѣщена заслуживающая вниманія замѣтка о возникновеніи въ Америкѣ новаго еврейскаго религіознаго общества.—Европа выбрасываетъ ежегодно въ Америку цѣлыя толпы невѣжественныхъ евреевъ низшаго класса, а также множество лицъ высшихъ классовъ, совершенно равнодушныхъ къ синагогѣ. Первые равнодушны по невѣжеству, вторые потому, что всецѣло поглощены коммерческими интересами. Для борьбы съ отсутствіемъ религіознаго интереса, въ Америкѣ создано, по образцу многихъ христіанскихъ обществъ, и еврейское религіозное общество, во главѣ котораго стоятъ многіе изъ самыхъ талантливыхъ раввиновъ. Центръ дѣятельности новаго общества „Еврейскихъ Стремленій“ находится въ Нью-Йоркѣ, вѣтви же его протянулись далеко въ глубь страны; оно уже имѣетъ отдѣленія въ Колорадо, Монреаль и другихъ городахъ. Общество устраиваетъ особыя богослуженія для живущихъ въ еврейскихъ кварталахъ молодыхъ дѣвушекъ—по утрамъ и дневныя—для молодыхъ людей, а по вечерамъ читаются различныя лекціи. Цѣль общества „Еврейскихъ Стремленій“ состоитъ въ томъ, чтобы поддержать въ молодомъ поколѣніи падающій интересъ къ юдаизму, вызвать болѣе горячее религіозное чувство, создать между евреями болѣе тѣсное единеніе и добиться возможно широкаго распространенія догматовъ и этики іудейства. Общество надѣется создать освобожденный отъ предразсудковъ юдаизмъ и привлечь къ нему всеобщее вниманіе.

Нѣмецкая газета „Volksblatt“ въ статьѣ подъ заглавіемъ: „новѣйшая русская секта“ сообщаетъ, что секта эта „Starie духоборы“, усматривающіе идеалъ жизни и спасеніе души въ райской наготѣ первой человѣческой четы до грѣхопаденія. 28 совершенно нагихъ духоборовъ направились въ Іорктаунъ, въ западной Канадѣ, съ намѣреніемъ распространять тамъ свое ученіе, но были арестованы и принуждены хоть сколько-нибудь прикрыться. Это уже не первая фантазія такого рода. Русскіе сектанты приводятъ на память древнихъ Адамитовъ, пытавшихся во II вѣкѣ въ сѣверной Африкѣ возстановить утраченную невинность посредствомъ полной наготы. Позднѣе, многіе изъ Таборитовъ въ Богеміи, проповѣдавшіе общность женъ и имуществъ, ходили также совершенно обнаженными. Большая часть ихъ погибла въ 1420 году отъ меча Жинки.

Французскій журналъ „Les Etudes Religieuses“ помѣщаетъ небольшую замѣтку о вышедшей въ Парижѣ въ 1902 г. книжкѣ І. Бертрана.

„Шутни, жертвами которыхъ сдѣлались многіе католики—говоритъ авторъ замѣтки—обратили вниманіе публики на тайные происки франмасонства. Умѣние обмануть честныхъ людей, это еще не самый ловкій изъ маневровъ секты. Говорить объ этомъ предметѣ не легко; тѣмъ не менѣе, опасность, грозящая со стороны франмасонства не воображаемая; она

можетъ быть даже такъ велика, что и повѣрить трудно. Къ счастью, эту опасность замѣтили не одни только католики; но и намъ нѣтъ основанія молчать. Секта, торжественно провозглашающая себя освободительницей человѣчества и орудіемъ безконечнаго прогресса, въ дѣйствительности есть не что иное, какъ закваска вѣчнаго зла, бунтъ противъ Бога. I. Бертранъ приводитъ въ своей книжкѣ документы, по которымъ можно прослѣдить возникновеніе франмасонства до его первоисточника, восходя отъ тѣмплиеровъ къ манихейцамъ, къ гностикамъ, къ строителямъ храма Соломонова, къ Канну и, наконецъ, къ падшему ангелу, соблазнившему праматерь Еву. Надо быть признательнымъ всѣмъ, старающимся освѣтить эту темную область міровой исторіи; Бертранъ дѣлаетъ это тѣмъ, что приводитъ документы и тексты, указывающіе на связь франмасонства съ Каббалой и еврейскимъ міромъ.

Интересный докладъ о религіи японцевъ сдѣлалъ въ Лондонѣ профессоръ Макъ-Кэбъ, прекрасно изучившій Японію.

По его словамъ, въ Японіи, собственно говоря, три религіи: шиндоизмъ, населяющій всю природу милліонами божествъ, буддизмъ, также вводящій многобожіе, и, наконецъ, конфуціанство, главная японская религія,—религія безъ Бога, не устанавливающая ни въ какой формѣ отношеній человѣка къ божеству.

Вотъ уже тысяча лѣтъ, какъ всѣ образованные люди въ Японіи исповѣдуютъ религію Конфуція.

Шиндоизмъ, настоящая туземная религія Японіи, представляетъ собою своеобразную смѣсь обожевленія силъ природы съ культомъ предковъ. Моральнаго воздѣйствія на народъ эта религія имѣть не могла, тѣмъ болѣе, что съ теченіемъ времени обратилась исключительно въ обрядовый культъ.

Буддизмъ—религія возвышенная, проникнутая благородной моралью по своему существу—иссушенъ былъ догматистами и погрязъ въ богословскихъ умозрѣніяхъ. На общественную жизнь Японіи онъ никогда не имѣлъ никакого вліянія.

Зато конфуціанство всегда было душою японскаго народа, стимуломъ, вдохновлявшимъ всѣ его лучшія стремленія.

Въ японскихъ школахъ не учатъ никакому закону Божію. Дѣтямъ преподаются только основныя понятія о нравственности. Передъ ребенкомъ никогда не произносится слово Богъ. Дѣти знаютъ только объ обязанностяхъ человѣка къ человѣку, внушаемыхъ чисто утилитарной моралью.

Тысячу лѣтъ японская интеллигенція вносила въ народъ сѣмена чисто утилитарной эгоистической культуры.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Отступничество и наше миссіонерство по новогоднимъ извѣстіямъ епарх. органовъ.

Сила нашего миссіонерства и слабость вожаконъ сектантства.—Бесѣда съ субботниками.—Связь сектантства съ экономически-соціальнымъ строемъ жизни.—Слабая сторона нашего законодательства въ пресѣченіи распространенія расколо-сектантства.—„Овцы среди волковъ“.—Миссіонерская роль храмовъ и школъ.—Подготовка апологетовъ въ семинаріяхъ путемъ миссіонерскихъ поѣздокъ.—Первый починъ въ этомъ отношеніи.

За послѣднее время борьба съ отступничествомъ дѣлается все интенсивнѣе и интенсивнѣе. Всего лѣтъ 10 назадъ у насъ почти не было противосектантскихъ миссіонеровъ и не было противосектантской литературы. Теперь въ этомъ отношеніи миссіей сдѣланъ большой шагъ впередъ. Повсюду въ епархіальныхъ органахъ приходится читать о миссіонерскихъ бесѣдахъ съ раскольниками и сектантами, о миссіонерскихъ поѣздкахъ и примѣрныхъ собесѣдованіяхъ семинаристовъ и т. п. Если вслѣдствіе упорства заблудшихъ вразумленіе, дѣлаемое нашими миссіонерами, не всегда сопровождается обращеніемъ отступниковъ, то все же отрадно и то, что православные видятъ теперь во-очію неправоту отступническаго дѣла и смѣло выступаютъ на борьбу съ нимъ. Раньше вожаки расколо-сектантства въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ считались непобѣдимыми, такъ что противъ нихъ, думали наши простодушные мужички-православные, ничего нельзя было и возразить. Теперь же православные, послѣ миссіонерскихъ бесѣдъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, убѣждаются въ противномъ. Часто посѣщавшіе по невѣдѣнію раскольничьи собранія, каются въ этомъ на исповѣди священнику, а это уже отрадный фактъ вліянія миссіонеровъ на заблуждающихся. Видно, что дѣло миссіи не бесплодно. Все это должно въ новомъ году наполнить сердца дѣятелей на нивѣ церкви Христовой бодростью и энергіей на новые подвиги. Силу миссіи чувствуютъ уже и вожаки расколо-сектантства. По поводу одной изъ бесѣдъ одинъ миссіонеръ дѣлаетъ замѣтку: „безъ сомнѣнія и здѣсь случилось то, что повторяется во многихъ сектантскихъ общинахъ. Сектантскіе главы, избѣгая сами бесѣдъ съ миссіонеромъ, употребляютъ всѣ старанія къ тому, чтобы и слѣпые ихъ адепты не посѣщали миссіонерскихъ бесѣдъ. Опасенія главарей вполне понятны. Но чтобы все-таки отказъ отъ бесѣды не былъ до крайности губителенъ для нихъ, они отряжаютъ на бесѣду съ миссіонеромъ двухъ, трехъ говорунонъ... Послѣдніе являются и не столько бесѣдуютъ, сколько ищутъ какого-нибудь предлога поскорѣе уйти съ бесѣды.

При этомъ миссіонерамъ приходится быть наготовѣ ко всему. Часто случается, что бесѣда назначается объ одномъ предметѣ, но или на срединѣ рѣчи вожаки расколо-сектантства прерываютъ бесѣду и, чтобы ослабить впечатлѣніе доводовъ миссіонера, перескакиваютъ на другой предметъ, или заявляютъ о нежеланіи бесѣдовать на указанный предметъ съ самаго начала. Такъ, напр., въ бесѣдѣ, бывшей въ с. Вознесенскомъ (Екат. еп.), помощникъ извѣстнаго въ этомъ селѣ главаря сектантовъ-субботниковъ, Романа Юркина, пѣкто П. Третьяковъ заявилъ, что онъ не желаетъ бесѣдовать о признакахъ истинной церкви Христовой, хотя бесѣда на эту тему была назначена по просьбѣ самихъ же субботниковъ. „Давайте поговоримъ о субботѣ“, потребовалъ онъ. „Какъ же такъ, заявляетъ миссіонеръ, вчера просили объ этомъ, а сегодня о другомъ!.. Почему же, когда я предлагалъ вамъ побесѣдовать о субботѣ, вы сами настояли бесѣдовать о церкви?“ Миссіонеръ, вѣроятно, вопреки ожиданію сектантовъ и ихъ вожака Третьякова, согласился бесѣдовать и о субботѣ. Всѣ эти неожиданные сюрпризы, какъ объясняетъ самый ходъ дѣла, устраиваются съ тою цѣлью, конечно, чтобы застигнуть миссіонера врасплохъ, неподготовленнымъ и смутить его неожиданностью требованія. Но, замѣтимъ еще разъ, наша миссія за послѣднія 10 лѣтъ достаточно возросла и окрѣпла и какими-нибудь неожиданными подвохами сектантамъ ея не побороть.

На этой же бесѣдѣ, изъ которой сейчасъ сдѣлана выдержка, обнаружилась и слабость защиты со стороны апологета суббоотничества. Миссіонеръ, указавъ на то, какъ по ученію ветхозавѣтнаго закона евреи должны были проводить субботу, замѣтилъ: „вотъ какъ проводили субботу евреи по закону Моисея. Въ субботу отдыхалъ не только еврей, но и всѣ иноплеменники, которые жили въ его домѣ и весь скотъ его... А у васъ въ субботу и сами вы житейскія дѣла дѣлаете, и работники ваши, и скотъ лишены покоя. И варите, и печете вы въ субботу, и огни зажигаете, и дрова собираете, и продаете, и покупаете, и всякія ноши носите... Какъ же вы хвалитесь, что празднуете по заповѣдямъ Божиимъ, даннымъ народу еврейскому чрезъ Моисея?“ На это суббоотникъ возразилъ было предположительнымъ вопросомъ, что, можетъ быть, ничего этого у суббоотниковъ не дѣлается. Но миссіонеръ оказался осведомленнымъ и замѣтилъ, что у самого собесѣдника Третьякова онъ самъ видѣлъ вчера, что изъ трубы его хаты шелъ дымъ, а у Юркина на каменоломняхъ шла работа. Это подтвердили и присутствовавшіе на бесѣдѣ православные. Послѣ этого миссіонеру уже было нетрудно показать всѣмъ присутствовавшимъ на бесѣдѣ, что, суббоотники отъ новаго завѣта отстали и къ ветхому завѣту не пристали. „Жаль только, замѣтилъ миссіонеръ, обращаясь къ православнымъ, что, будучи сами слѣпыми, они и другихъ тащатъ за собой въ яму. Вамъ же теперь ясно, какъ глубока и гибельна

эта яма"... Понятно, что послѣ такой реплики субботнику Третьякову ничего не оставалось, какъ уйти съ позоромъ. „Да съ вами развѣ погово-ришь“, замѣтилъ онъ уходя. На православныхъ, по свидѣтельству миссіонера, бесѣда произвела ободряющее впечатлѣніе. А что особенно отрадно, такъ это то, что на послѣдовавшей затѣмъ бесѣдѣ съ сектантомъ-воскресникомъ В. Кравцомъ „многіе изъ православныхъ сами весьма умѣло раскрывали ложь утверждений В. Кравца“.

Какъ расколъ, такъ и сектантство одинаково поддерживаются у насъ матеріальной зависимостью отступниковъ отъ богатеевъ-южачковъ, стоящихъ во главѣ мѣстнаго раскола, или секты. Такимъ вожакомъ явился, напр., въ упомянутомъ уже с. Вознесенскомъ Р. Юркинъ, хозяинъ большого каменотеснаго дѣла. Обыкновеннымъ убѣдительнымъ аргументомъ истинности расколо-сектантства для массы темнаго и бѣднаго православнаго люда, по большей части, и является социально-экономическое положеніе вожаковъ отступничества. „Вотъ ты православный“, говорятъ кому-либо приспѣшники послѣднихъ, „однако, ты бѣденъ, а вотъ смотри, какъ Юркинъ живетъ; онъ называется у васъ неправославнымъ, а ему, видимо, во всѣхъ дѣлахъ помогаетъ Богъ. Всего у него вдоволь“. Эти аргументы дѣйствуютъ на бѣдный, изстрадавшійся въ нуждѣ людъ. Къ тому же и Юркинъ и ему подобные приглашаютъ къ себѣ на работы и даютъ заработки только единомышленнымъ съ собою. Какъ трудно при этихъ условіяхъ бѣдняку устоять отъ соблазна, особенно когда такой общественный „благодѣтель“ бываетъ единственнымъ въ округѣ. Поневолѣ склонить голову покорно передъ нимъ бѣднякъ-мужичокъ, какъ вѣчѣмъ заплатить подати, купить себѣ самое необходимое, или найти гдѣ-либо заработокъ. Такую же причину не только крѣпости, но и самаго появленія сектантства указывалъ еще нашъ писатель Ф. М. Достоевскій, по крайней мѣрѣ,—въ южныхъ губерніяхъ, гдѣ у насъ немало нѣмцевъ-колонистовъ, сыгравшихъ такую же роль какъ Юркины и К°, и гдѣ, съ другой стороны, прочнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ живетъ сектантство. „Русскіе поняли, писалъ Достоевскій, что нѣмцы-колонисты живутъ богаче; пасторы разъяснили, что у нѣмцевъ порядки лучше, ибо вѣра лучше. Вотъ и соединились кучки темныхъ русскихъ людей, стали слушать, какъ толкуютъ Евангеліе (нѣмцы и ихъ пасторы), стали сами толковать, всякъ на свой страхъ, на свою совѣсть... Бѣдный—темный народъ! При этомъ столько чистосердечія вложено въ это дѣло, столько добрыхъ начинаній; столько желанія выдержать хоть муки и при всемъ томъ, однако, столько самой безпомощной глупости, столько лицемѣрія, самолюбія и гордости въ новомъ званіи святыхъ“.

Кромѣ „радѣтелей“ расколо-сектантства въ прямомъ смыслѣ, въ лицѣ разныхъ Юркиныхъ, сектанты иногда имѣютъ своими косвенными покровителями и мѣстную администрацію и не столько, пожалуй, ее, сколько

канцелярскій порядокъ дѣлопроизводства. Нашимъ миссіонерамъ придется выслушивать объ этомъ жалобы даже отъ самихъ полицейскихъ властей. „Помилуйте“, говорятъ послѣдніе, „мы въ пресмѣшномъ, а то, пожалуй, и въ обидномъ находимся положеніи; входимъ въ собраніе штундистовъ и просимъ ихъ прекратить оное и разойтись, но намъ отвѣчаютъ: „не мѣшайте намъ читать; ваше дѣло составить протоколъ и баста, а удалить насъ не имѣете права“. Ну, конечно, составишь протоколъ, одинъ, другой, третій... Пойдутъ протоколы, напр., къ земскому начальнику; земскій сердится, что дѣлъ прибавляется и наровитъ подогнать ихъ къ разбору въ *совокупности*... А тамъ пойдетъ дѣло въ сѣздъ и т. д. До отвѣтственности за собранія пройдутъ не одинъ и не два годка... Да еще вопросъ, обвинять ли?.. И выходитъ, что наши протоколы для сектантовъ нисколько не страшны. Бываетъ же и такъ, что за эти протоколы нашему меньшему брату нагораетъ... Ну, почешешь себѣ затылокъ, да и рукой махнешь, чтобы, чего добраго, бѣды себѣ не нажить... Вотъ если бы намъ дали право не позволять самаго *открытія* штундовыхъ собраній, или *закрывать* оныя, тогда другое дѣло. А то — странная вещь: собраніе считается незаконнымъ, а закрыть его, или воспрепятствовать его началу не имѣешь права; стой себѣ — да только переписывай участниковъ... Крестьянинъ же нашъ разныхъ тамъ тонкостей не понимаетъ: если не можешь закрыть собраній, то, значить, сила на сторонѣ сектантовъ... Такъ и нашъ служебный вѣсь падаетъ въ глазахъ крестьянъ и для православныхъ отъ этого соблазнъ великъ, особенно если принять во вниманіе, какъ любятъ сектанты бахвалиться“.

Если жалобы раздаются со стороны „власть имущихъ“, то каково положеніе пастыря, не только власти не имущаго надъ сектантами и раскольниками, но даже иной разъ и матеріально зависимаго отъ нихъ. Поистинѣ, положеніе овцы среди „волковъ хищныхъ“, т. е. вожакъ расколо-сектантства и ихъ духовныхъ чадъ. Священнику въ такомъ приходѣ, если онъ даже не пьетъ вина и не имѣетъ никакихъ другихъ порочныхъ склонностей, все ставится въ вину, каждый его шагъ. Одинъ изъ пастырей Оренбург. края ярко описываетъ это тяжелое положеніе. „Часто“, говоритъ онъ, самая обыкновенныя явленія изъ житейскаго обихода даютъ богатую пищу раскольникамъ для злословія. Если священникъ идетъ въ храмъ Божій, вычистивши сапоги и взявши въ руки пастырскую трость, то раскольники по адресу батюшки сдѣлаютъ слѣдующее напутствіе: „вотъ какъ отецъ-то прифрантился. Только бы на бульваръ ему идти, а не въ храмъ“. Если матушка позволила себѣ показаться кому-либо изъ старообрядцевъ съ непокрытою головою, или безъ національнаго головнаго убора — по-уральски „волосника“, то раскольники, обыкновенно, со свойственною имъ грубостью, замѣчаютъ: „не знай — не то какая дѣвка, не то баба ходитъ у церковнаго отца (раскольники

никогда не называют священника „батушкой“ и это, конечно, съ цѣлью) — какая-то непокрытка“. Если случится, что дочь священника — подростокъ выйдетъ на улицу съ коротко остриженными волосами. то раскольники, ухмыляясь, говорятъ: „съ лица — дѣвочка, а съ головы острижена, какъ мальчикъ“.

Тяжелое положеніе... но бываютъ картинки и хуже, если страдательными лицами являются православные, а особенно жены въ семьѣ раскольника. Здѣсь прежде всего стараются ее отвлечь отъ церкви. Если старанія не увѣнчиваются успѣхомъ, то употребляется „воздѣйствіе“, въ особенности если жена, крестить дѣтей „въ церкви“. Часто приходится въ такомъ случаѣ дѣлать это тайно. Но это, конечно, не помогаетъ, и рано или поздно это ненормальное положеніе вынуждаетъ женъ раскольниковъ отворачиваться отъ церкви.

„Обыкновенно, совращеніе въ расколъ происходитъ по описанію одного изъ пастырей Уральскаго края такимъ образомъ. Изъ внутреннихъ православныхъ губерній Россіи пріѣзжаетъ бѣдный крестьянинъ на заработки къ казакамъ съ малыми дѣтишками. Пристроившись въ качествѣ пахаря или косца, крестьянинъ живетъ здѣсь 10—15 лѣтъ, доволенъ, что у него съ семьей вдоволь есть хлѣба. Подростають дочери, нужно ихъ замужъ выдавать. Подходящихъ православныхъ жениховъ нѣтъ — кругомъ раскольники, и крестьянинъ-отецъ, безъ того отвыкшій отъ храма Божія, по долгому пребыванію среди раскольниковъ и чѣмъ-либо облагодѣтельствованный ими, отдаетъ свою дочь въ замужество за казака-раскольника. Выданная молодуха сначала изъ страха предъ родными мужа не посѣщаетъ храма Божія; потомъ мало-по-малу привыкаетъ ко всему раскольническому и подъ старость сама превращается въ ярую фанатичку. Это можно сказать особенно про тѣ казачьи захолустные поселки, въ которыхъ нѣтъ православныхъ храмовъ. Отсюда построеніе храмовъ и устройство въ такихъ мѣстахъ приходовъ, особенно единовѣрческихъ, является первой и неотложной необходимостью.

Послѣ храма Божія вѣрнымъ пособіемъ въ обращеніи заблуждающихся можетъ служить школа, особенно церковно-приходскаго типа. Путемъ только истинно религіозно-школьнаго просвѣщенія можно пробить ту толщу религіознаго невѣжества, которая царитъ въ нашемъ расколѣ. Отрадно то, что сознаніе необходимости просвѣщенія уже проникаетъ по мѣстамъ въ среду раскольниковъ. Омскому миссіонеру пришлось выслушивать просьбы въ этомъ родѣ въ столь глухихъ мѣстахъ, что тамъ серьезно трактовали о томъ, грѣхъ или нѣтъ пить чай изъ самовара. „Кто тебѣ, бабушка, сказалъ“, спросилъ миссіонеръ разговаривавшую съ нимъ старуху, „что грѣхъ въ самоварѣ воду кипятить? Развѣ въ писаніи написано объ этомъ?“ — „Не знаю, дорогіе гости, есть-ли гдѣ объ этомъ написано, а вотъ наши старики говорили, что въ немъ (самоварѣ) бѣсъ есть

и потому грѣхъ изъ него чай пить“. Понятно, что въ такіе медвѣжіе уголки нужно, какъ можно скорѣе, побольше свѣта и просвѣщенія—религіознаго и школьнаго.

О миссіонерскомъ значеніи храмовъ Божіихъ въ мѣстахъ съ раскольничьимъ населеніемъ съ достаточною убѣдительностью свидѣтельствуетъ отчетъ о состояніи раскола и дѣйствіяхъ миссіи въ Олонецкой епархіи. Въ этомъ краѣ есть немало единовѣрческихъ храмовъ, изъ которыхъ многіе существуютъ уже довольно долгое время. Въ таковыхъ мѣстахъ даже потерялось различіе между единовѣрцами и православными. Отчетъ отмѣчаетъ, что единовѣріе увеличивается въ этихъ мѣстахъ путемъ одного естественнаго прироста, что раскольниковъ здѣсь почти нѣтъ, а потому нѣтъ и обращеній. Съ другой стороны, какъ объясняетъ отчетъ, „малое количество обращеній къ единовѣрію объясняется тѣмъ, что нынѣшніе раскольники считаютъ единовѣріе и православіе за одну церковь, а потому, при сознаніи своихъ заблужденій, обращаются прямо въ православіе, безъ посредства единовѣрія. Сами единовѣрцы сознаютъ свое полное единство въ вѣрѣ съ православными“.

Отрадно отмѣтить, какъ хорошій залогъ преуспѣянія миссіонерскаго дѣла, хорошую подготовку къ миссіонерству, которую начинаютъ давать въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, будущимъ дѣятелямъ на миссіонерской нивѣ. Добрый починъ этому уже положенъ, напр., въ Орлѣ и Екатеринославѣ. Здѣсь, подъ руководствомъ мѣстныхъ преподавателей семинаріи по каюдрѣ раскола и епархіальнаго миссіонера для воспитанниковъ семинаріи устрояются миссіонерскія бесѣды поѣздки для собесѣдованія съ отступниками.

Подобное начинаніе, несомнѣнно, имѣетъ великое значеніе, какъ благодаря обстановкѣ, въ которой совершается это миссіонерское дѣло, такъ и тому, что въ немъ принимаютъ участіе молодые, юныя силы.

Здѣсь будущіе пастыри и миссіонеры видятъ враговъ церкви лицомъ къ лицу и знакомятся практически со всѣми ухищреніями и уловками защитниковъ и пропагандистовъ отступничества.

Тутъ совершается опытная подготовка пастырей и дѣятелей миссіи. и мы отъ души приветствуемъ добрый починъ.

Священникъ *М. Лисицынъ*.

Корреспонденція «Місіонерскаго Обозрѣнія», извѣстія и замѣтки.

Изъ Кіева.

(Къ десятилѣтію существованія Кіевского религіозно-просвѣтительнаго общества.— Устройство обществомъ дома съ храмомъ и заломъ для чтеній.— Пастырскія собранія духовенства.— Студенты-проповѣдники).

Въ октябрѣ м. г. исполнилось *десятилѣтіе существованія Кіевского религіозно-просвѣтительнаго общества.*

Это сравнительно молодое общество сдѣлало уже очень много для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя легли въ его основаніе. Мысль объ учрежденіи Кіевского религіозно-просвѣтительнаго общества явилась у небольшого кружка мѣстныхъ священниковъ, сознававшихъ недостаточность одной церковно-проповѣднической дѣятельности и находившихъ необходимымъ особое общество изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которое путемъ вѣбогослужебныхъ собесѣдованій, чтеній въ разныхъ пріютахъ, мастерскихъ, ночлежныхъ домахъ, сообщало бы народу здравыя, истинно-христіанскія понятія о вѣрѣ и нравственности. Эта мысль вызвала полное одобреніе и святительское благословеніе приснопамятнаго владыки, митрополита Іоаннікія, и нашла полное сочувствіе и поддержку въ лицѣ графа А. П. Игнатѣева, бывшаго Кіевского генераль-губернатора. При такомъ сочувственномъ отношеніи высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, общество въ первый же годъ своего существованія стало на твердую почву.

Въ первый же годъ существованія общества чтенія его членовъ были открыты въ ночлежныхъ домахъ на Подолѣ и Бессарабкѣ, въ амбулаторіи гр. С. С. Игнатѣевой, въ парходной мастерской рабочихъ на Трухановомъ островѣ, а также въ Кіевской Срѣтенской церкви и въ Лукіановской церковно-приходской школѣ. Умѣлое веденіе чтенія, серьезная ихъ постановка дали весьма благотворные результаты, которые съ неподдѣльною радостью отмѣтилъ составитель отчета за первый годъ существованія общества. „Отношенія слушателей къ чтеніямъ и собесѣдованіямъ, писалъ онъ, вездѣ было самое отрадное. Не было случая, чтобы кто-либо изъ нихъ во время чтенія нарушилъ тишину, позволилъ себѣ что-либо неумѣстное, неприличное, или непочтительно отнестся къ проповѣднику. Напротивъ, многіе, подходя подъ благословеніе, выражали искреннюю благодарность проповѣдникамъ. Утѣшительнѣе всего то, что ночлежники, эти обитатели мрачныхъ пріютовъ, пьяные и безпокойные на улицѣ, во

время чтенія скромны, внимательны и благоговѣйны. Отъ нихъ проповѣдникамъ приходилось слышать благодарности, въ родѣ слѣдующихъ: „спасибо, батюшка, что не погнушались нами; приходите чаще“.

Съ теченіемъ времени дѣятельность общества по веденію чтеній постепенно расширялась и увеличивалась, такъ что въ 1902 г. всѣхъ чтеній для народа было болѣе 1,000, а за 10 лѣтъ до 6,000; велись они въ 1902 г. въ 34 пунктахъ, изъ коихъ—17 храмовъ Божіихъ и 17 другихъ, подходящихъ для того мѣстъ. Вели чтенія и мѣстные пастыри и многія свѣтскія лица—преподаватели дух. семинаріи, доктора, военные и др. Чтенія оживлялись церковнымъ пѣніемъ и раздачею листовъ и брошюръ религіозно-нравственнаго и историко-патріотическаго содержанія. Такихъ листовъ и брошюръ издано обществомъ болѣе 200 названій, роздано народу до 2 милліоновъ экземпляровъ.

Кромѣ чтеній въ церквахъ, школахъ, пріютахъ, чайныхъ, желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и ночлежныхъ домахъ, члены общества вели, по желанію и благословенію митрополита Іоаннікія, миссіонерскія собесѣдованія со штундистами, съ предшествовавшими этимъ собесѣдованіямъ соотвѣтственно предмету ихъ чтеніями. Чтенія велись Кіевскими священниками и профессорами дух. академіи, а собесѣдованія—мѣстными епархіальными миссіонерами. Каждое чтеніе и собесѣдованіе начиналось и заключалось рѣчью преосвященнаго Сергія, который руководилъ всѣмъ ходомъ собесѣдованій.

Забывая о просвѣщеніи простого народа, раскрытіемъ истинъ вѣры и нравственности, и о вразумленіи сектантовъ, общество обратило свое вниманіе и на интеллигенцію, для которой предпринимались публичныя лекціи. Въ числѣ лекторовъ были архим. (нынѣ еписк.) Платонъ, многіе профессора Кіевской академіи, мѣстные протоіереи и священники и свѣтскія лица. Въ возможно простой и общедоступной формѣ изложенія оо. и гг. лекторы предъ просвѣщенною публикою разрѣшали рядъ вопросовъ, интересующихъ современное общество, освѣщая съ православно-христіанской точки зрѣнія воззрѣнія новѣйшихъ ученыхъ на предметы вѣры и нравственности.

Общество постепенно возрастало: въ 1894 г. было 65 человекъ членовъ, въ 1902 г. ихъ было уже 348. Средства общества въ 1894 году были—265 р., въ 1902 г. они дошли до 121,251 р. Соотвѣтственно средствамъ производился обществомъ и расходъ: въ 1894 г.—121 р., а въ 1902 г. уже—110,000 р.

Въ теченіе своей 10-лѣтней дѣятельности, общество, между прочимъ, построило храмъ и школу въ одной изъ отдаленнѣйшихъ и мало культурныхъ мѣстностей г. Кіева—на Юрковицѣ. Успѣшному достиженію цѣлей общества много мѣшало отсутствіе собственнаго помѣщенія. Въ теченіе 10 лѣтъ своего существованія и для своихъ торжественныхъ со-

браній, и для устройства чтеній для интеллигенціи общество должно было ютиться въ случайныхъ помѣщеніяхъ, то въ залѣ Фундуклеевской женской гимназіи, то въ реальномъ училищѣ, то въ городской думѣ. Но, несмотря на все видимое радушіе и сочувствіе начальства названныхъ учреждений, любезно предоставлявшихъ свои актовые залы для нуждъ общества, послѣднее всегда чувствовало себя стѣсненнымъ и не могло надлежащимъ образомъ раскинуть свои силы. Поэтому, по мѣрѣ расширенія своей дѣятельности и увеличенія количества своихъ слушателей, общество пришло къ мысли о необходимости имѣть свой домъ для религіозно-просвѣтительныхъ цѣлей.

Съ ограниченными средствами (13,000 р.), но съ великою вѣрою въ милость Божію и добрыхъ жертвователей, общество приступило къ постройкѣ своего дома... Много тяжелыхъ минутъ пришлось пережить обществу вообще и строительной комиссіи въ частности, пока постройка дома приведена была къ желанному концу. Но замѣчательное явленіе! Лишь только касса общества оскудѣвала, милость Божія его не оставляла. Совершенно неожиданно приходила помощь, то въ лицѣ городского управленія, ассигновавшаго обществу 15,000 р., то въ лицѣ бывшаго министра финансовъ С. Ю. Витте, оказавшаго обществу пособіе въ 30,000 р., то въ лицѣ благотворителя, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, пожертвовавшаго 5,000 р.

Благодаря столь щедрой матеріальной поддержкѣ, явилась возможность обществу устроить собственное зданіе, служащее украшеніемъ „Старого города“ (часть г. Кіева). Новое зданіе сооружено по плану и подъ надблюденіемъ епархіальнаго архитектора Е. Ѳ. Ермакова и состоитъ изъ двухъ этажей: нижняго, съ вестибюлемъ и помѣщеніями, отдаваемыми внаймы и верхняго—въ два свѣта, въ которомъ находится самый обширный въ городѣ залъ, могущій вмѣстить свыше 2,000 человекъ, и храмъ (собственно алтарь, поднятый на три ступеньки отъ общаго уровня залы, отдѣленный отъ зала слухнымъ занавѣсомъ).

Стоимость новаго сооруженія Кіевского религіозно-просвѣтительнаго общества простирается до 125,000 р. Со дня торжественнаго освященія храма и дома общества ¹⁾, въ которомъ, кромѣ предстоятеля церкви Кіевской, высокопреосвященнаго владыки Флавіана, принимали участіе: Сергій, епископъ Псковскій (нынѣ архіепископъ Ярославскій) и Антоній, епископъ Волынскій и Житомирскій и на которомъ присутствовалъ Товарищъ Оберъ-Прокурора Св. Синода, сенаторъ В. К. Саблеръ, каждый воскресный и праздничный день происходятъ публичные чтенія. Чтенія эти, предназначенны главнымъ образомъ для интеллигентной публики, охотно посѣщаются, и посѣтителей нерѣдко набирается до 2,000 человекъ.

¹⁾ Домъ освященъ 17 сентября прошлаго года.

Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ, для усиленія пастырско-просвѣтительной дѣятельности городского духовенства, для поддержанія среди него самаго тѣснаго взаимообщенія, взаимопомощи и единообразія дѣйствій, призналъ за благо учредить въ г. Кіевѣ особыя періодическія *пастырскія собранія*, на которыхъ духовенство могло бы дѣлиться своими мыслями и наблюденіями по вопросамъ пастырскаго долга и практики. Главная цѣль пастырскихъ собраній прекрасно выражена въ слѣдующемъ предложеніи владыки митрополита, данномъ Кіевской духовной консисторіи:

„Собранія эти—дѣло весьма важное. Пастырская практика предъявляетъ теперь пастырямъ такія требованія, дать отвѣтъ на которыя не всякій пастырь можетъ, какою бы энергіею, силами и знаніями онъ ни обладалъ. Борьба, напримѣръ, съ сектантствомъ не требуетъ ли дружнаго сотрудничества пастырей? Выработка общихъ мѣръ для болѣе успѣшнаго и благотворнаго вліянія на пасомыхъ не требуетъ ли обсужденія и братскаго согласія пастырей? Забота о бѣдныхъ, больныхъ, попеченіе о духовной и матеріальной сторонахъ жизни ихъ—не говорятъ ли о пользѣ и необходимости братскаго обмѣна мыслями, взглядами и опытомъ пастырей? Но если гдѣ приложима и умѣстна пастырская взаимопомощь, такъ это въ дѣлѣ просвѣщенія свѣтомъ Христовой вѣры народныхъ массъ всѣхъ ея классовъ. Вотъ почему я находилъ бы нужнымъ и оо. законоучителямъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній города Кіева имѣть собранія для совмѣстнаго обсужденія и рѣшенія вопросовъ изъ своей законоучительской практики. Обиліе этихъ вопросовъ, ихъ сложность и жизненная цѣнность не подлежатъ сомнѣнію. Законоучитель не обыкновенный учитель только, а, главнымъ образомъ, воспитатель въ духѣ христіанской вѣры и благочестія. Законоучительство, поэтому, высокая святая дѣятельность и трудъ, требующій не личныхъ только силъ, но и общихъ усилій несущихъ этотъ трудъ пастырей“.

Насколько, дѣйствительно, желательны, благовременны и важны эти собранія, это со всею очевидностію обнаружилось на первомъ пастырскомъ собраніи духовенства г. Кіева, состоявшемся, съ благословенія высокопреосвященнѣйшаго владыки, въ Кіевскомъ религіозно-просвѣтительномъ домѣ 17 декабря минувшаго года, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Платона, епископа Чигиринскаго, ректора Кіевской духовной академіи, въ присутствіи преосвященнаго Агапита, епископа Уманскаго, при участіи почти всего городского духовенства. Собраніе это, продолжавшееся около 3-хъ часовъ, вызвало самый оживленный и глубоко интересный обмѣнъ мнѣній по такому важному вопросу, какъ устройство и веденіе самимъ духовенствомъ чтеній для народа, отношеніе духовенства къ просвѣтительной дѣятельности, средоточіями которой являются недавно народившіеся у насъ народные дома и чайныя попечительства о народной трезвости.

Какъ желательно, чтобы подобнаго рода собранія имѣли мѣсто не только въ городѣ, но и въ деревнѣ. Тамъ наше пастырство находится еще въ болѣе безпомощномъ состояніи и еще болѣе нуждается въ обмѣнѣ своими мыслями и наблюденіями...

Въ тѣхъ же цѣляхъ оживленія церковно-просвѣтительной дѣятельности и болѣе жизненнаго и практическаго подготовленія будущихъ пастырей церкви изъ студентовъ Кіевской духовной академіи, по мысли пресвященнаго ректора академіи и съ благословенія его высокопреосвященства, въ церкви Кіево-Братскаго монастыря въ воскресные дни совершаются торжественныя вечерни съ чтеніями акаѣиста Спасителя, а послѣ вечерни произносятся студентами академіи поученія. Для этихъ торжественныхъ воскресныхъ вечернихъ службъ подготовленъ цѣлый рядъ поученій, направленныхъ къ положительному раскрытію и уясненію истинъ вѣры, отвергаемыхъ сектантами-штундистами. Масса народа каждый разъ наполняетъ храмъ братскаго монастыря, и всѣ богомольцы съ видимымъ интересомъ и напряженнымъ вниманіемъ относится къ проповѣди слова Божія.

Да принесетъ сѣяніе слова истины и благочестія обильный плодъ „во время свое“!

Свящ. *Сераніонъ Брояковский.*

Изъ Аккермана.

(Трогательное чествованіе приходскаго пастыря ¹⁾).

Въ концѣ января текущаго 1904 года въ г. Аккерманѣ состоялось рѣдкое, прекрасное и трогательное торжество: прихожане Аккерманскаго

¹⁾ Настоящее сообщеніе прислано при слѣдующемъ письмѣ къ редактору.

Многоуважаемый Василій Михайловичъ! Посылаю въ Вашу уважаемую редакцію свое сообщеніе о чествованіи священника Александра Гаевского въ г. Аккерманѣ, Бессарабской губ., которое прошу, буде возможно, напечатать.

Этотъ случай чествованія духовнаго лица, чествованія совершеннаго единодушно и трогательно, нахожу весьма радостнымъ и интереснымъ фактомъ въ жизни нашего города и вообще христіанскаго общества на югѣ Россіи. У насъ здѣсь близкое общеніе съ массою лицъ другихъ религіозныхъ взглядовъ отражается на благочестіи православныхъ и на отношеніи ихъ къ пастырямъ.

Вотъ почему такіе факты, какъ описанное чествованіе и такія личности, какъ о. Александръ Гаевскій, должны быть стѣснены.

Довольно часто въ газетахъ печатають о фактахъ недостойныхъ пастыря, унижающихъ это высокое званіе; напечатайте же о случаѣ противоположнаго характера...

Я забылъ упомянуть въ статьѣ, что торжество было такъ трогательно, и что многіе плакали оттого, что видѣли своего любимаго пастыря больнымъ и знали, что здоровье свое онъ потерялъ за двѣнадцать лѣтъ службы въ Аккерманѣ, такъ какъ пріѣхалъ онъ къ намъ молодымъ, здоровымъ и бодрымъ.

Готовый къ услугамъ (слѣдуетъ подпись автора).

Вознесенскаго собора чествовали своего любимаго пастыря, отца Александра Григорьевича Гаевского, поднесеніемъ образа свят. Александра Невскаго и адреса. Отецъ Александръ Гаевскій всего прослужилъ лѣтъ двѣнадцать, поэтому чествованіе его не было и не могло быть юбилейнымъ. Это былъ незаурядный, шаблонный 25-ти-лѣтній юбилей, чествовали не за выслугу лѣтъ, чествовали, наконецъ, не подчиненные своего начальника,—это былъ праздникъ самоотверженнаго, безкорыстнаго труженика, оцѣненнаго обществомъ, толпою.

По окончаніи литургіи послѣдовалъ чинъ водоосвященія и окропленія свят. иконы, затѣмъ городской голова, Александръ Антоновичъ Бѣликовичъ, торжественно прочитавъ адресъ, вручилъ его отцу Александру и поднесъ ему икону, произнесъ нѣсколько теплыхъ, душевныхъ словъ. Принявъ адресъ и свят. икону, о. Александръ передалъ ихъ предстоящимъ, возшелъ на солею и, обратившись къ молящимся, въ сильномъ волненіи произнесъ прекрасную рѣчь. Непредувѣдомленный заранѣе, не догадываясь о готовящемся чествованіи, о. Александръ даже не зналъ для кого онъ освящаетъ образъ. Поэтому понятно его волненіе, рыданія, съ которыми онъ благодарилъ, говоря, что выраженные обществомъ чувства служатъ лучшею наградою за понесенные имъ труды и за растратенное здоровье. Торжество было такъ трогательно, что почти всѣ плакали, многіе навзрыдь. Въ эту минуту ясно было, какая тѣсная духовная связь существуетъ между потрясеннымъ неожиданнымъ чествованіемъ пастыремъ и признательною, растроганною паствою.

Отецъ Александръ Гаевскій прослужилъ, повторяю, лѣтъ двѣнадцать, но всею душою ушелъ въ свое дѣло, отдалъ ему всѣ силы, здоровье, много сдѣлалъ и много посѣялъ добрыхъ сѣмянъ. Доказательствомъ того, что сѣмена дали всходы, служить описанное торжество.

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ...

„Спасибо“ было сказано. Глубоко прочувствованный адресъ гласить, что о. Александръ, вступивъ въ свою паству, пораженный крайнимъ запустѣніемъ Аккерманскаго соборнаго храма, призвалъ жителей города къ пожертвованіямъ, лично собиралъ на храмъ, привлекалъ къ участию въ добромъ дѣлѣ не только богатыхъ, но всѣхъ безъ исключенія бѣдняковъ, радостно встрѣчая ихъ скромную ленту. Въ результатѣ явились тысячи тамъ, гдѣ раньше не было *никакихъ* матеріальныхъ средствъ. На эти тысячи соборный храмъ былъ обновленъ, расширенъ, измѣненъ до неузнаваемости. Возлѣ собора воздвигнуто зданіе церковно-приходской школы, подготовлена часть строительнаго матеріала и сумма денегъ для постройки миссіонерской школы, гдѣ происходили бы постоянныя сѣбесѣдованія съ

сектантами, которыхъ такъ много въ Аккерманѣ и его окрестностяхъ (молокане, штундисты и друг.). Наконецъ, храмъ обнесенъ прекрасной оградой и приведенъ въ порядокъ, окруженъ каменными столбами съ крышею, находящійся вблизи церкви колодезь, служащій для водоосвященія. Все было обдуманно, предусмотрено до мельчайшихъ подробностей и тщательно, съ любовью выполнено, не смотря на массу препятствій и полное отсутствіе матеріальныхъ средствъ вначалѣ.

Но еще больше этого подвига цѣнять прихожане, по словамъ адреса, заботы о. Александра о „храмѣ души“, выраженные, между прочимъ, „трогательными, сердечными проповѣдями“. Стремясь возвысить духовный, нравственный уровень паствы, о. Александръ каждый воскресный день, каждый праздникъ произноситъ прекрасныя проповѣди, стараясь говорить доступно пониманію всѣхъ своихъ слушателей, толкуя имъ евангеліе, выясняя значеніе и цѣль жизни. Въ этомъ отношеніи важень примѣръ его личной, чисто-христіанской жизни, „полной самоотверженнаго труда, лишеній, горя и терпѣнія“.

Отдавая массу энергіи и силъ на непрерывное духовное общеніе съ паствою, на устройство храма, о. Александръ всегда горячо интересовался и интересуется всѣми проявленіями духовно-христіанской дѣятельности общества, напр.: вопросами миссіонерства, вопросами общественной благотворительности—устройствомъ богадѣльни, пріюта для дѣтей и т. п. Всюду онъ является со своей любящей душой, яснымъ умомъ, принося добрый совѣтъ и матеріальную поддержку. Чествованіе паствою о. Александра Гаевского является особенно радостнымъ фактомъ по слѣдующимъ соображеніямъ: несомнѣнно, что этотъ безкорыстный труженикъ оцѣненъ и награжденъ своимъ вѣдомствомъ, своимъ начальствомъ; описанное же торжество свидѣлствуетъ о высокой оцѣнкѣ паствы, общества. „Гласъ народа—гласъ Божій“; а инициатива чествованія о. Александра принадлежитъ почитателю его изъ простого народа и затѣмъ уже на эту мысль единодушно откликнулись лица различнаго общественнаго положенія и всѣхъ сословій (первый подписалъ адресъ предводитель дворянства д. с. с. В. Г. Навроцкий). Такая высокая единодушная оцѣнка представителя духовенства особенно важна у насъ на югѣ Россіи, гдѣ много людей другихъ религій, другихъ вѣроисповѣданій, гдѣ много, наконецъ, разныхъ сектъ. Здѣсь такія свѣтлыя личности, какъ о. Александръ Гаевскій, уважаемый не только православными, но и евреями и сектантами, пріобрѣтаютъ особенную цѣнность и значеніе. Эти истинные пастыри, неутомимо поучающіе и укрѣпляющіе общество въ добръ, служатъ крѣпкимъ оплотомъ православія въ борьбѣ съ надвигающимся сектантствомъ.

Види.

Изъ Томской епархіи.

(Какъ вождь раскола Худошинъ своимъ единомышленникамъ затемняетъ умы).

Саратовской губерніи, поморской секты, Терентій Акимовъ Худошинъ съ своимъ ученикомъ Артеміемъ Черчимцевымъ неоднократно посѣщаль Верхъ-Убинское село Томской губерніи; бывать здѣсь возможно чаще побуждало его какъ щедрое даваніе со стороны раскольниковъ единоголосной съ нимъ секты, такъ и безопасность и свобода пропаганды въ нашей мѣстности.

Въ прошломъ году пришлось мнѣ участвовать на бесѣдѣ, веденной покойнымъ сотрудникомъ Томскаго братства, Θεодоромъ Ситковымъ, на ярмарочной площади съ Терентіемъ Худошинымъ. Бесѣда была о таинствѣ причащенія. Покойный Ситковъ, на основаніи посланія апостола Павла къ Коринѣ. зач. 149, раскрылъ ученіе православной церкви, что св. таинство причащенія въ церкви Христовой приносится пастырями и будетъ приноситься до второго пришествія Спасителя на землю. Въ заключеніе Ситковъ спросилъ Худошина, можетъ ли ихъ общество, безъ приношенія таинства причащенія, имѣть надежду на полученіе жизни вѣчной? Худошину осталось только сказать: да или нѣтъ, но онъ, чтобы въ глазахъ своихъ единомышленниковъ не уронить себя, начинаетъ разглаживать о томъ, что въ православныхъ церквахъ женщины стоятъ съ открытыми головами, безъ покрывалъ, отчего уже (по его мнѣнію) въ православныхъ церквахъ не можетъ быть и причащенія, а если оно и совершается, то неистинное и неспасительное. Теперь-де можно и безъ причащенія спастись, какъ говоритъ книга „Камень Вѣры“, 2 ч. стр. 142: „что готовиши зубы и чрево; вѣруй, и ялъ еси“. Сказавъ это иронически, Худошинъ и раскольники такъ и ожили, и едвали среди нихъ много найдется людей съ понятіемъ, которые бы пожелали безпристрастно выслушать разъясненіе православнаго миссіонера по поводу приведеннаго ихъ вожакомъ мѣста!..

Осенью истекшаго 1903 г., въ селѣ Верхъ-Убинскомъ, въ зданіи волостного правленія, г. мировымъ судьей разбиралось дѣло о погребеніи скоропостижно умершаго. Фактъ былъ слѣдующій. Въ 1900 году, въ концѣ мѣсяца ноября, крестьянинъ села Бобровскаго часовенной секты, Иванъ Климовъ, пріѣхалъ въ село Верхъ-Убинское для принятія перекрещиванія въ поморскую секту; вечеромъ въ воскресенье онъ былъ здоровъ, а въ понедѣльникъ, часовъ въ 10 утра, его уже понесли на кладбище, безъ осмотра судебно-медицинскаго. Въ тотъ моментъ не замедлилъ и слухъ провестись, что будто-бы Климовъ умеръ въ проруби рѣчки Ломхи, во

время перекрещиванія его поморскими самодуровскими наставниками. Объ этомъ было донесено г. Змѣиногорскому исправнику и послѣднимъ передано судѣ для разбирательства.—и что же? дѣло разобрали и рѣшили по суду считать наставниковъ и другихъ раскольниковъ—оправданными. На судѣ наставники показали, что они Климова не перекрещивали, такъ какъ лично изъ православныхъ, когда они перекрещивали, никто не видѣлъ. Но если бы они не крестили Климова, то какъ могли его отпѣвать въ своей моленной?..

Миссіонеръ свящ. *М. Шаровъ.*

Изъ Саратова.

(Публичныя лекціи и подъемъ религіозныхъ интересовъ въ обществѣ).

У насъ здѣсь много новаго интереснаго въ церковно-общественной жизни. Иеромонахъ Викторъ (Островидовъ), кандидатъ Каз. дух. ак. прошлагодняго выпуска, читаетъ свои лекціи о Максимѣ Горькомъ, очень оригинальныя и глубоко содержательныя, въ которыхъ онъ устами Горькаго обличаетъ современную культуру въ совершенной пустотѣ и доказываетъ, что у всѣхъ героевъ Горькаго глубокая жажда религіознаго оправданія жизни.

Лекціи привлекаютъ тысячную толпу слушателей. На первой лекціи были губернаторъ съ семьей, православный и католическій епископы, а очень и очень многіе не могли достать билетовъ. На вторую лекцію билеты были расхвачаны въ теченіе двухъ часовъ. Особенность лекціи и отчасти ея привлекательность составляетъ то, что во 2 отдѣленіи допущенъ обмѣнъ мнѣній по поводу высказаннаго лекторомъ. Здѣшніе красные стараются повернуть Горькаго, какъ и всѣхъ нашихъ художниковъ-писателей, въ свою пользу, но это имъ плохо удастся и встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе со стороны оппонентовъ другого направленія.

Кромѣ о. Виктора продолжаетъ свои глубокосодержательныя бесѣды и уважаемый о. Силинъ; вообще, новый нашъ преосвященный Гермогенъ разбудилъ Саратовскую дремоту жизни и приподнялъ въ свѣтскомъ обществѣ религіозные интересы. Подъ его руководствомъ здѣсь энергично ведутся бесѣды по церквамъ, издаются книжки и листки и проч. Подробности преній на лекціяхъ о. Виктора сообщу особо.

О. С—ій.

Отвѣтъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, К. П. Побѣдоносцева, на благодарственный адресъ духовенства Американской миссіи.

На поднесенный отъ имени духовенства нашей православной миссіи въ Америкѣ и лично врученный его преосвященствомъ, преосвященнѣйшимъ Тихономъ, епископомъ Алеутскимъ и Сѣверо-Американскимъ, благодарственный адресъ г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Константину Петровичу Побѣдоносцеву,—послѣдоваль слѣдующій отвѣтъ его высокопревосходительства.

*Преосвященнѣйшій Владыко,
Милостивый Государь и Архипастырь.*

Я имѣлъ честь и сердечную радость получить отъ вашего Преосвященства, подписанный вами и подвѣдомымъ Вамъ духовенствомъ православныхъ приходовъ въ Америкѣ, адресъ.

Глубоко тронуть я выраженными въ немъ благожелательными чувствами, относимыми ко мнѣ и къ долгу моего званія служить великому дѣлу церкви православной. Съ самаго начала дѣятельности православныхъ архипастырей Америки, не переставалъ я съ сердечною заботою слѣдить за возрастаніемъ церковнаго дѣла въ отдаленномъ краѣ къ удовлетворенію духовныхъ нуждъ затеряннаго въ чужой странѣ единоплеменнаго и единовѣрнаго населенія. Къ сему великому дѣлу приложена была сердечная забота въ Божѣ почивающаго Государя Александра III и нынѣ благополучно царствующаго Николая II, и всѣ его успѣхи достойно отнести къ трудамъ архипастырей, посвятившихъ себя многотрудному апостольскому служенію, и къ соединеннымъ трудамъ и усиліямъ приходскаго духовенства. Имъ принадлежитъ первая заслуга въ семъ дѣлѣ, и на нихъ утверждаться будутъ всѣ дальнѣйшіе его успѣхи, если благословитъ Господь и благоволитъ послать новыхъ добрыхъ дѣлателей на новую жатву свою.

Молю Бога, да пошлетъ Вашему Преосвященству новыя, благодатію укрѣпленныя силы къ сему служенію и всѣхъ сотрудниковъ вашихъ да сохранить въ бодрости духа и въ радости добраго служенія.

Испрашивая молитвъ вашихъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашего Преосвященства, Милостиваго Государя и Архипастыря, покорнѣйшимъ слугою

К. Побѣдоносцевъ.

Совѣщаніе представителей духовнаго вѣдомства и министерства народнаго просвѣщенія.

Въ первой половинѣ минувшаго января въ С.-Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ г. Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода т. с. В. К. Саблера, состоялось особое совѣщаніе представителей министерства народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства для выработки правилъ,

условій и порядка открытія начальныхъ народныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и церковно-приходскихъ школъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже находятся такія школы того или другого вѣдомства, и вообще относительно согласованія дѣятельности обоихъ вѣдомствъ въ дѣлѣ народнаго обученія. На обсужденіе совѣщанія предложены слѣдующія мѣропріятія: 1) установить ежегодныя совѣщанія уѣздныхъ наблюдателей церковныхъ школъ и инспекторовъ народныхъ училищъ для рѣшенія вопроса, въ какихъ мѣстностяхъ даннаго уѣзда имѣютъ быть открыты или преобразованы школы того и другого вѣдомства. Такія совѣщанія были бы весьма желательны и полезны для уничтоженія розни и непріязненныхъ отношеній, какія часто наблюдаются между дѣятелями разныхъ вѣдомствъ на поприщѣ народнаго образованія. 2) Принять за правило, чтобы при учрежденіи школъ даннаго вѣдомства не было причиняемо ущерба имуществу и средствамъ содержанія школъ другого вѣдомства, ранѣе того открытыхъ. Въ видахъ согласной дѣятельности того и другого вѣдомства—это было бы весьма желательно: бывали случаи, что въ селеніи, въ которомъ существовала церковная школа съ собственнымъ зданіемъ, открывалась земская школа и первая по необходимости закрывалась, а школьное зданіе переносилось въ глухую деревню, съ напрасною затратою со стороны духовнаго вѣдомства и безъ того скудныхъ средствъ. 3) Установить согласный и однообразный планъ дѣйствій по вопросамъ внѣшкольнаго образованія, какъ то: учрежденію народныхъ чтеній, библиотекъ, книжныхъ складовъ, вечернихъ и воскресныхъ чтеній, изданій для народнаго чтенія и т. п. 4) Признать желательнымъ, чтобы директоры и инспекторы народныхъ училищъ посѣщали церковныя школы, а епархіальные и уѣздные наблюдатели—школы министерства народнаго просвѣщенія. 5) Признать желательными сѣзды епархіальныхъ и уѣздныхъ наблюдателей и директоровъ и инспекторовъ для обсужденія школьныхъ вопросовъ какъ по отдѣльной губерніи, такъ и по болѣе обширнымъ районамъ. Каждый дѣятель по народному образованію съ нетерпѣніемъ ожидаетъ результатовъ совѣщанія.

«*Ор. Е. В.*»

Къ вопросу о миссіонерскомъ тонѣ въ полемикѣ.

(Открытое письмо М. А. Сопочко).

Amicus Plato, sed veritas amicissima.

Голосъ совѣсти и служебной этики побуждаетъ меня обратиться къ вамъ, Михаилъ Аркадьевичъ, съ *открытымъ письмомъ*. Изъ своего „обращенія“ я хочу сдѣлать вопросъ принципиальный, касающійся миссіонерской этики вообще.

Такъ поступаю я потому, что вы, Михаилъ Аркадьевичъ, до извѣстной степени человѣкъ общественный и, сотрудничая по временамъ въ нашемъ

органѣ миссіи, не чужой и миссіонерамъ. Такъ что ваши особенности, люди сторонніе могутъ переносить на православныхъ миссіонеровъ вообще.

Уповаю, что со мною будутъ согласны многіе миссіонеры, а потому прошу выслушать меня *sine ira et studio*.

Я хочу коснуться вашихъ *литературныхъ* *пріемовъ*, особенно рѣзко выразившихся въ составленномъ вами „Крестномъ календарѣ“ за 1903 г.

Въ этомъ календарѣ есть *хорошія мѣста*, мнѣ весьма понравившіяся. Превосходно, что вы заявляете на стр. 99: „я нисколько не сочувствую проповѣдникамъ челоѣконенавистничества, фанатизма и нетерпимости“... *Эти чувства, конечно, раздѣляютъ всѣ миссіонеры православной церкви.* Иначе и быть не можетъ. Христосъ, вѣдь, пострадалъ за весь міръ. Мы всѣ братья между собой, обязаны *жалеть* другъ друга...

Не слѣдуетъ намъ ослѣпляться и фанатизмомъ. Намъ всѣмъ должно помнить добрый совѣтъ: „когда ты видишь, что челоѣкъ заблуждается— не гнѣвайся на него: пойми, что нельзя нарочно заблуждаться. Никто не можетъ хотѣть, чтобы разсудокъ его затемнился. Значить, кто заблуждается, тотъ искренно принимаетъ ложь за истину“.

Какъ это сильно сказано! Миссіонеры должны приведенный совѣтъ положить закономъ своихъ отношеній къ расколо-сектантамъ всѣхъ наименованій. Повидимому, и вы исповѣдуете этотъ законъ..., но только въ одномъ мѣстѣ своего календаря. Въ другихъ же случаяхъ вы поступаете въ разрѣзъ съ миссіонерскою этикой,—вы дѣйствуете на свой *собственный* ладъ, о чемъ, какъ миссіонеръ, я и хочу заявить вамъ.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу „малое“ доказательство.—На стр. 3 своего календаря вы, Михаилъ Аркадьевичъ, пишете: „если сопоставить еретически кощунственное содержаніе всѣхъ *скверныхъ* сочиненій графа съ *наглѣмъ* отвѣтомъ Св. Синоду..., то рѣшительно убѣдимся, что истинѣ никто иной, какъ діаволь, „отецъ *лжи*“, въ графѣ, и графъ въ немъ...“

Согласитесь, Михаилъ Аркадьевичъ, что слова ваши „жестоки“. Къ чему эти эпитеты: „скверный“ и „наглый“ въ приложеніи къ сочиненіямъ гр. Л. Толстого? Въ вашихъ словахъ нѣтъ премудрости отъ Бога, которой не свойственна „сварливость“ (Іак. 3, 14, 15).

Жалѣя честь вашу, дорогой братъ—о Христѣ, я взываю къ вамъ: будьте сдержанными въ выраженіяхъ... Тогда, конечно, ни одного сочиненія Толстого вы не назовете „взбалмошнымъ“ (стр. 37).

Это же я написалъ не для того, чтобы *лично* уязвить васъ, а для того, чтобы напомнить юной братіи, работающей словомъ или писаніемъ въ области миссіи, что намъ въ выраженіяхъ надобно быть осмотрительными и никого не нужно *злословить*—тѣмъ болѣе людей, которыхъ именуютъ „великими“ въ самомъ паденіи и которые являются славой нашей литературы...

Д. Боголюбовъ.

Полезное распоряженіе о псаломщикахъ.

Принимая во вниманіе, что многіе изъ прихожанъ блзняются тѣмъ, что псаломщики ходятъ въ церковь въ свѣтскомъ одѣяніи, Екатеринбургская духовная Консисторія обязала подписками всѣхъ, какъ состоящихъ на службѣ въ епархіи псаломщиковъ, такъ и вновь поступающихъ на псаломщическія должности, при совершеніи богослуженій и требъ въ церкви, не носить свѣтскаго одѣянія, а быть въ платьѣ покроя приличнаго духовному чину, а именно: въ подрясникахъ при поясахъ. Суть дѣла не въ „свѣтскомъ“ одѣяніи, а въ *неряшливости*, которую подрясникъ, несомнѣнно, скрываетъ отъ взора молящихся. Давно и вездѣ пора бы такъ поступить..

Къ юбилею миссіонера-писателя свящ. К. А. Попова.

(Изъ письма въ редакцію).

2 февраля текущаго года исполнилось 30 лѣтъ, какъ я состою миссіонеромъ-благовѣстникомъ евангельской истины и защитникомъ св. православной церкви. 30 лѣтъ прослужить, и при постоянныхъ разъѣздахъ, не легко было. Если считать, что я ѣздилъ только по 2,000 верстѣ въ годъ, и тогда 60,000 верстѣ сдѣлано мною. Это болѣе, чѣмъ путешествіе вокругъ свѣта! Но 2,000 верстѣ я беру только какъ приблизительную цифру, среднюю при обычныхъ миссіонерскихъ поѣздкахъ. А были поѣздки и большія. Вотъ, напримѣръ, выѣхалъ я изъ Саратова на первой недѣлѣ Великаго поста въ Царицынскій у., сдѣлавъ 360 верстѣ, на 5-й недѣлѣ поста вернулся и получаю снова командировку въ другую сторону епархіи—въ Хвалынскій у. Ёду; проѣхалъ 250; на Страстной, въ распутицу уже, по лужамъ воды, спускаюсь въ г. Хвалынскъ; проѣхавъ 70 верстѣ и тутъ получаю телеграмму преосвященнаго: остаться въ г. Хвалынскѣ и служить въ единовѣрческой церкви послѣдніе дни Страстной и Пасхальную седмицу. Эти 2 поѣздки и въ одинъ Великій постъ заняли у меня болѣе 1,000 верстѣ ¹⁾. А такія экстренныя поѣздки бывали почти каждый годъ: то преосвященный посылаетъ, то—консисторія, то—Братство, а исполнишь ихъ—самъ поѣдешь по своему усмотрѣнію; и въ общемъ—въ теченіе цѣлаго года получается уже больше 2,000 верстѣ. А при какихъ условіяхъ совершались всѣ эти разъѣзды по епархіи: лѣтомъ въ тряской деревенской телѣжонкѣ, трясущей тебя до болей въ тѣлѣ; зимою—въ саяняхъ, и въ обоихъ случаяхъ сидишь скорчившись, кое-какъ, ибо кругомъ обложенъ мѣшками книгъ. Путешествіе совершалось во вся-

¹⁾ Считайте: 360 верстѣ 2 раза, 250 верстѣ 2 раза и разъѣзды въ сторону по 20—18 верстѣ—3 села. 70 верстѣ до Хвалынска и еще 2 села 15 и 20 и всего выходитъ 1383 версты. *Авт.*

кую погоду: подъ дождемъ, снѣгомъ, сильными вѣтрами, въ мятель и распутицу; приходилось простужаться, плутать, быть застигнутому снѣжной мятелью въ дорогѣ и ночевать въ полѣ, подъ снѣгомъ. Выѣдешь въ хорошую, ясную погоду, а потомъ она смѣнилась, и ты неожиданно очутился „близъ смерти“. И все это было не разъ, не два, а постоянно повторялось и вошло какъ бы въ обычай, Сосчитать всѣ эти случаи за 30 лѣтъ трудно, да и къ чему? Помню болѣе разительные только изъ нихъ. Вотъ выѣхалъ я изъ с. Вязовки, Саратовскаго у., поднялась снѣжная мятель, ямщикъ сбился съ дороги, и мы попали въ чащу лѣса, гдѣ и ночевали, перевернувъ сани низомъ вверхъ. Изъ с. Сердобы, Петров. у., той же губерніи, я выѣхалъ въ распутицу предъ Пасхой; по дорогѣ попали въ „зажорину“ (балка съ водой и снѣгомъ), лошади засѣли по брюхо, сани завязли, весь перемочился... Положеніе было критическое: холодно, вѣтерено; упряжь порвалась, оглобля обломилась... Пришлось до станціи Лапуховка Рязанско-Уральской жел. дороги ѣхать верхомъ, а другую лошадь навьючить мѣшками книгъ и вести въ поводу за собою¹⁾. А путешествіе по желѣзнымъ дорогамъ?! Сколько разъ въ этихъ случаяхъ я былъ „близъ смерти“, но Господь спасалъ меня. Однажды, выѣхавъ изъ Ставрополя на Кавказъ, я прибылъ на станцію „Невинномысская“ въ то время, когда поѣздъ тронулся на моихъ глазахъ. Слѣдующаго поѣзда пришлось ждать 6—7 часовъ. И что же? когда со слѣдующимъ поѣздомъ я выѣхалъ, то пришлось видѣть страшную картину: крушеніе того поѣзда, на который я не поспѣлъ. Въ Пензенской епархіи, кончивъ бесѣду, я собрался на поѣздъ, но явился раскольникъ, и я заговорился съ нимъ и опоздалъ на поѣздъ. Бѣду съ слѣдующимъ и застаю крушеніе пропущеннаго мною поѣзда. И это не исключительные только 2 случая, а нѣсколько было ихъ. А сколько разъ сидѣлъ я въ заносахъ на станціи и даже въ пути, въ вагонѣ, голодный. Пріѣзжаю разъ на станцію „Салтыково“ Рязанско-Уральской жел. дороги и вижу: поѣзда стоятъ, занесенные снѣгомъ, въ маленькой тогда станціи народа полно, и пріютиться буквально негдѣ было. Пришлось всю ночь проходить и мерзнуть на воздухѣ. Есть чѣмъ вспомнить и путешествія по великой матушкѣ Волгѣ. Шелъ хорошій пароходъ „Вѣра“, я рѣшилъ ѣхать; но приходитъ женщина и говоритъ мнѣ: „побесѣдуй, кормилецъ, ты съ моимъ братомъ: колобродить онъ у меня по разному секту, а путя, я вижу, не находитъ“. Остался; а съ

¹⁾ Одинъ разъ ночевалъ вблизи села, сбившись съ дороги. Грязь стояла страшная, лошади измучились и стали... Другой разъ, зимней порою, свалился въ оврагъ вмѣстѣ съ лошадьми. Еще былъ случай, при раскатѣ, ямщикъ вывалилъ меня изъ саней и уѣхалъ. Дѣло было ночью. Кричу—не слышитъ. Такъ и остался въ полѣ. Иду, дошелъ до деревушки съ татарскимъ населеніемъ и тутъ заночевалъ. Вышла цѣлая исторія изъ этого, такъ какъ книги мои остались у ямщика, и онъ, хватившись меня, заявилъ полиціи о пропажѣ пассажира. *Авт.*

слѣдующимъ пароходомъ ѣду и вижу: пароходъ „Вѣра“ сгорѣлъ, остался одинъ желѣзный остовъ отъ красиваго и богатаго парохода, а на берегу лежали груды утопленниковъ, бывшихъ пассажировъ „Вѣры“. Какъ же послѣ этого не сказать: слава Богу! Слава Ему, благодѣявшему мнѣ и охранявшему меня на всѣхъ путяхъ моей жизни!

Миссіонеру приходится вести бесѣды и публичныя и частныя. Первые можно сосчитать, ибо онѣ ведутся при особенныхъ условіяхъ, при обстановкѣ болѣе торжественной, а частнымъ бесѣдамъ трудно и счетъ вести, такъ какъ ты говоришь вездѣ и всюду и во всякое время. Въ дорогѣ, на мѣстѣ, при встрѣчахъ—всегда бесѣда, всегда миссія. Съ теченіемъ времени миссіонеръ такъ привыкаетъ къ этимъ постояннымъ бесѣдамъ, что превращается въ какого то постоянно говорящаго человѣка.

Если сосчитать однѣ только публичныя бесѣды, положивъ ихъ среднимъ числомъ по 100 въ годъ, и то за 30 протекшихъ лѣтъ ихъ сдѣлано мной 3,000. Публичная бесѣда ведется не менѣе 5 часовъ времени, сочтите хоть это время и вы получите 500 часовъ проповѣди въ годъ 15,000 часовъ за 30 лѣтъ. И какой проповѣди и при какихъ условіяхъ? Представьте себѣ крестьянскую избу, наполненную вплотную людьми, какъ сельдей въ бочкѣ. Воздухъ до того испорченъ, что голова кружится, огонь гаснетъ; духота такая, что дышать нечѣмъ; потъ льется съ грязныхъ лицъ слушателей, а ты, прижатый столомъ къ божницѣ въ уголъ, окруженный ворохами толстыхъ и малыхъ книгъ, припертый вплотную народомъ, не можешь встать и выйти освѣжиться. Спину ломить, голова, точно въ угарѣ, а ты говоришь и слушаешь все время. 5—6 часовъ пребыть въ напряженномъ состояніи, выслушивая „совопросниковъ вѣка сего“ и самому отвѣчать на всѣ ихъ хитросплетенія, повѣрьте, это не легкій трудъ! Къ тому же, ты говоришь громко, возвышеннымъ голосомъ, тебя то-и-дѣло перебиваютъ, другіе шумятъ, кричатъ и мѣшаютъ выяснитъ спорный вопросъ, и этимъ еще болѣе осложняютъ твое положеніе и усиливаютъ тяжесть твоего труда. А насмѣшки, колкости раскольниковъ, которыми осыпаютъ тебя за все время идущей бесѣды?..—„А, покраснѣлъ, видно... Утерли тѣ носъ то... И не стыдится, ребята,—смотреть. У еретика нешто есть стыдъ... Да чего онъ знаетъ то—побасенки однѣ“ и пр. и пр. Ты, скрѣпя сердце, молчишь, терпишь всѣ эти колкости и издѣательства надъ тобою, памятуя, что, „не вѣдаютъ, яже глаголютъ“. Кончишь бесѣду, увяжешь книги и отправляешься дальше, въ другое, такое же темное гнѣздо, какъ и это, и снова тѣ же вопросы, доказательства и тѣ же колкости и насмѣшки. Какъ же послѣ этого не воскликнуть: слава Богу! Слава Богу за то, что Онъ сподобилъ меня прослужить 30 лѣтъ на пользу св. Христовой Церкви.

Принято разбираться въ своей службѣ и подводить итоги прожитому и сдѣланному. Естественнo и мнѣ поставить въ данномъ случаѣ вопросъ:

что же сдѣлано мною за эти протекшія 30 лѣтъ службы? На этотъ вопросъ я съ спокойной совѣстью отвѣчаю: не смотря на всѣ неблагопріятныя условія нашей миссіи вообще и въ частности моей, я неослабно трудился „на селѣ Господина своего“ и сѣялъ доброе сѣмя прилежно, рачительно, елико я могъ и разумѣлъ. Никто, кромѣ Господа Бога, мнѣ не помогаль въ этомъ великомъ служеніи ниже словомъ, ниже дѣломъ. Контролеровъ было много, судей также, а помощниковъ въ дѣлѣ миссіи я не обрѣталь. 16 лѣтъ я сѣялъ доброе сѣмя евангельскаго ученія въ Саратовской епархіи, на своей „родной сторонѣ“; 5 лѣтъ въ Ставропольской епархіи на Кавказѣ; 8 лѣтъ въ Пензенской и теперь разсѣваю его въ Минской. Прослѣдить весь этотъ посѣвъ, сдѣланный въ 4-хъ епархіяхъ и въ продолженіи 30 лѣтъ службы, довольно трудно. Я слышу, читаю, мнѣ пишутъ, и я вижу, что тамъ, гдѣ я былъ и трудился, нынѣ, при помощи Божіей, существуютъ единовѣрческіе храмы, и при нихъ приходы, составившіеся изъ тѣхъ лицъ, которыя нѣкогда вели „брань со мною“, были жестокіе противники православія и церкви. Это свидѣтельствуетъ, что брошенное мною сѣмя не оказалось потоптаннымъ, а возросло и принесло достойный плодъ: бывшіе раскольники стали единовѣрцами. Иные изъ моихъ собесѣдниковъ прямо вошли въ ограду св. церкви и прилѣпились къ тому приходу, среди котораго они жили. Эти люди остаются въ тѣни и о нихъ узнается только случайно, когда они сами открываютъ себя. Такъ, наприм., когда я жилъ въ Пензѣ, ко мнѣ является въ одно время мужчина и заявляетъ, что онъ изъ Саратовской епархіи. Принялъ; разговорились, и онъ высказалъ мнѣ, что онъ знаетъ меня по Саратову, ходилъ на мои бесѣды и, будучи до этого полураскольниковомъ, потомъ утвердился въ православіи и сталъ ходить въ церковь и защищать правосл. ученіе. И такихъ лицъ, какъ онъ, много. Публичныя бесѣды для колеблющихся православныхъ служатъ утвержденіемъ и укрѣпленіемъ ихъ вѣры. Нѣкоторыхъ я самъ вывелъ изъ раскола и самъ лично ввелъ ихъ въ церковь, присоединивъ ихъ къ тѣлу церкви. Такихъ лицъ, которыхъ я лично самъ присоединилъ къ православію, 335 лицъ. Немного, конечно, но вѣдь я и поставленъ не крестить, а благовѣстить, а благовѣститель заблуждшимъ путь правды. Мое дѣло сѣять сѣмя слова Божія и производить это сѣяніе по всей епархіи. Я посѣялъ въ одномъ мѣстѣ и тѣду совершать то же самое въ другомъ, а посѣянную ниву оставляю вѣдѣнію мѣстнаго іерея. Я не могу сидѣть на одномъ мѣстѣ и ожидать плодовъ сѣянія, да это и бесполезно, потому что плоды сѣянія обычно являются значительно позже. А явится плодъ въ томъ или другомъ приходѣ, онъ пожнетъ его, какъ говорить св. Апостоль (1 Кор. 3, 6). Такъ, живя въ Пензѣ, я чаще другихъ посѣщаль село Казачью Пелетьму, Мокшан. у., и мѣстный священникъ всегда сообщалъ мнѣ, что послѣ каждой бесѣды ему приходится присоединять раскольниковъ къ православію. Приходъ сей я засталъ съ 120 душами при

соединенныхъ изъ раскола, и, уѣзжая въ Минскъ, я оставилъ въ немъ до 500 душъ. Такимъ образомъ, цѣнить труды миссіонера по сдѣланнымъ имъ лично присоединеніямъ нельзя и несправедливо: миссіонеръ поставленъ благовѣствовать, а не присоединять; если же и бываютъ у него присоединенія, то это случается въ такихъ случаяхъ, когда сами обращающіеся просятъ миссіонера совершить надъ ними чинъ присоединенія ихъ къ св. церкви. Но тѣмъ или инымъ путемъ были совершены присоединенія изъ раскола и сектантства, это не важно, а важно то, что труды моей миссіи не оставались безплодными, что миссіонерское служеніе мое въ теченіе прошедшихъ 30 лѣтъ было полезное и многоплодное и за это нужно возблагодарить Господа Бога и сказать: слава Богу за все бывшее!

Служа дѣлу миссіи, я ни разу не допустилъ даже мысли оставить ее и воспользоваться иной, болѣе выгодной, службою. На дѣло миссіи я былъ избранъ и опредѣленъ преосвященнымъ Тихономъ, епископомъ Саратовскимъ, который, замѣтивъ, что я часто хожу на публичныя бесѣды, ведшіяся при Киновійской церкви въ г. Саратовѣ, и нерѣдко замѣняю настоящаго православнаго миссіонера, предложилъ мнѣ быть миссіонеромъ. Долго не соглашался я на это предложеніе нынѣ покойнаго уже владыки, признавая себя малосвѣдущимъ и недостойнымъ этого мѣста, но одно время владыка убѣдилъ и поборолъ во мнѣ эту нерѣшимость, доказавъ мнѣ, что я обязанъ посвятить себя миссіонерскому служенію. Я послушалъ архипастыря и сталъ миссіонеромъ. Положили мнѣ за трудъ 250 руб. въ годъ. Два или 3 года прослужилъ я на этомъ окладѣ и владыка приказалъ прибавить еще 250 руб., и я сталъ получать 500 руб. Я вѣдалъ, вѣдь бесѣды, были присоединенія изъ раскола, по примѣру нашему стали заводить разъѣздныхъ миссіонеровъ и въ другихъ епархіяхъ, а нашъ Владыка, видя пользу дѣла, рѣшилъ организовать какъ должно 2 должности въ епархіи по расколу и сектантству съ увеличеннымъ окладомъ жалованья, квартирой и прогонами. Это было въ 1879 году. Тутъ я женился, такъ какъ покойнымъ архипастыремъ было признано, что семейный миссіонеръ солиднѣе, чѣмъ одинокій. Въ 1881 году владыка предложилъ мнѣ быть священникомъ. Тутъ я сталъ въ затрудненіе и попросилъ себѣ 3 мѣсяца на размышленіе. Страшило меня принятіе священства. Санъ этотъ я любилъ, сознавалъ его важность и величіе и въ то же время сознавалъ себя недостойнымъ быть въ этомъ санѣ. Владыка и тутъ убѣдилъ меня, и я принялъ рукоположеніе. Черезъ полгода онъ послалъ меня въ центръ раскола—г. Хвалынскъ, давъ мнѣ небольшой приходъ. Полтора года прожилъ я здѣсь; преосвященнаго Тихона смѣнилъ новый владыка Павелъ, который тотчасъ перемѣстилъ меня въ Саратовъ и сдѣлалъ безприходнымъ. Въ 1883 году, по требованію владыки, Соѣтъ Братства св. Креста представилъ ему меня кандидатомъ въ прото-

іерея въ г. Хвалынскъ. Владыка призвалъ меня и сказалъ: „мнѣ жаль отпускать васъ, вы нужны мнѣ какъ миссіонеръ для развѣздовъ по епархіи. Откажитесь отъ чести протоіерейской, послужите еще...“—„Владыка, говорю ему: отъ честолюбія меня Богъ избавилъ; меня выбрали въ Совѣтъ Братства по мимо моего заявленія, и я готовъ служить миссіи, если это вамъ угодно“. И я снова сталъ служить дѣлу миссіи. Въ 1889 г. преосвященнаго Павла переименовали въ Астрахань, а меня преосвященный Евгенийъ пригласилъ въ Ставропольскую епархію; отсюда, по переводѣ преосвященнаго Евгенія въ Могилевъ, вызвалъ меня тотъ же преосвященный Павелъ къ себѣ уже въ Пензу. Съ послѣдней я разстался, по увольненіи преосвященнаго Павла на покой, и перешелъ въ Минскъ къ преосвященному Михаилу. Неизмѣнно служилъ я дѣлу миссіи, никогда не задаваясь цѣлью получить обезпеченный приходъ. А были приглашенія самихъ прихожанъ и очень заманчивыя. Помимо протоіерейства и настоятельскаго мѣста въ Хвалынскомъ соборѣ, меня просили къ Покровской церкви въ г. Саратовъ, и я отклонилъ эту просьбу. Просители обратились къ владыкѣ, я и тутъ остался твердъ служить одному дѣлу миссіи. На Кавказѣ были случаи занять богатую станицу, но Господь сохранилъ меня отъ сего увлеченія. Я всегда и твердо помнилъ одно: охотниковъ на миссіонерское дѣло мало, а въ приходъ кандидаты найдутся. Съ такимъ убѣжденіемъ и рѣшимостью я и служилъ все время и прослужилъ вотъ уже 30 лѣтъ. Слава Богу!..

Одновременно съ миссіонерствованіемъ сталъ я пописывать въ газеты и журналы. Первые мои статьи—„проба пера“ стали появляться въ „Саратовскомъ Листкѣ“ и „Саратов. Епарх. Вѣдом.“ Жизнь раскола была мнѣ хорошо извѣстна, доступъ въ эту среду у меня былъ легкій и я, слѣдя за жизнью раскола, извѣщалъ о ней читающую публику. Статьи мои скоро замѣтилъ „Церковно-Обществ. Вѣстникъ“ и пригласилъ меня въ свои сотрудники. Съ прекращеніемъ этого органа я перешелъ въ „Церковный Вѣстникъ“, „Странникъ“. Помимо этого сотрудничества я издалъ десятка 3 разныхъ брошюръ по расколу и 2 книги: „Архивъ раскольниковьяго архіерея Амвросія“ и „Расколъ и его путеводители“. Обѣ эти книги стоили мнѣ дорого и затраченныя мною на изданіе ихъ деньги ко мнѣ не вернулись. Издавая эти книги, я полагалъ, что духовенство поддержитъ меня, заинтересуется ими, но, увы, я ошибся въ этомъ и опытомъ убѣдился, что расколомъ у насъ мало интересуются. Ту и другую книгу я издалъ въ количествѣ 1,200 экз. каждую, и стыдно сказать, въ среду духовенства пошла ничтожная часть, да и то по настоянію преосвященныхъ, по ихъ приказу. Люди свѣтскіе больше выписали... Между тѣмъ раскольники чутко отнеслись къ обѣимъ этимъ книгамъ и задумали уничтожить ихъ, иначе говоря: купить и сжечь. Сдѣлано это было чрезъ одну торговую фирму такъ ловко, что, не наведи я справокъ, книги давно

были бы уничтожены. Но я упорно рѣшилъ провести ихъ въ народъ ¹⁾. Такимъ образомъ за эти 30 лѣтъ я служилъ миссіи и перомъ своимъ. Не ради гонорара писалъ я и пишу, не ради наживы я и книги издалъ, но единственно съ той цѣлью, чтобы вывести на свѣтъ Божій тѣ дѣла, которыя совершаются въ расколѣ и сектантствѣ подъ кровомъ святости и мнимаго благочестія. И слава Богу, что Господь даетъ мнѣ силы, въ свободное время отъ прямого труда моего по миссіи, работать и на литературномъ поприщѣ. Думаю, что и этотъ трудъ мой не бесполезенъ, а сообщенія мои хоть нѣкоторыми прочтутся съ удовольствіемъ.

Мнѣ могутъ, пожалуй, сказать: для чего я все это сказалъ? На это я отвѣчу словами Спасителя: „аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй ми о злѣ; аще ли добръ, что мя бѣниш?“ (Іоан. 18, 23). Я сказалъ правду. Прослужилъ я 30 лѣтъ на поприщѣ миссіонерскаго дѣланія и къ этому труду приглашаю и другихъ. Правда, служба эта, и особенно для свѣтскихъ лицъ, неблагоприятная, малообезпеченная, положеніе миссіонера въ епархіи какое то безправное, маловыясненное, безъ пенсіи; но ужели, братіе, въ насъ мало духовнаго геройства и самоотверженности? Ужели мы любимъ дѣло только тогда, когда оно даетъ и пенсію, и большое жалованье, а безъ этого и вниманія нашего оно не заслуживаетъ? Я упомянулъ, что я началъ служить съ 250 руб. и добился большаго. Терпѣніемъ и трудомъ все дается. Не скрою, меня покорило, болью въ сердцѣ отозвалось, когда я увидѣлъ бѣгство миссіонеровъ съ академическимъ образованіемъ. Хотя, правда, и судить ихъ нельзя. Скажу только:

Братіе, не прельщайтесь корыстными расчетами житія міра сего и отвергнитесь себя. Пожалѣйте заблудшихъ. Мы, сильные, обязаны понести немощи немощныхъ. Пусть же ничего не выслужимъ у „міра сего“, пусть насъ не оцѣняютъ, приравняютъ насъ по пенсіи къ тѣмъ лицамъ, которыя, какъ говорится, сидя на мѣстѣ, служили, ну, и Богъ съ ними! Ужели бросать великое дѣло изъ за этого? И развѣ не утѣшеніе видѣть сотни лицъ, тобою обращенныхъ?

Минскій епархіальный миссіонеръ, священникъ *Константинъ Поповъ*.

Р. С. Въ день юбилея Редакція «Миссіонерскаго Обозрѣнія» сердечно привѣтствовала этого старѣйшаго изъ миссіонеровъ и дѣятельнѣйшаго изъ своихъ литературныхъ соратниковъ съ тридцатилѣтнимъ служенія св. дѣлу противораскольниковъ миссіонерства и просила у Господа многихъ лѣтъ дальнѣйшаго подвига юбилару.

Почтенный о. миссіонеръ отвѣтилъ сердечною телеграммою, въ которой благодарилъ за вниманіе и память о скромномъ труженикѣ.

¹⁾ Объ этой раскольниковской махинаціи я скажу отдѣльно и сообщу самыя письма раскольниковъ. *Асм.*

Добрый отзывъ свѣтской газеты о миссіонерскихъ бесѣдахъ.

27 сего декабря въ храмѣ Горловскаго поселка рудниковъ и завода, въ присутствіи причта, при стеченіи народа, миссіонеромъ И. Г. Айвазовымъ, командированнымъ епархіальнымъ начальствомъ, велась бесѣда съ сектантами штундистами.

Толкованія сектантовъ—самыя нелѣпыя, но сами сектанты до того упорны, что нужно обладать ангельскими добродѣтелями, чтобы говорить съ ними. Невѣжество и тьма, въ которую они опустили, превосходятъ всякія границы, а упорство ихъ не поддается описанію. Кромѣ того, сектанты стараются уклониться отъ темы, прерываютъ нить бесѣды новыми и новыми несуразными вопросами и, такимъ образомъ, стараются какъ бы затмить истину, показать свою начитанность, которая заключается въ знаніи наизусть нѣсколькихъ главъ Евангелія, и сбить миссіонера. Но все же, какъ бы не мудрствовали сіи лжеучители, истинновѣрующіе вполне поняли абсурдъ ихъ толкованій и до сумасшествия доходящее ихъ упорство.

Словомъ,—миссія вполне достигаетъ своей цѣли и открываетъ глаза на ту ересь и ложь, которыя сектанты проповѣдуютъ.

Очень жаль, что подобнаго рода бесѣды ведутся, во-первыхъ, рѣдко, а во-вторыхъ—тогда уже, когда ересь распространилась. Желательно было бы, чтобы вѣрующимъ, вообще, были указаны и разъяснены тѣ мѣста священнаго писанія, которыя больше всего по своему истолковываются всякаго рода еретиками, которые, какъ враги Бога, являются врагами и государства.

„Приднѣпровскій Край“—1904 г. 3 января.
Ф—ръ Чичканъ.

Памяти священника о Василія Николаевича Румянцева.

10 января сего года, безвременно сошелъ въ могилу единовѣрческій священникъ пос. Клинцовъ, Черниговской губ., отецъ Василій Николаевичъ Румянцевъ.

Выйдя изъ народа ¹⁾, почившій въ теченіе двадцати пяти лѣтъ служилъ единовѣрію въ „Стародубѣ“ и въ самомъ его центрѣ, пос. Клинцахъ, и въ приходѣ (Вознесенскомъ), гдѣ традиціи покойнаго насадителя единовѣрія въ „Стародубѣ“, протоіерея Верховскаго, держались и держатся еще въ полной своей неприкосновенности.

Понимая единовѣріе такъ, какъ оно должно быть понимаемо, почившій много внесъ въ жизнь своего прихода такого, что вело единовѣрцевъ къ полному миру и согласію съ православіемъ. Совмѣстныя служенія пастырей единовѣрческихъ и православныхъ, совмѣстные крестные ходы въ Клинцахъ получили свое начало лишь отъ о. Василія.

¹⁾ Почившій—изъ Костромской губерніи.

Инициатива поминовенія на великомъ выходѣ за литургіей дорогихъ именъ Высочайшихъ Особъ въ Клинцахъ также принадлежала покойному; и много другого сдѣлано имъ ко благу своего прихода.

Благодаря старанію и ревности усопшаго о. Василия Николаевича, приходъ Воскресенскій имѣетъ нынѣ двѣ церковныя школы — одноклассную и двухклассную съ 200 учащихся. Не одна сотня душъ выведена имъ изъ дебрей раскола!

А кому въ Клинцахъ, и вообще въ „Стародубѣ“, не памятни благолѣпныя служенія о. Василия. Рѣдкій знатокъ церковнаго устава, почившій и исполнялъ его съ особенною ревностію и достойнымъ усердіемъ, такъ что приходилось даже слышать какъ бы поговорку: „служать, какъ въ Вознесенскомъ приходѣ!“

Душевная простота, ласковость и привѣтливость снискали о. Василию всеобщую любовь приходскаго ¹⁾ и окрестнаго населенія и даже раскольниковъ. Не говоря о прихожанахъ, массы раскольниковъ и даже евреевъ наполняли обширный храмъ и погостъ церковный, пришедшихъ засвидѣтельствовать послѣднюю любовь къ почившему. Цѣлый сонмъ священнослужителей совершали печальный обрядъ погребенія; прекрасное, надгробное слово, сказанное сосѣдомъ, православнымъ священникомъ, вызвало у слушателей искреннія слезы. Миръ праху твоему, добрый пастырь церкви Христовой! Иерейство твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ!...

Священникъ *И. Чередниковъ.*

Скопческій судебный процессъ.

На 15 число сего марта мѣсяца назначено въ г. Рязани въ Окружномъ судѣ слушаніемъ сектантское дѣло по обвиненію 89 лицъ, изъ крестьянъ Скопинскаго уѣзда, Рязанской губерніи, въ принадлежности къ скопчеству и въ распространеніи этой секты. Въ числѣ обвиняемыхъ 81 человекъ (30 мужчинъ и 51 женщина) оказались оскопленными. Формы оскопленій весьма разнообразныя и сложныя, особенно у женщинъ, — есть нѣсколько новыхъ видовъ оскопленія, непредусмотрѣнныхъ въ наукѣ сектовѣдѣнія, такъ, есть женщины, имѣющія „тройную печать“ оскопленія. У мужчинъ преобладаетъ большая печать. Свидѣтелей вызывается болѣе 200 душъ.

Настоящій процессъ по количеству обвиняемыхъ, по характеру оскопленій и по способамъ распространенія этой изуверной секты среди мѣстнаго населенія, представляется, послѣ извѣстнаго Моршанскаго процесса Плотичина, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ исторіи скопчества.

Миссіонерскія новости.

Волинскій епархіальный миссіонеръ, свящ. Василій Левитскій, назначенъ протоіереемъ собора въ Старокопстантиновѣ, а на его мѣсто миссіонеромъ опредѣляется преподаватель Орловской дух. семинаріи Н. Ив. Абрамовъ, окончившій курсъ Казанской дух. академіи въ 1902 г., со званіемъ кандидата богословія.

Г. Абрамовъ заявилъ себя въ миссіонерской литературѣ человекомъ любящимъ и знающимъ миссіонерское дѣло.

¹⁾ Что и выразилось въ день его погребенія. Богатыя похороны были на счетъ прихожанъ.

Православіе въ Сѣверной Америкѣ.

Православіе въ Сѣверной Америкѣ съ каждымъ годомъ крѣпнеть и расширяется. Изъ официальныхъ данныхъ, опубликованныхъ отчасти въ „Америк. Прав. Вѣстникѣ“, видно, что за 1902 годъ православныхъ во всей алеутской и сѣверо-американской епархіи было 34,500 человекъ, въ томъ числѣ 1,463 великоруссовъ; 5,074 галичанъ, 3,356 угроруссовъ, до 3,000 буковинцевъ, 3,580 сербовъ и др. славянъ, 815 грековъ, до 6,000 сиро-арабовъ, 2,289 креоловъ, 2,406 алеутовъ, 2,147 индѣйцевъ, до 4,300 эскимосовъ, остальные 70 человекъ—эстонцы, мадьяры, американцы и др. Противъ прошлаго года прибавилось 3,306 человекъ прихожанъ, отчасти чрезъ приращеніе православныхъ семействъ, чрезъ эмиграцію и 1,757 чел. чрезъ присоединеніе къ православію, главнымъ образомъ, униатовъ. Всѣ эти православные принадлежатъ къ 40 приходамъ, съ 52 церквами и 67 часовнями и молитвенными домами. Во всей епархіи, подъ управленіемъ преосв. епископа Тихона, состояло 48 священниковъ (въ томъ числѣ 4 архимандрита), 2 діакона и 30 псаломщиковъ. Не сильна наша миссія количествомъ миссіонеровъ, зато наличные работаютъ усердно и, какъ видно по успѣхамъ миссіи, весьма плодотворно. Особенно замѣтно крѣпнеть и развивается наша миссія на материкѣ Америки. Любопытно сравнить нынѣшнее количество прихожанъ и церквей съ тѣмъ, какое было въ 1898 году. Тогда прихожанъ здѣсь было нѣсколько болѣе 11 тысячъ, теперь ихъ болѣе 22 тысячъ, при чемъ число ихъ увеличилось не только черезъ естественный приростъ и эмиграцію, но и черезъ обращеніе изъ униі болѣе трехъ тысячъ человекъ. Приходовъ въ 1898 году было 14, а теперь 24, священниковъ 15, а нынѣ 30, новыхъ церквей и часовенъ построено 24. Въ Аляскѣ состояніе православной миссіи не вездѣ одинаково. Лучше всего обстоитъ дѣло на Алеутскихъ островахъ, гдѣ алеуты не поддаются иновѣрной пропагандѣ; колоши, населяющіе ситхинскій округъ, поддаются иногда соблазнамъ пресвитеріанской миссіи; на сѣверѣ же Аляски среди эскимосовъ, въ виду отдаленности ихъ поселеній и трудности пути къ нимъ, положеніе православія нельзя признать вполне удовлетворительнымъ: кромѣ инославной миссіи, главнымъ образомъ іезуитской, здѣсь сильно еще и язычество, неискорененное и между крещеными эскимосами.

Повидимому, теперь уже ясно опредѣлилось, что будущій ростъ православія въ Сѣв. Америкѣ возможенъ главнымъ образомъ чрезъ воссоединеніе униатовъ съ православною матерью-церковью, отъ какой они были отторгнуты хитростью Рима. Для нихъ въ Америкѣ преимущество православныхъ ясно сказывается въ томъ, что послѣдніе имѣютъ своего епископа, тогда какъ они отданы во власть епископовъ католическихъ—ирландскихъ въ Штатахъ и французскихъ въ Канадѣ. При посѣщеніи православнымъ епископомъ своихъ церквей, униаты часто приходятъ посмотрѣть его; принимаютъ его благословеніе, вступаютъ въ бесѣду съ нимъ, иногда тутъ же завязываются и переговоры о присоединеніи ихъ къ православной церкви и о томъ, на какихъ условіяхъ оно возможно. Какъ извѣстно, Св. Синодъ открылъ для Америки два новыхъ епископскихъ викаріатствъ, назначивъ на эти каѳедры опытныхъ въ миссіи дѣятелей—арх. Иннокентія Пустынского, какъ еп. Аляскаго и архим. Рафаила, который будетъ возведенъ въ санъ епископа въ Америкѣ.

Христіанство въ Корей.

Въ виду военныхъ дѣйствій на Корейской территоріи, исторія распространія христіанства здѣсь заслуживаетъ вниманія. Страна эта одна изъ тѣхъ, которыя по своимъ религіознымъ взглядамъ представляютъ наименѣе удобную почву для религіи христіанской. Одинъ образованный молодой кореецъ попалъ въ Китай вмѣстѣ съ посольствомъ и занялся въ Пекинѣ изученіемъ наукъ. Судьба столкнула молодого, ищущаго знанія корейца съ католическими миссіонерами въ Пекинѣ, и здѣсь молодой Сенгъ—такъ звали корейца—впервые ознакомился съ религіей любви и всепрощенія—съ христіанствомъ. Разказы и уроки миссіонеровъ такъ подѣйствовали на Сенга, что когда онъ вернулся въ Корею черезъ два года, въ 1782 году, то онъ былъ уже христіаниномъ и явился вдохновеннымъ провозвѣстникомъ новаго ученія въ Корей.

Въ дворцовой партіи (китайской) онъ нашелъ еще нѣсколько лицъ, которыя сочувствовали религіи, и молодой Петръ-Сенгъ условно окрестилъ ихъ. Китайская партія думая, что новая религія принесетъ съ собой и политическое вліяніе Китайской имперіи, всѣми силами способствовала ея возможно быстрому распространенію среди населенія Сеула. Корейцы цѣлыми семействами переходили въ христіанство. Подобное движеніе въ народѣ не могло ускользнуть отъ зоркаго вниманія правительства, всегда ревниво охранявшаго отъ какихъ-либо новшествъ—религію и обычаи. И вотъ христіанство съ самыхъ первыхъ шаговъ въ Корей встрѣтило также и множество враговъ.

Христіане хорошо сознавали, что отсутствіе у нихъ всякой правильной организаціи составляетъ важный недостатокъ, поэтому, желая пополнить этотъ пробѣлъ, они рѣшились создать у себя *свою церковную іерархію*, на подобіе той, которая, по разсказамъ бывшихъ въ Китаѣ, введена тамъ европейскими миссіонерами. Конечно, корейцы не подозревали, что для *церковной іерархіи требуется преемство*: въ Корей избранъ былъ епископъ и священники, которые, подробно изучивъ имѣвшіяся у нихъ церковныя книги, крестили народъ и совершали требы. Такъ возникла корейская іерархія. Послѣ двухлѣтняго ея существованія, корейскихъ іерарховъ взяло сомнѣніе въ законности ихъ выборовъ, почему въ 1789 году они, несмотря на строгія правила, запрещающія корейцамъ всякое сношеніе съ иностранцами, вошли въ переговоры по всѣмъ этимъ вопросамъ съ католическимъ епископомъ въ Пекинѣ. Изъ отвѣтнаго письма, доставленнаго христіанамъ въ 1790 г., они узнали, что ихъ церковная іерархія незаконная и что имъ отнюдь воспрещается совершать требы; единственно, что имъ разрѣшалось, это крестить и просвѣщать язычниковъ словомъ. Епископъ обѣщалъ скорѣ прислать священнослужителя, что несказанно обрадовало христіанъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ епископъ поставилъ христіанамъ на видъ, что впредь имъ слѣдуетъ отказаться отъ жертвоприношеній и вообще не принимать участія въ суевѣрныхъ языческихъ обрядахъ.

Когда враги христіанства узнали, что христіане-корейцы по смерти своихъ родителей совершаютъ похороны безъ соблюденія установленныхъ жертвоприношеній, то въ странѣ поднялся ропотъ противъ нарушителей обычаевъ народа и со всѣхъ сторонъ на христіанъ посыпались доносы. Въ это время (1791 г.) въ Корей царствовалъ король Тіонъ-Цунъ, государь мудрый, мягкій, осторожный и покровитель наукъ. Къ несчастію, врагамъ

христіанства удалось убѣдить короля въ неотложной необходимости казнить послѣдователей вреднаго ученія, и 8 декабря 1791 г. отъ руки палача пали головы *первыхъ корейскихъ христіанъ-мучениковъ*. Враги христіанства торжествовали. Повсюду начались преслѣдованія христіанъ, которыхъ безпощадно пытали, въ надеждѣ заставить ихъ этимъ путемъ отречься отъ новой религіи; многіе христіане мужественно переносили муки. Многіе, ради избѣжанія гоненій, не замедлили отречься отъ христіанства. Съ 1793 года гоненіе значительно ослабѣваетъ, особенно въ столицѣ. Въ послѣдующіе годы въ Корей уже насчитывалось, несмотря на большое число вѣроотступниковъ, болѣе 4.000 христіанъ. Несчастія лишь убѣдили ихъ еще разъ въ необходимости имѣть священника, почему христіане снова обратились съ просьбой объ этомъ къ миссіонерамъ, проживающимъ въ Пекинѣ. О всѣхъ описанныхъ происшествіяхъ пекинскіе миссіонеры узнали только въ 1791 г. и тогда же рѣшено было немедленно отправить къ несчастнымъ христіанамъ одного священника. Выборъ для исполненія этого труднаго порученія палъ на молодого священника Якова Пія, который, какъ китаецъ, ближе подходилъ къ корейцамъ и послѣ долгихъ странствованій и разныхъ приключеній, отцу Пію удалось прибыть въ началѣ 1795 г. въ корейскую столицу. Какъ ни старались христіане скрыть отъ язычниковъ присутствіе о. Пія въ столицѣ, власти все-таки скоро провѣдали о томъ и немедленно распорядились о его задержаніи. О. Пій, предупрежденный во время, успѣлъ скрыться. Не такъ счастливы были двое изъ его товарищей, которые были задержаны и казнены въ тюрьмѣ. Задержано было много христіанъ, которыхъ обвинили въ укрывательствѣ о. Пія и подвергли страшнымъ пыткамъ.

Наиболѣе страшнымъ для христіанъ былъ XIX вѣкъ. Съ 1801 г. въ Корей льются потоки христіанской крови; появился указъ короля, въ которомъ говорилось, что всякій, кто узнаетъ о христіанинѣ, можетъ или самъ убить его или донести властямъ и благодаря этому глубоко безчеловѣчному указу, умерщвленія и муки христіанъ начались повсемѣстно. Несчастные падали или отъ рукъ фанатичныхъ буддистовъ, или погибали въ застѣнкахъ правительственныхъ палачей. Сравнительно спокойнѣе жило христіанамъ только въ шестидесятыхъ годахъ, во время первыхъ попытокъ русскихъ проникнуть въ Корею. Дѣло въ томъ, что когда русскія суда подошли къ Корей, то тогдашній регентъ Кореи обратился за совѣтомъ къ католическому епископу Брізъ, какъ быть съ новыми пришельцами. Католикъ Брізъ, узнавъ, что эти пришельцы—русскіе и православные, что среди нихъ находится нѣсколько русскихъ священниковъ, началъ уговаривать регента возможно осторожнѣе отнестись къ просьбамъ русскихъ и ни подъ какимъ видомъ не впускать ихъ въ Корею. Совѣтъ епископа понравился регенту, и онъ наотрѣзъ отказался не только впустить русскихъ въ Корею, но даже вступить въ какіе-либо переговоры. Благодаря этому обстоятельству, католическій епископъ началъ пользоваться большимъ вліяніемъ при дворѣ регента (какъ „спаситель“ Кореи). Въ настоящее время въ Корей насчитывается около 120.000 христіанъ, изъ коихъ 119.020—католики, 800—протестанты и 180—православные. Изъ этихъ цифръ очень ясно видно, насколько католицизмъ въ Корей сильнѣе другихъ вѣроисповѣданій. Впослѣдствіи въ Корей предоставлена христіанскимъ миссіонерамъ свобода проповѣди евангельскаго ученія. Представителемъ нашей миссіи въ Сеулѣ является почтенный архимандритъ *Хрисанфъ*, который нынѣ выѣхалъ вмѣстѣ съ посольствомъ изъ Кореи.

ОТКЛИКИ.

Христіанство и война.

(ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА).

. Въ настоящее время война занимаетъ вниманіе не только политическихъ учрежденій, но и отдѣльныхъ лицъ, начиная съ государственныхъ дѣятелей и кончая послѣднимъ рабочимъ. Мировлюбивую Россію заставили заговорить военнымъ языкомъ. Дѣйствія Японіи, подстрекаемой уже извѣстными въ исторіи своимъ коварствомъ англичанами, подняли русскій духъ для вооруженнаго сопротивленія. Предоставляя специалистамъ разбирать международныя отношенія, мы постараемся освѣтить съ христіанской точки зрѣнія то страшное явленіе въ жизни человѣчества, которое называется войною. Беремъ на себя этотъ трудъ, имѣя въ виду по возможности разобраться въ существующихъ заблужденіяхъ по этому вопросу.

Всякій изъ убѣжденныхъ христіанъ съ недоумѣніемъ останавливается надъ вопросомъ: позволительна-ли война для людей, христіански настроенныхъ? При разрѣшеніи этого вопроса, рѣзко выступаетъ такая дилемма: политическая необходимость, требованія жизни и, наконецъ, необходимость прямо человѣческая заставляютъ отвѣтить на это недоумѣніе утвердительно; но поскольку мы — христіане, насъ останавливаютъ передъ войною нравственные требованія любви, гуманности, человѣколюбія и т. д. Одни даютъ перевѣсъ въ своихъ убѣжденіяхъ первому требованію и самоотверженно выступаютъ на защиту своей родины, другіе (какъ, напр., нѣкоторые сектанты) болѣе руководящее значеніе удѣляютъ второму соображенію.

Но всякій, конечно, пойметъ, что этотъ вопросъ нельзя предоставить совѣсти каждаго; а потому, для пастырей церкви, имѣющихъ дѣло съ лицами разныхъ убѣжденій, въ наше время особенно необходимо разрѣшеніе возникающей дилеммы.

I.

Вспомнимъ, что было у насъ въ Россіи лѣтъ 25 тому назадъ, когда православный русскій народъ, по волѣ Царя Освободителя, поднялся на защиту свободы своихъ восточныхъ единовѣрныхъ братьевъ-славянъ. Архипастыри и пастыри Церкви въ своихъ рѣчахъ и проповѣдяхъ старались возжечь въ народѣ искру любви къ своимъ братьямъ. Епископъ Теофанъ, бывшій въ Константинополь-

ской миссіи, своимъ вѣскимъ словомъ раскрываетъ смыслъ войны и призываетъ Божіе благословеніе на вооруженную защиту нашихъ братьевъ. Преосвященный Никаноръ, епископъ Уфимскій, даетъ наставленія воинамъ, идущимъ на войну, показывая имъ, на какое доброе и христіанское дѣло они собираются. Преосвященный Хрисанъ, епископъ Астраханскій и Енотаевскій, въ своей рѣчи, по прочтеніи манифеста о вступленіи русскихъ войскъ въ предѣлы Турціи, опредѣляетъ нравственное значеніе войны. Епископъ Павелъ Кишиневскій говоритъ о войнѣ, какъ о безкорыстной христіанской любви. Въ томъ же духѣ проповѣдывали и пастыри Церкви, напр., протоіереи Алексѣй Колоколовъ, Иванцовъ-Платоновъ и другіе. Наконецъ, кто не знаетъ того классическаго примѣра, когда преподобные Сергій Радонежскій благословилъ Дмитрія Донскаго и все его ополченіе на войну съ татарами!

Конечно, не разрѣшаютъ вопроса о войнѣ дѣйствія и мысли отдѣльныхъ личностей, но все же и эта историческая справка даетъ намъ понять, куда клонилось христіанское убѣжденіе въ вопросѣ о смыслѣ войны.

Для того, чтобы понять христіанское ученіе вообще и христіанское воззрѣніе на войну въ частности, надо глубоко вникнуть въ самый духъ того божественнаго ученія, которое принесено на землю Спасителемъ міра. Христово Евангеліе нигдѣ прямо ни запрещаетъ, ни узаконяетъ войны. Отсюда понятно, что и христіанская Церковь въ самую раннюю пору своего существованія, приблизительно до III вѣка, не опредѣлила существенно своего отношенія къ войнѣ. Оригенъ, Тертулліанъ и почти вся Египетская Церковь считаютъ несомнѣстимымъ военное званіе съ христіанскою жизнью. Впрочемъ, и до III вѣка нѣкоторые представители христіанской Церкви (Климентъ Александрійскій) рѣшаютъ это недоумѣніе въ смыслѣ позволительности заниматься дѣлами государственными. Съ IV же вѣка этотъ взглядъ окончательно утверждается и получаетъ свою силу вслѣдствіе постановленія Арльскаго собора (314 г.), который подъ страхомъ отлученія отъ Церкви запрещаетъ уклоненіе отъ военной службы ¹⁾.

Такъ опредѣленно высказалась въ IV вѣкѣ христіанская Церковь по вопросу о войнѣ съ точки зрѣнія нравственнаго ученія христіанства. Однако, это очень многихъ не удовлетворило. Мыслители, по своему понявъ нравственный христіанскій законъ, разошлись съ общецерковнымъ пониманіемъ этого закона и раздѣлились по своимъ взглядамъ на смыслъ и значеніе войны на отрицающихъ

¹⁾ О перемѣнѣ взглядовъ Церкви на войну въ IV вѣкѣ см. у бар. М. А. Таубе «Христіанство и организація международнаго мира».

войну совершенно, такъ называемыхъ «апостоловъ мира», и ея защитниковъ или «апологетовъ войны».

Ужасы и бѣдствія войны, упадокъ экономическаго и культурнаго быта въ государствѣ, пониженіе нравственнаго уровня въ военное время и пр. уже очень рано стали выдвигать особыхъ людей, «апостоловъ мира», которые не только заботились о скорѣйшемъ прекращеніи войнъ, но, главнымъ образомъ, пытались совершенно уничтожить военную службу. Среди такихъ проповѣдниковъ можемъ указать на извѣстнаго американца Эліу Бэррита, жившаго въ первой половинѣ XIX вѣка. Свои воззрѣнія онъ окончательно выработалъ, еще будучи 20-тилѣтнимъ юношей, когда въ кружкѣ единомысленныхъ съ нимъ сверстниковъ на основаніи Библіи бесѣдовалъ о важности общаго примиренія. Съ проповѣдью своихъ идей онъ путешествовалъ по всей Европѣ и его инициативѣ, главнымъ образомъ, приписываютъ возникновеніе конгрессовъ въ Брюсселѣ (1848 г.), Парижѣ (1849 г.), Франкфуртѣ (1850 г.) и Лондонѣ (1851 г.). Въ этомъ же направленіи дѣйствовалъ и его младшій современникъ Ричардъ Кобденъ, который также принималъ немало-важное значеніе въ поименованныхъ конгрессахъ мира.

Благодаря художникамъ, поэтамъ, романистамъ, философамъ и проч. эти воззрѣнія проникали въ жизнь и создавали такимъ образомъ широкую оппозицію милитаризму, которая вскорѣ и дала о себѣ знать.

Все, что можно сказать апологетамъ мира въ защиту своего взгляда противъ войны, собрано въ одной англійской книжкѣ Ионаана Даймонда¹⁾, вышедшей седьмымъ изданіемъ въ 1880 году. Даймондъ является горячимъ защитникомъ и ревнителемъ мира, основательно усвоившимъ въ пользу своего взгляда всѣ воззрѣнія, которыя вырабатывались, можно сказать, уже со времени Будды (VI в. до Р. Х.), и занимали умы новыхъ стоиковъ (Сенека) и нѣкоторыхъ протестантскихъ сектантовъ (менонитовъ и квакеровъ). Въ своемъ трактатѣ Даймондъ защищаетъ семь нижеслѣдующихъ тезисовъ:

I. Война безнравственна въ самыхъ своихъ источникахъ, такъ какъ возникаетъ всегда и существуетъ вслѣдствіе причинъ (привычка, выгода, слава), положительно осуждаемыхъ христіанствомъ.

II. Война безнравственна и въ своихъ послѣдствіяхъ и потому не согласна съ христіанствомъ: она въ значительной мѣрѣ понижаетъ нравственный уровень народовъ, ихъ общественное и политическое благосостояніе.

¹⁾ Essays of the Principles of Morality and on the private and political Rights and Obligations of Mankind.

III. Война стоитъ въ противорѣчій съ общимъ характеромъ христіанства и основными его нравственными началами.

IV. Война запрещается точнымъ и прямымъ смысломъ нѣкоторыхъ нравственныхъ правилъ, заключающихся въ Св. Писаніи.

V. Христіане первенствующей Церкви вѣровали, что война запрещена Иисусомъ Христомъ, и нѣкоторые изъ нихъ запечатлѣли эту свою вѣру мученическою смертію.

VI. Въ пророчествахъ Ветхаго Завета Богъ положительно выразилъ Свою волю о имѣющемъ послѣдовать окончательномъ искорененіи войны; а это искорененіе войны должно быть произведено христіанствомъ, дѣйствіемъ его началъ.

VII. Тѣ, которые, согласно со своими убѣжденіями въ незаконность войны, отказывались отъ нея, находили себѣ защиту въ Промыслѣ ¹⁾.

Такое же воззрѣніе на войну усвоилъ въ послѣдствіи и графъ Л. Н. Толстой, раскрывши его сначала въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ (напр., «Война и Миръ»), а затѣмъ, въ своихъ, если можно такъ выразиться, богословскихъ трактатахъ: «въ чемъ моя вѣра» и «царство Божіе внутри насъ». Онъ не далъ въ этомъ случаѣ ничего оригинальнаго; даже въ основномъ тезисѣ своего міровоззрѣнія «о непротивленіи злу», Толстой имѣетъ предшественника хотя бы въ упомянутомъ Іонаванѣ Даймондѣ. Да и среди русскихъ мыслителей воззрѣнія Л. Н. по этому вопросу не новость, такъ какъ указанныя тенденціи еще ранѣе Толстого появились, напр., у Шеглова, въ его военныхъ разсказахъ.

Однако, антибеллистическія воззрѣнія названныхъ мыслителей, покоившіяся въ своей постановкѣ, какъ мы увидимъ ниже, на неправильномъ толкованіи сущности христіанской нравственности, ограничились, при своемъ практическомъ осуществленіи, только собраніемъ нѣсколькихъ конгрессовъ, почти ни къ чему не приведшихъ, да, пожалуй, изобрѣтеніемъ «гуманныхъ пуль».

Въ противоположность «апостоламъ мира» появляются мыслители иного рода, «апологеты войны», дошедшіе въ своихъ воззрѣніяхъ также до крайности, до неумѣреннаго восхваленія и даже обоготворенія военныхъ дѣйствій. Война — основной законъ всего живущаго, вотъ тезисъ, на которомъ созидаютъ свои построенія апологеты войны. «Война — божественнаго происхожденія», говоритъ одинъ изъ нихъ, де-Местръ: «это — міровой законъ; ее окружаетъ таинственный ореолъ славы и она имѣетъ для насъ какое-то невыразимое обаяніе. Война божественнаго происхожденія уже въ

¹⁾ Правосл. Обзор. 1890 г., т. II, «Къ вопросу о законности войны», стр. 110.

силу того, что она шадить великихъ полководцевъ, даже самыхъ отважныхъ, — рѣдкіе изъ нихъ бывають ранены, да и то тогда, когда наступилъ предѣлъ ихъ славѣ, когда ихъ миссія кончена» ¹⁾).

Во главѣ мыслителей разсматриваемаго направленія стоитъ знаменитый нѣмецкій философъ Гегель, признающій разумное основаніе для всего реально существующаго. Послѣдователемъ и продолжателемъ его взгляда является извѣстный французскій публицистъ Прудонъ, видный революціонный дѣятель. «Безъ войны», говоритъ онъ, «ничего нельзя объяснить; все связано съ нею; кто постигъ войну, тотъ постигъ всю жизнь рода человѣческаго» ²⁾. Итакъ, по вопросу о смыслѣ войны образовались два крайнихъ воззрѣнія, изъ которыхъ одно считаетъ войну безусловнымъ зломъ, а другое признаетъ ее явленіемъ не только возможнымъ, но и необходимымъ.

Христіанство отвергло эти крайнія воззрѣнія и установило свой новый «средній» взглядъ. Правда, христіанство, какъ уже выше было замѣчено, не рѣшало этого вопроса своею буквою; оно вообще не касалось вопросовъ политики, права, экономіи и проч. и сдѣлало предметомъ своего ученія лишь то, что относится къ такъ называемымъ «вѣчнымъ вопросамъ», предоставляя рѣшеніе всего прочаго свободѣ человѣка. Однако, и по Библіи можно прослѣдить идею мира и войны. «Первыя правильныя понятія о войнѣ», говоритъ Амвросій, архіеп. Харьковскій, «мы находимъ въ книгахъ Моисеевыхъ, гдѣ Богъ повелѣваетъ враговъ истины и правды, неспособныхъ возвыситься до нихъ силою разумѣнія, по плодящихъ на землѣ зло, уничтожать и покорять силою оружія» ³⁾. Устами пророковъ Господь Богъ, какъ извѣстно, указывалъ на имѣющее совершиться въ отдаленномъ будущемъ время полного просвѣщенія людей ученіемъ любви и мира, когда «волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненокъ и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ; и теленокъ, и молодой левъ, и волъ будутъ вмѣстѣ и малое дитя будетъ ихъ водить и т. д.» (Исаіи гл. 11, ст. 6).

Но и съ явленіемъ христіанства, война, какъ знаемъ, не уничтожилась; и, какъ само собою понятно, не христіанство узаконяло ее на дальнѣйшее время. «Замѣна римскаго міра (и мира) христіанскимъ», говоритъ Вл. Соловьевъ, «не произвела сразу въ положеніи вопроса о войнѣ никакого существеннаго измѣненія. Правда, своимъ безусловнымъ осужденіемъ всякой ненависти и вражды, христіанство въ принципѣ, въ нравственномъ корнѣ, упразднило войну. Но подрѣзать корни еще не значитъ—повалить дерево; да проповѣдники

¹⁾ «Русская мысль» 1895 г. ноябрь «Война у разныхъ народовъ», стр. 42.

²⁾ Прудонъ. «Война и Миръ» 1864 г., стр. 38.

³⁾ Амвросій Харьковскій. Полн. собр. проповѣдей, т. II, стр. 1.

Евангелія и не хотѣли повалить это Навуходоносорово дерево, ибо они знали, что его тѣнь еще нужна землѣ, пока изъ малаго зерна истинной вѣры не вырастетъ ему на смѣну то «величайшее изъ растений», подъ сѣнью котораго могутъ надежно укрыться и люди и звѣри полевые» ¹⁾).

Это, пожалуй, такъ; и въ этомъ, разумѣется, смыслѣ 83 правило Святыхъ Апостоловъ, запрещаая посвященнымъ принимать участіе въ воинскомъ дѣлѣ, т. е., завѣдывать воинскимъ жалованіемъ, имуществомъ и наборами войскъ, мотивируетъ это евангельскимъ «кесарева кесареви и Божія Богови» (Мѡ. гл. 22, ст. 21). Однако, мнѣніе Соловьева, будто христіанство нуждается въ войнѣ и *до поры до времени* не слѣдуетъ валить «Навуходоносорова дерева», не совсѣмъ глубоко проникаетъ въ сущность предмета. Кому не извѣстно, что война есть зло? Война—зло, но не столько по тѣмъ бѣдствіямъ, которыя она вноситъ въ человѣчество, сколько потому, что она является слѣдствіемъ зла и порока, плодомъ грѣха и продуктомъ человѣческихъ страстей. Грѣховный эгоизмъ служить причиною международныхъ раздоровъ. Извѣстно, что грѣхъ произвелъ и самое войну (братоубійство Каина). Поэтому христіанство, проповѣдующее возможно полную чистоту и святость, ни на минуту не можетъ желать войны, такъ какъ это значило бы желать зла и грѣха. Война, которую Вл. Соловьевъ образно называетъ «Навуходоносоровымъ деревомъ», глубоко укоренилась въ понятіяхъ человѣчества и потому становится какъ бы неизбежною и въ христіанствѣ.

Въ самомъ принципѣ война есть зло, но не всегда и не всякую войну осуждаетъ христіанство и военную службу не считаетъ безнравственною. «Развѣ лишень спасенія воинскій чинъ?»—вопросааетъ Св. Василій Великій: «Развѣ пѣтъ ни одного сотника благочестиваго? Я знаю, одинъ сотникъ, который, стоя у креста Христова и отъ чудесъ познавши Его могущество, не смотря на жестокость иудеевъ, не убоаяся ихъ и изрекъ истину» ²⁾), такъ какъ «не воиномъ быть грѣхъ есть, но воинствовать для хищенія—беззаконіе» ³⁾), пояснимъ словами Амвросія Медиоланскаго. Поэтому, изъ обстоятельствъ войны явствуетъ, съ чьей стороны война нравственна и воинское званіе—почетно, и смерть на полѣ брани—славна. Это очень наглядно изобразилъ Вл. Соловьевъ: «смыслъ войны», говоритъ онъ, «не исчерпывается ея отрицательнымъ опредѣленіемъ, какъ зла и бѣдствія; въ ней есть и нѣчто положительное, не въ томъ смыслѣ, чтобы она была сама по себѣ нормальна, а лишь въ томъ, что

¹⁾ В. Соловьевъ. Полное собр. т. VII стр. 405.

²⁾ Василій Великій. Бесѣды на разныя матеріи. М. 1855 г. стр. 262.

³⁾ Амвросій Медиол. Избранныя поучительныя слова. М. 1838 г. стр. 68.

она бываетъ реально необходимою при данныхъ условіяхъ. Эта точка зрѣнія на ненормальныя явленія, вообще, не можетъ быть устранена, и на нее приходится становиться не въ противорѣчіи съ нравственнымъ началомъ, а напротивъ, въ силу его прямыхъ требованій. Такъ, напримѣръ, хотя всякій согласится, что выбрасывать дѣтей изъ окошка на мостовую есть, само по себѣ, дѣло безбожное, безчеловѣчное и противоестественное, однако, если во время пожара не представляется другого средства извлечь несчастныхъ младенцевъ изъ пылающаго дома, то это дѣло становится не только позволительнымъ, но и обязательнымъ. Очевидно, правило бросать дѣтей изъ окошка въ крайнихъ случаяхъ не есть самостоятельный принципъ наравнѣ съ нравственнымъ принципомъ спасенія погибающихъ; напротивъ, это послѣднее нравственное требованіе остается и здѣсь единственнымъ побужденіемъ дѣйствій; никакого отступленія отъ нравственной нормы здѣсь нѣтъ, а есть только прямое ея приложеніе способомъ, хотя неправильнымъ и опаснымъ, но такимъ, однако, который, въ силу реальной необходимости, доказывается единственно возможнымъ при данныхъ условіяхъ» ¹⁾). Поэтому весь вопросъ сводится къ тому: при какихъ условіяхъ христіанство считаетъ войну нравственно позволительною?

Въ виду того, что основаніемъ какъ нравственной, такъ и гражданской жизни каждаго народа служить его религія, а для народа христіанскаго его религія—святая Богооткровенная истина, то развѣ можетъ кто либо считать войну на защиту вѣры христовой безнравственною? Правда, всѣ народы убѣждены въ истинности исповѣдуемой только ими религіи, но цѣну вѣры «языковъ» мы знаемъ и принципъ войны «за вѣру» для насъ становится обязательнымъ.

Кромѣ того, справедливо въ нравственномъ смыслѣ надо признать войну на защиту своей родины, соотечественниковъ, на защиту народа христіанскаго, поработеннаго иновѣрцами, на защиту чести своего государства и т. д.

Обо всемъ этомъ коротко говоритъ Св. Амвросій Медиоланскій: «всякій христіанинъ обязанъ воинствовать и сражаться за честность и добродѣтель». Филаретъ, митрополитъ московскій, благословляя въ 1854 году войско на войну, внушаетъ ему такія мысли: «если по судьбамъ Божиимъ и вамъ должно будетъ стать противъ лица врага, вы будете помышлять, что сражаетесь за благочестивѣйшаго Царя, за любезное отечество, за святую церковь противъ нехристіанъ, противъ гонителей христіанства, противъ утѣснителя народа

¹⁾ Вл. Соловьевъ. Полное собраніе, т. VII стр. 398.

намъ единовѣрнаго и частію соплеменнаго, противъ оскорбителей святыни поклоняемыхъ мѣстъ Рождества, Страданія и Воскресенія Христова» ¹⁾).

По существу дѣла христіанство знаетъ только войну оборонительную отъ власти, понятій и насилій язычества, неправовѣрія и неправды. Правда, христіанская любовь повелѣваетъ терпѣть зло, но только до тѣхъ поръ, пока зло не препятствуетъ славѣ Божіей. Въ противномъ случаѣ это будетъ неразумнымъ злоупотребленіемъ высокими завѣтами Господа о терпѣніи. Самъ Христосъ какъ бы узаконяетъ самозащиту однимъ случаемъ, бывшимъ въ Его жизни. Когда на судѣ первосвященника Анны, слуга ударилъ Христа по ланитѣ, то Господь сказалъ ему: «если я сказалъ худо, то скажи, что худо, а если хорошо, то за что ты бьешь Меня?» И никто не дерзнетъ въ этомъ поступкѣ Господа видѣть противорѣчіе съ Его заповѣдью, — «не противься злему» (Мѡ. гл. 5 ст. 39). Наоборотъ, здѣсь усматривается высшее и разумнѣйшее исполненіе приведенныхъ словъ.

Итакъ, христіанство, хотя и признаетъ, что война есть зло, но зло неизбежное и потому борится съ нимъ въ предотвращеніе большаго зла, внушая при этомъ воюющимъ самыя строгія нравственныя требованія, которыя выразилъ Хомяковъ въ такихъ стихахъ:

„Не въ пьянствѣ похвальбы безумной,
Не въ пьянствѣ гордости слѣпой,
Не въ буйствѣ смѣха, пѣсни шумной,
Не съ звономъ чаши круговой,
Но въ силѣ трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На дѣло грознаго служенья
Въ кровавый бой предстанешь ты!
О, Русь моя! какъ мужъ разумный
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душою свѣтлой, многодумной,
Ступай на Божескій призывъ!
Такъ, исцѣливъ болѣзнь порока
Сознаньемъ, скорбью и стыдомъ,
Предъ міромъ станешь ты высоко
Въ сіяньѣ новомъ и святомъ!
Иди! тебя зовутъ народы,
И, совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!
Иди! свѣтла твоя дорога,
Въ душѣ — любовь; въ десницѣ — громъ,
Грозна, прекрасна, Ангелъ Бога
Съ огнесверкающимъ огнемъ“.

И. Ивановскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Филаретъ московскій. Полн. собр. т. V, стр. 533.

ВѢСТИ О РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНѢ.

I.

Смыслъ церковныхъ моленій, возносимыхъ православною Россіей по поводу войны съ языческой Японіей.

(Поученіе на молебномъ пѣніи о дарованіи побѣды русскому оружію).

На дальней окраинѣ русскаго государства вспыхнула война. Дерзкій вызовъ на эту войну бросила Россіи православной языческая Японія, и Россія, съ мужественною вѣрою въ помощь Господа Бога, приняла этотъ вызовъ. Вся Русь святая, какъ одинъ человѣкъ, отозвалась на воинскій кликъ своего Государя, понимая, что эта война не дѣло лишь далекой окраины, но всей недѣлимой Россіи: — за державныя права, за честь и достоинство нашего отечества возникла она! И вотъ, отъ края, до края могучей волной всколыхнулась Россія, посылая на Дальный Востокъ своихъ вѣрныхъ сыновъ. — Снарядила она рати воинскія — послала сыновъ своихъ положить свою жизнь, свои души за братьевъ ихъ. Снаряжаетъ слѣдомъ за этими ратями и рати людныя: гдѣ война, тамъ смерть и разрушеніе, тамъ кровь, раненые и страдающіе; и вотъ, стремятся къ мѣсту сраженій толпы строителей, искусныхъ мастеровъ различныхъ, полезныхъ и необходимыхъ при войнѣ работъ, движутся отряды медицинскіе, санитарные, — отряды братьевъ и сестеръ милосердія: — это идутъ сыны Россіи принести въ жертву отечеству свои знанія и силы, свои умѣнія и искусства, свое доброе сердце.

Всѣмъ этимъ сынамъ отечества требуются для ихъ дѣла, въ далекомъ краю, матеріалы: ни воинъ, ни архитекторъ, ни врачъ, ни сестры милосердія не могутъ выполнить своего подвига безъ оружія, безъ медицинскихъ орудій и лѣкарствъ, безъ припасовъ различныхъ необходимыхъ вещей. Требуется на войнѣ чѣмъ сражаться, чѣмъ питаться, во что одѣться; чѣмъ поправить и возста-

новить разрушенное, испорченное, искалѣченное! И вотъ не менѣе цѣнное дѣло для отечества дѣлають тѣ сыны и дочери его, что, оставаясь на своихъ мѣстахъ, собирають, заготовляють и посылають далекимъ братьямъ своимъ все то, въ чемъ у нихъ неотложная нужда. И сіи на жертвенникъ отечества возносятъ благовоющую жертву, свои лепты, свое достояніе, свои труды.

Такъ всякій теперь служить родинѣ, чѣмъ находитъ возможнымъ послужить! Всѣ полны благороднаго желанія побѣды надъ врагомъ, побѣды возможно легчайшей для насъ.

Однако, какъ примиряется христіанская совѣсть Руси святой съ выступленіемъ на бой, съ желаніемъ побѣды? Благословенно-ли отъ Бога это дѣло? О, конечно! Прислушаемся къ тѣмъ молитвамъ, которыя возносятся русскою церковію къ престолу Царя царей въ настоящее время, и мы поймемъ глубину истинно-христіанскаго настроенія Руси святой.

«Съ нами Богъ, разумѣйте языцы, и покоряйтесь: яко съ нами Богъ». Такія слова ветхозавѣтнаго пророка примѣняетъ и себѣ наша церковь, начиная молебное пѣніе во время брани противъ супостатовъ. Этимъ она исповѣдуетъ предъ всѣми, необинуясь, что не суетная слава, не желаніе угнетать другихъ, не задоръ и рвеніе ведетъ насъ на бранное поле. Далеко Господь отъ руководящихся подобными недобрыми чувствами, но близъ боящихся Его. Слѣдовательно, только тогда дастъ намъ надежду на успѣхъ нашихъ моленій о войнѣ св. церковь, когда сами мы, выступая на войну, стараемся быть вѣрными Божьей волѣ,—лишь для защиты правды своей противъ зла беремъ за оружіе.

Такое именно сознаніе своей правды, сознаніе готовности не отступить отъ завѣтовъ Божіей воли и наполняетъ русскую душу въ настоящее время.

«Въ заботахъ о сохраненіи дорогого сердцу Нашему мира, Нами были приложены всѣ усилія для упроченія спокойствія на Дальнемъ Востокѣ», возвѣстилъ недавно Государь Всероссійскій всѣмъ своимъ вѣрнымъ подданнымъ ¹⁾. «Мы изъявили согласіе на предложенный Японскимъ правительствомъ пересмотръ существовавшихъ между обѣими имперіями соглашеній по Корейскимъ дѣламъ. Возбужденные по сему предмету переговоры не были, однако, приведены къ окончанію, и Японія, не выждавъ даже полученія послѣднихъ отвѣтныхъ предложеній Правительства Нашего, извѣстила о прекращеніи переговоровъ и разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Россіей. Не предувѣдомивъ о томъ, что перерывъ таковыхъ

¹⁾ Высочайшій манифестъ 27 января 1904.

сношеній знаменуетъ собою открытіе военныхъ дѣйствій, Японское Правительство отдало приказъ своимъ миноносцамъ внезапно атаковать Нашу эскадру» ¹⁾... Итакъ, мы испытали всѣ средства примиренія и натолкнулись на явное нежеланіе мира со стороны японцевъ.

Ихъ вѣроломное поведеніе и побудило, да и должно было побудить, миролюбиваго Государя нашей великой страны на повелѣніе вооруженною силою отвѣтить на вызовъ Японіи. Итакъ, мы взяли за оружіе не для нападенія, но для защиты,—чтобы не дать торжества злу,—въ видѣ наглости и коварства, поставить злу воинскую преграду, которая одна уже осталась въ нашемъ распоряженіи. И поистинѣ—вѣруемъ мы—съ нами въ такомъ случаѣ—Богъ правый.

Но, вѣря, что съ нами Богъ, русская православная церковь чужда, однако, горделиваго сознанія своей безгрѣшной чистоты. Нѣтъ. Если ни одинъ человѣкъ не бываетъ чистъ отъ грѣховной скверны, *еще и единъ день житія его на земли*; то и общество наше чувствуетъ себя грѣшнымъ предъ Богомъ,—грѣшнымъ при этомъ настолько, что признаетъ себя достойнымъ по праведному суду Господа Его гнѣва. Всѣ бѣдствія, которыя неизбѣжно несутъ съ собою война, можемъ мы безошибочно принять, какъ Божіе справедливое по дѣломъ нашимъ воздаяніе.

«Грѣхъ ради нашихъ и беззаконій попустилъ еси, Правосуде, врагомъ нашимъ озлобити насъ», исповѣдуемъ мы въ молитвахъ своихъ при нашествіи супостатовъ ²⁾.

Пусть мы сознаемъ себя невиновными предъ врагомъ своимъ, пусть признаемъ свое дѣло, защищаемое войной, дѣломъ правымъ;—все-же ни на мигъ не должны мы забывать, что и несправедливое нападеніе на насъ враговъ можетъ быть для насъ самымъ справедливымъ, въ очахъ Правосуднаго Бога, наказаніемъ отечества за грѣхи ея сыновъ и дочерей. Въѣсть съ этимъ можетъ оно быть и полезнымъ вразумленіемъ намъ въ нашей жизни, потому что у Промыслителя Бога все содѣйствуетъ благу: Онъ «милосердіемъ щадить людей своихъ», «напастями же и скорбями обращаетъ ихъ къ себѣ» ³⁾.

Поэтому, обращаясь при нашей войнѣ къ сильному и крѣпкому во бранехъ Господу Богу за Его великой помощью, призываемся мы прежде всего смиренно молить Его «еже не помя-

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Канонъ въ молебн. пѣн. противъ супостат., находящ. на насъ. П. 1, 1.

³⁾ Тамъ-же п. 4, 1.

нути грѣховъ и беззаконій нашихъ, но яко благосерду и милостиву быти памѣ, недостойнымъ рабамъ своимъ» ¹⁾).

Сознаніе грѣховности, смиренное покаяніе и преданіе себя въ волю Божію,—вотъ необходимыя настроенія души въ нашихъ молитвахъ при войнѣ. И просить мы отъ Бога можемъ лишь Его милости къ намъ недостойнымъ. Вотъ почему и слышимъ мы въ молитвахъ церковныхъ такія воззванія: «Вѣмы, Господи, яко наказуеши насъ, яко отецъ сыны, да скорбьми обратиши ны къ Тебѣ; тѣмже въ покаяніи зовемъ Ти: остави намъ долги наши ²⁾. Согрешихомъ, Господи, предъ тобою,—но вѣмы, яко нѣсть грѣха побѣждающъ милосердіе твое ³⁾... Не вниди въ судъ съ рабы твоими, Правосуде, зане никтоже постоитъ предъ Тобою; но призирая милостиво на смиреніе наше, помилуй насъ и подаждь намъ утѣшеніе ⁴⁾... Милосердія ради твоего, Человѣколюбче, отврати отъ насъ праведный гнѣвъ твой и помилуй насъ ⁵⁾... Преложи праведный гнѣвъ твой на милость» ⁶⁾).

Утвердившись въ мысли просить себѣ отъ Бога милости, мы въ молитвахъ своихъ представляемъ подробнѣе, въ чемъ желаемъ видѣть эту милость.—«Востани, Господи, въ помощь нашу», «посли невидимо десницу твою, рабы твоя заступающую во всѣхъ», молится святая церковь. «Подай силу и крѣпость» Христолюбивому Императору, воинству его, которое яви «мужественными и непреоборимыми противъ всякаго врага и супостата», дай имъ «на враговъ побѣду и одолѣніе». Избавь и освободи насъ «отъ всѣхъ бѣдъ и нуждъ» войны и «вражїихъ навітовъ и бѣдственныхъ похожденій», «сокруши козни» враговъ, «низложи дерзость», «посли стрѣлы твоя и смятеніе сотвори врагомъ нашимъ... Исполни студа и безчестія лица ихъ, сердце-же ихъ страха и ужаса... блесни молніею и разжени я... И ангелъ Господень да будетъ погоняяй и поражаая ихъ... Посли руку твою свыше и покори ихъ, и въ руки вѣрному твоему воинству и Императору нашему предаждь ⁷⁾).

Такъ просимъ мы, чтобы Господь дѣйствіе обычныхъ, естественныхъ условій и теченіе обстоятельствъ направилъ къ нашей побѣдѣ надъ врагами нашими. Мы вѣруемъ и помнимъ, что и оружіе, и силы и способности человѣческія, и внимательность и усердіе, не сами по себѣ, а лишь при Божьемъ благословеніи приобрета-

¹⁾ Прошен. на ектен. велик. и сугуб.

²⁾ Канонъ п. 7, 3.

³⁾ Тамъ-же п. 7, 2.

⁴⁾ Тамъ-же п. 4, 2.

⁵⁾ Тамъ-же п. 1, 1.

⁶⁾ Тамъ-же п. 3, 3.

⁷⁾ Прошеніе на ектенїяхъ и молитва по сугуб. ектенїи.

такъ полезное значеніе. Въдѣ извѣстно, что нѣтъ Божьяго благословенія,—и коль—ложь во спасеніе, нѣтъ защиты и въ бранныхъ доспѣхахъ. «Если Господь не созиждетъ дома, напрасно трудятся строящіе его, если Господь не охранитъ града, напрасно бодрствуетъ стражъ» (Пс. 126, 1), говоритъ пророкъ Давидъ, который еще въ юности своей имѣлъ случай—при побѣдѣ надъ гордымъ Голиафомъ—убѣдиться, что «не мечемъ и копьемъ спасаетъ Господь» (1 Цар. 17, 47). Этого-то Божьяго благословенія и просимъ мы. Да сообщитъ оно мощь и крѣпость нашимъ силамъ и оружію, а для враговъ да создастъ печальныя имъ преграды и содѣлаетъ посрамленіе.

Такая помощь, какъ милость Божія къ смиренно просящимъ, возможна. Мы знаемъ библейскіе примѣры ея. Такъ, по молитвамъ Моисея, простершаго къ Богу руки, Господь укрѣпилъ люди Израилевы на Амаліка; Онъ самъ ополчилъ на брань Іисуса Навина и для помощи ему даже «повелѣлъ солнцу стати». Вспоминая эти случаи, и мы можемъ просить и надѣяться, чтобы и наши молитвы Господь услышалъ и, какъ вдревле, такъ и нынѣ призрѣлъ милостью на покаянное смиреніе рабовъ своихъ ¹⁾.

Впрочемъ, молясь такимъ образомъ, мы сами должны ясно сознавать, что какъ все у насъ должно быть во славу Божию, такъ и эта война. Поэтому св. церковь внушаетъ намъ молиться, чтобы Господь, какъ премудрый Устроитель жизни всего и всѣхъ, направлялъ и управлялъ и нашу войну къ Своей славѣ,—*имени Своего ради*, какъ слышали мы въ возглашеніяхъ діакона ²⁾.

А если такъ, если наша побѣда, которой мы просимъ надъ своими врагами, должна быть для славы Божіей,—то понятно не злые замыслы, не желаніе погибели враговъ нашихъ должны наполнять и нашу душу, а желаніе скорѣйшаго и прочпаго мира. «Брани умири и миръ утверди» молимся мы, прося о побѣдѣ ³⁾. И въ самой войнѣ, къ которой мы вынуждены невѣдущими въ массѣ своей Христа язычниками, должны мы проявить любовь ко врагу, заповѣданную намъ нашимъ Спасителемъ.

Мы просимъ побѣды, одолѣнія надъ врагомъ, просимъ посрамленія его, предать въ руки вѣрующихъ.—Но для чего? Для того, чтобы самихъ враговъ нашихъ привести къ познанію нашего Бога, Бога правды, мира и любви. «Посли руку твою свыше, Господи, и оною коснись сердецъ враговъ нашихъ, да обратятся къ тебѣ

¹⁾ Молитва по сугуб. ект. Сравни тропарь конона.

²⁾ Прощ. сугуб. ектеніи

³⁾ Молитва.

Богу мира и любящему созданіе свое»..., слышимъ мы матерински вразумляющій насъ гласъ церкви православной ¹⁾).

Вотъ, такимъ образомъ, смыслъ церковныхъ моленій, вознося-
мыхъ по всему лицу Руси святой во время настоящей войны съ
Японіей. Вотъ какія мысли и настроенія должны возбуждать и
возгрѣвать во всѣхъ вѣрныхъ сынахъ отечества эти моленія.

Мы грѣхами своими заслуживаемъ гнѣвъ Божій, достойны
содѣлались и тѣхъ бѣдствій, которыя несетъ Руси святой настоящая
война. Но—«съ нами Богъ»! Не забудемъ мы Его воли, Его
заповѣдей, преданной Имъ святой вѣры нашей. Будемъ молиться,
чтобы преложилъ Господь праведный гнѣвъ на милость, и милуя
насъ,—обратилъ тяжесть бѣдствій войны на главу виновниковъ ея,
насъ-же сохранилъ и избавилъ, скорѣе возвратилъ намъ миръ и
тишину, которыхъ мы всячески ищемъ и искали. Будемъ молиться,
да содѣлаетъ Господь насъ, и на враговъ нашихъ побѣдителями,—
но не изъ тщеславія, не по гордости, и не для похвалы своей,
а во славу имени Его. Пусть бѣдами войны приобрѣтемъ мы по-
выхъ чадъ въ домъ Божіемъ, знающихъ и чтущихъ Бога, помо-
гающаго намъ.

Вотъ въ чемъ должно полагать побѣду Руси святой надъ без-
божной Японіей!

Священникъ *Аркадій Виноградовъ*.

Пророчество св. Серафима, Саровскаго чудотворца, о войнѣ.

Въ «Моск. Вѣд.» С. Нилусъ въ статьѣ подъ заглавіемъ «Духъ
Серафимовъ» сообщаетъ слѣдующее весьма интересное предсказаніе
препод. Серафима, Саровскаго чудотворца:

«Не то диво, радость моя, что начальники пошли къ мельницѣ,
да не дошли, а вотъ будетъ диво, такъ диво, когда отъ Дивѣва-то
въ Саровъ крестный ходъ пойдетъ, а народу-то, что колосевъ въ
полѣ. Вотъ это будетъ диво!.. А вскорѣ послѣ того тяжелая для
Россіи война будетъ, и Царь пойдетъ на войну, и я съ нимъ, и
мы Англіи кафтанъ-то, радость моя, и раздеремъ!»

Сергій Нилусъ.

¹⁾ Изъ. прош. сугуб. ектеніи.

II.

Патротическія и молитвенныя пожеланія по случаю открытія военныхъ дѣйствій на Дальнемъ востокѣ.

Всеподданнѣйшіе адреса духовной академіи и С.-Петербургской епархіи.

Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ адресѣ С.-Петербургской духовной академіи, представленномъ высокопреосвященнымъ Антоніемъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ и ладожскимъ, 30 января изволилъ Собственнолично начертать:

„Благодарю сердечно петербургскую духовную академію за молитвы и добрыя чувства“.

Всеподданнѣйшій адресъ академіи былъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Всепресвѣтлѣйшій и Всемилостивѣйшій Государь! Вѣрная мнѣ с.-петербургская духовная академія, вознесши Вседержителю Богу усердную молитву о дарованіи святой православной Россіи побѣды надъ врагами Креста и христіанской культуры, просить меня повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества одушевляющія ее, вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ, чувства безпредѣльной вѣрноподданнической преданности. Вмѣстѣ съ тѣмъ корпорація академіи, желая принести свою посильную лепту на общенародное дѣло, постановила, впредь до заключенія мира, производить отчисленіе изъ своего ежемѣсячнаго содержанія на нужды военнаго времени. Счастливъ представить Вашему Императорскому Величеству это выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ с.-петербургской духовной академіи. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій слуга и богомолецъ *Антоній*, митрополитъ с.-петербургскій“.

На всеподданнѣйшемъ адресѣ столичнаго, городского и сельскаго духовенства с.-петербургской епархіи, съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ по случаю начавшейся войны, Его Императорское Величество Государь Императоръ благоволилъ начертать слѣдующее:

„Искренно благодарю за выраженныя чувства“.

Адресъ духовенства с.-петербургской епархіи Государю Императору былъ слѣдующаго содержанія:

„Ваше Императорское Величество, Благочестивѣйшій Государь. Столичное, городское и сельское духовенство с.-петербургской епархіи, съ сердечнымъ умиленіемъ вознося всеневныя молитвы Господу Богу „о мирѣ всего міра“, христіанскою радостію радовалось мирному теченію нашей жизни, направляемой миролюбіемъ Вашего Величества. Теперь миръ этотъ нарушенъ дерзкимъ вызовомъ войны со стороны японцевъ. Въѣстъ со всѣмъ русскимъ царелюбивымъ народомъ духовенство с.-петербургской епархіи молится о дарованіи побѣды Вашему Величеству надъ врагомъ и повергаетъ къ стопамъ Вашимъ, Благочестивѣйшій Государь, одушевляющія его чувства безграничной Вамъ преданности и готовности служить Престолу и Отечеству, по примѣру своихъ предковъ, вѣрою и правдою и горячею молитвою.

Вашего Императорскаго Величества всепреданнѣйшіе слуги и богомольцы:

Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій. Слѣдуютъ подписи епископовъ и старшаго духовенства.

Настоящій адресъ повергнуть былъ къ стопамъ Его Императорскаго Величества Государя Императора высокопреосвященнымъ митрополитомъ с.-петербургскимъ Антоніемъ при всеподданнѣйшемъ докладѣ, въ коемъ изъявлено, что Свято-Троицкая Александро-Невская лавра, по случаю начавшихся военныхъ дѣйствій, отчислила изъ своихъ монастырскихъ средствъ въ пользу Россійскаго общества Краснаго Креста двадцать тысячъ рублей. Монашествующіе лавры изъявили желаніе каждый мѣсяць во все время войны жертвовать въ то же общество отъ 2 до 4% изъ получаскаго ими денежнаго содержанія, а члены духовнаго собора лавры — по 10%.

Настоятели и старосты с.-петербургскихъ столичныхъ и пригородныхъ соборовъ и церквей единогласно положили: 1) нынѣ же отчислить въ распоряженіе общества Краснаго Креста изъ находящихся въ ихъ завѣдываніи церковныхъ суммъ 106.100 рублей и 2) повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества чувства безпредѣльной вѣрноподданнической преданности и беззавѣтной готовности на всякую жертву на пользу дорогаго нашего Отечества. Кромѣ того, на томъ же собраніи настоятели соборовъ и церквей выразили отъ лица всего столичнаго и пригороднаго духовенства готовность во все продолженіе войны жертвовать по 2% изъ всего получаскаго имъ содержанія, а церковные старосты пожертвовали изъ собственныхъ средствъ 1.785 рублей.

Служащіе въ с.-петербургскомъ епархіальномъ управленіи духовныя и свѣтскія лица положили обращаться — члены консисторій не менѣе 2%, а свѣтскіе чины не менѣе 1% ежемѣсячно на Красный Крестъ.

Всеподданнѣйшее письмо высокопреосвященнаго Владиміра, митрополита московскаго, отъ 4 февраля, на коемъ Его Императорское Величество Государь Императоръ благоволилъ Собственноручно начертать:

„Сердечно благодарю митрополита московскаго за молитвы и за благословеніе иконою“.

„Ваше Императорское Величество.

Благочестивѣйшій Государь!

„Пятьсотъ лѣтъ тому назадъ тяжело томилаcь святая Русь подъ игомъ татарскимъ. Точно грозныя тучи отъ времени до времени поднимались съ Востока дикія орды монголовъ и всеразрушающею бурей проносились по градамъ и весямъ родной земли, но въ эти тяжкія години великихъ испытаній Милосердый Господь посылалъ ей великихъ печальниковъ и молитвенниковъ, и въ сонмѣ сихъ угодниковъ Божіихъ, какъ свѣтлое солнце среди звѣздъ небесныхъ, сіяетъ смиренный радонежскій игумень, преподобный Сергій, сей воистину игумень всея Руси, возбранный воевода и небесный гражданинъ Русской земли. Когда, въ 1380 году, надвинулась на Русь орда нечестиваго Мамаѣ, и великодержавный князь Димитрій Іоанновичъ не могъ умиливать этого гордаго монгола ни дарами, ни покорностью, тогда благодатный старецъ благословилъ московскаго князя идти противу полчищъ Мамаевыхъ и, отпуская ему въ помощь двухъ своихъ витязей, бояръ-схимниковъ, изрекъ ему чудное пророчество: „Держай, княже, побѣдиши враги твоя“.

„И свершилось дивное слово Сергіево: впервые, послѣ покоренія Руси монголами, Русь стѣною повалилась на монголовъ и сокрушила ихъ силу на полѣ Куликовомъ.

„Отошелъ къ Богу изъ земной жизни великій старецъ. Но онъ остался вѣрнымъ сыномъ родной земли. Проходили столѣтія; великія бѣды и скорби обрушивались на Русь православную; дважды Москва была въ рукахъ вражыхъ, но нога вражья не переступала порога ея обители. „Неотступна буду отъ мѣста сего“, рекла ему нѣкогда Царица Небесная, и непреложно было ея обѣтованіе. Именно тогда-то, когда казалось все потеряно, неоткуда было ждать земной помощи,—тогда-то возставалъ на защиту родной земли Сергій,—и всѣ бѣды исчезали, какъ дымъ, и враги бѣжали со стыдомъ, и снова Русь сіяла во всемъ величій своего родного православія и Христоподрожательнаго народнаго смиренія, страшная своимъ врагамъ.

„Живъ онъ, угодникъ Божій, живъ и нынѣ въ сознаніи православнаго русскаго народа. Сотнями тысячъ идутъ къ нему со всѣхъ концовъ православныя русскіе люди,—идутъ и, какъ живому, повѣдуютъ всѣ скорби свои, всѣ заботы свои, повергаясь до праха земного у подножія его раки

святой. Мы, недостойные иноки его святой обители, мы—постоянные свидетели этого благодатнаго общенія нашего народа съ его небеснымъ печальникомъ, заступникомъ и молитвенникомъ предъ Богомъ.

„И въ наступившую тяжкую годину испытанія, когда потомки древнихъ монголовъ дерзнули нагло оскорбить Русь православную и разбойнически напасть на ея вѣрныхъ сыновъ, — къ нему, Великій Государь, Отецъ нашъ, къ нему, угоднику Божію, народъ твой возводитъ молитвенный взоръ, несетъ свой молитвенный вздохъ. И неусыпно, неустанно прольется, и уже льется, молитва всенародная у завітной раки нетлѣнныхъ мощей его, и сливаемся духомъ съ этою молитвою и мы, недостойные послушники великаго печальника Русской земли, иноки его обители: да пріосѣнитъ его благословеніе Богомъ вѣчанную Главу Твою, какъ нѣкогда благословилъ онъ великаго князя Димитрія Іоанновича; да сопутствуетъ своею небесною помощію Христолюбивому воинству Твоему, какъ сочувствовалъ въ лицѣ схимниковъ-витязей воинству Димитріеву; да поможетъ онъ и Тебѣ, Великодержавный Царь нашъ, побѣдiti современныхъ монголовъ, враговъ родной нашей земли. И молимся, и будемъ всѣмъ сердцемъ молить великаго нашего предъ Богомъ ходатая, да испроситъ Онъ Тебѣ у Бога разумовъ духа премудрости и прозрѣнія, чтобы не сокрылись отъ Царскаго взора Твоего всѣ козни вражіи, чтобы не воспрепятствовали сему разстоянію; да не ослабѣваютъ духомъ наши Христолюбивые воины въ борьбѣ за родную землю на ея далекихъ окраинахъ отъ непривычныхъ стихійныхъ невзгодъ, — да будетъ эта война послѣднею, миротворящею войною, и да придутъ скорѣе времена мирныя, когда раскуютъ люди мечи свои на орала и ножи свои на серпы.

„Въ знаменіе же сей пламенной молитвы и воистину чудодѣйствующей вѣры смиренныхъ сыновъ Руси православной, пріими, Благочестивѣйшій Государь, сію святую икону преподобнаго Сергія, освященную на его нетлѣнныхъ мощахъ въ тотъ день, когда впервые, близъ его священной раки, было возглашено съ церковнаго амвона Твое скорбное Царское слово, призывающее русскій народъ на защиту святой вѣры православной, Царскаго Престола и родной земли. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій слуга и богомолецъ *Владиміръ*, митрополитъ московскій и коломенскій и архимандритъ Свято-Троицкой Сергіевой лавры“.

Адресъ христіанскаго содружества. На всеподданнѣйшемъ адресѣ «Христіанскаго содружества учащейся молодежи», съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ по случаю войны съ Японіей, Его Императорское Величество благоволилъ Собственнолично начертать:

„Искренно благодарю за выраженные чувства“.

Адресъ былъ представленъ Его Императорскому Величеству при всеподданнѣйшемъ письмѣ высокопреосвященнаго с.-петербургскаго митрополита Антонія слѣдующаго содержанія:

«Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь! При с.-петербургскомъ обществѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви въ началѣ минувшаго 1903 года открыто христіанское содружество учащейся молодежи, съ цѣлью взаимнаго воспитанія на началахъ православной христіанской вѣры и нравственности. Сначала открытое въ небольшомъ составѣ молодыхъ людей, оно постепенно растетъ и крѣпнеть. Къ молодежи примкнули многіе священнослужители столицы, въ качествѣ руководителей, а также и нѣкоторые профессора высшихъ учебныхъ заведеній. Нынѣ члены сего содружества, воодушевляемые горячимъ патріотизмомъ, выражаютъ свои вѣрноподданническія чувства безпредѣльной преданности Вашему Величеству въ адресѣ, каковый приему смѣлость представить Вашему Императорскому Величеству на Всемилостивѣйшее Ваше воззрѣніе. Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій слуга и богомолецъ *Антоній*, митрополитъ с.-петербургскій».

Адресъ «Христіанскаго содружества учащейся молодежи» былъ слѣдующаго содержанія:

«Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь! Коварнымъ нападеніемъ непричастное ни истинной вѣрѣ, ни надлежащему просвѣщенію государство возмутило вождельный миръ нашего дорогого Отечества и народовъ. Во всей необъятной Россіи сердца ея вѣрныхъ преисполнились глубокимъ негодованіемъ и пламенною готовностью на подвиги самоотверженія за Вѣру, Царя и Родину. Христіанское содружество учащейся молодежи, возникши ради сближенія учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга на почвѣ религіозныхъ запросовъ, считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ горячее служеніе просвѣтительнымъ задачамъ и любвеобильнымъ завітамъ православной церкви и великодушнымъ предначертаніямъ Вашего Императорскаго Величества и Вашего Незабвеннаго Родителя Царя-Миротворца. И нынѣ, въ тягостную годину для Святой Руси, неизмѣнно несущей свѣточъ истиннаго просвѣщенія, христіанское содружество, въ составѣ пастырей церкви, профессоровъ и студентовъ, возноситъ горячія мольбы о ниспосланіи Россіи благословенія Божія на усмиреніе гордыхъ скороспѣлою, внѣшнею культурою враговъ, дабы вновь водворившійся миръ земли даровалъ нашей дорогой родинѣ и всему человѣчеству возможность безпрепятственно, единодушно и неуклонно стремиться къ небесному Свѣту истины, и повергаетъ къ подножію Престола Вашего, Благодетельный Государь, всѣ силы своей жизни, свои—молодость, мужество и старость съ пламенною готовностью, по зову Боговѣнчаннаго Царя, раздѣлить жребій христіолюбиваго

русскаго воинства и лечь костыми за Христовъ алтарь, за Государевъ Престолъ, за могилы предковъ, за колыбели дѣтей».

Братское сочувствіе Болгарской церкви по поводу войны съ Японіею.

На всеподданнѣйшей докладной запискѣ высокопреосвященнаго Антонія, митрополита с.-петербургскаго, отъ 2-го февраля, съ представленіемъ Его Императорскому Величеству Государю Императору присланной на имя его высокопреосвященства митрополитомъ старозагорскимъ (въ Болгаріи) Мееодіемъ телеграммы, съ выраженіемъ одушевляющихъ митрополита Мееодія, подвѣдомое ему духовенство и паству чувствъ уваженія и преданности Русскому Монарху,—Его Императорскому Величеству благоугодно было начертать, 2-го февраля:

„Прошу передать Мою благодарность митрополиту Мееодію“.

Телеграмма митрополита Мееодія слѣдующаго содержанія:

„Надменность и вѣроломство и всѣ коварныя поплзновенія Японіи уронить всемірный престижъ Матушки Россіи вызвали среди православной нашей паствы великое возмущеніе, въ удовлетвореніе котораго сего дня, послѣ Божественной литургіи, отслужено со всѣмъ клиромъ всенародное молебствіе о испрошеніи свыше укрѣпленія мышцы храбраго русскаго православнаго воинства, для сокрушенія и побѣды на супостатовъ. Всепокорнѣйше просимъ повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества, Царя, выраженіе чувства нашей съ паствою глубочайшей преданности. Послѣ молебствія множество горожанъ, собравшихся въ нашемъ домѣ, изъявили горячее желаніе немедленно открыть подписку въ пользу Краснаго Креста. *Митрополитъ Мееодій*“.

Официальный органъ болгарскаго святѣйшаго синода «Църковень Вѣстникъ» въ послѣднемъ своемъ номерѣ посвящаетъ русско-японской войнѣ обширную передовую статью. Высказывая въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ любовь, преданность и симпатіи болгарской церкви и народа къ Россіи и напоминая, что Болгарія, — обязанная всѣмъ своимъ существованіемъ исключительно великодушію великой славянской державы и не имѣющая физической возможности придти ей на помощь своими войсками, — должна выразить свое сочувствіе и благодарность Россіи денежными пожертвованіями для образованія болгарскихъ санитарныхъ отрядовъ. «Църковень Вѣстникъ» заканчиваетъ статью слѣдующими словами:

„Въ борьбѣ нашихъ освободителей съ представителями желтой расы, мы, болгары, заинтересованы не только потому, что намъ представился слу-

чай, хоть отчасти, на дѣлѣ выказать свою благодарность великой русской націи за ея благодѣянія, оказанныя въ дѣлѣ нашего политическаго освобожденія, но и потому, что Россія—представительница восточно-православной вѣры, которую исповѣдуетъ и нашъ народъ, и потому, что начатая борьба—борьба за восторжествованіе христіанства, въ лицѣ православной Россіи надъ язычествомъ. Успѣхъ Россіи во всѣхъ отношеніяхъ обезпечиваетъ распространеніе христіанства среди язычниковъ; это—неопровержимый фактъ. Вотъ почему мы сильно заинтересованы въ успѣхѣ Россіи на Востокѣ среди полудикихъ азіатскихъ народовъ. Вотъ почему, независимо отъ чувства благодарности, которое нашъ народъ питаетъ къ великой державѣ, даровавшей намъ, цѣною дорогихъ жертвъ, политическую свободу, мы должны содѣйствовать, насколько позволятъ намъ наши силы, восторжествованію русскаго оружія надъ самонадѣянными японцами, которые, подстрекаемые тайными врагами великой славянской державы, позволили себѣ такъ коварно напасть на Россію еще до объявленія войны. Наконецъ, мы не должны забывать, что мы, какъ и русскіе и всѣ остальные славянскіе народы, составляемъ часть того великаго племени, которое въ настоящее время разорвано на нѣсколько частей, находящихся отчасти подъ гнетомъ окружающихъ племенъ. Мы не должны забывать, что этому великому славянскому племени, для выполненія назначенной ему Провидѣніемъ задачи, необходимо стряхнуть съ себя иноземный гнетъ и объединиться. Чтобы облегчить разрѣшеніе этой задачи, необходимо всѣмъ членамъ славянской семьи проникнуться чувствомъ полнѣйшей солидарности. Для достиженія же этой солидарности прежде всего надо чтобы всѣ славянскіе народы прониклись чувствомъ искренней преданности великой русской державѣ, которой обязана своимъ политическимъ освобожденіемъ значительная часть этихъ народовъ и отъ которой ждуть своей свободы и остальные славянскіе народы, находящіеся еще подъ гнетомъ иноплемениковъ“...

О молитвѣ въ церковно-приходскихъ школахъ.

Въ высшей степени симпатичное указаніе преподано, по словамъ Кавказа,—

отцамъ наблюдателямъ, завѣдующимъ и учащимъ въ церковныхъ школахъ Грузинскаго экзархата отъ окружнаго училищнаго совѣта Грузинскаго экзархата, съ благословенія его высокопреосвященства экзарха Грузіи.

Въ этомъ, распоряженіи, между прочимъ, говорится:

Первая, главная обязанность всѣхъ христіанъ теперь, „это—усердная молитва къ Богу. Окружный совѣтъ проситъ отцовъ завѣдующихъ какъ можно чаще присутствовать теперь на утреннихъ молитвахъ учащихся въ школахъ. Каждый день, по окончаніи утренней молитвы, а равно и по окончаніи всѣхъ уроковъ, учащіеся и учащіе коленнопреклоненно должны молиться за Царя и Отечество съ пѣніемъ молитвы „Спаси, Господи, люди, Твоя“. Каждый день на утренней молитвѣ должно поминать объ упокоеніи православныхъ воиновъ, на брани убитенныхъ. За каждой литургіей, когда, послѣ прочтенія Св. Евангелія и сугубой ектеніи священникъ будетъ возглашать молитву за Царя и воинство и затѣмъ, заупокойную ектенію за убитенныхъ воиновъ,—дѣти должны становиться на колѣна, а учащіе должны располагать ихъ къ усердой молитвѣ въ эти священные минуты. Въ концѣ же

каждой литургіи, при пѣніи „Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго“,— дѣти должны стать на колѣна, а священникъ, послѣ пѣнія этой молитвы, долженъ, въ присутствіи всего народа, обратиться къ дѣтямъ съ приглашеніемъ еще помолиться за Царя и Отечество въ виду войны; дѣти должны при этомъ пропѣть молитву „Спаси, Господи, люди Твоя“, и только послѣ этого лобызаятъ Св. Крестъ и уходятъ изъ храма.

Далѣе говорится:

Разъясните дѣтямъ и повторяйте чаще, что всѣ тѣ, которые не могутъ теперь сами идти на священную войну за Крестъ, Вѣру и Родину, должны помогать нашимъ героямъ-воинамъ, особенно раненымъ, кто чѣмъ можетъ. Нужно собирать среди дѣтей денежные пожертвованія на военныя нужды и на больныхъ и раненыхъ; важна здѣсь не сумма пожертвованій,—пусть она будетъ самою ничтожною,—важно приучить дѣтей самымъ дѣломъ участвовать въ патріотическомъ подвигѣ. Въ школахъ, гдѣ имѣются ремесленные отдѣленія, руководѣльные классы, столярныя, сапожныя мастерскія и пр., дѣти непременно должны готовить что-либо на военныя нужды: рубахи, принадлежности бѣлья и одежды, корпію для госпиталей и пр. Всякое пожертвованіе цѣнно по нравственному значенію. Такія же пожертвованія могутъ нести дѣти и тѣхъ школъ, въ которыхъ нѣтъ профессиональных отдѣленій, пользуясь, конечно, помощью родителей и съ ихъ согласія.

Отъ души желаемъ, чтобъ это глубоко-симпатичное распоряженіе нашло откликъ не только на далекомъ Кавказѣ, но и во всѣхъ школахъ внутреннихъ губерній Россіи

Заявленіе губернскихъ предводителей дворянства. Государь Императоръ, 15 сего февраля, въ отвѣтъ на полученное по телеграфу вѣрноподданническое обращеніе губернскихъ предводителей дворянства, собравшихся въ Москвѣ для обсужденія вопроса о помощи пострадавшимъ отъ военныхъ дѣйствій, удостоилъ московскаго губернскаго предводителя дворянства слѣдующею высокомиловитвою телеграммою:

„Отъ души желаю успѣшнаго исполненія доброй мысли, собравшей предводителей дворянства въ Москвѣ. Искренно благодарю всѣхъ за выраженныя чувства и вижу въ нихъ новое свидѣтельство всегдашней готовности русскаго дворянства служить своему Государю, по старинѣ, въ общей работѣ честныхъ сыновъ Россіи на благо дорогой Родины“.

«Николай».

Вышеуказанное, отъ лица собравшихся въ Москвѣ предводителей, вѣрноподданническое сообщеніе московскаго губернскаго предводителя дворянства князя Трубецкого было составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Губернскіе предводители дворянства съѣхались со всѣхъ концовъ Россіи въ Москву для разработки

возможности объединенія нашей помощи пострадавшимъ отъ войны. Первое и самое крѣпкое единеніе наше, Государь, въ преданности престолу и въ самоотверженной любви къ роднѣ и мы счастливы свидѣтельствовать о нихъ передъ Державнымъ Самодержцемъ, руководителемъ и заботникомъ судьбы и достоинства Россіи».

Всеподданнѣйшій адресъ печати. 25 февраля, въ 3 часа дня, въ Зимнемъ Дворцѣ, Его Величество Государь Императоръ соизволилъ принять представителей ежедневной столичной печати, избранныхъ для поднесенія всеподданнѣйшаго адреса: издателя газеты «Новое Время» Суворина и редактора газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости» Столыпина.

Государь Императоръ, выслушавъ адресъ, изволилъ обратиться къ присутствовавшимъ со слѣдующими высококомидистивными словами:

„Благодарю петербургскую печать за выраженные въ адресъ прекрасныя чувства.

„Внимательно слѣдя за печатью въ послѣднее время, Я убѣдился, что она явилась вѣрною истолковательницею современныхъ событій. Ея одушевленіе и проникновеніе народнымъ духомъ доставили Мнѣ истинное удовольствіе.

„Надѣюсь, что и впредь русская печать окажется достойною своего призванія служить выразительницею чувствъ и мыслей великой страны и воспользуется своимъ большимъ вліяніемъ на общественное настроеніе, чтобы вносить въ него правду, и только правду“.

Всеподданнѣйшій адресъ отъ представителей ежедневной столичной печати составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Ваше Императорское Величество,
Всемилоостивѣйшій Государь.

«Святой огонь, которымъ воспламенились и такъ ярко горятъ русскія сердца, угадывая величіе наступившихъ событій, объединилъ насъ, представителей ежедневной столичной печати, въ горячемъ желаніи выразить Вамъ, Государь, одушевляющія насъ чувства.

«Вѣрная духу Родины, печать гордится выпавшею ей высокою честью быть вѣстницей и истолковательницей того величественнаго подъема несокрушимой духовной силы, которымъ отвѣтилъ русскій народъ на брошенный ему вызовъ.

«Ваше Величество, въ этомъ могучемъ порывѣ благороднѣйшихъ чувствъ, охватившемъ Вашихъ подданныхъ отъ мала до велика, печать найдетъ силы встрѣтить самыя бѣдствія войны мужественною рѣчью,

достойною Вашего великаго народа. Печать преисполнена свѣтлой надежды, что за годиною испытаній ее ждетъ завидная доля лѣтописца новаго славнаго торжества Россіи надъ ея врагами.

«Мы вѣримъ, Государь, Провидѣніе уготовило Вамъ славный жребій—вести русскую мощь и доблесть къ совершенію великаго народнаго дѣла. Да поможетъ Вамъ въ этомъ Богъ.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподанные (слѣдуютъ подписи издателей и редакторовъ столичныхъ ежедневныхъ газетъ).

Патріотическія заявленія со стороны раскольниковъ и иновѣрцевъ.

Въ «Полоцк. Епарх. Вѣд.» сообщено о патріотической манифестаціи мѣстныхъ раскольниковъ *старообрядцевъ* слѣдующія подробности.

6 февраля, въ пятницу масляничную, на Смоленскомъ базарѣ происходили обычныя, изъ года въ годъ повторяющіяся по пятницамъ на масленой недѣлѣ, смотрины невѣстъ, привлекающія изъ Витебскаго и смежныхъ уѣздовъ сотни семействъ старообрядцевъ. Въ этомъ году смотрины отличались большимъ многолудствомъ, а совершающіяся на Дальнемъ Востокѣ грозныя событія явились поводомъ для грандіозной патріотической манифестаціи. Громадная толпа народа, преимущественно старообрядцевъ, собравшись у зданія театра, на фронтонѣ котораго находился убранный флагами транспарантъ съ изображеніемъ Государя Императора, вытребовала изъ театра оркестръ военной музыки, который исполнялъ, многократно повторяемый, народный гимнъ, сопровождавшійся криками «ура». Затѣмъ, съ портретомъ Государя Императора впереди, толпа вмѣстѣ съ оркестромъ военной музыки двинулась вдоль площади на Смоленскую ул. Оркестръ поочередно исполнялъ «Боже, Царя храни» и гимнъ «Коль Славенъ», сопровождавшіеся раскатами «ура» все прибывавшей публики. Со Смоленской ул. толпа, выросшая до грандіозныхъ размѣровъ, перешла на Дворцовую ул. и приблизилась къ губернаторскому дому, заполнивъ весь бульваръ. По просьбѣ манифестантовъ, на подъѣздъ вышелъ г. начальникъ губерніи.

Изъ толпы народа вышелъ Д. Ѳ. Мамоновъ, извѣстный въ гор. Витебскѣ и уважаемый всѣми *единовѣрцами*, произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Ваше превосходительство!

Вся эта масса народа, единовѣрцы и старообрядцы, по обычаю своихъ предковъ, стекавшаяся въ виду предстоящей четыредесятницы Великаго поста протянуть другъ другу руку примиренія, услышала

печальную вѣсть, что вѣроломный врагъ, язычникъ, идолопоклонникъ—японецъ дерзнулъ вызвать нашего Царя-батюшку на ратное поле брани. Не объявляя войны, подкрался какъ воръ въ ночной темнотѣ къ нашему грозному флоту и вызвалъ его неожиданно къ бою. Въ виду этой вѣсти, просимъ тебя, ваше превосходительство, повергнуть наши безпредѣльныя и преданныя чувства Царю-батюшкѣ и возвѣстить всей вселенной, что мы всѣ, отъ мала до велика, готовы возстать противъ врага за батюшку-Царя и Святую Русь и принесемъ все свое благосостояніе на алтарь жертвы, а жизнь—на защиту родины, какъ поступали наши предки. И если это тотъ самый злой японецъ, который дерзнулъ поднять руку на священную Особу нашего батюшки-Царя, когда онъ еще былъ юнымъ Цесаревичемъ, наше мщеніе не должно угаснуть, и онъ долженъ быть стеръ съ лица земли за свое святотатство».

Начальникъ губерніи благодарилъ толпу народную за патріотическія чувства и сообщилъ, что о настоящей манифестаціи старообрядцевъ онъ доведетъ до свѣдѣнія Государя Императора. Отвѣтное слово губернатора было покрыто громовымъ «ура» и пѣніемъ народнаго гимна. Въ предложенныя толпѣ кружки Краснаго Креста посыпались сотни разныхъ монетъ.

Двинскіе старообрядцы также проявили свой патріотизмъ. Они сдѣлали отъѣзжающимъ на Дальній Востокъ воинамъ пожертвованія: офицеры получили отъ старообрядцевъ по серебряному вызолоченному кубку, нѣсколько корзинокъ винъ и разной провизіи, а нижніе чины—по одному рублю; въ общемъ на сумму въ 500 руб.

Католическій Варшавскій архіепископъ предложилъ правительству снарядить особый санитарный отрядъ за счетъ добровольныхъ пожертвованій его паствы.

Въ протестантской столичной киркѣ. Проповѣдь пастора Гиллота привлекла 22 февраля въ голландскую церковь многочисленныхъ слушателей. Храмъ былъ переполненъ. Проповѣдникъ краснорѣчиво изобразилъ ужасы войны, выставивъ въ видѣ противовѣса имъ долгъ, патріотизмъ и воодушевленіе, благодаря которымъ идеализмъ въ концѣ концовъ восторжествуетъ надъ ужасною реальною дѣйствительностью. Въ пользу русско-голландскаго санитарнаго отряда собрано было послѣ проповѣди 1,026 рублей.

Патріотическая манифестація тифлисскихъ мусульманъ. Утромъ 8 февраля въ шіитскую мечеть въ Тифлисѣ собрались мусульмане-шіиты и сунниты, во главѣ съ закавказскимъ шейхъ-уль-исламомъ Ахундомъ-Заде и закавказскимъ муфтіемъ Гаировымъ. Послѣ молебствія о ниспосланіи побѣды русскому оружію надъ японцами и рѣчей шейхъ-уль-ислама и муфтія громадная толпа при звукахъ военнаго оркестра съ кликами «ура» и съ русскими національными флагами двинулась по направленію къ Эриванской площади.

Благодаря чудной весенней погодѣ и праздничному дню, улицы были полны народомъ, который восторженными кликами «ура» встрѣчалъ манифестантовъ. Балконы домовъ по пути слѣдованія процессіи были полны публикой. Придя на Эриванскую площадь, манифестанты на время остановились. Оркестръ заигралъ народный гимнъ. Площадь была полна народомъ. Звуки оркестра заглушались оглушительнымъ «ура». Затѣмъ манифестанты прошли по Дворцовой улицѣ и, подойдя къ дворцу главноначальствующаго, остановились тутъ. Оркестръ вновь исполнилъ народный гимнъ, подхваченный мощными криками «ура»...

На балконъ вышелъ ген.-адъют. кн. Г. С. Голицынъ съ супругой и, прослушавъ гимнъ, далъ знакъ рукой. Громадная толпа смолкла, и воцарилась тишина. Князь-главноначальствующій благодарилъ мусульманъ и, выразивъ пожеланія побѣды русскому оружію, какъ передаютъ тифлисскія газеты, произнесъ: «Я радъ, что мусульмане раздѣляютъ тѣ чувства, которыя переживаютъ всѣ подданные великой Россіи». Слова эти были подхвачены громовымъ, долго не смолкавшимъ «ура», которое смѣнилось звуками оркестра, заигравшаго народный гимнъ.

Затѣмъ манифестанты двинулись дальше по Головинскому проспекту и направились къ дому губернатора, а отсюда вновь къ дворцу и черезъ Эриванскую площадь направились къ квартирѣ шейхъ-уль-ислама, который сошелъ къ манифестантамъ и горячо благодарилъ ихъ. Затѣмъ манифестанты при звукахъ оркестра подошли къ дому муфтія, который также вышелъ къ толпѣ и просилъ народъ денно и пощю молить Аллаха о ниспосланіи побѣды русскому воинству, послѣ чего манифестанты разошлись по домамъ.

Московское магометанское духовенство, руководимое старшимъ ахундомъ (мусульманскій епископъ) Х. Р. Агѣевымъ, стремится поддержать патріотическое настроеніе въ магометанахъ и выяснить ихъ обязанности по отношенію къ ихъ великой родинѣ—Россіи. Въ каждую пятницу, начиная съ 6 фев-

раля, и въ каждый день магометанскаго праздника (какъ, напримѣръ, 14 февраля, въ день Айди-Курбанъ) въ московской мечети, послѣ обычнаго богослуженія, совершаются торжественныя молебствія о здравіи Великаго Падишаха—Государя Императора и возносятся молитвы о ниспосланіи побѣды русскому воинству. Послѣ молебна самъ старшій ахунъ, обращаясь къ своей разноплеменной паствѣ, произноситъ на русскомъ, персидскомъ, турецкомъ, киргизскомъ языкахъ и различныхъ татарскихъ нарѣчіяхъ проповѣди, касающія войны съ Японіей. Въ послѣдней своей рѣчи почтенный ахунъ ска-залъ слѣдующее:

„Нравственный долгъ cadaго подданнаго — защищать свое отечество. Событія послѣднихъ дней заставляютъ насъ, Русскихъ магометанъ, встать на защиту нашей великой родины. Мы, Русскіе магометане, въ теченіе многихъ лѣтъ доказали нашу преданность Царю, и на этотъ разъ, въ настоящее тревожное время, тѣсно сплотимся съ нашими соотечественниками-христіанами, чтобы наказать коварныхъ враговъ-язычниковъ, разбойнически напавшихъ безъ объявленія войны на русскій флотъ. Да никто изъ васъ не смутится, что большинство вашихъ товарищей по оружію — христіане. Не забывайте того, что общими врагами являются язычники. Сыны одного и того же отечества—братья между собою, въ независимости отъ религіозныхъ убѣжденій. Не вѣрьте ложнымъ толкамъ: дружба магометанъ съ христіанами не только не воспрещается священнымъ Караномъ, но даже въ нашихъ святыхъ преданіяхъ имѣются указанія, когда эта дружба освящалась словами великаго пророка Магомета. Такъ, напримѣръ, однажды первые послѣдователи Магомета терпѣли преслѣдованіе отъ язычниковъ, населявшихъ Мекку. Въ то время Магометъ совѣтывалъ имъ бѣжать въ страну, именуемую „Ямень“, населенную христіанами. Эта страна — тепершняя Абиссинія. При этомъ Магометъ указалъ своимъ послѣдователямъ, что христіане должны считаться близкими къ магометанамъ, такъ какъ тѣ и другіе вѣрятъ въ одного и того же истиннаго Бога и почитаютъ божественныя книги. Итакъ, теперь, когда Отечество переживаетъ затрудненія, вы, магометане, должны отозваться на его нужды душою, кровью и всѣмъ своимъ имуществомъ. Наша вѣра предписываетъ намъ обязанность наказывать хищниковъ и разбойниковъ, хотя бы они и были нашими единовѣрцами“.

Послѣ произнесенія рѣчей дѣлается сборъ пожертвованій на нужды арміи и флота и Краснаго Креста, который, несмотря на бѣдность прихода, даетъ довольно значительныя суммы.

III. Пожертвованія.

— Высокопреосвященный митрополитъ Кіевскій—Флавіанъ тотчасъ, по объявленіи сбора пожертвованій на усиленіе нашего флота, препроводилъ въ редакцію „Нов. Вр.“ 1.000 р., сверхъ того внесъ 1.000 р. въ подписной листъ лаврскихъ иноковъ, собирающихъ добровольныя лепты на Красный Крестъ.

— Московскій греческій монастырь пожертвовалъ 1.000 руб. въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ. Греческая колонія открыла среди своихъ членовъ сборъ пожертвованій въ пользу Краснаго Креста.

Письма въ редакцію Миссіонерскаго Обозрѣнія о пожертвованіяхъ на священнослужащихъ въ дѣйствующей арміи, на священные предметы и книги.

I. По неисповѣдимымъ путямъ Промысла Божія,—не смотря на извѣстное всему міру миролюбіе нашего обожаемаго Монарха,—нынѣ на Дальнемъ Востокѣ проливается русская кровь. Долгъ cadaго истинно-православнаго русскаго человѣка—нынѣ молиться Господу Богу о дарованіи побѣды рускому Оружію—и придти съ посильнымъ пожертвованіемъ на нужды дѣйствующей нынѣ на Дальнемъ Востокѣ арміи. И мои прихожане, вознеся Господу Богу горячія молитвы о ниспосланіи русскому оружію побѣды, собрали между собою посильную лепту и просили меня переслать оную на дѣло снабженія на Дальнемъ Востокѣ арміи и флота священными предметами и посылку въ достаточномъ числѣ священнослужителей,—которые утѣшали бы болящихъ, подкрѣпляли бы слабосильныхъ и упавшихъ духомъ и напутствовали бы умирающихъ. Узнавъ же, что редакціей газеты „Свѣтъ“—выслано въ редакцію „Миссіонерскаго Обозрѣнія“—пожертвованіе на сей предметъ одного истинно русскаго православнаго христіанина—я осмѣливаюсь и посильную лепту моихъ прихожанъ въ количествѣ 30 (тридцати) рублей (пересылаемыхъ нынѣ почтою) присоединить къ вышеозначенному пожертвованію и просить употребить оныя по назначенію. Если же редакціей на сей предметъ пожертвованія не принимаются, то посылаемые деньги прошу пожертвовать „Красному Кресту“—на нужды больныхъ и раненыхъ воиновъ дѣйствующей на Дальнемъ Востокѣ русской арміи.

Священникъ станицы Лабинской, Кубанской области, Василій Насѣдкинъ.

II. По прочтеніи въ церкви Высочайшаго манифеста о войнѣ съ Японіей, почтенными прихожанами открытъ сборъ на раненыхъ воиновъ, имѣющій производиться до окончанія войны. Часть сего сбора по предложенію священника имѣетъ отчисляться на дѣло снабженія на Дальнемъ Востокѣ арміи и флота священными предметами и посылку въ достаточномъ числѣ священнослужителей. Съ 1 по 9 число сего февраля отчислено 5 руб., которые честь имѣемъ при семъ препроводить въ надеждѣ, что редакція „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ возьметъ на себя инициативу въ семъ истинно-христіанскомъ дѣлѣ.

Села Востовки, Ольгопольскаго уѣзда, Подольской губерніи, священникъ Никита Громачевскій. Прихожане: Зиновій Демчукъ, Гавріилъ Безусякъ, Иванъ Ратушнякъ и Емельянъ Якимиминъ.

III. Служащая у меня нянькою, Ирина Иванова, проситъ меня внести 1 р. на усиленіе дѣйствующей арміи священнослужителями, удержавъ этотъ рубль изъ получаемаго ею довольно скуднаго жалованья (3 рубля въ мѣсяцъ). Благоволите принять эту лепту.

I. С.

IV.

Высочайшія повелѣнія и правительственныя распоряженія.

— Въ бюллетенѣ портъ-артурской газеты «Новый Край» отъ 31 января напечатанъ слѣдующій приказъ Намѣстника Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ, отъ 29 января: Государь Императоръ 28 сего января осчастливилъ меня нижеслѣдующей телеграммой:

„Мобилизація въ сибирскихъ губерніяхъ и областяхъ объявлена. Вамъ предоставляется дѣйствовать во всемъ, какъ главнокомандующему; душой и сердцемъ съ вами и Моими храбрцами на дальней окраинѣ. Да благословитъ Господь наши дѣйствія“.

«Николай».

«Высокомиловитыя слова этой телеграммы и Высочайшее вниманіе къ войскамъ и флоту, мнѣ ввѣреннымъ, да преисполнять наши сердца непоколебимой рѣшимостью въ предстоящей борьбѣ жертвовать собою до послѣдней капли крови, чтобы отстоять правое дѣло, честь и достоинство нашей дорогой Родины. Твердо увѣренъ, что каждый исполнитъ свой долгъ до конца и оправдаетъ довѣріе нашего Великаго Государя. Объявляя о вышеизложенномъ, я, въ силу Высочайшаго повелѣнія, вступаю въ права главнокомандующаго военно-сухопутными и морскими силами Дальняго Востока».

Именной Высочайшій указъ правительствующему сенату.

Признавъ необходимымъ пополнить составы флотскихъ экипажей Тихаго океана, сверхъ уже призванныхъ офицерскихъ и нижнихъ чиновъ запаса флота изъ районовъ Намѣстничества, Сибирскаго округа, и 5 уѣздовъ Казанскаго военнаго округа, Мы повелѣли указомъ Нашимъ, 16 февраля даннымъ управляющему морскимъ министерствомъ, сдѣлать нынѣ же надлежація по сему распоряженія.

Вмѣстѣ съ симъ повелѣваемъ призвать на дѣйствительную службу въ порта Тихаго океана изъ тѣхъ уѣздовъ Вятской и Пермской губерній, изъ коихъ чины запаса флота еще не призваны, равно изъ всей Уфимской губерніи офицерскихъ и нижнихъ чиновъ запаса флота.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Николай».

На нужды арміи и флота.

Центральный складъ Россійскаго Общества Краснаго Креста Имени Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны (Инженерная, 11) въ настоящее время имѣть надобность приготовить отправку въ Харбинъ и Никольскъ-Уссурійскъ большого транспорта бѣлья, обуви, непромокаемыхъ плащей, госпитальныхъ вещей, медикаментовъ, перевязочнаго матеріала, хирургическихъ инструментовъ, аптечныхъ предметовъ, пищевыхъ продуктовъ, кахетинскаго вина, мадеры, спирта, коньяку, кофе молотаго, чая въ плиткахъ и пачкахъ, сахара, мясныхъ консервовъ, а именно: жареной говядины, рагу изъ говядины, щи съ мясомъ и кашею, горохъ съ мясомъ, мясо съ рисомъ, зелень сушеная разная, капуста квашеная, борщъ, клюквенный экстрактъ, крупы: манная, перловая, овсяная, гречневая, горохъ, картофельной муки для киселя, сушеныхъ фруктовъ для компота, риса, сухарей разныхъ, горчицы, лавроваго листа, перца въ зернахъ и молотаго, соли, уксусной кислоты чистой, масла горчичнаго или кедроваго, прованскаго, молока сгущеннаго, консервовъ лимоннаго сока, томатовъ консервированныхъ, макаронъ, вермишели, картофеля сушеннаго и т. д. Пожертвованія принимаются ежедневно отъ 11 до 4 час. дня.

Отъ генераль-маіора Флуга.

Желательно для войскъ края получить: бѣлье, папиросы, табакъ, сапоги, портянки лѣтнія, иголки, нитки, пуговицы, мыло, почтовую бумагу, конверты; въ теплыхъ вѣсахъ надобности нѣтъ.

V.

Всеподданнѣйшія и официальные телеграммы съ театра войны.

13 февраля. Въ дополненіе телеграммы отъ 13 сего февраля, всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству о нижеслѣдующемъ:

Въ Портъ-Артурѣ 12 февраля, послѣ захода луны, «Ретвизанъ» отразилъ нѣсколько разъ непріятельскіе миноносцы, при чемъ считаетъ два уничтоженными.

Въ морѣ наши миноносцы, съ капитаномъ 1-го ранга Матусевичемъ и капитаномъ 2-го ранга, княземъ Ливеномъ, встрѣтили и гнались только за миноносцами непріятеля, большихъ же судовъ не нашли.

Утромъ того же 12 февраля были посланы крейсера «Баянъ», «Діана», «Аскольдъ» и «Новикъ» отвлечь японскіе крейсера отъ погони за частью возвращавшихся нашихъ миноносцевъ. Изъ нихъ одинъ миноносецъ былъ отрѣзанъ 4 японскими крейсерами и укрылся въ Голубиной бухтѣ, гдѣ съ большого разстоянія былъ обстрѣленъ непріятелемъ. Убитыхъ и раненыхъ на немъ нѣтъ.

Японскій флотъ, замѣтивъ наши крейсера, приблизился къ фортамъ, которые вмѣстѣ съ судами открыли огонь въ 10 ч. 50 м. Отстрѣливаясь, крейсера вошли въ гавань послѣ миноносцевъ. Непріятельскіе снаряды преимущественно не долетали. Кромѣ одного раненаго матроса, другихъ потерь нѣтъ.

Японскій флотъ блокируетъ Артуръ 17 боевыми судами. При немъ 8 миноносцевъ, тогда какъ вчера, 11 февраля, было 12.

Ген.-адъют. *Алексѣевъ.*

15 февраля. Въ Портъ-Артурѣ ночь съ 13 на 14 февраля прошла спокойно. Непріятельская эскадра держится вблизи Портъ-Артура. Получаются свѣдѣнія о передвиженіяхъ китайскихъ войскъ западнѣ рѣки Ляохэ. По слухамъ, до 10 тысячъ войска генерала Ма находятся въ пути между Тунджою и Чаояномъ. Усиливается охрана синминтинской желѣзной дороги: на каждой станціи ея поставлено около 40—50 китайскихъ солдатъ. Наши конныя части вступили въ Корею. Корейское населеніе къ намъ дружелюбно.

Ген.-маіоръ *Флугъ.*

ПОРТЪ-АРТУРЪ, 15 февраля. Опубликованъ приказъ коменданта генерала Стесселя отъ 14 февраля: „Славные защитники крѣпости и укрѣпленнаго раіона и населеніе области, обращаюсь къ вамъ со слѣдующимъ: по назойливости, съ которой непріятель ведетъ атаки и бомбардировки противъ крѣпости и различныхъ бухтъ полуострова, заключаю, что онъ намѣренъ высадиться на полуостровъ и попытаться захватить крѣпость, а въ случаѣ неудачи, попортить желѣзную дорогу и уйти. Помните, что захватъ Портъ-Артура они считаютъ вопросомъ національной чести. Врагъ ошибется, какъ уже во многомъ ошибся. Войска твердо знаютъ, а населенію я объявляю, что отступленія не будетъ. Потому, во-первыхъ, крѣпость должна драться до послѣдняго, такъ какъ я, комендантъ, никогда не отдамъ приказъ объ отступленіи; а во-вторыхъ, потому, что отступать некуда. Обращая на это вниманіе болѣе робкихъ, призываю всѣхъ къ тому, чтобы прониклись твердымъ убѣжденіемъ необходимости драться до смерти Человѣкъ, который рѣшился на это, страшенъ. Онъ дорого продастъ жизнь. Кто же безъ драки, думая спастись, уйдетъ, тотъ самъ себя не спасетъ. Идти некуда: съ трехъ сторонъ море, съ четвертой—будетъ непріятель. Драться надо. Тогда противникъ со срамомъ уйдетъ и будетъ вѣчно помнить трепку отъ русской доблести, при которой, увѣренъ, каждый русскій будетъ биться, забывъ о возможности отступленія. Помните: „вѣчная память убитымъ, вѣчная слава живымъ“.

22 февраля. (Атака Владивостока). Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу: Комендантъ Владивостокской крѣпости телеграфируетъ, что сего числа, въ 8 час. 50 мин. утра, къ югу отъ острова Аскольда показалось 7 кораблей; въ 9 час. 45 мин. утра опредѣлилось, что это военные суда и держать курсъ на островъ Аскольдъ. Въ полдень непріятельская эскадра находилась въ половинѣ разстоянія между берегомъ и островомъ Аскольдъ, направляясь на Уссурийскій заливъ внѣ огня приморскихъ батарей. Въ часъ 30 мин. дня непріятельская эскадра открыла огонь. Выяснилось, что въ составѣ ея имѣются, повидимому, крейсера перваго класса «Изумо» и «Якумо». Названія прочихъ судовъ не опредѣлены.

23 февраля. Въ дополненіе телеграммы отъ 22 февраля всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству: въ часъ 25 мин. пополудни изъ 7 непріятельскихъ судовъ—5 открыли огонь по фортамъ Суворова, Линевица, по городу и рейду вдоль долины рѣчки Объясненія. Огонь продолжался до 2 час. 15 мин., послѣ чего японская эскадра стала отходить на югъ и въ 5 час. 30 мин. скрылась изъ виду. На батареяхъ и укрѣпленіяхъ потерь нѣтъ; въ городѣ раненъ 1 матросъ, убита женщина. Согласно только-что полученному донесенію, непріятельская эскадра сегодня, въ 8 час. утра, снова показала въ виду крѣпости.

Командиръ владивостокскаго порта доносить сего числа слѣдующее: Вчерашняя бомбардировка сколько-нибудь серьезныхъ поврежденій порту не нанесла. На огонь непріятеля крѣпость не отвѣчала. Сегодня около полудня, непріятель, войдя въ Уссурійскій заливъ, подошелъ къ мѣсту, съ котораго обстрѣливалъ вчера портъ, и повернулъ обратно въ море. О вышеизложенномъ въ дополненіе телеграммъ отъ 22 и 23 февраля всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству.

24 февраля. (Подробности атаки Владивостока). Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу подробности дня 22 февраля. Во Владивостокѣ около 11 часовъ утра непріятельская эскадра, пройдя траверсъ острова Аскольда, послѣ нѣсколькихъ перестроеній оставила оба крейсера къ сѣверу отъ острова. Остальные суда направились въ строѣ кильватера по Уссурійскому заливу, параллельно берегу въ разстояніи не ближе 15 верстъ. Выйдя на створъ горы св. Іосифа и уссурійской батареи, эскадра въ томъ же строѣ взяла курсъ на эту батарею, открывъ огонь съ обоихъ бортовъ, повидимому холостыми выстрѣлами, для прогреванія орудій. Въ 1 часъ 35 мин., подойдя на разстояніе около 8 верстъ, головной корабль открылъ огонь изъ носовыхъ орудій, а затѣмъ вся эскадра направилась вдоль берега, стрѣляя съ лѣваго борта. Во время циркуляціи на правомъ галсѣ, непріятель огня не открывалъ. Послѣ 3-й циркуляціи эскадра въ 2 часа 20 мин. прекратила огонь, взяла курсъ на югъ въ миляхъ 10 правѣе острова Аскольда и въ 5 час. 30 мин. скрылась съ горизонта береговыхъ батарей. Всего непріателемъ выпущено отъ 150 до 200 снарядовъ. Результаты попаданія ничтожны. Въ крѣпостяхъ и сооруженіяхъ поврежденій нѣтъ. Въ прочихъ частяхъ города и крѣпости пораженія незначительны. Состояніе духа войскъ гарнизона превосходное. Подготовка батарей къ бою совершилась въ образцовомъ порядкѣ.

По донесеніямъ отъ 23 февраля въ 8 час. утра непріятельская эскадра вновь появилась у Владивостока, вошла въ Уссурійскій заливъ, прошла вдоль побережья и, не открывая огня, повернула назадъ, держа курсъ на мысъ Гамова. Въ 3 ч. 40 мин. дня эскадра находилась на высотѣ этого мыса и, повернувъ передъ рейдомъ Паллада, удалилась къ югу.

26 февраля. (Отъ намѣстника). Комендантъ крѣпости Портъ-Артура доносить: около 12 час. ночи на 26 число въ морѣ на горизонтѣ, въ лучахъ свѣта нашихъ прожекторовъ, замѣчены корпуса судовъ, похожихъ на миноносцы, по которымъ съ батарей

былъ открытъ огонь. Въ 2 часа 40 мин. ночи въ море вышли наши миноносцы, которые около 4 час. утра вошли въ соприкосновеніе съ непріятелемъ къ западу отъ маяка Ляотешанъ. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, непріятель удалился къ югу въ направленіи на Шандунъ, наши же миноносцы возвратились въ Артуръ. Въ 6 час. утра вновь были высланы миноносцы, которые черезъ полчаса возвратились. Было получено извѣстіе о приближеніи непріятельской эскадры. Въ 8½ час. утра японцы открыли огонь по нашему крейсерамъ и по крѣпости. У непріятеля 14 судовъ. Вся стрѣльба ведется имъ изъ-за Ляотешана.

27 февраля. Командующій флотомъ, вице-адмиралъ Макаровъ доноситъ 26 февраля изъ Портъ-Артура слѣдующее: вышедшіе въ ночь на 26 февраля 6 миноносцевъ, изъ нихъ 4 подъ общимъ начальствомъ капитана I ранга Матусевича, встрѣтились съ миноносцами непріятеля, за которыми появились крейсера. Произошла жаркая схватка, въ которой миноносецъ «Властный», подъ командой лейтенанта Карцова, миной Уайтхеда потопилъ непріятельскій миноносецъ. При возвращеніи, миноносецъ «Стерегушій», подъ командой лейтенанта Сергѣева, былъ подбитъ, лишился машины и началъ тонуть. Въ 8 часовъ утра 5 миноносцевъ возвратились. Когда выяснилось критическое положеніе «Стерегушаго», я перенесъ свой флагъ на «Новикъ», и вышелъ съ «Новикомъ» и «Баяномъ» на выручку, но у миноносца оказалось 5 непріятельскихъ крейсеровъ и приближалась броненосная эскадра. Спасти не удалось, миноносецъ утонулъ; уцѣлѣвшая часть экипажа попала въ плѣнъ. На судахъ, принимавшихъ участіе въ ночной атакѣ, тяжело раненыхъ 1 офицеръ, легко 3. Убито нижнихъ чиновъ 2, ранено 18. Въ 9 часовъ собралось 14 непріятельскихъ судовъ, началась бомбардировка Артура тяжелыми орудіями броненосной эскадры непріятеля съ большой дистанціи, продолжавшаяся до 1 ч. дня. По счету съ батареей непріятель выпустилъ 154 12-ти дюймовыхъ снаряда. Поврежденіе судовъ незначительно, и суда вполне готовы къ бою; потери на нихъ: легко раненъ одинъ офицеръ, нижнихъ чиновъ убито 1, раненыхъ 4. Ночное освѣщеніе прожекторами съ батареей было весьма умѣлое и нѣсколько разъ отдѣльными выстрѣлами батареи отгоняли миноносцы противника. Днемъ съ начала бомбардировки крѣпостныя орудія отвѣчали на огонь непріятеля. На всѣхъ корабляхъ команды держали себя съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и въ нижнихъ палубахъ шли заурядныя работы, хотя снаряды падали между судовъ, засыпая ихъ осколками. Бомбардировку съ такого разстоянія можно считать безре-

зультатной. Донесено, что на крейсерѣ «Такасаго» замѣтили значительныя поврежденія, которыя за дальностью, не менѣе 50 кабельтовыхъ, не были рассмотрѣны. Нѣкоторая часть снарядовъ выпускалась ими съ 12 верстъ.

Въ дополненіе телеграммы отъ 27 февраля всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что по донесенію изъ Портъ-Артура въ бою миноносцевъ съ японскими крейсерами 26 февраля ранены: капитанъ I ранга Матусевичъ, мичманъ Александровъ и инженеръ-механикъ Блиновъ—легко. Мичманъ Заевъ тяжело въ голову, съ потерю праваго глаза.

Командантъ Портъ-Артура доноситъ нижеслѣдующія подробности бомбардированія крѣпости: 26 числа, когда непріятель открылъ огонь, ему начали отвѣчать наши батареи. 6 непріятельскихъ судовъ изъ-за Ляотешана открыли перекидной огонь по крѣпости. Бомбардировка окончилась въ 1 часъ 15 мин. дня. Противникомъ выпущено до 200 снарядовъ, одна изъ бомбъ съ батареи № 15 Электрическаго утеса явильно повредила японскій крейсеръ. Результаты бомбардировки незначительны. Ранено 6 нижнихъ чиновъ. Въ городѣ убито 3 частныхъ лица и тяжело ранено 1...

По заявленію ген.-лейт. Стесселя господа офицеры и нижніе чины береговыхъ батарей отличались примѣрнымъ мужествомъ и вели стрѣльбу въ образцовомъ порядкѣ.

28 февраля. Всеподданнѣйшее подробное донесеніе вице-адмирала Старка объ атакѣ броненосца «Ретвизана» японскими миноносцами и брандерами ночью, 11 февраля, и о нападеніи непріятельскихъ крейсеровъ на миноносцы «Безстрашный» и «Внушительный», произведенномъ 12 февраля.

Въ 2 ч. 40 м. пополудни, 11 февраля, послѣ довольно продолжительнаго затишья въ военныхъ дѣйствіяхъ, вновь раздался первый выстрѣлъ съ броненосца «Ретвизанъ», который, неустанно и зорко наблюдая съ рейдовъ, у береговъ Тигроваго полуострова усмотрѣлъ бѣлый непріятельскій миноносецъ. Стрѣльба съ броненосцевъ, какъ можно было судить съ внутренняго рейда, поддерживаемая береговыми батареями, происходила въ теченіе часа съ перерывами, и только въ исходѣ четвертаго часа она обратилась въ сплошной убійственный огонь, который, какъ вполнѣдствіи оказалось, былъ открытъ по непріятельскимъ пароходамъ-брандерамъ, большимъ ходомъ, направлявшимся на броненосецъ «Ретвизанъ» и проходъ въ гавань. Огонь былъ настолько губителенъ для непріятеля, что черезъ четверть часа послѣ открытія перваго парохода

можно было даже из бассейна усмотрѣть его горящимъ и выскочившимъ на камень подъ входнымъ маякомъ.. У второго парохода удачно попавшимъ снарядомъ отдался якорь, и онъ, подобно первому, принужденъ былъ, не достигнувъ цѣли, выброситься подъ Золотой горой. Брандеры сопровождались миноносцами, которыхъ назначеніе, повидимому, было снять съ пароходовъ команду, а затѣмъ, при удачной постановкѣ къ «Ретвизану» брандеровъ его взрывать. По показанію многихъ очевидцевъ, два миноносца, находившіеся въ лучахъ прожекторовъ, были потоплены. Поэтому, надо полагать, что непріятельскимъ пароходамъ не всѣмъ удалось спастись. Послѣ полного отраженія, непріятельскіе миноносцы подходили неоднократно и тѣмъ вызвали артиллерійскую стрѣльбу съ «Ретвизана». Съ разсвѣтомъ были обнаружены еще два парохода, тоже выбросившихся на рифы. Кромѣ того, на довольно глубокомъ мѣстѣ у Тигроваго берега въ малую воду погрузился корпусъ большого японскаго миноносца.

Пароходы, величиною свыше 3.000 тоннъ, оказались начиненными и пропитанными керосиномъ, угольной пылью и большимъ количествомъ кальція въ банкахъ. Это сочетаніе горючихъ матеріаловъ привело къ тому, что объятый пламенемъ пароходъ, несмотря на принятыя мѣры, продолжалъ горѣть въ теченіе недѣли.

Пароходы снабжены были приспособленіями для взрыва и затопленія ихъ въ желаемомъ мѣстѣ, и можно съ увѣренностью сказать, что это представляло типъ наиболѣе губительныхъ брандеровъ. По предметамъ, найденнымъ на пароходахъ и на берегу, хотя ихъ было немного, можно судить о той поспѣшности, съ которой пароходы оставлялись своими экипажами. На одномъ найдены платье и кортикъ морского офицера, очевидно вплавъ искавшего своего спасенія. Найдена карта съ прокладкой курса отряда. На одной изъ картъ сдѣланъ схематическій набросокъ того положенія, которое должны были принять въ проходѣ брандеры-пароходы съ обозначеніемъ броненосца «Ретвизана», отмѣченнаго японской подписью, не оставляющей никакихъ сомнѣній въ ихъ смыслѣ. По всему вѣроятію, гибель миноносцевъ и, во всякомъ случаѣ, неизвѣстность ихъ мѣстонахожденія, а также легко понятный интересъ непріятеля, къ какому конечному результату привела ихъ атака брандерами, призвали утромъ на видъ броненосца «Ратвизана» и нашихъ фортовъ японскіе миноносцы и отрядъ легкихъ крейсеровъ, которые съ осторожностью держались вдали отъ батарей. Вскорѣ по выходѣ на наружный рейдъ нашихъ крейсеровъ «Баяна», «Аскольда» и «Невника» непріятельскія суда скрылись. Преслѣдованіе ихъ не представлялось возможнымъ вслѣдствіе боль-

шого числа плавающихъ на рейдѣ предметовъ, заставлявшихъ опасаться присутствія минъ.

Утромъ 12 февраля наши крейсера «Баянъ», «Аскольдъ» и «Новикъ» были посланы въ море для развѣдокъ, а также для розыска миноносцевъ «Безстрашный» и «Внушительный», не вернувшихся и посланныхъ наканунѣ вечеромъ въ составѣ цѣлаго отряда. Въ 9 час. утра съ фортовъ и заставъ было сообщено, что два нашихъ миноносца спускаются съ сѣвера на западную сторону Квантуна. Одновременно получились свѣдѣнія и о приближеніи непріятельскаго флота въ полномъ его составѣ, при чемъ число непріятельскихъ миноносцевъ было 8. Непріятель старался держаться вдали отъ нашихъ фортовъ, что мѣшало ему открыть огонь по нашимъ крейсерамъ, которые въ ожиданіи возвращенія миноносцевъ «Безстрашный» и «Внушительный», держались подъ защитой береговыхъ батарей и отстрѣливались отъ непріятеля.

Въ 10 час. 50 мин. утра непріятельскій флотъ приблизился настолько, что всѣ форты открыли по немъ огонь. Въ то же время отрядъ легкихъ крейсеровъ отдѣлился, чтобы отрѣзать нашихъ миноносцевъ, подходившихъ къ мысу Ляотешанъ, съ котораго симфорами имъ передавалось о нахожденіи непріятеля въ виду крѣпости. Миноносецъ «Безстрашный» шелъ полнымъ ходомъ, и ему удалось подъ выстрѣлами проскочить въ рейдъ. «Внушительный» отсталъ и затѣмъ рѣшилъ вернуться въ Голубиную бухту, гдѣ, какъ оказалось впоследствии, былъ настигнутъ непріятельскими крейсерами. Наши крейсера, по возвращеніи миноносца «Безстрашный», вошли въ гавань. На крейсерѣ «Аскольдъ» раненъ одинъ нижній чинъ.

Возвращеніе миноносца «Внушительнаго» въ Голубиную бухту было усмотрѣно непріятельскими крейсерами, такъ какъ, не успѣвъ отрѣзать миноносецъ «Безстрашный», они направились къ бухтѣ, и всѣ четыре крейсера открыли по миноносцу «Внушительный» частый огонь. Миноносецъ значительно поврежденъ разрывомъ воздушнаго резервуара миннаго аппарата. Убитыхъ и раненыхъ на миноносцѣ нѣтъ.

Отъ 28-го февраля. Телеграммы ген.-лейт. Жилинскаго. По свѣдѣніямъ корейскихъ газетъ, въ Чинампо высажено 18,000 японцевъ, которые идутъ въ Пинъ-янъ, 500 японцевъ высадились въ Кенчжень въ Сѣверной Корей, а ранѣе прибывшіе 2.000 въ Шенчжень двигаются вдоль берега также въ Кенчжень. Свѣдѣнія объ этихъ 2,500 человѣкахъ опровергаются прибывшими изъ указанныхъ пунктовъ корейцами. Въ Портъ-Артурѣ и Владиво-

стокъ спокойно. Японскихъ войскъ нигдѣ въ Манджуріи нѣтъ, въ Сѣверной Корей обнаружены лишь небольшіе непріятельскіе разбѣды. (Рос. Аг.).

Портъ-Артуръ, 28 февраля. Вечеромъ 25-го было донесено о присутствіи непріятельскихъ судовъ близъ Портъ-Артура и Талиенвана, почему ночью былъ посланъ отрядъ миноносцевъ подъ командою капитана 1-го ранга Матусевича. На разсвѣтъ этотъ отрядъ встрѣтилъ непріятельскіе миноносцы. Завязался отчаянный бой. Миноносецъ «Властный», подъ командой лейтенанта Карцева, взорвалъ миной, попавшей въ корму, японскій миноносецъ, который быстро затонулъ. Наши потери: ранены легко: капитанъ 1-го ранга Матусевичъ, мичманъ Александровъ и механикъ Блиновъ; тяжело: мичманъ Заевъ. Нижнихъ чиновъ убито 2, ранено 12. Утромъ 26-го, въ восьмомъ часу, японскій флотъ въ составѣ 13 большихъ судовъ и 6 миноносцевъ появился передъ Портъ-Артуромъ. Два нашихъ миноносца «Стерегущій» и «Рѣшительный» отстали и вступили въ отчаянный бой, длившійся 2 часа. «Стерегущій» былъ окруженъ непріателемъ и затонулъ отъ полученныхъ пробоинъ. «Рѣшительный» прорвался въ Портъ-Артуръ, имѣя двухъ раненыхъ. Участь экипажа «Стерегущаго» неизвѣстна. 28-го наша эскадра ходила въ море, но непріятель не обнаруженъ. 28-го спокойно. Хоронили 4 жертвы бомбардировки: г-жу Франкъ, Сидорскаго и двухъ механиковъ землечерпательнаго каравана, работавшихъ на «Ретвизанѣ».

29 февраля. Въ районѣ безъ перемѣнъ. Во время бомбардировки 26 февраля осколкомъ снаряда легко раненъ въ щеку полиціймейстеръ Тауцъ.

Москва, 29 февраля. Сегодня въ 8 часу утра прибылъ изъ Петербурга генераль-адъютантъ Куропаткинъ съ специальнымъ поѣздомъ восточной китайской дороги. Нѣсколько ранѣе пріѣхали чины канцеляріи командующаго маньчжурскою арміею и его конвой изъ осетинъ, среди которыхъ двое изъ Конвоя Его Величества. Генераль-адъютантъ Куропаткинъ былъ встрѣченъ помощникомъ Августѣйшаго Командующаго войсками, временно-командующимъ гренадерскимъ корпусомъ, командиромъ XVII армейскаго корпуса и другимъ военнымъ начальствомъ. Поздоровавшись съ присутствовавшими, генераль-адъютантъ Куропаткинъ отбылъ на вокзалъ ярославской дороги. Народъ по пути привѣтствовалъ его кликами «ура». Въ экстренномъ поѣздѣ генераль-адъютантъ Куропаткинъ отбылъ въ Троицко-Сергіевскую лавру. Возвращеніе его ожидается во 2 часу. При отходѣ ярославскаго поѣзда, собравшійся на пер-

ронѣ народъ кричалъ «ура», махалъ шапками и крестилъ поѣздъ. Генераль, стоя въ вагонѣ, отвѣчалъ поклонами.

Въ 10 час. 30 мин. генераль Куропаткинъ прибылъ въ Троицкій посадъ. На вокзалѣ его встрѣтила депутація отъ посада и поднесла цѣнную икону съ просфорой. Староста привѣтствовалъ рѣчью, генераль благодарилъ и просилъ молитвъ за воинство. По прибытіи генерала въ Троицкій соборъ былъ отслуженъ напутственный молебенъ. Отецъ Никонъ благословилъ Куропаткина древнимъ складнемъ, писаннымъ на гробовой доскѣ преподобнаго Сергія и сопровождавшимъ русскимъ войскамъ во всѣхъ ихъ походахъ. Здѣсь же обитель поднесла генералу образъ преподобнаго Сергія. При колокольномъ звонѣ генераль-адъютантъ Куропаткинъ прошелъ въ митрополичьи покои, гдѣ хоругвеносцы Сергіевской лавры поднесли стягъ съ изображеніемъ Дмитрія Донского, благословляемаго преподобнымъ Сергіемъ; на оборотной сторонѣ стяга образъ св. Алексѣя. Ректоръ Духовной академіи поднесъ икону Покрова. Послѣ чая Куропаткинъ отправился на вокзалъ при восторженныхъ кликахъ. По прибытіи въ Москву, на вокзалѣ старообрядцы поднесли генералу икону. Среди наполнявшей улицы восторженной толпы возвратился генераль-адъютантъ Куропаткинъ съ ярославскаго вокзала и проѣхалъ въ генераль-губернаторскій домъ, гдѣ собрались высшіе военные чины. Здѣсь отъ лица войскъ возложенъ былъ на генерала золотой шейный образокъ съ изображеніемъ св. Георгія Побѣдоносца. Затѣмъ Куропаткинъ прибылъ въ благородное собраніе, куда съѣхались столичныя власти и представители сословій. Послѣ молебна командующему маньчжурскою арміею поднесли иконы-складни. На рѣчь предводителя дворянства генераль Куропаткинъ отвѣтилъ: «Россія переживала испытанія много разъ болѣе тяжелыя, чѣмъ тѣ, которыя нынѣ выпали на ея долю, и каждый разъ выходила изъ нихъ побѣдительницей; не умаляя трудностей, предстоящихъ намъ, не уменьшая силъ и достоинствъ врага нашего, мы и нынѣ можемъ съ полнымъ спокойствіемъ и увѣренностью ждать окончательнаго и побѣднаго исхода борьбы, не нами начатой. Волею Государя Императора уже собралась на Дальній Востокъ могучая рать и, если ея окажется мало, волею Государя двинутся новыя дружины. Вотъ почему какія бы испытанія намъ ни пришлось перенести, мы всѣ будемъ неизмѣнно чувствовать твердую связь со всею Россіею и сердцемъ Россіи—Москвою. Молитвы Москвы, молитвы Россіи поддержать и укрѣплять насъ постоять за русское дѣло на Дальнемъ Востокѣ по долгу и присягѣ предъ Царемъ и Родиной, не жалѣя силъ и жизни. Да будетъ же воля Божья! Вамъ, всѣмъ представителямъ Москвы отъ лица всей

маньчжурской арміи кланяюсь до земли; ваши теплые проводы, ваши молитвы и ваши иконы не къ себѣ отношу, а ко всѣмъ войскамъ и, прибывъ на Дальній Востокъ, доложу Намѣстнику и передамъ войскамъ, какъ трогательно провожала меня Москва и Россія. Съ своей стороны, искренно желаю и молю Бога, да пошлетъ вамъ всѣмъ успѣха въ дѣлахъ вашихъ, искренно желаю вамъ всѣмъ здравія и процвѣтанія Москвѣ—сердцу Россіи, желаю отъ всей души здравія и благоденствія Августѣйшему Начальнику Москвы и всѣхъ московскихъ войскъ и Его Августѣйшему Семейству. Окончу рѣчь тѣмъ, что несомнѣнно наполняетъ всѣ ваши сердца, всѣ помыслы—возгласомъ за нашего Государя: на здравіе и многія лѣта нашему великому Государю русское «ура»! Раздалось несмолкаемое «ура», гимнъ былъ исполненъ три раза. При кликахъ «ура» выходилъ изъ зала генералъ Куропаткинъ, передъ нимъ несли стягъ, переданный ему московскимъ предводителемъ дворянства.

Телеграмма генералъ-лейтенанта Жилинскаго начальнику Главнаго Штаба, отъ 29-го февраля. 24 февраля нашъ разъѣздъ обнаружилъ на рѣкѣ Чин-чан-ганѣ четыре непріятельскихъ поста и за ними конный дозоръ.

У Пакчена японскій разъѣздъ въ пять человекъ попалъ въ засаду нашего разъѣзда, причемъ разсѣлся, потерявъ одного человека убитымъ. По слѣдамъ разъѣзда найдено нѣсколько патроновъ, пироксилиновые шашки и одѣяла.

Начальникъ корейскихъ войскъ въ Ый-чжю согласился сдать оружіе и распустить своихъ солдатъ, оставивъ при себѣ лишь 20 вооруженныхъ.

Населеніе въ Маньчжуріи спокойно.

Въ ночь на 27-е февраля непріятельскія суда освѣщали прожекторами бухту Елена и берегъ противъ Сеньючена.

По провѣреннымъ свѣдѣніямъ, высадокъ японцевъ сѣвернѣ Гензана не было и нѣтъ.

Настроеніе жителей по рѣкѣ Тумень-ула въ нашу пользу.

Редакторъ-издатель **В. Сковцовъ.**

Христiанство и юдаизмъ: почему проповѣдь о Христѣ не имѣетъ успѣха въ еврейскомъ народѣ? ¹⁾.

Кіевское св.-Владимірское братство ревнителей православiя выдѣляется изъ ряда другихъ однородныхъ съ нимъ учреждений своею миссіонерскою дѣятельностью среди евреевъ. Миссія его въ данномъ случаѣ не носитъ активнаго характера. Братство не посылаетъ миссіонеровъ въ среду еврейства: оно довольствуется скромной задачей—содѣйствовать св. крещенію тѣмъ изъ евреевъ, въ душѣ которыхъ уже созрѣла рѣшимость сдѣлаться христiанами.

Братство, какъ и вся христiанская церковь, какъ бы остановилась предъ еврейскимъ народомъ съ проповѣдью о Христѣ, оглашающею все человѣчество, даже „до краевъ земли“. И совѣсть христiанина не можетъ не тревожиться такою, повидимому, бездѣйственностью христiанской проповѣди, и каждый христiанинъ, кому дорого дѣло Христово, кто вѣритъ во всепобѣждающую силу имени Христа, съ сокрушеніемъ спрашиваетъ: отчего проповѣдники Христа не идутъ къ евреямъ, не преклоняютъ ихъ подъ благое иго и легкое бремя Христово?

Конечно, не отъ равнодушія къ судьбамъ еврейскаго народа, конечно, не отъ вражды, ненависти и презрѣнія, которыя такъ часто, къ великому горю всего міра, затемняютъ взаимныя чувства еврейскаго и христiанскихъ народовъ. Если заповѣдь Христа—проповѣдывать „въсѣмъ языкамъ“ не позволяетъ исключить изъ нея еврейскій народъ, то особое назначеніе этого народа, особыя судьбы его должны мысленно притягивать къ себѣ лучшіе умы и сердца христiанской церкви.

Нѣтъ, не равнодушіе, тѣмъ болѣе, не презрѣніе къ еврейству закрываютъ предъ еврейскимъ народомъ уста у христiанской проповѣди, а причины другого порядка.

Еврей, по давно уже сложившемуся складу своихъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній, не можетъ *принять и вмѣстить въ*

¹⁾ Рѣчь сказана на торжественномъ собраніи св. Владимірскаго Братства въ недѣлю православiя 15-го февраля.

себѣ христіанство, какъ религію личнаго живого Бога. Юдаизмъ, религія еврейскаго народа, уже давно, оставивъ Ветхій Заѣтъ, стала религіей національнаго своего земнаго бытія, безъ порывовъ къ небу, безъ жажды возрожденія. Вотъ причина, почему еврейство, въ противоположность язычеству и, отчасти, магометанству, не смотря на общій съ христіанствомъ источникъ Богопознанія, не смотря на многовѣковую свою жизнь среди христіанъ, не смотря на преклоненіе свое предъ нѣкоторыми христіанскими идеями и воспріятіе многихъ изъ нихъ въ свое міровоззрѣніе, не можетъ принять и не принимаетъ христіанства. Ветхій Заѣтъ, данный Богомъ еврейскому народу, естественно приводитъ ко Христу, но религія евреевъ-талмудистовъ и религія современныхъ евреевъ-интеллигентовъ уже давно не то, что можно мыслить подъ Ветхимъ Заѣтомъ.

Покойный В. С. Соловьевъ полагалъ, что еврейство въ своей массѣ, какъ народъ, не принимаетъ христіанства потому, что „христіанство, съ одной стороны, какъ проповѣдь всечеловѣческаго братства, казалось еврею чѣмъ-то слишкомъ широкимъ, отвлеченнымъ и нереальнымъ; съ другой стороны, оно, насколько связываетъ дѣло личнаго спасенія съ одною личностью Іисуса, представляется еврею какъ что-то узкое, произвольное и недостаточное“ ¹⁾. Соловьевъ полагалъ, что „доказать евреямъ, что они ошибаются, можно только фактически, осуществляя на дѣлѣ христіанскую идею, послѣдовательно проводя ее въ дѣйствительную жизнь... Еврей—народъ дѣла,—говорилъ Соловьевъ,—покажите имъ христіанское дѣло, объедините церковь, сочетайте ее съ государствомъ праведнымъ сочетаніемъ, создайте христіанское государство и христіанское общество: лучшая часть еврейства войдетъ въ такую христіанскую теократію“ ²⁾.

Кто не пожелалъ бы, чтобы этотъ, предлагаемый Соловьевымъ опытъ обращенія евреевъ въ христіанство, былъ приведенъ въ исполненіе послѣдующею исторіей христіанскихъ народовъ? Кто не желалъ бы, чтобы еврейскій вопросъ—этотъ кошмаръ нашихъ дней—былъ рѣшенъ, наконецъ, удовлетворительно? Кто, по крайней мѣрѣ, не стремился бы къ тому, чтобы національная тяжба евреевъ съ христіанскими народами, чтобы эта борьба способности къ экономическому порабоженію, съ одной стороны, и права на цѣлостность и крѣпость государственной самобытности, съ другой, чтобы эта вѣковая національная борьба не переходила въ

¹⁾ Полное собр. соч. т. IV, стр. 143.

²⁾ Ibid., стр. 166.

борьбу религиозную: противъ гоевъ — съ одной стороны и за Христа или во имя Христа — съ другой?

Но было бы большою ошибкой согласиться съ Соловьевымъ, что евреи потому только не принимаютъ христіанства что не видятъ его на дѣлѣ, осуществленнымъ въ жизни народовъ. Евреи во плоти видѣли Господа, слышали ученіе Его, изумлялись чудесамъ Его и не узнали Его, не приняли Его... Евреи могутъ видѣть и видятъ всю чудодѣйственную силу христіанства въ исторіи народовъ, въ современной цивилизаціи, могутъ легко, путемъ даже научнаго изученія исторіи, узнать, что сдѣлало христіанство для современнаго прогресса и культуры и все-таки не принимаютъ христіанства. Евреи — вся ихъ исторія — есть исторія противленія живому Богу, есть стремленіе отвести себя отъ богочеловѣческаго процесса исторіи. Уже давно еврей не ищетъ и не томится по Богѣ. Еврей постоянно тяготился любовію Божіею — не желалъ слышать голоса Божія, не желалъ видѣть лица Его. Результатомъ многовѣковаго чрезвычайнаго попеченія о народѣ еврейскомъ было лишь то, что еврей полюбилъ законъ Божій, но полюбилъ форму, а не содержаніе, полюбилъ букву, а не духъ. Ветхозавѣтный еврей вошелъ во вкусъ кровавыхъ жертвъ Богу и съ охотою приносилъ ихъ, но не могъ вынести одной мысли о томъ, къ чему его должны были приводить эти жертвы, мысли о жертвѣ крестной, которую принесъ Сынъ Божій: она навсегда осталась для еврея соблазномъ! Онъ проникся пророческими вѣщаніями о Мессіи и пропустилъ предназначенное время явленія Христа, не узналъ Его, не желалъ узнать Его!.. За деревьями онъ не увидѣлъ лѣса. За формами теократической жизни онъ не увидѣлъ Бога. Онъ дорожилъ формами. Принять живого Бога въ свою вѣками установившуюся жизнь, не значить-ли подвергнуть эту жизнь опасности нарушить форму? Еврейскій народъ исключилъ изъ своей религіи всякій личный элементъ, всякое личное вмѣшательство Бога. А этотъ-то личный элементъ и является сущностью богочеловѣческой религіи христіанской. И вотъ еврейскій народъ, какъ намъ думается, *по существу своего историческаго бытія* не можетъ принять христіанства.

Припомнимъ, что фарисеи, эти типичные евреи, готовы были бы признать Христа. „Этотъ человѣкъ много чудесъ творить“, — говорили они. Но... если оставимъ Его такъ, то всѣ увѣруютъ въ Него, и придутъ римляне и овладѣютъ и мѣстомъ нашимъ и народомъ (Іон. 11, 4—48). Вотъ чего они боялись. Римляне уже владѣли ими въ смыслѣ государственнаго господства, но римляне не посягали на ихъ религіозно-національную жизнь. А Хри-

стость проповѣдуетъ жизнь совершенно другого порядка: царство Отца небеснаго, изліяніе Духа Святаго, исцѣленіе сокрушенныхъ сердцемъ, свободу отъ грѣха, примиреніе измученнаго человѣчества, наступленіе совершенно новыхъ временъ Господнихъ (Лук. 4, 8). Нѣтъ, нѣтъ, это гибель установившихся воззрѣній, это потеря національной жизни,—и Каіафа говоритъ: „лучше одному человѣку умереть за людей, нежели всему народу погибнуть“ (Іоан. 11, 48—51). Евреи распяли Сына Божія, потому что, по ихъ понятіямъ, и Сынъ Божій не долженъ разрушать того, въ чемъ они видѣли единственный смыслъ своей жизни сохраненіе національнаго земнаго бытія. Тотъ великій Инквизиторъ, который въ легендѣ Достоевскаго второй разъ распинаетъ Христа, чтобы Онъ, явившись во второй разъ, не измѣнилъ налаженнаго и охраняемаго инквизиціей пути христіанской жизни, въ еврейскомъ народѣ имѣетъ свой неумирающій прототипъ.

Проповѣдь о Христѣ имѣла массовой успѣхъ среди евреевъ только въ самое первое время послѣ Пятидесятницы. Скоро христіанство стало „религіей языковъ“. Еврейство замкнулось въ себя и стало нападать на христіанство то численною своею силою, то своими происками у власти языческой, то своею критикою христіанскихъ истинъ. Еврейство создало первыя ереси христіанской Церкви. Но во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ Провидѣніе давало побѣду христіанству. Христіанскіе мученики, умиравшіе за Христа отъ руки евреевъ, ставили въ ряды христіанъ своихъ убійцъ и мучителей. Языческая власть скоро сдѣлалась покровительницей и защитницей христіанства. Всякое знакомство съ Евангеліемъ, даже ради критики, приводило къ сознанію, что юдаизмъ, какъ религія, имѣетъ свой смыслъ только въ христіанствѣ. Талмудъ покончилъ со всѣмъ этимъ, покончилъ не борьбою съ христіанствомъ, не побѣдою надъ нимъ и не своимъ пораженіемъ. Онъ отвелъ еврейство отъ пониманія христіанства, отъ всякой возможности смотрѣть на еврейство, какъ на религію, которая должна еще имѣть свое завершеніе въ новыхъ откровеніяхъ. Талмудъ сдѣлалъ христіанство для еврея міровоззрѣніемъ совершенно чуждымъ, непонятнымъ, какъ бы другой планеты, какъ бы другихъ познавательныхъ способностей. Талмудъ и есть то „покрывало на сердцѣ“ евреевъ, которое уже видѣтъ въ зачаткѣ апостоль Павелъ и которое, говоря его словами, и „донынѣ остается песнятымъ ими при чтеніи Вѣтхаго Завѣта, потому что оно снимается Христомъ“ (2 Кор. 3, 14, 16). И удивительно! Когда евреи, при знакомствѣ съ христіанствомъ, остаются на почвѣ одного Вѣтхаго Завѣта, когда они порываютъ

связь съ Талмудомъ, тогда это „покрывало“ снимается, тогда со всею очевидностью дѣлается яснымъ, что юдаизмъ Ветхаго За-вѣта имѣетъ свое продолженіе, осуществленіе и завершеніе въ Новомъ Завѣтѣ, тогда христіанство во всѣхъ своихъ частяхъ дѣлается понятнымъ еврею, какъ его собственная религія ¹⁾).

Но Талмудъ въ настоящее время уже не заключаетъ въ себѣ всего еврейства. Образованные интеллигентные евреи всѣхъ странъ оторвались и отъ жизни по Талмуду и отъ талмудическихъ воз-зрѣній. Тѣмъ не менѣе, и въ отрѣшеніи отъ Талмуда, еврейство не обнаруживаетъ склонности и способности къ воспринятію хри-стіанства. Оно продолжаетъ быть чуждо и Ветхому и Новому За-вѣту. На мѣсто талмудическаго „покрывала“ интеллигентное еврейство вооружается раціонализмомъ и если талмудистъ еврей не можетъ вмѣстить въ себѣ христіанства, потому что не можетъ въ немъ видѣть ничего, что могло-бы быть имъ принято, какъ завѣтъ вѣры, то еврей раціоналистъ ничего въ немъ не можетъ понять, потому что оно не поддается его раціоналистическому анализу. Выйдя изъ Талмуда, какъ изъ средневѣковаго гетто, на широкую дорогу науки, искусства и общественной жизни, интел-лигентный еврей примыкаетъ не къ антихристіанскому теченію религіозной мысли,—о, противленіе Христу, явное и искреннее, было бы залогомъ побѣды Христа, —а къ тому полному холодному равнодушію ко всѣмъ религіознымъ вопросамъ теченію, которое создалъ современный раціонализмъ. Если еврей говорить, что признаетъ религію, то смѣло можно быть увѣреннымъ, что его религія—философскій деизмъ, который не отрицаетъ Бога и бытіе Его, но полагаетъ, что ни Богъ, ни люди не могутъ и не должны входить во взаимное сношеніе. Конечно, въ сферѣ та-кихъ религіозныхъ воззрѣній нельзя понять и принять Хри-стіанства, этой религіи Воплощеннаго Богочеловѣка.

¹⁾ Талмудъ вошелъ въ жизнь еврейскаго народа, и въ плоть его и въ духъ. Талмудическій юдаизмъ, это религія плоти, религія, заключившая все пред-ставленіе свое о Божествѣ въ кругъ плотскихъ дѣйствій зачатія и рожде-нія. Господь, по воззрѣнію талмудистовъ, положилъ на обрѣзаніи крайней плоти еврея знакъ Своего съ нимъ интимнѣйшаго общенія, и единеніе еврея съ Богомъ состоитъ въ дѣйствіяхъ, служащихъ продолженію и умно-женію еврейскаго народа. Это прекрасно обосновываетъ мысль о томъ, что еврейство въ талмудѣ изъ премірной богооткровенной религіи Ветхаго За-вѣта стало чисто натуралистической религіей своей земной жизни. И талмудисту, послѣ этого, даже невозможно приблизиться къ пониманію христіанской религіи, гдѣ невидимая благодать съ неба составляетъ сущ-ность религіозной жизни, гдѣ небо заключаетъ въ себѣ и начало и конецъ христіанскихъ упованій.

Мы ссылаемся при этомъ на выдающееся произведеніе, принадлежащее перу еврея Морица Лацаруса, бывшего профессора сперва Бернского, затѣмъ Берлинскаго университета и Высшей Военной школы въ Берлинѣ, председателя двухъ замѣчательныхъ синодовъ или съѣздовъ еврейскихъ раввиновъ въ Германіи и редактора ихъ постановленій... Произведеніе Лацаруса: „Этика юдаизма“ тѣмъ болѣе замѣчательно, что авторъ-еврей, столь-же искренній и благородный, сколько и ученый, увѣряетъ, что вся его этическая система юдаизма не плодъ его личнаго убѣжденія, а извлечена имъ во всѣхъ своихъ частностяхъ изъ духа юдаизма, общаго всему еврейскому народу.

Первое, что замѣчается въ юдаизмѣ современной еврейской интеллигенціи, это полное пренебреженіе догматикой, т. е. тѣмъ, что прежде всего ставить вопросъ о бытіи Бога и Его существѣ. Юдаизмъ полагаетъ, что „въ библіи не содержатся ни метафизическія понятія, ни спекулятивныя идеи, ни также догматическія ученія о сущности Божества“ (стр. 47 ¹⁾) Богъ есть только совокупность нравственныхъ свойствъ. Насколько чуждо интеллигентному еврею представленіе о Богѣ, какъ личномъ, живомъ Существѣ, прекрасно доказываютъ тѣ образованные евреи, которые, преклоняясь предъ силою христіанства, съ мукою непониманія спрашиваютъ: зачѣмъ же еще Христосъ Богъ съ неба?

Эта отчуждаемость евреевъ отъ представленія о Богѣ, какъ живомъ личномъ Добрѣ, сказывается и на противоположныхъ воззрѣніяхъ евреевъ на мировое зло. Юдаизмъ съ гордостью заявляетъ, что „въ то время, какъ и понынѣ есть еще много людей, разсматривающихъ сатану, какъ реальное существо и дѣятельность его какъ личную, въ средѣ еврейства высказывались иныя изумительно свободныя и психологически очень глубокія отрицательныя воззрѣнія“ (стр. 144). Ни добро, ни зло не есть личности, а посему, по воззрѣніямъ юдаизма, не должны, не могутъ входить въ жизнь человѣка.

Да и вообще жизнь человѣческая, полагаетъ юдаизмъ, есть жизнь только пастоящаго времени. Связь съ прошедшимъ есть историческая только связь времени, а не связь по существу, не связь духовно-органическая. Каждое время за себя и каждому времени свое. Если грѣхопаденіе было, то нѣтъ никакой грѣхovitости рода человѣческаго, нѣтъ тяжелаго первороднаго наслѣдства, нѣтъ нужды въ избавленіи отъ него. „Юдаизмъ рѣшительно ничего не знаетъ объ (общемъ всему роду человѣческому) пер-

¹⁾ М. Лацарусъ. Этика юдаизма. Одесса, 1903.

воначалномъ горѣ человѣческой души до ея жизненныхъ переживаній. Даже для еврейскаго аскета „разбитое сердце“, „сокрушенная душа“ выступаютъ только въ раскаяніи по поводу только дѣйствительно совершенныхъ имъ грѣховъ (стр. 149), а не въ силу сознанія общаго своего грѣховнаго состоянія, того сознанія, которое заставляло нѣкогда апостола Павла скорбно взывать: „бѣдный я человѣкъ, кто избавить меня отъ сего тѣла смерти“ (Рим. 7, 24)?—и искать избавленія во Іисусѣ Христѣ.

Для юдаизма нѣтъ прошлаго бытія, если его нужно искать за предѣлами наличной дѣйствительности. Нѣтъ и будущей жизни, если она по ту сторону земного бытія. Догма потусторонняго блаженства его мало занимаетъ: его участь для здѣшней жизни нельзя и „одинъ часъ добродѣтельной (блаженной) жизни на землѣ для еврея больше, чѣмъ все блаженство будущей жизни“ (стр. 76).

Итакъ, христіанство, какъ совокупность небесныхъ истинъ, чуждо, непонятно для еврея-интеллигента. Эти истины совершенно безразличны для его націоналистическихъ стремленій и отвергаются его разумомъ. Но христіанство — не міръ однихъ только догматовъ, но міръ и нравственныхъ идей. Задача жизни и по Ветхому и по Новому Завѣтамъ одна: священіе жизни. Юдаизмъ еврейской интеллигенціи отнялъ отъ этой задачи ея божественную основу. Не нужно Бога Самого по себѣ, не нужно Его вмѣшательства въ жизнь, не нужно и для жизни ставить основанія и цѣли въ Богѣ. Въ предписаніяхъ Талмуда, правда, не видно было Живаго Бога, но силенъ былъ божественный авторитетъ закона и отъ него, подавляющаго своимъ божественнымъ авторитетомъ, тѣсно было живой душѣ человѣческой. Юдаизмъ нашего времени съ охотою отдыхаетъ на кантовскомъ ученіи объ автономной, свободной отъ божественнаго авторитета нравственности. Онъ провозглашаетъ принципъ, что „духъ человѣческій автономенъ, что онъ, слѣдовательно, въ самомъ себѣ долженъ нести основанія закона и быть независимымъ отъ законодательства и принужденія, исходящаго отъ другого лица“ (стр. 50)... Законъ, этотъ „дѣтководитель ко Христу, перестаетъ уже выполнять по отношенію къ современнымъ евреямъ свою провиденціальную цѣль. Въ покорности закону, имѣвшему божественный, непреложный авторитетъ, заключалась для еврея возможность обращенія ко Христу, если онъ могъ сбросить съ себя „покрывало“ Талмуда. Для него выяснялась невозможность освятить свою жизнь и спасти свою душу собственными силами, выяснялась собственная грѣховность и слабость, недостаточность своихъ собственныхъ силъ. Это соединяло еврейство со всѣмъ

языческимъ міромъ въ чаяніи Избавителя и Искупителя. Юдаизмъ современнаго интеллигентнаго еврейства снялъ съ закона нерушимую для человѣка печать божественнаго авторитета, отмѣнилъ безусловное и непреложное послушаніе закону. „Свободное нравственное убѣжденіе, не опирающееся на авторитетъ или предписаніе закона, становится уже выше, чѣмъ покорность самому авторитету“ (стр. 49). Юдаизмъ смотритъ на свой богооткровенный законъ, какъ на обыкновенный юридическій кодексъ съ правомъ кассаций и апелляцій къ современности. „Обращайся къ судіи и учителю своего времени“,—вотъ принципъ, которымъ замѣняетъ юдаизмъ ветхозавѣтную преданность преданію...

Автономная, безъ основанія въ Богѣ, мораль отвела, безнадежно на возвращеніе, современное интеллигентное еврейство отъ призыва ко Христу: покайтесь, приблизилось царство небесное! Еврей—гражданинъ земли, а не неба. Здѣсь, на землѣ, его обѣтованная земля, и онъ, исключивъ изъ области своихъ религіозныхъ воззрѣній все, что оставилъ ему Ветхій Завѣтъ и что могло привести его къ пониманію христіанства, этой религіи неба, охотно заимствуетъ изъ него все, что даетъ въ христіанствѣ смыслъ и силы для лучшей жизни на землѣ. Но и здѣсь, заимствуя изъ христіанства полною рукою, насыщаясь и проникаясь свѣтомъ христіанскаго міровоззрѣнія, онъ ничуть не приближается къ тому положенію невѣрующаго апостола Ѳомы, который, вложивъ руку свою въ гвоздинныя язвы Господа, осязавъ Христа, воскликнулъ: „Господь мой и Богъ мой!“ Нѣтъ, современный юдаизмъ остается чуждымъ Христу и христіанской жизни, даже заимствуя изъ него его спасительныя истины.

Современные прогрессъ и культура созданы жизнью христіанскихъ народовъ, христіанскія идеи проникаютъ сознаніе современнаго человѣчества, но изъ всѣхъ идей христіанства особенную силу имѣютъ идеи социальныя или идеи общественной жизни. Христіанская проповѣдь о томъ, что въ христіанствѣ „нѣтъ ни іудея, ни язычника, нѣтъ раба, ни свободнаго, нѣтъ мужескаго пола, ни женскаго: ибо все одно во Христѣ Иисусѣ“ (Гал. 3, 28), проповѣдь эта поразила человѣчество въ его воззрѣніяхъ на естественно-складывающіеся порядки земной общественной жизни, но еврейство она сокрушаетъ въ его самыхъ завѣтныхъ мечтахъ. Вся сила религіи для еврея должна состоять въ томъ, чтобы поддерживать и укрѣплять еврейскій народъ, какъ таковой, а не сглаживать узконаціоналистическія особенности еврейскаго народа. Еврей не можетъ понять, что въ вопросѣ о націонализмѣ сильно слово Христа: „кто хочетъ сберечь

душу свою, тотъ потеряетъ ее, а кто потеряетъ душу свою ради Меня и Евангелія, тотъ сбережетъ ее“ (Мр. 8, 35), не можетъ понять, что, отказавшись отъ своихъ узкихъ, отдаляющихъ отъ Христа, націоналистическихъ стремленій, еврейскій народъ во Христѣ и Евангеліи найдетъ свое мѣсто для царства Божія. Подъ напоромъ универсальной христіанской идеи, господствующей въ наукѣ, литературѣ и жизни, юдаизмъ долженъ былъ выйти изъ тѣснаго круга упованій своего племени и перенести на свою религію національнаго бытія признаки христіанскаго универсализма или христіанскаго всеединства. И юдаизмъ какъ будто соглашается, что его религія дана не исключительно для одного еврейскаго народа. Онъ говоритъ: „откровеніе дано все-народно, въ свободной пустынѣ, потому что всякъ воленъ принять его“ (стр. 13). Но вѣдь это опасно для еврейскаго народа; что если народы земли примутъ такой универсальный юдаизмъ и въ своей массѣ поглотятъ еврейское племя?... Пусть же никто не думаетъ, что юдаизмъ въ самомъ дѣлѣ универсаленъ, подобно христіанству, и охотно принимаетъ въ свою среду, въ участіе своихъ надеждъ и стремленій. Нѣтъ, не нужно,—говоритъ еврей,—переходить неевреямъ въ еврейство, ибо одно изъ двухъ: или нееврей живетъ въ согласіи съ нравственными (еврейскими) принципами, тогда онъ не нуждается въ еврейской вѣрѣ, или ему не достаетъ чистоты и высоты нравственныхъ (еврейскихъ) помысловъ, тогда они не могутъ быть замѣнены вѣрою (стр. 85). Какой же послѣ этого смыслъ придавать своему національному партикуляризму характеръ христіанскаго универсализма или всеединства?...

Болѣе подошла къ міровоззрѣнію современнаго юдаизма другая великая идея христіанства, идея церкви, какъ единого богочеловѣческаго организма. Эту идею, исключивъ изъ нея божественный элементъ, современный юдаизмъ переноситъ на свой народъ, не произнося, конечно, чуждое ему слово—церковь.

Теократическій, боговластительскій строй ветхозавѣтнаго еврейства даетъ многимъ богословамъ основаніе смотрѣть на еврейство, какъ на ветхозавѣтную церковь. Но еврейство отличается въ этомъ случаѣ такими чертами, которыя отнимаютъ отъ еврейскаго народа всякое право на присвоеніе ему понятія церкви. Каждый еврей дѣлается евреемъ чрезъ рожденіе и обрѣзаніе, т. е., совершенно механически, тогда какъ христіанинъ дѣлается членомъ церкви и участникомъ ея божественной жизни чрезъ продолжающійся во всю жизнь самостоятельный подвигъ духа—вѣру и участіе въ таинствахъ. Тѣмъ не менѣе юдаизмъ понять,

что и, помимо своего божественнаго элемента, идея церкви, какъ единаго Тѣла или организма, осуществляетъ въ жизни то, къ чему должна бы стремиться еврейская религія національнаго бытія, т. е. создаетъ единую коллективную личность.

Въ наше время развитія соціальныхъ наукъ, порывающихъ даже связь съ религіею, устанавливается христіанское воззрѣніе на человѣчество, какъ на единую коллективную личность. Но всѣ попытки построить жизнь на этой идеѣ внѣ связи ея съ христіанскою церковью, всѣ эти коммуны, фаланстеры, интернаціоналки, кооперации и конспирации, только доказывали, что самая идея человѣчества, какъ единой коллективной личности безъ Христа и не въ Церкви—соціалистическая химера не болѣе. Еврейскій народъ, этотъ соціалистическій народъ по преимуществу, далъ въ этомъ случаѣ только кагалъ со всѣмъ ужасомъ его гнета и произвола. Идея человѣчества, какъ единой коллективной личности, осуществляется только въ христіанской, единой, святой, соборной и апостольской церкви, т. е. въ соединеніи людей не физическимъ происхожденіемъ и не механическимъ собираніемъ, пусть даже и единомышленниковъ, а подчиненіемъ человѣческой личности благу и легкому игу Христа, съ свободною волею и совѣстью, съ отверженіемъ эгоизма, съ аскетическимъ обузданіемъ грѣховныхъ вожделѣній природы, со смиреніемъ помысловъ,—для участія въ божественной жизни Христа на землѣ. Въ такой именно церкви, рѣшается соціальная проблема человѣчества, какъ единой коллективной личности. Только въ церкви Христовой осуществляется „внутреннее свободное и стойкое единство“, достигнуть котораго никогда не удастся юдаизму, основанному на крови и обрѣзаніи. Всѣ разсужденія юдаизма о своемъ народѣ, какъ объ одной живой личности, въ которой жизнь каждаго отдѣльнаго еврея находитъ свое полное и высшее удовлетвореніе, являются только искусственной варіаціей на тему св. апостола Павла о церкви, какъ Тѣлѣ Христовомъ...

Перемѣстивъ идею христіанской церкви въ понятіе о своемъ народѣ, юдаизмъ христіанизируетъ и все содержаніе своей религіозной жизни. Юдаизмъ давно уже долженъ былъ сознаться, что съ потерю своей національной государственной жизни: земли, Іерусалима, храма, священства и жертвъ, въ его религін остается „мерзость запустѣнія“. Только христіанство со своими воззрѣніями на религію, какъ богопоклоненіе „въ духѣ и истинѣ“ восполняетъ его. Не даромъ вѣрующая по старому религіозная масса еврейства отвергаетъ сіонизмъ, эту поддѣлку подъ религіозное и національное возрожденіе еврейства. Развѣ можетъ вѣ-

рующій еврей помѣститъ народъ,—предметъ религіозной своей вѣры,—гдѣ-нибудь въ Угандѣ, куда влекутъ его нынѣшніе вожди сіонизма, а не въ Сіонѣ? Въ этомъ случаѣ нужно или оставаться при общеврейскихъ воззрѣніяхъ на богопоклоненіе или переходить къ христіанскимъ. И современный юдаизмъ мирится съ потерей своей земли, Іерусалима, храма, священства, жертвъ въ чисто-христіанскомъ сознаніи. Съ потерей обѣтованной земли, которая объединяла евреевъ, юдаизмъ, при удивительномъ противорѣчій своимъ земнымъ стремленіямъ, мирится съ мыслью, что „основа единства народнаго для евреевъ уже не здѣсь на землѣ, а тамъ, въ вышнихъ, что уже не отечество, а Отецъ на небесахъ образуетъ единство евреевъ“ (стр. 14). На потерю Іерусалима юдаизмъ отвѣчаетъ: „Уже не въ Іерусалимѣ возсѣдаетъ Богъ, но на всякомъ мѣстѣ, гдѣ полагаетъ память имени Своего, тамъ Онъ придетъ и благословитъ“ (стр. 14). На разрушеніе храма и прекращеніе ветхозавѣтныхъ священства и жертвъ юдаизмъ отвѣчаетъ: „Куда приходятъ съ мыслью о Богѣ, гдѣ лелѣютъ ее, тамъ и святилище... Пусть будетъ всякій домъ храмомъ, всякое сердце алтаремъ, всякій человѣкъ священникомъ“ (стр. 15)...

У св. апостола Павла есть слѣдующее пророчество о народѣ еврейскомъ: „Не хочу оставить васъ, братіе,—писалъ онъ къ римскимъ христіанамъ,—въ невѣдѣніи о тайнѣ сей, что ожесточеніе произошло въ Израилѣ отчасти до времени, пока войдетъ полное число язычниковъ... И такъ, весь Израиль спасется“ (Рим. 11, 25). Въ этомъ пророчествѣ мы снова стоимъ предъ тайною, на сей разъ послѣднюю, любви Божіей къ народу еврейскому. Отвергнувъ Бога, пришедшаго во плоти—Христа Господня, юдаизмъ все сдѣлалъ, чтобы отвести себя отъ принятія христіанства. Но мы въ то же время видимъ, что, отвергая сверхъестественную божественную сторону въ христіанствѣ, онъ неудержимо проникается и насыщается религіозно-правственными идеями христіанской жизни... Быть можетъ, въ этомъ лежитъ разгадка пророчества св. апостола объ обращеніи Израиля въ концѣ вѣковъ, когда уже проповѣдано будетъ евангеліе всѣмъ языкомъ и язычники уже войдутъ въ церковь Христову. Узнавъ и усвоивъ христіанство въ своихъ религіозно-правственныхъ воззрѣніяхъ, еврейскій народъ долженъ, наконецъ, будетъ узнать и Самого Господа Іисуса Христа, когда Онъ придетъ во второй разъ вмѣстѣ со святыми ангелами Своими, узнать и воскликнуть къ Нему со всѣми вѣрующими: ей, гряди, Господи! Тогда то, вѣруемъ, и свершится спасеніе всего Израиля...

Священникъ-миссіонеръ *Савва Потъхинъ*.

Основные черты миссионерской методики ¹⁾.

§ 3. Внутреннія свойства миссионерскихъ собесѣдованій.

Хорошее миссионерское собесѣдованіе непременно должно сопровождаться опредѣленными внутренними свойствами или достоинствами.

Всякій миссіонеръ обязанъ заботиться *прежде всего* о томъ, чтобы его бесѣда была *содержательна* и *правдива* по самой сущности своей. Миссіонеръ долженъ всячески побуждать въ себѣ склонность къ легкимъ, „дешевымъ“ побѣдамъ. Этихъ побѣдъ въ разговорахъ съ малограмотными мужиками достигъ не трудно; но пользы для миссіи отъ нихъ не будетъ. При болѣе обстоятельномъ размышленіи сектанты сообразятъ, что ихъ „одурачили“,—и тогда послѣднее будетъ горше перваго...

Вотъ образчикъ такихъ легкихъ побѣдъ.

Штундисты спрашиваютъ миссіонера:

—Гдѣ показано въ Новомъ Заветѣ крестить младенцевъ?

Миссіонеръ съ торжествомъ читаетъ изъ Пос. къ Коринѳянамъ слова ап. Павла: „крестилъ я также Стефановъ домъ; а крестили еще кого, не знаю“ (1 Кор. 1, 16).

Изъ этихъ словъ миссіонеръ дѣлаетъ заключеніе:

— Ап. Павелъ самъ о себѣ свидѣтельствуешь, что онъ крестилъ „Стефановъ домъ“. Смотрите — *весь* домъ крестилъ апостолъ; а въ домѣ бываютъ и дѣти...

Минутное впечатлѣніе произведено; сектанты „прижаты къ стѣнѣ“. Но, оправившись, они размышляютъ:

— Миссіонеръ *ничего* не доказалъ. Въдѣ изъ того, что Павелъ крестилъ Стефановъ домъ, не слѣдуетъ, будто младенцевъ нужно крестить. Развѣ мало домовъ бываетъ безъ дѣтей?..

Да и по другому можно возразить миссіонеру. Ап. Павелъ „крестилъ Стефановъ домъ“, т. е. тѣхъ людей въ домѣ Стефана, которые вѣровали.—Значитъ, правду про этихъ миссіонеровъ „сказываютъ“, что они „морочатъ людей“...

Бываютъ и такія „событія“. Миссіонеръ усиливается доказать почитаніе Креста Христова. Приводя разныя сильныя соображенія, въ порывѣ ревности онъ и такъ говоритъ. Ап. Павелъ пишетъ: „выйдемъ“ ко Христу „за станъ, нося Его поруганіе“ (Евр. 13, 13.) Крестъ,—разсуждаетъ миссіонеръ,—былъ орудіемъ

¹⁾ «Мисс. Обзоръ», кн. 5-я, стр. 500.

поруганій Христовыхъ. Стало быть, намъ нужно носить на себѣ кресты. Сектанты въ замѣшательствѣ смолкаютъ. Въ ихъ головахъ проносится что-то неясное: „стань“, выйти „за стань“, взявъ съ собою поруганія Христовы...

Потомъ съ силою начинаютъ кричать:

— За какой же станъ намъ нужно идти за Христомъ? И какъ мы крестъ понесемъ при этомъ? Христосъ несъ его на плечахъ, а мы почему повѣсимъ его на шею? Почему одинъ крестъ понесемъ, а гвозди забудемъ: вѣдь и гвоздями Христосъ пригвожденъ былъ ко кресту?..

Рядъ этихъ безсвязныхъ вопросовъ *мучатъ* миссіонера; онъ потѣетъ, мудритъ, а ничего убѣдительнаго въ его рѣчахъ нѣтъ,—потому что въ нихъ нѣтъ внутренней правды...

И потому миссіонерамъ необходимо заботливо избѣгать въ рѣчахъ своихъ того, что, на людскомъ языкѣ, называется „фокусами“...

Впрочемъ, сказаннаго не слѣдуетъ доводить до крайности,—своего рода до „текстобоязни“. Теперь у насъ нарождается особая школа миссіонеровъ. Эти люди, повидимому, проникнуты лучшими намѣреніями; но предъ слушателями они являются ораторами,—что называется,—съ *неопредѣленнымъ наклопеніемъ*. Такъ, бесѣдуя о св. мощахъ, они бѣгаютъ изъ стороны въ сторону и ни о чемъ прямо не высказываются.—Ихъ спрашиваютъ:

— Возможны-ли *нетѣльные тѣла* святыхъ?

Они говорятъ о костяхъ и о другихъ *останкахъ* святыхъ.—Сектанты строже повторяютъ вопросъ:

— Въ правосл. церкви иные говорятъ: „такъ-то почиваетъ *нѣтѣльное тѣло*“ святого. Какой смыслъ въ этомъ изреченіи?

„Новые“ миссіонеры оказываются въ безвыходномъ положеніи. Ни одного текста о нетѣльных тѣлахъ святыхъ они не знаютъ. Излюбленныхъ же прежними миссіонерами текстовъ они *боятся* повторять, находя ихъ „бездоказательными“. И получается „суета“, трусость...

Какой же выводъ отсюда?

Намъ нужно остерегаться *всякихъ* крайностей и въ сомнѣніи. Отцы наши вѣровали, что святые тѣла въ иныхъ мѣстахъ почиваютъ нетѣльными,—и это истина. Ее подтверждаетъ Библія. Правда, относящаяся сюда доказательства *спорны*, но въ нихъ есть своя *очевидная* доказательность. За нее намъ и нужно держаться, или спускать флагъ и признавать себя *плѣнными*, чего съ нами да не будетъ!

Раскрывая передъ слушателями извѣстную библейскую истину, миссіонеръ долженъ быть весьма остороженъ въ словахъ. Онъ

обязанъ говорить столько, сколько позволяетъ ему Библія, толкуемая здравымъ христіанскимъ смысломъ. Ни слова больше. И тексты всё должны быть у него „на край языка“.—Горе, если миссіонеръ, утверждая какое нибудь положеніе, въ доказательство его не найдетъ библейскаго текста!...

Напротивъ, отличное впечатлѣніе на слушателей производитъ тотъ миссіонеръ, который чувствуетъ себя *хозяиномъ дѣла*; легко находитъ тексты и толкуетъ ихъ вразумительно.

Миссіонерскія собесѣдованія должны отличаться *внутренней послѣдовательностью*. И это понятно само собой. Уже въ обыденныхъ разговорахъ непріятно бываетъ слушать человѣка, который „вертится около да вокругъ“. Тѣмъ возмутительнѣе съ такими недостатками встрѣчаться на миссіонерскихъ бесѣдахъ. Нужно, чтобы миссіонеръ ясно и совершенно *опредѣленно* ставилъ вопросы. Въ противномъ случаѣ произойдетъ *пустое словоговореніе*—назойливое и бесполезное, возмущающее понимающихъ слушателей.

Напримѣръ,—миссіонеръ неопытный спрашиваетъ сектанта:

-- Чего вы перестали ходить въ церковь?

— Въ Христову церковь я хожу...

— Какъ ходите? Я васъ никогда не вижу въ рядахъ молящихся...

— Это по писанію: „*блаженъ мужъ, который не ходитъ въ собранія грѣшниковъ*“...

— Развѣ мы всё грѣшники?—спроситъ огорченный миссіонеръ.

— Всё до одного... потому что у васъ вѣра не правая...

— Нѣтъ, братъ, ты не вертись. Отвѣть прямо: почему не ходишь въ нашу церковь?

Сектантъ гордо говоритъ:

— Про какую церковь вы толкуете?

— Про храмъ нашъ, гдѣ совершаются богослуженія.

— Про храмъ? А покажите, гдѣ храмъ называется церковью?..

И такъ рѣчь собесѣдниковъ путается, не имѣя *никакого* опредѣленнаго смысла. Это—крупный недостатокъ въ бесѣдѣ.

Случаются иныя „бѣды“ на миссіонерскихъ бесѣдахъ. Начали говорить о храмахъ,—рѣчь противниковъ возбужденная, гнѣвная. Миссіонеръ не можетъ ее умирить. Никакъ не дойдутъ до конца.

И вдругъ сектанты ловко перебѣгаютъ къ вопросу объ иконахъ. Они кричатъ:

— Ваши храмы уставлены иконами. Покажите—откуда вы ихъ взяли?

Уже наморившійся миссіонеръ покорно слѣдуетъ за сектантами. Начинается новая бесѣда прямо *безконечная*. Разумѣется, въ такой бесѣдѣ не будетъ цѣли. И потому, *хорошая* миссіонер-

ская бесѣда должна отличаться *единствомъ* предмета и *внутренней послѣдовательностью* въ его освѣщеніи. А этого возможно достигнуть тогда, когда и самое *слововыраженіе* миссіонера будетъ сопровождаться *точностью*, опредѣленностью и полною обоснованностью текстами Библіи.

Въ раскрытіи своихъ мыслей опытные миссіонеры держатся *строгаго плана*. Оттого бесѣды проходятъ у нихъ *гладко*. И это достигается *полюбовнымъ* соглашеніемъ съ сектантами. При безсистемныхъ же бесѣдахъ простымъ слушателямъ затруднительно уловить теченіе мыслей миссіонера. Отъ такихъ бесѣдъ они уносятъ въ головахъ своихъ одинъ „туманъ“, „мороку“, а часто даже и раздраженіе.

Существеннымъ свойствомъ хорошей миссіонерской бесѣды служить также ея *приспособительность* къ мѣсту, времени и къ слушателямъ. Миссіонерскія бесѣды происходятъ чаще всего въ храмѣ, — нерѣдко — въ школахъ и волостныхъ правленіяхъ. Всегда онѣ открываются и заканчиваются молитвою. Такимъ образомъ, миссіонерскія бесѣды носятъ *священно-церковный* характеръ. Поэтому же онѣ должны быть проникнуты *священно-библейскимъ* духомъ. На нихъ не слѣдуетъ допускать *вульгарныхъ, смѣшныхъ* выраженій. Не надобно, уклоняясь въ сторону, говорить о „пустяшныхъ вещахъ“. Пусть предметами миссіонерскихъ собесѣдованій будутъ *исключительно религіозно-церковные* вопросы, и говорить о нихъ нужно въ духѣ строго-библейскомъ: все направляя къ душевной пользѣ и спасенію слушателей.

Съ другой стороны, — такъ какъ священная Библія написана простымъ, общенароднымъ языкомъ, — и миссіонеръ обязанъ говорить *ясно, образно, просто*. Въ его рѣчи житейскія картины должны выступать такъ же часто, какъ въ притчахъ Господнихъ.

Не нужно миссіонеру впадать въ *многословіе*. Эта слабость для всѣхъ людей служить показателемъ умственной бѣдности; тѣмъ болѣе она не допустима для миссіонера. Это подтверждается опытомъ.

Какъ то мы присутствовали на одной миссіонерской бесѣдѣ. Батюшка говорилъ длинно, загромождая свою рѣчь текстами и вводными разглагольствіями...

Послѣ бесѣды, уже на улицѣ, насъ догналъ мастеровой человѣкъ и сказалъ:

— Эхъ, горе, наша необразованность! Какое-такое слово ухватишь... А батюшка словно нарочно: леть и леть...

И потому, всякій миссіонеръ долженъ взять для себя правиломъ классическое изреченіе: „въ немногихъ словахъ — многое“ (Non multum, sed multa).

Сказанное не означаетъ, впрочемъ, того, что „ради краткости“ миссіонеръ долженъ оставлять не освѣщенными нѣкоторыя части бесѣды. Нѣтъ. Ему надлежитъ все раскрыть, возвращаясь къ инымъ предметамъ *много* разъ,—только въ выраженіяхъ *отчетливыхъ*, простыхъ и краткихъ,—какъ бываетъ у хорошихъ учителей на урокахъ со школьниками. Разумѣется, не слѣдуетъ твердить о томъ, что уже понято народомъ,—что ясно само собой...

Въ тѣхъ же видахъ „приспособительности“ къ умственной средѣ народной, не слѣдуетъ бесѣды *загромождать* текстами. Это случается съ миссіонерами тогда, когда кто-нибудь изъ нихъ захочетъ „научно“ раскрыть истину: и поведетъ онъ слушателей по всей Библіи, а въ головахъ ихъ не закрѣпитъ ни одного текста!

Не такъ слѣдуетъ миссіонерствовать. Для доказательства истины словъ своихъ, православный проповѣдникъ можетъ привести два-три самыхъ выразительныхъ текста. Лучше пусть *глубже* протолкуетъ ихъ; пользы для слушателей отъ того будетъ больше.

„Приспособительность“ же къ народу требуетъ, чтобы миссіонеры вели свои бесѣды *по пунктамъ*, зорко отдѣляя одинъ вопросъ отъ другого. Въ такомъ случаѣ слушателямъ трудно будетъ забыть, о чѣмъ шла рѣчь и на какомъ вопросѣ она остановилась. А это очень важное обстоятельство. Сектанты часто пользуются народной темнотой. Зная, что въ рѣчахъ собесѣдника ихъ слушатели многого не поняли, въ концѣ бесѣды они, обыкновенно, кричатъ:

— Это мы вамъ уже доказали, что иконъ не нужно или—что почитать крестъ запрещаютъ апостолы!..

Если дѣло обстоитъ такъ,—необходимо отъ сектантовъ требовать *по пунктамъ*, гдѣ то или другое запрещено, или повѣлѣно,—и эти требованія всѣ повторить въ концѣ бесѣды.

Чтобы такой приемъ веденія бесѣды не казался „прижимкой“ для сектантовъ,—миссіонеръ самъ обязанъ во всемъ подавать имъ добрый примѣръ. При умственномъ развитіи и предполагаемомъ богатствѣ библейскихъ познаній, для него это не будетъ затруднительно. Въ то же время, такимъ приемомъ, миссіонеръ оставитъ въ слушателяхъ убѣжденіе—ясное и безповоротное,—что онъ не „пустыя рѣчи“ держалъ предъ народомъ, а *„слова истины и здраваго смысла“* (Дѣян. 26, 25), которыя у всѣхъ на виду.

При такомъ направленіи дѣла, сектантамъ нельзя будетъ клеветать на свойство миссіонерскихъ доказательствъ. Всѣ слушатели,—народъ самъ,—окажутся обличителями лжи сектантской...

Д. Боголюбовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Православно-русская миссія въ Холмской Руси.

О такъ называемомъ униатскомъ упорствѣ и о средствахъ борьбы съ нимъ.

ВВЕДЕНИЕ.

„Упорствующими“ называютъ въ Холмской Руси тѣхъ людей, которые не пожелали воссоединиться въ 1875 году съ православною церковью, но заявили желаніе остаться греко-униатами. Такъ какъ воссоединеніе бывшихъ греко-униатовъ Холмской Руси совершилось въ 1875 году, то къ этому времени обыкновенно относятся и возникновеніе упорства. Но такое представленіе не вѣрно. Въ дѣйствительности упорство возникло нѣсколько раньше. Возникновеніе его нужно отнести къ 1867 году, когда, согласно предписанію Холмской консисторіи, поддержанному свѣтской властію, было произведено очищеніе греко-униатской обрядности отъ польско-латинскихъ нововведеній. Съ этого именно времени народъ во многихъ мѣстахъ пересталъ посѣщать церковь, сталъ „упорствовать“. Разъ возникнувъ, упорство продолжало существовать въ надеждѣ, что выброшенные изъ церквей польско-латинскія нововведенія, какъ-то: скамейки, органы, монстранціи и т. п. будутъ возвращены обратно. Но такъ какъ этого не случилось, а, напротивъ, послѣдовало въ 1875 году воссоединеніе греко-униатовъ съ православною церковью, то упорство по этому поводу увеличилось въ своей численности и продолжаетъ существовать и по настоящее время. Въ настоящее время упорство очень сильно и многочисленно. Въ Сѣдлецкой губерніи есть теперь приходы, гдѣ ни одинъ человѣкъ не ходитъ въ церковь, кромѣ священника, учителя, псаломщика, да еще церковнаго старосты, который въ душѣ часто такой же упорствующій, какъ и другіе крестьяне, но состоитъ старостой и ходитъ въ церковь потому, что должность старосты освобождаетъ его отъ многихъ повинностей, возложенныхъ на крестьянъ. Въ Люблинской губерніи упорство не такъ многочисленно, но и здѣсь есть приходы, въ которыхъ половина, а то и болѣе, прихожанъ не ходитъ въ церковь. Съ теченіемъ времени послѣ воссоединенія упорство не только не сокращается

въ своемъ числѣ, но, напротивъ, увеличивается. Въ 1894 году число упорствующихъ простиралось до 70,000 ¹⁾. Въ 1895 году оно достигло до 73,175 человекъ обоого пола, какъ это видно изъ статистическихъ свѣдѣній, имѣющихся въ мѣстномъ епархіальномъ управленіи ²⁾. Въ 1896 году упорство еще болѣе увеличивается, достигая до 77 тысячъ совершенно упорствующихъ и 7,866 человекъ обоого пола колеблющихся. А въ 1897 году оно достигаетъ до 83 тысячъ совершенно упорствующихъ и 9,214 человекъ обоого пола колеблющихся, т. е., такихъ бывшихъ уніатовъ, которые находятся въ выжидательномъ положеніи, не уклоняясь совершенно отъ православія и въ то же время не считая себя православными ³⁾. То же приблизительно число упорствующихъ оставалось въ 1898 г. ⁴⁾. Такъ какъ указанное число упорствующихъ и колеблющихся приходилось въ 1897 году на 377,733 души всего возсоединеннаго отъ уніи населенія Люблинской, Сѣдлецкой и отчасти Сувалской губерній, то очевидно, что упорствуетъ больше четверти всего возсоединеннаго населенія. Приходовъ не упорствующихъ въ 1897 году было только 35, т. е. почти 10% всего числа приходоу, состоящихъ изъ возсоединеннаго населенія ⁵⁾.

Хотя указанное увеличеніе числа упорствующихъ можетъ быть объяснено отчасти естественнымъ приростомъ населенія, вслѣдствіе рожденій и смѣшанныхъ браковъ, но всетаки нельзя отрицать того, что упорство увеличивается и путемъ совращенія православныхъ ⁶⁾. Вліяніе православно-русской миссіонерской дѣятельности на сокращеніе упорства весьма незначительно. Православно-русская миссія повліяла нѣсколько на духъ упорства. Последнее перестаетъ относиться ко всему православно-русскому съ

¹⁾ Обзоръ дѣятельности Вѣдомства Православнаго Исповѣданія за время царствованія Императора Александра III. С.-Петербургъ 1901, стр. 186.

²⁾ Всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода К. Побѣдоносцева по Вѣдомству Православнаго Исповѣданія за 1894—1895 годы, стр. 154.

³⁾ Всеподданнѣйшій отчетъ за 1896—1897 г., стр. 60.

⁴⁾ Всеподданнѣйшій отчетъ за 1898 г., стр. 29.

⁵⁾ Всеподданнѣйшій отчетъ за 1897 г., стр. 60.

⁶⁾ Путемъ совращенія упорство увеличилось особенно въ 1897 году по случаю переписи. Какъ видно изъ Всеподданнѣйшаго отчета г. оберъ-прокурора Свят. Синода, упорство по сравненію съ 1896 годомъ, увеличилось въ 1897 году на 6,000 совершенно упорствующихъ, на 1,348 колеблющихся. вмѣстѣ съ увеличеніемъ упорства, увеличилось и число некрещенныхъ дѣтей болѣе, чѣмъ на 6,000, а равно и число незаконныхъ сожителствъ болѣе : 769 паръ. См. Всеподданнѣйшій отчетъ за 1896 и 1897 годы, стр. 60.

той враждой и ненавистью, съ какими оно относилось на первых порахъ. Но то, что сдѣлано православно-русской миссіей въ борьбѣ съ упорствомъ до сихъ поръ, составляетъ очень малую долю того, что предстоитъ еще сдѣлать. Успѣхъ, достигнутый православно-русской миссіей въ борьбѣ съ упорствомъ, настолько незначительный, что нѣкоторые постороннія лица, большею частію свѣтскія, мало знакомыя съ церковно-приходскою жизнію Холмско-Варшавской епархіи, совершенно отрицаютъ его, утверждаютъ, что упорство нисколько не ослабѣваетъ, но, напротивъ, усиливается, и потому обвиняютъ православно-русскихъ миссіонеровъ въ бездѣтельности, несоотвѣтствіи своему назначенію. Эти лица утверждаютъ, что православно-русскіе миссіонеры миссіей среди упорствующихъ вовсе не интересуются, а только обираютъ народъ, и потому не только не искореняютъ упорства, а, напротивъ, косвенно поддерживаютъ его. Нѣкоторые же утверждаютъ, что православно-русскіе миссіонеры, даже самыя лучшіе, не могутъ успѣшно бороться съ упорствомъ, потому что они не годятся въ миссіонеры, какъ представители восточной православной церкви. Восточная православная церковь, говорятъ они, воспитала будто бы только много подвижниковъ, аскетовъ, способныхъ къ созерцательной жизни, но не воспитала миссіонеровъ. Сколько бы православно-русскіе миссіонеры ни трудились, они, какъ неспособные къ миссіонерской дѣятельности, никогда не искоренятъ упорства, поэтому лучше всего отпустить упорствующихъ въ католичество, къ которому они всѣми силами стремятся.

Мы не беремъ на себя спеціальной задачи защищать православно-русскихъ миссіонеровъ Холмской Руси отъ возводимыхъ на нихъ обвиненій. Просимъ только обвинителя отвѣтить на слѣдующіе вопросы.

Кто, какъ не духовенство, во время польско-латинскаго ига съ честью несъ очень долго знамя православной вѣры и русской народности? Кто поддерживалъ интересы народа, когда дворянство, окатоличившись и ополчавшись, отказалось отъ своего народа? Кто утѣшалъ и ободрялъ народъ въ тяжелые періоды его жизни? Кто всегда былъ душою церковныхъ братствъ, заботившихся о поддержаніи въ народѣ сознанія русской народности и православной вѣры, какъ исконной вѣры предковъ? Кто теперь борется съ латино-польской пропагандой? Кто уничтожаетъ вліяніе на народъ тѣхъ подпольныхъ брошюръ, книгъ и другихъ изданій, которыя контрабандой перевозятся къ намъ изъ-за границы или же почти свободно печатаются въ большихъ городахъ

и распространяются среди нашего сельскаго населенія? Кто оберегаетъ интересы и честь православія въ нашихъ деревняхъ, гдѣ либеральные недоучки-чиновники, имѣющіе власть въ деревнѣ и непосредственныя сношенія съ народомъ, часто показываютъ явно свой индифферентизмъ въ дѣлѣ религій, считаютъ низкимъ для себя вмѣшиваться въ религіозныя дѣла, поддерживать и защищать православіе противъ явныхъ оскорбленій его? Просимъ отвѣтить, наконецъ, чье дѣло то небольшое, что уже сдѣлано въ борьбѣ съ упорствомъ? А утверждающимъ, будто православно-русскіе миссіонеры неспособны къ миссіонерской дѣятельности, какъ представители восточной православной вѣры, мы предлагаемъ отвѣтить на одинъ только вопросъ: какъ же православная вѣра пріобрѣла столько милліоновъ послѣдователей, если ея представители неспособны къ миссіонерской дѣятельности?

Прежде чѣмъ высказывать сужденіе о дѣятельности православно-русскихъ, современныхъ намъ, миссіонеровъ, необходимо принять во вниманіе, что многое изъ того, что служить предметомъ ихъ дѣятельности, образовалось въ теченіе довольно долгаго времени.

Унія дѣлала свое дѣло почти триста лѣтъ и при томъ пользовалась для своей цѣли всѣми возможными средствами. Какъ же можно требовать, чтобы въ какихъ-нибудь три десятка лѣтъ было искоренено то, что накоплялось въ теченіе трехсотъ лѣтъ? Нужно также принять во вниманіе, что народъ крѣпко стоитъ за свои убѣжденія, и поэтому много нужно времени, чтобы перевоспитать его, измѣнить его убѣжденія. Припомнимъ, какъ западно-русскій народъ отстаивалъ свои убѣжденія въ XVII вѣкѣ. Сто двадцать лѣтъ прошло въ кровавой неравной борьбѣ іезуитовъ, латинскихъ ксендзовъ и польскихъ свѣтскихъ властей съ православными убѣжденіями западно-русскаго народа, а результатъ былъ сравнительно незначительный. Дворянство измѣнило своей вѣрѣ и народности, а народъ все упорствовалъ. Въ началѣ уже XVIII вѣка, т. е., послѣ столѣтней слишкомъ борьбы, латинское духовенство и польское правительство ломали себѣ еще голову надъ тѣмъ, какъ бы уничтожить упорство западно-русскаго православнаго народа, составляли для этой цѣли всевозможные, драконовскіе по духу проекты. Какъ же можно требовать, чтобы православно-русскіе миссіонеры Холмскаго края въ короткое время измѣнили убѣжденіе упорствующихъ, потомковъ народа, заявившаго себя такою стойкостью убѣждений,—православно-русскіе миссіонеры, которые не только не имѣютъ и не могутъ имѣть въ своемъ распоряженіи, какъ представители православной вѣры,

всѣхъ средствъ борьбы своихъ противниковъ, но очень часто не пользуются даже и простымъ сочувствіемъ своему дѣлу въ окружающихъ ихъ постороннихъ лицахъ!

Какъ трудно измѣнять народныя убѣжденія, объ этомъ свидѣтельствуетъ существованіе на Руси раскола. Расколъ также своего рода упорство, появившееся по поводу исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ и обрядовъ патріархомъ Никономъ. Двѣсти тридцать лѣтъ борется съ нимъ православное русское духовенство, а цѣли своей—искорененія раскола—достигнуть не можетъ: расколъ продолжаетъ существовать. Удивительно ли, что упорствующіе Холмскаго края не ходятъ въ церковь послѣ тридцатилѣтней дѣятельности среди нихъ православно-русскихъ миссіонеровъ. Нѣтъ, нельзя обвинять православно-русскихъ миссіонеровъ въ бездѣятельности, неспособности къ миссіонерскому дѣлу и т. п.—на томъ основаніи, что упорство за тридцать лѣтъ борьбы съ нимъ очень мало ослабѣваетъ и, повидимому, не сокращается въ своей численности.

Но отвергая вводимое на православно-русскихъ миссіонеровъ Холмскаго края обвиненіе въ бездѣятельности, въ неспособности къ миссіонерству, мы вовсе не имѣемъ въ виду сказать, что эти миссіонеры дѣлаютъ все, что можно дѣлать, и притомъ дѣлаютъ наилучшимъ образомъ, такъ что иной постановки борьбы съ упорствомъ и желать не нужно. Мы утверждаемъ только то, что незначительный успѣхъ въ дѣлѣ борьбы православно-русскихъ миссіонеровъ съ упорствомъ нельзя объяснить бездѣятельностію ихъ, потому что въ дѣйствительности многіе изъ нихъ работаютъ и много работаютъ надъ искорененіемъ упорства. Если же тѣмъ не менѣе результатъ ихъ трудовъ незначительный, то причина этого не въ недостаткѣ энергіи со стороны миссіонеровъ, но въ чемъ-то другомъ.

Намъ кажется, что причиной сравнительнаго неуспѣха борьбы съ упорствомъ, кромѣ кратковременности этой борьбы, служить главнымъ образомъ отсутствіе строго опредѣленной и ясно сознанной задачи, къ которой всегда и вездѣ должны стремиться православно-русскіе миссіонеры въ борьбѣ съ упорствомъ, отсутствіе яснаго представленія о тѣхъ средствахъ, которыя были бы наиболѣе вѣрны и пригодны въ этой борьбѣ. Никто вѣдь не станетъ спорить, что для того, чтобы дѣятельность достигла желаннаго результата, ей необходимо должна предшествовать работа мысли, которая уяснила бы цѣль и направленіе дѣятельности, уяснила бы ея задачу и средства наиболѣе пригодныя и вѣрныя для достиженія этой задачи. Если же задача дѣятельности не

уяснена, какъ слѣдуетъ, если не обдуманы средства, пригодныя и вѣрныя для достиженія поставленной задачи, то дѣятельность не можетъ достигнуть никакихъ положительныхъ результатовъ, или же достигнетъ очень немногаго и то лишь по прошествіи довольно продолжительнаго времени; и это потому, что дѣятельность въ такомъ случаѣ отличается случайностію, разбросанностію, часто безцѣльностію. Никто не станетъ спорить, что дѣятельность не должна выходить, не установившій того пути, по которому онъ долженъ неуклонно слѣдовать, но разбрасывающійся во всѣ стороны,—такой дѣятель не многого достигнетъ. На первыхъ порахъ, когда энергія въ немъ бьетъ ключемъ, онъ разбрасывается въ стороны, за все берется, все пробуетъ. Не видя плодовъ въ одномъ родѣ своей дѣятельности, онъ бросаетъ ее, берется за другую; потомъ по той же причинѣ онъ бросаетъ и эту дѣятельность, берется за третью и т. д. Въ этомъ переходѣ отъ одного рода дѣятельности къ другой проходятъ лѣта энергіи и труда, тратятся силы и способности. Въ концѣ концовъ дѣятель начинаетъ сомнѣваться въ возможности достиженія поставленной цѣли, опускаетъ совсѣмъ руки, перестаетъ работать. Иногда бываетъ, что по прошествіи долгаго времени дѣятель пойметъ, что нужно дѣлать, но тогда уже поздно: жизнь почти прошла, силы потрачены! Не до работы ему теперь!

Наблюденія надъ борьбой православно-русскихъ миссіонеровъ съ упорствомъ въ разныхъ мѣстахъ Холмской Руси приводятъ къ убѣжденію, что въ этой борьбѣ нѣтъ опредѣленной системы и единства, что борьба эта ведется каждымъ миссіонеромъ по-своему. Православно-русскіе миссіонеры не имѣютъ, очевидно, опредѣленнаго и яснаго представленія о томъ, въ чемъ должна заключаться суть борьбы съ упорствомъ, что должно быть центральнымъ предметомъ этой борьбы, къ чему нужно всегда усиленно стремиться, чего нельзя никогда оставлять. Поэтому они, подобно дѣятелю, не очертившему точно и ясно того круга, за который его дѣятельность не должна выходить, не установившему того пути, по которому онъ долженъ всегда неуклонно слѣдовать, разбрасываются въ стороны, переходятъ отъ одной дѣятельности къ другой и ни на одной долго не останавливаются, и потому достигаютъ очень малаго, хотя часто трудятся очень усердно и много.

Это отсутствіе единства и опредѣленной системы въ борьбѣ съ упорствомъ объясняется неуясненностію вопроса объ упорствѣ и о средствахъ борьбы съ нимъ, спутанностію понятій о

томъ и о другомъ. Духовная печать ничего не говоритъ объ упорствѣ и о средствахъ борьбы съ нимъ. Мы не знаемъ ни одной статьи или брошюры, въ которой подробно говорилось бы о миссіонерской дѣятельности специально по отношенію къ упорствующимъ ¹⁾. Обыкновенно говорятъ и пишутъ о миссіонерской дѣятельности вообще. Между тѣмъ миссіонерская дѣятельность въ Холмскомъ краѣ находится въ особыхъ условіяхъ и потому естественно должна отличаться нѣкоторыми особенностями, тѣмъ болѣе—по отношенію къ упорствующимъ. Не все то, что полезно въ миссіонерской дѣятельности вообще, полезно и въ борьбѣ съ упорствомъ. Часто дѣятельность, достигающая своей цѣли въ приходѣ православномъ, не зараженномъ упорствомъ, оказывается совершенно бесполезной въ приходѣ сплошь-упорствующемъ. Говоря о миссіонерской дѣятельности среди упорствующихъ нужно, слѣдовательно, имѣть въ виду особенности упорствующаго прихода и сообразно съ этими особенностями предлагать мѣры борьбы. Между тѣмъ все, что можно найти въ нашей печати по вопросу объ упорствѣ и о средствахъ борьбы съ нимъ, не превышаетъ пяти-шести печатныхъ строкъ, дающихъ нѣсколько общихъ сужденій. Въ послѣднее время на борьбу съ упорствомъ обратилъ вниманіе архипастырь Холмскаго края, высокопреосвященнѣйшій Іеронимъ, архіепископъ Холмско-Варшавскій. Въ посланіи къ пастырямъ Холмско-Варшавской епархіи, разосланномъ скоро по вступленіи его въ епархію, а также въ воззваніи къ тѣмъ же пастырямъ въ день 25-лѣтія воссоединенія греко-уніатовъ съ православною церковью 11 мая 1900 г. высокопреосвященный Іеронимъ далъ нѣсколько принципиальныхъ указаній относительно миссіонерской дѣятельности среди упорствующихъ. Но эти мудрыя, заслуживающія самаго высокаго вниманія, многополезныя указанія владыки очень кратки и потому нуждаются въ подробномъ объясненіи, какъ они могутъ быть осуществлены въ упорствующемъ приходѣ. Изъ общихъ принципиальныхъ сужденій литературы о борьбѣ съ упорствомъ молодой неопытный православно-русскій миссіонеръ не можетъ почерпнуть много нужныхъ ему практическихъ свѣдѣній. Не можетъ онъ почерпнуть такихъ свѣдѣній и изъ устной бесѣды объ упорствѣ съ окружающими его лицами. Здѣсь, въ устной

¹⁾ Въ январскихъ номерахъ „Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Вѣстника“ за 1903 годъ появилась небольшая статейка о мѣрахъ борьбы съ упорствомъ. Статьею эта, сходная по содержанію съ нашими чтеніями, написана, какъ намъ достовѣрно извѣстно, однимъ изъ нашихъ бывшихъ слушателей и учениковъ.

бесѣдѣ, онъ встрѣтитъ такое разнообразіе взглядовъ, такую массу мнѣній, часто взаимно другъ друга исключającychъ, что онъ не въ состояніи разобратся во всѣхъ нихъ, понять, какое мнѣніе болѣе правильное, какое менѣе правильное и какое совсѣмъ неправильное, не въ состояніи выбрать самое лучшее изъ нихъ— для того, чтобы всегда слѣдовать ему. Поэтому, онъ обыкновенно выбираетъ то мнѣніе, которое ему наиболѣе нравится, наиболѣе соотвѣтствуетъ его направленію и склонностямъ. Это особенно замѣтно на начинающихъ миссіонерахъ. Изъ десяти товарищей, поступившихъ на упорствующіе приходы, едвали найдется два-три, которые одинаково начали бы свою дѣятельность, одно и то же считали бы самымъ важнымъ въ борьбѣ съ упорствомъ. Одинъ увлекается пѣніемъ церковнымъ, считая его важнѣйшимъ средствомъ борьбы съ упорствомъ, другой—церковнымъ проповѣдничествомъ, третій—школьнымъ обученіемъ дѣтей истинамъ православной вѣры и т. д. Одинъ является строгимъ ревнителемъ всѣхъ православныхъ преданій и церковно-обрядовыхъ особенностей, не обращая никакого вниманія на тѣ преданія и церковно-обрядовыя особенности, къ которымъ привыкли, съ которыми сжились упорствующие. Другой, убѣждая упорствующихъ принять православную вѣру, не побуждаетъ ихъ къ обязательному принятію всѣхъ мелкихъ церковно-обрядовыхъ особенностей православія, но позволяетъ имъ держаться уніатскихъ церковно-обрядовыхъ обычаевъ, надѣясь въ послѣдствіи замѣнить ихъ православными.

Если же не бездѣятельность и не неспособность православныхъ русскихъ миссіонеровъ къ миссіонерской дѣятельности служить причиной малаго успѣха въ борьбѣ съ упорствомъ, но отсутствіе опредѣленной системы и единства въ этой борьбѣ, отсутствіе яснаго понятія о центральной задачѣ и средствахъ этой борьбы, то само собою понятно, какъ важно, возможно скорѣе, уяснить ея задачу и средства, наиболѣе вѣрныя и пригодныя для достиженія поставленной задачи, чтобы такимъ образомъ объединить, сплотить разрозненную православно-русскую миссіонерскую дѣятельность, привести ее въ единство и систему. И это тѣмъ скорѣе нужно сдѣлать, что наши противники давно уже уяснили себѣ задачу и средства своей дѣятельности по отношенію къ упорствующимъ и дѣйствуютъ дружно и успѣшно. Съ уясненіемъ задачи и средствъ борьбы съ упорствомъ нужно снѣздить еще потому, что съ каждымъ днемъ борьба эта становится труднѣе. Всѣмъ извѣстно, что поляки и ксендзы затрачиваютъ теперь большіе капиталы на поддержаніе латинно-польской

пропаганды среди упорствующихъ при помощи своихъ агентовъ, черезъ распространеніе газетъ, книгъ, брошюръ и т. п.; устраиваютъ кружки (kułka) для образованія народа въ польско-латинскомъ духѣ. Всѣмъ извѣстно также, что въ Ченстоховѣ, куда собирается народъ со всего Привислинскаго края, гдѣ хранится древняя чудотворная икона Божіей Матери, украшенная короной послѣдняго польскаго короля, гдѣ, слѣдовательно, теплится лучъ надежды на возстановленіе безвозвратно погибшей католической Польши, ксендзы употребляютъ все, что только могутъ употребить, для возвышенія католической религіи. Все это съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе затрудняетъ борьбу съ упорствомъ. Но если польско-латинская пропаганда, какъ основанная на лжи, можетъ быть побѣждена, то гораздо труднѣе будетъ уничтожить другое явленіе, съ каждымъ днемъ все болѣе затрудняющее борьбу съ упорствомъ, грозящее сдѣлать ее почти невозможной. Мы разумѣемъ то, что многіе упорствующие, не желая принять православія и не имѣя возможности перейти въ католичество, теряютъ совершенно вѣру, дѣлаются совсѣмъ безрелигіозными или, правильнѣе, индифферентными въ дѣлѣ религіи. Съ такими людьми вести борьбу почти невозможно. Нужно, поэтому, начать борьбу какъ можно скорѣе, пока индифферентизмъ не получилъ широкаго распространенія среди упорствующихъ.

Кромѣ этихъ, такъ сказать, угрожающихъ явленій, есть еще явленія другого рода, которыя побуждаютъ скорѣе начать правильную борьбу съ упорствомъ. Всякій, кто внимательно всмотрится въ жизнь и взаимныя отношенія народа Холмскаго края, не можетъ не замѣтить, что упорство порождаетъ массу раздоровъ и несогласій въ средѣ народа, особенно въ смѣшанныхъ приходахъ, т. е., гдѣ есть и православные и упорствующие. У упорствующихъ на первыхъ порахъ часто крестили дѣтей и исполняли требы разные проходимцы, нерѣдко жида. Православные, зная это, до сихъ поръ издѣваются надъ упорствующими. Особенно осмѣивается православными, такъ называемый „краковскій бракъ“. Православные не признаютъ этого брака дѣйствительнымъ. На повѣнчанныхъ этимъ бракомъ они смотрятъ, какъ на живущихъ въ незаконной связи, издѣваются надъ ними, даютъ разныя прозвища, говорятъ колкости и т. п. Не остаются въ долгу у православныхъ и упорствующие. Они, съ своей стороны, обзываютъ православныхъ разными именами. Изъ-за этихъ прозвищъ выходятъ иногда крупныя ссоры, порождающія взаимную вражду, ненависть, вносящія въ народную жизнь не сближеніе, а, напротивъ, раздѣленіе, разладъ. Но если разладъ, по-

явившійся въ деревнѣ вообще, есть зло еще не такъ большой руки, то онъ—является гораздо большимъ зломъ, когда возникаетъ въ отдѣльной семьѣ. А это бываетъ нерѣдко, потому что упорствующие часто женятся на православныхъ и православные на упорствующихъ. Нужно, значить, скорѣе начать правильную борьбу съ упорствомъ, чтобы положить конецъ тому разладу въ народной жизни, причиной котораго служить существованіе упорства, тому разладу, который разстраиваетъ жизнь и взаимныя отношенія не только цѣлой деревни, но часто даже отдѣльной семьи.

Но начать правильную борьбу съ упорствомъ можно лишь тогда, когда, какъ мы сказали, будутъ уяснены задача и средства этой борьбы, притомъ—борьбы среди современной обстановки православно-русской миссіонерской дѣятельности въ Холмскомъ краѣ. Обыкновенно, когда говорятъ о борьбѣ съ упорствомъ, требуютъ отъ гражданской власти созданія новой обстановки для дѣятельности, новыхъ законоположеній относительно упорствующихъ. Нужно, говорятъ, чтобы правительство сдѣлало то-то, постановило то-то,—тогда можно будетъ успѣшно дѣйствовать. Намъ кажется несомнѣннымъ, что сколько ни удовлетворять предъявляемыя требованія, всегда будутъ появляться новыя. Нужно, слѣдовательно, указать такую задачу и такія средства борьбы съ упорствомъ, которыя были бы возможны и полезны при настоящей обстановкѣ православно-русской миссіонерской дѣятельности въ Холмскомъ краѣ, такія средства, пользованіе которыми не зависѣло бы отъ разныхъ взглядовъ и политическихъ влѣній въ Холмскомъ краѣ, не требовало бы ни измѣненія существующихъ узаконеній, ни установленія новыхъ, но было бы возможно всегда и вездѣ.

Указать такую задачу и такія средства мы постараемся въ слѣдующихъ главахъ своего труда. Теперь мы считаемъ необходимымъ заявить, что при рѣшеніи вопроса объ упорствѣ и о средствахъ борьбы съ нимъ мы не будемъ стараться о томъ, чтобы сказать преимущественно что-нибудь новое, доселѣ неизвѣстное. Вмѣстѣ съ указаніемъ средствъ дѣйствительно новыхъ, которыя доселѣ не употребляются, мы постараемся выяснитъ, какія изъ теперь употребляющихся средствъ могутъ быть полезны, если дать имъ иную постановку. Рѣшенію вопроса о средствахъ борьбы съ упорствомъ мы считаемъ необходимымъ предпослать рѣшеніе вопроса о сущности и причинахъ упорства, потому что, только уяснивъ правильно сущность и причины упорства, можно дать правильное рѣшеніе вопроса о средствахъ борьбы съ нимъ.

Насколько правильны будутъ наши сужденія, объ этомъ судить не намъ: объ этомъ пусть судятъ другіе. Мы, съ своей стороны, считаемъ нужнымъ сказать только, что наши сужденія объ упорствѣ и о средствахъ борьбы съ нимъ основаны не на теоретическихъ соображеніяхъ, но на непосредственномъ знаніи деревенской жизни Холмскаго края, на бесѣдахъ съ упорствующими, съ приходскими священниками, сельскими учителями и на многихъ фактахъ. Мы очень далеки отъ мысли считать предлагаемыя сужденія объ упорствѣ безусловно вѣрными и вполне исчерпывающими вопросъ. Мы думаемъ только, что они наиболѣе приближаются къ истинѣ. Если же наши сужденія объ упорствѣ покажутся кому-либо неосновательными, несправедливыми, то мы просимъ такого показать *sine ira et studio* эту неправильность, изложить свое мнѣніе, чтобы выяснить важнѣйшій вопросъ православно-русской миссіонерской дѣятельности въ Холмскомъ краѣ и черезъ то облегчить православно-русскимъ миссіонерамъ исполненіе той задачи, которая на нихъ возложена, указать имъ, что и какъ они должны дѣлать, чтобы привлечь упорствующихъ въ лоно православной церкви, чтобы облегчить положеніе и самихъ упорствующихъ, вывести ихъ изъ того тяжелаго положенія, въ которое они поставлены, въ которомъ многіе изъ нихъ начинаютъ терять всякую вѣру.

М. Кобринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Разборъ хлыстовскаго ученія о пророкахъ и пророчицахъ ¹⁾.

Хлыстовскіе пророки и пророчицы учать, что тѣло умершаго человѣка никогда не воскреснетъ: оно истлѣетъ--и только. Душа истиннаго хлыста, послѣ его смерти, становится ангеломъ, душа же грѣшнаго хлыста, не исполнявшаго хлыстовскихъ заповѣдей, послѣ его смерти, становится діаволомъ. Души прочихъ людей, смотря по своей грѣховности, переселяются или въ человѣка, или въ животное, дабы, путемъ такого переселенія, очиститься отъ грѣховъ. Подъ воскресеніемъ же изъ мертвыхъ, о которомъ мы читаемъ въ св. писаніи и символѣ вѣры, говорятъ хлыстовскіе пророки и пророчицы, нужно разумѣть вѣру въ хлыстовское ученіе, принятіе его, вступленіе въ ихъ секту ²⁾. Поэтому бывали случаи, что когда новоувѣровавшій входилъ въ собраніе хлыстовъ, то сектанты, при встрѣчѣ его, пѣли „Христосъ воскрес“. Церковные, то есть, православные, за нами гонятся, преслѣдуютъ, предають судамъ и осуждаютъ. Вотъ это и есть, говорятъ хлысты, страшный судъ. Но такое ученіе хлыстовскихъ пророковъ и пророчицъ о воскресеніи совершенно произвольно, не оправдывается ни св. писаніемъ, ни внутреннимъ психологическимъ опытомъ, наблюденіемъ человѣка надъ самимъ собою. Если бы душа человѣка странствовала, переселялась изъ одного человѣка въ другого, тогда она должна бы была помнить хотя что-либо изъ своей прежней жизни. Между тѣмъ исторія всего человѣчества не даетъ ни одного опыта къ подтвержденію ученія хлыстовскихъ пророковъ. Душа человѣка создана для дѣятельности и она должна бы была помнить то, что было прежде сдѣлано, чтобы восполнить недостающее и не заниматься непрерывно однимъ и тѣмъ же, не нести жалкаго труда, такъ какъ переходъ души изъ одного

¹⁾ „Мисс. Обоз.“, кн. 4, стр. 431.

²⁾ Отрицаніемъ воскресенія тѣлъ хлысты напоминаютъ древнихъ еретиковъ гностиковъ, которые тоже отрицали воскресеніе человѣческихъ тѣлъ, почитая воскресеніемъ изъ мертвыхъ познаніе гностическаго ученія (Сочиненія св. Иринея Ліонскаго противъ ересей въ русскомъ переводѣ стр. 256. Москва 1871 г.).

тѣла въ другое, не можетъ уничтожить въ памяти представленія прежде бывшаго. Душа спящаго человѣка во время сна часто видитъ сама собою и дѣйствуетъ въ сновидѣніи, а потомъ вспоминаетъ объ этомъ и иногда по прошествіи долгаго времени человѣкъ наяву рассказываетъ, что онъ видѣлъ во снѣ. Таково свойство души человѣка, а потому она должна бы была помнить то, что она дѣлала прежде переселенія, или прибытія въ другое тѣло. Если то, что въ короткое время было видѣно во снѣ или представлено въ воображеніи и при томъ одною только душою, она вспоминаетъ, тѣмъ болѣе она должна бы помнить то, чѣмъ занималась долгое время и въ теченіе цѣлаго періода протекшей жизни. Что души, по разлученіи съ тѣломъ, сохраняютъ тотъ же характеръ, какой онѣ имѣли въ единеніи съ тѣломъ, и помнятъ дѣла, которыя дѣлали въ тѣлѣ и которыя перестали уже дѣлать, по разлученіи съ тѣломъ, это весьма ясно видно изъ притчи Іисуса Христа о богатомъ и Лазарѣ (Лук. 16, 19—31), покоившемся на лонѣ Авраама. Здѣсь Господь говоритъ, что богатый зналъ Лазаря послѣ смерти, а также Авраама, и каждый изъ нихъ находился на своемъ мѣстѣ, и богатый проситъ, чтобы къ нему посланъ былъ Лазарь, которому онъ не давалъ даже крупицы отъ своего стола. Изъ отвѣта Авраама видно, что онъ зналъ не только свое собственное состояніе, но и состояніе богатаго, и повелѣлъ тѣмъ, которые не желаютъ попасть на мѣсто мученія, слушать Моисея и пророковъ. Изъ этой притчи Іисуса Христа ясно видно, что души, по разлученіи съ тѣломъ и его смертію, продолжаютъ существовать отдѣльно отъ тѣла и не переходятъ изъ тѣла въ тѣло; что онѣ сохраняютъ образъ человѣка, такъ что могутъ быть узнаваемы, помнятъ о томъ, что есть въ земномъ мірѣ, заботятся о своихъ сродникахъ по плоти, живущихъ на землѣ, и еще до времени страшнаго суда каждая душа получаетъ по своему достоинству соотвѣтствующее жилище на небесахъ.

При кончинѣ настоящаго видимаго міра, по свидѣтельству слова Божія, прежде воскреснуть тѣла умершихъ людей, потомъ оставшіеся въ живыхъ до втораго пришествія Христа на землѣ вмѣстѣ съ ними восхищены будутъ на облакахъ въ срѣтеніе на воздухъ Господу, Который при гласѣ Архангела и трубы Божіей на облакахъ сойдетъ съ неба съ силою и славою великою (1 Солун. 4, 16—17; Мат. 24, 29—31). Что вѣра въ проповѣдь Христа не одно и тоже съ воскресеніемъ, это ясно видно изъ слѣдующаго. Іисусъ Христосъ, объясняя, для чего Онъ посланъ Отцемъ на землю, говоритъ, что вѣрующій въ Меня будетъ воскрешенъ Мною въ послѣдній день (Іоан. 6, 40). Изъ этихъ словъ Христа ясно видно,

что Онъ вѣру человѣка въ Него, какъ воплотившагося Сына Божія, отличаетъ отъ воскресенія человѣка. Вѣровать во Христа человѣкъ долженъ душою, живя на землѣ въ тѣлѣ, когда онъ, при посредствѣ вѣры, видитъ какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно (1 Кор. 13, 12), а воскресенъ будетъ человѣкъ по тѣлу Христа уже послѣ разлученія души человѣка съ его тѣломъ, когда праведныя души будутъ лицезрѣть Бога (Откр. 4, 2—4; 7, 9—15). При второмъ Христовомъ пришествіи на землю воскреснутъ тѣла умершихъ людей (1 Солун. 4, 16). Когда Иисусъ Христосъ на крестѣ *испустилъ духъ*, завѣса въ храмѣ разодралась надвое: земля потряслась; камни разсѣлись; гробы отверзлись, и многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли, вышли изъ гробовъ, вошли во святыи градъ (Іерусалимъ) и явились многимъ (Мат. 27, 50—53). Тѣло Иисуса Христа висѣло на крестѣ и безмолствовало; значитъ, въ это время нельзя было вѣровать проповѣди Христа, а между тѣмъ въ это именно время многія тѣла праведниковъ воскресли. Лазарь, братъ Марфы и Маріи, несомнѣнно вѣровалъ во Христа, почему Христосъ и любилъ его, а между тѣмъ онъ при вѣрѣ во Христа умеръ, и Христосъ воскресилъ его изъ мертвыхъ (Іоан. 11 гл.). Перечисляя ветхозавѣтныхъ праведниковъ, ап. Павелъ говоритъ, что нѣкоторые изъ нихъ были замучены, не принявъ освобожденія, дабы получить воскресеніе (Евр. 11, 32—35). Эти праведники были замучены за содержимую ими истинную вѣру, а между тѣмъ стремились получить лучшее воскресеніе, ради чего и отдали себя на мученія. Понятіе хлыстовъ о воскресеніи противорѣчитъ ученію ап. Павла о порядкѣ измѣненія тѣлъ изъ душевныхъ въ духовныя (1 Кор. 15, 42—52), при второмъ Христовомъ пришествіи на землю и всеобщемъ воскресеніи умершихъ людей (1 Солун. 4, 14—17). Хлысты говорятъ, что они уже воскресли и тѣла ихъ изъ душевныхъ, слѣдовательно, уже измѣнились въ духовныя. А когда будетъ всеобщее воскресеніе умершихъ тѣлъ, то люди, умершіе до второго Христова пришествія на землю, воскреснутъ, то есть, получать духовныя тѣла, по слову апостола, прежде, нежели тѣла людей, дожившихъ на землѣ до второго Христова пришествія на землю, измѣнятся изъ душевныхъ въ духовныя. Во вторыхъ, праведники съ воскресшими, или измѣнившимися—духовными тѣлами, по слову апостола, всегда будутъ съ Господомъ Иисусомъ Христомъ на воздухѣ, на облакахъ (1 Солун. 4, 17). А теперь, въ настоящее время, этого нѣтъ. Утверждающихъ, что воскресеніе изъ мертвыхъ уже было, ап. Павелъ прямо называетъ отступниками отъ вѣры и разрушителями ея (2 Тим. 2, 18). Иисусъ Христосъ ска-

заль, что послѣ воскресенія изъ мертвыхъ ни женятся, ни замужъ выходятъ (Мат. 22, 30; Лук. 20, 34—35). А между тѣмъ въ сектѣ хлыстовъ, по ихъ ученію и обряду, заключаются браки.

Въ основаніе своего ученія о воскресеніи хлысты указываютъ на слово ап. Павла: *встань, спящій, и воскресни изъ мертвыхъ, и освятитъ тебя Христосъ* (Ефес. 5, 14). Но этими словами хрістіане возбуждаются къ духовной дѣятельности и воскресенію отъ мертвыхъ, то есть, грѣховныхъ дѣлъ. Духъ грѣшника, чрезъ свою безпечность къ дѣлу спасенія и полученія вѣчнаго блаженства, какъ бы спитъ и мертвъ. Но когда лучъ благодати чрезъ растворенное любовію слово или добродѣтельную жизнь пробуждаетъ спящій духъ, у него является страхъ Божій, безпокойство совѣсти, требующей перемѣны жизни. Грѣшникъ начинаетъ вѣровать слову Христа, примиряется съ Богомъ, просвѣтляется Христомъ. Тогда для него становится яснымъ, чему слѣдуетъ быть въ его жизни и чего ожидать ему въ будущемъ. Но это пробужденіе духа грѣшника нельзя смѣшивать и отождествлять съ воскресеніемъ мертвыхъ тѣлъ человѣческихъ, которое, по слову Писанія, ожидаетъ всѣхъ людей—праведныхъ и грѣшныхъ (Іоан. 5, 29; 1 Кор. 15, 22; Евр. 6, 2).

Да и обряды, совершаемые хлыстовскими пророками и пророчицами, или по ихъ указанію, на радѣніяхъ, не согласны съ духомъ ученія Іисуса Христа и апостоловъ и съ обрядами, упоминаемыми въ св. писаніи Новаго Завѣта. Іисусъ Христосъ при молитвѣ преклонялъ колѣна (Лук. 22, 41), падалъ ницъ лицомъ на землю (Мат. 26, 39; Мар. 14, 35), возводилъ очи къ небу (Іоан. 17, 1). Апостоль Павелъ совѣтуетъ хрістіанамъ при молитвѣ воздѣвать руки къ небу (1 Тим. 2, 8), хвалить крестъ, (Гал. 6, 14), приглашаетъ хрістіанъ носить на себѣ поруганіе Христа (Евр. 13, 12—13), то есть, крестъ. На хлыстовскихъ же радѣніяхъ этихъ обрядовъ мы не видимъ. Хлысты при своихъ радѣніяхъ махаютъ руками, скачутъ на ногахъ, или прыгаютъ. Хлысты говорятъ, что они при своихъ радѣніяхъ махаютъ руками, исполняя повелѣніе псалма: *восплещите руками всю народы, воскликните Богу гласомъ радости* (Псал. 46, 2), а скачутъ по примѣру пророка Давида, воспѣваемаго въ церковной пѣсни: „Богоотецъ убо Давидъ предъ сѣннымъ ковчегомъ скакаше, играя“ (Пасхальный канонъ). Но изъ ветхозавѣтныхъ обрядовъ только тѣ можно совершать хрістіанамъ, которые не отмѣнены или подтверждены примѣрами въ новозавѣтной церкви (Гал. 1, 8). Но въ новозавѣтной церкви мы нигдѣ ни у Іисуса Христа, ни у апостоловъ не видимъ этого обряда. Лобзаніе, которое дѣ-

ляется у хлыстовъ при ихъ радѣніяхъ, отнюдь не похоже на святое лобзаніе, о которомъ говоритъ апостолъ Павелъ (1 Кор. 16, 20), и на которое ссылаются хлысты, какъ на основаніе ихъ обряда. У первыхъ христіанъ при богослуженіи было цѣлованіе у мужчинъ съ мужчинами и у женщинъ съ женщинами, какъ это видно изъ апостольскихъ постановленій (Книг. 11, 57). Святое лобзаніе,—апостольское, совершается въ православной церкви: въ праздникъ Пасхи, въ прощенный день предъ Великимъ постомъ, и предъ исповѣдію. У хлыстовъ, какъ свидѣтельствуешь опытъ, лобзаніе бываетъ любодѣйное, осужденное Иисусомъ Христомъ (Мат. 5, 28). А обрядъ цѣлованія обнаженного колѣна рядовыми хлыстами у пророка или пророчицы не только не имѣетъ никакого основанія въ св. Писаніи, но у каждаго благовоспитаннаго человѣка вызываетъ чувство омерзѣнія ¹⁾.

Пророчества истинныхъ пророковъ всегда сбывались, исполнялись въ дѣйствительности, хотя бы они были высказаны пророками за нѣсколько тысячъ лѣтъ и въ этомъ свойствѣ пророчествъ усматривается главное основаніе къ признанію истиннымъ и пророка, высказавшаго пророчество. Не то мы видимъ въ хлыстовскихъ пророчествахъ. Они по большей части касаются матеріальнаго благосостоянія хлыстовской общины: погоды, дождя, урожая хлѣба, открытія пропажи, гоненій отъ православныхъ и проч.; такихъ предметовъ, которые, во-первыхъ, не имѣютъ прямого и непосредственнаго отношенія къ дѣлу душевнаго спасенія человѣка; во-вторыхъ, могутъ быть предугадываемы на основаніи естественныхъ въ жизни природы примѣтъ и соображеній ²⁾. Если же хлыстовскія пророчества касаются иногда бу-

¹⁾ Замѣчаніе хлыстовъ, что обычай рукопожатія, распространенный среди православныхъ, основанъ на чувствѣ похотливости, не вѣрно. Этимъ дѣйствіемъ выражается миръ и довѣріе одного лица другому (1 Мак. 6, 58; Галат. 2, 9).

²⁾ Хлыстовскіе пророки и пророчицы во многомъ напоминаютъ собою еретиковъ-гностиковъ первыхъ вѣковъ жизни Церкви Христовой на землѣ, о которыхъ у св. Иринея Лионскаго читаемъ слѣдующее: „гностикъ Маркъ вѣроятно имѣлъ при себѣ какого нибудь бѣса, при посредствѣ котораго и самъ представляется пророчествующимъ и дѣлаетъ пророчествующими женщинъ, которыхъ почитаетъ достойными быть участницами его благодати. Ибо онъ всего болѣе имѣетъ дѣло съ женщинами, и при томъ щеголеватыми, одѣвающимися въ багрянницу, и самыми богатыми, которыхъ часто старается увлечь, ласково говоря имъ: „хочу преподать тебѣ моей благодати, потому что Отецъ всего всегда видитъ ангела твоего предъ лицомъ Своимъ. Мѣсто же твоего величества между нами: намъ надобно составить одно. Прими сперва отъ меня и чрезъ меня благодать. Уготовься, какъ невеста, ожидающая жениха своего, да будешь то, что я, и я буду, что-ты.

душаго, котораго нельзя знать на основаніи естественныхъ соображеній, то эти предсказанія обыкновенно не исполняются, какъ, напримѣръ, предсказаніе о скорой гибели православной церкви, о скоромъ наступленіи страшнаго суда. А это несбытіе пророчествъ, по свидѣтельству св. писанія, служитъ несомнѣннымъ основаніемъ къ признанію пророковъ, изрекавшихъ ихъ, неистинными пророками. *И если скажешь въ сердце твоемъ: какъ мы узнаемъ слово, которое не Господь говорилъ? Если пророкъ скажетъ именемъ Господа, но слово то не сбудется и не исполнится, то не Господь говорилъ сіе слово, но говорилъ сіе пророкъ по дерзости своей,—не бойся его* (Втор. 18, 21—22). Подобное же читаемъ и у пророка Іереміи: *если какой пророкъ предсказывалъ миръ, то тогда только онъ признаваемъ былъ за пророка, котораго истинно послалъ Господь, когда сбывалось слово того пророка* (Іерем. 28, 9). Апостолъ Павелъ говоритъ, что когда пророки пророчествуютъ и войдутъ въ это собраніе кто либо изъ невѣрныхъ, то онъ, слыша обличенія себя въ своихъ тайныхъ дѣлахъ, судъ надъ собою и, видя обнаруженіе тайнъ его сердца, падать ницъ, поклонится Богу, сказавши: истинно съ вами Богъ (1 Кор. 14, 24—25). Примѣры, подтверждающіе способность пророковъ постигать сердечныя тайны людей, можно видѣть на пророкъ Елисеѣ, который обличилъ своего слугу Гіезія въ тайномъ мадонимствѣ съ Неемана сиріянина (4 Цар. 5, 25—27),—на апостолъ Петръ, обличившимъ Ананію и Сапфиру за утайку на-

Водрузи въ брачномъ чертогѣ твоемъ сѣмя свѣта. Прими отъ меня жениха, вступи его и вступи въ немъ. Вотъ сошла благодать на тебя, отверзи уста твои и пророчествуй“. Когда же женщина отвѣтитъ: „никогда я не пророчествовала и не умѣла пророчествовать“, тогда онъ во второй разъ, дѣлая какія то призыванія къ пораженію обманываемой, говоритъ ей: отверзи уста свои и говори, что бы то ни было, и—ты будешь пророчествовать“. А женщина надмившаяся и восхитившаяся отъ такихъ словъ, разгорячившись душою отъ ожиданія того, что сама будетъ пророчествовать, при усиленномъ болѣе надлежащаго сердцебіеніи, отваживается говорить и говорить вздоръ и все, что случится, пусто и дерзко, какъ разгоряченная пустымъ вѣтромъ. И съ тѣхъ поръ почитаетъ себя пророчицей и благодаритъ Марка, давшаго ей отъ своей благодати, и старается отплатить ему не только даваніемъ имущества (отъ чего онъ и собралъ много стяжаній), но и тѣлеснымъ общеніемъ, желая во всемъ имѣть единеніе съ нимъ... Нѣкоторые изъ учениковъ Марка занимались такими же дѣлами и вводили въ обманъ простоватыхъ женщинъ. Они провозглашаютъ себя совершенными, такъ что никто, ни даже Павелъ или Петръ, или другой какой либо изъ апостоловъ, не можетъ сравняться съ ними въ величій знанія... Они болѣе всѣхъ знаютъ и по высотѣ своей выше всякой силы, а потому и дѣлаютъ все свободно, не имѣя ни въ чемъ никакого страха“ (Сочиненія св. Иринея Ліонскаго противъ ересей, стр. 56—58. Москва 1871 г.).

стоящей цѣны проданнаго ими имѣнія (Дѣян. 5, 1—10). Понятіе о томъ, что пророки обладаютъ даромъ прозорливости, могутъ знать прошедшую жизнь человѣка, такъ было распространено во времена Іисуса Христа, что когда Онъ сказалъ женѣ самарянкѣ, что у ней было пять мужей, то самарянка сказала Іисусу Христу: *Господи! вижу, что Ты пророкъ* (Іоан. 4, 19). Но когда православнымъ, не принадлежащимъ къ сектѣ хлыстовъ, случалось по чему либо заходить въ собраніе хлыстовъ, гдѣ они производили радѣнія, то ничего, подобно описываемому ап. Павломъ въ посланіи къ коринѣянамъ о пророческомъ дарѣ, не случалось, никто изъ хлыстовъ не обличалъ этихъ православныхъ посѣтителей ихъ собраній въ тайныхъ дѣлахъ, въ коихъ могли быть виновны эти православные. Желая ослабить сомнѣніе въ томъ, что у хлыстовъ нѣтъ истиннаго пророческаго дара, что отсутствіе дара прозорливости не служить доказательствомъ неимѣнія ими пророческаго дара, хлысты, правда, говорятъ, что и пророчества библейскихъ пророковъ не всѣ сбывались, что и библейскія пророчества иногда не исполнялись, какъ, напримѣръ, пророчество Іліи объ истребленіи дома царя Ахава (3 Цар. 21, 21—29), пророчество Исаіи о смерти царя Езекии (Исаіи 38, 1—9), пророчество Іоны о разрушеніи Ниневіи (Іон. 3 гл.), указываютъ еще на пророка Наѡана, сначала одобрившаго намѣреніе царя Давида устроить во Іерусалимѣ храмъ Богу, а потомъ отвергшаго это намѣреніе (2 Цар. 7, 1—13). Но, во-первыхъ, нужно имѣть въ виду, что нѣкоторые библейскія пророчества высказывались условно. *Если захотите, и послушаетесь, то будете вкушать благо земли. Если же отречетесь и будете упорствовать, то мечъ пожретъ васъ: уста Господни говорятъ* (Исаіи 1, 19—20). Иногда пророки отъ имени Божія предрекали людямъ бѣдствія, но когда эти люди каялись предъ Богомъ въ своихъ согрѣшеніяхъ, Богъ отвращалъ Свой праведный гнѣвъ отъ нихъ. Пророкъ Ілія отъ лица Божія предсказалъ царю израильскому Ахаву за распространеніе идолопоклонства въ израильскомъ народѣ истребленіе дома Ахава. Но когда Ахавъ смирился предъ Богомъ, Богъ сказалъ: *Я не наведу бѣды ѣго дому* (3 Цар. 21, 29). Царю іудейскому Езекии Богъ, чрезъ пророка Исаію, повелѣлъ готовиться къ смерти, но когда потомъ Езекиа со слезами сталъ просить Бога, чтобы былъ отсроченъ часъ его смерти, Богъ продлилъ жизнь Езекии еще на пятнадцать лѣтъ (Исаіи 38, 5). Городъ Ниневію Богъ опредѣлилъ наказъ разрушеніемъ, что и предсказалъ ниневитянамъ пророкъ Іона; но когда ниневитяне, во главѣ съ своимъ царемъ, начали каяться предъ Бо-

гомъ во грѣхахъ, наложили строгій постъ на всѣхъ людей, не исключая и младенцевъ, и даже на скотовъ, Богъ помиловаль Ниневію (Іон. 3, 10). А что касается намѣренія царя Давида устроить храмъ Богу, которое пророкъ Наѳанъ сначала одобрилъ, а потомъ отъ лица Божія объявилъ Давиду, чтобы онъ не начиналъ постройки храма, что храмъ Богу устроить сынъ царя Давида (2 Цар. 71, 13); то первое одобреніе было высказано Наѳаномъ лично отъ него, а не по внушенію Божию ¹⁾.

Наконецъ, ап. Іоаннъ даетъ намъ ясное и твердое указаніе, какъ узнавать духовъ отъ Бога ли они и какъ отличить истинныхъ пророковъ отъ лжепророковъ, говоря: *Духа Божія (и духа заблужденія) узнавайте такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Иисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога. А всякій духъ, который не исповѣдуетъ Иисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста* (1 Іоан. 4, 1—3). То есть учитель, не исповѣдующій Иисуса Христа едиnorodнымъ Сыномъ Божиимъ, Который однимъ словомъ создалъ весь видимый міръ, истиннымъ Богомъ, равнымъ по Своимъ божескимъ достоинствамъ и совершенствамъ съ Богомъ Отцомъ, отъ вѣчности рожденнымъ отъ Бога Отца и въ послѣдняя лѣта воплотившимся отъ Духа Святаго и вочеловѣчившимся отъ Дѣвы Маріи, сдѣлавшимся единымъ искупительнымъ Ходатаемъ между Богомъ и человѣкомъ (1 Тим. 2, 5),—такой учитель не отъ Бога, не истинный учитель вѣры. А хлысты то именно и признаютъ Иисуса Христа не Сыномъ Божиимъ, единосущнымъ и равнымъ по божескимъ достоинствамъ и совершенствамъ Богу Отцу, Творцомъ видимаго и невидимаго міра, единажды воплотившимся отъ Духа Святаго (Исаи 7, 14; Мат. 1, 18—25), и вочеловѣчившимся отъ Пречистой Дѣвы Маріи, а простымъ человѣкомъ, родившимся естественнымъ порядкомъ отъ Іосифа и Маріи, только лишь облагодатствованнымъ въ большей степени, сравнительно съ другими праведными людьми. И нѣкоторые изъ хлыстовъ доходятъ до такой бѣсовской гордости и сатанинскаго самообольщенія, что называютъ себя христами, сынами Божиими, равными Христу евангельскому. Иисусъ Христосъ предвидѣлъ появленіе такого беззаконія въ человѣческомъ родѣ и предостерегалъ своихъ истинныхъ послѣдователей отъ вѣры въ по-

¹⁾ Хлыстовскіе пророки и пророчицы отрицаютъ всѣ догматы православія. Въ настоящей статьѣ я не касаюсь многихъ догматовъ, отвергаемыхъ хлыстами, потому что разборъ еретическихъ мнѣній, относительно этихъ догматовъ сдѣланъ былъ мною раньше—частію въ отдѣльныхъ брошюрахъ, а частію въ „Миссіонерскомъ Обзорѣніи“.

добное ученіе, говоря: *многіе приидутъ подъ именемъ Моимъ, и будутъ говорить: я Христосъ, и многихъ прельстятъ. Если кто скажетъ вамъ: вотъ, здѣсь Христосъ, или тамъ,—не верьте, ибо возстанутъ лжехристы и лжепророки, и дадутъ такія знаменія и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ. Вотъ, Я напередъ сказалъ вамъ* (Мат. 24, 5. 23—25). Стало быть ясно, что хлыстовскіе пророки, проповѣдующіе ученіе, противное ученію Іисуса Христа и не признающіе Іисуса Христа за истиннаго, едиnorodнаго Сына Божія, единосущнаго Богу Отцу, единаго воплотившагося Сына Божія, Альфу и Омегу, Начало и Конецъ, Перваго и Послѣдняго (Откр. 1, 10—17; 2, 8; 22, 13),—получаютъ откровенія отъ духа лести, бѣсовскаго и суть антихристы, противники единаго истиннаго Христа евангельскаго.

3) Какъ должно понимать тѣ мѣста св. Писанія, въ которыхъ хлысты видятъ основаніе своего ученія о пророкахъ и пророчествахъ, или обѣтованіе Божіе о продолженіи въ церкви Христовой на землѣ пророческаго дара отъ апостоловъ и во всѣ времена ея существованія на землѣ. Такія мѣста хлысты находятъ у пророковъ Исаи, Іереміи, Іоиля и у ап. Павла. У пророка Исаи хлысты указываютъ на слѣдующія слова: *и всѣ сыновья твои будутъ научены Господомъ* (Исаи 54, 13),—у пророка Іереміи: *вложу законъ Мой во внутренность ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу его и буду имъ Богомъ, а они будутъ Моимъ народомъ. И уже не будутъ учить другъ друга, братъ брата и говорятъ: „познайте Господа“, ибо всѣ сами будутъ знать Меня, отъ малаго до большаго, говоритъ Господь* (Іер. 31, 33—34). Эти слова пророковъ не буквально, а по смыслу были сказаны и Іисусомъ Христомъ въ Его пророческой рѣчи объ имѣющемъ быть установленіи Имъ таинства причащенія Его тѣла и Его крови подъ видомъ хлѣба и вина, когда Онъ сказалъ: *у пророковъ написано: и будутъ всѣ научены богомъ. Всякій, слышавшій отъ Отца и научившійся, приходитъ ко Мнѣ* (Іоан. 6, 45). Пророческимъ духомъ созерцая новозавѣтныя времена, пророки Исаи и Іереміа говорятъ, что Богъ, проливая Свою благодать въ сердца людей, будетъ призывать ихъ къ вѣрѣ проповѣди о Христѣ. Такъ именно объяснилъ эти слова Самъ Іисусъ Христосъ. Совершивши чудо насыщенія пятью хлѣбами и двумя рыбами пяти тысячъ человекъ, Іисусъ Христосъ перенесъ мысли людей, насыщенныхъ Имъ, отъ пищи тлѣнной къ пищѣ, ведущей въ жизнь вѣчную, началъ говорить объ имѣющемъ быть установленіи таинства причащенія, при чемъ назвалъ Себя хлѣбомъ, сшедшимъ съ небесъ (Іоан. 6, 35—41). Люди, слушавшіе эту пропо-

вѣдь Христа, должны были вѣровать Его словамъ, тѣмъ болѣе, что Онъ наканунѣ сихъ словъ совершилъ великое чудо, а вмѣсто сего они начали роптать на Іисуса Христа, говоря: *не Іисусъ ли это, сынъ Іосифовъ, котораго отца и мать мы знаемъ? Какъ же говоритъ Онъ: Я сошелъ съ небесъ? Іисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: не ропщите между собою. Никто не можетъ прійти ко Мнѣ, если не привлечетъ его Отецъ, пославшій Меня; и Я воскрешу Его въ послѣдній день. У пророковъ написано: и будутъ всѣ научены Богомъ* (Іоан. 6, 42—45). Послѣдними словами Іисусъ Христосъ, свидѣтельствуешь, что только тотъ увѣруетъ проповѣди Его, кого привлечетъ къ вѣрѣ Самъ Богъ Отецъ, проливши свой благодатный лучъ въ сердце человѣка и согрѣвши это сердце. Это наученіе отъ Бога должно понимать только какъ благодатное воздѣйствіе Божіе на умъ и сердце человѣка, predisposing къ вѣрѣ слову Писанія. Чтобы увѣровать проповѣди Самого Христа и проповѣди другихъ о Христѣ, для этого необходимо особенное внутреннее воздѣйствіе Божественной благодати на человѣка, какъ это разъяснилъ Іисусъ Христосъ и въ другомъ мѣстѣ, сказавши ап. Петру, исповѣдавшему Его воплотившимся Сыномъ Божіимъ: *блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ; потому что не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущій на небесахъ* (Мат. 16, 17). И ап. Павелъ написать: *никто не можетъ назвать Іисуса Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3). Ясно, что въ вышеуказанныхъ словахъ пророковъ Ісаи и Іереми о пророческомъ дарѣ нѣтъ и рѣчи. Равнымъ образомъ изъ словъ: *и будутъ всѣ научены Богомъ*, отнюдь нельзя выводить той мысли, что съ явленіемъ на землю Іисуса Христа уже нѣтъ нужды во внѣшнемъ церковномъ учительствѣ, нѣтъ нужды въ лицахъ, которыя должны были бы, по порученію церкви Христовой, заниматься дѣломъ проповѣди вѣры во Христа, такъ какъ люди по вѣрѣ во Христа будутъ привлекаться Самимъ Богомъ. Такая мысль прямо противорѣчила бы заповѣди Христа, данной апостоламъ: *идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа* (Мат. 28, 19) и словамъ ап. Павла: *какъ вѣровать въ Того, о Комъ не слыхали* (Рим. 10, 14). Такимъ образомъ словами: *будутъ всѣ научены Богомъ*, Христосъ указать на благодать предваряющую, или возбуждающую вѣру проповѣди о Его ученіи. Но эта проповѣдь о Христѣ можетъ быть, по словамъ апостола Павла, предложена только тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ посланство отъ Бога чрезъ церковь Христову, согласно порядку, указанному въ св. Писаніи (Рим.

10, 15; 1 Тим. 4, 14; 5, 22; 2 Тим. 1, 6; 1 Тит. 3, 14—15; Тит. 1, 5). Если же кто не получилъ отъ церкви Христовой такого посланства, тотъ и не имѣетъ права проповѣдывать Христово ученіе: *какъ проповѣдывать, если не будутъ посланы?* (Рим. 10, 15). Словомъ же *всѣ* будутъ научены Богомъ пророки и Иисусъ Христосъ указываютъ на то, что къ вѣрѣ въ Его ученіе будутъ привлекаться Богомъ люди не изъ одного только какого-либо народа, какъ въ ветхомъ завѣтѣ только евреи были призваны ко вступленію въ завѣтъ съ Богомъ и къ нимъ только по преимуществу посылались пророки, а всѣ, то есть, всѣ желающіе люди изъ всѣхъ племенъ и народовъ (Дѣян. 10, 34—35; Гал. 3, 27—28).

Въ подтвержденіе своего ученія о непрерывномъ продолженіи пророческаго дара въ церкви Христовой на землѣ хлысты ссылаются еще на слова пророка Іоиля: *и будетъ послѣ того, излію отъ Духа Моего на всякую плоть, и будутъ пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцамъ вашимъ будутъ сниться сны, и юноши ваши будутъ видѣть видѣнія. И также на рабовъ и на рабынь въ тѣ дни излію отъ Духа Моего. И покажу знаменія на небѣ и на землѣ: кровь и огонь и столпы дыма. Солнце превратится въ тьму и луна—въ кровь, прежде нежели наступитъ день Господень, великій и страшный. И будетъ, всякій, кто призоветъ имя Господне, спасется* (Іоил. 2, 28—32). Въ этихъ словахъ пророка Іоиля говорится о двухъ великихъ по своимъ событіямъ временахъ въ жизни церкви Христовой на землѣ:

1) объ изліяніи благодатныхъ даровъ Св. Духа на всякую плоть, на рабовъ и на рабынь въ началѣ, въ первое время жизни церкви Христовой; 2) о великихъ чудесахъ на небесахъ и на землѣ: крови, огнѣ, куреніи дыма и помраченіи солнца предъ великимъ и страшнымъ днемъ Господнимъ, или днемъ страшнаго суда. Упомянувъ о двухъ важныхъ временахъ въ жизни церкви Христовой—началѣ и концѣ ея, пророкъ Іоиль ничего не говоритъ о томъ, что пророческій даръ будетъ продолжаться въ церкви Христовой непрерывно отъ начала ея и до конца въ той же мѣрѣ, какъ это было въ первое время ея существованія, а говоритъ только объ особомъ чрезвычайномъ и обильномъ изліяніи даровъ Св. Духа въ началѣ, при основаніи церкви. Что, дѣйствительно, при началѣ жизни церкви Христовой на землѣ было это особое, чудесное, обильное изліяніе благодатныхъ даровъ Св. Духа на вѣрующихъ, объ этомъ читаемъ свидѣтельства въ Дѣяніяхъ апостольскихъ о сошествіи Св. Духа на апостоловъ и другихъ вѣрующихъ, бывшихъ въ Сіонской горницѣ въ день Пятидесятницы (Дѣян. 2 гл.), о пророкахъ, бывшихъ въ Антиохіи

(Дѣян. 13, 1),—о пророкѣ Агавѣ (Дѣян. 21, 10—11),—о дочеряхъ одного изъ семи діаконѣ Филиппа, пророчествовавшихъ (Дѣян. 21, 9) и другихъ. Что именно пророкъ Іоиль предсказывалъ объ чудесномъ изліяніи благодатныхъ даровъ Св. Духа въ день Пятидесятницы, это подтверждаетъ и ап. Петръ въ своей проповѣди къ народу объ этомъ чудесномъ событіи, приведши буквально вышеуказанныя слова пророка Іоиль (Дѣян. 2, 17—21). Другую половину пророчества Іоиль о знаменіяхъ и чудесахъ при концѣ жизни церкви Христовой на землѣ и концѣ видимаго міра апостолъ привелъ для указанія на то, что неувѣровавшіе возвышенному пророками Христу останутся безотвѣтными въ день страшнаго суда. Со дня Пятидесятницы благодатные дары Св. Духа, обильно излитые на апостоловъ и чрезъ нихъ потомъ на продолжателей ихъ служенія—епископовъ и пресвитеровъ въ церкви Христовой, чрезъ таинства стали изливаться *на всякую плоть*, то есть, на вѣрующихъ во Христа всѣхъ племень, народовъ, половъ, возрастовъ. Что въ указанномъ выше пророчествѣ Іоиль не говорится только объ одномъ дарѣ пророчества, а вообще о всѣхъ благодатныхъ дарахъ Св. Духа, это видно изъ того, что и ап. Петръ указалъ исполненіе этого пророчества въ день Пятидесятницы, когда именно даръ пророчества не проявился у апостоловъ, а они проповѣдывали Христа на разныхъ языкахъ и и потомъ возрождали увѣровавшихъ благодатными дарами въ таинствѣ крещенія, крестивши въ день Пятидесятницы около трехъ тысячъ человѣкъ (Дѣян. 2, 41). Нельзя изъ вышеуказанныхъ словъ пророка Іоиль, какъ это дѣлаютъ еретики рационалисты и хлысты, выводить мысли о бесполезности таинствъ церкви Христовой, какъ священнодѣйствій, чрезъ которыя преподаются вѣрующимъ благодатные дары, необходимые для спасенія человѣка и въ частности бесполезности таинства священства и преемственной и непрерывной отъ апостоловъ передачи дара рукоположенія, или хиротоніи, такъ какъ эта мысль противорѣчитъ намѣреніямъ и дѣйствіямъ Самого Іисуса Христа, учредившаго и таинства и іерархію, какъ предметы, необходимые для спасенія истинно вѣрующихъ въ Него, чадъ Его церкви на землѣ.

Третье и особенно твердое и ясное основаніе своему ученію о постоянномъ и непрерывномъ продолженіи въ Церкви Христовой пророческаго дара хлысты видятъ въ слѣдующихъ словахъ ап. Павла, на которыя и особенно часто ссылаются: *ревнуйте о дарахъ духовныхъ, особенно же о томъ, чтобы пророчествовать... Когда вы сходитесь, и у каждаго изъ васъ есть псаломъ, есть поученіе, есть языкъ, есть откровеніе, есть истолкованіе: все*

сие да будетъ къ назиданію. Если кто говоритъ на незнакомомъ языкѣ, говорите двое, или много, трое, и то порознь, а одинъ изъясняй. Если же не будетъ истолкователя, то молчи въ церкви, и говори себѣ и Богу. И пророки пусть говорятъ двое или трое, а прочіе пусть разсуждаютъ. Если же другому изъ сидящихъ будетъ откровеніе, то первый молчи. Ибо всѣ одинъ за другимъ можете пророчествовать, чтобы всѣмъ поучаться, и всѣмъ получать исцѣленіе (1 Кор. 14, 26—31). Побуждая ревновать о дарахъ духовныхъ, а по преимуществу о дарѣ пророчества (1 Кор. 14, 1), апостоль указываетъ и цѣль полученія этихъ даровъ—обличеніе, поученіе и утѣшеніе (1 Кор. 14, 24—25. 31). Но здѣсь лица, получившія дарованія Св. Духа, называются пророками главнымъ образомъ и прежде всего не въ смыслѣ провозвѣстниковъ воспринятыхъ ими новыхъ откровеній отъ Бога, а какъ провозвѣстники уже проповѣданнаго Сыномъ Божиимъ откровенія и сообщеннаго апостоламъ. Что для проповѣди уже готоваго откровенія Христова нужно имѣть, дѣйствительно, даръ Св. Духа, это видно изъ заповѣди Христа апостоламъ: не выходить на дѣло проповѣди изъ Іерусалима до полученія ими даровъ Св. Духа. Апостолы послѣ дня Пятидесятницы проповѣдывали не новыя какія либо истины, не новое ученіе, а были только *свидѣтелями* ученія (Дѣян. 1, 8), принесеннаго на землю Іисусомъ Христомъ. Поэтому то и ап. Павелъ говоритъ въ посланіи къ галатамъ: *если бы даже мы, или ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ* (ученіе Христа), *да будетъ анаѣма* (Гал. 1, 8). А апостолы въ своей проповѣди поставляли главною задачею предначертать предъ глазами слушателей Іисуса Христа, какъ бы у нихъ самихъ распятаго (Гал. 3, 1). Пророки, упоминаемые ап. Павломъ въ посланіи къ коринѣянамъ (1 Кор. 14 гл.), были главнымъ образомъ истолкователями св. Писанія, тайнъ Божіихъ, ученія объ искупленіи, совершенномъ Христомъ. Даръ истолкованія ученія Христа и даръ языковъ были ниспосылаемы Богомъ первенствующей церкви для того, чтобы вѣрующіе, обладая ими, могли безпрепятственнѣе и легче распространять Христово ученіе, чего они очевидно не могли бы сдѣлать, если бы не обладали сими дарами. Во всей вселенной было много народовъ, изъ коихъ каждый говорилъ на своемъ особомъ языкѣ. Эти народы не приняли бы такого учителя, который объяснялся бы съ ними на непонятномъ для нихъ языкѣ, называли бы его безумствующимъ (1 Кор. 14, 23). Дары истолкованія ученія Христова—пророчества и даръ языковъ были обильны въ первенствующей

церкви, но нельзя сказать, чтобы они были невозможны въ истинной церкви Христовой и въ послѣдующее время ея жизни. Духъ Святой, пребывающій въ истинной церкви Христовой, можетъ открыться и теперь въ дарѣ пророчества. Но, съ другой стороны, эти драгоценные дары Божіи не могутъ быть расточаемы тамъ, гдѣ есть достаточно, такъ сказать, и естественныхъ средствъ для достиженія извѣстной религіозной цѣли. Эти дары были обильны въ первенствующей церкви Христовой на землѣ, во-первыхъ, потому, что тогда еще не было Св. Писанія, которое теперь имѣетъ церковь. Первая новозавѣтная книга Св. Писанія—Евангеліе Матѳея—написано было спустя уже восемь лѣтъ послѣ вознесенія Христа на небо. Многихъ книгъ Св. Писанія новаго завѣта еще не было, когда писалъ объ этихъ дарахъ ап. Павелъ; а другія книги Св. Писанія новаго завѣта хотя уже и были написаны, но не были распространены между христіанами, были только извѣстны какой-либо одной мѣстной церкви. Для грубаго, окруженнаго идолами и погрязшаго въ чувственныхъ порокахъ, язычника и для хвастливаго и гордаго своими мнимыми преимуществами предъ другими народами іудея слово крестное казалось безуміемъ и соблазномъ (1 Кор. 1, 23). Въ этомъ случаѣ на помощь немощствующимъ не замедлила явиться Божественная благодать чрезъ многія чудотворенія, пророчества и сказанія на разныхъ языкахъ, привлекшихъ іудеевъ и язычниковъ къ принятію христіанства. То обстоятельство, что въ настоящее время въ православной церкви даръ пророчества встрѣчается весьма рѣдко, не свидѣтельствуетъ, что церковь погрѣшила, что ее одолѣли врата ада, что она лишилась благодати Св. Духа, какъ говорятъ по сему поводу хлысты и подобные имъ сектанты, враги церкви. Въ православной церкви дары Св. Духа сообщаются чрезъ св. таинства. Если же чрезвычайные дары Св. Духа: даръ пророчества и даръ языковъ проявляются рѣдко, то это показываетъ, что православная церковь не пала еще такъ низко, чтобы для пробужденія членовъ ея отъ невѣрія нужны были какія-либо особыя, чрезвычайныя, чудесныя средства. *Знаменія*, говоритъ ап. Павелъ, *не для върующихъ, а для невѣрующихъ* (1 Кор. 14, 22. Св. Златоуста слова и бесѣды на разные случаи. Томъ 2, стр. 197—200, изд. 1865 г. Сиб.). Хлыстовское же толкованіе вышеуказанныхъ словъ ап. Павла, что въ ихъ общинѣ, согласно этимъ словамъ ап. Павла, даръ пророчества во всей силѣ проявляется и въ настоящее время, не можетъ быть признано правильнымъ, во-первыхъ, потому, что хлыстовскіе пророки въ своихъ рѣчахъ высказываютъ новое ученіе,

несогласное и даже прямо противное ученію Христа; во-вторыхъ, потому, что если бы у нихъ проявлялся истинный даръ пророчества отъ Св. Духа, то, согласно словъ ап. Павла, долженъ былъ бы вмѣстѣ проявляться и даръ языковъ. Изъ словъ ап. Павла видно, что въ его время получившіе даръ пророчества вмѣстѣ могли получать и даръ языковъ, или даръ говоренія на незнакомомъ языкѣ (1 Кор. 14, 5), а этого дара у хлыстовъ нѣтъ и по ихъ собственному признанію, какъ это приходится слышать отъ нихъ самихъ, при миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ. Изъ словъ апостола: *у каждаго изъ васъ есть псаломъ, есть поученіе, есть языкъ, есть откровеніе, есть истолкованіе: все сіе да будетъ къ назиданію* (1 Кор. 14, 26) нельзя выводить и той мысли мнимодуховныхъ христіанъ, что каждый вѣрующій во Христа можетъ въ церковномъ собраніи учить, священнодѣйствовать и управлять. Такое пониманіе словъ ап. Павла прямо противно заповѣди Христа къ апостоламъ, которымъ только однимъ Онъ далъ власть и право обществѣнной проповѣди людямъ Его ученія (Мат. 24, 14; 28, 19; Мар. 13, 10; 16, 15; Іоан. 20, 21—23) и совершенія таинствъ крещенія (Мат. 28, 19; Мар. 16, 16), муропомазанія (1 Іоан. 2, 20, 27; 2 Кор. 1, 21—22), причащенія (Лук. 22, 19—20; 1 Кор. 11, 23—26), покаянія и разрѣшенія грѣховъ (Іоан. 20, 22—23; Дѣян. 19, 18), рукоположенія (священства) (Дѣян. 6, 6; 13, 3; 14, 23; 20, 28; Ефес. 4, 11—14; 1 Тим. 4, 14; 5, 22; 2 Тим. 1, 6; Тит. 1, 5), брака (Мат. 19, 6; 1 Кор. 7, 39; Ефес. 5, 31—32) и елеосвященія (Мар. 6, 13; Іак. 5, 14—15). И ап. Павелъ, говоря, что апостолы служители Христовы и домостроители таинъ Божіихъ (1 Кор. 4, 1), замѣчаетъ: *всѣ ли апостолы? всѣ ли пророки? всѣ ли учителя? всѣ ли чудотворцы?* (1 Кор. 12, 29). *Никто самъ собою не пріемлетъ* (первосвященнической, епископской) *чести, но призванный отъ Бога, какъ и Ааронъ. Такъ и Христосъ не Самъ Себѣ присвоилъ славу быть первосвященникомъ; но Тотъ, Кто сказалъ Ему: Ты Сынъ Мой. Я нынѣ родилъ Тебя* (Евр. 5, 4—5). Въ указанныхъ словахъ ап. Павелъ даетъ благословеніе и право только людямъ, получившимъ особые благодатные дары Св. Духа, при видимомъ рукоположеніи, идущемъ непрерывно отъ апостоловъ чрезъ продолжателей ихъ служенія, принимать участіе въ отправленіи богослуженія. Продолжатели апостольскаго служенія могутъ давать благословеніе и мірянамъ, читать и пѣть при богослуженіи.

Миссіонеръ протоіерей Н. Кутеповъ.

Нѣсколько миссіонерскихъ словъ къ «старообрядцамъ»

по поводу книжки *И. Усова*: „Павель Ивановичъ *Мельниковъ* (Андрей Печерскій. Его жизнь и литературная дѣятельность“).

Въ настоящее время въ мірѣ раскола австрійскаго толка пользуются всеобщею извѣстностью апологеты австрійщины—Ф. Мельниковъ и И. Усовъ. Обѣ эти фамиліи мы видимъ на обложкѣ названной брошюрки, что даетъ возможность раскольникамъ думать и говорить, что эта брошюрка составлена ихъ защитникомъ Иваномъ Усовымъ о своемъ братѣ Мельниковѣ ¹⁾, и среди насъ, говорятъ они, есть *ученныя лица*, литераторы, хотя, на самомъ-то дѣлѣ, книжка эта написана не Ив. Усовымъ и не о томъ Мельниковѣ. Ошибками это наборщика или что нибудь подобное, но имя автора сей брошюрки обозначено на обложкѣ буквою *И.* (Иванъ, говорятъ раскольники), тогда какъ въ концѣ брошюры (на стр. 316) напечатано: «Пав. Усовъ». Годъ изданія книжки почему-то не представленъ на обложкѣ, дозволеніе цензуры отсутствуетъ; напечатано только: «Изданіе поставщика Его Императорскаго Величества Высочайше утвержденнаго товарищества М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, Гостинный дворъ, 18. Москва, Кузнецкій мостъ, 12».

Книжка эта быстро распространилась среди раскольниковъ. Послѣ бесѣды съ Перетрухинымъ, бывшихъ въ с. Орѣховѣ, Славяносербскаго уѣзда, въ декабрѣ 1899 года, мнѣ православные жители этого села заявили, что Перетрухинъ читалъ у себя на квартирѣ какую-то, должно быть, безцензурную книжку о томъ, какъ одинъ православный священникъ «крестилъ собаку», что нѣсколько экземпляровъ этой книжки онъ оставилъ у раскольниковъ. Прїѣзжаю въ с. Городище, гдѣ нѣсколькими днями ранѣе происходили бесѣды съ Перетрухинымъ, и здѣсь узнаю, что та же книжка распространена и въ этомъ селѣ, есть даже она и въ сосѣдней де-

¹⁾ Имя Мельникова не всѣмъ раскольникамъ извѣстно, но фамилія его, Перетрухина и Усова общезвѣстна. Объ этой своей троицѣ они говорятъ такъ: Перетрухинъ-перетрусить, Мельниковъ-перемелеть, а Усовъ и усы подкрутить-миссіонерамъ.

ревнѣ—Ольховатскихъ Дворикахъ. Такимъ образомъ, пропагандисты раскола, видя въ публичныхъ бесѣдахъ съ православными миссіонерами мало пользы,—какъ объ этомъ заявилъ мнѣ мнимый архіепископъ раскольнической, донской урядникъ Картушинъ,—находятъ болѣе полезнымъ для своего дѣла, разъѣзжая по Россіи, какъ бы для собесѣдованій,—распространять въ народъ свои «подпольныя» сочиненія, а также разныя брошюрки, въ которыхъ есть хотя малый намекъ на недостатки (нравственные) нашего православнаго духовенства. И они достигаютъ своей цѣли: книжка, оставленная на память хотя бы отъ Перетрухина или Усова, а иногда и присланная лично «отъ отца Іоанна» (лжеархіерея Картушина), каждымъ раскольникъ цѣнится очень высоко: онъ читаетъ и перечитываетъ ее по нѣскольку разъ, указанные дарителемъ страницы заучиваетъ наизусть, читаетъ ихъ своимъ знакомымъ раскольникамъ и православнымъ. У насъ въ с. Городищѣ есть раскольникъ, нѣкто Рындинъ, человѣкъ малограмотный, но «презлѣбный ревнитель раскола». Книжка Усова, конечно, была Перетрухинымъ подарена и ему. Но дабы Рындинъ не забылъ нужнаго въ книжкѣ мѣста, Перетрухинъ написалъ карандашемъ на обложкѣ: «144». И вотъ эта сто сорокъ четвертая страница теперь извѣстна почти всему селу: читалась она и въ пивной, читалась и на базарѣ, читалась (наизусть) и въ сельскомъ правленіи (старшина и староста въ селѣ—оба раскольники)...

Мнѣ удалось просмотрѣть у себя эту книжку (Рындина). Она довольно порастрепана, но всѣ листики чистенькіе, а нѣкоторые даже и не разрѣзаны, зато IX глава: «Отчего Павелъ сдѣлался Савломъ», а въ особенности 144 страница—буквально засалена: видно, что къ ней прикасался не одинъ десятокъ грязныхъ рукъ. На полѣ, противъ той строки, откуда нужно раскольникъ начинать чтеніе, Рындинъ написалъ полууставомъ: зри.

Девятая глава названной брошюры знакомитъ читателя съ «Отчетомъ о современномъ состояніи раскола въ Нижегородской губерніи», составленнымъ Мельниковымъ по порученію г. Министра внутреннихъ дѣлъ въ 1854 году, и, главнымъ образомъ, съ тою частію отчета, въ которой Мельниковъ, доказывая возможность убѣдить раскольниковъ въ ихъ заблужденіи, выставляетъ на видъ не-

подготовленность тогдашняго православнаго духовенства къ воздѣйствію на раскольниковъ путемъ убѣжденія. Описывая состояніе духовенства, Мельниковъ представляетъ его въ слишкомъ мрачномъ видѣ и на основаніи частныхъ ненормальныхъ случаевъ набрасываетъ мрачную тѣнь на все духовное сословіе.

«Состояніе сельскаго православнаго духовенства,—пишетъ онъ,—дѣйствительно самое жалкое. Народъ, котораго совѣсть должна была бы находиться въ рукахъ священниковъ,—этотъ народъ не уважаетъ духовенства, преслѣдуетъ его насмѣшками и укоризнами и тяготится имъ... Оттого духовенство наше не уважается народомъ, что слишкомъ отрѣшено отъ общества. Получивъ превратное воспитаніе, оно не вноситъ въ жизнь народную живаго ученія духа, а остается при однѣхъ мертвыхъ формахъ внѣшняго служенія, да и тѣми пренебрегаетъ до кощунства. Оттого духовенство наше не уважается народомъ, что оно часто представляетъ непрерывные примѣры пеуваженія къ вѣрѣ; оттого оно не уважается народомъ, что служеніе Богу превратило оно въ доходное для себя ремесло» (стр. 143 и дал.). Трудно вѣрится, чтобы Мельниковъ говорилъ *чистую* правду. Изъ его словъ легко придти къ такому выводу, что среди тогдашняго духовенства (хотя бы и сельскаго) не было даже и нѣсколькихъ священниковъ, которые бы на свой санъ смотрѣли, какъ на служеніе Богу, принимали его по призванію, а не съ цѣлію занять доходное мѣсто. А развѣ это правда? Развѣ онъ могъ лично и близко познакомиться *со многъ духовенствомъ* Нижегородской губерніи? Конечно, нѣтъ. Онъ слышалъ объ этомъ отъ помѣщиковъ, отъ крестьянъ? Но вѣдь онъ же самъ говоритъ, что „въ то время дворянская спѣсь процвѣтала еще во всей силѣ и съ презрѣніемъ относилась къ «кутейникамъ» (стр. 74), что «въ рѣдкомъ разсказѣ забавнаго содержанія народъ не глумится надъ попомъ, попадьей и пошовскимъ батракомъ», что «во всѣхъ народныхъ пословицахъ, присказкахъ и байкахъ, во всѣхъ народныхъ поговоркахъ и присловьяхъ, если только говорится о духовенствѣ, говорится съ насмѣшкою» (стр. 143). И вотъ Мельниковъ народныя глумленія принялъ за дѣйствительные факты и, ничто же сумняся, записалъ ихъ въ свой отчетъ. Можно ли называть правдоподобнымъ категорическое заявленіе о томъ, что *духо-*

венство (а не нѣкоторые только священники) не вносятъ въ народную жизнь живого ученія духа, а остается только при однѣхъ мертвыхъ формахъ внѣшняго служенія, да и тѣми пренебрегаетъ до кощунства, представляя непрерывные примѣры неуваженія къ вѣрѣ? Не говоримъ мы того, что такихъ священниковъ совершенно нѣтъ: очень можетъ быть такіе нежелательные и вредные для св. церкви священники иногда и бывають, но чтобы *все духовенство* (хотя бы Нижегородское) было таковымъ, этому никто не повѣритъ. При этомъ не нужно забывать и того, что если и попадаются описанные Мельниковымъ священники, то остаются они въ своемъ санѣ только «до увѣдѣнія» своего епископа, что Мельникову, надо думать, было не безызвѣстно.

Но фіалъ ярости,—излитый Мельниковымъ на православное духовенство,—заключается въ дальнѣйшихъ словахъ, противъ которыхъ даже безграмотный Рындинъ написалъ внушительное: *зри*. Вотъ эти слова: «Можетъ ли народъ съ уваженіемъ смотрѣть на духовенство, можетъ ли онъ не уклоняться въ расколъ, когда *то и дѣло* слышитъ онъ, какъ одинъ *попъ*, исповѣдуя умирающаго, укралъ у него изъ—подъ подушки деньги, какъ другого народъ вытащилъ изъ непотребнаго дома, какъ третій окрестилъ собаку, какъ четвертаго, во время пасхальнаго богослуженія, діаконъ вытащилъ за волосы изъ царскихъ дверей? Можетъ ли народъ уважать поповъ, которые не выходятъ изъ кабака, пишутъ кляузныя просьбы, дерутся крестомъ, бранятся скверными словами въ алтарѣ? Можетъ ли народъ уважать духовенство, когда *повсюду* въ средѣ его видитъ «святокупство», небрежность къ служенію, безчиніе при совершеніи таинственныхъ обрядовъ?» (стр. 144). Нѣтъ, сказали бы мы Мельникову, такихъ священниковъ, о которыхъ вы только что сказали, не только народъ, но и *само духовенство* не можетъ уважать и не уважаетъ. Только, необинуясь, скажу, что все это раскольникчи «байки». Я провелъ свои дѣтскіе и отроческіе годы въ одномъ изъ многочисленнѣйшихъ раскольниковскихъ селеній и слышался такихъ диковинныхъ разсказовъ о духовныхъ лицахъ, что если бы захотѣлъ послѣдовать примѣру Мельникова, записать эти «байки», то затмилъ бы его. Но въ томъ-то и суть, что всѣ эти разсказы слагаются раскольниками съ предвзятою цѣлію унижить авторитетъ

православнаго духовенства, служителя Тому, Котораго также называли и ядцей, и винопійцей и другомъ мытарямъ и грѣшникамъ и даже дѣйствующимъ силою Вельзевула... Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что *міръ ненавидитъ* служителей Христовыхъ, ибо Его *прежде* еще *возненавидѣлъ* (Іоан. 15, 18). Повторяю—тѣхъ священниковъ, которые крадутъ, прелюбодѣйствуютъ, кощунственно относятся къ совершенію св. таинъ, дерутся, ругаются гдѣ бы то ни было, пьянствуютъ и пр.—не уважаетъ не только народъ, но и само духовенство: замѣченный въ какомъ-либо нравственномъ преступленіи священникъ или діаконъ и пр. *непрѣмьно* подвергается суду и, смотря по степени преступленія, получаетъ или изверженіе изъ сана, или временное запрещеніе, или посылается въ монастырь на исправленіе и пр. По описанію же Мельникова, представляется такая мрачная картина «состоянія духовенства», что такъ и кажется, будто бы эти пороки совершаются духовенствомъ открыто *повсюду то и дѣло* и при томъ совершенно безнаказанно! Но самъ же Мельниковъ дальше невольно проговаривается, что все это слишкомъ преувеличено. «Много ли найдется сельскихъ священниковъ, которые выгодами своими пожертвовали бы для блага церкви?—спрашиваетъ Мельниковъ и отвѣчаетъ: «На словахъ и на бумагѣ найдется много, на дѣлѣ очень мало» (стр. 147). *Мало найдется сельскихъ священниковъ, которые выгодами своими жертвуютъ для блага церкви*, мало, но всетаки найдется, какъ же онъ раньше-то говорилъ, что *повсюду* видно святокупство? Такое противорѣчіе только и объяснимо широкой поэтической натурой автора Отчета. Но, да проститъ ему Господь... Не будемъ тревожить его костей, а обратимъ лучше свое слово къ глаголемымъ старообрядцамъ, которые теперь, если и не молятся за Мельникова, какъ за еретика-табашника, то во всякомъ случаѣ очень благодарятъ его, какъ соратника въ дѣлѣ укрѣпленія и пропаганды раскола.

Ошибаетесь вы, братія старообрядцы, считая Мельникова своимъ единомышленникомъ: расколъ онъ никогда церковію Христовою не считалъ, а смотрѣлъ на него, какъ на «порожденіе грубости и невѣжества». «Не надобно забывать,—говоритъ онъ,—что расколъ, собственно такъ называемый, т. е., поповщина и безпопов-

щина, есть порожденіе грубости и невѣжества, и что онъ долженъ современемъ уничтожиться, когда просвѣщеніе проникнетъ въ низшіе слои народа» (ст. 222). «Повторяю—передъ лицомъ просвѣщенія расколу не устоять» (226). Относительно руководителей раскола, понимающихъ свое заблужденіе, каковыми большею частію являются расколыническіе лжеепископы, миссіонеры и проч., Мельниковъ говоритъ, что они-эти «коноводы раскола... по своимъ личнымъ разсчетамъ, держатъ толпу въ расколыническомъ заблужденіи для того, чтобы посредствомъ этого имѣть на нее (расколыническую массу) вліяніе и руководить ею по своей волѣ» (151).

Не одобряетъ Мельниковъ и «нравственность» вашу: по его описанію она очень низкопробна. Онъ говоритъ, что даже мнимые епископы ваши позволяютъ себѣ и «святотупство» и подарочки «пріятельницамъ». «Изъ нихъ (расколыническихъ лжеепископовъ) двое находятся подъ запрещеніемъ: Софроній за святотупство, Пафнотій за то, что на Кузнецкомъ мосту своей пріятельницѣ бурнусъ покупалъ» (260). Но все это прикрывается фарисейскимъ лицемѣріемъ: «Русскій расколыникъ, если онъ занялъ почему-либо видное мѣсто въ кругу сектаторовъ, отличается ханжествомъ и лицемѣріемъ» (130).

Но это—въ міру. Посмотримъ, быть можетъ, въ скитахъ нѣтъ этого ханжества и лицемѣрія. Мельниковъ пишетъ:

«Изъ долговременнаго наблюденія я вывелъ заключеніе, что *всякій* скитскій расколыникъ или расколыница на каждомъ шагу употребляетъ рассчитанное ханжество и лицемѣріе въ разныхъ видахъ и формахъ... Каждый часъ, каждую минуту скитскій расколыникъ лицемѣритъ, живетъ обманомъ, съ малолѣтства до преклонной старости ходитъ въ личинѣ» (130). Для чего же это дѣлается? Для того, чтобы соблазнять, обманывать простой народъ.

«Видя въ расколыническихъ сектахъ всю благовидную внѣшность, простой народъ чувствуетъ привязанность и къ старымъ обрядамъ, вѣря, что только въ этихъ *вертепахъ лицемѣрія* и сохранилась святая вѣра Христова» (134). «Они смиряются и благоговѣнно молятся на глазахъ богатыхъ расколыниковъ, чтобы *выманить отъ нихъ больше денегъ*. Они помогаютъ бѣдному крестьянину, чтобы сдѣлать изъ него дарового работника. Подъ личиною мнимыхъ добродѣтелей, въ

скитахъ скрываются ненасытная алчность къ деньгамъ, своеволие, праздность, пьянство и развратъ. Корыстолюбіе внушило старухамъ (игуменьямъ) мысль набирать дѣвочекъ, учить ихъ грамотѣ и расколу и, когда онѣ достигнуть 16 или 17 лѣтъ, отправлять въ канонницы на подвиги лицемѣрія и разврата: за такіе подвиги своихъ воспитанницъ онѣ получаютъ отъ богатыхъ раскольниковъ деньги» (134—5). «Съ праздностью не разлучены пьянство и развратъ, и они въ сильной степени господствуютъ въ скитахъ. Въ Комаровѣ *одна игуменья пропала обитель...* Степень разврата въ скитахъ видна изъ именного списка оставшихся въ скитахъ раскольниковъ: въ немъ то и дѣло встрѣчаются заимствованныя изъ ревизскихъ сказокъ слова «незаконнорожденная дочь». Напримѣръ, въ Оленевскомъ скитѣ, при 96 именахъ, 19 разъ упоминается о незаконныхъ рожденіяхъ, а о настоятельница обители Никанориной говорится такъ: «Она незаконнорожденная дочь умершей игуменьи этой обители, Никаноры, и у нея самой есть двѣ незаконнорожденные дочери, Анна и Харитина, изъ которыхъ первая уже родила незаконнорожденную дочь, а другая, какъ слышно, родить въ нынѣшнемъ году». Въ *Комаровскомъ скитѣ* одна романовская мѣщанка имѣла *открытый домъ разврата*, куда во всякое время могли приходять обительскія дѣвки съ своими любовниками. Для всякаго грѣха у скитницъ есть свое извиненіе. Развратъ молодыхъ дѣвицъ они извиняютъ такъ: «Блудъ не грѣхъ, а только паденіе, и всѣ святые отцы падали, да угодили Богу покаяніемъ. Не покаившись, не спасешься; не согрѣшивши, не покаешься. Дѣвицѣ *позволено* согрѣшать, а то бы ей не въ чемъ было и покаяться, а не покаившись, не спасешься». Лицемѣріе и ханжество, главнѣйшія основы скитскаго быта, не исчезаютъ даже въ минуты увлеченія въ развратъ. Такъ одинъ православный, имѣвшій въ скиту любовницу, рассказывалъ, что, проведя ночь въ ея свѣтилицѣ, онъ пилъ воду изъ стоявшей подлѣ постели кружки. Захотѣлось пить и любовницѣ его, но когда онъ подалъ ей недопитую кружку, то она оттолкнула ее, сказавъ: «съ ума ты никакъ сошелъ: развѣ я буду пить изъ одной посуды съ табашникомъ» (136—7).

Послѣ такихъ яркихъ примѣровъ раскольниковъ нравственности, приведенныхъ Мельниковымъ же, раскольникамъ-ли бросать камень

въ православное духовенство? И имъ ли вынимать сучекъ изъ глаза брата своего?

Но, довольно объ этомъ!

Теперь познакоимъ васъ съ возникновеніемъ австрійской іерархіи, какъ оно описывается Мельниковымъ. И прежде всего считаемъ нужнымъ указать слѣдующія его слова: «Богъ знаетъ, заумствовался ли Павелъ (главный дѣятель по основанію раскольной митрополіи), съ умысломъ ли онъ сдѣлалъ дѣло, ничѣмъ неизвинительное, но, переправляя возвращенный правительствомъ Уставъ, онъ внесъ въ него Богословіе, въ которомъ коснулся самыхъ главныхъ догматовъ христіанства и изложилъ ихъ еретически. Именно онъ провелъ мысль, что до сотворенія міра существовалъ одинъ Богъ-Отецъ, пребывающій въ молчаніи, имѣя Сына, Слово Божіе, только во умѣ своемъ. Когда же изрекъ: «Да будутъ вѣцы», это слово осуществилось во второмъ лицѣ св. Троицы, выйдя изъ ума Бога; въ то же время Богъ-Отецъ отрыгнулъ отъ сердца своего Духъ Святой, и сбылось сказанное пророкомъ: «Изъ чрева прежде денницы родихъ Тя». *Слѣдовательно, второе и третье лица св. Троицы небезначальны* (250—1). Этотъ Уставъ служить основаніемъ Бѣлокриницкой іерархіи: не будь этого Устава, не дано было бы австрійскимъ правительствомъ и разрѣшенія вамъ имѣть особаго епископа; а митрополитъ Амвросій, при переходѣ въ расколъ, обязался подчиняться этому уставу, слѣдовательно, принять и это еретическое ученіе. Если же въ основу Бѣлокриницкой іерархіи положена ересь, то само собою понятно, какова эта іерархія: *на ереси дѣло Божіе не создается*. Но послушаемъ, что скажетъ объ этомъ Мельниковъ.

«Учрежденіе Бѣлокриницкой митрополіи, говоритъ онъ, было дѣломъ: 1) *поляковъ*, оставившихъ наши предѣлы послѣ революціи 1831 года, 2) австрійскихъ государственныхъ людей, *католическаго и униатскаго духовенства* (въ отмщеніе за воссоединеніе униатовъ) и эрцгерцога Людовика, 3) русскихъ государственныхъ людей, графа Бенкендорфа (человѣкъ не русскій и *лютеранинъ*) и князя Паскевича, дѣйствовавшихъ, вѣроятно, по непониманію того, что они дѣлали» (239—240). Итакъ, тотъ Мельниковъ, котораго вы хотѣли бы считать своимъ заступникомъ и слова котораго о

православномъ духовенствѣ читаете «на всякомъ мѣстѣ», считаетъ, на основаніи добытыхъ имъ данныхъ, учрежденіе вашей іерархіи дѣломъ не Божіимъ, а *поляковъ, католическаго и уніатскаго духовенства и лютеранина* Бенкендорфа. Хороши же у васъ союзники и пособники! Что это, дѣйствительно, такъ,—слушайте дальше.

«Въ 1839 году у насъ возсоединены уніаты. *Уніатскій митрополитъ* въ Австріи, Михайлъ Левицкій, *не безъ вѣдома папы римскаго, подалъ* буковинскимъ (раскольникамъ) *липовинамъ*, между которыми уже бродила, занесенная изъ Россіи, мысль о епископѣ, *советъ*, чтобы они обратились къ австрійскому правительству съ просьбою объ учрежденіи раскольникяго митрополита. Онъ *составилъ* имъ *программу* дѣйствій и *обнадежилъ* въ покровительствѣ сильныхъ лицъ. Это была месть за возсоединеніе уніатовъ» (244). «При тайномъ содѣйствіи католическаго высшаго духовенства, лицъ высшаго вѣнскаго круга, даже нѣкоторыхъ дамъ, валдайскій ямщикъ (Петръ Великодворскій — Павелъ) и крыловскій мѣщанинъ (Алимпій Звѣревъ или Милорадовъ) проникли въ министерскіе кабинеты, представлялись эрцгерцогу Райнеру и самому императору Фердинанду» (250). Дамы-католички, помогавшія раскольникамъ, были графиня Стадіонъ и княгиня Меттернихъ. Помогали онѣ не потому, чтобы сочувствовали раскольникамъ, а, по наученію іезуитовъ, желали принести вредъ православной церкви. Вотъ какъ объясняетъ это Мельниковъ: «Хорошій былъ салонъ графини Стадіонъ въ Вѣнѣ, блестящій былъ салонъ княгини Меттернихъ. Въ этихъ салонахъ, около 1843 года, съ необычайною предупредительностію, какъ дорогіе гости, приняты были мѣщанинъ посада Крылова, Олимпій Звѣревъ-Милорадовъ и валдайскій ямщикъ, Петръ Великодворскій (инокъ Павелъ). Алимпій, не нуждаясь въ вилкѣ и ножѣ, тѣмъ руками, постоянно пьяный человекъ, который, живя въ Бѣлой Криницѣ, никогда не возвращался домой безъ синяковъ и рѣдко безъ окровавленнаго лица, имѣющій привычку сморкаться выстрѣлами въ сторону, посредствомъ прижиманія пальцемъ противоположной ноздри—подобный человекъ въ салонѣ княгини Меттернихъ! Дѣло объясняется преданностію графини и княгини католической церкви и вліянію на нихъ іезуитовъ» (242). «И римскій дворъ,

какъ говорятъ, мстя за уніатовъ, принималъ участіе въ дѣлѣ образованія раскольнической іерархіи... Изъ письма Аркадія Славскаго къ митрополиту Кириллу Бѣлокриницкому изъ Константинополя, отъ 3 октября 1858 года, видно, что раскольники и въ то время разсчитывали на папу» (245). Прочитавъ все это, должны вы, братія старообрядцы, подумать поусерднѣе надъ исторіей возникновенія вашей незаконной іерархіи.

Церковь Христова съ трехчинною іерархіею и седмью таинствами, какъ вамъ хорошо извѣстно, есть *дѣло Божіе*; *Я создамъ церковь Мою*, обѣщаль Спаситель и, дѣйствительно, создалъ. Церковь Христова наздана на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну Самому Іисусу Христу, т. е., въ основу ея легло ученіе Христа Спасителя, святыхъ апостоловъ и пророковъ, а въ основу вашей церкви легло еретическое ученіе инока Павла, изложенное имъ въ Бѣлокриницкомъ Уставѣ, о томъ, что Сынъ Божій и Святый Духъ не вѣчны, не собезначальны Отцу, по сему-то ваша церковь и іерархія ея, какъ доказываетъ Мельниковъ, есть дѣло не Божіе, а *поляковъ, папы римскаго и его духовенства, духовенства уніатскаго и лютеранина Бенкендорфа*. Въ дѣлѣ созиданія и распространенія Христовой церкви св. апостоламъ помогаль Самъ Господь: «Богу споспѣшествующему», писали они, а въ дѣлѣ утвержденія и даже открытія вашей іерархіи помогали іезуиты и католички Стадіонъ и Меттернихъ; святые апостолы всегда призывали на помощь себѣ Господа Бога и у Него искали защиты, а ваши мнимые епископы (Аркадій Славскій) — у еретика папы римскаго и пр. и пр.

Значить, не будь мятежныхъ враговъ нашего отечества, поляковъ, не будь еретиковъ-католиковъ и ихъ единомышленниковъ-уніатъ, не будь іезуитовъ и ихъ поклонницъ-католичекъ Стадіонъ и Меттернихъ, — не было бы и вашей австрійской церкви и австрійскаго священства: оно возникло благодаря стараніямъ еретиковъ, — это ихъ плодъ. Если этотъ плодъ хорошъ, то должны вы признать добрымъ и древо, принесшее сей плодъ, т. е. поляковъ-мятежныхъ, папу римскаго, уніатскаго митрополита, іезуитовъ, лютеранъ и прочихъ вашихъ покровителей, помогавшихъ вамъ далеко не посочувствію къ вамъ, а изъ простого чувства мести нашей св. православной церкви.

Теперь посудите: много-ли говорить въ вашу пользу Мельниковъ?—Ни слова. Нравятся вамъ его слова на 144 страницъ? Но они могутъ нравиться только безграмотному Малахию, который не можетъ по своей малоразвитости понять, что истина св. церкви познается «не по житію» нѣкоторыхъ ея членовъ, хотя бы и пастьрей, а по ея ученію. Если же будемъ искать церковь «по житію», то легко можемъ ошибиться, ибо иногда «у еретиковъ наблюдается больше воздержанія, чѣмъ у православныхъ» (кн. о вѣрѣ л. 216), потому что діаволъ, дабы соблазнить православныхъ въ ересь, повелѣваетъ еретикамъ «постъ и дѣвство имъ законополагати». «Всегда убо въ молитвахъ лукавый лѣнныи же и нерадивы благочестивыи ны и православныи дѣлаетъ: противно же безбожныи и еретицествующіи на скверныи тѣхъ молитвы тыя воздвигаетъ» (бл. Симеона Салунск. кн. 2, отв. 79).

Мы должны твердо помнить, что православный священникъ, какую бы онъ безнравственную жизнь ни проводилъ, до тѣхъ поръ, пока не получилъ изверженія, есть священникъ правильный, законный: благодать Божія дѣйствуетъ чрезъ него и освящаетъ вѣрующихъ. «Всѣми Богъ дѣйствуетъ,—говоритъ св. І. Златоустъ,—аще тѣи были бы и не достойни, за еже спастися людемъ» (Бесѣд. на 14 посл. стр. 2552). Для насъ «достоинство» священнослужителей должно заключаться не въ нравственной его жизни, а въ содержаніи истины: «золъ како глаголеши? аще убо вѣры ради, бѣгай его и отрицайся... аще же ли житія ради, не испытуй», поучаетъ св. Златоустъ (тамъ же, стр. 3113).

Поэтому вамъ, братія-старообрядцы, никогда и не должно было бы говорить о грѣхахъ человѣческихъ. Если же вы начинаете говорить объ этомъ, то показываете только свою фарисейскую праведность, заявляете, что вы не таковы, а гораздо лучше. Кромѣ этого, если вы считаете себя въ правѣ быть въ раздѣленіи съ нашей св. церковью потому, что нѣкоторые священники поступаютъ не такъ, какъ бы имъ должно было поступать, то этимъ уже свидѣлствуете о своемъ невѣдѣніи самыхъ начальныхъ истинъ христіанства о *не осужденіи своихъ ближнихъ, паче же іерей*. Вы и не подозреваете, что уподобляете себя за такое ученіе еретикамъ-стригольникамъ, которые не хотѣли подчиняться богопоста-

вленнымъ пастырямъ только потому, что считали ихъ нравственно-недостойными (Макар. Миней. Іюнь. Посланіе Антонія царегр.). Вы, вѣроятно, не знаете, что даже отлучается отъ общенія церковнаго тотъ христіанинъ, который не покоряется своему пастырю «грѣховнаго ради извѣта» (13 прав. второперв. соб.), что простецъ, укоряющій священника («аще нѣгдѣ и истина суть»), «да есть анаѣма, и да изгнанъ будетъ изъ церкви, отлученъ бо есть отъ св. Троицы, и посланъ будетъ во Іудино мѣсто» (Номокан. 121 пр.), ибо, осуждая священниковъ за ихъ пороки и отдѣляясь чрезъ эти пороки отъ св. церкви, «ты не мене (говорить св. І. Златоустъ) пренебрегаеши, но священство. Аще узриши сего (священства) мя обнажена, тогда пренебрежи. Но допелѣже на престолѣ семь сѣдимъ, допелѣже предсѣданіе имамы, имамы и достоинство и крѣпость, аще и недостойни есмы (стр. 2068 и дал.). «Аще видиши іерея недостойна, священничество не оболгуй» (Маргар. л. 198). «Познай себе, яко всяко тебѣ вышши, и попусти праведному судіи судъ. *Да будетъ же священникъ въ еже по Бозъ догматъхъ не согрѣшая, о прочихъ же нѣси ты судіа*, или испытатель ему. Но познавай свою мѣру и достоинство. Что убо рече не подлежитъ ли возстазанію и церковнымъ правиломъ священникъ; ей, но не тобою той испытается, или истязается, но отъ Бога, или множицею отъ большаго архіерея. Ты же что пастыря востязуеши, овча сый. Что восхищаеши фарисейски Божіе судилище, и святительскій санъ, иже тебѣ нѣстъ врученъ ни отъ Бога вовѣренъ. тѣмъже молю вы, не судите никого же, изряднѣе же священника Божія» (Никонъ Черн. сл. 40, л. 302).

Вамъ правится отзывъ Мельникова о духовенствѣ православной церкви, и вы съ злорадствомъ читаете его всюду. Но,—друзи, друзи мои!—посмотрите на свое духовенство, на свои скиты, не найдете ли и тамъ чего-нибудь подобнаго, только въ большихъ размѣрахъ... Мало этого. Посмотрите на исторію хотя бы русской церкви и тамъ вы увидите тѣ же явленія. Пастыри одной и той же церкви, а какая разница въ ихъ нравственной жизни! Одни представляютъ свѣтлый примѣръ, образецъ христіанско-подвижнической жизни, другіе погрязаютъ въ грѣхахъ; одни исповѣдуютъ св. православную вѣру во всей ея небесной чистотѣ, другіе заражены

суевѣріями; одни—воплощенная кротость и смиреніе,—другіе чужды сихъ добродѣтелей, а св. церковь чрезъ сихъ «недостойныхъ» пастырей не лишалась святости, никто чрезъ сіе отъ нея не отдѣлялся. Прочитайте со вниманіемъ «Стоглавъ» и вы увидите много такого непривлекательнаго въ жизни духовенства и монашествующихъ, о чемъ Мельниковъ даже и не слыхалъ. Укажемъ хотя бы слѣдующіе факты.

«Попы и церковные причетники въ церкви *всегда* (обратите вниманіе—*всегда*) пьяни и безъ страха стоятъ и бранятся, и всякія рѣчи неподобныя *всегда* изъ устъ ихъ исходятъ, и *міряне*, зря на ихъ безчиніе, гибнутъ, *также творятъ*. Попы же въ церквахъ бьются и дерутся промежъ себя, а въ монастыряхъ такое же безчиніе творится» (по казанск. изд. 1862 г., гл. 5, вопр. 22 стр. 66). Мельниковъ говорилъ только о томъ, что нѣкоторые священники пьянствуютъ въ кабакахъ и указалъ одинъ случай драки священнослужителей въ алтарѣ, а Стоглавый соборъ что говоритъ? Говоритъ, что въ то время были и такіе священники и причетники, которые *всегда* являлись въ церковь пьяными, всегда произносили въ церкви скверныя слова, всегда въ церкви бились и дрались. Міряне, зря на нихъ, то же творили. Не отставали въ этомъ отношеніи и монастыри. Посудите же,—кто, Мельниковъ или Стоглавый соборъ—передаетъ намъ картину «упадка нравственности духовенства» въ болѣе мрачныхъ краскахъ? Конечно, Стоглавый соборъ. Но дополнимъ немного эту картину словами того же собора: «Еже повѣлѣваютъ отцы святіи пити по чаши или по двѣ или по три, сего мы ниже слышати хощемъ, ниже вѣдаемъ мѣру чашъ онѣхъ, но сицева мѣра наша есть, егда піяни будемъ якоже не познати себе, ниже помнити и множицею даже до облеванія и тогда престанемъ пити» (стр. 231). Неужели же изъ-за такихъ безчинниковъ слѣдуетъ прерывать общеніе со св. церковію? По старообрядческой логикѣ обязательно слѣдуетъ, а, однако, почему-то и они говорятъ, что во времена Стоглава, несмотря на пьянственное житіе священниковъ, благочестіе на Руси процвѣтало. Это показываетъ только «непостоянство ихъ: поелику они никогда въ словесѣхъ не стоятъ», какъ и еретики (Вас. Вел. кн. 3, посл. 241), «идѣже бо нѣсть истины, тамо ни твердости» (Маргаритъ л. 486).

Мельниковъ далѣе указываетъ (или вѣриѣ—упоминаетъ) сказочный, скорѣе всего, выдуманный раскольниками случай крещенія священникомъ собаки... Возмутительный поступокъ, если только возможно допустить, что онъ когда-нибудь былъ. Такой поступокъ возможенъ только отъ человѣка ненормальнаго и, во всякомъ случаѣ, въ церкви онъ не допустимъ. На самомъ дѣлѣ, возможно-ли, чтобы священникъ въ полномъ облаченіи, по уставу церкви крестилъ... собаку? Этого никто изъ присутствующихъ ему не позволилъ бы, какъ не позволилъ бы даже и ввести собаку въ церковь. Никто не позволилъ бы этого кощунства и въ частномъ домѣ. Очень возможно, что священникъ, конечно, безъ облаченія, будучи пьянъ, или помѣшанъ, купая или бросивъ собаку въ воду, произнесъ священныя слова, а народъ и распространилъ эту молву съ разными прикрасами, такъ что получилась легенда о крещеніи собаки. Что такое предположеніе вѣроятно, доказывается тѣмъ, что и самъ Мельниковъ не говоритъ, гдѣ и при какой обстановкѣ это происходило; тогда какъ о другихъ случаяхъ онъ указываетъ и мѣсто и время и нѣкоторыя подробности (напр. драка діакона съ священникомъ). А вотъ Стоглавый соборъ передаетъ намъ неоднократно случаи кощунства священниковъ, невымышленные случаи, а дѣйствительные. Напримѣръ, онъ рассказываетъ, что нѣкоторые священники того времени на св. престолѣ,—это святое святыхъ, куда не позволяется класть никакихъ предметовъ, кромѣ принадлежностей св. престола,—клали сорочки, въ которыхъ иногда рождаются дѣти, и оставляли ихъ тамъ въ продолженіе шести недѣль (гл. 41, стр. 166), тогда какъ даже и самая «жена родившая», въ продолженіе сорока дней послѣ родовъ, не можетъ входить въ храмъ. Не кощунство-ли это? Не поруганіе-ли святыни?

А вотъ другой примѣръ: «Нѣкоторые невѣгласы попы,—говоритъ Соборъ,—въ великій четвергъ соль кладутъ подъ престолъ и до седмаго четверга по велицѣ дни тамъ держать и ту соль даютъ во врачеваніе людямъ и скотомъ. Такова бо прелесть еллинская и хула еретическая!» (гл. 41, стр. 190). И все это было задолго до Никона.

На этомъ я кончаю въ надеждѣ, что безпристрастный старообрядецъ, ищущій истины, пойметъ, что преступленія частныхъ

лицъ, хотя бы и священниковъ, нельзя ставить въ вину всей св. церкви, что въ числѣ 12 апостоловъ Христовыхъ былъ и Іуда, который кралъ деньги,—были недостойные священники и въ русской церкви, есть и у старообрядцевъ и будутъ всегда, что, слѣдовательно, объ этомъ, при изслѣдованіи истины, никогда не подобаетъ и глаголати. Пойметъ онъ также, что Мельниковъ православную церковь, — несмотря на нѣкоторыхъ недостойныхъ ея священниковъ, — называлъ православною, заботился онъ объ ея интересахъ,—о ней пекся, расколъ же онъ называлъ расколомъ,— порожденіемъ грубаго невѣжества, принадлежащихъ къ нему—лицемѣрами, ханжами, обманщиками и пр., которые въ нравственномъ отношеніи гораздо ниже православныхъ священниковъ, о которыхъ говорится на 144 стр. Слѣдовательно, Мельниковъ въ пользу раскола въ своемъ отчетѣ не говорилъ, а посему напрасно г.г. Перетрухины, Усовы и пр. распространяютъ эту брошюрку «цѣлякомъ», ужъ если они задались такими непохвальными средствами укрѣплять расшатавшійся и готовый пасть расколъ, то имъ выгодиѣ было бы распространять только одну 144 страницу, гораздо выгодиѣ... Тогда, по крайней мѣрѣ, не всѣ бы знали, что у раскольниковъ въ скитахъ существуютъ дома разврата, что эти скиты иногда пропиваются.., что самая ихъ іерархія-то возникла при помощи враговъ Россіи — поляковъ и враговъ св. церкви: папы римскаго, католиковъ, уніатъ, лютеранъ... О, если бы на это обратили свое вниманіе пріемлющіе австрійскую іерархію!...

Свящ. миссіонеръ *Сергій Шалкинскій*.

Изъ миссіонерскихъ запросовъ.

Какъ слѣдуетъ понимать явленіе Самуила аэндорской волшебницы,—Самуилъ ли это былъ святой или бѣсъ въ образѣ Самуила?

Василій Гусевъ.

Одни изъ толкователей Св. Писанія (Тертуліанъ, бл. Іеронимъ, св. Ефремъ Сиринъ, Тениусъ и друг.) полагали, что явленіе Самуила Саулу было ничѣмъ инымъ, какъ обманомъ волшебницы или же явленіемъ злого духа въ видѣ пророка Самуила; что касается предсказанія, даннаго Саулу, то означенные толковники признавали это предсказаніе ложнымъ или же такимъ, которое было извѣстно діаволу и волшебницѣ изъ прежнихъ пророчествъ Самуила и затѣмъ передано царю Саулу отъ имени будто-бы явившагося пророка. Другіе (напр., бл. Θεодоритъ) считали явившагося просто образомъ, тѣнью, призракомъ или обликомъ пророка, представленнымъ несчастному царю Саулу силою божественнаго всемогущества, а пророчество, возвѣщенное Саулу, приписывали Самому Богу. «Самъ Богъ всяческихъ,—пишетъ бл. Θεодоритъ,—какъ Ему было угодно, представивъ образъ Самуила, произнесъ опредѣленіе, такъ какъ не могла сдѣлать сего волшебница, а Богъ и чрезъ противниковъ произнесъ приговоръ... Предреченіе (Самуила) было истинно, потому что было оно божественное,—но произнесено, думаю, не Самуиломъ» (Твор. св. отцовъ въ русскомъ пер. кн. 4. Москва 1855 г., стр. 366).

Однако оба эти воззрѣнія нельзя назвать основательными. Божь вдохновенный писатель 1-й книги Царствъ опредѣленно говоритъ, что явившійся Саулу былъ не злой духъ и не призракъ или образъ Самуила, а дѣйствительно самъ Самуилъ (гл. 28, ст. 12, 14—16). Преданіе о томъ, что явившійся въ Аэндорѣ и пророчествовавшій Саулу былъ именно пророкъ Самуилъ, идетъ съ глубокой древности: оно занесено въ греческій переводъ 1-й книги Паралипоменонъ (гл. 10, ст. 13—14) и записано Іисусомъ,

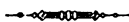
сыномъ Сираха (гл. 46, ст. 23). Бл. Θεодоритъ, возражая противъ мнѣнія о явленіи бѣса въ образѣ Самуила, говорить; «я, читая книгу Паралипоменонъ, нашелъ, что написавшій сію исторію сказалъ такъ: *и яко вопросы Саулъ волшебницы, еже спросити, и отвѣща ему Симуилъ пророкъ. И не взыска Господа, и уби его*» (тамъ же). Въ пользу явленія Самуила свидѣтельствуешь и точнѣйшее исполненіе предсказанія пророка на другой день послѣ его произнесенія,—потому что ни волшебница, ни діаволъ не могли знать той печальной участи, которая предстояла Саулу, и заранѣе предсказать всѣ ея подробности. Будущую судьбу каждого человѣка знаетъ только Всевышній (Евр. 4, 13; Екклес. 8, 6—7), и въ таинственной книгѣ Господа записаны всѣ дни человѣческой жизни прежде еще его рожденія (Псал. 138, 16). Діаволъ же хотя бы и зналъ судьбу Саула и его сыновей, но не открылъ бы несчастному царю этой истины, потому что сатана, по самому свойству своей природы, есть лжець и отецъ лжи (Іоан. 8, 44; срав. 3 Цар. 22, 20—25). Правда, Самуилъ при жизни своей нѣсколько разъ возвѣщалъ Саулу, что царство его будетъ отпято у него и передано Давиду (1 Цар. 13, 13—14; 15, 26—29), но онъ никогда не пророчествовалъ о пораженіи израиля филистимлянами на горахъ Гелвуйскихъ, о смерти Саула и его сыновей. Это грозное пророчество могло быть возвѣщено только самимъ Самуиломъ, а не діаволомъ или волшебницею, не говоря уже о какомъ либо призракѣ или тѣни: *никогда пророчество не было произносимо по волю человеческой, но изрекали его святые Божіи чловѣки, будучи движимы Духомъ Святымъ* (2 Петр. 1, 21). Можетъ встрѣтиться недоумѣніе по поводу словъ явившагося Самуила: *завтра ты и сыны твои будете со мною* (ст. 19) въ томъ именно смыслѣ, что нечестивый Саулъ послѣ своей смерти не могъ быть въ одномъ мѣстѣ съ праведнымъ Самуиломъ. Но выраженіе—*будете со мною*—имѣетъ общее значеніе, подобное другому, часто встрѣчающемуся въ Библии: *приложился къ народу своему, приложился къ отцамъ своимъ...* (Быт. 25, 8; 35, 29; 49, 29; 47, 30); оно означаетъ въ данномъ случаѣ: *вы перейдете въ царство мертвыхъ* и потому можетъ быть безразлично отнесено ко всѣмъ людямъ, живущимъ на землѣ и праведно, и грѣшно (Псал. 88, 49; 48,

9—10; Екклес. 9, 2—3). Всѣ изложенныя соображенія показываютъ, что въ видѣніи Самуила не было никакого обмана со стороны волшебницы; въ этомъ же утверждаетъ насъ и то обстоятельство, что волшебница, увидя явившагося, громко закричала отъ испуга и тотчасъ же узнала Саула. Ея непритворный испугъ показываетъ, что видѣніе, представившееся ея глазамъ, не было изъ числа обыкновенныхъ и совсѣмъ не походило на тѣ, которыя совершались въ силу ея заклинаній. Очевидно, явившійся возвѣстилъ ей о томъ, что переодѣтый мужчина не кто иной, какъ царь Саулъ.

Какъ явилась душа Самуила: по повелѣнію Божію, или же по дѣйствію діавола въ силу заклинаній волшебницы? Оригенъ, Анастасій Антиохійскій и друг. думаютъ, что Самуиль былъ вызванъ волшебницей при помощи діавола и по попущенію Божію, а власть діавола надъ душою Самуила объясняютъ тѣмъ, что до сошествія Господа Иисуса Христа во адъ (1 Петр. 3, 19) души умершихъ, не исключая и праведниковъ, находились въ аду или «шеолѣ», гдѣ непосредственно властвовалъ діаволъ и держалъ ихъ въ узахъ. Но противъ этого мнѣнія должно замѣтить, что Священное Писаніе ничего не говоритъ намъ о томъ, приступала ли аэндорская волшебница къ средствамъ волхвованія или нѣтъ; изъ библейскаго повѣствованія видно, что Самуиль *тотчасъ же* явился, какъ только Саулъ заявилъ волшебницѣ о своемъ желаніи видѣть его, при чемъ гадалка, увидѣвъ явившагося, «*громко вскрикнула*» (ст. 12). Этотъ крикъ волшебницы ясно показываетъ, что явленіе Самуила было совершенно неожиданнымъ для нея самой и что во всякомъ случаѣ оцѣ совершилось не въ силу ея заклинаній,—такъ какъ эти заклинанія, сопровождавшіяся различными обрядами, потребовали бы не мало времени. Съ другой стороны, еслибы Самуиль былъ вызванъ изъ «шеола» по дѣйствію темныхъ силъ,—то это явленіе относилось бы не къ прославленію, а къ униженію пророка, а потому и Иисусъ, сынъ Сираховъ, не внесъ бы повѣствованіе объ этомъ событіи въ свою похвальную рѣчь Самуилу. При томъ *души праведныхъ находятся въ рукахъ Божіихъ, и мученіе не коснется ихъ* (Прем. Сол. 3, 1); *праведникъ, восхитаясь отъ земли, восхитается отъ зла и отходитъ къ миру* (Исаи 57, 1—2); Господь хранитъ даже кости праведниковъ, дабы ни одна изъ нихъ не со-

крушилась (Псал. 33, 21). Вотъ почему большинство толкователей Священнаго Писанія полагаетъ, что душа Самуила явилась по особому дѣйствию божественнаго всемогущества. Это мнѣніе представляется самымъ вѣроятнѣйшимъ и противъ него нельзя привести ни одного, болѣе или менѣе основательнаго, возраженія; оно вполне согласно и съ понятіемъ о Промыслѣ Божіемъ, по которому Господь Богъ «возникающее чрезъ удаленіе отъ добра зло пресѣкаетъ или исправляетъ и обращаетъ къ добрымъ послѣдствіямъ» (Правосл. Катихиз., стр. 37). Саулъ, падая все ниже, дошелъ наконецъ до того, что обратился къ волшебницѣ, чтобы узнать свою будущую судьбу. И вотъ Господь, по своимъ особымъ спасительнымъ цѣлямъ, повелѣлъ умершему Самуилу выйти изъ «шеола» и возвѣстить Саулу божественный приговоръ. Это было послѣднее благодѣяніе Божіе Саулу; имъ Всевышній предупреждалъ ложный отвѣтъ злого духа или волшебницы царю и располагалъ послѣдняго къ раскаянію (ср. Матѳ. 26, 50). А для всѣхъ остальныхъ людей, которые узнали объ этомъ явленіи умершаго пророка, это былъ урокъ, научающій тому, что истинное пророчество можетъ быть только отъ Бога, что судьбы Божіи непреложны и что нарушеніе Его заповѣдей не остается безъ наказанія. Послѣ этого чудеснаго явленія изъ загробнаго міра аэндорская волшебница могла оставить свое преступное занятіе и обратиться на путь истины; само собой понятно, что въ разсматриваемомъ случаѣ не можетъ быть никакой рѣчи о зависимости божественнаго всемогущества отъ дѣйствій волшебницы тѣмъ болѣе, что Библія, повторяемъ, ничего не говоритъ о томъ, прибѣгала ли эта женщина къ какимъ-либо заклинаніямъ. Между тьмой и свѣтомъ нѣтъ ничего общаго (2 Корин. 6, 14); Божественный Свѣтъ сіяетъ во тьмѣ міра, но эта тьма не обнимаетъ его (Іоан. 1, 5); Господь преодолеваетъ эту тьму и направляетъ ее къ торжеству свѣта: «такъ и чрезъ Валаама Онъ благословилъ народъ, чрезъ нечестиваго прорицателя предрекъ будущее и провозвѣстилъ спасеніе вселенной» (бл. Θεодоритъ, тамъ же).

С.-Петербург. епарх. миссіон. Н. Булаковъ.

Изъ записокъ и дневниковъ.

Церковность и народность М. Д. Скобелева.

(Страничка изъ жизни М. Д. Скобелева).

Имя и военные подвиги великаго русскаго полководца, знаменитаго генерала россійскаго воинства, Михаила Дмитріевича Скобелева, всему міру хорошо извѣстны. Но у насъ мало кто знакомъ съ достославной дѣятельностію Михаила Дмитріевича на поприщѣ завоеванія имъ имени борца за священныя права православной восточной церкви. А, между тѣмъ, дѣятельность эта М. Д. не менѣе достославна, чѣмъ и его военные подвиги. М. Д. велъ въ Петербургѣ большую борьбу съ разными прислужниками тьмы и вѣроотступничества и перенесъ въ ней не мало слезъ и горя.

Это было въ 1862 году, когда вся крѣпостная Русь впервые только увидѣла «волю». М. Д. Скобелевъ состоялъ въ то время офицеромъ главнаго штаба и бывалъ каждое лѣто, по своимъ научнымъ дѣламъ, въ предѣлахъ сѣвернаго побережья Финскаго залива, именно въ мѣстности пынѣшней Красной Горки, что въ 25 верстахъ отъ гор. Ораніенбаума, на Нарвскомъ большомъ тракту.

Земля эта изстари была русскою и называлась, въ прежнія времена — Новгородскаго владычества, незаконно — Ингрією. До 1703 г. 90 лѣтъ кряду ею владѣли шведы. Петръ Великій, 200 лѣтъ назадъ, отвоевалъ ее у шведовъ и она вновь была заселена русскими людьми, выписанными сюда княземъ Меншиковымъ, которому Петръ I подарилъ всю эту землю во владѣніе, изъ-подъ Москвы.

Заселивъ старую «Ингрію» нѣсколькими небольшими деревнями, въ томъ числѣ и Малой и Большой Брошными, подмосковные люди чуть не 200 лѣтъ кряду оставались безъ своего православнаго

храма и приписаны были къ Ораніенбауму, за цѣлыя десятки верстъ разстоянія. А развѣ простой рабочій русскій человѣкъ, изнуренный постояннымъ крѣпостническимъ трудомъ, могъ всегда ходить въ церковь для совершенія святой молитвы въ ней, хотя бы только по однимъ воскреснымъ днямъ, за десятки верстъ отъ своего мѣстожителства? Конечно,—нѣтъ!

А между тѣмъ потребность духовной пищи у этихъ православныхъ людей была неотразимая, и жажда принести свою теплую молитву въ храмъ Божіемъ за литургіей, напримѣръ, ощущалась у нихъ неутолимая.

И вотъ, этимъ-то случаемъ и воспользовались лютеранскіе пасторы, кирки которыхъ находились въ одной верствѣ разстоянія отъ православныхъ деревень, и привлекли русскихъ переселенцевъ изъ подъ Москвы въ свою паству.

Какъ это все совершилось, въ какой періодъ времени и при какихъ именно условіяхъ—неизвѣстно.—Подмосковные насельники «Ингрии», послѣ паденія своего перваго барина, князя Меншикова въ 1731 году, неоднократно переходили изъ рукъ въ руки къ новымъ владѣльцамъ ихъ, нѣмцамъ. Но фактъ тотъ, что когда этихъ подмосковныхъ людей впервые посѣтилъ, въ 1862 году, М. Д. Скобелевъ, то уже нашель ихъ въ страшномъ духовномъ оскудѣніи: вѣру отцовъ своихъ они совсѣмъ утратили, хотя и считались православными; на богослуженія ходили въ лютеранскія кирки, всѣ молитвы западной церкви читали на финскомъ нарѣчій, а русскій свой родной языкъ совершенно забыли и усвоили себѣ разныя финскія повѣрья, обычаи и обрядности; при этомъ они несли свою, далеко непосильную, лепту въ пользу доходовъ пастора и лютеранской кирки. Въ домахъ у крестьянъ всѣ иконы были западной церкви...

Это такъ растрогало М. Д. Скобелева, что онъ тотчасъ-же отправился въ Петербургъ, закупилъ здѣсь достаточное число иконъ православной церкви и, освятивъ ихъ въ одномъ изъ храмовъ столицы, отвезъ въ деревни Малую и Большую Бронную, гдѣ онъ тогда поселился на лѣто для своихъ топографическихъ работъ. Раздавая эти иконы олютераненнымъ русскимъ крестьянамъ означенныхъ нами деревень съ наставленіемъ, чтобы онѣ были поста-

влены въ переднихъ углахъ хатъ на почетномъ мѣстѣ, какъ то заведено обычаемъ страны, Михаилъ Дмитріевичъ межъ тѣмъ приказалъ убрать со стѣнъ хатъ всѣ западныя изображенія и вынести ихъ вонъ изъ домовъ. И крестьяне безпрекословно подчинились его наставленію и приказанію и сердечно благодарили его за снабженіе ихъ православными «Ликами Божиими».

Но этимъ не закончилось религіозное радѣніе Скобелева для бронненскихъ крестьянъ, а только начиналось. М. Д. снова ѣдетъ въ Петербургъ и ходатайствуетъ здѣсь о разрѣшеніи ему соорудить на свои средства храмъ Божій въ деревнѣ Малой Бронной, гдѣ онъ жилъ два лѣта кряду. Мысль эта сначала была принята въ столицѣ благосклонно и на осуществленіе ея, въ задуманномъ Скобелевымъ порядкѣ, не представлялось никакихъ препятствій.

Но вдругъ откуда-то поднялся страшный ураганъ и силою своего налета разрушилъ въ конецъ это благое начинаніе Михаила Дмитріевича, и, мало того, причинилъ Скобелеву массу огорченій. М. Д. Скобелевъ былъ признанъ въ Петербургѣ неблагонадежнымъ человѣкомъ, занимающимся будто бы несвойственными его общественному положенію дѣлами и наносящимъ своимъ *порочнымъ* дѣйствіемъ среди прифинскихъ крестьянъ особый вредъ западной церкви...

М. Д. былъ привлекаемъ многократно въ тайныя столичныя канцеляріи, получалъ тамъ какія-то неумѣстные выговоры и былъ поставленъ «на неблаговидный путь»... въ его непорочной жизни. Тутъ и причина, которая заставила Скобелева ѣхать въ далекіе Среднеазиатскіе края для завоеванія новыхъ странъ, — Ташкента, Хотжента и Андижана...

Посѣтивъ не такъ давно Малую Бронную, гдѣ Скобелевъ жилъ въ началѣ 60-хъ годовъ XIX столѣтія три лѣта кряду и оставилъ по себѣ самыя добрыя воспоминанія въ народѣ, какъ христіанинъ, въ высшей степени гуманный и добротворящій, мы, между прочимъ, узнали отъ мѣстныхъ крестьянъ то, о чемъ мы не въ силахъ умолчать.

Нанимая здѣсь, въ Малой Бронной, хату у крестьянина Никиты и платя за нее столько, сколько она не стоила со всѣмъ своимъ *скарбомъ*, Скобелевъ отдѣлалъ ее на свой счетъ: постлалъ въ ней новыя досчатые полы, покрылъ ее тесомъ и убралъ ее

такъ, какъ подобало жить въ ней «человѣку», какъ говорилъ онъ.— Потомъ онъ покрылъ Никитѣ соломою всѣ службы его двора, до толѣ некрытыя, сѣздилъ верхомъ на Сивкѣ хозяина своего дома въ казенный лѣсъ за жердями, чтобы прикрѣпить солому на крышахъ. При этой поѣздкѣ съ Михаиломъ Дмитріевичемъ произошелъ такой случай, изъ котораго онъ едва вышелъ живымъ. Въ лѣсъ онъ ѣздилъ по окольному и незнаемому имъ пути. Нарубивъ жердей, Скобелевъ пустился въ обратный путь, но, не зная дороги, заѣхалъ съ лошадыю въ болото и завязъ въ немъ по уши. Долго онъ бился тутъ молча и потомъ, выбившись изъ силъ, сталъ кричать о помощи. Его скоро услышали деньщики, бывшіе съ нимъ въ деревнѣ на топографическихъ работахъ и пошедшіе вмѣстѣ съ крестьяниномъ, у котораго они жили въ Малой Бронной, разыскивать своего офицера, послѣ долгаго ожиданія возвращенія его въ деревню.—Была уже ночь. И только при помощи этихъ людей, Скобелевъ былъ извлеченъ изъ вязкой топи и спасенъ отъ явной гибели.

— Ну, и Сивка-же у тебя!—потомъ говорилъ Михаилъ Дмитріевичъ крестьянину Никитѣ,—умница, а не конь! Я его влѣво тяну за поводъ, а онъ все вправо забираетъ, видя, конечно, для себя, да и для меня тоже опасность въ болотѣ. И если бы не я со своимъ упорствомъ, то лошадь вышла бы на торную дорогу, и мы ушли бы отсюда невредимы. А я все ее тяну влѣво, да влѣво, ну, и затянулъ въ болото...

— Да... онъ у меня—конь добрый... доморощенный...—отвѣтилъ Никита...—А только вы, баринъ, напрасно такъ сдѣлали... Не послушались коня... Онъ лучше человѣка видитъ свою опасность. Да и мѣсто то тутъ тоже такое... лѣшій, говорятъ, ходитъ. А конь видитъ, куда онъ его ведетъ, и не дается ему въ обманъ. Но человѣка лѣшій всегда заведетъ, куда ему хочется... Вотъ вы и попали въ болото. Если бы не лѣшій, конь нашелъ бы себѣ дорогу...

— Да лѣшій-то, вѣдь, это—я!—заявилъ ему Скобелевъ.—Если бы не я, то Сивка вышелъ бы, куда намъ нужно... А я все его тянулъ да тянулъ влѣво. Ну, вотъ оно и вышло по лѣшему...

Однажды Скобелевъ замѣтилъ, что всѣ деревенскія дѣти бѣгаютъ лѣтомъ по полямъ и деревнѣ безъ «нижняго» бѣлья и, узнавъ,

что это все происходитъ отъ общей бѣдности мѣстныхъ крестьянъ, тотчасъ же отправился въ Ораніенбаумъ накупилъ тамъ ситца и нанки на всѣ наличныя деньги, бывшія у него на этотъ разъ, привезъ все это въ Малую Бронную и роздалъ родителямъ дѣтей съ тѣмъ, чтобы они сейчасъ-же одѣли ихъ «какъ слѣдуетъ быть человѣку одѣтымъ»...

Нерѣдко Скобелевъ, бывало, вспоминають крестьяне, возвращался изъ Петербурга, — куда онъ ѣздилъ ежемѣсячно за полученіемъ жалованья въ Главный штабъ и за провіантомъ для здѣшней лагерной жизни, — съ цѣлыми возами хлѣба для насъ и — всякаго лакомства для нашихъ дѣтей и все это раздавалъ до послѣдней крохи, оставляя лишь кое-что для своихъ деньщиковъ, которыхъ онъ любилъ и баловалъ, какъ малыхъ дѣтей, близкихъ и дорогихъ ему... Самъ-же онъ питался только молокомъ и яйцами, приобретаая ихъ за деньги въ той же деревнѣ, которую онъ кормилъ и поилъ на свой счетъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, пока жилъ въ ней на топографическихъ работахъ.

Замѣтивъ разъ, что у одной больной Мало-бронской крестьянки, съ малыми дѣтьми, не было коровы для прокормленія малютокъ молокомъ, Скобелевъ тотчасъ-же отправляется въ сосѣднюю деревню, купилъ тамъ «буренку» съ молокомъ и привелъ ее бѣдной женщинѣ; а для медицинской помощи, необходимой больной крестьянкѣ, онъ отправился въ Ораніенбаумъ и, посоветовавшись тамъ съ опытнымъ врачомъ, привезъ больной всѣ нужныя лѣкарства. Женщина скоро выздоровѣла и прославила Скобелева среди всѣхъ мѣстныхъ и окрестныхъ жителей за «святого цѣлителя»...

Такъ съ этимъ нарицательнымъ именемъ Михаилъ Дмитріевичъ и жилъ все время въ Малой Бронной. Дѣти-же деревни Бронной называли его «бѣлымъ дяденькой», потому что онъ постоянно ходилъ здѣсь во всемъ бѣломъ, т. е., въ кителѣ и фуражкѣ.

Прославъ «за святого цѣлителя», Скобелевъ привлекъ къ себѣ общее вниманіе и всѣхъ окрестныхъ крестьянъ русскихъ деревень, и они приходили къ нему за врачебной помощію. Онъ всѣмъ имъ помогать, какъ могъ, совѣтомъ и деньгами, и во всѣхъ случаяхъ такъ удачно, что люди выздоравливали и приводили къ нему на исцѣленіе новыхъ больныхъ...

Все это, конечно, не нравилось лютеранскимъ пасторамъ, къ которымъ были прихожанами русскіе крестьяне, и тѣ, потерявъ свою популярность между присвоенными людьми, стали придумывать разныя козни противъ Скобелева; одною изъ таковыхъ козней былъ доносъ на М. Д., какъ человѣка опаснаго для правительства, ведущаго среди крестьянъ какую-то странную жизнь и т. п...

Отсюда и всѣ «шишки», повалившіяся на Скобелева въ Петербургѣ, вплоть до надзора тайной канцеляріи...

Такъ Скобелевъ и пострадалъ тогда за свои добрыя дѣла...

Свѣтлымъ знакомъ трехлѣтняго пребыванія Скобелева въ Малой Бронной служить еще обученіе грамотѣ мѣстныхъ крестьянскихъ дѣтей, въ то время поголовно неграмотныхъ. Скобелевъ приобрѣлъ въ Петербургѣ десятки разныхъ букварей и засадилъ за нихъ дѣтишекъ, поручивъ ихъ внѣшнему надзору своихъ деньщиковъ, выученныхъ имъ уже грамотѣ. Нѣкоторые изъ этихъ Скобелевскихъ учениковъ еще и до сихъ поръ живы въ Малой Бронной и вспоминаютъ о своемъ учителѣ съ благоговѣніемъ, достойнымъ славнаго имени Скобелева.

Насколько личность М. Д. Скобелева почиталась всѣми крестьянами означеннаго прифинскаго района, какъ «святого цѣлителя», «бѣлаго дяденьки» и «добраго барипа», показываетъ еще слѣдующій фактъ. Какъ намъ рассказывали въ деревнѣ Малой Бронной, когда Михаилъ Дмитріевичъ долго не возвращался съ своихъ топографическихъ работъ домой, то дѣти крестьянъ, скучая безъ его ласкъ въ теченіе дня, обыкновенно выходили за деревню, версты такъ за двѣ, на дорогу и такъ радостно встрѣчали «бѣлаго дяденьку» своимъ невиннымъ ангельскимъ лепетомъ привѣтствія и, окруживъ его со всѣхъ сторонъ, бесѣдовали съ нимъ, кто какъ могъ. Скобелевъ въ это время, помимо его ласкъ, расточаемыхъ передъ дѣтьми, какъ могъ это дѣлать человѣкъ, полный любви къ ближнему своему, бралъ еще малютокъ на руки и спрашивалъ ихъ объ ихъ домашнемъ житіѣ-бытѣ. Однажды, бесѣдуя такъ съ однимъ изъ мальчиковъ, Михаилъ Дмитріевичъ узналъ, что у его отца пѣтъ сошниковъ на сохѣ, и потому онъ не можетъ пахать свою землю. Скобелевъ немедленно же отправился въ Ораніенбаумъ, купивъ тамъ сошники, принесъ ихъ въ деревню и отдалъ му-

жику. Но что въ этомъ случаѣ было особенно замѣчательнаго, какъ это то, что Скобелевъ рѣдко когда самъ передавалъ свою благостиню бѣднымъ крестьянамъ, а почти всегда это дѣлалъ черезъ своихъ деньщиковъ. Его крайне смущала въ этомъ случаѣ, какъ человѣка впечатлительнаго и добролюбиваго, никогда не кичившагося своимъ добрымъ дѣломъ предъ людьми, когда человѣкъ начинаетъ его благодарить за добрый даръ униженно, раболѣпно, почти при этомъ обезличивая себя. Имѣя въ высшей степени благородное сердце и душу, Скобелевъ не могъ равнодушно переносить эти униженія бѣднаго человѣка... М. Д. Скобелевъ настолько былъ простъ въ обращеніи съ людьми, стоящими ниже его по своему положенію, что даже вмѣстѣ съ своими деньщиками пилъ и ѣлъ на топографическихъ работахъ и спалъ съ ними въ одной палаткѣ, когда започевывалъ на берегу моря, въ деревнѣ. Простота Скобелева даже вошла въ поговорку между его людьми: «добръ, точно Михаилъ Дмитріевичъ».

Свѣтлая личность М. Д. должна служить намъ добрымъ примѣромъ во всѣхъ нашихъ общественныхъ дѣлахъ на всѣ времена. Для насъ, православныхъ русскихъ людей, имѣющихъ «душу живу», должна быть святою добрая память о всѣхъ лучшихъ нашихъ предкахъ, подобно М. Д. Скобелеву, и мы должны памятовать о нихъ особенно теперь, когда слово «интеллигентъ» профанируется... когда все святое русское подвергается извѣстной частью «интеллигенціи» или сомнѣнію, или даже глумленію.

С. Глбцовъ.

Изъ переписки вѣрующаго интеллигента со студентомъ.

Дорогой В!

I.

Я провелъ всю недѣлю въ скиту. Я вижу, что иногда очень хорошо пожить въ монастырѣ. Монастырскій строй жизни все-таки гораздо ближе, по-моему, къ настоящему—христіанскому, чѣмъ нашъ обычный порядокъ. Мы молились почти по 10 часовъ въ сутки... Моленія, особенно ночныя, напоминаютъ первые вѣка христіанства... Утреня начинается въ 2 часа ночи и кончается въ 5. Больше читаютъ, изрѣдка поютъ; три раза говорятъ поученіе изъ Ефрема Сирина или Іоанна Златоустаго. Воспоминаній при этомъ бываетъ такъ много, что всякій сонъ пропадаетъ, и потомъ, возвратившись домой, долго не можешь заснуть. И я знаю, что и всякій монахъ, даже самый лѣнивый и праздный, въ лучшія свои минуты испытываетъ то же чувство особенной близости ко временамъ апостольскимъ и Самому Господу,—и умиляется... Вотъ это то и даетъ возможность существовать нашей общей, единой душной молитвѣ, вопреки мнѣнію А. М., который не видитъ въ церкви общей молитвы. Вѣдь всѣ мы стремимся вознестись къ одному нашему Богу, но только не у всѣхъ насъ равныя силы, не у всѣхъ равное одушевленіе; однако, хоть въ желаніи нашемъ—у насъ общая молитва.

Богослуженіе первой недѣли чрезвычайно трогательное; оно волнуетъ насъ всѣхъ одинаково и этимъ снова объединяетъ. Въ свободное отъ службы время я читалъ исключительно Евангеліе: это мнѣ значительно помогало стать въ болѣе близкое и живое отношеніе къ Спасителю. Онъ сталъ мнѣ еще понятнѣе и роднѣе, такъ что я яснѣе, сильнѣе и серьезнѣе почувствовалъ, насколько я нечистъ и грѣшенъ передъ Нимъ. Это чувство было особенно

живо въ четвергъ и въ ночь на пятницу (я исповѣдывался въ пятницу утромъ).

Еще скажу тебѣ о постѣ. Мы постились довольно строго: ѣли одинъ разъ въ сутки только супъ, а потомъ, часа черезъ два, пили чай, хотя это уже и вопреки уставу. Такой постъ сильно истощаетъ съ непривычки, но въ то же время начинаешь понимать, какъ много въ твоей обыкновенной жизни лишнихъ привычекъ избалованнаго человѣка, какъ-то очищаешься душою, освобождаешься отъ узъ своихъ мелкихъ слабостей и становишься мужественнѣе. Въ скиту говѣеть очень много купцовъ изъ N, и я понимаю, почему они налагаютъ на себя такой строгій подвигъ: кто меньше привыкъ себѣ отказывать въ чемъ нибудь, тому сильнѣе хочется въ извѣстныя минуты стряхнуть съ себя эту слабость, стать настоящимъ человѣкомъ.

Много я перемучился въ ночь передъ исповѣдью. Я вижу, что совсѣмъ неправильно думаютъ, будто достаточно покаяться *въ душѣ* передъ Христомъ, безъ посредства священника. Положимъ, Христосъ примирится съ искренно покаявшимся, но какъ часто это внутреннее покаяніе, безъ участія священника, совпадаетъ съ равнодушіемъ! Искреннее покаяніе не боится, а ищетъ посредника, жаждетъ передать свой грѣхъ въ ясныхъ и краткихъ словахъ посреднику, сгорая отъ стыда. Это значить—вынуть занозу изъ души, очиститься въ пламени стыда своего. Но сдѣлать это чрезвычайно трудно: напрасно увѣряешь себя, что ты не передъ священникомъ, а передъ Христомъ, Который Самъ на тебя смотритъ, Самъ тебя слушаетъ,—все это черезъ минуту забывается, и опять стыдно и страшно—до холодного пота—обнаружить себя. Въ эту ночь я спалъ всего два часа...

И все-таки мнѣ не удалось высказать все такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось: отчасти потому, что не хватало духу, отчасти потому, что у о. В. ужасно много исповѣдниковъ,—и мнѣ пришлось въ нѣкоторыхъ случаяхъ сказать *вообще*, не входя въ подробности. Это меня мучило потомъ цѣлый день. И вмѣстѣ съ тѣмъ было чрезвычайно отрадное чувство облегченія, которое тебѣ, конечно, извѣстно. Но вотъ замѣчательный фактъ. Непріятное чувство было во мнѣ до поздней ночи. Передъ сномъ я молился о томъ, чтобы

Христосъ все-таки простилъ меня и далъ мнѣ знакъ этого прощенья: чтобы я причащался съ вполне чистою совѣстью. Всю эту ночь мнѣ снился какой-то праздникъ, а утромъ, въ самый моментъ пробужденія, вдругъ такъ и хлынула въ душу радостная волна— вполне ясное ощущеніе, что я прощенъ, и полное спокойствіе души. И весь этотъ день, въ субботу, мнѣ было необыкновенно хорошо. Да и теперь тоже ощущеніе внутренней чистоты не оставляетъ меня. Я теперь стараюсь держаться правила—каждый вечеръ отдавать себѣ отчетъ во всѣхъ дурныхъ чувствахъ и дѣлахъ дня. И, конечно, грѣшишь.

Я хочу поближе познакомиться со скитскими старцами. В. всегда страшно занятъ. Мой Г. совсѣмъ дитя. Былъ и у настоятеля, но онъ тоже не интересенъ,—сытый и слабый человѣкъ; тамъ же я у него познакомился съ о. Н. Съ этимъ интересно бесѣдовать. Мы съ нимъ долго бесѣдовали на тему, что монастырь долженъ быть практической школой для академиковъ, и что монастыри и академіи должны вмѣстѣ хранить въ чистотѣ идеалы и преданія православія. Тамъ еще есть два интересныхъ старца—П. и Д. Первый опытенъ въ духовной жизни; второй—человѣкъ весьма начитанный. Я у нихъ еще не былъ, но непременно побываю, какъ только пойду въ скитъ...

Вчера я былъ у о. А. Говорили о войнѣ. Разговоръ этотъ очень разстроилъ меня, вызвавъ недоумѣнія, которыхъ не могу пока разрѣшить. По мнѣнію о. А., церковь молится о побѣдѣ потому, что лучше, если побѣду одержитъ православный царь, чѣмъ какой другой. Видишь-ли: общество христіанское несовершенно,—война иногда является единственно возможнымъ для него напряженіемъ нравственныхъ силъ,—выразить высшимъ способомъ свое нравственное настроеніе оно еще не въ силахъ,—церковь не перестаетъ указывать ему высшій идеаль «побѣды *любовью*», но въ то же время покровительствуетъ и этой, низшей сравнительно, ступени его нравственнаго развитія... Эти объясненія меня не удовлетворяютъ и представляются ухищреніями вступающаго въ компромиссъ ума. Сердце мое ихъ не пріемлетъ. Впрочемъ и рѣшительно отвергать ихъ не могу; можетъ быть тутъ кроется зерно истины. Вѣдь что нибудь да значить, что великіе подвижники, ничего

«своего» не искавшіе, возносили тѣ же молитвы къ Богу. Возможно, что я чего нибудь тутъ не понимаю, не доросъ до правильного взгляда на вещи. Все это меня ужасно мучило весь вечеръ вчера, такъ что я ничего не могъ дѣлать, даже писать письма. Какъ бы то тамъ ни было, это все-таки не причина разрыва съ церковью. Въ этомъ отношеніи И. М. неправъ: были времена, когда почти всѣ епископы и священники были аріане, и однако нельзя было разрывать тогда съ церковью, а надо было защищать истину. Такъ и теперь.

Въ церкви давно уже не было собора, вслѣдствіе этого и распространились въ христіанскомъ обществѣ разные взгляды... Соборъ—это самосознаніе церкви: только соборъ и можетъ выразить истину. Къ сожалѣнію, мы не слышимъ теперь голоса церкви... Епископы ничего не могутъ сдѣлать,—государство такъ глубоко проникло въ церковную жизнь, такъ поработило ее, что едвали дойдетъ до епископства человѣкъ съ высокими понятіями о церкви... Пиши! Господь съ тобой!

Твой Н.

II.

Дорогой Н! Поздравляю тебя съ принятіемъ Св. Таинъ. Я готовъ согласиться съ тѣмъ, что иногда полезно освѣжиться въ тихихъ струяхъ монастырской жизни, какъ хорошо бываетъ иногда окунуться въ холодной водѣ для оздоровленія тѣлеснаго организма. Къ сожалѣнію, теперешній монастырскій строй способенъ скорѣе повергнуть насъ въ болѣзнь и тоску, чѣмъ влить въ наше сердце новую энергію и лучшія стремленія. Не преувеличиваешь ли ты, говоря, что монахи чувствуютъ общую близость къ Богу, когда молятся вмѣстѣ. Будь такъ на самомъ дѣлѣ, мы должны были бы замѣчать плоды ихъ усердія и большую любовь въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, но именно этого мы и не видимъ. Едвали и тѣ купцы, которые говѣютъ въ скиту, поступаютъ въ данпомъ случаѣ вполне сознательно и разумно. Тутъ они дѣйствуютъ, я думаю, по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ ставятъ рублевую свѣчку передъ иконой, когда кого нибудь проведутъ, обманутъ... Они *опытнымъ* образомъ соразмѣряютъ свою вину и уплату за нее извѣстными дѣлами Богу, нисколько не обращая вниманія на свою душу и на

необходимость ея *исправленія*, очищенія. Надѣлалъ всякихъ пакостей, нагрѣшилъ, а затѣмъ поговѣлъ, пожертвовалъ нѣсколько рублей на церковь—и спокоенъ: Богъ простить!

Я, впрочемъ, и вообще не понимаю, какъ и почему человѣкъ, послѣ исповѣди и причастія, освобождается отъ своихъ пороковъ и грѣховъ. Никто, конечно, не скажетъ, что онъ становится *совершенно* другимъ существомъ, разъ мы чувствуемъ и знаемъ, что, покаявшись предъ священникомъ, все-таки остаемся со своими дурными мыслями, желаніями и т. д. Или прощеніе заключается въ перемѣнѣ отношенія къ намъ со стороны Христа? Но вѣдь если люди, рассказавъ духовнику о своихъ отступленіяхъ отъ заповѣдей Спасителя, продолжаютъ совершать ихъ попрежнему и не улучшаются въ своемъ настроеніи, то почему Богъ будетъ относиться къ нимъ иначе? *Дѣйствительное* покаяніе далеко не всегда совпадаетъ съ моментомъ исповѣди. Поэтому слѣдуетъ предоставить христіанину возможность раскрывать свою душу передъ священникомъ всякій разъ, какъ только онъ почувствуетъ въ этомъ потребность. Къ опредѣленному времени пріурочивать этого нельзя. Исповѣди же можно придать такое значеніе: пусть каждый изъ насъ даетъ отчетъ передъ пастыремъ въ своемъ поведеніи и проситъ у него совѣта, какъ ему жить и какими средствами избавляться отъ грѣховъ. Конечно, при нормальныхъ отношеніяхъ пастыря къ пасомымъ, первый всегда долженъ руководить жизнію своихъ прихожанъ но въ такіе важные моменты, какъ воспоминаніе о постѣ Самого Спасителя, Его страданіяхъ и воскресеніи, намъ *особенно* слѣдуетъ направлять свое вниманіе въ извѣстную сторону.

И далѣе,—зачѣмъ намъ нуженъ «официальный» посредникъ при покаяніи?

Несомнѣнно, что человѣкъ, вступающій на новый путь и ощущающій въ своей душѣ притокъ новыхъ чувствъ и мыслей, хочетъ какъ бы сбросить съ себя тяжесть прежнихъ грѣховъ и желаній и такимъ образомъ себя облегчить, но почему непременно онъ будетъ обращаться къ священнику, а не къ одному изъ своихъ друзей или вообще близкихъ людей? Здѣсь все зависитъ отъ обстоятельствъ: иной духовникъ пойметъ тебя гораздо хуже и дастъ тебѣ менѣе значительныя указанія, чѣмъ, напр., твой братъ, отецъ, сестра.

Притомъ же постороннему лицу, которое меня совершенно не знаетъ, легче разсказать о своихъ ошибкахъ, заблужденіяхъ, паденіяхъ, чѣмъ знакомому и близкому тебѣ человѣку,—и потому *сила* исповѣди предъ официальнымъ служителемъ церкви бываетъ иногда *очень слаба*. «Сгорають отъ стыда» (какъ ты выражаешься) едва ли многіе; по крайней мѣрѣ мы знаемъ, какъ равнодушно и спокойно огромное большинство «кающихся» относится къ этому дѣлу.

Къ тому, что я раньше сказалъ о говѣніи, прибавлю, что придаю ему еще значеніе нѣкотораго подкрѣпленія и ободренія немощнаго духа.

Я крайне радъ, что познакомился съ М. И., А. М. и окружающими ихъ людьми. Я давно уже чувствовалъ неудовлетворенность теперешними порядками и строю церкви,—и вдругъ встрѣтилъ единомышленниковъ, которые, какъ и я, хотятъ обновленія церковныхъ уставовъ. Сколько вѣковъ существуетъ православная церковь, а, между тѣмъ, до сихъ поръ пользуется старинными обрядами и не вводитъ никакихъ улучшеній въ свои порядки, хотя въ этомъ ощущается настоятельная необходимость. Зачѣмъ же примыкать къ нынѣшней церкви, когда въ ней очень много плохого и устарѣлаго и совсѣмъ мало хорошаго?

«Гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ и Я». Самъ Спаситель указываетъ намъ путь, какимъ мы можемъ исполнять Его волю, если въ окружающемъ насъ обществѣ не находимъ себѣ поддержки и сочувствія. Неужели мы не обязаны удовлетворить запросы массы людей, которые рвутся всей душой къ новой правдѣ и новой жизни? Ты самъ видишь, что у насъ ни одинъ пастырь не можетъ не подчиниться вліянію мірскихъ, государственныхъ цѣлей. Что-же? Подлаживаться подъ общее настроеніе и служить постороннимъ цѣлямъ, или рѣзко порвать съ ними и встать на защиту имени Христова? Сомнѣній быть не можетъ! Нечего колебаться и оправдывать себя тѣмъ, что я, можетъ быть, ошибаюсь и не могу понять—по слабости своей вѣры и разумѣнія—всѣхъ дѣйствій церкви. Все это—ухищренія вступающаго въ компромиссъ ума, а совсѣмъ не голосъ сердца...

Христосъ съ тобой!

Твой В.

III.

Дорогой В!.. Отъ церкви мнѣ отдѣляться некуда—это вопросъ для меня разъ навсегда порѣшенный. И какъ бы ни приходилъ я въ недоумѣніе отъ тѣхъ или иныхъ сторонъ ея жизни, я вѣрю, что она же сама и выведетъ мой умъ на прямую дорогу. А главное это то, что нигдѣ, кромѣ церкви, не найду я въ большей полнотѣ сохраненной христіанской истины. Здѣсь двухтысячелѣтній опытъ, это—лучшій изъ учителей и руководителей. Скажи мнѣ: что мнѣ дать, вмѣсто церковныхъ истинъ, толстовство или какая бы то ни была другая секта? Тамъ я найду только искаженное произвольными выкройками Евангеліе и никакого почти религіозно-православнаго опыта. Пусть даже онѣ правы въ своихъ нападкахъ на современное состояніе церкви, пусть нѣкоторыя сужденія ихъ подходятъ къ словамъ Христа, но *духа* Христова я въ нихъ не вижу. Плоды духа: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. Съ людьми этого духа всѣмъ легко и отрадно, и они всѣхъ утѣшаютъ и всякой душѣ даютъ радость... Таковы и были, не говоря уже о Спасителѣ и апостолахъ, наши русскіе—св. Тихонъ Задонскій, Димитрій Ростовскій, Серафимъ Саровскій, еп. Теофанъ и другіе; имѣвшіе и имѣющіе совершенство духа и другимъ помогавшіе его достигать. А гдѣ у толстовцевъ это совершенство духа? Я вижу у нихъ увлеченіе мнимою вѣрностью Христу въ одномъ пунктѣ, не соединяемое съ полнымъ развитіемъ духа. Тутъ нѣтъ еще христіанства. Ото всего этого движенія я получаю такое впечатлѣніе, что люди, признавъ нѣсколько пунктовъ или заповѣдей Евангелія за законъ нравственной жизни, фанатически держатся за эти заповѣди, забывая, что закопъ Христовъ не въ буквѣ, а въ развитіи духа, въ очищеніи и проникновеніи святостью. При этомъ я вижу, какъ они преисполнены ненавистью ко всему тому, что отдалается отъ ихъ идеала, и какъ они бываютъ несправедливы въ своей ненависти. Объ этомъ подробнѣе я скажу ниже.

Итакъ, вотъ въ какое общество перейду я изъ церкви, въ общество, съ которымъ единственная связь у меня можетъ быть только въ принципѣ непротивленія злему. Въ самомъ же глав-

номъ,—въ вопросѣ о вѣроученіи, о Богѣ, о Христѣ, о благодатномъ освященіи человѣка въ таинствахъ,—во всемъ этомъ я останусь одинокъ и притомъ попаду въ общество, никогда не производившее такихъ личностей, какъ, напр., св. Тихонъ. «По плодамъ ихъ, узнаете ихъ».

Церковь, по ихъ мнѣнію, забывшая Христа и наклеветавшая на Него, производитъ, воспитываетъ святыхъ, а эти, гордые послѣдователи якобы Христа, только и сильны своими горделивыми упреками.

Нѣтъ, избави меня Богъ и спаси отъ того, чтобы примкнуть къ толстовцамъ или другимъ сектантамъ!

Замѣчательная черта у нихъ, которою они связаны съ революціонерами: послушай ихъ разсужденія объ общественной жизни,—ничего они въ ней добраго не видятъ: тамъ какой то адъ, всеобщій взаимный обманъ и насиліе, и только вотъ у нихъ—въ кучкѣ сектантовъ—и есть настоящій свѣтъ. Послушай Толстого: правительство держитъ войска, чтобы господствовать надъ своимъ народомъ,—духовенство поддерживаетъ правительство, потому что, утративъ вѣру, желаетъ лишь обманомъ сохранить свое привилегированное положеніе,—солдаты—это какіе то бессмысленные и жестокіе убійцы,—и все такъ. Онъ и мысли не допускаетъ, что всѣ эти люди могутъ нести свои обязанности, понимая ихъ въ высокомъ и благородномъ смыслѣ: можетъ быть не одинъ чпovníкъ, поступающій на службу, думаетъ о служеніи обществу, сознаетъ святость своего долга,—также и солдатъ, и священникъ. Нѣтъ, Толстой все это съ плеча обливаетъ потоками грязи.

Теперь о Даймондѣ. Онъ узокъ еще болѣе Толстого, оттого онъ такъ легко все и рѣшаетъ. Между тѣмъ вопросъ надо рѣшать не на логической почвѣ, а на психологической. Не обращая на это вниманія, онъ часто поражаетъ своей наивностью. Говоря о предосудительности мотивовъ войны, Даймондъ совсѣмъ не говоритъ о тѣхъ случаяхъ, когда война поднимается не изъ-за личныхъ страстей, а изъ состраданія, напр., сѣверо-американская—изъ-за рабства, русско-турецкая—изъ-за угнетенныхъ славянъ, возстаніе Богдана Хмѣльницкаго—изъ-за поруганія родины. Надо съ психологіей справиться. Тутъ было столько самоотверже-

нія, столько любви, сколько, можетъ быть, не имѣютъ въ себѣ многіе изъ защитниковъ непротивленія. Логически они, пожалуй, и правы, но психологически—нѣтъ. Человѣчество по формуламъ не живетъ.

Всѣ эти соображенія приводятъ меня къ заключенію, что толстовцы неправы, что ихъ мораль какая то бѣдная, ихъ требованія—не требованія религіозно-нравственного просвѣщенія, которое дается въ одной церкви. И поэтому, отъ церкви я не отдѣлюсь.

Мы не безусловно защищаемъ противленіе, и проч. под. Въ церковныхъ *идеалахъ* всего этого нѣтъ, но въ своихъ отношеніяхъ къ *несовершеннымъ* своимъ членамъ церковь поддерживаетъ все, направляющееся къ добру. Апостолъ Павелъ зналъ, что Іисусъ Христосъ сказалъ: «не судите»,—однако, онъ не настаивалъ фанатически на этомъ и писалъ Коринѳянамъ только: «зачѣмъ вы судитесь у язычниковъ, судитесь лучше у своихъ, хотя и это плохо, и этого вы бы не должны дѣлать». Такъ и церковь говоритъ: вы—братья, ищите полного мира, но если ваше сердце не выносить рѣзни турками болгаръ, если ваши увѣщанія не дѣйствуютъ, если вы въ негодованіи беретесь за оружіе и силою хотите остановить жестокости, то помогите вамъ Богъ въ вашемъ добромъ намѣреніи.

Нѣтъ, братъ, что ни говори, а слишкомъ узко, психологически узко, думаютъ Толстой и Даймондъ. Поэтому у нихъ не можетъ быть истины. Что же тебя отъ церкви отвлекаетъ къ нимъ? Я не понимаю. Ты не можешь простить церкви ея покровительства государству, и соглашаешься вступать въ общество толстовцевъ, отрицающихъ божественность Христа, спасительность его жизни и страданій, словомъ—отрекаешься отъ христіанства. И замѣть, ты теряешь при этомъ всѣ тѣ благодатныя средства, которыми церковь содѣйствуетъ развитію души человѣческой, и всѣ указанія ея религіозно-нравственного опыта.

Вотъ возьмемъ исповѣдь. Вѣдь ты полагаешь, что исповѣдь есть средство сложить съ себя бремя грѣховъ другому человѣку и получить отъ него всѣ указанія и совѣтъ. Такая исповѣдь ничѣмъ не отличалась бы отъ всякой искренней бесѣды. Исповѣдь есть *сердечное раскаяніе передъ Христомъ*, исповѣданіе своей вины *передъ Нимъ*, совершаемое въ присутствіи *поставленнаго Имъ* свя-

щенника, получившаго власть отъ имени Христа простить мнѣ мою вину; присутствіе *этого* лица помогаетъ большей серьезности моей исповѣди,—иначе я бы отвыкъ и разучился исповѣдываться.

У тебя есть странная фраза: «я не понимаю, какъ и почему человѣкъ, послѣ исповѣди и причастія, освобождается отъ своихъ пороковъ и грѣховъ?» Да развѣ ты этого не испыталъ? Или, можетъ быть, ты только удивляешься и не можешь себѣ объяснить этотъ фактъ? Послѣ исповѣди и особенно послѣ причастія, чувствуешь себя чистымъ отъ своихъ грѣховъ, и ни одной дурной мысли не входитъ въ душу, по крайней мѣрѣ, эти два дня: полная душевная чистота и полный миръ и радость. Это и значить, что Христосъ простилъ и посѣтилъ, коснулся души достойно причастившагося. Душа свѣжа, какъ народившаяся вновь, и чѣмъ дольше сохранишь себя отъ увлеченія пустыми или грѣшными помыслами, тѣмъ дольше сохраняется это чувство свѣжести. Но все-таки оно довольно скоро теряется: слишкомъ много дурныхъ впечатлѣній отовсюду! Они то и грязнятъ снова душу.

Какъ бы хорошо было каждую недѣлю исповѣдываться и причащаться, какъ было въ первые вѣка!

Итакъ, мнѣ кажется, что въ исповѣди существенное—это *открытіе себя Христу* (конечно, съ рѣшимостью не грѣшить впредь), тѣмъ болѣе цѣнное для Него, чѣмъ больше побораешь стыдъ. И Онъ прощаетъ устами священника и Собственнымъ таинственнымъ прикосновеніемъ къ душѣ.

Это—дѣло духовнаго опыта, а не разсужденія. Ты устраняешь этотъ моментъ общенія со Христомъ въ *исповѣди* и еще болѣе тѣснаго *плотскаго* общенія въ *причастіи* и у тебя получается нѣчто, не имѣющее въ себѣ ничего специфически христіанскаго.

Съ исповѣдью и должно совпадать настоящее покаяніе. Бываютъ и въ другое время моменты раскаянія,—и въ такіе моменты хорошо исповѣдывать свой грѣхъ,—но исповѣдь есть итогъ за долгій періодъ своихъ винъ передъ Господомъ, и она не можетъ не быть покаяніемъ.

Храни тебя Господь отъ всякой напасти!

Любящій тебя Н.

Сообщилъ *Теодуль*.

«Когда же люди спали, пришелъ врагъ»...

(Мѣ. 13, 24—25).

(Скорбный листокъ изъ миссіонерскаго дневника).

Послѣ противохлыстовской бесѣды въ 1901 г., въ с. Рыбкинѣ Оренбургскаго у., мѣстный батюшка, о. Н. С—инъ, пригласилъ меня на «отдохновенный» чай. Къ чаю приглашены были и мѣстные ревнители православія изъ прихожанъ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ обратившійся изъ хлыстовства, — крест. Ив. З—инъ. «Чайный» разговоръ былъ нѣкоторымъ продолженіемъ бесѣды. З—инъ оказался человѣкомъ, «выдавшимъ виды» и любопытнымъ собесѣдникомъ.

— Теперь, г. миссіонеръ, — рассказывалъ онъ, — скакуны потише все-таки стали, а раньше-то, лѣтъ за 10, что было, — жутко вспомнить; вниманія на нихъ никто не обращалъ, о миссіонерскихъ бесѣдахъ противъ нихъ и не слышно было; и дѣлали они, что хотѣли: ходили по домамъ со своею нечистою проповѣдью, устраивали всякія радѣнія и творили всякую непотребность. И сколько душъ они соблазнили! Я, грѣшный, тоже побывалъ въ ихъ болотѣ и имѣлъ у нихъ даже за свою книжность почетное званіе «Ивана Богослова».

— Ну и какъ же вамъ Господь помогъ вылѣзть изъ этого болота? спрашиваю.

— Не допустилъ Богъ до гибели, вразумили добрые люди, самъ къ тому-жъ сталъ задумываться, ну и отсталъ отъ хлыстовства, а ужъ насмотрѣлся тамъ всякаго безумства. Дошло вѣдь до того въ нашихъ собраніяхъ, что А. К—ковъ (казакъ Переволоцкаго поселка) сталъ ужъ величать себя «Христомъ», и нѣкоторые безумцы вѣровали въ него. Я въ немъ усумнился: ну, и пошла тогда у насъ на собраніи рукопашная: «Михайло архангелъ» меня въ шею, а я ему въ зубы...

— Какъ же это у васъ случилось такое назиданіе?

— Въ Девятаевкѣ это было. Назначено было у насъ собраніе. Ну, собрались. Порадѣли. Радѣніе хлыстовское ужъ извѣстно вамъ какое. А. К—овъ прямо тогда неистовствовалъ, распинался, поднималъ какъ-то грудь, надувался. И вотъ тутъ онъ и нарекъ себя «Христомъ.» Меня это смутило, и мы повздорили... К—овъ, видите-ли, сталъ изображать собой Христа въ Кесаріи Филипповой и спрашивать насъ по порядку, «за кого мы его почитаемъ». Нѣкоторые отвѣтили ему: «ты Христось». А когда до меня очередь дошла, я сказалъ: «ты переволоцкій казакъ». К—овъ тутъ и разгнѣвался.—Ты, говоритъ мнѣ,—былъ раньше Иванъ Богословъ, а теперь ты Оома невѣрующій. Ну-ка, кивнулъ онъ Михайлѣ Щ—ну,—наведи на него, Михайло архангель, свою грозную трубу. Щ—инъ подходитъ ко мнѣ вострубить: подвелъ онъ меня къ двери «сіонской горницы», да какъ дастъ мнѣ въ шею... я скондыбной выскочилъ въ другую половину избы. Дверь въ «горницу» захлопнули. Вотъ-такъ труба, думаю. Злость меня взяла. Но рѣшилъ плюнуть и и отправиться домой. Ищу шапку. Шапка, оказалось, была въ «горницѣ». Что тутъ дѣлать? Безъ шапки ѣхать холодно: зимой дѣло было, и ѣхать до дома не близко. Приотворяю «горничную» дверь и глазами отыскиваю шапку. «Толцые и отверзится вамъ», безумствуетъ К—овъ, замѣтивъ мое намѣреніе войти въ горницу. Вхожу за шапкой. К—овъ снова вопрошаетъ меня, «за кого я его почитаю». Захвативъ шапку и приготовившись на всякій случай дать отпоръ «трубѣ архангела», я и говорю: «полно тебѣ, А., людей-то морочить, кто-же ты—казакъ Переволоцкаго поселка А. К—овъ.» «Христось» снова даетъ знакъ «Михайлу архангелу» на счетъ грозной трубы. Я тоже засучилъ рукава. И не успѣлъ еще «архангель» какъ слѣдуетъ «вострубить», какъ я ему далъ въ зубы. Ну и пошло тутъ... Вотъ призовите-ка сюда М. Щ—на, да и спросите его на счетъ недостающихъ зубовъ-то и всего прочаго... На другой день видѣлся я и бесѣдовалъ съ «Михайломъ архангеломъ». Щуплый мужиченко М. Щ—инъ производилъ впечатлѣніе душевно-большого: онъ восторженно рассказывалъ о силѣ своей молитвы, о томъ, какъ онъ въ духѣ «пролетѣлъ» 35 верстъ отъ Разсыпной станицы до Рыбкина, чуть не во мгновеніе ока и несъ встрѣтившаго его у села человѣка на одной рукѣ и т. п.

* * *

Въ своихъ кабинетныхъ занятіяхъ, которымъ приходилось удѣлять время отдыха отъ миссіонерской проповѣди, доводилось знакомиться съ не менѣе грустными фактами религіозно-психическаго разстройства «блудныхъ сыновъ» Церкви.

Одинъ «братецъ» изъ дер. Радовки Т. Ч-овъ прогналъ отъ себя законную свою жену А. Ч-ву, отказавшуюся перейти въ скакунство, оставивъ ее безъ всякихъ средствъ: «мужъ мой Т. Ч-овъ, пишетъ по этому дѣлу бѣдная крестьянка ²⁾, пятый годъ тому перешедшій въ разновѣріе, т. е. въ скакуны, не одну ночь не ночуетъ со мной: то пойдетъ къ скакунамъ, то къ нему придетъ дѣвка и ночуетъ съ нимъ, а мнѣ съ нимъ житья нѣтъ, а жила я съ нимъ 10 лѣтъ и было все хорошо, пока онъ не ходилъ въ скакуны». Насколько хлысты въ дер. Радовкѣ не стѣсняются исповѣдывать свое гнусное упованіе, съ прискорбіемъ читаемъ въ рапортѣ священника с. Адамовки о. Л. К-ва. Извѣстный жителямъ Радовки и окрестныхъ поселеній хлыстъ Е. Ивановъ сватаетъ за своего сына А. Ив-ва дочь отставнаго солдата Ив. К-ва А. К-ву и при свидѣтеляхъ клянется въ томъ, что онъ «ни ее, ни своего сына А. И-ва не будетъ тѣснить и сговаривать въ свою вѣру скакунскую». Не долго однако хлыстъ держалъ свою клятву: чуть не въ первый же годъ по женитьбѣ А. Ив-ва на А. К-вой, Е. Ив-овъ «сталъ принуждать сына своего и сноху къ принятію своей вѣры скакунской и, видя ихъ несогласіе, сталъ тѣснить ихъ и обижать». По показанію работника Е. Ив-ва, крестьянина с. Радовки Ѳ. Б-ва, «когда всѣ скакуны мужики, дѣвки и бабы молодые собирались въ домъ Е. Ив-ва и по праздникамъ, и предъ праздниками, и въ будни, и во главѣ съ Е. Ив-вымъ пѣли, кричали, плясали, и руками хлопали и бѣсновались... (чему очевидцемъ былъ Ѳ. Б-овъ), молодые—сынъ и сноха Е. Ив-ва на это время прогонялись въ холодную землянку; у молодыхъ былъ ребенокъ, и вотъ, благодаря такимъ изгнаніямъ въ нетопленую землянку, ребенокъ захворалъ, покрылся весь чирьями и сейчасъ не можетъ поправиться отъ простуды. И это дѣло было не одинъ

²⁾ Заявление ея свящ. о. Л. Кондакову отъ 20 октября 1900 года.

разъ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Отецъ приневоливалъ сына быть скакуномъ, т. е. ходить на ихъ собранія. Сынъ горько плакалъ, жалѣя себя и молодую свою жену и долго на это не соглашался. Тогда отецъ сталъ примѣнять строгія мѣры къ своему сыну и снохѣ, а именно: угрожалъ бить ихъ и отрубить имъ головы, принесъ три хворостины, свилъ ихъ воедино и этимъ хотѣлъ ихъ бить. Тогда сынъ испугался и сталъ ходить на ихъ собранія, а сноха не ходитъ, почему Е. Ив-овъ и сейчасъ ее принуждаетъ и притѣсняетъ. А сейчасъ скакуны собираются почти ежедневно»¹⁾. Сынъ Е. Ив-ва А. Ив-овъ и жена его А. Ив-ва (сноха хлыста Е. Ив-ва), опрошенные 21 января 1901 г. по поводу показаній Ѳ. Б-ва на ихъ отца Е. Ив-ва, заявили при свидѣтеляхъ, что показанія работника Ѳ. Б-ва «чистая правда». А. Ив-ва при семъ прибавила: «свекоръ, уговаривая меня ходить на собранія, говорилъ: зачѣмъ молитесь на иконы, — вѣдь это простая доска, какъ столъ; ходи къ намъ на собранія, у насъ плохого нѣтъ... На одномъ собраніи свекоръ и свекровь мои говорили: когда придетъ батюшка ловить насъ на собраніе, то давайте зарѣжемъ его ножомъ и надсѣмъся надъ нимъ; на это согласились остальные скакуны—И. Ч-овъ, Т. Ч-овъ и, словомъ, все собраніе дало на это согласіе»²⁾. Таковы подвиги хлыста Е. Ив-ва. Другой радовскій хлыстъ К. И-инъ съ неменьшею дерзостью, чѣмъ и Е. Ив-овъ, пропагандируетъ, что «въ цѣлованіи креста онъ совсѣмъ не нуждается, потому что тотъ человѣкъ проклятъ, который цѣлуетъ крестъ»³⁾. Въ станицѣ Разсыпной хлыстовствующие заявляютъ мѣстному священнику о. П. И-му, что они «лучше умрутъ, чѣмъ оставлять свои бесѣдки», что съ поступленіемъ въ хлыстовщину «они не знаютъ за собою грѣховъ», у нихъ на бесѣдкахъ свое причастіе, и благодати болѣе, чѣмъ въ церковномъ причастіи, а къ своимъ родителямъ православнымъ относятся они съ необыкновенною дерзостью, въ глаза говоря имъ, что они имъ родители «только по скотской плоти»⁴⁾. Въ станицѣ Городищенской одна духовная сестричка извѣстнаго хлыста С. У-цакаго, дѣвица М. О-кова, имѣла отъ «духовной» любви тѣлесный плодъ и, разрѣшившись отъ бремени въ

¹⁾ Рапортъ свящ. о. Л. Кондакова отъ 21 января 1901 г. ²⁾ Тоже. ³⁾ Тоже.

⁴⁾ Рапортъ благочиннаго I округа о. Ѳ. Грабилана, отъ 15 ноября 1900 г.

іюнѣ 1900 г., бросила, по собственному признанію, родившагося совершенно здоровымъ младенца въ близъ находившееся отъ ея дома озеро. При допросѣ по этому дѣлу, дѣвица Ов-кова созналась въ своемъ преступленіи и при семъ заявила мѣстнымъ властямъ: «что вы пристаѣли и разспрашиваете меня одну?—Вѣдь насъ такихъ, какъ я, много въ Городищѣ, — всѣ дѣвки, носящія бѣлые платки, одинаковаго со мной поведенія и честности» ¹⁾. Рыбкискія «сестрички» дѣвицы своихъ тѣлесныхъ чадъ духовной любви или спроваживаютъ въ другое село ²⁾, или выдаютъ ихъ за дѣтей своихъ замужнихъ сестеръ, и тѣ соглашаются на это, якобы во исполненіе словъ апост. Павла: «другъ друга тяготы носите» ³⁾, а чаще всего бываетъ такъ: «беременная сестричка сидитъ дома, отъ всѣхъ прячется или уѣзжаетъ погостить мѣсяцевъ на пять и, конечно, къ своимъ же и является потомъ во свояси, какъ ни въ чемъ не бывала ⁴⁾. Въ станціѣ Краснохолмской одинъ изъ хлыстовъ Т. Д-ковъ открыто высказываетъ, «что супружеская жизнь есть грѣхъ» Описывать всѣ мерзопакости «людей божіихъ», промѣнявшихъ вѣру Христову на «ученіе бѣсовское» (1 Тим. 4, 1—3), ругающихся надъ христіанскою нравственностью и христіанскою семьею и публично поносящихъ служителей Христовыхъ — пастырей Церкви, было бы слишкомъ длинною повѣстью о томъ, «о немъ же срамно есть глаголати». И сколько простыхъ и невѣжественныхъ душъ захлебывается въ нечистотахъ хлыстовства! Недугуютъ ересью «людей божіихъ» въ одномъ, напр., Оренбургскомъ уѣздѣ до 25 поселеній. Ею заражены, насколько намъ извѣстно достоверно, станицы: Городищенская, Разсыпная, Краснохолмская, Нижне-Озерная, поселки: Перовскій, Переволоцкій, Дедуровскій, Никольскій, Капитановскій, села: Рыбкино, Покровское, Землянское, Дѣдово, Кулагино, Черепановское, Абрамовское, деревни: Александровка, Девятаевка, Радовка, Козловка и друг. Во всѣхъ поименованныхъ поселеніяхъ, хотя не въ одинаковомъ количествѣ, есть «скакуны» со всѣми типическими особенностями хлыстовскаго

1) Рапортъ свящ. с. Рыбкина о. Н. Сироткина, отъ 14 марта 1900 г.

2) См. нашу статью «По дебрямъ сектантства». Оренб. Епарх. Вѣдом. 1899 г. № 20.

3) Рапортъ свящ. о. Н. Сироткина отъ 14 марта 1900 года.

4) Рапортъ причта Красн. церкви отъ 22 ноября 1900 года.

упованія. Чадъ православной церкви они называютъ и считаютъ «мірскими», себя «духовными», «чистыми», «святыми» и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «чуть-чуть не богами» (дер. Радовка). На большихъ бесѣдахъ у нихъ бываютъ радѣнія со всѣми видами хлыстовскаго бѣснованія: по свидѣтельству лицъ, которымъ приходилось быть очевидцами хлыстовскихъ собраній (дер. Радовка), «братцы и сестрички» приходятъ въ изступленіе: «кто рыдаетъ, кричитъ, кто реветъ, кто свиститъ, кто прыгаетъ, кто съ пѣной у рта бормочетъ несвязныя слова» (въ дер. Радовкѣ такимъ образомъ пророчествуетъ 15-лѣтняя дѣвочка). На разспросы очевидцевъ касательно этихъ неистовствъ «братцы» отвѣчаютъ, что они сами не знаютъ, что съ ними бываетъ: «одолѣваетъ какая-то тоска, и тогда уже самъ не знаешь, что дѣлаешь» (дер. Радовка). «Удостоиваются» якобы хлысты на своихъ собраніяхъ и небесныхъ видѣній: «разсыпнинскіе сектанты съ грустью и слезами рассказывали совращаемымъ ими въ хлыстовство Р-нымъ, что они на собраніи видѣли, какъ вѣпцы Р-ныхъ поднялись на небо, откуда было спустились на нихъ» ¹⁾ Плотское общеніе «по духовной любви» братцевъ и сестрицъ фактъ несомнѣнный. Есть у Оренбургскихъ братцевъ и сестрицъ и своя организація съ пророками и христами. Пророки утверждаютъ прозелитовъ хлыстовства въ ихъ новомъ званіи. Пророковъ хлысты вводятъ въ домъ и изводятъ изъ дома подъ руки и вообще окружаютъ великимъ религіознымъ почетомъ ¹⁾.

То, что намъ приходилось наблюдать, слышать и читать (въ официальныхъ донесеніяхъ церковныхъ пастырей) касательно хлыстовщины въ Оренбургской епархіи, не новостъ для миссіонеровъ и нѣкоторыхъ другихъ епархій. И оттуда намъ шлютъ сообщенія не болѣе утѣшительнаго характера. Хлыстовщина—это религіозная психопатія на половой почвѣ: болящая душа и страсть плоти здѣсь уживаются подъ однимъ знаменемъ—служенія Богу. И тутъ ея демоническая сила: дѣйствительное служеніе веляру и мнимое Богу въ хлыстовщинѣ «срѣтостася и облобызастася».

Н. Гринякинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Рапортъ свящ. П. Ильинскаго отъ 20 апрѣля 1900 г.

ИЗЪ МИССИОНЕРСКОЙ ПОЛЕМИКИ.

Бесѣда съ «адвентистами седьмого—субботняго дня», о субботѣ и воскресномъ днѣ.

Въ приходѣ села Н—евки среди штундистовъ-воскресниковъ появилось „новшество“: все громче и громче стали толковать о *субботѣ*. По рукамъ заходили многочисленныя брошюры и книжки „Международнаго Трактаднаго Общества“, какъ то: „Библейскія чтенія о настоящей истинѣ“ и др.¹⁾ Повсюду на селѣ заговорили, что въ ближній городъ пріѣхалъ и тамъ проживаетъ безъ всякаго дѣла какой то нѣмецъ Іоганъ Перкъ ²⁾, который и раздастъ крестьянамъ сектантскія книжки и тайно бесѣдуетъ съ главарями штундистскихъ общинъ. Наконецъ, одинъ изъ Н—евскихъ штундистовъ, богатый подрядчикъ-каменотесъ Романъ Муркинъ, человѣкъ бездарный, но крайне честолюбивый, изъ тѣхъ, которые любятъ, чтобы ихъ „ядраву не перечили“, открыто заявилъ своимъ „братьямъ“, что нужно праздновать „субботу“. Отъ словъ Романъ вскорѣ перешелъ къ дѣлу. Въ интересахъ субботы онъ сталъ усиленно пользоваться своею властью надъ бѣдными „наймитами“ изъ мѣстныхъ и пришлыхъ крестьянъ, которые тесали у него камни и матеріально зависѣли отъ него. Подъ „пресвитерствомъ“ этого въ своемъ родѣ „Глытая ажоужъ паука“ суббота въ Н—евскомъ приходѣ быстро пошла въ ходъ...

Вслѣдъ за *субботой* Романъ сталъ вводить и другія „новшества“: „вѣрьте, говорилъ онъ своимъ „братьямъ“, что Христосъ явится очень скоро, не далѣе, какъ въ нашемъ поколѣніи, точнѣе въ 1945 году. Наканунѣ Его пришествія всѣ невѣрующіе, т. е., не принадлежащіе къ нашей общинѣ, будутъ истребляться шестью Апокалипсическими язвами, а затѣмъ окончательно будутъ уничтожены седьмою язвою. Послѣ этого Хри-

1) «Междунар. Тракт. Общ.» представляетъ собою одну изъ двухъ главныхъ миссіонерскихъ организацій адвентистовъ (другая—это «Международн. союзъ субботнихъ школъ»), управленіе которыми сосредоточено въ Баттле-Креекѣ, въ Сѣверной Америкѣ и которыя имѣютъ свои отдѣленія: въ Гамбургѣ, Базелѣ, Лондонѣ и Россіи. Въ Россіи они имѣютъ и свою «печатницу *Побѣду*», гдѣ печатаютъ на русскомъ языкѣ свои произведенія, какъ, напр.: «Уроки о святыхъ». 1903 г.»

2) По всей вѣроятности это—«коль-портеръ» Брит. Библ. Общ., дѣятельно насаждавшій адвентизмъ въ Прибалтійскомъ краѣ, особенно среди латышей.

стость со святыми, т. е., съ принадлежащими къ нашей вѣрѣ, которыхъ будетъ 144,000, вознесется на планету, но не на небо, гдѣ будетъ царствовать съ ними 1000 лѣтъ. За это время святыя въ книгахъ распишутъ всѣмъ умерщвленнымъ семью язвами наказанія, каждому по его дѣламъ. По прошествіи 1000 лѣтъ снова явится Христосъ, и мертвые воскреснутъ и каждый изъ нихъ получитъ назначенное ему по книгѣ святыхъ наказаніе и будетъ нести его вѣчно, а святыя водворятся со Христомъ въ обителяхъ Отца и также на вѣки“...

Правда, подневольные „братья“ Романа слушали такія рѣчи съ улыбкой: „на планиду, такъ и на планиду, говорили остряки, только долго сидѣть то на этой самой планидѣ,—шутка сказать: 1000 -лѣтъ! Чтобы Роману побавить немного!.. Та нехай бы онъ самъ и въ книгахъ наказанія расписать, а то и работа намъ лишняя, да къ тому-жъ мы и неграмотные“... Но открыто перечить Роману никто изъ нихъ не рѣшался. А Романъ велъ свою линію. Онъ строго требовалъ отъ своихъ „наймитовъ“ работы въ *воскресные* дни и полного покоя въ *субботы*. Послушныхъ всячески поощрялъ и награждалъ, протестантамъ мстилъ. Довело дѣло до того, что *суббота* стала въ приходѣ злобою дня. Нашлись у Романа и сподвижники, которые въ своей ревности постоятъ за субботу опередили и самого Романа. Нужно было дать всѣмъ этимъ коммерсантамъ на почвѣ религіи энергичный отпоръ и при томъ въ такой формѣ, чтобы неправоту ихъ ученія услышать весь приходъ. Лучшимъ средствомъ для этого являлась публичная бесѣда съ сектантами.

Къ сожалѣнію, вожаки-субботники всячески избѣгали даже частныхъ бесѣдъ съ миссіонеромъ. Одни изъ нихъ выѣзжали изъ прихода на все время пребыванія тамъ миссіонера, другіе ссылались на недосугъ, даже въ субботу. „Галушки варю“, говорила рылая субботница Соломонія, хотя въ субботу варить и не полагалось по Писанію!..

Наконецъ, мнѣ удалось не только побывать на субботнемъ собраніи сектантовъ и тамъ бесѣдовать съ ними, но и устроить публичную съ ними бесѣду, въ присутствіи массы православныхъ крестьянъ.

Въ предлагаемой бесѣдѣ исчерпано все, что говорили въ защиту субботы сами сектанты и что говорилось въ обслуживающей ихъ подпольной печатной литературѣ¹⁾.

А) О субботѣ.

1) Какъ же намъ не чтить субботу, говорилъ мнѣ коренастый субботникъ, Петръ Пестряковъ, самый начитанный въ Писаніи изъ мѣстныхъ сектантовъ, когда *Самъ Богъ еще въ раю далъ людямъ заповѣдь праздновать седьмой день, или день субботній!*

¹⁾ Для удобства изложенія данныя сектантской литературы и выраженія собственно сектантовъ влагаются въ уста одного лица П. Пестрякова.

Я попросилъ Петра найти такую заповѣдь въ Св. Писаніи. Петръ, открывъ Библію, громко и самоувѣренно сталъ читать: „и совершилъ Богъ къ седьмому дню дѣла Свои, которыя Онъ дѣлалъ, и почилъ въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя дѣлалъ. И благословилъ Богъ седьмый день -- и освятить его; ибо въ оный почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя Богъ творилъ и созидалъ“ (Быт. 2, 2—3). Разъ Богъ благословилъ и освятить седьмой день, такъ намъ и нужно его праздновать, заключилъ Петръ и вызывающе посмотрѣлъ на меня...

Нѣтъ, отвѣчалъ я. Въ Писаніи не сказано, чтобы Богъ въ раю повелѣлъ первымъ людямъ, а съ ними и намъ праздновать седьмый день и это ты, Петръ, сочинилъ отъ себя, что нехорошо, такъ какъ своимъ вымысломъ ты еще извратилъ и мысль Св. Писанія. Въ прочитанномъ тобою мѣстѣ изъ книги Бытія говорится только о томъ, что Богъ благословилъ и освятить седьмой день, потому что въ этотъ день почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя творилъ и созидалъ. Какъ видишь, здѣсь и рѣчи нѣтъ о людяхъ, нѣтъ и никакой заповѣди людямъ. Когда бытописатель желаетъ показать, что слова Бога относятся къ людямъ, въ частности, къ первозданнымъ, то ясно пишетъ: „и благословилъ *ихъ* Богъ, и сказалъ *имъ* Богъ“... или еще: „и заповѣдалъ Господь Богъ *человѣку*“... (Быт. 1, 28; 2, 16). Но въ прочитанномъ тобою мѣстѣ этого нѣтъ. Слѣдовательно, нельзя учить, что „Богъ въ раю освятить и благословилъ седьмой день *для людей*“. Нельзя такъ учить еще и потому, что благословеніе и освященіе седьмого дня не только стоитъ въ полной зависимости отъ покоя, но и заключается въ этомъ покоѣ, безъ котораго оно и немислимо (ср. Исх. 20, 8—11). Но кто же почилъ отъ дѣлъ творенія и созиданія: люди или Богъ? Писаніе ясно говоритъ, что Богъ, такъ какъ первые люди не только ничего не творили и не созидали, а и сами были сотворены (Быт. 1, 26). А если покой относится только къ Богу, то ясно, что „и благословилъ Богъ день седьмый и освятить его только *для Себя*, т. е., покоемъ отъ дѣлъ творенія Онъ отличилъ для Себя день седьмый. Выѣстъ съ Богомъ раздѣлили этотъ покой и Тѣ, Кому Богъ сказалъ: „сотворимъ челоѣка по образу Нашему и по подобію Нашему“... (Быт. 1, 26), посему *и для Нихъ* Богъ благословилъ и освятить день седьмый. Но здѣсь и ты, Петръ, видишь не людей, которыхъ еще и не было, а второе и третье Лица Св. Троицы. Въ этомъ же насъ убѣждаетъ и внѣшняя форма выраженій бытописателя. Когда у него идетъ рѣчь о первыхъ людяхъ, онъ прямо называетъ ихъ, такъ что ясно видно, кому Богъ сказалъ, или для кого Богъ заповѣдалъ, благословилъ, освятить... А когда рѣчь идетъ о Лицахъ Св. Троицы, то онъ прикровенно указываетъ ихъ въ краткой формѣ рѣчи, говоря лишь: „и сказалъ Богъ... и благословилъ Богъ и освятить...“ (Быт. 1. 26; 2. 2—3). Такимъ образомъ, ясно, что въ раю Богъ не давалъ людямъ заповѣди праздновать день седьмый или субботній. Напротивъ, Онъ

повелѣлъ первому человѣку воздѣлывать и хранить садъ Эдемскій, безъ исключенія, во всѣ дни (Быт. 2. 15) и, если бы Адамъ пожелалъ въ седьмой день покоиться, то это было бы нарушеніемъ повелѣнія Господняго: „воздѣлывать и хранить Эдемскій садъ“. И послѣ, когда Адамъ согрѣшилъ, то Богъ осудилъ его на добываніе себѣ хлѣба въ потѣ лица во всѣ дни жизни его на землѣ, изъ которой онъ взять (Быт. 3. 17—19. 23). Вотъ почему нигдѣ въ Писаніи не видно, чтобы люди до Моисея (Исх. 16 гл.) праздновали субботу, или чтобы до Моисея Богъ обличалъ и грозилъ людямъ наказаніями за нарушеніе субботняго покоя. Все это потому, что до Моисея Богъ не давалъ людямъ заповѣди праздновать субботу.

— А почему же Моисей пишетъ: „помни день субботній“ (Исх. 20. 8)... „если „*помни*“, то, значить, заповѣдь о субботѣ уже была у евреевъ до Моисея, возразилъ мнѣ Пестряковъ.

— Нѣтъ, Петръ! Опять ты неправильно истолковалъ Писаніе. Моисей словомъ „*помни*“ указывалъ сынамъ Израилевымъ не на то, что заповѣдь о субботѣ была дана имъ до него, а на то, что *она*, по повелѣнію Бога, уже далъ имъ эту заповѣдь и что въ десятословіи она лишь повторяется, напоминаетъ. И дѣйствительно, въ Писаніи ясно сказано, что впервые Господь далъ израильтянамъ заповѣдь о субботѣ чрезъ Моисея еще въ пустыни Синѣ (Исх. 16. 23, 29—30), такъ что на горѣ Синаѣ въ десятословіи она лишь была повторена.

— Ну, а почему же самъ Моисей говорить, что сыны Израилеви должны праздновать субботу, потому что Господь почилъ въ день седьмый? Выходить, какъ будто евреи праздновали субботу со дня покоя Господня?.. — нерѣшительно замѣтилъ Пестряковъ.

— Ошибаешься, Петръ! Моисей въ десятословіи лишь указываетъ, что данный чрезъ него Богомъ израильтянамъ день покоя будетъ напоминать имъ и покой Господень. Какъ Господь въ седьмый день почилъ отъ работы творенія, такъ и израильтяне въ седьмой день почиваютъ отъ работы въ Египетскомъ рабствѣ (Второз. 5, 15): здѣсь совпаденіе лишь въ численномъ порядкѣ дня—„*седьмый*“; но у Господа покой имѣетъ свое значеніе, а у израильтянъ свое. Вотъ почему израильтяне и стали впервые праздновать субботу лишь по выходѣ изъ Египетскаго рабства (Исх. 16, 30). Такъ что теперь и тебѣ, Петръ, должно быть ясно, что ни въ раю, ни послѣ—до Моисея, Богъ не давалъ людямъ заповѣди праздновать субботу.

2) Ну, пусть будетъ по вашему, уже безъ задора проговорилъ Пестряковъ. А все же я буду праздновать субботу, хотя бы потому, что *4-я заповѣдь десятословія мнѣ это повѣлываетъ* (Исх. 20, 8—10).

— Вотъ и прекрасно, что отъ перваго своего основанія въ пользу празднованія субботы ты уже отказался. Поэтому я перейду къ разсмо-

трѣннiю новаго, по счету второго, основанiя, которымъ ты защищаешь свою субботу ¹⁾).

— Я прежде всего спрошу тебя, Петръ, почему ты ссылаешься на 4-ю заповѣдь десятословія? Развѣ ты признаешь необходимымъ исполнять 10 заповѣдей по буквѣ Ветхозавѣтнаго Писанiя? Тогда почему ты не исполняешь съ буквальною точностью и другихъ заповѣдей того же Ветхаго Писанiя?

— Никакихъ другихъ заповѣдей въ Ветхомъ Завѣтѣ я не знаю, съ жаромъ заговорилъ Петръ, и вы не смѣшивайте все въ кучу: *заповѣдями* называется только десятословіе, а все остальное, полученное еврейскимъ народомъ отъ своихъ вождей, называется *закономъ*. Законъ мнѣ не нуженъ, онъ отмѣненъ Христомъ и Апостолами, а заповѣди даны людямъ навсегда. Самъ Христосъ сказалъ: „кто нарушитъ одну изъ заповѣдей сихъ малѣйшихъ и научить такъ людей, тотъ малѣйшимъ наречется въ Царствѣ Небесномъ; а кто сотворитъ и научить, тотъ великимъ наречется въ Царствѣ Небесномъ“ (Мѡ. 5, 19).

— Глубоко неправъ ты, Петръ, въ своемъ толкованiи Писанiя, отвѣчалъ я. Ни Моисей, ни Христосъ, ни св. апостолы не дѣлали такого различiя между закономъ и заповѣдями, разумѣя иногда подъ закономъ совокупность всѣхъ заповѣдей и постановленiй, а вообще употребляя слова: „законъ“, „заповѣдь“ и рѣже: „завѣтъ“, „слова Божіи“ и др. безъ различiя, одно вмѣсто другого. Объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ намъ книги: Исходъ (наприм. 16, 24, 31, 34, 35 главы) и Второзаконіе (4, 6, 10 гл.) и св. апостолъ говоритъ, что преступившій заповѣдь: „не убій“—преступникъ закона (Іак. 2, 10—11) ²⁾. Точно также и приведенныя тобою слова Христа касаются не только десятословія, но и всего „закона и пророковъ“; посему Христосъ тамъ же перечисляетъ не только заповѣди десятословія, но и многія другія заповѣди, которыя „сказаны древнимъ“ (см. Мѡ. 5. 17—7 гл.). При этомъ еще замѣть, Петръ, что Христосъ отнюдь не сохраняетъ букву древнихъ заповѣдей, не исключая и десятословія. Такъ что приведенное тобою основаніе въ пользу исполненiя буквы только десятословія опровергается самымъ Писанiемъ. И ты долженъ согласиться, что если праздновать субботу по буквѣ 4-й заповѣди, то нужно тогда исполнить и весь древній законъ, въ которомъ есть заповѣди и

¹⁾ На первомъ основанiи субботники особенно настаиваютъ, потому что второе ведетъ ихъ, какъ увидимъ ниже, въ такія дебри взаимныхъ противорѣчiй, что они прибѣгаютъ къ нему лишь въ самыя критическія минуты. Между тѣмъ, первое основаніе, какъ взятое изъ исторiи до *появленiя* закона Моисеева, сразу освобождаетъ ихъ отъ критики, по меньшей мѣрѣ, двухсмысленнаго ихъ отношенiя къ тому закону, на который они же опираются, потому что и рѣчь объ этомъ законѣ ими не заводится.

²⁾ См. еще Римл. 7 гл.

большія десятословія (Мо. 22, 37—40), потому что согрѣшившій даже въ одномъ чемъ-нибудь изъ закона, виновенъ противъ всего закона (Іак. 2, 10; Гал. 3, 10). Слѣдовательно, или соблюдай по буквѣ весь древній законъ, или согласишься, что соблюденіе одной только субботы съ твоей стороны есть также беззаконіе, потому что подвергаетъ тебя клятвѣ закона (Гал. 3 гл.), который ты соблюденіемъ субботы признаешь для себя обязательнымъ.

Петръ задумался. Наконецъ, онъ вспомнилъ новый выходъ изъ затруднительнаго положенія, подсказанный ему „Библейскими чтеніями о настоящей истинѣ“ (№ 20).

— Пусть будетъ по вашему, утирая съ лица потъ и подтягиваясь снова заговорилъ Пестряковъ. Пусть Писаніе не отличаетъ десять заповѣдей отъ закона и называетъ также и десятословіе закономъ. Пусть въ законѣ есть еще много и другихъ заповѣдей. Словомъ,—пусть я буду неправъ, строя защиту субботы на различіи словъ: „заповѣдь“ и „законъ“... Но вотъ въ слѣдующемъ я обязательно буду правъ. Писаніе намъ ясно говоритъ о *двухъ законахъ*. Одинъ—это законъ Божій, а другой—Моисеевъ: „и не дамъ впредь выступить ногѣ Израильянина изъ земли, которую Я далъ отцамъ ихъ, читаемъ въ 4-й книгѣ Царствъ, если только они будутъ стараться поступать согласно со всѣмъ тѣмъ, что Я повелѣлъ имъ, и со всѣмъ закономъ, который заповѣдалъ имъ рабъ Мой, Моисей“ (21, 8). Закономъ Божиимъ называется тотъ законъ, который данъ Самимъ Господомъ сынамъ израилевымъ, когда Богъ говорилъ имъ собственно Своимъ голосомъ. Затѣмъ, Господь написалъ этотъ законъ на двухъ каменныхъ скрижаляхъ Своимъ перстомъ и назвалъ ихъ десятословіемъ. Больше десяти словъ, или заповѣдей, Господь не говорилъ. Эти заповѣди, или двѣ скрижали каменные, по повелѣнію Господа, были положены на храненіе въ ковчегъ (см. Исх. 20. 1, 18—21; 24. 12; 31. 18; 32. 16; 34. 1, 28; Второз. 4. 11—13; 5. 4. 5, 22; 9. 9, 10; 10. 1—5). Когда же израильтяне стали нарушать законъ Божій, то Моисей *отъ себя* далъ имъ законы, въ которыхъ указывалъ, какая казнь полагается за нарушеніе заповѣдей Господнихъ и какъ имъ очистить себя отъ грѣха или преступленія противъ заповѣдей. Всѣ *свои* постановленія Моисей послѣ записалъ въ особую книгу, которую и назвалъ „Второзаконіемъ“, т. е. вторымъ закономъ. Эта книга, по повелѣнію Моисея, должна была лежать одесную ковчега завѣта и свидѣтельствовать противъ Израильтянъ (Второз. 31. 24—26). Такъ что, когда израильтянинъ сдѣлаетъ преступленіе противъ какой-либо заповѣди, хранящейся въ ковчегѣ, то книга Второзаконія свидѣтельствуетъ всѣмъ объ его грѣхѣ и указываетъ, какъ долженъ быть смытъ грѣхъ противъ заповѣди. Намъ теперь законъ Моисея не нуженъ: во-первыхъ, потому что имъ никто не оправдался предъ заповѣдями Божиими и никто при его помощи не достигъ

совершенства; напротивъ, израильтяне, не будучи въ силахъ исполнить постановленія Моисеева закона, навлекли еще на себя проклятiе этого закона (Галат. 3 гл.); во-вторыхъ, потому что мы, христiане, уже не подъ закономъ, а подъ благодатью Христовой (Римл. 6. 14) и Христосъ не только искушилъ насъ отъ клятвы Моисеева закона (Гал. 3. 13), но и освободилъ насъ Своею смертію отъ самаго закона (Римл. 7. 6). Если мы теперь согрѣшимъ противъ закона Божьяго, т. е. десятословія, то уже будемъ оправдываться предъ нимъ не закономъ Моисея, а ходатайствомъ за насъ Христа. Вотъ почему мы не принимаемъ изъ Ветхаго Завѣта другого закона, или закона Моисеева, въ составъ котораго входятъ всѣ заповѣди, всѣ постановленія и всѣ завѣты, кромѣ десятословія. Десятословіе же, какъ законъ Господа, мы пріедемъ и исполняемъ съ буквальной точностью: во-первыхъ, потому что Богъ повелѣлъ еще израильтянамъ исполнять Его десять словъ или заповѣдей безъ прибавленія и убавленія и при томъ во всѣ дни жизни ихъ на землѣ (Второз. 4. 2. 10, 13); во-вторыхъ, потому что Христосъ Самъ исполнялъ законъ Бога и училъ, что ни одна іота или ни одна черта не пройдетъ изъ этого закона, такъ что хотящій войти въ жизнь вѣчную прежде долженъ соблюсти десять заповѣдей“ (Мѡ. 5. 17—18; 19. 17). Также и ап. Іоаннъ пишетъ: „ибо это есть любовь къ Богу, чтобы мы соблюли заповѣди Его. И заповѣди Его не тяжки“ (1 Іоан. 5. 3). Къ тому же исполненію закона Божьяго зоветъ насъ и ап. Іаковъ (2. 8—12) ¹⁾. На этомъ Петръ прервалъ свою рѣчь и вызывающе посмотрѣлъ на меня...

— Такимъ образомъ, ты, Петръ, теперь построилъ защиту субботы на различіи уже двухъ законовъ: Божьяго и Моисеева, отвѣчалъ я. Подъ Божьимъ закономъ ты разумѣешь только десятословіе и утверждаешь, что кромѣ десяти словъ, Богъ ничего не говорилъ и не давалъ. Все остальное, что мы находимъ въ Ветхомъ Писаніи, далъ якобы Моисей отъ себя и при томъ тогда, когда израильтяне начали грѣшить противъ десятословія. И вотъ Божій законъ ты принялъ, потому что такъ повелѣваетъ-де Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта, а Моисеевъ отринуть, опять таки на основаніи того же Писанія. Разберемъ же сказанное тобою.

Прежде всего нигдѣ въ Писаніи мы не находимъ, чтобы Моисей давалъ израильтянамъ какой-либо законъ *отъ себя, какъ свой*. Если гдѣ и говорится: „законъ Моисеевъ“ или „законъ, который заповѣдалъ Моисей“, то это не значитъ, что самъ Моисей сочинилъ его, а—что этотъ законъ данъ Богомъ чрезъ Моисея. Въ доказательство того, что есть у Моисея свой законъ, ты приводишь слова Христа: „если въ субботу принимаетъ человекъ обрѣзаніе, чтобы не былъ нарушенъ законъ Моисеевъ“... (Іоан.

¹⁾ См. всѣ эти доводы и въ «Библейскихъ чтеніяхъ о настоящей истинѣ» № 20: «Два Закона» и № 19: «Законъ Божій».

7, 23). Но здѣсь за буквой Писанія ты проглядѣлъ смыслъ его. Выше однимъ стихомъ Христосъ говоритъ: „Моисей далъ вамъ обрѣзаніе“... Значить-ли это, что Моисей отъ себя установилъ обрѣзаніе? Нѣтъ, ибо обрѣзаніе было дано за-долго до Моисея, и Самъ Христосъ сейчасъ-же добавляетъ: „хотя оно не отъ Моисея, но отъ отцевъ“... Слѣдовательно, законъ объ обрѣзаніи отнюдь не сочиненъ Моисеемъ. Но почему-же онъ названъ „Моисеевымъ“? Да потому, почему названъ и закономъ „отцевъ“. Извѣстно, что обрѣзаніе впервые введено отцомъ Авраамомъ (Быт. 17 гл.). Но Авраамъ не самъ сочинилъ законъ объ обрѣзаніи, а чрезъ него Богъ передалъ людямъ этотъ Свой законъ или завѣтъ (Быт. 17, 10—13). Посему, когда Спаситель говоритъ, что законъ объ обрѣзаніи „отъ отцевъ“, то это значить, что онъ данъ Богомъ чрезъ отцевъ. Точно также, когда Христосъ назвалъ тотъ-же законъ „Моисеевымъ“, то это значить, что законъ объ обрѣзаніи повторенъ Богомъ чрезъ Моисея, какъ и читаемъ объ этомъ въ книгѣ Левитъ: „и сказалъ Господь Моисею“... (12, 1—3). Нѣтъ также основаній для отличія закона Божьяго отъ Моисеева и въ приведенной только выдержкѣ изъ 4 Цар. 21, 8. Вѣдь здѣсь не сказано, что Моисей заповѣдалъ израильтянамъ законъ отъ себя, какъ свой. Наоборотъ, Моисей названъ рабомъ Божиимъ, а рабъ творить волю не свою, а господина своего. Такъ что Моисей, если давалъ законъ, то не свой, а Божій. Посему въ книгѣ Паралипоменонъ, гдѣ приводится то-же самое мѣсто, и сказано: „что Я заповѣдалъ имъ, по всему закону и уставамъ и повелѣніямъ, даннымъ рукою Моисея“ (2 кн., 33 гл. 8 ст.). Моисей былъ лишь посредникомъ въ дѣлѣ передачи словъ Божіихъ народу, а не законодателемъ, какъ о томъ говоритъ Самъ Богъ (Второзак. 18, 15—18). Вотъ почему и вся книга „Второзаконія“ называется Моисеемъ „заповѣдами, законами и постановленіями“, которыя *Самъ Богъ* далъ израильтянамъ во время завѣта съ ними на горѣ Хоривѣ и въ землѣ Моавитской и во время клятвеннаго договора съ ними (Второз. 28, 1. 58; 29, 1. 12; 31, 9. 19. 24—26). Вотъ почему въ этой „книгѣ закона“ (Вторз. 31, 24—26) мы находимъ и „книгу завѣта“, написанную Моисеемъ раньше и въ которую онъ занесъ слова завѣта на горѣ Хоривѣ и все то, что Богъ далъ чрезъ него израильтянамъ къ исполненію послѣ Хоривскаго завѣта до самой смерти Моисея (Исх. 24 гл. Второзак. 18, 15—18; 29, 1. 9. 12). Посему-то на „книгу закона“, написанную Моисеемъ, всегда смотрѣли, какъ на собраніе того, что Богъ заповѣдалъ Израилю (Неем. 8, 1) чрезъ Моисея и называли ее не только „*книгою закона Моисеева*“, но еще иначе „*книгою закона Божія*“ (Неем. 8, 1. 8. 14. 18). Отсюда ясно, что нѣтъ никакихъ основаній къ отличенію закона Божьяго отъ закона Моисеева. У израильтянъ былъ одинъ законъ—это „*законъ Божій*“ (Неем. 8, 18) и въ составъ его входили и десять заповѣдей и все, что „далъ Господь чрезъ Моисея“ (Неем. 8 14) и что Моисей записалъ въ

своихъ книгахъ. Отъ себя Моисей, какъ пророкъ Божій, ничего не говорилъ, да и права такого не получалъ, ибо истинный пророкъ не долженъ говорить отъ своего вымысла, а долженъ передавать „слова Божіи“ (Второз. 18. 18).

Теперь скажу въ частности. По твоимъ, Петръ, словамъ: Богъ, кромѣ десятословія, ничего не говорилъ и ничего не давалъ. Ты ссылаешься на книгу Второзаконія, гдѣ читаемъ: „слова сіи (т. е., десятословіе) изрекъ Господь ко всему собранію вашему (т. е. собранію израильтянъ) на горѣ изъ среды огня, облака и мрака (и бури) громогласно, и болѣе не говорилъ, и написалъ ихъ на двухъ каменныхъ скрижаляхъ и далъ ихъ мнѣ (т. е., Моисею. См. Второзак. 5, 22)“. Но развѣ здѣсь сказано, что Богъ вовсе ничего и никому кромѣ десяти словъ не говорилъ? Нѣтъ, здѣсь только сказано, что Богъ *громогласно и ко всему собранію израильтянъ* болѣе десяти словъ не говорилъ. Весь остальной Свой законъ Богъ далъ уже чрезъ Моисея и такъ, что все собраніе израильтянъ не говорило съ Богомъ и не слышало Его голоса. Объ этомъ ясно говоритъ намъ то-же Писаніе. Въ книгахъ: Исходъ и Второзаконіе читаемъ, что Господь началъ давать свой Хоривскій завѣтъ народу израильскому громогласно, т. е., громко, говоря лицомъ къ лицу со всѣмъ собраніемъ израильтянъ, такъ что израильтяне слышали голосъ Божій, хотя и стояли у горы. Въ то же время и Моисей, какъ посредникъ между израильтянами и Богомъ, пересказывалъ имъ слова Господни (Исх. 20, 1. 18. 19. Второз. 5, 4. 5. 22). Но израильтяне скоро пришли въ ужасъ отъ видѣннаго и слышаннаго и настолько прониклись страхомъ предъ славою и величіемъ Бога, что сперва отступили и стали вдали, а затѣмъ обратились къ Моисею съ просьбой, говоря: „говори ты съ нами, и мы будемъ слушать, но чтобы не говорилъ съ нами Богъ, дабы намъ не умереть... и что скажетъ тебѣ Господь, Богъ нашъ, пересказывай намъ, и мы будемъ слушать и исполнять“ (Исх. 20, 18. 19; Второз. 5, 27). Господь похвалилъ желаніе народа, такъ какъ увидѣлъ, что народъ убоялся Его, а это было ручательствомъ за то, что израильтяне будутъ исполнять Его заповѣди (Исх. 20, 20; Второз. 5, 28 29). Посему Онъ и повелѣваетъ Моисею: „скажи имъ (т. е. народу): „возвратитесь въ шатры свои“, а ты здѣсь останься со Мною, и Я изреку тебѣ всѣ заповѣди и постановленія и законы, которыми ты долженъ научить ихъ, чтобы они такъ поступали... Это было послѣ того, какъ Господь изрекъ десятословіе (Второз. 5, 30. 31). Такимъ образомъ, мы видимъ, что дѣйствительно Господь громогласно и ко всему Израилу сказалъ только десять словъ, а затѣмъ, по просьбѣ самого Израиля, сталъ давать имъ всѣ остальные заповѣди, постановленія и законы уже въ бесѣдѣ съ однимъ Моисеемъ. Слѣдовательно, неправъ ты, Петръ, когда утверждаешь, что Богъ вообще ничего не говорилъ и не давалъ, кромѣ 10 заповѣдей. Самъ Богъ, давъ 10 заповѣдей, опять го-

ворить Моисею: „и Я изрекъ тебѣ всѣ заповѣди, и постановленія, и законы“... Значитъ, десять заповѣдей составляютъ лишь частицу Божьяго закона. Важно еще и то, что Самъ Богъ не отдавалъ предпочтенія десяти заповѣдямъ предъ остальнымъ закономъ, даннымъ чрезъ Моисея, и говорилъ: „о, если бы сердце израильтянъ было таково, чтобы бояться Меня и соблюдать всѣ заповѣди Мои“ (Втор. 5, 29). Посему Моисей повелѣвалъ народу, не уклоняться отъ всего закона Божьяго, а не отъ однихъ только десяти заповѣдей: „ни на-право, ни на-лѣво“ (Втор. 5, 32).

Ты, Петръ, еще сказалъ, что остальной законъ, кромѣ десятословія, появился тогда, когда израильтяне начали грѣшить противъ десяти заповѣдей, и что онъ представляетъ Собою лишь указаніе казней за преступленіе противъ десятословія и средствъ къ очищенію отъ этого преступленія. Но такъ-ли? Израильтяне впервые у горы Синая согрѣшили тѣмъ, что сдѣлали себѣ „литого тельца“ (Исх. 32). Однако, до этого Моисей уже получилъ отъ Бога не только 10 заповѣдей, но и множество другихъ, записанныхъ имъ съ 20—31 главу кн. Исходъ. И еслибы народъ не сдѣлалъ себѣ „тельца“, то Моисей и еще оставался бы на горѣ для полученія множества другихъ постановленій. Преступленіе израильтянъ лишь прервало бесѣду Моисея съ Богомъ и Моисей, по повелѣнію Господа, наказавъ смертью многихъ израильтянъ за содѣянный ими грѣхъ, снова возвратился на гору, чтобы получить отъ Бога и остальные заповѣди и постановленія, отнюдь не вызванныя грѣхомъ израильтянъ, такъ какъ они и безъ этого грѣха были-бы даны Моисею (Исх. 32—35 главы). И по содержанію своему всѣ законы, данныя Богомъ чрезъ Моисея, отнюдь не представляютъ собою перечень казней за грѣхи противъ десяти заповѣдей и средствъ къ очищенію отъ этихъ грѣховъ. Достаточно вспомнить, что, напримѣръ, кровавыя жертвы имѣли значеніе самостоятельное, независимое отъ 10 заповѣдей, и прообразовательное, такъ какъ прообразовали Христа. Еврейская скинія также имѣла свое самостоятельное и прообразовательное значеніе. Да и множество другихъ законовъ, заповѣдей и постановленій „закона Божьяго“ отнюдь не находились въ зависимости отъ десятословія, такъ какъ и по содержанію своему и по формѣ представляли собою новыя, самостоятельныя, а не придаточныя или зависящія отъ существованія десяти заповѣдей, предписанія. И Самъ Христосъ на вопросъ: „какая наибольшая заповѣдь въ законѣ?“ указалъ не на десять заповѣдей, а на двѣ другія, на которыхъ утверждается весь законъ, слѣдовательно и десятословіе (Мѡ. 22, 36—40; ср. Второз. 6, 5; Лев. 19, 18).

И. Айвазовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Изъ духовной журналистики ¹⁾.

Значеніе философіи для богословія.—Пронсхождение чловѣка, его природа и достоинство.—Значеніе религіи въ дѣлѣ воспитанія нравственнаго сознанія.—Воскресеніе Христова и его нравственное значеніе.—Безсмертіе прошедшаго.

Изъ статей философскаго характера, но имѣющихъ значеніе для богослова-апологета и миссіонера, нужно отмѣтить трактатъ проф. Линицкаго („Тр. К. Д. Ак.“)—*„Значеніе философіи для богословія“*. Особенно имѣетъ интересъ для апологетики глава II—о вѣрѣ въ сверхъестественное. „Если бы сущность христіанства, говоритъ авторъ, заключалась въ томъ, что оно есть историческій фактъ, то вѣра ограничивалась бы фактическимъ содержаніемъ“. Но въ томъ то и дѣло, что, если опровергнуть и всю историческую чудесную часть христіанства (сказанія Евангелія и апостольскихъ книгъ), то для содержанія вѣры остается еще много. „Необходимо, говоритъ авторъ, обратить вниманіе на то, что не всѣ современники и очевидцы чудесныхъ дѣлъ Иисуса Христа увѣровали въ Него, какъ Чудотворца и Посланника Божія; другіе же, напротивъ, не видѣли и увѣровали“. Съ другой стороны, вѣра въ чудесное существовала и у язычниковъ. Все это приводитъ автора къ заключенію, что „для вѣры во Христа, какъ Основателя новой религіи, *фактическія* основанія сами по себѣ недостаточны, а потому требуютъ восполненія посредствомъ основаній иного рода, именно основаній *умозрительныхъ*“. Для обоснованія истинъ вѣры нужно, по автору, „установить точное общее понятіе о природѣ, о естественномъ“, рѣшить обще-философскіе вопросы,—нужно ли, напр., полагать начало вещественнаго міра, или предполагать, что бытіе вещей безначально.

„Жизнь тоже, какъ и бытіе, не производится природой“, ибо было время (и по наукѣ), когда на землѣ не было жизни (въ га-

¹⁾ «Мясс. Обзор», кн. 5, стр. 563.

зообразный періодъ). „Не менѣе, какъ происхожденіе жизни, говорить авторъ, загадочно для естественно-научной точки зрѣнія, т. е. выходить изъ предѣловъ естественнаго порядка вещей, *происхожденіе разума*“. Основаніе для этого, по автору, заключается въ томъ, что разумъ самъ создаетъ, а не есть созданіе чего то. Отсюда авторъ выводитъ, что „основаніями для вѣры въ сверхъестественное, трансцендентное, служатъ *бытіе, жизнь и разумъ*“, т. е. понятія чисто философскія. Въ идеальной гармоніи они существуютъ только въ Богѣ (образъ св. Троицы).

„Бытіе, жизнь, и разумъ—тождественны въ Богѣ, который посему есть единое существо, но вмѣстѣ и различное: и *по появленію во времени* какъ откровеніе *Бога Отца*—виновника бытія вещей, Творца, *Бога Сына*, который есть *Слово, разумъ и Духа*, который есть жизнь и источникъ жизни; равно и *по вѣчному* пребыванію въ единствѣ Божескаго существа—какъ три ипостаси“.

При такой философской постановкѣ богословскихъ вопросовъ, всякому дѣйствительно становится очевидною важность философіи для богословія.

Въ дополненіе къ статьѣ проф. Линицкаго можно поставить рефератъ г. Богородскаго („Пр. С.“)—„Происхожденіе человѣка, его природа, достоинство и назначеніе“. Въ статьѣ проф. Линицкимъ философски на началахъ разума обосновывается истина, что жизнь не производится природой“. Дарвинъ хотѣлъ вывести разнообразіе жизни изъ самой природы. Г. Богородскій опровергаетъ Дарвина психологически, какъ выше проф. Линицкій показывалъ невозможность этого философски. Самъ Дарвинъ, по автору, соглашается, что самое важное отличіе у человѣка отъ животныхъ заключается въ совѣсти. Но, чтобы ослабить силу этого различія, Дарвинъ, дабы подтвердить свою теорію, хочетъ найти совѣсть, хотя бы въ слабой степени, и у животныхъ. Но, Дарвинъ, говоритъ авторъ, дѣлаетъ заключеніе „не отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, а отъ неизвѣстнаго къ искомому, къ воображаемой психологіи животнаго“. Онъ умозаключаетъ гадательно. Существованіе разумныхъ инстинктовъ у животныхъ еще болѣе убѣждало его въ возможности у нихъ и нравственнаго сознанія. Авторъ отмѣчаетъ, что самая то удивительность этихъ инстинктовъ, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о механической прирожденности ихъ животнымъ и объ отсутствіи развитія у нихъ этихъ инстинктовъ дальше своего улья пчела своихъ инстинктовъ не проявляетъ. У человѣка же его разумъ стремится къ познанію рѣшительно всего.

„Инстинкты животныхъ, говоритъ авторъ, такъ удивительны, что если въ нихъ предполагать элементъ разумности (какъ это дѣлаетъ Дарвинъ)

то мы должны бы были признать, что умъ животныхъ далеко превосходить умъ человѣческой. Пчелы, которыя строятъ свои соты по всѣмъ правиламъ математики и физики, обладаютъ еще и биологическими познаніями: когда у нихъ умираетъ матка, онѣ начинаютъ выкармливать обыкновенную личинку особымъ способомъ, благодаря которому изъ обыкновенной рабочей безполой пчелы развивается плодovitая матка. Вѣрное предугадываніе будущаго есть высшее проявленіе ума и знанія человѣческаго. Животное обладаетъ этой способностью въ большей степени, говоритъ авторъ, чѣмъ человѣкъ".

Авторъ указываетъ еще на контролирующую силу человѣческаго разума, какъ на отличительное свойство его отъ животнаго разума, а также ссылается на авторитетъ знаменитаго Вирхова, который на съѣздѣ ученыхъ натуралистовъ въ Мюнхенѣ (1902 г.) открыто объявлялъ, что наука не имѣетъ никакихъ положительныхъ данныхъ утверждать происхожденіе человѣка отъ обезьяны.

Но кромѣ ума и инстинктивной совѣсти у человѣка есть нравственное сознаніе, источникъ котораго коренится даже не въ человѣкѣ, но данъ ему извнѣ, отъ Бога. Это еще одно отличіе человѣка отъ животнаго. И вотъ, г. Городенскій („Б. В.“) посвящаетъ выясненію вопроса о нравственномъ сознаніи человѣка—двѣ статьи: „Условія воспитанія нравственнаго сознанія въ человѣческихъ обществахъ“ и „Значеніе религіи въ дѣлѣ воспитанія нравственнаго сознанія на нашихъ ступеняхъ общественной жизни“. Въ первой изъ названныхъ статей авторъ рѣшаетъ сначала вопросъ объ источникѣ нравственнаго сознанія. „Существуетъ, говоритъ онъ, морально-философская теорія, которая пытается объяснить совѣсть человѣка изъ его чувствительности къ мнѣнію окружающихъ“ (Смитъ), по которой источникъ совѣсти будетъ заключаться въ сочувствіи или несочувствіи „мотивамъ извѣстнаго поведения“, служащее „основаніемъ нашего сужденія о достоинствѣ поступковъ“. Авторъ вполне соглашается съ А. Смитомъ въ одной половинѣ его сужденій, указывая на то, что „никто еще съ такою наглядностью и простотою не описалъ отношенія, существующаго между общественнымъ мнѣніемъ и совѣстью“, какъ Смитъ, но подмѣчаетъ и недостатокъ этой теоріи въ томъ, что авторъ ея „опустилъ изъ вниманія факторъ, имѣющій слишкомъ явное и важное значеніе въ этомъ дѣлѣ, именно, религію“, которая даетъ мотивы выше и сильнѣе, чѣмъ обычай и авторитетъ лицъ окружающихъ (Смитъ). Раскольники, указываетъ авторъ, готовы были помереть за одинъ азъ. Авторъ выясняетъ, что и обычай, и авторитетъ тогда только служатъ условіемъ воспитанія нравственнаго сознанія, когда они получили религіоз-

ное освященіе. Вотъ почему обычай имѣетъ такую силу въ первобытныхъ обществахъ. Основу нравственнаго сознанія послѣ религіи авторъ указываетъ въ семьѣ, въ томъ почтеніи къ старшимъ (отцу, дѣду, главѣ рода—патріарху), на которомъ основывалась семья и общество, къ начальникамъ и т. д.

„Религіозное почитаніе начальниковъ съ различными церемоніями, выражающими глубокое преклоненіе предъ властью, основывалось, по автору, на духовномъ авторитетѣ. Это значитъ, что власть начальника неограничена только по довѣрію и уваженію подчиненныхъ, т. е. въ условномъ смыслѣ. Когда, по мнѣнію подчиненныхъ, начальникъ перестаетъ удовлетворять этому назначенію, то подданные перестаютъ его признавать, или уходить отъ него“.

Отсюда авторъ опровергаетъ и другое предположеніе, что условіемъ воспитанія нравственнаго сознанія не могло быть внѣшнее насиліе. „Нравственность есть извѣстный родъ внутренняго принужденія“. Соблазнительно, конечно, было бы признать укоры совѣсти „наслѣдственнымъ отголоскомъ жестокихъ внѣшнихъ наказаній“, бывшихъ ранѣе въ обществахъ, но авторъ, на основаніи уже сказаннаго о значеніи внѣшняго авторитета, а слѣд. и наказаній, приходитъ къ выводу, что весь нравственный процессъ „совершается при содѣйствіи одного фактора, который углубляетъ значеніе его результатовъ и придаетъ имъ высшую санкцію: этотъ факторъ—религія“.

Вторая статья того же автора служитъ продолженіемъ первой. Здѣсь авторъ исключительно выясняетъ значеніе религіи для нравственнаго сознанія. Правда, говоритъ авторъ, можетъ быть поставлено возраженіе, что это значеніе ограничивается „первоначальнымъ воспитаніемъ нравственнаго чувства“ и что теперь даже на низшихъ ступеняхъ человѣческихъ обществъ „религія не стоитъ въ связи съ практическимъ поведеніемъ“. Онъ показываетъ, что это утверждали прежніе явно тенденціозные этнологи, каковы Тайлоръ, Вайтцъ и др. Новѣйшая этнологія говоритъ о противоположномъ. Одинъ изъ нихъ, Гроссе, заявляетъ, что „религіозныя представленія пользуются прочнымъ вліяніемъ на жизнь... у всѣхъ первобытныхъ народовъ“. Авторъ выясняетъ, что, съ одной стороны, и „высшія формы религіозныхъ вѣрованій далеко не всюду лишены практическаго значенія“, а съ другой,—что, при разсмотрѣніи нравственнаго вліянія первобытной религіи, этнологи часто „слишкомъ узко понимаютъ самую нравственность“. Авторъ приводитъ на основаніи изслѣдованій новѣйшей этнологіи множество фактовъ, показывающихъ, что у дикарей „религія проникаетъ всю ихъ жизнь и опредѣляетъ нормы ихъ поведенія“, какъ, напр., у полинезійцевъ такое

значеніе имѣть „табу“ (родъ еврейскаго херема) или „мугуль“ и „токой“ у Палаузцевъ, „кобонгу“ у Австралійцевъ и т. д. Всѣ эти факты показываютъ, что дикарь „оберегаетъ обычай, какъ *религіозную святыню*“. „Только религіознымъ страхомъ, говоритъ авторъ, можно объяснить ту непоколебимую твердость въ поддержаніи отъ посягательства на чужое имущество, которая неоднократно поражала путешественниковъ, какъ явленіе, необычное даже въ культурныхъ странахъ“, и указываетъ на основаніи свидѣтельства ле-Гобьена, что жители Маркизскихъ острововъ чувствуютъ *ужасъ* передъ воровствомъ“, а туземцы при заливѣ Кастри „имѣютъ къ собственности почти *религіозное почтеніе*“ (Лаперуза). Авторъ указываетъ далѣе, что вліяніе религіи не ограничивается однако этой жизнью, что она и у дикарей „почти всюду сопровождается вѣрою въ загробныя награды и наказанія“ и указываетъ опять-таки на основаніи „последняго слова науки“, что жители, напр., Соломоновыхъ острововъ вѣрятъ, что „скупцы, убійцы и др. грѣшники превращаются въ отвратительныхъ пресмыкающихся—змѣй, жабъ и т. п.; по вѣрованію жителей о. Апайтіума „добрые идутъ въ рай, гдѣ ихъ ожидаетъ обиліе явствъ, а злые—воры, убійцы, прелюбодѣи должны мучиться голодомъ въ аду“; по представленію Парагвайцевъ, „злыхъ по смерти сжигаютъ въ котлахъ, а добрые охотятся на берегахъ прекрасной рѣки, наполненной рыбой“. Эта идея возмездія часто стоитъ въ связи у дикарей съ вѣрой въ Единое Высшее Существо. Вообще статья Н. Городенскаго даетъ много новаго, интереснаго этнографическаго матеріала, подтверждающаго взятый имъ вопросъ.

По ея справкамъ, даже у дикарей есть содержаніе части христіанскаго ученія, но чего нѣтъ у нихъ—такъ это идеи воскресенія, составляющей существенное содержаніе христіанской догматики. Вопросъ о воскресеніи—теперь жгучій вопросъ. Толстой выясняетъ его по своему (ром. „Воскресеніе“), Мережковский высказываетъ свои представленія о плоти. Все это дало поводъ М. Тарѣеву („Б. В.“) выяснить церковное ученіе по данному вопросу, что онъ и дѣлаетъ въ статьѣ:

„*Воскресеніе Христова и его нравственное значеніе*“. М. Тарѣевъ указываетъ „на опасность плотяности, угрожающую тѣмъ, которые ставятъ въ прямое отношеніе нашу земную жизнь и жизнь Воскресшаго Господа“. Авторъ указываетъ, что „нынѣ свѣтскіе писатели намъ говорятъ уже о святой плоти, о святомъ сладострастіи, опираясь съ тою же рѣшительностью на факты Рождества Христова, Его Преображенія и Воскресенія. Въ чувственномъ пониманіи Воскресенія Христова хотятъ найти опору для примиренія чувственнаго и духовнаго началъ нашей жизни“.

Авторъ на основаніи слова Божія выясняетъ, что и плоть въ Писаніи понимается двояко, что есть тѣло душевное, а есть тѣло духовное и что „наша жизнь за гробомъ не будетъ имѣть матеріальнаго содержанія, а плоть и кровь не переступятъ за предѣлы гроба, въ которомъ будетъ уничтожено чрево“. Иллюстрируя это на примѣрѣ Воскресшаго Господа, авторъ ссылается на то, что Онъ не имѣлъ, по воскресеніи Своемъ, опредѣленнаго вида, такъ что ученики не узнавали Его; что даже „съ точки зрѣнія чувственной очевидности язвы гвоздинныя и прободенное ребро никакъ не доказывали божества Христова. И если невѣріе Оомы происходило отъ грубаго матеріализма, то, убѣдившись осязательно въ фактѣ воскресенія, онъ придумалъ бы для него какое-нибудь матеріалистическое объясненіе, а не воскликнулъ бы: „Господь мой и Богъ мой!“ Авторъ разъясняетъ что „историческую дѣйствительность въ явленіяхъ Воскресшаго ученикамъ составляла, поэтому, реальность духовнаго общенія съ Нимъ, реальность для нихъ Его духовной, божественной, вѣчной жизни“. „Онъ живъ“—вотъ что говорили ученикамъ явленія Воскресшаго.

Хорошимъ дополненіемъ къ статьѣ Тарѣва служить рѣчь С. Глаголева („Б. В.“)—„*Безсмертіе прошедшаго*“, въ которой онъ выясняетъ принципъ сохраненія явленій и сохраненія, такъ сказать, реальнаго. Статья написана съ видимымъ знакомствомъ послѣднихъ научныхъ данныхъ по естественнымъ наукамъ и читается съ большимъ интересомъ. Вся наука говоритъ о безсмертіи. Химія говоритъ о неуничтожимости матеріи, акустика о звуковыхъ волнахъ, физика о свѣтовыхъ отраженіяхъ. Каждый звукъ, каждое произнесенное слово живетъ и послѣ того, какъ они перестали звучать для нашего уха, воспринимающаго ихъ только при извѣстныхъ условіяхъ. Звукъ летитъ въ пространство, колеблетъ отдаленнѣйшія сферы и, хотя для нашихъ грубыхъ чувствъ это и незамѣтно, но оно есть и должно быть. Каждый жестъ отражается въ воздухѣ, какъ въ фотографической камерѣ-обскурѣ и тоже несется въ пространство. Неуничтожимы, слѣдов., и дѣла. Если бы на Сиріусѣ (звѣзда) были жители и они обладали бы такими телескопами, что могли бы видѣть происходящее на землѣ, то теперь они увидѣли бы только ужасы французской революціи, такъ какъ до Сиріуса свѣтъ, а слѣд., и отражающіяся въ немъ изображенія доходятъ въ 106 лѣтъ. Такимъ образомъ, „небеса повѣдаютъ славу Божию“ и весь міръ говоритъ о безсмертіи, неуничтожимости ни словъ, ни дѣлъ нашихъ, и тѣмъ болѣе насъ самихъ и нашихъ чувствъ и идей, которыми мы жили, или живемъ.

„Несомнѣнно, говорить авторъ, что психическое начало, воздѣйствуя на матерію, кладетъ на нее такой же неизгладимый отпечатокъ, какой кладетъ этотъ атомъ на другой атомъ; вещество отпечатлѣваетъ въ себѣ духовныя состоянія ихъ носителя. Вотъ почему можно рѣшительно утверждать, что образы, сохраняемые свѣтовыми лучами въ пространствѣ, отражаютъ въ себѣ не только внѣшнюю, но и всю внутреннюю исторію міровой жизни. Положимъ, вчера, прощаясь съ кѣмъ-либо, я высказывалъ ему сердечнѣйшія пожеланія удачи, сознавая въ душѣ, что его неудача доставила бы мнѣ искреннѣйшее удовольствіе. Размышляя теперь о томъ, какъ отразился мой вчерашній образъ въ міровыхъ пространствахъ, я думаю, что я явлюсь тамъ въ свѣтлыхъ небесныхъ пространствахъ въ видѣ какой то нравственной гримасы. Вибраціи лъстивыхъ звуковъ, отраженіе личныхъ мускуловъ, сдвинутыхъ такъ, чтобы придать лицу умильно благопожелательное выраженіе и находящіеся въ совершенномъ диссонансѣ съ этимъ вибраціи сердечныхъ біеній, регулировавшихся темными чувствами недоброжелательства и зависти. Свѣтовые лучи отражаютъ кривыя сердечныхъ движеній, такъ что можно сказать, что каждое глушее сердце вѣчными буквами пишетъ на вѣчномъ небесномъ покровѣ: „я лгу, лгу, лгу“. Все увѣковѣчивается на небѣ“.

Вотъ идея и выводъ рѣчи автора, посвященной въ день академическаго акта почившимъ дѣятелямъ Академіи, добро посѣянное которыми „цѣло, живо и вѣчно“.

Свящ. М. Лисинскій.

Вѣнокъ на могилу Члена Святѣйшаго Синода, Высокопреосвященнаго Платона, митрополита Кіевскаго и Галицкаго. Составилъ крестьянинъ М. В. Карасевъ. Съ портретомъ святителя. С.-Петербургъ, 1903 г. in 8-ю. стр. 420, ц. 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 20 коп.

2 мая 1903 года исполнилось ровно сто лѣтъ со дня рожденія митрополита Кіевскаго Платона, извѣстнаго борца за православіе и русскую народность, одного изъ видныхъ іерарховъ нашей отечественной церкви прошлаго столѣтія. Къ сожалѣнію, день этотъ остался не отмѣченнымъ въ нашей современной печати: ни одинъ журналъ, ни одна газета не откликнулись на своихъ страницахъ по поводу столѣтняго юбилея со дня рожденія этого выдающагося архипастыря. Авторъ, отмѣчая это равнодушіе нашего общества и печати къ видному дѣятелю нашей отечественной церкви прошлаго столѣтія, покойному Кіевскому святителю Платону, останавливаетъ свое вниманіе на имѣвшемъ въ 1902 г. мѣсто юбилейномъ чествованіи Н. В. Гоголя. Объ этомъ въ предисловіи къ своему труду авторъ такъ говоритъ: „21 февраля 1902 г. общество дружно праздновало 50-лѣтній юбилей со дня смерти Н. В. Гоголя, а между тѣмъ, день столѣтія со дня рожденія святителя, по своимъ заслугамъ выдающа-

гося изъ рядовъ обыкновенныхъ дѣятелей, былъ совсѣмъ забытъ и пройденъ молчаніемъ! Дѣлая это сопоставленіе, мы не думаемъ умалять заслугъ, оказанныхъ Гоголемъ русской литературѣ, а хотѣли указать только на исключительное преклоненіе общества предъ заслугами великихъ людей на поприщѣ той или иной общественной гражданской дѣятельности и полное равнодушіе и холодность къ выдающимся дѣятелямъ на нивѣ духовной. При такой односторонности общественныхъ интересовъ не знаешь, чему больше удивляться: прогрессу съ цивилизаціей, или упадку вѣры и нравственности среди коренныхъ православныхъ сыновъ Россіи“ (3 стр.)!

Желая сплести вѣнокъ на могилу митрополита Платона по случаю столѣтія со дня его рожденія, г. Карасевъ дѣлаетъ сильную попытку восполнить этотъ пробѣлъ: онъ издаетъ цѣлую книгу, посвященную памяти глубоко чтимаго имъ святителя. Его „Вѣнокъ“, составленный на основаніи извѣстнаго печатнаго матеріала, разбросаннаго въ нашей духовной, отчасти и свѣтской литературѣ, составляетъ отрадное явленіе въ наши „лукавые дни“ равнодушнаго отношенія къ дѣятелямъ въ религіозно-нравственной области. Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ, что чтеніе его книжки „можетъ принести большую пользу для ума и сердца юношей и взрослыхъ, такъ мало знающихъ своихъ великихъ іерарховъ“, позволимъ себѣ нѣсколько подробнѣе познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ рассматриваемаго нами юбилейнаго изданія. Авторъ, повидимому, старался собрать все, что имѣется въ нашей литературѣ о личности и дѣятельности митрополита Платона и представить въ цѣльномъ видѣ очеркъ жизни святителя. Не останавливаясь долго на воспитаніи и обученіи святителя (4—10 стр.), онъ довольно подробно изображаетъ духовно-учебную и церковно-административную дѣятельность митрополита Платона, касается его дѣятельности въ качествѣ настоятеля Виленскаго Св.-Духова монастыря, викарія Литовской и Псковской епархій (20—32 стр.) и епархіальнаго архіерея въ санѣ архіепископа на каѳедрахъ Рижской (33—52), Донской (52—64) и Херсонской (64—78 стр.). О Кіевскомъ періодѣ дѣятельности святителя въ санѣ митрополита, авторъ почему то совершенно умалчиваетъ, ограничиваясь только описаніемъ юбилейнаго торжества 8 сентября 1887 г. по случаю 60-лѣтней дѣятельности высокопреосвященнаго владыки (79—181 стр.). По нашему мнѣнію, самый цѣнный отдѣлъ въ рассматриваемой нами книгѣ составляютъ собранныя авторомъ слова и рѣчи, сказанныя митрополитомъ Платономъ въ разныхъ мѣстахъ его служе-

нія и на разные случаи. Въ XVII главѣ помѣщено 20 словъ, сказанныхъ святителемъ во время управленія Херсонскою епархією (275—375 стр.); въ особую (XX) главу выдѣлена часть словъ, сказанныхъ имъ на св. Пасху (382—409 стр.). Нужно замѣтить, что слова и рѣчи высокопреосвященнаго Платона отличаются высокимъ качествомъ и заслуживаютъ вниманія, какъ по своему глубокому содержанію, такъ и по стилистической отдѣлкѣ. Нельзя также не отмѣтить XXI главы, въ которой помѣщены четыре рѣчи самого автора, г. Карасева, произнесенныя имъ при посѣщеніи м. Платономъ его квартиры. Рѣчи эти проникнуты глубокимъ уваженіемъ и благоговѣйнымъ почтеніемъ автора предъ личностью святителя.

Разсмотрѣнная нами книга написана простымъ и удобопонятнымъ языкомъ, назидательна и полезна. Издана опрятно и по цѣнѣ сравнительно недорогая (420 стр. съ портретомъ святителя—2 руб., съ пересылкой—2 руб. 20 коп.). Выписывать можно только непосредственно отъ автора: С.-Петербургъ, Вас. Остр., Волховскій пер., д. № 4, кв. 21.

П. Козинскій.

За вѣру и противъ лжевѣрія. Сборникъ вѣроучительныхъ, нравоучительныхъ и апологетическихъ бесѣдъ, очерковъ, рассказовъ и стихотвореній примѣнительно къ двенадцатымъ праздникамъ, въ огражденіе чадъ Церкви Православной отъ суетмудрія раскольниковъ и сектантовъ. Для семьи, школъ и внѣбогослужебныхъ чтеній. *Опытъ противосектантской христоматіи.* Священ. Серапіона Бряковскаго. Кіевъ. 1903 г. Стр. 1—180. Ц. 80 коп., съ пересылкой 1 руб.

Появленіе такихъ противосектантскихъ христоматій, какъ сборникъ „За вѣру и противъ лжевѣрія“ священника Серапіона Бряковскаго, вполне отвѣчаетъ запросамъ нашего времени. Всѣмъ миссіонерствующимъ защитникамъ православія извѣстно, что пропагандисты нашего расколосектантства наводняютъ Русскую Землю цензурными и нецензурными произведеніями печати, въ которыхъ въ *обольстительной* формѣ предлагаются простодушнымъ читателямъ (Римл. 16, 18) идеи, направленные противъ православной Церкви и государства. У всѣхъ еще въ памяти недобросовѣстная дѣятельность „Общества поощренія религіозно-нравственнаго чтенія“, закрытаго въ 1884 г. по Высочайшему повелѣнію. Штундо-нашковскія брошюры этого злонамѣреннаго „Общества“.... до сихъ поръ встрѣчаются въ рукахъ простого народа, какъ матеріалъ для чтенія.

При распространяющейся грамотности и усиливающимся интересъ къ религіозно-жизненнымъ вопросамъ, весьма важно идти на встрѣчу духовной алчбѣ и жаждѣ нашего простого народа и давать ему не гнилой хлѣбъ и не мутную воду сомнительныхъ вѣроученій, а, наоборотъ, чистое и здоровое питаніе изъ источниковъ православной Церкви. Противосектантская христоматія о. Бряковскаго прекрасно удовлетворяетъ отмѣченной нами цѣли; въ ней въ стройномъ порядкѣ собраны оригинальныя произведенія (бесѣды и поученія) самого о. Бряковскаго, а затѣмъ очерки, рассказы, стихотворенія и апологетическія статьи другихъ авторовъ. Весь собранный матеріалъ проникнуть одной, строго проведенной, идеей: православіе — истинная вѣра, доставляющая вѣчное счастье и успокоеніе человѣку, — русское же сектантство — ложь, приносящая людямъ только *свары, разногласія и безчинства* (Галат. 5, 20—21). Нельзя не отнестись съ похвалою къ тому, что о. Бряковскій статьи своей христоматіи расположилъ примѣнительно къ двенадцатымъ праздникамъ. Русскій человѣкъ всю свою жизнь, все свое рабочее время привыкъ размѣрять по праздникамъ церковнымъ. Русская душа отдыхаетъ и радуется въ церковный праздникъ, и благо тому, кого благочестивые родители съ дѣтства пріучили чтить праздникъ, съ радостнымъ чувствомъ ждать его и услаждаться его освѣжающей и возвышающей силой. Благословенная цѣль праздниковъ изъ года въ годъ связываетъ жизнь христіанина; поэтому и книга о. Бряковскаго представляетъ изъ себя, можно сказать, „Руководство для поучительнаго и общедоступнаго чтенія“, которое въ тотъ или иной праздникъ пастыри могутъ предлагать своимъ пасомымъ или же сами пользоваться для чтенія въ семьѣ и школѣ. Желаемъ этой книгѣ возможно широкаго распространенія. Въ заключеніе пользуемся случаемъ упомянуть, что о. Бряковскимъ выпущены въ свѣтъ и другія, полезныя для пастырей, изданія: *Сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни*. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 50 коп. *Спутникъ пастыря*. Сборникъ статей и замѣтокъ по вопросамъ пастырскаго служенія. Вып. 1, цѣна 80 коп., съ перес. 1 руб. — *Очерки и рассказы*. Цѣна 80 к., съ пер. 1 руб. — *Церковно-приходская лѣтопись*. Практическое руководство для пастырей при описаніи прихода въ историческомъ, статистическомъ и религіозно-нравственномъ отношеніяхъ. Цѣна 75 к., съ перес. 85 коп. Всѣ означенныя изданія можно выписывать по слѣдующему адресу: *Попельня, Кіевской губ. Священнику Серапіону Бряковскому*.

И. Булаковъ.

Х р о н и к а.

Изъ міра инославія и изъ жизни заграничнаго сектантства.

Секта Епископаловъ Соединенныхъ Штатовъ.—Религія японцевъ. — „Курсъ Исторіи Религій“ Лепентра.

Французская газета „Revue Augustinienne“—католическій органъ—напечаталъ въ январѣ коротенькую замѣтку о томъ, что протестантская секта Епископаловъ Соединенныхъ Штатовъ порѣшила на общемъ собраніи въ Спрингфельдѣ именоваться отнынѣ не Епископальной Церковью, но католической, американской церковью Соединенныхъ Штатовъ. „Что это, признакъ ли движенія въ сторону католицизма или лишь звукъ пустой?“—спрашиваетъ „Revue Augustinienne“.

Далѣе сообщается, что изъ Россіи получено какое то весьма утѣшительное извѣстіе, религіозныя послѣдствія котораго будутъ неисчислимы, если само извѣстіе окажется справедливымъ.

По просьбѣ архіепископа Могилевскаго, митрополита католической церкви въ Россіи, якобы разрѣшенъ католическимъ конгрегаціямъ, въ особенности изгнаннымъ изъ Франціи, а также и духовнымъ школамъ поселиться въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Имперіи, въ которыхъ уже существуетъ католическая іерархія, а именно: во всей западной Россіи, въ Балтійскихъ провинціяхъ, въ Польшѣ, въ юго-западныхъ губерніяхъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Средней Азіи.

По поводу *этого* сенсационнаго извѣстія можемъ сообщить, что едва ли оно заслуживаетъ довѣрія, хотя и заслуживаетъ вниманія въ смыслѣ выраженія вождельній католическаго міра. Но осуществленіе этихъ вождельній можетъ принести неисчислимый вредъ православію, въ его культурно-просвѣтительной миссіи среди русскаго католическаго населенія.

Французская газета „La Dépêche“ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о японской религіи. Не смотря на великолѣпіе храмовъ и торжественную обрядность, буддизмъ, перенесенный изъ Китая или Кореи пятнадцать вѣковъ тому назадъ, не можетъ считаться настоящей, народной религіей японцевъ. Не можетъ считаться ею и Чинтоизмъ, по своей символической простотѣ болѣе подходящий къ народному характеру; не давая пици

ни чувству, ни воображенію, эта древняя религія не можетъ удовлетво- рить даже японцевъ—одного изъ наименѣе религіозныхъ народовъ зем- ного шара. Спросите японца—буддистъ ли онъ или чинтоистъ? Онъ не сумѣетъ вамъ отвѣтить; врядъ ли даже пойметъ, о чемъ его спраши- ваютъ. Принято крестить въ храмъ Чинто и хоронить покойниковъ при посредствѣ буддистскаго священника. но это ничего не значить.

Народная масса исповѣдуетъ серьезно и искренно только культъ пред- ковъ. На этомъ культѣ зиждется и семья и государство. До сихъ поръ народъ все еще смотритъ на микадо, какъ на потомка перваго, боже- ственнаго предка, отъ котораго произошла вся раса. Микадо—это вопло- щеніе народнаго достоинства, свидѣтельство о вѣчномъ существованіи на- рода въ прошедшемъ и залогъ вѣчности въ будущемъ, это воплощеніе отечества. Въ настоящее время священный характеръ почитанія микадо начинаетъ мало-по-малу вырождаться въ болѣе современный, безличный и, если можно такъ выразиться, свѣтскій патріотизмъ. Домашній культъ предковъ продержится дальше, также, какъ и наивное, первобытное обо- готвореніе великихъ и малыхъ силъ природы. Вотъ нѣсколько картинокъ, рисующихъ этотъ древній культъ, живущій до сихъ поръ въ сердцахъ ста- рой Японіи.

Вотъ въ уголкѣ японской деревни женщина горячо молящаяся, пе- редъ кѣмъ? Передъ толстымъ уродомъ, окрашеннымъ въ ярко-синюю краску; мало показалось одной круглой, какъ шаръ, головы и къ ней прилѣпили еще двѣ головы. Грудь идола представляетъ цѣлый каскадъ сосцевъ, огромный животъ раздутъ, а ноги покоятся на двухъ мѣш- кахъ риса, вдавившихся подъ тяжестью тѣла. Это богъ счастья. Можно ли представить себѣ что-нибудь болѣе наивное и въ то же время—болѣе грубое?

За колоннами великолѣннаго храма въ Никко прячется лѣстница, ве- дущая на чердакъ, полъ котораго усыянъ старыми, ржавыми жестяными сандаліями. Это святилище бога пѣшеходовъ. Богъ возсѣдаетъ тутъ же въ обществѣ двухъ чертенятъ краснаго и зеленаго. Въ святилищѣ темно и грязно, на полу валяются сухіе цвѣты и листья; вездѣ пыль и соръ. Но въ извѣстные дни сюда стекаются вѣрующіе, темное святилище при- водится въ порядокъ и наполняется богомольцами.

Въ Токио есть маленькій храмъ, въ которомъ поклоняются сидящимъ въ клѣткахъ пѣтухамъ и курамъ. Передъ клѣтками стоятъ крошечныя чашечки со щепоткой риса въ каждой. Благочестивые японцы приходятъ, платятъ невѣроятно маленькую монетку, бросаютъ рисъ изъ одной ча- шечки священнымъ птицамъ, становятся передъ ними на колѣни и, пробормо- тавъ нѣсколько молитвъ, уходятъ съ чувствомъ полнаго удовлетворенія.

Деревня Фучими въ окрестностяхъ Кіото посвящена Ивари, т. е. „Богу-Лисицъ“. Храмы этого страннаго бога грубо сколочены изъ вы-

крашенных въ красный цвѣтъ бревенъ и украшены снаружи множествомъ фонарей; внутри это настоящіе звѣринцы, наполненные живыми лисицами и безчисленнымъ множествомъ изображеній этихъ животныхъ, сдѣланныхъ изъ бронзы и фарфора.

Раньше авторъ статьи видѣлъ въ большихъ городахъ только великолѣпные лакированные и золоченые храмы и ему казалось, что царящіе въ нихъ огромные, задумчивые Будды легко мирятся со всѣмъ нравствен-

нымъ и матеріальнымъ строимъ современнаго запада—со всѣми стальными заводами, паровыми бумагопрядильнями, желѣзными дорогами, курсами философіи, социологіи и т. д., но когда онъ познакомился внутри страны съ наивнымъ и грубымъ фетишизмомъ народной религіи, онъ убѣдился, что существуютъ двѣ Японіи, отдѣленные другъ отъ друга пропастью болѣе глубокой, чѣмъ та, которая отдѣляетъ передовую Японію отъ Западной Европы.

Помѣщая здѣсь изображеніе идола—„бога войны“, мы должны замѣтить, что теперь этотъ кумиръ самый обожаемый, поглощающій и вниманіе и дорогія жертвы язычествующей японской массы.

Но тщетна надежда на мертваго истукана. Японцы не видятъ, какъ страшна воинская брань съ народомъ, ввѣряющимъ все упованіе свое въ руки живого Бога.

Въ французской газетѣ „Nouvelles“, въ статьѣ „Народный Университетъ“, сдѣлано сообщеніе о „*Курсѣ Исторіи Религій*“ Лепентра.

Въ ноябрѣ и декабрѣ прошлаго года г. Лепентръ (Lepointre) прочелъ 4 лекціи своего курса Исторіи Религій, начатаго имъ еще въ позапрошломъ году изученіемъ семитическихъ религій. Въ программу нынѣшняго года вошли арійскія религіи.

Прежде всего лекторъ упомянулъ о разселеніи арійскихъ народовъ. Вначалѣ они были разсѣяны къ востоку отъ семитическихъ племенъ, въ горахъ центральной Азіи. Большое плоскогоріе Памира и горы Гинду-Куша были колыбелью арійской расы.

Съ самаго начала арійцы являются менѣе варварскими, чѣмъ семиты. Семья у нихъ покоится на прочныхъ основаніяхъ: жена занимаетъ видное мѣсто у домашняго очага, и отецъ не имѣетъ права жизни и смерти надъ дѣтьми. Нравственность ихъ выше нравственности семитическихъ расъ: у нихъ не было человѣческихъ жертвоприношеній, имѣвшихъ мѣсто въ большей части семитическихъ культовъ. Въ тѣ времена они исповѣдывали религію Зороастра.

Позднѣе, въ эпоху еще не опредѣленную съ достаточной точностью, арійцы подвергались нападенію народа, пришедшаго съ запада (изъ Турціи) и должны были отступить передъ воинственными хищниками—родоначальниками современныхъ курдовъ. При переселеніи арійцы раздѣлились: одна часть, спустившись съ горъ Солимана, осѣла въ области рѣки Инда, другая—заняла Иранское плоскогоріе и осталась тамъ понынѣ; это современные иранцы, сохранившіе первоначальную религію Зороастра. Третья вѣтвь направилась на западъ, перешла черезъ Кавказскія горы и достигла Европы. Это европейскіе арійцы. Они населили южную и среднюю Европу, гдѣ въ то время жили первобытные люди.

Арийцы Индіи нашли на берегахъ Инда страну болѣе плодородную, чѣмъ та, которую они покинули. Они спокойно поселились въ ней и исповѣдывали на первыхъ порахъ весьма несложную религію—*Ведизмъ*, который не замедлилъ измѣниться, осложниться и перейти въ *Браманизмъ*; измѣняясь въ свою очередь, этотъ послѣдній превратился въ *Индуизмъ*, который господствуетъ и понынѣ въ большей части Индіи. Въ моментъ воцаренія Индуизма, произошло новое переселеніе арійцевъ и первые насельники были отброшены къ берегамъ Ганга; третье переселеніе отодвинуло ихъ еще южнѣе. Такимъ образомъ арійцы завладѣли всей Индіей. Древніе индусы удалились на островъ Цейлонъ, а затѣмъ и на Зондскіе острова. Слѣдствіемъ этихъ постепенныхъ переселеній была новая религія *Джананизмъ*.

Наконецъ, произошло еще одно превращеніе, которое привело къ *Буддизму*, религіи, имѣющей въ настоящее время наибольшее число послѣдователей. И такъ, арійцы Индіи исповѣдывали послѣдовательно пять религій, которыя мы разсмотримъ одну за другой.

Ведизмъ. Этотъ первый культъ арійцевъ Индіи есть первоисточникъ всѣхъ остальныхъ индо-европейскихъ религій. Можно найти доказательства общности происхожденія народовъ Европы и Индіи въ сходствѣ языковъ, имѣющихъ множество общихъ корней одного и того же значенія, и въ подобіи религій.

Ведизмъ получилъ свое наименованіе отъ священныхъ книгъ—Ведъ. Это древнѣйшій документъ нашихъ арійскихъ расъ. Священныхъ книгъ четыре; важнѣйшая изъ нихъ Ригъ-Веда, сборникъ молитвъ и пѣснопѣній. Въ этой книгѣ воздаются божескія почести силамъ природы и въ особенности огню, на который всѣ первоначальныя религіи смотрѣли, какъ на божество. Вначалѣ поклонялись различнымъ проявленіямъ огня: солнцу, звѣздамъ, молніи, земному огню и т. д. Потомъ додумались до того, что всѣ эти огни поддерживаются духами и обратили этихъ духовъ въ боговъ.

Мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ культъ становился сложнѣе, создался священный классъ жрецовъ, который пользовался религіозными вѣрованіями народныхъ массъ, какъ средствомъ управлять ими. Три главныхъ божества Ведизма были три различныхъ воплощенія огня.

Первый богъ—*Аgni*. Это богъ земного огня, того огня, который былъ данъ имъ первому человѣку. Какъ этому огню, такъ и самому Агни приписывались различныя, странныя свойства, какъ, напр., способность изгонять злыхъ духовъ, заключенныхъ въ тѣлѣ животныхъ.

Второй богъ былъ *Индра*—воплощеніе небеснаго огня, т. е. солнца. Индра былъ начальникомъ боговъ, объ немъ существуетъ множество любопытныхъ повѣстическихъ легендъ, какъ, напр., сказаніе о сотвореніи облаковъ, дождя и молніи.

Люди стремились объяснить явленія природы религіозными мифами, пока не имѣли еще возможности уяснить ихъ себѣ научнымъ путемъ.

Третьимъ воплощеніемъ огня былъ *Иома*, перебродившій напитокъ, согрѣвавшій сердца людей и дававшій богамъ безсмертіе. Этотъ напитокъ употреблялся при жертвоприношеніяхъ и поглощался жрецами въ большомъ количествѣ. Это первое проявленіе алкоголизма у древнихъ арійцевъ.

Кромѣ трехъ главныхъ, имѣлось еще нѣсколько незначительныхъ божествъ.

Въ началѣ культъ былъ очень простъ, потому что касты жрецовъ еще не существовало. Отецъ семьи былъ священникомъ въ своемъ домѣ. Онъ воздвигалъ земляной алтарь, на которомъ приносилъ жертву за себя и своихъ; утромъ онъ возжигалъ священный огонь и поддерживалъ его въ теченіе дня тѣмъ, что имѣлъ лучшаго,—очищеннымъ масломъ, мясомъ животныхъ и т. д.; но никогда не приносилъ человѣческой жертвы. Этотъ огонь былъ простымъ проявленіемъ вѣры и ничего безнравственнаго въ себѣ не заключалъ.

Первые арійцы не заботились о будущей жизни. Мысль о безсмертіи души возникла не у нихъ. Они были очень просты; жили спокойно и не отравляли себѣ существованія непрестанными заботами о надземномъ мірѣ. Кромѣ того замѣчательно отсутствіе у нихъ фетишизма; ни идоловъ, ни подобія храма у нихъ не было. Они довольствовались умственнымъ представленіемъ о своихъ богахъ и не чувствовали потребности олицетворять ихъ въ болѣе или менѣе грубой формѣ,—въ деревѣ или камнѣ. Эти черты разумности и человѣчности ставятъ арійскіе культы гораздо выше семитическихъ.

Послѣ второго и третьяго вторженія арійцевъ въ Индію, племена эти, чрезвычайно свободолюбивыя въ ведическія времена, измѣняютъ кореннымъ образомъ свой общественный и религіозный строй. Съ этого времени они дѣлятся на касты; правленіе становится теократическимъ и деспотическимъ и возникаетъ наследственная и тиранническая греческая каста. Ведизмъ измѣняется въ Браманизмъ.

Браманизмъ. Общество раздѣляется на четыре класса: 1) браминовъ или жрецовъ „земныхъ боговъ“, какъ они сами себя называютъ. Они завѣдуютъ обрядами культа, сдѣлавшимися весьма сложными. 2) Воиновъ или кшатріевъ, которые образуютъ крѣпкую, земельную аристократію; они охраняютъ жрецовъ и въ награду за это раздѣляютъ съ ними власть. Всякое теократическое правленіе необходимо должно опираться на военную силу. 3) Кушцы или ваицци, на обязанности которыхъ лежитъ содержаніе двухъ первыхъ кастъ. 4) Ремесленники или кудры, смиренные слуги трехъ остальныхъ классовъ.

Ведическіе боги замѣняются новыми богами. Изъ нихъ главные: Брами—творческое начало, Вишну—богъ устроитель и Сива или Шива, который, подобно природѣ, разрушаетъ, чтобы снова производить. Укрѣпляется вѣра въ безсмертіе души, и появляется ученіе о метампсихозисѣ, или переселеніи душъ, какъ о наградѣ или наказаніи за людскіе поступки. Чистая душа, оскверненная матеріей, можетъ очиститься только длиннымъ рядомъ усилій въ теченіе многихъ послѣдовательныхъ существованій.

Индуизмъ есть усиленіе браманизма. Онъ возникъ около 3-го или 4-го вѣка до Р. Х. Въ это время браманизмъ, которому неоднократно угрожалъ расколъ, долженъ былъ видоизмѣниться; брамины сдѣлали нѣкоторыя уступки народному суевѣрію, приобрѣли такимъ образомъ расположеніе массъ и, воспользовавшись этимъ, усилили свою власть надъ ними.

По мѣрѣ распространенія Индуизма, касты становятся болѣе и болѣе замкнутыми. Подъ четырьмя благородными классами имѣются еще сорокъ четыре нечистыхъ племена, а еще ниже ихъ, на самой послѣдней ступени общественной лѣстницы, стоятъ несчастные, всѣми отвергнутые паріи. Одинъ видъ паріи—уже оскверненіе; они не имѣютъ право занимать какимъ-бы то ни было честнымъ ремесломъ. „Пусть они владѣютъ только нечистыми животными; пусть одѣваются въ лохмотья, снятыя съ мертвецовъ; пусть бродятъ „съ мѣста на мѣсто, вѣчно гонимые отовсюду!“

Ученіе о переселеніи душъ становится ужаснымъ. Требуется не менѣе 24-хъ милліоновъ лѣтъ безусловной добродѣтели, чтобы пройти черезъ всю лѣстницу существъ отъ придорожнаго камня до Брамы.

А, между тѣмъ, невѣроятно строгіе и мелочные законы Ману исключаютъ всякую возможность безусловной добродѣтели. Душа, медленно поднимавшаяся цѣною величайшихъ усилій, можетъ каждую минуту пасть изъ-за какой-нибудь малѣйшей ошибки и тогда ей приходится начинать опять сначала свой мученическій подвигъ. А потому многіе вѣрующіе удаляются, во избѣжаніе грѣха, въ пустыню и проводятъ тамъ жизнь въ молчаніи, постѣ и бдѣніяхъ; другіе подвергаютъ себя жестокому бичеванію и безпощадному умерщвленію плоти. Христіанскіе отшельники среднихъ вѣковъ никогда не могли превзойти индійскихъ факировъ аскетическими подвигами.

Эта религія отчаянія, отупѣнія и безумія не замедлила принести печальный плодъ; она обратила богато одаренныхъ отъ природы индійскихъ аріицевъ въ народъ рабскій, безсильный и безвольный, выродившійся. Никогда угнетеніе народа жреческой кастой не было такъ полно и такъ плачевно по послѣдствіямъ, какъ въ Индіи.

Буддизмъ. Этимъ именемъ называютъ великій расколъ, происшедшій въ средѣ браманизма въ 6-мъ или 5-мъ вѣкѣ до Р. Х. Этотъ расколъ

дѣло пророка Сакія-Муни, названнаго „Будда“, что значить: мудрый, совершенный.

Сакія-Муни принадлежалъ къ высокой кастѣ кшатріевъ или воиновъ, такъ какъ былъ сыномъ царя Непальскаго; но у него душа не лежала къ людямъ его касты, напротивъ, онъ съ раннихъ лѣтъ чувствовалъ влеченіе къ несчастнымъ обездоленнымъ паріямъ.

Послѣ своихъ четырехъ встрѣчъ (съ дряхлымъ старикомъ, бывшимъ когда-то знаменитымъ героемъ, съ больнымъ, покрытымъ отвратительными язвами, съ похоровами и съ важнымъ, степеннымъ браминомъ) онъ понялъ тщету всѣхъ земныхъ благъ и въ 29 лѣтъ удалился въ пустыню для размышленія. Согласно ученію браминовъ онъ подвергалъ себя тамъ всякимъ лишеніямъ и ужаснымъ истязаніямъ, но вскорѣ убѣдился, что это безумно. Онъ возстановилъ свои силы, покинулъ пустыню и, будучи 36 лѣтъ, успѣлъ уже твердо установить свое ученіе. Онъ проповѣдывалъ, собирая вокругъ себя паріевъ и всѣхъ обездоленныхъ. Будда умеръ на 79-мъ году.

Его ученіе имѣетъ основаніемъ четыре истины: истину страданія, истину причины страданія, истину уничтоженія этой причины, истину пути, приводящаго къ уничтоженію причины страданія.

Дѣйствительно, страданіе царитъ во всемъ мірѣ; оно зависитъ отъ 12-и причинъ, изъ которыхъ главнѣйшія суть: невѣжество, чувства, страсти, рожденіе, существованіе и т. д. Но страданію можно положить конецъ прекращеніемъ переселенія душъ и достиженіемъ Нирваны, небытія, великаго Ничто.

Для этого достаточно упражняться въ 8-ми совершенствахъ (зрѣнія, слова, сужденія, дѣйствія, жизни, примѣненія, памяти и восторга).

Всѣ совершенства, а стало быть и Нирвана, достигаются исполненіемъ предписаній Будды.

Обязанности, налагаемыя буддизмомъ, не одинаковы для избирающихъ жизнь совершенную (монахи, аскеты) и для желающихъ жить въ мірѣ. Первые должны подчиняться извѣстнымъ запретамъ (убійство, кража, прелюбодѣяніе, ложь, зависть, употребленіе одуряющихъ напитковъ, а для нѣкоторыхъ сектъ также и пляска, пѣніе, музыка, благовонія, золото, серебро и т. д.) и исполнять нѣкоторыя положительныя предписанія (милостыня, терпѣніе, дѣятельность; восторгъ и др.). Особенно настаиваетъ новый учитель на милосердіи; нужно любить бѣдныхъ и помогать имъ, ибо „плоды одного дерева имѣютъ всѣ одно происхожденіе“—говоритъ Будда.

Рожденіе не обрекаетъ никого на безчестіе и несчастье. Браминъ такъ же, какъ и парія, сынъ женщины; почему-же одинъ благороденъ, а другой низокъ? Монахи должны жить въ міра, должны выпрашивать себѣ пропитаніе и одежду, воздерживаться отъ женщинъ и принимать пищу только однажды

въ день. Міряне могутъ довольствоваться только соблюденіемъ главныхъ запретовъ, но за то они обязаны содержать монаховъ подаяніемъ.

Сущность буддизма заключается въ уничтоженіи кастъ на основаніи равенства всѣхъ людей и въ возможности избѣжать переселенія душъ путемъ добродѣтели, милосердія и знанія.

Кромѣ того, первобытный буддизмъ есть не что иное, какъ атеизмъ, такъ какъ онъ отвергаетъ твореніе и творца. Міръ вѣченъ; онъ всегда существовалъ и всегда будетъ существовать; но согласно неизблемымъ законамъ природы, онъ проходитъ черезъ четыре послѣдующихъ періода: образованія, развитія, упадка и разрушенія; затѣмъ, послѣ нѣкотораго отдыха въ хаосѣ, вѣчная послѣдовательность начинается сначала. Каждый изъ такихъ періодовъ—*Калпа* продолжается 84,000 лѣтъ.

Во всей древности нѣтъ религіи болѣе человѣчной и болѣе стремящейся къ равенству, чѣмъ буддизмъ. Къ сожалѣнію, онъ очень быстро подвергся порчѣ и искаженіямъ. Изгнанный браминами изъ Индіи послѣ десяти вѣковъ упорной борьбы, онъ распространился въ Китаѣ, Индо-Китаѣ, въ Сіамѣ, Тибетѣ и Японіи. Въ настоящее время онъ насчитываетъ 500 милліоновъ послѣдователей, но онъ глубоко искаженъ и въ немъ произошли расколы.

Сакія-Муни всегда заявлялъ, что онъ не Богъ, а послѣдователи его, усердные не по разуму, сдѣлали его богомъ, создали культъ съ храмами, идолами, моленіями, мощами, святыми и съ духовенствомъ.

Касты были возстановлены и, понятно, каста жрецовъ присвоила себѣ всѣ преимущества. Тѣмъ не менѣе буддистская этика исчезла не совсѣмъ; она много содѣйствовала смягченію нравовъ въ странахъ крайняго Востока, гдѣ еще и донынѣ съ женщинами, дѣтьми, иностранцами, всѣми слабыми существами и даже съ дикими животными обращаются съ добротой. Вѣроятно, этимъ и объясняется столь быстрое и полное подчиненіе Индо-Китая европейцамъ.

С. Вердеревская.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Сектантство въ селѣ Чичмѣ, Бессарабской губ.—Расположенность молоканъ къ принятію православія.—Упорство штундистовъ; ихъ незаконныя собранія и опасная пропаганда чрезъ „Народные листки“.—Всеподданнѣйшее ходатайство штундистовъ о свободѣ богомоленій.

Миссіонерскія бесѣды со старообрядцами въ С.-Петербургѣ.

Въ селѣ Чичмѣ жителей насчитывается болѣе двухъ тысячъ душъ обоего пола. Почти третью часть жителей составляютъ сектанты: молокане и штундо-баптисты. Сектантство здѣсь развилось и пустило глубокіе корни во времена еще румынскаго владычества. Первоначально появилось здѣсь только молоканство, а затѣмъ уже среди молоканъ стали возникать „водные“ или штундисты. И раньше, и теперь еще, Чичма, находящаяся недалеко отъ Дуная, служитъ переходнымъ пунктомъ между таврическими и заграничными сектантами. Здѣсь не разъ побывали разные сектантскія знаменитости: персіянинъ Делаковичъ, извѣстные (по бесѣдамъ съ преосв. Гуриемъ) Захаровы, нѣкто Павловъ и др. Не разъ Чичму посѣщали также нѣмцы и на собраніяхъ произносили свои смѣшныя поученія на ломаномъ русскомъ языкѣ. Рассказываютъ, что прежде здѣшніе сектанты были страшно дерзки въ отношеніи къ православнымъ. Услышавъ, напр., звонъ церковнаго колокола, они говорили: „Уже заревѣлъ бугай (быкъ)—ѣсть захотѣлъ...“ Православнымъ они нерѣдко говорили: „Спаситель принесъ намъ свободу, а вы добровольно возлагаете на свои выи ярмо: содержите церковь, священника, языческіе обряды, вѣдь, вы только поймите: сегодня свѣча, завтра свѣча, а тамъ и шуба прочь съ плеча...“ Священники тогдашніе сектантовъ боялись и всячески отъ нихъ сторонились. И одному Богу вѣдомо, какъ еще могла сохраниться здѣсь въ народѣ православная вѣра.

Такъ было вплоть до прибытія въ нашу епархію приснопамятнаго владыки Сергія (впослѣдствіи митрополита Московскаго); онъ первый вдохнулъ живую струю въ сонную жизнь нашего духовенства. Только при владыкѣ Сергіи у насъ духовенство стало интересоваться расколо-сектантствомъ и впервые появились миссіонеры. Владыки Сергія не стало, но сѣмя, имъ брошенное, не заглохло, а возросло и уже приноситъ нѣкоторый плодъ.

Теперь уже сектанты иконъ не называютъ идолами, церковнаго колокола—бугаемъ, священниковъ—жрецами... На-дняхъ у православнаго

крестьянина умеръ ребенокъ. Сосѣди-молокане явились къ священнику и просятъ дозволить имъ нести хоругви въ погребальномъ шествіи. Надняхъ же одна сектантка приняла православіе и была повѣнчана съ православнымъ и при томъ съ благословенія ея родителей. Но такъ дѣло обстоитъ по отношенію къ молоканству. Совершенно другое представляетъ изъ себя община штундо-баптистовъ, во главѣ которой стоитъ неколеблемая гордыня—„пресвитеръ“ А. Романенко. До безумія преданный сектантству, онъ прочно организовалъ здѣсь свою общину, къ тому же онъ богатъ—владеетъ двумя паровыми мельницами. Бесѣдовали съ нимъ и весьма опытные проповѣдники, бесѣдовали и менѣе опытные, но поколебать его не могли. Между прочимъ бесѣдовалъ съ нимъ нѣкогда и извѣстный миссіонеръ-слѣпецъ Шашинъ, по приглашенію того же владыки Сергія. На собесѣдованіи Романенко бываетъ совершенно глухъ къ истинѣ и только и помышляетъ о томъ, какъ бы кого уловить въ свою секту. Впрочемъ, съ нѣкотораго времени, онъ на бесѣды и вовсе не является и у себя на дому миссіонеровъ не принимаетъ. Недавно епархіальный миссіонеръ съ мѣстнымъ священникомъ попробовали зайти къ нему на домъ, предполагая завести съ нимъ бесѣду, такъ Романенко встрѣтилъ ихъ такими словами: „Чего пришли? Кто васъ сюда звалъ? Убирайтесь вонъ!..“

Когда въ 1894 году полиціей было объявлено нашимъ штундистамъ извѣстное положеніе комитета министровъ о воспрещеніи общественныхъ молитвенныхъ собраній штунды, то Романенко не пожелалъ расписаться на объявленіи и продолжалъ устраивать собранія. Это ему легко удавалось между прочимъ потому, что становой приставъ помѣщается у него на квартирѣ и смотритъ на это дѣло сквозь пальцы. Романенко не только не переставалъ устраивать въ своемъ домѣ общественныхъ молитвенныхъ собраній, но даже отдѣлалъ новое зданіе для собраній. И вотъ, въ лѣтній вечерній часъ, штундисты, открывъ окна собранія, бывало распѣвають:

„О, товарищи, смотрите,
Съ неба данъ сигналъ;
Новые полки, глядите,
Намъ Господь послалъ.

Вотъ идутъ полки чужіе.—
Сатана ведетъ,
Братья падаютъ родные,
Страхъ ужъ всѣхъ беретъ.

Знамя выше подымите,
Слушайте трубу,
Смѣло, дружно всѣ бѣгите
Въ Божию войну... и пр.

Или:

„Я знаю здѣсь церковь живую,
Въ ней сердцемъ предъ Богомъ я бдѣю,
И ангельскій гимнъ—аллилуя
Съ ней въ славу Господню спою...

О! другъ, примкни къ церкви сей членомъ!
И Богу, какъ камень живой,
Отдайся, пусть Онъ тебя въ стѣны
Положить сей церкви святой.

Воспоемъ, воспоемъ,
Всѣ Ему, всѣ Ему,—
Наши пѣсни многихъ
Къ Богу привлекутъ... и т. д.

И пѣніе это разносилось далеко-далеко по селу, достигало до ушей приходскаго священника, ложилось тяжелымъ камнемъ на его сердце и повергало его въ глубокую думу о томъ, *что тутъ дѣлать?* Пріѣдетъ къ тебѣ миссіонеръ, потужитъ, погорюетъ вмѣстѣ съ тобою и опять себѣ уѣдетъ, а ты оставайся и думы думай... Иногда, впрочемъ, полиціи удавалось разгонять собранія штунды, но не надолго. Штундисты вновь безпрепятственно собирались.

Есть сектанты, у которыхъ замѣтно желаніе искать истину, съ которыми, стало-быть, можно и разумно побесѣдовать, но есть сектанты и другого рода, которые вовсе не ищутъ истины, а только и помышляютъ, какъ бы нанести вредъ православной церкви; которые убѣждены, что ихъ Самъ Господь призвалъ кого то спасать отъ заблужденій и кому то новый путь показать, т. е., посѣять смуту среди народа... Таковы наши штундисты.

У насъ, напримѣръ, извѣстно, что „пресвитеръ“ Романенко находился въ постоянной перепискѣ съ заграничными сектантами, онъ что то имъ писалъ и что то отъ нихъ получалъ, но на это у насъ никто вниманія не обращалъ. Но вотъ, въ минувшемъ году, здѣсь случилось нѣчто очень нехорошее. Къ священнику приходитъ довольно грамотный прихожанинъ и говоритъ: — „Посмотрите, батюшка, мнѣ изъ заграницы кѣмъ то прислана какая то странная книжечка“. Священникъ посмотрѣлъ и ужаснулся: то были—Женевскіе „Народные листки“. Такія же брошюры были потомъ священникомъ найдены и отобраны еще у двухъ прихожанъ. Это были ужаснаго содержанія брошюры: „О штундѣ“, „Какъ попы поработили народъ ученіемъ Христа“, „Царское поученіе“. Священникъ сейчасъ же заявилъ о семъ мѣстному почтовому отдѣленію, и притокъ этой литературы въ народѣ былъ сразу пріостановленъ.

Понятно, что здѣсь дѣйствовали штундисты, такъ какъ и самыя книжечки составлены въ очень извѣстномъ сектантскомъ тонѣ. Полиція стала чаще разгонять собранія штунды; былъ даже составленъ протоколъ за

неповиновеніе распоряженіямъ административной власти и направлень къ мировому судѣ г. Бѣлграда. И вотъ тутъ случилось то, что очень часто, къ сожалѣнію, теперь бываетъ: *католикъ*-приставъ, возмущенный противозаконными дѣйствіями штундистовъ, составляетъ протоколъ и привлекаетъ сектантовъ къ отвѣтственности, а *православный* мировой судья находитъ дѣйствіе полиціи неправильнымъ и штундистовъ оправдываетъ. Штундисты восторжествовали; хотя, правда, не надолго. Измаильскій исправникъ В. В. III. настаиваетъ не допускать общественныхъ молитвенныхъ собраній штунды. Штундисты злятся, угрожаютъ священнику, употребляютъ разныя мѣры... Въ мѣстной газетѣ „Бессарабець“ (№ 315, 1903 г.) появляется корреспонденція, въ которой, между прочимъ, говорится, что чичманскіе „баптисты“, привлеченные къ отвѣтственности,— „за отсутствіемъ признаковъ „штундизма“, были оправданы мировымъ судьей 6 участка. Тѣмъ не менѣе собираться для общественной молитвы мѣстныя власти имъ не позволяютъ. Ясно, что преслѣдованія этихъ сектантовъ основаны на простомъ недоразумѣніи“.

И вотъ штундисты, подстрекаемые отовсюду «нашими», въ числѣ 70 душъ обоого пола, обратились къ Государю Императору съ всеподданнѣйшею телеграммою, въ которой, именуя себя *„христіанами евангелическо-баптистскаго вѣроученія, ходатайствуютъ предъ Его Императорскимъ Величествомъ о повелѣніи начальству не стѣснять свободы при богомоленіи“*. Отвѣтъ на это ходатайство нашихъ штундистовъ теперь имъ объявленъ.

Бессарабское Губернское Правленіе, отъ 19 декабря 1903 года за № 4292, просителямъ объявило подъ росписку, что «Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу Г. Министромъ Внутреннихъ дѣлъ обстоятельство настоящаго дѣла, въ 4-й день сего декабря, Высочайше соизволилъ на оставленіе означенной телеграммы безъ послѣдствій».

Такимъ образомъ, разнѣо понимаемый у насъ вопросъ объ общественныхъ молитвенныхъ собраніяхъ штунды, наконецъ, рѣшенъ Высочайшею волей въ смыслѣ ихъ недозволительности.

Свящ. Вас. Праведный.

26 Февраля, 4 и 11 марта с. г., въ залѣ „Общества рел.-яв. просвѣщенія въ духѣ православной церкви, новымъ петербургскимъ епархіальнымъ противораскольничьимъ миссіонеромъ, Д. И. Боголюбовымъ, было проведено три бесѣды со старообрядцами. Это первые шаги Д. И. на поприщѣ противораскольничьей „брани“; до сего времени онъ имѣлъ дѣло только съ сектантами. Бесѣды были назначены, по печатному объявленію, на темы:

1) „Объ источникахъ православно-христіанскаго вѣроученія“; 2) „О свойствахъ Христовой Церкви Символьной—ея составѣ, вѣчности и нео-

должности“ и 3) „О необходимости для спасенія принадлежать христіанамъ къ Христовой Церкви Символьной“,—и продолжительность каждой ограничивалась двумя часами. Бесѣды привлекли массу слушателей: громадный залъ „Общества“ и хоры были набиты биткомъ (на каждой бесѣдѣ, на глазъ, было не менѣе 2 тыс. чел.). Въ первыхъ рядахъ можно было видѣть немало интеллигентныхъ слушателей: тутъ были и военные, и чиновники, и студенты. Эстраду зала занимали собесѣдники, нѣсколько священниковъ, чиновникъ особыхъ порученій при Оберъ-Прокурорѣ Св. Синода В. М. Скворцовъ, нѣсколько человекъ студентовъ мѣстной духовной академіи и друг. лица. близко интересующіяся миссіонерскимъ дѣломъ. Бесѣды начинались въ 8 ч. веч. и кончались въ одиннадцатомъ. Очередное слово собесѣдниковъ ограничивалось опредѣленнымъ числомъ минутъ—15—20. Предметы бесѣды, какъ того и надо было ожидать знакому съ тактикой раскольничьихъ апологетовъ-собесѣдниковъ, не могли удержаться въ той опредѣленности, въ какой они были объявлены; а „необходимость для спасенія принадлежать христіанамъ къ Христовой Церкви Символьной“ совсѣмъ снята съ программы собесѣдованій, какъ предметъ по существу не пререкаемый старообрядцами, поелику всѣ они, во всѣхъ своихъ толкахъ, признаютъ означенную „необходимость“ и „уповаютъ“, что общества ихъ и есть именно истинная Церковь Христова — Символьная; а справедливо или нѣтъ они въ данномъ случаѣ „уповаютъ“, вопросъ этотъ исчерпывается второй темой — „о свойствахъ Церкви Христовой—ея составѣ“ и пр. И бесѣды проведены въ такомъ видѣ.

I.

Въ своей вступительной рѣчи г. Боголюбовъ показываетъ и выясняетъ, что источниками христіанскаго вѣроученія должны быть: Священное Писаніе, Священное Преданіе (примѣнительно къ извѣстному опредѣленію его Викентіемъ Лиринскимъ) и согласныя съ нимъ творенія св. отцовъ и ставить старообрядцамъ вопросъ—согласны-ли они съ этимъ? Со стороны старообрядцевъ въ качествѣ собесѣдника выступилъ начетчикъ австрійскаго толка—Хромовъ и заявляетъ, что со словами миссіонера они вполне согласны. Судя по „объявленной“ темѣ и рѣчи миссіонера—тутъ-бы, казалось, и конецъ бесѣдѣ; однако тутъ бесѣда только начиналась, но уже неизбежно на другую тему. Хромовъ говоритъ: „все, что сказали миссіонеръ, мы, старообрядцы, принимаемъ и хранимъ, а его церковь православная-то это нарушила, отвергнувши преданія св. отцовъ“. Вычитывается выдержки о необходимости хранить Священное Преданіе (91 пр. Вас. Вел.), о прещеніяхъ на отвергающихъ оное и пр. под. и, сославшись на примѣчаніе въ греч. „Педаліонѣ“ въ изслѣдованіи Никольскаго, на Петра Дамаскина, и Тихвинскую икону Божіей Матери, по преданію написанной евангелистомъ Лукой, дѣлаетъ выводъ, что двуперстіе было

древнимъ апостольскимъ преданіемъ, которое якобы отвергнуто Б. Московскимъ Соборомъ 1667 г., и ставитъ миссіонеру вопросъ, справедливо-ли Московскій соборъ 1667 г., узаконя троеперстіе, назвалъ оное апостольскимъ преданіемъ?

Д. И. разъясняетъ, что, по внутреннему своему знаменованію,—Св. Троицы и двухъ естествъ во Христѣ, троеперстіе—апостольскаго происхожденія.

Хромовъ говоритъ, что во Святую Троицу и два естества — вѣровали и многіе еретики и все-таки были еретиками. Къ тому же по собору. 1667 г. „два перста празды“ считаются, а не знаменуютъ двухъ естествъ и повторяетъ прежнія выдержки о двуперстіи.

Миссіонеръ дѣлаетъ (на основаніи извѣстныхъ уже въ противорасколн. литературѣ свѣдѣній) разборъ приведенныхъ собесѣдникомъ доказательствъ древности двуперстія—отъ Тихвинской иконы Божіей Матери и Петра Дамаскина. Говоритъ объ обрядности перстосложенія, объ измѣняемости обряда въ церкви и заключаетъ рѣчь вопросомъ, какія догматическія преданія нарушила православная церковь?

Хромовъ не удовлетворяется отвѣтомъ и проситъ показать правду собора 1667 г. о троеперстіи, какъ апостольскомъ преданіи.

Въ бесѣду вступилъ помощникъ редактора „Миссіонерскаго Обзорія“ Н. М. Гринякинъ. Онъ выяснилъ, что 1) 91 пр. Вас. Вел., на которое ссылается Хромовъ и въ текстуальномъ видѣ и въ примѣчаніи „Педаліона“ Никольскаго—о крестномъ знаменіи (а не только о перстахъ), въ Кормчей надписывается: „о церковныхъ *обычаяхъ*“ (а не догматахъ), не оставленныхъ до святого отца „письменно“, 2) В. Соборникъ на л. 340, говоря объ иконѣ Божіей Матери, написанной, по преданію, Ев. Лукою, подробно описываетъ ликъ Богоматери и ничего не говоритъ о предвѣчномъ Младенцѣ—съ двуперстіемъ (якобы), и 3) древность троеперстія апостольская въ „неписаномъ“ преданіи подтверждена авторитетомъ Восточныхъ патріарховъ: Макарія Антиохійскаго, Паисія Александрійскаго, Паисія Константинопольскаго и др. Свою рѣчь г. Гринякинъ закончилъ вопросомъ къ Хромову: „вы говорите—наша церковь нарушила преданіе—о двуперстіи; авторитетомъ тутъ у васъ служитъ стоглавый соборъ; будемъ пока объ этомъ преданіи и говорить. На 401 л. Кормчей пишется: „соборъ, не послѣдующій прежде его бывшимъ святымъ соборомъ, не святъ есть, но и скверенъ и отверженъ“, скажите, теперь, какому „святому собору“ послѣдовалъ Стоглавъ, изрекшій: „аще кто не креститъ или не воображаетъ на себѣ знаменія крестнаго, якоже и *Христосъ, двумя персты*, да будетъ проклятъ, святіи отцы рекоша“ (31 гл.), скажите, повторяю, какому святому собору послѣдовалъ тутъ Стоглавъ, чтобы намъ считать его и его постановленіе святымъ?“

Изъ наступательнаго положеніе австрійскаго начетчика становится оборонительнымъ, и при всѣхъ его, не идущихъ къ дѣлу разглагольствіяхъ, вопросъ, данный ему, остается безъ отвѣта.

Гринякинъ говоритъ затѣмъ (примѣнительно къ раскольникамъ) о неспасительности обряда вѣнъ церкви и указываетъ на то, что если исполненіе заповѣдей Господнихъ люди будутъ пытаться замѣнить исполненіемъ однихъ обрядовъ, то послѣдніе являются мерзостью предъ Богомъ: „курение отвратительно для Меня, новомѣсячій и субботъ, праздничныхъ собраній не могу терпѣть... новомѣсячія ваши и праздники ваши ненавиждитъ душа Моя“—говоритъ Господь беззаконному, забывшему волю Божию, Израилю, устами пророка (Ис. 1, 13—15; Іер. 14, 12 и др.), хотя куренія, новомѣсячія и субботы—были обрядами, установленными Самимъ Богомъ.

Д. И., обобщивъ бесѣду, дѣлаетъ заключеніе о чистотѣ православной церкви отъ обвиненія въ нарушеніи священнаго преданія и ея истинности и спасительности.

II.

Вторая бесѣда посвящена была—перстосложенію для крестнаго знаменія. За свое перстосложеніе—двуперстное или троеперстное—миссіонеромъ и его собесѣдникомъ приводились основанія, уже извѣстныя въ миссіонерской литературѣ. Съ особенной настойчивостью раскольничьимъ начетчикомъ цитовались любезныя ему мнѣнія Каптерева и Никольскаго (изъ Педаліона), порывался онъ доказывать „и другія ереси“ за православною церковью (оригеновскую изъ „Жезла Правленія“—о одновременности зачатія и одушевленія человѣка и др.), заводилъ рѣчь о порицаніяхъ на двуперстіе, о соборѣ на еретика Мартина и др. под., и съ особенною увѣренностью утверждалъ, что измѣненіе двуперстія есть ересь.

Д. И. Боголюбовъ, выходя изъ основнаго положенія о свящ. Преданіи (по Викентію Лиринскому), возражалъ противъ общецерковности двуперстія, разобралъ нареканіе на св. Димитрія Ростовскаго, посадившаго якобы на двуперстіе демона, и вычиталъ изъ догм. Богословія м. Макарія о зачатіи человѣка—противъ „оригеновской“ ереси.

Н. М. Гринякинъ, выяснивъ несостоятельность Стоглава, основы двуперстія, съ канонической стороны ¹⁾, показалъ, что раскольничій собе-

¹⁾ Одинъ изъ ревнителей старообрядчества—старикъ тутъ не вытерпѣлъ: попросилъ слова и заговорилъ о святыхъ отцахъ, установившихъ двуперстіе, причисляя къ нимъ и членовъ Стоглаваго собора. Хромовъ поддержалъ его, указавъ на Стогл. соборѣ св. Гурія *Казанскаго*. Гринякинъ попросилъ у него Стоглав., чтобы показать, что на стогл. соборѣ былъ Гурій *Смоленскій*, а не Казанскій. Стоглава не оказалось. На бесѣдѣ вообще была весьма ощутительна скудость старопечатныхъ книгъ. У миссіонера ихъ было 4—5, а у Хромова, кажется, ни одной: онъ пробавлялся маленькими книжечками гражданской печати.

сѣдникъ, полагая въ измѣненіи *двуверстія ересь*, расходится со своимъ епископомъ“ Арс. Швецовымъ, который въ своей книгѣ—„Истинность старообрядчествующей іерархіи“ (стр. 10) считаетъ *двуверстіе обрядомъ*, и что „сушнй смыслъ старообрядчества“, по Швецову, содержится въ народной борьбѣ собственно не противъ никоновскихъ *обрядовыхъ* нововведеній... (стр. 191).

Затѣмъ Н. М., имѣя въ виду обвиненіе православной церкви раскольниковымъ начетчикомъ въ нарушеніи преданій, вычитаетъ изъ той же книги Швецова, что преданіе нарушено именно въ расколѣ, такъ какъ, напимѣръ, православная церковь держится іерархіи старой преемственно-апостольской, а Швецовъ въ своей „Истинности“ не постѣснялся назвать свою іерархію „новой“ (стр. 191); по ученію Слова Божія, и свв. отецъ, Церковь Христова всегда руководится Духомъ Святымъ, а, по Швецову, раскольниковье общество (это якобы церковь-то) до „новой“ іерархіи предавалось вожденію своихъ, каждому народу прирожденно свойственныхъ, инстинктовъ... несознательно... безразсудительно“ (191 стр.).

Миссіонеръ сдѣлалъ заключеніе о православіи нашей св. церкви и неспасительности раскола.

На третью бесѣду старообрядцами былъ вызванъ изъ Самары извѣстный апологетъ австрійщины, К. Перетрухинъ. Объ этой бесѣдѣ сообщимъ особо.

NN.

Корреспонденція «Миссіонерскаго Обозрѣнія», извѣстія и замѣтки.

Рѣчь высокопреосвященнаго митрополита Антонія.

* 24-го февраля, на торжествѣ празднованія въ Высочайшемъ присутствіи столѣтія со дня основанія Императорскаго клиническаго повивальнаго института и освященія его новыхъ зданій, высокопреосвященный Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій, сказалъ предъ молебствіемъ слѣдующее слово:

«Всѣмъ намъ, собравшимся здѣсь на молитву, Господь судилъ быть участниками свѣтлаго торжества столѣтняго юбилея Императорскаго клиническаго повивальнаго института и освященіе его новыхъ прекрасныхъ зданій со всѣми приспособленіями послѣдняго слова науки. Такой институтъ по всей справедливости слѣдуетъ считать однимъ изъ благотѣлнѣйшихъ человѣческихъ учрежденій. Облегчить страданія женщины-родительницы, сохранить для дитяти мать и для матери дитя, содѣйствовать распространенію свѣта знанія къ облегченію страданій рождающихъ матерей и за стѣнами института,—таковы его прекрасныя и высоко-гуманныя задачи. Въ рожденіи младенца для рождающей его матери есть два момента: одинъ скорбный, другой радостный. Рождающая мучится, родившая радуется. «Женщина, когда рождаетъ,—говорить Господь,—терпитъ скорбь, потому что припелъ часъ ея, но когда родитъ младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человѣкъ въ міръ», и чувство жизни есть высшее чувство радости для человѣка. Родившійся же младенецъ есть живое, очевидное свидѣтельство продолжающейся жизни. Поэтому-то и мать родившая и всѣ ее окружающіе радуются родившемуся дитяти. Итакъ, содѣйствуя облегченію страданій рождающей и сохраняя жизнь ея и новорожденнаго, институтъ содѣйствуетъ утвержденію радости въ людяхъ. Какая свѣтлая задача. Какое высокое назначеніе! А чѣмъ больше дѣтей на свѣтѣ, тѣмъ лучше, тѣмъ жизнь свѣтлѣе и краше. И не въ смыслѣ только государственномъ, не въ смыслѣ сохраненія населенія Имперіи это лучше,—нѣтъ, это лучшее въ высокомъ нравственномъ, христіанскомъ назначеніи. Дѣти—живые носители свѣта Божьяго и Царства Божія на землѣ. Дѣти очищаютъ, возвышаютъ и облагораживаютъ жизнь. Безъ нихъ люди и огрубѣли бы, одичали и ожесточились. Дѣтьми они воспитываются до уразумленія Царства Божія еще

здѣсь на землѣ, чрезъ нихъ просвѣтляются. Посему-то и Христосъ постоянно говорилъ окружающимъ его, что если они не обратятся и не будутъ какъ дѣти, то не войдутъ въ Царство Небесное. И къ дѣтямъ Онъ заповѣдалъ относиться съ нѣжною бережливостію. «Смотрите, не презирайте ни одного изъ малыхъ сихъ, ибо сказываю вамъ, что ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лице Отца Моего Небеснаго». Итакъ, сохраненіемъ жизней матерей и дѣтей, институтъ призванъ содѣйствовать утвержденію въ жизни нашей свѣта и радости. Возблагодаримъ же Господа за протекшую его столѣтнюю плодотворную дѣятельность и помолимся, да благопоспѣшитъ ему Господь своимъ благословеніемъ и своею милостію и въ будущей его дѣятельности съ успѣхомъ содѣйствовать утвержденію радости среди людей сохраненіемъ жизни рождающихъ и рождаемыхъ матерей и дѣтей. Аминь».

Новое многополезное распоряженіе Орловскаго епископа.

Въ одной изъ предыдущихъ кн. нашего журнала, мы отмѣтили и подчеркнули къ свѣдѣнію нашихъ читателей полезное руководственное распоряженіе досточимаго Орловскаго архипастыря касательно проповѣдничества. Въ настоящій разъ долгомъ считаемъ отмѣтить новое, не менѣе важное распоряженіе маститаго архипастыря, направленное къ практической подготовкѣ кандидатовъ священства—семинаристовъ къ богослужебному *собесѣдовательному* проповѣдничеству. По предложенію Преосвященнаго, въ семинаріи учреждено совершеніе торжеств. вечереи въ семинарскомъ храмѣ, съ послѣдующими затѣмъ *внѣбогослужебными собесѣдованіями и чтеніями*. Первая торжественная вечерня была отслужена ректоромъ семинаріи въ воскресенье, 25-го, въ 4 часа по-полудни. На правомъ клиросѣ пѣли ученики 5-го класса, 1-го отдѣленія, подъ управленіемъ учителя пѣнія, регента Архіерейскаго хора, О. Яковлева, а на лѣвомъ клиросѣ—ученики 6-го класса, 2-го отдѣленія. Пѣніе было весьма стройное и гармоничное; въ особенности хорошо были исполнены стихиры на Господи воззвахъ и Богородичень, Кіевскаго распѣва. Послѣ вечерни въ актовомъ семинарскомъ залѣ состоялось *внѣбогослужебное чтеніе* на тему „О значеніи воскресныхъ и праздничныхъ дней“. Чтеніе это состояло изъ двухъ отдѣленій. Предъ первымъ отдѣленіемъ всѣми собравшимися учениками было пропѣто „Царю Небесный“ и затѣмъ учениками 5-го класса, 1-го отдѣленія—Богородичень на стиховнѣ, 2-го гласа, Кіевскаго распѣва, по переложенію Фатѣва. Послѣ такого начала преподаватель гомилетики А. Сухозанецъ въ устной бесѣдѣ познакомилъ слушателей съ взглядомъ Церкви на праздничные и воскресные дни и выяснилъ высокое превосходство этого

взгляда предъ взглядами на названные дни современныхъ политико-экономистовъ. Въ перерывѣ между первымъ и вторымъ отдѣленіями чтенія хоръ воспитанниковъ исполнилъ „На рѣкахъ Вавилонскихъ“, Знаменнаго распѣва. Затѣмъ воспитанникъ 6-го класса 2-го отдѣленія, М. Лавровъ, прочиталъ изъ статьи проф. Пѣвницкаго „О воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ“ (въ приложеніи къ жур. „Миссіонерское Обозрѣніе“ за 1901 г.) изложеніе и опроверженіе взгляда нѣкоторыхъ современныхъ публицистовъ на убыточность праздничныхъ дней для благосостоянія русскаго народа. По окончаніи чтенія—въ 5½ час.—всѣми воспитанниками было пропѣто „Достойно есть“.

За вечернею и на чтеніи присутствовали, по свободному желанію, воспитанники всѣхъ классовъ семинаріи въ количествѣ отъ 200 до 250 чел., а также начальствующія въ семинаріи лица, преподаватели, помощники инспектора и нѣкоторые посторонніе слушатели.

Такъ было положено начало новому, къ сожалѣнію, дѣлу не для одной только Орловской семинаріи. Важность этого нововведенія несомнѣнна. Заботясь о поддержаніи и развитіи въ народѣ религіознаго чувства, и Св. Синодъ, и мѣстное епархіальное начальство неоднократно призывали всѣхъ приходскихъ священниковъ усилить свои проповѣдническіе труды какъ при богослуженіи, такъ и во внѣбогослужебное время. Съ тою же цѣлью Св. Синодъ разослалъ по всѣмъ церквамъ нотныя церковныя книги, гдѣ заключается, можно сказать, сокровища пѣсенныя, обнаруженіе которыхъ настоятельно необходимо для упорядоченія церковнаго пѣнія. Къ сожалѣнію, всѣ эти мѣры далеко не всегда осуществляются на практикѣ. Рѣдко гдѣ ведутся внѣбогослужебныя собесѣдованія (именно *собесѣдованія*, а не чтенія), а внѣбогослужебныя чтенія часто носятъ слишкомъ случайный характеръ, не отвѣчающій запросамъ и нуждамъ слушателей. Также и разосланныя Св. Синодомъ нотныя книги почти всегда остаются безъ употребленія, и въ храмахъ попрежнему слышится самое разнообразное пѣніе. Такая малая успѣшность указанныхъ мѣръ объясняется тѣмъ, что приходскимъ пастырямъ, какъ городскимъ, такъ особенно сельскимъ, не достаетъ ближайшаго руководства, при помощи котораго они могли бы найти наиболѣе подходящій матеріалъ и методъ для *внѣбогослужебнаго учительства* и вполне оцѣнить высокія достоинства синодальныхъ пѣвческихъ сборниковъ. Поэтому на семинаріи, какъ „колыбели священства“, лежитъ нравственный долгъ не только дать теоретическое богословское образованіе своимъ питомцамъ—будущимъ пастырямъ, но и *практически* приучить ихъ къ веденію церковнаго и внѣцерковнаго учительства во всѣхъ его видахъ, познакомить ихъ съ наиболѣе подходящими для этой цѣли книгами, брошюрками и листками, а также и съ тѣми священными пѣснопѣніями, которыя содержатся въ синодальныхъ нотныхъ изданіяхъ. Только при этомъ условіи изъ семинаріи могутъ вы-

ходить пастыри церкви, вполне подготовленные для выполнения предначертаний высшей церковной Власти относительно усиления проповѣдничества и упорядоченія богослуженія, въ особенности-же пѣнія при богослуженіи. Если бы вездѣ были учреждены при семинаріяхъ торжественныя вечерни и внѣбогослужебныя собесѣдованія и чтенія, то это было бы наилучшимъ средствомъ къ подъему пастырскаго церковнаго и внѣцерковнаго учительства, такъ какъ тогда ученики семинаріи, еще на школьной скамьѣ, подъ руководствомъ преподавателя гомилетики, практически знакомятся и съ матеріаломъ для внѣцерковнаго учительства, и съ самымъ веденіемъ внѣбогослужебныхъ чтеній, въ будущемъ-же и собесѣдованій, а подъ руководствомъ учителя пѣнія—съ лучшими образцами церковнаго пѣнія.

— 003.

Сектантскія снадобья.

Чтобы сдѣлать невозможными супружескія сношенія между намѣченными жертвами, тайные сектанты (духовные скопцы и хлысты), повидимому, прибѣгаютъ иногда къ нѣкоторымъ „снадобьямъ“. По разсказу одного православнаго мужичка Пронскаго уѣзда, въ бытность его въ Москвѣ въ услуженіи, онъ въ свободное время похаживалъ къ своей сестрѣ, проживавшей у сектантовъ. Сектанты принимали его, повидимому, очень радушно: постоянно попоймали его чайкомъ, да еще не простымъ, а съ какими-то подливками. Конечно, чаекъ для мужичка дѣло весьма пріятное. Но непріятнымъ оказалось то, что ни съ того, ни съ сего у мужичка стало развиваться половое безсиліе. Какъ ни неопытенъ былъ въ такого рода дѣлахъ мужичекъ, однако онъ понялъ, что у него какая-то болѣзнь, и обратился къ врачу. Тотъ сталъ допрашивать его, не употреблялъ ли онъ чего. Отвѣтъ, конечно, получился отрицательный. Врачъ просилъ припомнить получше. Припомнилъ мужичекъ, и съ увѣренностью рѣшилъ, что бѣда могла произойти только отъ тѣхъ подливокъ къ чаю, которыми угощали его сектанты. Чай, конечно, были брошены, и мужичекъ сталъ поправляться. На окончательное излѣченіе потрбовалось около двухъ лѣтъ.

Хлыстовскій валепюкъ.

Для письменныхъ сношеній и для разговора между собою у хлыстовъ имѣется особый языкъ. Сущность языка ихъ состоитъ въ томъ, что буквы каждаго слога переставляются въ обратномъ порядкѣ (при чемъ, по малообразованности-ли или же просто для удобства произношенія) дѣленіе на слоги не всегда выдерживается. Такъ, напр., фразу: *сва тѣ при ше лѣ ко мнѣ за кнѣ ю ѣ* по-хлыстовски нужно произнести такъ: *австѣ пртеишл окнѣм аз интой*. Другой примѣръ: *завтра будетъ собраніе въ селѣ Черныхъ Курганыхъ* По-хлыстовски эту фразу нужно написать такъ: *азартѣв убедѣт босаріне въ сѣл Речинѣхъ Руканѣхъ*“.

ОТКЛИКИ.

Изъ дневника о. І. Кронштадтскаго въ обличеніе лжеученія
гр. Толстого ¹⁾.

Толстой извратилъ весь смыслъ христіанства, все понялъ наизпанку, ибо все можно лукавому уму и сердцу человѣческому извращать, называть свѣтъ тьмою и тьму свѣтомъ, сладкое горькимъ и горькое сладкимъ; прекрасное безобразнымъ—и наоборотъ, по подобію древнихъ софистовъ; Толстой отвергаетъ весь Символь Вѣры, не вѣритъ ни въ Троицу, ни въ воплощеніе, ни въ чудеса Христовы, ни въ искупительныя страданія Его, ни въ воскресеніе, ни въ вознесеніе на небо, ни во второе пришествіе Христово, ни въ будущій судъ, ни въ церковь, ни въ крещеніе, ни въ воскресеніе мертвыхъ, ни въ жизнь будущую. Хочетъ, чтобы люди не вѣрили Слову Божію, а вѣрили ему, самозванному учителю Толстому, или вѣрили одному человѣческому разуму, извращенному, помраченному, слѣпому, близорукому. Почему же вѣрить Толстому? Что онъ за авторитетъ! Кто знаетъ слѣпоту человѣческаго разума: какъ заблуждались люди до пришествія Христа на землю, какая была тьма невѣдѣнія истиннаго Бога, тьма идольская. Какой свѣтъ разума возсіялъ съ пришествіемъ Христа на землю? Какой свѣтъ въ Евангеліи!

* * *

Левъ Толстой клонилъ всѣ свои разсужденія богохульныя къ тому, чтобы убѣдить, хотя недальновидныхъ и сомнѣтельныхъ людей, что въ нашихъ познаніяхъ и изслѣдованіяхъ научныхъ всему голова—нашъ разумъ и мѣра его пониманія, и чего онъ не понимаетъ, хотя бы это былъ высочайшій и непостижимый предметъ нашей вѣры,—Господь Богъ,—того онъ и принимать не долженъ и въ то вѣрить не долженъ, какъ неподходящее подъ мѣ-

¹⁾ «Мисс. Обзор.», кн. 3, 396 -400.

рило разума, и что человѣкъ можетъ достигать совершенства безъ помощи Божіей (въ Бога онъ не вѣритъ), собственнымъ разумомъ. Но на себѣ самомъ Толстой показалъ, до чего можетъ дойти такой человѣкъ: онъ своимъ помраченнымъ отъ гордости и самомнѣнія разумомъ дошелъ до нелѣпыхъ и бессмысленныхъ положеній, — до невѣрія въ Бога Личнаго, Бога въ Троицѣ, въ сотвореніе міра изъ ничего, въ сотвореніе человѣка по образу и подобию Божію, въ первоначальную испытательную заповѣдь Творца или вступленіе Творца въ завѣтъ съ словесной тварью, разумно-свободною, нуждавшеюся въ завѣтѣ и соблюденіи его, — въ вольное паденіе человѣка и дерзновенное разрушеніе завѣта и своей цѣлости душевной и тѣлесной, своего міра и блаженного состоянія; въ необходимость искупленій Богочеловѣка, въ обѣтованія и пророчества о Немъ въ книгахъ закона Моисеева, въ пришествіе общаго Спасителя, Его проповѣдь и все искупительное дѣло. Толстой дошелъ до отверженія абсолютныхъ необходимыхъ всеспасительныхъ истинъ, и погибнетъ во вѣки. Это — урокъ всѣмъ, довѣряющимъ слишкомъ своему разуму и недовѣряющимъ свидѣтельству самой Истины, Самому Иисусу Христу, преподавшему намъ истинное ученіе о Троицѣ, сотвореніи міра и человѣка, о паденіи и искушеніи, о необходимости покаянія, причащенія Св. Тайнъ, о воскресеніи мертвыхъ, о судѣ и вѣчной мукѣ и царствіи небесномъ.

* * *

Не вѣритъ Толстой поврежденію, растлѣнію человѣческаго рода и каждаго человѣка въ самомъ корнѣ (Адама и Евы), во глубинѣ существа, что человѣкъ самъ по себѣ безъ помощи Божіей не можетъ успѣть ни въ какой добродѣтели, что всѣ усилія его въ этомъ родѣ безъ помощи Божіей — тщетны, «безъ Мене, сказано, не можете творити ничесоже», а вѣритъ, вопреки истинѣ и всегдашнему общему опыту, что человѣкъ самъ можетъ достигать совершенства, при помощи современной науки. Опасно, губительно заблуждается Толстой и вводитъ въ заблужденіе юношество и вообще неутвердившееся въ вѣрѣ человѣчество, отводя его отъ церкви, у которой истинный разумъ Божій, ибо сказано — «мы умъ Христовъ

имамъ», и навязывая ему свою ложь и называя ее истиннымъ ученіемъ.

* *
*

Въ сочиненіи Л. Толстого логическая ложь: ложно основаніе, ложны и слѣдствія. Ложно предложеніе, будто вселенскій символъ вѣры есть ложный (отъ Духа Истины происшедшій-то), что св. Троица не Троица, что Богъ не можетъ быть одинъ въ Троицѣ, ложно предложеніе, что Сынъ Божій не воплотился и не былъ Спасителемъ человѣческаго рода: не воплощенъ, не крестился, не страдалъ, не умиралъ, не воскресъ, не вознесся на небо, не придетъ судить, что не будетъ воскресенія, второго пришествія; ложно, что нѣтъ третьяго лица—Духа Святаго; что церковь не истинна, а ложна и т. д.—всѣ предложенія ложны и всѣ выводы ложны; ложь, что догматы вѣры преподаются въ такомъ возрастѣ, въ которомъ дѣти не понимаютъ ничего, что напрасно учить ихъ будто бы бессмыслицѣ, будто бы сказкамъ, или будто бы напрасно простой народъ учить, ничего не понимающій, или которому некогда этимъ заниматься; ложно предложеніе, что Библія—сказка, Евангеліе—тоже, ложно предложеніе, что Богъ, страшно и выговорить, сердится (гнѣвается праведно—другое дѣло), что Онъ несправедливъ; ложны и послышки, будто не будетъ воздаянія, не будетъ вѣчной муки грѣшникамъ нераскаяннымъ. Ложно и то положеніе, что церковь и духовенство проповѣдуютъ ложь, нелѣпость. Вотъ Толстой, дѣйствительно, проповѣдуетъ явную ложь и его слушать нельзя, ему вѣрить, какъ злонамѣренному лжецу,—пагубно. Онъ—преднамѣренный, злонамѣренный лжець и то, что онъ утверждаетъ о предметахъ вѣры нашей, все ложно.

* *
*

У Толстого въ головѣ нѣтъ ни альфы ни омеги, ни разумнаго личнаго Творца, ни твари, ни грѣха, ни добродѣтели, ни паденія, ни возстанія человѣческаго, ни Спасителя, ни спасаемыхъ; никакой связи въ мірѣ и человѣческомъ родѣ, ни исторической, ни логической, ни предметной, истинный во всемъ хаосъ. Онъ не признаетъ священства, богооткровеннаго сказанія о началѣ міра

и человѣка и жизни человѣческаго рода до потопа и послѣ потопа, не вѣрить въ сказаніе о потопѣ и жизни людей послѣ потопа; не видитъ цѣли потопа, не признаетъ нравственнаго закона и Законодателя и Судіи человѣческаго рода и каждаго человѣка въ отдѣльности; все онъ отвергаетъ, все считаетъ за сказку: связь Ветхаго завѣта съ Новымъ и премудрыя, праведныя и всеблагія судьбы Божіи въ человѣческомъ родѣ,—постепенное приготовленіе людей къ принятію обѣщаннаго Мессіи-Спасителя чрезъ обѣтованія пророчества и прообразованія,—пришествіе въ міръ обѣщаннаго Спасителя, Его безсѣмное рожденіе отъ Духа Св. и Дѣвы Маріи, словомъ, отвергаетъ Богочеловѣчество Христа и всѣ догматы христіанской вѣры. Съ такимъ невѣромъ, ослѣпившимъ себя добровольно, говорить серьезно ни о чемъ святомъ нельзя.

«Никто же знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ и ему же еще волишь Сынъ открыть»,—читаемъ во св. Евангеліи. Безъ откровенія Божія падшій умъ человѣческій не можетъ познать таинство Святой Троицы. И Богъ вѣрующимъ въ простотѣ сердца открываетъ эту тайну, насколько можно открыть это непостижимое естество. Толстому, по его гордости, лукавству и безвѣрію не открыта эта тайна и онъ не вѣритъ ей и глумится надъ ней. Онъ, въ своей богохульной брошюрѣ, все дорогое, святое, праведное, утѣшительное, спасительное, просвѣтительное,—все, чѣмъ живетъ, дышетъ, крѣпится душа христіанская, все отнимаетъ и самъ на мѣсто отнятаго ничего не даетъ, и оставляетъ душу въ хаосѣ, пустотѣ, мракѣ, въ состояніи безутѣшномъ и безпросвѣтномъ. Это вольное сумасшествіе; у него, Толстого, попаніе всѣхъ законовъ мышленія,—всякой истины и правды, у него сатанинская, полная безстыдства, хитросплетенная, насмѣшливая надъ всякой святыней ложь.

Толстой въ своемъ Обращеніи дерзко вызываетъ на состязаніе съ собою папъ, кардиналовъ, епископовъ, суперинтендентовъ, священниковъ, пасторовъ и все христіанское духовное сословіе, и обличаетъ всѣхъ ихъ въ тенденціозной лжи и обманѣ; онъ утверждаетъ, что правда только у него, у Толстого; что у него, только у него, истинный разумъ, у него только нужно учиться истинѣ,—что вся Библия, все Евангеліе—ложь, что вся церковная исторія, все ученіе церковное, всѣ соборы, всѣ вѣроопредѣленія, всѣ каноны все-

ленскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцовъ—преднамѣренный обманъ. Милостивые государи и милостивыя государыни, мужескій и женскій полъ рода христіанскаго! Васъ всѣхъ хочетъ одурачить Толстой. Но вѣдь мы въ здоровомъ умѣ, въ здоровомъ смыслѣ, вся наша прожитая жизнь, наше сердце увѣряютъ насъ, что мы знаемъ истину, что мы обрѣли вѣру истинную и спасаемся ею, утѣшаемся ею, и чаемъ жизни будущаго вѣка.—Чѣмъ же этотъ самозванецъ Толстой увѣрить насъ, что будто бы на его сторонѣ истина. Нѣтъ, Толстой—полный невѣжда въ отношеніи религіи. Онъ не знаетъ премудраго плана божественнаго домостроительнаго спасенія рода человѣческаго, не допускаетъ паденія первыхъ людей въ грѣхъ и не вѣритъ въ растлѣніе и омраченіе грѣхомъ всего рода человѣческаго, не вѣруетъ въ пѣстунство Божіе надъ падшимъ человечествомъ въ продолженіи тысячелѣтій и искупленіе его воплотившимся Сыномъ Божіимъ, и все то, что отвергаетъ Толстой, именно, религіозное обученіе дѣтей и знаніе ими исторіи Ветхаго и Новаго завѣта, особенно нужно, какъ для Толстого, такъ и для всѣхъ дѣтей, а онъ, Толстой, этого-то, необходимаго, этой-то азбуки христіанской не знаетъ и являетъ собой религіознаго невѣжду, хотя нельзя не признать его умѣлымъ романистомъ, краснобаемъ, умѣющимъ слагать красивыя по наружности и увлекающія недалёковидныхъ словесныя сѣти. Съ Толстымъ, какъ съ умопомѣшаннымъ, у котораго *idée fixe*, нельзя говорить; онъ вѣритъ только въ себя и въ подобныхъ себѣ людей съ предвзятыми, какъ онъ, мыслями; у него діавольская неисправимая гордость, и онъ умретъ съ нею. Ими же всѣи судьбами, Ты Самъ, долготерпѣливый Господи, спаси сего, помраченнаго!

Христосъ наша сила!

(Мысли пастыря церкви по поводу войны).

Съ удивительнымъ единодушіемъ все русское общество горитъ желаніемъ постоять за родину.

Какъ отнесется духовенство?

Не должно ли оно, и во дни войны, остаться духовенствомъ—не тѣмъ духовенствомъ, ко всему безучастнымъ, какимъ знаютъ

его иные, но истиннымъ служителемъ алтаря Христова, истиннымъ патриотомъ небеснаго отечества.

«Неужели въ эти страшные дни, пишетъ г. Меньшиковъ, противъ коническихъ пуль и ядеръ мы выдвинемъ стихотворцевъ и псалмопѣвцевъ?... Нужны мины Уайтреда, пулеметы Максима, уголь Кардифъ; пироксилинъ, винтовки. Нужна огромная серьезность, желѣзное мужество, талантъ.... Давайте, если вы дѣйствительно патріоты, денегъ, припасовъ, орудій, знанія, ума и таланта».

Почтенный публицистъ правъ. Честь и слава его искренности. Да проститъ его Господь, если въ доброй, искренней горячности онъ не доскажетъ чего-нибудь, или неволью кого-нибудь толкнуть и ушибеть.

Но у духовенства должна быть своя духовная точка зрѣнія на войну и на соучастіе въ ней.

Духовенство должно досказать тѣ слова, которыя мірскими людьми или открыто пренебрегаются или забываются или замалчиваются изъ ложнаго стыда.

Христосъ моя сила, Богъ и Господь — вотъ это «забытыя» слова.

«Мины, пулеметы, винтовки»... конечно.

Но у нашего врага этого добра не меньше.

«Серьезность, мужество, талантъ, деньги, припасы, орудія, знанія» — все это у него есть, но все это дѣлаетъ его только вѣроломнымъ и... ничтожнымъ. Онъ не имѣетъ другого упованія, кромѣ внѣшней силы, не имѣетъ другой цѣли, кромѣ — «борьбы за существованіе».

Оттого то, не смотря на своихъ союзниковъ, на свои орудія, на свои знанія, онъ такъ неразуменъ, неостороженъ и опасенъ не намъ, а самому себѣ.

Если мы стали такими же негодяями (негодными для истинной жизни), какъ нашъ врагъ, то нечего и говорить о какой то «великой задачѣ», нечего и пророчить о какой то особой роли въ исторіи. Наша роль будетъ скучнымъ повтореніемъ годовъ.

Игра не стоитъ свѣчь, овчинка — выдѣлки.

— Ты идешь противъ меня съ копьемъ и мечемъ, а я иду во имя Господа Бога Израилева, — сказалъ когда-то первый «псалмопѣвецъ» богохульствовавшему Голиафу.

Псалмопѣвецъ остался побѣдителемъ. Россія воюетъ не съ Японіей, а съ міромъ.

А по отношенію къ міру, что такое Россія, какъ не одинокій Давидъ?

А міръ, по отношенію къ Россіи, что иное, какъ не гордый броненосецъ Голіафъ?

«Христосъ—моя сила»—боголюбно *воспѣвала* до сихъ поръ честная русская церковь—земля,—и стала тѣмъ, что есть. Пока она будетъ такъ *воспѣвать*, ей Голіафъ-нестрашенъ, въ какую бы броню онъ ни былъ закованъ.

Онъ погибнетъ отъ собственнаго меча.

Христосъ непобѣдимъ.

Пусть добрые патріоты пробуждаютъ внѣшнее мужество, пусть воины сражаются мечемъ, писатели перомъ, мы, духовные, должны соучаствовать въ войнѣ, какъ духовные; мы должны *исправлять* недостающее *духомъ кротости*, силою вѣры и любви Христа.

Вѣры, вѣры, побольше вѣры и надежды на Господа Бога. Именно это и должны проповѣдывать народу служители Христова алтаря въ настоящее время. Именно это служить скрытымъ регуляторомъ русской стихіи. Обнажите этотъ регуляторъ, обнаружьте его, сдѣлайте его сознательнымъ, исключительнымъ, единственнымъ импульсомъ жизни и вы сдѣлаете очень много для пораженія врага.

Когда я читалъ своимъ прихожанамъ Высочайшій Манифестъ,—народъ тревожно волновался. Когда я читалъ имъ о патріотическихъ манифестаціяхъ, на всѣхъ лицахъ выражались радость, самодовольство. А когда я напомнилъ имъ объ ужасахъ войны, когда прочиталъ о Высочайшемъ выходѣ въ дворцовый храмъ на молитву, о томъ, какъ вельможи со слезами на глазахъ кричали ура возлюбленному Монарху, о томъ, какъ у Иверской часовни народъ, стоя на колѣняхъ въ снѣгу, молился и плакать,—святымъ, пламеннымъ вздохамъ не было счету. Женщины плакали.

Мужчины—казаки, сурово сдвинувъ брови, смотрѣли на меня, какъ на врага, точно упрекая меня, зачѣмъ я вхожу въ ихъ святое святыхъ, зачѣмъ я тревожу глубину ихъ души. Изъ сердитыхъ очей катились слезы.

Я былъ доволенъ. Этимъ людямъ правда дороже жизни, думалось мнѣ.

Въ высшей степени желательно, чтобы въ помощь пастырямъ въ духовныхъ журналахъ помѣщались въ настоящее время поученія, касающіяся войны,—поученія, проникнутыя духомъ вѣры и сострадательнаго челоуѣколюбія.

Христіанство и война ¹⁾.

(ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА).

II.

Для всѣхъ христіанъ должна быть страшна война! Тутъ льется кровь, преждевременно прекращается человѣческая жизнь, а можетъ быть, что особенно больно, для многихъ преждевременно прекращается и жизнь духовная. Если мы обратимся къ статьѣ Василя Андреевича Жуковскаго «Миръ и война», написанной въ 1798 году, то въ ней мы найдемъ, что поэтъ самыми темными и мрачными красками рисуетъ войну. Читателямъ представляется здѣсь картина военныхъ дѣйствій: звукъ оружія, развѣвающіяся знамена, блескъ стали, а далѣе... багровая кровь и стоны поражаемыхъ. «Пламя войны все пожираетъ» — говоритъ поэтъ: «ничто не скроется отъ ужаснаго бича брани; тамъ пылаетъ домъ беззащитной вдовицы и подавляетъ ее своимъ паденіемъ; тамъ стонетъ сирота, лишенный родителей. Тщетно слабое дитя простираетъ невинныя руки, дабы испросить себѣ пощады... Ужасъ крыломъ своимъ покрываетъ все поле брани, и всѣ окрестныя мѣста трепещутъ отъ военныхъ громовъ».

Поспѣвши, благодѣтельный миръ, поспѣвши утѣшить вражду человѣковъ, — восклицаетъ далѣе самъ поэтъ, тронутый этою картиною, — осыни крыломъ твоимъ ратующихъ братій и излей бальзамическій сокъ твой въ сердца, возженные пламенемъ войны» ²⁾.

Чье сердце не содрогнется при чтеніи другого, правдиваго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полнаго леденящаго ужаса, описанія Россбахомъ видѣнной на полѣ битвы имъ въ Франко-прусскую войну группы офицеровъ, убитыхъ въ то самое время, когда они сидѣли и завтракали! У одного изъ убитыхъ было веселое улыбающееся лицо, которому недоставало только верхней части черепа, оторваннаго гранатою. Подлѣ этого смѣющагося трупа сидѣлъ другой, держа между большимъ и указательнымъ пальцемъ правой руки цинковую чашку, которую онъ поднесъ къ губамъ; края чашки только что коснулись губъ этого несчастнаго, какъ осколкомъ лопнувшей гранаты оторвало у него весь черепъ и лицо, за исключеніемъ нижней челюсти. Третій, наконецъ, трупъ лежалъ на боку, на своемъ ранищѣ, и держалъ еще въ оцѣпенѣлой рукѣ, поднесенной къ гла-

¹⁾ См. «Миссіонерское Обзорѣніе» 1904 г. № 5.

²⁾ Собр. сочиненій В. А. Жуковскаго изд. Ефремова 1901 г. стр. 796.

замъ, фотографическую карточку какой то женщины, быть можетъ своей сестры, или жены... ¹⁾).

Чувство человѣколюбія не мирится съ такими сценами. И вотъ, новые мыслители говорятъ: «война безусловно преступна. Война—коллективное *убійство*, совершаемое цѣлыми народами».

Однако, не таково въ сущности христіанское воззрѣніе на войну. «Война всегда бѣдствіе, но этому воззрѣнію, но не всегда—преступленіе». Христіанство почти съ юридическою точностью различаетъ моменты убійства. «Не убій» — «сказано древнимъ» (6 зап.). Христосъ же глубже раскрываетъ, что есть убійство. Не тотъ только—убійца, кто произведетъ фактическое убійство, лишаетъ другого жизни, но и тотъ, кто, хотя и соблюлъ букву закона («не убій»), но нарушилъ его духъ. И посему, первая степень нарушенія закона «не убій» есть *гнѣвъ* и при томъ всеу; вторая степень—*поношеніе* ближняго (рака), т. е. выраженіе гнѣва словами и, наконецъ, третья—*злое расположеніе* (урода), въ которомъ соединяются осужденіе, злость и гордость. Это же по существу повторяетъ и Вл. Соловьевъ: «при убійствѣ», говоритъ онъ, «зло состоитъ не въ физическомъ фактѣ лишенія жизни, а въ нравственной причинѣ этого факта, именно,—въ злой волѣ убивающаго» ²⁾.

Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что иногда убійство вмѣняется въ правду, именно тогда, когда не станемъ просто судить о дѣлахъ, но будемъ тщательно вникать во время, причину, намѣреніе, въ различіе лицъ и во всѣ другія обстоятельства ³⁾. Поэтому христіанское законодательство, равно какъ и юридическое, дѣлитъ убійство въ широкомъ смыслѣ, т. е. умерщвленіе живого человѣка, на вольное и невольное, полагая въ основу этого различія намѣреніе убивающаго. «Если кто», говоритъ св. Василій Великій, «бросивъ камень на пса, или на дерево, попадетъ въ человѣка, это дѣло совершенно непроизвольное и не бывшее въ намѣреніи дѣйствующаго, ибо намѣреніе его было отразить звѣря, или сбить плодъ. Невольное также и то, если кто, желая исправить кого либо, ударитъ его ремнемъ, или жезломъ нетяжелымъ и тотъ умретъ, ибо здѣсь разсматривается намѣреніе, такъ какъ онъ хотѣлъ исправить согрѣшившаго, а не умертвить» ⁴⁾.

Что же касается того, преступна ли война, то этотъ вопросъ очень опредѣленно рѣшаетъ св. Афанасій Великій въ посланіи къ Аммону монаху слѣдующимъ образомъ: «не позволительно уби-

¹⁾ Кіевск. Унив. извѣстія 1892 г. февр. «Война, ея орудія и жертвы», стр. 22.

²⁾ Собр. соч. Вл. Соловьева «Три разговора» изд. 1901 г. стр. 15

³⁾ Іоаннъ Златоустъ. Полн. собраніе т. VII кн. I стр. 200—201.

⁴⁾ См. каноны посл. Василій Вел. къ Амфилохію пр. 8.

вать; но убивать враговъ на брани и законно и похвалы достойно. Тако великихъ почестей сподобляются доблестные въ брани и воздвигаются имъ столпы, возвыщающіе превосходныя ихъ дѣянія. Такимъ образомъ, одно и то же, смотря по времени и въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, непозволительно, а въ другихъ обстоятельствахъ и благовременно, — допускается и дозволяется» ¹⁾. Болѣе строгаго взгляда на тотъ же предметъ держится св. Василій Великій; однако, онъ не отвергаетъ мнѣнія другихъ отцовъ, а только восполняетъ ихъ своимъ добрымъ совѣтомъ: «убіеніе на брани отцы наши не вмѣняли за убійство, извиняя, какъ мнится мнѣ, поборниковъ цѣломудрія и благочестія, но, можетъ быть, добро было бы совѣтовати, чтобы они, какъ имѣющіе нечистыя руки, три года удержалися отъ пріобщенія токмо святыхъ тайнъ» ²⁾. Такой же строгій взглядъ по этому вопросу раскрываетъ св. Василій Великій и въ другихъ своихъ канонахъ. когда, напримѣръ, повелѣваетъ отлучать отъ причастія Св. Тайнъ тѣхъ мірянъ, которые, при нападеніи на нихъ разбойниковъ, убиваютъ послѣднихъ, такъ какъ «всякъ пріемшій мечъ, мечемъ погибнетъ» (Мо. гл. 26 ст. 52).

Вообще же каноны почти всѣ единогласно, если и не причисляютъ войну къ невольнымъ убійствамъ, то тѣмъ болѣе не считаютъ ее вольнымъ и для сего совершенно выдѣляютъ въ особую рубрику: убійства—вольное, невольное и на войнѣ ³⁾.

По военнымъ законамъ, убійство даже противно обычаямъ войны и признается преступнымъ *коварное* умерщвленіе лицъ, принадлежащихъ ко враждебному лагерю. По мнѣнію Вл. Соловьева, «на войнѣ у отдѣльнаго солдата злого намѣренія не бываетъ, особенно при господствующемъ нынѣ способѣ боя изъ дальнотрѣльныхъ ружей и пушекъ противъ невидимаго за разстояніемъ врага. Только съ наступленіемъ дѣйствительныхъ случаевъ рукопашной схватки, возникаетъ для отдѣльнаго человѣка вопросъ совѣсти. Вообще же война, какъ столкновение собирательныхъ органовъ (войскъ), не есть дѣло единичныхъ лицъ, пассивно въ ней участвующихъ, и съ ихъ стороны возможное убійство есть только случайное» ⁴⁾.

Самое лишеніе жизни на войнѣ ради высшихъ интересовъ и не представляется столь тяжелымъ, въ виду будущей вѣчной жизни. Да воюющіе и не ставятъ своею цѣлью наносить другъ другу возможно больше вреда; они лишь добиваются защитить права и

¹⁾ Ibidem. Аванасій Вел. къ Аммону.

²⁾ Ibidem. Василій Вел. пр. 13.

³⁾ См. указатель къ канонамъ.

⁴⁾ Соловьевъ. Полн. собр. т. VII стр. 413.

интересы своего отечества. Неужели кто можетъ думать, что народная жажда войны въ 1877 году была лишь жаждою крови? Не было ли это, вѣрнѣе, искреннимъ желаніемъ, «положить душу свою за други своя»? Итакъ, въ вопросѣ о войнѣ нужно говорить не объ убійствѣ, а скорѣе о любви и о томъ, какъ она выражается. Здѣсь мы переходимъ къ другому пункту, именно, къ вопросу объ исполненіи воюющими заповѣди христіанской любви.

Уже давно сложилось убѣжденіе, что съ военнымъ званіемъ не мирится будто бы христіанская любовь, что на войнѣ нѣтъ любви. Еще св. Амвросій Медиоланскій, исправляя это заблужденіе своихъ современниковъ, такъ началъ свою проповѣдь о воюющихъ: «нѣкоторые изъ тѣхъ, возлюбленные, кои или мечемъ воинскимъ препоясаны, или къ гражданскимъ дѣламъ опредѣлены находятся, когда тяжкое содѣвають беззаконіе, первое обыкновенно во грѣхахъ своихъ представляютъ извиненіе: мы воины. И при томъ, чтобы не поступать имъ добродѣтельно, жалуются, будто они злыми должностями заняты: какъ бы воинское званіе, а не произволеніе человеческое зла причиною».

Сарацины задали христіанскому философу св. Константину (Кириллу) такой вопросъ: «если Христосъ есть Богъ вашъ, то почему вы не дѣлаете того, что Онъ повелѣваетъ; молитесь за враговъ, добро творить ненавидящимъ васъ, обращать ланиту біющимъ; вы же не такъ, а совсѣмъ противно поступаете: изощряете оружіе противъ враждующихъ, выходите на брань съ ними и умерщвляете ихъ». Святый Кириллъ отвѣтилъ: «если въ какомъ нибудь законѣ предлагаются двѣ заповѣди и обѣ даются людямъ для исполненія, то кто будетъ истиннѣйшимъ законоблюстителемъ: тотъ ли, который исполнить одну заповѣдь, или тотъ, кто исполнить обѣ заповѣди»? — «Безъ сомнѣнія тотъ», отвѣчали сарацины, «который исполнить обѣ заповѣди». Тогда философъ сказалъ имъ: «Христосъ Богъ нашъ повелѣлъ молиться за обижающихъ насъ и благотворить имъ; но Онъ же заповѣдалъ намъ: «больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя» (Іоан. гл. 15 ст. 13). Поэтому мы терпимъ обиды, причиняемая каждому изъ насъ отдѣльно, но въ обществѣ защищаемъ другъ друга и полагаемъ свою жизнь за братьевъ нашихъ, дабы вы, увлекая ихъ въ плѣны, не плѣнили вмѣстѣ съ тѣлами души ихъ, увлекая благочестивыхъ къ своимъ злымъ и богопротивнымъ дѣламъ» ¹⁾.

Для всякаго христіанскаго воина въ виду этого представляется нравственная задача: будучи добрымъ воиномъ царя благочестиваго,

¹⁾ Барсовъ. Четвероевангеліе т. I стр. 457.

равномѣрно быть и добрымъ воиномъ Иисуса Христа. Но что значить быть добрымъ воиномъ Иисуса Христа? Что значить быть вообще хорошимъ христіаниномъ? Это значить—во всей своей жизни руководящимъ началомъ ставить любовь въ высшемъ смыслѣ этого слова, т. е. не естественную любовь, обладая которою, по слову Евангельскому, «и грѣшники любятъ любящихъ ихъ» (Лук. гл. 6 ст. 32), но любовь христіанскую: «любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ» (Мѡ. гл. 5, ст. 44). Эту послѣднюю любовь исполняетъ только тотъ, кто ради ближняго своего жертвуетъ своею *собственностью*, служить своимъ личнымъ *трудомъ*, хотя бы то было сопряжено съ его собственными опасностями и страданіями, кто мужественно за братій своихъ встрѣчаетъ даже неизбежную *смерть* лицомъ къ лицу. Однимъ словомъ, христіанская любовь проявляется въ самоотверженномъ служеніи ближнему: и Самъ Господь называетъ высшимъ дѣломъ любви самопожертвованіе—«да кто душу свою положить за други своя».

Теперь обратимся къ войнѣ, и къ тому именно ея виду, какой дозволяется христіанскою вѣрою. Что, какъ не нравственный долгъ заставляетъ воиновъ, увѣренныхъ въ томъ, что они идутъ на вѣрную смерть, самоотверженно совершать свой подвигъ? Они сознаютъ, что идутъ за дѣло святое и это поднимаетъ ихъ боевой духъ. А если такъ, то идущіе на справедливую брань не нарушаютъ Христовой заповѣди о любви. Даже болѣе, война для нихъ есть верхъ любви, такъ какъ тутъ происходитъ добровольное самопожертвованіе воюющихъ ради блага и счастья ближнихъ и во имя любви Христовой. Если бы въ то время, когда наши восточные братья страдали подъ бременемъ турецкаго ига, русскіе позабыли объ нихъ, или, убоявшись кровопролитія, не возстали на защиту угнетенныхъ, то они жестоко погрѣшили бы противъ Христовой заповѣди о любви; они показали бы, что въ нихъ нѣтъ этого животворнаго источника.

Но, можетъ быть, скажутъ, что заповѣданная Христомъ любовь *всеобъемлюща*, что нельзя ограничить предметъ любви только близкими, единовѣрными и угнетаемыми, что и враги наши, т. е. тѣ, которые, какъ говоритъ Василій Великій, «какимъ бы то ни было образомъ наносятъ намъ вредъ», должны быть для насъ также предметомъ любви,—поэтому защищая однихъ и воюя съ другими, не нарушаемъ ли мы *такимъ образомъ* христіанскую заповѣдь о любви? Нѣтъ, и съ этой точки зрѣнія любовь не нарушается. «Всѣ люди—братья», говоритъ Соловьевъ: «но вѣдь братья то бы-

вають различные. И почему же мы не поинтересоваться, кто изъ моихъ братьевъ Кайнъ и кто Авель? И если на моихъ глазахъ братъ мой Кайнъ деретъ шкуру съ брата Авеля, и я именно *по неравнодушію къ братьямъ* дамъ брату Кайну такую затрещину, чтобъ ему больше не до озорства было.—вы вдругъ меня укоряете, что я про братство забылъ. Отлично помню, поэтому и вмѣшался, а если бы не помнилъ, то могъ бы спокойно мимо пройти» ¹⁾). Глубокій въ мысляхъ и мѣткій въ выраженіяхъ нашъ философъ здѣсь прекрасно раскрываетъ суть дѣла. Христіанинъ, понимающій завѣты Христа, ни на минуту не долженъ забывать о всеобщемъ братствѣ, а потому и не долженъ быть равнодушнымъ къ канпскимъ поступкамъ однихъ по отношенію къ другимъ, содѣйствуя по мѣрѣ своихъ силъ образованію единого мирнаго стада Христова на землѣ.

Конечно, предвѣщеніе брани поразительно для любви христіанской, которая не желала бы пролитія и вражеской крови; конечно, лучше было бы, если бы люди смирляли враговъ своихъ «ни очесомъ», какъ говорится въ 80-мъ псалмѣ (ст. 15). однако, войны, не заглушившіе еще въ себѣ искру любви христіанской, «являясь мужественными защитниками правъ и интересовъ своего отечества, сумѣють въ то же время соблюдать надлежащее уваженіе къ правамъ и человѣческому достоинству самыхъ враговъ своихъ и на полѣ битвы, и во вражеской побѣжденной странѣ являться не варварами, не звѣрями, а истинными людьми и друзьями человѣчества—что, какъ извѣстно, не препятствуетъ успѣхамъ побѣды, и не роняетъ достоинства побѣдителей, а напротивъ, облегчаетъ успѣхъ побѣды и возвышаетъ достоинство побѣдоноснаго воинства въ глазахъ самихъ враговъ» ²⁾). Итакъ, военная служба не противорѣчитъ нравственнымъ требованіямъ христіанства; а отказываться отъ военной службы въ христіанскомъ государствѣ, какъ это проповѣдуютъ нѣкоторые наши сектанты, значить допускать еще большее зло, чѣмъ сама война.

III.

Для пытливаго ума можетъ возникнуть недоумѣніе: какимъ образомъ Богъ допускаетъ все сіе и только предупреждаетъ: «услышати имате брани и слышанія бранемъ. Зрите, не ужасайтесь, подобаетъ бо всѣмъ (симъ) быти» (Мо. 24, 6). Неужели миръ и война совершаются какъ бы безъ вѣдома Бога? А если нѣтъ, то какъ объяснить смыслъ и значеніе войны при Божественномъ

¹⁾ Соловьевъ. «Три разговора» 1901 г. стр. 37.

²⁾ Ивановъ-Платоновъ. «За 20 лѣтъ священства» стр. 165.

Промыслѣ? Тутъ одинъ отвѣтъ: человѣкъ имѣть свободную волю: «предложены ему огонь и вода, и на неже хочетъ простреть руку свою».

Христіанскіе мыслители, безпокоившіеся вопросами о войнѣ христіанскихъ народовъ, въ разныхъ своихъ теоріяхъ обнаруживали стремленія къ вѣчному миру. И въ настоящее время насъ интересуетъ вопросъ: какъ христіанство, съ своей точки зрѣнія, должно взглянуть на эти стремленія къ вѣчному миру. «Вы ищите мира?—отвѣтитъ св. церковь.—Дай, Богъ! И да будутъ благословенны ваши добрыя стремленія! Но только помните при этомъ слова Господа, что и въ послѣднія времена «возстанетъ народъ на народъ и царство на царство» (Мф. 24 гл. 7 ст.) Дѣйствительно, война въ разныхъ формахъ, но будетъ, конечно, существовать, какъ нѣчто роковое и неизбѣжное, *пока* живутъ и дѣйствуютъ въ свободномъ человѣкѣ его страсти; но такъ какъ «нѣтъ человѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ», то нечего обманывать себя мечтами и думать достигнуть неосуществимаго при этихъ условіяхъ на землѣ идеала «вѣчнаго мира». Вѣчный *земной* миръ—*Contradictio in adjecto*! Не о небесномъ-ли мирѣ и блаженствѣ говорить надо, если рѣчь вообще заходить о вѣчномъ?

Конечно, христіанство цѣнитъ всѣ тѣ средства, которыя ведутъ къ доброму миру: цѣнитъ и третейскій судъ, и дипломатію, и международные союзы, но только въ той мѣрѣ, въ какой они проводятъ главную цѣль христіанства—искорененіе вражды. Такъ какъ зло войны выражается во враждѣ между частями человѣчества, то первая обязанность всѣхъ, желающихъ приблизить человѣчество къ доброму миру, состоитъ въ томъ, чтобы бороться противъ лжи, неправды и страстей и «изыять злаго отъ насъ самѣхъ» (I Кор. гл. 5 ст. 12—13).

II. *Ивановскій.*

Патріотизмъ и христіанство.

Типичные представители современнаго *тенденціознаго гуманизма* настойчиво указываютъ на полную будто бы несовмѣстимость истиннаго, жизненнаго христіанства съ патріотизмомъ. Прекрасныя мысли по этому вопросу, несомнѣнно, способному до боли тревожить каждое сердце, вѣрующее, жаждающее всецѣло жить по Божьему слову и въ то же время со всей сыновней нѣжностью любящее родину, высказалъ харьковскій протоіерей, извѣстный мыслитель и духовный писатель, о. Буткевичъ, въ своемъ напутственномъ словѣ при открытіи мѣстнаго отдѣла русскаго собранія. «Чувство патріотизма,—сказалъ достойный пастырь,—не можетъ не благословлять церковь Христова. Спаситель нашъ не проповѣдывалъ

вражды ни къ Риму, ни къ Аѳинамъ; но Его чистому сердцу былъ особенно близокъ св. Іерусалимъ. За недѣлю до крестной смерти, во время торжественнаго входа въ столицу Іудеи, взирая на св. градъ и предвидя его скорую погибель, подготовленную неразумными передовыми людьми—книжниками и фарисеями, Господь нашъ І. Христосъ заплакалъ о немъ и сказалъ: *о, если бы ты, хотя въ сей твой день, узналъ, что служишь къ миру твоему!*.. А какъ любилъ Онъ Свою родную Галилею, ея Тиверіадское озеро, ея высокія горы и прелестныя долины, ея столичный городъ—Капернаумъ, который у евангелистовъ прямо называется *Его городомъ*... Православные русскіе люди! идите во слѣдъ Спасителя: несомнѣнно, только любовь къ отечеству и скорбь объ угрожающей ему гибели при неестественномъ направленіи его жизни побудили васъ взяться за дѣло и сплотиться въ одну семью; идите же и дальше твердо и мужественно по этому завѣтному пути, хотя онъ и будетъ устланъ для васъ не розами и лаврами, а терніемъ и волчцами. Скажите, *что служишь къ миру* дорогого отечества нашего, въ чемъ заключается его спасеніе. Не надайте духомъ, не уставайте работать. Правда и слава за вами. Содѣйствуйте всѣми силами тому, чтобы выяснить русскому народу его мощь, отъ Бога данное ему богатство его духа и его страны; укрѣпляйте въ нашемъ общественномъ сознаніи исконныя русскія начала; выбросьте съ корнемъ изъ нашей тучной и обширной нивы всю наносную сорную траву, заставьте насъ быть опять русскими; учите насъ по-русски жить, по-русски мыслить, по-русски вѣровать. Св. апостолы были истинными учениками и послѣдователями Христа. Вспомните, какъ, напр., ап. Павелъ любилъ свой несчастный народъ—всегда крайне враждебно относившихся къ нему іудеевъ. *Истину говорю во Христѣ, не лгу, свидѣлствуетъ мнѣ совѣсть моя въ Духъ Святой,*—пишетъ онъ въ своемъ посланіи къ римлянамъ,—*что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему: я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, то-есть израильтянъ*. Какая безпредѣльная истинно-христіанская любовь къ своимъ соотечественникамъ, какое глубокое и чистое чувство патріотизма. Апостолъ готовъ пожертвовать даже своимъ вѣчнымъ спасеніемъ, своимъ блаженствомъ, если бы того могло потребовать спасеніе и блаженство его народа. Можно ли представить себѣ болѣе тяжелую жертву? Не забывайте же этого дивнаго примѣра въ дѣлѣ служенія родинѣ».

СО СКРИЖАЛЕЙ СЕРДЦА.

Какія требованія предъявляются учительской миссіи нашего пастырства въ нынѣшнее военное время?—Политическое и идейное значеніе настоящей войны.—Внутренніе враги и ихъ пошлыя ухищренія.—Новый подходъ къ сектантству со стороны интеллигентныхъ просвѣтителей и вождельнiя социаль-демократiи.—Сектантская „нелегальщина“.—Готова-ли въ нѣдрахъ сектантства почва для воспріятiя идей социаль-демократiи.

Во всѣхъ сферахъ государственной, общественной и личной жизни чувствуется гнетущая рука начавшейся войны; вниманіе всѣхъ и всецѣло приковано къ интересамъ и заботамъ военного времени; ни на чемъ другомъ не хочется серьезно останавливаться, сосредоточиваться. А между тѣмъ жизнь идетъ своимъ чередомъ, предъявляя свои неотложныя нужды и жгучіе запросы, требующіе въ иныхъ областяхъ даже болѣе напряженнаго и бодрого труда и вниманія, чѣмъ въ обычное, мирное время. Къ такимъ областямъ принадлежитъ, между прочимъ, и дѣло миссіи нашихъ пастырей и специальныхъ вѣропроповѣдниковъ (миссіонеровъ). Война диктуетъ учительской проповѣднической дѣятельности нашихъ пастырей и миссіонеровъ свои темы, налагаетъ свои обязанности, предъявляетъ особыя требованія военного времени и положенія. Долгъ каждаго пастыря воинствующей церкви православной бодро и дѣятельно стоять на стражѣ поддержанія словомъ и дѣломъ истинно-патріотическаго настроенія въ своей паствѣ, а для этого необходимо и самимъ ясно понимать и другимъ уяснять внутренній глубокій смыслъ и великую культурную христіанскую миссію настоящей войны св. Руси съ языческой Японіей; необходимо останавливать и углублять мысль и чувства общества и народа на идеѣ законности и святости патріотизма, какъ долга, на неразрывности его съ религіей, на отношеніи православія къ самодержавію.

Это—одна для всѣхъ служителей алтаря общеобязательная задача. Другая, касающаяся исключительныхъ приходовъ и мѣстъ — это охранять мечемъ Слова Божія незрѣлую молодежь и массу народную отъ тлетворныхъ вѣяній и вліяній со стороны внутреннихъ домашнихъ враговъ, которые не дремлютъ пользоваться тяжелыми обстоятельствами военного времени, чтобы сѣять духовную смуту: одни изъ этихъ враговъ — либеральные недоумки и политическіе воры очень склонны и въ настоящую страдную пору сѣять поли-

тическую смуту, другіе—главари и верховоды «новѣйшаго» сектантства, до мозга костей пропитаннаго антимилиитарными и космополитическими тенденціями,—нынѣ, болѣе чѣмъ когда либо, напряженно ведутъ свою антицерковную религіозно-соціалистическую пропаганду.

Побесѣдуемъ о первой задачѣ: прошелъ уже «сорокоустъ», какъ началась война, но истинный смыслъ ея далеко не опредѣлился еще даже и въ печати, отъ которой народъ и общество должны бы ждать руководства по данному вопросу. Какія печатныя недоразумѣнія и ошибки по данному вопросу возможны даже и у насъ, въ духовной журналистикѣ,—сошлемся на статью одного почтеннаго органа (*nomina sunt odiosa*), гдѣ авторъ, задавшись выясненіемъ прекрасной темы: «О чемъ намъ молиться» (во время войны), уснастилъ свою статейку словами укоризны по адресу Св. Руси,—за то, почему она ограничилась одними теплыми словами въ отношеніи буровъ и македонцевъ, зачѣмъ забыла завѣты старины, измѣнила тернистому пути борьбы за поруганную правду, а затѣмъ, въ концѣ концовъ, авторъ вопрошаетъ такъ: «не стали ли мы (въ настоящей войнѣ) на *невѣрный* (курсивъ вездѣ нашъ) путь? Не голосъ-ли Божіей правды, напоминающей объ оставленномъ пути, является намъ въ этой *обидной* (?) войнѣ *изъ-за далекаго клочка чужой земли*». «Обратитесь и Я обращусь» и проч.

Какъ сами, читатель, можете усмотрѣть, какая въ этихъ многихъ словахъ огромная ошибка и непростительная узкость взгляда на событіе, которымъ живетъ теперь и мучится отечество. Довольно одного взгляда на Маньчжурію, какъ на *клочекъ* земли... А вѣдь это—не *lapsus lingue*,—а повтореніе (конечно, невинное или, вѣрнѣе, наивное) міровоззрѣнія цѣлой партіи близорукихъ россіянъ. Съ заблужденіемъ этимъ вамъ, читатель, по скольку вы истинный патріотъ, нужно считаться, а для этого необходимо знать истинный взглядъ людей, политически умудренныхъ и прозорливыхъ. Вотъ, какъ, напр., разсуждаетъ на ту же тему извѣстный русскій публицистъ,—ветеранъ А. С. Суворинъ въ «Нов. Вр.».

Для Россіи война эта страшно важна. Можетъ быть, она—преждевременна, слишкомъ внезапна, но она большого значенія для Россіи, такъ разсуждаетъ нашъ испытанный публицистъ,—Суворинъ.

Она важна потому, что Россія не можетъ отступать отъ своихъ цѣлей. А цѣли эти несомнѣнно поставлены, произволомъ ли людей, или исторіей, которой повинуются люди невольно. Занятый нами берегъ Великаго океана—это конечная цѣль нашихъ завоеваній. Великій океанъ съ теплымъ моремъ—это предѣлъ нашихъ

военныхъ усилій, это конечная и прочная граница нашей Державы. Нужна ли намъ Маньчжурія, объ этомъ Россія можетъ сказать только послѣ побѣдоносной войны—не ранѣе и не иначе. Или мы, дѣйствительно, великая держава, не даромъ стремившаяся въ Азію для своихъ культурныхъ цѣлей, не даромъ тратившая силы и деньги своего народа, рассчитывая на его развитіе и власть русскаго разума, или все это было какое-то глубоко-трагическое недоразумѣніе, а во мнѣніи цивилизованнаго міра—трагико-комическій фатумъ, достойный смѣха? Вотъ передъ нами какая роковая задача.

Или мы побѣдимъ и побѣдимъ тогда не Японію только, но окончательно побѣдимъ и всѣ страны, пріобрѣтенныя нами въ теченіе двухъ вѣковъ, побѣдимъ предрасудки Европы относительно Россіи, или мы будемъ побѣждены и тогда будемъ побѣждены для всего міра, для Турціи, для Кавказа, для нашихъ средне-азиатскихъ владѣній, для вліяній на Балканскомъ полуостровѣ, для всего славянства, которое чуетъ въ Россіи страшную и сильную сестру, для всѣхъ другихъ враговъ, наконецъ.

Вотъ какъ это будетъ. И я убѣжденъ, говоритъ Суворинъ, что такъ это и будетъ, а не иначе. Или наше *бытіе*, или *ужасъ униженія*.

Вотъ какъ опредѣляется, и это совершенно справедливо,—государственная и политическая сторона вопроса о значеніи нынѣшней войны. Но и эта точка зрѣнія для духовнаго кругозора—тоже односторонняя.

Не надо упускать изъ виду и другой идейной стороны даннаго вопроса, — о *духовномъ*, христіански-просвѣтительномъ значеніи войны православной Россіи съ языческой Японіей, какъ о борьбѣ свѣта Христова съ тьмою язычества,—креста—съ дракономъ. Объ этой сторонѣ войны В. С. Соловьевъ—этотъ во многомъ ясновидящій философъ-богословъ, предсказалъ въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи, посвященномъ императору Вильгельму, по поводу войны съ Китаемъ, — сказавъ, что «крестъ и мечъ предъ дракономъ—одно».

Глубоко вѣрно освѣщаютъ эту именно сторону начавшейся войны «Москов. Вѣд.».

«Россія переживаетъ великія историческія минуты, которыя, какъ по внутреннему, такъ и по вѣшнему фактическому ихъ значенію, походятъ на *прологъ грандіозной міровой эпопеи*.

Въ начавшейся между нами и Японіей вооруженной борьбѣ на Дальнемъ восточномъ рубежѣ Россіи, отдѣляющемъ Русскую землю,—а съ нею и весь христіанскій міръ,—отъ дышащей язы-

чествомъ Азіи—встрѣтились въ ратоборствѣ двѣ міровыя идеи,—два міросозерцанія, діаметрально противоположныя другъ другу: *язычество и христіанство*.

Въ настоящемъ случаѣ исторія выдвигаетъ разрѣшеніе коренныхъ вопросовъ міровой этики, которыми жило и доселѣ живетъ человѣчество. *Православная Россія, какъ носительница идеи христіанства, выступаетъ на защиту Креста противъ язычества*.

Нельзя не усмотрѣть глубочайшаго историческаго смысла въ томъ фактѣ, что противникомъ Россіи выдвинулась въ этой *міровой, по смыслу*, распрѣ именно Японія, т. е. *единственное* въ сонмѣ политическихъ величинъ государство, которое усвоило всю, такъ-сказать, *технику* современной европейской культуры, оставаясь по вѣроисповѣданію, а слѣдовательно и *міросозерцанію, языческимъ*.

Въ лицѣ Японіи, поправшей, при первой же встрѣчѣ одинъ на одинъ съ христіанскимъ государствомъ, основныя начала международнаго права, выработанныя христіанскою культурой,—въ лицѣ Японіи, сохранившей, подъ внѣшнею личиною цивилизаціи, вѣроломство, коварство и низменность инстинктовъ хищника-дикаря, нападающаго изъ-за засады на облюбованную жертву,—предсталъ предъ судомъ международной совѣсти *новый*, еще невиданный *типъ* народа...

Вотъ *какова* она—цивилизация *внѣ* Христа! Вотъ *чего* слѣдуетъ ожидать, и, разумѣется, опасаться, человѣчеству отъ развитія внѣшней цивилизаціи и *знаній*, не освященныхъ и не освѣщенныхъ *нравственнымъ* началами,—ихъ же источникъ одинъ на потребу человѣчества: *Христось*.

Несомнѣнно, Японцамъ, какъ націи, нельзя отказать ни въ предпріимчивости, ни въ энергіи, ни въ стремленіи къ приобрѣтенію точныхъ техническихъ познаній. Но посмотрите,—*каковъ*, въ отношеніи этическомъ, *результатъ* такого рода «культуры» для народныхъ массъ? Не ясно ли, что и самая наука,—одинъ изъ благороднѣйшихъ факторовъ интеллектуальной жизни человѣчества,—какъ и всякаго рода техническія приобрѣтенія человѣческаго ума—*безсильны* сдѣлать язычника *человѣкомъ* въ истинномъ *христіанскомъ* значеніи слова,—и могутъ лишь дать въ руки человѣка-звѣря новыя и страшныя для остальнаго человѣчества орудія зла. Какой урокъ для современной западно-европейской философской мысли, все болѣе удаляющейся отъ Христа! Какое предостереженіе и всему мыслящему человѣчеству!

Японія, утратившая подъ вліяніемъ язычества, какъ народной религіи, и подъ вліяніемъ атеизма ея образованныхъ классовъ, тѣ

искры естественнаго нравственнаго закона, которыя заложены въ глубинѣ человѣческой совѣсти,—не могла обрѣсти изъ сферы прикладной и даже чистой науки, поскольку таковая является уже достояніемъ Японцевъ, тѣхъ нравственныхъ благодѣтельныхъ изжительныхъ для бытія человѣчества началъ, которыя хранить въ лонѣ своемъ *христіанство*.

И вотъ предъ нами *новый* типъ монгола-кочевника, владѣющаго усовершенствованнымъ оружіемъ,—новый типъ государства, ростъ и вышняя культурность котораго не сообщаетъ, а разобщаетъ его съ остальнымъ истинно-культурнымъ христіанскимъ міромъ.

На историческомъ своемъ вѣку Россіи пришлось, при всемъ врожденномъ миролюбіи ея народа, вести не мало войнъ, и выступать во всеоружіи народныхъ силъ на борьбу за дорогія священныя для нея *идеи*, за высочайшіе для него и для всего человѣчества идеалы: за вѣру Христову и чистоту монархической власти, враги которыхъ объявляли себя, во всѣ времена, и *личными* недругами Россіи.

Въ наступившій нынѣ знаменательный для Русскаго народа часъ *идейная* сторона возникшей борьбы принимаетъ особенно возвышенный, эпическій характеръ на Дальнемъ Востокѣ—колыбели язычества, куда Россія несла культуру и миръ. Враги Креста Христова, предательски подкравшись подъ покровомъ ночи, направили ударъ противъ мирно стоявшей Русской боевой силы—стражи безопасности и чести Россіи.

Распаленная фанатизмомъ, Японія явилась въ данномъ случаѣ конкретнымъ выраженіемъ мрачной злобы, которую язычество питало во всѣ времена ко Кресту. И никогда еще, быть можетъ, страницы міровой исторіи не развертывались шире предъ Русскимъ народомъ,—пародомъ—подвижникомъ,—открывая предъ Россіей новые необъятные горизонты величія, славы и могущества, чѣмъ въ переживаемые нами дни.

Таковъ идейный, а вмѣстѣ и историческій смыслъ начавшей войны.

Теперь нѣсколько словъ, читатель, о второй задачѣ, возлагаемой войной на нашу проповѣдническую пастырскую миссію,—объ охраненіи «сихъ малыхъ» отъ внутреннихъ враговъ, «волковъ хищныхъ», пещающихся стада Христова даже и въ это священное для каждаго гражданина и христіанина время военной страды и для правительства, и для народа.

Наши читатели изъ тихихъ угловъ у народнаго безмятежья недоумѣваютъ, какъ это могутъ быть теперь внутри обремененнаго тяжестью войны отечества свои домашніе враги? Къ прискорбію, печальные дѣятели смуты теперь-то и не дремлютъ.

Въ эти дни, говоритъ новый почтенный патріотическій органъ «Москва», когда всѣ на Руси соединяются въ общей заботѣ и молитвѣ, безъ различія степени образованія и общественнаго положенія сливаются духомъ въ одинъ историческій народъ, находятся среди нашей интеллигенціи,—слава Богу, хоть все же немногіе,—жалкіе люди безъ чести и совѣсти, предъ лицомъ Руси открыто, съ безмысленной дерзостью осмѣлившіеся высказать пожеланія *устѣха вражескому оружію*.

«Гдѣ свѣтъ, тамъ и тѣнь,—говоритъ *«Новое Время»*.—При всеобщемъ приподнятомъ настроеніи русскаго общества, вызванномъ войною, приходится наблюдать кое-гдѣ и саркастическія улыбки, приходится выслушивать и проницескія замѣчанія. На ряду съ манифестантами появились и антиманифестанты. И не то, чтобы сплошь изъ «инородцевъ». Нѣтъ, существуютъ чисто русскіе по происхожденію «интеллигенты», которые боятся военныхъ успѣховъ Россіи и желаютъ побѣды Японіи. Характерно, что, высказывая такія пожеланія, эти особы нашего уродливаго воспитанія не считаютъ себя врагами Россіи, а какъ бы сверхъ-патріотами: разгромъ Россіи, видите ли, обезпечить ея дальнѣйшій внутренній прогрессъ. И истрепанный классическій примѣръ недалеко: послѣ Севастополя у насъ было 19 февраля! «Post hoc—ergo propter hoc».

Справедливо высказывается по тому же поводу и почтенный редакторъ *Петербургскихъ Вѣдомостей* А. Столыпинъ. «У насъ,—говоритъ онъ,—не умѣютъ останавливаться на полдорогѣ въ прямолинейности мышленія: «намъ нуженъ погромъ, значить, нужно ему способствовать, значить... соберемте деньги въ пользу культурныхъ японцевъ». Говорятъ, были «интеллигенты», которые и до такихъ столповъ политическаго садизма доходили. Въ этомъ фанатическомъ отупѣніи прежде всего поражаетъ полное непониманіе жизни, какая-то дикая отвлеченность. Желать погрома—обозначаетъ пожеланіе, чтобы вмѣсто одного убитаго мужика было сто убитыхъ и чтобы вмѣсто ста искалѣченныхъ была бы тысяча. Желать погрома обозначаетъ пожеланіе, чтобы вмѣсто поправимаго ущерба казнѣ произошло такое полное народное разореніе, которое нашу деревню окончательно убило бы голодомъ, но все это нужно для того, чтобы посмотреть, не выйдетъ ли какой пользы отъ этого эксперимента и не наступитъ ли новый «правопорядокъ». *Гражданинъ* сообщаетъ, что около ста студентовъ и курсистокъ подписали адресъ Микадо съ пожеланіемъ побѣды ему надъ Россіей.

Съ чѣмъ однако мы имѣемъ тутъ дѣло, спрашиваетъ «Москва»,—съ одной ли только общензвѣстной пошлостью либеральныхъ недоумковъ или же съ болѣе серьезнымъ явленіемъ—предварительно

развѣдочными дѣйствіями шайки внутреннихъ воровъ, имѣющихъ опредѣленные цѣли?

Въ тоже время пастырямъ и миссіонерамъ совершенно необходимо знать, что эти наши домашніе враги и политическіе смутьяны врываются съ своей антипатріотической преступной пропагандой *и въ нашъ миссіонерскій приходъ*,—въ среду расколю-сектантства.

Активное воздѣйствіе интеллигентнаго религіозно-политическаго сепаратизма на наше народное сектантство, какъ вы знаете, давно замѣчается. Если не починъ, то развитіе этой пропаганды принадлежитъ несомнѣнно толстовству. Свивъ себѣ въ народной средѣ лѣтъ 15 назадъ гнѣздо въ Павловкѣ, Харьковской губерніи, толстовство, съ своею религіозно-соціалистическою теоріей, проложило путь во многіе очаги штунды, при чемъ пропаганда ведется устно и печатно чрезъ «сектантскую нелегальщину».

Дѣятелями печатной проповѣди антипатріотическихъ и противогосударственныхъ утопій и религіознаго соціализма среди сектантства выступили итенцы все того же гнѣзда гр. Л. Толстого.

Если не считать штундистскую «Бесѣду» Проханова, какъ листокъ христіанскаго направленія, первая фабрикація толстовской сектантской «нелегальщины» заведена была въ Лондонѣ Чертковымъ, въ формѣ періодическихъ изданій и листовъ разныхъ наименованій: «Свободное Слово», «Свободная Мысль» и проч. Чертковъ и К^о задались цѣлью собрать свѣдѣнія о топографическомъ разселеніи сектантства и адреса, они же издали «матеріалы» о состояніи сектантства,— конечно, самого тенденціознаго свойства.

Позже,—года два назадъ, — въ Швейцаріи толстовцы Бирюковъ и Буланже—открыли *suū generis*—«миссіонерскій комитетъ»— по изданію анархическихъ въ религіозной оправѣ листовъ и брошюръ для русскихъ сектантовъ и народа.

Комитетъ этотъ выпустилъ и разсѣялъ среди сектантовъ и православнаго населенія цѣлую серію своихъ «забористыхъ», уснащенныхъ текстами Св. Писанія изданій, о которыхъ упоминается выше въ хроникѣ. Пользуясь собранными «издательствомъ Черткова» адресами, листки эти разсылаются въ закрытыхъ пакетахъ, подъ видомъ писемъ сектантамъ,—служа для постѣднихъ «новымъ открытіемъ смысла якобы евангельской истины и христіанства». Очевидно, лютературно-пропагаторскіе лавры Черткова, Бирюкова и К^о «не даютъ спать» и другимъ закордоннымъ просвѣтителямъ,— врагамъ Церкви и Отечества, а главное, что заслуживаетъ особаго вниманія, наше сектантство признано такъ пазываемою со-

ціаль-демократическою партіей *удобнсю* и *благодарнсю* почвою для сѣянiя политическихъ плевелъ.

Съ января настоящаго года заграницей для русскихъ сектантовъ интеллигентными ихъ просвѣтителями открыто и еще одно періодическое изданіе, при томъ лицами доселѣ нимало не причастными къ религіознымъ вопросамъ или сектантскому движенію, а подвизавшимися больше въ роли политическихъ ратоборцевъ за интересы социаль-демократіи, иначе говоря, людьми безъ вѣры и Бога, врагами Церкви и Царя. Мы, по понятнымъ побужденіямъ, не называемъ здѣсь ни именъ этихъ новыхъ литераторовъ, ни ихъ листка. Но познакомить пастырей и миссіонеровъ съ новымъ литературнымъ органомъ сектантской пропаганды считаемъ полезнымъ въ интересахъ миссіи.

Это новое изданіе интересно для нашей миссіи, прежде всего, какъ *показатель* того, въ какомъ направленіи эмансипируется и инспирируется нынѣ наше русское свободолубивое сектантство и даже косный расколъ.

Изъ заявленiя Редакціи листка мы узнаемъ, что на какомъ-то второмъ сѣздѣ россійской социаль-демократической партіи относительно сектантовъ была принята слѣдующая резолюція: «Принимая въ соображеніе, что сектантское движеніе въ Россіи является во многихъ его проявленіяхъ однимъ изъ *демократическихъ теченій, направленныхъ противъ существующаго порядка* вещей, — второй сѣздъ обращаетъ вниманіе всѣхъ членовъ партіи на работу среди сектантства въ цѣляхъ привлеченія ихъ къ социаль-демократіи» (23 стр. № 1).

Признаніе, какъ видите, чрезвычайно цѣнное для характеристики направленія современнаго сектантства и даже раскола.

«Сѣздъ поручилъ центральному комитету социаль-демократической рабочей партіи, читаемъ дальше въ листкѣ, рассмотреть предложеніе объ изданіи *особаго листка для сектантовъ*, и комитетъ призналъ возможнымъ и *полезнымъ* нынѣ же начать изданіе *социаль демократическаго листка для сектантовъ*.

Редакція въ своемъ profession намѣтила программу, не оставляющую сомнѣнiя, что интеллигентные вожди сектантства рѣшили вести его уже не по толстовскому пути пассивнаго противленія существующему церковному и государственному строю, а по пути *активному*, т. е. по пути прямой анархіи и революціи. Въ *передовыхъ* статьяхъ и въ другихъ отдѣлахъ стоятъ рядомъ разработка и просовъ «теоріи и практики социаль-демократіи и — сектантства», третій, напр., отдѣлъ посвященъ «движенію *среди сектантовъ* и тутъ же — «движеніямъ среди рабочихъ и крестьянъ»; въ 6-мъ отдѣлѣ —

«что дѣлается въ войскахъ» — обѣщается подробное изложеніе свѣдѣній *о дѣятельности сектантовъ* въ войскахъ и тутъ же о *соціалистической* пропагандѣ среди войскъ. Въ отдѣлѣ «фельетоновъ» помѣщаются историческіе очерки различныхъ сектъ и тутъ же *«воспоминанія революціонеровъ объ ихъ дѣятельности и знакомствахъ среди сектантовъ и раскольниковъ...»* Разказы самихъ сектантовъ объ ихъ жизни и преслѣдованіяхъ и т. д.»,

Какъ видите, читатель, отдѣлъ этотъ будетъ очень любопытенъ для насъ. Будемъ ждать отчетовъ революціонеровъ о дѣятельности среди сектантовъ. Доселѣ извѣстны были отчеты о дѣйствіяхъ только однихъ миссіонеровъ, а вотъ, оказывается, — не они одни подвижутся среди сектантовъ... Весьма любопытно. А вотъ, что касается разказовъ о себѣ — *самыхъ* сектантовъ, то мы дешевую цѣну этой мистификаціи и сплошнаго вранья давно знаемъ по Чертковскимъ листкамъ.

Особый отдѣлъ въ листкѣ посвященъ сообщеніямъ *изъ жизни духовенства*: здѣсь редація предполагаетъ помѣщать свѣдѣнія о выдающихся событіяхъ изъ церковной жизни, — «описаніе (?) открытія мощей, имущественнаго состоянія церквей и монастырей, лавръ, доходы святыхъ (?) колодцевъ, чудотворныхъ иконъ».

Въ отдѣлѣ — *Цѣнные признанія* — листокъ обѣщаетъ слѣдить за отчетами оберъ-прокурора и распоряженіями министровъ и тутъ же за нашимъ «Миссіонерскимъ Обзорѣніемъ». За вниманіе и мы постараемся отвѣтить тѣмъ же.

Въ качествѣ *приложенія*, листокъ обѣщаетъ давать картины, портреты и ноты (образецъ послѣднихъ уже данъ въ № 1 — въ видѣ пѣсни «на красное знамя»). Редакціонное profession заканчивается минорнымъ аккордомъ на тему: «*намъ нужна денежная помощь*». Ну, ужъ отъ сектантовъ-то не ждите, г. редакторъ Б—Б—чъ, денежной субсидіи, сектанты сами слишкомъ пріучены только получать и получать... Вотъ раскольники, къ которымъ листокъ одновременно обращается наравнѣ съ сектантами, тѣ другая статья, — они любятъ деньгами сорить для общаго дѣла... Но мы объ ихъ политической правоспособности лучшаго мнѣнія, и вамъ, господа соціаль-демократы, едва-ли уловить ихъ. Герценъ и Бакуининъ поумнѣе были васъ, а и у нихъ сорвалось. А, впрочемъ, поживемъ — услышимъ. Теперь и въ расколѣ много людей безъ вѣры и съ прогрессомъ.

Первый № листка составленъ пестро, крикливо, бездарно, а, главное, *безсовѣстно* — какъ и вся подпольная литература, не исключая и прѣсно-кислой литературы толстовской марки, драпирующей въ тогу христіанства, мнящей себя «благочестивой», на подобіе замоскворѣцкой ханжи.

Чтобы понять, въ какую трясину политическаго ажіотажа тянуть сектантство ихъ интеллигентные друзья и вдохновители, довольно привести изъ передовой статьи—«Къ сектантамъ» хотя бы только нѣсколько строкъ.

Редакторъ заигрываетъ съ сектантами на слабой стрункѣ—на тему «о преслѣдованіяхъ и утѣшеніяхъ». «Съ самыхъ давнихъ временъ, съ тѣхъ поръ, какъ на Руси водрузилась (?) «православная вѣра», русское правительство, въ тѣсномъ союзѣ съ духовенствомъ, безпрестанно преслѣдовало всѣхъ, кто былъ не согласенъ съ вѣрою русскихъ князей, царей, монаховъ». Такой избитой, бездарной, фальшивой тирадой начинается передовица листка. Далѣе вся статья вертится на томъ, что въ Россіи «нѣтъ никакой свободы, а только было и есть одно принужденіе и угнетеніе правительствомъ, богатыми и духовенствомъ всѣхъ народовъ, которые живутъ въ Россіи», что «самодержавное правительство завело многочисленную полицію, земскихъ начальниковъ, жандармовъ, прокуроровъ и миссіонеровъ»... Въ концѣ концовъ листокъ приглашаетъ сектантовъ и раскольниковъ помогать «устроить на землѣ такой порядокъ, когда всѣ имѣнія крупныхъ землевладѣльцевъ, фабрики, заводы, шахты, рудники, розсыпи и нефтяные фонтаны, магазины и склады купцовъ, денежныя капиталы банкировъ-кулаковъ и растровщиковъ, желѣзныя дороги, корабли и пароходы разныхъ компаній,—вообще все, изъ чего теперь извлекаютъ доходъ богатые,—будетъ отобрано и взято изъ частной собственности отдельныхъ лицъ и будетъ предано въ руки всего рабочаго народа во всемъ государствѣ».

Такимъ образомъ, новый листокъ идетъ въ сектантскій лагерь безъ маски, съ открытымъ призывомъ стать на путь анархіи. Спрашивается, неужели нынѣшнее сектантство уже созрѣло для политической анархіи и «партія» такъ смѣло выступаетъ, надѣясь на подготовленность для своихъ преступныхъ цѣлей почвы? Интересно наблюдать, какъ придутся по сердцу сектантовъ эти призывы и надежды «партіи».

Въ другой статьѣ «О священныхъ книгахъ» листокъ открываетъ другую цѣль своей пропагаторской дѣятельности среди сектантовъ: «наше дѣло, пишется тамъ, есть дѣло освобожденія духа человѣческаго отъ оковъ старинныхъ предразсудковъ и суевѣрій, отъ неа духовной власти поновъ съ ихъ священными книгами, которыя помогаютъ имъ держать въ рабствѣ рабочій народъ».

Вотъ гдѣ надо искать «центральный комитетъ пресловутаго союза борьбы съ православіемъ», заявившаго о себѣ предъ открытіемъ мощей св. Серафима.

Библию листокъ трактуеть, какъ «издѣліе человѣческихъ рукъ», «искушеніемъ діавольскимъ», которому отнюдь не надо довѣрять; «Библия сковала свободный духъ человѣческій, поставила высокія преграды на его пути» и проч. Думаемъ, что пастырямъ и миссіонерамъ, призваннымъ долгомъ службы вразумлять *безчинныхъ* и томиться о вразумленіи враговъ, — далеко не лишне быть освѣдомленными объ этихъ зловредныхъ духовныхъ теченіяхъ и вѣяніяхъ нашего времени.

Двѣ статьи листка посвящены Кондрату Малеванному, какъ родоначальнику «замѣчательной съ точки зрѣнія «партіи» секты», проповѣдующей о скоромъ наступленіи на землѣ «царства небеснаго», когда всѣ будутъ равны, и не будетъ тогда ни врага, ни его жертвы, ни бѣднаго, ни богатаго». Въ отдѣлѣ «Среди сектантовъ» находится достойное вниманія примѣчаніе редакціи, гдѣ говорится: «чѣмъ скорѣе и чѣмъ подробнѣе мы узнаемъ о той работѣ, которую уже производили наши товарищи (?) въ сектантской и раскольничьей средѣ, о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя они вынесли отъ этихъ знакомствъ,—тѣмъ намъ легче будетъ дѣлать дальнѣйшіе шаги *для приобщенія этой подвижной, и уже отчасти организованной крестьянской массы къ общероссійскому революціонному социаль-демократическому движенію*».

Пока довольно объ этомъ революціонномъ новомъ подходѣ къ нашему сектантству. Изъ приведенныхъ выписокъ вы, читатель, совершенно ясно видите, въ какой омутъ затягиваютъ наше сектантство его интеллигентные вдохновители.

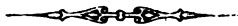
Назадъ тому около 10 лѣтъ, мы печатно высказывали опасеніе, что все новѣйшее сектантство способно представить изъ себя «горючій матеріалъ», удобный для политическаго поджога, что сектантство—это инструментъ, на которомъ можно сыграть какую угодно политическую арію любому изъ мастеровъ сихъ дѣлъ, что либеральный лагерь конституціоналистовъ-соціалистовъ лелѣетъ въ сектантствѣ авангардъ въ народной массѣ для своихъ безумныхъ мечтаній, а потому такъ ненавидитъ насъ, миссіонеровъ.

Вожаковъ сектантства мы считали уже распропагандированными, но саму сектантскую массу мы никогда не обвиняли собственно въ политической неблагонадежности или причастіи къ анархизму и социализму, а лишь утверждали, что сектантство, начавъ съ своеволія религіознаго и анархіи церковной, представляетъ собою *почву*, удобную для сѣянія политическихъ плевелъ, которыя могутъ скоро и пышно на ней произрасти.

Это наше мнѣніе въ извѣстной части либеральнаго общества и печати очень недружелюбно было принято, чуть ли не

извѣтъ на «прекрасное» сектантство. Однако, развитіе толстовства въ духоборчествѣ и штундизмѣ вскорѣ же блестящимъ образомъ подтвердило наши предположенія. Теперь мы встрѣчаемся съ новымъ откровеннымъ и открытымъ признаніемъ правильности нашего мнѣнія со стороны самихъ друзей сектантства—изъ устъ, такъ сказать, «самой партіи», считающей сектантство «подвижной и уже организованной, съ точки зрѣнія анархическихъ вождедѣній, крестьянской массой».

Остается, повторяемъ, открытымъ одинъ вопросъ: насколько эта почва подготовлена? Это выяснитъ время и наблюденія пастырей-миссіонеровъ, которыхъ мы считали долгомъ познакомить со всѣмъ вышеизложеннымъ, дабы дѣятели миссіи «были въ курсѣ дѣла» относительно новыхъ вѣяній въ сектантствѣ. А время для наблюденій теперь очень благопріятное; въ виду войны сектанты переживаютъ огромную внутреннюю борьбу—между требованіями долга вѣрно-подданства и антимилитарными догматами секты. Для работы и проповѣди миссіонерской теперь, повторяемъ, весьма удобный моментъ. Не упускайте же его, отцы и братья, и подѣлитесь съ нами своими мнѣніями и наблюденіями по данному вопросу—онъ слишкомъ важенъ. А теперь привѣтствуемъ васъ, дорогіе читатели, съ наступающимъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія! Будемъ взаимно отъ всего сердца молить Воскресшаго Христа Живодавца о ниспосланіи всѣхъ неизреченныхъ радостей Его Воскресенія и нашей дорогой отчизнѣ и Батюшкѣ-Царю съ Его августѣйшей семьей и христіанскому воинству и всѣму православному христіанскому міру, и изъ глубины души воскликнемъ: *Христосъ Воскресе!*

ВѢСТИ О РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНѢ.

I.

Какъ устранить желтую опасность.

(Изъ слова въ недѣлю православія, 15 февраля 1904 г.).

„Покажи ми вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ“. Іак. 2 18.

Событія на Дальнемъ Востокѣ, разразившіяся вдругъ грозной бурей и приковавшія къ себѣ вниманіе всего міра,—отодвинули всѣ интересы нашей обыденной жизни на задній планъ. Да и иначе и быть не можетъ. Мы получили внезапный ударъ отъ маленькаго человѣчка, котораго до сихъ поръ почти не замѣчали,—и теперь невольно вниманіе наше обращено на Востокъ,—съ тревогой и нетерпѣніемъ мы ожидаемъ оттуда извѣстій. Всѣ занялись политикой, всѣ стали подсчитывать силы свои и противника, у всѣхъ пошли догадки и предположенія о возможномъ исходѣ кровавой борьбы.

Но, мы не будемъ заниматься политикой, да здѣсь и не мѣсто для того. Мы вѣруемъ въ то, что «Всевышній владычествуетъ надъ царствомъ человѣческимъ и дастъ его, кому хочетъ» (Дан. 4. 14),—что «Господь мертвитъ и живитъ, низводитъ во адъ и возводитъ. Господь убожитъ и богатитъ, смиряетъ и выситъ; возставляетъ отъ земли убога, и отъ гноища воздвизаетъ нища, посадити его съ могущими людей, и престолъ славы дая въ наслѣдіе имъ» (1 Цар. 2, 6—8). И для насъ, несравненно полезнѣе будетъ въ настоящее время взглянуть на совершающіяся событія съ высшей; религіозной точки зрѣнія, уяснить ихъ смыслъ, при помощи Слова Божія, и показать, насколько возможно, при какихъ условіяхъ мы можемъ надѣяться на помощь Божию во всѣхъ столкновеніяхъ нашихъ съ различными народами.

Слово Божіе говоритъ намъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего случайнаго, что Господь каждому народу «назначилъ предопредѣленную

времена и предѣлы ихъ обитанію, дабы они искали Бога, не ощущать ли Его и не найдутъ ли? (Дѣян. 17. 26, 27). И вотъ въ этомъ-то и заключается вся цѣль жизни человѣческой и весь смыслъ Божіаго міроуправленія. Господь хочетъ именно, чтобы всѣ люди познали Его и всѣ спаслись. Онъ всѣхъ зоветъ въ свое царство вѣчное; Сынъ Божій пострадалъ, какъ за насъ, такъ и за всѣхъ прочихъ людей. Разница тутъ между народами только въ томъ, что не всѣ они приходятъ въ одно время въ царство Божіе, потому что не всѣ въ одну и ту же минуту бываютъ одинаково воспримчивы къ глаголамъ живота вѣчнаго.—Но разъ кто призванъ въ царство Божіе, вступилъ въ ограду царкви Христовой,—кто омылся, очистился и освятился св. крещеніемъ,—тотъ уже на вѣки Христовъ,—онъ не можетъ, и не долженъ возвратиться вспять,—а обязанъ впередъ идти за Христомъ, слушать Его и во всемъ подражать Ему. «Вы свѣтъ міра, вы соль земли,—вы градъ, верху горы стоящій»,—говорилъ Иисусъ Христосъ своимъ ученикамъ и, съ лицъ ихъ, намъ всѣмъ Его послѣдователямъ.—«Тако да процвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ вапа добрыя вѣла и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ» (Мат. 5. 26), вотъ обязательства, которыя налагаетъ на насъ вѣра во Христа! Мы, *христіане*, должны свѣтить и, какъ маякъ, *указывать* всѣмъ,—сбѣдающимъ во тмѣ и сѣни смертной,—*путь ко Христу*, въ Коемъ Одномъ истинная радость и счастье, должны *непрестанно усовершенствоваться нравственно*, приближаться умомъ и сердцемъ къ Богу. «Будите совершенны, якоже и Отецъ вашъ небесный совершенъ есть»,—вотъ цѣль и задача нашей жизни!

И такимъ вотъ только путемъ Царство Божіе и можетъ расти и расширяться по землѣ. А ему надлежитъ покрыть собою всю землю. И тѣ христіанскіе народы, которые содѣйствуютъ этому росту Царства Божія, которые вѣруютъ во Христа и другихъ приводятъ къ Нему, трудятся въ проповѣди Евангельской язычникамъ,—тѣ народы благоденствуютъ, укрѣпляются и становятся во главѣ міра. И, напротивъ, какъ скоро они отступаютъ отъ истины, измѣняютъ Христу и снова погружаются въ одну чувственную жизнь, служатъ лишь вождельніямъ плоти,—такъ звѣзды ихъ тотчасъ же и закатываются. Господь ихъ сводитъ со сцены міра или подчиняетъ другимъ, выдвигая впередъ болѣе достойныхъ носителей истины.

Обратимъ теперь свой взоръ на себя и посмотримъ, какъ мы исполняемъ это свое христіанское назначеніе. 1000 лѣтъ вотъ уже скоро исполнится, какъ мы, милостію Божіею, призваны въ царство Христово,—просвѣщены Его вѣрою святою и эта вѣра не была

въ насъ «тщетна». Россія выдвинула изъ своей среды многочисленный сонмъ подвижниковъ, которые просіяли чистотою жизни, Евангельскою любовію и апостольскою ревностію и привели къ Христу тысячи язычниковъ и магометанъ, вошедшихъ въ составъ нашей Имперіи. И ради того сѣмени святаго Господь расширилъ, укрѣпилъ и возвысилъ наше царство, съ каждымъ вѣкомъ отдавая подъ власть нашего Православнаго Царя все новыя и новыя языческія и магометанскія племена и страны. Намъ оставалось бы только идти по стопамъ своихъ благочестивыхъ предковъ и также ревностно распространять вѣру православную среди язычниковъ Имперіи, дѣлая изъ нихъ единое съ нами тѣло о Христѣ; но, къ несчастію, мы, кажется, возвращаемся вспять. Въ насъ повѣяло новымъ духомъ и мы пошли не во слѣдъ Христа, а во слѣдъ своихъ похотей. Мы вообразили, что настоящее наше положеніе создано само собою, что имъ мы обязаны никому и ничему иному, какъ только своему уму и труду, и что оно не налагаетъ на насъ никакихъ обязательствъ по отношенію къ вѣрѣ и мы, будто, можемъ, поэтому, жить, какъ вздумается, не соображаясь ни съ волей Божіей, и ни съ уставами и заповѣдами Христовой церкви, и что тѣмъ болѣе намъ нѣтъ никакого дѣла до другихъ; «пусть де вѣруютъ, какъ знаютъ; къ чему намъ ихъ стѣснять»?..

Но, «судьбы Божіи истинны, оправданны вкупѣ. Глаголь Господень пребываетъ въ вѣкъ» (Пс. 118. 143. 1 Петр. 1, 25). Что же случилось? Наши общественные и государственные устои начинаютъ подвергаться опасности. Иноземецъ и иноплеменникъ вездѣ предваряетъ насъ въ нашемъ же царствѣ. И что горше всего, сами же русскіе, отдавъ свой умъ въ плѣнъ иноземцу, стали, къ своему позору, стыдиться всего своего русскаго и возставать сами же на себя. И русскій народъ, какъ будто «раздѣлился на ся». И мы въ разныхъ спорахъ и взаимныхъ дразгахъ не замѣтили, какъ на границахъ нашего государства вдругъ выросла враждебная намъ и грозная рать. Не должны ли мы надъ всѣмъ этимъ тяжело задуматься?.. Будемъ же заботиться о томъ, чтобы ниспосланное намъ за наши грѣхи невѣрія и охлажденія къ св. церкви испытаніе Господь обратилъ намъ во благо и спасеніе.

Что же для этого дѣлать?

Но, пужно ли это и выяснять, когда самое время наступившаго поста даетъ намъ лучшій отвѣтъ на то, что должны дѣлать добрые христіане для того, чтобы заслужить милость у Господа. «Обратитесь ко Мнѣ всѣмъ сердцемъ своимъ въ постѣ, плачѣ и рыданіи», говоритъ намъ св. церковь отъ лица Божія. «Вострубите трубою на Сіонѣ, назначьте постъ, и объявите торжественное

собрание. Соберите народъ, пригласите старцевъ, соберите отроковъ и грудныхъ младенцевъ; пусть выйдетъ женихъ изъ чертога своего и невѣста изъ горницы своей. Священники, служители Господни, да плачутъ въ храмѣ Божіемъ и говорятъ: пощади, Господи, народъ Твой, не предай наслѣдія Твоего на поруганіе, чтобы не издѣвались надъ нимъ язычники; для чего будутъ говорить между народами: гдѣ Богъ ихъ? И тогда возревнуетъ Господь о землѣ Своей и пощадитъ народъ Свой» (Иол. 2, 12, 18).

Да, это первое дѣло. Мы должны именно наступившій постъ провести въ особенно строгомъ воздержаніи, покаяніи и молитвѣ; ни одинъ изъ вѣрныхъ сыновъ св. церкви не долженъ самовольно ни нарушать поста, ни уклоняться отъ исполненія главнаго своего христіанскаго долга,—исповѣди и св. Причащенія.

Затѣмъ, сегодня церковь празднуетъ торжество православія, и въ этотъ день она ежегодно призываетъ насъ всѣхъ къ содѣйствію успѣхамъ распространенія православія среди язычниковъ имперіи и сосѣднихъ съ нами странъ. Этотъ призывъ мы особенно близко должны всегда принимать къ своему сердцу. «Не купи, говорятъ, домъ, а купи сосѣда». Что лучше, жить ли съ разбойникомъ и отчаяннымъ врагомъ рядомъ, или съ другомъ и братомъ?.. Рядомъ съ нами на востокъ и юго-востокъ расположены на громаднѣйшемъ пространствѣ языческія и магометанскія племена. Они нѣкогда наводняли всю Европу своими грозными полчищами, а Россію цѣлыхъ 250 лѣтъ держали въ тяжкомъ и унижительномъ рабствѣ. Но потомъ они ушли къ себѣ въ глубь Азіи и надолго тамъ заснули тяжкимъ сномъ. А мы въ то время росли и укрѣплялись подъ сѣнію Креста Христова. Нынѣ же монголы снова пробуждаются, и въ нихъ снова воскресаетъ прежній воинственный духъ.

Что, если они всѣ, какъ и Японія, обзаведутся усовершенствованными орудіями истребленія и со своими многомилліонными арміями обрушатся на Европу и прежде всего на Россію? А объ этомъ азіаты уже и поговариваютъ, къ этому начинаютъ уже и готовиться. Японія, какъ передовой отрядъ этихъ азіатскихъ воителей, дѣлаетъ теперь лишь первую попытку помѣяться съ нами силами, для того, чтобы, въ случаѣ успѣха, разрушить въ умахъ азіатовъ составившееся убѣжденіе въ непобѣдимости Блага Царя и тѣмъ поднять на ноги противъ насъ всѣ народы Азіи.

Не пора ли и намъ проснуться, позаботиться оградить себя отъ азіатской опасности? Оградить себя отъ нея мы могли бы, если бы исполняли свое назначеніе—быть носителями правды Божіей и распространять вѣру Христову на землѣ.

А заботимся ли мы объ этомъ? Думаемъ ли объ этомъ даже? Въ прежнее время купецъ, промышленникъ, торговецъ, вымѣнивая у дикаря Сибири п Амура шкуру звѣря, обязательно давали ему съ товаромъ и свою вѣру, часто, за неимѣніемъ священника, самъ его крестили. Нынѣ же онъ думаетъ только о барышахъ,—а вѣру свою оставляетъ у себя дома, вспоминая о ней лишь при случаѣ. Да, мы погрузились исключительно въ одни лишь свои матеріальные интересы и живемъ только для своей плоти. О Божіемъ же дѣлѣ, о спасеніи своей души и спасеніи другихъ мы великодушно предоставляемъ печаловаться одному духовенству. Вотъ, каждый годъ въ этотъ день, во всѣхъ церквахъ Имперіи православные христіане приглашаются стать въ ряды сотрудниковъ православнаго миссіонерскаго Общества, для чего нужно внести *всего только 3 руб.* И что же? Многіе ли откликаются на этотъ призывъ св. церкви? Не посматриваютъ ли, обыкновенно, при этомъ большею частію только каждый одинъ на другого, и не спѣшатъ ли выйти, по окончаніи службы, изъ церкви, придерживая свой карманъ, находя эту жертву для себя не по силамъ, а между тѣмъ на наряды, на прихоти, на роскошь и удовольствія у большинства находятся не только десятки, но сотни, а у нѣкоторыхъ даже и тысячи рублей. Что же, если мы не даемъ, взысканія за это никакого не полагается, некому даже будетъ за это насъ и укорить; но за то не должны ужъ и жаловаться, если войны съ варварами будутъ ежегодно вырывать у насъ изъ кармана не по 3, а по 300 и болѣе рублей... Да, если бы мы вдумались, какое это великое дѣло—обращенія язычниковъ къ вѣрѣ Христовой,—то у насъ и каждый нищій, грошами собирая, вносилъ бы съ охотой и любовію ежегодно свой членскій взносъ въ миссіонерское Общество въ 3 руб. Вспомните Грецію, что она приобрѣла въ Россіи, съ обращеніемъ ея въ свою вѣру. Вотъ уже 9-ть вѣковъ прошло, а Россія и до сихъ поръ стоитъ горой за единовѣрную ей страну, не смотря на то, что государственные ихъ интересы иногда стоятъ въ прямомъ противорѣчій между собою. Тѣ же, быть можетъ, братскія отношенія установились бы у насъ и съ Японіей, если бы мы сумѣли во время поддержать въ ней великаго апостола нашей церкви, епископа Николая. Но благопріятный моментъ къ тому упущенъ. И теперь, мы должны, по крайней мѣрѣ, обратить особенное свое вниманіе на своихъ язычниковъ и на сосѣдній съ нами многомилліонный Китай, который Японія стремится прибрать къ своимъ рукамъ для того, чтобы сдѣлать изъ него послушное орудіе своихъ честолюбивыхъ и воинственныхъ замысловъ. А населеніе Китая составляетъ вѣдь чуть не $\frac{1}{4}$ -ю часть всего міра, поэтому вопросъ—

будеть ли Китай языческимъ или христіанскимъ, для насъ вопросъ, пожалуй, жизни и смерти. Мы должны спѣшить породнить его съ собой какъ можно скорѣе, посредствомъ православной вѣры.

Хотя тамъ въ настоящее время надъ распространеніемъ христіанской вѣры и трудится около 3000 протестантскихъ миссіонеровъ и не менѣе того католическихъ,—но это для насъ не утѣшеніе. Мы по опыту знаемъ, чего можно ожидать отъ протестантовъ и католиковъ. Англія христіанская страна, и однакоже она въ союзѣ съ язычниками—японцами противъ насъ—христіанъ. Поляки братья намъ по крови, одного съ нами славянскаго племени, но католическая религія отодвинула ихъ отъ насъ чуть не дальше магометанъ. Во всѣхъ войнахъ съ Турціей не мало ихъ становилось подъ знамя полумѣсяца и заодно съ магометанами сражалось противъ насъ. И теперь, заграничные поляки, не стѣсняясь, открыто выражаютъ свое сочувствіе японцамъ, желая имъ побѣды надъ нами. Да что далеко за примѣрами ходить? Извѣстно, какъ къ намъ, православнымъ, относятся наши же раскольники и сектапты. Въ прошломъ году въ с. Павловкѣ сектанты цѣлой деревней напали на православную церковь, разбили ее и произвели большія насилія надъ православными. Потомъ, когда наши русскіе же люди мѣняютъ свою православную вѣру на нѣмецкую штунду, то сразу же перестаютъ быть и русскими. Они выбрасываютъ изъ своихъ хатъ портреты нашего царя и ставятъ вмѣсто нихъ нѣмецкаго императора. Духовныя узы сильнѣе голоса крови! Поэтому мы должны желать, чтобы и Китай *принялъ* именно отъ насъ *православную христіанскую вѣру*.

Между тѣмъ въ Китаѣ у насъ всего, горько сознаться, какихъ нибудь 2—3 миссіонера на 400 милліоновъ язычниковъ. Китайцы же, должно сказать, выказываютъ особенное расположеніе именно къ православію, и спросъ на нашихъ миссіонеровъ мѣстами такъ пастойчивъ, что невольно вспоминаются слова Іисуса Христа, сказанныя Имъ Своимъ апостоламъ: «возведите очи ваши, и посмотрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ» (Іоан. 4. 35) Да, жатва многа, и жатва богатая, но, къ несчастію, дѣлателей мало.—А отчего? Оттого, что средствъ нѣтъ. Англичане, французы, нѣмцы, американцы имѣютъ десятки тысячъ миссіонеровъ въ различныхъ странахъ свѣта и тратятъ на дѣло миссіи много милліоновъ, собирая ихъ нерѣдко рублями и грошами, среди земледѣльцевъ, ремесленниковъ и даже школьниковъ, а у насъ миссіонеры едва могутъ считаться и сотнями, на дѣло миссіи едва-едва набирается въ годъ до 200 тысячъ рублей. Отчего это? Оттого, что мы равнодушны къ своей св. церкви, а съ этимъ вмѣстѣ въ

насъ уснуло чувство національнаго самосознанія и гражданской доблести. Но, ужели насъ надо будить только пушками?! Пора встать пора очнуться, пора взяться за дѣло и за свой собственный разумъ. Событія нынѣ быстро чередуются, жизнь пошла ускореннымъ ходомъ и кто не хочетъ быть смятымъ и втоптанымъ въ грязь, тотъ долженъ бодро стоять на стражѣ своихъ духовныхъ и національныхъ интересовъ. Дѣло же миссіи, дѣло обращенія язычниковъ къ вѣрѣ во Христа, это для насъ, русскихъ, вопросъ первой важности. Если мы хотимъ остаться тѣмъ, чѣмъ были: великимъ и сильнымъ народомъ, то мы должны крѣпко сплотиться вокругъ св. своей православной церкви, которая до сихъ поръ была истинной матерью нашего отечества, и съ крестомъ и Евангелиемъ идти къ тѣмъ народамъ, которыхъ Господь отдаетъ подъ высокую руку нашего Царя, и тѣмъ «показать вѣру свою отъ дѣлъ своихъ»!

Свящ. Дмитрій Троицкій.

II.

Патріотическое настроеніе общества и народа.

Что долженъ чувствовать и чувствуетъ въ настоящую войну Россійскій великанъ къ Японскому пигмее? Въ настоящую минуту громче всего говорить въ нашемъ народѣ чувство какого то брезгливаго, почти гадливаго, отношенія къ врагу, равно жалкому и ничтожному, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи.

Эти тщедушные, мелкіе, невыносимые къ холоду и утомленію, желтые люди, съ обезьяньими ухватками и трусливой увертливостью ловкихъ акробатовъ...

Что это за противники для нашихъ доблестныхъ, могучихъ „чудо-богатырей“?

Что они могутъ противопоставить русской силѣ и мощи богатырской, великою ратью идущей подъ знаменемъ креста за вѣру и Царя?...

Народъ такъ именно понимаетъ японца, какъ врага ничтожнаго, вѣроломнаго, жалкаго... врага, съ которымъ почти совѣстно бороться правильной, серьезной борьбою.

Такой взглядъ на Японию и японцевъ вполне подтверждается и тѣмъ неслыханнымъ „началомъ“, какимъ ознаменовалась настоящая война, и тѣми, достойными всякаго порицавія, средствами, къ которымъ нашъ желтолицый врагъ прибѣгаетъ въ борьбѣ своей съ нами.

Офицеры японской правильной арміи, организующіе „разбойничьи банды“?!

Заготовлять—какъ это было дознано надняхъ—станки и шрифты для фабрикаціи нашихъ денежныхъ знаковъ.

Всюду ползти змѣю и ни въ чемъ ни разу не явить себя смѣло, гордо поднявъ голову, въ сознаніи исполняемаго передъ отчизною долга.

Ежели все это „войною“ называется, то что же называется разбоемъ?!

А. П. С.

„Новое Время“ напечатало изъ частнаго письма юнаго офицера къ матери слѣдующую трогательную выдержку, рисующую патріотическое настроеніе деревни. „На всѣхъ большихъ станціяхъ и въ городахъ намъ устраиваютъ сочувственныя манифестаціи, а гдѣ есть войска, тамъ играетъ музыка. Письмо это пишу со станціи Ртищево, гдѣ мы стоимъ 6 часовъ. Сегодня я дежурный по эшелону; на всѣхъ станціяхъ нужно выходить и вотъ только что ночью подъѣзжаемъ мы къ одной мелкой станціи. Я выхожу и вижу большое скопленіе крестьянъ: вся эта толпа подходитъ ко мнѣ, снимаютъ шапки и говорятъ, что они привезли изъ деревень все, что собрали и хотятъ сдѣлать подарокъ солдатамъ на войну. Картина была неописуемая. Вышелъ впередъ высокій настоящій русскій мужикъ, очевидно староста, и передалъ мнѣ деньги, собранныя въ деревняхъ,—цѣлый мѣшокъ мѣдныхъ; потомъ толпа разступилась и я увидѣлъ цѣлую гору бубликовъ, хлѣба, яицъ и пироговъ, затѣмъ множество большихъ мѣшковъ съ холстомъ, полотенцами, рубахами, ситцемъ, теплыми носками и рукавицами. Все это я велѣлъ отнести въ вагонъ, который и завалили до верху. Это было ночью, всѣ солдаты, кромѣ немногихъ, спали. Я снялъ папаху, подошелъ къ старостѣ и, отъ лица всѣхъ солдатъ, расцѣловался съ нимъ и поблагодарилъ; послѣ него я началъ переходить изъ рукъ въ руки, отъ мужика къ бабѣ и такъ далѣе до конца; бабы благословляли: Въ это время раздался третій звонокъ, я еще разъ поблагодарилъ всѣхъ и пошелъ въ вагонъ. Вдругъ сзади подбѣгаетъ мужикъ и спрашиваетъ. «ваше благородіе, разрѣшите сыграть «уру!» Я ему говорю: «валяй» и самъ первый крикнулъ. Воздухъ ночью огласился громкимъ «ура!» Поѣздъ нашъ тронулся. Это у меня останется въ памяти на всю жизнь: мужички собрали послѣднее и принесли солдатикамъ“.

Приводимъ трогательное письмо, напечатанное въ газетѣ «Бессарабецъ».

М. г., г. редакторъ!

Во вчерашнемъ № „Бессарабца“ записано пожертвованіе — 50 коп. отъ Ѳомы Корхового; пожертвованіе это прислано при слѣдующемъ письмѣ:

„Прошу принять отъ меня 50 коп. на гвоздь миноноски „Бессарабень“, данныя мнѣ на пропитаніе добрыми людьми. Да будетъ эта мино-

носки крѣпка, какъ моя вѣра въ нашу непобѣдимую армію. Я самъ солдатъ, прослужившій 5 лѣтъ въ Волынскомъ 53 пѣхотномъ полку, и за свою честную службу произведенъ въ фельдфебеля, прослуживъ еще годъ сверхсрочно и только по временной болѣзни отпущенъ въ запасъ. По оговору злыхъ людей просидѣлъ въ тюрьмѣ 10 мѣсяцевъ до суда и 11 сего февраля меня оправдали, какъ невиннаго въ антиеврейскихъ безпорядкахъ.

Рвется моя душа на поле брани, хочу и я постоять своею грудью за нашего Батюшку Православнаго Царя и за весь Крещенный русскій народъ. Слезно прошу добрыхъ русскихъ людей и мое хорошее начальство снарядить и отправить меня къ нашимъ братьямъ-воинамъ прямо въ первые ряды, сразиться съ супостатомъ.

Запасный фельдфебель 53-го пѣхотнаго полка, Оома Корховой.

Образъ Спасителя со старого „Ретвизана“.

„Московскія Вѣдомости“ получили отъ генераль-адъютанта М. П. Данилова копію письма, отправленнаго Маріей Васильевной Крузенштернъ командующему нашею Тихоокеанской эскадрой вице-адмиралу С. О. Макарову.

Ваше превосходительство,

М. Г. Степанъ Осиповичъ!

„Пріемлю смѣлость обратиться къ вамъ, какъ дочь нынѣ уже покойнаго генераль-адъютанта, вице-адмирала барона Василя Ѳеодоровича Таубе, бывшаго съ 1855 по 1861 годъ въ чинѣ капитана 1-го ранга, командиромъ линейнаго корабля „Ретвизанъ“—предшественника, по имени, славнаго эскадреннаго броненосца, столь доблестно отличавшагося въ недавнее время.

„Зная, насколько дорого экипажу каждого судна нашего боевого флота все имѣющее соотношеніе съ его прошлымъ, я посылаю при этомъ письмѣ образъ Спасителя, принадлежавшій старому „Ретвизану“ и врученный ему не человѣческой рукой, а по особому предопредѣленью судьбы—его роднымъ элементомъ—водою.

„Въ то время, когда старый „Ретвизанъ“, вскорѣ послѣ своего спуска на воду, стоялъ въ Невѣ, отецъ мой, вмѣстѣ съ другими чинами экипажа, увидѣлъ несомый волнами и плывшій по направленію къ кораблю предметъ, который оказался образомъ спасителя. Святой образъ этотъ сопровождалъ затѣмъ „Ретвизана“ во всѣхъ его плаваніяхъ; когда же флотъ нашъ облекся въ броню, и старый „Ретвизанъ“ долженъ былъ окончить свою службу Царю и Отечеству, то экипажъ его, прощаясь со своимъ

командиромъ, благословилъ его этимъ образомъ, который затѣмъ, послѣ смерти отца, благоговѣнно хранился у меня.

„Нынѣ, когда потомокъ стараго „Ретвизана“—доблестный броненосецъ „Ретвизанъ“ грудью своей встрѣчаетъ врага, пусть этотъ святой образъ сопутствуетъ ему въ бояхъ и будетъ ему благословеніемъ его предка въ борьбѣ его во славу нашего обожаемаго Монарха, родины и нашего доблестнаго флота.

„Печтительнѣйше прошу ваше превосходительство удостоить меня принятіемъ этого образа, для врученія его эскадренному броненосцу „Ретвизану“, чѣмъ осчастливите меня и какъ дочь моряка, и какъ жену одного изъ потомковъ извѣстнаго нашего мореплавателя — адмирала Крузенштерна.

„Съ чувствомъ искренняго почтенія и глубокаго уваженія имѣю честь быть вашего превосходительства

„Марія Васильевна Крузенштернъ, урожденная баронесса Таубе“.

Нынѣшнее настроеніе японцевъ.

Изъ полученныхъ свѣдѣній оказывается, что восторгъ, проявленный японцами въ первые дни войны, смѣнился безпокойствомъ. Японцы надѣялись, что война будетъ окончена очень скоро, но теперь, когда послѣ безполезныхъ попытокъ занять Портъ-Артуръ вполне выяснилось, что она можетъ затянуться на очень долгое время,—японцы приуныли. Затѣмъ, японцы разсчитывали, что походъ будетъ легокъ, но уже первыя передвиженія на сѣверъ Кореи показали, что войскамъ придется преодолевать большія затрудненія. Японцы питаютъ надежду на то, что, въ случаѣ ихъ пораженія, Англія и Америка придутъ къ нимъ на помощь.

Отправляющіеся на войну японцы считаются покончившими свои счеты съ жизнью—живыми покойниками: предъ отъѣздомъ они выпиваютъ стаканъ воды въ знакъ того, что они не разсчитываютъ на возвращеніе и принадлежать отнынѣ отечеству. Отправляясь на пожаръ, японскіе пожарные дѣлаютъ то же, чѣмъ и выражаютъ, что мысли ихъ не будутъ останавливаться на близкихъ, на семьѣ, но всецѣло сосредоточатся на борьбѣ съ огнемъ. Слезъ при прощаніи съ идущими на войну въ Японію вообще не бываетъ, такъ какъ это было бы признакомъ трусости тамъ, гдѣ слѣдуетъ показывать себя храбрымъ.

III.

Всеподданнѣйшія и официальные телеграммы съ театра войны.

Изъ *Портъ-Артура* отъ 3-го марта телеграфируютъ, что извѣстія англійскихъ и англо-китайск. газетъ, будто Артуръ взятъ японцами, объять пламенемъ, покидается жителями и тому подобное — чистѣйшій вымыселъ. Кромѣ пяти убитыхъ и поврежденія нѣсколькихъ зданій, бомбардировка 26 февр. другихъ послѣдствій не имѣла.

4-го марта, изъ Портъ-Артура. Вчерашняя ночь и сегодняшній день прошли спокойно. По частнымъ свѣдѣніямъ, въ портъ-артурскомъ бою, бывшемъ въ ночь на 27 янв., погибло 6 японскихъ миноносцевъ со всюю командою, затонуло два крейсера въ виду Чифу и былъ сильно поврежденъ броненосецъ «Миказа» пущенными въ него десятью снарядами. Всѣ доки въ Японіи были заняты починкою поврежденныхъ судовъ; въ настоящее время въ докахъ въ Нагасаки и Сасебо находятся броненосецъ и два крейсера перваго класса. Въ непріятельскихъ госпиталяхъ насчитывается свыше 2,000 человекъ.

Черезъ Берлинъ, отъ 4-го марта. Русскій кавалерійскій отрядъ двинулся внезапно впередъ между Ы-джу и Юнчюномъ. 200 кавалеристовъ дошли до рѣки и стали стрѣлять по японцамъ, находившимся на противоположномъ берегу. Японцы на огонь русскихъ не отвѣчали.

Японскій передовой отрядъ изъ 200 человекъ на голову разбить близъ Пиньяна русскими, которые напали на него въ числѣ 300 человекъ.

Русскія войска, по сообщенію «Рос. Тел. Аг.», укрѣпились на превосходныхъ позиціяхъ въ городѣ Аньшанчжанѣ. Главныя наши силы, сосредоточенныя у р. Ялу, уже перешли эту рѣку и оставили во многихъ мѣстахъ небольшіе отряды для охраны рѣки.

5-го марта, отъ намѣстника изъ Мукдена. Генераль Мищенко доносить, что, по свѣдѣніямъ изъ Пиньяна, тамъ находится японская пѣхота при нѣсколькихъ орудіяхъ. На корейскихъ подводахъ передвигаются запасы продовольствія. Непріятельская кавалерія въ массахъ не замѣчается; видны только одиночные всадники; конскій

составъ плохой и слабый. Нашъ разъѣздъ на берегу рѣки Чіонъ-чіонъ-Гана, въ пяти верстахъ отъ Анджу, открылъ присутствіе непріятельской пѣхоты, встрѣтившей его огнемъ, при чемъ у насъ убита одна лошадь.

7 марта. отъ ген.-лейт. Жилинскаго. Войска имѣютъ видъ бодрый; больныхъ нѣтъ.

По донесеніямъ отъ пограничной стражи, на линіи восточно-китайской дороги все благополучно. Близъ станціи Удзими штабс-ротмистръ Аксеновъ, посланный съ 70-ю конными, разбилъ шайку хунхузовъ въ 100 человекъ.

Подтверждаются свѣдѣнія, что Анджу и Пенъянъ заняты непріятельской пѣхотой и артиллеріей.

По дорогѣ Анджу—Пенъянъ происходитъ усиленное движеніе войскъ и грузовъ.

Въ Цинампо недавно происходила разгрузка 13 транспортовъ.

По свѣдѣніямъ, на побережьи у Гао-цзяо и противъ Цзинь-чжоу-фу никакихъ приготовленій къ высадкѣ нѣтъ.

Всѣ извѣстія иностранныхъ газетъ о высадкѣ японцевъ въ различныхъ пунктахъ побережья лишены основанія.

Отъ 9 марта. По донесеніямъ генерала Мищенко, 4 марта разъѣзды, подойдя близко къ Анъчжо, замѣтили, что на лѣвомъ берегу Чинъ-Чанъ-Гана, противъ города, возведены непріятельскіе окопы. Въ Ионгбенѣ непріятеля еще не было. По предположенію, въ Анъчжо находится одна дивизія, въ Пенъяпѣ—остальная часть первой арміи. Вслѣдствіе полученнаго свѣдѣнія о прибытіи въ Пакченъ двухъ непріятельскихъ эскадроновъ, туда были направлены двѣ наши сотни, съ цѣлью воспрепятствовать переходу противника черезъ рѣку Пакченганъ. Сотни эти замѣтили на лѣвомъ берегу рѣки три непріятельскихъ эскадрона, которые, съ приближеніемъ нашего отряда, не принявъ боя, начали отходить къ Анъчжо. Сила японскихъ эскадроновъ около 190 коней; лошади разномастные.

Въ ночь на 6-е число два посыльныхъ нашей летучей почты между Касапомъ и Ченчжоу наткнулись на японскій разъѣздъ, были встрѣчены его огнемъ, но благополучно отошли. По свѣдѣніямъ, 300 человекъ непріятельской конницы 6-го марта заняли Ионгбенъ; въ Анъчжо заготовленъ матеріалъ для наводки мостовъ сѣвернѣе и южнѣе города.

По донесенію генералъ-лейтенанта Стесселя, около полуночи на 9-е марта, въ свѣтѣ прожекторовъ показались непріятельскіе миноносцы, по которымъ открыли огонь наши сторожевые суда, а

затѣмъ нѣкоторыя батареи крѣпости. Огонь продолжался около 20 минутъ. Тоже повторилось въ 4 часа ночи. Въ 6½ часовъ утра съ юга показались 4 непріятельскихъ судна, а затѣмъ и вся эскадра, въ составѣ 11-ти судовъ и 8-ми миноносцевъ. Наша эскадра вышла на наружный рейдъ для встрѣчи непріятеля. Въ 9 часовъ непріятельскіе броненосцы сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ по Ляотешаню и, зайдя за этотъ горный массивъ, открыли огонь по Артуру. Дальнѣйшихъ свѣдѣній не получено.

По дополнительнымъ свѣдѣніямъ генераль-лейтенанта Стесселя, составъ непріятельской эскадры, появившейся передъ Портъ-Артуромъ, опредѣленъ въ 6 броненосцевъ и 12 крейсеровъ. Около 9 часовъ утра эскадра эта раздѣлилась: броненосцы и миноносцы стали между Ляотешаномъ и Голубиной бухтой, а крейсера—въ двухъ группахъ къ югу и юго-востоку отъ Артура. Въ 9 часовъ 20 минутъ «Ретвизанъ» открылъ перекидной огонь черезъ Ляотешанъ по непріятельскимъ броненосцамъ, которые въ 9 час. 40 мин. также начали стрѣльбу по городу. Между тѣмъ наша эскадра постепенно выходила на внѣшній рейдъ. Къ 11 часамъ утра канонада начала стихать; японская эскадра, соединившись, медленно отходила къ юго-востоку и въ 12 час. 30 мин. дня стала удаляться.

Во время бомбардировки на берегу убито 5 впжнихъ чиновъ, ранено—9, контуженъ—1.

Командующій флотомъ доносить сего числа изъ Портъ-Артура слѣдующее:

Сегодня въ полночь два непріятельскихъ миноносца подходили на внѣшній рейдъ, но были открыты прожекторами съ батарей и встрѣчены огнемъ послѣднихъ и сторожевыхъ лодокъ «Бобръ» и «Отважный», вслѣдствіе чего отступили.

Вторая атака была въ 4 часа утра. Участвовало 3 непріятельскихъ миноносца, но были также отбиты.

Съ утра стали приближаться съ разныхъ сторонъ 3 непріятельскихъ отряда, состоявшіе изъ 6 броненосцевъ, 6 бронированныхъ крейсеровъ, 6 крейсеровъ 2-го и 3-го классовъ и 8-ми миноносцевъ.

Въ 7 час. утра наша эскадра стала выходить съ внутренняго рейда. Крейсера выходили первыми, изъ нихъ «Аскольдъ»—подъ моимъ флагомъ. Броненосцы выходили за ними.

Непріятельскіе броненосцы подошли къ Ляотешану и сдѣлали 100 выстрѣловъ 12-дюймовыми орудіями по Артуру, а также 108 выстрѣловъ по окрестностямъ.

Снаряды наши съ дистанціи 80 кабельтовыхъ ложились очень хорошо и 1 снарядъ, около 10 часовъ, попалъ въ броненосецъ, послѣ чего послѣдній отошелъ.

Потерь въ людяхъ на эскадрѣ нѣтъ.

По окончаніи бомбардировки, около 11-ти часовъ утра, всѣ непріятельскія суда соединились, прошли вдоль вѣтшняго рейда и удалились, не атаковавши нашей эскадры.

13 марта, отъ намѣстника изъ Мукдена. Генераль Мищенко доноситъ, что 10 числа въ 11 ч. пополудни онъ выслалъ двѣ сотни, съ цѣлью развѣдать, какія силы непріятеля перешли черезъ рѣку Чинъ-Чанъ-Ганъ. Одна изъ сотенъ, въ полтора верстахъ отъ Пакченгана, замѣтила непріятельскую конную заставу, силою 30 человекъ, которая, съ приближеніемъ нашей сотни, стала усиливаться, а затѣмъ прикрылась пѣхотой. Наши казаки спѣшили два взвода и открыли огонь по заставѣ, а также — разъѣзду, показавшемуся въ 400 шагахъ, при чемъ у японцевъ были убиты: 1 офицеръ, 1 нижній чинъ и лошадь. Послѣ нѣсколькихъ залповъ, получивъ донесеніе о наступленіи непріятельской пѣхоты, нашъ разъѣздъ отошелъ.

Развѣдка выяснила, что Пакченъ занятъ непріятелемъ. На правомъ берегу Пакченгана находятся двѣ роты и около 3 эскадроновъ кавалеріи, имѣя посты въ 2-хъ верстахъ отъ берега рѣки. Въ городѣ Аньчжоу находятся 3000 японцевъ. Въ Цинампо постоянно прибываютъ японскія военныя суда и транспорты; войска, высадившіяся въ Цинампо, направляются къ Пенъяну и далѣе на Унсанъ и Канге.

По донесенію генерала Смирнова изъ Портъ-Артура 11 марта, наша охотничья команда близъ Бицзыво разбила и почти совершенно уничтожила шайку хунхузовъ около 50 человекъ. У насъ потерь нѣтъ.

13 марта, отъ вице-адмирала Макарова изъ Портъ-Артура. Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что сего числа съ бронепосцами, крейсерами и миноносцами выходилъ для осмотра нѣкоторыхъ сосѣднихъ острововъ.

14 марта, отъ намѣстника изъ Мукдена. Въ ночь съ 13 на 14 марта послѣ захода луны, японцы сдѣлали попытку заградить выходъ изъ гавани, для чего ими были пущены 4 брандера въ сопровожденіи флотиліи миноносцевъ. Около 2 ч. 15 м. ночи сторожевыя суда и батареи замѣтили приближеніе непріятельскихъ судовъ, по которымъ открыли дружный и сильный огонь. Впередѣ

брандеровъ шли непріятельскіе миноносцы, а на значительномъ разстояніи сзади болѣе крупныя суда, которыя открыли огонь по крѣпости, поддерживая дѣйствія брандеровъ и миноносцевъ. Вслѣдствіе сильнаго артиллерійскаго огня и лихихъ дѣйствій нашихъ миноносцевъ, брандеры не достигли до входа въ гавань: 2 попали на камни подъ Золотой горой, 1 затонулъ, пробитый миной нашего миноносца, сзади первыхъ двухъ, а четвертый затонулъ, упершись носомъ въ ранѣе затопленный японскій пароходъ у Маячной горы. Проходъ остался свободнымъ.

На затопленныхъ пароходахъ найдены скорострѣльные орудія Гочкиса калибра одинъ дюймъ, изъ которыхъ стрѣляли по нашимъ миноносцамъ. Съ каждаго затопленнаго судна спущена была шлюпка для спасенія команды. Изъ этихъ шлюпокъ спаслась, повидимому, одна.

Около 4 ч. утра непріятельскіе миноносцы отошли и канонада прекратилась. Командующій флотомъ адмиралъ Макаровъ тотчасъ на паровомъ катерѣ вышелъ на рейдъ для осмотра затонувшихъ непріятельскихъ судовъ. Во время минной атаки непріятельскихъ судовъ на миноносцѣ «Сильномъ» была перебита паропроводная труба и приводъ рулевой машины, почему онъ выбросился на берегъ подъ Золотой горой, откуда его теперь снимаютъ. Убитые и раненые на миноносцѣ есть, но число ихъ еще теперь неизвѣстно. Около 5 ч. 25 м. утра къ югу отъ Артура замѣчены непріятельскіе миноносцы, по которымъ батареи открыли огонь. Около 6 ч. утра на горизонтѣ показалась непріятельская эскадра. Въ 6 ч. 30 мин. батареи Тигроваго полуострова открыли огонь, а наша эскадра начала вытягиваться изъ гавани. «Баянъ», «Новикъ» и «Аскольдъ» вышли первыми и тоже открыли огонь. Стрѣльба скоро прекратилась за дальностью разстоянія до непріятельской эскадры. Въ 9 ч. 15 мин. вся наша эскадра вытянулась на рейдъ. Японская эскадра начала отходить на юго-востокъ, повидимому, уклоняясь отъ боя. Около 10 ч. утра непріятельская эскадра скрылась за горизонтомъ.

14 марта, отъ вице-адмирала Макарова изъ Портъ-Артура. Всеподаннѣйше доношу, что 14 сего марта въ 2 ч. ночи непріятель сдѣлалъ вторую попытку заблокировать входъ во внутренній рейдъ. Съ этой цѣлью имъ были направлены ко входу 4 большихъ коммерческихъ парохода въ сопровожденіи 6 миноносцевъ. Непріятельскія суда были своевременно открыты прожекторами, подверглись обстрѣливанію батарей и со сторожевыхъ лодокъ «Бобръ» и «Отважный».

Опасаясь прорыва непріятельскихъ судовъ, командиръ сторожевого миноносца «Сильный» лейтенантъ Криницкій бросился въ атаку и миною взорвалъ носъ передовому изъ нихъ, который повернулъ вправо, а за нимъ послѣдовали 2 другихъ парохода, такъ что всѣ 3 выкинулись правѣе входа. Четвертый пароходъ взялъ влѣво и затонулъ также въ сторонѣ отъ фарватера.

Миноносецъ «Сильный» вступилъ въ бой съ 6 непріятельскими миноносцами; на немъ убиты: старшій инженеръ-механикъ Звѣревъ и 6 нижнихъ чиновъ. Командиръ и 12 матросовъ ранены.

Утромъ показались японскіе броненосный и крейсерскій отряды; со ввѣреннымъ мнѣ флотомъ вышелъ для встрѣчи непріятеля.

Вторая попытка японцевъ заградить входъ въ Портъ-Артуръ, благодаря энергичному отпору морскихъ и сухопутныхъ силъ, потерпѣла такую-же неудачу, какъ и первая.

Входъ въ портъ остался совершенно свободнымъ.

Всеподданнѣйше доношу, что непріятель отошелъ, а потому я возвратился съ флотомъ въ гавань. Миноносецъ «Сильный», ставшій на камни ночью, вслѣдствіе поврежденія машины непріятельскимъ снарядомъ, благодаря энергіи команды, снятъ и благополучно введенъ въ гавань. Командиръ лейтенантъ Криницкій, раненый въ руку легко, не покидалъ поста. На брандерахъ оказались адскія машины, проводники которыхъ были перерѣзаны охотниками, изъ которыхъ нѣкоторые: лейтенантъ Кедровъ 4, Азаревъ 3, мичманъ Пильсудскій, посланные мною, вступили на пароходъ тотчасъ, когда онъ остановился, обрѣзали проводники и потушили пожаръ, который освѣтилъ-бы непріятелю входъ въ гавань. На рейдѣ утромъ оказалась плавающая мина съ адской машиной, мина благополучно вынута, рейдъ протраленъ. Пароходы, послужившіе брандерами, по осмотрѣ оказались не старыми, около 2000 тоннъ, были вооружены малокалиберной артиллеріею, которую ставлю на батареи для усиленія огня. Часть пароходовъ поднимаю для надобностей порта.

Явленіе воскресшаго Христа во увѣреніе Своего воскресенія.

(По поводу статьи проф. Тарѣева—„о Христовомъ Воскресеніи“.—Богослов. Вѣстникъ. Май 1903 г.).

Во время оригенистскихъ споровъ одинъ престарѣлый инокъ горько заплакалъ, когда ученые богословы того времени объяснили ему, въ какомъ онъ находился заблужденіи, держась нѣкоторыхъ человѣкообразныхъ представленій с Божествѣ. „Лишили меня Бога моего“! съ неутѣннымъ плачемъ повторялъ старецъ, приведенный къ духовному разумѣнію о Богѣ. Не на этого-ли старца похожи многіе изъ православныхъ читателей Богословскаго Вѣстника, которые, прочитавъ въ майской книжкѣ академическаго журнала за 1903 г. статью проф. Тарѣева о Христовомъ воскресеніи, со скорбію сердца думаютъ: лишилъ насъ ученый богословъ вѣры въ дѣйствительность Христова воскресенія! Или и въ самомъ дѣлѣ подрываетъ вѣру въ воскресеніе г. Тарѣевъ въ статьѣ своей, оставляя намъ лишь надежду на продолженіе личнаго бытія по смерти, а воскресеніе,—даже и воскресеніе Христово,—представляя только кажущимся, мнимымъ? Вѣдь есть же въ настоящее время и философы, и богословы такіе, что говорятъ о Богѣ, о безсмертіи души, а на самомъ дѣлѣ ни личнаго Бога, ни личнаго безсмертія, ни даже самой души не признаютъ.

Но есть-ли надобность заниматься вопросомъ, какъ вѣруетъ профессоръ Тарѣевъ въ воскресеніе Христово и въ наше будущее со Христомъ воскресеніе?—О, да! есть надобность,—потому что ученый богословъ не свои личныя мнѣнія сообщаетъ, а хочетъ внести исправленіе въ вѣрованіе Церкви относительно Христова воскресенія, называя общераспространенное между православными вѣрованіе „простонародной метафизикой воскресенія“. Его статья есть призывъ, обращенный къ намъ—православнымъ: „испытывайте самихъ себя,—въ вѣрѣ-ли вы; самихъ себя испытывайте (2 Кор. XIII, 5).

Повидимому, проф. Тарѣевъ не намѣренъ былъ входить въ изслѣдованіе собственно о воскресеніи; „наша проблема не метафизическая, а нравственная“, говоритъ онъ (стр. 22). Не самое

воскресеніе, а „смысль воскресенія Христова и сущность его значенія“ (стр. 1) составляютъ предметъ богословскаго изслѣдованія. Однакоже, чтобы „существенное значеніе воскресенія Господа Иисуса Христа изложить въ отношеніи къ тѣмъ взглядамъ по этому предмету, которые „онъ—проф. Тарѣвъ“ считаетъ или односторонними или ложными“ (стр. 2), ему привелось и противъ желанія войти въ сужденіе о томъ, что называетъ онъ „метафизикой воскресенія“,—вдаться въ „метафизическое изслѣдованіе духовнаго тѣла“ (стр. 22).

Г. Тарѣвъ различаетъ „традиціонно-догматическое воззрѣніе на смыслъ воскресенія Христова, воззрѣніе вполне незыблемое и несомнѣнное въ догматическомъ отношеніи,—въ его незыблемой апостольской и общецерковной основѣ“ (стр. 2), и—„односторонность въ примѣненіи этого воззрѣнія къ нравственной области у позднѣйшихъ богослововъ“ (ibid.). „На ряду съ этимъ воззрѣніемъ, незыблемымъ въ основѣ, но одностороннимъ въ примѣненіи къ нравственному значенію“ Христова воскресенія, проф. Тарѣвъ констатируетъ существованіе и „другаго взгляда по этому предмету, уже не односторонняго только, но и прямо ложнаго“ (стр. 7—9). Указаніе этой односторонности въ примѣненіи къ нравственности догмата воскресенія Христова и ложности другого воззрѣнія относительно этого предмета и составляетъ содержаніе изслѣдованія проф. Тарѣва. Замѣтимъ мимоходомъ, что не безъ намѣренія онъ выражается: „воззрѣніе по предмету“, а не воззрѣніе на предметъ; этимъ онъ хочетъ, кажется, какъ-бы подчеркнуть, что его занимаетъ не ученіе о воскресеніи, а ученіе о значеніи и смыслѣ воскресенія, такъ что и односторонность и даже ложь, которыя онъ обличаетъ, относятся не къ вѣрѣ въ воскресеніе, а лежатъ уже въ области выводовъ изъ „факта“ (стр. 8 и 18). Но на самомъ дѣлѣ едвали это такъ. Тарѣвъ въ своей статьѣ не только указываетъ „неосновательность плотскихъ выводовъ изъ истины воскресенія Христова“, но разоблачаетъ ложь въ воззрѣніи на самый „фактъ“ Христова воскресенія, для чего и понадобилось ему сдѣлать „анализъ факта по евангельскимъ повѣствованіямъ“ (стр. 18).

Онъ говоритъ: „Въ своемъ зародышѣ это—грубо-антропоморфный, іудейско-чувственный взглядъ на состояніе и жизнь Воскресшаго. По этому пониманію“, говоритъ онъ, „Христосъ возсталъ изъ гроба къ продолженію тѣлесно-чувственной жизни, хотя и окруженный сіяніемъ божественной славы: врата ада, поглотивъ Христа, были обмануты, Онъ вышелъ изъ области смерти такимъ, какимъ вошелъ туда, Онъ возсталъ изъ гроба

съ такою же тѣлесною жизнью, какою жилъ на землѣ, съ тою лишь разницею, что тѣло Его по воскресеніи пріобрѣло новыя свойства божественной славы,—всемогущества, вездѣприсутствія, оставаясь однако нашимъ (земнымъ, душевнымъ) тѣломъ,—Онъ, вознесшись къ Отцу, вознесъ на небо наше (земное, душевное) тѣло, буквально возсѣдаетъ на небесахъ одесную Бога Отца. Это, прибавляетъ проф. Тарѣвъ, „простонародное“ или, какъ въ другомъ мѣстѣ онъ выражается, „популярная метафизика воскресенія“ (стр. 10 и 11). Она собственно, говоритъ онъ, не привлекаетъ къ себѣ нашего вниманія; взгляды этотъ не заслуживаль-бы и того, чтобы говорить о немъ; но въ послѣднее время нѣкоторыми изъ нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ писателей онъ поставленъ въ литературѣ на болѣе широкую основу, на которой вопросъ о воскресеніи Христа приведенъ въ связь съ болѣе общимъ вопросомъ объ отношеніи современности къ христіанству, духа къ плоти, святости къ культурѣ. Стремясь къ примиренію современности съ христіанствомъ и защищая святость плоти, надѣются найти оправданіе этого воззрѣнія въ евангельскихъ фактахъ—рождества Христова, Его преображенія и (особенно) воскресенія“, при чемъ „воскресеніе Христа понимается буквально какъ воскресеніе плоти. Съ этого пункта популярная метафизика воскресенія и привлекаетъ къ себѣ вниманіе“ проф. Тарѣва (ibid).

Что касается пастырей церкви и учителей вѣры, а къ числу послѣднихъ принадлежитъ и самъ авторъ статьи,—то едвали имъ позволительно относиться такъ безучастно къ существованію въ церкви православной грубо-антропоморфнаго, іудейско-чувственного пониманія истины воскресенія Христова; если понимать Христово воскресеніе „буквально какъ воскресеніе плоти“ есть іудейскій антропоморфизмъ,—ересь, то на это слѣдуетъ обратить вниманіе и независимо отъ выводовъ, къ которымъ либо дѣлаемыхъ неосновательно изъ догмата.

Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о выводахъ изъ понятія о воскресеніи Христовомъ, г. Тарѣвъ указываетъ много цитатъ и приводитъ дословныя выписки изъ современныхъ богословскихъ писателей, чтобы его не могли обвинить въ перенпачиваніи чужихъ мыслей. Къ сожалѣнію, онъ не сдѣлалъ того же при изложеніи самаго основанія этихъ выводовъ. Вѣдь если основаніемъ неправильныхъ выводовъ моральнаго характера служить „простонародная метафизика воскресенія“, какъ изложилъ ее проф. Тарѣвъ, то дѣлающіе такіе выводы должны признавать основанія этихъ выводовъ, должны раздѣлять убѣжденія, имѣть представленія,

составляющія содержаніе „простонародной метафизики воскресенія“. Кому же это изъ современныхъ писателей принадлежать понятія и представленія, которыя самъ же г. Тарѣвъ называетъ простонародными? Въ этомъ изложеніи простонародной метафизики воскресенія, неизвѣстно откуда взятомъ, неизвѣстно на основаніи чего составленномъ, что составляетъ традиціонно-догматическое изложеніе вѣры въ воскресеніе“, неизбежное г. Тарѣвымъ въ его изслѣдованіи, и гдѣ начинается грубо-антропоморфное, іудейско-чувственное пониманіе догмата о воскресеніи, г. Тарѣвъ, къ сожалѣнію, не отдѣлилъ. Приходится читателю его статьи самому разыскивать, чего не допускаетъ онъ въ общераспространенномъ между православными пониманіи воскресенія, что должно быть, по его мнѣнію, понимаемо не буквально, а духовно, что именно считаетъ онъ представленіемъ воскресенія іудейско-чувственнымъ, грубо-антропоморфнымъ.

Неправославнымъ, прямо ложнымъ основаніемъ неправославныхъ выводовъ морально-этического характера признаетъ проф. Тарѣвъ пониманіе Христова воскресенія „буквально какъ воскресенія плоти“ (стр. 11, строка 11-я сверху ¹⁾), „чувственное пониманіе воскресшаго тѣла Христова“ (15₅). „По не ложному ученію слова Божія“, говоритъ онъ, „Христосъ Иисусъ воскресъ духовно“ (18₁₆). Это несомнѣнное ученіе слова Божія о воскресеніи Христа — будто бы только духовномъ, — авторъ статьи указываетъ въ словахъ апостола о Христѣ: „Онъ былъ умерщвленъ по плоти (σάρκι), но ожилъ духомъ (πνεύματι)“ — 1 Петр. III, 18). Въ подтвержденіе того же указываетъ авторъ еще на слѣдующія мѣста Писанія. „Апостолъ Павелъ, которому Воскресшій явился“ послѣ „другихъ, „нынѣ уже“ не зналъ Христа по плоти, если и зналъ „такъ“ Его прежде (2 Кор. V, 16), для него Воскресшій „Господь есть духъ“ (2 Кор. III, 17). Такъ что и „прилѣпляющійся къ Господу есть одинъ духъ съ Нимъ“ (1 Кор. VI, 17). Вотъ и всѣ истинно богословскія, т. е. изъ слова Божія, изъ Божественнаго Откровенія заимствуемыя г. Тарѣвымъ основанія того положенія, что воскресеніе Господа плотию должно быть понимаемо не буквально, что воскресъ Онъ только духовно. Въ дальнѣйшемъ уже развитіи своихъ мыслей о духовности Христова воскресенія, выводя заключеніе о тѣлѣ воскресшаго Христа изъ того, что говорится въ Писаніи о нашихъ тѣлахъ по воскресеніи, проф. Тарѣвъ

¹⁾ И далѣе въ цитатахъ первая буква будетъ означать страницу, а вторая строку, — сверху или снизу (11^{II} II).

указываетъ на слова Писанія, что „плоть и кровь не могутъ наследоватьъ царствія Божія (21¹), не переступая за предѣлы гроба“ (22¹ и прим.). При этомъ онъ обращаетъ наше вниманіе на то, что Самъ Господь въ Евангеліи, говоря о Своемъ воскресшемъ тѣлѣ, не приписываетъ Себѣ „плоти и крови“, а только „плоть и кости“ (42 прим. 2-е). Насколько доказываютъ эти мѣста Писанія то, что хочетъ ими доказатьъ г. Тарѣвъ, — рассмотримъ въ своемъ мѣстѣ, а теперь продолжимъ изложеніе аргументаціи г. Тарѣва въ подтвержденіе того положенія, что Христосъ по воскресеніи не буквально имѣетъ „плоть и кровь“ или „плоть и кости“, какъ говоритъ Онъ въ Евангеліи (Лк. XXIV, 39), а воскресъ только духовно (18¹⁶) и что Его воскресшее тѣло не должно быть „понимаемо чувственно“ (15⁵).

Будучи „всею менѣе расположенъ вступать въ состязаніе о словахъ“ (22¹⁴) и въ „метафизическое изслѣдованіе духовнаго тѣла“ (22¹⁶), г. Тарѣвъ свое ученіе о воскресеніи Христовомъ и о духовномъ тѣлѣ, въ которомъ воскресъ Господь, построаетъ именно на метафизическомъ опредѣленіи взятыхъ изъ Писанія словъ: „плоть“ — *σάρξ*, „тѣло“ — *σῶμα*, „духъ“ — *πνεῦμα* и скомбинированныхъ изъ этихъ словъ понятій: „тѣло духовное“ и „тѣло душевное“.

Онъ говоритъ: „намъ обѣтовано духовное тѣло, какъ вполне соотвѣтствующее духовной божественной жизни. Смертію и воскресеніемъ Христа снимается съ человѣка тяжесть смертнаго тѣла (Рим. VII, 24). Пусть это будетъ не окончательное уничтоженіе тѣла, но преобразование нашего уничтоженнаго тѣла сообразно славному тѣлу Христа (Филип. III, 21) и мы будемъ имѣть вмѣсто тѣла душевнаго тѣло духовное (I Кор. XV, 44), такъ что нельзя говорить о нашей абсолютной безтѣлесности по воскресеніи; но несомнѣнно, что оно („наше воскресшее тѣло“) не будетъ имѣть въ себѣ ничего матеріальнаго, если только этому слову придавать реальное значеніе“ (22¹⁻¹⁸).

Что такое хочетъ г. Тарѣвъ сказать этимъ прибавленіемъ: „если только этому слову придавать реальное значеніе“?—Вѣроятно, слѣдующее: если въ воскресшемъ тѣлѣ допускать что либо матеріальное, то это не будетъ уже тѣло духовное, тогда какъ Писаніе говоритъ, что мы воскреснемъ въ тѣлѣ духовномъ; иначе сказать: наименованіе въ Писаніи нашего тѣла, по воскресеніи его, тѣломъ духовнымъ вынуждаетъ насъ утверждать, что оно не будетъ имѣть въ себѣ ничего матеріальнаго. Но если, говоря такъ, мы вѣрно поняли и выразили мысль г. Тарѣва, то вѣдь тотъ же самый аргументъ можетъ быть употребленъ для получе-

нія обратнаго — совершенно противоположнаго заключенія: Въ Писаніи наше тѣло, по воскресеніи называется тѣломъ духовнымъ; но если этому слову придавать реальное значеніе, то нельзя допускать, что оно, по воскресеніи, не будетъ уже имѣть въ себѣ ничего матеріальнаго;—иначе,—это не будетъ уже тѣло, а духъ. Вотъ почему проф. Тарѣвъ и вынуждаетъ сдѣлать вербальную уступку: такъ какъ „мы будемъ имѣть вмѣсто тѣла душевнаго тѣло духовное,“ то—признается онъ—„нельзя говорить о нашей абсолютной метафизической безтѣлесности по воскресеніи“ (221₂). И такъ,—абсолютной безтѣлесности человѣка по воскресеніи допустить нельзя, а утверждать абсолютную нематеріальность воскресшаго тѣла возможно? Дѣйствительно, это было бы что-то похожее на „состязаніе о словахъ“. А по нашему мнѣнію, этотъ — и — указываетъ только на то, что пріемъ для разрѣшенія вопроса выбранъ неподходящій; надобно инымъ способомъ опредѣлять, что такое „тѣло духовное“, о которомъ говоритъ Писаніе.

Какъ бы то ни было, то несомнѣнно, что проф. Тарѣвъ „утверждаетъ нематеріальность духовнаго тѣла“ (23₁), а для этого ему понадобилось, и вопреки желанія, войти въ метафизическое изслѣдованіе духовнаго тѣла (221₅),—въ изслѣдованіе,—что такое плоть и что такое духъ.

Онъ говоритъ: „Богъ есть духъ (πνεῦμα ὁ Θεός Іо. IV, 24), это значить, что Богъ есть не что иное, какъ духъ и что духовное въ сущности божественно, только божественное можетъ быть духовнымъ, духовное, какъ предикатъ божественнаго, сильнѣе всего выражаетъ его противоположность „человѣческому“, низшему, уничиженному“ (18₅). „И въ человѣкѣ духъ не есть часть человѣческой природы, а божественное начало человѣческой жизни, божественное начало въ человѣкѣ“ (18₈). „Божественный духъ есть начало совершенно противоположное началу человѣческому, душевно-личному, тому, что въ священномъ Писаніи называется плотью, когда это слово употребляется въ сопоставленіи съ духомъ (1917). Результатомъ такого отождествленія понятій „духовный“ и „божественный“—„духовное въ сущности божественно“; „только божественное духовно“; духовное есть предикатъ божественнаго“; какъ нетлѣнность, слава, сила, такъ и духовность это предикаты божественнаго (19₉)—у проф. Тарѣва и является выводъ о духовности Христа по воскресеніи: „Духовность воскресшаго Христа есть именно божественная духовность“ (191₈). Но, очевидно, это результатъ очень еще неопредѣленный и проф. Тарѣвъ продолжаетъ выяснять духовность Христова воскресенія или Христа воскресшаго.

Опредѣливъ различіе понятій „духъ“ и „плоть“, проф. Тарѣвъ разграничиваетъ далѣе понятія: „плоть“ *σάρξ* и „тѣло“ *σῶμα*. По поводу словъ воскресшаго Господа о Себѣ Самомъ: „духъ плоти и кости не имать, якоже Мене видите нмуща“ (Ілк. XXIV, 39) г. Тарѣвъ говоритъ, что „плоть и кости тоже, что „тѣло“ (42 прим. 2) *σῶμα*. А одному изъ духовныхъ писателей, съ которыми въ своей статьѣ полемизируетъ, г. Тарѣвъ напоминаетъ „справку“, что „у греческихъ мыслителей терминъ *σῶμα* означалъ реальность, сущность, дѣйствительное объективное бытіе, въ отличіе отъ представленія, призрака, бытія только воображаемаго“ (2413). Отсюда выводъ,—что должно разумѣть, по послѣднему слову современной экзегетической науки, подъ словомъ „тѣло“, когда въ Писаніи говорится о тѣлѣ воскресшаго Христа: „О тѣлѣ воскресшаго Христа“, говоритъ г. Тарѣвъ, „мы можемъ заключить по нашему грядущему воскресенію, которое совершится по образу воскресенія Христова и о которомъ категорически утверждается, что мы возстанемъ не въ душевномъ, а въ духовномъ тѣлѣ. Принимая во вниманіе то, что выработано экзегетическою наукою по данному вопросу, мы можемъ такъ опредѣлить душевное тѣло и духовное тѣло: тѣло (*σῶμα* въ отличіе отъ плоти *σάρξ*) обозначаетъ взаимную *отограниченность* тварныхъ существъ, которую обуславливаются ихъ *реальность*. Душевное тѣло есть матеріальная отограниченность условныхъ существъ, рассчитанная на ихъ общеніе съ матеріальнымъ міромъ; духовное же тѣло есть чуждая матеріальности отограниченность условнаго существованія, приспособленная къ общенію съ духовно-божественнымъ бытіемъ“ (22 прим. 17). Повторимъ діалектическій ходъ операций надъ понятіями, которымъ ведетъ проф. Тарѣвъ своихъ читателей къ заключенію, что тѣло Христово по воскресеніи чуждо всякой матеріальности: Христосъ воскресъ духовно; Онъ былъ умерщвленъ по плоти, но оживъ духомъ (1 Петр. III, 18) (1816—18). Слова Писанія о Христѣ, что Онъ, *умерщвленъ убо бывъ плотію, оживъ же духомъ, о немже и сущимъ въ темницѣ духовомъ сошеде проповѣда*,—нельзя понимать такъ, какъ мы учили когда-то въ катихизисѣ, будто Христосъ, въ то время, какъ тѣло Его пребывало во гробѣ, душею Своею проповѣдалъ побѣду Свою надъ смертію душамъ людей, тоже разлученнымъ отъ тѣла и находившимся въ состояніи отчужденія отъ Божественнаго свѣта и блаженства. Слова Писанія здѣсь „плоть“ и „духъ“ не слѣдуетъ понимать какъ части человѣческаго существа, а какъ синонимы понятій: „Божество“ и „человѣчество: „духовность воскресшаго Христа

есть именно божественная духовность“ (1915, 18). Тѣло не нужно понимать непременно какъ нѣчто матеріальное; у греческихъ мыслителей слово *σῶμα*—тѣло есть синонимъ реальности; потому и слова евангелистовъ, когда они говорятъ о тѣлѣ воскресшаго Господа, и противопоставляютъ его духу (Лк. XXIV, 37—43; Ио. XX, 16, 20, 27), не свидѣтельствуютъ о матеріальности этого тѣла; оно не по существу своему, какъ матеріальное, было видимо ¹⁾ и осязаемо, а только казалось матеріальнымъ. Тѣло душевное есть реальность матеріальная, а тѣло Господа по воскресеніи реально, но чуждо всякой матеріальности.

Въ заключеніе г. Тарѣвъ обращается „къ анализу евангельскихъ повѣствованій о воскресеніи“, но только для того, чтобы „подтвердить“ установленный уже имъ взглядъ на этотъ предметъ (264). „Съ точки зрѣнія духовности или духовной тѣлесности воскресшаго Христа“ онъ предлагаетъ своимъ читателямъ „анализъ (самаго) факта (воскресенія) по Евангельскимъ повѣствованіямъ“ (189). Анализъ этотъ направляется къ тому, чтобы показать, что въ Евангельскихъ повѣствованіяхъ о воскресеніи нѣтъ ничего такого, что противорѣчило-бы установленному профессоромъ взгляду на воскресеніе и опровергало бы „выработанное экзегетическою наукою“ „метафизическое“ понятіе о духовномъ тѣлѣ Христа воскресшаго. А намъ кажется, что богослову, т. е. искателю истины въ словѣ Божіемъ, болѣе свойственно было бы обратиться къ изслѣдованію Писаній (Іо. V, 39), безъ предварительнаго метафизическаго изслѣдованія и опредѣленія искомой истины.

Сдѣлаемъ опытъ пересмотрѣть евангельскія повѣствованія о явленіяхъ Господа по воскресеніи, безъ всякой предзанятой мысли о томъ, каково *должно быть* воскресшее тѣло Господа.

„Повѣствованія четырехъ евангелистовъ о воскресеніи Христа“,—говоритъ проф. Тарѣвъ, „принадлежать къ числу тѣхъ евангельскихъ сказаній, которыя почти *невозможно* привести къ единству въ подробностяхъ“ (281). „На основаніи евангельскихъ повѣствованій“,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „*невозможно* возстановить хронологической последовательности событій“ вознесенія Господня и ниспосланія Духа Святаго на апостоловъ“ (431). Эта невозможность согласить между собою евангельскія сказанія о явленіяхъ воскресшаго Господа приводитъ богослова-профессора къ убѣжденію, что существующій текстъ Евангелія

¹⁾ „Явленія воскресшаго Господа были собственно видѣніями“, говоритъ г. Тарѣвъ (3515).

испорченъ: „Въ Евангеліи Марка“,—говоритъ онъ, „является неестественнымъ переходъ отъ 8 ст. къ 9 ст. XVI гл. и въ этомъ мѣстѣ текстъ *необходимо* признать испорченнымъ“ (2914 примѣч. 1). Сдѣлаемъ опытъ „сведенія къ единству“ евангельскихъ сказаній о явленіяхъ Господа по воскресеніи „во всѣхъ подробностяхъ“ этихъ сказаній, не прибѣгая къ излюбленной новѣйшею богословскою наукою гипотезѣ о порчѣ евангельскаго текста.

Западной экзегетической наукѣ нравится предположеніе, что кратчайшее изъ четырехъ Евангелій,—Евангеліе отъ Марка,—есть будто бы самая ранняя,—по времени происхожденія—редакція евангельской исторіи и что распространеніе и дополненіе этой редакціи извѣстно у насъ подъ названіемъ Евангелія отъ Матѳея. Намъ же кажется, что непредубѣжденный читатель четвероевангелія въ содержаніи и изложеніи его очень много усмотритъ признаковъ, подтверждающихъ преданіе церкви о порядкѣ происхожденія евангелій, т. е., что первымъ явилось Евангеліе отъ Матѳея, затѣмъ сокращеніе его въ Евангеліи Марка, потомъ уже нѣкоторое восполненіе,—третье изъ синоптическихъ Евангелій, и наконецъ, уже Евангеліе отъ Іоанна, проходящее молчаніемъ почти все, что извѣстно было церкви изъ первыхъ трехъ Евангелій. Очень интересно, держась этого преданія церковной древности, слѣдить, какъ евангелисты, особенно же синоптики, восполняютъ—каждый сказанія своего предшественника и—въ чемъ именно отступаютъ отъ написаннаго ранѣе, повторяя тоже повѣствованіе, но съ большею точностью, раздѣльностью и опредѣленностью. Въ пмѣющихся у всѣхъ четырехъ евангелистовъ сказаніяхъ о явленіяхъ воскресшаго Господа особенно поучительно слѣдить, какъ въ томъ или другомъ сказаніи событія, описываемыя евангелистами, постепенно получали все большую и большую точность и опредѣленность изложенія.

Евангелистъ Маркъ въ своемъ Евангеліи слѣдуетъ, какъ всѣмъ извѣстно, повѣствованію евангелиста Матѳея стихъ за стихомъ; онъ опускаетъ цѣлыя отдѣлы Евангелія, написаннаго для вѣрующихъ изъ іудеевъ,—напримѣръ, родословіе Мессіи, пророчества и прообразованія изъ книгъ ветхозавѣтнаго Писанія; но, какъ только кончается отдѣлъ, подлежавшій исключенію—по

1) Вотъ это испорченное, по мнѣнію г. Тарѣва, мѣсто Евангелія: жены, „вышедши, побѣжали отъ гроба; ихъ объялъ трепеть и ужась, и никому ничего не сказали, потому что боялись (ст. 8). Воскресши (же—ѡз) рано въ первый день недѣли, (Иисусъ) явился сперва Маріи Магдалинѣ...“ и пр. (ст. 9).

особенности назначенія второго евангелія,—такъ опять второй изъ евангелистовъ продолжаетъ переписывать первое Евангеліе стихъ за стихомъ ¹⁾. Посмотримъ же, какъ передаетъ евангелистъ Маркъ событія евангельской исторіи отъ воскресенія Христа до вознесенія;—въ чемъ онъ—какъ и вездѣ въ своемъ Евангеліи—стихъ за стихомъ повторяетъ рассказъ своего предшественника, евангелиста, и въ чемъ находитъ нужнымъ отступить отъ изложенія евангельской исторіи въ первомъ Евангеліи. Эти отступленія во второмъ изъ Евангелій отъ повѣствованій перваго будемъ восполнять и тѣмъ, что говорится о тѣхъ же событіяхъ въ Евангеліяхъ отъ Луки и Іоанна.

Восполненія перваго Евангелія послѣдующими евангелистами начинаются съ перечисленія женъ муринощицъ, ходившихъ ко гробу Христову: „На разсвѣтъ перваго дня недѣли“,—пишетъ евангелистъ Матѳей,—„пришла Марія Магдалина и другая Марія посмотрѣть гробъ“ (XXVIII, 1). Кто эта другая Марія?—безъ сомнѣнія, та же, о которой евангелистъ выше, только за 5 стиховъ передъ тѣмъ, говоритъ, повѣствуя о положеніи во гробъ тѣла Христова: „Марія Магдалина и другая Марія... сидѣли противъ гроба“ (XXVII, 61). А евангелистъ Маркъ свидѣтельствуеъ, что эта „другая Марія“ была Марія Іосіева: „Марія же Магдалина и Марія Іосіева смотрѣли, гдѣ Его полагали“ (XV, 47). Евангелистъ Маркъ прибавляетъ, что ко гробу въ первый день недѣли, весьма рано, кромѣ Маріи Іосіевои или Іаковлевои ²⁾, ходила еще Саломія—мать сыновъ Зеведеевыхъ. Итакъ оказывается, что муринощицами были тѣже самыя жены изъ числа сопутствовавшихъ Господу изъ Галилеи, которыя стояли и при крестѣ съ Матерью Божіею (Мр. XV, 40. Мѳ. XXVII, 56. Іоан.

¹⁾ Очень неудобопріемлемо предположеніе, принимаемое еп. Михаиломъ въ его книгѣ „О Евангеліяхъ и Евангельской исторіи“, будто бы тождественная послѣдовательность повѣствованій у евангелистовъ Марка и Матѳея можетъ быть объяснена частымъ повтореніемъ этихъ повѣствованій по списку перваго изъ Евангелій въ молитвенныхъ собраніяхъ вѣрующихъ апостольскаго времени; предположеніе будто бы евангелистъ Маркъ такъ прислушался къ изложенію Евангельской исторіи въ Евангеліи отъ Матѳея, что ведетъ самостоятельно рассказъ въ томъ же порядкѣ—стихъ за стихомъ, не имѣя передъ собою писаннаго текста, а воспроизводя его по памяти. Довольно взглянуть на текстъ Евангелій Марка и Матѳея,—хотя бы у Гречулевича въ его Четвероевангеліи,—чтобы видѣть всю невѣроятность такого предположенія.

²⁾ Марія Іосіева или Марія Іаковлева или Марія Клеопова, это—все одно и тоже лицо: Марія, мать Іосіи и Іакова,—Іакова меньшого или Алфеева (Мр. XV, 40) и жена Алфея или Клеопы, такъ какъ Клеопа и Алфей—одно и тоже имя, только въ различной транскрипціи.

XIX, 25). Евангелистъ Лука прибавляетъ, что къ числу женъ, въ пятокъ же еще съ вечера купившихъ ароматы, чтобы помазать тѣло Господа, принадлежала также Іоанна жена Хузы домоправителя Иродова ¹⁾ (XXIV, 10. XIII, 3). Евангелистъ Матѳей, сказавъ, какъ воины, стоявшіе на стражѣ у гроба, уstraшены были явленіемъ ангела, который „отвалилъ камень у дверей гроба и сидѣлъ на немъ“ (XXVIII, 2), съ этимъ соединяетъ и разсказъ о томъ, какъ жены услышали ангельское благовѣстіе о Христовомъ воскресеніи. Евангелистъ Маркъ, опустивъ сказанное о воинахъ и землетрясеніи, замѣчаетъ, что ангела жены увидали, уже вошедши во гробъ, что онъ сидѣлъ въ правой сторонѣ гробовой пещеры, въ видѣ юноши въ бѣлой одеждѣ (XVI, 5). Евангелистъ Лука еще съ большей подробностью описываетъ ангельское явленіе женамъ: онъ говоритъ, что жены, вошедши во гробъ, сначала никого не видѣли, но когда, не нашедши во гробѣ тѣла Господня, стояли въ недоумѣніи, тогда „вдругъ предстали предъ ними два мужа въ одеждахъ блистающихъ“ (XXIV, 3—4) и затѣмъ передаетъ тѣ же слова ангельскаго благовѣстія, что и у евангелистовъ Матѳея и Марка. Эти различія въ повѣствованіяхъ евангелистовъ-синоптиковъ находятъ себѣ объясненіе въ Евангеліи отъ Іоанна, изъ котораго усматривается, что одно изъ сказаннаго въ первыхъ трехъ Евангеліяхъ относится къ женамъ-мүроносицамъ, другое исключительно къ Маріи Магдалинѣ. Такъ, сказанное у евангелиста Матѳея, что жены приходили „посмотрѣть гробъ“, относится собственно къ Маріи Магдалинѣ; объ этомъ со всею подробностью повѣствуетъ Іоаннъ Богословъ (Мѳ. XXVIII, 1. Іоан. XX, 12), прочія же жены шли ко гробу съ ароматами (Мр. XVI, 1—2. Лк. XXIII, 56. XXIV, 1). Одинъ ангелъ явился воинамъ и явился внѣ гроба, сидящимъ на отваленномъ отъ гроба камнѣ (Мѳ. XXVIII, 2—4); Маріи Магдалинѣ явились два ангела,—сидящими въ правой сторонѣ гробной пещеры на той каменной скамьѣ, вырубленной въ стѣнѣ пещеры, на которой полагались умершіе (Іоан. XX, 12. Мр. XVI, 5). Два же ангела явились и женамъ мүроносицамъ, но не при самомъ ихъ вступленіи въ пещеру, а когда это потребовалось для разрѣшенія ихъ недоумѣнія (Лк. XXIV, 3. 4). Въ Евангеліи отъ Іоанна находитъ себѣ разъясненіе и разность въ повѣствованіяхъ прочихъ евангелистовъ о времени посѣщенія гроба женами: Марія Магдалина въ первый разъ приходила на гробъ,

¹⁾ Евангелистъ Лука, перечисляя женъ-благовѣстницъ о воскресеніи Христовомъ, не упоминаетъ о Саломіи, матери Іоанна и Іакова Зеведеевыхъ, но говоритъ: „и другія съ ними“ (XXIV, 1. 10).

„когда было еще темно“ (Іоан. XX, 1); она же во второй разъ и прочія жены приходили уже „при восходѣ солнца“ (Мр. XVI, 2). Такъ доселѣ „всѣ подробности“ евангельскихъ повѣствованій о хожденіи женъ ко гробу Господню объединяются, просто и естественно слагаясь въ одно цѣльное повѣствованіе; но великая трудность является въ соглашеніи сказаній о явленіи женамъ Самого Господа воскресшаго, а именно—сказанія евангелиста Іоанна о явленіи Господа Маріи Магдалинѣ и сказанія евангелиста Матѣея о срѣщеніи Господа Марією Магдалиною вмѣстѣ съ другою Марією.

Желая согласить эти сказанія, обыкновенно полагаютъ, что Марія Магдалина вышла, чтобы идти на гробъ, вмѣстѣ съ другими женами,—Марією Іаковлевою и Саломією (какъ у св. Марка) и съ другими,—непоименованными (у св. Луки,—кромѣ поименованной имъ Іоанны), несшими мѣра, чтобы помазать тѣло Господа. Предполагаютъ затѣмъ, что она упредила прочихъ женъ, что она первая сподобилась увидѣть Господа, какъ свидѣтельствуется евангелистъ Маркъ (XVI, 9) и какъ описываетъ то подробно евангелистъ Іоаннъ (XX, 14--18). Предполагаютъ, что прочія мѣроносцы приходили ко гробу и сподобились ангельскаго благовѣстія, пока Марія ходила къ Петру и Іоанну. Предполагаютъ, что уже послѣ того, какъ и она сподобилась при гробѣ явленія ей Самого Господа,—возвращаясь отъ гроба, присоединилась она къ прочимъ женамъ, тоже возвращавшимся отъ гроба и вмѣстѣ съ ними сподобилась вторично узрѣть Господа. Но слишкомъ уже очевидна невозможность, чтобы столько событій могло совершиться въ промежутокъ времени между отправленіемъ женъ мѣроносцевъ ко гробу и возвращеніемъ ихъ отъ гроба. А между тѣмъ, если только принять, что Марія пошла на гробъ вмѣстѣ съ прочими женами, какъ говорятъ три первые евангелиста, то и возвращеніе отъ гроба Маріи къ Петру и Іоанну, и ихъ приходъ на гробъ и явленіе Господа Магдалинѣ при гробѣ—необходимо признать совершившимся прежде, чѣмъ Марія догнала бѣжавшихъ отъ гроба женъ. Нельзя допустить и того, что вмѣстѣ съ женами Магдалина пошла—когда уже во второй разъ шла на гробъ: онѣ шли помазать тѣло Господа и на пути тревожились мыслью,—кто отвалитъ имъ камень отъ дверей гроба, а этого не могло бы быть, если бы съ ними была Марія Магдалина, уже узнавшая, что гробъ пустъ. Понимая всю невозможность вмѣстить все описанное въ первыхъ 17 стихахъ XX главы Евангелія Іоаннова между отправленіемъ женъ на гробъ и возвращеніемъ ихъ отъ гроба, преосвященный Теофанъ въ

своей „Евангельской Исторіи о Богѣ Сынѣ“ отступаетъ отъ буквы Евангелій и исключаетъ Марію Магдалину изъ числа женъ, отправившихся на гробъ, чтобы помазать тѣло Господа¹⁾. А также и явленіе Господа женамъ на пути отъ гроба онъ относитъ не къ Маріи Магдалинѣ и другой Маріи, какъ повѣствуетъ евангелистъ Матѳей, а къ „Маріи Клеоповой и Саломіи, а можетъ быть“,—прибавляетъ онъ,—„и нѣкоторымъ другимъ съ ними“²⁾. Вотъ здѣсь то и нужно смотрѣть,—здѣсь то и поучительно прослѣдить, какъ евангелисты, писавшіе объ этихъ явленіяхъ Господа, относятся въ своемъ изложеніи, каждый къ тому, что сказано ихъ предшественниками въ написаніи евангельской исторіи; что именно опускаютъ каждый изъ написаннаго ранѣе,—что измѣняютъ и какъ что восполняютъ.

Евангелистъ Маркъ въ первыхъ осьми стихахъ XVI гл. передаетъ сказанное въ первыхъ же осьми стихахъ XXVIII гл. евангелія отъ Матѳея, нѣсколько измѣняя послѣдній стихъ: у евангелиста Матѳея онъ читалъ: „вышедши поспѣшно изъ гроба, онѣ“ (Марія Магдалина и Марія Іосіева) „со страхомъ и радостію великою побѣжали возвѣстить ученикамъ Его“. Этотъ стихъ евангелистъ Маркъ переписываетъ въ такомъ видѣ: „И вышедши“ (Марія Магдалина, Марія Іаковлева и Саломія), „побѣжали отъ гроба; ихъ обьялъ трепетъ и ужасъ, и никому ничего не сказали, потому что боялись“. Далѣе евангелистъ Маркъ читалъ у евангелиста Матѳея: „Когда же онѣ шли возвѣстить ученикамъ Его, и се, Іисусъ встрѣтилъ ихъ и сказалъ: радуйтесь! И онѣ, приступивъ, ухватились за ноги Его, и поклонились Ему. Тогда говоритъ имъ Іисусъ: не бойтесь; пойдите, возвѣстите братіямъ Моимъ, чтобы шли въ Галилею, и тамъ они увидятъ Меня“. Такъ описывается у евангелиста Матѳея явленіе Господа Маріи Магдалинѣ съ другою Маріею. Что же евангелистъ Маркъ?—дошедши до этихъ стиховъ въ своей передачѣ евангелія Матѳеева, онъ останавливается, вовсе ничего не говоритъ о явленіи Господа женамъ, бѣжавшимъ отъ гроба, которыхъ было не двѣ, а три, по его сказанію (Магдалина, Марія Іаковлева и Саломія), по дополненію же у евангелиста Луки,—четыре и даже болѣе, можетъ быть (Іоанна и другія съ ними). Въмѣсто того, онъ начинаетъ кратко перечислять явленія Господа въ хронологическомъ порядкѣ, начавъ замѣчаніемъ, что Маріи Магдалинѣ явился Онъ прежде всѣхъ,—слѣдовательно,—не вмѣстѣ съ Маріей Клеопо-

¹⁾ Еванг. Ист., изд. 1899 г., стр. 277.

²⁾ Ibid.

вой, Саломіей, Іоанной и другими. Вотъ внутренняя логическая связь стиха 9-го съ стихомъ 8-мъ въ XVI главѣ евангелія Марка,—связь, не усмотрѣвъ которой, проф. Тарѣвъ утверждаетъ, что здѣсь „необходимо признать текстъ евангелія испорченнымъ“: „Воскресши рано въ первый день недѣли, Іисусъ явился сперва Маріи Магдалинѣ. Она пошла и возвѣстила бывшимъ съ Нимъ, плачущимъ и рыдающимъ“ (ст. 9 и 10); „она“, а не другія—подразумѣвается жены, которыя, какъ только что сказали онъ выше (ст. 8), „никому ничего не сказали“¹⁾. Жены ничего не сказали ученикамъ объ ангельскомъ благовѣстіи, пока не пришла съ тѣмъ же благовѣстіемъ Марія Магдалина; „но они“ (ученики), „услышавъ, что Онъ живъ, и что она“ (Магдалина) „видѣла Его, не повѣрили ей“ (ст. 11-й). Тогда-то уже, вслѣдъ за Маріей Магдалиной, и прочія жены начали рассказывать, какъ „онѣ были рано у гроба, и не нашли тѣла“ (Христово), и о „явленіи ангеловъ, которые говорятъ, что Онъ живъ“ (Лк. XXIV, 22. 23). „Послѣ сего“, продолжаетъ евангелистъ Маркъ, „явился двумъ изъ „учениковъ“ на дорогѣ, когда они шли въ селеніе, но и имъ не повѣрили. Наконецъ явился самимъ одиннадцати“ (XVI 9—14), и заканчиваетъ свое евангеліе, не разграничивая послѣдующихъ явленій ни отъ этого перваго явленія одиннадцати, ни отъ послѣдняго, закончившагося вознесеніемъ. Евангелистъ Лука, писавшій, какъ онъ самъ говоритъ, по тщательномъ изслѣдованіи предшествовавшихъ повѣствованій о томъ, что предали бывшіе съ самаго начала очевидцами словъ и дѣяній Христовыхъ (1, 1—3), по всеї видимости, при написаніи своего евангелія, имѣлъ предъ собою и евангеліе отъ Марка“²⁾. Однако-же и

¹⁾ Нѣкоторые комментаторы къ словамъ: „никому ничего не сказали“ неудачно прибавляютъ: „на пути“; но нужно-ли было говорить, что онѣ никому ничего не сказали на пути, когда только что сказано выше, что бѣжали онѣ, чтобы возвѣстить ученикамъ (ст. 7-й); да и кому кромѣ нихъ, было возвѣщать о воскресеніи Іисуса Назарянина,—всѣмъ отверженнаго?

²⁾ На это указываютъ тѣ незначительныя измѣненія, какія внесены имъ въ повѣствованіе первыхъ двухъ евангелій объ ангельскомъ благовѣстіи женамъ, и о явленіяхъ Самого воскресшаго Господа. Евангелистъ Маркъ явленіе ангела женамъ внутри гроба различаетъ отъ видѣнія воинами ангела внѣ гроба, но продолжаетъ говорить объ одномъ ангелѣ, какъ и у евангелиста Матѣея; евангелистъ Лука говоритъ, что женамъ явились два ангела, а не одинъ; объясняетъ, что ароматы мѣроносицами куплены были съ вечера; восполняетъ число женъ-благовѣстницъ воскресенія; затѣмъ излагаетъ подробно и обстоятельно то, что у евангелиста Марка только упоминано въ краткомъ перечисленіи явленій Воскресшаго, а именно о явленіи двумъ ученикамъ „на дорогѣ, когда они шли въ селеніе“, и о явленіи одиннадцати въ Іерусалимѣ и заканчиваетъ свое евангеліе повѣствованіемъ

онъ, повторивъ въ первыхъ осьми стихахъ XXIV гл. своего евангелія соотвѣтствующіе первые восемь стиховъ главы XXVIII перваго евангелія и главы XVI втораго евангелія, останавливается тамъ же, гдѣ и евангелистъ Маркъ и ничего не говоритъ о явленіи Господа Магдалинѣ на обратномъ ея пути отъ гроба, какъ описано это явленіе въ первомъ изъ евангелій. Что значитъ это умолчаніе евангелистами Маркомъ и Лукой о томъ, что написано въ евангеліи отъ Матѳея?

Сразу уничтожаются всѣ затрудненія въ приведеніи къ единству евангельскихъ повѣствованій о явленіяхъ воскресшаго Господа,—какъ только мы допустимъ, что описанное евангелистомъ Матѳеемъ явленіе Господа Маріи Магдалинѣ вмѣстѣ съ другою Марією не есть особое явленіе,—а описаніе того-же явленія Господня Маріи Магдалинѣ, которое со всею точностію и раздѣльностію изложено евангелистомъ Іоанномъ. Евангелистъ Матѳей, по свойственной краткости и слитности изложенія событій, желая сообщить, какъ отъ женъ благовѣстницъ получились первыя, истинныя извѣстія о воскресеніи Христовомъ (XXVIII, 1—10) и какъ воинами распространена была нелѣпая ложь, которой архіереи и старцы хотѣли закрыть истину воскресенія (ст. 11—15), не дѣлаетъ строгаго разграниченія событій: какъ не различаетъ онъ явленія ангеловъ женамъ отъ явленія ангела воинамъ, такъ и благовѣстія Маріи Магдалины, что она видѣла Самого Господа воскресшаго (Мр. XVI, 10—11. Іоан. XX, 18), не различаетъ онъ отъ благовѣстія женъ, что онѣ слышали о воскресеніи отъ ангеловъ (Лк. XXIV, 10. 22. 23). Скажутъ: такое предположеніе есть опущеніе одного изъ явленій Господа по воскресеніи. Да,—опущеніе,—намѣренное опущеніе. Но кто первый сдѣлалъ такое опущеніе?—евангелистъ Маркъ, а за нимъ Лука; евангелистъ же Іоаннъ своимъ подробнымъ описаніемъ того, какъ Господь по воскресеніи „явился сперва Маріи Магдалинѣ“ (Мр. XVI, 9) не оставляетъ и мѣста предположенію, что у втораго и третьяго евангелистовъ опущеніе изъ перваго евангелія стиховъ 8—10 послѣдней главы есть опущеніе случайное и не намѣренное. Какъ-бы съ видимымъ желаніемъ исключить это явленіе двумъ Маріямъ на

о явленіи вознесенія, не разграничивая его,—также, какъ и ев. Маркъ,—отъ явленій предшествующихъ; вообще XXIV гл. евангелія отъ Луки изложена въ соотвѣтствіи содержанію XVI гл. евангелиста Марка. А что евангелистъ Лука имѣлъ передъ собою не одно евангеліе Марка, но и евангеліе отъ Матѳея,—свидѣтельствуютъ тѣ мѣста третьяго евангелія, которыя евангелистомъ Маркомъ при написаніи имъ евангелія опущены и которыя евангелистъ Лука беретъ изъ перваго евангелія.

пути отъ гроба изъ числа явленій Господа въ самый день воскресенія, евангелистъ Маркъ перечисляетъ эти явленія; вотъ,—говорить онъ,—явленія Господа въ первый день недѣли, когда Онъ воскресъ: сперва явился Онъ Маріи Магдалинѣ, потомъ двумъ ученикамъ,—на пути, потомъ одиннадцати,—въ Іерусалимѣ; а евангелистъ Лука прибавляетъ: да еще—Петру.

Что высказанное нами предположеніе о необходимости исключить изъ числа явленій воскресшаго Господа явленіе Его женамъ, возвращавшимся отъ гроба, не есть дерзкое самоволіе невѣрія, колеблющее авторитетъ непогрѣшимости и богодухновенности Евангелій—свидѣтель намъ, какъ мы выше упомянули уже, такой благоговѣннѣйшій истолкователь Писаній, какъ преосвященный Теофанъ; его никто уже, безъ сомнѣнія, не заподозритъ и не обвинитъ въ недостатокъ вѣры; а между тѣмъ онъ допускаетъ отступленіе отъ буквы Писанія въ одномъ мѣстѣ, когда этого требуетъ буква того-же Писанія въ другомъ мѣстѣ: такъ какъ описаніе у Евангелиста Іоанна того, какъ Господь явился сперва одной Маріи Магдалинѣ, дѣлаетъ совершенно несогласимымъ съ этимъ описаніемъ повѣствованіе о томъ, какъ Господь явился Магдалинѣ вмѣстѣ съ другою Марією, находящееся въ Евангеліи отъ Матѳея; то преосвященный Теофанъ отрицаетъ это вторичное—будто бы—видѣніе Магдалиною воскресшаго Господа. Онъ дѣлаетъ это, исключивъ Марію Магдалину изъ числа женъ, сподобившихся явленія Христова на пути отъ гроба;—дѣлаетъ это вопреки буквѣ Евангелія отъ Матѳея, гдѣ описывается явленіе именно Маріи Магдалинѣ,—дѣлаетъ это именно потому, что описаніе явленія Маріи Магдалинѣ воскресшаго Господа у евангелиста Матѳея несогласимо и несовмѣстимо съ описаніемъ того же явленія у евангелиста Іоанна. Тоже самое дѣлаемъ и мы. Между нашимъ способомъ соглашенія этихъ двухъ евангельскихъ сказаній и способомъ, какой предлагаетъ преосвященный Теофанъ,—разность въ томъ, что мы въ разсказѣ евангелиста Матѳея видимъ варіантъ того же повѣствованія у евангелиста Іоанна; а преосв. Теофанъ удерживаетъ за разсказомъ евангелиста Матѳея значеніе повѣствованія о другомъ событіи, и для этого допускаетъ новыя отступленія отъ буквы повѣствованія у евангелиста Матѳея, столь же произвольно дополняя число женъ, встрѣтившихъ Господа на пути отъ гроба, именами другихъ женъ мученицъ. Онъ какъ бы такъ разсуждаетъ: Марія Магдалина, какъ повѣствуетъ евангелистъ Іоаннъ, возвращалась отъ гроба и въ первый разъ и во второй—одна, а не вмѣстѣ съ прочими женами; слѣдовательно, ее должно исключить изъ числа женъ, встрѣтившихъ

Господа; а такъ какъ съ Марією Іаковлевою ходили на гробъ Саломія, Іоанна и другія жены, то, не взирая на то, что ни у евангелиста Матѳея, ни у евангелиста Марка, ни у евангелиста Луки не говорится о явленіи имъ Самого Господа, — напротивъ, говорится, что прочія жены только слышали о воскресеніи Христовомъ отъ ангеловъ, — нужно внести имена ихъ въ повѣствованіе евангелиста Матѳея. Такимъ-то образомъ не на основаніи буквы евангельской, а на основаніи догадокъ и заключеній, изъ варіанта сказанія о явленіи Господа Маріи Магдалинѣ, — явленія, со всею точностію и подробностію описаннаго евангелистомъ Іоанномъ, утвердилось во всеобщемъ вѣрованіи представленіе о явленіи Господа женамъ мѣроносицамъ.

Но мы имѣемъ еще болѣе высокій авторитетъ за наше предположеніе, — не авторитетъ одного, хотя бы и достоуважаемаго истолкователя Писанія, каковъ преосвященный Теофанъ. Предлагаемый нами способъ соглашенія сказаній евангелиста Іоанна и евангелиста Матѳея о явленіи Господа по воскресеніи Своемъ Маріи Магдалинѣ имѣетъ за себя авторитетъ и примѣръ всей церкви православной; слѣдуя примѣру церкви, мы пришли къ мысли и предлагаемъ исключить изъ числа явленій Господа по воскресеніи явленіе Его Маріи Іаковлевы, Саломіи, Іоаннѣ, — а можетъ быть, какъ говоритъ преосв. Теофанъ, — и другимъ еще женамъ мѣроносицамъ, возвращавшимся отъ гроба Христова съ не потребовавшимися Воскресшему ароматами. Церковію предлагаются вѣрующимъ евангельскія чтенія о явленіяхъ Господа по воскресеніи на каждой утрени или всенощномъ бдѣніи, относящихся къ воскресному богослуженію; это есть рядъ такъ называемыхъ „воскресныхъ евангелій“, которыхъ числомъ одиннадцать. Когда кончается этотъ рядъ, или, — какъ онъ въ уставѣ называется, — „столпъ евангелій“, — онъ начинается снова чтеніемъ „перваго воскреснаго евангелія“. Воскресныя евангелія не представляютъ собою сводъ евангельскихъ сказаній изъ различныхъ евангелій, какой читается, на примѣръ, на вечерни въ Великій Пятокъ или на нѣкоторые праздники Кресту Господню; въ такихъ составныхъ евангельскихъ чтеніяхъ у одного евангелиста заимствуется одно, у другаго — другое для изложенія повѣствованія о крестныхъ страданіяхъ Христовыхъ; заимствованное у одного опускается уже при чтеніи изъ другаго евангелія. Въ одиннадцати же воскресныхъ евангеліяхъ предлагаются по порядку всѣ сказанія евангелистовъ о воскресеніи Христовомъ и о явленіяхъ Христа воскресшаго, начиная съ евангелія отъ Матѳея, — первое воскресное евангеліе, — потомъ отъ Марка — второе и третье воскрес-

ныя евангелія, — и такъ далѣе — до послѣдняго евангельскаго сказанія о Воскресшемъ Господѣ у евангелиста Іоанна. И вотъ, въ этомъ ряду евангельскихъ чтеній о воскресеніи одно повѣствованіе оказывается опущеннымъ; это именно—сказаніе евангелиста Матѳея о явленіи воскресшаго Господа на пути Маріи Магдалинѣ съ другою Маріею. Повѣствованіе объ этомъ должно было бы послужить содержаніемъ перваго воскреснаго евангелія, а между тѣмъ для перваго воскреснаго евангелія изъ евангелиста Матѳея взято церковію одно только сказаніе о явленіи Воскресшаго всѣмъ апостоламъ въ Галилеѣ. Спрашивается: почему опущено явленіе Магдалинѣ?—нашъ отвѣтъ: потому, съ одной стороны, что объ этомъ явленіи есть повѣствованіе болѣе точное и опредѣленное у евангелиста Іоанна,—а съ другой стороны,—и это—главное,—потому, что повторять нѣсколько разъ въ теченіе года, на ряду съ 7-мъ и 8-мъ воскресными евангеліями о явленіи Господа Маріи Магдалинѣ при гробѣ, сказаніе евангелиста Матѳея о явленіи ей и другой Маріи на пути отъ гроба значило бы вызывать въ вѣрующихъ неразрѣшимые вопросы и мучительныя недоумѣнія. Церковь и постановила читать это евангеліе только однажды въ годъ,—на вечерни въ Великую Субботу, въ связи съ повѣствованіемъ о приставленіи первосвященниками стражи ко гробу: „На другой день, который слѣдуетъ за пятницею, первосвященники...“ и пр.

Послѣ этихъ предварительныхъ, представлявшихъ намъ необходимыми соображеній, приступаемъ къ сведенію воедино всѣхъ евангельскихъ повѣствованій о явленіяхъ Господа по воскресеніи, во всѣхъ подробностяхъ этихъ повѣствованій.

Повидимому, надобно различать мѣсто пребыванія Петра и Іоанна въ Іерусалимѣ послѣ распятія Господа и мѣсто пребыванія прочихъ учениковъ: по крайней мѣрѣ евангелистъ Іоаннъ, повѣствуя о томъ, что Марія Магдалина, послѣ явленія ей воскресшаго Господа при гробѣ, поспѣшила исполнить повелѣніе Господа: „иди къ братіямъ Моимъ и скажи имъ“ о Моемъ воскресеніи, говоритъ, что она „идетъ и возвѣщаетъ ученикамъ“ (XX, 18); когда же евангелистъ повѣствуетъ, какъ Марія, послѣ перваго своего прихода на гробъ, шла съ горестной вѣстью: „унесли Господа изъ гроба“, то говоритъ, что Марія „бѣжитъ и приходитъ“ съ этою вѣстью „къ Симону Петру и къ другому ученику, котораго любилъ Іисусъ“ (ст. 2), т. е. къ Іоанну. Припимая преданіе Церкви, что у Іоанна сына Зеведеева былъ свой домъ въ Іерусалимѣ, образовавшееся, быть можетъ, на основаніи словъ евангелія, что Іоаннъ отъ креста непосредственно взялъ

Матерь Божию къ себѣ (αἰ, τὰ ἰμα—XIX, 27), вѣроятнымъ представляется и исполнѣ естественнымъ, что у Іоанна, вмѣстѣ съ Матеріею Божіею, нашель себѣ пріютъ и апостоль Петръ, оплакивавшій свое отреченіе и еще неувѣренный, быть можетъ, какъ отнесутся къ этому отреченію прочіе апостолы ¹⁾. Тамъ же была, вѣроятно, неразлучная, по церковному преданію, съ Матеріею Божіею Марія Магдалина, а можетъ быть—и родственница Матери Божіей Марія Клеопова или Іосіева (Іоан. XIX, 2. 5) и мать самого Іоанна сына Зеведеева Саломія,—однимъ словомъ, тѣ жены, которыя съ вечера приготовили ароматы, чтобы помазать тѣло Господа. Во всякомъ случаѣ, Марія Магдалина пошла на гробъ одна, гораздо раньше ихъ, такъ что, даже когда и пришла на гробъ, было еще темно (Іоан. XX, 1). Она видѣла, что камень взять отъ гроба. Зрѣніемъ-ли, или—быть можетъ—осязаніемъ убѣждается, что тѣла Христова нѣтъ тамъ, гдѣ его положили Іосифъ съ Никодимомъ. Тогда она бѣжитъ къ Петру и Іоанну съ тревожной и горестной вѣстью: „унесли Господа изъ гроба! (Теперь мы и того) не знаемъ,—гдѣ положили Его“. Но на пути своемъ къ Петру и Іоанну Марія не встрѣтила женъ мѣроносицъ, что даетъ поводъ думать, не были-ли онѣ въ другомъ мѣстѣ, а не съ Матеріею Божіею, Петромъ и Іоанномъ. Петръ и Іоаннъ, встревоженные вѣстію Маріи Магдалины, сами побѣжали ко гробу; туда же пошла и Марія Магдалина. Но прежде чѣмъ пришли они трое, приходятъ на гробъ жены мѣроносицы. На пути онѣ безпокоились,—кто отвалить имъ камень отъ дверей гроба, который,—видѣли онѣ,—былъ такъ великъ, что онѣ,—двѣ-три женщины, не въ силахъ были-бы отвалить его. Онѣ не знали, слѣдовательно, о новомъ препятствіи къ исполненію ихъ намѣренія,—о приставленной ко гробу стражѣ, объ опечатаніи гробоваго камня. Жены подходят и видятъ, что камень взять отъ гроба; входятъ во гробъ и видятъ, что нѣтъ во гробѣ тѣла ихъ Учителя и Господа. Онѣ не знаютъ, что подумать объ этомъ,—какъ себѣ это объяснить. Тогда предстали предъ ихъ взорами два блистающіе бѣлыми ризами ангела. Жены поражены были страхомъ и потупили очи на землю, не вынося блистанія явившихся имъ ангеловъ; но онѣ слышали ихъ рѣчи: „Что вы

¹⁾ Евангелистъ Маркъ, писавшій свое евангеліе, по церковному преданію, подъ ближайшимъ воздѣйствіемъ ап. Петра, который звалъ его своимъ сыномъ (1 Петр. V, 13), замѣчаетъ, что ангелы, благовѣствуя женамъ о воскресеніи, не безъ особенной надобности, упомянули при этомъ объ апост. Петрѣ: „скажите ученикамъ Его и Петру“ (XVI, 7); не исключайте его изъ среды своей.

ищите Живаго между мертвыми—(въ гробной пещерѣ). Не ужасайтесь! (Мы знаемъ): вы ищите Иисуса изъ Назарета,—распятаго. Его здѣсь нѣтъ. Онъ воскресъ! Припомните, какъ Онъ еще въ Галилеѣ говорилъ вамъ, что Сыну Человѣческому надлежитъ быть предану въ руки людей—грѣшниковъ, и быть распяту, и въ третій день воскреснуть¹⁾. И вспомнили онѣ слова Его. „Идите“, -- продолжали ангелы, -- „скажите ученикамъ Его и Петру, что Онъ встрѣтитъ васъ въ Галилеѣ; тамъ Его увидите, какъ Онъ сказалъ вамъ“. И онѣ, вышедши изъ гроба, побѣжали; но ихъ объялъ трепеть и ужасъ и онѣ никому ничего не сказали, — потому что боялись.

Когда муромосницы уже отошли отъ гроба, возвратилась на гробъ Марія Магдалина и пришли Іоаннъ съ Петромъ. Опять, какъ видно, они не встрѣтились съ бѣжавшими отъ гроба къ ученикамъ женами, что неудивительно при предположеніи, что Петръ и Іоаннъ были не вмѣстѣ съ прочими. Но жены бѣжали съ радостію, чтобы скорѣе принести ученикамъ вѣсть о воскресеніи, хотя соединенный съ радостію страхъ (Мф. XXVIII, 8) взялъ верхъ и онѣ не рѣшились открыть свою радость при видѣ плачущихъ и рыдающихъ апостоловъ (Мр. XVI, 10). Іоаннъ и Петръ тоже бѣжали ко гробу, но съ настроеніемъ очень далекимъ отъ трепетной радости; ихъ влекла ко гробу только надежда, не найдутъ ли тамъ какого-нибудь объясненія поразившему ихъ извѣстію, что тѣла ихъ Учителя нѣтъ болѣе въ гробѣ. Іоаннъ прибѣжалъ первый, наклонился ¹⁾, заглянулъ внутрь пещеры, убѣдился, что гробъ пустъ и сталъ дожидаться Петра. Когда подошелъ Петръ, и вошелъ во гробъ, онъ обратилъ вниманіе Іоанна на то обстоятельство, что оставшіяся во гробѣ пелены, которыя замѣтили, вѣроятно, и Іоаннъ, лежатъ особо, и особо лежатъ тотъ небольшой платъ (*σουδάριον*), которымъ обвязывались лице и вся голова умершаго (Іоан. XI, 44). При этомъ замѣчено было Петромъ и Іоанномъ и то, что платъ былъ сложенъ,—такъ что, повидимому, разоблаченіе тѣла отъ пеленъ происходило безъ всякой торопливости; пелены при томъ обиліи смиренны и алоэ, въ какомъ употреблены были они при погребеніи Спасителя, должны были плотно прильнуть къ тѣлу; не было ничего похожего на то, чтобы какая нибудь вражеская рука срывала эти покровы, дабы обнаженное тѣло подвергнуть какому-нибудь новому еще уничиженію,—бросить его, напримѣръ, туда же,—въ

¹⁾ Еще и въ XII вѣкѣ, когда на гробъ Господень приходилъ нашъ русскій паломникъ,—игуменъ Даниилъ, устье пещеры, въ послѣдствіи увеличенное, было такъ низко, что въ нее входили сгибаясь.

эту мрачную долину Геennomъ или Геенну, куда низвергались съ Голгофы, вмѣстѣ съ крестами, тѣла распятыхъ и дѣлались тамъ добычею тлѣнія и червей (Мр. IX, 44. Ис. XLVI, 24). А гробъ Іосифа Аримаѣйскаго былъ не въ дальнемъ разстояніи отъ Голгофы и Геенны (Іоан. XIX, 41—42). Съ такимъ ужаснымъ предположеніемъ вовсе не согласовалось оставленіе въ гробѣ цѣнной плащаницы, когда и верхнюю ризу Господа, не такую цѣнную какъ хитонъ (ст. 23. 24), воины—исполнители казни дѣлили между собою на четыре части. Но также мало согласовалось оставленіе въ гробѣ судара и плащаницы и съ предположеніемъ Маріи Магдалины, что тѣло Господа переложено было въ другое мѣсто, по распоряженію самого Іосифа (Іоан. XX, 2. 15): зачѣмъ было-бы смѣнять пелены, въ которыя обвито было тѣло самимъ же Іосифомъ? Такъ и не могъ Петръ придти ни къ какому разрѣшенію своего недоумѣнія; такъ и возвратился отъ гроба съ однимъ лишь удивленіемъ случившемуся (Лк. XXIV, 12). Это удивленіе, столь удивительное теперь для насъ, показываетъ, какъ далека была мысль учениковъ Христовыхъ отъ самаго простаго и вполне удовлетворительнаго разрѣшенія всѣхъ недоумѣній принятіемъ истины, что слова Господа: „въ третій день возстану“—слѣдовало понимать буквально, не ища въ нихъ никакого приточнаго значенія (Мр. IX, 31. 32. 9. 10). Слова эти поняли только невѣровавшіе имъ первосвященники и фарисеи (Мѣ. XXVII, 63).

Не понялъ ли теперь слова эти и не теперь ли увѣровалъ Христову воскресенію апостоль и евангелистъ Іоаннъ? „Тогда“, говоритъ онъ самъ о себѣ въ своемъ Евангеліи,—когда Петръ, вошедши во гробъ, обратилъ вниманіе Іоанна на положеніе плащаницы и отдѣльно отъ нея лежащей, тщательно сложенной головной повязки,—тогда въ пещеру гроба „вошелъ и другой ученикъ, пришедшій прежде ко гробу, и увидѣлъ, и...“ въ греческомъ текстѣ стоитъ: ἐπιστάμενος. Въ Синодальномъ переводѣ на русскій языкъ переведено: „увѣровалъ“. Если увѣровалъ,—то, безъ сомнѣнія, увѣровалъ воскресенію. Но блаженной памяти Первосвятитель Московскій Филаретъ находилъ неизмѣннымъ обосновывать и доказывать такой именно переводъ въ настоящемъ мѣстѣ слова ἐπιστάμενος, потому что оно съ равнымъ правомъ можетъ быть переведено и словомъ „повѣрилъ“. А если бы въ русскомъ переводѣ Евангелія стояло: „увидѣлъ и повѣрилъ“, то, естественно, въ умѣ читателя возникалъ бы вопросъ: чему повѣрилъ?—тому ли, что Христосъ воскресъ, или—тому, что онъ--Іоаннъ съ Петромъ слышали отъ Магдалины: „унесли

Господа изъ гроба“; теперь онъ самъ „увидѣлъ“, что нѣтъ во гробѣ тѣла Христова и—„повѣрилъ“ предположенію, что его „унесли“. „Чему повѣрилъ?“—вопрошаетъ митрополитъ Филаретъ,—тому ли, что передъ тѣмъ возвѣстила Магдалина: *взяша Господа отъ гроба и не вѣмъ, гдѣ положиши Его!* Но чему тутъ было вѣрить? Тутъ нѣтъ никакой сокровенной истины, а одно явное невѣдѣніе ¹⁾. Но вѣдь тогда только и является надобность предполагать какую-нибудь сокровенную истину, которая можетъ быть усвояема только вѣрою, если исходить изъ готоваго уже положенія, что *ἐπίστευσεν* значить здѣсь именно „вѣровать“, а не просто „вѣрить“. Итакъ, нѣтъ ничего несообразнаго въ такомъ пониманіи евангелиста, что онъ повѣрилъ высказанному Магдалиной предположенію. Нужно въ контекстѣ искать основанія къ такому или иному пониманію слова: *ἐπίστευσεν*. Переводъ его словомъ „увѣровалъ“ митрополитъ Филаретъ утверждаетъ на соображеніи, которое самъ называетъ только догадкой: онъ говоритъ: „догадываюсь, и думаю, по необходимости должно догадываться“, что, при видѣ лежащихъ во гробѣ пеленъ, въ Іоаннѣ необыкновенно живая любовь необыкновеннымъ образомъ возбудила вѣру“ въ воскресеніе. Основаніемъ же такого именно пониманія словъ евангельскихъ: „увидѣлъ и повѣрилъ“ митрополитъ Филаретъ выставляетъ не контекстъ,—ближайшій или отдаленный, а параллелизмъ выраженій: слова—*видѣть и вѣрова* онъ сопоставляетъ съ словами Господа, сказанными ап. Θомѣ: *блажени невидѣвшии и вѣровавшии*. Ужели, спрашиваетъ онъ, никого тогда не было, къ кому могли бы относиться эти слова?—и относить ихъ къ ап. Іоанну Богослову, который ничего *не видѣлъ* въ гробной пещерѣ, кромѣ того, что видѣлъ въ ней и ап. Петръ, однако же *увѣровалъ*. „До невѣроятности уничижительно было бы для... апостоловъ“, говоритъ духовный витія, „если бы не было между ними ни одного, которому бы принадлежало возвѣщаемое Господомъ преимущественное блаженство,—не видѣть и вѣровать. Не желаемъ видѣть и не дерзаемъ воображать васъ, богоблаженные апостолы, лишенными какого-либо блаженства вѣрующихъ“ (31⁵). Видимое дѣло, что это—ораторскій приѣмъ проповѣдника, а не логическая аргументація экзегета. Дѣйствительно ли слова Господа: *блажени невидѣвшии и вѣровавшии* оказались бы неприложимыми ни къ кому, если бы не отнести ихъ къ сказанному о Іоаннѣ: *видѣть и вѣрова*? Жены мѣроносицы

¹⁾ Слова и рѣчи. Т. III, М. 1877 г., стр. 26. Въ статьѣ проф. Тарѣва, который приводитъ это мѣсто,—стр. 31¹³.

увѣровали воскресенію прежде видѣнія Воскресшаго. Но, если и не относить къ нимъ ублаженіе вѣровавшихъ прежде видѣнія, такъ какъ онѣ не *върою уразумѣли* (Евр. XI, 3) таинство воскресенія, а *видѣніемъ* ангеловъ приведены были къ *вѣрѣ* (2 Кор. V, 7), то и кромѣ нихъ были „не видѣвшіе“ ничего чудеснаго, а только слышавшіе отъ другихъ о воскресеніи и воспринявшіе *вѣру* въ воскресеніе *отъ слуха* (Рим. X, 17); это ученики, которые, еще не видавъ Воскресшаго, говорили видѣвшимъ уже Его Эмаусскимъ путникамъ, „что Господь истинно воскресъ и явился Симону“ (Лк. XXIV, 34). Итакъ указываемый приснопамятнымъ Святителемъ параллелизмъ не представляетъ требующагося доказательства, что сказанное о себѣ евангелистомъ Іоанномъ должно понимать: увидѣлъ пелены и—увѣровалъ воскресенію. Если же обратиться къ контексту, то нельзя, кажется, не признать, что онъ благопріятствуетъ иному пониманію: „увидѣлъ“, что гробъ пусть—„и повѣрилъ“ сказанному Магдалиною: непосредственно за этими словами стоитъ въ Евангеліи: „ибо они еще не знали изъ Писанія, что Ему надлежало воскреснуть изъ мертвыхъ (Іоан. XX, 9); не сказано: „не смотря на то, что не знали“, какъ комментируетъ митрополитъ Филаретъ (322), *аще и не вѣдяху*, но *ибо*; высказывается причина невѣрія воскресенію, при той видимости, которая должна была, казалось бы,—привести къ вѣрѣ. И это ближайшій контекстъ. Не благопріятствуетъ предположенію, что Іоаннъ, при видѣ опустѣвшаго гроба, увѣровалъ Христову воскресенію, и контекстъ болѣе обширный: если бы отложенные смертные покровы напомнили Іоанну сказанное нѣкогда Господомъ, „что Ему должно идти во Іерусалимъ, и много пострадать отъ старѣйшинъ и первосвященниковъ, и быть убиту, и въ третій день воскреснуть“ (Мѣ. XVI, 21); то что препятствовало бы ему приобщить къ своей утѣшительной вѣрѣ и ап. Петра? Наконецъ, если даже предположить, что ап. Петръ съ своимъ „удивленіемъ происшедшему“ оставилъ гробъ прежде, чѣмъ вѣра въ воскресеніе озарила радостью сердце Іоанна, то какъ бы могъ Іоаннъ не раздѣлить свою радость о воскресеніи съ Маріей Магдалиной, которая осталась при гробѣ, и „стояла и плакала?“

Прот. В. Лаврскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Конфликты въ духовной жизни современной интеллигенціи ¹⁾.

I.

Наше время есть время всевозможныхъ самыхъ пламенныхъ попытокъ рѣшенія вопросовъ жизни.

Современная интеллигенція въ своей духовной жизни представляетъ изумительную картину всевозможныхъ конфликтовъ и противорѣчій самаго пестраго калейдоскопическаго характера.

Разнообразіе интересовъ въ сферѣ высшей духовной жизни, разнообразіе въ постановкѣ самыхъ капитальнѣйшихъ вопросовъ жизни и во взглядахъ на цѣнность этихъ вопросовъ въ наше время дошло до явнаго извращенія дѣйствительности и нетоннанія самыхъ, казалось бы, элементарныхъ истинъ.

Такимъ образомъ, даже колоссальное явленіе въ области текущей литературы часто третируется, какъ самое заурядное явленіе и, обратно, мишурный блескъ новаго, даже слабаго, но лишь бы оригинальнаго явленія принимается за подлинный блескъ золота и игру неподдѣльнаго алмаза, лишь только за эту оригинальность, за то, что эта мишура кричитъ и производитъ сенсацію, хотя бы среди слѣпой и тупой толпы, чуждой всякихъ высшихъ идейныхъ интересовъ.

Мало того, современная интеллигенція часто не даетъ себѣ яснаго представленія о томъ, что такое вопросы жизни, не этой прозаичной, матеріальной, жизни, полной однихъ только чувственныхъ интересовъ, однихъ только мѣщанскихъ принциповъ существованія, а той духовной, высшей жизни, къ которой неудержимо рвется всякая душа человѣческая, жаждущая немерцающаго свѣта истины и непреходящей правды „торжествующей духовности“ по терминологіи гениальнаго русскаго философа.

Для иллюстраціи только что сказаннаго, я укажу хотя бы на ту изумительную двойственность во взглядахъ нашей интеллигенціи на значеніе философіи Ницше, какая отмѣчена критикой въ нашей литературѣ.

¹⁾ Публичная лекція, прочитанная въ Москвѣ, въ аудиторіи историческаго музея.

Въ самомъ дѣлѣ, одни видятъ въ сверхчеловѣкѣ, созданномъ фантазіей Ницше, тотъ идеаль высшей духовной жизни, до котораго можетъ доработаться, достигнуть только гений, а другіе въ этомъ сверхчеловѣкѣ видятъ лишь бредъ безумца.

Одни Ницшеанскую этику ставятъ выше христіанства, а другіе считаютъ ее выраженіемъ религіи эгоизма и безжалостнаго варварства.

Тотъ аристократизмъ духа, который влечетъ къ себѣ человѣческое сердце, переполненное кристальной прелестью христіанскаго милосердія и безпредѣльной любви до самопожертвованія, для Ницшеанца, презирающаго всѣ эти основы религіи любви, покажется не аристократизмомъ, а „гнусностью“, „слабостью воли“, „дряхлостью духа“ и т. д.

Тоже самое повторяется и во взглядахъ современной русской интеллигенціи на философію гениальнаго Владиміра Соловьева.

И этотъ философъ является камнемъ преткновенія для очень многихъ.

И въ то время, какъ одни видятъ въ немъ явленія колоссальной философской силы мышленія, другіе считаютъ его лишь за блестящаго стилиста,—не болѣе.

И хотя похвалы этому титану русской мысли сыпались даже изъ лагеря его противниковъ и не перестаютъ сыпаться и по сіе время, тѣмъ не менѣе, однако, философскіе умы позитивнаго направленія не могутъ никакъ примириться съ мистицизмомъ и метафизикой Соловьева.

Отъ философіи переходя къ изящной литературѣ, мы опять таки видимъ безграничное разнообразіе въ оцѣнкѣ современной критики такихъ писателей, какъ Горькій, и даже „великій писатель земли русской“, разъ только дѣло касается тѣхъ жизненныхъ философскихъ, этическихъ и религіозныхъ вопросовъ, которые поднимаются и рѣшаются въ твореніяхъ этихъ писателей.

Тутъ мы опять видимъ, какъ представители одной партіи русской интеллигенціи превозносятъ до non plus ultra этихъ писателей, а представители другой—не только не хвалятъ и не цѣнятъ ихъ, хотя бы за художественный блескъ творчества, но даже съ пѣной у рта нападаютъ на этику и религіозные взгляды этихъ писателей.

Мы уже не говоримъ о такъ называемой реакціонной прессѣ, гдѣ яростныя нападки на независимость и свободомысліе писателей достигаютъ геркулесовскихъ столбовъ всякаго литературнаго приличія.

Такимъ образомъ, оцѣнка значенія и смысла вопросовъ жизни среди русской интеллигенціи въ настоящее время представляется въ высшей степени разнообразной, безъ надлежащаго единства и гармоніи, столь необходимой въ интересахъ высшей духовной жизни русскаго общества.

Мода въ жизни, какъ извѣстно, играетъ доминирующую роль. Она же вторгается съ своею властью въ область литературы, въ область идейнаго творчества.

И къ сожалѣнію, эта власть моды въ этой области высшей идейной жизни достигаетъ колоссальной силы.

Кто не знаетъ, какъ современная интеллигенція податлива на всякую оригинальность въ области литературы, хотя бы эта оригинальность не имѣла особенной цѣнности, особеннаго жизненнаго значенія, и даже вовсе не затрагивала бы вопросовъ жизни, той пищи духовной, безъ которой высшая идейная и моральная жизнь немислима.

Въ наше время достаточно въ трехъ, четырехъ газетахъ прокламировать какое-нибудь имя даже начинающаго писателя, какъ онъ уже становится знаменитостью и его сочиненія расходятся нарасхватъ.

Да, реклама въ нашъ вѣкъ всецѣльна не только въ коммерческомъ мірѣ, но, къ величайшему сожалѣнію, даже въ области литературы, въ области высшаго идейнаго творчества писателей.

И толпа рабски преклоняется передъ моднымъ именемъ, раздутымъ рекламой, и тѣмъ доказываетъ, что возможно, къ величайшему сожалѣнію, такъ называемое идейное рабство.

Да, тамъ, гдѣ свобода, этотъ величайшій даръ небесъ, казалось бы, должна проявить всю свою силу, мы видимъ унизительное рабство.

И среди этого идейнаго рабства иногда замѣтны бываютъ то тамъ, то здѣсь вспышки не той желанной идейной свободы, которая должна быть достояніемъ всякой благородной человѣческой души, а того своеволія и литературной неопрятности, которыя недостойны имени писателя.

И въ этихъ случаяхъ вся сила этого своеволія и литературной грязи сводится за недостаткомъ логики къ крикливому ругательству или цинизму.

И какъ жаль, что подобныя безотрадные явленія имѣютъ мѣсто даже тамъ, гдѣ ясно ощущаются безкорыстныя стремленія къ исканію истины, къ исканію рѣшенія самыхъ роковыхъ, высшихъ вопросовъ жизни.

Да, даже въ этихъ случаяхъ логическая аргументація замѣняется легкомысленной насмѣшкой, или циничнымъ глумленіемъ надъ лучшими стремленіями человѣческой души.

Къ прискорбію, это недостойное имени человѣка глумленіе надъ святыней мы иногда замѣчаемъ подъ перомъ крупныхъ писателей, забывающихъ въ пафосѣ своего творчества о границахъ литературнаго приличія.

А между тѣмъ, исканіе истины, стремленіе къ идеаламъ, религія должны были бы подлежать глубочайшему уваженію со стороны всякаго интеллигентнаго человѣка, сознающаго великую силу въ жизни людей всѣхъ этихъ высшихъ стремленій человѣческой души.

И если человѣкъ не можетъ жить безъ хлѣба матеріальнаго, то тѣмъ болѣе онъ не можетъ жить безъ духовнаго хлѣба, который и получается имъ при неудержимомъ пламенномъ стремленіи къ высшимъ идеаламъ жизни, къ истинѣ, къ тѣмъ потенціаламъ вѣчнаго и непреходящаго, откуда льется свѣтъ жизни.

И вотъ кто сознаетъ всю святость и чистоту этихъ благородныхъ стремленій человѣческой души, кто уважаетъ человѣка, тотъ не можетъ святотатственно касаться нечистыми руками этого святаго святыхъ всякой благородной души, тотъ не можетъ глумиться даже надъ тѣми вѣрованіями, которыя раціоналисту показались бы наивными и смѣшными.

Вѣдь и при всей наивности этихъ вѣрованій въ нихъ свѣтится доля той истины, къ которой неудержимо стремится всякій человѣкъ, жаждущій высшей жизни своего духа.

И это тѣмъ болѣе такъ, что исканіе истины, свойственное всѣмъ людямъ въ той или другой степени, достигаетъ своего величайшаго напряженія у людей великаго ума и сердца и черезъ нихъ передается другимъ, менѣе одареннымъ натурамъ, съ меньшей силой и меньшей жадой высшей идейной жизни, высшихъ духовныхъ наслажденій.

И подобно тому, какъ мы не одобримъ того человѣка, который отнимаетъ у жаждущаго воду, такъ точно мы будемъ протестовать противъ всякихъ попытокъ даже геніальныхъ писателей отнимать у людей ихъ святыню...

И это тѣмъ болѣе, что исканіе истины безъ надежды найти ее, безъ надежды обладать ею, есть въ высшей степени мучительное состояніе человѣческой души.

Это то, что въ устахъ геніальнаго русскаго хирурга и философа Пирогова именовалось „качкой между небомъ и землею“.

Да, Николай Ивановичъ во всей силѣ испыталъ въ своей плодотворной жизни эту мучительную качку между небомъ и землею.

Вотъ почему онъ въ 38 лѣтъ принимается за чтеніе евангелія.

— „Мнѣ нуженъ былъ,—говоритъ онъ,—отвлеченный, не достижимо высокій идеалъ вѣры и, принявшись за Евангеліе, которое я никогда еще самъ не читывалъ, а мнѣ было уже 38 лѣтъ отъ роду, я нашелъ для себя этотъ идеалъ“.

Еще рѣшительнѣе онъ высказывается въ слѣдующей откровенной исповѣди:

— „Смѣло и несмотря ни на какія историческія изслѣдованія, всякій христіанинъ долженъ утверждать, что никому изъ смертныхъ невозможно было додуматься и еще менѣе дойти до той высоты и чистоты нравственнаго чувства и жизни, которыя содержатся въ ученіи Христа: нельзя не прочувствовать, что оно не отъ міра сего. Это не мораль, какъ желаютъ представить идеалъ ученія отвергающіе Божественную натуру Учителя... Для современнаго—именно для современнаго христіанина,—воскликаетъ онъ,—признаніе Божественной натуры Спасителя должно быть краеугольнымъ камнемъ его вѣры“.

И на этомъ „краеугольномъ камнѣ“ своей вѣры Пироговъ остановилъ ту мучительную качку свою, о которой мы упомянули выше.

Онъ, будучи эмпирикомъ-врачемъ, не пользуясь даже въ малѣйшей степени эмпирическимъ методомъ въ исканіи истины, доработался, тѣмъ не менѣе, до пониманія и жизненнаго усвоенія самыхъ отвлеченныхъ, самыхъ идеальнѣйшихъ принциповъ своего религіознаго созерцанія. Мало того, Николай Ивановичъ Пироговъ беспощадно громитъ людское лицемѣріе въ дѣлѣ религіи.

— „Подлецъ въ моихъ глазахъ передъ Богомъ и передъ собою тотъ,—говоритъ онъ,—кто, отвергнувъ всѣ идеалы вѣры и ставъ въ ряды атеизма, въ бѣдѣ измѣняетъ на время свои убѣжденія и, всего хуже, если дѣлаетъ еще это тайкомъ, а убѣжденія свои разглашаетъ открыто“.

— „Я сдѣлался,—пишетъ онъ дальше,—искренно вѣрующимъ, не утративъ нисколько моихъ научныхъ, мыслью и опытомъ приобрѣтенныхъ убѣжденій“.

Вотъ, м.м. г.г., какъ у Николая Ивановича Пирогова прекратилась мучительная качка между небомъ и землею.

Конечно, позитивные умы этимъ мало могутъ удовлетвориться и скажутъ, что религія и вѣра слишкомъ субъективныя вещи, чтобы примѣромъ даже изъ духовной жизни философскихъ и научныхъ геніевъ можно было убѣдить скептиковъ.

Да, скажемъ мы, все это вѣрно, пока мы подходимъ къ религіознымъ вопросамъ путемъ отвлеченнаго мышленія, путемъ подъема даже лучшихъ чувствъ человѣческой души, но не тѣмъ путемъ эксперимента, какимъ пользуется сама позитивная наука.

Но прежде чѣмъ познакомить васъ, м.м. г.г., съ этимъ экспериментальнымъ путемъ въ области религіи, я, какъ врачъ, позволю себѣ остановить ваше благосклонное вниманіе на отношеніи между гигиеной человѣческаго духа и религіозно-философскимъ міросозерцаніемъ.

Извѣстный англійскій профессоръ біологіи и физики Генри Друммондъ пишетъ: „вполнѣ любить, значитъ вполнѣ жить и вѣчно любить—тоже, что вѣчно жить. Поэтому вѣчная жизнь нераздѣльно соединена съ любовью. Мы желаемъ жить вѣчно по той же причинѣ, по которой желаемъ пережить завтрашній день. А почему намъ дорогъ завтрашній день? Не потому ли, что завтра намъ опять хотѣлось бы видѣть того, кто любить насъ, кого и мы сами любимъ и съ кѣмъ желали бы быть вмѣстѣ. Вотъ единственная причина, почему мы любимъ жизнь—потому что мы любимъ и любимы сами. Человѣкъ убиваетъ себя, когда не остается никого, кто бы любилъ его... Пока у него есть друзья, которые его любятъ, и которыхъ онъ любитъ въ свою очередь, до тѣхъ поръ жизнь ему въ радость, потому что любовь есть жизнь. И если у человѣка есть хоть одно привязанное къ нему существо, то онъ еще мирится съ жизнью, когда же у него не станетъ и этого послѣдняго друга, то жизнь теряетъ для него всякую цѣну и онъ налагаетъ на себя руки“.

Нельзя не согласиться, что эти мысли съ субъективной точки зрѣнія близки къ истинѣ. Мало того, психіатры намъ указываютъ, что всякая психическая болѣзнь начинается прежде всего съ дегенерации нравственныхъ основъ психики.

Потеря любви и симпатіи къ близкимъ есть уже угрожающій симптомъ начинающагося психоза. А извѣстно, что самоубійства въ большинствѣ случаевъ совершаются душевно-больными. Итакъ, мысль Друммонда оправдывается и съ объективной стороны. Такимъ образомъ, то, что центръ дыханія или организма, то и любовь для нравственности человѣка, а слѣдовательно и для нормальной соціальной жизни обществъ. Отсюда слѣдуетъ, что характеръ человѣка, его, такъ сказать, центральная умственно-нравственная основа, опредѣляется мѣрою любви.

Но любовь, м.м. г.г., въ отношеніи гигиены человѣческаго духа, можетъ быть разсмотрѣна при свѣтѣ того спектра, которымъ, такъ

сказать, разлагается эта колоссальная сила всякаго человѣческаго прогресса на свои составныя элементы.

Въ любви вы всегда найдете элементы:

- 1) терпѣнія,
- 2) милосердія,
- 3) великодушія,
- 4) смиренія,
- 5) вѣжливости,
- 6) безкорыстія,
- 7) кротости,
- 8) простодушія и
- 9) искренности.

Совокупность всѣхъ этихъ состояній нашего духа и даетъ въ результатъ плодъ гигіены или здороваго состоянія нашей психики, а именно: радость и миръ, или душевный покой, которые въ свою очередь являются основной причиной здоровья всей психо-физической организаціи человѣка.

Перейдемъ теперь къ анализу всѣхъ этихъ элементовъ любви.

Терпѣніе выражаетъ собою силу воли, энергію всей психо-физической организаціи человѣка.

Въ умственной сферѣ терпѣніе есть главнѣйшее условіе всякаго правильнаго обученія. Путь къ знаніямъ, путь къ научнымъ истинамъ не иначе пролагается, какъ черезъ мостъ терпѣнія. Это незыблемая аксіома. Самый психическій процессъ вниманія, какимъ вы удостоиваете меня въ настоящее время, есть не что иное по своей природѣ, какъ терпѣніе. Напрягать вниманіе значитъ претерпѣвать воспріятія, впечатлѣнія какъ внѣшнія, такъ и внутреннія. Истинный ученый есть самый терпѣливый человѣкъ.

Въ сферѣ чувствъ и эмоцій терпѣніе есть актъ, регулирующий аффекты, порывы чувствъ, эмоцій и страстей.

Оно въ этой области является антагонистомъ и противникомъ всякаго фанатизма.

Что касается, наконецъ, волевой сферы психики человѣка, то терпѣніе въ извѣстномъ смыслѣ и есть сама воля.

На фізіологическомъ языкѣ это не что иное, какъ задерживающій центръ рефлексовъ. Это антагонистъ слѣпыхъ, быстротечныхъ рефлексовъ.

Изъ всего сказаннаго ясно, что всякій дефектъ терпѣнія есть уже паталогическій элементъ души.

Нетерпѣливость во всѣхъ сферахъ психической жизни человека ведетъ за собою усиленіе рефлексовъ, что неминуемо отра-

жается не только на нервной системѣ, но и на системѣ кровообращенія, и на нервно-мышечныхъ приборахъ и даже на пищевареніи. Нетерпѣливый человѣкъ сжигаетъ самъ свое здоровье, непродуманно разстраивая функціи своего организма.

Обратимся теперь къ рассмотрѣнію нашего второго элемента любви.

Милосердіе—въ отличіе отъ терпѣнія не потенціальная, а кинетическая энергія души. Она есть дѣятельная любовь. Милосердіе, какъ замѣчаетъ совершенно вѣрно нашъ русскій психіатръ, профессоръ Чижевскій, есть избытокъ психо-физической энергіи человѣка.

Она есть актъ превалирующей надъ интересами самосохраненія чисто эгоистическихъ стремленій человѣка. Милосердіе выше состраданія, ибо состраданіе есть его дериватъ. Милосердствовать значитъ отдавать свой избытокъ любви другимъ людямъ. Милосердствовать значитъ сѣять любовь вокругъ себя, это значитъ повышать и духовное и матеріальное благосостояніе людей. Оно есть условіе и причина здоровой соціальной общественной жизни. Въ немъ лежитъ центръ счастья человѣчества. Въ немъ виденъ тотъ рай политико-экономовъ, философовъ и моралистовъ, о которомъ каждый изъ нихъ сладко мечтаетъ въ своей области, съ своей спеціальной точки зрѣнія. Милосердіе есть по преимуществу жизнь сердца человѣческаго. Въ немъ вся его этика и все его нравственное, духовное благополучіе и радость.

Ясно отсюда, что дегенерація этого элемента любви наноситъ существенный вредъ не только одному индивидууму, но и цѣлому обществу людей.

Дефекты милосердія есть патологія общественной жизни человѣка. Современная соціальная борьба между капиталомъ и трудомъ есть выраженіе этой патологіи.

Что касается далѣе третьяго элемента любви—„*великодушія*“, то оно есть не что иное, какъ отсутствіе зависти. Анализируя же зависть, мы находимъ, что она есть недоброжелательство къ тѣмъ, кто дѣйствуетъ въ одномъ направленіи съ нами.

Зависть есть ядъ душевный, отравляющій любовь. Благодаря ей возможно возстановленіе нетерпѣнія и злорадства. Зависть не можетъ дать спокойнаго, безстрастнаго состоянія духа. Въ ней нѣтъ душевнаго мира и альтруистической радости. Отсюда же ясно, что она патологически вліяетъ даже на соматическіе процессы нашего организма.

Четвертый элементъ любви—„*смиреніе*“—есть такое состояніе нашей психики, когда невольно сознаешь и чувствуешь все

свое ничтожество передъ идеаломъ, всѣ свои даже малѣйшіе недостатки.

Замѣчательно, что всѣ великіе люди были смиренны, и это касается какъ геніевъ науки, такъ и геніевъ религіи.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше человѣкъ пріобрѣтаетъ знаній, тѣмъ больше онъ сознаетъ, что передъ нимъ открывается цѣлая бездна еще неизученнаго, неизслѣдованнаго, что его знанія въ сравненіи съ этой бездной незнанія—ничто. Не даромъ же еще Сократъ сказалъ: „Я знаю только то, что ничего не знаю“.

Въ нравственной жизни человѣка еще рѣзче проявляется въ душѣ чувство смиренія. Чѣмъ нравственнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ несомнѣнно смиреннѣе.

Всѣ великіе подвижники нравственной жизни также сознавали свое ничтожество передъ открывающейся ихъ взору бездной добрыхъ дѣяній, которыхъ они не въ состояніи были выполнить.

Никогда эгоистическое самодовольство не составляло признака великаго ума и великаго сердца.

Отсюда ясно, что смиреніе есть причина и импульсъ къ прогрессивному развитію и ума и сердца.

Въ самомъ дѣлѣ, ясное и непритворное сознаніе человѣкомъ своихъ недостатковъ есть наисильнѣйшая побудительная причина и импульсъ къ искорененію этихъ недостатковъ, а слѣдовательно къ культурно-нравственному прогрессу.

Въ чемъ же заключается патологія этого благороднѣйшаго элемента любви?

Именно въ гордости, въ самовозношеніи.

Гордость есть такой ядъ психо-физической организаціи, который, примѣняясь къ фармакологическому языку, можно сравнить съ синильной кислотой.

Гордость сразу убиваетъ такое богатство духовной жизни человѣка, какъ смиреніе. Мало того, она можетъ убить любовь во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ области умственной жизни человѣка, въ области знанія гордость порождаетъ фанатическій догматизмъ, вѣру въ абсолютную силу разума человѣка, не смотря на явную наивность подобной вѣры. Въ самомъ дѣлѣ, представляя себѣ движеніе философіи и науки за все историческое существованіе человѣка, мы замѣчаемъ, что гордость въ сферѣ философской мысли породила прежде всего раціонализмъ, который оказался передъ судомъ трезвой философской критики несостоя-

тельнымъ во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія, не исключая даже и этико-религіозной области.

Вслѣдъ за рационализмомъ, какъ роковое слѣдствіе его, является пантеизмъ, который точно также палъ, не устоявъ подъ таранами глубокой философской критики.

Результатомъ пантеизма или послѣдовательнымъ проведеніемъ его философами явилась метафизика матеріализма съ его слѣпой вѣрой въ матеріалистическій догматизмъ. Для насъ, врачей, несостоятельность матеріалистическаго догматизма выразилась весьма характерно въ современномъ состояніи такой точной области знаній, какъ частная фізіологія органовъ чувствъ, которая вся цѣликомъ поконится на идеалистической философій Канта.

Въ самомъ дѣлѣ, даже такой корифей фізіологіи и физики, какъ Гельмгольцъ, пользовался философіей Канта, какъ эвристическимъ принципомъ.

Что же касается несостоятельности метафизики матеріализма въ остальныхъ областяхъ знанія, начиная съ точныхъ положительныхъ наукъ и кончая гуманитарными науками и этико-религіозной областью, то всюду, на всѣхъ позиціяхъ его бывшей боевой обстановки ему нанесены смертельные удары.

Наконецъ, результатомъ метафизики матеріализма, какъ роковое его слѣдствіе, является жалкій пессимизмъ съ его проповѣдью о міровой скорби и утопическими мечтами, что лучше было-бы для человѣчества взорвать земной шаръ, чтобы прекратить на немъ всякую жизнь. Это болѣзненное *taedium vitae* пессимизма есть не что иное, какъ результатъ гордыни человѣческаго разума, его односторонней узкой и легкомысленной самоувѣренности.

И все это не что иное, какъ самобичеваніе, самоотравленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ теперь печальные и крайне прискорбные результаты пессимистической философемы.

Подъ вліяніемъ ея человѣкъ разочаровывается въ радостяхъ жизни, въ самомъ себѣ. Онъ ищетъ не жизни, а смерти...

И вотъ современная лихорадочная жизнь съ ея погоней лишь за одними бестіальными интересами, за однимъ золотымъ тельцомъ и грубо-чувственными наслажденіями, весь этотъ вѣкъ разбитой нервной системы людей, вѣкъ желѣза и бромистыхъ препаратовъ, есть великолѣпная иллюстрація и демонстрація результатовъ гордости человѣка, его эгоизма и бестіальности.

Въ сферѣ чувствъ гордость порождаетъ раздражительность и пониженный тонусъ, то, что на вульгарномъ языкѣ именуется

желчностью. Гордецъ никогда не спокоенъ за свое черствое эгоистическое „я“, за свои бестіальныя интересы. Его нервная система сплошь и рядомъ страдаетъ и черезъ нее и весь организмъ гордеца.

Что касается воли гордеца, то ея дѣятельность сужена до крайняго minimum'a.

Она вся направлена только на самого гордеца. Его „я“ и есть его Богъ.

Теперь мы не удивляемся поразительной его правдивости еще школьной аксіомы, что „гордость есть мать всѣхъ пороковъ“.

Не подвергая анализу пятого элемента любви *въжливости* или *приличія*, а также шестого элемента ея—*безкорыстія*, или служащей любви, „не ищущей своего“, мы перейдемъ къ седьмому элементу любви.

Кротость, мм. гг., т. е. спокойный, мягкій и тихій нравъ, есть самое здоровое и нормальное состояніе психики.

Поэтому патологія этого элемента, или раздражительность вызываетъ цѣлый комплексъ аномалій, какъ въ сферахъ психики человѣка, такъ и въ области соматическихъ функций его организма.

Профессоръ Друммондъ даетъ превосходную интропективную характеристику раздражительности.

Онъ пишетъ, что „нашъ характеръ—это пробный камень любви, внѣшній признакъ пребыванія ея внутри насъ, или доказательство ея отсутствія, въ глубинѣ нашего духовнаго существа.“

Дурное расположеніе духа, это перемежающаяся лихорадка, указывающая на существованіе хроническаго внутренняго недуга. Это случайное проступленіе наружу гноя изъ глубоко сидящей опухоли, пузырекъ ядовитаго газа, поднимающагося съ гніющаго илистаго дна, проявленіе скрытой испорченности сердца въ минуту оплошности—однимъ словомъ, проблескъ всевозможныхъ некрасивыхъ и нехристіанскихъ чувствъ. То, что проскальзываетъ изъ глубины сердца при такихъ вспышкахъ характера, составляетъ совершенную противоположность терпѣнію, дружелюбію, великодушію, въжливости, безкорыстію“.

Намъ, медикамъ, болѣе всего извѣстны соматическія проявленія раздражительности, ибо въ нашъ современный нервный вѣкъ она именно и есть почва для всякихъ неврастеній, неврозовъ и даже психозовъ.

Кротость, мм. гг., почти всегда сопровождается смиреніемъ. Эти элементы любви суть близнецы великой человѣческой души

и любвеобильнаго сердца и въ совокупности составляютъ главнѣйшую основу гигиены духа, служа непосредственной причиною душевнаго мира, покоя и жизнерадостнаго настроенія нашей души.

Въ умственной сферѣ человѣка эти элементы любви суть условія объективнаго и безпристрастнаго мышленія, при которомъ весь механизмъ мышленія съ его цѣпкостью логическихъ операцій совершается въ высшей степени правильно, плавно и спокойно. Въ самомъ дѣлѣ, всякіе аффекты души нарушаютъ вѣдь спокойное и безпристрастное теченіе мыслительныхъ актовъ, тогда какъ при душевномъ мирѣ и покоѣ нѣтъ мѣста экспансивности или беспорядочности въ области мышленія. Истинное научное и поэтическое творчество имѣетъ свой центръ не въ аффектахъ души, не въ экспансивности мышленія. Вѣдь самое творчество, все вдохновеніе научной, философской и поэтической мысли суть не причина, а результатъ необыкновенно вѣрнаго и точнаго воспріятія впечатлѣній, какъ внѣшняго, окружающаго насъ міра, такъ и міра нашей душевной жизни, нашего духовнаго я, для чего необходима извѣстная безстрастность, чистота, прозрачность и спокойствіе воспріимлющихъ аппаратовъ нашей души.

И подобно тому, какъ отчетливость фотографическихъ объективовъ зависитъ отъ чистоты и отчетливости негативовъ, отъ чувствительности воспріимлющей свѣтовые лучи пластинки, подобно тому и наше творчество находится въ тѣсной зависимости отъ чистоты, прозрачности и чувствительности нашей души, каковыя только и возможны при полномъ душевномъ мирѣ и покоѣ.

Какъ волнующаяся поверхность воды не можетъ отражать предметовъ, а только покойная зеркальная поверхность ея, такъ точно и волнующаяся душа человѣка не можетъ быть вѣрнымъ отображеніемъ дѣйствительности и жизненной правды.

Что касается сферы чувствъ, то самыя чистыя и возвышенныя чувства и эмоціи и даже экстазы не совмѣстимы съ аффектами и страстями, которые вовсе не свойственны кроткому и смиренному характеру. Вотъ почему любовь не совмѣстима съ строптивостью и раздражительностью.

Теперь нѣсколько словъ о вліяніи кротости и смиренія на волю человѣка. Здѣсь поразительно то, что самая сильная воля человѣка именно и проявляется кроткимъ и смиреннымъ характеромъ. Безпристрастная исторія открываетъ намъ самыя блестящія страницы свои, которыя богаты обильными примѣрами людей

геніальныхъ и съ колоссальной волей, но кроткихъ и смиренныхъ. И всѣ такіе геніи науки и религіи смотрѣли въ лицо самой смерти безъ малѣйшаго содроганія.

Что касается восьмого элемента любви „*простодушія*“ — то оно есть не что иное, какъ довѣрчивость и простота, свойственная чистымъ душамъ, хорошимъ, добрымъ характерамъ.

Простодушіе очень сродно съ девятымъ элементомъ любви „*искренностью*“ или любви къ правдѣ. Искренній человѣкъ „не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ“.

Къ сожалѣнію, въ обыкновенной жизни неискренность, желаніе прикрыть свою духовную наготу, повидимому, невинной ложью есть обыденное явленіе, а особенно среди женщинъ. Честолюбіе и мелкое тщеславіе старается неискренностью прикрыть себя отъ взора правды. Казалось бы на первый взглядъ это невинная болѣзнь, но какъ много, однако, человѣкъ теряетъ въ жизни передъ свѣтомъ живой правды, благодаря своей неискренности.

Разсмотрѣвъ девять элементовъ любви, мы, казалось бы, имѣемъ теперь возможность подступить къ самому, такъ сказать, центру любви, къ самой сути ея. Не тутъ то было...

Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ изучая свѣтовые лучи, разлагая ихъ на цвѣта, измѣряя и вычисляя амплитуду свѣтовыхъ волнъ, мы пока останавливаемся на гипотезѣ свѣтового эфира и еще слишкомъ далеки до знаній о сущности свѣта, такъ точно, изучая любовь въ ея болѣе доступныхъ элементахъ субъективной ея стороны, мы слишкомъ далеки, при свѣтѣ нашего слабаго разума, постигнуть всю ея сущность и это тѣмъ болѣе такъ, что объективная сторона любви едва только поддается нѣкоторому анализу по методамъ точныхъ наукъ.

Довольно того, что мы можемъ отождествить любовь съ самой сущностью, или—вѣрнѣе—причиной невѣдомой намъ жизни.

Любовь такъ могуча, велика и необъятна, что для постиженія ея мало даже самаго геніальнѣйшаго ума. Она требуетъ для нѣкотораго только постиженія себя всѣхъ силъ человѣка—и разума, и чувства, и воли.

Если ужъ для постиженія окружающаго насъ внѣшняго физическаго міра требуется не одинъ только разумъ, но еще и участіе, извѣстная работа внѣшнихъ органовъ чувствъ: зрѣнія, слуха, осязанія, и т. д., то тѣмъ болѣе для постиженія любви, для которой необходимо требуется все это въ неизмѣримо-большихъ размѣрахъ, да, плюсъ еще, въ широкомъ смыслѣ участіе сердца человѣческаго и *вся его нравственная жизнь*. Вотъ почему я

сказать, что любовь требуетъ *всѣхъ силъ* человѣка для своего познанія. Она не вмѣщается въ рамки одного разума, всего механизма его логическихъ операцій, она непостижима и для одного чувства, она не охватывается и одной волей, словомъ—она требуетъ *всего* *человѣка* со *всѣмъ* его нравственнымъ поведеніемъ, со *всей* его психо-физической организаціей. И вотъ тогда только возможно нѣкоторое приближеніе къ уясненію ея кардинальныхъ свойствъ и нѣкоторый тонкій, туманный намекъ на ея сущность.

Но тутъ уже границы внѣшняго знанія, объективной науки и всякой философіи соприкасаются съ обширной областью нравственно-религіозной жизни.

Вотъ почему только *геніи религіи*, геніи высоконравственной жизни могутъ еще кое какъ считаться компетентными въ нѣкоторомъ постиженіи сущности любви.

Не даромъ въ ней они видятъ и ощущаютъ начало и основаніе всякой жизни и всякаго бытія.

Не даромъ и наша народная душа „въ трудѣ зачатая, въ нуждѣ рожденная, горемъ повитая“ видитъ въ любви само небо и свое великое утѣшеніе. Любовь—все.

Она есть высочайшее благо, она есть абсолютная красота и абсолютная истина...

А безъ истины, „безъ этой основы—пишетъ геніальный Пироговъ—не существовали бы для насъ и научныя истины, ибо не существовало бы въ насъ нравственнаго стремленія къ открытію истины. Истина—абсолютъ, это Богъ...—воскликаетъ далѣе Пироговъ—истина такъ свѣтла, что безъ иллюзіи лишь одно стремленіе къ ней ослѣпило бы насъ... Поэтому ложь сдѣлалась неизбежною для насъ при неодолимомъ влеченіи къ истинѣ“.

Таково великое смиреніе великаго Пирогова при одномъ прикосновеніи къ святому святыхъ всякаго знанія.

II.

Я не буду отрицать того, что всѣ выводы первой половины моей лекціи являются результатомъ не столько позитивныхъ или эмпирическихъ положеній, сколько слѣдствіемъ чистаго умозрѣнія и быть можетъ даже метафизической спекуляціи.

Но полагаю, что мнѣ объ этомъ нечего жалѣть, тѣмъ болѣе, что даже такой геніальный представитель русской философско-богословской мысли, какъ В. Соловьевъ, и тотъ стремился создать философскую догматику христіанства. Онъ пытался всю суть христіанства вывести діалектическимъ методомъ изъ понятія, или идеи объ абсолютномъ и горячо защищалъ даже догматъ Троичности, какъ одну изъ умозрительныхъ истинъ.

Для тѣхъ же, кто питаетъ отвращеніе къ метафизическимъ полетамъ мысли, къ чистому умозрѣнію, кто и въ богословской области знаній желалъ бы быть позитивистомъ, эмпирикомъ и даже экспериментаторомъ, въ смыслѣ лабораторнаго работника, я не безъ удовольствія могу сообщить, что современное направленіе въ области богословскихъ знаній все больше и больше становится на твердую почву опыта, эмпирическаго метода, того, именно, какой въ настоящее время господствуетъ въ области естествознанія.

Множество блестящихъ западно-европейскихъ ученыхъ уже вполне оцѣнили въ области богословія этотъ эмпирическій методъ.

Вотъ, напримѣръ, что говоритъ такой извѣстный нѣмецкій ученый, какъ Бахманъ. „Новѣйшее время поставило богословіе въ необходимость обезпечить вѣрѣ ея право на значеніе оправданіемъ ея мѣста въ религіозномъ знаніи.

Въ такое время, какъ наше, питающее непреодолимое отвращеніе къ умозрѣнію, мы вынуждены идти къ этой цѣли все болѣе и болѣе на пути эмпирическомъ“...

„Методъ экспериментальный — пишетъ другой Женевскій ученый, профессоръ Бувье—принять всѣми въ этотъ вѣкъ наблюденія фактовъ, господства исторіи. Не безъ основаній считаютъ себя обязанными этому методу громадными успѣхами въ области наукъ естественныхъ, теоретическихъ и прикладныхъ, и наукъ о человѣкѣ. Слѣдуетъ отмѣтить появленіе этого метода и въ самой важной области—факта христіанскаго. Со временъ Шлейермахера его примѣняли здѣсь, какъ къ изученію церкви въ ея прошломъ и въ ея догматическомъ ученіи, такъ и къ изученію христіанской жизни и доктринъ, въ которыхъ эта послѣдняя отразилась. Въ школѣ Неандера и Винэ мы научились разсматривать христіанство, какъ жизнь, и слѣдовательно изучать его при помощи эмпирическаго метода, обыкновенно примѣняемаго къ изученію жизни“.

Вы видите, мм. гг., что профессоръ Бувье вводитъ въ область богословія тотъ же методъ, который господствуетъ въ обширной области естествознанія и, особенно, біологіи, т. е. ученія о жизни.

И въ самомъ дѣлѣ, что такое христіанство, какъ не жизнь и притомъ жизнь высшаго порядка, жизнь во Христѣ, въ организмѣ Его церкви?..

Но біологъ изучаетъ жизнь не иначе, какъ экспериментируя, т. е., производя наблюденія, изслѣдованія и опыты, согласно тѣмъ

методамъ науки, которые устанавливаются коллективнымъ умомъ лучшихъ представителей науки.

Точно также и изучающій христіанство съ однимъ да еще единичнымъ умозрѣніемъ далеко не уѣдетъ, потому что безъ опытнаго изученія христіанства по методамъ коллективнаго голоса церкви, гдѣ принципъ повсемѣстнаго, постояннаго и общаго лежитъ въ основаніи самой христіанской истины, уразумѣть и какъ слѣдуетъ постигнуть и изучить самую суть христіанства невозможно.

Правда, что біологъ, изучая жизнь экспериментально, пользуется только такъ называемымъ внѣшнимъ опытомъ, т. е. только тѣмъ, что доступно внѣшнимъ органамъ чувствъ экспериментатора, какъ-то зрѣнію, слуху, осязанію и т. д.

Жизнь, какъ фактъ біологін, вовсе не доступна такъ называемому внутреннему опыту или самонаблюденію, самоиспытанію или самоощущенію.

Другими словами, чтобы изучить жизнь даже самаго простѣйшаго существа, какой-либо клѣточки, напримѣръ, амебы или инфузоріи, ученый не можетъ перенести внутреннюю жизнь этой клѣточки на себя, чтобы ощутить эту жизнь въ себѣ, а можетъ лишь изучать, такъ сказать, внѣшнія проявленія этой жизни и по нимъ уже на основаніи аналогій и умозрѣнія дѣлать тѣ или другія заключенія о внутренней жизни данной клѣточки.

Не то мы видимъ при изученіи христіанства, какъ жизни высшаго порядка.

Въ самомъ дѣлѣ, христіанство доступно не только тому внѣшнему опыту, которымъ только и можетъ пользоваться біологъ, не желающій обратиться къ широкой области фізіологін органовъ чувствъ, гдѣ уже за внутреннимъ опытомъ признано научное значеніе, но еще кромѣ того оно вполне доступно именно внутреннему опыту, т. е., тѣмъ экспериментамъ, опытамъ жизни, которые можетъ продѣлать и испытать всякій человѣкъ, не лишенный чувства раскаянія и сознанія своей грѣховности, всякій, желающій искренно всѣмъ своимъ существомъ уразумѣть христіанство съ его внутренней стороны, т. е., именно какъ жизнь во Христѣ по законамъ Евангелія.

Отсюда ясно, что христіанство, какъ явленіе, или какъ жизненный фактъ, можетъ быть, при его изученіи, гораздо всестороннѣе, шире и глубже охвачено при помощи экспериментальнаго метода, чѣмъ любое біологическое явленіе въ области естествознанія.

Если же принять во вниманіе то, что современные фізіологи признаютъ научное значеніе за внутреннимъ опытомъ, который

еще такъ недавно позитивисты считали ненужнымъ для изученія положительныхъ наукъ, то это ставитъ современное богословіе еще на болѣе точную, опытную, научную почву, чѣмъ это мы видимъ среди другихъ дисциплинъ естественно-научнаго порядка.

Подобное экспериментальное научное направленіе современнаго богословія, разумѣется, должно показаться страннымъ, съ одной стороны, метафизику, привыкшему имѣть дѣло съ однимъ умозрѣніемъ, а съ другой — позитивисту-естествоиспытателю, не допускавшему въ области религій никакихъ научныхъ методовъ, никакихъ экспериментальныхъ данныхъ.

А между тѣмъ именно экспериментальный методъ въ области христіанства указанъ уже 2000 лѣтъ тому назадъ Самимъ Христомъ и при томъ, какъ со стороны внѣшняго опыта, такъ и внутренняго.

Въ самомъ дѣлѣ, экспериментальное изученіе христіанства со стороны внѣшняго опыта, со стороны исторической критической оцѣнки евангелія санкціонировано съ ослѣпительной ясностію словами Самого Христа: „изслѣдуйте писанія“.

И вотъ добросовѣстный ученый долженъ подойти къ этому изслѣдованію, какъ истый позитивистъ и экспериментаторъ, безъ малѣйшей предвзятой мысли. Онъ долженъ прежде всего изучить безпристрастно факты, а за симъ уже толковать ихъ, а не обратно — подтасовывать, искажать факты, вычеркивать ихъ изъ евангелій, лишь-бы только провести свое доморощенное міросозерцаніе, свою излюбленную идею.

При такомъ изученіи евангелія *безпристрастный ученый никоимъ образомъ не долженъ игнорировать и коллективнаго опыта церкви, какъ организованнаго реальнаго явленія, съ которымъ необходимо серьезно считаться, если желаютъ научно подойти къ христіанству.*

Со стороны внутренняго опыта экспериментальный методъ точно также указанъ Христомъ, предлагавшимъ всѣмъ желающимъ испытать на опытѣ самой жизни Его заповѣди, Его этическихъ предписанія и догматическое ученіе, чтобы черезъ это постигнуть, уразумѣть, ощутить всю внутреннюю силу христіанства, всю прелесть и красоту высшей духовной жизни, всю ту свободу и величіе, которыя уподобляютъ слабое существо человека Самому Божеству.

Къ сожалѣнію, всѣ раціоналисты, вродѣ Штраусса, или Ренана, совершенно пренебрегали въ своихъ работахъ о христіанствѣ вышеуказаннымъ экспериментальнымъ методомъ, не говоря уже

о коллективномъ историческомъ опытѣ церкви, о которомъ они совершенно забыли.

Они вовсе не „изслѣдовали“ ни „писаній“, ни фактовъ христіанства, доступныхъ, съ одной стороны, внѣшнему, а съ другой, внутреннему опыту, и, именно, экспериментально по всѣмъ методамъ безпристрастнаго научнаго изученія.

И, напротивъ того, они, съ заранѣе предвзятой мыслью, весьма безцеремонно распоряжались историческимъ матеріаломъ библіи противно всякимъ безпристрастнымъ научнымъ изслѣдованіямъ. Вмѣсто строго научной дисциплины и эксперимента въ ихъ работахъ красной нитью проходитъ весьма часто игривая фантазія, или капризъ диллетантизма. Произвольно, безъ малѣйшаго научнаго критицизма, преклоняясь передъ непогрѣшностью слабаго человѣческаго разума, сильно фантазируя и отвергая опыты коллективной жизни церкви и ея живаго преданія, они, напр., въ основаніе христіанства и силы его быстрого распространенія ставятъ патологическое явленіе: галлюцинаціи, которыми они съ виртуозной легкостью мечтали объяснить фактъ воскресенія Христова.

Но, разумѣется, подобное легкомысленное отношеніе къ фактамъ исторіи въ собственной же своей слабости и многочисленныхъ противорѣчіяхъ нашло себѣ заслуженный приговоръ.

Легкій фейерверкъ диллетантизма, ироніи и насмѣшки тамъ, гдѣ не доставало научной серьезности и академическаго достоинства, вспыхнулъ быстро, еще быстрѣе погасъ на смѣну яркому свѣту истинной науки съ ея методами, сильными основаніями и доводами въ пользу истины.

Современные методы положительной науки съ новыми изслѣдованіями и открытіями въ области психіатріи и въ частности въ области ученія о галлюцинаціяхъ даютъ въ руки современнаго историка и богослова новые основательные аргументы для разрушенія предвзятыхъ легкомысленныхъ положеній раціонализма, лишеннаго всякой деликатности и уваженія къ фактамъ исторіи и опытамъ христіанской жизни.

Отсюда же ясно, что о научномъ значеніи раціоналистическихъ фантазій не можетъ быть и рѣчи.

Такимъ образомъ, современные методы изученія христіанства должны поставить и русскую интеллигенцію на твердую почву добросовѣстнаго вполнѣ научнаго отношенія къ свѣту истины, чтобы разрѣшить вполнѣ благопріятно острый и крайне болѣзненный процессъ тѣхъ конфликтовъ въ области духовной жизни, на который мы уже указали въ первой половинѣ нашей лекціи.

И надо радоваться, что въ средѣ русскихъ ученыхъ въ настоящее время выдвигаются видныя силы, проводящія экспериментальный методъ и въ область русскаго богословія.

И въ этомъ отношеніи я не могу не указать на нашего русскаго профессора Кіевскаго Университета доктора П. Я. Свѣтлова.

Среди его извѣстныхъ своей научной цѣнностью трудовъ особенно выдѣляется „Курсъ апологетическаго богословія“, гдѣ экспериментальный методъ проведенъ весьма ярко.

И нужно отдать справедливость этому новому направленію въ русской богословской наукѣ, такъ какъ оно отвѣчаетъ вполне духовнымъ запросамъ русскаго народа.

Вѣдь извѣстно, что русскій человѣкъ по складу своей души не питаетъ симпатіи къ туманамъ метафизики, къ полетамъ отвлеченной голой мысли, а тяготеетъ къ реальнымъ явленіямъ и фактамъ самой жизни.

Реалистъ по складу своей души, онъ и въ области религіи требуетъ скорѣе осязательныхъ фактовъ, чѣмъ отвлеченныхъ спекулятивныхъ дискурсовъ.

Та фанатическая вѣра въ силу человѣческаго разума, то идолопоклонство передъ разумомъ человѣка, какія свойственны рационалистамъ, чужда русской душѣ, ищущей истину во всей яркости не однимъ только ограниченнымъ человѣческимъ умомъ, не однимъ только разумомъ съ его логическими операціями, но и всѣми другими силами своей души.

Русскій человѣкъ хочетъ не только думать объ истинѣ, онъ хочетъ ее ощутить своимъ сердцемъ, своимъ чувствомъ, чуть не осязать своими руками и видѣть своими очами.

И, конечно, онъ этого вполне достигаетъ, если только всей душой входитъ въ живое общеніе съ самой истиной при помощи вышеуказанныхъ экспериментальныхъ методовъ.

Вотъ почему русскій человѣкъ, будучи реалистомъ, ищетъ и *реальнаго воплощенія* въ жизни той святости и духовной мощи, которая превосмогаютъ не только силу разума человѣка, но и всѣ другія силы природы.

Въ каждомъ великомъ подвижникѣ, въ каждомъ геніи религіи онъ хочетъ видѣть истиннаго богатыря духа, того свѣточа жизни, который, отображая въ себѣ Самого Христа, проявляетъ величіе и силы несоизмѣримыя ни съ какимъ величіемъ и силами этого преходящаго міра.

Вотъ и теперь, въ наши дни, въ это время безволія, слабости характеровъ, возникновенія всевозможныхъ суевѣрій, сектъ, упадка идеаловъ, культа декаденщины и однихъ узкихъ мѣщан-

скихъ интересовъ, какого то аморфизма, въ современной жизни нашей интеллигенціи, въ это, говорю я, смутное время, съ береговъ Сатиса, съ этихъ знаменательныхъ Саровскихъ холмовъ и лѣсовъ загорѣлась заря и яркимъ свѣтомъ своимъ залила всю Русь православную.

Смиреннѣйшее человѣческое существо, *убогій Серафимъ* „проявилъ титаническія силы“, несоизмѣримыя ни съ какимъ земнымъ могуществомъ.

Останки *великаго земного ангела и небеснаго челоѣка*, какъ его именуетъ русскій народъ, привлекли къ себѣ не только тѣмъ темъ простого сѣраго люда, но самага цвѣта русской интеллигенціи.

Тутъ, у этихъ останковъ, собирались и собираются аристократы крови, происхожденія, аристократы ума, аристократы политической силы.

И все это повергается долу, забывая свою силу и величіе, чтобы почтить то изумительное смиреніе и безграничную любовь великаго старца, какія родили собою небесное величіе и блескъ новаго титана и генія религіи, новаго богатыря и истиннаго аристократа духа.

И это неудивительно, ибо на берегахъ Сатиса явлены были въ изобиліи всѣ тѣ силы и знаменія, которыя переносятъ наше воображеніе къ берегамъ Іордана, Геннисаретскаго озера, къ этимъ завѣтнымъ временамъ земной жизни Великаго Плотника изъ Назарета.

У раки, у могилы, у источника Св. Серафима, среди его сиротъ въ Дивѣевѣ, всюду проявлялись тѣ знаменія и силы, тѣ эксперименты, которые доступны были всякому, даже врагу христіанства и Церкви, желавшему видѣть и осязать собственными руками проявленія благодати Христовой.

Все это были эксперименты внѣшняго опыта въ дѣлѣ изученія христіанства, доступные не только скептикамъ, но даже дѣтямъ, по своей изумительной наглядности и ослѣпительной яркости.

Даже врачи, доктора медицины, которые приходили къ этому потоку чудесъ съ предвзятыми идеями, желая видѣть во всѣхъ случаяхъ исцѣленія простой результатъ той исцѣляющей вѣры Шарко, того религіознаго экстаза и самовнушенія, благодаря которымъ яко-бы возможно возстаніе и хожденіе истеричныхъ больныхъ, хромыхъ, исцѣленіе всевозможныхъ нервныхъ страданій, и тѣ, говорю я, принуждены были силою фактовъ признать настоящіе евангельскіе случаи исцѣленія слѣпороджденныхъ, глу-

хонѣмыхъ, увѣчныхъ съ такого рода болѣзнями, которыя ничего общаго съ истеріей не имѣютъ.

Да, самый строгій позитивистъ, самый придирчивый скептикъ имѣлъ возможность путемъ внѣшняго опыта подойти къ доказательствамъ реальнаго проявленія благодатной Божественной силы.

Но и этого мало...

Даже тотъ внутренній опытъ, который доступенъ лишь вѣрующимъ или, по крайней мѣрѣ, сознающимъ свою ограниченность и грѣховность людямъ, даже этотъ опытъ постиженія самой сути христіанства могъ быть, по крайней мѣрѣ, предметомъ наблюденія скептиковъ.

Многіе, пріѣхавшіе въ Саровъ изъ за одного только любопытства или желанія посмѣяться надъ яко бы „*наивной второй дураковъ*“, вдругъ принимали самое горячее участіе въ богослуженіяхъ, искренно приступали къ исповѣди и пріобщенію, проливая слезы умиленія и становясь въ ряды самыхъ убѣжденных членовъ церкви.

Многіе испытывали такіа чувства, о которыхъ они во всю свою жизнь даже не помышляли.

Та сладость и духовная радость, которыя испытывались новообращенными, не поддаются никакому описанію.

Все это нужно самому пережить своимъ сердцемъ, все это испытать, чтобы имѣть хотя бы приблизительное представленіе о той благодатной силѣ, какая возвышала все существо человѣка и безпредѣльно одухотворяла его.

Самое живое ощущеніе реальнаго присутствія духа Серафима испытывалось здѣсь даже многими скептиками, которые съ невыразимымъ восторгомъ повергались у останковъ преподобнаго.

Мы видѣли образованныхъ евреевъ и буддистовъ, которые, къ нашему изумленію, признавали у источника Серафима реальное проявленіе могущественнаго воздѣйствія благодати. Въ сообщеніи Курской городской депутаціи объ участіи ея въ торжествѣ прославленія преп. Серафима Саровскаго, написанномъ перомъ одного бывшаго яраго врага церкви, послѣдователя ученія Толстого, между прочимъ, читаемъ: „торжество прославленія угодника Божія при благоговѣйномъ, безкорыстномъ и добровольномъ стеченіи сотенъ тысячъ народа православнаго, собравшагося, можно сказать, со всей земли русской, было не только прославленіемъ личности праведнаго старца, но и преклоненіемъ въ лицѣ его предъ русскимъ народнымъ идеаломъ—идеаломъ

святости и жизни по правдѣ Божіей. Торжество это, совершившееся при единомысленномъ и единосердечномъ тѣснѣйшемъ общеніи Царя съ своимъ народомъ, подъ сѣнью церкви православноѣ, со всею яркостью раскрывало творческую силу и жизненную правду исконныхъ русскихъ началъ, кроющихся въ самыхъ внутреннихъ глубинахъ психологіи и исторіи русскаго народа и тѣмъ самымъ какъ бы указующихъ единственно вѣрный и истинный путь къ лучшему свѣтлому будущему.

Отмѣтивъ огромное общественное значеніе настоящаго торжества, имѣющаго оказать самое широкое и благотворное вліяніе на общественное самосознаніе, депутація считаетъ своимъ священнымъ долгомъ засвидѣтельствовать передъ Городскою Думою о видѣнныхъ ею *собственными глазами нѣкоторыхъ случаевъ исцѣленія слѣпыхъ, хромыхъ и разслабленныхъ у гробницы и источника Серафима, этого поистинѣ источника благодати, гдѣ царитъ такая сфера, при которой духъ человѣческій, какъ бы высвобождаясь изъ подъ законовъ причинной необходимости, вступаетъ въ область абсолютной свободы и господства духа надъ матеріальными силами природы.* Свидѣтельствуя объ этихъ фактахъ, депутація *не находитъ словъ* для передачи извѣданныхъ ею чувствъ при *данныхъ чудесныхъ явленіяхъ*, сознавая, что лучшимъ языкомъ для выраженія этихъ чувствъ является *благоговѣйное молчаніе*. Но члены депутаціи не могутъ не выразить самой сердечной признательности Городской Думѣ, что она удостоила ихъ избранія въ депутацію и тѣмъ самымъ доставила имъ возможность пережить на Саровскомъ торжествѣ во дни Серафима такія минуты несказаннаго духовнаго просвѣтленія, которыя никогда не изгладятся изъ ихъ памяти“.

Однимъ словомъ, во дни Саровскихъ торжествъ экспериментальное изученіе христіанства какъ со стороны внѣшняго, такъ и внутренняго опыта, было доступно всякому, желавшему безпристрастно, строго научнымъ опытнымъ путемъ, подойти къ истинѣ.

Но, разумѣется, и въ повседневной жизни никто не лишенъ возможности познать Христа, если только онъ серьезно приметъ всѣ методы церкви, при помощи которыхъ можно опытно переживать самую жизнь во Христѣ.

Человѣкъ науки будетъ глубоко оскорбленъ, если новичекъ, изучающій данную науку, подойдетъ къ ней и ея методамъ съ такимъ недоувѣріемъ, что отвергнетъ на первыхъ же порахъ, еще не познакоившись съ наукою, всѣ ея методы, всѣ эксперименты въ историческомъ развитіи науки.

Можно ли изучать какую-либо экспериментальную науку, например, физику, химию или биологию безъ того, чтобы не войти въ храмъ науки, въ эти лабораторіи и кабинеты, безъ того, чтобы не довѣриться тѣмъ методамъ и экспериментамъ, какія прилагаются для изученія этихъ наукъ.

— Конечно нѣтъ,—скажетъ всякій здравомыслящій человѣкъ.

Въ данномъ случаѣ скептицизмъ только удаляетъ изучающаго отъ искомой имъ научной истины.

Тоже самое и при изученіи христіанской истины.

Церковь Христова предлагаетъ свои храмы, своего рода лабораторіи и кабинеты съ своими таинствами и обрядами для экспериментальнаго изученія христіанства, потому, именно, что оно есть жизнь, хотя и высшаго порядка, но подлежащая опытному методу.

Она предлагаетъ свои методы, указанные Самимъ Христомъ, чтобы при экспериментальномъ приложеніи ихъ къ жизни практической постигнуть, понять и полюбить именно Самого Христа, а не одно только Его моральное ученіе въ отношеніи человѣка.

Поэтому, чтобы честно подойти къ христіанской истинѣ, нужно принять всѣ эти методы, нужно считаться съ коллективнымъ религіознымъ опытомъ церкви во всей его цѣлости и во всей ея исторіи и, конечно, подождать съ своимъ болѣзненнымъ скептицизмомъ.

Не должно оскорблять опытной науки и ея методы пренебрежительнымъ отношеніемъ къ нимъ.

Не нужно оскорблять и христіанства пренебрежительнымъ отношеніемъ къ его догматамъ и обрядамъ и тѣмъ заповѣдямъ, а также ученію Христа, безъ исполненія которыхъ на опытъ самой практической жизни невозможно понять и усвоить то, что именуется жизнью во Христѣ, Его благодатью и Духомъ Святымъ.

И все это тѣмъ болѣе такъ, что христіанство не можетъ быть исчерпано какой-либо математической формулой, или логическимъ силлогизмомъ. Оно по преимуществу доступно нравственному процессу нашего я.

Не нужно забывать при этомъ, что сущность христіанства есть не только жизнь высшаго порядка въ біологическомъ смыслѣ, но и историческій фактъ, имя которому Іисусъ Христосъ, распятый и воскресшій, словомъ Богочеловѣкъ—Спаситель міра.

И вотъ Онъ то, будучи не только Основателемъ своей религіи, но и Предметомъ или Цѣлью ея, и является камнемъ преткновенія и соблазномъ для очень многихъ рационалистовъ, желающихъ имѣть христіанство безъ Христа.

И, конечно, всѣ такіе рціоналисты похожи на тѣхъ мнимыхъ ученыхъ диллетантовъ, которые пожелали бы изучить химію, физику или біологію внѣ кабинетовъ и лабораторій—храмовъ науки, лишь путемъ отвлеченнаго мышленія, логически, математически, но не экспериментально.

Потому то имъ и трудно во Христаъ признать Богочеловѣка, что они подходятъ къ христіанской истинѣ не тѣмъ экспериментальнымъ путемъ, какой указанъ Христомъ, а своимъ разумѣніемъ съ своими логическими формулами, въ которыя никакъ не можетъ вмѣститься христіанство, какъ нравственный процессъ, какъ чувство самаго высшаго возвышеннаго въ мірѣ, какъ жизнь высшаго порядка и, наконецъ, какъ колоссальный историческій фактъ.

И, разумѣется, христіанство, какъ фактъ Богочеловѣка, слишкомъ необъятно для узенькихъ рамокъ столь часто ошибающагося человѣческаго разума.

Вотъ почему мы видимъ, что даже такой художественный гений, какъ *„великій писатель земли русской“*, признавъ свое разумѣніе христіанства безъ Христа за истину, впалъ въ бездну пантеизма, изъ котораго едва ли ему удастся высвободиться, не исполнивъ на дѣлѣ первой заповѣди, имъ же самимъ признаваемой нагорной проповѣди, заповѣдующей противиться духу гордыни и быть нищимъ духомъ.

Безъ этого ему не удастся, даже съ точки зрѣнія его разумѣнія, его логики, выйти изъ ужасныхъ противорѣчій и логическихъ несообразностей, гдѣ, напримѣръ, тварь приравнивается Творцу, а человѣкъ отождествляется самому Божеству и въ то же время эта честь отнимается отъ Самого Христа, не желающими признать въ Немъ Богочеловѣка.

Словомъ, безъ этого возстановляется старый пантеизмъ, съ его всѣми недостатками, приводящій человѣка къ самообожествленію, другими словами, къ языческому культу.

Вы видите изъ этого, м.м. г.г., какіе конфликты вырастаютъ тамъ, гдѣ прокладываютъ новые пути даже гении человѣчества безъ глубокаго сознанія ограниченности человѣческаго разума.

Самая тонкая и коварнѣйшая изъ страстей человѣка—гордыня его разума и есть главнѣйшая причина этихъ конфликтовъ.

И вы видите, что даже гении не всегда бываютъ свободны отъ этой ядовитѣйшей человѣческой страсти.

И эти конфликты, какъ болѣзненные наросты, вырастаютъ именно при рѣшеніи самыхъ важнѣйшихъ вопросовъ жизни, касающихся самыхъ лучшихъ сторонъ человѣческаго духа.

И вотъ при рѣшеніи вопросовъ нравственности и религіи, такъ тѣсно связанныхъ съ новыми литературными теченіями и духовными запросами русской интеллигенціи,—эти именно конфликты и являются острымъ болѣзненнымъ процессомъ бурнаго броженія въ умственной и нравственной жизни современныхъ отцовъ и дѣтей всѣхъ сословій интеллигентныхъ слоевъ русскаго народа.

А что болѣзненный процессъ этихъ бурныхъ конфликтовъ имѣетъ роковое значеніе въ воспитаніи нашихъ дѣтей, въ этомъ не приходится сомнѣваться. А это уже вопросъ колоссальной важности, передъ которымъ не устоятъ даже самый равнодушный воспитатель.

Ясно, что тутъ въ интересахъ воспитанія нашей молодежи было бы желательно устраненіе всякихъ кризисовъ и конфликтовъ въ вопросахъ религіи и нравственности, имѣющихъ самое существенное значеніе въ дѣлѣ воспитанія молодого поколѣнія.

Любовь къ дѣтямъ должна приносить въ воспитательную систему и безусловную любовь къ истинѣ, къ тому всеединству и гармоніи, которыя такъ необходимы въ святомъ педагогическомъ дѣлѣ.

Но какъ же осуществить это всеединство, эту гармонію въ міросозерцаніи родителей и воспитателей въ виду вышеуказанныхъ конфликтовъ?

На этотъ вопросъ уже данъ отвѣтъ выше, когда мы выяснили значеніе современнаго экспериментальнаго богословія.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь безусловная истина одна, хотя къ ней могутъ вести различные пути.

Но и эти различные пути идутъ не иначе, какъ по ступенямъ, въ концѣ концовъ, не одного только философскаго отвлеченнаго мышленія, но и экспериментальнаго метода, о которомъ я такъ много говорилъ выше.

Вотъ если этими строго научными путями опыта религіозной жизни честно и безпристрастно подойти къ христіанству, то намъ кажется, что тотъ острый кризисъ конфликтовъ, который такъ волнуетъ лучшую часть русской интеллигенціи, потеряетъ свою силу.

Разумѣется, тутъ выступитъ новый вопросъ о реформѣ преподаванія христіанства въ нашей школѣ, какъ низшей, такъ и средней и высшей, какъ женской, такъ и мужской.

Школа обязана дать надлежащее религіозно-нравственное воспитаніе не въ томъ духѣ ханжества, лицемерія и холоднаго формализма, какой, къ сожалѣнію, въ настоящее время часто ца-

рить во всѣхъ нашихъ школахъ, а въ духѣ истиннаго христіанства съ его великими задачами созиданія духовной свободы и прогрессивнаго совершенства человѣческой души, съ его задачами приспособлять современную жизнь къ этимъ духовнымъ совершенствамъ, а наоборотъ, какъ это мы видимъ на западѣ съ его тенденціей приспособлять христіанскіе принципы къ укладу и требованія современной бѣшеной, мѣщанской жизни, съ его клерикализмомъ, столь противнымъ духу истиннаго христіанства, чистаго православія съ его универсальными стремленіями къ высшей формѣ жизни и свободы.

А эта жизнь и эта свобода, рождающія собою непреходящую радость и высочайшее блаженство, не мыслимы безъ абсолютныхъ Божественныхъ потенціаловъ, несоизмѣримыхъ ни съ какими силами человѣческихъ дарованій и разума, сосредоточенныхъ въ лучезарномъ явленіи на нашей грѣшной землѣ Того Великаго Плотника изъ Назарета, Который, по словамъ Жанъ Поля, будучи чистѣйшимъ среди могущественныхъ и могущественнымъ среди чистыхъ,

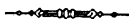
Рукой своею прободенной
Съ основъ своихъ всѣ царства сдвинулъ,
Потокъ вѣковъ изъ ложъ ихъ вывелъ
И властвуетъ надъ временами,
Величіемъ, смиреніемъ, любовью и крестомъ!..

И вотъ этотъ крестъ и эта любовь Христовы, особенно ярко, чуднымъ аккордомъ засіяли и наполнили сердца наши въ теперешній знаменательный историческій моментъ горячаго проявленія самыхъ святыхъ чувствъ единенія и желанія всякой жертвы на алтарь отечества до послѣдней капли крови каждаго изъ насъ.

Пусть же въ этой блистающей нравственной красотѣ великой народной души жизнь наша повернетъ могучимъ взмахомъ къ вершинамъ исконныхъ русскихъ идеаловъ, когда каждому изъ насъ въ восторгѣ пламенной любви къ родинѣ хочется отъ полноты сердца воскликнуть: воистину прекрасна ты въ величій своемъ многострадальная, смиренная, могучая

Святая Русь!..

Д-ръ мед. Н. Пясковскій.

Основные черты миссионерской методики.

§ 4. Внешняя сторона миссионерскихъ собесѣдованій.

Общепризнанная истина, что миссионерскія собесѣдованія съ внешней своей стороны должны носить совершенно мирный, христіанскій характеръ.

Вредно для дѣла Божія, если эти бесѣды принимаютъ форму *состязаній*, враждебныхъ споровъ.

При такихъ состязаніяхъ люди стараются, обыкновенно, *побѣдить* противника, унижить его.

Въ миссионерскихъ бесѣдахъ этого не должно быть. Здѣсь люди сходятся не „препираться“ между собою (2 Тим. 2, 23). Путемъ общихъ усилій, въ христіанскомъ духѣ, они стараются найти истину Божию (Іо. 8, 32). Всякой сварливости и заносчивости здѣсь нѣтъ мѣста.

Не должны миссионерскія собесѣдованія и по внѣшности носить сухой, бездушный отпечатокъ. Не хорошо, если эти бесѣды устраиваются *по строгому приказанію* гражданскихъ властей, когда полиція *сгоняетъ* сектантовъ на бесѣды. Въ такихъ случаяхъ они являются къ миссионерамъ обозленными и способными на дерзости. Не будетъ тогда пользы для сектантовъ отъ миссионерскихъ бесѣдъ...

И это вредно для дѣла миссіи, когда православные проповѣдники, во время бесѣдъ, принимаютъ на себя обязанность „власти предержащей“,—когда они строгимъ голосомъ окрикиваютъ толпу, отдають приказанія, кому нибудь угрожаютъ.

Нѣтъ. Миссионерскія собесѣдованія должны вестись спокойно, ровно, въ духѣ благожелательной любви и снисходительности миссионеровъ къ сектантамъ.

Намъ возразятъ: „въ иныхъ мѣстахъ безъ содѣйствія полиціи такія бесѣды не состоятся. Даже на нихъ не заманишь сектантовъ; ну, а власть все сдѣлаетъ“...

Отвѣтимъ на это возраженіе русской пословицей: „невольникъ—не богомольникъ“. Кто добровольно нейдетъ слушать миссионера, тотъ и насильно приведенный *ничего* не услышитъ. Онъ

ожесточить свое сердце для воспріятія миссіонерской проповѣди. Такого человѣка необходимо оставить въ покоѣ: пусть онъ одумается, поразмыслить о своемъ положеніи,—устыдится своего ожесточенія...

Съ такимъ человѣкомъ миссіонеру лучше бесѣдовать „съ глазу на глазъ“,—не срамляя его, а, какъ брата возлюбленнаго, умолая: авось Богъ приведетъ его въ разумъ истинный!..

Но что дѣлать, когда, явившись на бесѣду, сектанты кричатъ и не даютъ миссіонеру говорить?

Въ такихъ случаяхъ миссіонеръ долженъ „просто“ замолкнуть. Пусть сектанты покричатъ. Народъ сначала отнесется къ этому обстоятельству безразлично. Потомъ, какъ люди „хозяйственные“, они сообразятъ, что „время уходитъ даромъ“. Они разсудятъ, что миссіонеръ „въ кои то вѣки“ пріѣхалъ къ нимъ, а тутъ сектанты слушать не даютъ. И народъ *самъ*, безъ всякаго возбужденія, заговоритъ:

— Замолчите, озорники! Ахъ, вы каторжные... Справы на васъ нѣтъ...

И сектанты замолкнутъ. Они, можетъ быть, *совсѣмъ* не станутъ бесѣдовать, но кричатъ навѣрное не будутъ...

Это мы говоримъ по собственному опыту. И мы убѣждены, что *такое* воздѣйствіе на сектантовъ-крикуновъ самое благотворное.

Во время шума сектантскаго, миссіонеръ можетъ отдохнуть, сообразиться и приготовиться къ дальнѣйшей рѣчи. Народъ весьма цѣнитъ выдержку характера. „Обстоятельныхъ“ и хладнокровныхъ миссіонеровъ онъ особенно любитъ и, когда требуется, можетъ постоять за нихъ стѣною. Но вотъ бесѣда течетъ правильно. Сектанты „говорятъ“. Какъ долженъ относиться къ ихъ рѣчамъ миссіонеръ?

Какъ бы ни безсвязны и пусты были рѣчи сектантскія,—ихъ необходимо выслушивать съ озабоченной внимательностью. Надобно помнить, что сектантъ кричитъ о томъ, что чаще всего онъ выстрадалъ сердцемъ. И лучше всего поступить миссіонеръ, если возраженія собесѣдниковъ онъ станетъ записывать *по пунктамъ*. Тогда отъ вниманія его не ускользнетъ никакая черта сектантская и миссіонера не будутъ упрекать въ томъ, что онъ „на многое не отвѣчаетъ“.

Отвѣтъ свой сектанту миссіонеръ долженъ начинать тогда, когда тотъ „совсѣмъ затихнетъ“. Такъ бесѣда протекаетъ мирнѣй, спокойнѣй и бываетъ содержательнѣй.

Само собой понятно, что и миссіонеръ обязанъ не допускать „перебивокъ“ при своихъ отвѣтахъ.

§ 5. Отношеніе на бесѣдахъ миссіонеровъ къ приходскимъ священникамъ.

Ап. Павелъ пространно убѣждалъ христіанъ въ томъ, что въ церкви Божіей существуетъ раздѣленіе благодатныхъ дарованій (1 Кор. 12 гл.). Это необходимо твердо помнить участникамъ миссіонерскихъ собесѣдованій.—Собесѣдованія эти происходятъ необходимо въ извѣстномъ церковномъ приходѣ. „Предстоятелемъ“ тамъ является священникъ (1 Тес. 5, 12). Съ вѣдома и *благословенія* его миссіонерамъ необходимо вести сношенія съ приходскими сектантами.

Самыя же бесѣды священники должны открывать вступительной коротенькой рѣчью. Пастырямъ особенно прилично говорить о взаимномъ мирѣ и любви между христіанами. Проповѣдью объ этихъ добродѣтеляхъ, которыя должны сопутствовать миссіонерскимъ бесѣдамъ,—и хорошо предварять въ извѣстномъ приходѣ *благовѣстническіе* труды миссіонера.

Если почему либо священникъ этого не хочетъ и не можетъ сдѣлать, пусть онъ торжественно благословитъ на то *пріѣзжаго* миссіонера-мірянина. Народъ увидитъ тогда, что миссіонерская бесѣда, которой онъ является слушателемъ, есть *дѣло любви* миссіонера и священника; что здѣсь не можетъ быть рѣчи *объ умаленіи* достоинства мѣстнаго священника.

По нынѣшнимъ временамъ, къ сожалѣнію, приходится думать и о такихъ подробностяхъ. Въ иныхъ приходахъ батюшки недовѣрчиво относятся къ *пріѣзжимъ* миссіонерамъ. Они боятся, какъ бы „эти люди“ ни подорвали ихъ авторитета въ глазахъ народа. И молчатъ даже тогда, когда сектантство растетъ въ данной мѣстности.

Это—суета. Народъ никогда не унизитъ своего батюшки предъ *заѣзжимъ* свѣтскимъ миссіонеромъ.—Да и унизить нельзя. Во время обѣдни, напр., батюшка въ ризахъ будетъ совершать святейшую службу; тогда какъ миссіонеръ въ это время окажется *однимъ изъ тысячи* рядовыхъ мірянъ.

Если же проповѣдь или бесѣду поведетъ миссіонеръ,—ему и книги въ руки. Въ церкви Божіей не всѣ дары сосредоточены въ *однѣхъ* рукахъ.—Чего жъ унижительнаго для священника въ томъ, что и миссіонеръ можетъ проповѣдывать, что и „увѣщатели“ (Рим. 12, 8) дѣйствуютъ рядомъ съ нимъ въ его приходѣ?..

Такова воля Божія, предъ которой обязаны смириться самые высокомѣрные люди...

Какъ скоро бесѣда съ сектантами началась,—священникъ, безъ вѣдома миссіонера, уже не долженъ вмѣшиваться въ ходъ разговоровъ. Такое вмѣшательство положительно вредно для дѣла. Все равно какъ, если бы авторъ писалъ сочиненіе, а другой человекъ, безъ согласія пишущаго, сталъ бы вносить въ сочиненіе *свои* мысли и *свои* соображенія. Всякій священникъ обязанъ помнить, что миссіонерская бесѣда—дѣло творческое. Надо, во время бесѣды, дать творцу ея полную свободу и самостоятельность. Иначе ничего не выйдетъ...

Впрочемъ, мы не хотимъ сказать, что *никакое* сотрудничество миссіонерамъ со стороны священниковъ не мыслимо. Наоборотъ: даже желательно, что-бы батюшки помогали миссіонерамъ.

Но для того нужны особыя условія. Необходимо, чтобы о планѣ и сущности бесѣды они сговорились раньше; должно даже столкнуться объ отдѣльныхъ отвѣтахъ на вопросы. Тогда безусловно полезно будетъ сотрудничество приходскихъ священниковъ миссіонерамъ.

Но что положительно необходимо, такъ это—помощь миссіонерамъ въ вычитываніи разныхъ мѣстъ изъ Библии. Молокане особенно любятъ на бесѣдахъ читать „Слово Божіе“. Если миссіонеръ, на просьбу ихъ, самъ возьмется читать требуемая мѣста,—онъ измучится, потеряетъ голосъ и впадетъ въ ослабленіе...

Вотъ тутъ-то священники братски и должны облегчать положеніе миссіонеровъ. Попутно они могутъ толковать прочитанное, какъ всю 14 гл. изъ пр. Даниила.

Въ заключеніе рѣчи о взаимныхъ отношеніяхъ миссіонеровъ и священниковъ надобно сказать, что *соперничества* между ними никогда не должно быть. Они—соратники въ великомъ Домѣ Божіемъ; одни сѣютъ Слово Божіе, другіе поливаютъ посѣянное своими проповѣдями, молитвами и священнодѣйствіями. И потому миссіонеры и священники—друзья и братья по своему назначенію и общественному положенію.

Гдѣ изображенный характеръ взаимныхъ отношеній между миссіонеромъ и священниками исчезаетъ,—тамъ дѣло Божіе не можетъ расти...

Д. Боголюбовъ.

Новости из раскольниковьяго подполья.

(Раскольникье „Руководство бесѣдованія съ миссіонерами“).

„Кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему жерновный камень на шею и бросили его въ море“ (Мѣ. 18, 6; Мр. 9, 42).

Расколъ—царство косности, окаменѣлости. Основной его устой: „какъ до насъ положено, такъ и быть тому во вѣки вѣкомъ безъ прибавленія или убавленія и единого аза или іоты“,—это смертный приговоръ всякому дальнѣйшему развитію религіозной жизни, развитію, разумѣется, не въ смыслѣ новодогматствованій, но въ смыслѣ благопотребнаго для времени и обстоятельствъ церковной жизни уясненія Богооткровенныхъ истинъ и въ смыслѣ „преуспѣванія на лучшее“ (6 всел. соб. пр. 12) въ каноническо-обрядовой области, въ мѣру „возрастанія“ христіанскаго общества. Развитіе церковной жизни въ таковомъ смыслѣ—„при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена ея“—всегдашній законъ церкви—„доколѣ всѣ придемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полного возраста Христова“ (Еф. 4, 11—16). Опредѣляя, „како подобаетъ въ дому Божиѣмъ жити“, древнѣйшая церковь,—эпохи вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, „зная время всякой вещи“, освятило таковое развитіе своимъ примѣромъ. А по Златоусту, „церковь никогда же старѣетъ, но присно юнѣется“. Раскольникье же общество—это не церковь „юнѣющаяся“, а что-то въ родѣ жены Лота, оглянувшейся назадъ и окаменѣвшей... Но таковъ расколъ только со стороны своей догмы. Далеко не то представляетъ собой его дѣйствительная религіозная жизнь,—тутъ косности замѣтно менѣе всего: по-своему раскольники думаютъ, изворачиваются, защищаются, нападаютъ на „несогласныхъ“, издають тысячи своихъ пропагандистскихъ книгъ и брошюръ и т. п. Съ этой стороны жизнь въ расколѣ, можно сказать, „кишмя кишить“. И это вполне понятно: безъ пастыря разсѣялись овцы стада; въ расколѣ нѣтъ объединяющаго авторитета,—и тамъ что ни „деревня—то повѣрье, что ни баба, то толкъ“.

Блюда, обрядовую іоту, „оцѣживая комара“, расколъ, особенно безпоповскій, „поглотилъ верблюда“: оставивъ „истинное пристанище, Церковь Христову“, онъ раздробился чуть не на двѣсти согласій; согласія эти взаимно проклинаются, все больше и больше сочиняють нелѣпыхъ новодогматствованій, на почвѣ одогматизированія обряда и угрызанія буквъ старопечатной книги, и съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, пропагандируютъ ихъ путемъ своей подпольной литературы и даже издають „руководства“ для такой пропаганды. Предъ нами гектографированная въ раскольниковъ печатнѣ „Бесѣда двухъ юношей и священника, или краткое руководство бесѣдованія съ миссіонерами о хулѣ имени Господня, и о истинной православной вѣрѣ“;—новая книженка въ 58 л. (116 стр. in 8-ю)—цѣна 3 рубля (авторъ, годъ и мѣсто изданія не помѣчены; у насъ экземпляръ только что вышедшій изъ-подъ литографскаго камня).

Это „краткое руководство“ представляетъ собой ни болѣе, ни менѣе, какъ указаніе приемовъ пропаганды раскольниковъ буквопоклонства. Дѣло представлено въ лицахъ: въ „руководствѣ“ сочинена бесѣда двухъ юношей между собой и со священникомъ объ имени Спасителя „Исусъ“ и „Ісусъ“. Изъ юношей—Гриша—„новообрядецъ“, мало свѣдущій въ вопросахъ вѣры; Ваня—„старообрядецъ“ безпоповскаго толка,—искушенный въ книжномъ дѣлѣ, начетчикъ послѣдней формациі; „священникъ“ голословитъ и не можетъ дать „отвѣта вопрошающему о своемъ упованіи“. По своему содержанію „руководство“ распадается на три части: 1) Задушевная бесѣда юношей-друзей, 2) Бесѣда Вани со священникомъ и 3) Заключительный разговоръ юношей и рѣшеніе Гриши оставить православіе и перейти въ расколъ. Насколько раскольниковъ пропагандистъ, для большей, такъ сказать, умиленности и убѣдительности картины, выведенный подъ видомъ юноши Вани, усвоилъ духъ и приемы послѣдней школы пропаганды раскола, видно будетъ изъ нижеслѣдующаго.

I.

Гриша—„новообрядецъ“ (а не *новотръ!*), сожалѣя о томъ, что „старообрядецъ“ Ваня пребываетъ въ расколѣ и внѣ церкви, долженъ погибнуть навѣки, уговариваетъ его оставить старообрядчество и присоединиться къ православной церкви. Старообрядецъ, поблагодаривъ Гришу, въ свою очередь говоритъ ему: „а я о тебѣ болѣе сокрушаюсь сердцемъ, потому что ты не въ нашей православной вѣрѣ находишься, (а) въ *новообрядческой вѣрѣ*; вамъ невозможно получить спасеніе за то, что она у васъ

новая вѣра, начало принявши отъ Никона патріарха... старая вѣра спасительная, а новая погибельная... *мы* считаемъ, что тѣ погибнуть, которые ходятъ къ вамъ въ церковь, которой участи, Гриша, и ты не минуешь, если только не обратишься въ нашу православную старообрядческую церковь“ (л. 2 об.)

Гриша оставляетъ рѣчь своего друга безъ разбора, и только спрашиваетъ его: „почему же въ нашей церкви нельзя спастись; вѣдь у насъ все совершенно есть: церковь, священство и тайны, съ которыми только и можно имѣть надежду на спасеніе души, а ты говоришь, что погибнемъ“. Ваня только этого возраженія и ждалъ, чтобы побѣдоносно завитіиствовать, что „много еретиковъ погибало и погибаетъ съ своими церквами, священствомъ и тайнами“ (л. 3). Не такъ бы дѣло должно обстоять при равныхъ силахъ... Гриша, вмѣсто приведеннаго на руку раскольникѣ возраженія, могъ бы отвѣтить прежде на его рѣчь, примѣрно, въ такомъ видѣ. „Правду ты, Ваня, сказалъ, что *старая вѣра* спасительная, а *новая* — погибельная; но вотъ эта новая вѣра у васъ то и исповѣдуются: до патріарха Никона отъ самыхъ первыхъ поръ вѣры Христовой въ Церкви вѣровали и учили, что безъ священства нѣтъ и христіанства (Златоустъ на 14 посл. ап. Павла, стр. 2552; Семеонъ Сол. гл. 77), что безъ таинствъ церковныхъ, законными лицами совершаемыхъ, не должно быть и надежды спасенія (Б. Кат. л. 2 об. 119—122; 358, 360, 395 об.), что собраніе, „безъ воли епископа“ дѣйствующее „церковная“, какъ у васъ, проклято св. отцами (6 пр. Гангр. соб.), что нѣтъ церкви безъ епископа (Маргаритъ. Житіе, л. 154 об.), что „идѣже нѣсть архіерея, ту не подается благодать Духа святого“ (Ник. Черногорца л. 141), и что церкви въ ея Богоучрежденномъ устройствѣ съ 3-чинной іерархіей и 7 тайнами не одолѣютъ до второго Христова пришествія и врата адова (Благов. Мө. зач. 67., Лк. 95, 107; Толк. Апост. л. 536 об.; В. Соборникъ л. 130—33; Андрей Кес. въ толк. Апокал. и др.). Вотъ—вѣра *старая*. У васъ же этой вѣры совѣтъ не осталось; вы завели вѣру *новую*—въ возможность спасенія безъ священства и безъ церковныхъ таинствъ, которая будто бы повсюду истребилъ антихристъ, одолѣвъ церковь Христову. Все ваше упованіе держится на антихристѣ, имъ вы только и оправдываетесь: спросишь у васъ, почему вы не имѣете священства и таинствъ, вы отвѣчаете: антихристъ такъ устроилъ; по вашему антихристъ сильнѣе Христа. Христосъ сказалъ: „созижду церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ей“, и создалъ ее со священствомъ и тайнами, а по вашему,—Христосъ создалъ такую церковь, а антихристъ разрушилъ ее и тѣмъ поло-

жилъ основаніе безпоповству; вотъ на какомъ камнѣ-то ваше упованіе безпоповское—на антихристѣ! За таковую новую вѣру васъ предали бы анаѳемѣ и патріархи до Никона, какъ ужасныхъ еретиковъ. Нашу же вѣру ты самъ называешь только *новообрядческой*: ты винишь ее только въ обрядѣ, по твоему, новомъ; не буду говорить—новый-ли обрядъ восприняла наша церковь, или, можетъ быть, старѣе „старого“; напомнимъ тебѣ, Ваня, одно: если ты знакомъ съ правилами соборовъ и исторіей древнѣйшей Церкви Христовой, ты долженъ знать, что церковная обрядность явилась не вдругъ, а съ теченіемъ времени все восполнялась и восполнялась *новыми* обрядами (Корч. л. 74, Книга о вѣрѣ л. 136 и др.); ужели же ты станешь завинять въ новообрядчествѣ и считать погибельною святую и непорочную церковь Христову и древнѣйшихъ временъ—напр., времени вселенскихъ соборовъ? Убойся суда Божія за свою вѣру! Ты, далѣе, говоришь: „мы считаемъ, что тѣ погнубутъ, которые ходятъ къ вамъ (православнымъ) въ церковь“... Но вѣдь это только *вы* считаете; а *вы* величина небольшая, я же тебѣ показалъ отъ Слова Божія и св. отецъ, что у васъ *новая* вѣра и, страшно сказать, вѣра—больше въ антихриста, чѣмъ въ Христа. Пойми, Ваня, и то: догматы о церкви, ея неодолимости, и устройствѣ съ 3 чинами іерархіи и 7 тайнами—это заповѣди Божіи, онѣ неизмѣняемы; а обряды—преданія измѣняемыя; вы же „преступаете заповѣди Божіи ради преданій“... Какъ книжники и фарисеи, осужденные Христомъ, „оцѣживая комара, вы поглощаете верблюда“: неизмѣнное и „потребно нужное во спасеніе“ (это показанные догматы-то) вы положили за измѣняемое и неважное; а измѣняемое и не столь важное (это обряды-то) почли за неизмѣнное и само по себѣ, а не въ церкви, спасительное. Это то же у васъ *новость*, которой нѣтъ основанія въ Божественномъ писаніи и у св. отцовъ. Смотрите, какъ бы обряды ваши, изъ за которыхъ вы приняли *новую вѣру*, въ противленіе церкви и Божьему писанію, не оказались „мерзостью“ предъ Богомъ, какъ „жертвы, новомѣсячія и субботы“ израиля, забывшаго слово Господне и законъ Божій (Ис. 1, 1—15; Іерем. 6, 20). Итакъ, *новая* вѣра у васъ, Ваня, а не у насъ, а такая вѣра, и по твоимъ словамъ, „погибельная“. Вотъ что православный Гриша могъ бы пока отвѣтить Ванѣ старообрядцу, вмѣсто того, чтобы выражать нужное раскольнику недоумѣніе и просить его показать мнимыя заблужденія и еретичества православной церкви (гл. 3 и 4).

Раскольникъ, предупредивъ, что „разсказывать (именно только разсказывать!) по ряду про заблужденія пастырей, что они натво-

рили съ лѣтъ патріарха Никона до сего времени, и какое внесли богомерзкое и противное ученіе всей Христовой церкви, не хватить и цѣлаго года“, останавливается на одномъ „страшномъ преступленіи *противъ ученія церкви Христовой*“, что они—пастыри „отреклись отъ имени Господа нашего Ісуса Христа, пишемаго сицевымъ образомъ: „Ісусъ Христосъ“, которое имя снесено съ небесъ архангеломъ Гавріиломъ... „и наречеши имя Ему Ісусъ“ (Ев. Мѡ. 20—21). „И вотъ это сладчайшее имя Господа нашего Ісуса Христа, продолжаетъ Ваня, пастыри Христовой церкви почитали, писали его во *всѣхъ* своихъ книгахъ, и на святыхъ иконахъ, *вездѣ* поклонялись ему и *всюду* лобзали его, потому что оно сладчайшее есть, о которомъ имени намъ подобаетъ спастися... (Филип. 2, 9—10; Дѣян. 4, 12). Но *это* сладчайшее имя пастыри ваши жестокословнѣ охулиша и обругаша... равноухимъ, чудовищнымъ, ничего незначащимъ, не спасительнымъ, не исцѣлителемъ и т. п..., восташа противъ *Самого Господа Ісуса Христа*, охулили святое имя *Его*, за что и сдѣлались горшкими еретиками“ (л. 5).

Гриша. Неужели, Ваня, у насъ такое ученіе содержатъ наши пастыри?

Ваня. Истинно я тебѣ говорю, Гриша, что такое ученіе у васъ въ церкви *непреложно хранится наравнѣ со святоотеческимъ ученіемъ*.

Гриша. Да въ какихъ же это книгахъ у насъ писано такое хульное ученіе на имя Господа Ісуса Христа?

Ваня. Во-первыхъ, въ *соборной* книгѣ—„Жезлъ правленія“, во-вторыхъ, книгѣ „Пращица“; въ третьихъ—въ книгѣ „Розыскъ“, въ четвертыхъ—въ книгѣ Никифора Астраханскаго; въ сихъ книгахъ написана велія хула на имя Господа нашего Ісуса Христа“...

Читателю, знакомому съ затронутымъ въ „руководствѣ“ вопросомъ, очевидно, какъ лукавить раскольникъ и съ какой безсовѣстностью смущаетъ православнаго. Завинивъ православныхъ пастырей въ „страшномъ преступленіи“: противленіи *ученью* церкви Христовой, *отреченіи* отъ спасительнаго имени Христа Ісусъ, которое будто бы писалось во *всѣхъ* церковныхъ книгахъ,—онъ, самъ, чувствуя слабость этой своей позиціи и не давая противнику оборонительнаго и наступательнаго слова, сейчасъ же переходитъ на другую позицію—къ выраженіямъ нашихъ полемическихъ противъ раскола книгъ о значеніи *слова* ісусъ, по переводу съ греческаго, и относить эти выраженія не къ тому, къ чему они, дѣйствительно, отнесены авторами тѣхъ книгъ, а

къ Самому Спасителю. Онъ цитируетъ выраженія помянутыхъ книгъ, и, произведя своего рода оптический обманъ—будто въ этихъ книгахъ хулятся Христось,—увѣряетъ, что „это ученіе (хула на имя Спасителя) хранится“ въ православной церкви „наравнѣ съ святоотеческимъ ученіемъ“. И православный Гриша покорно склоняетъ свою главу предъ своимъ учительнымъ собесѣдникомъ, разставляя свои уши для дальнѣйшей его лжи. Въ дѣйствительной бесѣдѣ раскольниковъ пропагандиста съ православнымъ собесѣдникомъ дѣло могло бы обстоять иначе.

Въ отвѣтъ на лукавое разглагольствіе раскольника православный могъ бы сказать слѣдующее.

— Ты, Ваня, говоришь, что наши пастыри, измѣнивъ начертаніе имени Спасителя съ „Ісусъ“ на „Иисусъ“, совершили страшное преступленіе *противъ ученія Христовой церкви* и сдѣлались *горшими еретиками*,—такъ скажи мнѣ, прежде всего, на какомъ вселенскомъ или помѣстномъ соборѣ и какимъ правиломъ св. церковь постановила писать имя Спасителя *только* такъ—Ісусъ, а не Иисусъ? и къ какому чину еретиковъ отнесла она пишущихъ и произносящихъ Сладчайшее имя Спасителя *Иисусъ*? На этотъ вопросъ ни ты, ни твои единовѣрцы никогда отвѣта не дадите, такъ какъ такого *ученія церкви* никогда не было. Далѣе, ты говоришь, что наши пастыри *отреклись* отъ спасительнаго имени Христа Ісусъ. Этого никогда не было и ты говоришь это напрасно: въ древнеписьменныхъ и древнепечатныхъ книгахъ, и на святыхъ чудотворныхъ иконахъ, встрѣчается написаніе имени Спасителя Ісусъ и наши пастыри почитаютъ за священныя книги эти и относятся къ нимъ съ благоговѣніемъ, и эти святыя иконы лобзуютъ и поклоняются имъ. И ту неправду говорилъ ты, Ваня, будто Ісусъ, а не Иисусъ, писалось въ церкви Христовой во *всѣхъ* книгахъ. Въ старописьменныхъ славянскихъ книгахъ, начиная съ 11 вѣка, и въ книгахъ старопечатныхъ, кончая временемъ патріарха Іосифа, а также и въ греческихъ книгахъ древнеписьменныхъ съ 3 вѣка и печатныхъ до лѣтъ п. Никона, имя Спасителя тысячи разъ встрѣчается въ такомъ начертаніи: Ісусъ, Иисусъ, Иісусъ, т. е. съ двумя „и“. Почитай въ выпискахъ А. Озерскаго ч. II, стр. 70—141. Нашимъ пастырямъ вѣдомо и проповѣдуется ими, что *Иисусъ* Христось и *Ісусъ* Христось—одно лицо Спаситель міра („Розыскъ“, гл. 8, стр. 23 и др.). А вотъ ваши расколочальники, дѣйствительно, отреклись отъ *Иисуса* Христа: они сочинили богохульное ученіе, что *Иисусъ* есть „и^нъ богъ“ антихристъ, родившійся 8 годами послѣ истиннаго Бога Ісуса и т. п., и, дѣйствительно, возстали противъ Господа Ісуса Христа. По ихъ

богохульному ученію, выходитъ, что, напр., святители и чудотворцы російскіе, во святыхъ просіявшіе за нѣсколько вѣковъ до п. Никона, московскій м. Алексій и др., писавшіе имя Спасителя *Исусъ* (см. у Озерскаго), вѣровали въ „иного бога“, а не истиннаго Христа Спасителя. Знай, Ваня, „что святые будутъ судить міръ“ (1 Кор. 6, 2); и вотъ они-то осудятъ и вашихъ первоучителей и васъ за то, что вы похулили святыхъ чудотворцевъ російскихъ, якобы они вѣровали во Іисуса—„иного бога“. Что касается твоего извѣта, или—вѣриѣ—не твоего: ты только являешься послушнымъ старой раскольникѣй лжи, а вашихъ расколуучителей, будто наши пастыри хулятъ имя *Спасителя Исусъ*, то почитай повнимательнѣе тѣ мѣста, откуда ты вычиталъ эти мнимыя хуленія, и ты поймешь, что никакой тамъ хулы на имя Господне нѣтъ: писатели помянутыхъ тобой книгъ разсуждаютъ тамъ не объ имени *Спасителя*, которое всегда для нихъ было сладчайшимъ и достопоклоняемымъ, а только о *самомъ словѣ* ісусъ, что оно не имѣетъ, по переводу и съ еврейскаго языка и греческаго, того значенія—спаситель, исцѣлитель, которое должно имѣть имя Христово и которое имѣетъ слово іисусъ: Іисусъ въ переводѣ съ греческаго значитъ исцѣляющій, исцѣлитель (св. Кириллъ Іерусалимскій, поуч. 10), а ісусъ (ἰσο;=равный и οὖς;=ухо) можетъ значить только равноухій; но что наши пастыри-писатели страшились прилагать такое значеніе къ имени Христову, видно изъ того, что св. Димитрій ростовскій, переведши ісуса равноухимъ, сейчасъ же замѣчаетъ: „но не буди намъ тако нарицати Христа Спасителя“ („Розыскъ“ стр. 56). И церковные писатели до п. Никона, начертывая имя Спасителя сокращенно Ісусъ, знали, что правильно, полностью, имя это должно писаться Іисусъ, а не учили писать только Ісусъ, а Іисуса считать за „иного бога“, какъ вы это дѣлаете. Въ имени Христа—Іисусъ они полагали число 888 (1=10+η=8+σ=200+σ=70+v=400+s=200=888; предисловіе къ „Апостолу“ 1639 г. во Львовѣ); а изъ „Ісусъ“ такого числа не получится.

Въ поясненіе сказаннаго добавлю тебѣ, Ваня, вотъ что: и ты, и твои наставники пишутъ и произносятъ твое имя „Іванъ“, хотя и тебѣ и имъ извѣстно, что правильно то и полностью тебя надо писать „Іоаннъ“; по переводу съ еврейскаго языка „Іоаннъ“ значитъ „благодать Господня“, а „Іванъ“ такого значенія не имѣетъ, хотя и употребляется въ сокращеніи и письменно и въ рѣчи; ужели же теперь ты и твои учителя будете настаивать, что надо писать только „Іванъ“, неимѣющее смысла „Іоанна“, что „Іванъ“ и „Іоаннъ“—два разныхъ имени, и что

еслибы мы тебѣ сказали, что слово „иванъ“ безсмысленное, ты сталъ бы доказывать, что мы похулили „безмысленными“ Іоанна Богослова, Іоанна Крестителя и всѣхъ святыхъ Іоанновъ? А вы, другъ мой, такъ именно и разсуждаете, когда заходить рѣчь объ Ісусѣ и Іисусѣ.

Наконецъ, ты говоришь, что „хульное ученіе на имя Спасителя нашими пастырями непреложно хранится наравнѣ со святоотеческимъ ученіемъ“; и тутъ ты сказалъ большую неправду: наша церковь православная, вообще благословивъ къ употребленію въ борьбѣ съ расколомъ книги—„Жезлъ правленія“, „Пращицу“, „Розыскъ“ и др., касательно рѣзкихъ выраженій этихъ книгъ объ именуемыхъ старыхъ обрядахъ и книгахъ, сдѣлала затѣмъ оговорку и „изъяснила“, что эти выраженія, вызванныя разными раскольниковыми хулами на книги и обряды исправленные, она „признаетъ принадлежащими лично писателямъ сихъ сочиненій; сама же не раздѣляетъ и не подтверждаетъ“ сихъ выраженій („Изъясненіе“ св. Синода 1886 г., учрежденіе „единовѣрія“). И такъ, скажи мнѣ, какой вселенскій или помѣстный соборъ постановилъ писать имя Спасителя только „Ісусъ“, а пишущихъ „Іисусъ“ признавать за еретиковъ, вѣрующихъ во „иного бога“? Если ты этого не покажешь, то все твои и твоихъ учителей разсужденія объ Ісусѣ и Іисусѣ должно будетъ признать страшнымъ *новшествомъ*, церкви невѣдомымъ, а тѣхъ, кто его держится и проповѣдуетъ приравнять къ „язычникамъ“ и „мытарямъ“ (Мѣ. 18, 17).

Вотъ что Гриша долженъ бы отвѣтить Ванѣ на его обвиненія православныхъ пастырей въ „страшномъ преступленіи противъ ученія Христовой церкви“ и онъ остался бы безъ отвѣта. Но Гриша этого не отвѣтилъ; а, ошеломленный и уstraшенный рѣчью друга, заявилъ только: „ты меня, Ваня, до того разстроилъ, что я не знаю, что теперь дѣлать, но я одно одумалъ, что нужно намъ обоимъ сходить къ священнику, и ты побесѣдуй съ нимъ объ этомъ предметѣ, и если онъ не оправдаетъ себя въ этомъ и останется безъ отвѣта, то я сейчасъ же перехожу къ вамъ, а если священникъ нашъ оправдаетъ это, а ты останешься безъ отвѣта, то чтобы тебѣ перейти къ намъ. Согласенъ что-ли на это, Ваня?“ (л. 6 и об.). „Согласенъ, согласенъ, пойдемъ“, отвѣтилъ Ваня. И друзья отправились къ священнику.

Н. Гришякинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ записокъ и дневниковъ.

«Когда-же люди спали, пришелъ врагъ»... ¹⁾).

(Скорбный листокъ изъ миссіонерскаго дневника).

Какъ могли появиться и возрасть у насъ хлыстовскіе плевелы?

Тутъ прежде всего приходится вспомнить слова Христовы: «Царство небесное подобно челоуѣку, посѣявшему доброе сѣмя на полѣ своемъ; когда же люди спали, пришелъ врагъ его и посѣялъ между пшеницею плевелы, и ушелъ»... (Мѡ. 13, 24-25). На полѣ русскомъ Небесный Сѣятель посѣялъ чистую пшеницу вѣры Христовой, но когда стражи этого поля спали, пришелъ отецъ лжи и посѣялъ на немъ вмѣстѣ со многими другими плевелами и хлыстовщину.

1. Не подлежитъ сомнѣнію, что хлысты, за исключеніемъ развѣ немногихъ, какъ, напримѣръ, Ив. У-цкаго ²⁾, открыто сознающагося касательно своего упованія и своихъ братій въ циничной фразѣ: «на нашъ вѣкъ дураковъ хватить» (сообщ. свящ. ст. Городищенской о. Ѳ. Грабилинымъ), ищутъ спасенія, желаютъ знать истинно-Христову вѣру. Нѣтъ никакой разумной возможности предполагать, чтобы рядовая хлыстовская братія завѣдомо служила лжи и также завѣдомо на погибель себѣ и другимъ проповѣдывала «бѣсовское ученіе» (Тим. 4, 1—3). Достаточно вспомнить, что хлысты открыто заявляютъ, что они готовы «лучше умереть, чѣмъ оставить бесѣдки». О чемъ все это свидѣлствуетъ? О томъ, что душа рядового прозелита хлыстовства—душа вѣрующая; только вѣра этой души направлена на ложные объекты.

2. Будучи людьми по-своему религіозными, вѣрующими, уклонившіеся въ сектантство предварительно волновались разными религіозными вопросами, отчасти родившимися путемъ самостоятельнаго религіознаго мышленія и естественно религіозныхъ запросовъ души,

¹⁾ См. «Миссіонерское Обозрѣніе» 1904 г. № 6, стр. 695.

²⁾ Стан. Городищенской, Оренбург. у.

а отчасти—вслѣдствіе джеученія разныхъ проходимцевъ, пропагандировавшихъ противленіе св. Церкви. Религіозная потребность вѣрующей души своевременно, кѣмъ слѣдуетъ, не была удовлетворена. Религіозные запросы усумнивагося въ своей вѣрѣ простака получили, при его религіозномъ невѣжествѣ, неправильные, давно осужденные св. Церковію, отвѣты. Время дало возможность такимъ отвѣтамъ закрѣпиться въ опредѣленную форму, найти въ Писаніи мнимыя для нихъ оправданія и породить потребность пропаганды. Такъ на почвѣ религіознаго невѣжества, предоставленнаго самому себѣ, «сумлящагося» и «испытующаго» возникли еретическія догмы сектантскаго упованія.

3. Главный догматъ хлыстовщины—обожествленіе человѣка, какъ кажется, выродился изъ протеста слабовѣрныхъ противъ непонятной для нихъ обрядности нашего церковнаго культа. Онъ казался и кажется сектантамъ ненужною формою, которая якобы мѣшаетъ вѣрующему войти въ непосредственное общеніе съ Богомъ. Причина такого отрицательнаго отношенія къ православно-литургическому культу кроется въ непонятности послѣдняго для большинства простого люда. Послѣдній въ большинствѣ участвуетъ въ богослуженіи, такъ сказать, только внѣшними чувствами: онъ видитъ дѣйствія священно-служащихъ, слышитъ слова и звонъ, обоняетъ еиміамъ, но внутренняго смысла видимаго, слышимаго и обоняемаго онъ не вѣдаетъ—видимое, слышимое и обоняемое за богослуженіемъ едва-ли что говоритъ его уму и сердцу. Душевную усладу онъ чувствуетъ тутъ только въ силу привычки и поэзіи, такъ сказать, прошлаго своей религіозной жизни. Когда же подобный «невѣдущій» имѣетъ гордость судить объ обрядахъ, которыхъ не понимаетъ, они кажутся ему лишними, и онъ, естественно стремясь къ Богу, стремится къ религіознымъ собраніямъ понятнымъ и, при своей духовной неопытности, попадаетъ въ хлыстовскіе вертепы, гдѣ поется и читается понятное, гдѣ въ собравшихся непосредственно вселяется якобы Самъ Богъ и гдѣ вся обрядность—скаканіе, верченіе, вопль, свистаніе, бормотаніе несвязныхъ словъ являются будто-бы дѣйствіями Духа Божія.

4. Въ противовѣсъ низкому по мѣстамъ нравственному уровню православной паствы, а также во искупленіе какъ-бы своихъ прежнихъ грѣховъ, совратившіеся въ хлыстовщину, еще въ бытность

свою православными, искали нравственныхъ подвиговъ и большихъ средствъ богоугожденія, чѣмъ какими располагають православные христіане. «Такъ и ушелъ бы куда-нибудь на великій подвигъ, хочется непремѣнно что-нибудь сдѣлать,—либо постъ на себя наложить, либо принять трудъ путешествія или вериги носить», говорилъ, еще будучи православнымъ (1897 г.), нынѣшній учитель хлыстовщины ст. Разсыпной, С. Р-инъ. Едва-ли бы С. Р-инъ сдѣлался хлыстомъ, будь указанъ ему своевременно, кѣмъ слѣдуетъ, надлежащій путь православнаго подвижничества. Но этого не было сдѣлано и заблудившая овца, для мнимаго своего спасенія, бросилась въ пропасть: С. Р-инъ «сталъ ходить на хлыстовскія бесѣдки», почитая эти самочинныя сборища за душеспасительныя ¹⁾. Да и какъ ему было не заблудиться. Въ праздничный вечеръ станичный людъ проводить время или въ кабацкой болтовнѣ, одурманивая себя табакомъ и водкой, или въ пѣсняхъ и играхъ съ остатками языческаго веселья. А Р-инъ идетъ на бесѣдку, тамъ онъ поетъ съ «братцами и сестрицами» трогательную «псалму:» «Увы, плачевно провожаю я жизнь свою на свѣтѣ семъ, и рай, блаженство забываю и всякія красоты въ немъ»!.. или какой-нибудь псаломъ; читаетъ или слушаетъ какое-нибудь назидательное житіе или Слово Божіе и вообще занимается богомысліемъ. С. Р-инъ настолько полюбилъ «бесѣдки» и настолько почелъ ихъ за святые, сравнительно съ тѣмъ, что дѣлается на улицахъ въ праздникъ, что у него не хватило уже критическаго зрѣнія и здраваго христіанскаго смысла, чтобы замѣтить всѣ мерзости этихъ бесѣдокъ,—все, что творилось на нихъ, ему огуломъ казалось хорошимъ. «Сатана принять видъ ангела свѣта» (2 Кор. 11 14): религиозно мятущуюся душу завлекъ онъ въ хлыстовскіе вертепы, прельстилъ ее приманкой ихъ—спасительнымъ, повидному, времяпровожденіемъ праздничныхъ и вообще свободныхъ вечеровъ и завладѣлъ ея способностями: ложь она стала считать за истину, маркіонитскую ересь за ученіе апостольское, распутство—за «любовь духовную», бѣснованіе за напѣе Духа Божія,—словомъ, діаволъ умертвилъ въ пей богодарованное чутье различія между истиной и ложью, добромъ и зломъ. Начавъ

¹⁾ Рапортъ свящ. ст. Разсыпной П. Ильинскаго отъ 20 апрѣля 1901 г.

духомъ, прозелить хлыстовства кончаеъ плотію, начинаеъ дѣло заботой о спасеніи души, а кончаеъ его мерзостями распутства, и затѣмъ закрѣпощается ими чуть не безповоротно... С. Р-инъ вмѣсто веригъ христіанскаго подвижничества, чего онъ искалъ раньше, воспринялъ діавольскіе оковы хлыстовской прелести и во всемъ дурномъ своего прежняго житія сталъ винить св. Церковь.

5. Желаніе подвижничества вкупѣ съ глубокимъ религіознымъ невѣжествомъ порождаютъ и еретическое удаленіе сектантовъ отъ брака. Женившись, говорятъ сектанты, человѣкъ, по слову Божію, становится «одною плотью» (Мо. 19, 5, Быт. 2, 24), т. е., поясняютъ они, *духа не имущимъ*, а такой человѣкъ, по Писанію, пренебрегается духомъ Божіимъ (Быт. 6. 3); «имѣющіе женъ должны быть какъ неимѣющіе» (I Кор. 7, 29), имѣя «спутницею сестру жену», т. е. — объясняютъ сектанты — живя съ женами, какъ съ сестрами (— 9, 5).

Мы указали нѣкоторые пункты удаленія «отъ насъ» братій нашихъ въ область хлыстовскихъ дебрей. Тѣ же пункты, можно сказать, служатъ пунктами отправления изъ церковной огады «во страну далече» и сектантовъ всѣхъ другихъ типовъ. И тутъ и тамъ, пожалуй, 0,9 перво-причины блужданія вѣрующихъ — въ недостаткѣ бдительности надзора и учительности церковнаго пасенія. Можетъ быть, эта правда и стереотипна, но какъ благовременно вспомнить о ней въ наши «опасные» дни, когда народъ началъ переносить гражданскую «волю» и на область вѣры и когда къ нему начинается подползать съ разными искушеніями въ преданности его Церкви и Державному ея Покровителю цѣлый легіонъ многообразныхъ гадовъ... Теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, наше пастырство должно воспрянуть по гласу: «востани спяй»! Болѣе, чѣмъ когда-либо, стражи церковной нивы должны вспомнить теперь слова Христовы: «встаныше, пойдемъ: вотъ приблизился предающій Меня» (Мо. 26, 46).

*
*
*

Бодрствующій пастырь пойметъ самъ, что нужно сдѣлать для отраженія «врага» на всѣхъ выше показанныхъ пунктахъ. Онъ постарается «узнать овцы своя», понаблудитъ за ихъ духовною настроенностью, «проповѣдывать слово, настоять во время и не во время, обличать, запрещать, увѣщевать... и быть бдительнымъ во всемъ» (2 Тим. 4, 2—5). Съ своей стороны мы отмѣтимъ тутъ немногое.

1. Въ апостольскія и первыя времена христіанской Церкви богослужебныя собранія вѣрующихъ были для послѣднихъ, помимо облагодатствованія, высшею христіанскою школою — наученія, назиданія и воспитанія. Они были въ то же время и источникомъ, откуда вѣрующіе черпали бодрость и вдохновеніе къ прохожденію христіанской жизни. Единими устами и едннмъ сердцемъ славился и исповѣдывался Богъ, и духъ единенія и братства исполняли души вѣрующихъ. Такого молитвенно-богослужебнаго единенія жаждетъ всегда христіанская душа, жаждетъ ее, съ одной стороны, какъ религіозно-нравственнаго отдохновенія среди житейскихъ тревоженій, а съ другой, какъ источника силы и энергіи для дальнѣйшей христіанской жизни. И наше православное богослуженіе — гармоничное сочетаніе величія съ простотой, съ его полными высокаго смысла священнодѣйствіями и обрядами, съ его глубокосодержательными молитвословіями и душу трогаящими пѣснопѣніями, сильно и способно удовлетворить такой жаждѣ. Но гдѣ же причина того, что простаки, и не видя еще хлыстовской грязи, предпочитаетъ православному богослуженію хлыстовскую «бесѣдку» съ ея безсодержательными «псалмами» и дикими проявленіями религіозно-психическаго разстройства, оправдываемыми «скаканіемъ» Давида предъ ковчегомъ? Причина этого печальнаго явленія, какъ сказано, въ томъ, что для простака прозелита хлыстовства «бесѣдка» понятнѣе «литургіи». И думается, еслибы пастырю церковному удалось съ помощью Божіей сдѣлать богослуженія Православной Церкви понятными для пасомыхъ и привлечь послѣднихъ къ участию въ нихъ посредствомъ общаго пѣнія, то нелѣпыя хлыстовскія бесѣдки отошли бы въ область преданія и произведенія религіозно-невѣжественныхъ психопатовъ исчезли бы предъ великимъ созданіемъ богодухновенныхъ устроителей Православной христіанской службы, «яко исчезаетъ дымъ».

2. Свои тайныя самочинныя сборища сектанты мотивируютъ желаніемъ по христіански провести праздничные и вообще свободные отъ работъ вечера за чтеніемъ «писанія» и пѣніемъ духовныхъ стиховъ. Мотивъ, вѣдимо, благочестивый, и говоритъ что-нибудь противъ него въ принципѣ нѣтъ возможности. Полуязыческимъ по мѣстамъ времяпровожденіемъ праздниковъ и особенно праздничныхъ вечеровъ въ возліаніи бахусу со всѣми его послѣд-

ствіями въ видѣ ссоръ, дракъ, пѣсенъ, плясокъ, пересудовъ и болтовни, естественно можетъ и должно возмущаться христіанское чувство. Врагъ человѣческаго спасенія и пользуется этимъ обстоятельствомъ и подъ благовиднымъ предлогомъ увлекаетъ слабовѣрныхъ чадъ Церкви въ вертепы отступничества. Дабы не допустить, съ одной стороны, соблазняться «единому отъ малыхъ» и не дать ему повода говорить или выслушивать нареканія на св. Церковь, якобы не пекущуюся о нравственномъ воспитаніи своихъ чадъ и позволяющую имъ язычески праздновать христіанскіе праздники, а съ другой—дабы удовлетворить религіозной потребности православныхъ чадъ, желающихъ истово, съ духовною пользою для себя, провести праздничное время,—приходскіе пастыри должны бы каждый праздникъ устраивать въ своемъ приходѣ религіозныя бесѣдки, и, судя по потребности, въ нѣсколькихъ (двухъ-трехъ) мѣстахъ въ одно время. Матеріаломъ для нихъ можетъ быть чтеніе (по русскому переводу) Слова Божія, житій святыхъ угодниковъ, статей церковно-историческихъ, миссіонерскихъ, доступныхъ для пониманія народа толкованій на Слово Божіе, статей по изъясненію Богослуженія и т. п. Чтеніе на бесѣдкахъ можетъ вести пастырь и самъ и, съ его благословенія, члены причта и благонамѣренные изъ его прихожанъ. Вторымъ элементомъ бесѣдокъ должно бы быть общее пѣніе духовныхъ пѣснопѣній и молитвъ. Благочестиво занимая время на бесѣдкахъ, это пѣніе въ то же время было бы репетиціей для общаго пѣнія за церковнымъ богослуженіемъ. 2—3 часа такой бесѣдки займутъ вниманіе посѣтителей ея на весь праздничный вечеръ. По опыту знаемъ, что послѣ религіозныхъ бесѣдокъ, народъ и между собой долго толкуетъ и думаетъ по поводу слышаннаго на нихъ. Сомнѣнія и недоразумѣнія, которыя могутъ возникнуть на бесѣдѣ, пастырь рѣшаетъ или тутъ же, или же въ слѣдующую бесѣдку. Въ случаѣ сомнѣній важныхъ, въ рѣшеніи которыхъ священникъ чувствуетъ себя слабымъ, онъ долженъ обращаться къ миссіонеру. Такія бесѣдки будутъ для православнаго люда и школой религіознаго знанія и школой нравственно-христіанской дисциплины: заниматься богомысліемъ и молитвеннымъ угожденіемъ Богу (помимо общаго богослуженія) онъ будетъ пріучаться подъ законнымъ руководствомъ своей матери—Церкви.

3. «Одинъ въ полѣ не воинъ» — говоритъ народная мудрость. Приходскому пастырю одному не подѣ силу бороться съ имѣющими свою организацію, свои тайныя сходбища и своихъ пропагандистовъ, сектантами. Необходимо-бы въ виду этого организовать въ приходѣхъ, особенно зараженныхъ отступничествомъ, общества ревнителей св. Церкви. Въ составъ такихъ обществъ, во главѣ съ мѣстнымъ настоятелемъ Церкви, должны входить члены причта, учителя церковныхъ и другихъ начальныхъ школъ и вообще благонамѣренные изъ прихожанъ, извѣстные мѣстному пастырю за людей трезвыхъ, набожныхъ и ревностныхъ къ Церкви Божіей. Общества слѣдятъ за религіознымъ состояніемъ прихожанъ и хотя разъ въ мѣсяцъ имѣютъ совѣщанія, на которыхъ обсуждаются вопросы и нужды приходской миссіи, приводится въ извѣстность религіозное настроеніе прихода и сообщаются свѣдѣнія пастырямъ о мѣстномъ отступничествѣ. Члены общества ревнителей Церкви явятся также дѣятельными помощниками мѣстному пастырю и въ устроеніи религіозныхъ бесѣдокъ.

4. Какъ было сказано выше, многіе до совращенія въ хлыстовщину, сознавая свою грѣховность и желая понести за нее нѣкое возмездіе и тѣмъ нѣсколько успокоить свою мятущуюся совѣсть, искали подвиговъ. Явленіе вполне естественное: грѣшная душа, вѣруя въ очистительную силу благодати, дѣйствующей въ церковныхъ таинствахъ, стремится и сама сдѣлать что-нибудь доброе во искупленіе какъ бы своихъ грѣховъ. Въ этомъ — психологическое основаніе церковной епитиміи. Невниманіе церковнаго пастыря къ таковой именно настроенности нѣкоторыхъ пасомыхъ влечетъ за собою то, что они, не получая во время должнаго руководства въ своемъ стремленіи понести такое или иное лишеніе, воспринять такой или иной подвигъ для истребленія въ себѣ какой-нибудь грѣховной страсти или въ нѣкое возмездіе за содѣянные прегрѣшенія, бросаются очертя голову въ еретическіе вертепы, которые представляются прозелитамъ хлыстовства храмомъ благочестія и христіанскаго подвижничества. Въ виду сего церковнымъ пастырямъ необходимо-бы быть внимательными къ духовной настроенности исповѣдующихся у нихъ пасомыхъ и стараться назначать имъ епитиміи, сообразныя ихъ недугамъ.

* *
*

Само собою понятно, что показанными предъ этимъ рубриками далеко не исчерпывается все содержаніе пастырско-миссіонерскаго надзора. Тутъ дѣло живое и никакими рубриками его не объять; тутъ требуется быть «бдительнымъ во *всемъ*» (2 Тим. 4, 5); а это *все* въ живомъ обществѣ пасомыхъ, восходящихъ «въ мѣру возраста совершенна», безконечно разнообразно; таковыми же въ силу того должны быть и пункты пастырскаго вниманія и мѣры воздѣйствія каждаго добраго пастыря на «овцы *своя*». А «овцы» теперь все дальше и больше становятся безпокойными. Одинъ изъ пасомыхъ побывалъ на фабрикѣ, другой на заводѣ, третій служилъ на желѣзной дорогѣ, четвертый работалъ въ колоніи; и вотъ одинъ несетъ въ приходъ толстовщину, другой штунду, третій и четвертый еще какой-нибудь соръ, пятый «своимъ умомъ дошелъ» до какой-нибудь нелѣпости, или вычиталъ ее гдѣ-то. Мужички толкуютъ о вѣрѣ: одинъ уже «блазнится» церковнымъ обрядомъ, другой тѣмъ, что онъ неистово исполняется въ церкви, третій самымъ церковнымъ пастырствомъ и т. д. Религіозный приходъ, словомъ, *живетъ*. А пастырь его? А пастырь *существуетъ* самъ по себѣ: со своей семьей, своими «рапортами», «вѣдомостями» и другими бумагами, занятый «службой», «требами», школой, хожденіемъ «по приходу» и тому подобными *повинностями* своего служенія; а тутъ у «него еще недостатокъ», неудачи сына въ семинаріи, непріятности въ семьѣ и т. п. Для наблюденія за религіознымъ состояніемъ прихода и его настроенностью у пастыря, за массой другихъ дѣлъ по обрядовой и отчетной сторонѣ службы, нѣтъ времени. Но вотъ, наконецъ, онъ наталкивается на свое первое настоящее дѣло: въ приходѣ расплывается какое-то «еретичество» — надо принять мѣры. Что тутъ дѣлать? Что за «еретичество», онъ не знаетъ, какъ его и опредѣлить, — онъ слишкомъ мало читалъ и знаетъ о современномъ религіозномъ движеніи въ обществѣ: выписывать и читать журналы у него не хватаетъ ни средствъ, ни времени. Пастырь думаетъ: офиціально написать благочинному, бумага пойдетъ по инстанціямъ до архіерея, напишешь какъ-нибудь неладно, обнаружишь неужество, осрамишься; ну, положимъ, дойдетъ бумага до архіерея, — чего добраго вызоветъ, скажетъ: у тебя завелась секта, раньше

этого не было, ты спишь тамъ, почему бесѣды не ведешь? Обратиться къ благочинному частно? но что онъ самъ-то можетъ преподать руководственнаго по этой части? Скажетъ: напиши рапортъ, чтобы дать дѣлу законный ходъ и вызвать миссіонера, — получится тоже самое; написать миссіонеру? тоже доложить владыкѣ и возись тогда тутъ... поѣхать прямо къ архіерею «предложить вѣщшія и неудоборазсудныя вины», — но вѣдь онъ «въ губернскомъ городѣ за двѣнадцатью стеклами» и у него пуды бумажныхъ «дѣлъ» и «служба» тоже, да и въ какую минуту еще подвернешься: скажетъ: «оставилъ приходъ и сюда потащился, почему не написалъ благочинному или въ консисторію», а консисторія по этой части не лучше почтовой конторы; а чего стоитъ проѣхать въ губернскій городъ, да прожить тамъ хоть недѣлю? Придется пока дѣло такъ оставить: ничего не буду писать и отмѣчать; можетъ быть, наклонится гдѣ другой приходъ, а пока что шепнуть развѣ приставу, чтобы погрозилъ... При видѣ опасности отъ «волка грядущаго», пастырь т. обр. если не «бѣжить», то, по подобію страуса, прячетъ голову свою. И дѣло, дѣйствительно, остается «такъ», пока, наконецъ, зарево секты не обратитъ на себя вниманіе постороннихъ. На мѣсто религіознаго пожара мчится миссіонеръ; поработаетъ этотъ своего рода пожарный, елико возможно, и, за неотложностью другихъ нуждъ по тушенію такихъ же пожаровъ, отправляется, далеко не докончивъ одного тушенія, въ другое мѣсто. А недотушенные пожары все разгораются, тушить ихъ надлежащимъ образомъ никто не продолжаетъ. Кто наблюдалъ за религіознымъ состояніемъ епархій, подверженныхъ опасности сектантскаго нашествія и уже значительно поврежденныхъ имъ, тотъ не можетъ не подписаться подъ этой картиной. Официальные отчеты въ такихъ случаяхъ со стереотипнымъ — «все обстоитъ благополучно» — своего рода грѣхъ противъ 8 заповѣди.

* *
*

Итакъ, приходъ со своею жизнію и со своими «учителями, избранными по прихотямъ и льстящими слуху» (2 Тим. 4, 3—4), самъ по себѣ — а пастырство съ бумагами и «службой» само по себѣ, какъ двѣ параллели; говорю о подавляющемъ большинствѣ случаевъ. И такая параллельность будетъ, надо думать, существовать до тѣхъ поръ, пока и нашъ епископатъ и приходское пастырство останутся въ томъ по-

ложеніи и взаимоотношеніи, какія теперь существуютъ. Неоспоримо, что и теперь есть подвижники и среди епископовъ и приходскихъ пастырей, которые и при нынѣшнихъ условіяхъ, «право правя слово истины», апостольски проходятъ свое по-истинѣ подвижническое служеніе; паства ихъ предъ ними благоговѣть и слушаетъ ихъ cadaго слова. Но это—«смотрительные случаи». Подвижниковъ и всегда немного было. А какъ дѣло обстоитъ вообще-то?

По смыслу церковнаго ученія, «епископъ-глава церковнаго тѣлесе», «пресвитеры»—«руки его» (55 ап. пр.); безъ воли епископа они ничего не совершаютъ,—«ему бо ввѣрены людіе Господни, и онъ воздастъ отвѣтъ о душахъ ихъ» (ап. пр. 39); а эти «людіе Господни»—«ноги» въ церкви. Таковъ образъ церковнаго органически-тѣснаго единства пастырей и паствы. То-ли у насъ теперь на самомъ дѣлѣ? «Глава церковнаго тѣлесе» (епархіальный), имѣя въ своемъ вѣдѣніи районъ, иногда превосходящій территоріально любое западно-европейское государство, физически не можетъ вѣдать не только о «ввѣренныхъ ему людяхъ Господнихъ», но и о самыхъ пастыряхъ ихъ, за исключеніемъ развѣ немногихъ, «знаемыхъ архіереови». «Отчеты», какъ перѣдко—сочиненія, въ данномъ смыслѣ игнорируемъ. Съ приходскими пастырями, которые въ живомъ пастырскомъ дѣлѣ весьма часто нуждаются согласно съ каноническими указаніями въ епископскомъ руководствѣ, и авторитетѣ, онъ волей неволей сносится чрезъ консисторское чистилище, которое, переводя «духъ» въ «букву», живое дѣло въ грозный официальный указъ, тѣмъ самымъ какъ-то мертвитъ церковное дѣланіе. Мысль «главы», нисходя къ «рукамъ» и дѣла «рукъ», восходя къ «главѣ», переходя чрезъ мертвое море консисторскихъ бумагъ, неизбежно обумаживаются и теряютъ свою жизненность. А безъ консисторій не обойтись: въ вѣдѣніи епископа тысячи церквей и пастырей, десятки монастырей, сотни школъ и разныхъ другихъ учрежденій со всѣми ихъ нуждами; и безъ «столовъ» съ тысячами «входящихъ» и «исходящихъ» «отношеній», «предложеній» и т. д. никакъ, значить, нельзя. Какъ бы то ни было, а приходское духовенство проходитъ свое служеніе безъ архипастырскаго надзора и живого, скорого и канонически потребнаго руководства; по писаннымъ же «руководствамъ» можно управлять только машиною, а не человѣческимъ обще-

ствомъ съ его безконечнымъ разнообразіемъ особенностей духовнаго возрастанія. Самъ же архипастырь работаетъ въ одиночку. Областные соборы епископовъ, которые были ли бы хоть дважды въ годъ (1 вс. соб. пр. 5), для обсужденія церковныхъ нуждъ, совершенно забыты; а какъ бы они теперь нужны были и какую бы помощь оказали они центральному церковному управленію!

Что же, теперь, дѣлають «руки» — то церковнаго «тѣлесе» — пресвитеры? Да «руки», видите-ли, поняли, что по пастырско-миссіонерскому дѣлу отъ нихъ такъ много и такъ грозно («главою» на далекомъ отъ нихъ разстояніи) требуется и такъ нехорошо ихъ содержать и питають, что онѣ подъ гнетомъ этой мысли почти совершенно опустились. Всего, молъ, все равно не сдѣлать, а изъ-за малости особенно и хлопотать не стоитъ. Теплохладные къ своему надлежащему пастырско-миссіонерскому дѣлу, пресвитеры кое-какъ ведутъ лишь обрядовую его сторону. Истинную ревность къ своему долгу тутъ иногда непрочь обозвать выскочкой, выслужкой и при томъ — съ нехорошей улыбкой. И, можетъ быть, это уже старо, все же опять повторимъ, что побирошническій способъ содержанія нашего приходскаго духовенства тутъ чуть не самый корень зла: не говоря уже о томъ, что онъ отбиваетъ отъ духовнаго сословія и служенія лучшихъ семинаристовъ, онъ и тѣхъ-то, кто волей неволей становится пастыремъ, скоро матеріализуетъ и пылкому юному пастырю, съ кое-какими еще идеальными стремленіями, онъ скоро «даетъ удила»... земли. Юный пастырь скоро начинаетъ живо интересоваться только официальнымъ отдѣломъ «Епархіальныхъ вѣдомостей» о вакансіяхъ и перемѣщеніяхъ. Онъ скоро рѣшаетъ, что ужъ если побираться, такъ побираться въ серьезъ, — надо мѣтить въ богатый приходъ: аксіома всякаго нищаго, — что отъ побора среди богатыхъ дохода больше. Начинается «аккуратность по службѣ» (во многихъ случаяхъ нехорошая), вниманіе «благочиннаго» и его «отмѣтки» и «рапорты»; не за горами и переводъ въ лучшій (для побирошничества) приходъ. Еще «аккуратность», еще «отмѣтки» и еще «рапорты» и переводятъ въ еще лучшій приходъ и т. д. О настоящемъ пастырско-миссіонерскомъ дѣлѣ при этихъ «еще», конечно, странно и предполагать. Для всѣхъ этихъ «еще» трудятся въ большинствѣ случаевъ «не ради

Иисуса, а ради хлѣба куса». И пастыри кочуютъ, какъ «калики перехожіе». У священника Н въ приходѣ появилась секта, а свящ. Н «аккуратенъ по службѣ», думаетъ о лучшемъ приходѣ и переводится въ него; въ «лучшемъ» приходѣ уже существуетъ секта, а свящ. Н говоритъ: не при мнѣ она началась—не мое особенно и дѣло до нея; въ раннѣйшій приходъ священника Н поступаетъ свящ. М и говоритъ тоже, что и свящ. Н на новомъ мѣстѣ и т. д.: всякій убѣгаетъ, такъ сказать, отъ отвѣтственности за «овцы своя», потому что онѣ у него ужъ очень временныя; а пастырскія вольныя кочеванія создаются едва ли не исключительно побирощничествомъ. Урегулируйте и уравновѣсьте содержаніе приходскихъ священниковъ, хотя бы по статьѣ земскаго обложенія (какъ врачи, фельдшера и т. п.), съ прибавкой за настоящее его дѣло вознагражденія изъ казенной субсидіи, обезразличьте, сколько возможно, приходы—въ смыслѣ лучшихъ и худшихъ по поборамъ, развяжите пастырю руки отъ матеріальныхъ путъ, сдѣлайте для него ненужной конкуренцію изъ-за лучшихъ приходовъ, заставьте пастыря быть отвѣтственнымъ до конца его службы за «овецъ своихъ», прикрѣпите его къ приходу; приблизьте при томъ къ нему епископа (по мѣсту и духу): думаемъ, оживится и окрѣпнетъ по вѣрѣ—«приходъ», пастырь найдетъ свое настоящее дѣло и силенъ будетъ «внимать себѣ и всему стаду»; и на «дѣйствительную службу»—въ великомъ пастырскомъ дѣлѣ—люди найдутся,—«не заграждайте только рта у вола молотящаго» (І Кор. 9,9).

А какъ поживаютъ, наконецъ, теперь «ноги»-то церковныя, это «людіе-то Господни?» Да онѣ начинаютъ додумываться ходить сами по себѣ. Когда верхнія части «церковнаго тѣлесе» коснѣютъ въ рутинѣ, «по независящимъ обстоятельствамъ» не могутъ возбодрствовать, онѣ хотятъ сами по себѣ шествовать,—благо теперь «воля». Тутъ-то ихъ и путаетъ приточный «врагъ».

Н. Гринякинъ.

Изъ переписки вѣрующаго интеллигента со студентомъ ¹⁾.

Дорогой Н.! Если я сказалъ, что сочувствую *нѣкоторымъ* взглядамъ Толстого и сектантовъ, отсюда, мнѣ кажется, нисколько не слѣдуетъ, что я раздѣляю *вполнѣ* ихъ стремленія.

Обращая вниманіе на недостатки ихъ вѣроученія, ты, какъ и всякій человѣкъ, горячо защищающій *свою* истину, былъ пристрастенъ къ себѣ и несправедливъ по отношенію къ другимъ. Остановимся прежде всего на твоихъ сужденіяхъ о церкви.

«Здѣсь,—говоришь ты, 2000—лѣтній опытъ, это лучший изъ учителей и руководителей», «плодъ ея духа—миръ, радость, любовь и проч., изъ нея вышли Тихонъ, Серафимъ, Ѳеофанъ и т. д.»

Тутъ я нахожу *смѣшеніе* понятій. Когда мнѣ приходится дѣлать возраженія противъ церкви, я имѣю въ виду ея *теперешнее* положеніе и тѣ результаты, какихъ она достигаетъ въ наши дни, а вовсе не *идеальное* представленіе о ней, которому она соотвѣтствовала, можетъ быть, только во времена апостоловъ и первыхъ христіанъ. Съ тѣхъ поръ въ ея строѣ не было того высокаго одушевленія и того единства, о какихъ можно только мечтать, и которыя, можно надѣяться, черезъ нѣсколько вѣковъ осуществятся на землѣ.

Кто же отрицаетъ, что изъ своей среды церковь выдвигала иногда замѣчательныхъ людей, въ родѣ Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и т. под.? Мы говоримъ: ея нынѣшніе порядки очень дурны, она не живетъ свободной жизнью, не совершенствуетъ людей въ духѣ Евангелія, даже *тормозитъ* улучшеніе человѣческихъ обществъ; поэтому нужно *серьезно подумать* о томъ, въ какое отношеніе къ ней мы должны себя поставить. Ты не соглашаешься примкнуть къ толстовцамъ и сектантамъ, потому что у нихъ нѣтъ подлиннаго христіанства, почему же съ такой легкостью и, пожа-

¹⁾ «Мисс. Обзоръ» кн. 6-я, стр. 685.

луй, необдуманностью ты желаешь вступить въ ряды церковниковъ, которые также далеки отъ *истинныхъ* стремленій? Почему, нападая рѣзко на однихъ, ты не принимаешь *близко* къ сердцу пороковъ и неустройствъ другихъ, хотя именно послѣдніе, какъ хранители чистоты христіанскаго ученія, должны были бы болѣе всего возмущать твою душу? Критикуя чужіе взгляды, ты противопоставилъ имъ несуществующій порядокъ вещей, — и съ точки зрѣнія его легко опровергалъ своихъ противниковъ. А между тѣмъ вопросъ все время шелъ о томъ, какъ быть *съ теперешней худой дѣйствительностью*, и какія средства необходимы для ея исправленія. Отовсюду нужно брать хорошее, кому бы оно ни принадлежало, и сторониться всего худого, если бы оно было даже и свое. Намъ не зачѣмъ умалять заслуги тѣхъ, кто съ нами не *вполнѣ* согласенъ, а ты *совершенно* отбросилъ, по крайней мѣрѣ въ своемъ прошломъ письмѣ, весьма цѣнныя указанія на *status quo* Толстого и другихъ. Ты говоришь, что нѣкогда «почти всѣ епископы и священники были аріане, и нельзя было разрывать съ церковью, а надо было защищать истину». Отсюда я заключаю, что подъ церковью ты разумѣешь совокупность извѣстныхъ догматовъ, правилъ, священнодѣйствій, главенство Христа, вліяніе умершихъ святыхъ на людей, еще живущихъ на землѣ, — и допускаешь при этомъ возможность бытія такого церковнаго общества, гдѣ нѣтъ единства, нѣтъ духа мира и любви. Тогда становится непонятнымъ, почему ты такъ вооружаешься противъ тѣхъ, которые, замѣчая въ нынѣшней паствѣ Христовой всякія неурядицы, хотятъ ихъ уничтожить и обновить церковные порядки. Если въ давнія времена была масса аріанъ, и отдѣльные православные пастыри являлись представителями *особыхъ*, немногочисленныхъ духовныхъ общинъ, что мѣшаетъ теперь, принявъ *важнѣйшія* основанія христіанства и устроивъ союзъ людей, ищущихъ религіозной жизни на лучшихъ началахъ, чѣмъ тѣ, какими руководится наша церковь, отдѣлиться отъ нея съ тою цѣлью, чтобы устранить яныя устарѣлыя ея нравы и обычаи и освободить ее отъ чуждыхъ ей задачъ? Конечно, можетъ быть въ силу политическихъ условій нельзя будетъ образовывать своего *новаго* общества, но тогда необходимо тщательно *обсудить*, хорошо ли человѣку, твердо держащемуся *истиннаго*

православія, связывать свою дѣятельность съ покорной службой государству нашихъ церковниковъ. Представь себѣ, что въ ту эпоху, когда жилъ Василій Великій, существовало бы такое гоненіе на истинныхъ христіанъ, что они не могли бы отправлять своихъ священнодѣйствій,—неужели для нихъ единственнымъ исходомъ было бы, напр., примкнуть къ аріанамъ или другимъ лжеучителямъ, которые поддерживались государственной властью?

Изъ этого слѣдуетъ, что въ исторіи могутъ быть такіе моменты, когда людямъ, дорожащимъ истиной Христовой, необходимо выйти изъ союза съ государствомъ и даже не принимать никакого участія въ церковномъ обществѣ, которое допускаетъ у себя всякіе недостатки и неправильности. Все, конечно, зависитъ здѣсь отъ того, въ какой компромиссъ мы вступимъ съ своею совѣстью, если станемъ членами извѣстной церкви. При его незначительности, намъ не зачѣмъ отдѣляться отъ другихъ, особенно когда связь съ ними можетъ оказать намъ поддержку и представляетъ извѣстныя нравственные выгоды. Въ противномъ же случаѣ намъ прямо слѣдуетъ заявить свое несогласіе съ ихъ ложными началами и обособиться въ свою изолированную группу.

Неизвѣстно, по какой причинѣ ты причислилъ меня къ толстовцамъ, хотя я не согласенъ съ нѣкоторыми *главными* пунктами ихъ ученія, о чемъ я тебѣ говорилъ еще при свиданіи нашемъ въ Москвѣ.

Если бы ты задалъ мнѣ вопросъ, чего же я хочу въ концѣ концовъ, то я бы тебѣ отвѣтилъ: было бы весьма хорошо, когда бы намъ позволили устроить свою церковь съ незначительнымъ количествомъ обрядовъ, съ меньшей торжественностью, съ большей независимостью отъ государственной опеки и съ большей свободой дѣйствій.

Можетъ быть, въ данный моментъ это однѣ лишь мечты,—тогда, повторяю, необходимо серьезно подумать, въ какія отношенія стать къ существующимъ порядкамъ, а не такъ *легко*, какъ дѣлаешь это ты, принимать *все* церковное безъ всякаго разбора.

Вообще же я требую больше сознательности и больше вниманія въ этомъ важномъ дѣлѣ.

Нѣкоторые замѣчанія твои о толстовцахъ я считаю вѣрными.

Миръ тебѣ!

Твой В.

Милый В.! Если ты еще не толстовецъ, то во всякомъ случаѣ къ толстовцамъ ты относишься съ большею симпатіей, нежели къ церкви,—ты, напр., даже находишь возможнымъ сравнивать ихъ положеніе съ положеніемъ гонимыхъ православныхъ среди властвовавшихъ аріанъ и находишь возможнымъ отдѣлиться отъ церкви и соединиться съ ними. Если это не толстовство, то во всякомъ случаѣ нѣчто очень къ тому близкое. Но такъ какъ я знаю твои релігіозныя воззрѣнія, то мнѣ и кажется страннымъ подобное сближеніе, и я думаю, что, отдѣлившись отъ церкви, ты остался бы среди нихъ совершенно одинокимъ со своими мыслями о Тріединомъ Богѣ, Искупленіи и таинствахъ. Затѣмъ, какъ можно общенію съ тѣмъ обществомъ, съ которымъ у тебя общія *основныя* воззрѣнія (личное Божество, искупленіе, освященіе отъ Духа Святаго, общеніе съ невидимою церковью, будущая жизнь), предпочитать общеніе съ обществомъ, не знающимъ всѣхъ этихъ воззрѣній, и лишь потому, что оно отвергаетъ связь съ государствомъ?

Въ церкви есть общеніе въ вѣрѣ, въ Евангеліи, а тамъ лишь общеніе въ отрицательномъ отношеніи къ государству; здѣсь непрерывная связь многихъ милліоновъ людей отъ Христа до нашего времени,—стройное и громадное тѣло Христово, цѣлая жизнь съ сложнымъ и глубокимъ опытомъ, съ тѣснымъ взаимодействіемъ всѣхъ членовъ, живыхъ и умершихъ, а тамъ кучка пессимистовъ, не имѣющихъ даже выработаннаго *опытомъ положительнаго* идеала.

Ты возражаешь, что я идеализирую церковь, что теперь она не только не хранитъ Духа Христова, а тормозитъ всякій шагъ ко Христу.

Если бы это было такъ, то тогда дѣйствительно церковь не стояла бы гроша мѣднаго. Но въ этомъ то ты и неправъ вмѣстѣ съ толстовцами. Ваша односторонность—крайняя, грубая, въ томъ и заключается, что вы, не будучи знакомы съ положительнымъ опытомъ и ученіемъ церкви, и не постарались испытать на себѣ ея благотворное вліяніе, наткнувшись на нѣчто такое, чего не можете согласить съ ученіемъ Христа, уперлись въ это одно и, отвергнувъ всякое значеніе церкви, провозгласили ея ложность и стремитесь реформировать ее.

Тутъ открываются двѣ вашихъ ошибки: первая—вы не хотите учиться у церкви; вторая—вы больше заботитесь объ исправленіи другихъ, чѣмъ о своемъ собственномъ; ваши глаза обращены внѣ, а не внутрь себя. Это, конечно, отраженное дѣйствіе всей общественной жизни нашего вѣка. Что церковь можетъ воспитывать истинныхъ христіанъ и въ наше время (ищущихъ ея воспитанія), на это указываетъ примѣръ св. Димитрія Ростовскаго, св. Тихона Зад., преп. Серафима Саровскаго и др., жившихъ не въ началѣ христіанства, а почти въ наши дни. Встрѣтишь ли ты такія явленія у сектантовъ?

Ты указываешь на массу церковниковъ, не достойныхъ имени христіанъ, и спрашиваешь, какъ я могу предпочитать общеніе съ ними общенію съ людьми, ищущими обновленія церкви? Да, есть масса церковниковъ, не достойныхъ имени христіанъ, изъ которыхъ я первый, но это скорѣе овцы безпастырныя, темныя и непросвѣщенныя, сами сознающія свою непросвѣщенность,—отъ нихъ грѣшно отшатнуться, и идеалы-то у насъ одни, которые хотя и забываются часто, но въ лучшія минуты всплываютъ. Въ томъ и задача, чтобы не отвергнуть ихъ, а довести до полного усвоенія ими идеала, до полного внутренняго обновленія. А вы тѣмъ отъ нихъ и отличаетесь, что не имѣете смиренія,—вы все мечтаете исправлять, вы видите лишь недостатки и не видите добраго. *Въ этомъ послѣднемъ и заключается коренная ложь толстовства:* не видѣть въ другихъ добра и не умѣть это добро вызывать къ жизни и воспламенять. По духу мнѣ невыносимо толстовство.

Ну, допустимъ, что вы стали бы исправлять церковь: ты потребовалъ бы сокращенія обрядовъ, уменьшенія торжественности (кстати, зачѣмъ это нужно?) Л. Толстой потребовалъ бы отмиженія Евхаристіи, какъ неразумной прибавки къ христіанству, словомъ—каждый, по силѣ своего разумія, отвергалъ бы то то, то иное въ церкви, и всѣ занимались бы лишь пререканіями, разбились бы на мелкія группы, въ которыхъ также не было бы согласія... Неужели все это было бы христіанскою жизнью?! И произошло бы это все единственно оттого, что каждый, вмѣсто того, чтобы учиться у церкви, какъ у воспитательницы, сталъ бы судить ее. Св. Тихонъ не поступалъ такъ...

Въ церкви, въ ея Евангеліи, святоотеческихъ твореніяхъ, церковныхъ пѣснопѣніяхъ и молитвахъ неисчерпаемый матеріалъ положительнаго содержанія, изъ котораго душа человѣка можетъ заимствовать все для себя необходимое: и знаніе истинъ вѣры, и идеаль внутренняго совершенства, и средства къ его достиженію.

Ошибка Толстого въ томъ и состоитъ, что онъ не пошелъ этимъ путемъ, а, схвативъ поверхностно двѣ-три фразы (не мысли даже) Спасителя, обратился во внѣ и сталъ косить направо и налево. Это не христіанство.

Ты по духу близокъ къ Толстому, ты именно на такомъ же пути теперь переживаешь рѣшительный моментъ, на чемъ остановиться. Смотри, не промахнись!

Вопросъ, мнѣ кажется, сводится къ тому, правильно ли *внѣшнее* направленіе души, или надо обратиться *внутрь себя*, а если послѣднее, то откуда влить въ себя полноту христіанскаго совершенства, можно-ли почерпнуть ее отъ церкви?

По моему *только отъ церкви* и можно. Согласенъ ли ты съ тѣмъ, что лишь такая постановка вопроса для насъ и важна?

Я говорилъ тебѣ раньше и теперь повторяю: поднятый толстовцами вопросъ о государствѣ ошибоченъ потому, что поставленъ на логической, а не на психологической почвѣ. Не тотъ христіанинъ, кто логически вѣренъ Евангелію, а тотъ, чья душа изобильнѣе благопожеланіями. И государственная жизнь имѣетъ въ виду благо, а потому церковь и благословляетъ ее. И почему же было церкви не благословлять трона, когда онъ совершалъ освобожденіе крестьянъ. Вопросъ тутъ, значить, не въ принципѣ, а въ частностяхъ. Частное же осужденіе незаконныхъ правителей ублажается церковью и освящено примѣрами Іоанна Златоуста, м. Филиппа и др. А въ принципѣ государство благо. Съ этимъ, надѣюсь, ты согласишься.

Итакъ, будемъ обсуждать вотъ что: что нужно,—развитіе ли своей души, или исправленіе внѣшнихъ безпорядковъ? Это первый самый важный вопросъ.

Второй: можно ли въ церкви найти истину, способную удовлетворять нравственные запросы души,—даже не то, что можно ли, а *находимъ ли мы это*? Является ли церковь нашей воспитательницей?

На это должно отвѣтить собственное сердце. И если оно отвѣтитъ утвердительно, тогда, оставивъ до поры сомнѣнія свои, будемъ воспринимать въ свою душу ея положительное содержаніе, ожидая, что со временемъ и остальные сомнѣнія разсѣются подъ дѣйствіемъ ея свѣта.

А если ты не чувствуешь, чтобы церковь воспитывала насъ, то рассмотримъ, отчего это происходитъ: оттого ли, что она плоха, или оттого, что мы сами недостаточно глубоко проникли въ ея сокровищницу.

Если тебѣ ясно теперь мое отношеніе къ церкви, то ты поймешь, почему я только за нее и держусь: я слишкомъ много отъ нея получаю, чтобы мнѣ отвергаться отъ нея. И я начинаю понимать и ея покровительство государству, что меня очень радуетъ, такъ какъ отъ этого согласія съ нею и съ самимъ собою является еще больше внутренняго мира.

До свиданья, надѣюсь—скорого!

Храни тебя Господь!

Твой *И.*

Р. S. Ты замѣчаешь: какъ въ вопросѣ о церкви, такъ и въ вопросѣ о Евангеліи (вспомни нашъ разговоръ о воззрѣніяхъ ап. Павла на бракъ), мы расходимся съ тобой въ способѣ отношенія,—эта разница въ томъ, что ты относишься ко ~~всему~~ этому, какъ старшій къ младшему, а я, какъ младшій къ старшему. Ты говоришь: «а ну-ка рассмотримъ!» а я говорю: «еще поучимся»... Ты больше смотришь внѣ, а я больше внутрь себя.

Сообщилъ *Теодуль*.

Мысли приходскаго пастыря по поводу современнаго невѣрія.

Меня спрашиваютъ,—почему я не высказываюсь о господствующемъ въ современномъ обществѣ духѣ невѣрія... Приводить доказательства въ области вѣры—дѣло неблагодарное и порой бесполезное. Это все равно, какъ начать бы рассказывать глухому о рапсодіяхъ Листа или симфоніяхъ Бетховена, слѣпому—о дивной красотѣ Божія міра—о небѣ, солнцѣ, звѣздахъ, нѣмому—о красотахъ членораздѣльной человѣческой рѣчи и т. п.

Гдѣ требуется вѣра, тамъ нѣтъ мѣста доказательствамъ.

Не могу не признаться въ скорби, что вопрошающіе + и «испытующіе»—лица православныя. Приходится думать только, что люди эти, отдавшись «печали, богатству и сластемъ житейскимъ» (Лук. 8, 14), сами не замѣчаютъ того, какъ страшный нашъ врагъ-искуситель подходитъ къ нимъ и уноситъ изъ сердецъ ихъ Слово Божіе, чтобы они не увѣровали и не спаслись (Лук. 8, 12). Они напоминаютъ мнѣ тѣхъ неразумныхъ дѣтей, которыя обратили мечъ въ игрушку, огонь въ забаву и потѣшаются ими, не вѣдая того, что каждую секунду эти сокрушительные предметы ихъ легкомысленнаго развлеченія грозятъ ихъ жизни. Они напоминаютъ мнѣ, далѣе, тѣхъ неразумныхъ дѣтей, которыя получили отъ великаго и славнаго отца несмѣтное богатство, размѣровъ котораго сами не знаютъ, въ которое не стараются вникнуть и оцѣнить по сыновнему достоинству, которымъ нисколько не дорожатъ и ни во что не ставятъ.

Какъ бы то ни было, но невѣріе въ бытіе міра духовнаго въ томъ смыслѣ, какъ оно понимается нашей православной церковію, слишкомъ распространено въ современномъ обществѣ...

Не вѣрить въ Бога подростокъ-сынъ, воровски избѣгающій обнаруженія своихъ религіозныхъ чувствъ отъ взора старшихъ семьи и родителей, не вѣрить въ Бога достигшій зрѣлости мужъ, прошедшій ничтожную школу испытаній жизни и ступившій твердою ногою на поприще общественной дѣятельности; не вѣрить въ Бога возвеличенный славой и окруженный тщеславіемъ, раболѣпствомъ, низкопоклонствомъ просителей, слугъ и рабовъ спокойный вельможа; не вѣрятъ «слуги» и «рабы», привыкшіе всегда съ довѣріемъ и уваженіемъ относиться къ слову образованнаго и выше себя стоящаго человѣка... Хозяинъ не вѣрить ни во что и слуга его, отчасти въ угоду ему, отчасти по невѣжеству, поступаетъ также. Ребенокъ учится у матери: какъ произносить имя Божіе, какъ изображать крестъ, какъ читать молитву и когда, какъ называть отца, братьевъ, старшихъ и какъ относиться къ нимъ; ученикъ учится отъ учителя и т. д.

Область вѣры въ наше время сдѣлалась также подражательной; и подражаютъ худшему.

Вы не найдете школьника, подростка-юноши и юноши въ расцвѣтъ лѣтъ, которые бы не назвали вамъ лучшихъ корифеевъ нашей поэзіи и литературы, какъ, напр., Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Крылова и пр., и не процитировали бы нѣкоторыхъ мѣстъ изъ ихъ произведеній, и въ тоже время они обнаружатъ полнѣйшее невѣжество въ знаніи богословско-церковной литературы, и нѣкоторые изъ нихъ едва-ли сумѣютъ вамъ сказать:—сколько въ нашей церкви было евангелистовъ, сколько было пророковъ въ ветхозавѣтной церкви, сколько было всего апостоловъ;—а вѣдь это люди не меньше нашихъ поэтовъ,—какія остались отъ нихъ произведенія—и о чемъ они писали въ этихъ произведеніяхъ, какія истины возвѣщали міру, на какой пиръ вѣры приглашали міръ!.. Все это для нашего поколѣнія «terra incognita»...

Въ практикѣ моей жизни были такіе случаи.

Жаркій іюльскій день смѣнялся вечерней прохладой. Солнце клонилось къ западу и послѣдніе лучи его искрометнымъ снопомъ отражались на спокойной поверхности Невы. Я сидѣлъ на берегу, любовался рѣкой и думалъ. Невдалекѣ отъ меня на песчаной

лужайкѣ берега рѣзвились дѣти. Ихъ было много и на бѣглый взглядъ можно было отнести ихъ къ возрасту отъ 5 до 12 л. Завидѣвъ меня, нѣкоторые изъ нихъ приблизились ко мнѣ и старались подѣлиться со мной своей игрой и впечатлѣніями.

Я люблю дѣтей, люблю бесѣдовать съ ними.

— Что, дѣтки, нравится вамъ такой пріятный вечеръ?—обратился я къ нимъ.

— Да, мы очень любимъ такую погоду,—заголосили всѣ вдругъ.

— А знаете-ли, кто посылаетъ намъ такую хорошую погоду, кто посылаетъ намъ дождь, громъ, снѣгъ?..

Всѣ изумленно уставились и замолчали.

— Боженька,—вдругъ неожиданно выскакиваетъ изъ ряда всѣхъ маленькій и щедушный игрокъ.

— Вотъ умникъ,—ласкаю его;—ты вѣрно сказалъ. Ты молишься Боженькѣ?..

— Да, молюсь; я каждый день молюсь. Меня сестренка научила,—она учится въ школѣ еще и теперь... А тутъ я какъ-то забылъ помолиться, такъ мамка меня прибила и выгнала на улицу, сказала, что не дастъ сегодня ѣсть, и я цѣлый день плакалъ...

— А я такъ не молюсь совсѣмъ—вставляетъ другой изъ нихъ, желая форснуть предъ прочими и выдѣлиться изъ среды ихъ.

— Какъ такъ, ты совсѣмъ не молишься?..—выражаю свое удивленіе.

— Да, не молюсь; у меня нѣтъ сестренки, которая бы научила меня; папа уходитъ на службу рано утромъ, еще я сплю, а мама все работаетъ и работаетъ; я встану, напьюсь чаю и иду скорѣе на улицу играть или бѣгать.

— А папа и мама у тебя молятся?

— Не знаю,—не видалъ я.

— А у меня такъ молятся,—вставляетъ первый,—и когда мамка начнетъ молиться, такъ и меня тащить за шиворотъ, чтобы и я съ ней вмѣстѣ молился. Иножди щипнетъ даже, чтобы шелъ скорѣе, а иножди,—она добрая,—позоветъ ласково и мы всѣ

вмѣстѣ съ сестренкой трое молимся... И лампадка тогда горить и такъ хорошо бываетъ...

Я похвалилъ еще разъ перваго и попросилъ втораго зайти ко мнѣ, пообѣщавъ научить его молиться и подарить ему книжку, и, попрощавшись съ веселыми собесѣдниками, возвратился домой.

Въ какой обстановкѣ воспитывается мой второй собесѣдникъ, и что можетъ изъ него выйти, судите сами.

Другой случай.

Сижу у себя въ кабинетѣ надъ спѣшной, срочной работой. Раздается звонокъ. Мнѣ докладываютъ, что кто-то хочетъ меня видѣть по важному дѣлу. Прошу. Входитъ мужчина, на видъ лѣтъ тридцати пяти, одѣтый въ костюмъ средняго интеллигента, съ наружнымъ достоинствомъ, съ нѣкоторою развязностію и замѣтной непринужденностію. Садится. Спрашиваю причину появленія.—Оказывается, онъ не можетъ постичь тайны евхаристіи, не можетъ примирить ее со своимъ разсудкомъ и проситъ меня раскрыть ему эту тайну настолько, чтобы для него открылась возможность относиться къ ней уже съ осознательной вѣрой.

Еще аналогичный случай, имѣвшій мѣсто въ небольшомъ общественномъ собраніи, по поводу мѣстнаго, спеціальнаго торжества.

Мужчина свѣше сорока лѣтъ, живой, зоркій, видимо, ознакомившійся кое-какъ, какъ потомъ оказалось, съ библейскими событіями и новозавѣтной исторіей, прочитавшій три-четыре романа, просмотрѣвшій нѣсколько либеральныхъ статей и слышавшійся объ именахъ философовъ, но только объ именахъ, служащій въ какой-то канцеляріи журналистомъ,—подходитъ ко мнѣ и несетъ мнѣ жалобу на ревматизмъ, расползающійся въ его костяхъ, мучающій его около десяти лѣтъ; высказываетъ увѣренность, что это болѣзнь есть несомнѣнное посланіе ему неба въ наказаніе за что-то, но чего онъ никакъ не можетъ вспомнить; вообще же не можетъ согласить здѣсь правды Божіей, наказующей его, скуднаго силами человѣка, такъ нескончаемо долго...

Гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ вѣчныя колебанія, поиски, сомнѣнія. У представителей отрицательнаго направленія въ области вѣры мы это увидимъ. А они замѣчаются даже въ низшемъ и полусреднемъ

обществѣ... Въ самомъ дѣлѣ,—какая можетъ быть полнота душевной жизни тамъ, гдѣ все человѣческое существо сосредоточилось только на одномъ умѣ, забросивъ остальные великія силы сердца и воли,—на умѣ ограниченномъ, короткомъ, ничтожномъ, не постигающемъ тайны человѣческой природы, а стремящемся постичь тайну небесную...

Къ такимъ людямъ вполне подходятъ слова апостола: *«осквернился ихъ умъ и совѣсть»* (Тит. 1, 15), почему они и ищутъ свѣта во тьмѣ, истины—въ пустынѣ, спасенія—на необитаемомъ островѣ, Царства Божія—внѣ себя и міра. Отдавшись разсудку, эти люди движутся аналитическимъ путемъ и не замѣчаютъ совсѣмъ того, что сокровищница всѣхъ высшихъ знаній, въ особенности же—евангельской истины, лежитъ въ сердцѣ, а не въ разсудкѣ. *«Сердцемъ бо вѣруется въ правду, усты же исповѣдается во спасеніе»* (Римл. 10, 10),—сказалъ ап. Павелъ. Умъ такихъ людей въ томъ случаѣ былъ бы вѣрнымъ проводникомъ истины, когда бы они приобрѣли *«умъ Христовъ»* (1 Кор. 2, 16), какъ приобрѣли и имѣли его рыбаки-апостолы, весь міръ ученіемъ своимъ просвѣтившіе, и всѣ концы земли къ Христу приведшіе,—но этого ума еще не видно ни въ «ищущей» интеллигенціи, ни въ подражателяхъ ея.

Но отчего все это происходитъ? Гдѣ сокрыты причины, порождающія холодное, отрицательное отношеніе къ религіи?... Гдѣ искать ихъ?

Ихъ нужно искать *въ семьѣ, воспитаніи, школѣ и средѣ*. Семья—это первая колыбель, созидающая человѣка во всемъ его цѣломъ для дальнѣйшей жизни. Если она будетъ разумной, утвержденной на началахъ «Страха Божія», а не бездушной и приличной только, то и начинающаяся въ ней человѣческая жизнь будетъ проникнута такими же началами. Великій психологъ и педагогъ Янъ Амосъ Коменскій говоритъ: «чѣмъ, т. е. какою жидкостію новый сосудъ былъ наполненъ въ первый разъ, запахъ ея будетъ сохранять во все время своего существованія». Такъ точно и душа ребенка: чѣмъ напиталась она въ первой колыбели, т. е. въ семьѣ, съ тѣмъ вступаетъ она и въ жизнь дальнѣйшую.

Между тѣмъ у насъ, въ большинствѣ случаевъ, семья только вырашиваетъ ребенка, но не даетъ ему никакого христіанскаго воспитанія. Если обратимся къ школѣ, то и тамъ не увидимъ лучшаго.

Наконецъ, среда,—эта сумма однозначныхъ чиселъ, полученная отъ сложенія различныхъ, и другъ другу подобныхъ единицъ,—сама бѣдна и ничтожна, чтобы обогатить нуждающагося, упредить заблудшаго, научить непросвѣщеннаго, осіять свѣтомъ во тьмѣ сидящаго.

Что можетъ сдѣлать другому тотъ,

„Кто бредетъ по житейской дорогѣ,
Въ безразсвѣтной, глубокой ночи,
Безъ понятія о правдѣ, о Богѣ,
Какъ въ поздней тюрьмѣ безъ свѣчи“¹⁾.

И вотъ изъ такой-то среды, школы и семьи—что можетъ получиться утѣшительнаго въ смыслѣ православной вѣры? Разрушеніе и отрицаніе...

Разрушать легко, отрицать еще легче, но надо сумѣть дать на мѣсто разрушеннаго что-нибудь и положительное, при чемъ такое, что имѣло бы не частный характеръ, касалось бы не нѣсколькихъ лицъ изъ одной избранной группы, а всѣхъ, имѣло бы всеобщее міровое значеніе. «Разрушителямъ» и «отрицателямъ» можно напомнить только слова ап. Павла: «Если кто изъ васъ думаетъ быть мудрымъ въ вѣкѣ семъ, то будь безумнымъ, чтобы быть мудрымъ. Ибо мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ, какъ написано: Господь знаетъ умствованія мудрецовъ, что они суетны» (1 Кор. 3, 18—20); «есть человѣкъ душевный и есть человѣкъ духовный» (1 Кор. 15, 44); и «душевный человѣкъ не приемлетъ, яже Духа Божія: юродство бо ему есть и не можетъ разумѣти, зане духовнѣ востязуется» (1 Кор. 2, 14).

Въ заключеніе, полагаемъ, нужно знать, что область вѣры есть область духа, а не холоднаго разсудка,—смиренной покорности Творцу, преданности Его волѣ, безпрекословнаго послушанія небу. «Слово премудро во уху благопослушно» (Притч. 25, 12), гово-

¹⁾ Некрасовъ Н. А. Ночь, т. I. стр. 196, изд. СІІБ. 1890 г.

рить Соломонъ. Съ другой стороны, должно быть извѣстно всѣмъ, что «*въ злохудожную душу не видетъ премудрость*» (Прем. Солом. 1, 4). Значить, для того, чтобы постичь разумъ вѣры, нужно быть благопослушнымъ и имѣть чистую душу, сердце и умъ, такъ какъ только «чистые сердцемъ Бога узрятъ» (Мѡ. 5, 8).

«Вѣра ваша, говоритъ апостолъ, *не въ мудрости* человѣческой, но *въ силу Божіей* будетъ» (1 Корѡ. 2, 5).

Итакъ, «къ словесемъ мудрыхъ прилагай твое ухо и услыши моя словеса... Да будетъ ти на Господа надежда и покажетъ ти путь свой. Ты же напиши я себѣ трижды—на совѣтъ и смыслъ и разумъ, на широтѣ сердца твоего; учу бо ты истинному словеси и разума благаго слушати, на отвѣты словесемъ истиннымъ, предлагаемымъ тебѣ» (Притч. 22, 18—21).

«Судими же, отъ Господа наказуемся, да не съ міромъ осудимся» (1 Корѡ. 11, 32).

Священникъ П. Ромаховскій.

Изувѣрское крещеніе въ «поморскую вѣру».

(Изъ миссіонерскихъ записокъ).

Въ моей памятной книжкѣ записанъ нижеслѣдующій фактъ насильственнаго крещенія православнаго въ «поморскую вѣру», имѣвшій мѣсто еще, что называется, надняхъ,—года два тому назадъ, т. е., ужъ въ XX столѣтіи. Въ деревнѣ Б. Прудахъ, К—й епархіи, проживалъ крестьянинъ Ефимъ. Будучи человѣкомъ православнымъ и по рожденію, и по своимъ убѣжденіямъ, Ефимъ имѣлъ жену изъ раскольничьей семьи, и притомъ грубую фанатичку.

Надо замѣтить, что въ деревняхъ описываемаго района, преобладающимъ элементомъ населенія являются раскольники-безпоповцы «поморскаго» и «пѣтовскаго» толковъ, православные находятся у нихъ въ полномъ загонѣ и плѣненіи. Обширность и разбросанность православныхъ приходовъ довершаютъ благопріятныя условія для господствованія здѣсь раскола. Въ деревнѣ Прудахъ православныхъ была горстка; преобладающими были «поморцы».

Марья, жена Ефима, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, всячески пилила мужа,—что-де погибла его душа, что онъ-де подъ антихристовой печатью и проч.

Ефимъ или отмалчивался, или же говорилъ, что церковь онъ не броситъ и въ «перекрещенники» (т. е. поморцы) не пойдетъ, прибавляя къ этому: «а ты (жена) какъ знаешь, хотъ еще пять вѣрь мѣняй, благо у старовѣровъ вѣрь-то много, хотъ запруду пруди, и всякій изъ нихъ только свою вѣру хвалить, а другія считаетъ еретическими. Вотъ давно-ли-ты была по «спасову» согласію, а теперь уже вновь перекрестилась въ «поморцы»!.. И Ефимъ оставался твердъ въ своемъ убѣжденіи.

Какъ-то Ефимъ заболѣлъ и слегъ въ постель. Марья всѣ усилія стала употреблять, чтобы склонить его въ свое заблужденіе.

Здѣсь ужъ и ласка пускалась въ ходъ и угрозы посыпались на бѣднаго большого. Вся раскольникья родня Ефимовой жены и сосѣди-раскольники перебивали у него, чтобы переманить его къ себѣ. — Но Ефимъ былъ твердъ, и, когда ему стало хуже, онъ позвалъ къ себѣ сосѣда-православнаго и попросилъ его съѣздить за священникомъ, чтобы «исправиться»...

Какъ бѣшеная ходила Марья, узнавъ о распоряженіи мужа и видя свою неудачу.

Когда, на другой день, пріѣхалъ священникъ, Марья съ бранью выбѣжала изъ избы, крича, — что послѣ такой погани, она и его — Ефима выбросить на волю, что теперь послѣ такого еретика и антихристовъ слуги и въ избу-то войти будетъ нельзя и пр. под. Священникъ поисповѣдывалъ Ефима, причастилъ его св. Тайнъ, далъ ему пастырское наставленіе и пообѣщалъ еще къ нему заѣхать. На другой день Ефиму стало еще хуже и у него открылась горячка. Несчастный метался по постели, стоналъ, но фанатичка жена и воды ему не стала подавать. — Наконецъ со своими единомышленными она порѣшила насильно перекрестить Ефима въ «поморскую вѣру».

Условившись со старикомъ наставникомъ и пригласивъ къ себѣ другихъ не менѣе ея фанатичныхъ раскольниковъ, порѣшила она везти Ефима въ сосѣднюю деревню, чтобы тамъ и совершить надъ нимъ поморское крещеніе. Дѣло было въ глубокую осень, стояли уже хорошіе заморозки.

Въ глубокую полночь, когда вся деревня крѣпко спала, къ домѣ Ефима подъѣхала телѣга. Это пріѣхали за Ефимомъ поморцы. Завернувъ несчастнаго больного въ тулупъ и взваливъ его на тряскую телѣгу, фанатики повезли Ефима въ деревню наставника крестить.

Пріѣхали прямо къ рѣкѣ, гдѣ и свалили Ефима, ни на минуту не приходившаго въ сознаніе, прямо на берегъ.

Пришелъ наставникъ, и вся компанія изувѣровъ начали гнустить безпоповскій чинъ крещенія. Когда пришло время погружать Ефима въ воду, его раздѣли и, подхвативъ подъ руки ручниками, поволокли его въ воду... Представьте себѣ состояніе несчастнаго больного, раздѣтаго, въ холодную ноябрьскую ночь, на берегу рѣки!..

Только лишь окунули Ефима въ воду, какъ холодный душъ сразу-же возвратилъ ему память и несчастный закричалъ, но еще не соображая, что съ нимъ дѣлають.

Видя, какой нежелательный для изувѣровъ оборотъ приняла фанатичная затѣя, старикъ бросилъ свою службу и вытащилъ кое-какъ больного изъ рѣки; взвалили его опять на телѣгу и повезли обратно. Теперь-то лишь сообразилъ Ефимъ, что хотѣли съ нимъ продѣлать Марья и ея приспѣшники.

Но Марья и теперь не унималась и съ бранью твердила одно: «мы хотѣли лишь омыть съ тебя, еретика, антихристову печать и спасти твою проклятую душу».

Какъ только привезли Ефима домой, онъ сейчасъ же послалъ за своими родными православными и за сосѣдями и рассказалъ имъ, что хотѣли съ нимъ сдѣлать раскольники, а затѣмъ попросилъ своихъ съѣздить за урядникомъ.

На утро пріѣхалъ урядникъ, и Ефимъ подробно при свидѣтеляхъ рассказалъ ему, какъ его уговаривали и стращали къ переходу въ расколъ и какъ онъ очнулся въ холодной водѣ, какъ его тащили съ бранью изъ воды, и что наставникъ говорилъ: «надо-бы лучше утопить, душа-бы пошла въ рай, а то только сквернимся съ еретикомъ»; послѣ этихъ словъ наставника, рассказывалъ больной, я еще пуще сталъ кричать, боясь, какъ-бы опять не бросили меня въ воду, а бочагъ ¹⁾ былъ большой и если бы они опустили меня, то смерть-бы моя была неминуемая».

О томъ, какъ и кто везъ Ефима изъ дому, онъ ничего не помнилъ, а кто стоялъ съ Марьей на берегу рѣки со свѣчами и кто пѣлъ съ наставникомъ, онъ всѣхъ назвалъ по имени.

Урядникъ все это записалъ и дѣло приняло законный ходъ.

Но несчастный Ефимъ, избѣжавъ отъ руки изувѣровъ, хотѣвшихъ утопить его, не избѣжалъ послѣдствій своего невольнаго ноябрьскаго купанья. Болѣзнь его приняла роковой оборотъ—и черезъ три дня Ефимъ отдалъ Богу душу.

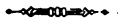
Похоронили Ефима съ честью по чину православной церкви и ни одинъ изъ его убійцъ не пришелъ, что-бы, хотя передъ бездушнымъ трупомъ, принести раскаяніе за свой изувѣрскій посту-

¹⁾ Бочагъ—глубокое мѣсто на рѣкѣ.

покъ. Носятся слухи, что и умеръ-то Ефимъ насильственной смертію, что якобы онъ былъ ночью придушенъ раскольниками, которые боялись, что онъ выздоровѣетъ и на судѣ расскажетъ всѣ подробности ихъ дѣла. Конечно, все это слухи, но слухи заслуживающіе вѣроятія, послѣ того, что было сдѣлано изувѣрами надъ больнымъ Ефимомъ и что предлагалъ сдѣлать надъ нимъ фанатичный наставникъ... Невольно подумаешь, сколько подобныхъ Ефимовъ отправляютъ безпоповцы-изувѣры въ «рай»? Только темная ночь, да рѣка—свидѣтели подобныхъ дѣяній ревнителей не по разуму!..

Надняхъ окружный судъ паложилъ достойную кару на всю упомянутую компанію изувѣровъ, приговоривъ ихъ къ двухмѣсячному заключенію въ тюрьмѣ.

Священникъ *И. Черепниковъ*.

Препод. Серафимъ Саровскій о двуперстникахъ.

(Въ дополненіе замѣтки „Къ свѣдѣнію миссіонеровъ“¹⁾).

Прославленіе нашею православною церковію прославленнаго Богомъ преп. Серафима, Саровскаго Чудотворца, и открытіе его чудодѣйственныхъ св. мощей для всѣхъ истинныхъ сыновъ православной церкви—событіе несказанно радостное и славное, такъ какъ оно убѣдительно говоритъ каждому изъ насъ, что наша православная церковь есть именно церковь Божія, церковь Христова, что тотъ путь, которымъ она ведетъ насъ, есть путь вѣрный, истинный и спасительный. Но насколько радостно и славно это всероссійское торжество прославленія повоявленнаго угодника Божія препод. Серафима для членовъ православной церкви, настолько же, если еще не больше, ненавистное и злостное чувство вселило оно въ сердца заблуждающихся братьевъ нашихъ раскольниковъ. Послѣдніе, чтобы хотя нѣсколько ослабить религіозную радость православныхъ и успокоить свое мятущееся сердце, пускаются на всевозможныя ухищренія. Такъ, между прочимъ, они, указывая нашимъ православнымъ, молящимся двуперстно, на одно мѣсто

¹⁾ «Миссіон. Обзоръ» янв. № 2-й 1904 г. стр. 245-я.

изъ житія препод. Серафима: «старецъ много бесѣдовалъ о силѣ правильного троеперстнаго сложенія и увѣщевалъ присутствующихъ молить его именемъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, во имя любви къ нему, убогому Серафиму, складывать персты по обряду православной церкви; а надъ могилами умершихъ двоеперстниковъ творить молитвы и служить панихиды о разрѣшеніи ихъ отъ узъ вѣчности» (жит. старца Серафима, Елагина, 5 изд.), говорятъ, что препод. Серафимъ признавалъ единственно спасительнымъ только одно троеперстное сложеніе, а двуперстіе якобы порицалъ, проклиналъ и молящихся двуперстно считалъ въ загробной жизни связанными и вѣчнаго спасенія лишенными. Говоря это, раскольники стараются не только подвергнуть сомнѣнію святость препод. Серафима и достовѣрность чудесъ отъ его св. мощей, но и смутить малоопытныхъ и малосвѣдущихъ православныхъ, молящихся двуперстно, и поколебать въ нихъ вѣру въ препод. Серафима, какъ угодника и чудотворца. Но тщетное стараніе отступниковъ... Препод. Серафимъ, научая приходящихъ къ нему двоеперстниковъ молиться троеперстно и совѣтуя надъ могилами умершихъ двоеперстниковъ творить молитвы и служить панихиды о разрѣшеніи ихъ отъ узъ вѣчности, смотрѣлъ на дѣло какъ монахъ, коего одинъ изъ главныхъ обѣтовъ, — послушаніе, и подъ двуперстниками, надо думать, разумѣлъ, непокоряющихся церкви. Поэтому препод. Серафимъ, какъ преданнѣйшій сынъ св. православной церкви, проникнутый всецѣло послушаніемъ повелѣніямъ последней, какъ самъ постоянно и неуклонно старался исполнять только то, что предписываетъ церковь, такъ научалъ тому же и всѣхъ приходящихъ къ нему. Такъ, вотъ, онъ не только твердо зналъ, что православная церковь заповѣдуетъ слагать для крестнаго знаменія троеперстіе, но и постоянно видѣлъ, что такъ всегда молились его родные и родственники, такъ молилась и вся братія Саровской пустыни; поэтому онъ какъ самъ молился троеперстіемъ, такъ и другимъ завѣщалъ молиться такъ же. Но препод. Серафимъ, молясь самъ троеперстно и заповѣдуя тоже другимъ, не считалъ и двуперстіе за грѣхъ, а тѣмъ болѣе ересью. За это убѣдительно говорить то, что онъ не только имѣлъ у себя въ кельи иконы съ двуперстнымъ изображеніемъ, но и молился на

эти иконы ¹⁾. Молясь на иконы съ двуперстнымъ изображеніемъ, препод. Серафимъ опять показалъ этимъ свое безусловное повиновеніе и послушаніе православной церкви. Ибо, разъ онъ видѣлъ, что православная церковь благословляетъ имѣть иконы съ двуперстнымъ сложеніемъ и молиться на нихъ, то безъ всякаго сомнѣнія и прекословія онъ слѣдовалъ такому благословенію церкви. Если же, далѣе, несмотря на все это, препод. Серафимъ все-таки увѣщевалъ служить по умершимъ православнымъ двуперстникамъ панихиды о разрѣшеніи ихъ отъ узъ вѣчности, то въ данномъ случаѣ онъ смотрѣлъ на дѣло опять-таки съ своей личной точки зрѣнія,—именно, съ точки безусловнаго послушанія св. православной церкви. У лицъ же двуперстно-молящихся не было этого полного послушанія своей матери церкви Христовой; за что, по мысли преп. Серафима, они и связаны узами вѣчности; и такой его взглядъ нисколько не потемняетъ его святого лика. Если раскольники, къ смущенію «немощихъ въ вѣрѣ», будутъ упорно настаивать на своемъ, то упорствующимъ напомнимъ наставленіе препод. Максима грека, который когда-то по подобному случаю говорилъ: «Къ симъ же не азъ, но самъ блаженный Павелъ да отвѣщаетъ, да научить ихъ, святымъ Духомъ сипе нѣкако глаголя: *коемуждо дается явленіе Духа на пользу: овому бо Духомъ дается слово премудрости; овому же слово разума, въ томъ же Дусъ; другому же въра тѣмъ же Духомъ; овому же дарованіе исцѣленій въ томъ же Дусъ; другому же дѣйствіе силамъ, иному же пророчество, другому же разсужденіе духовомъ, иному же роди языковъ. Вся же сія дѣйствуетъ единъ и той же Духъ, раздѣляя властію коемуждо якоже хочетъ* (Коринѳ. зач. 151). Отъ сихъ убо явлено, яко не всякому вкупѣ духовныя дарованія даются. А яко убо святіи чудотворцы русскіи, по дарованію, данному имъ свыше, возсіяша въ благовѣрнѣй земли русскѣй богоносніи отцы, и быша, и суть, и азъ исповѣдую и поклоняюся имъ, яко вѣрнымъ Божиимъ угодникомъ; но ниже роди языкомъ и сказаніе имъ пріяша. Сего ради не достойтъ дивитися, аще утаися ихъ, таковыхъ сущихъ, исправленіе, еже нынѣ мною исправляемыхъ

¹⁾ Келья преп. Серафима, въ которой имѣются иконы съ двуперстнымъ изображеніемъ, находится въ Дивѣевскомъ монастырѣ.

описей. Онѣмъ убо, апостолодержательнаго ради ихъ смиренно-мудрія и кротости и житія святолѣпнаго, дадеся дарованіе испѣленій и чудесъ предивныхъ; иному же, аще и грѣшенъ есть паче всѣхъ земнородныхъ, даровася языкомъ разумъ и сказаніе, и дивитися о томъ не подобаетъ»... (Зри предисл. грамMAT. Іосифовской л. 30 об. изд. Брат. св. Петра митр. 1888 г.). Поэтому и препод. Серафиму, хотя, можетъ быть, и смотрѣвшему на обрядъ двуперстнаго сложенія нѣсколько иначе, чѣмъ прав. церковь, «ни едина убо, скажемъ словами препод. Максима грека, отсюда досада прибудеть». Ибо онъ за свою высокую истинно-христіанскую подвижническую жизнь еще при жизни удостоился не только дара «чудесъ предивныхъ», но и лицезрѣть, даже, Самого Господа нашего, Іисуса Христа, и, такимъ образомъ, еще «*прежде переселенія своего получилъ онъ свидѣтельство, что угодилъ Богу*» (Евр. 11, 5).

Не смущайтесь же, чада истинно православной церкви Христовой, злобными навѣтами раскольниковъ, но возрадуйтесь о вѣрѣ своей!.. Помните, что новоявленный угодникъ и чудотворецъ Саровскій преп. Серафимъ всегда былъ истиннымъ сыномъ нашей св. церкви и въ наставленіяхъ своихъ постоянно училъ приходящихъ къ нему крѣпко держаться всего, что ею принято и благословлено. «Что приняла и облобызала святая церковь, такъ говаривалъ препод. Серафимъ, все для сердца христіанина должно быть любезно».

А вы, возлюбленные намъ, по апостолу (2 Тес. 3, 4—16), и въ заблужденіи своемъ раскольники, перестаньте сѣять сомнѣнія въ святости препод. Серафима и прочихъ угодниковъ Божіихъ, прославленныхъ отъ Господа въ нашей православной церкви даромъ «чудесъ предивныхъ» и нетлѣніемъ св. мощей уже послѣ вашего уклоненія въ расколъ. Но уразумѣйте и послушайте гласа Господня, Который знаменіями и чудесами этихъ угодниковъ Своихъ зоветъ васъ въ церковь Свою, и да сподобитесь молитвеннаго заступленія и предстательства ихъ предъ Спасителемъ нашимъ. «*Итакъ покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грѣхи ваши*» (Дѣян. 3, 19).

Калуж. Епарх. мисс. свящ. *І. Жаровъ.*

Истина Воскресенія Христова въ ученіи нашихъ сектантовъ.

(Пасхальная замѣтка миссіонера).

Праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія для всѣхъ насъ «праздниковъ праздникъ и торжество торжествъ». Воскресеніе Спасителя нашего дѣлаетъ для насъ несомнѣнною истину и нашего будущаго воскрешенія въ обновленномъ тѣлѣ и для новой жизни. Увѣренность въ такой жизни миритъ насъ со всѣми горестями и скорбями нашего темнаго существованія и даетъ силы проходить земное поприще достойно званія христіанина. Поэтому такъ высоко-знаменателенъ и свѣтелъ для насъ праздникъ Св. Пасхи.

Можетъ-ли имѣть такое значеніе Св. Пасха для нашихъ сектантовъ? — Нѣтъ.

Прежде всего истина Воскресенія Христова зиждется на несомнѣнности евангельскихъ сказаній и вообще слова Божія. Но наше сектантство раціоналистическаго направленія, отвергнувъ, по примѣру и подѣ вліяніемъ западнаго протестантизма, авторитетъ и преданіе церкви, чрезъ это самое низвело слово Божіе — откровеніе ума божественнаго въ разрядъ обыкновенныхъ произведеній человѣческихъ. Результатомъ этого низведенія явилось недовѣріе ко всему для нашего ума непостижимому въ библіи и стремленіе подвести это непостижимое подѣ разрядъ явленій естественныхъ, приблизить его къ нашему ограниченному пониманію. Отсюда наше молоканство (Уклеинскаго толка) отрицаетъ, подобно докетамъ, дѣйствительность человѣческой плоти во Христѣ и признаетъ Его плоть призрачною, подобною архангелу Рафаилу, сопутствовавшему Товію. Эта плоть принесена Спасителемъ, по ученію сектантовъ, съ неба; съ этою плотію Сынъ Божій вселился и въ утробу Богоматери. Не имѣя дѣйствительной плоти, Христосъ и не умиралъ подобно всѣмъ людямъ, а умеръ какимъ-то особымъ образомъ. Слѣдовательно, Христосъ въ ученіи сектантовъ удаленъ отъ человѣка, съ которымъ Онъ имѣетъ сходнаго только видимымъ подобіемъ плоти. Въ такомъ

ученіи объ Иисусѣ Христѣ человѣку нѣтъ никакой надежды на свое будущее воскресеніе. — Молоканы-субботники удалились еще дальше отъ христіанской истины Воскресенія Христова. Они заразились іудейскими представленіями о Мессіи, отрицаютъ Божество Иисуса Христа и, хотя отвергають еврейскія понятія о Мессіи, какъ возстановителѣ земнаго царства израильскаго, но въ представленіи лица Мессіи человѣкомъ, а не Богомъ, въ ученіи о тысячелѣтнемъ царствѣ Его на землѣ они приблизились къ еврейству. Штундисты, повидимому, ближе всѣхъ нашихъ сектантовъ стоятъ къ истинѣ христіанскаго ученія о Воскресеніи Христовомъ. Но крайняя неустойчивость ихъ ученія и произволъ въ толкованіи библіи, отрицаніе всего святаго въ православной церкви, соединенное съ фанатическимъ озлобленіемъ противъ нея, могутъ-ли давать опору истинѣ непостижимой и въ авторитетѣ церкви и евангелія находящей свое утвержденіе? При томъ эти штундисты держатся ученія о безусловномъ предопредѣленіи, которое ведетъ къ мрачному воззрѣнію на жизнь и омрачаетъ радость о Воскресеніи Христовомъ.

Если отъ сектантовъ-раціоналистовъ мы перейдемъ къ нашимъ сектантамъ-мистикамъ, то тутъ пайдемъ еще большее извращеніе истины Воскресенія Христова. Мистики уже совершенно ниспровергають авторитетъ Слова Божія и на первомъ мѣстѣ ставятъ ученіе, точнѣе — бредни, своихъ учителей. У духоворцевъ эти учителя признаются лицами, въ которыхъ дѣйствуетъ Богъ Слово и сообщаетъ имъ умъ преестественный, а всѣ вообще духоворы — живыми храмами Божиими, престолами и сѣдалищами Бога, въ нихъ заключается и церковь; историческій-же Христосъ — лучшій изъ праведныхъ людей, которому и иные равняются могутъ. У хлыстовъ и скопцовъ ихъ учителя-пророки, богородицы, христы, боги-саваноы, словомъ — личности тождественныя якобы съ Самимъ Богомъ. А основатель секты іеговистовъ дошелъ до полной матеріализаціи божества. Онъ называетъ себя и послѣдователей братьями и сестрами святымъ пророкамъ, клеветами ангеламъ. Можетъ-ли быть признаваема у подобнаго рода сектантовъ истина Воскресенія Христова въ православномъ смыслѣ? Конечно нѣтъ. У духоворовъ — искупительная жертва Христа отрицается, страданія Его — примѣръ страданій за истину, о воскресеніи Его неизвѣстно, пребываніе Его по Воскре-

сеніи, это пребываніе въ родѣ избранныхъ Бога Слова, но не историческаго Христа. Слѣдовательно, богочеловѣческая личность Христа и дѣйствительность Его воскресенія изъ мертвыхъ отвергаются. Будущая жизнь признается въ смыслѣ вѣчнаго существованія настоящаго міра, только безъ грѣшниковъ и съ одними праведниками, иначе — съ людьми, воскресшими духовно. Какая будетъ судьба грѣшныхъ людей и въ какомъ видѣ будутъ существовать праведники, — наконецъ, — кто сіи праведники — неизвѣстно. Словомъ, въ ученіи духоборовъ о воскресеніи одна тяжелая неопредѣленность. Хлысты и скопцы, вмѣстѣ съ основателемъ іеговистовъ, капитаномъ Ильинымъ, сведя, такъ сказать, Бога на землю, отвергнувъ божество Іисуса Христа, не признаютъ и истины Воскресенія Христова, какъ учить евангеліе. Первые (хлысты и скопцы) дошли до вульгарнаго и грубо чувственнаго представленія о страшномъ судѣ, который совершитъ будтобы или Данила Филипповичъ, или Иванъ Тимоѣевичъ Сусловъ, или Селивановъ, а равно и о будущей жизни, или пресвѣтлаго града Сіона, въ которомъ «сады, цвѣты, на цвѣтахъ сидятъ птицы райскія и воспѣвають пѣсни архангельскія». По изображенію-же основателя секты іеговистовъ въ ихъ будущемъ Іерусалимѣ:

„Рощи, зелень и сады,
Фрукты, сотъ медъ и плоды.
Злата, бронзы, серебра,

Драгоценностей, добра
Намъ какъ горы навалилъ
И все въ братство подарилъ...

Эти представленія недалеки отъ Магометова рая.

Такъ удалилось наше сектантство отъ Христа и христіанства въ ученіи о воскресеніи Христовомъ и о будущей жизни. Нѣтъ у нихъ нашего свѣтлаго христіанскаго праздника Пасхи, хотя онъ и празднуется большинствомъ сектъ. Извращеніе ученія Христа самое грубое, и это извращеніе — прямой результатъ удаленія сектантовъ отъ церкви и отрицанія ими всякаго авторитета и преданія церковнаго.

С. Троицкій.

ИЗЪ МИССИОНЕРСКОЙ ПОЛЕМИКИ.

Бесѣда съ поморскимъ начетчикомъ Т. А. Худошинымъ въ
Верхне-Туринскомъ заводѣ Пермской губерніи ¹⁾.

Послѣ обычной молитвы епархіальный миссіонеръ обратился къ слушателямъ со словами: „Братіе христіане! Господь нашъ І. Христосъ, прощаясь съ учениками Своими, сказалъ имъ: Азъ есмь лоза истинная... Будите во Мнѣ, и Азъ въ васъ. Якоже розга не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ: тако и вы, аще во Мнѣ не пребудите. Азъ есмь лоза, вы же рождіе. И иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ: яко безъ Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мнѣ не пребудеть, извержется вонъ, якоже розга, и изысшетъ“... (Іоан. 15 гл. 1—6 ст.). Въ другой разъ Онъ же сказалъ: „ядый Мою плоть, и пійи Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ“ (Іоан. 6 гл. 56 ст.). Самъ Богъ свидѣлствуетъ, что внѣ общенія съ Нимъ, въ которое мы вступаемъ въ св. церкви, чрезъ святыхъ ея таинства, нѣтъ спасенія. О томъ же Катихизисъ Великій говоритъ, что „кромѣ церкви Божіей нигдѣже нѣтъ спасенія“ (л. 122), а по ученію Катихизиса Малаго, внѣ церкви нѣтъ и разрѣшенія грѣховъ (л. 36). По ученію же бл. Августина, внѣ ея нѣтъ плодотворной молитвы, не можетъ быть и спасительныхъ дѣлъ (толк. на 42 пс. л. 83). Тяжкая вина раздѣленія съ церковію не очищается даже страданіями; находящійся внѣ церкви не можетъ быть мученикомъ (св. Кипріанъ о единствѣ церкви и Злат. бес. на 14 посл. стр. 1692).

Отсюда мы видимъ, насколько важно намъ имѣть понятіе о церкви Христовой. Посему-то и говорится въ Б. Катихизисѣ: „Знай добръ церковь Божію и претерпѣвай въ ней до конца вся нападенія. Соборища же бѣсовскаго блюди, зане и собраніе нечестивыхъ обыче такожде нарицатися церковію Божіею. Но ты бѣжи отъ бѣсовскаго вавилона, сирѣчь сонма злыхъ и нечестивыхъ людей, и приметь тя Господь Богъ“ (122 об.).

¹⁾ Собесѣдованіе происходило 26-го сентября минувшаго года по просьбѣ старообрядцевъ, вызвавшихъ изъ Саратова Худошина на бесѣду и заплатившихъ ему 300 руб. за выѣздъ.

Но „всякому челоѣку потребно есть знати истинную, а несмысленную церковь, но единого небеснаго Жениха чистую и нескверную Невѣсту. Ибо кто не познаетъ ея, како въ ней и при ней въ таковыѣмъ величїѣмъ обуреванїи пребыть? (о вѣрѣ 216 об.). Поэтому прежде всего намъ нужно установить признаки св. церкви Христовой. Слово Церковь употребляется въ писанїи въ разнообразныхъ смыслахъ. По Катихизису Великому словомъ Церковь называется слѣдующее (см. 120 л.): скинія (Евр. 320 зач.), святилище, храмъ, приходъ храма, домъ христіанина (1 К. 16, 19), тѣло Христово (Іоан. 2, 19), всякъ православный христіанинъ (2 К. 2, 16), еще „все вѣрныя во всемъ мірѣ, иже нынѣ суть, бяху и будутъ“; наставницы церковныя (Мѣ. 18, 17) и наконецъ все святыя въ раю и на небѣ. А Псалмопѣвецъ называетъ Церковью даже общество нечестивыхъ людей. „Возненавидѣхъ“, говоритъ онъ, „церковь лукавнующихъ“ (25 пс. 5 ст.). Въ покаянной пѣсни дониконовской редакціи церковію называется наше грѣшное тѣло. „Церковь нашу тѣлесную, всю осквернену“, читаемъ мы здѣсь. Въ настоящій же разъ наша рѣчь о церкви святой (9 чл. Сим. В.), соборной, созданной Господомъ для нашего спасенія. Въ Катихизисѣ Великому она опредѣляется такъ: „Церковь Божія есть собраніе всехъ вѣрныхъ божїихъ, иже непоколебимую держать едину православную вѣру, и въ любви пребываютъ, облобызаютъ же ученіе евангельское непоколебимое и иже суть достойны прїимати святыя и божественныя совершенныя тайны, и иже суть подъ единою главою Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, а подъ правленіемъ совершенныхъ святыхъ отъ него поставленныхъ“ (121 л.). Значитъ, во святой церкви должны быть: 1) вѣрующіе, непоколебимо содержащіе евангельскую вѣру и пребывающіе въ любви, 2) святыя божественныя таинства, коихъ должно быть семь (360 л. об.) и правленіе святыхъ, поставленныхъ отъ Христа, т. е. пастырей церковныхъ. Чинъ пастырства, по Благ. Евангелію, должно быть три и ни больше, ни меньше: „діакони, очищающіе оглашеніемъ ученія, пресвитеры, просвѣщающіе крещеніемъ, архіереи же священныя чины поставляютъ и совершаютъ, еже есть рукоположеніе“ (Лук. 95 зач. 206 л.). Этими тремя чинами, какъ сказано въ томъ же зачатїи, Господь сказалъ: куплю дѣйте, дондеже прииду, т. е. до 2 пришествія они должны дѣлать порученное имъ дѣло: проповѣдывать ученіе, просвѣщать крещеніемъ и совершать рукоположеніе. Такова Церковь, созданная Христомъ. И въ такомъ видѣ и съ такими же признаками она должна существовать не на время, какъ думаютъ новые учителя, никѣмъ непосланные, а на вѣки, до второго Господня пришествія, ибо Самъ Господь сказалъ о ней: „созижду Церковь мою и врата ада не одолѣютъ ей“ (Мѣ. 16, 18). Свое обѣщаніе Онъ подтвердилъ и по воскресенїи, когда, явившись ученикамъ и посылая ихъ на проповѣдь, сказалъ имъ: „се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка, аминь“

(Мѡ. 28, 20), а также въ прощальной Своей бесѣдѣ съ учениками, когда сказалъ имъ: „Азъ умолю Отца и иного утѣшителя дать вамъ, да будете съ вами во вѣкъ“ (Іоан. 14, 16), Духа истины, его же міръ не можетъ пріяти“ (17). Вѣчное существованіе созданной Господомъ церкви, а не однихъ мірянъ, подтверждаетъ и книга о вѣрѣ. „Церкви ничто же равно есть“, говорится здѣсь, „и никогда не старѣетъ, выше небесъ взыде. Ни варвари, ни бѣси преодолѣютъ ей. Колицы ратоваша церковь, и ратовавшіи погибоша. Борима есть и не побѣждается... никогда же старѣетъ, но присно юнѣетъ“ (л. 19 ср. гл. 8 л. 61). Въ Катихизисѣ Великомъ также говорится, что „законъ Божій благодати правъ и благъ и не имать конца... благодать Божія... вѣчна и крѣпка: ниже бо человекъ, ниже время, ни обстояніе вещей, ни самъ діаволь, ни смерть нашедши изгнати насъ отъ оныхъ возмогутъ“ (гл. 55 л. 250 об.). То же подтверждаетъ и книга Кириллова. „Церковь Христова православная и вѣра“, говорится здѣсь, „всегда пребываетъ въ соединеніи неизмѣнно по вся дни до скончанія вѣка“ (93 об. ср. Благов. Еванг. Лук. зач. 107, л. 224).

Прошу теперъ собесѣдника показать, гдѣ писано, что святая Церковь, которую Господь обѣщаль сохранить неодолимую, можетъ лишиться св. таинствъ и трехчинной іерархіи и будетъ управляться мірянами-наставниками?

Худошникъ. Добрые слушатели! Миссіонеръ много говорилъ, читалъ онъ изъ Катихизиса, изъ кн. о вѣрѣ, изъ Благовѣстнаго Евангелія, а лучше было бы для него, еслибы онъ говорилъ поменьше. Вотъ онъ наговорилъ, а я ничего не понималъ. Говорилъ онъ о десяти рабахъ, а не знаю, кто это рабы-то. Онъ нашелъ въ 67 зачалѣ Евангелія Маттея и поповъ и архіереевъ и діаконъ, а я что-то не нахожу. Надо бы миссіонеру побольше толковать, а не читать; писаніе-то читаютъ и еретики, да толку-то мало. Вотъ я вамъ разясню, о чемъ говорится въ 67 зачалѣ. (Читаетъ 67 зачало по Благов. Евангелію и каждое слово или фразу толкуетъ, какъ ему вздумается). Вотъ видите въ чемъ дѣло-то было. Здѣсь рѣчь о Христѣ, а не объ архіереяхъ, попахъ, да дяконахъ. Вѣра-то распространялась сначала въ простомъ народѣ. Народъ по простотѣ своей не зналъ, за кого почестъ Господа. Одни считали Его Іліей, другіе Іоанномъ Крестителемъ, третьи Іереміею. Нужно бы миссіонеру все это разяснить. Ну да я разясню. Апостолы-то и сами были люди необразованные, простые. Христось-то и спрашиваетъ учениковъ, а за кого они Его почитаютъ. Петръ исповѣдалъ Его Сыномъ Божиимъ. Господь сказалъ на это: „Азъ же тебѣ глаголю, яко ты еси Петръ, и на семь каменъ созижду церковь Мою, и врата адава не одолѣютъ ей“. А дальше читаемъ: „Воздастъ Господь Петрови мзду велию, еже на немъ создати Церковь свою, понеже бо исповѣда его сына Божія Петръ“. Вотъ видите, тутъ похваляютъ Петра за

вѣру, а мой собесѣдникъ говоритъ: вѣруйте въ архіереевъ, въ поповъ, дьяконовъ. „Сіе исповѣданіе“... говорится далѣе, „основаніе быти хоцетъ вѣрующимъ“. Вотъ оно основаніе-то, вотъ фундаментъ—нашъ исповѣданіе. „Иного основанія никто же можетъ положить, паче лежащаго, еже есть Христосъ“. А миссіонеръ поповъ, да дьяконовъ хочеть сдѣлать основаніемъ. „Аще бо и добродѣтели зиждемъ, не имамы же основаніе право исповѣданіе, раслабленно зиждемъ“. Пусть попы-то и святые будутъ, добродѣтельные, а не будутъ имѣть праваго исповѣданія, съ ними не спасешься. А съ правой вѣрой спасешься; правой вѣры не одолѣютъ и врата адава, т. е. какъ говорится здѣсь: не одолѣютъ гонители, еретики и грѣхи. Вотъ Церковь-то мы и нашли. Прямо сказано: „есть же каждо насъ Церковь, храмъ Божій бывая“. Значить, каждый православный христіанинъ есть уже церковь. А если онъ не православный, а какой-нибудь католикъ, то будь онъ хоть съ тысячею архіереевъ, хоть съ самимъ папой,—погибнетъ. Вонъ у австрійскихъ и попы есть и архіерей, а я убѣжденъ, не скажетъ миссіонеръ, что они въ Церкви (и спасетъ его Богъ на этомъ!).

Читаль миссіонеръ и изъ Большого Катихизиса, да не полно прочиталь. Я разъясню. (Читаеть то же, что читаль и миссіонеръ). Въ Катихизисѣ-то говорится, что и каждый христіанинъ есть Церковь. Нужны попы, архіереи—не отказываемся и отъ нихъ, желаемъ ихъ; взять-то негдѣ живыхъ-то, такъ мы съ мертвыми пребываемъ въ общеніи, ибо къ Церкви принадлежать по Катихизису „и вси святые въ раю и на небѣ“ (120 об.). Мой собесѣдникъ самъ сказалъ, что нужно быть подъ правленіемъ *святыхъ пастырей*. Гдѣ же намъ взять святыхъ-то? ихъ нѣтъ; они въ раю и на небѣ. Читаль онъ, что пребывающіе въ церкви „достойни пріимати святія совершенныя тайны“. Да вотъ въ томъ то и дѣло, что нужно пріимать св. тайны достойно. А зубы-то подставлять нечего. На прошлой бесѣдѣ я вѣдь говорилъ объ этомъ, читаль изъ ихъ же книги ¹⁾).

О чемъ же онъ еще-то читаль? Изъ кн. о вѣрѣ на 216 об. читаль. Нужно было все это разъяснить, чтобы народъ простой могъ понять. Вверху написано объ юнитахъ. Кто это юниты? Миссіонеръ не разъяснилъ. А юниты-то—соединенцы, соединились съ католиками еретиками. Это надо было разъяснить миссіонеру. Жалко мнѣ его! Тутъ народъ простой, собрались понять, а онъ читаетъ. Замѣйте, я вѣдь писаніе-то толкую, а не читаю. Миссіонеръ начиталь много, мнѣ все приходится разъяснить. Онъ велъ рѣчь къ тому, что у насъ невѣжество, что мы считаемъ мірянъ церковью, а вотъ не сказалъ: если правой вѣры нѣтъ, не спасешься. Сказалъ бы онъ: есть и каждо насъ Церковь, я бы сказалъ, что ученіе

¹⁾ Разумѣется «Камень вѣры» Стефана Яворскаго, защищавшаго православное ученіе, противъ ученія лютеранъ.

его православное. Вотъ меня останавливаютъ, говорятъ будетъ ¹⁾. Что жъ я согласенъ бесѣдовать и по часамъ. Теперь пусть миссіонеръ отвѣтитъ мнѣ: когда Господь создалъ Церковь, то были ли въ ней попы и архіереи?

Миссіонеръ. Братіе христіане! Выслушали мы собесѣдника и удивляемся его недобросовѣстности. Выписали его старообрядцы изъ далека—за тысячи верстъ, собрались послушать, что онъ отъ Св. Писанія докажетъ имъ ихъ право именоваться Церковію Христовою. А онъ говорить, что придется, да еще заявляетъ, что онъ пришелъ Писаніе не читать, а толковать. Сохрани насъ Богъ отъ такихъ толковниковъ! Онъ началъ съ того, что будто-бы я проповѣдывалъ вѣру въ архіереевъ, поповъ и діаконовъ, а не въ Христа. Сохрани меня Богъ отъ этого! Если кто слышалъ подобную проповѣдь, то пусть обличитъ меня сейчасъ же. Говорилъ потомъ Худошинъ, что въ 67 зачалъ Благов. Евангелія я нашелъ указаніе объ архіереяхъ, попахъ и діаконахъ, когда тутъ говорится о Самомъ Христѣ. И это клевета! Читалъ я въ данномъ случаѣ не Мѣ. 67 зач., а 95 зачалъ Луки, гдѣ подъ рабами, о коихъ сказалъ Господь въ этомъ зачалѣ, бл. Теофилактъ разумѣетъ три чина іерархіи: діаконовъ, оглашающихъ ученіемъ, пресвитеровъ, просвѣщающихъ крещеніемъ и архіереевъ, въ священныя чины поставляющихъ (95 зач. л. 206). Изъ 67-го зачала я только привелъ слова Господа: «созижду Церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ей»—безъ всякихъ толкованій. Солгалъ также Худошинъ, сказавъ, будто я говорилъ, что достаточно быть съ архіереями, попами и со св. таинствами и безъ правой вѣры. Напротивъ, я въ зачалѣ же указалъ *три признака* истинной Церкви: 1) правовѣрующихъ, пребывающихъ въ любви и облобызающихъ св. Евангеліе, 2) седмъ св. таинствъ (Кат. Вел. 360 об.) и 3) правленіе пастырей церковныхъ. Гдѣ нѣтъ, сказалъ я, хотя одного изъ этихъ признаковъ, тамъ нѣтъ и Церкви. Это подтверждаетъ и Теодоръ Студитъ: „Если уничтожить“, говорить онъ, „одно свойство въ какомъ-нибудь еществѣ, то вмѣстѣ по необходимости уничтожаются и всѣ однородныя свойства; а по уничтоженіи свойствъ, очевидно, уничтожаются и самыя естества, которымъ они принадлежатъ. Свидѣтель этому священикомученикъ Іустинъ, который въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „ничто изъ существующаго не остается тѣмъ, что оно есть, если не достанетъ одного и только одного изъ существенныхъ свойствъ его“ (ч. 2 стр. 199). Видите, братіе, три существенныхъ свойства Церкви Христовой указалъ намъ писатель Катихизиса: 1) право вѣ-

¹⁾ Въ зачалѣ бесѣды на вопросъ Худошина: какъ будемъ бесѣдовать, поскольку минутъ, миссіонеръ отвѣтилъ: будемъ бесѣдовать по совѣсти, не утомляя слушателей и не злоупотребляя словами. Согласились говорить по совѣсти. Худошинъ ухмыльнулся и началъ говорить, что придется, злоупотребляя довѣріемъ миссіонера; началъ даже доказывать, что онъ долженъ распоряжаться на бесѣдѣ.

рующихъ людей, 2) три чина іерархіи и 3) семь св. Тайнъ. Въ обществѣ поморцевъ нѣтъ ни трехчинной іерархіи, ни св. таинствъ, значить, не могутъ поморцы по праву и именоваться Церковію Христовою. Своими епископами Худошинъ считаетъ уже умершихъ, но развѣ поморцы принимаютъ отъ умершихъ св. таинства, а вѣдь мы спасаемся благодатию, получаемую въ таинствахъ. Особенно силился Худошинъ, на основаніи Катихизиса Великаго и Благов. Евангелія 67-го зач. Мѣ., доказать что каждый христіанинъ право вѣрующій есть Церковь. „Есть и каждо насъ церковь, храмъ Божій бывая“, восклицалъ онъ. Но Худошинъ забылъ, что христіанинъ бываетъ храмомъ Божиимъ только тогда, когда чрезъ таинство причащенія становится жилищемъ Самого Бога. Да и не тою Церковію, о которой у насъ рѣчь, называется право-вѣрующій. Я уже выяснилъ различіе значеній слова церковь. Христіанинъ бываетъ и церковію оскверненною, какъ говорится объ этомъ въ покаянной пѣсни: „Храмъ носий тѣлесный весь оскверненъ“. У насъ же рѣчь о Церкви, созданной Господомъ для нашего спасенія, о Церкви святой, соборной и апостольской (9 чл. Сим. Вѣры), которая „не имѣетъ скверны или порока“ (Ефес. 5, 27 ст.). Дерзнетъ ли Худошинъ утверждать, что его можно назвать такою Церковію? Празднословилъ Худошинъ и относительно св. Апостоловъ, называя ихъ людьми простыми, крестьянами, необразованными и пр., пытаясь этимъ доказать, что въ созданной Господомъ Церкви не было іерархіи. Но развѣ, братіе христіане, св. апостолы были простые люди, когда Господь ввѣрилъ имъ управленіе Церковію, развѣ они были похожи на Худошина? Нѣтъ, кощунство—думать такъ. Св. Апостолы были посланники Самого Господа (Іоан. 20 г. 20 ст.), люди облагодатствованные Имъ (Іоан. 20, 21), рукоположенные на служеніе Самимъ І. Христомъ на Тайной Вечери (Кат. Вел. 358 л.; Злат. т. I, стр. 330; Кир. 77 л.), хотя и получившіе всю полноту благодати въ день Пятидесятницы (Т. Ап. 12 л.; Сим. Сол. 88 гл.), съ каковаго дня они начали совершать св. таинства. Значить, и въ началѣ Церковь была съ іерархією, съ апостолами, въ коихъ „сосредоточивалась вся полнота божественныхъ дарованій“... безъ коихъ „все разрушилось бы“, кои, значить, были и епископами и пресвитерами, и діаконами, почему имена епископовъ, пресвитеровъ и діаконъ и не были извѣстны сначала (6 вс. соб. 16 пр.). Недаромъ св. Игнатій Богоносецъ говоритъ въ посланіи къ Филадельфійцамъ: „Есть радость вѣчная и твердая, наипаче тѣмъ, иже едино суть со епископомъ и со пресвитеры и со діаконы, *вчиненными* волею Бога Отца *чрезъ Господа Иисуса Христа*“ (18 стр.). И въ посланіи къ Ефесеямъ тотъ же св. Отецъ замѣчаетъ: „Потщитесь, возлюбленніи, повиноватися Епископу и пресвитеромъ и діакономъ, иже бо симъ повинуются, слушаетъ Христа, *учредившаго ихъ*“ (стр. 34). Долго рассказывалъ Худошинъ по поводу моего свидѣтельства изъ кн. о вѣрѣ объ уніи

и уніатахъ и—къ чести его—разсказывалъ исторически вѣрно. Но къ чему это? Свидѣтельствомъ кн. о вѣрѣ я подтвердилъ только свои слова, что намъ нужно выяснять понятіе объ истинной символической Церкви, а не разсуждать вообще о значеніи слова церковь, коимъ часто обозначается и общество нечестивыхъ людей, и грѣшное тѣло человѣка. Значить, всѣ разсужденія Худошина объ уніи пустое препровожденіе времени. Пытался что-то Худошинъ и выясняя, какихъ пастырей ему нужно. То говорилъ, что въ Катихизисѣ говорится о святыхъ пастыряхъ, хотя тамъ идетъ рѣчь о *святыхъ*, отъ Христа поставленныхъ, каковымъ именемъ называются пастыри. То говорилъ онъ, что и святость пастырей и добродѣтели для него ничего не значатъ, важно только правое исповѣданіе вѣры, забывая при этомъ слова св. апостола Іакова, что „вѣра безъ дѣлъ мертва есть“ (2, 17 ср. 2 гл. 14 и 19). Еще разъ прошу Худошина доказать, что св. Церковь можетъ быть безъ пастырей законныхъ и безъ св. таинствъ, какъ это—въ ихъ обществѣ.

О. Сушковъ. Много намъ приходилось бесѣдовать съ разными начетчиками: и съ Усовымъ, и съ Коноваловымъ, и съ Черчимцевымъ, а такого недобросовѣстнаго начетчика, какъ Худошинъ, мы еще не встрѣчали. Говорить неизвѣстно что и клевететь на миссіонера на каждомъ шагу. Такъ, старообрядцы, бесѣдовать нельзя. Миссіонеръ согласился бесѣдовать по совѣсти, а Худошинъ бесѣдуетъ не такъ. Вотъ онъ проговорилъ часъ двадцать минутъ. Его разглагольствіе пустое нужно вѣдь разбирать. (Голоса: не давайте ему долго говорить! Онъ лжецъ!). Худошинъ говоритъ, что достаточно одной вѣры—безъ церковной іерархіи. Но вѣдь это ученіе лютеранское, а не православное. Его обличилъ уже миссіонеръ. Я приведу еще слова св. Златоуста изъ 11 нравоученія на посланіе Ефесянамъ: „Ты говоришь, что православный, но какъ же ты можешь быть православнымъ, когда у тебя въ твоёмъ обществѣ исчезаютъ рукоположенія. Какая польза отъ всего прочаго, когда сего, т. е. хиротоніи священства не существуетъ, когда оно въ опасности. Какъ за вѣру, такъ и за хиротонію нужно стоять крѣпко“ (Бес. на 14 посл. 1693 ст.). А въ толкованіи на посланіе Тимоѳею тотъ же св. Отецъ говоритъ: „Не вѣси ли что есть священникъ? Ангелъ Господень есть. Егда бо своя глаголетъ? аще нерадиши о немъ, не о немъ не радиши, но о рукоположившемъ и Божѣ. Аще бо тѣмъ ничто же Богъ дѣйствуетъ, ниже баню имаша, ниже тайнамъ причащаешися, ниже благословенія пріимаеши, убо *ни христіанинъ еси*“ (2 т. I, кн. 2 ст. 2552). Вотъ какъ необходимо священство, а Худошинъ говоритъ, что оно ничего не значитъ. Безъ священства-то поморцы и—не хрістіане. Пусть же отвѣчаетъ Худошинъ на поставленный ему миссіонеромъ вопросъ.

Худошинъ. Мой собесѣдникъ, добрые слушатели, говоритъ, что всѣ архіереи, попы, дьяконы не могутъ уклониться отъ истинной вѣры, а я говорю

могутъ. Наша вѣра не на полахъ, да архіереяхъ, а на Самомъ Христѣ. Миссіонеръ не докажетъ, что они не могутъ уклониться. Онъ привелъ слова Благовѣстнаго Евангелія, сказанныя рабамъ: „куплю дѣйте, дондеже прииду“. Но вѣдь слово „дѣйте“—приказъ, а приказъ можетъ и не исполниться. Этого приказа и не исполнили никоніанскіе пастыри. На ихъ волѣ было соблюсти вѣру или не соблюсти. Бл. Теофилактъ въ 11 зачатъ на Ев. Мѣ. говоритъ: „Азъ рече зажегохъ свѣтъ сердца вашего и на высотѣ поставихъ свѣтити всѣмъ, а еже не угаснути благодати сущей въ васъ, на вашемъ подвижѣ будетъ се“. Отъ апостоловъ, значить, зависѣло сохранить или не сохранить данную имъ благодать. Преемники апостольскіе при Никонѣ и не сохранили данной имъ благодати. А въ этихъ случаяхъ становится мерзость запустѣнія въ Церкви. Она и стала въ Церкви никоніанской. А что приказы и обѣщанія могутъ и не исполняться, объ этомъ и Никонъ Черногорецъ говоритъ на 381 л. Здѣсь ясно сказано: „если недостойнымъ явишься, ничто же пользуетъ тя обѣщаніе мое“. Обѣщаніе Божіе дано всѣмъ апостоламъ; всѣмъ имъ обѣщано сѣдѣніе на двюнадесятихъ престолѣхъ, но сядеть-ли Иуда? Значить, люди сами виноваты. Миссіонеръ спрашиваетъ: гдѣ сказано, что всѣ архіереи, попы и дьяконы могутъ пасть? Святой Іоаннъ Златоустъ даетъ на это ясный отвѣтъ: „Діаволь, коварный изобрѣтатель козней, надѣялся, что, погубивъ пастырей, онъ легко расхититъ стадо... Но запиная премудрыхъ въ коварствѣ ихъ, желая показать ему (діаволу), что *не люди управляютъ Церковію*, но Самъ Онъ пасетъ вездѣ вѣрующихъ въ Него, попустилъ быть этому, дабы діаволь видя, что и по истребленіи пастырей благочестіе не уменьшается и проповѣданное ученіе не истребляется“ (Бес. на разн. случ. ч. I, стр. 339). Вотъ святой отецъ прямо говоритъ, что не архіереи, попы и діаконы управляютъ Церковію, а Самъ Богъ, и что благочестіе не уменьшается и по истребленіи пастырей. Гдѣ же это сказано, что пастыри не могутъ пасть?

Миссіонеръ. Худошинъ вмѣсто отвѣта самъ спрашиваетъ насъ. Но я уже выяснилъ вамъ, въ какомъ видѣ создана была Господомъ св. церковь. Она создана была съ пастырями. Я указалъ, что еще на Тайной вечери Христось апостоловъ священниками сотвори (Кат. Вел. 358 л.), хотя и не повелѣлъ (Лук. 24, 49) имъ выступать на дѣланіе до полученія Св. Духа, „имущаго всякой иной благодати силу“ (Бл. Ев. 300 об. Іоан. 65 зач.). Онъ какъ бы впередъ предназначилъ св. апостоловъ раздѣлить между собою служеніе епископское, пресвитерское и діаконское, „сосредоточивъ ¹⁾ въ нихъ всю совокупность божественныхъ дарованій“. Потому-то св. апостоль и говоритъ: „Той (Христось) *далъ* есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же бла-

¹⁾ Твор. св. I. Злат. т. 3, кн. I. стр. 80.

говѣстники, овы же *пастыри* и учителя къ совершенію святыхъ въ дѣло служенія“... (Ефес. 4, 11—13 ст). Св. Іоаннъ Златоустъ подтверждаетъ это. „Епископство“, говоритъ онъ, „опредѣлилъ Самъ Христосъ“ (Бес. на разные случаи стр. 330 т. I). Св. Игнатій Богоносецъ также говоритъ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, что епископы, пресвитеры и діаконы *очинены чрезъ* Иисуса Христа или, какъ онъ выражается въ посланіи къ Ефесянамъ, *учреждены* Иисусомъ Христомъ (34 стр.). А объ Іаковѣ, братѣ Господнемъ, св. I. Златоустъ говоритъ: „Іакова брата Господня во Іерусалимскаго епископа Самъ Христосъ рукоположилъ“ (Бесѣды на посл. Коринѣ. 15, 7). О немъ же въ прологѣ сказано: „Іаковъ во Іерусалимскаго епископа Самимъ Христомъ освященъ“ (23 окт.). Книга о вѣрѣ также говоритъ, что „Іаковъ, братъ Господень по плоти, первый епископъ іерусалимскій отъ Самого Христа поставленъ“ (24 л.). А въ кн. Кирилловой о всѣхъ апостолахъ замѣчено: Христосъ „изъ мертвыхъ воставъ апостоловъ на се (на священство) освяти хиротонією, еже есть руковозложеніе“ (л. 77). Какъ же это вы, Худошинъ, говорите, что въ началѣ не было пастырей, что апостолы были простые міряне, что Христова церковь была безъ пастырей? Кому вѣрить, вамъ или писанію? Изъ писанія-то мы видимъ, что Христосъ создалъ церковь Свою на правомъ исповѣданіи Его Сыномъ Божіимъ, создалъ ее съ пастырями и съ семью св. Тайнами. Вѣдь объ этой церкви Онъ сказалъ: „созижду церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ей“ (Мѣ. 16, 18). Св. I. Златоустъ, приведя это обѣтованіе Господа, говоритъ ¹⁾: „Два слова произнесъ Господь: на семь камней созижду Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ей. Не употребилъ Онъ длиннаго періода словъ, не сказалъ: Я создалъ церковь, и ни цари, ни правители, ни гонители, ни палачи, ни мудрецы, ни простецы, ни витіи не одолѣютъ ея, потому что неодолимо и непобѣдимо царство Христово,—но однимъ словомъ обозначилъ ея могущество и простымъ выраженіемъ укрѣпилъ обѣщаніе: на семь камней созижду Церковь Мою и *врата ада не одолѣютъ* ей. *Два слова*—не простыя слова, но *Божіи*“. Это-то вотъ и забываетъ Худошинъ,—что ему прочитаны слова Самого Бога, коими Онъ обѣщаетъ сохранить созданную Имъ церковь въ ея первоначальномъ видѣ неодолимую. Онъ, по раскольничьей привычкѣ начетчиковъ, распоряжается со словами божественными, какъ съ словами человѣческими. Это только человѣкъ можетъ обѣщать и не исполнить, а Богъ этого не можетъ сдѣлать по природѣ Своей. Да и человѣка-то, неисполнившаго своего обѣщанія, мы называемъ безчестнымъ, нехорошимъ. Ужели дерзнемъ тоже помыслить и на Самого Господа! Сохрани насъ, Боже, отъ чего-либо подобнаго. Худошинъ привелъ изъ 11 зач. на Ев. Мѣ. слова: „Авъ зажегохъ свѣтъ

¹⁾ Твор. Св. I. Злат. т. 6. стр. 849—850, 1990 г.

сердца вашего свѣтити всѣмъ—а еже не угаснути... на вашемъ подвижѣ будетъ се“ и замѣтилъ при этомъ: „вотъ Богъ далъ апостоламъ благодать свѣтити, а отъ нихъ зависѣло сохранить этотъ свѣтъ; Иуда не сохранилъ его“. Онъ подтвердилъ свою мысль и словами изъ Никона Черногорца: „аще недостойныя явишися, ничто же пользуетъ тя общаніе мое“. Но вотъ „аще“—то „если“ онъ и просмотрѣлъ. И мы знаемъ, что условно данныя Господомъ общанія исполнялись и не исполнялись въ зависимости отъ соблюденія условій. А что бы безусловно данное общаніе не исполнилъ Богъ, мы этого не знаемъ. Напротивъ, мы знаемъ, что даже одну мысль о томъ, что обѣтованіе Божіе, данное безусловно, можетъ не исполниться, св. отцы называютъ богохульствомъ. „Думающихъ такъ“, говорятъ ¹⁾ отцы 7-го вселенскаго собора, „мы спросимъ: отчего это случилось? Вслѣдствіе ли попушенія нашего Главы, или же вслѣдствіе того, что хотя Онъ хотѣлъ, чтобы этого не случилось, но не могъ оказать намъ помощи? Развѣ это не явное *богохульство*? Если святой Павелъ говоритъ правду, называя Христа Сыномъ Божіимъ, Божіею силою и премудростію, то какимъ образомъ, спрошу я, что бы то ни было изъ существующаго могло одержать побѣду надъ непобѣдимою силою и премудростію Божіею, даровавшею всему бытію? Понятно—если случилось это, то и все прочее уже не избѣжитъ такихъ же возраженій: какимъ образомъ Онъ можетъ до сихъ поръ называться всемогущимъ Богомъ, могущественнымъ и сильнымъ Отцомъ... *На какомъ условіи Сынъ попустилъ*, чтобы церковь снова рабобѣнно служила такимъ жестокимъ и немилосерднымъ духамъ, когда Онъ „Самъ обручилъ ее Себѣ Своєю Кровію“... А вѣдь обѣтованіе о церкви, созданной Христомъ съ іерархіею, дано безо всякихъ условій. „Созижду, сказалъ Господь, церковь Мою и врата адава не одолѣютъ ей“. Апостоламъ же, а въ лицѣ ихъ и преемникамъ ихъ епископамъ Господь сказалъ: „Се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка“ (Мѣ. 28, 20). И въ другой разъ: „Азъ умолю Отца и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да *будетъ съ вами въ вѣкъ*“ (Іоан. 14, 16). Какъ же могутъ пастыри всѣ уклониться, когда съ ними будетъ и Самъ Христосъ и Духъ Святой. И не подъ какимъ-нибудь условіемъ. Объ условіяхъ Христосъ не говоритъ. Очевидно, Онъ предвидѣлъ будущее, почему и сказалъ такъ рѣшительно, что сохранить церковь Свою неодолимою. А бл. Іеронимъ говоритъ ²⁾, что обѣтованіе о церкви, созданной Христомъ съ іерархіею, дано не только не подъ условіемъ, а еще съ *клятвою*. „Какъ въ то время“, говоритъ онъ отъ лица Божія, „когда вся вселенная согрѣшила, послѣ того, какъ совратилась вся земля съ пути Господня и наведенъ былъ потопъ, и со всѣми виновниками грѣховъ, всѣ

¹⁾ Дѣян. 7 вс. соб. стр. 315, Каз. 1891 г.

²⁾ Ч. 9, стр. 11. на Исаю гл. 54.

грѣхи были уничтожены, и человѣческій родъ былъ сохраненъ въ лицѣ одного человѣка—Ноя, которому Я поклялся, что болѣе не будетъ наводимъ потопъ на землю и *обѣщаніе Мое* доселѣ исполнялось, и *никогда не сдѣлается* недѣйствительнымъ (Быт. гл. 8 и 9): такъ *клянусь Церкви Моей, которую для Себя Я искупилъ Своею кровію*, что Я болѣе не буду гнѣваться на помилованныхъ Мною, и милость Моя не переменится ни на какой строгій укоръ. Ибо скорѣе горы, холмы поколеблются, нежели Мое опредѣленіе измѣнится. Сообразно этому и въ Евангеліи говорить: небо и земля мимоидеть, словеса же Моя не мимоидутъ (Мѡ. 24, 35). *Милость же Моя*, говорить, состоитъ въ томъ, *чтобы застѣть* мира, примирившій со Мною миръ, *былъ сохраняемъ не по заслугѣ тѣхъ*, которымъ данъ, но *по Моему Милосердію*. Вотъ какъ твердо обѣтованіе о Церкви, даже съ клятвою дано оно и не по заслугамъ тѣхъ, кому дано, оно дается, а по милости Божіей. Такъ говорить Писаніе. А Худошнѣя силится затемнить смыслъ его. Онъ, не внимая разуму пишущаго, читаетъ: „Діаволь, коварный изобрѣтатель козней, *надѣлся*, что, погубивъ пастырей, расхитить стадо... и по истребленіи пастырей благочестіе не уменьшается“... И не замѣтилъ нашъ собесѣдникъ, что діаволь-то *только надѣлся* расхитить стадо безъ пастыря и то въ одной антїохійской церкви, откуда взяли на сѣденіе звѣрятъ св. Игнатія. Но надежды діавола, какъ мы знаемъ, не оправдались: и антїохійская церковь, послѣ св. Игнатія, не осталась безъ пастыря, ибо она была вручена Поликарпу Смирнскому, а затѣмъ Ирону (Посл. св. Игн. къ Ирону л. 59). Еще разъ прошу собесѣдника показать, что Церковь Христова можетъ быть подобна поморскому обществу, которое управляется не отъ Христа поставленными пастырями, а простыми мужиками-наставниками?

А. Обтемиеранскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Нѣсколько словъ протоіерею Свѣтлову (въ защиту статьи „Новая попытка обновленія челоуѣчества“).

Въ январьской книжкѣ Богословскаго Вѣстника за текущій годъ помѣщена статья профессора протоіерея Павла Свѣтлова: „Идея царства Божія въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія“, заключающая въ себѣ изложеніе и оцѣнку воззрѣній и дѣятельности Н. Н. Неплюева, основателя Крестовоздвиженскаго Трудового Братства.

О. Свѣтловъ въ своей статьѣ, между прочимъ, обвиняетъ меня въ совершенномъ непониманіи и искаженіи какъ воззрѣній Неплюева, такъ и ученія православной церкви, и причисляетъ меня къ „искателямъ ересей“ во что бы то ни стало. Рѣчь идетъ о моей статьѣ: „Новая попытка обновленія челоуѣчества“, напечатанной въ „Миссіон. Обзорѣніи“ за 1899—1900 г. и заключающей въ себѣ изложеніе и разборъ статьи Неплюева: „Къ лучшему будущему“, помѣщенной въ „Недѣлѣ“ за 1899 г. Протоіерей Свѣтловъ обвиняетъ меня прежде всего въ томъ, что въ своихъ сужденіяхъ о воззрѣніяхъ г. Неплюева я позволилъ себѣ ограничиться лишь знакомствомъ съ однимъ его сочиненіемъ „Къ лучшему будущему“ (Бог. Вѣстн. янв. 1904 г., ст. 37). Это напраслина. Къ тому времени, когда я писалъ свою статью о Неплюевѣ, мнѣ были хорошо извѣстны почти всѣ его сочиненія, а именно: „Что есть истина“, „Воздвиженская школа“, „Христіанская гармонія духа“, „Христіанское міровоззрѣніе“, „Пятая глава Евангелія отъ Матѳея“, „Десятая глава Евангелія отъ Матѳея“, „Молитва Господня“, „Братскіе союзы въ учебныхъ заведеніяхъ“, „Торжество православія“, и мн. др. Мало того. Только что передъ тѣмъ я прожилъ годъ и восемь мѣсяцевъ въ братствѣ Неплюева священникомъ, часто видѣлся съ нимъ, слышалъ отъ него самого его мнѣнія, бесѣдовалъ съ его питомцами. Если же я на все это не сдѣлалъ никакихъ указаній въ своихъ статьяхъ, то лишь потому, что это не входило въ

мою задачу. Моею цѣлью было разобрать воззрѣнія Неплюева, изложенныя въ статьяхъ „Къ лучшему будущему“, и только.

Воззрѣнія эти высказаны были тамъ настолько ясно и опредѣленно, что мнѣ не было никакой нужды провѣрять ихъ его другими сочиненіями.

Укоривъ меня въ легкомысленномъ будто бы отношеніи къ принятой на себя задачѣ, протоіерей Свѣтловъ перечисляетъ затѣмъ мои яко-бы несправедливыя обвиненія г. Неплюева въ отступленіи отъ чистоты православія, *старательно, однако, замазывая всѣ тѣ мѣста изъ статей Неплюева, которыя служили мнѣ основаніемъ для своихъ выводовъ.* Это упущеніе о. протоіерея я и постараюсь показать, чтобы каждый безпристрастный читатель могъ ясно судить, насколько былъ правъ или неправъ я, утверждая, что воззрѣнія Неплюева, выдаваемые имъ за истинное православіе, не представляютъ собою чистаго Евангельскаго и свято-отеческаго ученія.

Протоіерей Свѣтловъ говоритъ, что я совершенно несправедливо утверждаю, будто бы по мнѣнію Неплюева „можно быть христіаниномъ, не вѣруя во Христа, будто нужна только одна любовь, хотя бы и безъ вѣры“... О. протоіерей ошибается. Онъ слишкомъ ослѣпленъ симпатіей къ Неплюеву и не замѣчаетъ его совершенно опредѣленныхъ сужденій. Приведу подлинныя слова Неплюева.

Въ главѣ „Братья по любви“ своей статьи „Къ лучшему будущему“ Неплюевъ обращается къ *невѣрующимъ* съ слѣдующимъ *призывомъ къ объединенію.* „Обращаюсь къ вамъ, братья по любви, не имѣющіе счастья вѣрить въ букву бытія живого-Бога-Любовь, въ букву Христа Его, въ букву откровенія Его. Говорю въ букву, потому что, *вѣруя въ силу, разумность и конечное торжество любви, вы тѣмъ самымъ вѣрите въ духъ Бога живаго, живаго Христа Его, въ духа откровенія Иисъ; вы Божіи и Христовы по духу.* Вы не вѣрите въ бытіе Бога живаго, тѣмъ болѣе не вѣрите ни въ какое откровеніе... Вы не вѣрите, но вы любите... Ищите же общенія со всѣми представителями любви!“

Не ясно ли изъ этихъ словъ Неплюева, что кто вѣритъ въ силу и торжество любви, тотъ и есть, по его мнѣнію, христіанинъ, хотя бы онъ и не вѣрилъ во Христа, Сына Божія?

Но ни одинъ православный и даже не православный *христіанинъ* не согласится съ этимъ, потому что *любовь не замѣнитъ Христа...* И съ христіанской точки зрѣнія основывать единеніе можно и должно лишь во имя Христа, а не во имя отвлеченной любви, безъ Него. Въ концѣ 5-й главы Неплюевъ пишетъ: „Какъ

между суетвѣріемъ и невѣріемъ представителей злобы разница невелика; такъ и между вѣрою и невѣріемъ *смыслъ сѣта, представителей живой любви, разница тоже очень невелика и плоды ихъ дѣятельности въ жизни будутъ неизбѣжно тоже однородными*. Итакъ, если между вѣрою и невѣріемъ нѣтъ различія въ отношеніи плодовъ жизни, то для чего же тогда сказалъ Спаситель: „Безъ Меня не можете творить ничего“ и въ другомъ мѣстѣ: „все возможно вѣрующему“? Неужели и это мнѣніе Неплюева о протоіерей признаетъ православнымъ?

Въ 6-й главѣ Неплюевъ спрашиваетъ: „*Существуетъ ли опредѣленный плодъ православія, католичества, лютеранства, мусульманства или невѣрія*“? Каждый православный, католикъ и т. д., конечно, отвѣтитъ на этотъ вопросъ утвердительно и это понятно, потому что иначе нѣтъ смысла быть православнымъ, католикомъ и т. д. Навѣрное, и протоіерей Свѣтловъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ утвердительно, такъ какъ ему прекрасно извѣстна жизнь въ православіи, въ католичествѣ и т. д. и плоды ея. Неплюевъ же отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно, утверждая, что только „любовь и злоба даютъ вполнѣ опредѣленные плоды, *подъ какимъ бы религіознымъ или философскимъ стягомъ ни стояли представители этихъ двухъ противоположныхъ настроеній*“.

Не ясно ли, что Неплюевъ совершенно не замѣчаетъ и не цѣнитъ той благотворно-воспитательной атмосферы, которая создается вѣроисповѣданіемъ, церковностью для духовнаго роста христіанъ и потому считаетъ совершенно безразличнымъ для духовной жизни человѣка, *подъ какимъ бы „религіознымъ или философскимъ стягомъ“ онъ ни стоялъ*.

Въ своихъ статьяхъ „Новая попытка обновленія человѣка“, послѣ вышеприведенныхъ мнѣній Неплюева, я писалъ: „Если мы обратимся къ Евангелію, къ дѣяніямъ и посланіямъ св. апостоловъ, къ твореніямъ отцовъ и учителей церкви, къ примѣру первыхъ христіанъ, мы не найдемъ тамъ ничего подобнаго тому, что проповѣдуетъ г. Неплюевъ. И тамъ проповѣдуется, конечно, любовь, но единеніе тамъ утверждается не во имя любви только, безъ отношенія къ вѣрѣ, а прежде всего во имя Христа, Сына Божія, сшедшаго съ небесъ насъ ради человѣкъ, страдавшаго и погребеннаго и воскресшаго въ третій день. Апостолы проповѣдывали о Распятѣ и Воскресшемъ, мученики умирали за Распятаго и Воскресшаго... Невозможно и представить себѣ, чтобы Іудей или язычникъ, *оставаясь съ своими іудейскими и языческими сторованіями*, былъ принятъ первыми христіанами въ единеніе во имя любви“.

Такимъ образомъ, Неплюевъ проповѣдуетъ нелѣпость, говоря *невѣрующимъ, магометанамъ, буддистамъ* и т. д. „будемъ едино“, ибо мы всѣ „дѣти свѣта“, мы всѣ „любящіе“... И затѣянный имъ, но неудавшійся „Конгрессъ единого человѣчества“ изъ христіанъ, магометанъ, евреевъ и невѣрующихъ—ясно обнаружилъ эту нелѣпость, такъ что и самъ г. Неплюевъ отказался участвовать въ этомъ конгрессѣ. А о. протоіерей Свѣтловъ покрываетъ Неплюева, и, плѣненный его рѣчами о любви, не замѣчаетъ, что подъ ними скрывается упраздненіе христіанства.

Въ вышепоименованной статьѣ своей я писалъ далѣе: „укажемъ послѣдствія, къ которымъ приведетъ замѣна вѣры въ воплотившагося Сына Божія, какъ истиннаго основанія для объединенія людей, тою отвлеченною любовью, къ которой призываетъ Неплюевъ. Предлагаемое имъ объединеніе безъ различія вѣры и образа мыслей привело бы къ упраздненію христіанской вѣры, ибо какъ можетъ сохраниться живая вѣра во Христа въ томъ обществѣ, которое состоитъ изъ людей всякой вѣры и даже совсѣмъ невѣрующихъ?“

Но когда, такимъ образомъ, начнетъ угасать вѣра, то затѣмъ неизбежно послѣдуетъ и угасаніе той самой любви, во имя которой теперь предлагаютъ намъ стать выше вѣроисповѣдныхъ различій.

Любовь питается вѣрой, молитвой, таинствами. Такъ вѣруемъ мы православные. Отымите этотъ источникъ любви, замутился и остынетъ самая любовь наша, подобно тому, какъ засыхаютъ листья и цвѣты, оторванные отъ корня. Наша любовь, оторванная отъ корня вѣры, погибаетъ подъ напоромъ страстей нашихъ, которымъ она не въ силахъ будетъ противостоять, погибнетъ подъ бременемъ нашей пошлости и пошлости насъ окружающей. И тогда наступитъ на землѣ такая тьма, какой не было и до пришествія Спасителя“!

Итакъ, самъ Неплюевъ своими собственными словами, какъ мы показали, опровергаетъ обвиненіе, возведенное на меня протоіереемъ Свѣтловымъ, будто я несправедливо приписываю Неплюеву мысль, что „можно быть христіаниномъ безъ вѣры во Христа“...

Я не говорю нигдѣ, чтобы самъ Неплюевъ былъ невѣрующимъ во Христа и прот. Свѣтловъ безъ всякаго основанія утверждаетъ, будто я причисляю его (Неплюева) къ позитивистамъ и социалистамъ (если бы онъ привелъ мои подлинныя слова, это стало бы ясно всякому), но я говорю только, что проповѣдуемое Неплюевымъ „единеніе въ любви“ безъ различія вѣръ неиз-

бѣжно привести къ упраздненію вѣры и торжеству невѣрія и, конечно, вопреки его собственному желанію. Вотъ противъ чего я и считалъ долгомъ предостеречь въ своей статьѣ читателей и почитателей г. Неплюева.

Далѣе, протоіерей Свѣтловъ видитъ апологію православной церкви въ словахъ Неплюева: „всякая церковь признаетъ себя хранительницею истины, правды и добра, хранительницею высочайшаго идеала; въ этомъ животворящій духъ смысла и права ея существованія. Пока она не организуетъ добра въ жизни, пока она не предлагаетъ вѣрующимъ никакой опредѣленной программы, она не можетъ имѣть на жизнь никакого вліянія. Именно это и констатируютъ невѣрующіе, называя такую вѣру устарѣлой утопій, а вѣрующихъ такою вѣрою фарисеями, лицеѣрами и ханжами. Поставить высоко знамя вѣры, доказать, что она и теперь живой свѣточъ, способный удовлетворить умы и сердца, предлагая имъ завѣдомо высшій идеалъ, гармонирующій любовь, разумъ и природу, доказать, что вѣра заключаетъ въ себѣ и самую разумную программу упорядоченія жизни, организации добра—вотъ священная обязанность каждой церкви, если она не хочетъ сдѣлаться орудіемъ низменныхъ, своекорыстныхъ страстей“. Въ этихъ словахъ Неплюева протоіерей Свѣтловъ видитъ апологію церкви (Бог. Вѣст. стр. 25). По моему же мнѣнію, здѣсь не только не заключается никакой апологіи церкви, но, наоборотъ, слышится призывъ, обращенный къ церкви, стоять на высотѣ своего призванія, какъ бы нѣкоторый укоръ и даже намекъ поучиться у г. Неплюева „гармонизировать разумъ, любовь и природу“.

Немало удивило меня обвиненіе протоіерея Свѣтлова по моему адресу и въ томъ, что я „не понимаю различія между моралью личною и общественною“... Обвиненіе это возводится на меня по поводу того, что я до глубины души былъ возмущенъ отрицаніемъ со стороны Неплюева заповѣди Спасителя: „голоднаго накорми, больного посѣти и т. д.“. Неплюевъ пишетъ: „грѣхъ, преступленіе, постыдная слабость любви—отвлекаться отъ этого главнаго дѣла (организации трудовыхъ братствъ) изъ-за каприза любви и жалости къ отдѣльнымъ людямъ“... „Если дѣлая великое дѣло любви (устраивая трудовые братства), вы отъ него отвлекаетесь на дѣланіе малыхъ дѣлъ потому, что видѣ частныхъ страданій такъ сильно бьетъ по нервамъ вашимъ, что капризь жалости къ одному (это исполненіе заповѣди Спасителя—капризь жалости!) заставляетъ васъ забывать разумное дѣло жалости ко всему человѣчеству, не обманывайте себя,

сознайте, что вы отняли у великаго дѣла любви ко многимъ, страданій которыхъ вы не видите, то, что отдали на прекращеніе страданія, которое случайно попало въ вамъ на глаза и ударило по нервамъ вашимъ“.

Читая съ глубокимъ возмущеніемъ эти слова Неплюева, я ясно вижу, что онъ своею заповѣдью упраздняетъ заповѣдь Спасителя. Спаситель говоритъ: „голоднаго накорми“, а Неплюевъ говоритъ: „нѣтъ, не отнимай у человѣчества того, что ты даешь отдѣльному человѣку!“ „это—капризъ жалости!“ „это—слабость нервовъ!“ Но почему же мнѣ вѣрить Неплюеву больше, чѣмъ Спасителю моему? Почему я могу знать, что изъ его „великаго дѣла любви“ выйдетъ толкъ? Между тѣмъ какъ я *навѣрно* знаю, что если бы всѣ исполняли простую и легкую заповѣдь Спасителя, исполняли „капризъ жалости“ къ одному, то не понадобилось бы и Неплюевского „великаго дѣла любви“!

А протоіерей Свѣтловъ, видя, какъ я возмущаюсь тѣмъ, что Неплюевъ своею заповѣдью отмѣняетъ заповѣдь Спасителя, глубокомысленно, по профессорски, замѣчаетъ по моему адресу: „онъ не понимаетъ различія между личной и общественной моралью“! Не завидую я, о. профессоръ, вашему пониманію этого различія и не желаю имѣть его!

Далѣе, протоіерей Свѣтловъ упрекаетъ меня за то, что по моимъ словамъ у Неплюева „нѣтъ ученія о церкви, о первородномъ грѣхѣ, о воплощеніи Сына Божія, объ искупленіи, о будущемъ воскресеніи и судѣ, о вѣчномъ блаженствѣ праведниковъ, о вѣчныхъ мученіяхъ грѣшниковъ“—и говоритъ, что это не такъ. Но, чтобы понять значеніе этихъ моихъ словъ, нужно принять во вниманіе то, по какому поводу они сказаны. Въ третьей главѣ своей статьи „Къ лучшему будущему“ Неплюевъ излагаетъ основанія христіанскаго мировоззрѣнія. Принимая во вниманіе такое назначеніе этой главы, я въ своемъ разборѣ ея пишу: „однако, мы не найдемъ у Неплюева (очевидно въ этой главѣ) ни ученія о первородномъ грѣхѣ, ни ученія о воплощеніи Сына Божія и т. д.. Онъ выясняетъ только, да и то очень кратко, христіанское понятіе о Богѣ, о конечныхъ цѣляхъ бытія и о цѣли земной жизни человѣка“... Конечно, это совсѣмъ не значитъ, будто, по моему мнѣнію, Неплюевъ отрицаетъ первородный грѣхъ, искупленіе и проч. догматы христіанской вѣры; я только отмѣчаю то обстоятельство, характерное для мировоззрѣнія Неплюева, что, излагая основы христіанскаго жизнепониманія, онъ остановился лишь на выясненіи понятія о Богѣ и о цѣли жизни человѣка.

Наконецъ, протоіерей Свѣтловъ обвиняетъ меня еще въ томъ, что я „за ученіе церкви выдаю разный вздоръ, и за ея свѣтъ собственную тьму, рисуя церковь и христіанство союзниками застоя и регресса, соперничая въ этомъ съ врагами церкви“. Обвиненіе это высказано совершенно голословно, не подкрѣплено ни одной выдержкой изъ моей статьи и, очевидно, есть не что иное, какъ плодъ раздраженія, казалось бы, совсѣмъ неумѣстнаго въ серьезной статьѣ ученаго мужа.

Н. Н. Неплюевъ смотритъ на свою дѣятельность и на свое начинаніе, какъ на „зарю царства любви на землѣ“, на которой до сихъ поръ царили только мракъ, невѣжество и злоба. На многихъ страницахъ своего сочиненія „Къ лучшему будущему“ онъ развиваетъ эту мысль. Въ своемъ разборѣ его воззрѣній я отмѣтилъ эту черту, которая, по моему мнѣнію, опять таки несовмѣстима съ чистымъ православно-христіанскимъ міровоззрѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если „заря царства любви“ на землѣ только теперь занимается, то что же дѣлала до сихъ поръ Христова церковь и существуетъ ли въ мірѣ какой-либо опредѣленный плодъ Ея дѣятельности? Съ точки зрѣнія православно-христіанской истинная жизнь на землѣ, жизнь любви мира и и правды началась не со вчерашняго дня, а со времени земной жизни Спасителя. Вся жизнь церкви въ лицѣ ея истинныхъ членовъ—есть царство любви и правды. Всякое новое доброе начинаніе лишь примыкаетъ къ этому царству, входитъ, такъ сказать, въ лучи его свѣта и въ этомъ-то и заключается его достоинство, сила и прочность.

Православно-христіанское міровоззрѣніе вѣритъ въ силу и славу исторически-живущей церкви Христовой и никогда не согласится съ тѣмъ мнѣніемъ, чтобы до сихъ поръ на землѣ было только царство злобы и невѣжества. Во всякомъ случаѣ, она никогда не упуститъ изъ вниманія свѣтлаго лика церкви Христовой, сіяющаго по среди мрака грѣховнаго.

Но почитайте страницы Неплюевскихъ писаній—и вы нигдѣ не найдете этой свѣтлой любовной вѣры въ историческую церковь Христову. Вездѣ только „я“, „я“ и „я“; всѣ надежды спасенія возложены на одно только Неплюевымъ создаваемое братство. И въ этомъ взглядѣ заключается глубокая неправда Неплюевского міросозерцанія и его нецерковность. При такомъ совершенномъ игнорированіи Неплюевымъ „дѣла“ церкви и жизни церкви, какъ можно видѣть въ Братствѣ Неплюева опытъ осуществленія на землѣ царства Божія?! Царство Божіе не можетъ осуществляться внѣ жизни церкви, а между тѣмъ о жизни

церкви, о ея свѣтлой дѣятельности въ мірѣ мы ни одного слова не слышимъ отъ Неплюева. Онъ дѣйствуетъ такъ, какъ будто онъ первый изъ людей встрѣтился съ Евангеліемъ, плѣнился Его истиною и сталъ осуществлять его въ жизни и какъ будто ни до него, ни вокругъ него не совершалось и не совершается великое дѣло освященія жизни, проникновенія душъ человѣческихъ духомъ Евангельской истины! Такъ что если бы онъ почему либо прекратилъ свою дѣятельность, то угасть бы на землѣ свѣтъ любви?!

Ни одинъ истинный православный человѣкъ не можетъ не ревновать всѣмъ сердцемъ о созиданіи на землѣ царства Божія. Скажу болѣе того—наше время есть по преимуществу время, когда вопросъ объ общественномъ созиданіи царства Божія сталъ насущною потребностью жизни, когда отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ все благополучіе общественное и государственное. Въ нашемъ отечествѣ вопросъ этотъ—особенно назрѣвшій вопросъ, созданный всей исторіей, всѣмъ складомъ нашей народной жизни, нашего народного характера. Но не Неплюевское братство въ его настоящемъ видѣ разрѣшаетъ для насъ этотъ вопросъ. Онъ разрѣшится иначе, путемъ возрожденія церковныхъ приходовъ, путемъ подъема въ нихъ братскаго взаимообщенія, но при непремѣнномъ условіи живого тѣснаго союза съ церковью, въ организмѣ церкви вселенской... *Не отъ себя и не въ свое имя начнутъ дѣйствовать наши церковные приходы, но лишь захотятъ жить всецѣло жизнью церкви,* по ея духу и уставамъ. Вотъ что требуется для созиданія царства Божія на землѣ. Неплюевъ слишкомъ мудритъ, замѣняя простое дѣтское подчиненіе духу и уставамъ церкви измышленіемъ собственной организации, и даже собственныхъ обрядовъ и молитвъ, въ чемъ никакой надобности не имѣется. И выходитъ, что онъ дѣлаетъ *свое* дѣло, а не дѣло, совершаемое церковью по завѣту ея Спасителя и при Его постоянной помощи.

Говоря это, я не питаю къ Неплюеву никакой вражды. Наоборотъ, его намѣренія и настроеніе часто и глубоко меня трогали. Но я не могу не чувствовать внутренней неправды его дѣла, я чувствовалъ ее всѣ годъ и восемь мѣсяцевъ своей жизни у него въ братствѣ, о чемъ говорить публично я до сихъ поръ не хотѣлъ, пока меня не вынудилъ на то протоіерей Свѣтловъ.

Мало того, я увѣренъ, что внутреннюю свою неправду чувствуетъ и самъ Неплюевъ, сказавшій однажды въ одну очень важную минуту своимъ воспитанникамъ: „чѣмъ ближе мы будемъ къ храму, тѣмъ больше будетъ правды въ нашей жизни“!

Глубоко вѣря въ искренность и безкорыстность стремленій Неплюева, я не сомнѣваюсь въ томъ, что Господь поможетъ ему освободиться отъ той обособленности и исключительности духа, какая въ настоящее время угнетаетъ его, поможетъ понять ему, что можно, удаляясь отъ того зла, которое царитъ вокругъ насъ, не отречься вмѣстѣ съ нимъ и отъ того добра, которое заложено въ строѣ, духѣ и уставахъ церкви, и сродниться съ нею всѣмъ сердцемъ! Что же касается протоіерея Свѣтлова съ его похвалами воззрѣніямъ и дѣлу Неплюева, то эти похвалы, основанныя на недостаточномъ знакомствѣ съ дѣломъ, представляются мнѣ также опасными для правильнаго развитія Неплюевского трудового братства, какъ опасны были для народа Еврейскаго рѣчи тѣхъ ложныхъ пророковъ, о которыхъ Слово Божіе говоритъ: „Господи Боже! вотъ, пророки говорятъ имъ: не увидите меча, и голода не будетъ у васъ, но постоянный миръ дамъ вамъ на мѣстѣ семъ. И сказалъ мнѣ Господь: пророки пророчествуютъ ложное именемъ Моимъ; Я не посылаю ихъ и не давалъ имъ повелѣній, и не говорилъ имъ; они возвѣщаютъ вамъ видѣнія ложныя и гаданія, и пустое и мечты сердца своего“ (Іерем. 14. 13. 14).

Священникъ *Сергій Четвериковъ.*

Н. М. Соколовъ: „Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи“. СПб. 1904 г., стр. 527. Цѣна 2 р.

Авторъ этой книги давно уже извѣстенъ читающей публикѣ. Изъ подъ его пера вышло немало трудовъ самыхъ разнообразныхъ. Онъ зарекомендовалъ себя и поэтомъ, и публицистомъ, и философомъ, и богословомъ, и переводчикомъ труднѣйшихъ иностранныхъ произведеній, и проч. Это—человѣкъ разносторонне образованный въ лучшемъ смыслѣ слова. Отсюда становится понятнымъ тотъ интересъ, съ какимъ мы приступали къ чтенію только что вышедшаго въ свѣтъ его произведенія.

Послѣднее задалось цѣлью познакомить читателей съ „идеями и идеалами русской интеллигенціи“. Дѣло не изъ числа пріятныхъ. Требовался прямо-таки подвижникъ, который рѣшился-бы подробно бесѣдовать о той интеллигенціи, которая, въ лицѣ извѣстной ея части, такъ печально зарекомендовала себя въ послѣднее время. И за такого подвижника мы считаемъ почтеннаго автора разсматриваемой книги, рѣшившагося подробно обсудить указанный предметъ.

Въ книгѣ семь отдѣловъ или главъ: 1) „о культурѣ и самобытности“; 2) „похороны славянофильства“; 3) „о русской національной традиціи“; 4) „о русской церковной традиціи“; 5) „интеллигенція и сектантство“; 6) „интеллигенція и церковь“; и 7) „золотые сны о золотомъ вѣкѣ“.

Обращаетъ на себя вниманіе читателя отгѣненіе автора положеній въ *первомъ* разсужденіи, напр., слѣдующихъ. „Христіанство несовмѣстимо съ тѣмъ новымъ безпощаднымъ и фанатическимъ культомъ, который заповѣдуетъ своимъ поклонникамъ, что нѣтъ, не можетъ быть и, главное, *не должно быть* другой культуры, кромѣ западно-европейской“. Положеніе безспорно вѣрное и настойчивое констатированіе его предъ лицомъ читателей вполне своевременно и резонно. Подобными начальными разсужденіями авторъ невольно располагаетъ къ себѣ каждаго изъ знакомящихся съ его прекрасной книгой и не потерявшаго способности видѣть глазами и слышать ушами. „Поклонники европейской культуры“, говоритъ авторъ, „питаютъ органическую ненависть къ словамъ *самобытность* и *національность*. Замкнутость? Какая... замкнутость? Долой замки! Пришли мы, представители европейской культуры, единственной культуры въ мірѣ, и никто не имѣетъ права помѣшать намъ по своему хозяйничать здѣсь. *Обособленность*? Отъ насъ нельзя обособляться, потому что мы—солъ земли и свѣтъ міру и потому что иначе мы вынуждены стрѣлять“ (превосходно!). „Исключительность? Никакихъ привиллегій“!.. „*Національность* и *самобытность*—гибельный уколъ для культуры въ ея хищническихъ“ (именно такъ!).. „проявленіяхъ. И крикъ ея адептовъ—только рефлексъ боли, а не мысль и не доказательство“. „Если въ народѣ“, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Н. М. Соколовъ. „замѣчены сѣмена самобытной правды, его надо беречь для будущаго... Вѣдь именно въ этомъ единственный источникъ величайшаго духовнаго богатства для всѣхъ грядущихъ поколѣній“, между тѣмъ какъ „матеріальное богатство часто гибнетъ безъ слѣда“... Въ качествѣ иллюстраціи своихъ мыслей, ссылаясь на жизнь бирманцевъ, авторъ въ концѣ концовъ дѣлаетъ превосходное замѣчаніе: „Можетъ быть, теперь бирманцы дѣйствительно *самый счастливый народъ*. Но ихъ счастье, по суду“ (мнимо—) „просвѣщенныхъ европейцевъ, никуда не годится, потому что оно основано на религиозныхъ, разумныхъ и нравственныхъ, а не культурныхъ началахъ. Пусть-же они будутъ несчастны, какъ всѣ, или пусть ихъ не будетъ вовсе“... У бирманцевъ „лучшее успокоеніе души въ добрыхъ дѣлахъ... Въ медленныхъ, долго зрѣющихъ думахъ они сохранили свою мо-

лодость, и поэтому у нихъ *мало желаній*. А ростъ европейской культуры—это ростъ потребностей культурнаго челоуѣка“... Та культура можетъ быть по-истинѣ плодотворною, которая неидетъ въ разрѣзъ съ индивидуальными особенностями народа, а приспосабливается къ нимъ. Иначе толку не будетъ,—получится одинъ вредъ.

Вторая глава („Похороны славянофильства“) читается съ такимъ-же интересомъ, какъ и предыдущая. Авторъ имѣетъ въ виду г. Милюкова, утверждающаго, что „разложеніе славянофильства... продолжается и... заканчивается на нашихъ глазахъ“... Присматриваясь ближе къ положеніямъ оцѣниваемаго имъ ученаго, Н. М. Соколовъ говоритъ, что „итоги, къ какимъ пришелъ г. Милюковъ, до такой степени своеобразны и неожиданны, до такой степени сокрушительны для всей его критики, если въ его статьѣ есть критика“ (что правда, то-правда!), что они „приводятся“ поэтому въ разсматриваемой нами книгѣ „цѣликомъ“... Здѣсь авторъ кропотливо и съ большимъ успѣхомъ доказываетъ, что Милюковъ—„судія несправедливый“—неосновательно „произносить смертныи приговоръ надъ славянофильствомъ“... „Въ похоронныхъ рѣчахъ“ этого ученаго, по вѣрному и остроумному замѣчанію Н. М-ча, „мы видимъ только новое изданіе вѣчно юной и глубоко поучительной сказки о томъ, какъ мыши кота хоронили. Мудрая крыса Онуфрій, осторожный, какъ всѣ мудрецы, вдругъ неосторожно повѣрилъ легкомысленной мышинной интеллигенціи, что котъ умеръ. Увлекаемый своимъ ораторскимъ и діалектическимъ гениемъ, онъ гордо взобрался, какъ на кафедру, на пузо кота и оттуда прочелъ свою знаменитую надгробную рѣчь. Онъ радовалъ свое родное подполье не столько тѣмъ, что *жилъ* Мурлыка, сколько тѣмъ, что *былъ* Мурлыка, т. е., тѣмъ, что теперь его нѣтъ. Но Мурлыка и былъ, и жилъ. И когда онъ, утомленный монотоннымъ чтеніемъ лектора, оцѣнившись, вскочилъ на ноги, лучшая часть мышинной интеллигенціи бросилась по норамъ, чтобы по-добру по-здорову унести ноги. Особенно пострадалъ при этомъ краснорѣчивый ораторъ—„Онуфрій, мудрая крыса, чего, впрочемъ, мы“, говоритъ Н. М. Соколовъ, „отнюдь не желаемъ г. Милюкову“.

Въ слѣдующей (*третьей*) главѣ рѣчь идетъ все съ тѣмъ-же г. Милюковымъ, восклицающимъ, что „старое рушится, время мѣняется и новая жизнь расцвѣтаетъ надъ развалинами“..., что „Россия выросла изъ извѣстныхъ формъ и переросла извѣстныя традиции“ и что „отрицать это—значить закрывать глаза на действительность и отрицать законы историческаго роста“ и

проч. Всѣхъ ужасовъ г. Милюкова, пожалуй, и не перечестъ. Авторъ разсматриваемой нами книги—истинно русскій и понимающій дѣло человѣкъ—разоблачаетъ положенія критикуемаго имъ ученаго со свойственною ему обстоятельностью. Въ основѣ воззрѣній г. Милюкова лежитъ „нерусская“ точка зрѣнія, вслѣдствіе чего все въ его разсужденіяхъ получаетъ несоотвѣтствующій истинному положенію вещей отпечатокъ... „Г. Милюковъ, по аналогіи съ западомъ, искалъ въ русской исторіи—борьбы за власть, борьбы за право, борьбы за землю“... Но „къ русской жизни это не подходитъ... И каждый... мыслитель..., которому нѣтъ нужды морочить стихійными глупостями людей стихійныхъ и безсознательныхъ, скажетъ, что культурная традиція, оторванная отъ традиціи національной, бредъ сумасшедшаго. И на западѣ тотъ народъ сильнѣе и культурнѣе другихъ, у котораго глубже засѣли національныя идеи и національныя традиціи“.

„Русская церковной традиція“—предметъ *четвертой* главы книги Н. М. Соколова—обсуждается опять въ виду воззрѣній того же г. Милюкова и пр. И здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, послѣдній наговорилъ всякихъ небылицъ большую кучу. Положеніе г. Милюкова, что „отношеніе интеллигентнаго русскаго человѣка къ религіи“ всегда было и остается „безразличнымъ“, совершенный вздоръ. Эти и подобныя мысли терпѣливо и обстоятельно разсматриваются и опровергаются авторомъ настоящей книги. Разсужденія авторскія симпатичны и вѣрны по ихъ существу. „Народъ и теперь любитъ божественныя книги“,—говоритъ авторъ, напримѣръ;—„откуда взялась у него эта любовь? Если бы его не учила церковь, кто-бы училъ его?“ Правда... „Народная совѣсть и теперь бережетъ нѣсколько святыхъ именъ и ждетъ только дня благословенія ихъ церковью. Они уже святы въ народномъ сознаніи задолго до ихъ канонизаціи. Историки русской культурной традиціи отрицаютъ эти“ и подобныя имъ „факты. Но рано или поздно ихъ обманъ обнаружится. Они начинаютъ свою исторію со вчерашняго дня, а исторія народа гораздо длиннѣе... Они думаютъ, что Пушкины, Лермонтовы и Достоевскіе создавались изъ ничего... Свѣтская литература лучшіе свои плоды пожинаетъ съ нивы, засѣянной церковію“ (это—непреложная истина!). „Церковь сѣяла всегда разумное, всегда доброе и всегда вѣчное, ибо сѣяла о имени Христа Его вѣчную правду. А интеллигентные культуртрегеры думаютъ, что они строятъ на пустомъ мѣстѣ..., и поэтому всему дивятся, ничего не понимаютъ“ (вотъ уже именно!) „и торжествуютъ побѣды тамъ, гдѣ работа сдѣлана не ихъ руками“... Нѣтъ, не г.г. Милюковымъ и не по-

добнымъ имъ лицамъ толковать „о русской церковной традиціи“. „Интеллигентный фанатизмъ“—плохая почва для рѣшенія этого рода вопросовъ. Онъ слишкомъ слѣпъ, поверхностенъ, страстенъ и способенъ забраться дальше геркулесовыхъ столбовъ (минувшею осенью мы сами лично испытали на себѣ комичные удары со стороны „интеллигентнаго“, впрочемъ, точнѣе слѣдовало бы сказать: анти-интеллигентнаго „фанатизма“, и знаемъ его)... Съ истиннымъ удовольствіемъ читаемъ трезвую рѣчь Н. М. Соколова, указывающаго всему свое мѣсто. Въ свѣтской литературѣ нашихъ дней это—дождь благотворный въ жаждущей пустынѣ.

Не менѣе прочихъ интересна и поучительна и слѣдующая—*пятая*—глава: „Интеллигенція и сектантство“. Читая здѣсь о взглядахъ г. Милюкова, искренно и все болѣе и болѣе удивляетесь, до чего можетъ договориться человѣкъ съ подобнымъ образомъ мыслей, какой открывается всюду въ рѣчахъ этого ученаго... „Какія особенныя, свои собственныя *религіозныя* идеи имѣетъ наша интеллигенція“, спрашиваетъ Н. М. Соколовъ. „Правда“, говоритъ онъ, „въ ея отношеніяхъ къ нѣкоторымъ понятіямъ... замѣтны слѣды религіознаго отношенія. Но, въ виду полной неопредѣленности и безсодержательности этихъ понятій, это, во всякомъ случаѣ, служеніе *невѣдомому богу*. Съ другой стороны, сектанты, воспринявшіе въ себя духа, возрожденные, чада божіи и боги, полагаютъ основы для самообожанія, что свойственно и интеллигенціи. Но этимъ циклъ религіозныхъ идей и исчерпывается. Гораздо серьезнѣе, конечно, мнѣнія и чувства, связанныя съ вѣрой. Г. Милюковъ говоритъ, что и интеллигенція относилась и должна относиться къ церкви безразлично“ (онъ говоритъ, разумѣется, вздоръ). „Но мы видимъ“, продолжаетъ авторъ, „что сектанты относились къ церкви съ фанатическою ненавистью. Можно думать, что и здѣсь чувства одинаковы. Сектанты всѣхъ несектантовъ называли псами..., чадами Иезавели, черными вранами, волко-агнцами... Самочувствіе интеллигенціи, конечно, тоже... Многіе изъ сектантовъ пробовали вознестись на небо, но не успѣли въ своемъ начинаніи и остались на землѣ. Это не ново и для интеллигенціи. Сектантамъ не по душѣ весь строй русской жизни. Интеллигенціи—тоже“... Нѣтъ, Господь съ ней—съ этой русской лже-интеллигенціей и съ этимъ сектантствомъ! Что хуже, что нелѣпѣе, бессмысленнѣе, комичнѣе (особенно когда рѣчь идетъ о взглядахъ лжеинтеллигентовъ, высказываемыхъ въ ихъ знаменитомъ печатномъ органѣ и отдѣльныхъ изданіяхъ),—трудно сказать.

„Интеллигенція и церковь“—предметъ *шестой* главы книги Н. М. Соколова... Опредѣляя первую, авторъ, между прочимъ, остроумно говоритъ: „Въ понятіе интеллигенціи по необходимости входитъ доза обскурантизма, наука не признаетъ ея идей и убѣждений послѣднимъ словомъ науки“... Н. М. Соколовъ здѣсь имѣетъ дѣло съ г. Тернавцевымъ, съ его рефератомъ. „Г. Тернавцевъ“, по словамъ автора, „собственно говоритъ, что интеллигенцію не возьмешь христіанскими началами“... По поводу этой мысли можно было-бы много сказать какъ за, такъ и противъ нея... „Г. Тернавцевъ обвиняетъ священниковъ церкви въ стяжательности“. Но это, конечно, сплошное недоразумѣніе, съ одной стороны, и не—желаніе посмотрѣть на интеллигенцію въ этомъ-же отношеніи, съ другой: „Туманный, скользкій и почти не поддающійся логическому опредѣленію призракъ представилъ г. Тернавцевъ“ въ своемъ рефератѣ... За г. Тернавцевымъ разсматривается г. Минскій... Но, впрочемъ, говорить и о немъ еще, хотя-бы столь-же отрывочно и кратко, какъ сказано у насъ (2—3 слова) о г. Тернавцевѣ, нѣтъ надобности... „Если церковь и интеллигенція дѣлаетъ, какъ говоритъ г. Тернавцевъ, *одно и тоже дѣло*, или, какъ говоритъ г. Минскій, обѣ онѣ одинаково *не у дѣла*, то это значить, что церковь замѣнима, что рядомъ съ нею существуетъ другая однородная сила, что возможенъ и нуженъ выборъ между двумя силами, что тотъ, кто не спасается въ церкви, можетъ спастись въ интеллигенціи и что, въ сущности, церковь, разъ и она *не у дѣла*, такая-же легковѣсная и мнимая величина, какъ и интеллигенція. Старая пословица: назови мнѣ твоихъ друзей, и я скажу тебѣ, кто ты таковъ... Слово *интеллигенція* за послѣднее время пріобрѣтаетъ новое и опредѣленное значеніе. Оно включаетъ въ себя не все образованное общество, а только людей опредѣленныхъ отрицаній... Такъ это слово понимаетъ г. Тернавцевъ“..., равно какъ и „г. Милуковъ и почти всѣ такъ называемые передовые умы“ (авторъ остритъ неподражаемо). „Въ этомъ смыслѣ интеллигенція... не народна. Въ русской церкви—послѣдняя твердыня и послѣднее убѣжище русской народной вѣры и совѣсти“. Господь съ ней—съ этой интеллигенціей! Искренно жаль всѣхъ тѣхъ, кто въ послѣдніе два-три года хотѣлъ отъ нея добиться какого-либо толку! Скорѣе изъ камня снова потечетъ вода, чѣмъ дождемся чего-либо путнаго отъ „этой“ интеллигенціи...

Послѣдняя—*седьмая* глава книги Н. М. Соколова носитъ успокаивающее заглавіе: „Золотые сны о золотомъ вѣкѣ“. И здѣсь, какъ и раньше, почтенный авторъ неизмѣнно трезвъ, разсуди-

теленъ и обстоятеленъ. И эту главу читаемъ съ неослабѣвающимъ интересомъ... „Всѣ интеллигентные люди“,—читаемъ, напр., у автора,—... „признаютъ... то-то и то-то, и кто не признаетъ этого, тотъ“—де „не интеллигентъ“, по мнѣнію „властителей теперешнихъ легкомысленныхъ думъ. Это что-то въ родѣ папскаго интердикта... Но эти интеллигентныя анаемы будутъ вызывать только дружный смѣхъ“, какъ произносимыя „отъ имени сомнительной научности..., тенденціи“... Это „притязаніе“ ихъ „пустое и легкомысленное... На грозный окрикъ: *передовые умы говорятъ* обыватель не ошалѣетъ, какъ прежде бывало, а спокойно скажетъ: ну, и пусть себѣ говорятъ; мало-ли глупостей говорятъ передовые умы“... Правда! Умно! „Современная интеллигенція“ порвала „съ государствомъ, съ церковью, съ народомъ, съ наукой и съ прошлымъ“. Дальше идти некуда. И пусть себѣ она летитъ въ уготованную ею для себя пропасть. „Въ основѣ современныхъ протестовъ противъ государственности“, говоритъ авторъ, „лежитъ младенчески-легкомысленный оптимизмъ“.... Правда!... „Г. Тернавцевъ очень враждебно относится къ исторической церкви и превозноситъ церковь мистическую“ (какъ и г. Милюковъ). Обидное непониманіе ни первой, ни второй! Интеллигенція въ своихъ отношеніяхъ къ народу была несправедлива отъ начала и до конца, не проявивъ къ тому „началь терпимости, гуманности, снисходительности“, не „щадя его вѣрованій, обычаевъ, его святыхъ“... Стыдно нашей крикливой, шумливой, *не-русской* интеллигенціи, слѣпой и безконечно эгоистичной. Да, впрочемъ, какая это въ сущности интеллигенція, „рознь“ между которой и „наукой съ каждымъ годомъ становится все глубже и непримиримѣе“? До „прошлаго“ ей дѣла, по крайней мѣрѣ, серьезнаго, нѣтъ—этой фальшивой интеллигенци. Ея сужденія (напр., г. Милюкова) о прежнихъ временахъ русской исторіи (напр., объ Иванѣ III, Иванѣ IV...) просто комичны. А еще болѣе они таковы, напр., по вопросу о родинѣ русскаго „самодержавія“ и пр. Нѣтъ, не г.г. Милюковымъ оцѣнивать прошлыя судьбы русской исторіи. Но довольно! Смѣшна и странна наша интеллигенція. Она „всегда жила только для себя и никогда не жила для народа... Всякая идеологія русской интеллигенціи имѣетъ въ виду только доказать право интеллигенціи на праздность, любоимѣніе, плодородіе и любоначалие. Мы родъ избранный..., знаемъ сокровенныя тайны..., мы новая порода людей, въ насъ алмазныя розсыпи пророческихъ и мистическихъ элементовъ..., мы, чортъ возьми, переживаемъ годы кризиса и потому имѣемъ полное право ничего не дѣлать и за счетъ на-

рода предаваться мечтамъ и страстямъ“... „Интеллигентъ!.. Жизнерадостный и крайне легкомысленный пессимизмъ, высокомерное и надменное смиреніе, безпощадная гуманность, фанатическая терпимость—вотъ современные химеры, которыя растутъ на этой почвѣ“... Нужно „говорить“: не *интеллигенція*, а въ тысячу разъ вѣрнѣе: „духъ праздности, унынія, любоначалия“.

Этими словами почтенный и талантливый авторъ заканчиваетъ свою превосходную книгу, которую мы прочитали съ полнымъ удовольствіемъ и изъ которой въ настоящей замѣткѣ своей привели *лишь нѣсколько* и, при томъ, *отрывочныхъ* данныхъ... Чтобы познакомить читателей „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ съ нею поближе, пришлось-бы написать вмѣсто нѣсколькихъ настоящихъ страничекъ цѣлую книгу. До такой степени содержателенъ и поучителенъ этотъ правдивый отъ начала до конца трудъ Н. М. Соколова! Видно, что авторъ говоритъ не „съ вѣтру“, а продуманно,—видно, что онъ хорошо знаетъ русскій народъ, русскую исторію, а не по указкѣ какого-либо, ничего не свѣдующаго въ этомъ, западника,—видно, что онъ—и русскій, и православный человекъ, а не кривляка какой-либо, подобно пресловутымъ декадентамъ, легкомысленно считающимъ себя „интеллигентами“, а не душевно-больными... Съ сожалѣніемъ разставаясь съ книгою Н. М. Соколова, желаемъ ей широкаго успѣха у публики, а автору—и впредь столь-же плодотворно трудиться на пользу русскаго народа и русской церкви...

Проф. А. Бронзовъ.

Путь Христовъ. Рядъ очерковъ, картинъ, рассказовъ и размышлений изъ земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. Бесплатное приложеніе къ журналу „Отдыхъ Христіанина“. С.-Петербургъ. 1903 г., in 8-ю, стр. 555.

Исторія земной жизни Господа Иисуса Христа всегда привлекала и привлекаетъ къ себѣ вниманіе благочестивыхъ христіанъ, служила и служитъ предметомъ какъ для научно-богословскихъ изслѣдованій, такъ и для цѣлага ряда очерковъ, картинъ, рассказовъ и размышлений религіозно-нравственнаго, благочестиваго характера. Конечно, для благоговѣйнаго христіанскаго чувства дорого возстановить во всѣхъ подробностяхъ земной путь жизни Спасителя,—дорого обозрѣть всѣ мѣста, которыя были освящены стопами Божественнаго Проповѣдника на всемъ протяженіи Его жизненнаго крестнаго шествія — отъ младенче-

скихъ яслей Виѣлеена до кровавой Голгоѣы царственнаго Іерусалима. Но неизмѣримо цѣннѣе для каждаго христіанина впечатлѣтъ въ душѣ своей самый образъ Іисуса Христа, начертанный на священныхъ страницахъ Евангелія и на несмываемыхъ скрижаляхъ вселенскаго церковнаго сознанія,—ибо только этотъ живописный образъ, какъ истинное *Солнце правды*, среди тьмы современнаго лжевѣрія, освѣщаетъ намъ узкіе пути, ведущіе въ жизнь (Мѣ. VII, 14), и служить для всѣхъ чадъ *новаго Израиля* огненнымъ столбомъ, путеводящимъ въ обѣтованную землю возвѣщеннаго Христомъ царства.

Задача разсматриваемой нами книги — заронить въ сердца читателей благочестивое стремленіе идти путемъ Христовыхъ заповѣдей и съ убѣдительною ясностью показать, что только этотъ путь Христовъ и ведетъ въ царство Божіе. Задача, принятая составителемъ, весьма почтенная и выполнена вполне добросовѣстно. Составитель, не претендуя на самостоятельность своей книги, далъ для читателей цѣлый рядъ очерковъ, картинъ и разсказовъ изъ исторіи земной жизни нашего Божественнаго Учителя и Основателя новозавѣтнаго царства Христова. Что есть лучшаго въ литературѣ по исторіи земной жизни Господа нашего Іисуса Христа—все это, въ отрывкахъ, вошло въ разсматриваемую нами книгу. Составитель пользовался такими выдающимися трудами, какъ „Жизнь Іисуса Христа“ Фаррара, „Жизнь Іисуса“ — Дидона, „Іоаннъ Креститель“ — Прессансе, „Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа“ Иннокентія, архіепископа Херсонскаго, а нѣкоторыя главы составлены по Лейтону. Кромѣ этого онъ черпалъ матеріалъ для своихъ очерковъ и размышленій изъ святоотеческихъ бесѣдъ Іоанна Златоустаго, Василія Великаго и Григорія Неокесарійскаго и изъ современныхъ проповѣдей Вине, Пикара, Берсье, Никанора, архіепископа Херсонскаго, Павла, архіепископа Казанскаго, протоіерея о. І. И. Сергіева (Кронштадтскаго) и другихъ. При описаніи Палестины, онъ пользовался очерками В. Дорошевича: „Въ землѣ обѣтованной“. Потому нисколько не удивительно, что разсматриваемая нами книга „Путь Христовъ“ читается легко, съ увлеченіемъ и большимъ интересомъ. По полнотѣ содержанія своего она обнимаетъ во всѣхъ почти подробностяхъ исторію земной жизни Іисуса Христа; и весь матеріалъ этой обиходной книги составителемъ сгруппированъ и раздѣленъ на три части. Въ 1-й части содержится описаніе Палестины вообще, Назарета и Виѣлеена—въ частности, и обозрѣваются событія, начиная со времени рожденія Іисуса Христа и оканчивая посѣщеніемъ двѣнадцатилѣтнимъ Отрокомъ Іеруса-

лимскаго храма (3—91 стр.). Вторая часть обнимаетъ періодъ жизни Иисуса Христа со дня выступленія на проповѣдь Іоанна Крестителя — и оканчивая воскресеніемъ Лазаря (92—365 стр.). Третья часть посвящена остальному періоду земной жизни Господа нашего — отъ входа Господня въ Іерусалимъ до вознесенія Господня включительно (366—555 стр.).

Текстъ книги снабженъ прекрасными иллюстраціями, изображающими виды Палестины, отчасти современные Христу нравы и обычаи и выдающіеся моменты земной жизни и дѣятельности нашего Спасителя. Многіе изъ рисунковъ представляютъ собою снимки съ картинъ лучшихъ европейскихъ и нашихъ художниковъ. Печать и бумага — не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Разсмотрѣнная нами книга „Путь Христовъ“, дѣйствительно, является истиннымъ *отдыхомъ христіанина*; посему пожелаемъ ей самаго широкаго распространенія среди читающей публики, ищущей *живой вѣры* (Іоан. IV, 14) и жаждущей *да изобразится въ ней Христосъ* (Галат. IV, 19).

П. Козичій.

Священникъ Николай Кипарисовъ. Пособіе при веденіи бесѣдъ съ штундо-баптистами и молоканами. Томскъ. 1903 г. in. 8-ю стр. 87. Цѣна 50 к.

Въ настоящее время наша секто-обличительная литература, въ особенности по штундо-баптизму и молоканству, болѣе чѣмъ въ достаточной степени разработана и изобилуетъ всякими руководствами и указателями, облегчающими нелегкій трудъ борьбы съ сектантами для православныхъ миссіонеровъ. Практическіе дѣятели миссіи, восполняя пробѣлы въ существующихъ руководствахъ по обличенію нашего сектантства, съ своей стороны продолжаютъ обогащать секто-обличительную литературу новыми и новыми трудами. Къ числу такихъ трудовъ относится и разсматриваемое нами *Пособіе* свящ. Н. Кипарисова. Авторъ въ предисловіи къ своей книжкѣ сообщаетъ небезынтересную съ миссіонерской точки зрѣнія исторію происхожденія его труда. Книжка эта является результатомъ его личнаго миссіонерскаго опыта. Въ основаніе настоящаго труда, по словамъ автора, взята памятная книжка противосектантскаго миссіонера, изданная въ 1895 г. въ г. Астрахани свящ. М. Тифловымъ. Такъ какъ въ упомянутой книжкѣ только обосновываются и то не всегда подробно истины православной вѣры, пререкаемыя сектантами, сектантскія же

возраженія оставлены безъ разсмотрѣнія, — то нашъ авторъ въ своемъ трудѣ старается возполнить этотъ пробѣлъ и дать не только обстоятельное рѣшеніе пререкаемыхъ сектантами вопросовъ, но и предупрежденіе, по возможности, важнѣйшихъ сектантскихъ возраженій. Ведя бесѣды съ книжкою о. Тифлова въ рукахъ, онъ тутъ же на поляхъ этой книжки дѣлалъ многія добавленія и измѣненія. Впослѣдствіи, когда этихъ добавленій стало много, авторъ написалъ для своего личнаго пользованія при бесѣдахъ сборникъ; онъ внесъ въ него и нѣкоторыя свидѣтельства изъ свящ. Преданія, какъ не безполезныя при бесѣдахъ. Этотъ-то сборникъ, какъ результатъ практической дѣятельности автора, послѣдній и предлагаетъ начинающимъ миссіонерствовать отцамъ и братіямъ. Мы нарочито останавливаемъ вниманіе нашихъ читателей на этомъ, интересномъ въ практическомъ отношеніи, сообщеніи о. Кипарисова. Необинуясь, мы скажемъ: методъ веденія бесѣдъ нашимъ авторомъ—вполнѣ рачіонально поставленъ и заслуживаетъ полного къ себѣ вниманія и подражанія по двумъ обстоятельствамъ. Во 1-хъ, миссіонеръ на практикѣ, опытомъ убѣждается, насколько пригодно то или другое руководство для миссіонерскихъ цѣлей, — и во 2-хъ, дѣлая во время самыхъ бесѣдъ съ сектантами отмѣтки и добавленія на поляхъ, находящихся въ его распоряженіи, руководства, онъ практически добываетъ новый матеріалъ въ дѣлѣ разрѣшенія того или другаго пререкаемаго сектантами вопроса, а вмѣстѣ съ тѣмъ способствуетъ развитію дѣла противо-сектантской миссіи.

Разсматриваемый нами трудъ г. Кипарисова состоитъ изъ XXIII главъ. Въ 1-й главѣ—рѣчь идетъ о церкви; II—X главы трактуютъ о таинствахъ; XI гл.—посвящена вопросу о рукотворномъ храмѣ; XII и XIII—объ иконопочитаніи и почитаніи св. креста; XIV—о крестномъ знаменіи; XV—о поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ и о внѣшнемъ или обрядовомъ богослуженіи, XVI—о постахъ; XVII—объ употребленіи въ пищу мяса запрещенныхъ въ законахъ Моисея животныхъ; XVIII — о крестныхъ ходахъ; XIX—о почитаніи и молитвенномъ призваніи ангеловъ и святыхъ людей; XX—о почитаніи святыхъ мощей; XXI—о молитвахъ за умершихъ; XXII—о клятвѣ и присягѣ; XXIII—о свящ. Преданіи. Изъ этого краткаго обзорѣнія содержанія книжки о. Кипарисова видно, что авторъ коснулся почти всѣхъ пререкаемыхъ сектантами вопросовъ. Жаль только, что въ распредѣленіи миссіонерско-апологетическаго матеріала нѣтъ системы и строгой послѣдовательности: авторъ, повидимому, совершенно оставилъ безъ вниманія эту сторону въ своемъ трудѣ. Такъ, къ отдѣлу о таинъ

ствахъ—отнесено и объясненіе XXIII главы отъ Маттея. — Рядомъ съ трактатами о постахъ и объ употребленіи въ пищу мяса запрещенныхъ закономъ Моисея животныхъ (XV и XVII главы) рѣчь ведется и о крестныхъ ходахъ (XVII гл.); рядомъ съ вопросомъ о клятвѣ и присягѣ (XXII гл.) стоитъ вопросъ и о свящ. Преданіи (XXIII гл.). Чѣмъ авторъ руководился въ такомъ безсистемномъ распредѣленіи матеріала—мы судить не беремся. Намъ больше всего поражаетъ то обстоятельство, что вопросу о свящ. Преданіи—отведено послѣднее мѣсто. Получается такое впечатлѣніе, что этому кардинальному вопросу изъ миссіонерской практики—авторъ удѣляетъ менѣе всего вниманія, между тѣмъ какъ и самъ онъ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ своего „Пособія“ приводитъ свидѣтельства изъ свящ. Преданія, какъ „небезполезныя при бесѣдахъ“.

Трудъ о. Кипарисова, какъ попытка привнести нѣчто новое и оригинальное въ дѣло нашей миссіонерской полемики-обличительной противосектантской литературы, заслуживаетъ къ себѣ вниманія и одобренія со стороны тѣхъ, кому близки и дороги интересы противосектантской нашей миссіи и нашей науки сектоведѣнія и сектообличенія.

П. Козицкій.

Х р о н н а .

Изъ міра инославія и изъ жизни заграничнаго сектантства.

Нѣсколько свѣдѣній о религіи Тибета.—Мистеріи и маски.—Осужденіе главы мормоновъ на каторжныя работы и его бѣгство.—Процвѣтаніе мармонства.

Тибетъ, въ виду похода туда англійской военной экспедиціи, обращаетъ на себя нынѣ общее вниманіе.

Американская газета „Brooklyn Daily Eagle“ въ статьѣ сообщаетъ слѣдующія, въ высшей степени любопытныя, свѣдѣнія, касающіяся религіи этой страны.

Ласса, священный городъ таинственнаго Тибета, оставался до сихъ поръ недоступнымъ для любопытства путешественниковъ и любознательности ученыхъ изслѣдователей, но американскому музею естественныхъ наукъ удалось, наконецъ, добыть оттуда коллекцію масокъ, употребляемыхъ жрецами-ламаистами при совершеніи религіозныхъ мистерій.

Эти странныя, грубыя маски проливаютъ свѣтъ на таинственную религію, основанную на колдовствѣ и поклоненіи демонамъ,—религію, насчитывающую больше 10 милл. послѣдователей. Ламаизмъ со своимъ сонмомъ демоновъ и разныхъ злыхъ духовъ сохранилъ лишь слабые слѣды первоначальнаго буддизма, проникшаго въ Тибетъ изъ Индіи въ XVII столѣтіи. Погрязшіе въ грубомъ суевѣріи тибетцы и другіе послѣдователи ламаизма безусловно вѣрятъ всѣмъ баснямъ жрецовъ и совершенно искренно участвуютъ въ устраиваемыхъ ими языческихъ церемоніяхъ.

Собраніе странныхъ масокъ, изображающихъ демоновъ, домовыхъ и лѣшихъ, чрезвычайно интересно потому, что впервые даетъ возможность непосвященнымъ заглянуть въ доселѣ невѣдомую область таинственныхъ религіозныхъ обрядовъ, совершаемыхъ въ Тибетѣ и нѣкоторыхъ ламаистскихъ монастыряхъ въ Китаѣ. Маски, сдѣланныя изъ папье-маше и раскрашенныя яркими китайскими красками, изображаютъ животныхъ, но такъ неумѣло и грубо, съ западной точки зрѣнія, что безъ объясненія трудно догадаться, что именно онѣ изображаютъ. Жрецы надѣваютъ эти маски при совершеніи таинственнаго религіознаго представленія на новый годъ и въ день рожденія основателя ламаизма. Новогодняя мистерія совершается съ особой торжественностью во всѣхъ большихъ монастыряхъ,

въ которыхъ живутъ иногда нѣсколько тысячъ монаховъ. Представленіе происходитъ подъ открытымъ небомъ, въ присутствіи духовныхъ лицъ, пилигримовъ и огромной толпы зрителей. Первая часть мистеріи посвящена изгнанію изъ страны прошлогднихъ демоновъ и различныхъ злыхъ духовъ, что можетъ быть достигнуто только съ помощью главы всей темной силы. Въ этомъ дѣйствіи, длящемся цѣлый день, принимаютъ участіе сотни жрецовъ, замаскированныхъ всевозможными злыми духами и чудищами, живущими на землѣ, въ водѣ, въ воздухѣ и въ различныхъ отдѣленіяхъ ада.

Смыслъ этой мистеріи, изображаемой безобразными масками, заключается въ томъ, что душа человѣка, при жизни и по смерти, окружена цѣлымъ сонмомъ злобныхъ духовъ, которые непрестанно стремятся вредить ей и подвергать ее самымъ разнообразнымъ мукамъ. Самъ человѣкъ безсиленъ помочь себѣ, и только жрецы могутъ оградить его и спасти отъ преслѣдованій демоновъ. Послѣ смерти душа человѣка устремляется въ одну изъ многихъ обителей того свѣта, при чемъ страшные демоны пугаютъ ее и стараются отклонить отъ истиннаго пути; если они успѣютъ въ этомъ, то несчастная заблудшая душа обрекается на безконечныя странствованія и на безплодныя усилія отыскать назначенное ей мѣсто-пробываніе. Жрецы надѣваютъ во время священнаго представленія устрашающія маски демоновъ и подражаютъ ихъ ужаснымъ кривляніямъ именно для того, чтобы заблаговременно познакомить людей съ наружностью и пріемами злыхъ духовъ и такимъ образомъ спасти ихъ отъ обольщеній учителей.

За нѣсколько дней до начала мистерій устраивается, въ видѣ пролога къ нимъ, торжественное пиршество, на которое приглашается царь демоновъ со всей его страшной свитой. Пиръ, во время котораго прислуживаютъ гостямъ высшіе жрецы, готовится въ главномъ храмѣ. На длинныхъ столахъ разставляются пироги съ мясомъ и рисомъ и вино для каждаго гостя. Когда все готово, приступаютъ къ приглашенію гостей посредствомъ битія въ барабанъ и игры на различныхъ трубахъ, надѣясь привлечь вниманіе демоновъ невѣроятнымъ шумомъ и трескомъ. Затѣмъ гостей просятъ сѣсть за столъ и приступить къ угощенію. Когда предполагается, что всѣ мѣста уже заняты, жрецы приступаютъ къ восхваленію доброты и прекрасныхъ качествъ гостей и обращаются къ нимъ съ молитвами о дарованіи различныхъ милостей въ настоящемъ и будущемъ.

Мистерія разыгрывается въ обширныхъ садахъ дворца Далай-Ламы въ Ласѣ. Многія тысячи зрителей, какъ изъ окрестностей, такъ и изда-лека, стекаются, чтобы посмотреть на таинственное представленіе.

При первомъ рѣзкомъ звукѣ трубы, на арену выскакиваетъ толпа злыхъ духовъ. Отвратительныя, свирѣпаго вида страшилища, рогатые, трехглазые, украшенные человѣческими черепами; одни похожія на

Человѣкъ, поглощающій демона; распорядитель мученій и истязаній.

Кусающій врагъ. Властитель низшихъ странъ.

Тигръ діаволь.

Дама изъ Ахоссо носитъ головной уборъ изъ дорогихъ камней стоимостью въ 10.000 ф. стерлингъ.

обезьянъ, другія на тигровъ. Это демоны низшаго разряда, готовые гибель невѣрнымъ тибетцамъ; только молитвы какого-нибудь добраго ламы могутъ избавить отъ ихъ козней. Дьявольское сборище пускается въ плясъ съ дикимъ гиканіемъ и воемъ. Въ это время на сцену выходитъ новая группа какихъ то чудовищъ; демоны бросаются на нихъ, преслѣдуютъ и поражаютъ ихъ деревянными мечами; обезумѣвшія отъ страха, несчастныя жертвы бросаются во всѣ стороны, тщетно стараясь избавиться отъ своихъ мучителей. Эта сцена изображаетъ наказаніе, ожидающее всѣхъ, погрѣшающихъ противъ ученія ламъ. Нѣкоторое время демоны-побѣдители остаются одни на аренѣ, но вскорѣ на ней появляется толпа какихъ то блѣдныхъ тѣней, которыя бросаются въ разныя стороны, какъ бы отыскивая дорогу, при чемъ выражаютъ жестами крайнее отчаяніе; это несчастныя души, заблудившіяся въ пространствѣ и отыскивающія во мракѣ предназначенное имъ мѣсто. Вдругъ раздается громкій ударъ въ бубны и на сценѣ внезапно появляется владыка злыхъ духовъ съ огромной бычачьей головой и съ мечемъ въ рукѣ. Онъ весьма могучъ, по знаку его, демоны въ безпорядкѣ убѣгаютъ съ арены.

Вотъ въ общихъ чертахъ знаменитыя мистеріи, ради знакомства съ которыми многіе европейскіе изслѣдователи не разъ рисковали жизнью. Начиная съ прошлаго столѣтія, недоступная столица таинственнаго Тибета съ его мистическимъ духовнымъ главой—предполагаемымъ воплощеніемъ Будды—неудержимо влекла къ себѣ ученыхъ и путешественниковъ, которые употребляли всевозможныя хитрости и уловки, чтобы проникнуть въ тайны ламаизма. Одинъ англичанинъ пробрался подъ видомъ монаха въ буддійскій монастырь и прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ, окруженный священниками, не разъ бывавшими въ Ласкѣ и участвовавшими въ тамошнихъ религіозныхъ церемоніяхъ. Отъ нихъ смѣлый изслѣдователь получилъ много цѣнныхъ свѣдѣній. Въ настоящее время маски, полученныя въ Америкѣ, дополнили эти свѣдѣнія и пролили новый свѣтъ на неизвѣданную до-нынѣ таинственную религію.

Французская газета „Temps“ сообщаетъ отъ 16-го февраля, что Вильямъ Юнгъ, внукъ основателя секты Мормоновъ, Брайяма Юнга, осужденный пожизненно на каторжныя работы за убійство въ Нью-Йоркѣ женщины полусвѣта,—сдѣлалъ попытку къ побѣгу, когда его переводили изъ государственной тюрьмы въ тюрьму Сингъ-Сингъ.

Онъ былъ такъ покоренъ и держалъ себя такъ скромно, что сторожа нашли возможнымъ ослабить надзоръ за нимъ и избавили его отъ ручныхъ кандаловъ. Огромная толпа собралась къ прибытію его на центральную станцію. Мормонъ воспользовался этимъ, сбилъ съ ногъ одного изъ сторожей и исчезъ въ толпѣ. Его нагнали, схватили и, послѣ упорнаго сопротивленія съ его стороны, надѣли на него кандалы.

Яко-лицый демонъ, содержатель
низшихъ областей.

Лама, отправляющійся на таинственную забаву или
на представлѣніе въ Ахассъ, сидящій на якѣ.

Монахъ-лама или жрецъ съ врагомъ—смертью
и флагомъ—съ маскою мучителя демона.

Головной уборъ и серьги изъ дорогихъ
каменей дѣвушки изъ столицы Тибета
Ахасса.

Во время всего процесса, Вильямъ Юнгъ представлялся такимъ подавленнымъ и слабымъ, что казалось, будто жизненные силы совсѣмъ ему измѣнились.

Во французскомъ журналѣ „La Reoue“ помѣщена интересная статья „Мормоны воскресли“.

— Постановленіемъ американскаго правительства отъ 10 октября 1888 г. „Церковь Святыхъ“ послѣднихъ дней была, повидимому, обречена на неминуемую гибель. Уничтоженная *de jure*, она не могла, казалось, устоять и *de facto*, тѣмъ болѣе, что Штатъ Ута, въ которомъ Брайамъ Юнгъ поселилъ 1848 г. мормоновъ, все сильнѣе наводнился „язычниками“, т. е. американцами и другими элементами, враждебными сектѣ. Но на дѣлѣ оказалось, что мормоновъ поторопились похоронить: „Церковь Святыхъ“ не только не усѣяла своими развалинами берега Соленого Озера, но, напротивъ, развилась и окрѣпла; число ея приверженцевъ увеличилось, колонія процвѣтаетъ, какъ никогда, и если 15 лѣтъ тому назадъ можно было говорить объ ея агоніи и смерти, то теперь приходится убѣдиться въ ея торжествующемъ воскресеніи.

Мормоны обязаны своимъ спасеніемъ, во 1-хъ: удачному примѣненію на практикѣ тѣхъ экономическихъ и филантропическихъ принциповъ, которые послужили основаніемъ ихъ общины и, во 2-хъ—самоотверженнымъ трудамъ и таланту своихъ предводителей, отечески управляющихъ этой большой семьей.

Процвѣтаніе секты тѣмъ удивительнѣе, что оно движется единственнымъ примѣромъ въ исторіи коммунистическихъ общинъ. Большинство такихъ попытокъ кончалось ничѣмъ, тогда какъ мормонство не переставало проявлять жизненную энергію. Основатели мормонства Іосифъ Смитъ, братья Праттъ, Брайамъ Юнгъ и друг. стремились осуществить на практикѣ новыя въ то время идеи сенъ-симонизма и фурьеризма и такъ какъ они были не мечтатели, а люди съ сильнымъ характеромъ, въ большинствѣ случаевъ вышедшіе изъ пролетаріата и твердо рѣшившіеся обогащаться, обогащая одновременно и всѣхъ желающихъ помочь ихъ дѣлу,—то это имъ и удалось.

Извѣстно, что будучи, прекрасными организаторами, мормонскіе пророки обладали и воинственными наклонностями. Окруженный цѣлой арміей послѣдователей, Іосифъ Смитъ объявилъ, что земля принадлежитъ Святымъ и вознамѣрился присоединить къ Новому Іерусалиму всю область по теченію Миссури. „Язычники“ отвѣтили съ оружіемъ въ рукахъ. І. Смитъ и 12 апостоловъ были взяты въ плѣнъ, избиты и осмѣяны и мормоны съ позоромъ изгнаны изъ богатой провинціи. Святые двинулись на западъ и раскинули свои палатки на берегу Соленого Озера. Но и этимъ ихъ злоключенія не окончились: конгрессъ отказался ихъ

признать и объявить преступниками всѣхъ, уличенныхъ въ многоженствѣ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на декреты 1882 и 1888 годовъ, Церковь Святыхъ правила своей колоніей, и въ 1901 г. Іосифъ Смитъ былъ единогласно избранъ ея главой и представителемъ.

Французъ Реми, посѣтившій мормоновъ въ 1860 г., писалъ:

— Всюду царствуютъ порядокъ, тишина и цвѣтущая промышленность. Оправдывая эмблему, увѣнчивающую дворецъ главы мормоновъ, весь народъ непрестанно трудится, какъ пчелы въ ульѣ. Земледѣльцы и всевозможные ремесленники работаютъ съ утра до ночи. Не найдешь ни одного празднаго человѣка, начиная отъ самаго смиреннаго члена общества и кончая епископомъ и даже верховнымъ апостоломъ, никто не гнушается физическимъ трудомъ.

— Тоже самое и теперь. Улей—какъ называлъ общину ея основатель—состоитъ изъ различныхъ корпорацій и соединяетъ выгоду личнаго труда съ преимуществами общественной работы. Всѣ корпораціи соединены между собой общностью интересовъ, но каждая имѣетъ собственное устройство, позволяющее ей самостоятельно развиваться.

Мормонскіе пророки всегда имѣли въ виду опасность отъ чрезмѣрнаго накопленія населенія въ одномъ центрѣ, а потому время отъ времени большіе рои отдѣляются отъ главнаго улья. Недавно основалась такимъ образомъ колонія къ сѣверу отъ Віоминга, въ долину Бигъ-Горнъ. Въ назначенный день будущіе колонисты собираются со своими телѣгами, плугами, скотомъ и домашнимъ скарбомъ вокругъ своего предводителя, заранѣе назначеннаго главой церкви; они пускаются въ путь всѣ вмѣстѣ, останавливаются миляхъ во ста отъ прежняго мѣста жительства, сообща строятъ домъ, прорываютъ каналъ для орошенія общей земли и тотчасъ же создаютъ всевозможныя корпораціи.

Развѣ это не библейская картина? и развѣ такое пониманіе социализма, столь различное отъ французскихъ и нѣмецкихъ теорій, не можетъ служить поучительнымъ примѣромъ для европейскихъ „пророковъ“?

(С. Вердеревская.)

Миссіонерство, секты и расколъ.

Тамбовское сектантство и борьба съ нимъ.

Содержаніе: секты Тамбовской епархіи; подробный указатель сектантскихъ пунктовъ; статистика сектантства. I. *Молоканство*: 1) Тамбовскій толкъ—его главныя общины; вѣроученіе; внутреннее разложеніе; отношеніе къ православной церкви; прозелитизмъ; нравственная жизнь; 2) Донской толкъ—время его появленія и современное внутреннее состояніе; 3) Толстовскій толкъ—время его появленія; главныя общины; ихъ внутренній строй; богослужебный культъ и вѣроученіе: источники вѣроученія; ученіе о Богѣ, Иисусѣ Христѣ, Церкви, таинствахъ, обрядахъ, воскресеніи мертвыхъ и всеобщемъ судѣ.

Къ характеристикѣ раскольничьихъ начетчиковъ-собесѣдниковъ.

Въ составъ современнаго Тамбовскаго сектантства входятъ слѣдующія секты: молоканство, штунда, жидовство, хлыстовщина и скопчество. Первые три секты, по преимуществу, рационалистическія, а послѣднія двѣ—мистическія. Той или другой сектой, а нерѣдко и нѣсколькими вмѣстѣ зараженъ въ большей или меньшей мѣрѣ каждый изъ двѣнадцати уѣздовъ губерніи. Такъ, молокане встрѣчаются въ уѣздахъ: Тамбовскомъ, Моршанскомъ, Шацкомъ, Темниковскомъ, Кирсановскомъ, Борисоглѣбскомъ, Усманскомъ, Лебедянскомъ, Липецкомъ и Козловскомъ; штундисты—въ Тамбовскомъ, Моршанскомъ, Шацкомъ, Лебедянскомъ, Кирсановскомъ и Борисоглѣбскомъ; жидовствующие—въ Тамбовскомъ, Моршанскомъ, Шацкомъ, Спасскомъ, Елатомскомъ и Борисоглѣбскомъ; хлысты—въ Тамбовскомъ, Кирсановскомъ и Борисоглѣбскомъ и, наконецъ, скопцы—въ Козловскомъ и Моршанскомъ ¹⁾. Всего сектантовъ въ предѣлахъ епархіи

¹⁾ Болѣе подробный указатель сектантскихъ пунктовъ епархіи можетъ быть представленъ въ видѣ перечня зараженныхъ сектами селъ и деревень. При этомъ, во 1-хъ, въ число *молоканскихъ* пунктовъ войдутъ: с. Разказово, Аржанка, Чернавка съ д. Максимовкой, Коровино, Шилово, Митрополье, Нахотный Уголь, Бокино, Козымина Гать, Верх. Спасское, Олехино и Углянщина (дер. прих. с. Шадовъ), Ольшанка, Дуплятина и Коровино (дер. прих. с. Новознаменскаго), Александровка—Сосновка, Аннино, Верхоченье, Пановы-Кусты, Петровская, Звѣряевка и Гавриловка (дер. прих. с. Грязнуши), Б. Лозовка, Абакумовка и Лебедянъ (дер. прих. с. Березовки), Михайловка, Токаревка съ дер. Безукладовкой, Максимовка и Алексѣевка (дер. прих. села Остроуховки), Павлодаровка съ дер. Бокино, Сурава, Троицкая Дубрава, Горѣлое, Донская Слобода, Чекмари, Полковья Выселки и дер. Вязовка (Тамбов. уѣз.), Рыбное, Давыдово, Ниж. Ярославка, Нов. Устье, Лѣв. Ламки, Виряттино, Грибоѣдово съ дер. Шачей и Коноплянкой (Морш. у.), Черная и Казачья слободы,

насчитывается съ приблизительною точностью до 12,600 чел. обоого пола; въ этомъ числѣ: молоканъ 7,300; штундистовъ 1,620; жидовствующихъ—1,670, хлыстовъ 1,960 и, наконецъ, скопцовъ 50 чел. Впрочемъ опредѣлить число хлыстовъ, хотя-бы и съ приблизительною точностью, нѣтъ пока возможности; но съ увѣренностью можно сказать, что въ дѣйствительности ихъ больше. Приведенное нами общее количество сектантовъ, безъ сомнѣнія, возрастетъ и отъ того, что нынѣ, согласно распоряженію Его Преосвященства отъ 5 іюня 1900 г., по поводу доклада епарх. миссіонера, собираются официальные свѣдѣнія о сектантахъ и *городскихъ* приходоу епархіи.

Перейдемъ теперь къ характеристикѣ Тамбовскаго сектантства.

I. *Молоканство*. Въ настоящее время Тамбовское молоканство раздѣляется на толки: Тамбовскій, Донской и Толстовскій.

Тамбовскій толкъ—самый старый и самый многочисленный; къ нему принадлежатъ такъ наз. „духовные“ молокане, или уклейнцы. Послѣдніе имѣютъ въ епархіи нѣсколько большихъ центровъ, которые служатъ своего рода питомниками для многочисленныхъ мелкихъ молоканскихъ пунктовъ, отдаленныхъ отъ нихъ нерѣдко верстъ на 40 и болѣе. Изъ такихъ центровъ заслуживаютъ особеннаго вниманія: Дулиятый Кустъ,

Ялтуново, Завидная (дер. прих. с. Желанино), Сыровель, Борки, Монастырское. Чернытово, Кривая Лука, Новотомниково (Шацк. у.), Шокша, Теньгушево (Темник. у.) Нашекино, Пересыпк. Уметь, Сергіевка съ дер. Ольховкой, Вяжля, Марьянка, Курдюки, Калугино, Трескино, Каравайча, Лопатино, Инжавинье, Богданово, Ржаксенскіе дворики, Мордвиновка (Кирсанов. у.), Липяги, Алешки, Новоспасское, Чикаровка, Визовая съ дер. Тафинцево, Уварово, Чуевская Алабушка, Верхн. Чуево, Отхожее (Борисогл. у.), Верхняя Матренка, Лебедян. Выселки (Усман. у.), Кривецъ, Борисовка (Лебедян. у.), Шехмань (Липецк. у.), Новогаритово, Никольское-Быстромъ, Самовецъ съ дер. Павловкой (Козловск. у.); во 2-хъ, въ число *штундистскихъ*: с. Коровино, Горѣлое, Куксово, Донская Слобода, Полковья Выселки, Вязовка (дер.), Пановы-Кусты (Тамб. у.), Островка (Морш. у.), Черная и Казачья Слободы, Сыровель, Борки, дер. Сергіевка, Новотомниково, Старотомниково съ дер. Воронцовкой, Пичины (Шацк. у.), Кривецъ (Лебед. у.), Нашекино (Кирс. у.), Липяги съ дер. Коршуновкой, Чуевская Алабушка (Борисогл. у.); въ 3-хъ, въ число *жидовствующихъ*: Разказово (Тамб. у.), Каменка (Морш. у.), Черная и Казачья Слободы, Ялтуново, Сыровель, Борки, д. Сергіевка (Шацк. у.), Леплейка и Богдановка (Спасск. у.), дер. Щербатовка (Елатом. у.), Липяги и Грибановка (Борис. у.); въ 4-хъ, въ число *хлыстовскихъ*: Разказово, Новознаменское съ дер. Лазиневой и Матвѣевкой, Верхоценье, Вязовка, Токаровка, Сатино, Росляй съ дер. Карели и Ергилъ, Новопавловка и Ракитино (дер. прих. с. Павлодаровки)—(Тамб. у.), Лызовка (дер.), Каширка (дер. прих. с. Курдюки), Калугино, Трескино, Лопатино, Тропцкое-Семеновка, Ржаксен. дворики, Перевозъ, Мордвиновка, Ржакса (Кирсан. у.), дер. Серединовка, Туголуково, Цибизовка, Преображенское, Уварово, Березовка, Подгорное, Моисеев. Алабушка, Чуев. Алабушка, Отхожее (Борисогл. у.) и, наконецъ, въ 5-хъ, въ число *скопческихъ*: Старогаритово (Козлов. у.), Атмановъ Уголь и Правья Ламки (Морш. у.).

Петровская, Абакумовка (деревни), Пановы Кусты, Донская Слобода, отчасти—Разсказово (села—Тамбов. уѣз.), Уварово (Борисогл. у.) и приходъ с. Трескина (Кирсан. у.). Въ центрахъ молокане относительно главныхъ пунктовъ своего вѣроученія еще вѣрны завѣтамъ Уклenna. Въ рѣшеніи-же нѣкоторыхъ, по ихъ мнѣнію, второстепенныхъ вопросовъ они нерѣдко разногласятъ между собой; такъ, напримѣръ: большинство молочанъ утверждаетъ, что „второе пришествіе Христа уже было, когда Онъ, исполняя Свое обѣщаніе (Іоан. 14, 2—3), явился Своимъ ученикамъ по воскресеніи Своемъ“ (Іоан. 20, 19—20); что „никакого воскресенія мертвыхъ и всеобщаго суда не будетъ; но, по смерти человѣка, тѣло его возвращается въ землю, гдѣ на вѣки истлѣваетъ во грѣхѣ, а душа идетъ къ Богу, отъ Котораго тотчасъ получаетъ себѣ окончательное воздаяніе“. Меньшинство-же, наоборотъ, ждетъ второго пришествія Христа, воскресенія мертвыхъ и всеобщаго суда... Нѣкоторые, далѣе, говорятъ, что „рожденіе Христа было призрачнымъ“; что „Христосъ пришелъ на землю съ плотью Эноха, взятаго на небо; въ этой плоти Онъ жилъ, въ ней преобразился на горѣ и ея пострадалъ“, а въ доказательство своего мнѣнія приводятъ слѣдующее соображеніе: „въ Ветх. Завѣтѣ Господь взялъ на небо Эноха, Моисея и Ілію для того, чтобы собрать ихъ для Новаго Завѣта. И вотъ во время Преображенія Христа явились: Моисей и Ілія, а Эноха не было, потому что тѣло его было на Христѣ“... Иные не признаютъ свидѣтельствъ Апокалипсиса, считая его „апокрифическимъ“... Но всѣ подобныя противорѣчія не мѣшаютъ религіозному единенію уклонцевъ, такъ какъ спорные вопросы признаются ими за второстепенные и не входятъ въ кругъ излюбленныхъ ими бесѣдъ о православной „видимости“, „обрядности“ или, какъ еще нѣкоторые выражаются, „формалистикѣ“, въ отрицаніи которой всѣ они строго солидарны, разнясь между собой лишь въ изображеніи средствъ къ самозащитѣ; въ этомъ отношеніи, въ погонѣ за новизной, они нерѣдко проявляютъ презабѣлливую, далеко превосходящую раскольничью скрупулезность... Но, какъ ни силенъ духъ самозащиты въ Тамбовскихъ уклонцахъ, однако ихъ секта даже въ указанныхъ центрахъ приходитъ все къ большому разложенію. Не имѣя хорошихъ начетчиковъ, она держится лишь закоснѣлымъ упорствомъ стариковъ-молочанъ; напротивъ, молодежь молочанская сильно охладѣла къ своей доктринѣ и молитвеннымъ собраніямъ и, какъ можно опасаться, со смертію стариковъ, открыто перейдетъ на сторону сильныхъ своей пропагандой, начетчиками и организаторами фарисейски-возвышеннаго штундобаптизма и коварно-скрытнаго толстовства, которые во многихъ мѣстахъ епархіи уже поглотили еще такъ недавно громкія молочанскія общины. Въ своихъ отношеніяхъ къ православной церкви уклонцы не особенно злобны, а по мѣстамъ даже привѣтливы (наприм. въ дер. Абакумовкѣ). Духъ прозелитизма, хотя и присущъ имъ и кой-гдѣ даже въ

большей степени (наприм.. въ дер. Петровской ¹⁾), но пропаганда ведется почти исключительно на религиозной почвѣ и совершенно чужда социальных тенденцій. Въ нравственной жизни они подходят подъ общій уровень съ православными.

„Донскіе“ молокане появились въ трехъ пунктахъ епархіи въ 1874 г., а нынѣ проживаютъ только въ одномъ селѣ Рыбномъ, Моршанск. у. Ихъ община немногочисленна и плохо организована. Нѣтъ у нихъ и хорошихъ начетчиковъ и даже искренно преданныхъ своей сектѣ членовъ.

Съ конца 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія въ среду Тамбовскаго молоканства стали проникать социальные идеи гр. Л. Толстого. Здѣсь почва для нихъ оказалась настолько благоприятной, что скорѣе явилась возможность привить Тамбовскимъ молоканамъ и религиозное жеученіе графа. Въ настоящее время Толстовство имѣетъ многочисленныхъ adeptovъ среди молоканъ дер. Шачи и селъ: Чернавки, Митрополья, Кривца, Новогаритова, Нашекина и Разсказова. гдѣ оно получило и чисто-мѣстную окраску, въ зависимости отъ понятій и жизни простого народа. (Оставаясь вѣрными молоканству въ своихъ отрицательныхъ воззрѣніяхъ на православную Церковь, ея обряды и таинства, Тамбовскіе толстовцы въ то-же время сохраняютъ за собой не только названіе „молоканъ“, но и внутренній строй молоканскихъ общинъ и ихъ богослужебный культъ, съ его религиозными собраніями, пѣснопѣніями и богослужебными дѣйствіями. Правда, такая вѣрность молоканству вытекаетъ не изъ внутренняго убѣжденія въ его правотѣ мѣстныхъ главарей народнаго толстовства, а изъ той совершенно справедливой мысли послѣднихъ, что, дѣйствуя до времени на почвѣ внѣшняго сходства съ молоканами, можно успѣшнѣе привить имъ религиозно-социальные воззрѣнія Толстого ²⁾). Посему-то эти

¹⁾ Къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ молокане для совращенія православныхъ ясно, между прочимъ, изъ поданной крестьяниномъ Ал. Пуховымъ записки, въ которой онъ проситъ своего пастыря о. А. П-ва «отнискать» его «въ молоканство» и какъ на причину такой просьбы указываетъ: «послать меня отецъ, хотѣлъ меня женить на молоканкѣ *поневолю*!.. Другой царень, лѣтъ 22-хъ, изъ молоканъ, нѣкто Т. М-евъ за свой переходъ въ православіе, вопреки желанію своей матери, едва не былъ выгнанъ послѣднею изъ дому: «болѣе году сорочекъ не давала для смѣны!.. Да ужъ отецъ—православный заступился»... И такихъ примѣровъ можно было-бы привести оч. много!..

²⁾ Съ этой цѣлью, наприм., въ дер. Шачѣ, —гдѣ молокане рѣзко раздѣлились на двѣ враждебныя одна другой партіи: старомолоканскую и «іеросевскую» (отъ имени одного крестьянина), сильно зараженную религиозно-социальными идеями Толстого,—на молитвенныхъ собраніяхъ послѣдней партіи для привлеченія не только старомолоканъ, но и православныхъ поется слѣдующая пѣсня:

Слава, слава въ вышнихъ Богу!
Духъ мой радостно воспой!
Я стремлюсь къ Тебѣ чертогу,
Гдѣ женихъ сланчайшій мой.

Вотъ Іисусе мой сланчайшій
Мнѣ на помощь приходи;
Всѣхъ благъ міра мнѣ дающій,
Мою душу освяти.

главари тщательно увѣряютъ молоканъ въ тожество своего ученія съ молоканскимъ и на бесѣдахъ съ православнымъ миссіонеромъ распинаятся за молоканъ. Когда-же разница между ученіемъ ихъ и молоканъ нечаянно всплываетъ наружу, то на замѣчанія по сему поводу послѣднихъ они отвѣчаютъ: „наше ученіе и есть молоканское, а вы по темнотѣ своей не домекаете сего“!.. Между тѣмъ по догматическимъ и социальнымъ воззрѣніямъ они не имѣютъ ничего общаго съ молоканами Тамбовскаго толка.

Такъ, отрицая, вмѣстѣ съ другими сектантами *св. преданіе*, какъ источникъ христіанскаго вѣроученія, они въ то-же время бросаютъ тѣнь подозрѣнія на согласіе съ ученіемъ Христа *св. писаній* евангелистовъ и апостоловъ. Послѣдніе, по ихъ мнѣнію, люди простые и многаго въ ученіи Христа не поняли, многое извратили и во многомъ разногласили между собой. Одни, напримѣръ, попрежнему, держались ветхозавѣтной обрядности, а другіе отрицали всякую „формалистику“, допуская кое-что изъ нея лишь „ради немощи другихъ“, такъ что „Новозавѣтное ученіе Христа не сохранилось апостолами въ полномъ и неповрежденномъ видѣ“. Отсюда, по ихъ мнѣнію, и „въ писаніяхъ апостоловъ ученіе Христа извращено и самыя писанія полны взаимныхъ противорѣчій. Изъ всѣхъ евангелистовъ наибольшаго довѣрія заслуживаетъ ев. Іоаннъ, такъ какъ онъ былъ *очевидцемъ* всего, что записалъ; между тѣмъ какъ первые три

Ты покровъ моя одежда,
Въ скорби я тобой живлюсь.

О, пресладкій Икупитель,
Дай Свою мнѣ благодать!
«Дѣвства» Ты моего Хранитель,
Будь Ты мнѣ Отецъ и Мать!

Міра прелести, забавы,
Прочь идите отъ меня!
Всѣ вы—лестныя отравы,
Я бѣгу васъ, какъ огня.

Славой вѣчной восхищаюсь,
Суеты не лущусь земной;
Ежечасно утѣшаюсь
Твоей небесной красотой.

Гдѣ святыя всѣ соборы
И безплотныхъ ликъ духовъ

Воспѣваетъ трійческій хоръ;
Святъ Господь—Богъ Саваоѣ!

Гдѣ въ торжественномъ сіяніи
Къ Богу Матерь предстоитъ,
И на землю съ состраданіемъ
И любовію глядитъ.

Духъ сердца веселится,
Что Ты Богъ мой и Отецъ;
И душа туда стремится,
Гдѣ скорбямъ моимъ конецъ.

Я отъ міра удаляюсь,
Чтобъ достигнуть мнѣ небесъ,
И въ пустынь поселяюсь,
Не страшась скорбей и слезъ.

«Повсечасно я стараюсь
Мыслить только во святу»...

И дѣйствительно, минорный напѣвъ пѣсноп, навѣвающій въ связи съ ея содержаніемъ молитвенную грусть на слушателя, сильно дѣйствуетъ на весьма бѣдныхъ и темныхъ Шачинскихъ крестьянъ, которые въ изобиліи посѣщаютъ эти собранія.

евангелиста писали свои евангелія *по преданію* ¹⁾, со словъ другихъ, посему внесли въ свои записи много лишняго и даже невѣрнаго. Такъ, наприм., невѣрно изложена ими „вечеря Иисуса съ двѣнадцатью учениками“ (Мѡ. 26,20—29; Мар. 14,17—25; Лук. 22, 14—20), на которой было лишь простое вкушеніе хлѣба и умовеніе ногъ ученикамъ, какъ передаетъ о томъ самъ *очевидецъ* этой вечери ев. Іоаннъ. Хотя ап. Павелъ описываетъ эту вечерю, согласно съ повѣствованіями о ней первыхъ трехъ евангелистовъ, но это потому, что и онъ писалъ о ней *по преданію*, со словъ другихъ, не будучи самъ въ числѣ двѣнадцати на этой вечерѣ. Правда, ап. Павелъ говоритъ, что онъ, „отъ Самого Господа“ принялъ переданное имъ Коринѣянамъ повѣствованіе о вечерѣ Господней (1 Кор. 11,23), но вѣдь это свидѣтельствуетъ самъ Павелъ о себѣ, а другихъ свидѣтельствъ о семъ мы не знаемъ“... Сверхъ сего, по мнѣнію этихъ сектантовъ, и самыя писанія апостоловъ не дошли до насъ въ неповрежденномъ видѣ. При такомъ взглядѣ на личность и писанія св. апостоловъ неудивительно то вольное и крайне тенденціозное отношеніе къ Библии, какимъ рѣзко отличаются тамбовскіе молокане—толстовцы отъ прочихъ сектантовъ. „Предоставьте молоканамъ спастись по ней“, указывая на Библию, говорилъ одинъ изъ представителей этой фракціи молоканства, а „намъ нужно двигать народъ не назадъ, а впередъ“!.. И дѣйствительно, этимъ „двигателямъ народа впередъ“ Библія нужна лишь постольку, поскольку она можетъ, повидимому, оправдать ихъ ученіе въ глазахъ темной и вѣрующей въ ея божественный авторитетъ массы крестьянъ. Пользуясь Библіей лишь какъ могущественнымъ средствомъ къ пропагандѣ своихъ воззрѣній въ средѣ крестьянъ, тамбовскіе молокане-толстовцы все то, что въ ней не согласуется съ ихъ взглядами и не поддается подтасовкѣ, не только отрицаютъ, но и кощунственно перифразируютъ и осмѣиваютъ. Наприм., сказаніе бытописателя о грѣхопадѣніи первыхъ людей у сектантовъ извѣстно подъ заглавіемъ: „какъ мудрый Богъ дразнилъ первыхъ людей райскими яблочками“; повѣствованіе о божественномъ полномочіи Моисея и Аарона къ руководству еврейскимъ народомъ въ перифразѣ сектантовъ значитъ: „какъ появились власть свѣтская и духовная—царь и попы“ и пр...—*Свое-же ученіе* они черпаютъ изъ разныхъ подпольныхъ брошюръ, въ родѣ „Хитрой механики“ (написана чрезъ „Ремингтонъ“ и помѣчена 1895 годомъ), изъ сочиненій: Хельницкаго („Сѣтъ вѣры“), Э. Ревана („Жизнь Иисуса“), изъ религіозно-публицистическихъ романовъ Э. Золя („Лурдъ“ и др...), но, главнымъ образомъ, изъ подпольныхъ сочиненій своего „отца-благодѣтеля“—гр. Л. Толстого, которыя съ быстротой телеграфа откуда-то доставляются имъ. Такъ, не успѣлъ послѣдній романъ Л. Толстого „Воскресеніе“ полностью появиться—

¹⁾ Ев. Матѡей признается ими за Матѡія (Дѣян. 1,26).

ся въ печати, какъ уже многія главы его, особенно касающіяся ученія православной церкви, напр., о таинствѣ причащенія, и непропущенныя русской цензурой, читались сектантами, а чрезъ нихъ и православными крестьянами въ рукописяхъ... Съ поразительной скоростью появилась и распространилась среди нихъ и недавно пущенная въ подпольное обращеніе басня—„Голуби-побѣдители“... Любятъ сектанты почитать книги о буддизмѣ и „Исторію религіи“ Мензиса... Не забываютъ многіе изъ нихъ и прежде чтимыхъ книгъ: „Побѣдная повѣсть“ (по выраженію православныхъ: „лихая болѣсть“), „Таинство Креста“ и др... Нѣкоторые изъ мѣстныхъ главарей разсматриваемой фракціи молоканства пускаютъ въ обращеніе и собственнаго авторства рукописныя брошюры, содержащія опроверженіе православнаго ученія: „о храмѣ“, „причащеніи“ „призываніи святыхъ“... По словамъ наиболѣе рьяныхъ молоканъ-толстовцевъ, „*Бога, какъ личности* и притомъ отдѣльной отъ міра, не существуетъ. Богъ есть любовь, разсѣянная по частямъ въ сердцахъ или совѣсти людей; такъ-что каждый человѣкъ носитъ въ себѣ искру божества, а совокупная, такъ сказать, совѣсть людская вмѣщаетъ въ себѣ *всего Бога*. Въ этой совѣсти, другого Бога не существуетъ, или, точнѣе, людская совѣсть и есть Богъ. Посему и Писаніе говоритъ: „человѣкъ созданъ по образу и подобию Божію“, а „Богъ есть *любовь* и пребывающій въ любви пребываетъ въ *Богѣ* и Богъ *въ немъ* (1 Іоан. 4, 16). Въ частности, эта „любовь“ должна проявляться въ томъ, чтобы люди дѣлательно „любили другъ друга“, наприм., „наполни жаждущаго, накормили алчущаго, пріютили странника“ и пр... Такой „любви“ и только ея достаточно для спасенія человѣка, которое состоитъ въ жизни въ *Богѣ*, или покоѣ совѣсти. Всякая религія, учащая объ иномъ *Богѣ*, живущемъ отдѣльно отъ людей и требующемъ отъ нихъ еще другихъ подвиговъ, есть выдумка людская для наживы; таковъ, наприм., Библейскій Богъ, якобы сотворившій человѣка: какъ можно повѣрить сему?! Въѣдъ если я знаю, что этотъ стаканъ разобьется, то зачѣмъ я брошу его на полъ? Также если Іегова зналъ, что первые люди согрѣшатъ, то зачѣмъ Онъ сотворилъ ихъ для жизни въ *мірѣ*?“. И *Христосъ*, по мнѣнію сектантовъ, не есть Богъ въ христіанскомъ смыслѣ этого слова. Называется Онъ „Сыномъ Божіимъ“, какъ нравственно совершенный человѣкъ, вмѣстившій въ Себѣ и проявившій въ Своей жизни высшую „любовь“ къ людямъ. По Своему-же происхожденію Онъ „простой сынъ Іосифа и Маріи, каковымъ признаютъ его Ренанъ и гр. Толстой“. Его смерть имѣетъ для насъ значеніе „не искупленія отъ грѣховъ, а лишь образца крѣпкаго стоянія за истину во время гоненій, подражать которому научаютъ насъ Христосъ и ап. Павелъ (Мѡ. 20, 22—23; Рим. 6, 3—5)“... При такомъ взглядѣ на лицо Христа неудивительно, что нѣкоторые изъ упомянутыхъ сектантовъ ставятъ нравственное ученіе Его „не выше ученія Будды и ниже ученія *Л. Толстого*“.

Одинъ изъ такихъ сектантовъ, находящійся въ сношеніяхъ съ Толстымъ, въ бесѣдѣ со мной, между прочимъ, высказалъ, что Христосъ учитъ: „возлюбѣ ближняго, какъ самого себя“, а Толстой велитъ: „люби другихъ больше, чѣмъ самого себя“, и пояснилъ мнѣ это слѣдующимъ примѣромъ. „Вотъ у меня два пирожка. Входитъ нищій. Я, слѣдуя заповѣди Христа, долженъ дать ему *одинъ* пирожокъ, т. е. ровно столько, сколько оставляю себѣ; а, слѣдуя повелѣнію Толстого, я долженъ отдать *оба* пирожка, т. е. больше, чѣмъ оставляю себѣ, такъ какъ себѣ я ничего не оставляю: послѣдній поступокъ, очевидно, и выше перваго“... ¹⁾). Признавая необходимой для спасенія человѣка одну только „любовь къ людямъ“, виѣшнія проявленія которой не выходятъ за предѣлы житейской морали, преслѣдующей исключительно матеріальныя удобства жизни, означенные сектанты отвергаютъ не только богоучрежденность, но надобность особой *видимой Церкви съ ея таинствами и обрядами*. „Все это пустая формалистика и корыстная“, говорилъ мнѣ одинъ изъ мѣстныхъ главарей толстовской фракціи молоканства. Посему, всѣ мѣста изъ Св. Писанія, свидѣтельствующія о новозавѣтной „видимости“, онъ истолковывалъ, какъ говорящія объ „остаткахъ отъ ветхозавѣтной обрядности, полностью уничтоженной Христомъ“. „Правда, говорилъ онъ, Самъ Христосъ, во время Своей земной жизни, соблюдалъ обрядовыя предписанія, но это съ цѣлью „исполнить всякую правду“, т. е. выполнить весь ветхозавѣтный законъ и тѣмъ самымъ отмѣнить его навсегда, что и сдѣлалъ Христосъ въ моментъ Своей смерти, когда сказалъ: „свершилось“ т. е., пояснилъ сектантъ, кончился ветхій законъ, какъ говорить о томъ и ап. Павелъ: „кончина закона Христосъ“. Со смерти-же Христа начался новый законъ или служеніе Богу „въ духѣ“, а не „видимости“. Если-же Апостолы и послѣ смерти Христа придерживались „видимости“, то это потому, что не могли сразу отрѣшиться отъ всѣхъ обрядовыхъ предписаній своего прежняго закона; такъ, вопреки повелѣнію Христа, они продолжали употреблять воду для крещенія, елей для помазанія, приносили кровавыя жертвы и пр... Для насъ-же обязательно лишь чисто-духовное поклоненіе Богу, посему у насъ крещеніе не водное, а „въ смерть Христа“ (Римл. 6, 3), какъ крестился Самъ Христосъ, на что и Апостоламъ Онъ указалъ (Мѡ. 20, 22—23); также и причащеніе у насъ есть не яденіе прѣстыхъ хлѣба и вина, которые никогда не могутъ претвориться въ плоть Христову, и не яденіе видимой плоти Христовой, которая сама по

¹⁾ Жалкое недомысліе! Вѣдь, отдавая нищему *одинъ* пирожокъ, я удѣляю ему не все, а лишь $\frac{1}{2}$ того, что приготовилъ для себя и, слѣдовательно, по морали Христа, я долженъ былъ отдать нищему *оба* пирожка. Какъ-же теперь, по морали Толстого, я отдамъ нищему *больше* двухъ пирожковъ, т. е. отдамъ то, чего у меня нѣтъ?!.. Иначе: могу-ли отдать за ближняго что-либо большее души и тѣла своихъ, которыхъ храню я для себя?!..

себѣ, какъ плоть простаго челоуѣка, „не пользуется ни мало“, а принятіе словъ или ученія Іисуса—до готовности пострадать за нихъ, по примѣру Самого Христа“. Многіе изъ молоканъ-толстоицевъ не признаютъ также воскресенія мертвыхъ и всеобщаго суда, считая христіанское ученіе объ этихъ предметахъ корыстной выдумкой съ цѣлью запугать темный народъ. Словомъ, едва-ли не все вѣроученіе православной Церкви признается ими плодомъ корысти, на которую весьма сильно налегаютъ представители этой партіи и въ бесѣдахъ съ миссіонеромъ, нисколько не стѣсняясь рѣзкостью своихъ выраженій. Такъ, наприм., одинъ изъ сектантовъ во время публичной бесѣды съ миссіонеромъ вычитывалъ изъ рукописной брошюры цѣлыя страницы, полныя самаго грубаго издѣвательства надъ „жадностью ветхозавѣтнаго священства, особенно проявлявшагося въ забираніи имъ себѣ жертвенныхъ частей мяса и даровъ“¹⁾, испещренныя ругательствами надъ „безсмысліемъ“ православныхъ и надъ стараніями гг. миссіонеровъ „обольстить простой народъ учеными словами“; въ заключеніе онъ съ дикимъ паѳосомъ прокричалъ: „и ап. Павелъ отрицалъ видимые храмы и предавалъ поклоняющихся имъ анаѣмѣ, а вы (т. е. пастыри Православной Церкви) понастроили ихъ для своей корысти“!.. Другой не менѣе фанатичный сектантъ злобно перебивалъ бесѣду миссіонера словами: „да что вы намъ говорите! Все это мы знаемъ,—получаете тысячи, да и проповѣдаете! Знаемъ, что и палочки у васъ есть для насъ, такъ ужъ лучше свяжите насъ, какъ сотники Христа“!..

И. Айвазовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ характеристикѣ раскольниковъ начетчиковъ, какъ собесѣдниковъ съ миссіонерами.

(Бесѣды съ Коноваловымъ и непринятія имъ условія.)

6 Января текущ. года въ дер. Ташкино, Лукояновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи пріѣхалъ пропагандистъ безпоповщинскаго раскола слѣпецъ Коноваловъ. Цѣлью его пріѣзда сюда было утвержденіе спасовцевъ с. Тапкина въ ихъ упованіи, которое было сильно поколеблено присоединеніемъ къ православной церкви бывшаго ихъ наставника Ф. А. Петрина.

Коновалову были посланы на дорогу 25 рублей, а остальные деньги изъ собранныхъ раскольниками (по 2 р. 50 коп. съ дому), въ вознагражденіе „за труды“, были вручены ему послѣ бесѣды. Его согласіе на пріѣздъ было получено около половины декабля и тогда-же имъ присланы и обыкновенныя его условія бесѣды: говорить по 30 минутъ каждой сторонѣ, и не прерывать рѣчь говорящаго въ его минуты. Время для бесѣды онъ на-

¹⁾ Что, конечно, служило яснымъ намекомъ на корысть нашего духовенства!

значиль 6 и 7 января. Эти условия членомъ отдѣленія братства св. Креста миссіонеромъ священникомъ о. А. К. были приняты и за его подписью были возвращены Коновалову. Около половины-же декабря въ здѣшній край пріѣзжалъ епарх. миссіонеръ Ив. Петр. Ломакинъ и ему было повѣдано о вызовѣ Коновалова, объ отвѣтѣ его на вызовъ и о назначеніи бесѣды на 6 и 7 января. Зная близко Коновалова, миссіонеръ и тогда уже постѣговаль, затѣмъ согласились на условия пропагандиста, но дѣло было сдѣлано и вернуть его обратно было уже невозможно. Коноваловъ пріѣхалъ въ Ташикино въ назначенный своему защитнику имъ срокъ. Въ бесѣду вступили съ нимъ здѣсь мѣстные миссіонерскія силы. Бесѣдовали 7, 8 и 9 января. На 1-й бесѣдѣ былъ поставленъ вопросъ о вѣчности Церкви Христовой со священствомъ. Коноваловъ, какъ извѣстно, вѣчность церкви со священствомъ отрицаетъ на основаніи книги о вѣрѣ, л. 29—30, гдѣ говорится, что началу Христовой Церкви соотвѣтствуетъ и кончина ея; а такъ какъ, по словамъ Коновалова, въ началѣ у Христа не было священства, то не будетъ его и при концѣ, что-де сейчасъ и видится. И затѣмъ въ 30 минутъ имъ было начитано множество мѣстъ изъ писанія отцовъ церкви, какъ-бы въ подтвержденіе его мыслей. По силѣ и возможности миссіонеры разобрали ложь его основнаго положенія, но пока они разбирали это, всѣ 30 минутъ прошли, и разбирать приведенныя имъ мѣста изъ писанія такъ и не пришлось. Когда-же черезъ $\frac{1}{2}$ часа опять пришла очередь Коновалова, онъ, похуля прав. церковь, вновь начиталъ и еще столько-же разныхъ мѣстъ и пророчествъ, сбывшихся будто-бы на современномъ духовенствѣ. Ясно, что разобрать всѣ эти мѣста въ 30 минутъ нѣтъ никакой возможности; у простого народа составлялось мнѣніе, что Коноваловъ не опровергнутъ и отвѣта ему, по множеству мѣстъ, имъ приводимыхъ, православными не дано. Такой же порядокъ бесѣды былъ на 2-й и на 3-й день. Къ счастью, сюда пріѣхалъ долго ожидаемый епарх. миссіонеръ Ломакинъ. Пріѣхалъ онъ 9 января къ самому началу бесѣды. На этотъ день была назначена бесѣда о порицаніяхъ и мнимыхъ ересьхъ православной церкви. Со стороны православныхъ продолжалъ бесѣду Петринъ, а епарх. миссіонеръ былъ пока слушателемъ. Вотъ теперь-то и явлена была вся хитрость манеры раск. апологета бесѣдовать по предложеннымъ имъ условіямъ, по получасамъ и съ запретомъ прерывать рѣчь говорящаго. Коноваловъ намѣренно вырывать изъ книгъ мѣста безъ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, освѣщаль ихъ своими толкованіями, и такой недобросовѣстный и хитрый подборъ продолжался полчаса. Результатъ изъ его подбора и толкованій для раскола получался самый благопріятный. Православному миссіонеру не хватало времени, чтобы показать ложь основнаго положенія Коновалова, а затѣмъ дать разъясненія и по тѣмъ мѣстамъ, которые онъ начиталъ. Въ бесѣду съ Коноваловымъ вступилъ епарх. миссіонеръ. Коноваловъ сталъ вычиты-

вать опять съ прежними же пріемами мѣста изъ разныхъ книгъ, но на первомъ же мѣстѣ былъ миссіонеромъ остановленъ вопросомъ, откуда онъ читаетъ и такъ-ли, съ тѣмъ-ли смысломъ должно читать приведенное мѣсто? Коноваловъ заволновался и обратился съ жалобой къ народу, что вотъ ему не даютъ говорить. Раскольники запумѣли, и шумъ продолжался минутъ 10. Однако миссіонеръ настоялъ на своемъ вопросѣ, и самъ же слѣпой пропагандистъ долженъ былъ сознаться, что мѣсто, приведенное имъ (изъ Никифора Астрах.), не ту содержитъ мысль, какую онъ хотѣлъ провести. Такихъ остановокъ пришлось миссіонеру сдѣлать нѣсколько и всегда съ одинаковымъ результатомъ. Пришло время говорить православному миссіонеру и въ результатѣ получилось бѣгство Коновалова. Дѣло въ томъ, что Коновалову было послано 10 января письмо съ новыми условіями бесѣдъ, которыя читатели могутъ видѣть изъ копіи того письма, помѣщаемой ниже. Письмо Коноваловъ возвратилъ безъ отвѣта и въ тотъ же часъ уѣхалъ изъ здѣшнихъ мѣстъ. При условіяхъ бесѣды, какія предложены въ письмѣ, онъ и всегда бѣгаетъ, какъ убѣждалъ онъ отъ того-же И. П. Ломакина и 4 января изъ села Кантаурова, Семеновскаго уѣзда, проведя бесѣду всего около 1 часа времени.

Долголѣтнимъ опытомъ епарх. миссіонеръ Ломакинъ дозналъ, что только такія условія бесѣды, какія имъ предложены въ письмѣ, и могутъ произвести благопріятное впечатлѣніе на слушателей въ пользу православія въ борьбѣ съ такими апологетами раскола, какъ Коноваловъ, Усовъ, Мельниковъ и проч. и на мой взглядъ такая только постановка бесѣды и есть наиболѣе цѣлесообразная. Тутъ не будетъ возможности раск. начетчикамъ зачитывать своего собесѣдника множествомъ отрывочно взятыхъ мѣстъ.

Вотъ копія письма къ Коновалову съ нашими новыми условіями.

Милостивый Государь Андрей Аванасьевичъ!

Узнавъ, что вы еще въ нашихъ краяхъ, я прошу васъ согласиться относительно мѣста для публичной бесѣды съ вами, и съ своей стороны предлагаю, какъ мѣсто наиболѣе подходящее для бесѣды и центральное для мѣстнаго населенія, село Оброчное. Бесѣдовать прошу пожаловать завтра, 11 января, въ 2 часа по-полудни, въ оброчинскій теплый храмъ.

Предъ бесѣдами въ д. Ташкинѣ вы сами назначали условія о порядкѣ и времени веденія ихъ. Справедливость требуетъ, чтобы вы теперь согласились на наши условія относительно бесѣды.

Условія эти слѣдующія: 1) Избрать съ общаго согласія предметомъ бесѣды одинъ какой-либо вопросъ, напр., вопр. о вѣчности Христовой Церкви, держаться разъясненія этого вопроса до конца бесѣды;—2) Не начитывать по 10 и болѣе мѣстъ заразъ, какъ вы это дѣлаете обычно, а взять 2 или 3 мѣста писанія и объяснять лишь эти мѣста, а затѣмъ дать возможность эти-же мѣста объяснить и собесѣднику, пусть сами слушатели будутъ судьями правоты той или иной стороны. 3) Если собесѣдникъ начнетъ вычитывать слова изъ книгъ неправильно, переименовывать ихъ или пропускать и доба-

влять, или не дочитывать нѣсколько строкъ изъ указаннаго имъ мѣста, собесѣдникъ въ правѣ остановить читающаго и указать ему на его вольную или невольную ошибку, извращающую часто весь смыслъ прочитаннаго.

Вотъ наиболѣе справедливыя условія для той и другой стороны. Обычныя ваши условія этой справедливости не имѣютъ; легче накидать въ полчаса десятки обвиненій, нежели въ эти же полчаса отъ двухъ или трехъ изъ этихъ обвиненій оправдаться. Это положеніе настолько вѣрно, что и оспаривать его нѣтъ возможности ни той, ни другой сторонѣ. Это прочитываніе множества мѣстъ не уясняетъ истины—этому свидѣтелями были вчера всѣ, кто искалъ истину, а не спора и шума. Вспомните вчерашнюю бесѣду объ епитиміяхъ. Вы набросали много мѣстъ изъ книги, будто-бы обвиняющихъ православную Церковь; для этого 30 минутъ было болѣе чѣмъ достаточно, но чтобы разобрать эти обвиненія вашему оппоненту, этихъ-же 30 минутъ было далеко недостаточно; едва онъ успѣлъ разобрать первые два изъ этихъ обвиненій (и разобралъ прекрасно) и началъ разборъ третьяго, какъ вы заявили о правѣ на свои минуты. Но что всего лучше доказываетъ всю уродливость, выработанныхъ вами условій для бесѣды, вы начали свои тридцать минутъ заявленіемъ, что вотъ: „Иванъ Петровичъ такъ и не доказалъ, что въ господствующей церкви не нарушены соборныя правила и правила св. о. о. объ епитиміяхъ, а по присягѣ (съ выпусками вами прочитанной) попы господствующей церкви дѣйствуютъ по регламенту Петра I-го“. А вѣдь о сказанномъ въ регламентѣ Иванъ Петровичъ и хотѣлъ выяснитъ и вамъ и служителямъ, да вотъ вы своею претензіею о своихъ минутахъ помѣшали. Да вамъ и резонъ былъ помѣшать: вѣдь вы прекрасно знаете и знали, что регламентъ вамъ и вашимъ хуленіямъ на православную церковь ничуть не помощникъ, а обвинитель-то онъ большой для васъ; какой же вамъ интересъ давать возможность собесѣднику лишній разъ показать вашу лживость и умышленное угроженіе писаній. Для васъ было удобнѣе сдѣлать то, что вы и сдѣлали: кончить съ шумомъ бесѣду и заявить о неисполненіи яко-бы съ нашей стороны бесѣды.

Третье условіе также необходимо соблюдать. На бесѣды мы—да хотѣлось-бы думать и вы—ходимъ для исканія истины. Если-же истину хотятъ скрыть намѣренно, то это выходитъ дѣломъ не человѣка, а самого діавола, желающаго всѣмъ погибели, всегда лгущаго и отъ всѣхъ лжецовъ.

Бесѣдовать съ вами будетъ Иванъ Петровичъ Ломакинъ. Въ случаѣ вашего отказа отъ бесѣды съ нимъ, копія съ этого письма будетъ послана въ редакцію „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ для напечатанія: пусть добрые люди видятъ изъ содержанія настоящихъ условій, кто ищетъ истины и кто сѣетъ ложь и гибель. Кажется достаточно выяснены основанія, почему вы, какъ сами выражаетесь, извѣстны всей Россіи, эти основанія ваши: 30-ти минутные сроки для бесѣды, а не ваша правота и знаніе слова Божія,—въ послѣднемъ вамъ можно вполне отказать. Можетъ быть вамъ послѣднее и обидно слышать, такъ вотъ завтра докажете, что мы въ васъ ошибаемся, а докажете вы это только согласіемъ на предлагаемыя вамъ въ этомъ письмѣ условія.

Священникъ села Оброчнаго, миссіонеръ 4-го окр., Лукояновскаго уѣзда,
Димитрій Зефировъ.

Корреспонденція „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, извѣстія и замѣтки.

Изъ Тверской губерніи.

(Экзамены въ начальныхъ земскихъ школахъ Тверской губерніи).

Въ настоящее время, когда неблагонамѣренное направленіе земскихъ школъ Тверской губерніи раскрыто и опубликовано вслухъ всѣхъ, небезынтересно привести нѣкоторые иллюстраціи къ данному вопросу; къ числу послѣднихъ можно отнести выпускные экзамены.

Пишущему эти строки, какъ бывшему учителю церковной школы, сроднившемуся съ ея характеромъ и особенностями, съ ея религіозно-церковнымъ духомъ, являющимся душой этой школы,—чрезвычайно рѣзкой показалась та разница, съ которою ему пришлось встрѣтиться на экзаменахъ въ земской школѣ въ качествѣ священника-законоучителя. Экзамены эти здѣсь служатъ, сколько пришлось замѣтить, пробнымъ камнемъ или показателемъ, по которому земскіе дѣятели, сообразно съ полученными ими на экзаменѣ наблюденіями, или усиливаютъ дѣятельность своей пропаганды по отношенію къ извѣстнымъ школамъ или ослабляютъ ее: обычно усиливалось земское воздѣйствіе въ тѣхъ школахъ, гдѣ гг. учащіе являли собою болѣе надежный, консервативный элементъ, не проникшійся „идеями земства“, хотя бы даже изъ страха давленія со стороны его,—и уменьшалось тамъ, гдѣ и безъ специальной земской агитаціи учащіе добровольно отдавались на служеніе законнымъ и незаконнымъ задачамъ земства. Въ справедливости настоящей мысли не приходится сомнѣваться послѣ того, какъ официально сообщено, какъ нѣкоторые „земскіе учителя“ были увольняемы со службы „за исповѣданіе православной вѣры и за вѣрность своему Государю“...

Нѣкоторой иллюстраціей этого можетъ служить слѣдующее событіе изъ жизни Корчевскаго уѣзднаго земства: лѣтомъ 1903 г., на одной изъ сессій, послѣдовало предложеніе—уволить изъ школъ замужнихъ учительницъ. Не подумайте, чтобы земство побуждаемо было къ этому какими нибудь особенными причинами, въ родѣ неуспѣшности тѣхъ школъ, гдѣ ведутъ дѣло обученія замужнія учительницы; нѣтъ, но исключительно потому, что между послѣдними есть жены духовныхъ лицъ, которыя, разумѣется, никогда не будутъ находиться въ стговорѣ съ какими либо земскими дѣятелями, вмѣсто своихъ надлежащихъ задачъ преслѣдующими задачи и другія, далекія отъ вѣрности вѣрѣ православной и „властямъ предержащимъ“. Только благодаря энергичной защитѣ одного члена училищнаго совѣта,

многіе учительницы остались благополучно продолжать свою работу, а предложение земства было ограничено рѣшеніемъ не принимать вновь ни въ какомъ случаѣ замужнихъ учительницъ.

Теперь объ экзаменахъ въ земскихъ школахъ. Прежде всего—экзамены эти—событіе особенной важности для всего мѣстнаго населенія; оно въ большомъ количествѣ собирается въ классную экзаменаціонную комнату. Немного нужно наблюдательности, чтобы отмѣтить въ толпѣ любопытствующихъ свидѣтелей экзамена—крестьянъ—двѣ категоріи. Одни, уже „сбившіися“ народъ и служащій до нѣкоторой степени благодарнымъ орудіемъ для „земства“ въ смыслѣ проведенія имъ въ жизнь своихъ идей; другіе—это большею частію родители оканчивающихъ курсъ дѣтей; въ нихъ еще живо чувство родительской заботливости—видѣть въ дѣткахъ воплощеніе заветныхъ желаній, т. е., чтобы дѣти ихъ, по мѣрѣ обученія, становились вѣрующими, воспитанными, нравственными, чтобы страхъ Божій и повиновеніе отцу и матери, церкви и властямъ были бы основаніемъ всей ихъ жизни.

Послѣдняго рода посѣтители экзамена, несомнѣнно, обманулись въ своихъ лучшихъ ожиданіяхъ. И какъ имъ было не обмануться, когда председатель экзаменаціонной комиссіи, онъ же и председатель управы, человекъ, долженствующій идти во главѣ народнаго просвѣтительнаго дѣла, открыто заявляетъ съ папирсой въ рукѣ, что онъ не специалистъ по Закону Божію (это въ объемѣ курса начальныхъ школъ! и человекъ съ университетскимъ образованіемъ то!) и что хорошо бы, еслибы оо. законоучителя составили свою комиссію, для которой и отводилось, обыкновенно, мѣстечко, гдѣ то въ уголкѣ обширнаго класснаго помѣщенія... какъ для чего-то менѣе, чѣмъ второстепеннаго. вмѣсто того, чтобы выдѣлить Законъ Божій изъ всѣхъ остальныхъ предметовъ, какъ предметъ особой важности, вмѣсто того, чтобы воспользоваться благодарнымъ случаемъ преподавать и сообщить уроки по Закону Божію не только дѣтямъ, но и ихъ родителямъ, изъ которыхъ многіе съ радостію бы послушали сужденія и рассказы о предметахъ „божественныхъ“,—главному предмету не находится лучшаго мѣста, чѣмъ въ уголкѣ классной комнаты, откуда не слышно для посѣтителей ни вопросовъ, ни дѣтскихъ отвѣтовъ. Но вотъ и экзаменъ. Начавшійся процессъ испытанія учениковъ вводитъ слушателя въ курсъ свѣдѣній, составляющихъ „насущный хлѣбъ“ земства. По мѣрѣ того, какъ вы болѣе и болѣе интересуетесь вопросами членовъ комиссіи, вамъ начинаетъ раскрываться мысль, что публичный экзаменъ въ земской школѣ преслѣдуетъ широкія задачи, о какихъ вы раньше и не могли предполагать. Если вы неопытный учитель, то многое бы проиграли въ мнѣніи о себѣ „земскаго начальства“, руководясь въ своемъ преподаваніи *только* программой, одобренной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для начальныхъ школъ. Дѣло въ томъ, что отъ учащихся тре-

буется, чтобы они обязательно имѣли универсальныя свѣдѣнія, не исключая свѣдѣній о специально-земской организаціи,—по вопросамъ: „что такое земское собраніе, о чемъ разсуждается на немъ, изъ кого оно состоитъ и о чемъ заботится; далѣе: что такое судъ, какъ онъ раздѣляется или какіе виды суда и кто въ немъ засѣдаетъ“. Послѣ того, какъ въ отвѣтъ на большинство сказанныхъ вопросовъ слѣдуетъ молчаніе ученика или же какой либо несвязный наборъ словъ, ему предлагается вопросъ буквально въ такой формѣ: „а какъ, голубчикъ, ты думаешь, тихо въ судѣ или нѣтъ?“ Испытуемый, по аналогіи со школьной дисциплиной, разумѣется, отвѣчаетъ: „да, тихо“. „Что же по твоему у насъ судъ не гласный“, рѣзко обрываетъ оторопѣвшаго ученика председатель комиссіи. Прибавьте къ этому рядъ вопросовъ: „какое государство образованіе—русское или заграничныя, почему Богъ разсыпалъ евреевъ по всей землѣ“, „что такое машина, какъ она ходитъ, въ чемъ заключается дѣйствіе пара“ и т. д.; и вы увидите, какія широкія задачи предносятся уму и сердцу истыхъ радѣтелей земства на почвѣ народнаго просвѣщенія. Не лишне упомянуть, для полноты впечатлѣнія, о характерѣ отношеній членовъ комиссіи къ вопросамъ, такъ или иначе соприкасающимся съ областью религіозной. Напр., при разборѣ басни Крылова—(„Волкъ на псарнѣ“), гдѣ, между прочимъ, встрѣчается выраженіе: „въ минуту псарня стала *адомъ*“, председатель комиссіи достаточно поглумился надъ церковнымъ понятіемъ обѣ адѣ. Потребовавъ отъ ученика объясненія выраженія: „псарня стала адомъ“ и самого слова „адъ“, экзаменаторъ не удовольствовался краткимъ отвѣтомъ ученика, „что адъ—мѣсто вѣчнаго мученія, гдѣ царство сатаны“,—и началъ допытываться, насколько конкретно мальчикъ представляетъ себѣ адъ,—несомнѣнная басня для председателя комиссіи. „Какъ же въ самомъ дѣлѣ ты думаешь,—вопрошаетъ председатель ученика,—тихо въ аду, или нѣтъ“, „я думаю, небось тамъ такой шумъ и трескотня, въ особенности когда грѣшниковъ поджариваютъ“... Понятно, почему „нѣкоторые“ ученики, а въ особенности ученицы на большинство приведенныхъ выше вопросовъ совсѣмъ не отвѣчали, и такъ и уходили отъ экзаменаціоннаго стола, оставляя на членовъ комиссіи невыгодное для себя, а больше для учителя или учительницы, впечатлѣніе; между тѣмъ многіе изъ нихъ были примѣромъ прилежанія, поведенія и успѣховъ.

Но вотъ кончился экзаменъ. Тщетно вы стали бы ждать трогательнаго прощанія окончившихъ, хотя и не блистательно, курсъ дѣтей-подростковъ съ ихъ, съ этого момента, уже бывшими учителями, съ которыми они духовно сроднились. Удивили бы вы наѣхавшее „начальство“ и предложеніемъ отслужить благодарственный молебенъ. Всего этого якобы не должно существовать.

Живой иллюстраціей впечатлѣній отъ экзамена служатъ отдѣльныя сценки и обсужденія между собою родителей только что испытанныхъ

дѣтей. „А я думала, что дѣвочку то будутъ спрашивать изъ уроковъ; она, бѣдная, дни и ночи учила, ужъ вотъ какъ старалась, заботная, а на то мѣсто про машину спросили, а я, милая, ее и на станцію то никогда не брала“,—говоритъ разочарованная крестьянка-мать другой матери. Рядомъ съ ними стоятъ и дочери ихъ, только что подвергшіяся испытанію: ни живости въ глазахъ, ни радости нѣтъ на ихъ дѣтскихъ личикахъ; какая то растерянная улыбка бродитъ по ихъ лицамъ. Тоже уныніе, вѣроятно, наполняло и души педагоговъ, изъ которыхъ нѣкоторые привезли изда- лека своихъ учениковъ въ экзаменическій сборный пунктъ. Нѣтъ въ школѣ воодушевляющаго чувства, не видно его и кругомъ. Невольно чув- ствуется, что земская школа, съ ея нынѣшними особенностями, далека отъ истинной захватывающей жизни и что свѣтлый идеалъ русскаго поэта „о разумномъ, добромъ и вѣчномъ“ постепенно затемняется въ ней и по- мрачается...

„Воспитаніе юношества въ духѣ вѣры, преданности Престолу и Оте- честву“ (Высоч. рескриптъ на имя Зенгера 10 іюня 1902 г.),—эти царскія слова должны быть начертаны на сердцѣ каждаго русскаго педагога, и руководить послѣдняго во всемъ его школьномъ дѣлѣ. Въ противномъ случаѣ всякій учитель—преступникъ и „горе человѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ“... (Мѡ. 18, 6.)

С. В. Б.

Изъ Костромы.

(Лжеархіерей Иванъ Усовъ боится миссіонерскаго свѣта).

Подвиги австрійскаго лже-епископа Нижегородскаго и Костромскаго, Ивана (Иннокентія) Усова продолжаютъ въ прежнемъ порядкѣ въ огра- жденіе раскольниковъ лжи. Епархіальный миссіонеръ объявляетъ бесѣду со старообрядцами за недѣлю до ея начала, чтобы раскольники не могли имѣть извиненія, что «не подготовились», а дня черезъ два является на мѣсто бесѣды Усовъ, собираетъ въ моленной народъ, строго наказываетъ поцу и его прихожанамъ не вступать въ бесѣду съ миссіонеромъ, поно- сить при этомъ православную церковь и т. д. И это не одинъ, не два раза, а постоянно. Такъ было съ самаго пріѣзда новаго миссіонера въ Кострому, такъ и теперь. Въ 20-хъ числахъ февраля, Усовъ, посѣтивъ Костромскую моленную, на Павловской улицѣ, и моленные въ окрестно- стяхъ Костромы, въ деревняхъ: Издыревѣ (въ 8 вер.), Стрѣльниковѣ (въ 3 вер.) и Каримовѣ (въ 4 верстахъ отъ Костромы и въ 2 вер. отъ архіерейской дачи). Въ дер. Каримово, по слухамъ, Усовъ переноситъ свою резиденцію. Въ виду этого, здѣсь, кромѣ существующей, хотя и недозволенной (какъ и всѣ означенныя) моленной, строится еще одна.

Новая моленная (деревянная бывшая) сейчас постройкой почти закончена; осталось только покрыть; крышу предполагаютъ сдѣлать желѣзную. Моленная строится, понятно, подъ именемъ частнаго дома одного «зимогора» (такъ въ Костромѣ называютъ золоторотцевъ, по закрытіи навигаціи на Волгѣ зимующихъ на Молочной горѣ, при вѣздѣ въ Кострому), который и будетъ проживать въ ней сторожемъ въ видѣ хозяина дома. Въ Каримово Усовъ пріѣзжалъ 26 февраля, со своей свитой, на трехъ подводахъ. Православные жители Каримова говорятъ: «архирей-то по вѣрѣ самъ больно малъ и худъ, ровно на фабрикѣ за станомъ стоялъ, а за то какая на немъ большая кабардинская шапка, да подъ шубой какой хорошій зипунъ». Здѣсь «архирей по вѣрѣ» въ кабардинской шапкѣ и зипунѣ, «якоже Евсеѣй въ воинскомъ одѣяніи», особенно строго наказывалъ попу и начетчику, чтобы они не вступали въ бесѣду съ православнымъ миссіонеромъ, назначенную на 29 февраля въ Каримовскомъ волостномъ правленіи. Но миссіонеръ все-таки завелъ съ ними бесѣду въ означенное время, хотя и въ другомъ мѣстѣ. Окончивъ свою проповѣдь въ волостномъ правленіи, онъ, послѣ вечерни, вошелъ въ моленную и вовлекъ въ разговоръ лже-попа. Явился затѣмъ народъ и начетчикъ (онъ же и староста моленной). Послѣдній сразу попросилъ миссіонера о выходѣ изъ моленной. Миссіонеръ настаивалъ на бесѣдѣ. Въ разговорѣ съ миссіонеромъ попъ и начетчикъ вынуждены были сознаться, что и нынѣ Духъ Святой поставляетъ пастырей греко-россійской Церкви. Миссіонеръ и приходскій православный священникъ обратили на это вниманіе старообрядцевъ и спросили начетчика: «и мы поставлены Духомъ Святымъ въ таинствѣ хиротоніи?» Начетчикъ отвѣчалъ утвердительно. Далѣе, не имѣя возможности оправдать свое упованіе, онъ заявилъ, что «послѣ Пасхи владыка Иннокентій пріѣдетъ съ Мельниковымъ и дастъ отвѣтъ».

На бесѣдѣ въ Стрѣльниковѣ 22 февраля старообрядцы совѣмъ ничего не желали говорить съ миссіонеромъ, по наказу Усова, хотя 20 февраля и дали ему обѣщаніе явиться на бесѣду съ извѣстнымъ костромскимъ начетникомъ Михайломъ Прохоровымъ. Самъ М. Прохоровъ заявилъ теперь миссіонеру, что весною Усовъ пріѣдетъ въ Кострому съ Ѳ. Мельниковымъ. Этотъ Прохоровъ изъ числа мыслящихъ, довольно начитанный и не фанатикъ.

Любезнѣе каримовскаго «попа» оказался раскольникій «протопопъ» деревни Издырева: онъ на бесѣду (7 марта) явился даже въ церковь села Апраксина. Говорятъ, что онъ «владыкой» Усовымъ недоволенъ. Въ концѣ бесѣды, веденной въ миролюбивомъ тонѣ, «протопопъ» вступилъ въ разговоръ съ миссіонеромъ. Вынужденный на сознаніе неправоты своего упованія, какъ и попъ деревни Каримова, и не зная, что отвѣтить на вопросъ, почему Духъ Святой «поставлялъ епископовъ пасти Церковь Господа и Бога» въ греко-россійской Церкви послѣ патр. Ни-

кона, а у старообрядцевъ не поставлялъ,—протопопъ тоже заявилъ, что «владыка Иннокентій съ Мельниковымъ прїѣдутъ быть можетъ на пасхѣ и дадутъ отвѣтъ». Какой это будетъ отвѣтъ, проживемъ—увидимъ. Пока извѣстно только, что Усовъ намѣренъ просить у костромскаго добраго маститаго архипастыря аудіенціи и только съ нимъ однимъ побесѣдовать, о чемъ онъ уже заявлялъ миссіонерамъ въ Шохнѣ 16 ноября прошлаго года. Ужъ не мечтаетъ-ли онъ поселиться въ Ипатьевскомъ монастырѣ?..

Елевферій Егоровъ.

25-лѣтіе миссіонерской службы Евтихія Ивановича Холостова.

24 апрѣля сего года исполнилось двадцать пять лѣтъ служенія въ должности противораскольническаго миссіонера по Богоявленскому и Цимлянскому округамъ Донской епархіи—Евтихія Ивановича Холостова.

Евтихій Ивановичъ по происхожденію казакъ Донской области (родился въ 1848 году); родители его принадлежали къ бѣглопоповству. Съ 10-лѣтняго возраста Е. И. готовился къ должности бѣглопоповскаго уставщика: обучался у разныхъ „мастеровъ“ грамотѣ, письму, иконописанію, крюковому пѣнію и церковному уставу, и съ 16 лѣтъ, благодаря своимъ способностямъ и любви къ чтенію старопечатныхъ книгъ, становится уже замѣтнымъ начетчикомъ среди своихъ собратій, а въ 23 года занимаетъ должность уставщика въ хуторѣ Пирожковскомъ, Богоявленской станицы. Преданный всей душой расколу, онъ старается всѣми мѣрами поддержать его: собираетъ соборы, гдѣ обсуждаются мѣры къ пріобрѣтенію „священства“ и устроенію походной церкви, основываетъ для сей цѣли попечительство въ г. Новочеркасскѣ, ведетъ диспуты съ А. В. Переселковымъ—объ антихристѣ, и въ тоже время, зорко наблюдая за всѣми явленіями въ жизни раскола, отмѣчаетъ ихъ на страницахъ „Донской рѣчи“.

Окруженный почетомъ и хорошо обезпеченный щедрыми радѣтелями раскола, Е. И. болѣе и болѣе отдавался на служеніе расколу, выступая уже не только въ роли организатора мѣстной бѣглопоповщины, но и распространителя ея „упованія“ среди православныхъ. И все это дѣлалось не для корыстныхъ прибытковъ, а изъ ревности и искренняго убѣжденія въ правотѣ раскола. Но вотъ Господь послалъ въ Донскую епархію приснопамятнаго о. Павла Пруссаго.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ Евтихій Ивановичъ о. Павла, въ увѣренности, что посрамить и обличить его на публичныхъ бесѣдахъ. Происходятъ бесѣды. Тихій, кроткій и любвеобильный о. Павелъ, какъ глубокій знатокъ свящ. Писанія, съ первыхъ же дней поразилъ я плѣнилъ въ послушаніе истинъ Е. И. Холостова. Убѣдившись въ своемъ заблужденіи

и познавъ, что истина—только въ православной церкви, Е. И. уже не могъ далѣе оставаться внѣ ея спасительной ограды и 24 февраля 1879 года былъ присоединенъ къ православной церкви самимъ о. Павломъ.

Это было роковымъ ударомъ для раскола Донской области и съ этого дня начинается, можно сказать, новая эра въ его исторіи.

До сихъ поръ раскольники относились къ православнымъ вызывающе, смотря на нихъ, какъ на жалкихъ, погибающихъ; православные чувствовали себя какъ бы подавленными, униженными, не смѣя „отверзать устъ своихъ и какъ бы не имѣя во устѣхъ своихъ обличенія“ раскольническаго лжеудурованія.

Съ пріѣздомъ о. Павла и присоединеніемъ Евтихія Ивановича быстро пала гордыня раскола; православные вздохнули свободно, теперь они торжествовали, а расколъ опустилъ голову. Многіе изъ раскольниковъ, зная своего начетчика Холостова, какъ человѣка честнаго, искренняго и богобоязненнаго, послѣдовали его примѣру и въ тотъ же день присоединилось къ православію въ хут. Пирожковскомъ 18 человѣкъ, чрезъ 5 дней въ ст. Николаевской 16 чел. и т. д.

Оцѣнивъ по достоинству Е. И., приснопамятный о. Павелъ,—до дня своей кончины питавшій къ нему любовь, не щадилъ силъ и времени, чтобы тогда же дать ему нужныя познанія и указать правила къ веденію собесѣдованій съ раскольниками, а 24 апрѣля того же года высокопреосвященный Александръ, архіеп. Донской, по ходатайству о. Павла, утвердилъ Е. И. въ должности миссіонера.

И не только одинъ о. Павелъ видѣлъ въ новоприсоединенномъ полезнаго члена св. Церкви, но и служившій на Дону преосвящ. Платонъ (въ то время уже архіеп. Херсонскій), узнавъ о присоединеніи Холостова прислалъ ему свою фотографическую карточку съ такою собственноручной надписью: „Искренно радуюсь обращенію раба Божія Евтихія Холостова на путь истины, мысленно благословляю его и отъ души желаю, да укрѣпитъ его Господь въ православной вѣрѣ и поможетъ ему подвизаться добрымъ подвигомъ во спасеніе свое и другихъ братій нашихъ во Христѣ. Платонъ, архіепископъ Херсонскій, бывшій Донской и Новочеркасскій. Г. Одесса, 29 іюня 1879 г.“.

И, дѣйствительно, Е. И. въ продолженіи всей своей двадцатипятилѣтней службы на пользу православной церкви „подвизался добрымъ подвигомъ“. Благодаря его основательнымъ, частымъ и продолжительнымъ бесѣдамъ, донской расколъ ослабѣлъ до неузнаваемости: не стало того фанатизма, какимъ проникнуты были раскольники по отношенію къ православнымъ 25 лѣтъ тому назадъ, совершенно нѣтъ случаевъ уклоненія православныхъ въ расколъ, а присоединенія изъ раскола въ православіе за это время совершались ежегодно и присоединенія не еди-

ничныя. Достаточно сказать, чтобы видѣть насколько плодотворна была дѣятельность Е. И., что за 25 лѣтъ въ его округѣ, конечно, при содѣйствіи другихъ, во главѣ съ епарх. миссіонеромъ о. протоіер. Николаемъ Кутеповымъ, миссіонерскихъ силъ, присоединилось къ православію болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ и открыто 12 единоувѣрческихъ приходоѡ. Пишущему эти строки, какъ служившему въ Донской епархіи, неоднократно приходилось совершать съ Е. И. продолжительныя поѣздки съ проповѣдію слова Божія въ разныя станицы и хутора его округа и каждый разъ приходилось убѣждаться, что дѣло миссіи—для Евтихія Ивановича—не должность даже, а духовная потребность, безъ удовлетворенія которой онъ не можетъ спокойно провести ни одного дня. И теперь, когда уже годы и двадцатипятилѣтнія тяготы миссіонерскаго служенія наложили свою печать на Е. И., онъ проводитъ не менѣе ста бѣздъ въ годъ, иногда по 5—8 часовъ безъ перерыва.

Все свободное отъ миссіонерскихъ поѣздокъ время Е. И. посвящалъ подробному и обстоятельному составленію отчетовъ, писалъ и помѣщалъ статьи по расколообличенію почти во всѣхъ миссіонерскихъ журналахъ.

Архипастыри Донской епархіи всегда высоко цѣнили св. труды Евтихія Ивановича. Онъ имѣетъ благословеніе и благодарности съ выдачею грамотъ отъ архіепископовъ Митрофана, Афанасія и затѣмъ отъ Святейшаго Синода.

Такой неутомимый и полезный труженикъ юбиляръ не забудется въ исторіи Донской епархіи.

Пожелаемъ же Евтихію Ивановичу еще многіе годы послужить св. Церкви въ томъ званіи, къ какому его призвалъ Пастыреначальникъ и Совершитель нашего спасенія Іисусъ Христосъ.

Свящ. С. III.

Р. С. Редакція „Мис. Обзор.“ считаетъ долгомъ привѣтствовать достойнаго дѣятеля миссіи съ исполнившимся 25-лѣтіемъ спасительнаго подвига и отъ души пожелать доброму Евтихію Ивановичу силъ и здоровья на дальнѣйшій предлежащій подвигъ во славу Божию на пользу дорогой миссіи.

В. Скворцовъ.

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь, г. Редакторъ! Прочитавъ въ журналѣ „Миссіонерское Обзорѣніе“ № 9, за 1903 годъ, гдѣ я нашель, что, повидимому, редакція считаетъ Максима Ивановича Калмыкова якобы представителемъ старо-молоканской секты, но это *грубая ошибка*, если не полный вымыселъ, ибо Максимъ Ивановичъ во многіхъ пунктахъ по слову Божию расходится въ мнѣніяхъ съ старо-молоканскимъ толкомъ. Я просилъ бы редакцію подѣлиться симъ письмомъ съ читателями журнала „Миссіонерское Обзорѣніе“.

Съ почтеніемъ *Петръ Т.*

О Т К Л И К И.

Изъ дневника о. Іоанна Кроиштадтскаго въ обличеніе лжеученія гр: Льва Толстого ¹⁾.

Толстой дышетъ непримиримою ненавистью къ церкви и ея органамъ—священнослужителямъ; не признаетъ ихъ божественнаго права учить, священнодѣйствовать, руководить вѣреное имъ словесное стадо къ добродѣтели и къ Богу, — смѣется надъ всѣмъ, отвергаетъ истину и спасительность ихъ ученія; не признаетъ богооткровеннымъ ученіе церкви; признаетъ нелѣпое равенство всѣхъ людей, не допускаетъ подчиненности младшихъ старшимъ, подчиненныхъ начальству, вѣропопданныхъ Царю, словомъ—производитъ какую-то сутолку и сбивчивость во всемъ, и отвергая все, вмѣсто отвергнутаго, ничего не даетъ, оставляя людямъ только разумъ, который такъ извѣстенъ по своимъ нелѣпымъ заблужденіямъ чрезъ всѣ прошедшія тысячелѣтія, и утверждая, что люди могутъ дойти до совершенства своимъ разумомъ. Вотъ и дошелъ Толстой до абсурда, до неслыханной гордости и дерзости, отвергнувъ все богооткровенное, спасительное, христіанское ученіе и Богомъ основанную на землѣ церковь.

Толстой — неслыханная гордыня и дерзость воплощенная. Онъ уничижаетъ всѣхъ папъ, кардиналовъ, митрополитовъ, епископовъ, суперинтендентовъ, пасторовъ и священниковъ и судить ихъ, себяже ставитъ судьей всѣхъ; обличаетъ всѣхъ, какъ ложныхъ проповѣдниковъ и учителей, обманщиковъ, проповѣдующихъ то, во что будто-бы они сами не вѣрятъ, и только притворяются будто вѣрятъ. Вотъ ужъ, что называется, съ больной головы на здоровую. А сколько есть искренно вѣрующихъ между инновѣрными духовными особами, не говоря о лицахъ православнаго духовенства. Отлу-

¹⁾ „Мисс. Обоз.“, кн. 6, стр. 742—746.

ченный отъ церкви, Толстой еще больше возненавидѣлъ ее и ея служителей.

* * *

Левъ Толстой глумится надъ всѣмъ христіанскимъ человѣчествомъ, оскорбляетъ христіанъ всѣхъ вѣковъ, глумится надъ всѣми святыми патріархами, пророками, апостолами, святителями, мучениками, преподобными и праведными, и надъ самою Матерію Божіею, чеснѣйшею Херувимовъ и славнѣйшею безъ сравненія Серафимовъ, надъ всѣмъ христіанскимъ міросозерцаніемъ. Левъ Толстой еретикъ злѣйшій и дерзостнѣйшій изъ всѣхъ бывшихъ еретиковъ. Все св. Евангеліе, вся православная христіанская вѣра и церкви носятъ сами въ себѣ доказательство происхожденія своего отъ Бога, и въ нихъ самихъ заключается ей и аминь, — онѣ суть духъ и животъ. «Не хотите-ли вы отойти отъ Меня», спросилъ Господь Богъ Своихъ учениковъ, когда многіе изъ нихъ, соблазнившись Его ученіемъ, повидимому, несовмѣстнымъ съ ихъ понятіями и привычками, ушли отъ Него. А Петръ отвѣчалъ: «къ кому намъ идти. Ты имѣешь глаголы жизни вѣчной». Такъ и мы, испытавшій всю жизненность, всю душеспасительную сладость нашей вѣры и церкви, говоримъ съ полною увѣренностью, съ полнымъ убѣжденіемъ сердечнымъ: къ кому мы пойдемъ кромѣ Тебя, Господи? — Ты имѣешь глаголы жизни вѣчной. Только у Тебя источникъ живота, только въ Твоемъ свѣтѣ мы увидимъ свѣтъ, а кромѣ Тебя ни у кого не найдемъ, и, конечно, тѣмъ менѣе — у Льва Толстого, блуждающаго въ непроницаемой тѣмѣ заблужденій.

* * *

Два слова о необходимости учить дѣтей священной исторіи. Ученіе о правой спасительной вѣрѣ, о грѣхопадѣніи первыхъ людей, о растлѣніи грѣхомъ всего человѣческаго рода, объ искупительномъ дѣлѣ Спасителя необходимы въ самой доступной формѣ для всѣхъ, и особенно для дѣтей. Первое, что нужно внушить дѣтямъ — это ученіе о Богѣ-Творцѣ и Спасителѣ, а этого-то и не допускаетъ нашъ безбожникъ. Графъ Толстой представляетъ изъ себя примѣръ полнаго невоспитанія въ христіанскомъ смыслѣ, избалованнаго барина еще въ младенчествѣ; не всѣмъ-же и воспиты-

ваться на манеръ этого любимца судьбы, родившагося въ сорочкѣ, въ знатномъ и богатомъ домѣ; не всѣмъ-же и быть графами, съ его недюжиннымъ умомъ, который достоинъ былъ-бы лучшей дѣятельности; не всѣмъ-же писать и пресловутые романы «Войну и миръ» и «Анну Каренину», безъ которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, чело-вѣчество легко-бы могло обойтись и не чувствовать въ нихъ ни малѣйшей потребности, а учить дѣтей въ простой, доступной формѣ библейской и церковной исторіи о Богѣ въ Творцѣ славимомъ, какъ о Творцѣ міра и чело-вѣка, и общемъ всѣхъ Промыслителѣ и Спа-сительѣ, о сотвореніи чело-вѣка и всѣхъ тварей, о грѣхопадѣніи чело-вѣковъ и послѣдственной порчѣ грѣховной всего чело-вѣческаго рода, о явленіи въ міръ обѣщаннаго Спасителя, о Его житіи, ученіи, чудесахъ, о спасительныхъ Его за насъ страданіяхъ, искупительной смерти, воскресеніи Его изъ мертвыхъ — есть необходимость и общая потребность для всѣхъ христіанскихъ дѣтей, — и отъ того именно, что Левъ Толстой не былъ наученъ этимъ элементарнымъ христіанскимъ истинамъ, онъ и вышелъ такимъ злымъ, рыкающимъ на вѣру и церковь Христову, львомъ, ищущимъ кого поглотить (и проглотилъ, къ несчастью, многихъ). Не стань мы учить дѣтей съ нѣжнаго возраста ученію вѣры и страху Божію, — и въ нихъ, по причинѣ общей грѣховной порчи чело-вѣческаго рода, разовьются и укрѣплятся всякіе грѣховные инстинкты — злость, капризъ, свое-иравіе, непослушаніе, непокорность, зависть, гордость, лѣньность къ молитвѣ и благочестію, холодность къ Богу и церкви Божіей, ложь, обманъ, хитрость и лукавство, плотскіе тайные грѣхи и подобные. Что-же выйдетъ изъ нихъ? Какія чада, какіе отцы и матери, какіе сыны отечества, подданные и слуги царя, какіе заступники отече-ства, какіе писатели, какіе вѣрнополданные чиновники и органы разныхъ административныхъ вѣдомствъ, какіе земледѣльцы, какіе мастеровые? Люди безъ страха Божія, безъ совѣсти, безъ гражданской честности и вѣрности, съ всякими дурными наклонностями. Только вѣра и страхъ Божій держать чело-вѣка на высотѣ его христіан-скаго и гражданского достоинства; отнимите у него вѣру и страхъ Божій и вы не увидите нигдѣ честныхъ самоотверженныхъ людей, людей долга, честной службы, преданныхъ царю и отечеству; тюрьмы наполнятся всякими преступниками, и вы приготовите

паденіе общества и государства. Правда возвышаетъ народъ и умаляютъ племена грѣхи, говоритъ Премудрый.

* * *

Въ своей гордыни и вольнодумствѣ Толстой отвергаетъ и разрушаетъ два божественныхъ Завѣта—Ветхій и Новый и всѣ совѣты Божіи о спасеніи рода человѣческаго пренебрегъ и ни во что поставилъ и все премудрое, все благое и праведное смотрѣніе Божіе о насъ презрѣлъ, какъ не сущее. А потому и Богъ разрушить тебя до конца и память твою истребить отъ земли живыхъ... Ты говоришь, Толстой, что дѣтямъ не слѣдуетъ преподавать законъ Божій и что они не понимаютъ будто-бы дѣлъ Божіихъ; но они мудре тебя, ибо сказано: «изъ устъ младенцевъ и ссушихъ совершилъ еси хвалу». Фарисеи и книжники хулили Господа, какъ и ты нынѣ, Левъ Толстой, а незлобивыя дѣти разумно и чистосердечно хвалили. Что ты на это скажешь, Толстой? Или скажешь, что это сказки, басни не больше? Да?

Изъ богохульныхъ писаній графа Толстого видно, что всеспасительная христіанская вѣра нимало не коснулась его гордаго, невѣрующаго сердца, нимало не воздѣйствовало на него благотворно и онъ остался истымъ безбожникомъ. «Утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси то (таинство вѣры) младенцамъ».

Толстой глумится надъ священнымъ Писаніемъ Ветхаго и Новаго завѣтовъ, которое есть непреложная святыня для всѣхъ христіанскихъ народовъ, и надъ преподаваніемъ его дѣтямъ или простому народу, будто-бы непонимающему этой исторіи, хотя это нелѣпо, а самъ проповѣдуетъ вздоръ и нелѣпицу и хочетъ, чтобы его бредни, его безбожныя мысли заучивали дѣти и простой народъ и такимъ образомъ сдѣлались бы всѣ безбожниками и нравственными дикарями, хуже древнихъ и нынѣшнихъ язычниковъ, клапающихъ куску дерева, или приносящихъ жертвы идоламъ, какъ будто отъ нихъ (идоловъ) зависитъ все ихъ благополучіе. — Толстой самымъ низкимъ образомъ смѣется надъ русскимъ народомъ, желая всѣхъ привести въ состояніе дикости и всѣхъ отвлечь отъ праотеческой, спасительной вѣры, словомъ, хочетъ всѣхъ вести за собой въ адъ, думая: погибать, такъ погибать всѣмъ, а не мнѣ одному. Ваше

сіятельство, ужъ лучше идите одни вашей широкой дорогой, ведущей на дно адово. Зачѣмъ-же всѣхъ-то за собою вести? Вѣдь подобныхъ тебѣ безъ того много, много. Широки врата, ведущія въ пагубу, и многіе идутъ ими вслѣдъ за тобой.

Толстой отвергаетъ Ветхій завѣтъ и пророковъ, тогда какъ исполненіе пророчествъ на Иисусѣ Христѣ неопровержимо доказываетъ Его богочеловѣческое достоинство и спасительность вѣры Христовой и насажденной Имъ на землѣ церкви; словомъ — Толстой все отвергаетъ и Ветхій завѣтъ и Новый завѣтъ и при ложныхъ положеніяхъ выводитъ ложныя заключенія.

(Продолженіе будетъ).

На чемъ теперь особенно благовременно «настоять» нашей церковной проповѣди.

Въ искреннемъ желаніи плодотворности пастырской дѣятельности духовенства, мы позволили бы себѣ предложить послѣднему, чтобы оно въ проповѣдническихъ и литературныхъ трудахъ своихъ удѣляло возможно больше вниманія православной идеѣ, чаще и громче, сильнѣе и убѣдительнѣе выясняло значеніе церкви и не только для духовной жизни русскаго народа, но и для внѣшнихъ судебъ его. Голосъ духовенства о великомъ значеніи церкви въ послѣднемъ отношеніи почти совсѣмъ замолкъ, его едва слышно. Мало того, нынѣ, какъ бы въ подражаніе значительной части свѣтской печати научнаго характера и публицистической, проповѣдующей, вмѣсто святого начала національности и патріотизма, пагубное начало какой-то всепримиряющей международности или «нивелирующаго международничества», стала и въ трудахъ представителей православной церкви, какъ устныхъ, такъ и печатныхъ, входить въ моду проповѣдь какого-то, если такъ можно выразиться, нивелирующаго междухристіанства. Подъ трудами нѣкоторыхъ нашихъ пастырей, ни мало не задумываясь, подпишется теперь любой пастырь, да что пастырь? — подпишется любой нашъ сектантъ и даже самъ гр. Л. Толстой.

Едвали кто станетъ оспаривать то замѣчательное соотношеніе, которое наблюдается въ судьбахъ идей православія и нашей на-

ціональности. Развивается и укрѣпляется одна, растеть пышно расцвѣтаетъ и другая, и, наоборотъ, въ пренебреженіи та, и эта раздѣляетъ одинаковую участь. По словамъ почтеннаго свѣтскаго писателя и публициста г. Энгельгардта, нынѣ «въ области общественныхъ симпатій національное русское дѣло явно проиграно и защищается лишь казеннымъ, офиціальнымъ порядкомъ по обязанностямъ службы» («Н. Вр.». № 4982). Вотъ, эта, возбуждающая глубокую печаль, рѣчь развѣ не приложима и вся, цѣликомъ къ православно-церковному дѣлу?

Н. А. Энгельгардъ является въ настоящее время громкимъ, убѣжденнымъ, полнымъ одушевленія, вдохновеннымъ пѣвцомъ національной идеи. Отцы духовные, пастыри церкви, воспойте и вы пѣснь православноѣ идеи, облеките ее въ ризы, достойныя ея величайшаго значенія для русскаго народа, для русскаго государства, представьте ее дорогою для русскаго сердца, привлечите къ ней симпатіи общества! Вамъ хорошо извѣстно, что нынѣ многіе образованные люди, помимо всего прочаго, стыдятся и признаться, что они православные, и склоняются въ своихъ симпатіяхъ даже къ раскому и сектантству. Неужели мы страшно преувеличимъ, если скажемъ, что для этихъ многихъ, пожалуй, тяжелѣе разстаться съ костюмомъ, къ которому они привыкли, чѣмъ съ православною идеею?

Цѣлые вѣка народъ русскій съ безграничнымъ самоотверженіемъ, проливая потоки своей крови, защищалъ православіе. Дороже жизни любилъ, цѣнилъ и берегъ онъ его. Но теперь подъ вліяніемъ интеллигентныхъ враговъ церкви и въ душѣ народа меркнуть всегда привлекавшій его образъ православія. Иначе чѣмъ же и объяснить ту легкость и быстроту, съ которыми многіе и многіе изъ простаго народа оставляютъ православіе? Съ симпатичнымъ, дорогимъ предметомъ страшно тяжело разстаться и въ случаѣ крайней необходимости. Иное дѣло, когда привлекательность его въ глазахъ вашихъ померкла, симпатіи ваши къ нему ослабѣли. Быстро и легко, какъ сказали мы, измѣняетъ православію и простой народъ и притомъ еще измѣну свою облакаетъ въ кощунственную надъ православіемъ форму. Посудите объ этомъ по такому въ высшей степени выразительному примѣру. Одинъ

почтенный пастырь на Волыни, прослужившій 50-тъ лѣтъ церкви Божіей получилъ (дѣло было очень недавно) отъ совращенныхъ прихожанъ своихъ мѣшокъ съ иконами и при этомъ такой привѣтъ: «*на тоби твоихъ боіѣвъ, а у насъ теперь есть други*—Толстой та Хилковъ»¹⁾. Итакъ, русскіе люди, цѣлые вѣка не щадившіе жизни своей, отстаивая православіе, стали нынѣ считать своими богами Толстого да Хилкова, т. е. самыхъ злѣйшихъ враговъ православія. Грозны, страшны эти явленія въ народѣ. Они могутъ сопровождаться непзмѣримымъ зломъ, неизчислимыми бѣдами и для самаго государства нашего. Они нисколько не менѣе грозны и страшны, чѣмъ, напр., шествіе рабочихъ и идеализируемыхъ иными современными литераторами босяковъ по улицамъ Твери съ національными японскими и корейскими флагами²⁾. Съ такою же, оказывается, легкостью и въ не менѣе наглой, безстыдной формѣ, какъ и отъ православія, стали отказываться отщепенцы изъ русскаго народа отъ своей родины! Дай Богъ, чтобы случай въ Твери оказался единственнымъ, исключительнымъ.

Настоящіе дни, дни тяжелаго испытанія, ниспосланнаго дорогому нашему Отечеству Провидѣніемъ, время особенно благоприятное для того, чтобы пастыри церкви возвысили свой голосъ за идею православія, «препоясались» и возстали противъ враговъ ея или измѣннически равнодушныхъ къ ней. Не безъ основанія, пожалуй, иные утверждаютъ, что война наша съ Японіей *по результатамъ ея*—одно изъ двухъ: «или наше бытіе. 'или ужасъ униженія» (А. Суворинъ. «Н. Вр.» № 10057). Не въ сознаніи ли этого вся Россія³⁾, почти весь русскій народъ, по выраженію одного нашего архипастыря, превратился въ одинъ духъ, одно сердце,

1) См. «Мисс. Обзоръ», февр. 1904 г. кн. 1. стр. 382.

2) См. газ. «Заря» № 24-й. Очень жаль, что духовенство не замѣчаетъ этой честной, глубокопатріотической, благоговѣющей предъ церковію газеты. Этотъ органъ печати послужилъ бы нашему духовенству большимъ подспорьемъ въ его пастырской дѣятельности. Мы слышали, что почтенный редакторъ «Зари», В. В. Ярмонкинъ, готовъ подписчикамъ изъ духовенства дѣлать значительную уступку. На всякій случай сообщаемъ адресъ редакціи «Зари»: СИБ. Кузнецкий пер., д. № 2.

3) Измѣнникъ нашелся и въ средѣ 12-ти Апостоловъ, Самимъ Иисусомъ Христомъ призванныхъ. Неудивительно, что находятся измѣнники Царю и родинѣ, или какъ ихъ называютъ, «политическіе пошляки» и въ настоящее время. Эту національно и нравственно зловонную грязь мы не имѣемъ въ виду.

одну стѣну противъ враговъ, одно молитвенное кадило за православнаго Царя, его вонновъ, отстаивающихъ честь, славу и самое бытіе дорогой отчизны нашей. Подъ громомъ войны русскій народъ ясно до осязательности всему міру показываетъ, какаѣ «безцѣнная жемчужина» хранится еще въ его духѣ, не смотря на тотъ соръ и хламъ новыхъ идей и стремленій, который такъ усердно стараются набросать въ него, духъ народа, враги вѣры и церкви, Царя и отечества. Святой долгъ пастырей церкви помочь русскому народу навсегда, во вѣки сохранить эту безцѣнную жемчужину.

Какимъ бы неоцѣненнымъ благомъ для нашего народа, и въ гражданскомъ, политическомъ отношеніи, было, если бы духовенство наше, сознавъ удобство момента для дѣла, приложило возможно больше усердія и труда путемъ проповѣди и печатнаго слова на уясненіе русскому народу превеликаго для его блага значенія идеи православія и церковныхъ традицій, какъ прочнѣйшаго основанія его политической самостоятельности, какъ крѣпчайшаго цемента, связующаго его государственной организмъ. Неужели, при желаніи того, эта задача не по плечу нашему духовенству? Неужели оно не въ силахъ уяснить русскому народу, русскому обществу слѣдующую, выраженную устами преподобнаго Серафима, непреложную, подтверждаемую всей исторіей нашей истину: «У насъ вѣра православная, церковь, не имѣющая никакихъ пороковъ... Сихъ ради добродѣтелей Россія будетъ славна и врагамъ страшна и непреоборима, пмущая вѣру и благочестіе въ щить и въ броню правду. Сихъ врата ада не одолѣютъ»? Неужели такая задача духовенству не по плечу, такое дѣло непосильно ему? Не духовенство, а себя унизили бы мы, если бы сказали: да... Оно можетъ выполнить эту задачу, оно въ силахъ совершить это дѣло. Мы готовы думать, больше того — мы убѣждены, что плодъ усилій духовенства, напр., здѣшняго, столичнаго, былъ бы ясно виденъ, ощутителенъ даже чрезъ недѣлю, если бы оно въ слѣдующее воскресенье во всѣхъ церквахъ и за всѣми службами обратилось къ народу съ убѣжденнымъ словомъ, хотя бы въ разъясненіе вышеприведенныхъ словъ препод. Серафима: «У насъ вѣра православная, церковь, не имѣющая никакого порока» и проч.

Но, уясняя народу и обществу значеніе православной идеи и для блага внѣшняго, оно въ то же время должно доказывать необходимость для православнаго человѣка опредѣленной, ясной, такъ сказать, инструкции его поведенія, правилъ внѣшней его жизни. Кто изъ насъ не наблюдалъ, какимъ уваженіемъ пользуются люди, даже низшаго положенія, напр., солдатъ, кухарка, чернорабочій, съ строгими правилами въ жизни, и, наоборотъ, съ какимъ глубокимъ презрѣніемъ, если не явнымъ, то въ душѣ, относятся обыкновенно къ тѣмъ, кто этихъ правилъ не имѣетъ? Изъ слѣдующихъ двухъ примѣровъ вы хорошо поймете, что мы хотимъ сказать.

Въ Финляндіи, въ г. Вильманstrandъ, поставленъ былъ года три тому назадъ вновь сформированный драгунскій полкъ. Храмовымъ праздникомъ для этого полка Высочайше указанъ былъ праздникъ Рождества Христова. Наступаетъ этотъ праздникъ, и какъ бы вы думали встрѣтилъ его полкъ? Командиръ полка г. Г-овъ (обо всемъ этомъ своевременно пропечатано было въ «Финляндской Газетѣ») назначилъ наканунѣ самаго праздника въ 6 часовъ въ офицерскомъ собраніи танцевальный вечеръ съ «чухонскими дѣвицами»!! Вотъ къ какимъ глубоко-прискорбнымъ для православнаго чувства явленіямъ приводитъ отсутствіе у людей правилъ для жизни, для внѣшняго поведенія. И такое явленіе въ такой странѣ, какъ Финляндія, гдѣ коренные обитатели свой праздникъ Р. Христова всегда встрѣчаютъ дома и съ Библіей въ рукахъ. Что же удивительнаго, если, быть можетъ, по преимуществу за это финляндцы такъ презираютъ русскихъ, обзывая ихъ, нерѣдко прямо въ глаза, «русская свинья»?... А вотъ другой примѣръ, противоположный. Лѣтъ за десять тому назадъ англійскій наслѣдный принцъ отказался быть на вечерѣ или на балу у австрійскаго императора и отказался только потому, что этотъ вечеръ былъ наканунѣ воскреснаго дня ¹⁾. Вотъ у этого наслѣднаго принца была ясная инструкция поведенія, и онъ образцово держался ея. У насъ такихъ хорошихъ примѣровъ, даже среди лицъ, такъ или иначе близко стоящихъ къ церковному дѣлу, мало. И это жаль. безконечно жаль!.. А соблазнъ отъ худыхъ примѣровъ великъ...

И. Преображенскій.

¹⁾ См. „Странникъ“ за 1891 г. въ феврал. ѡн. стр. 295.

СО СКРИЖАЛЕЙ СЕРДЦА.

Какія книги нужны для войск дѣйствующей арміи?

Всѣ вѣрные сыны дорогой нашей отчизны, отложивши всякое нынѣ житейское попеченіе, охвачены одной заботой: какъ бы лучше и вѣрнѣе облегчить то тяжкое бремя воинскаго, спасающаго честь Россіи, *крестоношенія* нашей дѣйствующей доблестной арміи и флота на Дальнемъ Востокѣ. Тамъ не столько умираютъ, сколько страдаютъ, — страдаютъ не физически только, но и тѣмъ тяжкимъ томленіемъ духа, которое бываетъ нерѣдко страшнѣе самой смерти. Въ пылу битвы самоотверженные воины радостно живутъ свой полагаютъ на полѣ брани за православную вѣру, Царя и Отечество. Но страдальчески должны томиться духомъ коротающіе иногда долгое время въ тылу арміи резервы въ ожиданіи боя, а съ нимъ и своей чреды — или неумолимой смерти, или тяжкихъ болѣзней отъ ранъ... Томятся также лежащіе долгіе мѣсяцы въ лазаретахъ и госпиталяхъ раненые и больные, прошедшіе сквозь море крови и чрезъ сѣнь смерти...

Объ облегченіи физическихъ страданій здоровыхъ и больныхъ воиновъ дѣйствующей арміи и флота, о снабженіи всякимъ пищевымъ довольствомъ съ величайшею любовью заботится, можно сказать, вся Россія, — начиная съ Высочайшихъ особъ, и, кончая послѣднимъ нищимъ, отдающимъ на раненыхъ и больныхъ послѣднее свое достояніе, собранное чуть-ли не Христовымъ именемъ. Но много-ли полагается заботы о доставленіи войскамъ пищи и врачества духовнаго? А вѣдь необходимо также позаботиться и объ облегченіи страданій томящагося духа воиновъ, объ утоленіи духовной жажды и глада, которые теперь тамъ, наипаче же въ лазаретной атмосферѣ, послѣ пережитыхъ ужасовъ, должны сильнѣе чѣмъ когда-либо сказываться и ощущаться. Здѣсь можетъ облегчать томящуюся и истомленную душу хорошая, глубоко содержательная и занимательная книга, а наипаче всего, св. Евангеліе и вообще религіозное, духовное, назидательное чтеніе... Ни романъ, ни повѣсть, хотя бы и самого великаго романиста Толстого, не

захватятъ сердца, не уймуть душевной боли того, кто готовится къ своему славному, но страшному жребію воинствованія, и сопряженной съ нимъ смерти, или кто Провидѣніемъ вынесенъ живымъ изъ кровавой бани огненнаго крещенія, кто пережилъ всѣ ужасы кроваваго боя, глядѣть въ глаза самой смерти и созерцать картину, какъ воиженная коса и жало смерти косили вокругъ сотни жизней! Вотъ именно здѣсь и полезно, какъ бальзамъ на раны сердца, какъ врачество, религіозное чтеніе, переносящее мысль страдающаго воина горѣ, въ потустороннюю область бытія, къ престолу Агнца, Распятаго Страдальца Господа-Спасителя, во всемогущей рукѣ Коего наша жизнь и смерть.

Газеты сообщали, что гр. Л. Н. Толстой тысячу коробовъ своихъ сочиненій послалъ войскамъ на Дальній Востокъ. Несомнѣнно, — это должны быть тѣ его классическія творенія, которые составляютъ гордость нашей отечественной литературы, а не зловредныя его «памятки», ибо иначе недостойно было бы Льва Николаевича давать камень просящимъ рыбы...

Общества грамотности, книжные магазины, книгоиздательскія фирмы, редакціи газетъ несомнѣнно шлютъ на Дальній Востокъ щедрою рукою печатныя произведенія свѣтской литературы, навѣрное, обильно снабжаются отправляющіеся на востокъ санитарныя отряды книжками для чтенія офицеровъ и солдатъ. Но, позвольте спросить, много-ли посылается туда книгъ религіознаго содержанія? Частные издатели духовныхъ книгъ и редакціи нашихъ журналовъ, по скудости своихъ матеріальныхъ ресурсовъ, едвали много усердствуютъ въ этомъ святомъ и важномъ дѣлѣ снабженія дѣйствующей арміи духовною пищею, цѣлительнымъ врачевствомъ для томящейся души и истерзаннаго сердца воинства?

А время жгучее, время страшное — ненадо никому дремать, всѣмъ надо бодрствовать на своей стражѣ.

Не найти другого болѣе благопріятнаго времени для дѣлъ милосердой любви, для сѣянія добра и правды, — и словомъ и дѣломъ; никогда не встрѣтить болѣе разрыхленной, воспримчивой, плодотворной почвы, болѣе возвышеннаго духовнаго настроенія, болѣе глубокаго сильнаго религіознаго подъема чувствъ вѣры и надежды на Бога, какими полны сердца воинства дѣйствующей арміи. Я знаю это еще по переживаніямъ Севастопольской компаніи, вотъ съ какихъ поръ... А кто переживетъ войну, онъ вернется на родину — помните, паки возрожденнымъ, огнемъ очищеннымъ. Этихъ-то людей надо обильно питать пищею духовною!..

Такую наставительную бесѣду вашему покорнѣйшему слугѣ, пришлось выслушать надняхъ проѣздомъ съ юга, въ Москвѣ,

отъ умудреннаго духовнымъ опытомъ жизни земляка, маститаго старца, заштатнаго епископа Нафанаила.

— Много-ли, напр. ваши духовныя редакціи ущедрили своихъ изданій для отсылки на Дальній Востокъ?

— Право не знаю: «Мисс. Обзор.» на первый разъ послало тысячу экземпляровъ, да Общество распространенія религіознаго просвѣщенія, помнится, тысячи четыре. Навѣрное и другія послали.

— Да вѣдь это все выходитъ какъ-то случайно и является каплей въ морѣ. Имѣйте въ виду, тамъ библиотечныхъ порядковъ некогда наблюдать, — каждую попавшую въ руки солдатику и даже офицеру книжку, брошюру, листокъ зачитаютъ, истребляютъ, поглощаютъ безъ остатка въ короткое время. Слѣдовательно, сколько нужно тысячъ изданій, чтобы хоть нѣсколько удовлетворить духовной жаждѣ читающей огромной массы томящагося отъ тоски и скуки воинства въ теченіе, положимъ, хотябы года? Шлите же, Бога ради, больше, какъ можно больше и своихъ и чужихъ изданій, но непременно религіозныхъ, божественныхъ, душу возвышающихъ, сердце успокоивающихъ... Сѣйте сѣмя святое на увлажненной кровью нивѣ сердецъ нашего славнаго христілюбиваго воинства и спасибо вамъ скажетъ сердечное чтеніе, русскій воинъ, скоротавшій томительное время за благочестивой, успокоивающей душу книжкой. Ваша редакція — «миссіонерская», когда же и служить ей Богу и народу, какъ не теперь печатнымъ словомъ вѣропроповѣдничества? Организуйте это дѣло, вложите въ него «душу живу», сдѣлайте починъ, — за сочувствіемъ и содѣйствіемъ дѣло не станетъ... У васъ, въ «Мисс. Обзор.» кто-то выразилъ пожеланіе, что-бы армія и лазареты снабжены были возможно большимъ числомъ священниковъ, между прочимъ, для утѣшенія и наставленія страждущихъ. Мысль благая. Но, тамъ мало времени и мѣста для бесѣдъ и разсужденій, да «языкъ прильпе къ гортани», когда увидишь картину не человѣческихъ страданій, другое дѣло книжка, печатный листокъ, — ему всегда найдется мѣсто, онъ впередъ овладѣетъ вниманіемъ даже страдальца, чѣмъ слова вашихъ іереевъ братьевъ-милосердія...

Какъ видите, читатель, мысли умудреннаго опытомъ долгой жизни, близко знакомаго съ душою страждущихъ воиновъ, нашего собесѣдника-старца епископа достойны запечатлѣнія «на скрижаляхъ сердца». Надѣмся, что онѣ найдутъ отголосокъ и въ вашихъ сердцахъ. У всѣхъ есть книжки, которыми можно пожертвовать, которыя иныхъ и тяготятъ; во многихъ городахъ открытъ пріемъ не только денегъ, но и книгъ, жертвуемыхъ для дѣйствующей арміи. Тамъ всякая книжка. — новая ли она, старая, — будетъ безконечно интересна, особенно же божественная, духовная.

Наша контора редакціи, съ своей стороны, считаетъ долгомъ быть всегда готовой къ услугамъ своихъ читателей въ дѣлѣ посредничества въ благотворительной миссіи на дѣйствующую армію и въ частности въ дѣлѣ снабженія арміи книгами религіознаго содержанія.

В. Скворцовъ.

О пожертвованіяхъ на войну черезъ редакцію журнала «Миссіонерское Обозрѣніе».

I.

Высылая вмѣстѣ съ симъ переводомъ двадцать пять руб. 28 коп., пожертвованные моими товарищами—слушателями Казанскихъ миссіонерскихъ курсовъ на устройство походныхъ церквей и приобрѣтеніе священныхъ предметовъ для Святыни Животворящихъ Христовыхъ Таинъ, дабы раненые и умирающіе воины дѣйствующей на Дальнемъ Востокѣ арміи и флота, равно и идущіе въ бой подъ пули и ядра коварныхъ враговъ нашихъ—японцевъ, могли быть приобщены своевременно и имѣли бы возможность излить свои душевные скорби и радости предъ Богомъ въ общественной молитвѣ,—покорнѣйше прошу редакцію не отказать переслать изъ нихъ 15 руб. 28 к. въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ на вышеуказанную потребность и 10 руб. перешлите голодающимъ семьямъ казаковъ Забайкальской обл., чрезъ Троице-Савскую почт. конт. священнику Усть-Каетинской церкви о. Веніамину Бѣльтюкову.

Слушатель курсовъ Петръ Карась. Марта 19 дня 1904 г. Казань, Миссіонерскіе курсы.

II.

Прошу редакцію препроводить въ Общество Краснаго Креста въ пользу русскихъ воиновъ, пострадавшихъ въ войнѣ съ Японіею, три руб. отъ меня и семь руб. отъ моихъ прихожанъ крестьянъ с. Новоселицы, Кіевского уѣзда.

Священ. *Евгеній Видевскій.*

III.

Контора Редакціи «Мисс. Обозрѣнія» препроводила на Дальній Востокъ чрезъ С.-Петербургское Общество грамотности для войскъ дѣйствующей арміи въ мартѣ 1.000 экзempl., а 22 апрѣля еще 2.000 экз. своихъ религіозно-нравственныхъ изданій, всего на сумму 200 руб.

отступалъ отъ истиннаго Бога и впадалъ въ идолопоклонство. Требовался болѣе могучій источникъ Божественнаго свѣта, которымъ могла бы быть озарена вся вселенная. И этотъ свѣтъ явился въ міръ. Самъ Сынъ Божій, Предвѣчное Богъ-Слово, сошелъ на землю, воплотился отъ Дѣвы Маріи, пожилъ съ людьми, какъ человѣкъ, и открылъ имъ въ Себѣ Самого Бога, «Видѣвый Мене», говорилъ Онъ, «видѣ Отца; ибо Отецъ во Мнѣ и я во Отцѣ. Азъ и Отецъ едино есма». (Іоан. 14, 9; 10, 90). Я совершилъ дѣло, которое Ты поручилъ Мнѣ, Отче», говорилъ Онъ въ Своей предсмертной молитвѣ къ Богу Отцу, «Я открылъ Имя Твое человѣкамъ». И извѣстно всѣмъ, какими чудными перемѣнами въ жизни человѣчества сказалось это познаніе имъ Истиннаго Бога во Христѣ Иисусѣ. Какой миръ, спокойствіе водворились тогда въ душахъ людей,—какая любовь связала ихъ между собою! Тогда исполнилось то, что нѣкогда предвозвѣщено было Исаіей пророкомъ. «И будетъ», говорилъ онъ, «время, когда волкъ станетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ; и теленокъ и молодой левъ, и волъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ. И корова будетъ пастись съ медвѣдицею, и дѣтеныши ихъ будутъ лежать вмѣстѣ, и левъ, какъ волъ, будетъ ѣсть селому. И младенецъ будетъ играть надъ норою аспіда, и дитя протянетъ руку на гнѣздо змѣя. Не будутъ дѣлать зла и вреда». Почему же это? «Потому,—что» «земля будетъ наполнена *вѣдніемъ Господа*, какъ воды наполняютъ море» (Ис. XI, 1, 2; 6—9).

Евангелистъ Лука, боговдохновенный слуга Бога Слова, такъ описываетъ наступленіе этого благодатнаго царства Истины въ обществѣ первыхъ христіанъ. «У множества увѣровавшихъ», говоритъ онъ, «было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все было у нихъ общее. И не было между ними никого нуждающагося; ибо всѣ, которые владѣли землями, или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго, и полагали къ ногамъ Апостоловъ, и каждому давалось, въ

чемъ кто имѣетъ нужду». Такъ вѣра въ истиннаго Бога перерождала людей! Жадныхъ, какъ волковъ, и хищныхъ, какъ барсовъ и львовъ, она превращала въ кроткихъ и уступчивыхъ, какъ ягнятъ и тельцовъ; и злыхъ и лукавыхъ, какъ змѣй, она дѣлала простодушными, какъ дѣтей. И христіане первыхъ вѣковъ понимали, чему обязаны были такимъ обновленіемъ своей жизни и потому высоко цѣнили свое сокровище вѣры! Собственнымъ опытомъ извѣдавъ—какой многоцѣнный бисеръ заключается въ вѣрѣ во Христа, они стремились, въ силу любви, и другихъ сдѣлать участниками этого блаженства и ни о чемъ такъ не радѣли, какъ о распространеніи св. Христовой вѣры на землѣ. Въ помощь Апостоламъ они выбирали изъ своей среды сотрудниковъ и другихъ вѣропроповѣдниковъ, снабжали ихъ всѣмъ необходимымъ и съ молитвами и благословеніями отправляли ихъ въ новыя страны, гдѣ имя Христово еще не возвѣщалось людямъ. И царство Божіе росло и крѣпло на землѣ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе суживая область темнаго суевѣрія и внося всюду свѣтъ истины, правды и любви.

Благодареніе Богу. И мы съ вами, братія, призваны въ это благодатное царство Христа! И мы съ вами удостоились познанія Истиннаго Бога во Христѣ Иисусѣ; и намъ открыты всѣ сокровища вѣры, которыя умягчаютъ и уравниваютъ тернистый путь жизни и приводятъ къ вѣчному блаженству. Положимъ, мы не видимъ среди себя проявленій того высокаго духа любви, какимъ одушевлены были христіане первыхъ вѣковъ и который служилъ видимой для всѣхъ печатью ихъ боговѣдѣнія,—но что-жъ изъ этого? Мы должны почитать себя счастливыми уже и тѣмъ, что намъ ввѣренъ талантъ вѣры. Мы можемъ, увлекаясь суетою міра, охлаждаться въ вѣрѣ, можемъ падать, уклоняться отъ истины и забывать даже Бога;—но тѣмъ не менѣе мы имѣемъ возможность и встать и исправиться, потому что знаемъ куда идти и чѣмъ должны быть. Но горе невѣдущимъ Бога! Они въ полной власти сатаны. «Аще кто не родится водою и

духомъ, не внидетъ въ Царствіе Божіе» (Іоан. 3, 5), сказалъ Іисусъ Христосъ. И таковыхъ людей, къ сожалѣнію, въ настоящее время еще гораздо болѣе на землѣ, чѣмъ христіанъ. Даже у насъ, на св. Руси, они считаются милліонами. Не говоря о Сибири, сплошь мѣстами населенной идолопоклонниками, о Кавказѣ и новозавоеванныхъ странахъ средней Азіи,—занятыхъ исключительно магометанами,—вблизи даже насъ самихъ, въ нашихъ городахъ и селлахъ, обитаютъ тысячи поклонниковъ Луны.

На насъ съ вами, православныхъ христіанъ, лежитъ долгъ просвѣтитъ ихъ свѣтомъ вѣры Христовой. Это историческая задача Россіи, въ этомъ назначеніе ей свыше. Богъ для того и возвышаетъ иные народы, чтобы они возвѣщали Его имя прочимъ людямъ, сѣдящимъ во тьмѣ и сѣни смертной, служили бы вѣрнымъ орудіемъ Его божественныхъ плановъ, были носителями и провозвѣстниками Божественной истины. Въ этомъ тайна возвышенія и паденія царствъ и народовъ. «Да не хвалится», сказалъ Самъ Богъ, «сильный силою своею, да не хвалится богатый богатствомъ своимъ. Но кто хочетъ хвалиться, хвались тѣмъ, что *разумѣетъ и знаетъ Меня*, что Я Богъ дѣйствующій милостію, правосудно и вѣрно: ибо Я сіе только люблю». Худо будетъ, если возвеличенный Богомъ народъ не пойметъ своего назначенія и въ гордости могущества своего станетъ только ѣсть, пить и веселиться, нисколько не помышляя о служеніи царству истины. Самое высшее и самое страшное наказаніе, какимъ въ такомъ случаѣ угрожаетъ Богъ людямъ,—это: «преселюсь», говоритъ, отъ васъ «къ другимъ народамъ. Отвергну васъ отъ лица Моего. Развѣю васъ, какъ вѣтеръ мякину» (3 Ездры 11, 24, 30, 33). Такъ, дѣйствительно, и сметены съ лица земли уже многія царства земныя, которыя нѣкогда держали въ страхъ всю вселенную. Такъ отверженъ до времени и избранный Богомъ народъ Еврейскій. Что же намъ дѣлать, братья, чтобы достойно служить планамъ божественнаго домостроительства и выполнять то назначеніе, ради котораго Господь съ ка-

ждымъ годомъ расширяетъ предѣлы нашего царства, отдавая подъ скипетръ прав. державы цѣлыя страны магометанъ и язычниковъ?

Мы должны возвѣщать имя Божіе всѣмъ, подвластнымъ Русской Державѣ, народамъ и прославлять Его предъ ними своею жизнью, достойною Небеснаго Отца. Пусть мы не въ силахъ сами идти съ проповѣдію о Христѣ Иисусѣ къ магометанамъ и язычникамъ; но что-же изъ этого? У насъ остается еще гораздо болѣе могучее средство, коимъ мы можемъ расположить ихъ въ пользу своей вѣры, чѣмъ слово, это именно—наша жизнь, которая есть лучшій учитель вѣры. Если, напр., язычники увидятъ въ насъ строгихъ исполнителей закона христіанскаго, людей глубоко вѣрующихъ, любящихъ Бога и хранящихъ уставы и заповѣди св. Церкви, а также и съ ближними поступающихъ всегда по совѣсти и закону христіанскому,—то они невольно прославятъ и Отца нашего Небеснаго, полюбятъ нашу вѣру и и рано или поздно несомнѣнно обратятся въ нее (1 Петр. 2, 11—12). Но худо будетъ, если ради насъ, изъ за нашего невѣрія, коварства и вѣроломства, злобы и ненависти,—имя Божіе будетъ хулиться во языцѣхъ. Мы пріимемъ тогда вящее осужденіе. Пусть мы не можемъ сами проповѣдывать, но своими средствами и пособіями много можемъ содѣйствовать успѣху Евангельской проповѣди. Для новопросвѣщенныхъ требуются школы, храмы, священныя и богослужебныя книги, иконы, крестики, врачебныя пособія и многое другое. На все это нужны, какъ всѣмъ извѣстно, средства и средства. Кто же ихъ дастъ, какъ не мы, которые сами также просвѣщены святою вѣрою другими, безъ всякой съ нашей стороны заслуги, старанія и усилія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и при прямомъ противодѣйствіи.—Отплатимъ же теперь сами этотъ долгъ любви къ ближнимъ; пустимъ въ ростъ ввѣренный намъ талантъ вѣры;—дадимъ средства тѣмъ, кои могутъ и желаютъ подвизаться въ проповѣди Евангельской, — безпрепятственно отдаваться дѣлу служенія Истинѣ.—Но не забудемъ при этомъ главнаго,

что все, принесенное нами на святое дѣло,—все это послужить къ пользѣ насъ же самихъ, все это отплатится вдвое—второе нашимъ дѣтямъ и не только въ будущей жизни, но здѣсь же еще, на землѣ. Въ распространеніи вѣры Христовой, православной—сила нашего государства, наша слава, наша крѣпость и утвержденіе. Поэтому, жертвуйте на доброе дѣло охотно, щедро,—жертвуйте не сейчасъ только, но и во всякое другое время, когда вы будете при средствахъ и когда будете чувствовать къ тому особенное расположение сердца. Ибо «доброхотна дателя любить Богъ».

XI. Слово на день Срѣтенія Господня 2-го февраля 1904 г.

О. Іоанна Кронштадтскаго.

Тогда былъ въ Іерусалимѣ человѣкъ, именемъ Симеонъ. Онъ былъ мужъ праведный и благочестивый, чающій утѣшенія Израилева; и Духъ Святой былъ на немъ. Ему было предсказано Духомъ Святымъ, что онъ не увидитъ смерти, доколѣ не увидитъ Христа Господня. И пришелъ онъ по вдохновенію въ храмъ. И когда родители принесли младенца Іисуса, чтобы совершить надъ Нимъ законный обрядъ, онъ взялъ Его на руки, благословилъ Бога и сказалъ: нынѣ отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, съ миромъ... Лук. 2, 25—38.

Сегодня церковь радостно празднуетъ Божественное Срѣтеніе въ храмъ праведнымъ Симеономъ предвѣчнаго плотоноснаго Слова, Творца вѣковъ, Господа нашего Іисуса Христа, Законодателя, исполняющаго, по человѣческому естеству Своему, Имъ же установленный, законъ. Такъ, взявшій на Себя неправды и грѣхи міра, исполняетъ въ точности всякую правду закона, чтобы насъ научить любить и исполнять правду Божію.

Сколь блаженно человѣчество, удостоившееся принять въ свои нѣдра Бога Плотоносца, пришедшаго на землю

пожить съ человѣками! Казалось бы, что къ встрѣчѣ Его должны были бы поспѣшить всѣ избранные человѣки и радостно привѣтствовать Его пришествіе. Но, что мы видимъ? Видимъ Его въ смиренной простотѣ и одиночествѣ. Только неискусобрачная Матерь, мнимый отецъ, да старецъ Симеонъ, трясущійся отъ старости, и простая старица, вдова Анна—и только. Даже и пречистыя ангельскія Силы какъ бы въ сторонѣ и не смѣютъ нарушить смиренной простоты Срѣтаемаго.

Боже мой, какое поражающее, восхищающее душу, смиреніе Предвѣчнаго Бога Слова, Творца видимаго міра и Ангеловъ! Такая простота, такое смиреніе Бого-Младенца, Икупителя міра, должно быть для насъ, падшихъ гордостью, весьма поучительно. Отбросимъ высокоуміе и мнѣніе о себѣ; гордость насъ унизила до крайней степени; одно смиреніе возноситъ насъ и даетъ цѣну нашимъ талантамъ, Богомъ даннымъ.

Но прислушайтесь къ словамъ боговдохновеннаго старца—что онъ говоритъ Духомъ Святымъ? *Нынѣ, говоритъ онъ, Ты отпускаешь, Владыко, раба Твоего по слову Твоему, съ миромъ.* Слышите? Симеонъ называетъ держаго имъ Младенца Владыкою живота и смерти; Ты отпускаешь меня, говоритъ, изъ этой временной жизни, въ будущій нескончаемый вѣкъ, къ будущему безконечному блаженству, отпускаешь съ миромъ вожделѣннымъ, *ибо видѣли очи мои спасеніе Твое, которое ты уготовалъ предъ лицомъ всѣхъ народовъ, свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ, и славу народа Твоего Израиля.* Увидѣлъ Симеонъ радостно обѣщаннаго міру Спасителя; и мы всѣ, христіане, во Христа крестившіеся, видѣли и видимъ непрестанно это спасеніе, уготованное предъ лицомъ всѣхъ народовъ.

Мы видимъ, какъ многіе народы увѣровали во Христа и приняли Евангеліе Его; видимъ, какъ усвоили это спасеніе святые изъ всѣхъ народовъ и сподобились вѣчной жизни; видимъ, что Христосъ есть свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ, каковыми были нѣкогда и мы, русскіе, сдѣ-

лавшіеся христіанами, при св. равноапостольномъ Князѣ Владимірѣ. Но видимъ и то, что свѣтъ Христовъ еще не проникъ и не озарилъ многихъ язычниковъ: Китайцевъ, Японцевъ, нашихъ нынѣшнихъ коварныхъ враговъ, также Индусовъ, магометанъ и многіе народы. Придетъ время, что возсіяетъ и для нихъ этотъ Божественный свѣтъ и, можетъ быть, скоро; ибо Богъ иногда чудесно и быстро обращаетъ народы къ свѣту Своего Богопознанія. Дай Богъ, чтобы и наши враги Японцы приняли свѣтъ вѣры Христовой и перемѣнили свой вѣроломный нравъ на честный и благородный.

Но, слушайте, что говоритъ вдохновенный Симеонъ Маріи, Матери Младенца: *се, лежитъ сей на паденіе и на возстаніе многихъ въ Израиль и въ предметъ пререканій, и Тебѣ Самой оружіе пройдетъ въ душу, да откроются помысленія многихъ сердецъ.* Мы видѣли исполненіе этихъ пророческихъ предсказаній Симеона на Пресвятой Дѣвѣ Маріи въ Ея безмѣрныхъ скорбяхъ и страданіяхъ при созерцаніи Ею страданій на крестѣ Сына Ея и Бога; мы видѣли изъ Евангелія паденіе и возстаніе многихъ изъ Евреевъ при жизни и страданіяхъ Иисуса Христа, видѣли паденіе книжниковъ, фарисеевъ, старѣйшинъ и первосвященниковъ іудейскихъ, Анны и Каіафы;—паденіе лютаго Ирода, Пилата; видѣли возстаніе чрезъ Христа мытарей, блудницъ, возстаніе Павла и Петра, верховныхъ апостоловъ, и множество людей изъ всякаго народа, чрезъ подвиги вѣры и мученій ради Христа, сподобившихся царствія небеснаго.

Пришествіе на землю Христа, истиннаго свѣта міра, открыло сокровенныя глубины всѣхъ сердецъ человѣческихъ и вызвало, съ одной стороны, всѣ благородныя стремленія лучшихъ особей человѣческаго рода — Іоанна Предтечи, апостоловъ, мироносицъ и прочихъ, а съ другой стороны, вызвало наружу дикія страсти человѣческія—Ирода, книжниковъ, фарисеевъ, первосвященниковъ и старѣйшинъ іудейскихъ, апостола-предателя, умертвившихъ обѣщаннаго Спасителя міра, обнаружившихъ низость и пресмыкательство

по землѣ ихъ душъ, недостойныхъ видѣть Свѣтъ Божій по своему самолюбію, славолюбію, гордости, корыстолюбію.

И въ наше время—Христосъ является для однихъ камнемъ преткновенія и паденія, какъ для нашего отъявленнаго безбожника Льва Толстого, и всѣхъ, подобныхъ ему безбожниковъ въ Россіи и за границей ея,—и для всѣхъ отметающихся отъ вѣры и отъ церкви Христовой; а для другихъ—камнемъ вѣры, надежды и твердости непоколебимой и источникомъ всякихъ благъ.

Въ настоящее тяжелое время, переживаемое Россіей, намъ особенно нуженъ этотъ камень вѣры и помощи—Христосъ. Только на Него уповая, не постыдимся во вѣки Аминь.

ХІІ. О хлыстовскихъ моленіяхъ или радѣніяхъ.

(БЕСѢДА ПРОТИВЪ ХЛЫСТОВЪ).

Свнц. А. Савѣтовъ.

«Люди возлюбили болѣе тьму, нежели свѣтъ, потому что дѣла ихъ были злы» (Ин. 3, 19).

Перейдемъ теперь къ обличенію хлыстовскихъ моленій или радѣній. Они, какъ извѣстно совершаются большею частію въ просторныхъ избахъ сектантскихъ лже-пророковъ и лже-христовъ; происходятъ они обыкновенно въ ночное время и въ большинствѣ—подъ великіе праздники церковные. Это потому, что въ предпраздничное время—какъ народъ, такъ и отцы духовные,—эти стражи стада православнаго, ненавистные сектантамъ, рано отходятъ ко сну въ виду ранней службы на утро. Сектанты же, какъ ночные воры, съ великою осторожностью пробираются по задворкамъ къ дому какого либо лже-пророка, гдѣ должно происходить радѣніе и здѣсь ждутъ пока соберутся всѣ приглашенные «братцы и сестрицы». Каждый пришедшій на радѣніе «мир-

ствуется», т. е. цѣлуется со всѣми ранѣе его пришедшими на собраніе, а затѣмъ отдаетъ всѣмъ общій земной поклонъ со словами: «миръ вашему собранію». Когда соберутся всѣ приглашенные, начинается пѣніе распѣвцевъ, въ родѣ: «не унывай, душе моя, уповай на Бога твоего»; или: «други милые, всплесните руками своими бѣлыми», или: «направьте свои ножки по правой дорожкѣ»... Если на собраніи бываютъ новички изъ православныхъ, то радѣній въ строгомъ смыслѣ не бываетъ,—пляски, напр., совсѣмъ опускаются, такъ какъ новички не подготовлены еще къ нимъ, а изъ пѣсенъ поются только церковныя, напр.—«Воскресеніе Христово видѣвшие» и др. Во время радѣній хлысты каются въ грѣхахъ своимъ пророкамъ, и тѣ прощаютъ ихъ или наказываютъ, а иногда избличаютъ присутствующихъ въ скрытыхъ грѣхахъ и творятъ такъ называемыя «чудеса». Вотъ образцы хлыстовскихъ чудесъ. Пророкъ переряжаетъ нѣкоторыхъ,—кого ему вздумается,—изъ пришедшихъ въ рваную и грязную одежду, которая имѣется для сего всегда въ запасѣ; это «чудо» означаетъ, что переряженные много прегрѣшили и должны, слѣдовательно, исправиться. А то пророкъ подходит, напримѣръ, къ женщинѣ и неожиданно подноситъ ей ко рту платокъ со словами: «на тебѣ платокъ, заткни свой ротокъ». Это «чудо» наглядно изображаетъ излишнюю болтливость женщины, чего хлысты, какъ люди осторожные, вообще не любятъ и боятся. Или: пророкъ становится около стѣны или печки, распростираетъ крестообразно руки, закрываетъ глаза и стоитъ такъ въ молчаніи часъ или болѣе, а все собраніе должно съ трепетомъ внимать этому «чуду». А оно означаетъ, что пророкъ за грѣхъ ихъ цѣлой общины или отдѣльнаго ея члена «распинается», страдаетъ... Подобныхъ «чудесъ» хлыстовскіе пророки и христы творятъ множество, но всѣ онѣ имѣютъ одинъ характеръ—«чудачество» или дурачество.

Но самое важное, что бываетъ на радѣніяхъ хлыстовъ, это ихъ круженіе, бѣганье и пляски. Круженіе бываетъ или одиночное, когда кружится одинъ изъ сектантовъ предъ цѣ-

лымъ собраніемъ, или въ схватку, когда кружатся двое, схватившись руками, или круговое, когда бѣгаютъ толпой отъ стѣны до стѣны, наконецъ—корабельное или Давидово, когда бѣгаетъ все собраніе кольцомъ другъ за другомъ, схватившись руками, при чемъ сильно топаютъ ногами и шумятъ. Обычно при этомъ поется такая пѣсня:

„Дай намъ, Господи, къ намъ Іисуса Христа,
Дай намъ, сударь, Сына Божія“ и д.

Есть и другія радѣльныя пѣсни, въ которыхъ все собраніе приглашается «летѣти», т. е. кружиться и вертѣться Напр.:

Ой, свѣтъ мои птицы,
Духовны сестрицы!
Позвольте молиться,
Въ корабль ¹⁾ становиться.
Голубушки сестры,
Не живите просто.
Вашимъ душамъ обидно—
Идти къ Богу стыдно!

Сестры подхватили,
За богомъ катили;
Я васъ, богъ, прощаю,
Крылья отращаю,
На поле пущаю.
Летите, мои дѣти,
А я буду глядѣти!..

(Тамб. сп. вѣд. 1883 г. № 23).

Во время этихъ радѣній хлысты часто бьютъ другъ друга жгутами, свитыми изъ полотенцевъ. О своихъ круженіяхъ и пляскахъ хлысты говорятъ, что они совершаютъ ихъ по примѣру св. царя Давида, который также «скакаше играя» предъ сѣннымъ ковчегомъ. Разсудимъ объ этомъ.

Правда, что св. царь и пр. Давидъ, когда съ торжествомъ переносилъ ковчегъ Завѣта Господня изъ дома благочестиваго Аведдара въ городъ Давидовъ, «скакалъ изъ всей силы предъ Господомъ» (2 Цар. 6, 12—23). Но въ Библии замѣчено при этомъ, что жена его Мелхола, увидя Давида «скачущаго и пляшущаго предъ Господомъ, уничтожила его въ сердцѣ своемъ», это въ 1-хъ, а во 2-хъ, когда онъ возвратился домой, то Мелхола, послѣ привѣтствія, сказала ему съ укоромъ: «какъ отличился сегодня царь Израилевъ, обнажившись предъ глазами рабынь и рабовъ своихъ, какъ

¹⁾ Т. е. начало радѣній.

обнажается какой нибудь пустой человѣкъ» (2 Ц. 6, 20). Этого свидѣтельства св. Библіи, кажется, достаточно, чтобы понять, что Давидъ плясалъ только одинъ изъ народа предъ ковчегомъ завѣта, ибо жена его Мелхола только его одного и укоряетъ въ этомъ. Слѣдовательно, обычая плясать въ честь Господа у евреевъ въ ихъ богослужебномъ чинѣ не было. Со стороны же царя пляска его была отступленіемъ отъ общаго богослужебнаго порядка, которое было возможно или прилично только ему одному, какъ царю. О всемъ же еврейскомъ народѣ повѣствуется, что они (евреи) въ честь Господа «играли на музыкальныхъ инструментахъ» по обычаю того времени (ст. 5). Слѣдовательно, церковно-богослужебная пляска св. Давида была дѣломъ необычнымъ и даже соблазнительнымъ въ глазахъ нѣкоторыхъ, ибо, напр., жена его Мелхола дважды укоряетъ его: однажды мысленно въ сердцѣ своемъ, а въ другой разъ словесно. Кромѣ того, о св. Давидѣ извѣстно изъ Библіи, что онъ никогда еще не повторялъ подобной религіозной пляски въ честь Господа, слѣдовательно, этотъ случай былъ единственный въ его жизни. А что было единственный разъ въ жизни съ однимъ изъ великихъ царей и пророковъ, которымъ, несомнѣнно, руководилъ на сей разъ самъ Духъ Св., того нельзя ставить въ общее правило и на всѣ времена всѣмъ вѣрующимъ. Вѣдь и евреи плясокъ Давида не поставили въ чинъ своихъ богослужебныхъ собраній и Духъ Св.—небесная истина не научилъ также св. Апостоловъ и всю церковь Христову пляскамъ—по примѣру царя Давида, слѣдовательно, онѣ излишни, ненужны. Религіозную пляску царя и пр. Давида можно уподобить въ данномъ случаѣ чрезвычайному дѣлу жертвоприношенія Исаака прав. Авраамомъ. Жертвоприношеніе Исаака было дѣломъ единственнымъ, чрезвычайнымъ и священнотайственнымъ въ жизни Авраама и всего еврейскаго народа; но если бы кто на основаніи примѣра Авраама сталъ утверждать, что жертвоприношеніе дѣтей есть дѣло пріятное и угодное Богу, тотъ несомнѣнно высказалъ бы ложь и безуміе. Также нужно разсуждать и

о пляскахъ Давидовыхъ. По крайней мѣрѣ свв. отцы Церкви, какъ то: св. мч. Кипріанъ каре., св. Григорій Богословъ, блаж. Іеронимъ Стр. придаютъ религіознымъ пляскамъ св. Давида священнотайственное значеніе и болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ духовный восторгъ всякаго вѣрующаго, ибо св. Давидъ былъ помазанникъ Божій, возлюбленный Божій и прообразъ Христовъ. Такъ, св. мч. Кипріанъ, упрекая христіанъ въ посѣщеніи театральныхъ зрѣлищъ, на которыхъ происходили греческія пляски, писалъ тѣмъ, которые ссылались на пляски св. Давида. «Что Давидъ плясалъ предъ лицомъ Божиимъ,—это нисколько не оправдываетъ вѣрныхъ христіанъ, присутствующихъ въ театрѣ, потому что онъ не употреблялъ при этомъ безстыдныхъ тѣлодвиженій, и его пляска не была греческимъ сладострастнымъ танцемъ. Гусли, трубы, свирѣли и арфы у Давида воспѣвали Бога, а не идола» (Твор. т. 2-й, слово «о зрѣлищахъ»).

А св. Григорій Богословъ говоритъ, что вѣрующіе, хотя бы и восхотѣли такъ свято ходить предъ Богомъ, какъ св. Давидъ, не могутъ, такъ какъ въ ихъ хожденіи примѣшалось бы нѣчто нечистое, и даже богопротивное. «Если тебѣ», говоритъ св. Григорій, какъ любителю торжественныхъ собраній и празднествъ, нужно плясать: скажи, но не плясаніемъ безстыдной Иродіады, дѣломъ которой была смерть Крестителя, а скаканіемъ Давида при поставленіи на мѣсто Кіота, которое, какъ думаю, было таинственнымъ знаменованіемъ быстрого и свободнаго шествованія предъ Богомъ» (Слово прот. Юліана, 2-е). Итакъ, по богомудрому разсужденію св. отцевъ, пляска Давида была, такъ сказать, духовнымъ «воздѣяніемъ, воздвиженіемъ» всего его существа предъ Богомъ, «чѣмъ онъ и угодилъ Богу болѣе, чѣмъ женѣ своей» (блаж. Іеронимъ, въ толк. Еккл.).

Хлысты своимъ плясаніемъ до изнеможенія и тѣлеснымъ бичеваніемъ подражаютъ не св. Давиду, а тѣмъ языческимъ жрецамъ идола Ваала, которые во время принесенія жертвы богу своему при св. пр. Іліи «стали кричать громкимъ го-

лосомъ и кололи себя по своему обыкновенію ножами и копьями, такъ что кровь лилась по нимъ; и скакали они вокругъ жертвенника, который сдѣлали (3 Цар. 18, 26, 28). Это бесполезное, хотя жестокое самоистязаніе жрецовъ языческихъ названо въ Библии «бѣснованіемъ». «Прошелъ день, они все еще бѣсновались до самаго времени вечерняго жертвоприношенія» (ст. 29). Нечто иное, какъ бѣснованіе, составляютъ пляски и современныхъ язычниковъ-хлыстовъ. Своими радѣльными плясками подражаютъ хлысты и тому нечестивому поколѣнію еврейскаго народа, который слилъ себѣ золотого тельца во время пребыванія св. Моисея на горѣ Синаѣ и «сѣлъ пить и ѣсть и возсталъ играть» (Исх. 32, 6). Сходя съ горы Синая, св. пр. Моисей «услышалъ голосъ поющихъ..., увидѣлъ тельца и пляски... и воспламенился гнѣвомъ» (ст. 19). А пляски въ честь идоловъ евреи позаимствовали, какъ религіозный обычай, у язычниковъ-египтянъ, съ которыми они долго жили вмѣстѣ. Вотъ откуда ведутъ свое начало и религіозныя пляски нашихъ хлыстовъ. Св. царь и прор. Давидъ о богослужебномъ чинѣ такъ заповѣдалъ въ псалмахъ: «служите Господу со страхомъ и радуйтесь предъ нимъ съ трепетомъ, пожру Богу жертву хвалы и во имя Его призову, пойте Богу разумно» и пр. (Пс. 2, 11, 46, 7—8, 107, 3; 97, 8, 91, 1—4). Всякой духовной радости о Господѣ долженъ быть предѣлъ, который полагается завѣщаніемъ св. апостола: «вся у васъ благообразно и по чину да бываютъ» (1 Кор. 14). У насъ православныхъ христіанъ, дѣйствительно, во время службъ духовныхъ соблюдается благообразіе и благочиніе—какъ въ чтеніи и пѣніи на клиросахъ, какъ въ служеніи священника и діакона въ алтарѣ, такъ и въ предстоянніи вѣрующихъ во храмѣ.

Но съ какою цѣлью устрояются хлыстовскія радѣнія съ плясками?—спросить кто нибудь. Говорятъ, что для того, будто бы, чтобы увидѣть бога или христа, который является хлыстамъ на радѣніяхъ въ сіяніи и окруженный ангелами. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Можетъ ли хлыстамъ

являться во славу Христосъ, истинный Богъ нашъ? Разсудимъ объ этомъ на основаніи богооткровеннаго ученія.

Изъ священной Библии ветхаго Завѣта мы знаемъ, что праведные люди, какъ-то: Гедeonъ, Маной, св. пр. Исаія, пр. Товитъ и др. трепетали видѣнія Божія или Ангеловъ Его. «Увы мнѣ, Владыко Господи, потому я видѣлъ ангела Господня лицомъ къ лицу, восклицаетъ Гедeonъ. Вѣрно мы умремъ, ибо видѣли мы Бога»,—разсуждаетъ Маной (Суд. 6, 22, 23; 13, 22). «Горе мнѣ, погибъ я! ибо я человѣкъ съ нечистыми устами... и глаза мои видѣли Царя, Господа Саваоѳа»,—горестно взываетъ Исаія (Ис. 6, 5). Также трепетали видѣнія Бога и Ангеловъ пр. Товитъ, пр. Іезекиль, Данииль. Какъ же послѣ этого «постники—хлысты стремятся сами видѣть Господа и не трепещутъ при явленіи Его и даже имѣютъ дерзновеніе вызывать его по желанію, ибо говорятъ православнымъ: «идите къ намъ, мы покажемъ вамъ Его»?! Впрочемъ, загадка эта отгадывается просто. Хлысты подъ богомъ, котораго они видятъ на собраніяхъ, разумѣютъ, вѣроятно, своихъ живыхъ христовъ, которые запросто приходятъ къ нимъ на радѣнія, сидятъ у нихъ въ почетномъ мѣстѣ, напр., подъ иконами, и открываютъ имъ свою волю. Но тогда какое же это явленіе Божіе, гдѣ тутъ слава Божія—неприступная и неописанная? Не есть ли все это простой самообманъ людей грѣшныхъ и самообольщенныхъ, которые, видя подобнаго себѣ человѣка-грѣшника, воображаютъ однако, что это—богъ, христосъ, и другихъ увѣряютъ въ томъ же? Конечно, изъ откровенія Божія мы знаемъ, что святые люди трепетали видѣнія Божія, такъ какъ ясно сознавали невмѣстимость созерцанія славы безконечнаго существа для ограниченаго и слабаго человѣка. Самъ Господь нѣкогда сказалъ св. пр. Моисею: «лица Моего не можно тебѣ увидѣть, потому что человѣкъ не можетъ увидѣть Меня и остаться въ живыхъ» (Исх. 33, 20). И дѣйствительно, когда Христосъ явился въ небесной славу Своей Савлу-гонителю (впослѣдствіи вел. ап. Павлу), то онъ, услышавши голосъ Божій и увидѣвши свѣтъ великій (какъ самъ свидѣтельствовалъ

послѣ), упалъ на землю, весьма испугался, а потомъ тутъ же ослѣпъ, такъ что спутники привели его въ Дамаскъ (Дѣян. 9, 3—9, 22, 6—11). Даже о св. ангелахъ засвидѣтельствовано въ словѣ Божіемъ, что и они не дерзають созерцать славу Божію открыто, а «крыльями закрываютъ лице свое»... (Ис. 6, 2). Изъ Откровенія Божія мы также знаемъ, подъ какими священнотайственнымъ образами благоволилъ являться праведнымъ людямъ Господь. Св. прор. Іліи при горѣ Хоривѣ Господь явился «въ вѣяніи тихаго вѣтерка» и при томъ такъ, что слышанъ былъ только голосъ Божій, а лица Божія св. Ілія не видѣлъ и не могъ увидѣть, потому что это невозможно для смертнаго человека, ибо Господь во Своей славѣ невмѣстимъ и неопишемъ для человека (3 Цар. 19, 8—13). Не видѣлъ лица Божія и св. пр. Моисей, когда Господь говорилъ съ нимъ въ огненной купинѣ въ пустынѣ. Допустимъ даже, что милосердый Господь снизошелъ бы къ немощи человеческой и являлъ бы Себя въ видѣніи имъ въ какомъ либо образѣ, полезно ли было-бы людямъ въ смыслѣ укрѣпленія ихъ вѣры въ Бога? Вспомнимъ, что Господь І. Христосъ не похвалилъ Апостола Ѳому за то, что тотъ сгоралъ благочестивымъ желаніемъ видѣть Его по воскресеніи своими очами, а похвалилъ тѣхъ Своихъ учениковъ, которые увѣровали въ воскресеніе безъ испытанія (напр., св. Іоанна Богослова—Ин. 20, 8). Напротивъ, св. Апостоламъ, а чрезъ нихъ и всей Церкви Своей Христосъ заповѣдалъ: «блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе» (Ин. 20, 29). Такъ нѣкогда и невѣрныхъ Іудеевъ Христосъ укорялъ: «вы и видѣли Меня и не вѣруете» (Ин. 6, 35). Посему мы, хрістіане, не стремимся видѣть Бога тѣлесными очами и познавать Его своими чувствами, а стараемся ходить, по Апостолу, «вѣрую, а не видѣніемъ» (2 Кор. 5, 7). Мы даже увѣрены, что Бога не только видѣть невозможно, но и грѣшно объ этомъ мечтать. «Бога не видалъ никто никогда» (Ин. 1, 18), т. е., въ божественной, неописанной, неприступной славѣ Его,—писалъ св. апостолъ Іоаннъ Богословъ. Нѣкогда Христосъ

Господь вразумилъ св. апостола Филиппа о видѣніи Божіемъ такими словами: «сколько времени Я съ вами, и ты не знаешь Меня, Филиппъ? Видѣвшій Меня, видѣлъ Отца,— какъ же ты говоришь: покажи намъ Отца? Развѣ ты не вѣришь, что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ?» (Ин. 14, 8—10). Эти слова Спасителя свидѣлствуютъ, что мы не должны стремиться видѣть Бога въ небесной, неизреченной славѣ Его. Апостолы во время Божественнаго преображенія на горѣ Ѡаворѣ съ трудомъ могли вмѣстить созерцаніе даже слабаго отблеска неизреченной славы Божіей. Они, какъ извѣстно, были въ необычайномъ страхѣ и даже нѣкоторомъ изступленіи ума, ибо не знали, что говорить (Мр. 9, 6). А св. Церковь такъ мудрствуетъ о богоявленіяхъ Божіихъ грѣшнымъ людямъ: «Бога человѣкомъ невозможно видѣти, на Него же не смѣютъ чини ангельстїи взирати» (Ирм. 6, гл. 9 п.). Итакъ, «постники» тяжело грѣшатъ, когда легкомысленно утверждаютъ, что будто видятъ Бога и морочатъ этимъ другихъ.

Но можетъ быть хлыстамъ во время радѣній ихъ дѣйствительно бывають видѣнія, но только отъ бѣсовъ, которые имѣють великую силу на прельщеніе людей гордыхъ и являются иногда въ образѣ Христа и святыхъ ангеловъ (2 Кр. 11, 14)? Въ житіяхъ святыхъ рассказывается, что таковыя видѣнія были, напр., свмч. Кипріану, преп. Исаакію и Никитѣ печерскимъ. Воспроизведемъ для душевной пользы эти благочестивые рассказы. «Князь тьмы воздушная», т. е. діаволь, явился Кипріану, когда онъ былъ еще языческимъ жрецомъ. Явившійся бѣсъ имѣлъ на головѣ своей золотой вѣнецъ, одѣтъ былъ въ дорогія одежды, какъ бы царскія, и имѣлъ вокругъ себя множество слугъ. Кипріанъ былъ усерднымъ служителемъ діавола, но пламенные, усердныя молитвы о немъ св. Іустины (впослѣдствіи мученицы), а также познаніе имъ силы животворящаго креста Христова отогнало отъ него бѣсовскіе полки, и онъ бросилъ идольскую вѣру. Сдѣлавшись ревностнымъ христіаниномъ, св. Кипріанъ за святость жизни своей былъ посвященъ

ВѢСТИ О РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНѢ.

I.

Война и Пасха.

То великое торжество жизни,—конечная побѣда надъ смертью, или, вѣрнѣе, уничтоженіе самой смерти, какое знаменуетъ собою праздникъ Пасхи, — приобретаетъ особый смыслъ теперь, въ наши тревожные дни, когда смерть распростерла свои крылья надъ столькими молодыми жизнями, когда, провожая братій и сыновей своихъ въ загадочную даль Востока, остающіеся съ тоской и замираніемъ сердца готовы видѣть уже наложенную печать смерти на милыхъ, родныхъ, полныхъ *одушевленія* и жизнерадостности, лицахъ... И кто знаетъ, многіе-ли вернутся съ поля, и кто, за тѣ минуты, до того бодрый и сильный, разстанется внезапно съ жизнью!

Война и смерть; смерть и война! Какъ близко, неразрывно сдружились, какъ побратались кровавымъ, неизбѣжнымъ, роковымъ братствомъ эти два страшныя явленія.

Если вы, сидя одни въ тишинѣ, столь абсолютной, что у васъ начинаетъ сжиматься сердце и въ ушахъ докучно гудить, — если въ такой тишинѣ вы всматриваетесь чрезъ многія тысячи верстъ туда, на арену этой борьбы, если въ воображеніи вашемъ война оживляетъ множество неживленныхъ вещей, и вамъ кажется, что на всякомъ телеграфномъ столбѣ всей линіи между Артуромъ и Петербургомъ, чрезъ все пространство двухъ главнѣйшихъ материковъ міра, раздается шепотъ, который вы стараетесь понять, то слово, которое чаще, докучнѣе, неотразимѣе всего будетъ доноситься вашему воображенію, будетъ слово «смерть»!

И, подъ этотъ унылый шепотъ самаго унылаго слова, будутъ вамъ представляться безотрадныя картины; безжизненно-распростер-

тые трупы молодыхъ, только-что полныхъ ожиданій и бодрости людей, и на лицахъ, на которыхъ оношляющее время не наложило еще отпечатка общей обыденности и духовной смерти, на лицахъ, гдѣ, за минуту до того, такъ полно отражалась вся безконечная гамма безконечно-разнообразныхъ чувствъ молодого человѣческаго сердца, появилась застывшая неподвижность: какое-то удивленіе тому, что они увидѣли, когда спустилась къ нимъ смерть, и уже ничѣмъ, никакою адскою пальбой, никакими криками призыва или побѣды непробудимый покой.

И когда начинаешь думать объ этихъ жертвахъ войны, какъ тоскливо сжимается сердце. Никогда уже не насладятся они красотой жизни. Весеннее солнце, и разливъ рѣкъ, первый почти, цвѣтеніе травъ, золотистая жатва, багряная осень и бѣлый снѣгъ полои зимы, чудеса искусства, сладкія пѣсни: все настанетъ своею чередой — но ничѣмъ они ужъ не насладятся, не заиграетъ ужъ для нихъ румянецъ на щекахъ дѣвушки, и не остановится на нихъ съ любовью ничей взоръ. Холодъ могилы, одиночество, забвеніе, исчезновеніе...

Но, послѣ этой первой жгучей тоски о молодыхъ существованіяхъ, — что цвѣли еще такъ недавно, тутъ, возлѣ насъ, среди насъ, — приходятъ инныя мысли.

Такъ-ли ужъ много они потеряли съ этой жизнью?

Жизнь земная—отраженье,
Полузвукъ и полуцвѣтъ.
Смерть есть къ жизни приближенье,
Къ жизни той, гдѣ смерти нѣтъ, ¹⁾—

и не началось-ли для нихъ теперь безконечно—болѣе свѣтлое, радостное и желанное существованіе, весна краше нашей, все же блѣдно, пзмѣчивой и робкой весны, прерываемой такъ часто дуновеніемъ холода; гармонія слаще и совершеннѣе нашихъ все же скучныхъ и недостаточныхъ пѣсень; полное удовлетвореніе той невыразимой духовной жажды, что неизбѣжно, неутолимо томить здѣсь чуткихъ, искреннихъ людей, всякое больное сердце.

Да, пока смерть казалась послѣднимъ пунктомъ людскаго бытія, и ничто не ждало человѣка за ея наступленіемъ, она была величайшимъ и неописуемымъ бѣдствіемъ.

¹⁾ Ратгаузъ.

Но пришло христіанство, и широко распахнуло двери въ новый, чудесный міръ, міръ духовный, и показало, что здѣшняя жизнь есть лишь ничтожный клочокъ, жалкая пародія, слабый намекъ на то безбрежное и безконечно-прекрасное существованіе, которое открывается душѣ за земною смертію человѣка.

«Гдѣ твое, смерть, жало; гдѣ твоя, адъ, побѣда!» торжествующе восклицаетъ христіанство на томъ пирѣ воскресенія, жизни, безсмертія, который называется Пасхою. Христіанство надругалось надъ смертію, растоптало ее, вычеркнуло, вытравило и—на мѣстѣ страшнаго раньше призрака конечнаго уничтоженія, поставило съ блаженною, манящею улыбкой непрерываемую, нескончаемую, смѣлую, *въ свѣтлыхъ* чаяніяхъ вѣчность.

Гдѣ же твоё, смерть, жало?

И вотъ, когда слуха вашего достигнетъ вѣсть—

О новыхъ ужасахъ войны,
При каждой новой жертвѣ боя,

когда смерть вырветъ такую жертву изъ близкихъ вамъ людей, чье отсутствіе лишитъ жизнь вашу свѣта, отрады и живыхъ красокъ: плачете о себѣ, а не о нихъ. Не о томъ думайте, что они утратили съ этою жизнью, а о томъ громадномъ, что приобрѣли съ новымъ видомъ своего бытія.

Какъ знать, были-ли они здѣсь вполнѣ счастливы; все-ли дала имъ жизнь, чего они желали; было-ли у нихъ довольно силъ, чтобы въ первые дни молодости воплотить мечты ранней юности; не страдали-ли они уже сильно отъ разочарованія въ людяхъ, отъ еще болѣе тяжкаго разочарованія въ себѣ, отъ трагическаго сознанія, что—

Мы жалкое смѣшеніе праха съ Божествомъ,
Равно и Небу чуждые, и праху ¹⁾.

И среди веселаго яраздника жизни, еще, быть-можетъ, не совсѣмъ имъ надѣвшаго, не звучала-ли уже имъ назойливо и утомительно плавная, неизбежная нота земли:

Однозвучный жизни шумъ.

И вотъ, конецъ всей этой ограниченности, сжатости, блѣдности, этимъ напраснымъ сожалѣніямъ, обманутымъ грезамъ, неудавшимся усиліямъ!

¹⁾ Байронъ, *Манфредъ*.

Спустилась волшебница смерть — и пришло бытіе, счастливѣе, смѣлѣе, блаженнѣе всякихъ радужныхъ сновъ.

Кто знаетъ! Еслибы въ страшной обстановкѣ боя, среди всѣхъ этихъ взрываемыхъ на воздухъ, тонущихъ, застрѣливаемыхъ людей, можно было проникнуть въ то, что переживаютъ они въ свои послѣднія секунды; еслибы въ адскомъ грохотѣ сраженія мы подслушали шепотъ не устъ, не языка ихъ, а шепотъ ихъ души; еслибы въ ихъ взорѣ, уже умершемъ для міра, мы могли подглядѣть восхищеніе, радость, то строгое выраженіе серіозности и восторга, которое есть признакъ величайшаго упоенія души; еслибы они могли хоть намекомъ дать намъ понять о томъ, что прозрѣлъ ихъ духъ, готовый къ отлету съ земли, за приподнявшеюся для нихъ завѣсой потусторонняго міра,—какъ бы мы стали завидовать имъ, что еще не сейчасъ увидимъ то, что уже видѣли они; что не сейчасъ будемъ столь же блаженны.

Какъ различно толкуютъ одно и то же явленіе язычество и христіанство! Когда человѣкъ будетъ на войнѣ, язычество произноситъ свое самое сумрачное слово: «гибель», и больше ничего сказать не умѣетъ,—христіанство говоритъ тогда: «безсмертіе»,—и называетъ тѣмъ самое славное, отрадное и радостное, что можетъ произнести языкъ человѣческій. Надъ гробомъ убитаго солдата христіанство ставитъ крестъ съ изображеніемъ распятаго на немъ Бога, воскресшаго и воскрешающаго съ Собой всякаго умершаго человѣка.

Что сказать, какъ достаточно преклоняться предъ религіей, которая освободила душу человѣческую отъ величайшей угрозы, которая сердце, полное тревоги и великой тоски объ измѣнчивости, непрочности и неизбежной гибели всего, что дорого сердцу, наполнило великимъ покоемъ загробныхъ упованій и указало ему очертанія лучезарныхъ, неотъемлемыхъ селеній и ликующей безконечной жизни.

Какіе захватывающіе духъ горизонты открываетъ смерть!

Въ преображенныхъ, идеальныхъ формахъ намъ возвращены будутъ всѣ тѣ, къ кому мы стремились, кого любили. И всѣ мы будемъ воздвигнуты въ блистаніи такой совершенной красоты, въ какой никогда не увидитъ насъ скучная, недостаточная, тусклая и скорбная земля. (Моск. Вѣд.).

Поселянинъ.

Вѣщій сонъ.

На страстной недѣлѣ членъ адмиралтействъ-совѣта вице-адмиралъ Владиміръ Павловичъ Верховскій получилъ изъ Кіева посылку въ нѣсколько пудовъ, при письмѣ. По вскрытіи посылки въ ней оказался въ высокой степени художественно-исполненный образъ Богоматери въ дивной рѣзной рамѣ.

Адмирала просятъ оказать содѣйствіе къ скорѣйшей отправкѣ этого образа въ портъ-артурскую церковь.

Вотъ вкратцѣ исторія этого образа.

Ровно за два мѣсяца до открытія японцами непріязненныхъ дѣйствій въ Кіевскую лавру на дальнія пещеры пришелъ поговѣтъ изъ Бессарабской губерніи старикъ матросъ изъ отбывавшихъ севастопольское сидѣнье.

По его разсказу, онъ видѣлъ во снѣ Богоматерь, стоявшую спиною къ заливу моря. Въ рукахъ Богородицы былъ продолговатый платъ съ сиреневой каемкою, а посреди плата нерукотворенный ликъ Спасителя. Хитонъ Божіей Матери былъ синій, а верхнее одѣяніе коричневое. Съ правой стороны надъ Ея пречистымъ ликомъ архистратигъ Михаилъ, а съ лѣвой архангелъ Гавріилъ. Надъ Нею ангелы держатъ въ облакахъ карту, увѣчанную другою короною изъ двухъ перекрещивающихся радугъ съ крестомъ наверху. Еще выше безплотныя силы поддерживаютъ облака, на которыхъ Господь Саваоѣ съ надписью по сіянію: «Да будетъ едино стадо и единъ пастырь».

Богоматерь успокоила пораженного страхомъ матроса и повѣдала ему, что вскорѣ откроется тяжелая война, въ началѣ которой на долю Россіи выпадутъ многія скорби. Владычица небесная приказала изготовить образъ, точно изображающій видѣніе престарѣлаго матроса, и отправить эту святыню въ портъ-артурскую церковь, обѣщая помощь, покровительство и побѣду русскому воинству тотчасъ по прибытіи образа къ указанному мѣсту.

Сонъ и видѣніе старика-севастопольца стали извѣстны богомольцамъ Кіево-Печерской лавры. Когда пришли первыя вѣсти о войнѣ, десять тысячъ бомогольцевъ по пятаку (болѣе отъ одного лица не принимали) собрали суммы, необходимыя на матеріалы. За работу никто ничего не взялъ.

Образъ сдѣланъ точь-въ-точь по указанію матроса-ветерана: сначала зарисовали штрихами, а потомъ сняли фотографію.

Достойно замѣчанія, что удостоившійся видѣнія старикъ, несмотря на скрюченныя отъ возраста и труда пальцы рукъ, лично очень удачно исправлялъ композицію рисунка.

На свѣтлой недѣлѣ высокопреосвященный Антоній, митрополитъ с.-петербургскій, посѣтилъ супруговъ Верховскихъ, любовался художественнымъ исполненіемъ образа и на вопросъ адмирала изъяснилъ согласіе поставить этотъ образъ временно въ Казанскій соборъ для всенароднаго обозрѣнія.

Къ сожалѣнію, этотъ планъ не удалось выполнить, такъ какъ со дня на день ожидается оказія отдѣльной отсылки образа, гарантирующей его сохранность.

Точная копія образа масляными же красками исполнена монахиными иконописной мастерской Новодѣвичьяго монастыря на дому у г.г. Верховскихъ, такъ какъ послѣдніе не рѣшились до отправки святыни въ Портъ-Артуръ разстаться съ нею.

На образѣ эмалированной вязью написано:

«Торжество Пресвятыя Богородицы. Въ благословеніе и знаменіе торжества христолюбивому воинству Дальней Россіи отъ святыхъ обителей кievскихъ и 10.000 богомольцевъ и друзей».

Еще одна пропущенная подробность. Обѣ стопы Богоматери попирають обнаженные и отточенные обоюдоострые мечи.

Высота образа съ рамою 2 аршина 1½ вершка, а безъ рамы 1½ аршина. Ширина 1½ аршина, а безъ рамы 1 аршинъ 1½ вершка.

Дубовые и лавровые листы рамы вырѣзаны до пліюзи художественно вѣрно.

Художнику очень удались глаза Богоматери: они живые.

Черезъ два дня образъ будетъ отправленъ адмираломъ Верховскимъ къ мѣсту назначенія.

П. Т. Алтеев.

II.

Дѣйствія и распоряженія правительственной власти.

Высочайшіе приказы по морскому вѣдомству.

1 апрѣля: Главный командиръ черноморскаго флота и портовъ Чернаго моря, вице-адмиралъ Скрыдловъ назначается командующимъ флотомъ въ Тихомъ океанѣ.

Государь Императоръ, осмотрѣвъ 16 апрѣля прибывшія въ С.-Петербургъ команды крейсера I ранга «Варягъ» и мореходной канонерской лодки «Кореецъ» изволилъ остаться совершенно доволенъ блестящимъ ихъ состояніемъ, здоровымъ и бодрымъ видомъ людей, за что изъясляетъ Монаршее благоволеніе флигель-адъютанту, капитану I ранга Рудневу 1 и всѣмъ штабъ и оберъ-офи-

церамъ; нижнимъ же чинамъ Его Величество объявляетъ Царское спасибо за молодецкую службу.

21 апрѣля. Его Императорское Величество, въ присутствіи Своемъ въ С.-Петербургѣ, апрѣля 16 дня 1904 года, соизволилъ отдать слѣдующій приказъ:

Въ воздаяніе геройскаго подвига, совершеннаго чинами мореходной канонерской лодки «Кореецъ» въ бою при Чемульпо 27 января сего года, совмѣстно съ крейсеромъ I ранга «Варягъ», противъ непріятеля, значительно превосходившаго ихъ силою и числомъ, Государь Императоръ соизволилъ пожаловать орденъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія 4 степени: старшему офицеру лодки, капитану II ранга Засухину; лейтенантамъ: Степанову 3 и Левитскому; мичманамъ: Бойсману, Бутлерову и Бирилеву; корпуса инженеръ-механиковъ флота, младшему инженеръ-механику Франку; младшему врачу, лекарю Меркушеву.

21 апрѣля, Петербургъ. Приказъ по Морскому вѣдомству отъ 17 апрѣля: «Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія предписываю эскадру, нынѣ находящуюся въ водахъ Дальняго Востока, именовать «первою эскадрой флота Тихаго океана», изготовляющіяся же къ отпращиванію на Дальній Востокъ суда сформировать въ эскадру, которой присвоить наименованіе «Вторая эскадра флота Тихаго океана».

«Генераль-адмиралъ Алексѣй».

21 апрѣля, Петербургъ. Исправляющій должность начальника Главнаго Морскаго Штаба Свиты Его Величества контръ-адмиралъ Рожественскій назначенъ командующимъ 2-й эскадрой флота Тихаго океана, съ оставленіемъ въ настоящей должности.

Назначаются: старшій флагманъ 2 флотской дивизіи, вице-адмиралъ Безобразовъ—командующимъ 1-ю эскадрою флота Тихаго океана; исправляющій должность начальника главнаго морского штаба, свиты Его Величества контръ-адмиралъ Рожественскій — командующимъ 2-ю эскадрою флота Тихаго океана, съ оставленіемъ въ настоящей должности и въ свитѣ Его Величества.

Свиты Его Императорскаго Величества контръ-адмиралъ Рожественскій, по случаю спѣшнаго изготовленія къ плаванію ввѣренной ему 2 эскадры флота Тихаго океана, съ соизволенія Его Императорскаго Величества, освобождается отъ занятій по главному морскому штабу.

Къ исполненію обязанностей начальника главнаго морского штаба, на время отсутствія контръ-адмирала Рожественскаго, управляющимъ морскимъ министерствомъ предложено вступить старшему изъ помощниковъ начальника главнаго морского штаба, контръ-адмиралу Виреніусу.

Циркуляръ министра иностранныхъ дѣлъ Россійскимъ представителямъ за границую 16 апрѣля.

Иностранною печатью за послѣднее время настойчиво распространяются слухи о возникшихъ въ средѣ нѣкоторыхъ европейскихъ правительствъ намѣреніяхъ оказать мирное посредничество для скорѣйшаго окончанія русско-японскаго столкновенія. Полученныя телеграммы сообщаютъ даже, будто въ этомъ смыслѣ уже сдѣланы предложенія Императорскому Правительству.

Вы уполномочены самымъ категорическимъ образомъ опровергнуть это извѣстіе.

Россія не желала войны; ею сдѣлано было, въ предѣлахъ возможности, все, чтобы мирнымъ путемъ разрѣшить возникшія на Дальнемъ Востокѣ осложненія. Но послѣ вѣроломнаго нападенія Японіи, вынудившаго Россію взяться за оружіе, никакое мирное посредничество, очевидно, не можетъ имѣть успѣха.

Равнымъ образомъ, Императорское Правительство не допуститъ и вмѣшательства какой бы то ни было державы въ непосредственные переговоры, которые послѣдуютъ между Россією и Японією по окончаніи военныхъ дѣйствій для опредѣленія условій мира.

Вышеизложенное сообщается вамъ для свѣдѣнія и руководства.

ж Начавшаяся на Дальнемъ Востокѣ война пробудила среди многихъ народовъ и, въ особенности, въ славянскихъ земляхъ живѣйшее сочувствіе къ Россіи. Изъ нѣкоторыхъ странъ стали поступать усиленные ходатайства мѣстныхъ жителей о допущеніи ихъ добровольцами въ ряды русской арміи борьбы съ Японіей. Проявленія столь самоотверженнаго участія глубоко проникли въ сердце Верховнаго Вождя русскаго народа. Выражая живѣйшую признательность за проявленные чувства, но памятуя при этомъ, что силы и жизнь каждаго нужны его собственной родинѣ, Государь Императоръ не находитъ возможнымъ соизволить на удовлетвореніе ходатайствъ о приѣмѣ добровольцевъ въ русскія войска.

ж По приказанію военнаго министра въ главномъ штабѣ учрежденъ особый отдѣлъ для сбора свѣдѣній объ убитыхъ и раненыхъ офицерахъ и нижнихъ чинахъ въ войну съ Японіей.

По мѣрѣ поступленія этихъ свѣдѣній, они будутъ публиковаться въ «Русскомъ Инвалидѣ». Кромѣ того, всѣ данныя о нижнихъ чинахъ будутъ сообщаться мѣстнымъ губернаторамъ для объявленія родственникамъ убитыхъ и раненыхъ.

Объявляя о семъ, главный штабъ проситъ, относительно нижнихъ чиновъ, всѣ запросы родныхъ и близкихъ направлять не въ главный штабъ, а по принадлежности къ мѣстнымъ губернаторамъ.

23 апреля (6 мая). По словам «Daily Chronicle», японскій премьеръ-министръ графъ Кацура, въ бесѣдѣ съ виднымъ представителемъ одного изъ христіанскихъ исповѣданій, заявилъ, что японское правительство гарантируетъ свое покровительство всѣмъ вѣроисповѣданіямъ; иностраннымъ миссіонерамъ война не угрожаетъ никакой опасностью. Настоящая война не есть война между христіанствомъ и язычествомъ и религіозные вопросы не играютъ въ ней никакой роли, такъ какъ она начата японцами съ цѣлью обезпечить свое вліяніе на Дальнемъ Востока. Японское правительство уже предостерегало представителей буддійской религіи и религіи Шинто, предлагая имъ не смѣшивать религіозныхъ вопросовъ съ политическими; хотя образованная часть націи находила излишнимъ самое предупрежденіе, такъ какъ не было случаевъ, чтобы христіанинъ подвергся оскорбленію.

Отъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ.

Въ виду возникшихъ въ публикѣ сомнѣній относительно правильности доставленія адресованныхъ въ манчжурскую армію и на тихоокеанскую эскадру писемъ, главное управленіе почтъ и телеграфовъ считаетъ нужнымъ разъяснить порядокъ отправленія корреспонденціи на театръ военныхъ дѣйствій.

Корреспонденція изъ всѣхъ мѣстъ Имперіи направляется въ главную полевую почтовую контору въ Харбинъ гдѣ она сортируется. Письма, адресованныя въ сухопутныя части войскъ, посылаются изъ Харбина въ ближайшія къ мѣсту ихъ нахождения полевыя почтовые учрежденія и затѣмъ выдаются непосредственно адресатамъ или довѣреннымъ лицамъ. Вслѣдствіе частыхъ передвиженій войскъ, а равно въ случаяхъ отдаленности полевого почтового учрежденія отъ мѣста расположенія данной войсковой части, выдача корреспонденціи, пересылаемой изъ одной мѣстности въ другую, подвергается нѣкоторому замедленію, почему и письма неизбѣжно достигаютъ получателей не всегда аккуратно.

Корреспонденція, адресованная чинамъ флота, также сортируется въ Харбинѣ, и тѣ письма, въ адресѣ которыхъ имѣется названіе судна, входящаго въ составъ владивостокской эскадры, направляются во Владивостокъ, а всѣ остальные въ Портъ-Артуръ. Въ обоихъ этихъ пунктахъ корреспонденція выдается во всякое время дня и вечера довѣреннымъ отъ судовъ эскадры. Для полнаго же обезпеченія доставки корреспонденціи необходимо обозначать въ адресѣ не только наименованіе эскадры, но и названіе судна, на которомъ находится получатель, что даетъ возможность избѣжать засылки въ Портъ-Артуръ писемъ, адресованныхъ, безъ обозначенія имени судна, тѣмъ лицамъ, которыя находятся на судахъ, стоящихъ во Владивостокѣ.

Жалобъ на неполученіе корреспонденціи ни отъ войсковыхъ частей, ни отъ отдѣльныхъ лицъ въ мѣстныя полевыя учрежденія не поступало.

III.

Всеподданнѣйшія и официальные телеграммы съ театра войны.

(Съ 16 марта по 25 апрѣля).

16 марта. Отъ генералъ-адъютанта Куропаткина. Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству только-что полученное донесеніе генерала Мищенко, посланное имъ 15 марта, въ 10 часовъ вечера: три дня мелкими разбѣздами до Чондчю вызывали японскую кавалерію на движеніе къ намъ, но ихъ разбѣзды при встрѣчахъ тотчасъ же поворачивали и уходили въ Чондчю. Узнавъ, что четыре ихъ эскадрона стоятъ въ 5 верстахъ за Чондчю, 14 марта передвинулся къ Ноосану, а 15-го съ 6 сотнями въ 10 час. 30 мин. дня подошли къ Чондчю. Какъ только наши дозоры подошли къ городу, противникъ изъ-за стѣнъ открылъ огонь. Быстро сѣвши въ двѣ сотни, заняли высоту, вплоть прилегающую къ городу; съ 600 шаговъ завязался бой. Въ городѣ находились въ засадѣ около роты пѣхоты и эскадронъ. Наши сотни были усилены еще тремя сотнями, взявшими японцевъ въ перекрестный огонь. Несмотря на это и наше командующее положеніе, японцы упорно держались, и только послѣ получасоваго ожесточеннаго огня они почти прекратили огонь, попрятались по фанзамъ, выставивъ въ двухъ мѣстахъ флаги Краснаго Креста. Вскорѣ по дорогѣ изъ Касана показались три эскадрона, шедшіе почти карьеромъ со стороны Касана въ городъ; двумъ изъ нихъ удалось вскочить въ городъ, третій же подъ залпами нашихъ сотенъ въ беспорядкѣ повернулъ назадъ: видно было, какъ валились люди и лошади. Послѣ этого еще цѣлый часъ наши сотни разстрѣливали японцевъ въ городѣ, не давая возможности имъ выбраться изъ улицы и фанзъ и развить огонь. Черезъ полтора часа послѣ начала боя по Касапской дорогѣ показались наступающія бѣгомъ четыре роты. Я приказалъ подать коповодамъ, и всѣ сотни, подъ прикрытіемъ одной сотни, въ полномъ порядкѣ шагомъ прошли по лощинѣ и вытянулись за горой въ походную колонну, имѣя впереди раненыхъ. Разбитые эскадроны, очевидно, не были въ состояніи быстро запятъ оставленную нами высоту, а пѣхота опоздала. Отрядъ, охранявшій сзади, покойно дошелъ до Куаксана, гдѣ сдѣлалъ привалъ на 2 часа для перевязки раненыхъ, и въ 9 часовъ вечера достигъ Ноосана. Я полагаю, что японцы понесли значительныя потери людьми и лошадьми, но, къ сожалѣнію, у насъ тяжело ранено три офицера: штабъ-капитанъ Степановъ, поручикъ Андреенко въ грудь и корнетъ Базилевичъ въ животъ. Серьезно

раненъ сотникъ Шильниковъ въ руку и подъ лопатку, но остался въ строю. Казаковъ убито трое, ранено 12, изъ нихъ пятеро тяжело. Генералъ Мищенко свидѣтельствуешь объ отличномъ поведеніи въ бою начальниковъ, офицеровъ и казаковъ, въ особенности третьей сотни Аргунскаго полка, подъ командою подъесаула Красностанова, и о выдающейся храбрости раненыхъ офицеровъ.

17 марта. Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству: генералъ Мищенко доноситъ отъ 16 марта, что, по рассказамъ жителей Чонджю, въ бою 15 марта у этого города японцы потеряли болѣе 40 человѣкъ убитыми; 100 раненыхъ отправили въ Анчжю, собравъ для этого 500 носильщиковъ-корейцевъ; также понесли большія потери въ лошадяхъ.

Утромъ 16 марта скончался раненый въ бою 15-го у Чонджю штабсъ-капитанъ Степановъ.

24 марта. Генералъ-маіоръ Кашталинскій доноситъ 23 марта, что на Ялу все спокойно. Противъ Тюринчена, на островѣ Матуцео, охотники имѣли перестрѣлку съ аванпостами японцевъ у Ичжу; у насъ потерь нѣтъ, у японцевъ убитыхъ 5, число раненыхъ неизвѣстно. Склады въ русскомъ поселкѣ Ионампо разграблены и сожжены. Въ Ионампо небольшой отрядъ—около 300 человѣкъ японской пѣхоты.

30 марта. Генералъ Кашталинскій въ ночь на 26 марта направилъ команды охотниковъ на лѣвый берегъ Ялу, противъ Ичжу. Команды охотниковъ, при поручикѣ Демидовичѣ и подпоручикѣ Потемкинѣ, переправились на островъ Сомалинда и захватили врасплохъ японскую развѣдочную партію, человѣкъ въ 50, пристававшую въ это время на 3 лодкахъ къ восточному берегу острова. Давъ имъ высадиться, охотники бросились на «ура», и почти всѣ японцы были переколоты, перестрѣлены или утонули, а лодки взорваны. У насъ потерь не было. Особенно отличились унтеръ-офицеры: Лучкинъ и Сумашедовъ.

На другой день японскій флагъ въ Ичжу былъ приспущенъ, а видимые ранѣ посты отодвинулись назадъ.

Въ ночь на 27 марта 4 охотника переправились къ Ионампо на русскій поселокъ, гдѣ обнаружили эскадронъ. Охотники, пробывъ тамъ 12 часовъ, были выданы корейцами и принуждены были броситься вплавъ, такъ какъ ихъ лодка стала на мель; при этомъ погибъ ефрейторъ Романъ Харьковъ. Гнавшіеся на лодкѣ японцы наткнулись на папу лодку, шедшую на помощь пловцамъ, и были перебиты, а ихъ лодка потоплена.

31 марта. Изъ Портъ-Артура, отъ командира порта контръ-адмирала Григоровича: Броненосецъ «Петропавловскъ» наскочилъ

на мину, взорвался, опрокинулся. Наша эскадра подъ Золотой Горой; японская приближается.

Адмиралъ Макаровъ, повидимому, погибъ.

Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ спасенъ, легко раненъ.

Отъ генераль-адъютанта Куропаткина. Генераль Кашталинскій доноситъ: утромъ 30 марта въ перестрѣлкѣ съ японцами на передовыхъ постахъ убитъ лихой офицеръ 12-го полка поручикъ Демидовичъ; унтеръ-офицеръ Лучкинъ, представленный уже за подвиги къ двумъ наградамъ, и два стрѣлка убиты и два ранены.

1 апрѣля. Отъ контръ-адмир. кн. Ухтомскаго. 21 марта, въ 10 часу, во время маневрированія эскадры на портъ-артурскомъ рейдѣ, въ виду непріятельскаго флота, броненосецъ «Петропавловскъ», подъ флагомъ командующаго, послѣ взрыва опрокинулся. Погибли командующій флотомъ и начальникъ штаба. Спасены: Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ, командиръ Яковлевъ, лейтенанты: Унковскій, Іенишъ и Дукельскій; мичманы Владиміръ Шмидтъ и Шлиппе и 52 матроса. Подобраны тѣла капитана 2-го ранга Васильева, мичмановъ Акимова и Бурачка, доктора Волковича и нѣсколькихъ матросовъ.

Изъ миноносцевъ, высланныхъ вчера въ ночную экспедицію, миноносецъ «Безстрашный», за ненастною погодою, отдѣлившись отъ отряда, былъ окруженъ непріятельскими миноносцами и въ бою съ ними погибъ. Спасено 5 человѣкъ.

Послѣ гибели броненосца «Петропавловскъ», временно вступилъ въ исполненіе обязанности командующаго флотомъ.

При перестроеніи эскадры броненосецъ «Побѣда» получилъ ударъ миной въ середину праваго борта. Броненосецъ самостоятельно вошелъ въ гавань. Убитыхъ и раненыхъ нѣтъ.

2 апрѣля. Отъ намѣстника генераль-адъютанта Алексѣева. Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству: сего 2 апрѣля, съ 9 часовъ 15 минутъ утра до полудня, японскій флотъ, въ составѣ 14 боевыхъ судовъ, раздѣлившись на 2 отряда, поочередно производилъ отъ Ляотешана бомбардировку крѣпости и города. Непріятель выпустилъ 185 снарядовъ. На бомбардировку отвѣчала съ якорныхъ мѣстъ перекиднымъ огнемъ наша эскадра, въ томъ числѣ броненосецъ «Побѣда», а также и батареи. На берегу раненыхъ 5 нижнихъ чиновъ гарнизона. На судахъ потерь въ людяхъ и поврежденій не было. Среди китайцевъ на берегу убитыхъ 7, раненыхъ 3.

5 апрѣля. Отъ генераль-адъютанта Куропаткина. Генераль Кашталинскій доноситъ: 4 апрѣля, на Ялу, перемѣнъ нѣтъ. На островахъ наши передовые посты стоятъ шаговъ на 600 отъ японскихъ, но на ночь японцы отодвигаются.

7 *апрѣля*. Генераль Кашталинскій доноситъ: 6 апрѣля на Ялу спокойно. Противъ Голуцзы и выше японцы строятъ окопы. Число японскихъ войскъ увеличивается и они сосредоточиваются къ Ичжу, распространяясь въ то же время на сѣверъ вдоль Ялу. Огни японскихъ военныхъ судовъ замѣчены казачьими постами у бухты Чинтайзы, противъ деревни Потинза, въ 25-ти верстахъ западнѣе Татунгоу. Суда стоятъ въ разстояніи до 50-ти верстъ отъ берега. По свѣдѣніямъ генерала Мищенко, японскія суда замѣчены также у Сенчжена.

8 *апрѣля*. Отъ намѣстника генераль-адъютанта Алексѣева. Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству: 29 марта эскадра въ полномъ составѣ выходила по створу на 6 миль на югъ въ море, для производства эволюцій и къ вечеру вернулась въ гавань.

30 марта отрядъ изъ 8-ми миноносцевъ выходилъ для осмотра острововъ, имѣя приказаніе, при встрѣчѣ съ непріятелемъ, его атаковать. Во время ночнаго перехода и сильнаго дождя отъ отряда отдѣлились три миноносца, изъ которыхъ два пришли съ разсвѣтомъ въ Артуръ, при чемъ одинъ изъ нихъ, встрѣтивъ 4 непріятельскихъ миноносца, обошелъ ихъ мористѣе. Третій миноносецъ «Страшный», согласно показаніямъ нижнихъ чиновъ, встрѣтивъ нѣсколько идущихъ японскихъ миноносцевъ, принялъ ихъ въ темнотѣ за свои, почему, сдѣлавъ опознательный сигналъ, пошелъ совместно съ ними, но съ разсвѣтомъ былъ признанъ непріятелемъ. Въ послѣдовавшемъ бою, на близкомъ разстояніи, убиты командиръ капитанъ 2-го ранга Юрасовскій, мичманъ Акинфѣевъ, механикъ Дмитріевъ и большинство команды. Раненый лейтенантъ Малѣевъ продолжалъ лично стрѣлять по непріятелю изъ пулемета. Вышедшій 31 марта на разсвѣтъ на встрѣчу миноносцамъ крейсеръ «Баянъ» шелъ полнымъ ходомъ на выручку и около 16 миль отъ Артура увидѣлъ сражавшійся съ 4-мя японскими миноносцами миноносецъ «Страшный», на которомъ вскорѣ послѣдовалъ взрывъ, и онъ затонулъ. Отогнавъ выстрѣлами непріятельскіе миноносцы, крейсеръ «Баянъ», подойдя къ мѣсту боя и спустивъ шлюпки, успѣлъ спасти оставшихся, къ сожалѣнію, всего 5 человекъ, плававшихъ на поверхности. Спасая людей, крейсеръ вынужденъ былъ правымъ бортомъ вступить въ бой съ подходившими 6-ю японскими крейсерами. Поднявъ шлюпки, «Баянъ» пошелъ въ Артуръ, не понеся потерь или поврежденій, хотя и получилъ много осколковъ снарядовъ. На подкрѣпленіе ему спѣшили «Діана» и 5 миноносцевъ. Въ это же время вышли на рейдъ остальные крейсера, броненосцы «Петропавловскъ» и «Полтава» и часть миноносцевъ.

Остальные броненосцы выходили еще изъ гавани. Построившись въ кильватерную колонну, съ «Баяномъ» головнымъ и миноносцами на флангѣ, командующій флотомъ пошелъ къ мѣсту боя «Страшнаго», куда вновь подошли японскіе миноносцы и крейсера. Послѣ короткой перестрѣлки, съ 50-ти кабельтовыхъ, непріятельскіе суда повернули въ море. Въ 8 часовъ 40 мин. утра открылась эскадра японскихъ броненосцевъ изъ 9-ти судовъ, почему наши суда пошли къ Артуру, на рейдѣ къ нимъ присоединились «Побѣда», «Пересвѣтъ» и «Севастополь», выходившій изъ прохода. Эскадра затѣмъ построилась въ слѣдующій строй: «Аскольдъ», «Баянъ», «Діана», «Петропавловскъ», «Побѣда», «Новикъ», пять миноносцевъ и два минныхъ крейсера на лѣвомъ траверсѣ. Подойдя къ входному створу, миноносцамъ сигналомъ было приказано идти въ гавань, а крейсерамъ вступить въ кильватеръ. Перестроившись, «Петропавловскъ», находясь головнымъ, повернулъ на остъ и сталъ склоняться вправо къ непріятелю. Въ 9 час. 43 мин. у праваго борта «Петропавловска» послѣдовалъ взрывъ, затѣмъ второй подъ мостикомъ, болѣе сильный, съ густымъ высокимъ столбомъ желто-зеленаго дыма, при чемъ фокъ-мачта, труба, мостикъ и башня поднялись кверху. Броненосецъ накренился на правый бортъ, корма приподнялась, оголивъ работавшій на воздухѣ винтъ, и «Петропавловскъ», объятый весь пламенемъ, не болѣе какъ черезъ 2 минуты потонулъ, погрузившись носомъ. Часть людей спаслась на ютѣ. Крейсеру «Гайдамакъ», находившемуся въ одномъ кабельтовѣ отъ «Петропавловска», своими шлюпками и прямо съ крейсера удалось спасти Его Императорское Высочество Великаго Князя Кирилла Владиміровича, 2 офицеровъ и 47 человекъ команды. Подоспѣвшіе миноносцы и шлюпки съ «Полтавы» и «Аскольда» также спасали людей. Всего спасено офицеровъ 7, нижнихъ чиновъ 73. Слѣдовавшій въ кильватерѣ въ 2 кабельтовыхъ броненосецъ «Полтава» застопорилъ машину и оставался на мѣстѣ гибели. По сигналу младшаго флагмана контръ-адмирала князя Ухтомскаго, остальные суда пошли ко входу, перестраиваясь въ кильватеръ «Пересвѣту». При пересѣченіи линіи створа, подъ правымъ бортомъ броненосца «Побѣда» послѣдовалъ взрывъ миной. Броненосецъ накренился, но продолжалъ путь и вошелъ въ гавань, а за нимъ всѣ остальные суда. Непріятель пролжалъ держаться въ виду до 3 часовъ и удалился. Ночью, предшествовавшей выходу эскадры, были замѣчены вдали на рейдѣ огоньки и силуэты судовъ, причемъ командующій флотомъ лично наблюдалъ до утра за всѣмъ происходившимъ съ дежурнаго крейсера «Діана», стоявшаго на наружномъ рейдѣ на бочкахъ, и съѣхалъ съ него въ 4 часа утра.

Въ заключеніе пріемлю смѣлость всеподданнѣйше доложить, что, не взирая на неудачи, постигшія тихоокеанскій флотъ, духъ команды остается на высотѣ своего долга и высокомиловитыя слова Вашего Императорскаго Величества, обращенныя къ морякамъ въ тяжелую минуту испытаній, служатъ высокимъ утѣшеніемъ и поддержкою всему личному составу въ его трудахъ, направленныхъ къ преодоленію врага во славу возлюбленнаго Монарха и Отечества.

Отъ генераль-адъютанта Куропаткина: Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству, что японскіе офицеры Щезо-Юока и Тейока-Оки, задержанные близъ станціи Турчиха съ тремя коробками бикфордова шнура, разводнымъ французскимъ ключемъ, динамитными патронами, инструментами для порчи дороги, полутора пудами пироксилиновыхъ шашекъ, хорошими планами Монголіи, Маньчжуріи, Сѣверной Кореи и записными книжками, временнымъ военнымъ судомъ въ городѣ Харбинѣ, 7-го апрѣля, признаны виновными въ томъ, что, принадлежа къ составу японской дѣйствующей противъ Россіи арміи и имѣя намѣреніе, въ цѣляхъ содѣйствія успѣхамъ этой арміи, разрушить или повредить русскія желѣзнодорожныя и телеграфныя сооруженія, они, Юока и Оки, запаслись пироксилиномъ и иными принадлежностями для порчи вышеупомянутыхъ сооруженій, проникли тайно въ предѣлы Маньчжуріи, гдѣ и были задержаны русскими разъѣздами въ 30-ти верстахъ къ юго-западу отъ станціи Турчиха китайской восточной желѣзной дороги, одѣтыми въ монгольскіе одежды, въ которыя они облеклись для сокрытія своей національности и принадлежности къ японской арміи. За означенное дѣяніе, согласно второй части 281 статьи воинскаго устава о наказаніяхъ, Юока и Оки приговорены къ лишенію правъ состоянія и къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ этотъ я утвердилъ, но, во вниманіе къ ихъ офицерскому званію, согласился замѣнить имъ повѣшеніе — разстрѣляніемъ съ тѣми же праволишеніями. Просьбу осужденныхъ о дарованіи имъ жизни я отклонилъ. Приговоръ приведенъ въ исполненіе 3-го апрѣля, въ 6 часовъ вечера.

На Ялу 6-го и 7-го апрѣля спокойно, перемѣнъ нѣтъ. Въ ночь на 6-е противъ мыса Товеръ-Гилль, западнѣе Кайчжоу, былъ замѣченъ пароходъ, высланшій, повидимому, для промѣровъ, шлюпки, скоро отошедшія назадъ.

9-го апрѣля. Отъ намѣстника генерала-адъютанта Алексѣева. Рядъ разъѣздокъ на Ялу установилъ, что японцы стянули сѣвернѣе Ичжу значительныя силы, около дивизіи, а также стали быстро стягивать войска въ Ичжу, откуда корейское населеніе выселено. Есть донесеніе о провозѣ грузовъ, похожихъ на поптоны.

Противъ Мабихе, на островѣ, нашими охотниками убиты 2 японскихъ развѣдчика; одинъ, повидимому, офицеръ. На правомъ флангѣ нашими охотниками нѣсколько дней велась смѣлая развѣдка лѣваго берега Ялу, установившая, что войскъ южнѣе рѣки Помахуа немного, но японцы заняты здѣсь заготовкою лодокъ. Туда днемъ на трехъ лодкахъ направилась наша команда, въ составѣ 2 офицеровъ и 32 нижнихъ чиновъ, но была обнаружена и потеряла въ перестрѣлкѣ убитыми трехъ стрѣлковъ; тяжело ранены штабс-капитанъ Змѣицынъ и 11 стрѣлковъ, легко ранены подпоручикъ Пушкинъ и 4 стрѣлка. Подъ прикрытіемъ огня 2 нашихъ орудій команда отошла на нашъ берегъ.

Внеподанныйше доношу Вашему Императорскому Величеству: 9-го апрѣля, при постановкѣ миннаго загражденія съ паровыхъ шлюпокъ, отъ преждевременнаго взрыва одной мины подъ кормою шлюпки погибли минный лейтенантъ Петръ Пелль и 20 нижнихъ чиновъ.

12 апрѣля. Отъ генераль-адъютанта Куропаткина. Генераль Засуличъ 11 апрѣля доносить: въ послѣдніе дни было замѣчено, что въ ближайшихъ окрестностяхъ Ичжу и у деревни Сиру, въ 15 верстахъ выше, японцы разгружаютъ понтоны, собираютъ лодки и готовятъ матеріалъ для моста. 10 апрѣля въ 15 верстахъ ниже Сяопусихе, переправился ихъ отрядъ силою до 2 ротъ съ небольшою конною частью. Генераломъ Засуличемъ припаты мѣры для поддержанія нашихъ передовыхъ заставъ. Непріятель въ незначительныхъ силахъ обнаруженъ также противъ Сяопусихе и у Пектона. Въ 20-ти верстахъ выше Сяопусихе замѣчены приготовленія къ переправѣ. Въ каждомъ районѣ Ялу въ теченіе 11 апрѣля было все спокойно.

14 апрѣля. Отъ намѣстника ген-адъют. Алексѣева. Адмиралъ Иессенъ, находившійся въ морѣ съ крейсерами и миноносцами, 12 апрѣля отдѣлилъ послѣдніе въ Гензанъ. Миноносцы взорвали на рейдѣ японскій коммерческій пароходъ, команда котораго была свезена на берегъ, послѣ чего въ тотъ же день возвратились къ отряду.

Торг. тел. аген. изъ Портъ-Артура, 14 апрѣля. Здѣсь все спокойно. Сегодня на мѣстѣ гибели «Петропавловска» разстрѣливали всплывшія японскія мины. Почта изъ Европы прибываетъ сюда два раза въ недѣлю.

Изъ Портъ-Артура телеграфируютъ: Рядъ опытовъ съ нашими подводными лодками далъ блестящіе результаты. лодки готовы для дѣйствій противъ непріятели.

Въ виду Гензана появились 3 русскихъ крейсера. Населеніе города бѣжало во внутреннія области, захвативъ съ собою жен-

щинъ и дѣтей, такъ какъ считали бомбардировку порта неминуемой. Но русскіе крейсера только произвели развѣдку береговъ и ушли. Люди съ потопленнаго нашими миноносцами близъ Гензана японскаго купеческаго парохода «Гейомару» всѣ спасены и свежены на берегъ.

14 апрѣля. Отъ контръ-адмирала Иессена. Въ Гензанѣ 12 апрѣля два наши миноносца взорвали японскій пароходъ «Гейо-мару», водоизмѣщеніемъ 500 тоннъ, предварительно спустивъ съ него на берегъ всѣхъ людей. Того же дня, около 8 часовъ вечера, былъ взорванъ въ морѣ японскій пароходъ «Накамура-мару» около 220 тоннъ, съ котораго принялъ людей къ себѣ. Ночью, въ 1 часъ 30 мин., взорванъ еще японскій военный транспортъ «Киншію-мару», въ 4.000 тоннъ водоизмѣщенія, съ грузомъ риса, другихъ военныхъ припасовъ и около 1.500 тоннъ угля. Транспортъ вооруженъ четырьмя 47-миллим. пушками Гочкиса. Сдавшихся 17 офицеровъ, 20 нижнихъ чиновъ, 85 военныхъ носильщиковъ (кули) и 65 человекъ команды принялъ къ себѣ. Оставшаяся безъ офицеровъ остальная часть десантнаго эшелона не только отказалась наотрѣзъ сдаться и перейти на нашъ крейсеръ, но оказала вооруженное сопротивленіе, а потому была потоплена вмѣстѣ съ транспортomъ.

16 апрѣля. Отъ намѣстника генераль-адъютанта Алексѣева. Ночью 15 апрѣля видны были непріятельскія суда, которыя держались въ 6-мильномъ разстояніи отъ Артура.

Утромъ около 8 часовъ 10 японскихъ крейсеровъ съ 6 миноносцами были видны въ Уссурійскомъ заливѣ.

16-е и 17-е апрѣля. Сообщенія Главнаго Штаба о положеніи дѣлъ на рѣкѣ Ялу. Изъ телеграммъ командующаго маньчжурскою арміею генераль-адъютанта Куропаткина, полученныхъ 18-го сего апрѣля, видно, что переправившіеся на правый берегъ рѣки Ялу, близъ деревни Сындягоу, японцы заняли деревни Хусанъ и Лизавень. Генераль Засуличъ, имѣя въ виду вновь занять Лизавень и высоты у Хусана, послѣ произведенной 16-го апрѣля усиленной развѣдки занятыхъ японцами позицій, назначилъ отрядъ подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника Линда. Позиціи у Лизавена и Хусана оборонялъ японскій отрядъ, въ составѣ двухъ батальоновъ 4-го гвардейскаго полка съ горными орудіями и съ небольшою частью гвардейскихъ кавалеристовъ. При содѣйствіи огня нашей артиллеріи отъ Потетинцы, нашъ отрядъ выбилъ японцевъ съ позицій, потерявъ двухъ стрѣлковъ убитыми и 13 ранеными. Японцы оставили на позиціи 10 убитыхъ, 26 раненыхъ; кромѣ того, нѣкоторая часть раненыхъ была унесена, а нѣкоторые сползли по скатамъ къ рѣкѣ Ялу. Горную батарею японцы увезли.

Занявъ высоты у Сындягоу, нашъ отрядъ попалъ подъ сильный огонь японской батареи, расположенной къ сѣверу отъ Ы-чжу. Два наши орудія обстрѣляли понтонный мостъ, который японцы вынуждены были развести. Японскій отрядъ отъ Лизавена и Хусана отступилъ, частью къ Ялу, частью на сѣверъ. На позиціи японцевъ пока найдено 10 винтовокъ, много патроновъ, амуниціи и карты.

Особенно молодецки дѣйствовали охотники 10-го и 12-го полковъ, подъ командой поручика Янчиса.

16-го же апрѣля въ 10 часовъ утра японскій отрядъ силою до 1,500 пѣхоты съ 2 орудіями началъ переправу у Амбихе и Шогопудзы. У устья Амбихе находился небольшой нашъ отрядъ подполковника Гусева. Отрядъ этотъ вынужденъ былъ отойти подъ непрерывнымъ огнемъ двухъ шестиорудійныхъ японскихъ батарей, потерявъ четырехъ нижнихъ чиновъ ранеными и подполковника Гусева контуженнымъ въ голову и лѣвую руку. Наши горныя орудія за дальностью разстоянія отвѣчать не могли. Къ отряду отправлено подкрѣпленіе съ приказаніемъ прогнать японцевъ за Ялу.

Отъ генерала Мищенко получено донесеніе, что утромъ 16-го же числа съ японскихъ судовъ при устьѣ рѣки Ялу былъ открытъ огонь по нашимъ войскамъ, продолжавшійся 20 минутъ и не нанесшій никакого вреда. У Инкоу все спокойно.

17-го апрѣля съ 10 часовъ утра до 5-ти дня японцы обстрѣливали нашу позицію у Тюренчена съ батарей лѣваго берега, въ коихъ ими было выставлено до 24-ти 12-сантиметровыхъ орудій, расположенныхъ въ отлично маскированныхъ окопахъ. Непріятель выпустилъ не менѣе 2.000 снарядовъ, но позиція у Тюренчена попрежнему прочно занята нашими войсками.

Утромъ же 17-го японцы вновь перешли рѣку Ялу у Сындягоу и атаковали наши войска, расположенныя на высотахъ у селенія Хусана, обходя ихъ лѣвый флангъ: Вслѣдствіе значительнаго превосходства силъ нашъ отрядъ отошелъ на позицію у селенія Потетынцзы.

Наши потери на Тюренченской позиціи: убить подполковникъ Пахаловъ; тяжело раненъ въ голову командиръ батареи 6-й артиллерійской бригады подполковникъ Малеръ; ранены: 6-й артиллерійской бригады полковникъ Местеръ, капитанъ Воробьевъ, штабсъ-капитанъ Сапожниковъ, поручикъ Филадельфовъ и 2-го сапернаго батальона штабсъ-капитанъ Атрошенко.

На позиціи у Хусана тяжело раненъ въ голову поручикъ 22-го полка Антроповъ.

Потеря въ нижнихъ чинахъ на обѣихъ позиціяхъ точно еще не опредѣлена, но по имѣющимся нынѣ свѣдѣніямъ убито трое и ранено девятнадцать.

18 апрѣля. Съ 4 часовъ утра 18-го апрѣля японскія полевая и 12-сантиметровыя батареи открыли сильнѣйшій огонь по Тюренченской позиціи и по войскамъ, расположеннымъ у Потетынцзы. Подавляющее превосходство японцевъ въ количествѣ артиллеріи и большія потери, понесенныя отъ огня частями, занимавшими эти позиціи, заставили генерала Засулича признать несоотвѣтственнымъ удерживать долѣе Тюренченскую позицію. Войскамъ приказано отходить, задерживаясь на попутныхъ позиціяхъ. Ко времени отправления генераломъ Засуличемъ телеграммы, войска отъ Тюренчена и Шахедзы въ полномъ порядкѣ отходили на вторую позицію, а у Потетынцзы и Ченгоу еще шелъ бой.

19 апрѣля. Отъ командующаго Маньчжурскою арміею генералъ-адъютанта Куропаткина на имя Его Императорскаго Величества:

Вслѣдствіе перерыва телеграфнаго сообщенія, не имѣю донесеній отъ генерала Засулича. По показаніямъ лицъ, прибывшихъ ночью изъ Фынхуанчена, 18 апрѣля, японцы, дѣйствуя съ фронта подавляющей артиллеріей, превосходными силами атаковали нашъ лѣвый флангъ, охвативъ его. Здѣсь произошло жаркое дѣло, въ которомъ приняли участіе 22-й и 12-й стрѣлковые полки. Защищаясь упорно, переходя въ наступленіе, нанесъ японцамъ тяжелыя потери, наши слабыя силы не могли удержать позиціи и отступили, оставивъ въ рукахъ непріятеля нѣсколько орудій. Большая убыль людей и лошадей не позволила вывезти орудія изъ боя; замки вынуты. Отрядъ отошелъ къ Фынхуанчену.

Всего въ распоряженіи генерала Засулича въ день боя было пять полковъ и пять батарей; изъ нихъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, полкъ и двѣ батареи, находившіеся у Шахедзы, не принимали участія въ бою, ибо японцы съ этой стороны атаки не вели. Потери еще не приведены въ извѣстность, но въ виду упорства боя должны быть весьма значительны.

19 апрѣля. отъ генералъ-лейтенанта Сахарова въ Главный Штабъ: Восемнадцатаго апрѣля, къ берегу, западнѣе Сыпьючена, не ближе шести верстъ, подходили два судна, повидимому, миноносцы. Къ западу отъ Гайчжоу усмотрѣны сначала два парохода, крейсировавшіе около берега до трехъ часовъ пополудни, а затѣмъ эскадра въ десять судовъ, удалившаяся по направленію на сѣверо-западъ. Около Инкоу судовъ не появлялось.

20 апрѣля. Согласно донесенію генерала Засулича отъ 20 апрѣля, бой на Тюренченской позиціи 18 апрѣля происходилъ въ слѣдующей обстановкѣ.

Въ бою на указанной позиціи участвовали 12-й и 22-й полки, 2-я и 3-я батареи 6-й артиллерійской бригады. Бой начался уси-

леннымъ обстрѣливаніемъ нашего праваго фланга изъ батарей съ орудіями осаднаго калибра отъ Ы-чжу и полевыхъ батарей на островахъ. Послѣ нѣкотораго затишья огонь возобновился съ чрезвычайной силой, противъ нашего лѣваго фланга главной позиціи у Тюренчена и противъ нашей позиціи у Потетынзы. Началась и ружейная пальба пачками. Японцы двинулись въ атаку черезъ рѣку Эйхо. Положеніе защитниковъ позиціи, особенно у Потетынзы, обстрѣливаемой съ фронта и съ фланговъ, становилось все затруднительнѣе.

Противъ нашей батареи у Потетынзы выставлено было 30 орудій. Наша батарея, заставивъ замолчать непріятельскую горную батарею, перенесла огонь на пѣхоту и имѣла мало потерь, пока не была вынуждена занять другую позицію, вслѣдствіе отхода нашей пѣхоты отъ берега.

Японцы, поражаемые нашимъ огнемъ, производили непрерывныя атаки все свѣжими войсками, но не рѣшались бросаться въ штыки. У переправъ образовался валъ изъ ихъ труповъ. Одновременно съ атакой на Потетынзы произведена была атака и на лѣвый флангъ Тюренченской позиціи, при чемъ наши нижніе окопы, обстрѣливавшіеся анфиладнымъ огнемъ японскихъ батарей, должны были быть оставлены. Наши резервы, нѣсколько разъ вливаясь въ передовую линію, дали возможность долго держаться на позиціи, но затѣмъ они слились съ передовыми частями, а изъ главнаго резерва, за большимъ его удаленіемъ, нельзя было во время поддержать войска. Наши отошли съ главной позиціи на тыловую за Тюренченомъ спокойно, преслѣдуемые лишь сильнымъ огнемъ японцевъ, которые не рѣшались спуститься съ гребня и, встрѣченные нашимъ огнемъ съ батарей и пулеметовъ, стали окапываться.

По нашей новой позиціи противникъ открылъ сильный артиллерійскій огонь и сталъ обходить лѣвый флангъ на Чингоу. На Ляуфанъ-гоу выдвинуты изъ главнаго резерва два баталіона 11-го полка и третья батарея 3-й артиллерійской бригады, которые заняли позицію съ обстрѣломъ на два фронта и тѣмъ дали возможность отойти нашимъ сильно потерпѣвшимъ передовымъ частямъ и раненымъ.

Обойденнымъ противникомъ съ обоихъ фланговъ и тыла баталіоны 11-го полка, что бы пробиться, нѣсколько разъ съ музыкой бросались въ штыки. Японцы не принимали штыковаго удара и бросались назадъ. Впереди полка шелъ полковой священникъ съ крестомъ, раненый двумя пулями. Только штыковая работа дала 11-му полку возможность пробиться до прихода баталіона 10-го полка. подъ прикрытіемъ котораго всѣ части отошли.

Потери въ 11-мъ и 12-мъ полкахъ очень велики и пока еще точно не выяснены. Въ 11-мъ полку убиты: командиръ полка полковникъ Лаймингъ и 2 баталіонныхъ командира: подполковники Дометти и Раевскій; въ 12-мъ полку убито изъ строя убитыми и ранеными 9 ротныхъ командировъ. 2-я и 3-я батареи 6-й бригады, потерявъ большую часть лошадей и людей, не были въ состояніи вывезти орудій и оставили ихъ на позиціи, предварительно приведя въ негодность. По той же причинѣ не могли быть вывезены съ позиціи 6-ть орудій 3-й батареи 3-й бригады и 8 пулеметовъ, кои приведены также въ негодность. Гористая мѣстность не позволила спасти орудій при помощи людей. Въ Фынхуанченѣ поступило въ госпиталь пока 800 раненыхъ, въ томъ числѣ 14 офицеровъ, дальнѣйшая перевозка которыхъ вполнѣ обезпечена.

Къ юго-востоку отъ Фынхуанчена появилась японская кавалерія, но, замѣтивъ выставленныя противъ нея двѣ роты при двухъ орудіяхъ, не осмѣлилась приблизиться.

До Фынхуанчена раненые доставлены съ большими затрудненіями нанятыми китайцами-носильщиками, на двуколкахъ и на лошадяхъ конныхъ охотничьихъ командъ, но большинство шли пѣшкомъ, поддерживаемые товарищами, и въ теченіе сутокъ добрались до Фынхуанчена.

Генераль Засуличъ свидѣтельствуетъ, что войска, несмотря на большія потери, нравственно остались сильными и готовыми вновь постоять за себя. Потери японцевъ очень тяжки; на переправахъ черезъ Эйхо, на внутренней сторонѣ Тюренченской позиціи и на высотѣ, гдѣ занимали позицію два баталіона 11-го полка, лежало труповъ, по показанію участниковъ въ бою, не менѣе трехъ-четырехъ тысячъ.

20 апрѣля. Отъ намѣстника генераль-адъютанта Алексѣева. Все-преданнѣйше доношу Вашему Высочеству объ успѣшно отбитой въ эту ночь 20 апрѣля новой атакѣ, произведенной непріателемъ на Портъ-Артуръ съ цѣлью закрыть входъ въ гавань. Въ 1 часъ ночи съ восточныхъ батарей, близъ берега, были обнаружены пять миноносцевъ, которые подъ огнемъ батарей и судовъ обороны отошли къ югу; въ 1 час. 25 мин. показался при нѣсколькихъ миноносцахъ, первый пароходъ-брандеръ, по коему былъ открытъ огонь съ батарей и судовъ; черезъ $\frac{3}{4}$ часа за симъ въ лучахъ прожекторовъ былъ усмотрѣнъ цѣлый рядъ пароходовъ-брандеровъ, направляющихся ко входу въ гавань съ востока и юговостока.

«Отважный», «Гилякъ», «Гремящій» и батареи берегового фронта мѣткимъ непрерывнымъ огнемъ отражали каждый пароходъ. Дѣйствіемъ преимущественно энергичнаго артиллерійскаго огня,

минами Уайтхеда съ миноносцевъ и минныхъ катеровъ, а также взрывомъ нѣсколькихъ минъ загражденія, на рейдѣ потоплены восемь пароходовъ.

Сверхъ того, по донесенію начальствующихъ лицъ батарей и и лодки «Гилякъ», были уничтожены два миноносца. Въ началѣ 5 часа утра батареи и лодки прекратили огонь, стрѣляя изрѣдка по миноносцамъ, которые держатся на горизонтѣ. Всѣ брандеры были вооружены скорострѣльною артиллеріею и пулеметами, изъ которыхъ непріятель дѣйствовалъ непрерывно. Изъ числа искавшихъ спасенія на шлюпкахъ до сего времени задержаны и сняты нами съ брандеровъ 30 человекъ, въ томъ числѣ два смертельно раненыхъ офицера.

Осмотръ рейда и подбораніе людей затруднено большою зыбью.

У насъ потерь не было; легко раненъ одинъ нижній чинъ миноносца «Боевой». При появленіи перваго брандера съ миноносцами я, въ сопровожденіи начальника полевого штаба генералъ-лейтенанта Жилинскаго и флангъ-капитана 1-го ранга Эберггарда, переѣхалъ на лодку «Отважный» для непосредственныхъ распоряженій по отраженію атаки брандеровъ, при чемъ на укрѣпленіяхъ находился генералъ-лейтенантъ Стессель, а на лодкѣ «Гилякъ» — контръ-адмиралъ Лощинскій, по должности начальника обороны рейда.

21 апрѣля. Генералъ Кашталинскій доноситъ: считаю долгомъ донести обстоятельства тяжкаго, но славнаго боя, веденнаго войсками подъ моимъ начальствомъ съ превосходными силами японцевъ 18-го сего апрѣля у Тюренчена. Уже утромъ 17-го апрѣля японцы стали тѣснить мой лѣвый флангъ, занявши наканунѣ съ боя Хусанскія высоты, почему мною и было приказано батальонамъ 22-го полка, занимавшимъ Хусанъ, отойти черезъ Эйхо на позицію въ Потетынзы. Въ этотъ же день съ утра началась необычайно жестокая и продолжительная бомбардировка всей Тюренченской позиціи отъ Ичжю. Чувствовалось, что японцы послѣ этой бомбардировки, когда было выпущено свыше 2.000 снарядовъ, предпримутъ наступленіе въ ночь на 18 апрѣля: Я получилъ приказаніе генерала Засулича принять бой, оставаясь на прежней позиціи. На лѣвомъ флангѣ моей позиціи броды у Потетынзы обороняло два батальона 22-го полка и 3-я батарея 6-й бригады. Японцы начали наступленіе въ 5 часовъ утра, направивъ на броды черезъ Эйхо не менѣе дивизіи пѣхоты, которая въ колоннахъ, понеся огромныя потери, перешла броды и атаковала позицію, обстрѣливаемую во флангъ отъ Ичжю огнемъ 36 полевыхъ и батарей осадныхъ орудій. 12-й полкъ занялъ тыловую позицію подъ прикрытіемъ 2-й батареи 6-й бригады и пулеметной роты, остановивши жестокимъ огнемъ наступленіе

японцевъ. Около полудня я узналъ, что японцы сбили батальонъ 22-го полка, состоящій у Чин-гоу, и обходятъ мой лѣвый флангъ. Къ часу дня подошли къ моему лѣвому флангу два батальона 11-го полка и батарея подполковника Муравскаго, выдвинутые изъ резерва генераломъ Засуличемъ, съ приказаніемъ держаться до отхода 9-го и 10-го полковъ изъ Шахедзы. Я указалъ 11-му полку занять командующую тыловую позицію съ обороной на два фронта, а батарея Муравскаго — вернуться къ резерву, 12-му же полку, 3-й батарее и пулеметамъ — отходить подъ прикрытіемъ 11-го полка. Части арьергарда на позиціи выводилъ начальникъ моего штаба. Къ часу дня японцы близко придвинулись къ позиціи 11-го полка, такъ что 3-я батарея не могла пройти на дорогу, обстрѣливаемую перекрестнымъ огнемъ, и, ставъ на позицію въ близкомъ отъ японцевъ разстояніи, осталась на пей до конца боя, потерявъ командира подполковника Муравскаго. Съ арьергардной позиціи отведена первой пулеметная рота, командиръ которой, видя трудное положеніе батареи подполковника Муравскаго, по своей инициативѣ занялъ позицію, потерялъ половину личного состава и весь конскій; сдѣлавъ попытку протощить пулеметы по горамъ на людяхъ, разстрѣливаемый перекрестнымъ огнемъ. Пулеметы выпустили около 35.000 пуль. Части 12-го полка пробились и вынесли знамя; 2-я батарея 6-й бригады, попытавшись пройти къ резерву по другой дорогѣ, не могла подняться на горы съ половиною конскаго состава и, выѣхавъ вновь на позицію, поддержала атаку 11-го полка, 11-й полкъ держался на позиціи еще два часа и съ значительными потерями пробился въ штыки черезъ переваль, вынеся знамя; при этомъ погибъ командиръ 11-го полка полковникъ Лаймингъ. Наши потери около 2.000 нижнихъ чиновъ и около 40 офицеровъ. Потери японцевъ должны быть огромны.

23 апреля. отъ генераль-маіора Флуга Военному Министру. По полученнымъ извѣстіямъ, къ вечеру 21 числа противъ Бицзыво показалось сначала 7, а затѣмъ около 40 непріятельскихъ транспортовъ. Утромъ 22 числа японцы начали высадку у Бицзыво и на побережьи близъ мыси Терминаль, поддерживая ее артиллерійскимъ огнемъ. Въ это время наблюдалось на всемъ фронтѣ высадки около 60 транспортовъ. Наши посты отошли отъ берега, документы почтово-телеграфной конторы въ Вицзыво вывезены, русское населеніе покинуло городъ. По словамъ китайцевъ къ вечеру 22-го высадилось уже около 10 тысячъ непріятельскихъ войскъ, которыя расположились по квартирамъ въ китайскихъ деревняхъ близъ пунктовъ высадки. Непріятель выслалъ двѣ колонны, около полка каждая,—одну въ западномъ, другую въ юго-запад-

номъ направленіяхъ. Сего числа пассажирскій поѣздъ, слѣдовавшій изъ Артура, не доходя 2 верстъ до Вафандяня подвергся обстрѣливанію японской пѣхоты въ числѣ около 100 чѣловѣкъ, которая заняла высоту съ восточной стороны дороги; въ поѣздѣ находилось много пассажировъ и около 200 чѣловѣкъ больныхъ въ санитарныхъ вагонахъ подъ флагомъ Краснаго Креста; двое больныхъ ранены въ ногу на вылетъ; поѣздъ ускореннымъ ходомъ благополучно прослѣдовалъ къ Вафандяню. Въ Приморской области и Инкоу спокойно.

23 апрѣля, отъ генерала-лейтенанта Стесселя.: «Непріятель 17 и 18 апрѣля перешелъ Ялу въ большихъ силахъ, наши отошли на позиціи, заранѣе выбранныя. Вчера противникъ произвелъ значительную высадку въ Ляодунѣ, южнѣе Бицзово, близъ бухты Кинчанъ. Теперь начнется наше дѣло. Противникъ, разумѣется, прерветъ сообщеніе по желѣзной дорогѣ, и постарается отгѣснить войска наши до Портъ-Артура и обложить крѣпость Портъ-Артуръ — оплотъ Россіи — на Дальнемъ Востокѣ. Вы отстоите его до подхода войскъ, которыя придутъ намъ на выручку. Считаю долгомъ указать вамъ, что необходимо быть всегда бдительными, осмотрительными, готовыми къ тому, чтобы вездѣ встрѣтить противника въ порядкѣ, достойномъ славныхъ русскихъ войскъ, и ни отъ какихъ случайностей не теряться: помните, что на войнѣ все бываетъ и что съ Божіей помощью мы сможемъ выполнить возложенную на насъ трудную задачу».

ГЕРОЙ СВЯЩЕННИКЪ (о. Щербаковскій).

Раненый, съ свинцомъ въ груди
Не въ тылу, не съ края,
Шелъ онъ гордо впереди,
Кровью истекая.

Смѣло онъ въ главѣ полка
Смерти шелъ въ объятія;
Крѣпко стиснула рука
Мѣдное Распятіе.

А кругомъ толпы враговъ
Тѣсно цѣпь сомкнули;
Топотъ, свистъ; не слышно словъ
Въ грохотѣ и гулѣ.

Но впередъ священникъ шелъ
Неотступно въ битву,
И слился его глаголь
Въ теплую молитву.

21 апрѣля 1904 г.

Безъ меча, безъ латъ, одинъ
Шелъ съ Распятіемъ мѣднымъ;
Шелъ, какъ грозный паладинъ,
Съ символомъ побѣднымъ.

Окруженная врагомъ,
Рать одушевлялась,
И стихійное, какъ громъ,
Вдругъ „ура“ раздалось.

Вновь „ура“ среди солдатъ
Вихремъ пролетѣло.
Цѣпь прорвалась; штыкъ, прикладъ
Довершаютъ дѣло.

Все смѣшалось! Крики! Вой!
Гулъ нестройный боя...
Только виденъ надъ толпой
Крестъ въ рукахъ героя.

С. Шиманскій.

(„Моск. Вѣд.“).

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 27-го апрѣля 1904 г. Цензоръ, Архимандритъ Мессодіи.

При какихъ условіяхъ могъ-бы наступить „вѣчный миръ“ между людьми?

(Публичная лекція въ Соляномъ Городкѣ—въ СПБ. 2 Марта 1904 г.).

Давно-ли умолкли громы кровопролитной англо-бурской войны, войны маленькаго героическаго народа съ многочисленнѣйшимъ непріателемъ,—войны, которою всѣ мы—русскіе—интересовались, какъ борьбой правды противъ насилія и лжи,—какъ борьбой Давида съ Голиаѳомъ? Еще свѣжи въ памяти нашей самыя мелкія детали этого неравнаго боя... Конецъ его былъ горекъ для всѣхъ насъ: грубая физическая сила восторжествовала надъ силою нравственною, духовною. Народъ-герой обезличенъ... Голиаѳъ побѣдилъ Давида..., хотя нравственная побѣда и осталась на сторонѣ послѣдняго... Но какъ-бы тамъ ни было, а миръ, наконецъ, наступилъ. Жизнь враждовавшихъ сторонъ постепенно уже стала входить и въ извѣстной степени вошла въ свою спокойную колею, будничную... Однако, надолго-ли,—это—снова и снова вопросъ... Мы—русскіе, издали слѣдившіе за судьбой симпатичнѣйшихъ буровъ и помогавшіе имъ—одни деньгами, другіе и своимъ личнымъ участіемъ въ борьбѣ..., всѣ—своими симпатіями...,—совсѣмъ далеки были отъ мысли, что сравнительно скоро будетъ вовлечена въ войну и Россія—наше великое и дорогое отечество... Нашъ великій Царь-миролюбецъ—всегда и всѣми силами заботился о сохраненіи мира во вселенной, заботился больше, чѣмъ кто-либо другой. Всѣ мы помнимъ его вѣчныя по великому ихъ внутреннему значенію слова отъ 12 августа 1898 г., призывавшія народъ и правителей земныхъ ко всеобщему миру... Когда въ послѣднее время у Японіи возникли нѣкоторыя, выдуманная ею, недоразумѣнія съ Россіей, великій Государь-миролюбецъ предлагалъ всѣ усилія къ тому, чтобъ уладить ихъ..., и даже въ день разбойническаго нападенія пиратскаго народа на Портъ-Артурскую эскадру мы все еще далеки были отъ мысли о войнѣ. Но вотъ дикій и некультурный островитянинъ, преждевременно принятый въ среду цивилизованныхъ европейскихъ народовъ, предательски нанесъ изъ-за угла ударъ,—нанесъ народу, который всего лишь за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ радушно

принимать японскихъ офицеровъ въ томъ-же Портъ-Артурѣ...—и война началась. Началась она вопреки желанію и намѣреніямъ русскихъ... Мы неизбежно должны были взяться за оружіе, чтобы защитить свою собственность, своихъ братьевъ, предательски застигнутыхъ врасплохъ, свою религію на Дальнемъ Востоку отъ языческаго насилія... Долго-ли протянется эта война, которая унесетъ множество жертвъ, на нѣкоторое время затормозитъ культурный прогрессъ... конечно, неизвѣстно никому, кромѣ Бога. Но чѣмъ она кончится, это, разумѣется, знаетъ всякій, хоть поверхностно знакомый съ геройскимъ русскимъ народомъ, съ исторіей великой Россіи. Въ окончательной побѣдѣ русскаго оружія такъ-же невозможно сомнѣваться, какъ и въ томъ, что $2 \times 2 = 4$. Русскіе въ данномъ случаѣ, какъ взявшіеся за оружіе по необходимости, заслуживаютъ полнаго сочувствія всѣхъ, не потерявшихъ стыда и совѣсти, людей,—всѣхъ, не разучившихся различать правой стороны отъ лѣвой,—всѣхъ, имѣющихъ глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать... Кто думаетъ иначе, тотъ или чужеземный врагъ Россіи, подъ вліяніемъ дурныхъ чувствъ говорящій завѣдомую ложь, или гнусный предатель, или, въ лучшемъ случаѣ, слѣпецъ, ничего не видящій,—безумецъ, ничего не понимающій. Но среди истинно-русскихъ людей таковыхъ лицъ, конечно, *нѣтъ и быть не можетъ*. Уроды-же, какіе бываютъ во всякой семьѣ, въ счетъ, понятно, нейдутъ... ни въ другихъ случаяхъ, ни въ настоящемъ. И такъ, опять война! Война... за войной! Что-же это такое? Ужели никогда не прекратятся эти гибельныя, раззорительныя, эти опустошительныя войны,—войны, уносящія столько молодыхъ жизней,—войны, столь тормозящія дѣло истинной и мирной цивилизаціи? Ужели человѣкъ, не смотря на высокія преимущества, неизмѣримо возвышающія его надъ всѣмъ неразумнымъ міромъ, и впредь будетъ относиться къ своему собрату только такъ, какъ донинѣ, враждебно, завистливо, лукаво? Ужели предъ нами будутъ проходить только однѣ и тѣже по существу картины: сегодня навязанная вѣроломнымъ-желтолицымъ дикаремъ война Россіи, вчера война между англичанами и бурами, далѣе—недавняя—между испанцами и американцами (все болѣе и болѣе поддающимися вліянію животства), затѣмъ—между греками и турками (при чемъ иные христіане сочувствовали мусульманамъ), еще—между итальянцами и абиссинцами и проч. и проч?.. Ужели у людей нѣтъ никакихъ достаточныхъ средствъ, при помощи которыхъ можно было-бы положить разъ навсегда конецъ такому печальному порядку вещей и установить совсѣмъ инныя, человѣколюбивыя,

отношенія между народами, водворить на землѣ—коротко сказать—„вѣчный миръ“?

Эти и подобные имъ жгучіе вопросы, особенно обостряющіеся въ дни возникновенія тѣхъ или иныхъ войнъ, уже давно и на разные лады обсуждались, иногда даже очень и очень внимательно. Перечислить все то, что въ данномъ случаѣ когда-либо говорилось, конечно, было-бы трудно въ нѣсколько минутъ. Самое огромное большинство, разумѣется, высказывалось и всегда высказывается противъ войнъ и за миръ, находя первыя нежелательнымъ явленіемъ и лишь только второй—нормальнымъ въ человѣческихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Нѣкоторыя единицы, однако-жъ, находили и находятъ войны между народами явленіемъ нормальнымъ, необходимымъ вообще, иногда въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ полезнымъ. Желанія, чтобы онѣ въ будущемъ навсегда исчезли съ лица земли, подобные люди, разумѣется, не высказывали и не высказываютъ. Кромѣ того, лица, стоящія всецѣло и только за миръ и противъ войнъ, нерѣдко пессимистическими очами смотрѣли и смотрятъ на возможность исчезновенія войнъ въ будущемъ и—наступленія вожделѣннаго „вѣчнаго мира“, осуществленія этой мечты древняго Пифагора [о чемъ столь старательно и талантливо размышлялъ еще великій Кантъ (сто лѣтъ тому назадъ)].

Впрочемъ, все это — *слова, да размышленія*... А какъ обстоитъ самое *дѣло*, покажетъ небольшая, газетная хотя-бы, справка. Голосъ русскаго Государя Императора, какъ мы уже сказали, раздался по всему міру 12 августа 1898 г. Впечатлѣніе отъ него было, какъ и слѣдовало ожидать, весьма внушительное. Но уже 19 ноября того-же 1898 г. газета „Новое Время“ писала: „когда 12-го августа былъ разосланъ циркуляръ о разоруженіи, вся Европа отвѣтила на него восторженными кликами, и тотчасъ возникла надежда, что, въ ожиданіи результата (гаагской) конференціи, всѣ государства ограничатся поддержаніемъ ихъ вооруженныхъ силъ на положеніи statu quo. На дѣлѣ-же вышло, однако, совсѣмъ не то. „Въ вопросѣ о Фашодѣ Англія обнаружила явную враждебность всякому мирному соглашенію и продолжаетъ мобилизацію своихъ морскихъ и сухопутныхъ вооруженныхъ силъ, а Германія обратится къ рейхстагу съ новыми требованіями, направленными къ усиленію своей арміи... Для того, чтобы добиться нужныхъ ему кредитовъ, германское правительство ни передъ какими жертвами не отступитъ. „И такъ“, заключала названная газета, „до эры мира, повидимому, еще далеко. Если Германія не дастъ примѣра, то прочія державы, въ особенности Франція,

не рѣшатся, конечно, сдѣлать перваго шага“... (стр. 3; столб. 3-й)... Газета, какъ видимъ изъ хода дальнѣйшихъ событій, не ошиблась въ своихъ предсказаніяхъ и расчетахъ, соображеніяхъ... Какъ далеко до эры „вѣчнаго мира“, мы видимъ теперь, конечно, еще яснѣе,—послѣ того какъ пережили наступившую потомъ (въ 1899 г.) англо-бурскую войну со всѣми ея прелестями англійскаго изобрѣтенія, въ родѣ „концентраціонныхъ лагерей“, систематическаго сожиганія и истребленія бурскихъ фермъ, науськиванія чернокожихъ дикарей на бѣлыхъ, пуль „думъ-думъ“ и проч..., послѣ того какъ, далѣе, пережили китайскую войну 1900 г. со всѣми ужасами „пекинскаго сидѣнія“, со всѣмъ дикимъ фанатизмомъ китайскихъ-боксеровъ и т. п..., послѣ того какъ, наконецъ, разыгралась, исключительно по винѣ желтолицыхъ дикарей и ихъ тайныхъ и явныхъ поощрителей, настоящая русско-японская война... Да,—повторяемъ,—далеко, повидимому, до эры „вѣчнаго мира“...

Постараемся, однако, разобраться во всей этой путаницѣ и уяснить себѣ: „при какихъ“, дѣйствительно, условіяхъ могъ-бы наступить на землѣ „вѣчный миръ“ между отдѣльными людьми и цѣлыми народами?“ Что препятствуетъ и можетъ препятствовать этому миру? Могутъ-ли быть устранены эти препятствія и какъ, какими средствами?

Особенно важно ориентироваться во всемъ этомъ намъ—христіанамъ-послѣдователямъ Того, Кто во плоти пришелъ на землѣ, чтобы принести погрязшимъ во грѣхѣхъ людямъ миръ, Кто „примирилъ“ насъ „съ Богомъ“, Кто „училъ“ „прощать оскорбленія своему ближнему, благожелать ему, чѣмъ лучше всего возстановляется нарушенный миръ“,—Кто „побуждалъ человѣка“ подавлять въ себѣ „всѣ страсти, нарушающія миръ между людьми“, какъ-то: зависть, гордость, своекорыстіе и пр.,—Кто „повелѣлъ своимъ апостоламъ распространять между всѣми народами начало любви“—этотъ краеугольный „догматъ христіанской жизни“, и, такимъ образомъ, возвѣщать имъ „миръ всеобщій“... (*Толков. еванг. кн. 2-я: ев. отъ Марка и отъ Луки*... *Архим. Михаила. Москва. 1871, стр. 264*)...

И такъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію интересующаго насъ вопроса, важнаго всегда и особенно современнаго нынѣ въ виду обстоятельствъ, переживаемыхъ человѣчествомъ въ послѣдніе годы и тѣмъ болѣе нами—русскими—теперь...

Если прежде, чѣмъ разсматривать вопросъ *по существу*, обратимся за разрѣшеніемъ его къ чисто внѣшнимъ даннымъ, къ даннымъ, предлагаемымъ простою статистикою, весьма, впрочемъ,

интереснымъ и поучительнымъ, то въ этомъ источникѣ найдемъ всѣ условія, благопріятствующія одному лишь *отрицательному* отвѣту на вопросъ о возможности наступленія когда-либо, хотя-бы и въ отдаленномъ лишь будущемъ, столь желаннаго вѣчнаго на землѣ мира.

Въ частности, изъ статистическихъ вычисленій (г. Бліоха) извѣстно, „что съ 1496 г. до Р. Хр. и до 1861 г. по Р. Хр., т. е., на 3357 лѣтъ, приходится 3130 лѣтъ войны и только 227“ годовъ „мира“. Не краснорѣчивы-ли эти мертвыя цифры? Круглымъ счетомъ получается, что изъ 15, приблизительно, лѣтъ около 14-и проходитъ въ непрерывной войнѣ и лишь годъ съ какимъ-то жалкимъ плюсомъ проводится *относительно* мирно. Повторяемъ: въ высшей степени характерны и поучительны эти цифровыя показанія! При томъ, не слѣдуетъ забывать, что эти цифры еще не полны, что онѣ не обнимаютъ собою *всего* человѣчества, касаясь лишь сравнительно культурной, сравнительно цивилизованной его части. А будь на-лицо здѣсь цифровая полнота, весьма вѣроятно, что пришлось-бы зачеркнуть и то исключеніе, тотъ жалкій годъ съ какимъ-то плюсомъ. До-нельзя ясно и наглядно цифры говорятъ намъ объ истинномъ настроеніи человѣчества за эти 3357 лѣтъ. Нѣтъ основаній думать, что и въ болѣе раннія эпохи, т. е., до 1496 г. до Р. Хр., дѣло, въ общемъ, обстояло сколько-нибудь иначе въ поработенномъ грѣху и злу мірѣ. Такимъ образомъ получается, что ненормальное по существу явленіе, каково—война, въ дѣйствительности выходитъ какъ-бы нормальнымъ, какъ именно самое заурядное и обычное. Иначе, придется заключить, что человѣчество всегда жило ненормальною жизнію, и такое заключеніе, пожалуй, будетъ совершенно справедливо... Что было до 1861 г., то-же видимъ и „послѣ“ него: и въ послѣдніе сорокъ три года дѣло обстоитъ нисколько не лучше, чѣмъ раньше. Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ только припомнить „окончаніе кавказской войны, войну датскую, австро-германскую, германо-французскую, усмиреніе польскаго возстанія, войну за объединеніе Италіи, греческую войну съ Турціей, Сербіи съ Болгаріей“, великую „войну за освобожденіе Болгаріи, войну въ Тонкинѣ, возстаніе на Кубѣ, японско-китайскую войну, войну въ Абиссиніи, троекратную—въ верховьяхъ Египта, войну сѣверо-американскую, стычки въ Трансваалѣ, американо-испанскую“ (*Новое Время* 1898 г., 1 іюня. № 7994: „Новости военной литературы“—фельетонъ *А-та*), англо-бурскую, китайскую 1900 г., между мелкими американскими республиками... и нынѣшнюю русско-японскую... Все войны и войны!.. Да, цифро-

выя даты и послѣ 1861 г.,—какъ видимъ,—такъ-же убѣдительно говорятъ, что война—обычное явленіе, а времена мира—сравнительно рѣдкое, случайное.,—что народы вѣчно чѣмъ-то недовольны другъ другомъ, никакъ не могутъ мирно столковаться между собою и находятъ цѣлесообразнымъ одинъ только грустный способъ разрѣшенія недоразумѣній взаимныхъ—войну... Такого рода статистическія показанія, право, способны превратить даже самаго яраго и убѣжденного въ настоящемъ случаѣ оптимиста въ такого-же и безнадежнаго пессимиста. Да иначе и быть не можетъ, если изъ 15-и дней, какъ мы видѣли, *почти* 14 проходятъ въ ссорѣ, дракѣ,—при чемъ и самое „почти“-то это тоже виситъ на воздухѣ. Единственный день мира, да и тотъ еще сомнительный, является скорѣе всего чѣмъ-то случайнымъ, такимъ-же исключеніемъ, какія всегда и вездѣ возможны, но какія ничего не говорятъ противъ нормы и общихъ правилъ. Не мудрено, что, предъ лицомъ столь невеселыхъ, однакожъ, постоянныхъ фактовъ, одинъ полуанонимный современный мыслитель („А—тъ“), повторяя древняго, всѣмъ извѣстнаго, восклицаетъ: „ахъ, миръ на землѣ и былъ, и остается очень непрочнымъ“, „миръ царствуетъ“—думаете гдѣ?—„*только на кладбищахъ*“ (ibid.).., слѣдовательно, не среди „живыхъ“ людей, которые, „пока живы“,—выходитъ,—не могутъ обойтись безъ кровопролитныхъ взаимныхъ столкновений... „Миръ только на кладбищахъ“!.. Какая горькая, но сколь справедливая острота! Жутко и холодно, досточтимые слушатели! Невольно припоминаются здѣсь слова и другого русскаго-же мыслителя (графа Толстого Л.), что пока у людей останется хоть одна капля крови въ организмъ, они не перестанутъ воевать... Пророчество, видимъ, крайне безнадежное, но, тѣмъ не менѣе, неотразимо вытекающее изъ фактовъ несомнѣнныхъ и поучительныхъ... Въ виду имѣвшей открыться (теперь уже давно состоявшейся) въ Гаагѣ мирной международной конференціи, мы, лично, въ свое время, смотрѣли на будущее съ большею надеждою (ср. ibid, т. е. въ „Нов. Вр.“), чѣмъ съ какою смотримъ теперь, когда предъ нами прошли войны—англо-бурская, китайская... и началась настоящая—русско-японская... Пессимизмъ все болѣе и болѣе овладѣваетъ всякимъ, всматривающимся въ дѣло, человѣкомъ!.. „Bellum omnium contra omnes“—„война всѣхъ противъ всѣхъ“... (Гоббсѣ). „Homo homini lupus est“—„человѣкъ для человѣка—волкъ“. Невольно вспоминаете вы эти и подобныя изрѣченія.

Мы, такимъ образомъ, отчасти освѣтили фактическое положеніе дѣла, почти непрерывность войнъ. При разсмотрѣніи этого

явленія невольно и самъ собою возникаетъ вопросъ: *что-же лежитъ въ основѣ всѣхъ кровавыхъ международныхъ столкновений и войнъ?* Что есть въ человѣческой природѣ такого, что съ неудержимою и даже (какъ говорятъ нѣкоторые) будто-бы „роковою“ (ср. об. этотъ отчасти и между прочимъ въ ниже цитруемой нашей актовой рѣчи) силою влечетъ людей къ жестокимъ войнамъ? Нельзя-ли и, если можно, то какъ подавить въ человѣкѣ это гибельное начало?

Ясный и опредѣленный отвѣтъ на всѣ эти вопросы находимъ въ библейскомъ повѣствованіи о райскомъ грѣхопадении первыхъ людей. Пока первозданный человѣкъ жилъ въ послушаніи божественной волѣ и исполнялъ Божіи заповѣди, все шло хорошо: взаимныя отношенія между людьми, т. е., Адамомъ и Евою, были самыя мирныя, любвеобильныя,—онѣ исключали даже всякую мысль не только о кровавой, а и вообще о какой-либо между нашими прародителями враждѣ. Адамъ и Ева сознавали себя *образомъ Божіимъ* (Быт. I, 27. IX, 6...) и отсюда естественно любили другъ друга, какъ любили и все вообще, что такъ или иначе напоминало имъ о Богѣ. Они ясно сознавали, что природа ихъ не различная какая-либо по существу, а тождественная (—II, 21.22), и здѣсь почерпали новый мотивъ къ взаимной любви, любя въ этомъ случаѣ—каждый—собственно себя самого, свою-же плоть (ср.—23.24. Ср. Ефес. V, 22—33, особ. 28)... и проч. Еслибъ не произошло райской катастрофы, еслибъ жизнь первозданныхъ людей и далѣе текла такъ-же нормально, какъ развивалась она въ самомъ началѣ, то, безспорно, райскій идеальный миръ, о какомъ мы только можемъ мечтать, какъ о чемъ-то далекомъ и вожделѣнномъ, существовалъ-бы и во все дальнѣйшее время,—и люди не имѣли-бы теперь даже и представленія о чемъ-либо подобномъ войнамъ и прочимъ столь обычнымъ, къ сожалѣнію, нынѣ враждебнымъ столкновеніямъ, столкновеніямъ, переполняющимъ собою всю [прошлую (да и настоящую нисколько не меньше)] исторію человѣчества.

Мы обрисовали положеніе вещей, какое господствовало въ раю до прародительскаго грѣхопаденія... Къ сожалѣнію, оно продолжалось не вѣчно и даже, быть можетъ, очень недолго. Какъ знаемъ, райскому блаженству наступилъ затѣмъ конецъ. Движенія эгоизма, заявившія о себѣ въ *первыхъ* людяхъ, привели послѣднихъ къ грѣхопадению, къ нарушенію воли Божіей, къ преступленію противъ Создателя,—преступленію, за которымъ послѣдовало изгнаніе грѣшниковъ изъ райскаго жилища... Дотолѣ царившій внутри человѣка чудный миръ отнынѣ исчезъ. Полное

равновѣсіе силъ, склонностей и желаній первозданнаго человѣка, обусловливавшее собою плѣнительную гармонію райской его жизни, отнынѣ уже отошло въ область однихъ воспоминаній, хотя-бы и сладкихъ, уступивъ мѣсто внутренней дисгармоніи, внутренней неустойчивости, нравственному и другому шатанію. Силы, склонности, желанія человѣка, доселѣ мирно и согласно служившія ему на пути его къ нравственному усовершенствованію, теперь заняли враждебное въ отношеніи другъ къ другу положеніе. Эгоистическія обнаруженія, почва для которыхъ со времени и вслѣдствіе райскаго грѣхопаденія стала особенно благопріятна въ человѣческомъ я, естественно заняли здѣсь доминирующее положеніе, тѣсня и угнетая всѣ склонности иного характера, лишь только эти послѣднія такъ или иначе о себѣ заявляли... Уже на первыхъ порахъ существованія человѣческаго рода внѣрая плоды эгоизма, губительные и ужасные, не замедлили сказаться какъ нельзя болѣе наглядно и осязательно. Увлекаемый гнусною завистью, братъ убиваетъ своего брата—Каинъ Авеля. Происходитъ первое въ человѣческомъ родѣ убійство. Впервые недоброе чувство одного человѣка къ другому выразилось столь ярко и столь ужасно. Эгоизмъ, которому поддался человѣкъ и который заставлялъ послѣдняго думать только о себѣ, только о своихъ интересахъ и выгодахъ, заставилъ брата потушить въ себѣ родственныя чувства къ брату, подавилъ въ немъ чувство любви, какую дотолѣ, особенно до грѣхопаденія, люди питали другъ къ другу, заставилъ одного забыть, что онъ не имѣетъ никакихъ правъ на жизнь другого, не имѣя данную... Уже по этому столь рѣзкому проявленію эгоистическихъ склонностей, впервые такъ осязательно о себѣ заявившему, можно было заранѣе судить и о дальнѣйшихъ плодахъ, о дальнѣйшихъ жертвахъ того же эгоизма. И дѣйствительно,—какъ знаемъ изъ исторіи человѣчества, разсказываемой на первыхъ страницахъ священныхъ библейскихъ книгъ,—столь рѣзкое нарушеніе мира между первобытными людьми затѣмъ открыло собою безконечный рядъ другихъ всевозможныхъ его нарушеній, и—при томъ—обусловливавшихся все тѣмъ-же эгоизмомъ, который забираетъ человѣка въ свои руки и деспотически имъ распоряжался, почти не встрѣчая себѣ какихъ-либо серьезныхъ препятствій.

Потомки нечестиваго Каина, отдѣлившіеся отъ потомковъ благочестиваго Сноа, враждовали съ послѣдними при всякомъ удобномъ случаѣ, о чемъ опредѣленно сообщаетъ намъ вся исторія допотопнаго человѣчества. Тѣже самыя взаимоотношенія установились и между послѣдпотопными племенами: эгоизмъ во всѣхъ

его видахъ,—въ видѣ-ли желанія извѣстныхъ лицъ захватить себѣ чужую собственность насильственнымъ путемъ, въ видѣ-ли желанія обиженного отомстить своему обидчику... и проч.,—возбуждалъ одно враждебное столкновение между людьми за другимъ, при чемъ люди гибли иногда массами, погибали не только обидчикъ, но иногда и обиженный: все зависѣло отъ физической силы и ловкости враждовавшихъ сторонъ. Если же велись войны и по справедливымъ,—съ точки зрѣнія строгой нравственности,—мотивамъ, напр., имѣвшимъ цѣлью возстановить не свои, а чьи-либо чужія нарушенныя права и т. под., то вѣдь и въ этомъ и подобныхъ ему случаяхъ дѣло въ первичномъ его источникѣ обуславливалось все тѣмъ-же эгоизмомъ, поправшимъ чужіе интересы и вызвавшимъ естественное и справедливое желаніе сильнаго племени, народа... отстоять права племени, народа сравнительно болѣе слабого...

Ясно, такимъ образомъ, при наличности какихъ условій могъ-бы получить смыслъ совершенно иной порядокъ вещей. Этими условіями или—точнѣе—*этимъ условіемъ является надлежащее стѣсненіе эгоизма, поставленіе любви чловѣка къ себѣ въ должныя границы, что и дѣлается въ христіанствѣ, разрѣшающемъ чловѣку любить въ себѣ только то, что напоминаетъ образъ Божій...* (см. нашу статью: „Христіанское самолюбіе“: Христ. Чт. 1897 г., авг.—сент.).

Уча, что *весь законъ заключается въ одномъ словѣ: любви ближняго твоего, какъ самого себя* (Галат. V, 14), христіанство ясно и опредѣленно отрицаетъ право у исключительнаго, у чистаго, такъ сказать, эгоизма, не признающаго и не желающаго ничего признавать, кромѣ себя... Чловѣкъ и окружающая его среда, всѣ его „братья“, всѣ его „ближніе“ ставятся въ христіанствѣ на одну линію, уравниваются взаимно. Ихъ соединяетъ, такъ сказать, знакъ равенства ($a=b$). Не воспрещая и не думая воспрещать любви чловѣка къ самому себѣ, какъ, разумѣется, вполне естественной и понятной (см. цитов. нашу статью: „Хр. самол.“), христіанство, въ тоже время, требуетъ отъ него обнаруженія *такой-же точно любви и къ остальнымъ людямъ, кто-бы они ни были. Если вы, говоритъ Спаситель, будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не тоже-ли дѣлаютъ и мытари? И если вы приветствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ-же-ли поступаютъ и язычники* (Мѡ. V, 46—47)? Интересы ближнихъ, т. е., иначе сказать—всѣхъ людей, съ какими только намъ приходится когда-либо сталкиваться, должны считаться въ нашихъ глазахъ вполне равноцѣн-

ными съ нашими собственными интересами. Чего желаемъ себѣ, того же должны желать и для окружающихъ насъ людей. А въ случаѣ надобности, мы должны *положить за нашихъ ближнихъ и душу*, т. е., *жизнь свою* (Іоан. XV, 13) (такъ что *a*, т. е., каждый изъ насъ, не только, какъ сказано, $=b$, т. е., всякому изъ „ближнихъ“ но даже $< b$).

Указывая на *одного* у всѣхъ Бога (I Тмѣ. II, 5), на происхожденіе всѣхъ *отъ одной крови* (Дѣян. XVII, 26), на обладаніе cadaго изъ насъ *образомъ Божиимъ* (Быт. I, 27; IX, 6...), на искупленіе *всѣхъ одинаково* безцѣнною кровію Спасителя... [подробности по вопросу „объ отношеніяхъ человѣка къ ближнимъ“ по „христіанскому ученію“ см. въ нашей статьѣ, посвященной выясненію этого и помѣщенной въ „Хр. Чт.“ за 1897 г. (ноябрь). Чит. также нашу актовую рѣчь о „Христіанской любви, какъ единственно—истинномъ принципѣ человѣческихъ взаимоотношеній“ („Хр. Чт.“ 1899 г., мартъ), христіанство предлагаетъ, такимъ образомъ, мотивы, достаточно сильныя для того, чтобъ побудить человѣка-христіанина къ трактованію ближнихъ—не какъ средствъ только для осуществленія его личныхъ цѣлей, но—какъ цѣлей и самихъ по себѣ,—къ тому, чтобы въ своемъ поведеніи преслѣдовать не свои только личныя эгоистическія выгоды, но и выгоды ближнихъ и, при томъ, не въ меньшей степени, чѣмъ свои собственныя,—короче: къ такому отношенію къ послѣднимъ, какое у насъ намѣчено уже выше.

Всякій, *сознательно* считающій себя христіаниномъ, христіанинъ *искренній*, чуждый лицемѣрія, непремѣнно и поступаетъ въ указанномъ направленіи. У истиннаго христіанина, христіанина не на словахъ только, а и на дѣлѣ и прежде всего на дѣлѣ, никогда не происходитъ сколько-нибудь грубаго столкновенія его интересовъ съ интересами окружающихъ. Онъ всегда сумѣетъ такимъ или инымъ честнымъ и вполне нравственнымъ путемъ избѣжать ссоръ. Христіанская любовь, которою такой человѣкъ проникнутъ весь и которою онъ всегда и всецѣло руководится, въ каждомъ случаѣ сумѣетъ внести миръ во всѣ его отношенія къ ближнимъ. Та нравственная (а не какая-либо дурная, столь часто нынѣ практикуемая) тактичность, какою истинный христіанинъ владѣетъ и которая вырастаетъ у него на почвѣ чистой христіанской любви, служить для него надежнымъ путеводителемъ въ его общественной жизни... *Глубокій миръ и только миръ единственно и возможенъ въ отношеніяхъ между истинными христіанами и ничто больше.* Это—такая-же непреложная истина, каковы, напр., всѣ математическія аксіомы.

Такимъ образомъ, еслибы отдѣльныя лица прежде всего, а затѣмъ естественно и цѣлые народы, именующіе себя христіанами и христіанскими, всячески пытались и въ самой своей жизни проводить христіанскія начала, высокія требованія христіанской любви и христіанскаго незлобія,—еслибы они всячески старались стѣснять и вводить въ должныя границы свои эгоистическія стремленія и вмѣсто послѣднихъ съ настойчивостью подчеркивать стремленія, направленныя ко благу ближнихъ,—тогда войны и всякое вообще нарушеніе мира въ этой средѣ были-бы чѣмъ-то немислимымъ, совершенно непонятнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ были-бы возможны какія-либо ссоры и вражда тамъ, гдѣ ударившему въ правую щеку обиженный подставляетъ другую (Мѣ. V, 39), гдѣ зло побѣждается добромъ (Римл. XII, 21), гдѣ за ближнихъ жертвуютъ своей жизнью (Іоан. XV, 13), гдѣ *миротворцамъ* общается наименованіе *сынами Божиими* и проч. (Мѣ. V, 9.5)?

При такихъ условіяхъ можно было-бы ожидать нарушенія мира *лишь только въ средѣ и со стороны лицъ и народовъ не—христіанскихъ*, въ своей жизни руководствующихся совсѣмъ иными принципами,—до тѣхъ поръ—пока дѣло и здѣсь не было-бы съ теченіемъ времени исправлено усиленными заботами христіанскихъ народовъ о христіанскомъ просвѣщеніи язычниковъ и всѣхъ не-христіанъ вообще. Такое нарушеніе мира, предательское и разбойничье, нынѣ и случилось со стороны давно исподтишка готовившихся къ войнѣ съ нами желтолицыхъ азіатовъ. Къ нарушенію-же мира не прочь стремиться и нѣкоторая часть другого языческаго народа—китайскаго. Надвигается на Европу опасность со стороны Японіи и Китая, которую многіе уже давно предвидѣли, но на которую какъ-то мало мы—русскіе—обращали вниманія, по своему благодушію и довѣрчивости къ другимъ... Но надвигается на Европу и новая еще опасность, о которой пока никто или почти никто еще не говоритъ,—опасность очень большая и пресерьзная. Разумѣемъ опасность уже со стороны мусульманскаго міра. „Въ жизни идеи панисламизма“,—писалъ одинъ корреспондентъ („С. Б.—ій“) 15 янв. текущаго (1904 г.) года на страницахъ „*Новаго Времени*“ (№ 10009, стр. 3: „*Съ мусульманскаго Востока*“),—„въ послѣдніе годы... замѣтно“ особенное „движеніе. Идея объединенія правовѣрныхъ“ нынѣ сильно пропагандируется. „Общее соединеніе мусульманъ должно произойти въ городѣ пророка—Меккѣ предъ лицомъ священной Каабы... На рисункѣ“ одной „арабской мусульманской газеты“ („№ 1“) въ номерѣ отъ „19 декабря 1903 г. это объединеніе уже произошло; на отгороженной

высокой стѣной отъ взгляда, а тѣмъ болѣе присутствія невѣрныхъ, священной меккской персти перемѣшались въ дружескихъ рукопожатіяхъ триста милліоновъ мусульманъ міра; тутъ и турокъ, и персъ, и афганецъ, и индусъ, и египтянинъ, житель Марокко и т. д.“ Европѣ мало знакомо мусульманство, почему она и относится къ нему и концентрирующемуся въ немъ движенію благодушно и спокойно. Голоса немногихъ спеціалистовъ въ этой области [такимъ особенно въ данномъ случаѣ долженъ быть признанъ *Н. П. Остроумовъ*, авторъ книгъ: „*Коранъ и прогрессъ*“ (Ташкентъ, 1901—1903 г.),—„*Аравія и Коранъ*“ (Казань, 1899 г.) и мног. друг.] не доходятъ до ушей, которымъ особенно полезно было-бы слышать это... Какъ бы тамъ, впрочемъ, ни было, а нынѣ Японія, потомъ, быть можетъ, Китай, затѣмъ—мусульманскіе народы—много попрепятствуютъ европейскому прогрессу въ будущемъ. Европѣ придется еще съ ними посчитаться... и ближайшимъ образомъ, конечно, Россіи—этому вѣковѣчному и колоссальному „оплоту“ Европы отъ напоровъ варварскихъ народовъ, не разъ спасавшему послѣднюю и ея цивилизацію отъ гибели. Христіанство среди этихъ азіатскихъ народовъ и племенъ проповѣдуется уже давно, но плоды упорной проповѣди, къ сожалѣнію, еще невелики, такъ что и думать о проникновеніи христіанскихъ принциповъ въ плоть и кровь этихъ идолопоклонниковъ пока еще совершенно невозможно. Дѣло только—въ зародышѣ. А если такъ, то нападенія язычниковъ на христіанскія націи, конечно, будутъ повторяться въ дальнѣйшемъ еще много и много разъ. Здѣсь естественно христіанскія заповѣди о щекѣ и о непротивленіи злему неприменимы и потому именно, что онѣ не были рассчитаны на подобные случаи,—ихъ смыслъ былъ иной, инымъ онѣ и остается. Въ частности, рассмотримъ, напр., настоящій случай нѣсколько ближе. Мирно живутъ семья, государство, напр., русское... Врагъ, напр., предатель-японецъ, дѣлаетъ на него нападеніе, какъ мы сказали выше, чрезъ нѣсколько лишь часовъ послѣ того, какъ его офицеры пользовались широкимъ гостепріимствомъ у русскихъ...,—слѣдовательно, наносить ударъ неожиданно,—онѣ дѣлаетъ нападеніе съ цѣлью завладѣть нашимъ достояніемъ... Ни для кого не секретъ истинныя японскія вождельнія—переброситься на азіатскій материкъ и захватить Китай, по-возможности вытѣснить изъ Азіи европейцевъ, по крайней мѣрѣ, пока изъ восточной,—оттѣснить русскихъ до Иркутска, а то такъ и далѣе (не даромъ-же на японскихъ картинкахъ даже и въ Сибирѣ—„на шпигъ Петропавловской крѣпости развѣвается флагъ японскій“-же) (см. объ этомъ въ „*Нов. Вр.*“

отъ 21 февр. 1904 г.). И такъ, подобный врагъ изъ-за угла, какъ пиратъ или ночной грабитель, напалъ на насъ. Что оставалось намъ дѣлать? Подставлять намъ своему врагу и другую щеку? Нѣтъ, такое подставленіе *здѣсь* ни къ чему доброму и не привело-бы, и Самъ Спаситель такого случая, повторяю, въ виду не имѣлъ, подобно тому какъ Онъ не могъ давать человѣку и заповѣди: въ томъ случаѣ, когда на человѣка нападаютъ, напр., тигръ, волкъ... и отгрызаютъ у него руку, ногу..., подставлять имъ и другую руку, другую ногу... Подставляя тигру, медвѣдю... что угодно, человѣкъ ничему звѣря дикаго не научить, а только безъ пользы для кого-бы то ни было лишится своей жизни, сохранивъ которую инымъ отношеніемъ къ опасности, онъ, наоборотъ, могъ-бы оказаться полезнымъ не для себя только, но и для другихъ. Японецъ нынѣшній, китаецъ—въ существѣ тѣже тигры, волки... Напрасно нѣкоторые любители поговорить толкуютъ о культурности особенно перваго, т. е., японца. Здѣсь можно лишь говорить въ лучшемъ случаѣ только о внѣшней дрессировкѣ, а не проникновеніи истинныхъ культурныхъ началъ въ плоть и кровь японца. Поясимъ дѣло, быть можетъ, и грубымъ нѣсколько примѣромъ, за что просимъ у своихъ уважаемыхъ слушателей извиненія. Японецъ напоминаетъ 'кухарку—деревенскую бабу, которая, живя въ городѣ, успѣла перенять лишь господское платье, да господскіе обычаи нѣкоторые,—быть можетъ, еще дватри господскихъ слова... Такая кухарка или горничная по внѣшнему своему виду иногда, пожалуй, совсѣмъ сойдетъ за барыню, но внутренній ея міръ—дикъ, какъ и прежде, и даже болѣе дикъ, чѣмъ прежде, потому что къ прежней неподкрашенной грубости и потому въ извѣстномъ смыслѣ симпатичной привились въ городѣ многіе пороки,—къ своимъ однопороднымъ такая персона относится уже съ обидною пренебрежительностью... Таковы-же въ сущности и японцы. Дальше внѣшняго лоска, дальше списыванія у милыхъ нашему русскому сердцу французовъ званій: графъ, маркизъ и пр., дальше заимствованія у европейцевъ оружія... и вообще лишь низшихъ плодовъ ихъ культуры... они собственно и не пошли (исключенія въ счетъ нейдутъ,—говоримъ о японской массѣ). Иначе они не относились-бы пренебрежительно къ самымъ элементарнымъ даже обычаямъ и законамъ европейскаго международнаго права, къ самымъ элементарнымъ правиламъ общечеловѣческой нравственности,—не хвастались-бы до ребячества, не лицемѣрили-бы до *pes plus ultra*... Японцы напоминаютъ того дикаря изъ одной повѣсти, который, поучившись въ оксфордскомъ университетѣ, по возвращеніи домой не могъ,

даже и во фракѣ и цилиндрѣ, воздержаться отъ употребленія сладкаго мяса бѣлыхъ людей, захваченныхъ его земляками... И такъ, повторяемъ, напалъ на насъ этотъ дрессированный лишь и сохранившій все привычки хитраго и лукаваго дикаря островитянинъ, желтолицый японецъ... Что-же намъ дѣлать? „Не противиться злу?“ Скажетъ такъ, пожалуй, иной (слащавый и не понимающій истиннаго смысла христіанскаго ученія) моралистъ... Пожертвовать всѣмъ, чѣмъ мы владѣемъ и что пріобрѣтено нами путемъ долгихъ и настойчивыхъ усилій? Лица, проповѣдующія, что все зло отъ патріотизма,—того патріотизма, который въ послѣднее время неотразимо прорвался наружу въ нашемъ дорогомъ отечествѣ въ небывалыхъ почти размѣрахъ,—того патріотизма, проявленія котораго вызываютъ слезу умиленія у всякаго,—лица тѣ отвѣтятъ: *да*. Они скажутъ: зачѣмъ защищать отечество? Не все-ли равно, кто будетъ вами управлять и прочъ? *Вотъ въ томъ-то и дѣло*,—скажемъ,—что не все равно. Такъ именно и отвѣтилъ нынѣ многомилліонный русскій народъ и отвѣтилъ *вполнѣ разумно*. Въ самомъ дѣлѣ, почему, прежде всего, должны пропадать наши труды, благодаря которымъ мы пріобрѣли извѣстное достоинство? Почему мы должны отдавать все это врагамъ, отдавать потому только, что на ихъ сторонѣ оказалось грубое, беззастѣнчивое нахальство? При томъ, еслибы дѣло касалось однихъ только насъ, а и не нашихъ близкихъ..., тогда еще можно было бы при извѣстной точкѣ зрѣнія примириться съ подобнымъ положеніемъ вещей; но на какомъ основаніи мы будемъ приносить въ нелѣпую жертву азіатамъ окружающихъ насъ? Возможно также, что овладѣвшіе нами враги могутъ стѣснить нашу религіозную свободу (развѣ турки изъ христіанскаго храма св. Софіи не устроили мечети?). Вполнѣ возможно, что они стѣснятъ и нашу правственную дѣятельность (развѣ не стѣсняли насъ нерѣдко въ свое время монголы?)... А развѣ все это и подобное для насъ безразлично? Развѣ послѣ всего этого мы имѣемъ для себя какое-либо оправданіе, „не противясь злу“, принося ему въ жертву,—при томъ, самую нелѣпую,—все, что составляетъ для насъ самую дорогую святыню? Никакого. Напротивъ, будемъ всецѣло повинны въ томъ, что содѣйствуемъ распространенію зла, между тѣмъ какъ въ нашей власти было воспрепятствовать ему и устранить вредныя послѣдствія отъ допускаемаго нами его распространенія. Виновные въ попустительствѣ, мы eo ipso въ соотвѣтствующей степени отвѣтственны за совершаемое зло и въ качествѣ какъ-бы самихъ производителей его. Спокойно взирая на нападающихъ враговъ, руководящихся въ этомъ случаѣ однимъ ненасытнымъ

своимъ эгоизмомъ, мы, такимъ образомъ, оказываемся сочувствующими эгоистамъ, ихъ соучастниками... Не говоримъ уже о такихъ лицахъ, которыя въ тяжёлую для родины минуту готовы даже сочувствовать врагамъ, готовы даже желать пораженія своему отечеству, готовы даже „сочинять ради бессмысленнаго протеста поздравительныя телеграммы микадо“ (см. „Нов. Вр.“ 22 февр. 1904 г., № 10046, стр. 3: „Замѣтки писателя“ — С. Сыромятникова)... Это—какіе-то выродки, не заслуживающіе, по совершенно вѣрному замѣчанію одного писателя, „ничего, кромѣ глубокаго презрѣнія“, это — „только глупые“, жалкіе люди, — и этихъ психопатовъ—разумѣется, въ счетъ не принимаемъ въ данномъ случаѣ (вѣдь „въ семьѣ не безъ уродов“)... Разсчитывать, что, видя наше „несопротивленіе“ ихъ насилію, враги—язычники устыдятся и измѣнятъ затѣмъ свое съ нами обращеніе и все вообще свое поведеніе, было-бы болѣе, чѣмъ смѣшно, и вполнѣ наивно. Такъ позволительно-бы до извѣстной степени думать, когда мы имѣли-бы дѣло съ христіанами, знакомыми хотя-бы на словахъ съ христіанскими принципами любви... Но думать такъ, имѣя дѣло съ японцами или китайцами, считающими и русскихъ, и всѣхъ европейцевъ вообще лишь за „бѣлыхъ чертей“ (см. № „Н. Вр.“ от. 15 янв. 1904 г.), въ отношеніи къ которымъ все позволительно...,—или: думать такъ, имѣя дѣло съ мусульманами, считающими святымъ для себя дѣломъ безпощадно убивать „гяуровъ“..., — было-бы съ нашей стороны непрѣстительнымъ безуміемъ... Не говоря уже о такомъ своеобразномъ міровоззрѣніи японцевъ, китайцевъ, мусульманскаго міра..., мы не должны забывать, что свойства эгоизма—этого исконнаго и страшнаго бича человѣчества—всѣмъ извѣстны: чѣмъ меньше онъ встрѣчается препятствій къ своему проявленію, чѣмъ меньше на его пути лежитъ преградъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе о себѣ онъ заявляетъ, тѣмъ болѣе и болѣе онъ растетъ... Въ концѣ концовъ, при сдѣйствіи нашего попустительства, эгоизмъ враговъ нашихъ восторжествуетъ, воцарится деспотизмъ, а съ нимъ вмѣстѣ водворятся несправедливости, всякаго рода притѣсненія..., все, что угодно, только не миръ, о которомъ, повидимому, столь искренно хлопочутъ и заботятся противники патріотизма... Между тѣмъ совсѣмъ другая картина получается, когда люди дѣлаютъ серьезную попытку, вмѣсто этого „непротивленія злу“, поставить преграду эгоистическимъ поползновеніямъ нападающихъ на нихъ язычниковъ, движимые въ этомъ случаѣ своимъ патріотическимъ чувствомъ. При этомъ условіи уже не окажется и тѣхъ печальныхъ послѣдствій, о которыхъ мы говорили выше. Эгоизмъ

враговъ будетъ стѣсненъ и отсюда онъ уже не въ состояніи будетъ причинить человѣчеству столько зла и вреда, сколько онъ причинилъ-бы ему, ничѣмъ не сдерживаемый и не стѣсняемый. Конечно, выступая съ противодѣйствіемъ своимъ врагамъ, мы совершаемъ зло, зло само по себѣ нежелательное, но несравненно меньшее, чѣмъ то, какое наступило-бы при иномъ, охарактеризованномъ нами выше, отношеніи къ дѣлу, при нашемъ попустительствѣ. А разъ мы поставлены въ необходимость (именно въ необходимость, какъ, напр. въ дѣлѣ столкновенія съ Японіей) выбирать между двоякимъ зломъ—большимъ и меньшимъ, само собою понятно, на какую сторону надлежитъ намъ склониться... Словомъ, если мы станемъ руководствоваться патріотическимъ чувствомъ своимъ, руководствоваться всегда, тогда и самыхъ войнъ будемъ меньше, потому что веденіе ихъ будетъ не такъ легко для нашихъ противниковъ и не столь безопасно, какъ и сколь при условіи нашего и чьего-бы то ни было „несопротивленія злу“, и уже это одно обстоятельство заставитъ нашихъ враговъ призадуматься, все взвѣсить, да разсчитать, прежде чѣмъ рѣшиться объявить войну... Всѣ, при томъ, отлично понимаютъ, что дѣло здѣсь не въ патріотизмѣ, будто-бы вредномъ уже самомъ по себѣ, и не въ отсутствіи его, а въ эгоизмѣ и только въ немъ одномъ. Этотъ эгоизмъ беспощаденъ и не смирить его пассивнымъ держаніемъ себя передъ нимъ. Скорѣе можно, кажется, подобнымъ путемъ смирить какого угодно дикаго звѣря (но и это, конечно, неосуществимое дѣло), чѣмъ человѣческой эгоизмъ, *злѣе котораго не было, нѣтъ и не будетъ ничего...* „Нація, которая руководилась-бы въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ націямъ чисто симпатическими принципами“, *пока эгоизмъ еще продолжалъ-бы царить между людьми*, какъ онъ царитъ теперь, „погибла-бы вслѣдствіе обмановъ и жестокости сосѣдей“ (*Сутерландъ, „Происхожд. и развитіе нравственнаго инстинкта“*. Спб. 1900 г., стр. 796), каковы, напр., японцы..., китайцы и другіе язычники и безбожники... (см. нашу брошюру: *О любви къ отечеству, по поводу взглядовъ Л. Толстого*“; Спб. 1901 г.; ср. „Хр. Чт.“, 1900 г., май)...

Проф. А. Бронзовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ исторіи борьбы и полемики по вопросу объ иконопочитаніи въ древнее и настоящее время ¹⁾.

(По поводу отрицательнаго отношенія къ иконамъ со стороны современныхъ сектантовъ).

Догматическая сторона вопроса объ иконопочитаніи выяснена, съ одной стороны, вселенскимъ соборомъ (787 г.), а съ другой—въ „Защитительныхъ словахъ“ св. Іоанна Дамаскина (673—777 г.). Такъ какъ полемика св. отца предшествовала разсужденіямъ отцовъ собора и вліяла на нихъ своею одушевленностью и убѣдительностью, то и наша рѣчь о томъ и другомъ будетъ въ послѣдовательномъ, хронологическомъ порядкѣ.

1. Вызванныя указами и преслѣдованіями христіанъ за иконопочитаніе со стороны иконоборческаго правительства, защитительныя слова св. Іоанна Дамаскина служатъ отголоскомъ общаго недовольства и ропота. Разсматривая ученіе объ иконопочитаніи со всѣхъ возможныхъ сторонъ и основываясь въ своихъ сужденіяхъ на священномъ писаніи и преданіи церкви, св. Іоаннъ Дамаскинъ придаетъ вопросу особенное значеніе, видя основаніе его въ божественной любви и ревности по славѣ Божіей, въ благоговѣйномъ воспоминаніи о Христѣ, Пресвятой Богородицѣ и святыхъ. По мысли св. отца, догматъ иконопочитанія—не логическій только выводъ на основаніи изреченій и мѣстъ св. Писанія, а установленіе божественное—ясное и опредѣленное. Хотя догматъ этотъ не вошелъ въ никео-цареградскій символъ вѣры въ качествѣ отдѣльнаго, самостоятельнаго члена, но онъ необходимъ, принципиально и теологически-мыслимый, какъ существенный признакъ, характерный пунктъ христіанскаго ученія, отличающій послѣднее отъ іудейства и ислама. Основанное на Библии и освященное обычаемъ и вѣками, употребленіе иконъ не только не противорѣчитъ христіанству, но и вполне согласно съ нимъ, наглядно выражая основной догматъ его о воплощеніи Бога-Слова. Если запрещалось евреямъ изображать Божество въ какомъ бы то ни было видѣ, то это сдѣлано въ предупрежденіе идолопоклонства, къ чему они, какъ народъ еще молодой и не-

¹⁾ См. «Миссіонерское Обзорѣніе» № 5, стр. 512—517.

воспитанный, были весьма расположены, что и оправдывалось на дѣлѣ, несмотря на запрещенія, угрозы и наказанія. Невозможно дѣлать изображеніе Бога безтѣлеснаго, невидимаго, неимѣющаго ни вида, ни очертанія и вообще непостижимаго, но смѣло можно изображать Бога, ради насъ ставшаго причастнымъ и плоти и крови; не невидимое Божество на иконахъ изображается, но посредствомъ образа можно выражать плоть Божію, которая была видима. Когда невидимый, облекшись въ плоть, становится видимымъ, когда во образѣ Божій Сый, примѣ зракъ раба, чрезъ это сдѣлался ограниченнымъ въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ, тогда есть полное основаніе и оправданіе начертывать посредствомъ слова, красокъ и ваянія неизреченное Его снисхожденіе: рожденіе, крещеніе, преображеніе, крестныя страданія, погребеніе, воскресеніе, вознесеніе на небо и т. п. Созерцая тѣлесный видъ Спасителя въ искусственныхъ изображеніяхъ, мы представляемъ себѣ, насколько возможно, славу Его Божества; посредствомъ тѣлеснаго мы приходимъ къ созерцанію духовнаго. Въ соотвѣтствіе двойственности нашей природы, челоуѣческая природа Иисуса Христа была двойственна, состоявшая изъ души и тѣла; проявившіяся свойства послѣдней изображаются посредствомъ иконъ.

Удачно пользуясь изреченіями и указаніями свящ. Писанія для обоснованія, уясненія и подтвержденія своихъ соображеній, св. Іоаннъ Дамаскинъ часто соединяетъ въ одно связное цѣлое разногласныя, повидимому, черты защищаемой церковной истины, переходя отъ буквального смысла къ внутреннему, высшему и таинственному, и наоборотъ. Такъ, приведши слова Спасителя, обращенныя къ апостоламъ: „ваши блаженны очи, что видятъ, и уши ваши, что слышатъ“—(Мѣ. XIII, 16—17), св. отецъ говоритъ: и мы желаемъ видѣть и слышать (что видѣли и слышали апостолы, непосредственные свидѣтели и созерцатели Богочеловѣка) въ такой мѣрѣ, въ какой возможно. Чтобы оцѣнить значеніе указаннаго евангельскаго событія, нужно припомнить, что означенное евангельское зачало читается 16-го августа, въ праздникъ „нерукотвореннаго образа Спасителя“.

Чтобы одухотворить и очистить иконопочитаніе отъ крайностей, доходившихъ до суевѣрія и даже идолопоклонства, св. отецъ указываетъ на церковную власть, призванную управлять обществомъ христіанъ. „Не царей дѣло давать законы церкви, говоритъ онъ, а церковной іерархіи по заповѣди Иисуса Христа (Ефес. IV, 13—14; Галат. III, 25) и апостольской; царямъ свойствененъ хорошій образъ государственной дѣятельности; церков-

ное же устройство—дѣло пастырей и учителей; вмѣшательство царей въ дѣло церкви—это все равно, что разбойническое нападеніе; вмѣсто направленія,—разореніе, соблазнъ и смущеніе“.

По мысли св. Іоанна Дамаскина, иконопочитаніе особенное значеніе имѣетъ для людей простыхъ и неграмотныхъ; тѣмъ является книга для тѣхъ, которые понимаютъ чтеніе и письмо, тѣмъ для неграмотныхъ служить изображеніе.

Много разсѣяно въ „Рѣчахъ“ св. отца мыслей своеобразныхъ и оригинальныхъ; есть не мало и такихъ, которыя трудно поддаются изложенію и принятію въ качествѣ доводовъ въ пользу иконопочитанія; но всѣ онѣ обнаруживаютъ въ защитникѣ иконопочитанія знатока свящ. Писанія и святоотеческой письменности; послѣдней онъ пользовался для своихъ цѣлей въ такой же мѣрѣ, какъ и свящ. Писаніемъ.

Подъ вліяніемъ защитительныхъ рѣчей св. Дамаскина и при измѣнившихся благопріятныхъ обстоятельствахъ составилъ вселенскій соборъ, давшій ясное и точное опредѣленіе относительно употребленія и почитанія св. иконъ и успокоившій церковь послѣ продолжительныхъ волненій.

2. Догматическая сторона дѣятельности собора состояла въ опроверженіи ошибочныхъ и превратныхъ мнѣній относительно иконъ и установленіи правильнаго обще-церковнаго взгляда на нихъ; и то и другое изложено въ актахъ собора совмѣстно; строго логическаго порядка въ изложеніи православныхъ и иконоборческихъ мыслей и соображеній не замѣтно. Много повтореній и общихъ разсужденій, прямо къ разсматриваемому вопросу не относящихся. Не легко сгруппировать въ одно цѣлое главныя мысли, разбросанныя въ разныхъ посланіяхъ, мнѣніяхъ, извлеченіяхъ и т. п. соборныхъ актахъ.

Показавши, на основаніи свящ. Писанія и Преданія, древность, непрерывность и непререкаемость иконопочитанія въ христіанской церкви, отцы собора всесторонне выяснили вопросъ объ иконахъ, доселѣ остававшійся нераскрытымъ въ той мѣрѣ и степени, въ какой требовалось въ виду его важности и обстоятельствъ времени. Въ опроверженіе перваго и основного возраженія противъ иконопочитанія, приравниваемаго иконоборцами къ идолопоклонству, члены собора единогласно и рѣшительно, въ поясненіи второй заповѣди десятисловія, указывали на существенное различіе между языческими идолами и священными изображеніями; первымъ, какъ ложнымъ и несуществующимъ божествамъ, запрещено Богомъ поклоняться и къ нимъ обращаться, а ко вторымъ, какъ употребляемымъ во славу Божію, повелѣно относиться съ

благоговѣніемъ. Изображенія того, что не существуетъ, называются идольскими; ихъ изобрѣла языческая мнѣнческая поэзія, представляющая несуществующее какъ бы существующимъ. Иконы—изображенія лицъ, дѣйствительно существующихъ. Иконы служатъ намъ средствомъ для напоминанія: онѣ пробуждаютъ и возносятъ нашъ лѣнивый, неискусный и грубый умъ въ горній міръ, предметамъ котораго мы не можемъ не давать именъ, названій и обрядовъ. Христіане почитаютъ иконы не какъ боговъ, или свойства ихъ, какъ думаютъ несвѣдущіе; не на нихъ они возлагаютъ надежды. Если предъ христіанами находится икона Господа, они говорятъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“. Если икона—Божіей Матери, то призываютъ: „Пресвятая Богородице, будь заступницею за насъ предъ Богомъ“. Если икона—святого, то обращаются къ святому съ прошеніемъ о помощи и покровительствѣ предъ Богомъ вездѣсущимъ и всевидящимъ. Это совсѣмъ не то, будто бы мы называемъ святыхъ богами... Думающіе иначе уподобляются еретикамъ, а кто преслѣдуетъ христіанъ за иконы, тотъ хуже еретиковъ, потому что еретики менѣе бываютъ извѣстны съ худой стороны, чѣмъ гонители, каковы иконоборцы, заблужденія которыхъ и производимый соблазнъ ясны для всѣхъ, какъ день. Въ то время, какъ церкви Божіи наслаждались глубокимъ миромъ, иконоборцы возбудили распри, вражду и соблазны; въ то время, какъ люди жестокіе и дикіе дѣлаются, подъ вліяніемъ христіанства, кроткими,—иконаборцы изъ кроткихъ дѣлаются, подъ вліяніемъ самовластия, жестокими и неукротимыми.

Съ того времени, какъ церковь христіанская стала наслаждаться миромъ и до настоящаго времени, храмы были украшаемы свят. иконами. Еще и донинѣ сохранились въ церквахъ скульптурныя и живописныя изображенія святыхъ. Грубые язычники, разсматривая живописную исторію божественнаго писанія, обращаются отъ почитанія идоловъ и демонскихъ истукановъ къ истинному свѣту христіанства. По объясненію одного св. отца, иконы необходимы для того, что бы тѣ, которые не знаютъ писанія (т. е.—неграмотны), на стѣнахъ могли читать то, чего они не могутъ читать въ книгахъ. Для этого церкви и украшались иконами и живописными изображеніями священнѣхъ событій и дѣяній святыхъ, для благоговѣйнаго настроенія и сердечнаго сокрушенія и для назиданія неопытныхъ. Ужели, взирая на ликъ воплотившагося для насъ Господа нашего Іисуса Христа и святыхъ, и почитая ихъ, можно сомнѣваться въ нашемъ спасеніи? Иконы пишутся, между прочимъ, для воспоминанія о святыхъ,

которымъ воздаются почтеніе и поклоненіе, какъ рабамъ Божиимъ, усердно молящимся и ходатайствующимъ за насъ предъ Богомъ. По примѣру христіанъ, отошедшихъ изъ здѣшняго міра, мы поклоняемся и съ любовію объемлемъ святыхъ и честныхъ иконы, то есть иконы воплотившагося ради насъ Бога Слова, Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа, принявшаго зракъ раба. Икона Его и изображеніе представляетъ образъ не божества Его, нераздѣльно соединеннаго съ нетлѣнною плотію Его, невидимаго и неопишуемаго, но мы поклоняемся образу человѣческаго естества Его, потому что, будучи Богомъ невидимымъ по существу, Онъ явился на землѣ,—былъ видимъ, обращался между людьми, утомлялся, чувствовалъ голодъ и жажду по закону воспринятаго Имъ нашего естества. Итакъ, мы поклоняемся изображенію Христа т. е., лица, которое содѣлалось видимымъ для людей, оставаясь въ неслыянномъ единеніи съ невидимымъ Его божествомъ, при этомъ мы относимъ честь не къ веществу и краскамъ, но, при видѣ изображенія, мысленными очами возносимся къ первообразу и къ нему относимъ должную честь, зная, что честь, воздаваемая иконѣ, относится къ первообразу... Хотя иконы произведеніе рукъ человѣческихъ, иногда неискусныхъ, однако же, извѣстно, что изображенія херувимовъ въ іудейской скиніи и святилищѣ и Новомъ завѣтѣ были сдѣланы руками, но имъ воздавалось должное почтеніе. Иконы заслуживаютъ особеннаго уваженія потому еще, что отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ происходили чудесныя дѣйствія исцѣленія.

Св. отцы собора, изслѣдуя документально, на основаніи свящ. Писанія и свящ. Преданія (т. е. святоотеческой письменности) вопросъ объ отношеніи къ иконамъ, установили истинный смыслъ иконопочитанія. По опредѣленію св. отцевъ, христіане должны поклоняться иконамъ, или лобызать ихъ (цѣловать). Оба эти слова—поклоненіе и цѣлованіе—имѣютъ одно и то же значеніе, такъ какъ, что мы цѣлуемъ, то и любимъ,—тому и кланяемся, а что любимъ и чему кланяемся, то и цѣлуемъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ человѣческій обычай, соблюдаемый нами по отношенію къ друзьямъ, особенно при встрѣчахъ.

Возстановивши въ памяти и письменно никео-цареградскій символъ вѣры, какъ основной и истинный (образъ вѣры), и исповѣдавши свою вѣру въ два естества въ воплотившемся Богѣ Словѣ, какъ основаніи иконопочитанія, отцы собора единодушно и единогласно постановили: мы неприкосновенно сохраняемъ всѣ церковныя преданія, утвержденныя письменно или неписьменно. Одно изъ нихъ заповѣдуетъ дѣлать живописныя иконныя

изображенія, такъ какъ это согласно съ исторіею евангельской проповѣди, служить подтвержденіемъ того, что Богъ Слово истинно, а не призрачно вочеловѣчился, и служить на пользу намъ; потому что такія вещи, которыя взаимно другъ друга объясняютъ, безъ сомнѣнія, и доказываютъ другъ друга. На такомъ основаніи, мы, шествующіе царскимъ путемъ и слѣдующіе божественному ученію св. отцевъ и Преданію католической Церкви, по внушенію Св. Духа, со всякимъ тщаніемъ и осмотрительностію опредѣляемъ, чтобы св. и честныя иконы предлагались для поклоненія точно такъ же, какъ и изображенія истиннаго и животворящаго Креста, будутъ ли онѣ сдѣланы изъ красокъ, или мозаическихъ плитокъ, или изъ какого либо другого вещества, только бы сдѣланы были приличнымъ образомъ, и будутъ ли находиться во св. храмахъ, на священныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и доскахъ, или въ домахъ или при дорогахъ, а равно будутъ-ли эти иконы Спасителя, или Богородицы, или честныхъ ангеловъ и всѣхъ святыхъ и праведныхъ мужей. Чѣмъ чаще при помощи иконъ они дѣлаются предметомъ нашего созерцанія, тѣмъ болѣе взирающіе на эти иконы возбуждаются къ воспоминанію о самыхъ первообразахъ, пріобрѣтаютъ болѣе любви къ нимъ и получаютъ болѣе побужденій воздавать имъ лобызаніе, почитаніе и поклоненіе, но никакъ не то истинное служеніе, которое, по вѣрѣ нашей, приличествуетъ одному только божественному естеству. Они возбуждаются приносить иконамъ ениміамъ въ честь ихъ и освѣщать ихъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ въ честь изображенія честного и животворящаго Креста, святыхъ ангеловъ и другихъ священныхъ приношеній и какъ, по благочестивому стремленію, дѣлалось это обыкновенно и въ древности; потому что честь, воздаваемая иконѣ, относится къ ея первообразу и поклоняющіеся иконѣ поклоняются ипостаси изображеннаго на ней. Такое ученіе содержится у св. отцевъ, т. е. въ Преданіи католической церкви, въ которой евангеліе преемственно переходило отъ одного отца къ другому.

Тѣ, кто осмѣлится думать или учить иначе и выдумывать какія-либо нововведенія, или отвергать что-либо изъ того, что посвящено церкви, будетъ ли то евангеліе, или изображеніе креста, или иконная живопись, или святые останки мученика, а равно—кто дерзаетъ коварно выдумывать что-либо для ниспроверженія церковныхъ законныхъ преданій и давать обыденное употребленіе свящ. сосудамъ и досточтимымъ предметамъ,—будутъ (если епископы или клирики) низлагаемы, или (если міряне) отлучаемы.

Соборъ повторилъ также постановленіе о томъ, чтобы не изображали Иисуса Христа въ видѣ агнца (ягненка).

Несмотря на рѣшеніе вопроса объ иконахъ вселенскимъ соборомъ, т. е. высшимъ судомъ церковнымъ, иконоборческое движеніе не прекратилось; оно продолжало возникать то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, по разнымъ причинамъ и поводамъ; но не повторялось съ тою силою, жестокостью и продолжительностью, съ какими возникло первоначально въ Греціи. Въ 814 г., со стороны греческаго императора Льва Армянина, была сильная попытка запретить иконопочитаніе, отвергнувъ силу опредѣленій VII-го собора; хотя она произвела не мало смущенія среди христіанъ, но окончилась торжествомъ защитниковъ иконопочитанія и церкви (въ 842 г.)

II.

Иной характеръ имѣла другая попытка иконоборчества, почти одновременная съ указанною. Разумѣемъ „иконаборство Карла Великаго“, короля франковъ (793 г.). Нельзя отрицать въ данномъ случаѣ вліянія на короля франковъ со стороны иконоборческаго направленія греческихъ царей; вліяніе это могло быть, прежде всего, невольнымъ, какъ бы стихійнымъ, выходявшимъ изъ стремленій къ самовластію и вмѣшательству свѣтской власти въ дѣло церкви; были и другія причины мѣстнаго національнаго и вѣроисповѣднаго характера... Дѣло въ томъ, что Западъ, будучи вполне согласенъ съ Востокомъ во взглядахъ на иконопочитаніе по существу, отличался все-таки отъ него во внѣшнемъ выраженіи иконопочитанія. Восточные христіане выражали свое почитаніе иконъ цѣлованіемъ ихъ, поклонами земными и поясными; западные же христіане выражали свое почитаніе молитвеннымъ обращеніемъ къ иконамъ, безъ внѣшнихъ знаковъ почитанія. Несмотря на это, папы, или представители западныхъ христіанъ, отнеслись къ вопросу объ иконопочитаніи съ достоюственнымъ участіемъ и полнымъ согласіемъ къ постановленіямъ вселенскаго собора. Но не такъ отнесся къ соборнымъ опредѣленіямъ король Карлъ, не смотря на свою зависимость отъ Рима въ церковномъ отношеніи. Есть что-то невыясненное въ исторіи иконоборства Карла Великаго. Иконоборство это было литературное, полемическое. Два, повидимому, важныхъ обстоятельства имѣли вліяніе на происхожденіе полемики противъ взглядовъ на иконы, установленныхъ на VII-мъ вселенскомъ соборѣ. Когда папа Адріанъ I получилъ акты вселенскаго собора на греческомъ языкѣ, то нужно было перевести ихъ на латинскій языкъ; переводъ былъ сдѣланъ,

но неудачный, даже совсѣмъ плохой; такой переводъ получилъ и Карлъ, любившій окружать себя учеными людьми и самъ не чуждый учености. Нашедши при помощи ученыхъ много несообразностей въ актахъ, зависѣвшихъ отъ неточностей перевода и противорѣчившихъ его личнымъ взглядамъ, Карлъ приказалъ сдѣлать возраженія противъ опредѣленій собора объ иконахъ. Составленные при помощи ученаго Алкуина возраженія стали извѣстны подъ названіемъ „книгъ Карловыхъ“—*„Libri Carolini“*. Въ это же время произошло и другое обстоятельство, повліявшее на отношенія Карла Великаго къ греческой церкви; это—неудачное сватовство дочери Карла за сына императрицы Ирины; по какимъ-то причинамъ, не особенно уважительнымъ со стороны греческаго двора, предполагавшійся бракъ былъ разстроенъ, къ большому огорченію и обидѣ Карла. Нужно, посему, думать, что король не могъ равнодушно слышать и читать о тѣхъ похвалахъ, какими члены собора превозносили императрицу Ирину за возстановленіе ея иконопочитанія. Духъ раздражительности, дѣйствительно, можно замѣтить въ авторѣ *„Libri Carolini“*.

Впрочемъ, двухъ указанныхъ обстоятельствъ недостаточно для объясненія происхожденія названной полемики противъ иконопочитанія и особенностей изложенныхъ въ ней взглядовъ. „Что касается до сватовства между дворами византійскимъ и гальскимъ, говоритъ Вальхъ, то это вѣрно, какъ историческій фактъ, но трудно допустить, чтобы изъ-за этого, дѣйствительно, непріятнаго, но все-таки чисто домашняго случая, Карлъ вооружился противъ Ирины и собора. Приписывать такое побужденіе Карлу въ вопросѣ объ иконахъ, значить взводить на Карла обвиненіе. Если бы Карлъ Великій былъ, дѣйствительно, оскорбленъ этимъ, и если-бы онъ вздумалъ отмстить за оскорбленіе, то онъ привыкъ отомщать не перомъ, но мечомъ. И можно ли допустить мести со стороны Карла въ виду того, что черезъ это пришлось бы ввести въ ересь не только свою семью, но епископовъ, монаховъ и всѣхъ вообще своихъ подданныхъ?...“ Вальхъ правъ, быть можетъ, когда не считаетъ личнаго оскорбленія Карла достаточнымъ побужденіемъ къ возстанію противъ постановленій 7-го вселенскаго собора, но и представленный имъ доводъ ничего не говоритъ въ его пользу. Ужели, въ самомъ дѣлѣ, Карлу легче было отомстить оружіемъ, чѣмъ перомъ? Сомнительно. Нѣтъ спора въ томъ, что Карлъ любилъ повоевать, но и тогда были нравственныя и физическія условія, ограничивавшія личный произволъ. Какъ будто бы греческую Имперію ничего не стоило наказать за оскорбленіе. Развѣ она была безъ правъ и защиты? Итакъ, противодѣйствовать

собору для Карла было легче перомъ, чѣмъ мечомъ. Съ своей стороны, мы не считаемъ невозможнымъ того, что изъ личнаго оскорбленія легко перейти къ прямой оппозиціи, къ явному противодѣйствію тому, къ чему прежде имѣлось довѣріе. Фактовъ для этого достаточно. Одно можно признать несомнѣннымъ, что не оскорбленное только самолюбіе руководило Карломъ въ оппозиціи противъ Ирины. Были причины болѣе важныя. Эти причины вытекали изъ того представленія о королевской власти, какое было въ то время господствующимъ. „Считая себя первосвященникомъ и монархомъ, Карлъ, по замѣчанію Гфререра, силится дѣйствовать самостоятельно, какъ въ дѣлахъ политическихъ, такъ и церковныхъ. Если Карлъ смотрѣлъ на папу, какъ на своего вассала, то онъ не прочь былъ и даже стремился простереть свое вліяніе и на востокъ“. Послѣ этого можно полагать, что Карлъ Великій чувствовалъ себя не слишкомъ великимъ въ то время, когда состоялось опредѣленіе 7-го вселенскаго собора не только безъ его совѣта, но безъ его участія и присутствія на этомъ соборѣ епископовъ гальской церкви. Вотъ, между прочимъ, основаніе, почему Карлъ, желая быть независимымъ въ дѣлахъ церкви, какъ онъ былъ самостоятельнымъ въ дѣлахъ политическихъ, рѣшился противодѣйствовать соборнымъ опредѣленіямъ востока. Дабы показать свой авторитетъ и значеніе предъ христіанскимъ міромъ, онъ созываетъ свой соборъ, такой соборъ, который бы имѣлъ характеръ, если не вселенскаго, то западно-римскаго. Этимъ самымъ должна была ослабляться гордость византійцевъ въ отношеніи къ германскимъ народамъ. По замѣчанію Гфререра, Карлъ противодѣйствіемъ собору хотѣлъ заявить „права разума“.

Къ побужденіямъ политическаго характера, условливавшимъ иконоборство Карла, присоединяются побужденія особаго рода, о которыхъ говоритъ авторъ „*Libri Carolini*“. Къ оппозиціи противъ собора греческаго побуждало Карла тогдашнее состояніе церкви, въ лонѣ которой ему, Карлу, дано кормило правленія. „Церковь, говорится въ предисловіи къ сочиненію объ иконахъ, находилась и находится подъ вліяніемъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Такъ какъ мы въ лонѣ церкви, по милости Божіей, держимъ кормило правленія, то необходимо всѣми силами стараться объ ея защитѣ и возвышеніи, дабы заслужить доброе имя честныхъ и вѣрныхъ слугъ. Это долгъ не только для насъ, которымъ въ эти бурныя времена вручена власть, но и для всѣхъ“. Подъ неблагопріятными или бурными временами разумѣется состояніе ученія объ иконахъ, значеніе и назначеніе которыхъ, по взгляду

Карла, извращено на двухъ соборахъ — Виенскомъ (754 г.) и Никейскомъ. Итакъ ясно, что Карлъ является, по словамъ „*Libri Carolini*“, въ качествѣ защитника церкви—побужденіе благородное, достойное христіанскаго короля,—побужденіе, несогласное съ приводимыми выше. Завѣренія ли Карла заслуживаютъ вниманія, или сомнѣнія историковъ объ этомъ, показываетъ отчасти сочиненіе, въ которомъ, главнымъ образомъ, проводится взглядъ на иконы въ противоположность опредѣленіямъ двухъ восточныхъ соборовъ (754 и 787).

Это сочиненіе, какъ показываетъ самое названіе, приписывается Карлу Великому. Но большинство историковъ склоняется къ той мысли, что оно написано не Карломъ. Причина, почему оно приписывается Карлу, заключается въ томъ, что оно писано было по желанію Карла, развивая и доказывая его взглядъ. Неандеръ допускаетъ, что Карлъ самъ принималъ участіе въ этомъ сочиненіи. „Не думаю, говорить Гфререръ, чтобы сочиненіе это написано было Карломъ, къ чему у него не доставало ни времени, ни охоты, ни необходимыхъ для этого свѣдѣній. Всего вѣроятнѣе, оно написано Алкуиномъ“.—Предположеніе весьма естественное. Что касается до затрудненія, выставляемаго на видъ противниками этого предположенія, то оно легко устраняется. Дѣло въ томъ, что противники мнѣнія, приписывающаго сочиненіе Алкуину, въ доказательство несостоятельности его, ссылаются на предисловіе, изъ котораго видно, что „*Libri Carolini*“ появились спустя три года по окончаніи 7-го вселенскаго собора, бывшаго въ 787 г. Слѣдовательно, сочиненіе явилось въ 790 г. Такъ какъ въ этомъ году Алкуинъ былъ посланъ Карломъ въ Англію, то онъ, говорятъ, не могъ начать сочиненія. Это мнѣніе не убѣдительно,—сочиненіе могло быть написано ранѣе,—до отъѣзда Алкуина въ Англію. Самое посольство Алкуина въ Англію имѣло цѣлію распространить и, если возможно, утвердить въ Англіи понятіе объ иконахъ, согласное съ взглядами Карла Великаго. Задачу эту всего удачнѣе могъ исполнить именно Алкуинъ, какъ человѣкъ, преданный Карлу и знатокъ своего дѣла. Впрочемъ, другіе историки допускаютъ участіе въ сочиненіи и нѣкоторыхъ иныхъ ученыхъ, которыхъ около Карла было достаточно. Очень можетъ быть, что мысли объ иконахъ, проводимыя въ сочиненіи, были навѣяны Карлу именно учеными, болѣе склонными заявлять о правахъ разума, нежели короли.

Свящ. А. Синайскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ вопросу о способахъ обличенія неправды раскольничьей.

Въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ (1903 г. № 24) напечатана статья іеромонаха Митрофана—подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о способахъ обличенія неправды раскольнической“. Судя по заглавію, я подумалъ, что статья эта дастъ какой нибудь новый—болѣе надежный способъ обличенія раскола. Въ надеждѣ воспользоваться такимъ именно „способомъ“ я, какъ занимающійся „обличеніемъ неправды раскольнической“ посредствомъ устныхъ собесѣдованій съ ними, съ жадностью принялся читать эту статью о. Митрофана. Но, къ великому огорченію, былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ. Іеромонахъ Митрофанъ въ означенной статьѣ не только не даетъ занимающимся устными собесѣдованіями съ именуемыми старообрядцами новаго „способа“ къ ихъ обличенію и вразумленію, но даже самыя собесѣдованія—то съ ними („по деревнямъ и весямъ“) считаетъ „буими стяжаніями и непотребнымъ пустословіемъ, помогающимъ преуспѣванію нечестія“ (Тит. III, 9; 2 Тим. 16, 23). Прочитавъ такой грозный судъ, огульно произнесенный о. Митрофаномъ на устныя собесѣдованія, производимыя православными миссіонерами „по деревнямъ и весямъ“, я невольно подумалъ: какъ, неужели о. Митрофану неизвѣстны такіе знаменитые и авторитетные борцы противъ раскола, какъ, напримѣръ, покойный о. архимандритъ Павелъ, до самой своей смерти признававшій устныя собесѣдованія самую дѣйствительною и полезною мѣрою противъ раскола и даже преподававшій къ болѣе правильному веденію такихъ собесѣдованій свои мудрые, на собственномъ опытѣ дознанные совѣты, хотя, безъ сомнѣнія, о. Павелъ не хуже о. Митрофана зналъ цитуемая послѣднимъ мѣста изъ посланій св. ап. Павла?! Неужели о. Митрофану неизвѣстно, что сей приснопамятный старецъ и самъ всю свою жизнь (со времени познанія имъ истинной церкви) производилъ—какъ въ городахъ, такъ равно и „по деревнямъ и весямъ“, свои многоплодныя собесѣдованія, не щадя

для сего ни силъ, ни здоровья?! Но трудно допустить это уже потому, что о. Митрофанъ пишетъ „о способахъ обличенія неправды раскольниковской“. Если такъ, если о. Митрофану извѣстны многоплодныя собесѣдованія о. архимандрита Павла, обратившія тысячи заблудшихъ въ лоно св. Христовой Церкви, то непонятно, почему о. Митрофанъ вооружается противъ устныхъ собесѣдованій—вообще? Другое дѣло, если бы о. Митрофанъ вооружался противъ такихъ только собесѣдованій, которыя производятся совсѣмъ неопытными въ дѣлѣ обличенія и вразумленія именуемыхъ старообрядцевъ лицами, при отсутствіи въ послѣднихъ духа кротости и неліцемерной любви къ заблуждающимся. Но чѣмъ же о. Митрофанъ докажетъ, что устныя собесѣдованія, производимыя „по деревнямъ и весямъ“, всѣ и вездѣ ведутся именно такими только лицами?

Чтобы судить—насколько полезны устныя собесѣдованія (производимыя, хотя бы, „по деревнямъ и весямъ“) въ дѣлѣ обращенія старообрядцевъ къ истинной церкви, достаточно прочесть хотя нѣсколько простыхъ безыскусственныхъ разсказовъ „о жизни въ расколѣ и обращеніи въ православную церковь“ самихъ обратившихся. Такіе разсказы въ свое время во множествѣ печатались въ журналѣ „Братское слово“, печатаются въ „Мисс. Обзорѣ“. Изъ нихъ видно, что авторы въ „своей жизни въ расколѣ и обращеніи въ прав. церковь“ пришли къ познанію истины или прямо благодаря устнымъ собесѣдованіямъ, или же благодаря чтенію противораскольниковскихъ книгъ, интересъ къ коимъ возбуждали опять-таки устныя собесѣдованія. Да и самыя противораскольниковскія сочиненія-то есть, по большей части, плодъ тѣхъ же устныхъ собесѣдованій.

Вы, о. Митрофанъ, устныя собесѣдованія со старообрядцами считаете „буими стяжаніями“ и „непотребнымъ пустословіемъ“, не приведя къ тому никакихъ доказательствъ, а мы—миссіонеры и ревнующіе о вразумленіи заблудшихъ пастыри, напротивъ, считаемъ ихъ однимъ изъ необходимыхъ и надежныхъ способовъ (но не „единственно надежнымъ“—какъ напрасно вы утверждаете о миссіонерахъ) для успѣшнаго обращенія глаголемыхъ старообрядцевъ въ ограду св. Церкви и имѣемъ на то, помимо стороннихъ свидѣтельствъ, неопровержимыя фактическія доказательства, извлеченныя изъ собственнаго опыта. Рѣшительно могу утверждать и свидѣтельствовать, что не будь у насъ устныхъ собесѣдованій съ глаголемыми старообрядцами,—я и особенно моя неграмотная мать, а затѣмъ и все наше семейство (семь человекъ) до сихъ поръ оставались бы во тьмѣ раскола, хулите-

лями св. Церкви. Моя мать, напрімѣръ, до того враждебно была настроена противъ православной церкви, что когда я, по милости Божіей, содѣлался сыномъ сей церкви, то она, придя въ изступленіе, схватила меня за волосы и таскала до тѣхъ поръ, пока не устала и не повалилась на постель, выкрикивая: „Что ты, еретикъ, надо мной надѣлалъ?! Куда ты пошелъ? Еретикъ ты, щепотникъ!“ и т. д. и т. д. Но вотъ Господь, не хотяи смерти грѣшника, привелъ ей быть на бесѣдѣ со старообрядцами, гдѣ она надѣялась услышать отъ одного вожака раскола оправданіе именуемой церкви старообрядцевъ и обвиненіе церкви прав. въ мнимомъ еретичествѣ. Но, вмѣсто сего,—бесѣда эта произвела на нее самое благотворное вліяніе въ пользу православной церкви. Дѣло въ томъ, что въ ея умѣ и сердцѣ неотразимо запечатлѣлись неопровержимыя доказательства, основанныя на словѣ Божіемъ, что св. соборная апостольская церковь, безъ нея же нѣсть спасенія, безъ епископа и седми таинствъ церковныхъ быть не можетъ; именуемая же церковь старообрядцевъ сихъ существенныхъ признаковъ истинной церкви Христовой не имѣетъ, слѣдовательно, не можетъ и именоваться такою. Послѣ этой бесѣды она стала довѣрчивѣе относиться и къ полемическимъ противораскольническимъ книгамъ, которыя я часто читалъ ей. И всякій разъ, когда ей потомъ приходилось бывать на бесѣдахъ со старообрядцами (она сдѣлалась самою усердною ихъ постытительницею), она всегда удивлялась кротости и терпѣнію православныхъ миссіонеровъ и грубой раздражительности своихъ начетчиковъ, а это послѣднее, конечно, подрывало ея прежнее довѣріе къ нимъ. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ устныхъ собесѣдованій моя мать мало-по-малу стала сознавать неправоту раскола и святость прав. Грекороссійской церкви и, наконецъ, съ помощію Божіею и сама содѣлалась ея дочерію. Теперь она уже не можетъ безъ чувства сердечнаго сокрушенія воспоминать своихъ прежнихъ враждебныхъ отношеній къ св. прав. церкви и не упускаетъ случая, когда приходится ей слышать отъ именуемыхъ старообрядцевъ такія же хулы, какія прежде сама изрыгала, чтобы не сказать имъ что-нибудь для ихъ вразумленія. Освободившись сама изъ губительныхъ сѣтей раскола, она и другихъ располагаетъ къ тому же. Благодаря ея совмѣстной жизни съ своею свекровью, 75-тилѣтнею старушкою, и частнымъ разглагольствіямъ съ нею о вѣрѣ, она и послѣднюю расположила послѣдовать ея примѣру, несмотря на то, что старушка эта была одною изъ самыхъ закоренѣлыхъ раскольниковъ—родившеюся и воспитавшеюся въ немъ. Вотъ вамъ, о. Митрофанъ, наглядные

примѣры несомнѣнной пользы устныхъ собесѣдованій съ „изувѣрными вожаками раскола“, считаемыхъ вами „буими стяжаніями“. Спросите вы, наконецъ, и cadaго, по убѣжденію обратившагося въ церковь раскольника: что его расположило оставить расколъ и перейти въ православіе?—я увѣренъ, что онъ вамъ не преминетъ указать на устныхъ (какъ публичныхъ, такъ и частныхъ) собесѣдованій и чтеніе противораскольническихъ книгъ. Какъ же послѣ сего согласиться съ вашимъ мнѣніемъ, что устныхъ бесѣды съ глагол. старообрядцами суть „непотребное пустословіе, помогающее преуспѣванію нечестія“, когда мы воочію видимъ ихъ плодотворность? Но вы, въ защиту своего мнѣнія, указываете на слова св. ап. Павла: „*Буиихъ же стяжаній, и родословій *)*, и рвеній, и сваровъ законныхъ отступай, суть-бо бесполезны и суетны“ (Тит. 3, 9; 2 Тим. 2, 16, 23), примѣняя сіи слова апостола къ публичнымъ и частнымъ бесѣдамъ со старообрядцами и усиливаясь доказать, что св. апостоль осуждаетъ здѣсь и даже запрещаетъ такіа бесѣды. Почитаю долгомъ объяснить вамъ, что вы приведенныя слова верховнаго Апостола истолковали невѣрно,—несогласно, какъ съ точнымъ смысломъ ихъ, такъ и съ толкованіемъ на нихъ св. Іоанна Златоуста. Почитаю также долгомъ напомнить вамъ, что своемысленное толкованіе словъ свящ. Писанія, несогласное святоотеческому, есть дѣло предосудительное—какъ для мірянъ, такъ, тѣмъ болѣе, для лицъ, облеченныхъ духовнымъ саномъ, каковъ вы, о. іеромонахъ! 19-е правило шестаго вселенскаго собора говоритъ: „Предстоятели церкви поучаютъ народъ... аще будетъ изслѣдуемо слово Писанія, то не инако да изъясняютъ оное, развѣ какъ изложили свѣтила и учителя церкви въ своихъ писаніяхъ, и сими болѣе удовлетворяются, нежели составленіемъ собственныхъ словъ, дабы, при недостаткѣ умѣнія въ семъ, не уклониться отъ подобающаго“.

Невѣрность вашего объясненія словъ Апостола доказывается уже тѣмъ, что рѣчь въ нихъ идетъ о состязаніяхъ, имѣющихъ предметомъ своимъ не свящ. Писаніе и вообще христіанское ученіе о вѣрѣ и нравственности, а чуждыя христіанству ученія іудеевъ и язычниковъ. Іудейскія и языческія состязанія и участіе въ нихъ христіанъ, а особенно лицъ, облеченныхъ священнымъ саномъ, апостоль, дѣйствительно, осуждаетъ и запрещаетъ, какъ бесполезныя и вредныя. Что св. апостоль разумѣетъ здѣсь, дѣй-

*) Выраженіе апостола: „*родословій*“ о. Митрофанъ пропустилъ, хотя оно имѣетъ существенное значеніе.

ствительно, состязанія іудейскія, а частію и языческія—философскія, это доказываетъ самыя выраженія апостола: „родословія“, „свары законныя“ (Тит. 3, 9), „басни и родословія безконечныя“ (1 Тим. 1, 4), „философія, тщетная лестъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу“ (Колос. 2, 8) и др. Эти выраженія св. апостола Златоустъ объясняетъ такъ: „Что значить „родословіи“? Въ посланіи къ Тимофею онъ также упоминаетъ объ нихъ, когда говоритъ: *баснемъ и родословіемъ безконечнымъ* (1 Тим. 1, 4). И тамъ и сдѣсь онъ, вѣроятно, намекаетъ на іудеевъ, которые, превозносясь праотцемъ своимъ Авраамомъ, о самихъ себѣ нерадѣли. Посему онъ и называетъ такія родословія неполезными и суетными. Дѣйствительно, безумно надѣяться на вещи бесполезныя“ (Бес. 6-я на посл. къ Титу, стр. 77—80 по изд. при С.-Петербургской Духовн. Акад. 1859 г.). Въ другомъ мѣстѣ св. Златоустъ говоритъ: „Такихъ состязаній отрицаясь; слѣдовательно есть и другія состязанія, напримѣръ, касательно Писаній и тому подобныхъ предметовъ“ (Бес. 6-я на 2-е посл. къ Тиме.; стр. 81 по тому же изд.). Очевидно, Златоустъ съ полною ясностію отличаетъ состязанія о Писаніяхъ и состязанія о предметахъ, относящихся къ іудейскимъ родословіямъ, закону Моисееву и языческой философії.

Участіе въ этихъ послѣднихъ апостолъ, дѣйствительно, осуждаетъ и запрещаетъ. О состязаніяхъ же, имѣющихъ предметомъ священное Писаніе и подобное ему, не произносится здѣсь никакого осужденія. Правда, апостолъ полагаетъ нѣкоторое ограниченіе состязаніямъ и съ еретиками, которые до того развращены, что уже не подають никакой надежды на исправленіе. Что же касается еретиковъ, не утратившихъ еще совѣсти и вѣры слову Божію, то св. апостолъ даже требуетъ ихъ обличенія и вразумленія. Именно онъ говоритъ: „Обличай со всякимъ повелѣніемъ“ (Тит. 2, 15); „Обличай ихъ нещадно“ (Тит. 1, 13). Вотъ какъ разсуждаетъ св. Златоустъ о состязаніяхъ съ еретиками: „Споровъ съ еретиками онъ (апостолъ Павелъ) повелѣваетъ избѣгать, дабы не трудиться напрасно, безъ всякой пользы; ибо конецъ ихъ ничтоженъ. Когда кто нибудь развратился до такой степени, что никакимъ образомъ не рѣшается перемѣнить своего мнѣнія; то для чего тебѣ трудиться напрасно, сѣя сѣмя на камнѣ“ (Бес. 6-я на посл. къ Тит. стр. 78). И въ другомъ мѣстѣ. „Апостолъ говоритъ: *еретика человѣка, по первомъ и второмъ наказаніи, отрицайся*. Это онъ говоритъ о человѣкѣ неисправимомъ, о которомъ извѣстно, что онъ боленъ неизлѣчимо. *Еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины и возникнутъ отъ*

дѣвольскія сѣти (2 Тим. 2, 25). Смыслъ этихъ словъ слѣдующій: можетъ быть и будетъ какое исправленіе. Слово: *можетъ быть*, употребляется о предметахъ неизвѣстныхъ въ точности; слѣдовательно, нужно отступать только отъ тѣхъ людей, о которыхъ мы можемъ точно сказать, что они не исправятся, какія бы мѣры ни были употребляемы“. Затѣмъ св. Златоустъ, объясняя слова апостола: *съ кротостію наказующу противныя*, продолжаетъ: „Видишь ли, какъ должно приступать къ желающимъ научиться, *и не нужно оставлять собесѣдованія съ ними прежде ихъ убѣжденія*“ (Бес. 6-я на 2 посл. къ Тим. 2, 82—83). Изъ этого объясненія апостольскихъ словъ св. Златоустомъ видно, что не позволительны состязанія только съ еретиками неизлѣчимо-больными; съ тѣми же изъ нихъ, которые подаютъ еще надежду на исправленіе, „не нужно оставлять собесѣдованія прежде ихъ убѣжденія“. Впрочемъ, и съ неисправимыми еретиками св. апостолъ запрещаетъ состязанія только до тѣхъ поръ, пока они своимъ развращеннымъ ученіемъ вредятъ только лично самимъ себѣ, коль же скоро они будутъ развращать другихъ, то св. апостолъ повелѣваетъ таковымъ заграждать уста. Вотъ подлинныя слова апостола: „*Суть бо мнози непокориви, суесловцы, и умоу прельщени, наипаче же сущи отъ обрѣзанія, ихже подобаетъ уста заграждати: иже вся дома развращаютъ, учаще, яже не подобаетъ, сквернаго ради прибытка*“ (Тит. 1, 10—11). Объясняя сіи слова св. апостола, Златоустъ говоритъ: „Для чего же апостолъ повелѣваетъ ему (Титу) заграждать уста противорѣчущимъ, если нужно оставить ихъ, когда они сами дѣлаютъ все на свою гибель? Здѣсь онъ повелѣваетъ не дѣлать этого преимущественно въ отношенія къ ихъ пользѣ: ибо они не могутъ получить себѣ никакой пользы, однажды навсегда развратившись душею. Но если они станутъ губить другихъ, *то нужно возстать противъ нихъ, бороться съ ними и опровергать ихъ съ великимъ мужествомъ*. Когда ты будешь поставленъ въ необходимость и увидишь, какъ развращаются другіе, *то не молчи, но заграждай уста развратителей*, заботясь о тѣхъ, которые готовы погибнуть“ (Бес. 6-я на посл. къ Титу, стр. 79—80 по изд. при С.-Петербур. Духовн. Акад. 1859 г.).

На основаніи сего повелѣнія св. апостола и разсужденій Златоуста, смѣло можемъ сказать, что производимыя православными миссіонерами бесѣды съ именуемыми старообрядцами не только не противорѣчатъ ученію св. Писанія, но являются даже прямымъ исполненіемъ его. Смѣло также можемъ сказать и то, что іеромонахъ Митрофанъ, взявъ отрывочно слова св. апостола Павла

о „буинхъ стязаніяхъ“ и примѣнивъ ихъ къ бесѣдамъ со старообрядцами, поступилъ, по меньшей мѣрѣ, неосмотрительно.

Устные собесѣдованія съ еретиками и раскольниками, для вразумленія и обращенія ихъ къ католической церкви, признавались полезными и въ древней церкви. Такъ, отцы Карѳагенскаго собора (IV вѣка), для вразумленія и обращенія къ церкви донатистовъ, избрали изъ среды себя особыхъ лицъ и поручили имъ вести устные собесѣдованія съ ними, „дабы несвѣдущіе не погибли въ святотатственномъ раздѣленіи“. Въмѣстѣ съ симъ, отцы собора поручили посланнымъ ими, избраннымъ лицамъ, какъ бы вмѣсто вступленія, сказать донатистамъ слѣдующее: „Законно вступаемъ съ вами въ сношеніе, бывъ посланы отъ законнаго нашего собора, желая возрадоваться о вашемъ исправленіи... Аще что отъ истины имѣти мните, не усомнитесь защищать оное: то есть, соберите вашъ соборъ, изберите изъ среды васъ тѣхъ, которымъ подобаесть ввѣрити дѣло оправданія вашего: да и мы возможемъ тоже сотворити, то есть да изберутся отъ нашего собора долженствующіе съ избранными изъ среды васъ, въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время, мирно изслѣдовать все подлежащее вопрошенію, и отдѣляющее васъ отъ нашего общенія... дабы послѣдую человѣческому увѣренію немощныя души и несвѣдущія не погибли въ святотатственномъ раздѣленіи“ (см. 103 прав. Карѳагенск. собора, а въ слав. Кормч. 93 пр.). Не есть ли это точный первообразъ нашихъ бесѣдъ съ глаголемыми старообрядцами, противъ которыхъ такъ вооружается о. Митрофанъ? Въ самомъ дѣлѣ. Какъ тамъ посылаются уполномоченныя церковной властью лица, такъ и здѣсь; какъ тамъ раскольники донатисты вызываются православными для защиты своихъ мнѣній и мирнаго изслѣдованія отдѣляющихъ ихъ отъ церковнаго единства предметовъ, такъ равно и здѣсь, при бесѣдахъ со старообрядцами; тамъ для собесѣдованій избираются особые мѣста и назначается опредѣленное время, точно тоже дѣлается и у насъ, и, наконецъ, тамъ цѣлю собесѣдованій полагается спасеніе отъ гибели „въ святотатственномъ раздѣленіи“ несвѣдущихъ и немощныхъ, точно таже самая цѣль и нашихъ собесѣдованій съ глаголемыми старообрядцами.

Учитель древней церкви блаженный Августинъ, современникъ раскола донатистовъ, также велъ съ ними борьбу—какъ путемъ обличенія неправоты ихъ вѣрованій въ сочиненіяхъ, такъ и путемъ публичныхъ собесѣдованій съ представителями и вождями этого раскола, и, несмотря на то, что собесѣдованія эти были иногда, по причинѣ множества слушателей, шумныя, однако,

блаженный Августинъ, въ послѣдствіи, воспоминалъ о нихъ съ радостію. Такъ, когда блаженный Августинъ „отправился въ Цирту для посвященія новоизбраннаго епископа Фортуната, то на пути онъ имѣлъ собесѣдованіе съ донатистскимъ епископомъ города Тубурзика Фортуніемъ... Къ мѣсту собесѣдованій со всего города стеклось множество народа изъ любопытства послушать споръ двухъ епископовъ. Августинъ предложилъ Фортунію избрать писцовъ, которые записывали бы ихъ пренія, и Фортуній, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился на это. Эта запись преній однако не состоялась. Избраны были одни писцы, но они отказались; потомъ избраны были другіе, но и эти, начавши записи, скорѣе прекратили ихъ, по причинѣ шума собравшейся толпы. Народъ неоднократно просили наблюдать тишину, но просьбы были напрасны. Впрочемъ, несмотря на шумъ, собесѣдованіе продолжалось... Въ послѣдствіи Августинъ съ радостію воспоминалъ о собесѣдованіи съ Фортуніемъ и высказывалъ желаніе снова бесѣдовать съ нимъ“ („Расколъ донат.“. Н. Кутепова. Казань. 1884 г., стр. 92—93, 95).

Св. Ефремъ Сиринъ также занимался непрестанными бесѣдами съ отступниками. Вотъ какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи: „Ни днемъ, ни ночью во всю свою жизнь никого не злословилъ я, и съ начала бытія моего ни съ кѣмъ не ссорился. *Но непрестанно состязался съ отступниками*“.

Вотъ какъ св. отцы и учителя церкви цѣнили устные собесѣдованія съ заблуждающимися! А о. Митрофанъ считаетъ ихъ „непотребнымъ пустословіемъ“! Прискорбное недоразумѣніе, чтобы не сказать рѣзче...

Миссіонеръ Московской епархіи А. Зотевъ.

Окончаніе слѣдуетъ).

Что такое „секта“ вообще и „раціоналистическая“ и „мистическая“—въ частности.

(МИССИОНЕРСКАЯ СПРАВКА).

Въ исторіи церкви извѣстны три опредѣленія уклоненій отъ вселенской церковной истины: ересь, расколъ и секта.

Когда происходитъ отдѣленіе отъ церкви прежде всего на почвѣ догматической, съ искаженіемъ вѣроученія церковнаго, является *ересь*. Какъ таковыя, въ исторіи церкви извѣстны: аріанство, несторіанство, монофизитство, моноелитство и другія ереси. Когда возникаетъ отдѣленіе отъ церкви изъ за временныхъ, бытовыхъ проявленій церковной жизни—административныхъ, дисциплинарныхъ, обрядовыхъ—при признаніи правоты догматическаго ея ученія, оно носитъ названіе *раскола*. Такъ, назначеніе на кафедру нежелательнаго епископа, ослабленіе правилъ церковной дисциплины, измѣненія обряда—вызывали расколы. Когда отдѣленіе отъ церкви совершается по причинѣ непониманія духа ея, ея внутренней, *моральной* жизни и именно во имя послѣдней (при неправильномъ пониманіи ея), оно именуется *сектой*. Всѣ секты образовались изъ заблужденія на почвѣ недовольства нравственнымъ уровнемъ окружающей среды, всѣ онѣ имѣютъ съ внѣшней стороны характеръ піэтизма, почти всѣ грезятъ возвращеніемъ къ христіанству первыхъ вѣковъ. Исторія возникновенія секты обычно такова: группа людей—иногда подъ предводительствомъ одного—останавливается на сознаніи недостатковъ нравственнаго строя, или уровня окружающей ихъ среды,—образуется община, которая, съ теченіемъ времени, обособляется и кончаетъ переработкой вѣроученія и въ значительной мѣрѣ отрицаніемъ самаго строя господствующей церкви. Такова исторія возникновенія протестантскихъ сектъ, въ частности штунды. Что природа заблужденія въ сектантствѣ заключается въ неправильномъ пониманіи религіозной морали, объ этомъ настойчиво свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ настоящее время наши отечественные сектанты—всѣхъ видовъ—обычно объясняютъ свое отдѣленіе отъ церкви нравственными мотивами; въ тоже время—они въ большинствѣ не знаютъ догматики ни церковной, ни своей; къ внѣшней, обрядовой сторонѣ церковной жизни они относятся отрицательно. Сектанты мистическаго типа наиболѣе

подтверждаютъ нравственную природу сектантскаго заблужденія: мотивы ихъ отдѣленія отъ церкви, которыми они оправдываютъ себя,—аскетическіе.

Первое отдѣленіе отъ церкви совершается на почвѣ теоретической (почему „ересь“ означаетъ ученіе), второе—на почвѣ бытовой (терминъ „расколъ“ означаетъ раздѣленіе безъ основательныхъ причинъ, по побужденіямъ внѣшнимъ, случайнымъ), третье—на почвѣ моральной (слово „секта“ означаетъ общину).

Секта, такимъ образомъ, можетъ быть опредѣлена, какъ—община, отдѣлившаяся отъ церкви во имя неправильнаго пониманія ея религіозно-нравственной жизни. Основаніе ея—ложная религіозная нравственность.

„Се лежитъ Сей на паденіе и возстаніе многихъ во Израилѣ и въ предметъ пререканій“ (Луки 2, 34. ср. Римл. 9, 33), сказалъ св. Симеонъ о Христѣ; св. ап. Павелъ ставитъ „ересн“ вообще въ ряду „дѣлъ плоти“, грѣховъ (Гал. 5, 19—20). Начало грѣха съ нравственной стороны—гордость (Сир. 10, 15—16); съ психической—явленіе болѣзненное, нарушеніе гармоніи въ душевной жизни человѣка.

Какъ уклоненіе отъ вселенской церковной истины, сектантство есть явленіе грѣховное, болѣзненно-одностороннее.

Грѣховное настроеніе въ сектантствѣ, его начало въ существѣ своемъ—то же, что у тѣхъ, кто спрашивалъ учениковъ Христо-выхъ: „для чего Учитель вашъ ѣстъ и пьетъ съ мытарями и грѣшниками?“ „зачѣмъ вы ѣдите и пьете съ мытарями и грѣшниками?“ (Матѣ. 9, 11. Луки 5, 30) и у тѣхъ, о комъ писалъ св. ап. Павелъ: „и не дѣлать ли намъ зло, чтобы вышло добро, какъ нѣкоторые злословятъ насъ и говорятъ, будто мы такъ учимъ? Праведенъ судъ на таковыхъ“ (Римл. 3, 8).

Ложность сектантской религіозной морали можетъ быть показана лишь путемъ частнаго разсмотрѣнія каждой изъ сектантскихъ общинъ.

Съ психологической стороны сектантство характеризуется одностороннимъ, болѣзненнымъ преобладаніемъ какой либо стороны души въ религіозно-нравственной жизни.

Что сектантство есть явленіе болѣзненное, это съ внѣшней стороны подтверждается скоропреходящимъ и перемежающимся ходомъ исторіи сектантскихъ общинъ: нѣтъ секты старѣе хотя бы половины церковной исторіи и я не видѣлъ случая, когда бы сектантство обнимало собой хотя одну, но всю человѣческую жизнь—безупречно, съ соблюденіемъ его же требованій—отъ рожденія до смерти; секты появляются, исчезаютъ, то въ одномъ, то

въ другомъ мѣстѣ—по извѣстному принципу: „если это предпріятіе и это дѣло отъ человѣковъ, то оно разрушится“ (Дѣян. 5, 38)... Съ внутренней стороны сектантству свойственны: критическія, разрушительныя тенденціи, религіозный индифферентизмъ (штунда), антиномизмъ и склонность къ психическимъ заболѣваніямъ (канадскіе духоборы, малеванское движеніе).

Какъ явленіе болѣзненное, сектантство—помимо свободнаго выбора въ дѣлѣ вѣры и нравственности—предваряется нѣкоторыми условіями. Къ условіямъ возникновенія секты въ к. л. мѣстѣ могутъ быть отнесены: отсутствіе благотворно-воспитательнаго вліянія церкви—особенно въ удаленныхъ отъ храма мѣстахъ отчасти индивидуальная предрасположенность нѣкоторыхъ лицъ мѣстечка къ какому либо виду сектантства и, наконецъ, зараженіе уже существующей сектантской пропагандой. Дробленія въ средѣ самого сектантства—это естественное теченіе его жизни.

Въ систематическомъ изложеніи свѣдѣній о нашихъ отечественныхъ сектахъ, послѣднія дѣлятся на *раціоналистическія* и *мистическія*.

Дѣленіе это имѣетъ *коренную вѣрность*—потому, что помимо сектантства, типы людей по психическому складу имѣютъ классификацію по двумъ направленіямъ: воли и чувства; одни—разсудочно-волевого склада, другіе чувствовательнаго; первые живутъ волей, логикой, вторые—чувствомъ, эстетикой (подобное дѣленіе можно находить у Фуллѣ). Подъ эти категоріи отчасти подходятъ, по нашему мнѣнію, типы „іудея“ и „эллина“ въ текстѣ ап. Павла—1 Кор. 1, 22—23—и всѣ виды невѣрія и уклоненій отъ вселенской церковной истины.

Раціоналистъ руководится логикой, заповѣдью, преслѣдуетъ точность, ясность, букву, повидимому, строгъ въ нравственныхъ требованіяхъ. Мистикъ живетъ тайной, чувствомъ, ощущеніями.

Къ раціоналистическимъ сектамъ относятся штундисты и молокане съ ихъ развѣтвленіями, къ мистическимъ — хлысты, скопцы, молеванцы, духоборы-постники.

Штундисты и молокане по внѣшнему виду имѣютъ большей частію большіе, широкіе лбы, глаза, смотрящіе прямо, часто саркастическую складку губъ. Ихъ „кротость“, требуемая буквой Евангелія, держится въ нихъ усиліями ихъ воли. Они замѣтно выдѣляются указанными чертами изъ окружающей толпы.

Сектанты раціоналисты (штундисты болѣе, нежели молокане) стараются наружно быть возможно болѣе точными исполнителями евангельскихъ строкъ. Въ своемъ ученіи они строго держатся принятыхъ ими традицій и своеобразно понимаемыхъ заповѣдей,

„повелѣній“ Писанія; ученіе ихъ съ внѣшней стороны ясно и опредѣленно. Въ нравственной жизни они наружно строги: поступокъ, нарушающій заповѣдь, признается ими за таковой и тамъ, гдѣ ихъ жизнь не проходитъ незамѣченной, они „отлучаютъ“ провинившагося.

На собесѣдованіи сектантъ рационалистическаго типа руководится неотступной логикой іудеевъ, требовавшихъ отъ Христа „знаменія“. Онъ не хочетъ понимать доказательствъ миссіонера, руководящагося смысломъ Писанія, и законченную бесѣду начинаетъ вновь вопросомъ: „гдѣ въ Писаніи буквальное повелѣніе о томъ-то?“ Предъ ясно выраженнымъ доказательствомъ отъ Писанія онъ молчитъ; тамъ, гдѣ онъ ошибся, онъ — хотя на словахъ — сознаетъ ошибку. Послѣ долгихъ невольныхъ уклоненій отъ предмета бесѣды онъ твердо помнитъ намѣченный имъ вопросъ и приготовленный заранѣе библейскій текстъ и при случаѣ настойчиво возвращается къ нимъ.

Сектанты *мистики* по первому взгляду производятъ впечатлѣніе тупыхъ, хитрыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствительныхъ, слезливыхъ людей.

Ихъ характеризуютъ: низковатые женскіе лбы, влажные глаза, въ которыхъ замѣтна причастность къ нервнымъ экстатическимъ состояніямъ. Они молчаливы, чувствительны и покорно печальны въ спокойномъ состояніи; въ возбужденномъ — они сразу выглядятъ отчаянными фанатиками и тогда глаза ихъ горятъ восторгомъ, или злобой. Сдерживать свое нервное возбужденіе они не всегда умѣютъ.

Текстъ библіи, буква его, для сектанта мистика не обязательны; онъ смотритъ на послѣдній, какъ на скорлупу, за которой онъ видитъ нужное ему содержаніе. Ученія у сектантовъ-мистиковъ почти нѣтъ, они не живутъ имъ; ихъ религіозная жизнь — въ чувствѣ, въ состояніяхъ болѣзненно-религіознаго восторга. Нравственная жизнь ихъ отличается принципиальной неустойчивостью, антиномизмомъ. Хлысты вначалѣ отдѣленія отъ церкви такъ же, какъ и прочіе сектанты, мотивируютъ свое отдѣленіе низкимъ уровнемъ нравственности среды и придерживаются общесектантской показной морали. Но, по усвоеніи духа секты, существо хлыста какъ бы раскалывается на двое: среди своихъ онъ — „пророкъ“, „духовный“, среди чужихъ же своимъ „внѣшнимъ чело-вѣкомъ“ онъ можетъ дѣлать, что угодно, это не помрачаетъ его внутренняго „я“, хлыстовской святости; то, что грѣхъ для не хлыста, для него — не грѣхъ, ибо онъ уже спасенъ „духомъ“... Пьянство, развратъ, кровосмѣшеніе, дѣтоубійство совершаются

хлыстами почти открыто и, повидимому, съ спокойной совѣстью. Хотя,—на публичной бесѣдѣ они признають грѣховность подобныхъ злодѣяній и стараются выдержать нравственный тонъ, общій всѣмъ сектантамъ.

На миссіонерскомъ собесѣдованіи хлысты или молчатъ, или соглашаются и благодарятъ „за наставленіе“, или принимаютъ личину рационалистическихъ сектантовъ, отвергая иконы и проч. То, другое и третье дѣлается ими притворно.

Они могутъ быть вызваны на собесѣдованіе на почвѣ чувства; они высказываются или въ гнѣвѣ, или въ умиленіи. Хлыстъ дѣйствуетъ по настроенію, не предвидя заранѣе того, что онъ скажетъ и сдѣлаетъ. Явилось настроеніе, онъ говоритъ, прошло,—онъ замолкъ. Во время одной изъ бесѣдъ съ хлыстами, когда я говорилъ, объясняя слушателямъ нѣкоторые тексты Слова Божія, одинъ изъ сектантовъ рѣзко изъявилъ желаніе сказать свое слово. Я попросилъ его немного подождать и, скоро, кончивъ рѣчь, предложилъ ему высказаться. „Теперь я уже не могу говорить“, сказалъ онъ — и замолкъ. „Духъ прошелъ“, замѣтилъ кто-то въ толпѣ слушателей, очевидно знакомый съ характеромъ сектантовъ. Хлысты обычно приходятъ на собесѣдованіе съ заранѣе принятымъ намѣреніемъ „молчать“. Но, вотъ миссіонеръ начинаетъ раскрывать скрываемыя сектантами тайны ихъ общины. Сектанты сердятся и не выдерживаютъ. Опущенные до сихъ поръ внизъ тусклые глаза ихъ, вдругъ, загораются злобой. „Вы пріѣхали учить заповѣдямъ, а говорите, укоряя насъ, неправду! Вы — отъ сатаны!“ Сказано: „Христосъ вчера, днесъ, той же и во вѣки!“—не помня себя кричатъ они. Иногда сектантовъ вызываетъ на откровенность ласковость бесѣды. „Вотъ вы были безъ стихаря, теперь — въ стихарѣ, бѣлый, и мы видимъ въ васъ лице ангела... а объясните, кто былъ Мелхиседекъ, не знающій рожденія, безъ времени?.. говорятъ на ласковыя рѣчи миссіонера хлысты.

Хлыстъ намѣренный лжецъ. „Богъ-свидѣтель“, говорилъ на публичной бесѣдѣ главарь одной хлыстовской общины, у котораго не такъ давно въ домѣ было обнаружено полиціей хлыстовское собраніе, „что собраній тайныхъ, отдѣльныхъ отъ православной церкви, именуемыхъ хлыстовскими, у меня не было и не будетъ!“ „Зарѣжьте меня“, говорилъ мнѣ расхившійся на публичной бесѣдѣ штундистъ, а въ православную церковь я не пойду!“

Изложенныя—общія и немногія—данныя свидѣлствуютъ, что дѣленіе нашихъ отечественныхъ сектъ на рационалистическія и мистическія—не схоластическое, а дѣйствительное.

Мисс. Д. Граціанскій.

Православно-русская миссія въ Холмской Руси.

О такъ называемомъ уніатскомъ упорствѣ и о средствахъ борьбы съ нимъ.

О сущности и причинахъ упорства.

I.

Рѣшить вопросъ о средствахъ борьбы съ извѣстнымъ ненормальнымъ явленіемъ можно только послѣ тщательнаго изслѣдованія сущности и причинъ этого явленія. Вопросъ о сущности и причинахъ упорства рѣшается различно. Но необходимо сначала критически рассмотреть тѣ мнѣнія, какія высказываются по этому вопросу другими лицами.

Наиболѣе распространеннымъ мнѣніемъ по вопросу о сущности и причинахъ упорства является то, которое причиной послѣдняго считаетъ насильственное введеніе православія въ нѣкоторыхъ деревняхъ Холмской Руси. Казацкія нагайки, гулявшія по спинамъ „отторгнутыхъ насильно, а воссоединенныхъ любовью“, вотъ, замѣчаютъ ядовито, главная причина упорства. Сущность его составляетъ протестъ противъ насильственнаго введенія православія въ Холмской Руси. Но правда-ли это? Намъ кажется, это мнѣніе невѣрно. И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ и когда нужны были нагайки? Исторія воссоединенія показываетъ, что казацкія нагайки появились въ деревняхъ для усмиренія возставшаго на защиту уніи народа, появились тогда, когда народъ воспротивился очищенію греко-уніатской обрядности отъ польско-латинскихъ нововведеній, слѣдовательно, уже послѣ обнаруженія упорства. Какъ же казацкія нагайки могутъ быть признаны причиной упорства, если послѣднее ясно обнаружилось и существовало раньше, чѣмъ появились въ деревняхъ казаки? Какимъ образомъ сущность упорства можетъ составлять протестъ противъ насильственнаго введенія православія, когда протестъ былъ заявленъ раньше, чѣмъ произведены были насилія въ нѣкоторыхъ деревняхъ? Обыкновенно причина бываетъ раньше дѣйствія. Между тѣмъ, по этому мнѣнію, причина упорства была позже своего дѣйствія. По этому мнѣнію дѣло было такъ: казаки били народъ, и потому онъ сталъ упорствовать. Но за что же они били его?—спросимъ

¹⁾ Мисс. «Обозр.», кн. 6, стр. 633.

мы. Если за упорство, то ясно, что упорство было раньше, чѣмъ появились казаки, ясно, что не упорство изъ за нагаекъ, а нагайки изъ за упорства появились въ деревняхъ. Притомъ извѣстно, что упорство есть и въ такихъ приходахъ, гдѣ нагайки совсѣмъ не были въ ходу, гдѣ воссоединеніе совершилось мирно. Какимъ образомъ упорство этихъ приходовъ можетъ быть протестомъ противъ насильственного введенія православія, когда въ этихъ приходахъ воссоединеніе совершалось мирно?

Не менѣе распространеннымъ мнѣніемъ по вопросу о сущности и причинахъ упорства является то, по которому основной причиной современнаго упорства признается клятва, взятая съ упорствующихъ ушедшими за границу священниками. Дѣйствительно, многіе изъ ополяченныхъ униатскихъ священниковъ, не желая подчиняться распоряженіямъ Холмской греко-униатской консисторіи объ очищеніи греко-униатскихъ обрядовъ отъ польско-латинскихъ нововведеній, а также, не желая принять въ 1875 году православія, уходили за границу и съ своихъ прихожанъ брали клятву, что они не будутъ ходить въ церковь. Но клятву эту нельзя считать причиной современнаго упорства. Насколько намъ извѣстно, клятва бралась на тридцать лѣтъ. Со времени очищенія обрядности прошло уже болѣе тридцати лѣтъ, а между тѣмъ упорство продолжаетъ существовать и въ тѣхъ приходахъ, въ которыхъ клятва бралась во время очищенія обрядности. Кромѣ того, упорствуютъ не только старики, съ которыхъ взята клятва, но и молодое поколѣніе, которое никому никакой клятвы не давало. Очевидно, не клятва заставляетъ упорствующихъ упорствовать.

Нерѣдко можно услышать сужденіе, что причиной упорства служить экономическое давленіе пановъ-поляковъ. Но несостоятельность такого сужденія видна уже изъ того, что упорство держится и въ такихъ деревняхъ, гдѣ нѣтъ поляка-помѣщика, и притомъ среди такихъ крестьянъ, которые, будучи людьми состоятельными, не нуждаются ни въ какой помощи со стороны поляка-помѣщика, а потому не могутъ находиться подъ его экономическимъ давленіемъ. Особенно же сильно говоритъ противъ этого сужденія слѣдующій фактъ. Почти единственной поддержкой матеріальнаго благосостоянія бѣдныхъ крестьянъ, окружающихъ Брестскую крѣпость, служатъ заработки въ этой крѣпости. Въ крѣпости, несомнѣнно, нѣтъ польскаго вліянія: тамъ хозяева всего—люди русскіе. И что же? Крестьяне окружающихъ крѣпость Брестъ деревень, питающіеся заработками въ этой крѣпости, упорствуютъ больше другихъ, упорствуютъ такъ сильно, что въ

началѣ 1899 года нѣкоторые священники для сокращенія этого упорства предлагали ходатайствовать объ изданіи постановленія, воспрещающаго крестьянамъ окружающихъ крѣпость Брестъ деревень ходить на заработки въ крѣпость, потому что хожденіе на эти заработки поддерживаетъ упорство. Экономическое давленіе поляковъ-пановъ можно признать въ нѣкоторомъ смыслѣ причиной упорства только весьма незначительнаго числа лицъ, это именно — помѣщичьихъ батраковъ, да еще безземельныхъ крестьянъ, живущихъ заработками, которые, дѣйствительно, упорствуютъ и потому можетъ быть, что не желаютъ лишиться и хлѣба и заработка у поляка-помѣщика.

Высказывается очень часто мнѣніе, что упорство держится по страху передъ заправилами его. Но и это мнѣніе не можетъ быть признано состоятельнымъ, потому что оно не можетъ объяснить, почему держатся упорства сами заправилы его. Предполагать, что заправилы держатся упорства потому, что боятся пановъ и ксендзовъ, нельзя. Заправилы хорошо сознаютъ, что съ паденіемъ барщины, паны и ксендзы ни къ чему не могутъ принудить ихъ. Страхъ можетъ быть причиной упорства и то только нѣкоторыхъ лицъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ обратившіеся подвергаются преслѣдованіямъ со стороны большинства закоренѣлыхъ упорствующихъ или со стороны сплошнаго католическаго населенія. Но почему держатся упорства тѣ отдѣльныя семьи, которыя живутъ среди православнаго населенія? Вѣдь принятіе ими православія не вызоветъ никакого преслѣдованія. Напротивъ, непринятіе православія, упорство ихъ, вызываетъ насмѣшки и т. п.

Если и можно говорить о страхѣ, какъ причинѣ упорства, то о страхѣ передъ общественнымъ мнѣніемъ, а не передъ заправилами упорства. Это собственно не страхъ, а ложный стыдъ, нежеланіе выдѣляться изъ общей массы. Упорствующему одному передъ другимъ стыдно открыто сознать ложность того, что онъ такъ долго считалъ истиннымъ, за что онъ, можетъ быть, даже пострадалъ. Если даже у упорствующаго и появляется сомнѣніе въ истинности упорства, у него не хватаетъ духу порвать связь съ обществомъ упорствующихъ, такъ какъ онъ не имѣетъ чѣмъ оправдать свой поступокъ, не имѣетъ чѣмъ отвѣтить на укоры, какіе ему могутъ быть сдѣланы упорствующими, поэтому онъ и продолжаетъ упорствовать. Но признать этотъ стыдъ и это отсутствіе смѣлости порвать связь съ обществомъ упорствующихъ, основной причиной упорства нельзя, потому что, въ случаѣ такого признанія, трудно будетъ объяснить упорство отдѣльныхъ семействъ, живущихъ среди сплошнаго православнаго населенія.

Наконецъ, высказывается иногда мнѣніе, что упорство держится просто привычкой. Упорствующій, говорятъ, свыкъся съ своимъ положеніемъ, и потому продолжаетъ упорствовать. Конечно, привычка имѣетъ большое значеніе въ жизни человѣка. Человѣкъ часто въ силу привычки не желаетъ разстаться съ извѣстнымъ положеніемъ, образомъ жизни. Но ничего подобнаго нельзя сказать относительно упорствующихъ, потому что они всѣми силами стараются выйти изъ того положенія, въ которомъ находятся. О желаніи упорствующихъ выйти изъ своего теперешняго положенія ясно свидѣтельствуетъ живущее среди нихъ сознаніе, что это положеніе временное, что скоро должна наступить переменъ, а еще яснѣе объ этомъ говоритъ тотъ фактъ, что упорствующие при всякомъ удобномъ случаѣ подаютъ прошенія о дозволеніи имъ перейти въ католичество. Когда 2 іюля 1898 года были Высочайше утверждены и затѣмъ обнародованы новыя правила для опредѣленія вѣропринадлежности бывшихъ греко-уніатовъ, то упорствующие въ громаднѣмъ числѣ стали подавать прошенія о дозволеніи имъ перейти въ католичество. Со времени обнародованія новыхъ правилъ по 30 сент. 1898 года подано такихъ прошеній 663 ¹⁾.

Если же причиной упорства не можетъ быть признано ни насильственное введеніе православія, ни клятвы, данныя упорствующими, ни страхъ передъ поляками-помѣщиками или передъ законами упорства, ни стыдъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, ни привычка, наконецъ, то необходимо нужно признать, что причиной упорства служить польско-латинская пропаганда. Но сказать, что причиной упорства служить польско-латинская пропаганда, значить—очень мало сказать и особенно для рѣшенія вопроса о средствахъ борьбы съ упорствомъ. Часто повторяемое выраженіе: „польско-латинская пропаганда служитъ причиной упорства“ есть выраженіе общее, неопредѣленное. Оно не показываетъ, въ чемъ состоитъ эта пропаганда, что собственно составляетъ причину упорства—идеи ли польско-латинской пропаганды, воспріятыя упорствующими и составившія убѣжденіе ихъ, или же агенты ея. Многіе считаютъ основной причиной современнаго упорства присутствіе среди упорствующихъ агентовъ польско-латинской пропаганды, и потому всю суть борьбы съ упорствомъ желаютъ свести къ борьбѣ съ агентами этой пропаганды, утверждая, что, съ удаленіемъ этихъ агентовъ или съ изданіемъ строгихъ законовъ по отношенію къ нимъ, падетъ упорство. Для рѣшенія вопроса о средствахъ борьбы съ упор-

¹⁾ Всеподдан. отчетъ за 1898 г., стр. 35.

ствомъ необходимо, слѣдовательно, выяснить, при какомъ пониманіи выраженіе: „польско-латинская пропаганда служитъ причиною упорства“—можетъ быть признано правительствомъ. При какомъ же пониманіи это выраженіе можетъ быть признано правильнымъ? Оно можетъ быть признано правильнымъ при томъ пониманіи его, когда причиной современнаго упорства оно считаетъ не агентовъ польско-латинской пропаганды, а идеи ея, воспріятыя упорствующими и сдѣлавшіяся ихъ убѣжденіемъ. Признавать, что причиной современнаго упорства служатъ агенты польско-латинской пропаганды и утверждать, что съ удаленіемъ этихъ агентовъ или съ изданіемъ строгихъ законовъ по отношенію къ нимъ прекратится упорство, нельзя по той простой причинѣ, что упорство существуетъ довольно давно, что не современные агенты создали его. Конечно, современные агенты имѣютъ значеніе въ жизни упорства, но они не создаютъ его: они только поддерживаютъ то, что уже создано ихъ предшественниками и воспріято упорствующими, и потому удаленіе ихъ не уничтожитъ упорство въ его корнѣ.

Но разъ мы признаемъ несомнѣннымъ, что не агенты польско-латинской пропаганды, а идеи ея, воспріятыя упорствующими и ставшія ихъ убѣжденіемъ, служатъ основной причиной современнаго намъ упорства, то само собою понятно, что прежде рѣшенія вопроса о средствахъ борьбы съ упорствомъ, мы должны выяснить эти идеи, для того, чтобы указать, противъ чего собственно должна направляться православно-русская миссіонерская дѣятельность, что должно быть центральнымъ предметомъ ея, составлять душу. Мы должны выяснить эти внѣдренныя въ сознаніе упорствующихъ и ставшія ихъ убѣжденіемъ идеи польско-латинской пропаганды потому, что онѣ, эти идеи, составляя основу упорства, побуждаютъ упорствующихъ не вѣрить всему тому, что говоритъ православно-русскій миссіонеръ, побуждаютъ враждебно относиться ко всему православному: къ православному священнику, къ православной церкви, къ ея таинствамъ и обрядамъ, къ православному учителю,—побуждаютъ заранѣе, безъ всякихъ колебаній и разсужденій, признать ложнымъ все, что исходитъ съ православно-русской стороны. Такъ какъ упорство есть своего рода недугъ, который нужно вылѣчить, то мы для вѣрнаго излѣченія этого недуга, должны узнать не только его современное положеніе, но и его историческое происхожденіе и развитіе. Только узнавши суть недуга въ его настоящемъ положеніи и историческомъ образованіи, мы можемъ приступить къ его излѣченію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Кобринъ.

О числѣ церковныхъ таинствъ.

(Изъ миссіонерскихъ запросовъ).

(Чѣмъ объяснить то, что въ памятникахъ древней христіанской письменности нѣтъ прямо и опредѣленно выраженной формулы: *таинствъ церковныхъ семь*, и то, что иногда въ нихъ ясно и выразительно перечисляются только лишь нѣкоторые изъ церковныхъ таинствъ, а остальные обычно отсутствуютъ въ такихъ перечняхъ?).

Несомнѣнные историческія свидѣтельства убѣждаютъ насъ въ томъ, что формула седмичнаго числа таинствъ довольно поздняго происхожденія. Они говорятъ намъ, что эта формула впервые явилась не ранѣе XII вѣка, при чемъ возникла сначала на Западѣ, и уже потомъ, спустя цѣлое столѣтіе, стала извѣстна и на Востокѣ. Въ памятникахъ же древней христіанской письменности мы нигдѣ не находимъ прямого и опредѣленно выраженного утвержденія, что въ церкви Христовой семь таинствъ. Правда, нѣкоторые отцы и учителя церкви въ своихъ твореніяхъ иногда говорятъ о числѣ таинствъ и даже перечисляютъ ихъ, но въ такихъ перечняхъ обычно упоминаются далеко не всѣ изъ признаваемыхъ теперь церковныхъ таинствъ, а только нѣкоторые.

Чѣмъ же объяснить это отсутствіе въ памятникахъ древней христіанской письменности точной формулы: *таинствъ церковныхъ семь* и появленіе ея лишь въ позднѣйшее время, а также эту встрѣчающуюся въ святоотеческихъ твореніяхъ неполноту перечня церковныхъ таинствъ?

Неправославно мыслящіе люди объясняютъ это тѣмъ, что въ древней церкви Христовой не было всѣхъ тѣхъ семи таинствъ, которыя признаются теперь, какъ необходимыя для всякаго вѣрующаго средства спасенія. Но это объясненіе невѣрное. Въ древней церкви Христовой существовали всѣ семь церковныхъ таинствъ. Доказывать это положеніе потребовалось бы слишкомъ много времени. И при томъ эта задача блестяще уже выполнена проф. А. Л. Катанскимъ въ его трудѣ: „Догматическое ученіе о семи церковныхъ таинствахъ въ твореніяхъ отцовъ и писателей церкви до Оригена включительно“. Послѣ того, что сказано проф. Катанскимъ въ этомъ трудѣ, существованіе всѣхъ семи церковныхъ

таинствъ и въ древнѣйшія времена въ церкви Христовой не должно подлежать никакому сомнѣнію. И такимъ образомъ для объясненія поставленныхъ вопросовъ должны быть приведены инныя соображенія. Эти инныя соображенія предлагаетъ самъ же проф. Катанскій, хотя его разсужденія не исчерпываютъ всего относящагося къ этому вопросу матеріала и должны быть дополнены другими соображеніями.

По мнѣнію проф. А. Л. Катанскаго, главная причина отсутствія въ памятникахъ древней христіанской письменности формулы о седмичномъ числѣ таинствъ и появленіе ея лишь въ позднѣйшее время заключается въ слѣдующемъ. Появленіе формулы: „таинствъ церковныхъ семь“ означало окончаніе процесса раскрытія и уясненія ученія о числѣ таинствъ, но этотъ процессъ раскрытія ученія о числѣ таинствъ не могъ совершиться въ такой сравнительно короткій періодъ времени, какимъ представляется древнѣйшая эпоха исторической жизни христіанской церкви, такъ какъ ученіе о таинствахъ вообще, какъ и о другихъ догматахъ, было раскрываемо и формулируемо только постепенно и съ трудомъ; этотъ процессъ формулированія ученія о таинствахъ закончился лишь къ XII вѣку, когда и появляется формула седмичнаго числа таинствъ.

Кромѣ этой общей причины, г. Катанскій въ объясненіе отмѣченныхъ явленій указываетъ еще одну частную и спеціальную причину. По его мнѣнію, у св. отцовъ и писателей церковныхъ первыхъ вѣковъ христіанской эры замѣтно стремленіе разсматривать дѣйствование Духа Божія въ церкви Христовой вообще, во всѣхъ различныхъ проявленіяхъ этого дѣйствованія, а не раздѣлять его по родамъ или способамъ. Вотъ почему въ ихъ твореніяхъ мы не находимъ, ни ясно выраженнаго ученія объ отдѣльныхъ способахъ дѣйствованія Св. Духа, каковыми способами и являются таинства христіанской церкви, ни простаго даже перечня ихъ. Существованіе этого стремленія у св. отцовъ и церковныхъ писателей древняго времени обусловливалось вліяніемъ на христіанскую мысль первыхъ вѣковъ платоновской философіи, которая болѣе занималась созерцаніемъ цѣлаго въ вещахъ и ихъ идей, нежели анализомъ частей и выработкой формы. Напротивъ, съ наступленіемъ схоластическаго періода, съ наступленіемъ господства философіи Аристотеля, философіи логическихъ формъ, пріучившей умы облекать идеи въ твердыя, устойчивыя формы, разграничивать понятія, классифицировать ихъ, вводить въ область мысли внѣшній порядокъ, стройность, а въ способъ выраженія—однообразіе, начинается обстоятельное, полное и систе-

матическое раскрытіе, раздѣльное изложеніе и точное формулированіе ученія о таинствахъ вообще и въ частности о числѣ ихъ, такъ что въ XII вѣкѣ мы уже прямо встрѣчаемъ формулу: „таинствъ церковныхъ семь“.

Въ объясненіе же того, почему въ твореніяхъ нѣкоторыхъ св. отцовъ и учителей церкви, у которыхъ мы встрѣчаемъ перечень таинствъ, число этихъ священнодѣйствій ограничивается только лишь двумя или тремя первыми изъ существующихъ теперь таинствъ, г. Катанскій указываетъ, что это обстоятельство обуславливалось тою параллелью, которая установилась въ представленіи христіанъ первыхъ вѣковъ, невольно для нихъ самихъ и въ силу естественнаго порядка вещей, между языческими мистеріями и христіанскими таинствами. Пока живо было еще язычество, христіанскіе учителя и писатели, при изложеніи вѣроучительной и культовой сторонъ христіанской доктрины, невольно должны были для большаго успѣха иногда прилагать къ различнымъ, конечно, только внѣшнимъ параллелямъ и соотвѣтствіямъ между изложенными пунктами христіанскаго ученія и вкоренившимися въ сознаніи современныхъ имъ людей языческими представленіями и образами. Къ этому-то приему, очевидно, прибѣгали и пользовались имъ и тѣ церковные писатели, у которыхъ мы встрѣчаемъ неполный перечень церковныхъ таинствъ. При изложеніи ученія о таинствахъ, они невольно мысленно сопоставляли ихъ съ языческими мистеріями и проводили въ своемъ умѣ параллель между ними. И подобно тому, какъ въ языческихъ мистеріяхъ различались три ступени постепеннаго нравственнаго восхожденія по пути совершенства, такъ въ соотвѣтствіе этому св. отцы и учителя церкви и изъ христіанскихъ таинствъ брали только первыя три: крещеніе, миропомазаніе и причащеніе, которыя дѣйствительно представляютъ собой какъ бы три ступени постепеннаго духовнаго развитія. Этимъ, очевидно, св. отцы и учителя церкви вовсе не думали исчерпать всего существовавшего въ ихъ время количества христіанскихъ таинствъ, а хотѣли только показать, что и христіанству не чужды внѣшнія средства общенія съ Богомъ, что и въ немъ есть нѣчто подобное языческимъ мистеріямъ, только несравненно болѣе возвышенное, чистое и одухотворенное, и что поэтому язычнику ненужно отвращаться отъ христіанства съ перваго же раза, какъ отъ ученія совершенно противоположнаго его религіи, къ нему нужно при-смотреться и изучить.

Такъ объясняетъ А. Л. Катанскій отсутствіе въ памятникахъ древней христіанской письменности формулы о седмичномъ

числѣ таинствъ и неполноту перечня церковныхъ таинствъ, которую мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ св. отцовъ и церковныхъ учителей.

Несомнѣнно, всѣ эти указанныя Катоанскимъ причины разсматриваемыхъ явленій очень серьезны и очень основательны, чтобы подрывать и тѣмъ болѣе отрицать ихъ значеніе. Мы, конечно, принимаемъ ихъ. Но въ тоже время намъ кажется, что отмѣченныя Катоанскимъ причины не были единственными причинами; мы думаемъ, что кромѣ нихъ были другія обстоятельства, влиявшія на замедленіе формулировки ученія о числѣ таинствъ и на встрѣчающуюся въ твореніяхъ нѣкоторыхъ св. отцовъ и церковныхъ писателей неполноту перечня этихъ священнодѣйствій, — обстоятельства, если не первостепенной важности, то во всякомъ случаѣ заслуживающія полного вниманія къ себѣ.

Прежде всего, по нашему мнѣнію, кромѣ указанныхъ Катоанскимъ причинъ разсматриваемыхъ явленій, немалую роль сыграла въ этомъ та древне-церковная практика, которую съ XVII вѣка, по примѣру Даллэя и Мейера, принято въ церковно-исторической наукѣ обозначать терминомъ *disciplina arcana*. Эта практика, возникшая въ концѣ II вѣка и окончательно прекратившая свое существованіе только лишь въ VII вѣкѣ, требовала, съ одной стороны, умалчивать предъ нехристіанами о такихъ предметахъ общественнаго богослуженія, которые были предназначены исключительно для вѣрующихъ, а съ другой — преграждать всѣмъ непосвященнымъ въ члены церкви Христовой доступъ къ тѣмъ частямъ богослуженія, въ которыхъ преимущественно усматривались выраженія святой христіанской вѣры и жизни ¹⁾. А такими предметами и такими частями общественнаго богослуженія и являлись въ древней церкви св. таинства. Слѣдовательно, они и составляли собой первый и главный предметъ *disciplinae arcanae*. Мы не видимъ необходимости входить въ подробности раскрытія этой мысли. Мысль о томъ, что всѣ семь существующихъ теперь въ христіанской церкви таинствъ въ древнѣйшее время христіанства составляли предметъ *disciplinae arcanae*, довольно обстоятельно раскрытая и въ русской литературѣ, въ частности она хорошо разъяснена въ статьѣ В. Покровскаго, помѣщенной въ „*Вѣстѣ и Раз.*“ за 1895 годъ и озаглавленной „*Disciplina arcana въ древней христіанской церкви*“.

¹⁾ Мы оставляемъ въ сторонѣ здѣсь спорные вопросы о томъ, каковъ былъ полный объемъ этой практики, каковы всѣ тѣ предметы, которые входили въ составъ этой практики, а указываемъ въ качествѣ предмета этой практики только то, что признано большинствомъ изслѣдователей.

Мы только сдѣлаемъ тотъ выводъ, какой несомнѣнно слѣдуетъ отсюда. Изъ высказанной и достаточно обстоятельно обоснованной В. Покровскимъ мысли о томъ, что таинства въ древней христіанской церкви составляли необходимый предметъ *disciplinae arcae* со всею ясностью слѣдуетъ важное для насъ заключеніе, что въ твореніяхъ св. отцовъ и церковныхъ писателей древняго времени мы не только не найдемъ, но прямо даже не должны искать въ нихъ болѣе или менѣе развитаго ученія о таинствахъ вообще и въ частности о числѣ ихъ. Разъ практика, имѣвшая силу закона, требовала сохранять молчаніе относительно таинствъ, какъ предметовъ общественнаго богослуженія, то, конечно, св. отцы и церковные писатели не могли быть ея нарушителями и не могли открыто высказывать всего того, что они знали о таинствахъ.

Немаловажное значеніе имѣла также и богослужебная практика древней церкви. Всѣ семь церковныхъ таинствъ группировались въ святоотеческой древности около двухъ таинствъ, какъ своихъ центровъ. Будучи, по существу своему, отдѣльными актами, они примыкали, однако, въ богослужебной практикѣ или къ крещенію, или къ евхаристіи, имѣли съ этими двумя таинствами весьма близкую связь или 1) *по времени*, или 2) *по цѣли совершенія*. 1) *По времени совершенія* соединялись: съ крещеніемъ—мѣропомазаніе, съ евхаристіею—публичное покаяніе, священство и бракъ. Мѣропомазаніе совершалось непосредственно послѣ крещенія, въ томъ же зданіи, т. е. въ вантистеріи. Актъ разрѣшенія отъ грѣховъ въ покаяніи, которое имѣло въ древности характеръ по преимуществу публичный, совершался за литургіей и состоялъ въ преклоненіи колѣнъ и въ возложеніи рукъ священника на головы кающихся, послѣ чего они, вмѣстѣ со всѣми вѣрными, допускались къ слушанію литургіи вѣрныхъ и къ приобщенію Св. Таинъ. Посвященіе въ іерархическія степени, какъ и у насъ теперь, совершалось также въ непосредственной связи съ литургіей, такъ что евхаристія являлась какъ бы заключеніемъ таинства священства. Бракъ совершался въ древности въ связи съ таинствомъ евхаристіи, къ которому сочетавшіеся бракомъ, послѣ молитвъ и благословенія священника, и приступали тутъ же, т. е. за литургіей. 2) Цѣлью и необходимымъ завершеніемъ (хотя и не посредственнымъ по времени совершенія) являлась евхаристія для частнаго покаянія и елеосвященія. Такъ частное покаяніе, хотя и не совершалось за литургіей, тѣмъ не менѣе получившіе разрѣшеніе отъ грѣховъ, въ ближайшій послѣ того день, какъ и у насъ теперь, приобщались Св. Таинъ. Точно также и елеопомазаніе больныхъ, хотя по времени совершенія и не

соединялось съ литургіей, обыкновенно также вело къ Приобщенію; послѣ елеопомазанія больные напутствовались Св. Тайнами. Таинство евхаристіи являлось, такимъ образомъ, завершеніемъ какъ частнаго покаянія, такъ и елеопомазанія. Вотъ эта-то тѣсная связь съ крещеніемъ и евхаристіей остальныхъ пяти таинствъ въ литургической практикѣ древней церкви,—связь, которую признають всѣ ученые литургисты и которую отвергать нѣтъ достаточныхъ основаній,—и имѣла немалое вліяніе на позднее образованіе догматической формулы, касающейся седмичнаго счисленія таинствъ, и на неполноту перечня церковныхъ таинствъ въ твореніяхъ нѣкоторыхъ св. отцовъ и учителей церкви. Въ самомъ дѣлѣ, богослужебная практика выдвигала на первый планъ два священнодѣйствія: крещеніе и евхаристію. Ставя же ихъ на видное мѣсто, она тѣмъ самымъ какъ бы оставляла въ тѣни, на второмъ планѣ, другія священнодѣйствія, стоявшія съ ними въ тѣсной связи, хотя эти пять священнодѣйствій считались весьма важными священнодѣйствіями, выходившими изъ ряда простыхъ обрядовъ. Это естественно создавало тотъ порядокъ вещей, по которому св. отцы и церковные писатели, говоря о таинствахъ, сосредоточивали все свое вниманіе только лишь на двухъ изъ нихъ, совсѣмъ умалчивая объ остальныхъ пяти.

Таковы тѣ причины, которыми, объясняются какъ отсутствіе въ памятникахъ древней христіанской письменности формулы о седмичномъ числѣ таинствъ и появленіе ея лишь въ позднѣйшее время, такъ и встрѣчающаяся въ этихъ памятникахъ неполнота перечня церковныхъ таинствъ ¹⁾.

Н. Высоцкій.

¹⁾ Кромѣ этого неполноту перечня въ твореніяхъ нѣкоторыхъ св. отцовъ и учителей церкви обычно объясняютъ еще тѣмъ, что эти св. отцы и учителя церкви не имѣли *повода* говорить о другихъ таинствахъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ они упоминають, или разсуждать о другихъ таинствахъ не входило въ ихъ задачу и т. п. Всѣ эти причины, несомнѣнно, имѣли мѣсто и ихъ нужно признать; но онѣ носятъ на себѣ частный характеръ, о нихъ нужно говорить при изложеніи ученія о таинствахъ каждаго отца въ отдѣльности, мы же указываемъ лишь общія причины, а потому не останавливались на такихъ пунктахъ подробно.

Изъ записокъ и дневниковъ.

Письма къ молодежи, ищущей смыслъ жизни.

(Посвящается моимъ друзьямъ: дорогому брату О. Г., А. И. Тушэ, А. И. Л. Н., Е. Р., З. И. и друг.).

„Историческій опытъ учить, что всякая матеріалистическая мораль, какъ бы чиста она въ общемъ ни была, является по преимуществу въ преобразовательныя и переходныя эпохи разлагающимъ факторомъ, между тѣмъ какъ всѣ великіе и рѣшительные перевороты и новыя формы пробиваются наружу только вмѣстѣ съ новыми эпическими идеями“...

Ф. А. Ланге („Ист. Матер.“).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вѣрующій человѣкъ и невѣрующій являются совершенными антиподами по существу своихъ убѣждений, и то, про что вѣрующій не можетъ говорить безъ страха, невѣрующій легко дѣлаетъ предметомъ каламбура; между тѣмъ вѣра въ Бога можетъ явиться результатомъ настолько же послѣдовательныхъ убѣждений, какъ, напримѣръ, вѣра въ экономическій матеріализмъ въ исторіи или что-нибудь въ этомъ родѣ. Та и другая предоставляется свободному выбору субъекта, а склонность послѣдняго опредѣляетъ выборъ. Мы беремъ, что намъ нравится: міръ явленій (объектъ) безразличенъ къ этому выбору: онъ не отвергаетъ и не оправдываетъ его, и мы правы исполнѣ: въ жизни человѣка (въ его бытіи) что можетъ быть важнѣе *жизни человѣка* (его бытія)?

Жизнь есть кругъ, который объемлетъ собою все, весь міръ въ безчисленномъ рядѣ явленій; субъектъ сковываетъ объекта въ свои цѣпи, потому что субъектъ, какъ вершитель переходящихъ явленій, выражаетъ въ себѣ *полное проявленіе бытія познавасмаго объекта*. Какъ явленіе, человѣкъ подчиненъ и обязанъ согласовать себя съ міромъ, но, какъ *духъ*, онъ способенъ стремиться къ *блаженству свободы и могущества*.

Но гдѣ же свобода и побѣда собой всего въ рядѣ причинныхъ ограниченныхъ явленій? Нѣтъ ее здѣсь, и мы вправѣ искать ее

въ сферѣ познаваемого міра (т. е. познаваемого умомъ) и, найдя, стремиться къ ней цѣликомъ рядомъ соответствующихъ дѣйствій.

Это письмо, заключающее краткое выраженіе моихъ убѣжденій, есть заявленіе моимъ невѣрующимъ друзьямъ и товарищамъ, что я не солидаренъ съ ними по убѣжденіямъ; но, находя, что многіе изъ нихъ, быть можетъ, стоящіе гораздо выше меня по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, все же не вышли изъ періода тяжелаго, безнадежнаго «исканія» смысла жизни, я хотѣлъ бы показать имъ на «Звѣзду», отыскать которую мнѣ стоило многихъ лѣтъ умственного труда и тяжелаго жизненнаго опыта.

Мечтаю о счастіи быть понятымъ.

I.

Товарищи! Вамъ нечего говорить о томъ тяжеломъ историческомъ моментѣ, переживать который выпало на нашу долю. Едва ли когда-нибудь воздухъ былъ болѣе удушливъ, атмосфера болѣе тяжела, небо болѣе мрачно и вмѣстѣ съ тѣмъ сухо, чѣмъ въ переживаемую нами эпоху. Что это? Предвѣстникъ ли грозы? Нѣтъ, потому что электрическая напряженность давно истощена. Ждать ли ливня?.. Ахъ, если бы небо спустило хоть росу, только росу, какъ ожила бы природа послѣ такой продолжительной, мертвящей засухи! Куда завели насъ отцы и дѣды? Куда мы пришли и куда продолжаемъ идти по инерціи до сихъ поръ? Посмотрите, какъ недалеко за нами эти всевозможныя, многочисленныя *чумы*—дорога, по которой насъ вели старшіе по возрасту, отвѣтственные мужи, держащіе въ своихъ устахъ слово мудрости, силою вещей поставившіе себя въ кормчіе грандіознаго жизненнаго корабля.

По самоувѣренной поступи ихъ всѣ думали, что они ведутъ непремѣнно къ святой, вѣчной правдѣ, но, увы, самоувѣренность часто обманчива, потому что преступна: нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы возможно было доказать съ *абсолютной достоверностью*, а тѣмъ болѣе въ сужденіи о будущемъ.

Да, поистинѣ, мудрость вѣка сего есть безуміе предъ Богомъ!

Чего мы желали въ сущности? Счастія, истины, Царства Божія? Да, мы искали правды, которая носить въ себѣ блаженство, смыслъ жизни. Блуждая взоромъ по безграничнымъ сферамъ, мы упустили изъ виду самихъ себя, мы забыли священные слова:

«Царство Божіе внутри васъ». Не многіе вспомянули ихъ, но, не отрывая отъ пустого пространства устремленнаго взора, извратили ихъ смыслъ, потому что не познали самихъ себя.

Итакъ, къ чему же привела насъ эта пустота, въ которой мы искали свой идеаль и, не успѣвъ найти, приготовили вывѣску со словами: *правда, добро, красота*—съ одной стороны, *равенство, братство и свобода*—съ другой?

Товарищи! еще какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ тому назадъ едва ли кто сталъ бы оспаривать фактъ распространяющагося невѣрія въ современномъ обществѣ. Не говоря уже про безчисленное множество случаевъ отпаденія отъ христіанской вѣры, казалось бы, просто—безъ всякой внѣшней причины, по какой-нибудь странной прихоти празднаго, невѣжественнаго лица, начавшаго вдругъ «крутить мозгами», невѣріе въ буквальномъ смыслѣ слова распространялось прогрессивно, ниспускаясь отъ самыхъ блестящихъ жрецовъ и служителей университетской науки до фабричныхъ рабочихъ и деревенской грамотной молодежи включительно. И если всеразрушающая въ нравственномъ мірѣ волна всяческаго отрицанія, хлынувъ на интеллигентное общество, въ послѣднее время въ видѣ Дарвинизма и Марксизма, Нитцшеанства и Толстовства, оставила послѣ себя крайне злокачественный иль, выражающійся до сего времени полнымъ индифферентизмомъ къ міру, жизни и къ печалямъ и радостямъ себѣ подобныхъ существъ, то въ молодомъ полуобразованномъ и необразованномъ поколѣніи оно проявляется въ болѣе или менѣе полномъ игнорированіи священныхъ обязанностей человѣка—съ одной стороны и сектантствомъ, расколомъ и полной психологической аномальностью—съ другой. Стоитъ заглянуть въ какой-нибудь спеціальныи журналъ на этотъ счетъ (напр. въ «Миссіонерское Обозрѣніе»), чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго.

Но теперь не приходилось ли вамъ наблюдать нѣсколько иное теченіе?..

Нѣтъ основанія думать, чтобы индифферентизмъ явился результатомъ вышеупомянутыхъ міровоззрѣній; онъ просто слѣдствіе исторической жизни народа или извѣстнаго культурнаго возраста—того возраста, когда вдругъ окажется «все—суета суеть», ничто не

ново подъ луною, когда никакое новое умозрѣніе не покажется удивительнымъ и никакое изобрѣтеніе или открытіе неожиданнымъ. Это не пессимизмъ, разочарованіе жизнью вообще,—это разочарованіе вѣснечавшаго о себѣ разума въ собственныхъ силахъ, разочарованіе чловѣка въ возможности достиженія вѣчной правды при помощи естественныхъ средствъ. Изъ этого обстоятельства всѣ вѣрующіе въ Бога познають, что «Женихъ» уже «при двери», потому что первое пришествіе Спасителя міра предшествовалось подобнымъ же разочарованіемъ въ матеріальной жизни среди классическаго міра: мы ждемъ неизбѣжнаго возрожденія духа современнаго чловѣчества на почвѣ, исповѣдуемой русскимъ народомъ Христіанской вѣры.

Возможно положительно доказать (діалектически), что не существуетъ и не будетъ существовать другого міровоззрѣнія, которое было бы способно влить жизненныя силы для дальнѣйшаго совершенствованія чловѣка, кромѣ христіанства (см. ниже объ этомъ). Но чтобы доказать это, надо не только знаніе исторіи философіи чловѣчества, но и нѣкоторое призваніе къ философіи, призваніе, возвышающее чловѣка весьма значительно надъ обыденнымъ здравымъ смысломъ—тѣмъ здравымъ смысломъ, который, забираясь не въ свою область, приводитъ чловѣка къ курьезнымъ, но весьма печальнымъ заблужденіямъ. Обыденный здравый смыслъ эмпирикъ по своей природѣ, между тѣмъ эмпиризмъ считается въ логикѣ далеко не единственнымъ критеріемъ истины: съ точки зрѣнія здраваго смысла Ньютоново тяготѣніе, атомизмъ, новѣйшая свѣтовая теорія электромагнитныхъ колебаній и т. п., такъ же нелѣпы, какъ и все сверхъестественное. Обыденный здравый смыслъ никогда не пойметъ необходимости глубины простоты и никогда не поднимется выше пониманія обыденныхъ истинъ: онъ только наивысшая степень развитія, какую могло дать животное и потому всегда остается вѣрнымъ послѣднему; и было бы страннымъ казусомъ, если бы онъ вдругъ возсталъ противъ матеріальныхъ благъ и призналъ возможность чуда. И такъ, гдѣ обыденный здравый смыслъ, тамъ эгоистическая защита индивидуализма, коммунистическія и социалистическія утопіи, а гдѣ эти послѣднія, тамъ непремѣнно только здравый смыслъ.

Но чловѣкъ не исключительно животное, носящее нѣкоторый интеллектуальный аппаратъ, нужный ему для болѣе или менѣе

уточенного удовлетворенія чувственно-матеріальныхъ потребностей, но животное, имѣющее сверхъ того нѣкоторый невещественный кругъ влеченій, котораго здравый смыслъ ни понять, ни тѣмъ болѣе удовлетворить—не въ состояніи. Нужно ли доказывать послѣднее положеніе? Нужно ли доказывать, что человѣкъ подобенъ сѣмени, заключающему въ себѣ ядро будущей жизни, ядро, могущее возрастить многовѣтвистое дерево, если оно, падши въ землю, сгніетъ? *Къ сожалѣнію*, скажете вы, доказать этого не возможно. Правда, строго-научно доказать невозможно, но не къ сожалѣнію, а къ счастью, къ благу нашему,—ибо разумъ Божій неизмѣримъ. Были ли бы мы лучше, если бы мы знали, что человѣкъ имѣетъ душу живую, которая будетъ существовать послѣ смерти тѣла? Я не думаю этого, потому что знаніе въ извѣстномъ смыслѣ лишаетъ насъ свободы: находясь подъ вліяніемъ знанія, мы, подобно сѣмени, попавшему подъ вліяніе слишкомъ большой влаги, уклонились бы отъ естественнаго развитія и, не достигнувъ зрѣлости, неизбежно погибли бы. Такъ, зная достовѣрно, что существуетъ загробная жизнь, возмещающая за поведеніе настоящей жизни, мы стали бы готовиться къ ней не подостаточности внутренней зрѣлости, а страха ради, почему и отцвѣли бы, не успѣвъ расцвѣсть. Знаніе въ данномъ случаѣ было бы погибельной зависимостью.

Воля человѣка есть ничто иное, какъ выраженіе степени внутреннего развитія его души. Стимуломъ развитія вообще въ животномъ мірѣ служитъ стремленіе къ наилучшему сохраненію собственной индивидуальности. Подъ лучшимъ разумѣется все то, что даетъ нѣкоторый плюсъ къ интенсивности и силы жизни—съ одной стороны и избѣжаніе страданій—съ другой. Увеличеніе интенсивности и силы жизни достигается соотвѣтствующей дѣятельностью или функціей организма, а избѣжаніе страданій отъ избытка дѣятельности обуславливаетъ стремленіе къ покою. Но наслажденіе: страданію — дѣятельность: покою — пропорція только при условіи ограниченныхъ количествъ; какъ чрезмерная дѣятельность, такъ и чрезмерный покой даютъ въ результатъ одно — страданіе, т. е. разрушеніе, а значить и вырожденіе.

Взрослый человѣкъ не имѣетъ никакой потребности къ физическому труду: это показываетъ, что дѣятельность такого рода не

можетъ дать того лучшаго, котораго ищетъ человѣкъ. Умственный трудъ, при менѣе рѣзкой затратѣ энергіи, создаетъ болѣе интенсивную внутреннюю жизнь, но и онъ, какъ показываетъ исторія и ежедневный опытъ, не даетъ полнаго удовлетворенія человѣку. Какъ же создать высшую интенсивность жизни? Работать ли одновременно всѣми членами тѣла и всѣми клѣточками мозга? Нѣтъ: здѣсь одна дѣятельность служить отрицаніемъ другой. Пустить ли въ ходъ одновременно всѣ функціонированія животнаго организма? Нѣтъ: сомнительно, чтобы сознаніе воспринимало одновременно въ той же обычной степени различныя ощущенія,—сумма воспріятія не увеличивается отъ повышеннаго количества ощущеній; при томъ же, сознаніе способно воспринять въ одинъ и тотъ же моментъ только одно преобладающее ощущеніе: такъ слуховыя впечатлѣнія могутъ взять верхъ надъ вкусовыми и т. п. Какъ не могутъ умѣститься въ головѣ одновременно двѣ разныя мысли, такъ невозможно воспринять два различныхъ по силѣ и качеству ощущенія въ одно и то же время. Но чего не могутъ дать отдѣльныя ощущенія, можетъ быть способны дать эмоціи? Мы не будемъ говорить про удовлетвореніе половой любви: всякому извѣстно, что и удовлетворившись, оно ничего не оставляетъ послѣ себя, кромѣ тягостнаго чувства неудовлетворительности. Любовь эта—даже для юнаго возраста обоюдоострый мечъ, про что достаточно нажужжали уши поэты всѣхъ временъ и народовъ. Но вотъ чудная картина природы, эта манящая даль, эти восхитительные переливы умиротворяющаго кроткаго, синяго неба; этотъ закатъ, говорящій о чемъ-то невыразимо родномъ, миломъ, но давно прошломъ,—все это чѣмъ-то дѣйствиительно-пріятнымъ щекочетъ по вашему сердцу. Но минута-двѣ, и ничего не осталось отъ вашего впечатлѣнія, кромѣ какой-то легкой грусти, какого-то неопредѣленнаго недовольства. Вѣроятно, это недовольствуется умъ оттого, что онъ не принимаетъ никакого участія въ этомъ пріятномъ настроеніи. И здѣсь нѣтъ полнаго удовлетворенія, не говоря уже про кратковременность наслажденія.

Въ такомъ случаѣ пойдемъ на лучшую оперу, гдѣ возвышенность и умѣлость живыхъ картинъ увеличиваетъ рельефность музыкальных образовъ и, такимъ образомъ, посредствомъ двухъ или даже трехъ проводниковъ, пытается довести внутреннюю дѣятель-

ность до максимума. Но самый фактъ существованія оперы не доказываетъ ли безсиліе музыки дать цѣльное удовлетвореніе душѣ, жаждущей счастья? Съ точки зрѣнія музыкальнаго искусства опера, на мой взглядъ такая же аномалія въ этой сферѣ, какъ декадентство въ литературѣ и живописи: она результатъ пресыщенія слуха, какъ декадентство—результатъ пресыщеннаго литературнаго вкуса. Нѣтъ, ничего не вынесете вы изъ оперы, ничего кромѣ за-таеннаго недовольства собой и всѣмъ современнымъ міромъ.

Но вотъ театръ. Гамлетъ, Макбетъ, Отелло, Король Лиръ... Великіе, но жалкіе рабы страстей! Чѣмъ они превосходятъ насъ, обыкновенныхъ смертныхъ? Силой страстей? Но это худое преимущество. Силою воли? Но это обоюдоострое орудіе, которое можетъ дать счастье только при многихъ другихъ благопріятныхъ условіяхъ. Но можетъ быть они имѣютъ что другое, достойное подражанія? Силу разсужденія, добродѣтелей?..

Нѣтъ, и театръ, даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ, не можетъ дать намъ того лучшаго, которое ищетъ душа наша, — того счастья, которое было бы полно, постоянно и прочно.

Тогда, можетъ быть, поставленная цѣль окажется въ состояніи принести счастье? Но что цѣль сама по себѣ, если рядомъ съ ней не имѣется въ виду удовлетворенія какого либо влеченія, напри-мѣръ, желанія славы и т. п.? Соблазнительна слава, но стоитъ-ли она, вообще говоря, того труда, которымъ она можетъ быть достигнута? Даже тому, кому лавры достаются особенно дешево, какъ показываетъ опытъ многихъ лицъ, слава не даетъ и сотовъ доли того счастья, котораго жаждетъ человѣческая душа, и слова ветхозавѣтнаго мудреца-царя остаются навсегда справедливыми: «все—суета, суеть, все—суета».

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Гороховъ.

«М е м о р а б и л і я».

«ЗАПИСКИ РАСКАЯВШАГОСЯ ТОЛСТОВЦА».

«Исповѣдайтесь Господеви, яко благъ,
яко въ вѣкъ милость Его».

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

(Вмѣсто предисловія).

Родился я въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, Владимірской губерніи, Шуйскаго уѣзда. Очевидно, это меня обязываетъ къ особой заботѣ о землякахъ моихъ, хотя, впрочемъ, земляки для меня всѣ люди, ибо земля есть мѣсто общаго нашего изгнанія изъ рая сладости, юдоль покаяннаго плача падшаго человѣчества.

Родился я въ XIX вѣкѣ въ 1869 году, 8 Декабря. Стало быть, съ началомъ новаго XX столѣтія я вступаю въ четвертый десятокъ своей многогоремычной жизни, которую Богъ по своей Его милости, хотя и поздно, хотя и слабо, но осіялъ Свѣтомъ Богопознанія, Разумомъ Евангелія, надеждою благъ вѣчныхъ, неувядаемыхъ. О если-бы мнѣ благодать, вѣренную моему недостойнству «расточить убогимъ» духовно и не быть рабомъ «лукавымъ и лѣнивымъ!»

Итакъ, въ прошломъ XIX столѣтіи я имѣю часть тридцатью слишкомъ годами своей жизни, и мое возрожденіе отъ Духа Святаго, рожденіе свыше (духовное) произошло на самой грани двухъ вѣковъ XIX и XX-го. Въ возрастѣ мужа вступаю я въ XX-ый вѣкъ, — въ возрастѣ, когда надо сознательно и безповоротно взять крестъ и идти вслѣдъ за Христомъ Господомъ по узкой стезѣ борьбы съ грѣхомъ въ себѣ и людяхъ-братьяхъ.

Имя Архангела Михаила, данное мнѣ при святомъ крещеніи, привлекло ко мнѣ могущественную помощь Архистратига: — только помощи Архангела Михаила могу приписать дѣло спасенія моего отъ грѣха, заблужденій и узъ вѣчной смерти. Если дано было мнѣ имя Архистратига, то это ли не поводъ для него ограждать меня

и спасать. Ангелы—безкорыстны, человеколюбивы, ревнители добрыхъ дѣлъ и обладаютъ чудными способностями и великою крѣпостью: имъ ли не заступиться за немощнаго человѣка. Но Богу угодно было за грѣхи-ли мои или моихъ родителей, или предковъ, попустить мнѣ впасть въ волю сатаны, сего жестокаго тирана душъ. Это произошло не по нерадѣнію Архангела Михаила, но по моему окаянству и допущенію Божию.

Какъ и всѣ смертные, родился я «во грѣсѣхъ» и зачала меня мать «въ беззаконіяхъ». Будучи отъ похоти мужеской зачать родителемъ страстнымъ, я не могъ не быть похотливымъ, грѣшнымъ и нуждающимся въ очищеніи и освященіи уже тотчасъ по рожденіи. Это и совершенно было во святомъ крещеніи таинственною силою Всемогущаго Духа Божія Утѣшителя.

Иванова-Вознесенска я не помню вовсе. Не помню первыхъ лѣтъ своего младенчества и дѣтства: какъ кормила меня мать своею грудью, какъ сталъ я ходить и говорить. Знаю нынѣ, что все это было со мною, т. е., жизнь моя во чревѣ и въ первые годы по исходѣ изъ чрева, но своихъ въ то время *душевныхъ состояній* не помню, какъ и никто, я думаю, изъ людей. Слѣдовательно, эти годы какъ бы не записаны въ книгѣ жизни, въ книгѣ воспоминаній. Я существовалъ, но не помню, что я чувствовалъ или мыслилъ тогда. Не оттого ли это не запоминается, что нѣтъ еще виноватости въ состояніяхъ младенцевъ?

Въ дѣйствіяхъ, крикахъ и лепетѣ младенца нѣтъ ни заслуги, ни виновности. Имѣлъ ли заслугу Николай Чудотворецъ въ томъ, что въ младенчествѣ не сосалъ по постнымъ днямъ груди матерей? Это было дѣйствіе Благодати Св. Духа по слову: «изъ устъ младенецъ совершилъ еси хвалу».

Имѣлъ-ли заслугу св. Іоаннъ Предтеча, что взыгрался во чревѣ матери, или преп. Сергій, что возгласилъ трикраты во внутренностяхъ своей родительницы. Это было тоже дѣйствіе Благодати, знаменовавшей будущіе подвиги того и другого, и имѣвшую возсіять въ ихъ сердцахъ Благодать Божию.

Объ Атиллѣ, кажется, есть преданіе, что онъ родился съ кровію въ рукахъ, чѣмъ знаменовалось, что онъ послужитъ въ рукахъ Божіихъ бичемъ и грозою.

Не знаю и не слыхалъ отъ родителей, были ли какія нибудь знаменія милости Божіей со мною, при рожденіи, въ первомъ младенствѣ. Люди мало внимательны къ таинственнымъ внушеніямъ и вѣщаніямъ Ангела-Хранителя и болѣе склоняють ухо къ суетвѣрнымъ внушеніямъ духа-искусителя.

Но я помню *ужасныя сновидѣнія*, какими Богъ посѣщалъ мою душу: я просыпался отъ этихъ сновъ въ холодномъ поту. Мнѣ часто снилось какое-то огненное колесо, изъ огромнаго далека ко мнѣ приближавшееся, какъ точно ядро, выпущенное изъ жерла чудовищной пушки. Но приближалось оно медленно, грозно, какъ бы желая меня умертвить, разбить вдребезги, опалить, жестоко измучить и истерзать. Вѣрую, что это были Божіи предостереженія и предвкусенія тѣхъ огненныхъ искушеній, которыя предстояли мнѣ впереди за грѣхи мои и грѣхи моихъ родителей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О моемъ знакомствѣ съ графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, его семьей и послѣдователями.

Изъ «Исповѣди раскаявшагося толстовца», впервые появившейся въ изданіи Святѣйшаго Синода въ 1896-омъ году и въ перепечаткѣ на страницахъ «Миссіонерскаго Обозрѣнія», подъ инымъ заглавіемъ («плоды ученія графа Л. Н. Толстого»), читатель можетъ узнать объ отношеніяхъ моихъ къ графу Толстому, какъ они выразились въ личной перепискѣ съ нимъ послѣ моего Благодатію Господней совершеннаго обращенія изъ анархизма и толстовства къ свѣту вѣры православной.

Но я желалъ бы рассказать о моихъ отношеніяхъ къ графу въ періодъ моей принадлежности къ революціонерамъ и толстовцамъ. Для многихъ моихъ теперешнихъ друзей по духу, да и для меня самого это небезынтересно.

Церковь Божія поетъ: «во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ», Господи Исусе.

Итакъ, свѣтъ и міръ можно правильно созерцать лишь во свѣтѣ Благодати Святаго Духа. Поэтому, Господи, не намъ, но Имени

Твоему даждь славу, освѣтивъ чуднымъ Твоимъ Свѣтомъ, свѣтящимъ во тѣмъ сознаніи, — освѣтивъ потемки моего ужаснаго прошлаго, чтобы мнѣ правдиво, просто, нефальшиво, разсказать о моемъ знакомствѣ съ кумиромъ нашего времени, и отношеніяхъ съ Л. Н. Толстымъ, его семьей и послѣдователями.

Толстовскія идеи коснулись души моей, насколько помню, еще тогда, когда я былъ гимназистомъ пятаго или шестаго класса и жилъ въ Москвѣ на углу Смоленскаго бульвара въ домѣ профессора Духовскаго. Мое увлеченіе толстовствомъ тогда выразилось въ томъ, что я сталъ спать на голыхъ доскахъ, съ горячностью рубить на дворѣ дрова и изрекать толстовскія сентенціи. Хорошо помню, что это было еще до моего увлеченія революціонными теоріями, терроризмомъ и социаль-демократіей. Помню, ко мнѣ—должно быть, по чутью, заходилъ нѣкій толстовецъ (имени коего не знаю) и нанималъ меня на какія-то саперныя землекопныя работы не то въ толстовской колоніи, не то въ своемъ имѣніи. Одно помню, что мое малчишеское самолюбіе «выиграло», что меня считаютъ заправскіе толстовцы малымъ, стоящимъ уже выше предразсудковъ и способнымъ къ черной работѣ—«копати» де не стыжуся, какъ оный блудный евангельскій сынъ. Затѣмъ мой антрепренеръ-толстовецъ скрылся съ горизонта моего — помнится мнѣ лишь, что былъ онъ одѣтъ типично, по толстовски, то есть съ претензіей казаться мужичкомъ или прасоломъ, лишь бы не интеллигентомъ и не бариномъ.

Это вѣяніе было въ то время полезно мнѣ, ибо уже къ тому времени нервы мои и здоровье были расшатаны малакіей и постыженіемъ домовъ терпимости, о чемъ бы стыдился упоминать я, если бы не хотѣлъ тѣмъ обратить вниманіе всѣхъ, гдѣ и въ чемъ корень осатапѣнія, коему подвержена интеллигенція наша. Этотъ корень систематическое развращеніе учащейся молодежи въ домахъ терпимости и при посредствѣ малакіи, сего ужаснаго недуга, тлящаго—по выраженію отца Іоанна Кропшадтскаго—души и тѣла до мозга костей, сока нервовъ и крови сердца. Физическіе труды, спанье на голыхъ доскахъ, идеи опрощенія благотворно повліяли въ то время на мое пошатнувшееся здоровье. Но это увлеченіе было мимолетно и смѣнилось увлеченіемъ революціоннымъ съ отрицаніемъ и похуленіемъ толстовщины, какъ «палліатива» (говоря это слово, я тол-

комъ и не разумѣлъ его), самого Толстого, какъ пѣтиста (и сего слова я не совсѣмъ понималъ). Присутствіе во мнѣ духа буйнаго, духа нечистаго сказалось уже въ пятомъ классѣ гимназіи, когда, за оскорбленіе учителя исторіи Марконета, я былъ исключенъ изъ первой, что противъ Храма Спасителя, классической гимназіи строгимъ директоромъ Іоанномъ Димитріевичемъ Лебедевымъ. Только слезы матери и участіе попечителя графа Капниста дали мнѣ возможность поступить въ тотъ же годъ въ шестую замоскворѣцкую гимназію, гдѣ я и окончилъ не безъ натуги курсъ, получивъ аттестатъ зрѣлости, хотя умственно былъ далеко не зрѣлъ, а нравственно пребывалъ въ совершенномъ растлѣніи, страдая крайнимъ нервнымъ расстройствомъ, которое и было той почвой, которая рождаетъ въ изобиліи терніи и волчцы всевозможныхъ «измовъ»... Всѣ эти «измы» я теперь разсматриваю, какъ ученія бѣсовскія, какъ исчадія той душевной *бѣсовской* «мудрости», о которой съ негодованіемъ говоритъ святой Апостолъ. Характеристику «измовъ» читатель найдетъ въ одной изъ «страничекъ исповѣди раскаявшагося толстовца», которыя печатались въ «Миссіонерскомъ Обозрѣніи» 1899 г.

По выходѣ изъ гимназіи, которую я кончалъ со скрежетомъ зубовымъ, еле сдерживаясь отъ выходокъ непослушанія и буйнаго духа, уже гнѣздившагося во мнѣ, я поступилъ въ Московскій Университетъ по физико-математическому факультету на отдѣленіе естественныхъ наукъ, гдѣ усердно съ присущимъ мнѣ жаромъ отдался наукѣ и пошелъ такъ хорошо по химіи, что уже на первомъ курсѣ былъ допущенъ до занятій въ химической лабораторіи качественнымъ анализомъ, вмѣстѣ съ второкурсниками, для чего надо было выдержать экзаменъ у профессора Марковникова. И не увлекайся я нелѣпѣйшими революціонными теоріями, подпольной эллипинской литературой, яростными статьями Л. А. Т-ва (нынѣ православнаго и сотрудника консервативной газеты), изъ меня бы вышелъ, быть можетъ, хорошій химикъ, естествоиспытатель и—чего добраго—даже ученый профессоръ. Но какъ нельзя служить Богу и маммонѣ (богатству, золотому тельцу), такъ невозможно совмѣстить служеніе наукъ и революціи... За участіе въ студенческихъ безпорядкахъ (коиъ я не сочувствовалъ, то есть ихъ мотивамъ, а принялъ участіе лишь по чувству ложнаго това-

рищества) меня исключили изъ Университета и вмѣстѣ съ С—вымъ и А—чемъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ—я въ Вологодскую губернію на два года, а тѣ двое въ Сибирь. Самому строгому наказанію изъ всѣхъ студентовъ подвергся собственно одинъ я, ибо С—овъ и А—чъ были сосланы на родину, въ Сибирь (они были сибиряки), а я на чужбину, въ Вологду. Ссылка была для меня непріятнѣйшимъ сюрпризомъ, я не ожидалъ, что доиграюсь до этого, но пришлось—увы—прямо изъ Бутырской тюрьмы поѣхать въ охранное отдѣленіе, а оттуда, выслушавъ приговоръ г. Министра, поѣхать прямо на вокзалъ и съ проходнымъ свидѣтельствомъ слѣдовать на мѣсто двухлѣтней ссылки. Это былъ тяжелый ударъ для моей свободной и свободомыслящей души.

Пріѣхавъ въ Вологду, и занявъ номеръ въ гостинницѣ «Золотой Якорь», очень извѣстной для всѣхъ ссылныхъ, я расплакался и разрыдался, какъ ребенокъ,—совершенно такъ, какъ плакалъ, и впервые очутившись подъ замкомъ, въ арестномъ помѣщеніи Пречистенской части въ мартѣ 1890-го года. Мое знакомство съ графомъ Толстымъ началось именно въ Вологдѣ въ ссылкѣ, откуда я вскорѣ послалъ Толстому свою статью по поводу «Праздника Просвѣщенія», то есть Татьянина дня, справляемаго московскимъ студенчествомъ дикимъ пьянствомъ, буйствомъ и горлопанствомъ.

Еще бывъ студентомъ, я былъ очень тронутъ и взволнованъ прекрасной статьей графа Толстого о Татьянинѣмъ Днѣ, который мнѣ самому удалось проводить только однажды, 12-го января 1890-го года. Изъ ссылки я и послалъ свою горячо написанную статью въ защиту мыслей графа Толстого и въ осужденіе великаго соблазна пьянаго массоваго препровожденія времени въ день святой мученицы Татьяны. Отъ графа Толстого я вскорѣ получилъ лестный для моего молодого авторскаго самолюбія отвѣтъ, въ которомъ онъ похвалилъ мою статью. Письмо было только подписано рукою графа, а написано чьей-то иной рукою. Читая это письмо, я задавалъ по комнатѣ козлиные прыжки, чуть не сальтомортале—такъ я былъ восхищенъ, что удостоился похвалы и письма «гениальнаго», «великаго» Льва Толстого. «Умякнуша словеса ихъ, паче елѣя и та суть стрѣлы». И вотъ это была первая стрѣла, которую былъ

подстрѣленъ мой умъ ловцомъ чловѣковъ, лжеапостоломъ. За любезность графа я отплатилъ горячею къ нему приверженностью, длившеюся до той поры, пока Добрый Пастырь Христось Господь не уловилъ меня, умъ мой и сердце, во мрежу святого Своего ученія, хранимаго въ лонѣ и Преданіи Православной Церкви.

На второй годъ моей ссылки я познакомился въ Вологдѣ съ литераторомъ П. В. З-мъ, поэтомъ А. М. Ф-мъ, въ то время еще бывшимъ актеромъ, котораго я смотрѣлъ на сценѣ и подъ вліяніемъ котораго, должно быть, пустился въ несвойственное для меня дѣло драматургіи, сталъ передѣлывать для сцены какой-то романъ Тургенева. Въ то время газеты были полны извѣстіями о страданіяхъ голодающихъ крестьянъ, на что я реагировалъ сначала срамно-революціонной статьищей, въ которой авторъ дышалъ кровожадностью тигра, лютостью леопатра, поролъ дичь вполне угодную отцу лжи и всякой фальши. Когда сію статью прочелъ мѣстный буршъ Ш., то пришелъ въ ужасъ и подумалъ, что немедленно меня повѣсятъ или на Сахалинъ сошлютъ. А я былъ столь великій конспираторъ, что носился съ этою статьею какъ съ торбою, и конечно бы серьезно потерпѣлъ за нее, если бы Ш. ее не истребилъ пламенемъ огня. Впослѣдствіи та статья, которую я читалъ Черткову въ Ржевскѣ, какъ ни была революціонна, но была далеко не такая шальная, какъ сія вологодская.

Раскаившійся Толстовецъ М. А. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Миссіонерскіе очерки.

XIX.

Разговоръ за чаемъ.

Насъ собралось человѣкъ шесть въ гостяхъ у штундоваго вожака Андрея. Пили чай. Хозяинъ былъ въ духѣ. Любезно угощалъ онъ всѣхъ баранками. Между дѣломъ припоминалъ различныя подробности изъ протекшихъ миссіонерскихъ бесѣдъ.—Особенно его забавляла одна бесѣда съ молоканами.

Андрей смѣялся:

— Здорово ты затруднилъ молоканина Архипа объ иконахъ. Читай, говоришь ему, про иконы, а про идоловъ молчи! Хитрый ты человѣкъ: чего онъ безъ идоловъ-то читать станетъ?..

Я сидѣлъ и слушалъ хозяина, понураюсь. Мнѣ грустно было. И я сказалъ ему:

— А знаешь, Андрей, по моему понятію всѣ сектантскіе начетчики—не лучше Архипа. Всѣ вы кричите въ народѣ, что иконы—идолы, кумиры. Не хотите вы знать, что у народа Божія были рукотворенныя святыни, посвященныя славѣ Божіей. Почему же къ нимъ не относите вы православныхъ иконъ, а все твердите про идоловъ?..

— Ахъ, вы головы садовыя! Да развѣ вы не знаете, что православные вѣруютъ во Единого Бога и иконъ своихъ за *живыхъ боговъ* не почитаютъ?..

— Потому-то, къ стыду своему, на бесѣдахъ объ иконахъ вы и горазды толковать только про идоловъ...

Андрей безопасно смѣялся. Его въ данное время не занимали иконы. Охотно сталъ онъ рассказывать гостямъ о нашемъ первомъ знакомствѣ.

— Слышу,—говорилъ онъ,—пріѣхалъ *новый* миссіонеръ. Увидаль его: молоденькій и такой неопытный. Спрашиваю:

— Святой-ли ты?

Новый миссіонеръ покраснѣлъ, застыдился и робко отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я—человѣкъ грѣшный.

— А ты, дѣдъ?—спрашиваю его товарища—монаха.

— И я грѣшникъ,—гудить тотъ.

— Куда же пойдутъ грѣшники?—задаю вопросъ обоимъ.

Они въ одну точку отвѣчаютъ:

— Въ адъ...

— Ну, говорю, ребята, утрафляйте въ адъ одни. Насъ не приглашайте въ компанію...

И Андрей залился веселымъ смѣхомъ. Даже слезы выступили изъ его глазъ. Потомъ, оправившись, онъ продолжалъ.

— Я къ дѣду и обращаюсь съ такимъ словомъ: плохія наши дѣла, братъ! Миссіонеръ еще молодъ. Онъ даже бородой не обросъ. Богъ дастъ, еще покается. А намъ съ тобой плохо. Мы уже къ землѣ гнемся. Намъ палаживаться въ адъ,—стыдно...

Гости Андрея неудержимо смѣялись. Мое замѣшательство еще болѣе забавляло ихъ. Мнѣ было неловко. Но я скоро ободрился и сказалъ:

— Разсказываешь ты, Андрей, весело, но много къ правдѣ «пригоняешь» кривды. Я, точно, нѣкогда исповѣдывалъ себя грѣшникомъ. Но въ какомъ смыслѣ?

— Не въ томъ, будто Христосъ не искуплялъ меня Кровію Христовой и я—*безнадежный* грѣшникъ, «*чадо гнѣва*» (Еф. 2, 3.). Господь совершилъ искупленіе за мои грѣхи (1 Ио. 2, 2). Но, искупленный-то Кровію Христовой, могу-ли я свидѣтельствовать о себѣ *самъ*, что я чистъ отъ грѣховъ (Притч. 20, 9)?

На такое самосвидѣтельство не даетъ мнѣ правъ слово Божіе. Оно учитъ насъ черезъ Ап. Іоанна: «*если говоримъ, что не имѣемъ грѣха,—обманываемъ самихъ себя, и истины нѣтъ въ насъ*» (1 Ио. 1, 8).

Что же—оставаться-ли намъ спокойно въ грѣхѣ?

Нѣтъ, мы умерли во Христѣ для грѣха; съ Нимъ должны ходить уже въ обновленной, святой жизни (Рим. 6, 1—6 ст.).—

Однако хвастаться своею святостью мы не должны, а, подвизаясь въ добродѣтеляхъ, обязаны повторять съ мытаремъ: «*Боже! будь милостивъ ко мнѣ грѣшнику!*»!

По смиренію именно и сокрушенію всѣ христіане должны признавать себя постоянно грѣшниками, чтобы спасеніе Христово намъ даровалось, какъ чистый даръ любви Божіей (Еф. 2, 8)...

Мои слова настроили Андрея на серьезный ладъ. Онъ уже задумчиво произнесъ:

— Да, это наши ребята научили православныхъ разсуждать о спасенности. До насъ объ этомъ по деревнямъ слуху не было...

Я возразилъ:

— Это опять кривда. Христіанство Русь святая приняла не одинъ годъ. А можно-ли быть христіаниномъ, особенно *православнымъ*, и не знать ничего о спасеніи людей во Христѣ?..

— Такъ то, Андрей, не грѣши языкомъ своимъ. Лучше разскажи намъ, какъ ты сдѣлался сектантомъ?

Андрей отвѣтилъ:

— Чего объ этомъ толковать. Дѣло простое: былъ я гро-о-маднымъ грѣшникомъ. Мнѣ посулили хорошіе люди рай. Я и пошелъ по новой дорогѣ: кому не хочется рая?..

— Да,— задумчиво промолвилъ онъ.— Скоро ваши хватились. Миссіонеровъ выслали. Пустили бы мы вамъ огонька!.. Не затушить бы его...

Я сказалъ:

— Мы и такъ опоздали по крайней мѣрѣ лѣтъ на 10.

— Нѣтъ, хватились скоро. Теперь—не тѣ времена. Строгость большая пошла. Увѣщать начали часто, да и судять нашего брата здорово. Потому мы осторожнѣй стали...

Одинъ изъ гостей замѣтилъ, что безъ судовъ съ штундистами не обойдешься. Слишкомъ злобно они отвергаютъ всѣ порядки...

Не отвѣчая гостю, Андрей произнесъ, смотря на меня:

— Былъ я, какъ то, на судѣ въ городѣ. Слушалъ эксперта. Ну, и вратъ же онъ здоровъ: говорилъ, будто мы «царя выставить хотимъ»!..

Я спросилъ:

— А почему вы за царя не молитесь?

Андрей грустно отвѣтилъ:

— Царь—дѣло большое. Станешь о немъ молиться, еще поговоришься. У насъ молитвы не записанныя. Да и царя мы признаемъ въ заблужденіи...

— Это какъ же?—спросилъ я.

— А такъ, какъ въ древности были языческіе цари надъ христіанами. И теперь также...

Я сказалъ:

— Нашъ Царь христіанинъ и вѣруетъ въ Евангеліе. Для васъ развѣ онъ язычникъ только потому, что запрещаетъ вамъ моленія открытыя, да не позволяетъ совращать православныхъ въ вашу секту...

— Объ этомъ мы головы не ломаемъ,—отвѣтилъ Андрей. Мы не стремимся лѣзть въ ширь. У насъ самихъ грѣшки завелись,—дѣло разсыхается. Хоть бы такъ прожить, какъ есть,—и то слава Богу!..

Слушатели не повѣрили Андрею. Разными случаями они стали доказывать, что штунды сияются распространиться...

Я замѣтилъ:

— Вотъ за это васъ и судять, а не потому, что нашъ Царь—язычникъ...

Мы простились.

Д. Боголюбовъ.

Въ міръ современнаго старообрядчества.

Голяевскій расколъ.

Въ Сердобскомъ уѣздѣ, вблизи границы Пензенской губ. (4 версты) расположено с. Голяевка ¹⁾. Лежитъ оно на широкой равнинѣ, «вѣютъ на него вѣтры буйны, вѣтры буйны» со всѣхъ сторонъ, такъ какъ бывшіе когда то дремучіе лѣса давно повырблены и отъ нихъ теперь слѣда не осталось. Все кругомъ села расчищено, распаханно, засѣяно хлѣбомъ, овсомъ и др. потребнымъ для человѣка и скота. Вмѣсто зеленой листвы и деревьевъ огромными ометами желтой соломы обложилось село и совершенно зарылось въ этомъ дешевомъ полевомъ добрѣ. Солома на крышѣ, соломой топятся всѣ немудренныя хаты крестьянъ, соломой устланы всѣ дворы и хаты жителей, на которой спитъ и скотъ и владѣлецъ его — человѣкъ. Находясь въ глуши, вдали отъ трактовой дороги, село живетъ тихо, монотонно идетъ его жизнь. Сосѣднее торговое село Беково находится въ 29 верстахъ, станція Рязан.-Уральск. жел. дор. Тамала — въ 18; Кирсановъ, Поимъ, изъ коихъ первый городъ въ Тамбовской губ., а второй — торговый пунктъ — Пензенской лежатъ отъ Голяевки еще дальше. Куда ни кинь, все далеко, несподручно и сообщеніе съ указанными пунктами бываетъ возможно лишь въ сухое время. Благодаря такой захолустности села, въ немъ нѣтъ торговли, нѣтъ и ремеслъ никакихъ: крестьяне всецѣло копаются въ землѣ и упорнымъ трудомъ добываютъ себѣ кусокъ «хлѣбушка».

Голяевка сравнительно небольшое село, хотя въ ней имѣется православная церковь и волостное правленіе. Вся волость голяевская состоитъ изъ деревень, которыя, точно лентой, окаймляютъ с. Голяевку и составляютъ съ нимъ одну общину и живутъ одними и тѣми же интересами. Вотъ огромная раскольническая деревня Миткирей, тамъ Муравьевка и другія, съ жителями которыхъ го-

¹⁾ По церковнымъ книгамъ «Голяевка» — отъ поселенія на голой землѣ, именуется село Александровкое, но это названіе села мало извѣстно въ народѣ, и его зовутъ попросту «Голяевкой». Авт.

ляевцы давнымъ давно перероднились и завели себѣ сватовъ, ку-
мовьевъ и т. д.

Населеніе Голяевки—чистокровные русаки, издавна уже держатся старинки, раскольниковъ и блюдутъ свою особую чашку для ѣды и питья, свой особый образъ для моленія предъ нимъ. Эти 2 догмата, чашка и икона, общіе у всѣхъ сектъ мнимаго старообрядчества, тщательно блюдутся всѣми ревнителями раскола: чашка носится въ карманѣ, а икона, послѣ молитвы, закрывается или пеленой (занавѣской), или же створкой кіоты за стекломъ, чтобы случайно вошедшій посѣтитель не осквернилъ образа своей еретической молитвой. По понятіямъ старообрядцевъ, занавѣску и стекло въ кіотѣ можно вымыть водою, и этимъ скверная молитва еретика можетъ очиститься, но святой образъ нельзя мыть простой водою,—его нужно вновь освящать молитвами и св. водою, а это составляетъ уже лишніе хлопоты. Молиться же у старообрядцевъ прямо на образъ св. иконы, безъ стекла и занавѣски, принято потому, чтобы молитва была на виду предъ иконою, иначе изображенный на иконѣ не увидитъ и не услышитъ молящагося: молитва ударится о стекло и тутъ останется, не принося никакой пользы молитвеннику.

Расколъ въ Голяевку занесенъ изъ с. Поима, Пензенской губ. Поимъ—гнѣздо раскольниковъ сектъ. «Во время оно», въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, съ котомкой за плечами, пѣшечкомъ, съ подогомъ въ рукѣ, шелъ изъ села Поима въ Саратовъ раскольникъ, запутался и попалъ въ с. Голяевку. Странника приняла зажиточная семья братьевъ Прозоровыхъ; они кормили его, ублажали, а послѣдній наговорилъ имъ, что спастись «по церкви» нельзя, что въ церкви этой давно уже Никонъ патріархъ все перевернулъ по своему: ввелъ новую вѣру, новыя книги поставилъ для богослуженія, шепотью велѣлъ всѣмъ молиться и пр. и пр. Прозоровымъ и др. мужикамъ все это было новостью, ничего подобнаго доселѣ они ни отъ кого не слышали. И запало на сердце ихъ это наученіе странника, да такъ вошло оно и крѣпко всосалось въ плоть и кровь ихъ, что голяевцы тутъ же, не выпуская его изъ хаты, приступили къ нему вплотную и общимъ голосомъ сказали ему: «скажи же, Божій человѣкъ,—гдѣ путь Христовъ?

Мы—темные люди! Научи насъ, какъ идти по Божьему слѣду, да очищайся отъ грѣховъ. Мы не желаемъ жить въ безднѣ грѣховной и въ ереси пребывать»... Странникъ паки отверзъ уста свои и началъ пространно и пунктуально доказывать имъ, что истинная спасительная вѣра Христова находится только у однихъ старообрядцевъ бѣглопоповской секты, а остальные всѣ народы погибають и находятся въ когтяхъ діавола. Въ эту, указанную имъ, вѣру братья Прозоровы и перешли, а за ними пошли и всѣ другіе слушатели странника—проходимца и братьевъ Прозоровыхъ.

Событіе это было такъ давно, что изъ современныхъ старообрядцевъ с. Голяевки не всѣ и знаютъ это начало своего раскольниковства. Это и немудрено, потому что многіе старики уже умерли, другіе родились и выросли уже въ расколѣ и даже расплылись по разнымъ другимъ вѣрамъ, считая первую менѣе святой и спасительной, чѣмъ та, которую они сами нашли и въ которой опредѣлились.

Старшій изъ братьевъ Прозоровыхъ—Евфимъ дѣятельно старался увеличить число своихъ послѣдователей: онъ устроилъ при своемъ домѣ моленную, завелъ начетчиковъ и съ помощью ихъ пропагандировалъ расколъ въ с. Голяевкѣ между православными. А что-бы скрыть свою преступную дѣятельность, такъ какъ время было тогда строгое и Евфимъ Прозоровъ могъ быть преслѣдуемъ за свою пропаганду со стороны полиціи и мѣстнаго причта, то онъ рѣшилъ усыпить мѣстныхъ властей и съ этой цѣлью вошелъ съ ними въ ближайшія отношенія. Онъ приглашалъ священника и др. властей къ себѣ въ домъ, всячески угощалъ ихъ, помогалъ имъ деньгами и пр. и пр.; нерѣдко Евфимъ и самъ угощался у священника, особенно въ большіе праздники, напримѣръ,—Рождество, Пасху, престольный день и т. п., считая это свое временное оскверненіе у попа необходимымъ для цѣлости и роста своего раскольниковскаго общества. Усыпленные такимъ путемъ мѣстныя власти молчали и смотрѣли на Евфима и его расколъ сквозь пальцы, считали его безвреднымъ; а расколъ, благодаря секретной и энергичной дѣятельности Евфима, все росъ и множился съ каждымъ годомъ; изъ Голяевки онъ перешелъ въ сосѣднія деревни, такъ что въ короткое время Евфимъ основалъ довольно порядочное общество расколь-

никовъ, во главѣ котораго и сталъ, какъ попечитель и руководитель онаго. Въ его моленной стали уже крестить дѣтей, совершать исповѣдь, сводить молодыхъ людей на брачную жизнь, погребать умершихъ и пр. и пр. Требы правилъ выбранный Евфимомъ старикъ, что дозволяется у бѣглопоповцевъ совершать и простецу на основаніи общаго правила у раскольниковъ: «нужды ради, не сущу священнику, и закону премѣненіе бываетъ». Бѣглый священникъ и теперь еще не для всѣхъ близокъ, а въ то время и недавно его не могли видѣть старообрядцы, и особенно въ глухихъ мѣстахъ. Такъ не оставаться же безъ крещенія! Не жить же и молодому человѣку въ зрѣломъ возрастѣ одиноко, безъ семьи, былемъ. Эти 2 тайны—крестить и брачить не терпятъ отлагательства, требуютъ своевременнаго ихъ совершенія, и Евфимъ Прозоровъ скоро вывелъ свое общество изъ этой нужды, поставилъ наставника для совершенія этихъ требъ. Касательно же исповѣди, погребенія умершихъ, то грѣхи кающихся писались на бумажкѣ, передавались наставнику, послѣдній отдавалъ ихъ Евфиму, а сей, съ должнымъ приложеніемъ злата и серебра, взятаго, конечно, отъ кающагося, отправлялъ (если только отправлялъ взятое, а бумаги не сжигалъ), по его словамъ, по мѣстонахожденію, къ бѣглому попу, чрезъ извѣстнаго въ томъ мѣстѣ купца-попечителя расколическаго общества и моленной. Такимъ образомъ грѣхи кающагося проходили сквозъ строй цѣлаго ряда расколическихъ заправиль; но достигали ли эти «грѣховныя записки» своей цѣли, вѣдаетъ одинъ Богъ. Такимъ же путемъ Прозоровъ препровождалъ къ попу и просьбы своихъ прихожанъ отпѣтъ заочно умершаго: онъ бралъ деньги, писалъ на записку имя умершаго и этимъ дѣло кончалось. Отвѣтовъ отъ попа никто не спрашивалъ и не интересовался тѣмъ, дошла ли лепта его къ попу, и въ какомъ количествѣ она дошла къ нему и пр. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что Евфимъ Прозоровъ не былъ скупъ на деньги, онъ не копилъ себѣ состоянія, а всячески старался добыть и привести въ Голяевку бѣлаго попа, чтобы съ его пріѣздомъ окончательно покорить всю Голяевскую волость и все населеніе православныхъ переташить въ свою вѣру; но желаніе его такъ и не осуществилось: куда онъ ни обращался—въ Вольскъ, Хвалынскъ, Саратовъ, Поимъ, всюду преслѣ-

• довали его неудачи и попа не давали ему. Такъ Прозоровъ и не добился попа и голяевцы все время жили безъ него.

* * *

Но вотъ прошелъ слухъ, что въ Австріи, въ селѣ Бѣлая-Криница образовалось новое истинно-древнее священство и что ставленники этой іерархіи появились уже въ Россіи и служатъ попами и архіереями и многіе бѣглопоповцы приняли ихъ, какъ законныхъ архіереевъ и поповъ. Вѣсть эта, дойдя до Голяевки, сильно всполошила Евфима Прозорова и онъ тотчасъ рѣшилъ заимствовать себѣ изъ Бѣлой Криницы священство во всѣхъ 3-хъ степеняхъ церковной іерархіи, чтобы Голяевка ни въ чемъ не нуждалась и имѣла все свое и къ другимъ людямъ не обращалась. Онъ навелъ справки, собралъ всѣ данныя и отрядилъ четырехъ своихъ сыновей, давъ имъ денегъ и указаніе, какъ добратъся до границы Австріи и къ кому обратиться тамъ, чтобы ихъ секретно перевели чрезъ пограничную линію и доставили въ Бѣлую Криницу. Времена тогдашнія были строгія, предпріятіе подобнаго рода могло окончиться плачевнымъ образомъ, но старикъ Прозоровъ ни минуты не раздумывалъ и подбодрялъ своихъ дѣтей держать себя смѣлѣе и храбрѣе. Онъ наказалъ одному холостому сыну получить архіерейство, другому сдѣлаться архимандритомъ, а 2-мъ послѣднимъ, какъ семейнымъ, одному получить дьяконство, другому сдѣлаться священникомъ. Словомъ, старику Прозорову хотѣлось создать свою собственную и родную іерархію въ своемъ селѣ, чтобы никому послѣ этого не кланяться, и ни съ чѣмъ не обращаться и никакой духовной нужды болѣе не испытывать, какъ это было. Замыслы у старика были глубокіе и основательные. Одного только боялся отецъ Прозоровыхъ—это ареста дѣтей на границѣ. Этимъ арестомъ уничтожилась бы вся его затѣя и стараніе обезпечить свой расколъ своимъ вѣчнымъ священствомъ. Въ виду этого послѣдняго старикъ Прозоровъ и самъ хранилъ въ глубокомъ секретѣ посылку своихъ дѣтей въ Австрійскіе предѣлы, и дѣтямъ наказывалъ молчать о семъ, а говорить, что они идутъ на заработки къ одному богатому христіанину и въ далекое мѣсто и на долгій срокъ. А чтобы придать этому видъ правдоподобности старикъ выдумалъ имя и фамилію лица, названіе города, куда ѣхали якобы его сы-

новья, и съ женатыми послалъ ихъ семейства. Послѣднія, конечно, только связали путниковъ, во многомъ мѣшали имъ и стѣсняли путешествіе ихъ, но старикъ находилъ, что оставлять женъ безъ мужей неудобно. У него и тутъ былъ свой взглядъ: гдѣ мужъ, тамъ должна быть и жена и дѣти. Прозоровы отправились въ путь-дорогу. Долго они не давали о себѣ никакихъ вѣстей и старикъ не зналъ, гдѣ они и что съ ними случилось. А между тѣмъ съ ними случилось то самое, чего такъ боялся старикъ Прозоровъ: на границѣ ихъ арестовали и этапнымъ порядкомъ погнали домой. И дорога, и тюрьмы такъ повліяли на дѣтей старика, что всѣ они умерли въ разныхъ острогахъ по дорогѣ и въ село Голяевку вернулись только 2 снохи и внуки старика. Смерть сыновей ¹⁾ и неудача предпріятія сломили здоровье Евфима Прозорова, онъ свалился, тяжело заболѣлъ и умеръ, благословивъ сына оставшагося при немъ Антона быть управителемъ общиною раскола.

Антонъ былъ совершенною противоположностью своему отцу. Умершій старикъ Евфимъ былъ кроткаго характера, тихій, спокойный, разсудительный, хотя и увлекавшійся разными мечтами; радѣя о расколѣ, онъ тонко и хитро велъ политику и съ властями, и православными, памятуя библейское изреченіе: «ухлѣби врага твоего» и другое, апостольское: «искупующе время, яко дніе лукави суть». Антонъ былъ крутой человѣкъ, съ злобой и яростью относился онъ къ православію, двоиться не умѣлъ и шель всегда напроломъ. У него не было компромиссовъ. Православное духовенство онъ принималъ только въ праздники и въ другое время не зналъ его и не дружилъ съ нимъ. Да и въ годовые праздники онъ принималъ его не по—отцовски, изъ дружбы и уваженія къ власти, а просто потому, что такъ было заведено отцомъ его и ломать сего обычая ему не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что изъ этого приниманія духовенства въ праздники Антонъ извлекалъ еще пользу для раскола: онъ нарочно подпайвалъ духовенство, заводилъ рѣчь о старообрядческихъ догматахъ, съ чѣмъ причтъ совершенно былъ незнакомъ и это доставляло ему и др. старообрядцамъ, которыхъ онъ нарочно приглашалъ къ этому случаю, велие торжество и успокоеніе

¹⁾ Евфимъ имѣлъ у себя 7 сыновей и всѣ жили вмѣстѣ, дружно. Авт.

ихъ сердца. Послѣ такого приѣма духовенства Антонъ обычно имѣлъ у себя приращеніе общества на счетъ православія.

На долю Антона выпало перевести свое общество на сторону принявшихъ австрійскую іерархію: прежнее бѣглопоповское ученіе и вѣру, что церковь можетъ быть и безъ архіереевъ, съ одними попами, онъ оставилъ и соединился съ старообрядцами сосѣдняго села Пяши (Засѣцкое тожъ) и присталъ къ ихъ попу Ивану Фомичу Моисееву, который до этого былъ немудрячимъ сапожникомъ въ Пяшѣ, и который охотно промѣнялъ шило и дратву на поповство въ средѣ австрійскихъ. Своего отдѣльнаго попа Антонъ Прозоровъ не пожелалъ имѣть, опасаясь, какъ бы онъ своимъ саномъ не затмилъ его положенія въ обществѣ старообрядцевъ и не подорвалъ авторитета, которымъ Антонъ весьма дорожилъ. Поэтому и попа Ивана Моисеева онъ приглашалъ въ Голяевку только въ нужныхъ и рѣдкихъ случаяхъ, такихъ, гдѣ не страдало его личное самолюбіе, а расколу предстояло торжество и развитіе: наприм., служба въ праздники, гдѣ доходъ всецѣло оставался содержателю моленной, а служба попа только усиливала этотъ доходъ.

Насколько Антонъ былъ преданъ расколу, настолько же онъ отличался распущенностью своей жизни. Отецъ Антона велъ строгую благочестивую жизнь; никакихъ излишествъ онъ не позволялъ себѣ, Антонъ, напротивъ, любилъ пображничать и въ этомъ случаѣ почитаться, ломаться надъ старообрядцами, выдавая себя единственной опорой ихъ общества. Кромѣ этого, онъ былъ особенно склоненъ къ женскому полу и окружилъ себя разными пѣвицами, читалками, которыя, между прочимъ, во время его кутежей, пѣли ему догматики и разныя стихиры, и ублажали его кантами и пѣніемъ ему «многая лѣта». Къ Антону вошли въ довѣріе 2 крестьянина Михаилъ Марщакъ и Данила Рыкшинъ. За это старообрядцы прозвали Антона «трехглавымъ зміемъ», а за любовь къ женщинамъ— «махметомъ турецкимъ». Тріумвиратъ этотъ просуществовалъ до смерти ихъ. Замѣчательно, что Антонъ и Михаилъ умерли какъ то одновременно.

По смерти Антона власть его въ расколѣ перешла къ сыну его Аникею Антонову Прозорову, который утвердился въ этихъ правахъ и сталъ дѣйствовать самостоятельно. Его положенію позави-

доваль сынъ Михаила Марщакова—Кузьма. Послѣдній не пожелалъ пресмыкаться у Аникея и изображать у него роль исполнителя; онъ самъ пожелалъ быть главою секты и такимъ же, какъ и Аникей. Началась ссора между Кузьмой и Аникеемъ, дошедшая до того, что Кузьма пересталъ ходить за службу и возмутить общество, наговорилъ ему объ Аникеѣ всякой всячины. Въ обществѣ заволновались, зашумѣли, произошелъ расколъ: прежнее единое общество раскольниковъ раздѣлилось на два,—одна партія признала своимъ главою Кузьму Марщакова, а другая осталась вѣрною Аникею Прозорову. Кузьма также устроилъ въ своемъ домѣ моленную и завелъ соотвѣтствующій штатъ служителей при ней, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Въ селѣ стало 2 моленныхъ, и 2 главы двухъ уже обществъ.

Аникей и Кузьма оба повели жизнь довольно соблазнительную, нисколько не стѣняясь людей, во главѣ которыхъ они стояли. Оба они крѣпко пьянствовали, дрались съ женами, которыя также напивались водки, какъ и мужья ихъ. Многіе старообрядцы скорбѣли о семъ, тѣмъ болѣе, что примѣръ главарей былъ заразителенъ для молодежи. Прежняя суровая, внѣшне благочестивая жизнь стала отходить въ область преданія. Ввелось чаепитіе съ сахаромъ, а то и другое считалось поганымъ иноземнымъ произведеніемъ язычниковъ. Отъ непорядочной разнузданной жизни двѣ жены Аникея вскорѣ умерли и онъ женился въ 3 разъ; овдовѣлъ и Кузьма и женился во 2-й разъ. Между тѣмъ оба они правили церковную службу съ кадиломъ и возгласами, какъ попы. Аникей даже крестилъ младенцевъ, отпѣвалъ покойниковъ, освящалъ воду на Богоявленіе и пр. Старообрядцевъ возмущало это; они роптали на Аникея, говорили: «троеженецъ, а берется за святые дѣла». Заирали въ этомъ Аникея и Кузьма Марщаковъ, заведшій при своей моленной особаго наставника, который правилъ за него всѣ требы. Къ довершенію этого Кузьма и Аникей часто ссорились между собою, ругали другъ друга площадными словами и не разъ дрались даже церковными книгами.

Вообще непорядки были большіе и народъ ропталъ на своихъ главарей.

Мисс. свящ. *К. Поповъ.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ МИССИОНЕРСКОЙ ПОЛЕМИКИ.

Въ Р а д у н и ц у.

(Изъ бесѣды со штундистами о молитвахъ за умершихъ).

Было тихое, ясное утро Радунцы. Солнце золотило лучами окрестности. Кой-гдѣ на небѣ ходили волнистыя, бѣлыя облачки. Въ природѣ стояло какое-то особенно торжественное спокойствіе. Зеленымъ ковромъ разстилались въ отдаленіи поля; задумчиво стояли деревья, едва успѣвшія покрыться въ первую зелень листы, шепталъ вѣтерокъ—во всемъ чувствовалось неслышное дыханіе молодой весны... Въ Красномъ Куткѣ уже окончилась обѣдня, и народъ весь вышелъ на кладбище. Угрюмое кладбище словно ожило. Оно все пестрѣло народомъ. И старъ и младъ, мужчины, женщины, дѣвушки и дѣти тамъ и сямъ, въ разнообразной пестротѣ нарядовъ, разсыпались по роднымъ могилкамъ. Всѣмъ хотѣлось помянуть отцовъ своихъ и братьевъ. На лицахъ тихое спокойствіе. Въ тепломъ воздухѣ ясно слышалось пѣніе служащихъ. „Вѣчная память, вѣчная память, вѣ—ѣчная память“—доносилась съ кладбища священная пѣснь, и съ нею разливались надъ могилами и привѣтъ, и любовь къ почившимъ. И сколько смысла въ этой священной пѣснѣ!.. Вотъ могилы, заботливо обложенныя зеленымъ дѣрномъ, вотъ давнія, съ почернѣвшими, пошатнувшимися крестами, а вонъ совсѣмъ забытая, безъ креста, отъ времени сравнивавшаяся съ землею; но слова священной пѣсни, какъ дыханіе весенняго воздуха, одинаково несутся ко всѣмъ здѣсь почившимъ... Какой это святой и благочестивый обычай—поминовенія усопшихъ! Молясь о почившихъ, мы самымъ дѣломъ исповѣдуемъ, что и они живы предъ Господомъ, предстоятъ Ему и ждутъ отъ Него послѣдняго суда, и движимые любовью къ нимъ, исполняя заповѣдь апостола „молитесь другъ за друга“, мы просимъ Бога, чтобъ Онъ былъ милостивъ къ нимъ и облегчилъ ихъ участь. Что-то скажутъ намъ сейчасъ штундисты въ оправданіе своего холоднаго и безучастнаго отношенія къ умершимъ?..

На дворѣ такъ тепло, что бесѣдовать удобнѣе всего будетъ здѣсь же, на зеленомъ взгорьѣ, подъ открытымъ небомъ близъ кладбища. Вотъ только—подождать, когда будутъ расходиться съ кладбища, а тѣмъ временемъ подойдутъ и сектанты.

Часа черезъ два народъ сталъ собираться. Стали подходить и штундисты. Сперва—новенькіе—женщина съ мужемъ, жившіе на заработкахъ въ Екатеринославѣ и тамъ познакомившіеся съ новой вѣрой; потомъ—еще трое, давнишніе: среднихъ лѣтъ худенькій и испитой Харитонъ, со-всѣмъ еще молодой, безбородый парень Федосей и „старшій братъ“ Никита, нарочито прибывшій изъ сосѣдняго хутора поддержать своихъ братьевъ. Всѣ трое круглый годъ живутъ въ Харьковѣ по плотнической части и соединены самыми живыми связями съ тамошней штундистской общиной. Никита былъ мнѣ уже знакомъ по бесѣдамъ; мужикъ онъ не-сговорный, упорный; упрямая штунда нашла въ немъ себѣ достойнаго послѣдователя.

Поставили столикъ. Штундисты стали противъ. Плотнымъ кольцомъ окружили меня православные. Я объявилъ, что бесѣдовать будемъ о *мо-литвахъ за умершихъ*, и для начала попросилъ пропѣть молитву Господню. Всѣ, какъ одинъ, обнажили головы, обратились на востокъ и тихо, не спѣша, сначала неувѣренно и робко, потомъ дружиѣ и смѣлѣе, съ замѣтнымъ умиленіемъ и душевнымъ подъемомъ, запѣли—„Отче Нашъ“. Сектанты не принимали участія въ пѣніи молитвы Господней. Они стояли молча, неподвижно. Никита переминался съ ноги на ногу, не желая показать ни малѣйшаго смущенія. Ему уже не впервой глумиться надъ молитвой православныхъ. На прежнихъ бесѣдахъ онъ при пѣніи молитвъ стоялъ спиной къ иконамъ...

Разъяснивъ кратко смыслъ православнаго ученія о молитвенномъ по-миновеніи усопшихъ, какъ выраженіи любви нашей къ почившимъ, я обратился къ собесѣдникамъ съ вопросомъ—любятъ ли они своихъ усоп-шихъ отцовъ и братьевъ?

— Любить любимъ, только не молимся,—кратко отвѣтилъ Никита.

— Въ чемъ же показываете вы свою любовь къ почившимъ?—спросилъ я.

Никита на минуту задумался. Среди сектантовъ произошло небольшое замѣшательство. Болѣе находчивымъ оказался Харитонъ. Подумавъ, онъ съ увѣренностью сказалъ:

— А вотъ какъ любимъ: мы вспоминаемъ о жизни и дѣлахъ почив-шихъ, о ихъ кончинѣ и подражаемъ ихъ вѣрѣ, какъ написано въ посла-ніи къ евреямъ:

„поминайте наставниковъ вашихъ, которые проповѣдывали вамъ слово Божіе, и, взирая на кончину ихъ жизни, подражайте вѣрѣ ихъ“ (Евр. 13, 7).

— Постой, Харитонъ,—замѣтилъ я. Вѣдь такъ любить можно только тѣхъ, кто имѣли крѣпкую вѣру, т. е. людей совершенныхъ, праведныхъ, и въ прочитанномъ тобою мѣстѣ говорится именно о такихъ совершен-ныхъ, святыхъ, „наставникахъ“ вѣры. Усопшихъ праведниковъ можно любить чрезъ подражаніе вѣрѣ и жизни. Но чѣмъ выражаете вы свою любовь къ немощнымъ усопшимъ братіямъ, жившимъ со грѣхами?

Штундисты опять пришли въ замѣшательство. Я не спѣшилъ съ новымъ вопросомъ; сектанты молчали, и православные торжествующе ждали отвѣта. „Чтожь, Никита, отвѣчай что-нибудь; гдѣ самъ назвался!“—уже приставали нѣкоторые къ Никитѣ.

Наконецъ, обходя мой вопросъ, Никита, сохраняя важность, сказалъ:

— Мы всѣхъ любимъ и всѣхъ жалѣемъ; но въ Слово Божіе запрещено молиться за умершихъ.

— Гдѣ же это запрещеніе? Прочитай намъ его. Послушаемъ.

— А развѣ не знаете? Въ псалмѣ 48-мъ. И Никита прочиталъ:

„человѣкъ никакъ не искупить брата своего и не дастъ Богу выкупа за него“ (ст. 8).

Вотъ видите—развѣ можетъ человѣкъ выкупить человѣка предъ Богомъ?

— Подождемъ пока, Никита, дѣлать выводъ изъ прочитаннаго тобою мѣста. Прежде скажи намъ, гдѣ же тутъ запрещеніе, гдѣ тутъ написано, что не должно молиться за умершихъ?

— Прямо на строкѣ не написано, отвѣчалъ Никита, но выходитъ по смыслу. Сказано—„не выкупить человѣкъ человѣка“, а стало быть молись, не молись—грѣховъ умершаго не замолишь предъ Богомъ.

— Ты слишкомъ торопливъ въ выводахъ своихъ, Никита. Чтобы лучше понять это мѣсто, надо прочитать его въ связи съ тѣмъ, что написано дальше. Ты взялъ только одинъ стихъ, а послушай что написано ниже:

„дорога цѣна искупленія души ихъ, и не будетъ того во вѣкъ, чтобы *остался кто жить навсегда и не увидѣлъ могилы...* Но Богъ избавитъ душу мою отъ власти преисподней, когда приметъ меня“ (ст. 9, 10, 16).

Теперь намъ виднѣе, отъ чего не выкупить человѣкъ человѣка—отъ могилы, отъ смерти, отъ власти преисподней. Но тутъ и слова нѣтъ о запрещеніи молитвъ за умершихъ. Да такого запрещенія ты нигдѣ и не найдешь въ Писаніи.

— Никита непокойно перелистывалъ свое маленькое евангелище, потомъ громко и раздѣльно прочелъ: „человѣкамъ положено однажды умереть, а потомъ судъ“ (Евр. 9, 27).—Вотъ вамъ и молитвы!—заклучилъ онъ побѣдоносно, оглядывая своихъ и православныхъ; зачѣмъ молиться, когда судъ Божій надъ усопшимъ совершается тотчасъ же послѣ смерти? Въ могилѣ нѣтъ прощенія грѣховъ. Къ раю или къ аду усопшій приговоренъ уже въ первыя минуты по смерти!

— Въ соблазнъ тебѣ Писаніе,—замѣтилъ я. Подумай, какую говоришь ты несообразность. Если окончательный Судъ Божій, какъ говоришь ты, совершается надъ усопшимъ тотчасъ же послѣ смерти, то зачѣмъ тогда второй судъ—страшный при кончинѣ міра? Вѣдь тогда онъ былъ бы ненуженъ. Не ясно-ли отсюда, что судъ по смерти, о которомъ ты читалъ изъ посланія къ Евреямъ, не есть судъ послѣдній, окончательный.

— А какой-же тутъ судъ по вашему?—испытующе спросилъ Никита.

— Если хочешь знать истину, то по вѣрованію церкви православной тутъ, Никита, разумѣется предварительный судъ Божій, частный. На немъ Богъ не говоритъ усопшему своего послѣдняго приговора. Послѣднее слово Онъ скажетъ всѣмъ только при кончинѣ міра, на второмъ своемъ страшномъ Судищѣ. Небось знаешь, какъ судъ этотъ описать въ евангеліи. Прочитаемъ: Матѣ. 24, 29—31; Лк. 21, 25. Матѣ. 25, 31—34, 41, 46.

— Такъ вотъ, Никита, когда будетъ послѣдній Божій судъ—при кончинѣ міра. Только тогда будетъ поздно молиться. А пока суда этого нѣтъ—мы надѣемся на милосердіе Божіе и дерзновенно молимся о прошеніи грѣховъ усопшихъ.

Православные съ умиленіемъ слушали евангельское изображеніе страшнаго суда; нѣкоторые сокрушенно вздыхали. Сектанты тоже какъ будто попритихли и съ безпокойствомъ посматривали на Никиту, поджидая вырочки. Но Никита потерялъ уже увѣренность. Чтобы сказать что-нибудь, онъ совершенно неискренно замѣтилъ:

— А намъ думается, что этотъ судъ страшный, о которомъ вы сейчасъ читали, будетъ только надъ живыми, кои въ тѣлѣ доживутъ до кончины міра. Про усопшихъ-же тутъ ничего не сказано. Надъ ними, думаемъ мы, судъ уже сдѣланъ вскорѣ по смерти.

— Нѣтъ, Никита; судъ страшный при кончинѣ міра будетъ для *всѣхъ*—для живыхъ и для умершихъ, и ты явно идешь противъ Писанія. Развѣ забылъ, что писалъ объ этомъ ап. Павелъ:

«*всѣмъ намъ* должно явиться предъ судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ, доброе или худое» (2 Кор. 5, 10).

Да и Христосъ не Самъ ли ясно говорилъ объ этомъ:

придетъ время, говорилъ Онъ, «въ которое всѣ *находящіеся во гробахъ* услышатъ гласъ Сына Божія и изыдутъ творившіе добро въ воскресеніе жизни, а дѣлавшіе зло въ воскресеніе осужденія» (Ин. 5, 28—29).

А вотъ послушай, какъ сказано о томъ въ Откровеніи:

«увидѣлъ я—говоритъ Тайновидецъ—великій бѣлый престолъ и Сидящаго на немъ... и увидѣлъ я *мертвыхъ* малыхъ и великихъ, стоящихъ предъ Богомъ, и книги раскрыты были и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни, и *судимы были мертвые* по написанному въ книгахъ сообразно съ дѣлами своими. Тогда отдало море мертвыхъ бывшихъ въ немъ, и смерть и адъ отдали мертвыхъ, которые были въ нихъ; и судимъ былъ каждый по дѣламъ своимъ» (20. 11—13).

Еще-ли не ясно отсюда, что и мертвые возстанутъ на судище Христово?

Итакъ, не нужно смѣшивать судъ частный и судъ всеобщій; частный наступаетъ для cadaго тотчасъ-же послѣ смерти, а всеобщій будетъ только при кончинѣ міра; частный судъ не окончательный, а только предварительный, второй-же судъ—послѣдній и рѣшительный. Послѣ второго окончательнаго суда нѣтъ милости, но послѣ перваго возможно облегчить участь умершаго молитвеннымъ ходатайствомъ церкви.

Никита готовилъ новыя возраженія.—Такъ по вашему—возразилъ онъ снова—прощеніе грѣховъ возможно и въ могилѣ?

— Да, возможно. Самъ Спаситель далъ намъ въ этомъ твердую увѣренность. Онъ Самъ ясно училъ, что грѣхи прощаются не только въ жизни сей, но и тамъ, за гробомъ, въ жизни будущей.

«Если кто скажетъ слово на Сына Человѣческаго—сказалъ Онъ однажды—простится ему, если же кто скажетъ на Духа Святаго, не простится ему ни въ семъ вѣкѣ, ни въ *будущемъ*» (Мѡ. 12, 32).

Отсюда ясно видно, что въ вѣкѣ будущемъ, за гробомъ, не простится только одинъ грѣхъ—возстанія на Св. Духа, прочіе же грѣхи всѣ могутъ быть прощены по молитвамъ церкви за усопшихъ, по силѣ неизрѣченной милости Божіей.

— Этакъ вы, пожалуй, и изъ ада въ рай всѣхъ переведете своими молитвами,—лукаво замѣтилъ Никита.

— Не изумляйся, Никита. Господь силенъ вывести и изъ ада, кого захочетъ. Онъ „умерщвляетъ и оживляетъ, низводитъ въ преисподнюю и *возводитъ*“ (1 Ц. 2, 6). И тѣ, кои умерли въ покаяніи и вѣрѣ, и сокрушенно сознали свои грѣхи, могутъ по молитвамъ церкви облегчить свою участь за гробомъ и удостоиться райскихъ блаженствъ. Только усердіе надо молиться за нихъ.

— Ну, тогда разъясните намъ притчу Спасителя о богатомъ и Лазарѣ. Вы хотите молитвами изъ ада въ рай возводить усопшихъ, а въ притчѣ прямо сказано, что между раемъ и адомъ пропасть великая утвердилась—и Никита прочиталъ сначала всю притчу, потомъ отдѣльно, съ особеннымъ удареніемъ и повышеніемъ голоса слова Авраама къ богатому:

«между нами и вами утверждена великая пропасть, такъ что *хотящіе перейти отсюда къ вамъ не могутъ*, также и оттуда къ намъ не переходать» (Лук. 16, 26)—

Видите, между раемъ и адомъ пропасть непроходная; какъ ни старайтесь, а вамъ не перейти ее!

— Да, другъ, мы не отрицаемъ, что между раемъ и адомъ утверждена великая пропасть и что „*хотящіе перейти*“ эту пропасть *собственными силами*, сами не могутъ этого сдѣлать. Объ этомъ только и говорится въ притчѣ. И мы, православные, не думаемъ, что усопшіе переходятъ изъ ада въ рай собственными силами. Мы вѣруемъ, что переходъ этотъ возможенъ только по молитвамъ вѣрующихъ, силою Божіею, чрезъ ходатайство вселенской церкви. Велика пропасть между адомъ и раемъ, но не непроходна. Сошествіемъ во адъ, изведеніемъ изъ ада плѣнниковъ, Господь Иисусъ Христосъ разрушилъ мрачныя затворы ада, какъ-бы проложилъ путь изъ ада въ свѣтлое царство Бога Отца (1 Петр. 3, 18—19; 4, 6). Теперь онъ получилъ отъ Отца какъ-бы „ключи отъ смерти“ ада (ср. Апок. 1, 18) и можетъ отверзать выходъ изъ него для душъ умершихъ по молитвамъ вѣрующихъ. „Все, чего ни попросите въ молитвѣ съ вѣрою, по-

лучите“, сказалъ Спаситель (Мѡ. 21, 22) и тѣмъ далъ намъ дерзновеніе молиться и о томъ, чтобы Онъ по благой волѣ своей облегчилъ участь умершихъ съ покаяніемъ.

Собесѣдники были крайне недовольны, что притча такъ ясна, между тѣмъ возразить что-либо они не имѣли, и были въ раздумьи.

— Вы все повернете по своему—недовольно замѣтилъ Никита. Вольно вамъ толковать-то. Вотъ кабы прямо отъ Писанія вы намъ указали, гдѣ заповѣдано молиться объ умершихъ, тогда и мы стали бы молиться.

— Съ Божіею помощью укажу вамъ и прямые свидѣтельства за молитвы объ умершихъ, но вѣль пока мы говоримъ только о томъ, что въ Словѣ Божіемъ нигдѣ не запрещено молиться объ умершихъ, какъ думали вы утверждать въ началѣ бесѣды. Сколько ни читали вы мѣстъ изъ священнаго писанія, въ нихъ нигдѣ нѣтъ запрещенія молитвъ объ усопшихъ. Такъ гдѣ же нашли вы это запрещеніе? Прочитайте намъ его...

— Допустимъ, что яснаго запрещенія нѣтъ, сказалъ Никита,—но нѣтъ и заповѣди молиться. Вотъ если бы вы заповѣдь намъ указали!—Да, заповѣдь, заповѣдь! читайте намъ заповѣдь!—подхватили сектанты.

— Хорошо; перейдемъ теперь къ указанію *прямыхъ* свидѣтельствъ. Прочтемъ изъ книги Маккавейской, слушайте, что написано: въ 2 Мак. 12, 39; 40; 42, 43; 45.

Итакъ, благочестивый Іуда и воины молятся за умершихъ, „да изглаженъ будетъ содѣянный грѣхъ“, посылаютъ денежный сборъ въ Іерусалимъ на поминавленіе душъ ихъ—какъ разъ дѣлаютъ то же, что дѣлаемъ и мы православные при поминаванні усопшихъ. И писатель книги Маккавейской замѣчаетъ при этомъ, что Іуда поступилъ „весьма хорошо и благочестно“ (ст. 43) и что мысль Іуды о молитвѣ за умершихъ была мысль „святая и благочестивая“ (45). Все это не ясно ли говорить намъ о томъ, что еще въ ветхозавѣтной церкви обычай молиться за умершихъ почитался святымъ и благочестивымъ? Въ этомъ примѣрѣ для вѣрующихъ должна содержаться и заповѣдь; ибо если слово Божіе обычай молиться за умершихъ называетъ святымъ и благочестивымъ, то не должно-ли и намъ держаться этого обычая? Самъ апостолъ сказалъ: „хорошаго держитесь“ (1 Солун. 5, 21).

Никита не возражалъ. Вмѣсто него возразилъ Ѳедосей.—Это мѣсто, сказалъ онъ, вы прочитали изъ книги неканонической; мы не принимаемъ неканоническихъ свидѣтельствъ.

— А кто сказалъ вамъ, Ѳедосей, что Маккавейскія книги неканоническія? Гдѣ объ этомъ написано?

Ѳедосей былъ въ затрудненіи.

— А развѣ я ошибся,—переспросилъ онъ, уклоняясь отъ вопроса.

— Не ошибся, Ѳедосей. Книги Маккавейскія дѣйствительно неканоническія. Но вѣдь дѣленіе библейскихъ книгъ на каноническія и неканоническія.

ническія установлено только преданіемъ православной церкви, а вы это преданіе отвергаете. Видите, какъ вы сами себя путаете. Отвергая преданіе, сами пользуетесь имъ, когда вздумается. Въ дѣлахъ вѣры такъ поступать—грѣховно.

Сектанты Яеловко молчали. Православные дѣлали на ихъ счетъ шуточные замѣчанія.

— Нѣтъ, братъ Ѳеодосей, спокойно замѣтилъ Никита Ѳеодосею, выпутываясь изъ затрудненія,—про то не будемъ спорить; слово Божіе все одно, и Маккавейскія книги мы также почитаемъ священными. Но вѣдь этотъ примѣръ изъ ветхаго завѣта. Вотъ кабы изъ новаго намъ указали! И Никита снова обратился ко мнѣ.

— Хорошо; укажемъ и изъ новаго. Вотъ апостоль Іаковъ прямо заповѣдуетъ: „*молитесь другъ за друга*“ (Іак. 5, 16).

— Да это про живыхъ сказано,—въ нѣсколько голосовъ зашумѣли сектанты. Вы намъ объ умершихъ читайте!

— Нѣтъ, друзья; не про однихъ живыхъ сказано въ заповѣди апостола, а и про умершихъ. Ибо и они живы предъ Господомъ; *у Бога всѣ живы* (Лк. 20, 38); *Онъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ* (Лк. 20, 38). И какъ Самъ Онъ не различаетъ умершихъ отъ живыхъ, но равно всѣхъ считаетъ своими (Ср. Рим. 14, 8), то и мы въ молитвахъ своихъ не должны забывать умершихъ, а равно молиться о нихъ, какъ и о живыхъ.

— Все-таки прямо тутъ не заповѣдано молиться объ умершихъ,—замѣтилъ Никита.

— Ты требуешь, Никита, невозможнаго. Ты хочешь, чтобъ вся жизнь церкви въ мельчайшихъ подробностяхъ опредѣлялась прямыми заповѣдями по буквѣ. Но такихъ заповѣдей въ новомъ завѣтѣ всего наперечетъ. Заповѣдями по буквѣ жили только люди ветхаго завѣта. Тамъ на все были заповѣди, на все—законъ: „заповѣдь на заповѣдь, законъ на законъ“ (Ис. 28, 10). Но мы, люди новаго завѣта, „служители не буквы, но духа“ (2 Кор. 3, 6) и должны руководствоваться не прямыми только заповѣдями отъ строки, но болѣе всего—духомъ и смысломъ писаній. И большинство заповѣдей новаго завѣта даны намъ въ непрямой и сокровенной формѣ, чтобы мы сами выводили ихъ для себя изъ духа и смысла писаній. *Буква убиваетъ, духъ животворитъ* (2 Кор. 3, 6).

— Да, вѣрно—буква убиваетъ, подтвердилъ Никита, и мы живемъ не буквой, а духомъ.

— Зачѣмъ же требуете вы буквы въ разсужденіи о молитвахъ за усопшихъ? Духовнымъ это непристойно.

Сектанты не возражали больше.

Я сдѣлалъ заключеніе. Пѣніемъ сѣмвала вѣры закончилась бесѣда. Мирно стали расходиться православные. Сектанты пошли особнякомъ.

Свящ. В. Швалеевскій.

67—6*

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Изъ свѣтской журналистики за текущій годъ.

Въ свѣтскихъ журналахъ за послѣднее время не мало отводится мѣста произведеніямъ, имѣющимъ интересъ дѣятелей нашего внутренняго миссіонерства. Наше вниманіе останавливаютъ на себя съ этой стороны въ январьской книжкѣ Русскаго Вѣстника повѣсть „На порогѣ вѣка“ Г. Ярота (стр. 176—243) и „О неправославныхъ христіанахъ въ Россіи“ Г. Красножена (стр. 79—120). Остановимся на первой.

Въ краткой, но полной глубокаго интереса, повѣсти „На порогѣ вѣка“, авторъ задался цѣлью изобразить современное положеніе вещей во Франціи: невѣріе, социаль-демократическія воззрѣнія рабочихъ на „рабочій вопросъ“, жалкое положеніе церкви и католическаго духовенства среди своей паствы, паденіе семьи и проч., при чемъ попутно проводитъ небольшой и несложный романъ молодаго патера, заканчивающійся, впрочемъ, торжествомъ духа надъ увлеченіемъ плоти. Какъ видите, для 67 страницъ печатнаго текста—не мало задачъ; но не смотря на это и на сухость предмета подвергаемаго изслѣдованію, о существѣ социалистическихъ тенденцій и доктринъ, назрѣвшихъ на порогѣ XX столѣтія, къ которымъ—кстати сказать—авторъ относится съ замѣтнымъ осужденіемъ, входя чрезъ посредство одного изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти въ оцѣнку истинныхъ стимуловъ насажденія и расцвѣта социализма среди рабочихъ массъ,—повѣсть читается не только легко, но съ захватывающимъ интересомъ и достигаетъ своей цѣли: прочтя ее, вы выносите довольно законченное впечатлѣніе о современной жизни во Франціи, или по крайней мѣрѣ въ той части ея, которая прилегаетъ къ Пиренеямъ.

Фабула повести очень несложна. Передъ читателемъ небольшая деревня Антиньянь, расположенная въ гористой и живописной мѣстности близъ Пиреней, съ маленькою бѣдною церковью

и небольшою фабрикою деревянныхъ издѣлій. Приходскимъ священникомъ въ этой деревушкѣ состоитъ молодой патеръ Бенуа, только что получившій антинянскій приходъ, глубокорелигіозный по природѣ, одушевленный наилучшими намѣреніями безъ клерикально-католической узкости, готовящійся горячо приступить къ своему дѣлу. Патеръ Бенуа мало еще знаетъ жизнь съ практической ея стороны: онъ знаетъ пороки гордости, корысти, любострастія, въ ихъ безличной, алгебраической отвлеченности. Ему извѣстно, что кромѣ этой старой, какъ міръ, гидры пороковъ, современность носитъ въ себѣ еще новаго ужаснаго дракона—безвѣріе. Онъ понимаетъ, что служеніе добру—не легкое дѣло, но чувство, воспитанное долгими молитвами, давало ему смѣлость, и онъ съ юношеской отвагою глядѣлъ впередъ.

Управляющій фабрикою Бренъ имѣетъ жену Мадлену, красивую молодую женщину, которую страшно ко всѣмъ ревнуетъ и не безъ основанія... такъ какъ m-me Бренъ поддается иногда увлеченіямъ nepозволительнаго характера, отстаивая, впрочемъ, передъ мужемъ во что бы то ни стало свою непорочность и чистоту.

Семейная драма завершается тѣмъ, что Мадлена бросаетъ мужа и исчезаетъ куда то. Между тѣмъ, рабочіе фабрики, руководимые нѣкоторыми вожаками, изъ числа которыхъ особенно выдается итальянецъ Джіакомо, требуютъ отъ управляющаго увеличенія платы и уменьшенія рабочихъ часовъ; неудовольствія ихъ постепенно переходятъ въ волненіе, а послѣднее разрѣшается, какъ разъ въ день ухода отъ мужа m-me Бренъ, поджогомъ фабрики и вообще открытымъ бунтомъ, при чемъ для усмиренія рабочихъ требуется войско!

Центральною фигуροю въ повѣсти является патеръ Бенуа, со всѣми его неудачами въ пастырскомъ служеніи, которое онъ полагалъ главнымъ образомъ въ постоянномъ воздѣйствіи на свою паству живымъ словомъ, живымъ поученіемъ о христіанскихъ морали и добродѣтели. Проходитъ ли онъ въ воскресный день, послѣ совершенія мессы въ почти пустой церкви, мимо деревенскаго кафе, „этого храма новомоднаго культа плоти“ (стр. 237), наполненнаго множествомъ раннихъ посѣтителей, онъ, несмотря на насмѣшливое по отношенію къ нему настроеніе этой публики, завязываетъ разговоръ на свои излюбленныя темы; видитъ ли онъ тринадцатилѣтняго сорванца Марселя, сына мэра, мучащаго пойманную птицу, онъ уже восклицаетъ: „что вы дѣлаете? какъ вамъ не стыдно мучить несчастнаго орленка?“ и, не откладывая ни минуты, идетъ къ школьному учителю и къ отцу молодого

мучителя, говоритъ о замѣченномъ случаѣ дѣтской жестокости, объ увѣренности дѣтей, что въ школѣ нѣтъ безпристрастія (такъ какъ въ то время, когда въ разговорѣ съ сыномъ мэра онъ пригрозилъ послѣднему хорошимъ нагоняемъ учителя, онъ услышалъ изъ устъ восьмилѣтняго мальчугана, товарища Марсея, замѣчаніе—въ родѣ того, что сынъ мэра можетъ считать себя свободнымъ отъ какихъ либо школьно-воспитательныхъ репрессій), и вообще о печальномъ положеніи родного образованія, *„которое не хочетъ бороться съ ростомъ очевиднаго народнаго одичанія“*; возникаетъ ли среди рабочихъ фабрики броженіе и они требуютъ увеличенія платы и уменьшенія рабочихъ часовъ, патеръ Бенуа является добрымъ посредникомъ между ними и управляющимъ... Но вездѣ, тамъ и здѣсь и въ послѣднемъ случаѣ, доброму и почтенному патеру приходится получать только рѣзкій отпоръ и грубую насмѣшку. Наиболѣе характернымъ во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ, для обрисовки современнаго состоянія французскаго общества, являются тѣ реплики, которыя подаются оппонентами ревностнаго патера.

Такъ—въ кафѣ на его замѣчанія, что въ божественныхъ заповѣдяхъ сказано: шесть дней—труду, седьмой молитвѣ, раздается рѣзкое замѣчаніе маленькаго бронеа итальянца Джіакомо.—Э-э! Отправляйтесь-ка лучше съ этими проповѣдями къ счастливымъ; они шесть дней служатъ золотому тельцу, пусть ужъ на седьмой, для разнообразія, приходятъ къ вамъ.

Въ старину—замѣчаетъ патеръ—слово истины интересовало не однихъ счастливыхъ...

— Въ старину было другое дѣло. Тогда и проповѣдники были другіе... Теперь на амвонѣ иной разъ можно видѣть такого толстяка, что ему бы въ пору быть въ пивной за прилавкомъ.

— Ха-ха, обрадовался Игнасъ.—Въ родѣ патера Гильома въ Аврикурѣ!

— Или аббата Антоніо въ Приньякѣ!.. Или каноника Бажо!—захохотали въ толпѣ.

— Да,—продолжалъ Ринобергъ,—и притомъ, вообще, всѣ эти парчи, золото, тіары, брильянты!..

— Позвольте, друзья мои,—возразилъ Бенуа, преодолевая въ сердцѣ скользящую спазму грусти,—не надо судить по внѣшности. Я лично знавалъ толстяковъ съ болѣе чистой, безхитростной душой, чѣмъ у иной высохшей, быть можетъ, отъ злости муміи. Что же касается до парчей и золотыхъ ризъ, то вѣдь это дары благочестивыхъ людей. И ничего въ этомъ нѣтъ дурного. Развѣ каждый изъ васъ не старается украсить, положимъ, рамку для любимаго портрета?

— Такъ-то такъ,—промолвилъ Ринобергъ,—да рѣчи-то ваши устарѣли. Все-то смиреніе, терпѣніе, да заgrabныя обѣщанія, а жизнь ставитъ ребромъ вопросы о борбѣ за кусокъ хлѣба.

А вотъ эпикурейскій оттѣнокъ современной мысли:

Въ продолженіе всего разговора рабочихъ съ патеромъ въ дверяхъ кафѣ стоялъ молодой человѣкъ Гаспаръ Ландри мѣстный лѣсничій. Когда

Бенуа отошелъ отъ рѣшетки, Ландри также оставилъ кафэ и быстро догналъ патера.

— Здравствуйте, г. аббать,—сказалъ онъ.—Вы, конечно, собираетесь миссіонерствовать? Предупреждаю, вамъ придется дѣйствовать въ „странѣ невѣрныхъ“. Это не старинные баски Пьера Лоти. Тутъ фабрика, вблизи желѣзная дорога...

— Здравствуйте, господинъ Ландри,—отвѣтилъ Бенуа.—Да, да, печальныя сумерки очень сгустились въ началѣ новаго вѣка... Не знаете ли, кто этотъ человѣкъ, въ черной шляпѣ и съ иностраннымъ акцентомъ?

— Какъ же! Это синьоръ Джіакомо,—онъ рисовальщикъ на здѣшней фабриктъ... Замѣчательная личность. Не одну сотню фабрикъ онъ пересчиталъ и нигдѣ не нашлось мѣста, приличнаго его достоинствамъ. Онъ пугается въ рядахъ четвертаго сословія, хотя по духу принадлежить къ пятому. Онъ вполне годится въ предсѣдатели необутаго, голодающаго человечества.

— И жаждущаго?

— И жаждущаго, о да! Еще ни разъ не удавалось наполнить до краевъ этотъ, казалось бы, маленькій, но бездонный боченокъ. Во всякомъ случаѣ синьоръ Джіакомо—капелька той волны, которая грозно надвигается на человечество.

— Господь милостивъ. Велики были египетскія казни, а не одолѣли Израиля.

-- Объ Израилѣ не беспокойтесь, онъ не погибнетъ, а вотъ другимъ народамъ придется, пожалуй, круто... Ну, да не въ томъ дѣло. Я только хотѣлъ посоветовать вамъ по дружбѣ, оставьте бесполезныя проповѣдническіе опыты.

— Это мой долгъ.

— Оставьте. Вы только испортите себѣ жизнь.

— Развѣ жизнь не есть исполненіе долга?

— Эхъ, какой вы!.. Бросьте старыя прописи. Человѣкъ живетъ одинъ разъ и нужно, чтобы жизнь прошла, по возможности, какъ праздникъ. Ваши благочестивыя иллюзіи создаютъ только мучениковъ... А иногда и мучителей. Вдумайтесь въ дѣло хорошенько. Человѣкъ влетаетъ въ жизнь и вылетаетъ изъ нея. Въ сущности, у насъ нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго. Только одинъ мигъ настоящаго. Какое вамъ дѣло до мѣста кратковременнаго пребыванія и до случайныхъ сожителей? Вѣдь мы все равно, что на желѣзнодорожной станціи. Развѣ не глупо, въ ожиданіи поѣзда, который вотъ-вотъ учить насъ прочь, входитъ душою въ жизнь вокзала, котораго мы больше не увидимъ, въ жизнь людей, съ которыми мы больше не встрѣтимся? Нѣтъ вамъ больно, извольте видѣть, что начальникъ станціи получаетъ мало жалованья, что сидящій рядомъ пассажиръ страдаетъ зубами, что сторожъ недостаточно благочестивъ! Вы набиваете себя непріятными впечатлѣніями, вы тянетесь съ совѣтами, надоедаете, мучаетесь, мучаете! Глупо!

— Но, дорогой господинъ Ландри,—возразилъ Бенуа, улыбаясь,—ваша философія можетъ привести къ ужасающей праздности и скукѣ.

— О, не беспокойтесь! Человѣку достаточно хлопотъ со своею собственною персоной. Я, напримѣръ, собираю медъ, какъ пчела, и не замѣчаю дня.

— И вы довольны?

— Довольнѣе многихъ.

— И не бываетъ у васъ минутъ тоски?

— Ничего. У меня есть противъ этого средство: я пью.

— Какъ пьете?—не понялъ патерь.

— Такъ, пью. Пью вино, пиво, абсентъ, ликеры, пью все, кромѣ воды. И вино дѣйствуетъ на меня великолѣпно. Еще при совмѣстной жизни съ женою, въ случаѣ супружеской разиолвки, я, бывало, сейчасъ же беру шляпу и бѣгу въ кафѣ. Возвращаюсь, нагруженный виномъ по уши, веселый, совершенно забывшій о ссорѣ. И жена довольна. Ей не нужно дуться, выдерживать роль, потому что нелѣпо препираться съ пьянымъ.

— Гдѣ же ваша жена?

— Она въ Бордо и, какъ слышалъ, устроилась очень недурно... Мы разошлись. Послѣ пламенной любви, наступило, какъ это частенько бываетъ, охлажденіе. Все равно, какъ фейерверкъ: сначала яркая золотая нить въ полнеба, а затѣмъ, хлопъ—и обгорѣлая палка! Многіе продолжаютъ тянуть лямку лжи, вражды, а мы пожали другъ другу руки—и въ разныя стороны.

— Такъ просто?

— Въ жизни нужно какъ можно меньше мудрить. Надо имѣть легкій духъ, легкое сердце. Такъ-то, дорогой аббатъ. До свиданія. Переходите-ка въ мою вѣру.

Въ другомъ мѣстѣ, въ разговорѣ со школьнымъ учителемъ, къ которому патерь Бенуа зашелъ сообщить о жестокости Марселя въ извѣстномъ уже читателямъ случаѣ съ орленкомъ, бѣдному патеру приходится выслушать цѣлую отповѣдь о государственномъ значеніи предпринятыхъ мѣръ противъ „клерикализма конгрегацій и другихъ подобныхъ штукъ“; Бенуа возражаетъ:

Франція напрасно отворачивается отъ религіи. Религія даетъ міросозерцаніе, котораго безъ религіи у васъ нѣтъ. Конечно, науки весьма почтенны въ своей сферѣ, но всѣ онѣ обрываются на полусловѣ, лишены вышаго, объединяющаго синтеза. Онѣ молчатъ и осуждены на молчаніе своею сущностью относительно многихъ вопросовъ, которыми люди не перестанутъ задаваться... Ахъ, господинъ Фрюмансъ, вы слишкомъ поспѣшили съ своей эмансипаціей! Вы обезсилили самихъ себя. Вы поставили себя въ необходимость давать народу разрозненные, отрывочныя знанія, безъ порядка, безъ системы, безъ той цѣлостности, которая только и можетъ успокоить умъ и душу. Вы возбуждаете интеллективныя потребности, но не удовлетворяете ихъ. Вы выбросили на улицу глубочайшіе вопросы морали и политики, и эти вопросы, за отсутствіемъ правильнаго пониманія, рѣшаются кое-какъ. Тѣ стороны души, на которыхъ вы не въ силахъ ничего посягать, сами собою проростають плеведами. Неужели вы не видите дурного скептицизма, который носится въ воздухѣ и производитъ повальные зараженія? На васъ ложится грѣхъ и за соціальныя недуги современности. Ваши немощные „начатки образованія“ даютъ народу вредную иллюзію просвѣщенія. Бѣднякъ, человѣкъ четвертаго сословія, пьянѣетъ отъ вашихъ рубленыхъ истинъ, отъ вашихъ недомолвокъ и обмолвокъ, сливающихся съ науськиваніемъ сознательныхъ и безсознательныхъ софистовъ. Онъ впадаетъ въ жалкое тщеславіе, въ грустное фанфаронство. Вы безсильны показать ему небо и онъ пренсполняется низменными инстинктами, завистью, озлобленіемъ, онъ раздражается угрозами противъ буржуазіи, собственниковъ.

арміи, правительства.—Вы не научили его отличать черное отъ бѣлаго, и онъ считаетъ законными средствами дѣйствія—грабежъ, поджогъ, убійство.

Помолчавъ минуту, патеръ продолжалъ:

— Ахъ, господинъ Фрюмансъ, едва-ли было когда-нибудь время болѣе печальное, болѣе немощное духомъ!.. Нѣтъ, вы слишкомъ поспѣшили отвернуться отъ насъ! Вѣдь вамъ рѣшительно нечѣмъ замѣнить наше міровоззрѣніе. Вы ровно ничего не прибавили къ евангельскому ученію. Ваши теоріи относятся къ нашему сгедо, какъ... копіи съ картинъ Раваэля, сдѣланныя рукою варвара. Даже тѣ новѣйшія, разрушительныя ученія, которыя однихъ ужасаютъ, а другихъ воспламеняютъ, развѣ они не представляютъ собою только вопіющія, бессмысленныя извращенія нашихъ идей?.. Ну, что вы можете преподавать своимъ ученикамъ о морали? Вы выдвигаете противъ порока и преступленія кару закона? Но вѣдь это мораль звѣринца! Вы будете говорить о нравственной гигиенѣ, объ умѣломъ управленіи потребностями? Но вѣдь это—плоское благоразуміе, уравновѣшенный эгоизмъ. Гдѣ тутъ авторитетность нравственнаго закона? Гдѣ стимулы къ великому и благородному? Ваше ученіе не даетъ человѣку власти надъ страстями. Тутъ все, равно, что совѣты медицинской гигиены не объѣдаться, не пьянствовать, если хочешь быть здоровымъ и долго жить. Но если мнѣ пріятнѣе пьянство и дебошъ, чѣмъ долгая, здоровая, прѣсная жизнь? Гигиенисту въ такомъ случаѣ остается только развести руками. Такова и ваша мораль... Ахъ, вы готовите себѣ ужасное будущее! Да оно уже и теперь чувствуется. Развѣ вы не видите вокругъ себя озвѣрѣнія, преступности среди молодежи, наивной жестокости, отсутствія безразличности къ злу, отсутствія ужаса къ преступленію, чудовищной слабости мотивировки злодѣяній? А эта убогость идеаловъ, плоскость общественныхъ девизовъ!.. Прежде человѣкъ, готовившійся вступить въ общество, старался, такъ сказать, оправиться, душевно почиститься, подтянуться, теперь же онъ ломится, какъ животное въ разгороженный сарай, ломится, морально растрепанный, съ уличной бранью, съ легкомысленной, наглой болтовней. Прежде писатель скромно приносилъ къ алтарю общаго труда плоды своихъ думъ, плоды осторожной критики настоящаго и поисковъ лучшаго. Теперь же онъ выкрикиваетъ свои непродуманныя слова и грошоваго мысли, точно пьяница въ пивной. О, Господи!

Самымъ интереснымъ и наиболѣе приковывающимъ вниманіе, при чтеніи повѣсти, является бесѣда патера Бенуа съ управляющимъ фабрикою Октавомъ Бреномъ—по поводу рабочаго вопроса.

Отношенія между рабочими и фабрикою все больше обострялись. Въ виду этого, патеръ рѣшилъ однажды вечеромъ пойти къ управляющему и попытаться склонить его къ смягченію конфликта. Не смотря на то, что Октавъ принялъ его довольно сухо, Бенуа тотчасъ же приступилъ къ дѣлу.

— „Рабочіе неспокойны, господинъ Брень,—сказалъ онъ.—Броженіе не прекращается, недовольство растеть.

— Да, мнѣ это извѣстно,—раздраженно отвѣтилъ Октавъ.—Я приму свои мѣры. Итальянскій бродяга, Джіакомо, уже получилъ расчетъ, хотя все еще, какъ мнѣ говорили, проживаетъ въ деревнѣ.

— Вотъ именно о мѣрахъ я и хотѣлъ поговорить, господинъ Брень... Для лѣченія болѣзни, прежде всего надо знать ея причины.

— Какія же причины?—перебилъ Октавъ.— Причина тутъ одна—распространеніе зажигательныхъ ученій, стремящихся перевернуть вверхъ дномъ все на свѣтѣ. Науськиванье пролетаріата на „гнилые“ устои общества.

Онъ иронически подчеркнул слово „гнилые“.

— Нельзя не сознаться,—возразилъ Бенуа,—что это общество не безукоризненно. Въ немъ, дѣйствительно, есть рѣзущіе контрасты между тяжкимъ трудомъ и возмутительной праздностью, между вопіющей бѣдностью и безстыдной роскошью... Нравственные принципы у насъ расшатаны, сила нерѣдко переходитъ въ насилие, культъ золотого тѣльца ослабляетъ чувство долга, чести, патриотизма. Деньги часто окружаютъ ореоломъ недостойныхъ людей и клеймятъ презрѣніемъ хорошихъ. Капиталисты иногда обнаруживаютъ слишкомъ много эгоизма, вступаютъ въ соглашенія, вредныя для общества, создаютъ разные тресты...

— Ахъ, ты, Боже мой!—воскликнулъ Бренъ.—Я прекрасно знаю все это. Я знаю, что наше общество перепачкано грязью всевозможнаго мошенничества, шалонайства, пошлости и холопства. Я знаю это и едва-ли кто больше меня желать-бы выбросить вонъ всю эту мерзость. О, намъ нужна огромная беспощадная метла! Но изъ этого-то сознанія и вытекаетъ моя злоба къ нынѣшнимъ зажигательнымъ ученіямъ. Они мѣшаютъ очисткѣ, они создаютъ смуту, въ которой отлично укрывается всякая нечисть. Гдѣ ужъ тамъ срывать маски фальшиваго величія, хватать на мѣстѣ преступленія слишкомъ длинныя руки, бить по физиономіи зазнавшуюся наглость, плевать на лукавое холопство, когда подъ всѣ углы общественнаго зданія подкладываются бомбы! Если въ домѣ пожаръ, то тутъ ужъ не до того, чтобы производить ремонтъ, покраску, побѣлку, вентиляцію, дезинфекцію... Вотъ результатъ нелѣпыхъ химеръ, которыя проповѣдываются разными идиотами!

— Если нынѣшнія ученія—химеры,—сказалъ патеръ,—то мѣра борьбы съ ними совершенно ясна. Нужно раскрыть ихъ ошибочность... Почему-бы вамъ, господинъ Бренъ, не объяснить своимъ рабочимъ, что внушенія, которыми ихъ смущаютъ, не выдерживаютъ здоровой критики?

— Вы очень наивны, господинъ аббатъ,—саркастически разсмѣялся Октавъ.—Внѣ всякаго сомнѣнія, что отъ всѣхъ этихъ зажигательныхъ брошюръ и прокламацій вѣетъ поразительнымъ скудоуміемъ. Несомнѣнно, что онѣ не имѣютъ солидныхъ опоръ ни въ экономической, ни въ какой другой наукѣ, но неужели вы думаете, что передъ нами происходитъ какое-то академическое исканіе истинъ? Ха, ха! Нѣтъ, господинъ аббатъ, тутъ не что иное, какъ свалка, война, осада нашей цивилизаціи. Это даже не борьба между общественными классами. Какіе у насъ классы, когда ходъ вещей уже давно перетрясъ общество, какъ мѣшокъ съ орѣхами? Передъ нами возстаніе враговъ современной культуры, желающихъ смести ее съ лица земли. Здѣсь дѣло вовсе не въ какихъ-нибудь новыхъ научныхъ открытіяхъ, не въ ложныхъ или вѣрныхъ новыхъ теоріяхъ. Движеніе стимулируется не силлогизмами или софизмами разума, а просто голоднымъ аппетитомъ и назрѣвшей до бѣлаго каленія завистью. Вы знаете *on ne souffre réellement que du bonheur des autres...* Я увѣренъ, что тѣ изъ нынѣшнихъ вожаковъ, которые не безнадежно глупы, понимаютъ, что нельзя достигнуть равенства богатства, но они надѣются, по крайней мѣрѣ, добиться равенства бѣдности. Если не мнѣ, такъ никому! Надо создать, какъ видите, власть, которая-бы опрокинула нашу цивилизацію и наградила побѣдителей тѣмъ, что будетъ отнято у побѣжденныхъ. Тимуръ и Чингисханъ не гово-

рили ничего другого, когда вели свои полчища. Вы понимаете всю общепонятность, а следовательно, и силу этих ключей? На нихъ съ восторгомъ отзываются толпы всякаго рода неудачниковъ, число которыхъ въ наше время страшно возросло. Ихъ становится съ каждымъ днемъ больше, потому что высокая и сложная культура тяжела для лѣнтяевъ и бездарностей. И неудачники плодятся повсюду, въ промышленности, въ торговлѣ, въ наукѣ, искусствѣ, ремеслахъ. А тутъ мы сами еще плодимъ искусственно неудачниковъ своими предрасудками и школьными порядками. У насъ легіоны бакалавровъ, лицейство, не нашедшихъ мѣста въ жизни, а потому и недовольныхъ. Недовольные же недоучки—худшіе изъ недовольныхъ. Они особенно страстно ненавидятъ міръ, не признающій ихъ талантовъ. Марать, Сень-Жюсть, Робеспьеръ были превосходными типами такого рода непонятныхъ полуученыхъ... Вы спросите, почему наши дипломники не идутъ на полезную работу, въ промышленность, въ торговлю, въ ремесло? На это двѣ причины. Во-первыхъ, они неспособны. Наши школы приготовили ихъ только къ легкому бюрократическому труду. Во-вторыхъ, надо считаться съ нашими предрасудками. Мы—демократы, но въ насъ живетъ неизлѣчимое презрѣніе къ ручному труду. Самый послѣдній чиновникъ бюро, какой-нибудь почтовый экспедиторъ считаетъ себя выше механика или наборщика, хотя, разумѣется, чтобы быть механикомъ или наборщикомъ, нужно больше ума и таланта, чѣмъ для канцелярскаго писанія. Примите во вниманіе преимущество, которое у насъ имѣетъ сюртукъ надъ блузой. Ахъ, если-бы устранить престижъ пиджака и сюртука, это бы дало Франціи гораздо болѣе важную реформу, чѣмъ всѣ конституціи, которыя писались за послѣднее столѣтіе разными адвокатами безъ практики!

Октавъ засмѣялся, поблескивая злыми глазами, потомъ продолжалъ:

— Къ этой арміи неудачниковъ присоединяются ряды всякаго рода неприспособленныхъ и вырождающихся личностей, — алкоголиковъ, рахитиковъ, неврастениковъ, эпилептиковъ и такъ далѣе. Мы сберегаемъ, по добротѣ души, толпу существъ, осужденныхъ природою на уничтоженіе. И вотъ,—истинная иронія хода дѣлъ!—за наши гуманныя заботы, эти полувылѣченные, съ ядомъ въ крови, плодятся, отравляютъ собою общество и комплектуютъ силы нашихъ враговъ. Такимъ-то образомъ формируется волна, поднимающаяся надъ нашей цивилизаціей. Какова бы не была внутренняя дряньность этой волны, отъ того не уменьшается опасность. Вѣдь и дѣтская рука можетъ сжечь величайшее сокровище искусства, на которое потребовался трудъ вѣковъ. Варвары, осаждавшіе древній Римъ, были менѣе опасны, потому что наши варвары находятся въ нашихъ стѣнахъ.... Теперь во Франціи, да и во всемъ свѣтѣ, могутъ быть только двѣ партіи: партія порядка и партія безпорядка, и нѣтъ для этихъ партій почвы для соглашения. Пока невѣжественныя массы, поднимаемыя хитрецами или психопатами, будутъ терроризовать общество, до тѣхъ поръ немислимы никакія мѣры къ улучшенію жизни, никакія реформы, никакія духовныя обогащенія. Довольно этой затянувшейся игры“.

Волненія рабочихъ, какъ было уже упомянуто, закончились поджогомъ фабрики. Съ чѣмъ боролся патерь Бенуа, съ тѣмъ же, при современномъ состояніи нашей церковно-общественной жизни, приходится имѣть дѣло и нашимъ пастырямъ и миссіонерамъ. И съ этой стороны повѣсть заслуживаетъ ихъ полного вниманія.

А. Пазарнаевъ.

Снисходительное вниманіе! (По поводу отчета „Прав.-Русскаго Слова“ о проповѣдническомъ собраніи).

Въ апрѣльской книжкѣ „Православно-русскаго слова“ за текущій годъ находимъ отчетъ г. Ф. Думскаго о проповѣдническомъ собраніи петербургскаго духовенства, бывшемъ 16 марта. Этотъ отчетъ самъ по себѣ не представляетъ особаго интереса. Изложенъ онъ схематично и догматически сухо. Изъ него не видно, какими соображеніями руководились петербургскіе пастыри, дѣлая тѣ или другія заключенія о предметѣ. Во всемъ приходится вѣрить г. Думскому „на слово“, который къ тому же забываетъ, что его мнѣнія едва-ли выражаютъ настроенія собранія.

Такъ,—очевидно въ назиданіе читателямъ,—г. Думскій пишетъ: „благодать Божія—это есть преизобильная потенція человѣка, которая подъ вліяніемъ ученія Христа Спасителя раскрывается, оживляется и реализуется въ святости и безсмертіи“... (стр. 574).

Прочитавъ это опредѣленіе, мы задумались. Первое, что бросилось намъ въ голову, это сознаніе, что на собраніи никто изъ пастырей такъ не опредѣлялъ благодать Божію, будто она есть „преизобильная потенція человѣка“. Намъ думается, что и не можетъ православный священникъ разсуждать *такъ* о благодати. Это опредѣленіе вносило бы въ православное богословіе пелagianскій оттѣнокъ. Не согласовалось бы оно и съ словами апостола: „когда умножился грѣхъ, стала преизобиловать благодать“ (Рим. 5, 20). Умноженіе грѣха въ человѣкѣ одновременно предполагаетъ въ немъ вѣдь ослабленіе „потенціи“ къ добру. Кромѣ того, ап. Павелъ пишетъ въ другомъ мѣстѣ: „*вы, оправдывающие себя закономъ, остались безъ Христа, отпали отъ благодати*“ (Гал. 5, 4).

Ясно отсюда, что понятіе г. Думскаго о благодати не точно и не совпадаетъ оно съ приведенными апостольскими изреченіями.

По поводу Іоанна 4, 24 ст. г. Думскій докторально заявляетъ: „слѣдовало бы отчетливо оба признака богопочтенія опредѣлять: служеніе въ духѣ—жизнь христіанская, а въ истинѣ—внѣшнее служеніе безъ ограниченія именно мѣстомъ и формой...“ (стр. 577).—Однако не слишкомъ-ли самоувѣренъ г. Думскій? Почему именно *такъ* ему представляется дѣло, а не иначе?..

Тѣмъ не менѣе для миссіонеровъ не *убѣдительный* отчетъ г. Думскаго представляетъ безспорный интересъ. Въ отчетѣ опредѣленно *осуждается* „миссіонерство“ за его истолкованіе 4 гл. Іоанна.—Это осужденіе, высказанное г. Думскимъ, могло бы насъ не беспокоить; но оно произнесено въ почтенномъ духовномъ

журналѣ и связано съ собраніемъ петербургскихъ пастырей. Такъ что мы почитаемъ долгомъ отозваться на отчетъ г. Думскаго.

Г. Думскій пишетъ: „не лишнимъ будетъ обратить вниманіе на то, что собственно представляетъ миссіонерство по данному вопросу“, т. е. по изъясненію бесѣды Христа съ самарянкой.

Тонъ рѣчи г. Думскаго, обидно снисходительный; но мы замѣтимъ, что труды миссіонеровъ въ данной области заслуживаютъ большаго вниманія.—Пусть эти труды „односторонни“; однако они касаются вопроса огромнаго жизненнаго значенія. На 4 гл. Іоанна опираются всѣ сектанты—отрицатели внѣшне-богослужебнаго церковнаго строя. Отрицателей этихъ—тѣма. Имъ переполненъ Петербургъ; отъ нихъ стонетъ югъ Россіи... Г. Думскому, обходящему „море и сушу“ въ обзорѣннѣ проповѣдей въ недѣлю о самарянкѣ, казалось-бы, безъ всякаго высокоумія не лишнимъ было бы поговорить о трудахъ миссіонерскихъ въ этой области.

Но г. Думскій ограничился въ отчетѣ общими словами и, воистину, за деревьями не увидѣлъ лѣса!.. Онъ, характеризуя что „собственно сдѣлало миссіонерство“ по изъясненію 4 гл. Іоанна, пишетъ: „обычно оно съ ревностью и внимательностью ищетъ изрѣченій, похожихъ на „кланяться въ духъ истинѣ“, какъ напр. „служу духомъ моимъ“ (Рим. 1, 9), каковое выраженіе впрочемъ не имѣетъ не только близкаго, но и дальняго родства съ выраженіемъ Христа Спасителя“ (—стр. 578).

Мы, спросимъ г. Думскаго, плохо-ли поступаетъ „миссіонерство“, когда для объясненія труднѣйшаго мѣста въ Евангеліи ищетъ „библейскихъ параллелей“? Изъ его „отчета“ этого отвѣта прямо вывести нельзя. Между тѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что „обычай“ миссіонеровъ не только безгрѣшенъ, но обусловливается онъ существомъ дѣла. Въ священнѣхъ книгахъ все изложено кратко и прикровенно (І Петр. 5, 12; 2 п. 3, 16). Раскрывать библейскій смыслъ „вообще, по способу г. Думскаго, примѣненному въ его отчетѣ, — легко, но опрометчиво. Вотъ примѣръ: въ 17 гл. Дѣяній сказано: „Богъ, сотворившій міръ.., не въ рукотвореннѣхъ храмахъ живетъ“ (—ст. 24). Этими словами усердно пользуются сектанты и страшно злоупотребляютъ ими при отверженіи православнѣхъ храмовъ.

Напрасно, по рецепту г. Думскаго, мы старались бы вообще, „христіанизировать“ ихъ смыслъ (Пр-рус. Сл., апр. стр. 578). Такая „христіанизация“ показалась бы имъ праздною болтовней. Сектанты вразумляются исключительно библейскими параллелями.

Въ данномъ случаѣ чрезвычайно полезно указать сектантамъ

на Ис. 57 гл., ст. 15, гдѣ прямо говорится, что Богъ *живетъ* въ рукотворенномъ „святилищѣ“.

На этомъ основаніи миссіонеры прибѣгаютъ въ своихъ рѣчахъ „обычно“ къ библ. параллелямъ.

Въ частности, ничего преступнаго не дѣлаютъ они, когда сносятъ Іо. 4, 23 ст. и рим. I, 9 ст. Эти выраженія, правда, не тождественны *по буквѣ*, но совершенно совпадаютъ по смыслу. — Господь заповѣдуетъ истиннымъ поклонникамъ кланяться Отцу „въ духѣ и истинѣ“. Какъ-же это?

Отвѣта на вопросъ, „миссіонерство“ ищетъ прежде всего въ Новозавѣтныхъ писаніяхъ; естественно, оно останавливается на Рим. I, 9 ст.

И тамъ этотъ „обычай“ миссіонеровъ не представляется ошибочнымъ. Служеніе Богу „въ духѣ“ *не исключаетъ* служенія Ему „духомъ“ (Рим. I, 9). Основной характеръ служенія сохраняется въ томъ и другомъ случаѣ. Кто служитъ Богу „въ духѣ“, — тотъ, по словамъ г. Думскаго, — необходимо достигаетъ того, чтобы тѣло шло въ уровень съ душой (отч. стр. 578). Но этого же требуетъ и служеніе Богу „духомъ“, т. е. плодами духа (Гал. 5 22. 23 ст.). При этомъ условіи также отъ христіанина требуется, чтобы онъ служилъ Богу *цѣлостно* — всѣмъ существомъ своимъ, всѣми своими помысленіями. Образъ такого служенія Богу „духомъ“ и далъ намъ св. Павелъ. Для Христа онъ переносилъ всякіе подвиги (1 Кор. 9, 19—23 ст.), но, стремясь къ Нему всею душой, онъ и молился въ храмѣ, „до изступленія“ (Дѣян. 22, 17 ст.).

Какъ видимъ, способъ разсужденій миссіонеровъ понятенъ и ни въ какомъ отношеніи не напоминаетъ онъ „рыцарскихъ доспѣховъ“, какъ вышучиваетъ насъ г. Думскій, стоящій въ библейской экзегетикѣ „на уровнѣ съ вѣкомъ“ (Пр-рус. Сл., атр. стр. 578).

Что-же читаемъ дальше въ отчетѣ, — прямо мало понятное „миссіонерству“: „благоговѣйно-ли, — спрашиваетъ г. Думскій, — и достойно-ли указывать на кровавый потъ и молитву Геосиманскую Христа съ колѣнопреклоненіемъ для того только, чтобы разбить и побѣдить „духовныхъ христіанъ?“ Зачѣмъ метать ликъ Христовъ, когда и войны метали жребій только о хитонѣ Его“ (—стр. 578)?

Эти слова Думскаго производятъ на насъ впечатлѣніе жестокой передержки. Онъ, православный богословъ, готовящійся къ священству, не предполагаетъ у миссіонеровъ болѣе возвышенной цѣли, чѣмъ „разбить и побѣдить“ противника. Миссіонеры-же,

научаемые словомъ Божиимъ, знаютъ высшую задачу своей службы „вразумить и убѣдить“ заблуждающихся братьевъ (1 Тес. 5, 14; 2 Тес. 3, 15). Стремясь къ этой цѣли, они и отыскиваютъ нужныя „святиподобія„ въ жизни Спасителя.

Но такія исканія кажутся г. Думскому „неблагоговѣйными“ „недостойными“ прав. христіанъ...

Жестокія слова! На чемъ же однако, на какихъ *библейскихъ* данныхъ обосновалъ ихъ нашъ критикъ?

Соотвѣтствующихъ свидѣтельствъ въ его „отчетѣ“ мы не находимъ... Мы же замѣтимъ, что исканіе исканію — рознь. Одно дѣло — благочестивый сторожъ ходитъ въ храмъ, ища, нѣтъ-ли гдѣ пыли и сора въ святомъ мѣстѣ; другое дѣло — воръ ищетъ въ храмъ драгоценностей, чтобы украсть ихъ...

Одно исканіе достохвально, другое преступно. Какого-же характера теперь изысканія миссіонерскія въ области священ. библіи.

Мы ищемъ нужныхъ параллелей для выясненія истины Христовой. Мы хотимъ быть подражателями Господу, по заповѣди Апостола (Еф. 5, 1; 1 Кор. 11, 1). Вотъ мы съ благоговѣніемъ и взираемъ на то, какъ молился Христосъ, — какъ служили Богу апостолы. Мы видимъ, что они не отвергали наружныхъ обрядовъ въ молитвѣ, — это мы и указываемъ сектантамъ...

Въ какой-же грѣхъ впадаетъ тутъ „миссіонерство?“ Г. Думскій пишетъ о „метаніи Лика Христова“... А намъ его слова представляются *неуклюжей* риторикой — и только. Развѣ мы разбойнически обращаемся со Христомъ? Миссіонеровъ даже сектанты никогда еще не бранили такъ, какъ поносятъ ихъ своимъ вычурнымъ краснорѣчіемъ г. Думскій...

Въ заключеніе своей вылазки противъ „миссіонерства“ онъ говоритъ о какихъ-то библейскихъ доказательствахъ, „идущихъ въ уровень съ вѣкомъ“. Но что это за доказательства? Развѣ, по выраженію г. Думскаго, стремленіе „христіанизировать“ сектантовъ? — Но говорить такъ, значитъ ломиться въ открытую дверь и совершенно не читать миссіонерской литературы. Миссіонеры всегда заботились о томъ, чтобы научить людей душою и тѣломъ служить Богу. Они именно постоянно твердятъ народу, что, если мы не будемъ „обузывать“ плоти своей, душа наша безсильна будетъ служить Богу...

А г. Думскій въ „миссіонерствѣ“ не видитъ ничего, кромѣ схоластики, — и, что всего прискорбнѣй, свои измышленія привязываетъ органически къ разсужденіямъ на собраніи Петербургскихъ пастырей. Надѣямся, что этотъ печальный случай побудитъ

организаторовъ пастырскихъ собраній въ Петербургѣ съ болѣе строгой критикой относиться къ „отчетамъ“ своего секретаря—г. Думскаго...

Д. Боголюбовъ.

Объясненіе евангельскихъ чтеній на Рождество Христово. (Шесть внѣбогослужебныхъ бесѣдъ). Второе изданіе. Преподавателя Богословія въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, протоіерея П. Городцева. Цѣна 15 коп. С.-Петербургъ. 1904 г. Стр. 1—59.

Въ своей книгѣ о. Городцевъ объясняетъ евангельскія чтенія (по славянскому тексту), описывающія слѣдующія событія Рождества Христова: а) Открытіе Іосифу тайны воплощенія Сына Божія (Матѣ. 1, 18—25),—б) Рождество Христово (Лук. 2, 1—7) в) Извѣщеніе Виѣлеемскихъ пастырей о рождествѣ Иисуса Христа (Лук. 2, 8—12),—г) Ангельское славословіе и поклоненіе пастырей родившемуся Спасителю (Лук. 2, 13—20),—д) Поклоуеніе волхвовъ родившемуся Иисусу Христу (Матѣ. 2, 1—12),—е) Бѣгство Іосифа съ Богомладенцемъ и Матерію Его въ Египетъ. Избѣненіе Виѣлеемскихъ младенцевъ.—Возвращеніе святого семейства (Матѣ. 2, 13—23). Въ началѣ каждой бесѣды напечатанъ славянскій текстъ евангельскаго чтенія (славянскимъ шрифтомъ), а затѣмъ идетъ бесѣдательное толкованіе каждого стиха отдѣльно. Библейскія разъясненія сдѣланы прекраснымъ общедоступнымъ языкомъ и въ то—же время стоятъ на высотѣ научныхъ архелогическихъ и историческихъ изслѣдованій священнаго текста (стр. 10—12. 16, 18, 36—40 55 и друг.). Издана книга очень тщательно въ корректурномъ отношеніи: при чтеніи намъ пришлось замѣтить только одну досадную опечатку (стр. 34, строка 18-я сверху); между тѣмъ цѣна книги совсѣмъ недорогая сравнительно съ ея богатымъ и назидательно-жизненнымъ содержаніемъ.

Въ виду всего этого весьма желательно, чтобы означенный трудъ о. Городцева получилъ возможно широкое распространеніе не только среди пастырей Православной Церкви, какъ пособіе для ихъ внѣбогослужебныхъ бесѣдъ съ паствою,—но и среди простаго нашего народа, какъ матеріалъ для добраго чтенія въ часы отдыха отъ житейскихъ трудовъ.

Н. Булаковъ.

Х р о н и н а.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Тамбовское сектантство и борьба съ нимъ ¹⁾.

Соціальныя воззрѣнія молоканъ-толстовцевъ: понятія о власти, войнѣ, бытѣ и просвѣщеніи крестьянъ; взглядъ на школы, на земскія повинности и земельную собственность. Нравственная жизнь. Прозелитизмъ секты и ея покровители. Сектанты въ роли сельскихъ должностныхъ лицъ. II. *Штунда*, время ея появленія; первые нынѣшніе пропагандисты; главныя штундовыя общины; вѣроученіе и современный культъ штунды; нравственная жизнь штундистовъ; прозелитизмъ секты и средства пропаганды. Борьба съ штундой сельскихъ и полицейскихъ властей. III. *Жидовство*: жидовствующіе толки; главныя общины и ихъ организація; религіозныя воззрѣнія секты; обрядъ погребенія умершихъ, прозелитизмъ сектантовъ.

Миссіонерскія бѣсѣды со старообрядцами въ С.-Петербургѣ.

Изъ упомянутыхъ нами книгъ и брошюръ, какъ-то: подпольныхъ сочиненій Л. Толстого, „Сѣти вѣры“,—Хельчицкаго, „Хитрой механики“ и другихъ въ такомъ-же родѣ, молокане-толстовцы усиленно черпаютъ и свои *соціальныя воззрѣнія*. Подъ вліяніемъ названныхъ чтеній они при-выкаютъ оцѣнивать жизнь человѣка исключительно съ точки зрѣнія ея матеріальнаго довольства. Не видя послѣдняго у себя, они виновникомъ своего бѣдственнаго положенія признаютъ существующій строй государственной, общественной, а отчасти и церковной жизни. Возникающія на этой почвѣ сужденія ихъ, въ своихъ послѣднихъ выводахъ, рѣзко запечатлѣны соціально-коммунистическими и даже анархическими тенденціями. Такъ, признавая, что „всѣ власти существуютъ для блага *своей* временной жизни“, они, въ частности, происхожденіе *царской* и вообще *свѣтской власти*, а также и *духовной* (іерархіи) объясняютъ честолюбіемъ и корыстолюбіемъ правящихъ лицъ, которые съ этой именно цѣлью закабаляютъ себя простой народъ. Таковъ, по ихъ мнѣнію, былъ, между прочимъ, и Моисей. Послѣдній, якобы съ цѣлью подчинить себя (власти свѣтской), своему брату—Аарону и родственному колену. Левину (власти духовной) многочисленный Еврейскій народъ, издалъ извѣстные законы и облекъ ихъ божественнымъ авторитетомъ. Примѣру Моисея и Аарона под-

¹⁾ «Мисс. Обзор». 1904 г. кн. 7 стр. 904.

ражаютъ-де и современныя власти, какъ свѣтская, такъ и духовная. Первая издаетъ законы, чтобы владѣть народомъ и жить на его счетъ, а вторая, также съ корыстными цѣлями, проповѣдуетъ, что власти отъ Бога учреждены; грозить нарушителямъ законовъ этихъ властей бѣдствами на томъ свѣтѣ, для чего придумала воскресеніе мертвыхъ и страшный судъ. „Вамъ-бы все *власти*, да *власти*: все для *себя*, а изъ нашего брата не хотите и поповъ избирать, хоть-бы и получше вашихъ были!“—говорилъ миссіонеру одинъ изъ сектантскихъ начетчиковъ на публичной бесѣдѣ. Въ частныхъ бесѣдахъ тѣ-же сектанты нерѣдко поговариваютъ: „вонъ бары намъ на томъ свѣтѣ рай общають и то не даромъ: свѣчи велятъ ставить, попамъ платить; а себѣ на наши денежки здѣсь, на землѣ, рай устроили и про небесный позабыли!.. Вотъ и *войну* и *воинство* выдумали,—„христіолюбивымъ“ называютъ! Будто, Христось училъ и любилъ людей убивать?! Сказано, что мы—мужики, одно слово—тѣма!.. Намедни нашъ братъ взялъ у барина два двугривенныхъ: на одинъ ему велѣли чего-то купить и на другой тоже; а онъ по дорогѣ и перемѣшалъ ихъ,—такъ вернулся спросить: на какой двугривенный чего велѣно-де взять?!“ Признавая правительство и лицъ, непосредственно служащихъ на крестьянской нивѣ,—какъ-то: народныхъ учителей, земскихъ докторовъ и пр., а также пастырей и вообще дѣятелей церкви—незаслуженно проживающими на счетъ крестьянъ, они, между прочимъ, высказываютъ, что „мужикъ, подобно Толстовскому „работнику“ (въ рассказѣ: „Хозяинъ и Работникъ“), скоро совсѣмъ замерзнетъ, несмотря на стараніе своего „хозяина“ (т. е. правительства) отогрѣть его, въ своихъ интересахъ, своимъ дыханіемъ“... Посему неудивительно, что означенные сектанты крайне недовѣрчиво, а мѣстами и открыто враждебно относятся ко всѣмъ мѣропріятіямъ правительства и церкви, направленнымъ на улучшеніе матеріальнаго быта и подъемъ просвѣщенія крестьянъ. Такъ, между прочимъ, смотрятъ нѣкоторые изъ нихъ на помощь крестьянамъ въ *голодные годы*.—„И сколько понастали намъ бары въ голодные годы хлѣбца!—спасибо, голубчики,—скажешь, а какъ подумаешь, то и выходитъ иначе! Вотъ для примѣра. Ёдетъ возъ съ сѣномъ и на немъ сидятъ два человѣка, а везетъ пара лошадокъ. Сидятъ они и бражничаютъ, а лошадки везутъ; остановить лошадокъ, распрегутъ, да на подножный кормъ и пустятъ; пощиплютъ бѣдные травушки съ землецей, мутной водицы попьютъ, да снова везутъ и везутъ... Но вотъ и стали!..—Нужно ѣхать дальше, а мочи нѣтъ! Нужно подкормиться, а корма на землицѣ нѣтъ! Встали бары, да съ воза и почали прутики дергать, чтобы лошадушекъ подкормить; подкормили, впрегли и снова ѣдутъ и ѣдутъ... А не подкорми и не поѣхали-бы!.. Вотъ-же и барская милость намъ: не насъ, а себя пожалѣли!—ѣхать не на комъ стало, ну и подкормили“!.. „Такъ вотъ и *школы*!—Думаешь насъ жалѣютъ, что учать?—Какъ-бы не

такъ!.. Знамо, учитель въ школѣ—старшой и его всѣ слушаютъ, чего-бы онъ ни говорилъ... Вотъ онъ учить ребятъ; ребята свыкаютъ слушать его, да такъ и опосля школы въ другихъ дѣлахъ все онъ старшой будетъ... Нонѣ видно мало стало ребятъ, аль скоро ребята забываютъ старшого,—только вотъ стали и большихъ собирать на ученье, чтобы и ихъ, какъ ребятъ, приучить слушать старшого!.. Вотъ тебѣ и бары-благодѣтели!..“ Впрочемъ, изъ существующихъ типовъ школъ сектанты отдаютъ предпочтеніе школѣ земской. По ихъ выраженію, „церковныя школы—это хитрыя выдумки правительства, которыми оно закабаливаетъ народъ въ темномъ рабствѣ“. Въ этихъ школахъ, говорилъ миссіонеру сектантъ, учать „многимъ бесполезнымъ пустякамъ. Къ чему, наприм., Законъ Божій?“ Между тѣмъ въ земской школѣ, по его мнѣнію, лучше: „тамъ не преподають дѣтямъ сектантовъ Закона Божія, да и вообще земцы ближе подходятъ къ намъ“¹⁾, заключилъ онъ свою рѣчь о школахъ и при этомъ какъ-то многозначительно спросилъ миссіонера: „а знаете, сколько земцевъ забрали въ прошломъ году?“...

Послѣднимъ пунктомъ мечтаній сектанта служить то время, когда крестьяне собственнымъ починомъ освободятся отъ *сельскихъ повинностей* и раздѣлятъ *земельную собственность* казны и богачей по-ровну между собой. Впрочемъ, этотъ пунктъ является въ то-же время исходнымъ едва ли не для всѣхъ, вышеприведенныхъ нами социальныхъ воззрѣній Тамбовскихъ молоканъ-толстовцевъ. И справедливость требуетъ сказать, что крайняя бѣдность Тамбовскихъ крестьянъ слишкомъ во-многомъ объясняетъ появленіе среди нихъ подобныхъ вѣяній.

Оцѣнивая жизнь человѣка съ матеріалистической точки зрѣнія, вооружаясь противъ всякихъ авторитетовъ, не исключая божественнаго, означенные сектанты во многихъ мѣстахъ *морально распустились* во всю

¹⁾ Какъ извѣстно, въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ минист. нар. просвѣщ. для производства испытаній на право полученія льготныхъ по воинской повинности свидѣтельствъ, согласно утвержденнымъ министромъ 16 нояб. 1885 г. „правилъ“ (§ 19, прим. а): „отъ испытанія по Закону Божию освобождаются ученики раскольниковъ“. На практикѣ это правило примѣняется и къ дѣтямъ сектантовъ... На этомъ основаніи одинъ инспекторъ народныхъ школъ сдѣлалъ словесное распоряженіе, чтобы „въ К—ой земской школѣ дѣти сектантовъ освобождались отъ *слушанія* уроковъ по Закону Божию“, такъ-что на урокахъ Закона Божія тамъ нѣтъ ни одного сектантскаго ребенка. Такая льгота послужила прекраснымъ поводомъ и къ тому, что сектанты перестали здѣсь отдавать дѣтей и въ церковно-приходскую школу. Такимъ образомъ, масса дѣтей остается внѣ всякаго воздѣйствія церкви!.. Между тѣмъ, возникаетъ вопросъ: все-ли равно: „освобождаются отъ *испытанія* и притомъ въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ“ и „освобождались отъ *слушанія* уроковъ въ учебн. году“?.. Думаемъ, что не только съ религіозно-воспитательной, но даже и формальной стороны не все равно!.. Не говоримъ уже о томъ, что „правила“ упоминають о „*расколникахъ*“, а не *сектантахъ*, каковыя названія съ точки зрѣнія русскаго закона не тождественны!..

ширь, проявляя поразительно-грубые аппетиты. „У меня въ карманѣ Богъ“!—говорилъ одинъ разбогатѣвшій сектантъ... Пьянство, табакокурѣніе, развратъ, воровство—и даже профессиональное, торговое кулачество, поджоги, убійства—явленія далеко не рѣдкія въ быту этихъ лжемолоканъ, которые, бросивъ завѣты своей старины, становятся моральной язвой въ жизни и обществѣ крестьянъ. *Религіозныя собранія* молоканъ-толстовцевъ во многихъ мѣстахъ близко походятъ на Петровскія ассамблеи: „соберутся, попьютъ чайку съ медкомъ, съѣдятъ гору калачей, посплетничаютъ, иногда повздорятъ между собой, кой чего попокутъ, да и разбредутся... Одинъ изъ лучшихъ начетчиковъ этихъ молоканъ вдругъ, на старости лѣтъ, прозрѣлъ и принялъ водное крещеніе отъ извѣстнаго на югѣ штундобаптиста; вскорѣ послѣ этого его „бакалейныя операціи“, прежде сильно упавшія, значительно расширились!.. Съ грустью, покачивая головами, глядятъ старомолоканы на бывшихъ своихъ собратій и сторонятся отъ религіознаго общенія съ ними, усвоивъ имъ и новое имя: гдѣ—„толстовцевъ“, гдѣ—„безбожниковъ“, а главныхъ новаторовъ изъ крестьянъ называя почему-то: „студентами“. *Прозелитизмъ* этихъ сектантовъ—поразительный и крайне неразборчивый въ средствахъ, вслѣдствіе чего недавно были приняты особыя мѣры со стороны жандармской полиціи по отношенію къ одному изъ видныхъ молоканъ—пропагандистовъ „толстовщины“. Послѣдніе, въ цѣляхъ пропаганды, объѣзжаютъ зараженные молоканствомъ мѣстности, устраиваютъ тамъ собранія и на нихъ ведутъ бесѣдки въ духѣ своихъ воззрѣній ¹⁾. Съ той-же цѣлью они пускаютъ въ ходъ деньги ²⁾, для добыванія которыхъ стараются, между прочимъ, объ учрежденіи на молоканскихъ собраніяхъ, по примѣру штундобаптистовъ, особой „кружки взаимопомощи“. Усиленно распространяются ими среди крестьянъ многочисленныя подпольныя сочиненія, а также и крайне нелѣпыя и недобросовѣстныя сплетни, особенно про ненавистныхъ имъ миссіонеровъ... Въ своей дѣятельности они поддерживаются со стороны, а также нѣкоторыми и изъ „мѣстныхъ интеллигентовъ“, которые, официально числясь православными, стараются походить на „толстовцевъ“ и не прочь отъ непрошенныхъ тартюфскихъ услугъ миссіонерамъ... Много поднимаютъ въ глазахъ крестьянъ престижъ сектантовъ и выбираемыя изъ послѣднихъ сельскія должностныя лица; такъ, наприм.,

¹⁾ Такія собранія стали устраиваться во многихъ пунктахъ вслѣдъ за посѣщеніемъ ихъ миссіонерами...

²⁾ Такъ, въ с. К. богатый сектантъ Р., съ цѣлью совратить въ молоканство хорошо грамотнаго и трезваго парня Ф., предлагаетъ послѣднему въ жены свою дочь и даетъ за ней богатое приданное!.. Другой богатый сектантъ—вдовецъ изъ дер. П. сватаетъ дочь православнаго крестьянина изъ с. С.—цъ и обѣщаетъ дать ей 500 руб., а ея отцу лошадей и прочую худобу!.. Къ счастью та и другая попытка доселѣ не увѣнчиваются успѣхомъ!.. Но какъ трудно не соблазниться бѣднымъ крестьянамъ...

въ октябрѣ мѣсяцѣ 1899 г. для публичной бесѣды съ миссіонеромъ, по распоряженію К—цкаго сельскаго старосты изъ молоканъ, былъ привлеченъ верстъ за семь сектантскій начетчикъ на „обывательскихъ лошадахъ“ православнаго крестьянина-возницы, несмотря на протестъ послѣдняго противъ бесплатнаго выполненія новой для него и, кстати сказать, довольно оригинальной службы сельскому обществу!..

II. *Штунда*. Обрядовая штунда, извѣстная въ наукѣ подъ именемъ староштундизма или штундобаптизма, появилась въ предѣлахъ Тамбовской епархіи въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія. Первыми насадителями ея здѣсь были южнорусскіе штундобаптисты, изъ коихъ Г. М—евъ доселѣ наѣзжаетъ въ епархію съ пропагаторскими цѣлями, искусно прикрываясь торговыми дѣлами. Кромѣ Г. М—ева, на той-же пропагаторской нивѣ работаютъ нынѣ временно посѣщающіе епархію штундобаптистскіе „проповѣдники“: съ юга—крестьянинъ А. Б—совъ, изъ Таврической еп.—нѣкто М. В—тъ, изъ Саратовской (с. Турки)—Ник. Ч—нинъ, (г. Балашовъ)—И. А—вичъ и изъ Воронежской (с. Пески)—„старшій пресвитеръ“. Въ роли-же постоянныхъ „разъѣзжихъ проповѣдниковъ“ и руководителей штундобаптистскихъ общинъ епархіи подвизаются мѣстные крестьяне: Михаилъ Дементьевъ, братья Сигитовы (изъ с. Липяговъ, Борисогл. у.), Андрей Бокинъ, Григорій Семилѣтовъ, Трофимъ Пачинъ (изъ с. Пановы-Кусты, Тамб. у.), Григорій Косолаповъ (изъ дер. Воронцовки, Шацк. у.) и братья Пентеляковы (изъ Черной Слободы, Шацк. у.). Наиболѣе многочисленныя штундобаптистскія общины проживаютъ по большимъ дорогамъ на сѣверъ и югъ отъ Тамбова, въ уѣздахъ: Шацкомъ (Черная Слобода, Новотомниково, Старотомниково съ дер. Воронцовкой), Борисоглѣбскомъ (с. Липяги съ дер. Коршуновкой) и Тамбовскомъ (с. Пановы-Кусты).

Полагая въ основу своего вѣроученія послѣдовательно проведенный принципъ „оправданія только личной вѣрою въ искупительныя заслуги Иисуса Христа“ и въ общемъ оставаясь вѣрными вѣроученію и богослужебному культу южно-русскихъ штундобаптистовъ, Тамбовскіе штундисты въ настоящее время признаютъ „необходимость въ церкви Христовой трехчинной іерархіи, преемственно получающей чрезъ руковоложеніе особый даръ священства“, при чемъ своимъ „старшимъ пресвитерамъ“ усваиваютъ названія—„архіерей“, или „епископъ“ и поставляютъ начало своей іерархіи въ зависимость отъ церкви Римской или Англійской. Кромѣ этого, среди Липяговскихъ штундобаптистовъ нынѣ происходитъ сильное религиозное броженіе по вопросамъ: о празднованіи субботы и второмъ пришествіи Иисуса Христа. Вопросъ о субботѣ возникъ среди нихъ случайно. Поводомъ къ нему послужилъ переходъ четырехъ молоканскихъ семействъ въ секту жидовствующихъ. „Начетчикъ“ послѣдней секты, прежде бывшій молоканскимъ „пресвитеромъ“, сталъ „сильно зашибать“ мѣстныхъ штун-

дистовъ, требуя указать хотя-бы Новозавѣтную заповѣдь объ отмѣнѣ празднованія Ветхозавѣтной субботы и замѣнѣ ея воскреснымъ днемъ... Штундисты оказались безсильными въ защитѣ празднованія воскреснаго дня и симпатіи нѣкоторыхъ изъ нихъ склоняются на сторону празднованія субботы... По вопросу-же о второмъ пришествіи Іисуса Христа, нѣкоторые изъ Липяговскихъ штундистовъ утверждаютъ, что „Христосъ вторично придетъ для основанія на землѣ 1000-лѣтняго блаженнаго царства, въ которое войдутъ одни „баптисты“¹⁾; а по истеченіи этой тысячи лѣтъ Онъ будетъ судить вселенную“²⁾... Во время похоронъ у изголовья мертваго они ставятъ сосудъ съ курящимся еиміамомъ и помазуютъ больного предъ смертью елеемъ.

Нравственность Тамбовскихъ штундистовъ за послѣдніе годы замѣтно упадаетъ. Дѣйствительность, дающая много фактовъ, иногда очень наглядно и рѣзко свидѣтельствующихъ о грѣховности даже главарей сектантства³⁾, поколебала въ нихъ увѣренность въ своей святости и привела ихъ къ признанію за собой „нѣкоторыхъ нравственныхъ недостатковъ и грѣховныхъ склонностей“... Отсюда ослабленіе въ сектѣ прежде весьма строгой дисциплины и „отлученія“ согрѣшившихъ членовъ отъ „общества святыхъ“, въ которомъ нынѣ, по словамъ сектантовъ, много „людей мірскихъ“... Но чтобы сгладить рѣзкое противорѣчіе между дѣйствительнымъ состояніемъ своихъ общинъ и ученіемъ о „святости“ ихъ, Тамбовскіе штундисты прибѣгаютъ къ слѣдующей игрѣ словъ: „мы, говорятъ они, оправданы кровію Христа и составляемъ общество святыхъ, каждый членъ котораго, какъ рожденный отъ Бога, не имѣетъ въ себѣ и не творитъ грѣха (1 Іоан. 3, 9). Если-же иногда въ жизни. творимъ проступки, то это не грѣхи, а простыя житейскія ошибки и въ такихъ случаяхъ мы *не грѣшимъ, а согрѣшаемъ* (1 Іоан. 2, 1)“!.. Такая казуистика, построенная на мнимо-апостольскомъ различіи словъ „грѣхъ“ и „согрѣшеніе“, съ цѣлью замаскировать въ глазахъ простаго народа свои „житейскія ошибки“, однако не удается имъ, потому-что народъ понимаетъ, что „всякая неправда есть грѣхъ“ (1 Іоан. 5, 17) и что „рожденный отъ Бога“ не только „не грѣшитъ“, но и „не согрѣшаетъ“ (1 Іоан. 3, 9; 5, 18)!.. Посему штундисты въ бесѣдахъ съ православнымъ миссіонеромъ, вмѣсто принципиальнаго рѣшенія вопроса о своей личной „святости“, изощряются въ обличеніи

1) «Баптисты».—обычное у простаго народа названіе «штундобаптистовъ»...

2) Такія воззрѣнія не служатъ-ли плодомъ вліянія мистич. секты адвентистовъ?..

3) Такъ, одинъ «старшій пресвитеръ» соблазнилъ свою «духовную дочь», другой—не разъ проявлялъ въ торговыхъ сдѣлкахъ сильное корыстолюбіе и плутовство, а на вопросъ православныхъ: «развѣ «святые» такъ поступаютъ?» отвѣчалъ: «православныхъ обманывать можно,—они тѣ-же язычники, а своихъ «братьевъ»—грѣшно»!.. Въ с. Г.—омъ штундисты сами возразили своему «пресвитеру»: «да наши еще хуже православныхъ пьютъ», а жена «пресвитера» съ улыбочкой отвѣчала: «ну какіе мы святые, а такъ только немного чище православныхъ живемъ»...

жизни православныхъ: „попадутъ-ли въ царство небесное тѣ, которые пляшутъ на свадьбахъ, напиваются, въ чучела наряжаются“?...—обычно спрашиваютъ они миссіонера и подобными обличеніями силятся доказать неправоту самого ученія церкви православной, усиленно подчеркивая въ то-же время казовую чистоту жизни своихъ общинъ... Къ сожалѣнію, многіе крестьяне далеки отъ умѣнья различать ученіе церкви отъ жизни ея и поддаются коварному обольщенію пропагандистовъ штунды. Миссіонеру же, за незнаніемъ, большею частью, фактовъ изъ жизни сектантовъ, приходится держаться менѣе понятнаго для крестьянъ принципіальнаго рѣшенія вопроса, а иногда напоминать сектантамъ слова Христа: „если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, то вы не войдете въ царство небесное“, ибо и діаволъ, дабы уловить вѣрующихъ во Христа въ свою волю, принимаетъ „видъ Ангела свѣта и его лжеапостолы, лукавые дѣлатели, принимаютъ видъ Апостоловъ Христовыхъ, видъ служителей правды“ (2 Кор. 11, 13—15)!..

Прозелитизмъ Тамбовскихъ штундистовъ очень силенъ и крайне безцеремоненъ. Пропаганда ведется не только каждымъ зауряднымъ штундистомъ, но и особой специально разъѣздной миссіей, въ составъ которой входятъ вышеупомянутые нами временно наѣзжающіе въ епархію „проповѣдники“ и мѣстные главари секты. На обязанности тѣхъ и другихъ лежитъ посѣщеніе не только штундобаптистскихъ и вообще сектантскихъ пунктовъ епархіи, но, по возможности, и православныхъ мѣстностей для бесѣдъ съ крестьянами „объ упованіи“. Кромѣ этого, мѣстные главари секты завѣдуютъ всѣми вообще дѣлами своихъ общинъ, при чемъ сѣверныя отъ Тамбова общины находятся подъ главнымъ руководствомъ Гр. К—ова, когда-то бывшаго Пашковскаго миссіонера, и, отчасти, братьевъ П—овыхъ, а въ южныхъ—подвизаются: М. Дементьевъ, братья Сигитовы, А. Бокинъ, Григорій Семилѣтовъ и, отчасти, Т. Пачинъ. Трудъ „разъѣздныхъ миссіонеровъ“, напр.: А. Б—сова, Н. Ч—на, Г. К—ова, М. Д—ева и др., вознаграждается опредѣленнымъ жалованьемъ, въ размѣрѣ отъ 25-ти до 30 руб. въ мѣсяцъ, а другихъ пропагандистовъ—временными субсидіями. Источникомъ для содержанія „миссіонеровъ“ служатъ „денежные сборы съ братьевъ“, производимые ежегодно въ епархіи наѣзжими и мѣстными „проповѣдниками“ ¹⁾. Собранныя ими суммы обычно отсылаются на югъ

¹⁾ Такъ, наприм., такіе сборы произвелъ А. Б—совъ въ с. Г—ломъ осенью 1900 г. Каждый штундистъ, уходя съ бесѣдъ А. Б—сова, долженъ былъ оставлять сколько-нибудь денегъ на столѣ подъ скатертью. Послѣ собранія А. Б. собиралъ деньги и отсылалъ ихъ М—аеву. Такіе сборы были произведены и въ другихъ общинахъ епархіи, какъ о томъ можно, отчасти, судить со словъ штундиста на бесѣдѣ въ с. Г. 10 Мая 1900 г., когда послѣдній, возражая своему «пресвитеру» по поводу расточаемыхъ имъ упрековъ православнымъ пастырямъ, между прочимъ, сказалъ: «да у насъ еще больше ихняго гребутъ; вонъ недавно до 1000 руб. потребовали съ тамбовскихъ братьевъ наши сборщики»!..

къ братьямъ М—аевымъ, у которыхъ, можно думать, хранится общая касса для взаимопомощи пропагандистамъ штундизма, и уже оттуда послѣдніе получаютъ свое содержаніе ¹⁾. Главнымъ средствомъ пропаганды служатъ молитвенныя собранія, руководимыя мѣстными, а иногда и ваѣзскими главарями штунды. Весной и лѣтомъ такія собранія устраиваются по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, одновременно съ православнымъ богослуженіемъ, а въ глубокою осень и зимой, равно какъ и въ будни— по вечерамъ. Собираются штундисты, всегда открыто и вполне безпрепятственно. Ихъ собранія посѣщаются православными крестьянами и особенно крестьянками. На одно изъ собраній Липяговскихъ штундистовъ миссіонеръ попалъ прямо съ поѣзда желѣзной дороги. Это было въ полдень 24-го Апрѣля 1899 г. Едва онъ подѣхалъ къ дому священника, какъ подошли къ нему взволнованные крестьяне и просили идти съ ними на собраніе сектантовъ въ домъ штундиста Н—ра С—това. Миссіонеръ пошелъ и тамъ со словъ очевидцевъ выяснилось слѣдующее. Съ 10 час. утра въ домъ С—това стали сходить мѣстные главари штундистовъ и съ ними нѣсколько православныхъ, подготовляемыхъ къ переходу въ штунду. За каждымъ, входящимъ въ избу, дверь плотно запиралась... Когда православные крестьяне, возмущенные пропагандой и совращеніемъ своихъ единовѣрцевъ, были впущены въ комнату собранія, то тамъ за столомъ сидѣли: домохозяинъ—С—товъ съ женой и двумя взрослыми сыновьями, его племянникъ—ярый пропагандистъ Семенъ С—товъ и пять православныхъ: три крестьянина и двѣ крестьянки, изъ коихъ одна—солдатка. Вскорѣ туда-же прибылъ и „старшій пресвитеръ“ М. Д-ентьевъ. Православные, застигнутые врасплохъ, скрылись. Недовольный внезапнымъ приходомъ миссіонера, штундистъ М. С—товъ въ отвѣтъ на привѣтствіе миссіонера дерзко проговорилъ: „жаль, что въ теперешнія времена нельзя быть полнымъ хозяиномъ въ своемъ домѣ“!.. Послѣ миссіонеръ призывалъ одну изъ бывшихъ на этомъ собраніи крестьянокъ; послѣдняя на вопросъ: „зачѣмъ ходитъ на собранія штундистовъ“?..—отвѣчала: „я от скуки пошла посидѣть къ Никанору, а у него шло собраніе, я и осталась тамъ послушать, о чемъ говорятъ. Говорили-же все о церковныхъ предметахъ“... Не довольствуясь совращеніемъ православныхъ путемъ публично устраиваемыхъ въ сектантскихъ избахъ молитвенныхъ собраній ²⁾, главари мѣстной штунды стараются проникнуть и въ избы мирно живущихъ православныхъ семей. Съ этой цѣлью они подъ разными предлогами посѣщаютъ избы крестьянъ, особенно въ отсутствіе отцовъ семействъ.

¹⁾ Впрочемъ, въ Л—ской общинѣ содержаніе «старшему пресвитеру» и его помощнику производится частью на мѣстѣ изъ общинной кружки взаимопомощи, а частью отъ столичныхъ и южныхъ рѣдѣтелей.

²⁾ Липяговскіе штундисты безпрепятственно устраиваютъ еще и публичныя религіозныя процессіи, какъ-то: похороны съ пѣніемъ и надгробными рѣчами...

и тамъ совращаютъ прежде всего мать семьи, какъ болѣе невѣжественную, податливую и цѣнную для нихъ союзницу, которая не замедлитъ потомъ переманить за собой своихъ дѣтей и даже мужа. Прійдутъ „бактисты“ въ избу, говорили миссіонеру крестьяне с. Л—говъ, прочтутъ изъ библіи что-либо задушевное, а бабы наши и бухъ имъ въ ноги; имъ-же только того и надо: прослезятся, да и ну принимать отъ бабъ раскаянье во грѣхахъ... Пріѣдешь съ поля домой, а жена уже „бактистка“, воеетъ и причитаєтъ: „не нуженъ-де крестъ Христовъ, не нужны храмы, не нужны иконы“!.. Такъ вотъ всю душу воротить. Ну, сперва прибьешь ее, такъ нѣтъ—не унимается! А тамъ смотришь и дѣтей за собой потащила ¹⁾... Пойдешь къ батюшкѣ за совѣтомъ, повѣдаешь ему горе свое... Да что батюшка? Не можетъ онъ наказать „бактистовъ“, не можетъ и собраний ихъ запретить, а убѣдить ее дуру нельзя: она вѣдь неграмотная, ничего не понимаетъ, а все свое твердитъ!.. Терпишь, терпишь, да чтобъ душу не мучила и самъ пойдешь въ „бактизмъ“!.. И такихъ женъ—пропагандистокъ весьма много въ мірѣ Липяговскихъ и другихъ сектантовъ!.. Нерѣдко выступаютъ въ роли совратителей своихъ семей и крестьяне, но въ большинствѣ случаевъ изъ корыстныхъ цѣлей. Такъ, напримѣръ, 24 Апрѣля 1899 г. пришелъ къ миссіонеру въ с. Липягахъ одинъ крестьянинъ П. Д—евъ: „я къ вамъ, сказалъ онъ, Бога ради помогите, выручите мнѣ дочь мою родную! Отдалъ я ее замужъ за православнаго С—ова; послѣ его совратили въ „бактизмъ“. Оно-бы ничего—пусть себѣ, какъ самъ знаетъ! да вотъ бѣда: сталъ онъ жену свою, а мою дочь и дѣтокъ своихъ въ „бактизмъ“ перетягивать! Прійшла, бѣдная, ко мнѣ и плачетъ: „уйду, говоритъ, и я въ „бактизмъ“,—мужъ силою тащитъ! Сотникъ К. Б—новъ говорилъ ему, какъ перейдуть твои жена и дѣти въ „бактизмъ“, такъ пріиму тебя въ компанію торговать яйцами и курами“... Ну, я, грѣшнымъ дѣломъ, и прибилъ ее немного: больно ужъ было моему родительскому сердцу,—вѣдь этакой нечисти не было въ моемъ родѣ!.. Такъ вотъ пойдѣ-же и теперь все твердитъ: „уйду, да и уйду я въ бактизмъ,—мужъ тащитъ“! а сама все плачетъ“... Духъ сектантства проникаетъ въ крестьянскія семьи и чрезъ крестьянскую молодежь, особенно чрезъ молодежь, побывавшую въ солдатахъ или столицахъ. Возвратившись въ село, она любитъ щегольнуть своимъ „всезнаѣствомъ“ и показать старикамъ, что они-де, сидя въ селѣ, ничего не знаютъ, но что „въ Питерѣ всѣ важные люди—„бактисты“ и ужъ давно никто не слушаетъ православныхъ поповъ и не чтитъ церкви православной“... Эти сельскіе мод-

¹⁾ Такъ, напри., мать одной семьи перешла въ штунду и, несмотря на желаніе своего мужа—православнаго, доселѣ не даетъ крестить двухъ дѣтей: мальчика 2½ л. и дѣвочку 4 л.!.. Другая крестьянка увела за собой въ штунду трехъ взрослыхъ дѣтей своихъ: двухъ мальчиковъ—16-ти и 14 лѣтъ и дѣвочку 10 лѣтъ!.. И такихъ примѣровъ слишкомъ много!..

ники—великая язва для темнаго и засидѣвшагося въ селѣ мужичка и нужно удивляться тому, какимъ довѣріемъ на селѣ пользуются эти крестьянскіе авантюристы, люди, по народному выраженію, „дешлые“!.. Трудно отцамъ семей бороться съ такими „отщепенцами“! Такъ, одинъ крестьянинъ с. Л—говъ, нѣкто Ѳ. Ѳ—чъ, пригласилъ миссіонера къ себѣ въ домъ для вразумленія своего заблудшаго сына Василия. Тамъ-же собралось много постороннихъ крестьянъ. Долго миссіонеръ бесѣдовалъ съ Василиемъ. Наконецъ, Василій быстро вскакиваетъ и дерзко говоритъ отцу: „хоть правда и за вами, а мнѣ голову отрѣжьте—не пойду въ православіе“!.. Тотъ-же Василій, по свидѣтельству его отца, пользуясь отсутствіемъ послѣдняго, склоняетъ своихъ сестеръ въ штунду, запрещая имъ креститься и обучая ихъ пѣнію сектантскихъ стиховъ изъ „Голоса вѣры“ и др.. И много подобныхъ фактовъ въ жизни особенно Липяговскихъ крестьянъ. Достаточно хотя немного сблизиться съ крестьянской средой, какъ услышишь нескончаемый рядъ жалобъ на внесенный сектантами въ семьи разладъ; услышишь стоны отца о насильственномъ совращеніи его дочери въ штунду; услышишь вопли жены, побоями отъ мужа совращаемой въ „бактизмъ“; услышишь вздохи и крестьянина объ ушедшей все въ тотъ-же „бактизмъ“ женѣ, уведшей за собой и дѣтей своихъ!.. Ожесточенная пропаганда штунды проникаетъ въ міръ крестьянскихъ дѣтей и другимъ путемъ. За послѣдніе годы штундистскіе главари устраиваютъ въ с. Л—гахъ особыя воскресныя собранія или школы для дѣтей. Эти школы усердно посѣщаются дѣтьми сектантовъ и православныхъ. Нерѣдко въ числѣ отъ 40 до 70 человекъ они собираются въ избѣ штундистскаго „пресвитера“ М. Д—ева. Въ роли учителей выступаютъ: самъ „пресвитеръ“ и С—товы¹⁾. Главнымъ предметомъ обученія служитъ чтеніе Св. Писанія и толкованіе извѣстныхъ мѣстъ въ духѣ ученія штунды. Такимъ образомъ, здѣсь воспитывается въ ненависти ко всему православному многочисленное молодое поколѣніе крестьянъ, которое въ свое время вступить въ ожесточенную борьбу съ православной церковью, такъ какъ съ дѣтства роднится съ сектантскими воззрѣніями и крѣпнеть въ ненависти къ православной церкви!.. Для успѣха своей пропаганды Тамбовскіе штундисты не брезгаютъ и дискредитированіемъ православной вѣры и церкви въ глазахъ крестьянъ. Такъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, они хулятъ православную вѣру, издѣваются надъ церковной обрядностью и пастырями церкви и тѣмъ глубоко оскорбляютъ религиозное чувство крестьянъ. Послѣдніе, выйдя изъ терпѣнія, идутъ съ жалобами къ своимъ пастырямъ, но эти сами нерѣдко терпятъ оскорбленія отъ сектантовъ, особенно при посѣщеніи съ требами смѣшанныхъ семей, и

¹⁾ Ст. С—овъ ѣздитъ для обученія дѣтей и въ стан. Михайловскую!.. За свой учительскій трудъ онъ, по словамъ крестьянъ, получаетъ отъ сектантовъ 90 руб. въ годъ.

безсильны заградить уста нечестивцевъ; прибѣгать-же къ содѣйствію сельскихъ или полицейскихъ властей почти всегда то же, что войти въ пустыни!.. И вотъ въ душѣ православнаго крестьянина сперва кипитъ злоба на сектантовъ, потомъ на священниковъ, на сельскія и полицейскія власти за попустительство послѣдними порицаній... За безсильной злобой наступаетъ равнодушіе къ вѣрѣ и церкви, а тамъ смотришь: православный ужъ и самъ сектантъ, сперва робкій, тихій, прячущійся, но потомъ, ободряемый безнаказанностью проступковъ своихъ новыхъ собраній, дерзкій и самоувѣренный пропагандистъ!.. „Намъ дорога православная вѣра, говорятъ Липяговскіе крестьяне, да силъ-то нѣтъ терпѣть: ужъ больно бранять ее „бактисты“ и все имъ сходитъ“!.. Иногда, впрочемъ, крестьяне сами расправляются съ хулителями. Такъ, въ Августѣ 1898 года крестьянка Анна Тарасова во время огородныхъ работъ публично поносила Крестъ Христовъ и Праздникъ Спаса, что вызвало со стороны православныхъ вразумленіе нечестивой граблями ¹⁾!.. Въ тѣхъ-же цѣляхъ пропаганды Тамбовскіе штундисты эксплоатируютъ и неопредѣленнымъ отношеніемъ къ нимъ полицейскихъ властей. Такъ, въ Январѣ 1899 г. Липяговскіе штундисты воспользовались благоприятнымъ поворотомъ въ отношеніи къ нимъ ближайшихъ полицейскихъ властей и открыто заговорили о разрѣшеніи имъ молитвенныхъ собраній, при чемъ показывали многимъ крестьянамъ какой-то „Указъ Государя Императора о разрѣшеніи баптистскихъ собраній“ ²⁾!.. Все это для темныхъ крестьянъ было равносильно признанію штунды вѣрой правой и сильно обезкураживало ихъ, а своевременная матеріальная подачка имъ со стороны сектантовъ довершала переходъ нѣкоторыхъ въ штунду!.. Къ матеріальной помощи Тамбовскіе штундисты прибѣгаютъ какъ къ одному изъ самыхъ сильныхъ средствъ для совращенія крестьянъ. Такъ, одинъ старикъ изъ молоканъ П. Я—нѣ, между прочимъ, говорилъ: „да вотъ и наши (молокане) почти всѣ ушли въ баптизмъ. Прежде было у насъ тихо, а появилась эта штунда и пошли неурядицы—да какъ и не быть!.. Вотъ бактисты занялись теперь торговлей: скупаютъ по селамъ и станицамъ яйца и куръ, ну и народъ совращаютъ. Денегъ-то у нихъ много. Сбиваютъ товаръ по близости, на заводъ англичанина—что-ли? Онъ и денегъ даетъ имъ на закупки. Заработки хорошіе!.. А какъ кто захочетъ пристать къ ихъ торговой компаніи, сейчасъ: „иди въ баптизмъ!—говорятъ. Оно, конечно,

¹⁾ Интересно, что становой приставъ на просьбу священниковъ *разслѣдовать* данный фактъ отвѣчалъ обѣщаніемъ: «прогнать виновную по селу»!.. Къ счастью, въ данномъ случаѣ, что сей полицейскій стражъ обычно отдѣлывался одними словами отъ просьбъ служителей церкви!..

²⁾ Безъ сомнѣнія этотъ «указъ» есть одна изъ многочисленныхъ печатныхъ нотаріально засвидѣтельствованныхъ «копій съ копій» кассационнаго рѣшенія Правительств. Сената отъ 3-го Окт. 1897 г. за № 6323-мъ!..

соблазнѣ!.. И пошли наши (молокане) въ бактизмъ. Да и окромѣ того,—они помогаютъ своимъ деньгами и по хозяйству ¹⁾. Я видѣлъ у нихъ кружку для этого, на собраніяхъ стоитъ, а больше кладутъ все подъ скатерть; есть у нихъ и казначей особый, только обкрадываютъ ихъ эти казначеи ²⁾. А въ голодные годы страсть сколько хлѣба и денегъ имъ наслади!—Они говорятъ, что въ Питерѣ есть у нихъ такая община: въ ней все знатные, да богатые,—они то и шлютъ“ ³⁾...

Итакъ, организація спеціально-разъѣздной миссіи, публичныя моли-твенныя собранія и религіозныя процессіи, вторженіе въ семейную жизнь православныхъ, воскресныя „школы“ для крестьянскихъ дѣтей, дискредитированіе православія въ глазахъ крестьянъ, нелѣпныя расказы сельскихъ „всезнаекъ“, эксплуатація поведеніемъ сельскихъ и полицейскихъ властей и, наконецъ, въ различныхъ видахъ матеріальная помощь: вотъ тѣ средства, къ которымъ прибѣгаютъ Тамбовскіе штундисты для совращенія крестьянъ ⁴⁾. И такая пропаганда штунды ведется тѣмъ ожесточеннѣй и безцеремоннѣй, чѣмъ она болѣе встрѣчаетъ себѣ поддержки въ молчали-вомъ созерцаніи ея лицами, имущими власть обуздать ея закономъ 4 іюля 1894 г., особенно низшими органами полицейскаго и сельскаго правленія. Впрочемъ, объ органахъ сельскаго правленія и говорить не стоитъ: рѣдко вы увидите старосту или сотника трезвымъ, и будьте увѣрены, что всякая, исходящая отъ нихъ, непріятность сектантамъ принесетъ выгоду имъ только однимъ, въ видѣ двугривеннаго „на часекъ“ или водочку... Чины уѣздной полиціи, особенно г.г. становые пристава играютъ въ какую-то тонкую дипломатію... Это своего рода полицейскіе князьки, вполнѣ неза-висимые и безконтрольные въ дѣлахъ своего стана. Посему немудрено, что свою дѣятельность и дѣятельность подчиненныхъ имъ урядниковъ они направляютъ по собственному произволу и взгляду, по своему толкуя и законныя мѣры къ пресѣченію пропаганды сектантства среди православныхъ.

¹⁾ По свидѣтельству крестьянъ, штундисты совратили А. В—ва, купивъ послѣд-нему корову и пр...

²⁾ Такъ было въ с. Липягахъ.

³⁾ Интересно, что Тамбовскіе штундисты благотворятъ лишь своимъ «братьямъ» и тѣмъ изъ православныхъ, которыхъ надѣются совратить въ штунду. Къ другимъ-же крестьянамъ, а особенно къ ревнителямъ православія они относятся крайне враждебно. Такъ, напр., 12 Апр. 1899 г. въ 2 ч. утра въ с. Л—гахъ горѣла изба дочери одного ревнителя православія, мужъ которой былъ въ отлучкѣ—на заработ-кахъ. Часть села, гдѣ былъ пожаръ, заселена почти исключительно штундистами. И что-же? На призывъ помочь тушить пожаръ откликнулось не болѣе двухъ сек-тантовъ, а остальные стояли молча около своихъ избъ, которымъ пожаръ нисколько не грозилъ!.. Православные въ шутку говорили: «Эй, бактисты, идите тушить!.. Вы «святые»—не погорите!..

⁴⁾ Въ такихъ приблизительно чертахъ описывали пропаганду штундистовъ въ своемъ селѣ и Липяговскіе крестьяне въ поданномъ мнѣ Тамбовскому преосвящен-ному прошеніи отъ 4 мая 1899 года!..

III. *Жидовство*. Жидовствующие Тамбовской епархіи раздѣляются на талмудистовъ, или шапошниковъ и староіудеевъ, или безшапошниковъ. Тѣ и другіе гнѣздятся главнымъ образомъ въ Тамбовскомъ (с. Разказово) и Шацкомъ уѣздахъ (Казачья Слобода и Борки). Общины ихъ сравнительно немногочисленны, за исключеніемъ одной—въ с. Разказовѣ ¹⁾, и плохо организованы. Пересаживая въ русскую народность вѣроученіе, мораль, надежды и чаянія коренныхъ евреевъ, эта секта печально уродуетъ русскихъ крестьянъ. Сливая свою судьбу съ судьбою природныхъ евреевъ и воображая себя вмѣстѣ съ послѣдними разсѣянными плѣнниками, русскіе крестьяне-жидовствующие почти готовы отказаться отъ своей національности и перенести свои симпатіи на коренныхъ евреевъ. Отъ послѣднихъ они усвоили и взглядъ на православныхъ, какъ на язычниковъ—человѣкообожателей. Прискорбно смотрѣть на ихъ молитвенныя собранія, гдѣ они, одѣтые въ традиціонныя еврейскія „талісы“, возносятъ горячія молитвы ²⁾ о собраніи ихъ въ Палестинѣ, о возсозданіи Іерусалима и храма, объ истребленіи народовъ, кромѣ евреевъ, и о наступленіи въ обѣтованной землѣ вѣчнаго царства Израиля съ Мессіей—царемъ во главѣ, въ которомъ они займутъ первенствующія мѣста и будутъ владѣть всѣми народами... Интересенъ обрядъ погребенія умершихъ у Разказовскихъ субботниковъ: послѣдніе кутають мертвеца въ холстину, кладутъ его въ гробъ, около него палку, а въ зубы ему деревянный колъ; все это съ той цѣлью, чтобы, когда явится Мессія и воскреситъ ихъ, они сразу заговорили и съ посохами въ рукахъ пошли въ обѣтованную землю. Весьма утѣшительно, что Тамбовскіе жидовствующие не имѣютъ особенной склонности къ прозелитизму и почти не пользуются симпатіями православныхъ крестьянъ. Ихъ ряды и то, сравнительно рѣдко, пополняютъ другіе извѣрившіеся сектанты ³⁾.

И. Айвазовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Миссіонерскія бесѣды со старообрядцами въ С.-Петербургѣ ⁴⁾.

На третьей противораскольничьей бесѣдѣ, 11 марта о церкви Христовой въ качествѣ совопросниковъ миссіонера Д. И. Боголюбова выступили

¹⁾ Здѣсь имѣются оба толка, въ которыхъ насчитывается до $\frac{2}{3}$ общаго количества субботниковъ въ епархіи.

²⁾ Въ употребленіи у нихъ русско-еврейскіе молитвенники Фярковича.

³⁾ Такъ, въ февралѣ 1900 г. въ с. Липягахъ открыто перешли въ староіудейство немногимъ болѣе 20 чел. обоого пола молоканъ. Вскорѣ одинъ изъ нихъ—крестьянинъ П. отдалъ дочь свою за субботника, при чемъ вѣнчаніе совершалъ коренной еврей изъ Балашова.

⁴⁾ См. «Мисс. Обзоръ» с. г. № 6.

К. Перетрухинъ съ сыномъ. Для миссіонеровъ, знакомыхъ съ пріемами и арсеналомъ корифеевъ австрійской болтовни—въ родѣ Швецова, Усова, Мельникова и Перетрухина, бесѣда по существу новаго ничего не сообщала; къ тому же 2 съ небольшимъ часа, общая продолжительность бесѣды, это столь короткое время, что такіе говоруны, какъ К. Перетрухинъ, могутъ за это время только *начать* свою рѣчь: они привыкли бесѣдовать часовъ по 8—10 подрядъ; а за 2 часа съ ними можно, такъ себѣ, только перекинуться общими фразами и ни до чего опредѣленнаго не договориться. Поэтому бесѣда можетъ представлять интересъ развѣ только со внѣшне-технической стороны.

Изложивъ ученіе, по слову Божію и свято-отеческому, о церкви Христовой, ея составѣ (съ 3 чин. іерархіей и 7 тайнами), вѣчности и неодолимости, миссіонеръ ставитъ собесѣднику вопросъ о томъ, всегда-ли до скончанія вѣка должна пребывать въ таковомъ видѣ церковь Христова? Перетрухинъ, уже значительно поспѣдѣвшій, слышалъ такой вопросъ на своемъ расколо-апологетическомъ вѣку, вѣроятно, тысячу разъ, и онъ заговорилъ спокойно и какъ по писаному: кто и никогда не видалъ его въ качествѣ защитника австрійщины, могъ догадаться, что онъ повторяетъ свою апологію тысячный разъ; рѣчь его текла ровно, спокойно, безъ одушевленія и живого участія къ ея предмету. Въ цѣляхъ оправданія отсутствія въ раскольничьемъ обществѣ въ продолженіе 180 лѣтъ епископства, а значитъ и законнаго священства и таинствъ, Перетрухинъ вычитывалъ изъ разныхъ книгъ о возможности погрѣшить и впасть въ ересь *всему* епископскому чину, что „паденіе іерархической лѣстницы началось еще съ апостоловъ“ (!?), которые не вѣрили воскресенію Христову (Мр. 16, 14), что Христово обѣтованіе о неодолимости церкви относится къ самой вѣрѣ, а не къ людямъ (іерархіи), которымъ обѣтованія даны Спасителемъ подъ условіемъ, отъ соблюденія коего зависитъ и исполненіе обѣтованнаго (извѣстныя выраженія въ толк. Теоф. Мо. 5, 95 стр. „Азъ зажигахъ свѣтъ сердца вашего... а еже не угаснути благодати, сущей въ васъ, на вашемъ подвижѣ будетъ сіе“ и Златоуста: „небо всячески будетъ съ нами (Господь) егда себѣ далече творить“ толк. на 14 посл. ап. Павла стр. 2358), что слова Златоуста: „не можетъ бо церковь безъ епископа быть“ (Марг. житіе 154 л. об.) относятся не ко вселенской церкви, а къ частной—каѳедральной константинопольской (точно часть больше цѣлаго: часть не можетъ быть безъ епископа, а цѣлое можетъ!) и т. п. Перетрухинъ, какъ искусный лопцманъ, хитро обходилъ въ цитуемыхъ имъ мѣстахъ святоотеческихъ твореній всѣ подводные камни для австрійщины. Миссіонерамъ, имѣвшимъ уже дѣло съ Перетрухинымъ и его сотоварицами по ремеслу, камни эти извѣстны. Тутъ у раскольничьихъ начетчиковъ что ни цитата, то ложь. И на публичныхъ бесѣдахъ миссіонеру безусловно необходимо провѣрять каждую раскольничью ссылку, и возможно по книгамъ расколь-

никовъ же чтобы не оставлять у слушателей недоумѣнья хотя бы по одной, приведенной раскольникомъ цитатѣ. Почему большія бесѣды, или какъ говорятъ о нихъ въ селахъ и деревняхъ „заправскія, настоящія“, и затягиваются иногда на полсутокъ безъ отдыха. По условіямъ мѣста, времени и другимъ, настоящая бесѣда въ залѣ общества такой длинной не могла быть.

Д. И., въ краткихъ но сильныхъ словахъ отвѣтилъ на разглагольствіе Перетрухина и указавъ по существу на его неправость,—что якобы перковъ можетъ лишиться когда—л. до окончанія вѣка своей неотъемлемой части епископства—іерархіи, настаивалъ, чтобы собесѣдникъ показалъ отъ писанія и св. отцовъ, что вселенская церковь можетъ существовать на землѣ безъ іерархіи.

Въ бесѣду вступилъ, замѣнивъ отца, сынъ Перетрухина, молодой человекъ безусый еще, въ чистенькомъ черномъ сюртучкѣ, крахмальной со стоячимъ воротничкомъ сорочкѣ съ чернымъ, галстухомъ (а это по раскольникъ—„удавлинина никоніанская“, отъ которой будто бы еще апостольскій соборъ повелѣлъ удаляться!) и въ пѣнснѣ, которое раскольникій пижонъ поминутно поправлялъ. Молодой школьникъ австрійской апологіи повторялъ доводы своего „родителя“ съ важностью „заправскаго“ богослова и съ развязностью и смѣлостью, граничащими съ дерзостью. „Наизусть“ зная, что обычно и прежде всего надо отвѣчать миссіонерамъ, когда они проповѣдуютъ, что всѣ епископы православной церкви не могутъ впасть въ ересь,—т. е. что этимъ они проповѣдуютъ якобы непогрѣшимость всѣхъ епископовъ, сынъ Перетрухина, плодъ, достойный древа, съ этого именно и началъ.

— Миссіонеръ утверждаетъ, что епископы не могутъ погрѣшать, заговорилъ онъ.

Д. Ив. обращаетъ вниманіе слушателей, что этого онъ никогда не утверждалъ.

Слушатели шумными протестами выражаютъ свое неудовольствіе на клевету молодого начетчика. Но послѣдній, видимо, ужъ значительно утерять чувство стыда: онъ извернулся, пояснился,—а предъ толпой говорить, повидимому, уже привыкъ, и, ничуть не смутившись, продолжаетъ свою рѣчь. Съ особеннымъ удареніемъ онъ остановился на „невѣріи“ апостоловъ, вышеприведенныхъ выраженіяхъ изъ толкованій Теофилакта и Златоуста (5 гл. Мѡ. и—на 14 посл. стр. 2358) и на условности обѣтованія о „неодолимости отъ вратъ адовыхъ“, даннаго церковнымъ пастырямъ.

Д. И., указавъ на то, что „невѣріе“ апостоловъ было въ то время, когда они не обладали еще полнотою вѣдѣнія о Христѣ—и благодатію—до сошествія на нихъ Св. Духа и что обѣтованія Христовы церкви быть „неодолимой“, какъ и слова Златоуста—„не можетъ церковь безъ

епископа быти“, сказаны безусловно, просилъ показать отъ писанія свидѣтельство того, чтобы послѣ сошествія Св. Духа всѣ апостолы и ихъ преемники—епископы могли впасть въ ересь.

Н. М. Гринякинъ, въ недоизрасходованныя очередныя минуты миссіонера, разъяснилъ предъ слушателями, что австрійскіе начетчики въ бесѣдахъ на взятую тему сознательно путаютъ понятія „грѣха“ и „ереси“, чтобы показать возможность впаденія въ ересь *всѣхъ* епископовъ, поелику они всѣ, молъ, не безгрѣшны. Н. М. показалъ, что есть „грѣхъ нравственный“, отъ котораго не свободенъ ни одинъ человѣкъ (1 Іоан. 1, 8) и въ которомъ человѣку нужно простить согрѣшающаго брата „до седмижды семидесяти разъ“ (Мѡ. 18, 21—22), и—„ересь“, за которую еретичествующій отлучается отъ церкви послѣ „перваго и втораго вразумленія“ (Тит. 3, 10), и что согрѣшенія епископовъ никакъ нельзя ставить въ еретичество ихъ по которому они всѣ перестали бы быть истинно-православными епископами. Затѣмъ Н. М. разобралъ ссылки Перетрухина на Теофилакта и Златоуста (вышеуказанныя) и изъ тѣхъ же мѣстъ вычиталъ, что тамъ рѣчь идетъ о „житіи“ и „нравственныхъ“ грѣхахъ, а не о ереси въ которую могутъ якобы впасть всѣ епископы, послѣ чего вся Христова церковь осталась бы безъ священства. Въ заключеніе г. Гринякинъ привелъ свидѣтельства изъ раскольничьей же книги („истинность старообрядствующей іерархіи“—Швецова), что „благодать оскудѣваетъ съ пресѣченіемъ преемства епископскаго“ (какъ у австрійцевъ), прочитаны стр. „истинности“—71, 93, 131.

Перетрухинъ (отецъ) лишь разбавляетъ пустословіемъ (отъ себя) свои прежніе доводы. Д. И. кратко отвѣчаетъ собесѣднику, резюмируетъ бесѣду, дѣлаетъ заключеніе о невозможности истинно-церковнаго состоянія безъ епископства и бесѣда заканчивается общей молитвой.

Перетрухинъ, видимо, твердо держится вѣры въ безнародную церковь: онъ относитъ слова обѣтованія Христова о „неодольности“ церковной „отъ вратъ адовыхъ“ только къ „вѣрѣ“, такъ какъ, допуская возможность паденія въ ересь, по грѣховности, *всѣхъ* епископовъ, онъ не можетъ затѣмъ отрицать того, что по грѣховности же могутъ и всѣ впасть въ ересь: и пресвитеры, и діаконы и міряне, а „упованіе“ само можетъ висѣть со своей недолюдиности хоть на облакахъ. По блаж. Теофилакту (Благов. Мѡ. 67 зач.) „упованіе“—„исповѣданіе“ есть только „основаніе“ церкви, а не самая церковь, и по ап. Павлу „сердцемъ вѣруется въ правду, *усты* же исповѣдуются во спасеніе“ (Рим. 10, 10); ужели не понятно для Перетрухина и его собратій, что безъ *сердца* и *устъ*, т. е. живого, вѣрующаго человѣка нѣтъ вѣры, безъ истинно-православныхъ христіанъ нѣтъ и церкви Христовой. Да,—„предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ“...

Н. Гринякинъ.

Корреспонденція „Миссіонерскаго Обзорнія“, извѣстія и замѣтки.

СЪ ДОНУ.

Миссіонерская экскурсія воспитанниковъ Донской духовной семинаріи.

24—26 апрѣля с. г. воспитанники 6 класса Донской дух. семинаріи въ количествѣ 32 человѣкъ совершили первую миссіонерскую экскурсію въ поселокъ Казинку, Ростовскаго округа, Донской области, для собесѣдованій съ мѣстными штундистами, которые проживаютъ въ этомъ поселкѣ въ количествѣ свыше 100 человѣкъ. Путь былъ совершенъ по жел. дорогѣ и частью на лошадяхъ и пѣшкомъ (18 верстъ). Экскурсіей руководилъ преподаватель по каедрѣ раскола и сектъ свящ. Евграфъ Овсянниковъ, епархіальный миссіонеръ Граціанскій. Поѣздъ пришелъ на ст. Степную въ 9 ч. вечера, а оттуда съ пѣніемъ пасхальнаго канона юные путники бодро, но не безъ утомленія, прибыли въ 2 ч. ночи въ Казинку, гдѣ нашли себѣ ночлегъ въ зданіи мѣстной церк. прих. школы. Прекрасно спѣвши въ утрое 25-го апрѣля, экскурсанты умиленно исполняли на литургіи церковныя пѣснопѣнія, чѣмъ доставили глубокое религиозное утѣшеніе православнымъ прихожанамъ поселка Казинки. Во время причастнаго стиха воспитанникъ 6 кл. А. Васильевъ сказалъ поученіе, въ которомъ изложилъ миссіонерское толкованіе евангельскаго чтенія о бесѣдѣ Спасителя съ самарянкою. По окончаніи литургіи о. Овсянниковъ и мисс. Граціанскій отправились къ штундистамъ въ домъ молитвенныхъ собраній. Тамъ происходило собраніе сектантовъ, приближавшееся уже къ концу. По окончаніи собранія, мисс. Граціанскій и о. Овсянниковъ произнесли рѣчи: первый выяснялъ вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ читать и толковать священное писаніе, второй выяснилъ незаконность и неспасительность сектантскихъ молитвенныхъ собраній въ отдѣленіи отъ истинной церкви Христовой. Сектанты слушали со вниманіемъ рѣчи миссіонеровъ. На приглашеніе придти на миссіонерскую бесѣду, назначенную въ церковной оградѣ, сектанты отвѣтили полнымъ согласіемъ, предупредивъ только, что возражать они не будутъ, а

будутъ только слушать. Въ 12 часовъ дня по звону въ церковный колоколь стали собираться въ церковную ограду православные и сектанты. До начала бесѣды, семинаристы вступали съ сектантами въ частныя бесѣды и выясняли православнымъ истину православнаго вѣроученія. Будущіе пастыри-миссіонеры раздѣлились на группы, собрали около себя двухъ-трехъ сектантовъ и обличали спокойно и толково неосновательность ихъ ученія и обвиненій православной церкви. Скоро въ церковной оградѣ на особо устроенномъ помостѣ началось собесѣдованіе. Предъ началомъ его воспитанникомъ 6 класса Владиміромъ Чунихинымъ была произнесена рѣчь о священномъ преданіи, какъ источникѣ вѣроученія, равночестномъ священному писанію. Собесѣдованія по вопросу о священномъ преданіи, иконопочитаніи и другимъ вопросамъ продолжались около 4-хъ часовъ. Сектанты, обѣщавшіе хранить молчаніе, жестоко спорили, проявивъ всю свою діалектику, но основательно были обличены миссіонерами. Воспитанники семинаріи съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ собесѣдованія. Нѣсколько воспитанниковъ вели точную запись собесѣдованія. По окончаніи бесѣды воспитанники съ наставникомъ и миссіонеромъ посѣтили домъ молитвенныхъ собраній сектантовъ. Сектанты приняли привѣтливо, исполнили нѣсколько штудовыхъ пѣсень, старшіе изъ нихъ произнесли импровизированныя молитвы. Миссіонеры снова обратились къ сектантамъ съ рѣчами о необходимости единенія всѣхъ въ церкви Христовой. Одинъ изъ воспитанниковъ снялъ фотографію съ комнаты молитвенныхъ собраній сектантовъ со всѣми ея принадлежностями и группу ихъ самихъ. Вечеромъ 25-го апр. экскурсанты отправились на ст. Степную, откуда благополучно 26 апрѣля прибыли въ г. Новочеркасскъ. На обратномъ пути экскурсанты обмѣнивались своими впечатлѣніями отъ бесѣды. Поѣздка оказалась весьма удачной и многополезной. Свои теоретическія познанія по сектовѣдѣнію здѣсь семинаристы имѣли возможность провѣрить на опытѣ. Нѣтъ нужды доказывать великую пользу отъ миссіонерскихъ экскурсій для дѣла пастырской приходской миссіи. Тамъ, гдѣ теоретическія познанія провѣряются на практикѣ, менѣе возможны ошибки при выступленіи пастырей-миссіонеровъ на поприще собесѣдованій съ сектантами. Если же принять во вниманіе, какъ пагубны ошибки начинающихъ собесѣдниковъ и полемистовъ, то нельзя не привѣтствовать подобныхъ миссіонерскихъ экскурсій, какъ самаго лучшаго способа практическаго подготовленія кандидатовъ священства къ миссіонерской дѣятельности.

О.

Преосвященный Ириней, епископъ Орловскій и Сѣвскій.

(Некрологъ).

Преосвященный Ириней, какъ вѣрный стражъ порученнаго ему стала, умеръ 10 апрѣля на своемъ посту, при исполненіи служебнаго долга. Съ утра онъ принималъ просителей и сдѣлалъ даже распоряженіе относительно своего служенія къ предстоящему воскресному дню. Во время приѣма послѣдняго просителя съ нимъ сдѣлалось дурно, открылась рвота и въ началѣ второго часа, владыка отошелъ въ вѣчность: скончался онъ на 68 году отъ рожденія отъ паралича сердца.

Жизнь и дѣятельность почившаго владыки была настолько многостороннею и многостороння, настолько кипуча и полна неизсякаемой энергіи, что поражала всѣхъ близко стоявшихъ къ нему и знавшихъ его. Девизомъ его жизни—былъ *трудъ непрерывный*, направленный къ неукоснительному исполненію долга и выполненію обязанностей, возлагаемыхъ Провидѣніемъ на рамена почившаго съ первыхъ дней его служебнаго поприща даже до послѣдняго предсмертнаго вздоха. Почившій владыка на всѣхъ ступеняхъ своего общественнаго служенія всегда и во всемъ былъ первымъ работникомъ и для всѣхъ образцомъ трудолюбія и исполнительности. Какъ высокообразованный человѣкъ, глубокопроникавшій въ сущность явленій окружающей жизни, почившій владыка всюду вносилъ въ свою дѣятельность струю оригинальности, жизненной правдивости и практичности. За какое-бы дѣло онъ ни брался, всегда онъ подходилъ къ разрѣшенію его прямо, съ наиболѣе правильной и практической стороны. Мало этого, онъ всегда и вездѣ умѣлъ, весьма кстати, потому вполне своевременно, откликнуться на запросы времени на злобу дня, и обратить вниманіе на самыя существенныя нужды даннаго времени и среды. Поэтому вполне понятно, что владыка Ириней, въ должности преподавателя семинаріи, ректора семинаріи, редактора журналовъ, епархіальнаго преосвященнаго, всегда и вездѣ, оставлялъ въ своей дѣятельности „слѣдъ неизгладимый“. Преосвященный немало трудился и для дѣла миссіи. Вотъ почему нашъ журналъ считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ почтить память почившаго святителя.

Почившій владыка—сынъ священника Полтавской губерніи Михаила Орды; въ мѣрѣ Харисимъ Орда. Высшее образованіе получилъ въ Кіевской духовной академіи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1861 году, и тогда-же былъ назначенъ преподавателемъ въ Екатеринославскую семинарію по словесности а въ 1864 году переведенъ въ Кіевскую семинарію на кафедру священнаго писанія. Переселившись въ Кіевъ, Х. М. Орда свои силы посвящаетъ ученымъ и преподавательскимъ трудамъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1877 г. рукоположенъ во священника проходилъ должность законоучителя въ епархіальномъ женскомъ училищѣ и мужской гимназіи; съ 1879 по 1883 г. былъ приходскимъ священникомъ при Кіево-Подольской церкви Добраго Николая; въ 1883 г. принимаетъ монашество съ именемъ Ириней и съ того-же 1883 по 1888 г. съ рѣдкой энергіей несетъ обязанности ректора Кіевской духовной семинаріи; въ 1888 году архимандритъ Ириней былъ хиротонисанъ во епископа Уманскаго, втораго викарія Кіевской епаріи. Послѣ четырехлѣтнаго епископскаго служенія, въ качествѣ викарія Кіевской епархіи, преосвященный Ириней занимаетъ рядъ самостоятельныхъ архіерейскихъ кафедръ: Могилевскую (1892—

1893 г.), Тульскую (1893—1896 г.), Подольскую (1896—1900 г.), Екатеринбургскую (1900—1902 г.) и Орловскую (1902—1904 г.).

Въ качествѣ преподавателя Х. М. Орда стяжалъ славу глубокаго и основательнаго знатока священнаго писанія, на изученіе котораго онъ употребилъ лучшіе годы своей жизни. По отношенію къ питомцамъ онъ былъ строгъ и требователенъ; велъ дѣло преподаванія такого труднаго предмета, какъ священное писаніе, весьма живо и занимательно и умѣлъ заохотить учениковъ серьезно изучать текстъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Не останавливаясь на мелочахъ, весьма наглядно онъ отдѣлялъ существенное отъ несущественнаго и обладалъ способностью держать весь классъ въ напряженіи. Письменнымъ работамъ придавалъ большую цѣну и поощрительными рецензіями вливалъ духъ энергіи своимъ питомцамъ при написаніи „сочиненій“.

Свои досуги Х. М. посвящалъ литературнымъ трудамъ, принимая живое участіе во всѣхъ кievскихъ органахъ. Въ академическомъ органѣ: „Труды Кіевской Духовной Академіи“ онъ, помимо своихъ сочиненій, помѣщалъ библіографію иностранныхъ богословскихъ книгъ; потомъ онъ издавалъ и редактировалъ журналъ „Воскресное Чтеніе“, въ которомъ помѣщалъ весьма много своихъ статей, преимущественно по священному писанію. Х. М. Орда стяжалъ себѣ извѣстность не только, какъ редакторъ и издатель, но и какъ первый составитель учебниковъ по предмету Св. Писанія Ветхаго Завѣта. Онъ составилъ „Руководство къ послѣдовательному чтенію пророческихъ книгъ Ветхаго Завѣта“, удостоенное преміи Митрополита Макарія и выдержавшее множество изданій; затѣмъ „Руководство къ послѣдовательному чтенію учительныхъ книгъ Ветхаго Завѣта“. Оба эти руководства введены въ качествѣ пособія при изученіи Св. Писанія Ветхаго Завѣта ученикамъ III и IV классовъ духовныхъ семинарій. Но самымъ важнымъ трудомъ его нужно признать составленное имъ „Руководственное пособие къ пониманію Псалтири“, до сихъ поръ не утратившее своей цѣнности и являющееся лучшимъ руководствомъ при изученіи Псалтири. Его же перу принадлежитъ первый въ русской литературѣ разборъ кощунственнаго произведенія Ренана „Жизнь Иисуса“, а также нѣсколько апологетическихъ сочиненій: „За вѣру и противъ невѣрія“, „Ложныя и опасныя современныя мудрствованія“ и „Безъ Христа нѣтъ истиннаго образованія, нравственности и благосостоянія“. Небезызвѣстенъ онъ также, какъ и переводчикъ цѣлыхъ сочиненій съ иностранныхъ языковъ. Такъ,—онъ перевелъ—съ нѣмецкаго составленную въ противовѣсъ Ренаповскому сочиненію книгу „Жизнь Иисуса Христа“;—съ греческаго „Толковую псалтирь Евфимія Зигабена“, съ англійскаго — „Мученики Колизея“ и съ французскаго—„Пастырскія посланія апостола Павла“.

Наиболѣе плодотворнымъ періодомъ учено-литературной дѣятельности Х. М. Орды нужно признать 1883—1888 годы—годы его ректорства въ Кіевской духовной семинаріи. Ставши ректоромъ семинаріи, архимандритъ Приней, съ свойственной ему энергіей и опытностью много поработавшаго литератора, принялъ на себя обязанности редактора журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“, издающагося при семинаріи,—и въ самое короткое время реформировалъ журналъ до неузнаваемости: при этомъ журналъ сталъ издаваться особыми книгами „Проповѣди“ и „Богословско-библіографическій листокъ“. Архимандритъ Приней, въ качествѣ редактора, самъ работалъ, не покладая рукъ; сумѣлъ также привлечь къ участію въ

сотрудничествѣ преподавателей семинаріи и профессоровъ академіи. За время редакторства архимандрита Ириней журналъ завоевалъ почетное мѣсто въ нашей духовной журналистикѣ, былъ самымъ жизненнымъ и отвѣчающимъ на современные запросы органомъ. „Руководство для сельскихъ пастырей“ въ это время не оставляло безъ отвѣта ни одного злободневнаго вопроса изъ духовной жизни безъ обсуждения на своихъ страницахъ. Въ великую заслугу редактору нужно поставить то обстоятельство, что онъ сумѣлъ къ участию въ проповѣдническомъ отдѣлѣ привлечь по преимуществу сельскихъ пастырей, какъ наиболѣе знакомыхъ съ нуждами деревни, потому доставлявшихъ для журнала наиболѣе жизненный проповѣдническій матеріалъ. Потому нисколько неудивительно, что число подписчиковъ журнала возросло больше чѣмъ вдесятеро, противъ прежняго времени.

Архимандритъ Ириней, будучи предсѣдателемъ Кіевскаго епархіальнаго училищнаго Совѣта, подаль мысль объ изданіи при Совѣтѣ перваго спеціального журнала, посвященнаго разработкѣ вопросовъ по церковно-школьному дѣлу; и тогда имъ былъ основанъ журналъ „Церковно-приходская Школа“, существующій и донинѣ.

Административно-педагогическая дѣятельность архимандрита Ириней, въ качествѣ ректора Кіевской духовной семинаріи, заслуживаетъ глубокаго вниманія. Будучи поборникомъ порядка, законности и исполнительности, арх. Ириней того же требовалъ и отъ учителей, и отъ лицъ инспекторскаго надзора, и отъ учениковъ. Онъ былъ первымъ неустаннымъ работникомъ во главѣ ввѣренной ему семинаріи, вникалъ во всѣ нужды семинарской жизни и желалъ видѣть въ лицѣ наставниковъ и лицъ инспекторскаго надзора единокружныхъ сотрудниковъ въ многотрудномъ учебно-воспитательномъ дѣлѣ. Его неутомимость и удивительная энергія отражалась и на всемъ учебно-воспитательномъ дѣлѣ въ семинаріи; и какъ электрическая искра передавалась наставникамъ, а отъ наставниковъ къ питомцамъ. Начертавъ на своемъ знаменіи девизъ: „законность, справедливость, трудолюбіе и серьезное отношеніе къ дѣлу“, ректоръ Ириней всяческими мѣрами ввѣдрялъ эти принципы въ юныя сердца своихъ питомцевъ. И въ результатѣ труды его принесли обильный плодъ. Кіевская семинарія въ ректорство арх. Ириней достигла такого блестящаго состояніи въ учебно-воспитательномъ отношеніи, что ея питомцы, поступившія въ число студентовъ Кіевской духовной академіи, поддерживали много лѣтъ съ честью достоинство своей семинаріи, а посвятившіе свои силы пастырскому служенію въ качествѣ сельскихъ приходскихъ священниковъ и доселѣ являются лучшими и добросовѣстнѣйшими „стражами стада Христова“ и въ пастырскомъ и церковно-школьномъ дѣлѣ. Даже недруги архимандрита Ириней (а ихъ у него всегда было не мало) такъ отзываются о ректорской его дѣятельности: „Слова нѣтъ: „иринеевскій режимъ“ былъ тяжелъ; но мы всѣ почти подчинялись ему; видѣли предъ собою умнаго и авторитетнаго начальника и перваго работника; будучи человекомъ дѣла, того же требовалъ онъ и отъ другихъ“.

Періодъ епископскаго служенія преосвященнаго Ириней, обнимающій собою почти 16 лѣтъ (1888—1904 г.), полонъ не менѣ кипучей и разнообразной дѣятельности, чѣмъ оба предыдущіе періоды. Въ бытность свою викаріемъ Кіевской епархіи (1888—1892 г.) преосвященный Ириней первый обратилъ серьезное вниманіе на церковно-приходскія школы и миссіонерское

дѣло. Въ Кіевской епархіи, начиная съ 1870 года, штунда свила себѣ прочное гнѣздо и къ 1888 году сектантство распространилось по всей почти губерніи, насчитывая въ своихъ рядахъ немалое количество adeptовъ. До 1889-го года противосектантская миссія въ Кіевской епархіи была въ младенческомъ состояніи: дѣло борьбы велось безъ всякой системы и послѣдовательности; правильно поставленнаго института миссіонерскаго не существовало, да и свѣдѣній, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, о состояніи сектантства и числѣ сектантовъ епархіальная власть не имѣла. Инициатива устройства правильной противосектантской миссіи въ Кіевской епархіи всецѣло принадлежитъ преосвященному Иринею. Въ началѣ 1889 года, по предложенію Владыки, были консисторіей разосланы во всѣ приходы запросные пункты для выясненія вопроса о состояніи штундизма. Результатомъ этой переписки было учрежденіе института свѣтскихъ противосектантскихъ миссіонеровъ для епархіи изъ лицъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ. Первыми противосектантскими миссіонерами въ 1889 году въ Кіевской епархіи въ свѣтскомъ званіи были: преподаватель мѣстной духовной семинаріи (редакторъ нашего журнала), В. М. Скворцовъ и кандидаты богословія І. Л. Ольшевскій и П. А. Козицкій. Преосвященный съ особенной любовью и энергіей взялъ на себя нелегкое дѣло руководства юной тогда противосектантской миссіей.

По его указаніямъ миссіонеры не только вели собесѣдованія съ сектантами зараженными мѣстностей епархіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и изучали штундизмъ, находившійся тогда въ періодѣ формировація; они представляли преосвященному подробные рапорты о результатахъ своихъ поѣздокъ и миссіонерскихъ собесѣдованій. Владыка чрезвычайно интересовался дѣломъ миссіи; вникалъ во всѣ подробности отчетовъ и докладовъ миссіонеровъ. Многіе изъ этихъ докладовъ появились въ печати. По указаніямъ Преосвященнаго составлена была миссіонеромъ І. Л. Ольшевскимъ первая въ печати „Краткая программа для собиранія свѣдѣній о штундизмѣ и указаніе, какъ вести собесѣдованія съ сектантами“, а также весьма обстоятельное, рѣдкое по полнотѣ и основательности руководство для борьбы съ штундизмомъ подъ заглавіемъ: „Обличеніе штунды (въ библейскихъ текстахъ)“. Другой миссіонеръ П. А. Козицкій составилъ „Нѣсколько практическихъ наставленій священникамъ для борьбы со штундизмомъ“. третій—В. М. Скворцовъ первый началъ проливать свѣтъ на штунду въ публицистикѣ, затѣмъ основалъ первый противосектантскій журналъ „Мисс. Обозр.“. Миссіонеръ И. И. Троицкій, заступившій мѣсто П. А. Козицкаго, также составилъ цѣнный трудъ „Штундизмъ; разборъ ученія его“. Урежденный преосвященнымъ Иринеемъ институтъ свѣтскихъ противосектантскихъ миссіонеровъ не только привился въ Кіевской епархіи, благодаря своей жизненности и благовременности его учрежденія, но по образцу Кіевской епархіи были учреждены и въ другихъ зараженныхъ сектантствомъ епархіяхъ.

Вопреки ходячему взгляду на дѣятельность миссіонеровъ, которая должна немедленно же выражаться въ видимыхъ результатахъ, т. е. въ непосредственномъ послѣ собесѣдованій обращеніи сектантовъ въ лоно церкви, преосвященный Ириней держался нѣсколько иного взгляда; онъ всегда и вездѣ проводилъ ту мысль, что „дѣло миссіонеровъ насаждать истину православія, напаять же и возвращать посѣянное будетъ Богъ“. Потому онъ никогда не ставилъ вопроса миссіонерамъ, по возвращеніи ихъ изъ поѣз-

докъ въ зараженные сектантствомъ мѣстности, „а сколько обращено вами штудистовъ во время вашей послѣдней командировки“?

Съ конца 1892 года преосвященному Иринею, волею судебъ вручается *страннический* посохъ и въ теченіе 11½ лѣтъ ему суждено было побывать на пяти епископскихъ кафедрахъ. Но гдѣ ни святительствоваць почившій владыка—въ Могилевѣ ли, Тулѣ,—Каменецъ-Подольскѣ, Екатеринбургѣ или Орлѣ—вездѣ онъ своею неутомимой и энергичной дѣятельностью оставлялъ болѣе чѣмъ замѣтный слѣдъ. Во всѣхъ епархіяхъ онъ преслѣдовалъ всегда одну и ту-же цѣль. Именно, Владыка съ особою любовью относился къ духовно-учебнымъ заведеніямъ, слѣдилъ за правильнымъ ходомъ учебно-воспитательнаго въ нихъ дѣла и вникалъ во всѣ подробности жизни ихъ, порядка и строя. Не меньше онъ заботился и о духовенствѣ; воспитывалъ въ немъ духъ порядка церковности и учительности; при обзорѣннхъ приходоѡ вникалъ во всѣ стороны жизни священно-церковно-служителей, интересовался ихъ матеріальнымъ положеніемъ и особенное вниманіе обращалъ на добросовѣстное выполненіе ими пастырскихъ обязанностей.—Предметомъ особаго попеченія почившаго архипастыря была и паства; въ своихъ многочисленныхъ бесѣдахъ онъ призывалъ паству къ святой церкви, проводя ту мысль, что только въ церкви Христовой, съ ея благодатными таинствами, и въ молитвенномъ общеніи съ нею возможно спасеніе. Церковно-приходская школа, какъ естественная союзница въ дѣлѣ церковнаго учительства, была во всѣхъ епархіяхъ любимымъ дѣтищемъ, самымъ близкимъ къ сердцу почившаго владыки. Особенно онъ обращалъ вниманіе на женскія церковно-приходскія школы, признавая важное значеніе въ крестьянскомъ быту образованія жены и матери, какъ распространительницы народнаго просвѣщенія. Не была оставлена безъ вниманія преосвященнымъ Иринею и богослужебная сторона: онъ обращалъ вниманіе на богослужебные порядки, на истовое церковное чтеніе и въ особенности церковное пѣніе; вмѣнялъ въ обязанность духовно-учебнымъ заведеніямъ и церковно-приходскимъ школамъ приготавливать хорошихъ чтецовъ и пѣвцовъ. Ни на одной изъ кафедръ почившимъ владыкою не было забыто и миссіонерское дѣло. Упорядоченіе приходской жизни съ церковными ея интересами—храмомъ, школой, братствами и церковными попечительствами входило въ непремѣнную программу епархіальной дѣятельности преосвященнаго Ирины. Такова была дѣятельность почившаго владыки въ качествѣ епархіальнаго архіерея во всѣхъ преемственно ввѣряемыхъ ему пяти епархіяхъ.—Можно только удивляться и поражаться неистощимой энергіей и многосторонностью духовныхъ дарованій преосвященнаго Ирины и глубоко благоговѣть предъ его памятыю, скорбя, что смерть преждевременно вырвала его изъ рядовъ передовыхъ архипастырей нашей отечественной церкви.

Достоинъ особаго вниманія, что почившій іерархъ въ бытность свою епархіальнымъ архіереемъ съ особою любовью относился къ мѣстнымъ епархіальнымъ литературнымъ органамъ „къ Епархіальнымъ вѣдомостямъ“. Во всѣхъ епархіяхъ, гдѣ Богъ судилъ святительствоваць почившему владыкѣ, епархіальныя вѣдомости въ самое короткое время преобразовывались до неузнаваемости. Покойный владыка умѣлъ находить вездѣ какъ литературныхъ работниковъ, такъ и животрепещущія, злободневныя темы для мѣстнаго епархіальнаго органа. Потому-то Епархіальныя вѣдомости всѣхъ тѣхъ епархій, гдѣ управлялъ преосвященный Ириней, по содержательности

своей и своему руководственному направленію занимали одно изъ передовыхъ мѣстъ среди другихъ епархіальныхъ органовъ. Особенно обращали на себя вниманіе своею многосодержательностью и разнообразіемъ содержанія помѣщаемыхъ статей Тульскія, Подольскія и Орловскія Епархіальныя вѣдомости, такъ какъ на этихъ епархіяхъ преосвященному Иринею пришлось святительствовать дольше, чѣмъ въ другихъ епархіяхъ.

Нельзя также не отмѣтить и того факта, что преосвященный Ириней пользовался славою виднаго проповѣдника-писателя. На всѣхъ епископскихъ, преемственно вѣряемыхъ ему кафедрахъ, онъ произносилъ и печаталъ не мало поученій, всегда отличавшихся оригинальностью и живостью мысли, простотою и общедоступностью изложенія,—къ тому же полныхъ жизненнаго интереса. Выдающіяся по своему интересу проповѣди почившаго владыки конечно извѣстны нашимъ читателямъ, такъ какъ онѣ часто появлялись на страницахъ Церковныхъ Вѣдомостей, потому распространяться о нихъ считаемъ излишнимъ.

Такова была жизнь и дѣятельность почившаго преосвященнаго Иринея, епископа Орловскаго и Сѣвскаго. Мы вполне увѣрены, что исторія отведетъ почетное мѣсто почившему владыкѣ, какъ видному церковно-общественному дѣятелю, энергичному церковному администратору и высокопросвященному іерарху русской церкви конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Мы увѣрены, что будущій историкъ-біографъ изобразитъ въ своемъ трудѣ во всей мощи и величіи свѣтлую, личность преосвященнаго Иринея, умершаго на своемъ посту, какъ доблестный вождь вѣренной его попенію церкви Христовой, и что труды почившаго владыки, въ особенности по епархіальному управленію, не пройдутъ безслѣдно въ дѣлѣ устроенія нашей церковной жизни и по достоинству будутъ опѣнены всѣми, кому дороги интересы преуспѣянія нашей церкви и отечества. Противосектантская же миссія наша навсегда сохранитъ благодарную память о преосвященномъ Иринеѣ, и на своихъ скрижаляхъ золотыми буквами впишетъ имя владыки, какъ незабвеннаго организатора, устроителя и печаловника великаго дѣла борьбы съ развѣдающимъ нашъ церковный организмъ сектантствомъ.

II. Козникій.

Присоединеніе къ православной церкви раскольниковъ мо-
наха.—Недавно въ единовѣрческой церкви г. Измаила, Бессарабской губерніи, совершенно присоединеніе изъ раскола къ православной церкви бывшаго глаголемаго священно-инокъ Анатолія, 70 лѣтъ.

Переходъ уніатовъ въ православіе. «Діло» сообщаетъ, что всѣ жители деревни Залучья, около Снятина (въ Галиціи), заявили, что они не желаютъ болѣе быть уніатами и обратились къ православному митрополиту въ Черновцахъ, съ просьбой принять ихъ въ лоно православной церкви и назначить къ нимъ православнаго священника. До настоящаго времени, какъ сообщаетъ та же газета, они не получили отъ православной консисторіи въ Черновцахъ никакого отвѣта, и потому обратились къ депутату профессору Пигуляку съ просьбой, чтобы онъ помогъ скорѣйшему осуществ-

вленію ихъ желанія. Среди высшаго униатскаго духовенства происшествіе это вызвало большое смущеніе, и митрополитъ Шептицкій готовится употребить всѣ усилія, чтобы отговорить залучанъ отъ приведенія въ исполненіе ихъ намѣренія.

Кіевскіе уѣздные миссіонерскіе съѣзды. Учрежденные въ Кіевской епархіи еще въ 1894 году, по мысли и инициативѣ В. М. Скворцова, уѣздные миссіонерскіе съѣзды до сихъ поръ продолжаютъ широко и плодотворно развивать свою дѣятельность. Въ нынѣшнемъ году такіе съѣзды состоятся въ м. Тальномъ, Уманскаго уѣзда, съ 31 мая по 5 іюня, и въ с. Кривомъ, Сквирскаго уѣзда, съ 14 по 19 іюня, при этомъ выработана слѣдующая программа занятій. Въ первый день (31 мая), послѣ совершенія въ храмъ „послѣдованія молебнаго пѣнія объ обращеніи заблудшихъ, пѣваемаго въ недѣлю православія и во иныхъ потребныхъ случаяхъ“, откроются засѣданія съѣзда обсужденіемъ слѣдующихъ вопросовъ:

Обозрѣніе состоянія сектантства въ епархіи: численный ростъ и внутреннія измѣненія въ разныхъ толкахъ штундизма, преимущественно въ штундо-баптизмъ и малеванствѣ. Обозрѣніе средствъ сектантской пропаганды: проповѣдники, заграничныя книжки и брошюры, гектографы и письма. Обозрѣніе новостей противосектантской литературы. За симъ будутъ обсуждаться 1 іюня: Отношеніе сектантовъ къ вопросу о церкви: Ея сущности, свойствамъ и признакамъ: церковь, какъ единство всѣхъ истинно вѣрующихъ во Христа. Почему внѣ церкви нѣтъ спасенія. Грѣхъ сектантства. Святость церкви и грѣшные ея члены. Соборность церкви, вселенскіе соборы и ихъ авторитетъ. Апостоличность церкви и невозможность внѣшняго и внутренняго перерыва въ ея существованіи.

2 іюня. Отношеніе сектантовъ къ вопросу о благодати спасенія. Невидимая благодать и внѣшнія средства и дѣйствія. Условія дѣйственности таинствъ. Крещеніе въ водѣ, крещеніе младенцевъ. Миропомазаніе: его исторія и необходимость. Причащеніе: сущность таинства и внѣшній его образъ; кто имѣетъ право на его совершеніе. Покаяніе. значеніе устнаго исповѣданія грѣховъ и спасительная важность полученія разрѣшенія священническаго. Бракъ, его естественная сторона и значеніе благодатнаго церковнаго благословенія. Елеосвященіе и его мѣсто въ кругу другихъ таинствъ.

3 іюня. Священство; каноническія права и благодатный даръ священства. Личная жизнь священника. Уставность этой жизни, одежда священника и т. п. Плата за требосправленія. Богослуженіе, требы и посты.

4 іюня. Отношеніе сектантовъ къ внѣшнему церковному богочтенію: храмъ, какъ мѣсто особаго присутствія Божія и какъ домъ молитвы. Св. крестъ, какъ знаніе силы христіанской Св. иконы, какъ священные и удобопоклоняемыя изображенія Бога и Святыхъ Его.

5 іюня. Отношеніе сектантовъ къ Св. Писанію и Святому Преданію. Буква Писанія и духъ его. Историческій элементъ въ св. Писаніи. Необходимость Преданія по св. Писанію. Преданіе, какъ источникъ христіанскаго ученія и какъ памятникъ древней церкви. Книги церковныя. Право церкви издавать новые чины богослуженій.

16 іюня. Состояніе противосектантской миссіи въ епархіи. Что требуется отъ приходскаго священника для охраны православныхъ и для борьбы съ сектантствомъ. Помощь со стороны благочинническаго, окружного и епархіальнаго миссіонеровъ, а также со стороны высшей духовной власти. Публичные и частныя миссіонерскія собесѣдованія съ сектантами. Отношеніе къ миссіи православныхъ, гражданскихъ властей, образованнаго общества и печати свѣтской и духовной.

17 іюня. Организанія пастырской взаимопомощи для борьбы съ сектантствомъ. Пастырскіе миссіонерскіе комитеты и комиссіи въ другихъ епархіяхъ. Нарождающіеся пастырскіе союзы въ Кіевской епархіи. Значеніе этихъ союзовъ и средство ихъ оживленія: соборныя служенія, пастырскія собранія, бібліотеки, матеріальная взаимопомощь и проч.

18 іюня. Положеніе вопроса о приходѣ, какъ церковной и административной единицѣ. Разныя средства оживленія прихода. Близость священника къ прихожанамъ. Кружки ревнителѣй православія. Братства. Церковно-приходскія попечительства.

19 іюня. Чтеніе протоколовъ сѣзда. Благодарственное Богу молебствіе и закрытіе сѣзда.

Занятія миссіонерскихъ сѣздовъ будутъ происходить подъ руководствомъ епархіальныхъ миссіонеровъ: священника Саввы Потѣхина и Н. А. Бѣлогородскаго.

Высочайшая награда. Высочайшимъ приказомъ отъ 6 мая № 32 производятся, за отличіе, изъ статскихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники: чиновникъ особыхъ порученій, V класса, при Оберъ-Прокурорѣ Святѣйшаго Синода Василій *Скоорцовъ* и старшій помощникъ наблюдателя школъ церковно-приходскихъ и грамоты вѣдомства православнаго исповѣданія, членъ учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ Аванасій *Ванчаковъ*.

(Прав. Вѣстн.).

Пожертвованіе на духовныя назидательныя книги для войскъ дѣйствующей арміи.

— Въ распоряженіе конторы—редакціи „Мис. Обзор.“ поступило отъ Э. В-го 50 руб. на религіозно-назидательныя изданія для войскъ дѣйствующей арміи на Дальнемъ Востокѣ.

— Издатель религіозно-нравственныхъ брошюръ М. И. Макаревскій прислалъ въ контору редакціи „Мис. Обзор.“ для отсылки на Дальній Востокъ своихъ изданій большое количество экземпляровъ.

Зловѣщій случай въ Кронштадтѣ. Въ Кронштадтѣ, какъ извѣстно, существуетъ домъ трудолюбія, учрежденный усердіемъ о. Іоанна Кронштадтскаго. Въ названномъ домѣ отведена отдѣльная комната, предназначенная для о. Іоанна, гдѣ пастырь любитъ посидѣть и отдохнуть при посѣщеніи трудолюбцевъ. На-дняхъ прислуга дома обнаружила, что дверь ведущая въ комнату, была облита керосиномъ, видимо съ цѣлью поджога, который, однако, былъ заблаговременно предотвращенъ. Случай этотъ вызвалъ въ городѣ оживленные толки.

(Гражд.).

О Т К Л И К И.

**Изъ дневника о. І. Бронштадтскаго въ обличеніе лжеученія
гр. Толстого ¹⁾).**

Толстой отвергаетъ начало всѣхъ вещей—Слово Бога Отца, Сына Божія, Имже вся быша, Который есть Альфа и Омега—начало и конецъ (Откр. 1, 8).¹

Толстой, отрицая Личнаго Тріипостаснаго Бога, всеблагаго, безначальнаго, присносущнаго, премудраго, праведнаго, святаго, блаженнаго, всесовершеннаго, всемогущаго, допускаетъ только таинственное, безличное начало, давшее жизнь человѣку (странно, какъ безличное существо дало начало личному—это абсурдъ Толстовскій), не допуская Его правосудія, долженствующаго карать дерзкихъ хулителей Его святости и правды, напр. того же Льва Толстого, провозглашающаго на весь міръ, что Богъ есть виновникъ зла.

Назначеніе человѣка—вѣчная жизнь съ Богомъ и въ Богѣ (Филип. 1, 23); но Богъ никого не приметъ въ сожитіе съ Собою, кто не покается и не оставитъ пристрастія ко грѣху; «не преселится къ Нему лукавнуй, ниже пребудутъ беззаконницы предъ очима Его» (Пс. 5, 5—6) горитъ Псалмопѣвецъ Давидъ. «Кое общеніе свѣта ко тмѣ, правдѣ къ беззаконію» (2 Кор. 6, 14). И какъ мы всѣ грѣшныя, то всѣ должны покаяться и грѣхъ возненавидѣть и отъ грѣха отстать, грѣху не работать. И чтобы отстать отъ грѣха, не работать грѣху, мы получили отъ Бога всякіе силы и способы: свободную волю, природный разумъ, одобряющую добро совѣсть и осуждающую зло; особенную благодать Божію въ крещеніи и миропомазаніи, въ покаяніи и причащеніи; имѣемъ богодарованный постъ; умилительное, располагающее къ покаянію, богослуженіе; живое и дѣйственное Слово Божіе; поученія пастырей; законы

¹⁾ См. «Мисс. Обзор.», кн. 7, стр. 924.

гражданскіе, содѣйствующіе правильному теченію общественной жизни. Итакъ Богъ никого не приметъ къ Себѣ со грѣхомъ. Это мы всѣ должны твердо помнить; никакого гордеца, никакого невѣрующаго, въ родѣ Л. Толстого или толстовцевъ, никого преданнаго зависти, блуду, невоздержанію, чревоугодію и пьянству, никакого тата, лихонмца и корыстолюбца, никого преданнаго смѣху, ибо сказано: «горе вамъ смѣющимся, ибо возрыдаете и восплачете» (Лук. 7, 25).

Тварь не иначе можетъ существовать и благоденствовать, какъ соблюдая твердо законы Творца. Посмотри на природу, на небо, солнце, луну и звѣзды, на землю, на всю тварь, какъ она точно соблюдаетъ законы Творца. Левъ Толстой отвергъ Творца и вычеркнулъ изъ русскаго языка слово тварь, потому что не признаетъ, что твари суть твари, сотворенныя личнымъ разумнымъ Началомъ.

Верхъ дерзости Толстого заключается въ томъ, что въ виду близкой смерти своей онъ не боится Бога и суда Его и считаетъ себя правымъ, какъ и своихъ учениковъ, и богохульству своему не полагаетъ никакой мѣры; ужъ хулить, такъ хулить до конца, ужъ безумствовать, такъ безумствовать до конца! Геройство—чисто сатанинское, да еще и въ превосходной степени, ибо и самъ сатана боится Бога и трепещетъ уготованныхъ ему мученій, а ученикъ его превзошелъ и своего учителя.—Вотъ финалъ «Войны и мира» и «Анны Карениной» и прочихъ писаній Льва Толстого!

Какая превознесенная гордыня! Знай нашего Льва, вышедшаго изъ логовища Ясной Поляны и крѣпко рыкающаго не только на всю поляну, но на весь міръ. Крѣпкая пасть; могучіе нервы. И это—на краю гроба-то! А за гробомъ что будетъ? Весь адъ пробудится. Всѣ фараоны встанутъ и Рефанмы проснутся; всѣ Нероны, Калигулы, Деціи, Домиціаны, Юліаны,—всѣ гонители Христа и христіанства, и скажутъ: ай, русскій Левъ послѣднихъ временъ; ты и насъ далеко превзошелъ: и изъ христіанъ вышелъ надменнѣйшій, и лукавнѣйшій гонитель воспитавшей тебя Матери-Церкви. Присоединись же къ намъ на вѣки и пей чашу, которую ты себѣ приготовилъ, сгорай въ огнѣ негасимомъ, уготованномъ отцу твоему, діаволу, которому ты усердно служилъ.

«Всякъ, падый на камень, тотъ сокрушится, а на немже падеть, сотреть его» (Мѡ. 21, 44). Нечистая волна—Толстой—приразился дерзко къ несокрушимуу Камню-Христу, и разлетѣлся вонючими брызгами, обрызгавшими зловонною грязью всѣхъ послѣдователей его.

Послѣдователи Толстого всѣ неговѣющіе и непричащающіеся—такъ называемые ученые вѣка сего—вольнодумы, считающіе себя за сверхъ—человѣковъ. Да и самъ Толстой есть гнилой плодъ западной вольнодумной учености. Міръ во злѣ лежитъ и лаеъ на Бога своего.

Ученикъ реального училища—невѣрующій вслѣдствіе зачитанности Толстымъ. Учитель земской школы—невѣрующій по причинѣ увлеченія Толстымъ, но желающій быть вѣрующимъ. Ядъ ученія Толстого въ семействахъ; матери и отцы плачутся на своихъ дѣтей невѣрующихъ, бросившихъ церковь и непокоряющихся и непочитающихъ родителей; дѣвушки—курсистки невѣрующія и воющія за Толстого; сотрудники либеральныхъ газетъ, въ родѣ Астраханской, ополчающіеся за Толстого и ругающіе насъ.

Утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ (Толстого и подобныхъ ему писателей) и открылъ еси та младенцемъ. Яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою (Мѡ. 11, 25). Горе, иже мудры въ себѣ самихъ и предъ собою разумны. Не обратилъ ли Богъ премудрость міра сего въ безуміе (1 Кор. 1, 20). Ибо когда міръ не уразумѣлъ своею мудростію Бога въ премудрости Божіей, благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ (1 Кор. 1, 21).

Толстой не могъ познать въ своей суетной мудрости Бога въ премудрости Его, но совсѣмъ оглушѣлъ, при омраченности, возмнилъ себя мудрымъ, и возгордился паче всякаго, глаголемаго Бога или чтилища, яко же състи ему въ церкви Божіей, яко Богу, показуя себя, яко Богъ есть, (2 Тесс. 2, 4) ибо, отвергнувъ Евангеліе, понуждаетъ всѣхъ вѣрить себѣ, какъ Богу. Поймите же его вы, интеллигенты: вѣдь онъ, прежде всего, васъ самихъ дурачить, надъ вами смѣется?

«Видалъ-ли ты человѣка мудраго въ глазахъ его? На глупаго больше надежды, нежели на него» (Прит. Солом. 26, 12). Левъ

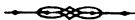
Толстой, всю жизнь **занимаясь** исключительно свѣтской литературой, а духовной—только критически и **скептически**, съ предвзятыми не въ пользу и не въ покореніе Слову Божію, а въ пререканіе и хуленіе его, не зная настояще богослуженія церковнаго, — **знать** въ религіозное одичаніе, тупость и несмысліе относительно всего духовнаго, по внушенію діавола, палъ невѣріемъ, глумленіемъ надъ всѣмъ, что носитъ печать церковнаго и божественнаго, надъ всѣмъ богослуженіемъ, таинствами, обрядами, священными одеждами (отъ Бога установлены въ ветхомъ Завѣтѣ).

Такъ и всѣ послѣдующіи ему въ невѣріи въ истиннаго Бога и въ Свѣтъ Христовъ просвѣщающаго всякаго человѣка грядущаго въ міръ интеллигенты и писатели свѣтскіе впади въ дикость и несмысліе духовное; ибо Богъ утаиваетъ Свою премудрость отъ премудрыхъ и разумныхъ міра сего, какъ недостойныхъ, и открываетъ ее простымъ вѣрующимъ душамъ.

Господи, къ кому идемъ? Глаголы живота вѣчнаго имаши.— Нѣтъ иного имени надъ небесами, даннаго въ человѣцѣхъ, о Немъ же подобаетъ спастись намъ... (Дѣян. 4, 12). Сей есть всѣхъ Господь. Единственный источникъ жизни—Господь и Церковь Его!

Къ кому намъ идти, спрашиваютъ современные интеллигенты? Къ Толстому, къ Толстому пойдемъ, и идутъ къ нынѣшнему идолу—Толстому и у него, а не у Христа, изъ его богохульствъ, хитро-сплетеній учатся жизни, хуленіямъ на Св. Церковь и Ея Спасительныя Таинства.— Въ этомъ я убѣдился самъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СО СКРИЖАЛЕЙ СЕРДЦА.

Изъ личныхъ воспоминаній о почившемъ епископѣ Иринѣй-Ордѣ.

Въ полдень 10 апрѣля, во время приѣма просителей, внезапно угасла жизнь одного изъ іерарховъ, самыхъ дорогихъ и близкихъ духовной журналистикѣ и нашему просвѣщенію: въ теченіе четверти часа не стало епископа Орловскаго Ириней-Орды! Смерть застала почившаго, хотя и въ маститой старости—68 лѣтъ, но бодрѣмъ, въ полнотѣ силъ духа, за кипучею работою, въ разгарѣ думъ и надеждъ. . . Не выдержало, разорвалось сердце незабвеннаго архипастыря—сердце необычайно чуткое ко всему современному выдающемуся, всю трудовую жизнь его бившееся ускореннымъ, порывистымъ темпомъ, вѣчно кипѣвшее отъ напора колоссальной энергіи, отъ порывовъ живой инициативы, отъ самоотверженнаго труда во имя долга, ради вящаго торжества того дѣла, за которое брался почившій, которое ввѣрялось въ его надежныя руки промысломъ Божіимъ! . . Слишкомъ много болѣзненныхъ «шоковъ» перенесло сердце этого замѣчательнаго трудолюбца,—тяжкихъ ударовъ неумолимой судьбы, которая во всю жизнь почившаго, до самаго послѣдняго издыханія бередила и нервы его, и сердце своими «перекорами». А сколько почившій архипастырь Ириней-Орда на своемъ вѣку пережилъ этихъ перекоровъ!

Сынъ бѣднаго діакона малоросса, даровитый отъ природы, съ необычайною трудоспособностью, овладѣвшій еще на школьной скамѣ тремя иностранными языками, Харисимъ Михайловичъ Орда блестяще окончилъ кievскую академію,—кажется, 3 магистромъ.

По способностямъ глубокого аналитическаго ума, умѣвшаго съ лучемъ ксепсиса и неумолимой критики проникать во всѣ щели предмета, до самыхъ потаенныхъ его глубинъ, и въ то-же время ума боевого, смѣлаго въ своихъ выводахъ—по настойчивости въ трудѣ, по склонности къ литературной и кабинетной работѣ, молодой магистръ долженъ былъ сдѣлаться ученымъ дѣятелемъ и имѣлъ всѣ права и надежду занять въ родной академіи кафедру свящ. писанія, но она досталась его же товарищу, покойному С. М. Саль-

скому, человѣку прекрасному, стяжавшему славу легендарно честнаго и дѣятельнаго городского головы, но никакъ ужъ не ученаго. Харисима Михайловича судьба забросила въ семинарію, въ екатеринославскую глушь, на кафедру словесности, оттуда ему удалось перейти на любимый предметъ свящ. писанія въ кievскую семинарію и отдаться педагогическимъ и научно-литературнымъ занятіямъ, но жизненная колесница пошла всетаки уже не по своей колеѣ, съ большою тряскою въ ухабахъ и рытвинахъ.

Счастливо устроившись семейнымъ очагомъ, Харисимъ Михайловичъ рано теряетъ любимую подругу жизни, оставившую на его родительское попеченіе 4 малышей—трехъ дочерей и сына. Далекій всегда отъ мысли о священствѣ, какъ подвигѣ тяжкомъ и неудобноносимомъ, по условіямъ пастырскаго быта современнаго духовенства, для человѣка съ высокоразвитымъ чувствомъ собственного достоинства, Харисимъ Михайловичъ однако принялъ священство и сдѣлался образцовымъ приходскимъ пастыремъ, безкорыстнымъ требоисправителемъ, прекраснымъ проповѣдникомъ, пылкимъ апологетомъ правъ духовенства и горячимъ протестантомъ противъ пришибленнаго положенія бѣлаго духовенства, рѣзко подчеркивая тогда свои несимпатіи къ монашеству. Но перекорливая судьба устрояетъ такъ, что о. Харисимъ Михайловичъ, сдѣлавшись ректоромъ кievской семинаріи, долженъ былъ принять и монашество, по настоянію покойнаго митрополита Платона, любившаго уловлять во мрежу иночества даровитыхъ людей изъ бѣлаго вдоваго духовенства. Тогда же привлеченъ былъ имъ къ иночеству и другой выдающійся кievскій вдовый протоіерей, о. Илья Экземплярскій, нынѣ архіепископъ Варшавскій Іеронимъ, товарищъ и сослуживецъ покойнаго епископа Ириней Орды.

Съ принятіемъ иночества, съ пменемъ Ириней, о. Орда сдѣлался строгимъ къ себѣ и другимъ монахомъ и былъ примѣрнымъ ректоромъ, рѣдкимъ администраторомъ и воспитателемъ, поставившимъ кievскую семинарію за 7 лѣтъ службы на такую высоту во всѣхъ отношеніяхъ, что это тогда положительно образцовое учебное заведеніе долго и послѣ жило «Иринеевскимъ духомъ и строемъ». . . Съ принятіемъ монашества и перекоры судьбы въ жизни почившаго владыки какъ-бы ожесточились. И это понятно: теперь о. Харисимъ—Ириней долженъ былъ вступить въ большое плаваніе по житейскому волнующемуся морю, гдѣ плыть по теченію онъ неумѣлъ и не могъ, по самой своей натурѣ и всегда плыть противъ теченія. Самымъ болѣзненнымъ былъ для самолюбія почившаго ударомъ, кажется намъ, тотъ, когда всюду въ Кіевѣ и всѣми былъ провозглашенъ и поздравленъ ректоръ Ириней избранникомъ на открывшуюся

тогда въ Кіевѣ викар. кафедру, но волею перекорливой судьбы ее занялъ иной, неожиданный кандидат... А затѣмъ началось странничество Ириней по епархіямъ—съ запада (съ Могилевской кафедры) въ центръ (Тула), отсюда съ югъ (Подолія), затѣмъ на востокъ (Екатеринбургъ) и опять въ центръ (Орелъ). Тяжки были для сердца почившаго «перекоры судьбы» въ Тулѣ и Подоліи! И кто не знаетъ, какъ тяжелъ подвигъ служебнаго странничества вообще, а епископскаго въ особенности!..

† 10 апрѣля 1904 г.

Ириней, Епископъ Орловскій.

Зная полную тревоженій и разочарованій жизнь почившаго владыки, его кипучій, дѣятельный характеръ и неутомимое трудолюбіе, нужно удивляться, какимъ образомъ могъ дожить до лѣтъ почтенной старости этотъ, всю жизнь нервно изгоравшій, хилый отъ природы, тощій организмъ! Благодаря, именно, колоссальной энергіи, силѣ духа и твердой волѣ слабый организмъ покойнаго

донесъ скорбную трудовую жизнь почившаго до маститой старости. А какова была сила воли у почившаго, можно судить по слѣдующимъ фактамъ: владыка съ 1865 года неукоснительно строго держался своего режима въ житейскомъ обиходѣ, ни разу не ужиналъ ни у себя дома, ни въ гостяхъ, не смотря ни на какіе поводы, случаи и просьбы. Во время 7-лѣтняго ректорства въ Кіевской семинаріи, о. Ириней ежедневно (только однажды не былъ 2—3 дня, по болѣзни ноги) являлся въ корпусъ семинаріи во время перваго урока и уходилъ, когда начинался послѣдній урокъ; время онъ проводилъ или въ классахъ, или въ кабинетѣ ректорскомъ за журнальными корректурами, просмотромъ учительскихъ рецензій на ученическихъ работахъ. Въ перемѣны являлся въ сборную и велъ всегда оживленныя бесѣды съ наставниками. Покойный никогда не бралъ отпусковъ и, проживъ 30 лѣтъ въ Кіевѣ, никуда не выѣзжалъ за предѣлы его. Тоже и во время епископства. Во всю свою жизнь покойный ни разу не былъ въ Петербургѣ. Не смотря на совѣты друзей поѣхать въ столицу «себя показать и людей посмотреть», онъ не хотѣлъ по принципу являться сюда безъ дѣла, *sua sponte*, дабы не показаться предъ высшимъ начальствомъ унижающимся, заискивающимъ. Наоборотъ, всегда жестокословно порицалъ подчиненныхъ молодыхъ ученыхъ монаховъ, когда они просили на каникулы отпуски въ Петербургъ и совѣтовалъ имъ проводить каникулы въ обителяхъ, извѣстныхъ духовной жизнію иноковъ.

Жизнь души и характеръ почившаго ярко отображались въ тонкихъ чертахъ его энергичнаго, умнаго лица и въ живыхъ, черныхъ, какъ уголь, глазахъ, блиставшихъ, какъ молнія, то дарящую ласкою, то опаляющимъ гнѣвомъ. Нельзя было долго смотрѣть на эти замѣчательные, быстрые, острые, насквозь, казалось, пронизывающіе васъ глаза, и самъ владыка лишь окидывалъ собесѣдника своимъ взоромъ, и, подобно м. Іанникию, покойный любилъ смотрѣть «долу», какъ-бы въ глубь души свой, при этомъ нервно перебиралъ четки; велъ разговоръ всегда съ экспрессіей, приподнятымъ отрывистымъ тономъ, какъ-бы сердясь, избирая при этомъ всегда живыя и занимательныя темы или предметы.

Будучи человѣкомъ просвѣщеннымъ въ широкомъ смыслѣ слова, начитаннымъ, интересующимся всѣмъ выдающимся въ текущей жизни, покойный владыка былъ въ высшей степени интереснымъ и оригинальнымъ собесѣдникомъ.

Онъ велъ разговоръ всегда въ эротиматическомъ тонѣ, — вопрошая и испытывая собесѣдника вопросами отрицательнаго характера, — противопоставляя положенію противника цѣлый рядъ искусныхъ отрицательныхъ инстанцій, — всегда тонкихъ, часто казуисти-

ческихъ, исчерпывающихъ вопросъ до конца и тогда или самъ онъ соглашался съ собесѣдникомъ, или послѣдній убѣждался доводами архипастыря. Такимъ онъ былъ какъ педагогъ и ректоръ, такимъ остался и епископомъ. Какимъ бы специалистомъ въ своемъ предметѣ вы ни были, какъ бы всесторонне не знали и не преподавали своей науки, о. ректоръ Иринея въ классѣ-ли, или на экзаменѣ—бывало, выкопаетъ такой оригинальный и углубляющій дѣло вопросъ, который вы никакъ не могли предусмотрѣть и остаетесь безотвѣтнымъ. Молодымъ преподавателямъ приходилось изучать свой предметъ и подготовляться къ классу, какъ школьникамъ, особенно по каедрѣ Св. писанія, котораго онъ былъ знатокомъ прямо первокласснымъ среди всѣхъ нашихъ ученыхъ экзегетовъ.

Экзаменъ по Св. писанію при ректорѣ былъ жестокимъ разномомъ и учителю, и ученикамъ, но послѣдніе однако любили присутствіе ректора, такъ какъ онъ самъ никогда балловъ не ставилъ, а предоставлялъ свободу наставнику. О. ректоръ Иринея не терпѣлъ зубрежки, цѣнилъ способности и развитіе ученика, которое сейчасъ же сказывалось при отвѣтахъ на всегда замысловатые оригинальные вопросы о. ректора.—Занимающемуся, развитому и умному ученику, какъ равно и всякому собесѣднику—чувствовалось съ о. ректоромъ легко и интересно и наоборотъ: тупому, заплеснѣвѣлому уму и несвѣдущему, отсталому, ничѣмъ неинтересующемуся человѣку бесѣда съ архіереемъ была мукой. Такіе люди чувствовали себя въ присутствіи еп. Ирины подавленными и имъ казалось, что архіерей своими испытующими и наводящими вопросами просто надъ ними потѣшается. Вотъ почему покойный былъ непріятенъ большинству дамъ провинціального бомонда, привыкшихъ къ сплетнямъ и пустотѣ; а равно не мирились съ нимъ и тѣ, кто мало развитъ изъ провинціальныхъ бояръ и чиновниковъ; прямолинейную рѣчь владыки и порывистую манеру говорить, съ его казуистическими вопрошеніями, также считали за выраженіе неуваженія къ нимъ и, конечно, не хвалили архіерея.

Умные же, сердечные люди, которыхъ вездѣ мало, скоро понимали преосвященнаго и проникались къ нему глубокимъ уваженіемъ. Были и другія причины, почему владыку недолюбливали многіе изъ мѣстныхъ юпитеровъ. Будучи сыномъ малороссіи и проведши 3 жизни въ юго-западномъ краѣ, гдѣ мѣстное польское дворянство не властвовало надъ приходскимъ духовенствомъ, Владыка нигдѣ не поощрялъ зависимости сельскаго духовенства отъ мѣстныхъ самодуровъ, и относился съ большою осмотрительностью къ жалобамъ помѣщиковъ на приходскихъ пастырей, которые въ строгомъ вообщѣ архіерей въ данныхъ случаяхъ находили скорѣе защитника, чѣмъ грознаго судью.

Позволимъ передать одинъ, извѣстный намъ, характерный эпизодъ, изъ области отношеній покойнаго владыки къ недолюбливавшему его дворянству. Однажды является къ покойному архипастырю въ одной изъ центральныхъ губерній, помѣщикъ, знатный баринъ изъ отставныхъ корнетовъ;—рекомендуется, какъ ревнитель благолѣпія церковнаго и ненавистникъ Толстого; и тутъ же повѣтствуетъ о своемъ конскомъ заводѣ... Въ концѣ визита баринъ, какъ бы мимоходомъ, заявляетъ преосвященному о непріятныхъ отношеніяхъ у него съ приходскимъ священникомъ, который не желаетъ, между прочимъ, совершать церковныхъ службъ тогда, когда баринъ можетъ посѣщать службу. Гость безцеремонно проситъ перемѣстить неуважительнаго священника куда-либо въ другой, хотя бы и лучшій приходъ, такъ какъ иначе онъ, врагъ толстовства, охладѣетъ къ церкви Божіей... Хорошо, подайте записку, опишите ваши претензіи, я назначу дознаніе и тогда разсмотрю, какъ мнѣ поступить съ священникомъ.—Какъ писать? Да я въ жизни ни на кого не писалъ доносовъ. Я, владыка, васъ прошу сдѣлать это такъ, по личной моей просьбѣ, повѣрьте, владыка, я вѣдь ревнитель благочестія, а этотъ пошъ охлаждаетъ... Вотъ я буду въ Петербургѣ... Владыка, молча окинувъ раза два своими молніеносными глазами барина-коннозаводчика, вздохнулъ и началъ нервно перебирать четки, скороговоркой повторяя: Господи помилуй, Господи помилуй!.. Томительная пауза...

— Вы говорите, что у васъ хорошій конный заводъ? прерываетъ молчаніе архіерей.—Да, владыка, каждый годъ беру призы..., охотно, заговорилъ знатный баринъ, считая непріятный вопросъ о переводѣ священника оконченнымъ въ свою пользу.—И конюшенъ у васъ много?—Такъ точно, ваше пр—во... выпалилъ баринъ, по военному, цѣлый залпъ подробностей...—И конюхи у васъ хорошіе?—Какъ же... Дается аттестація самая похвальная.—Сами они распоряжаются, куда и какого скакуна перевести?—Нѣтъ, Боже сохрани, они мнѣ всегда докладываютъ, а я уже самъ хожу, осматриваю... Это дѣло важное,—нужно знать, въ какой конюшнѣ, какая температура, подходящая для какой лошади...—Вотъ, видите,—сдѣлавъ болѣзненно-саркастическую гримасу,—съ жаромъ заговорилъ архіерей—вы лошадь безъ разсмотрѣнія не довѣряете перевести изъ одного хлѣва въ другой вѣрнымъ своимъ людямъ, а хотите, чтобы архіерей вамъ священника убралъ Богъ вѣсть куда, такъ здорово живешь, безъ разсмотрѣнія... И затѣмъ прочиталъ архипастырскую мораль въ назиданіе барину, какъ надо православному человѣку жить съ пастырями церкви, какъ вліять на нихъ культурнымъ людямъ... Баринъ сконфузился, снова заговорилъ о своей преданности церкви, православію и о ненависти къ Толстовству, но

уже виноватымъ тономъ; о жалобѣ и забылъ. Владыка обѣщаль прїѣхать самъ въ село, или же вызвать священника... Однако бари́ну показался архіерей «невозможнымъ» и онъ часто говариваль: — «какіе теперь архіереи слабые стали, а вотъ прежде несравненно бывали строже: настоящій архіерей долженъ по два попа въ день глотать, а діакона на закуску вечеромъ»... Но за то сельское пониженное духовенство благословляло всегда и вездѣ покойнаго владыку, какъ истиннаго архипастыря-отца, доступнаго, внимательнаго и отзывчиваго на всѣ нужды и скорби (владыка принималъ во всѣ дни и во всякіе часы дня и ночи). Вездѣ покойнаго духовенство считало строгимъ, по справедливимъ, вникавшимъ во всѣ стороны жизни и быта духовенства. Владыку не любили и трепетали только лѣнтяи, люди нечистой совѣсти и дурной жизни, упрямые, двуличные; ко всѣмъ этимъ почившій былъ дѣйствительно строгъ и безпощаденъ. Вообще же нужно сказать, что если покойнаго любили не многіе, то уважали всѣ.

Покойный іерархъ былъ прежде всего *человѣкомъ дѣла и долга*, ради которыхъ онъ нещадилъ прежде всего себя самого, а затѣмъ уже былъ требователемъ и къ другимъ, сослужащимъ и подчиненнымъ, но именно во имя долга службы, ради вящаго преуспѣянія дѣла, которое ввѣрено его водительству, а никакъ не по лицепрїятію, котораго, какъ равно и мстительности, его правдивая и благородная душа, несмотря на первоогнѣвный характеръ, острословный языкъ, была чужда. — Чувствуя нанесенную имъ подчиненному въ пылу мимолетнаго гнѣва обиду, покойный спѣшилъ самъ же первый смягчить и изгладить въ душѣ оскорбленнаго горечь этой обиды, особенно въ отношеніи слабѣйшаго, хотя и давалъ жестоко почувствовать свою силу въ борьбѣ съ упорствующими равными, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ настойчивъ и не отступалъ онъ отъ своихъ принциповъ предъ сильнѣйшими.

Покойный всегда во всемъ шелъ, какъ передовой работникъ, на пользу общую, — опередить его было невозможно, — поровняться трудно, а можно лишь было подражать и уважать этого неутомимаго, самоотверженнаго, крупнаго дѣятеля и выдающаго іерарха.

Не подлежитъ сомнѣнію, что большую сторону нашего духовно-кастоваго воспитанія, укоренившагося въ силу историческихъ условій жизни и быта духовенства, составляютъ слабое развитіе чувства или сознанія собственнаго достоинства, наше традиціонное робкое, нерѣдко и двоедушное «самоуничженіе паче гордости» предъ старшими и сильными и, наоборотъ, безъ великодушія превозношеніе предъ меньшими, а иногда и рабское ляганье слабѣйшаго... Несмотря на то, что покойный архипастырь происходилъ изъ бѣдной многочисленной

діаконской семьи, онъ владѣлъ удивительно высокоразвитымъ чувствомъ собственного достоинства и чуждъ былъ указанныхъ традиціонныхъ недостатковъ сословной среды. Наоборотъ, слабые, и угнетенные, — какъ, напр., сельское духовенство и, въ частности, нисшіе клирики, а равно и народная паства, вездѣ благословляли имя почившаго и какъ пастыря, и какъ благочиннаго, и какъ епископа. Онъ былъ въ высшей степени доступенъ, въ объясненіяхъ прямъ и непосредственъ, отзывчивъ и участливъ. Благородство натуры особенно сказывалось въ щепетильномъ отношеніи покойнаго къ денежнымъ отчетамъ и расчетамъ. Послѣ смерти покойный оставилъ только 8 р. Онъ нетерпѣлъ и строго преслѣдовалъ въ духовенствѣ вымогательство съ прихожанъ, а въ консисторіяхъ взяточничество. А какъ пастырь, онъ былъ въ высшей степени деликатный въ сношеніяхъ съ прихожанами по вопросамъ платы, за многія требы, какъ, напр., таинства, по принципу совѣмъ не бралъ денегъ; будучи въ санѣ епископа, онъ вездѣ вывелъ обычай платы епископу за службы. Въ городѣ Тулѣ на деньги, которыя купечество представляло въ распоряженіе преосвященнаго, всякій разъ за архіерейскую службу въ приходскихъ храмахъ, покойный открылъ въ городѣ и поставилъ на ноги свыше 20 церковныхъ школъ.

Пытливый, богато одаренный умъ почившаго іерарха, при огромной памяти и изумительномъ трудолюбіи, — обладалъ чрезвычайно разнообразными и широкими свѣдѣніями въ области не только богословской, но во всѣхъ, такъ называемыхъ, гуманитарныхъ и философскихъ наукахъ, такъ что его можно было назвать энциклопедистомъ, и не было такого вопроса, кажется, о которомъ бы онъ не имѣлъ свѣдѣній. За текущей не только духовной, но и свѣтской литературой, онъ слѣдилъ самымъ тщательнымъ образомъ и критическимъ взглядомъ, онъ слѣдилъ и за иностранной литературой.

По нашему мнѣнію, главною стихіею и склонностью природныхъ дарованій этого оригинальнаго, выдающагося церковнаго дѣятеля — была журналистика, печать и, главнымъ образомъ, въ этой области преобладалъ у него публицистическій талантъ. Если-бы судьба направила дѣятельность почившаго въ это русло, то русская пресса имѣла-бы въ своей исторіи второго А. С. Суворина. Покойный архипастырь любилъ журналистику и былъ въ ней великимъ мастеромъ. Всѣ духовные органы, попадавшіе ему подъ редакторство, быстро преображались и разцвѣтали; они дѣлались жизненными, современными, а потому и интересными, и многополезными.

Покойный имѣлъ удивительное чутье въ угадываніи духовныхъ нуждъ читателей и запросовъ даннаго времени. Его проникновенный изобрѣтательный умъ умѣлъ отыскивать живыя темы, подбирать сотрудниковъ, угадывать таланты, вдохновлять соработниковъ

къ литературному труду и руководить. Давъ сотруднику тему, покойный о. редакторъ слѣдилъ за положеніемъ вопроса въ текущей литературѣ, зналъ источники и всѣмъ этимъ снабжалъ соработниковъ.

Для начинающихъ писателей—покойный былъ безцѣннымъ руководителемъ и учителемъ. Къ числу такихъ, глубоко признательныхъ и искренно чтущихъ память почившаго іерарха-писателя, учениковъ по печатному дѣлу, принадлежитъ и вашъ покорный слуга. Въ 1886 г. о. ректоръ Ириней своимъ содѣйствіемъ перевелъ меня изъ глухаго Каменецъ-Подольска въ Кіевъ, и здѣсь-то, подъ дѣятельнымъ руководствомъ почившаго, мы и начали свое посильное служеніе церкви Божіей на поприщѣ духовной журналистики, въ качествѣ постоянного сотрудника Руковод. для с. пастыря и Церк. школы, въ тоже время участвуя въ нѣсколькихъ другихъ свѣтскихъ и духовныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Съ этого времени наше духовное общеніе съ почившимъ, на почвѣ интересовъ литературныхъ и миссіонерскихъ, не прекращалось до самаго послѣдняго времени. Не забудемъ мы руководственныхъ указаній и совѣтовъ почившаго мудраго кормчаго издательскаго дѣла, данныхъ намъ еп. Иринеємъ при началѣ изданія «Мисс. Обзоръ,» какъ относительно программы журнала, такъ и его направленія! Съ отеческою любовью и радостью всегда слѣдилъ владыка за ростомъ нашего журнала. Оговоримся, что, на почвѣ служебной, вашему покорному слугѣ болѣе, м. б., чѣмъ другимъ сослуживцамъ покойнаго приходилось испивать чашу горечи отъ строгаго и требовательнаго ректора, заставлявшаго и меня, молодого тогда и неопытнаго наставника, работать, какъ говорится, во всю, но горечь эту всегда умѣряло во мнѣ сознаніе того, что требовательность эта была во имя долга службы, ради пользы учебнаго дѣла и учащагося юношества.

6 апрѣля я писалъ покойному такія строки: «возвращаясь съ юга около 10—12 апрѣля, я хотѣлъ бы пріостановиться въ Орлѣ на нѣсколько часовъ, дабы повидаться съ вами, дорогой владыка, побесѣдовать съ своимъ незабвеннымъ руководителемъ первыхъ моихъ журнально-литературныхъ и издательскихъ шаговъ, да боюсь, служебныя обязанности и расклеившееся здоровье не позволяютъ, однако, всячески потщусь»... Выѣхавши 12 апрѣля изъ Крыма съ рѣшительнымъ намѣреніемъ посѣтить старца-архипастыря, въ Симферополѣ среди газетныхъ телеграммъ увидѣлъ лаконическое сообщеніе: «Орель. 10 апрѣля скоростипжно скончался епископъ Ириней». Молитвенно пожелавъ почившему іерарху «Царствія Божія»,—я подумалъ: какая неожиданность, какая тяжкая утрата для церкви и духовнаго просвѣщенія! Скончался одинъ изъ послѣднихъ могиканъ—питомцевъ старой, строгостильной кіевской богословской

учености, на вѣки успокоился неутомимый труженикъ на пользу церкви и просвѣщенія! Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ!.. Вотъ вамъ и бесѣда, и свиданіе! Теперь ужъ увидимся не здѣсь, — «въ юдоли плача и скорбей», а тамъ, «въ странѣ иной, идѣже нѣсть печаль и воздыханіе», — которое такъ часто, среди даже благодушія, вырывалось изъ груди преосвященнаго Иринея, какъ будто ее давилъ тяжелый камень!..

Въ Орлѣ мы теперь не остановились, но на пути слышали при-
скорбные разговоры орлянтъ, какъ орловское городское духовенство мало выразило почтительной скорби, по поводу утраты столь выдающаго архипастыря нашей церкви. Не выразилось ни скорби, ни должной оцѣнки заслугъ почившаго и въ епархіальныхъ органахъ, а равно и въ другихъ, такъ много обязанныхъ своимъ разцвѣтомъ руководительству и заботамъ почившаго архипастыря. Некрологи не пошли дальше сухой формулярной выписки, а «Тульскія Епар. Вѣд.» сочли достаточнымъ ограничиться перепечаткой замѣтки свѣтской газеты... въ одну страницу. *Sit transit gloria mundi!* Сапоговъ еще не износили..., а уже забыли все...

О, люди, люди, какъ вы неблагодарны и злонравны! Неужели предъ «очима вашими» оказались незаслуживающими вниманія труды цѣлой жизни человѣка, оставившаго вамъ и дѣтямъ вашимъ сокровища, которыхъ «ни тля не тлитъ, ни моліе не поѣдаетъ»! Вѣдь одни печатные просвѣтительные, проповѣдническіе, журнальные и литературные труды почившаго іерарха составляютъ огромный вкладъ и увѣковѣчиваютъ имя еп. Иринея въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія, не говоря о другихъ заслугахъ покойнаго, который всего себя и всю трудовую жизнь отдалъ долгу и дѣлу и, какъ самоотверженный дѣятель, онъ умеръ съ словами заботы не о себѣ, а о другихъ: рассказываютъ, что въ то время, когда смерть уже занесла свою косу надъ сердцемъ епископа, онъ спросилъ бесѣдовавшаго съ нимъ священника: «а всѣ-ли мною довольны»?... Вѣдь этотъ предсмертный вопросъ въ сущности былъ мукою всей жизни благородной души честнаго, дѣловаго человѣка, страдавшаго къ несчастью природною гнѣвливостью и раздражительностью и тѣмъ невольно наживавшаго враговъ и недоброжелателей и слишкомъ много чрезъ то терявшаго лично для себя во всю свою жизнь!

Но люди, будучи злы, всегда больше помнятъ зло, чѣмъ добро и, поправъ заветы Христа, воздаютъ за добро зломъ! — Но Ты, Сердевѣдче, Всеблагій Господи, вѣси вся и, по великой Своей милости, сторицею воздай «въ день онъ» Своему благому и вѣрному рабу, сугубо приумножившему данныя Тобою таланты, во славу Твою и на пользу Св. церкви, — новопредставленному епископу Иринею! *В. Скворцовъ.*

ВѢСТИ О РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНѢ.

I.

**Вліяніе Русско-Японской войны на нравственное самосознаніе
русскаго гражданина ¹⁾.**

„Золото, золото—сердце народное!“

То-не сказка предъ нами свершается, то-не сонъ съ его чарами видится... тутъ сама правда Божія чувствуется, то—заря новой жизни занимается.

„Ты взойди, заря!“

Снова взвился въ облакахъ, снова полетѣлъ по поднебесью двуглавый русскій хранитель, мощный красавецъ орелъ святорусскій. Захлопалъ онъ своими могучими крыльями, забилъ онъ свою боевую тревогу. Встрепенулась матушка Русь, пробудилась спавшая красавица, проснулся отъ тяжелаго сна богатырь-молодецъ. И вскочилъ тотъ богатырь на свои рѣзвые ноги, тряхнулъ онъ своими кудрями прекрасными да плечами могучими, въ мигъ одинъ онъ въ дороженьку собрался, снарядился и помчался безъ оглядки врага бить, супостата желтолицаго колотить.

„Ты взойди, заря!“

А двуглавый орелъ свою работушку не оставляетъ... Онъ вьется по поднебесью и своими крылами тучи мрачныя разгоняетъ, тѣ тучи, что повисли надъ землей святорусской, заслонили отъ ней Божіей правды лучи. И увидѣла Русь: снова брежжитъ свѣтъ. И вздохнула она, какъ одинъ человѣкъ, и воскликнуло отъ радости русское сердце:

„Ты взойди, заря!“

Чѣмъ то новымъ, бодрящимъ, необыкновенно радостнымъ и свѣтлымъ, всего тебя захватывающимъ, повѣяло, господа, отъ нашей, прежде унылой, сѣренькой жизни, отъ нашего, теперь приподнятаго, настроенія. Намъ всѣмъ извѣстно, что война—зло и великое бѣдствіе въ судьбахъ человѣческой исторіи. Но мы знаемъ

¹⁾ Публичная рѣчь, сказанная въ г. Тифлисѣ, 18 марта с. г.

и то, что пути Божьяго Промысла неисповѣдимы, какъ и то, что Господь и камень претворяетъ въ воду, и изъ мрака воздвигаетъ свѣтъ міру и людямъ. И если мы теперь ставимъ предъ своимъ сознаниемъ роковое: «быть или не быть», то не забудемъ и другихъ великихъ словъ Гамлета: «есть Божество, ведущее насъ къ цѣли»...

Тяжелы нами переживаемыя минуты... Но и подъ слоємъ этой военной тяготы уже сталъ пробиваться сильный ростокъ новой жизни, и подъ мракомъ горя и слезъ засіяли лучи свѣтлой, чисто юношеской радости. Военный мечъ оказался обоюдоострымъ. Однимъ концомъ онъ ранилъ прекрасное русское сердце, а другимъ — пробилъ сильную брешь въ русской, зломъ омраченной, душѣ, и шевельнулъ начинавшее засыпать добро русской народной совѣсти. — Посильная обрисовка этого добраго вліянія первыхъ моментовъ начавшейся военной тревоги и составляетъ задачу настоящаго, предлагаемаго вашему благосклонному вниманію, реферата ¹⁾.

I.

Смутные дни переживала Россія въ послѣднее время предъ началомъ войны. Точно самая мрачная свинцовая туча повисла надъ нашей землей и закрыла собой яркое солнце. Воцарился мракъ, легла густая тьма. Общество, по справедливому замѣчанію одного героя современнаго разсказа Вагнера, стало «бродить въ потемкахъ», сбилось съ пути, протореннаго истиной всѣхъ вѣковъ, запуталось въ непроходимыхъ дебряхъ. И тѣмъ болѣе мы прилагали собственныхъ усилій, чтобы въ этихъ потемкахъ найти правду жизни и счастье сердца, тѣмъ все болѣе и болѣе запутывались въ своихъ исканіяхъ, глубже и глубже забирались въ мрачную чащу, сильнѣе и сильнѣе убѣждались, что поиски наши тщетны. Точно обманчивые призраки, Шекспировскія вѣдьмы, могильныя тѣни и привидѣнія водили насъ изъ стороны въ сторону, направляя насъ на край зіяющей бездны. Порой мы слышали призывные звуки, звавшіе насъ къ правдѣ истинной и истинѣ правдивой. И сквозь тучи прорывался порой яркій солнечный снопъ дѣйствительнаго свѣта. «Идите сюда, въ эту свѣтовую полосу!» — говорилъ намъ тоскующій о насъ голосъ правды. «Идти къ тебѣ, съ твоей опекой надъ свободнымъ умомъ и чувствомъ? О, нѣтъ, намъ лучше быть въ дебряхъ, но только имѣть свободу», слышала правда нашъ отвѣтъ. А «бѣсы разны», «будто листья въ ноябрѣ», продолжали

¹⁾ Слѣшу оговориться. Первая часть, изображающая нравственное состояніе русскаго общества предъ началомъ войны гораздо длиннѣе второй части, трактующей о вліяніи первыхъ моментовъ военной тревоги на самосознаніе русскаго гражданина. Причина понятна. Авторъ хотѣлъ соблюсти естественное отношеніе новой жизни русскаго общества къ ея прежнему, нажитому десятками лѣтъ, состоянію.

«кружиться», «надрывая сердце» «визгомъ, хохотомъ и воемъ» своимъ. Нельзя, конечно, отрицать того, что и въ прошломъ нами дѣлалось кое-что для созиданія правды: и тогда копошился нашъ русскій муравейникъ. Но думаю, что не ошибусь, если скажу, что настоящаго, *бодраго, жизненнаго воскресенія русской души не было* и что на ряду съ кроткимъ ангеломъ неба, являвшимся взорамъ русскаго сердца и несшимъ послѣднему добро и миръ совѣсти, вторгался часто въ народное святилище злобный демонъ, принимавшій на себя видъ ангела свѣтлаго и подъ видомъ добра несшій намъ свою злобу, свой злостный мятежъ ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же былъ этотъ подъемъ и это воскресеніе, о которомъ не далѣе, какъ въ истекшемъ году, такъ игриво звонила и пѣла на разные лады наша періодическая печать? Неужели — тамъ, гдѣ искали идеаловъ безъ Бога, неба безъ помощи неба, прогресса безъ высшей Зиждительной силы? Вспомните: вѣдь мы восхваляли *свою* интеллигентность, *свое* благородство, *свою* чуткость, *свое* милосердіе, все *свое* и *свое*, и такъ до конца, до послѣдней частицы *своего* внутреннего содержанія. Мы хотѣли, чтобы у насъ было все только *свое* и ничего—Божьяго, ничего благодатнаго, подаваемого свыше отъ Отца свѣта, истины, радости и здороваго духовно-нравственнаго роста. Гдѣ же, повторяю, было наше воскресеніе? Неужели тамъ, гдѣ русская совѣсть, сохранившая свою привязанность къ вѣрѣ, съ отчаяніемъ спрашивала: да можно ли спастись въ наше, полное зла и порока, время? ²⁾ гдѣ даже такая либеральная газета, какъ «Россія», вмѣстѣ съ Амфитеатровымъ (извѣстнымъ публицистомъ) заявляла, что «мы не живемъ по Христу?» ³⁾,—гдѣ такой великій христіанскій философъ, какъ покойный Соловьевъ, наблюдая современное богоотступничество, сдѣлалъ такой полный страшной жизненной правды выводъ: «Магистраль всемірной исторіи окончена, идей больше нѣтъ, христіанства нѣтъ?» ⁴⁾ Допустимъ, что вопрошавшій христіанинъ ставилъ вопросъ нервно. Но откуда эта нервозность? Не выросла ли она на почвѣ грустной и грязной дѣйствительности? Пусть и итогъ «Россіи» будетъ больше всей совокупности отдѣльных номеровъ подмѣченныхъ ею явленій, а сумма Соловьева пусть и не совпадаетъ съ суммой слагаемыхъ. Но развѣ этихъ номеровъ и слагаемыхъ было мало? и развѣ они не располагали къ выводамъ, полнымъ ужаса и отчаянія? Не забудемъ, что,

¹⁾ Ср. мою характеристику общественно-нравственнаго состоянія современнаго русскаго общества въ моихъ «Очеркахъ современной религіозно-общественной жизни Сибири» и въ брошюрѣ «Вокругъ Маяка».

²⁾ Кормчій. 1904 г. № 4, стр. 41—43.

³⁾ 1900 г. № 395.

⁴⁾ Свѣтила русской мысли. Спб. 1904 г. Пред. стр. XII.

по русской пословицѣ, «безъ Бога—ни до порога». И разъ мы стали думать, что безъ Бога мы обойдемъ и перешагнемъ всѣ пороги и препоны на пути нашего культурнаго развитія, то исторія наша должна была пойти и дѣйствительно пошла по наклону, а народное самосознаніе—къ вырожденію.

Вотъ главнѣйшіе штрихи на картинѣ нашего общественнаго настроенія и результаты психопатіи, начинавшей распространяться, подобно эпидеміи, въ русскомъ обществѣ.

Конечно, печатно и въ аудиторіяхъ мы не доходили до такихъ цинично-откровенныхъ и въ тоже время смѣшныхъ заявленій, какъ то, которое сдѣлалъ недавно Бриссонъ во Франціи, съ развязностью французскаго легкомыслія громко сказавшій: «я—личный врагъ Христа». Но частичка, и не малая, бриссоновской пошлости сидѣла и въ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, не у насъ ли прежнее сознаніе духовной нищеты, бывшая слезная мольба о помощи къ Богу и Животворящему Духу были признаны немодными и были отвергнуты, какъ нѣчто недостойное человѣческой природы, которая, какъ мы стали признавать вмѣстѣ съ Ницше должна отличаться активнымъ, а точнѣе говоря: боевымъ, нахально-звѣрскимъ характеромъ? Не мы-ли на мѣсто кроткаго Христа начали ставить новые образцы, новыхъ путеводителей жизни? Мы развѣ стѣснялись говорить о банкротствѣ, которое въ нашихъ глазахъ превращалось въ устарѣвшую практическую продѣлку? Не мы-ли въ своей злобѣ кричали: «долой церковь! долой поповъ!» Мы даже не стѣснялись рѣшать вопросы вѣры и церкви за «зелеными рюмками», какъ профессоръ Грязевъ и Булашевъ въ «Исповѣдникахъ» Боборыкина, даже на страницахъ печати говорить: и о томъ, что только мы, а не церковь, понимаемъ смыслъ христіанской любви и идею свободы совѣсти, защищая съ Толстымъ и Стаховичемъ разнузданныхъ сектантовъ, въ томъ числѣ и штундистовъ—этотъ авангардъ иностранной арміи, мирно завоевывающей русскую землю; и о томъ, что церковь, по словамъ Спб. Вѣдомостей, снова развела свои, неизвѣстно гдѣ ими открытые, костры для еретиковъ; что ея догматы—это, по словамъ Мережковскаго и К^о, хомуты, ярмо окаменѣлости, кандалы, убивающіе религіозную мысль, археологическіе раритеты, никому и ни на что ненужные, при существованіи догмата обожанія нами своего эгоистическаго и пропитаннаго эстетикой разнузданности самовлюбленнаго «я», что небесная благодать—это, по суду російскихъ культуртрегеровъ, досужая фантазія на тему о потустороннемъ мірѣ, никому неизвѣстномъ настолько, чтобы можно было провѣрить его существованіе пробой, взятой нами изъ зоологіи, науки о животныхъ, т. е. прикосновеніемъ

нашего тѣльца, осязательнымъ ощущеніемъ; что православное богослуженіе некрасиво, непріятно, уныло и не можетъ выдержать сравненія съ пѣніемъ душу захватывающаго культа Мережковскаго, служенія сладострастному Діонису и вѣчно веселому Вакху; что подвижничество—это, по рѣшенію, принятому «Русской Мыслью» и «Новымъ Путемъ», не болѣе, какъ зловѣщій симптомъ нервности: лучше-де срывать цвѣты удовольствія: тутъ дѣло, по крайней мѣрѣ, здоровьемъ пахнетъ; что церковь,—по заявленію авторовъ прокламаций, безобразное сборище «дармоѣдовъ» и «обираль», составившихъ «скопъ», чтобъ «морочить» людей, не смотря на всю громадность и величіе церковной твердыни, на всю великость того нравственнаго утѣшенія, которое несетъ церковь всѣмъ труждающимся и обремененнымъ; не смотря, далѣе, и на то, что у насъ самихъ «въ нашихъ устахъ была фраза, въ нашихъ поступкахъ—ложь», что мы «то потихоньку обкрадывали казну, то также втихомолку, а то и открыто громили банки, то надували своихъ довѣрителей» и т. п. ¹⁾. Наконецъ мы объявили, что церковное христіанство-миѳъ, а не исторія, ребяческая сказка, а не жизненное ученіе съ его точными понятіями, средневѣковая рухлядь, а не полезное для жизни твореніе Божіе. А такъ какъ мысли пошлѣе не подлежатъ, пускать ихъ безъ узды заманчиво, а эффекты производитъ еще интереснѣе, то мы рѣшили въ томъ же направленіи идти дальше и добраться до Геркулесовыхъ столбовъ. Вотъ вамъ выдержка изъ одного современнаго, «хулигански» настроеннаго по отношенію къ церкви, журнала: «Христосъ въ глубинѣ плоти, загрязненной грязью первороднаго грѣха, обрѣлъ чистую воду святой плоти и крови, въ которую и облекся, преодолевъ отвращеніе къ грѣхамъ нашимъ любовью своею... И Розановъ, преодолевъ отвращеніе ради возлюбленной темы своей—святости пола, принялъ на лицо свое всю скопившуюся здѣсь вѣковую смрадную грязь. Въ этомъ сила его любви къ спасаемому имъ свѣту» ²⁾. Христосъ и какой-то Розановъ!.. Вотъ высшая точка нашего кощунства: мы смѣшали небесное съ земнымъ, замѣнивъ послѣднимъ первое, и стали вѣрить всему и всѣмъ, только не евангелію и церкви, прислушиваться ко всему, что только говоритъ о религіи мода: летать, подобно мотылькамъ, за каждымъ новымъ огонькомъ, сжигая на немъ свою святыню, свои заветныя думы и убѣжденія...

Но этого мало и это еще не все.

Областью религіознаго сознанія начинавшая накапливаться грязь не ограничилась. Общій историко-психологическій законъ, что съ

¹⁾ См. мою брошюру «Вокругъ Маяка», 1902 г. стр. 36.

²⁾ Новый Путь, 1903 г., октябрь, стр. 176.—Курсивъ нашъ.

загрязненіемъ религіозной мысли всегда начинается и нравственное сознаніе въ человѣчествѣ. Дѣйствіе этого закона проявлялось и въ нашей жизни, и притомъ въ крайне уродливыхъ и злобѣщихъ формахъ, настолько возмутительныхъ, что часто приходилось становиться въ тупикъ предъ мыслью о томъ, да за что же мы сльвемъ интеллигентами? и откуда эти похвалы нашей интеллигентности? Вѣдь слово интеллигентъ по словопроизводству и по существу обозначаетъ человѣка разумаго и понимающаго все здраво. Но было-ли у насъ это разумѣніе? вѣдь мы часто не понимали ни своей истинно человѣческой природы, ни своего высшаго и главнаго призванія; въ насъ не было даже той прославленной деликатности, которой мы такъ любили хвалиться. Говоря всякому встрѣчному на улицѣ: «виновать», «простите», приучившись съ мужикомъ обращаться на «вы», мы въ тоже время, притворно жалѣя, напимѣрь, церковь во всѣхъ ея злоключеніяхъ и страданіяхъ, злорадствовали при всякомъ удобномъ случаѣ, который хоть немного набрасывалъ тѣнь на церковныхъ дѣятелей, и указывая съ насмѣшкой пальцемъ на церковныя сферы, говорили: «да, сколько здѣсь любопытныхъ картинъ и въ бытовомъ и въ психологическомъ отношеніяхъ! да, это настоящій звѣринецъ»..., забывая при этомъ кандидатуру своихъ инстинктовъ въ это послѣднее, дѣйствительно, интересное учрежденіе, населенное и толстокожими слонами, которыхъ ничѣмъ не пробьешь, и дикими хищными звѣрями, и днемъ при солнечномъ свѣтѣ ничего не видящими совами, и т. д. и т. д. Да, страшная муть осѣла въ нашемъ общественно-нравственномъ сознаніи. Въ самомъ дѣлѣ, что за идеалы мы проповѣдывали и проводили въ жизнь? и что за нравственная атмосфера, которой мы дышали?

Какъ-то страшно порой говорить о нашихъ современныхъ идеалахъ. Когда начинаешь о нихъ толковать печатно или въ дружеской бесѣдѣ, то въ отвѣтъ часто получаешь такое замѣчаніе, что этихъ идеаловъ и касаться нельзя; что на нихъ, какъ говорятъ, и пробу то нельзя отчеканить: такъ они будто бы высоки и недостижаемы для оцѣнки. Но какъ это ни страшно, попытаемся взобраться на эту высоту, снять съ нея фотографическую копію и получше разсмотрѣть эти «сверхъ-пробные» идеалы.

На своей фотографіи я вижу прежде всего всѣми отрицаемаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ на каждомъ шагу воспроизводимаго въ костюмѣ модной парижской мастерской первобытнаго дикаря, съ его свободнымъ, непринужденно развязнымъ и вольнымъ размахомъ въ культѣ борьбы за существованіе. А вотъ и его сынъ, «пошедшій дальше» своего отца, уже дѣлающій свою блестящую карьеру; и при всей своей

отвратительности и уродствѣ, завоевавшій себѣ громадныя симпатіи. Это нищепанскій сверхъ—человѣкъ, имѣющій въ себѣ столько же истинно человѣческаго, сколько въ полномъ безуміи и кровожадности бываетъ здраваго ума и человѣческой любви. Думается, что наше нравственно-эстетическое настроеніе—прекрасная копія этихъ двухъ эгоистовъ и мятежниковъ, воровски къ намъ забравшихся и такъ уютно расположившихся въ нашемъ святилищѣ. Эти бунтари-мятежники успѣли уже всюду побывать. Подогрѣваемые эгоизмомъ и жаждой сильныхъ ощущеній, они всюду проникали, на все успѣвали наложить свою руку, всюду оставить свои слѣды и печать. Прокатившись по Руси и увидѣвъ кротость русскаго богоноснаго сердца, они закричали, что все русское плохо, грязно и некультурно. Напивавшись досыта, до мозга костей, отбросами западной цивилизаціи, они привезли къ намъ оттуда, съ Запада, страшную алчность, компромиссъ, сдѣлку съ совѣстью и интриганство, такъ что заставили одного нашего публициста въ цѣлой статьѣ доказывать, что безъ правды жить нельзя и что правда нужна и теперь ¹⁾. Проникнувъ на фабрики и заводы, они заставили рабочаго, часто получающаго большее матеріальное обезпеченіе, чѣмъ университетантъ, кричать спяна, что ему жить нечѣмъ, что онъ желаетъ меньше трудиться и больше получать денегъ. Они залѣзали и въ семью и здѣсь произвели свою опустошительную работу. Они внушили отцамъ и матерямъ взглядъ на семейный очагъ, какъ на среду только чувственности и хорошее средство для лжи, обмана и лицемерія. Они заставили отцовъ преобразовывать дѣтей, перевоспитывать ихъ по новымъ западнымъ образцамъ. Подъ ихъ вліяніемъ отцы вбунтовались противъ своихъ святыхъ родительскихъ правъ и заботъ. И если Спенсеръ совершенно справедливо говорилъ объ англичанахъ, что они гораздо болѣе заботятся о томъ, чтобы откармливать свиней, нежели о нравственномъ воспитаніи дѣтей ²⁾, то, вѣдь, думается, его слова не менѣе стали приложимы и къ намъ. И вотъ вамъ результаты бунта отцовъ противъ своихъ родительскихъ, Богомъ данныхъ, обязанностей. Руки нашихъ дѣтей стали несравненно искуснѣе бѣгать по клавишамъ музыкальныхъ инструментовъ, чѣмъ умѣло и благоговѣнно складываться для крестнаго знаменія: ихъ уста стали лучше произносить, а память знать больше романсовъ и опереточныхъ арій, нежели святыхъ молитвъ и пѣнопѣній; въ дѣтяхъ нашихъ развилась склонность къ пустымъ словамъ и ярко освѣщеннымъ театральнымъ и танцевальнымъ заламъ больше, нежели къ безмолвной молитвѣ при свѣтѣ души умиротворяющихъ.

¹⁾ Меньшиковъ. Народные заступники, стр. 273 и дал.

²⁾ Меньшиковъ. Критическіе очерки, стр. 20.

лучей лампы или среди торжественнаго освѣщенія Святыхъ Божіихъ храмовъ; наши дѣти стали отворачиваться съ презрѣніемъ отъ «фоліантовъ», излагающихъ идеи вѣчнаго спасенія, и скорѣе наслаждались цвѣтами порнографическаго искусства и литературы; отъ дѣтей мы часто стали слышать все рѣзче и настойчивѣе заявляемое: «я такъ хочу», и убѣждаться, что они не хотятъ знать ни Божескаго, ни родительскаго авторитета и уже успѣли созрѣть въ той мысли, что душа дешева, а только деньги дороги. Повторилась грустная сказка о грушахъ на осинѣ. Мы вырастили груши — «сочныя, большія, ну, словно золотыя! на взгядъ—ну, что твоя малина! Да ѣсть нельзя. А что? да горьки, какъ осина». — Изъ семьи зараза проникла и въ школу. Учащуюся молодежь стали все болѣе и болѣе въ послѣднее время обвинять въ нежеланіи знать здравый смыслъ, считаться съ законами совѣсти, правилами чести. Прочитайте надѣлавшую столько шума книгу Гегидзе...

Опустошительная буря коснулась и другихъ «малыхъ сихъ», простого, низшаго народнаго класса. Рѣшивъ, что пора, когда насъ били и колотили внѣшніе враги, давно миновала; что прошло и время самооплеванія, начавшагося со времени реформъ Петра Великаго; что парижскій фракъ на насъ сидитъ хорошо; что европейскими побрякушками мы обзавелись въ достаточномъ количествѣ, — мы, принявъ шутовство за серьезное дѣло, на нѣкоторое время остановились на томъ, что намъ остается только глядѣться въ зеркало и любоваться своими достоинствами. Но социальный инстинктъ въ насъ оказался настолько сильнымъ, что мы, самовлюбленные эгоисты, приняли на себя роль какихъ-то новыхъ пророковъ, одержимыхъ сильнѣйшимъ зудомъ пропаганды «новыхъ» идей и «новыхъ» началъ жизни. Самооплеваніе мы рѣшили замѣнить оплеваніемъ народной святыни, почувствовать, что мы уже вполне развиты: что наше дѣтство съ его лозой пройдено; что юношеская неудовлетворенность собой осталась позади; что мы уже вступили въ пору зрѣлости; что мы способны критиковать все окружающее и показывать лицомъ нашъ товаръ еще неопытному и незрѣлому потребителю; что наша задача вообще заключается въ томъ, чтобы «по своему» просвѣтить народъ. А для этого мы и стали создавать за чашками кофе всевозможные проекты и просвѣтительныя теоріи. Самая главная наша теорія гласила: нашъ народъ—это несчастный негръ изъ «Хижины дяди Тома» (чит. напр., «Исповѣдниковъ» Боборыкина); онъ живетъ въ страшномъ духовномъ рабствѣ; все содержаніе его души никуда негодно; поэтому надо вытравить въ ней все, чѣмъ она живетъ, оставить въ ней Торричеллиеву пустоту, соскоблить съ нея все ея содержаніе, оставить

чистую дощечку и росписывать по этой дощечкѣ новые узоры,— поступить, однимъ словомъ, съ народной богоносной душой точь-въ-точь такъ, какъ поступилъ съ жемчужиной крыловскій пѣтухъ, и затѣмъ закопать эту жемчужину въ навозъ лжи, порока, невѣрія и демонизма ¹⁾).

Но куда общество, туда и печать—это зеркало общественнаго настроенія. Въ самомъ дѣлѣ, загляните въ страницы той громадной книги, которая именуется громкимъ титуломъ «періодической прессы» и завоевала себѣ положеніе «шестой великой державы». Посмотрите, чѣмъ здѣсь занимались, какими подвигами здѣсь прославлялись... Пустословіе, трескучая фраза, развратъ, а главное— богоотступничество и страшное, безстыдное богохульство—вотъ тѣ красоты, которыя все чаще и чаще становилось возможнымъ наблюдать, путешествуя по этой великой державѣ. Въ ней намъ нерѣдко нельзя было найти ни дисциплины воли, ни дисциплины мысли. При видѣ ея невольно вспоминалась одна дѣтская республика въ Америкѣ, о которой въ свое время такъ много писали... но и тамъ было больше любви и порядка... А здѣсь, въ шестой могучей державѣ, вы могли натолкнуться и на мальчишеское забрасываніе камнями несокрушимой церковной твердыни, и на цѣлые фонтаны помоевъ, выливавшихся изъ затхлаго литературнаго омута на народное «святое святыхъ». Тутъ появились и свои политиканы, и свои незваные «блюстители порядка», и гонители честно сказаннаго, правдиваго слова, и цѣлыя фирмы съ неистощимымъ запасомъ порнографіи ²⁾, и циники «съ начинкой» ³⁾, и рекламированные хулиганы, наслаждавшіеся низостью изображаемыхъ ими явленій ⁴⁾. Здѣсь, говоря языкомъ Тургенева, стало появляться столько «литературныхъ прыщей», что становилось невольно жутко и больно за нашу загрязнявшуюся литературу, все болѣе и болѣе роднившуюся съ той литературой «изъ-за угла», которая по достоинству заслужила названіе «подпольной». Въ довершеніе всего печать стала подъ ружье, направила свой острый штыкъ противъ всего, что вѣками и страданьемъ, кровью и потомъ создано и приобрѣтено мученицей-Русью, и при громкомъ «ура» создала памятникъ Ренану въ лицѣ журнала «Новый Путь» и его К^о.

Такова была въ краткихъ чертахъ дѣятельность застрѣльщиковъ борьбы за существованіе, поклонниковъ «сверхъ-человѣческаго»,

¹⁾ Какъ извѣстно, профессоръ Шмурло даже не постѣснялся печатно на страницахъ Спб. Вѣдомостей въ 1902 г. высказать мысль объ изыятіи Закона Божія изъ нашихъ школьных программъ.

²⁾ Напр., фирма «Книголюбъ».

³⁾ М. Горькій.

⁴⁾ Андреевъ Л.

матеріалізмом пропитанного и чувственностью сдобренного нашего эгоизма. А вот и результаты этой дѣятельности, этой демонической работы.

Борьба, вѣчная погоня за новыми и новыми средствами къ побѣдѣ... сколько она вытравила въ насъ здоровыхъ и свѣтлыхъ чувствъ, добрыхъ желаній и стремленій! Всюду стали широкой волной разливаться ложь, клевета и лицемеріе, въ корни начинавшія подтачивать нашъ народный организмъ.

Теперь не до того, что славно, что велико,
Илоту пьяному иль буйному рабу!
Не помнящимъ родства родное слово дико,
Любовь—и та влечетъ неравную борьбу!
О, цѣпи лживыхъ словъ, поддѣланныхъ понятій,
Неискренности мгла, царящая вокругъ!
Иуда, чужакамъ распродающій братій,
Увѣнчанъ лаврами, какъ витязь или другъ“.

(Мирный трудъ 1904, № 1, отд. 11, стр. 49).

Вотъ безсмертныя слова великаго борца за правду, недавно почившаго Величко. Вдумайтесь въ нихъ: сколько тутъ сквозитъ горькой правды о нашей жизни!..

Но и этого мало. Проникшись ложью, мы переставали уже отличать правую руку отъ лѣвой, добро отъ зла, правду отъ лжи. Все-то у насъ поспуталось, все-то у насъ посмѣшалось. Вотъ «хламъ», который мы собрали въ своихъ «амбарахъ»:

То здѣсь валяются, то тамъ
Куски стыда, обрывки чести...
Остатки дружбы вѣковой,
Лоскутъ отраднанаго раздолья,
Клочки веселости былой,
Любовь, изъѣденная моллю...
Запасъ фальшиваго труда,

Линючей совѣсти—частица,
Продажныхъ мнѣній—вороха
И слова честнаго—крупница.
А гдѣ то тамъ, въ сыромъ углу,
Вдали на самомъ заднемъ планѣ,
Кусочекъ правды на полу
Лежить, завернутый въ обманъ“.

Не понимая себя, мы еще менѣе стали понимать другъ друга, все болѣе и болѣе терять нравственную чуткость, довѣріе къ людямъ, уваженіе къ чужому честно сказанному слову, искренно выраженному мнѣнію. Повторилось, — только въ другомъ, конечно, видѣ, — Вавилонское столпотвореніе, смѣшеніе языковъ, за которыми не замедлилъ послѣдовать и повториться общественно-нравственный разбродъ. «Что за люди! что за разговоры! что за жалкая болтовня!» восклицаетъ одинъ изъ героевъ «Исповѣдниковъ» Боборыкина, и прибавляетъ: «вездѣ разбродъ, повальное ренегатство, потакательство всякой блажи, трусливой апатіи, мистическому и декадентскому юродству»... Даже крестьянинъ, и тотъ заговорилъ, что настали весьма «сумнительныя времена»...

Много зла натворила промчавшаяся буря, много пустымъ ореховъ посѣяла въ нашей жизни пронесшійся ураганъ, но не меньше

принесли они съ собой страданій и горя: много трещинъ они подѣлали въ нашемъ народномъ деревѣ и заставили его сильно болѣть. Въ самомъ дѣлѣ, это «постыдное равнодушіе къ добру и злу»; эти громкіе успѣхи волковъ въ овечьей шкурѣ: разныхъ Струве и авторовъ безшабашныхъ «прокламацій»; это ожесточенное упорство Крыловской героини неблагодарной, подрывавшей корни царственного дуба Россіи; этотъ культъ чувственности, вынесенный его жрецами на улицу, на прилавки и за витрины нашихъ магазиновъ даже въ нашихъ столицахъ, не исключая и столицы Кавказа; это съ поразительной быстротой получившее право гражданства вліяніе уroda-декадента, уморительную фигуру и циничныя салто-мортале котораго мы стали встрѣчать оваціями и нашими распростертыми объятіями; это возмутительное хулиганство, распространившееся «отъ хладныхъ волнъ Невы до пламенной Калхиды»; эта безбожная борьба всѣхъ другъ противъ друга; эти тысячи самоубійствъ, эти краснорѣчивыя въ своей краткости предсмертныя записки, оставаемые самоубійцами: «не стоитъ жить» — развѣ все это не зловѣщіе симптомы начинавшей одолѣвать насъ болѣзни, злостнаго, хотя, правда, и неокончательнаго банкротства нашихъ силъ? О, какую великую и полную потрясающаго трагизма поэму написалъ бы теперь Гоголь о новыхъ «мертвыхъ душахъ»!.. Но, думалось съ другой стороны, что же будетъ дальше? чѣмъ и когда разрѣшатся эти стоны? эти мученія? эта тоска жизни? это вѣчное недовольство? эта ужасная, убійственная эпидемія? когда же, когда, — настоячиво возникалъ вопросъ, — вновь засіяетъ надъ русской землею яркое солнышко съ его радостью и свѣтомъ?..

Чувствовалось, что жить становится страшно, что такъ идти дальше нельзя, что спертый воздухъ можетъ насъ задушить...

II.

И только вѣра въ доброе народное сердце и сознаніе того, что вся эта грязь не наша, что она насильно намъ навязана съ Запада, что она въ существѣ дѣла ненавистна нашему народу заставляли надѣяться на наше свѣтлое будущее, на то, что народъ очиститъ покаяніемъ свою душу; сниметъ съ чистой струи своей жизни всю эту муть, всю эту накипь; снова грянетъ свою молодецкую пѣсню, наполнитъ свои свѣтлыя очи весельемъ, душу «отраднымъ раздольемъ». Въ самомъ дѣлѣ, сколько добра, какая великая совѣсть хранится въ глубинѣ нашего народнаго сознанія! Посмотрите, господа, на эти умиленные толпы, наполняющія всегда наши храмы, чутко внимающія словамъ святой любви и правды, несущія свою послѣднюю лепту на дѣло Божіе, за сотни и тысячи верстъ хо-

дѣянія «святой святыни поклониться»; на эти, привлекающія громаднаыя симпатіи наши религіозныя братства, такъ называемыя христіанскія содружества учащейся молодежи; на это народное милосердіе, устраивающее пріюты и покои для бѣдныхъ, несчастныхъ, обездоленныхъ и обойденныхъ жизнью и т. д. и т. д. Невозможно и перечестъ всего этого добра, исчерпать богатый родникъ чистыхъ волнъ народной жизни: тутъ вѣдь цѣлый океанъ духовной мощи, нравственной силы! Да, необъятно ты, русское сердце! Прекрасна ты, святая Русь! Какая ты великая по природѣ христіанка!

И вотъ почему при одномъ взглядѣ на русскую душу невольно вспоминались слова поэта:

Да, да, Россія дорогая!	Но въ нѣдрахъ чистый, какъ алмазь,
Ты будешь дивною страной.	И будетъ день, когда открыто
Въ тебѣ течетъ, не изсякая,	Заблещетъ онъ, плѣняя насъ.
Духовныхъ силъ родникъ живой,	Тогда увидитъ міръ богатства
Родникъ поросшій и сокрытый,	Духовной юности твоей". 1)

Можно ли было послѣ этого ожидать, что наше народное самосознаніе на вѣки заснетъ, дасть мѣсто у себя измѣнѣ и смерти? что оно рано или поздно не заставитъ замолчать и прекратить свою работу засѣвшихъ въ русской землѣ хищниковъ?..

Но, скажутъ, развѣ народъ не видѣлъ, какъ

„Шкурой овечьей врагъ прикрывается,
Съѣтъ вражду межъ дѣтей и отцовъ.
Хамъ надъ святыней родной издѣвается,
Пьетъ безнаказанно русскую кровь"? 2)

Такъ почему же народъ послѣ этого не возмущался, не закрывалъ уста продажнымъ и наглымъ крикунамъ, сѣявшимъ смуты и обиду? Да, отвѣтимъ, народъ все видѣлъ, а видя, и не мало возмущался. Но въ этомъ и горѣ его было, что онъ былъ чересчуръ терпѣливъ и что шумъ мятежниковъ и развратителей народной воли былъ подобенъ шуму великихъ водъ, заглушалъ собой слово народной правды, своей наглостью заставлялъ содрогаться отъ ужаса русскую честную мысль. Горькое время переживалъ православный и искренній русскій человѣкъ, котораго за всякое слово правды, высказанное, напр., въ печати, объявляли «шпіономъ», а его рѣчь — «доносомъ». Вотъ вамъ этотъ страдальческій крикъ однако недавно почившаго защитника русской души:

„Когда поруганы заветныя святыни
То скотски-жадною, то злобною толпою,
Средь мутныхъ волнъ ея тяжеле, чѣмъ въ пустынь,
Идти на зовъ мечты тернистою тропой“ 3)...

1) Д. С. Тризна, «Князь Соколы-Бѣлый».

2) Мирный Трудъ, 1904 г., I, стр. VII.

3) В. Л. Величко въ Мир. Трудѣ 1904, I, отд. II, 49.

Народъ бросался, но уставалъ вести борьбу, ослабѣвалъ въ неравномъ поединкѣ. И это тѣмъ болѣе, что духовные мятежники порой торжествовали и получали еще большую возможность издѣваться надъ народной душой.

Но понимали ли вы, смутители русской совѣсти, всю трагедію вашего положенія? Неужели въ вашихъ сновидѣніяхъ вамъ грезилося ваше полное торжество? если да, то какъ вы были близоруки?! неужели вы не слышали, что устами поэта говорила, на время нѣсколько приунывшая, душа русскаго гражданина:

„Напрасно хулители
Мнѣ оскорбить насъ своею гордынею,
На берегъ вскорѣ мы, волнѣ побѣдители,
Выйдемъ торжественно съ нашей святынею,
Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное,
Вѣрою въ наше святое значеніе
Мы же возбудимъ теченіе вѣтрѣнное,
Противъ теченія“ ¹⁾.

Наше самосознаніе, вѣдь, требовало только сильнаго толчка для проявленія своей силы, своей мощи, своей красоты. Тотъ толчекъ и не замедлилъ явиться.

И стало сбываться вѣщее слово поэта...

Грянулъ самъ Божескій призывъ... и встрепенулось сердце русскаго гражданина.

Японія, посягнувшая разъ на то, чтобы сразить будущую главу русскаго организма, теперь впиалась своими «паганскими» когтями въ прекрасное русское тѣло. Мы думали, что мы неуязвимы въ своемъ величьи и гордости, что мы и дальше будемъ добиваться всѣхъ жизненныхъ успѣховъ только своими силами. «Смирись, гордый человекъ!» услышали мы съ неба,—молись! Зови Господню силу, святую Божию помощь! Проникнись святою правдой жизни!..

И понялъ все нашъ русскій гражданинъ...

Поднялась русская шашка, протянулась впередъ русская дѣница,—осѣнилъ себя святымъ Божиимъ крестомъ добрый русскій народъ. Закрестились всѣ, даже и тѣ, что отвыкли молиться. Исчезла жалкая толпа съ ея «настроеніемъ вампира и демона» и выросла на мѣстѣ той толпы стройная, великая и могучая рать, колѣнопреклоненная, молящаяся, съ твердой рѣшимостью во имя Бога и счастья родины отдать въ жертву любви всѣ свои силы, всѣ свои сокровища. Загорѣлся на Руси великій костеръ. И понесла къ тому костру русская громада сжигать свое новое языческое идолище поганое—свой мятежный эгоизмъ. Жертва за жер-

¹⁾ А. Толстой.

твой, отреченіе за отреченіемъ... Какая дивная картина! А эта сплоченность, это единеніе, эта рука, протянувшаяся для примиренія, эта забытая вражда, этотъ быстрый ростъ партіи порядка, общенародный взрывъ патріотизма, эта серьезность и очищающее серяпе страданіе вмѣсто смѣха и легкомыслія!.. Вспомнилъ народъ, что всякая бѣда за неправду посылается. И покаялось русское сердце и запѣло оно новую пѣсню, пѣснь торжествующей любви къ Богу, Царю и страдающей родинѣ. Помолодѣла отъ той любви русская душа, засіяла она своей вѣчной красотой, наполнившей своимъ ароматомъ затхлую атмосферу. Исчезъ «буревѣстникъ», услышавъ крикъ народной громады; испугался онъ новаго дня, «однимъ взмахомъ народной воли» съежился, «согнулся въ три погибели» и полетѣлъ безъ оглядки въ свою бездну. Не вынесъ онъ тамъ, подъ тучами, напора крыльевъ могучаго орла и исчезъ съ расчищающейся небесной лазури. И только тамъ, гдѣ-то вдали, глухо слышится его злобное карканье, которому внимають однѣ вѣдьмы Макбета, злая на то, что имъ не удалось своими лъстивыми рѣчами сгубить великій русскій народъ...

А двуглавый орелъ свою работушку тѣмъ временемъ не оставляетъ. Онъ все вьется и вьется по поднебесью, и своими крылами все гонитъ и гонитъ съ русскаго неба тѣ тучи, что закрыли отъ насъ Божіей правды лучи. И еще виднѣе становится Божій свѣтъ и еще радостнѣе бьется русское сердце, посылая привѣтъ восходящей зарѣ.

«Золото, золото—сердце народное»!..

Грузинскій епархіальный миссіонеръ *Александръ Платоновъ*.

«СИМЪ ПОБѢДИШИ».

Тюренченскій сухопутный бой и послѣдніе отраженіе японскихъ брандеровъ у Портъ-Артура дали новое свидѣтельство превосходства русскаго духа, русской стойкости предъ японскою дикою, безумною отвагою.

Наши борются подъ Тюренченомъ съ противникомъ вдесятеро сильнѣйшимъ, борются, какъ ихъ предки временъ Святославовыхъ, но уже подъ знаменемъ Креста, этого символа христіанства. Побѣдный Крестъ этотъ сіяетъ въ рукахъ неустрашимаго пастыря, идущаго съ нимъ въ атаку, въ челѣ полка, окруженнаго полчищемъ насѣдающихъ язычниковъ. И Крестъ этотъ, здѣсь, въ эту навсегда памятную минуту, знаменуетъ побѣду *духа*.

«Ляжемъ костями, бо мертвые сраму не имутъ», говорилъ Святославъ-язычникъ. «Большее сея любви никтоже имать, да кто

душу свою положить за други своя», говорилъ Христосъ - Спаситель.

«За други своя», а не за себя самихъ ложимся мы костью; такъ и Тюренченскій отрядъ, несомнѣнно, жертвовалъ собою, чтобы спасти товарищей. Однѣ части прикрывали отступление другихъ; другія, уже окруженныя, пробивались штыками, спасая знамена и *тытаясь спасти* орудія. Вотъ эти-то орудія, отдать которыя врагу *безъ упорнаго боя* считается позоромъ, вѣроятно и приковали нашъ доблестный отрядъ долѣе, чѣмъ слѣдовало, къ позиціи, а также необходимость обезпечить отступление своихъ.

Японцы выставили противъ насъ какія-то особо смертоносныя орудія «Аризама», которыя привели, вѣроятно, наши легкія батареи въ полную невозможность сняться съ позиціи, а мѣстность не давала увести ихъ на рукахъ. А наша доблестная пѣхота, — помня свой долгъ, помня заветы Суворова и Драгомирова: «Самъ погибай, а товарища выручай», — до послѣдней возможности отстаивала свою святыню — свои пушки. Пушка въ батарее — все равно, что знамя для пѣхотинца, что штандартъ для кавалериста. На пушкѣ присягаютъ новобранцы, какъ на знамени, и потому пушка въ нашей арміи — такая же святыня, какъ знамя. Наши войска на Тюренченѣ не жалѣли своихъ жизней, своей крови, — во имя высшаго идеала, во имя сохраненія своихъ батарей, разбитыхъ, перекалѣченныхъ могущественною осадною артиллеріей врага.

И вотъ эти-то идеальные воины, — воистину подобные крестоносцамъ, — почти безнадежно бьются одинъ противъ десяти, только во имя идеальной цѣли, — отстоять своихъ братьевъ-артиллеристовъ и свои орудія. Пусть этотъ бой неудаченъ, пусть велики наши потери, пусть даже бой этотъ стратегически неправиленъ, безцѣленъ, пусть даже жертвы наши не увѣнчались успѣхомъ и орудія достались противнику, — но за этимъ боемъ всегда останется его идеальное значеніе; надъ нимъ высоко, непобѣдимо будетъ сіять побѣдное знаменіе Креста — этого *послѣдняго резерва*, который, въ рукахъ безстрашнаго пастыря, пущенъ былъ въ дѣло и далъ нашимъ витязямъ силу и крѣпость пробиться чрезъ вражескія полчища.

Язычники-Японцы выдвигаютъ противъ насъ цѣлый арсеналъ дьявольскихъ изобрѣтеній человеческого ума — орудій Антихристовыхъ. Тутъ и особыя подводныя мины, уничтожающія цѣлыя броненосцы, тутъ и орудія «Аризама», тутъ и брандеры, начиненные угольною пылью, нефтью и кальціемъ для устройства нашему флоту и Портъ-Артуру гигантскаго пожара, вродѣ Чесмы; тутъ и лиддитные, удушающіе и отравляющіе снаряды; словомъ — все, что

только может избрѣсти техника, управляемая японскою хитростію и беззащѣтностью въ выборѣ средствъ.

На это мы отвѣчаемъ христіанскимъ всепрощеніемъ,—любовнымъ попеченіемъ о плѣнномъ врагѣ и твердымъ упованіемъ на непобѣдимую силу Честнаго и Животворящаго Креста Господня.

Пусть скептики и невѣрующіе учитываютъ шансы нашихъ и японскихъ успѣховъ, пусть ищутъ и клеймятъ виноватыхъ; а мы, какъ и доблестные наши герои, твердые духомъ въ огнѣ испытаній, укажемъ лишь на сіяющій въ небѣ,—и въ каждомъ вѣрующемъ русскомъ сердцѣ,—*Крестъ*.

«Симъ побѣдиши!»

(Моск. Вѣд.)

II.

Дѣйствія и распоряженія правительственной власти.

Командированное на театръ войны духовенство.

Для удовлетворенія духовныхъ нуждъ больныхъ и раненыхъ воиновъ дѣйствующей на Дальнемъ Востокѣ русской арміи, Св. Синодомъ, съ начала войны до настоящаго времени, командированы, сверхъ состоящихъ при воинскихъ частяхъ духовныхъ лицъ, военнаго вѣдомства, 4 священника и 13 іеромонаховъ. Изъ нихъ священникъ московской Троицкой, въ Троицкомъ, церкви—Николай Арсеньевъ прикомандированъ къ санитарному поѣзду, сооруженному на средства Государыни Императрицы Александры Θεодоровны, прочіе: окончившій курсъ ученія въ 1903 году въ с.-петербургской духовной академіи священникъ Михаилъ Раевскій, іеромонахи—Задне-Никифоровской пустыни, олонецкой епархіи, Александръ (Назимовъ) и Новоямецкаго монастыря, кишинеvской епархіи, Давидъ, священникъ с.-петербургской епархіи Николай Курловъ, іеромонахи изъ обителей калужской епархіи: Лихвинскаго Доброго монастыря Владиміръ, Тихоновской пустыни Анастасій, козельской Введенской Оптиной пустыни Андріанъ и Варсоноій и малоярославецкаго Николаевскаго монастыря Амвросій, іеромонахи Кіево-Печерской Успенской лавры: Николай, Лазарь, Викентій, Вонифатій, Іларіонъ, Амфилофій, и священникъ села Сюкеева, Тетюшскаго уѣзда, казанской епархіи, Павелъ Мансуровскій—командированы въ распоряженіе главноуполномоченнаго Россійскаго общества Краснаго Креста при дѣйствующей на Дальнемъ Востокѣ арміи, для назначенія ихъ къ санитарнымъ отрядамъ и госпиталямъ Краснаго Креста. Всѣ означенныя лица, за исключеніемъ шести іеромонаховъ Кіево-Печерской лавры, снабжены необходимыми богослужебными книгами и принадлежностями церковной утвари на счетъ Св. Синода; іеромонахи же Кіево-Печерской лавры получили таковыя принадлежности и книги отъ лавры. Изъ названныхъ священнослужителей содержаніе 14-ти лицъ принято Св. Синодомъ на счетъ состоящихъ въ его распоряженіи средствъ, и трое іеромонаховъ командированы съ содержаніемъ отъ Кіево-Печерской лавры. За назначеніемъ достаточнаго числа священнослужителей во всѣ лазареты и госпитали при дѣйствующей на Дальнемъ Востокѣ арміи, дальнѣйшая посылка священнослужителей приостановлена впредь до особыхъ распоряженій.

III.

Всеподданнѣйшія и официальные телеграммы съ театра войны.

24 апрѣля отъ генерала-адъютанта Куропаткина. По полученнымъ отъ генерала-лейтенанта Засулича донесеніямъ потери въ дѣлахъ 17 и 18 апрѣля подъ Тюренченомъ выражаются слѣдующими цифрами. Въ дѣлѣ 17 апрѣля ушибленъ камнемъ въ голову командующій 3-й стрѣлковой дивизіей генералъ-маіоръ Кашталинскій; смертельно раненъ и умеръ командиръ 2 батареи 6 восточно-сибирской артиллерійской бригады подполковникъ Маллеръ; убиты: командиръ батальона 12 стрѣлковаго полка подполковникъ Пахомовъ и 7 нижнихъ чиновъ; ранены: командующій 6 восточно-сибирской артиллерійской бригадой полковникъ Мейстеръ, семь оберъ-офицеровъ и шестьдесятъ семь нижнихъ чиновъ. Въ дѣлѣ 18 апрѣля 9 и 10 стрѣлковые полки и батальонъ 24 полка, составлявшіе правый флагъ и часть общаго резерва, принимали лишь незначительное участіе, почему 9 стрѣлковый полкъ и батальонъ 24 полка потерь не имѣли, а 10 стрѣлковый полкъ, прикрывая движеніе при отступленіи, потерялъ всего шесть нижнихъ чиновъ. Вся тяжесть боя легла на 11 и 12 стрѣлковые полки, а также на 22. Вслѣдствіе крайне ожесточеннаго боя нашимъ полкамъ приходилось дѣлать нѣсколько контръ-атакъ въ штыки и пробиваться штыками противъ окружавшаго ихъ противника, силою въ три дивизіи, не считая резервныхъ частей. Атакующія части имѣли противъ себя противника въ пять разъ сильнѣйшаго и поддержаннаго весьма многочисленной артиллеріей. Въ этомъ тяжеломъ, но славномъ для 11 и 12 полковъ бою мы потеряли въ 11 полку: убиты командиръ полка полковникъ Лаймингъ и командиръ батальона подполковникъ Дометти, десять оберъ-офицеровъ и двѣсти шесть нижнихъ чиновъ; ранены командиръ батальона подполковникъ Яблочкинъ, восемь оберъ-офицеровъ, священникъ отецъ Щербаковскій, капелъмейстеръ и триста девяносто одинъ нижній чинъ. 12 стрѣлковый полкъ потерялъ: убиты командиръ батальона подполковникъ Урядовъ, девять оберъ-офицеровъ и двѣсти шестьдесятъ шесть нижнихъ чиновъ; ранены одиннадцать оберъ-офицеровъ и триста девяносто нижнихъ чиновъ. Въ 22 полку: убито восемнадцать нижнихъ чиновъ, ранены четыре оберъ-офицера и девяносто три нижнихъ чина. Въ 3 батарее 3 артиллерійской бригады убитъ командиръ батареи подполковникъ Муравскій и двадцать четыре нижнихъ чина; ранены три оберъ-офицера и шестьдесятъ два нижнихъ чина. Въ 6 артиллерійской бригадѣ: во 2 батареѣ раненъ одинъ оберъ-офицеръ, убито и ранено тридцать восемь нижнихъ чиновъ. Въ 3 батареѣ той же бригады убито восемь нижнихъ чиновъ, ранены одинъ оберъ-офицеръ и пятнадцать нижнихъ чиновъ. Въ пулеметной ротѣ 3 стрѣлковой дивизіи, бывшей въ составѣ восьмидесяти нижнихъ чиновъ: убиты—одинъ оберъ-офицеръ, шестнадцать нижнихъ чиновъ, ранены—одинъ оберъ-офицеръ, и тридцать восемь нижнихъ чиновъ. Сверхъ того, въ бою 18 апрѣля осталось на полѣ сраженія неизвѣстно убитыми или ранеными: въ 11 полку подполковникъ Ролевскій, врачъ Швецовъ и двѣсти восемьдесятъ одинъ нижній чинъ; въ 12 полку: два оберъ-офицера и двѣсти двѣнадцать нижнихъ чиновъ; въ 22 полку сто сорокъ четыре нижнихъ чина; въ 3 батареѣ 3 бригады одинъ оберъ-офицеръ; въ

двухъ батареяхъ 6 бригады два оберъ-офицера и сорокъ два нижнихъ чина. Въ плѣнъ, по имѣющимся свѣдѣнiямъ, никто не сдался. 18 апрѣля вышло изъ строя лошадей: въ 3 батареѣ 3 бригады семьдесятъ двѣ; 6 бригады 2 батареѣ сто восемь изъ ста десяти, бывшихъ на позиціи; въ 3 батареѣ сорокъ одна. Потери за 17 и 18 апрѣля въ общемъ выразятся: убито шесть штабъ-офиц., двадцать оберъ-офицеровъ и пятьсотъ шестьдесятъ четыре нижнихъ чина; ранены два штабъ-офицера, 36 оберъ-офиц., одинъ священникъ, одинъ капельмейстеръ и тысяча восемьдесятъ одинъ нижній чинъ; осталось на полѣ сраженія неизвѣстно убитыми или ранеными—одинъ штабъ-офицеръ, пять оберъ-офицеровъ, одинъ врачъ и шестьсотъ семьдесятъ девять нижнихъ чиновъ. Всего убыло семьдесятъ штабъ- и оберъ-офицеровъ и двѣ тысячи триста двадцать четыре нижнихъ чина. Роты 3 стрѣлковой дивизіи были въ восьмидесяти четырехъ-рядномъ составѣ. Долгомъ своимъ считаю добавить, что при указанныхъ выше потеряхъ въ батареяхъ людьми и лошадьми, а также вслѣдствіе труднодоступной внѣ дорогъ мѣстности увезти орудія и пулеметы дѣйствительно не было возможности. Нѣкоторыя роты въ 11 и 12 полкахъ, потерявъ значительно болѣе половины своего состава, продолжали сражаться. 11 и 12 полки, несмотря на большія потери, подъ защитой выдвинутыхъ для прикрытія отступленія частей третьей стрѣлковой дивизіи, не участвовавшихъ въ бою, были приведены въ порядокъ; въ порядкѣ прибыли въ Фынхуанченъ и въ ночь на 19 апрѣля уже принимали участіе въ охраненіи нашего расположенія.

Генераль Засуличъ 24 апрѣля доноситъ: конница и передовыя части противника заняли 23 апрѣля Фынхуанченъ. Двѣ роты и два эскадрона японцевъ выдвинулись въ Даяндяпузѣ. Наши конныя части отошли къ Селюджану. Разѣзды отъ Фынхуанчена доносятъ, что двѣ дивизіи японцевъ подходили 23 апрѣля къ Фынхуанчену большой дорогой отъ Пьямына. Третья дивизія, двигавшаяся долиной Эйхо, заняла позицію у Куандяпуза, выставивъ батареи для обстрѣливанія Фынхуанчена, въ ожиданіи встрѣтить тамъ наши войска.

Къ Фынхуанчену японцы двигались медленно и крайне осторожно.

25 апрѣля отъ ген.-лейт. Сахарова. Японцы, занявъ Фынхуанченъ, остаются тамъ, выславъ разѣзды по главной Ляоянской дорогѣ и по сторонамъ ея. Куаньдяньсянь ¹⁾ былъ занятъ японцами съ 22 апрѣля.

25 апрѣля отъ ген.-маіора Харкевича. Корейскій гарнизонъ въ Пектонѣ ²⁾ въ 75 солдатъ выдалъ оружіе нашему разѣзду и въ городѣ было найдено до 700 пуд. провіанта и фуража, заготовленнаго для японцевъ. 10 апрѣля другой разѣздъ на перевалѣ Медальенгъ ³⁾ имѣлъ стычку съ небольшимъ коннымъ отрядомъ японцевъ безъ потерь для насъ; въ тотъ же день разѣздъ занялъ городъ Пектонъ-Тинъ ⁴⁾, гдѣ уничтожилъ значительные запасы. Третій разѣздъ 10 апрѣля въ 35 верстахъ на юго-востокъ отъ Пектона имѣлъ стычку съ небольшимъ японскимъ отрядомъ безъ потерь для насъ. Одинъ нашъ разѣздъ, въ 10 верстахъ не доходя Уйона ⁵⁾, встрѣтилъ противника: до 200 корейскихъ солдатъ и до 200 японскихъ, перодѣтыхъ въ корейскую форму, занявшихъ позицію на крутыхъ высотахъ; послѣ сильной перестрѣлки противникъ отошелъ въ Уйону. Наши потери:

¹⁾ Въ 70 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Фынхуанчена. ²⁾ Въ Корей на р. Ялу.

³⁾ Въ 10 верстахъ южнѣе Пектона. ⁴⁾ Верстъ на 20 ниже Пектона по теченію р. Ялу. ⁵⁾ Верстъ 30 къ сѣверо-востоку отъ Пектона близъ р. Ялу.

убить 1 и ранены 4 нижних чина и убиты 7 лошадей. 19 апрѣля нашъ разъѣздъ, въ 8 казаковъ, производя развѣдку между Синцзинтиномъ ⁶⁾ и Цзянчаномъ ⁷⁾, у Чансифугоу подвергся нападенію хорошо вооруженной банды злоумышленниковъ, повидимому хунхузовъ; въ перестрѣлкѣ былъ раненъ одинъ казакъ, двѣ лошади ранены и три убиты и убиты китайскіе переводчикъ и подводчикъ.

26 апрѣля. 22 апрѣля нашъ разъѣздъ у Сюягипуза ⁸⁾ обнаружилъ японскій отрядъ силою до одного полка; въ перестрѣлкѣ съ японской заставой убитъ одинъ казакъ; у Луанмяо разъѣздъ былъ обстрѣлянъ съ лѣваго берега. 22 апрѣля разъѣздъ встрѣтилъ на большой дорогѣ въ Фынхуанченѣ, въ шести верстахъ отъ Салицзайпудзы, дозорныхъ непріятельскаго разъѣзда, скрывшихся въ горахъ. Кромѣ того, 23 апрѣля японскіе разъѣзды появились у Сандагоу въ восьми верстахъ къ югу отъ Салицзайпудзы и въ долинѣ рѣки Седзыхе. Къ сѣверу отъ Седзехоге, по показаніямъ китайцевъ, въ горахъ, въ 20—30 верстахъ отъ Даянхэ, находятся японскіе отряды общей силою до трехъ полковъ пѣхоты.

27 апрѣля отъ Намѣстника. Ночью съ 26 на 27 апрѣля возстановлено желѣзнодорожное сообщеніе съ Портъ-Артуромъ. Телеграфъ исправляется.

27 апрѣля отъ ген.-адъют. Куропаткина. Съ разсвѣтомъ 28 апрѣля японцы начали наступленіе изъ Фынхуанчена по большой ляонской дорогѣ. Въ авангардѣ ихъ на Селюджанѣ слѣдовалъ полкъ пѣхоты съ четырьмя орудіями и полкомъ конницы; въ Селюджанѣ находился на заставѣ взводъ казаковъ; перевалъ Чанзялинъ былъ занятъ двумя сотнями. Въ обходъ нашего праваго фланга на Чанзялинѣ наступили двѣ японскихъ роты, а на Селюджанѣ—одна рота. Казаки задержались на Чанзялинѣ до тѣхъ поръ, пока стрѣлковыя цѣпи противника не поднялись на перевалъ, угрожая нашему правому флангу; затѣмъ, удерживая непріятеля огнемъ, отошли сначала на перевалъ Вафантунъ, а затѣмъ къ перевалу у деревни Тхумынза, гдѣ и заняли позицію. Въ перестрѣлкахъ раненъ сотникъ фонъ-Валь и убито два казака. 27 апрѣля Куаньдянсанъ очищенъ противникомъ и занятъ нашими казаками. Произведенными развѣдками выяснилось также отсутствіе японцевъ въ долинѣ рѣки Цаохе на 50 верстъ къ юго-западу отъ Саймацзы. 26 и 27 апрѣля биваки противника обнаружены въ долинѣ рѣки Унсянхе у деревни Таиндза, верстахъ въ 25 восточнѣе Сюяна и у Седзехоге, при слияніи Даянхе съ Седзыхе, 27 апрѣля, утромъ, японскій отрядъ силою до 10 тысячъ пѣхоты при 50—80 орудіяхъ, преимущественно горныхъ, собравшійся въ Салидзайпудзѣ, выступилъ по направленію къ Сюяну. Чантаидзы и Дагушанъ заняты японцами, и ихъ разъѣзды 28 апрѣля показались верстахъ въ 15-ти къ югу отъ Сюяна. Въ районѣ Инкоу 28 апрѣля все спокойно.

27 апрѣля отъ ген.-ад. Куропаткина. Произведенными развѣдками между Саймадзы и Фынхуанченомъ японскихъ войскъ не обнаружено. Значительная колонна японцевъ 25 апрѣля двинулась въ направленіи изъ Фынхуанчена къ Хайчену. Станція Пуландянъ занята чинами пограничной стражи и сдѣланныя японцами поврежденія пути до станціи Саншилуну исправлены. Всѣми работами руководилъ подполковникъ 4-го желѣзнодорожнаго батальона Спиридоновъ.

⁶⁾ 110 в. къ востоку отъ Мукдена. ⁷⁾ Около 75 в. къ юго-западу отъ Синцзинтина. ⁸⁾ Верстахъ въ 20 къ сѣверу отъ Дадушаня, на лѣвомъ берегу р. Далинхэ.

Этот отважный штаб-офицер вызвался доставить въ Портъ-Артуръ прибывшій въ Ляоянь уже послѣ высадки японцевъ у Бицзыво поѣздъ съ боевыми припасами. Дабы этотъ поѣздъ не достался въ руки японцевъ, былъ вполнѣ подготовленъ взрывъ его. Самоотверженная работа чиновъ 4-го желѣзнодорожнаго батальона увѣнчалась полнымъ успѣховъ. Около 4 часовъ пополудни поѣздъ прибылъ на станцію Цзинчжоу, гдѣ и былъ сданъ генералу Фоку и немедленно подъ надежнымъ прикрытіемъ отправленъ въ Портъ-Артуръ.—Подполковникъ Спиридоновъ съ паровозомъ возвратился въ Вафандянь. Японцы послѣ высадки у Бицзыво двигаются прямой дорогой къ Цзинчжоу и въ ночь на 27 апрѣля головными частями, до двухъ полковъ пѣхоты, ночевали на высотѣ станціи Саншилипу. Сѣвернѣе мыса Конечнаго стояло около тридцати судовъ.

Генералъ Засуличъ 27 апрѣля доноситъ: „Изъ Фынхуанчена въ теченіе двухъ дней выступаетъ на западъ въ направленіи къ Хайчену, повидимому, гвардейская японская дивизія. По слухамъ, 27 апрѣля долженъ былъ выступить на Саймадзы японскій отрядъ, силой около дивизіи пѣхоты, при 40 орудіяхъ и 1.500 конницы. Изъ донесеній съ рѣки Даянхэ отъ 24 апрѣля можно заключить, что японскія войска собраны въ трехъ группахъ: двѣ южныхъ на нижнемъ теченіи Даянхэ у Хондунхана ¹⁾ и Луанмяо ¹⁾ а сѣверная противъ Хабалина ²⁾ и Чибокина ²⁾. Южныя группы японскихъ войскъ 24 апрѣля еще не приступали къ переправѣ черезъ Даянхэ. Отъ мѣстныхъ китайцевъ добывать свѣдѣнія трудно; былъ случай, когда китаецъ въ окрестностяхъ Салидзайпудзы предупредилъ японскій разъѣздъ объ устроенной ему казаками засадѣ, чѣмъ и спасъ его“.

28 апрѣля отъ ген.-маіора Флуга. По имѣющимся свѣдѣніямъ за 27 число, изъ Фынхуанчена одна изъ японскихъ дивизій, повидимому гвардейская, выступила по дорогѣ на Хайченъ; около дивизіи пѣхоты при сорока орудіяхъ и полторы тысячи конницы должны были выступить по дорогѣ изъ Фынхуанчена на Самацзы. Пока обнаруженъ въ Куаньдянь-сянѣ авангардъ, батальонъ пѣхоты и три эскадрона съ горной батареей. По донесеніямъ за 24 число, японскія войска, находившіяся близъ Фынхуанчена, были расположены въ двухъ группахъ: первая—въ одномъ переходѣ къ юго-западу отъ Фынхуанчена, вторая—на нижнемъ теченіи Даянхэ; послѣдняя того же числа начала переправу черезъ эту рѣку. О силахъ непріятеля, высадившагося у Бицзыво, точныхъ свѣдѣній еще не имѣется. Сѣвернѣе мыса Терминаль наблюдались тридцать японскихъ транспортовъ. Въ остальныхъ районахъ безъ перемѣнъ.

30 апрѣля отъ ген.-маіора Флуга. Японцы очистили Куаньдянь-сянь. На Сюань вдоль Даянхэ наступаетъ непріятельская колонна около одной дивизіи. Имѣются свѣдѣнія, что къ сѣверу отъ Дагушаня также стянуты значительныя силы. 28 числа японская колонна выступила изъ Фынхуанчена на Ляоянь; въ перестрѣлкѣ нашей конницы съ передовыми частями противника близъ деревни Селючжанъ раненъ сотникъ 2-го читинскаго полка фонъ-Валь и убито два казака. Корейцы сами разрушаютъ телеграфъ между Кенгшеномъ и Сенджиномъ.

1 мая отъ намѣстника ген.-адъют. Алексѣева полученныя отъ контръ-адмирала Витгефте свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Портъ-Артурѣ съ 23 по

¹⁾ На лѣвомъ берегу р. Даянхэ на нижнемъ ея теченіи. ²⁾ На дорогѣ Фынхуанченъ—Салидзайпудза въ разстояніи 20 и 25 верстъ отъ Фынхуанчена.

29 апрѣля. Свѣдѣнія эти доставлены нарочнымъ со станціи Дашичао на-
кунѣ втораго перерыва непріателемъ средствъ сообщенія. Появившаяся пе-
редъ Портъ-Артуромъ 22 апрѣля непріятельская эскадра изъ броненосцевъ,
крейсеровъ и миноносцевъ продолжаетъ блокировать портъ, не принимая
противъ него активныхъ дѣйствій. Работы по исправленію броненосцевъ
„Цесаревичъ“ и „Ретвизанъ“ производятся съ прежнею энергію весьма
успѣшно. При производствѣ дальнѣйшихъ работъ по обслѣдованію рейса и
выхода въ море на мѣстѣ, гдѣ броненосецъ „Побѣда“ получилъ поврежде-
нія отъ минъ, найдена непріятельская мина загражденія, взорвавшаяся отъ
захвата траломъ.

1 мая. Отъ ген.-маіора Флуга. 29 апрѣля японскій отрядъ, около ба-
тальона пѣхоты при двухъ эскадронахъ, занялъ Пуландянъ, но къ вечеру
отошелъ отъ станціи. Пассажирскій поѣздъ, шедшій изъ Дальняго, долженъ
былъ вернуться обратно. Желѣзнодорожное сообщеніе прекратилось. Въ
ночь на 30 апрѣля Пуландянъ освѣщался прожекторами съ непріятельскихъ
судовъ и съ бухты. 30 апрѣля японскіе отряды были вновь замѣчены въ
окрестностяхъ станціи Пуландянъ. Въ пяти верстахъ къ югу отъ Пулан-
дяна путь взорванъ японцами. Японскіе развѣзды 29 были обнаружены въ
12 верстахъ къ востоку отъ Сюяна. Между Саймадзы и главной дорогой на
перевалы китайцы начали нападать на наши почты летучей почты. Близъ
Янтая обнаружена большая шайка хунхузовъ. Въ Дападзіанцзе, въ сорока
верстахъ къ юго-западу отъ Куанчензы, по свѣдѣніямъ пограничной стражи
и миссіонеровъ, готовится возстаніе китайцевъ, направленное противъ рус-
скихъ и христіанъ.

2 мая отъ ген.-маіора Флуга. По свѣдѣніямъ 29 и 30 апрѣля, наступле-
ніе противника отъ Фынхуанчена на Ляоянъ ведется нерѣшительно; возможно
предположить, что главныя силы японцевъ направляются за Хайченъ или
Гайчжоу; другая значительная группа ихъ собирается въ районѣ сѣверо-
западнѣе Дагушаня.

Въ происшедшихъ разновременнo стычкахъ съ хунхузами убито 3 ка-
зака и 3 лошади, контужены одинъ казакъ и 4 казака пропали безъ вѣсти.

Въ Приморской области все спокойно.

3 мая отъ ген.-адъют. Куропаткина. Около 12 часовъ дня къ Сенючену
подошли 17 пароходовъ, открывшихъ стрѣльбу по городу, а 5 пароходовъ
начали приставать къ берегу. Въ часъ съ половиною дня противъ мыса у
деревни Гуаньцзятунъ показались 3 большихъ парохода; въ 3 часа 20 мин.
противникъ высадился у деревни Гуаньцзятунъ и началъ наступать въ на-
правленіи къ Гайчжоу.

27 апрѣля у Куаньдяньсяня наши казаки имѣли перестрѣлку съ япон-
скимъ отрядомъ, до батальона и двухъ эскадроновъ, повидимому, гвардей-
скихъ; перестрѣлка продолжалась $1\frac{1}{2}$ часа; огонь японской пѣхоты и кон-
ницы мѣткостью не отличался. Ранены одинъ казакъ, убита одна и ранено
семь лошадей. Въ дозорѣ два казака пропали безъ вѣсти. Въ районѣ сѣ-
веро-восточнѣе Фынхуанчена японскіе передовые отряды 2 мая занимали:
Хайгумынцзы, въ долинѣ рѣки Бадао-хэ, Дзянгоу—въ долинѣ ея лѣваго
притока, Шицзяпущзы и Шитоученъ—въ долинѣ рѣки Айхэ и Куаньдянь-
сянь. Въ городѣ Сюянѣ 2 мая японцевъ не было. 1 мая японцы заняли
станцію Пуландянъ отрядомъ въ два батальона и два эскадрона. Развѣзды
1 и 2 мая держались не ближе 6 верстъ отъ станціи Вафандянъ; движенія

болѣ значительныхъ отрядовъ къ сѣверу отъ Пуландяна 2 мая обнаружено не было. О высадкѣ въ Гайчжоу новыхъ донесеній не получено.

4 мая отъ ген.-лейт. Сахарова. Генераль Самсоновъ доноситъ отъ 11^{1/2} часовъ вечера 3 мая: японцы ограничились производствомъ лишь демонстративной высадки въ окрестностяхъ Сенючена и Гайчжоу. Съ ихъ судовъ была открыта стрѣльба по городу Сенючену, по нашимъ разъѣздамъ и по побережью. Послѣ 5^{1/2} час. японская эскадра отошла, держа курсъ на юго-западъ, и до наступленія темноты было видно на горизонтѣ нѣсколько ея судовъ.

4 мая. Отъ генерала-адъютанта Куропаткина. Передовой японскій отрядъ, занимавшій до 1 мая Синхайлинскій переваль и деревню Кангяпуза, въ 34 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Фынхуанчена, отодвинулся къ Селючжану. Въ долинтъ лѣваго притока рѣки Бадаохе, въ Даянгоу, стоитъ небольшой японскій отрядъ. Сюянь попрежнему не занятъ японцами; ихъ сильный разъѣздъ стоитъ у Седехоге, въ 25 верстахъ отъ Сюяна на юго-востокъ; по имѣющимся свѣдѣнiямъ, Дагушань японцами очищенъ и ихъ отряды стоятъ у Ланмяо, 600 человекъ, и у Салицзайпудзы, 300 человекъ пѣхоты и конницы безъ орудiй; остальные ихъ силы отодвинулись въ направленiи къ Фынхуанчену, и у Хабалина, въ 16 верстахъ на юго-западъ отъ Фынхуанчена, стоитъ отрядъ силою до пяти тысячъ человекъ. Третiй день погода дождливая, дороги портятся.

5 мая. Отъ ген. Куропаткина. Къ сѣверу отъ Фынхуанчена въ горной мѣстности казачiй отрядъ съ 8 час. утра завязалъ съ японскимъ отрядомъ дѣло, продолжавшееся до 2 час. пд. Противникъ на протяженiи 20 верстъ былъ послѣдовательно оттѣсненъ съ четырехъ позицiй; преслѣдованiе японскаго отряда было прiостановлено у Дадяньцзы, въ верстахъ 18 отъ Фынхуанчена. Потери у насъ: 6 раненыхъ казаковъ; лошадей убито 2 и ранено 8. **4 мая** японскiй эскадронъ оттѣснилъ нашъ разъѣздъ у Шаого, въ 15 верстахъ отъ Куаньдяньсяня; разъѣздъ нашъ отошелъ безъ потерь. 2 мая къ Шалячжайпудзы подходилъ отрядъ японской пѣхоты силою до 2 тыс. человекъ, но спѣшно повернулъ обратно къ Фынхуанчену.

5 мая. Отъ ген.-лейт. Сахарова. Утромъ, 4 мая, передовые японскiе отряды, стоявшiе на главной ляоянской дорогѣ у Тхуменцзы, отступили на переваль Чанзалинь, а затѣмъ очистили и Селючжанъ, отойдя къ Фынхуанчену. Въ окрестностяхъ Фынхуанчена японцы возводятъ полевые укрѣпленiя. Обнаружено отсутствiе японскаго отряда, ранѣе занимавшаго селенiе Ситхучиндза, въ 15 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Дагушаня, который тоже очищенъ японцами; ихъ небольшiе отряды стоятъ въ Хондуханъ и Луанмяо, на лѣвомъ берегу рѣки Даянхе, а также и въ Салицзайпудза. Небольшiе японскiе разъѣзды появляются временами въ окрестностяхъ Сюяна.

6 мая отъ генерала-адъютанта Куропаткина изъ Ляояна. 5 мая къ сѣверу отъ Фынхуанчена въ горной мѣстности, казачiй отрядъ съ 8 часовъ утра завязалъ съ японскимъ передовымъ отрядомъ дѣло, продолжавшееся до 2^{1/2} час. пополудни. Противникъ на протяженiи 20 верстъ былъ послѣдовательно оттѣсненъ съ четырехъ позицiй; преслѣдованiе японскаго отряда было прiостановлено у Дауяньцзы, верстахъ 18 на сѣверъ отъ Фынхуанчена. Потери: у насъ 6 раненыхъ казаковъ; лошадей убито 2 и ранено 8.

Въ долинтъ рѣки Цаохе до дороги на переваль Чангулинь въ 25 верстахъ на сѣверъ отъ Фынхуанчена и въ долинтъ рѣки Айхе отъ дороги изъ Сай-

мацзы въ Куаньдяньсяня до Дунцялиньцзы, внизъ по рѣкѣ верстѣ на 20, противника не обнаружено.

4 мая выступившій изъ Куаньдяньсяня къ Саймацзы японскій эскадронъ отгѣснилъ нашъ разъѣздъ у Шаого, въ 15 верстахъ отъ Куаньдяньсяня; разъѣздъ нашъ отошелъ безъ потерь.

2 мая къ Шаличжайпудзы подходилъ отрядъ японской пѣхоты силой до 2.000 человекъ, но спѣшно повернулъ обратно къ Фынхуанчену.

3 мая селеніе Шаличжайпудзы было очищено японскимъ коннымъ отрядомъ.

7 мая отъ генераль-адъютанта Алексѣева. Получено почтою въ ночь на 7 мая отъ контръ-адмирала Витгефта донесеніе слѣдующаго содержанія: 2 мая три броненосца и три крейсера непріятеля появились утромъ съ востока. Съ Ляотешаня и съ Золотой горы слѣдили за ихъ движеніями. Пройдя меридіанъ Артура, отрядъ повернулъ на востокъ и, повидимому, началъ производить какое-то перестроеніе, когда замѣченъ былъ взрывъ подъ третьимъ броненосцемъ, двухтрубнымъ, типа „Фуджи“, въ носовой части; броненосецъ остановился, накренившись на правый бортъ, и съѣлъ носомъ, выпуская много пара. Два крейсера немедленно подошли къ нему, и съ Золотой горы замѣтили, что они спускали шлюпки; затѣмъ кренъ сталъ понемногу выравниваться, и, видимо, броненосецъ справлялся съ пробойной. Въ это время другой броненосецъ, трехтрубный типа „Шикишима“, приблизился къ мѣсту аварии и подъ его серединой послѣдовалъ взрывъ мины, затѣмъ второй, подобный взрыву броненосца „Петропавловскъ“. Черезъ минуту онъ потонулъ. Третій броненосецъ ушелъ въ море, а крейсера остались у мѣста гибели. Выслалъ шестнадцать миноносцевъ тревожить непріятеля и, если будетъ удобный моментъ, атаковать отдѣльные суда. Крейсеръ „Новикъ“ вышелъ въ проходъ на случай поддержки миноносцевъ, а крейсера развели пары. Въ это время съ моря подошли пять японскихъ крейсеровъ, открывшихъ по миноносцамъ огонь изъ всѣхъ большихъ пушекъ; миноносцы вернулись безъ урона. Поврежденный броненосецъ тѣмъ временемъ со своими крейсерами скрылся за горизонтомъ, заслонившись отъ преслѣдованія пришедшимъ отрядомъ. Ночью былъ свѣжій вѣтеръ, зыбь. Утромъ 3 мая къ мѣсту гибели подошли три миноносца, противъ которыхъ послалъ „Новикъ“; они удалились въ море.

Взорвавшійся въ Кербей (въ бухтѣ Керъ) корабль, судя по трубамъ и боевому марсу на фокъ-мачтѣ, которые видны въ малую воду, повидимому, крейсеръ. При попыткѣ въ Кербей свезти десантъ, по донесенію съ берега, три миноносца, охранявшіе высадку, получили поврежденія отъ нашей легкой артиллеріи.

В. И. Немировичъ-Данченко о „книжной жадѣ“ войскъ дѣйствующей арміи.

Читатели помнятъ прошлыя «наши Скрижали», посвященныя вопросу о томъ, какъ необходима книга для войскъ арміи. Теперь наши мысли находятъ себѣ яркую иллюстрацію въ путевыхъ очеркахъ военнаго корреспондента «Русск. Слова», извѣстнаго писателя Немировича-Данченко. Вотъ что онъ пишетъ о «книжной жадѣ» нашихъ дѣйствующихъ войскъ.

Нельзя себѣ представить, до какой степени на этомъ долгомъ пути переѣзда изъ Россіи до театра войны солдаты цѣнили каждую случайно попавшую къ нимъ въ теплушку книгу. На многихъ этапахъ я слышалъ:

— Всего надавали: и табаку, и чаю, и сахару. Даже баловство было. А вотъ о книжкѣ никто не подумалъ. А намъ книжка теперь дороже дорогого.

Переѣзды долгіе. Запрутъ теплушку извнѣ—и точно ото всего міра заслонятся. Въ первые дни переговарятъ все, смотришь, потомъ и не о чемъ! А впереди еще, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ такой дороги. Спать день и ночь. Пухнуть отъ этого, а потомъ, смотришь, и спать нельзя. Нѣту сна совсѣмъ. Каждая книжка здѣсь вызываетъ общее оживленіе. Солдатики возбуждаются, спорятъ, особенно, если дѣло идетъ о войнѣ. Тутъ вѣдь самый живой интересъ.

Одинъ саперный солдатъ говорилъ:—Только бы не сказки, а что-нибудь настоящее, такое, которое бываетъ. Насъ касающее...

Грамотныхъ вѣдь теперь, несмотря на тяжелыя условія русской жизни, куда больше. Прежде солдатъ выучивался читать и писать, поступая на службу,—въ ротѣ; теперь онъ часто знаетъ это дома, и съ нимъ офицеру приходится уже итти далѣе. Книжка ему теперь уже сдѣлалась не роскошью, а необходимостью. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ эти безконечные часы, дни и недѣли въ запертыхъ теплушкахъ. Медленно идетъ поѣздъ, медленно гроыхаютъ колеса на рельсахъ. Вдругъ остановится у семафора—путь занять, и отдыхаетъ часъ, два, три. Изъ теплушки дѣваться некуда, говорить не о чемъ—все пересказано, пѣсни перепѣты, да и надоѣли,—онѣ обратились въ нѣчто служебное, по командѣ. Отъ безотвязныхъ думъ дѣваться некуда, а наши издатели ничего не послали! По крайней мѣрѣ, нагнавъ и пропустивъ около сотни воинскихъ поѣздовъ, я не видѣлъ у солдатъ ни одной пожертвованной книги». Поскорѣе надо-бы удовлетворить этой насущной духовной алчбѣ нашей доблестной дѣйствующей арміи.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

С.-Петербургъ, 18-го мая 1904 г. Цензоръ, Архимандритъ *Меводій*.

Новѣйшее антихристіанство.

Тогда если кто скажетъ вамъ: вотъ здѣсь Христосъ, или тамъ; не вѣрьте.

Если скажутъ вамъ: вотъ, Онъ въ пустынѣ, не выходите; вотъ, Онъ въ потаенныхъ комнатахъ, не вѣрьте (Матѣ. 24, 23 и 26).

I.

Евангеліе характеризуетъ послѣднія времена не тѣмъ, что люди совсѣмъ не будутъ вѣровать во Христа, совсѣмъ не будутъ знать Его имени, а тѣмъ, что они будутъ считать Его ученіемъ свои собственныя измышленія, прямо и рѣшительно противоположныя Его ученію.

Сообразно этому, какъ въ первохристіанскія времена чтеніе Евангелія означало преданность Христу, такъ во времена позднѣйшія въ Евангеліи будутъ находить опору, и видимую и внутреннюю, въ разрушительныхъ противъ Христа дѣйствіяхъ.

Углубляясь въ смыслъ такихъ неизбѣжныхъ, по Евангелію, явленій, уже теоретически можно предположить, что главнѣйшимъ основаніемъ своего уклоненія отъ Христа люди сдѣлаютъ якобы Его же главнѣйшій законъ, Его ученіе о любви; что именно на этой почвѣ будутъ происходить отпаденія отъ вѣры и что на ней же оснуется окончательное замышленіе разрушить Христову вѣру, рѣшительный планъ уничтожить христіанство.

По высочайшему и наиболѣе совершенному христіанскому пониманію, Богочеловѣкъ есть любовь. Слѣдовательно, Богочеловѣкъ есть Любовь-Человѣкъ, т. е. Высшая любовь, воплотившаяся въ совершенномъ человѣкѣ. При такомъ пониманіи, выставленныя въ началѣ статьи Евангельскія слова можно передать такъ: „Тогда если кто скажетъ вамъ: вотъ здѣсь Любовь-Человѣкъ, или тамъ; не вѣрьте. Если скажутъ вамъ: вотъ, Любовь-Человѣкъ въ пустынѣ, не выходите; вотъ, Любовь-Человѣкъ въ потаенныхъ комнатахъ, не вѣрьте“.

Самая ужасная, самая послѣдняя міровая трагедія будетъ заключаться въ томъ, что люди будутъ искать высочайшую, совершеннѣйшую любовь и не найдутъ ее (исключая немногихъ),

будутъ выдавать за любовь призраки ея, воплотившіе начала ей противоположныя (самоуниженіе, гордость).

Мы не ставимъ вопроса о конечныхъ судьбахъ міра, не вдаемся въ данный случай ни въ богословіе, ни въ метафизику; мы желаемъ только обратить вниманіе на одно явленіе, замѣчаемое въ современной религіозно-умственной жизни.

II.

Что злой духъ преобразовывается иногда въ свѣтлаго ангела,—объ этомъ извѣстно давно. Это преобразование и съ точки зрѣнія реальной и художественной—только личина. Злой духъ за поклоненіе ему, т. е. за признаніе его высшей разумной силой, можетъ дать матеріальныя блага. „Скажи, чтобы камни сіи сдѣлались хлѣбами“, искушалъ діаволъ Христа. Смыслъ этого искушенія заключается въ слѣдующемъ: Христосъ шель къ человѣчеству съ истинною религіозною жизнію, а діаволъ хотѣлъ свести Его съ этого пути и совѣтовалъ истинную религіозную жизнь замѣнить внѣшнимъ устроеніемъ человѣчества,—вмѣсто вѣры дать матеріальныя блага, вмѣсто дѣятельной страждущей любви дать блага социальныя: принудительное братство и т. п.

Діаволъ, слѣдовательно, не всегда представляется исключительно грубымъ, хищнымъ. Онъ можетъ наружно являться добрымъ, такимъ реформаторомъ (превращающимъ камни въ хлѣбы), отъ котораго едва-ли многіе согласились бы отказаться, если бы эта реформа была осуществлена. Въ нашей литературѣ есть попытки представить діавола съ еще болѣе чистыми и возвышенными мыслями и намѣреніями.

Демонъ у Лермонтова задумываетъ совсѣмъ переиначить себя, переродиться, сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ раньше. Онъ увѣряетъ:

„Отрекся я отъ старой мести,
Отрекся я отъ гордыхъ думъ;
Отнынѣ ядъ коварной лести,
Ничей ужъ не встревожитъ умъ.
Хочу я съ небомъ примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я вѣровать добру“.

Но это была минутная блажь: діаволъ хотѣлъ любить только для того, чтобы наслаждаться. И великій художникъ въ приведенныхъ словахъ подмѣтилъ ту обще-человѣческую черту, что мы часто принимаемъ за любовь наслажденіе, обладаніе другимъ, гордость. Въ словахъ „хочу любить“ выражается, въ сущности, крайняя стремительность противъ любви; изъ начала святѣй-

шаго, о которомъ трудно мечтать, она дѣлается предметомъ рыночнаго торга: захотѣлъ—купилъ; захотѣлъ—полюбилъ; захотѣлъ—одѣлся; захотѣлъ—нагишемъ прошелся. Тутъ любовь порабощается крайнею гордостью.

Еще рельефнѣе такое сочетаніе противоположныхъ началъ выставлено въ Донъ-Жуанѣ А. Толстого. Здѣсь сатана рѣшительно стремится склеить въ одно цѣлое и добро и зло, любовь и гордость. Онъ гордо заявляетъ:

„... Господь здѣсь только для красоты;
Онъ символъ лишь замысловатый;
Дѣлами жъ правимъ мы, двѣ равныя палаты;
Точнѣе: какъ на Него посмотришь съ двухъ сторонъ,
Выходить, вы да я, мы совокупно—Онъ.
Разрывъ нашъ—только умозрѣнье,
Но въ самомъ дѣлѣ мы одно;
А для пустого развлеченья
Дробиться цѣлому смѣшно.
Пора двухъ половинокъ устроить сочетанье:
Химически смѣшавъ со злобою любовь,
Въ итогъ безстрастія сольемся вновь
И погрузимся въ самосозерцанье!“

Большой гордости, большого непризнаванія Бога, болѣе глубокаго богоборчества представить едва-ли возможно.

III.

А. Толстой, изображая сатану въ Донъ-Жуанѣ, своимъ несомнѣнно художественнымъ чутьемъ предугадалъ, что явное невѣріе, имѣвшее мѣсто въ шестидесятые годы прошлаго столѣтія, смѣнится скрытымъ отрицаніемъ, такимъ направленіемъ мысли, которое—снаружи необыкновенно высокая вѣра, а внутри самое глубокое невѣріе, рѣшительнымъ отрицаніемъ христіанства, построеннымъ какъ-бы на началахъ самого христіанства.

Такія же опасенія почувствовалъ и покойный В. С. Соловьевъ. Въ своемъ послѣднемъ произведеніи, въ „Трехъ разговорахъ“, онъ далъ художественный типъ антихриста. Антихристъ Соловьева и сатана А. Толстого въ сущности ничѣмъ не разнятся одинъ отъ другого, по идеѣ они одно и то же, таже самая спайка любви и гордости; антихристъ является только лишь съ болѣе развитымъ конкретнымъ содержаніемъ.

Соловьевъ обрисовалъ антихриста человѣкомъ, который наружными данными правды, любви и добра объединить большую часть человѣчества, дать благо людямъ и въ сферѣ политической, экономической и соціальной, уничтожить послѣдніе проблески политической вражды, принесетъ людямъ миръ. Этимъ са-

мымъ наружнымъ добромъ, наружною любовію антихристъ и возмечтаетъ похитить достоинство Сына Божія, объявить себя таковымъ, признавъ Иисуса Христа только историческою личностью, только своимъ предшественникомъ. Между Христомъ и антихристомъ, по изображенію Соловьева, та разница, что Христосъ, проповѣдая и въ жизни своей проявляя нравственное добро, былъ исправителемъ человѣчества, антихристъ же пожелаетъ быть благодѣтелемъ; Христосъ раздѣлялъ людей добромъ и зломъ, антихристъ же объединить ихъ благами и внутренними и внѣшними, онъ каждому дастъ то, что каждому нужно; Христосъ училъ о вѣчной жизни за гробомъ, антихристъ же саму земную жизнь назоветъ божественной.

Антихристъ, по этому представленію, характеризуется немногими словами: онъ — человѣкъ, достигшій необыкновенно высокаго развитія умственнаго и нравственно-соціального и на этомъ основаніи объявляющій себя существомъ верховнымъ, сверхчеловѣкомъ, говоря языкомъ Ницше.

IV.

У Лермонтова, А. Толстого и В. Соловьева человѣческая мысль переживаетъ одинаковыя тревожныя состоянія. Она ставитъ вопросъ: высшая гордость не обнаруживается-ли во внѣшней любви и крайнее отрицаніе Бога не выразится-ли въ наружной вѣрѣ?

Насколько подобныя опасенія имѣютъ реальное оправданіе и нѣтъ-ли въ настоящей дѣйствительности свидѣтельство о реальномъ возникновеніи теперь указанной спайки отрицанія Бога съ вѣрой и гордости съ любовью?

Такой спайкъ можетъ соотвѣтствовать ученіе о будущемъ человѣкѣ или, что то же, ученіе о будущемъ пантенистическомъ богѣ.

Это ученіе не отрицаетъ христіанства и Христа. Но христіанство понимается имъ, какъ установленіе мірового, исключительно земнаго порядка жизни, какъ самый широкій нравственно-соціальный прогрессъ съ братствомъ народовъ, съ любовью каждаго ко всѣмъ и всѣхъ къ каждому. Христосъ понимается, какъ родоначальникъ этого движенія, этого соціального роста,—все равно, какъ такой-то считается основателемъ философіи, такой-то механики и т. д. Это прогрессивное движеніе не имѣетъ ничего общаго съ загробною жизнью, даже не предполагаетъ ее. Конечныя цѣли его—нравственное самосознаніе человѣка.

Для достиженія этихъ цѣлей человѣку рекомендуется читать евангеліе и проникаться образомъ Христа до такой степени, чтобы онъ самъ, человѣкъ, въ концѣ-концовъ созналъ себя истиннымъ

подобіемъ Бога, превратился въ сына небеснаго Отца. Такое превращеніе такъ же возможно, какъ возможенъ переходъ низшихъ формъ въ высшія. „Разъ за разомъ,—описываютъ это превращеніе,—словно подъ ударами рѣзца гениальнаго скульптора будутъ сглаживаться и выравниваться шероховатости, уродливости вашего характера, пока вашъ собственный внутренній образъ, переходя отъ свойства въ свойство, отъ низшаго въ высшее, отъ высшаго въ еще болѣе лучшее, медленно и постепенно не преобразится въ совершенный образъ Христовъ 1)“.

Въ настоящее время на землѣ нѣтъ еще Царства Божія, нѣтъ и Бога; все это только явится. Царство Божіе наступитъ, когда люди достигнутъ высшаго развитія, когда настанетъ братство народовъ 2), когда „не будетъ болѣе ни зла, ни ненависти, ни умирающихъ отъ истощенія непомѣрнымъ трудомъ, ни пресытившихся до скотскаго оупѣнія праздныхъ богачей“ 3). Тогда же явится и Богъ. Это—самъ человѣкъ, сознавшій себя богомъ, совершеннѣйшимъ существомъ 4).

Этотъ прописываемый исключительно земной порядокъ жизни и есть, или точнѣе будетъ, то, что мы теперь называемъ вѣчною жизнью. Эта жизнь безъ рая, безъ ада, безъ понятія о личной загробной жизни, а просто съ хорошимъ жилищемъ, съ комфортомъ, съ всеобщею любовью, съ всеобщимъ братствомъ, равенствомъ.

То, что мы обыкновенно называемъ обновленіемъ духомъ, есть не что иное, какъ стремленіе къ этому сейчасъ прописанному устроенію земной жизни; оно влеченіе къ земной „грядущей свѣтлой жизни“ 5) и не имѣетъ никакого отношенія къ стремленію къ личной загробной жизни.

То, что мы называемъ вѣчнымъ блаженствомъ, есть не что иное, какъ созерцаніе этого будущаго устроенія земной жизни, этого переворота и жизни личной и общественной, представленіе этой будущей человѣческой жизнерадостности 6), наступленіе этой жизни не имѣетъ никакого отношенія къ ожиданію воскресенія мертвыхъ и послѣдняго суда. Понятіе о такой будущей жизни естественно исключаетъ и вѣру въ воскресеніе и вѣру въ послѣдній судъ.

1) Свящ. Г. Петровъ „Евангеліе, какъ основа жизни“, изд. 5, стр. 51.

2) *ibid.*, стр. 70—71.

3) *ibid.*, стр. 88.

4) *ibid.*, стр. 90.

5) *ibid.*, стр. 106—107.

6) *ibid.*, стр. 108 и 138.

Все дѣло христіанства рѣшительно ограничивается воображаемымъ умственнымъ и нравственнымъ перерожденіемъ людей и всеобщимъ социальнымъ переворотомъ человѣческой жизни. Все дѣло обстоитъ весьма просто: изъ настоящаго человѣчества постепенно образуется новая порода людей, съ высшимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, съ лучшими формами жизни личной и общественной. Тогда возрастетъ довольство жизнью, широкою волною оно охватитъ весь міръ ¹⁾, а люди будутъ думать о себѣ, что Богъ въ нихъ, а они въ Богѣ, что они—Самъ Богъ ²⁾, что небо настало на землѣ.

Все это воображаемое переустройство міра не слѣдуетъ-ли такъ въ кратцѣ характеризовать: Бога, какъ мы обыкновенно объ Немъ мыслимъ, нѣтъ, но человѣкъ можетъ и обязанъ воспитать въ себѣ Бога, сдѣлаться таковымъ. Для этого онъ долженъ исполнить нравственный евангельскій законъ и на основаніи этого закона пересоздать всю земную жизнь. Понятіе о будущемъ человѣкѣ въполнѣ совпадаетъ съ понятіемъ о будущемъ пантеистическомъ богѣ. Богъ есть очень высокій въ нравственномъ и умственномъ отношеніи человѣкъ, а такой человѣкъ есть Богъ.

V.

Вдумайтесь въ этотъ нарисованный образъ будущаго человѣка. Не правда-ли, какъ здѣсь точно и удивительно просто намѣчена спайка крайняго невѣрія съ полною вѣрою, самой широкой любви съ самою высокою гордостью,—любви къ самому себѣ, Ивану и Марьѣ, ко всему человѣчеству,—съ гордостью не къ нимъ, не къ людямъ, а къ Единому, безсмертному, *„Который обитаетъ въ неприступномъ свѣтѣ, Котораго никто изъ человѣковъ не видѣлъ и видѣть не можетъ“* (1 Тим. VI, 16).

Сдѣлаемъ маленькое сопоставленіе, точнѣе, поставимъ маленькій вопросъ: не одно-ли и то же, въ сущности, представляютъ собою—искуситель, совѣтующій Христу устроить земную жизнь человѣчества съ полнымъ довольствомъ, а слѣдовательно, и съ полнымъ равенствомъ людей; демонъ Лермонтова, жаждущій любви во имя высшей гордости; сатана А. Толстого, мечтающій о химическомъ сплавѣ любви со злобой, Бога съ собою; антихристъ Соловьева, на почвѣ любви къ земному человѣчеству объявляющій себя высшимъ Христа и только лишь описанный будущій человѣкъ, исполняющій евангельскіе завѣты и сознающій себя совершеннѣйшимъ существомъ, во имя своей личности, слѣдо-

¹⁾ *ibid.*, стр. 138.

²⁾ *ibid.*, стр. 88.

вательно устраняющій Единаго Вѣчнаго, мыслящій объ Немъ постольку, поскольку и о себѣ? Между всѣми этими лицами разница весьма незначительна, они—постепенное развитіе одной и той же идеи: искушитель очень робокъ, общъ; демонъ самоувереннѣе и детальнѣе; сатана гордъ, летаетъ высоко, но не имѣетъ никакого опредѣленнаго плана для достиженія своихъ замысловъ; антихристъ повыше и опредѣленнѣе, онъ начерталъ общую схему своихъ поступковъ; будущій человѣкъ дѣйствуетъ уже по точному, детально разработанному рецепту. Всѣ же они мечтаютъ о богоборчествѣ, стремятся устранить Единаго Вѣчнаго, стать на Его мѣсто.

Къ слову,—сверхъ-человѣкъ Ницше только съ боку примыкаетъ къ этой компаніи: онъ слишкомъ грубъ, наивенъ, слишкомъ откровенно кровожаденъ. Будущій человѣкъ извѣстной книжки „Евангеліе, какъ основа жизни“ тоже сверхъ-человѣкъ, но онъ мягокъ, идеаленъ, вообще съ болѣе развитой, болѣе утонченной конструкціей.

Что представляетъ собою будущій человѣкъ, истинный христіанинъ, по изображенію помянутой книжки?

Сознаемся, лично мы получили такое впечатлѣніе, что истинный христіанинъ этой книжки именно таковъ, каковымъ представленъ нами будущій человѣкъ или будущій пантеистическій богъ.

Всматриваясь въ ея „совершеннаго христіанина“, вникая въ міровой процессъ по ея представленію, мы какъ-то невольно вспомнили портретъ антихриста, нарисованный В. Соловьевымъ. Здѣсь, у христіанина, тѣ же черты, какъ и у антихриста В. Соловьева, но выведенныя гуще, выпуклѣе, и при томъ не столько фантастичныя, сколько правильно, математически опредѣленныя. Складывая портретъ антихриста В. Соловьева и образъ „истиннаго христіанина“ (по „Евангеліе, какъ основа жизни“) вмѣстѣ, получается такое впечатлѣніе: В. Соловьевъ нарисовалъ образъ исключительнаго, рѣшительнаго врага христіанства, какъ оный представлялся его фантазіи, а „Евангеліе, какъ основа жизни“ даетъ подробный рецептъ какъ этотъ типъ можетъ быть созданъ, въ какомъ историческомъ процессѣ онъ явится, на какой ясно обозначенной почвѣ онъ вырастетъ, по какому точно опредѣленному масштабу можетъ быть опредѣлено его величіе. Разница тутъ, по нашему мнѣнію, только та, что Соловьевъ называетъ антихристомъ того, кто въ „Евангеліи, какъ основѣ жизни“ называется истиннымъ христіаниномъ.

В. Сенаатовъ.

При какихъ условіяхъ могъ-бы наступить „вѣчный миръ“ между людьми ¹⁾?

Непосредственно предъ этимъ мы говорили о войнахъ преимущественно и ближайшимъ образомъ между христіанами и языческими, вообще не христіанскими народностями..., разъясняли, что войны эти неизбежны и теперь, и въ будущемъ, *пока язычники не проникнутся всецѣло христіанскими религіозно-нравственными принципами...*, и что къ такимъ войнамъ христіанскіе народы, какъ-бы миролюбиво ни были они настроены, должны быть готовы всегда, во избѣжаніе ужаснѣйшихъ для себя бѣдъ и несчастій... Еслибъ въ свое время былъ отраженъ натискъ мусульманъ на Константинополь, то мы не были-бы свидѣтелями всѣхъ балканскихъ ужасовъ—и теперь, и въ 70-хъ годахъ XIX вѣка и проч...

Къ сожалѣнію, такъ печально дѣло обстоитъ не только въ отношеніяхъ къ христіанскимъ народамъ народностей нехристіанскихъ... Дѣло усложняется, къ прискорбію, тѣмъ обстоятельствомъ, что и среди христіанъ самихъ и христіанскихъ народовъ нравственныя начала христіанскія еще не завоевали себѣ исключительнаго и желательнаго господства, а сплошь и рядомъ исповѣдуются только на словахъ, —дѣла-же часто стоятъ въ совершенномъ несоотвѣтствіи съ ними, являясь въ большей или меньшей степени выразителями чистаго эгоизма, чистыхъ себялюбивыхъ наклонностей и стремленій. Эгоизмъ сковалъ у значительнѣйшей части и такъ называемыхъ христіанъ и христіанскихъ народовъ какъ душу, такъ и тѣло, проявляясь въ гордости, надменности, безмѣрной склонности къ чувственнымъ удовольствіямъ... Отсюда и получается въ наличности порядокъ вещей, упомянутый нами въ самомъ началѣ нашей статьи. „Война между Соединенными Штатами и Испаніей“, говоритъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстный астрономъ К. Фламмаріонъ,—„ясно доказала“ намъ, что родъ людской и по сіе время одушевленъ такими-же воинственными чувствами, какъ и во времена Дарія и Ксеркса... И это (т. е., упомянутая война между культурными народами) „дѣ-

¹⁾ См. «Мисс. Обзоръ», кн. 8, стр. 937.

дается не изъ-за рабовъ и не изъ-за женщинъ, а изъ-за сахара и табаку,—главное-же, чтобы установить господство Новаго Свѣта надъ Старымъ. Какъ... не отчаяться во всемъ родѣ человѣческомъ? Дубина, ружье, пушка—вотъ вамъ и право... По части нравственности... мы, пожалуй, стоимъ ниже Платона, Перикла, Фидія и Гомера“ (а особенно,—прибавили-бы мы лично отъ себя,—стойковъ—этихъ героевъ въ области этической на почвѣ язычества). „Наша раса сохранила всѣ свои дикіе, варварскіе инстинкты, и самое большое ея удовольствіе—убивать... Безъ сомнѣнія, на Марсѣ или Венерѣ не найти расы болѣе грубой и неразумной, чѣмъ наша“ [„Прогрессъ“ (Нов. Вр. 1898 г., 11 авг. № 8065) К. Фламмаріона]. Такъ говоритъ знаменитый французскій астрономъ (о комъ-же?) о христіанскихъ народахъ. Хороша аттестація! И, что особенно прискорбно, едва-ли здѣсь краски замѣтно сгущены; во всякомъ случаѣ, въ общемъ—правдивость аттестаціи несомнѣнна. Когда эти горькія по адресу современныхъ христіанскихъ народовъ слова вырвались изъ устъ Фламмаріона, онъ еще не зналъ о вскорѣ затѣмъ наступившей войнѣ между англичанами и бурами и о всѣхъ ея ужасахъ, о всей ея дикости... Никогда, кажется, грубая сила такъ не издѣвалась надъ нравственнымъ благородствомъ, какъ издѣвались европейскіе островитяне надъ симпатичнѣйшей націей! Припомните одни „концентраціонные лагеря“, о которыхъ мы уже упоминали. Зная все это, Фламмаріонъ, быть можетъ, выразился-бы еще сильнѣе, высказалъ-бы еще больше упрековъ по адресу христіанскихъ народовъ. Послѣ всего этого уже нечего удивляться безчисленнымъ нарушеніямъ всякихъ правъ со стороны дикарей—японцевъ, начиная съ ихъ разбойничьяго нападенія на Портъ-Артуръ или съ ихъ пиратскихъ отношеній къ „Варягу“ и „Корейцу“ въ Чемульпо и т. д. и оканчивая, напр., ихъ комедіантскимъ „призовымъ судомъ“!..

Да, печальная картина нарисована французскимъ астрономомъ! Къ ней, какъ сказано, пожалуй, можно было даже прибавить (отчасти) нѣсколько еще новыхъ штриховъ... Дѣйствительно, разсматривая и оцѣнивая жизнь нынѣшнихъ христіанъ и христіанскихъ народовъ, мы, къ прискорбію, убѣждаемся, что мало надежды на то, чтобы христіанскія начала и въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ сдѣлались всецѣло руководящими или болѣе или менѣе господствующими въ ихъ, т. е., людей-христіанъ, поступаніи. Скорѣе можемъ предположить какъ разъ противоположное, т. е., считать это желаемое „будущее“ отдаленнымъ отъ насъ на совсѣмъ неопредѣленное время и даже дальше.

быть можетъ, чѣмъ въ прежнія эпохи... Надъ средними вѣками мы еще со школьной скамьи привыкли глумиться, считать ихъ мертвыми, полными схоластики всякаго рода, грубости и варварства... Во всемъ этомъ, безспорно, много и много правды, за что, впрочемъ, особенно упрекать тѣ времена, какъ мало культурныя, заняты исполненіемъ другихъ—подготовительныхъ задачъ, и нельзя. Но за то, съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что въ тѣ времена христіанскіе народы были гораздо болѣе нашихъ религіозными, пытаясь провести свои христіанскіе принципы и *въ самой своей жизни*. Вспомните, напр., о великихъ крестовыхъ походахъ, предпринятыхъ съ симпатичнѣйшею, идеальнѣйшею цѣлью. Другое дѣло: чѣмъ окончились эти походы... Не это важно,—это въ данномъ случаѣ даже и совсѣмъ не важно. Здѣсь для насъ единственно цѣнно лишь то, что такія огромныя по ихъ внутреннему значенію идеи волновали тогдашніе христіанскіе народы и по мѣрѣ возможности даже осуществлялись на самомъ дѣлѣ. Тѣ христіанскіе народы, такимъ образомъ, были живы духовно, не представляли собою духовныхъ труповъ, у которыхъ слово съ дѣломъ расходится постоянно,—объ убѣжденіяхъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, христіанскихъ, говорить серьезно, пожалуй, слишкомъ затруднительно подчасъ. Развѣ мыслимо что-либо подобное въ наше время? Такой высокій духовный подъемъ? Такое поприще низменныхъ, меркантильныхъ, грошовыхъ интересовъ нашихъ? *Безусловно не мыслимо*. Если въ средніе вѣка христіанскіе народы, одушевляемые своими христіанскими убѣжденіями, шли выручать Гробъ Господень изъ рукъ невѣрныхъ, то теперь,—къ стыду современныхъ „мнимыхъ“ христіанъ,—видимъ что? А то, что англичане, повидимому, христіане,—что сѣверо-американцы, повидимому, христіане...,—что тѣ и другіе сочувствуютъ кому-же? Язычникамъ противъ христіанъ. Сочувствуютъ, восторгаются до упоенія всякими ихъ успѣхами и, быть можетъ, не прочь-бы и помогать имъ, еслибъ того не боялись... Да,—еслибъ встали изъ гробовъ средневѣковые предки нынѣшнихъ бриттовъ, то пришли-бы въ ужасъ при видѣ такихъ симпатій своихъ испортившихся и забывшихъ родительскіе идеалы потомковъ... Въ христіанской,—по крайней мѣрѣ,—по имени англійской странѣ совершаются поистинѣ ужасныя съ христіанской точки зрѣнія дѣла! Вникните, напр., въ удивительную телеграмму изъ Лондона, которая появилась въ русскихъ газетахъ 21 февраля текущаго (1904) года (см., напр., „Нов. Время“: № 10045): „Архіепископъ Іоркскій“, читаемъ въ ней, „не дозволилъ особой мо-

литвы за успѣхъ японцевъ“ (стр. 2, столбецъ 1). Какъ вамъ покажется эта, идущая изъ христіанской, повидимому, страны телеграмма, на первый взглядъ, и невинная? Ясно вѣдь, что къмъ-то было произведено давленіе на Іоркскаго архіепископа—примаса англійской церкви—въ томъ смыслѣ, чтобъ даже и въ церквахъ оффиціально произносились молитвы объ успѣхѣ язычниковъ надъ христіанами, — молитвы—кому-же? Христіанскому Богу! Умъ отказывается понимать такое богохульство, предъ которымъ блѣднѣютъ всякія богохульства другого рода. Замѣчательно, далѣе, здѣсь то, что архіепископъ Іоркскій „не дозволилъ“ только „особой молитвы за успѣхъ японцевъ“. Значить, молитва вообще за этотъ успѣхъ дозволена? Это несомнѣнно, не смотря на фарисейскій конецъ пресловутой телеграммы. Да, недоставало только дозволить и такую—„особую“ молитву... Вотъ ужъ именно „о tempore, о moribus“! А мы еще удивляемся возникновенію нищепанства и подобныхъ ему явленій. Эти явленія—лишь цвѣточки по сравненію съ тѣмъ, о чемъ мы говоримъ. Дальше идти некуда: пришли къ непроходимой безднѣ, упали въ нее и несутся на самое дно озвѣрѣвшіе отъ кровавыхъ бифштексовъ англосаксы..., ничего, кажется, не видяшіе предъ собою, кромѣ „золотого тельца“—этого „священнаго кумира всего людскаго рода“, нынѣшняго въ особенности... „Христіане-ли“ они послѣ этого? На такіе вопросы, конечно, излишне и отвѣчать,—по крайней мѣрѣ, въ отношеніи *той части* англійскаго, американскаго народовъ, которая *такъ именно* настроена. Хорошъ прогрессъ у христіанскихъ народовъ! Невольно вспоминается здѣсь одна дѣльная книга, вышедшая нѣсколько лѣтъ назадъ, авторъ которой фактическими, достаточно провѣренными данными доказывалъ не безъ большого успѣха, что „прогрессъ“ такъ называемый есть въ сущности лишь „эволюція“, постепенное развитіе одной „жестокости“ и что если наше, въ частности, европейское поколѣніе и гордится, повидимому, отсутствіемъ въ его крови „жестокости“, за то является въ сущности лишь „бездушной, моральной деревяжкой“ (чит. *Энгельгардта „Прогрессъ, какъ эволюція жестокости“*; Спб. 1899 г.), деревяжкой, которой не тронуть никакими высокими нравственными принципами... и которая чувствуетъ лишь удары „рубля, а не дубья“ (ibid.)...

Ясно, такимъ образомъ, что *въ настоящее время нѣтъ на-лицо какихъ-либо прочныхъ данныхъ, которыя позволяли-бы намъ вѣрить въ сколько-нибудь близкое наступленіе всеобщаго на землѣ мира, мира вѣчнаго*. Послѣдній пока остается для насъ лишь мечтою, хотя и очень сладкою. Еще на дняхъ (22 февраля) одинъ

писатель (г. Сыромятниковъ) заявлялъ на страницахъ распространенной газеты („Нов. Вр.“, № 10046, „Замѣтки писателя“, стр. 3): „По моему глубокому убѣжденію“, говорилъ онъ, „времени“, когда „человѣчество“ совсѣмъ „избавится отъ войны“, „никогда не будетъ, пока“ оно „живетъ“. „Прекращеніе войны было-бы возможно, если бы человѣкъ былъ самымъ совершеннымъ существомъ въ мірѣ, но такимъ онъ никогда не будетъ“. Слова этого писателя, если на нихъ положиться, отнимаютъ отъ насъ и то „пока“, которое выше нами подчеркнуто. Но намъ думается, что только что прочитанныя слова слишкомъ или, по крайней мѣрѣ, вообще гиперболичны. Мы лично, изучивъ настоящій вопросъ, не считаемъ, подобно такого рода лицамъ (ср. „Нов. Вр.“ отъ 24 іюля 1898 г. № 8047: „Изъ дневника“. Чит. № 7994 отъ 1 іюня 1898 г.: „Новости военной литературы“ и т. под.), вражды между людьми явленіемъ „роковымъ“, неизбежнымъ и неотвратимымъ, а утверждаемъ лишь то, что *пока христіанскія начала не войдутъ „въ плоть и кровь“ людей, до тѣхъ поръ не будетъ мира, прежде всего, внутри каждого изъ насъ, а чрезъ это затѣмъ не будетъ мыслимъ и миръ какъ между отдѣльными людьми, такъ и между отдѣльными народами и государствами*: при дисгармоніи внутри отдѣльныхъ ячеекъ, она-же, а не гармонія, возможна будетъ и въ цѣломъ ихъ собраніи, въ цѣломъ ульѣ... и ульяхъ... Такимъ образомъ, эта „роковая“ сила войны является таковою лишь постольку, поскольку самъ человѣкъ не хочетъ побѣждать въ себѣ своего внутренняго врага, т. е., своего ненасытнаго эгоизма. А явись это хотѣніе у огромныхъ массъ (у извѣстнаго числа отдѣльныхъ лицъ оно всегда въ наличности, краснорѣчивымъ свидѣтелемъ чего служитъ недавняя мирная конференція въ Гаагѣ,—не говоримъ уже о безсмертныхъ словахъ нашего Русскаго Государя—Императора, произнесенныхъ Имъ въ первый день текущаго—1904 года и опубликованныхъ въ печати),—повторяемъ: явись это хотѣніе у огромныхъ массъ, тогда такой, выдуманный учеными, фатумъ, рокъ исчезнетъ самъ собою постепенно и незамѣтно. И такъ, онъ не исчезаетъ пока лишь потому, что *сами-же люди въ сущности не желаютъ этого исчезновенія*, а не желаютъ его они, въ свою очередь, потому, что *находятся еще на низкой сравнительно ступени нравственнаго развитія, развитія въ христіанскомъ смыслѣ слова*. Здѣсь и ключъ къ разгадкѣ вопроса, а вовсе не въ предположеніи полезности и даже необходимости войны вообще, болѣе или менѣе прямо высказываемое нѣкоторыми, между прочимъ, и современными мыслителями,

видящими въ нихъ нѣчто въ родѣ средства къ дезинфекціи земнаго шара,—средства къ устраненію съ послѣдняго лишннихъ элементовъ [все это говорили уже стоики (чит., напр., книгу *И. Невзорова* о „морали стоицизма“. Казань, 1892 г., стр. 25), повторять которыхъ какъ будто-бы не подѣлать нашимъ современникамъ.] или—къ пробужденію въ гражданахъ воюющихъ государствъ патріотизма, или—приводящее человѣка къ сознанію тлѣнности и непрочности земного благополучія и самой физической жизни (*Мартенсенъ*: „Христ. ученіе о нравственности“, т. II, 1890 г. Спб., стр. 672), или полезное средство къ объединенію народовъ и племенъ не только внѣшнему, но въ извѣстной мѣрѣ и внутреннему, при чемъ нѣкоторые прибавляютъ, что не будь этихъ войнъ, не будь, вслѣдствіе этого, политическаго объединенія народовъ во времена земной жизни Спасителя, не такъ-бы скоро и удобно могло распространяться и Евангеліе Христово [такъ, къ удивленію, высказывается одинъ изъ крупныхъ современныхъ русскихъ мыслителей, умершій въ 1900 г.—В. С. Соловьевъ]... Ужъ дальше этой... странности идти трудно, такъ какъ божественный свѣтъ Евангелія, потому что онъ *божественный*, распространялся-бы, безспорно, на землѣ и тогда, еслибы подобнаго политическаго объединенія и не было..., и могъ-бы распространиться не съ меньшей легкостью, если бы то было угодно Богу, и при болѣе неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Что-же касается вообще какой-либо пользы отъ войнъ въ родѣ указываемой нѣкоторыми и отмѣченной выше, то о ней по тому уже одному слѣдуетъ говорить съ большою осторожностью, что, съ христіанской, да и вообще съ православной точки зрѣнія, никогда нельзя рекомендовать зла или сознательно допускать его (*безъ крайней необходимости*) въ расчетахъ получить такимъ путемъ добро. Иначе мы подпишемся подѣ столь осмѣиваемымъ всѣми здравомыслящими людьми принципомъ отцовъ-иезуитовъ о цѣли, оправдывающей средства. Словомъ, разъ идетъ рѣчь о войнѣ, безнравственно и пытаться подыскивать какія-либо извиняющія ее средства,—*исключая войны вынужденной, оборонительной*. Послѣдняя—*зло неизбѣжное*, и здѣсь—извѣстное ея извиненіе... Допустимъ, что на мою семью нападаетъ разбойникъ. Ясное дѣло, что я и всякій другой на моемъ мѣстѣ станемъ отражать хищника, и, что бы тамъ ни произошло, ничто и никто не упрекнуетъ насъ: ни наша собственная совѣсть, ни окружающіе. Такіе упреки по нашему адресу раздались-бы всего скорѣе, наоборотъ, тогда, когда мы—сложивъ руки—смотрѣли-бы, какъ хищникъ убиваетъ нашихъ дѣтей, братьевъ... Развѣ пріятно

было русскимъ начинать войну съ желтолицымъ пиратомъ? Развѣ пріятно намъ посылать своихъ братьевъ, сыновей... на войну со всѣми ея ужасами? По крайней мѣрѣ, со стороны русскихъ было сдѣлано *все возможное*, чтобы предотвратить бѣдствие войны... Но развѣ война, тѣмъ не менѣе, оказалась неизбежной,—развѣ на насъ напали, предательски, какъ воры, въ ночной тѣмѣ ранили насъ въ самое сердце,—мы принуждены были защищаться. „*На начинающаго Бога*“... И ужь, во всякомъ случаѣ не мы виноваты во всѣхъ послѣдствіяхъ навязанной намъ борьбы... Въ иныхъ-же случаяхъ, т. е., когда война не есть неизбежное дѣло, вызванное одною лишь необходимостью,—повторяемъ,—оправдывать ее нельзя, и развѣ лишь для курьеза только можно здѣсь привести слѣдующее мнѣніе: „великій нѣмецкій полководецъ“ (Мольтке) въ свое время „назвалъ войну“ вообще „даже необходимымъ элементомъ божественнаго мірового порядка“ („Этика“ *Гейфдингга*; Спб. 1898 г., стр. 377). „Приписывать себѣ короткое знакомство съ божественнымъ порядкомъ“, говоритъ одинъ моралистъ (Гейфдингъ), „это, очевидно, есть наслѣдство, которое перешло теперь отъ прежнихъ нѣмецкихъ философовъ къ нѣмецкимъ генераламъ“ (ibid)...

И такъ, война и всякое вообще нарушеніе мира *ни въ какомъ случаѣ не желательны сами по себѣ*. Это—несомнѣнно...—и напрасно иногда приравниваютъ войну къ такой болѣзни, которая необходима для дальнѣйшей нормальной жизни организма. Подобное сравненіе неумѣстно, потому что „эта“ болѣзнь, т. е., война,—мы видѣли,—случайнаго происхожденія и не имѣетъ связи съ внутренней, истинной жизнью человѣчества... А если война нежелательна сама по себѣ, то надежнѣйшимъ средствомъ къ устраненію ея и подобныхъ ей явленій, какъ мы сказали, служить *стѣсненіе нашего эгоизма, нравственное самоусовершенствованіе чловѣка до воспитанія имъ въ себѣ любви къ другимъ людямъ, равной его любви къ самому себѣ,—короче: христіанское самоусовершенствованіе*.

Всѣ другія средства къ водворенію между людьми мира, предлагаемыя тѣми или иными моралистами, не имѣютъ вполнѣ существеннаго значенія, а иногда и совсѣмъ сомнительны. Мы, конечно, не имѣемъ ни желанія, ни надобности перечислять ихъ и говорить о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности послѣ всего того, что сказано нами выше и что касается именно самого *существа* дѣла. Тѣмъ не менѣе не можемъ пройти совершеннымъ молчаніемъ *нѣкоторыхъ* изъ нихъ, почему-либо обращающихъ на себя наше вниманіе.

Оставляя чисто-нравственную точку зрѣнія въ сторонѣ, нѣкоторые моралисты высказываютъ надежду, что *самый эгоизмъ*, который, какъ мы сказали, послужилъ источникомъ и причиною раздоровъ между людьми, *съ теченіемъ времени и приведетъ ко взаимному примиренію народовъ*. Эгоистически заботящійся о себѣ человѣкъ, боясь попраиія къмѣ-либо его интересовъ, по этой самой причинѣ будто-бы станетъ стараться о томъ, чтобъ не возбуждать противъ себя чужихъ эгоизмовъ, другими словами: будетъ всячески заботиться о мирномъ отношеніи къ окружающей средѣ. Онъ сознаетъ, что, иначе относясь къ окружающимъ его людямъ, можетъ вызвать нерасположеніе ихъ къ себѣ и чрезъ то нарушить свой эгоистическій покой... Что можно сказать объ отдѣльномъ человѣкѣ, тоже можно приложить и къ цѣлымъ народамъ.— Одинъ изъ видовъ эгоистическихъ заботъ человѣка о себѣ—его стремленія и дѣятельность „промышленнаго“ характера. Всякаго рода промышленность въ настоящее время развита среди народовъ въ большой степени, при чемъ желательное ея теченіе возможно только при условіи существованія мира между ними, такъ что нарушеніе послѣдняго дѣйствуетъ на нее крайне губительно (все это краснорѣчиво подтвердилось, напр., результатами испанско-американской войны, англо-бурской и др.; все это во-очію подтверждается послѣдствіями и нынѣ начавшейся русско-японской войны,— послѣдствіями не для Россіи, конечно, съ ея необъятными пространствами, изъ которыхъ лишь самая ничтожная часть занята военными дѣйствіями,—а для Японіи, поставившей „на карту“ все свое благосостояніе, торговлю и проч.): однихъ плодовъ промышленности бываетъ невозможно сбывать во время войны, отъ чего парализуется значеніе потраченного на ихъ производство капитала и труда, другихъ невозможно бываетъ приобрѣсть изъ чужихъ странъ... Обратите, напр., вниманіе на тщетныя попытки Японіи получить необходимый ей уголь изъ Кардифа или на несомнѣнную голодовку жителей японскаго острова Іезо, лишенныхъ, вслѣдствіе войны, возможности получать необходимую имъ рыбу отъ жителей русскаго Сахалина, или на невозможность для Японіи вывозить въ Россію обильно продававшіяся здѣсь до войны всѣ такъ называемыя японскія издѣлія: японскіе вѣера, японскія тонкія работы, японскіе часы..., — издѣлія, во множествѣ обращавшіяся въ предѣлахъ русскихъ и доставлявшія немало средствъ продавцамъ... Чѣмъ сильнѣе въ извѣстномъ государствѣ развитъ духъ промышленности всякаго рода, тѣмъ больше лица, заинтересованныя въ промышленномъ производствѣ, избѣгаютъ всякаго рода войнъ. Словомъ, полу-

чается, что эгоизмъ будто-бы служить предохранительнымъ противъ войнъ средствомъ.

Однако, уже на первый взглядъ кажется страннымъ ожиданіе, что зло можетъ быть исцѣлено зломъ-же. Зло, сложенное со зломъ-же, можетъ дать въ суммѣ только зло. Затѣмъ, немислимо предположить, чтобъ всѣ эгоизмы такъ именно и ужились-бы между собою, какъ это представлено выше. Ежедневныя наблюденія даже надъ малымъ числомъ эгоизмовъ, напротивъ, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что мысль какъ-либо поживиться на счетъ ближняго—постоянна у эгоистовъ и что, въ силу этого, враждебныя отношенія между эгоистами заявляютъ о себѣ сплошь и рядомъ. Они и впредь, несмотря ни на что, конечно, будутъ заявлять о себѣ. Моралисты напрасно придаютъ слишкомъ большое значеніе „промышленному духу“, какъ средству для взаимнаго примиренія народовъ, потому что пока въ основѣ этого духа не будутъ лежать чисто-нравственные элементы, какъ моменты, проникающіе собою промышленныя стремленія, до тѣхъ поръ ненормальности въ теченіе промышленной жизни народовъ будутъ неизбѣжны, а чрезъ то неизбѣжны-же будутъ и такія или инныя столкновенія и между представителями и выразителями послѣднихъ. То, конечно, правда, что „въ настоящее время выработалось въ тѣлѣ человѣчества общее чувствилище“, именно „въ сферѣ экономической“, вслѣдствіе чего „какой-нибудь промышленный кризисъ въ Нью-Йоркѣ чувствительно отражается сразу въ Москвѣ и Калькуттѣ, между тѣмъ“ какъ „всякая серьезная и продолжительная война сопровождается величайшими экономическими потрясеніями, которыя, при теперешней связи частей всего земного шара, будутъ потрясеніями *всемирными*“. То правда, что это обстоятельство является „достаточнымъ основаніемъ для совершенно невѣдомаго прежнимъ временамъ *страха передъ войной*, который обуялъ нынѣ всѣ образованные народы“ (В. С. Соловьевъ: „Оправданіе Добра; Спб. 1897., стр. 532—533; 2-е изд. 1899, Москва, стр. 492)... Но, тѣмъ не менѣе, отсюда нѣтъ возможности заключить (какъ то дѣлаетъ, напр., В. С. Соловьевъ) „о близкомъ концѣ войнъ“ [ibid., стр. 533 (1-ое изд.), стр. 493 (2-ое изд.)]. Самые факты изъ послѣднихъ лѣтъ говорятъ прямо противъ подобныхъ заключеній. Въ этихъ фактахъ,—мы прямо убѣждены,—не будетъ пока недостатка и впредь. Указаннаго рода страхъ, сколь бы великъ ни былъ онъ, однако, не можетъ самъ по себѣ свидѣтельствовать о томъ, во свидѣтеля чего призывается, такъ какъ въ человѣкѣ есть побужденія и посылыиѣ страха. Разумѣемъ все тотъ же человѣ-

ческій эгоизмъ. Весьма рѣзкое оскорбленіе его обыкновенно настолько сильно отзывается въ оскорбленномъ, что этотъ, ни во что считая страхъ потерпѣть внушительный и опасный отпоръ отъ завѣдомо болѣе сильнаго, чѣмъ онъ, оскорбителя, ожесточенно нападаетъ на послѣдняго, чтобъ доставить хоть какое-либо удовлетвореніе своему эгоизму. Кромѣ того, въ качествѣ условій, въ свою очередь, также отчасти могущихъ парализовать собою страхъ, часто приводятся: 1) нѣкоторая, даже и неосновательная, надежда, но, однако, не оставляющая человѣка и въ самыя крайнія минуты его жизни, надежда, что, быть можетъ, счастье, наперекоръ всему, повернется въ его сторону; 2) боязнь инымъ отношеніемъ къ своему обидчику, навлечь на себя со стороны окружающихъ упрекъ въ трусости и, наоборотъ, желаніе получить отъ нихъ похвалу своей доблести, тѣмъ болѣе сильную, чѣмъ болѣе онъ рискуетъ собой, и проч. и проч. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ значить страхъ потерпѣть какія-либо экономическія потери, какъ бы велики онѣ ни были, по сравненію со страхомъ потерять человѣку даже свою жизнь, напр., на дуэли, и, однако, дуэллиантовъ такой страхъ не расколаживаетъ, и число дуэлей вообще не уменьшается (скорѣе наоборотъ), такъ какъ эгоизмъ, даже и ложно понимаемый, толкаетъ и ихъ, и всѣхъ другихъ на явно рискованныя дѣла и всегда будетъ толкать ихъ (все это особенно надлежитъ сказать объ американской дуэли, гдѣ кто-либо изъ дуэллиантовъ непременно долженъ умереть). Равнымъ образомъ, кому-же неизвѣстно, что даже смертныя приговоры не влекутъ за собой, въ качествѣ слѣдствія, уменьшенія числа тяжкихъ преступленій, такъ какъ страхъ, какой хотѣли бы внушить этими приговорами людямъ, въ дѣйствительности, однако, парализуется другими, болѣе сильными, гнѣздящимися въ человѣкѣ, условіями?.. Что можно сказать объ отдѣльныхъ лицахъ, тоже надлежитъ сказать и о цѣлыхъ народахъ и, при томъ, въ еще большей даже степени: помимо указанныхъ условій, здѣсь выступаетъ на сцену еще и то обстоятельство, что страхъ не оказываетъ столь сильнаго вліянія на цѣлый народъ, какое онъ оказываетъ на отдѣльныхъ людей, при чемъ у каждаго изъ членовъ народа можетъ имѣть мѣсто мысль, что опасность не коснется его лично, а если и коснется, то вѣдь „на міру и смерть красна“... Нѣтъ, страхъ безсиленъ въ борьбѣ съ трактуемымъ нами зломъ! Напр., Испанія, нѣсколько лѣтъ назадъ, рѣшившись воевать съ С. А. С. Штатами, развѣ не шла на явную гибель, которую предвидѣли всѣ здравомыслящіе люди? Предвидѣла роковой исходъ, конечно, и сама Испанія, въ лицѣ большинства своихъ,

не ослѣпленныхъ лживымъ представленіемъ дѣла, гражданъ, но страхъ передъ такимъ исходомъ, однако, не удержалъ ея отъ опаснаго шага. Она понесла громаднѣйшія, неисчислимыя потери, перешла на линію третъестепенной державы, но, по крайней мѣрѣ, эгоистическое чувство ея въ извѣстномъ смыслѣ и степени удовлетворено,—по крайней мѣрѣ, она проявила засвидѣтельствованное самими ея врагами безпримѣрное мужество и отвагу, и если все таки не побѣдила врага, то потому, что, по пословицѣ, „плетью обуха не перешибешь“... А недавній вызовъ по адресу Англіи со стороны Трансвааля и Оранжевой республики? Не похожъ-ли онъ на вызовъ однимъ человѣкомъ цѣлой сотни, даже тысячи враговъ? Гдѣ тутъ разсуждать о страхѣ!.. О японцахъ здѣсь не говоримъ, такъ какъ они, опьяненные дешевыми успѣхами десять лѣтъ назадъ (въ 1894—5 г.г.) и подстрекаемые своими доброжелателями, повидимому, имѣютъ ложное представленіе о силахъ своихъ и—противника.

Другіе моралисты, сознавая непреложность истины, что внѣ нравственной области невозможно искать средствъ для умиротворенія людей, въ качествѣ этихъ средствъ рекомендуютъ то третейскій судъ, который, предполагается, будетъ руководствоваться только одними нравственными мотивами, то чуждую маккиавеллистическаго духа международную политику, то учрежденіе „священныхъ союзовъ“ и проч.

Всѣ такія и подобныя имъ мѣры, покоясь на нравственной основѣ, уже по этому одному, конечно, должны быть признаны имѣющими извѣстное значеніе, каковое онѣ дѣйствительно и имѣютъ, хотя и это, какъ увидимъ, по существу своему не безусловно, не довлѣюще для своей цѣли.

Третейскіе суды возникаютъ по желанію двухъ лицъ или націй и проч., спорящихъ между собою по тому или иному поводу. Не желая прибѣгать къ насильственному отстаиванію своихъ правъ или потому, что грубая, внѣшняя сила еще ничего не доказываетъ, или потому, что война, по ихъ мнѣнію, зло, котораго надлежитъ избѣгать всячески, или по другимъ причинамъ, данныя лица или націи по взаимному согласію избираютъ совершенно посторонняго въ отношеніи къ нимъ судью, нисколько не заинтересованнаго въ спорномъ дѣлѣ, и просятъ его безпристрастно рѣшить послѣднее, обѣщаясь подчиниться этому рѣшенію, каково бы оно ни было.

Если бы третейскій судъ всегда достигалъ своей цѣли, тогда, разумѣется, нельзя было-бы что-либо особенное и возразить противъ него. Но не говоримъ уже о тѣхъ случаяхъ, когда рѣшенія

третейскаго судьи могутъ быть по существу невѣрны и когда, слѣдовательно, они не могутъ умиротворить враждующихъ сторонъ,—въ данномъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе и другая еще сторона дѣла: отдавая извѣстный вопросъ на рѣшеніе третейскаго судьи, каждая сторона, какъ болѣе или менѣе убѣжденная въ своей правотѣ, обыкновенно бываетъ болѣе или менѣе увѣрена, что вопросъ рѣшится въ ея именно пользу. Рѣшеніе, неблагопріятное для одной изъ нихъ, естественно возбуждаетъ въ послѣдней неудовольствіе, тѣмъ болѣе сильное, чѣмъ существеннѣе и важнѣе для нея было спорное дѣло. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если считающая себя обиженною сторона въ концѣ концовъ не удовлетворится третейскимъ рѣшеніемъ, особенно—если чувствуетъ себя достаточно сильной по сравненію съ противной ей стороною,—и захочетъ рѣшить дѣло войной. Одинъ изъ новѣйшихъ моралистовъ (—*Гейдингъ*: „*Этика или наука о нравственности*“ стр. 378) въ данномъ случаѣ и высказывается какъ разъ въ этомъ именно смыслѣ: „третейскіе суды между государствами“, говоритъ онъ, „теперь уже не особенная рѣдкость, хотя вопросы, разрѣшаемые ими, не принадлежатъ къ числу самыхъ жгучихъ и рѣшающихъ; эти послѣдніе обыкновенно предпочитаютъ рѣшать силой, когда увѣрены что эта сила есть“. Вотъ недавно также происходила война между Англіей и Трансваалемъ (и Оранжевой республикой). Почему-бы, не доводя дѣла до войны, было не уладить его мирно при посредствѣ третейскаго судьи? Да нотому, что эгоизмъ англичанъ не дозволилъ имъ этого: они знали, что третейскій судья выскажется не въ ихъ пользу, а въ интересахъ Трансваала, какъ страны, поведение которой было легально; но подобный исходъ дѣла—ударъ ихъ эгоизму; отсюда война, гдѣ грубая физическая сила сломила слабую соломенку. „Предъявленное“ въ лондонской палатѣ (5-го октября 1899 г., вечеромъ) „Диллономъ и Лабушеромъ“ „требованіе, чтобъ, во избѣжаніе дальнѣйшаго кровопролитія, сдѣлана была попытка прибѣгнуть къ третейскому суду на основаніи постановленій Гаагской конференціи, — отвергнуто большинствомъ голосовъ“ („Нов. Вр.“ отъ 7 окт. 1899 г., № 8481, стр. 1). Комментаріи, надѣемся, излишни. Предъ началомъ русско-японской войны, въ свою очередь, носились слухи (послѣ оправдавшіеся) о разсмотрѣніи спорныхъ пунктовъ третейскимъ же судомъ. Но японцы не хотѣли о томъ и слышать и вѣроломно начали войну, которая, конечно, приведетъ ихъ къ гибели...

Политика (международная), чуждая макіавелистическаго духа, есть нѣчто весьма и весьма похвальное и безусловно-желатель-

ное, но въ то же время—мечта, на осуществленіе которой надѣяться не можемъ,—не можемъ особенно теперь, когда такими правами пользуется такъ называемый „политическій или дипломатическій антиномизмъ“, произвольно обособляющій „мораль частной жизни и общественной“, слѣдующій (въ той или другой степени и смыслѣ) принципу: „цѣль“,—притомъ, часто понимаемая совершенно ложно, близоруко..., „освящаетъ средства“ ¹⁾...

Такъ называемые „священные союзы“ между государствами весьма желательны, но, съ одной стороны, исторія прошлаго въ данномъ случаѣ можетъ разочаровать многихъ (разумѣемъ, напр., „союзъ“ 1815) ²⁾, а съ другой, заключеніе такихъ союзовъ возможно лишь подъ условіемъ извѣстнаго стѣсненія эгоизма заключающихъ его... А въ этомъ стѣсненіи (не призрачномъ, а дѣйствительномъ) эгонистическихъ склонностей и стремленій и заключается весь вопросъ. Впрочемъ, нѣкоторая польза „подобныхъ“ союзовъ все-же несомнѣнна: союзъ, напримѣръ, Россіи съ Франціей, хоть и не „священный“, плодотворенъ.

Но довольно! О другихъ средствахъ, рекомендуемыхъ кѣмъ либо для прекращенія въ будущемъ войнъ, не станемъ уже говорить, такъ какъ эти средства *совсѣмъ сомнительны* въ нравственномъ отношеніи. Напримѣръ, недавно умершій (лѣтомъ 1903 г.) русскій ученый Филипповъ мечталъ объ „изобрѣтеніи такого убійственнаго средства веденія войны, при которомъ вести войну стало бы невозможно“. „Странно здѣсь то, что люди хотятъ добиться гуманнхъ цѣлей антигуманнымъ путемъ... Народы хотятъ жить мирно, а не могутъ стать мирными... при данной имъ свободѣ: воевать или не воевать. И потому мечтаютъ лишить себя этой свободы, заставить себя отказаться отъ войны, ставъ другъ для друга не добрыми, а страшными, настолько страшными, чтобъ ужъ нельзя было и подумать о войнѣ“ (Биржевъ. Вѣдом. 1-е изд., № 83; 15 февр. 1904 г., стр. 2: „Военно-гуманная цѣль“ В. Гайдебурова). Объ этомъ и подобныхъ средствахъ говорить уже не будемъ, потому что *внѣшнія мѣры, не нравственныя, даже противонравственныя*, никогда не принесутъ существенной и прочной пользы...

Мы не принадлежимъ къ числу политиковъ или политиканствующихъ и если позволили себѣ сказать нѣсколько словъ по вопросамъ о третейскомъ судѣ, чуждой макіавелистическаго

¹⁾ *Г. Л. Янышева «Православно-христіанское ученіе о нравственности»* (Москва, 1887 г., стр. 76,—77...). Чит. у *Мартенсена «Христіанское ученіе о нравственности»* (въ переводѣ А. П. Лопухина; т. I; Спб. 1890 г., стр. 416 и слѣд.).

²⁾ Мартенсенъ: т. II, стр. 678 и слѣд.

духа политикѣ и проч. и проч., то единственно съ тою цѣлью, чтобъ показать, что надлежитъ для уврачеванія трактуемаго нами зла искать не внѣшнихъ только и не временныхъ лишь средствъ (хотя не зачѣмъ совсѣмъ отказываться и отъ этихъ), а *главнѣйшимъ образомъ слѣдуетъ разыскивать средство внутреннее, которое могло бы исцѣлить болѣзнь въ ея корнѣ, въ ея существѣ.* А такое средство,—повторяемъ сказанное нами раньше,—одно: зло произошло отъ эгоизма; эгоизмъ и надлежитъ подавлять, и чѣмъ сильнѣе будетъ имѣть мѣсто стѣсненіе послѣдняго, тѣмъ меньше и меньше придется говорить о возникновеніи войнъ, раздоровъ и несогласій какъ между народами, такъ и между отдѣльными лицами, потому что, при наличности того условія, такія разногласія, раздоры стали бы просто-таки непонятными. И такъ, надлежитъ заботиться съ особенной настойчивостью объ употребленіи въ дѣло именно даннаго средства. А такъ какъ сразу измѣнить положеніе вещей нельзя, то ближайшимъ образомъ надлежитъ христіанскимъ народамъ воспитывать молодыя поколѣнія въ истинно-христіанскомъ духѣ, въ духѣ всепрощающей любви, въ духѣ, чуждомъ противнаго христіанству эгоизма... При этомъ условіи, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ (хотя бы и отчасти отдаленномъ) послѣдній сталъ бы все болѣе и болѣе отступать назадъ, а вмѣсто него выдвигалось бы начало противоположное,—о войнахъ и раздорахъ не пришлось бы ужъ такъ часто или даже и вообще слышать... (особенно, еслибъ распространился свѣтъ Христовъ и между языческими народами), наступило бы, наконецъ, царство мира, „мира вѣчнаго“... Но исполнятся ли наши чаянія, или нѣтъ, опредѣленно сказать, конечно, нельзя... Однако, какъ хорошо было бы, еслибъ они исполнились и еслибъ человѣчество въ будущемъ настолько измѣнилось къ лучшему, настолько стѣснило свой эгоизмъ, что всѣ дѣла стало бы рѣшать единственно въ духѣ и по руководству любви, любви христіанской... „Поживемъ-увидимъ“,—если и не мы, то, быть можетъ, увидать наши внуки, наши отдаленные потомки!.. ¹⁾

А теперь, когда *силой необходимости* мы вовлечены въ войну,—употребимъ всѣ свои усилія, чтобъ помочь нашему дорогому отечеству—кто-чѣмъ въ состояніи... Да живетъ и процвѣтаетъ Россія—великая наша родина! Да распространить она культуру, культуру истинную, свѣтъ Христовъ между всѣми азіатскими народами! Да здравствуетъ и благоденствуетъ Великій Государь нашъ, нашъ Державный Вождь, нашъ Отецъ... на счастье наше и всего человѣчества!..

Проф. А. Бронзовъ.

¹⁾ Ср. „Христ. чт.“ 1899 г., декабрь (нашу статью о „вѣчномъ мирѣ“).

Къ вопросу о способахъ обличенія неправды раскольничьей ¹⁾.

Вооружаясь противъ производящихъ устныхъ собесѣдованій со старообрядцами миссіонеровъ, о. Митрофанъ говоритъ: „вѣро-проповѣдники нерѣдко разыгрываютъ изъ своей персоны уши и очи особъ, съ именами коихъ связаны для малыхъ человѣковъ(?), — коихъ каждый можетъ обидѣть безнаказанно, — огонь и жупель неизрекаемый. Нѣкоторые изъ такихъ бесѣдователей корчатъ(?) изъ себя начальственныхъ надсмотрщиковъ-ревизоровъ (вопреки общепринятымъ правиламъ 1888 г. о способѣ миссіонерскаго дѣйствованія) предъ почтенными личностями. Такимъ поведеніемъ, понятно, въ корни подрывается взаимодовѣріе. Посланцы, особенно изъ молодыхъ(?) да раннихъ(?) самородковъ, начинаютъ невольно напоминать собою упраздненныхъ за ненужностью церковныхъ исполнителей (108 правило Карѣ. собора), надзорщиковъ и доносчиковъ, вызывая къ себѣ справедливое негодованіе со стороны рядовой и обремененной дѣлы многими священствующей братіи своими деспотическими замашками и жалобами на окружное духовенство, не угодившее, чѣмъ-либо не потрафившее (?) ²⁾ объѣздки“.

Что послужило о. Митрофану основаніемъ для такихъ нареканій на православныхъ миссіонеровъ? Знаетъ-ли онъ самъ непосредственно такихъ миссіонеровъ, которые, якобы, „корчатъ изъ себя начальственныхъ надсмотрщиковъ-ревизоровъ предъ почтенными личностями“, занимающихся одними только „доносами, деспотическими замашками и жалобами на окружное ду-

¹⁾ См. «Мисс. Обзоръ». № 8 стр.

²⁾ Какъ-ни „крѣпки“ эти выраженія ученаго іеромонаха о. Митрофана: „корчатъ“, „изъ молодыхъ да ранніе“, „потрафить“, „надзорщики“, „доносчики“, „объѣздки“ и п., но они не убѣдительны и мало говорятъ уму и сердцу въ пользу сердитаго на миссіонеровъ автора. Лучше было бы, если бы о. Митрофанъ былъ смѣль не на словахъ, — а на дѣлѣ, т. е. назвалъ бы прямо, кто эти „корчащие“ „молодые изъ раннихъ“... А то выходятъ одни сердитыя слова, похожія на безымянный доносъ на цѣлую корпорацію. А это грѣшно и не для монаха только. *Ред.*

ховенство“, или-же онъ судить такъ о миссіонерахъ на основаніи однихъ только „доносовъ, деспотическихъ замашекъ и жалобъ“ на православныхъ миссіонеровъ со стороны ихъ враговъ и недоброжелателей, въ числѣ коихъ первое мѣсто занимаютъ, конечно, раскольники? Всего вѣроятнѣе предположить, конечно, послѣднее, ибо если-бы о. Митрофану были лично извѣстны нѣкоторые изъ миссіонеровъ съ тѣми качествами, какія онъ имъ приписываетъ, то несомнѣнно достопочтенный обвинитель не преминулъ-бы упомянуть объ этомъ обстоятельстве, придавъ тѣмъ, хотя-бы нѣкоторую, основательность своимъ нареканіямъ на „непотрафившихъ“ чѣмъ то ему миссіонеровъ.

Насколько заслуживаютъ довѣрія голословныя обвиненія о. Митрофана на православныхъ миссіонеровъ въ ихъ, яко-бы, „донасахъ и жалобахъ на окружное духовенство“, предоставляю судить читателямъ и лицамъ несомнѣнно вѣдущимъ о ихъ миссіонерской дѣятельности. Отъ себя же почитаю долгомъ сказать, что трудящіеся на пользу св. церкви, не угодившіе о. Митрофану миссіонеры не заслуживаютъ его укоризненно-ругательнаго о нихъ отзыва;—не заслуживаютъ уже потому, что плодотворность ихъ миссіонерскихъ трудовъ можетъ засвидѣтельствовать каждый изъ множества оставившихъ расколъ и перешедшихъ въ православіе, у которыхъ зарождались и усиливались сомнѣнія въ правотѣ раскола, въ большинствѣ случаевъ, подѣ влияніемъ разговоровъ ихъ съ миссіонерами, или слушанія миссіонерскихъ бесѣдъ.

Отецъ Митрофанъ, какъ лицо облеченное священнымъ саномъ, по своимъ пастырскимъ обязанностямъ долженъ-бы оказывать миссіонерамъ сочувствіе и братскую любовь, въ виду достиженія общей съ ними цѣли,—болѣе успѣшнаго дѣйствованія противъ заблудшихъ чрезъ вразумленіе ихъ въ истинахъ православной вѣры, а не обвинять миссіонеровъ въ ихъ якобы „донасахъ и жалобахъ на окружное духовенство“. Такое ни на чемъ не основанное обвиненіе миссіонеровъ въ донасахъ и жалобахъ на окружное духовенство, дѣйствительно, должно произвести на нихъ, какъ не заслуживающихъ ничего подобнаго, весьма тяжелое и грустное впечатлѣніе, а въ духовенствѣ породить враждебное къ нимъ настроеніе и тѣмъ „въ корнѣ подорвать взаимодовѣріе“.

Обвиненіе о. Митрофана въ донасахъ и жалобахъ на окружное духовенство касается, главнымъ образомъ, молодыхъ миссіонеровъ, не получившихъ богословскаго образованія, или, какъ называетъ ихъ самъ обвинитель, „молодыхъ да раннихъ само-

родковъ". Не принадлежу-ли и я къ этой категоріи? Посему считаю своимъ долгомъ объяснить о. Митрофану, что около двухъ лѣтъ съ помощію Божіею занимаюсь я миссіонерскою дѣятельностію, производя бесѣды со старообрядцами по разнымъ назначеннымъ мнѣ селамъ и деревнямъ, я за все это время ни разу не былъ еще у преосвященнаго, не говоря уже о какихъ-то тамъ доносахъ и жалобахъ на окружное духовенство, если-же когда и случится быть, то ужъ, конечно, не съ „доносами и жалобами на окружное духовенство“, а по какимъ либо миссіонерскимъ надобностямъ или по вызову самого преосвященнаго. Я знаю, что есть великое множество и другихъ подобныхъ мнѣ миссіонеровъ, которые въ теченіе многихъ лѣтъ, если и бывали у преосвященныхъ, то большею частію по желанію самихъ-же преосвященныхъ, но безъ всякихъ доносовъ на духовенство. Далѣе о. Митрофанъ отрицаетъ пригодность устныхъ собесѣдованій на томъ основаніи, что

„книжно-мертвое толкованіе истины вѣры и благочестія изъ старопечатныхъ книгъ зачастую укрѣпляетъ еще сильнѣе въ слушателяхъ приверженность къ буквѣ, развиваетъ книговѣріе, не смягчая загроубѣлыя сердца Евангельскимъ ученіемъ всепрощенія и любви.—При разборѣ мелочныхъ мнѣній Священное Писаніе заброшено и какой нибудь Сборникъ-Цвѣтникъ поглощаетъ Евангеліе, становится важнѣе, цѣннѣе самой Библіи“.

Такія разсужденія о. Митрофана обнаруживаютъ въ немъ полное незнакомство какъ съ дѣйствительнымъ производствомъ бесѣдъ, такъ равно и съ убѣжденіями именуемыхъ старообрядцевъ и отношеніемъ ихъ къ излюбленнымъ ими обрядамъ и книгамъ.

Откуда извѣстно о. Митрофану, что на бесѣдахъ со старообрядцами Свящ. Писаніе бываетъ заброшено? Напротивъ, слово Божіе при названныхъ бесѣдахъ всегда служитъ *главною* опорою православныхъ миссіонеровъ, которые обыкновенно съ него и начинаютъ ихъ. Если же на собесѣдованіяхъ и употребляется иногда „какой-нибудь“ „Сборникъ-Цвѣтникъ“, то это вѣдь не значитъ еще, что Свящ. Писаніе уже заброшено. Употребленіе на бесѣдахъ со старообрядцами какого-нибудь Сборника или, вообще, старопечатныхъ книгъ бываетъ необходимо потому, что старообрядецъ не повѣритъ никакимъ доводамъ миссіонера до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ доказано его неправомысліе словами этихъ именно книгъ, которыя онъ, дѣйствительно, считаетъ иногда „важнѣе, цѣннѣе самой Библіи“. Притомъ, православный миссіонеръ въ бесѣдѣ съ какимъ-либо „приверженцемъ буквы“—раскольникомъ, особенно же, когда послѣдній вычитываетъ изъ

какого-нибудь „Соборника-Цвѣтника“ благопріятствующее, по-видимому, его убѣжденію мѣсто, всегда ставить на видъ собесѣднику слово Божіе, святоотеческія писанія, и старается разъяснить, что послѣднія должны имѣть преимущество предъ вычитываемымъ имъ мѣстомъ изъ излюбленной „старой книги“. Вообще миссіонеры всегда, при бесѣдахъ со старообрядцами, стараются—какъ имъ, такъ равно и православнымъ, внушить должное вниманіе къ слову Божію, святоотеческимъ писаніямъ и указать на отличіе ихъ отъ уважаемыхъ старообрядцами разныхъ Соборниковъ и Цвѣтниковъ. Гдѣ же тутъ „поглощеніе Евангелія какими нибудь „Соборниками-Цвѣтниками“? Очевидно, что о. Митрофанъ утверждаетъ неправду.

Не болѣе правъ о. Митрофанъ и далѣе, когда говоритъ, что „голое, простое опроверженіе лжеученій, безъ положительнаго ознакомленія прихожанъ съ заповѣдами Закона Божія, бессильно само по себѣ предохранить малосмысленныхъ отъ уклоненія въ старую вѣру“.

Здѣсь о. Митрофанъ опять обнаружилъ незнакомство съ дѣйствительнымъ ходомъ бесѣдъ со старообрядцами.

Разоблачая заблужденія именуемыхъ старообрядцевъ въ отчужденіи ихъ отъ прав. церкви, миссіонеры обыкновенно разъясняютъ имъ, что спасеніе возможно только въ единой, святой, соборной, апостольской церкви, съ которой предки ихъ произвели расколъ, а посему и они, продолжающіе заблужденіе предковъ, не могутъ имѣть надежды на спасеніе, ибо, по ученію св. отцовъ и учителей церкви, грѣха раскола и „кровь мученическая загладить не можетъ“. Или еще. Опровергая лжеученіе именуемыхъ старообрядцевъ, что истинная церковь можетъ, якобы, остаться безъ епископа и седми таинствъ, миссіонеры доказываютъ имъ, что, утверждая такъ, старообрядцы показываютъ свое невѣріе Самому Христу, обѣщавшему, въ лицѣ апостоловъ, пребывать съ епископами во вся дни до скончанія вѣка и сохранить церковь Свою неотлѣнною отъ всѣхъ вражескихъ на нея нападеній.

Чтоже,—неужели все это есть „книжно-мертвое толкованіе истинъ вѣры“, способное „укрѣпить въ слушателяхъ приверженность къ буквѣ“, какъ утверждаетъ о. Митрофанъ? Не можетъ-ли, напротивъ, такое ученіе православныхъ миссіонеровъ не только „предохранить малосмысленныхъ отъ уклоненія въ старую вѣру“, но и самыхъ именуемыхъ старообрядцевъ заставить задуматься надъ своимъ положеніемъ въ расколѣ? Правда, миссіонерамъ приходится говорить на бесѣдахъ и о неважныхъ самихъ по себѣ предметахъ: перстосложеніи, аллилуіа, чистѣ просфорѣ и

проч., но это опять-таки потому, что старообрядцы изъ за этихъ мелкостей обвиняютъ православную церковь въ ереси и отдѣляются отъ нея. Бесѣдуя со старообрядцами о такихъ, неважныхъ по существу, предметахъ, православные миссіонеры всегда доказываютъ имъ, что перстосложеніе, число просфоръ, сугубое аллилуіа и другіе излюбленные старообрядцами обряды не догматы вѣры, а только именно обряды; обряды же и въ древней церкви были не одинаковы и по временамъ измѣнялись ею и приводились на лучшее, а нѣкоторые даже и вовсе отмѣнялись, а посему изъ за разности обрядовъ несправедливо дѣлать раздѣленія съ церковью и тѣмъ лишать себя вѣчнаго спасенія,—тѣмъ болѣе, что употребляемые церковью обряды, изъ за которыхъ глаголемые старообрядцы прерываютъ единеніе съ нею, существовали и въ древности, задолго до патріарха Никона. Скажите,—развѣ опять это „книжно-мертвое толкованіе истинъ вѣры, укрѣпляющее въ слушателяхъ приверженность къ буквѣ?!

Глаголемые старообрядцы весьма любятъ хвалиться предъ православными своимъ мнимымъ древлеблагочестіемъ и обвинять во мнимыхъ ересяхъ Грекороссійскую церковь. Эта ихъ характерная черта, не говоря уже о ихъ наставникахъ, присуща каждой, умѣющей по складамъ разбирать псалтирь, а иногда даже и совсѣмъ неграмотной, женщинѣ. Вотъ почему веадѣ, гдѣ именуемые старообрядцы живутъ совмѣстно съ православными, всегда можно наблюдать, что послѣдніе терпятъ какую-то приниженность предъ старообрядцами и, какъ-бы, чувствуютъ предъ ними свое недостоинство, а нерѣдко бываютъ даже и со-вращенія въ „старую вѣру“. Но это бываетъ только лишь тамъ, гдѣ православные бываютъ неспособны дать старообрядцамъ разумный и основательный отпоръ и разоблачить ихъ лжеученіе и лицемерную набожность. А гдѣ среди православныхъ находятся лица способныя къ разоблаченію раскольническихъ мудрованій, тамъ имѣетъ мѣсто совершенно обратное явленіе,—тамъ православные уже сами заговариваютъ со старообрядцами о вѣрѣ, а сіи послѣдніе, чувствуя свое безсиліе защитить именуемую „старую вѣру“, принуждены, скрѣпя сердце, отмалчиваться или же отсылать таковыхъ къ какимъ нибудь своимъ архизащитникамъ-верховодамъ; бываетъ и такъ, что иные изъ нихъ, послѣ частыхъ и безпристрастныхъ разсужденій съ православными, оставляютъ свои заблужденія и обращаются въ спасительную ограду Христовой церкви. Но такое отрадное явленіе среди православныхъ только тогда и возможно, когда въ данной мѣстности производились или производятся правосл. миссіоне-

рами публичныя и частныя бесѣды, на которыхъ слушатели обыкновенно получаютъ правильное понятіе о церкви и расколѣ, а гдѣ эти бесѣды никогда не производились и не производятся, тамъ такое явленіе немыслимо. Все это хорошо извѣстно всякому, кто близко знакомъ съ бытомъ и характеромъ раскола и наблюдалъ за тѣмъ вліяніемъ, какое производятъ устныя собесѣдованія—какъ на самихъ старообрядцевъ, такъ равно и на православныхъ. Лично мнѣ, за небольшой сравнительно періодъ миссіонерской дѣятельности, не разъ приходилось, по окончаніи бесѣдъ со старообрядцами, выслушивать отъ православныхъ сердечную благодарность „за разъясненіе“, какъ они сами выражались, добавляя при этомъ, что теперь уже старообрядцы не могутъ болѣе хвалиться передъ ними своимъ мнимымъ древлеблагочестіемъ, ибо они, православные, знаютъ теперь, что спасеніе возможно только въ той церкви, отъ которой отдѣлились старообрядцы, т. е. въ Греко-Россійской, православной, и что всѣ такъ называемые старообрядцы, не находясь въ единеніи съ сею церковью, не могутъ имѣть и надежды на спасеніе. Это-ли „укрѣпленіе въ слушателяхъ (устныхъ собесѣдованій) приверженности къ буквѣ“?!..

Всѣ дальнѣйшія порицательныя разглагольствія о. Митрофана о миссіонерахъ, а именно:—обвиненіе ихъ въ „завариваніи (своими бесѣдами) каши“, которую они „предоставляютъ расхлебывать мѣстному клиру“, въ мнимой лживости и вымысленности ихъ отчетовъ, „представляемыхъ владичному благовозрѣнію“ и проч. тому подобное,—есть, по моему крайнему убѣжденію, одно только голословное глумленіе и несправедливая клевета на православныхъ миссіонеровъ, трудящихся во славу Св. Христовой Церкви.

„Путемъ хожденія на собесѣдованія, продолжаетъ о. Митрофанъ, слушатели получаютъ страсть къ спорамъ о вѣрѣ, среди нѣкоторыхъ возбуждается еще и сомнѣніе въ истинности исповѣдуемаго, содержаимаго ученія“. Такъ утверждаетъ о. Митрофанъ. А мы, напротивъ, на основаніи опыта утверждаемъ, что „путемъ хожденія на собесѣдованія“ православные слушатели получаютъ истинное понятіе о той церкви, къ которой принадлежать, а тѣмъ самымъ научаются по достоинству цѣнить ея значеніе и пріобрѣтаютъ твердость своихъ убѣжденій въ ея спасительности и святости; старообрядцы-же (разумѣемъ старообрядцевъ честныхъ и богобоязненныхъ, а не тѣхъ которые, потерявъ совѣсть и страхъ Божій, служатъ расколу изъ расчета) постепенно смягчаютъ свой фанатизмъ и вражду къ православной

церкви и, съ помощію Божіею, оставляютъ свои заблужденія. Говоря о „сомнѣніяхъ въ истинности исповѣдуемаго, содержимаго ученія“, получаемыхъ нѣкоторыми (очевидно православными), якобы, на бесѣдахъ, о. Митрофанъ, вѣроятно, не знаетъ, что во многихъ мѣстахъ бесѣды со старообрядцами производятся при полномъ отсутствіи (исключая приходскаго священника и самого миссіонера) православныхъ. Спрашивается, можетъ-ли здѣсь быть и рѣчь о „сомнѣніяхъ въ истинности содержимаго ученія“, получаемыхъ, будто, православными „путемъ хожденія на собесѣдованія“? Недалеко еще то время, когда православные, жившіе совмѣстно со старообрядцами, находились въ состояніи колебанія между Церковію и расколомъ, иначе сказать, тяготѣли къ расколу. Такъ, эти православные явно предпочитали двуперстное сложеніе—троеперстному, такъ называемые старые обряды и книги—исправленнымъ обрядамъ и книгамъ. На бесѣдахъ миссіонеровъ со старообрядцами эти православные иногда публично выступали защитниками старообрядцевъ противъ церкви; эти православные часто по цѣлымъ годамъ не исповѣдывались и не причащались въ православныхъ церквахъ отъ православныхъ священниковъ, часто цѣлыми семействами, а иногда и цѣлыми деревнями совращались въ расколъ. Можно назвать сотни деревень, численностью отъ ста до трехсотъ дворовъ въ каждой, въ которыхъ 50—60 лѣтъ назадъ старообрядцевъ было нѣсколько домовъ, а впослѣдствіи, особенно въ началѣ 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія, онѣ стали совершенно раскольническими, такъ что въ нихъ не оставалось ни одного православнаго двора. Когда же, преимущественно трудами и заботами въ Бозѣ почившаго о. архимандрита Павла, были учреждены миссіонеры, то колебаніе православныхъ между церковію и расколомъ почти повсемѣстно, гдѣ было учреждено миссіонерство, прекратилось; православные совершенно успокоились, вполне утвердились въ сердечной преданности церкви. Если-бы было необходимо, то мы могли бы назвать имена этихъ лицъ и мѣстожительство ихъ. Эти лица подробно могутъ объяснить, какъ они удержались въ православной церкви и не совратились въ расколъ потому именно, что ихъ слуха, ума и сердца коснулось слово миссіонеровъ. Какую пользу уже принесли миссіонеры за 40 или 30 л. существованія своего, при томъ—въ маломъ числѣ, при маломъ обезпеченіи, при неустройствѣ самаго дѣла и многочисленныхъ препятствіяхъ—не только отъ чужихъ, но даже и отъ своихъ,—это можно видѣть изъ описанія миссіонерской дѣятельности въ Макарьевскомъ и Варнавинскомъ уѣздахъ Костромской епархіи, въ

с. Ключахъ Саратовской епархіи, въ с. Паимѣ Пензенской епархіи, въ Оренбургской епархіи, въ Городцѣ и окрестныхъ мѣстностяхъ Нижегородской епархіи, въ Гуслицѣ Московской епархіи, въ Червленной, Прочно-Окопской и Кавказской станицахъ и др. весьма многихъ мѣстностяхъ. Бесѣды миссіонеровъ въ этихъ мѣстностяхъ привлекли десятки, сотни и даже тысячи старообрядцевъ къ соединенію со св. Церковью, въ нихъ же возникли и возникаютъ трудами и тщаніемъ тѣхъ-же миссіонеровъ единоувѣрческіе приходы. Для примѣра указываю плоды миссіонерскихъ бесѣдъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ Костромской епархіи.

„Когда приснопамятнымъ о. архимандритомъ Павломъ данъ былъ толчокъ нашей внутренней противораскольнической миссіи, — говоритъ одинъ священникъ единоувѣрческой церкви, — когда пошли изъ матушки Москвы во всѣ стороны нашего отечества труженики миссіонеры, былъ вызванъ въ Костромскую епархію слѣпецъ-миссіонеръ А. Е. Шашинъ. Нетронутая раскольничья масса зашевелилась. И здѣсь Θεодоровско-Сергіевское Костромское Братство открыло свои дѣйствія. Появились у насъ свои миссіонеры. Архипастырь нашъ преосвященный Виссаріонъ, хорошо знакомый по Москвѣ съ расколомъ и миссіей, принялъ подъ свое покровительство юную миссію. Благодаря проповѣди миссіонеровъ, темная раскольничья масса начала понимать, что вожаки ея обманываютъ ее, что внѣ св. церкви гибель, безъ благодатныхъ таинствъ и священства нѣтъ спасенія. Раскольники начали искать выхода изъ своего тяжелаго положенія. Идти сразу въ православную церковь казалось имъ очень страшно, по причинѣ приверженности ихъ къ старымъ обрядамъ ¹⁾. Явилась нужда въ единоувѣрческомъ храмѣ. Главный починъ въ дѣлѣ присоединенія раскольниковъ по Макарьевскому уѣзду принадлежитъ мѣстному раскольничьему начетчику Θ. Н. Смирнову (нынѣ единоувѣрческій священникъ), крестьянину деревни Боженокъ. Принадлежитъ къ сектѣ „нѣтовцевъ“, Θ. Смирновъ былъ рьянымъ защитникомъ своего упованія; изъ деревни въ деревню возили его богачи раскольники для возраженія миссіонерамъ“. Послѣ многихъ такихъ бесѣдъ съ миссіонерами, Θεодоръ, наконецъ, пришелъ къ убѣжденію, что „бѣда раскольникамъ, что церковь права!..“ „Особенно сильно поколебалъ мои убѣжденія, говоритъ самъ о. Θεодоръ, миссіонеръ И. П. Ломакинъ, послѣ бесѣды съ которымъ я рѣшилъ бросить все, ѣхать

¹⁾ Скажу здѣсь кстати, что во всемъ Макарьевскомъ уѣздѣ мнѣ не приходилось видѣть ни одной деревни, гдѣ бы православные знаменовались троперстно,—двуперстіе поголовное.

въ Москву и на мѣстѣ провѣрить по библіотекамъ и музеямъ драгоцѣнныя „выписки Адріана Озерскаго“... Здѣсь же въ Москвѣ Ѳ. Н. Смирновъ встрѣтился съ о. протоіереемъ Крючковымъ. Бесѣды съ послѣднимъ окончательно развѣяли всѣ его сомнѣнія. По пріѣздѣ домой, гдѣ его ожидали раскольники съ особымъ нетерпѣніемъ, думая, что теперь его защита раскола будетъ сильнѣй, — онъ началъ сначала съ болѣе близкими совѣтоваться и говорить, что ихъ положеніе гибельно и вообще около года уговаривалъ онъ своихъ собратьевъ оставить расколъ и всячески обличалъ его неправду. Результатомъ его собесѣдованій и было то, что чрезъ годъ, послѣ поѣздки его въ Москву и бесѣдъ съ о. Крючковымъ, нѣсколько деревень прислали къ о. Крючкову просьбу пріѣхать къ нимъ для бесѣдъ, а нѣкоторыя — для присоединенія ихъ къ церкви. Крючковъ немедленно прибылъ, многихъ присоединилъ къ православной церкви и произвелъ нѣсколько публичныхъ бесѣдъ... Сильно заволновались раскольники; присоединеніе ихъ наставника, а съ нимъ нѣсколькихъ деревень — начало, положенное для единовѣрческихъ храмовъ — ихъ положительно ошеломило!.. Быстро началась постройка новыхъ церквей, чаще сталъ навѣщать Макарьевскій край протоіерей Крючковъ. Слово проповѣди чаще стало слышаться здѣсь, поддерживая духъ въ новоприсоединенныхъ и обличая неправоту раскола. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1901 года храмы были готовы и освящены... Еще не освящены были храмы, какъ отъ многихъ раскольниковыхъ деревень на имя о. Крюкова стали поступать просьбы пріѣхать побесѣдовать. Почти весь уѣздъ всколыхнулся. Присоединенія были массовыя, — бросали расколъ цѣлыми деревнями. Въ слѣдующемъ 1902 году устроено и освящено еще два единовѣрческихъ храма. Въ томъ же году, преимущественно трудами о. Крюкова, воссоединились съ церковію еще нѣсколько сотъ раскольниковъ; и для нихъ разрѣшено устроить четыре единовѣрческихъ храма“ („Миссіонерск. Обзор.“ 1903 г. Февраль № 3, стр. 390—393).

Таковы дѣйствительные плоды трудовъ миссіонеровъ. Какое же основаніе имѣеть о. Митрофанъ отрицать плодотворность миссіонерскихъ трудовъ во славу св. церкви, — съ явнымъ желаніемъ упразднить даже и самое имя миссіонеровъ, особенно же изъ не получившихъ оффиціального образованія — „самородковъ?“ Но эти-то самые, нежелательные о. Митрофану, самородки — о. архимандритъ Павелъ, Егоръ Антоновъ, о. Филаретъ и М. Е. Шустовъ (нынѣ игуменъ Преображенскаго Гуслицкаго монастыря), о. Ксенофонтъ Крючковъ, слѣпецъ А. Е. Шапинъ, И. П. Лома-

кинъ, о. Феодоръ Смирновъ и многіе другіе своими, поистинѣ самоотверженными, миссіонерскими трудами принесли и приносятъ великую и незамѣнимую пользу св. церкви въ борьбѣ съ расколомъ.

Въ самомъ дѣлѣ,—не будь о. Павла, не поиди „изъ матушки Москвы во всѣ стороны нашего отечества труженики-миссіонеры“, въ родѣ—Крючкова, Шашина, Ломакина и другихъ, Макарьевскій уѣздъ, а равно и многіе другіе подобные ему уѣзды, несомнѣнно, до сихъ поръ оставались-бы во тьмѣ душепагубнаго раскола, тогда какъ теперь, благодаря бесѣдамъ этихъ миссіонеровъ, они всѣ озарены свѣтомъ истиннаго ученія Христова и удостоены спасительнаго единенія съ Св. Его Церковью.

Заканчивая свою статью „о способахъ обличенія неправды раскольнической“, о. Митрофанъ говоритъ:

„Такимъ образомъ публичныя собесѣдованія—характера полемическаго мечъ обоюдоострый,—палка о двухъ *концахъ*, своего рода самобичеваніе, гдѣ всплываютъ на поверхность промахи и ошибки прошлаго, темныя дѣла минувшихъ дней“.

И такъ, по мнѣнію о. Митрофана, публичныя собесѣдованія потому еще, будто-бы, вредны, что, благодаря имъ, „всплываютъ на поверхность промахи и ошибки прошлаго, темныя дѣла минувшихъ дней“. Но что лучше,—оставить эти „промахи и ошибки прошлаго“, служащіе, какъ извѣстно, однимъ изъ препятствій, заграждающихъ раскольниковъ входъ въ православную церковь, нетронутыми, или же, путемъ разъясненій, убѣдить раскольниковъ, что сіи „промахи и ошибки“, какъ не составляющіе существа вѣры, не должны служить имъ препятствіемъ къ соединенію съ св. церковью? Мы не знаемъ, что отвѣтилъ-бы на этотъ вопросъ о. Митрофанъ, однако думаемъ, что даже и онъ не станетъ утверждать, что лучше оставить эти „ошибки и промахи“ прошлаго, на соблазнъ и погибель раскольниковъ, неразъясненными. Если такъ, то, значитъ, бесѣды со старообрядцами и въ этомъ случаѣ заслуживаютъ не порицанія, а похвалы.

Итакъ, напрасно о. Митрофанъ отрицаетъ пригодность устныхъ собесѣдованій, какъ одного изъ необходимѣйшихъ и полезныхъ „способовъ обличенія неправды раскольнической“, ибо собесѣдованія эти приносятъ великую пользу не только старообрядцамъ, но даже и самимъ православнымъ, въ смыслѣ наученія ихъ сознательно держаться православія и удержанія ихъ отъ совращенія въ расколъ. Такое именно значеніе собесѣдованій признано и „церковнообщественными дѣятелями, вверху горы стоящими“. Такъ, по словамъ отчета Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. По-

бѣдоносцова, — „публичныя собесѣдованія весьма много содѣйствуютъ къ сближенію раскольниковъ съ православными, приучая ихъ къ откровенности и сглаживая ту неприязнь, которая такъ долго служила характеристическою чертою въ отношеніяхъ раскольниковъ ко всему православному. Заправители и вожакі раскола поняли, что вести за собою массу людей темныхъ, при помощи одного только послабленія и потворства ихъ разнообразнымъ прихотямъ, въ настоящее время невозможно и что необходимо представить болѣе или менѣе опредѣленныя и состоятельныя основанія для ихъ вѣрованій. Веденіе бесѣдъ по старопечатнымъ книгамъ лишило расколоучителей возможности распространять среди своихъ послѣдователей клевету, будто православное духовенство ненавидитъ старыя священныя книги, боится и не умѣетъ читать ихъ и потому неспособно найти и указать истину. Собесѣдованія приносятъ для самихъ православныхъ ту незамѣнимую пользу, что воочію, такъ сказать, показываютъ имъ заблужденія раскола и дѣлаютъ ихъ менѣе доступными для увлеченія расколомъ“ (извлеч. изъ отчета за 1885 г. стр. 93—94).

Такъ какъ статья о. Митрофана имѣетъ продолжаться, то питаемъ надежду, что въ слѣдующихъ своихъ сужденіяхъ „о способахъ обличенія неправды раскольнической“ о. Митрофанъ будетъ болѣе основателенъ и правдивъ.

Мисс. А. Зотцевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ исторіи борьбы и полемики по вопросу объ иконопочитаніи въ древнее и настоящее время ¹⁾.

(По поводу отрицательнаго отношенія къ иконамъ со стороны современныхъ сектантовъ).

Спеціальный предметъ „Libri Carolini“ составляетъ полемика противъ ученія объ иконахъ. Это ученіе было сформулировано на двухъ соборахъ—Виннскомъ и Никейскомъ. Первый отвергъ иконы, какъ идолопоклонство; второй возстановилъ иконопочитаніе согласно св. Писанію и Преданію. Такъ какъ оба эти рѣшенія кажутся автору сочиненія крайностями, какъ несогласныя ни съ Писаніемъ, ни Преданіемъ и ни съ здравымъ смысломъ, то онъ опровергаетъ то и другое. Основаніямъ, приводимымъ членами соборовъ, авторъ противопоставляетъ свои собственныя. Избѣгая ихъ крайностей, авторъ проводитъ свой собственный взглядъ на иконы. Иконы, по его взгляду, не заслуживаютъ ни того, чтобы онѣ были почитаемы, ни того, чтобы онѣ были изгнаны изъ употребленія. Значеніе ихъ состоитъ въ украшеніи храмовъ и напоминаніи о прошедшихъ событіяхъ. Поэтому, употребленіе ихъ вовсе необязательно. Вотъ главная мысль сочиненія „Libri Carolini“. Содержаніе его можно передать въ слѣдующихъ выводахъ: оба восточныхъ собора—икноборческій 754 г. и Никейскій 787 г. несостоятельны и негодны; оба они превысили предѣлы справедливости, впадши въ заблужденія относительно иконъ; почитаніе (adoratio) принадлежитъ только Богу, а не иконѣ, или изображенію; святыхъ людей должно только почитать (venerare); бываютъ случаи почитанія людей, состоящіе въ поклонѣ и лобызаніи ихъ, но это бываетъ только при привѣтствіяхъ и изъ любви или смиренія; Никейскій соборъ очень несправедливо поступилъ, предавъ анаѣмѣ непочитающихъ иконъ; нелѣпо возжигать предъ иконами свѣчи и еиміамъ; если считать иконы за святыню, то нехорошо ставить ихъ для украшенія дворца и дороги, какъ дѣлаютъ это греки.

¹⁾ См. «Миссіонерское Обозрѣніе» № 8, стр. 953—962.

Всему сочиненію предшествуетъ предисловіе.

„Церковь, говорится въ этомъ предисловіи, мать насъ всѣхъ, постоянно борется съ врагами внѣшними и внутренними. Но она, при помощи Божіей, одерживаетъ побѣду и всегда можетъ защищать вѣру. Къ защитѣ церкви и ея возвеличенію побуждаемся особенно мы, которымъ, волею Божіею, поручено господство и которые должны стараться защищать ее (церковь) отъ враговъ, но такъ, чтобы не отступать отъ единства съ церковью тому, кто долженъ быть ея членомъ. Кто не съ ней, тотъ противъ нея и кто не собираетъ, тотъ расточаетъ. Это побуждаетъ насъ сказать, что мы приступаемъ къ дѣлу не безъ нѣкотораго опасенія, поелику имѣемъ возможность ошибиться и заразиться соблазномъ вмѣстѣ съ слабыми. Такъ, необузданное честолюбіе и тщеславіе отуманили не только царей, но и священниковъ, настолько, что при невнимательности къ здоровому ученію и увѣщанію,—если кто будетъ проповѣдывать не то, что проповѣдано, будь это самъ ангель, да будетъ анаема,—они, чрезъ нечестивые соборы, стремятся внести то, что вовсе не думали вводить ни Христосъ, ни апостолы. И насколько они (т. е. священники и цари честолюбивые) силятся возвысить свое достоинство, настолько они вредятъ себѣ. Когда они хотятъ упрочить плоды своего ученія въ памяти потомства, они порываютъ связь съ церковью... Недавно былъ созванъ соборъ въ Виѣннѣ, на каковомъ соборѣ поступлено такъ неосторожно и дерзко, что рѣшительно уничтожили употребленіе иконъ, которыя введены древними въ употребленіе какъ для украшенія храма, такъ и для воспоминанія о минувшихъ священнѣхъ событіяхъ. Странное заблужденіе! То, что Господь сказалъ объ идолахъ, они отнесли и къ иконамъ, не зная того, что икона, или изображеніе есть понятіе родовое, а идолъ — видовое. Иное дѣло родъ, иное—видъ. Эти понятія не таковы, чтобы они могли быть замѣнимы одно другимъ (*gehegti pour posse*); потому что всякій почти идолъ есть изображеніе, но не всякое изображеніе есть идолъ. Тогда какъ иконы служатъ для украшенія и воспоминанія о прошломъ, идолы ничему иному не служатъ, какъ для жалкихъ умовъ, увлекаемыхъ пустымъ нечестивымъ обрядомъ. Икона относится къ другому, идолъ существуетъ самъ для себя. Послѣ этого собора былъ новый соборъ, на которомъ были многіе члены собора Виѣнскаго. Хотя этотъ новый соборъ отличается отъ перваго, однако не уступаетъ ему въ заблужденіи. Если никейскій соборъ не сходится съ первымъ въ Виѣннѣ—въ рѣшеніи, то равенъ ему въ нечестіи; если онъ по времени послѣдній, то не послѣдній по преступле-

нію. Послѣ произнесенія анаѳемы надъ Виенскимъ соборомъ, отвергнувшимъ иконы, этотъ постановилъ поклоняться иконамъ (*adorare imagines*). Для доказательства своихъ постановленій, онъ приводитъ мѣста то изъ Св. Писанія, то изъ комментаріевъ отцовъ. Во всякомъ намекѣ на иконы онъ видитъ указаніе на поклоненіе имъ. Безсмысленно поступаютъ какъ тѣ, которые смѣшиваютъ слова имѣть и поклоняться (*habere et adorare*), такъ и тѣ, которые отождествляютъ иконы и идолы (*imagines et idola*). Но есть большая разница между тѣмъ, что имѣемъ, и тѣмъ, какъ относимся къ тому, что имѣемъ. И если иконы и идолы въ томъ сближаются между собою, что одно—родъ, другое—видъ, то ни родомъ, ни видомъ, ни другими сближеніями не могутъ соединяться слова имѣть и поклоняться, потому что можно поклоняться тому, чего у насъ нѣтъ, чего не имѣемъ, и наоборотъ: можно имѣть то, что не почитаемъ и чему не кланяемся. Допуская поклоненіе иконамъ, соборъ поступаетъ также несправедливо, какъ несправедливо поступилъ соборъ, отвергнувшій иконы. То и другое крайность. Съ своей стороны, мы, на основаніи пророческихъ, евангельскихъ и апостольскихъ писаній, на основаніи свят. отцовъ, которые не могли уклониться отъ Того, Кто есть путь, истина и жизнь, на основаніи этого, мы принимаемъ только шесть св. вселенскихъ соборовъ, созданныхъ св. и достопочтенными отцами по случаю еретиковъ. Принимая эти соборы, мы отвергаемъ всѣ нововведенія и глупыя выдумки. Мы не только не принимаемъ, но презираемъ опредѣленія собора, текстъ котораго, лишенный смысла и краснорѣчія, до насъ дошелъ“. Таково предисловіе къ „*Libri Carolini*“. Послѣ предисловія авторъ переходитъ къ частному, подробному изложенію своего взгляда на иконы.

Онъ, прежде всего, дѣлаетъ различіе между установившимся обычаемъ употребленія въ церкви иконъ и злоупотребленіемъ относительно этого обычая. Цѣль и значеніе иконъ—въ томъ, чтобы пробуждать мысли о жизни святыхъ, не въ томъ, однако-жъ, смыслъ, чтобы въ этомъ была нужда, потому что жизнь святыхъ должна быть присуща внутреннему религіозному сознанію,—но въ томъ, что иконы, будучи чувственными знаками того, что присуще сознанію, служатъ украшеніемъ церкви. Согласно такому взгляду, порицаются иконопочитатели, когда они утверждаютъ, что иконы необходимы для возбужденія мыслей о дѣлахъ святыхъ. Это противно духовности христіанства. Говорящіе такъ въ высшей степени заблуждаются,—они представляются съ такою слабою памятью, что безъ помощи иконъ опасаются быть отор-

ванными отъ служенія Богу и почитанія Его святыхъ; этимъ они признають себя неспособными къ тому, чтобы возвыситься духомъ надъ чувственнымъ. Человѣческій духъ находится въ такомъ общеніи съ Тѣмъ, по образу Кого онъ созданъ, что можетъ безъ внѣшняго посредства воспринимать въ себя истину, которая есть Христосъ, поэтому было-бы весьма нелѣпо говорить, что духъ нуждается въ чувственныхъ знакахъ для того, чтобы не позабыть о Христѣ. Это свидѣтельствовало бы о слабости, а не о свободѣ духа,—свободѣ, какъ характеристическомъ свойствѣ христіанской религіи. Религія Христова состоитъ не во внѣшнихъ вещахъ, но въ духѣ, который возвышается до невидимаго и сверхчувственнаго. Какая жалкая память, когда нуждается въ созерцаніи образа для мысли о Христѣ, Который долженъ быть неразлученъ отъ сердца вѣрующаго!.. Да, несчастна,—потому что не въ силахъ чувствовать въ себѣ присутствіе Христа, когда не увидитъ Его образа на стѣнѣ, или другомъ мѣстѣ... Расположеніе, которое удовлетворяется одними образами, выходитъ не изъ любви сердца, не изъ внутреннихъ побужденій, но отъ вида. Такимъ людямъ естественно опасаться того, что если они лишатся зрѣнія, или, по какому либо случаю, не будутъ имѣть иконъ, то могутъ забыть о Христѣ, Который, однако, долженъ быть въ ихъ сердцахъ. Мы, которые слѣдуемъ не мертвымъ буквамъ, но живому духу, мы, которые не плотской израиль, но духовный, презираемъ вещественное и уважаемъ невидимое.—Есть нѣчто бессмысленное въ томъ, что предъ иконами совершаются обряды. Если ты, стоя предъ иконами, возносишь ѳиміамъ, то мы желали бы имѣть на это указаніе въ книгахъ божественнаго закона; если ставишь предъ иконами свѣчу, мы желаемъ удостовѣриться въ этомъ изъ св. Писанія. Мы скажутъ: вы смѣтаетесь надъ тѣми, кто возжигаетъ свѣчи предъ иконами и воскуриваетъ ѳиміамъ предъ ними, между тѣмъ вы тоже самое дѣлаете въ храмахъ. На это я отвѣчу такъ: иное дѣло возжигать свѣтильники и воскуривать ѳиміамъ въ общихъ мѣстахъ молитвы,—иное дѣлать тоже самое предъ иконою, которая не имѣетъ глазъ и ничего не видитъ, не имѣетъ носа и ничего не обоняетъ. Иное дѣло—почитать построенный вѣрующими и освященный торжественно священниками домъ величія Бога, иное дѣло повергаться предъ сдѣланными живописцемъ иконами и цѣловать ихъ. Храмы—это мѣста, гдѣ собираются толпы народа, возносится молитва милосердому Богу, совершается жертва спасенія,—гдѣ присутствуютъ сонмы ангеловъ въ то время, когда приносится жертва при

посредствѣ священниковъ,—гдѣ звучитъ слово Бога, напоая пустыя сердца вѣрующихъ. Греки склонны придавать болѣе значенія иконопочитанію, чѣмъ исполненію обязанностей; повелѣно не *читать иконы*, но *избѣгать* зла и дѣлать добро. Ученые, какъ стоящіе выше невѣжественной толпы, должны уничтожить суевѣріе относительно иконъ. Если Господь произнесъ строгій приговоръ надъ тѣми, кто соблазнить единаго отъ малыхъ, то какъ строго должны будутъ отвѣтствовать тѣ, которые побуждаютъ почти всю церковь къ поклоненію иконамъ. Поклоненіе иконамъ—не язычество ли это?—Да, язычество“.

Дабы болѣе показать несостоятельность утвержденного соборомъ ученія объ иконахъ, авторъ въ частномъ изложеніи своего взгляда прибѣгаетъ, между прочимъ, къ слѣдующимъ софистическимъ приемамъ: „Все, что не имѣетъ успѣха, пусто, и все, что бесполезно, пусто,—итакъ, все, что безъ успѣха, пусто. Все, что необязательно, бесполезно и все, что бесполезно, не лишено пустоты; итакъ все, что необязательно, пусто. Тамъ, гдѣ нѣтъ никакой пользы, совершенная пустота. Въ почитаніи иконъ нѣтъ пользы, ни успѣха, ни выгоды, слѣдовательно, въ почитаніи и поклоненіи иконамъ совершенная пустота. И для этой-то пустоты собираются и поклоняются иконамъ. Понистинѣ говорятъ суетная всякъ ко искреннему своему“.

Подобными-же приемами доказательствъ авторъ силится отклонить отъ себя обвиненіе, возводимое на противниковъ почитанія иконъ. „Безсмысленно—говоритъ онъ,—и достойно смѣху то, что насъ, противниковъ почитанія, называютъ пустыми на томъ основаніи, что Господь, посылая апостоловъ на проповѣдь, сказалъ имъ, чтобы они оправдали свое посольство, не страшились враговъ и такимъ образомъ не уподоблялись свѣтильнику подъ спудомъ. Обвиняющіе насъ видятъ этотъ свѣтъ въ иконахъ и этимъ измѣряютъ силу вѣры. Мы не такъ думаемъ. Если есть свѣтильникъ знанія, то мы полагаемъ его въ Христѣ, какъ началъ и источникъ свѣта и вмѣстѣ съ пребывающими въ церкви измѣряемъ вѣру сіяніемъ слова и примѣра“.

Ошибочность иконопочитанія доказывается такимъ образомъ: „Иное дѣло почитать заслуженнаго человѣка, иное—его образъ, или изображеніе, которое лишено всего. Иное дѣло почитать человѣка, какъ образъ Божій, какъ дѣло Творца; иное—почитать иконы, которыя суть дѣло художника. Иное дѣло почитать человѣческую природу,—природу, которая въ Царѣ небесъ почитается ангелами и архангелами, и иное дѣло почитать то, что служить пользѣ не только людей, но и животныхъ. На-

сколько дѣло Божіе превосходитъ дѣло человѣка, дѣйствительность—вымыселъ, разумное—неразумное, духовное—чувственное, живое—безжизненное, настолько почитаніе, относящееся къ живымъ людямъ, превосходитъ почитаніе иконъ. Такъ какъ Богъ не повелѣлъ людямъ, чтобы они почитали иконы, то Онъ послать Сына Своего для людей, а не для иконъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Его призывали люди, а не иконы. Поэтому самому Господь въ евангеліи не сказалъ: не соблазняйте одну изъ иконъ, но сказалъ: не соблазняйте единаго отъ малыхъ сихъ, потому что ангелы на небеси всегда видятъ лицо Отца небеснаго. И апостолъ увѣщаетъ насъ преуспѣвать въ добродѣтели, а не въ почитаніи иконъ. Такъ какъ художникъ лучше дѣла, дѣйствительность—вымысла, то книга „Премудрости“ говоритъ: „ни единъ бо человѣкъ можетъ себѣ подобнаго бога создати: смертенъ же сый, мертвѣ дѣлаетъ руками беззаконными“ (Прем. Сол. 15, 17). Самъ (человѣкъ) лучше ихъ, тѣхъ, которыхъ почитаетъ, такъ какъ самъ жилъ, будучи смертенъ, тѣ же никогда не жили. И блаженный Августинъ говоритъ: тупоумны тѣ, которые считаютъ дѣла человѣка богами. Это говорится объ идолахъ и ихъ почитаніи“.

„Изученіе всякаго искусства—продолжаетъ авторъ развивать свои мысли—требуетъ разнообразныхъ упражненій; живопись есть искусство,—слѣдовательно, она требуетъ различныхъ упражненій. Изучающіе это искусство, называемые живописцами, понимаютъ его неодинаково—одни лучше, другіе хуже; произведенія однихъ прекрасны, другихъ—безобразны. Само собою разумѣется, что тѣ, которые почти всю силу вѣры полагаютъ въ иконахъ и почитаніе ихъ не стыдятся причислять къ добрымъ дѣламъ, ошибаются, когда почитаютъ одинаково какъ иконы красивыя, такъ и безобразныя. Поелику, если какая икона насколько прекрасна, настолько она имѣетъ святости и добродѣтели, то необходимо, что икона безобразная не имѣетъ святости и добродѣтели. И чѣмъ хуже икона, тѣмъ менѣе имѣетъ святости, или даже вовсе лишена ея. И если болѣе хорошая икона лучше чествуется, то вслѣдствіе красоты она имѣетъ и святость. Итакъ, святость ея условливается не религіозными мотивами, а умѣньемъ или дѣятельностью художника. Такимъ образомъ, если почитается плохая икона, то сильно заблуждаются почитатели ея, когда думаютъ поклоняться иконѣ, лишенной красоты. Если-же одинаково почитаются какъ красивыя, такъ и некрасивыя иконы, то этимъ нарушается справедливость, которая воздастъ каждому свое (*uni cuique suum tribuit*). Ибо, когда почитаютъ красивыя иконы, то заблуждаются ненамѣренно (*casu*), потому что думаютъ, будто

бы они почитаютъ нѣчто святое, а когда почитаютъ безобразныя иконы, то они впадаютъ въ обманъ тѣмъ, что почитаютъ безобразныя иконы, которыя, какъ безобразныя, лишены святости. Итакъ, тѣ и другіе заблуждаются, такъ какъ. почитая Бога, какъ Творца всего, почитаютъ вещи, лишеныя смысла, ошибаются, когда думаютъ, что почитаніемъ иконъ воздаютъ честь святымъ. Одному Богу должно поклоняться; мучениковъ и святыхъ должно чувствовать, но отнюдь не поклоняться имъ (*venerandi sint, quam adorandi*). Мы имѣемъ на это свидѣтельства Іеронима, который въ отвѣтъ одному еретіку (Вигиліанцію), говорившему, что останки мучениковъ должны быть почитаемы, сказалъ: безумный! Кто же поклоняется мученикамъ? Итакъ, если по мнѣнію его (Іеронима) не должно поклоняться мученикамъ, то тѣмъ болѣе ихъ изображеніямъ... Тѣхъ, которые всю сущность христіанской вѣры полагаютъ въ почитаніи иконъ, естественно спросить: потеряютъ ли бѣдныя ущербъ въ своей вѣрѣ, потому что они не имѣютъ возможности пріобрѣсти иконы? Выходитъ, какъ слѣдствіе, что если бѣдный не имѣетъ добрыхъ дѣлъ, то только потому, что онъ не можетъ пріобрѣсти иконы; богатый же имѣетъ добрыя заслуги потому, что онъ въ состояніи пріобрѣсти то, что даетъ ему добродѣтель, т. е. иконы. Такъ какъ послѣдній получаетъ награды не за дѣла свои, а за вещи (*imagines*), первый-же судится за свой недостатокъ (матеріальный) (*indigentia*), а не за дѣла, то выходитъ, что поклоненіе иконамъ въ христіанской религіи имѣетъ излишне большое значеніе. Самая добродѣтель теряетъ, поэтому, въ высшей степени свою силу.

Иконопочитаніе, явно опровергаемое со стороны разума, не подтверждается, по автору „*Libri Carolini*“, и преданіемъ. „Правила—говоритъ авторъ—и церковныя постановленія пророковъ, апостоловъ и Самого Іисуса Христа завѣщаютъ намъ иногда словомъ, иногда примѣромъ; иногда скрытно, иногда явно; иногда—черезъ пророчества, иногда—черезъ простыя изреченія. Только о почитаніи и поклоненіи одному Господу есть указаніе. Приверженцы почитанія иконъ ссылаются на то, что поклоненіе иконамъ установлено апостолами. Если такъ, то для этого указаніе нужно основательное. Есть ли оно? Установилъ ли иконопочитаніе апостоль Петръ, который явно удержалъ Корнилія отъ поклоненія себѣ? Ап. Іоаннъ, желая поклониться ангелу, не услышалъ ли, чтобъ онъ этого не дѣлалъ? Не испугался-ли апостоль Павелъ, когда ликаонцы вздумали поклониться ему? Не отказался-ли отъ этого и Варнава, бывший вмѣстѣ съ Павломъ? Итакъ, когда ангелы и апостолы отказывались отъ поклоненія имъ, кто будетъ настолько

дерзокъ и безразсуденъ, чтобы поклоненіе иконамъ считать установленіемъ апостоловъ“.

Что касается до ссылки иконопочитателей на примѣръ Авгаря, которому будто бы Спаситель послалъ Свой образъ, то этотъ фактъ, по автору, не подтверждается исторически. „Евангеліе“—говоритъ авторъ,—есть „добрая вѣсть“, потому что тѣ, которые принимаютъ его, называются сынами божіими. Изъ неизреченнаго родника рая вытекала четвероточная рѣка,—она незамѣтно распалась на четыре рѣки,—и, проходя около сухой почвы, благотворно ее орошала. Есть путь, ведущій къ жизни, есть свѣтъ, выводящій изъ тьмы грѣховъ и возводящій толпу смертныхъ къ небесамъ. Есть укрѣпленіе прекраснѣйшаго города, укрѣпленіе, стать на которомъ весьма полезно для жизни, а выходъ изъ укрѣпленія соединенъ съ большою опасностью. Есть источники сомнительнаго свойства. Въ этихъ источникахъ говорится о многихъ замѣчательныхъ дѣлахъ изъ жизни Господа. Есть, напр., извѣстіе о томъ, будто Господь получилъ письмо отъ какого-то князя Авгаря и послалъ ему Свое. Объ этихъ двухъ письмахъ совсѣмъ не говорится въ евангеліи. Настоятель Рима и другіе православные мужи считаютъ эти письма находящимися въ апокрифическихъ сказаніяхъ, но и этого нельзя подтвердить документами. Такимъ образомъ, когда извѣстіе о письмахъ не подтверждается кодексомъ евангелій и по справедливости считается апокрифическимъ, между тѣмъ, на основаніи этого сказанія, утверждено почитаніе иконъ соборомъ, то это весьма не благопріятствуетъ почитателямъ иконъ, въ виду того обстоятельства, что неизвѣстно, чтобы Авгарь просилъ у Господа Его образъ для поклоненія и чтобы Самъ Господь всѣхъ послалъ Авгарю Свой образъ для поклоненія. Если же тѣ, которые свою ошибку стараются поправить тѣмъ, что эти письма — одно полученное Господомъ, другое посланное — не написаны въ евангеліи, какъ и многое другое, сдѣланное Господомъ, если, говорю, они ссылаются на слова ап. Іоанна: суть же и ина многа, яже не суть писана въ книгахъ сихъ,—то ясно, что онъ говоритъ о чудесахъ, а не о письмахъ, о значеніяхъ, а не установленіяхъ (*constitutiones*). Что о письмахъ не упоминается въ евангеліи, что, поэтому, они считаются апокрифическими и что въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на поклоненіе иконамъ, это очевидно“.

„Иконопочитатели, говоритъ далѣе авторъ, сами себя противорѣчатъ, когда иконы называютъ святыми и священными и въ то же время ставятъ ихъ на мѣстахъ и улицахъ, которыя большею частію бываютъ нечисты. Лица, о которыхъ рѣчь, соединяютъ

двѣ вещи совершенно несовмѣстимыя. Какъ несовмѣстимы между собою свѣтъ и тьма, теплота и холодъ, такъ несовмѣстимы освясненіе и оскверненіе, чистота и грязь. Отсюда ясно, что они въ высшей степени ошибаются, поставляя иконы на мѣстахъ неприличныхъ,—иконы, которыя считаются ими святыми. Будучи поставлены въ такихъ мѣстахъ, иконы лишаются той святости, какую имъ приписываютъ. Все святое чисто, ничто чистое не—несвято, слѣдовательно, ничто святое не нечисто. И если, по желанію поклонниковъ иконъ, послѣднія ставятся въ мѣстахъ непристойныхъ, то слѣдуетъ, что онѣ не чужды нечистоты, которая противоположна святости. Если такъ, то онѣ никоимъ образомъ не могутъ считаться святыми“.

Когда такимъ образомъ поклоненіе иконамъ несогласно ни съ здравымъ смысломъ, ни св. писаніемъ и преданіемъ, то ложно соборъ, утвердившій иконопочитаніе, считается православнымъ. О немъ извѣстно, что онъ не былъ созванъ всею церковью. Между всѣми ошибками, сдѣланными на этомъ соборѣ, самая важная та, что онъ называется вселенскимъ, тогда какъ онъ, съ одной стороны, не имѣетъ чистоты вселенской вѣры, съ другой—его дѣянія не закрѣплены авторитетомъ всѣхъ церквей. Какъ вселенская церковь названа греческимъ именемъ — „каеолической“, такъ и все, что не отступаетъ отъ ея единства, можетъ назваться каеолическимъ. Всякое христіанское ученіе, учрежденіе или преданіе должно быть такимъ, чтобы оно согласовалось съ единствомъ церкви. Этого не соблюдали еретики, составлявшіе въ разныхъ мѣстахъ скопища (*conventicula*), которыми они отторгали и себя и другихъ отъ единства съ церковью. Когда епископы двухъ или трехъ провинцій собираются вмѣстѣ и когда они, руководясь каноническими правилами, постановляютъ ученіе, или догматъ, то это дѣло каеолическое, православное, потому что не отступаетъ отъ опредѣлений отцовъ,—и поэтому самому можетъ быть названо вселенскимъ, хотя оно сдѣлано и всѣми частными церквами. Дѣло въ томъ, что это мѣстное постановленіе не отступаетъ отъ вѣры и преданія. Эти примѣры бывали часто, бывали по необходимымъ обстоятельствамъ: ибо много было частныхъ соборовъ, постановленія которыхъ свято принимаются и утверждаются церковію. Когда же епископы двухъ или трехъ областей собираются вмѣстѣ и, желая постановить нѣчто новое, дѣлаютъ такіа опредѣленія, которыя несогласны съ уставомъ вселенской церкви, но во многомъ отъ него отступаютъ, то это собраніе — неправославное и не можетъ назваться вселенскимъ. Все, что церковно, православно, и все, что православно,

имѣть характеръ вселенскій, все же вселенское чуждо незаконнаго, новаго. Итакъ, все, что церковно, не имѣетъ нечестивыхъ нововведеній. Если бы разсматриваемый соборъ не вводилъ незаконно-новаго, и если бы онъ былъ согласенъ съ древними постановленіями, то его можно бы назвать вселенскимъ. Но такъ какъ онъ расходится съ древними ученіями, то онъ не можетъ быть названъ вселенскимъ. Мы немедленно признали бы его вселенскимъ, если бы онъ согласовался съ вселенскою церковью.

Но если въ чемъ особенно заблудился этотъ соборъ (а онъ почти во всемъ отступилъ отъ божественныхъ писаній), то именно въ томъ, что женщина заправляла ходомъ дѣла и учила. Это не только несообразно съ постановленіями церкви, но и съ естественнымъ порядкомъ вещей. Нѣжность, слабость и нетвердость въ убѣжденіяхъ, какъ характеристическія особенности женщины, не только не допускаютъ ее къ тому, чтобы она распоряжалась мужчиною, но скорѣе побуждаютъ ее къ подчиненію авторитету мужчины. И божественными законами освящено, что нѣкоторые обѣты женщинъ могутъ быть отиѣняемы мужчиною, и человѣческими обычаями установлено, что незамужняя женщина, хотя бы и зрѣлыхъ лѣтъ, должна находиться подъ опекою, по причинѣ слабости. Ибо мы знаемъ, что женщина, вслѣдствіе незрѣлости, безпомощности и своего легкомыслія, обыкновенно уступаетъ мужчине, стоитъ ниже его. Женщина не можетъ быть допущена ни въ собраніе, ни въ церковь въ качествѣ заправительницы дѣломъ. Ея дѣло—дома (*inter domesticos privatim*). Иное дѣло, когда женщина учитъ словомъ и примѣромъ своихъ домашнихъ, иное дѣло, когда она участвуетъ на церковномъ, или какомъ либо другомъ публичномъ собраніи. Если въ дѣлахъ домашнихъ она желаетъ пользы себѣ и своимъ, то на собраніи она заботится о суетной похвалѣ и удовлетвореніи своей прихоти“.

Свящ. А. Синайскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Слѣдуетъ-ли отбирать подписки отъ сектантовъ предъ крещеніемъ ихъ дѣтей?

Въ № 1-мъ «Миссіонерск. Обзорѣнія» за текущій годъ авторъ статьи: «Слѣдуетъ-ли крестить штундистскихъ дѣтей» предлагаетъ вопросъ: *«слѣдуетъ-ли крестить приносимыхъ православными воспріемниками дѣтей штундистовъ въ томъ случаѣ, если родители-сектанты отказываются дать установленную подписку съ обязательствомъ воспитывать крещаемого въ православной вѣрѣ?»* Съ своей стороны авторъ признаетъ возможнымъ двоякій отвѣтъ на поставленный вопросъ: отрицательный—съ юридической или формальной точки зрѣнія и утвердительный—съ точки зрѣнія пастырско-миссіонерской. Всѣ симпатіи автора на сторонѣ послѣдней точки зрѣнія.

Мы вполне раздѣляемъ симпатіи автора, но при этомъ полагаемъ, что утвердительный отвѣтъ на поднятый вопросъ неоспоримъ не только съ пастырско-миссіонерской, но и съ юридической точки зрѣнія.

Авторъ ошибочно отождествляетъ сектантовъ съ иновѣрцами и на этомъ основаніи примѣняетъ и къ сектантамъ 28 ст. Уст. Дух. Консист., говорящую собственно о подпискахъ иновѣрцевъ. Но сектанты—не иновѣрцы. Это ясно отгѣнено и въ Уст. Дух. Конс., гдѣ раскольники и сектанты рѣзко отличаются отъ иновѣрцевъ (наприм. ст. 29), и посему ихъ отношенія къ православію регламентируются особыми узаконеніями. Такъ что, если въ Уст. Дух. Конс. (ст. 29) говорится, что священникъ можетъ крестить малолѣтнихъ дѣтей иновѣрцевъ, разумѣется, по желанію родителей—иновѣрцевъ, не иначе, какъ по отобраніи отъ послѣднихъ подписки о воспитаніи крещенныхъ дѣтей въ православной вѣрѣ, то это и должно относить только къ дѣтямъ иновѣрцевъ, точнѣе: къ дѣтямъ родителей иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій (Уст. о предупр. и пресѣч. прест. 1890 г. ст. 73-я), такъ какъ въ той-же статьѣ

этимъ иновѣрцамъ предоставляется возможность вступать въ бракъ съ православными, послѣ дачи обязательства крестить и воспитывать въ православной вѣрѣ дѣтей обоюбого пола, могущихъ произойти отъ брака. А, какъ извѣстно, подобнымъ правомъ не могутъ пользоваться ни нехристіане, ни раскольники или сектанты (т. X, ч. I, ст. 33). Такимъ образомъ, въ Уст. Дух. Конс. нѣтъ никакой «установленной для родителей—сектантовъ подписки съ обязательствомъ воспитывать крещаемыхъ дѣтей въ православной вѣрѣ». Да и по самому существу даннаго вопроса подобнаго рода подписки не могутъ имѣть подъ собою законной почвы. Наше законодательство смотритъ на отпавшихъ отъ православной церкви не какъ на иновѣрцевъ или людей, совершенно чуждыхъ Церкви, но какъ на ея заблудшихъ чадъ (91—10. Леціуса). Посему оно дѣлаетъ строгое различіе и между дѣтьми иновѣрцевъ и дѣтьми лицъ, отпавшихъ отъ православія въ расколъ или ересь. Въ то время какъ крещеніе дѣтей иновѣрцевъ допускается (до извѣстнаго возраста) лишь съ согласія ихъ родителей, дѣти отпавшихъ отъ православной церкви въ иныя христіанскія исповѣданія, въ расколъ или секты *обязательно* должны быть крещены и воспитываемы въ православной вѣрѣ (Уст. о предупр. и пресѣч. прест. ст. 36, см. у Таганцева—«Уложеніе о наказ. угол.» стр. 220-я, прим.). Въ противномъ случаѣ для охраненія православія малолѣтнихъ дѣтей лицъ, соvrотившихся изъ православія въ иное христіанское исповѣданіе, въ расколъ или секту, принимаются особыя, ясно указанная въ законѣ мѣры (Уст. о предупр. и пресѣч. прест. ст. 39 и 57-я; Улож. о наказ. ст. 188-я). Подобное отношеніе нашего законодательства къ отпавшимъ отъ православной церкви вытекаетъ изъ взгляда того-же законодательства на отступленіе отъ православія, какъ на дѣйствіе не только воспрещенное, но и преступное, которое никогда не можетъ сдѣлаться состояніемъ законнымъ, а слѣдовательно и присоединеніе православнаго къ другому исповѣданію, являясь дѣйствіемъ преступнымъ какъ со стороны присоединяющаго, такъ и со стороны присоединеннаго, не можетъ создать законной принадлежности послѣдняго къ сему исповѣданію со всѣми проистекающими отъ таковой принадлежности законными послѣдствіями (91—9, Гримма; 91—10 Леціуса). Между тѣмъ иновѣрные родители только тогда

отвѣчаютъ за невоспитаніе своихъ дѣтей въ православной вѣрѣ, когда они къ тому обязаны были закономъ, именно: во 1-хъ, когда они нарушили данное ими при бракѣ съ православными обязательство воспитывать могущихъ произойти отъ брака дѣтей обою пола въ православной вѣрѣ; во 2-хъ, когда они нарушили данную ими при добровольномъ крещеніи своихъ дѣтей въ православной церкви подписку и впредь воспитывать этихъ дѣтей въ православіи и, въ 3-хъ, когда они не воспитываютъ въ православіи усыновленныхъ подкидышей, коихъ происхожденіе и крещеніе неизвѣстно). При этомъ означенные иновѣрцы преслѣдуются за упомянутые проступки по 190 ст. Улож. о нак., отнюдь не примѣнимой, за силою 188 ст. Ул. о нак. и ст. 39 и 57-ой Уст. о пред. и пресѣч. прест., къ родителямъ-сектантамъ и вообще къ родителямъ, отпавшимъ отъ православія въ иныя христіанскія исповѣданія, въ расколъ или въ секту.

Изъ сказаннаго ясно, что ни въ Уст. Дух. Конс., ни вообще въ нашемъ законодательствѣ не только нѣтъ никакихъ «установленныхъ для родителей-сектантовъ подписокъ о воспитаніи ими своихъ дѣтей въ православной вѣрѣ», но и такія подписки не согласны съ духомъ нашего законодательства, рѣзко отличающаго иновѣрцевъ отъ отпавшихъ отъ православія. Въ одномъ только случаѣ отпавшій отъ православія даетъ «подписку»,—это когда онъ *самъ* возвращается въ православную церковь и эта «подписка» дается имъ только *за себя*.

Если-же поднятый авторомъ вопросъ рѣшается утвердительно и съ юридической точки зрѣнія, то ясно, что если гдѣ и существуетъ обычай брать у родителей-сектантовъ разсматриваемыя нами «подписки», то такой обычай долженъ быть упраздненъ, какъ незаконный и сверхъ того порождающій еще массу вполне понятныхъ не-пріятностей, тормозящихъ дѣло миссіи.

Ив. Айвазовъ.

Изъ записокъ и дневниковъ.

Изъ переписки вѣрующаго интеллигента со студентомъ ¹⁾.

Дорогой Н.! До тѣхъ поръ, пока мы не столкнемся съ тобой относительно того, какъ каждый изъ насъ смотритъ на церковь, намъ придется вести много лишнихъ споровъ.

Я утверждалъ и утверждаю, что въ *настоящее* время у насъ нѣтъ такого *духовнаго общества*, которое могло бы благотворно вліять на осуществленіе въ жизни христіанскихъ началъ. Если мы знаемъ выдающихся пастырей и учителей церкви, то они *нисколько* не являлись плодами ея строя и порядковъ, бывшихъ въ извѣстный моментъ исторіи.

Въ сороковыхъ годахъ русскій правительственный режимъ, въ извѣстной мѣрѣ, задерживалъ развитіе, но и тогда жили и дѣйствовали замѣчательные люди. Неужели ихъ таланты и общественную дѣятельность нужно приписать прямому вліянію тогдашняго режима?

Какъ ихъ вдохновляли идеи, не имѣвшія въ тѣ годы практическаго приложенія, такъ служителей Христа могутъ поддерживать и воспитывать не *теперешніе* церковные порядки и отношенія, а высота и чистота самаго евангельскаго ученія и свѣтлый образъ *нѣкоторыхъ* христіанъ. Но при чемъ тутъ церковь?

Если ты скажешь, что только въ ней сохраняются орудія благодатнаго воздѣйствія, то лишь *отдѣльныя* личности - пастыри явятся посредниками между нами и Богомъ, — и опять-таки не будетъ *цѣлостнаго общественнаго* воздѣйствія въ этой (духовной) сферѣ на *каждаго* человѣка.

Напрасно ты думаешь, что наши церковники сознаютъ свою непросвѣщенность, и сравниваешь себя съ ними. Это большая

¹⁾ См. «Мисс. Обзор.» кн. 7, стр. 842.

натяжка и клевета на себя. Большинство изъ нихъ занято изыскиваніемъ средствъ матеріальнаго обезпеченія себя; это большинство равнодушно ко Христу, а ты стремишься воплотить въ своей жизни извѣстный идеаль.

Не знаю, зачѣмъ тебѣ нужно прибѣгать къ такимъ невѣрнымъ утвержденіямъ. Мнѣ не нравится именно это твое стремленіе обѣлить *существующую* церковь и пройти мимо ея недостатковъ.

Напрасно также ты опять пытаешься причислить меня къ толстовцамъ. Я опять повторяю, что нѣкоторыя *основныя* положенія Толстого не могутъ быть мною приняты, но я не могу игнорировать его указаній на современные беспорядки (хотя прекрасно понимаю, что *его* ученіе рѣшительно не способно водворить порядка). Отрицать важность и справедливость этихъ указаній можетъ только тотъ, кто не хочетъ видѣть правды, разъ она высказана не «своими», а «внѣшними».

Ты находишь, что толстовцы слишкомъ много говорятъ о внѣшнихъ неустройствахъ жизни и не обращаютъ должнаго вниманія на внутреннее существо человѣка. Пусть такъ,—но вѣдь эти общественныя неустройства говорятъ о неустройствѣ внутреннемъ, душевномъ. Они—результатъ *настроения*, показатель *духовной неупорядоченности* нашей! Отмѣчать ихъ больше чѣмъ не бесполезно; они—провѣрка нашей *нравственной* работы...

Что ты глубоко неправъ, говоря о моемъ нежеланіи обращаться къ *немногимъ* выдающимся представителямъ православія, явствуетъ изъ того, что я весьма охотно и съ большимъ интересомъ читаю ихъ сочиненія и нахожу, что по своему духу они выше толстовскихъ. Твое предположеніе о моемъ колебаніи и незнаніи, куда пойти,—къ Толстому, или въ церковь, совершенно ложно: теперь я никакихъ сомнѣній не нахожу въ своей душѣ, и мой путь для меня весьма ясенъ. Я такъ же, какъ и ты, глубоко увѣренъ, что прежде всего надо влить въ свое сердце любовь ко Христу и очистить его отъ гнѣздящихся въ немъ пороковъ. Я убѣжденъ, что только при личномъ усовершенствованіи и глубокомъ познаніи себя можно благотворно вліять на другихъ. Впрочемъ, я полагаю, для насъ эти вещи такъ ясны, что о нихъ не зачѣмъ распространяться слишкомъ много.

Нѣтъ, братъ, что ни говори, ты слишкомъ легко относишься къ разнымъ церковнымъ неустройствамъ и, придумавъ какую-то несуществующую церковь, съ точки зрѣнія ея опровергаешь разныя нападки на то, что у теперешнихъ церковниковъ дѣйствительно плохо. Неясно для меня, какъ можно умалять цѣну обличенія и даже не придавать ему никакого значенія, какъ дѣлаешь это ты. Если бы я всѣ силы употреблялъ на отысканіе недостатковъ другихъ, очень при этомъ раздражался, не замѣчалъ ничего хорошаго, не обращалъ вниманія на собственные пороки и грѣхи, тогда ты былъ бы правъ. Что же, по твоему, я долженъ закрыть глаза и не видѣть происходящаго кругомъ меня? Наконецъ, осуждая худое въ другихъ, я часто тѣмъ самымъ признаю его и въ своей жизни, такъ такъ у насъ бываютъ одинаковые недостатки. Заботиться *только* о возрастаніи во Христѣ (въ твоёмъ смыслѣ) можно гдѣ нибудь на необитаемомъ островѣ... У кого мало обличенія, того, значить, и не трогаетъ совершающееся подлѣ него зло, тотъ доволенъ, что *ему* предоставлена возможность благоуспешествовать, а объ остальныхъ у него не имѣется заботы, и онъ спокойно смотритъ на ихъ бѣды... Негодовать на зло не всегда значить умалять свою любовь къ людямъ, напротивъ, «благодущіе» сплошь и рядомъ свидѣтельствуетъ о довольствѣ самимъ собой и равнодушіи къ окружающимъ. Среда, въ которой мы живемъ, не безразлична въ отношеніи развитія духовной личности,—и не касаться ея нельзя. Ты говорилъ какъ то, что церковь должна быть въ сторонѣ отъ всѣхъ политическихъ вопросовъ, что она обязана воспитывать *души*...

Но неужели ей это такъ же легко было дѣлать при крѣпостномъ правѣ, какъ и безъ него? При государственномъ стѣсненіи, какъ и при развитіи общественной свободы? Экіе вы молодцы!

Когда народъ страдаетъ отъ ненормальныхъ условій, препятствующихъ ему даже учиться грамотѣ, вы—церковники молчите, или даже поддерживаете его печальное положеніе (вспомни отношеніе м. Филарета къ крѣпостному праву), прикрывая свое равнодушіе къ его нуждамъ нежеланіемъ касаться социальныхъ условій его жизни, а чуть только общественное мнѣніе побудитъ государство къ улучшенію народной участи, вы тотчасъ же перемѣняете фронтъ, становитесь

на сторону государства и начинаете благословлять то дѣло, къ которому прежде относились враждебно или безразлично.

Безъ грамотности нашъ народъ не получитъ и правильного религіознаго воспитанія. И когда тормозится умственное развитіе народа, что должно дѣлать духовенство? Молчать? Или его прямая обязанность настаивать на большей свободѣ для осуществленія этой серьезной задачи?

Любите вы чужими руками жаръ загребать. Сидите, сложа руки, и ждете, пока свѣтскіе люди проложатъ вамъ дорогу, освободятъ народъ отъ гнетущихъ его условій быта и жизни...

Если бы мы жили на небѣ или тамъ, гдѣ нѣтъ государства, намъ не зачѣмъ было бы тогда и обращать на него вниманія, но теперь оно даетъ намъ чувствовать себя, и мы не можемъ относиться къ нему безразлично. И какъ же ты, признавая, что церковь хорошо поступаетъ, давая благословеніе воинамъ, идущимъ на защиту отечества, отнимаешь у нея *обязанность* поощрять, побуждать государство къ предоставленію довольствующей духовной пищи народу?

Повторяю тебѣ еще разъ безспорно-вѣрное положеніе, на которое ты въ силу своихъ церковническихъ предразсудковъ не хочешь обращать вниманія: если церковь живетъ въ государствѣ, она волей-неволей должна считаться съ его строемъ, который можетъ или мѣшать, или содѣйствовать ея задачамъ.

Въ первомъ случаѣ ей необходимо добиваться благотѣльных перемѣнъ, употребляя при этомъ, разумѣется, свойственныя ей средства, а не насиліе. Молчать она будетъ лишь тогда, когда ее поставятъ въ *совершенную* невозможность говорить, или когда она обличеніемъ можетъ повредить своему дѣлу, или если она вполне равнодушна къ своей цѣли. Поэтому иногда ея молчаніе не только не похвально, но прямо преступно.

Я именно думаю, что наша церковь, за рѣдкими исключеніями, не указывала неправды окружающаго и не способствовала нравственному подъему нашего общества, а нерѣдко тормозила его развитіе, бывала къ нему безразлична и подчасъ шла впередъ за *свѣтскими преобразованіями*.

Да, братъ, современное православіе представляетъ смѣсь истины съ весьма значительной долей формализма, и мертвенности...

Можетъ быть, мои обличенія покажутся тебѣ рѣзкими, но я руководился чувствомъ своей глубочайшей правоты и негодованіемъ противъ искаженій того, что мнѣ болѣе всего дорого и близко.

Хотя ты и не признаешь за собой права обличать другихъ, но я нисколько не буду недоволенъ твоимъ противорѣчіемъ самому себѣ и охотно выслушаю твои возраженія. Мнѣ очень хочется договориться съ тобой до конца по этимъ вопросамъ и прійти, если возможно, къ соглашенію.

Миръ тебѣ! Твой В.

Дорогой В! Я думаю, что намъ легче было бы понять другъ друга и сговориться во многомъ при личномъ свиданіи, въ бесѣдѣ «устами къ устамъ». Впрочемъ, слѣдуя твоему призыву, я, не дожидаясь желанной встрѣчи, хочу еще разъ письменно отозваться на поставленные тобою вопросы, которые въ сущности были темою и прежнихъ писемъ.

Намѣреваясь отвѣчать на послѣднее письмо твое, я испытываю немалое затрудненіе главнымъ образомъ потому, что нахожу большую неясность въ твоихъ воззрѣніяхъ на основные предметы нашихъ бесѣдъ. Ни церковныя, ни мірскія понятія у тебя не установлены: что такое церковь, что такое духовная жизнь, въ чемъ цѣль жизни христіанина, что такое государство и т. д., — все это нисколько не выяснено тобою. Это бы еще ничего (да въ письмѣ и трудно исчерпать всѣ эти сложные вопросы), но бѣда въ томъ, что ты употребляешь и тотъ же терминъ, напр. «церковь», не въ одномъ и томъ же значеніи, нигдѣ не оговаривая этой разницы. Церковь является у тебя то духовнымъ обществомъ, то какою-то отвлеченностью, то она заключается какъ будто въ отдѣльныхъ лицахъ, немногихъ избранныхъ пастыряхъ, сообщающихъ благодать.

Ты тѣмъ и начинаешь свое письмо, что предлагаешь столкнуться относительно понятія «церкви», между тѣмъ самъ не пытаешься выяснить и установить должнымъ образомъ этого понятія, отчего и порождаются нѣкоторые твои недоумѣнія относительно церкви и упреки по ея адресу.

Предлагаю твоему вниманію слово о церкви столь уважаемаго тобою Влад. С. Соловьева. Вотъ что онъ говоритъ въ своихъ «Духовныхъ основахъ жизни».

«Должное отношеніе между Божествомъ и природой въ человѣкѣ, достигнутое лицомъ Иисуса Христа, какъ духовнаго средоточія или главы человечества, должно быть усвоено всѣмъ человечествомъ какъ тѣломъ Его.

Человѣчество, возсоединенное со своимъ божественнымъ началомъ во Христѣ, есть *церковь*—живое тѣло божественнаго Логоса, воплощеннаго, т. е. исторически обособленнаго въ богочеловѣческой личности Иисуса Христа.

Это тѣло Христово, являющееся сперва какъ малый зачатокъ въ видѣ немногочисленной общины первыхъ христіанъ, мало-помалу растетъ и развивается, чтобы въ концѣ временъ обнять собою все человечество и всю природу въ одномъ вселенскомъ богочеловѣческомъ организмѣ, потому что и остальная природа, по словамъ апостола, съ надеждой ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ, ибо тварь покорилась суетѣ не добровольно, но по волѣ покорившаго ее въ надеждѣ, что и сама тварь освобождена будетъ отъ рабства тлѣнію въ свободу славы сыновъ Божіихъ: ибо знаемъ, что вся тварь совокупно стонаетъ и мучится донинѣ...

Такимъ образомъ, исходя изъ понятія церкви, какъ тѣла Христова (не въ смыслѣ метафоры, а метафизической формулы), мы должны помнить, что это тѣло необходимо растетъ и развивается, слѣдовательно измѣняется и совершенствуется. Будучи тѣломъ Христовымъ, церковь доселѣ еще не есть Его прославленное, всецѣло обожествленное тѣло. Теперешнее земное существованіе церкви соотвѣтствуетъ тѣлу Иисуса во время Его земной жизни (до воскресенія),—тѣлу хотя и являвшему въ частныхъ случаяхъ чудесныя свойства (каковыя и церкви теперь присущи), но вообще тѣлу смертному, матеріальному, не свободному отъ всѣхъ немощей и страданій плоти,—ибо всѣ немощи и страданія человѣческой природы восприняты Христомъ; но какъ во Христѣ все немощное и плотское поглощено въ воскресеніи духовнаго тѣла, такъ должно быть и въ церкви, Его вселенскомъ тѣлѣ, когда она достигнетъ своей полноты. Тогда въ ней все духовное будетъ вполне воплощено и все матеріальное вполне одухотворено. Но и теперь она, какъ живое тѣло Христово, уже обладаетъ начатками будущей совершенной жизни.

Духовная жизнь человѣчества хотя есть высшая ступень сравнительно съ природною жизнью, но необходимо имѣть съ нею нѣкоторыя общія свойства, принадлежащія *всякой* жизни. Всякая дѣйствительная опредѣленная жизнь требуетъ и опредѣленной *формы*, ей соотвѣтствующей, такъ, напр., физическая жизнь человѣка не можетъ проявиться въ формѣ моллюска или дерева, а требуетъ формы человѣческаго тѣла. Жизнь мы находимъ въ живомъ *тѣлѣ*: оно же не есть простой агрегатъ отдѣльныхъ частей и элементовъ (клеточекъ, волоконъ, тканей), а представляетъ *извѣстный способъ сочетанія* всѣхъ этихъ элементовъ, въ силу которыхъ каждый изъ нихъ въ опредѣленной связи со всѣми другими получаетъ свое мѣсто и жизненное назначеніе. Такимъ образомъ во всякомъ живомъ тѣлѣ мы различаемъ: 1) совокупность отдѣльныхъ частей и элементовъ, изъ которыхъ можетъ быть составлено это тѣло; 2) органическую форму, образующую изъ нихъ дѣйствительное тѣло; 3) самую дѣятельную силу жизни, выражающуюся во всѣхъ отправленіяхъ и движеніяхъ частей, подчиненныхъ единству цѣлаго. Безъ этой дѣятельной силы мы имѣли бы только мертвое тѣло, но безъ образующей формы не имѣли бы совсѣмъ *никакого* тѣла.

Религіозная жизнь христіанскаго человѣчества, какъ и всякая жизнь, требуетъ опредѣленной формы и находитъ эту форму въ *церкви*. Согласно слову Божію, признавая церковь какъ живое тѣло Христово, мы различаемъ въ ней: 1) множественность отдѣльныхъ людей, изъ которыхъ она слагается; 2) единую образующую форму, соединяющую ихъ въ одно цѣлое, и 3) всеединое дѣйствіе Духа Божія, которымъ живетъ и движется это цѣлое во взаимодѣйствіи всѣхъ частныхъ даровъ и служеній. Ясно, что, если церковь не можетъ быть безъ людей и безъ Духа Божія, то точно также не можетъ она быть и безъ той образующей формы, посредствомъ которой Духъ Божій дѣйствуетъ въ людяхъ какъ членахъ одного цѣлаго, помимо ихъ личной ограниченности. Принимающіе эту всеобщую и неизмѣнную форму божественнаго дѣйствія, образуемые ею во Христа или входящіе въ живое тѣло Христово, не могутъ своими частными и преходящими недостатками нарушать вѣчнаго достоинства церкви какъ цѣлаго. Даже и въ физическомъ тѣлѣ отдѣльные члены его могутъ быть поражены и парализованы, а

все тѣло живетъ и дѣйствуетъ, и воздѣйствіемъ своей жизни можетъ исцѣлить и пораженные члены. Тѣло необходимо умираетъ только тогда, когда поражены основныя его части—голова и сердце. Но глава и сердце церкви,—Христосъ и Богородица ¹⁾), находятся въ вѣчномъ божественномъ мірѣ и поражены быть не могутъ.

Изъ порочныхъ слагаемыхъ не можетъ произойти святаго и непорочнаго цѣлаго; и еслибы церковь была только собраніемъ отдѣльныхъ людей, то она не могла бы быть святой и непорочной, такъ какъ безгрѣшныхъ людей на землѣ не существуетъ. Но видимая церковь получаетъ свою жизнь и силу помимо грѣшныхъ людей отъ Самого Христа, въ Которомъ обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно, чрезъ посредство Пресвятой и Всенепорочной Дѣвы и всей невидимой церкви Святыхъ; поэтому наши людскія несовершенства никакъ не могутъ упразднить святость церкви. А затѣмъ уже для насъ, людей, принадлежащихъ къ церкви, но не образующихъ ея, является нравственная задача стараться о соотвѣтствіи и сообразованіи нашей жизни съ жизнью божественной, начатокъ и образъ коей мы получаемъ чрезъ священныя формы видимой церкви. Это есть *цѣль* христіанской дѣятельности—исполненіе церкви въ людяхъ или наступленіе царства Божія на землѣ. Эту цѣль мы не должны принимать за дѣйствительность, ибо въ дѣйствительности царство Божіе на землѣ еще не исполнилось, и Богъ царствуетъ болѣе надъ людьми, нежели въ людяхъ»...

Въ той же главѣ, спустя двѣ-три страницы, находится слѣдующее мѣсто, на которое я особенно обращаю твое вниманіе. Почему,—самъ, надѣюсь, догадаешься.

«Мы святимся святостью церкви, но церковь не оскверняется нашими грѣхами, ибо ея святость не отъ насъ, а отъ Бога чрезъ Христа, и она сама не *въ* насъ, хотя и *изъ* насъ состоятъ (какъ наше тѣло состоитъ изъ тканей и волоконъ, но сущность его не въ нихъ, а въ ихъ органическомъ сочетаніи въ формѣ одного цѣлага). Церковь не есть только собраніе людей (вѣрующихъ), но прежде всего *то, что ихъ собираетъ*, т. е. данная людямъ свыше

¹⁾ Сравненіе Богоматери съ сердцемъ папистическая натяжка.

существенная форма единенія, посредствомъ которой они могутъ быть причастны Божеству.

Такимъ образомъ главный религіозный вопросъ въ томъ: признаемъ ли мы независимое отъ насъ и для насъ нравственно-обязательное, сверхчеловѣческое начало и форму божественнаго дѣйствія во вселенной или нѣтъ? Признаніе такой сверхчеловѣческой формы въ религіи, т. е. признаніе церкви и подчиненіе ей есть съ нашей стороны нравственный подвигъ самоотреченія, въ которомъ мы полагаемъ душу свою, чтобы пріобрѣсти ее. Это самоотреченіе, которое у людей простыхъ, у народа есть какъ бы природное свойство, а для людей интеллигенціи есть дѣло весьма трудное, но тѣмъ болѣе для нихъ обязательное, потому что они въ своемъ просвѣщеніи имѣютъ болѣе умственныхъ средствъ опознать правду,—это самоотреченіе подрываетъ самый внутренній и глубокий *корень* грѣха и безумія въ человѣкѣ, но вся наша злая и неразумная природа сразу перерождена быть не можетъ: для этого потребенъ долгій и сложный процессъ во всемъ человѣчествѣ. Поэтому называя себя христіанами и членами церкви Божіей, мы не имѣемъ притязанія на нравственное совершенство и праведность, мы не думаемъ, что Божество уже обитаетъ въ насъ, что мы уже обладаемъ Божествомъ. Такого обитанія и обладанія мы не приписываемъ, разумѣется, и особымъ служителямъ церкви—священникамъ и епископамъ. Признавая въ нихъ богоучрежденныхъ *проводниковъ* благодатнаго дѣйствія Христова и *желая*, чтобы ихъ нравственное качество соотвѣтствовало ихъ таинственному служенію, мы не связываемъ однако самага благодатнаго дѣйствія съ ихъ личною святостью, ибо знаемъ, что сила Божія и въ немощи совершается. Нельзя смѣшивать проводниковъ съ проводимымъ, русла съ потокомъ. И въ нашемъ физическомъ тѣлѣ для того, чтобы оно двигалось и дѣйствовало согласно нашей нравственной волѣ, необходима цѣлая система двигательныхъ нервовъ, какъ *проводниковъ* нашей воли въ матеріальный составъ тѣла. Однако никто не думаетъ, чтобы наша воля *обитала* въ самихъ этихъ нервахъ, чтобы ихъ узлы и волокна сами по себѣ имѣли нравственную природу; напротивъ, сами по себѣ эти нервы суть такія же матеріальныя образованія, какъ и прочее тѣло. Но какъ наше нрав-

ственное дѣйствіе остается нравственнымъ и при матеріальныхъ проводникахъ, такъ точно дѣйствіе Божіе остается божественнымъ и святымъ и при грѣшныхъ человѣческихъ проводникахъ, ибо оно самостоятельно,—и только *чрезъ* нихъ, а не *отъ* нихъ идетъ»...

Видишь, друже, какъ судить о сихъ вещахъ чтимый тобою Владиміръ Сергѣевичъ. По его отчетливому воззрѣнію, столь отличному отъ твоихъ неясныхъ сужденій, для участія въ истинной жизни церкви необходимы три условія: 1) признавать дѣйствительное и самостоятельное существованіе Божественнаго начала въ церкви и знать, въ чемъ оно (въ какихъ формахъ) состоитъ; 2) признавать человѣческую стихію въ церкви, ясно различать ее отъ Божественной во всей церковной видимости и знать, въ чемъ заключается ихъ несоотвѣтствіе; 3) всячески стараться объ устраненіи (въ себѣ и другихъ) этого несоотвѣтствія, такъ чтобы все человѣческое въ церкви по возможности становилось сообразно Божественному,—чтобы имя Божіе все болѣе святилось въ людяхъ, чтобы царствіе Божіе все шире и шире распространялось въ мірѣ и чтобы воля Божія совершалась такъ же на землѣ, какъ и на небѣ.

Я думаю, что все выше сказанное, если ты внимательно его выслушалъ, должно устранить всѣ твои путанныя (прости меня) нападки на церковь и вывести тебя изъ лабиринта неясностей на свѣтлый путь разума церковной жизни.

Я по необходимости взялъ лишь *кое-что* изъ прекрасной книги Владиміра С—ча, но и это немного много въ себѣ содержитъ такого, что проливаетъ яркій свѣтъ на главный предметъ нашихъ бесѣдъ съ тобой. Я совѣтую тебѣ прочитать эту книгу съ начала до конца. Увѣренъ, что не пожалѣешь, если исполнишь мой дружескій совѣтъ.

Скажу теперь нѣсколько словъ по поводу твоего замѣчанія объ отсутствіи солидарности между тѣми, которые именуютъ себя православными, что подаетъ тебѣ поводъ къ опрометчивому заключенію, что церкви теперь совсѣмъ нѣтъ на землѣ. Надѣюсь, что разсужденія Влад. С. Соловьева достаточны, чтобы показать тебѣ неосновательность вывода, который ты могъ сдѣлать только вслѣдствіе недостаточнаго пониманія сущности жизни церкви. Поэтому я не

буду повторять сказаннаго Соловьевымъ, а предложу твоему вниманію нѣкоторыя соображенія (совсѣмъ не «богословскія») и иллюстраціи изъ обыденной жизни, показывающія, какъ члены церкви помогаютъ другъ другу, и—что это оказывается возможнымъ только благодаря ихъ сопринадлежности къ цѣлому, т. е. церкви.

Безъ сомнѣнія, я не могу быть лично знакомъ съ десятками миллионовъ людей. Но *посредственно* они связаны между собой, и я съ ними связанъ. Проявленій этой связи множество у каждого.

Я былъ крещенъ, я получилъ множество указаній отъ родныхъ, няньки, разныхъ мужиковъ, даже «дурачка» при церкви. Всѣ эти люди также научались другъ у друга. Мой лавочникъ ходилъ въ Кіевъ и рассказалъ о тамошнихъ старцахъ—подвижникахъ, а они сами учились—умственно и духовно—у другихъ членовъ церкви. Мнѣ друзья передали много полезнаго отъ Амвросія Оптинскаго, а онъ самъ учился у своихъ старцевъ. А они первоначально научились въ Румыніи, въ обители, которая возможна была только при существованіи церкви. Я жилъ рядомъ со школой и научился кое-чему изъ примѣра маленькихъ ученицъ, которыя ходили въ церковь, когда я не ходилъ. Леонтьевъ пришелъ къ христіанству на Аѳонѣ, а я много взялъ у него. Самъ, получая это, я тоже кое на кого вліялъ и кое кому помогалъ. Не подлежитъ сомнѣнію для меня, что у *меня* было въ жизни общеніе не только съ русской церковью, но и съ греческою, и если бы я не находился въ этомъ общеніи, то я бы не могъ быть христіаниномъ. Дѣло не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а во всей ихъ совокупности. Онѣ отдѣльно не могли бы и возникнуть. Онѣ всѣ были возможны только потому, что есть всемірное *общество*, члены котораго находятся во взаимодействіи. Духовенство не составляетъ этого общества, но принадлежитъ къ нему. Также и іерархія высшая. Ихъ значеніе весьма велико для нашего взаимообщенія. Во-первыхъ, — черезъ нихъ мы имѣемъ благодатные дары. Во-вторыхъ, —это духовенство и іерархія даютъ для всѣхъ насъ рамки ученія и практики, вслѣдствіе которыхъ мы—члены церкви—не иностранцы другъ другу, а сразу понимаемъ другъ друга, — и повсюду находимся въ своей средѣ. Мы бы не въ состояніи были имѣть взаимообщеніе столь

легкое безъ этихъ одинаковыхъ рамокъ, хранимыхъ больше всего духовенствомъ.

Учиться у отдѣльныхъ личностей (какъ хочешь поступить ты), преднамѣренно не желая обращаться къ тому *цѣлому*, которое ихъ только и создало—есть весьма неразумительное поведеніе. Зачѣмъ же самому себя урѣзывать? Зачѣмъ осуждать себя на несамостоятельность? Источникъ сильнѣе и важнѣе этихъ отдѣльныхъ лицъ. Гораздо же благоразумнѣе изъ него черпать, а не у «добрыхъ людей» пробавляться.

Еще слово—другое о крѣпостномъ и всякомъ другомъ строѣ.

Ни одинъ социальный строй не мѣшаетъ душеспасенію и не даетъ его. Церковь (не духовенство, а вся церковь) правильно думала и думаетъ, что душу спасти и погубить можно вездѣ. Быть со Христомъ, имѣть въ себѣ жизнь вѣчную можно во всѣхъ сословіяхъ: въ рабахъ и мытаряхъ, и духовныхъ чинахъ... Ни заработная плата, ни грамотность тутъ не при чемъ. Вспомни хотя бы первые вѣка христіанства... «Не бѣдныхъ ли міра избралъ Богъ быть богатыми вѣрою и наслѣдниками царствія, которое Онъ обѣщаль любящимъ Его?» (Іак. II. 5) «Посмотрите братія», читаемъ мы у ап. Павла (1 Кор. I. 26—28), «кто вы призванные: не много изъ васъ мудрыхъ по плоти, не много сильныхъ, не много благородныхъ міра, чтобы посрамить мудрыхъ и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное; и незнатное міра и уничиженное и ничего не значащее избралъ Богъ, чтобы упразднить значащее»...

Сверхъ того и съ социальной точки зрѣнія нѣтъ ни одного строя абсолютно хорошаго или дурного. Онъ является тѣмъ или другимъ только по отношенію къ задачамъ и качествамъ тѣхъ людей, которые создаютъ данный строй. Съ *культурно-исторической* (подчеркиваю это) точки зрѣнія крѣпостной строй былъ необходимъ: это его оправданіе на то время. Были прекрасные люди, его поддерживавшіе,—и были правы. У этого строя были даже свои идеалы, которые не хуже нынѣшнихъ (патріархальность, правда не «законная», а по «отеческому разсмотрѣнію», всеобщее обезпеченіе въ противоположность современному индивидуализму, при которомъ каждый «про себя» живетъ,—и проч.). Когда же этотъ

строй отжилъ свое время, участіе церкви въ его упраздненіи было всецѣло. Хомяковы, Аксаковы, Самарины, Черкасскіе, Семеновы — это все люди нашей церкви, да и вся Россія въ большинствѣ принадлежала къ церкви. Большинство духовенства, несшее не меньше крестьянъ тяготу помѣщичьей власти, радовалось освобожденію не меньше крестьянъ.

Ты въ претензіи, что духовенство и іерархія не требовали освобожденія крестьянъ. Это не его, т. е. не духовенства, дѣло. Это дѣло той части церкви, которая создаетъ гражданское общество. Мы — не жреческая теократія. Духовенство вполнѣ выполняетъ свое назначеніе, если поддерживаетъ въ народѣ тотъ нравственный фондъ, изъ котораго народъ дѣлаетъ разныя политическія и соціальныя приложенія. Что касается до этой послѣдней задачи, то люди гражданского общества въ этомъ компетентнѣе духовенства.

Надѣюсь, ты не усмотришь во мнѣ симпатіи къ крѣпостничеству, если я скажу тебѣ, что крѣпостной строй не подавлялъ только, а и развивалъ. Онъ развилъ меньшинство, но *очень* высоко. Герценъ говоритъ, что среди всѣхъ европейскихъ знаменитостей не видѣлъ такихъ развитыхъ людей, какъ его московская интеллигенція. Правда, большинство страдало. Но задача исторіи была въ томъ, чтобы выработать хоть небольшую горсть людей, стоящихъ на всей высотѣ. Эта высота была такова, что мы теперь безъ сравненія ниже. Теперь развитіе пошло вширь и вглубь народа, но *верхъ* сталъ сравнительно ничтоженъ.

Кажется, я отвѣтилъ тебѣ на всѣ или, по крайней мѣрѣ, на всѣ *главные* пункты твоего письма. Въ заключеніе нѣсколько словъ ad populum, т. е. спеціально къ тебѣ.

Я не отрицаю критики. Я очень высоко цѣню, напр., IV томъ сочиненій И. С. Аксакова, почти весь посвященный критическому обозрѣнію существенныхъ сторонъ русской жизни, и, между прочимъ, тѣхъ, о которыхъ идетъ рѣчь у насъ съ тобой. Но вѣдь есть критика и критика. Важно, чтобы она не была тѣмъ осужденіемъ, отъ котораго такъ настойчиво предостерегаетъ насъ Евангеліе, и объ избавленіи отъ котораго мы молимся чудной молитвой св. Ефрема Сирина: «Господи, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія, и не осуждати брата моего»...

Я боюсь, что у тебя есть именно этотъ элементъ осужденія, и думаю, что тебѣ слѣдуетъ больше смотрѣть внутрь себя, чѣмъ во внѣ. Съ этого внутрь—пребыванія нужно начинать христіанскую жизнь. Иначе критика приведетъ къ безплодному для другихъ и томительному для себя критиканству, задерживающему и мертвящему духовную жизнь.

Право на критику, какъ и саму критику—*истинную* и *плодотворную*—даетъ любовь. Настоящая христіанская любовь, отъ Бога изливающаяся въ наше сердце, а не изъ идейной настроенности вытекающая. Эта любовь не породитъ того благодушія и равнодушія, о которыхъ ты говоришь, а, напротивъ, возбудитъ ревность о всякой правдѣ, но ревность—духовную и разумную, а не «плотскую» и мало разсудительную.

Я предостерегаю тебя потому, что самъ испыталъ горькія послѣдствія неразумной ревности, выступающей подъ личиною благороднаго стремленія искоренять окружающее зло. Не скажу, что бы я и теперь былъ свободенъ отъ этой страсти, но я не хочу потворствовать ей.

Однако пора и кончить, тѣмъ болѣе, что скоро, вѣроятно, увидимся и... договоримъ недосказанное. Свидѣться очень хочу.

Прости, если чѣмъ нибудь невольно обидѣлъ тебя.

Господь съ тобой! Твой Н.

Сообщилъ *Теодуль*.

Миссіонерскіе очерки.

XX.

На развѣдкахъ.

Въ глухомъ углу Тамбовской губерніи зарождалось сектантство. Миѣ поручили разузнать объ обстоятельствахъ этого дѣла.

Съ желѣзнодорожной станціи поѣхалъ я на обывательскихъ лошадяхъ. Кучеръ попался молодой и придурковатый парень. Пока было свѣтло, — мы не спѣшили и благодушествовали. Вечеръ стоялъ теплый, весенній. Кругомъ тянулась зелень хлѣбная. Радостно было смотрѣть на нее. Плотнымъ ковромъ покрывала она пашню; только мѣстами «выморозки» давали знать, что зима прошла не совершенно безвредно для посѣвовъ. — Но хотѣлось вѣрить въ милость Божию, — и настроеніе духа, ровное и прекрасное, не покидало меня...

Миновали ближайшее село. Солнце опускалось за горы. Потянуль свѣжій вѣтерокъ. Мы одѣлись потеплѣе. За разговорами время шло незамѣтно. Намъ стали попадаться хутора. Они утопали въ распускавшейся листвѣ деревьевъ...

Дорога была набита всюду замѣчательно. Даже по межамъ она блестѣла, какъ «большой трактъ». Это обстоятельство путало моего возницу. Не разъ онъ правилъ лошадь туда, куда было не нужно. — Но, пока горѣлъ послѣдній отблескъ вечерней зари, мы не боялись заплутаться....

Совсѣмъ иначе пошло дѣло, когда сумракъ покрылъ землю. Въ воздухѣ распространился дымчатый туманъ. Луна не показывалась. Мой кучеръ сталъ волноваться и путаться при развѣздахъ. Какъ-то добрались мы до одного хутора. — За хуторомъ, прямо передъ нами, стояли горы. По бокамъ — тьма непроглядная, что-то неопредѣленное и унылое... Куда забирать? Повернули къ ближайшей избенкѣ. Стучимъ въ окна.

— Хозяинъ, а хозяинъ! Выйди къ намъ.

Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ ожиданія. Изъ двери показался бѣлый, какъ лунь, дѣдъ.

— Что надѣть?—старчески спросилъ онъ.

— Гдѣ дорога въ Т—но?

— Вотъ: бери назадъ, къ спуску. Будетъ мостикъ. Прямо черезъ него поднимайся въ гору. А тамъ вали и вали—одна дорога. Сама приведетъ къ низамъ, на столбнякъ...

Кучеръ мой соображалъ плохо. Попросили мы дѣда проводить насъ до мостика. Онъ пошелъ впереди, въ длинной бѣлой рубахѣ, съ бѣлыми большими волосами, какъ сказочный домовикъ. Шелъ и о чемъ-то вслухъ разговаривалъ...

Спустились къ мостику. Стали подниматься въ гору. Старикъ все стоялъ и дребезжаще кричалъ:

— Забирай вправо-о! А тамъ и пошелъ, такъ и пошелъ напрямикъ. Нигуда не верти-ись!..

Голосъ дѣда какъ то сказочно раздавался въ вечернемъ воздухѣ. Чудилось что-то въ тургеневскомъ стилѣ: вечеръ, тишина кругомъ, слабое мерцанье звѣздъ и этотъ голосъ сѣдаго дѣда, напоминавшій далекое: «антропка-а-а!»

Картина была хороша. Настроеніе духа могло бы быть превосходнымъ; но кучеръ мой не зналъ мѣстности, а потому трусилъ. Волновался и я...

Проѣхавъ верстъ пять, мы сбились на развѣздѣ. Ночная тьма замѣтно сгустилась. Часы показывали одиннадцать,—близко къ полночи. Жутко... Мы уткнулись въ какія-то трущобы. Долго бродили возлѣ ихъ и нечаянно подъѣхали къ какой-то деревенькѣ.

Люди всѣ спали. Деревня словно вымерла. Съ безнадежной грустью тащились мы по порядку... Къ радости своей, въ одномъ домѣ замѣтили слабый огонекъ. Робко подъѣхали къ окнамъ.— Видно было, что въ избѣ люди не спали. Бабы выдѣлывали пряжу. Мы постучались въ крайнее окно.

Быстро вышла одна женщина. Мы ей заявили, что заплутались и просимся переночевать.

Женщина не стала отговариваться и любезно согласилась приютить насъ въ своемъ домѣ.

Заскрипѣли ворота, залаяли дремавшія собаки и я скоро очутился у огонька. Разговорились. Хозяйка оказалась женщиной умной и наблюдательной. Она точно выспросила меня: кто я и по какому дѣлу ѣду въ Т—но?

Потомъ сама оживленно заговорила про штундистовъ. Сектанты эти не разъ «подбирались» къ нимъ. Сбивали сына ея въ секту.

— Разводятъ такія басни, что уму непостижимо. Говорятъ, что они *непретѣнно* въ рай опредѣлены, а мы въ адъ...

Хозяйка и спросила сектантовъ:

— Какимъ же это родомъ узнали вы о своей судьбѣ по смерти?

— Духъ намъ то открываетъ...

— А, Духъ!.. промолвила благочестивая женщина. Намъ Тотъ Духъ другое говорить. Онъ намъ показываетъ, что кто не православный, въ адъ пойдетъ...

Сектанты гордо заявили:

— Ошибаются православные, зло ошибаются.

А женщина въ свою очередь сказала:

— По моему понятію, вы ошибаетесь...

Сектанты стояли на своемъ. Женщина же возбужденнѣ заговорила:

— Вѣрно, вы—люди добрые—ошибаетесь. Вы пріѣхали къ намъ съ новой своей вѣрой. Откуда вы ее достали? Про нее не было слышно, а Христось давно умеръ... И выходитъ дивное диво: солнце свѣтило, а зрячіе люди-христиане—лучей его не видѣли. Такъ по вашему?..

Штундисты замаялись. Они не могли точно разсказать женщинѣ, откуда взялась ихъ вѣра.—Если отъ Христа, какъ про нее ничего не было слышно? А если ее недавно выдумали люди,—то эта вѣра—не Христова, и принимать ея не слѣдуетъ православнымъ...

И еще сильнѣе укрѣпилась наша собесѣдница послѣ разговора послѣдняго съ сектантами, что они—темные, заблуждающіеся люди и отъ нихъ во что бы то ни стало нужно спасти сына.—Вотъ женщина мать и спрашиваетъ его:

— Что, Ванюшка, царь нашъ—штундистъ, аль нѣтъ?

— Царь нашъ православный.

— А слуги его—разные графы да бояре—тоже штунды придерживаются?

— Нѣтъ, отвѣчалъ сынъ.

— Вотъ то-то и есть, родной!—говоритъ мать. Кабы вѣра штундовая была правая,—царь нашъ прежде всѣхъ взялся бы за нее. Вѣдь онъ во Христа вѣруетъ. А то, мы слышимъ, онъ сокращаетъ штундистовъ. И похоже дѣло на то, что въ штунду вѣруютъ только мужики по нашимъ медвѣжьимъ берлогамъ...

Не будь же, Ванюшка, и ты медвѣдемъ. Не обижай свою мать!..

Сынъ молчалъ. Мать продолжала:

— Теперь и власти взялись за сектантовъ. Посылаютъ проповѣдниковъ уговаривать ихъ...

Ванюшка перебилъ мать:

— Ишь, на что указываешь: проповѣдники ѣздятъ къ намъ. А много съ насъ взяли эти миссіонеры?

— Чего, говорю, дурные, съ васъ возьмешь. Вы—люди задубѣлые, озорники. Старшихъ не слушаетесь, долбите свое. Но я къ тому веду рѣчь, что царь миссіонерамъ-то не позволилъ бы ѣздить, если бы вѣра штундовая была правая...

— Что-жь? — закончила разговоръ свой хозяйка. Ванюшка, слава Богу, остепенился; пересталъ шлѣться къ штундистамъ. Теперь живетъ чисто по православному....

Мы расположились на ночлегъ въ домѣ умной и словоохотливой хозяйки. Я долго думалъ о томъ, какое важное содѣйствіе миссіи православной могли бы оказать матери семействъ. Вѣдь мать въ домѣ—это любимая опора для дѣтей. Предъ материнской лаской таетъ самое зачерствѣлое сердце дитяти... Такъ какую пользу Православной церкви принесли бы матери, если бы онѣ ополчились нравственно противъ сектантовъ... Но для того будущихъ матерей—дѣвочекъ нужно наставить въ истинахъ вѣры «богато»,—нисколько не меньше мальчиковъ...

И я далъ себѣ слово во всѣхъ приходахъ говорить батюшкамъ о томъ, чтобы они всѣми разумными способами завлекали дѣвочекъ въ школы и тамъ бы ихъ особенно прочно утверждали въ сознательной преданности Церкви православной.

Д. Боголюбовъ.

«Армія наша имѣетъ десяткомъ солдатъ больше».

«Безъ Мене не можете творити ничесоже». Вотъ основаніе, почему я не хотѣлъ предавать огласкѣ излагаемый ниже фактъ. Но желаніе повѣдать славу Божію и сказать *одну изъ многихъ правдъ* о нашей миссіи, «донинѣ попираемой», хотя, при помощи Божіей, и совершающей великое и святое дѣло, заставило взять въ руки перо и хартію и сказать слово о томъ, что мы «можемъ творить съ Нимъ». Въ иномъ случаѣ и камни вопіють. Удобно-ли послѣ этого молчаніе благодатной и радостной слезы христіанскаго восторга?..

Въ январѣ сего года по дѣламъ миссіи мнѣ пришлось быть въ городѣ N. На первыхъ порахъ, правду сказать, чувствовалось какъ то «не по себѣ». Столько было здѣсь жатвы и такъ мало было дѣлателей. Въ головѣ проносились одна за другой самыя мрачныя мысли, на языкѣ вертѣлись слышанныя много разъ слова: «наша многострадальная миссія»... Что, думалось, подѣлаешь съ такимъ громаднымъ райономъ, тебѣ врученнымъ и охваченнымъ сектантскимъ пожарищемъ? Вѣдь всюду надо побывать, всюду не только побесѣдовать, но и оставить слѣдъ, который не былъ бы затоптанъ, а папоминалъ иномыслящимъ о твоей церкви, о твоёмъ словѣ, объ истинѣ, которую ты проповѣдуешь отъ лица церкви.

И всетаки вскорѣ Господь наградилъ меня своимъ утѣшеніемъ, далъ мнѣ Свою радость и новое доказательство того, что ни одна слеза, ни одно страданіе не проходятъ вотще, награждаются милостью Господней, любовью Бога, все видящаго и всему воздающаго сторицей.

Вотъ эта небесная мзда.

Мѣстный о. благочинный, во время бесѣды объ устройствѣ въ городѣ миссіи, показалъ мнѣ отношеніе къ нему командира стоящаго здѣсь батальона. Въ этомъ отношеніи я прочиталъ, что въ батальонѣ

находится солдатъ, который не признаетъ военнаго званія, не хочетъ принимать присяги, и, какъ видно, до фанатизма пропитанъ идеями штунды и толстовщины. Я невольно выпустилъ бумагу изъ рукъ... Какъ, даже въ нашемъ христіюбивомъ воинствѣ, извѣстномъ своей привязанностью къ вѣрѣ, церкви, Царю, Отечеству, завелись измѣнники, люди, «не помнящіе родства»? Какъ, даже здѣсь стала водворяться «мерзость запустѣнія»? И это—даже въ то время, какъ язычникъ уже такъ скверно глумится надъ нашей народной святыней, когда уже началась война и наше «святое святыхъ» подвергается поруганію?!

Съ удвоенной энергіей я рѣшилъ провести бесѣду съ солдатикомъ и во что бы то ни стало побѣдить его упорный отказъ принимать присягу и служить дѣлу защиты церкви и родины.

Являюсь въ батальонъ на бесѣду. Пріѣхалъ со мной и о. благочинный. Громадная комната быстро наполняется извѣщенными ранѣе о предстоящей бесѣдѣ солдатами. Пришелъ съ библіей и солдатъ-сектантъ. Всматриваюсь въ толпу, вижу возбужденныя лица; во взглядахъ цѣлаго десятка находящихся впереди солдатъ читаю ярко бросающійся въ глаза вопросъ: «посмотримъ, чѣмъ дѣло окончится, удастся-ли миссіонеру сбить съ позиціи человѣка, нашедшаго правду?» Остальные ждутъ пораженія «зазнавагося солдатюхи». Стали предъ иконой, пропѣли «Царю небесный», «Спаси, Господи, люди Твоя». Я началъ бесѣду. Сказавъ вступительное слово, я спросилъ солдата, какія книги, находящіяся въ Библии, онъ признаетъ: только новозавѣтныя, или и ветхозавѣтныя?

— Точно такъ, слышу отвѣтъ, и Ветхій и Новый завѣты.

— Скажи же мнѣ, если такъ, гдѣ ты нашелъ въ Ветхомъ завѣтѣ запрещеніе воевать?

— Въ Исходѣ, гл. 20, ст. 13, сказано: «не убивай».

Толпа вздрогнула. Всѣ солдаты повернули въ мою сторону свои взоры. Наступила гробовая тишина. Не преувеличивая дѣйствительности, говорю, что слышно было учащенное дыханіе ближайшихъ солдатъ. Я понялъ, что начинается «сраженіе». «Господи, помоги!» пронеслось въ моемъ сердцѣ и я рѣшилъ повести свою миссіонерскую атаку со всей силой.

— Слышите, братцы,—сказалъ я,—М. говорить, что воевать запретилъ Самъ Богъ, сказавъ чрезъ Моисея: «не убивай». Но такъ-ли? М., прочитай намъ начало 31 гл. книги Числь. Я нарочито далъ ему самому прочитать это мѣсто для болѣе сильнаго впечатлѣнія на толпу. Сектантъ-солдатъ зачиталъ: «И сказалъ Господь Моисею, говоря: отмсти Мадіанитянамъ за сыновъ Израилевыхъ, и послѣ отойдешь къ народу твоему. И сказалъ Моисей народу, говоря: вооружите изъ себя людей на войну, чтобы они пошли противъ Мадіанитянъ совершать мщеніе Господне надъ Мадіанитянами; по тысячѣ изъ колѣна, отъ всѣхъ колѣнъ сыновъ Израилевыхъ пошлите на войну». (ст. 1—4). Солдатъ продолжалъ читать, пока я не остановилъ его на ст. 7-мъ: «и пошли войною на Мадіама, какъ повелѣлъ Господь Моисею, и убили всѣхъ мужескаго пола».

Къ концу чтенія голосъ солдата совершенно упалъ.

— Ну, что же ты теперь скажешь?

Солдаты помолчали нѣкоторое время, но потомъ, ободрившись, замѣтили:

— Давайте говорить по Новому завѣту.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я, надо покончить сначала съ завѣтомъ Ветхимъ.

Солдатъ опять помолчалъ и опять заговорилъ:

— Сказанное въ книгѣ Числь Господь отмѣнилъ во Второзаконіи, гдѣ опять предписано: «не убивай» (5, 17).

Я снова отвѣтилъ: прочитай, братецъ, 8, 11 и 12 главы кн. Иисуса Навина. М. прочиталъ предложенное мной, послѣ чего я спросилъ его:

— Что же ты думаешь относительно тобой прочитаннаго? Нѣтъ ли во всемъ этомъ противорѣчія? Не говоритъ ли Библия одинъ разъ одно, а въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ другое?

— Точно такъ.

— Нѣтъ не такъ. Господь есть Сама Истина, сказалъ я, Онъ не можетъ противорѣчить Себѣ. Это только людямъ бываетъ свойственно утромъ говорить одно, а вечеромъ—другое.

— Точно такъ.

— Ну, а если «точно такъ», то какъ же понимать заповѣдь Божию не убивать и повелѣніе Того же Господа воевать?

Солдатъ умолкъ. Въ пространной рѣчи мнѣ пришлось выяснитъ смыслъ Синайской заповѣди, послѣ чего я перешелъ къ Новому завету, выяснилъ смыслъ словъ нагорной бесѣды объ отношеніи христіанина къ врагамъ (Матѣ. 3,—38, 39, 43, 44) и затѣмъ спросилъ солдата:

— Не имѣешь-ли еще чего сказать мнѣ?

— Да вотъ, по моему, солдаты на чужое живутъ: знай себѣ, стрѣляютъ въ свое удовольствіе, да денежки за это получаютъ, пьютъ да ѣдятъ чужое...

— Прочитай-ка, голубчикъ, замѣтилъ я совопроснику, Лук. 3, 14.

Солдатъ прочиталъ: «Спрашивали его ¹⁾ также и воины: а намъ что дѣлать? И сказалъ имъ: никакого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своимъ жалованьемъ».

— А все-таки, продолжалъ солдатикъ, воины—разбойники и нечестивцы: кровь проливаютъ.

— Неправда, сказалъ я; читай 10 гл., 1—2, 7—8 ст. кн. Дѣяній Апостольскихъ.

Солдатъ прочиталъ: «Въ Кесаріи былъ нѣкоторый мужъ, именемъ Корнилій, сотникъ изъ полка, называемаго Италійскимъ, благочестивый и боящійся Бога со всѣмъ домою своимъ, творившій много милостины народу и всегда молившійся Богу... Когда Ангелъ, говорившій съ Корниліемъ, отошелъ, то онъ, призвавъ двоихъ изъ своихъ слугъ и благочестиваго воина изъ находившихся при немъ, и, рассказавъ имъ все, послалъ ихъ въ Іоппію».

Совопросникъ послѣ этого пересталъ себя выдерживать. Онъ заговорилъ:

— Мы мечи носимъ. Гдѣ объ нихъ указано?

Я сейчасъ же отвѣтилъ:

— Ты знаешь, вѣдь, что «Кесарево нужно воздать Кесарю», и что «всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ, ибо нѣтъ власти не отъ Бога» (Римл. 13, 1), и еще: «начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся; ибо онъ не напрасно носить мечъ: онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое» (ст. 4).

¹⁾ Іоанна Крестителя.

— Кашу для солдатъ я согласенъ варить, а воевать я не намѣренъ, замѣтилъ солдатъ: они—разбойники... Что-жъ, и мнѣ быть разбойникомъ?

— Будешь варить для разбойниковъ кашу, значить, будешь поддерживать ихъ силы для того, чтобы они разбойничали, и, значить, ты явишься соучастникомъ ихъ преступленій.

Толпа, оживлявшаяся съ каждымъ новымъ моментомъ бесѣды, теперь совсѣмъ ободрилась. Видно было, что довѣріе къ пропагандисту сильно подорвалось. Сопросникъ не могъ этого не замѣтить и потому, употребивъ послѣднія свои силы, громко сказалъ:

— Россія съ Японіей стали воевать: развѣ нельзя было здѣсь кончить миромъ? развѣ нельзя было ихъ развести въ разныя стороны и тѣмъ окончить дѣло?

— Подумай, милый, о чемъ ты говоришь, сказалъ я: развѣ Россія съ Японіей двѣ деревенскія бабы, которыхъ можно развести въ разныя стороны, если онѣ начнутъ драться? Бабъ и тѣхъ трудно бываетъ оттащить одну отъ другой во время драки, какъ же возможно было сдѣлать это съ Россіей и Японіей? Или по твоему нужно было сказать послѣдней: «ты напала на насъ. Такъ нападай и въ другой разъ, мы подставляемъ тебѣ другую щеку?»

— Никакъ нѣтъ, отвѣтилъ солдатъ и умолкъ окончательно.

Я вышелъ изъ-за стола, за которымъ сидѣлъ, вошелъ въ толпу солдатъ и сказалъ имъ слово о христіанскомъ всепрощеніи враговъ, о христіанскомъ самоотверженіи въ дѣлѣ защиты родины и далъ оцѣнку факту нападенія Японіи на нашъ флотъ, какъ явленію, созданнаго злобой діавола, нашедшаго на землѣ новыхъ для себя приспѣшниковъ. Пропѣли молитву. Солдатъ-сектантъ незамѣтно скрылся, а я еще поговорилъ съ толпой наиболѣе заинтересованныхъ солдатъ о причинахъ появленія у насъ разныхъ ересей и расколовъ и о томъ, какъ и подъ какимъ руководствомъ нужно читать слово Божіе. При этомъ солдаты мнѣ сообщили, что сектантъ собираетъ вокругъ себя до десяти слушателей, читая имъ и объясняя Библію, при чемъ слушатели весьма внимательно относятся къ его проповѣди.

Послѣ бесѣды о. благочинный заявилъ мнѣ, что дальнѣйшія бесѣды съ сектантомъ онъ проведетъ самъ. Я далъ ему необходимыя руководства и цитаты и уѣхалъ, положившись на усердіе батюшки,

который, какъ я увидѣлъ, весь былъ проникнутъ желаніемъ поддержать и завершить миссіонерское дѣло.

Что вышло изъ бесѣдъ съ сектантомъ, какихъ результатовъ они достигли, представляю объ этомъ говорить адресованнымъ ко мнѣ письменнымъ сообщеніямъ о. благочиннаго.

Отъ 20-го марта онъ писалъ мнѣ: «могу съ радостью сообщить вамъ, что бесѣды, можно сказать, достигли цѣли: пдундистъ непрестанно отказывается отъ своихъ вѣрованій. Когда вскорости послѣ вашего отъѣзда я назначилъ вторую бесѣду «о присягѣ и клятвѣ», то предварительно спросилъ его предъ лицомъ множества солдатъ (числомъ до 300) сказать мнѣ: убѣжденъ-ли онъ доказательствами г. миссіонера относительно войны и важности воинскаго званія. Онъ во всеуслышаніе отвѣтилъ буквально слѣдующее: «да, я теперь вижу, что война, къ несчастію, должна быть, а на воинское сословіе нельзя смотрѣть такъ, какъ я раньше смотрѣлъ, какъ на грѣхъ противъ шестой заповѣди». Я тутъ же перекрестился, вспомнилъ притчу о пропавшей овцѣ и съ облегченной грудью и съ удвоенной энергіей повелѣлъ бесѣду, послѣ которой онъ мнѣ сказалъ: «у меня умъ раскололся; я теперь вижу, чего ранѣе не видѣлъ, особенно Откр. 10, 5—6. Дайте мнѣ всѣ эти цитаты; я дома внимательно разсмотрю». Предъ слѣдующей бесѣдой я спросилъ его о присягѣ; призналъ и ее. Въ казармахъ, по отзывамъ солдатъ, ведетъ себя иначе: былъ ярымъ пропагандистомъ, третировалъ все православное, высокоумствовалъ, какъ фарисей; теперь, послѣ вашей первой бесѣды, присмирѣлъ, уже не осуждаетъ православія, молчитъ и все читаетъ Библію. На солдатъ бесѣды производятъ огромное впечатлѣніе: поднялись духомъ, слушаютъ съ затаеннымъ вниманіемъ. Проведу съ сектантомъ послѣднюю бесѣду и скажу: долготерпѣнію конецъ: пусть перестаетъ хромать на обѣ плѣснѣ и или присоединяется, или потребую отъ командира удаленія его. Но удаленіе будетъ для него постыдное, а для православія почетное, такъ какъ въ глазахъ всѣхъ его ложь и упорство очевидны».

Но удалить солдата не пришлось.

Отъ 22-го марта получаю отъ о. благочиннаго новое сообщеніе: «прошу васъ,—писалъ онъ,—войти вмѣстѣ со мной въ ту радость, которая бываетъ на небѣ объ одномъ грѣшникѣ кающемся. Штун-

дистъ явился къ командиру и сказалъ: «очи мои открылись, и я съ радостью, по убѣжденію, а не изъ страха предъ вами, готовъ принять присягу на вѣрность службы», а вчера, въ день, назначенный для привода къ присягѣ 250 молодыхъ солдатъ, при торжественной обстановкѣ и многочисленномъ собраніи молился во время молебна, выслушалъ мое слово предъ приводомъ къ присягѣ, принялъ оную, а подходя къ св. Кресту и Евангелію истово перекрестился и сказалъ во всеуслышаніе: «клянусь! цѣлую Крестъ и Евангеліе Спасителя моего не ради іудейскаго страха, но по убѣжденію». Послѣ присяги командиръ подвелъ его ко мнѣ и сказалъ: «батюшка, вамъ мы обязаны, что армія наша имѣетъ однимъ солдатомъ больше; поистинѣ онъ ваше чадо». «Теперь,—отвѣтилъ я,—не только чадо, но и братъ, присный по вѣрѣ и духу», и при всѣхъ поцѣловалъ его. Моментъ былъ потрясающій. Многіе плакали. И потомъ нужно было видѣть, какъ сей мужъ, требовавшій, чтобы расковались мечи на серпы и копыя на орала, молодецки заломивъ шапку, продѣлывалъ во время маршировки разные артикулы съ ружьемъ».

На этомъ и заканчиваю описаніе факта, давашаго мнѣ новыя силы для моихъ дальнѣйшихъ работъ.

Миссіонеръ А. Платоновъ.

„Сколько вы обратили“?

«Сколько вы обратили? что же? обращаются»? Вопросъ этотъ мнѣ предлагали и предлагаютъ почти всѣ интеллигенты и простолюдины, съ которыми я часто бесѣдовалъ о своей миссіи.

Вопросъ вполне естественный.

Ранѣе поступленія на миссіонерскую службу я смотрѣлъ на сектантовъ, какъ на какой то мнѣ: думалось, что они «были», или есть гдѣ либо «на границѣ». Въ особенности мнѣ казались хлыстовщина: возможны ли въ нашъ вѣкъ такія изувѣрства? Когда, будучи миссіонеромъ, я увидѣлъ сектантовъ лично, я изумился и меня (*ergare humanum est*) постигла другая крайность; на первыхъ порахъ службы мнѣ казалось, что всѣ, кого я ни видѣлъ, заражены, если не сектантствомъ, то предрасположенностью къ нему. «Бродилъ ли я вдоль улицъ шумныхъ, входилъ ли въ многолюдный храмъ», мои думы были о сектантствѣ. Идетъ ли какой либо господинъ по улицѣ, или сидитъ рядомъ со мной въ вагонѣ желѣзной дороги, мнѣ думается: ужъ не сектантъ ли онъ? И только, когда онъ при видѣ храма творилъ крестное знаменіе, я успокаивался.

Казалось раньше, что сектантство—плодъ одного умственного невѣжества и стоитъ пріѣхать къ сектантамъ миссіонеру съ академическимъ образованіемъ, какъ мгновенно сектантская толпа вся перейдетъ въ православіе. Мнѣ впоследствии рассказывали, какъ въ одномъ мѣстечкѣ нѣмецъ Миллеръ пріѣхалъ къ старообрядцамъ (которые—по принятому мнѣнію—особенно отличаются крѣпостью, консервативностью своихъ убѣжденій) и въ нѣсколько бесѣдъ убѣдилъ ихъ «бросить спасаться большими книгами» и «начать спасаться маленькими», иначе говоря, совратилъ ихъ въ штунду. Неужели миссіонеръ слабѣй Миллера, пропагандирующаго среди старообряд-

пѣвъ? А фактъ—тотъ, что прїѣзжаю я на собесѣдованіе съ сектантами, они задають вопросы: гдѣ сказано въ Писаніи, что нужно совершать обѣдню на 5 просфорахъ, творить крестное знаменіе, чтить иконы? и т. п.:—объяснить, что—неизмѣнно въ Церкви—«благовѣствованіе» (Гал. 1,8), а обычаи и обряды утверждаются практикой Церкви (1 Кор. 11,16) и раскрываютъ «твердое основаніе» (Луки 1,4) христіанскаго ученія,—при нравственномъ упорствѣ и невѣжествѣ сектантовъ (объяснить это такъ, чтобы Слово Божіе достигло сердца ихъ) не всегда удавалось и вотъ приходилось уѣзжать отъ нихъ, повидимому, ни съ чѣмъ... Встаетъ въ душѣ вопросъ: много обратили? что же? обращаются? и великая тяжкая скорбь по упорствѣ меньшей братіи тяжелымъ камнемъ ложится на сердце миссіонера. Не лежитъ ли причина того, что обращаются «не всѣ» и «не сразу» въ самомъ миссіонерѣ? и объ этомъ приходится размышлять.

Находятся иногда такіа лица, которыя говорятъ: «секты растутъ», «что дѣлають миссіонеры? Не лучше ли было, если бы ихъ совсѣмъ не было? Пусть всякъ вѣруеть, какъ хочетъ». И когда я вспоминаю такіа—безсмысленныя и безжалостныя рѣчи, въ первое время моей службы, мое сердце болѣзненно сжималось: мнѣ казалось, что «секты растутъ»—видитъ Богъ,—я тружусь посильно, но епархія велика и не легко въ каждую минуту имѣть во вниманіи ея болѣющіе сектами пункты. А я предъ Богомъ и людьми поставленъ стражемъ съ мечемъ духовнымъ на границѣ церковной ограды. Эта мысль даже во время отдыха держать въ напряженіи нервы. Порой кажется, что нѣтъ на свѣтѣ службы тяжелѣй службы миссіонерской.

Начинаю я размышлять объ объективныхъ причинахъ не полныхъ и постепенныхъ успѣховъ своей миссіи и, справляясь съ наблюденіями, открываю слѣдующее. Въ каждомъ обществѣ есть извѣстный процентъ лицъ нравственно расшатанныхъ (могутъ быть они и въ «царствѣ Его»—Матт. 13,41, поскольку земная церковь есть учрежденіе наполовину земное, составленное изъ причастныхъ грѣху людей—Матт. 9,10. Іак. 3,2). Среди нихъ бывають такіе, которые ни въ чемъ такъ охотно ни проводятъ время, какъ въ осужденіи ближнихъ и общественнаго порядка. Стоитъ упасть искрѣ заразы—и предъ вами—упорные сектанты! Ломать, критиковать

всегда легче. Этимъ и объясняется успѣхъ Миллера и ему подобныхъ. Я забылъ упомянуть, что старообрядцы, совращенные въ штунду названнымъ нѣмцемъ, ранѣе совращенія усумнились въ правотѣ своихъ прежнихъ упованій и искали новыхъ. Не одно только умственное невѣжество, но и нравственная развращенность поддерживаетъ упорство сектантовъ.

Кстати скажу нѣсколько словъ по поводу принципа миссіонерской полемики съ сектантами. Poleмика эта, или вопросъ о принципѣ ея, сильно занимала меня на первыхъ порахъ—особенно по отношенію къ сектѣ штундобайтистовъ. Названные сектанты равно ничего не имѣютъ евангельскаго.

«Мы, г. миссіонеръ, раньше были пьяницы, воры, обидчики» и пр., «а теперь мы не пьемъ, не воруемъ, не ссоримся»—такъ аттестовали себя предо мной на моихъ первыхъ бесѣдахъ мнимо-евангельскіе братья. Справедливость этой самоаттестации доселѣ не подлежитъ для меня никакому сомнѣнію: штунда—это трансформация одного вида грѣха въ другой. Св. Писаніе должно понимать, изслѣдуя его, т. е. по смыслу, по духу (Іоанна 5,39. 2 Кор. 3,6); штундисты, какъ древніе іудеи, непринявшіе Христа, хотятъ слѣдовать буквѣ, которой, какъ тѣ же іудеи, не понимаютъ. Вотъ, напр., мы начинаемъ бесѣдовать. Текстъ Откр. 22,18 штундобайтисты относятъ ко всей Библии (это—невѣжество; по втолковать истину здѣсь не легко; «книги сей!» шумитъ сектантъ и потрясаетъ Библіей) и ставятъ вопросъ: «гдѣ въ Писаніи сказано рисовать икону Николая Чудотворца?» Какому принципу слѣдовать въ подобныхъ случаяхъ? Не такъ давно по поводу принципа противосектантской полемики высказывались на страницахъ «Миссіонерскаго Обзорѣнія» миссіонеры гг. Базаряниновъ и Айвазовъ. Изъ обмѣна мнѣній между ними можно вывести слѣдующее. Приспособленіе по отношенію къ способу и уровню сектантскаго пониманія со стороны миссіонера должно быть: Господь нашъ Іисусъ Христосъ приспособлялся, говоря притчами и открывая тайны Царствія Божія постепенно; Ап. Павелъ былъ «всѣмъ-всѣмъ»—ради спасенія нѣкоторыхъ. По этому принципу на вышеуказанный сектантскій вопросъ чаще приходится отвѣчать вопросомъ: «гдѣ сказано въ Писаніи измѣнять псалмы Давида?» Допускать, съ другой стороны, въ со-

бесѣдованіи натяжку это не значить ли поступаться правдой своего упованія?—Упованія своей вѣры, за которое первохристіанскіе мученики клали свои головы на плаху. Стоить ли? Да не будетъ!

Я сначала полагалъ, что бесѣды съ штундистами потому не всегда, видимо, кончались полнымъ и быстрымъ успѣхомъ, что я не умѣлъ еще «показать» или «доказать» имъ требуемое. Мнѣ приходилось собесѣдовать и съ хлыстами. «Ну, ужъ этимъ то я сумѣю показать ихъ неправду», думалъ я. Представьте. Изъ хлыстовъ есть такіе субъекты, что по части мнимаго согласія съ текстомъ превзойдутъ любого штундиста. Вы не вѣрите, что Христосъ на землѣ во плоти? Читайте Іоанна 4, 3—сказано «пришедшаго», значить Онъ теперь пришелъ? Это сектантское разсужденіе нелѣпо несогласно Писанію, но въ глазахъ своей сектантской толпы сектантъ кажется правымъ. Переживъ это, я болѣе, чѣмъ прежде, понималъ слова Апостола: «проповѣдь моя не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы (1 Кор. 2, 4). Въ этомъ—единственный, правда, труднѣйшій и сокровенный базисъ и принципъ миссіонерской полемики. Бываютъ случаи, когда сектантъ остается совершенно бездоказателенъ, безотвѣтенъ; онъ все же упорствуетъ. Былъ еще такой случай. Я бесѣдовалъ съ сектантами (одна изъ первыхъ моихъ бесѣдъ) и на ихъ вопросъ: «гдѣ сказано» то то? сказалъ: «по буквѣ въ Писаніи этого нѣтъ, есть по смыслу». «Слышите?» сказалъ слушателямъ сектантъ собесѣдникъ, «самъ миссіонеръ говоритъ, что въ Писаніи нѣтъ этого!». За меня заступились старики—православные, бывшіе на бесѣдѣ. Между прочимъ, въ числѣ собесѣдовавшихъ со мной сектантовъ мнѣ памятенъ былъ Х., видный сектантъ. Возвратясь домой, я повѣдалъ о своей неудачѣ своему болѣе опытному сослуживцу. Добрый о. миссіонеръ поѣхалъ на мѣсто моей неудачи и провѣтъ нѣсколько бесѣдъ. Спустя нѣкоторое время, при посѣщеніи того же мѣста, я узналъ, что Х. съ семьей присоединился къ Церкви; помня ожесточенность сектантовъ, я удивился. Приводя этотъ случай, я хочу сказать, что отсутствіе приспособляемости въ моей неудачной по неопытности—бесѣдѣ не помѣшало обстоятельству присоединенія сектанта. Изъ упомянутаго миссіонерскаго обмѣна мнѣній выходитъ, что миссіонерская полемика должна «мудрость змѣи»

(приспособляемость) соединять съ «цѣлостью голубя» (отнюдь ни на іоту ни допускать намѣренныхъ натяжекъ!). Правда безъ натяжекъ на сторонѣ Церкви. Стѣна, отдѣляющая отъ нея секты (не одно теоретическое недомысліе)—нравственное упорство послѣднихъ.

Говорятъ, «секты растутъ». Объ этомъ, впрочемъ, предсказалъ еще апостолъ (2 Тим. 2, 17).

«Но твердое основаніе Божіе стоитъ, имѣя печать сію: позналъ Господь Своихъ; и да отступитъ отъ неправды всякій, исповѣдующій имя Господа» (ibid. ст. 19).

Однажды о. благочинный извѣстилъ меня, что въ одномъ пунктѣ его благочинія имѣются два штундиста, съ которыми нужно бы было побесѣдовать. Я поѣхалъ. Штундисты исчезли по моемъ пріѣздѣ. Я рѣшилъ на этотъ разъ побесѣдовать съ одними православными въ огражденіе ихъ отъ зараженія сектой. Народъ собрался въ храмъ и я сталъ читать Библію по вопросамъ—о Церкви, оправданіи и освященіи во Христѣ, крещеніи дѣтей и почитаніи иконъ. Читалъ я ровно, спокойно. Когда я вскинулъ глаза отъ книги и посмѣтрѣлъ на слушателей, я увидѣлъ сотни молодыхъ и старыхъ лицъ, слушавшихъ слово Божіе со слезами на глазахъ. Могучую, глубокую любовь и вѣру въ Бога и Христа Его выражали эти лица! По мнѣ невольно прошелъ благоговѣйный трепетъ. Я не забуду той минуты; съ тѣхъ поръ—признаюсь—я пересталъ малодушествовать. Я увидѣлъ силу Духа Божія въ сердцѣ православнаго народа. Я понялъ, что секты—пигмеи, ничтожные паразиты на тѣлѣ колосса.

Ростъ сектъ, гдѣ онъ былъ замѣченъ, всегда мнимый: это не ростъ силы, а ростъ болѣзни, безсилія. Хлысты губятъ себя изувѣрствами; штунда—лицемѣріемъ. Кризисъ послѣдней, начало ея увяданія, думаю, уже начались. Нѣтъ никакихъ причинъ страшиться сектантскихъ движеній (Филипп. 1, 28), «они немного успѣютъ» (2 Тим. 3, 9). Да поможетъ Господь церковной миссіи въ у врачеваніи духовныхъ язвъ сектантства, въ избавленіи силою Божіею (1 Кор. 3, 7) меньшихъ братій нашихъ отъ заблужденій и духовной смерти!

Мисс. Д. Граціанскій.

Въ міръ современнаго старообрядчества ¹⁾.

Голяевскій расколъ.

1881 года крестьянинъ Леонтій Ѳеодоровъ Гордѣвъ, позавидовавъ славѣ и чести Аникея съ Кузьмой, началъ проповѣдовать по селу Голяевкѣ, что оба наставника ихъ ведутъ еретическую жизнь, что молиться съ ними не слѣдуетъ. Одновременно, и по уговору съ Леонтіемъ, возсталъ и братъ его Савелій Ѳеодоровъ Гордѣвъ, проживавшій въ деревнѣ Миткиреяхъ, гдѣ также уставщики жили дурно, наживались на счетъ крестьянъ и всячески безобразничали. Оба брата стали громить непорядки и произвели сильное возмущеніе въ обществѣ старообрядцевъ. Къ нимъ пристала сестра ихъ Устинья, косорукая дѣвка, которая читала псалтирь по умершимъ. Эта дѣвка приняла на себя такое апостольство: она ходила по домамъ старообрядцевъ и всѣмъ проповѣдовала, что Кузьму и Аникея, а равно и помощниковъ ихъ въ Миткирѣхъ надѣ прогнать съ ихъ мѣстъ и лишить ихъ должности. Крестьяне возмущались, но боялись идти за новыми учителями и держались пока своей моленной. Вскорѣ Савелій узналъ, что въ с. Бакурахъ, Сердоб. у. (60 верстъ отъ Голяевки), проявился какой то новый попъ, который съ другими старообрядцами не имѣетъ общенія и почитаетъ ихъ за еретиковъ. Савелій, потолковавъ съ братомъ Леонтіемъ, поѣхалъ въ Бакуры и привезъ съ собою этого попа, который былъ неокружникъ и назывался Сисой Емельяновъ Пузыревъ. Савелій привезъ попа Сысою сначала въ Миткирей, гдѣ онъ началъ служить по—іерейски, чего крестьяне никогда не видѣли, а потомъ сталъ говорить, что миткиреевцы и голяевцы пребываютъ въ ереси и что для спасенія души имъ необходимо перейти въ секту не-

¹⁾ См. «Мисс. Обзоръ», № 8, стр. 1012.

окружниковъ. Попутно онъ разъяснилъ слушателямъ, что такое окружное посланіе, котораго доселѣ никто не зналъ и не слыхалъ, каѳая въ немъ ересь и пр. и этимъ смутилъ умы многихъ. Слово «ересь» многимъ крестьянамъ показалось страшнымъ, а попъ Сисой не жалѣлъ крѣпкихъ словъ и прямо говорилъ, что если они не выйдутъ изъ этой ереси, то всѣ пойдутъ по смерти прямо въ адъ, къ сатанѣ съ хвостомъ и рогами. 50 душъ разомъ отшатнулись отъ общества окружниковъ и пристали къ Сисою. Изъ Миткирея Сисоя повезли въ Голяевку и здѣсь онъ началъ совершать богослуженіе и проповѣдь между окружниками и съ помощію Савелія, Леонтія и дѣвки Устиньи Гордѣвыхъ увлекъ въ свою секту 150 душъ отъ обѣихъ моленныхъ. Теперь и Устинья и братья ея Леонтій и Савелій смѣло ходили по селу и громко проповѣдывали по домамъ, что Аникей и Кузьма волки въ одеждахъ овчихъ, что они ересь содержатъ и въ погибель ведутъ народъ. И зазывали народъ послушать ихъ службу и переходить въ ихъ спасительную вѣру. Великое волненіе произвели они своею проповѣдью въ селѣ; Аникей и Кузьма отрезвились и страшно встревожились за свое положеніе въ расколѣ. При общности интересовъ Аникей и Кузьма рѣшили забыть свою вражду и помирились. Тотчасъ собрали они свой соборъ и зачали успокаивать прихожанъ, говоря, что ничего новаго они не приняли, вѣру свою блюдутъ безъ нарушенія и посему состоятъ въ православномъ благочестіи. Леонтія, Савелія и сестру ихъ криворукую Устинью они объявили «псами смердящими», — «богохульниками», а попа Сисоя лжецомъ и обманщикомъ. На другой день, пользуясь своимъ вліяніемъ въ селѣ и тѣмъ, что старшина волости былъ ихъ единовѣрцемъ, они вызвали попа Сисоя въ волостное правленіе, потребовали отъ него паспортъ, а такъ какъ послѣдняго не оказалось при «попѣ», то его арестовали, какъ неизвѣстнаго бродягу. Напрасно «попъ» Сисой доказывалъ окружническимъ властямъ, что онъ крестьянинъ с. Бакуръ и живетъ въ одномъ уѣздѣ съ ними; ему не вѣрили и заперли его въ «холодной», арестантской, и содержали въ холодѣ и голодѣ, срывая такимъ образомъ свой гнѣвъ на немъ. Видя себя въ такомъ безвыходномъ положеніи, Сисой далъ слово Аникею и Кузьмѣ, что онъ никогда больше не пріѣдетъ въ Голяевку, и про-

силъ отпустить его. Аникей и Кузьма ломались надъ нимъ и грозили препроводить его этапнымъ порядкомъ, какъ арестанта. Сильно напугался Сисой, и началъ плакать, сваливая всю вину на Савелія Гордѣева, говоря, что онъ насильно вывезъ его изъ Бакуръ въ Голяевку. Сисоя, послѣ долгаго ареста и голода, освободили и онъ дѣйствительно тутъ же отправился въ свои родные Бакуры ¹⁾.

Появленіе неокружниковъ и такихъ ярыхъ враговъ, какими явились братья Гордѣевы, заставило Кузьму съ Аникеемъ принять мѣры противъ ихъ пропаганды. Они пришли къ рѣшенію, что необходимо завести своего попа и отдѣлиться отъ с. Пяши, куда они обращались съ своими требами. Ѣздить туда голяевскимъ было далеко, а попъ Иванъ Фомичъ цѣнилъ свои визиты къ нимъ не дешево. Явился вопросъ: кого же сдѣлать попомъ, чтобы онъ состоялъ въ послушаніи у нихъ? Кузьма и Аникей задумались надъ этимъ вопросомъ. Важно было для нихъ то, какъ бы попъ не подорвалъ ихъ авторитета въ народѣ. Думали и такъ и этакъ и рѣшили произвести въ попы сына Кузьмы Марщакова — Ермила, котораго Кузьма, по наущенію своей молодой жены, мачехи Ермила, выгналъ изъ дома, а Аникей принялъ, женилъ на своей дочери и опредѣлилъ работникомъ къ себѣ. Лучшаго кандидата они и придумать не могли: сынъ одному, зять другому, онъ, кромѣ поповства, служилъ связующимъ звеномъ своихъ отцовъ, доселѣ враждовавшихъ между собою коноводовъ раскола. Характеръ его они хорошо знали и посему нисколько не боялись за свое будущее въ расколѣ. Тотчасъ они призвали Ермила въ горницу и сказали ему: «ну, Ермилъ, милость хотимъ оказать тебѣ. Ермилъ снялъ рваную шапку съ головы и началъ чесать свой затылокъ.

— А ты, дуралей, кланяйся и благодари насъ, — сказалъ отецъ Кузьмы.

— Спаси Христось, — сказалъ Ермилъ и сдѣлалъ земной поклонъ предъ обоими отцами.

— То-то! Заботятся о тебѣ, дуракъ; на линію хотимъ поставить тебя, — продолжалъ отецъ.

¹⁾ Раскольники домогаются свободы отъ правительства въ своей рел. жизни, но ее не можетъ быть между ими самими: каждая секта будетъ давить другую, какъ и теперь это существуетъ. *Авт.*

Ермилъ стоялъ и хлопалъ глазами.

— Вдогадъ тебѣ, о чемъ мы рѣчь ведемъ?—спросилъ Аникей зятя.

— Нѣту. Почемъ знать мнѣ?

— Въ попы хотимъ произвести твою рожу!—сказалъ отецъ.

— Согласенъ штоли ты въ этотъ чинъ?—спросилъ Аникей.

— Спаси Христосъ за вашу милость!—и снова бухнулся въ землю.

— Ишь губа то не дура, знаетъ, гдѣ сладко кормятъ,—смѣялся отецъ надъ сыномъ.

— Только уговоръ Ермилъ: што-бы рыло кверху не задирать и у насъ въ покорствѣ пребывать,—прибавилъ Аникей.

— Это наипервѣй всего, а то и на поповство не посмотрию. У меня смотри, Ермилъ, што-бы тише воды было и своихъ мечтаніевъ въ высѣхъ не пущать.

— Я, батюшка, завсегда готовъ смиреніе проявлять,—сказалъ Ермилъ.

— Такъ и должно; затѣмъ то мы тебя и ублагодотворяемъ,—на виду будешь у людей.

Остановивъ свой выборъ на Ермилѣ, Аникей и Кузьма рѣшили поторопиться съ этимъ дѣломъ. Они выбрали крестьянина Ивана Николаева Прозорова депутатомъ общества, собрали съ міра 63 рубля на проѣздъ его съ Ермиломъ и послали ихъ на Черемшанъ¹⁾, къ своему лже-епископу. А такъ какъ Ермилъ не имѣлъ чистой новой одежды, то ее собрали съ того же міра и обрядили ставленника. Такъ, Сидоръ Малафѣевъ Филинъ далъ Ермилу свою суконную поддевку, Василискъ Титовъ Прозоровъ свою шапку, третій—сапоги, четвертый чепанъ и т. п. Не по росту былъ весь этотъ сборный костюмъ, точно на вѣшалкѣ висѣлъ онъ на Ермилѣ, но отцы рѣшили, что Ермилъ ѣдетъ не въ гости на праздникъ, а Богу молиться и благодать получать. За то весь костюмъ былъ новый, чистый, молитвенный, т. е. такой, въ которомъ владѣльцы

¹⁾ Черемшанъ—пригородная мѣстность г. Хвалынска, Саратовской губ. Она сплошь занята фруктовыми садами, принадлежащими раскольникамъ австрійской секты. Въ этихъ садахъ находятся монастыри. Здѣсь проживаетъ раскольникій архіерей. *Авт.*

всѣхъ вещей ходили только за службу, въ моленную, а не по гостямъ и по селу.

Ермилъ прожилъ на Черемшанѣ у архіерея около мѣсяца, за каковое время онъ ходилъ къ службѣ и учился. За его отсутствіе отцы его рѣшили опредѣлить ему мѣстожителство въ дер. Миткиреѣ. Такъ поступили они все изъ той же предосторожности, что-бы попъ Ермилъ не затмилъ ихъ своимъ поповскимъ авторитетомъ и не отодвинулъ ихъ на задній планъ. Хотя они и хорошо знали Ермила, но у страха глаза велики, и они побоялись поселить Ермила въ Голяевкѣ, около своихъ моленныхъ. А что если онъ измѣнится въ полахъ, проявить свою самостоятельность и, что еще хуже, заведетъ въ селѣ свою особую отъ нихъ моленную и будетъ служить въ ней свои обѣдни!—думали они. Этимъ онъ сдѣлалъ бы большой подрывъ ихъ службамъ, унизилъ бы ихъ самихъ въ глазахъ народа, а этого то они боялись паче всего. Пусть онъ лучше поживетъ вдали отъ нихъ, а тамъ видно будетъ. Такъ и рѣшили: жить Ермилу въ Миткиреѣ и кому нужно будетъ, пусть туда ѣдетъ къ нему съ требою. Тамъ и поселился Ермилъ, вернувшись съ Черемшана попомъ. Въ Голяевку же онъ пріѣзжалъ только въ гости, или же когда привозили его на потребу, преимущественно къ больному.

Мисс. свящ. *К. Поповъ.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ МИССИОНЕРСКОЙ ПОЛЕМИКИ.

Беседа съ «адвентистами седьмого—субботняго дня», о субботѣ и воскресномъ днѣ ¹⁾).

Тебя, Петръ, смущаетъ то обстоятельство, что Богъ Своимъ перстомъ написалъ на каменныхъ скрижаляхъ только десять заповѣдей, и отсюда ты выводимъ заключеніе, что значить только десять заповѣдей, какъ наибольшія, и нужны. Но я уже показалъ тебѣ, какія заповѣди наибольшія въ законѣ. Теперь добавлю, что Богъ записалъ Своимъ перстомъ на скрижаляхъ только десять заповѣдей не съ цѣлью показать, что эти заповѣди наибольшія и что онѣ только и нужны израильтянамъ, а съ цѣлью засвидѣтельствовать и всегда напоминать израильтянамъ, что на горѣ Хоривѣ они вступили чрезъ Моисея въ завітъ съ Самимъ Богомъ, такъ какъ первыя десять словъ этого завіта сами они лично слышали отъ Бога. Посему евреи, смотря на скрижали, вспоминали, что весь законъ, данный имъ Моисеемъ, есть законъ Божій, такъ какъ нѣкогда они сами, боясь смерти, могли выслушать только десять словъ Божіихъ, а все остальное упросили Моисея выслушать отъ Бога и передать имъ для исполненія. И вотъ тотъ великій страхъ предъ Богомъ, который испытывали израильтяне у горы Синая, постоянно напоминался имъ скрижалями, и это побуждало ихъ къ исполненію всего закона Моисеева, какъ даннаго Самимъ Богомъ. Вотъ для чего Богъ и далъ Моисею скрижали съ десятью словами, слышанными отъ Него лично всѣмъ собраніемъ израильтянъ: „чтобы страхъ Его былъ предъ лицомъ вашимъ (израильтянъ), дабы вы не грѣшили... но чтобы боялись Его и соблюдали всѣ заповѣди Его во все дни“ (Исх. 20, 20; Второзак. 5, 29).

Если-же у израильтянъ не было собственно Моисеева закона, а былъ только одинъ законъ—это „законъ Божій“, данный имъ Богомъ чрезъ Моисея, то и рѣчи не можетъ быть о томъ, что молъ изъ Ветхаго Завіта нуженъ только „законъ Божій“, и Моисеевъ не нуженъ. Можно говорить только объ одномъ Ветхозавѣтномъ законѣ—это о „законѣ Божіемъ“. Но

¹⁾ «Миссіон. Обзоръ». кн. 6, стр. 701.

при этомъ необходимо помнить, что подъ „закономъ Божиимъ“ Ветхозавѣтное Писаніе разумѣть не одно только десятословіе, а, какъ я уже говорилъ, всѣ заповѣди, всѣ законы и всѣ постановленія, принятыя Моисеемъ отъ Бога. Посему ты, Петръ, глубоко неправъ, когда говоришь, что Моисеевъ законъ тебѣ не нуженъ, а Божій нуженъ. Вѣдь Моисеева закона и нѣтъ и то, что ты приписалъ Моисею,—принадлежитъ Богу. Такъ что выходитъ, что изъ Божьяго Ветхаго Закона или Завѣта ты произвольно множество заповѣдей и постановленій выбросилъ, а малую часть—десятословіе, принялъ. Ты вотъ сослался на кн. Второзаконія 4 гл. 2. 10. 13 ст., но развѣ тамъ рѣчь о строгомъ исполненіи только десяти заповѣдей? Нѣтъ! Самъ Моисей говоритъ, что онъ здѣсь разумѣть всѣ заповѣди, законы и постановленія, которыя передаетъ израильтянамъ, какъ Божій (Второз. 4, 1. 2. 5. 13. 14. 5, 1. 31. 6, 1 и др). Далѣе, ты сослался на слова Христа (Мѡ. 5, 17. 18; 19, 17). Но въ 5 главѣ св. Матѣея Христосъ говоритъ опять-таки о всемъ Законѣ, а не только о десяти заповѣдяхъ, и при томъ не только о законѣ, но и о пророкахъ... И въ 19 гл. Мѡ. Христосъ въ числѣ заповѣдей, необходимыхъ для соблюденія, указалъ богатому юношѣ-еврею и такую, какой нѣтъ въ числѣ десяти („люби ближняго твоего, какъ самого себя“—ст. 19, ср. Лев. 19, 18. Эту заповѣдь нельзя отождествлять съ десятою заповѣдью), и еще совсѣмъ новыя для израильтянина, но необходимыя для того, чтобы быть „совершеннымъ“ (Мѡ. 19, 21). Вообще-же на это мѣсто нельзя ссылаться, какъ на такое, въ которомъ Христосъ перечислялъ якобы *всѣ Заповѣди*, необходимыя для спасенія, потому что здѣсь Христосъ не привелъ даже всѣхъ заповѣдей десятословія. Но изъ этого странно было-бы заключить, что для богатаго юноши и вообще израильтянина, неупомянутыя въ данномъ мѣстѣ заповѣди десятословія, не были нужны. Также странно было-бы думать, что и „первая и наибольшая заповѣдь въ законѣ“ (Мѡ. 22, 38), о которой Христосъ въ томъ-же мѣстѣ (Мѡ. 19, 17—19) умолчалъ, то-же для богатаго юноши не была нужна. Необходимо судить объ отношеніи Христа къ древнему закону не по отрывкамъ Писанія, а полностью, т. е. на основаніи всего Писанія, и тогда мы увидимъ, что во время Своей земной жизни, Христосъ соблюдалъ весь законъ и пророковъ (Мѡ. 5, 17—18). Что-же касается приведенныхъ тобою, Петръ, мѣстъ изъ посланій апостоловъ Іоанна (1 п. 5, 3), и Іакова (2, 8—12), то Ап. Іоаннъ въ данномъ мѣстѣ подъ „заповѣдями Бога“ разумѣть не десятословіе, а, какъ онъ самъ говоритъ: „заповѣди Его (т. е. Бога Отца), чтобы мы вѣровали во имя Сына его Іисуса Христа и любили другъ друга, какъ Онъ заповѣдалъ намъ“... (1 Іоан. 5, 3 ср. 3, 22—24; ср. Ев. Іоан. 15, 10—14). Апостолъ-же Іаковъ, въ приведенномъ тобою мѣстѣ говоритъ о всемъ древнемъ законѣ Божьемъ, а не объ одномъ десятословіи (см. Іак. 2, 10; 9 ст. сравн. Лев. 19, 15).

Изъ сказаннаго мною ясно, что если ты, Петръ, принимаешь букву десятословія на томъ основаніи, что десятословіе „Законъ Божій“, то принимай и весь ветхій Законъ или Заѣтъ со всѣми его „заповѣдями, постановленіями и словами“, такъ какъ все это также „Законъ Божій“. Но если ты говоришь, что не подъ Закономъ живешь, а подъ благодатью Христовой и что ты умеръ для Закона Тѣломъ Христовымъ и освободился отъ клятвы Закона, то тогда сбрось съ себя иго Ветхаго Закона до послѣдней его буквы, потому что соблюдая не только десять, но даже одно слово этого закона, ты несешь отвѣтственность уже противъ этого закона и, какъ неисполняющій всѣхъ его предписаній, подлежишь клятвѣ закона (Іак. 2, 8—12; Галат. 3, 10). Вспомни, какъ самъ великій апостоль Павелъ, говоря о свободѣ христіанъ отъ всего Ветхаго Закона, въ то же время въ частности о десятословіи писалъ, что скрижали каменные намъ теперь не нужны, такъ какъ на нихъ были написаны смертныя буквы, доставившія израильтянамъ лишь осужденіе. Если это „служеніе осужденія“, или „служеніе смертоноснымъ буквамъ“, и было славно, то лишь въ свое время, пока не произошло „служеніе оправданія“ т. е., служеніе „письму Христову, написанному не чернилами, но Духомъ Бога Живаго, не на скрижаляхъ каменныхъ, но на плѣтняныхъ скрижаляхъ сердца“. Предъ этимъ новымъ служеніемъ прежнее даже не оказывается славнымъ. Мы, христіане, и потому должны полностью отбросить „преходящее“ и принять „пребывающее“, т. е., Христово служеніе (2 Коринѣ. 3, 1—11). Христосъ-же далъ намъ служеніе „не буквы“ древняго закона Божьяго, но духа, какъ о томъ и было предсказано въ ветхомъ заѣтѣ Богомъ и Его пророками. (Второзак. 18, 15—18; Іерем. 31, 31—33). Посему-то мы и считаемся состоящими въ Новомъ Заѣтѣ съ Богомъ.

— Все это хорошо,—отвѣчалъ подавленнымъ голосомъ Петръ, да только мнѣ кажется, что Самъ Христосъ строго исполнялъ букву десятословія и намъ то же повелѣлъ. Объ этомъ говорится у Ев. Матѣя,—вотъ прочтите-ка главу 5-ю, со стиха 21-го...

— Я прочелъ и затѣмъ спросилъ:—ну, такъ какъ же, Петръ,—Христосъ здѣсь отмѣняетъ букву десяти заповѣдей или сохраняетъ ее въ точности?

— Да, правду сказать, оно какъ будто отмѣняетъ,—съ изумленіемъ отвѣчалъ Петръ...

— Вотъ видишь, продолжалъ я,—Самъ Христосъ говоритъ: древнимъ сказано одно, а Я говорю вамъ другое, я это не только по отношенію къ десятословію, но и къ многимъ другимъ заповѣдямъ древняго закона. И тотъ законъ или тѣ заповѣди, которыя Богъ далъ намъ чрезъ Христа (Второзак. 18, 18, Іоан. 3, 34—35; 12, 49; 14, 24; 17, 8), настолько выше заповѣдей, данныхъ чрезъ Моисея, насколько Христосъ больше Моисея. Посему Ап. Павелъ и говоритъ, что данныя чрезъ Моисея скри-

жали, съ написанными на нихъ смертными буквами, теперь, когда мы имѣемъ письмо Христово, даже не оказываются славными и какъ временныя („преходящее“) должны уступить мѣсто новымъ и вѣчнымъ заповѣдямъ Христа (2 Коринѳ. 3, 1—11). Какъ-же ты, Петръ, рѣшаешься, вопреки Писанію, вливать новое или „молодое вино“ (ученіе Христа) въ „мѣхи ветхіе“ (въ буквы каменныхъ скрижалей), или для тебя эти мѣхи дороже Христовыхъ, или ты забылъ, что молодое вино не сбережешь въ ветхихъ мѣхахъ?!..

Петръ, понуря голову, молчалъ. Видно было, что какая-то темная сила толкнула его и закалила въ сектъ...

— А знаешь-ли, Петръ, что и самъ ты не исполняешь буквы десяти заповѣдей?— снова я спросилъ его.

Петръ встрепенулся и какъ-то нехотя сказалъ: „какъ такъ“?!..

— Да очень просто: вѣдь вы думаете, что ваши дѣти рождаются святыми и не отвѣчаютъ за вину отцевъ, а во второй заповѣди читаемъ: „Я Господь Богъ твой, Богъ ревнитель, наказывающій дѣтей за вину отцовъ до третьяго и четвертаго рода“... (исх. 20, 5. сравн. 34, 7)!.. Далѣе, вы отрицаете всякую клятву именемъ Божиимъ, а третья заповѣдь запрещаетъ лишь напрасную клятву, когда клянутся именемъ Бога во лжи (исх. 20, 7. сравн. Лев. 19, 12)... Такимъ образомъ, не только Св. Писаніе свидѣтельствуетъ противъ тебя и твоихъ единомышленниковъ, но и сами вы ясно обличаете себя во лжи.

Скажи еще, Петръ: неужели ты убѣжденъ въ томъ, что у васъ празднуется та суббота, которую далъ Богъ сынамъ израилевымъ, и которую израильтяне должны были помнить, согласно повелѣнію 4-ой заповѣди десятисловія?!..

— А то какъ-же?!.. съ недоумѣніемъ отвѣчалъ Петръ.

— А я думаю, что вы сочинили себѣ *свою* субботу и ложно прикрылись именемъ Бога. Вотъ давай немножечко передохнемъ, да и побесѣдуемъ объ этомъ.

Теперь ты, Петръ, долженъ сознаться, что всѣ приведенныя тобою доселѣ основанія въ защиту празднованія субботы весьма ошибочны: во первыхъ, потому что Самъ Богъ не давалъ людямъ *въ раю* заповѣди праздновать седьмой или субботній день; во 2-хъ, потому что Св. Писаніе рѣшительно отвергаетъ сдѣланное тобою различіе между „заповѣдями и закономъ“ или между „двумя законами“, на каковомъ различіи ты пытался построить свою защиту субботы и, наконецъ, потому что Самъ Христосъ и апостолы, вопреки твоему заявленію, не только не исполняли буквы десятисловія, но прямо отвергали ее, какъ смертоносную. И самъ ты своимъ ученіемъ по другимъ вопросамъ, о чемъ я уже говорилъ, отмѣняешь букву каменныхъ скрижалей и тѣмъ обличаешь самого себя. Посему я опять спрошу тебя: на какомъ-же основаніи ты все также упорно стоишь за субботу?

Петръ встрепенулся и, видимо удрученный, отвѣчалъ: пусть я не правъ въ томъ, что говорилъ доселѣ. Но все-же я буду праздновать субботу, потому что желаю соблюсти *прямое повелѣніе 4-ой заповѣди*: „помни день субботній, чтобы святить его“ (Исх. 20, 8). Я теперь привожу въ защиту субботы только эту заповѣдь и посему прошу васъ вести рѣчь только объ этой-же заповѣди...

Итакъ, Петръ, ты призналъ свои прежнія доказательства непригодными. что похвально. Я охотно исполню и новое твое желаніе и остановлюсь на разборѣ только этой заповѣди.

Скажи, Петръ: не давалъ-ли Богъ Моисею повелѣнія праздновать субботу *раньше* 4-ой заповѣди десятословія?

Пестряковъ. Давалъ; вы и сами объ этомъ намекнули и я не спорю теперь...

Да и трудно спорить, такъ какъ въ книгѣ Исходъ ясно сказано, что сказалъ впервые Моисей именно въ пустыни Синъ еврейскому народу: „вотъ, что сказалъ Господь: „завтра покой; святая суббота Господня... смотрите, Господь *далъ* вамъ субботу... Оставайтесь каждый у себя въ домѣ своемъ, никто не выходитъ отъ мѣста своего въ седьмый день. И *покоился* народъ въ седьмый день“... (Исх. 16, 4. 5. 22—30. ср. Неем. 9, 14.). Послѣ эта заповѣдь вскорѣ была повторена въ десятословіи. Съ этого времени „суббота *Господня*“, т. е. суббота, освящаемая только Господомъ, получаетъ новое названіе: „суббота *Господу Богу твоему*“, т. е. суббота, посвящаемая и народомъ еврейскимъ Господу Богу (ср. Исх. 16, 23. 29. 20, 10). Въ *память*-же чего Богъ повелѣлъ еврейскому народу святить день субботній?

— Да ужъ вы говорите сами, а я послушаю, отвѣчалъ Пестряковъ.

— Мы знаемъ, Петръ, что когда *Самъ Богъ* почилъ въ день седьмый, то для *Нею* седьмый день былъ днемъ покоя отъ дѣлъ творенія міра (Быт. 2, 2. 3). Но отъ чего почилъ *еврейскій народъ* и какой покой *ему* напоминала суббота? „А день седьмый суббота Господу Богу твоему, говорилъ Моисей народу... *помни, что ты былъ рабомъ въ землѣ Египетской, но Господь, Богъ твой, вывелъ тебя оттуда рукою крѣпкою и мышцею высокою, потому и повелѣлъ тебѣ Господь, Богъ твой, соблюдать день субботній*“ (Второзак. 5, 12—15.)... И такъ, Богъ повелѣлъ еврейскому народу праздновать субботу въ *память избавленія отъ Египетскаго рабства* и суббота означала для евреевъ собственно *покой отъ этого рабства* (ср. Іезек. 20 гл.). Вотъ почему еврейскій народъ *впервые* „покоился въ седьмый день“ (Исх. 16, 30) лишь по выходѣ изъ Египта. Въ то же время по словамъ Господа къ Моисею, суббота была видимымъ знаменіемъ завѣта, заключеннаго между Богомъ и народомъ еврейскимъ: „и пусть хранятъ сыны Израилевы субботу, празднуя субботу въ роды свои, какъ завѣтъ вѣчный; это—*знаменіе* между Мною и сынами Израиле-

выми на вѣки... Я далъ имъ субботы, чтобъ онѣ были *знаменіемъ* между Мною и ими (Исх. 31, 16—17; Іезек. 20, 12—13)...

Но если суббота была дана только еврейскому народу („въ роды свои“... между Мною и сынами Израилевыми“)..., если она означала для этого народа только покой отъ Египетскаго рабства и служила *знаменіемъ* завѣта между Богомъ и избавленнымъ народомъ, то является вопросъ: для чего-же намъ праздновать субботу, когда мы, чуждые плотскаго родства съ выведеннымъ изъ Египетскаго рабства еврейскимъ народомъ, ни въ рабствѣ у Египтянъ не были и посему въ покоѣ (т. е. субботѣ) отъ этого рабства не нуждаемся; ни въ завѣтѣ, заключенномъ между Богомъ и освобожденнымъ отъ рабства израильскимъ народомъ, не состоимъ, такъ какъ вступили въ „Новый Завѣтъ“ съ Богомъ, утвержденный на лучшихъ обѣтованіяхъ и имѣющій Ходатаемъ Христа (Евр. 8, 6—13)?!. На этомъ-то послѣднемъ основаніи мы особенно должны отвергнуть печать или знаменіе „перваго“ или стараго завѣта—субботу. А если кто пожелаетъ хранить это знаменіе, тотъ долженъ принять и весь Ветхій завѣтъ и тѣмъ отречься отъ Ходатая Новаго Завѣта—Христа (Евр. 3, 3—6; 8, 6; 9, 15). Вѣдь нужно-же, Петръ, признать одно изъ двухъ: или ты состоишь въ *старомъ* завѣтѣ съ Богомъ и посему хранишь и печать этого завѣта—субботу, или-же если считаешь себя служителемъ „новаго завѣта“, то долженъ открыто и рѣшительно отвергнуть знаменіе ветхаго завѣта. Иначе, всѣ твои увѣренія въ вѣрности „новому завѣту“ будутъ только пустыми, ничего незначащими словами, или даже маскою, скрываясь подъ которою, ты стараешься удобнѣе перевести въ ветхій завѣтъ и другихъ, слабыхъ въ своемъ упованіи. Согласись еще и съ тѣмъ, что *одна* печать или знаменіе безъ того, что оно знаменуетъ, не имѣетъ никакого смысла; напримѣръ: какой смыслъ имѣетъ обрѣзаніе безъ завѣта Бога съ Авраамомъ, который оно знаменуетъ? какой смыслъ имѣетъ и суббота безъ завѣта Бога съ выведеннымъ изъ Египта еврейскимъ народомъ, когда именно въ знаменіе этого завѣта она и установлена?

Пестряковъ изумленно посмотрѣлъ на меня и нерѣшительно проговорилъ: да вѣдь я не отрицаю „новаго завѣта“, а если и храню субботу, то по заповѣди...

— Но вѣдь я уже ясно раскрылъ тебѣ, что въ 4-ю заповѣдь занесена та суббота, которая была *знаменіемъ стараго* завѣта и означала лишь покой евреевъ отъ рабства. Съ этимъ и ты согласился, а посему пора тебѣ бросить упорство и прямо заявить, что для христіанъ, вступившихъ въ „новый завѣтъ“ съ Богомъ, суббота не нужна. Иначе выходитъ, что на словахъ ты стоишь за „новый завѣтъ“, а на дѣлѣ держишься „ветхаго“ и Моисея предпочитаешь Христу, вопреки ученію ап. Павла (Евр. 8, 6—13).

Субботу я брошу и какъ сказано въ 4-ой заповѣди, такъ и буду праздновать ее *по заповѣди*, съ отчаяніемъ проговорилъ Пестряковъ.

— Вотъ ты все время одно твердишь и отъ Писанія въ свою пользу ничего не приводишь. Теперь намъ ясно, что ты праздуешь субботу, потому что ветхій завѣтъ предпочитаешь новому. Но мы, какъ истинные христіане, должны ставить Христа выше Моисея и посему, принявъ „новый завѣтъ“, должны отложить ветхій съ его печатью—субботу. И Писаніе намъ ясно говоритъ, что обѣтованіе о спасеніи принадлежитъ лишь служителямъ „новаго завѣта“, а не служителямъ смертоносныхъ буквъ, начертанныхъ на каменныхъ скрижаляхъ (Евр. 9, 15; 2 Коринѳ. 3, 3—11).

— Да и откуда ты, Петръ, взялъ, что *празднуешь субботу по заповѣди*?!

— А то какъ-же? Конечно, *по заповѣди*, данной Богомъ чрезъ Моисея,—убѣжденно отвѣчалъ Пестряковъ.

— А я думаю, что ты сочинилъ себѣ *свою* субботу и ложно опираешься на Моисея, посему являешься преступникомъ не только „новаго завѣта“, но и „ветхаго“...

— Да откуда-же это видно?—изумленно спросилъ Пестряковъ.

— Видно это изъ того, что ты *не такъ* празднуешь субботу, какъ повѣдѣли праздновать ее Моисей и пророки.

— А я думаю, что *такъ* и ни въ чемъ не погрѣшаю противъ Писанія.

— Сейчасъ посмотримъ, Петръ. „Помни день субботній, говоритъ Писаніе евреямъ, чтобы святить его; шесть дней работай и дѣлай въ нихъ всякія дѣла твои, а день седмій—суббота Господу, Богу твоему: *не дѣлай въ оный никакого дѣла ни ты, ни сынъ твой, ни дочь твоя, ни рабъ твой, ни рабыня твоя, ни (волъ твой, ни оселъ твой, ни всякій) скотъ твой, ни пришлецъ, который въ жилищахъ твоихъ*“ (Исх. 20, 8—10, Іезек. 17, 24). Завтра покой, святая суббота Господня: *что надобно печь, неките, и что надобно варить, варите сегодня* (Исх. 16, 23)... *Не зажигайте огня во всѣхъ жилищахъ вашихъ въ день субботы* (Исх. 35, 3)... *Не собирайте дровъ* (Числ. 15, 32—33)... *Не продавайте и не покупайте* (Неем. 10, 31; 13, 15—22); *не носите ношъ въ день субботній* (Іерем. 17, 21—27 ¹⁾).

Вотъ какъ проводили субботу евреи по закону Моисея и пророковъ, въ субботу отдыхалъ не только еврей, но всѣ иноплеменики, которые жили въ его домѣ и весь скотъ его... А у васъ, Петръ, и сами вы житейскія дѣла дѣлаете въ субботу и работники ваши и скотъ вашъ лишены покоя. И варите, и печете вы въ субботу, и огни зажигаете, и дрова соби-

¹⁾ Иногда сектанты стараются всѣ мѣста о субботѣ, обличающія ихъ лжеученіе примѣнить не къ «субботѣ Господней», т. е. не къ седьмому дню въ каждой недѣлѣ, а къ субботѣ, какъ вообще къ *празднику* (Лев. 23; 24—32). Но во всѣхъ такихъ случаяхъ необходимо разобрать каждое мѣсто въ контекстѣ рѣчи и снести его съ другими, такими-же мѣстами и тогда ложь сектантовъ ясно обнаружится.

раете, и продаете, и покупаете, и всякія ноши носите... Какъ-же теперь ты хвалишься, что празднуешь субботу по Писанію?!

Пестряковъ возразилъ было, что ничего такого у нихъ не дѣлается въ субботу, но тотчасъ умолкъ, подавленный массою примѣровъ, обличившихъ ложь его возраженія.

— Гдѣ-же у васъ исполняется заповѣдь о субботѣ?—снова спросилъ я Пестрякова. Вѣдь, кромѣ указаннаго мною, евреи въ каждую субботу и притомъ въ храмѣ (Второз. 12 гл. 13—14 ст.) должны были приносить особыя, сверхъ постоянныхъ, жертвы: всесоженія, хлѣбныя приношенія и возліянія (Числ. 28 гл. 9—10 ст.), а также и устраивать въ каждую субботу особыя священные собранія (Лев. 23, 2—3)!.. Гдѣ-же у васъ эти жертвы? Да и какъ вы можете приносить ихъ, когда и самое мѣсто ихъ приношенія—храмъ вы отвергли? Вотъ и выходитъ, что отъ „новаго завѣта“ вы отстали и къ „ветхому“ не пристали, а остановились на полдороги, на распутыи... Жаль только, что, будучи сами упорно слѣпыми, вы и другихъ тащите на то-же распутье...

Теперь намъ ясно, что наши субботники сочинили себѣ *свою* субботу и тѣмъ самымъ осквернили субботу *законную*, о которой говорится въ 4-ой заповѣди десятизаконія. А всякій, кто осквернитъ субботу, по повелѣнію Бога Моисею, долженъ быть преданъ смерти (Исх. 31, 14—15). Намъ, христіанамъ, суббота вовсе не нужна, поэтому мы и кары за ея нарушеніе или отмѣненіе не боимся, а вотъ Петръ и другіе субботники приняли субботу и во всемъ ее оскверняютъ, а посему они и должны всѣ другъ друга предать смерти. Вотъ до чего довели себя сами субботники!..

— Пусть у насъ своя суббота, снова оживленно заговорилъ Пестряковъ, пусть мы нарушили субботу законную, пусть за это нарушеніе мы подлежимъ тяжелому наказанію; но вы-то зачѣмъ не празднуете субботу законную, когда она дана Богомъ *на вѣчныя времена*? Вѣдь въ Писаніи ясно сказано: пусть хранятъ сыны Израилевы субботу, празднуя субботу въ роды свои, какъ *завѣтъ вѣчный*; это—знаменіе между Мною и сынами Израилевыми *на вѣки*... (Исх. 31, 16—17).

— Вотъ прекрасно, Петръ, что ты призналъ свою субботу не законной, а самочинной и согласился съ тѣмъ, что всякій, кто будетъ праздновать выдуманную вами субботу, подлежитъ по заповѣди Господней смерти. Слѣдовательно, какъ ты, такъ и твои единомышленники обязательно должны бросить празднованіе субботы, а иначе вы явитесь сознательными противниками Господа Бога, коварно ведущими и другихъ къ гибели.

Ты спрашиваешь, почему мы не празднуемъ законную субботу, когда она установлена на вѣчныя времена? На это я тебѣ отвѣчу: не разумѣешь, что читаешь. Вѣдь въ приведенномъ тобою мѣстѣ изъ книги Исходъ ясно говорится, что суббота являлась знаменіемъ завѣта вѣчнаго или на вѣки только между Богомъ и *сынами Израилевыми*, которые и должны были

праздновать субботу *въ роды свои*. И мы видимъ, что Господь съ *своей стороны* не нарушалъ завѣта, заключеннаго съ освобожденнымъ изъ Египетскаго рабства домоу Израилевымъ и всегда готовъ былъ хранить его и знаменіе этого завѣта—субботу вѣчно (Іерем. 31, 32). Но израильтяне сами нарушили этотъ завѣтъ (Іерем. 31, 32) и посему Господь чрезъ пророка Іеремію возвѣстилъ непокорному народу: „*воуѣ наступаютъ дни, когда Я заключу съ домоу Израила и съ домоу Іуды новый заветъ, — не такой заветъ, какой Я заключилъ съ отцами ихъ въ тотъ день, когда взялъ ихъ за руку, чтобы вывести ихъ изъ земли Египетской; тотъ заветъ Мой они нарушили, хотя Я оставался въ союзѣ съ ними. Но вотъ заветъ, который Я заключу съ домоу Израилевымъ послѣ тѣхъ дней: вложу законъ Мой во внутренность ихъ и на сердцахъ ихъ напишу его, и буду имъ Богомъ, а они будутъ Моимъ народомъ*“ (Іерем. 31, 31—33 ¹⁾...

Теперь я спрашиваю тебя, Петръ, наступили-ли уже обѣщанные Богомъ дни „новаго завѣта“, или еще царить „ветхій заветъ“?

— Видимо наступили, боязливо отвѣчалъ Петръ, чуя, куда ведетъ его отвѣтъ...

— Да, наступили со временъ Христа, какъ свидѣлствуетъ намъ ап. Павелъ (Евр. 8, 7—13), рѣшительно подчеркнул я. Слѣдовательно, нужна-ли намъ суббота, какъ „завѣтъ вѣчный“, нарушенный плотскимъ израилемъ и Богомъ отмѣненный? Нужно-ли намъ знаменіе ветхаго завѣта, знаменіе плотское—суббота, когда Самъ Богъ уничтожилъ его вмѣстѣ съ старымъ заветомъ и „новый заветъ“ начерталъ на новомъ знаменіи—на внутренностяхъ и сердцахъ человѣка?

Петръ замялся и что-то тихо бормоталъ. Наконецъ, послѣ настойчиваго предложенія отвѣчать на поставленный вопросъ, заговорилъ: да оно, какъ вы поясняете, суббота въ новомъ заветѣ не нужна; а какъ *почитаешь пророковъ, то выходитъ, что и въ новомъ заветѣ должно праздновать субботу*.

Я просилъ Петра привести мнѣ изъ Писанія смутившія его пророчества ²⁾.

Петръ съ усердіемъ прочелъ изъ кн. прор. Исаи 56, 1—8; 58, 13—14; и 66, 22—23... Вотъ видите, заключилъ онъ, не только евреи, но и иноплеменники и евнухи, присоединившіеся къ Господу, должны праздновать субботу и называть ее „святымъ днемъ Господнимъ“ и всегда, каждую субботу, должны поклоняться Господу. Мы, продолжалъ Петръ, не евреи, но потомки иноплеменниковъ и присоединились ко Христу, а

¹⁾ «Новый» *духовный* заветъ и заключенъ былъ съ *духовнымъ* Израилемъ, съ *духовными* дѣтьми Авраама, подъ которыми разумѣются всѣ, увѣровавшіе во Христа (Римл. 2, 28—29; 4, 11—17; Галат. 3, 7, 14—29; 4, 22—31).

²⁾ Нижеприведенныя пророчества цитируются въ защиту субботы и въ «Библейск. чтеніяхъ» №№ 21 и 24.

посему и должны, по заповѣди пр. Исаіи, каждую субботу устраивать молитвенныя собранія Господу. Такъ у насъ и дѣлается.

— Но позволь, Петръ, возразить я. Развѣ пр. Исаія говорить о *новозавѣтныхъ* иноплеменикахъ и евнухахъ, что ты примѣнилъ его слова къ себѣ?!

— А то какъ-же?—отвѣчалъ Петръ.

Прочти внимательнѣй и ты увидишь, что пр. Исаія говорить о ветхозавѣтныхъ временахъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это по ветхому завѣту евнухъ и иноплеменикъ, но не каждый, не могли войти въ общество Господне или въ среду народа израильскаго (сравн. Исаіи 56, 3. Второз. 23, 1—8), хотя бы и увѣровали въ Бога и соблюдали заповѣди Его. Что здѣсь рѣчь идетъ о ветхозавѣтныхъ временахъ,—видно изъ того, что евнухи и иноплеменики молятся въ еврейскомъ храмѣ и приносятъ еврейскія жертвы и всесожженія, которыя по закону должны были приноситься постоянно и еще въ особомъ видѣ каждую субботу (ср. Исаія 56, 6—7; Числ. 28, 9—10). Да, наконецъ, вѣдь это еврейская суббота состояла въ полномъ покоѣ отъ обычныхъ дѣлъ (ср. Исаіи 58, 13. Исх. 20, 10) и это въ ветхомъ завѣтѣ каждую субботу устраивали особыя священныя собранія и каждую субботу съ особыми жертвами ходили въ храмъ на поклоненіе Богу Саваоу (сравн. Исаіи 66, 23. Числ. 28, 10. Лев. 23, 3. Второз. 12, 5. 11. 14. 26—27). Значить, если пр. Исаія говорить объ иноплеменикахъ и евнухахъ, твердо держащихся завѣта Господня (56, 6.), то это завѣта *ветхаго*, конецъ которому еще не наступилъ въ то время. Но теперь, когда давно уже наступили дни „новаго завѣта“, въ который Христосъ призвалъ всѣхъ людей, а не только по плоти евреевъ, когда для самихъ евреевъ уничтоженъ Богомъ ветхій завѣтъ съ его знаменіемъ—субботою, какъ можешь ты, Петръ, возлагать на иноплемениковъ иго ветхаго завѣта?!

Петръ молчалъ и потъ обильными каплями струился по его лицу.

Вѣдь ты вотъ сослался на пр. Исаію, а тамъ и оказалось то-же, о чемъ я тебѣ говорилъ, т. е.: если хочешь поступать по примѣру названныхъ тобою иноплемениковъ, то брось свою, самочинную субботу и исполний законъ Моисея. А то ты свою волю поставилъ выше и заповѣдей ветхаго завѣта, и повелѣній Ходатая Новаго Завѣта—Христа. Но при этомъ помни, что въ Моисей теперь нѣтъ спасенія, такъ какъ уже наступили дни „новаго завѣта“ и только Кровью этого завѣта или Кровью Христа мы спасаемся (Евр. 9 и 10 гл.)...

И. Айвазовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

Тоже — „живой языкъ“. (По поводу „одного изъ откликовъ“
свящ. Т. Б. Ч. „Новый Путь“ № 4).

„До чего мы дожили, о, россияне“?!

Въ обществѣ и печати теперь нерѣдко слышится призывъ по адресу нашего духовенства: „возстани спяй“: вездѣ религиозное пробужденіе, жатва многа и опасность для церкви не мала, *заговори* со своей паствой *языкомъ живымъ*, языкомъ ея понятій, чтобы твое слово истины проникало въ душу пасомаго, а не посыпай на овцы своя сухимъ горохомъ никому ненужныхъ фразъ старыхъ гомилетикъ и другихъ „руководствъ“. Призывъ серьезный и справедливый, думается. Кто не видитъ, что огромное большинство нашихъ пастырей стоитъ внѣ настоящей жизни церковнаго стада: оно замкнулось отъ нея въ свое официальное положеніе и до всего прочаго, живущаго и происходящаго вокругъ его, ему точно нѣтъ никакого дѣла. И вотъ на одинъ изъ такихъ призывовъ къ „возстанію“ заговорилъ въ „Н. Пути“ (№ 4 с. г. стр. 208—211) священникъ Т. Б. Ч. и заговорилъ ужъ слишкомъ „живымъ“ языкомъ, чтобы на него не обратитъ вниманія.

„Прочиталъ я (въ книжкѣ іером. Михаила „Новые и Старые Пути“) воззваніе къ „возстанію“, — пишетъ о. Т. Б. Ч., и *разсмѣлся*... Ужъ очень смѣшно это наивное предложеніе къ задавленнѣйшему изъ *всего сущаго*, православному священнику — заговорить живымъ языкомъ... Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы духовенство совсѣмъ чуждалось „живого слова“... Вотъ образчикъ „живого слова“ одного іерея къ своимъ пасомымъ на Троицу (храмовой праздникъ):

„Ну, вотъ, братіе, нынче у насъ праздникъ — Троица. Что же это такое за праздникъ? а? Знаете-ли это? Какъ его должно праздновать? Какъ онъ, откуда онъ произошелъ? Не знаете? Ну, вотъ... то-то. Да, братіе, сей праздникъ установленъ Самимъ Богомъ. Когда Богъ явился Аврааму, въ видѣ трехъ странниковъ, то Авраамъ ожидалъ ихъ въ своей палаткѣ; онъ принялъ

ихъ, угостилъ—закололъ имъ теленка, а Сарра, жена его, испекла пышекъ... Такъ-то, братіе. Что же означаетъ сіе событіе?—А вотъ: мы будемъ ходить и поздравлять васъ съ праздникомъ. Какъ Авраамъ встрѣтилъ трехъ странниковъ—дорогихъ гостей—у своей палатки, такъ и вы должны встрѣчать своего духовнаго отца у порога своего жилища. И насъ будетъ трое: я, отецъ діаконъ и псаломщикъ. Вотъ и вы встрѣчайте насъ съ радостію, а не съ воздыханіемъ,—не скупитесь на подаваніе, овсеца всыпать старайтесь, коврижку хлѣбца или что-нибудь, анъ дѣло-то угодное Богу“...

Послѣ этого заключенія и проповѣди конецъ. Неправда-ли, „жизненно“ и „дѣйственно“?—ибо толпа мужиковъ тяжело вздохнула, услышавъ „практическое приложеніе“ проповѣди о св. Троицѣ. Безспорно, проповѣдь жизненна; но вопросъ: желательна-ли такая проповѣдь и, самое главное, можно-ли требовать отъ теперешняго священника иной проповѣди“.

Въ смыслѣ необходимыхъ условій для „живой“ проповѣди и живого дѣла нашего духовенства, о. Т. Б. Ч. ставитъ далѣе: „Чтобы духовенству жилось сносно, по человѣчески; чтобы первое условіе его плодотворной дѣятельности—свобода была *„въ полномъ смыслѣ неограниченной“*. „Свобода эта, пишетъ о. Ч., должна прежде всего быть при выборѣ дѣятельности каждаго чловѣка—кандидата въ священники. Теперешнія семинаріи въ настоящемъ видѣ, руководимыя монахами, не должны существовать. Должна быть единая общеобразовательная школа, а послѣ факультеты, и между ними—богословскій. Далѣе: въ жизни своей священникъ подчиненъ можетъ быть только коллегіально—братскому правопорядку, но ни „земскому“, ни полиціи, ни инспектору народныхъ училищъ, какъ теперь. Духовное одѣяніе не должно имѣть мѣста въ обычное неслужебное время. Посѣщеніе театра и вообще мѣстъ общественныхъ собраній, поѣздки за границу, путешествія дома, въ Россіи, не должны встрѣчать ни малѣйшихъ препятствій. Вотъ тогда-то, пожалуй, и можно спросить съ такого священника, чтобы онъ заговорилъ живымъ языкомъ... Постороннему чловѣку невозможно и представить, какъ тяжело жить священнику только среди молебновъ, акаѣистовъ, панихидъ и обѣденъ. Какъ все это надоѣдаетъ(!)“.

Вотъ онъ „живой-то языкъ“ „задавленнѣйшаго изъ всего сущаго“ православнаго священника о. Ч. *Non multum, sed multa...*

О. Ч., „прочитавъ воззваніе къ „возстанію“, разсмѣлся“... А вотъ по прочтеніи его живого „отклика“ на такое воззваніе, не знаешь, смѣяться или плакать!

Въ самомъ дѣлѣ. Откликъ отца Ч. это своего рода „рыканіе отъ въздыханія сердца“,—отъ пережитаго и выстраданнаго. Печать искренности отклика невольно располагаетъ въ его пользу. Анекдотъ, каковыхъ по адресу духовенства не мало, о проповѣди на Троицу съ „практическимъ приложеніемъ“ объ „угодныхъ Богу—овсецѣ да коврижкѣ хлѣбца“, разумѣется, въ виду не имѣемъ. (Не вѣрится, чтобы наше духовенство ужъ совѣмъ теперь не могло говорить *иной* лучшей проповѣди! къ тому же—*debes ergo potes*). Обращаемъ вниманіе свое на то, что о. Ч. говоритъ въ серьезъ. Что наше православное духовенство живетъ и дѣйствуетъ въ тяжелой матеріальной обстановкѣ, которая кладетъ нерѣдко нехорошую тѣнь на все его святое дѣло, что оно въ этомъ случаѣ пасынокъ Русской земли, это безусловно вѣрно, какъ бы ни защищали, какъ бы ни идеализировали „поборы“ разные отцы и братія, живущіе еще въ понятіяхъ и чувствахъ давнопрошедшаго времени. Что большинство кандидатовъ священства отъ некуда дѣться почти роковымъ образомъ обрекается на рясофорное иго, что большинство изъ нихъ прямо таки неповинно, по отсутствію свободы выбора и самоопредѣленія, въ возложеніи рукъ на пасторское „рало“, по каковой причинѣ непризванные пастыри „зрятъ вспять“—на театры, путешествія за границу и т. п. прелести міра,—это то же не подлежитъ сомнѣнію; примѣры подъ руками. Что сельскій батюшка блѣднѣетъ предъ мѣдной пуговицей—„земскаго“, пристава, инспектора народныхъ училищъ, имѣя прикосновенность къ этой вліятельной публикѣ (хотя онъ и *не подчиненъ* ей) по навязаннымъ ему непастырскимъ дѣламъ, это тоже правда; что семинаріи, руководимыя молодыми монахами съ немонашескими аппетитами на мірскія блюда популярности, честолюбія и карьеры, плохи въ смыслѣ воспитанія и подготовки духовнаго юношества къ настоящей пастырской дѣятельности, это тоже неоспоримо. Что же касается положительныхъ условій, которыя представляются о. Ч.-му необходимыми для „живого“ пастырскаго слова, то они или непонятны, или нецѣлесообразны, или прямо таки странны.

Будемъ говорить и не отъ „писанія“ и не отъ канонѡвъ. Духовныхъ отцовъ учить не намъ. Къ тому же отцу Ч. все это, можетъ быть, также надоѣло, какъ и акафисты, молебны, панихиды и литургіи! (Литургія „надоѣдаетъ“ и это говоритъ священникъ!)

О. Ч. желаетъ, „чтобы первое условіе плодотворной дѣятельности духовенства—свобода была въ *полномъ смыслѣ неограниченной*“. Не поймемъ,—Богомъ, багдыханомъ или, наконецъ, анархи-

стомъ желаетъ сдѣлать священника отецъ Ч. Въ какія же это времена и въ какихъ же это церквахъ пастыри духовные съ „живымъ словомъ“ располагали свободой „въ полномъ смыслѣ неограниченной“, разъ они, какъ члены церковнаго клира, общества и государства, дѣлали свое дѣло въ предѣлахъ, отмежеванныхъ имъ законами—Божіимъ, церковнымъ и государственнымъ, и помнили заповѣданіе апостола—„удаляться отъ всякаго брата, поступающаго *безчинно*, а не по преданію“, которое мы приняли отъ апостоловъ (2 Тим. 3, 6) и церкви? Впрочемъ, можетъ быть, мы отстали отъ науки. Перейдемъ къ другому.

О. Ч., проектируя смертный приговоръ „теперешнимъ семинаріямъ“, желаетъ „единой общеобразовательной школы, а послѣ нея—факультетовъ и между ними богословскаго“. Прогрессивный отецъ мотивовъ своего желанія не показалъ; поэтому и мы на его „откликъ“ откликнемся двумя-тремя словами. Въ протестантскихъ обществахъ, гдѣ духъ церковности давно исчезъ, гдѣ древне-церковныя традиции принципиально отвергнуты, гдѣ пасторы являются не болѣе, какъ свѣтскими чиновниками, для которыхъ благочестиво-церковное, въ нашемъ смыслѣ, настроеніе духовнаго пастыря во всей его жизни—ненужное человѣческое преданіе,—тамъ, для тѣхъ церквей, „единая общеобразовательная школа и послѣ нея среди другихъ факультетовъ—богословскій“ цѣлесообразны. Но не протестантскихъ пасторовъ желаетъ наша русская паства и ея православная душа. Она желаетъ видѣть въ своихъ духовныхъ пастыряхъ людей выше нея стоящихъ надъ землею и всѣмъ земнымъ... И если съ этой стороны взглянуть на наши семинаріи, то больше неизмѣримо будетъ основанія желать (если ужъ не въ силахъ мы выработать свой типъ духовной школы), чтобы онѣ походили на католическія коллегіи, по ихъ воспитательно-дисциплинарной сторонѣ, а не на протестантскіе факультеты, и чтобы „официренныя семинарскія формы“ съ ясными пуговицами и т. под. на будущихъ пастыряхъ церковныхъ были признаны печальнымъ недоразумѣніемъ времени... Подробности по этому предмету—„до востребованія“.

Далѣе: въ жизни своей священникъ подчиненъ можетъ быть *только* коллегіально-братскому правопорядку“..., пишетъ о. Ч. Фраза—ни автора, ни другого кого-либо ни къ чему не обязывающая: мыслилъ-ли въ ней авторъ каноническій укладъ жизни клириковъ или дѣйствительную ихъ жизнь; имѣлъ-ли онъ въ виду епископскую власть въ помѣстной церкви (ап. пр. 39); отдавалъ-ли ей полное ея право, или ограничивалъ его властію

„утверждать“ или „не утверждать“ „коллегиальнообратскій право-порядокъ“, — ничего пока неизвѣстно; поэтому и говорить намъ о семъ излишне.

Остановимъ свое вниманіе на послѣднемъ условіи, необходимомъ, по о. Ч., для „живого языка“ священнику. Вотъ оно. „Духовное (?) одѣяніе не должно имѣть мѣста въ обычное не-служебное время; посѣщеніе театра и вообще мѣстъ общественныхъ собраний, поѣздки за границу, путешествія дома, въ Россіи, не должны встрѣчать ни малѣйшихъ препятствій. Вотъ тогда-то, пожалуй, и можно спросить съ такого священника, чтобы онъ *заговорилъ* „живымъ языкомъ“. Еще бы, — тогда онъ и безъ спроса заговорить даже по-французски и зашаркаетъ съ ловкостью гвардейскаго офицера! Но такого-ли оживленія желаютъ отъ него? Да не будетъ! По рясофобской логикѣ о. Ч., можно, пожалуй, подумать, что всѣ священники, говорящіе нынѣ живымъ языкомъ (и таковые все-таки есть), „безъ малѣйшихъ препятствій“ ходятъ въ пиджакахъ и визиткахъ по театрамъ и вообще мѣстамъ общественныхъ собраний и не разъ побывали за-границей... Нѣтъ, — языкъ ихъ живъ и безъ этого. Не въ пиджакахъ, не въ театрахъ и не за моремъ — источники ихъ вдохновенія, ихъ живого слова и дѣла. Источникъ этотъ въ благодати Божественной, „немогущая врачующей и оскудѣвающая восполняющей“. И если воспринявшій ее въ хиротоніи радѣтельно хочетъ быть достойнымъ своего высокаго пастырскаго званія, проникается своимъ долгомъ, во имя его отрывается „отъ себя“ и „не зрѣтъ вспять“, вникаетъ въ духовныя нужды своей паствы и всецѣло отдается имъ, онъ и въ рясѣ сумѣетъ заговорить живымъ языкомъ со своими пасомыми, особливо сельскими, которые „увидятъ попа и въ рогожѣ“, и въ рясѣ заговорить даже лучше, чѣмъ въ пиджакѣ: хорошіе батюшки съ честью носятъ свое „духовное одѣяніе“ и, если можно такъ выразиться, гордятся имъ, какъ внѣшнимъ знакомъ высокаго званія. Намъ извѣстны добрые пастыри съ потрясающе „живымъ“ словомъ и не стѣсняющіеся нисколько рясой. Да и при чемъ тутъ ряса? Она, конечно, была бы повинна въ безжизненности пастырскаго слова въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что священникъ N въ рясѣ говорилъ безжизненно и недѣйствительно; перешили его рясу на три пиджака, облекли въ нихъ священника N и, о, чудо, онъ сталъ говорить въ три раза живѣй и дѣйствительнѣй! Но такихъ доказательствъ мы не видимъ. Рясу ненавидятъ пастыри, стыдящіеся исповѣдывать свое званіе. Въ такомъ случаѣ, нужно только скорбѣть объ ихъ положеніи: не *свой* крестъ они взяли на себя и безко-

• нечно тяжело для нихъ по существу легкое бремя Христово. Нѣтъ у нихъ призванія къ духовному пастырству, они воздыхаютъ о театрахъ, концертахъ, фракахъ, заграницахъ и т. п. и вовсе, конечно, не потому, чтобы все это нужно было для ихъ пастырскаго дѣланія, объ этомъ излишне и распространяться, а потому, что *тамъ* именно, а не въ церковно-пастырской средѣ, ихъ настоящая жизненная стихія.

Въ самомъ дѣлѣ,—что для пастырскаго „живого“ слова дать театръ, даже въ самой наилучшей части своего репертуара? Декламацию? Но живое пастырское слово живо будетъ и безъ нея! Типы покажетъ, развитіе страстей, „героевъ времени“, трагическое сцѣпленіе обстоятельствъ, потрясающую драму? Но бдительный пастырь, которому открываются души пасомыхъ, можетъ въ своемъ словесномъ стадѣ имѣть и знать этого матеріала не менѣ великихъ драматурговъ: не въ театрахъ изучили всѣ глубины человѣческой души, напр., Тихонъ задонскій, епископъ Теофанъ и древнѣйшіе наши св. пастыри, архипастыри и подвижники, духовному опыту которыхъ и знанію челоѣка позавидовали бы Шекспиръ и Л. Н. Толстой (кстати замѣтить, отрицающій вообще воспитательное, нравственно-доброе значеніе театра); къ тому же, можетъ статься, что въ то самое время, когда священникъ безъ „малѣйшихъ препятствій“ будетъ слушать въ театрѣ толстовскую „Власть тьмы“ и рукоплескать артистамъ, въ его собственномъ приходѣ будутъ совершаться настоящіе, а не театральные ужасы этой „власти“, а какъ справиться съ ними духовному отцу, театръ и не имѣетъ цѣлью на учить его этому. Можетъ быть, театръ возбудитъ энергію и духъ пастыря, подниметъ его „на борьбу съ порокомъ“? Но плохъ тотъ пастырь, котораго подбадривать къ этому нужно театральной экспрессіей мірской гадости. Кромѣ того, знаемъ изъ среды пастырей лицъ, которыя вплоть до рясы были заядлыми театрами и свѣтскими до послѣдней степени; стали они пастырями и что же?.. рыбы безгласныя. А эта самая заграница?... Если пастырь теплохладенъ къ своему настоящему дѣлу, то и заграничныя путешествія его ничего не прибавятъ къ его духовному убожеству и безжизненному слову, кромѣ развѣ развихляйства и еще большаго равнодушія къ своему долгу. Есть немало и такихъ примѣровъ. Да и то потребно помнить, что священники, по о. Ч., должны пользоваться „неограниченной свободой въ полномъ смыслѣ слова“ и „не встрѣчать ни малѣйшихъ препятствій къ посѣщенію театровъ, путешествіямъ за границу и въ Россію“; и вотъ, напр., у священника N, въ какомъ-нибудь благочиніи, ну хоть,

положимъ, Задонскаго у., собрались, допустимъ, на именины сосѣдніе батюшки; разговоръ заходитъ о „Вишневомъ садѣ“ Чехова или о Вяльцевой; отцы увлекаются и рѣшаютъ, подъ веселую руку, махнуть компаніей въ Петербургъ—побывать въ театрахъ! Чтожъ? „свобода неограниченная въ полномъ смыслѣ слова“, „препятствій ни малѣйшихъ“, валяй, отцы!.. а приходы съ ихъ духовными нуждами—дѣло постороннее,—надо, молъ, прежде поучиться „говорить живымъ языкомъ“... Можетъ быть, о. Ч., говоря о театрахъ, путешествіяхъ и противъ рясы въ неслужебное время, имѣлъ въ виду показать, что для „живого слова“ духовенства необходимо, чтобы оно не отставало отъ своей паствы въ свѣтскомъ развитіи и лоскѣ? Но и тутъ—суета. Это развитіе и лоскъ! вѣдь „яко трава дніе ихъ“; они польстятъ двумъ-тремъ ни для церкви и ни для кого и ни для чего путнаго непригоднымъ „интеллигентамъ“, и оттолкнутъ отъ стада церковнаго тысячи простыхъ, вѣрующихъ чадъ, каковыхъ, какъ дѣтей, есть царствіе Божіе. Позвольте, вѣдь, по о. Ч., для „живого языка“ пастырю потребна и „неограниченная въ полномъ смыслѣ свобода“ и театръ, и изгнаніе рясы изъ неслужебнаго времени и. т. п. Но вѣдь и епископы, и митрополиты, какъ архипастыри, тоже нуждаются въ „живомъ языкѣ“ и, стало быть, для нихъ должны быть тѣ же условія для „оживленности слова“. И вотъ теперь картина. Въ театрѣ идетъ представленіе, достойное вниманія о. Ч.; публики набито биткомъ; въ первомъ ряду креселъ въ сюртукахъ, съ биноклями въ рукахъ сидятъ: архіерей съ викарнымъ, въ слѣдующихъ рядахъ виднѣются два протоіерея въ визиткахъ и тоже съ биноклями; въ 12 ряду шумятъ, дѣлясь однимъ биноклемъ, отцы Задонскаго уѣзда, облеченные въ пиджаки, хотя и съ длинными волосами (о. Ч. забылъ остричь духовныхъ пастырей). Умилительная картина! Встрѣчаясь здѣсь съ пасомыми, отцы-театралы „живымъ языкомъ“ бесѣдуютъ съ ними о театральныхъ новостяхъ и дѣлаютъ по нимъ свои назиданія, а назавтра приглашаютъ овцы своя къ богослуженію. Въ церковь къ такому пастырямъ ходили бы, пожалуй, десятокъ декадентовъ, настоящие же церковные люди скоро возненавидѣли бы „церковь лукавнующихъ“, и „на мѣстѣ святѣ“ скоро бы стала „мерзость запустѣнія“.

Н. Гринякинъ.

Либеральная непродуманность. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 24 марта за текущій годъ помѣщена замѣтка о. Quidam подъ заглавіемъ: „Средневѣковые пережитки“. Замѣтка принадлежитъ перу какого-то священника. По крайней мѣрѣ авторъ ея самъ такъ рекомендовался ранѣе.

Написана замѣтка бойко, возбужденно. Въ ней есть и благородное негодованіе и либеральныя сужденія, подходящія къ либеральной газетѣ.

Но насъ поразили *легкомысліе и непродуманность*, положенныя въ основу замѣтки. Авторъ возмущается какимъ-то о. М., донесшимъ о повѣнчаніи раскольничьимъ попомъ его прихожанки съ раскольникомъ. За такое „дѣяніе“ вѣнчавшаго „попа“ подвергли двухмѣсячному тюремному заключенію.

Обыкновенный читатель несомнѣнно скажетъ: „естественное послѣдствіе изъ совершеннаго дѣянія“. И еще: „что посѣешь, то пожнешь“...

Но все это не подходитъ подъ воззрѣнія Quidam. Поступокъ о. М. кажется ему безобразнымъ,—нравственно преступнымъ.

Что же особеннаго сдѣлалъ о. М?

Онъ, православный пастырь, донесъ по начальству о грустномъ событіи, совершившемся въ его приходѣ.

Только и всего.—Сторожъ двора овчаго сообщилъ поставившему его на дѣло, что въ стадѣ „не все благополучно“. При этомъ не отъ сторожа зависѣло поступить такъ, или иначе съ волкомъ духовнымъ...

Казалось бы, отца М. не въ чемъ упрекать. Развѣ поставить ему въ вину зоркость и бдительность? Но всякій сторожъ стада обязанъ быть зоркимъ.

Однако о. Quidam разсуждаетъ иначе и винить своего православнаго собрата. Винить потому, что онъ или не знаетъ жизни, или принадлежитъ къ разряду небрежныхъ и лѣнивыхъ пастырей. О людяхъ, значить, онъ мыслить на свой образецъ...

Вникнемъ для подтвержденія сказаннаго въ положеніе православныхъ священниковъ. Помимо совершенія богослужебныхъ требъ, они обязаны вести точную регистрацію браковъ, рождаемости и смертности въ своихъ приходахъ. Всякую неаккуратность съ этой стороны начальство преслѣдуетъ строго. Оно не обращаетъ вниманія ни на какія отговорки лицъ, ведущихъ записи. Оно требуетъ исполненія закона. Священники по долгу совѣсти обязаны подчиняться этому требованію.—Тутъ-то и происходятъ удивительныя совпаденія обстоятельствъ!

Представьте себѣ такой случай.—Наступила страда деревенская. Для крестьянина всякій часъ—золото. Вдругъ *скоропостижно* умираетъ членъ его семьи, не успѣвъ причаститься... Кажется, и подозрительнаго ничего нѣтъ, а для священника „думка“: ну-ка умершій „скончался“ отъ эпидеміи какой? Ну-ка онъ отравился чѣмъ?..

Священникъ изъ-за понятныхъ страховъ не соглашается хоронить скоропостижно умершаго.

Мужики умоляютъ батюшку „пожалѣть“ ихъ,—„освободить отъ прижимки“..

Батюшка стоитъ на своемъ. Стороны рѣзко раздѣляются: одни люди—за батюшку, оправдываются необходимостью подчиняться закону; другіе—указываютъ на „страду“ и на то, что имъ „некогда“ возиться съ становымъ.

А тутъ „корреспондентъ“ да еще либеральный. Не вникнувъ въ суть дѣла всесторонне, онъ пишетъ въ газету о мнимыхъ притѣсненіяхъ мужиковъ со стороны духовенства. Отцы Quidam по сему случаю лютуютъ „крокодиловы слезы“...

Такъ, несомнѣнно, сложилось „дѣло“, о которомъ говорится въ С.-Пб. Вѣдом. отъ 24 марта.

Священники обязаны слѣдить, чтобы ихъ прихожане не уклонялись въ расколъ. О случаяхъ ихъ совращеній они должны писать начальству съ подробнымъ объясненіемъ, *какъ было дѣло?*

Случилось, что раскольничій „попъ“ повѣнчалъ правосл. дѣвушку съ раскольниковъ. Православная овца пропала. Батюшка объ этомъ доноситъ. Наряжаютъ слѣдствіе. Въ результатѣ раскольничій попъ подѣ судомъ.

Корреспонденты плачутъ; но кто виновать? Батюшка-ли, все преступленіе котораго сводится къ регистраціи „событія“, или раскольничій попъ?

Ни въ какомъ случаѣ—не батюшка. Онъ долгомъ совѣсти и по требованію закона *вынужденъ* былъ сдѣлать то, что сдѣлать. Онъ не доносъ гнусный совершилъ. Онъ „исполнилъ долгъ службы“...

Раскольничій же попъ, вѣнчая православную, зная, что онъ совершаетъ преступленіе. По крайней мѣрѣ по смыслу нашего закона.—Если же *по своей* совѣсти онъ не могъ не совершить того, что совершилъ; то и утѣшаться онъ долженъ сознаніемъ исполненнаго *своего* долга. Жаловаться же на правосл. священника онъ не въ правѣ. И потому „достойно и праведно“, что раскольничьяго попа подвергли суду по закону.

Скажутъ—законъ строгъ и устарѣлъ?

Но это—уже другія рѣчи. Тутъ о. М. не причесть. Зачѣмъ же его доброе имя пачкаетъ своей „литературой“ о. Quidam?

Это—не либерально и отдастъ низкимъ ренегатствомъ... И надобно жалѣть не о томъ, что мы не знаемъ, какъ говорить корреспондентъ, *полной фамиліи* о. М., а жаль, что о. Quidam прячется за латинскія литеры. Тогда бы въ лицо слѣдовало ему послать выраженіе общаго негодованія православно-русскихъ пастырей...

Д. Боголюбовъ.

Рѣчь преосвященнаго Стефана, епископа Сумскаго, при освященіи Харьковскаго Народнаго Дома, 2-го февраля 1903 года. Харьковъ. 1903 г. стр. 1—5.

Преосвященный Стефанъ внимательно слѣдилъ за всѣми явленіями современной церковно-общественной жизни и въ своихъ рѣчахъ даетъ имъ своевременную и надлежащую оцѣнку. Къ его архипастырскому слову полезно поэтому прислушиваться всѣмъ, кому дороги интересы православной вѣры и нашего русскаго отечества. Такъ, въ прекрасно построенной рѣчи при освященіи Харьковскаго Народнаго Дома, преосвященный ораторъ мѣтко и выразительно характеризуетъ враждебныя церкви и государству партіи, выдѣлившіяся въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія изъ такъ называемой интеллигенціи. Эти партіи хорошо поняли, что онѣ сами по себѣ, при своей сравнительной многочисленности, ничто, что вся сила заключается въ народѣ, этомъ основномъ тѣлѣ государства, и что торжество ожидаетъ ту партію, которая успѣетъ привлечь на свою сторону народъ. Но какъ воспитать народъ во враждѣ къ церкви и государству? Удобное и благовидное средство къ сему найдено въ просвѣщеніи народа чрезъ безрелигіозныя школы и читальни, тенденціозныя книжки, брошюры и газеты и чрезъ устройство такихъ же развлеченій для народа съ полнымъ пренебреженіемъ уставовъ церкви, нарушеніемъ святости дней поста и праздниковъ. Обагривъ руки въ крови Помазанника Божія (Царя Мученика), крайніе люди изъ этихъ партій подпольною крамольною литературой и самымъ беззастѣнчивымъ обманомъ помогаютъ сразу сдвинуть народъ съ его тысячелѣтнихъ устоевъ, съ его пути мирнаго прогресса на путь анархіи. Плоды дѣятельности этого сатанинскаго общества ужасны; достаточно вспомнить Курское

иконоборческое злодѣяніе, страшное Павловское дѣло, стычки и возмущенія рабочихъ... Но какъ враги церкви и государства орудіемъ борьбы своей избрали организованіе безрелигіозныхъ школъ и читаленъ, изданіе тенденціозныхъ книгъ и газетъ, устройство для народа развлеченій, отрывающихъ его отъ церковнаго уклада жизни; такъ и друзья церкви и отечества должны взяться за подобное же орудіе, но направленное противъ матеріализма, безцерковности и анархіи, т. е. устраивать школы съ образованіемъ, основаннымъ на незыблемомъ фундаментѣ религіи, читальни съ подборомъ книгъ и періодическихъ изданій въ духѣ и силѣ евангельскаго откровенія, издавать книги, брошюры и газеты христіанскаго направленія, а также давать народу развлеченія, содѣйствующія церкви въ ея воспитаніи въ народѣ христіанскихъ качествъ и добрыхъ чувствъ, но не отрывающихъ его отъ нея и участія въ ея богослуженіяхъ и торжествахъ. Таковымъ задачамъ, по мысли правительства, должны удовлетворять созидаемые для народа такъ называемые Народные Дома, совмѣщающіе въ себѣ разнообразныя просвѣтительныя и воспитательныя учрежденія. Эти дома ввѣряются въ руки интеллигенціи, оставшейся вѣрною православною церкви и основнымъ устоямъ нашей государственной жизни, въ надеждѣ, что дома эти со своими учрежденіями явятся могучимъ орудіемъ борьбы съ надвигающеюся на насъ мутною волною новѣйшаго язычества и съ его грозными грядущими послѣдствіями — разложеніемъ нашего дорогого отечества, обращеніемъ его въ легкую добычу внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ.

Таковы знаменательныя мысли епископа Стефана о врагахъ алтаря Божія и престола царскаго и о томъ значеніи, какое должны имѣть Народные Дома въ борьбѣ съ сатанинскою кликою; и мы считаемъ своимъ долгомъ отмѣтить ихъ на страницахъ нашего журнала.

Н. Булаковъ.

Х р о н и н а.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Тамбовское сектантство и борьба съ нимъ ¹⁾).

IV. *Хлыстовщина*: главныя общины хлыстовъ; ихъ молитвенныя собранія, борьба съ хлыстами полицейскихъ чиновъ; прозелитизмъ секты и духовныя мѣры въ борьбѣ съ ней. V. *Скопчество*: община скопцовъ и ихъ петербургскіе радѣтели.—*Современная борьба съ сектантствомъ въ Тамбовской епархіи.*

IV. *Хлыстовщина*. Въ предѣлахъ епархіи секта хлыстовъ занимаетъ по количеству своихъ послѣдователей второе мѣсто и распространена въ Тамбовскомъ, Борисоглѣбскомъ и Кирсановскомъ уѣздахъ, гдѣ главными центрами ея служатъ: с. Разказово, Березовка и громкое въ лѣтописяхъ Тамбовскихъ „постниковъ“—с. Перевозъ, родина Аввакума Копылова. Мы уже имѣли возможность описать на страницахъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ ²⁾: богослужебныя собранія и культъ Тамбовскихъ хлыстовъ, ихъ религіозныя воззрѣнія, показной и истинный взглядъ на православную церковь, прозелитизмъ и средства пропаганды и, наконецъ, ихъ нравственную жизнь. Нынѣ добавимъ, что Тамбовскіе „постники“—хлысты живутъ

¹⁾ См. «Мисс. Обзор.», № 8, стр. 1045.

²⁾ См. нашу статью: «Тамбовскіе постники»—«Мисс. Обзор.» 1901 г. Февр. 190—203 стр.

³⁾ С. П—чковъ извѣстенъ на селѣ за хлыстовскаго «Христа» и «пророка». Его сестра—вдова М. Д—ва—за «богородицу», а дочь А—на—за «кукушку», т. е. на собраніяхъ дыханіемъ накатывается на «постниковъ» Св. Духа и изображаетъ собой «голубя», подъ видомъ котораго сошелъ Св. Духъ на Христа. Только неизвѣстно, почему она называется «кукушкой», а не «голубицей»?!. Этотъ С. П—чковъ, какъ и другой крестьянинъ Мих. М—овичъ, дѣятельно и весьма искусно пропагандируютъ на селѣ хлыстовщину. Приведу разсказъ одной, заслуживающей полнаго довѣрія крестьянки Д. Т—вы. «Вѣдь вотъ и я-то грѣшна! говорила она мнѣ на частной бесѣдкѣ... Было это не такъ ужъ давно. Мужъ мой М. С—чъ прегорько запивалъ. И молила я Бога, чтобы вразумилъ Онъ меня и научилъ, что дѣлать?!.. Знала я, что хлысты не пьютъ и тожъ православные и задумала перейти съ мужемъ къ нимъ. Какъ прослышали о томъ хлысты, такъ сейчасъ: «Д. Т—ва, иди къ намъ! Мы тебѣ и домишко поставимъ и деньжонокъ соберемъ и будетъ тебѣ безпечно у насъ»... И стала я къ нимъ хаживать съ мужемъ,—три мѣсяца ходила. Давали они мнѣ разныхъ книжекъ со стихами читать, да только М. С—чъ повытаскалъ: кому за копейку продать, а то и прямо на шкаликъ смѣняеть!... Разъ позднимъ вечеромъ

привольно и во-очію всѣхъ устраиваютъ свои собранія, продолжающіяся нерѣдко за полночь... Очевидецъ одного изъ такихъ собраній крестьянинъ с. Р—зова В. В—совъ, между прочимъ, сообщаетъ довольно интересныя подробности. Въ ночь подъ 9-е декабря 1899 года въ домъ богатаго крестьянина села Р—зова С. П—чкова ³⁾ собирались мѣстные „постники“, по случаю пріѣзда хлыстовскаго „бога Саваоова“. Входныя ворота зорко охранялись сторожемъ... При появленіи мѣстнаго хлыста И. К—нова, „постники“ всполошились: быстро взяли они его подъ руки и ввели въ обширный залъ, гдѣ женскій хоръ запѣлъ: «тай, тай, ритатай—отворились небеса, покатались колеса, и въ ладошки и въ три ножки»... Тамъ-же пріѣзжій „Саваоовъ“, сѣдой, какъ лунь, старикъ, съ огромной бородой, поднимая руки вверхъ, благословлялъ народъ... Возлѣ него стояли „Спасова икона, осмѣяна, похулена“... Съ правой стороны „Саваоова“ и помѣстился И. К—новъ, гдѣ также „среднихъ“ лѣтъ дѣвица возсѣдала, какъ царица ¹⁾... Среди зала стоялъ „тронъ“, а „на тронѣ—косорукій старецъ съ деревяннымъ костылемъ, именуемый „царемъ“ ²⁾... Возлѣ „трона“—красный столъ; за столомъ—„гражданскіе чины“, а у стола—два провинившихся „постника“ съ слезами раскаянія на глазахъ... Благословивъ народъ, „Саваоовъ“ обратился къ собравшимся съ словами: „сегодня присланъ намъ пакетъ,

пріѣхалъ къ намъ С. П—чковъ и говорить: «собирайся, Д. Т—ва, бери и мужа свою да ѣдемъ къ намъ на собраніе: тамъ все узнаешь про М. С—ча—бросить-ли пить»... Собрались мы и вышли. Смотрю, возлѣ повозки стоитъ женщина и что-то бормочетъ... Я и спросила: кто она будетъ? А С. П—чковъ говоритъ: «Кукушка!» И не въ домыслъ мнѣ было дальше спрашивать... Посадили насъ въ телѣгу, накрыли бѣлымъ покрываломъ и повезли. А мой мужъ опять выпимши былъ!.. Пріѣхали, входимъ въ избу, ведутъ насъ по узкой бѣлой полоскѣ: «тѣсный путь ко спасенію»,—говорятъ, а мой муженекъ все въ сторону шагаетъ: знамо, грѣшная душа!.. Посадили насъ. Гляжу, а среди избы стоитъ много народа кружкомъ, да всѣ въ бѣлыхъ рубахахъ. Вотъ изъ одной комнаты отворилась дверь и изъ нея поползла въ кругъ толстая баба, встала, покрутилась, да что-то бормочетъ и сопить. «Это, говорятъ мнѣ, богородица будетъ; твою духа она кличетъ; какъ накатить онъ на нее, то она тебѣ все предскажетъ». Смотрю, а «богородица» ко мнѣ подошла и дышетъ на меня и что-то непонятное мнѣ въ ухо шепчетъ... «Слушай, говорятъ, а что слушаешь,—я и не знаю: ничего не поняла!.. А она пошла дальше и увидала моего М. С—ча: онъ бѣдный сидитъ и ничего ужъ не видитъ—уснулъ,—что-ли? Постояла она около него и видно замѣтила, что онъ выпимши, да и говорить: «почему не сказали мнѣ, что здѣсь новобранецъ?» Услыхала я, да и подумала: какая она пророчица, коли сама ничего не знаетъ!.. Да дождалась еще немного и ушла: больше и не ходила къ нимъ, а то чужь было совсѣмъ не запропала!.. А «кукушка» тожь ходила за «богородицей», да все дула; она, по ихнему, «высшій духъ» прозывается!»..

1) Къ этой «царицѣ» хлысты «прикладываются»... Она-же и «богородица»...

2) По свидѣтельству того-же и другихъ крестьянъ, отъ каждого, поступающаго въ секту хлыстовъ, требуется отреченіе отъ «вѣрности своему царю земному» и клятвенное обѣщаніе служить особому у хлыстовъ лицу, именуемому также «царемъ».

увѣдомиться про тотъ свѣтъ; надо, братцы, потрудиться, въ этомъ дѣлѣ убѣдиться, сію тайну растворить, все подробно объявить. Просьба отъ важнаго лица—третьей годъ схоранилъ отца; онъ духовно насъ училъ.—каку награду получилъ“?.. Тогда „постники“ стали молиться, старику въ ноги валиться... Между тѣмъ „апостолы и пророки“ облачились въ бѣлые саваны и отдали такой приказъ: „разберитесь всѣ наголо, чтобъ усердіе забрало“!.. И вмигъ огни погасли... Всѣ раздѣлились на парочки и водворилась тишина ¹⁾... Вскорѣ залъ снова освѣтился и сѣвши въ рядъ „постники“ заплѣли: „тай, тай, ритатай, отворились небеса, покатались колеса; Самъ Господь съ небесъ явился, въ храмѣ нашемъ поселился; тай, тай... о, матушка парица, просіяла, какъ зарница; по горенкѣ ходила, Спасителя водила. Тай, тай... духъ небесный на насъ сходить, на путь истины наводить,—разну тайну провѣщаетъ, этимъ церковь насыщаетъ. Тай, тай... мы въ послѣднюю кончину, заслужимъ себѣ по чину,—отъ мѣсяца уберемся, на облацы вознесемъ; на двѣнадцать троновъ сядемъ, людей грѣшныхъ судить станемъ. Тай, тай... всѣ мы крѣпко пригварены, въ книгу снурову введены, въ ней мы кровью расписались, держать клятву общались“!.. Вдругъ въ залѣ появилось что-то похожее на густой паръ и опустилось на хлыстовъ ²⁾. Начиналось предсказанье... Вытянувшись во весь ростъ, „Саваоѣ“ прорицалъ: „въ раю, на лонѣ Авраама, обитель вѣчно его тама. Умѣдомить лицо пакетомъ, разрѣшаю симъ отвѣтомъ“... Послѣ этого предъ „тронамъ“ косорукаго „царя“ появились подсудимые.

¹⁾ Какъ все это не похоже на ту цѣль собраний, которая воспѣвается въ пѣсни Тамбовскихъ хлыстовъ: «вѣсть отъ Бога» —

«Господи, Тебѣ извѣстно,
«Для чего сошлись мы здѣсь!
«Дай-же намъ съ сердцемъ не лестно,
«Высказать всѣ чувства здѣсь.
«Какъ ты въ прошлыхъ дняхъ недѣли
«Всѣхъ изволил насъ водить,
«И желаемъ-ли на дѣлѣ,
«Въ тѣсный путь Христовъ вступить?
«Богъ, Спаситель Иисусе,
«Ты насъ здѣсь благослови,
«Дабы въ братскомъ мы союзѣ,
«Жили въ мирѣ и любви.
«Дай-же намъ *благіе правы*
«Въ здѣшней жизни суетной,
«Чтобъ достигъ намъ вѣчной славы,
«И наслѣдовать покой».

²⁾ Иногда, по свидѣтельству крестьянъ-очевидцевъ, напр., Е. Т—цева, у хлыстовъ на собраніяхъ въ этотъ моментъ въ углу, гдѣ висятъ образа, появляются какіе-то «два ангела», якобы «предсказатели»!..

Косо глянулъ на нихъ „царь“ и грозно произнесъ: „вы хотѣли отъ насъ отбыться, не прійдется этому сбыться; вы отъ міра отреклися ¹⁾, нашей вѣрой завлеклися. Вѣдь мы тоже всѣ говѣли, но причастія не ѣли ²⁾. Еще съ женами своими спите, этимъ церковь вы хулите“!.. Вслѣдъ за раскаяніемъ согрѣшившихъ „постниковъ“ были вынуты изъ бѣлой скатерти пузырьки съ виномъ и узелокъ съ хлѣбомъ, означавшіе „дары православныхъ для таинства причащенія“, надъ которыми хлысты всячески издѣвались и, наконецъ, вынесли ихъ на дворъ, гдѣ положили на столъ и, при тихомъ печальномъ звонѣ, выстрѣлили въ нихъ изъ заряженнаго ружья. Возвратившись въ залъ, хлысты приняли благословеніе отъ „Саваоа“ и разошлись по домамъ.

Выдавая себя за „православныхъ постниковъ“, Тамбовскіе хлысты тѣмъ самымъ успѣшно избѣгаютъ преслѣдованія своихъ собраній полицейскими чинами. Вслѣдствіе этого, г. начальникъ губерніи, по просьбѣ Епархіальнаго начальства въ половинѣ 1900 г., циркулярно разъяснилъ полицейскимъ чинамъ, что „постники“ и „хлысты“ названія тождественныя и что къ „постникамъ“ полностью примѣнимы нынѣ дѣйствующіе законы

¹⁾ Отреченіе отъ міра вытекаетъ изъ слѣдующаго взгляда Тамбовскихъ хлыстовъ на міръ:

I) «Нѣтъ правды на свѣтѣ,
«А истина сирота.
«Ложь на свѣтѣ заступила,
«Цѣлымъ міромъ овладѣла:
«Городами и селами,
«Безобразными семьями,
«Худородными людьми,
«Неправедными судьи—
«Съ малыхъ чинъ до большихъ:
«Вельможами и князьями,
«И попами и царями,
«И бѣдными безчестными,
«И модными богатыми,—
«Служать своему Мамону
«А не богу Саваоу»...
«Я-жъ возьму васъ на поруки,
«Слушайте мои науки:
«На землѣ вы работайте,
«А я съ васъ грѣхъ сниму,
«Суетъ мірскихъ удаляйтесь,
«Гостите во моемъ саду»...

(Изъ «посланія пророка»)

II) Или: «На что день явился?
«На то, чтобы страдать,
«Свѣтомъ озарился,—
«Чтобъ плакать и рыдать!
«Пойду я въ садочекъ,
«Садъ Божій насажденъ;
«Каждый тамъ кусточекъ
«Слезамъ выращенъ...
«Въ мірѣ я родился,
«Имъ-же не прельстился.
«Міръ богатъ безмѣрно,
«Счастье въ немъ измѣнно...
«Въ немъ все то я зрѣлъ,
«И его презрѣлъ.
«Послѣ съ нимъ простился,
«Здѣсь на вѣкъ вселился»...

²⁾ По свидѣтельству многихъ крестьянъ, хлысты, принявши въ церкви святыя дары, не проглатываютъ ихъ, а или выплевываютъ ихъ по выходѣ изъ церкви, или же приносятъ ихъ во рту домой, гдѣ сплевываютъ въ какой-либо сосудецъ, сберегая ихъ для поруганій на своихъ собраніяхъ.

о хлыстахъ. Впрочемъ, должно замѣтить, что, не смотря на цѣлесообразность борьбы съ хлыстами на почвѣ полицейской репрессіи, надѣяться на успѣхъ такой борьбы почти невозможно, такъ какъ повсюду низшіе органы полиціи—(становые пристава и урядники) какъ-бы не замѣчаютъ религіозныхъ безчинствъ... Между тѣмъ хлыстовщина растетъ, весьма искусно пропагандируя и въ чисто православныхъ приходахъ ¹⁾... Духовныя мѣры въ борьбѣ съ ней безсильны, вслѣдствіе ея лицемѣрія, православнаго обличья и скрытности ²⁾... Необходимо ввести въ дѣйствіе строго карательную церковную дисциплину, которая, по нашему мнѣнію, одна въ состояніи успокоить постоянно возмущаемое религіозное чувство православныхъ крестьянъ и отрезвить заблудшихъ. Къ сожалѣнію, примѣненіе такой дисциплины даже съ юридической стороны доселѣ остается въ области проектовъ, а предложенная въ циркулярномъ указѣ Св. Синода отъ 26 мая 1900 г. п. XIII-й мѣра на практикѣ не достигаетъ своей цѣли ³⁾.

V. *Скопчество*. Въ Тамбовской епархіи скопцы пріютились частью въ Моршанскомъ (с. Атмановъ Уголь и Правыя Ламки), а частью въ Козловскомъ (с. Старогаритово) уѣздахъ. Новыхъ адептовъ здѣсь эта секта не имѣетъ, а Старогаритовскіе скопцы проживаютъ въ Петербургѣ у своихъ покровителей ⁴⁾. Впрочемъ, и на селѣ есть одинъ оскотенный старикъ, сильно сѣтующій о своемъ уродствѣ.

Въ обзорѣ современной борьбы съ сектантами въ Тамбовской епархіи я не буду касаться миссіонерской дѣятельности мѣстнаго Казанско-Богородичнаго Братства и его Отдѣленій, такъ какъ таковая ежегодно

¹⁾ За послѣднее время хлысты стали селиться—глухими небольшими деревушками. Въ одной изъ такихъ деревень—Кар. они предъ избами построили «колодцы—журавли», причемъ вкопанный въ землю столбъ представляетъ изъ себя лѣстницу. Во время собраній одинъ изъ хлыстовъ взбирается на вершину столба и глядитъ, не ѣдетъ-ли кто изъ чужихъ? Такой способъ охраны очень удобенъ, такъ какъ за избами тянется степь. Крестьянамъ-же они говорятъ, что «со столбовъ смотреть, нѣтъ-ли пожара»!..

²⁾ Жадно скупаютъ хлысты все, что хотя отчасти обличаетъ ихъ, а иногда просто «стаскиваютъ» у православныхъ противохлыстовскія книжки и брошюры.

³⁾ См. нашу статью: «Тамбовскіе постники».—«Мисс. Обзор.» 1901 г. Февр. 198 стр. примѣч.

⁴⁾ Петербургскіе радѣтели Старогаритовскаго скопчества—это бывшія мѣстныя крестьянки, а нынѣ петербургскіе мѣщанки—три сестры С—ковы. Изрѣдка онѣ наѣзжаютъ въ с. С—ово, откуда увезли къ себѣ въ услуженіе четыре лица женск. пола, которыя, по слухамъ, тамъ оскотены. По словамъ одного очевидца, въ потайной комнатѣ петербургской квартиры С—ковыхъ устраиваются скопческія собранія съ радѣльями. Одного мѣстнаго крестьянина въ П—бургѣ напоили и едва не оскотили... Тамъ-же содержитъ мѣняльную лавку и мѣстный крестьянинъ Т., по словамъ Старогаритовцевъ, также скопецъ...

публикуется имъ въ „Тамбов. Епарх. Вѣдом.“ и отдѣльныхъ печатныхъ оттискахъ, а остановлю свое вниманіе, главнымъ образомъ, на дѣятельности спеціальнаго института мѣстныхъ миссіонеровъ ¹⁾).

Дѣятельность епархіальныхъ противосектантскихъ миссіонеровъ ²⁾ въ 1900-мъ году состояла преимущественно въ посѣщеніи ими почти всѣхъ, зараженныхъ сектами приходоѡ епархіи и особенно главныхъ очаговъ сектантства. О своей миссіонерской дѣятельности во время такихъ поѣздокъ и положеніи миссіонерскаго дѣла въ сектантскихъ приходахъ они, въ потребныхъ случаяхъ, представляли мѣстному преосвященному въ теченіе года особые доклады, а въ концѣ года подробные годовичные отчеты. Изъ отчетовъ епархіальныхъ миссіонеровъ видно, что борьба съ сектантами велась ими лично, главнымъ образомъ, посредствомъ *публичныхъ бесѣдъ*, которыми они старались подорвать въ глазахъ крестьянъ дутый авторитетъ сектантскихъ начетчиковъ и тѣмъ снять умственно-религіозный гнетъ *послѣднихъ съ крестьянъ*. „Публичная защита православія, пишетъ миссіонеръ, и публичное опроверженіе сектантскаго лжеученія поднимаютъ угасающій духъ ревности по православію въ крестьянахъ, побуждаютъ ихъ не только къ храненію православной вѣры, но и къ защитѣ ея, а также располагаютъ крестьянъ къ дѣятелямъ миссій, даютъ послѣднимъ возможность глубже проникнуть въ тайники религіозной жизни народа и подготовить въ его сердцахъ незыблемую почву для воспріятія всѣхъ остальныхъ мѣропріятій церкви къ религіознонравственному просвѣщенію своихъ пасомыхъ“. Посему миссіонеры и прибѣгали къ публичнымъ бесѣдамъ, какъ «къ первому и самому главному средству борьбы своей съ сектантами, проводя, почти во всѣхъ посѣщаемыхъ ими пунктахъ, и особенно во всѣхъ главныхъ очагахъ сектантства рядъ публичныхъ бесѣдъ“ ⁴⁾. Вслѣдъ за публичными бесѣдами миссіонеры всегда прибѣгали и къ *частнымъ собесѣдованіямъ* съ сектантами и колеблющимися—наединѣ или-же въ присутствіи нѣсколькихъ православныхъ ⁵⁾. „Послѣ публичной защиты православія, по сло-

¹⁾ Краткія свѣдѣнія о таковой дѣятельности помѣщаются и въ годовичныхъ отчетахъ названнаго Братства.

²⁾ Въ концѣ 1898 г. открыта въ епархіи и вторая должнѣсть епарх. противосект. миссіонера.

³⁾ Всего публичныхъ бесѣдъ въ 1900 году проведено двумя епарх. противосект. миссіонерами до 160-ти.

⁴⁾ За послѣднее время начетчики сектантоѡ, по словамъ миссіонеровъ, избѣгаютъ публичныхъ бесѣдъ съ ними, строя для сего различныя козни и всячески стараясь не пустить на эти бесѣды слѣпыхъ послѣдователей своихъ. Между тѣмъ, православные съ нетерпѣніемъ ждутъ пріѣзда миссіонера и, за рѣдкими исключеніями, собираются на бесѣды въ весьма большомъ количествѣ.

⁵⁾ Всего частныхъ бесѣдъ проведено въ 1900 году двумя противосектантскими миссіонерами болѣе 250-ти.

вамъ миссіонера, въ душѣ ищущихъ истины, но заблудшихъ зарождается склонность къ православію, просыпается пытливость и возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые нерѣдко также разнообразны, какъ разнообразна религіозная психика крестьянъ. И вотъ религіознымъ запросамъ каждого въ отдѣльности и удовлетворяють частныя бесѣды. Посему, если цѣль публичной бесѣды повліять на цѣлую общину: поднять въ ней массовое религіозное чувство, укрѣпить въ ней извѣстное религіозное міровоззрѣніе и побудить ее даже къ защитѣ его, то цѣль частной бесѣды достигнуть того-же по отношенію къ отдѣльной личности, принявъ во вниманіе ея собственный религіознонравственный обликъ. При этомъ, успѣхъ частныхъ бесѣдъ слишкомъ во многомъ зависитъ отъ успѣха бесѣдъ публичныхъ, такъ какъ внутренняя жизнь обыденной личности находится въ большой зависимости отъ окружающей ее среды». Личнымъ опытомъ миссіонеръ убѣдился въ томъ, что чѣмъ успѣшнѣй проходила публичная бесѣда, тѣмъ больше являлось охотниковъ къ частнымъ бесѣдамъ съ нимъ, тѣмъ откровеннѣй шли эти бесѣды и тѣмъ охотнѣй воспринималось слово миссіонера. Третьимъ средствомъ для борьбы съ сектантствомъ служила миссіонерамъ *церковная проповѣдь*, которой они удѣляли весьма много вниманія, запечатлѣвая ее апологетическимъ, полемическимъ, а въ шундобаптистскихъ приходахъ преимущественно нравообличительнымъ и увѣщательнымъ характеромъ. По замѣчанію миссіонера, въ шундобаптистскихъ селахъ,—гдѣ сектанты изопряхоты въ обличеніи нравственной жизни православныхъ, и показной «святостью» своей жизни доказываютъ правоту своего ученія,—церковная проповѣдь должна носить болѣе частью нравообличительный характеръ. чтобы въ глазахъ крестьянъ снять съ православной церкви нареканіе на нее сектантовъ въ якобы молчаливомъ созерцаніи его моральной распущенности своихъ пасомыхъ. Съ цѣлью на болѣе долгое время запечатлѣть въ умахъ крестьянъ истины православія, миссіонеры раздавали имъ послѣ бесѣдъ брошюры, издаваемые съ миссіонерскими цѣлями редакціей „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ и мѣстнымъ К.-Б. братствомъ въ „Тамбов. Епарх. Лѣтописяхъ“. Убѣдившись личнымъ опытомъ въ громадной пользѣ для миссіонерскаго дѣла отъ *сотрудничества крестьянъ*, миссіонеры употребляли всѣ имѣющіяся у нихъ средства къ привлеченію таковыхъ къ миссіонерской дѣятельности. „Къ этому, пишетъ миссіонеръ, меня побуждало и то соображеніе, что крестьяне ближе меня знакомы съ закулисной жизнью сектантовъ, скорѣе могутъ проникнуть въ нѣдра ея и тѣмъ оказать мнѣ цѣнное подспорье не только въ дѣлѣ изученія сектантскаго быта, но и въ дѣлѣ борьбы съ сектантствомъ и притомъ его-же орудіемъ, то-есть крестьянской-же логикой“. Такіе крестьяне-миссіонеры имѣются въ с.с. Липягахъ. Пановыхъ Кустахъ, Новогаритовѣ, Разказовѣ, Боркахъ и Новотомниковѣ. Особенно должна быть отмѣчена дѣятельность трехъ крестьянъ

въ с. Липягахъ ²⁾, которые, въ силу мѣстныхъ условій, являются иногда почти единственнымъ мѣстнымъ оплотомъ православія въ борьбѣ послѣдняго съ многочисленной и прекрасно организованной здѣсь штундовой общиной.

„Не подлежитъ также сомнѣнію, пишетъ миссіонеръ, что *церковно-приходская школа*, особенно въ лицѣ своихъ учителей, можетъ оказать православной внутренней миссіи большія прямые услуги. Къ сожалѣнію, учителя церковноприходскихъ школъ, за крайне рѣдкими исключеніями, стоятъ въ сторонѣ отъ миссіонерскаго дѣла. Главная причина такой аномаліи скрывается въ плохой матеріальной обезпеченности, крайне не соотвѣтствующей ихъ школьно-миссіонерскимъ трудамъ, вслѣдствіе чего они смотрятъ на свое школьное дѣло, какъ на временное занятіе, а на миссіонерскіе труды, какъ посторонніе имъ, потому что послѣдніе и сложны, и тяжки, и въ большинствѣ бесплатны. Посему я пользовался всѣми, доступными мнѣ средствами, къ поднятію и заведенію школьной миссіи, такъ: руководилъ миссіонерской дѣятельностью учителей, выразившихъ желаніе поработать на миссіонерской нивѣ, ходатайствовалъ въ подлежащихъ сферахъ: объ улучшеніи матеріальнаго быта церковно-школьныхъ учителей въ сектантскихъ пунктахъ съ цѣлью привлечь туда лучшія силы и возможно долѣе задержать ихъ тамъ, объ ассигновкѣ суммъ для вознагражденія пѣвчихъ и регента, о составленіи при школахъ специально противосектантскихъ библіотекъ, о преобразованіи нѣкоторыхъ школъ грамоты въ церковно-приходскія, о назначеніи въ эти школы отдѣльныхъ и соотвѣтствующихъ нуждамъ школьной миссіи учителей, о заведеніи при школахъ воскресныхъ и праздничныхъ чтеній съ туманными картинками. Большая часть этихъ ходатайствъ удовлетворена, а нѣкоторыя еще ждутъ своей очереди.

Миссіонерская дѣятельность *церковныхъ причтовъ*, по словамъ миссіонеровъ, въ большинствѣ случаевъ не отличается желательнымъ успѣхомъ особенно среди низшихъ членовъ клира. Главная причина тому кроется, какъ нужно думать, въ сложности и многосторонности возлагаемыхъ обязанностей на приходскихъ священниковъ. Изъ пастырей-тружениковъ на миссіонерской нивѣ *особенно* выдаются въ борьбѣ съ рационалистическимъ сектантствомъ священники селъ: Новогаритова (о. Миловановъ), Пановыхъ-Кустовъ (о. Ремизовъ) и Разказова (о. Малицкій), а въ борьбѣ съ мистическимъ—священники сс. Перевоза (о. А. Совѣтовъ) и Березовки (Борисоглѣбскаго уѣзда). Съ своей стороны миссіонеры употребляли всѣ, доступныя для нихъ, мѣры къ поднятію церковно-приходской миссіи.

Бывшій Тамбовскій миссіонеръ *Иванъ Айвазовъ*.

Корреспонденція „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, извѣстія и замѣтки.

И з ъ П е р м и .

Памяти въ Бозѣ почившаго миссіонера протоіерея о Стефана Луканина.

Миссія не только Пермской епархіи, но всего Уральскаго края понесла тяжкую утрату въ лицѣ неожиданно для всѣхъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ скончавшагося протоіерея *Стефана Александровича Луканина*, 25 лѣтъ съ честью и пользою потрудившагося на тернистомъ миссіонерскомъ поприщѣ. Выдающаяся личность покойнаго и его *многopлодная* дѣятельность на пользу миссіи побуждаетъ насъ вспомнить почившаго хотя бы въ немногихъ словахъ. Покойный о. Стефанъ Луканинъ родился 20 декабря 1841 года, полное семинарское образованіе получилъ въ Перми, окончивъ курсъ въ 1862 году 4 студентомъ. По отзывамъ его товарищей, Луканинъ, учась въ семинаріи, отличался рѣдкимъ трудолюбіемъ и любовью къ церковности. Архіепископъ Неофитъ, любившій торжественность богослуженій, по рекомендаціи семинарскаго начальства, избралъ Луканина канонархомъ архіерейскаго богослуженія при своей домово́й церкви. Истовое чтеніе юнаго чтеца чрезвычайно нравилось глубокорелигіозному владыкѣ, который и убѣдилъ Луканина, не медля по окончаніи курса, принять священный санъ. Первымъ мѣстомъ пастырскаго его служенія былъ Бикбардинскій заводъ, Осинскаго уѣзда, гдѣ впослѣдствіи о. Луканинымъ былъ основанъ миссіонерскій монастырь, извѣстный подъ именемъ Бѣлогорскаго. Надѣленный отъ природы богатыми дарами ума и сердца, о. протоіерей постояннымъ трудомъ и глубокимъ вниманіемъ къ себѣ умѣлъ воспользоваться ими. Чтеніе священнаго писанія и святоотеческихъ твореній было любимымъ его занятіемъ и при той памяти, которою онъ обладалъ, знаніе библіи было весьма обширно и глубоко. Среди сложныхъ занятій по приходу и школамъ, онъ находилъ время слѣдить за противосектантскою литературою. Замѣчательно, съ какою строгою внимательностію онъ занимался чтеніемъ миссіонерскихъ книгъ: большая часть ихъ испещрена его замѣтками, всегда дѣльными и остроумными.

Служа въ Бикбардѣ, о. Стефанъ открылъ двухклассное училище и занимался въ немъ, вмѣстѣ съ супругою. Только крѣпкій организмъ покойнаго и могъ вынести ту массу труда, какую несъ о. Стефанъ по приходу и школь. Образцовая постановка школьнаго дѣла была отмѣчена

духовнымъ и свѣтскимъ учебнымъ начальствомъ. Епархіальное начальство командировало о. протоіерея на съѣзды о.о. миссіонеровъ въ Москву и Казань. Такъ была плодотворна дѣятельность о. Луканина на первомъ мѣстѣ его пастырскаго служенія. Съ переводомъ въ село Асовъ, Кунгурскаго уѣзда, о. Стефанъ снова посвятилъ себя дѣлу народнаго просвѣщенія и чтобы имѣть вліяніе на ходъ учебнаго дѣла и другихъ училищъ, онъ былъ избранъ членомъ учительскаго совѣта Кунгурскаго уѣзда. Благочестіе и набожность, смиреніе и доступность—вотъ его свойства, извѣстныя народному учителю того района школъ, наблюденіе надъ которыми было поручено о. Стефану. Учителя видѣли въ немъ не только начальника, но рѣдкаго по отзывчивости человѣка и опытнаго руководителя. При постоянномъ самонаблюденіи и опытности въ жизни, въ нравственномъ характерѣ его раскрылось свойство духовности, которая была драгоцѣнна для имѣвшихъ нужду въ помощи духовной: слово его проникало въ глубину духа и было отрадно и успокоительно для слушателя. Если кто знакомъ съ исторіею бунта крестьянъ Асовской волости, Кунгурскаго уѣзда, имѣвшаго мѣсто въ началѣ 60-хъ годовъ, тотъ знаетъ, сколько внесено добрымъ пастыремъ успокоенія въ броженіе умовъ темной народной массы. За это трудное дѣло въ духѣ пастырской кротости и любви о. Стефану была выражена епархіальнымъ начальствомъ глубокая благодарность. Вслѣдъ за симъ онъ назначается миссіонеромъ Кунгурскаго уѣзда съ переводомъ къ Кунгурскому Благовѣщенскому собору, откуда былъ часто временно вызываемъ для публичныхъ бесѣдъ съ раскольниками въ Екатеринбургское викаріатство. О. Луканинъ, какъ опытный миссіонеръ-собесѣдникъ, былъ настолько извѣстенъ, что его вызывали для бесѣдъ съ раскольниками въ г.г. Оренбургъ и Самару. Отдаленность постоянного его мѣстожителства отъ епархіальнаго города и бесѣды его въ епархіальной часовнѣ братства Святителя Стефана побудили о. Стефана перевестись въ Пермь, гдѣ ему была предоставлена должность епархіальнаго миссіонера и священника при церкви Успенскаго женскаго монастыря. Это время было расцвѣтомъ миссіонерской дѣятельности о. Стефана, которая будетъ вписана крупными штрихами на страницы исторіи Пермской миссіи. О. Стефанъ привлекъ въ лоно православной церкви нѣсколько главарей раскола и исходатайствовалъ имъ разныя должности по епархіальному вѣдомству. Благодаря такимъ вѣрнымъ мѣропріятіямъ, расколъ въ своихъ центрахъ, какъ, напримѣръ, въ Васильевской волости, Пермскаго уѣзда, былъ такъ сильно потрясенъ, что цѣлыя деревни, во главѣ съ начетчиками, примкнули къ православной церкви, а расколыничьи молебни, какъ Евтинская и другія, были обращены въ православные храмы. Но чтобы имѣть прочный алтарь православной миссіи и дабы преподавать примѣръ истоваго церковнаго богослуженія, о. Стефанъ создалъ миссіонерскій монастырь на Бѣлой горѣ, Осинскаго уѣзда, во главѣ

котораго поставленъ человѣкъ съ твердыми убѣжденіями и рѣдкою молитвенною настроенностію. Лицо это было обращено о. Стефаномъ изъ раскола и вполне оправдало его ожиданія: весь строй Бѣлогорскаго монастыря направленъ и держится этимъ самородкомъ,—мужемъ силы и правды, проповѣдникомъ истины, о которыхъ апостолъ говоритъ: „въ чистотѣ, разумѣ, въ долготерпѣніи, въ благоуменіи, въ любви нелицемѣренъ, въ словесахъ истины, въ силѣ Божіей, въ оружіи правды десными и шуйми... Яко скорбяще, присно же радующеся, яко нищи, а многихъ богатые, яко ничтоже имущи, но вся содержаще“. Если таковъ начальникъ иноковъ основаннаго о. Луканинымъ монастыря, то про основателя этой обители можно выразиться словами апостола: „всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу“. Эта-та дѣятельность, эта разумная опытность въ дѣлахъ миссій обращали на него вниманіе власти епархіальной. Пермскіе архипастыри, при которыхъ ему суждено было проходить первоначальное миссіонерское служеніе, состояли въ личной съ нимъ перепискѣ, цѣнили его умъ, знаніе раскола, пользовались его опытами въ дѣлѣ миссій и съ полнымъ довѣріемъ утверждали разныя мѣропріятія, клонящіяся къ пользѣ православной церкви. Энергія почившаго съ дѣломъ миссій была настолько сильна, что даже враги его—у кого ихъ нѣтъ—вынуждены были сознать его превосходство надъ собой. Число почитателей его росло и онъ сдѣлался однимъ изъ популярныхъ и авторитетныхъ дѣятелей на Уралѣ. Но видно для всякаго добродѣланія необходимо испытаніе посредствомъ скорбей: безъ этого никакое наше вѣнчаніе не будетъ имѣть цѣны въ очахъ Того, Кто одинъ даетъ цѣну всей дѣятельности своихъ вѣрныхъ рабовъ. О. Стефанъ въ концѣ 90 годовъ неожиданно для себя и всѣхъ, близко знавшихъ незаурядную личность и постоянную дѣятельность о. Луканина, получилъ отъ мѣстной власти увольненіе отъ должности епархіальнаго миссіонера, а вскорѣ былъ совсѣмъ лишенъ мѣста въ епархіальномъ городѣ и назначенъ въ заводъ Дедюхинъ, Соликамскаго уѣзда. Вышедши въ Перми за штатъ, по случаю антигигіеническихъ условій въ заводѣ Дедюхинѣ, о. Стефанъ пользовался горячимъ сочувствіемъ истинныхъ своихъ друзей и безропотно несъ дни испытаній. За два года до смерти о. протоіерей снова занялъ почетную въ епархіи должность духовника родной семинаріи, въ которой и состоялъ до послѣднихъ дней своей многотрудной жизни.

Умолкло живое слово о. Стефана. Онъ былъ еще въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ и духовныхъ дарованій. Неумоимо дѣятельный, непрестанно заботливый, о. Стефанъ, какимъ онъ остался до послѣднихъ дней жизни, оставилъ многочисленныхъ учениковъ и почитателей. Похороны его собрали многочисленную публику изъ разныхъ слоевъ общества. Торжественное отпѣтіе покойнаго о. миссіонера было совершено обрими Пермскими архипастырями, почтившими его заслуги предъ Пермскою церковью

прочувствованными рѣчами. Независимо отъ сего, произнесены были рѣчи воспитанниками семинаріи и иноками основаннаго имъ монастыря.

Тяжела эта потеря для Пермской миссіи, ибо она лишилась въ лицѣ о. Луканина незамѣнимаго борца за родное православіе и рѣдкаго знаатока раскола. Не менѣе ощутительна утрата и для родной семинаріи,—это былъ добрый пастырь, руководилъ духовнымъ юношествомъ и словомъ и благоговѣйнымъ священнодѣйствованіемъ и примѣромъ жизни своей, умъ и сердце его были постоянно направлены къ Богу. Молитва составляла для него и насущную потребность души. И что за молитва была у него? Воистину она была возношеніемъ ума и сердца къ Богу, дѣятельностію его вѣрующей, благоговѣйно настроенной души, а не простымъ вычитываніемъ словъ молитвы. Такъ въ молитвѣ онъ былъ благоговѣнъ и сосредоточенъ!

Безобидно протекли многіе годы трудовой и многоплодной жизни этого даровитаго въ высшей степени скромнаго человѣка. Исторія пермской епархіи не забудетъ имя о. протоіерея Стефана Луканина и отведеть ему на страницахъ своихъ заслуженное почетное мѣсто.

Священникъ *Іаковъ III*—*ковъ*.

Изъ Измаила.

Предсмертное вразумленіе раскольницы и обращеніе ея въ православіе.

Въ городѣ Измаилѣ, Бессарабской губерніи, около 30 лѣтъ тому назадъ совратился изъ православія въ расколъ австрійскаго согласія Измаильскій житель Георгій Поповъ и обвинчался въ расколѣ съ старообрядкою австрійскаго согласія Меланією Поликарповною, урожденною Мельниковою. Вскорѣ Поповъ оставилъ расколъ, а жена его продолжала жить съ нимъ, не разрывая связи съ расколомъ. Дѣти ихъ крещены и воспитываются въ православіи. Но вотъ раскольница Меланія Попова серьезно заболѣла: до праздниковъ Рождества Христова она болѣла дома, а послѣ праздниковъ поступила въ мѣстную городскую больницу. Черезъ двѣ недѣли болѣзнь ея (чахотка) приняла острый характеръ и возбудила серьезное опасеніе. Поэтому мужъ взялъ ее домой и сталъ готовить все необходимое къ погребенію, предоставивъ ей полное право получить напутствіе въ жизнь вѣчную отъ Измаильскаго „протопопа“ австрійскаго согласія Трофима Чигина. Дѣти окружили больную свою мать Меланію и со слезами на глазахъ заговорили: „дорогая мама! Ты насъ родила, ты насъ вскормила, ты здѣсь на землѣ съ нами жила, ты имѣешь и умершихъ дѣтей. Послѣ смерти ты не можешь быть вмѣстѣ съ своими умершими дѣтьми, и дѣти не будутъ съ тобою, и мы, живые, послѣ своей смерти не будемъ съ тобою и ты не будешь съ нами. Насъ и здѣсь и тамъ раздѣляетъ вѣра, мы—православные, а ты—старообрядка, мы будемъ

судимы по нашему закону, а ты по старообрядскому, и вмѣстѣ не можемъ быть. Неужели ты насъ не любишь и не желаешь и за гробомъ быть съ нами?" На такой вопль дѣтей больная мать сказала: „дѣти мои милыя и дорогія! Невыразимо грустно и тяжело, что я умираю и послѣ смерти не буду съ своими умершими дѣтьми и съ вами послѣ вашей смерти; трудно мнѣ отказаться отъ васъ, но еще труднѣе ради васъ отказаться отъ вѣры своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Но изъ любви къ вамъ я буду просить Бога, чтобы Онъ Самъ открылъ мнѣ истинную вѣру, въ которой можно спастись, и чтобы Онъ вразумилъ меня предъ смертью, чья вѣра правая и спасительная—наша старообрядческая, или же православная“. Послѣ этихъ словъ больная Меланія Попова, урожденная Мельникова, попросила своихъ дѣтей пойти спать и оставить ее одну, для отдыха и молитвы. О чемъ и какъ молилась больная, никому не было извѣстно, извѣстно только то, что на слѣдующій день, въ среду, тяжело больная Меланья попросила своего мужа пригласить для напутствія ея старообрядческаго протопопа Трофима Чигина. Послѣдній не замедлилъ явиться въ сопровожденіи сестеръ больной, старообрядокъ австрійскаго согласія, Даріи, жены уставщика старообрядческаго „каедральнаго собора“ въ Измаилѣ Θεодора Θεадѣева, и Іулиты Куцѣпаловой. Протопопъ исполнилъ свой долгъ—преподаль больной мнимое напутствіе въ жизнь вѣчную, послѣ чего поспѣшно вышелъ изъ комнаты, гдѣ была больная, и ушелъ домой.

Черезъ пять минутъ послѣ сего больной дурно стало, появилась тошнота и открылись рвоты, которыя продолжались около двухъ часовъ и чуть не прекратили жизнь больной и которыя исторгли изъ больной все, преподанное ей раскольниковымъ протопопомъ подъ видомъ „напутствія въ жизнь вѣчную“. Сестры больной, старообрядки Дарія и Іулита, съ содроганіемъ и сокрушеніемъ сердца собрали все, выброшенное больною, наполнили содержимымъ два платка и, какъ „святыню“, отнесли своему протопопу Трофиму Чигину и рассказали ему о случившемся. Чигинъ не только смутился, но даже отъ волненія заболѣлъ и не зналъ, что дальше предпринять въ отношеніи къ больной.

Больная сама вывела всѣхъ, въ томъ числѣ и раскольниковскаго протопопа, изъ недоумительнаго положенія. Она сказала своимъ домашнимъ и своимъ сестрамъ, старообрядкамъ, и другимъ старообрядцамъ, присутствовавшимъ въ то время въ домѣ ея мужа, слѣдующее: „я просила Бога открыть мнѣ истину, показать мнѣ правую вѣру и тѣмъ успокоить меня за гробомъ; Богъ открылъ мнѣ послѣ молитвы, что то причастіе есть истинное Тѣло и Кровь Христова, которое удержится во мнѣ, а то, которое не удержится и выброшено будетъ мною, не истинное Тѣло и не истинная Кровь Христа. Я причастилась отъ старообрядческаго протопопа Трофима Чигина и причастіе, имъ преподанное, во мнѣ не удержалось, но выбро-

шено было посредствомъ рвоты, какъ всѣ знаетъ. Значить, старообрядческій протопопъ и всѣ старообрядческіе попы не преподають людямъ пречистое Тѣло и Кровь Христа, Спасителя міра, и только одинъ простой хлѣбъ и простое вино, значить они не истинные попы. Поэтому я желаю присоединиться къ православію и причаститься святыхъ Таинъ отъ православнаго священника. О старообрядчествѣ и о попахъ австрійскаго постановленія мнѣ болѣе не говорите“. Послѣ этихъ словъ, весьма утѣшительныхъ для домашнихъ и громозно поразительныхъ для старообрядцевъ, больная попросила своего мужа пригласить православнаго священника для присоединенія къ православной Церкви и для напутствія въ жизнь вѣчную. Мужъ, желая дать женѣ возможность зрѣло обсудить такой важный шагъ, какъ перемѣна вѣры, не тотчасъ исполнилъ просьбу ея, но на другой только день, въ четвергъ, 13 февраля, пригласилъ настоятеля Измаильскаго Свято-Покровскаго собора, священника Іоанна Кириллова, соборнаго діакона Василія Стойнова и псаломщика Іакова Помазана для сказанной надобности.

Причтъ въ поименованномъ составѣ, убѣдившись чрезъ личный спросъ въ искреннемъ желаніи больной оставить расколъ и присоединиться къ святой православной Восточно-Каѳолической Церкви, приступилъ къ совершенію установленнаго чинопослѣдованія, послѣ чего совершенно было надъ больною освященіе воды. Больная, послѣ присоединенія къ Святой Церкви, въ присутствіи слѣдующихъ лицъ: Анисіи Бендерской, Дмитрія Кенева, жены Никиты Иванова и нѣкоторыхъ другихъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, радостно возгласила: „какъ мнѣ легко, какъ мнѣ пріятно, какъ будто меня помазали самыми пахучими ароматами и духами, какъ будто вся комната моя наполнилась несказанно ароматнымъ воздухомъ! Слава и благодареніе Господу Богу, меня просвѣтившему!“

На другой день, въ пятницу 14 февраля, больная въ полномъ сознаніи и раскаяніи изъ рукъ того же настоятеля соборной церкви, священника Іоанна Кириллова, сподобилась принять пречистое Тѣло и Честную Кровь Христа Спасителя—напутствіе и залогъ жизни вѣчной. Послѣ святаго причащенія она чувствовала себя бодро и жизнерадостно и сказала всѣмъ во всеуслышаніе, что теперь и смерть для нея не страшна: такъ ей отрадно и свѣтло на душѣ. Скончалась раба Божія Меланія, какъ истинная дочь Церкви Христовой, 2 марта сего года, по христіански: безболѣзненно, мирно и непостыдно, и погребена на православномъ кладбищѣ. Чинъ погребенія совершили вполнѣ уставно тѣ же чины соборнаго причта и ни однимъ дѣйствіемъ не соблазнили толпу старообрядцевъ, сопровождавшихъ покойную и присутствовавшихъ въ кладбищенской церкви при отпѣваніи. Зорко слѣдилъ за совершеніемъ чина погребенія уставщикъ Измаильскаго „кафедральнаго“ старообрядческаго собора Ѳеодоръ Георгіевъ Ѳадѣевъ: онъ засвидѣтельствовалъ предъ всѣми

старообрядцами, что священникъ Іоаннъ Кирилловъ совершилъ чинъ погребенія вполнѣ уставно.

Кишинев. епарх. мисс. свящ. *Ф. Воловскій.*

Изъ Черниговской губерніи.

(Похороны бѣглаго попа Николая).

Недавно вѣтковская бѣглопоповская раскольничья паства лишилась своего духовнаго отца и руководителя: 30 января сего 1904 умеръ отъ водянки бѣглый попъ Николай Добромысловъ. Пагубная страсть къ рюмочкѣ свела этого несчастнаго іерея преждевременно въ могилу. Покойный о. Николай происходилъ изъ священниковъ Нижегородской епархіи, былъ раньше военнымъ и въ расколъ поступилъ лѣтъ восемь тому назадъ. Пріѣхалъ онъ въ Вѣтку по рекомендаціи извѣстнаго ревнителя бѣглопоповства, нижегородскаго купца Бугрова, съ женой и малолѣтней дочерью, и съ того времени управлялъ вѣтковской бѣглопоповской паствой, дѣлая иногда поѣздки и по другимъ мѣстамъ для исправленія требъ у раскольниковъ. Предаваясь пьянству и особенно предосудительному у раскольниковъ—куренію „треклятаго зелья“—табаку, покойный не пользовался у бѣглопоповской паствы особымъ почетомъ. Похороны о. Николая происходили 1-го февраля и отличались большою торжественностью. Покойнаго одѣли въ дорогія ризы; гробъ былъ обитъ свѣтлоголубой матеріей и украшенъ бѣлымъ гласетомъ; на погребеніи присутствовало много раскольниковъ-прихожанъ покойнаго, были и пріѣзжіе изъ другихъ мѣстъ, узнавшіе о смерти попа. Погребеніе совершалъ бѣглый попъ Ильѣ, духовный отецъ покойнаго, вызванный для этого по телеграфу изъ посада Лужковъ, Черниговской губ. Передъ самымъ отпѣваніемъ въ моленной произошелъ скандалъ. Дѣло въ томъ, что одновременно съ Ильею прибылъ въ Вѣтку на погребеніе и другой бѣглый попъ Павелъ, тоже изъ посада Лужковъ. Этого Павла покойный о. Николай принималъ въ расколъ.

Надо знать, что между Павломъ и Ильею (вѣрнѣе между ихъ руководителями: попечителями, уставщиками) происходитъ непримиримая вражда. Ильѣ не признаетъ Павла правильнымъ священникомъ на томъ основаніи, что онъ, Павелъ, по рожденію безпоповецъ и при переходѣ въ православіе не былъ правильно „довершенъ“, т. е. надъ нимъ не былъ вычитанъ чинъ крещенія съ погруженіемъ ступней ногъ въ воду, какъ это дѣлается у раскольниковъ, а только совершено надъ нимъ миропомазаніе; такимъ образомъ, по толкованію лужковскихъ раскольничьихъ талмудистовъ, Павелъ имѣетъ будто бы неполное крещеніе. Во-вторыхъ, Павелъ въ безпоповствѣ же былъ женатъ и жилъ съ женою не вѣнчавшись, за что

Илья считалъ его явнымъ блудникомъ.—Въ третьихъ—Павель за свое бѣгство въ расколъ былъ судимъ своимъ епархіальнымъ начальствомъ, отбывалъ наказаніе; послѣ чего, будучи опредѣленъ на приходъ, снова бѣжалъ въ расколъ, гдѣ и былъ принятъ по 3-му чину покойнымъ о. Николаемъ. Въ Лужкахъ между Павломъ и Ильею существуетъ формальное раздѣленіе, вѣтковцы же къ обоимъ попамъ относятся съ одинаковымъ почтеніемъ, считая того и другого правильными попами. Павель, главнымъ образомъ, и ѣхалъ на похороны съ тою цѣлью, чтобы доказать противной сторонѣ, что онъ дѣйствительно попъ правильный, такъ какъ надѣялся, что вѣтковцы позволятъ ему служить совмѣстно съ Ильею при погребеніи его „духовнаго отца“ попа Николая. Сами по себѣ вѣтковцы ничего не имѣли противъ совмѣстнаго служенія поповъ, но противъ этого возсталъ сопровождавшій попа Илью лужковскій уставщикъ Илья Комаровъ. Лишь только Павель, въ сопровожденіи своего попечителя Власа Ив. Богомолова и иконописца Григорія (книгочій и риторъ), вошелъ въ моленную и обнаружилъ желаніе облачиться,—Комаровъ сталъ энергично протестовать, а попъ Илья заявилъ, что если Павель не уйдетъ,—онъ отказывается совершать погребеніе. Въ моленной поднялся невообразимый шумъ. Народъ раздѣлился на двѣ партіи: одни стояли за то, чтобы погребеніе было совершено двумя попами и желали допустить Павла, другіе, боясь какъ бы Илья на самомъ дѣлѣ не ушелъ (ибо тогда некому было бы читать надъ умершимъ разрѣшительную молитву), склонялись на сторону послѣдняго. Въ концѣ концовъ попъ Павель долженъ былъ уйти (говорятъ, будто-бы со слезами) изъ моленной, и Илья одинъ совершилъ погребеніе. Послѣ этого гробъ былъ поднятъ, и торжественная процессія раскольниковъ съ пѣніемъ „святый Боже“ направилась по улицамъ мѣстечка къ кладбищу, гдѣ Илья, вновь облачившись, прочиталъ надъ умершимъ разрѣшительную молитву и предать землѣ тѣло его.

Комаровъ торжествовалъ... Желая еще болѣе унижить Павла, онъ на другой день (Срѣтеніе Господне) послѣ обѣдни остановилъ народъ въ моленной и просилъ вѣтковцевъ собраться къ вечерни въ возможно большемъ количествѣ, такъ какъ, по его словамъ, онъ имѣлъ передать нѣчто важное, касающееся и ихъ. Когда вѣтковскіе заправилы замѣтили Комарову, что они готовы и сейчасъ выслушать его, послѣдній, выйдя на амвонъ, началъ всячески поносить бѣглаго попа Павла и доказывать его неправильность, при чемъ укорялъ вѣтковцевъ въ томъ, что они неправильно приваили его. Въ концѣ рѣчи Комаровъ указалъ на то, что, если вѣтковцы не откажутся отъ Павла,—лужковцы могутъ порвать съ ними общеніе.

Вѣтковцы очень основательно возражали Комарову, что если не считать миропомазаніе православной церкви восполняющимъ, безпоповское крещеніе, то нужно будетъ признать недѣйствительнымъ и рукоположеніе велико-

россійскихъ поповъ; также основательно защищали Павла и противъ обвиненія въ любодѣянїи, относительно же вторичнаго принятія его въ расколъ 3-мъ чиномъ, а не 2-мъ, какъ того требовали лужковцы, сказали, что иначе нельзя было и поступить, такъ какъ Павелъ былъ уже однажды принятъ въ расколъ подъ „миро“. О враждѣ вышеозначенныхъ поповъ вѣтковцы разсуждаютъ такъ, „оба-де попа правильны, а что они между собою ссорятся, это до насъ не касается“. Защищали Павла также и его попечитель Власть и книжничій Григорій. Такъ окончились похороны бѣлаго попа Николая.

Въ прїемники о. Николаю вѣтковцы уже разыскиваютъ другого священника. Съ этой цѣлью уже посланъ въ Нижегородскую губернію къ вышеупомянутому поставщику бѣглыхъ поповъ Бугрову вѣтковскій уставщикъ Георгій Семеновичъ Соколовъ. На-дняхъ отъ него получено открытое письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ, что „садовникъ“ найденъ, но нужно повременить. Въ народѣ ходятъ также слухи, что вѣтковскій попечитель раскольнической моленной получилъ будто бы отъ того же Соколова телеграмму такого содержанія: „Ѣдемъ съ товаромъ!“

Мы нисколько не сомнѣваемся, что поѣздка Г. С. Соколова увѣнчается успѣхомъ. Опять вѣтковцы привезутъ себѣ бѣлаго пастыря, подвергнуть его извѣстному чинопрїятію, черезъ что онъ, по ученію уважаемыхъ старообрядцами старопечатныхъ книгъ, обнажится священнаго сана и сдѣлается „мірскимъ человѣкомъ“ (Кормчая, гл. 37), а потомъ вручатъ ему свои души. Насколько подобный способъ прїобрѣтенія священниковъ отвѣчаетъ ученію свѣщ. писанія, пусть разсудятъ имѣющіе совѣсть старообрядцы!

Григорій Дрибинцевъ.

Раскольничья архіерейская каведра и «Аввакумовское» братство въ столицѣ.

Ревнители древняго благочестія австрійскаго раскольничьяго толка давно желѣли мечту учредить въ столицѣ каведру своего епископа. Года три назадъ состоялось и постановленіе нижегородскаго ярморочнаго собора „старообрядческихъ епископовъ“ объ открытіи новой „старообрядческой епископіи въ столицѣ, съ присвоеніемъ епископу титула „Кронштадтскаго“.

Но, назначеніемъ радѣтели австрійскаго раскола медлили, узнавъ, между прочимъ, о негодованіи о. Іоанна Кронштадтскаго. Настоящій моментъ признанъ, очевидно, благопрїятнымъ и раскольничьимъ епископомъ въ столицѣ поставленъ вдовый австрійскаго священства попъ Василій, съ именемъ Виталія. Съ присвоеніемъ новому лжеепископу титула уже не Кронштадтскаго, а Тверскаго и Петербургскаго. Каведральная моленная назначена на Охтѣ по Порховской улицѣ. Содержаніе новому „старообрядческому архіерею“ определено частію изъ доходовъ мѣстныхъ раскольничьихъ поповъ, которыхъ въ столицѣ числится пять, частію отъ мѣстнаго раскольничьяго „братства Зизанія и Аввакума“, возведенныхъ рас-

кольниками во святыя. Надъ учрежденіемъ братства этого работали проживавшій здѣсь въ послѣдніе годы Мельниковъ, а также наѣзжавшіе часто Бриллиантовъ и лжеепископъ Иннокентій Усовъ.

„Братство Зизанія и Аввакума“ насчитываетъ до 100 членовъ изъ вліятельныхъ представителей мѣстнаго старообрядчества и имѣетъ задачей упрочивать расколъ и служить связующимъ звеномъ съ другими центрами раскола и распорядительнымъ и справочнымъ пунктомъ. Въ силу этого и столичная архіерейская канцелярія имѣетъ, повидимому, важное въ раскольникѣмъ мірѣ „дипломатическое“ назначеніе.

Братчики имѣютъ соборныя собранія, на которыхъ читаются доклады и ведутся жаркія обсужденія текущихъ вопросовъ.

Новый законъ 10 мая с. г. о работѣ въ праздничные дни.

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ законамъ, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено:

„Добровольное занятіе работою въ воскресные, праздничные и торжественные дни церковные и гражданскіе предоставляется усмотрѣнію каждаго, и никакая власть не должна чинить трудящимся какихъ-либо въ семъ препятствій“.

II. Исключить изъ статей 300 общаго учрежденія губернскаго (свод. зак. т. II, изд. 1892 г.) и 24 устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (свод. зак. т. XIV, изд. 1890 г.) содержащееся въ нихъ указаніе на воспрещеніе производства въ воскресные и праздничные дни публичныхъ работъ.

Мельниковъ живъ.

Извѣстный своимъ продерзостнымъ языкомъ апологетъ раскола Ѳеодоръ Мельниковъ истекшею зимою куда то таинственно исчезъ. Въ „Нов. Вр.“ была телеграмма изъ Брянска, что Мельниковъ скоропостижно скончался въ гостинницѣ, о чемъ было сообщено и въ другихъ газетахъ. Но затѣмъ слухъ этотъ былъ раскольниками опровергнутъ. Однако Мельниковъ положительно нигдѣ не появлялся на бесѣдахъ. Говорили, что онъ выѣхалъ за границу съ важнымъ и таинственнымъ порученіемъ по книгоиздательской части. Но надняхъ Мельникова встрѣтилъ нашъ корреспондентъ въ раскольникѣй обители въ Черниговской губерніи—„въ Полосѣ“, резиденціи Балтскаго австрійскаго архіерея. Корреспонденту показалось, что Мельниковъ былъ смущенъ неожиданною встрѣчею и проживаетъ тамъ только „инкогнито“.

Корреспондентъ нашъ заподозрѣваетъ въ этомъ безвѣстномъ и безмолвномъ пребываніи прославленнаго апологета что-то загадочное. Въ раскольникѣмъ-же мірѣ объясняютъ исчезновеніе съ столичнаго горизонта Мельникова и пребываніе его въ Полосѣ якобы епитимійнымъ злоключеніемъ. А намъ думается, не готовится-ли Ѳеодоръ Ефимовичъ, слѣдуя по стопамъ своего друга и коллеги Усова,—постомъ и молитвою къ новой епископской канцеляріи.

Въ Вятской епархіи открыто съ разрѣшенія Св. Синода 7 новыхъ вакансій окружныхъ миссіонеровъ съ обезпеченіемъ изъ мѣстныхъ средствъ.

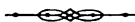
Обращеніе штундистки въ православіе.

Жителямъ сл. Кантакузово, Валковского у., Харьковск. г., и ихъ съѣдямъ въ день антипасхи выпало на долю счастье присутствовать при торжественно совершенномъ чинѣ присоединенія къ православію бывшей штундистки, Ѳеклы Спиридоновны Симмоненковой, крестьянки сл. Николаевки. Николаевка—старый центръ валковского штундизма. Ѳ. Симмоненкова болѣе шести лѣтъ пробыла внѣ единенія съ православною церковью, не исповѣдывалась и не принимала Св. Тайнъ Христовыхъ. Ея отецъ и мать—одни изъ первѣйшихъ штундистовъ въ своей деревнѣ и отличаются особеннымъ упорствомъ въ своемъ лжеученіи. Изъ двухъ ея братьевъ младшій обучается въ недавно открытой въ Николаевкѣ церковно-миссіонерской школѣ; а старшій, послѣ семилѣтняго сильнаго тяготѣнія въ сторону штундизма, прошлымъ великимъ постомъ покался, публично далъ обѣщаніе никогда не измѣнять св. церкви. Симмоненкова болѣе полугода не рѣшалась разойтись съ отцемъ и матерью, деспотичными штундистами. Но добрый примѣръ брата и еще нѣкоторыхъ односельчанъ влилъ въ ея душу мужество и она, несмотря на всѣ препятствія, безповоротнo рѣшила очиститься отъ прежнихъ заблужденій и навсегда войти въ ограду всепрощающей матери—св. церкви православной.

Возсоединена была Симмоненкова третьимъ чиномъ. Самое присоединеніе ея было совершено въ промежутокъ между часами и литургіей. Въ концѣ литургіи, послѣ „Буди имя Господне“... священникъ въ соответственномъ словѣ поздравилъ возсоединенную съ возвращеніемъ ея на путь истины и принятіемъ Св. Тѣла и Крови Христовыхъ; въ своемъ словѣ батюшка подчеркивалъ при этомъ ту мысль, что еще большую радость доставить обращенная небесамъ, если безропотно перенесетъ теперь всѣ ожидающія ее дома напасти, кротостью и терпѣніемъ умягчить сердца своихъ родителей и тѣмъ самымъ побудить ихъ, вслѣдъ за благоразумными сыномъ и дочерью, сбросить добровольно надѣтое ими на себя ярмо отца лжи.

По окончаніи литургіи, предъ молебномъ „объ обращеніи заблудшихъ“, священникъ сказалъ вторую рѣчь, предназначенную для всѣхъ молящихся. Въ ней онъ указалъ слушателямъ на ободряющее значеніе для православнаго населенія случаевъ обращенія сектантовъ и просилъ своихъ пасомыхъ всегда содѣйствовать ему въ великомъ дѣлѣ миссіонерствованія, приведши имъ, какъ высокое побужденіе къ этому, слова апостола: „братья, если кто изъ васъ уклонится отъ истины, и обратитъ кто его, пусть тотъ знаетъ, что обратившій грѣшника отъ ложнаго пути его спасетъ душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ“. (Іак. 5, 19—20).

Въ пользу обращенной была собрана посильная матеріальная помощь. Дай, Господи, намъ. въ нашей тревожной жизни, побольше такихъ дней, дней побѣды надъ тьмою и—всеобщаго отрезвленія и ободренія.

О Т К Л И К И.

Нѣсколько христіанскихъ мыслей о предопредѣленіи Божіемъ.

Въ эти дни, когда неожиданная война рѣшаетъ судьбу двухъ великихъ народовъ и тысячи человѣческихъ жизней стоятъ предъ роковою тайною счастливаго или несчастнаго случая, мысль христіанина съ особою силою ставитъ вопросъ о судьбѣ человѣческой и о предопредѣленіи Божіемъ. Различное рѣшеніе этого вопроса даетъ различное настроеніе цѣлымъ народамъ, а въ области религіи сопровождается даже ересями и сектантствомъ. Судьба!.. Нѣтъ человѣка, который не вкладывалъ бы въ это загадочное слово самаго жизненнаго смысла. Вотъ среди тяжкихъ житейскихъ невзгодъ наступаетъ для человѣка полоса лучшаго существованія, — говорятъ: ему улыбнулась судьба! Упрочились благопріятныя обстоятельства жизни и уже думаютъ, что судьба благопріятствуетъ человѣку, уже говорятъ о ней, уже завидуютъ счастливой судьбѣ человѣка. Но вотъ счастье измѣняется. То, что казалось прочнымъ, рушится, что казалось вѣрнымъ, обеспеченнымъ, оказывается построеннымъ на пескѣ: какая горечь утраченнаго счастья, сколько проклятій злодѣйкѣ — судьбѣ!.. Одна шальная пуля на войнѣ рѣшаетъ судьбу человѣка...

Надъ всею жизнію человѣческою какъ будто виситъ что-то неотвратимое, неизбѣжное, какой-то сверхчеловѣческій планъ, какая-то подавляющая сила... Судьба, рокъ, предназначеніе, предопредѣленіе!.. Мысль объ этихъ господствующихъ надъ міромъ силахъ пробивается сквозь самое смутное сознаніе дикаря, она вноситъ ужасъ тамъ, гдѣ душа не просвѣщена религіей, она вызываетъ безсильный протестъ злобы и отчаянія у невѣрующаго и только въ сознаніи истиннаго христіанина она освѣщается свѣтомъ истины и оживотворяется теплотою благодати, опредѣляя

спокойное и уравновѣшенное теченіе нашей земной жизни при всѣхъ превратностяхъ судьбы.

Судьба человѣчества неразрывно соединена съ волею Божіею. Это сущность всякой религіи. Но языческій міръ думалъ и думаетъ, что воля Божества не различаетъ добра и зла, что судьба человѣчества въ рукахъ Божества—игра Его прихоти и произволенія. Лучшее для человѣка—отдаться волѣ Божества безъ всякой попытки сознательнаго и самостоятельнаго усвоенія этой Воли. Недаромъ буддизмъ религія «недвижнаго Китая», который, какъ загадочный Сѣянецъ, стоитъ предъ Россіей, эта лучшая изъ языческихъ религій, проповѣдуетъ нирвану. Ничего не дѣлай, забудься и засни, своей судьбы ты не создашь, вѣлѣнья рока не переспоришь,—вотъ чему учить буддизмъ. Магометанство возвысилось падъ языческой религіей. Оно учитъ о Божествѣ, какъ личности, сознающей добро и зло, но отрицаетъ въ человѣкѣ право на это сознаніе. Магометанинъ выражаетъ, поэтому, покорность судьбѣ, какъ волѣ Аллаха, до полного отказа отъ своего собственнаго сознанія, отъ своей собственной, даже доброй, воли. Тамъ, гдѣ магометанину покажутъ волю Аллаха, онъ легко покоряется, безъ ропота, самой тяжелой невыносимой судьбѣ, но въ то же время, въ безсознательномъ преклоненіи предъ этой волею, онъ доходитъ до полного безразличія въ вопросахъ добра, до превышающаго самое естественное человѣческое представленіе о добрѣ и злѣ изувѣрства и насилія.

Только богооткровенная религія уяснила для человѣческаго сознанія истинный смыслъ, тяготящій надъ міромъ судьбы, указала мотивы и основанія божественнаго предназначенія человѣка къ той или иной жизни до и послѣ смерти. Богооткровенное ученіе уясняетъ нашему сознанію, что міръ земной и созданъ и держится, управляется любовію Божіею къ своему созданію, что тотъ божественный планъ, по которому все совершается въ природѣ и людяхъ, вытекаетъ изъ любви Божіей, и что хотя жизнь каждаго человѣка находится въ волѣ Божіей, въ волѣ своего Творца и Промыслителя, но Богъ не имѣетъ другого отношенія къ человѣку, кромѣ любви. Все же несчастье человѣческое, все горе людское имѣетъ своимъ основаніемъ и причиной не Бога, а зло, діа-

воля, злую волю человѣческую. И если человѣку кажется иногда, что горькая судьба его не вмѣщается въ его разумъ, приходится къ нему неотразимо, непреодолимо, если человѣку кажется иногда, что судьба его складывается какъ будто вопреки благодати къ нему любви Божіей, какъ будто помимо собственной его воли и усилій, то это лишь указываетъ на недостаточность проникновенія человѣческаго въ судьбы Божіи, на недостаточность внимательности къ своей волѣ, къ своимъ поступкамъ. О, какъ уместно было-бы въ этомъ случаѣ вспомнить слово Апостольское: «Какъ непостижимы судьбы Божіи и неизслѣдимы пути Его!.. Кто позналъ умъ Господень или кто былъ совѣтникомъ Ему? (Рим. 11, 33—35)». Любовь, только любовь Божія движетъ судьбами людскими!..

Но какъ же понять тогда существованіе зла въ мірѣ, какъ понять то, что судьба людей неодинакова: однихъ счастливая, другихъ несчастная? Для насъ несомнѣнно, что если воля Божія дѣйствуетъ въ мірѣ,—а о чемъ другомъ говоритъ общечеловѣческая вѣра въ судьбу?—то это лишь благая, добрая воля... И первое дѣйствіе ея—призывъ человѣка къ свободному, самостоятельному исполненію воли Божіей. Только свободное исполненіе людьми воли Божіей угодно Богу, вмѣняется въ заслугу человѣку. Богъ оживляетъ свой призывъ то обѣщаніемъ награды, то угрозою суда. Свободное исполненіе воли Божіей воспособляется помощію Божіею въ знаменіяхъ и чудесахъ. Но никогда Богъ насильственно не заставляетъ исполнять Свою волю. Онъ полагаетъ иногда предѣлъ злой волѣ человѣка, Онъ направляетъ иногда зло къ добру, Онъ поднялъ падшее человѣчество, Онъ далъ ему спасеніе въ Сынѣ Своемъ, но во всѣхъ этихъ промыслительныхъ дѣйствіяхъ Своихъ Онъ не уничтожаетъ и не подавляетъ свободной воли человѣка. Воля человѣка сама опредѣляетъ для себя тотъ или иной путь жизни: добрый или злой, угодный Богу или нѣтъ. «Жизнь и смерть Я предложилъ тебѣ,—говорилъ нѣкогда Господь народу еврейскому,—избери жизнь, чтобы ты жилъ и потомство твое (Вт. 30, 19)... Огонь и воду Я предложилъ тебѣ, и на что хочешь возложи руку свою». Вотъ истинное объясненіе той или иной судьбы народовъ! «Се, стою у двери и стучу,—говоритъ Господь каждому человѣку,—и если кто услышитъ голосъ Мой

и отворить дверь, Я войду къ нему и буду вечерять съ нимъ и онъ со Мною (Ап. 3, 20)». Вотъ истинное объясненіе счастливой или несчастной судьбы каждаго человѣка! Люди сами себѣ приготавливаютъ судьбу свою, часто вопреки благой волѣ Божіей, часто въ забвеніи ея, въ безсознательномъ состояніи.

Но если язычество заблуждалось въ мысляхъ о судьбѣ человѣческой и отдавало ее въ безусловную, ничѣмъ не руководимую волю Божества, то въ нашемъ понятіи о судьбѣ, а именно, что воля Божія, опредѣляющая для человѣка ту или иную судьбу, обусловливается дѣйствіями и поступками человѣка, кроется опасность немалаго заблужденія. Если судьба каждаго человѣка, Божіе опредѣленіе о ней зависитъ отъ человѣка, то можно прійти къ мысли, что Богъ подчиненъ волѣ человѣческой въ своихъ рѣшеніяхъ о людяхъ, что Онъ прикрѣпилъ Себя къ человѣческому хотѣнію и дѣйствію, что божественный планъ міровой жизни обусловленъ для Бога человѣческою жизнью?.. Въ эту именно ошибку впало ветхозавѣтное іудейство, когда стало думать, что Богъ, избравшій еврейскій народъ въ орудіе промыслительныхъ Своихъ дѣйствій, навсегда отдалъ Себя еврейскому народу, прикрѣпилъ Себя къ нему до полной невозможности иныхъ для Бога изволеній о еврейскомъ народѣ. Въ эту именно ошибку впадаетъ и каждый христіанинъ, когда фарисейски думаетъ, что Богъ даетъ и необходимо долженъ дать ему счастливую судьбу за его христіанскую вѣру, за его добродѣтельную жизнь... Нѣтъ и нѣтъ! Благая воля Божія во всѣхъ своихъ опредѣленіяхъ судебъ людскихъ и первое и послѣднее основаніе для Себя имѣетъ въ Себѣ Самой, въ своей любви ко всѣмъ людямъ, а не вынуждается въ своихъ опредѣленіяхъ необходимостью сообразоваться съ человѣческими понятіями, съ человѣческими дѣйствіями. Вопреки іудейскимъ понятіямъ, напр., Богъ есть «Отецъ всѣхъ людей и іудеевъ, и язычниковъ». Избраніе Авраама Богомъ для особыхъ Своихъ цѣлей должно было привязывать дѣтей Авраама къ Богу, а не Бога къ дѣтямъ Авраама безповоротно: Богъ и изъ камней могъ воздвигнуть Себѣ дѣтей Авраама, какъ говоритъ Спаситель (Мат. 3, 9). Богу угодно было избрать Іерусалимъ своимъ городомъ и храмъ Іерусалимскій своимъ жилищемъ, но не должно забывать, что

Всевышній не въ рукотворенныхъ храмахъ живеть, какъ говоритъ пророкъ: небо—престоль Его и земля—подножіе ногъ Его (Дѣян. 7, 48, 49). Богу пріятель человѣческій отвѣтъ любви на Его безмѣрную любовь къ человѣку, но, скажемъ словами Апостола, «кто даль напередъ Богу, чтобы Онъ долженъ былъ воздать» (Рим. 11. 35)?..

Святой апостоль Павелъ, этотъ богодухновеннѣйшій уяснитель судебъ Божіихъ, со всею рѣзкостью возстаётъ противъ такого умаляющаго величіе Божіе пониманія божественнаго предопредѣленія судебъ человѣческихъ. Онъ напоминаетъ евреямъ, что благая воля Божія объ ихъ народѣ имѣла мѣсто еще тогда, когда и самага народа не было и когда онъ еще ничего не могъ сдѣлать такого, что навсегда привязало бы, прикрѣпило бы къ нему Бога (Рим. 9, 11—15).

А если такъ, если милость Божія къ людямъ вытекаетъ только изъ любви и воли Божіей, а не обусловливается добрыми человѣческими дѣйствіями, то можетъ быть и гнѣвъ Божій не долженъ карать зло, можетъ быть человѣкъ и вообще неотвѣтственъ предъ Богомъ? Человѣкъ, не властный въ своемъ правѣ на милость Божію, можетъ быть свободенъ и отъ нравственной своей отвѣтственности предъ Богомъ за злыя свои дѣянія? Зачѣмъ Богъ, принявъ однихъ людей въ лоно своей любви, уготовавъ имъ счастливую судьбу, зачѣмъ онъ предоставляетъ другихъ людей дѣйствію ихъ злой воли и слѣдующей за симъ горькой судьбѣ отверженія отъ Бога? Апостоль отвѣчаетъ, что эти вопросы, въ которыхъ слышится ропотъ и тяжба съ Богомъ и которые такъ часто раздаются среди людей, не имѣютъ никакого смысла по самому существу своему. «Ты кто человѣкъ, что споришь съ Богомъ?»—говоритъ Апостоль. «Издѣліе скажетъ-ли сдѣлавшему его: зачѣмъ ты меня такъ сдѣлалъ? Не властенъ-ли горшечникъ надъ глиною, чтобы изъ той же смѣси сдѣлать одинъ сосудъ для почетнаго употребленія, а другой для низкаго (Рим. 20. 21). Если добрые поступки и дѣйствія человека есть только отвѣтъ на любовь Божію, то можетъ-ли человѣкъ требовать отъ Бога, чтобы Онъ вознаградилъ его за этотъ естественный отвѣтъ на любовь Божію? Если Богъ даетъ благо всѣмъ любящимъ Его, то не воленъ-ли Онъ одинъ въ своемъ дарѣ? Равнымъ образомъ, если въ отвѣтъ на любовь Божію человѣкъ отвѣчаетъ зломъ, то въ правѣ-ли человѣкъ ожидать для себя отъ Бога

благой, счастливой судьбы? Не естественнѣе-ли такому человѣку ожидать, что Богъ «предастъ его нечистотѣ его злыхъ похотѣній, превратному его уму творить непотребства» (Рим. 1, 21—22). Если Богъ воленъ дать милость Свою кому хочетъ и кто на любовь Его отвѣчаетъ любовью, то Онъ воленъ и отставить отъ Своей любви тѣхъ, кто не хочетъ ея, кто противится ей. Для человѣка, какъ творенія Божія, даже и вопроса не можетъ быть о томъ, зачѣмъ Богъ предоставляетъ злыхъ людей ихъ собственной судьбѣ и что Онъ можетъ быть неправъ къ сотворенному...

Но если Богъ есть любовь, если Онъ хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись и удостоились блаженной жизни, то въ тоже время Богъ есть и всесовершенное вѣдѣніе. Богъ не можетъ не знать, какъ Существо всевѣдущее, что на Его любовь одни люди отвѣтять любовью-же, другіе—противленіемъ и Онъ напередъ предназначаетъ однихъ къ милости Своей, другихъ къ осужденію. Онъ помогаетъ однимъ проводить ихъ добрую жизнь и уготовляетъ для нихъ блаженныя Свой обители, другихъ Онъ предоставляетъ ихъ злымъ похотѣніямъ и ожидающему ихъ огню вѣчныхъ мученій. Вотъ конечный смыслъ ученія христіанскаго о предопредѣленіи Божиѣмъ! Все, что ни совершается въ мірѣ, напередъ предопредѣлено Богомъ, совершается по волѣ предвѣчнаго Совѣта Божія. Христіанинъ только долженъ знать, что если вся судьба человѣческая напередъ предопредѣлена волею Божию, то осуществленіе этой воли Божіей въ судьбѣ каждаго человѣка совершается не безразлично къ волѣ человѣческой, что если одни изъ людей предназначаются Богомъ къ счастливой судьбѣ, другіе къ несчастной, то это предназначеніе Божіе, эта воля Божія, основываются на полномъ предвѣдѣніи Божиѣмъ того, что самъ человѣкъ себѣ уготовляетъ. Въ злой судьбѣ человѣка Богъ неповиненъ, если даже предназначаетъ къ ней человѣка. Богъ зла не сотворилъ, говоритъ Писаніе, и не творить его, а только предвидитъ его и попускаетъ его. «Кого Богъ предузналъ, тѣмъ и предопредѣлилъ быть» — добрымъ или злымъ. Вотъ истинно христіанское, апостольское пониманіе Божія предопредѣленія (Рим. 8, 29)! Въ священномъ писаніи часто говорится о предопредѣленіи грѣшниковъ къ осужденію, но это предопредѣленіе Божіе грѣшныхъ людей на осужденіе и муку

есть судъ Божій основанный на полномъ, совершенномъ всевѣдѣніи Божиѣмъ. Такъ и земной врачъ, добрый и знающій, предназначаетъ однихъ изъ своихъ больныхъ на смерть, другихъ на выздоровленіе. Но если выздоровленіе больныхъ много зависитъ отъ искусства врача, то смерть безнадежныхъ больныхъ, конечно, не во врачѣ имѣетъ свою причину и вину.

Въ своихъ размысленіяхъ о предопредѣленіи Божиѣмъ, господствующемъ надъ жизнью человѣческой, христіанинъ долженъ одинаково воздерживаться отъ опасности какъ іудейскаго заблужденія, отдающаго Бога въ распоряженіе воли человѣческой, такъ и языческаго заблужденія, считающаго судьбы человѣческія—игроу въ рукахъ Божества. Въ эту именно послѣднюю ошибку впали христіанскія общины кальвинистовъ и янсенистовъ съ своимъ ученіемъ о безусловномъ, независимомъ отъ воли человѣческой предопредѣленіи однихъ людей ко спасенію, другихъ къ осужденію. Въ этомъ смыслѣ они и толкуютъ различные тексты Священнаго Писанія, придерживаясь буквы и забывая о смыслѣ. Православная церковь отвергаетъ это заблужденіе кальвинистовъ, преклоняющихся предъ величіемъ Божиимъ до полного извращенія понятія о Его существѣ. «Мы вѣруемъ,—говоритъ она устами восточныхъ патріарховъ,—что всеблагій Богъ предопредѣлилъ къ славѣ тѣхъ, кого избралъ отъ вѣчности, а которыхъ отвергнулъ, тѣхъ предалъ осужденію, не потому, впрочемъ, чтобы Онъ восхотѣлъ такимъ образомъ однихъ оправдать, а другихъ оставить и осудить безъ причины... Но поелику Онъ предвидѣлъ, что одни хорошо будутъ пользоваться своею свободною волею, а другіе худо, то посему однихъ предопредѣлилъ къ славѣ, другихъ осудилъ... Но что говорятъ богохульные еретики, будто Богъ предопредѣляетъ или осуждаетъ, нисколько не взирая на дѣла предопредѣляемыхъ или осуждаемыхъ, то это мы почитаемъ безуміемъ и нечестіемъ. Не значить-ли это произносить страшную хулу на Бога?.. Мы исповѣдуемъ, что Богъ справедливо предастъ осужденію тѣхъ, кто остается въ нечестіи по развращенной своей волѣ, но никогда, никогда не называли и не назовемъ виновникомъ вѣчнаго наказанія и мученій и какъ бы человѣконенавистникомъ Бога...»

Еще одинъ вопросъ. Если предопредѣленіе Божіе о насъ осно-

ывається на предвѣдѣніи Божіємъ о нашихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ, то самая мысль о томъ, что Богъ напередъ знаетъ все, что мы мыслимъ и дѣлаемъ и, слѣдовательно, напередъ уже опредѣлилъ нашу судьбу здѣсь, на землѣ, и тамъ, за гробомъ, мысль эта не связываетъ-ли нашу волю, не разслабляетъ-ли нашу дѣятельность?!.. Если все уже напередъ, въ предвѣдѣніи, предопредѣлено Богомъ, то не лучше-ли ждать своего конца безъ особой заботы о будущемъ, съ спокойной мыслью о томъ, что чему быть, тому не миновать?! Христіанину, дѣйствительно, можно спокойно жить, спокойно умереть. Въ самомъ своемъ христіанствѣ, въ своей вѣрѣ и своихъ дѣлахъ, онъ получаетъ увѣреніе своего избранія и своего спасенія. Но это отнюдь не можетъ ослаблять его стремленія ко Христу, отсюда не можетъ уменьшать его заботы о совершеніи спасенія. Сознаніе своего избранія, своей особой высокой судьбы, предназначенной намъ въ нашей христіанской вѣрѣ должно окрылять насъ любовью ко Христу, вдохновлять насъ желаніемъ на Его любовь къ намъ отвѣтить всею возможною для насъ любовью къ Нему, заставлять насъ исполнять Его волю. А большимъ нельзя угодить Богу, какъ душу свою положить за други своя!

Христіане! «Богъ избралъ насъ во Христѣ Иисусѣ, скажемъ мы словами апостола Павла,—прежде созданія міра, чтобы мы были святы и непорочны предъ Нимъ въ любви. Онъ предопредѣлилъ усыновить насъ себѣ чрезъ Иисуса Христа, по благоволенію воли своей (Еф. 1, 4, 5). «Мы должны тамъ думать,—говоря словами того же апостола,—не потому, что уже достигли спасенія или усовершенились, но мы стремимся, не достигнемъ-ли и мы Христа, какъ достигъ насъ Иисусъ Христосъ... Мы не почитаемъ себя достигшими, а только, забывая задняя, простираемся впередъ, стремимся къ цѣли вышняго званія во Христѣ Иисусѣ (Филип. 3, 12—14)... Мы, христіане, спокойно и съ совершенною увѣренностью можемъ думать и чувствовать такъ. Если только мы вѣрны, послушны Христу, вся жизнь наша у Бога. «Богъ, говоритъ апостолъ,—производитъ въ насъ и хотѣніе и дѣйствіе по своему благоволенію» (Филип. 2, 13).

Священникъ-миссіонеръ *Савва Потъхинъ*.

ВѢСТИ О РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНѢ.

I.

Война—грозный намъ урокъ.

Мы живемъ во времена христіанскія, когда христіанская вѣра распространилась по всѣмъ частямъ свѣта, хотя полсвѣта людей и болѣе принадлежать еще къ языческому міру. Но современные христіане, въ томъ числѣ и многіе изъ русскихъ, стали не лучше, а хуже безбожниковъ, по духу отрицанія отъ истинной вѣры и Церкви и кощунственнаго къ нимъ отношенія (Толстой и толстовцы), а съ тѣмъ вмѣстѣ и отъ христіанской молитвы и покаянія; завѣты Христа многими поправы. Распятый Христосъ заповѣдалъ намъ самоотверженіе: *кто хочетъ идти за Мною, говоритъ Онъ, да отвержется себя*, отъ своего слѣпного, плотскаго, растлѣннаго ума, отъ своихъ безумныхъ смертоносныхъ страстей, *возьметъ крестъ свой и идетъ во слѣдъ Меня* (Лук. 9, 23), а между тѣмъ многіе изъ соотечественниковъ поступили и поступаютъ совершенно обратно—отверглись не отъ себя, не отъ плоти и міра прелюбодѣйнаго, а отъ Самого Христа и Евангелія, отъ Церкви Божіей,—свой разумъ и свою плоть обоготворили и удовлетвореніе плотскимъ, гибельнымъ страстямъ возвели въ догматъ своего рода, или, выражаясь современнымъ языкомъ ученыхъ, въ *культъ* плоти и ея страстей, а для этого сочли позволительными всякія средства для удовлетворенія плоти и міру—растрату казенныхъ и общественныхъ суммъ или наслѣдственнаго имущества, задержку и неуплату денегъ работникамъ и поставщикамъ ихъ, неуплату за забранные товары или кражу имущества церковнаго и частнаго; убійства изъ-за похищенія; проѣданіе и пропиваніе своего или чужого достоянія; проживаніе на чужой счетъ, лѣность къ труду умственному или физическому; непокорность родителямъ или учащихъ и подчиненныхъ—своимъ начальникамъ, словомъ сказать: многіе обратили къ Богу свою спину, свои хребты, а не лицо свое, не сердце свое, и не вѣру свою, а самое дерзкое невѣріе; породили въ себѣ не страхъ Божій, не благоговѣніе къ Богу Творцу,

а безвѣріе и безстрашіе, гордость и неблагодарность, и сознание совершенной отъ Него зависимости и безчужденности къ намъ благодѣяній Его. Вотъ характеръ поведенія наше-интеллигенціи и не интеллигенціи.

А за такую жизнь и за такое поведеніе праведный Господь и Судія даетъ намъ грозный урокъ—дерзко навязанную намъ вину и въ ней—потери многихъ вѣрныхъ сыновъ Россіи и напхъ многомилліонныхъ военныхъ судовъ. Еще только начинается война, и что будетъ впереди—одному Богу извѣстно: сколько будетъ жертвъ, сколько потерь. Нужно для Россіи немедленное покаянiе всѣхъ сословій; исправленіе нравовъ; отрѣшеніе отъ безумнаго безбожія; смиреніе и благоговѣніе къ заповѣдямъ Божиимъ и тщательное исполненіе ихъ; обращеніе искреннее къ породившей и воспитавшей ихъ матери своей Церкви святой; почтеніе дѣтей къ родителямъ и воспитывающихся къ своимъ воспитателямъ; справедливость, воздержаніе, цѣломудріе, твердость и постоянство брачныхъ союзовъ; милосердіе и состраданіе къ обиженнымъ и бѣднымъ. Если такъ поведемъ себя,—что подай Боже,—тогда Господь легко покорить враговъ подъ ноги наши, какъ въ прежніе годы, прославить правое оружіе наше. Не будемъ же сами вызывать праведный гнѣвъ Божій противъ насъ и надѣяться только на силу и мужество воиновъ и силу браннаго оружія.

Богомъ сотворимъ силу—и Онъ, одинъ Онъ, уничтожитъ враговъ нашихъ (Пс. 59, 14).

Протоіерей Іоаннъ Серіевъ.

II.

Дѣйствія и распоряженія правительственной власти.

Именной Высочайшій Указъ правительствующему сенату.

Признавая по обстоятельствамъ военного времени необходимымъ, чтобы мѣропріятія по морской оборонѣ Балтійскаго моря были принимаемы въ надлежащей согласованности, повелѣваемъ:

1. На главнаго командира кронштадтскаго порта, сверхъ предусмотрѣнныхъ дѣйствующими постановленіями прямыхъ обязанностей по этой должности, возложить высшее заведываніе портами: Ревельскимъ, Свеаборгскимъ и Императора Александра III и морскими силами Балтійскаго моря, съ присвоеніемъ ему наименованія главнаго командира флота и портовъ Балтійскаго моря.

2. Командировъ перечисленныхъ портовъ подчинить главному командиру флота и портовъ Балтійскаго моря въ административномъ и строевомъ отношеніяхъ; по хозяйственнымъ же операціямъ ввѣренныхъ имъ

портовъ сохранять за ними присвоенныя имъ нынѣ въ хозяйственномъ отношеніи права.

3. Главному командиру флота и портовъ Балтійскаго моря быть вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ морской обороны Балтійскаго моря.

Правительствующій сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:
„Николай“.

III.

Всеподданнѣйшія и официальные телеграммы съ театра войны.

(Съ 30 апрѣля по 27 мая).

30 апрѣля (13 мая). Ляоянь. Телеграмма военного корреспондента „Русск. Слово“. Достигнувъ пылавшаго Вафандяна, я хотѣлъ направиться оттуда въ Ляоянь и затѣмъ въ восточный отрядъ генерала Засулича. Ночь уже наступила. Зарево пожаровъ въ горахъ. Изрѣдка выстрѣлы. Паровозы не отходятъ.

Китайцы являются съ жалобами на дифангуаня, казнившаго еще восемь нашихъ друзей. Перепуганные, они остаются у солдатскихъ костровъ. Телеграфъ всю ночь работаетъ съ главной квартирой.

Утромъ съ сѣвера пришелъ громаднѣйшій поѣздъ съ нѣсколькими паровозами. Нужно во чтобы то ни стало доставить его осажденному Портъ-Артуру. Предпріятіе по опасности необычайное, въ виду слуховъ о новомъ появленіи непріятеля.

Два эскадрона пограничниковъ вышли поздно освѣтить мѣстность. Платформы, блиндированныя двумя рядами шпаль отъ непріятельскаго огня, заняты ротой Заамурскаго желѣзнодорожнаго батальона.

Впередъ, авангардомъ, высылается отдѣльный паровозъ съ боевымъ машинистомъ—подпоручикомъ Завадскимъ и поручикомъ Экгардомъ фонъ-Роопомъ. Туда садятся вооруженные дорожные мастера и я.

Ихъ цѣль—предвидѣть опасность, сигнализировать слѣдующему въ десяти минутахъ поѣзду, прикрыть его отступление и, вызвавъ на себя врага,—взорваться заготовленнымъ снарядомъ пироксилина.

— Съ Богомъ!—слышится команда Спиридонова.

Мы двигаемся.

Окутываемый дымомъ пожараща уничтоженнаго Вафандяна, паровозъ отходитъ.

Кругомъ—зеленѣющая пустыня съ меланхолическими сопками, синими силуэтами далекихъ горъ, крошечными цвѣтущими садиками китайскихъ деревень. Изрѣдка, въ сторонѣ, бирюза моря. Тайфунъ успокоился. Теперь ничто не мѣшаетъ высадкѣ японцевъ. Должно быть, она продолжается.

Близко бѣгутъ со скарбомъ, дѣтьми и женами китайцы. Мы пристально осматриваемъ склоны горъ, предательскую синеву ушей, рвы глубокіе и извилистые, гдѣ могутъ скрываться роты непріятеля. Вчера стрѣляли вонъ съ той горы. Довольно одного удачнаго удара изъ полевого орудія, чтобы отъ слѣдующаго за нами громаднаго поѣзда не осталось и помина.

Въ Пуландянѣ все тихо. Сожженная станція стоитъ какъ могила.

Мы перегоняемъ нашихъ охранителей и развѣдчиковъ-пограничниковъ. Слишкомъ поздно вышли они. Теперь мы одни: сами свои развѣдчики, сами своя защита.

Мосты цѣлы. Взорванный японцами и исправленный Спиридоновымъ мостъ охраняется нашими солдатами. По ихъ словамъ, непріятель не появлялся.

Паровозъ идетъ быстро. Все тихо, безлюдно.

Саншилипу занято уже войсками. Всѣ выстроились. Услышали радостное извѣстіе: 36 солдатъ, накануне окруженные непріятелемъ, которыхъ тщетно искалъ кинчжоускій отрядъ, сами пробились и стороной вышли.

Въ пыли развертывается у моря кавалерійская часть.

— Чья?

Приостанавливаемся. Въ бинокли видимъ нашихъ. Генераль Фокъ выслалъ свои войска встрѣтить и охранить насъ. Солдаты кричатъ „ура“ и мчатся навстрѣчу съ радостными лицами.

На Кинчжоуской станціи—генераль Фокъ со штабомъ поздравляетъ съ счастливымъ концомъ опаснаго, важнаго, блестящаго дѣла.

— Теперь вы накормили досыта Артура,—говоритъ онъ.— Мы можемъ быть спокойны. Японцы шныряютъ вездѣ, но васъ проглядели.

Генераль благодаритъ Спиридонова, офицеровъ, солдатъ.

Отсюда поѣздъ идетъ хорошо защищенной дорогой.

Изъ Артура телеграммой получена горячая, восторженная благодарность. На станціи отголоски далекихъ взрывовъ: рвутъ молы, доки, набережныя Дальняго.

Вчера встрѣтили японскій развѣздъ. Высадка японцевъ продолжается въ Ханшоу у Терминаля. Китайцевъ гонять оттуда.

Настроение въ Ляоянѣ бодрое, увѣренное, спокойное. Временныя случайности не измѣняютъ роковаго хода войны, лишь бы не волновалась Россія и такъ же свѣтло смотрѣла впередъ. Теперь доставка новыхъ войсковыхъ частей безостановочна. Заминка прошла. Сибирскіе солдаты смотрятъ истинными богатырями,—громадная разница съ солдатами изъ внутреннихъ губерній.

Ляоянъ заваленъ запасами. Кругомъ работа.

Ожидавшееся наступленіе непріятеля ведется не такъ энергично.

Думаютъ, что въ Квантунѣ только демонстрація, и всѣ силы направляются противъ Ляояна.

Вас. Немировичъ-Данченко.

7 мая отъ ген.-ад. Куропаткина. Произведенными 6-го мая развѣдками выяснено, что въ долину рѣки Седзыхъ и лѣваго притока ея Уисянхо до селенія Деокутейдзгоу, въ 17 верстахъ выше слиянія рѣкъ Даянхэ и Седзыхэ противника не обнаружено. На большой дорогѣ изъ Сюяна въ Фынхуанчень передовой отрядъ японцевъ, числомъ до 300 человекъ, занимаетъ селеніе Деопудза, въ 13 ти верстахъ на сѣверо-востокъ отъ слиянія рѣкъ Даянхэ и Салидзайхо; на той же дорогѣ, верстахъ въ 8 позади, у Сяохуанки стоитъ японскій баталіонъ, а еще далѣе, верстахъ въ 8 къ Хабалину, стянуто не менѣе дивизіи, въ томъ числѣ и гвардейской части. 6 мая въ 32-хъ верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Салидзайпудзы и въ 18 верстахъ по прямому направленію на юго-западъ отъ Фынхуанчена, не доходя до д. Пыпуза казаки встрѣтили японскій отрядъ, силою до трехъ взводовъ и аттаковали и преслѣдовали его до д. Пыпуза, гдѣ были встрѣчены японской пѣхотой, устроившей засаду, во-время открытую; наши потери: ранено 2 казака,

убита 1 лошадь и 2 лошади ранены. Въ горахъ между Гайчжоу и Сюанемъ противника не обнаружено.

7 мая отъ намѣстника ген.-ад. Алексѣева. По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ генерала Стесселя, попытка непріятеля высадиться 1-го мая въ бухтѣ Керръ, нами отбита. 2-го мая вслѣдствіе появленія значительныхъ непріятельскихъ силъ у Саншилипу, для выясненія обстановки, въ этомъ направленіи былъ выдвинутъ отрядъ. Въ происшедшемъ 3-го мая столкновеніи выяснено, что у непріятеля около двухъ дивизій при четырехъ батареяхъ. Непріятель, повидимому, понесъ большія потери и пріостановилъ наступленіе. За 1-е и 3-е мая у насъ убитъ одинъ офицеръ; ранены: генер. Надѣинъ легко и девять офицеровъ; нижнихъ чиновъ убито до 150.

8 мая отъ ген.-лейт. Сахарова. Въ продолженіе послѣднихъ дней наша конница на главной ляоянской дорогѣ обнаружила передвиженіе японскихъ отрядовъ на сѣверо-востокъ отъ Фынхуанчена къ Чаняицзы и далѣе. Всего въ этомъ направленіи прошло болѣе полка съ артиллеріей. На главной Ляоянской дорогѣ у Селюджана стоятъ баталіонъ пѣхоты и полкъ конницы имѣя передовыя части на перевалѣ Чанзалинъ. Въ сѣверо-западномъ направленіи японскіе развѣзды проникаютъ до селенія Чинчинзы, верстахъ въ 50-ти отъ Фынхуанчена. Лошади японской гвардейской и армейской конницы весьма изнурены. Японскій отрядъ, силою 2 эскадрона 3 роты, появился у селенія Дзюльпудза въ долинѣ рѣки Логогухе, въ 17-ти верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Салидзайпудзы, а одинъ японскій эскадронъ выдвинулся изъ Сюахуанки по большой дорогѣ къ Салидзайпудза. Развѣдками установлено, что въ долинѣ рѣки Лягогухе и по большой фынхуанченской дорогѣ дѣйствуютъ части японскаго гвардейскаго коннаго полка. На нижнемъ теченіи Даянхе въ Луанмяу и Татонки японцевъ нѣтъ. Дагушанъ и Ходуханъ заняты небольшими отрядами, не болѣе полуроты въ каждомъ. По показаніямъ китайцевъ, японцы свозятъ запасы на островъ Далудао, вблизи устья рѣки Даянхе. Шитоучень, въ долинѣ рѣки Айхе, остается занятымъ японцами.

9 мая отъ ген.-ад. Куропаткина. Сего 9 мая при сборѣ всѣхъ войскъ, составляющихъ главныя силы одного изъ отрядовъ, отслуженъ молебенъ Чудотворцу Николаю. Послѣ молебна отъ Имени Вашего Императорскаго Величества благодарилъ войска за самоотверженную молодецкую службу, лично передавъ войскамъ содержаніе депеши Вашего Величества ко мнѣ отъ 7 мая. Громовымъ „ура“ отвѣтили войска на провозглашенное мною здравіе и многолѣтіе Вашему Императорскому Величеству. Затѣмъ были вызваны впередъ вновь пожалованные кавалеры знака отличія Военнаго Ордена и всѣ офицеры и нижніе чины полковъ, раненые и оставшіеся въ строю; войска прошли вмѣстѣ со мною церемоніальнымъ маршемъ мимо этихъ молодцевъ.

Наши развѣзды и конныя части за Фыншуйлинскимъ хребтомъ наблюдаютъ войска первой японской арміи, сосредоточившейся въ окрестностяхъ Фынхуанчена. Японцы прикрываютъ свое расположеніе выдвинутыми на передохъ по главнымъ путямъ небольшими авангардами, до полка пѣхоты съ артиллеріей и конницею. На маловажныхъ путяхъ такая охрана уменьшается до двухъ ротъ; конница японская показывается мало. Изъ донесеній, полученныхъ вчерашняго числа, можно вывести заключеніе, что первая японская армія сосредоточилась: двѣ дивизіи въ Фынхуанченѣ и ближайшихъ окрестностяхъ и одна дивизія въ Хабаинѣ, на половинѣ пути изъ Сюяна въ Фынхуанченъ. По свѣдѣніямъ, Фынхуанченъ укрѣпляется.

Въ сторонѣ Фыншуйлинскаго хребта все спокойно. Со стороны Сюяня доносятся: 8-го мая замѣчено наступленіе японскихъ отрядовъ общей силою около полка пѣхоты и двухъ полковъ конницы, гвардейской и армейской, отъ Хабалина широкимъ фронтомъ къ Салидзайпудза. Въ ночь на 8-е мая наша сотня, возвращавшаяся отъ Дагушаня къ Луанмяу и Хондуханя, у Ситхучиндза въ 16 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Дагушаня обнаружила бивуакирующій японскій пѣхотный отрядъ, открывшій по ней огонь. На побережьѣ Ляодунскаго залива переѣзъ нѣтъ.

10-го мая. 9-го и 10-го мая наша передовая конница обнаружила передвиженіе части японскихъ силъ въ направленіи на западъ по Хайченской дорогѣ, отдѣляющейся отъ главнаго ляоянскаго пути у селенія Даяндяпуза, въ 8 верстахъ отъ Фынхуанчена. 8-го мая противъ казачьихъ сотенъ, занявшихъ въ пѣшемъ строю позицію на высотахъ праваго берега рѣки Седыхо у селенія Поутейхя, предпринялъ наступленіе японскій отрядъ силою до шести ротъ и трехъ эскадроновъ. Въ самомъ началѣ перестрѣлки японская колонна укрылась за свою пѣхоту, которая не рѣшалась на переходъ долины, ограничившись дальнимъ, почти непрерывнымъ огнемъ и не жалѣя патроновъ,—только незначительная часть пыталась перейти рѣку для обхода нашего лѣваго фланга, но была обращена въ бѣгство атаккой, въ конномъ строю, нашей полусотни и огнемъ сотни, занимавшей позицію. Къ вечеру японцы убрали свои щѣпы и отошли. Наши потери за это дѣло—10 раненыхъ казаковъ; потери за дѣло въ ночь съ 7-го на 8-е мая у Ситхучиндзы точно не выяснены, равно какъ и подробности этого дѣла.

11-го мая. Въ общемъ положеніи дѣлъ къ сторонѣ Фынхуанчена и на побережьѣ Ляодунскаго залива переѣзъ нѣтъ. Относительно положенія непріятеля выяснено: у Фынхуанчена сосредоточено до сорока тысячъ японскихъ войскъ; у Пьямыня четыре армейскихъ полка съ 50-ю орудіями. Замѣчается наступленіе небольшими частями японскихъ войскъ отъ Фынхуанчена къ Сюяну, совершаемое весьма медленно и съ большими предосторожностями. На лѣвомъ берегу Даянхе часть этихъ войскъ въ составѣ до 3.000 человекъ армейской и гвардейской пѣхоты и трехъ эскадроновъ гвардейской конницы 9-го мая эшелонировалась на Сюянской дорогѣ между Седяхоге и Салидзайпудза. Въ то же время обнаружено наступленіе противника и отъ Фынхуанчена и Пьямыня къ нижнему теченію рѣки Даянхе въ направленіи къ Луанмяу; передовые его отряды переправились на правый берегъ рѣки Даянхе, и 9-го мая однимъ изъ нихъ силою до трехъ ротъ и эскадрона былъ занятъ Ляолинскій перевалъ въ 14 верстахъ на югъ отъ Сюяна на дагушанской дорогѣ и сосѣднія деревни Уалассы и Куанхапфу. Кромѣ того, промежуточный отрядъ силою до батальона пѣхоты и эскадрона конницы занималъ 9-го мая Пхемяо на правомъ берегу Даянхе на дагушанской дорогѣ въ 10 верстахъ отъ Лайдзайпудза.

12-го мая. Отъ Намѣстника. Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству полученныя мною 12-го мая донесенія контръ-адмирала Витгефта и Григоровича: непріятель обстрѣливалъ бухту Инченцы канонерками. 6-го мая японцы ночью пытались заградить минами рейдъ Портъ-Артура, причемъ, по наблюденіямъ съ берега, подагаютъ, были потоплены: пароходъ и два миноносца. Съ 5-го по 8-е мая вытравлены на рейдѣ Портъ-Артура одиннадцать непріятельскихъ минъ загражденія. Переведены въ Портъ-Артуръ изъ Дальняго коммерческой пароходъ „Амуръ“, землечерпательница и паровой баркасъ.

Отъ ген.-ад. Куропаткина. Въ сторонѣ Фынхуанчена перемѣнѣ нѣтъ. Наша конница доноситъ: японцы возводятъ укрѣпленія вокругъ Фынхуанчена, и тамъ сосредоточено до 30.000 пѣхоты и 2.000 конницы при 36 полевыхъ орудіяхъ. Передовые отряды ихъ выдвинуты верстѣ на 30 на сѣверъ отъ рѣки Ейхо, на участкѣ отъ Фынхуанчена до устья, фронтомъ къ Саймацзы и Куаньдяньсяню. Дальнѣйшаго движенія на сѣверъ японцы отъ рѣки Ейхо не производятъ.

По свѣдѣніямъ многія лошади японской конницы изнурены и набиты.

Въ сторонѣ Бицзыво и Квантуискаго полуострова наши развѣзды къ 10-му мая выяснили: передовые посты японцевъ занимаютъ высоты верстахъ въ трехъ южнѣе станціи Вафанянъ; за ними верстахъ въ 4-хъ стоятъ два эскадрона армейскаго полка и двѣ съ половиною роты 12-го пѣхотнаго полка, охраняемые на флангахъ пѣхотными заставами человекъ по сорока въ каждой; далѣе къ югу по деревнямъ у линіи желѣзной дороги расположена пѣхота и конница, а къ Пуландяну сосредоточенъ отрядъ изъ трехъ родовъ оружія, силою въ 3.000 человекъ съ пятью орудіями.

Въ окрестностяхъ Бицзыво и южнѣе высадка японскаго десанта продолжается, и оттуда войска направляются на югъ къ Цзинь-чжоу, выставляя заслоны на западъ. По словамъ китайцевъ, 5-го мая у Цзинь-чжоу произошелъ бой, въ которомъ японцы потеряли 700 человекъ. Потери русскихъ были менѣе значительны.

Со стороны Дагушана 10-го мая доносятъ: высадка японцевъ у Дагушана началась пять дней тому назадъ и, по свѣдѣніямъ, всего высадилось до 50.000, преимущественно пѣхоты, что недостаточно еще проверено. Высадившіяся войска изъ Дагушана направляются къ Сюяну, а также въ направленіи къ Портъ-Артуру на Чинтанцзы.

Встрѣча нашей третьей верхнеудинской сотни въ ночь съ 7-го по 8-е мая у Ситхучинцзы съ японскимъ отрядомъ произвела большое смятеніе среди японцевъ, открывшихъ самую беспорядочную стрѣльбу по казакамъ, а также, вслѣдствіе темноты ночи, и по своимъ.

Одинъ нашъ развѣздъ проникъ къ Тансанчинца, гдѣ обнаружилъ небольшой японскій отрядъ и наблюдалъ непрерывное движеніе къ Фынхуанчену большихъ японскихъ обозовъ.

13 мая. Отъ ген.-ад. Куропаткина. Къ 12-му мая произведенныя развѣдки въ сторонѣ Фынхуанчена выяснили, что на главной Ляоянской дорогѣ передовой японскій отрядъ занимаетъ переваль Тхумендза и сѣднее селеніе Сяодянданъ; въ деревняхъ, прилегающихъ къ Ляоянской дорогѣ между Тхумендза и Селючжаномъ, расквартированы небольшіе отряды; переваль Чанзалинъ укрѣпленъ; болѣе значительныя силы обнаружены у Селючжана и у Далиндяпуза (откуда отходитъ Хайченская дорога). Съ 3 мая было замѣчено передвиженіе японцевъ небольшими отрядами Далиндяпуза по Хайченской дорогѣ. Войска эти сгруппировались въ мѣстности Чандагоу (въ 14 верстахъ отъ Далиндяпуза). Переваль Синхайлинъ, по слухамъ, снова занятъ японцами. 7 мая нашъ развѣздъ на Хайченской дорогѣ имѣлъ стычку съ непріятельской заставой, причемъ раненъ одинъ казакъ. 11 мая развѣзды удостовѣрили движеніе японскихъ войскъ отъ Хабалина къ рѣкѣ Даянхэ и обнаружили на бивакѣ три японскихъ роты, которыя открыли огонь. Въ южномъ районѣ Ляодунскаго полуострова передовыя японскія войска 11 мая были расположены отъ дер. Ченсаншилипу и Сандзязы (въ 14 верстахъ не доходя Фучжоу) къ линіи желѣзной дороги въ 8 верстахъ южнѣе станціи

Ванфандянъ и далѣе до с. Сядятунь (въ 17 верстахъ отъ Ванфандяна въ восточномъ направленіи) на дорогѣ изъ Бидзыво въ Сеньюченъ. Въ Бидзыво и у Сяохоукоувейзы происходитъ постоянно высадка войскъ и разгрузка разныхъ запасовъ, причемъ послѣдній пунктъ занятъ сильнымъ гарнизономъ. По требующимъ повѣрки свѣдѣніямъ, всего пока у Дагушана высадилось 18 тысячъ японцевъ; также выгружены нѣсколько большихъ орудій, запрягаемыхъ каждое 18-ю лошадьми. По слухамъ, среди японскихъ войскъ находятся и корейскіе солдаты. Со стороны Хабалина донесено о продолжающемся передвиженіи японскихъ войскъ оттуда по Дагушанской дорогѣ къ Салидзайпудза. Около Хабалина находятся укрѣпленія.

14 мая. — Утромъ 12 мая японскій отрядъ силою до батальона пѣхоты съ эскадрономъ предпринялъ наступленіе по главной ляоянской дорогѣ, но принужденъ былъ скоро отойти обратно въ Тхумендза. Въ долинтъ рѣки Айхе японскій отрядъ силою до батальона пѣхоты занимаетъ позицію на высотахъ у сел. Дапу. Наши казаки были встрѣчены сильнымъ огнемъ. Перестрѣлка продолжалась съ 10 час. до 4 час. дня, причемъ японская пѣхота пыталась охватить правый флангъ казаковъ и отрѣзать путь отступленія, но это не удалось.

16 мая. — 14 мая японскій конный отрядъ, силою въ 150 человекъ подходилъ верстѣ на восемь съ юго-востока къ станціи Вафангоу, но, встрѣченный частями пограничной стражи, скоро удалился.

13 мая къ сторонѣ Цзиньчжоу нашимъ разъѣздомъ была слышна сильная канонада.

17 мая. — 17-го утромъ получено донесеніе о наступленіи японскихъ войскъ отъ Куаньдяньсяня къ Саймацзы. Силы наступающихъ не выяснены.

Сообщеніе Главнаго Штаба. 16 и 17 мая въ сторонѣ Фынхуанчена спокойно. Въ 10 час. 30 мин. вечера, 14 мая японская пѣхота изъ Куаньдяньсяня повела наступленіе съ фронта и обонхъ фланговъ противъ нашихъ казаковъ, занимавшихъ позицію у Шаого (15 верстѣ сѣверо-западнѣе Куаньдяньсяня). Японцы въ ночной темнотѣ открыли бѣглый, беспорядочный огонь. Съ началомъ боя на окрестныхъ вершинахъ началась сигнализациа электрическими фонарями. Казаки въ спѣшномъ строю отошли сначала къ перевалу Чанлинь (въ 2 верстахъ къ западу отъ д. Шаого), а затѣмъ къ Айнямыню (въ 15 верстахъ къ западу отъ перевала Чанлинь).

Перестрѣлка стихла въ 2 часа ночи 15 мая, и противникъ за переваломъ Чанлинь прекратилъ преслѣдованіе.

Утромъ 15 мая къ Айнямыню стали приближаться передовыя части японскаго отряда. Въ 9 час. утра японцы развернулись и открыли огонь сначала залпами, а потомъ начками по двумъ сотнямъ, занимавшимъ позицію впереди Айнямыня и отошедшимъ затѣмъ на гребень высотъ западнѣе Айнямыня. Въ 10 час. утра японцы развернули въ боевой порядокъ два батальона, имѣя третій въ резервъ, а въ 11 час. утра на позицію выѣхала батарея, открывшая огонь шрапнелью. При переходѣ черезъ долину рѣки японская пѣхота, наступавшая густыми цѣпами, потеряла немалый уронъ отъ огня казаковъ. Въ 11 час. 20 мин. въ виду обхода японцами праваго фланга казаковъ со стороны Даянгоу, отрядъ началъ отходить въ полномъ порядкѣ къ Саймацзы. Перестрѣлка въ арьергардѣ стихла въ 2 час. дня. У насъ ранено два офицера и семь казаковъ.

Утромъ, 17 мая противникъ началъ наступленіе къ Саймацзы, наблюдаемый казаками. Ко времени отправленія донесенія японцы еще не достигли

этого пункта. 16 мая городъ Сюянъ японцами занятъ не былъ. На побережьи у Инкоу, Гайчжоу и Сеньючена все спокойно.

17 мая, около полудня, у станціи желѣзной дороги Вафангоу наша конница завязала сначала стрѣлковый бой съ японскимъ отрядомъ съ силою до 8 ротъ и 8 эскадроновъ, при 4 пулеметахъ; съ развитіемъ боя наши сотни въ конномъ строю лихо атаковали японскій эскадронъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ боевого порядка, и почти весь его истребили, послѣ этого ударили на пѣхоту, но отошли, попавъ подъ огонь пулеметовъ. Наступленіе японской пѣхоты въ охватъ нашего праваго фланга было остановлено огнемъ нашей батареи, нанесшей значительныя потери противнику. Наши потери точно еще не выяснены; пока опредѣлилось, что раненъ корнетъ фонъ-Мейеръ и 21 нижній чинъ и выбыло 25 лошадей.

18 мая. Отъ ген.-ад. Алексѣева. Всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству полученныя мною сего числа донесенія контръ-адмираловъ Витгефта и Григоровича по 16 мая. Найдено и взорвано на рейдѣ много японскихъ минъ. Повидимому, японцы замѣнили брандеры минами загражденія, которыя ставятся ими съ коммерческихъ пароходовъ.

18 мая. Отъ ген.-ад. Куропаткина. Въ сторонѣ Фынхуанчена все спокойно. Сюянъ японцами не занятъ. Замѣчается, что японскіе отряды начали постепенно отходить отъ долины рѣки Седзыха и Салидзайпудза въ восточномъ направленіи. 17 мая двѣ японскихъ роты съ 30 драгунами двинулись по Дагушанской дорогѣ на Урласы, пытаясь обойти съ лѣваго фланга нашу заставу и разъѣзды. Обходъ былъ своевременно обнаруженъ нашими дозорами. Въ перестрѣлкѣ раненъ 1 казакъ и убита 1 лошадь. Японскій отрядъ, съ которымъ наша конница имѣла удачное дѣло 17 мая, приостановился верстахъ въ четырехъ не доходя станціи Вафангоу на позиціи и приступилъ къ укрѣпленію ея. Дальнѣйшаго наступленія японцевъ отъ Саймацзы къ Фынсуйллинскому перевалу на дорогѣ въ Ляоянъ не замѣчается.

19 мая. Отъ ген.-ад. Куропаткина. Въ сторонѣ Фынхуанчена спокойно. Городъ Саймацзы, occupied японцами, 18 мая снова занятъ нашими войсками. 18 мая на перевалѣ Ляоянъ, въ 14 верстахъ къ югу отъ Сюяна, разъѣзды имѣли перестрѣлку съ японскимъ отрядомъ, силою до двухъ ротъ съ полускадроновъ; наши потери—одинъ казакъ раненъ. У Инкоу и у Гайчжоу безъ переменъ.

Ляоянъ, 18 мая. Отъ военного корреспондента „Русскаго Слова“. Четыре дня на Ляодунскомъ полуостровѣ. Завтра движемся къ югу. Проливные дожди смѣняются очаровательными весенними днями. Китайскія деревни окутаны цвѣтущими рощами. Дороги не размыты, мосты цѣлы. Дружественное намъ населеніе всюду бережетъ восстанавливаемый рельсовый путь и доставляетъ запасы. Фуражу конямъ мало. При приближеніи японцевъ крестьяне прячутъ женщинъ и разбѣгаются кругомъ. Разъѣзды непріятельской кавалеріи не принимаютъ боя при равенствѣ силъ и преслѣдуютъ нашихъ только при значительномъ своемъ превосходствѣ и наличности пѣхоты. Ихъ эскадроны плохо управляютъ рослыми конями. Убѣгая, падаютъ, оставляя лошадей. Говорятъ, что массы японцевъ двумя руслами направляются къ югу— къ Сюяню и Артуру— восточнымъ берегомъ. Близию сильно укрѣпляется ими. Передъ ними еще двадцать неразгруженныхъ транспортовъ. Въ Вафангоу опять третьяго дня слышалась канонада съ юга. Отъ генерала Фока пока никакихъ извѣстій. Въ Троицынъ день посреди пустынныхъ горъ наши боевые поѣзда обиты вѣтвями молодыхъ

дубковъ. Солдаты радуются: завтра, можетъ быть, смерть, сегодня—какъ дома. Больныхъ нѣтъ. Телеграфъ возстановляется. Пока только служебный. Депеши приходится посылать съ нарочными въ Ляоянь. Полковникъ Спиридоновъ съ своимъ желѣзнодорожнымъ отрядомъ дѣятельно работаетъ рельсовыми путями. Завтра дойдетъ съ ними до непріятельскихъ позицій. Большія кавалерійскія части японцевъ показывались къ востоку отъ Вафангоу и преслѣдовали нашихъ пограничниковъ, несущихъ тяжкую службу малыми постами. Солдаты радуются близости военныхъ дѣйствій. Утомлены долгими стоянками.

Сегодня необыкновенно красивое кавалерійское дѣло у Вафангоу. Вечерашняя развѣдка полковника Кошубы и графа Арифельдта вызвала японцевъ на позицію между Вафангоу и Вафандяномъ. Они рѣшили наказать предпримчиваго, отважнаго пограничника и заняли горныя позиціи въ двухъ верстахъ отъ насъ. Ротмистръ Максимовъ съ 8 час. утра принять стрѣлковый бой съ сильнѣйшимъ много разъ противникомъ. Задержанные имъ на два съ половиною часа японцы упорно готовились перейти въ послѣднее наступленіе, чтобы уничтожить врага, беспокоившаго ихъ тылъ двадцать одинъ день, но никакъ не ожидали того, что случилось. Къ Вафангоу подходилъ большой кавалерійскій отрядъ генерала Самсонова. Уже въ пяти верстахъ онъ получилъ извѣстіе о боѣ. Надо было видѣть, какъ по его командѣ три эскадрона Приморскаго драгунскаго полка, охотничья команда и сотня пограничной стражи кинулись на мѣсто. Вихремъ неслись стройные ряды всадниковъ, одолевая въ стремительномъ движеніи впередъ всѣ трудныя препятствія страшно пересѣченной мѣстности. Туда же по самой невозможной дорогѣ промчалась батарея на рысяхъ. Выйдя за станцію, наши немедленно начали общій бой съ такимъ порывомъ и неистовствомъ, съ такой эффектной стройностью массовыхъ движеній, что японцы немедленно вызвали на позицію всѣ свои силы. Четвертая и шестая сотни 8-го Сибирскаго казачьяго полка съ гиканьемъ вихремъ налетѣли на японскую кавалерію, съ пиками на перевѣсѣ, охватили съ обоихъ фланговъ и въ нѣсколько минутъ буквально изрубили цѣлый эскадронъ противника, разсѣявъ остальныхъ. Пики здѣсь были впервые въ дѣлѣ и наводили ужасъ. Были такіе удары, когда смаху казакъ пробивалъ насквозь всадника и ранилъ лошадь. Нѣсколько пикъ было оставлено за невозможностью ихъ выдернуть. Истребляя все на своемъ пути, казачья лава встрѣтила шесть японскихъ пулеметовъ и сумѣла изъ подъ ихъ адскаго огня уйти безъ большихъ потерь. Японцы четырьмя батальонами, по триста человѣкъ въ ротѣ, съ восемью эскадронами перешли было въ наступленіе, но тутъ ихъ встрѣтила полная неожиданность. Наша батарея подъ командой штабъ-капитана Иванова стала ужъ на позицію и послѣ первыхъ шрапнелей, рвавшихся слишкомъ высоко, дала рядъ удивительныхъ выстрѣловъ. Гора, куда густыми шеренгами наступала японская пѣхота, вдругъ усыялась черными неподвижными точками. Гранаты попадали въ массы противника, живо начавшаго разбѣгаться во всѣ стороны. Къ этому времени разразилась гроза. Жадная дробь пулеметовъ и ревъ орудій сливались съ ударами грома. Небо отвѣчало молніями на эту битву. Нѣсколько японскихъ кавалерійскихъ атакъ удивляли отвагой. Съ крикомъ „майя“, они бросались на насъ, но встрѣчали такой отпоръ сибирскихъ казаковъ, драгунъ и пограничниковъ, что разсыпались по сторонамъ, преслѣдуемые нашими. Въ причудливой рамкѣ синихъ горъ вся эта долина была въ эти минуты полна мрачной красоты и суроваго величія. Были эпи-

зоды, просившіеся на полотно. Такова вначалѣ атака квартирьеровъ, врубившихся въ массу непріятельской кавалеріи, при чемъ выдвинулся Касиновъ. Потомъ лихой выѣздъ 48-й сотни штабсъ-ротмистра Доценко, остановившій рѣшительнымъ ударомъ атаку японцевъ. Одинъ казакъ, окруженный врагами, стоя на мѣстѣ, сначала пикою очистилъ себѣ мѣсто, а потомъ самъ бросился на нихъ. Другой, уронивъ пикъ и выпустивъ шашку, отнялъ саблю у японскаго офицера и его же изрубилъ ею. Ихъ маіоръ генеральнаго штаба Тонака столкнулся съ нашимъ стрѣлкомъ, который, отразивъ его ударъ, однимъ взмахомъ отрубилъ голову маіору. Казачья атака, неожиданно встрѣтивъ непріятельскіе пулеметы, оказалась въ трудномъ положеніи. Охотники 48-й сотни пограничниковъ спѣшили, кинулись на врага и дали возможность нашимъ отойти безъ потерь. Нѣкоторые японскіе офицеры убѣгая, снимали сапоги для быстроты. Казаки со смѣхомъ показывали эту обувь. Въ одномъ мѣстѣ, желая обмануть, японцы поставили чучела. Казаки не поддались и били по настоящимъ цѣлямъ врага. Особенно отличались ротмистръ Голощаповъ, Рибасовъ и разжалованный Чоглоковъ, самоотверженно бросавшійся на врага, пока ему не были пробиты пулями обѣ ноги. Артиллерія стрѣляла такъ, что у генерала Самсонова нѣсколько разъ срывались восторженные одобренія. Убить у насъ одинъ солдатъ, другой пропалъ безъ вѣсти, раненъ корнетъ фонъ-Мейеръ, тяжело ранены три нижнихъ чина, легко—подпоручикъ конной артиллеріи Вамдербрантъ и двадцать солдатъ. Лошадей убито 25. Уронъ непріятеля значительный. Японцы потеряли не менѣе двухсотъ человекъ. Взято нами много прекрасныхъ японскихъ коней. Непріателемъ командовалъ извѣстный генералъ Аккіама, нѣкогда другъ многихъ русскихъ.

19 мая. Отъ ген.-лейт. Сахарова въ Главный штабъ. По донесенію начальника отряда, въ дѣлѣ 17 мая у Вафангоу японцы имѣли въ резервѣ до трехъ батальоновъ пѣхоты. Наши потери: убито три нижнихъ чина и ранено тридцать два, лошадей убито 17 и ранено 23. Раненъ сотникъ фонъ-Мейеръ; фамилія другого раненаго офицера еще не сообщена. Потери японцевъ весьма значительны. Одинъ японскій эскадронъ 13 полка почти весь уничтоженъ въ рукопашной схваткѣ; другой же эскадронъ, шедшій на выручку первому, понесъ большія потери отъ огня спѣшенныхъ пограничниковъ и охотничьей команды. У японцевъ отбито 19 лошадей.

20 мая. Ген.-лейт. Жилинскаго. Генералъ Стессель отъ 15 мая донесъ: 13 мая, послѣ упорнаго боя, продолжавшагося два дня, я приказалъ вечеромъ очищать цзиньчжоускую позицію, такъ какъ противъ насъ было не менѣе трехъ дивизій со ста двадцатью орудіями. Огонь противника, а главное огонь съ четырехъ канонерокъ и шести миноносцевъ, совершенно уничтожилъ наши батареи на цзиньчжоуской позиціи. Находившійся на самой позиціи 5-й полкъ держался геройски. Огнемъ его и нашихъ батарей и канонерки „Бобръ“, стоявшей въ Хунуэза, японцамъ нанесены громадныя потери. Наша убыль до тридцати офицеровъ и около восьмисотъ нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Всѣ неподбитыя орудія нами взорваны и испорчены; свезти орудія позиціонныя во время жестокаго боя, разумѣется, не могло входить въ расчетъ, такъ какъ это нужно было бы сдѣлать за три дня до боя. Бой тринадцатаго числа начался съ пяти часовъ утра и продолжался до восьми вечера, когда я приказалъ постепенно очищать позицію. Часть минъ и фугасовъ осталась не взорванною, такъ какъ японцы

обходили прямо по морю, выше пояса въ водѣ, подъ прикрытіемъ своихъ судовъ. Духъ войска отличный.

21 мая. Отъ ген.-лейт. Ж и л и н с к а г о. По полученнымъ отъ генерала Стесселя письменнымъ донесеніямъ, дополняющимъ его телеграммы за время до 8 мая, оказывается, что къ означенному числу положеніе было таково: армія японцевъ передовыми частями дошла до горы Самсонъ, но еще не рѣшалась атаковать городъ Цзиньчжоу, занятый одной ротой. Непріятель занялъ уже полуостровъ Керръ и посылалъ большія шаланды въ бухту Хунуэза, которыя, однако, вынуждены были удалиться, вслѣдствіе огня нашей артиллеріи. Наши войска занимали позицію южнѣ побережья залива Хунуэза, Талиенванъ, станцію Наньгуаньлинъ, Дальній и всѣ бухты. Эскадра противника блокировала все побережье и обстрѣливала берега то одной, то другой бухты, не жалѣя снарядовъ. Въ ночь съ 6-го на 7-е была небольшая бомбардировка Артура, причемъ былъ убитъ одинъ нижній чинъ и двѣ лошади и ранено четыре нижнихъ чина. 1 мая японцы пробовали сдѣлать высадку въ бухтѣ Керръ, но были отбиты, и одинъ непріятельскій крейсеръ затонулъ. 2 мая колонны ихъ по двумъ дорогамъ отъ Саншилипу и отъ Гоцзялина направились на югъ. Японцы шли густыми колоннами и потому понесли сильныя потери отъ артиллерійскаго огня. Колонна ихъ, шедшая отъ Гоцзялина, попала подъ залпы нашей пѣхоты и тоже сильно пострадала. Когда непріятель развернулся, у него оказалось шесть батарей и 24 батальона. Вслѣдствіе значительнаго превосходства непріятеля въ силахъ, нашъ отрядъ началъ отходить, и японцы приостановили наступленіе. Генераль Стессель съ большою похвалою отзывается о мужествѣ нашихъ войскъ и ихъ начальниковъ, принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Утромъ, 4 мая наши войска заняли высоты сѣвернѣ города Цзиньчжоу казаками и охотниками; одиночныя непріятельскія партіи появлялись на горахъ. 5-го числа три роты японцевъ на западномъ склонѣ Самсона атаковали сто человекъ нашихъ охотниковъ, но были отбиты. По имѣвшимся свѣдѣніямъ, сѣвернѣ Саншилипу находилась вся непріятельская армія: 30.000 пѣхоты и 1.500 кавалеріи съ осаднымъ паркомъ. Духъ нашихъ войскъ превосходенъ. Потери наши съ 1 по 8 мая—10 офицеровъ и 175 нижнихъ чиновъ. У плѣнныхъ японцевъ были найдены русско-японскіе переводчики. Видимо, эти части давно назначены противъ Артура: въ словаряхъ все приурочено къ Артуру и Дальнему.

21 мая. Отъ ген.-лейт. Сахарова въ Главный Штабъ. 18 мая на перевалѣ Феньшуйлинъ, на полпути между Цзянчаномъ и Саймацзы, забайкальскіе казаки имѣли дѣло съ японцами, занявшими сильную позицію на высотахъ. Казаки въ спѣшенномъ строю подъ сильнымъ залповымъ и пачечнымъ огнемъ атаковали противника и заставили его очистить позицію. Наши потери: убиты шесть казаковъ и ранены подполковникъ Заботкинъ, врачъ и 22 казака.

22 мая. Отъ ген.-ад. Куропаткина. Согласно съ полученными донесеніями, подробности дѣла 17 мая подъ станціей Вафангоу представляются въ слѣдующемъ видѣ: нашъ конный отрядъ изъ драгунъ и казаковъ, конно-охотничьей команды и батареи, слѣдуя отъ Вандзялина, около полудня 17 мая, не доходя пяти верстъ до станціи Вафангоу, получилъ донесеніе, что двѣ пограничныхъ сотни ведутъ перестрѣлку съ противникомъ, занявшимъ позицію у деревни Юдзятунъ. Конный отрядъ на рысяхъ подошелъ къ Вафангоу, и на поддержку пограничниковъ были направлены два эска-

дрона драгунъ; для охраны и развѣдки своего праваго фланга отъ отряда были выдѣлены одна сотня и охотничья команда въ долину рѣки Фучжоу, которые, окончивъ свою задачу, составили правый флангъ нашего расположения. Около часу пополудни противникъ въ значительныхъ силахъ началъ дебютировать изъ Юдзятуня, съ цѣлью атаковать нашу передовую линію. Тогда двѣ сотни сибирскихъ казаковъ, перейдя желѣзную дорогу въ конномъ строю, атаковали передовой японскій эскадронъ и въ рукопашной схваткѣ почти весь его уничтожили. Встрѣченные засимъ огнемъ пѣхоты, двухъ спѣшившихся эскадроновъ и пулеметовъ, казаки, отходя лавой, навели погнавшійся за ними второй эскадронъ на охотничью команду, успѣвшую дать восемь залповъ съ постояннымъ прицѣломъ, и эскадронъ повернулъ назадъ, понеся значительныя потери. Третій японскій эскадронъ, слѣдовавшій уступомъ слѣва, попалъ подъ огонь спѣшенной пограничной сотни и тоже въ безпорядкѣ отступилъ. На нашемъ лѣвомъ флангѣ въ это время спѣшенные драгуны, которымъ по условіямъ мѣстности нельзя было принять участіе въ дѣлѣ въ конномъ строю, на высотахъ сѣвернѣ Юдзятуня вели перестрѣлку съ противникомъ и, обнаруживъ обходъ его слѣва, отошли на вторую позицію, вполнѣ обезпечивъ дѣйствія казаковъ. Около половины второго часа пополудни наша батарея стала на позицію и открыла удачное обстрѣливаніе пѣхоты и пулеметовъ противника; за это время было обнаружено движеніе японской пѣхоты къ Юдзятуню, а засимъ около двухъ часовъ густая пѣхотная цѣли появились на гребнѣ возвышенностей, занятыхъ ранѣе драгунами. Наши потери: тяжело раненъ поручикъ фонъ-Мейеръ и легко подпоручикъ Брандъ; нижнихъ чиновъ убито трое, тяжело ранено девять и легко ранено 23 человекъ. Потери японцевъ значительны. Изъ донесенія, найденнаго на убитомъ японскомъ унтеръ-офицерѣ, видно, что только одинъ 14-й драгунскій полкъ потерялъ 70 человекъ.

23 мая. 21 мая наши казачьи части были встрѣчены огнемъ японской пѣхоты, занявшей укрѣпленную позицію на высотахъ у деревни Хоцзяпудза. Въ началѣ дѣла японцы попытались перейти въ наступленіе черезъ долину рѣки Коулэндзыхо, но были остановлены мѣткимъ огнемъ коннаго орудія, которое казаки успѣли поставить на позицію. Казаки спѣшились. Съ помощью подошедшихъ поддержекъ и огнемъ двухъ орудій казаки заставили японцевъ бросить позицію и отступить подъ прикрытіемъ сомкнутыхъ частей, причемъ перестрѣлка продолжалась съ 1 часа до 6 часовъ дня. Со стороны японцевъ въ перестрѣлкѣ приняли участіе шесть ротъ, изъ коихъ четыре подошли позже на подкрѣпленіе. Окопы на позиціи противника были сооружены весьма тщательно и хорошо маскированы. Наши конныя орудія работали прекрасно, и огонь ихъ способствовалъ главнымъ образомъ успѣху дѣла. Наши потери: убитъ доблестный войсковой старшина Старковъ, ранены легко два офицера. Казаковъ ранено 11 и контужено двое. Потери японцевъ точно не установлены, но болѣе значительны, чѣмъ у насъ.

23 мая. Отъ военнаго корреспондента „Русскаго Слова“ Ляоянъ. *Кинчжоускій бой 13 мая.* Японцы отовсюду, даже изъ Сасебо и Нагасаки, привезли къ Кинчжоу много дальнобойныхъ орудій. Весь ихъ флотъ наканунѣ подошелъ сюда же съ немалымъ количествомъ жерлъ, занявъ позиціи къ востоку и западу отъ этого самаго узкаго мѣста Квантуна. Даже суда, блокирующія Портъ-Артуръ, были здѣсь. Войскъ сосредоточили сорокъ пять тысячъ. Въ пять часовъ утра началась безпримѣрная канонада. Каза-лось, весь перешеекъ въ огнѣ. Шрапнели рвались тысячами. Снаряды

падали повсемѣстно. Подступы къ горамъ, склоны горъ, линія желѣзной дороги, рвы—засыпаны осколками. Наши орудія и пулеметы работали все время. Непріятельская пѣхота подъ защитой своей артиллеріи ходила въ атаку, но отступила передъ нашей, несмотря на свою малочисленность, упорно защищавшей высоты, буквально срѣзываемыя снарядами броненосцевъ и крейсеровъ. Были укрѣпленія начисто снесенныя. Ничего подобнаго этому аду нельзя себѣ представить. Были позиціи, гдѣ не оставалось сажени не поражаемой разрывами японскихъ гранатъ. Солдаты въ сказочной отвагѣ кидались на противника, но отходили отъ истребительнаго огня. Значительная часть японской пѣхоты, желая зайти въ тылъ нашимъ, прошла за Кинчжоу по горло въ водѣ на большомъ разстояніи, но не выполнила задачи, встрѣтивъ хотя измученную, но рѣшительную нашу пѣхоту. Живою стѣною встрѣчала она самыя убійственные удары, особенно пятый полкъ, понесшій наиболѣе потерь. Онъ умиралъ, не прекращая боя. Когда никто не ожидалъ этого, отчаянно кидался на врага. Солдаты, потерявъ офицеровъ, сами осмысленно защищали позиціи, переходя на наиболѣе угрожаемыя мѣста. Бой, ни на минуту не прекращавшійся въ теченіе 15 часовъ, окончился въ восемь часовъ вечера. Испортивъ орудія, приведя въ негодность пулеметы, мы отошли къ Портъ-Артуру. Убитыхъ и раненыхъ у насъ до восьмисотъ человѣкъ. Масса раненыхъ не оставляла строя. Перевязанные возвращались назадъ, говоря:—Теперь тамъ и калѣки нужны. Хоть лежа, да пострѣляемъ. Поможемъ часъ продержаться, и то хорошо. Потери противника громадны.

Перестрѣлка у Вафангоу. Сегодня развѣзды отряда генерала Самсонова встрѣтили такіе же противника у Вафангоу. Была перестрѣлка. Трое японцевъ, въ томъ числѣ одинъ офицеръ генеральнаго штаба, убиты. У насъ потерь нѣтъ. Развѣдка пограничниковъ также встрѣтила нѣсколько всадниковъ противника.

Погода. Непогоды продолжаются. Ночи очень холодныя.

25 мая. Отъ Намѣстника. Согласно донесенія контръ-адм. Витгефта въ бою на Кинчжоуской позиціи правый флангъ нашъ сильно поддержала канонерская лодка „Бобръ“ съ миноносцами „Бурный“ и „Бойкій“, возвратившіеся затѣмъ въ Портъ-Артуръ. Противъ дѣйствовавшихъ въ Кинчжоуской бухтѣ японскихъ лодокъ ночью 13 мая были посланы 10 миноносцевъ, изъ коихъ одинъ разбился на камняхъ и затонулъ, команда спасена. Изъ бывшихъ въ Кинчжоу при морскихъ пушкахъ отсутствуетъ мичманъ Николай Шимановскій, ранены 6 матросовъ.

24 мая. Отъ ген.-лейт. Сахарова. Въ сторонѣ отъ Фынхуанчена перемѣнъ нѣтъ. Японскій отрядъ, стоявшій на позиціи къ югу отъ станціи Вафангоу у деревни Юдзятунъ, въ теченіе 22 мая очистилъ позиціи и отошелъ, преслѣдуемый нашей конницей, къ станціи Вафанъдянь и далѣе къ югу. 21 мая во время развѣдки въ окрестностяхъ Саймадзы по нашему тыльному отряду былъ открытъ огонь японской пѣхотой, но наши движеніемъ впередъ пріостановили противника; перестрѣлка продолжалась около полутора часовъ времени. Наши потери: двое убитыхъ и шесть раненыхъ нижнихъ чиновъ.

25 мая. Отъ ген.-адъют. Куропаткина. У западнаго побережья Ляодуна около перваго часа пополудни появилась японская эскадра, сначала въ составѣ 6-ти судовъ, а затѣмъ усиленная еще 11-ю; всего составилось 6-ть судовъ 1-го ранга, а остальные 2-го, и 3-го и миноносцы. Эскадра крей-

сировала частями, обстрѣливая участокъ морскаго берега къ западу отъ Гайчжоу и Сеньючена и направляя огонь на расположеніе нашихъ постовъ и на появляющіеся разѣзды. Къ 7-ми часамъ бомбардировка прекратилась, и эскадра ушла въ южномъ направленіи. Потерь и матеріальнаго ущерба у насъ не было. 25 мая, съ 8-ми часовъ утра вновь появились 6 судовъ къ югу отъ Гуаньцзятуня и спустили шлюпки; другія 6 судовъ начали обстрѣливать побережье у Сеньючена и самый городъ; высадки не было. На югъ японскія войска группируются на фронтѣ въ 16 верстъ протяженіемъ отъ Пуландяна до Тандзяфана, въ долинѣ рѣки Тасахо. 25 мая японскій отрядъ силою до двухъ ротъ пѣхоты и эскадрона направился отъ Фынхуанчена на сѣверъ въ мѣстности Тафангоу и потѣснилъ нашу казачью заставу. На помощь подоспѣли изъ Уалюнди охотники и рота. Наступленіе японцевъ, потерявшихъ въ перестрѣлкѣ одного ѳнт.-офиц. плѣннымъ и одного офицера и нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ убитыми, было остановлено; у насъ потерь не было. Въ тотъ же день 25 мая наши передовые посты и казачьи заставы на главной ляоянской дорогѣ были потѣснены противникомъ, но съ прибытіемъ въ началѣ втораго часа дня поддержки японцы были принуждены отступить. Въ перестрѣлкѣ, продолжавшейся до 7 часовъ вечера, у насъ убитъ штабсъ-капитанъ Лячко и 2 нижнихъ чина и ранено 5 нижнихъ чиновъ. 25 мая нашъ отрядъ, занимавшій Саймацзы, былъ атакованъ японцами, силою до одной бригады, и въ виду большого превосходства силъ противника медленно отошелъ къ Фынсуйлинскому перевалу; наши потери—ранены 2 офицера и убито и ранено до 100 нижнихъ чиновъ.

27 мая. Бомбардировка японской эскадры 26 мая побережья къ западу отъ Сеніечена и Кайджоо потери и матеріальнаго ущерба не причинила, несмотря на значительное число выпущенныхъ снарядовъ. У насъ оказался легко раненымъ лазаретный служитель и попорчены 2 двуколки. 27 мая утромъ, на побережьи спокойно, нѣсколько непріятельскихъ судовъ держатся вдали отъ берега. 25 мая японцы продолжали медленно наступать къ Сюяну по Дагушанской и по Хынхуанченской дорогамъ, не дойдя передовыми отрядами верстъ на 8 съ юга и востока отъ Сюяна. Утромъ 26-го числа ихъ отрядъ, силою до бригады пѣхоты, съ двумя горными батареями и 4 эскадронами, повелъ наступленіе на Сюянь. Около 11 часовъ японцы появились передъ городомъ съ юга, но были остановлены весьма удачнымъ огнемъ нашей батареи. Послѣ этого японская пѣхота стала наступать и съ востока по Фынхуанченской дорогѣ. Казаки, занимавшіе переваль, послѣ двухчасового боя должны были отступить, и по перевалу открыла огонь наша батарея, не давая японцамъ возможности утвердиться на немъ. Къ этому времени на югъ вышла на позицію японская горная батарея, но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ приведена была къ молчанію огнемъ нашей батареи. Второй японской горной батарее вовсе не удалось открыть огня, и она подъ огнемъ нашей батареи очистила занятую ею позицію. Съ теченіемъ боя обнаружилось обходное движеніе нѣсколькихъ баталіоновъ японской пѣхоты къ сѣверо-востоку отъ Сюяна, угрожающее нашему пути отступления, вслѣдствіе чего казаки постепенно отошли верстъ на 8 отъ Сюяна, обстрѣливая огнемъ батареи съ 600 сажень густую колонну противника. Къ 5 часамъ пополудни перестрѣлка затихла. Наши потери: ранены войсковою старшина Черемисиновъ и хорунжій Комаровскій, оставшіяся въ строю; убитъ 1 и ранено 17 казаковъ. Японцы должны были понести значительныя потери, такъ какъ наши снаряды весьма удачно рва-

лись въ густыхъ колоннахъ противника. Начальникъ отряда свидѣтельствуеть объ отличномъ мужествѣ въ бою офицеровъ и нижнихъ чиновъ, называя наиболѣе отличившимися войсковыхъ старшинъ Гаврилова и Черемисинова, подъесауловъ Семенова и Козловскаго, штабсъ-ротмистра Ржевскаго и хорунжаго Комаровскаго и генеральнаго штаба подполковника Посохова. По всѣмъ даннымъ, казаки имѣли дѣло съ частями 10-й японской дивизіи. Въ дѣлѣ 25-го мая, у Тафангоу, у насъ былъ раненъ 1 стрѣлокъ, а японцы понесли значительныя потери, по показаніямъ мѣстныхъ жителей до 40 человекъ убитыми и ранеными. Подробности дѣла у Самайды выяснились въ слѣдующемъ видѣ: 25-го мая, въ 6 часовъ утра, рота, бывшая въ сторожевомъ охраненіи на дорогѣ Айянамынь, подверглась нападенію противника. На подкрѣпленіе ей была выслана охотничья команда, а затѣмъ поднялся и весь отрядъ, изъ состава котораго одинъ батальонъ съ горной батареей занялъ позицію впереди Саймадзы, а другой батальонъ направился впередъ. Передовая рота и охотничья команда сначала потѣснили японцевъ, нанесли имъ потери, захватили ружья, снаряженіе убитыхъ, но затѣмъ наступленіе батальона было остановлено сильнѣйшимъ огнемъ противника, силы котораго обнаружились до бригады пѣхоты съ двумя батареями и тремя эскадронами. Начальникъ отряда приказалъ отступить къ Фынсуйлинскому перевалу. Отрядъ медленно отходилъ въ полномъ порядкѣ, задерживаясь на позиціяхъ; ранены штабсъ-капитаны Макаровъ и Сыкунъ и поручикъ Ружицкій, оставшіеся въ строю, нижнихъ чиновъ убито и ранено около ста человекъ. Потери непріятеля велики. Изъ захваченныхъ съ убитыхъ предметовъ обмундированія обнаружено, что противъ отряда наступали части 12-й японской дивизіи. Начальникъ отряда свидѣтельствуеть о спокойствіи и мужествѣ войскъ и признаеть также дѣйствія летучаго отряда Краснаго Крмста выше всякихъ похвалъ.

IV.

Пожертвованія на дѣло снабженія религіозно-нравственными книгами войскъ дѣйствующей арміи.

Въ распоряженіе редакціи „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ поступили на дѣло снабженія дѣйствующей арміи на Дальнемъ Востокѣ книгами религіозно-нравственнаго содержанія:

1) Отъ причта и прихожанъ Богородицкой церкви хутора Морозова Донской Епархіи—7 руб.

2) Отъ монаха Геннадія на пріобрѣтеніе евангелій по 5 к. экз.—5 руб. и отъ него же 130 брошюръ и 130 листовъ религіознонравственнаго содержанія.

3) Отъ И. В. Преображенскаго 53 книжки разнаго содержанія.

4) Независимо сего отъ священника Успенской церкви сл. Петропавловской Старобѣльскаго уѣзда, Харьковской губ., о. Николая Григорьевича поступило для отправки голодающимъ семьямъ казаковъ Забайкальской области—4 руб.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется:

С.-Петербургъ, 31-го мая 1904 г. Цензоръ, Архимандритъ *Меводій*.

1904.

І ю н ъ.

ІХ.

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

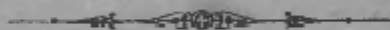

Д У Х О В Н Ы Й

ПОЛЕМИКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Бережливость», Новскій, № 139.

1904.

Содержаніе іюньской книжки

журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“ за 1904 г.

- „Дѣло“ (1 Кор. III, 10—15) профессора Адольфа Гарнана .
Владиміръ Терлецкій 1199—1207
- Явленіе воскресшаго Христа во увѣреніе Своего воскресенія.
(По поводу статьи проф. Тарѣева—„О Христовомъ Вос-
кресеніи). Протоіерей *В. Лаврскій* 1208—1240
- Изъ исторіи борьбы и полемики по вопросу объ иконопочита-
ніи въ древнее и въ настоящее время. (По поводу отри-
цательнаго отношенія къ иконамъ со стороны современ-
ныхъ сектантовъ). Свящ. *А. Синайскій* 1241—1251
- Къ вопросу о способахъ обличенія неправды раскольничьей.
Миссіонеръ *А. Запрудъ* 1252—1265
- Петербургское раскольничье братство и слово австрійскаго
„иона“ въ его собраніи. *Н. Гринякинъ* 1266—1275

Изъ записокъ и дневниковъ.

- „Меморабилія“ (Записки раскаявшагося толстовца) 1276—1279
- Миссіонерскіе очерки. XXI. Въ сборной избѣ. *Д. Боголюбовъ*. 1280—1284
- На разныя темы. Сектанты-переселенцы (изъ итоговъ Хаба-
ровскаго сѣзда).—О сектантской музыкѣ. *И. Айвазовъ*. 1285—1289
- Кіевскій лжехристосъ. *Православный* 1290—1291

Изъ миссіонерской полемики.

- Изъ бесѣды съ толстовцемъ. *Калиникъ Карпушинъ*. . . . 1292—1294
- Бесѣда съ поморскимъ начетчикомъ Т. А. Худошинымъ въ
Верхне-Туринскомъ заводѣ Пермской губерніи. Миссіо-
неръ *А. Обтемперинскій* 1295—1301

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

- „Вѣра и Церковь“—богословско-аполотетическій журналъ (по
поводу истекшаго „перваго пятилѣтія его“). Проф.
А. Бронзовъ. 1302
- Соціальное значеніе религіозной личности. Проф. *А. Бронзовъ* . . . 1303
- Свящ. *С. Брояновскій*. Сборникъ краткихъ поученій на вос-
кресные и праздничные дни. Свящ. *М. Лисичкинъ* 1304

Х р о н и к а.

- Изъ міра инославія и изъ жизни заграничнаго сектантства.
Религія Японія въ прошломъ и настоящемъ.—Пропа-
ганда мормоновъ въ Лондонѣ 1305—1309

„Дѣло“ (1 Кор. III, 10—15) профессора Адольфа Гарнака.

„Каждый смотри, какъ строить. Ибо никто не можетъ положить другого основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Иисусъ Христосъ. Строить ли кто на этомъ основаніи изъ золота, серебра, драгоценныхъ камней, дерева, сѣна, соломы, каждаго дѣло обнаружится, ибо день покажетъ, потому что въ огонь открывается, и огонь испытаетъ дѣло каждаго, каково оно есть. У кого дѣло, которое онъ строилъ, устоитъ, тотъ получитъ награду. А у кого дѣло сгоритъ, тотъ потерпитъ уронъ; впрочемъ, самъ спасется, но такъ, какъ бы изъ огня“ (1 Кор. III, 10—15).

I.

Въ зимній семестръ 1899—1900 уч. года большой шумъ произвелъ извѣстный профессоръ берлинскаго университета Адольфъ Гарнакъ своими лекціями о „Сущности христіанства“. Лекціи эти читались предъ студентами всѣхъ факультетовъ, при переполненной аудиторіи, и когда затѣмъ изданы были отдѣльной книгой, то книга эта пашла себѣ такъ много читателей, что чрезъ два мѣсяца потребовалось уже второе ея изданіе. Мы не имѣемъ въ виду подробно излагать содержаніе и дѣлать критическій разборъ означенной книги проф. Гарнака. Все это уже сдѣлано въ прекрасномъ сочиненіи С. М. Кулюкина „Сущность христіанства проф. А. Гарнака“, появившемся въ свѣтъ, какъ бесплатное приложеніе къ духовному журналу „Странникъ“, а также въ статьяхъ проф. А. П. Лебедева (въ „Богословскомъ Вѣстн.“ окт.—ноябрь 1901 г.).

Намъ хотѣлось бы примѣнить къ сочиненію проф. Гарнака тотъ масштабъ, который обязателенъ для каждаго проповѣдника христіанскаго ученія и которымъ опредѣляется достоинство и цѣнность проповѣдуемаго ученія. Поэтому, принимая въ руководство слова св. ап. Павла, приведенныя нами въ началѣ статьи, посмотримъ, какъ „строить“ проф. Гарнакъ, на какомъ „основаніи“ онъ строитъ и какой прочностью обладаетъ то „дѣло, еще назда“ ученый профессоръ.

Въ своихъ лекціяхъ о „Сущности христіанства“ проф. Гарнакъ высказываетъ послѣднее слово протестантской теологіи, которое обозначаетъ собою (хотя профессоръ объ этомъ по скромности и умалчиваетъ) „новую ступень въ исторіи христіанской религіи послѣ реформаціи“. Эта „новая ступень“ состоитъ въ такомъ пониманіи сущности христіанства, по которому Личность Іисуса Христа совершенно устраняется изъ Евангелія. „Въ Евангеліе,—говоритъ Гарнакъ,—какъ оно возвыщено Іисусомъ Христомъ, входитъ не Сынъ, а только одинъ Отецъ“. „Евангеліе есть познаніе Бога, какъ Отца“. Научивъ людей знать Бога-Отца и чрезъ то приведши людей къ Богу, Іисусъ Христосъ, по мнѣнію Гарнака, исполнилъ заповѣданное Ему отъ Отца дѣло; этимъ задача Его и была исчерпана. Собственная Личность Іисуса Христа отходитъ какъ бы на второй планъ. Никакого личнаго отношенія къ Нему Его послѣдователей не нужно, такъ какъ Онъ не требовалъ Себѣ никакого поклоненія, а требовалъ только исполненія Его заповѣдей. „Въ кругъ Его мыслей,—говоритъ Гарнакъ,—не входило давать какое-либо „ученіе“ о Своей Личности и Ея достоинствахъ“. Іисусъ Христосъ не желалъ никакой другой вѣры въ Свою Личность и никакого другого отношенія къ Ней, какъ только того, чтобы соблюдались заповѣди Его. „Положеніе: „Я есмь Сынъ Божій“—не включено Самимъ Іисусомъ въ Его Евангеліе, и кто ставитъ это положеніе наряду съ другими, находящимися въ Евангеліи, тотъ прибавляетъ къ Евангелію нѣчто постороннее“. Въ религіи, по мнѣнію Гарнака, одно только существенно и важно—личное отношеніе души человѣка къ Богу. „Богъ и душа, душа и ея Богъ“—вотъ вся религія, и „ничто чуждое не должно быть помѣщаемо“ между Богомъ и душой человѣка. Поэтому—никакой догматики, никакой христологіи, ничего „чуждаго“ и „вишшняго“. Христосъ „не входитъ въ Евангеліе“; помни только, что Богъ—твой Отецъ,—вотъ и все Евангеліе.

Такова „сущность“ христіанства, критически „очищенного“ проф. Гарнакомъ, посредствомъ отдѣленія „зерна“ отъ „скорлупы“. Таково то „евангеліе въ евангеліи“, которое нашелъ проф. Гарнакъ чрезъ 19 вѣковъ послѣ Рождества Христова!

Но нетрудно замѣтить, что въ этой „сущности“ христіанства нѣтъ ничего въ собственномъ смыслѣ христіанскаго, нѣтъ даже спасительнаго имени Іисуса Христа. И то „евангеліе“, которое въ наши дни нашелъ Гарнакъ въ „Евангеліи“, вовсе не есть та радостная вѣсть о наступленіи „лѣта Господня пріятнаго“, которая раздалась въ мірѣ 19 вѣковъ тому назадъ. Это далеко

не то „благовѣстіе“ Христово, которое „слышали отъ Него и возвѣстили“ намъ „избранные Его сосуды“—апостолы.

Но припомнимъ и приблизимъ, насколько можемъ, къ нашему разумѣнію великую тайну „явленія Бога во плоти“, составляющую истинную „сущность“ христіанства.

II.

„Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ“ (Іоан. I, 1).

Когда исполнилось время, „Слово стало плотію, и обитало съ нами, полное благодати и истины“ (Іоан. I, 14).

Слово стало плотію, для того чтобы осудить и потребить грѣхъ, живущій во плоти, чтобы приблизить и низвести къ намъ жизнь Божественную, и сдѣлать насъ достойными причастниками ея.

„Слово жизни“ принимаетъ плоть и возвѣщаетъ намъ „глаголы жизни вѣчной“.

„Сія же есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, Единаго истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Іисуса Христа“ (Іоан. XVII, 3).

„Сынъ Божій пришелъ и далъ намъ свѣтъ и разумъ, да познаемъ Бога истиннаго, и да будемъ во истинномъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ, сей есть истинный Богъ и жизнь вѣчная“ (1 Іоан. V, 20).

Но то *знаніе*, которое дано намъ Іисусомъ Христомъ, не есть отвлеченная, сухая, теоретическая истина, воспринимаемая однимъ только умомъ. Это—полная, цѣльная, *живая* истина, которая захватываетъ всего живого человѣка: она просвѣщаетъ умъ, умиротворяетъ сердце и волю движетъ къ добру. Она дѣлается доступна и открывается намъ не въ поискахъ блуждающей мысли, тщетно усиливающейся придумать „смыслъ“ Евангелія и „сущность“ христіанства, а непосредственно воспринимается и ощущается нами въ полнотѣ и гармоніи *жизни* возрожденной христіанской души. То знаніе Единаго истиннаго Бога и посланнаго Имъ Іисуса Христа, которое составляетъ содержаніе жизни вѣчной, есть не только *мысленное* знаніе, но и *реальное приобщеніе* этой самой жизни.

Во Христѣ открылась „жизнь вѣчная, которая была у Отца и явилась намъ“ (1 Іоан. I, 2).

„И вотъ снизошла къ намъ эта жизнь сама,—говоритъ бл. Августинъ,—и претерпѣла смерть нашу, и умертвила ее преизбыткомъ жизни своей, и возгрѣмѣла во веселыяшаніе, приглашая насъ возвратиться къ Нему, Жизнодавцу“ (Испов. IV кн. 42 гл.).

Знаніе этой жизни, или, что то-же, ея реальное приобщеніе, стало возможно и доступно намъ въ Богочеловѣкѣ Иисусѣ Христѣ, въ Его живой Личности, общеніе съ которой является для насъ источникомъ новой жизни. Огонь загорается отъ огня, личная жизнь отъ личныхъ силъ.

Такъ отъ Личности Богочеловѣка Иисуса Христа загорается въ человѣкѣ огонь новой жизни во Христѣ.

Это Онъ, Иисусъ изъ Назарета, Который является грѣшнику, какъ его Спаситель, въ тотъ моментъ, когда послѣдній, изнемогая въ мучительной борьбѣ плоти, противоборствующей духу, съ воплемъ крѣпкимъ и многими слезами взываетъ: „о, несчастный я человѣкъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?“ (Рим. VII, 24).

Это Онъ, Который откликается на призывъ всякой души христіанской, „скорбящей же и озлобленной, милости Божіей и помощи требующей“.

Это Онъ, Который призываетъ къ Себѣ всѣхъ „труждающихся и обремененныхъ“ и даетъ успокоеніе, миръ и отраду всѣмъ безпокойнымъ, блуждающимъ въ поискахъ смысла жизни умамъ и всѣмъ встревоженнымъ, скорби и томленію духа въ суетѣ житейской предавшимся сердцамъ.

Это Онъ, живая вѣра и общеніе съ Которымъ производитъ во всемъ нашемъ существѣ глубокую благодѣтельную переменѣ, возрождая насъ и дѣлая „новымъ твореніемъ“ во Христѣ.

Апостолы первые приняли „глаголы жизни вѣчной“, возвѣщенные Спасителемъ, и были посланы Имъ въ міръ, дабы „по слову ихъ“ весь міръ увѣровалъ въ Него (Іоан. XVII, 20, 21).

Облеченные силою свыше, призванные быть „свидѣтелями Его даже до края земли“, они всюду „пронесли имя Его“, какъ „единственное имя подъ небомъ, данное человѣкамъ, которымъ подлежить намъ спастись.“ (Дѣян. I, 8; IV, 12).

Возвѣщая то „благовѣстіе, которое слышали отъ Него“, они главнымъ предметомъ своей проповѣди поставляли Его Самого. „Христосъ Распятый“ является центромъ проповѣди апостольской, Христосъ, какъ живая Личность въ Ея могучемъ, властномъ, возрождающемъ и искупительномъ воздѣйствіи на грѣшный родъ человѣческій.

Въ великій и священный день Пятидесятницы, въ своей первой проповѣди ап. Петръ, разъясняя собравшемуся народу чудесный, знаменательный фактъ сошествія Св. Духа на апостоловъ, говорилъ: „Мужи Израильскіе! выслушайте слова сіи: Иисуса Назорея, Мужа, засвидѣтельствованнаго вамъ отъ Бога силами, и чудесами, и знаменіями, которыя Богъ сотворилъ чрезъ Него среди

васъ, какъ и сами знаете, Сего, по опредѣленному совѣту и предвѣдѣнію Божію предавшаго, вы взяли и, пригвоздивши руками беззаконныхъ, убили; но Богъ воскресилъ Его, расторгнувъ узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его... Сего Иисуса Богъ воскресилъ изъ мертвыхъ, чему мы всѣ свидѣтели. Итакъ, Опъ, бывъ вознесенъ десницею Божіею и принявъ отъ Отца обѣтованіе Св. Духа, излилъ то, что вы нынѣ видите и слышите... Покайтесь, и да крестится каждый изъ васъ во имя Иисуса Христа для прошенія грѣховъ, и получите даръ Святаго Духа“ (Дѣян. II, 22—24. 32—33. 38).

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, когда апостолы Петръ и Іоаннъ исцѣлили, при входѣ въ храмъ, человѣка, хромого отъ рожденія, и весь народъ, видя хромого ходящимъ и хвалящимъ Бога, въ изумленіи сбѣжался къ нимъ въ притворъ, называемый Соломоновъ, то ап. Петръ сказалъ:

„Мужи Израильскіе! что дивитесь сему, или что смотрите на насъ, какъ будто мы своею силою или благочестіемъ сдѣлали то, что онъ ходитъ? Богъ Авраама, Исаака и Іакова, Богъ отцовъ нашихъ, прославилъ Сына Своего Иисуса, Котораго вы предали и отъ Котораго отреклись предъ лицомъ Пилата, когда онъ предлагалъ освободить Его. Но вы отъ Святаго и Праведнаго отреклись и просили даровать вамъ убійцу, а Начальника жизни убили. Сего Богъ воскресилъ изъ мертвыхъ, чему мы свидѣтели. И ради вѣры во имя Его, имя Его укрѣпило Сего, котораго вы видите и знаете, и вѣра, которая отъ Него, даровала Ему исцѣленіе сіе предъ всѣми вами... Онъ есть Камень, пренебреженный вами, зиждущими, но сдѣлавшійся главою угла, и нѣтъ ни въ комъ иномъ спасенія“ (Дѣян. III, 12—16; IV, 11).

Великій апостолъ языковъ Павелъ, посланный Христомъ „благовѣствовать не въ премудрости слова, дабы не уиразднить Креста Христова“, проповѣдывалъ „Христа Распятаго, для Іудеевъ соблазнъ, а для Еллиновъ безуміе, для самихъ же призванныхъ Іудеевъ и Еллиновъ Христа, Божію силу и Божію премудрость“ (1 Кор. I, 23. 24). Будучи въ Коринѣ, онъ „разсудилъ быть незнающимъ ничего, кромѣ Иисуса Христа и Сего распятаго“ (1 Кор. II, 2). Онъ не желалъ хвалиться ничѣмъ, „развѣ только крестомъ Господа нашего Иисуса Христа, Которымъ для меня міръ распятъ и я для міра“ (Гал. VI, 14). Рождающій дѣтей своихъ „благовѣствованіемъ во Христа“, онъ „болѣлъ мучами рожденія, доколѣ не изображался въ нихъ предначертанный у нихъ предъ глазами, какъ бы въ нихъ распятый Иисусъ Христосъ“ (Гал. III, 1; IV, 19).

Великій апостолъ любви Іоаннъ Богословъ, ученикъ, „котораго любилъ Іисусъ“, такъ вѣщаетъ о Томъ, приклонившись къ груди Котораго онъ возлежалъ на вечери: „въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ... И Слово стало плотію и обитало съ нами, полное благодати и истины“, „О томъ, что было отъ начала, что мы слышали, что видѣли своими очами, что разсматривали и осязали руки наши, о Словѣ жизни (ибо жизнь явилась, и мы видѣли и свидѣтельствуемъ и возвѣщаемъ вамъ сію вѣчную жизнь, которая была у Отца и явилась намъ), о томъ, что мы видѣли и слышали, возвѣщаемъ вамъ, чтобы и вы имѣли общеніе съ нами, а наше общеніе со Отцемъ и Сыномъ Его Іисусомъ Христомъ“ (1 Іоан. I, 1—3).

Вотъ Тотъ Христосъ, о Которомъ проповѣдывали Его апостолы, и благовѣстіе Котораго есть „сила Божія во спасеніе всякому вѣрующему“ (Рим. I, 16).

III.

Но не на этомъ „Основаніи“ строить проф. Гарнакъ. Онъ пренебрегаетъ „Камнемъ краеугольнымъ, положеннымъ во главу угла“, и утверждаетъ, что „Христосъ не входитъ въ Евангеліе“. Личность Іисуса Христа, по мнѣнію профессора, является чѣмъ-то постороннимъ, лишнимъ, „чуждымъ“ между Богомъ и душой человѣка. Очевидно, для профессора, привыкшаго вращаться всегда въ сферѣ тонкихъ, по холодныхъ умственныхъ операцій и логическихъ построеній, остался совершенно чуждъ и непонятенъ тотъ горячій, искренній порывъ *живой сердечной вѣры*, который подвигнулъ ап. Петра воскликнуть: „Ты еси Христосъ, Сынъ Бога Живаго“ (Мѡ. XVI, 16).

Непонятнымъ и чуждымъ для него остается (какъ не затронувшіи сферы его личнаго опыта) и тотъ неизсякаемый въ теченіе вѣковъ потокъ горячей, пламенной вѣры, который струится въ сердцахъ вѣрующихъ „и во Единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, Единороднаго, иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, Свѣта отъ Свѣта, Бога истиннаго отъ Бога истиннаго, рожденна, не сотворенна, единосущна Отцу, Имъ-же вся быша“. Мало того, онъ даже блазнится, почитаетъ противнымъ своей немошной совѣсти открыто исповѣдать свою вѣру въ „насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія спедшаго съ небесъ и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, и вочеловѣчшася“ и объявляетъ это устарѣвшей формулой вѣросознанія IV вѣка, непригодной для нашего просвѣщеннаго времени.

„Сущность христіанства“, критически „очищеннаго“ и „проеяннаго“ проф. Гарнакомъ, дѣйствительно, представляет собою „новую ступень“, но не въ исторіи христіанской религіи, гдѣ по самому существу не можетъ быть никакихъ „новыхъ этапныхъ пунктовъ“, ибо „Христосъ вчера, днесь, Той-же и во вѣки“, а въ исторіи западнаго богословскаго раціонализма.

Раціонализмъ, какъ особое направленіе въ богословской наукѣ, не признаетъ никакого иного руководительнаго начала въ вопросахъ религіи, кромѣ одного только человѣческаго разума и стремится объяснить всѣ факты христіанской исторіи однимъ естественными силами и явленіями. Но въ самомъ началѣ христіанской исторіи онъ встрѣчается съ Личностью Божественнаго Основателя христіанства, Личностью неизъяснимой, непостижимой, Которая представляет собою неразрѣшимую тайну для ума человѣческаго. Претыкаясь о сей „Камень претыканія и соблазна“, раціонализмъ или отрицаетъ историческую достовѣрность евангельской исторіи, обращая ее вмѣстѣ съ Личностью Основателя христіанства въ мифъ, или же припихиваетъ Личность Богочеловѣка до низкопробной пантеистической апофеозы, поставляя Іисуса Христа въ ряду учителей и мудрецовъ земныхъ, подобныхъ Конфуцію, Буддѣ, Магомету, Сократу и т. д. Но въ томъ и другомъ случаѣ вопросъ не исчерпывается до конца, не рѣшается вполне, всецѣло и безъ остатка, такъ чтобы въ немъ уже не оставалось ничего неяснаго и непонятнаго.

Личность Іисуса Христа не укладывается въ рамки и формы нашей познавательной дѣятельности и не вмѣщается въ ограниченный кругъ нашего психическаго опыта. Самъ А. Гарнакъ, принадлежащій къ умѣренно-раціоналистическому направленію богословской школы своего учителя, проф. А. Ричля, признавая Іисуса Христа только человѣкомъ, встрѣтилъ большія трудности въ рѣшеніи поставленнаго имъ вопроса о „собственномъ самосознаніи и самосвидѣтельствѣ Іисуса Христа“ и долженъ былъ сказать, что самосознаніе Іисуса Христа—„это Его тайна и никакая психологія не изслѣдуетъ этого“.

И вотъ, изворотливый разумъ человѣческій, незаконно присвоившій себѣ верховный авторитетъ въ дѣлѣ вѣры, будучи не въ состояніи изъяснить дивную тайну „явленія Бога во плоти“, претыкаясь и разбиваясь о несокрушимый камень исповѣданія Петрова, уклоняется въ сторону и изыскиваетъ для себя новый путь,—путь болѣе легкій и удобный, на которомъ бы не встрѣчалось уже никакихъ подводныхъ камней, и гдѣ, подобно загадочному сфинксу, не стоялъ бы и не тревожилъ этотъ безпо-

койный, мучительный и неразгаданный вопрос: „Кто убо Сей?“ „Христосъ не входитъ въ Евангеліе“,—объявляетъ проф. Гарнакъ. Зачѣмъ же послѣ этого безплодные христологическіе споры? Не все ли равно: кто Онъ былъ, былъ ли, или Его вовсе не было? Важно то, чему Онъ училъ; а Онъ въ кругъ тѣхъ мыслей, которыя составили Его благовѣстіе, не включилъ требованія личнаго отношенія къ Нему, какъ къ Сыну Божію. „Какъ же далеки отъ Его мыслей,—воскликаетъ проф. Гарнакъ,—тѣ, которые ставятъ раньше Евангелія „христологическое“ исповѣданіе и говорятъ, что сначала нужно правильно мыслить о Христѣ, а потомъ уже можно только приступать къ Евангелію“. „Вѣдь Его же,—продолжаетъ Гарнакъ,—притчи о мытарѣ въ храмъ, о женщинѣ при кружкѣ для сбора на храмъ, о блудномъ сынѣ; но всѣ эти лица ничего не знаютъ о „христологiи“, и однако мытарь достигъ оправданія чрезъ смиреніе“.

Такъ, выдвигая странное, совершенно чуждое христіанскому сознанію ученіе, будто „Христосъ не входитъ въ Евангеліе“, раціонализмъ освобождаетъ себя отъ непосильной задачи разрѣшенія одной изъ величайшихъ проблемъ христіанства, и въ этомъ, думается, смыслъ той „новой ступени“ въ развитіи богословскаго раціонализма на западѣ, которую отмѣчаетъ собою появленіе въ свѣтъ книги проф. Гарнака о „Сущности христіанства“.

IV.

Такимъ образомъ, новѣйшее христіанство, проповѣдуемое Гарнакомъ, представляетъ собою христіанство безъ Христа. Гарнакъ совершенно отдѣляетъ ученіе Христа отъ Его личности и говоритъ, что важно только ученіе Христа, а не Его Личность. Достаточно знать и помнить не Его, а то, чему Онъ научилъ, но и то нужно переживать въ своей душѣ и осуществлять въ жизни, а не разсудочно воспринимать и мыслить.

Но развѣ возможно ученіе Христа осуществлять безъ Самого Христа? Развѣ возможна жизнь христіанская безъ вѣры и живого общенія съ Тѣмъ, Кто сказалъ: „безъ Мене не можете творити ничесоже“ (Іоан. XV, 6)? Сила неотдѣлима отъ дѣйствія. Какъ же мы будемъ дѣйствовать, зная и помня только ученіе Христа, но забывъ о Немъ Самомъ и не имѣя въ себѣ силы Его Духа? Христосъ—„паша сила“ и „паша крѣпость“, Христосъ—„жизнь наша“. Сильные Его Божественною силою, мы можемъ сказать вмѣстѣ съ апостоломъ: „вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ“ (Филип. IV, 13).

Представимъ, что Христосъ—забытъ, нѣтъ этого Свѣточа, нѣтъ этого возлюбленнѣйшаго образа. И какой невыразимой тоской и скорбью наполняется сердце! Весь міръ дѣлается мраченъ и безотраденъ. Но вотъ Христа познали, увѣровали и полюбили Его, духовно соединились съ Нимъ,—и зажигается огонь и свѣтъ истинно-христіанской жизни, и міръ приходитъ и дивится!

Проповѣдуемое Гарнакомъ христіанство безъ Христа есть въ сущности замаскированное антихристіанство. И легко видѣть, что то „дѣло, которое построилъ“ Гарнакъ, не устоитъ въ огнѣ того испытанія, какое предлагаетъ ап. Іоаннъ для распознаванія „Духа Божія и духа лстча“.

„Духа Божія и духа заблужденія узнавайте такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога. А всякій духъ, который не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста, о которомъ вы слышали, что онъ прійдетъ, и теперь есть уже въ мірѣ“ (1 Іоан. IV, 2, 3).

Проф. Гарнакъ „не исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти“ и, признавая въ Немъ „величайшее и изумительнѣйшее явленіе“, соблазняется о Немъ такъ же, какъ тѣ, которые говорили: „не плотникъ ли Онъ, сынъ Іосифа и Маріи?“

Поэтому „дѣло“ профессора Адольфа Гарнака „сгоритъ“, какъ построенное не на томъ краеугольномъ Камнѣ, который есть Іисусъ Христосъ, а сфабрикованное въ лабораторіи протестантской теологіи, гдѣ, въ душной атмосферѣ сухого, отвлеченнаго рационализма, утрачивается пониманіе христіанства, какъ живой реальной силы, возрождающей и преобразующей міръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, утрачивается и пониманіе истинной „сущности христіанства“.

Владиміръ Терлецкій.

Явленіе воскресшаго Христа во увѣреніе Своего воскресенія ¹⁾.

(По поводу статьи проф. Тарѣева—„О Христовомъ Воскресеніи“.—Богослов. Вѣстникъ. Май 1903 г.).

Итакъ, Петръ и Іоаннъ возвратились отъ гроба къ себѣ (Іоан. XX, 10), вѣроятно, чтобы возвѣстить видѣнное ими Богоматери, а потомъ уже и прочимъ ученикамъ (Лк. XXIV, 24); а Марія „стояла у гроба и плакала“ (Іоан. XX, 11). Какъ на гробъ шла она, влекомая потребностью „посмотрѣть гробъ“ (Мр. XXVIII, 1), такъ и стоя у гроба, она чрезъ нѣкоторое время ошутила потребность скорбящаго сердца опять посмотреть хотя бы то „мѣсто, гдѣ лежалъ Господь“ (ст. 6). Она приникла, чтобы видѣть внутренность пещеры,—и видитъ въ правой сторонѣ ея на каменной скамьѣ, гдѣ лежало тѣло Господа, двухъ ангеловъ, въ бѣломъ одѣяніи, сидящихъ—одного въ той сторонѣ, гдѣ лежала глава Господа, другого—гдѣ были ноги. Должно быть, ангелы явились Магдалинѣ не въ такомъ ослѣпительно-блистающемъ видѣ, какимъ устрашены были предъ тѣмъ мурносицы (Лк. XXIV, 5). Они не говорятъ Магдалинѣ: „не бойся!“ какъ говорили мурносицамъ,—говорили и другимъ, сподоблявшимся ангельскаго видѣнія (Мр. XXVIII, 5; Лк. 1, 13; Суд. VI, 23; XIII, 18—23). И Магдалина на вопросъ ангеловъ: что ты плачешь?—отвѣчаетъ, какъ будто для нея нѣтъ ничего чуднаго и необъяснимаго въ этомъ появленіи двухъ бѣлоризцевъ-юношей тамъ, гдѣ за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ никого не было. Сознала ли даже Магдалина, что вопрошающіе ее должны быть ангелы? Быть можетъ, описываемое совершалось съ быстротой, не оставлявшей времени для размышленія.

Только что отвѣтивъ ангеламъ: „унесли Господа моего и я не знаю теперь, куда переложили Его“,—Марія уже отвращаетъ свои взоры отъ ангеловъ и обращается назадъ. Чѣмъ вызвано это движеніе? Что отвлекло внезапно ея мысли отъ необъяснимаго появленія во гробъ двухъ юношей? Необходимо

¹⁾ См. «Мисс. Обзор.» кн. 7, стр. 769.

предположить какое-либо новое чувственное впечатлѣніе,—слуховое или зрительное. Пала ли на нее тѣнь отъ тѣла Христова, когда Господь приблизился и сталъ позади нея, между устьемъ пещеры и восходящимъ солнцемъ, или слухомъ ощутила Марія приближеніе Господа? И то, и другое не невозможно. Хотя тѣло воскресшаго Господа было удобопрочно и не для одного такого тонкаго вещества, какъ то, которое какимъ-то своимъ состояніемъ,—вибраціей ли, или инымъ,—производитъ въ насъ ощущеніе свѣта, тѣмъ не менѣе Воскресшій видѣвшимъ Его не являлся прозрачнымъ, и не какъ беззвучная тѣнь ступаль, конечно, по дорогѣ въ Эммаусъ Спутникъ Луки и Клеопы. Или же явившіеся Магдалинѣ сидящими юноши явили ей, свойственнымъ ихъ виду образомъ, свое благоговѣніе ко Господу, представившись ей внезапно вставшими при Его приближеніи? Такъ догадывался св. Іоаннъ Златоустъ ¹⁾. Одно несомнѣнно: что-то внѣшнее дало мыслямъ Маріи такое новое направленіе, что она, отвѣтивъ ангеламъ, не отъ нихъ ищетъ разъясненія,—куда могло быть взято изъ гроба тѣло Господа,—а обращается назадъ; она „обратилась назадъ, и увидѣла Іисуса стоящаго, и не узнала“ Его (ст. 14).

„Не узнала, что это Іисусъ“; „думая, что это садовникъ“ (ст. 14. 15). Не сказано въ евангеліи, что Опъ явился Магдалинѣ садовникомъ, какъ фантазируютъ живописцы, изображающіе Его съ заступомъ въ рукахъ; сказано, что Магдалина только подумала такъ; это была ея догадка и—догадка, очевидно, имѣющая связь съ ея же предположеніемъ, что тѣло Господа переложено куда-то по распоряженію Іосифа. Снятыя съ тѣла пелены и сударь не разубѣдили, слѣдовательно, Магдалину въ ея первоначальномъ предположеніи. Суббота, въ продолженіе которой тѣло не могло быть изнесено, только что еще окончилась; было еще темно, когда Марія увидала, что гробъ уже былъ пустъ; слѣдовательно,—должна была заключить отсюда Марія Магдалина,—переложеніе тѣла совершилось очень недавно. И вотъ, видя кого-то въ саду Іосифа въ такой ранній часъ вблизи гроба, Марія и обращается къ стоящему предъ нею, какъ къ человѣку, которому все это должно быть хорошо извѣстно: „господинъ! если ты вынесъ Его, скажи мнѣ, гдѣ ты положилъ Его“ (ст. 15). Вопросъ этотъ былъ бы вполне естественъ и нисколько не удивителенъ, если бы Марія обращалась съ нимъ къ незнакомцу, или если бы и теперь, когда она спрашиваетъ, было еще такъ же темно, какъ и тогда, когда она въ первый разъ была у гроба;

¹⁾ Бесѣды на Іоан. 7. 2. Стр. 536.

но какъ могло случиться, что и теперь, „при восходѣ солнца“ или уже по восходѣ солнца (Мр. XVI, 2), Марія приняла Господа за незнакомца и потому предположила въ Немъ садовника?

Проф. Тарѣевъ объясняетъ это тѣмъ, что Господь, по воскресеніи Своемъ, будто бы „не имѣлъ опредѣленнаго вида, и узнавали Его только изъ Его словъ и дѣйствій“ (34, 14). Объясненіе свое основываетъ опъ на томъ, что не узнала Господа Марія Магдалина, не узнавали долго эммаусскіе путники и что для увѣренія одиннадцати въ томъ, „что это Онъ Самъ“ (Лк. XXIV, 39), Онъ указывалъ на такіе внѣшніе признаки, какъ крестныя Его раны. Къ этому можно было бы прибавить и еще случаи, когда на Тиверіадскомъ озерѣ десять апостоловъ тоже „сначала не узнали, что это Іисусъ“ (Іоан. XXI, 4). Но не забудемъ, что случаи неузнаванія Господа по воскресеніи — это фактъ, а что Господь по воскресеніи Своемъ „не имѣлъ опредѣленнаго вида“, это — гипотеза, предлагаемая профессоромъ въ объясненіе факта. И—прежде всего,—что можетъ значить выраженіе: „не имѣлъ опредѣленнаго вида“? Не могъ же Господь имѣть видъ какой-то „неопредѣленный“. Конечно, слова г. Тарѣева, что Христосъ по воскресеніи „не имѣлъ опредѣленнаго вида“, такъ же подобно понимать, какъ и то, когда говорится о комъ-либо, что онъ „не имѣлъ опредѣленнаго“ мѣста жительства; итакъ, по мнѣнію г. Тарѣева, Христосъ воскресшій принималъ то одинъ, то другой видъ, прежде Ему не принадлежавшій? Но нужна ли такая гипотеза, что Христосъ по воскресеніи принималъ различные облики подобно ангеламъ, являвшимся людямъ то въ видѣ юпошей, то шестокрылыхъ существъ, то многоочитыхъ колесъ? Въ евангеліяхъ нѣтъ никакого основанія къ допущенію подобной гипотезы; нигдѣ не сказано, что не узнававшіе сначала Господа тогда узнавали Его, когда Онъ воспринималъ Свой образъ. Да нѣтъ и подобности въ допущеніи столь неимовѣрной гипотезы; и безъ нея найдутъ себѣ объясненіе случаи неузнаванія воскресшаго Господа Его учениками. Во-первыхъ, явленіе Господа одиннадцати вовсе не идетъ сюда: ученики сразу узнали, кто Явившійся, и язвы Свой Онъ показывалъ не для того, чтобы ученики узнали въ Немъ распятаго Учителя своего, а для увѣренія ихъ, что не привидѣніе, не духъ безплотный (Лк. XXIV, 37—40) явился имъ въ образѣ погребеннаго и воскресшаго. Что ученики сначала не узнали Господа на морѣ Тиверіадскомъ,—объясняется отдаленностію Его отъ ихъ лодки (Іоан. XXI, 8), неполнымъ еще, быть можетъ, разсвѣтомъ начинавшагося дня (ст. 3 и 4), туманностію морского берега въ этотъ ранній утренній часъ,—во всякомъ

случаѣ, какими-либо причинами естественными, препятствовавшими разсмотрѣть—и узнать по голосу Явившагося. По какимъ нибудь признакамъ да узналъ же Его Іоаннъ, сообщившій ап. Петру: „это Господь!“ и Симонъ сразу повѣрилъ, не выражая ни сомнѣнія, ни недоумѣнія, какъ было бы, если-бы Іоаннъ призналъ Господа въ „иномъ образѣ“, а не въ томъ, который всѣ знали (ст. 7). Единственный случай, когда сказано, что Господь явился „инымъ образомъ“, а не такъ, какъ Маріи Магдалины (Мр. XVI, 12.11),—это явленіе Его двумъ ученикамъ на пути въ Эммаусъ; но объ этомъ явленіи прямо и сказано въ евангеліи, что непризнаніе Господа Его учениками въ продолженіе всего пути было дѣломъ особеннаго Божественнаго дѣйствія. И къ тому была особенная надобность: Господь по воскресеніи не являлся ни одному изъ невѣрующихъ; нужно было и въ эммаусскихъ путникахъ возбудить сначала вѣру; а когда это было достигнуто разъясненіемъ пророчествъ, тогда и „открылись у нихъ глаза“ (Лк. XXIV, 31), но не сказано: тогда Онъ принялъ Свой образъ: напротивъ,—выраженіе: „глаза ихъ были удержаны, такъ что они не узнали Его“ положительно даетъ понять, что особеннымъ Божественнымъ дѣйствіемъ въ ученикахъ имѣло мѣсто такое субъективное ихъ состояніе, что извѣстное оставалось имъ неизвѣстнымъ, а отнюдь не объективно Господь бесѣдовалъ съ ними въ образѣ какого-либо неизвѣстнаго имъ человѣка.

Съ устраненіемъ же гипотезы о принятіи Господомъ, по воскресеніи, различныхъ образовъ,—какой дать отвѣтъ на вопросъ: почему Магдалина не узнала явившагося ей Господа? Намъ думается, что объясненіе этому всего естественнѣе искать въ томъ же состояніи крайняго возбужденія, въ какомъ находилась Марія, и во всецѣломъ поглощеніи ея сознанія одною мыслію, однимъ чувствомъ: „унесли Господа моего и не знаю, гдѣ положили Его!“ Подъ давленіемъ этой скорби, она не обратила вниманія даже на явленіе ангеловъ; что удивительнаго послѣ того, что она не смотритъ и не обращаетъ вниманія на обликъ Того, Кого принимаетъ за садовника! „Господинъ! если ты вынесъ Его,—скажи мнѣ, гдѣ ты положишь Его, и я возьму Его“. Она не способна теперь ничего соображать, она не думаетъ: какъ это она, слабая женщина, возьметъ и понесетъ мертвое тѣло полновозрастнаго мужа, и куда понесетъ она своего Учителя и Господа? Возможно ли, чтобы допустили ее внести въ Іерусалимъ изъ загороднаго сада Іосифова (Евр. XIII, 12) утромъ пасхальнаго дня тѣло Распятаго?!. Если объ ап. Петрѣ при повѣствованіи о преображеніи Господнемъ сказано, что онъ самъ не зналъ, что говорилъ отъ

радости (Лк. IX, 33), то еще справедливѣе будетъ сказать о Маріи Магдалинѣ, что она ничего не видѣла, не слышала, не соображала отъ скорби, что „унесли Господа“ ея.

„Иисусъ говоритъ ей: Марія! Она же, обратившись, говоритъ Ему: Учитель мой!“ (ст. 16).— „Обратившись“, замѣчаетъ евангелистъ, давая тѣмъ попятъ, какимъ мимолетнымъ, какимъ мало-внимательнымъ взоромъ окинула она стоявшаго позади нея мнимаго садовника, когда говорила: „господинъ! если ты выпнешь Его“... и пр. Теперь только, при воззваніи столь драгоцѣннымъ ея сердцу голосомъ: „Марія!“ обратилась она всей душой своей,— обратилась и лицомъ къ Тому, Кто зоветъ ее,—и, какъ была колѣнопреклоненная предъ низкимъ отверстіемъ пещеры, когда говорила съ бывшими внутри пещеры ангелами,—такъ и припала къ стопамъ Учителя и ухватила за ноги Его. Эту частность явленія Господня Магдалинѣ сообщаетъ евангелистъ Маттеей; хотя онъ и говоритъ при этомъ, что Магдалина была вмѣстѣ съ другою Маріею, но мы уже видѣли, почему повѣствуемое о двухъ нужно отнести къ одной Маріи Магдалинѣ, стоявшей при гробѣ. Итакъ, привѣтствіе Господа, передаваемое евангелистомъ Маттеемъ въ его обыкновенной формѣ, — „радуйтесь!“ — также, какъ у насъ — „здравствуйте!“ — у евангелиста Іоанна передается словомъ: „Марія!“ А сказанное дальше во множественномъ числѣ: „и онѣ, приступивъ, ухватились за ноги Его и поклонились Ему“ — слѣдуетъ читать въ числѣ единственномъ, какъ относящееся къ одной Маріи Магдалинѣ. Тогда понятнымъ становится и сказанное далѣе у евангелиста Іоанна: „не прикасайся ко мнѣ!“ — Почему — „не прикасайся?“ Что въ этомъ порывѣ любви и радости непозволительнаго? Ничего непозволительнаго не усматриваетъ въ немъ первый изъ евангелистовъ, повѣствуя, какъ Магдалина, припавъ къ стопамъ Учителя (*τοὺς πόδας* — ступни ногъ, а не *οὐχὸς* — нога), ухватила за нихъ (*ἐκράτησεν*). Господь дальнѣйшими словами объясняетъ для насъ, что значило это: „не прикасайся“. „Не прикасайся ко мнѣ, ибо Я еще не возшелъ къ Отцу Моему“. Итакъ, вотъ въ чемъ пужно искать причину („ибо“) запрещенія: не прикасайся, потому что Я еще не оставилъ землю, — не вознесся на небо; хотя, дѣйствительно, скоро уже возпесусь. Значитъ, Марія ухватила за ноги Спасителя почти произвольнымъ, полурефлексивнымъ движеніемъ, — подъ вліяніемъ мелькнувшей мысли, что вотъ, вотъ сейчасъ Явившійся опять исчезнетъ изъ очей ея, какъ тѣнь, какъ призракъ, какъ видѣніе. Не прикасайся, — не старайся удержать Меня: Я — не видѣніе, не призракъ; Я еще съ вами, на землѣ. „Иди (лучше) къ братіямъ

Моимъ и скажи имъ: (дѣйствительно) Я восхожу на небо—къ Отцу Моему и Отцу вашему и къ Богу Моему и Богу вашему“.

Едва ли могла бы Марія Магдалина такъ скоро оторваться отъ блаженнаго лицезрѣнія своего воскресшаго Учителя и Господа, если бы Онъ все еще оставался предъ очами ея; по всей вѣроятности, и здѣсь такъ же, какъ послѣ въ Эммаусѣ,—совершивъ то, что было нужно,—возжегши въ сердцѣ Магдалины вѣру въ воскресеніе, Господь „сталъ невидимъ“ ей. Тогда идетъ она,—и уже не къ Петру и Іоанну, а въ собраніе всѣхъ учениковъ (Іоан. XX, 18, сл. 2), куда должны были поспѣшить и Петръ съ Іоанномъ по возвѣщеніи Богоматери о томъ, что они сами видѣли въ пещерѣ гроба (Лк. XXIV, 24). Магдалина возвѣщаетъ, что она видѣла „Самого“ Господа, и о томъ, что (καὶ τούτοις) Онъ сказалъ ей, т. е. что отшествіе Его къ Отцу уже близко, но еще не совершилось. Но ученики, „услышавъ“ отъ Магдалины, „что Онъ живъ и что она видѣла Его,—не повѣрили“ (Мр. XVI, 11); по всей вѣроятности, они почли повѣствуемое Магдалиною за мечтаніе, вызванное въ ней ея скорбію и сильнѣйшимъ стремленіемъ любящей души видѣть Учителя и Господа ея. Если же справедливо предположеніе наше о внезапномъ изчезновеніи изъ очей Магдалины внезапно явившагося ей Господа, то тѣмъ болѣе повѣствованіе Магдалины способно было возбудить въ ученикахъ мысль, что повѣствуемое должно отнести къ области видѣній, а не дѣйствительности. Но, ободренная свидѣтельствомъ Маріи Магдалины, и прочія жены рѣшились теперь сказать, какъ и онѣ видѣли ангеловъ, возвѣстившихъ имъ о воскресеніи Христовомъ и повелѣвшихъ возвѣстить о томъ ученикамъ. Казалось бы, это новое свидѣтельство должно было измѣнить мысли апостоловъ о повѣствуемомъ Магдалиною. По всей вѣроятности, уже послѣ благовѣстія о воскресеніи Христовомъ Марією Магдалиною и женами муроносицами пришли Петръ и Іоаннъ въ домъ, гдѣ пребывали остальные восемь апостоловъ¹⁾; по крайней мѣрѣ, въ такой именно послѣдовательности передавали эти событія ученики, шедшіе въ Эммаусъ, въ своемъ разсказѣ Господу²⁾ (Лк. XXIV, 22—24). Однако и свидѣтельство

¹⁾ За исключеніемъ не бывшаго вмѣстѣ съ прочими ап. Θомы. (См. Лк. XXIV, 33—45; Іоан. XX, 19—24).

²⁾ Если бы мы имѣли только повѣствованіе евангелиста Луки о явленіяхъ Господа ученикамъ по воскресеніи, мы должны были бы думать, что ап. Петръ и еще кто-либо изъ апостоловъ ходили на гробъ уже послѣ того, какъ Магдалина и другія жены принесли вѣсть о воскресеніи (XXIV, 12 и 14).

апостоловъ Петра и Іоанна, подтвердившихъ, что во гробѣ нѣтъ уже тѣла Христова, сообщившихъ, безъ сомнѣній, ученикамъ свое недоумѣніе и удивленіе по поводу разоблаченія тѣла отъ плащаницы и сударя,—такое свидѣтельство, казалось бы, должно было придать полную вѣроятность повѣствуемому Магдалиною и другими женами; однако же и оно, по свидѣтельству евангелія, не возбудило еще въ апостолахъ вѣры въ воскресеніе. Радостью о воскресеніи „горѣли сердца“ только еще у св. женъ; ученики же и видѣніе женами ангеловъ, и явленіе Самого Господа Маріи Магдалинѣ продолжали обьяснять себѣ жепскою болѣзненною мечтательностію: „и показались“ ученикамъ, говорить св. Лука, „слова“ женъ „пустыми“, (ὅσα λήρος), повѣствованіемъ, хотя и не вымысленнаго чего-либо и прямо ложнаго, (ψεῦδος, ψεῦδος),—тѣмъ не менѣе чего-то совершенно чуждаго дѣйствительности, и они „не повѣрили имъ“ (XXIV, 11).

Состояніе духа, въ какомъ находились апостолы послѣ благовѣстія Маріи Магдалины и женъ мѣроносицъ и послѣ посѣщенія гроба апостолами Петромъ и Іоанномъ, живо изображается въ повѣствованіи евангелиста Луки о явленіи Господа двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Эммаусъ.

„Въ тотъ же день двое“ изъ учениковъ „шли въ селеніе, отстоящее стадій на шестьдесятъ отъ Іерусалима, называемое Эммаусъ“ (Лк. XXIV, 13),—разстояніе около десяти верстъ по нашей мѣрѣ. Одинъ изъ нихъ былъ Клеопа или Алфей,—по всей вѣроятности, отецъ Іакова младшаго или Алфеева и мужъ Маріи, по дѣтямъ своимъ именуемой также въ евангеліи Маріей

Но подробное повѣствованіе объ этомъ евангелиста Іоанна даетъ намъ обьясненіе, кого надобно разумѣть въ словахъ эммаусскихъ путниковъ у евангелиста Луки: „пошли нѣкоторые изъ насъ ко гробу и нашли такъ, какъ и женщины говорили“ (ст. 24),—а также и то, что Петръ и Іоаннъ ходили ко гробу не послѣ того, какъ женщины сказали о явленіи ангеловъ, а Магдалина о явленіи ей Самого Господа,—а послѣ того, какъ Марія возвратилась въ первый разъ отъ гроба,—съ вѣстію: „унесли Господа“. Петръ и Іоаннъ, дѣйствительно, и „нашли, какъ сказала“ Марія Магдалина, т. е. нашли гробъ пустымъ. Преосв. Феофанъ въ своей „Исторіи о Богѣ Сынѣ“ беретъ разсказъ о путешествіи ко гробу Петра и у евангелиста Іоанна (стр. 275), и у евангелиста Луки (стр. 279) и представляетъ дѣло такъ, что будто бы ап. Петръ ходилъ на гробъ дважды. Но такое предположеніе не соотвѣтствуетъ повѣствованію евангелиста Луки: зачѣмъ было ап. Петру бѣжать ко гробу, когда онъ ничего новаго относительно гроба не услышалъ отъ женъ? Чему было удивляться по приходѣ на гробъ вторично, когда ничего новаго тамъ онъ не увидалъ? Очевидно, что все сказанное о хожденіи на гробъ ап. Петра въ евангеліи отъ Луки относится къ хожденію на гробъ Петра и Іоанна, описанному евангелистомъ Іоанномъ.

Іаковлевою и Маріей Іосіевою. По особенной подробности и живости повѣствованія объ этомъ явленіи Господа въ евангеліи отъ Луки, думаютъ, что другой изъ путниковъ есть самъ писатель третьяго евангелія. „Когда они“ дорогой „разговаривали между собою“ о событіяхъ страданій, смерти и погребенія ихъ Учителя и о томъ, что гробъ оказался пустымъ, что въ немъ найдены только погребальныя плащаницы, „Самъ Іисусъ, приблизившись, пошелъ съ ними; но глаза ихъ были удержаны, чтобы они не узнали Его“ (ст. 14—16). По особливому дѣйствию Божію, до сознанія ихъ не доходили впечатлѣнія чувствъ отъ столь знакомыхъ имъ очертаній лица и стана, знакомыхъ звуковъ голоса и рѣчи, какъ это бываетъ, когда человекъ, въ глубокой задумчивости, не видитъ и не слышитъ, кто передъ нимъ проходитъ, что ему говорятъ, или,—еще ближе къ настоящему случаю,—какъ не видимъ и не слышимъ мы въ сновидѣніяхъ ничего, кромѣ того, на что, по содержанію сновидѣнія, обращено было наше вниманіе.

Не узнаваемый учениками, Господь говоритъ: „о чемъ это вы разсуждаете между собою и отчего вы такъ печальны?“ (ст. 17). Клеопа говоритъ Ему въ отвѣтъ: да развѣ ты только одинъ изъ приходившихъ въ Іерусалимъ на праздникъ не знаешь ничего о томъ, что здѣсь произошло на дняхъ? Господь Своимъ встрѣчнымъ вопросомъ: а что такое?—заставляетъ ихъ самихъ высказаться, какъ они относятся къ совершившемуся. И „они“ (ст. 19)—оба уже, дополняя одинъ другого и, можетъ быть, перебивая другъ друга, какъ это бываетъ при пересказѣ того, чѣмъ встревожено сердце рассказчиковъ, стали говорить Ему: развѣ ты не слыхалъ, „что было съ Іисусомъ изъ Назарета, который былъ пророкъ“, засвидѣтельствованный „отъ Бога“ даромъ великихъ чудесъ,—пророкъ, ученіе Котораго оказывало властительное дѣйствіе на „весь народъ: какъ первосвященники и весь синедрионъ предали Его“ язычникамъ „для осужденія на смерть“ и язычники „распяли Его. А мы надѣялись было“, прибавляютъ ученики, „что Онъ“ не такой пророкъ, какъ другіе; мы думали было, что это тотъ предреченный Моисеемъ, Ісаіей и Давидомъ пророкъ, „который долженъ“ былъ придти, чтобы „избавить Израиль!“ (ст. 19—21). Но вотъ, „уже третій день нынѣ, какъ“ и Онъ убитъ такъ же, какъ и другіе пророки! Такъ и не сбылись наши надежды на Него! И затѣмъ ученики продолжали: „но нѣкоторыя женщины изъ нашихъ изумили насъ“... Они говорятъ: „изъ нашихъ“, отличая тѣмъ себя отъ „всего народа“, тоже вѣровавшаго въ пророка изъ Назарета и надѣявшагося, что это

есть Мессія; себя, вмѣстѣ съ этими женщинами, они признаютъ ближайшими учениками Распятaго. „Нѣкоторыя женщины изъ нашего“ общества учениковъ Его „изумили насъ“: нынѣ рано онѣ „были у гроба и не нашли тамъ тѣла Его, а пришедши, сказывали, что имъ явились ангелы, которые говорятъ, что Онъ живъ“ (ст. 22. 23). О явленіи Самого Господа Маріи Магдалинѣ ученики почему-то умалчиваютъ; быть можетъ, они боялись, что Путникъ не станетъ дальше и слушать ихъ, когда узнаетъ, какъ женщины передавали о видѣніяхъ,—одно другого неимовѣрнѣе; но, продолжая дальше свой рассказъ, ученики, повидимому, проговариваются, что кто-то видѣлъ „Самого Господа“, а не однихъ только ангеловъ: „И пошли нѣкоторые изъ насъ ко гробу“, говорятъ они, „и нашли такъ, какъ и женщины говорили; но Самого Его не видѣли“ (ст. 24). Какъ видно, мысль о воскресеніи Спасителя начинаетъ уже проникать въ сердца учениковъ: слова женъ не представляются уже имъ болѣе безусловно „пустыми рѣчами“ (*ῥήματα*); а если рассказъ женъ о явленіи имъ ангеловъ не пустая мечта, то надобно повѣрить и Магдалинѣ, говорившей о явленіи ей „Самого Господа“. Но „сердце“ ихъ еще „медлило“ раскрыться для вѣры; они ждали, что, если Опъ явился Магдалинѣ, то явится и Петру, и Іоанну, или и всѣмъ одиннадцати. Въ этой „медлительности сердца“ и упрекаетъ ихъ Воскресшій: какіе вы несообразительные, говоритъ Опъ, какіе вы медлительные сердцемъ, когда пужно вѣрою принять то, что совсѣмъ ясно предсказано въ Писаніи! Развѣ не такъ именно,—путемъ страданій и смерти,—надлежало Христу войти въ состояніе принадлежащей Ему славы Божественной? И, начавши съ книгъ Моисеевыхъ, изъ всѣхъ историческихъ пророческихъ книгъ Писанія ¹⁾ сталъ объяснять имъ бывшіяся теперь прообразованія и пророчества о Христѣ (ст. 25—27). И облако печали, застилавшее предъ ними тьмою весь міръ, дѣлавшее мрачною самую ихъ наружность (*ἐκδιφρασι*, ст. 17), постепенно все разсѣивалось; и робкая надежда, что, можетъ быть, не мечта—то, что говорили жены и Магдалина,—эта надежда постепенно разгоралась у нихъ въ

¹⁾ Какъ видно, уже и въ тѣ времена у іудеевъ было то же, что и нынѣ,—раздѣленіе Писанія на три отдѣла: „Законъ“—пятикнижіе Моисеево, „Пророки“—книги не только пророческія въ строгомъ смыслѣ, но и всѣ книги историческія, какъ исполненныя также пророчествъ и прообразованій, и „Псалмы“—тоже не тѣ только, которые собраны въ особую „Книгу хвалений—Псалтирь“, а всѣ написанныя пѣсенною, мѣрною рѣчью и у насъ въ катихизисѣ названныя, начиная съ книги Іова, книгами учительными. (Лк. XXIV, 27 и 44).

сердцѣ въ несомнѣнную увѣренность; и они, — „не видѣвшіе“ ничего чудеснаго, слышавшіе о воскресеніи не отъ ангеловъ, а только отъ женъ, теперь они уже увѣровали и радостнымъ сердцемъ испытывали „блаженство не видящихъ, но вѣрующихъ“. (Іоан. XX, 29).

Когда ученики приблизились уже къ Эммаусу, а ихъ Спутникъ, повидимому, намѣренъ былъ идти далѣе, имъ очень жаль было разстаться съ Учителемъ, при объясненіяхъ Котораго у нихъ такъ же горѣло сердце, какъ, бывало, когда объясняли имъ Писаніе Господь Іисусъ. И они просятъ: останься съ нами; день уже склоняется къ вечеру. И Онъ остался и вошелъ съ ними въ домъ. У іудеевъ, когда кончался день, предлагалась обыкновенно вечеря, — трапеза, соотвѣтствующая нашему обѣду. Когда Путникъ возлегъ съ учениками за вечерю, Ему, какъ Учителю, предоставлено было мѣсто первенствующаго, который, по обычаю, низводилъ Божіе благословеніе на трапезу, вознося благодарственную молитву ко Господу — подателю пищи, потомъ разламывалъ и раздавалъ хлѣбъ сотрапезникамъ и предлагалъ изъ чаши вино, растворенное водою. Такъ было и въ Эммаусѣ. Въ радости сердца готовились ученики приступить къ трапезѣ послѣ того трехдневнаго поста, когда хлѣба вожделѣннаго не вкушали они (Дан. X, 3) отъ скорби, что отнять отъ нихъ Женихъ Израиля (Мѣ. IX, 15), когда хлѣбъ былъ для нихъ вкусомъ какъ зола, и вино, вмѣсто воды, растворяли они слезами (Пс. CI, 10); едѣланнѣйшій путь долженъ былъ вызывать въ нихъ теперь ощущеніе настоятельной потребности подкрѣпиться пищею. И вотъ Господь Іисусъ, взявъ хлѣбъ, вознесъ молитву хвалы и благодаренія Богу — Отцу небесному и, разломивъ хлѣбъ на части, подать ученикамъ ¹⁾. Тогда отверзлись очи ихъ; прекратилось то божественное дѣйствіе, которое удерживало ихъ сознаніе отъ воспріятія впечатлѣній, воспринятыхъ зрѣніемъ и слухомъ; тогда и зрѣніемъ, и слухомъ сознали они, что ихъ Спутникъ, изъяснитель пророчествъ, а теперь домовладыка за ихъ трапезою, есть ихъ Господь и Учитель Іисусъ изъ Назарета, Христосъ. Что увѣрило ихъ въ этомъ? Прободенные ли гвоздьми длани, преломлявшія и подававшія имъ хлѣбъ, молитва ли благодаренія, предшествовавшая преломленію хлѣба и напомнившая имъ такіа же благодаренія и хвалы, многократно слышанныя ими отъ Господа предъ трапезою

¹⁾ Εὐλόγησε, καὶ κλάσας ἐπέδιδον αὐτοῖς (Лк. XXIV, 30). „Благословивъ, преломивъ“ или „благодаривъ, преломивъ“ — выраженія взаимно замѣняющія одно другое, какъ имѣющія одинаковое значеніе. См. Лк. XXII, 19; Мѣ. XXV, 26; Мр. XIV, 22; 1 Кор. XI, 24; Дѣян. XXVII, 35.

прежде? Но давно уже они слушали, что ихъ Спутникъ говорить, какъ никто никогда не говорилъ другой, кромѣ ихъ Учителя (Іоан. VII, 46), и однако не узнали, кто былъ этотъ Учитель. Такъ и теперь, если бы не открывшійся для ихъ сознанія знакомый обликъ Господа, — какъ могли бы они признать Его въ своемъ Домовладыкѣ? Но — признанный — Онъ тотчасъ же сталъ невидимъ для нихъ.

Несомнѣнно, что Господь не вкусилъ съ Клеопою и Лукою преломленнаго для нихъ хлѣба, такъ какъ хлѣбъ вкушали они съ виномъ, а Господь засвидѣтельствовалъ, что по вкушеніи хлѣба и вина на Тайной Вечери Онъ не будетъ болѣе вкушать отъ плода виноградной лозы, произрастшаго отъ земли (Мѡ. XXVI, 29), что отселѣ Онъ будетъ раздѣлять съ учениками Своими только уже „новое вино“ небесной радости отъ исполненія Духомъ Святымъ (Еф. V, 18; Рим. XIV, 17). Ученики же, безъ сомнѣнія, вкусили отъ хлѣба, поданнаго имъ Господомъ съ благословеніемъ, но чтобы они воспользовались приготовленною трапезою такъ, какъ намѣревались, когда возлегли за нее съ своимъ Гостемъ, — это болѣе, чѣмъ сомнительно: какъ предъ тѣмъ три дня непріемлема была для нихъ пища отъ скорби, такъ теперь потребность тѣла въ подкрѣпленіи пищею заглушалась въ нихъ радостью, и они, убѣждавшіе Спутника своего, что уже поздно идти и до ближайшей веси, „тотчасъ же“ (Лк. XXIV, 33) пускаются обратно въ десятиверстный путь до Іерусалима, — путь, только что ими совершенный. Одному только удивляются они теперь: какъ могли они не узнать своего Учителя и Господа въ этомъ учителѣ, изъяснявшемъ имъ Писаніе на пути! (ст. 32), а этого, замѣтимъ, — не могло бы быть, — они не могли бы удивляться, что Его не узнали, если бы Онъ сокрылъ Себя, принявши на Себя иной обликъ, — если бы Онъ воспріялъ Свой, знакомый имъ видъ только при преломленіи хлѣба.

Возвратившись къ одиннадцати, Лука и Клеопа нашли ихъ и другихъ, „бывшихъ съ ними“ (ст. 33), уже подготовленными къ радости о Христовомъ воскресеніи. Явленіе воскресшаго Господа ап. Петру, ни однимъ изъ евангелистовъ не описанное, увѣрило и не видѣвшихъ, что видѣнное Магдалиною и другими жепами — не мечта. Чѣмъ и какъ приведетъ къ вѣрѣ въ воскресеніе ап. Петръ прежде, чѣмъ Самъ Воскресшій явился ему, — намъ остается неизвѣстнымъ. Неизвѣстно и то, кому прежде явился Господь: апостолу ли Петру, или Лукѣ и Клеопѣ; но когда они дошли изъ Эммауса въ Іерусалимъ, то ученики, оказывается, уже знали отъ ап. Петра о явленіи ему Господа.

Когда Клеопа и Лука рассказывали ученикамъ о томъ, что было на пути и какъ Господь открылся очамъ ихъ при преломленіи хлѣба, Самъ Господь Іисусъ сталъ посреди учениковъ и сказалъ имъ: миръ вамъ! Они смутились и испугались, подумавъ, что видятъ духъ Господа (Лк. XXIV, 35—37), потому что двери горницы, гдѣ они находились, были заперты изъ опасенія іудеевъ (Іоан. XX, 19). Господь говоритъ имъ: что смущаетесь, и для чего такіа мысли входятъ въ сердца ваши! посмотрите на руки Мои и на ноги Мои, —это Я самъ, т. е. не духъ Мой, а Я—въ томъ самомъ тѣлѣ, которое было распято и погребено: „осязайте Меня и рассмотрите: духъ не имѣетъ (доступныхъ осязанію) плоти и костей, какія видите у Меня. И, сказавъ это, показалъ имъ руки и ноги (Лк. XXIV, 38—40; Іоан. XX, 20) и ребра Свои“. Тогда, убѣдившись, что воскресеніе Господа, о которомъ они доселѣ только слышали, есть, дѣйствительно, оживленіе душою самаго тѣла Его, „возрадовались ученики“. Но такъ какъ „отъ радости“ имъ все „еще не вѣрилось“ и они „дивились“, то Господь сказалъ имъ: есть ли у васъ здѣсь какая пища? Они подали Ему часть печеной рыбы и сотоваго меда, и Онъ вкусилъ предъ ними этой пищи (Лк. XXIV, 41—43).

Подумалъ ли г. Тарѣвъ, что выходитъ изъ его утвержденія, что явленія Господа по воскресеніи были только видѣніями? (35, 15). Это значить, что воскресшее тѣло, какъ не имѣющее въ себѣ „ничего матеріальнаго“, недоступно было, слѣдовательно, и осязанію; что оно и видимо было не по существу своему,—какъ по самому существу видимо все матеріальное,—но что видимость воскресшаго тѣла была, будто бы, такова же, какъ видимость ангела, явившагося Захарію, когда онъ „видѣніе видѣ“ во храмѣ (Лк. I, 12. 23); что реальность возставшаго изъ гроба тѣла Христова была такова же, какъ реальность плащаницы, ниспускавшейся съ неба съ четвероногими, предъ очами ап. Петра въ Іоппін, когда онъ „видѣніе видѣ“ (Дѣян. X, 17); что медъ и рыба, входившія, казалось, въ уста Господа, только призрачно были Имъ вкушаемы. Всѣмъ этимъ Господь хотѣлъ увѣрить учениковъ, что Онъ не призракъ, не духъ безплотный, невидимый, неосязаемый, неспособный принять въ себя что-либо матеріальное; то самое, въ чемъ Господь убѣждалъ учениковъ, г. Тарѣвъ отвергаетъ: что представлялъ Господь ученикамъ въ доказательство, что Онъ не духъ, г. Тарѣвъ считаетъ доказательствами, не имѣющими дѣйствительной силы,—обманными!.. Возражая на слова Христовы: „осязайте Мя и видите, яко духъ плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща“, г. Тарѣвъ говоритъ „плоть и

кости“ значить „тѣло“, (42 прим. 2-е) а „тѣло“ не значить „вещество“: тѣло значить только „реальность“ (24 примѣч. 1—15); и такъ такъ тѣло воскресшее есть тѣло духовное, то оно—реальность, чуждая всякой матеріальности, это есть вещество невещественное. „Почто помышленія таковая“ влагаєте вы, г. Тарѣвъ, „въ сердца“ православныхъ! не лишайте ихъ вѣры въ дѣйствительность Христова воскресенія!

Не видно, чтобы кто-нибудь изъ апостоловъ и „бывшихъ съ ними“ рѣшился употребить предложенный Господомъ способъ убѣдиться въ Его тѣлесности,—чтобы кто-нибудь простеръ руку и осязалъ „плоть“ и подъ нею „кости“ ¹⁾. Вкушеніе предъ ними Господомъ пищи не оставило въ видѣвшихъ никакого сомнѣнія, что явившійся имъ былъ Самъ Учитель ихъ, а не призракъ, не видѣніе (см. Дѣян. XII, 15). Удаливъ все „смущенія“ духа ихъ и всякія сумнительныя мысли (Лк. XXIV, 37. 38) изъ сердецъ учениковъ, Господь „сказалъ имъ вторично: миръ вамъ! какъ послать Меня Отецъ, такъ и Я посылаю васъ (Іоан. XX, 21). Вотъ то, о чемъ Я говорилъ, еще бывши съ вами, что надлежитъ исполниться всему написанному о Мнѣ въ Законѣ Моисеевомъ, и Пророкахъ, и Псалмахъ. Тогда отверзъ имъ умъ къ разумѣнію Писаній“ (Лк. XXIV, 44. 45). „Сказавъ“ имъ о предреченномъ въ Писаніи посланничествѣ ихъ, „дунулъ и говоритъ имъ: примите Духа Святаго: кому простите грѣхи, тому простятся; на комъ оставите, на томъ останутся“ (Іоан. XX, 22. 23). Дальнѣйшія слова Господа въ евангеліи отъ Луки (XXIV, 46—49), какъ и соотвѣтствующія имъ у евангелистовъ Марка (XV, 16—19) и Матѳея (XXVIII, 18—20), по всей видимости, должно отнести не къ этому первому явленію Господа одиннадцати, а къ одному изъ послѣдующихъ (Мѳ. XXVIII, 16) или къ самому послѣднему, закончившемуся воздесеніемъ (Мр. XVI, 19; Лк. XXIV, 50), къ описанію котораго евангелисты-синоптики переходятъ непримѣтно.

Все видѣвшіе Господа по воскресеніи не имѣли теперь никакого сомнѣнія, что Учитель ихъ снова съ ними, какъ и прежде, что пребываніе Его во гробѣ и было то кратковременное разлученіе, о которомъ Господь предсказывалъ на Тайной Вечери: „вскорѣ вы не увидите Меня, и опять вскорѣ увидите Меня, ибо Я иду къ Отцу“ (Іоан. XVI, 16). Они поняли теперь,

¹⁾ Нужно ли говорить, почему Господь, предлагая ученикамъ осязать Себя, говоритъ: „плоть и кости“, а не говоритъ: „плоть и кровь“? Напрасно г. Тарѣвъ хочетъ видѣть въ этомъ отрицаніе Господомъ Своей „матеріальной реальности“ по воскресеніи, признаніе за Собою тѣла—σώμα,—въ отличіе отъ плоти—σάρξ. (42 прим. сн. 22 прим.).

что путь къ Отцу вознесеніемъ на небо долженъ былъ закончиться, а пачался страданіями, смертію и тридневнымъ пребываніемъ во гробѣ. Теперь ученики испытывали на себѣ исполненіе и дальнѣйшаго въ предреченіи на Тайной Вечери: „Я увижу васъ опять, и возрадуется сердце ваше и радости вашей никто уже не отниметъ у васъ“ (ст. 22). Но не всѣ еще изъ учениковъ Христовыхъ вошли тогда въ радость Христова воскресенія: *Θома*, называемый близнецъ, не былъ съ другими учениками, когда Господь явился имъ въ самый день воскресенія Своего; когда же послѣ ученики говорили ему: теперь всѣ мы сами „видѣли Господа“,—ап. *Θома* отвѣчалъ: „если я самъ не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей, — (мало того,) если я не вложу перста моего въ эти раны,—если не вложу руки моей въ ребра Его,—не повѣрю!“ (Іоан. XX, 24, 25). Очевидно, это столь рѣшительное намѣреніе апостола самому осязать крестныя раны Господа имѣетъ прямое отношеніе къ словамъ Господа, Который, показывая ученикамъ руки, ноги и ребра, говорилъ: осяжите Меня и убѣдитесь, что это плоть и кости, а не духъ безплотный. Нѣтъ сомнѣнія, ап. *Θома* не тому не вѣрилъ, что другіе апостолы видѣли Господа и крестныя раны Его; но онъ не вѣрилъ тому, что видѣнное ими было дѣйствительно „плоть и кости“. Ему казалось большимъ опущеніемъ, что апостолы не воспользовались позволеніемъ—осязать раны Господа; онъ и говоритъ: нѣтъ, я такъ не сдѣлаю; я не оставляю раны Его безъ осязанія. И неудивительно, что апостолу такъ думалось: для него, доколѣ онъ самъ не увидалъ Господа и не услышалъ отъ Сердцевѣдцу: ну, давай сюда перстъ твой!—воскресеніе Христово было еще предметомъ желанной вѣры и размышленія, размышленіе же ставило неразрѣшимые вопросы вѣрѣ: такъ, они (ученики) видѣли воскресшаго Господа во плоти, слышали столь знакомый имъ голосъ своего Добраго Пастыря (Іоан. X, 3, 4) видѣли, какъ Онъ вкушалъ „предъ ними“ пищу; но что это за тѣло,—„чуждое“, повидимому, „всякой матеріальности“? Оно — видимо и мгновенно можетъ дѣлаться невидимымъ; оно имѣетъ твердость нашей плоти и костей, такъ какъ подъ давленіемъ Божественныхъ перстовъ раздробляются пасхальные опрѣсноки,—и, въ то же время, таково, что каменные стѣны, прочныя двери и запоры у дверей остаются—какъ были, Онъ „становится посреди“ заключенныхъ. Поистинѣ, все это дѣлаетъ Воскресшаго больше похожимъ на духъ, чѣмъ на человѣка, плоть носящаго; при видѣніяхъ, если въ насъ возникаетъ мысль, не подвергаемся ли мы галлюцинаціи зрѣнія, мы обыкновенно осязаніемъ пробуемъ

удостовериться, что видимое нами не призракъ. И ап. Тома говорить: доколѣ я осязаніемъ не увѣрюсь въ дѣйствительности крестныхъ ранъ, доколѣ я не могу повѣрить, что Господь мой возсталъ изъ гроба въ томъ самомъ Тѣлѣ, въ которомъ Онъ жилъ и страдалъ!

И прошло еще семь дней,—для апостола Тома все еще не паставало время радованія о Христовомъ воскресеніи. А когда восьмой день приблизился уже къ вечеру, ученики Христовы опять собрались въ домъ, гдѣ явился имъ Господь въ день Своего воскресенія... Не въ домѣ ли это было того боголюбца, въ горницѣ котораго они вкушали съ Господомъ послѣднюю вечерю предъ Его страданіями? (Лк. XXII, 10—12). Въ этотъ разъ и Тома былъ съ ними. Двери, по прежнему, были закрыты; какъ видно, опасенія преслѣдованій отъ убійцъ Господа еще не миновали. И опять пришелъ Иисусъ, внезапно „сталъ посреди ихъ и сказалъ: миръ вамъ!“ А миръ этотъ былъ нуженъ! Теперь уже не потому, что чудесное явленіе Воскресшаго при закрытыхъ дверяхъ горницы опять „смущало помышленія“ апостоловъ, но—потому, что продолжающееся невѣріе одного изъ нихъ всѣмъ „видѣвшимъ Господа“ не могло не быть огорчительно до нѣкоторой степени для прочихъ учениковъ. Господь и устраняетъ прежде всего это препятствіе къ миру. Онъ говоритъ Томѣ: „подай перстъ твой сюда и посмотри руки Мои, подай руку твою и вложи въ ребра Мои, и не оставайся въ невѣріи, но увѣруй“. Господь готовъ предоставить Себя и этому новому испытанію,—осязаніемъ, только бы не оставался и этотъ ученикъ Его въ мучительномъ состояніи невѣрія и сомнѣнія, отчуждавшемъ его отъ собранія вѣрующихъ и радующихся о Господѣ. Но какъ для другихъ учениковъ прежде, такъ и для ап. Тома теперь достаточно было видѣть и слышать Воскресшаго, чтобы мгновенно разсѣялась мгла сомнѣнія: и ап. Тома какъ только увидалъ Господа, какъ только услышалъ обращенное къ нему слово Учителя,—воскликнулъ: „Господь мой и Богъ мой!“ Хотя въ иѣснопѣніяхъ церковныхъ и говорится объ осязаніи любопытною десницею Тома жизнеподательныхъ ребръ Господа и объ ощущеніи сугубаго Богочеловѣческаго дѣйствія отъ этого прикосновенія, но евангеліе не даетъ никакого основанія для этихъ благочестивыхъ гаданій. Не только умолчаніе евангелиста объ осязаніи апостоломъ крестныхъ ранъ Господа, но и прямые слова Господа ученику, исповѣдавшему Божество Его, удостоверяють, что и ап. Тома увѣровалъ дѣйствительности воскресенія, убѣдившись въ томъ не осязаніемъ, а такъ же, какъ

и другіе,—видѣніемъ: „Ты повѣрилъ, потому что видѣлъ, блаженный“ же тѣ, кому не нужно было и видѣть, чтобы увѣровать. Что и кому еще говорилъ Господь при этомъ явленіи,—намъ не открыто.

Но прежде, чѣмъ перейти къ евангельскому сказанію о явленіи Господа по воскресеніи Своемъ апостоламъ на озерѣ Тивериадскомъ,—явленіи, которое евангелистъ называетъ третьимъ (Іоан. XXI, 14), не считая, очевидно, явленій Его отдѣльно, Магдалинѣ, Петру, эммауескимъ путникамъ, — здѣсь уместно обратить вниманіе на замѣчанія евангелистовъ о томъ, какимъ невѣріемъ встрѣчаема была, будто бы, со стороны учениковъ вѣсть о Христовомъ воскресеніи и о явленіяхъ Воскресшаго. Евангелистъ Маркъ говоритъ, что ученики не повѣрили Маріи Магдалинѣ, когда слышали отъ нея, что Господь живъ и что сама видѣла Его,—что не повѣрили они и ученикамъ, возвратившимся изъ Эммауса (XVI, 11. 13). Но изъ повѣствованія евангелиста Луки о томъ, какъ встрѣчена была учениками вѣсть эммауескихъ путниковъ, открывается, что сказанное св. Маркомъ во множественномъ числѣ: „но и имъ не повѣрили“—слѣдуетъ отнести исключительно къ ап. Θомѣ; десять же апостоловъ изъ числа одиннадцати и другіе бывшіе съ ними ученики и ученицы (Лк. XXIV, 33. 34) встрѣтили, какъ извѣстно, вѣстниковъ о воскресеніи изъ Эммауса радостнымъ: „воистину воскресе!“ Къ невѣрію же ап. Θомы слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, отнести и неопредѣленное выраженіе св. Матѳея: „а иные усомнились“. Хотя по ходу рѣчи и можно было бы понимать, что евангелистъ говоритъ здѣсь о явленіи воскресшаго Господа вѣрующимъ въ Галилеѣ, но въ Галилеѣ Онъ явился собравшимъ вмѣстѣ болѣе, нежели пятистамъ братій (1 Кор. XV, 6), а евангелистъ Матѳеѣй усумнившихся указываетъ изъ числа одиннадцати, изъ которыхъ, какъ мы знаемъ, никто не усумнился, кромѣ ап. Θомы; такимъ образомъ и у евангелиста Матѳея множественное „иные“ стоитъ вмѣсто единственнаго и объясняется краткостію положенія въ послѣднихъ пяти стихахъ его евангелія (16—20) всего, что у евангелистовъ Луки и Іоанна занимаетъ цѣлая глава (Лк. XXIV, 1—53; Іоан. XX и XXI,—56 стиховъ); оттого у ев. Матѳея и представляются повѣствованіемъ какъ бы объ одномъ явленіи, бывшемъ въ Галилеѣ, частности, относящіяся ко многимъ явленіямъ, начиная съ перваго явленія одиннадцати и до явленія вознесенія включительно, когда ученики поклонились Вознесшемуся (Мѳ. XXVIII, 17; Лк. XXIV, 52). Наконецъ, сказанное у ев. Луки, что Господь явился одиннад-

пяти, когда они возлежали на вечери, можетъ относиться не иначе, какъ къ явленію Его въ восьмой день, потому что о явленіи въ самый день воскресенія только что было сказано евангелистомъ въ предшествующемъ стихѣ и явленіе „возлежавшимъ на вечери“, когда Господь „упрекалъ“ учениковъ „за невѣріе и жестокосердіе, что видѣвшимъ Его воскресшаго не повѣрили“ (ст. 14), евангелистъ, несомнѣнно, отличаетъ отъ предшествовавшаго (ст. 13) явленія: „Наконецъ“, говоритъ онъ, явился. А слѣдовательно, и упрекъ въ невѣріи и жестокосердіи, о которомъ говоритъ ев. Лука, есть тотъ благостный упрекъ Господа ап. Томѣ, заключавшійся въ словахъ: „не будь невѣрующимъ, но вѣрующимъ; ты повѣрилъ (когда) увидѣлъ; блаженны и не видѣвшіе, а увѣровавшіе“ (Іоан. XX, 27. 29). Такимъ образомъ, сказанное въ первыхъ двухъ евангеліяхъ о невѣріи учениковъ Христову воскресенію объясненіе себѣ находитъ въ послѣднихъ двухъ евангеліяхъ и относится къ тому, что апостолы не признали за дѣйствительность рассказы Магдалины о явленіи ей Господа и прочихъ женъ о явленіи имъ ангеловъ и что ап. Тома не вѣрилъ дѣйствительности воскресенія Господа во плоти; явленія женамъ апостолы почитали видѣніями и призраками, явленіе Господа самимъ апостоламъ ап. Тома почиталъ явленіемъ не Самого Воскресшаго, а духа Его.

Отъ невѣрія ап. Тома дѣйствительности Христова воскресенія во плоти обращаясь къ такому же невѣрію г. Тарѣева, хочется спросить нашего богослова: какъ смотритъ онъ на слова Господа, которыми Самъ Воскресшій убѣждалъ ученика Своего въ своей тѣлесности и по возстаніи изъ гроба. Дерзнулъ ли ученикъ осязать язвы простертыхъ къ нему дланей Божественнаго Учителя и открытую предъ нимъ рану въ ребрахъ Спасителя, или, въ благоговѣйномъ ужасѣ, отступилъ предъ испытаніемъ, ему предложеннымъ; во всякомъ случаѣ испытаніе это, по увѣренію Самого Господа, было возможно: апостоль ощущить бы перстомъ рану, видимую очами. Что же такое было—или было бы—это ощущеніе, испытанное апостоломъ, или только обѣщанное Господомъ апостолу? Ощущеніе осязанія отъ „тѣла, чуждаго всякой матеріальности?“ Ощущеніе ли дѣйствительности или такая же галлюцинація осязанія, какія бываютъ галлюцинаціи зрѣнія и слуха? *Обманъ* чувствъ?.. Въ такомъ случаѣ апостоль былъ бы обманувшійся; а кто обманувшій? Кто предложившій этотъ обманъ—для того, чтобы и ап. Тому увѣрить, также какъ прочихъ апостоловъ, въ томъ, что Онъ, Воскресшій, не есть духъ неосязаемый? Да сохранитъ насъ Го-

сподѣ отъ такого пониманія писаній!.. „Ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ“... Если ап. Тома увѣрился въ дѣйствительности Христова воскресенія и не потому, что осязалъ Воскресшаго, а только „потому, что увидѣлъ“,— и видѣніе Воскресшаго такъ же какъ осязаніе, не могло быть галлюцинаціей, не имѣвшей существеннаго отношенія къ „духовному тѣлу“ Христову; оно, это самое тѣло, по существу своему было видимо и осязаемо, а не казалось только видимымъ и осязаемымъ.

Послѣ двухъ явленій воскресшаго Господа сначала десяти, потомъ одиннадцати апостоламъ въ Іерусалимѣ, апостолы отправились въ Галилею, влекомые, безъ сомнѣнія, надеждою на исполненіе обѣтованія Господня: „тамъ они увидятъ Меня“ (Мѣ. XXVIII, 10). Въ ожиданіи новыхъ повелѣній Господа свидѣтельствовать о Немъ предъ царями, во всѣхъ народахъ (Мр. XIII, 9—11), апостолы, повидимому, возвратились къ той жизни, какую вели до призванія къ апостольству. На Геннисаретскомъ озерѣ за ловлей рыбы мы видимъ Петра съ Іаковомъ и Іоанномъ, жителей Внесанды, Наѳанаила, который, по всей вѣроятности, есть одно лицо съ Вареоломеемъ,—т. е. сыномъ Фоломеевымъ, Тому, который теперь держится остальныхъ десяти, быть можетъ, изъ опасенія, какъ-бы и опять не лишиться явленія Господня. Неизвѣстно, кто были еще тѣ двое изъ числа одиннадцати, не поименованные евангелистомъ. Не было здѣсь, повидимому, Андрея, о которомъ не упоминаетъ евангелистъ, говоря о братѣ его Петрѣ, тогда какъ, при перечисленіи двѣнадцати, имена Андрея и Петра обыкновенно соединяются; не было, вѣроятно, между ловцами рыбы и Матѳея, не рыболовствомъ занимавшагося до призванія его къ апостольству.

По приглашенію Петра, семь апостоловъ отправились на ночную ловлю, но, протрудившись всю ночь, ничего не поймали. Когда уже настало утро, Господь явился имъ, стоя на берегу, но они не узнали Его. Господь говоритъ имъ и, судя по отдаленности лодки отъ берега (ст. 8), говоритъ съ тѣмъ усиленіемъ голоса, какое необходимо, чтобы издали быть услышану: дѣти, есть ли у васъ что съѣстное? Въ евангеліяхъ ни разу не встрѣчается, чтобы Господь обращался къ ученикамъ съ такимъ, почти ласкательнымъ воззваніемъ: *παῖδες*; обыкновенно оно прилагается къ малымъ дѣтямъ,—ко взрослымъ же только уже какъ выраженіе особенной нѣжности,—напримѣръ, любви отца къ дѣтямъ, дѣда ко внукамъ. Не узнали Господа апостолы и при этомъ необычномъ воззваніи, сдѣланномъ несовсѣмъ обычнымъ отъ напряженія голосомъ. По всей вѣроятности, въ этомъ во-

просѣ они не поняли сначала и того, что Незвѣстный не отъ нихъ желаетъ и надѣется получить пищи, а печется о нихъ, отошавшихъ и утомленныхъ трудомъ цѣлой ночи. На краткій отвѣтъ апостоловъ: „нѣтъ!“—Господь, какъ и прежде это было уже однажды, даетъ отвѣтъ, открывающій въ Говорящемъ Божественное вѣдѣніе и въ словѣ Его Божественное благословеніе труда: какъ нѣкогда здѣсь же, близъ Внесанды, при призваніи къ апостолству Андрея и Петра, такъ и теперь Господь указываетъ, гдѣ ожидается тружениковъ приуготовленная имъ отъ Господа награда ихъ труда; на этотъ разъ не пужно было и отплыть дальше отъ мѣста лова, какъ тогда; „закиньте сѣть по правую сторону лодки,—и поймаете“,—сказать Сотворившій моря и все движущееся въ нихъ (Пс. LXVIII, 35). Ап. Петръ теперь еще больше могъ бы возразить незвѣстному Совѣтодателю, представивъ всю безнадежность предлагаемаго имъ новаго опыта: „мы трудились всю ночь и ничего не поймали тутъ“ (Лк. V, 5); но здѣсь уже и труда не нужно было; предлагалось только брать обѣщанное: „поймаете“ (ст. 6). И, когда закинули сѣть, она оказалась наполнившеюся такимъ множествомъ рыбъ, что тянувшіе ее должны были пригласить на помощь другихъ, бывшихъ въ лодкѣ, чтобы давленіе тяжести на сѣть сдѣлать равномернѣе и чтобы сѣть вслѣдствіе того не прорвалась. Іоаннъ, какъ видно, тотчасъ же припомнилъ прежній случай такого же чудеснаго улова, когда сѣть прорывалась отъ обилія добычи. „А вѣдь это Господь!“—сообщилъ онъ свою догадку и другимъ. Замѣтимъ здѣсь опять всю неудобоприложимость предположенія г. Тарѣва, что апостолы потому не узнавали Господа въ явленіяхъ Его по воскресеніи, что, по воскресеніи, Онъ не имѣлъ уже Своего прежняго, извѣстнаго всѣмъ облика. Іоаннъ высказываетъ, какъ предположеніе, что „это Господь“,—и ни Петръ, которому прежде всего сообщилъ Іоаннъ свою догадку, ни другіе, бывшіе въ лодкѣ, не сомнѣваются, не возражаютъ, какъ это было бы, если бы на берегу моря они видѣли кого-то, имѣющаго обликъ непохожій на ихъ Учителя. Здѣсь, напротивъ, апостолы тотчасъ принимаютъ догадку Іоанна, который прежде нихъ разглядѣлъ вдали и узналъ Господа. Такъ, обыкновенно, труженики моря или жители степей, зрѣніе которыхъ изощряется навыкомъ, вѣрятъ тому изъ среды своей, кто обладаетъ наибольшей дальноразборностью. Должно быть, и здѣсь неузнаніе Господа апостолами и признаніе Его Іоанномъ имѣло какую-либо естественную причину въ обстоятельствахъ мѣста и времени, какъ мы уже говорили, но отнюдь не чудесное сокрытіе Себя Господомъ чрезъ

принятіе чуждаго образа. Ап. Петръ, какъ только услыхалъ отъ Іоанна, что это Господь (не сказано, что самъ увидалъ),—спѣшить прикрыть наготу свою онойсаніемъ и бросается въ море, не имѣя терпѣнія ждать, пока другіе осторожно, чтобы не прорывалась сѣть, подведутъ лодку къ берегу; настолько онъ увѣренъ былъ въ истинности того, что Іоаннъ высказалъ, повидимому, только какъ предположеніе. Когда ап. Петръ вплавь достигъ берега, а вслѣдъ за нимъ подплыли въ лодкѣ и другіе апостолы, они нашли приготовленную уже для нихъ Господомъ трапезу: хлѣбъ и рыбу,—не изъ тѣхъ рыбъ, которыя были только что пойманы; костеръ, разведенный для печенія рыбы, уже обуглился (*ἡψίστην*, ст. 9). Откуда получилось все это такъ внезапно,—въ промежутокъ времени отъ вопрошенія: „есть ли у васъ какая пища?“—до приглашенія: „придите, позавтракайте!“ (*ἄριστήσατε*, ст. 12.),—слѣдовательно, пока только апостолы извлекали изъ моря сѣть съ рыбою и подводили къ берегу лодку, бывшую саженьяхъ въ 45 отъ берега? Апостолы не смѣли вопрошать Господа, довольствуясь тѣмъ, что было для всѣхъ видимо; а всѣмъ было видимо и для всѣхъ несомнѣнно, что это Господь (ст. 12); Онъ продолжалъ обращаться съ учениками, какъ будто и не оставлялъ ихъ (ст. 13. 14). Но теперь для Сына Человѣческаго окончились уже дни рабскаго служенія, труда, напряженія силъ, утомленія; не нужно было ему теперь, какъ прежде,—лишь за нѣсколько дней передъ тѣмъ,—усталому и алчущему, идти искать пищи (Мр. XI, 13), приобрѣтать потребное покупкою (Іоан. XIII, 29) или просьбою (VI 9). раздувать пламя Своимъ дыханіемъ и т. п.,—вообще быть „служащимъ посреди“ учениковъ Своихъ (Мк. XXII, 27). Какъ нѣкогда силою Его благословенія пять ячменныхъ хлѣбцевъ и двѣ рыбы (*ὥψιρον*) умножились для нащитанія съ избыткомъ 5000 семействъ, такъ и теперь, быть можетъ, прибрежные камни стали хлѣбами (Мѡ. IV 3) и море само извергло на сушу потребную рыбу, какъ нѣкогда Петру принесло рыбу, держашую во рту нужный статиръ (Мѡ. XVII, 27). И огонь возгорѣлся такъ же, какъ тотъ огонь, которымъ горѣлъ терновый кустъ въ Хоривѣ (Исх. III, 2. 3). Теперь это былъ не страждущій и изнемогающій Сынъ Человѣческій, какъ на горѣ Испытанія, при источникѣ Іаковлевѣ, при безплодной смоковницѣ,—Сынъ Человѣческій, Который въ то время не только Своимъ Божественнымъ всемогуществомъ, но и Своимъ Божественнымъ всевѣдѣніемъ не хотѣлъ воспользоваться для избавленія Себя отъ воспринятаго Имъ на Себя человѣческаго неможенія. Съ „совершившася“ окончились на крестѣ времена воль-

наго Его униженія; теперь—это уже въ открытіи Владыка всего міра, духовнаго и вѣщественнаго. Нужна ли Ему теперь не только пища, однажды, ради крайняго снисхожденія къ немощнымъ вѣроу ученикамъ, принятая Имъ по воскресеніи. Какъ вкушеніе пищи нужно было не для Него, а для видящихъ (хотя мы никакъ не можемъ согласиться съ предположеніемъ, будто вкушеніе пчелинаго меда и рыбы было только обманомъ чувствъ, когда въ Евангеліи сказано: „и взявъ, ѣлъ предъ ними“).—такъ и одежда нужна была теперь не Воскресшему, для огражденія Его отъ вліяній вѣшняго міра, а для видящихъ Его, чтобы Онъ не являлся имъ обнаженнымъ. Гдѣ были прежнія одежды? Разодраны на четыре части и раздѣлены между распинателями: цѣнный хитонъ былъ въ рукахъ того счастливца, которому онъ достался по жребію. Но поля святой земли, произращавшія лѣнъ и питавшія стада овецъ, не могли уже теперь ничего принести Господу своему, удержавшему и по воскресеніи возрожденное имъ тѣло Свое, но не имѣвшему уже теперь потребности для этого тѣла ни въ чемъ вѣщественномъ. Тѣло Его, какъ духовное, являлось не удерживаемое стѣнами, не имѣя надобности въ отваленіи для него гробнаго камня, въ отверстіи заключенныхъ дверей. По Божественному домостроительству нашего спасенія, нужно было, дабы Первосвященникъ небесной скиніи, Который, „если бы оставался на землѣ, то и не былъ бы такимъ священникомъ“ (Евр. VIII, 4),—нужно было, чтобы этотъ Первосвященникъ „возсѣлъ одесную престола величествія на небесахъ“ (ст. 1), „будучи всегда живъ, чтобы ходатайствовать за приходящихъ чрезъ Него къ Богу“ (VII, 25). Вотъ зачѣмъ нужно было во Христѣ прославленное Его человѣчество,—не съ душою только, но и съ тѣлесностію; тѣло Христово и возстало „въ силѣ и славѣ плѣтныя и духовности“ (1 Кор. XV, 42—44). Но развѣ нужна была какая-либо духовная одежда, которая, подобно духовному тѣлу, могла бы проходить сквозь заключенныя двери и внезапно, какъ въ Эммаусѣ, становиться невидимой? Одежда, какъ необходимая только для видящихъ, и могла быть однимъ лишь субъективнымъ ихъ видѣніемъ. И нѣтъ ничего невозможнаго, если Господь являлся видящимъ Его облеченнымъ въ такой же пещелпый хитонъ, въ такія же ризы, какія раздраны были распинателями. Какъ закончилось это явленіе воскреснаго Господа,—въ евангеліи не сказано. Господь удалился отъ учениковъ, повелѣвъ слѣдовать за Собою ап. Петру,—допустивъ слѣдованіе за Собою и ап. Іоанна, повидимому. Что имѣлъ изречь еще апостолу Петру Учитель, взявшій его особо отъ другихъ учениковъ,—въ еван-

гелія не открыто намъ,—такъ же, какъ не открыто и то, удалился ли Господь и отъ Петра, изрекши ему то, для чего велѣлъ ему идти за Собой, или такъ же, какъ въ Эммаусѣ, внезапно сталъ невидимъ, когда окончилъ слова Свои. Также ничего неизвѣстно намъ и относительно явленія Господня ап. Іакову. Явленіе Господа ученикамъ на морѣ Тиверіадскомъ евангелистъ называетъ третьимъ,—не считая, очевидно, какъ уже сказано, явленій Его отдѣльнымъ лицамъ Магдалинѣ, ап. Петру и эммаусскимъ путникамъ въ самый день воскресенія. Затѣмъ въ Галилеѣ же послѣдовало то явленіе въ указанной Господомъ горѣ (Мѣ. XXVIII, 16), когда поклонились Ему болѣе 500 братій (1 Кор. XV, 6). и уже послѣ того—„потомъ“ (ст. 7) явился Господь Іакову. Итакъ, это явленіе было, повидимому, предпослѣднимъ,—предшествовало тому явленію Господа „всѣмъ апостоламъ“, которое закончилось вознесеніемъ Господа на небо. Явленіе Господа ап. Іакову, какъ заканчивавшее тайноводственные бесѣды Господа объ устроеніи на землѣ царствія Божія (Дѣян. I, 3; см. X, 40—42), по всей вѣроятности, не безъ вліянія осталось на то значеніе въ Церкви Христовой, какое получилъ въ послѣдствіи ап. Іаковъ, не принадлежавшій и къ числу двѣнадцати, но вознесенный всеобщимъ уваженіемъ на высоту, равную съ Петромъ и Іоанномъ (Гал. II, 6. 9; I, 18, 19; Дѣян. XV, 7—29). Это и выразилось поздне въ вѣрованіи церкви, что ап. Іаковъ Самимъ Господомъ рукоположенъ былъ во епископа церкви Іерусалимской.

По порядку евангельскихъ повѣствованій о явленіяхъ воскресшаго Господа, остается сказать теперь о томъ явленіи Его, которое закончилось вознесеніемъ на небо. Евангелистъ Іоаннь ничего не говоритъ объ этомъ явленіи. Евангелистъ Лука говоритъ, что при этомъ явленіи Господь вывелъ учениковъ изъ Іерусалима на гору Масличную или Елеонскую, что близъ Іерусалима (XXIV, 50; Дѣян. I, 12; см. Лк. XIX, 29. 30. 37), и когда былъ противъ Виваніи, благословивъ ихъ и съ словами благословенія (Числ. VI, 23—27) распростерши надъ ними руки, сталъ отдаляться отъ нихъ и возноситься на небо. Это столь краткое повѣствованіе о вознесеніи Господа, видимое дѣло, имѣетъ внутреннюю связь съ подробнымъ повѣствованіемъ о томъ же въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ, а въ книгѣ Дѣяній исторія апостольской проповѣди связывается съ повелѣніемъ Господа ученикамъ Его проповѣдывать, которымъ заканчиваются первыя три евангелія. Итакъ, это повелѣніе (Мѣ. XXVIII, 18—20; Mr. XVI, 15—18; Лк. XXIV, 47—49), несомнѣнно, дано было при послѣднемъ явленіи Господа; но ни въ одномъ изъ евангелій по-

вѣствованіе объ этомъ явленіи не разграничивается отъ повѣствованія о явленіяхъ предшествовавшихъ. Только изъ сопоставленія этихъ повѣствованій между собою и съ повѣствованіемъ о вознесеніи въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ усматривается, что предварительное дарованіе апостоламъ Духа Святаго духовеніемъ устъ Христовыхъ, сопровождавшееся отверстіемъ устъ къ разумѣнію Писаній (Іоан. XX, 22; Лк. XXIV, 45) и совершившееся въ первый же день по воскресеніи (сн. Іоан. XX 24), имѣло мѣсто за 40 дней до вознесенія Господня (Дѣян. I, 2. 3). Но какія именно наставленія и повелѣнія Господни, передаваемые евангелистами-синоптиками, относятся къ этому послѣднему явленію Господню и какія—къ предшествующимъ, нельзя опредѣлить съ полною увѣренностью. Исходя изъ того, что повелѣнія, изложенныя въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ, несомнѣнно, относятся ко дню вознесенія (Дѣян. I, 4. 5. 8), къ этому послѣднему явленію можно относить и въ евангеліяхъ слова: „Дана мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ; и такъ, идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, уча ихъ соблюдать все, что Я заповѣдалъ вамъ; а Я пребуду съ вами все время до самаго конца этого вѣка“ (Мѣ. XXVIII, 18—20). Или, какъ то же самое, но въ болѣе подробныхъ выраженіяхъ передаетъ евангелистъ Маркъ, который не только отъ учителя своего, ап. Петра, могъ слышать рассказъ объ этомъ явленіи Господа, но могъ и самъ быть свидѣтелемъ-очевидцемъ послѣднихъ наставленій Господа и Его вознесенія, такъ какъ онъ былъ житель Іерусалима (Дѣян. I, 12—14; XII, 12; Мр. XIV, 51. 52): „Идите по всему міру, проповѣдуйте (принесенную Мною на землю) радостную вѣсть (о спасеніи) всѣмъ созданіямъ; кто повѣритъ и крестится, (тотъ) спасется, а кто не повѣритъ, осудится. (Проповѣдь) увѣровавшихъ будетъ сопровождаться такими (чудесными) признаками (истинности Моего ученія): именемъ Моимъ (они) будутъ изгонять бѣсовъ; будутъ говорить на языкахъ, которыхъ прежде не знали; змѣи будутъ брать (безвредно для себя); если что и смертоносное выпьютъ,—(отрава) не повредитъ имъ; будутъ возлагать руки на больныхъ,—и они станутъ здоровыми“ (XVI, 15—18). Евангелистъ Лука, сказавши, какъ Господь при первомъ же явленіи по возстаніи Своемъ изъ мертвыхъ увѣрилъ апостоловъ въ Своей тѣлесности и по воскресеніи, посредствомъ вкушенія предъ ними пищи, передаетъ, что и здѣсь такъ же, какъ слушателямъ Своимъ на пути въ Эммаусъ, Господь предложилъ новое еще удостовѣреніе Своего воскресенія, раскрывъ предъ ними весь планъ Божественнаго

домостроительства, въ которомъ Христовы страданія, смерть и воскресеніе являются частями этого плана, внутренне связанными, равно необходимыми „пасъ ради человеѣкъ и нашего ради спасенія“: „И взявъ (медъ и рыбу, Ему предложенныя), ѣлъ предъ ними и сказалъ: вотъ то, о чемъ Я говорилъ, еще когда былъ съ вами, что *надлежитъ* исполниться всему написанному о Мнѣ въ законѣ Моисеевомъ (въ пятокнижїи), и въ пророкахъ (въ книгахъ историческихъ и пророческихъ), и въ псалмахъ (въ Псалтири собственно и въ другихъ книгахъ Писанія, изложенныхъ мѣрною рѣчью, зависящею отъ параллелизма мыслей). Присутствовавшимъ при этомъ (ст. 36) Клеопѣ и Лукѣ предоставилъ Господь передать прочимъ ученикамъ только что выслушанное ими на пути въ Эммаусъ объясненіе пророчествъ и прообразованій того, какъ *надлежало* пострадать Христу и войти въ славу Свою (ст. 26). „Тогда и отверзъ имъ“ Господь „умъ къ уразумѣнію Писаній“ (ст. 45). Это „уразумѣніе Писаній“ было однимъ изъ тѣхъ „дарованій Духа“ (1 Кор. XII, 7—10), которыя получили апостолы, какъ и „силы“ чудотворенія и „дарованія исцѣленій“ (ст. 9. 28), еще прежде облеченія свыше всею силою Духа въ день Пятидесятницы (Лк. XXIV, 49; Дѣян. 1, 4. 8). Итакъ, у ев. Луки стихомъ 45 оканчивается, повидимому, описаніе еще перваго явленія Господня въ день воскресенія и, хотя послѣдующіе стихи 46—49 стоятъ въ самой тѣсной связи съ стихомъ 44 ¹⁾, тѣмъ не менѣе слова эти, казалось бы, нужно признать переходомъ (по ассоціаціи представленій у евангелиста) къ тому, что было сказано Господомъ уже при послѣднемъ Его явленіи: „какъ написано и надлежало... (ст. 44. 46) и (какъ надлежитъ еще) проповѣдану быть во имя Его покаянію и прощенію грѣховъ во всѣхъ народахъ, начиная съ Іерусалима; вы же свидѣтели сему; и вотъ я пошлю обѣтованіе Отца Моего на васъ, вы же оставайтесь въ городѣ Іерусалимѣ. И вывелъ ихъ вонъ до Визанїи“... и пр. Очевидно, что это есть изложженіе въ сокращенномъ видѣ того же самаго, что тотъ же евангелистъ повѣствуетъ о вознесеніи Господнемъ въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ: „Онъ повелѣлъ имъ: не отлучайтесь изъ Іерусалима, но ждите обѣщаннаго отъ Отца, о чемъ вы слышали отъ Меня... вы черезъ нѣсколько дней послѣ сего будете крещены Духомъ Святымъ. Вы примете силу, когда сойдетъ на васъ Духъ Святыи, и будете Мнѣ свидѣтелями въ Іерусалимѣ, и во всей Іудеѣ и Са-

¹⁾ „Сказалъ имъ... Я говорилъ... что *надлежитъ* исполниться“...—„сказалъ имъ... какъ написано, и такъ *надлежало* пострадать Христу“...

маріи, и даже до края земли. Сказавъ сіе, Онъ поднялся въ глазахъ ихъ"... и пр. (Дѣян. I, 4. 5. 8. 9). Такова исторія послѣдняго явленія воскреснаго Господа ученикамъ, изложенная въ первыхъ трехъ евангеліяхъ и въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ. Посмотримъ теперь, какъ трактуетъ эту евангельскую исторію въ статьѣ своей г. Тарѣевъ.

Онъ говоритъ: „Состояніе Воскреснаго отъ возстанія изъ гроба до восшествія къ Отцу было состояніемъ переходнымъ къ тому духовному, по отшествіи къ Отцу, существованію, когда мы уже не знаемъ Христа по плоти (2 Кор. V, 16)“ (стр. 36, 16). И еще: „повидимому, въ переходномъ состояніи Воскреснаго до восшествія къ Отцу, въ Его явленіяхъ было нѣчто матеріально-тѣлесное“ (42, 11). „Этотъ матеріально-тѣлесный элементъ въ явленіяхъ Воскреснаго ученикамъ до восшествія Его къ Отцу, конечно, составлялъ ихъ особенность отъ позднѣйшаго Его явленія Савлу (Дѣян. IX, 36)“ (стр. 42, 17).

Но въ то же время г. Тарѣевъ и самъ, на основаніи сказаннаго въ Писаніи (1 Кор. XV, 4—7; ср. Дѣян. XXII, 17. 18. Стр. 43, 2), признаетъ, что „апостолъ Павелъ своего дамасскаго видѣнія не отличаетъ отъ Христовыхъ явленій ученикамъ до вознесенія“ (42, 6). „Центральнымъ изъ явленій Воскресшаго было явленіе Его одиннадцати: тогда Онъ вдунулъ въ нихъ Духа Святаго“; предшествующія явленія „были все явленія подготовительныя“ (42, 8). Если взять эти слова въ связи съ предыдущими, то можно подумать, что „подготовительными явленіями“ г. Тарѣевъ называетъ явленія, бывшія въ первый день по воскресеніи, — Маріи Магдалинѣ, ученикамъ шедшимъ въ Эммаусъ (42, 1—17), присовокушивъ къ нимъ и явленіе ап. Петру, какъ совершившееся, несомнѣнно, прежде явленія всѣмъ апостоламъ въ вечеръ воскресенія (1 Кор. XV, 5). Въ такомъ случаѣ „центральнымъ явленіемъ“ было бы именно это явленіе въ первый же день воскресенія, когда апостолы, за исключеніемъ ап. Фомы, всѣ были въ собраніи, когда съ ними были и другіе ученики (Лк. XXIV, 33), когда только что возвратились изъ Эммауса Клеопа и Лука (ст. 36). Къ этому именно явленію и евангелистъ Іоаннъ относитъ дарованіе Духа (XX, 22. 24. 26). Но... сдвали на самомъ дѣлѣ такъ думаетъ проф. Тарѣевъ. Можетъ ли онъ „центральнымъ явленіемъ“, — такимъ явленіемъ, къ которому всѣ предшествовавшія были только „подготовительными“, — считать явленіе въ первый же день по воскресеніи, когда, по мнѣнію г. Тарѣева, Самъ Господь находился еще въ первой стадіи Своего „переходнаго состоянія“ отъ бытія „душевнаго“, не вовсе еще чуждаго

„матеріально-тѣлесныхъ элементовъ“, къ чисто духовному состоянію по „восшествіи къ Отцу“ и при восшествіи. Къ этому послѣднему явленію и относитъ г. Тарѣевъ дарованіе Духа Святаго апостоламъ. Тогда всѣ явленія по воскресеніи, „въ продолженіе сорока дней“, когда Господь являвшійся говорилъ имъ „о царствіи Божіемъ“ (Дѣян. I, 3), будутъ подготовительными къ послѣдному, „заключительному моменту“ явленій, Его отшествію къ Отцу, безъ котораго всѣ они, по выраженію г. Тарѣева, были бы „чудовищнымъ явленіемъ“ (43, 7—11). Г. Тарѣевъ, конечно, знаетъ, что въ евангеліяхъ говорится точно и опредѣленно о времени предварительнаго дарованія Духа апостоламъ дуновеніемъ Воскресшаго Господа; но, нисколько не стѣсняясь буквой Писанія, г. Тарѣевъ самъ укладываетъ повѣствуемыя въ евангеліяхъ и въ книгѣ Дѣяній событія въ такой порядокъ, въ какомъ они *должны быть*, по его соображеніямъ. Книги Дѣяній апостольскихъ и повѣствованія о сшествіи Св. Духа на апостоловъ въ день Пятидесятницы онъ какъ будто бы и не знаетъ; обътованіе Господне о ниспосланіи Св. Духа отъ Отца, къ Которому Воскресшій для того и восходитъ, чтобы ниспослать Духа (Іоан. XIV, 16—18; XVI, 7), проф. Тарѣевъ относитъ къ тому дарованію Духа Христовымъ дуновеніемъ, о которомъ повѣствуетъ евангелистъ Іоаннъ (44, 1). Но такъ какъ книга Дѣяній апостольскихъ для г. Тарѣева какъ будто и не существуетъ, а на евангельскія сказанія онъ смотритъ, какъ на историческій матеріалъ, требующій еще критической разработки, — то и неудивительно, что для него составляетъ еще вопросъ, что было прежде, — вознесеніе или сшествіе Св. Духа на апостоловъ; и вотъ какъ онъ раздѣляется съ этимъ вопросомъ: „На основаніи евангельскихъ повѣствованій *невозможно*“, говоритъ онъ, „установить хронологической послѣдовательности этихъ событій, такъ какъ евангелисты Маркъ и Лука (ср. Мѣ.) сообщаютъ о вознесеніи Господа, но не передаютъ о дарованіи ученикамъ Духа, а евангелистъ Іоаннъ повѣствуетъ о дарованіи ученикамъ Духа, но не говоритъ о вознесеніи Воскресшаго“ (43, 19). И еще черезъ пять строкъ: „Да и *едвали возможно* установить здѣсь хронологическія прежде и послѣ, такъ какъ по существу отшествіе Господа Іисуса къ Отцу и дарованіе ученикамъ Духа связаны неразрывно, какъ еще раньше разъясняли Христосъ Своимъ ученикамъ (43, 11; 44, 1—4¹⁾). А вотъ и прямое заявленіе г. Тарѣева,

¹⁾ Самъ же г. Тарѣевъ приводитъ это разъясненіе (Іоан. XIV, 16—18. XVI, 7): „если не пойду (къ Пославшему Меня), Утѣшитель не прійдетъ къ вамъ; если пойду, — пошлю Его“, — и отрицаетъ „прежде“ и „послѣ“!

что повѣствуемое евангелистомъ Іоанномъ о дарованіи Духа апостоламъ онъ, г. Тарѣвъ, вопреки ясному указанію евангелиста, относитъ не къ первому явленію Господа въ вечеръ перваго дня по воскресеніи (XX, 19. 22. 26), а къ „заключительному, центральному изъ явленій“, къ которому всѣ другія явленія „были только подготовительными“ (42, 8),—къ явленію, закончившемуся вознесеніемъ. Онъ говоритъ: „О дарованіи Воскресшимъ Духа ученикамъ сообщаетъ только Іоаннъ (44, 13); другіе евангелисты не говорятъ о дарованіи ученикамъ Господомъ Духа Его *при вознесеніи Его*“ (45, 5). Итакъ, мы не навязываемъ г. Тарѣву ничего такого, что составляетъ только наши подозрѣнія; мы лишь констатируемъ фактъ, что дарованіе ученикамъ Духа проф. Тарѣвъ относитъ ко дню вознесенія, что онъ говоритъ о дарованіи Духа на основаніи одного только евангелія отъ Іоанна, что онъ игнорируетъ слова Христовы при вознесеніи: „ждите обѣщаннаго отъ Отца: чрезъ нѣсколько дней будете крещены Духомъ Святымъ“ (Дѣян. I, 4. 5).

Обращая вниманіе на то, что евангелія повсе не устанавливаютъ хронологической послѣдовательности между Христовымъ вознесеніемъ и дарованіемъ Духа апостоламъ, слѣдовательно, не исключаютъ возможности утверждать, что дарованіе Духа совершилось „при вознесеніи“ (46, 6), и умалчивая о томъ, что откровеніе засвидѣтельствовало и въ исторической новозавѣтной книгѣ Дѣяній апостольскихъ послѣдовательность сошествія Св. Духа и Вознесенія, многократно возвыщенную откровеніемъ, какъ догматъ (Іоан. XVI, 7; Еф. IV, 7—13),—проф. Тарѣвъ выражаетъ сомнѣніе, приложимо ли вообще какое-либо „прежде“ и „послѣ“, когда дѣло идетъ о дарованіи апостоламъ Духа Святаго воскресшимъ Господомъ и о Его отшествіи къ Отцу, какъ называетъ г. Тарѣвъ Христово вознесеніе. „Едва ли возможно установить здѣсь хронологическія прежде и послѣ, такъ какъ по существу отшествіе Господа Іисуса къ Отцу и дарованіе ученикамъ Духа связаны неразрывно“ (43, 44). Что значить это положеніе? Какой смыслъ имѣетъ это „такъ какъ“? И мы вѣруемъ, что вознесеніе Господне и ниспосланіе Св. Духа на апостоловъ „связаны неразрывно по существу“ одно съ другимъ; но вѣра наша въ существенную неразрывную связь этихъ двухъ великихъ дѣяній Божественнаго домостроительства отнюдь не препятствуетъ намъ мыслить ихъ преемственность и послѣдовательность во времени. Намъ приходится самымъ догадываться, почему г. Тарѣвъ находитъ „едва ли возможнымъ установить хронологическія прежде и послѣ относительно отшествія Христова ко Отцу и дарованія Духа учени-

камъ Его". Не такая ли же здѣсь трудность, какъ и въ установленіи „прежде и послѣ“ между разсвѣтомъ перваго воскреснаго дня и приходомъ женъ ко гробу? Беремъ это только для примѣра. Женъ приходили, пока продолжался разсвѣтъ. Такъ и здѣсь, можетъ быть. Дарованіе Духа, которое мы, простые вѣрующіе, относимъ и къ первому дню, и ко дню пятидесятницы, проф. Тарѣвъ не считаетъ ли чѣмъ-то продолжавшимся, какимъ-то своего рода процессомъ, закончившимся „при вознесеніи“, а можетъ быть продолжавшимся и по вознесеніи. Несомнѣнно, что и воскресеніе, и вознесеніе, и сошествіе Св. Духа онъ понимаетъ не совсѣмъ такъ, какъ простые вѣрующіе.

Воскресеніе Христово, по его пониманію, есть исшествіе Христа изъ гроба и затѣмъ постепенный переходъ отъ бытія, не чуждаго матеріально-чувственныхъ элементовъ, до состоянія чистой духовности. Вѣдь „сѣется“ (смертію) тѣло душевное, возстаетъ (въ воскресеніи) тѣло духовное (1 Кор. XV, 44). Потому и признаваемое г. Тарѣвымъ „переходное состояніе Воскресшаго до отшествія къ Отцу“ (42, 11) есть, такъ сказать, продолжающійся до самаго вознесенія процессъ воскресенія ¹⁾. Вознесеніе онъ самъ опредѣляетъ такъ: „Онъ вознесся отъ апостоловъ на небо, т. е. Онъ сталъ для нихъ навѣки (до второго пришествія) невидимъ (Дѣян. I, 9). Онъ восшелъ къ Отцу, такъ что мы Его по плоти больше уже не знаемъ“ (43, 11). Итакъ, вознесеніе Христово или его отшествіе къ Отцу для г. Тарѣва есть только грань во времени, составляющая пачало чисто-духовнаго бытія Христа Богочеловѣка. Что же такое, по представленію г. Тарѣва, „дарованіе Господомъ ученикамъ Духа Его при вознесеніи, о которомъ не говорятъ евангелисты синоптики“ (45, 5), но говоритъ, будто-бы, евангелистъ Іоаннъ? (44, 13). Не есть ли это „вселеніе Христа вѣрою (Еф. III, 17) въ сердца“ апостоловъ, постепенно совершившесся ко дню вознесенія „подготовительными явленіями“ Воскресшаго? Христосъ могъ уже теперь оставить апостоловъ „до второго пришествія“ безъ видимаго Своего руководства, такъ какъ явленіями Своими по воскресеніи привелъ ихъ къ убѣжденію въ „реальности Его духовной жизни,—въ томъ, что она по своему бытію независима отъ матеріальныхъ условій существованія, что она сильнѣе смерти,—что она непреходящая, вѣчная дѣйствительность“ (41, 9). Итакъ, вотъ она, по представленію г. Тарѣва, вѣра оправдывающая. „Вѣра въ воскресеніе Христово дѣлаетъ

¹⁾ Что мы „вполнѣ вѣрно“ понимаемъ здѣсь г. Тарѣва, см. примѣчаніе на стр. 13 его статьи,—цитату изъ Душен. Iт. (43, 3).

для насъ живою дѣйствительностію смыслъ Его дѣла и ученія, дѣлаетъ для насъ реальною Его духовную жизнь“. Въ этомъ наше оживотвореніе (Еф. II, 5; Кол. III, 1), оправданіе (Рим. IV, 25), возрожденіе (1 Петр. I, 3, 4) Христовымъ воскресеніемъ“ (45, 11). Въ дарованіи Духа г. Тарѣвымъ указывается только „свобода духовной жизни“, „свободная нравственная жизнь“ и „даръ любви, какъ преимущественный даръ Св. Духа“ (45, ¹⁹/₁₆). Ничего другого не видитъ онъ въ обѣтованіяхъ о ниспосланіи Св. Духа и о дѣйствіяхъ Его въ томъ, что говоритъ объ этомъ евангелистъ Іоаннъ (XIV, 15—18; XVI, 7; XX, 21—23). У другихъ евангелистовъ онъ находитъ только „цѣнное указаніе на другую сторону духовнаго дарованія, именно на универсальность Духа Христова (Мѣ. XXVIII, 19; Лк. XXIV, 47; Ср. 1; Тим. III, 16)“—(45, 7). Да, если исполненіе обѣтованій Христовыхъ о ниспосланіи Св. Духа апостоламъ сводить исключительно къ той нравственной перемѣнѣ, какая успѣла совершиться въ нихъ ко времени отшествія отъ нихъ Христа ко Отцу, а продолжалась, безъ сомнѣнія, и далѣе, то понятны будутъ непонятныя иначе слова г. Тарѣва, что „едва-ли возможно установить здѣсь хронологическія прежде и послѣ, такъ какъ по существу отшествіе Господа Іисуса къ Отцу и дарованіе ученикамъ Духа связаны неразрывно“ (43, 44).

Но откуда богословы новѣйшаго времени берутъ и предлагаютъ, какъ „душеполезное чтеніе“ читателямъ „православныхъ“ духовныхъ журналовъ, свои убѣжденія, что наше будущее воскресеніе не есть „возстаніе (*ἀνάστασις, ἐκανάστασις*) того самаго тѣла, въ которомъ душа содѣлала и благое, и злое при жизни своей на землѣ (2 Кор. V, 10; 1 Кор. VI, 13, 16, 18), по что „человѣческія души сами образуютъ себѣ свои будущія матеріальныя тѣла“ (Прав. Соб. 1892 г. дек. стр. 808), или что „воскресеніе Господа, Его явленія ученикамъ и вознесеніе на небо были единымъ и нераздѣльнымъ актомъ перехода тѣла Христова изъ состоянія душевнаго въ духовное“? (Душен. Чт. 1903 г. апр. стр. 653. См. статью проф. Тарѣва примѣч. и стр. 23 примѣч. 8). Какъ на подтвержденіе такого мнѣнія, указывается на то, что въ этомъ предположеніи „находятъ свои основанія такія явленія въ перво-христіанской письменности, какъ соединеніе въ одинъ день или, по крайней мѣрѣ, неясное разграниченіе дня воскресенія отъ вознесенія и названіе воскресенія вознесеніемъ“ (43, 4 и прим.). Но, конечно, не для объясненія только этого факта потребовалась гипотеза перехода тѣла Христова, по воскресеніи уже Его, изъ душевнаго въ духовное. Мы знаемъ только, гдѣ искать происхожденія этой гипотезы, по цитатамъ проф. Тарѣва изъ новѣйшихъ

западныхъ комментаторовъ Писанія ¹⁾. Но почему для Господа потребовалось сорокадневное продолженіе времени (кто признаетъ, конечно, книгу Дѣяній апостольскихъ,—1, 3) на измѣненіе тѣла Его изъ душевнаго въ духовное, когда въ тѣхъ, кто доживетъ до второго пришествія Христова, измѣненіе это совершится мгновенно (1 Кор. XV, 52)? Если „переходное состояніе“ было состояніемъ, продолжавшимся извѣстный періодъ времени, то, значить, г. Тарфевъ признаетъ во Христѣ постепенность „отрѣшенія отъ элемента матеріально-тѣлеснаго“ (42,^{12/17}). На какомъ основаніи? И вотъ, мы опять пришли къ „метафизическому ученію“ проф. Тарфева о „духовномъ тѣлѣ“ Христовомъ,—тѣлѣ, чуждомъ всякой матеріальности, но пережившемъ переходъ отъ матеріальнаго къ нематеріальному.

Полемизируя съ духовными писателями, утверждающими нашу матеріальность и по воскресеніи ²⁾, проф. Тарфевъ возражаетъ: Если загробная матеріальность не будетъ сопровождаться земною стихійностью, если „тамъ“ не будетъ ни физическихъ отравленій тѣла, ни физическаго страха (страданія?) и удовольствія, если „тамъ“ не будетъ матеріальныхъ цѣнностей (всѣ эти „если“ г. Тарфевъ беретъ у опровергаемыхъ имъ писателей), если наше тѣло будетъ одухотворено,—то, очевидно, это будетъ матеріальность духовная, не матеріальная, т. е. нѣчто такое, что лишено всякаго реальнаго значенія и даже логическаго смысла. Каждое метафизическое понятіе только въ томъ случаѣ не бываетъ пустымъ звукомъ или простой логической формулой, если оно можетъ быть въ дальнѣйшемъ или ближайшемъ сведено къ нашему субъективному опыту. Такимъ образомъ понятіе матеріальной жизни всецѣло образуется опытомъ нашей матеріальной жизни и, если устраняются всѣ дѣйствительныя черты этого опыта, то отъ матеріальной жизни останется одинъ пустой звукъ (24, 4). Такимъ образомъ, выставивъ положеніе опровергаемыхъ имъ духовныхъ писателей „пустымъ звукомъ, логической формулой, лишеной всякаго реальнаго значенія и даже логическаго смысла“, г. Тарфевъ дѣлаетъ обратное заключеніе, что дѣйствительный смыслъ и реальное значеніе принадлежитъ его формулѣ: духовное тѣло чуждо всякой матеріальности. Такъ какъ мы тоже принадлежимъ къ числу „чающихъ воскресенія мерт-

¹⁾ Komm. zu d. Ev. d. Lukas von Godet, deut. bearb. v. E. R. u. K. Wunderlich. (Han. 1890). S. 608. Letzte Bibelstudien, von H. G. Hoefelman. (Leipz. 1885). S. 211. (36 прим.).

²⁾ Правосл. Соб. 1902 г. дек. 804, 808, 811, 812. Христ. Чт. 1899 г. Т. CCVIII, 198—200 (23 примѣч.).

выхъ“, а не только сознательнаго бытія въ „жизни будущаго вѣка“, какимъ является воскресеніе подъ перомъ г. Тарьева; такъ какъ насъ, чающихъ воскресенія мертвыхъ, г. Тарьевъ обвиняетъ въ антропоморфныхъ, грубо-іудейскихъ воззрѣніяхъ, — то мы считаемъ себя обязанными (1 Петр. III, 15) высказаться, какой смыслъ мы видимъ въ словахъ Символа Вѣры: „чаю воскресенія мертвыхъ“.

По нашему представленію, духъ и тѣло (матерія, вещество, тѣло,—какъ бы мы ни называли его; пусть это будутъ синонимы), противоположны одинъ другому, но противоположны не какъ свѣтъ и тьма, тепло и холодъ. Свѣтъ и тьма, тепло и холодъ, при своей кажущейся противоположности, въ сущности отличаются другъ отъ друга только количественно,—потому могутъ переходить одно въ другое.—Какой у васъ холодъ!—говоритъ человѣкъ, побывшій въ мало нагрѣтой комнатѣ, тогда какъ въ ней 13°, 14° тепла,—и, наоборотъ, 13°, 14° холода на улицѣ зимой называются тепломъ; тепло и холодъ—это лишь различныя степени температуры; точно также свѣтомъ и темнотой называются различныя степени напряженности свѣта. Но, какъ ни разрѣжайте вещество, хотя бы оно было рѣже, чѣмъ атмосфера земли на крайнихъ своихъ предѣлахъ,—рѣже, чѣмъ вещество, составляющее конецъ кометнаго хвоста,—все-же это будетъ вещество, а не духъ; духъ не есть тончайшее вещество ¹⁾. Тѣло, вещество, матерія не можетъ быть чуждо всякой тѣлесности, стихійности, вещественности, матеріальности; утверждать это—значило бы, дѣйствительно, соединять въ одномъ мыслительномъ актѣ положеніе и отрицаніе.

Границей между понятіями „вещество“ и „духъ“ служить пространственность: только математическая точка, т. е. существующая лишь въ нашемъ мысленіи не имѣетъ измѣренія, все же существующее въ дѣйствительности, если оно матеріально, имѣетъ всѣ три измѣренія, а слѣдовательно, и очертаніе или образъ. Это мы и отрицаемъ въ понятіи „духъ“; духъ существуетъ не въ пространствѣ, а только во времени: онъ есть, былъ, будетъ, но вопросъ: „гдѣ?“—къ нему неприложимъ. Второй,—и уже по-

1) Противоположное мнѣніе, встрѣчающееся и въ святоотеческой древней письменности,—утвержденіе, что духъ въ собственномъ смыслѣ есть одинъ только Богъ, а душа и ангелы имѣютъ нѣкоторую тѣлесность, получило начало отъ того, что и въ Священномъ Писаніи для выраженія понятія „духъ“ взяты изъ языка человѣческаго слова, означающія „дыханіе“ и аналогичное съ дыханіемъ,—первымъ и послѣднимъ проявленіемъ жизни,—движеніе воздуха въ природѣ,—вѣтеръ: руахъ, пнеума, spiritus, санскритское âtma. (Быт. I, 3 вѣтеръ Божій, II, 7, въ ноздри его VII, 22; сл. Іова XXVII, 3, XXXIII; 4. Іоан. III, 8).

ложительный—признакъ въ понятіяхъ „вещество“ и „духъ“ составляетъ то, что вещество есть субстратъ явленій, которыя, какъ бы они ни были разнообразны, всё, однакоже, не что иное, какъ движеніе; тогда какъ духъ есть субстратъ явленій сознанія, — явленій ли пассивныхъ, т. е. такихъ, въ которыхъ „я“ подвергается дѣйствию на меня всего, что не „я“, или активныхъ, — такихъ, въ которыхъ мое „я“ реагируетъ подъ вліяніемъ возбужденій извнѣ. Я мыслю, ощущаю, стремлюсь или желаю; головной мозгъ, несомнѣнно, принимаетъ участіе во всѣхъ этихъ явленіяхъ моей созпательной жизни; но всё эти явленія сознанія принадлежатъ моему духу; въ веществѣ же, въ моемъ головномъ мозгу, этимъ явленіямъ сознанія соотвѣтствуетъ молекулярное движеніе вещества,—явленіе, совершающееся въ пространствѣ. Богословъ, т. е. принимающій Откровеніе Божественное за основу своего міровоззрѣнія, едва ли можетъ иначе мыслить о „духѣ“.

Молекулярныя движенія вещества, которымъ соотвѣтствуютъ въ духѣ нашея явленія сознанія, — ощущенія, мысли и акты воли, какъ составляющія жизненныя явленія организма, безспорно, явленія фізіологическія; мы не знаемъ,—можетъ быть, и никогда не узнаетъ фізіологія, какія именно молекулярныя движенія вещества соотвѣтствуютъ явленіямъ психическимъ,—актамъ чувствованія, желанія и мышленія; но только эти психофізическія явленія и служатъ предметомъ и содержаніемъ нашего внутренняго опыта; что такое будетъ наша сознательная жизнь, когда „земная храмина“ духа „разорится“, жизнь чистаго духа,—мы и представить себѣ не можемъ (и слово Божіе подтверждаетъ, что тогдашнее наше состояніе недоступно сознанію настоящей жизни: 1 Іоан. III, 2; 2 Кор. XII, 2—4). Къ этому времени скорѣе приложимо то, что говоритъ г. Таръевъ о нашемъ бытіи по воскресеніи,—будто оно „не можетъ быть сведено къ нашему субъективному опыту“ (примѣч. 24, 12); дѣйствительно, мы не знаемъ, что это будетъ у насъ за мышленіе безъ мозга, когда онъ отъ покоя смерти перейдетъ въ разложеніе на свои элементы. Но вѣдь мы, „совлекшись“ на время отъ этого тлѣннаго тѣла, „имѣемъ вновь одѣться“ (*ἔσμεν ἐπεδύσασθαι*) въ тѣло духовное и безсмертное (2 Кор. V, 4); и у насъ есть матеріалъ внутренняго опыта для составленія представленія о мышленіи, чувствованіи и желаніи въ „жизни будущаго вѣка“, ибо это будетъ опять жизнь „въ тѣлѣ, а не внѣ тѣла“ (2 Кор. XII, 2—4). Зачѣмъ пуляло было бы воскресеніе тѣла, если бы по воскресеніи въ этомъ, недоступномъ уже болѣе тлѣнію тѣлѣ не начиналась снова жизнь, — сознательная? Гдѣ основаніе для того, чтобы

утверждать, что въ воскресшемъ тѣлѣ не будутъ продолжаться и не могутъ продолжаться и тѣ молекулярныя движенія мозгового вещества, которымъ соотвѣтствуютъ явленія сознанія? Гдѣ основаніе для такого догматическаго положенія, что въ воскресшемъ тѣлѣ 'Богъ „упразднить“ и мозгъ такъ же, какъ „упразднить чрево“? Зачѣмъ въ воскресшемъ тѣлѣ этотъ органъ сознательной жизни? Зачѣмъ органы чувствъ, если по воскресеніи они обречены на бездѣятельность! Нѣтъ никакого основанія утверждать, что Господь, по воскресеніи Своемъ, не видѣлъ уже рыбу, лежащую на угляхъ, о которой говорилъ: „придите, обѣдайте“,—что Онъ не въ самомъ дѣлѣ смотрѣлъ, а только казался ученикамъ смотрящимъ, т. е. фиксирующимъ очи на извѣстной точкѣ въ пространствѣ, а что на самомъ дѣлѣ и зрѣніе, и слухъ, по воскресеніи, замѣнялись теперь у Него только уже Божественнымъ всевѣдѣніемъ. Если же Онъ не казался только живущимъ тѣлесною жизнью по воскресеніи, а дѣйствительно видѣлъ, слышалъ, осязаль, обонялъ, ощущалъ вкусъ меда и рыбы, мыслилъ при посредствѣ тѣла, какъ и мы, то нельзя утверждать, что въ воскресшемъ Его тѣлѣ не совершались уже тѣ недовѣдомыя намъ движенія вещества, которыя необходимы, чтобы видѣть, слышать,—вообще ощущать, мыслить, желать; и такъ какъ это—движенія вещества въ пространствѣ, то они по всей справедливости должны быть названы явленіями фізіологическими. Чтобы отрицать ихъ, нужно отрицать самую матеріальность воскресшаго тѣла, т. е. признавать воскресеніе Христово только на словахъ, не признавая его на самомъ дѣлѣ и прикрывая отрицаніе словами, „лишенными всякаго реального значенія и даже логическаго смысла“ (24, 9 примѣч.), какъ, напримѣръ, „нематеріальная матеріальность“ (ib.) или тѣло, которое „не будетъ въ себѣ имѣть ничего матеріальнаго“ (22, 5).

Итакъ, напрасно г. Тарѣевъ „считаетъ излишнимъ приводить доказательства нематеріальности духовнаго тѣла“ (24, 19 примѣч.). Да на самомъ дѣлѣ онъ и не считаетъ этого излишнимъ, а тутъ же, послѣ этой „фигуры умолчанія“, приводитъ мимоходомъ, въ доказательство своего отрицанія тѣлесности въ Христовомъ воскресеніи, филологическую справку, что слово *sōma* не всегда значить „тѣло“, а иногда значить только „реальность“. Мы уже и замѣтили на это, что такое словоупотребленіе дастъ право лишь къ такому заключенію: а *можетъ быть*, когда въ Писаніи говорится и о воскресеніи Христовомъ, слово *sōma* не нужно понимать буквально „тѣло“. Но это-то и *требуется доказать*.

Прот. В. Лаврскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ исторіи борьбы и полемики по вопросу объ иконопочитаніи въ древнее и настоящее время ¹⁾.

(По поводу отрицательнаго отношенія къ иконамъ со стороны современныхъ сектантовъ).

Итакъ, ясно, что взгляды, проведенные въ Libri Carolini, утверждены на гальскомъ соборѣ. Определеніе этого собора Бароній формулируетъ такъ: „лжесоборъ грековъ о почитаніи и поклоненіи иконамъ отъ епископовъ осуждается“ (damnatur). Дабы это опредѣленіе имѣло дѣйствительную силу, нужно еще утвержденіе отъ папы. Съ этою цѣлію Карлъ Великій посылаетъ въ Римъ своего приближеннаго Ангильберта. Неизвѣстно, послано ли было заключеніе собора или Libri Carolini. По всей вѣроятности, было отправлено одно заключеніе, потому что, какъ вышедшее еще въ 790 г., Libri Carolini было, безъ сомнѣнія, извѣстно папѣ Адріану, особенно въ виду того, что между папою и Карломъ были дружественныя отношенія. Последняя глава Libri Carolini, какъ сдѣлавшаяся извѣстною только по послѣднимъ редакціямъ этого сочиненія, кажется, есть ничто иное, какъ выдержка изъ заключенія собора, отправленнаго папѣ на утвержденіе. „Да знаетъ, — говорится въ этой главѣ, — владыка апостольскій и отецъ нашъ и вся церковь римская, что по этому поводу (по вопросу объ иконахъ) содержатъ письма блаженнаго Григорія, посланныя имъ къ массилійскому епископу Серену: „Мы, — говорится тамъ, — допускаемъ, если того хотятъ, имѣть иконы святыхъ какъ въ церкви, такъ и внѣ ея — по любви къ Богу и святымъ Его, но мы не принуждаемъ поклоняться иконамъ, когда не хотятъ. Точно также мы не допускаемъ уничтоженія иконъ, еслибы кто захотѣлъ этого. „И мы свободно и открыто признаемъ мысли святѣйшаго Григорія, дабы неуклонно слѣдовать святой, католической, Богу любезной, вселенской церкви“.

Прежде чѣмъ отвѣтить на представленное въ Римъ заключеніе франкфуртскаго собора, папа Адріанъ долженъ былъ рѣшить слѣдующую дилемму: если, опираясь на дружественныя

¹⁾ «Мисс. Обзоръ» кн. 9-я, стр. 1105.

отношенія къ Карлу Великому, утвердить опредѣленіе гальскаго собора, то самъ папа поступитъ неправославно и будетъ такимъ образомъ противорѣчить своимъ, торжественно заявленнымъ, убѣжденіямъ объ иконахъ; если, напротивъ, рѣшительно и открыто объявить опредѣленіе гальскаго собора неправославнымъ, то Карлъ, какъ виновникъ этого собора, становится еретикомъ предъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. Какъ поступилъ въ этомъ случаѣ Адріанъ, какъ онъ вышелъ изъ этой дилеммы, показываетъ

Письмо папы Адріана къ блаженному королю Карлу объ иконахъ.

„Могущественнѣйшему владыкѣ и духовному сыну нашему Карлу, королю франкскому и лангобардскому и патрицію римскому,—папа Адріанъ.

Господь и Спаситель нашъ, по премудрому Своему совѣту, благословилъ сойти съ небесъ изъ лона Отца... Знающимъ евангеліе извѣстно, что, по слову Господню, забота о всей церкви и ключи царства небеснаго вручены святому и верховному апостолу Петру. Ему именно сказано: „любишь ли Меня, Петръ? Паси овецъ Моихъ“. Ему говорится: „вотъ сатана просилъ Меня сѣять васъ, какъ пшеницу, но Я просилъ за тебя, Петръ, чтобъ не оскудѣла вѣра твоя, и ты, нѣкогда обратишься, утверди братьевъ своихъ“. Ему говорится: „ты—Петръ и на этомъ камнѣ Я создамъ церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ее. Я дамъ тебѣ ключи царства небеснаго. И то, что ты свяжешь на землѣ, будетъ связано и на небѣ“. Этимъ самымъ ему (Петру) вручено первенство и забота о всей церкви. И самъ онъ передалъ заботу и управление церковію своимъ преемникамъ. Мы, какъ его намѣстники, твердо думаемъ, что если ваше дарованное отъ Бога царское величество останется такъ же, какъ и прежде, до конца жизни вѣрнымъ къ святой католической и апостольской римской церкви и къ намъ, то оно не только не согрѣшитъ, но даже одержитъ въ семъ мірѣ побѣды надъ всѣми варварскими народами и получить, сверхъ того, небесное и вѣчное царство. Мы приняли, вашимъ величествомъ присланнаго, аббата и начальника капеллы—Энгильберта, вашего приближеннаго, съ юныхъ лѣтъ въ вашемъ дворцѣ воспитаннаго и участвовавшаго во всѣхъ вашихъ совѣтахъ. Какъ онъ принимается въ вашемъ домѣ, такъ точно онъ принимается и здѣсь, съ честью и расположеніемъ... Онъ доставилъ намъ капитулярій противъ собора, состоявшагося въ Никее по случаю возстановленія святыхъ иконъ. Изъ-за

любви къ вамъ мы дали отвѣтъ на каждую главу. Не дай Богъ, чтобы мы защищали каждаго челоуѣка, но, держась древняго преданія святой католической и апостольской римской церкви, прежде всего мы слѣдуемъ ученію нашихъ предшественниковъ—святыхъ первосвященниковъ, всеми мѣрами защищая преданіе правой вѣры“.

Данные папою отвѣты состояли въ томъ, что Адріанъ безъ порядка выбираетъ мѣста изъ Libri Carolini и имъ противопоставляетъ выраженія отцовъ, не заботясь о томъ, соотвѣствуютъ ли эти выраженія дѣлу, или нѣтъ. Дѣйствительность того преданія, что Спаситель послалъ Авгарю Свой образъ, онъ доказываетъ изреченіемъ папы Стефана и трехъ патріарховъ. Положенію автора Libri Carolini, что иконопочитаніе не установлено ни чрезъ ученіе, ни чрезъ примѣръ апостоловъ, папа противопоставляетъ два свидѣтельства Діонисія Арсинагита, который, по увѣренію Адріана, жилъ во время апостоловъ и былъ ихъ ученикомъ. Отвѣтъ папы, которымъ вообще отвергается рѣшеніе Карла Великаго, яспѣе высказанъ въ концѣ посланія.

„Этотъ (въ Никеѣ) соборъ,—говорится тамъ,—составленъ въ нашемъ духѣ. На немъ возстановлено и утверждено иконопочитаніе. Въ постановленіи объ иконахъ соборъ согласенъ съ мнѣніемъ святаго Григорія. Члены этого собора сами исповѣдуютъ то (опредѣленіе), что иконамъ они возвратили цѣлованіе и почитаніе, не такое, каковое прилично единому Богу. Итакъ, мы принимаемъ этотъ соборъ, какъ седьмой и вселенскій. Если бы мы его не приняли и совратились къ прежней ошибкѣ, то кто въ этомъ случаѣ, какъ не мы, будемъ отвѣчать на страшномъ судѣ за погибель столькихъ тысячъ христіанскихъ душъ“. Затѣмъ папа говоритъ о томъ, что онъ свято соблюдаетъ преданіе древнихъ, къ чему побуждаетъ и Карла, обѣщая ему, какъ и прежде, счастіе на землѣ и блаженство на небѣ. „Да сохранитъ высшая благодать ваше величество невредимымъ“,—заканчиваетъ папа свое посланіе.

Нельзя не замѣтить, что посланіе папы не вполне рѣшительно и уклончиво. Эта уклончивость обуславливалась тогдашними отношеніями между папой Адріаномъ и Карломъ Великимъ. Съ 794 г. папа Адріанъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Карломъ; во всемъ, что касалось до Италіи, Адріанъ былъ предупредительнымъ совѣтникомъ и вѣрнымъ союзникомъ Карла. Съ своей стороны, Карлъ отвѣчалъ Адріану личнымъ расположеніемъ, отнюдь не пренебрегалъ его совѣтами и указаніями. Связь, установившаяся между папою и королемъ, продолжалась

до самой смерти Адріана. Эта связь, происходившая изъ взаимнаго признанія другъ за другомъ достоинствъ, нужна была Адріану и Карлу для достиженія личныхъ интересовъ. Когда Адріанъ началъ отыскивать по Италіи такъ пазываемыя патримоніи, какъ древнее и неоспоримое достояніе римской церкви, то онъ въ этомъ случаѣ могъ многого ожидать отъ податливости Карла. Папскими расчетами на покровительство короля франковъ и объясняется та уклончивость и та мягкая форма, которыя характеризуютъ посланіе Адріана къ Карлу по возникшему спору объ иконахъ. Какъ такое, посланіе Адріана достигало своей цѣли: оно смирило заносчивость и самонадѣянность Карла, не раздраживъ его особенно. Карлъ, послѣ этого, сдѣлался равнодушнѣе къ поднятому имъ вопросу. И это понятно: безъ согласія папы онъ не могъ парализовать установившагося довѣрія къ вселепскому собору. И самое сочиненіе *Libri Carolini* не имѣло особеннаго вліянія на общественное сознаніе. Въ практической жизни Карлъ Великій былъ такимъ же иконопочитателемъ, какъ и другіе. Поэтому, онъ не можетъ быть названъ иконоборцемъ въ такомъ же смыслѣ, какъ Левъ Исаврянинъ, Константинъ Копрошимъ и др. Вопросъ объ иконахъ продолжался и послѣ Карла, при его преемникахъ.

И нельзя сказать, чтобы иконоборство когда-либо прекратилось; со стороны административной или правительственной, т. е. въ смыслѣ преслѣдованія, оно можетъ быть, можетъ и не быть, но со стороны теоретической или принципальной оно было почти непрерывно,—то ослабѣвая, то обнаруживаясь болѣе или менѣе рѣзко; въ настоящее время продолжаетъ усиливаться; для большаго еще усиленія въ будущемъ благоприятныхъ условій очень много.

III.

Реформація М. Лютера, затронувшая и измѣнившая все стороны церковной жизни среди господствовавшаго на Западѣ католичества, коснулась и вопроса объ иконопочитаціи въ неблагоприятномъ для послѣдняго смыслѣ, но на иной уже, нѣсколько обновленной почвѣ. Уваженіе къ иконамъ въ протестантскомъ мірѣ должно было неизбѣжно ослабѣть, въ силу основныхъ началъ лютеранства, отрицавшихъ св. Преданіе, какъ руководственный источникъ Божественнаго откровенія, почитаніе святыхъ, сложную католическую церковную обрядность и т. д. Если не слѣдуетъ почитать св. угодниковъ Божіихъ, то само собою устраняется не только почитаніе иконъ, но и употребленіе ихъ въ

храмахъ; не въ качествѣ святыни онѣ могутъ находиться въ церквахъ и домахъ, а въ цѣляхъ украшенія и ознакомленія со священной исторіею,—наравнѣ съ обыкновенными картинами. Если латинское богослуженіе—дореформенное (до временъ М. Лютера, какъ реформатора)—признавалось нѣкоторыми сторонниками реформациіи идолопоклонствомъ, то можно судить о томъ, какъ отпосились тогда къ иконамъ. Такъ, подъ вліяніемъ ученія священника У. Цвингли (род. 1484 г.) въ г. Цюрихѣ (въ Швейцаріи), въ 1523 г., противъ иконъ было сдѣлано много кощунственныхъ и святотатственныхъ выходокъ; во избѣжаніе соблазна и возмущенія, иконы, по распоряженію городскихъ совѣтовъ, прятали и запирали.

Причину рѣзкаго и отрицательнаго отношенія реформациі къ иконамъ нужно усматривать, между прочимъ, и въ злоупотребленіяхъ иконопочитаніемъ со стороны католическаго духовенства, равно какъ въ суевѣріи простого народа, совпадшихъ съ началомъ реформы Лютера (1517—1521). По безпристрастному и авторитетному отзыву католическаго богослова, въ Римской церкви предъ появленіемъ ереси Лютера и Кальвина не существовало никакой строгости и справедливости въ церковныхъ судахъ, никакого нравственнаго достоинства, никакого знанія Священнаго Писанія, никакого уваженія къ Божественному. Если таковы были пастыри, то о паствѣ и говорить нечего. Посему, вмѣсто духовно-нравственной стороны христіанства, развилась и утвердилась виѣшне-обрядовая; алчное и певѣжественное духовенство изъ грубаго почитанія народомъ св. иконъ и др. священныхъ предметовъ древности сдѣлало себѣ прибыльный источникъ доходовъ. Такъ, напр., за деньги показывали простосердечному народу перья изъ крыла арх. Гавріила, слезы Иисуса Христа, пролитыя при гробѣ Лазаря, молоко Божіей Матери, бороду Ноя, подковы отъ ослицы Валаама, волосы отъ Бога Саваоа, оставленные на землѣ во время почной борьбы съ п. Иаковомъ и т. п. Злоупотребленія легковѣріемъ толпы замѣтны были особенно въ Швейцаріи, гдѣ два, постоянно враждовавшихъ между собою монашескихъ ордена (франциск. и доминик.) старались наперерывъ другъ предъ другомъ привлечь народъ каждый на свою сторону, придумывали и распространяли явленные и чудотворныя иконы посредствомъ разныхъ, часто грубыхъ, поддѣлокъ и обмановъ.

Противъ означенныхъ злоупотребленій и противъ господствовавшей въ Римской церкви обрядности возставали нѣкоторыя энергичныя личности, сами впадавшія въ крайности во время

споровъ и борьбы съ защитниками невѣжества и злоупотребленій. Реформаторъ Цвингли извѣстенъ, какъ глава народнаго движенія въ Швейцаріи противъ церковной обрядности и, въ частности, противъ иконъ. Основываясь на Свящ. Писаніи, какъ единственномъ источникѣ и критеріи церковной истины, Цвингли отвергъ не только почитаніе иконъ, но и употребленіе ихъ какъ въ храмахъ, такъ и въ домахъ. Чтобы ослабить и остановить опасное движеніе возбужденныхъ послѣдователей увлекательнаго проповѣдника, сопровождавшееся истребленіемъ и поруганіемъ иконъ, рѣшено было рассмотреть вопросъ объ иконопочитаіи въ общемъ собраніи представителей города Цюриха. Подъ вліяніемъ священ. У. Цвингли, на этомъ собраніи вопросъ объ иконахъ былъ рѣшенъ въ томъ отрицательномъ смыслѣ, котораго держатся протестанты, особенно реформаты, до настоящаго времени (1523—1900). Сущность различныхъ взглядовъ по данному вопросу мы представимъ по Гагенбаху въ ясномъ изложеніи о. Гр. Остроумова¹⁾. Цвингли—представитель отрицательнаго отношенія къ иконамъ, Конрадъ Шмидъ — представитель взгляда, близкаго къ православному.

По взгляду К. Шмида, слово Божіе учить насъ поклоняться одному только Господу; если же обращаются къ святымъ и почитаютъ ихъ *вмѣсто Христа*, то это, безъ сомнѣнія, есть идолопоклонство. Эту ложную вѣру въ святыхъ нужно искоренять прежде всего проповѣдію Божественнаго слова. Это должно сдѣлать прежде, чѣмъ удалять внѣшніе образы. Прежде чѣмъ вырвать палку, на которую опирается слабый человѣкъ, нужно дать ему другую, иначе онъ упадетъ на землю. Положимъ, опорой его служить колеблющаяся трость, но оставь ее въ его рукѣ, а при этомъ укажи ему крѣпкую палку; онъ тогда добровольно броситъ колеблющуюся трость и схватитъ крѣпкую палку. Такимъ образомъ, прибавляетъ Шмидъ, оставьте слабымъ внѣшнія изображенія, къ которымъ они привязаны, а прежде паучите ихъ, что въ нихъ нѣтъ ни жизни, ни святости, ни милости; при этомъ пусть покажутъ крѣпкую трость Христа Іисуса — единственнаго Утѣшителя и Помощника всѣхъ скорбящихъ, тогда они сами увидятъ, что не нуждаются болѣе въ образахъ и добровольно предадутся водительству познанія Христа. Кто имѣетъ въ своемъ сердцѣ истинный образъ Христа, тому не повредитъ и внѣшній образъ Его, если только онъ отъ него зависитъ. Такъ говорилъ

¹⁾ О. Остроумовъ—авторъ цитированнаго сочиненія о значеніи 7-го вселенскаго собора (Карлсруэ, 1884 г.).

Конрадъ Шмидъ. Ему отвѣтитъ Цвингли, что если бы образа служили тростями и палками для слабыхъ, то дай Богъ. Если бы бесполезные поны и епископы проповѣдывали слово Божіе такъ же ревностно, какъ они бросились на вещи бесполезныя, тогда никогда бы не случилось, чтобы бѣдный народъ долженъ былъ узнавать Христа отъ стѣны и картины. Нѣтъ, говоритъ Цвингли, между христіанами пельзя терпѣть злоупотребленія. Мы должны слушать ясное слово Божіе, которое не терпитъ никакихъ образовъ, а тѣмъ болѣе золотыхъ и серебряныхъ, которыхъ цѣнность взята отъ бѣдности.

Вотъ двѣ рѣчи, характеризующія собою все разсужденія собранія въ Цюрихѣ, по поводу почитанія иконъ. Первая рѣчь—Конрада—была, съ истинно-христіанской точки зрѣнія, довольно справедлива. Конрадъ видѣлъ громадныя злоупотребленія иконопочитаніемъ и для искорененія ихъ совѣтовалъ не уничтожать иконъ, а чрезъ разъясненіе истиннаго значенія ихъ довести народъ до сознанія, что иконы имѣютъ значеніе только при непрестанномъ памятованіи о первообразѣ. Напротивъ, Цвингли, выходя изъ того, что трудно ожидать отъ испорченнаго духовенства выяснительной проповѣди въ строго христіанскомъ духѣ, а также, что слово Божіе не терпитъ злоупотребленій иконопочитаніемъ, когда вмѣсто Бога почитаютъ доски и краски,—выходя, говоримъ, изъ этихъ мыслей, наэлектризованный проповѣдникъ требовалъ рѣшительной мѣры—уничтоженія иконъ. Это несправедливое, но соответствующее наэлектризованному обществу, требованіе и было принято.

Разсуждая по этому поводу, авторитетный протестантскій богословъ Гагенбахъ говоритъ: какъ ни прекрасны и благонамѣренны были соображенія Конрада Шмида, однако они не нашли въ собраніи общаго сочувствія... И дѣйствительно, трудно въ важныя времена рѣшить, какъ далеко достигаетъ цѣли система умѣренности и какъ далеко приложимо то, что рекомендуется независимому уму въ спокойное время и когда умы возбуждены и уже склонились на ту или другую крайность. Середина, даже самая благонамѣренная, здѣсь всегда находится въ трудномъ положеніи. Для мирнаго ученаго закрывается ухо толпы, между тѣмъ какъ взоры всѣхъ устремлены на сторону одушевленныхъ противниковъ, съ рѣшительной энергіей стремящихся къ своей цѣли. Дѣйствительно, взглядъ Контура (Конрада) самый прекрасный и убѣдительный. Его снисходительность не была снисходительностію боязливо разсчитаннаго Еразма, но это была боязливость, которую послѣ показали Меланхтонъ—снисходительность

христіанскаго мудреца, который изъ любви ко Христу и Его міру, не изъ страха человѣческаго и свѣтской любви къ міру избѣгаетъ строгости и насилія.

Изъ этого разсужденія Гагенбаха ясно видно, что и сами лучшіе члены протестантскаго вѣроисповѣданія не сочувствуютъ несправедливому дѣйствію цюрихскаго собранія, по отношенію къ иконамъ. Нужно сказать, что вообще многіе, хорошо образованные люди протестантскаго вѣроисповѣданія близки къ строго православному воззрѣнію на иконы. Возьмемъ, напримѣръ, того же прославленнаго Гагенбаха. Мы уже видѣли, что онъ раздѣляетъ взглядъ довольно справедливо мыслящаго Копрада Шмида, а вотъ еще его разсужденіе по поводу почитанія реликвій и креста. Мы,—говоритъ ученый профессоръ,—охотно сохраняемъ память о дорогихъ намъ умершихъ. Намъ дороги волосы ихъ головы, платья, которыя они носили, книги или вещи, которыя они постоянно употребляли. Кто можетъ отнести это къ области суевѣрія или смѣяться надъ этимъ, какъ надъ ложной чувствительностію? Особенно наше время, которое вообще въ поклоненіи геніямъ идетъ гораздо далѣе, когда оно высокою цѣною оплачиваетъ памятники, воздвигаемые въ честь прославленныхъ героевъ, поэтовъ и художниковъ, должно остерегаться осмѣивать времѣна, когда обладанію древне-христіанскими святынями прилагали особую цѣнность. Но здѣсь какъ было близко злоупотребленіе! Въ природѣ такихъ остатковъ (реликвій) лежитъ, что мы отъ жизни тѣхъ, кому они принадлежатъ, чувствуемъ какъ бы дыханіе. Чего любящая рука часто касалась, что дорогому намъ человѣку сжедпечно служило, то кажется намъ какъ бы частью его, хотя это и мертво. Если фантазія безусловно предается этому впечатлѣнію, то легко можетъ случиться, что это приведетъ къ значительному обману чувствъ—реликвій станутъ обожать самихъ въ себѣ и, такимъ образомъ, явится злоупотребленіе нормальнымъ явленіемъ. Что отъ креста Христова,—разсуждаетъ далѣе Гагенбахъ,—снизвошла вѣчная сила на весь міръ—это великая нравственная истина, которую вѣра приняла. Но эту силу креста Христова нужно испытывать внутренно и видимый крестъ, который мы представляемъ предъ глазами, въ самой высшей мѣрѣ можетъ только представлять символическій вызовъ, чтобы мы всегда и въ мысляхъ, и въ чувствахъ были въ общеніи съ страданіями Христа всякій разъ, когда насъ касаются страданія міра. Но бываетъ совершенно иначе, когда мы приписываемъ этому кресту какую-то магическую силу, какое-то виѣшнее дѣйствіе на насъ безъ нашего содѣйствія къ тому, т. е. когда станутъ злоупотреблять нормальнымъ

обнаруженіемъ религіознаго чувства и почитать крестъ самъ въ себя, безъ отношенія его къ Побѣдителю смерти и ада. Гагенбахъ даже прямо говоритъ, что до сего времени еще окончательно не рѣшенъ вопросъ: что изъ священныхъ предметовъ можно ввести въ кругъ образныхъ представленій. Этими словами почтенный профессоръ открыто заявляетъ свое несочувствіе иконоборческимъ тенденціямъ и въ принципѣ признаетъ иконы нормальнымъ явленіемъ.—Это голосъ передового ученаго протестанта.

Изъ приведенныхъ разсужденій можно, между прочимъ, видѣть то, что во взглядахъ на иконы въ періодъ реформаціи проглядываетъ особая точка зрѣнія и особенный оттѣнокъ мысли, рѣзко отличающійся отъ взглядовъ на нихъ во времена вселенскихъ соборовъ.

Въ то время, какъ отрицательный взглядъ на иконопочитаніе утвердился и распространился въ Западной Европѣ подъ вліяніемъ реформаціи Лютера, у насъ на Руси, почти въ ту же самую знаменательную эпоху реформаторскихъ идей и броженія, появилось еретическое направленіе мысли, отрицавшее, между прочимъ, иконопочитаніе съ особенною настойчивостью и рѣзкостью.

IV.

Иконоборческое направленіе въ Россіи возникло въ 1470 г. Первымъ провозвѣстникомъ и распространителемъ его считается еврей Схарія; по его имени отчасти и самое направленіе еретическое названо ересью жидовствующихъ,—хотя данному названію соответствовала и сущность ереси, состоявшей въ отверженіи христіанства (отрицаціи воплощенія и троичности Божества) и возстановленіи ветхозавѣтнаго ученія и ожиданій, имѣвшихъ осуществиться въ неопредѣленномъ будущемъ. Если не было воплощенія Спасителя, то напрасно и изображать Его на иконахъ. Поэтому, послѣднія со стороны жидовствующихъ подвергались рѣзкому осужденію и осмѣянію, какъ отжившее и нелѣпое идолопоклонство; они истребляли кресты и иконы, бросали ихъ въ скверныя мѣста, спали и мылись на иконахъ, обливали ихъ нечистотами, писали на нихъ неприличные предметы, навязывали кресты воронамъ на хвостъ и выражали къ нимъ презрѣніе неприличными словами и движеніями. Появившись сначала въ Новгородѣ и привлекая здѣсь многихъ на свою сторону, даже лицъ духовныхъ, ересь жидовствующихъ перешла въ Москву, гдѣ быстро распространилась между лицами высшаго и даже придворнаго общества. Ереси сочувствовалъ московскій митрополитъ Зосима. По словамъ Іосифа Волоцкаго, еретики въ Новго-

родѣ дошли въ своей дерзости до того, что иконы называли болванами, подвергали ихъ ломкѣ, огню, бросали въ мусорныя ямы и т. п.

Для ослабленія и прекращенія ереси приняты были крайнія мѣры наказанія и увѣщанія; подъ вліяніемъ страха наказанія многіе раскаялись въ своихъ заблужденіяхъ, — одни искренно, другіе лицемерно. Помимо непосредственнаго увѣщанія заблуждавшихся и петвердыхъ въ вѣрѣ, памятникомъ бывшей борьбы и полемики съ еретиками служить сочиненіе архимандрита волоколамскаго монастыря, Іосифа (1515), извѣстное подъ названіемъ „Просвѣтителя“, состоящее изъ 16 главъ или словъ. Часть его содержанія посвящена разбору и опроверженію ложнаго взгляда жидовствующихъ на иконопочитаніе.

Часть (гл. 5—7) „Просвѣтителя“, посвященная вопросу объ иконопочитаніи, составлена на основаніи выписокъ изъ святоотеческихъ писаній, то буквально взятыхъ, то переиначенныхъ авторомъ примѣнительно къ данному случаю. Въ своихъ доводахъ авторъ старается довольствоваться данными Божественнаго Писанія и избѣгаетъ человѣческаго разсужденія, погрѣшительнаго и немоцнаго. Повторяя мысли св. Іоанна Дамаскина объ умѣстности, пользѣ и необходимости иконопочитанія и руководствуясь точкою зрѣнія св. отца, авторъ „Просвѣтителя“ устанавливаетъ и выдерживаетъ правильный святоотеческій взглядъ на употребленіе иконъ, какъ на священный обычай, имѣющій тѣсную связь съ догматомъ воплощенія.

Указавъ на изображенія херувимовъ въ скиніи и др. украшенія въ ветхозавѣтномъ богослужебномъ строѣ, не противорѣчившія духовности религіи, полемистъ устраняетъ ложное мнѣніе еретиковъ объ иконахъ, какъ особомъ видѣ идолопоклонства. Большая разница между идолами и иконами; иконамъ мы поклоняемся, а идоловъ отвергаемъ, какъ скверную языческую выдумку; иконы — происхожденія божественнаго, а идолы — бѣсовскаго; еслибы иконы подобны были идоламъ, то и скинія со всѣми ея принадлежностями уподоблялась бы языческимъ ранищамъ, но допустить, даже подумать это невозможно. Иконы и другія священные изображенія христіане почитаютъ потому, что чрезъ нихъ совершается и преподается благодать Божія. По преданію, св. апостолы повелѣли евангелисту Лукѣ, какъ художнику, написать икону Спасителя и Богоматери для поклоненія и прославленія Ихъ; подобно сему мы прославляемъ иконы и изображенія св. угодниковъ Божіихъ, какъ слугъ и друзей Бога, сдѣлавшихся нашими молитвенниками и ходатаями. Знать нужно и то, что не матеріаль, изъ котораго состоитъ икона, почитаемъ,

а тѣхъ лицъ, образъ которыхъ находится на нихъ; отъ созерцанія вещи видимой переносимъ мысли къ высшимъ духовнымъ предметамъ и лицамъ,—возводимся умомъ къ Богу. Если въ древнее время это было возможно и умѣстно, то тѣмъ болѣе нужно признать разумнымъ въ настоящее время, при нашемъ вѣрованіи и исповѣданіи воплотившагося Сына Божія,—когда силою обильно изливаемаго Духа Св. исцѣленія и чудеса совершаются не только отъ угодниковъ Божіихъ, но даже отъ тѣни ихъ и вещей, имъ принадлежащихъ (Дѣян. V, 15). Почитаніе иконъ должно состоять въ поклоненіи предъ ними, цѣлованіи. Авторъ „Просвѣтителя“ упоминаетъ и объ извѣстномъ изъ преданія нерукотворенномъ образѣ Спасителя, отпечатлѣвшемся на полотнѣ. Нелѣпо,—говорить онъ,—думать, будто въ Божественное Его существо предлагается пречистый Его образъ, хотя бы нерукотворенный, потому что Божескаго существа нельзя ни видѣть, ни описать, ни понять; но образъ Его разумѣется по человѣчеству, проявившійся въ разныхъ видахъ воплощенія и пребыванія Его на землѣ.

Посему мы должны св. иконы Пресвятыя Троицы, Іисуса Христа, Богоматери и всѣхъ святыхъ имѣть па стѣнахъ и на доскахъ, и свящ. сосудахъ,—приготовлять ихъ должны изъ золота, или серебра, или другого какого-либо вещества,—должно почитать ихъ, но не должно ихъ обоготворять.

Вотъ въ краткихъ чертахъ сущность разсужденія Іосифа Волоцкаго. Полемика его имѣетъ характеръ чисто догматическій, а не церковно-историческій, т. е. въ ней нѣтъ указаній и даже намековъ на современное состояніе и развитіе русскаго общества, могущихъ содѣйствовать къ уясненію—какъ причинъ происхожденія заблужденій жидовствующихъ, такъ и уснѣха еретиковъ. Виновникомъ происхожденія ереси полемистъ считаетъ таинственную праядебную силу, т. е. діавола. Въ дополненіе къ характеристикѣ „Просвѣтителя“ нужно отмѣтить рѣзкій, пренебрежительно-суровый тонъ полемиста, допускавшаго бранныя слова и выраженія по адресу своихъ противниковъ, какого недостатка не замѣчается въ „Рѣчахъ“ св. І. Дамаскина, служившихъ для полемиста источникомъ и образцомъ при составленіи своего сочиненія. Замѣтить нужно и то, что авторъ „Просвѣтителя“ не столько вѣрилъ въ силу своей аргументаціи въ дѣлѣ обличенія и исправленія заблуждавшихся, сколько въ силу строгихъ мѣръ, тѣлесныхъ и дисциплинарныхъ наказаній и всякихъ каръ, которыя настойчиво и предлагалъ.

Свящ. А. Синайскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ вопросу о способахъ обличенія неправды раскольничьей ¹⁾.

Не успѣли мы окончить своей (первой) статьи, какъ получили слѣдующій (25) номеръ „Руководства для сельскихъ пастырей“, въ коемъ помѣщено продолженіе статьи о. Митрофана. Наши ожиданія встрѣтить въ послѣдующихъ его сужденіяхъ—„о способахъ обличенія неправды раскольничьей“ болѣе основательности и правдивости, къ сожалѣнію, не оправдались. О. Митрофанъ и теперь отрицаетъ плодотворность трудовъ миссіонеровъ, приписывая успѣшную дѣятельность въ борьбѣ съ расколомъ исключительно однимъ только мѣстнымъ священникамъ. „Миссіонеръ же по профессіи, говоритъ о. Митрофанъ, да еще безъ сердечной вѣры, безъ любви, съ одними умозаключеніями и построеніями мыслей въ доказательство своего мнѣнія,—не убѣдитъ никого“. Эти слова о. Митрофана являются прямымъ противорѣчіемъ выше приведеннымъ нами фактамъ изъ Макарьевского и многихъ другихъ уѣздовъ, въ которыхъ, благодаря бесѣдамъ миссіонеровъ „по профессіи“, „присоединенія были массовыя,—бросали расколъ цѣлыми деревнями“. Чему же вѣрить,—голословнымъ утвержденіямъ о. Митрофана или дѣйствительнымъ фактамъ плодотворности бесѣдъ и вообще дѣятельности миссіонеровъ? Этотъ вопросъ отвѣчаетъ уже самъ за себя.

Затѣмъ, кому естественнѣе всего имѣть болѣе „сердечной любви“ къ заблудшимъ братіямъ-старообрядцамъ, какъ не тѣмъ же миссіонерамъ, которые сами, въ большинствѣ случаевъ, были прежде старообрядцами и послѣ многихъ душевныхъ, а нерѣдко даже и тѣлесныхъ страданій оставили расколъ и вступили въ спасительную ограду св. церкви, и потомъ уже, какъ бы въ искупленіе своего прежняго коснѣнія въ расколѣ и вражды противъ церкви, посвятили себя на служеніе ей!?

Какъ эти, вышедшіе изъ раскола, миссіонеры любятъ св. Церковь Христову и какъ ревнуютъ они объ ослабленіи и уничтоженіи раскола, это показываютъ примѣры почившихъ миссіоне-

¹⁾ „Мисс. Обоз.“, кн. 9, стр. 1094.

ровъ: о. архимандрита Павла, Тимофея Алексѣевича Николаева (мисс. Влад. еп.) и многихъ другихъ, имъ подобныхъ.

Отецъ архимандритъ Павелъ неустанно говорилъ со старообрядцами и другими сектантами и знакомилъ ихъ съ памятниками древности, доказывающими правоту Церкви и неправоту раскола. Давалъ имъ пріютъ въ своемъ, скудномъ средствамъ, монастырѣ и большею частію даже въ своей келліи въ ущербъ своему спокойствію и здоровью. Лицъ, занимающихся миссіонерствомъ, построеніемъ единовѣрческихъ церквей и устройствомъ единовѣрческихъ приходовъ, о. Павелъ наставлялъ, утверждалъ совѣтами и указаніями, ободрялъ ихъ, когда имъ встрѣчались опасности и трудности, содѣйствовалъ имъ просьбами передъ епархіальными преосвященными и другими высокопоставленными лицами. Всѣмъ вообще о. архимандритъ внушалъ, что Спаситель пролилъ Пречистую Кровь Свою на крестѣ и за старообрядцевъ и что должно, не взирая ни на какія препятствія, трудности, скорби и даже несчастія, стремиться привести ихъ и другихъ сектантовъ къ соединенію съ Церковью. Онъ постоянно заботился объ изданіи книгъ противъ раскола и распространеніи ихъ. Лица, писавшія противораскольническія сочиненія, часто жили у него въ монастырѣ. Онъ входилъ во всѣ подробности изданія и распространенія этихъ книгъ. Лично онъ оставилъ послѣ себя цѣлый рядъ сочиненій, которыя, какъ безсмертныя творенія, безъ сомнѣнія, нанесли смертный ударъ расколу и, съ теченіемъ времени, совершенно упразднить его. Онъ издалъ и распространилъ сотни тысячъ этихъ твореній. Но при этомъ никогда не получалъ онъ денежнаго вознагражденія за свои творенія, никакого состоянія не имѣлъ и жилъ въ великой скудости до самой своей смерти.

Что же руководило о. Павломъ во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, какъ не любовь къ братьямъ и не глубокая скорбь объ ихъ заблужденіи? Что побуждало о. Павла пренебрегать въ дѣлѣ миссіи собственнымъ спокойствіемъ, болѣзнію, опасностями и даже самою жизнію? Припомнимъ здѣсь хотя малое изъ поучительной для всѣхъ жизни и ревности о. Павла по обращенію заблудшихъ. Въ 1881 г. о. архимандритъ Павелъ велъ бесѣды въ посадахъ Сольцы Псковской губерніи. Этотъ посадъ населенъ былъ едосѣвцами, число коихъ простиралось до 5000. Около этого посада имѣется много деревень, которыя также населены были едосѣвцами въ огромномъ количествѣ. Отецъ архимандритъ прибылъ въ Сольцы, по приглашенію гражданъ, вмѣстѣ съ псковскимъ единовѣрческимъ священникомъ о. Константиномъ Голу-

бевымъ. Бесѣды происходили въ управѣ при огромномъ стеченіи народа. Присутствовали на нихъ и участвовали въ словопреніи еедосѣевскіе наставники въ большемъ числѣ; между ними былъ нѣкто Алексѣй Николаевъ, наставникъ изъ села Суматицъ. Еедосѣевцы признавали его великимъ учителемъ. Онъ, дѣйствительно, былъ человѣкъ весьма начитанный и жизни постыческой. Въ бесѣдѣ съ отцомъ Павломъ онъ оказался совершенно безотвѣтнымъ. О. Павелъ требовалъ, чтобы Николаевъ доказалъ правильность безпоповскаго ученія отъ Евангелія, но Николаевъ сознался, что безпоповское ученіе въ Евангеліи не содержится. Полная безотвѣтность Алексѣя Николаева поразила еедосѣевцевъ. Послѣ второй бесѣды нѣкоторые изъ еедосѣевцевъ пришли въ домъ единовѣрческаго священника о. Іоанна Звѣздипскаго и сказали ему, что еедосѣевцы намѣрены на предстоящей бесѣдѣ погасить лампы, обрушить скамьи и даже обрушить потолокъ, вообще—произвести смятеніе и въ этомъ смятеніи убить отца Павла. Когда узналъ объ этомъ отецъ Павелъ, то сказалъ еедосѣевцамъ, совѣтовавшимъ ему не производить бесѣды, что бесѣду онъ будетъ производить непременно, не смотря на намѣренія и угрозы безпоповцевъ предать его смерти, что, въ случаѣ смерти его, онъ желаетъ быть погребеннымъ въ городѣ Москвѣ. Бесѣда, дѣйствительно, была открыта въ зданіи управы. Во время ея еедосѣевцы на самомъ дѣлѣ обрушили скамьи, на которыхъ сидѣлъ народъ, погасили лампы и произвели смятеніе, но устранивъ о. архимандрита имъ не удалось. Напротивъ, послѣдній со спокойнымъ и непоколебимымъ мужествомъ и неустрашимостью тутъ же и обличилъ безпоповцевъ за этотъ поступокъ; онъ говорилъ имъ, что бесѣдуетъ съ ними мирно, отъ Евангелія Христа, и указываетъ имъ путь спасенія,—что убіеніе его, коего они желали и домогались, не умалить и не уничтожить несогласія и противленія ихъ Евангелію и не сдѣлаетъ ихъ правыми. Смерть для него была бы даже и радостна, потому что онъ умеръ бы за дѣло Божіе, во время самой проповѣди Евангелія. Сотрудники о. архимандрита Павла, о. Константинъ Голубевъ и о. Іоаннъ Звѣздипскій, также говорили еедосѣевцамъ, что они бесѣдуютъ съ ними мирно, отъ святаго Евангелія, и вовсе не заслужили такого отношенія къ себѣ со стороны еедосѣевцевъ. Порядокъ на бесѣдѣ былъ возстановленъ и она окончилась полнымъ торжествомъ православія и пораженіемъ еедосѣевской секты. Другой разъ о. архимандритъ Павелъ бесѣдовалъ съ еедосѣевцами о боготоліи за царей. Еедосѣевцы, не найдясь, что возразить противъ доказательствъ о. Павла, пришли въ ярость и рѣшили бросить

проповѣдника истины въ рѣку Прутъ. О. Павелъ едва могъ убѣдить своихъ совопросниковъ оставить это намѣреніе, указывая на то, что за убійство они потерпятъ жестокое наказаніе, а пользы имъ никакой не будетъ. Даже близость смертнаго часа не останавливала ревности о. Павла по обращенію старообрядцевъ. Болѣзнь, сведшая о. архимандрита въ могилу, была такого свойства, что говорить ему было трудно и даже опасно. Однако онъ и въ это время не переставалъ бесѣдовать о будущей судьбѣ сектъ старообрядческихъ и о православной Церкви. Въ самый день своей кончины, 27 апрѣля 1895 года, о. Павелъ занимался дѣлами, относящимися къ борьбѣ съ расколомъ.

Укажемъ еще на труды недавно почившаго миссіонера Владимірской епархіи, Тимофея Алексѣевича Николаева. Какъ самъ прежде бывшій въ расколѣ, онъ горячо былъ преданъ дѣлу обращенія заблудшихъ и для этого дѣла онъ не щадилъ себя. Его бесѣды, отличавшіяся увлекательностію и задумчивостію, дѣйствовали на слушателей самымъ благотворнымъ образомъ и, не смотря на то, что нерѣдко происходили въ душныхъ, закопѣлыхъ избахъ, до тѣсноты набитыхъ слушателями, въ невыносимой атмосферѣ, онѣ продолжались иногда по 10—12 часовъ безъ перерыва. Такіе самоотверженные труды Тимофея Алексѣевича приносили и плодъ обильный. Обращенныхъ имъ къ православію нужно считать не десятками, а цѣлыми сотнями. Но и самъ проповѣдникъ истины, не смотря на свою сильную, крѣпкую патуру, на цвѣтущій здорověмъ, могучій организмъ, не выдержалъ чрезмѣрнаго напряженія... Разъ, во время бесѣды, у него изъ горла показалась кровь и, хотя Тимофей Алексѣевичъ не придалъ этому факту значенія, однако онъ былъ для него роковымъ предзнаменованіемъ... Онъ заболѣлъ горловой чахоткою, которая преждевременно и свела неутомимаго труженика въ могилу. Во время даже своей смертельной болѣзни Тимофей Алексѣевичъ не прерывалъ своихъ миссіонерскихъ трудовъ, вѣрный завѣту Апостола: „дондеже время имамы, да дѣлаимъ благое ко всѣмъ“ (Гал, 6, 10).

Да не подумаетъ кто, что мы всѣмъ сказаннымъ хотимъ отрицать ту пользу въ дѣлѣ обращенія отпадшихъ, какую, несомнѣнно, приносятъ и должно приносить приходское духовенство. Нѣтъ. Мы возражаемъ только противъ очевидной неправды о. Митрофана, утверждающаго, что миссіонеры не оправдываютъ, будто бы, возлагаемой на нихъ многими надежды, и неспособны, будто бы, своими бесѣдами „убѣдить никого“. Всѣ миссіонеры отлично сознаютъ, что если бы миссіонерскою дѣятельностію занимался каждый приходскій священникъ въ своемъ приходѣ, дѣйствуя

на него своими проповѣдями и бесѣдами, то дѣло обращенія заблудшихъ къ познанію истины было бы, безъ сомнѣнія, еще успѣшнѣе. Такое убѣжденіе высказано имъ, между прочимъ, на съѣздѣ противораскольническихъ миссіонеровъ въ Москвѣ въ 1887 году (см. „Бр. Слово“ за 1887 г. т. II, стр. 37—38).

Кромѣ плодотворныхъ бесѣдъ со старообрядцами, православные миссіонеры такую же пользу принесли и приносятъ дѣлу миссіи и литературными своими трудами. Вспомнимъ опять о. архимандрита Павла и сотрудниковъ его, написавшихъ незамѣнимыя сочиненія, отличающіяся простотою изложенія, силою мысли и убѣдительностью, служащія всѣмъ занимающимся обличеніемъ и вразумленіемъ глаголемыхъ старообрядцевъ необходимѣйшимъ руководствомъ.

Итакъ, въ виду той великой и несомнѣнной пользы, какую принесли и приносятъ миссіонеры своими многоплодными трудами, слѣдуетъ желать только возможно большаго ихъ распространенія въ нашемъ отечествѣ. Слѣдуетъ желать также и того, чтобы мѣстные священники, служащіе въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ, всячески содѣйствовали трудамъ миссіонеровъ своими проповѣдями, сердечными бесѣдами и полезными внушеніями старообрядцамъ оставить свои заблужденія и съ покаяніемъ обратиться къ св. Матери Церкви, а не ждали бы, пока они сами, безъ зова, образумятся и придутъ, какъ нынѣ многіе дѣлаютъ и, какъ бы, въ успокоеніе своей совѣсти говорить, какъ говорить и о. Митрофанъ: „никто, безъ содѣйствія и помощи благодатной чрезъ Господа Христа, не можетъ придти къ Отцу Небесному (Іоан. VI, 44), оставившему на полевой нивѣ расти и пшеницу, и плевелы. И Самъ Христосъ Спаситель и ап. Павелъ еретика человѣка, по первомъ и второмъ показаніи, повелѣвали отвращаться, какъ ослушника“ (Мѣ. XVIII, 17 и Тит. III, 10).

Правда, что безъ благодатной помощи Самого Господа никто не можетъ отрѣшиться отъ пагубныхъ заблужденій и придти въ познаніе истины Христовой. Но развѣ это значитъ, что заблуждающихся еретиковъ и раскольниковъ, а также и другихъ отступниковъ не слѣдуетъ уже и вразумлять? Развѣ это значитъ уже, что таковыхъ слѣдуетъ оставлять коснѣть въ своихъ заблужденіяхъ, дожидаясь, пока Самъ Богъ, непосредственно, обратитъ ихъ отъ заблужденія къ познанію и пріятію истиннаго ученія Христова? Такое понятіе будетъ уже противорѣчить всей исторіи христіанства, начиная съ самихъ св. апостоловъ, „весь міръ ученъми своими просвѣтившихъ“, и кончая св. отцами и учителями Церкви, не щадившими своей жизни для вразумленія и

просвѣщенія заблудшихъ словомъ истины. Такое понятіе противорѣчитъ и ученію Самого Христа Спасителя нашего, пославшаго Своихъ учениковъ и апостоловъ „въ весь міръ проповѣдати Евангеліе всѣмъ языкамъ, учаще ихъ блюсти вся, елика Онъ имъ заповѣдалъ“. А посему—напрасно тогда и ссылаться, въ оправданіе своего перадѣнія о вразумленіи заблудшихъ, на слова Господа о невозможности придти къ Отцу Небесному, безъ содѣйствія Его благодатной помощи,—слова Спасителя имѣютъ совершенно иной смыслъ, чѣмъ какой усвояетъ имъ о. Митрофанъ.

Обличая и вразумляя старообрядцевъ, миссіонеры всегда успѣхъ своей миссіонерской дѣятельности приписываютъ Самому Господу, просвѣщающему всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, помня святыя словеса Его: *„безъ Мене не можете творити ничесоже“*. Съ своей же стороны миссіонеры считаютъ, однако, своимъ священнымъ долгомъ простирать во услышаніе раскольниковъ слово истины, памятуя слова св. апостола Павла: „Како убо призовутъ, въ Него же не вѣроваша? Како же увѣрують, Его же не слышаша? Како же услышать безъ проповѣдующаго (Римл. 10, 14)? а также и слова ап. Іакова: „Братіе, аще кто въ васъ заблудитъ отъ пути истины, и обратитъ кто его, да вѣсть, яко обративый грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу отъ смерти, и покрыетъ множество грѣховъ“ (Іак. 5, 19—20).

Напрасно также о. Митрофанъ ссылается и на то, что „Самъ Христосъ Спаситель и ап. Павелъ повелѣваютъ, по первомъ и второмъ наказаніи, отвращаться еретика человѣка, какъ осудившаго“ (Мо. XVIII, 17 и Тит. III, 10).

Выше нами уже разъяснено было, что бесполезны бесѣды только съ *неисправимыми* или, какъ говоритъ Златоустъ, „съ неизлѣчимо-больными“ еретиками. Съ тѣми же изъ нихъ, которые подають надежду на возвращеніе къ пути истины, „не нужно оставлять собесѣдованія прежде ихъ убѣжденія“,—говоритъ св. Златоустъ. Наши же глаголемые старообрядцы въ своемъ цѣломъ не могутъ быть отнесены къ неизлѣчимо-больнымъ еретикамъ, ибо благодаря устнымъ собесѣдованіямъ съ ними православныхъ миссіонеровъ, многіе изъ нихъ, какъ извѣстно, обращаются къ церкви—„цѣлыми массаами, цѣлыми деревнями“. Выше было разъяснено также, что св. апостолъ Павелъ, повелѣвая человѣка еретика, по первомъ и второмъ наказаніи, отвращаться, разумѣлъ только такихъ еретиковъ, которые своимъ почестіемъ вредили лично только сами себѣ. Коль же скоро еретики своимъ нечестивымъ ученіемъ будутъ увлекать въ свои сѣти другихъ, то святой апостолъ повелѣваетъ таковымъ „уста заграждати“. И св. Златоустъ

говорить: „если они (еретики) станут губить другихъ, то нужно возстать противъ нихъ, бороться съ ними и опровергать ихъ съ великимъ мужествомъ“ (Бес. 6-я на посл. къ Титу, стр. 79). А вожди именуемыхъ старообрядцевъ, какъ извѣстно, ни о чемъ такъ не заботятся, какъ о распространеніи своихъ зловредныхъ лжеученій, среди немоцной братіи. Что же—неужели, видя широкое распространеніе лжеученій, разсѣиваемыхъ всюду раскольническими вождями, слѣдуетъ молчать, пренебрегая спасеніемъ немоцной братіи, нерѣдко уловляемой сѣтями этихъ лжеученій? Вообще о. Митрофанъ, сославшись на слова св. апостола Павла: „сретика чловѣка, по первомъ и второмъ наказаніи, отвращайся“ и придавъ имъ свое, не согласное съ дѣйствительнымъ ихъ смысломъ и толкованіемъ на нихъ Златоуста, значеніе, еще разъ доказать свою односторонность и узость въ пониманіи заключающихъ въ себѣ божественную мудрость изреченій священнаго Писанія.

Приписывая успѣхъ противораскольнической миссіонерской дѣятельности исключительно однимъ лишь приходскимъ священникамъ, о. Митрофанъ говоритъ: „И по безпристрастному признанію членовъ послѣдняго Казанскаго 3 Миссіонерскаго Съѣзда, центръ успѣха противораскольнической миссіи, по прежнему, покоится на личности и дѣятельности приходскаго священника, — этого перваго по званію служебному, главнаго и незамѣнимаго миссіонера“.

Правда, приходскій священникъ, по своему пастырскому званію, въ приходѣ есть первый и главный миссіонеръ, но вопросъ въ томъ, возможно ли ожидать отъ приходскаго священника, даже самаго опытнаго и ревностнаго, успѣшной борьбы съ расколомъ, требующей, — въ виду распространяемыхъ всюду раскольническими вождями (особенно въ послѣднее время) и устнымъ и печатнымъ путемъ своихъ лжеученій, — непрестанной дѣятельности, непрестаннаго вниманія, непрестанныхъ самоотверженныхъ трудовъ, когда у каждаго приходскаго священника, кромѣ миссіонерства, весьма много другихъ дѣлъ: церковныя службы, требы, школы, нерѣдко даже двѣ или три и, наконецъ, хозяйственныя дѣла? Сколько же у него остается времени для спеціальнаго ознакомленія съ противораскольнической полемикой и для бесѣдъ съ раскольниками, продолжающихся иногда по 10—12 часовъ вряду?... Притомъ, много ли въ настоящее время приходскихъ священниковъ, хорошо знающихъ расколъ и способныхъ къ успѣшной борьбѣ съ нимъ? Ихъ, по признанію самого о. Митрофана, и „днемъ съ огнемъ не сыщешь“. Вотъ поэтому-то тотъ-же Казан-

скій Миссіонерскій Съѣздъ, на который указываетъ о. Митрофанъ, призналъ необходимымъ, „чтобы миссіи, какъ испытанныя и многополезныя учрежденія, настоятельно были учреждены во всѣхъ епархіяхъ“. Чувствуя, какъ бы, и самъ невозможность „всю тяжесть борьбы съ расколомъ возложить исключительно на мѣстныхъ только священниковъ“, въ виду ихъ неподготовленности къ ней, отецъ Митрофанъ говоритъ далѣе о необходимости „перевоспитанія пастырей и пасомыхъ. Но скажите, о. Митрофанъ, неужели, по вашему, борьбу съ расколомъ слѣдуетъ *отложить* до тѣхъ поръ, пока „перевоспитаются пастыри и пасомые“, т. е. на цѣлыя десятки, а можетъ быть даже и сотни лѣтъ?.. Да вотъ еще вопросы: осуществимы ли еще ваши мечты о „перевоспитаніи пастырей и пасомыхъ?“ А если и такъ, то будетъ ли еще какой либо успѣхъ для уничтоженія старообрядческихъ и другихъ сектъ отъ такого „перевоспитанія“? „Что, если и тогда, когда, допустимъ, и сбудутся ваши мечты о „перевоспитаніи пастырей и пасомыхъ“, вмѣсто ожидаемой вами пользы, получится одинъ только вредъ,—что тогда?..

Далѣе о. Митрофанъ противорѣчитъ уже самъ себѣ, ибо признаетъ опытными и полезными миссіонерами не однихъ уже только приходскихъ священниковъ, но и не имѣющихъ священнаго сана, мірянъ. Однако такіе миссіонеры, по призванію о. Митрофана, должны быть лица только богословски-образованныя, прослушавшія науку обличенія раскола, „ибо ко всякой дѣятельности прежде всего подготавливаетъ правильно-поставленная школа“. Такъ ли, о. Митрофанъ? Вспомните,—развѣ плодотворная просвѣтительная дѣятельность св. апостоловъ была слѣдствіемъ ихъ „правильно поставленной школьной подготовки“? Напротивъ, стадо учениковъ Христовыхъ состояло большею частью изъ смиренныхъ, простыхъ, неученыхъ людей; однако, несмотря на свою простоту и неученость, они сумѣли покорить весь міръ своимъ Божественнымъ ученіемъ,—„во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ“.

И Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ,—сказано въ книгѣ высокочтимаго оберъ-прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева,—„Побѣда, побѣдившая міръ“, не какою либо системой или теоріей создалъ Свою церковь, но *непреодолимымъ дѣйствіемъ души на другую душу*. Онъ проповѣдывалъ самоотверженіе, самопожертвованіе ученикамъ Своимъ и тѣмъ, кто, „оставльше вся и взявше крестъ свой, по Немъ идоша“,—предлагать не систему ученій, не кодексъ законовъ, но *Себя Самого*, являя въ Себѣ самымъ дѣломъ ту истину, которая есть верховное желаніе души. Изо-

дня въ день бесѣдовать съ Учителемъ, слагать въ душѣ слово Его и дѣло Его, питаться Его духомъ, очищать сердце отъ всѣхъ, даже самыхъ нѣжныхъ и чистыхъ, земныхъ привязанностей, до того, что можно сказать: „живу, и не живу, но живетъ во мнѣ Христосъ“, — вотъ какова была духовная дисциплина, которую проходили ученики Его и въ пустынѣ, и на горѣ, и на берегахъ озера Геннисаретскаго, а когда на крестѣ явился предъ ними верховный урокъ жертвы, смиренія, себя истощающей любви, и ученики разошлись повсюду на проповѣдь. Словомъ, урокъ ихъ людямъ былъ тотъ же самый, которымъ и они научены были“ (стр. 12—13).

Вотъ въ чемъ состоялъ чудесный успѣхъ апостольской миссіи,—въ питаніи словомъ и духомъ Христовымъ, а не въ „подготовкѣ правильно поставленной школы“!

Въ этомъ же, безъ сомнѣнія, состоитъ успѣхъ и противораскольнической миссіи. Безъ напitanія же своей души вселѣствующимъ словомъ Божіимъ, въ какой бы „правильно-поставленной школѣ“ кто ни учился, никогда не можетъ имѣть успѣха. Это безспорная истина, противъ которой, думаю, не будетъ возражать даже и о. Митрофанъ. Да и можете ли вы, о. Митрофанъ, поручиться за проектируемую вами „правильно-поставленную школу“, что учащіеся въ ней, будущіе миссіонеры, будутъ насыщать себя Словомъ Божіимъ, а не романами и тому подобными произведеніями свѣтскихъ писателей,—каковыя явленія нерѣдко встрѣчаются и среди современныхъ питомцевъ духовныхъ школъ?

Вообще, — какъ показываютъ многочисленные факты, школы не всегда оправдываютъ возлагаемыя на нихъ надежды. Теперь уже не тайна, что и среди питомцевъ современной духовной школы нерѣдко можно встрѣтить лицъ антицерковнаго направленія. Да и вообще-то духовная школа не всегда дастъ церкви надежныхъ и опытныхъ проповѣдниковъ слова Божія. Отецъ Митрофанъ, напримѣръ, безъ сомнѣнія, есть одинъ изъ получившихъ богословское образованіе въ школѣ, — это видно уже по его ученому слогу, однако я, не учившійся ни въ какой школѣ, никакъ не могу согласиться съ нимъ въ его несогласномъ святоотеческому, одностороннемъ толкованіи разсмотрѣнныхъ выше словъ св. апостола Павла, — и ничто въ томъ не можетъ разубѣдить меня ни его богословское образованіе, ни даже священный его санъ.

Итакъ, школа, какъ бы правильно она ни была поставлена, не можетъ быть признана единственнымъ и главнымъ условіемъ успѣха миссіонерской дѣятельности, какъ полагаетъ о. Митрофанъ.

Въ заключеніе о. Митрофанъ жалуется на матеріальную необеспеченность духовенства, видитъ въ этомъ „зло, тормозящее религіозно-просвѣтительную миссію на Руси“,—и на то, что „священнику, которому выпала несчастливая доля служить въ приходѣ съ раскольническимъ населеніемъ, въ нуждѣ и лихолѣтѣ приходится испытывать муки душевныя и невзгоды тѣлесныя“.

Итакъ, по проекту о. Митрофана, для успѣшной дѣятельности противъ раскола необходимо особое обезпеченіе духовенства, а до тѣхъ поръ, пока не будетъ дано такого обезпеченія, не будетъ и успѣха въ противораскольнической миссіи.

Къ чему же, въ сущности, приводятъ все разсужденія о. Митрофана о его „способахъ обличенія неправды раскольнической“? Ровно ни къ чему.—Миссіонеры не годятся, ибо они, по мнѣнію о. Митрофана, „напоминаютъ собою упраздненныхъ за непадобностью церковныхъ исполнителей, надзорщиковъ и доносчиковъ на окружное духовенство“ и не способны, якобы, „убѣдить никого“, а приходскіе священники, хотя бы и могли быть хорошими миссіонерами, да матеріально не обезпечены. Выходитъ, такимъ образомъ, что противораскольнической миссіи въ настоящее время вовсе не можетъ даже и существовать, ее приходится отложить до неопредѣленнаго времени, до тѣхъ поръ, пока осуществятся несбыточные мечты о. Митрофана о „перевоспитаніи пастырей и пасомыхъ“, о „правильно поставленной школѣ“, объ обезпеченіи духовенства и проч... А дѣло борьбы съ расколомъ не терпитъ, ревнители „древняго благочестія“,—яти волки въ овчихъ одеждахъ, непрестанно грозятъ расхитить стадо Христово... А посему и является настоятельная нужда въ людяхъ, которые бы тщательно оберегали это стадо отъ ихъ яростнаго нападенія на него,—является настоятельная нужда въ миссіонерахъ.

Итакъ, все усилія о. Митрофана доказать безполезность дѣятельности миссіонеровъ оказываются тщетными. Противораскольническія миссіи, „какъ испытанныя и многополезныя учрежденія“, попрежнему „настоятельно должны быть учреждаемы во всехъ епархіяхъ“, а проектируемая о. Митрофаномъ—„перевоспитаніе пастырей и пасомыхъ“, „правильно-поставленныя школы“ и проч.—должны быть, безъ сомнѣнія, признаны за неосуществимыя и безплодныя мечты.

Въ № 28 „Руководства для сельскихъ пастырей“ о. Митрофанъ заканчиваетъ свою статью „о способахъ обличенія неправды раскольнической“. Здѣсь о. Митрофанъ опять отвергаетъ

пользу бесѣдъ съ глаголемыми старообрядцами, называя ихъ „безполезными вѣроисповѣдными спорами“. Кореннымъ (радикальнымъ) средствомъ для противодѣйствія расколу о. Митрофанъ считаетъ „утвержденіе (приходскими пастырями) въ православіи и единомысліи собственныхъ прихожанъ“. „Водвореніе мира среди вѣрныхъ, говоритъ о. Митрофанъ, умѣнье удержать, не упустить въ расколъ прихожанъ—вотъ первая задача приходскаго пастыря! Надо заботиться прежде о близкихъ, потомъ уже о дальнихъ, ибо кто о присныхъ нерадитъ, тотъ хуже невѣрнаго по апостолу“ (1 Тим. 5, 8). „Могучимъ средствомъ для сей цѣли, продолжаетъ о. Митрофанъ, должно быть церковное учительство служителей Слова и устное и печатное. Общественная, литургійная, какъ неотъемлемая часть богослуженія, проповѣдь и частныя пастырскія бесѣды благовремениѣ и безвремениѣ—будутъ надежнымъ союзникомъ ревностному пастырю при наставленіи въ истинномъ ученіи православныхъ христіанъ“.

Что „утвержденіе въ православіи и единомысліи прихожанъ и умѣнье удержать, не упустить ихъ въ расколъ“ есть одно изъ средствъ противодѣйствія расколу—это правда, въ этомъ можно согласиться съ о. Митрофаномъ. Но развѣ отвергаемая о. Митрофаномъ миссіонерскія бесѣды со старообрядцами не служатъ той же цѣли? Многочисленные факты, отчасти упомянутые нами, показываютъ, что онѣ не только утверждаютъ православныхъ чадъ церкви въ православіи и единомысліи, но и цѣлыми массами обращаютъ въ лоно св. церкви самихъ заблудшихъ братій нашихъ старообрядцевъ. Отецъ Митрофанъ говоритъ, что „надо заботиться прежде о близкихъ, потомъ уже о дальнихъ, ибо кто о присныхъ нерадитъ, тотъ хуже невѣрнаго по апостолу“. Но неужели о. Митрофану неизвѣстно, что бесѣды съ глаголемыми старообрядцами прежде всего приносятъ незамѣнимую пользу именно православнымъ, раскрывая предъ ними всевозможныя хитросплетенія и лжеученія вождей раскола, которые всюду стараются уловить простодушныхъ чадъ св. церкви въ свои гибельныя сѣти?

Священный долгъ пастырей церкви—заботиться о спасеніи „присныхъ“ чадъ духовныхъ—отнюдь не исключаетъ заботы и о находящихся во тьмѣ и сѣни смертной язычникахъ, равно какъ о спасеніи вообще всѣхъ людей, не озаренныхъ еще истиннымъ свѣтомъ Евангелія Христова. Посылая Своихъ апостоловъ, а въ лицѣ ихъ и всѣхъ пастырей церкви на проповѣдь, Господь нашъ Іисусъ Христосъ заповѣдалъ имъ проповѣдать Евангеліе *всѣмъ языкамъ* (Мѡ. 28, 20). Первый и единый по естеству Архіерей, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, подражать Которому обя-

запа и всѣ пастыри св. Его церкви, желаетъ привести къ Себѣ не только присныхъ, но и дальнихъ. *И ны овцы имамъ, говоритъ Онъ, яже не суть отъ двора сего, и тыя Ми подобаетъ привести*“ (Іоан. 10, 16). Если же пастыри св. церкви, во исполненіе Господней заповѣди, обязаны заботиться о спасеніи язычниковъ, проповѣдуя имъ слово Божіе, то пастыри Русской православной церкви тѣмъ болѣе должны проявлять заботу о спасеніи близкихъ имъ по плоти старообрядцевъ, предки коихъ принадлежали къ церкви Господа Бога, юже Онъ стлжа кровію Своею. Столь дорогая цѣна не должна ли подвинуть не только пастырей, но и всѣхъ вообще истинныхъ чадъ православной церкви къ обращенію на путь истины отпадшихъ братій нашихъ—глаголемыхъ старообрядцевъ, вразумляя ихъ словомъ кротости, терпѣливо выслушивая унаслѣдованныя ими отъ своихъ предковъ разныя клеветы на непорочную невѣсту Христову? Воодушевляемые святою ревностью о славѣ св. церкви и о спасеніи отпадшихъ отъ нея бывшихъ чадъ ея, глаголемыхъ старообрядцевъ, православные миссіонеры не жалѣютъ для сего ни силъ, ни здоровья. Они всюду ѣздятъ съ словомъ вразумленія заблудшихъ и лѣтомъ—въ жаръ и пыль, и осенью—въ дождь и грязь, и зимой въ снѣгъ и холодъ. Ихъ продолжительныя бесѣды проходятъ нерѣдко въ крестьянскихъ избахъ при невыносимой духотѣ отъ грязи и пота во множествѣ собирающихся слушателей крестьянъ. Благотворность этихъ самоотверженныхъ миссіонерскихъ трудовъ давно уже засвидѣтельствована многочисленными примѣрами обращеній глаголемыхъ старообрядцевъ ко св. церкви. Но какъ ни очевидна польза миссіонерскихъ бесѣдъ со старообрядцами, миссіонеры, однако, никогда не приписывали успѣха миссіи *исключительно только* своимъ бесѣдамъ. Напротивъ, они всегда сознавали и сознаютъ, что успѣхъ миссіонерской дѣятельности былъ бы гораздо больше и ощутительнѣе, если бы дѣло борьбы съ расколомъ приняли близко къ своему сердцу и всѣ приходскіе батюшки, особенно тѣхъ мѣстъ, гдѣ есть раскольники. Церковная проповѣдь и внѣбогослужебныя бесѣды приходскихъ батюшекъ, раскрывая и разъясняя положительное ученіе вѣры, особенно въ тѣхъ его пунктахъ, которые подвергаются перетолкованіямъ раскольниковъ, весьма и весьма облегчили бы дѣло миссіи. Такое желаніе, между прочимъ, и выражено было на съѣздѣ противораскольническихъ миссіонеровъ въ Москвѣ 1887 года (см. Бр. Сл. 1887 г. т. II стр. 37). Но приписывая успѣхъ борьбы съ расколомъ *исключительно только* „церковному учительству, проповѣди и частнымъ бесѣдамъ“ приходскихъ пастырей, о. Митро-

фанъ, очевидно, впадаетъ въ односторонность. Самъ же онъ говоритъ, что „христіански просвѣщенный мірянинъ *не станетъ молчать* предъ старовѣромъ“. А если такъ, то значить такой „христіански просвѣщенный мірянинъ“ будетъ *бесѣдовать* со старообрядцемъ, обличая предъ нимъ неправду раскола и доказывая истинность православной церкви. Если такія бесѣды со старообрядцами „христіански просвѣщенныхъ мірянъ“ о. Митрофанъ не только не отвергаетъ, но признаетъ вполне естественными и необходимыми, то зачѣмъ же отвергать пользу бесѣдъ миссіонеровъ? Да если даже и согласиться съ о. Митрофаномъ, что при повсемѣстномъ просвѣщеніи православныхъ прихожанъ, живущихъ среди раскольниковъ, миссіонеры будутъ излишни, то и тогда о. Митрофанъ не правъ, ибо отвергаетъ пользу миссіонерскихъ бесѣдъ со старообрядцами *въ настоящее время*, когда о всеобщемъ просвѣщеніи можно только еще развѣ мечтать. Если бы о. Митрофанъ истинно ревновалъ о *христіанскомъ* просвѣщеніи мірянъ, то ему надлежало бы не изгонять миссіонеровъ, а всячески сочувствовать имъ и желать возможно большаго ихъ распространенія, ибо не христіанское ли просвѣщеніе преподаютъ миссіонеры своими бесѣдами, когда насаждаютъ въ сердцахъ и умахъ своихъ слушателей истинное понятіе о созданной Христомъ церкви, о совершаемыхъ въ ней богоустановленныхъ седьми тайнахъ, о значеніи священной іерархіи, о различіи между догматами вѣры и обрядами и т. под.?

„Причиною устойчивости старовѣрія, продолжаетъ о. Митрофанъ, можетъ служить всегдашній, внѣшній обликъ примѣрнаго, показнаго „блаженномудрія“ ревнителей древлеправославія, доведенный въ одеждѣ, осанкѣ и замашкахъ до совершенства, что и влечетъ незнающихъ Закона Божія крестьянъ въ лебры раскола, какъ въ болотную трясину“. Согласимся, что лицедейство, показное благочестіе ревнителей древлеблагочестія или старообрядцевъ есть дѣйствительно одна изъ причинъ устойчивости раскола, увлекающая простодушныхъ въ гибельныя его сѣти. Но тутъ-то опять и является нужда въ миссіонерахъ, которые бы посредствомъ своихъ бесѣдъ со старообрядцами разоблачили это ихъ лицемеріе и раскрыли предъ ними самими и предъ православными слушателями весь смрадъ внутренняго ихъ нечестія, и тѣмъ оградили бы отъ увлеченія въ расколъ простодушныхъ чадъ св. церкви, увлекающихся показною, лицемерною набожностью глаголемыхъ старообрядцевъ.

Далѣе о. Митрофанъ толкуетъ о современныхъ внѣшнихъ условіяхъ борьбы съ расколомъ, которыя, по заключенію маститаго

лѣтописца (Н. И. Субботина), не только не улучшились, но достигли болѣе печальнаго для православія положенія, ибо къ покровительству старообрядцевъ со стороны низшихъ представителей свѣтской власти, вслѣдствіе „золотой политики“ раскола (подкупа), присоединилось защитничество гласнаго суда и либеральной печати. Такъ, если, по сознанію о. Митрофана, и представители низшей власти, и защитничество гласнаго суда, и либеральная печать, „вслѣдствіе золотой политики“, покровительствуютъ и даже открыто иногда защищаютъ расколъ и тѣмъ наносятъ вредъ православнои церкви, то чего можно было бы ожидать, если бы въ угоду о. Митрофану устранить еще и миссіонеровъ, этихъ защитниковъ св. церкви, которые нещадно обличаютъ старообрядцевъ, другихъ сектантовъ и вообще враговъ церкви?! Прибавьте къ этому еще и то, что руководители старообрядческихъ сектъ, разные Швецовы, Мельниковы, Усовы и другіе, не перестаютъ разсѣвать среди чистой пшеницы православнаго ученія зловредные плевелы своихъ раскольническихъ мудрованій и устнымъ и печатнымъ подпольнымъ путемъ,—представьте себѣ весь ужасъ могущихъ произойти отсюда послѣдствій! Не стали-ль бы тогда все чаще и чаще повторяться при скорбные для православія факты тѣхъ печальныхъ временъ, когда противораскольническая миссія была еще только въ зародышѣ, а отпаденія отъ православія въ расколъ были многочисленны. Итакъ, все говоритъ за то, что, въ видахъ огражденія чадъ св. церкви отъ увлеченія различными антицерковными мудрованіями, разсѣваемыми многочисленными врагами истины Христовой, институтъ миссіонеровъ среди русскаго народа положительно необходимъ. Будь поменьше враговъ миссіонерства, расколъ, быть можетъ, палъ бы уже и даже память о немъ погибла бы съ шумомъ.

Въ заключеніе своей статьи не могу не выразить своей сердечной благодарности московскому градекому и гуслицкому миссіонеру священнику о. Христофору Константиновичу Максимову за его полезныя указанія и руководство въ этомъ моемъ скромномъ трудѣ, единственною цѣлью котораго было принести по-сильную пользу процвѣтанію противораскольнической миссіи, плодотворной дѣятельности которой обязаны—какъ я и все мое семейство, такъ равно и большинство обратившихся изъ гибельныхъ сѣтей раскола въ спасительную ограду св. Христовой церкви—познаніемъ истины.

Миссіонеръ Николо-Котловскаго благочинническаго

округа Московской епархіи А. Зверевъ.

Петербургское раскольникове братство и слово австрійскаго „попа“ въ его собраніи.

Въ Петербургѣ существуетъ кружокъ, именующійся братствомъ Стефана Зизанія и Аввакума Протопопа¹⁾. Братство это состоитъ изъ старообрядцевъ-громовцевъ. Въ немъ 80 членовъ—людей средняго торговаго и фабричнаго класса. Братчики по временамъ собираются для обсужденія религіозныхъ пуждъ по зачиткѣ „древняго благочестія“. На собраніяхъ читаются разныя касающіяся раскола брошюры и говорятся раскольничьи рѣчи, какъ членами братства, такъ и приходящими. На одномъ изъ такихъ собраній было прочитано нижепомѣщенное слово. Слово принадлежитъ, какъ намъ передаю, запрещенному пытѣ австрійскому попу, мѣщанину г. Самары (изъ крестьянъ той же губ. и уѣзда, села Новый Студенецъ, отстоящаго въ 3-хъ верстахъ отъ станціи Кинель Самаро-Златоустовской желѣзной дороги). Онъ по ремеслу иконописецъ; старообрядческимъ попомъ состоитъ 30 лѣтъ, въ томъ числѣ 9 лѣтъ служилъ на Громовскомъ старообрядческомъ кладбищѣ въ Петербургѣ. Зовутъ раскольничьяго попа-оратора Федотъ Фокеевъ Ерофенчевъ.

Слово г. Ерофенчева характерно какъ для состоянія современнаго раскола вообще, такъ и для порядковъ противоканонической австрійской іерархіи въ частности. Вотъ это слово. Исправляемъ только орфографію.

„Аще о истинѣ слово будетъ, сирѣчь глаголати о правдѣ, не токмо передъ святители, но и передъ цари, понсже благочестія (т. е. правды) отступити — Бога отступити“. (Три челов. стр. 96).

БРАТІЯ!

Я очень доволенъ тѣмъ, что имѣю возможность присутствовать между собравшимися здѣсь и, пользуясь случаемъ, хочу побесѣдовать съ вами

¹⁾ Стефанъ Зизаній извѣстный православный полемистъ противъ латинъ, одинъ изъ юго-западныхъ писателей конца 16 вѣка, авторъ толкованія на 15 огл. сл. св. Кирилла іерус., помѣщеннаго въ началѣ „Кирилловой книги“. Аввакумъ Протопопъ извѣстный расколоучитель.

о современномъ положеніи нашего старобрядческо-христіанскаго духовенства.

Всѣмъ вамъ, конечно, извѣстно, что я имѣю санъ священника, но, находясь подъ запрещеніемъ, не имѣю права священнодѣйствовать. Но извѣстно ли вамъ, за что и при какихъ обстоятельствахъ я запрещенъ? Думаю, что не извѣстно. Да, братія, даже я и самъ не понимаю, за что и для какой благодѣи было угодно запрещать меня, да при томъ-же въ теченіе одного года три раза.

Однако, братія, это троекратное на одномъ году запрещеніе мое на меня подѣйствовало такъ: я убѣдился вполне, что надо мною, нѣтъ, не надо мною, а надъ моимъ саномъ, въ которомъ я состою, просто издѣваются, въ угоду кому-то унижаютъ меня, предъ кѣмъ-то рабоблюствуютъ, точно бы ждутъ отъ кого какой-либо выгоды.

Это и понятно: архіерей у насъ, какъ всякое выборное общинное лицо, не можетъ избѣжать допущенія вмѣшательства свѣтскихъ лицъ въ дѣла церкви; эти лица ему иногда прямо таки могутъ приказывать: осуди, молъ, намъ, владыко, нашего батюшку, вотъ такъ-то и такъ-то. При такихъ обстоятельствахъ архіерей легко можетъ быть прямо таки игрушкою въ рукахъ свѣтскихъ лицъ и исполнителемъ не своихъ убѣжденій, а людскихъ приказаній, что и бываетъ. Братія, я это на себѣ испыталъ. Архіепископъ Московскій Савватій, трижды запрещая меня на одномъ году, былъ игрушкою въ рукахъ Исидора Яковлев. Богданова. Игрушкою, говорю я, былъ онъ, архіепископъ Савватій, въ рукахъ Исидора Яковлевича Богданова. Какъ-же иначе сказать? Само дѣло вѣдь доказываетъ; когда, напр., померла богатая старушка изъ рода Громо-выхъ, Федосья Федоровна Барановская, дѣти покойной ходатайствовали за меня предъ Богдановымъ; внимая ихъ ходатайству, Богдановъ испросилъ мнѣ разрѣшеніе, по телеграфу даже. Потомъ, чрезъ недѣлю вторично запретили меня и чрезъ нѣсколько дней вторично разрѣшили. Потомъ третій разъ запретили, и все это произошло въ теченіе не только года, но полугода! Это ли, братія, не игрушка? И такъ, практикующеся, какъ выше я сказалъ, вмѣшательство свѣтскихъ лицъ въ дѣла церкви—большой вредъ для насъ; вслѣдствіе этого вмѣшательства духовенство наше находится въ совершенномъ униженіи, отчего развиваются раздоры и клеветы на пастырей.

Архіепископъ Савватій настолько былъ приверженъ къ допущенію вмѣшательства мірянъ въ дѣла церкви и потворствовалъ опымъ, что не осмѣлился разрѣшить меня безъ приказанія Исидора Яковлевича. Я обращался къ архіеп. Савватию лично, въ самый тотъ моментъ, когда на него налетали, какъ орлы, со всей Россіи, наши преосвященные смиренные владыки въ столицу Москву и выгнали его изъ его квартиры съ Опухтинки. Это случилось съ нимъ, послѣ третьяго моего запрещенія

черезъ мѣсяць. Нашелъ я его бѣднаго, уже скрывающимся въ Замоскворѣчьи, въ домѣ купца Димитріева. Представленъ я былъ ему служившимъ при немъ въ этотъ день за обѣдней діакономъ Харлампіемъ. Первые мои слова были къ архіепископу Савватию: за что вы, владыко, меня на одномъ году три раза запрещаете? Архіепископъ Савватій сказалъ мнѣ: «я знаю, что ты запрещенъ, но нѣтъ, отецъ, нешто я не помню, три раза я не запрещалъ». Такъ и его и не могъ увѣрить относительно троекратнаго запрещенія. Изъ разговора я убѣдился, что разувѣрять его больше не полезно. Попросилъ у него прошенія и благословенія на священнодѣйствія. Владыка замѣлся и сказалъ мнѣ въ отвѣтъ: поѣзжай и попроси у Исидора Яковлевича Богданова записочку. Когда я напомнилъ владыкѣ, что за записочкой ѣхать изъ Москвы въ Петербургъ не близко, владыка меня сталъ ласково уговаривать, что-де нынѣ это не долго на машинѣ съѣздить и обратно пріѣхать. Это ли, братія, не призывъ нашимъ архіепископомъ мірянъ къ вмѣшательству въ управленіе церковными дѣлами.

Слѣдовательно, архіепископъ Савватій совершенно не былъ знакомъ съ правомъ и справедливостію, а потому и довелъ меня, священника, до такого жалкаго положенія, что долженъ было я уступить напору силъ, развивающихся снизу.

За какія же это вины я долго такъ страдаю, когда меня то запрещали, то разрѣшали, по телеграфу даже? Не ясно ли подобные поступки говорятъ, что вины мои, вѣроятно, не важныя, но только страшно клеветническія. За неосновательныя клеветы запрещать не должно. „Духа не угашайте“, учить апост. Павелъ.

Вамъ такъ же, братія, извѣстно, что послѣ архіепископа Савватія, на московской кафедрѣ 2 года былъ замѣстителемъ владыка Арсеній Швецовъ, которому отъ меня потребовалась не записочка Исидора Яковлевича Богданова, какъ онъ требовалъ отъ меня архіеп. Савватій, по общественниками подписанное прошеніе, которое мною и было доставлено ему. Владыка Арсеній Швецовъ, получивъ въ защиту мою прошеніе Общества Петербургскаго и не учинивъ по нему ничего, въ свою очередь передалъ его архіепископу Іоанну Картушину, и чтожъ они сдѣлали по оному прошенію? Да ровно ничего! Между тѣмъ вѣдь прошеніе послано также отъ міра—отъ Общества. Братія, снѣ уважаемые наши архипастыри невниманіемъ по общественному сему прошенію въ дѣло ясно наводятъ насъ на мысль, что и они не чужды допустительства въ церковное управленіе мірянъ, что и имъ нужна записочка Исидора Яковлевича Богданова. Слѣдовательно, допустительство въ управленіе церковію мірянъ несомнѣнно и нынѣ практикуется, и при томъ допускаются до этого не просто міряне, но міряне по выбору. Выборъ же какъ разъ всегда падаетъ на богачей, которыхъ попросту принято называть міро-

дами. Положимъ, чтобъ меня допустить до служенія въ Петербургѣ, архіепископу Савватию требовался приговоръ, но чрезъ приговоры священники въ приходы опредѣляются только вновь поступающіе. Разрѣшить же меня должно было соборно архіерейскою властію, а не запиской, какъ служившаго уже священника въ Петербургскомъ Обществѣ. Не есть ли это невѣдѣніе своей обязанности со стороны архіепископа? Правило ¹⁾ гласитъ такъ: «живу сущу епископу, вмѣсто его другій поставиться не можетъ»; въ другомъ мѣстѣ пишется: «что епископу, то іерею надлежитъ» ²⁾. Меня не осудили и не выдворили никуда, и преспокойно на мое мѣсто посылають служителей, и не ставятъ себѣ въ томъ грѣха. Это ли знакомство съ правомъ и справедливостію! «Тако желающе васъ, пишеть апост. Павелъ, благоволихомъ подати вамъ не то чію благоувѣствованіе Божіе, но и души своя; и даже молился бы самъ, отлученъ быти отъ Христа по братіи своей» (Сол. 1 посл. 2 гл. 7—11. Римл. г. 9, 1—3). Такъ должно сердечно чувствовать священнослужителю. Онъ долженъ благо ближняго ставить выше своего собственнаго. Еще: «ибо братъ отъ брата помогаемъ—яко градъ твердъ», пишетъ С. Премудрый. Рассказавъ о вмѣшательствѣ мірянъ въ церковное управленіе по собственному моему дѣлу, я имѣю въ виду все современное наше духовенство. Подобныхъ исторій я отъ собратій моихъ много слышалъ; они, благодаря вмѣшательству міроѣдовъ, сдѣлались невольными отступниками отъ старообрядческо-христіанской церкви, вкуни съ пасомыми. Братія, кому и какаа польза произошла отъ того, что запрещено мнѣ проповѣдовать и священнодѣйствовать? Никому, кромѣ глупыхъ міроѣдовъ,—моимъ запрещеніемъ доставлено глупое удовольствіе ихъ прихоти, на вредъ душъ, а вреда церкви сколько вышло? Много было раздоровъ дѣльныхъ и не дѣльныхъ въ обществѣ, немало произошло и отступленій отъ старообрядческой церкви вѣдомыхъ и не вѣдомыхъ. Кому же за это горе? „Горе пастырямъ, иже погубляютъ и расточаютъ овцы паствы Мооя“ (Іерем. 23, 1.2); „се Азъ на пастыри, и възвѣщу овецъ Моихъ отъ рукъ ихъ, рече Господь“ (Іерем. 34, 3—10). Много примѣровъ мнѣ извѣстно по всѣмъ епархіямъ: священники проповѣдуютъ, собираютъ церковь, а епископы какъ только сунутся со своими распорядками, такъ сейчасъ отъ ихъ безразсудныхъ распоряженій уходятъ не только овцы, но и сами пастыри. Почему же это бываетъ? я полагаю потому, что наши владыки являються, чтобы показать свою власть, а не для того, чтобъ „другъ друга тяготы носить“, и тѣмъ исполнить Законъ Христовъ.

¹⁾ Имѣется въ виду, вѣроятно, 16 пр. перво-второго собора. *Ред.*

²⁾ Не въ смыслѣ только, разумѣется, равенства правъ епископскихъ и священническихъ. *Ред.*

И такъ, братія, изъ вышесказаннаго вытекаетъ ясно:

1) Владыка архіепископъ Савватій былъ игрушкою богачей и богачихъ; для него ничего не стоило священника, въ угоду любого богача, подвергнуть издѣвательству и запрещенію служенія церкви, хотя бы это было не угодно всему обществу.

2) Для нашихъ владыкъ общество бѣдныхъ не составляетъ ничего; по этой-то тактикѣ они вотъ уже 7 лѣтъ на поданное въ мою защиту прошеніе, которое было подписано нѣкоторыми и здѣсь присутствующими, не обращаютъ вниманія вопреки изреченію Спраха: „Праведникъ милуетъ и скотовъ своихъ“. (Сир. 12, 10).

3) Въ заключеніе скажу вамъ, братія,—первые архіереи наши, имена которыхъ я произношу съ великимъ благоговѣніемъ, не принесли столько пользы въ тяжелыя никоновскія времена старообрядческо-христіанской церкви, сколько ей принесли пользы современные имъ священники, семейные люди. Напримѣръ: архіереи вращались вокругъ и около высшаго круга, спорили съ Никономъ, перетягивая всякій на свою сторону Алексѣя Михайловича, который приказалъ потомъ посадить ихъ въ тюрьму. Но архіереи наши допрежъ сего не подумали и не попечились о томъ, чтобы поступить по Господню словеси: «Егда же гонять васъ во грады сѣмь, бѣгайте въ другой» (Матѣ. 10, 23). Они не подумали, чтобъ поддерживать преемство и пасты гонимую Церковь Христову. А священники, говорю я, семейные люди, съ семействами и даже съ приходами ушли заграницы, чѣмъ и спасли церковь гонимую, поучая и наставляя христіанъ-старообрядцевъ, по пророку Малахія: «Устнѣ іереовы сохранятъ разумъ, и закона изыщутъ отъ устъ его» (Мал. 2, 7), и еще Іеремія говоритъ, что пастыри по сердцу Бога тѣ, которые пасутъ разумомъ и ученіемъ. (Іер. 3, 15).

Братія! Мы должны убѣдиться, что потворство міроѣдамъ приноситъ страшное зло архіерею по церковному управленію, а поэтому не будемъ закрывать отъ себя этотъ недостатокъ нашихъ владыкъ. Но для поддержанія лучшаго управленія и порядка на будущее время обличимъ ихъ и потребуемъ во имя истины, чтобъ они служили на пользу и преуспѣянію церкви, и не обижали бы за всякіе пустяки священниковъ—семейныхъ людей, но помогали бы имъ въ трудныхъ обстоятельствахъ, и не вносили бы своими распорядами разлада и раздора въ общество. Аминь.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Запрещенный австрійскій „отецъ“ раскрываетъ предъ своимъ „братствомъ“ и нами лэвы своего „согласія“; но, видимо, не умѣетъ или не хочетъ вникнуть въ ихъ первую причину. Онъ—1) сѣтуетъ на вмѣшательство мірянъ въ дѣла „церковнаго“ управленія, 2) жалуется на несоблюденіе австрійскими „владыками“ каноническихъ правилъ, 3) хлопочетъ о своей „старообрядческо-христіанской церкви“, 4) воздыхаетъ о первыхъ своихъ (раскольниковыхъ) „архіереяхъ“ и „священникахъ“ и 5) печалуется по поводу оставленія раскола его „пастырями вкупѣ съ пасомыми“.

Думается, будь ораторъ на собраніи „громовскаго братства“ основательно знакомъ съ исторіей раскола и австрійской іерархіи, и будь онъ притомъ искренно вѣрующимъ человекомъ, жаждущимъ истины Христовой, онъ самъ оставилъ бы раскольниковую ложь и присоединился бы къ истинѣ православія. По всѣмъ пунктамъ своего печалованія онъ обрѣлъ бы надлежащее уврачеваніе и ужъ не обратился бы со своимъ словомъ къ „церкви лукавствующихъ“.

1. Онъ сѣтуетъ на вмѣшательство мірянъ въ дѣла „церковнаго управленія“... Но ему, надо думать, достаточно неизвѣстно, что и самая австрійская іерархія—дѣло рукъ *мірянъ*, рукъ человеческихъ, да еще какихъ—мусульманскихъ и католическихъ! Вѣдь самъ ораторъ, думаемъ, проповѣдуетъ, что бѣглопоповское общество (безъ епископа) не составляетъ церкви Христовой; а австрійщина изъ не—церкви (бѣглопоповства) стала *церковью* (якобы), благодаря только *еретику* 2-го чина, каковымъ лицоване считали м. Амвросія, *мусульманину* (польскому пану, принявшему исламъ) Садыкъ-пашѣ Чайковскому, австрійскому императору (*католику*) Фердинанду, найденнымъ хлопотами Петра Вас. Великодворскаго (инока Павла), да, пожалуй, *жидку* Рувицкѣ, служившему переводчикомъ при переговорахъ Павла и Алимпія съ сыномъ м. Амвросія Георгіемъ! Литература по этому вопросу надлежаще и основательно, по раскольниковымъ же документамъ, освѣтила это *дѣло*¹⁾. Г. Ерофенчевъ долженъ быть еще доволенъ,

¹⁾ См. „Исторію бѣлокриницкой іерархіи“ Н. И. Субботина и нашу статью въ „Миссіонер. Обозр.“ 1902 г. Декабрь—„По поводу поѣздки раскольниковъ на востокъ“.

что въ управленіе дѣлами его „церкви“ не вмѣшиваются хоть еретики 2 чина, мусульмане, католики, да жида, коимъ эта „церковь“ обязана своимъ существованіемъ!..

2) Онъ жалуется на несоблюденіе австрійскими „владыками“ каноническихъ правилъ. Но... „нѣтъ худого дерева, которое приносило бы плодъ добрый... не собираютъ смокъ съ терновника, и не снимаютъ винограда съ кустарника“ (Лк. 6, 43—44). Ужели старообрядческому „іерею“ невѣдомо, что австрійская іерархія получила свое устройство на основаніи полного попранія каноническихъ правилъ? Миссіонерская литература объ этомъ настолько полна и обстоятельна, что касательно противоканоничности бѣлокриницкаго священства для знающихъ и признающихъ церковные каноны не оставляетъ уже никакого сомнѣнія. Бѣгство м. Амвросія въ Бѣлую Криницу, принятіе его (уже запрещеннаго константинопольскихъ патр. Анѣимомъ III) въ суцемъ санѣ вторымъ чиномъ, совершенное бѣглымъ іером. Іеронимомъ (припавшимъ исправу у лужковцевъ), единоличное поставленіе собѣ пресмника и т. д. и т. д.,—все это было посмѣяніемъ надъ законами церкви! Правда, инокъ Павелъ (Великодворскій) писалъ какъ-то, въ одной изъ своихъ заповѣдей, коснувшись смотрительныхъ случаевъ (исповѣди у лицъ неосвященныхъ), что „поступающіе чрезъ правилъ и преступающіе законъ не оправдятся“ (см. Субботина „Исторія австр. свящ.“ вып. II, изд. 1899 г. стр. 281—2), но самъ устроилъ такую противозаконную іерархію, что даже одинъ австрійскій же „архіерей“—Аркадій Славскій писалъ о пей такъ „попу“ Василию Камешскому: „вратами пыѣннее время ни единый святитель видѣ. Врата суть *правила* обдержныя... Церковь наша вся на случайныхъ правилахъ, и *вратъ* не имать, т. е. обдержныя *правила* празднуютъ... Разсмотримъ и самый корень—Амвросія: *не вратами* (онъ вошелъ); я однажды отцу Павлу написалъ объ Амвросіи пунктовъ до 14... и такъ отецъ Павелъ не доказалъ..., что творить? Обдержныя нужно *оставить*, т. е. врата, а искать малую дверь гдѣ-нибудь *побочную*“ ¹⁾ (какъ, стало быть, воръ, прелазяй инудѣ?). „Если по обдержнымъ *правиламъ* рассмотримъ *нашу* всю церковь, пишетъ тотъ же Аркадій, то едвали что въ пей останется неизблемо ²⁾“. А сколько для устройства австрійскаго священства употреблено было инокомъ Павломъ и липованами наглою лжи, подлоговъ, хитрости и подтасовокъ

¹⁾ „Переписка раск. дѣятелей“ вып. II, стр. 108—110.

²⁾ Письмо къ Кириллу отъ 19 мар. 1862 г. „Переп. раск. дѣят.“ вып. II, стр. 149.

разныхъ „смотрительностей и святоподобій“ въ обходъ прямыхъ законовъ церковныхъ!?) Еслибы австрійскій „отецъ“ зналъ это или не закрывалъ отъ этого глаза, ища истины свято-церковной, онъ едвали охотился бы имѣть дѣло со своими „владыками“, нарушающими „право и справедливость“: ему стало бы ясно, что они „дополняютъ мѣру отцовъ своихъ“, и думается, внялъ бы словамъ псалмопѣвца: „блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не ста“...

3) Ораторъ именуетъ свое общество „старообрядческо-христіанской церковью“. Но можно ли, приложивъ ко лжи ложь, получить истину и прибавить къ беззаконію беззаконіе, чтобы стать закономъ? Бѣглопоповщина, какъ уповаетъ и австрійскій запрещенный „отецъ“, есть ложь и беззаконіе, а не церковь Христова, а что, кромѣ лжи и беззаконія, прибавила австрійщина къ бѣглопоповщинѣ, чтобы изъ нецеркви она стала церковью? Ничего! „Аще не Господь созиждетъ домъ, всеу трудишася зиядущіи“... Объ этомъ по отношенію къ австрійщинѣ писано было слишкомъ много, чтобы теперь еще на этомъ останавливаться. Вспомнимъ только одно, что по удаленіи митр. Амвросія изъ Бѣлой Криницы и заточеніи его въ Цилли (1848 г. авг. 29), инокъ Павелъ скорѣ потщился собрать бѣлокриницкій соборъ (3 янв. 1849 г.) для возведенія преемника Амвросіева Кирилла въ митрополиты (4 янв. Кириллъ и былъ возведенъ въ митрополиты *вторичнымъ* (!) архіерейскимъ рукоположеніемъ) и въ качествѣ мотива къ сему собору и его слѣдующему дѣлу привелъ въ соборномъ опредѣленіи извѣстные слова Златоуста „не можетъ бо церковь безъ епископа быти“ (см. „Исторія бѣлокр. свящ.“ Субботина вып. II, стр. 214). Оле, лукавства! А 180 лѣтъ безъ епископа церковь (бѣглопоповская) могла быть? Если нѣтъ, то могли ли изъ нея создать церковь: еретикъ второго чина (какимъ почли линоване бѣлаго митр. Амвросія), мусульмане, католики, да бѣглопоповцы — инокъ Павелъ, Алимій и ихъ единомышленники? „Предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ... зане любви истины не приима“: австрійскіе все продолжаютъ считать свое общество Христовой церковью!

4) Авторъ слова вздыхаетъ о первыхъ *своихъ* „архіереяхъ“, „спорившихъ“ съ патр. Никономъ... Но такихъ архіереевъ никогда не существовало. Раскольники напрасно считают еписк. Александра Вятскаго и Павла Коломенскаго за *своихъ* архіереевъ.

1) См. нашу ст. „Мисс. Обзор.“ дек. 1902 г. „По поводу поѣздки раск. деп. на востокъ“.

2) Отсылаемъ вниманіе читателей опять къ исторіи австрійской іерархіи Н. И. Субботина.

Вѣдь имъ должно же быть извѣстнымъ, что Александръ Вятскій, протестовавшій противъ книжныхъ исправленій при п. Никоѣ, принесъ затѣмъ предъ московскимъ соборомъ 1666 г. раскаяніе, а Павелъ Коломенскій, заявившій о своемъ несогласіи съ распоряженіями Никона о поклопахъ на соборѣ 1654 г. и выразившій то въ самой своей подписи подъ соборнымъ актомъ, до начала, собственно, раскола и не дожилъ, такъ что расколъ, какъ расколъ, т. е. послѣ акта 13 мая В. Московскаго собора 1667 г., не имѣлъ ни одного единомысленнаго себѣ епископа, и говорить раскольникамъ о какихъ-то „своихъ прежнихъ“ архіереяхъ значить говорить небылицу, а тѣмъ болѣе—австрійскимъ, у которыхъ *первымъ* архіереемъ сталъ бѣглый митрополитъ Амвросій—уже въ 1846 году!

Что касается оставшихся въ расколѣ и уклонившихся въ него „іереевъ“, то они, по суду каноновъ, уже не „іереи“: какъ „дѣйствующіе безъ повелѣнія и заповѣди святительскія“, они церковнымъ закономъ уподобляются „нерукоположеннѣ дѣйствующимъ“ (Номок. л. 57 и об. ср. ан. пр. 39—55 и толк.). А авторъ „слова“ еще воздастъ имъ хвалу, какъ „спасителямъ гонимой церкви!“ „Архіерей паши, говоритъ онъ, не подумали допрежъ сего (чтобы спорить съ Никономъ и понасть затѣмъ въ тюрьму) и не поспѣли о томъ, чтобы поступить по Господню словеси: „егда же гонятъ васъ во градѣ семъ, бѣгайте въ другой...“ (Мѣ. 10, 23). Они не подумали, чтобы поддерживать *преемство* и пасти гонимую церковь Христову...“ Думается, австрійскому оратору тутъ не мѣшало бы добавить еще: какъ, молъ, сдѣлалъ это митр. Амвросій... онъ убѣждалъ (хотя... „ни единому же гонящу“) изъ Царьграда и устроивъ преемство... Но, вѣроятно, постѣснялся добавить это въ виду того, что Амвросій убѣждалъ по наипму: за 500 червонцевъ въ годъ для себя и прекрасное обезпеченіе, кромѣ того, для своего семейнаго сына, и поэтому могъ привести слушателямъ на память другія слова Господни: „наемникъ, иже нѣсть пастырь... видитъ волка грядуща, и оставляетъ овцы своя и бѣгаетъ... яко *наемникъ* есть“ (Іоан. 10, 12—13)... „А священники, продолжаетъ запрещенный „отецъ“, съ семействами и даже съ приходами ушли за границы, чѣмъ и *спасли* церковь гонимую“. Тутъ ораторъ, что называется, прямо зарпортовался! Церковь, которая не имѣетъ „иного основанія паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ“, которую „до скончанія вѣка“ „и врата ада не одолѣютъ“ (Благ. ев. Мѣ. зач. 67 и др.), которая въ существенномъ своемъ устройствѣ „никогда же и измѣнится, аще измѣнится и вся тварь“ (Благов. Лк. зач.—107); эта церковь,

по оратору, близка была къ гибели со времени п. Никона, и не приди ей на выручку бѣглые попы, она *погибла бы*,—они ее, видите ли, *спасли!*.. Если ораторъ подѣ церковью разумѣлъ раскольничье мужичье общество съ „глухими міроѣдами“ во главѣ, то онъ, пожалуй, правъ; но если подѣ ею разумѣть истинно-православную Христову церковь, то слова его превосходятъ всякія безпоповскія богохульства... Къ тому же—если *бѣглые* попы и *до австрійщины спасли церковь*, то зачѣмъ бѣглопоповцамъ понадобилось послѣ того воровать м. Амвросія изъ Царь-града? И какую же теперь „церковь“—*бѣглопоповскую* или *амвросіевскую* ораторъ исповѣдуетъ за истинную, если, по 9 чл. Символа вѣры, онъ вѣруетъ во *едину* святую соборную и апостольскую церковь? Воистину, „не вѣдаютъ, что творять!“

5) Если бы Господь даровалъ благодать запрещенному отъ безблагодатныхъ „владыкъ“ безблагодатному „іерею“ оратору уразумѣть всю тщетность построеннаго на пескѣ лжи и беззаконія зданія австрійскаго священства, думается, онъ не сталъ бы печаловаться по поводу того, что изъ его лжецеркви уходятъ „пастыри вкупѣ съ пасомыми“, а, „испытавъ“, по слову Божию, слову святоотеческому и по церковнымъ канонамъ, „духа“ австрійщины, какимъ его показываетъ документальная исторія, самъ послѣдовалъ бы съ радостью по стопамъ тѣхъ, кто оставилъ „блудныя“ скитанія по раскольничьимъ дебрямъ и возвратился, въ „домъ отца своего“—въ церковь православную. „Ей, буди буди!“

Н. Гринякинъ.

«Меморабилія».

Записки раскаявшагося толстовца.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вообще замѣчательно, какъ умы падшихъ сыновъ Адама легко усваиваютъ всякія крайности, о коихъ Святые Отцы церкви ясно свидѣлствуютъ, какъ о вредныхъ и опасныхъ, говоря буквально такъ: «всякая крайность отъ бѣсовъ»... И вотъ я отдалъ долгъ этому легковѣрію и суевѣрію, доходя въ своихъ увлеченіяхъ до геркулесовыхъ столповъ, и обо мнѣ, пожалуй, діаволь сказалъ бы, какъ о томъ монахѣ, который пекъ яичко на свѣчкѣ: «я (то есть діаволь) у него самъ учусь, а куда ужъ мнѣ ученаго учить». На самомъ дѣлѣ, въ этомъ случаѣ отецъ лжи по обычаю своему совралъ, «ибо во истинѣ онъ не стоитъ и нѣсть истины въ немъ», по свидѣтельству Отца Истины Христа Спасителя. Но все-таки у отца лжи бывають ученики болѣе усердные и менѣе усердные. Не вѣдая того, я своею горячностью, которая впоследствии сослужила мнѣ добрую службу при обращеніи моемъ къ Богу и церкви, превзошелъ многихъ въ готовности вѣрить на слово вракамъ заграничныхъ подпольныхъ изданій Эльзидинскаго производства, умѣя ставить точки надъ «і», какъ говорятъ французы.

Повторяю, испугавъ бурша Шрамма террористической наивнѣйшей статьей, я, помнится, давалъ ее на судъ Маріи Константиновнѣ Це-вой, которую въ то время уже перевели изъ Усть-Сысольска въ Вологду. Но Це-ва не одобряла моихъ кровопролитныхъ увлеченій и, кажется, какъ это ни странно, ея вліянію я обязанъ тѣмъ, что не ушелъ въ дебри терроризма. Це-ва, извѣстная сочинительница открытаго письма къ Государю Александру III, — письма, которое она, издавъ за границею, собственноручно рас-

¹⁾ См. «Мисс. Обзор.», № 8, стр. 994.

пространила въ Спб., за что и была арестована и сослана въ Усть-Сысольскъ, не была сторонницею насильственныхъ мѣръ, и письмо ея къ Государю дышало болѣе умѣренными тенденціями. Не даромъ сама себя она сравнивала съ маркизомъ Позой... Письмо Це-вой и личное съ нею общеніе нѣсколько цивилизовало меня, ибо М. К. была европейски-образованная женщина, хорошей нравственности, труженица литературы. Написавъ письмо къ Государю, она не пряталась, а сознательно пошла на арестъ и ссылку. Это въ моихъ глазахъ придавало ей обликъ героини и мученицы, такъ что сердце мое было открыто для смягчающихъ вліяній отъ ея личности. Въ маленькой ея квартиркѣ собиралось все ссыльное, опальное, поднадзорное наше общество. Пріѣхали въ Вологду ссыльный социаль-демократъ докторъ Петръ Алексѣевичъ Л-въ, Михаилъ Юліановичъ Б-скій, товарищъ Л-ва по духу и убѣжденіямъ, литераторъ Василій Васильевичъ В-въ, сынъ извѣстнаго педагога (онъ возвращался изъ Иренска), Андрей Андреевичъ Х-въ. Всѣ эти люди были гораздо образованнѣе меня, болѣе здоровы нервно, кромѣ развѣ адвоката К-на, пріѣхавшаго къ концу моей ссылки въ Вологду и увлекавшаго меня своимъ фантастическимъ революціоннымъ прошлымъ и своею удивительною талантливостью. Вообще все это общество скорѣе цивилизовало меня, чѣмъ заразило. Вліяніе Льва Толстого парализовалось сими ближайшими вліяніями. Конечно, всѣ эти личности относились къ правительству враждебно. Но во всѣхъ была любовь къ родинѣ и русскому народу, а это были элементы здоровые, сравнительно съ космополитическими и мерзвѣйшими анархическими идеями яснополянскаго лжемудреца. Л-въ же являлъ прямо христіанское самоотверженіе въ своихъ докторскихъ трудахъ и палъ жертвою своей любви къ больнымъ: заразившись тифомъ, онъ на моихъ глазахъ и рукахъ, въ часъ моего дежурства надъ нимъ, скончался.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Второе, болѣе близкое соприкосновеніе съ графомъ Толстымъ произошло по слѣдующему поводу, сначала заочное, а потомъ и личное. Въ Вологдѣ на слухи о страданіяхъ голодающихъ я реа-

гировалъ не одною только революціонной статьей, но и другимъ, гораздо болѣе полезнымъ дѣломъ. Возникла мысль издать литературный сборникъ въ пользу голодающихъ, — сборникъ вологодскій. Павелъ Владим. Засодимскій сочувственно откликнулся на сію мысль и согласился раздѣлить со мною редакторство. Я проявилъ въ этомъ дѣлѣ такой пылъ, что почти испугалъ Засодимскаго, ибо я началъ строчить письма чуть не во всѣ страны свѣта, приглашая иностранныхъ ученыхъ и писателей принять участіе въ «сборникѣ». И упованіе на успѣхъ добраго дѣла не посрамило. Когда Засодимскій увидалъ въ моихъ рукахъ полученную изъ Америки рукопись знаменитаго экономиста Генри Джорджа, полученную мною чрезъ Макъ-Гаханъ, то убѣдился, что горячность не всегда бываетъ вредна въ практическихъ дѣлахъ. Для насъ, «неблагонадежныхъ», такой сюрпризъ, какъ статья Генри Джорджа, былъ очень трогателенъ. Пришлось писать письма ко многимъ знаменитостямъ, въ томъ числѣ къ Льву Толстому, Владиміру Соловьеву и другимъ. Вотъ тутъ-то — не помню какъ — графъ Толстой вызвался перевести на русскій языкъ статью Генри Джорджа. Оригинальнаго своего Толстой въ то время ничего не имѣлъ готового, но важно было его имя, которымъ мы и получили возможность пользоваться, имѣя переводъ статьи Джорджа. Участіе Толстого совершенно помирило Засодимскаго съ моимъ рвеніемъ. Удалось мнѣ выхлопотать и средства, рублей 200, отъ одного изъ вологжанъ, бывшаго петровца. Сборникъ вышелъ подъ заглавіемъ «Помочь».

Къ Толстому я уже явился лично въ Москвѣ, когда въ мартѣ 1892 года истекъ двухлѣтній срокъ моей ссылки. Но прежде, чѣмъ выѣхать изъ Вологды, меня чуть не замѣщали въ новое дѣло, — дѣло Любови Едемской, которая была настоящей сестрой милосердія всѣхъ сосланныхъ и плѣненныхъ. За мѣсяць до окончанія срока ссылки, вдругъ рано утромъ, когда я еще былъ въ объятіяхъ морфея, нагрянули ко мнѣ жандармы, произвели обыскъ и повезли въ жандармерію для допросовъ. Не успѣвъ сорваться съ одной веревочки, я попалъ въ новую петлю. Но тутъ ужъ меня осянило нѣкое адвокатское вдохновеніе. Не имѣя адвоката, я самъ за себя постоялъ, и писалъ мои показанія на допросы жандармскаго офицера и прокурора съ такою огнепальной ревностью, за-

дорожъ и—можно сказать—краспорѣчїемъ, что, кажется, единственно поэтому вывернулся изъ-подъ новой опалы. Меня выпустили, задавъ лишь острастку, и я имѣлъ возможность побывать по дѣламъ литературнаго сборника и у Толстого, и у Владиміра Соловьева въ его квартирѣ на углу Пречистенки. Соловьевъ далъ свои стихи, а Толстой при сотрудничествѣ, помнится, Ілія Львовича и дочерей далъ мнѣ переводъ статьи Генри Джорджа. Толстой перевелъ эту статью потому, — какъ сказалъ, — что Джоржа онъ почиталъ гениемъ и зачитывался его произведеніями. Если бы Толстой имѣлъ хотя половину того уваженія къ произведеніямъ евангелистовъ, Четвероевангелію, какое онъ имѣлъ къ произведеніямъ Генри Джорджа, — то, безъ сомнѣнія, переводъ Четвероевангелія былъ бы столь же точенъ, какъ переводъ статьи Джорджа, пожертвованный въ вологодскій сборникъ — «Помочь». Но Толстой евангелистовъ даже и настолько не почиталъ, оттого и переводъ сдѣланъ имъ съ полѣпыми искаженіями смысла ученія евангельскаго, православнаго.

Нечего и говорить, съ какимъ благоговѣніемъ и замираніемъ сердца я посѣтилъ того, кто былъ тогда въ моихъ глазахъ настолько же великъ, насколько нынѣ онъ малъ и жалокъ. Теперь съ яснымъ сознаніемъ и живою вѣрою вижу и знаю, что Толстой — богоборецъ и ересеучитель. Хотя я въ то время и воображалъ, что авторитеты для меня ничто, и что я вполне самостоятеленъ, но на самомъ дѣлѣ душа, чуждая знанія объ Единомъ Истинномъ Богѣ, Создателѣ неба, земли, моря и всего, изыскиваетъ себѣ боговъ мнимыхъ и идоловъ. Такимъ-то идоломъ и божкомъ вѣка сего мимотекущаго и явился Толстой для свободомыслящей интеллигенціи, и былъ такимъ и для меня, пока я не позналъ Истиннаго Безсмертнаго Святаго Бога. Какъ предъ звѣрски-смѣлымъ атаманомъ разбойники испытываютъ чувство страха и почтенія, такъ и у еретиковъ курится оиміамъ предъ личностью ересеучителя. «*Similis simili gaudet*», — по мѣткому выраженію отца Іоанна Крѣпѣтадтскаго...

Раскаившійся толстовецъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Миссіонерскіе очерки.

XXI.

Въ сборной избѣ.

Была зима—второй годъ моей миссіонерской службы. Я постепенно втягивался въ свое дѣло, но еще не зналъ всѣхъ обстоятельствъ его. Я преувеличенно вѣрилъ въ покоряющую силу слова миссіонерскаго. Я думалъ: пужно основательнѣе пропести это слово въ глушь народную,—и секты растаютъ, какъ воскъ, отъ лица огня...

Суровая жизнь понемногу отрезвила меня. Она мнѣ показала, что есть такія обстоятельства «житейскія», которыя властнѣе слова миссіонерскаго. Эти-то обстоятельства часто безнадежно тормозятъ успѣхъ нашей миссіи. Именно отъ нихъ происходитъ то, что въ иныхъ мѣстахъ самый способный и честный миссіонеръ не можетъ обратить въ православіе ни одного сектанта...

Проѣзжалъ я какъ-то по зимней дорогѣ черезъ знакомую сектантскую деревеньку. Направлялся я въ большое молоканское село для бесѣды. Я торопился, но въ деревнѣ меня задержали надолго.

Баба, жена почтоваго ямщика, сказала мнѣ:

— Мужиковъ, баринъ, дома нѣту. Имъ теперь не до васъ—не прогнѣвайтесь! Они на сборной. Ждутъ становаго. Будутъ имущество наше описывать за подонки.

Люди въ сектантской деревнѣ были мнѣ немного знакомы. Я по первымъ впечатлѣніямъ считалъ ихъ «задубѣлыми». Такъ отзывались о нихъ и сосѣдніе батюшки.

Я рѣшилъ пойти «повидаться» съ знакомыми мужиками. У «сборной» толпилось много народа. Никто не обратилъ на меня вниманія, когда я проходилъ въ избу.

Тамъ глазамъ моимъ представилась любопытная картина. За столомъ сидѣли «волостные»: старшина, писарь, сборщикъ податей.

По бокамъ ихъ «оцѣшники» — уполномоченные отъ деревни. Шла перекличка недоимщиковъ. Изъ толпы слышался одинъ отвѣтъ:

— Сейчасъ нѣту. И радъ бы!

— Артемъ Мурлычкинъ! выкрикиваетъ писарь.

Къ столу подходитъ бѣдный мужикъ, въ рваномъ полушубкѣ и холщевой рубахѣ. На лицѣ его написано тупое горе...

— За тобой значится 67 р. недоимки, заявляетъ писарь.

— Сейчасъ податься некуда! виновато говоритъ Мурлычкинъ. Хлѣба нѣтъ, сѣно продано. Чуть кормлюсь съ дѣтьми. Вотъ сдамъ землицы сажень по пятнадцати... Какъ-нибудь поплачусь...

— Думайте, старики! Ваше дѣло — вамъ и отвѣчать, — внушительно произнесъ старшина.

— Надо ушачивать недоимки. Что-жъ это будетъ? поддержали старшину «оцѣшники».

— Сколько у него копенъ ржи? сердито спрашиваетъ писарь. Оставьте, что надо, дочери — дѣвкѣ; остальное продайте.

— Знамо, такъ. Обществу облегченіе будетъ. А то — отвѣчай за нихъ! замѣтили «оцѣшники».

— Такъ: продать рожь и отнять душу, — пишетъ волостной писарь.

Мурлычкинъ уходитъ.

— Григорій Недохлѣбовъ!

— Рублей пять поплачусь, отвѣчаетъ тщедушный мужикъ.

— Эй, Григорій, вытерпишь больше! Плати, что надо, — сказалъ староста.

— Эй Богу, не въ могу. Хворость доняла, защищался Григорій.

— А ты погоди хворать — это первое. Второе — у тебя овцы есть, сурово прочиталъ ему наставленіе старшина.

Въ толпѣ поднимается шумъ. Одни сочувствуютъ недоимщикамъ, другіе нѣтъ. Эти требуютъ «строгости». Съ болѣзною людей они не хотятъ считаться: до нея ли тутъ, когда ѣдетъ сташовой?..

По вызову писаря выходитъ новый мужикъ. Онъ долженъ въ подати 112 руб. Взять съ него нечего. У него одна лошадевка, которую законъ запрещаетъ отбирать...

При общемъ ропотѣ этотъ недоимщикъ прячется въ толпѣ.

Выступаетъ еще «неплательщикъ». Это — молодой парень. Старикъ кричать ему:

— Чего-жъ ты, горемычный, такъ дѣлаешь? Только начинаешь жить и грязнишь себя. Другіе жилы вытягиваютъ, да платятся. Платись, братъ, и ты!..

— Пѣту. Словъ нѣту — право слово...

— Отобратъ у него душу!..

Малый съ «отобранной» душой сливается съ другими бездушными людьми.

Картина была тяжелая... Писарь неестественнымъ голосомъ закричалъ:

— Прохоръ Петровъ!

— Уплачу три съ половиной рубля, испуганно говорить мужикъ.

— Чего кропишь? Плати цѣлыми...

И въ толгѣ, подавленной пуждой, слышались шутки надъ «голытьбой» и надъ ожидающей многихъ долей...

Старшина замѣтилъ меня въ народѣ и пригласилъ сѣсть на лавку. Я поблагодарилъ и усѣлся.

— Павелъ Ѳокинъ! выкрикнулъ писарь.

— Сейчасъ пѣту. Кабы были, отдавъ бы съ радостью. Нешто рублишка три припасу...

Всѣ молчали.

— Ну, что же? грустно процѣдилъ старшина. Цыфирь стоитъ большая. Платите, ребята!

Я спросилъ сосѣда:

— Вы, должно быть, всѣ въ недоимкахъ?

— Почитай что такъ...

Къ избѣ подъѣхали «скупщики». Одинъ — толстый, красный и полупьяный. Онъ вошелъ къ намъ и объявилъ, что скоро становой будетъ.

— Вы его не бойтесь! прибавилъ онъ. Становой — человекъ славный. Если за кѣмъ значится 30 руб., выпъ 10; остальные онъ подождетъ...

Скупщикъ похвалилъ и свою доброту: «пользуемся, молъ, малымъ процентикомъ — и шабашъ»!

Мужики ухватились за скупщика. Просили его «пожалѣть» ихъ.

Скупищикъ исчезъ на дворъ. Мы сидѣли молча. Старшина подошелъ ко мнѣ и поздоровался. Пока что, разговорились.

— Что, къ сектантамъ ѣдете? спросилъ онъ меня.

— Да.

Старшина странно улыбулся:

— Вы бы занялись нашими ребятами. Народъ безпечный и другъ къ другу холодный...

Я «вставилъ» свое слово:

— Кажется, ваши мужики потому и безпечны, что пецись имъ не о чемъ. Бѣдны они,—и огрубѣли...

— Это такъ, согласился со мной старшина. Бѣдность допяла народъ. Изъ-за бѣдности они и темпы. Вы не повѣрите—у насъ многіе ребятъ въ школу не пускаютъ потому, что одѣться имъ не во что... У насъ вѣдь по деревнямъ—не то, что въ городѣ. У насъ морозъ захватить—не продохнешь. А у мальчишки шубенки нѣтъ: валенокъ же сроду онъ не нашивалъ... Какъ раздѣтый и разутый пойдешь въ школу? И сидятъ ребяташки на печкѣ. Озоруютъ и перенимаютъ дурные примѣры старшихъ... Да, прибавилъ мой собесѣдникъ, трудно мужицкимъ ребятамъ по деревнямъ. Вы видѣли нашихъ молодцовъ сейчасъ. Чему они научатъ дѣтей своихъ?..

Къ намъ подошелъ писарь. Онъ немного поучился въ гимназiи и считалъ себя человѣкомъ образованнымъ. Онъ съ живостью подхватилъ нашъ разговоръ...

Потомъ какъ бы въ упрекъ мнѣ сказалъ:

— Вы вотъ ѣздите молokaneъ нашихъ обращать въ церковь. Смотрите лучше за своими. Разбѣгутся они отъ васъ...

— Въ чемъ дѣло? спросилъ я.

— Дѣло простое, отвѣтилъ писарь. Запомните для себя, что въ числѣ пропавшихъ передъ вами «неплательщиковъ» ни одного не было молokaneина... Они—люди основательные. Они умѣютъ не допускать другъ друга до срама. Богачи изъ нихъ во-время помогаютъ бѣднякамъ, хоть и закабаливаютъ ихъ. Это видитъ наша «голытьба». И, наблюдая жизнь, дѣлаетъ правильное заключеніе: если въ православiи мнѣ никто не помогаетъ, а напротивъ, за всякій шагъ еще берутъ,—такъ лучше быть молokaneиномъ. Вѣра эта легкая, да и къ бѣднотѣ чуткая... Вы, можетъ быть, подумаете,

что я сочиняю? Нѣтъ. Вотъ въ этой самой деревнѣ, черезъ которую вы проѣзжаете, на прошлой недѣлѣ три мужика православныхъ приняли молоканство...

Я заволновался; писарь же, успокаивая меня, прибавилъ:

— Да, это грустно, но вы совратившихся назадъ не вернете. Вы ихъ не видѣли на сборной. И они не придутъ сюда. Богатые молокане помогли имъ внести заблаговременно недоимки,—п теперь они чувствуютъ себя счастливыми... Такъ-то. А вы кормите людей одними словами. Нѣтъ, вы развозите съ собою денегъ,—улыбаясь, говорилъ писарь. За вами тучи народа пойдутъ...

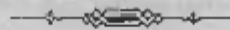
Я чувствовалъ себя раздавленнымъ. Я видѣлъ страшную нужду людей и понималъ, что устранить ее въ данномъ случаѣ можно, дѣйствительно, только деньгами.

И мнѣ ясно стало, почему въ сектантскихъ деревняхъ такъ безсильно слово миссіонеровъ. Виною всему тутъ бѣдность народная, придавленность нуждой. А какъ мало объ этомъ думаютъ иные руководители наши! Посылаютъ они насъ «увѣщать» уклонившихся въ сектантство или расколъ. И надѣются, что заблудившихся людей мы вернемъ въ ограду церковную одними разговорами. Когда же этого не случается,—говорятъ о неспособности миссіонеровъ къ своему дѣлу,—объ ихъ безсиліи бороться съ расколо-сектантскими движеніями въ народѣ.

Печальное заблужденіе!..

Пора намъ, горячая пора обставить служеніе миссіонеровъ соотвѣтствующими условіями. Необходимо пробудить въ православныхъ приходахъ духъ взаимопомощи и всяческой поддержки другъ другу. Иначе трудъ миссіонеровъ—и не по ихъ винѣ—будетъ тощъ,—какъ недостаточно, если самые знаменитые врачи, лѣча тифозныхъ больныхъ, ограничатся прикладываньемъ къ ихъ головамъ одного льда, а про лѣкарства забудутъ...

Д. Боголюбовъ.

На разные темы.

Сектанты-переселенцы (изъ итоговъ Хабаровскаго сѣзда).—О сектантской музыкѣ.

I.

Не разъ въ нашей печати говорилось о плачевномъ положеніи православія у сибирскихъ крестьянъ. Приводились и причины этой аномаліи, и средства къ ея устраниенію, при чемъ высказывалось много дѣльнаго и правдиваго. Въ послѣднее время необильный, но важный матеріалъ для сужденія о томъ же вопросѣ даетъ намъ состоявшійся въ прошломъ году въ Хабаровскѣ сѣздъ, созванный по инициативѣ и подъ предсѣдательствомъ ген. Субботича для обсужденія разнообразныхъ пужлъ Приморской области. Доминирующее положеніе на этомъ сѣздѣ занимали дѣятели мѣстной прессы и вообще мѣстная «интеллигенція». Въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ принятая сѣздомъ резолюція 1-ой его секціи, гласящая.

а) Сектантовъ нужно признать вполне соответствующимъ условіямъ и нуждамъ края колонизационнымъ элементомъ; б) селить сектантовъ совместно съ православными, въ однихъ селеніяхъ, противъ ихъ воли, нежелательно, во избѣжаніе раздоровъ между односельцами на религіозной почвѣ, что особенно замѣчается въ Амурской области. Кромѣ того, поселеніе сектантовъ съ православными ослабляетъ общество послѣднихъ, создаетъ затрудненіе при осуществленіи такихъ вопросовъ, какъ постройка церквей, школъ и больницъ, къ которымъ сектанты относятся отрицательно; в) цѣлесообразнѣе селить сектантовъ на особыхъ участкахъ; г) участки, предназначенные для заселенія сектантами, предоставлять для этой цѣли въ теченіе пяти лѣтъ; но если, по прошествіи этого срока, они не будутъ заселены вполне, то приселять на свободные надѣлы православныхъ; д) пока отведенные для сектантовъ участки не заполнены, вновь приходящимъ сектантамъ ставить въ обязанность, если они желаютъ жить отдѣльно отъ православныхъ, приселяться къ образованнымъ уже сектантами селеніямъ, но не образовывать новыя (новыхъ?) ¹⁾.

¹⁾ «Приднѣпровскій Край» 16 сент. 1903 года.

По прочтеніи приведенной резолюціи, невольно напрашивается на мысль вопросъ: что служило для сѣзда критеріемъ при признаніи имъ сектантовъ за «*вполнѣ* ¹⁾» соответственный условіямъ и нуждамъ края колонизаціонный элементъ?!. Развѣ то, что сектанты отрицательно относятся къ постройкѣ церквей, школъ и больницъ, о чемъ говоритъ намъ п. 6 резолюціи!..

Въ этой поразительной нелѣпицѣ однако ясно сказалась та точка зрѣнія, съ которой Хабаровскій сѣздъ оцѣнивалъ нужды Приморскаго края. Всматриваясь въ его резолюцію по сектантскому вопросу, нельзя не замѣтить въ ней подлаго пренебреженія къ интересамъ православной церкви въ угоду разнымъ отъ нея отщепенцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, сѣздъ признаетъ желательнымъ и цѣлесообразнымъ селить сектантовъ не совмѣстно съ православными, въ однихъ селеніяхъ, а на особыхъ участкахъ, съ той цѣлью, чтобы этимъ путемъ устранилъ между односельцами раздоры на религіозной почвѣ, а также избѣжать и другихъ затрудненій, возникающихъ при осуществленіи такихъ вопросовъ, какъ постройка церквей, школъ и больницъ, къ которымъ сектанты относятся-де отрицательно...

Но, во 1-хъ, сектанты-переселенцы принадлежатъ *не къ одной, а къ многочисленнымъ* сектамъ, посему и *между ними* раздоры на религіозной почвѣ какъ были, такъ всегда и будутъ, и при томъ въ весьма рѣзкой формѣ, нерѣдко превосходящей остроту распрей между сектантами и православными. И этихъ раздоровъ сѣздъ не уничтожить даже и тогда, когда въ своихъ заботахъ объ устройствѣ быта сектантовъ отведетъ для каждой секты отдѣльно особые участки, потому что въ каждой сектѣ толки растутъ по часамъ и сектантскія общины раздираются внутренними смутами.

Во 2-хъ, путемъ селенія сектантовъ на особыхъ участкахъ сѣздъ думаетъ избѣжать еще затрудненій при постройкѣ церквей, школъ и больницъ, къ которымъ сектанты относятся-де отрицательно. Безъ сомнѣнія, здѣсь подъ «затрудненіями» сѣздъ разумѣетъ отказъ сектантовъ отъ участія въ расходахъ сельскихъ обществъ на означенныя сооруженія. Но что же, сѣздъ полагаетъ оставить заселенные исключительно сектантами участки безъ школъ и больницъ?!. Думаемъ, что какъ бы отрицательно сектанты ни относились къ шко-

¹⁾ Курсивъ мой.

ламъ и больницамъ ¹⁾, и тѣ, и другія у нихъ появятся. И если строители этихъ зданій будутъ слѣдовать принципу сѣзда—не противиться волѣ сектантовъ и даже угождать ей, то имъ придется строить означенныя сооруженія на казенный счетъ... А въ такомъ случаѣ само собой падаетъ указанное сѣздомъ «затрудненіе», на которомъ онъ основалъ необходимость селенія сектантовъ на *особыхъ* участкахъ. Если же строители школъ и больницъ привлекутъ сектантовъ противъ ихъ воли къ участию въ расходахъ на эти зданія, то опять то же можно и съ еще большимъ успѣхомъ слѣдовать и при *совмѣстномъ* жителѣствѣ сектантовъ съ православными.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ основаній сѣзда въ пользу селенія сектантовъ на *особыхъ участкахъ* остается одно—это оградить сектантовъ отъ несенія расходовъ на сооруженіе православныхъ церквей и церковныхъ школъ.

Но, во 1-хъ, нѣтъ смысла предоставлять въ этомъ дѣлѣ сектантамъ-колонистамъ льготы по сравненію съ другими сектантами, особенно если принять во вниманіе важность и съ государственной точки зрѣнія церквей и церковныхъ школъ на Дальнемъ Востокѣ. Далѣе, сѣздъ могъ бы достигнуть своей цѣли другимъ, наименѣе вреднымъ для православной церкви путемъ, т. е. путемъ простого освобожденія сектантовъ отъ несенія расходовъ на чужды Церкви, отнюдь не выделяя сектантовъ въ особыя сектантскія сельскія общины. Вѣдь если сектанты будутъ изолированы отъ православныхъ и сплочены въ самостоятельныя сельскія общины, освобожденные отъ постройки у себя церквей (такъ какъ для кого же строить въ такихъ селахъ церкви?!), то получится неизмѣримо большее, чѣмъ простое предоставленіе сектантамъ-колонистамъ нѣкоторыхъ матеріальныхъ льготъ!.. Тогда сектанты на законномъ основаніи и при томъ весьма тщательно будутъ ограждены и *отъ* *вліянія* на нихъ православной церкви, которая тѣмъ не менѣе признаетъ ихъ, какъ отъ нея отпавшихъ, *своими*, хотя и заблудшими овцами и никогда не перестаетъ примѣнять къ нимъ мѣры

¹⁾ Мы не допускаемъ даже мысли, чтобы сектанты относились отрицательно къ больницамъ и всякимъ вообще школамъ. Если въ данномъ случаѣ они чѣмъ и отличаются отъ православныхъ, такъ это только отрицаніемъ церкви и церковныхъ школъ, мечтая о своихъ молитвенныхъ домахъ и своихъ школахъ. Посему напрасно сѣздъ слишкомъ напынными небылцами драпируетъ свои тайныя вожделѣнія!..

настырскаго вразумленія, проводникомъ которыхъ служатъ храмъ и школа. При полномъ же разобщеніи сектантовъ съ православными, первые будутъ безвозвратно потеряны для церкви, особенно въ лицѣ своего поколѣнія, которое уже съ дѣтства начнетъ воспитываться исключительно въ сектантскомъ духѣ и потеряетъ всякую связь съ православною церковью. А такое положеніе вещей, если кому и желательно, такъ только авторамъ «Хитрой Механики», но отнюдь не Русскому государству, вся мощь котораго создана и зиждется на православной вѣрѣ.

Необходимо еще принять во вниманіе, что наше законодательство, сохраняя взглядъ церкви на сектантовъ, какъ на ея заблудшихъ чадъ, не признаетъ за *отпавшими* отъ православія законной принадлежности ихъ къ новому исповѣданію со всеми проистекающими отъ такой принадлежности законными послѣдствіями. Посему отпавшіе отъ церкви сохраняются въ вѣдѣніи православнаго духовнаго начальства и имъ повелѣвается воспитывать своихъ дѣтей въ догматахъ и обрядахъ православной церкви. А этого-то и нельзя будетъ достигнуть при полной изолированности сектантовъ отъ православныхъ, проектированной Хабаровскимъ съѣздомъ подъ маской радѣнія объ интересахъ Приморской области.

Что мы нисколько не ошибаемся въ истолкованіи резолюціи съѣзда по сектантскому вопросу, — подтверждается еще и тѣмъ, что въ то время какъ съѣздъ нашелъ нужнымъ при поселеніи сектантовъ совместно съ православными справляться о желаніи первыхъ жить съ послѣдними (п. б), тотъ же съѣздъ въ обратномъ случаѣ, т. е. при заселеніи свободныхъ надѣловъ въ сектантскихъ участкахъ православными, прямо постановилъ: «*прислать*»... (п. в), отнюдь не справляясь о желаніи православныхъ жить тамъ, гдѣ подавляющая масса не желаетъ и на проектированномъ съѣздомъ *законно* основаніи можетъ не имѣть ни православныхъ храмовъ, ни православныхъ школъ!..

Такова однобокая, точнѣе «либеральная» гуманность и терпимость Хабаровскаго съѣзда...

II.

Въ № 5-мъ «Миссіонер. Обозр.» за текущій годъ въ замѣткѣ: «*О сектантской музыкѣ*» высказана авторомъ совершенно спра-

ведливая мысль о большомъ значеніи сектантской религіозной музыки въ дѣлѣ изученія различныхъ сектъ и раскрытія ихъ души. Напрасно только авторъ шлетъ миссіонерской литературѣ упрекъ въ томъ, что въ ней эта сторона дѣла «совершенно заброшена и игнорируема»!.. Напротивъ, миссіонерская литература не разъ обращала вниманіе на богослужебную сектантскую музыку, изучала ее и привела въ извѣстность самые источники этой музыки ¹⁾. Когда въ 1902 г. появился въ обращеніи у сектантовъ новый сборникъ пѣснопѣній для богослужебнаго употребленія, подъ названіемъ «Гусли», то въ «Мисс. Обзор.» (№ 9, 1903 г.) не только былъ сдѣланъ разборъ этого сборника, но и ясно было указано, *откуда* съ начала 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія русскіе штундисты черпаютъ себѣ матеріалъ для музыкальнаго оснащенія своего культа. Тамъ-же («М. Об. № 9, 1903 г. стр. 1350—1351»), между прочимъ, сообщалось, что въ Гальбштадтѣ, Мелитопольскаго у., Таврической губ., въ типографіи П. Я. Нейфельдта, съ разрѣшенія одесской и московской свѣтскихъ цензуръ, печатаются *на русскомъ языкѣ* и оттуда широко распространяются среди *русскихъ штундистовъ* переложенныя на ноты, по циферной системѣ, духовныя пѣсни, издаваемые г. г. «П. П.» и «П. и Г.» подъ заглавіемъ: «Хвалебныя пѣсни» и «Циферная школа для пѣнія», въ которой помѣщены и правила, какъ «посредствомъ этой школы можно самому научиться правильно пѣть на четыре голоса, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ»... Мы и тогда сочли необходимымъ обратить особенное вниманіе кого слѣдуетъ на подобный способъ проведенія *нѣмецкихъ* началъ вѣры и убогаго творчества въ жизнь *русскихъ* крестьянъ, и сейчасъ повторяемъ, что *данная сторона* вопроса «о сектантской религіозной музыкѣ» требуетъ къ себѣ серьезнаго вниманія со стороны надлежащихъ лицъ...

Н. Айвазовъ.

¹⁾ См. «Мисс. Спутн.» Спб. 1903 г. стр. 736—738. Данные, здѣсь помѣщенные, являются плодомъ долголѣтней миссіонерской литературы, изучавшей сектантскія богослужебныя пѣснопѣнія. Не разъ въ миссіонерской литературѣ приводились и самые мотивы сектантскихъ пѣсней.

Кіевскій лжехристосъ.

Тогда если кто скажетъ вамъ: вотъ, зѣсь Христосъ, или тамъ,—не вѣрьте, ибо возстанутъ лжехристы и лжепророки... Матѣ XXIV, 23, 25.

Явился у насъ въ с. Соловьевкѣ (Рад. у. Кіев. губ.) лжехристосъ въ лицѣ мѣстнаго одноглазаго крестьянина Лукьяна Пустовойта,—возсталъ и прельщаетъ многихъ изъ простецовъ.

— Не вѣрьте попамъ, бо вони васъ обманюють!—обращается одноглазый лжехристосъ къ своимъ односельцамъ.

— Якъ же вони насъ обманюють? — задають вопросъ лжехристу его слушатели.

— О, бачъ! Вы ничего не знаете!..

— Да, кажи-жъ, якъ насъ попы обманюють?..

— Ну, вы кажете: Христосъ воскресъ?

— Кажемо.

— Ну, а попы цего не кажутъ...

— Якъ то не кажутъ?.. Брешень ты, бісівъ штундъ!..

— Не лайтэсь бо, да слухайте!..

— Ну?..

— Вы кажете: Христосъ воскресъ! Значыть, вы признаете, що Христосъ воскресъ, а попы не признають, що Христосъ воскресъ, бо вони знають, що винъ не воскресъ, а зогнывъ—такъ, якъ и всякій чоловікъ...

— Що ты верзешъ, бісівъ ты штундъ?..

— Але я вамъ кажу: не лайтэсь, да слухайте!.. — Попы не кажутъ: «Христосъ воскресъ», а кажутъ: *Христосъ воскресе!*.. Воскресе, значыть—*ще воскресне*... Ну, винъ и воскресаетъ въ тілі того чоловіка, которого винъ собі избере... Отъ винъ воскресъ въ тілі Кондрата Малеваного въ Таращѣ, а якъ його ворогы взяли въ темницю, то Христосъ воскресъ у другимъ тілі...

— А въ якомъ другимъ?..

— У момъ!

— То це вже ты Христосъ?!—захохотали слушатели Лукьяна.

— Я, я Христосъ!.. Духъ Божій вселѣся въ мене!.. *Духъ Господень на Мнѣ; Онъ помазалъ Меня — благовѣствовать ни-щимъ...*—воскликнулъ одноглазый лжехристосъ, патетически цитируя слова евангелія.

— Лукьянъ, не смущай другихъ!.. Якъ ты самъ заблудывъ, то ѣ блуды самъ, а другихъ не збывай зъ панталыку, не прельщай!—обратился къ сектанту одинъ изъ его слушателей.

— А въ евангеліи якъ сказано? Не треба талантовъ зарывать, а треба раздавать ихъ и другимъ...

— Раздавай, раздавай, коли мы тебе за цее не вышлемъ!—пригрозилъ слушатель.

— Якъ громада збереця на сходъ, щобъ мене выслать, то я згорну руки отакъ (лжехристосъ при этомъ сложилъ руки на груди, положивши одна на другую крестообразно) да ѣ скажу: Людіе мои! Что сотворихъ вамъ? Чимъ я васъ обидывъ?..

— Да на що вы анцыхриста слухаете? Плюйте на його, да втикайте, бо це самъ дьяволь у чоловічимъ супостати!..—воскликнулъ проходившій мимо крестьянинъ, и слушатели Лукьяна поспѣшно стали расходиться, со страхомъ оглядываясь, не превратился ли Лукьянъ въ настоящаго чорта или по крайней мѣрѣ не принялъ ли вида чорной собаки или свиньи...

Приходскій священникъ, узнавъ о совращеніи Лукьяна въ штундистскую секту, при посѣщеніи прихожанъ для прочтенія молитвы предъ праздникомъ Воскресенія Христова, зашелъ и въ хату Лукьяна. На предложеніе священника поцѣловать крестъ, Лукьянъ рѣшительно отказался.

— Не буду я цилувать... — сказалъ онъ, отстраняя отъ себя крестъ.

— Да вѣдь это изображеніе того святого Креста, на которомъ за насъ пролилъ Свою пречистую кровь Христосъ Сынъ Божій?!

— Я самъ Христосъ!—воскликнулъ Лукьянъ и началъ пропносить хулы на православную церковь, святыхъ иконы и животворящій Крестъ Господень, обзывая священника антихристомъ и другими оскорбительными наименованіями, такъ что священнику пришлось поспѣшно удалиться, чтобы не выслушивать дальнѣйшихъ оскорбленій отъ новаго лжехриста.

Православный.

ИЗЪ МИССИОНЕРСКОЙ ПОЛЕМИКИ.

Изъ бесѣды съ толстовцемъ.

Поездъ желѣзной дороги на пути изъ Царицына. Въ вагонѣ 3 класса завязывается бесѣда.

— Рыбкой промышляете?—спросилъ, какъ будто для того, чтобы о чемъ-нибудь заговорить, молодой купчикъ, съ жиденькой русой бородкой, въ елоткѣ, сидѣвшаго противъ него совсѣмъ рыжаго мужчину среднихъ лѣтъ, одѣтаго въ пальто на черномъ баранковомъ мѣху.

— Да,—только дѣла-то плохія стали съ рыбой; нынче этотъ товаръ такъ переоцѣнили, что и продать нельзя.

— Нынѣ время такое, какъ бы вамъ сказать, переходное,—начинается переоцѣнка всѣхъ цѣнностей: все, чему раньше вѣрили, теперь подвергается проверкѣ.

Купецъ говорилъ краснорѣчиво, нѣкоторые изъ пассажировъ лѣниво поддакивали, по пашелси и несогласникъ, который потребовалъ доказательства,—почему наше время нужно считать переходнымъ? Въ виду такого требованія, молодой ораторъ началъ критиковать жизнь современнаго христіанскаго общества, критеріемъ же ставилъ онъ положенія, взятые изъ сочиненій Льва Толстого. И когда онъ сопоставлялъ правила толстовской морали съ настоящимъ состояніемъ общественной жизни, то сравненіе выходило не въ пользу общества.

Купчикъ завоевалъ вниманіе публики, и несогласникъ, не сдѣлавъ возраженія, смолкъ.

— Съ чего бы, по вашему мнѣнію, слѣдовало начинать переоцѣнку,—какіе предметы болѣе устарѣли?—спросилъ я толстовца.

Окинувъ меня презрительнымъ окомъ, купецъ въ елоткѣ говоритъ:

— А вы развѣ не слышали, какъ я доказываю превосходство правилъ жизни, проповѣдуемыхъ Львомъ Николаевичемъ, надъ теперешней жизнью людей, называющихъ себя христіанами?

Слышалъ, но думаю, что *правила жизни и сама жизнь*—по природѣ различны, и вы сравниваете ихъ такъ же основательно, какъ если бы кто сравнивалъ аршины съ пудами. Правила—это сухія формулы, всегда себѣ равныя, а жизнь есть дѣйствіе ума, воли и чувства чрезъ живой организмъ, причемъ возможны и отклоненія отъ правилъ. Въ христіанскомъ обществѣ вы берете жизнь со всѣми отклоненіями отъ правилъ Христовыхъ и даже съ уродствами, а у Толстого—одни бумажныя правила. Дайте этимъ правиламъ пройти чрезъ 1800-лѣтній жизненный опытъ,

и тогда сравнивайте колоніи толстовцевъ съ христіанскими обществами. Вы сейчасъ говорили о морали Толстого. Но по слову Божію и по наблюденію надъ жизнью людей, мы видимъ, что „дары различны“; у многихъ на первомъ мѣстѣ вѣра, у иныхъ есть мудрость или философія, а у нѣкоторыхъ всего по частичкѣ. Такъ что же устарѣло?

— Левъ Николаевичъ искренно вѣрующій человѣкъ, глубокій мыслитель и моралистъ. Графъ началъ съ того, что написалъ сочиненіе: „Въ чемъ моя вѣра“.

— Я не вѣрю, что Толстой вѣруетъ въ Бога.

— Вотъ какъ! Почему же не вѣрите? Графъ открыто говоритъ о вѣрѣ.

— Если Толстой искренній человѣкъ, то онъ ошибается, думая, что онъ во что-то вѣруетъ. Если же онъ не ошибается, то, говоря о своей вѣрѣ, онъ дѣлаетъ подмѣну понятій,—выдаетъ философію за вѣру. По опредѣленію ап. Павла „вѣра есть осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ“ (Евр. 11, 1) и возникаетъ въ сознаніи людей „отъ слышанія, а слышаніе отъ слова Божія“ (Римлян. 10, 14—17). Теперь—вопросъ: какимъ проповѣдникомъ оглашенъ Толстой и наученъ вѣрѣ въ безличнаго бога?

— Евангеліемъ Іисуса Христа. Христосъ сказалъ такъ: „Видѣвшій Меня видѣлъ Отца“ и „Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ“ (Іоан. 14, 9. 10); а чѣмъ былъ Іисусъ Христосъ, тѣмъ долженъ быть всякій, слѣдовательно, и во всякомъ человѣкѣ проявляется божество.

— Въ такомъ случаѣ Христосъ сказалъ бы: „видѣвшій человека, видѣлъ Бога“, но онъ сказалъ другое: „Никто не восходилъ на небо, какъ только спедшій съ небесъ Сынъ Человѣческій, *Сущій на небесахъ*“ (Іоан. 3. 13). Вотъ въ какомъ Сынъ Человѣческомъ открывается Богъ Отецъ! Богъ—не отвлеченное понятіе, а живая самосознающая Личность, внимающій молитвѣ Сына: „Отче! прослави имя Твое“, и отвѣчающій: „и прославилъ и еще прославлю“ (Іоан. 12—28).

— Левъ Николаевичъ подвергъ церковное Евангеліе критическому разбору и отбросилъ всѣ легендарныя сказанія, въ томъ числѣ и рассказы о голосахъ съ неба.

— Христосъ проповѣдывалъ вѣру въ Евангеліе (Марк. 1. 15), а Левъ Толстой критикуетъ Евангеліе. Ясно, какъ день, что критика не есть актъ вѣры, а продуктъ мышленія. Толстой-критикъ „вѣры не имать“. Ему нечего и переопредѣлять. Теперь посмотримъ, насколько онъ глубокій мыслитель. Толстой написалъ отвѣтъ свят. Синоду, и въ документъ такой важности допустилъ грубое противорѣчіе, на которое уже указала печать, и большую нелѣпость, на которую я вамъ укажу.

— У Льва Николаевича противорѣчіе? У Толстого нелѣпость? Ни за что не повѣрю! Впрочемъ, говорите.

— Въ отвѣтъ Св. Синоду графъ пишетъ: „я дѣйствительно отрекся отъ церкви... и написалъ въ завѣщаніи своимъ ближнимъ, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мнѣ церковныхъ служителей и мертвое мое тѣло убрали бы поскорѣе, безъ всякихъ надъ нимъ заклинаній и молитвъ, какъ убираютъ всякую противную и пепужлую вещь, чтобы она не мѣшала живымъ“. Непріятно и читать-то эти строки Льва Николаевича: на обыденномъ нарѣчій, эта воля графа могла быть выражена проще, хотя бы, съ позволенія сказать, такъ: когда... и т. д., то убрать эту падаля!

Дальше, въ концѣ отвѣта, Толстой пишетъ: „спокойно и радостно живу и спокойно и радостно приближаюсь къ смерти“. Толстой радуется, предвкушая сладость бытія въ состояніи „противной вещи“; не чудовищная ли это нелѣпость? Не извращеніе ли вкуса жизни? Безъ вѣры въ личнаго Бога, безъ надежды на будущее блаженство, въ чемъ можно найти разумное побужденіе радоваться приближенію смерти?

Послушайте, какъ и почему радуется истинный христіанинъ, приближаясь къ смертному исходу. „Мы благодушествуемъ и желаемъ лучше выйти изъ тѣла и водвориться у *Господи*“ (2 Корин. 5, 8); „имѣю желаніе разрѣшиться и быть со *Христомъ*“ (Филип. 1, 23). „Время моего отшествія настало, теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ *Господь*, праведный Судія, въ *день оный*“ (2 Тимое. 4, 6—8). Въ сравненіи съ христіанскою радостію о воскресеніи и вѣчной жизни, толстовская радость есть демоническое злорадство, и много похоже на іудино „радуйся“!

— Левъ Николаевичъ радуется не разложенію своего тѣла, а, какъ бы намъ сказать, сліянію съ абсолютомъ и, пожалуй, освобожденію своихъ ближнихъ отъ непріятнаго сосѣдства съ отживающимъ или отжившимъ организмомъ.

— Если вашъ учитель радуется потерѣ личности на вѣчные вѣки, что равносильно полному уничтоженію человѣка, то радость его не болѣе разумна, какъ и радость о разложеніи трупа. Нѣтъ, милостивый государь, въ такихъ случаяхъ (смерти) у невѣрующихъ пробуждается зависть къ христіанскому героизму и оптимизму. У истиннаго христіанина всегда на душѣ свѣтлый праздникъ. Какъ не завидовать ему? Даже Ренанъ, прочитавъ 6-й стихъ 19 главы Откровенія Іоанна, и восхищенный изображеніемъ восторженнаго состоянія святыхъ въ будущей жизни, пожелалъ принять участіе въ цѣннѣйшемъ громоводно-много-народномъ „аллилуйя“. Толстому и это не доступно; „аллилуйя“ онъ называетъ колдовствомъ. Истиннымъ христіанамъ нечему учиться у Толстого: ни вѣрѣ, ни умуразуму, ни нравственности; а ему слѣдовало бы поучиться у христіанъ смиренію.

Поездъ подошелъ къ станціи. Купецъ оставилъ вагонъ.

Калитинъ Карпушинъ.

Бесѣда съ поморскимъ начетчикомъ Т. А. Худошинымъ въ Верхне-Туринскомъ заводѣ Пермской губерніи ¹⁾.

Худошинъ. Добрые слушатели! Мой собесѣдникъ говоритъ: ихъ архіереи и попы не могутъ отступить, потому что имъ Богъ далъ обѣтованіе, а я вамъ доказывалъ, что обѣтованіе-то на отступникахъ не исполняется. Онъ говоритъ: не исполняются условныя обѣтованія,—а вотъ римской церкви безо всякихъ условій было обѣцано, что „тамо до скончанія вѣка повицуть учителя“ и что папы будутъ занимать престолъ св. Петра ²⁾. А теперь какіе тамъ папы! какое ученіе! Я вѣдь все это и выясняю. Въ Кн. о вѣрѣ на 64 об. сказано, что церковь-то на вѣрѣ, исповѣданіи; не соблюли вѣру—куда дѣлась церковь? Потому-то я и сказалъ: исповѣданіе — церковь, вѣдь оно остается; церкви—народъ вѣрный, изъ кося она была создана вначалѣ. Собесѣдникъ мой говоритъ о свидѣтельствѣ Златоуста, что по нему діаволъ только пытался, а ему нужно сказать прямо: всѣ архіереи и попы могутъ пасть. Вотъ ему, что нужно! Да у Златоуста-то такъ и сказано: и по истребленіи поповъ и архіереевъ благочестіе не уменьшается (смѣется). А Феодоръ Студитъ въ ч. I стр. 253 говоритъ: „если буду молчать, когда кѣра въ опасности, то будетъ вопль содомскій“; церкви, по нему, можетъ быть и изъ трюихъ православныхъ. Миссіонеръ говоритъ, что безъ еретиковъ—пастырей можно быть, а безъ православныхъ нельзя. Желаетъ и мы пастырей, падо бы намъ ихъ, да взять-то гдѣ? Что же еще читалъ намъ собесѣдникъ? Изъ Кирилловой книги читалъ онъ, что еретики жертвы и іерейства не имѣютъ. Да вѣдь это не о насъ говорится, а о кальвинистахъ. Списатель книги Кирилловой былъ грѣшный человекъ, намъ подобный. Въ другомъ мѣстѣ онъ самъ говоритъ: „Сего ради толико вамъ мало обнажимъ отступниковъ благочестія... можно быти и безъ пихъ“... (502 л.). Значить, по его-то ученію, можно быть и безъ пастырей. Вотъ мое время кончилось. Посмотримъ, что скажетъ намъ нашъ собесѣдникъ.

¹⁾ «Мисс. Обзоръ». 1904 г. кн. 7 стр. 904.

²⁾ Грамота Сильвестру отъ царя Константина подложная. О ея подложности см. «Критич. разборъ ученія безпоповц.» проф. Н. И. Иваневскаго (стр. 137—140, 1883 г.). Въ Оеатроніи Историческомъ на л. 185 говорится, что папа Пій П стыдился есылаться на эту грамоту. О ея подложности говорится и въ «Исторія Христіанской Церкви» Робертсона т. I гл. XXXI стр. 696, С. Петербургъ, 1890 год., а также въ Исмокапопѣ на л. 3.

О. Сущковъ. Итакъ, Худошинъ сознался, что епископы нужны. Да какъ же не сознавать этого! Безъ епископовъ-то намъ, христіанамъ, и быть нельзя. Безъ епископа не можетъ быть мұра, а безъ мұра-то, которымъ мы запечатлѣваемся, какъ христіане, не можетъ быть и самаго христіанства. Въ Катихизисѣ Великомъ на листѣ 2 об. говорится: „Откуда нарицается христіанинъ? Отвѣтъ: нарицается православный христіанинъ имене ради Христова, отъ Христа и *отъ хрисмы*, сирѣчь *отъ помазанія* Святаго мұра“. Тотъ же писатель Катихизиса, ссылаясь на 5 посланіе Климента, папы римскаго, говоритъ: „безъ сея тайны (т. е. безъ помазанія св. мұромъ) никтоже совершенъ христіанинъ можетъ быть“ (376 л.). Вотъ вѣдь насколько нужны епископы, а не просто нужны. Вѣдь нужна и эта вотъ книга, да безъ нея мы можемъ и обойтись, а безъ епископовъ-то мы уже погибли: некому освящать мұро, некому рукополагать пастырей, некому освящать антиминсы и проч., некому и утвердить насъ въ христіанствѣ. Потому-то св. Игнатій и говоритъ: „Аще убо нѣбыи епископа нарицають (какъ Худошинъ говоритъ: желаемъ), а божъ цого вси творять: таковымъ речеть той, иже есть истинный и первый епископъ, и единъ по естеству архіерей: что Мя зовете, Господи, Господи, и не творите, иже глаголю: таковѣи бо *недобросовѣстни*, но лицемѣры и прелестницы быти мнѣ видятся“ (14 л.). Почему же не слушающіе епископовъ недобросовѣстные и лицемѣры? А потому, что Христосъ сказалъ св. апостоламъ и ихъ преемникамъ пастырямъ: „слушай вась Мене слушаетъ; отменяйся вась Мене отменяется“ (Л. 10, 16). Значить, вы, старообрядцы, не пребывающіе съ епископами и не слушающіе ихъ, не слушаете Самого Христа. Не даромъ и защитники ваши такъ относятся къ словамъ божественнымъ. Ему говорятъ: Самъ Богъ сказалъ епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ: „куплю дѣйте, дондеже прїиду“. А онъ разсуждаетъ: Богъ-то сказалъ, да Онъ приказъ далъ, приказъ можно и не исполнить. Да чей приказъ-то, сирому и Худошина, можно не исполнить? Это божественный-то?! Я думаю, если и земной царь прикажетъ ему, онъ не дерзнетъ не исполнить его приказа, а тутъ Самъ Творецъ міра приказалъ, — Который и не можетъ давать неисполнимыхъ приказовъ. Приказалъ Онъ при сотвореніи міра: „да будетъ свѣтъ“, и мы видимъ свѣтъ и нынѣ свѣтитъ. Приказалъ Онъ землѣ произвести траву—и она доселѣ производитъ. Въ Кирилловой книгѣ на листѣ 77 говорится, что престало Аароново священство временное, а востало Христово, *вѣчное*. Тутъ вѣдь не объ еретикахъ-кальвинистахъ говорится, а ясно сказано, что Христово священство (а не еретическое какое-нибудь) *вѣчное*. Какое Христово священство, дальше разъяснено: Христосъ апостоловъ освятилъ рукоположеніемъ, а апостолы освятили епископовъ. Зачѣмъ же затемнять Писаніе своими лжетолкованіями? Мало этого, чтобы такіа лица, какъ Худошинъ, не превратили Писаніе,

въ Кирилловой книгѣ прибавлено еще на 78 листѣ, что „священство... и жертва... вкупѣ бывають и ни едино безъ другого можетъ быти“. А вѣдь жертва-то пребудеть до 2-го пришествія. Въ 107 сл. св. Ефремъ Сиринъ прямо говоритъ: „да убо всемоушнымъ Его повелѣніемъ бываесть, дондеже приидеть, тако бо и глаголетъ: дондеже прииду“ (320 л.). Это подтверждаетъ и св. ап. Павелъ (1 К. 11 гл. 26 стр.). Кто же будетъ теперь совершать св. таинство причащенія, если кромѣ поморцевъ, простыхъ мужиковъ, уже нѣтъ законныхъ пастырей? Вотъ до какого безумія доводитъ васъ, поморцы, ваша гордость! Въ оправданіе своего новаго ученія, Худошинъ сослался на обѣтованіе, данное римской церкви въ грамотѣ Сильвестру отъ царя Константина. Да вѣдь тамъ обѣщаніе-то не Богомъ даю, а человѣкомъ, хотя и святымъ; да къ тому же и самая грамота, на которую онъ, Худошинъ, сослался, подложная.

Худошинъ. Миссіонеръ сказалъ, что объ архіереяхъ, понахъ и дьяконахъ онъ читалъ изъ 95 зачала Луки, значить въ 67 зачалѣ нѣтъ объ нихъ рѣчи. „Созижду“ и „не одолѣють врата“, значить, не къ нимъ относится, а къ вѣрнымъ. „Се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка“ тоже относится къ вѣрнымъ христіанамъ. Златоустъ, толкуя ихъ, говоритъ: „не видини ли силы Его?.. Не съ ними только будетъ паходиться, но со всѣми тѣми, которые послѣ нихъ будутъ вѣровать. Ибо апостолы не могли пребывать до скончанія вѣка“... (Бес. на Мѡ. 3 т. 435 ст.). О. миссіонеръ говоритъ, что только тотъ христіанинъ, у кого епископы да таинства есть, а бл. Θεодоритъ утверждаетъ, что церковь можетъ быть и изъ троихъ православныхъ. Списатель кн. Кирилловой также говоритъ: „мощно быти и безъ нихъ“, т. е. безъ поновъ, архіереевъ и дьяконовъ можно спастись. Таинствъ у насъ нѣтъ, говоритъ отецъ-то. Да вѣдь я ужъ приводилъ на прошлой бесѣдѣ изъ Благов. Евангелія Іоанна 24 зач., что можно „не токмо по тайному причащенію ясти и пити плоть и кровь владычню, но по иному образу, ибо плоть ястъ кто, егда по дѣтели приходитъ дѣйственное“ (106 л.). Читалъ я и изъ Камня вѣры, что безъ толку зубы-то подставлять въ наше время; читалъ изъ Жезла (ваша книга-то, не откажетесь, не имѣете права!), что причащеніе относится къ посреднимъ таинствамъ ¹⁾. А въ Толковомъ апостолѣ прямо сказано, что іереямъ нужно причащаться, а мірянамъ можно и мысленно. Чего же ты еще о причащеніи заговоришь, о немъ дѣло кончено. Намъ нужно говорить о вашихъ понахъ, да архіереяхъ, можно ли безъ нихъ спастись. Я говорю—можно, а св. отцы подтверждаютъ меня. Златоустъ говоритъ: „лучше

¹⁾ Разумѣетъ мѣсто на 49 л. об., гдѣ говорится о случаяхъ, могущихъ быть въ жизни православнаго христіанина, когда принять св. таинство не позволяетъ ему какое-либо внѣшнее препятствіе. Мнѣнія же о ненужности причащенія книга Жезлъ не раздѣляетъ.

не отъ единого водиму быти, нежели отъ злаго" (Евр. 3:14 ст.). Въ Кирилловой книгѣ тоже говорится, что лучше безъ владыкъ и безъ поповъ. Святой Афанасій, толкуя слова Евангелія: аще око твоє десное соблазняетъ... также говоритъ: „Шествующе прелестный и живоносный путь, око убо да извержемъ не чувственное, но духовное, аще убо епископъ или пресвитеръ не добръ живутъ, подобаетъ изверещи ихъ" (Никон. Черног.). Не ясно ли ученіе отцовъ святыхъ? Нечего бы, кажется, и разговаривать-то объ этомъ. Стала мерзость запустѣнія въ греко-россійской церкви и ни о какихъ попахъ не можетъ быть рѣчи. Потому-то мы и надѣемся спастись одною вѣрою правою.

О. Сушковъ. Договорился защитникъ старообрядцевъ! Онъ надѣется спастись только вѣрою. Ну, и шелъ бы къ протестантамъ, а зачѣмъ обманывать людей и называть себя православнымъ, да еще старообрядцемъ. Да развѣ до Никона патріарха кто-либо училъ, что можно спастись только вѣрою? Нѣтъ, братіе, по Апостолу и бѣсы вѣруютъ и трепещутъ, а никто не скажетъ, что ихъ вѣры достаточно. Вѣра должна быть подтверждаема дѣломъ. Великъ Господь принимать св. таинства отъ законныхъ пастырей, мы и должны безъ разсужденій исполнять слова Его, а не разсуждать, приказъ или не приказъ далъ Онъ намъ. На мерзость запустѣнія, воображаемую Худошнимъ, нечего ссылаться: мерзость-то запустѣнія станетъ тамъ, гдѣ служба угаснетъ и чтеніе писаній не услышится, гдѣ не будутъ стыдиться священниковъ Христовыхъ, конхъ и во времена самого антихриста стыдиться будутъ (Соб. л. 121). Обращу я ваше вниманіе, старообрядцы именуемые, на одно обстоятельство. Защитникъ вашъ насъ еретиками почитаетъ, а самъ ищетъ себѣ защиты въ никоніанскихъ книгахъ. Разъ никоніане—еретики, такъ не ихъ писаніемъ нужно защищаться, а православнымъ, свято-отеческимъ. А вѣдь это писаніе обличаетъ васъ. Худошнѣ приводитъ свидѣтельство изъ Жезла, гдѣ будто бы говорится, что не нужно причащаться, а я приведу вамъ свидѣтельство изъ Толковаго Апостола: „Егда бысть спустошена послѣдняя жертва всеневная въ церкви Соломоновѣ уставленная, о коемъ спустошеніи такожде Господь въ евангеліи глагола, и Даніилъ пророкъ, абіе преста, и скончася царство іудейское, и храмъ разорися; такожде *егда будетъ спустошена сія святая жертва*, еже не въ церкви Соломоновѣ, но по всей вселенной отъ востоку солнца и до западу его по словеси пророческому отъ Господа въ церкви Его повелѣна, *тогда и міръ скончается*" (550 л). Ясно сказано, что когда будетъ прекращена жертва тѣла и крови, тогда и міръ разрушится. Въ 24 зачатѣ Іоанна по Благовѣстному Евангелію не говорится того, чтобы можно замѣнить св. таинство причащенія добрыми дѣлами, а только допускается и этотъ родъ жертвы, при чемъ о таинствѣ причащенія замѣчается: „нѣсть инако живота имѣти себѣ". Мысленное же участіе мірянъ въ причащеніи священниковъ, о которомъ говорилъ Худошнѣ, не исключаетъ

необходимости для мірянъ причащаться къ то время, когда они достойнымъ образомъ приготовить себя.

Миссіонеръ. Братіе христіане! Послушали вы и выписаннаго изъ Саратова начетчика. Ничего новаго не сообщилъ онъ намъ, все время пытался доказывать, что нужно бѣгать злыхъ по вѣрѣ, еретиковъ; иногда просто пустословилъ, чтобы провести время, позволялъ себѣ даже издѣваться надъ пастырями церковными; мнѣ, какъ миссіонеру, приписывалъ то, чего я и не говорилъ предъ вами. Богъ ему судья во всемъ этомъ! Но къ чему лукавить, такъ бы и сказалъ въ началѣ бесѣды: „такого мѣста не писано, что всѣ пастыри уклонятся и что можно быть безъ православныхъ пастырей. Но, по моему мнѣнію, при Никонѣ введены ереси, о нихъ и поговоримъ“. Это было бы по совѣсти и по-христіански. А нашъ собесѣдникъ вмѣсто этого читаетъ изъ Златоуста: „лучше ни отъ единого водиму быти, нежели отъ злаго“. Не будьте, братіе, со злыми по вѣрѣ, но будьте съ пастырями православными. „Лучше безъ владыкъ и безъ поповъ“, читалъ онъ опять изъ книги Кирилловой, не сказавъ, что лучше-то опять безъ еретиковъ католиковъ, униатовъ. Отъ нихъ афонскіе старцы просили удалиться, но съ боголюбивымъ княземъ Острожскимъ Василиемъ и съ православными епископами, которымъ писали (10-е посл.), они умоляли пребывать въ общеніи. Читалъ Худошинъ и слова св. Афанасія о необходимости извергать недобрыхъ пастырей, но забылъ при этомъ сказать, что недобраго-то епископа по 12 пр. Карфагенскаго собора нужно извергать 12-ти епископамъ, а не мірянамъ ¹⁾. Мірянамъ же св. Златоустъ въ томъ же мѣстѣ, изъ котораго приводилъ свидѣтельство Худошинъ, даетъ такое наставленіе: „Повинуйтесь паставникомъ вашимъ и покоряйтесь. Что убо, рече, егда золь будетъ, не повинемся ли? золь, како глаголенни? аще убо вѣры ради, бѣгай его и отрицайся... аще ли житія ради, не испытуй“ (Евр. 3113—3114). И въ другомъ мѣстѣ: „аще и злѣйшій и безчисленныхъ золь были быша исполненіи настоятели, ниже тако ученику дѣло ояше преслунати“... (Гал. 1476 и дал.). Но, можетъ быть, братіе, кому-либо покажется страннымъ, что и у недостойныхъ по жизни пастырей мы должны быть въ послушаніи и принимать отъ нихъ св. Тайны? Да не смущается душа ваша! Не святостію жизни пастырей спасаемся мы, а благодатію, каковую получаемъ отъ нихъ въ св. таинствахъ. Благодать же нисколько не повреждается отъ житія ихъ. Не разъ, братіе, повторялъ Худошинъ слова Феодора Сту-

¹⁾ Въ письмѣ къ Драконтію св. Афанасій, убѣждая его принять епископство, прямо говоритъ: «Что учредилъ Господь чрезъ Апостоловъ, то... непоколебимо пребываетъ... Если бы всѣ имѣли такую же мысль, какую имѣютъ твои совѣтники (т. е. чтобы онъ отказался отъ епископства), то какъ сдѣлался бы ты христіаниномъ безъ епископовъ? Если возмѣняютъ такую мысль тѣ, кои будутъ послѣ пастъ, то возможно-ли стоять церкви» (Ч. 1, стр. 394—395).

дита, что церковь можетъ состоять изъ троихъ православныхъ. О. Миханлъ забылъ сказать объ этомъ свидѣтельствѣ. Но чтобы кто не подумалъ, что Худошинъ правильно понялъ слова Θεодора Студита, я напому вамъ: мы говоримъ о символической церкви, которая *святѣ и непорочна* (Еф. 5, 27 ст.), а развѣ трое православныхъ (если ужъ назвать такъ старообрядцевъ), хотя бы и съ Худошинымъ во главѣ, могутъ сказать, что они святѣ и непорочны? Очевидно, Θεодоръ Студитъ говорить о маленькомъ христіанскомъ обществѣ, которое можетъ быть названо церковію, только по Соборною и Апостольскою, въ коей всегда были и будутъ семь св. таинствъ и раздаватели сихъ таинствъ пастыри, отъ Христа поставленные. Св. Кипріанъ думающихъ такъ, какъ Худошинъ, т. е. что и трое мірянъ уже составляютъ церковь, созданную Господомъ для спасенія рода человѣческаго, называетъ даже *развратителями Евангелія*. „Пусть не обольщаютъ себя“, говоритъ онъ, „нѣкоторые словами, сказанными Господомъ: идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посреди ихъ (Мѣ. 18, 20). Извратители Евангелія и ложные толкователи приводятъ эти слова... напоминая объ одной части, о другой коварно умалчиваютъ; какъ сами отдѣлились отъ церкви, такъ разсѣкаютъ и цѣлость одного и того же мѣста... *Какой же миръ обѣщаютъ себѣ враги братьевъ? Какія жертвы думаютъ приносить завистники священниковъ? Неужели, собираясь, они думаютъ, что и Христосъ находитъ съ ними, когда они собираются въ церкви Христовой.* Да хотя бы таковыя претерпѣли и смерть за исповѣданіе имени,—пятно ихъ не омоеся и самую кровію. Неизгладимая и тяжкая вина раздора не очищается даже страданіемъ. Не можетъ быть мученикомъ, кто не находится въ церкви; не можетъ достигнуть царства, кто оставляетъ церковь, имѣющую царствовать... Подобный имъ можетъ быть умерщвленъ, но увѣичаться онъ не можетъ. Да опъ и христіаниномъ называетъ себя такъ же ложно, какъ и діаволъ часто называетъ себя ложно Христомъ... Нужна правда, чтобы удостоиться благоволенія у Бога Судіи; надобно повиноваться Его заповѣдямъ и наставленіямъ, чтобы заслуги наши награждены были... Какое же соблюдаетъ единство, какую любовь хранить тотъ... кто, предавшись порывамъ раздора, разсѣкаетъ церковь, разрушаетъ вѣру, возмущаетъ миръ, искореняетъ любовь, оскверняетъ таинство!.. Должно отвергаться и *быть всякаго, отдѣлившася отъ Церкви*, яко развратиса таковой и согрѣшаетъ и есть самоосужденъ (Тит. 3, 10). *Можно ли представить себѣ, что тотъ находится со Христомъ, кто дѣйствуетъ противъ священниковъ Христовыхъ, отдѣляетъ себя отъ общенія съ его клиромъ и народомъ? Да вѣдь онъ вооружается противъ церкви, противодѣйствуетъ Божественному демонстрачеству, онъ врагъ алтаря, возмутитель противъ жертвы Христовой*“ (Кипр. ч. II, 188—192). Страшно, братіе поморцы, слово сіе! Даже

мученическая кровь не можетъ загладить грѣха отдѣленія отъ св. церкви, пребывающей съ пастырями православными и со св. таинствами. Дѣйствующій противъ священниковъ Христовыхъ противодействуетъ Божественному домостроительству, онъ врагъ алтаря, возмутитель противъ жертвы Христовой. Ужели и слова св. отца не убѣдятъ васъ не ходить во слѣды учителей новыхъ, разбѣзжающихъ нынѣ по св. Руси и дерзостно возстающихъ на Церковь Христову! Я привелъ вамъ, братія, въ началѣ бесѣды слова Господа, сказанныя св. Апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и преемникамъ ихъ, епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ: „куплю дѣйте, дождеже прииду“, т. е. до второго пришествія. Привелъ я вамъ и обѣщаніе Господа пребыть съ пастырями до скончанія вѣка (Мѣ. 28 г. 20 ст.; Іоан. 14, 16; О вѣрѣ 59 об.), а также слова Господа о неодолимости церкви: „созижду церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ей“ (Мѣ. 16, 18). Какихъ же намъ нужно еще свидѣтельство, когда Самъ Богъ свидѣлствуется, что какъ Онъ создалъ Свою церковь для нашего спасенія съ трехчинною іерархією и семью св. таинствами, такъ и сохранить ее въ томъ же видѣ до скончанія вѣка! Слово Божіе небесе и земли крѣпчайше. Самъ Богъ указалъ намъ путь для нашего спасенія, это—путь пріятія св. таинствъ отъ законныхъ. Имъ поставленныхъ пастырей; путь вѣры, любви и добродѣтельной жизни. Осмотритесь, братіе поморцы, этимъ ли путемъ идете вы? Не вѣрите ли вы Худошину болѣе, чѣмъ Самому Христу! Воистину вѣрите! Христосъ говоритъ о пастыряхъ, Имъ поставленныхъ: „слушай васъ Мене слушаешь, отменяйся васъ Мене отменяется; отменяйся же Мене, отменяется пославшаго Мя“ (Лук. 10, 16), и вы не вѣрите Ему и спрашиваете у Худошина. А Худошинъ говоритъ: можно быть безъ архіереевъ, безъ поповъ, безъ діаконѣвъ,—и вы вѣрите ему. Господь говоритъ: „еще не съѣсте плоти Сына Человѣческаго и не пїете крови Его, живота не имате въ себѣ“,—и вы не вѣрите Ему (Іоан. 6, 53), а Худошинъ говоритъ: можно и добрыми дѣлами и мысленно причащаться,—и вы вѣрите ему. Помните, братіе, „страшенъ отвѣтъ Христовыхъ словесъ и истина суть словеса Его“. Небо и земля мимондутъ, а слова Господа не мимондутъ; они должны исполниться. Не сомнѣваюсь, что и вы, поморцы, какъ хвалился здѣсь Худошинъ, вѣруете въ Бога. Но вѣруете ли вы, братіе, словамъ и обѣщаніямъ Божественнымъ? (Іак. 2, 23). Будемъ же, братіе, вѣровать не только въ Бога, но и словамъ и обѣщаніямъ Божественнымъ, содержащимся во святомъ Евангеліи, тогда и мы обрящемъ себѣ животъ вѣчный.

А. Обтеперанскій.

Лѣтопись періодической духовной и свѣтской печати и новыя книги по вопросамъ вѣры и миссіи церкви.

„Вѣра и Церковь“—богословско-апологетическій журналъ (по поводу истекшаго „перваго пятилѣтія его“).

Въ наше время число любителей серьезнаго чтенія становится все меньше и меньше. Нынѣ существуетъ большой спросъ, наоборотъ, на книги и изданія самаго сомнительнаго свойства. Крикливые авторы имѣютъ успѣхъ, а скромные, хотя и высокоцѣнные, стоятъ гдѣ-либо въ уголкѣ. То-же случилось и съ названнымъ симпатичнымъ журналомъ, „имѣющимъ свою задачу отвѣчать на запросы религіозной мысли и духовной жизни современнаго общества въ противодѣйствіе раціонализму и невѣрію“. Журналъ, который имѣлъ бы полное право на самое широкое распространеніе между всѣми любителями Христовой истины мало обращаетъ на себя вниманія со стороны нашего общества, и объ этомъ можно только пожалѣть. А съ другой стороны, энергія неутомимаго, талантливаго редактора, работающаго ради высокаго дѣла, заслуживаетъ всякой похвалы. Нынѣ истекло уже первое пятилѣтіе журнала „Вѣра и Церковь“. Оглядываясь на пройденный изданіемъ тернистый путь, обозрѣватель журнала не можетъ не видѣть, что послѣдній не свернулъ съ праваго пути ни разу, хотя за это и заслужилъ къ себѣ нерасположеніе со стороны многихъ враговъ Христова дѣла. Въ частности, въ журналѣ напечатано болѣе 40 „словъ и поученій“ о. Іоанна Кронштадтскаго, болѣе 120 „статей научно-богословскаго содержанія“, отвѣчающихъ всего чаще на современныя и жгучіе вопросы и потому особенно цѣнныхъ, болѣе 120 „статей церковно-общественнаго содержанія“, около 200 библиографическихъ отзывовъ (безпристрастныхъ и потому особенно цѣнныхъ).

Этотъ цѣнный журналъ, прекрасно себя зарекомендовавшій, заслуживаетъ всякой поддержки со стороны читателей, которая дала бы возможность досточтимому о. редактору и впредь вести дѣло съ такимъ же успѣхомъ и съ прежнею энергіею во славу православной Церкви.

Проф. А. Бронзовъ.

Соціальное значеніе релігійозной личности. Вышній-Волочекъ. Стр. 141. Цѣна 50 к.

Это—„четвертый выпускъ“ „релігійозно-философской библіотеки“, вышедшій въ свѣтъ неизвѣстно—когда: на цвѣтной обложкѣ стоитъ 1904 г., а на бѣлой—1903-й!.. При изданіи библіотеки „релігійозно-философской“ такіе приемы, конечно, совсѣмъ ужъ неумѣстны: издатель какъ будто-бы кого-то хочетъ сбить съ толку, выдавая сравнительно старый „товаръ“ за самоновѣйшій. Три первыхъ выпуска носили громкія заглавія: „Забитый путь опытнаго Богопознанія“, „Исканіе Бога“, „Вѣчная жизнь, какъ высшее благо“. Болѣе неудачнымъ изъ нихъ былъ первый (однако, вышедшій уже вторымъ изданіемъ). Настоящій четвертый выпускъ состоитъ изъ семи главокъ: „1) Предисловіе, 2) Влад. Соловьевъ, 3) Спенсеръ, 4) Достоевскій, 5) Л. Тихомировъ, 6) Герценъ, 7) Влад. Соловьевъ“. Составитель этого „сборника“ (какъ всего лучше назвать разсматриваемую нами книжку) приспособилъ для своихъ цѣлей отрывки изъ названныхъ авторовъ: сначала одно изъ „чтеній о Богочеловѣчествѣ“, принадлежащихъ В. Соловьеву, затѣмъ „Грядущее рабство“ Г. Спенсера, далѣе: О. Достоевскаго „Дневникъ Писателя за 1880 г.“, Л. Тихомирова „Борьба вѣка“, А. Герцена „Изъ повѣсти о св. Осодорѣ“ и В. Соловьева „Духовныя основы жизни“. Воззрѣнія этихъ писателей общеизвѣстны, и говорить о нихъ что-либо здѣсь, по-этому, излишне. Если въ настоящемъ случаѣ о чемъ-либо нужно сказать два—три слова, такъ о томъ развѣ, насколько неизвѣстный составитель сборника удачно сдѣлалъ выборку мѣстъ „изъ различныхъ писателей, размышлявшихъ о значеніи личности въ обществѣ“... Рецензентъ долженъ сказать, что выборка эта сдѣлана вообще нехудо (напр., до нѣкоторой степени подходятъ къ существу дѣла даже и нѣсколько строкъ, приведенныхъ изъ Герцена на стр. 114—115). Видно, что составитель вчитывался въ этихъ авторовъ долго и внимательно. Но самая (извиняюсь за выраженіе!) „разнокалиберщина“ выдержекъ, ихъ авторовъ не можетъ понравиться читателю. Постѣдній здѣсь хотѣлъ бы видѣть поменьше случайности и побольше систематичности... Впрочемъ, говоря все это, не думаемъ унижать затѣи редакціи „релігійозно-философской библіотеки“. Эта редакція дѣлаетъ вообще хорошее дѣло, и мы можемъ только пожелать ей всякаго успѣха.

Проф. А. Бронзовъ.

Свят. С. Брояковскій. Сборникъ краткихъ поученій на воскресные и праздничные дни. Стр. 311. Кіевъ 1904 г. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к. (Выписывать можно отъ автора по адресу почт. конт. Попельня, Кіев. г.).

Настоящій сборникъ выходитъ въ свѣтъ уже вторымъ изданіемъ въ исправленномъ и значительно дополненномъ видѣ. Въ немъ помѣщено 134 поученія на воскресные и праздничные дни, расположенныя въ порядкѣ гражданскаго года, начиная съ января. Планъ расположенія бесѣдъ понедельный, причемъ между недѣлями приблизительно ставятся и поученія на праздничные дни. На нѣкоторые дни положено по два поученія. Темы для проповѣдей разнообразны и берутся прямо изъ жизни. Въ навечеріе Крещенія, напр., есть поученіе противъ безпорядковъ при черпаніи св. воды, на Срѣтеніе о воцерковленіи, на день св. Георгія — почему этотъ святой считается покровителемъ скота и т. п. Какъ въ послѣднемъ, такъ и въ другихъ случаяхъ проповѣди оживляются передачей конкретныхъ случаевъ изъ жизни святыхъ. Въ сборникѣ есть немало проповѣдей и съ миссіонерскимъ характеромъ, напр., въ недѣлю православія („Безъ православія спастись невозможно“), на 9-е мая („Истина нетлѣнная мощей св. угодниковъ и необходимость почитанія ихъ“), въ недѣлю свв. отецъ („Отчего происходятъ раздоры и нестроенія въ св. Церкви Православной и какъ ихъ избѣгнуть“), въ день св. Троицы („О троичности лицъ во Единомъ Богѣ“), въ день 16-го августа („О почитаніи св. иконъ“), въ день Введенія Пресв. Богородицы во храмъ „О значеніи храма Божія“ и др.

Есть въ сборникѣ о. С. Б-скаго нѣсколько поученій бытовыхъ; таковы, напр., проповѣди—„Противъ предразсудковъ и суевѣрій“ (на 20-е іюля), „Противъ нехристіанскаго препровожденія семейныхъ празднествъ и торжествъ“ (на 29-е августа) и др.

Во всѣхъ поученіяхъ о. Брояковского видна простая и ясная мысль и доброе христіанское православное чувство. Въ этомъ отношеніи они приближаются къ поученіямъ знаменитаго прот. Р. Путятина. Правда, они не блещутъ красотами слога послѣдняго, не имѣютъ въ себѣ его яркихъ образовъ и картинъ, глубокихъ мыслей, неожиданныхъ, но вѣрныхъ сопоставленій, характеризующихъ не только оратора-поэта, но и писателя-мыслителя; это скорѣе простыя, задушевные бесѣды сельскаго пастыря съ такими же простыми и непритязательными слушателями. Въ этомъ ихъ достоинство и значеніе.

Свящ. М. Лисицынъ.

Хроника.

Изъ міра инославія и изъ жизни заграничнаго сектантства.

Религія Японіи въ прошломъ и настоящемъ.—Пропаганда мормоновъ въ Лондонѣ.

Война Россіи съ Японіей привлекла вниманіе всего міра къ событіямъ на Дальнемъ Востоку. Иностранная печать стала усиленно заниматься страной „Восходящаго Солнца“; газеты наполнены статьями о Японіи и японцахъ вообще и въ частности о религіи этого народа, о которой европейцы имѣютъ довольно смутное представленіе. Многія антиклерикальныя французскія газеты говорятъ, что японцы совершенно лишены религіознаго чувства и, стало быть, они единственный народъ, народъ драгоценный, служащій живымъ примѣромъ того, что религія ужъ вовсе не такъ всемірно распространена и далеко не такъ необходима для государственной жизни народовъ, какъ утверждаютъ клерикалы.

— Въ Японіи нѣтъ никакой религіи. Японцы прекрасно обходятся безъ нея. Японцы—сильная, быстро развивающаяся нація; слѣдовательно, общественное и государственное развитіе въ религіи вовсе не нуждается и т. д.

— Въ Японіи нѣтъ религіи!—возражаетъ на это французская клерикальная газета *La Croix* (Крестъ),—а между тѣмъ въ ней насчитываютъ 300.000 храмовъ и различныхъ святилищъ. Въ Японіи нѣтъ религіи!—а она имѣетъ 150 тыс. священниковъ и монаховъ. Всѣ живописныя мѣстности страны посвящены какому-нибудь богу, и народъ безпрерывно посѣщаетъ эти мѣстности для поклоненія различнымъ святимъ. Нѣтъ дома, въ которомъ бы не приносились жертвы на алтарѣ предковъ. Въ Японіи нѣтъ религіи!—когда на самомъ дѣлѣ ихъ тамъ цѣлыхъ три, или даже четыре: шинтоизмъ, буддизмъ, культъ предковъ и, можетъ быть, еще и конфуціанство.

Газета *La Presse* (Печать) сообщаетъ своимъ читателямъ, что японцы дѣлятся на шинтоистовъ и буддистовъ. Шинтоизмъ—это первобытная религія Японіи, столь же древняя, какъ и нераздѣльная съ ней исторія этой страны. Газета считаетъ, что шинтоизмъ сводится единственно лишь къ поклоненію особѣ императора, который даже въ официальныхъ бумагахъ называется не иначе, какъ: Сынъ Неба или Небесный Царь.

Нѣмецкая газета Linzel Volksblatt смотритъ глубже на древнѣйшую религію японцевъ и приводитъ довольно подробно исторію распространенія христіанства среди этого народа.

Шинтоизмъ—это древній языческій культъ,—говоритъ авторъ нѣмецкой статьи,—имѣющій въ настоящее время 17 милліон. послѣдователей. Во главѣ творенія стоитъ верховный богъ Тенка съ подвластными ему небесными духами; связующимъ звеномъ между ними и человѣкомъ являются жители другихъ планетъ и обоготворенныя силы природы. Эти-то послѣднія, вмѣстѣ съ душами предковъ и составляютъ, собственно говоря, объектъ культа. Такимъ образомъ главнѣйшія черты первобытной японской религіи символическій натурализмъ на монотеистическомъ основаніи и поклоненіе предкамъ.

Въ шинтоистскихъ храмахъ нѣтъ уродливыхъ идоловъ и страшилищъ искаженнаго буддизма, въ нихъ нѣтъ никакихъ предметовъ поклоненія кромѣ священнаго зеркала—символа богини солнца. Нѣтъ и кровавыхъ жертвъ; вмѣсто нихъ шинтоисты приносятъ въ свои святилища деньги, полоски цвѣтной бумаги, душистое дерево и т. п. Обряды совершаются жрецами и жрицами въ храмахъ, а міряне молятся передъ ними и въ самое зданіе не допускаются. Внутренность святилищъ украшается множествомъ лампадъ; нѣкоторые изъ нихъ теплятся и по ночамъ; религіозныя танцы и представленія входятъ также въ составъ культа.

По возрѣніямъ шинтоистовъ, микадо (отъ японскаго слова Микото—Богъ) происходитъ по прямой линіи отъ боговъ и, будучи ихъ потомкомъ и наслѣдникомъ, достоинъ божескихъ почестей. Основываясь на своемъ божественномъ происхожденіи, микадо предъявляли въ былое время права на неограниченную, какъ свѣтскую, такъ и духовную власть; но въ 1889 г. правительство, перестроенное по европейскому конституціонному образцу, издало законъ о полной религіозной свободѣ.

Въ 6-мъ вѣкѣ проникъ въ Японію, черезъ Китай и Корею, индійскій буддизмъ, а въ 7-мъ стало распространяться ученіе Конфуція, скорѣе нравственный кодексъ, чѣмъ религія. Въ настоящее время буддистовъ и конфуціанъ насчитываютъ въ Японіи въ общей сложности 29 милліоновъ.

Какъ уже сообщалось въ нашемъ журналѣ, исторія христіанской церкви начинается для Японіи съ 1549 г. Страна „Восходящаго Солнца“ была открыта въ 1542 г. португальскими моряками, выброшенными бурей на островъ Кіу-Сіу; нѣсколько лѣтъ спустя св. Евангеліе было впервые запесено въ Японію португальскими же купцами. Святой Францискъ Ксаверъ встрѣтилъ на Малаккскомъ полуостровѣ японскаго дворянина Ангероо и въ Троицынъ день 1548 г. окрестилъ его и двухъ его товарищей; вскорѣ послѣ этого св. Францискъ отплылъ вмѣстѣ съ этими тремя новообращенными въ Японію, куда и прибылъ благополучно въ августѣ 1549 года. Съ этого времени христіанская вѣра стала распространяться

въ Кіу-Сіу и въ Нипонѣ, приобретаая послѣдователей и покровителей даже между тамошними князьями. Послѣ смерти св. Франциска просвѣтителя Японіи,—ученики его ревностно и усердно продолжали его дѣло. Мужчины и женщины высшихъ классовъ вступали въ церковь Христову и увлекали за собой множество людей изъ низшихъ классовъ, такъ что въ 1580 г. въ Японіи было уже 250 храмовъ и около 200.000 христіанъ католиковъ. Для ознакомленія японцевъ съ западной культурой, съ католической іерархіей и, главное, съ торжественной красотой богослуженія въ католическихъ странахъ, въ 1582 г. было даже отправлено посольство изъ знатнѣйшихъ японцевъ-христіанъ въ Римъ, къ папѣ Григорію XIII, который и принялъ прибывшихъ издалека чадъ церкви съ величайшей любовью.

Только въ 1854 г. римская церковь основала, наконецъ, апостолическое намѣстничество въ Японіи. Въ 1859 г. японское правительство вынуждено было даровать иностранцамъ свободу вѣроисповѣданія и вскорѣ послѣ того была освящена въ Нагасаки церковь во имя 26-ти мучениковъ, причисленныхъ въ 1862 г. къ лику святыхъ католической церкви.

Тѣмъ не менѣе старые законы о преслѣдованіи христіанъ все еще оставались въ силѣ и въ 1867 г. поднялось новое гоненіе и 4000 христіанъ были сожжены живыми. Только въ 1873 г. старые законы о преслѣдованіи христіанъ были отмѣнены императорскимъ указомъ и католическій епископъ отпраздновалъ торжественнымъ богослуженіемъ прекращеніе 300 лѣтнихъ гоненій (1587—1873 г.). Въ томъ же году была основана въ Нагасаки первая католическая семинарія и японская миссія вступила въ періодъ мирнаго развитія.

Статистика религій въ Японіи даетъ слѣдующія цифры: буддистовъ и конфуціанъ — 29 милліон., шинтоистовъ — 17 милліон., протестантовъ — 86 тыс.; католиковъ — 58 тыс.; православныхъ — 23 тыс.

По свѣдѣніямъ американской газеты *Globe*, число православныхъ нѣсколько больше, а именно 25 тыс. Эта газета говоритъ, что начавъ свои дѣйствія въ 1865 г., православная русская миссія приобретаетъ съ каждымъ годомъ все большее значеніе, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ она имѣетъ въ Токио собственный храмъ.

Мормоны снова обратили на себя вниманіе Америки, всей западной Европы и въ особенности Англіи. Фанатическіе миссіонеры съ береговъ Соленаго Озера разсѣяны по всей странѣ; особенно усердно они дѣйствуютъ въ Лондонѣ, гдѣ занимаютъ большія помѣщенія для своихъ собраний и проповѣдуютъ передъ многочисленными слушателями.

Нерѣдко передъ дверьми такихъ собраний собираются огромныя толпы народа и такъ шумно требуютъ удаленія „развратителей и убійцъ“, что полиціи приходится вмѣшиваться для восстановленія порядка.

— Долгое время,—говоритъ газета *Globe*,—англичане знали мормоновъ только по карикатурамъ сатирическихъ американскихъ журналовъ и не удѣляли имъ серьезнаго вниманія; но теперь, когда они прочно основались въ Лондонѣ, вербуютъ послѣдователей, переходя изъ дома въ домъ, и заманиваютъ въ свои сѣти сотни дѣвушекъ низшихъ классовъ, власти обязаны, наконецъ, вступить и рассмотреть вопросъ о томъ, имѣютъ ли эти господа право такъ поступать.

Жители Лондона, въ особенности предмѣстья Финсбери, гдѣ усиленно работаютъ мормоны, пришли къ убѣжденію, что дѣятельность Святыхъ Последнихъ Дней угрожаетъ серьезной опасностью не только нравственности ихъ дѣтей, но и ихъ собственной, и громко требуютъ удаленія этой опасности.

Къ голосу печати и общественнаго мнѣнія присоединился еще и властный голосъ одного изъ извѣстнѣйшихъ англійскихъ богослововъ—епископа Эксетерскаго, также возставшаго противъ мормонской пропаганды.

Мормоны усиленно опровергаютъ изводимыя на нихъ обвиненія и горячо отстаиваютъ чистоту своей вѣры, которой, по ихъ мнѣнію, суждено рано или поздно покорить весь міръ; но оправданія ихъ не производятъ желаемого дѣйствія, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ бывшихъ ихъ священниковъ самъ печатно признается въ томъ, что ни въ одномъ городѣ онъ не встрѣчалъ такой ужасной распущенности нравовъ, какъ въ столицѣ мормонскаго царства, гдѣ онъ прожилъ 6 лѣтъ. Скрываясь подъ покровомъ религіи, тамъ царятъ грѣхъ и позоръ,—говоритъ этотъ бывший мормонъ.

Въ Америкѣ общественное мнѣніе возбуждено противъ мормоновъ не менѣе, чѣмъ въ Англіи. Здѣсь сыр-боръ загорѣлся по поводу того, что штатъ Ута послалъ своимъ представителемъ въ Вашингтонскій сенатъ м-ра Смута, одного изъ мормонскихъ 12-ти апостоловъ. Общественное мнѣніе возстало противъ этого выбора и такъ настойчиво требовало удаленія этого представителя, что сенатъ назначилъ по этому дѣлу особую комиссію. Смута обвиняютъ въ томъ, что будучи по убѣжденію и на самомъ дѣлѣ многоженцемъ, онъ тѣмъ самымъ нарушаетъ условіе, въ силу котораго Северо-Американскій Союзъ согласился въ 1890 г. принять территорию Ута въ число штатовъ, а слѣдовательно, не можетъ войти въ составъ правительства и избраніе его должно быть признано незаконнымъ.

Назначенная сенатомъ комиссія распространила слѣдствіе за предѣлы личныхъ убѣжденій и поступковъ м-ра Смута на мормонство вообще, на его вѣроученіе, его политическое вліяніе, его организацію и на положеніе, занятое имъ по отношенію къ законамъ страны.

Всѣ американцы слѣдятъ съ напряженнымъ вниманіемъ за работой комиссіи и, кажется, рѣшились ни подъ какимъ видомъ не допускать м-ра Смута въ народное законодательное собраніе. Комиссія еще не окон-

чила возложеннаго на нее дѣла, но уже высказалась въ томъ смыслѣ, что мормоны не исполнили принятаго ими на себя въ 1890 г. обязательства отказаться отъ многоженства. Нынѣшній глава мормонской церкви, м-ръ Смитъ, состоитъ супругомъ пяти женъ (съ шестой онъ развелся) и отцомъ 43-хъ человѣкъ дѣтей; несмотря на это, уступая американскому общественному мнѣнію, онъ издалъ на дняхъ въ городѣ Соленаго Озера постановленіе, въ силу котораго полигамія отнынѣ воспрещается и виновные въ нарушеніи новаго закона подлежатъ отлученію отъ церкви. Такое отроченіе отъ догмата многоженства приписывается полученному свыше повелѣнію. Новое постановленіе является повтореніемъ того, которое было уже издано въ 1890 г. и притомъ тоже по непосредственному Божьему откровенію. Уже одно то, что изданный законъ пришлось возобновить, служить доказательствомъ того, какъ мало мормоны считали его для себя обязательнымъ. Несомнѣнно то, что, благодаря своему богатству и организаторскимъ способностямъ, мормоны годъ отъ году все усиленнѣе пропагандируютъ свое ученіе и тѣмъ возбуждаютъ противъ себя сильнѣйшее негодованіе, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ.

Одинъ изъ выдающихся членовъ канадскаго правительства находится въ настоящее время въ Лондонѣ; онъ подтверждаетъ усиленную колонизацію и пропаганду мормоновъ въ Канадѣ, а также и то, что во время своего пребыванія въ городѣ Соленаго Озера онъ имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что на самомъ дѣлѣ мормоны и не думали отказываться отъ полигаміи и что безправственность этихъ людей прямо возмутительна.

Вся исторія о небесныхъ откровеніяхъ, отмѣняющихъ многоженство, ничто иное, какъ грубый обманъ, къ которому мормоны прибѣгаютъ, когда открытое сопротивленіе американскимъ законамъ становится невозможнымъ. Далѣе то же лицо утверждаетъ, что городъ Соленаго Озера—настоящій притонъ всевозможныхъ пороковъ. Если молодыя дѣвушки не поддаются на увѣщанія миссіонеровъ, ихъ увлекаютъ силой и водворяютъ въ домъ одного изъ старшинъ. Послѣ того, какъ несчастная жертва гибнетъ нравственно и теряетъ свое общественное положеніе, ей ничего больше не остается, какъ помириться со своей печальной участью; она поневолѣ дѣлается мормонкой. Свои сообщенія по этому вопросу членъ канадскаго правительства окончилъ словами:

— Если хотятъ положить предѣлъ распространенію мормонства въ Канадѣ и въ самой Англіи, то пусть дѣлаютъ это немедленно, потому будетъ, можетъ быть, уже поздно.

Миссіонерство, секты и расколъ.

Миссіонерское областное собраніе въ г. Карсѣ.

18 мая сего года въ г. Карсѣ состоялось первое областное собраніе духовенства по дѣламъ миссіи. На собраніи присутствовали 12 священно-церковно-служителей и епархіальный миссіонеръ, а также причтъ мѣстнаго военнаго собора, изъявившій полную готовность вести противосектантскія бесѣды съ сектантами нижними чинами карсскихъ войскъ.

На съѣздѣ было выяснено теченіе сектантской пропаганды въ Закавказьѣ, состояніе сектантства въ Карсской области, освѣщенъ во всѣхъ подробностяхъ миссіонерскій циркуляръ высокопреосвященнаго экзарха Грузіи, рѣшены нѣкоторые вопросы, касающіеся способовъ веденія приходской миссіи. Вотъ главнѣйшія постановленія, сюда относящіяся:

1) Во избѣжаніе раздѣленія церковно-приходской дѣятельности между приходскими попечительствами и наміченными циркуляромъ кружками ревнителѣй православія, рѣшено просить епархіальную власть объединить дѣятельность попечительствъ и кружковъ.

2) Въ виду того, что духовенство Карсской области состоитъ преимущественно изъ грековъ, не понимавшихъ русскаго языка и не имѣвшихъ въ своихъ приходахъ сектантовъ, рѣшено просить епархіальное начальство учредить въ Карсѣ спеціальныя ежегодныя миссіонерскіе областныя съѣзды духовенства приходовъ съ сектантскими поселеніями, независимо отъ благотворительныхъ съѣздовъ, на коихъ по требованію циркуляра должны обсуждаться вопросы миссіи въ Грузинской епархіи.

3) Просить экзарха Грузіи о допущеніи къ участию въ сужденіяхъ миссіонерскихъ съѣздовъ всѣхъ ревнителѣй православія гор. Карса и приходовъ Карсской области.

4) Постепенно расширять церковно-приходскія библіотеки выпиской миссіонерскихъ журналовъ и книгъ въ дополненіе къ разосланнымъ по приходамъ миссіонерскимъ библіотекамъ.

5) Просить епархіальное начальство ходатайствовать предъ военнымъ губернаторомъ Карсской области о разрѣшеніи знакомить областныя миссіонерскіе съѣзды съ тѣми сектантскими дѣлами губернской канцеляріи, которыя не передаются на разсмотрѣніе духовнаго начальства.

6) Представить къ 1-му января 1905 года полныя свѣдѣнія о сектантахъ Карсской области по разосланной причтамъ программѣ и просить епархіальнаго миссіонера осенью сего года провѣрить дѣятельность всѣхъ приходскихъ миссій и сдѣлать новыя указанія для миссіонерской практики.

Въ заключеніе не можемъ не отмѣтить слѣдующихъ отрадныхъ явленій въ жизни Кареской миссіи. Въ городѣ Карсѣ въ настоящее время въ противовѣсъ сектантскимъ собраніямъ ведутся вѣбогослужебныя чтенія, которыя именуются „собраніями“.

На этихъ собраніяхъ читается Новый Заветъ на русскомъ языкѣ и дается толкованіе прочитаннаго. Здѣсь же поются всѣми присутствующими церковныя гѣсногнія. Результатъ получается прекрасный. Православные перестали уже ходить въ сектантскія сборища, а сектанты начали посѣщать православныя собранія, вызывая безсильное противодѣйствіе со стороны вожаковъ молоканъ и жидовствующихъ. Мѣстный о. благочинный протоіерей Тихонъ Андріевскій энергично взялся за дѣло миссіи и уже поселилъ расколъ въ молоканствѣ съ наклономъ въ сторону православія.

Въ виду развитія сектантства въ карескихъ войскахъ, дѣломъ миссіи занялся и мѣстный военный причтъ, причемъ бесѣды взялся вести псаломщикъ военного собора, студентъ духовной семинаріи Соболевъ.

Нѣкоторые причты составили уже полные отчеты по сектантству своихъ приходоу въ его прошломъ и настоящемъ состояніи.

Миссіонеръ А. Платоновъ.

Торжество православія въ Уральской области.

(Присоединеніе австрійскаго „попа“ съ его паствою къ православной церкви).

Въ Уральской области, въ районѣ г. Илека, совершилось въ минувшемъ маѣ знаменитое для православной миссіи событіе. Мѣстность эту посѣтили владыка оренбургскій Іоакимъ и синодальный миссіонеръ протоіерей К. Крючковъ. Послѣдній, прибывъ сюда за нѣсколько дней ранѣе преосвященнаго, назначилъ въ Сухорѣченскомъ поселкѣ на 8-е мая миссіонерскую бесѣду. Мѣсто для собесѣдованія было приспособлено на площади среди поселка. Ко времени бесѣды собрались сюда сухорѣченцы—казаки и казачки, отъ мала до велика. Защищать австрійскій расколъ выступилъ мѣстный лжепопъ Савва Сладковъ и его братъ Ефремъ, уставщикъ моленной. Слушателей было множество и мѣстныхъ, и пріѣзжихъ изъ сосѣднихъ поселковъ.

Бесѣдовать начали о власти епископской. Въ началѣ бесѣды, когда о. протоіерей указалъ слушателямъ на неимѣніе у австрійцевъ признаковъ Христовой церкви въ теченіе 180 лѣтъ, запитники съ азартомъ старались оправдаться. Особенно рьяно ратовалъ за австрійщину Ефремъ Сладковъ. Но вскорѣ апологеты раскола были доведены до того, что Ефремъ, вмѣсто того, чтобы оправдываться, началъ читать тѣ же тексты

изъ Св. Писанія и твореній свв. отцовъ, которые были читаны о. протоіереемъ, и подтверждать тѣмъ, что въ церкви должны быть вѣчно три іерархическихъ чина: „кто не съ епископомъ, тотъ не въ церкви, безъ епископа не христіане, не земледѣліе Христово, по сѣми вражіе и горше невѣрныхъ“. Читалъ онъ эти тексты изъ шведовскаго списка, раскольническаго подпольнаго изданія. Савва, слушая это, замолчалъ. Казаки, пораженные такими грозными и неожиданными обличеніями ихъ беззаконнаго положенія, обратились къ Саввѣ:

— Батюшка! что же ты молчишь? говори что-нибудь!

Савва молчалъ. Наконецъ, уступая имъ, заговорилъ:

— Что вы ко мнѣ пристаєте? Заставляете говорить? Что же тутъ говорить-то? Какія это книги читаютъ намъ—святые или нѣтъ? Святые?

— Да оно святыми-то святыми.

— Такъ что-же вы на меня кричите? Хотите, чтобы противъ святыхъ я лгалъ? Помилуй, Господи. отъ этого,—я съ ума-то еще не сошелъ, чтобы на ученіе св. отца возставать!

— Такъ что же, такъ и будетъ, что мы горше невѣрныхъ и сѣми вражіе?

— Что же, вы развѣ не слышите? Кто это говоритъ такъ? Миссіонеръ что-ли, или апостольскій мужъ—Игнатій Богоносецъ? Чего же еще, святому Богоносцу не будемъ вѣрить?

— Какъ же ты намъ говорилъ, что истина на нашей сторонѣ?

— Говорили мы и учили такъ потому, что ошибались и не имѣли у себя тѣхъ книгъ, изъ которыхъ намъ теперь читаютъ, и вамъ я не могъ говорить такъ, какъ говорю теперь, потому что о многомъ самъ недоумѣвалъ, а теперь мои недоумѣнные вопросы, сами слышите, разрѣшаются. Такъ вотъ, не надо намъ возставать на св. ученіе, которое намъ теперь проповѣдуютъ. Спрашивайте лучше каждый разрѣшенія въ своихъ недоумѣніяхъ.

Бесѣда, до сихъ поръ шумная, приняла теперь видъ мирный. Казаки стали предлагать вопросы о причинахъ удаленія раскольниковъ отъ единенія съ Грекороссійскою церковью. О. протоіерей всѣ ихъ недоумѣнія разрѣшилъ, и вопросители вполне удовлетворились. Всѣ изъ бывшихъ здѣсь, за исключеніемъ 3—4 казаковъ, согласились, что расколъ ведетъ къ гибели. О. протоіерей увѣщевалъ ихъ оставить расколъ и присоединиться къ православію, окормляющемуся законнымъ священствомъ, отъ Христа установленнымъ во апостолахъ и преемственно продолжающимся съ тѣхъ поръ. Казаки отвѣтили, что подумаютъ объ этомъ. Но Савва, вставъ, рѣшительнымъ тономъ заявилъ:

Думайте! А я за васъ предъ Богомъ больше не отвѣтчикъ,—и, совершивъ крестное знаменіе, добавилъ: нынѣ оставляю расколъ и присоединяюсь къ православной церкви.

Что произошло послѣ того невозможно описать. Шумъ, споры, брань, толки, радость, все это смѣшалось и наполнило весь поселокъ. На бесѣдѣ пѣкоторые изъ болѣе рьяныхъ раскольниковъ опять укорили Савву за то, что онъ яко-бы скрывалъ отъ нихъ незаконность ихъ положенія и тѣмъ обманывалъ ихъ. Савва на это отвѣтилъ:

— Не обманывалъ и я не скрывалъ шаткость положенія австрійщины, да и вамъ говорилъ: ищите истину, и я ищу—читаю книги день и ночь. Не говорилъ я тебѣ (обращается онъ къ попечителю моленной) этого?

— Говорилъ, батюшка, отвѣтили ему.

— А говорите,—обманывалъ я васъ. Опять, развѣ не говорилъ я вамъ о томъ, какъ и гдѣ достаемъ мы антимины: прихожу къ бывшему моему владыкѣ, спрашиваю: „владыко святой, антимины мнѣ дайте, нуженъ для вновь построенной у насъ полотняной церкви“.—У меня, говорить, антимины нѣтъ. Я говорю ему: „если нѣтъ у насъ, владыко, антиминовъ, то, значить, нѣтъ и епископовъ: что за епископы, которые не имѣютъ антиминовъ“.—У меня, говорить, есть антимины-то, только они въ Москвѣ; а туда, самъ знаешь, съ пустыми руками не поѣдешь. Оно—я, пожалуй, съѣздить бы, да вѣдь на проѣздъ-то мнѣ туда надо 40 р., оттуда 40, да за антимины, гляди, отдашь 40. Можетъ быть, добьешься, такъ я того... съѣзжу. Я ему тогда сказалъ: „владыко, я пріѣхалъ къ тебѣ не покупать антимины и денегъ на то не привезъ, почему буду искать антимины у другого епископа“. Тогда онъ мнѣ говорить: „поѣзжай теперь домой, а я какъ-нибудь съѣзжу въ Москву и къ празднику привезу антимины къ вамъ. Все, вѣдь, это, вы знаете, я говорилъ вамъ. Въ Москву-то онъ не поѣхалъ и къ празднику антимины не привезъ. Потомъ пріѣзжаетъ послѣ, привозитъ желанный антимины. Спрашиваемъ его: „владыко, гдѣ добился? Въ Москву ѣздилъ?“—Нѣтъ, говорить, не поѣхалъ,—по почтѣ выслалъ. „Какъ же, говорю, развѣ антимины почтой пересылаютъ? Если почтой везли его, то почтарь-то на немъ, поди сидѣлъ и трубку курилъ, а теперь мы на немъ обѣдно хотимъ служить“. Не знаете вы этого? скрывалъ я отъ васъ?

— Ты не всеѣмъ это сказывалъ, мы не всеѣ знаемъ.

— Не всеѣ знали, такъ знайте еще теперь, что нѣтъ у насъ антиминовъ. Не можетъ быть, по писанію, антимины безъ мученическихъ мощей, а гдѣ онѣ у насъ? По необходимости будетъ ихъ возить почтарь.

Присоединенный недавно изъ австрійщины, пріѣхавшій изъ соседняго поселка слѣпецъ ¹⁾ тутъ сказалъ: „О. Савва, съ нами въ Затонномъ раскольники-сосѣди недавно спорили о вѣрѣ, а мы имъ и по-

¹⁾ Слепецъ этотъ присутствовалъ на бесѣдахъ о. протоіерея съ Усовымъ, бывшихъ въ г. Паскѣ въ великій постъ 1903 г., и по сознанию имъ тогда неправоты раскола, оставилъ австрійщину, а теперь съ усердіемъ борется съ расколомъ. Обладаетъ очень хорошою памятью и умѣетъ пользоваться своимъ знаніемъ.

ставили па видѣ, что не можетъ у нихъ быть аптимиса, потому что нѣтъ мощей, и тѣмъ оставили ихъ безотвѣтными. Потомъ вскорѣ приходитъ къ нашимъ бабамъ раскольница и по секрету сообщаетъ: „кума, не вѣрь, что нѣтъ у насъ мощей, не сумлевайся—цѣлую руку добились!“ А гдѣ добились, ее не спросили, можетъ быть, опять откуда-нибудь почтарь привезъ.

Савва добавилъ: „развѣ я не говорилъ вамъ, что меня возмущало то, что за всѣ 22 года моей службы вашимъ пастыремъ, мнѣ наши владыки муро то не давали, а въ мой пузырекъ лишь подливали простого масла. Какое это муро—масло масломъ разбавляли“.

Долго еще раскольники, разочаровавшіеся въ своихъ убѣжденіяхъ, вопрошали о. протоіерея по недоумѣннымъ для нихъ вопросамъ. Беседа продлилась 7 часовъ; кончилась въ сумеркахъ.

На другой день, 9 мая, въ праздникъ святителя Николая, въ домѣ Саввы, было совѣшено присоединеніе къ св. церкви 26 человѣкъ; присоединилось и все семейство Саввы. Народъ опять наполнилъ площадь противъ дома Саввы. Женщины, смотря въ окна, горько плакали...

Оставшіеся въ закосяніи братъ Саввы и поочетели австрійской моленной, въ эту же ночь, сами разобрали полотняную свою церковь по частямъ, уложили вмѣстѣ съ этими частями „дары“ и „антиминсы“ въ сундуки и вывезли изъ моленной. Это все продѣлали казаки-простецы!

Такъ какъ въ Илекѣ ожидался пріѣздъ преосвященнаго Іоакима, то о. протоіерей предложилъ Саввѣ для большаго торжества православія надъ расколомъ поѣхать въ Илекъ, гдѣ надъ бывшимъ австрійскимъ „попомъ“ совершить присоединеніе самъ епископъ. Такъ и сдѣлали. 11 числа, во время Божественной литургіи владыка Іоакимъ, при многочисленномъ собраніи народа, торжественно присоединилъ бывшаго лжепопа Савву къ св. Церкви. Во время литургіи Савва, вмѣстѣ съ своей женой, въ первый разъ въ жизни сподобился причаститься отъ владыки св. Тѣла и Крови Христовыхъ.

Савва съ малолѣтства отличается тихостію, религіозностью, безукоризненною нравственностію, человѣкъ хорошо начитанный, пользующійся авторитетомъ не только среди своихъ бывшихъ прихожанъ, но и считающійся первымъ человѣкомъ въ этой мѣстности у своихъ бывшихъ владыкъ, отъ которыхъ имѣлъ даже бумагу, разрѣшающую ему посѣщеніе Саратовской епархіи для совершенія тамъ требъ. Вообще онъ такой человѣкъ, какихъ среди австрійскихъ лжепоповъ немного, почему присоединеніе его къ православію нанесло великій ударъ австрійцамъ здѣшняго края, тѣмъ болѣе, что раскольники не могутъ теперь изрыгать клеветы, какъ они это привыкли дѣлать при оставленіи кѣмъ-либо раскола и присоединеніи къ православію; не могутъ сказать, что Савва оставляетъ расколъ по какимъ-либо житейскимъ интересамъ. Имѣя множество

прихожанъ во всей Илекекой стац. и прилежащей сюда мѣстности и пользуясь доходомъ даже съ Саратовской епархіи, Савва больше не захотѣлъ однако коснѣть въ расколѣ; онъ не мѣняетъ свои убѣжденія на матеріальныя выгоды, но безкорыстно соединяется со св. церковью.

Вслѣ торжество совершилось! Расколъ австрійскій, воздѣлываемый въ этой мѣстности Швецовымъ и партіей его питомцевъ, долженъ теперь почувствовать тицету своихъ усилій въ отношеніи распространенія по области новоизвленной лжеіерархіи.

Почувствовалъ это онъ еще и ранѣе, когда въ Великій постъ прошедшаго 1903 года о. протоіереемъ былъ проведенъ рядъ собесѣдованій по области и двѣ изъ нихъ въ г. Илекѣ съ нынѣшнимъ лжеепископомъ Усовымъ. Послѣ того о. Андрей Кувановъ, бывшій когда-то австрійскимъ лжепопомъ, присоединилъ въ теченіе года около 200 человекъ.

Теперь же немало будетъ способствовать обращенію заблудныхъ доѣздка пресвящ. Іоакима. Его доброе отношеніе къ паствѣ и любвеобильныя рѣчи, сказанныя въ каждомъ изъ посѣщенныхъ имъ приходоѡ, истовое служеніе съ исполненіемъ нѣкоторыхъ единовѣрческихъ обрядовъ воочію показали раскольникамъ истиннаго преемника апостольскаго служенія, у нихъ не имѣющагося.

Вообще, бѣгство Усова, присоединеніе бывшаго авторитетнаго расколническаго лжепопа Саввы, посѣщеніе области пресвящ. владыкою Іоакимомъ,—все это заставитъ расколъ здѣшній образумиться и обратить свои взоры на заблужденіе свое и своихъ лжеіерарховъ.

Теперь, по присоединеніи Саввы, жители Сухорѣченскаго п. составили приговоръ, въ которомъ, указавъ на то, что Савва, служа у нихъ 22 года *лжесвященникомъ*, былъ примѣрнымъ человекомъ, постановили просить о. протоіерея Крючкова ходатайствовать предъ владыкою Іоакимомъ о рукоположеніи Саввы въ санъ законнаго пастыря къ новооткрывающемуся единовѣрческому приходу въ Сухорѣченскій поселокъ. Приговоръ этотъ подписали 58 домохозяевъ, половина которыхъ—раскольники (которые по формѣ только раскольники, а душой уже православные: не обинуясь, они приговоромъ постановили, что въ австрійщинѣ не законные священники, а *лжесвященники*).

Въ день же присоединенія, по указанію о. протоіерея, казаки отвели потребное количество усадебной земли подъ постройку св. храма. А пресвящ. Іоакимъ, внимая просьбамъ присоединенныхъ и желающихъ присоединиться сухорѣченцевъ и видя любовь и уваженіе ихъ къ Саввѣ, бывшему ихъ пастырю, далъ согласіе рукоположить его вскорѣ же во священника для сухорѣченскаго прихода.

Очевидецъ *Геооргій Конягинъ*.

Корреспонденція „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, извѣстія и замѣтки.

И з ъ Х а р ь к о в а.

Нареченіе и хиротонія бывшаго миссіонера архимандрита Алексія (Дородницына) во епископа Сумскаго.

Извѣстный въ миссіонерской средѣ архимандритъ Алексій (Дородницын), сдѣлавшій крупный вкладъ въ литературу о штупдѣ и много лѣтъ прослужившій въ должности екатеринославскаго епархіальнаго миссіонера, 29 истекшаго мая былъ нареченъ въ гор. Харьковѣ, а 30 мая и хиротонисанъ соборомъ архипастырей во епископа сумскаго. Событіе это имѣетъ глубокій *миссіонерскій* смыслъ. Архимандритъ Алексій является *первымъ* изъ рядовыхъ членовъ братской миссіонерской дружины. Знаменательны мотивы, которыми руководился харьковскій архіепископъ Арсеній, высказывая желаніе имѣть себѣ помощникомъ именно архимандрита Алексія. Эти мотивы владыка привелъ въ своей глубоко содержательной рѣчи, при врученіи жезла новопосвященному епископу сумскому Алексію. Каждое слово этой рѣчи должно быть занесено на миссіонерскія скрижали.

Въ ней одинъ изъ старѣйшихъ іерарховъ русской церкви открыто и рѣшительно заявили, что миссіонерское дѣло—*„важное дѣло“* и при томъ настолько важное, что самъ владыка, при выборѣ себѣ помощника въ многотрудномъ и весьма сложномъ дѣлѣ управленія епархіей, остановилъ свое архипастырское вниманіе именно на лицѣ, возлюбившемъ и изучившемъ *миссіонерское дѣло*. „*Ты по преимуществу возлюбилъ миссіонерское дѣло, изучилъ его и съ успѣхомъ занимался имъ*“..., а это-то „особенно необходимо нынѣ харьковской епархіи... — вотъ почему и желательно было намъ твое святительское служеніе въ харьковской епархіи“.

Какая живительная влага потекла изъ устъ умудреннаго долголѣтнимъ жизненнымъ и архипастырскимъ опытомъ іерарха и какъ она окрыляетъ духъ работниковъ на миссіонерской нивѣ!.. Точно въ знойный лѣтній день вдругъ окатили холодной водой разгоряченныхъ противниковъ особенно епархіальной миссіи... Точно жаждущимъ и злущимъ миссіонерамъ дали кусокъ хлѣба и чашку студеной воды!.. А если еще принять во вниманіе единомысліе харьковскаго владыки съ соборомъ прибывшихъ на хиротонію епископовъ,—въ средѣ которыхъ былъ и извѣстный своею миссіонерскою дѣятельностью въ Америкѣ, тавричeskій архипастырь епископъ Николай,—особенно подчеркнутое въ прекрасной рѣчи

екатеринославскаго епископа Сумеона, то „кусокъ хлѣба“ превращается въ цѣлый хлѣбъ и „чашка воды“ въ ручей!..

Вотъ почему день хиротоніи архимандрита Алексія во епископа сумскаго является въ то же время и днемъ торжества миссіи и долженъ быть отмѣченъ на миссіонерскихъ скрижаляхъ. Вотъ почему миссія шлетъ свой горячій привѣтъ новому епископу Алексію и глубокую сыновнюю признательность харьковскому владыкѣ и собору іерарховъ, хиротонисавшихъ одного изъ любимыхъ членовъ миссіонерской семьи.

Въ свою очередь, харьковцы, никогда не видавшіе торжества епископскаго нареченія и хиротоніи, глубоко признательны архіепископу Арсенію, за устроеніе этого трогательнаго церковнаго торжества. Прекрасная, ораторски произнесенная рѣчь еп. Алексія при нареченіи произвела глубокое впечатлѣніе своею искренностью, задушевностью и силою.

Миссіонеръ *Иванъ Айвазовъ*.

Рѣчь архіепископа Арсенія, при врученіи жезла новопосвященному епископу Сумскому Алексію ¹⁾.

Преосвященный Алексій, возлюбленный о Господѣ брать!

Привѣтствую тебя съ посвященіемъ въ санъ епископа. Сугубая благодать, воспринятая тобою въ великомъ таинствѣ хиротоніи, да содѣлаетъ тебя полезнѣйшимъ дѣятелемъ въ Церкви Христовой, малая частица коей есть харьковская епархія, въ которой Промысломъ Божиимъ, Царскою волею и избраніемъ Св. Синода указано тебѣ высшее іерархическое служеніе.

Возлюбленный брать! Гдѣ дѣйствуетъ Богъ посредствомъ такихъ великихъ орудій благодати Своея, какъ помазанникъ Божій (Государь) и соборъ свитителей (Св. Синодъ),—тамъ *благо*. Мы вѣруемъ, что твое пришествіе къ намъ принесетъ пользу нашей паствѣ, а твое посвященіе въ санъ епископа въ семъ кафедральномъ храмѣ—среди паствы харьковской содѣлываетъ тебя по преимуществу *нашимъ*.

Гдѣ можетъ быть болѣе цѣлесообразности, какъ не въ дѣйствіяхъ Промысла Божія?.. Сію-то цѣлесообразность мы усматриваемъ въ твоемъ назначеніи на служеніе въ харьковской епархіи. Для добраго успѣха необходимо, чтобы средства соответствовали цѣлямъ, а люди *дѣлу, на которое они призываются*.

Не будемъ говорить объ общихъ обязанностяхъ архіереевъ и объ общихъ свойствахъ, каковы должны быть архіереи; а равнымъ образомъ не бу-

¹⁾ Произнесена въ харьковскомъ кафедральномъ соборѣ 30 мая 1904 г.

демъ говорить объ общихъ нуждахъ епархіи и объ общихъ потребностяхъ епархіальнаго управленія. По укажемъ на *нѣчто особенное, что желательно намъ получить отъ тебя, возлюбленный братъ, и что, хотя издали мы усматривали въ тебѣ, но что особенно нужно нынѣ харьковской епархіи.*

Обративъ вниманіе на твое уже многолѣтнее служеніе на разныхъ поприщахъ многообразной и многообразной нивы церкви Христовой, мы усмотрѣли, что *ты по преимуществу возлюбилъ миссіонерское дѣло*, изучилъ его и съ усиліемъ занимался имъ; вмѣстѣ съ этимъ святымъ, апостольскимъ дѣломъ неразрывно соединено проповѣданіе Слова Божія и при томъ не въ отвлеченныхъ, сухихъ и теоретическихъ формахъ и обстановкахъ, а въ простыхъ, живыхъ и дѣйственныхъ явленіяхъ, *лицомъ къ лицу*—не съ слушающими только, но и *вопрошающими*. А это-то, т. е. и миссіонерство, и живое и дѣйственное проповѣданіе слова Божія—какъ разъ намъ особенно нужно. Теперь, возлюбленный братъ, тебѣ понятно, почему желательно было намъ твое святительское служеніе въ харьковской епархіи...

Ты служилъ недалеко отъ нашей страны—на югѣ Россіи, поэтому тебѣ извѣстно, какъ распространено здѣсь сектанство и какъ много здѣсь сектантовъ разныхъ видовъ. То же самое и въ харьковской епархіи. Есть въ ней, и въ не маломъ количествѣ, и шундисты, и толстовцы, и духоворы, и хлысты; есть и глаголемые старообрядцы. Къ исторженію сихъ плевелъ, посягающихъ врагами истиннаго ученія Христова, у насъ приняты и принимаются усиленные мѣры и дѣйствительныя средства. Есть у насъ миссіонерство, миссіонерскій комитетъ и миссіонеры; развито проповѣданіе слова Божія, особенно противосектантское, и еще болѣе развивается. Съ этою цѣлью учреждено въ Харьковѣ религіозно-просвѣтительное братство Озерянской Божіей Матери. Миссіонерское дѣло съ просвѣтительнымъ Братствомъ подлежало ближайшему вѣдѣнію твоего предшественника, моего помощника, преосвященнаго Стефана. И твоему, возлюбленный братъ, вѣдѣнію будетъ подлежать *это важное дѣло, знакомое тебѣ по прежнему твоему служенію.*

Но въ обширной харьковской епархіи и въ многочисленномъ городѣ Харьковѣ много и другихъ епархіальныхъ дѣлъ—текущихъ и экстренно-приходящихъ: вообще много дѣла для архипастырей. Скажу о себѣ: много и работалъ на нивѣ Христовой и, благодареніе Господу, еще продолжаю трудиться съ неослабкою ревностью. Но лѣта мои достигли старости и силы начинаютъ слабѣть. Вручая тебѣ сей жезлъ, не могу не обратиться къ тебѣ съ покорною просьбой: *позволь и мнѣ иногда опереться на твой жезлъ.* Вообще же, будемъ совмѣстно въ мирѣ, любви и согласіи выполнять великое и трудное дѣло епархіальнаго управленія.

Прими сей жезлъ отъ меня, какъ отъ руки Божіей, и почни свое архипастырское служеніе преподаніемъ благословенія сему народу, съ вѣрою и любовью ожидающему онаго отъ тебя, какъ своего новаго архипастыря.

Мысли и чувствованія новоизбраннаго епископа.

(Рѣчь архим. Алексія при нареченіи его во епископа).

Богомудрые архипастыри и отцы.

Избраніемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода и изволеніемъ Боговѣдчаннаго Самодержца я призываюсь къ великому служенію святой православной церкви,—служенію архіерейскому. Въ эти священныя для меня минуты, единственныя въ моей жизни, когда мысль невольно останавливается на святости и высокомъ значеніи того служенія, къ которому нынѣ я призываюсь,—предъ моими духовными взорами возстаютъ сонмъ архипастырей святой православной церкви, какъ бы вопрошающихъ меня: „Друже, съ чѣмъ пришелъ еси? Что ты приносишь въ сокровищницу церкви Христовой?“ Изъ православно-церковно-исторической дали возстаютъ предо мною образы архипастырей-мучениковъ, обогрившихъ своею кровію ниву Христову,—архипастырей-учителей, озарившихъ свѣтомъ ученія Христова весь христіанскій міръ. Въ моихъ личныхъ воспоминаніяхъ воскресаютъ образы святителей: Димитрія, архіепископа одесскаго, этого тихаго свѣтильника вѣры, во свѣтъ котораго пропикалъ до глубины человѣческихъ сердецъ; я еще и теперь какъ бы ощущаю на себѣ пламенное дыханіе ревностнаго по вѣрѣ Христовой другаго святителя одесскаго, архіепископа Никанора; въ моемъ сердцѣ еще живо чувство скорби по недавно почившемъ святителѣ Ювеналіи, архіепископѣ литовскомъ, этомъ великомъ таинникѣ благодати и созерцателѣ тайныхъ движеній души, живущей въ общеніи съ Богомъ, душа котораго была чище кристалла; въ нашемъ лицѣ, святители Божіи, я вижу архипастырей, сильныхъ словомъ и дѣломъ, богатыхъ духовнымъ опытомъ, право правящихъ слово истины Христовой, помощниковъ и защитниковъ бѣдныхъ и утѣшителей скорбящихъ.

Гдѣ же мнѣ мѣсто въ сонмѣ такихъ свѣтильниковъ церкви Христовой, не говорю въ ряду ихъ, но у ногъ кого-либо изъ нихъ? Я и словомъ слабъ и дѣлами бѣденъ. Но мое смущеніе усугубляется, когда я представляю козни врага рода человѣческаго, который онъ воздвигаетъ въ наши дни противъ православной церкви. Певѣріе, подобно тонкому тлетворному воздуху, широко распространяется въ нашемъ обществѣ, сотрясая глубины духа не только юпошей, но и старцевъ; сомнѣніе въ истинахъ святой православной церкви, руководимое врагами ея и нашего дорогого отечества, смущаетъ простыя души нашего добраго и довѣр-

чиваго народа; лжеименный разумъ, прикрываясь тогою учености, пытается водрузить свое знамя на мѣстѣ святѣ.

И въ такое-то время бурнаго дыханія духа нечиста, духа злобы Ты, Господи, поставляешь меня на свѣщницѣ архіерейскаго служенія святой православной церкви. *Нemoцeнъ, нemoцeнъ азъ есмь...* Но вѣрую, Господи, что если Ты призываешь меня къ сему высокому служенію, то Ты же даси мнѣ и силы къ достойному прохожденію его: если, по Твоему слову, ни единый волосъ не падаетъ съ головы нашей безъ воли Отца нашего Небеснаго (Лук. XXI, 18), то тѣмъ паче призваніе наше къ служенію Твоей церкви совершается подъ Его благимъ промысленіемъ о насъ. Эта вѣра вдохновляетъ и ободряетъ меня. А вмѣстѣ съ этимъ и иная утѣшительная мысль возстаетъ въ моемъ духѣ: я не одинъ буду работать на нивѣ Христовой—я буду работать въ союзѣ вѣры и любви съ сонмомъ архипастырей Россійской церкви, я буду работать подъ твоимъ, богомудрый святитель харьковской церкви, благимъ смотрѣніемъ—и въ этомъ для меня повая надежда и новое ободреніе. Емлюся, емлюся за края ризъ вашихъ, святители Божіи, и молю васъ, не о томъ молю, чтобы духъ, иже въ васъ, сугубѣ во мнѣ пребывалъ, нѣтъ: моя мѣрность не снесетъ величія и силы духа сего; молю, какъ приточный бѣднякъ: „дайте мнѣ взаимъ отъ хлѣбовъ вашихъ“ (Лук. XI, 5). Дайте мнѣ отъ сокровищницы вашего духа содѣйствіе вашей любви, вашего духовнаго опыта, вашихъ молитвъ. И я, ободряемый надеждою на всемогущую благодать Господа моего Іисуса Христа и содѣйствуемый вашими любовью, опытомъ и молитвами, съ дерзновеніемъ пойду на указываемое мнѣ служеніе, памятуя, что „сила Господня и въ немощи совершается“ (2 Кор. XII, 9).

Миссіонерская вакансія.

Въ астраханской епархіи состоитъ вакантной должность епархіальнаго миссіонера 1 участка, гдѣ есть раскольники и сектанты. Желательно лицо, окончившее курсъ духовной академіи или семинаріи, предпочтительно въ духовномъ санѣ. Жалованье въ годъ вмѣстѣ съ квартирными и разъѣздными 2.000 р. Жительство въ г. Астрахани. Прошеніе подавать на имя преосвященнѣйшаго Георгія, епископа астраханскаго и енотаевскаго.

Пожертвованія.

1. Отъ Свято-троицкой женской общины Смоленской общины, Вяземскаго уѣзда, на религіозно-нравственныя изданія для отсылки на Дальній Востокъ для войскъ дѣйствующей арміи поступило въ редакцію „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ 25 руб.

2. Отъ Протоіерея о. Антонія Кудинова, Полтавск. губ., поступило 120 названій книгъ для рел.-нравственнаго чтенія воинамъ.

ОТКЛИКИ.

Изъ дневника о. Іоанна Гронштадтскаго въ обличеніе лжеученія гр: Льва Толстого ¹⁾.

Если кто соблазнитъ единого отъ малыхъ сихъ, то, по слову Божественнаго Учителя, лучше было бы для него, если бы навѣсили ему жерновъ на шею и бросили его въ глубину морскую (Мат. 18, 6). Левъ Толстой соблазнилъ и продолжаетъ соблазнять десятки тысячъ людей, печатая и разсылая во множествѣ свои богохульные писанія, съ цѣлью соблазнить особенно учащуюся молодежь, преимущественно средняго и высшаго образованія, и ими отравлено множество юношей и дѣвицъ! Чего же по правосудію Божию заслуживаетъ нашъ русскій еретикъ, сколькихъ казней? А чего заслуживаютъ и попускающіе ему распространять свои гибельныя брошюры и дающіе ему полную волю говорить, что захочетъ? Многіе погибнуть чрезъ Толстого, участвовавшіе въ допустительствѣ ему.

У тебя, Левъ Толстой, пособниковъ много для твоего гибельнаго ученія. Во первыхъ, самъ князь тьмы, иже есть діаволъ и сатана, обольщающій всю вселенную. Толстой не вѣритъ въ злыхъ духовъ, коихъ онъ называетъ чертями; а они-то его и научили и учатъ съ юности и доселѣ всякому грѣху, всякой лжи и неправдѣ; они-то его и научили отвергать Откровеніе, Бога въ Троицѣ, Христа Спасителя, Церковь, Богородицу, Святыхъ и идти наперекоръ всякой истинѣ; они-то и производятъ весь сумбуръ въ его головѣ; они-то и научаютъ людей всякому грѣху; отъ ихъ-то лжи и пришелъ спасти людей вѣрующихъ Христосъ, отъ ада, уготованнаго имъ и ихъ слугамъ; они-то и встрѣтятъ Толстого по смерти, которая ждетъ его съ нетерпѣніемъ и они-то съ жадностію готовы схватить, съ скрежетомъ зубовымъ и съ хохотомъ страшнымъ Толстого и подобныхъ ему. Слышите все христіане!

¹⁾ „Мисс. Обоз.“, кн. 8, стр. 1059.

Во вторыхъ, пособники твои, Левъ Толстой, всё тебѣ подобные, въ родѣ Черткова и множества русскихъ переучекъ, подобныхъ тебѣ и совращенныхъ твоимъ безсмысленнымъ ученіемъ. Въ третьихъ, пособляетъ тебѣ твоя старая нечистая ветошь, унаслѣдованная тобою отъ твоего отца,—я разумѣю тѣ дрожжи лукавыя, на коихъ ты зачался и образовался въ типъ человѣка, то уродливое нравственное неразвитіе и та среда, въ которой ты выросъ; полная невоспитанность нравственная, въ которой ты выросъ, то безвѣріе и та безцерковность, въ которыхъ ты жилъ и своевольничалъ. Не возможно наслѣдовать царствіе Божіе людемъ, неуготовавшимъ себя для него вѣрою, покаяніемъ и исправленіемъ, добродѣтелью. Вспомни притчу о званыхъ на вечерю.—«Ни одинъ мужей тѣхъ званыхъ вкуситъ Моя вечера: много званыхъ, но мало избранныхъ» (Мѡ. 22, 1—14).

*
* * *

Левъ Толстой играетъ въ сурдинку и идетъ противъ здраваго смысла человѣческаго, противъ всякаго логическаго закона, лишь бы только излить свою желчь на Христа, на вѣру Христову, на церковь. Какъ онъ низокъ, нелѣпъ въ своихъ разсужденіяхъ! Ниже этого упасть нельзя, безсмысленнѣе Толстого нѣтъ, кажется, никого. Прочтите безпристрастно его послѣднюю брошюру и убѣдитесь. До чего дошелъ авторъ «Войны и мира»! Вошедши въ незнакомый ему, чужой огородъ, онъ сломилъ себѣ шею съ головой. Затѣмъ дошелъ до сумасшествія, до абсурда! «Отвергающій Меня и не принимающій словъ Моихъ имѣетъ судъ себѣ: слово, которое Я говорилъ, оно будетъ судить его въ послѣдній день» (Іоан. 12, 48).

*
* * *

Хула на Духа не простится человѣкамъ. Если кто скажетъ слово на Сына Человѣческаго, простится ему, если же кто скажетъ на Духа Святаго, не простится ему ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ. Или признайте дерево хорошимъ и плодъ его хорошимъ; или признайте дерево худымъ и плодъ его худымъ; ибо дерево познается по плоду. Порожденія ехидины, какъ вы можете творить добро, будучи злы. Ибо отъ избытка сердца говорятъ уста. Добрый человѣкъ изъ добраго сокровища выноситъ доброе; а злой человѣкъ изъ злого сокровища выноситъ злое. Говорю же вамъ,

что за каждое праздное слово, какое скажутъ (или напечатаютъ, напишутъ) люди, дадутъ они отвѣтъ въ день суда (Мѡ. 12, 31—36). Толстой хулить христіанскую вѣру и церковь. Но какъ поднимается у человѣка языкъ—хулить то, что истинно, прекрасно, жизненно, спасительно? Дерево познается по плодамъ: какіе же плоды принесла христіанская вѣра? Самые добрые плоды, о чемъ свидѣлствуетъ вся исторія церкви.

Свѣтскіе писатели только въ землю смотрятъ и выше земли не поднимаютъ сердечнаго ока своего; но человѣкъ сотворенъ преимущественно для небеснаго, а не для земнаго только, и его станъ и тѣлесныя очи обращены къ небу. Писатели мірскіе слишкомъ односторонни и не полны,—и, когда захотятъ говорить о предметахъ вѣры, то говорятъ большею частію только для того, чтобы глумиться надъ ними и толковать ихъ по своему одностороннему, ошибочному разумѣнію, какъ графъ Толстой и подобные ему. Какъ возможенъ Толстой въ наше время? какъ возможенъ такой писатель? такой сумасбродъ? такой рецидивистъ? Какъ возможны такіа похуленія на все святое, чѣмъ дорожитъ человѣкъ больше своей жизни?

Кто же этотъ Толстой, который диктаторски судитъ всѣхъ и самъ себя ставитъ выше общаго суда, приписывая себѣ какъ бы божескую непогрѣшимость! Кто этотъ дерзко посягающій своимъ судомъ на здравый, правый, чистый смыслъ всего избраннаго, умудреннаго Богомъ и чистою, высокою жизнію человѣчества и смѣющійся надъ непреложными истинами, общедоказанными, животворными, твердыми, какъ неподвижная скала и какъ столпъ, твердо водруженный! Это—человѣкъ, духовно ни мало не воспитанный, пролетарій мысли и нравственной распатанности отъ самой юности, какъ и самъ онъ признается, человѣкъ совершенно несвѣдущій въ религіозныхъ истинахъ, нигилистъ до мозга костей, не вѣрующій ни въ кого и ни во что, кромѣ себя самого, какъ русскаго графа, прославленнаго писателя; онъ утверждаетъ, напр., что Россія не должна воювать ни съ кѣмъ и проливать чью-либо кровь, кромѣ того только случая, когда разбойники нападутъ на него, графа Толстого, или на Ясную Поляну,—тогда правительство должно защищать Поляну силою оружія и пролить солдатскую

кровь, чтобы не пролилась графская кровь на Ясной Полянѣ, такъ какъ она всегда имѣла видъ и свойство ясной, а не мрачной поляны. Какъ вы думаете, въ здоровомъ ли умѣ такъ разсуждающій графъ по фамиліи Толстой! Вы не браните меня за эту иронію; я вовсе не хочу прониживать, но слова его сами собою вызываютъ на то; я говорю только правду. Не потерялъ-ли только Толстой изъ виду законовъ здраваго мышленія! Повидимому, такъ Левъ Николаевичъ! Вы шутите однако ужъ слишкомъ надъ здравымъ общечеловѣческимъ смысломъ. Помилуйте, вы своей львиною лапою бьете по лицу и папъ, и кардиналовъ, пасторовъ, священниковъ, и всѣ они, по вашему, обманщики, негодяи, а вы человѣкъ праведный, искренній, якобы правду говорящій всѣмъ духовнымъ особамъ, правителямъ, начальству. Ну, если вы умный, а не сумасшедшій, то вѣдь васъ судить надо строжайше за это ругательство надъ лицами уважаемыми по сану (не ваше дѣло судить ихъ за дѣла, вы не призваны къ тому): вы публично смѣтесъ и думаете остаться безнаказаннымъ! Нѣтъ, этого быть не можетъ! Вы понесете строгое наказаніе—вы соблазните не единого только отъ машихъ, а всѣ христіанскіе народы, привыкшіе по божественному праву смотрѣть съ уваженіемъ на эти лица. Вамъ, по писанію, нужно бы повѣсить камень на шею и опустить съ нимъ въ глубину морскую, вамъ не должно быть мѣста на землѣ.

* * *

Подумайте, сытый и безпечальный, богатый русскій графъ хочетъ у всѣхъ русскихъ и даже у французовъ, итальянцевъ, нѣмцевъ, австрійцевъ и даже англичанъ вырвать вѣру въ Спасителя грѣшныхъ, имѣющаго глаголы живота вѣчнаго, во Врача всего немощнаго вѣрующаго человѣчества, въ незаходимое Солнце правды, въ Единственнаго Утѣшителя всѣхъ скорбящихъ вѣрующихъ.—Русскій народъ и все интеллигентное множество, да и все христіанское человѣчество! узнайте по плодамъ, преподнесеннымъ вамъ отъ Л. Толстого! Каково его ученіе, каковъ этотъ учитель.—Сынъ геены! Не смѣйтесь, графъ и всѣ толстовцы, надъ этимъ страшнымъ словомъ,—вы скоро насытитесь ею и погрузитесь въ нее на всю (если не покается) вѣчность; графъ всѣхъ хочетъ вовлечь въ нее,

какъ сатана, всѣхъ лишить Того, Кто одинъ можетъ избавить отъ нея, какъ сказано: убойтесь Того, Кто по убіеніи можетъ вове-
рещи въ дебрь огненную, ей, глаголю вамъ, Того убойтесь (Мо.
10, 28). И такъ, по плодамъ этого безбожника, этого ругателя всего
христіанскаго человѣчества, вы узнаете, кто онъ. Это—антихристъ,
—это звѣрь, вышедшій изъ бездны (Откр. 11, 7), съ десятью рога-
ми (Откр. 13, 1), бодущій на всѣ четыре стороны, на всѣ страны
свѣта, чтобы, если можно, хоть нѣкоторыхъ ввести въ нее съ собою
на всю вѣчность.—Если бы хоть немного вкусилъ графъ плодовъ
Христовой вѣры, онъ никогда бы не сталъ такъ издѣваться надъ
нею и надъ нами, — но онъ, какъ видно, ни на часъ не былъ
истиннымъ христіаниномъ и всегда былъ безбожникомъ. Невольно
даюсь я диву, какъ въ Россіи могла появиться эта змѣя, полная
яда смертоноснаго,—подивись небо, подивитесь всѣ Ангелы Божіи
и всѣ Святые человѣки, какъ могъ русскій графъ сдѣлаться сосу-
домъ сатаны и принять въ себя всю полноту его, все его отступниче-
ство отъ Бога, всю вражду его на Бога и на вѣрующихъ въ Бога.

Какъ древніе софисты, философы обратили даръ слова, должен-
ствующаго выражать истину, — обратили въ игру словъ, называя
бѣлое чернымъ, а черное бѣлымъ, или добродѣтель называя грѣ-
хомъ, а грѣхъ добродѣтелью, такъ и Левъ Толстой потерялъ всякое
уваженіе къ слову и къ истинѣ, и правдѣ, и свой писательскій
талантъ обратилъ въ игру словами, мало того—на самое дерзкое,
сатанинское богохульство; да еще и самаго сатану превзошелъ: ибо
сатана вѣритъ въ Бога и трепещетъ Его (Іак. 2, 19), — и бѣсы
вѣровали въ Иисуса Христа и признавали Его громко Сыномъ
Божіимъ (Лук. 4, 34), а Толстой не вѣритъ въ Сына Божія и
смѣется надъ Евангельскою истиною. Церковь непрестанно благо-
словляетъ Господа, Творца, Промыслителя и Спасителя и Правед-
наго Судію день и ночь, а Левъ Толстой осмѣливается въ своихъ
писаніяхъ хулить Его, называя Его жестокимъ и вишновникомъ—
ужасно сказать—страшныхъ знаменій въ людяхъ.—Слышите, народъ
православный. Это подлинныя слова Толстого, я заимствовалъ ихъ
изъ его печатанныхъ листовъ, издаваемыхъ въ Англіи Чертковымъ,
русскимъ ренегатомъ, отщепенцемъ. — Скажите, не осатанѣлъ ли
Л. Толстой? Книги В. и Н. Завѣта онъ считаетъ ниже всякихъ

сказокъ, называетъ ихъ безирравственными сказками и безумнымъ, безирравственнымъ дѣломъ преподаваніе ихъ дѣтямъ, а себя называетъ великимъ истиннымъ учителемъ. Каковъ же учитель безбожникъ, атеистъ и антихристъ!

Какъ больно сердцу, когда въ вашихъ глазахъ поносятъ святыню, которою живешь и дышешь, утѣшаешься съ самой юности, — поносятъ то, что составляетъ святыню для христіанскаго человѣчества всѣхъ вѣковъ, за которую страдали съ радостію безчисленные сонмы мучениковъ, святителей, преподобныхъ и всѣхъ святыхъ, вообще лучшіе и благороднѣйшіе изъ людей, что составляетъ непреложную истину, которою просвѣщаются, питаются и укрѣпляются умъ и сердце и все существо человѣка искренно вѣрующаго? И Левъ Толстой, какъ свищъ (извините за слово), попираетъ все это своими ногами, на глазахъ всѣхъ христіанъ. — Изыческіе писатели Цельсъ и Порфирій не ругались такъ надъ христіанскою вѣрою, какъ ругается Левъ Толстой.

Испополяпскій графъ находится въ великой прелести самообольщенія, думая серьезно, что онъ правъ. О, какъ сатана ослѣпилъ его за гордость и падменность! И сколько людей чрезъ него впади въ обольщеніе!

Какъ стремительно развиваются и требуютъ себѣ удовлетворенія животныя инстинкты у безбожниковъ и безцерковниковъ — толстовцевъ и какъ въ нихъ богопротивно дѣйствуетъ ветхій человѣкъ, совлечся котораго церковь учить каждаго христіанина; между тѣмъ они-то (безбожники) ему и послѣдуютъ и исполняютъ его похоти! — Обрати ихъ и вразуми ихъ, Господи, и вложи въ нихъ свѣтъ Твой, если они способны его принять, пока тьма адская совсѣмъ не покрыла ихъ.

СО СКРИЖАЛЕЙ СЕРДЦА.

Родные нашему сословію герои — командиръ „Варяга“ В. О. Рудневъ и священникъ о. Щербаковскій. — Нѣсколько словъ о героизмѣ въ жизни рядового духовенства и о мало-душій нашихъ сословныхъ ренегатовъ. — Руководительство приходскихъ пастырей перспискою своихъ прихожанъ съ ихъ родными — солдатами дѣйствующей арміи.

Война родитъ героевъ. Эта испытанная вѣками истина находитъ для себя новое блистательное оправданіе въ нынѣшней жестокой, но съ обѣихъ сторонъ геройской битвѣ православныхъ русскихъ съ язычниками японцами. Война только еще разгорается, а уже «россійскій пантеонъ безсмертныхъ» обогатился повою галлереею прославившихся на весь міръ нашихъ чудо-богатырей, удивляющихъ весь свѣтъ своимъ высочайшимъ, явленнымъ на бранныхъ поляхъ и водахъ, несравненными доблестями мощнаго, самоотверженнаго духа, стоическимъ терпѣніемъ, христіанскою покорностью волѣ Божіей. Всѣ сословія и классы увѣнчаны славою своихъ доблестныхъ сыновъ. Не отстало и наше духовное сословіе. Въ этой новой галлерей безсмертныхъ, среди прославленныхъ нынѣшней войной героевъ, находятся двое — родныхъ нашему сословію, изъ нихъ одинъ «плоть отъ плоти нашей», другой — «отпрыскъ корня» нашего — духовнаго сословія. Оба одинаково скромные, смиренные, простые, какъ всѣ истинные герои.

Одинъ изъ нашихъ родныхъ героевъ стоитъ въ «пантеонѣ славы» съ высокоподнятымъ Животворящимъ Крестомъ въ рукѣ, въ утомленной одеждѣ служителя алтаря, другой — въ новомъ блестящемъ мундирѣ флигель-адъютанта. Первый — герой Тюренчена, молодой священникъ 11 стрѣлковаго полка о. Стефанъ Васильевичъ Щербаковскій. А второй — герой Чемульпо — командиръ Варяга В. О. Рудневъ. Оба краса и гордость Россіи, — оба радость и утѣшеніе нашей церкви, — первый, какъ благоговѣйный служитель ея, второй, какъ глубоко вѣрующій, преданный сынъ церкви.

Въ газетахъ сообщалось, что тульское дворянство съ радостью привѣтствовало героя Чемульпо, какъ своего славнаго дворянина. Съ одинаковымъ правомъ и съ тѣмъ же чувствомъ радости не одно только тульское духовенство, но и вообще наше сословіе должно запечатлѣть на скрижаляхъ своей исторіи безпримѣрный подвигъ героя Чемульпо, молитвенно привѣтствуя В. О. Руднева,

какъ сородича, ведущаго свою родословную отъ тульской духовной фамиліи Рудневыхъ.

Два ближайшіе родственника героя Чемульпо состоятъ приходскими священниками въ той же Тульской губерніи, а почтенный о. Михаилъ Рудневъ, священникъ на погибшемъ крейсере Варягъ, явившій тѣ же высокія доблести мужества и самоотверженія при уходѣ за ранеными, — родственникъ славнаго командира Варяга, флигель-адъютанта В. О. Руднева. Не изъ той же ли фамиліи Рудневыхъ происходилъ и знаменитый тулякъ, доблестный іерархъ нашей церкви, митрополитъ Кіевскій Іоанникій Рудневъ?

Насъ заочно познакомилъ, такъ сказать, съ духовною фізіономіей главнаго героя Чемульпо бывшій настоятель Корейской миссіи, о. архим. Хрисанъ (а нынѣ епископъ Чебоксарскій, викарій Казанскій), который душою переживалъ, наканунѣ катастрофы, томленіе духа В. О., посѣтившаго Сеулъ и о. Хрисанова, и затѣмъ раздѣлялъ волновавшія героя Чемульпо чувства послѣ ихъ славнаго подвига, при возвращеніи на родину. По словамъ о. Хрисанова, тишическою чертою В. О. Руднева является величайшая скромность и простота, глубокая вѣра въ Бога и самоотверженная преданность волѣ промысла Божія.

— «А знаете, батюшка, что меня спасло?—однажды бесѣдоваль В. О. съ о. Хрисаномъ во время длиннаго переѣзда изъ Шанхая въ Одессу.—Въ одинъ моментъ ужаснаго боя около меня стояли три сигналиста. Съ трескомъ разрывается гдѣ-то непріятельскій снарядъ и вмгъ чугунныя брызги осколковъ гранаты уложили всѣхъ трехъ моихъ сигналистовъ, а я, какъ видите, остался живъ и невредимъ. Развѣ это не чудо милости Божіей! А моею охраной было вотъ что.

«Нашъ герой разстегнулъ мундиръ, и я увидѣлъ на украшенной Георгіемъ его груди икону въ серебряной ризѣ. Оба мы въ нѣмомъ благоговѣніи передъ святыней осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ.

— «Съ этой иконою не разставался во все время морской жизни мой отецъ морякъ,—продолжалъ свою бесѣду В. О.,—съ нею онъ совершилъ всѣ свои плаванія и считался счастливымъ морякомъ. Умирая, отецъ передалъ икону мнѣ въ благословеніе...

«Мы провели нѣсколько минутъ въ нѣмомъ размысленіи», рассказывалъ о. Хрисанфъ.

Какъ трогательна эта вѣра героя для нашихъ немощныхъ совѣстію иконоборцевъ!

— Да, я глубоко вѣрую, сказалъ В. О., что здѣсь та сила и тайна, которая меня спасла, и мы сравнительно счастливо вышли изъ нашего адскаго положенія.

О. Хр. свидѣтельствуесть, что В. О. не устлаждаеь своимъ подвигомъ, онъ даже и не зналъ, и не цѣнилъ значенія его; по своей врожденной скромности онъ прямо таки считалъ, какъ и всѣ герои Чемульпо, что они ничего особеннаго не сдѣлали и даже совершенно искренно удивлялись, за что имъ со всего свѣта вдругъ посыпались выраженія удивленія и похвалы. Болѣе того, и Рудневъ, и Бѣляевъ дорогой не только не ожидали себѣ тѣхъ торжествъ и патриотическихъ овацій, которыми почтила ихъ вся Россія, во главѣ съ Вѣнценоснымъ Вождемъ, но еще опасались возможности отвѣта и осужденія. Таково смиреніе подлинныхъ великановъ духа, которые, по слову Спасителя, «совершивъ вся повелѣнная, считаютъ себя рабами неключимыми»!

Но обратимъ, дорогіе читатели, «взоры нашего сердца» на величавый Тюренченскій подвигъ другого близкаго намъ героя-священника, о. Стефана Щербаковскаго.

У этого священника, какъ и у моряка Руднева, какъ и у всѣхъ русскихъ великановъ, геройскій подвигъ находится въ той же золотой оправѣ эпического спокойствія, удивительно уравновѣшеннаго, самоотверженнаго духа. Но въ подвигъ о. Щ-го есть и своя характерная особенность: молодецкое дѣло о. Щ-го не было ни порывомъ той беззавѣтной удали и мужества, которыя присущи всему нашему воинству, не было оно и продуктомъ простаго инстинкта самосохраненія, иногда и изъ робкаго человѣка дѣлающаго отчаяннаго вояку.

О. Стеф. Щербаковскій.

Нѣтъ! О. Щербаковскій совершилъ свое «чудо храбрости» въ смиреніи живой вѣры въ Промыслъ Божій, объятый пламенемъ самоотверженной преданной любви къ Царю, Отчизнѣ и къ «симвъ малымъ», — къ своимъ духовнымъ дѣтямъ-солдатамъ. Не забудемъ, что по долгу службы о. Щербаковскій могъ не являться подъ знамена на поле битвы.

Вы всмотритесь только поглубже въ этотъ подвигъ и вы сами увидите въ смиренномъ самоотверженномъ служителѣ алтаря ближайшаго послѣдователя Христа изъ славнаго сонма тѣхъ «начатковъ и первенцевъ Церкви», которыхъ знала первохристіанская исторія.

Самоотверженное рѣшеніе о. Стефана идти въ знаменную роту на поле битвы было обдуманною, пережитою рѣшимостью принять *волюную смерть* «за други своя», и принято оно было, явно, послѣ глубокаго, мучительнаго переживанія.

Эта завѣса души героя ясно открывается изъ переданнаго корреспондентами замѣчательнаго по своей простотѣ и смиренію разсказа о. Стефана о подвигѣ русскаго воинства 18 апрѣля. Этотъ разсказъ воочію свидѣтельствуетъ, что о. Щербаковскій воистину пастырь великаго христіанскаго духа и силы.

— «Всталъ я 18 числа рано, въ три часа ночи. Я зналъ, что бой будетъ отчаянный, и рѣшилъ исполнить свой пастырскій долгъ до конца, показавъ воинамъ примѣръ самоотверженія и любви своею смертію... Въ 4 часа я помолился Богу, составилъ завѣщаніе и сталъ въ знаменной ротѣ...

«11-й полкъ стоялъ въ Тензы 18-го апрѣля. Затѣмъ утромъ его приблизили къ тюренченской позиціи. Батарея Муравскаго была вызвана на позицію. 11-й полкъ въ резервѣ томился бездѣйствіемъ. Это было самое тяжелое время; невольный страхъ закрадывался въ душу... Когда я взглянулъ на часы, было три часа пополудни. Въ это время полкъ выстроился и подъ звуки полковаго марша двинулся въ атаку на наступающихъ японцевъ. Я надѣлъ эпитрахиль, взялъ крестъ, благословилъ солдатъ и съ пѣніемъ «Христосъ Воскресе» пошелъ во главѣ стрѣлковъ знаменной роты. Картина была поразительная, грандіозная. Безъ малѣйшаго колебанія шли славные стрѣлки на вѣрную смерть, въ адскомъ огнѣ, среди рвущихся снарядовъ. Потомъ, взявъ ружья на перевѣсъ, они двинулись бѣгомъ на японцевъ. Врагъ, однако, не принялъ атаки. Передовыя японскія части, раздѣлившись, бросились въ стороны, а стоявшіе за ними резервы въ далекомъ разстояніи, съ большой дистанціи, открыли такой убійственный огонь, что наши ряды сразу стали таять. Видя, что имъ не добѣжать до японцевъ, стрѣлки остановились и залегли. Я, остался здѣсь одинъ позади опередившихъ меня стрѣлковъ, которые лежа стрѣляли по наступающимъ снова японцамъ. Въ это время всякое чувство страха исчезло. Пули и шрапнель сѣяли смерть. Жужжаніе пуль, гудѣніе и затѣмъ трескъ лопающихся снарядовъ не давали возможности сосредоточиться, оцѣнить опасность положенія. Чувствовалось только, что смерть кругомъ, что все неизбежно и непреодолимо, хотя и эти ощущенія были смутны, неопредѣленны. Но вотъ офицеры, еще не выбывшіе изъ строя, подняли на ноги своихъ стрѣлковъ, такъ какъ японцы снова приблизились. Полковой оркестръ выстроился и заигралъ «Боже, Царя храни». Подъ

звуки народнаго гимна полкъ, лишившійся уже многихъ офицеровъ, съ ружьями на перевѣсь, снова двинулся въ атаку. Я, передъ тѣмъ опустившись на колѣни, всталъ и присоединился къ полку. Тутъ, подъ звуки гимна, сигналовъ и командныхъ словъ, опять въ рядахъ своихъ солдатъ, я началъ болѣе сознательно относиться къ окружающему. Я сознавалъ и чувствовалъ, что надо идти съ своими дальше, во что бы то ни стало. Я не замѣтилъ никакого колебанія, хотя бы малѣйшаго, среди солдатъ. Стрѣлки смотрѣли только на своихъ офицеровъ и слѣпо исполняли ихъ приказанія, какъ на ученьи. Только каждый, передъ тѣмъ какъ двинуться въ бой, *крестился*. Эту вторую молодецкую атаку я хорошо запомнилъ, т. е. лучше сказать, моментъ ея начала. Потомъ все смѣшалось. Музыка тотчасъ же смолкла. Кто побѣжалъ впередъ, кто упалъ убитымъ или раненымъ. Я почувствовалъ сильнѣйшій ударъ въ руку и въ ногу и упалъ навзничь, потерявъ сознание. Когда я очнулся, наши отступали. Издали слѣдившій за мной церковникъ Перчъ подбѣжалъ ко мнѣ. Когда я открылъ глаза, увидалъ его рыдавшимъ; онъ помогъ мнѣ подняться и повелъ подь огнемъ назадъ. Стрѣлокъ охотничьей команды присоединился къ намъ и такъ же поддерживалъ меня раненаго».

Далѣе батюшка припоминаетъ, что намѣво, на высотахъ, показался какой-то батальонъ нашихъ, какъ онъ предполагаетъ—9-го полка. Предположеніе это основано на томъ, что раньше, когда 11-й полкъ былъ въ резервѣ, ближе къ нему стоялъ девятый. Японцы сосредоточили весь свой огонь на этомъ батальонѣ и, благодаря этому, остаткамъ 11-го и 12-го полковъ явилась возможность отступить по довольно крутому подъему горы, которую японцы еще не успѣли обойти. О. Щербаковскій, пройдя еще около 2½ верстъ пѣшкомъ, былъ перевязанъ и помещенъ въ лазаретную повозку, изъ которой затѣмъ пересѣлъ въ полковой экипажъ.

О. Щербаковскій находится нынѣ на излѣченіи въ Харбинѣ, въ лазаретѣ Елизаветинской общины Краснаго Креста, состоящей подь покровительствомъ Великой Княгини Елисаветы Θεодоровны. Здоровье доблестнаго пастыря хотя медленно, но поправляется. Вслѣдствіе большой потери крови, рана на рукѣ, не особенно болѣзненная, причиняетъ, однако, много хлопотъ врачамъ, такъ какъ въ ней образуется нагноеніе. Значительныя страданія причиняютъ о. Щербаковскому шрапнельная рана въ ногу и опасная контузія въ бокъ.

Корреспондентъ «Нов. Дня», посѣтившій героя-священника, свидѣтельствуешь, что о. Щербаковскій очень скромный человекъ: онъ не кичится, несмотря на молодость, своимъ подвигомъ, и всеобщее вни-

маніе и удивленіе, которыми онъ окруженъ, не вскружили ему головы. Офицеры и солдаты 11-го полка, видимо, любятъ и цѣнятъ батюшку. Онъ разсчитываетъ, что ведѣли черезъ 2 или 2½ поправится настолько, что будетъ въ состояніи вернуться въ свой полкъ. На мой вопросъ, говоритъ корреспондентъ, пойдетъ ли батюшка снова къ атаку на японцевъ, онъ скромно отвѣчалъ, что, если это будетъ нужно, пойдетъ. «Вѣдь это—обязанность», присовокупилъ онъ.

Командующій арміей генералъ Куропаткинъ, посѣтивъ лазаретъ, гдѣ лежитъ о. Щербаковскій, отличилъ героя-священника особымъ вниманіемъ: онъ трижды облобызалъ о. Стефана, обласкалъ, выдалъ 400 р. на лѣченіе и представилъ его къ офицерскому Георгиевскому кресту. Вся печать напса и корреспонденты заграничной прессы отмѣтили подвигъ о. Стефана яркими штрихами ¹⁾, сообщивъ его біографію, изъ которой узнаемъ:

Ему всего 29 лѣтъ.

Онъ кончилъ курсъ въ семинаріи въ 1896 году, былъ сперва псаломщикомъ, а затѣмъ священникомъ въ с. Губовкѣ, Александровскаго уѣзда, херсонской епархіи, затѣмъ въ 1901 году назначенъ священникомъ 19-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка, а въ прошломъ 1903 году переведенъ въ 11-й восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ, который былъ расположенъ въ Портъ-Артурѣ.

Пусть военные стратеги оцѣниваютъ значеніе подвига о. Щ-го для подъема духа войска, для исхода тюренченскаго сраженія и проч. Но для насъ геройскій подвигъ о. Стефана имѣетъ свое особенное значеніе, какъ отрадное свидѣтельство, какъ знаменательный показатель того, что еще могутъ въ нашемъ духовенствѣ выстраданный, выношенный вѣками, традиціонный духъ мужества, истинно христіанскаго самоотверженія и патріотическаго подвижничества во имя долга службы. Чтобы ни говорили объ упадкѣ духа въ современномъ духовенствѣ, о разстройствѣ нашей

1) Отъ имени своихъ читателей «Гражданинъ» послалъ телеграмму на имя этого героя-священника, въ упованіи, что сердечный привѣтъ принесетъ ему, вдали отъ родины и на одрѣ болѣзни, маленькую хотя бы утѣху.

Вотъ текстъ телеграммы:

«Семья читателей журнала «Гражданинъ» поручаетъ мнѣ высказать вамъ, что, съ благоговѣйнымъ умиленіемъ и гордостью за русское имя, она читала вѣсть о подвигахъ героизма, вами проявленнаго въ кровавой битвѣ при Ялу. Привѣтствуемъ васъ и молимъ Бога о дарованіи вамъ скорѣйшаго исцѣленія и о томъ, чтобы вашъ подвигъ героизма на полѣ битвы послужилъ вдохновеніемъ и примѣромъ для героизма русскаго священника на полѣ жизненной битвы. Да хранитъ васъ Богъ».

А вотъ текстъ и отвѣта о. Щербаковскаго:

«Глубоко тронутъ; приношу сердечную благодарность вамъ, князь, и читателямъ «Гражданина» за выраженные пожеланія; раны подживаютъ, самочувствіе улучшается. Священникъ Щербаковскій».

духовной школы, но вотъ это геройство молодого іерея, сына нашего времени, питомца теперешней школы, повелительно утверждаетъ, что сила вѣры, крѣпость духа нашихъ отцовъ и дѣдовъ въ общемъ благополучно пронесена чрезъ всѣ горнила жизненныхъ невзгодъ и искушеній, прожитыхъ и переживаемыхъ духовенствомъ, и сохранена и передана, какъ безцѣнное наслѣдіе, ихъ дѣтямъ — современному поколѣнію православныхъ батюшекъ. Отрадно, что отнынѣ веѣмъ памъ дорогой о. Щ-ій — не единственный герой въ нынѣшней войнѣ, ибо такой могучій подъемъ и геройское подвижничество наблюдается и въ другихъ достойныхъ представителяхъ нашего духовенства, подвизающихся на театрѣ войны. Изъ нихъ нѣкоторые, какъ напр. о. Алексій на Петропавловскѣ, уже запечатлѣли славную смертью свою вѣрность пастырскому и патристическому долгу.

«Когда дѣйствія начнутся, мой полкъ первымъ двинется на непріятеля, а съ полкомъ и я, — пишетъ одинъ изъ полковыхъ священниковъ въ частномъ, помѣщенномъ въ «Церк. Вѣстн.», письмѣ изъ Инкоу. Я увѣренъ, что если только жизнь моя нужна для другихъ, Господь сохранитъ меня. Если же лягу костью на бранномъ полѣ, — не оставьте меня въ своихъ молитвахъ. Знайте тогда, что *шелъ я на смерть не страшась ея*, съ однимъ желаніемъ: своими трудами, а если нужно — и жизнью внести маленькую лепту въ ту громадную жертву, которую приносить теперь русское воинство за свою родину».

Въ заключеніе авторъ того же письма говоритъ, обращаясь къ своему адресату:

«Высылайте своихъ батюшекъ на войну. Есть же среди нихъ люди добрые и дѣльные. А сколько тутъ добраго дѣла даже въ мирные дни: въ дни же войны его не передѣлаешь. Пусть ѣдутъ! Люди они свободные, здоровые — стыдно имъ сидѣть на печи въ то время, когда тутъ у насъ духовная жатва вопіетъ о дѣлателяхъ».

«Ухъ, какъ хочется послѣ вашихъ добрыхъ словъ о духовенствѣ отдать себя меньшему брату и быть ничтожнѣйшимъ, чувствуя, что въ этомъ вся сила Христа, Божески любящаго міръ любовію, мощною только въ простотѣ и смиреніи!..» пишетъ въ «Гразд.» еще одинъ сельскій іерей.

Какъ много все это говоритъ уму и сердцу поучительнаго и отраднаго, относительно высокаго настроенія и самоотверженнаго поведенія современнаго духовенства въ нынѣшнюю войну. Какимъ духовенство было ранѣе, такимъ оно остается онъ massе, въ своемъ большинствѣ и теперь, да инымъ оно не можетъ быть, въ силу своего воспитанія, призванія, и служенія.

Доблестныя черты духа, каковы: мужество, безстрашіе, самоотверженіе, терпѣніе, твердость и выносливость,—въ духовномъ словѣніи выношены и выдѣлены характеромъ самаго пастырскаго служенія и сложившимися условіями историческаго быта духовенства. Кромѣ пастырей-духовниковъ никто изъ профессионаловъ,—даже врачи, такъ много и часто не обращаются съ людскими болѣзнями и человѣческими страданіями духа и тѣла, никто такъ близко не соприкасается съ людьми въ страшные и таинственные моменты жизни и смерти, никто такъ не видитъ и не изучаетъ душу и сердце людей въ ихъ тайникахъ, въ наготѣ и въ такіе моменты, когда человѣкъ стоитъ на рубежѣ двухъ міровъ, въ нѣмомъ оцѣпѣніи предъ таинственной завѣсой будущей жизни съ роковымъ вопросомъ: «быть или не быть».

Здѣсь человѣку некогда и некуда таиться, рядиться и прятаться отъ своего невѣрія или вѣры, отъ своихъ грѣховъ и заблужденій,—тутъ одно пламенное и трепетное стремленіе совлечься ветхаго чловѣка и обновиться въ очахъ Божіихъ. Вотъ гдѣ та жизненная школа, которая воспитываетъ отцовъ Щербаковскихъ и Рудневыхъ, образуетъ и охраняетъ геройскія черты духа и характера нашего пастырства. Вотъ почему нерѣдко для насъ, бывшихъ педагоговъ духовной школы, встрѣчать доблестныхъ пастырей изъ среды, казалось, совсѣмъ заурядныхъ учениковъ и, наоборотъ, не рѣдко прекрасные ученики по балламъ и по поведенію—въ жизни, на приходахъ оказываются заурядными пастырями. Очень можетъ быть, что Щербаковскій въ родной ему одесской семинаріи былъ рядовымъ ученикомъ, а на пастырскомъ посту оказался величайшимъ героемъ.

Да, несомнѣнно, въ нашемъ пастырствѣ живетъ геройскій подвижническій духъ, прежде всего, конечно, свыше съ неба возжигаемый чрезъ хиротонію въ души ставленниковъ, достойно принимающихъ и возгрѣвающихъ дары благодати священства, «немогущая врачующей и оскудѣвающая восполюющей», съ другой стороны, воспринимаемый *отъ земли*, изъ нѣдръ духа геройскаго нашего народа, изъ пастырской служебной и житейской школы.

Недавно на эту тему о жизненномъ геройствѣ нашего духовенства прекрасныя, полныя глубокой правды мысли высказалъ въ «Гражданинѣ» кн. Мещерскій, по поводу геройскаго подвига о. Щербаковскаго. Считаемо долгомъ познакомить нашихъ читателей съ добрымъ словомъ о духовенствѣ нашего маститаго свѣтскаго писателя-публициста.

«Насъ восхищаютъ и умиляютъ подвиги героевъ въ нашемъ войскѣ, но не удивляютъ, ибо они, такъ сказать, въ давнишнихъ нравахъ

нашей военной семьи, нашего народа, — такъ разсуждаетъ кн. Мещерскій. Не то же ли самое надо сказать о подвигѣ героизма, явленнаго смиреннымъ полковымъ священникомъ въ далекой окраинѣ?.. Русское сердце благоговѣнно чтить этотъ подвигъ, но тоже не удивляется ему, ибо кто знаетъ русскую жизнь не по газетамъ, а на дѣлѣ и на мѣстѣ, знаетъ, что семья подвижниковъ героизма въ нашемъ духовенствѣ, преимущественно сельскомъ, огромная и пропорціонально не меньше самой многочисленной семьи военной.

Эта огромная военная русская семья охраняетъ нашу внѣшнюю и нашу внутреннюю безопасность. Но семья священниковъ охраняетъ другую безопасность — духовную, и охраняетъ ее, надо правду сказать, столь же вѣрно и доблестно, какъ безопасность матеріальную охраняетъ наше войско. Но бѣда въ томъ, что мы мало объ этомъ думаемъ и слишкомъ слабо сіе признаемъ. Насъ гонятъ разные вѣтры либерализма и реализма въ бурное море бредней, сплетней, необузданныхъ стремленій въ области отвлеченной, благодаря чему русская отчизна страдаетъ отъ попытокъ вліять на умы тѣхъ, которые отъ нея отрываются, и въ этомъ скитаніи въ беспочвенной области мы не только не замѣчаемъ, что Россія держится въ духовномъ порядкѣ не столько полиціею, сколько семейю тѣхъ разбросанныхъ въ деревняхъ подвижниковъ долга, сельскихъ священниковъ, которые тихо, неслышно, съ смиреніемъ, среди лишеній и тягостей, суть стражи прошлаго въ настоящемъ, но даже съ высокомерной и бессмысленной высоты нашего культурнаго самомнѣнія на эти подвиги нашего духовенства смотримъ не только съ равнодушіемъ, но подчасъ съ презрѣніемъ, находя этихъ пастырей народа недостаточно культурными, недостаточно похожими на польскаго ксендза или лютеранскаго пастора.

Пусть будетъ такъ, пусть наше сельское духовенство меньше культурно и повѣрныхъ и меньше способно къ пропагандѣ, но зато у него есть сила, которая выше культуры, это — сила духа подвижничества, окрѣпшая подъ гнетомъ лишеній и трудностей матеріальной жизни, которая священника Пцѣбаковскаго, съ крестомъ въ рукахъ ведущаго войско на смерть, дѣлаетъ роднымъ братомъ и однимъ изъ многихъ той семьи подвижниковъ героизма, гдѣ священникъ, терпя лишенія и униженія отъ насъ, съ тѣмъ же крестомъ въ рукахъ ведетъ рать своихъ прихожанъ на борьбу съ современными духовными врагами русскаго народа, которые злѣе и опаснѣе японцевъ!

И вотъ, когда сытые и жирные спасатели отечества, отъ нечего дѣлать, сходятся въ петербургскихъ салонахъ толковать о русскихъ вопросахъ, и едва затронуть вопросъ о нашемъ духо-

венствѣ, сейчасъ же изрыгаютъ на него хулу, обвиняя однихъ въ нетрезвости, другихъ въ невѣжествѣ, въ душѣ загорается негодованіе, подѣ влияніемъ котораго говоришь этимъ Донъ-Кихотамъ опереточнаго Kulturkampf'a: стыдитесь и замолчите; вы сыты, они голодны, вы обезпечены, а они нищія, вы пѣжитесь въ вашемъ мишурномъ блескѣ, а ихъ жизнь—боли и тернія; и если между ними есть изнемогающіе въ борьбѣ, есть слабѣющіе, то сколько на одного изнемогающаго и слабѣющаго есть сильныхъ духомъ, коихъ героизмомъ держится русская земля въ борьбѣ съ лже-учителями культуры».

Исполать вамъ, князь, скажетъ всякій священникъ за это глубоко справедливое, доброе слово въ защиту нашего, то и дѣло оскорбляемаго и унижаемаго духовенства.

И на самомъ дѣлѣ, если безпристрастно и поглубже посмотрѣть на сложную картину внутреннихъ и вѣншнихъ условій быта и службы нашего духовенства, то по совѣсти нельзя не признать служенія каждаго пастыря подвижничествомъ, героизмомъ, на которое идутъ только дѣти духовенства. Что служеніе и жизнь пастырства является тяжкимъ крестоношеніемъ, объ этомъ краснорѣчиво можетъ засвидѣтельствовать даже одна нѣмая статистика того, сколько въ рядахъ современнаго духовенства и въ нашихъ духовныхъ школахъ изъ высшихъ классовъ общества. Къ сожалѣнію, такой статистики собственно духовенства — по сословіямъ, сколько намъ извѣстно, не существуютъ. А она была бы очень любопытна и поучительна.

Въ правящихъ іерархическихъ рядахъ духовенства въ числѣ представителей высшихъ сословій можно назвать: митрополита Кіевскаго Флавіана (изъ орловскихъ дворянъ), покойнаго архіепископа Виленскаго Ювеналія (изъ рода дворянъ Поповцевыхъ), Волынскаго епископа Антонія (изъ рода дворянъ Храповицкихъ), Смоленскаго еп. Петра Другова (сынъ архитектора) Омскаго еписк. Михаила Ермакова (сынъ моряка), Кутанскаго еп. Димитрія (изъ рода князей Абашидзе) епископа Трифона, Московскаго викарія (изъ рода князей Туркестановыхъ), архимандр. Андрея, начальника Казанскихъ миссіонерскихъ курсовъ (изъ рода кн. Ухтомскихъ). Ну, можетъ быть, и еще можно найти въ числѣ высшаго ученаго и правящаго духовенства двѣ-три особы изъ аристократіи, не болѣе. Что же касается рядовыхъ служителей алтаря въ сонмѣ приходскаго духовенства, то изъ родовитыхъ мы можемъ назвать только двухъ братьевъ, московскихъ священниковъ Арсеньевыхъ (дѣти сенатора Арсеньева).

Вѣроятно, найдутся на великомъ пространствѣ земли русской

и еще нѣсколько служителей алтаря, если не изъ высшихъ, то изъ интеллигентныхъ классовъ общества, но утверждаемъ, что сравнительно съ общей массой духовенства такіе священники исключеніе. Мало идутъ въ ряды приходскаго духовенства и изъ среды обезпеченнаго купческаго сословія, — среди іерарховъ изъ этого сословія мы знаемъ только Ярославскаго архіепископа Сергія (изъ рода московскихъ купцовъ Ланиныхъ). Но зато въ послѣднія десятилѣтія наблюдается замѣтный притокъ въ наши духовныя школы и въ ряды духовенства изъ дѣтей низшихъ сословій — мѣщанъ и крестьянъ. Есть уже и іерархи, архимандриты и іереи изъ этихъ питомцевъ. Но вмѣстѣ съ этимъ приходится отмѣтить и другое, весьма важное явленіе — отливъ дѣтей духовенства въ свѣтскія учебныя заведенія и замѣтное стремленіе окончившихъ курсъ нашихъ семинарій и академій уходить на службу въ свѣтскія вѣдомства. За рѣдкимъ исключеніемъ дѣти архіереевъ, вышедшихъ изъ вдовыхъ священниковъ, дѣти педагоговъ духовныхъ школъ, всего почти городского духовенства и многихъ зажиточныхъ сельскихъ батюшекъ обучаются въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, — иначе говоря, изъ духовнаго сословія отлипаютъ по семейному быту наиболѣе культурныя, благовоспитанныя силы, остаются же дѣти бѣдныхъ сельскихъ священниковъ и низшаго кляра. Явленіе это въ высшей степени знаменательное, — фактъ огромной значимости, наводящій на цѣлый рядъ глубокихъ размышленій. Не ясно ли отсюда, что жизнь и служба духовенства, особенно рядового, слишкомъ тяжелое, неудобноносимое для дѣтей привилегированныхъ классовъ и изнѣженныхъ семей бремя, если служба церкви съ одной стороны не привлекаетъ къ себѣ членовъ изъ высшихъ и наиболѣе культурныхъ слоевъ русскаго общества, а съ другой само духовное сословіе систематически изнуряется, выделяя изъ себя на свѣтскую службу свои лучшія, болѣе культурныя силы. Заслуживаетъ вниманія и еще одно грустное явленіе — это то, что наша духовная школа и среда не всегда успѣшно культивируетъ и претворяетъ привходящіе въ духовное сословіе изъ низшихъ некультурныхъ слоевъ молодые демократическіе отпрыски, какъ въ научно-богословскомъ, такъ пастырскомъ традиціонно-православномъ отношеніи. Отсюда въ современномъ богословіи и пастырствѣ нежелательныя и крайне опасныя явленія декадентства.

За иллюстраціями далеко ходить не надо: примѣры предъ глазами у всѣхъ болѣе или менѣе слѣдящихъ за церковно-общественной современностью, въ лицѣ нѣкоторыхъ модныхъ богослововъ и проповѣдниковъ, которые съ мѣщанскою беззащитностью и мужникою грубостью понируютъ въ своихъ «живыхъ рѣчахъ», въ

фельетонахъ и другихъ борзописаніяхъ все авторитетное и традиціонное въ богословской наукѣ, въ духовной школѣ и въ сословіи, производять всему старому разрушительную переоцѣнку, ничего однако не создавая ибѣнаго и цѣльнаго на мѣстѣ похираемыхъ традицій.

Въ то время, какъ въ католической, протестантской, англиканской церквахъ ряды высшаго и низшаго духовенства пополняются изъ членовъ высшаго общества, изъ баронскихъ и княжескихъ фамилій новыми свѣжими силами, прекрасно претворенными въ общемъ строѣ церковной жизни и ассимилированными съ духовной средой и традиціями, благодаря стройной дисциплинѣ сильной церковной власти, православное русское духовенство давнымъ-давно замкнулось въ вѣдомственную касту, вслѣдствіе чего оно давно потеряло въ самой сильной и вліятельной средѣ кровную связь, а вмѣстѣ и живую опору и защиту какъ общецерковныхъ, такъ и своихъ сословныхъ интересовъ.

Въ высшихъ слояхъ общества, благодареніе Богу, еще доселѣ огромное большинство людей вѣрующихъ, набожныхъ, такъ или иначе хранящихъ добрые прадѣдовскіе завѣты благочестивой старины.

Но и въ этихъ благорасположенныхъ къ церкви и духовенству въ сферахъ порвалось то прежнее, простое и искреннее, взаимное общеніе и пониманіе другъ друга. И эта часть чужда нашего духовенства,—внутреннюю жизнь церкви она знаетъ лишь по катихизису, архіерея — *ex officio*, а служителя алтаря, какъ «пона» и требоисправителя. Великосвѣтская чопорность съ одной стороны, внѣшняя некультурность, робость и забитость съ другой—создали «пропасть великую» и вотъ царить полное внѣшнее бытовое и житейское отчужденіе, полное расхожденіе, непониманіе другъ друга между обществомъ и духовенствомъ всюду — вѣ, такъ сказать, храма, требъ, внѣ оффиціальныаъ моментовъ.

Другая огромная и тоже вліятельная часть общества, такъ называемая современная интеллигенція, будучи по своимъ идеаламъ и стремленіямъ враждебною вѣрѣ и церкви, естественно не можетъ относиться иначе, какъ свысока, враждебно и презрительно, къ духовному сословію *in corpore*. Клерикализмъ—пугало, бѣльмо на глазу нашей либеральной интеллигенціи; оппозиція всему, что исходить отъ церкви и духовенства—ея пароль. Здѣсь уже обѣ стороны стоятъ въ положеніи двухъ воиствующихъ лагерей и, конечно, духовенство, при своей робости, инертности, при корпоративной разъединенности, находится въ положеніи осажденныхъ, побѣждаемыхъ.

Остаются низшіе слои—народная масса. Вѣрующій честный и чистый народъ нашъ христоносецъ всегда былъ и есть коренная

основа церкви и опора духовенства, которое искони было *народнымъ* и не утратило доселѣ этой типической черты своего духа и быта.

Но и тутъ тлетворный духъ времени, при посредствѣ пропаганды всякихъ «измовъ», не исключая и «штупидизма», подкапывается подъ эту твердыню истинно сыновнихъ отношеній вѣрующаго народа къ церкви и духовенству.

Условія матеріальнаго обезпеченія «путемъ поручнаго и добротнаго даванія за требы» служатъ главнѣйшей причиной отчужденія народа отъ церкви и духовенства. Все это въ служебной и бытовой жизнедѣятельности нашего духовенства создаетъ то тяжкое крестоношеніе, поднять которое, нести его всю трудовую жизнь, полную лишеній, среди окружающей тьмы, при полномъ одиночествѣ и изолированности и съ честію донести эту ношу до конца пастырскаго служенія, во имя долга, съ терпѣніемъ можно только при геройскомъ подвижническомъ духѣ нашего духовенства.

И мы глубоко убѣждены, что тѣ, которые остаются въ рядахъ духовенства и достойно несутъ (недостойныхъ пастырей у насъ все таки—пока благодареніе Богу—меньшинство, печальныхъ только исключеній) бремя пастырскаго служенія во имя службы Богу, церкви, и отечеству,—болѣе доблестны, сильны и почтенны своимъ геройскимъ духомъ мужества и самоотверженія, чѣмъ свернувшие съ пути священнослуженія *ренегаты поповичи*.

Да, на насъ, ренегатахъ-поповичахъ, «вышедшихъ въ люди», съ боя взявшихъ опредѣленные мѣста на разныхъ ступеняхъ государственной и общественной іерархической лѣстницы, лежитъ тяжкій историческій грѣхъ предъ вскормившими и вспоившими насъ матерью-церковью и отцами,—духовнымъ сословіемъ,—за наше *несыновнее* къ нимъ отношеніе. Много изъ нашихъ ренегатовъ людей достойныхъ своего сословія, мужественныхъ, стойкихъ, но не мало и такихъ, которые, унаслѣдовавъ робость отцовъ, являются малодушными отщепенцами отъ своего корня; такіе, усѣвшись удобно и привольно за большимъ пирогомъ на жизненномъ пирѣ, стараются не выдать «своего девиства» чопорному обществу, дабы не «скомпрометировать» себя въ его глазахъ, что де сей не «съ пономарской ли колокольни», не кутейникъ ли. Если таковые «не тропь насъ» наши сословные ренегаты достигаютъ очень высокихъ служебныхъ, то, въ газетныхъ юбилейныхъ панегирикахъ, пожалуй, и вымарается «все поповское» изъ ихъ формулярныхъ справокъ. Если же такіе малодушные поповичи застѣдаютъ въ выборныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, въ думѣ, земствахъ, то они,

дабы не быть и здѣсь скомпрометированными въ сочувствіи отжившему клерикализму и немодному консерватизму, охотно подають свой голосъ въ пользу мѣняющагося антиклерикальнаго лидера, подкрѣпивъ еще послѣдняго анекдотическими фактами изъ жизни отцовъ, и имъ вѣрятъ, и аплодируютъ за «мужество», между тѣмъ какъ здѣсь только «либеральная трусость». А если малодушный поповичъ—молодой ученый, то онъ желаетъ прослыть неотсталымъ, и когда въ собраніяхъ или гдѣ-либо въ салонѣ, или въ кружкѣ «отдѣлываютъ на всѣ корки» церковь, щиплютъ духовенство,—то сей мудрецъ будетъ двусмысленно улыбаться, и кивать головой «сѣмо и овамо», такъ чтобы и сѣмо было цѣло, и либеральные козлы сыты. Когда малодушнаго поповича судьба заноситъ въ хоромы аристократіи, то онъ не прочь нарядиться въ павлинныя перья, усвоить тонъ барина, или же чувствуетъ себя мокрой курицей. Отъ такихъ малодушныхъ сыновъ ни церкви, ни духовному сословію, конечно, ни тепло, ни холодно. Надежда на нихъ плохая, хотя они не хамы, а лишь малодушные оппортунисты.

Но вотъ есть еще злокозненная категорія нашихъ поповичей—ренегатовъ, которые, какъ бурбоны, ничему не научившись въ свѣтскихъ сферахъ, ничего не забыли и изъ темныхъ сторонъ бурсацизма и всею душою отдаются излюбленному девизу русскаго крайняго либерализма,—самооплеванию и самоубиванию.

У этихъ нашихъ ренегатовъ самооплеваніе выходитъ не только либеральнымъ, но и фанатическимъ, тою «комбовщиной», которая казнить безъ милосердія и сожалѣнія, безъ стыда потрошить самое лоно и грудь родившей и вскормившей ихъ матери—церкви, съ ея священнодѣтелями. Типъ ихъ обрисовалъ въ Бозѣ почившій архіепископъ Амвросій, опубликовавшемъ извѣстную статью «Іеронима Преображенскаго» (псевдонимъ) въ журналѣ «Вѣра и Разумъ». Вы, читатель, конечно, помните, какой литературный и общественный скандалъ надѣлала эта статья.

«Наши Іеронимы» пока дѣйствуютъ въ пизахъ,—въ рядахъ прогрессивной интеллигенціи, состоятъ также они и на службѣ у жиждофильствующей и архилиберальной прессы. И если бы въ жизни Россіи когда нибудь настала благопріятная для г.г. «Іеронимовъ» година, о! они явились бы въ ограду церкви и въ среду родного своего сословія «съ бичами» и метлами не хуже французскаго Комба. Антипатія этого сорта поповичей ко всему церковному и духовному какая-то болѣзненная, какъ-бы мстятъ за всѣ тѣ скорби и невзгоды, которыми полна жизнь ихъ отцовъ и дѣдовъ. Но причемъ же тутъ сами по себѣ церковь и сословіе?! Въмѣсто того, чтобы помочь духовенству, поднять его, облегчить ему крестоношеніе

его тяжкаго служебнаго жизненнаго бремени, наши репегаты-Геронимы—самооплеватели безсердечно, жестоко отягчают эту пошу.

Нѣтъ, долгъ репегатовъ духовнаго сословія, которыхъ оно такъ много всегда выдѣляло, а нынѣ и еще болѣе выдѣляетъ на службу обществу и государству, придти—сознательно и принципиально на помощь родному сословію,—ставъ посредниками между нимъ и тѣми общественными и государственными сферами, гдѣ каждому изъ насъ выпалъ жребій служенія. Многие изъ насъ могутъ по своему положенію вносить въ высшіе и интеллигентные классы общества правильное, честное освѣщеніе столь намъ знакомыхъ исторіи и быта нашего сословія, задачъ и значенія его служенія, жизненнаго героизма забитаго и забытаго духовенства. Либерализмъ за счетъ нашего малодушія, а равно и хамское оплеваніе всего, что дорого и свято родному сословію, говорятъ лишь о вырожденіи лучшихъ сословныхъ свойствъ и чертъ въ нѣкоторой части нашихъ репегатовъ.

На самомъ дѣлѣ какую наши выходцы изъ духовнаго сословія могли бы сослужить огромную роль въ жизни церкви и духовенства! На какой только службѣ, въ какомъ вѣдомствѣ нѣтъ даровитыхъ, дѣльных, такъ или иначе вліятельныхъ сыновъ духовнаго сословія, которое дало государству не мало и великихъ и славныхъ именъ въ исторіи Россіи, начиная съ блаженной памяти гр. Сперанскаго и продолжая Вышнеградскимъ, шибѣ здравствующимъ гр. Сольскимъ. Нашъ славный военачальникъ г.-ад. Куропаткинъ, на котораго вся Россія нынѣ взираетъ съ трепетною надеждою, также ведетъ свой родъ изъ духовнаго сословія. А сколько вышло и выходитъ знаменитыхъ представителей науки и славныхъ дѣятелей просвѣщенія изъ духовнаго сословія?

Въ одно время ректора во всѣхъ университетахъ русскихъ были изъ питомцевъ духовныхъ семинарій. Подумайте, сколько могли бы принести эти самые дѣятели добра и пользы церкви и своему родному сословію при сыновнемъ къ нимъ отношеніи, на пути примиренія интеллигенціи и общества съ церковью,—черезъ одно лишь умственное и профессиональное вліяніе въ обществѣ, въ наукѣ, въ печати. Сколько, напримѣръ, благотѣльнаго свѣта могъ бы пролить черезъ «Нов. Вр.» въ сумерки церковной и сословной жизни нашъ маститый талантливый публицистъ Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ, которому духовное сословіе тоже вѣдь не совсѣмъ чужое (мать А. С. дочь протоіеря)...

Мы совсѣмъ не принадлежимъ къ числу укрывателей слабыхъ сторонъ жизни духовенства и потатчиковъ недостойныхъ служителей церкви; наоборотъ, нашъ девизъ и пламенное стремленіе сердца,

чтобы въ церковную жизнь и въ духовную сословную среду пропикало какъ можно больше лучей благодѣтельнаго свѣта, разгоняющаго наслоившуюся тьму взаимныхъ предразсудковъ и предубѣжденій, но въ то же время свѣта и согрѣвающаго озябшихъ и околѣвшихъ, одичавшихъ среди тьмы и одиночества доблестныхъ носителей геройскаго духа о.о. Цербаковскихъ.

«Не стыдимся же, братіе, исповѣдывать Распятаго», и тогда наше левитство не будетъ насъ стѣснять нигдѣ,—тогда будемъ сильны мы душой, благородны, мужественны и отзывчивы къ нуждамъ Церкви и нашихъ рясофорныхъ подвижниковъ отцовъ и братьевъ.

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на помѣщенное въ отдѣлѣ «Вѣстей о русско-японской войнѣ» письмо священника.

Въ этомъ письмѣ почтенный іерей даетъ благой совѣтъ своимъ собратіямъ взять на себя починъ и заботу въ написаніи и пересылкѣ писемъ отъ своихъ прихожанъ къ ихъ роднымъ воинамъ, подвижающимся въ дѣйствующей арміи. Мысль прямо счастливая и печатаемое тутъ же письмо солдатика портъ-артурца подтверждаетъ всю плесообразность этого пастырскаго долга въ отношеніи своихъ пасомыхъ и показываетъ, какую душевную отраду приносятъ покинутымъ въ далекую страну вѣсти съ родины. Интересно это письмо, и какъ показатель, какъ далеко шагнула грамотность нашего народа.

В. Оксцовъ.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

С.-Петербургъ, 24-го іюня 1904 г. Цензоръ, Архимандритъ Меводій.